

МИШЕЛЬ
Б Ю С С И

МИШЕЛЬ
БЮССИ

ИЗБРАННОЕ

Annotation

Мишель Бюсси - французский писатель детективист. Мишель родился 29 апреля 1965 года в Лувье во Франции. Начал писать в 1990-е годы. Свой первый роман написал будучи молодым преподавателем географии в университете Руана. Роман был отвергнут несколькими издательствами. Тогда он стал писать короткие рассказы, но они тоже были отклонены. Десять лет спустя, вдохновившись поездкой в Рим на пике популярности романа Дэна Брауна "Код да Винчи", возобновил писательскую деятельность. Бюсси публикует по книге в год, но они не сразу становятся популярными. Например, "Mourir sur Seine" (2008) и "Nymphéas Noirs" (2011) первоначально имели очень скромный успех, но позже стали довольно популярны. По версии газеты "Фигаро", Мишель Бюсси входит в десятку самых популярных детективных писателей современной Франции.

Содержание:

1. **Мишель Бюсси:** Время – убийца (*Перевод: Елена Клокова*)
2. **Мишель Бюсси:** И все-таки она красавица (*Перевод: Елена Клокова*)
3. **Мишель Бюсси:** Не забывать никогда (*Перевод: Елена Морозова*)
4. **Мишель Бюсси:** Не отпускай мою руку (*Перевод: Александра Василькова*)
5. **Мишель Бюсси:** Пока ты не спишь (*Перевод: Елена Клокова*)
- 6-9. **Мишель Бюсси:** Помнишь ли ты, Анаис? Нормандский шкаф. Вид с чердака. Бегство в рай (*Перевод: Нина Хотинская*)
10. **Мишель Бюсси:** Следы на песке (*Перевод: Елена Клокова*)

11. **Жан Брюс**: ОСС 117. Совершенно секретно (*Перевод: В. Климанов*)

12. **Мишель Бюсси**: Черные кувшинки (*Перевод: Елена Головина*)

13. **Мишель Бюсси**: Я слишком долго мечтала (*Перевод: Ирина Волевич*)

-
- [Мишель Бюсси](#)
 -
 -
 - [I. Ревеллата](#)
 - [II. День Святой Розы](#)
 - [III. Sempre giovani](#)
 -
 - [Мишель Бюсси](#)
 -
 - [И все-таки она красавица](#)
 - [День печали](#)
 - [Ночь совы](#)
 - [День крови](#)
 - [Ночь якоря](#)
 - [День ветра](#)
 - [Ночь грязи](#)
 - [День камня](#)
 - [Мишель Бюсси](#)
 -
 - [I](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [II](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
- [III](#)
 - [37](#)
 - [38](#)

- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [IV](#)
 - [46](#)
- [V](#)
- [Мишель Бюсси](#)
 - [СЕН-ЖИЛЬ-ЛЕ-БЕН, ОСТРОВ РЕЮНЬОН](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [СУББОТА, 30 МАРТА 2013 Г.](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [ВОСКРЕСЕНЬЕ, 31 МАРТА 2013 Г](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [ПОНЕДЕЛЬНИК, 1 АПРЕЛЯ 2013 Г](#)
 - [20](#)
 - [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [Мишель Бюсси](#)
 - [I. Марианна](#)
 - [1](#)
 - [Понедельник](#)
 - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [Вторник](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
- [Среда](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
- [Четверг](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
- [Пятница](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

○ [II. Аманда](#)

- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)

○ [III. Анжелика](#)

- [Пятница](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)

- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)

- [Мишель Бюсси](#)

-

- [Помнишь ли ты, Анаис?](#)

-

- [1](#)

- [Тринадцатю днями раньше](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)

- [Нормандский шкаф](#)

- [Вид с чердака](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [Бегство в рай](#)
 - [Пляж Эрмитаж, Сен-Жиль-ле-Бен](#)
 - [Семь часов после полуночи](#)
 - [Три часа до полуночи](#)
 - [Восемь часов после полуночи](#)
 - [Час до полуночи](#)
 - [Восемь часов пятнадцать минут после полуночи](#)
 - [Тридцать минут до полуночи](#)
 - [Восемь часов сорок пять минут после полуночи](#)
 - [Пять минут до полуночи](#)
 - [Четыре минуты до полуночи](#)
 - [Три минуты до полуночи](#)
 - [Две минуты до полуночи](#)
 - [Одна минута до полуночи](#)
 - [Полночь](#)
 - [Девять часов после полуночи](#)
 - [Одна минута после полуночи](#)
 - [Девять часов пятнадцать минут после полуночи](#)
- [Мишель Бюсси](#)
 -
 -
 - [Этот роман родился из иллюзии](#)
 - [Первая эпоха](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [Вторая эпоха](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)

○ [Третья эпоха](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)

- [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [Четвертая эпоха](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [Об авторе](#)
- [Жан Брюс](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
- [Мишель Бюсси](#)
 -
 - [Картина первая](#)
 - [ДЕНЬ ПЕРВЫЙ](#)

- 1
- 2
- 3
- ДЕНЬ ВТОРОЙ
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12
- ДЕНЬ ТРЕТИЙ
 - 13
 - 14
 - 15
 - 16
- ДЕНЬ ПЯТЫЙ
 - 17
 - 18
 - 19
 - 20
- ДЕНЬ ШЕСТОЙ
 - 21
 - 22
 - 23
 - 24
 - 25
 - 26
 - 27
 - 28
 - 29
- ДЕНЬ ВОСЬМОЙ
 - 30
 - 31
 - 32

- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
- [ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
- [ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
- [ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)

- [66](#)
 - [67](#)
 - [ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
- [Картина вторая](#)
 - [ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ](#)
 - [81](#)
 - [ДЕНЬ ПЕРВЫЙ](#)
 - [82](#)
 - [ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ](#)
 - [83](#)
 - [ДЕНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
- [Мишель Бюсси](#)
 -
 -
 - [Часть I](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [Часть II](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
- [Часть III](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)

- [43](#)
 - [Часть IV](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
-

Мишель Бюсси

Время – убийца

Michel BUSSI

LE TEMPS EST ASSASSIN

© Елена Клокова, перевод, 2018

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2018

* * *

*Друзьям
юности, с
которыми не
расстаешься всю
жизнь*

1

*Овчарня Арканю,
23 августа 1989*

– Кло! Кло!

Ты делаешь мою жизнь невыносимой, скоро я сбегу от тебя![1]

– Кло!

Клотильда нехотя сняла наушники. Голос Ману Чао[2] и записки *Mano Negra* стрекотали в тишине разогретых горячих камней не громче цикад за стенами овчарни.

– Да, что?

– Пора...

Она вздохнула и осталась сидеть на скамье, сбитой из шершавой половины ствола. Окружающий мир мало ее интересовал, когда она устраивалась в непринужденной, почти провокативной позе, прислонялась спиной к каменной стенке и отбивала ногой ритм под

Мало Negra. Тетрадь на коленях, ручка в руке, мысли витают где-то далеко, она свободна... И совсем не похожа на чопорных корсиканских родственников.

Клотильда сделала громче. Эти музыканты – боги! Она бы душу заложила, чтобы перенестись на концерт *Mano Negra*! Стоять у самой сцены, в мгновение ока повзрослеть на три года и вырасти на тридцать сантиметров. Дергаться в танце, трясая большой грудью, обтянутой пропотевшей черной футболкой.

Клотильда открыла глаза. Николя все еще стоял перед ней и выглядел раздосадованным.

– Кло, тебя все ждут. Папа не станет...

Он был на три года старше, ему уже исполнилось восемнадцать. Со временем может стать адвокатом. Или профсоюзным деятелем. А может, посредником Группы вмешательства[3], который ведет переговоры с налетчиками, взявшими заложников в банке. Николя обожал демонстрировать, что ему все нипочем. Это внушало ему иллюзию, что он самый крутой, умный и надежный человек на свете. Такой навык в будущем точно пригодится.

Клотильда перевела взгляд на мыс Ревеллата. Луна, прилепившаяся к темному бархату небес, отражалась в море. Клотильде захотелось снова сомкнуть веки и телепортироваться на другую планету. Сделать это легче легкого.

Скоординироваться.

Раз, два, три... занавес!

Нет, нужно воспользоваться последними свободными минутами и дописать в дневнике, пока мечта не улетучилась. Оставить след из слов на белой странице – неотложная необходимость. Главное в жизни.

Моя мечта творится совсем рядом, на пляже Ошелучча, но в далеком будущем... Я узнала утесы, песок, форму бухты, но не себя. Я стала старухой. Бабушкой!

Сколько времени прошло? Две минуты? Клотильда сочинила десять строк, отзвучала *Rock Island Line*[4]. У *Mano Negra* все песни недлинные.

Но папа воспринял это как вызов. И зря. На сей раз она никого не провоцировала. Он вцепился ей в руку. Сбил наушники. Правый

запутался в черных, склеившихся от геля волосах. Ручка упала в пыль, тетрадь осталась валяться на скамейке. Клотильда не успела сунуть ее в сумку или хоть спрятать.

– Мне больно, папа, черт...

Он даже не поморщился. Остался холодным и невозмутимым, как кусок пакового льда, заплывший в Средиземное море.

– Живей, Клотильда. Мы уезжаем в Придзуну[5]. Все ждут только тебя.

Волосатая мужская рука потянула за запястье. В голую ногу вонзилась колючка. Оставалось надеяться, что бабуля Лизабетта заберет тетрадь, но читать не станет, ей можно доверять.

Только ей...

Отец протащил Клотильду несколько метров, потом слегка подтолкнул в спину, а сам остался сзади. Так взрослые страхуют малышей, делающих первые шаги. Все святое семейство, сидевшее за столом во дворе овчарни, молча наблюдало за происходящим. Восковые лица, пустые винные бутылки, букеты увядших желтых роз. Дедушка Кассаню, бабушка Лизабетта, клан... Филиал музея Гревен[6]. Инсталляция «Корсиканцы, неизвестные кузены Наполеона». Клотильда героическим усилием сдержала смех.

Папа, конечно, никогда ее не ударит, но до конца каникул еще пять дней, так что придется вести себя поаккуратней, чтобы плеер, наушники и диски не отправились плавать по морю. Изобразим пай-девочку, иначе прощай, дневник. Если она хочет снова увидеть Наталя, Орофина, Идриль[7], их детенышей-дельфинчиков и иметь достаточно свободы, чтобы следить за бандой Николая и Марией-Кьярой, следует притвориться «умницей».

Клотильда поняла предупреждение и шустро дошла до машины. Изменения в программе, мы едем в Придзуну? Ладно, она будет слушать корсиканскую полифонию[8] в часовне, затерянной в зарослях маккии[9]. Пожертвовать вечером несложно, а вот самолюбием...

Клотильда увидела, как дедушка Кассаню встал из-за стола и посмотрел на папу, а тот сделал ему знак – мол, все хорошо. Взгляд деда почему-то напугал ее. Сильнее, чем всегда.

«Фуэго» стоял на дороге в сторону мыса Ревеллата, мама и Николай уже сели, он подвинулся, освобождая сестре место на заднем сиденье

рядом с собой, и понимающе ухмыльнулся. Посещение концерта в забытой всеми святыми церкви, на котором так настаивал папа, досаждало Николая ничуть не меньше, чем Клотильде.

Даже больше. Намного больше. Но притворился он отлично. Возможно, когда-нибудь он станет президентом республики, как Миттеран, и будет семь лет[10] стойко сносить все трудности, чтобы переизбраться на новый срок и следующие семь лет снова наслаждаться властью.

Папа ехал быстро. Так часто бывало с тех пор, как у него появился красный «фуэго». Он всегда превышает скорость, когда нервничает. Безмолвная ярость. Этот чертов концерт мечтал послушать только глава семьи. Сейчас он, должно быть, мысленно ворчал на неблагодарных отпрысков и жену, которая их защищает, и сожалел о забытых островных корнях, о культуре народа, уважении к родовому имени, терпимости и терпению. «В кои веки раз попросил посвятить мне один вечер – и то решили покочевряжиться!»

Мелькали повороты. Клотильда снова надела наушники. Она всегда побаивалась корсиканских дорог, даже днем – особенно днем, когда навстречу летела легковушка или автодом. Горные дороги на этом острове – безумный аттракцион! «Папа гонит, чтобы взбодриться, или не опоздать, или занять места в первом ряду под каштанами, но если на дорогу выскочит коза, кабан или любая другая зверушка, нам конец...»

Никакая четвероногая тварь на дорогу не выскочила. Во всяком случае, Клотильда никого не заметила. Жандармы тоже отбросили эту версию.

Это был узкий поворот за мысом Ревеллата, в конце длинного прямого участка дороги по карнизу над двадцатиметровым провалом Петра Кода.

При свете дня вид отсюда открывался головокружительный.

«Фуэго» на полном ходу врезался в ограждение.

Три доски, отделявшие дорогу от бездны, сделали что смогли: поцарапали буфер, вдребезги разбили фары, треснули.

И разломилась.

Машина продолжила двигаться по прямой, как герой рисованных мультиков, который бежит-бежит-бежит в пустоте, останавливается, с

изумлением смотрит под ноги, ударяется в панику... и камнем летит вниз.

Клотильда это почувствовала. Поняла, что колеса «Фуэго» не касаются земли. Что реальный мир исчезает, растворяется. Как пробел в мозгу – нечто, что не может случиться, не взаправду, не с ними, не с ней.

Она думала об этом долю секунды, потом мир взорвался и автомобиль дважды ударился о скалы. Голова и грудная клетка папы раскололись от столкновения с рулем, когда машина в вертикальном полете начала биться о камни. Во время второго кульбита «Фуэго» налетел на острый выступ, тот пробил дверцу и мамину грудь. На третьем крыша раскрылась над ними, как стальная челюсть.

Последний удар.

Машина замерла в шатком равновесии в десяти метрах над спокойной морской гладью.

И наступила тишина.

Николя сидел рядом. С прямой спиной. Пристегнутый.

Он никогда не станет не только президентом, но даже профсоюзным лидером на каком-нибудь занюханном предприятии. Убит. Стал жертвой «наковальни». Скорлупа, воробьиный хрящик, схрумканный чудовищем. Искореженная крыша превратила брата в тряпичную куклу.

Он смотрит в вечность закрытыми глазами.

Раз, два, три. Занавес!

Странно, но у Клотильды ничего не болело. Позже жандармы объяснили, что машина перевернулась трижды и три удара о камни убили трех пассажиров. Как киллер, у которого в револьвере оказалось всего три пули.

Она весила килограммов сорок, не больше, и сумела выбраться через разбитое окно, не порезав ни руки, ни ноги, не порвав платье, и, не осознавая, что делает, начала карабкаться вверх.

Она никуда не ушла. Опустилась на землю и устала на тела, залитые кровью и бензином, на мозги, вывалившиеся из черепных коробок. Минут через двадцать ее обнаружили жандармы, пожарные и десятки спасателей, прибывшие на место аварии.

У Клотильды было сломано запястье, треснули три ребра, вылетела коленная чашечка... Ерунда.

Чудо.

– Ничего страшного, – сказал старый врач, склонившись над ней в синеватом свете полицейских фар. – Так-то вот!

Ничего?

Ничего – это все, что у нее осталось.

Папу, маму и Николая упаковали в длинные белые мешки для мусора. Люди бродили между красными скалами, вглядываясь в землю, как будто искали разбросанные части тел.

– Нужно жить, мадемуазель, – сказал молодой полицейский, набросив на плечи Клотильде серебристое термоодеяло. – Жить ради них. Чтобы помнить.

Она посмотрела на него, как на придурка или на кюре, вещающего о рае. Между тем он был прав. Забываются даже худшие воспоминания, если нагромоздить сверху много других. Даже те, что обескровили вам сердце и иссушили мозг, даже самые интимные.

Потому что окружающим нет до них дела.

Двадцать семь лет спустя

I. Ревеллата

2

12 августа 2016

– Это здесь.

Клотильда положила веточки лилового чабреца на железное ограждение. Она нарвала его в зарослях дрока, попросив Франка остановиться несколькими поворотами выше скал Петра Кода.

Букетик всем троим. Вполне достаточно.

Франк оставил свое подношение, ни на миг не отводя взгляда от дороги, где был припаркован «пассат» с включенными аварийными огнями.

Валентина завершила ритуал – со столь явной неохотой, как будто наклон для девочки ростом метр восемьдесят был нечеловеческим усилием.

Три человека стояли над двадцатиметровой пропастью. Неугомонное море бурлило между рифами, пытаясь дотянуться до красных скал и окрасить их в фиолетовый цвет. Тончайшие коричневые водоросли, застрявшие в трещинах, напоминали пигментные пятна на старческой коже.

Клотильда повернулась к дочери. В свои пятнадцать Валентина была выше матери на пятнадцать сантиметров. Обрезанные джинсы и футболка «Карточный домик» не слишком подходили для посещения дагобы[11], возложения венка и минуты молчания.

Клотильда обошлась без замечания, сказала мягко:

– Это здесь, Валентина. Здесь погибли твои дедушка, бабушка и дядя Николая.

Валентина смотрела вдаль, на аквабайк, который подпрыгивал на волнах в открытом море у мыса Ревеллата. Франк опирался на ограждение, косясь то в бездну, то на моргающий «пассат».

Время замедлилось, как расслабленный отпускник. Секунды, растопленные солнцем, текли, никуда не торопясь. Из проезжающей

машины дохнуло жаром, голый по пояс водитель кинул на них удивленный взгляд.

Клотильда ни разу не была здесь с лета 1989 года.

Но тысячи раз думала об этом месте и том моменте. Представляла, что скажет, что почувствует, стоя над бездной. О воспоминаниях, которые нахлынут. О паломничестве, призванном стать данью уважения погибшим и объединить семью.

А муж и дочь все портят.

Клотильда воображала, что Франк и Валу станут деликатно расспрашивать, посочувствуют. Вместо этого они торчат на солнцепеке словно в ожидании машины техпомощи, поглядывают на часы, потом на небо, на горизонт – куда угодно, только не на эти вулканические камни кроваво-красного цвета.

Клотильда предприняла новую попытку:

– Твоего деда звали Поль, а бабушку – Пальма.

– Я знаю, мама...

Очень мило с твоей стороны, Валентина.

«Я зна-а-а-ю, мама...» – стандартный ответ дочери на привычные замечания матери.

Убери одежду. Выключи мобильник. Шевелись...

Я зна-а-аю, мама...

Ленивая попытка поддержать мир в семье.

«Ладно, Валу, – подумала Клотильда, – это и правда не самый увлекательный эпизод каникул. И я понимаю, что достала вас разговорами об аварии тридцатилетней давности. Но черт возьми, девочка, я ждала пятнадцать лет! Ждала, пока ты вырастешь и сумеешь понять».

Аквабайк исчез из виду, а может, его сбила волна и он утонул.

– Ну что, поехали? – спросила Валентина.

Вопрос был задан естественным тоном, девочка даже не попыталась скрыть скуку под маской меланхоличного сочувствия.

– Нет!

Клотильда повысила голос. Франк так удивился, что наконец отвел взгляд от «пассата», подмигивавшего ему, как невротичная нимфоманка.

«Нет! – мысленно повторила Клотильда. – Я пятнадцать лет держу удар и играю роль буфера, доченька. Двадцать лет изображаю милую подружку, Фрэнки, которая никогда не жалуется, все время улыбается как дура, веселится, ни из чего не делает трагедии, склеивает осколки, обеспечивает тебе покой, стоит у штурвала семейного корабля да еще и напевает, чтобы не скучно было. И что я прошу взамен? Пятнадцать минут! Четверть часа из двухнедельного отпуска! Пятнадцать минут из пятнадцати лет твоей жизни, Валу! Пятнадцать минут – из семнадцати лет совместной жизни, дорогой!»

Пятнадцать минут в обмен на все остальное, четверть часа сострадания моему детству, оборвавшемуся на этом самом месте, на бесчувственных, мгновенно все забывших скалах, которые и через тысячу лет будут стоять как стояли. Пятнадцать минут за всю жизнь – разве это много?

Они дали ей десять...

– Так мы едем, папа? – требовательно повторила Валу.

Франк кивнул, и дочь пошла вдоль ограждения к машине, шлепая вьетнамками по асфальту. Она обшаривала взглядом каждый уголок и закоулочек дороги на три поворота вверх, словно искала признаки жизни в каменистой пустыне.

Франк повернулся к Клотильде. Наш «штатный» голос разума. Все как всегда.

– Я понимаю, Кло. Понимаю. Но будь помягче с Валу. Она не знала твоих родителей. Как и я. Они умерли двадцать семь лет назад. Мы с тобой познакомились спустя десять лет. Валу родилась через двенадцать лет после их гибели. Для нашей дочери они... – Он замолчал, вытер ладонью вспотевший лоб. – Они... не часть ее жизни.

Клотильда не стала отвечать. «Лучше бы Франк заткнулся, дал мне прожить последние пять минут наедине с собой и дорогими сердцу покойниками!»

Он все испортил. В голову пришло мелочное сравнение с бабулей Жанной и дедулей Андре, родителями Франка. Раз в месяц все проводили уик-энд в их доме, каждую среду они брали к себе Валу, пока девочке не исполнилось десять, и она до сих пор искала у них убежища, если родители отказывали ей в исполнении очередного каприза.

– Она слишком молода, чтобы понять, Кло.

Слишком молода...

Клотильда кивнула в знак согласия.

Дала понять, что слушает Франка, – как всегда. Часто. Все реже и реже.

Что принимает его решения. Готовые решения на все случаи жизни.

Франк опустил глаза и пошел к «пассату».

Клотильда не двинулась с места. Не сейчас.

Слишком молода...

Она сто раз взвесила все «за» и «против».

Может, стоило промолчать, не вовлекать дочь в давнюю трагедию? Оставить воспоминания при себе? Она привыкла перебирать в уме разочарования.

А что тогда делать с наставлениями психотерапевтов, женскими журналами, подругами-доброхотками? Современная мамаша должна играть честно, не загонять вглубь семейные тайны, уничтожать табу. Не задавать себе глупых вопросов.

Понимаешь, Валу, когда мне было столько же лет, сколько сейчас тебе, я попала в страшную аварию. Поставь себя на мое место, хоть на секунду. Вообрази, что мы – все трое – падаем в пропасть, что мы с папой умираем. И ты остаешься одна.

Подумай об этом, милая... Вдруг это поможет тебе понять мать. Понять, почему она с тех пор делает все, чтобы «не замочить ног» жизнью.

Конечно, если тебе это интересно.

Клотильда бросила последний взгляд на мыс Ревеллата, на три лиловых веточки и решила присоединиться к семье.

Франк уже сидел за рулем. Он сделал радио тише. Валентина опустила стекло и обмахивалась дорожным путеводителем. Клотильда легким движением взлохматила волосы дочери, и та недовольно заворчала. Она заставила себя рассмеяться и села рядом с Франком.

Раскаленное сиденье обожгло ноги.

Клотильда удрученно улыбнулась мужу, явив миру маску примирительницы, доставшуюся ей по наследству от Николая. Больше

от брата ничего не осталось. Разве что сердце, вечно попадавшее между молотом и наковальней, и бесконечные несчастные «любви».

Машина тронулась с места. Клотильда положила руку на чуть прикрытое шортами колено Франка.

«Пассат» бесшумно скользил между морем и горами. Цвета под стоявшим в зените солнцем казались слишком яркими и насыщенными, как на пейзаже со старинной почтовой открытки.

Каникулы мечты на панорамном экране.

Все уже забыто. Еще до рассвета ветер сметет с дороги три букетика чабреца.

«Не оборачиваться, – приказала себе Клотильда. – Двигаться только вперед...»

Заставлять себя любить жизнь; заставлять себя любить жизнь.

Она опустила стекло, и ветер ринулся играть с ее длинными черными волосами, а солнце ласкало голые ноги.

Рассуждать по рецептам глянцевого журналов, подружек, продавцов «счастья за десять уроков».

Счастье – это просто, если ты в него веришь!

Каникулы, безоблачное небо, море и солнце, вот витамины счастья. Верить.

Копить иллюзии на остаток года.

Пальцы Клотильды скользнули по ноге Франка, она опустила голову, открыв шею слишком голубому, почти искусственному небосводу. Экран. Занавес, растянутый Богом-обманщиком.

Франк поежился. Клотильда закрыла глаза. Автоматически. Разъединив пальцы и мысли.

Каникулы служат и для этого тоже.

Загорелые обнаженные тела, жаркие ночи.

Поддерживать иллюзию желаний.

синее летнее небо

Я – Клотильда.

Решила представиться, ведь это простейшее проявление вежливости, пусть даже я не дождусь ответа, потому что не знаю, кто вы, мой читатель.

Это произойдет через много-много лет – если я доживу. Сейчас все написанное имеет гриф «Совершенно секретно». Табу. Вето. Эмбарго. Кто бы вы ни были, я предупредила! Так кто вы такой, человек, нарушивший все запреты?

Мой возлюбленный, мой единственный, кому я после первой ночи любви протяну дрожащей рукой дневник юношеских лет?

Болван, нашедший тетрадь вечной растеряхи?

Один из тысяч поклонников, кинувшихся покупать шедевр новой гениальной крошки-писательницы? (Мой!!!)

Или я сама... Но старая, лет через пятнадцать... Ладно, суперстарая – тридцать лет спустя. Я нашла дневник в глубине ящика и перечитываю его. Как будто попала в машину времени или смотрюсь в «молодильное» зеркало.

Как знать? Меня одолевают сомнения, и я пишу наугад, не представляя, чьи руки будут листать тетрадку, чьи глаза прочтут мои излияния.

Наудачу...

Надеюсь, у вас красивые глаза и руки, доброе сердце? Вы меня не разочаруете? Обещаете?

Что, если я для начала скажу несколько слов о себе? У меня будет время открыть душу, мой читатель из потустороннего мира.

Итак, Клотильда. Три пункта:

1. Возраст. Уже старая... Пятнадцать лет. Ух ты, даже голова кружится!

2. Рост. Пока коротышка... Метр сорок восемь.

3. *a me file le blues*[12] – любимая песня.

4. Внешний вид. Мама говорит, это смертельный номер. Ничего сложного, если есть идеал – Лидия Дитц[13] из «Битлджуса». Не паникуйте, мой читатель с планеты Марс, даже если не можете с ходу представить себе ее готический образ, – я проем вам плешь, через строчку поминая моего идола. Эта девчонка – самая крутая и клевая в

мире, носит черные кружева, у нее длинная редкая челка и большие, в черных полукружьях, как у панды, глаза. А еще она умеет говорить с призраками! Добавлю, прекрасный незнакомец, что в фильме Лидию играет Вайнона Райдер, самая красивая актриса вселенной, которой нет и восемнадцати лет. Я хотела взять с собой все постеры и повесить их в нашем летнем домике, но мама запретила «уродовать» стены кнопками.

Ладно, читатель, возвращаюсь к первому дню каникул... Большое приключение семейства Идрисси из Турни в папином красном «фуэго». Сориентирую вас на предмет географии: Турни находится на территории Вексена, свекольной равнины, зажатой между Нормандией и Парижем. Там протекает смешная речка Эпт[14], о которой местные болтуны врут, что войн она спровоцировала больше, чем Рейн, и народу из-за нее полегло незнамо сколько. Мы живем выше, в центре трех маленьких долин высотой в три яблока. Претенциозные аборигены прозвали эту местность Вексенским горбом[15]. Ну и фантазия у людей!

Я не сразу решила, как опишу отъезд на Корсику. Все вещи в багажнике, над Нормандией ночь, дороге не видно конца. Я сижу на заднем сиденье рядом с Нико, он десять часов не отрываясь разглядывает машины, деревья, рекламные щиты, и ему не скучно. Туннель под Монбланом[16], ритуальный перекус «торт-салат» в Шамони, транзит через Италию – папа утверждает, что Генуя находится не намного дальше Ниццы, Тулона или Марсея, зато итальянцы никогда не бастуют. Да, я могла бы описать вам все это в деталях, но не стану. Таков выбор рассказчика, дорогой межгалактический читатель! Так-то вот...

Сосредоточусь на пароме.

Человек, никогда не всходивший на его борт, чтобы плыть на остров, не знает, что такое Первый День Каникул.

Слово Лидии Дитц!

Клянусь четыремя элементами[17].

Сначала вода.

Огромный желто-белый паром под «Головой мавра»[18] выглядит просто потрясающе, но тем, кто слышит его рев, шутить совсем не хочется.

Папе уж точно. Когда десять часов сидишь за рулем, а в порту тебя встречает орда гомонящих итальянцев, нелегко сохранить выдержку.

Destra[19]

Sinistra[20]

Итальянцы вопят и размахивают руками, как будто папа – тупой водитель-новичок.

Avanti-avanti-avanti[21]

Папа маневрирует среди десятков других насмерть перепуганных водителей с гидроциклами всех мастей в прицепах, или в минивэнах «рено эспас», набитых спасательными кругами, матрасами, полотенцами, увенчанной доской для серфинга.

Avvicina-avvicina[22]

Грузовики, легковушки, трейлеры, мотоциклы. Помещаются все! Всегда. Занимают каждый сантиметр пространства. Таково чудо № 1 отпускного сезона.

Stop-stop-stop

Паромщики-итальянцы в детстве наверняка были чемпионами по игре в пятнашки. Запихнуть на корабль три тысячи машин менее чем за час – все равно что собрать гигантское Лего.

Итальянец улыбается, показывает большой палец.

Perfetto[23]

Папин «фуэго» – одна из трех тысяч деталей пазла. Он открывает дверцу, втягивает живот, стараясь не задеть прижавшийся слева «опель корса», и присоединяется к нам.

Следующая остановка – земля.

Итак, вы в каюте. Раздеваетесь, ложитесь, спите четыре-пять часов, просыпаетесь и натягиваете шмотки, извиваясь в тесном пространстве.

Часто я первой обуваю вьетнамки, надеваю шорты, майку с *Van Halen*[24], солнечные очки и – фьють! – на воздух.

Земля! Земля!

Все высыпали на палубу, чтобы полюбоваться побережьем от лагуны Бигулья до Корсиканского мыса. Солнце обстреливает лазерными лучами все, что выдвигается из тени, а я бегаю по закоулкам корабля и принимаю запахам. Перешагиваю через высоченного блондина, примостившегося отдохнуть на полу с

рюкзак под головой. Типичный швед! Рядом с ним, запустив ему руку в расстегнутую рубашку, спит девушка, спина у нее голая, густые волосы взлохмачены.

Однажды я стану такой же и буду спать, уткнувшись в плечо заросшего щетиной парня.

Эгей, жизнь, ты ведь меня не разочаруешь, правда?

А пока я довольствуюсь йодистым ароматом Средиземного моря с высоты своего маленького роста – всего-то метр сорок восемь.

Дышу свободой, встав на цыпочки.

И – увы – огонь.

Мадам., мсье, по машинам, пожалуйста.

Адский огонь!

По правде говоря, мой читатель с задворок Галактики, я считаю, что ад напоминает трюм парома. Температура там градусов сто пятьдесят, не меньше, но на лестнице толчея – люди торопятся спуститься. Как будто все, кто умер на Земле в один и тот же день и час, выстроились гуськом и устремились в жерло действующего вулкана. *Subway to Hell!*[25]

Паромщики вернулись, они полностью одеты, но не потеют – в отличие от взмокших полуголых отпускников. Вокруг царит адский грохот.

Мы целую вечность торчим в этой топке, возможно, по вине хитрого малого, запарковавшегося прямо перед дверью и еще не проснувшегося. Накануне он приехал в последний момент, едва успел. Если это блондинистый швед из коридора, я ему аплодирую и хочу такого же.

Итальянцы похожи на чертей, им только хлыстов не хватает. Нам устроили ловушку, мы все тут подохнем, задохнемся, отравимся углекислым газом из-за того, что один болван запустил двигатель, а все дружно последовали его примеру, но с места никто не тронулся.

Наконец ворота открываются, с жутким грохотом опускается аппарель.

Армия живых мертвецов устремляется в рай.

Свободу мне!

Вот наконец и воздух.

У семейства Идрисси есть традиция: мы всегда завтракаем в кафе на площади Сен-Николя, сидим на террасе под пальмами прямо напротив торгового порта Бастии.

Папа угощает по-королевски: круассаны, свежавыжатый сок, конфитюр из каштанов. Нам всем начинает казаться, что мы действительно семья. В том числе я, этакий ежик-гот. Даже Нико, крутанувший на прощанье глобус и ткнувший пальцем вслепую, чтобы узнать, на каком языке будет говорить девушка, которую он подцепит в кемпинге.

Да, семья, приехавшая на трехнедельную «побывку в рай».

Мама, папа и Николя.

И я.

Предупреждаю: в этом дневнике рассказ пойдет в основном обо мне!

Прошу прощения, нужно надеть купальник.

Вернусь очень скоро, мой звездный читатель.

* * *

Он осторожно закрыл дневник и понял, что озадачен, растерян, даже смущен.

Сколько лет он его не листал?

Почему так тревожно на душе?

Итак, она вернулась...

Через двадцать семь лет.

Зачем?

Это очевидно до противности. Будет ворошить прошлое. Рыться. Копать. Искать то, что оставила здесь. В другой жизни.

Он подготовился. Давным-давно.

Но на один вопрос ответа так и не нашел.

Как далеко она готова зайти? Неужели решила вытащить на свет божий все гнилые тайны семейства Идрисси?

12 августа 2016

22:00

Клотильда сидела на стуле, вытянув ноги, и, сама того не замечая, ковыряла пальцами с ярко-красным педикюром в песке, перемешанном с землей и травинками. Она отложила книгу и сказала:

– Отец даже не попытался повернуть.

Переносная лампа, висевшая на ветке оливы над зеленой пластиковой беседкой, разгоняла густо-чернильную темноту ночи. Их площадка пятнадцать на десять метров находилась чуть поодаль от других, в тенистом месте, что компенсировало «смешные» – для трех взрослых – размеры бунгало. «У нас вся жизнь проходит на улице, мадемуазель Идрисси», – сладким тоном уверял хозяин кемпинга «Эпрокт», когда она позвонила зимой, чтобы забронировать место. Да, Червоне Спинелло совсем не изменился.

– Ты что-то сказала? – спросил Франк, даже не обернувшись. Он разложил на заднем сиденье газету, встал на нее босыми ногами, левой рукой ухватился за штангу багажника на крыше, а правой начал откручивать одну из упрямых гаек.

– Папа не выворачивал руль у скал Петра Кода. Перед провалом был длинный прямой участок дороги, – объяснила Клотильда. – Я точно помню. Потом резкий поворот, и отец врезается в деревянное ограждение.

– К чему ты это говоришь, Кло? – Франк дернул шеей, не глядя на жену. – Что имеешь в виду?

Клотильда смотрела на него и молчала. В первый отпускной вечер он занялся багажником и мог бы привести длинный список разумных доводов в оправдание своего поступка: ветер слишком сильный, скобы оставляют следы на жестянке... Клотильда же видела в этом досадную помеху. Вообще-то она плевать хотела на дурацкий багажник, с которым нужно было все время что-то делать: ставить, закреплять, накрывать чехлом, снимать... Что за бред – раскладывать маленькие винтики по маленьким пакетикам с маленькими циферками!

Валу предпочитала не вмешиваться в разборки родителей. Вот и сейчас она тихо смылась и отправилась исследовать кемпинг, чтобы выяснить средний возраст и национальную принадлежность обитателей.

– Сама не знаю, – усталым голосом ответила Клотильда. Франк сквозь зубы обругал «кретина, который додумался так закрутить гайки!».

То есть себя самого.

Муж самокритичен, и чувство юмора у него есть, что да, то да.

Клотильда потянулась за книгой, начала листать «Холодное время», последний роман Фред Варгас. В голову пришла идиотская мысль: «Название больше подошло бы летнему бестселлеру...»

Шутка *à la* Клотильда.

– Я просто поделилась странным ощущением. Смотрела сейчас на дорогу и вдруг подумала, что даже ночью и на большой скорости мой отец успел бы затормозить. Это ощущение странным образом совпадает с воспоминанием об аварии.

– Тебе было пятнадцать, столько лет прошло...

Клотильда отложила книгу.

Я знаю, Франк.

Знаю, что это было мимолетное впечатление, что все случилось в несколько секунд. Но попробуй услышать меня, если пока не научился понимать выражение моих глаз.

Я уверена, понимаешь? На все сто!

Папа не пытался свернуть. Он направил машину к обрыву. А ведь мы сидели рядом!

Клотильда задержала взгляд на лампе, окруженной облаком ночных бабочек-самоубийц.

– Есть кое-что еще, Франк. Папа взял маму за руку.

– Перед поворотом?

– Да. За мгновение до удара об ограждение, как будто понял, что падения в пустоту не избежать.

Легкий вздох. Третья гайка поддалась.

– Что ты хочешь сказать, Кло? Что твой отец покончил с собой, захватив на тот свет семью?

– Нет, Франк, конечно нет! – Она ответила слишком быстро. – Мы опаздывали на концерт, и он злился. В тот день у родителей была годовщина знакомства, мы праздновали всей семьей – бабушка с дедушкой, кузены, соседи. Нет, о самоубийстве и речи быть не может...

Франк пожал плечами:

– Значит, все ясно, это была дорожная авария!

Он взял гаечный ключ на 12.

Клотильда перешла на шепот, словно боялась кого-то разбудить. В соседнем бунгало смотрели итальянский сериал.

– А еще был взгляд Николая.

Франк бросил свое занятие.

– Николай не удивился, – пояснила Клотильда.

– То есть?

– За секунду до падения – мы понимали, что все кончено и «фуэго» не остановится, – в глазах брата появилось странное выражение: он как будто знал *нечто, неизвестное мне*, и понял, почему все мы обречены на смерть.

– Ты не умерла, Кло.

– Это как посмотреть...

Она начала раскачиваться на пластиковом стуле. Ей хотелось одного: чтобы Франк обнял ее, прижал к себе и начал шептать на ухо милые глупости. Или пусть утешает молча.

Четвертая гайка поддалась, и Франк подхватил пустой серый багажник на спину.

«Как Обеликс»[26], – подумала Клотильда и улыбнулась. Юмор всегда был ее верным помощником.

Франк в полотняных штанах с голым торсом и пластиковым багажником-менгиром[27] на плечах действительно напоминал героя комиксов.

Только без брюха.

В свои сорок четыре ее муж все еще оставался мускулистым красавцем. Семнадцать лет назад он покори́л Клотильду не только открытой улыбкой и спокойной уверенностью в себе, но и ста́тью, как у пловца кролем. Все эти достоинства помогли ей полюбить Франка, убедить себя, что он лучший мужчина из всех. Ну уж точно не худший.

С течением лет Франк набрал вес, объем талии увеличился (увы, даже красавцам не избежать этой напасти!), но Клотильду не волновали идеальные размеры.

«Обеликс» нежно опустил багажник-менгир на землю.

– Не стоит портить себе отпуск этой древней историей, Кло.

Перевод для непонятливых:

Ты не должна портить нам. отпуск своей замшелой историей, дорогая.

Клотильда усмехнулась. Франк, конечно, прав. Зря, что ли, семья согласилась на паломничество?

Со скучной обязаловкой покончено, можно обо всем забыть.

Она позволила себе последний вопрос, зная, что проблемы воспитания детей с Франком можно обсуждать до бесконечности.

– Думаешь, не следовало вовлекать Валентину? Показывать ей место аварии?

– Еще как следовало. Твои родители – ее бабушка и дедушка. Важно, чтобы она... – Франк сдернул с веревки полотенце, чтобы вытереть руки, и подошел к Клотильде. – Я тобой горжусь. Ты очень мужественная женщина. Я знаю, что ты пережила. Всегда об этом помню. Но теперь...

Он обтерся полотенцем и наклонился к жене.

«Поздно... – подумала она. – Поезд ушел, дорогой!»

Муж опоздал с сочувствием всего на несколько секунд, поэтому его жест выглядел именно тем, чем и был по сути, – вождением самца, растревоженного первыми жаркими денечками. Цивилизованного самца, который сначала заботится о машине, а уж потом оказывает знаки внимания женщине.

– Так что теперь, Франк?

Он обнял жену за талию, ладонь скользнула под накинутую на голое тело рубашку.

– Теперь... можно полежать, отдохнуть, да?

Клотильда поднялась и плавно отступила назад. Она не хотела задеть чувства мужа, но и подавать ему надежду не собиралась.

– Нет, Франк. Не так быстро. – Она взяла полотенце, косметичку и пояснила: – Мне нужен душ, немедленно. И вот еще что, милый... Не думаю, что я выжила в той аварии.

Лицо Франка сделалось глупым, как морда льва, впавшего в ступор при виде убегающей от водопоя газели.

Муж Клотильды не понял, к чему была сказана последняя фраза, но выяснять почему-то не захотел.

Кемпинг был едва освещен. Клотильда прошла мимо единственного фонаря на аллее В, где полгода назад поставили пять

дорогих финских домиков, и оказалась у последнего участка, отведенного под палатки. Его временно занимала группа байкеров. Они лежали вокруг газовой лампы и угощались пивом. Припаркованные под деревьями мотоциклы напоминали табун гордых чистокровок.

Абсолют свободы.

Густой пряный аромат с ноткой меланхолии.

Двенадцать голов устало повернулись вслед красавице. Рыцари утомились, но не поприветствовать даму не могли: юбка на Клотильде была достаточно короткая, три расстегнутые пуговицы рубахи обещали поделиться тайной женской прелести.

В свои сорок два Клотильда чувствовала себя соблазнительной.

Да, ростом не вышла, но была тоненькой, изящной и «с формами» – где положено. С пятнадцати лет она набрала едва ли четыре килограмма, по одному на каждую грудь и столько же на попку, и считала, что стала красивей, чем в юности, что неустанно подтверждали взгляды окружающих ее мужчин. Для поддержания формы Клотильда не нуждалась ни в фитнес-клубе, ни в бассейне – хватало каждодневных забот. Здоровая мамочка в здоровом теле! Нагруженная под завязку тележка с продуктами, спринтерский забег, чтобы не опоздать к концу уроков, сгибание-разгибание перед посудомоечной машиной, стиральной машиной, сушилкой...

Гениальная зарядка!

Соединение полезного с приятным, Франк, только и всего.

Несколько минут спустя Клотильда вышла из душа, завернутая в банное полотенце. В помещении кроме нее находилась темноволосая девушка, сосредоточенно водившая по ноге трескучей электробритвой. За кафельной стенкой громко бухала музыка в стиле техно, смеялись мальчишки.

Клотильда посмотрелась в большое зеркало, расчесала длинные, спускавшиеся до лопаток черные волосы. Кемпинг вернул ее на двадцать семь лет назад: тогда, в пятнадцать, она вот так же стояла перед зеркалом и разглядывала то же лицо, ту же фигуру.

В те времена Клотильда воспринимала свое тело как обузу – тощая коротышка! – единственным оружием и главным козырем перед мальчишками была ее фантазия. Смешное оружие – вроде водяного пистолета!

***Среда, 9 августа 1989,
третий день каникул,
ярко-синее небо***

Простите, мой таинственный межгалактический читатель-путешественник, за то, что бросила вас на целых два дня. У меня даже отмазки нет – я только и делаю, что ничего не делаю. Обещаю стать до чертиков пунктуальной – как только сориентируюсь на местности, огляжусь и определюсь, как маленькая шпионка, или антрополог на задании, или путешественница из 2020 года, которую десантировали в 1989-й.

Инкогнито...

Алло, это моя галактика? Докладывает Лидия Дитц. Запись в бортовом журнале сделана на незнакомой планете, здесь тридцать пять градусов жары и аборигены ходят полуголыми.

Короче говоря, я вас игнорировала, потому что не знала, с чего начать.

И где...

В центре нашего кемпинга, на террасе бунгало С29, куда мы приезжаем каждое лето с момента моего рождения?

У дедули с бабулей, во дворе овчарни Арканю?

В центре пляжа де л'Альга, под зонтиком?

Так-так, подумаем...

Решено, выбираю пляж! Нарисую вам картинку в стиле почтовой открытки из тех, что счастливые отпускники посылают менее удачливым друзьям-товарищам, застрявшим в квартале Бутард в Верноне[28].

Белый песок. Бирюзовая вода. Тела, покрытые бронзовым загаром.

И ма-а-ленькая черная точка.

Я.

Малышка Лидия-Вайнона в моей полосатой футболке, вьетнамках с черепами и стрижкой ежиком, ну или щеткой, это уж как вам больше нравится. Чокнутая девчонка, не раздеваясь на пляже при сорока градусах жары! Признайтесь, вы именно так и подумали. Совсем как моя мама. Придурочная малышка...

Вам, только вам, мой тайный конфидент, я все объясню.

Вы ведь не станете надо мной смеяться? Не будете ругать?

При росте метр сорок восемь и двух прыщиках вместо сисек я выгляжу десятилетней, вот и не снимаю любимую майку в стиле «зомби». Так я отгоняю соплюшек, которым пришла охота поиграть со мной в куличики. Никто не дает мне пятнадцать лет, но они в глазах, в сердце, между ног...

Я ношу доспехи.

Сейчас вы прочтете мне нотацию, назовете избалованной, скажете: «Тебе очень повезло, ты оказалась в райском месте, но ведешь себя, как пресыщенная дамочка, презирующая горы, пляж и море!»

А вот и нет! Не угадали!

Попали пальцем в небо!

Я все это обожаю – и пляж, и воду!

В вернонском бассейне я плаваю, что называется, до посинения (выражаясь НЕ фигурально!), наматываю одну стометровку за другой – в стиле Аджани[29].

*Здесь повсюду хлорка на дне бассейна,
И я выпила чашечку – твоё здоровье!
Да, за твоё здоровье,
Хотя мне это по барабану!
На самом деле я готова на все,
Наглотаюсь воды.
Что мне за дело,
Если меня найдут полумертвой,
Утонувшей на дне бассейна.*

Удивительные слова. Генсбур – великий человек. Бессмертный. Он прикуривает одну сигарету от другой, меняет женщин и будет писать отпадные песни до скончания времен.

Кстати, о воде... Сделаю одно признание. Уже несколько месяцев со мной происходит нечто странное. Хочется сменить нуар Тима Бёртона на синий. Это началось два месяца назад. Без предупреждения. В кино.

«Голубая бездна»[30]. Средиземное море, подводные съемки, саундтрек Эрика Серра, белые и бирюзовые фасады греческих домов.

Бац! Меньше чем за два часа я по уши влюбилась в дельфинов, ну и – немножко – в их друга-человека. Не в очкастого сицилийца[31], а в другого – ныряльщика с бездонными глазами...

Жан-Марк Барр...

Я таю от одной только мысли о том, что, купаясь в море, погружаюсь в одну с ним воду. Кажется, фильм снимали здесь, в открытом море близ мыса Ревеллата.

Черная, как панцирь, чернота, а сердце выкрашено в синий цвет.

Вы ведь никому не расскажете, мой наперсник? Я вам доверяю. Доверяю собственную жизнь.

Я на пляже де л'Альга. Пишу, сидя на песке. Лунный серп словно забыл, что уже рассвело, море-лягушатник флуоресцирует, плещется о берег, хлюпает и потихоньку обкусывает его, а мальки проскальзывают сквозь пальцы рук и ног купающихся.

Из всей семьи Идрисси на пляж со мной пришла только мама. Папа снова куда-то отправился. Это странно, но здесь, на своей родине, он становится непоседой, а в Париже большую часть времени лежит на диване. Нико наверняка где-то гуляет со свитой девчонок, поэтому времени у меня мало, нужно за ним присмотреть, чтобы быть в курсе хитроумных козней старшего братца.

Вокруг нас полно незнакомых людей. Обожаю сидеть на песке с дневником на коленях и наблюдать за жизнью других. Вот вам пример. В трех полотенцах от меня сидит очень красивая женщина с голой грудью. Нет, она не топлес, просто кормит малыша. Это потрясающе, но и очень противно. Странно? Конечно...

Мама тоже смотрит на нее – с завистью.

Она лежит на полотенце метрах в пяти от меня.

Как будто я – не ее дочь.

Как будто она меня стыдится.

Как будто я – единственное слабое место моей идеальной мамочки.

Подождите секунду, мне нужно перевернуться, загородить собой дневник, чтобы мама, не дай бог, не прочла через плечо. Составлю ее словесный портрет в трех пунктах. Упомяну все самое хорошее и самое гадкое.

Пункт 1. Маму зовут Пальма, это венгерское имя. Мои дедушка и бабушка родом из Шопрона, города близ австрийской границы. Иногда я называю свою мать Пальма Мама.

Пункт 2. Мама высокая и красивая. Худая, стройная и породистая... Ее рост без каблуков – метр семьдесят пять, представьте, как она выглядит в вечернем платье и на шпильках! Ноги длинные, как у цапли, лебединая шея, глаза огромные, как у испуганной совы, при это сама – миниатюрная, как колибри.

Говорят, иногда гены перескакивают через поколение.

Подтверждаю!

Врачи, изучавшие мой случай, сошлись во мнении, что я практически перестала расти и вряд ли буду выше метра пятидесяти пяти. «Как миллионы и миллионы других женщин, – сказали они и добавили мне в утешение: – Если у тебя родится дочь, она, вполне вероятно, будет похожа на свою бабушку!» Многообещающее заявление! Предпочитаю о нем не думать и перехожу сразу к третьему пункту.

Держитесь крепче.

Пункт 3. Мама – зануда. Злюка. Надоеда. Она лежит на полотенце, читает «Смех дьявола» Режи́н Дефорж, и мне до судорог хочется выпалить ей в лицо все те слова, что написаны в дневнике. Клянусь всеми корсиканскими предками, упокоившимися на кладбище Марконе, клянусь пляжем де л'Альга и беру вас в свидетели, мой будущий читатель...

Я не желаю стать похожей на нее!

Не хочу быть такой матерью, как она. Такой женщиной. И такой старухой.

Ух ты, ну и далеко же я забралась! Поднимаю голову и вижу, что паниковать не стоило. Мама спит, лежа на животе. Спина у нее голая. Она расстегнула зеленый лифчик, и он валяется на песке, как расплющенная медуза. Меня укоряет за «нелепую» футболку, а сама изображает недотрогу и, как только встает, снова надевает узенький верх от купальника, откладывает книгу и мелкими шажками идет к морю. «Не хочешь искупаться, дорогая?» Я качаю головой. Мама долго плавает, возвращается и сообщает сладким голосом: «Чудесная водичка! Тебе не жарко, милая?» Ложится и делает вид, что ее больше всего на свете интересует чтение. Книгу она будет мусолить весь

отпуск. Лифчик, кстати, мамуля снова снимает – пусть спина загорает равномерно... Она скорее поджарится заживо, чем оставит на плечах белые следы от бретелек. А вот я майку не снимаю и предвижу шуточки, которыми меня встретят в лице Арагона: «Эй, Кло, ты что, в “Тур де Франс” участвовала этим летом?»

Ха, ха, ха... На сегодня все, но я чувствую, что вы готовы сделать свой грошовый психологический вывод. Давайте, выкладывайте, пока не лопнули.

Я завидую собственной матери!

Думайте что хотите.

Маленькая смуглая бунтарка хитра, у нее есть план. Ее не провести. Она найдет возлюбленного и будет счастлива с ним всю жизнь! Родит детей и станет смешить их до колик. А профессию выберет опасную – боксерши, укротительницы медведей, канатной плясуньи, экзорцистки.

Такова моя торжественная клятва, данная на пляже де л'Альга!

Вам интересно? Хорошо, в следующий раз расскажу о папе.

Мне пора – мама приближается к МОЕМУ полотенцу. Пока не решила, буду «хорошей девочкой» или врединой. Стану импровизировать.

Пока-пока...

* * *

Он закрыл тетрадь.

Да, Пальма была красивой женщиной. Очень красивой.

И не заслуживала смерти.

Но худшее произошло, Пальма не воскреснет, остается сделать так, чтобы никто никогда не узнал правду.

Клотильда купила багет, три круассана, литр молока, литр апельсинового сока и... потерялась.

Нарочно.

Валу еще спала. Франк отправился на пробежку до семафора Кавалло.

Клотильда помнила, что летом 89-го она каждое утро «дежурила по завтраку» и, отправляясь за свежим хлебом, бродила по аллеям кемпинга в надежде кого-нибудь встретить, но все подростки еще сладко спали. Обратный путь по лабиринту она тоже выбирала запутанный и брела нога за ногу. А сегодня поступила иначе – срезала дорогу и оказалась у бунгало С29. Здесь прошли первые пятнадцать летних сезонов ее жизни.

Она узнавала только размеры домика и площадки. Деревья – оливы со скрученными стволами – образовали верхний ярус над шале. Появились жалюзи с электроприводом, терраса, площадка для барбекю, садовая гостиная. Все модернизировал новый директор «Эпрокта» Червоне Спинелло, сменивший на этом посту своего отца Базиля. Каждое нововведение – водная горка или место, выбранное для строительства бассейна, – подтверждало впечатление Клотильды: от кемпинга ее детства, где были только кровати для спанья, вода для мытья и дарившие тень деревья, ничего не осталось.

Оглядев повнимательней участок С29, Клотильда вдруг поняла, что ни разу не видела его после аварии. На следующий день Базиль Спинелло привез в Кальви[32], в больничную палату, где она лежала, большую сумку с одеждой, кассетами, книгами, короче, всем, кроме самого важного – дневника. Голубой тетрадки, которой она доверяла чувства и мысли. Эта бесценная вещь оставалась на скамейке во дворе овчарни.

Скорее всего, Базиль забыл тетрадь в Арканю или выронил в суматохе в приемном покое отделения скорой помощи. Спросить Клотильда не решилась, но думала о дневнике, пока летела из Балани в Париж, а потом и в Конфлансе, у Жозефа и Сары, родителей матери, которые воспитывали ее до совершеннолетия. Со временем Клотильда забыла о дневнике, а теперь ей вдруг пришла в голову смешная мысль: наверное, он по-прежнему ждет ее возвращения где-нибудь на полке гардероба, в ящике стола или под стопкой пожелтевших от старости журналов на этажерке.

Клотильда подошла к бунгалу С29, отведя в сторону ветки молодой оливы, посаженной перед террасой. Она помнила, что в 1989-м точно такое же дерево росло под ее окном. Неужели Червоне выкапывает старые и сажает вместо них новые?

– Вы кого-то ищете?

Из бунгало вышел мужчина в бейсболке с логотипом *New York Giants*[33], надвинутой на седеющие виски. В его улыбке читалось удивление, в ладонях он сжимал чашку кофе.

Клотильде всегда нравилась свойская обстановка в кемпинге. Никаких заборов, колючих изгородей, палисадников с цветочками. Здесь не было понятия *свой угол* – только *наш*.

– Нет-нет...

Чуть дальше, на аллее, двое мальчишек играли в футбол.

– Загнали мяч под террасу? – спросил болельщик *Giants*.

По его ухмылке Клотильда поняла: этот тип был очень даже не против, опустишь она сейчас на четвереньки, выставив на всеобщее обозрение упругую попку в обтягивающих легинсах. Отсутствие барьеров. Смещение нравственных ориентиров. Банальное вожделение. Эта сторона жизни в кемпингах была ей омерзительна.

– Не мяч – воспоминания. Я когда-то жила в этом бунгало, на каникулах.

– Правда? Мы уже восемь лет его снимаем, так что...

– Это было двадцать семь лет назад...

Мужчина ответил Клотильде изумленно-восхищенным взглядом.

Выглядите моложе.

За его спиной появилась женщина в ярком парео. Вьющиеся волосы были подхвачены на затылке деревянной заколкой. Она улыбнулась и спросила:

– Двадцать семь лет назад? Но тогда... простите, что спрашиваю...

Вы – Клотильда Идрисси?

Она не ответила. В голове крутились idiotские мысли. «Надеюсь, им не пришлось в голову повесить на бунгало мемориальную табличку: *Здесь обитали Поль и Пальма Идрисси*. Вряд ли рассказ об аварии десятилетиями передавался из поколения в поколение отпускников?»

Проклятый дом...

Женщина подула на чай, ее рука скользнула под футболку мужа.

Движение подсознательное, но знак очень ясный: «Он мой!»

Универсальный язык тела и жестов, свойственный всем, кто живет летом на свежем воздухе. Люди выставляют себя напоказ, смотрят, испытывают желание, но никогда не соприкасаются.

– Я храню для вас письмо, Клотильда, его передали давным-давно! – Женщине явно нравилась роль нежданной вестницы.

Клотильда едва не лишилась сознания и, чтобы не упасть, ухватилась за самую высокую ветку оливы.

– Оно ждет меня... двадцать семь лет? – Губы едва ее слушались.

– Ну нет, не так долго! – расхохоталась дама в парео. – Пришло вчера. Фред, будь душкой, принеси конверт, он на холодильнике.

Муж исполнил просьбу, и она прочла вслух адрес:

20260, Ревеллата

Кемпинг «Эпрокт», бунгало С29

Клотильде Идрисси

Ее сердце снова чуть не выскочило из груди, и Клотильда крепче сжала пальцы.

– Документы мы у вас спрашивать не станем, – засмеялся хозяин бунгало. – Собирались отнести конверт администратору, но раз уж вы здесь...

Клотильда взяла письмо влажными от липкого пота пальцами.

– Спасибо.

Она шла по аллее, пошатываясь, как конькобежец на льду замерзшего озера, и не могла отвести глаз от надписи на конверте, потому что узнавала почерк. Да, именно так – узнавала, понимая, что это невозможно.

Клотильда на автопилоте пересекла территорию. Открыть письмо следовало без свидетелей, в тайном и священном Тюленьем Гроте. Попасть туда можно было со стороны моря или по тропинке прямо из лагеря. Девочкой она тысячи раз пряталась в пещерке, чтобы почитать, помечтать, поплакать или пообщаться с дневником. В юности она обожала писать и была наделена талантом, в это верили ее близкие, так же считали преподаватели. А потом слова улетучились. В момент. Не пережили аварии.

Она без труда спустилась к убежищу по бетонной лестнице, заменившей песчано-каменистую дорожку. Стены грота были разрисованы признаниями в любви и похабными граффити, пахло пивом и мочой. Ну и ладно – вид на Средиземное море не изменился, он по-прежнему создавал у сидящего внутри головокружительную иллюзию полета, заставлял почувствовать себя птицей, пикирующей на добычу.

Клотильда поставила сумку с покупками, отодвинулась вглубь грота, села на влажные камни и разорвала конверт, дрожа от возбуждения, как если бы ожидала увидеть любовное послание. Впрочем, она опоздала родиться и письменных признаний никогда не получала. Воздыхатели слали ей эсэмэски и электронные письма. Цифровые признания были тогда последним писком моды и невероятно возбуждали, но... не оставили после себя ни малейшего следа. Ни строчки, ни клочка бумаги между страницами книг.

Клотильда осторожно, двумя пальцами, достала сложенный четверо белый листок и развернула его. Написано было от руки, аккуратным «учительским» почерком.

Моя милая Кло!

Не знаю, осталась ли ты такой же упрямой, как в детстве, но все-таки хочу кое о чем тебя попросить.

Когда будешь завтра в Арканю, у Лизабетты и Кассаню, задержись на несколько минут под зеленым дубом. – до наступления темноты.

Я увижу тебя и, надеюсь, узнаю.

Буду счастлива, если приведешь с собой дочь.

Больше мне ничего не нужно. Совсем ничего.

Разве что поднять глаза к небу и любоваться Бетельгейзе[34]. Знала бы ты, детка, сколько ночей я глядела на эту звезду и думала о тебе!

Вся моя жизнь – темная комната.

Целую тебя.

П.

Волны накатывали на порог пещеры, но брызги не долетали до Клотильды, как будто Всевышний в точности до миллиметра рассчитал высоту. Письмо дрожало у нее в пальцах, как грот-парус катамарана.

Между тем погода стояла безветренная, утро было тихим и жарким – солнце исподтишка заглядывало в пещеру.

Целую тебя.

Почерк матери.

П.

Подпись матери.

Кто, кроме матери, мог назвать ее «моя Кло»? Кому еще известны эти детали? После аварии Клотильда ни разу не надевала свой готский наряд.

Костюм в стиле «Битлджус»[35] – *Бетельгейзе* в европейской традиции. В комнате Клотильды висел постер, который мать подарила ей на четырнадцатилетие. Она выписала его из Квебека, и канадский перевод показался им гораздо поэтичнее американской версии.

Клотильда посмотрела на ведущую к морю тропинку, перевела взгляд на дорогу, петлявшую вдоль карниза до пляжей де л'Альга и Ошелучча. На другом конце тропинки нервно топталась девочка-подросток – то ли искала сеть, то ли изучала эсэмэску вдали от чужих глаз.

Клотильда перечитала письмо.

Кто, кроме матери, мог помнить коронную фразу Лидии Дитц? Культовую фразу из культового фильма, ту самую, что Клотильда выкрикнула Пальме в лицо, чтобы та наконец оставила ее в покое. Это случилось однажды вечером, когда они в очередной раз жестоко поссорились.

Их секрет. Известный лишь матери и дочери. Пальма тогда сказала, что утром они отправятся в город и купят Клотильде «приличную» одежду – удобную, яркую, женственную. Клотильда проорала ей в лицо отчаянную реплику Лидии Дитц и заперлась у себя в комнате. Эта реплика была формулой жизни подростка.

Вся моя жизнь – темная комната. Одна большая... темная комната.

*Пятница, 11 августа 1989,
пятый день каникул,
сине-зеленое небо*

Я очень люблю папу.

Не уверена, что многие питают к моему отцу теплые чувства, но я его просто обожаю.

Подружки иногда признаются, что он их пугает. О да, папа очень хорош собой – черные глаза, волосы цвета воронова крыла, квадратный подбородок, короткая борода! – и так уверен в себе... А еще он всегда держится отстраненно – чтобы не сказать высокомерно.

Понимаете, о чем я?

Мой папа из тех мужчин, которые умеют высказать свое мнение одной веской фразой, одарить дружбой, произнеся всего два слова, и забрать ее назад тремя, отказать в помиловании, расстрелять взглядом. Тип преподавателя или босса, внушающего не только страх, но и уважение. Такой он со всеми... Кроме меня!

Я – его маленькая любимая дочурка, а «дирижирует» он всеми остальными.

Возьмем для примера папину работу. Он говорит, что работает в сфере охраны окружающей среды, в агрономии или экологии, короче – «бережет зеленые легкие планеты»... а на самом деле продает газонное покрытие! Через него проходят 15 % французского рынка, это тысячи рабочих мест на родине и еще в десятке стран мира. Никто не оспаривает папин авторитет: когда Поль Идрисси пришел работать в «Фаст Грин», компании принадлежало 12 % рынка, а сейчас он обещает довести эту цифру до 17 %. Слова отца о том, что каждую минуту во Франции новым газоном покрывают участок размером с футбольное поле, а за день – размером с лес Фонтенбло[36], производят сильное впечатление. Господину Идрисси внимают, как гуру, когда он заявляет, что полностью отказался от использования *мятлика лугового, овсяницы овечьей и костера безостого*, растущих на лужайках перед домами в предместье. Теперь, обслуживая все поля для гольфа Иль-де-Франс, он продает только лучшее – *полевицу побегоносную*.

Ха-ха-ха!

Папочка торгует газонной травой!

Стыд и позор. Я много раз говорила, что он мог бы найти занятие попрестижней, устраивалась у него на коленях, ластилась, шептала:

«Понимаю-понимаю, все эти “злаковые” истории ерунда, на самом деле ты – шпион, секретный агент или благородный разбойник!»

My name is Grass.

Ray Grass[37].

Папы нет – как обычно. Нет никого, кроме меня. Сажу одна под оливой у бунгало С29 и пишу. Николая со своей компанией, мама взяла «фуэго» и поехала в Кальви за покупками, папа в Арканю, общается с родителями, кузенами и друзьями.

Поддерживает в себе корсиканство...

Над папиным корсиканством никто не смеется! Поль Идрисси.

Затерявшийся где-то на «Вексенском горбе», на стыке Нормандии и Иль-де-Франс.

Никто над этим не хихикает... Только я!

Сказать почему?

Да потому, что с сентября по июнь все папино корсиканство ограничивается желтым прямоугольником на заднем стекле автомобиля. Кабалистический знак единения корсиканцев, рассеянных по континенту. У масонов это треугольник. У евреев – звезда Давида.

Корсиканцы, эмигрировавшие на север, выбрали прямоугольник.

Фирменный знак *Corsica Ferries*[38].

Папина островная особость оживает, когда желтый лейбл начинает отставать от стекла, то есть дни становятся длиннее, а отпуск ближе. Папуля немного похож на детишек, верящих в Рождественского Деда в декабре, и на стариков, которые обращаются к Господу, узнав, сколько месяцев им осталось жить. Улавливаете?

Ох-ох, подождите, мой неизвестный читатель! Соизвольте взглянуть на дружную компанию, идущую мимо меня на пляж, – Николая и Мария-Кьяра, Червоне и Аурелия, Канди, Тесс, Стеф, Герман, Магнус, Филипп, Людо, Ларс, Эстефан... Не волнуйтесь, в свое время я вам их представлю – скопом и поодиночке.

Я не последую за ними, останусь здесь. Вы не находите, что я очень мила, раз не кинулась догонять «взрослых», а сажу и пишу, как отличница – внеклассные задания? «Большие» ребята меня игнорируют, третируют, гонят, унижают, забывают... Я могу заполнить синонимами три страницы, но пощажу ваши нервы и продолжу о папе.

Острое корсиканство и тоска по макии возникают у него в начале лета – как сенная лихорадка. Опишу это явление, неизменно сопровождающееся семейными ссорами, в три этапа.

Первый этап начинается на шоссе, сразу после выезда из Парижа. Папа достает из тайника кассеты с корсиканскими песнями, чтобы мы всю дорогу слушали их в «фуэго».

Второй этап. Оказавшись на острове, мы питаемся исключительно местными колбасами, сырами и фруктами, покупаем у мелких торговцев *кóппу*, *лонцу*, сыр *броччио*[39] и уверяем друг друга, что бóльшую часть года едим одну дрянь и гадость из супермаркета.

Третий этап состоит из бесконечных визитов. Мы всей семьей навещаем бабушку с дедушкой, кузенов и кузин, соседей, слушаем беседы на иностранном языке. Папа жутко напрягается – по-английски с шефами «Фаст Грин» он говорит лучше, чем со старыми приятелями на корсиканском. И все-таки папуля упорствует, из кожи вон лезет, чтобы не ударить в грязь лицом. Мы с Николя почти ничего не улавливаем из жарких споров о политике, о том, что мир живет на повышенных скоростях, теряя на ходу куски суши, а их остров застыл в неподвижности в сердце циклона и ошалело наблюдает за ужимками человечества. Папа старательно вслушивается, даже пытается подавать реплики – короче, ведет себя, как верующий, считающий, что попадет в рай, если будет зубрить молитвы и читать их раз в год. Но я вижу моего отца – Рэя Газонного – каждый день и могу вас заверить, что корсиканского в нем не больше, чем во мне. Он похож на «правоверного» мусульманина, пьющего спиртное, или «набожного» католика, славящего Деву Марию в день крещения, свадьбы и похорон.

Папа – корсиканец в шортах.

Он вряд ли захотел бы услышать такое. Даже от меня. Хотя никто другой не осмелился бы.

Я тоже промолчу.

Не хочу его ранить.

Папу я люблю больше мамы. Может, потому, что и он меня сильно любит. Или за то, что не сказал ни одного поносного слова о моем образе *à la* Готическая Лидия. Наверное, ему нравится черный цвет – как напоминание о корсиканках.

На этом сходство заканчивается.

Старые корсиканки носят черное в знак подчинения, покорности, а для меня этот цвет – символ бунта. Интересно, какую именно женщину в черном предпочитает мой отец? Подскажите, мой капитан! Смиренную на людях и неуступчивую наедине с мужем, который бережет сокровище для себя? Как птицу, посаженную в клетку.

В этом все мужчины похожи.

Каждый желает заполучить мать, домохозяйку, кухарку... а когда это происходит, начинает ее ненавидеть.

Так я понимаю супружескую жизнь с высоты моих пятнадцати лет.

На сегодня все. Думаю, теперь вы получили представление о папе. Я еще не решила, пойду ли на пляж или почитаю. Люблю книги. Когда читаешь, выглядишь старше.

Везде – у моря, на скамейке, под навесом.

Вид девушки с книгой интригует.

Лежа на полотенце с открытой книгой, автоматически превращаешься из одинокой-скучающей-дурочки-без-друзей в маленькую-бунтарку-живущую-в-собственном-мире.

Главное – выбрать правильное чтиво.

Мне необходима культовая книга, такая же сильная, как два моих любимых фильма – «Битлджус» и «Голубая бездна». Подобную книгу перечитывают тысячу раз и дают почитать мальчикам, чтобы проверить, «тот ли он самый».

Я положила в чемодан три томика.

«Невыносимая легкость бытия» Милана Кундеры

«Бесконечная история» Михаэля Энде

«Опасные связи» Шодерло де Лакло

Все три уже экранизированы. Ладно, признаюсь: киношки мне понравились, я взяла с собой книги и, когда прочту их, буду говорить, что пошла в кино ПОТОМ и была УЖАСНО РАЗОЧАРОВАНА интерпретацией!

Какую из трех выбрать?

Так-так-так...

Решено: иду на пляж с «Опасными связями» под мышкой.

Идеально!

Де Вальмон и маркиза де Мертей[40] слишком... скучны, а Джон Малкович и Киану Ривз[41] просто ужасны, оба напоминают хвастливых петухов.

До скорого, мой потусторонний читатель.

* * *

Он смахнул слезу указательным пальцем и закрыл дневник.
Даже теперь, много лет спустя, он испытал потрясение, прочитав
это имя.

Оно было подобно призраку.

Безобидному.

Так они все думали.

8

13 августа 2016

14:00

– Это ее почерк!

Клотильда ждала ответа.

Любого.

Не дождалась.

Губы Франка были заняты пластиковым горлышком литровой
бутылки «Орецы»[42] – ровно столько жара выгнала через кожу. Три
четверти он выпил, одну четверть вылил на себя.

Франк пробежал девять километров, до семафора[43] Кавалло и
обратно. Неплохо для начала в тридцатиградусную жару. Он повесил на
веревку влажную футболку и наконец-то соизволил спросить:

– Откуда такая уверенность, Кло?

– Я просто знаю.

Она стояла, прислонившись спиной к корявому стволу оливы, и
смотрела на конверт.

*Кемпинг «Эпрокт»
Бунгало С29
Клотильде Идрисси*

Ей совсем не хотелось рассказывать Франку об открытках, которые мать писала ей в детстве. Она хранила всю свою корреспонденцию вместе с фотографиями и время от времени перечитывала слова на обороте, хотя они терзали ей душу, как зловредные призраки.

– Вся моя жизнь – темная комната. Большая... красивая... темная... комната.

Торс Франка блестел от пота, солнце золотило коротко стриженные светлые волосы, он был «сыном света», а не ночи, не тьмы, не тени. Много лет Клотильда любила в своем муже именно эту сторону его натуры – он тянул ее из тени в свет.

Франк сел на пластиковый стул и посмотрел Клотильде в глаза:

– Ладно, Кло... не волнуйся так... Я помню все твои рассказы. В пятнадцать лет ты была фанаткой той актрисы, одевалась на манер ежика-гота и вела себя с родителями как неблагодарная дрянь. Когда мы познакомились, ты показала мне «Битлджус», помнишь? И остановила картинку на кадре, где героиня произносит эту самую фразу про комнату, потом улыбнулась и пообещала: «Мы перекрасим ее во все цвета радуги...»

Неужели Франк и правда помнит?

– Твоя Вайнона Райдер два часа наблюдала с экрана, как мы занимаемся любовью на диванчике.

Это тоже задержалось у него в мозгу?

– Вот что я скажу, Кло: тот или та, кто прислал письмо, мерзко пошутил.

Пошутил? Франк действительно произнес слово «пошутил»?

Клотильда в энный раз перечитала фразу, которая потрясла ее сильнее всего.

Когда будешь завтра в Арканю у Лизабетты и Кассаню, задержись на несколько минут под зеленым дубом. – до наступления темноты.

Я увижу тебя и, надеюсь, узнаю.

Буду счастлива, если приведешь с собой дочь.

Больше мне ничего не нужно. Совсем ничего.

Посещение родителей отца было назначено на вечер следующего дня. Франк упорствовал в попытках объяснить необъяснимое:

– Именно так, Кло. Представить не могу, кто этот грязный шутник и зачем он так поступает, но...

– Но?

Прежде чем продолжить, Франк положил руку жене на колено. Нежный муж исчез – его место снова занял моралист, проповедник, изрекающий веские аргументы, репетитор, вбивающий знания в голову бестолковой ученице. Клотильда чуть не задохнулась от его самодовольства.

– Зайду с другой стороны, Кло. В вечер аварии, 23 августа 1989 года, вы четверо – ты, твой отец, твоя мать и Николя – находились в машине. В этом ты не сомневаешься.

– Именно так.

– Никто не мог выпрыгнуть до того, как «фуэго» свалился в пропасть?

В память Клотильды навечно впечатались страшные картины: «фуэго» летит по прямой, как ракета; узкий поворот; отец не реагирует.

– Исключено.

Франк не юлил, его сила заключалась в прямотушии. Он свято верил в два качества – рациональность и эффективность.

– Кло, ты совершенно уверена, что твой отец, твоя мать и твой брат погибли в той аварии? Все трое?

Впервые в жизни Клотильда мысленно поблагодарила мужа за отсутствие такта.

Да, она совершенно уверена.

Растерзанные тела в искореженном «фуэго» почти тридцать лет стоят у нее перед глазами. Тела родителей, перемолотые стальными челюстями, вкус крови, смешанный с запахом бензина. Спасатели отвезли в морг три трупа и разложили по ячейкам, чтобы близкие могли проститься... Расследование несчастного случая... Похороны... Время все разъедает, ничто не возрождается, не зацветает вновь... никогда...

– Да, они погибли все трое, в этом я не сомневаюсь.

Франк положил вторую руку на другое колено Клотильды и наклонился ближе:

– Хорошо, Кло, значит, дело закрыто! Какой-то засранец сыграл с тобой несмешную шутку – бывший возлюбленный или завистливый корсиканец, не имеет значения, не забивай голову ничем другим.

– Чем именно?

Клотильда чувствовала себя лицемерной дрянью, притворщицей, лгуньей.

Случалось, прямота Франка многое упрощала.

– Мыслью о том, что твоя мать может быть жива. Что это она тебе написала.

Бах!

Молочно-белая, намазанная кремом от загара кожа Клотильды вспыхнула до корней волос.

Конечно, Франк.

Ну конечно.

Что ты себе вообразил?

– Конечно, Франк. Я и не думала.

Притворщица! Лицемерка! Лгунья!

Франк решил не настаивать.

Он победил, голос разума услышан, незачем давить.

– Вот и забудь, Кло. Ты захотела вернуться на Корсику. Я согласился. Теперь забудь и наслаждайся отпуском.

Да, Франк.

Конечно, Франк.

Ты прав, Франк.

Спасибо, Франк.

Ровно через минуту Франк предложил смотаться в Кальви. До города-крепости всего пять километров – меньше десяти минут езды, если дорогу не перегородит стадо ослов или, к примеру, автофургоны для кемпинга.

Он отправился за чистой рубашкой, Валу захлопала в ладоши, услышав новость: Кальви – это торговая улица, запруженная туристами, шикарные яхты в порту, пляжи. Она вошла в дом, чтобы надеть узкое платье, причесаться, открыв лоб, шею и загорелые плечи, и переобуться в сандалии из плетеной серебристой кожи. Девочку вдохновляла идея возврата к цивилизации, и не абы какой, а сиятельно-богатой. Клотильда спросила себя: «Что между нами не так?»

Пока Валентине не исполнилось десять лет, они были заодно. Маленькая чокнутая принцесса и ее мамаша-психопатка. Клотильда

обещала себе, что так будет всегда.

Идиотские игры, безумный смех, общие секреты.

Она клялась, что никогда не станет сварливой, занудной, «черно-белой» матерью, но все вдруг изменилось, а она не заметила. Выбрала неверный угол обзора. Думала, придется иметь дело с бунтаркой переходного возраста, какой сама когда-то была. Она не забыла свои мечты, не дала поблекнуть ценностям. Осталась прежней.

И ошиблась. Во всем.

Валентина, благоразумная современная девочка, считала, что и мать, и ее идеалы давно устарели. Мамочка-чудачка была ей в лучшем случае безразлична, в худшем – заставляла стыдиться.

Валу – вся в изумрудном, даже сумочка с бахромой того же цвета! – стояла перед машиной, Франк сидел за рулем.

– Готова, мама?

Нет ответа.

– Мама, ну поехали! – Голос девочки прозвучал раздраженно – привычно раздраженно.

Клотильда вышла из бунгало:

– Это ты взял мои документы, Франк?

– Я ничего не трогал.

– Их нет в сейфе.

– Говорю же, не брал, – повторил Франк. – Уверена, что не положила их в другое место?

«Ладно, – подумала Клотильда. – Я, конечно, клуша, но не совсем же безмозглая...»

– Да!

Она ясно помнила, как убрала бумажник в маленький стальной сейф, встроенный в шкаф у входной двери, и отправилась принимать душ в гигиенический корпус.

Франк сдвинул темные очки на лоб и нервно забарабанил пальцами по рулю (хорошо хоть на сигнал не жал от злости).

– Раз их там нет, значит, ты...

– Я сунула бумажник в проклятый сейф вчера вечером и больше его не открывала!

Клотильда нервно дернулась, повернулась, поставила чемодан на кровать и вывалила из него все вещи.

Ничего.

Она выдвигала ящики, шарила ладонью на самых высоких полках, заглядывала под кровать, стол и стулья.

Ничего.

Ничего.

Ничего в багажнике, снятом с крыши, ничего в бардачке.

Франк и Валу молча наблюдали за ней.

– Я положила бумажник в эту чертову консервную банку, которую якобы невозможно вскрыть. Кто-то взял документы...

– Послушай, Кло... Есть ключ от сейфа, код, и только мы...

– Я знаю! Знаю! ЗНАЮ!

Клотильде не нравилась улыбка Червоне Спинелло. Никогда не нравилась. Она помнила, что терпеть не могла Червоне-подростка, когда он пытался верховодить в их банде под тем предлогом, что его отец управляет кемпингом.

Лжец. Бахвал. Расчетливый негодяй.

Теперь, обретя власть над восьмьюдесятью гектарами тенистой территории с видом на море, он изменился.

Стал угодливым, претенциозным, хитрым развратником.

Полной противоположностью своего отца Базиля.

– Мне очень жаль, Клотильда, – оправдывался Червоне. – Прости, что не зашел поздороваться. Нужно будет выбрать минутку и...

Она решительно отклонила приглашение на аперитив, пресекла жалкие попытки слезливого сочувствия по поводу давней семейной трагедии и высказалась в том смысле, что пропажа документов, по ее мнению, результат кражи.

Червоне нахмурил широкие черные брови.

Он раздосадован. Может, начнет шевелиться...

Управляющий подхватил связку ключей, вышел из корпуса и сказал – нет, приказал – великану, поливавшему клумбу:

– Пойдешь со мной, Орсю.

Он сопровождал слова жестом, указав пальцем на аллею. Так делает человек, навязывая свою волю послушному, хорошо выдрессированному животному. Жест мелкого начальника. Поливальщик подчинился. Увидев его лицо, Клотильда не совладала с собой и отпрянула.

Орсю был очень высок – метр девяносто, не меньше. Широкая, неровно подстриженная борода и длинные густые вьющиеся волосы, падающие на лоб, не могли замаскировать левую, увечную половину лица: неподвижный невидящий глаз, атрофированную впалую щеку, отвисшую на подбородке и шее кожу. Вывернутое плечо, рука в розовой резиновой перчатке, висящая вдоль тела, как пустой рукав, негнущаяся нога дополняли картину несчастья.

По непонятной причине Клотильда скорее смутилась, чем испугалась. Сначала она приняла сочувствие к искалеченному великану за жалость (профессиональная деформация?), но ее смущало другое – чувство, которое она никак не могла назвать. Орсю шел метрах в трех впереди, Червоне наклонился и шепнул Клотильде:

– Ты вряд ли его помнишь. В том несчастном августе Орсю было три месяца. Везения в его жизни больше не стало, но у нас даже трехногих коз не выбраковывают, а уж человека... В «Эпрокте» он занимается всем понемногу и откликается на прозвище Хагрид[44].

Откровения Червоне были неприятны Клотильде, от первого до последнего слова.

Он почему-то «тыкал» ей, хотя они не виделись двадцать семь лет. Говорил об Орсю как о приبلудном псе.

Выглядел как благодушный священник, а она вспоминала мелкого придурка, мучившего ящериц, лягушек и других невинных тварей.

Они вчетвером рассматривали внутренность крошечного сейфа, а Валу надела наушники, устроилась на стуле и принялась красить ногти на ногах. Червоне, не скрываясь, пялился на ее голые ляжки.

Угодливый. Претенциозный. Порочный.

Орсю здоровой рукой вставлял ключи, проверял задвижку, ригель и цилиндры, Червоне наблюдал через его плечо.

– Ты ошиблась, Клотильда, никто не пытался вскрыть сейф. Подумай хорошенько, бумажник действительно лежал внутри?

Они что, сговорились? Франк и Червоне, ее муж и самый мерзкий тип на свете. Клотильда сдержала гнев и молча кивнула. Управляющий задумался.

– Деньги там были?

– Немного...

– Ваша дочь знала код?

Ах ты наш прямолинейный! Франк в сравнении с тобой – карьерный дипломат...

– Да, но...

Валу не дала матери продолжить:

– Если бы я решила украсть деньги у родителей, взяла бы папин бумажник.

Червоне расхохотался.

– Хорошо сказано, мадемуазель! Будем считать, что это снимает с тебя подозрения.

Клотильду передернуло от понимающей улыбочки, которой обменялись ее дочь и корсиканец. Франк выглядел нервным и раздраженным.

– И что же делать? – спросил он. – Лично я в словах жены не сомневаюсь!

Спасибо, Франк!

Червоне пожал плечами:

– Вам в любом случае придется пойти в жандармерию Кальви и заявить о пропаже документов. Потом Клотильда может подать жалобу – если захочет. – Он двусмысленно ухмыльнулся и добавил: – Твой старый друг Чезаре давно вышел в отставку, так что не знаю, на кого ты попадешь. Дольше чем на три года молодые офицеры у нас не задерживаются.

Хагрид все никак не хотел оторваться от сейфа. Он пытался разобраться, и Клотильда мысленно поблагодарила калеку за то, что не удовольствовался поверхностным осмотром.

В одном она была уверена на сто процентов.

Вчера бумажник лежал в сейфе.

Кто-то его взял.

Зачем? И кто?

Тот, кто знал код или имел ключ.

***Суббота, 12 августа 1989,
шестой день каникул,
синее ночное небо***

Хотите новость?

В моем затерянном уголке Корсики что-то наконец происходит. Я запишу для вас в дневнике кое-что новенькое!

Новенькое и сенсационное... надеюсь, вы оцените манеру изложения.

Готовы, незнакомый читатель?

Все началось с громкого БАБАХ. Рвануло в 2:23 ночи. Я это точно знаю, потому что проснулась и посмотрела на часы, высунулась в окно и посмотрела на море, полуостров Ревеллата, Балань и самую высокую вершину – Капу ди а Вета[45].

Я ничего не увидела. Ни-че-го! И снова уснула.

С самого раннего утра кемпинг напоминал растревоженный курятник. Жандармы опрашивали туристов – скорее удивленных, чем перепуганных, и нарочито игнорирующих широко улыбающихся аборигенов.

Приморский курортный комплекс «Скала и Море» взлетел ночью на воздух.

Внесу несколько географических уточнений. Мыс Ревеллата – маленький полуостров площадью 300 гектаров, практически дикий, если не считать маяка на краю света, океанологической станции *Stareso*[46], двух или трех белых вилл, кемпинга «Эпрокт» в самом центре под оливами, откуда крутая узкая тропинка ведет к двум маленьким пляжам – де л'Альга на юго-востоке и Ошелучча на северо-востоке. С запада нет ничего, кроме скал, но можно спуститься к Тюленьему Гроту и каменистой бухточке Ресиза, облюбованной серфингистами.

Уточню некоторые экономические позиции: почти весь этот райский уголок принадлежит одному человеку. Моему деду! Кассаню Идрисси. Который живет со всей семьей в Арканю, в горах, куда можно добраться по крутой тропе или одной-единственной заасфальтированной дороге. На крыше старого каменного дома установлена большая телевизионная тарелка, в центре двора растет древний дуб, а из-за ограды доносятся ароматы маккии. Никаких вывертов – ни бассейна, ни тенистого корта, единственная роскошь – неземной красоты вид на бухту Ревеллата. Даже кемпинг и то находится во владении дедули Кассаню. Базиль Спинелло, друг деда,

управляет «Эпроктом», руководствуясь золотым правилом: никаких стен (или почти никаких), только души и туалеты, пустые места для палаток и несколько деревянных бунгало – ровно столько, чтобы было где разместить летом кузенов с континента, друзей и постоянных туристов. Дедушка Кассаню заботится о своих гектарах, как о женщине, которую ни с кем не намерен делить: ею можно восхищаться, но не обладать. На лице этой земли никогда не появится даже крохотная морщинка или складка, она напоена запахами ладанника и цедрата[47], украшена дикими орхидеями цвета индиго. Любимыми цветами бабули Лизабетты.

Однако...

Если вы были внимательны, наверняка не пропустили слово «почти». Я сказала «*почти весь* уголок рая принадлежит дедуле Кассаню», потому что небольшой скальный участок – четыре тысячи квадратных метров над пляжем Ошелучча – не входил в его владения, их несколько столетий назад унаследовал один дальний кузен. Этот анклав во владениях деда сразу стал единственной на полуострове зоной, доступной для строительства. Ставки мгновенно взлетели, и один подрядчик начал возводить среди красных скал гостиничный комплекс. По слухам, итальянец из Портофино. Отель был задуман роскошный, в тон скалам, терраса с видом на Средиземное море, своя пристань, трехзвездочные номера, джакузи и прочие прелести. Работа началась в марте, и корсиканские ассоциации защитников окружающей среды немедленно подали протест, ссылаясь на Закон о побережье[48]. Признаюсь, что поняла далеко не все, но дед с папой могут говорить об этом часами. Совершенно очевидно, что строить на территории анклава законно, поскольку он находится больше чем в ста метрах от моря, но «зеленые» повели речь о защите естественных пространств, природных пейзажей, процедуре регистрации, праве преимущественной покупки (праве первой руки), принадлежащем Национальной службе охраны прибрежных зон и приозерной полосы... Короче, клубок противоречий.

Можно или нет сооружать комплекс? Никто не знает. Адвокаты, журналисты, чиновники сражаются не на жизнь, а на смерть, крупные суммы денег переходят из рук в руки – законно и не совсем. А итальянские работяги медленно, но упорно возводят кирпичные стены на бетонном фундаменте под носом у дедули Кассаню, не дожидаясь

решения суда (хотя оно, вполне вероятно, признает строительство незаконным). А нос у моего деда волосатый и обидчивый.

Так все и шло до двух часов этой ночи. БАБАХ!

Огромная дыра в том, что осталось от бетонной плиты. Придя на смену, рабочие увидели на площадке лишь груды строительного мусора.

Продолжение мне рассказала Аурелия. Она дочь Чезаре Гарсии, аджюдана[49] жандармерии Кальви. Вообще-то она не сильно мне нравится. Аурелия на два года старше меня и потому слегка задирает нос, изображает осведомленность: мол, закон есть закон, а если что не так, пожалуюсь папе. Можно подумать, что у нее не было детства, что она вытянула двойную шестерку в «Игре в гуся»[50] и перескочила через первые клетки. Мне жаль ее будущего мужа, если таковой, конечно, заведется. Аурелии не слишком везет, в ее сторону мальчишки смотрят еще реже, чем в мою! В том числе Николя, а я готова поклясться, что она сохнет по моему старшему братцу. Аурелия не уродина, у нее круглые и черные, как маслины, глаза, широкие брови сходятся на переносице и делают ее похожей на строгую птицу. Аурелия – зануда и полная моя противоположность: я выгляжу слишком молодо, она – много старше своего возраста. Это совсем нас не сплачивает, не подумайте ничего такого, мы скорее состязаемся. Два способа адаптироваться... Не исключено, что через много лет мы встретимся и узнаем, кто победил.

В утро большого БАБАХа я была очень даже довольна, что Аурелия сообщила мне холодно-вежливым тоном:

– Мой отец виделся с твоим дедом Кассаню. Все знают, что стройку взорвал он.

– ????????

– Конечно, никто ничего не скажет. Омерта... Так сказал папа. Все здесь чем-то обязаны твоему дедушке, а Базиль первый, они вместе учились в школе. Уму непостижимо – известно, кто заказал взрыв, и никто не раскрывает рта.

Забавно было представлять, как ее милый папочка (толстяк размером с корсиканского быка) садится в свою ма-а-а-ленькую машинку и едет на беседу к моему дедуле. Он потеет, у него дрожат

коленки – храбрый амбарный мышонок вдруг отважился начать переговоры с домашним котом.

Я поставила Аурелию на место:

– Никаких улик против моего дедушки нет. Отец наверняка сказал тебе.

– Ну да, сказал.

Я вбила гвоздь по самую шляпку:

– И вообще, те, кто подложил бомбу, правильно сделали, так ведь? Корсика гораздо красивей без бетона. Пока будет идти процесс, администрация тысячу раз успеет изуродовать мыс Ревеллата и весь остальной остров, согласна?

У Аурелии не бывает собственного мнения, но тут она ответила:

– Да. Мой отец сказал, что Кассаню правильно поступил. Хоть и не по закону.

Тут она меня поддела.

Я думала весь день. Встретила дедушку и Базиля Спинелло у ворот кемпинга, они выглядели как заговорщики, но неопасные. Мимо проехало несколько машин жандармерии. В новостях по радио говорили о взрыве. К вечеру все подтвердилось. Никто ничего не видел и не слышал. Дело закрыто! Бухта Ревеллата возвращается под власть чаек, коз, ослов, кабанов и обитателей «Эпрокта». Я долго сидела в гроте, глядя на море и заходящее солнце.

Красно-золотой мыс был слишком красив.

А я – слишком горда.

Пока жив мой дед, здесь ничего не изменится. Будет диким, непокорным, оберегаемым как зеница ока!

Как я!

Ревеллата останется таким навсегда, мой читатель из будущего, навсегда, обещайте мне!

* * *

Навсегда...

Вот ведь маленькая дурочка!

Он закрыл тетрадь.

13 августа 2016

16:00

Голые по пояс рабочие изнемогали от жары, застыв в неподвижности – кто с лопатой, кто за рулем стоящего на приколе бульдозера. Самые удачливые курили в теньке. Могло показаться, что все они следят за возведением среди скал бетонных стен, затеянным шальным титаном. Или безумным королем, возжелавшим получить сказочный дворец, который невозможно построить – разве что зимой или... в ночную смену, но уж никак не летом.

– Будущий четырехзвездочный! – Валу восторженно захлопала в ладоши. Ребенок, что с нее взять...

Франк вел машину осторожно, напряженно щурясь. На каждом повороте солнце ослепляло его, заставляя нервничать. Клотильда обернулась к дочери:

– О чем это ты?

– Четырехзвездочный отель «Скала и Море». Старый проект. Червоне Спинелло пустил его в работу. Комплекс станет продолжением кемпинга «Эпрокт». Открытие следующим летом. Будет классно! Бассейн, спа, фитнес, номера по триста евро за ночь с отдельной террасой и прямым выходом к морю.

Клотильда бросила взгляд на стройку. Огромный стенд, частично закрывающий площадку, украшала фотография роскошной гостиницы в окружении логотипов европейских и местных компаний. Даже втиснутое между скалами, пяти-шестиэтажное здание будет доминировать над всей округой.

Странное, необъяснимое чувство овладело Клотильдой. Она много лет старалась забыть эти необитаемые камни, опасную дорогу и смертоносную пропасть. И вот ведь какая странность: здесь, на месте драмы, каждый поворот, любая панорама райского острова становились для нее зельем забвения. Она уносилась мыслями во времена до аварии, вспоминала каждое лето на Корсике. Воспоминания были более чем смутными, но Клотильда ни на мгновение не усомнилась в своей любви к этим пейзажам, ароматам и даже предавшей ее природе. Корсика тоже сирота. Прекрасная и одинокая. Двадцать миллионов лет назад ее

отняли у семьи, оторвали от континента, Альп, Эстереля и переместили в Средиземное море.

Валу выворачивала шею, разглядывая стройплощадку будущего дворца удовольствий.

– Червоне понял, что я правда интересуюсь, и кое-что шепнул. На будущий год мне исполнится шестнадцать, и он сможет взять меня на работу.

Червоне...

Клотильда дернулась, как от удара током. Ее дочь уже называет эту сволочь по имени! Игрока-волокиту-бабника, старше ее на четверть века.

– Не понимаю, как можно строить подобное уродство!

Валентина сдалась без боя, только перевела взгляд с рекламного щита на каменные утесы, словно наяву представила себе новый отель.

Самые трудные подростки избегают противостояния.

– Можешь поинтересоваться мнением прадедушки Кассаню на этот счет, – мрачным тоном посоветовала Клотильда. – Завтра вечером мы ужинаем в Арканю.

– И зачем мне это делать?

– Да просто так.

– Твой дедуля – старый корсиканский сепаратист? Подрывник? Как в сериале «Мафиоза»?[51]

– Сама увидишь.

– А сколько ему лет, прадедушке-патриарху?

– Одиннадцатого ноября будет восемьдесят девять.

– И он все еще живет в овчарне на краю света? На Корсике что, нет домов престарелых?

Клотильда закрыла глаза.

Они доехали до ущелья Петра Кода, где с карниза вниз рухнул «фуэго».

В салоне установилась тишина, только звучала мелодия диско. Франк хотел было убрать звук, но не стал. Три букетика чабреца исчезли с обочины.

Бригада жандармерии Кальви располагалась на въезде в город. Из окон открывался неповторимый по красоте вид на Средиземное море и

мыс Ревеллата. Жены жандармов могли последовать за мужьями на «землю всех опасностей» только за роскошные служебные квартиры у кромки моря и с панорамным видом.

Клотильда пошла одна, сказав Франку, чтобы отвез Валентину в порт, и пообещала позвонить, как только освободится. «Много времени это не займет, я только подам заявление...»

Дежурный был молод, спортивен и гладко выбрит – от черепа до подбородка. На его столе красовались флажки и вымпелы регбийных клубов.

Ош. Альби. Кастр...

Ни одного корсиканского клуба.

– Капитан Кадна, – представился офицер, протягивая Клотильде руку.

Выслушав ее, он достал бланк заявления о пропаже документов и сокрушенно пожал плечами: бюрократия, черт бы ее побрал... В его искренней улыбке не было ничего... строевого, он скорее напоминал солдатика, мечтающего о самоволке.

Клотильда сообщила обстоятельства кражи: закрытый сейф, исчезнувший бумажник, отсутствие каких бы то ни было следов.

Жандарм встал и посмотрел в окно на маяк. Тело у него было поджарое и сильное, как у игрока нападения.

– Червоне Спинелло не понравится визит на его территорию. Он предпочитает сам улаживать все дела в кемпинге. Но если вы настаиваете...

Клотильда кивнула: да, она настаивает. Хотя бы для того, чтобы насолить Червоне.

«Нападающий» поправил висевший на стене вымпел клуба «Брив».

– Скажу вам честно, мадемуазель, я здесь три года, но еще не до конца разобрался, как все функционирует. Хотя сам родился на Юге... Кадна – странная фамилия для легавого, но не для уроженца Битерруа[52]. До войны мой прадедушка Жюль Кадна был лучшим игроком второй линии во Франции. Заметьте, я не жалею о назначении в Кальви и владею теперь четырьмя языками – французским, английским, окситанским[53] и корсиканским! Красивый остров, милые люди, но в регби ни черта не смыслят!

Он рассмеялся и начал проверять заполненный Клотильдой бланк.

Фамилия
Барон
Девичья фамилия
Идрисси
Имя
Клотильда
Профессия
Адвокат. Семейное право

Следующий вопрос капитан задал почти машинально:

- Вы корсиканка?
- Да. Сердцем.
- Из семьи Кассаню Идрисси?
- Я его внучка.
- Вот как...

Пауза.

Бабочка села на кактус! Офицер Кадна перестал дышать – совсем как нью-йоркский коп, услышавший имя Вито Корлеоне[54]. Мгновение спустя он «отмер», принялся энергично штемпелевать документы и вдруг участливо посмотрел на посетительницу. Бабочка перелетела на розу.

– Черт, какой же я идиот!

Что, простите?

– Вы... – Он пытался подобрать верное слово, и Клотильда догадалась.

Выжившая.

Чудом спасшаяся.

Сирота.

– Вы – дочь Поля Идрисси, – наконец нашелся жандарм. – Он погиб в аварии на дороге к мысу Ревеллата вместе с вашей матерью и братом.

Клотильда удивилась. Этот уроженец Окситании служит на острове три года. Авария произошла двадцать семь лет назад. С тех пор на коварном серпантине наверняка произошло несколько десятков несчастных случаев – все со смертельным исходом, так почему молодой человек так хорошо помнит именно...

Капитан прервал ход ее мыслей:

– Сержант знает, что вы здесь?

Сержант?

Чезаре?

Чезаре Гарсия?

Клотильда отлично помнила человека, который расследовал трагедию, случившуюся с ее семьей. Чезаре Гарсия был спокойным, добродушным и очень деликатным человеком. Он задавал ей вопросы в больнице, и в его голосе звучало искреннее сочувствие. Их разговор в отделении скорой помощи в Балани продлился три часа, Гарсия сидел на стуле и то и дело промокал лоб и шею бумажной салфеткой.

Не забыла Клотильда и его дочь Аурелию, она входила в их маленькую «банду» и все время ныла или брюзжала.

– Нет, – ответила она. – Вряд ли. Червоне Спинелло обмолвился, что Гарсия вышел в отставку.

– Верно... Несколько лет назад. Полагаю, вы его помните. Людей такого телосложения не забывают. Он мог бы стать гениальным нападающим, незаменимым в схватке, если бы эти тупицы-корсиканцы знали, что бывают мячи овальной формы![55] Теперь он толстеет на десять кило в год.

Жандарм подошел вплотную к Клотильде.

Крылья бабочки трепетали, словно она опасалась красивого, но плотоядного растения.

– Вы должны повидать его, мадемуазель Идрисси.

В ее глазах отразилось непонимание.

– Он живет в Каленцане. Это важно, мадемуазель Идрисси. Он много чего рассказал мне о той давней аварии, прежде чем покинул бригаду, потому что еще много лет назад искал концы. Он намного хитрее, чем о нем думают, и у него, как бы это выразиться... есть...

– Да говорите же! – Клотильда впервые повысила голос.

Бабочка улетела.

– У него есть теория.

11

Он открыл тетрадь.

Поморщился – читать будет неприятно.

Но придется.

Чтобы подогреть ненависть.

* * *

*Воскресенье, 13 августа 1989,
седьмой день каникул,
темно-синее небо*

Сегодня бал.

Предупреждаю – я его королева!

Сижу на пляже, чуть на отшибе, в тени, с книгой на коленях.

Итак...

Балом я называю танцульки в кемпинге: три гирлянды плюс большой магнитофон отца Германа на пластиковом стуле. Никола привез из Парижа кассеты со шлягерами 50-х, записанными прямо с радио (в перерывах слышны реклама и отбивки).

И вот еще что, мой читатель из будущего: надеюсь, вы никогда не услышите один шлягер того лета, он исчезнет из памяти людей так же быстро, как завоевал их мозги.

Я имею в виду безумную мелодию – ламбаду.

Не просто песню, но еще и танец, во время которого партнер сует бедро между ног своей дамы. Касается ее... ну, вы понимаете.

Именно так, я не вру!

Если кто-нибудь попробует так со мной...

Честно говоря, риска никакого. Ни один мой ровесник не соблазнится... карлицей. Вот я и сижу на песочке в наряде колдуньи и читаю «Опасные связи».

Версия для кемпинга.

Мимо прошел Базиль Спинелло и велел сделать музыку потише.

– Сейчас, папа, – ответил его сынок-подхалим Червоне.

Я согласна с Базилем.

Музыка загрязняет окружающую среду. Она вылетает в мир и пачкает его, как жирные обертки, окурки или куски гипса на стройплощадке комплекса «Скала и Море». Нужно пользоваться плеером и наушниками, иначе оскорбляешь красоту мира, а это недопустимо.

Красоту нужно ценить.
В одиночку.
Красота есть тайна, недопустимо осквернять ее болтовней.
Для меня Корсика олицетворяет красоту...
Ее следует любить и... оставить в покое.
Базиль это понял.
Дедуля Кассаню тоже.
А может, и папа.
Не успел Базиль уйти, как его сынуля прибавил звук.
Ты ламбадишь, мы ламбадим, вы ламбадите...
В одном ритме.
Пятнадцать подростков.

Которые слыхом не слыхивали ни о Мано, ни о «Нирване», и меня бесит, что через год или два они скажут: «Это гениально!» – потому что все будут считать их музыку гениальной!

Мой дневник лежит поверх «Опасных связей», но этого никто не видит, так можно писать без помех. Я решила, что сегодня представлю вам всю кодлу. Сделать это непросто, поэтому будет правильно обозначить каждого одной буквой.

Начну с моего брата Николя, сидящего на корточках возле стула с магнитофоном. Он красавчик в стиле Вальмона, очень милый и дружелюбный, поэтому пользуется бешеным успехом у девчонок. У меня есть теория: если любишь всех – не любишь никого. Мой старший брат влюбляется во всех девушек планеты с искренностью несчастного ангела, не способного любить одну.

Николя – это Н.

Рядом с ним девчонка, балдеет от *Billie Jean*[56]. Это Мария-Кьяра. Детально я опишу ее позже – маленькая кокетка заслуживает отдельной главы. Сейчас скажу одно: она похожа на маркизу де Мертей, куртизанку, которая всеми манипулирует. Я терпеть не могу Марию-Кьяру, понадобилась бы целая ночь без сна, чтобы объяснить насколько.

Мария-Кьяра будет М.

Та, что танцует не в такт, сама с собой, – одинокая, как я, но не умеющая это скрыть, наш унылый дятел Аурелия Гарсия. Дочь жандарма, ух ты, музыка гремит, ох ты, я позвоню папе, о-ля-ля ламбада, божебоже, уй-я, мальчишки, о нет, о нет, о нет... Она чешет брови и глупо скалится – должно быть, мечтает о прекрасном принце, который увидит звездочки в отблеске ее брекето... Удачи, старушка!

Аурелия – это А.

Других девчонок зовут Вера, Канди, Катя, Патрисия, Тесс, Стеф, но они не важны, так что перейду к парням – во всяком случае, к тем, кто вдохновляет меня на злобные высказывания. Другие – Филипп, Людо, Магнус, Ларс, Тино, Эстефан – нормальные, то есть славные, любят пиво и грязные шуточки, ухлестывают за девчонками. Нормальными девчонками.

Из этого следует, что меня они в упор не видят.

Блондинчик Эстефан носит хвостик, у него южный акцент, он мечтает выучиться на врача и завербоваться в Эфиопию. Магнус хочет снять четвертый эпизод «Звездных войн». Филипп твердо намерен взойти на борт «Колумбии»[57] и стартовать в космос с мыса Канаверал. Описывать правильных скучно, так что перейдем к плохишам.

Червоне Спинелло убеждает моего брата сделать музыку еще громче. «Не бери в голову, Николая, отец ничего не скажет!» Я вам уже рассказывала об этом кретине, он уверен, что однажды будет управлять кемпингом, вот и ведет себя как дофин. Внимание: дофин, а не дельфин, старший сын короля, наследник престола. Неумеха, педант и придурок.

Все эти качества часто присущи тем, кто наделен властью. Червоне такой. Будет таким.

Червоне обозначу буквой Ч.

И наконец, Циклоп. Называю его так не по аналогии со свирепым персонажем античного мифа (ха-ха-ха), просто, сколько бы вы на него ни смотрели, всегда будете видеть один глаз. Взгляд Германа, он же Циклоп, всегда устремлен на Марию-Кьяру.

Где она, там и его профиль. Будь эта девчонка солнцем, Герман всегда загорал бы одной половиной лица. Он немец, но неплохо болтает на французском и английском. Кажется, природа наделила его сверхспособностями, у него не мозг, а компьютер, запрограммированный на прилежную учебу в лицее в течение десяти месяцев учебного года, а вот с летними месяцами он не справляется.

Герман – это Г.

Вы следите за моей мыслью?

Подведу итог геометрической любовной схемой «Опасные связи для чайников». Есть круг – нет, два круга, их центры – Н. (Нико) и М. (Мария-Кьяра). Нормальные подростки – я назвала вам только их имена – распределяются по кругам: девочки – к Н., мальчики – к М.

А. (Аурелия) и Ч. (Червоне) желали бы войти в круг Н. (Николя). Г. (Герман) хотел бы проложить прямую линию к М. (Марии-Кьяре). Главный вопрос звучит так: пересекаются ли эти круги, могут ли они объединиться, наложиться друг на друга?

Н. М.?

Н. М.?

Н. = М.?

Ответ скоро будет, не разъединяйтесь, а сейчас ламбаду сменил медленный фокстрот. Гитары *Scorpions* плачут и клянутся, что любовь все еще жива[58]. Я слушаю и восхищаюсь. Нико умеет компоновать записи! Этот фокстрот действует просто убийственно после *Wake me up*[59] и *Wham Rap*[60] звучавших в полную силу! Девчонки вспотели, блузки облепили тела, аж соски просвечивают. Ну и хитрец мой братец!

Я бесшумно отодвигаюсь в тень: чтобы писать, мне свет не нужен.

Составляются пары.

Стеф с Магнусом, Вера с Людо, Канди с Фредом, Патрисия колеблется между Эстефаном и Филиппом, Катя ждет, пока выберет подруга, одним словом – большой летний супермаркет. Спешите отовариться, распродажа заканчивается в августе.

Если меня пригласят потанцевать, я пошлю куда подальше. И буду плакать до утра.

Никакой опасности!

Прекрасный Джордж Майкл вернулся с *Careless Whisper*[61]. А я веселюсь, веселюсь, веселюсь в своем укромном уголке. Вы слышите, мой конфидент? Я ВЕСЕЛЮСЬ! Как мышка в норке.

Первый круг только разошелся, Нико оставил шведку Тесс, не удостоив даже взглядом Аурелию, протянувшую к нему руки. Мария-Кьяра оставила красавчика Эстефано. Король и королева бала готовы встретиться.

Дело пошло, маркиза де Мертей направляется к Вальмону.

Шаг, другой, третий под светом фонариков.

Кругов больше нет, пары танцуют, плачет саксофон.

Сошлись всего две точки.

Белое платье Марии-Кьяры меняет цвет, когда она рассчитанно медленно проплывает под очередным фонариком.

Синий желтый красный синий желтый красный синий желтый красный

Николя стоит под последним – красным – фонариком гирлянды, растянутой на ветвях оливы.

Синий желтый красный синий желтый

В десяти метрах от Николая Мария-Кьяра вдруг останавливается.

Желтый

Возможно, почувствовала взгляд.

Она отступает в сторону, ее платье теперь освещает только лунный свет.

Белый

Я ждала чего угодно, только не этого. Мария-Кьяра поворачивается спиной к моему брату, ее обнаженные руки, влажные от пота груди, взмокшая талия тянутся к... Герману.

Циклоп не верит своим глазам.

14 августа 2016

18:00

Когда будешь завтра в Арканю, у Лизабетты и Кассаню, задержись на несколько минут под зеленым дубом – до наступления

темноты.

Я увижу тебя и, надеюсь, узнаю.

Несколько слов, написанных почерком, как две капли воды похожим на почерк ее матери, крутились в голове Клотильды.

Все быстрее и быстрее.

Завтра... я увижу тебя...

Она боролась с двумя противоречивыми чувствами, нетерпением и страхом, – тем страхом, что электризует и одновременно парализует накануне первого любовного свидания.

Завтра... говорилось в послании.

Осталось меньше двух часов. Этим вечером они приглашены на ужин в овчарню Арканю, в дом дедушки и бабушки. Кто будет ждать там? Кто ее увидит?

Клотильда замерла перед зеркалом в душевой. Оставить длинные волосы распущенными или сделать строгий пучок? Третий вариант – взлохматить волосы, чтобы торчали во все стороны, как делала в пятнадцать лет, – она домыслить не решалась. Клотильда попыталась сосредоточиться и вспомнить, как выглядит овчарня. Большой, залитый солнцем пыльный двор, море за каждым глинобитным домом, прилепившимся к скале... Следующие строчки письма вытесняли обрывки воспоминаний.

...и, надеюсь, узнаю.

Буду счастлива, если приведешь с собой дочь.

Клотильда попросила Валу сделать над собой усилие – надеть длинную юбку и закрытую майку, заколоть волосы, обойтись без жвачки и темных очков «Рей-Бан». Девочка согласилась – с недовольным видом, но даже не пытаясь выяснить, с чего вдруг она должна так наряжаться ради визита к прадедушке почти девяноста лет от роду и прабабушке, которой исполнилось восемьдесят шесть.

В туалете было пусто, только Орсю медленно мыл пол и кабины, перенося тяжелое ведро здоровой рукой. Он делал это каждые три часа, в том же ритме, что и другую свою работу: поливал, сгребал мусор, корчевал, полол, включал подсветку... Рабство чистой воды!

Клотильда улыбнулась великану, но он не ответил, она пожала плечами и принялась подводить глаза черным, решив придать им

восточную глубину. А может, вспомнила любимую готскую моду? Дверь за ее спиной открылась, впуская двух подростков.

Грязные кеды, в руках наушники, на коленях и локтях флуоресцирующие защитные щитки. Они направились прямо в кабинки, очень быстро вышли и с отвращением посмотрели на собственные грязные следы на мокром кафеле. Тот, что повыше, замер, как перед смертоносными зыбучими песками, и повернулся к Орсю:

– Чертов свинарник!

Второй осторожно, чтобы не поскользнуться, обогнул грязное место, шагнул в другой угол и начал там топтаться.

– Ты нам осточертел, Хагрид! Неужели нельзя мыть сортир рано утром или поздно вечером, когда никому сюда не надо?

Первый, лет тринадцати, не больше, – из-под велосипедных шортов выглядывают фирменные трусы – решил перешеголять приятеля:

– Вот именно, Хагрид, так делают везде – в школе, в офисе моего отца, даже в уличных туалетах. Мусор вывозят и дерьмо убирают, когда люди еще спят в своих постелях или уже разошлись по домам.

Коротышка – на вид максимум двенадцать лет – в длиннющей футболке *Waikiki XXL*[62] подал следующую реплику:

– Это работа, а не развлечение, Хагрид. Обслуживание пользователей, уважение к клиентам, понимание сути туристического бизнеса. Унитазы должны блестеть, дерьмо – исчезать как по волшебству, а тебе лучше оставаться невидимкой.

Орсю бросал на малолетних мучителей затравленные взгляды, ненависти в его глазах не было – только страх. Его пугали их слова, то, что они могли сделать. Возможно, даже их разочарование.

Клотильда колебалась. Будь она помоложе, уже кинулась бы в бой, а сейчас дала себе три секунды и только после этого резко повернулась к подростку постарше. Три секунды... Не так уж ты и постарела, дорогая...

– Как твоя фамилия?

– Зачем это?

– Назови свое имя!

– Седрик.

– Седрик... А дальше?

– Седрик Фурнье.

Она кивнула второму парню:

– Твоя очередь.

– Максим. Максим Шантрель.

– Ладно, я с этим разберусь.

– С чем, мадам?

– Решу, буду ли подавать жалобу.

Мальчишки переглянулись. Они не понимали. Жалобу на этого типа – за то, что плохо убирается? Вряд ли. До такого они доводить не хотели...

– Да-да, жалобу – за оскорбление работника при исполнении, замечания дискриминационного характера (она демонстративно бросила взгляд на негнущуюся руку Орсю), злоупотребление властью в отношении третьего лица.

– Вы издеваетесь, мадам?

– Мэтр – не мадам. Мэтр Барон. Адвокат по семейному праву, «IENA и Компаньоны» в Верноне.

Они снова переглянулись, совершенно подавленные.

– Пошли вон!

Ребята испарились.

Орсю не ответил на ее улыбку. Ну и ладно. Клотильда повернулась к зеркалу, гордясь в душе взбучкой, которую устроила маленьким негодьям, уголком правого, уже подведенного глаза она косилась на бородатого великана. Он еще мгновение постоял неподвижно, потом кинул тряпку в ведро и достал чистую.

Внезапно у Клотильды так сильно закружилась голова, что она выронила кисточку и обеими руками ухватилась за раковину.

Черная струйка туши потекла по белоснежной эмали.

Она пыталась успокоиться и точно восстановить в памяти безобидный жест Орсю. Бросить грязную тряпку в ведро и вытащить из него другую, чистую.

Невозможно, невозможно, невозможно.

Полоска черной туши медленно подбиралась к сливному отверстию – совсем как змея, ползущая в свое убежище.

Безобидный жест.

Орсю, повернувшись к ней спиной, убирал щеткой следы, оставленные юными придурками.

Ирреальный жест... потусторонний.

Она теряет рассудок.

– Потрясающе выглядишь, Валентина...

Червоне Спинелло стоял в дверях административного корпуса, приветствуя входящих и выходящих, как опытный лицейский надзиратель, вззирающий на покидающих здание учеников. Его жена Аника на превосходном английском беседовала со скандинавскими туристами, взгромоздившими на стойку огромный тяжеленный рюкзак. Высокая, элегантная, утонченная, внимательная и деловая, она была сердцем и легкими кемпинга «Эпрокт», его душой и святой покровительницей. Червоне отводилась роль кюре.

Валентина обернулась, поблагодарила за комплимент и, указав пальчиком на собранные в хвостик волосы, потом на длинную юбку, сообщила заговорщицким тоном:

– Я при исполнении. Через два часа мы ужинаем у предков.

– У Кассаню и Лизабетты? В овчарне Арканю?

Валентина многозначительно улыбнулась, заправила непокорную прядь под розовый шелк повязки и перевела взгляд на щит с планом будущего комплекса «Скала и Море».

– Между прочим, мама считает, что при бабушке лучше вашу стройку не поминать.

Аника повела шведок смотреть свободные места. Червоне убрал телефон в карман, приобнял Валентину за плечико, развернул ее лицом к большой карте Корсики и ткнул пальцем в центр Средиземного моря:

– Можешь назвать третий по величине аэропорт Испании после мадридского и барселонского?

Девочка покачала головой, не понимая, куда клонит директор.

– Пальма! Пальма-де-Майорка. Столица Балеарских островов. Площадь Балеар – пять тысяч квадратных километров, население – один миллион и... десять миллионов туристов в год! Вдвое меньше Корсики – и в четыре раза больше приезжающих... А ведь на островах нет и четвертой части достопримечательностей нашей Корсики, так, два пляжа, три грота да гора – не выше полутора тысяч метров. (Палец продолжил движение по синеве карты.) А теперь ответь, почему один средиземноморский остров привлекает туристов, создает рабочие места и богатеет, а другой ничего подобного не делает и, соответственно, не имеет?

– Я... я не знаю.

– Поймешь сегодня вечером. Даже вопросы задавать не понадобится, просто слушай деда.

– Прадеда.

– Ну да, конечно... Тебе известно, что Кассаню был одним из лучших друзей моего отца? – Он указал рукой на горизонт: – Посмотри туда.

Валентина обвела взглядом полуостров Ревеллата, похожий на огромный голый палец.

– Что видишь?

– Ничего.

– Вот именно – ни-че-го! – воскликнул Червоне. – Корсика – это рай, один из красивейших островов планеты, дар небес, и что же они с ним сделали? Ничего! Разве что конфисковали в свою пользу, как старики, прячущие деньги под матрасом. Из-за них мы потеряли полвека. Назовешь самое крупное корсиканское предприятие?

– Ну... Нет.

– Супермаркет! Молодежь бежит с острова, но у части населения все равно нет работы. По вине так называемых защитников Корсики. Добровольным изгнанникам приходится искать счастье в Марселе или Парижском регионе. Они становятся экономическими беженцами, живут весь год в унынии, приезжают на месяц в отпуск, общаются с родственниками и улетают, заливаясь горячими слезами. И это помощь Корсике? Так они любят родину, наши корсиканцы?

Взбудораженный директор кемпинга схватил Валентину за руку и перевел взгляд на плакат, приклеенный к стене в холле.

– Комплекс «Скала и Море». Старый проект из пожелтевшей от времени папки. Я годы положил на то, чтобы купить этот участок. Когда строительство закончится, появится тридцать постоянных рабочих мест. Летом их будет втрое больше. Одно я придержу для тебя, и это не пустое обещание. Ты тоже изгнанница, значит, заслужила. Кроме того, ты – наследница. – Червоне коснулся щеки Валентины, наклонился и прошептал ей на ухо: – И на этот раз твой предок слова не скажет поперек.

Девочка попыталась высвободиться, но он удержал ее.

– Все здесь боятся Кассаню. Даже сегодня. Он здесь хозяин.

Червоне наконец отпустил Валентину, подул на ладони, пошевелил пальцами, как будто стряхивал волшебный порошок, и заключил:

– Да, все – кроме меня. Скажу по секрету, я околдовал Кассаню Идрисси и он теперь исполняет все мои желания.

Тушь наконец стекла в слив, оставив за собой серый улиточный след. Клотильда пыталась взять себя в руки, наблюдая в зеркале за Орсю. Он закончил убирать дальнюю кабинку и начал ритуал заново.

Бросить грязную тряпку в мыльную воду, достать чистую, отжать одной рукой, держа между коленями, намотать на швабру.

Клотильда закрыла глаза.

Картинка никуда не делась. Ведро, швабра, мокрый пол.

Так выглядела кухня в доме Турни в Нормандии, где прошли первые пятнадцать лет ее жизни.

Но там со шваброй управлялась мама.

Пальма научила их своей технике – сына Николя, мужа, у которого было не много обязанностей по дому, и дочь Клотильду. Ее. Так в других семьях из поколения в поколение передают секреты ремесла.

Делать уборку двумя тряпками, все время оставляя одну отмокать, менять их местами – для экономии времени, вот и весь ритуал.

И Орсю знал его и практиковал.

Клотильда открыла глаза и попыталась успокоить нервы, рассуждая логически.

Орсю использует их «семейный» прием, как сотни тысяч других мужчин и женщин. Нельзя терять голову, становясь жертвой нелепых обстоятельств. Она должна контролировать себя, не поддаваться эмоциям – короче, обратиться к своему адвокатскому опыту. Именно выдержка помогает ей добиваться успеха, защищая интересы женщин, которые остались одни с детьми после развода. Клотильде чаще всего удавалось договориться о разделе имущества и совместной опеке на хороших условиях, даже если бывшим мужьям ужас как не хотелось продавать дом, построенный собственными руками.

Она должна собраться.

Справиться с волнением на ужине в Арканю, задать бабке с дедом правильные вопросы.

Держать себя в руках на встрече с Чезаре Гарсией. Несколько часов назад Клотильда позвонила отставному жандарму, но он не захотел объясняться по телефону: «Все завтра, Кло, приезжай в любое время ко мне в Каленцану. Я всегда дома».

Орсю уходил, прихрамывая, в здоровой руке ведро и швабра. А она все никак не могла совладать с нервами. И дело было не только в диком совпадении двух методик (любая из ее подруг умерла бы со смеху!), маминой и Орсю, но и в тех гадостях, что подростки наговорили несчастному великану. Клотильду бесило, что они зовут инвалида Хагридом, что Червоне внаглую эксплуатирует его – здесь, на этом острове, среди людей, которых она идеализировала.

Клотильда посмотрела на часы.

Через час нужно быть в Арканю.

Кто-то ждет ее там. Ждет и надеется узнать.

Она скорчила капризную гримаску и мысленно повторила текст записки. Как молитву. Как шпионскую инструкцию, которую следует выучить наизусть, потому что хранить ее смертельно опасно.

Больше мне ничего не нужно. Совсем ничего.

Разве что поднять глаза к небу и любоваться на Бетельгейзе. Знала бы ты, моя Кло, сколько ночей я глядела на эту звезду и думала о тебе!

Свет погас, и помещение погрузилось в полумрак.

Вся моя жизнь – темная комната.

В дверях появился Франк:

– Поехали, Кло?

Целую тебя.

П.

13

Понедельник, 14 августа 1989,

восьмой день каникул,

небо цвета голубой розы

Привет, привет!

На днях я оставила вас с моими знакомыми подростками, танцующими ламбаду.

Вы не сердитесь?

Я говорю «мои», потому что причисляю себя к племени, хотя формально в него пока не вхожу...

М, Н, Э, К, Г, Мария-Кьяра и Никола, Червоне, остальные... Великие любовные истории. Уверяю, вы ничего не пропустили, все только начинается, сделаны лишь первые робкие шаги. Буду держать вас в курсе.

А может, моя подборка флиртов кажется вам несерьезной? Неужели вы считаете их интрижками, о которых действующие лица забудут, как только повзрослеют?

Если так, я расскажу вам запутанную историю любви, несчастной, трудной – все, как вы любите.

Взрослую историю.

О мужчине и женщине.

С самого начала каникул все между ними было хорошо. Не подумайте, что обычно они то и дело ссорятся, но особого лада тоже нет. Папа поздно возвращается, мама его ждет, они говорят о домашних делах – съездить за покупками, выбросить мусор, то да се, – иногда куда-нибудь ходят, ну и любовью занимаются. Как только мы отправились в путь, родители повеселели, стали нежничать: поцелуйчики в шею, «ты очень хороша, дорогая», кокетливый смешок... На мой взгляд, папа прилагает больше усилий, чтобы подзарядить батареи супружеского либидо. Но тут... Трах! Бах!

Катастрофа...

Сейчас все объясню. Папа с мамой встретились на Корсике тысячу лет назад, мама тогда с подругами путешествовала по острову на мотоциклах, а папа жил с родителями в овчарне Арканю. Детали романа неизвестны, но познакомились они 23 августа 1968 года, в День святой Розы, на Ревеллате.

23 августа, в годовщину встречи, папа обязательно преподносит маме букет роз: красные символизируют страстную любовь, белые – чистую любовь, оранжевые – желание... По семейному преданию, самым красивым был букет шиповника, который он срезал для любимой в первое лето. Мама очень любит эти дикие, вольные цветы. *Rosa canina*[63].

Сколько себя помню, 23 августа мои родители устраивают себе передых и проводят вечер в *Casa di Stella*, лучшем табльдоте[64] между

Кальви и Порто, – романтическая терраса под оливами, еда, приготовленная на открытом огне, тушеная говядина по-корсикански, жареный групер[65], игристый мускат «Казанова». В ресторан можно попасть прямо из Арканю, поднявшись по крутой тропинке. На ночь отец заказывает «номер для новобрачных» с огромной деревянной кроватью в деревенском стиле, мраморной раковиной, старинной ванной на ножках посреди комнаты и огромным окном с видом на Большую Медведицу. Так я себе это представляю. У меня есть заветная мечта: хочу, чтобы в один прекрасный день возлюбленный пригласил меня в *Casa di Stella*, Дом Звезд... Умоляю, скажите, так и будет, ведь правда?

Скобки закрываются?

Брачные утехи моих родителей на балконе Млечного Пути остались в прошлом.

В этом году все пошло не так.

Началось с афиш, расклеенных в кемпинге и окрестностях. Концерт корсиканской полифонии. 23 августа. Начало в 21:00. Исполняет группа «А Филетта»[66] – кажется, суперзнаменитая. Она гастролирует по всему миру, а теперь вот решила выступить в церкви Санта-Лючии, в заброшенной деревне Придзуна, что в Галэрии.

Папа решил провести «артподготовку» – по правде говоря, довольно неуклюжую.

Первое: я «натыкаюсь» на афишу.

Второе: рассказываю (с восторгом), что это лучшая группа планеты Земля, и заставляю всех день и ночь слушать кассеты с записями.

Третье: аккуратно, впроброс, намекаю Пальме Маме, что годовщину встречи можно перенести на день накануне Святой Розы.

Результат вышел просто ужасный.

Мама не сказала «нет». Ответила: «Как хочешь...»

Жуткие слова! Теперь она ведет себя и выглядит как Роза Маленького принца. Прямая, гордая, оскорбленная. Ощетинившаяся всеми шипами.

Моя мать – самый горделивый цветок в мире.

Сегодня пошел восьмой день каникул, и мы пребываем в подвешенном состоянии.

Лично я вижу два возможных выхода.

Первый – вполне вероятный. Пальма Мама делает все, чтобы папа почувствовал себя виноватым и отказался от идеи пойти на концерт. Никогда в этом не признаюсь, даже под пыткой, но я поддерживаю маму! Женская солидарность обязывает!

Выход номер два: папа не сдастся, начинается холодная война, длится до посадки на паром, а возможно, продолжается и в Париже.

Есть третий выход, хуже двух предыдущих. Родители втянут в свою ссору нас с Николя. Папа всерьез оскорбится и не захочет уступить, заявит, что мы не уважаем свои корни, не хотим впитать островную культуру, познав ее через песни «А Филетты»...

Его одержимость может показаться вам комичной, и вы решите, что все это выеденного яйца не стоит, но...

Не смейтесь, мой читатель из будущего.

Идрисси очень упрямы.

Вечером 23 августа на карту будет поставлена судьба нашей семьи. Из-за глупого пустяка!

* * *

Из-за глупого пустяка, повторил он.

Четыре смерти.

Трое мужчин и женщина.

По глупости.

14

14 августа 2016

19:00

Франк вел машину на небольшой скорости. Он не боялся заблудиться – к овчарне Арканю вела одна дорога, но после каждого поворота пропасть, подступавшая к асфальту, становилась все глубже.

Клотильда сидела рядом, прислонившись виском к стеклу, и не видела ни асфальта, ни парапета – только пустоту. Машина казалась ей кабиной, плывущей по небу и привязанной невидимым канатом к

вершинам гор, а дверца – окном в небытие. Канат мог порваться в любой момент.

Овчарня Арканю находилась чуть выше. Туда можно было добраться напрямик, по тропинке длиной в пятьсот метров, дорога же растянулась на три километра.

– Все время прямо, – тихо произнесла Клотильда. – Ты не пропустишь, других домов здесь нет.

Франк проехал мимо единственного указателя *Casa di Stella, 800 метров*. Деревянный щит стоял в центре небольшой земляной стоянки, откуда ответвлялись прогулочные тропы. Валентина опустила стекло, и машину заполнил аромат сосен, смешанный с переменчивыми запахами маккии. Тмин, розмарин, дикая мята...

Образы сами собой возникали в мозгу Клотильды, за каждым поворотом открывался новый, но такой знакомый пейзаж: огромная корсиканская сосна, на два метра выше других деревьев, над каменистым руслом реки развалины старинной мельницы, где когда-то мололи каштаны[67], одинокий ослик, щиплющий траву на бесхозном лугу. За тридцать лет ничего не изменилось, как будто люди намеренно старались сохранить родные места нетронутыми. А может, просто навсегда покинули этот уголок острова.

Остались только Идрисси.

Тремя поворотами выше они встретили первое человеческое существо. Старая женщина шла по обочине, со стороны горы. Сгорбленная, вся в черном, она будто носила траур по деревне, которая канула в бездну, оставив ее доживать свой век в одиночестве. Франк снизил скорость и не без опаски съехал еще ближе к пропасти. Старуха бросила на них недобрый взгляд, удивляясь, откуда взялась незнакомая машина. Клотильда оглянулась и увидела, что она гневно потрясает им вслед рукой и бормочет какие-то ругательства. Ей стало ясно, что ведьма вовсе не приняла их за туристов, заблудившихся на «ее» земле, потому что знала их – вернее, узнала, вот и произнесла зловредные заклинания.

И адресовала их ей, Клотильде.

Машина повернула, и корсиканка исчезла из виду.

Через несколько сотен метров они миновали пологое место, выехали на ведущую влево гравийную аллею и оказались на

просторном дворе овчарни. Старый альбом воспоминаний послал Клотильде новые образы. Ферма в Арканю, все называли ее просто овчарней, это лишь три строения из сухого серого камня – жилой дом, рига и большой загон для животных, – которые образовывали на склонах Балани букву «U». Все окна выходили на северную сторону, открывая людям, козам и овцам панорамный вид на мыс Ревеллата и Средиземное море. В центре фермы – глинобитный двор, окаймленный живой изгородью из кустов шиповника и украшенный клумбой с дикими орхидеями, любимыми цветами хозяйки. Казалось, что только они и могли расцвести в тени зеленого трехсотлетнего дуба, патриарха владений Идрисси.

Клотильда перевела взгляд на ригу. Скамейка – треснувший посередине ствол, на котором она слушала музыку вечером 23 августа 1989-го, – на прежнем месте. *Mano Negra* надрывался в наушниках, на коленях у нее лежал раскрытый дневник, потом подошел Николя.

Кло, мы тебя ждем. Папа не...

Странно, но из всех пузырей с воспоминаниями последним лопнул тот, где хранилась тетрадка, забытая на скамье. Кто ее подобрал? Кто открыл? Она практически не помнила слов и фраз, которые тогда писала, не забылся только замысел – злой, циничный, часто жестокий. Так было до встречи с Наталем. Тот, кто нашел дневник, наверняка счел ее настоящей дрянью! Ох, как славно было бы перечитать его сегодня. Летом 89-го Клотильда больше всего боялась, как бы на него не наткнулись отец или мать. Слава богу, этого позора удалось избежать... Кто угодно мог вторгнуться в личное пространство Клотильды после аварии или возвращения на континент. Кто угодно – кроме родителей!

Кассаню и Лизабетта ждали на пороге дома. Клотильда не видела дедушку с бабушкой двадцать семь лет, но ей не показалось, что они так уж сильно постарели. Она регулярно писала им поздравительные открытки, сообщила о рождении правнучки, посылала фотографии. Этим общение и ограничивалось. Родители отца давным-давно отказались приезжать на континент, а Клотильде понадобились долгие годы, чтобы собраться с силами и вернуться на место трагедии.

Кассаню пожал руку Франку, похлопал по плечу Клотильду, потом Валу. Лизабетта расцеловала гостей, обняла, прижала к груди,

пригласила войти и чувствовать себя как дома. Она не умолкала ни на секунду, а вот Кассаню очень быстро утомился.

Они прошли по анфиладе комнат со стенами из сухого камня. Жилые помещения соединялись между собой огромными балками, в которых было нечто первозданное. Кассаню ждал, сидя за столом, накрытым во дворе, под перголой[68].

Картинки прошлого колыхались в тумане памяти Клотильды. Шкафы под деревянной лестницей, где они с Николя каждое лето играли в прятки. Огромный очаг – она ни разу не видела его горящим, но считала, что в нем можно зажарить целую акулу. Вид на море из окон всех этажей. Мама кричит, чтобы она не перегибалась через подоконник. Чердак, высокий, как собор, где они с кузенами и соседскими мальчишками устраивали то замок с привидениями, то будуар.

Фотографии в рамках развесили по стенам не двадцать семь лет назад. Клотильда узнала Кассаню, Лизабетту, отца – иногда портрет, иногда на фоне гор или моря. Были здесь и их с Николя снимки: она – в крестильном платье, он – в парадной одежде для первого причастия. На другой фотографии они шли по гонуэзскому мосту над бурной рекой. Клотильда не пыталась вспомнить, когда, где и кто их снимал, – важен не факт, а захлестнувшее душу чувство.

Маминой карточки не было.

Ни одной.

Зато на многих снимках позади Лизабетты и Кассаню стояла колдунья со скрюченными пальцами – та самая, которую они встретили на дороге. Во втором, нижнем ряду Клотильда узнала фотографии, которые сама посылала на Корсику. Вот они с Франком на мосту Риальто в Венеции, Валентина на трехколесном велосипеде, вся семья в вязаных колпаках позирует на фоне заснеженной Мон-Сен-Мишель[69]. Клотильда как загипнотизированная брела вдоль стены, где пересекались поколения.

Лизабетта вдруг всполошилась: «Боже, как поздно!» – и начала подгонять их: «За стол, за стол!» Они вышли во двор и увидели дедулю Кассаню. Он дремал, но, стоило всем рассестись, уверенно повел беседу, позволив жене сновать между кухней и террасой. Кто-то ведь должен нарезать хлеб, открыть корсиканское вино, принести блюдо с колбасами и разлить свежую воду.

Клотильде казалось, что застолье никогда не закончится. Общие темы для разговора быстро истощились, и она все время отвлекалась – следила за солнцем, скользившим по небу к воде. Оно напоминало огромные часы, стоявшие на краю длинного обеденного стола.

...задержись на несколько минут под зеленым дубом. – до наступления темноты.

Я увижу тебя и, надеюсь, узнаю.

До наступления темноты...

Пламенеющее небо было бледнее румянца на щеках Клотильды, когда она решила наконец выйти из-за стола. Лизабетта подавала десерт.

– Извините, я на минутку, – прошептала Клотильда, беря за руку дочь. – Ни о чем не спрашивай, Валу, просто пойдем со мной. Ненадолго.

Франк и Кассаню остались одни.

Лизабетта с невероятной скоростью убрала тарелки и приборы, оставив мужчин перед двумя стопками и бутылкой водки, настоящей на цедрате, а сама незаметно исчезла – как испарилась. Кассаню посмотрел на часы и улыбнулся:

– Она вернется через двадцать минут. Моя жена – великолепная хозяйка, сами видели, но готова нарушить все традиции корсиканского гостеприимства, лишь бы не пропустить очередную серию «Жизнь прекрасна»[70]...

Сцена показалась Франку ирреальной. На высоте пятисот метров, за три километра от любого другого человеческого жилья, в самом сердце Корсики...

Жизнь еще невероятней.

У Кассаню был на редкость живой ум, да и на физическую форму он не мог пожаловаться. Франк подумал, что хотел бы остаться таким же в старости. Прямым, решительным, при необходимости – нестигаемым, с крепкими руками, чтобы строить семью, квадратным лицом, ясно выражающим убеждения человека, и упрямой башкой.

Франк глотнул водки и бросил взгляд на Клотильду и Валу. Они стояли метрах в пятидесяти от террасы, под зеленым дубом.

– Понятия не имею, что она там делает, – смущенным, почти извиняющимся тоном признался он.

Старика это как будто позабавило.

– Растворяется, возвращается в детство. Даже дальше – к корням. С последнего раза Клотильда очень изменилась.

Франк представил себе сюрреалистические фотографии жены в юности. Ежик волос и полный арсенал гробовщика. Когда-то готической бунтарке было явно непросто «раствориться» в местном пейзаже.

– Полагаю, что так.

Кассаню поднял стопку, предлагая выпить, как будто приобщал парижанина к клану Идрисси.

– Чем вы занимаетесь, Франк?

– Работаю в Эвре. Это городок в часе езды от Парижа. Координирую обслуживание зеленых пространств.

– Начинали садовником?

– Да... Поднимался постепенно. Цеплялся, как глициния, плющ или омела... Некоторые коллеги наверняка именно так обо мне и думают.

Кассаню задумчиво посмотрел на Клотильду и Валу – возможно, вспомнил сына, который тоже учился на агронома, а потом стал торговать газонным покрытием.

– Знаете, почему пятьдесят лет назад я назвал этот кемпинг – первый в северо-западной части острова – «Эпрокт»? – спросил старый корсиканец.

– Даже не догадываюсь.

– Вам будет интересно. *Эпрокт* – это маленькая саламандра, живет у воды, под камнями. Она любит покой и тишину, в светлое время суток всегда спит. Сегодня ящерка занесена в Красную книгу. Ее присутствие свидетельствует о качестве воды и о том, что на острове царят покой и равновесие, что здесь нет чужаков. На территории между Арканю и кемпингом, до самой бухты Ревеллата, раньше жили сотни саламандр.

– А сейчас?

– Сейчас они бегут... как все.

Франк немного поколебался, сделал большой глоток водки и решил испытать старика на прочность.

– Ну, не все. Мне показалось, что на острове полным ходом идет строительство кемпинга, комплекса «Скала и Море».

Кассаню в ответ только улыбнулся.

– За семьдесят лет, Франк, цена земли на этом каменистом острове выросла в восемь раз. Когда новость о строительстве распространилась, она еще удвоилась. Почти три тысячи евро за метр квадратный. Да, Франк, все бегут. И это не прекратится, пока корсиканцы не добьются введения статуса «резидент Корсики»[71]. Чужак заплатит целое состояние за апартаменты в приморском отеле и будет проводить здесь два месяца, а тридцать молодых корсиканцев не найдут жилья, потому что оно слишком дорого! Их вряд ли утешит предложение десять раз за год понырять в бассейне комплекса.

Он слегка повысил голос. Франк не мог согласиться с доводами патриарха. Землей спекулируют не только на Корсике. Он и сам мечтал о красивых домах, дорогих машинах, яхтах и реактивных самолетах, хотя знал, что они ему не по карману.

Ссориться с дедом жены не следовало: по слухам, он был самым могущественным гражданином острова.

Франк окликнул Клотильду:

– Ты идешь?

– Да, сейчас.

Огненный шар на горизонте нырнул в Средиземное море.

Валу издавала стон.

– Что теперь, мама?

– Побудем еще немного у дедушки с бабушкой.

– Сколько?

– Пока не стемнеет.

Клотильда подчеркнуто проигнорировала недовольную гримаску дочери и обвела взглядом окрестности. С холмика, на котором рос дуб, открывался потрясающий вид.

Задержись на несколько минут под зеленым дубом. – до наступления темноты.

Я увижу тебя и, надеюсь, узнаю.

Наблюдает ли за ней автор записки? За ней и Валу?

Кто он?

Где он?

Ее можно было увидеть из миллиона разных мест, с любой точки в горах, тянувшихся амфитеатром с востока на юг. Наблюдатель с биноклем, засев в зарослях маккии, сумел бы разглядеть мельчайшие детали. Не исключено, что он гораздо ближе, за окном овчарни, в стоящей справа риге или в сарае, что слева, в одной из пастушеских хижин, рассыпавшихся по лугам Балани.

Наблюдателем может быть кто угодно.

Она его вычислит.

– Пошли, мама?

Солнце скрылось. Автор записки не появится, но продолжит следить – если у него есть инфракрасный бинокль.

Черт-черт-черт! Она сходит с ума. Кассаню и Лизабетта, должно быть, недоумевают: с чего это их внучка застряла под дубом? А Франк не простит ей, что она бросила его в пасть старому льву.

– Можешь идти, Валу.

В горах и бухте Кальви начали зажигаться огни. Клотильда почувствовала себя муравьем на огромном поле, которого насмерть перепугали светлячки. У ворот овчарни появилась тень, остановилась, посмотрела в ее сторону и исчезла за ригой. Клотильда узнала ведьму, обругавшую их на дороге.

В небе над скалами заблестели первые звезды, похожие на окошки хижин, воспаривших над землей и поднявшихся в небо.

Больше мне ничего не нужно. Совсем ничего.

Разве что поднять глаза к небу и любоваться Бетельгейзе.

Знала бы ты, детка, сколько ночей я глядела на эту звезду и думала о тебе!

Клотильда понятия не имела, которая из этих звезд – Бетельгейзе.

Неужели кто-то где-то действительно наблюдает за небесным телом одновременно с ней? Вместе с ней. Как Экзюпери, который искал глазами астероид своего Маленького Принца.

Ее мать?

Бессмыслица.

«Отомри! – приказала себе Клотильда. – Подойди к Франку, извинись, поговори с дедом и Лизабеттой, уезжай и забудь!»

Собака забежала во двор в тот самый момент, когда Клотильда уже решила спуститься вниз с холма. В сумерках она не разглядела масть пса, но он напоминал крупного лабрадора. Клотильда любила собак, да и всех других животных тоже. Любила и совсем не боялась. В другой жизни она хотела бы работать ветеринаром. С какой стати человеку пугаться бегущего к нему пса? Кассаню позовет мохнатого великана, и он не успеет ткнуться ей в колени и облизывать юбку. Воля деда распространяется на всех корсиканцев на тридцать километров вокруг, и не четырехлапой животине ее нарушать.

Кассаню Идрисси не произнес ни единого слова и не шевельнулся.

В тот момент, когда лабрадор оказался совсем рядом с протянутой рукой Клотильды, в воротах появилась массивная тень и, отдавая ясный приказ, подняла руку.

Орсю!

В следующую секунду она услышала его голос:

– Стоп, Паша́. Ко мне.

Пес замер на месте, не успев коснуться носом пальцев женщины. Он выглядел совершенно мирным, а его насмешливый взгляд мог запросто даже козу довести до иступления. Клотильда прислонилась к стволу дуба и очень медленно сползла вниз, на траву.

Удивленный Паша́ не мог решить, стоит ли вылизать руку или щеку странной женщины, и Орсю повторил:

– Ко мне, Паша́.

Паша́.

Так звали не лабрадора, а ее маленькую дворняжку – подарок матери на первое Рождество.

Паша́.

ЕЕ собаку.

До семи лет Клотильда носила песика на руках, возила в коляске, закармливала шоколадом и сахаром. Паша́ был с ней повсюду, как живая плюшевая игрушка, он спал в ее постели днем и ночью, лежал рядом, свернувшись клубочком на сиденье «фуэго». И вдруг исчез. Сбежал, перепрыгнув через забор или найдя дыру. Когда Клотильда и

Пальма вернулись из школы, его не было. Мохнатый дружок не вернулся, девочка никогда больше его не видела, но не забыла.

Орсю свистнул, и на сей раз пес послушался.

Совпадение... Клотильда пыталась урезонить перепуганный мозг – получалось плохо. Еще одно совпадение? Тысячи французских собак носят кличку Паша́...

Лабрадору Орсю на вид лет десять, не больше. Значит, он родился лет через двадцать после аварии. Так зачем называть его именем нормандской дворняги, сбежавшей в 1981 году? Лапы того песика никогда не ступали на землю Корсики, его каждое лето оставляли на попечение родителей Пальмы. Кассаню, Лизабетта и Орсю, скорее всего, понятия не имели о существовании Паш́и I.

Клотильда увидела, что Франк встал, а Валу села на скамью и надела наушники.

– Едем, Кло?

Что мать, что дочь, одного поля ягода, должно быть, подумали старики. Бабушка Клотильды вышла за ограду и по-матерински обняла Орсю.

– Едем...

Нелегко сказать «нет». Невозможно задержаться. Стоя в одиночестве под дубом, Клотильда продемонстрировала свою «неродственность».

Вся моя жизнь – темная комната.

В «Битлджусе» юная Лидия Дитц умеет говорить с призраками. Что, если у Клотильды был такой же дар?

Раньше. В пятнадцать лет.

Она его утратила, и сегодня вечером ни одно привидение не вступило с ней в контакт.

Разве что призрак ее пса.

Дворняжки, чья душа переселилась в лабратора.

*восьмой день каникул,
небо голубое, как цветущий лен*

Признаю, что редко пишу вам два раза на дню. Как правило, я беру ручку, когда все еще спят, или вечером, укрывшись в моем Тюленьем Гроте, и пишу при свете фонарика – вам, мой читатель со звезд.

Сегодня утром, как вы, конечно же, помните, я открыла дневник, чтобы просветить вас насчет важного дела, рассказать, как папа пытается сторговаться с мамой насчет концерта вместо романтического ужина в *Casa di Stella*. Мама упорно молчит. Рта не раскрывает. Мы с Нико пытаемся оценить побочные потери.

Бум! Первые бомбы сброшены на остров Красоты.

Мне продолжать?

Вот и отлично! Во второй половине дня все святое семейство Идрисси оказалось в Кальви на улице Клемансо, главной торговой улице, чтобы... Как бы это назвать? Сыграть партию в покер? Думаю, супружеская жизнь сильно смахивает на эту карточную игру.

Партия игры во вранье.

Вообразите узкую, идущую вверх улицу, где народу больше, чем в пасхальные дни на дороге к аббатству Мон-Сен-Мишель.

Перед вами Кальви в разгар дня.

Мама сегодня молчаливей обычного. Она идет медленно, разглядывает витрины, останавливается, прибавляет шаг и все время оказывается чуть впереди или позади нас. Папа и Николя жарятся на солнцепеке у подножия лестницы, ведущей к цитадели. Они фотографируют порт, любуются яхтами и итальянками. Маму как магнитом тянет к обувному магазинчику. Потом она застревает у бутика корсиканской фирмы «Беноа», классной и супероригинальной. Всего лишь кусочки тканей на пластиковых манекенах стоят чертову прорву денег, но с мамиными шмотками сравниться не могут.

Я – наблюдатель. Шагаю по тротуару, гоняю по кругу в наушниках песни *The Cure*[72] – «Парни не плачут», «Шарлотта порой» и «Влюбленные коты» – и в ус не дую. Моя цель там, наверху.

Мы целый час поднимались к укреплениям, а мама так и не промолвила ни слова. Она открыла рот у подъемного моста при входе в Цитадель, перед стелой, утверждающей, что здесь родился Христофор Колумб (иногда корсиканцы смешат меня до коллик!)[73].

– Где твой фотоаппарат?

Браво, мамочка, у тебя зоркий глаз! Сумка, висящая на папином плече, открыта, «Кодака» на шее нет, он что-то бормочет, как дурак смотрит вниз.

– Черт...

Я обожаю своего отца, но сегодня он с самого утра то и дело попадает впросак. Мама пожимает плечами, а он несется на всех парах, глядя на туристов: вдруг кто-то нагнется и поднимет небольшой черный предмет. Мама не намерена ждать, она делает шаг под каменный свод, поворачивается ко мне и говорит:

– Ты хотела пойти к Тао, Кло, так давай, вперед!

Ничего себе предложеньице...

На этом месте, мой недоумевающий читатель, я сделаю короткое отступление и кое-что объясню. «У Тао» – ресторан-бар-клуб в верхней точке цитадели Кальви[74]. Предвижу вопрос: с какого перепугу мне хочется выпить гренадину или мятной воды именно «У Тао»?

Ответ А: все самые клевые молодые фрики, приехавшие отдохнуть на Корсику, встречаются именно там.

Ответ Б: величайший на свете певец, актер и композитор Жак Ижлен написал здесь для друзей лучшую из всех песен, «Балладу, сочиненную у Тао»[75].

Угадайте, какой из них верный.

Отправляемся к Тао!

Мы уже сидим за круглым столиком на стульях, обитых искусственной красной кожей, когда возвращается папа. Он запыхался и взмок.

– Нашел? – интересуется мама.

Она заказала пинаколаду.

– Исчез без следа...

На этом месте мама должна была бы уточнить марку фотоаппарата, назвать месяц и год, когда он был подарен папе, а также цену – в денежном и эмоциональном выражении... У мамы не мозг, а штрих-код!

В разговор встревает Нико:

– Пап, ты уверен, что не положил «Кодак» в рюкзак?

Папа отодвигает стаканы и вываливает на стол содержимое рюкзака: ключи, ручки, книга, дорожный атлас, сигареты, пластиковый пакет и... фотоаппарат. На самом дне!

Мама изумлена, но извиняться не собирается.

– Ничего удивительного, у тебя вечно бардак в сумке...

Папа не спорит, а она машинально перебирает вещи и вдруг замечает пластиковый пакет под тюбиком крема от загара и темными очками.

Пакет с логотипом «Беноа».

Пальма Идрисси осторожно открывает его и изумленно ахает: внутри лежит короткое платье с V-образным вырезом и открытой спиной, черное в красных розах. Именно им она любовалась в витрине! А еще в пакете нашлись браслет и кольцо в рубиновых тонах.

– Ты купил его для меня?

Конечно, для тебя, мамусечка! Папа здорово сыграл, притворился растяпой и сбежал в магазин за платьем.

Мама вскакивает, бежит в туалет, переодевается и выходит. Красота! Тонкие черные бретельки почти не выделяются на ее медно-загорелых плечах, невесомая ткань красиво подчеркивает грудь и бедра. Кажется, это креп-жоржет (название смешное, но сексапильную женщину очень даже украшает!). На маму оборачиваются даже официанты, хотя уж они-то повидали немало секс-бомб в мини-мини-мини-платьях. Я беззвучно напеваю себе под нос мантру Тао, ставшую гимном благодаря волшебной мелодии Ижлена:

*Живите счастливо сегодня,
Завтра может стать слишком поздно.*

Сядься, мама шепчет: «Спасибо!» Не целует папу в щеку. Не говорит: «Какой ты милый...» Не улыбается: «Я купилась!»

Черт возьми, Пальма Мама!

Она производит впечатление.

Потрясающее самообладание...

Случись такое со мной, я бы сразу кинулась парню на шею и простила ему все гадости. А мама смотрит на афиши «А Филетты» –

семь певцов в черных рубашках с ладонью возле уха.

Идеальная выдержка! Снизойти до мужчины, позволить ему желать себя.

Дать надежду. Показать коленку, начало ложбинки между грудей, ладони должны быть горячими, а голова – холодной. Всегда. Подморозить чувства. Никогда не отдаваться полностью. Не откровенничать. Заставить партнера все время повышать ставки.

Супружеская жизнь напоминает партию в покер.

О, мой читатель из будущего, я никогда не научусь таким играм! Меня облапошит первый же красавчик. Другие девчонки уверены, что будут дергать мужиков за ниточки, как марионеток, а я точно не сумею.

Я не такая, как Пальма Мама или Мария-Кьяра, о которой придется рассказать вам кое-что новенькое... Позже.

Я люблю папу, а трюк с платьем от «Беноа» считаю потрясающим.

А мамой восхищаюсь... Вы ведь никому не скажете, правда?

Мне будет очень стыдно, если она случайно прочтет эти строчки.

Поделюсь прогнозом насчет вечера 23 августа, Дня святой Розы.

Концерт или романтический ужин в *Casa di Stella*?

Ставлю на Пальму Маму!

* * *

Он поднял глаза к небу и посмотрел на звезды.

Конечно. Конечно, все было бы иначе, одержи Пальма Идрисси победу.

16

15 августа 2016

15:00

Кальви не изменился. Такой была первая мысль Клотильды. Та же гранитная цитадель, венчающая бухту, те же деревеньки на склонах Балани, тот же поезд от пляжа до Л'Иль-Рус.

Туристов стало гораздо больше, чем во времена ее юности. Разительным был контраст между затерявшимся посреди маккии

кемпингом «Эпрокт», овчарней Арканю в сердце гор и толпой, собравшейся у моря. Люди бросали машины на раскаленных стоянках и живой лавой растекались по улочкам и набережным, садились выпить на террасах, загорали на пляжах. Миллионы пришлых никак не нарушали покой острова и не тревожили Кассаню и других влюбленных в первозданную Корсику людей. Отдыхающих хоть и становилось все больше, кучковались они в одних и тех же местах.

Клотильда не любила толпу, но сейчас скопление народа успокаивало: количество обеспечивало анонимность, немолчный гул отбивал охоту говорить.

Со вчерашнего вечера она слишком много говорила. О себе. О родных. Сначала с Франком – на обратном пути в кемпинг, и ей не понравилось, что он улыбался как победитель. «Признай, Кло, вы с Валу зря потратили время, стоя под дубом и оставив меня один на один с твоим дедом. Никто не пришел. Таинственный автор записки тебя разыграл!»

«Да, Франк, конечно, ты прав, продолжай... Летающая тарелка не села во дворе овчарни, призрак не вылетел из склепа, только мы с дочкой стояли и смотрели на безмолвные горы...»

Клотильда не решалась заговорить с мужем о новом поразительном совпадении, которому не находила никакого логического объяснения.

Паша́.

Кличка собаки Орсю.

Имя *ее* пса. Того, из детства.

Имя, которое – если ей не помешают додумать осточертевшую мысль надоевшей фразой «Это невозможно, старушка!» – дали этому щенку лет десять назад. Так назвал его человек, знавший Пашу́ I. Любивший пса и оплакавший его пропажу. Не Клотильда. Остается только...

Только *ее* мать.

И сделала она это... после своей смерти.

Невозможно, старушка!

Франк поставил машину перед опущенным шлагбаумом кемпинга и поцеловал Клотильду в щеку, на мгновение задержав ее в объятиях. «Никакой сердечности, – подумала она. – Так обнимаются после матча

теннисисты на корте. Неужели мы тоже соревнуемся? Тогда Франк всухую выиграл сет».

Клотильду раздражала снисходительность мужа. Так нарочито вежливо ведет себя «хороший» шеф с не слишком умным подчиненным. Еще меньше ей понравилась улыбка Червоне Спинелло – утром, в административном корпусе. Когда она подошла, он как раз вешал афишу, приглашающую на вечеринку «в стиле 80-х» на пляже Ошелучча.

– Угостить тебя кофе, Клотильда?

Нет уж, спасибо.

– Твоя дочка просто великолепна!

Кретин!

– Похожа на твою мать, в ней есть класс, ее...

Еще одно слово – и...

Клотильда успокоилась. Профессия адвоката постепенно научила ее владеть собой, выдерживать худшие минуты самых тяжелых процессов, когда злонамеренная неискренность клиента переходит допустимые рамки, но защищать его все равно нужно. Клотильда обратилась к Червоне, чтобы получить достоверные сведения, и он их дал с профессиональной точностью.

Насчет Орсю...

Тот был сиротой. Его мать умерла от одиночества и стыда, исчерпав запас терпения и жизненных сил. Растила его бабушка Сперанца – та самая ведьма в черном, которую они вчера встретили на дороге. В Арканю на ней были хозяйство и кухня, она доила животных и собирала каштаны. Фактически Сперанца входила в семью Идрисси, и Орсю жил при ней.

Заглянув в далекое прошлое, Клотильда припомнила, что когда они с Николя проводили день у бабушки с дедушкой, то некая «тень» подавала еду, подметала, подбирала за ними игрушки. Не забыла она и совсем маленького ребенка, который всегда неподвижно лежал в коляске под тенистым дубом, в окружении старых плюшевых и грязных, выцветших пластмассовых игрушек. Немой малыш. Худой. Станный.

Орсю?

Хилый новорожденный превратился в великана, людоеда из сказки, медведя?

Шестнадцатилетнего Орсю Базиль Червоне нанял для работы в кемпинге, когда от того отказались все, в том числе школа. Поступил он так по доброте душевной, ради дружбы с Кассаню, ну и из жалости – да, именно так, если уж быть до конца откровенным.

Из жалости.

Придурок!

Клотильда устала сдерживать ярость, ее мозг был начинен удивительно точными воспоминаниями, всплывавшими на каждом выраже, при каждой встрече, в любом разговоре и приходившими в столкновение со всем тем, что она переживала со вчерашнего дня. Казалось, за ними скрывается постыдная правда, та самая, которую она не сумела разглядеть в 1989-м.

Двадцать семь лет спустя Клотильда медленно брела по улице Клемансо. Толпа успокаивала ее. Она скользила взглядом по витрине обувного магазина фирмы «Лунатик», любовалась украшениями ювелирного бутика «Мариотти» и платьями от «Беноа». На поверхность сознания всплыло смутное воспоминание, показалось, что все это уже было, потом пелена рассеялась и она словно увидела... Вот Пальма Идрисси идет по Кальви – совсем как она сегодня... Они сидят на террасе, за столиком... Отец преподносит матери черное платье в розах и рубиновые украшения, поразившие ее воображение...

Она надела их в день аварии.

Клотильда только теперь смогла оценить жест отца: он подарил жене наряд для перехода на ту сторону, самый соблазнительный, прекрасный, незабываемый. Не это ли лучшее доказательство любви? Выбрать вместе погребальный костюм – как свадебное платье?

Валу присоединилась к матери у магазина «Беноа». Клотильда нечасто развлекала себя шопингом, а уж вдвоем с дочерью и того реже. Но время на каникулах течет особенным образом, и вот они с Валу, как две подружки, любят платье антрацитового цвета, исключив из игры мужчину. Глава семьи ждал их на паперти церкви Святой Марии, десятью метрами выше. Это разделение – папаша играет с сыном в футбол, мамаша делает покупки с дочерью – было для них нехарактерно. «Преимущество семьи с одним ребенком, – рассеянно

подумала Клотильда. – Не возникает пагубного равенства по гендерному признаку!»

Взмокшие туристы, упорно карабкавшиеся наверх, к цитадели, тщетно пытались найти любое подобие тени. С 89-го никому не пришло в голову сжалиться над любителями старины и установить лифт. Миновав подъемный мост, Клотильда решила было предложить Франку и Валентине выпить прохладительного в баре «У Тао», но сразу передумала: паломничество по следам собственной юности имеет границы, а Валу наверняка не слышала ни одной песни Ижлена. Лучше уж заплутать в лабиринтах цитадели и «потерять» Франка.

Он появился девять минут и семь эсэмэсок спустя, на террасе кафе «А Канделла», маленькой тенистой площадке с панорамным видом на порт. Когда он возник перед Соляной башней[76], неловко пряча за спиной пакет из «Беноа», она на мгновение забыла обо всех загадках и тайнах, закруживших ее в дьявольской сальсе[77]. Франк бегом спустился к бутику и на рысях вернулся назад, чтобы порадовать жену. В точности как Поль Идрисси!

Много лет назад девочка Клотильда гордилась изысканной предупредительностью отца, восхищалась тонкой игрой матери, соблазнявшей мужа, но и завидовала. Ей ужасно хотелось исполнить в один прекрасный день такую же роль! Изобразить уступчивую жертву мужчины – весельчака и балагура. Получалось неплохо, раз Франк сохранил вкус к сюрпризам.

«Умение удивить партнера – ключ к успеху в семейной жизни!» – подумала Клотильда.

По сравнению с отцом Франк выказал меньше ловкости и фантазии, да и «сюрприз» прятал неумело, но...

Ключ номер два – не привередничать.

Франк отодвинул стаканы с гренадином и поставил пакет на стол:

– Это тебе, дорогая.

«Дорогой» оказалась... Валу.

– Уверен, оно идеально тебе подойдет, красавица.

Полное затмение. Гроза над бастионами, цунами уносит в открытое море все яхты, порыв ветра срывает зонты и флаги...

Негодяй. Сволочь, мерзавец, ублюдок!

Клотильда продолжала безмолвно костерить мужа, а Валу уже вернулась из туалета в новом платье, надетом поверх купальника.

Сексуальное, обтягивающее, идеальное.

– Спасибо, папуля, обожаю тебя!

Валу звонко чмокнула отца в щеку. Клотильда стерпела. Нужно было заводить двух детей. Один ребенок в семье – жуткая глупость и ловушка для родителей. Да, именно так, по малышу на каждого.

Собственная дочь крадет у нее мужа – верх унижения.

Чертова жизнь! Всех бы поубивала!

Валу встала на фоне бухты Кальви, чтобы сделать селфи и насмерть сразить подружек. «Смотрите, что мне предок подарил!»

Сюр какой-то! Я сейчас лопну от злости, а хам Франк улыбается, пожирая глазами дочь, потом зачем-то сует руку под стол... Он что, яйца решил почесать?

Еще один пакет из «Беноа»!

Мерзавец. Очаровательный негодяй!

До Поля Идрисси Франку не дотянуться, но игра «в два хода» очень неплоха.

Ну почему она такая ранимая?

Не привередничать.

Стать томной, чувственной, раскрыться, поцеловать «своего мужчину» на глазах у всех.

Не привередничать...

Заткнуть писклявый внутренний голосок, который без устали твердит, что все происходит в точности как двадцать семь лет назад. То же место, та же история, та же семейная сцена. Платье – подарок Франка... Возможно, в нем она и умрет.

Несколько часов спустя, вернувшись в кемпинг, Клотильда отправилась в душ. На сей раз там было пусто, даже Орсю не навел порядок. Она надела подаренное мужем платье и посмотрелась в зеркало. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит: если она встретит последний час жизни в этом наряде, то покойница из нее выйдет совсем не такая сексуальная, как из Пальмы Идрисси! Слишком маленькая грудь, бедра узковаты, ноги недостаточно длинные.

Да, до матери ей далеко.

Как и Франку до ее отца.

Родители слишком рано погибли и не успели воспитать дочь равной себе.

Почему?

Почему так случилось?

Возможно, завтра она это узнает.

Отставной жандарм Чезаре Гарсия не пожелал ничего объяснять по телефону и назначил встречу на утро. «Ты ждала двадцать семь лет, Клотильда, потерпишь еще несколько часов», – сказал он и повесил трубку.

17

***Вторник, 15 августа 1989,
девятый день каникул,
небо цвета голубоватой,
выброшенной на песок медузы***

Алло, алло, на связи пляж де л'Альга!

У каждого свое полотенце.

У меня – оранжево-черное с рядами красивых белых крестиков. Должна вам сказать, что отыскать полотенце с надписью *Master of Puppets*[78] равносильно подвигу! Нико лежит на ярко-красном полотенце с желтой эмблемой «Феррари». Оно почти такое же нелепое, как у Марии-Кьяры: пламенеющий оранжевый закат за тенистой пальмой и двое обнаженных любовников, слившихся в страстном объятии. Герман бросил полотенце между Нико и Кьярой, оно черно-белое, с огромной буквой «Б» и непроизносимым именем немецкого футбольного клуба поперек. «*Боруссия-Мёнхенгладбах*». Верх гламурности! Циклоп конечно очень шустрый, но не он один мечтает лежать рядом с прекрасной итальянкой. «Игра в полотенца» на пляже сродни выбору мест за партой в классе: приходится поработать локтями, чтобы сесть рядом с тем, кто тебе понравился.

А мне плевать. Я, как обычно, держусь на отшибе, на границе тени, которую отбрасывают на песок приморские сосны. Сажу, спрятав колени под широченной футболкой. Я нахожусь на господствующей высоте и различаю все нюансы морской синевы. Когдаходишь в воду, она становится глупо прозрачной, а сейчас я различаю капли

невероятного бирюзового цвета (это колонии посидоний[79]), не выпускаю из виду и экосистему человеческих особей.

Если повернуть голову к мысу Ревеллата, можно увидеть руины комплекса «Скала и Море», три дня назад взлетевшего на воздух. Я с пристрастием допросила Аурелию – как-никак, дочь жандарма! – но ничего нового о расследовании не узнала. Терпеть не могу эту девчонку, гуляет по пляжу, задрав нос, и не раздевается – как и я. Меня коробит от мысли, что кто-нибудь сочтет, будто у нас есть нечто общее. Да я просто не выношу эту дуру, воображающую, что берег моря принадлежит ей. Вечно следит, чтобы полотенца вовремя убирали с песка, а дети закапывали вырытые ямки. Аурелия шпионит за всеми, как ловчий сокол, и обо всем докладывает отцу.

Не волнуйтесь, я на нее не похожа! Мы антиподы, согласны?

Я не сужу.

Не выношу приговор.

Просто анализирую. Учусь. Описываю в дневнике запрещенные до поры удовольствия.

Мотаю на ус, коплю теоретические данные на потом. Для взрослой жизни.

Мария-Кьяра перевернулась на оранжевом полотенце и не глядя протянула тюбик крема Герману, словно не знала, кто ее сосед, и ей было все равно. Потом молча расстегнула лифчик и вдавила пышные сиськи в махровую ткань. В точности как моя мать, лежащая чуть дальше, в компании приятельниц по кемпингу. Родители отдельно, подростки отдельно – таков непреложный закон пляжа.

Пальма Мама всегда берет с собой большую сумку с бутылкой «Контрекса» и толстой книгой (она уже неделю не может сдвинуться со страницы 12, я проверяю по закладке).

Папа ненавидит пляж. Сейчас он, должно быть, в Арканю с отцом, кузенами, друзьями-корсиканцами, а в прежние годы делал над собой усилие, шел с нами, играл с Нико в мяч, строил со мной замки из песка (я была совсем маленькой), мог подремать часок, держа маму за руку.

Этим летом все изменилось. Родители ссорятся из-за концерта в День святой Розы. Не хочу кончить как они, если однажды у меня появится возлюбленный.

Я поворачиваю голову. Пляж – это театр, сцена размером в десять тысяч квадратных метров с сотнями актеров разного возраста и всех цветов...

Мое внимание привлекает молодая пара. У них одно полотенце на двоих.

Хочу быть как они!

Эти люди похожи на многих других. Не так уж и трудно чувствовать себя счастливым в двадцать лет (а это с каждым случается, согласны?), особенно если природа наделила тебя красивым телом. Девушка и парень глядят друг другу в глаза, как в зеркало, держатся за руки, ласкаются. Он смотрит ей вслед, когда она бежит к морю, – отличная попка! – она улыбается. Ребята внимательны и предупредительны, потому что знают: лучшие моменты жизни никогда не вернуться, значит, нужно просто любить.

Я скользю взглядом по пляжу, как по временному континууму.

Нахожу то, что искала. Тридцатилетнюю пару.

Он вполне ничего, спортивный, стоит на четвереньках, рядом двое детишек – двух и четырех лет. Они роют огромный бассейн в песке. Вид у мужика ужасно довольный. Его жена читает и время от времени смотрит в их сторону. Поправляет панамку золотоволосому малышу, дает попить воды из бутылочки с соской, отгоняет муху. И выглядит счастливой.

Она караулит. Бдит.

Эта сексапильная женщина находится именно там, где хотела быть. Она добилась желаемого. Достигла апогея. Вершины.

Она наблюдает.

Понятно зачем – хочет сохранить все, что имеет: преданного мужа, хорошо воспитанных детей, отличную фигуру.

Думает, все это вечно.

Опомнись, старушка!

Объектов для наблюдения у меня много – выбирай не хочу.

Вот этим лет под сорок. А может, пятьдесят.

Она читает. На самом деле. Очень вдумчиво. Последние страницы толстенного романа. Мужчина рядом с ней еще очень даже неплох –

высокий, сидящий, с властным взглядом. Глядит в сторону. У моря есть кем полюбоваться.

Еще одна пара. Возраст тот же, позиции прямо противоположные. Он лежит на боку, спиной к солнцу, под зонтом, жирный живот похож на сдувшийся мяч. Жена скучает. Она просто великолепна – стройная, элегантная, ухоженная, умело покрашенная. Наблюдает за играющими неподалеку детьми. Ей наверняка хочется внуков, и она готова ждать всю оставшуюся жизнь.

Путь с ярмарки будет долгим, дорогая...

Время течет медленно. Я не сразу обнаруживаю тех, кто мне нужен.

Им лет по семьдесят или восемьдесят. Я не слышу, о чем они говорят. Он, наверное, спрашивает, не слишком ли ей жарко, она интересуется, не дать ли ему книгу, очки, кепку. Внезапно оба встают.

Мне неприятен вид обнаженных тел. Морщинистая кожа, выступающие ребра, двойной подбородок, тощая шея, дряблые ляжки и живот. Я бы такое прятала.

Сцепляю пальцы под футболкой.

Старики меня завораживают. Они входят в воду, держась за руки, и плывут вдаль безупречным кролем.

– Ты теперь следишь за старичьем?

Поднимаю глаза. Червоне. Червоне Спинелло. Он в бермудах, рубашке в цветочек и кедах. Его я никогда не видела в плавках. «Пляж принадлежит мне круглый год! – хвастается он. – Летом я оставляю его барсукам».

Давно он наблюдает за мной? За мной, моей матерью, другими матерями и другими подростками? Я чувствую себя злоумышленницей, застигнутой на месте преступления, и мой взгляд совершает путешествие в обратном направлении, как будто хочет отмотать пленку назад и вернуться в исходную точку.

Три уродливых полотенца.

Николя в очках, но без головного убора, кремом от загара он не пользуется, как будто не боится сгореть. Мария-Кьяра и Герман лежат рядом, она смотрит на парней, играющих в волейбол, он намазывает пятый слой крема на спину красавицы-итальянки и жаждет забраться под резинку трусиков или коснуться груди.

Бедный маленький циклоп...

Эстефан мечтает о карьере доктора, Магнус – об «Оскаре», Филипп – о звездах.

Думаю, пора рассказать, кто такая Мария-Кьяра.
Вам понравится, обещаю!

* * *

Он закрыл дневник, зачерпнул горсть песка, пропустил через пальцы. Вполне логично, что он читает его на месте преступления. Все началось здесь, в тот самый день.

Клотильда бесспорно талантлива – так описывать чувства... Всех удивляла зрелость пятнадцатилетней девчонки. Можно подумать, текст сочинен много лет спустя или его переписали, как ретушируют старую фотографию, но на страницах нет ни подчистки, ни помарки и чернила давно высохли.

18

16 августа 2016

11:00

«Улица де ла Конфрери, 19, – уточнил по телефону Чезаре Гарсия. – За церковью в Каленцане, не заблудишься».

Странно. Дом № 19 по улице де ла Конфрери оказался обветшалым строением. Штукатурка на фасаде облупилась, обнажив серую кирпичную кладку, закопченные ставни не могли замаскировать растрескавшихся от времени оконных рам.

«Не стучи в дверь, я все равно не услышу, – предупредил отставной жандарм. – Заходи, на беспорядок внимания не обращай – я старый одинокий медведь, живу как хочу. Буду ждать тебя в саду. В бассейне».

Бассейн.

Клотильда представляла себе роскошную виллу чуть выше над деревней, залитую солнцем веранду, зонт и шезлонг. Именно такой дом украшал расклеенные вдоль дороги афиши концерта «в стиле 80-х»,

назначенного на вечер понедельника, дискотека в «Тропи-Каллисте» на пляже Ошелучча.

Она толкнула скрипучую створку двери, миновала две крошечные, загроможденные вещами комнаты, кухню, пропитавшуюся запахом жареных колбасок фигателлу, и гостиную, где главенствовал продавленный диван (его вряд ли собирали на день и раскладывали на ночь). Брезгливым жестом отвела в сторону рваную кружевную занавеску, прикрывавшую дверь в сад, – не штора, а липкая паутина!

– Входи, Клотильда.

Ей показалось, что голос доносится из водостока.

Сад оказался садиком, обнесенным с трех сторон зеленой изгородью. Несколько ступенек вели к бетонной плите с дырой метрового диаметра в центре. В этом колодце и сидел Чезаре, из воды торчали только бычьи плечи, мощная шея и голова в бейсболке с надписью «Тур де Корс – 97».

Бассейн?

Гарсия напоминал бегемота, застрявшего в пересохшем болоте.

– Бери стул, Клотильда, садись поближе. Я вылезаю только после того, как чертово светило убирается из моего сада.

Она устроилась в пластмассовом креслице.

– Чувствую себя кашалотом, – продолжил хозяин дома. – Выброшенным на берег китом. Когда температура поднимается до плюс двадцати пяти, приходится нырять в воду и как можно меньше двигаться, иначе сдохну!

Клотильда слушала и не верила своим ушам. Чезаре ткнул пальцем в бетонное сооружение:

– Изготовлено на заказ, красавица... По размерам моей талии. Да, девочка, сержант Гарсия набрал вес после нашей последней встречи.

Она улыбнулась, вспомнив, что все звали Чезаре «сержантом». А кстати, в каком звании он тогда был? Капитан Гарсия? Лейтенант? Аджюдан?

– Рад, что ты пришла.

– Не уверена, что поступила правильно.

– Я, вообще-то, тоже.

Хорошенькое начало...

Больше Чезаре не произнес ни слова и как будто задремал – если, конечно, это не была привычная хитрость морского слона. Пусть гостя первой разобьет ледок отчуждения.

Ладно...

– Как поживает ваша дочь, Чезаре? Будет странно увидеться после стольких лет. Я помню Аурелию семнадцатилетней, а сейчас ей уже сорок четыре. Она ведь на два года старше меня.

– Аурелия поживает хорошо. Ты ведь знаешь, что она замужем? Много лет.

Замужем?

Кто решился разделить жизнь с этой занудой?

Много лет?

Жаль мужика!

– И дети есть?

Кашалот плеснул водой на багровое лицо.

– Нет.

– Сочувствую.

– Принимается. Я очень хотел стать дедом.

Чезаре выпрямился, вода схлынула, и Клотильда решила, что он пересел на верхнюю ступеньку приставной лесенки.

– Ну что, поговорим о вашем большом секрете?

Гарсия долго смотрел на свой карманный садик, изгородь, открытую дверь за летучей занавеской, словно опасался, что DST[80] насовала повсюду жучков.

– Ты чертовски хороша, Клотильда, думаю, я не первый говорю это после твоего возвращения на остров. Всегда была такой, только не осознавала своей красоты. Понимаешь, милая, девичье очарование – все равно что счастье, чудеса, амулеты и другие глупости: если веришь, они работают. Но верить нужно по-настоящему, не задумываясь, как факиры, которые ходят по углям, понимаешь?

Клотильда даже не попыталась скрыть досаду. Она махнула рукой, словно отгоняла назойливую муху, вскочила, обошла бассейн и остановилась за спиной сержанта.

– Зачем вы меня позвали?

Жандарм слышал голос Клотильды и видел ее тень, заслонившую солнечные блики на воде. Он попытался было повернуться, но передумал.

– Ты, наверное, помнишь, что расследование тогда поручили мне. Я вел дело один, и на меня давили. Со всех сторон, можешь поверить. Корсиканцы водят как придурки, но три смерти в разгар лета – это слишком. И случается подобное редко. Крайне редко. К тому же твой отец был не абы кто. Сын Кассаню Идрисси. Не знаю, отдаешь ли ты себе отчет в том, что это значит. В то время Кассаню принадлежала половина коммуны, а корсиканские коммуны намного больше кантонов на континенте, они тянутся от горного хребта к линии горизонта, зимой там можно кататься на альпийских лыжах, а летом – на водных.

– Это была случайная авария, так? – неласково перебила старика Клотильда.

– Конечно. Авария – и все довольны.

Сержант поднялся на ноги. Пока он карабкался по лестнице, с его тучного тела ручьями стекала вода, а сам бассейн-колодец вроде как пересох. Узкие красные плавки терялись в складках живота и выглядели как надетые задом наперед стринги. Гарсия вошел в дом, что-то недовольно бурча себе под нос, и начал... двигать мебель? «Куда Аурелия сунула проклятую папку?» Через несколько секунд толстяк вернулся в накинутом на плечи халате и с картонной папкой в руке, протянул ее Клотильде, а сам сел в тени изгороди.

– Открой.

Она послушалась, перевернула первую страницу.

«Фуэго». Модель GTS. 1233 CD27. Дата выпуска – 03/11/1984.

Фотографии автомобиля.

Цветные.

Развороченная крыша. Сгоревшие шины. Крупным планом – осколки стекла.

Клотильда с трудом сдержала рвотный позыв.

– Читай дальше, Клотильда, я все объясню потом.

Она листала страницу за страницей.

Красные скалы. Три мертвых тела. Кровь. Повсюду кровь.

Фамилия и имя – Поль Идрисси, родился 17 октября 1945 г., скончался 23 августа 1989 г.

Дюжина снимков, увеличенные детали: опухшее лицо, вывернутая под неестественным углом рука, асимметричный торс, сердце, зажатое в тиски.

Следующая страница: Николая Идрисси, родился 8 апреля 1971 г., скончался 23 августа...

У Клотильды не было сил читать дальше. Она сглотнула горькую слюну, рванулась к бассейну, рухнула на камни, и ее вырвало.

Чезаре протянул ей бумажный носовой платок.

– Извините... – хриплым голосом произнесла Клотильда.

– Не за что. Сегодня обещали тридцать семь градусов, а служба очистки в отпуске до 21 августа.

Взгляд Клотильды упал на стоявший у забора сачок, она потянулась за ним, но сержант остановил ее:

– Перестань, детка, плевать я хотел на эту дыру в бетоне. Сам виноват – хотел, чтобы ты дошла до конца... До...

– Маминых фотографий?

Чезаре покачал головой. Клотильда, не вставая с колен, посмотрела на него, как Мария Магдалина на воскресшего Христа.

– Мама не умерла, да?

Она догадалась. Это было так очевидно. Все совпадает. Фраза о темной комнате в записке, манера Орсю мыть пол, лабрадор Паша. Все это объяснялось только присутствием на острове матери. Живой. Чезаре Гарсия владел ключом к загадке. Но как Пальма Идрисси могла выжить в аварии?

– Моя мать не погибла? – повторила она.

У сержанта стало такое лицо, словно Клотильда произнесла страшное богохульство.

– Что ты несешь?! Даже думать о таком не смей, бедняжка! Твоя мать погибла вместе с мужем и сыном. Они умирали у тебя на глазах. Я видел их тела, как и десятки других свидетелей. Это был худший день в моей жизни... Конечно, я позвал тебя не затем, чтобы сообщить: «Твоя мать вернулась с того света...»

Клотильда сцепила зубы. Только не плакать! Говори четко!

– А за... зачем?

– Прочти текст на следующей странице. Под фотографиями.

Она вернулась к документам. Перевернула страницу о Николае, но заставила себя взглянуть на шесть снимков изуродованного тела матери. Следом шли фотографии «фуэго»: кузов, двигатель, салон. Крупные планы приводного ремня, распределительного вала, рулевой тяги, треугольного рычага колеса подвески, тормозного шланга. Во

всяком случае, так ей показалось. Она открывала капот раз в жизни, зимой, чтобы почистить свечи, и удивилась, что инстинктивно нашла их в огромной стальной головоломке.

Клотильда подняла глаза и уперлась взглядом точнехонько в живот сержанту. Ей почудилось, что его тело тает. Видимо, слова о том, что без сидения в воде он превратится в вязкую желеобразную субстанцию, были сказаны на полном серьезе.

Мерзость. К горлу снова подступила тошнота.

– Черт возьми, Цезаре, к чему вы ведете?! – Она сорвалась на крик.

– Последняя страница, Клотильда, как и последние фотографии – неофициальные документы. Посмотри на дату – они сделаны через несколько недель после аварии. К тому моменту дело было закрыто. Я дождался, когда все утихло, и попросил товарища осмотреть останки машины твоего отца. Скрытно. У Ибрагима гараж в Каленцане. Мы знакомы с детства, он честный человек... и чистый, хотя ни следователь, ни судья справки ему не выдавали.

– Почему вы так долго ждали?

Старый служака криво ухмыльнулся:

– Повторяю, на меня сильно давили, Клотильда. Сын, внук, невестка Кассаню Идрисси... ты правда не понимаешь? Вмешались депутат Паскини и президент Ассамблеи Корсики Жан Поль де Рокка-Серра. Дело не случайно поручили жалкому типу, сельскому жандарму, – хотели, чтобы он его закрыл. Мне. Сержанту Гарсии. Вердикт вынесли заранее. **НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ.**

Клотильда пыталась выбросить из головы воспоминания о летящем в пропасть «фуэго», трех кульбитах в воздухе и трех ударах, убивших трех членов ее семьи.

Ну конечно, несчастный случай! К чему ведет этот жирный легавый?

– Посмотри на третью фотографию, девочка. Это рулевая рейка, продольная рулевая тяга и гайки шаровых пальцев рулевых тяг.

Она видела только железный штырь, металлический предмет конической формы и большую гайку.

– Сорвалась одна из гаек. Мгновенно. В тот самый момент, когда твой отец решил повернуть прямо у скал Петра Кода.

Ее отец не повернул.

«Фуэго» летел как пуля. Самоубийства не было. Подвела техника.

– Значит, все-таки авария? – чуть мягче спросила она.

– Так написано в официальном рапорте, непосредственно перед словом КОНЕЦ. Единственный виновник – машина. Но мой дружок Ибрагим... – На животе Гарсии блестели капли пота. – Так вот, мой приятель был уверен, что деталь полетела... не совсем естественным образом.

– Неестественным?

Он наклонился ближе, живот, фартуком лежавший у него на коленях, опасно колыхнулся.

– Сейчас уточню. Я думал об этом сотни раз, вместе с Ибрагимом смотрел фотографии и вещественные доказательства и укрепился в суждении.

– Да говорите же, наконец!

– Это было вредительство, Клотильда! Гайку ослабили, чтобы она наверняка соскочила после нескольких поворотов и водитель оказался один на один с неуправляемой машиной.

Клотильда молча поднялась, но ноги стали ватными, и она тут же опустилась на мокрый бетон, сжалась в комок, обняла колени руками и замерла.

– Я должен был рассказать.

Клотильда дрожала от холода. Ее тянуло к колодцу. Хорошо бы он оказался бездонным... Она нырнет и останется там навечно.

– Спасибо, Цезаре.

Она выдержала долгую паузу, потом спросила:

– Кто еще в курсе?

– Всего один человек... Он должен был узнать. Твой дед, Клотильда. Кассаню Идрисси получил от меня полную копию дела.

Она до крови закусил губу.

– И что он сделал?

– Ничего. Совсем ничего. Никак не отреагировал. Словно всегда знал – так я сначала подумал. Всегда.

Больше сержант ничего не добавил. Он бесконечно долго завязывал пояс халата, бросил взгляд на грязную воду в бассейне, пошел за сачком, обернулся и сказал:

– Повидайся с Аурелией, ей будет приятно.

Встречаться с этой дрянью? Что за дикая идея!

– Она недалеко, живет в Пунта Росса, под маяком де ла Ревеллата.

Слова крутились в голове, как овощи в кипятке.

Эта дрянь Аурелия.

Пунта Росса.

Маяк.

Чезаре сдвинул бейсболку на затылок, как будто хотел лучше видеть глаза Клотильды.

– Я ждал, что ты удивишься, красавица. Услышь я то же самое двадцать семь лет назад, не поверил бы. Да, Аурелия живет именно там. Ты понимаешь, что это значит, милая. (Он дал Клотильде время вспомнить.) Аурелия живет с Наталем.

Она рухнула в бездонный колодец второй раз за несколько минут, что оказалось намного мучительнее.

Трудно выразить насколько.

19

Среда, 16 августа 1989,

десятый день каникул,

небо цвета голубой феи

Жила-была...

Жила-была маленькая калабрийская принцесса.

Мария-Кьяра Джордано.

Все начинается как сказка, потому что Мария-Кьяра – настоящая принцесса. Она родилась на три года раньше меня, в 1971-м (как и мой брат), в итальянской коммуне Пьянополи близ Катандзаро. Ее отец управлял самым крупным предприятием по сбору капусты брокколи в регионе Калабрия. Кажется, брокколи с зелеными побегами – *специалитет* тех краев. Джордано исполнилось шестьдесят лет, когда родилась Мария-Кьяра, а сумма на банковском счете составляла шестьдесят миллионов лир. Он был хорош собой, о таких говорят «старый красавец», имея в виду, что хороши только карие глаза да вьющиеся седые волосы. Мать Марии-Кьяры была на девятнадцать лет моложе и на девятнадцать сантиметров выше мужа – без каблуков. Манекенщица Унгаро и актриса, она снималась в слабеньких фильмах категории В (во Франции ни один не шел, я проверяла).

Мария-Кьяра росла в идеальных условиях – куда лучших, чем капуста брокколи ее папаша, – и быстро формировалась. Быстрее меня, это уж точно. В пятнадцать лет росту в ней было метр семьдесят. Потом она слегка притормозила и стала выше всего на пять сантиметров. Формы тела Марии-Кьяры были маленьким чудом гармонии – бедра, спина, лодыжки, грудь и попка, – она напоминала героиню итальянских комиксов вроде тех, что папа прячет между книжками о Тинтине и Астериксе. Девушка, как будто созданная Манарой[81].

Такая вот красотка...

Папе Джордано хотелось забыть запах брокколи и насладиться своей дылдой-старлеткой, вот он и купил виллу на холмах Ревеллаты, чтобы отдыхать там каждое лето. Маленькая калабрийская принцесса, единственная наследница, скучала в одиночестве, и отец привозил ее в своем джипе «сузуки» на пляж де л'Альга или к кемпингу «Эпрокт», где она все чаще подолгу развлекалась с подружками-ровесницами. С подружками и друзьями.

Летом 1989-го супруги Джордано отправились на своей яхте в круиз вокруг Сардинии (весь год она стояла на приколе в бухте Кальви). Без дочери. Та ясно дала понять, что не запрет себя на месяц в плавучей тюрьме размером тридцать на десять метров и прекрасно справится одна.

Папочка подумал и... отдал ей ключи от каменного палаццо.

Кьяра сказала чистую правду – у нее все получалось.

Она танцевала ламбаду лучше «Каомы»[82]. Пела «Важное событие» лучше Эроса Рамазотти[83]. Лучше Аньезе Нано[84] подавала реплики из фильма «Новый кинотеатр “Парадизо”», а уж как целовалась...

Будущая звезда вселенского масштаба! Она затмит всех!

Покорить или погибнуть!

Мария-Кьяра. История одной принцессы...

Я все еще сижу в тенечке на моем конце пляжа, под соснами, иголки впиваются в тело, на коленях – «Опасные связи». Мария-Кьяра рывком поднимается с полотенца в китайском стиле, и Циклопу остается ласкать жирными руками пустоту.

Нужно быть пошустрее, друг Герман... Ха-ха-ха!

Итак, Мария-Кьяра вскочила, лифчик надевать не стала и пошла на другой конец пляжа выпить кока-колы, провожаемая взглядами отдыхающих. С моего наблюдательного пункта выглядело это захватывающе и напоминало поле подсолнухов, которые поворачивают тяжелые головы вслед за солнцем, это колокольчики, васильки и пшеничные колосья изо всех сил тянутся вверх, к светилу, а...

А я упрямо смотрю в книгу.

Я ошиблась: Вальмон – это не мой брат, Вальмон – Мария-Кьяра!

В романе XVIII века роль распутного соблазнителя не могла достаться женщине, а сегодня – запросто! Уважение и восхищение достаются уверенным в себе, властным девушкам, которые делают со своими телами и сердцами что хотят и так же поступают с парнями.

Увы, я совсем не такая...

Мария-Кьяра – девственница. Так говорят. В палатках, на пляже, под душем, в мужском и женском сортире. Она только что не заявила об этом по громкой связи, не прикрепила к доске объявление в кемпинге.

Я девственница... и намерена это изменить.

Мария-Кьяра дала обет Нецеломудрия.

Она объявила об этом, как о соревновании по петанку[85], турнире по пинг-понгу или бинго-вечеринке. «Я отдамся парню. Впервые. Один раз! До конца лета».

Теперь она ходит в стрингах и без лифчика – за стаканчиком фисташкового сорбета, багетом, номером журнала для женщин *Jeune & Jolie*[86]. Короче, вылитая Валери Каприски[87] в «Годе медуз».

Мария-Кьяра возвращается с банкой кока-колы.

Сделать три шага, притормозить, откинуть голову, глотнуть, выгнув спину, вильнуть бедрами, смахнуть капли с живота тыльной стороной ладони.

Продолжить победное шествие.

Все мужчины лежат у ее ног – папаши, строящие с малышами замки, перестают копать, бутылки ледяного пива приклеиваются к губам, никто не бежит за волейбольным мячом. Эстефан, Магнус, Филипп потрясены!

Фу!

Не могу не восхищаться ею...

Завидую...

Терпеть не могу...

Ненавижу мужиков, плящущихся на сиськи Марии-Кьяры, нарушающие законы всемирного тяготения.

У меня есть теория. Поделиться? Ваше мнение не в счет, я все равно облегчу душу! Хороводиться с плоскогрудой девицей вроде меня – если имеешь далеко идущие планы совместной жизни – все равно что сделать долгосрочную инвестицию. С гарантией на тридцать лет. О таком решении не пожалеешь даже в старости, а большие сиськи обвиснут и... разонравятся. По-моему, это очевидно, так? Математическая, физическая очевидность! Следовательно, я догоню маленькую секс-бомбочку Марию-Кьяру, но в собственном ритме, неспешной рысцой.

Всего-то и нужно – проявить терпение.

Держитесь горделиво, маленькие сердца, попки и грудки!

Пройдет очень много времени, Мария-Кьяра, и мы вернемся к этому разговору, хотя ты сейчас до предела взвинтила ставки.

Красавица-итальянка трижды обошла вокруг своего полотенца, ну чисто пугливая кошка, и наконец улеглась. Червоне как приклеенный стоит у сосны и наблюдает. Циклоп замер в благоговейном экстазе, точно древний египтянин перед небожительницей (богиней-кошкой Бастет[88], невежественный читатель!), и даже мой Нико, равнодушный красавец в очках «Рей-Бан», слегка повернул голову.

Он тоже пропал.

Жила-была...

Жила-была богатая принцессочка...

Сами знаете где.

* * *

Он взглянул на афишу и засомневался, стоит ли ее рвать.

Бессмысленно, вдоль дороги расклеено множество таких же.

Сегодня вечером. В 22:00. На пляже Ошелучча. Дискотека в «Тропи-Каллисте».

Он пойдет.

Но не будет слушать Марию-Кьяру, а заткнет ее. Заставит замолчать.

20

16 августа 2016

15:00

Афиши расклеили повсюду – даже на дверях душевых, шлагбаумах и ширмах, маскирующих помойки. Валентина остановилась у столба напротив их бунгало. Она была в парео и вьетнамках, которые щелкали по пяткам, как каблучки-шпильки по паркету бального зала. Зажатый под мышкой багет делал ее похожей на мажоретку. Клотильда стояла рядом с дочерью, с трудом сдерживая нетерпение: она несла грейпфруты, апельсины, дыни, пол-арбуза, весившие целую тонну.

Валентина прочла вслух:

*Вечеринка «В стиле восьмидесятых»
22:00. Дискотека в «Тропи-Каллисте»
Пляж Ошелучча*

На афишке был изображен огромный, установленный на пляже бассейн, истекающий разноцветной пеной. Девушка в купальнике являла себя миру под дождем золотых пайеток.

– Она вроде как бывшая звезда кемпинга, – задумчиво произнесла Валу. – Все только о ней и говорят. Проводила здесь лето, а потом прославилась в Италии.

Клотильда изумилась. Узнать загримированное лицо сирены она не могла, идеальное тело походило на тысячи других, доступных в интернете по тэгам *старлетка* или *бикини*, но сценическое имя сработало как спусковой крючок.

Мария-Кьяра.

Ручки пакетов с фруктами больно врезались в пальцы Клотильды.

– А Червоне даже не упомянул, что ты ее знаешь, мама! Что вы пять или шесть лет подряд проводили вместе каникулы, и дядя Нико

был с ней знаком.

Надо же, дорогая, ты вспомнила, что у тебя есть семья?

С августа 1989 года Клотильда всего несколько раз слышала о Марии-Кьяре. Лет этак двадцать назад она узнала ее во второстепенной роли в итальянском телефильме: девушка в юбке катила на велосипеде по улицам Лукки, города в итальянской Тоскане. Шестнадцать лет назад, до рождения Валентины, Клотильда и Франк поехали в Венецию. Гуляя по городу, она увидела на лотке уцененный диск за четыре евро – яркая обложка, посредственные песни. Известность Марии-Кьяры была явно более чем относительна, даже в Италии.

– Знаешь, Валу, ей тогда было всего семнадцать-восемнадцать, так что теперь она, наверное... вышла из моды.

Валентину доводы матери не интересовали, важен был предлог.

– Не хочешь с ней повидаться?

Пляж Ошелучча находился прямо под кемпингом «Эпрокт», попасть туда можно было по крутой тропинке, спускавшейся к морю. Афиша, пена, бассейн и бикини возбуждали Клотильду не больше корриды.

– Надеюсь, это шутка?

– Взяла бы меня с собой... Я потусуюсь среди знаменитостей, ты поболтаешь с бывшей подружкой.

Маленькая хитрюга...

Клотильда собралась ответить: «Мы обсудим это позже, дорогая, сначала я занесу треклятые пакеты, иначе у меня руки оторвутся», но тут за ее спиной появился Франк. Он забрал у нее покупки – молча, не задумываясь, привычным жестом.

Галантный и энергичный. Идеальный мужчина. На что жалуешься, старушка?

– Что стряслось, мои птички?

Валентина пустилась в объяснения: праздник на песке, звезда на мысе Ревеллата, мамина подруга детства...

Франк повернулся к жене:

– Ты пойдешь? Будет здорово поговорить с ней, разве не так?

А и правда, почему нет? Почему, черт возьми?!

Франк обнял дочь за плечи:

– Одну я тебя не отпущу, малышка. Вот если мама согласится...

– Спасибо, папа.

Неблагодарная девчонка кинулась на шею своему герою и ни слова не сказала матери, хотя именно ей придется пережить кошмарную ночь «в стиле восьмидесятых». Вот ведь ужас! Она целую вечность не была в клубе.

До конца дня Клотильда и думать забыла о Марии-Кьяре. Пляж, бунгало, шезлонг, Средиземное море, душ... В голове крутились три вопроса, на которые следовало ответить до вечера.

Да или нет.

Отправиться первым делом к Кассаню Идрисси, собрать семью, даже ведьму Сперанцу, ее внука Орсю и лабрадора Пашу. Усадить их во дворе Арканю и выложить все без недомолвок и экивоков. Родители не погибли в автомобильной аварии – их убили: рулевое управление «фуэго» повредили намеренно.

Ответ: ДА, хотя форму созыва «круглого стола» нужно тщательно продумать.

Сразу после этого – поговорить с Франком. Рассказать об откровениях старого жандарма. Показать фотографии рулевых тяг и сорвавшейся гайки, попросить совета – он отлично разбирается в автомобильных внутренностях.

Ответ: НЕТ! Она не вынесет его сарказма и досадливой жалости, он в лучшем случае предложит два решения на выбор: заявить в полицию или плюнуть и растереть!

Отправиться по «тропе таможенников» в Пунта Росса – без всякой цели, догулять до маяка, поглазеть на туристов и – чем черт не шутит? – увидеть Наталя. Он будет сидеть на террасе, чинить сети, курить и смотреть, как крутится планета.

Ответ: НЕТ. Решительно НЕТ!

Колонки ревели «Жизнь есть жизнь»[89], и толпа дружно отвечала:

На на на на на

Клотильда и Валу пробирались сквозь толпу танцующих на маленьком пляже. Зажатая между скалами бухточка была еще одним райским уголком, который прибрал к рукам Червоне Спинелло. Камни и щебенку тропинки топтали ноги тысяч туристов, жаждущих свидания

с соленой водой, так что с годами булыжники превратились в крупнозернистый песок.

Стены будущего гостиничного комплекса «Скала и Море» с пляжа были не видны – в отличие от «Тропи-Каллисте», павильона с террасой и баром.

Демонтировать строение в случае урагана или приезда нового, слишком шустрого префекта можно было в момент. Игра слов, придуманная Червоне, символизировала ночную тропическую жару, взбудораженную децибелами, и античное название Корсики – Каллиста... Прекраснейшая!

Решив устроить дискотеку, директор кемпинга расставил вокруг павильона прожектора и лазеры, достававшие лучами до луны. Временно огороженная площадка вмещала от силы четвертую часть публики. Ярче всего была освещена сцена двухметровой высоты, напоминавшая подиум для дефиле или широкий трамплин. Под эстрадой установили огромный надувной бассейн, подсветили голубыми флуоресцентными лампами и поставили трех чернокожих охранников. Они не выглядели ценителями хорового пения группы *Opus*.

*Жизнь есть жизнь
На на на на на*

В кои веки Червоне раскошелится, хотя входной билет за семь евро, стакан мохито за девять и кувшин каштанового пива «Пьетра» за пятнадцать должны были компенсировать расходы.

«Расслабляйтесь», – советовали беснующейся толпе парни из группы «Фрэнки едет в Голливуд»[90]. На взгляд Клотильды, на пляже собралось две-три сотни человек. Всех возрастов. Странно, но старомодные песни знали наизусть и истеричные подростки, и парочки (многие были явно под мухой), и старичье.

Условное старичье.

Ее ровесники.

– Я пошла, мама!

Клотильда ответила дочери недоумевающим взглядом.

– Там Клара, Жюстен, Нильс и Тахир. Телефон при мне. Набери, когда пора будет уходить.

Она растворилась в толпе.

«Если произойдет хоть что-нибудь, и Франк узнает, он меня уничтожит!»

Клотильда мысленно махнула на все рукой.

Пусть Валу повеселится как следует! Да и что с ней может случиться?

Она пошла к морю, аккуратно огибая лежавшие на песке тела. Их что, приливом вынесло? В нескольких метрах от пляжа, у скалы, колыхался на воде баркас. Клотильда посветила фонариком и прочла название.

«Арион».

Вторая и четвертая буквы были едва различимы, так что никто, кроме Клотильды, не угадал бы слово. Корпус выглядел прогнившим. Якорная цепь износилась, киль растрескался. Ни весел, ни паруса, ни мотора. Лодка напоминала хищное животное, которое посадили на цепь и забыли. Клотильда едва сдерживала слезы, глядя на обломок прошлого, встретившийся ей во время путешествия вглубь ностальгии.

Внезапно музыка смолкла. На мгновение пляж погрузился в чернильную темень, потом зеленый луч вспорол темноту, а стробоскоп обратил посетителей в зомби-эпилептиков.

На эстраде появилась Мария-Кьяра в длинном обтягивающем платье со смелым декольте.

Синтезатор задал ритм первым танцевальным па.

О-хо, о-хо, о-хо, о-хо, о-хо

Певица почти касалась микрофона губами. Зазвучали первые ноты *Future Brain*, планетарного хита Дэна Хэрроу, итальянского короля диско 80-х... Всеми забытого короля.

Так думала Клотильда – и ошибалась!

О-хо – скандировала толпа.

Старые шлягеры вечны.

После возвращения на остров Клотильда не бывала на пляже Ошелучча, слишком уж много вопросов требовало ответов. Это райское

место по-прежнему принадлежит ее деду Кассаню Идрисси – так почему он позволил Червоне устроить здесь жалкий ночной клуб? Почему проржавевший баркас стоит у скал? Зачем терпеть шум, подобный грязному наркотику, толпу и гипнотические огни? Как случилось, что победила не тишина? И где она возьмет верх, если уступила даже на пляже?

О-хо о-хо о-хо о-хо

Почему большой злой волк не занялся павильоном? Злому волку, который дружит с ее дедом, не понадобились бы ни маска, ни бомба, ни канистра с бензином, ни зажигалка, достаточно было дунуть посильнее[91]. Хватило бы порыва ветра, который сейчас несет децибелы в сторону Кальви.

Определить возраст Марии-Кьяры не представлялось возможным – мешали прожектора, тень, свет и густой слой грима, – но Клотильда знала.

Сорок пять лет. Ни днем больше, ни днем меньше.

Мария-Кьяра производила впечатление. Была на высоте. Пела на итальянском, английском, французском и испанском.

Валу все время мелькала в толпе.

Клотильда скучала.

После «Мальчика Тарзана»[92], способного разбудить всех млекопитающих на территории китового заповедника Пелагос[93], свет стал мягче, и Мария-Кьяра прошептала в микрофон с сильным итальянским акцентом:

– Сейчас я исполню песню а капелла. Вы наверняка ее знаете, это «Вечно молодой»[94], но я прошу вас слушать молча. – Она послала толпе улыбку, похожую на поцелуй. – Я буду петь на корсиканском. Для вас.

Sempre giovani[95]

Белый луч высветил лицо Марии-Кьяры. Она закрыла глаза, и ее одинокий голос полетел к волнам, взмыл в небо и заставил плакать луну.

Sempre giovani

Сопрано фантастической чистоты превратило мелодию в гимн, людей охватила дрожь, никто не издал ни звука. Случилось чудо:

каждый понял, что певица согласилась выступить на дискотеке ради этих четырех минут, она хотела исполнить молитву, символ веры.

Sempre giovani

Скобка.

Она закрылась.

Драм-машина взорвалась барабанным грохотом прежде, чем Мария-Кьяра открыла глаза и выдохнула последнюю ноту, за которой последовала пошлая синтезированная кода. Люди на пляже узнали ее с первого аккорда.

За дрожью последовал транс.

Платье Марии-Кьяры упало к ногам. Она осталась в купальнике.

Снежно-белом, похожем на вторую кожу.

Boys boys boys[96], завопила толпа, опередив первые ноты мелодии.

Мария-Кьяра улыбнулась, шагнула вперед, отступила, разбежалась и...

Boys boys boys

...нырнула.

Она появилась на поверхности бассейна – с мокрыми, прилипшими к голове волосами и растекшимся гримом, – но это не имело значения. Всех волновал и возбуждал только верх купальника, ставший прозрачным, как в «первоисточнике».

Boys boys boys, без устали повторяла Мария-Кьяра в другой микрофон – большой, всех цветов радуги пластиковый шар. Воздушные пушки вздували облака пены. Певица прошептала:

– *Come with me*[97].

Три телохранителя дружно отодвинулись, и на песок (в тысячный раз) обрушился ворох одежды. Через несколько минут в бассейне бултыхались сто человек, горланя *Boys boys boys*.

Summertime Love

Самые смелые девушки сняли лифчики.

Но не Мария-Кьяра.

Женщина без возраста.

Не стареют только старомодные шлягеры.

– Я подруга детства Марии-Кьяры.

Темнокожий великан-телохранитель не поверил.

Толпа танцевала на другом конце пляжа под музыку в стиле техно, мало похожую на «мелодии восьмидесятых».

Побудем еще, мама?

Немного, ответила Клотильда на просительную эсэмэску дочери. Валу написала, как только отзвучала последняя песня итальянки, то есть двадцать минут назад. Клотильда ждала на грунтовой стоянке, рядом с караваном автобусов. Других поклонников поблизости не было, но дверь оставалась закрытой, а секьюрити и слушать ничего не желал.

– Может, вы все-таки постучите? Скажете, что фанатка хочет поговорить, ей будет приятно.

Мускулистый гигант снизошел до улыбки – наверное, пожалел «пожилую тетку», – но просьбу выполнил.

– Мадам Джордано, это к вам.

Мария-Кьяра отреагировала мгновенно. Она была в пеньюаре и полотенце-тюрабане на голове, с умытым лицом.

– Ну?

Клотильда не ожидала, что она окажется такой красивой. Подтяжки, липосакция, силикон сделали свое дело, и пластический хирург поработал на славу. «Напоминает машину, переделанную на индивидуальный лад, – подумала Клотильда. – Слегка вульгарная, но оригинальная, гордится своей особенностью и привлекательностью. Ей плевать на восторг и замешательство. Какая разница, кем быть – монстром или иконой?»

– Дашь сигаретку?

Телохранитель – он был лет на двадцать пять моложе дивы – нервным движением достал из пачки сигарету, прикурил с видом перепуганного Джона Уэйна[98] и поднес ее к губам Марии-Кьяры, не зная, куда девать глаза.

Сейчас он больше всего напоминал пажа у ног королевы.

– Значит, ты и есть моя последняя поклонница? – спросила Мария-Кьяра. – Надеешься войти? Даже не думай, красавица, я не из тех, кто меняет окрас, когда мужики отворачиваются!

Она расхохоталась.

Пластика и удлиненные к вискам глаза делали ее похожей на кошку. Клотильда почему-то очень не любила слово «пума», но сейчас оно было вполне уместно.

Нет, все-таки тигрица...

– Я Клотильда. Сестра Николая. Помнишь Николая Идрисси?

Мария-Кьяра прищурилась, как будто пыталась вспомнить, хотя Клотильда готова была поклясться, что ее узнали с первого взгляда – выдали побелевшие от напряжения пальцы, вцепившиеся в облупленную дверцу вагончика.

Мария-Кьяра покачала головой:

– Не помню. Кто-то из бывших?

Вид у нее был искренний. Можно подумать, Берлускони нанимает танцорок в кордебалет за актерский талант. Клотильда пожалела, что не захватила с собой фотографии Николая.

– Лето восемьдесят девятого. И пять предыдущих – начиная с восемьдесят четвертого.

Певица выдохнула дым в лицо телохранителю и заправила выбившуюся мокрую прядь под полотенце. Рукав пеньюара соскользнул к плечу, обнажив татуировку в виде розы в черных шипах.

– Восемьдесят девятого! – изумилась звезда. – Увы, куколка, мы не молодеем. Я тогда была бомбой-сладкоежкой, выбирала парней, как лакричные палочки из пакетика «Харибо», и твой братишка...

Ты не могла забыть год, когда потеряла девственность, киска, так что не морочь мне голову!

– Высокий блондин. Милый. Год ламбады. Он танцевал почти так же хорошо, как ты.

Мария-Кьяра выплюнула окуроч, нервно ковырнула краску.

– Прости, дорогуша. У меня пять тысяч фанов на «Друзьях детства», а тех, кто меня тискал, вообще не перечесать.

Наглое вранье! У Клотильды не осталось выбора. Она решилась.

– Я говорю о том, кого нет на свете, Мария. Он погиб на дороге к мысу Ревеллата. В тот вечер, когда вы с ним должны были впервые заняться любовью.

Красный ноготь сломался.

Улыбка осталась холодной.

Браво! Гран-при Венецианского кинофестиваля за лучшую женскую роль!

– Прости, не помню. Я очень устала. Заглядывай как-нибудь. Пока.

*Четверг, 17 августа 1989,
одиннадцатый день каникул,
грандиозно голубое небо*

Порт *Stareso* – это бетонный причал и три дома под маяком де ла Ревеллата. Довольно долго он был закрыт для публики. Здесь находится научная база океанологов, но этим летом они начали пускать посетителей – ныряльщиков, рыбаков и – раз в неделю – дюжину бродячих торговцев, которые продают на молу товары местного производства.

Мама не могла этого пропустить. Она об-б-бож-а-а-ает рынки.

Ей нравится разыгрывать «даму в панаме». Она слоняется, смотрит, щупает, восторгается, приценивается, торгуется, ругается, уходит и возвращается, покупает и тут же об этом жалеет. Когда мне было двенадцать, мы провели неделю в Марракеше. Я чуть не умерла со стыда на базаре, куда опрометчиво согласилась пойти вместе с мамой.

Сегодня утром, за завтраком, я совершила роковую ошибку, снова поддавшись на мамины уговоры сопровождать ее. Это заняло все утро. Устав от толкотни и едва не попав под детскую коляску (!), я устроилась отдохнуть на одинокой скамейке. На самом солнцепеке. Маскировка – наушники (без Ману Чао я никуда) и (для разнообразия) «Корс-Матен» на коленях. Меня заинтриговал набранный крупным шрифтом заголовок на первой полосе.

УПАЛ ЗА БОРТ?

Некий Драго Бьянчи, подрядчик из Ниццы, объявлен пропавшим без вести. Нашли яхту, удочку, но не его. Этот тип сделал состояние в секторе строительства и общественных работ – видимо, он из тех, кто умеет превращать бетон в золото. Не исключено, что золото в карманах превратилось в бетон и утопило его. Другие островные новости меня не заинтересовали, и я предпочла наслаждаться окружающим пейзажем.

Хотите опишу? Постараюсь найти верные слова.

Итак, напротив меня стоит маленькая, синяя с белым рыбацкая шхуна – скорее большая лодка, чем траулер. Никаких парусов, только мотор, железные вериги валяются где попало, в сетях цвета зеленой

воды, как в огромном коконе, расположилась гигантская гусеница, составленная из желтых буйков. Когда сети распутают, из них вылетит самая большая бабочка в мире.

Рыбак вполне способен совершить чудо.

Я уже час наблюдаю за ним через темные очки *à la* Лолита.

Описать и его? Я уже упоминала фильм «Голубая бездна»? Представьте себе Жан-Марка Барра, человека-дельфина с глазами всех оттенков синевы – от морской бездны до звездного неба, в них, как в двух стеклянных шариках, заключена вселенная. Так вот, передо мной его двойник. Магнетически привлекательный рыбак три дня назад обрился наголо – как Жан-Марк, и взгляд у него такой же мечтательный. Уж вы мне поверьте! Правда, он не сидит дни напролет под водой, задерживая дыхание, а занимает руки распутыванием сетей.

Я жду.

Сколько ему примерно? Максимум на десять лет больше, чем мне.

Я жду, как маленькая плутовка, жду, когда он окончательно ужарится на солнце, снимет через голову промокшую от пота майку и на бронзовых от загара руках напрягутся мускулы...

– Иди сюда.

Это он мне. Черт... Я спалилась!

– Ну же, – повторил он. – Давай. Хочу посоветоваться.

Что бы вы делали на моем месте?

Не изображайте главного хитреца на свете, мой читатель из будущего! Вы уж точно не хитрее меня. Я положила книгу и плеер на лавку, сдвинула очки на лоб и ступила на его какой-то игрушечный кораблик.

– Что думаешь?

И тут – хотите верьте, хотите нет, мне плевать – человек-дельфин понял, что я знаю. Прочла его мысли – так, на расстоянии, общаются киты. Неплохо для начала... Мы потренируемся и научимся слышать друг друга через океан.

– Будешь смотреть или нет?

Он показал маленькую голубую афишку, нарисованную на клееной фанере, – три темных дельфиньих силуэта на переливающемся перламутром море.

*Морское сафари – плавай с дельфинами!
Каждый день до конца августа «Арион»
Port Stareso
04 95 15 65 42*

– Ну как тебе?

– Нормально.

Короче говоря, он не заморачивался и стибрил свою афишу у Бессона, тот мог бы подать на него в суд за плагиат.

– Если не считать того, что все это пустая болтовня, – добавила я.

Люблю провокации! Человек-дельфин застывает, уткнувшись взглядом в череп на моей футболке. Он напоминает странствующего поэта, вдруг упершегося в стеклянную стену.

– Думаешь?

– Угу...

Он начинает мять лицо ладонями, словно хочет сплющить его до состояния блина, но оно остается красивым, как круглое яблоко. Так бы и съела... Обожаю его улыбку!

– Дерьмово... Я хочу завлечь сирен вроде тебя. (Глаза как две ягоды личи, губы как ломтики арбуза.) Сирен, мечтающих поплавать с дельфинами! В открытом море.

Ушам не верю. Какая жирная наживка!

– Смеетесь?

Он кивает. Хохочет во все горло. (Я предугадываю его реакцию телепатически.)

– Все нет. В Средиземном море тысячи дельфинов и сотни – в акватории Корсики. «Круизники» во время морского перехода Каржез – залив Порто – мыс Жиролата обещают встречу с ними у побережья естественного заповедника Скандола, но посудин слишком много, так что шансы нулевые. Дельфины предпочитают рыболовецкие шхуны – они разрывают сети и воруют рыбу.

– Вы их уже встречали?

Он кивает: конечно!

– Да и все рыбаки на Средиземном море тоже. Видеть-то они видели, но не дружат, как я.

Я делаю большие глаза – как мама, когда торгуется на рынке, – и прошу:

– Расскажите, как удалось их приручить.

– Легко. Дельфины умные, они отличают шум мотора одного судна от другого, узнают человека по голосу. Чтобы завоевать доверие, нужно проявить терпение, только и всего.

– И вы сумели?

– Да...

– Не верю!

Он снова улыбается. Похоже, ему нравится мое упрямство. И, кажется, он говорит правду. Мой рыбак – одинокий маленький мальчик, который всю жизнь мечтал о дельфинах, нашел их, сумел сблизиться и полюбить. Думаю...

– Ты права, Клотильда. Доверять с первого взгляда нельзя никому.

Ух ты, он знает, как меня зовут!

– Разве дед тебе не объяснил?

– Мой дедушка?

– Ты ведь внучка Кассаню Идрисси, верно? На острове все знают эту фамилию, тебя тоже ни с кем не спутаешь... благодаря карнавальному прикиду.

Карнавальному?! За неимением волос и бороды я могла бы вырвать нахалу ресницы, но уж больно красивые у него глаза. Деревенщина! Он точно не смотрел «Битлджус». Не был в кино, не прочел ни одной книги, его страсть – рыбы... Боже, неужели бывают такие мужики?

Я кидаюсь в бой:

– Что не так с моим прикидом?

– Все так. Но дельфинов может напугать череп.

– А вы бы что предпочли? Анилиновое солнышко? Розовую тучку? Позолоченных ангелочков?

– Неужели все это имеется *под* футболкой?

Вот гад! Разоблачил меня в три хода. Как девчонку, лишённую полдника за то, что тайком наелась «Нутеллы».

Я готовлю достойный ответ, но суденышко вдруг начинает раскачиваться.

– Она вам надоедает?

Мамин голос. Невероятно! Она поднялась на борт, как к себе домой, и вмешалась в разговор.

Все мгновенно изменилось.

Во-первых, он.

Такое впечатление, что на палубе нет никого, кроме Пальмы Мама. Она похожа на трепетную лань, невесть как попавшую на плот. Каблуки застревают в сетях, подол платья цепляется за корзину, голос робкий, как у перепуганного мышонка.

Обо мне рыбак забыл.

Даже хуже – меня пригласили, чтобы завлечь маму. Я клюнула на аппетитную наживку, но не поняла расклад. Я сама приманка!

Дождевой червяк!

Червячок для мамочки.

– Не рассказывайте ей историй о ваших дельфинах, – мурлычет Пальма Мама, глядя на афишу. – С виду она бунтарка, но с сердцем нежным, как зефир.

Ну вот, теперь зефир! Ничего остроумней мама придумать не могла.

Ненавижу ее.

– Я не шучу, мадам Идрисси, – отвечает рыбак моей мечты. – Как бы странно это ни выглядело, дельфины – мой бизнес. В заливе Ревеллата обосновалась супружеская пара с потомством. Они мне доверяют. Если ваша дочка захочет, я их познакомлю.

Мама садится, скрестив голые ноги, и «Путешествующий среди звезд» прожигает их взглядом.

– Спросите у нее сами.

Я с недовольным видом складываю руки на груди. Дура несчастная. Ничтожество.

– Как-нибудь в другой раз, – решает мама. – Идем, дорогая?

И мы пошли.

Он ничего не сказал, да это и не требовалось. Помог маме спуститься на причал, поддерживая ее за талию. Она одной рукой опиралась на его голое загорелое плечо, а другой приподнимала юбку! Выглядело все как отрепетированный танец.

– Я могу позвонить вам, если Клотильда передумает?

– Буду рад, мадам Идрисси.

– Пальма. Зовите меня Пальма. «Мадам Идрисси» на острове звучит как имя королевы-матери.

– Скорее уж принцессы.

«Принцесса» хихикает, как индюшка, и все-таки возражает:
– Принцессы почти никогда не садятся на трон. Королями становятся дофины... не так ли, мсье... мсье?
– Анжели. Наталь Анжели.

На обратном пути я обдумываю вывод, к которому пришла.

Да, моя мать способна изменить отцу.

С этим мужчиной.

С Наталем. Наталем Анжели. Он Король-Рыбак[99] и правит сиренами, принцессами и дельфинами.

А ведь... черт, как же трудно это написать!

Плевать, никто не прочтет мой дневник. Я прекрасно знаю, что вы не существуете, мой читатель из будущего.

А ведь он любит меня. И я его люблю.

Не смейтесь, умоляю! Не издевайтесь, все серьезно – так серьезно, что хочется все глаза выплакать над дневником.

Я люблю Наталя.

Влюбилась впервые в жизни.

И ни один другой мужчина ничего с этим не поделает.

* * *

Он перевернул покоробившуюся страницу и несколько минут сидел неподвижно.

С пляжа Ошеллуча доносились мелодии техно.

Он прошелся по аллее, чтобы было лучше слышно.

22

17 августа 2016

02:30

Франк посмотрел на часы.

Что они себе думают?!

Ветер с моря разносил звуки электронной музыки, глухо, монотонно и навязчиво бахали ударные, как будто кто-то поставил

огромный барабан у кромки прибоя и каждая волна била в него, била и била.

Бум. бум. бум. бум...

В кемпинге все спали. При закрытых окнах и дверях шум не проникал ни в бунгало, ни в финские шале, ни в дома на колесах. Чего не скажешь о палатках. Ну что же, тем хуже для туристов! Не исключено, что диско Червоне выбрал не случайно, а как способ выжить их, чтобы поставить новые – капитальные – дома и удешевить стоимость участка под застройку.

Черт, где они? Вряд ли Клотильда пляшет под техно-ассорти.

Франк еще полчаса бродил по кемпингу, встретив несколько страдающих бессонницей теней – обеспокоенных родителей, владельцев собак с питомцами на поводке и несчастных с аллергией на Давида Гетта[100].

Луч фонаря Кло осветил дорогу, было 3 часа 04 секунды. Франк мог бы поклясться в этом под присягой, потому что не сводил глаз с экрана мобильного, контролируя время.

– Где Валу?

Он сразу пожалел, что не задал вопрос в иной форме: «Ну как вечеринка?», «Так что там твоя итальянка?», «Понравился ночной клуб на берегу моря?».

Кло вернулась одна.

Она так устала, что даже лицо осунулось. Франку на мгновение показалось, что жена рухнет на кровать не раздеваясь со словами: «Завтра, все завтра, умоляю, я должна поспать!» Ему не понравилась беспечность, высокомерная беззаботность Клотильды, которая не только выкинула его из игры, но и заставила оправдываться.

– Где Валу? – повторил он.

Клотильда тяжело опустилась на стул. Франк надоел ей своими вопросами, но она все-таки ответила:

– Осталась с подружками. С девчонками из кемпинга. Они вернутся все вместе.

– Ты издеваешься? – Слова выскочили сами собой, произвольно. – Ты что, не в себе? Ей пятнадцать!

Расстрельная команда взяла на изготовку.

– Ладно, я пошел. Приведу нашу дочь, – бросил Франк и исчез в ночи.

Клотильда спала, когда он вернулся.

Во всяком случае, лежала под простыней в маечке «Чарли и шоколадная фабрика».

С закрытыми глазами.

Она оставила окно открытым, Франк подумал: «Начхать», быстро разделся, не зажигая света, прижался к жене и шепнул:

– Все в порядке. Валу легла.

Она не разомкнула губ.

Франк положил голову на обнаженное плечо Клотильды, прихватил ладонью левую грудь.

Сердце на замке.

Он чувствовал дыхание жены, ее сердце стучало в миллион раз громче, в унисон музыке, доносившейся с пляжа.

– Мне очень жаль, Кло. Прости, что нагрубил. Я вдруг испугался за Валентину. И оказался прав – внизу было полно пьяных парней. И обкуренных тоже. Пляж, море, скалы.

Сердечный ритм замедлился.

Губы наконец приоткрылись...

– Что она сказала?

– Валу? Ничего. Наверное, была удивлена, что ей позволили так долго развлекаться.

Бум бум бум бум

С улицы.

Взмах ресниц.

Клотильда осторожно повернулась и посмотрела мужу в глаза:

– Проехали. Страх за ребенка сводит с ума. Ты потрясающий отец.

– И дрянной муж?

Она не ответила, но не воспротивилась, когда он начал ласкать ее, ощутила, как подступает желание, и шепнула:

– Заткнись, идиот!

Они любили друг друга молча, как подростки, чтобы не услышали Валу и люди в соседнем бунгало.

Без слов и слишком быстро.

Потом Клотильда закрылась. Легла на бок. Свернулась калачиком на смятой простыне.

Франк расслабился, «отпустил себя».

Клотильда ускользнула.

Неужели все было предначертано с самого начала?

Он вспомнил, как они впервые встретились двадцать лет назад, на костюмированном вечере у общего друга. Оба только-только поставили точку в любовных отношениях и были свободны. Клотильда нарядилась Мортишей Аддамс[101], Франк – Дракулой. Она вряд ли обратила бы на него внимание, выбери он другой образ. На чем держится жизнь? На маске, которую носишь или отвергаешь? Накануне памятной вечеринки Франк искал костюм Питера Пэна. Не нашел. Судьба...

«Встречи – результат совпадений, – размышлял он. – Игры случая. Раз люди не расходятся, вступив в брак по воле судьбы, значит, она могла бы подобрать другой вариант и все любовные истории одинаковы. Их тысячи тысяч, одни лучше, другие хуже. – Франк вздохнул, посмотрел в окно на квадрат беззвездного неба. – По большому счету, настоящие романы те, в которых один из партнеров с самого начала мухлюет, извлекает выгоду из случая, маскируется, надевает хороший костюм, много лет носит маску и сбрасывает ее, только заманив другого в ловушку, приручив его».

– Как там твоя прекрасная итальянка? – вполголоса спросил Франк в спину жене.

– Хороша. Все еще хороша...

Он бредит. Напридумывал бог знает что, а Клотильда просто переволновалась. Жизнь наладится, он должен перетерпеть. Его палец медленно заскользил вверх по позвоночнику жены.

– Она красивая, но странная, – продолжила Клотильда. – И не помнит Николая.

Палец отклонился влево, потом вправо.

– Двадцать семь лет спустя? Считаешь, это странно? А ты помнишь друзей юности?

Она задумалась.

– Ты прав, не помню.

Франк убрал руку.

Он был разочарован. Знал, что жена сказала неправду.

*Суббота, 19 августа 1989,
тринадцатый день каникул,
небо цвета синих чернил,
как твои глаза*

Дорогой читатель из будущего!

Пишу вам открытку с Корсики – коротенькую, потому что сейчас у меня есть дело поважнее.

Я слишком занята.

Ничего неделанием. Мечтами.

Я два дня не давала о себе знать и теперь – раз уж взялась – сообщаю новости (такое в моей жизни было всего раз, когда меня отправили в летний лагерь в Веркоре и мама положила в чемодан конверты с марками, чтобы я писала тетушкам, дядюшкам и кузенам)...

Итак...

Дорогие все!

Я по-прежнему на Корсике.

Здесь все в порядке, у меня полно друзей.

А позавчера появился возлюбленный.

Ловец дельфинов. Я все время о нем думаю.

Он ничего не знает. И никогда не узнает.

И не полюбит меня.

А вот маму может полюбить.

Моя жизнь – сплошное недоразумение.

В остальном все хорошо.

Обнимаю.

Кло

Знаю, знаю, такой стиль называется телеграфным... Ну извините!

В последние два дня – с тех пор как мне на голову свалился Наталь и мое сердце раскачивается в такт его шхуне – я слегка отдалилась от нашей банды и ее приключений. Мимо проходит Мария-Кьяра, она нарисовала на теле синие джинсовые шорты с карманом, шириной и бахромой. Вышло очень похоже, хотя даже ее попка не влезла бы в такие мини-мини-шорты, обтягивающие, как вторая кожа. Парни

плетутся за ней, точно бродячие псы, и принохиваются... к запаху свежей краски. Мария-Кьяра наблюдает за ними в маленькое зеркальце и играет в Девочку-с-Пальчик, которая роняет на тропу то лифчик, то трусики. С десятков мелких оголодавших людоедов уже взяли след.

Мария-Кьяра все еще не рассталась с невинностью, но во всеуслышание заявила, что улетает в Бари 25 августа и сделает, что обещала, прежде чем сядет в самолет. Через шесть дней. Жар, охвативший маленьких пубертатных самцов, усилился до невозможности.

Хотите знать мое мнение? Я считаю фаворитом самого неспешного. Он ждет, когда другие выбьются из сил. Таков мой брат Николя. Держу пари, Мария-Кьяра выберет его. Когда придет время. Она это знает. Он тоже. Братишка слегка загордился, стал похож на поучающего всех придурка.

Впрочем, я необъективна.

Потому что влюблена.

Хочу снова увидеть Наталя. Мечтаю, чтобы он заметил меня. И взял на борт.

Я не знала, что так бывает: смотришь на мужчину пятнадцать минут, перекидываешься парой фраз и... начинаешь думать о нем день и ночь.

Это и есть любовь?

Любить – значит страдать из-за человека, которому нет до вас дела? Он давно обо мне забыл, а заговорил только потому, что хотел подкатиться к маме.

Я права, скажите мне?

У мамы, кстати, фора перед папой: вчера они спорили о вечере 23-го, и он сдался. Мы отправимся на аперитив в Арканю, к бабушке с дедушкой, а потом родители отпразднуют годовщину в *Casa de Stella*.

Все кузены будут слушать концерт «А Филетты»... Кроме нас.

Мама победила и получит свой букет шиповника на День святой Розы. Она даже слегка возгордилась – и поглупела. Ладно, зато мы избежали песнопений.

Я все вам расскажу, но сначала опишу, как прошел сегодняшний день.

19 августа 1989 года...

Далеко, очень далеко отсюда.

Совсем рядом с маминым сердцем.
Безумный трюк.

* * *

«19 августа 1989-го...» – повторил он про себя.

После этого дня все в мире изменится, хотя никто не оценил всей его важности. Величайшие революции, меняющие судьбы человечества, приходят неузнанными.

19 августа 1989-го. Заря нового мира.

Всем было начхать – мир ушел в отпуск.

Всем – кроме Пальмы.

24

17 августа 2016

10:00

– Я ждал тебя раньше, Клотильда. Думал, стану первым, с кем ты встретишься.

Клотильда смотрела на море через панорамное окно виллы Пунта Росса. Вид был головокружительный. Казалось, что дом висит на скале, откроешь балконную дверь – и ныряй в Средиземное море. Окна на другой стороне смотрели на хребты Балани: часовня Нотр-Дам де ла Серра на первом плане, холм Капу ди а Вета – на втором, а вдалеке Монте-Чинто – самая высокая гора на Корсике.

Чудо, неподвластное времени.

Постарел только Наталь.

Сильно постарел.

Она сделала несколько шагов по эстакаде над скалами Пунта Росса, стараясь, чтобы ее не заметили собравшиеся у маяка туристы. Франку она сказала, что хочет навестить капитана Кадна и узнать, нет ли новостей насчет бумажника. Сказала полуправду, здесь действительно жила дочь полицейского... Аурелия Гарсия стала медсестрой, работала в филиале клиники скорой помощи Балани, уходила из дома рано и возвращалась после полудня.

Наталь предложил ей кофе. Она ответила: «С удовольствием...»

Он явно тянул время.

Сразу разбить лед не получится.

Ветерок ерошил ей волосы. На террасе было так хорошо, что в комнату идти не хотелось. Как правило, все дома похожи, как близнецы, типовые строения на типовых же участках. Даже в буржуазных, богатых кварталах люди живут в одинаковых квартирах. И все-таки за хмурыми фасадами скрывается множество тайн, личные драмы происходят в интерьерах, где все вещи, каждая рамка с фотографией на стене, книги на полках отражают личный вкус и душу человека.

На вилле Пунта Росса все наоборот!

Наталь построил на красных скалах странное шале из дерева и стекла своими руками, когда ему было двадцать лет. Любители пеших походов, открывающие для себя дом Наталья с самой высокой точки «тропы таможенников», считали, что в этих стенах обитает особенный человек. Каждая деталь дышала оригинальностью, балки с лепными дельфинами были инкрустированы ракушками. Виллу Пунта Росса тысячу раз фотографировали, гуглили и фейсбучили. Клотильда регулярно набирала *Пунта Росса*, смотрела на чудо архитектуры и мечтала о его создателе. Никому бы и в голову не пришло, что внутри обстановка самая что ни на есть банальная: икейские шкафчики, книжный стеллаж, тумба под телевизор, буфет, табуретки, журнальный столик, на белых стенах несколько постеров. Поцелуи Климта, уроки игры на рояле Ренуара, лилии Моне.

– Держи... – Наталь поставил чашку на столик.

Он сказал, что времени у него немного, к одиннадцати нужно быть на работе. «Я возглавляю рыбный отдел в гипермаркете *Super U* в Люмио».

– И не смотри на меня так, Клотильда.

– Как – так?

– Как будто ты разочарована... Всем этим. И мною.

– С чего бы мне разочаровываться?

– Не усугубляй.

Наталь вышел и сразу вернулся с бутылкой в руке и крошечной рюмкой-наперстком, до краев наполненной розовой жидкостью.

Ликер или лекарство?

Ему чуть за пятьдесят, но он еще красивей, чем двадцать семь лет назад. Разочарованный. Меланхоличный. Немного циничный. Она шагнула в комнату и увидела фотографию Аурелии, висящую над полированной горкой, где за стеклом красовались коллекции подставок для яиц, колец для салфеток и чайных банок. Хозяйка дома была в белом халате с логотипом больницы на нагрудном кармане, она улыбалась.

– Я вовсе не разочарована, Наталь, просто не могу поверить.

– Я тоже.

Он снова налил себе миртовой водки. 40 градусов. Из погребов Дамиани. Не лекарство.

После стольких лет разлуки Клотильда не могла отступить.

– Наталь... – Она отвела взгляд от портрета хозяйки дома. – Теперь я могу сказать, Наталь. Все эти годы я не писала и не звонила, но не расставалась с тобой. Ты сопровождал меня по жизни. Я говорю не о лете восемьдесят девятого, когда мы катались на «Арионе» по заливу Ревеллата, а о том, что началось потом. Ты был живым доказательством, что нет ничего невозможного. Как объяснить... Я воспринимала тебя как компас, который укажет мне главный пятый элемент где-то рядом со звездами.

Ответ причинил ей боль.

– Ты не должна была, Клотильда... я этого не заслуживал... Такова уж наша жизнь – смотреть, как идола юности старятся. Разочаровывают нас. И умирают первыми.

«Я все равно облегчу душу, – подумала она. – Терять мне нечего».

– Все это неважно. Я была влюблена в тебя...

Наталь выпил очередную стопку.

– Знаю... Но тебе только-только исполнилось пятнадцать.

– Угу. И я коллекционировала черепа. Одевалась как зомби. Любила призраков.

Наталь молча покачал головой, и Клотильда продолжила:

– Ты любил мою мать, и это меня бесило. Не только из-за отца.

Он подошел, коснулся ее плеча, не осмелившись на более интимный жест.

– Ты слишком сильно злилась на мать. И очень любила отца. По логике вещей, должно было быть наоборот, но в пятнадцать лет не все

понимаешь правильно.

Клотильда отступила к эстакаде. Ее насторожили слова Наталя.

Не все понимаешь правильно.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего, Клотильда. Ничего. Знаешь поговорку: «Не будите спящую собаку...» Не тревожь покой родителей.

Наталь перевел взгляд на горы.

– Я не ненавидела маму, просто ревновала. Смешно. Особенно на фоне случившегося.

На мгновение глаза Наталя зажглись, Клотильде показалось, что ей снова пятнадцать, но он тут же отвернулся.

– Ты была дурочкой. Мне нравились твои черные одежды, бунтарский вид, дневник и книги под мышкой. Непокорная – вроде меня, хоть и другая.

В мозгу Клотильды звучали слова, произнесенные Наталем на пляже Ошеллуча в другой жизни. Она их не забыла.

Мы с тобой одной крови, Клотильда. Ловцы снов и мечтаний против всего мира.

Он снова налил себе водки, сел в кресло с бархатной обивкой жуткого темно-фиолетового цвета.

– Я посмотрел «Битлджус»... А еще – «Эдвард Руки-ножницы». И каждый раз думал о тебе. Чокнутая Лидия Дитц разговаривала с призраками. Ты все так же сходишь с ума по Вайноне Райдер?

А ты как думаешь, любимый?

– Конечно. Пять лет назад мы с моей дочерью Валентиной пошли на «Черного лебедя». Ей не понравились ни фильм, ни актрисы, а я была в восторге.

Очередная порция водки. Явный перебор, хотя уровень жидкости в бутылке существенно не понизился.

– Между прочим, Вайноне Райдер было восемнадцать, когда она влюбилась в тридцатилетнего Джонни Делпа, – продолжила Клотильда. – Они жили вместе четыре года. Обручились. Джонни с ума сходил от страсти и даже сделал татуировку на предплечье *Winona Forever*[102], представляешь?

Наталь промолчал. Собственно, это была своеобразная форма ответа, учитывая продолжение истории. Романтические любовники

расстались, совсем убрать татуировку Депп не смог и укоротил ее до *Wino Forever*[103].

Юношеские мифы.

В них веришь, потом разочаровываешься и отвергаешь.

Топишь мифы в миртовой водке.

Наталю нечего было сказать.

В отличие от Клотильды. Она так легко не сдастся. Наталь прочно угнездился в разлапистом кресле, казалось, что в ближайшее время он не сумеет встать на ноги и отправиться в свой отдел мороженой рыбы торговать моллюсками и треской.

– Вчера вечером я встречалась с Марией-Кьярой. После концерта на пляже Ошелучча.

– Знаю. Видел афиши.

– Кстати, поет она хорошо. А еще я любовалась «Арионом»...

– Да, старичок стоит на прежнем месте, цепляется за жизнь.

Наталь крутил в пальцах пустую рюмку, словно вдруг так обессилел, что даже не мог налить себе.

– Червоне я вижу каждый день – мы живем в кемпинге «Эпрокт», – как и Орсю. Представляешь, я его не узнала! Мы ездили к дедушке Кассаню и бабушке Лизабетте, там была Сперанца, но...

– Чего ты добиваешься, Кло?

Хочу тебя спровоцировать. Растормошить. Разбить бутылку об стену и спихнуть тебя в море, чтобы протрезвел. Мне нужно рассказать тебе о странностях и загадках, от которых внутри все болит, и попросить о помощи. Потому что я доверяю только тебе.

– Я ищу правду, Наталь! Понимаешь? Правду. Могу прямо сейчас перечислить все, что пошло не так после возвращения на Ревеллату. Твой тесть сержант Гарсия рассказал, что рулевое управление «фуэго» испортили намеренно. Из сейфа в бунгало украли мои документы. Без взлома. Невозможно? И тем не менее... Но это цветочки по сравнению с остальным. С письмами. Ты решишь, что я свихнулась, но мне плевать! Я получаю послания с того света. От Пальмы.

Наталья била дрожь. Он не глядя поставил рюмку на ближайший столик, будто она жгла ему пальцы.

– Повтори.

– Письмо ждало меня в бунгало С29. Неделю. Его могла написать только моя мать. – Клотильда издала натужный смешок. – Поневоле поверишь в призраков, как думаешь? Не хватает только дара Лидии...

Наталь встал. Сделал несколько твердых шагов по комнате, как будто внезапно протрезвел.

– Они существуют, Лидия...

– Лидия?

– Клотильда, конечно, Клотильда. Они существуют.

– Кто?

– Призраки.

Нет, он все еще пьян.

– погоди, сейчас ты узнаешь то, что я никому не рассказывал. Даже Аурелии и ее отцу... Я живу в этом доме, как в тюрьме, живу с Аурелией, отказался от всех своих планов – из-за призраков. По вине *одного* призрака. Ты была права, Клотильда или Лидия, называй себя как угодно. Призраки – не сказка, не страшилка, и они портят нам жизнь. Ты тоже примешь меня за чокнутого, ну и ладно, а теперь уходи. Аурелия скоро вернется, не думаю, что она обрадуется, застав тебя здесь.

Он издевается?

– Какого черта ты с ней живешь, отвечай! И не вали все на призраков.

Наталь посмотрел на крест на холме Капу ди а Вета.

– Забавно, Клотильда, душой ты постарела больше меня. Перестала верить в странные, иррациональные вещи. Игнорируешь знаки. Раз ты ничего не желаешь слышать о моем призраке, скажу просто: у меня были причины уступить Аурелии. Настоящие, веские причины. – Его глаза потухли. – Пары, поженившиеся по расчету и не питавшие иллюзий, часто живут вместе до конца своих дней. По очень простой причине, Клотильда. Она неприглядна, но истинна: их не ждет разочарование. Все получается лучше, чем можно было вообразить. Об идеальной истории любви и об африканской страсти никто не скажет, что финал лучше начала.

В голове Клотильды завывала тревожная сирена. На помощь! Только не ты, Наталь, только не ты. Любой болван имеет право лепетать подобные благоглупости, но не ты!

Она годами вспоминала о нем, когда что-то шло наперекосяк. О Натале Анжели, ловце сирен, человеке, приручившем дельфинов и мечтавшем о звездах. Он сумел передать свою веру пятнадцатилетней девчонке, убедил, что надежда есть.

Наталь Анжели.

Он отставляет наперсток, в котором утопил свои иллюзии, и собирается на работу в супермаркет. Боязливый взгляд мечется от одного окна к другому, как ящерица в виварии, между *tage* и *monti*[104], словно он не знает, откуда появятся призраки и утащат его с собой.

– Ты счастлива с мужем, Клотильда?

Бац! А на что она рассчитывала?

Собиралась изобразить придурочную училку-зазнайку.

Девочка-бунтарка, черепа, волосы цвета воронова крыла.

На что она рассчитывала?

Увидеть человека, не разочаровавшегося в жизни?

25

***Суббота, 19 августа 1989,
тринадцатый день каникул,
небо цвета берлинской лазури***

Странно. Вторая половина дня, а люди сидят перед телевизорами. Во всяком случае, некоторые.

Приклеились к экранам, как будтостряслось что-то очень серьезное. Я попыталась выяснить, что именно, и прошла мимо автодачи итальянцев, которые завели огромную плазму, пристроили к двери бетонную лестницу, замостили плиткой аллею и посадили по периметру участка анютины глазки и герань.

Ничего. Я не заметила на экране ничего особенного.

Ни покушения, ни войны – так, банальные картинки. Вы не поверите: люди приехали на пикник, расстелили на лугу среди холмов льняные салфетки, сидят и едят. А обитатели нашего кемпинга тоже сидят и смотрят, как они поглощают пиццу!

Но вот слово берет журналист. Я не слышу слов, но могу прочесть подбрюшник.

«Прямая трансляция из Шопрона».

Шопрон?

Услышав это слово, вы, естественно, не вздрагиваете, потому что оно вам ничего не говорит. А ведь Шопрон – это название маленького венгерского городка на границе с Австрией с населением шестьдесят тысяч человек. Не подумайте, что я знаток географии, а о Шопроне знаю, потому что оттуда родом мамина семья.

Чудно, да? Я вас предупреждала.

Что все операторы планеты Земля забыли в Шопроне?

Я мчусь домой, в бунгало С29.

Все в кемпере[105] у наших соседей Якоба и Анке Шрайбер, родителей Германа. У них есть телевизор, а у нас нет.

– Мама, что произошло?

Пальма Мама прикладывает палец к губам. Никто не оборачивается, все прилипли к пластиковым стульям и уставились в экран, где семьи в спортивных костюмах поедают куриные ножки и пьют пиво. Что за бред? Что там происходит, в этой самой Венгрии?

Воскрешение Сисси?[106]

Конец света?

Летающая тарелка приземлилась прямо на скатерть для пикника, и оттуда появились инопланетяне размером с муравьев?

Только через несколько долгих минут я поняла, что публика не сводит глаз с немцев, которые проводят отпуск в Венгрии. Уточняю: это восточные немцы. А холмы вдалеке – австрийские.

Ну, уловили?

Не совсем? Ладно, прочту вам лекцию.

19 августа 1989 года венгерские и австрийские власти договорились на три часа открыть границу. Железный занавес падает. Венгры-то давно ходят туда-сюда, а теперь это смогут делать граждане любой страны. Операция «Калитка нараспашку»! С 15:00 до 18:00 устроили «Европейский пикник» (так они это назвали). Военные вмешиваться не захотели.

Слух разлетелся очень быстро, и восточные немцы не заставили себя долго просить. Человек шестьсот, случайно оказавшихся в Венгрии в отпуске, перешли границу, не дожидаясь, когда «калитка» захлопнется. Журналисты держат пари, что ни один не вернется.

Писаки уверяют: «Это исторический момент, первая брешь в стене между Востоком и Западом, пробный шар, чтобы выяснить реакцию русских»[107].

Выяснили.

Реакции – ноль.

Горбачеву плевать.

Нервничает только восточноевропейское начальство, вождь Эрих Хонеккер в ярости. В прямом эфире из Восточного Берлина он орет, прижав руку к сердцу, а за его спиной стоят люди из Штази и согласно кивают.

Берлинская стена простоит еще сто лет!

Die Matter bleibt noch 100 Jahre![108]

Он повторяет эту фразу.

Die Matter bleibt noch 100 Jahre!

Как будто хочет вбить историческую истину в головы согражданам.

Die Matter bleibt noch 100 Jahre!

Впишем эту максимум золотыми буквами в исторический альманах нелепиц и анекдотов.

* * *

Смешно...

Он мысленно повторил немецкие слова.

Die Matter bleibt noch 100 Jahre!

Когда над оливами поднималось солнце, в бунгало становилось невыносимо душно, совсем как в забытой на жаре консервной банке. Клотильде нравилось париться на манер каннеллони в пароварке. Она обожала лежать в постели, чувствуя, как температура ползет вверх, а тело становится мокрым от пота. Для полного счастья недоставало собственного душа, а еще лучше – бассейна, чтобы прыгать в воду, едва открыв глаза, и плавать, плавать, плавать...

Франк уже отправился на пробежку. Валу спала – заботливый папочка поселил ее в комнате, куда солнце приходит после полудня. Любимая малышка...

А между тем взбудораженной девчонкой чувствовала себя именно Клотильда. Она коснулась мобильного и вновь прочитала послание, полученное в 04:05 утра.

Рад был тебя повидать. Ты стала очень красивой женщиной, Клотильда, хотя мне больше нравилась Лидия Дитц. Наверное, потому, что я научился уживаться с призраками.

Наталь

Обдумывая ответ, она перечитывала три строчки в мессенджере.

Я тоже рада. Ты все так же хорош, Наталь, хотя мне больше нравился ловец дельфинов. Но теперь я умею жить без призраков.

Кло

Она погрузилась в сладостную эйфорию. Сегодняшний Наталь мало чем напоминает мужчину, которого она не забывала ни на один день, но, как это ни странно, разочарование таяло. Как будто кумир ее юности, певец с идеальной фигурой, сошел с глянцевого постера, и оказалось, что каждое несовершенство делает его еще более соблазнительным. Человечным. Милым.

Клотильда помнила Наталь, по которому сходила с ума в пятнадцать лет. Тогда он был для нее недостижимой мечтой, а двадцать

семь лет спустя стал хрупким разочарованным фантазером. Непонятым. Недолюбленным. Несчастливо женатым.

Иными словами, все еще свободным!

Все еще свободным! Парадоксальное определение... Наталь все еще свободен... потому что женщина украла его свободу. Клотильда засмеялась. По большому счету, все влюбленные женщины – воровки, они мечтают о встрече с прекрасным принцем... чтобы заточить его в подвале.

Клотильда положила телефон на тумбочку и погрузилась в дрему, закопавшись в горячие влажные простыни, как в полотенце в турецкой бане.

Ее разбудил Франк:

– Спасибо за завтрак, дорогая.

Черт, она выпала из жизни на целых полчаса!

Клотильда открыла глаза и не отклонилась, когда Франк поцеловал ее в лоб, хоть и не поняла, с чего вдруг муж расщедрился на ласку.

Спасибо за завтрак?

Она резко повернула голову и увидела накрытый стол.

Свежий хлеб, круассаны; кофе, чай, мед и пиалы. Фруктовый сок и джемы.

Неужто Франка так сильно вдохновил пробег до Нотр-Дам де ла Серра, что он решил поразить ее воображение, приготовив еду? А фраза «спасибо за завтрак» – не что иное, как ироничное приглашение к столу. Мужественный спортсмен тормозит вялую бездельницу...

Клотильда бросила виноватый взгляд на телефон.

Нельзя все испортить...

Она чмокнула мужа в шею:

– Спасибо.

– За что? – удивился Франк.

– За королевский пир. Не хватает только вазочки с розой.

– Хочешь сказать, это не ты? – изумился он.

– Конечно, нет, я спала.

– А я только что вернулся.

Оба изумленно-недоверчиво посмотрели на дверь, за которой спала их дочь.

Валу?

Поверить в то, что она проявила внимание к родителям, было еще труднее, чем в тайное вмешательство эльфов. Девочка недовольно заворчала, когда отец отодвинул штору и луч солнца попал ей на лицо.

Не Валентина, не Франк, не она сама...

Так кто же?

Клотильда накинула рубашку, подошла к столу и обратила внимание на детали, которые не заметила сразу. Стол накрыли на четверых, что было сущей ерундой по сравнению с другими совпадениями.

Франк вышел из комнаты дочери, Клотильда взяла его за руку и кивнула на стакан с розовато-оранжевым соком и белую пиалу:

– Николя всегда сидел на этом самом месте, на краю стола. И каждое утро пил грейпфрутовый сок и молоко.

Он промолчал, и Клотильда продолжила, ткнув пальцем в чашку и еще теплый кофейник:

– Папа садился напротив и пил черный кофе.

Чайник, два пакетика.

– Мы с мамой больше любили чай. Она покупала варенье на портовом рынке – из инжира и плодов арбутуса[109].

Клотильда повернула баночки этикетками к Франку, отодвинув хлебную корзину.

Инжир и арбутус.

Она оперлась о стол, не доверяя ногам.

– Все здесь, Франк. Все, как...

Он закатил глаза:

– Как двадцать семь лет назад, Кло? Как ты можешь помнить, что за варенье вы ели за завтраком двадцать семь лет назад? Марку чая?

Она бросила на мужа недобрый взгляд:

– Как? Да очень просто! Это были последние моменты, прожитые с моей семьей! Последний совместный завтрак. С тех пор я тысячи ночей и дней провела с призраками мамы, папы и Нико. Они подсаживались рядом каждое утро, когда ты уезжал на работу и я оставалась одна. Да, я помню, Франк. Каждую деталь.

Он тут же сдал назад, сменив угол атаки:

– Ладно, Кло, ты права... Но признай, что речь идет о простом совпадении. Чай, кофе, фруктовый сок, местное варенье. Так завтракают девять семей из десяти.

– А стол? Кто накрыл на стол?

– Понятия не имею. Может, Валу нас дурит? Или ты. Или я? Не исключено, что это чья-то глупая шутка. Что, если это твой друг Червоне или его верный Хагрид решили проявить внимание? Кажется, оба тебя обожают.

Клотильда вздрогнула, услышав прозвище Орсю, и с трудом справилась с желанием ударить ногой по шаткому столику, чтобы остывший кофе и подтаявшее масло оказались на полу.

Спокойствие Франка выводило ее из себя.

– Кто-то хочет навести тебя на мысли о прошлом, Кло. Не втягивайся в эту игру. Не пытайся узнать, кто...

Она не дослушала – заметила на стуле сложенную пополам газету. «Монд». Свежий номер.

Клотильда смотрела на нее с таким ужасом, как будто боялась, что страницы вот-вот загорятся.

– А... газета?

– Аналогично. Инсценировка. Думаю, твои родители, как все отпускники, каждое утро читали газету.

– Ни-ко-гда! – отрезала Клотильда. – Мои родители никогда не читали газет на отдыхе. Это случилось всего раз. Один-единственный. Папа отправился в Кальви, принес «Монд» до того, как проснулась мама, и положил ее на стул. В то утро мы последний раз завтракали вместе. На следующий день папа отправился с кузенами в трехдневное плавание на яхте к Кровавым островам[110], а вернулся 23-го, в день аварии.

У Франка было такое выражение лица, словно он внезапно перестал понимать человеческий язык.

– 19 августа 1989 года венгры впервые «взорвали» Железный занавес[111]. В Шопроне, на границе с Австрией, в родном городе моей матери. И она впервые в жизни прочла статью в газете, которую принес отец. Номер за 19 августа. Сегодня тоже 19-е. Это не может быть совпадением! И все же...

– Что – все же?

На секунду Клотильде показалось, что Франк ломает комедию, что никто другой не мог накрыть стол, не разбудив ее, но она прогнала нелепую мысль и продолжила:

– И все же никто другой не был в курсе. Только Николая, мама, папа и я. Это семейная история, пустяк, не более того. Папа просто купил «Монд», мама за пять минут прочла полстраницы, положила газету под мангал, а в полдень ее сожгли. Никто не мог знать – кроме нас четверых. Понимаешь, Франк? Сегодняшний номер мог принести один из нас... выживший.

– Это не стул твоей матери, Кло...

«Ошибаешься! – хотелось крикнуть Клотильде. – Очень даже ее!»

Помешала Валентина:

– Вы закончили ругаться?

Она была в халате *Betty Boop*[112] непричесанная и почему-то осунувшаяся. Девочка села за стол – на место призрака Николая, протянула руку за газетой, поднесла к губам чашку с кофе, скорчила недовольную гримасу:

– Фу, холодный!

Клотильда удрученно наблюдала за дочерью.

– Нужно снять отпечатки, Франк.

Он вздохнул. Посмотрел на жену как на безумную, перевел взгляд на дочь. Одна как будто заняла место другой, отняла ее молодость, красоту, радость жизни... рассудок.

Валентина открыла варенье, намазала на тост, с аппетитом откусила. Она наслаждалась жизнью, вкусной едой, солнцем, долгим сном. Чудесными каникулами. А Клотильда не могла отделаться от мысли, что дочь оскверняет все, к чему прикасается. Каждый ее жест разрушал тайный священный порядок.

Франк прав: она сходит с ума.

– Ваш муж дома?

– Нет. Он ныряет в заливе Галерия.

Капитан Кадна появился только через три часа. Франк выдержал час ожидания и смылся. По телефону жандарм сказал, что ничего не понял, но все-таки приедет – в первую очередь, чтобы окончательно закрыть историю с украденным бумажником. Он провел свое небольшое расследование. Ничего не нашел.

Капитан уже две минуты ходил вокруг бунгало.

– А ваша дочь?

– Отправилась с друзьями в поход. В каньон.

Стоявший рядом Червоне Спинелло кивнул, подтверждая. Многие подростки, отдохавшие в кемпинге, сели в минивэн и поехали в ущелье Зоикю.

– Не знаю, что еще можно сделать, мадам Барон.

«Снять отпечатки, кретин! А потом сравнить их с отпечатками туристов из кемпинга, ведь “пошутил” наверняка один из них. Нужно допросить свидетелей, всех, кто сегодня утром проходил мимо моего бунгало. Но главное – перестань считать меня умственно отсталой».

Игрок нападения, сосланный на остров Красоты, смотрел на нее, бессильно опустив руки. Червоне наверняка его проинформировал. Об аварии, случившейся двадцать семь лет назад, и о том, что выжившая потихоньку сходит с ума.

Директор кемпинга положил руку на плечо Кадна. Мужская солидарность. Сговор третьего тайма между измотанным игроком и *тем, кто платит*.

– Выпьем по стаканчику на посошок? – спросил Спинелло капитана.

Жандарм-регбист не отказался. Клотильда понимала, что ей не поможет ни полиция, ни кто-то другой. Придется выпутываться самой. В одиночестве планировать срочные встречи со свидетелями, расспрашивать, пытаться разговорить.

Мерзавку Марию-Кьяру, которая отреагировала на нее так, как будто увидела привидение, даже дверь перед носом захлопнула.

Дедулю Кассаню, с самого начала знавшего о подстроенной аварии.

Наталя. Да, именно так, ведь у него есть собственный призрак.

Чем больше становилось тайн, тем яснее Клотильда понимала, что разгадку нужно искать в воспоминаниях о лете 1989 года, но в голове сохранились только обрывки, впечатления, вспышки, пропущенные через фильтр ночных кошмаров. Разве можно доверять этим рваным воспоминаниям? Нужны существенные факты и надежные свидетели. Она отдала бы все на свете, чтобы иметь сейчас дневник, в котором тогда делала записи.

Почему никто так его и не вернул?

Нужна отправная точка, ниточка, за которую можно потянуть и размотать весь клубок, первые кадры фильма о собственной жизни – они потянут за собой остальное. И она знает, где искать!

Клотильда снова посмотрела на столик, перевела взгляд на аллею, где стоял Орсю с граблями и лопатой в здоровой руке. Он как будто знал. Все видел, но ничего не мог сказать.

Это подождет. Ни Орсю, ни Мария-Кьяра, ни Кассаню не располагают нужными ей доказательствами.

Они тоже подождут.

Клотильда мысленно чертыхнулась. В ста шагах от нее, через две аллеи и три кемпера, находилась вся заархивированная память кемпинга «Эпрокт». Все факты и жесты. Все лица и взгляды.

Пятьдесят лет истории.

Остается убедить хранителя музея показать ей книги.

27

***Суббота, 19 августа 1989,
тринадцатый день каникул,
небо цвета голубой лихорадки***

Потихоньку-полегоньку, мой невидимый собеседник, я пишу вам огрызком карандаша в третий раз за сегодняшний день. Волнение вокруг Шопрона вроде бы поутихло, решетки железного занавеса захлопнулись – поздравляю тех, кто остался на правильной стороне. Пальма Мама отправилась загорать, как только с экрана телевизора исчезли австро-венгерские холмы и в студии собрались геополитики. Я пошла в любимый грот ждать захода солнца. Я забыла рассказать, что морские тюлени – мерзляки, они любят лежать на раскаленных скалах и греться, а еще – плавать в теплой воде, не ниже двадцати пяти градусов. Люди давно всех тюленей истребили, и я стала сквоттершей, квартирую в их гроте. Тут пахнет мочой, пеплом и солеными водорослями, зато море заходит в гости. Сидишь внутри, наблюдаешь, а тебя видят только рыбаки, вынимающие из ловушек лангустов, раков-медведок и морских ежей.

Мы похожи. С ежами.

У меня больше нет сил составлять из слов фразы, пусть этим занимаются те, кому есть что сказать, например журналисты «Монд», вещающие о «прорыве» занавеса на другом конце света. Или корреспонденты «Корс-Матен» – они раскручивают историю Драго

Бьянчи, подрядчика из Ниццы, чье тело в изодранной одежде выловили из моря. Он якобы упал с парома в бухте Аяччо. А я буду просто любоваться словами... в произвольном порядке.

– У тебя что-то случилось, Клотильда?

Сначала я вижу удочку и только потом – Базиля Спинелло. Директора кемпинга. Приятеля дедули.

На худой конец, можно пообщаться и с ним. Я вам потом расскажу.

– Что не так, Клотильда?

– ...

– Откуда эта меланхолия? На тебя не похоже... Обычно ты своего настроения не показываешь.

Наверное, Базиль произнес волшебную фразу, и я вдруг заговорила о своей жизни:

– Я влюбилась.

– Ну, в твоём возрасте это естественно, детка.

– А вот и нет. Я полюбила не придурка-ровесника.

– Это ты о ком так выражаешься?

– ...

– О моем сыне? О Червоне?

– Не только!

Базиль хохочет как мамонт. От этих громоподобных звуков падают с потолка сталактиты в моей пещере.

– Знаешь, красотка, – подмигивает Спинелло-старший, – у корсиканцев всего один недостаток: они любят свои семьи. Это незыблемый принцип...

Старик умолкает, но я прекрасно понимаю, что он не решается сказать.

Корсиканцы любят свои семьи, и это незыблемый принцип. Значит, если у тебя сын придурок, люби придурка!

Базиль меняет тему:

– Кто твой избранник?

– Наталь Анжели... – Ответ вылетает практически против моей воли.

– Ну и дела!

– Ты его знаешь?

– Да... Могло быть хуже. Наталья не бездельник, не идиот и не урод. Он из хорошей семьи. Его отец Панкраций долго возглавлял

клинику в Кальви, потом развелся, переехал и открыл другую, на Ривьере. Говорят, твой прадед Антоний Идрисси подарил ему тысячу квадратных метров на мысе Пунта Росса – за аортокоронарное шунтирование, благодаря которому он прожил лишних пять лет. Когда родители разошлись, Наталь разругался с отцом, но семья есть семья, и Панкраций, перед тем как уехать в Италию, отдал участок сыну. Местные считают Наталя безвредным мечтателем из-за виллы под маяком и историй о дельфинах. Его называют болтуном-идеалистом, но, если хочешь знать мое мнение, Наталь – хитрец, придуривается, чтобы никого не напугать своими демонами. Его план насчет дельфиньего заповедника, морских прогулок и «свидания с китообразными» может получиться. Да, именно так, не смейся. Люди чувствуют его искренность и готовы дорого за это платить. За открытость. Правдивость. Подлинность. Твой Наталь, милая, похож на золотоискателя, нашедшего богатую жилу. Он делает вид, что ничего не случилось, не хочет, чтобы набежали другие старатели. Одно плохо, Кло, Наталь – старый холостяк, слишком старый для тебя.

Базиль произносит последнюю фразу удрученно-участливым тоном, как нежнейший дядюшка.

– Я знаю... знаю. Но хочу именно такого мужчину.

– И ты его найдешь. Если научишься терпеть, ждать и умеришь пыл.

– Наталь предложил сплавать завтра утром в открытое море у мыса Ревеллата и посмотреть на дельфинов.

– Соглашайся! Не исключено, что ты нужна ему.

– Зачем?

– Пораскинь мозгами, девочка, ты же не идиотка. Зачем Наталю ты и, конечно же, твоя мама?

Итак, Базиль в курсе насчет Наталя и мамы. Все всё знают, а я ничего не вижу. Здорово...

– Думай, Клотильда. У Наталя грандиозный план – построить Храм дельфинов, чтобы изучать их и охранять. Морской дом-музей китообразных. Экоздание, встроенное в окружающую среду. Ты не забыла профессию своей матери?

– Она архитектор.

– Кому принадлежит участок?

– Дедушке...

– Точно! Моему другу Кассаню. Я хорошо знаю старого безумца. Проект Наталя Анжели вполне жизнеспособен, но Кассаню осторожен и недоверчив. Убедить старика будет непросто, он не любит перемен.

Значит, Наталь решил воспользоваться нами, чтобы подольститься к дедуле?

Или Базиль бредит...

– Дед прав, что сомневается. Согласен, Базиль? Я приезжаю раз в год, но обожаю остров, «Эпрокт», пляж Ошелучча, мыс Ревеллата и хочу, чтобы все оставалось как есть. Никто не смеет ничего менять в течение тех одиннадцати месяцев, что меня тут нет. А потом я взмахну волшебной палочкой, как фея в «Спящей красавице», и разбужу всех – в июле!

– Перемены неизбежны, Клотильда. Ты тоже изменишься. Быстрее корсиканского пейзажа.

– Необязательно. Ты вот остался прежним, Базиль.

Директор кемпинга кивнул:

– Твоя правда! Увы, это скорее недостаток, чем достоинство. Корсиканцы не умеют меняться, мы с твоим дедом в том числе. Уважение, честь, традиции... Жизнь станет другой вопреки нашему желанию. Мы не вечны, а после нас все пойдет кувырком. – Он посмотрел вдаль, на горы и кемпинг. – Честно говоря, я предпочту не дожить, так-то вот, девочка.

К счастью (тьфу-тьфу-тьфу!), Базиль Спинелло был в добром здравии и *уже* видел перемены.

По тропинке над гротом спускалась к морю компания подростков. Возглавляла процессию Мария-Кьяра, вся в белом кружеве, за ней шел Герман. Циклоп нес на плече транзистор, орудий «Ты мое сердце, ты душа моя»[113] группы *Modern Talking*. Приемник кочевал с плеча на плечо, следуя за зигзагами Марии. Червоне и Эстефан тащили тележку с пивом. Николя шагал чуть в стороне. Аурелия держалась в нескольких метрах позади него, за ней плелись Тесс, Стеф, Ларс, Филипп, Канди, Людо...

Стадо перебирается на пляж де л'Альга.

* * *

Он захлопнул тетрадь и приложил ладонь к холодной каменной стене пещеры.

Базиль поступил правильно, сдавшись на милость раку ободочной кишки.

И тупицы завоевали рай.

28

19 августа 2016

15:00

Все хорошо. Валу

К сообщению прилагалась фотография Валентины в шлеме и страховочной упряжи. Группа подростков позировала над величественным водопадом. У Клотильды не было причин волноваться: Валентина – спортивная девочка, ребятами руководят опытные тренеры, но ее мучило предчувствие. Наверное, все дело в загадках и тайнах, их становится все больше, вот нервы и сдают. Франк прав в одном: хватит думать, пора действовать.

Клотильда дошла по дорожке из розового гравия до кемпера А31, считавшегося образцовым. Хозяин поставил на крыше солнечные батареи, завел регенератор воды и маленький ветряной двигатель на мачте рядом с немецким флагом.

Якоб Шрайбер был старейшим постояльцем кемпинга «Эпрокт». Впервые они с женой приехали на Корсику в начале 60-х, на мотоцикле, с рюкзаками за спиной. В 70-х они вернулись – на «ауди 100» – с трехместной палаткой и малышом Германом. Тому едва исполнилось три месяца. Семья стала приезжать каждый год. В 1977-м они сняли кемпер А31, а в 1981-м купили его. Те годы стали лучшими в их жизни – Якоб окультурил свой участок, развел садик и пристроил веранду, – а в 90-х история потекла вспять. Герману исполнилось девятнадцать, летом он остался дома, в Леверкузене, и два месяца работал в «Байере», так что Якоб и Анке отдыхали вдвоем. В 1993-м Анке совершила свое последнее и бесповоротное путешествие, и с тех пор Якоб по три месяца в году жил в «Эпрокте» один.

В каждой деревне живет свой абориген-эрудит, хранящий ее историю, на любом предприятии есть архивариус, а в кемпинге эту работу делал турист-первопоселенец.

Почти шестьдесят сезонов подряд начиная с 1961 года.

Лучшие фотографии Якоб подарил хозяевам, и они развесили их в административном корпусе, в баре и под перголой. Черно-белые снимки запечатлели женщин в бикини самых первых моделей, танцы на пляже в шароварах, франко-немецкие футбольные сражения 1962-2014 годов, улыбки детей, гигантские барбекю... Якоб Шрайбер был страстным фотографом, а еще чертовски дотошным и аккуратным. Со временем немец превратился в немного свидетеля. Почти немного.

Он пригласил Клотильду в дом со старомодной учтивостью. На стенах без какого-то видимого порядка висели сотни фотографий. Первым, инстинктивным побуждением Клотильды было найти интересовавший ее год, но она сдержалась – из вежливости.

– Мне очень нужны снимки, сделанные летом 1989 года, господин Шрайбер.

– Снимки аварии, в которой погибли ваши родители и брат? – У него был сильный акцент, говорил он громко, перекрикивая радио. Немецкая станция передавала не музыку – что-то монотонно вещал диктор. – Понимаю, конечно... Я все понимаю.

Он схватил свой мобильник и принялся жать на кнопки. Это длилось секунд тридцать, и у Клотильды возникло желание ответить на эту странную невоспитанность и самостоятельно отыскать нужные карточки.

– Прошу меня извинить, мадемуазель Идрисси, – сказал Якоб. – Я вдовец на пенсии с причудами маленького мальчика. Знаете такую передачу – «Кто хочет стать миллионером, не выходя из собственной гостиной»?

Клотильда покачала головой.

– Это телевикторина, адаптированная для радио. Чтобы играть, нужно установить на телефон специальное приложение. Ведущий задает вопрос, ответ нужно дать в течение трех секунд – за это время подсказку в интернете не найдешь. Выбираешь вариант, печатаешь А, В, С или D и, если не ошибся, играешь дальше. Вариантов не дают только к трем последним вопросам.

– И выигрываешь миллион?

– Кажется, так. За все платят рекламодатели. В Германии к игре подключились сотни тысяч человек. Я, как и большинство немцев, ни разу не дошел до второго вопроса.

– А сейчас?

– Я на девятом. Второй уровень начинается на двенадцатом. У меня есть время до следующего вопроса – пятнадцать минут. Реклама – великое дело! Значит, лето 89-го, я правильно понял?

Якоб встал – легко для семидесятилетнего – и направился в соседнюю комнату.

– Здесь жил Герман, – объяснил он, не оборачиваясь. – В девяностых я переоборудовал помещение в фотостудию.

На стеллажах стояли подписанные и пронумерованные архивные коробки.

Лето 61-го.

Лето 62-го.

И так далее – вплоть до 2015-го. Материалы последних лет Шрайбер заархивировал во множестве папок.

– Я делаю сотни фотографий в год. До появления цифровых фотоаппаратов каждое лето тратил десятки катушек пленки. Так, восемьдесят девятый...

Он влез на табурет, снял с полки коробку и повернулся к Клотильде:

– Если ваших родителей убили, есть все шансы найти лицо исполнителя на одном из снимков.

Он это серьезно?! Нет, улыбнулся.

– А я стану свидетелем, которого необходимо устранить... Не думаю, что вас привела ко мне ностальгия, как туристов со стажем, они иногда просят стародавние фотографии.

Старик снова посмотрел на экран своего телефона. «Это просто мания какая-то, – подумала Клотильда. – По радио звучат отбивки, а не очередной вопрос!»

Немец открыл коробку.

На мгновение Клотильде показалось, что у Якоба сию секунду случится сердечный приступ.

Валентина ждала своей очереди, чтобы прыгнуть в пустоту. Ничего мудреного. Первые семь метров спускаться по веревке, ближе к середине водопада зависнуть на маленькой площадке, сделать глубокий вдох, зажать нос и прыгнуть. Водоем внизу – самый широкий естественный бассейн в ущельях Зоикю. Глубина – три метра, если верить инструкторам.

Нильс и Клара уже спустились, сейчас прыгнет Тахир, потом она.

Валентина не могла знать – возможно, к лучшему.

Она не могла знать, что карабин, к которому крепилась обвязка, вот-вот откажет. Что при первом же слишком резком движении страховочный фал не выдержит.

Девочка чувствовала только возбуждение, никак не страх. Тахир прыгнул, издав дикий вопль. Когда он вынырнул, его встретили громким смехом.

Чистое счастье. Выброс адреналина.

Валентина не могла знать, что за несколько минут до выхода снаряжение намеренно испортили.

Ее очередь.

Инструктор Жером положил руку ей на запястье, закрепил веревку и подвел к краю.

Папка была пуста.

Лето 89-го.

Ни фотографий, ни негатива.

– Я... я не понимаю, – пролепетал Якоб.

Он шарил в коробке, как будто искал второе дно, что выглядело почти комично, потом заглянул за соседние коробки, но ничего не обнаружил и начал открывать другие, бормоча то *Scheisse*[114], то *Verdammt*[115]. Пропажа фотографий потрясла его душу до основания, ведь остальной архив тоже может улетучиться, как падают, толкая друг друга, костяшки домино. Клотильда не решалась сказать старику: «Остановитесь! Вы не совершали ошибки, архивы забрали. Здесь побывал призрак. Он же украл бумажник из сейфа, принес записку от моей матери и накрыл стол к завтраку...»

– Не понимаю... – продолжал бубнить Якоб.

Из навязчивого состояния его вывела прозвучавшая по радио отбивка: ведущий викторины готовился задать следующий вопрос.

Старик замер, вслушиваясь. Последовала непонятная фраза и варианты ответов: А – Гете; В – Манн; С – Кафка; D – Музиль.

Ein, Zwei, Drei...[116]

– *Ya, Antwort B*[117], только Томас Манн бывал в санатории в Давосе[118], сомнений быть не может! – возликовал Якоб.

Радостное возбуждение растаяло через несколько секунд, пустая коробка вернула беднягу к печальной действительности.

– Немудрено потерять самообладание, мадемуазель Идрисси. Неделями перебираю эти папки, а в тот день, когда меня просят показать одну из них, выходит вот такая чертовщина...

– Ничего страшного, господин Шрайбер. Как вы сами сказали, это просто ностальгия.

– Сожалею, что не сумел помочь, фрау Барон, я тренирую мою проклятую память и продолжу это делать, обещаю.

Ведущий назвал верный вариант: В – Томас Манн. Последовал очередной нескончаемый блок рекламы.

Клотильда встала.

Снова тупик. Теперь на очереди Мария-Кьяра и Кассаню. Потом придется вернуться к отставному жандарму и поговорить с ним, а еще лучше – с его дочерью Аурелией.

Блямкнул телефон Клотильды.

Наталь.

Она залилась краской, как девчонка, которую застали за разговором с возлюбленным, и выключила мобильник. Не сейчас. Она прочтет сообщение позже. Пойдет в любимый грот и прочтет.

– Успокойтесь, господин Шрайбер, очень вас прошу!

Немец почесал лысину, прикрытую редкими седыми волосами.

– Если вы не очень торопитесь, я попробую найти все, что вам нужно, на облаке.

– На чем?

– На *облаке*. Это своего рода спасательное пространство в сети. Я потратил много лет и отсканировал все фотографии начиная с 1961 года и припрятал их в виртуальном бункере. Если моя дача сгорит или ее унесет торнадо, дело всей жизни не пропадет: на *облаке* архив будет храниться вечно, как на кладбище. Мне нужно надежное подключение к Wi-Fi, флешка – и я все найду.

Клотильда плохо разбиралась во всех этих компьютерных премудростях, но ей казалось маловероятным, чтобы рыскающий по кемпингу призрак мог проникнуть «на облако» и украсть файлы, которые стерегут ангелы.

К ней вернулась надежда.

– Возьму ноутбук и пойду в административный корпус, – пообещал Якоб, – там самая надежная связь. Я попрошу Червоне Спинелло разрешить мне поработать там, а потом распечатаю все на принтере. Надеюсь, завтра утром вы получите снимки. Договорились?

Клотильде очень хотелось кинуться ему на шею, но она удержалась. Хорошо бы прозвучал новый вопрос радиоведущего, тогда можно будет смыться.

Она включит телефон и побежит в грот читать послание.

Реклама закончилась. Зазвучала песня.

– Хотите чаю, мадемуазель Идрисси?

Жером страховал Валентину. Он понемногу стравливал веревку, сантиметров по десять за раз.

Рутинная работа. А девчонка молодец. Храбрая и горячая.

Еще пять метров – и она окажется на площадке, отвяжет страховку и прыгнет, как учили, «солдатиком», чтобы не повредить спину и шею.

Жером отвлекся на одно короткое мгновение, но даже будь он предельно сосредоточен, это ничего бы не изменило.

Инструктор почувствовал, что веревка ослабла, как будто на другом конце не было никакого груза. В ту же секунду она повисла в пустоте, как длинная змея, а Валентина полетела вниз. Свернувшись в клубок и прижав голову к коленям.

*Суббота, 19 августа 1989,
тринадцатый день каникул,
голубое небо Schtroumpf farceur*[119]

Время: полночь.

Место: кемпинг «Эпрокт», пляж де л'Альга, далеко от родителей.

Повестка дня: заговор 23 августа 1989.

Присутствующие: все, кого пригласил главный смутьян.

Предупреждаю, мой невидимый читатель, речь пойдет о секретном плане. О нем никто не должен знать. Я вам доверяю, но поклянитесь держать язык за зубами.

Крест на пузе?

Договорились. Не исключено, что вы откроете этот дневник после 23 августа 1989 года, но, может, прочтете и после 2000-го, когда будет изобретена машина времени. Вдруг вам взбредет в голову переместиться в прошлое и вмешаться?

Успокойтесь, план не смертоубийственный.

Мозг банды – Николая. Да, именно так, мой брат! Скрытный малыш Нико, такой милый с родителями, взрослыми и девушками. Все проделки замышляет он. Вдохновитель, разработчик, режиссер.

Короче: у Николая есть план на вечер Святой Розы.

Все подготовлено. Гениальное представление, отрепетированное по минутам, как налет на самое большое казино Лас-Вегаса.

После 19:00...

Аперитив у дедули Кассаню и бабули Лизабетты, в овчарне Арканю, с мамой, папой, кузенами и соседями.

Между 20:00 и 21:00...

Родители едут ужинать в *Casa di Stella*. Ночуют там. Просыпаются поздно утром, влюбленные друг в друга.

После 21:00...

Практически все корсиканцы, живущие в бухте Ревеллата, в том числе те, кто пьет и ест в Арканю, отправляются на концерт в церковь Санта-Лючии, что в самом сердце маккии. Учитывая размеры часовни, лучше не опаздывать, иначе музыкантов «А Филетты» придется слушать стоя.

Следовательно, после 21:00:

Freedom!

Freiheit!

Libertad!

Libertà!

Нико предупредил с акцентом мафиози: «Это единственное за все каникулы окно без предков, нельзя его упускать!» Как только взрослые отбудут, состоится вылазка в «Камарг». Самый большой ночной клуб на острове, находящийся за сосновым бором. Нико комбинирует, планирует, прикидывает, ему осталось только набрать команду, как в фильме «Миссия невыполнима», решить, кого он посадит в «фуэго».

Бедные дебилы и идиоты!

Они не знают, что в любом боевике у главаря всегда есть второй – тайный – план, а подельников он просто использует. Николая вовсе не собирается везти четырех прыщавых подростков на танцульки, его не интересуют ни ламбада, ни вечер с пеной. Единственное сокровище, которое он жаждет украсть, единственный бриллиант, которого он вожделеет, спрятан в стрингах Марии-Кьяры.

23 августа, великий вечер перехода к действию, розыгрыш главного лота вещевой лотереи.

Он это знает.

Она это знает.

Они это знают.

Вот он каков, их секретный план.

Тайна Святой Розы. Николай всегда любил поступать, как папа.

А я?

Спасибо за заботу, мой читатель из будущего... Остальным до меня дела нет.

А я? А я а я а я?

Как обычно, довольствуюсь ролью немого свидетеля. Я – та, что молчит. Размышляет всю ночь, встает на заре и следует за фантазером, сказавшим: «Ты будешь плавать с дельфинами!» Я – свидетель, все знаю, но ничего не говорю.

Я слишком любопытна и упряма – для своих пятнадцати лет.

Я знаю, что слишком мала и не могу поехать с остальными, Николай ясно дал мне понять.

Он меня достал!

Желаю всей этой компашке попасться до 23-го.

* * *

Он захлопнул тетрадь и встал.
Не время отвлекаться. Клотильда медленно, но верно приближается к правде.
Надо действовать.
Заткнуть рты.

30

19 августа 2016

18:00

Клотильда в пятый раз набрала номер больницы.

– Ответьте, прошу вас, да ответьте же!

Она стояла под оливой, прислонясь спиной к корявому стволу, из глаз текли слезы, сердце готово было разорваться.

Десять минут ушло на перебранку с коммутатором. Набрать 1, потом 2, решетку, звездочку, попасть не туда, обругать медсестру, которая «не в силах помочь, ничего не знает, попытается переключить мадам на справочную».

Бип... бип... бип...

– Дайте мне поговорить с дочерью, черт бы вас всех побрал!

Телефонистка поставила ее на ожидание, и тут пришел вызов по второй линии.

Франк. Наконец-то...

– Где ты?

– В больнице Кальви! С Валентиной. – Муж ответил еще высокомерней, чем звездный хирург, которого оторвали от дела из-за банального прыщика.

– Как она?

Не тяни, мерзавец, отвечай!

– Тут Червоне Спинелло. Он привез Валу на джипе в приемный покой скорой помощи, час пытался до тебя дозвониться, но попадал на голосовую почту. Зачем ты отключила телефон? Это безответственно, Кло! Я оставил Валентину на тебя, а ты... Где ты была?

Она провела час с Якобом Шрайбером и совсем забыла о телефоне. Старый немец говорил только о себе, своем сыне Германе, который очень преуспел в жизни – стал инженером в *HealthCare AG*, филиале

компании «Байер», и женился на оперной певице. У них трое прелестных детишек, белокурых, как все поколения Шрайберов со времен Вильгельма II. Якоб всучил ей номер любимого сыночка, участника и свидетеля лета 89-го.

– Где ты была? – повторил Франк.

Нужно собраться. Она не может сейчас дать слабину. В конце концов, Франк ведь тоже был «недоступен», никто не знал, где он, потому-то Червоне и повез Валу в больницу. Клотильда спросила, повысив голос:

– Как Валентина?

Франк как будто не услышал... но прочел ее мысли.

– Хорошо, что Червоне удалось меня предупредить! Дозвонился до кого-то в клубе ныряльщиков, тот связался с инструктором на яхте. Нас немедленно вернули в Галерию – пятнадцать человек, оплативших свое место. Я был на глубине десяти метров под водой, когда Валу упала, Кло, а ты – в кемпинге, но...

– Как Валу, черт бы тебя побрал?! – взорвалась Клотильда.

– Теперь ты за нее переживаешь?

Ирония в голосе Франка подействовала, как капля смертоносной серной кислоты.

Идиот! Ответь, как там моя дочь?!

– Умоляю, Франк!

Ты получил, что хотел, услышал, как я рыдаю! Говори же...

– С ней все в порядке, – снизошел Франк. – Несколько ушибов на локтях и подошвах. Инструктор уж так хвалил нашу дочь, так хвалил... Не запаниковала, собралась в считанные секунды. Валу очень способная. Мало кто из девчонок сумел бы, да и мальчишек тоже. У тебя потрясающая дочь. Исключительная. Красивая. Храбрая. Хладнокровная.

Хватит, Франк, я все поняла. Твоя малышка идеальна. И ее мать должна соответствовать.

– Когда вы вернетесь?

– Не сию минуту. Врачи хотят понаблюдать за ней. Придется заполнить кучу бумаг. Все могло быть очень серьезно, Кло, мы избежали чудовищной драмы... ты не представляешь...

Еще как представляю... сволочь!

Вернувшись из душа, Клотильда увидела припаркованный рядом с бунгалом «пассат». Было около восьми вечера. Она прибавила шагу, а Валентина остановилась. Мать обняла дочь, уткнулась носом в шею своей драгоценной дылде и все повторяла и повторяла: «Крошка моя, бедная моя девочка, слава богу, ты цела...»

Валентина ежилась – ей было неловко.

– Ты же вся мокрая, мама.

Клотильда отстранилась. Полотенце, в которое она завернулась, действительно намочило адидасовскую майку девочки. Не нарочно.

– Пойду переоденусь...

Две минуты спустя Валентина облачилась в анилиново-зеленый топ и короткую юбку, собрала волосы в стильно растрепанный пучок, накрашила губы и глаза.

– Меня ждут ребята.

Девчонка избежала смерти – и ей плевать. Она воспринимала смерть как старую даму, с которой при встрече следует вежливо поздороваться и... разойтись. В пятнадцать лет все чувствуют себя бессмертными.

– Кто именно?

– Тахир, Нильс, Жюстен. Хочешь взглянуть на их документы?

Клотильда промолчала, но снова едва справилась с дурным предчувствием, ощущением грозящей им всем опасности.

Франк налил себе пива. Часы, проведенные в больнице, утомили его, но Клотильда не испытывала сочувствия. Она не простила мужу его тона в телефонном разговоре. У него нет монополии на страх, у нее тоже оборвалось сердце, когда она узнала о несчастном случае.

Франк кликал по зеленым, красным и синим конфеткам в *Candy Crush*[120] и отвечал на вопросы жены тем безразличным тоном, каким мужчины всегда разговаривают после тяжелого рабочего дня.

Да, карабин не выдержал, нет, причина неизвестна, наверное износился, да, они проверяли перед выходом, но ничего не заметили, нет, инструктор ни при чем, все очень удручены, но такое случается, нет, он не намерен устраивать скандал и не будет подавать жалобу, да, все хорошо закончилось, ночь сна – и Валу забудет.

В голове Клотильды звучали слова Франка.

Безответственная... Ты осознаешь, насколько безответственно ведешь себя?! Где ты была?

На этот раз муж оставил отравленные кинжалы в ее груди: успокоившись, он не стал извиняться. Клотильда сдержала слезы. Она вспомнила фразу из какой-то книги: «Женщина, плачущая перед любовником, получает от него все, что хочет; та, что плачет в присутствии мужчины, который ее не любит, шансов не имеет».

И пошла в наступление:

– Есть уверенность, что это был несчастный случай?

Франк дождался, пока три конфетки не взорвались, выстроившись в ряд, слегка повернул голову и мгновенно перешел от усталой расслабленности к агрессии:

– Что ты хочешь сказать?

– Ничего... Просто... Слишком много совпадений. Падение Валу, дефектный карабин. Шесть дней назад украли мои документы... Сегодня утром кто-то накрыл стол к завтраку.

– Прекрати! – Франк так стукнул телефоном по столику, что в воздух поднялось облачко пыли. – Прекрати! Твоя дочь чудом спаслась, Кло, спустись на землю, забудь весь этот бред с потерянными и вновь обретенными друзьями. Дьявольщина, я больше не вынесу!

Франк резко поднялся, пластмассовый стул опрокинулся. Он потерял самообладание, чего с ним никогда не случалось. Он был на грани срыва – думал, что его дочь погибла или останется парализованной до конца дней.

Значит, Клотильда тоже должна быть в куриной истерике?

Раз это не так, она – дурная мать?

Франк сунул телефон в карман, повернулся, чтобы уйти, и бросил напоследок:

– И еще одно. Когда ходишь в душ, не оставляй мобильник на кровати.

Черт, черт, черт...

Клотильда вспомнила о сообщениях Наталя. Убедившись, что с дочерью все в порядке, она минут десять переписывалась с ним, и они договорились встретиться на следующий день. Наталь пригласил на чай привидение (его слова) – Лидию Дитц, именно и только с ней он хотел общаться. Ничего компрометирующего в посланиях вроде не было, но в каждом предложении был подтекст, Франк – не идиот, мог догадаться.

Клотильда тоже могла укусить.

– Ты залез в мой телефон?

– А тебе есть что скрывать?

Неужели он посмел?

Франк шагнул в темноту:

– В баре собираются покеристы. Червоне меня пригласил. Я решил сходить. – Прежде чем исчезнуть в ночи, он обернулся и произнес, медленно роняя слова: – Прощу последний раз, Кло, забудь! Займись дочерью. Мужем. Сегодняшней жизнью. А все остальное выбрось из головы!

31

**Воскресенье, 20 августа 1989,
четырнадцатый день каникул,
небо цвета морской бездны**

Он врун. Все мужчины вруны.

Это обман, шутка, хитрый план.

Чтобы заманить меня в ловушку.

«Арион» качается на волнах, а Наталья все говорит и говорит – о дельфинах, белугах, нарвалах, морских свиньях и всех китообразных Средиземного моря. Он описывает естественную среду их обитания, ум – «Это вовсе не легенда!» – и обучаемость. Объясняет, как их найти, употребляя сложное слово *апвеллинг*![121] На французском это означает следующее: находишь уголок океана с большой глубиной и сильным течением, которое выталкивает на поверхность... питательные вещества. Течения на месте не стоят (ха-ха, каламбур!), но дельфины – большие хитрюги и умеют их находить. Наталья тоже умеет! Самое главное из течений – лигурийско-провансальское, которое, на нашу удачу, проходит в десяти километрах от акватории Ревеллаты.

Кто купится на эти сказки?

Точно не я. Наверняка найдутся девицы, одетые в стиле *Hello Kitty*[122], в бикини «Барби» и бейсболки «Минни Маус», которые будут визжать от восторга при мысли об объятиях с дельфинами. Меня мускулистый улыбчивый морской разбойник не проведет. Он сказал: «Лучше переоденься, не то напугаешь моих прирученных друзей», но я не из тех, кто по первому слову мужчины меняет униформу. Я надела черные джинсы, футболку и бейсболку с логотипами фильма

«Челюсти» Стивена Спилберга. Клевый образ, хотя понравится скорее зубастым хищницам, чем интеллектуалам Мирового океана.

Мы прибыли в сердце его заповедника. Ничего особенного я не почувствовала, разве что ветер и качка усилились. Маяк де ла Ревеллата за нашими спинами стал похож на зубочистку, воткнутую в канапе. Наталь заглушил мотор и начал молиться. Вроде как.

Я знала слова наизусть.

*Оказавшись в безмолвии, ты тут останешься.
Если ты решаешь, что хочешь умереть за них,
Остаться с ними навечно,
Они приближаются и взвешивают твою любовь.*

Я замолчала. Наталь был впечатлен.

*Если она искренняя,
Если чистая
И если ты им нравишься...*

Я позволила ему закончить.

Тогда они унесут тебя с собой навсегда[123].

Согласитесь, довольно чудно цитировать диалог из фильма в открытом море.

Наталь закурил, даже не подумав предложить мне сигарету. Ну конечно, он ведь считает меня сопливой девчонкой!

– Долго ждать не придется, – сказал он между двумя затяжками. – Помнишь историю Маленького принца? Как он себя вел, когда приручал Лиса? Что считал самым важным?

– ...

– Приходить каждый день в одно и то же время. Увидишь, принцесса, прирученные дельфины похожи на рыжего хитрюгу. Они

привязываются к человеку и приплывают точно в назначенный час. Гляди...

Он плавно взмахнул рукой, приглашая меня повернуть голову налево.

Я ничего не вижу. Наталья снова вешает мне лапшу на уши:

– Там... замри...

Господи, они правда здесь... Я их видела.

Клянусь, я ВИДЕЛА их, как ручку, которую держу в руке, и тетрадь, в которой пишу!

Четыре дельфина – два больших и два поменьше – плыли к нам, выпрыгивали из воды, ныряли, снова появлялись и тут же погружались.

Я заплакала. И лила слезы, пока Наталья разговаривал с ними и кормил рыбой. Я терла глаза, и пальцы становились черными от расплывшейся туши.

– Проголодался, Орофин? Не жадничай, пусть твоя семья тоже поест! Лови, Идриль! Галдор, Татиэ[124], ну-ка посторонитесь!

Клянусь, четыре дельфина находились метрах в трех от нас, вокруг был не дурацкий океанариум, а море, мы явились в гости, значит, должны что-нибудь подарить, вот и нечего экономить на мороженой рыбе!

– Хочешь к ним?

– А можно?

– Конечно, если ты умеешь плавать...

Еще бы я не умела.

Я мгновенно разоблачилась, и Наталья не удержался от улыбки, увидев на мне бикини. В этой улыбке не было ничего порочного – так улыбается отец, обнаружив, что его маленькая девочка надела бальное платье прямо на пижаму.

Я нырнула, не дав Наталью насладиться сапфировыми пайетками на сизо-синем фоне и цветочками с жемчужинами-росинками.

Я касалась их, клянусь, гладила малышей Галдора и Татиэ.

Не верите? Ну и ладно! Моя ладонь скользила по плавникам и гладкой шкуре, ощущала мельчайшие неровности. Я смотрела под воду и видела, как одним движением хвоста они уходили на десятиметровую глубину, а потом в два приема снова поднимались на поверхность. Это не сон, не греза, мой будущий читатель, а нечто большее... За гранью земного опыта.

Я плавала с дельфинами!
– Вылезай, – сказал Наталь, заводя двигатель. – Хочу тебе кое-что показать.

* * *

Солнце зашло за бунгало аллеи С.
Он закрыл тетрадь и посмотрел на фотографию, сделанную летом 1961-го. Пора заканчивать. Нужно заткнуть глотку прошлому, развести большой костер, все сжечь и развеять золу.
Как будто ничего не было.

32

19 августа 2016

20:00

– Ваше пиво, герр Шрайбер.

Марко, молоденький официант из бара «Эпрокт», убедился, что бутылка «Битбургера» хорошо охладилась, и только после этого подал ее Якобу. Каждое лето патрон заказывал восемь ящиков этой марки для старейшего постояльца кемпинга – этакая имперская привилегия, восходящая к эпохе Бисмарка.

– *Danke*[125].

Немец даже глаз от компьютера не поднял. Марко терпеть не мог Шрайбера. Он был из тех клиентов, которые много о себе понимают: снисходительно улыбаются, поучают, объясняют отчего и почему – в частности, почему раньше «все было лучше» – обслуживание, кофе, мотоциклы и Средиземное море... В одном нельзя было упрекнуть Якоба Шрайбера: в свои семьдесят с гаком он был энергичен, любознателен и не гнушался объяснять, чем карбоновые шары для петанка лучше шаров из нержавеющей стали, в чем превосходство фотопленки над цифровой записью и насколько пиво, сваренное вручную, вкуснее заводского.

Его дни в кемпинге проходили строго по тактической схеме 4-4-2[126]. Партия в петанк утром, от десяти до двадцати фотографий сразу

после полудня и бутылка пива вечером. И так изо дня в день. Казалось, этот человек собирается прожить еще как минимум лет двадцать.

Такие не играют в покер с соседями-туристами в общей гостиной.

Якоб нервничал. В его возрасте неожиданности противопоказаны. *Скопировано 67 %* – указывала серая полоска, медленно окрашивавшаяся в бледно-зеленый. Файлы на экране компьютера мелькали со скоростью титров в новых полицейских сериалах – на вкус Якоба, недостаточно быстро. Ему нужно было скачать с облака порядка восьми сотен фотографий, сделанных летом 89-го. Они хранились в высоком разрешении (300 dpi), его старичок-ноутбук напрягался и тормозил, а может, Wi-Fi в баре был плоховат.

До конца копирования осталось 11 минут. Сообщение напоминало лживую рекламу, ожидание в очереди или пробке. Секундная стрелка на часах Якоба без устали наматывала круги по циферблату.

21:12

Следующий, последний за день вопрос викторины прозвучит через полчаса.

Скопировано 73 %

Он терпеливо ждал, разглядывая висящие на стенах бара пять постеров и шесть фотографий, которые сам же и подарил Базилю и Червоне Спинелло, попросив взамен одну-единственную привилегию: пиво, бретцели и кнакеры[127] прямо из Рейнской области.

Лето 1961-го, 71-го, 81-го, 91-го и 2001-го.

Якоб с гордостью творца смотрел на снимки, запечатлевшие быстротекущее время, – от первых канадских палаток до «самораскрывающихся» иглу; от спальных мешков на пляже до «самонадувающихся» матрасов; от костров до навороченных барбекюшниц. Совершенно неожиданно – он даже свой «Битбургер» не успел допить – загрузка завершилась!

Schei e![128]

Старик сделал последний глоток, зачерпнул горсть бретцелей, сунул под мышку ноутбук и подхватил чехол с шарами для петанка. Он никогда не расставался со своими *Prestige Carbone 125 Demi-dure*, ценя их на вес золота. Злые языки утверждали, что на ночь герр Шрайбер

прячет свое сокровище под матрас и спит на нем, как Принцесса на горошине.

Вечер плавно перетекал в ночь. Цикады, прятаясь от жары в оливах, возвестили конец дня, как хор муэдзинов с тысячи минаретов. Якоб Шрайбер не обратил внимания на звуки у себя за спиной. Он шел быстрым уверенным шагом, ноги в носках и кожаных сандалетах сами несли его к бунгалу. Так уже было – 8 июля 1990-го, когда Германия выиграла чемпионат мира по футболу и он выпил восемь банок пива с туристами разных национальностей. Герман и Анке еще были с ним, он до конца лета пил местное пиво, а потом дал себе слово никогда больше не быть таким транжирой. Два года назад Якоб в одиночку наблюдал за новой победой своей страны и даже не стал открывать бутылку, чтобы отпраздновать гол Марио Гётце во втором дополнительном тайме[129].

Германа и Анке с ним уже не было.

Он открыл дверь кемпера, положил чехол с шарами на пол у стола и включил транзистор. Время есть, двенадцатый вопрос прозвучит после рекламы, через девять минут. Якоб устроился в гостиной, включил ноутбук и кликнул на папку «Лето 89-го». Его мысли были заняты вопросами № 9,10 и 11. Он удивительно легко на них ответил, что странно: за семь лет ему ни разу не удалось перешагнуть за десятый... Неужели малышка Клотильда Идрисси приносит удачу? Ответив на десятый вопрос, он выиграл энциклопедию Брокгауза в двадцати четырех томах. Теперь у него стало аж три экземпляра, семьдесят два толстенных тома, и он всерьез подумывал перевезти один комплект на Корсику.

Двенадцатый вопрос соответствовал третьему уровню, до которого добирался один игрок из миллиона – если верить статистике, выложенной на сайте. Денежные выигрыши не предусматривались, зато можно было получить VIP-пропуск в пинакотеки, монументальный комплекс мюнхенских музеев, с правом посещения закрытых для публики галерей и реставрационных мастерских[130]. Прилагался дополнительный бонус: перед уходом скульптор лепил бюст посетителя, потом его выставляли в специальном зале. Всего семнадцать «яйцеголовых» немцев вошли таким образом в историю.

Якоб находился в одном вопросе от того, чтобы стать восемнадцатым.

Он рассеянно просматривал фотографии лета 89-го. Удивительно, как ясно сохранились в памяти лица: малышка Клотильда, Николя Идрисси, Мария-Кьяра Джордано, Аурелия Гарсия, Червоне Спинелло. Тех, кто приезжал всего раз, он помнил хуже, но несколько имен всплыло – Эстефан, Магнус, Филипп. Шрайбер быстро пролистал пейзажные и жанровые снимки и сосредоточился на подростках.

Итак, фотографии пропали, что, безусловно, выглядит тревожно. И пропажа явно связана с возвращением на остров Клотильды Идрисси. «Будем последовательны – сначала игра, а к снимкам вернемся позже...»

Никогда прежде Якоб не чувствовал себя таким собранным.

Потому и не услышал скрипа гравия под окнами.

Диктор сообщил, что задаст пресловутый двенадцатый вопрос ровно через минуту. В правой руке Якоб сжимал телефон, левой – она нервно подрагивала – продолжал двигать мышку.

Лето-89 проплывало по экрану. Пляж де л'Альга на закате, Тюлений Грот на восходе, партия в петанк, подростки танцуют, административный корпус, стоянка.

Noch 30 Sekunden[131], предупредил радиоголос.

Якоб потер глаза – что-то беспокоило его на очередном снимке.

Дверь бунгало медленно отворилась.

Noch 15 Sekunden.

Якоб как загипнотизированный смотрел на машины, стоявшие в кемпинге «Эпрокт», узнавая, среди прочих, красный «фуэго» Идрисси. Ту самую машину, которая через двадцать четыре часа разобьется на скалах Петра Кода. Подпись гласила: «23 августа 1989», но внимание старого немца привлекла не датировка, а подросток, смотревший на автомобиль взглядом человека...

Noch 05 Sekunden.

...знающего, что произойдет.

Noch 01 Sekunde.

Якоб закрыл глаза, чуть выставил вперед большой палец и сконцентрировался. Диктор выпалил вопрос со скоростью пулемета MG 08[132]. На ответ было три секунды.

Варианты: А – Менхенгладбах; В – Кайзерслаутерн; С – Гамбург; D – Кельн.

Ein.

Он знал ответ!

Zwei.

Он не сомневался, хотя был осторожен от природы. Перед его мысленным взором встала картина: палец касается верного ответа на экране, с ним связываются журналисты, его фамилия крупными буквами напечатана в местной газете.

В Большой галерее Новой пинакотеки выставляют его голову из бронзы.

Drei.

Это было последнее, что зафиксировал мозг.

Якоб никогда не перейдет на третий уровень.

Палец замер в нескольких миллиметрах от сенсорного экрана телефона, и в этот самый момент кто-то ударил его в правый висок. Якоб рухнул на пол, потянув за собой стол, ноутбук и телефон.

В узком коридорчике кемпера А31 лежал человек в крови, с пробитой головой.

В последний момент он увидел изображение на экране компьютера, валявшегося в нескольких сантиметрах от его лица.

Та же фотография – «фуэго» на стоянке и человек, *знающий, что будет*. Нынешним вечером они поздоровались за руку, и тот спросил, не случилось ли чего, зачем в столь поздний час понадобился интернет.

Червоне Спинелло.

Он колебался много долгих минут, слишком долгих.

Ликвидировать фотографии – плевое дело, достаточно выбросить ноутбук в мусорный контейнер, и он исчезнет без следа. Туда же пойдут и шары для петанка, так что орудия преступления никто никогда не найдет.

Но что делать с телом старого немца? Воспользоваться ночной темнотой и тишиной? Слишком поздно, уже слишком поздно.

По аллее А шла шумная компания, наверняка покеристы доиграли партию и теперь обсуждают, насколько успешно блефовал каждый, исключительные удачи и безнадежные ставки. Следом за этими появятся остальные картежники, значит, нужен другой выход.

Теперь, когда все кончено, он нуждается в покое.

Он вытер кровь с рук и шаров, вымыл пол, покинул кемпер, дошел до самого дальнего фонаря и открыл дневник.

Все было красным.

Все, кроме этой тетради со словами глубокого синего цвета.

* * *

*Воскресенье, 20 августа 1989,
четырнадцатый день каникул,
небо цвета дельфинидина*

Дельфинидин, мой читатель из будущего, это научное название голубого пигмента, который содержится в лепестках цветов. Правда, невероятно? Этого пигмента не хватает розам, поэтому на свете никогда не будет ни одной голубой розы!

Я – не роза.

Я сохну на камнях пляжа Ошелучча. Пусть Наталья пялится сколько хочет на мой купальник наивной наяды в синих тонах – без черепа, скелета, черного цвета.

«Арион» стоит на приколе у скал. Пляж Ошелучча – не секретная бухта, куда можно попасть только с моря. Существует узкая тропинка, которая ведет от моря прямо в кемпинг «Эпрокт», но она слишком крутая, чтобы спускаться по ней во вьетнамках с солнечным зонтом под мышкой. Вот почему на пляже Ошелучча всегда меньше народу, чем на пляже де л'Альга.

Сейчас мы тут одни.

Наталья Анжели говорит, я на этот раз внимательно слушаю.

– Сама видишь, Клотильда, это идеальное место для моего заповедника. Для начала будет достаточно построить причал для швартовки, кассу и бар. За образец я возьму бухту Тамарин на Маврикии[133], возможно, ты о ней слышала?

Я качаю головой, закрываю глаза. Хочу слушать его голос, пусть говорит что хочет.

– В той бухте обитают десятки дельфинов. От желающих выйти в море нет отбоя, приходится ограничивать число кораблей. На Маврикии это превращается в индустрию, но здесь все будет иначе. Выход в море станет привилегией избранных, а дальше посмотрим, как пойдет. Если все получится, построим настоящее здание, бассейн с морской водой, медицинский центр, пригласим небольшую команду исследователей...

Я чувствую, что он поворачивается ко мне, подходит ближе. У него холодная тень.

– Ты поговоришь с дедом? Сделаешь это для меня?

Я открываю глаза.

Вот он стоит, красивый и загорелый, как неуловимый пират, в бандане на бритом черепе и босой. Черт, этот тип просит меня о помощи, а сам умеет разговаривать с дельфинами! Он словно вышел из книги или фильма, взял меня за руку и отвел туда.

– Конечно... С чего бы деду отказывать?

– Да ему плевать на китообразных, на туристов и на меня. Но если попросит внука, влюбленная в дельфинов...

Наверное, в этот момент мне бы следовало начать ломаться, торговаться, ставить условия, но я не могу и просто хлопаю в ладоши.

– Я все сделаю! Каким представляешь музей?

Наталь открывает рот и начинает «петь», используя незнакомые слова: экологические нормы, семейство стандартов ISO[134], по которым проходит сертификация, композитные материалы, очистные сооружения, бюджет... Я упускаю нить, но тут пират произносит слово, выбивающееся из общего ряда. *Мама*. Я вздрагиваю.

Кажется, я впервые ему тыкаю.

– Ты говорил об этом с мамой?

– Конечно. Она архитектор, специализируется на экозданиях, у нее есть практическая жилка. Пальма сказала, что достаточно будет поставить солнечные батареи тут и там – и мы сможем обеспечить себя энергией.

Наталь указывает пальцем на самые плоские скалы.

Невероятно!

– Ты приводил ее сюда?

Он очень похоже изображает мероу или какую-то другую рыбу с круглыми глазами.

– Да. Твоя мать – компетентный, блестящий специалист. Если дело с моим проектом выгорит, думаю, никто лучше нее не нарисует...

Я прерываю его излияния:

– Если она такая умная, почему ты ее не попросишь поговорить с дедушкой?

Он садится рядом, мой Робинзон Крузо, обхватывает руками колени. Чудесная поза – этот сильный, уверенный в себе мужчина сейчас похож на маленького мальчика.

Такой человек на свете один, и я его нашла, но, к несчастью, опоздала родиться на десять лет.

– Скажем так: твоя мать – не самая любимая из невесток... Как бы это объяснить попонятней? Один тот факт, что она не корсиканка, уже минус, неблагоприятное обстоятельство. Преодолимое, согласен. Но Пальма усугубила свою вину, когда увезла твоего отца на континент, причем не в Экс или Марсель, а на север, под Париж... Для Идрисси этот поступок равносильен краже.

– Я тоже живу на севере.

– Да, но в тебе течет корсиканская кровь. Ты – Идрисси по прямой линии и, возможно, однажды унаследуешь восемьдесят гектаров островной земли! Будем надеяться, этого достаточно, чтобы убедить твоего деда...

Если вы еще не поняли, я успела по-настоящему влюбиться, то есть чувствовала желание отдать мужчине все, пожертвовать убеждениями, честью и узнать, что данные клятвы нарушены, хуже того, они были ложными. Я поняла это инстинктивно и напряглась: в результате естественного отбора выжили самые недоверчивые женщины, а импульсивные и наивные вымерли. Осторожность стала второй натурой лучшей половины человечества.

– С чего бы я стала помогать тебе, Наталь? Ты обожаешь мою мать и наверняка разыграл для нее номер с дельфинами. Выплыли, качались на волнах, ныряли в открытом море, а потом вернулись сюда, на этот пляж. Ты предпочитаешь ее, а помощь просишь меня. Странно получается...

Я не сумела расшифровать взгляд Наталя, хотя сразу подумала: «Пусть любимый человек всегда *так* на меня смотрит!» Удивленно, заинтригованно, с тревогой, но и с восхищением. Такие глаза бывают у

покеристов, когда они пытаются просчитать карты партнеров и повышают ставки. Ловят на живца...

Наталь собрался с духом и заговорил:

– Сыграем в открытую, Клотильда. Тебе пятнадцать лет, ты оригиналка, бунтарка, фантазерка – именно такие девушки мне и нравятся. Но... тебе пятнадцать. Предлагаю сотрудничество. Привилегированное. Разделим мечту спасти дельфинов, планету, вселенную. Имей в виду, я мало кому в жизни делал подобные предложения.

Он протягивает мне ладонь, как воспитатель в колонии для малолеток, забивший гол, и я с удовольствием хлопаю по ней.

Мечтая, чтобы он задержал мои пальцы в своих.

Поцеловал бы меня в губы.

Крепко обнял.

– Мы с тобой одной крови, так ведь, Клотильда? Ловцы грез против остального мира.

Он приводил сюда маму.

Возможно, целовал ее.

Возможно, раздевал и они занимались любовью.

Возможно, мамино тело возбуждает его – как всех мужчин, но, лаская ее, он думает обо мне.

Возможно, ей он шепчет на ухо: «Обожаю...» – а любит меня.

– Я хочу подписать договор, Наталь. Сроком на тридцать лет. Я хочу тридцать процентов от прибыли, корабль, названный моим именем, кабинет со стеклянными стенами и видом на море, собственную пару дельфинов. Я хочу одеваться как хочу. И если получу все это, то сяду к дедуле на колени и поторгуюсь с ним насчет твоей безумной затеи.

Он расхохотался:

– И все?

– Да... Плюс поцелуй в щеку.

20 августа 2016

08:00

Течение уносило прочь пустые бутылки, обрывки серпантина и конфетти, как мечты усталых танцоров и отчаявшихся гуляк, а поутру море возвращало их на мелководье. Вылинявшими. Почти бесцветными. На заре.

«Арион» покачивался на воде среди мусора. Наталь как будто не замечал этого, он давно перестал надеяться, что однажды выловит из воды запечатанную бутылку с запиской, брошенную в море тысячу лет назад.

Клотильда опаздывала, но все-таки остановилась перед спуском на пляж Ошелучча и на несколько мгновений перенеслась в прошлое. Песок остался прежним, и галька, и пена, и водяная пыль, напитанная острыми перечными запахами цветов, растущих у подножия скал. Никаких перемен – если не смотреть в сторону павильона «Тропи-Каллисте» или строительной площадки комплекса «Скала и Море». Что-то снова всколыхнулось у нее в сердце, совсем как вон тот баркас на волнах.

Господи, до чего же хорош Наталь!

Сидит, мерзавец, смотрит вдаль переливчато-синими глазами, сметает взглядом все барьерные коралловые рифы, и плывут к горизонту спинороги и рыбы-клоуны, расцветивая и вздымая океанскую гладь.

Наталь был в фуфайке светло-розового цвета с капюшоном, чуть великоватых ему джинсах и кожаных сандалиях. Клотильда поняла, что он часто вот так останавливается, замирает, потому что научился довольствоваться малым, сохранил волшебную власть над несбывшимися мечтами и умеет мысленно превращать реальность в нечто прекрасное. Сделать из рыбного отдела супермаркета морской заповедник. Отправиться из аэропорта Аяччо «Наполеон Бонапарт» в одиночный трансатлантический перелет на драндулете из драндулетов. Мимолетное объятие с женщиной, которая засыпает рядом с ним, превратить в звездную ночь любви с одной из прежних пассий, пассажирок «Ариона».

Красивый. Надежный. И хрупкий.

Опасный.

«Нет никого опасней мужчин с переливчато-синими глазами, – подумала Клотильда. – Разрушив коралловый риф, запускаешь морских чудищ на безопасное место, туда, где барахтаются взрослые с детьми».

Они остановились в метре друг от друга.

– Ты играла с огнем, назначая мне свидание на этом пляже, – сказал Наталь. – Я пообещал себе, что ноги моей здесь не будет.

– Ты много чего обещал...

Он не ответил, только перевел взгляд на «Арион».

– Между прочим, тебе повезло. Я сегодня свободен – выхожу на работу завтра утром.

Клотильда прикусила губу.

– Зато у меня времени немного. Муж отправился на пробежку к Нотр-Дам де ла Серра на полчаса-час, не больше. Я должна вернуться в «Эпрокт» одновременно с ним. Все... довольно сложно... Я сказала, что потеряла здесь серьгу. Большое серебряное кольцо. Это правда. Я ее действительно потеряла, во время концерта.

Все крошечные морщинки Наталя пришли в движение хором, как будто все эти годы репетировали сложный танец, призванный сделать его улыбку неотразимой.

– Тебе помочь найти серьгу?

Он взял ее за руку простым, естественным жестом. Они шли медленно, глядя на песок.

– Ты помнишь? – спросила Клотильда.

– Конечно. Думаешь, я часто приводил девушек в мое святилище?

О да, мой прекрасный ловец сирен, я уверена, что ты себе ни в чем не отказывал!

Она посмотрела на море:

– Дельфины все еще здесь?

Наталь не поднял глаз. Не ответил. Клотильда продолжила – его она выслушает потом, даст объясниться, не станет перебивать.

– Галдор и Татиэ наверняка живы, впрочем, как и Орофин и Идриль, ведь говорят же, что дельфины могут иногда прожить больше полувека. И память у них, как у слонов! Даже лучше. Ни у одного млекопитающего на Земле нет такой памяти. Я читала, что они способны узнать партнершу по голосу через двадцать лет после расставания. Ты знаешь хоть одного человека, способного на такое?

Глаза по-прежнему опущены.

Зачем она сказала ему об этой дурацкой серьге?

Клотильда обвела взглядом закрытый павильон «Тропи-Каллисте» и ряд мусорных контейнеров серого цвета. Судя по афишам, Мария-Кьяра гастролирует в западной части острова, вчера она была в Сартене, сегодня вечером поет в Проприано, но через два дня вернется в Кальви.

Она еще крепче сжала руку Наталя, словно предупреждая, что собирается сказать нечто важное:

– Что это за бред? Жалкий ночной клуб, грязные бараки. Здесь должен был находиться твой заповедник и музей. Объясни, в чем дело, Наталь! Объясни, как вышло, что план Червоне Спинелло победил твой проект?

По воздуху летали целлофановые пакеты, катались по песку пустые бутылки. Команде «зеленых» потребуется много часов, чтобы вычистить пляж, а через день «хлев» опять вернется. Как ее дедушка Кассаню дал разрешение на подобное святотатство, выбрал не святилище Наталя Анжели, а помойный пляж?

– Это старая история, Клотильда. Прошлое. Давай не будем, прошу тебя.

«Ладно, ладно, успокойся! Нельзя слишком на него давить...» – подумала Клотильда.

– Ты приводил сюда мою мать.

«Идиотка! Безумная дура! И это ты называешь “не давить”?»

На этот раз Наталь среагировал:

– Да... А ты была готова пустить в ход когти, клыки и иголки, мой маленький, обезумевший от ревности ежик.

– Было из-за чего сходить с ума?

– Нет.

Они остановились, повернулись лицом к «Ариону».

– Я была пятнадцатилетней девчонкой, но не идиоткой, Наталь. Ты раздевал мою мать взглядом. Она смотрела на тебя и... вождедела! Ни один мужчина, даже папа, не вызывал у мамы таких чувств.

Большой палец Наталя погладил ладонь Клотильды, и эти легкие касания сработали как крылья бабочки, вызывающие цунами на другом конце света.

Буря эмоций, шквал желаний.

Ураганная любовь? Такая бывает?

– Хорошо, Клотильда, давай сбросим маски! Они потрескались, а наши лица покрылись морщинами. Летом восемьдесят девятого мне было двадцать пять, а твоей матери – сорок. Да, нас тянуло друг к другу. Физически. Но Пальма хранила верность мужу, и между нами ничего не случилось, поверь мне, хотя искушение было.

– Какие благоразумные ангелочки! – съязвила Клотильда.

Наталь продолжил как ни в чем не бывало:

– Пальма хотела изменить твоему отцу, но вовсе не потому, что влюбилась в меня или разлюбила его. – Он печально улыбнулся. – Все в точности до наоборот.

– Я ничего не понимаю, Наталь.

– Твоя мама сблизилась со мной, она кокетничала, мы прогуливались у всех на виду, чтобы на острове об этом судачили... но любила Пальма своего мужа Поля Идрисси! Теперь понимаешь?

– Прости, все еще нет...

– Она хотела заставить твоего отца ревновать! Все просто, Клотильда. Ей не было дела до моего заповедника и дельфинов. Пальму интересовало одно – реакция твоего отца.

Клотильда отпустила руку Наталя. Ветер ласкал лицо и ноги, как не умеет ни один мужчина.

– У твоих родителей не все было гладко, Клотильда.

Она больше ничего не хотела слышать. Не здесь. Не сейчас.

– Все старо как мир, дорогая. Помнишь, ты сидела на скамейке в порту Stareso, напротив «Ариона», и читала «Опасные связи»? Твоя мать играла со мной, использовала одного, потому что любила другого, а я поддался и попал в ловушку как последний идиот. Пальма была прелестной, обаятельной, породистой, она проявила интерес к моему проекту и поделилась конкретными идеями как профессиональный архитектор. Я почти поверил, что мы сможем осуществить их вместе. Мне казалось, что между нами рождается настоящее – взаимное – чувство. А на самом деле...

Клотильда смотрела под ноги, но видела только окурки и пивные банки, а если раскопать песок, наверняка найдутся презервативы. И никаких сережек...

– На самом деле близость зарождалась между мной и... тобой. Это сыграло свою роль.

Клотильда поймала ладонь Наталя и развернула его лицом к себе. Ну что ж, раз маскараду конец...

– Предаваться мечтам о матери, позволяя дочери фантазировать о тебе, – не слишком ли коварный план?

– Нет, Клотильда... Нет... Ты в пятнадцать лет выглядела на тринадцать, но мне все было ясно. Я догадался.

– О чем?

Наталя смутился и очаровательно покраснел.

– Какой ты станешь... со временем. Умницей, фантазеркой, жадной до жизни, забавной девушкой, которая, даже постарев, останется моей единомышленницей.

Далекий голос эхом откликнулся в мозгу Клотильды. Мы с тобой одной крови. Ловцы грез против остального мира.

– Я был на десять лет старше – всего на десять, кривые наших жизней пересекались, но твоя готовилась взлететь на самый верх соблазнительности, а моя уже бежала вниз.

– Прекрати!

Он вдруг нагнулся, как будто хотел вырваться, отдалиться.

– Хватит изображать все в черном цвете и разрушать себя. Ты прекрасно знаешь, что...

Он поднялся, не дав ей закончить. Между большим и указательным пальцем блестела серебряная серьга.

– Твоя?

Невероятно!

Магия. Колдовство.

– Спасибо.

«Никогда не борись с магией, – сказала себе Клотильда. – Это приносит несчастье!» Внезапно ей стало ясно, что делать. Нужно его поцеловать.

Всего один поцелуй – в честь договора, заключенного двадцать семь лет назад.

Один поцелуй, и все.

Чтобы не умереть идиоткой и не жалеть всю оставшуюся жизнь, после того как «поедешь с ярмарки».

Почувствовать вкус его губ.

Клотильда нежно коснулась губами губ Наталя.

На миг, всего на миг.

Так и было задумано, следуя приличиям.

Один миг, всего один.

Потом их пальцы переплелись вокруг серебряного колесика, рука Клотильды легла на затылок Наталя, его рука – на ее талию, рты притянулись, языки кинулись наверстывать упущенное время, тела слились воедино, как будто им на роду было написано стать парой.

Словно кроме них в мире ничего больше не существовало.

Они долго целовались и обнимались, не зная, как замедлить время. Клотильда положила голову на плечо Наталью и устремила взгляд на «Арион». Пальцы рыбака, неумолимые, жадные, неловкие, гладили ее по спине, как пятеро близняшек, только-только вставших на ножки.

– Спусти его на воду, Наталь. Давай поднимемся на борт и вернемся к дельфинам, снимем продолжение фильма. Если есть «Челюсти-5», то почему не может быть «Голубой бездны-2»...

Он сокрушенно улыбнулся:

– Это невозможно, Клотильда.

– Почему?

Она снова поцеловала его и почувствовала себя волшебной живой.

– Невозможно... невозможно сказать тебе.

– Почему? Зачем ты посадил «Арион» на цепь? С какой стати женился на Аурелии? И с чего вдруг стал бояться призраков?

– Все очень просто – я их видел.

– Брось, Наталь, призраков не существует! Я в них не верила даже в пятнадцать лет, хоть и одевалась под Лидию Дитц. Это была игра. Призраки – полная противоположность вампиров. Один поцелуй – и они исчезают.

Клотильда поцеловала Наталя.

– Я ее видел.

– Кого? Кого ты видел?

Он уклонился от поцелуя, только крепче прижал ее к себе.

– Ты решишь, что я сбрендил.

– Уже...

– Мне не до шуток, Клотильда. Я никому не рассказывал, даже Аурелии, но это преследовало меня всю жизнь... с тех самых пор.

– С каких именно?

– С 23 августа 1989 года.

Она скользнула ему под руку.

– Расскажи мне, Наталь. Пожалуйста.

– Я был на вилле Пунта Росса, у себя дома. Один. Я пил. Меньше, чем сегодня, но пил. Во всяком случае, в тот вечер. Я знал, что не увижу Пальму, – как ты помнишь, был День святой Розы, годовщина знакомства твоих родителей. Вот я и топил свою жалкую ревность в миртовой водке и смотрел на вершину Капу ди а Вета. Призрак появился в 21:02. Время точное – у меня работал телевизор, началась «Таласса»[135], и на экране высветились эти цифры. 21:02.

Призрак находился в ста метрах от дома, на Тропе Таможенников. Он не двигался.

21:02... 23 августа 1989 года.

Клотильда вздрогнула, потерлась щекой о горячую шею Наталя. Ей захотелось спрятать лицо под его капюшоном. «Фуэго» нырнул в пропасть ровно в 21:02, так было написано в отчетах, составленных жандармами и службой спасения.

– Я знаю, в это невозможно поверить, Клотильда, знаю, что ты сочтешь меня полным психом, но в ту секунду, когда машина твоих родителей разбилась о скалы Петра Кода, в то мгновение, когда твой брат, твой отец и твоя мать расставались с жизнью, я видел в окно Пальму – так же ясно, как тебя сейчас. Она смотрела на меня, словно хотела проститься, и долго стояла, не решаясь преодолеть последние разделявшие нас метры. Я понял, что она не сдвинется с места, поставил стакан на стол, открыл дверь и побежал к ней. Но она уже исчезла.

Наталь мертвой хваткой вцепился в спину Клотильды, как будто пальцы у него свело судорогой.

– Я узнал об аварии несколько часов спустя, – продолжил он. – И только тогда понял. В тот момент, когда я увидел твою мать, она выпускала последний вздох в четырех километрах от Капу ди а Вета. Значит, это был призрак... Кто в такое поверит?

– Я. Я тебе верю! Еще бы мне не верить. Призрак написал мне. Смотрел, как я стою под дубом в Арканю. А вчера завтракал и читал газету. Этот призрак завел собаку, чтобы не скучать.

Клотильда поцеловала Наталя в шею долгим поцелуем и разомкнула объятия.

С сожалением.

– Мне пора... Франк скоро вернется. Все... все будет очень непросто... Увидеться снова. По-настоящему. – Она заставила себя улыбнуться и продолжила: – Правило номер один любого учебника неверности для начинающих должно гласить: «Никогда не заводите любовника, если проводите отпуск с семьей – мужем и дочерью».

– Завтра утром я работаю. – Уверенность, прозвучавшая в голосе Наталя, привела Клотильду в замешательство. – А вот сегодня, во второй половине дня, свободен. Можем встретиться.

– Исключено. Я не сумею придумать правдоподобный предлог, ведь сережка уже нашлась. Франк недоверчив и...

– Бельведер[136] Марконе, – перебил ее Наталь. – В час дня. Думаю, муж отпустит тебя туда одну.

Бельведер Марконе.

А ведь верно.

Франку никогда не придет в голову, что она собирается встретиться там с любовником.

Это последнее место, где ей захотелось бы изменить мужу.

Бельведер у мемориального кладбища Марконе, знаменитого мавзолеями богатейших корсиканских династий Балани и самым величественным из них, где покоятся члены клана Идрисси.

Там лежат ее родители.

35

*Понедельник, 21 августа 1989,
пятнадцатый день каникул,
голубое небо цвета бездымного огня*

Сегодня утром я ничего не буду сочинять. Просто перепишу!

Слово в слово.

Из сегодняшней «Корс-Матен». Дело подрядчика из Ниццы, который утонул с карманами, полными бетона, а может, золота, уж и не знаю. Эта история, по мнению журналистов, пришла очень кстати. Собственного мнения на сей счет у меня нет, потому я и решила процитировать статью. В ней приводятся данные Национальной

службы охраны прибрежных зон и приозерной полосы о бесконечных процедурах вокруг их использования, а также размерах и границах зон биоразнообразия. Я прочла утреннюю газету и уже не знаю, могу ли все так же любить дедулю... или пора начинать опасаться его. Сами решайте.

Выдержка из «Корс-Матен»

Счастливая звезда Пастуха.
Кто такой Кассаню Идрисси?

Автор – Александр Палаццо

«Кассаню» – самое древнее слово кельтского, окситанского, старокорсиканского происхождения. Означает оно «дуб». В 1926 году покойный Панкрасий Идрисси назвал так единственного сына в честь трехсотлетнего дуба, растущего в центре овчарни Арканю. Он хотел, чтобы мальчик обрел силу дерева, его корни и долголетие.

Шестьдесят три года спустя желания патриарха династии Идрисси исполнились и даже перевыполнились. Кассаню Идрисси превратился в одну из самых харизматичных и влиятельных фигур Балани, оставаясь при этом личностью оригинальной и нетипичной. Пастух из Арканю – не мэр деревни, среди членов его семьи нет ни регионального советника, ни депутата, ни председателя какой-никакой ассоциации. Кассаню представляется простым овчаром и... хозяином восьмидесяти гектаров земли – «пустыни» у ворот Кальви, где стоят кемпинг и три виллы. Кассаню Идрисси – одиночка.

Мирный пенсионер атлетического телосложения принимает вас в своей овчарне в Арканю с утонченным гостеприимством. Пока его сдержанная супруга Лизабетта готовит обильный полдник, он показывает вам свои владения, объясняя, что все, насколько хватает глаз, принадлежит ему.

А в следующую секунду говорит, что это «все» равносильно «ничему»... что в действительности он ни над чем не хозяин, ведь пустыня не принадлежит туарегам, а степь – монголам. Кассаню Идрисси считает себя хранителем. Он не унаследовал эту землю: унаследовать – значит стать владельцем и иметь право уступить,

продать, разделить ее на части. Кассаню Идрисси указывает концом палки на вершину Капу ди а Вета и заявляет, что несет ответственность за доверенное ему наследие. Лизабетта приносит чай, сладкие каштаны, фиадоне и канистрелли[137] с миндалем и изюмом. Кассаню разворачивает на столе старые карты и планы владений – некоторые восходят к временам Паскаля Паоли, Сампьеро Корсо[138] и Наполеона Бонапарта – и бросает, так между делом, что «все это неважно». По его мнению, «свежие» документы, которыми располагает мэрия, имеют не больше законной силы. Речь идет о границах, установленных людьми, о линиях на бумаге. Как будто люди, эти «транзитные пассажиры», могут владеть хоть одной травинкой и унести ее в мир иной. Как будто в рай – если чудо возможно и он существует – можно попасть с чемоданами. Как будто после нас Земля перестанет существовать. Вода и огонь, корни деревьев и крылья ветра способны разрушить самые высокие стены, генуэзские башни и каменные мосты, так что им чернильные каракули на бумаге? Природе плевать на наследие, которое защищают «во имя Ее...».

Овчар распалается, машет руками, и его жена отодвигает подальше стаканы и чашки. «Расчерчивайте зоны, периметры и границы сколько душе угодно, делите океаны и паковый лед, небо и звезды, горы и реки, решайте, кому принадлежит каждый камень, оливка, лепесток аквилегии, если это вас позабавит, придаст значимости, придаст смысл вашей жизни... Земля поручена нам, и этого не изменить. Мне поручено заботиться о моей земле. Никакой закон, придуманный людьми, не заставит меня забыть, что я должен передать ее следующим поколениям в том же виде, в каком получил от отца».

«Корс-Матен»: Раз уж вы сами заговорили о людских законах, господин Идрисси, давайте обсудим убийство Драго Бьянчи. Этот подрядчик из Ниццы собирался построить роскошный отель у мыса Ревеллата. Меньше месяца назад он похвалялся на страницах нашей газеты, что получил поддержку префекта и регионального комитета по туризму. Что вы думаете об этом преступлении?

– То же, что большинство здешних корсиканцев. Я не заплакал, когда узнал о его смерти, не послал венка на похороны. Не припомню, чтобы так называемые друзья сделали нечто подобное. Не стоит доверять газетам и вранью о высоких покровителях. Вы получили ответ на свой вопрос или в нем был подтекст, которого я не разгадал? В таком

случае вы плохо его сформулировали. И он лишен смысла. *(Улыбается.)* Вы же не думали, что за этим столом, угощая вас канистрелли, я признаюсь в убийстве Драго Бьянчи?

«Корс-Матен»: Конечно нет, мсье Идрисси, конечно нет. Оставим эту тему и вернемся к идеям, принципам и ценностям. Как далеко вы готовы пойти, чтобы защитить эту землю? Сможете... убить человека? Не считите меня грубым.

– С чего бы? Вы просто пытаетесь задать тот же самый вопрос, разве нет? *(Снова улыбается.)* Не обижайтесь, но он по-прежнему плохо сформулирован. Поверьте, я никому не желаю смерти. Как можно хотеть, чтобы человека раздавил в море паром весом пятьсот тонн? Чтобы его застрелил киллер на террасе кафе на глазах у невесты? Чтобы бомба взорвалась под днищем его машины, едва он отъедет от ворот школы своих детей? Кто мог бы пожелать, оправдать, заказать подобные несчастья? Уж конечно не старик, чья единственная мечта – спокойно дожить свой век! Не ищите зло во мне, вы найдете его в людях, жаждущих власти, денег, женщин. На Корсике все это часто зависит от того, как много у вас недвижимости, то есть земли, камня. Я бессилён, если люди не довольствуются тем, что получили от жизни, и продолжают вожделеть, спекулировать, захватывать... Я ничего не могу поделать с тем, что они не мыслят себе жизни без опасности, как безумные спортсмены-экстремалы, и бросают вызов устоявшемуся порядку вещей. Вы же не обвиняете волну, утопившую серфера, или скользкий камень, с которого сорвался неосторожный альпинист, или крутой поворот, угробивший нетерпеливого водителя.

«Корс-Матен»: Спасибо, мсье Идрисси, я тоже умею читать между строк. Вас не пугает людская алчность? Вы владеете огромным богатством – да-да, я помню, что это миссия! – не бойтесь, что кто-нибудь на него посягнет? Скажу проще – что вас убьют, чтобы отнять землю?

– Нет, мсье Палаццо. Нет. *(Короткая пауза.)* Я бы, без сомнения, испытывал страх, владея чем-нибудь, что можно потерять. Но я всего лишь хранитель. Не станет меня, придет другой или другая, мужчина или женщина, разделяющие мои идеалы и так же понимающие слово «честь». Члены семьи – не все они мои кровные родственники – знают, что делать в случае несчастья. *(Долгая пауза.)* Как и я.

«Корс-Матен»: Вендетта? Я могу считать это ответом?

– Вендетта? Боже, кто говорит о вендетте? (*Тяжелый вздох.*) Только вы, журналисты. Убийства, которым ваши колумнисты делают рекламу, совершают бандиты, мерзавцы, мафиози – за деньги, несколько граммов порошка, угнанную машину. Ко мне это не имеет ни малейшего отношения. Я пенсионер, живу в овчарне и не знаю, как выглядит косячок, югославская проститутка или коробка с «минителями»[139], выпавшая из контейнера в порту Аяччо. Вендетта – это для туристов, читающих «Коломбу»[140]. (*Лицо снова освещает улыбка.*) Все гораздо проще. Не посягайте на мою землю. Не трогайте мою семью. И я буду самым мирным и безобидным пастухом на свете.

«Корс-Матен»: А если кто-то нарушит эти правила?

– Вы опять плохо формулируете вопрос, мсье Палаццо. (*Смеется.*) Это все равно что спросить штабного генерала, нажмет ли он на красную кнопку в случае нападения на нашу страну, чтобы взорвать ядерную бомбу и уничтожить ракету. Он не ответит, потому что этого не будет. Я не верю, что хоть один человек захочет покуситься на мою собственность или обидеть мою семью, и ваша газета может напомнить об этом читателям. Угощайтесь канистрелли, жена готовила специально для вас.

«Корс-Матен» (*с набитым ртом*): Шпашибо, мсье Идриши...

Конец предпоследней реплики и последнюю добавила я. Было бы забавно, решишь журналист написать такое, но, думаю, ему больше всего на свете хотелось поскорее смыться.

* * *

Он закрыл тетрадь.
Безобидный пенсионер...
Есть над чем посмеяться!

Франк ничего не сказал, когда Клотильда вошла в бунгало. Она не знала, как давно муж вернулся с пробежки, но он успел принять душ, переодеться и выпить кофе.

– Нашла... – Клотильда показала сережку, Франк в ответ насмешливо улыбнулся.

Она выбрала универсальную тактику: когда мужчина прячется в своей скорлупе, отказывается общаться, замыкается, как заслуженный кухонный агрегат, нуждающийся в отдыхе, женщина заполняет тишину. Клотильда болтала без умолку – ни о чем, словно все было нормально и даже хорошо, спросила, что приготовить на ланч.

– Как насчет стуфато?[141] Годится? Я схожу на рынок и успею к полудню, а то картошка фри уже порядком надоела.

Франку, по большому счету, только того и надо было. Он хотел, чтобы все вернулось «в норму». Чтобы Клотильда была «нормальной» женой. Чтобы они жили «нормальной жизнью» – как все. Пусть хотя бы сегодня хорошо сыграет свою роль.

– Вы со мной? Валу? Франк?

Ответом ее не удостоили. Ладно, придется все делать самой. Ничего страшного, зато цель достигнута. «Нормальная» жизнь продолжается.

Сумка с продуктами весила тонну и оттягивала руку, но Клотильда гордилась своими находками – перчиками и оливковым маслом для яичницы с помидорами и луком, говяжьими ребрышками, замаринованными для стуфато, манго и ананасами для фруктового салата. Она попросит Франка разжечь барбекюшницу – пусть каждый до конца сыграет свою роль в пьесе солнечного театра под названием «Семья Барон на каникулах». Клотильда стояла в очереди к кассе интермаркета «Кальви» (80 % оборота магазин делал за два летних месяца, чем и объяснялся столь длинный хвост) и набрасывала на обороте продуктового списка перечень вопросов. Без ответов.

Кто написал письмо с буквой П. в конце?

Кто украл бумажник?

Кто в Арканю дал псу имя Паши́а?

Кто вчера накрыл стол к завтраку?

Кто научил Орсю так мыть пол?

Кто ослабил гайки, вывел из строя рулевое управление?

*Кто повредил карабин на страховке Валентины?
Кто тот призрак, которого видел Наталья в Пунта Росса 23
августа 1989 года в 21:02?*

Одному человеку такое не под силу. Это не может быть ее мать.

Но ответ как минимум на половину вопросов: это может быть только ее мать...

Франк безусловно прав: хочешь быть счастливой – читай списки покупок, сконцентрируйся на перечислении мелких ингредиентов и забудь о вопросах.

Читать только лицевую сторону жизни.

При случае – положить в продуктовую корзину любовника.

Взвесив возможные последствия своих решений. Клотильда не устояла перед небольшим отклонением от благоразумия. На обратном пути она сделала крюк в тридцать метров и выбрала аллею С, чтобы пройти мимо кемпера А31 и узнать у Якоба Шрайбера, удалось ему скачать с пресловутого облака фотографии лета 89-го или нет.

Рассматривать она их не будет, только спросит.

Никого.

– Якоб?

Может, старик глуховат? Или слушает свое дурацкое радио? Семьдесят второй вопрос, приз – полет на Луну и обратно.

– Якоб?

Не похоже на немца, он аккуратист и вряд ли мог уйти, не заперев свой дом. Но спрятаться на двадцати восьми квадратных метрах было негде. Странно... Входить Клотильда не стала. Если герр Шрайбер с шарами для петанка под мышкой и фотоаппаратом на шее застучает ее, ему вряд ли понравится, что гостя не спросила разрешения. Тем более если он потратил вечер, чтобы оказать ей услугу.

«Вали отсюда, дурында, отправляйся чистить перцы. Вернешься ближе к вечеру или завтра...»

Она была в дверях, когда ее взгляд зацепился за фотографию на стенке.

Ее брат. Николая.

Клотильда подошла ближе. Среди сотен снимков нетрудно было найти те, что относились к годам с 1976-го по 1985-й. Неизменные загорелые тела и декорации: море, песок, волны, цитадель Кальви на

первом плане, Корсиканский мыс на дальнем, и только мода указывает, в каком десятилетии сфотографированы купальники, шорты и сарафаны. «Поразительно! – подумала она. – А мне всегда казалось, что я из лета в лето ношу на острове вещи, которые убрала на верхнюю полку в предыдущем сентябре...»

Убирайся отсюда, кретинка!

Клотильда поставила сумку. По аллее А шла шумная компания.

Николя на снимке лет пять, значит, ей нет и года. Воспоминание пришло как озарение: она у матери на руках, щеки яблочно-красные, на голове – ненавистная морская шапочка (резинка больно натирала шею)... Хочется одного – пройтись пухлыми ножками по горячему песку или холодной воде. Папы на этом снимке нет. Она нашла его на другом, от 15 августа. Николя одиннадцать, ей восемь, весь кемпинг высыпал на пляж Ошелучча смотреть фейерверк. Никакого павильона в пейзаже. Среди множества лиц она узнала Наталя, невероятно красивого восемнадцатилетнего, он держит за руку роскошную блондинку с волосами аж до... пояса. Лицо незнакомое, кто она? А вот Базиль Спинелло, сержант Чезаре Гарсия, Лизабетта, рядом с ней Сперанца.

Кто-то прошел мимо домика, но Клотильда даже не вздрогнула. Отдыхая в кемпинге, привыкаешь, что соседи фактически живут у тебя дома. Она нашла на стенке другие фотографии лета 89-го. Узнала мамино черное платье в красных розах от «Беноа» – то самое, папин подарок. Снимок сделали за несколько дней до трагедии.

– Твоя мать была красивой женщиной.

Клотильда резко обернулась.

Ей на плечо легла ледяная ладонь.

– Тихо, Клотильда, тихо. Ты согласна, что она невероятно хороша? Червоне Спинелло! Директор кемпинга собственной персоной.

Проскользнул, как змея. Бесшумно. Что ему нужно? Почему он ни о чем не спрашивает? Ему бы следовало удивиться, застав ее здесь, а он шарит глазами по углам домика Шрайбера.

– Якоб здесь?

Клотильда покачала головой.

– Чертов пруссак! – выругался Червоне. – Серж, Кристиан и Морис ждут его на площадке для петанка. Он не опоздал ни разу за тридцать лет!

Он пожал плечами и опустил глаза, как будто решил проверить чистоту пола.

– Герр Шрайбер не в том возрасте, чтобы уединиться с какой-нибудь туристочкой в маккии, но мы немного подождем, а уж потом вызовем на помощь кавалерию. – Он взглянул на стену с фотографиями: – Может, ему просто надоело все время снимать один и тот же угол, он повесил фотоаппарат на шею и отправился на охоту.

Клотильда не откликнулась, но директор кемпинга не успокоился:

– Этот бош – самый нудный из всех постояльцев, но портреты он делает что надо, ничего не скажешь. Очень выразительные, лучше, чем в кино. Взгляни...

Червоне кивнул на фото группы подростков у костра. Клотильда помнила, когда и где была сделана фотография, – поздно вечером, на пляже де л'Альга, накануне аварии. Николая пытается брэнчать на гитаре, голова Марии-Кьяры лежит у него на плече, Эстефан держит джембе[142], в руках у Германа скрипка, Аурелия пожирает глазами музыкантов. Точнее, одного из них – Николая.

– Это было наше время! – Он рассмеялся как ребенок, но увидел замкнутое лицо Клотильды и сник. – Прости. Иногда я бываю королем идиотов.

Иногда...

– Проехали, Червоне. Раз я вернулась в «Эпрокт», должна быть готова к встрече с прошлым.

– Ты хотела узнать правду.

– Ты-то что знаешь о правде? – Клотильда взглянула на него в упор.

Директор толкнул дверь, и она захлопнулась. В руке он держал чехол с тремя шарами для петанка. «С этим оружием (если это оружие) моей кошелке не справиться!» – подумала Клотильда. Она пыталась шутить сама с собой, потому что опасалась Спинелло. Какого черта он тут делает? Следил за ней? В этом домике тонкие стены, в случае чего ее крик услышат. Франк услышит, не Наталь. Он ближе. Тьфу, что за глупости лезут в голову!

– Взгляни. – Червоне указал пальцем на одну из фотографий.

Мужчины играют в петанк перед стоянкой, Клотильда не узнала лиц, но за их спинами припаркован красный «фуэго». Целый и невредимый. У нее закружилась голова.

– Ты ездила к сержанту Гарсии? Полагаю, он поделился с тобой выводами, к которым пришел.

Этот тип в курсе? Он знает о вредительстве? Чезаре Гарсия утверждал, что его расследование было конфиденциальным, что проинформировал он только Кассаню Идрисси. Даже дочери ничего не сказал. Какова роль Червоне Спинелло во всей этой истории?

Нужно сдать назад, выиграть время.

– О чем ты говоришь? – Клотильда изобразила удивление.

Ее собеседник улыбнулся, не сводя глаз с «фуэго».

– О том, что машину твоего отца намеренно испортили. Авария не была несчастным случаем.

Бах!

– Но старик не все знает, – добавил Червоне. – Вот твой отец, а за ним... Его плохо видно...

Мерзавец прав! Отец собирает шары, а среди игроков, спиной к фотографу, стоит ее брат.

Николя.

Игра его не интересовала, зато машина...

Червоне ликовал.

– Невероятные снимки, согласна? Если рассматривать их очень внимательно – передний план, задний план, взгляды, позы, – понимаешь, что они рассказывают историю. Практически в каждой есть секрет.

– К чему ты ведешь, Червоне?

Он снова положил руку ей на плечо, как будто хотел поправить бретельку сарафана, поторговаться. Да нет, глупость!

– Ни к чему, Клотильда, ни к чему. Я прекрасно знаю, что ты обо мне невысокого мнения. Терпеть меня не можешь, а вот моего отца любила. В твоих глазах я – олицетворение обманутых надежд, обещаний молодости, которые не сбываются одно за другим, а тем временем к власти в этом дерьмовом мире приходят кретины. Я не стану извиняться, Клотильда. За то, что лучше приспособился. Я не терял иллюзий, у меня их не было – как и сожалений. – Он перевел взгляд со снимка с костром на тот, где играли в петанк. – Я сегодня счастливее, чем прежде, время научило меня доверять людям, сделало богаче и даже красивей. Я не прошу прощения, потому что вкалывал

как раб на плантации. Кстати, твое чувство не взаимно. Я не испытываю ненависти, мне весь мир симпатичен, ты в том числе.

Он положил чехол с шарами и протянул ладонь к другому плечу Клотильды. Она сделала шаг назад. Дать ему по морде пакетом с перчиками не такая уж плохая идея.

– Хватит, Чезаре, избавь меня от проповеди и выкладывай!

– Не злись, Клотильда. Ответь на один вопрос. Ты хочешь узнать правду?

– О... Об аварии, в которой погибли мои родители? О гребаной гайке? Хочу ли я узнать, кто ее открутил?

– Да...

– Ты можешь рассказать мне?

– Да... Но тебе не понравится. Совсем не понравится.

– Все эти годы ложь тоже меня не радовала. Червоне ухмыльнулся:

– Тогда садись, Клотильда. Садись и слушай.

II. День Святой Розы

37

*Понедельник, 21 августа 1989,
пятнадцатый день каникул,
небо цвета голубого лотоса и... ни гугу*

Около полудня я блаженствовала в холодке Тюленьего Грота, читала «Бесконечную историю», сидя на «Опасных связях». Потом за мной пришел Николая – появился, как большой медведь, заслонил солнце, напугал.

Слава богу, я успела заменить стриженного под горшок Бастиана[143] на Вальмона и его маркизу, но читать мне братец не дал.

– Мне нужно с тобой поговорить, Кло.

– Валяй, только стой смирно. Ты шатаешься туда-сюда, и солнце то гаснет, то бьет мне в глаза, как лампа на допросе в полиции!

Николая сделал серьезное лицо, и я мгновенно поняла, что он снова задумал какую-то космическую глупость.

– Я знаю, как ты любишь шпионить, вынюхивать, совать нос в чужие дела и все записывать в свой знаменитый дневник. Но на этот раз держись в сторонке. Не пытайся ничего узнать.

– Чего – ничего?

Я обожаю бесить моего старшего брата.

– Я серьезно, Кло.

Он слегка горбится – то ли боится стукнуться башкой о свод пещеры, то ли груз признания давит на плечи. Да какая разница, результат один и тот же. И тут мой «инспектор-разиня»[144] наконец раскалывается:

– Я влюблен!

Ни больше ни меньше.

– В кого? В Кьяру?

Николая не понравилось, как я ее назвала. Сам он, наверное, говорит только Мария, Мэри или Эм Си[145], на английский манер.

Мой взгляд его тоже взбесил. Так могли бы посмотреть родители, скажи он, что бросает лицей и будет профессиональным футболистом.

Я мгновенно завелась и помахала у него перед носом книгой:

– Не путай любовь с похотью, братишка. Мальчишки соревнуются и входят в раж. Кто победит, тому достанется приз – буфера Мариин-Кьяры.

Обожаю шокировать братца.

– Ну, за твои прыщики уж точно никто биться не станет...

Придурок! Цитирую его слова, чтобы вы поняли: он действительно это сказал! Надеюсь, вы оцените мою искренность, читатель из звездных далей.

Впрочем, мириться со старшим братом я тоже люблю.

– Ладно, Казанова, чего ты хочешь?

– Ничего особенного... Просто не наступай мне на пятки, держись на расстоянии, не привлекай ко мне внимание родителей, а если понадобится, наплети им с три короба, скажи, что я играю на гитаре на пляже Ошелучча или строю хижину на мысе Беллони с Филиппом и Эстефаном. Короче, прикрывай меня два дня – до вечера двадцать третьего.

– День святой Розы? Какая программа? Нарвешь букет шиповника, как папа? Букет победителя? Счастливчика, выигравшего главный приз вещевой лотереи? *После ламбады станешь плясать фумуаля?*[146] Фумуаля в катакьяре?

Я обожаю быть вульгарной. А Николя пусть пишет жалобу на себя – он меня всему и научил.

– Сегодня вечером я смываюсь, сестренка, и ни за что не скажу куда. Возможно, когда-нибудь ты получишь от меня в подарок «черный ящик» волшебного путешествия.

– К тому моменту вы с Кьярой успеете не только пожениться, но и завести детей, да?

Нико снова заслоняет солнце и превращается в тень.

– Да. Ты получишь приглашение.

Я не решаюсь настаивать.

– Ну-у... А ты уверен?

– В чем?

– В том, что первым добудешь нектар из прекрасной орхидеи? Конкуренция свирепая.

– Да, я уверен!

– Как поступишь с соперниками?

– Изучай стратегию, Кло, главное – это удары на опережение.

– Поделишься опытом?

Тень садится рядом, сливается со мной, как будто хочет защититься. Николая – мой наставник, он прокладывает дорогу через макию моей жизни.

– Я хитрю, малышка. Как герои книги, которую ты якобы читаешь. «Опасные связи». Интригую, обдумываю план, держу в голове схему. Простенькую такую, круг, имена всех наших – парень-девушка, парень-девушка, парень-девушка – и стрелки, которые их соединяют. Совсем как в игре «Киллер», где каждый должен убить другого и сам быть убит. Просто до смешного. Достаточно шепнуть девчонке, что парень по ней страдает, или сказать одному из ребят, что девушка положила на него глаз, и дело сделано. Я переключил Аурелию на Германа, нашего Циклопа, хотя она предпочла бы меня, а он – Марию-Кьяру. Марии, как ни странно, нравится Червоне, и я подтолкнул этого папенькиного сынка к папенькиной дочке, плутовке Аурелии. И вуаля – круг замкнулся...

Аурелия! Неужели эта густобровая недотрога готова запрыгнуть на все, что движется? А вертихвостка Мария хочет отдаться только Николаю? Думаю, мой брат бежит впереди паровоза – девичьи пальчики еще не стянули резинку стрингов.

– Ну что, поможешь мне, Кло? Прикроешь брата? Поклянись!

– А ты сделал бы для меня то же самое?

– Сделаю... Как только отрастет грудь.

Болван!

Обожаю притворяться, что сию секунду устрою ему взбучку. У себя в комнате я швыряюсь плюшевыми игрушками, но здесь под рукой ничего нет, остается прыгнуть Николаю на плечи и устроить схватку по правилам «мягкого» кеча[147].

Ладно, родственничек, договорились, получай два дня свободы, до 23 августа. Обычно я даю слово, даже клянусь – и все равно шпионю, но на этот раз все иначе. Меня не интересует ваш тесный кружок, все члены которого жаждут закадрить всех.

Я не одна из вас, играйте в жмурки без меня.

Час прошел, почтальон не появился... Два часа, три часа...

У меня есть дела поинтересней. Я заключила договор!

Поцелуй в щеку.

С мужчиной, который никогда не войдет ни в один кружок, не даст себя запереть и объяснит мне, что такое настоящая свобода.

У меня договор. Миссия, доверенная Наталем Анжели.

Нужно убедить дедулю Кассаню. Вы меня пока не знаете, но поверьте на слово: все получится!

* * *

Он закрыл тетрадь и положил ее в карман.

«Киллер»... Игру со смертью объявил Николя Идрисси. Распорядитель игры.

Это была чистая правда.

38

20 августа 2016

12:00

Клотильда ждала. Червоне Спинелло проторчал в сортире никак не меньше пяти минут. Может, наводил красоту, но не исключено, что решил помотать ей нервы, заставив ждать. Еще несколько минут вдобавок к двадцати семи годам... Похоже на последнюю мелочную попытку отомстить.

Когда Червоне вышел в коридор, Клотильда встретила его нетерпеливо-раздраженным взглядом. Директор кемпинга смущенно развел руками и кивком привлек ее внимание к фотографиям на стене.

– Не передумала? – Он не дождался ответа и, не глядя на Клотильду, продолжил: – Ты, конечно, помнишь, что твой брат Николя запланировал на 23 августа поход на дискотеку в ночной клуб «Ла Камарг» в Кальви, пока родители будут праздновать годовщину в *Casa di Stella*. Они собрались оставить «фуэго» в Арканю и идти до гостиницы пешком. Николя хотел тайком взять машину и повезти на прогулку всех, кто поместится. Ты наверняка не забыла, что в плане Николя был этап номер два: бросить остальных на танцполе и уединиться с Марией-Кьярой на диванчике, заказать мохито, выкурить

косячок и увлечь прекрасную итальянку в пусть и менее уютное, зато укромное место. Помнишь, Клотильда?

Пока все точно.

– Да.

– Что было дальше? Этим Николая не похвалялся. Особенно перед обожаемой младшей сестрой. Дело в том, что Мария-Кьяра... сомневалась. Диванчик, травка, ром и «сладкое» ее очень даже привлекали. – Червоне погладил пальцем фотографию – черные волосы итальянки струятся по спине, короткая белая маечка с круглым вырезом оттеняет бронзовую от загара кожу. – Так вот, Клотильда, – продолжил он, – она сомневалась только из-за того, что у Николая не было прав! Он наездил не больше десяти часов и несколько сотен километров под надзором отца. Просто, как апельсин. Мария-Кьяра думала об узких дорогах, крутых поворотах, обрывах, диких животных и... боялась погибнуть!

– Значит, они не поехали.

– Нет, в тот вечер не поехали – и тебе известно, по какой причине. Но никто не знает, что произошло *до того*. Желая убедить Марию-Кьяру, Николая решил доказать, что опасность равна нулю.

Клотильде показалось, что целая армия невидимых насекомых забралась ей под кожу и не позволяет шелохнуться.

– У твоих родителей было много дел до обеда в Арканю. Мать готовилась к романтическому вечеру, отец только-только вернулся из похода на яхте и торопился прочесть бумаги, которые собирался обсудить с Кассаню. Твой брат взял ключи от «фуэго» и пригласил Марию-Кьяру на пассажирское сиденье. «Короткая поездка, несколько километров, спустимся у Галерии, сама увидишь, красавица, какой я аккуратный, а бумажка, то есть права, никому не нужна...»

Насекомые-людоеды добрались до бедер Клотильды и явно не собирались останавливаться. Другие проникли в легкие, не давая дышать.

– Они вернулись через десять минут, Николая запарковал машину точно на прежнее место, и оба вышли. Видел их только я. Я один.

Проклятые букашки закупорили трахею, так что вопрос Клотильда задала тонким сдавленным голосом:

– Что именно ты видел?

– Не только видел, но и слышал, как Николая заглянул под капот и сказал Марии-Кьяре: «Все в порядке, в полном порядке». Он поднес черные, в жирной смазке, руки к ее белому кружевному платью, она отскочила от него, как от зачумленного, и отругала. Я понял, что произошло.

Клотильда с трудом сглотнула. Тысячи лапок топали по горлу, ползли к вискам, кололи жалами барабанные перепонки. В ушах стоял звон, но она все-таки разобрала слова, которые предпочла бы не слышать. Никогда!

– Николая сел в галошу! Не справился с управлением, процарапал днище о камни у бельведера Капо Кавалло. «Фуэго» застрял, Николая сдал назад, горы приглушили скрежет железа, так что он понятия не имел, какие детали вышли из строя.

Ей надо сплунуть. Сблевать. Пусть кислая рвота извергнет гадких тварей.

– Я сопоставил факты только через несколько дней, когда местные начали поговаривать о покореженной рулевой тяге и сорванной гайке шаровых пальцев рулевых тяг.

Клотильду вырвало на потертый линолеум домика Якоба, на пакеты с продуктами, на собственные туфли. Червоне не отвернулся.

Не верить.

Она даже на секунду не должна поверить, что все это правда.

Что Николая мог ничего не сказать. Не понять, насколько реальна опасность, и предпочел тайно вернуть ключи на место, чтобы не нарваться на выговор.

– Мне очень жаль, но ты хотела знать правду, Клотильда. Сама напросилась.

Перед ее глазами встало лицо Николая, каким оно было за несколько мгновений до удара о парапет, и потом, когда «фуэго» завис в пустоте. Все годы, прошедшие с того трагического дня, Клотильда не могла отделаться от ощущения, что Николая знал. А она нет. Ее брат не удивился, как будто понял, из-за чего они все сейчас умрут.

Теперь все ясно.

Николая убил мать, отца и себя.

– Ты не ешь?

В вопросе Франка присутствовала скрытая ирония.

Ничего удивительного. Клотильда выбросила перец, мясо, фрукты, и меню праздничного ужина, обещанного любящей супругой, пришлось ограничить ветчиной, помидорным салатом и консервированной кукурузой.

Франк выдал Валу двадцать евро, чтобы она купила кулек картошки фри, большой кофе *Magnum* и рожок клубничного мороженого.

– Что ты будешь, Кло?

– Спасибо, я ничего не хочу.

Клотильда решила ничего не рассказывать. Не сейчас. Не между делом.

У нее было одно-единственное желание.

Кинуться в надежные объятия. Выплакаться в плечо мужчине, проклинать «эту чертову жизнь» и слышать в ответ тихие слова утешения и любви от человека, который все поймет и ни о чем не станет спрашивать.

И этот мужчина – не Франк.

Она встала, собрала тарелки, сложила в пакет губку, тряпку и мисочку.

– Вымою посуду и пойду навещу родителей. Много времени это не займет, кладбище Марконе совсем близко.

Корсиканцы верят в призраков. Их кладбища – вернейшее тому доказательство. Зачем бы иначе они стали возводить монументальные склепы и розовые мавзолеи, превосходящие роскошью дома живых? К чему столбить лучшие участки для помпезных загробных жилищ и хранить там скелеты семи поколений предков? Почему с корсиканских кладбищ открываются самые роскошные виды? Может, живые хотят, чтобы дорогие их сердцу покойники тоже могли любоваться горными вершинами в тумане, силуэтами прилепившихся к склонам колоколен, закатами над цитаделью Кальви? Конечно, везет только избранным, остальные лежат в дальнем углу, под грудой щебня, и каждая гроза заливает могилы грязью – это в лучшем случае, а в худшем – уносит гробы прочь.

Усыпальница семьи Идрисси могла бы противостоять непогоде целую вечность. Она гордо возвышалась над стеной кладбища Марконе, являя миру красоту лазурного купола и коринфских колонн,

чтобы каждый проходящий мимо прочел и навсегда запомнил имена славной династии. Здесь лежат адмирал (1760-1823), депутат (1812-1887), мэр (1876-1917), прадедушка Клотильды Панкращий (1898-1979).

И еще трое:

Поль Идрисси (1945-1989)

Пальма Идрисси (1947-1989)

Николя Идрисси (1971-1989)

Наталь ждал на кладбище, в тени побеленной известью стены, невидимый с дороги.

Клотильда обняла его и плакала, плакала, плакала, а потом рухнула на землю под огромным тисом, не замечая, что плоские иглы впиваются в кожу. Вокруг было пусто, только старушка ковыляла к дальним могилам с тяжелой лейкой в руках.

Наконец Клотильда заговорила. Наталь сидел рядом и держал ее за руку. Телами они друг друга не касались, только все крепче сжимали пальцы. Клотильда выложила все. Открытия Чезаре Гарсии насчет машины родителей. Сказала, что ее жизнь – большая темная комната, что любовь к Франку истончается, ветшает, что дочь настолько на нее не похожа, что в голову иногда приходит крамольная мысль: а люблю ли я свою девочку? Прошлое подобно ядру каторжника: ревность к матери, обожаемый отец, мужчина, знавший язык дельфинов, которого она не забывала (тут Клотильда поцеловала Наталя). Старший брат Николя распахнул перед ней ворота в жизнь, он сдувал с нее пылинки, сажал на плечи, если дорога оказывалась слишком трудной, и учил всяким хитростям. Николя оставил ее на мысе Ревеллата, попросил сохранить его тайну, не решился заговорить и предпочел сесть в машину, ставшую смертельной ловушкой. Он этого не понимал, да, именно так.

Клотильда поведала Наталю обо всех своих страхах и горестях, весивших целую тонну, и стала легкой, как воздушный шарик. А Наталь держал ее руку очень крепко – как малыш веревочку хрупкой игрушки.

Могила Идрисси была украшена букетами шиповника, лилий и орхидей. Цветы явно срезали совсем недавно: Кассаню и Лизабетта не из тех, кто позволит призракам Идрисси – от адмирала до

единственного сына – нюхать увядшие цветы и вонючую застоявшуюся воду.

Старуха с лейкой медленно тащи́лась к ним.

Клотильда сжимала пальцы Наталя и повторяла один и тот же вопрос: почему Николая ничего не сказал? Николая здравомыслящий, Николая благоразумный, Николая – «все нипочем», образцовый Николая, прямой, как восклицательный знак, красивый, милый Николая, перед которым были открыты все пути. Зачем он украл ключи от «фуэго»? Вел машину без прав? Придумал безумную вылазку в ночной клуб?

Ответ звучал просто, жестоко, жалко, ничтожно и грязно.

Николая сделал все это из-за девки. Хотел произвести впечатление, хотя даже не любил ее. Вбил себе в голову, что будет обладать той, которая всем отказала. Умник Николая был – как все мужчины – маленьким животным, и все его принципы, образованность, начитанность и культура не могли противостоять изгибам юного тела, глазам пантеры, приоткрытым губам и безмолвным обещаниям. Вот такая нелепость. Николая убил отца и мать, убил себя, обрек сестру на вечное одиночество ради того, чтобы стать первым у девушки, которая этого не заслуживала. Вернее, ради ее тела, ради вещи, в лучшем случае – куклы.

Клотильда вспомнила, с каким изумлением, даже опаской посмотрела на нее Мария-Кьяра, когда она произнесла имя Николая и упомянула давнюю трагедию. Молчание. Неприятие. Бегство. Стало понятно, как тяжело итальянке нести груз страшной тайны. Она ни о чем не просила, но все спровоцировала. Всего лишь бросила на землю окурок, а ветер поджег сухую траву и ветки. Фигурально выражаясь, конечно.

Невинная пироманка.

Не обвинять же вещь или куклу...

Поклянись мне, Наталь, поклянись, что не все мужчины такие. Что...

Поцеловаться они не успели.

– Извините...

Капли воды, вылившиеся из лейки на землю цвета охры, высохли через несколько мгновений. Клотильда узнала лицо, обрамленное платком такого же глубокого черного цвета, что и платье.

Сперанца.

Ведьма из Арканю. Бабушка Орсю. Верная служанка Лизабетты и Кассаню.

Не обращая на них ни малейшего внимания, она вылила воду из вазы, по одному достала цветки – очень нежно и деликатно, – налила свежей воды, обрезала секатором стебли и перешла к следующему букету.

И вдруг обернулась, не в силах сдерживаться, и выкрикнула:

– Ты не должна здесь быть!

Клотильда вздрогнула.

Сперанца смотрела только на нее, игнорируя Наталя, и медленно водила пальцем по буквам, выгравированным на мавзолее.

Пальма Идрисси (1947-1989)

– И она тоже не должна была...

Первые слова дались старой корсиканке трудней всего, следующие выстрелили, как пена из бутылки шампанского.

– Ее имени нечего делать рядом с Идрисси. Не я *streia*, не я горная колдунья, а твоя мать! Ты ничего не знаешь, ты тогда еще не родилась, – Сперанца перекрестилась, – но твоя мать его околдовала. – Она взглянула на имя Поля Идрисси. – Женщины на такое способны, уж ты мне поверь. Твоя мать приворожила вашего отца, утвердила свою власть и украла его у нас. Унесла далеко, далеко от всех, кто его любил.

«Далеко, то есть в Венсен, – подумала Клотильда, – севернее Парижа, чтобы торговать газоном». Она никогда не задумывалась о том, как трудно было семье отца принять его выбор.

Наталь не отпускал ее руку, но не вмешивался. Сперанца с остервенением опустошила следующую вазу, и сморщенные лепестки легли на черное платье кремовым конфетти.

– Если бы они не встретились, – продолжила она, яростно щелкая секатором, – Поль женился бы здесь. Его дети появились бы на свет на острове. Но твоя мать явилась из ада, поймала его в свои сети и утащила с собой.

На землю полетели головки трех роз, двух рыжих лилий и одной дикой орхидеи.

– Ты ни при чем, Клотильда, ты чужачка. – Голос старухи смягчился. – Ты не знаешь Корсики. Ты не похожа на мать. Зато твоя дочь похожа, она тоже станет колдуньей. У тебя глаза отца, ты видишь

мир, как он, и веришь в то, во что другие не верят. Тебя я ни в чем не виню.

Сперанца посмотрела на Наталя. Морщинистая рука нервно щелкала секатором, он открывался и закрывался вхолостую. Мгновение спустя корсиканка наставила острые концы на мрамор и попыталась выцарапать имя Пальмы Идрисси. На сером камне остался белый шрам.

Сперанца перекрестилась, глядя на слова *Поль Идрисси*.

– Поль должен был жить здесь, если бы твоя мать его не убила. Здесь, слышишь? Жить на Корсике. А он вернулся, чтобы умереть.

Наталя проводил Клотильду до машины. Сперанца оскорбляла память Пальмы, и ее голос гнал их вон с кладбища, как пронзительный вой потревоженного призрака.

Они поцеловались перед открытой дверцей «пассата». Бетонный парапет дороги напоминал перрон вокзала, казалось, вот-вот прозвучит свисток, возвещающий отправление поезда. Клотильда заставила себя пошутить:

– По всему выходит, что о моей матери здесь были невысокого мнения. При жизни, да и в призрачном состоянии тоже. Из всех корсиканцев ты один любил Пальму...

– Неправда! Твой отец тоже ее любил.

Туше!

– Мне пора...

– Понимаю, я тебе позвоню...

Она решила на последний вопрос. Выяснить так выяснять.

– Ненависть корсиканцев, Наталя, ненависть к моей матери, когда вы с ней были, скажем так, очень близки. Твой заброшенный корабль. Твоя женитьба на дочери жандарма. Все это как-то связано? Тебя грозились проклясть все старухи острова?

Он не стал отвечать, только улыбнулся:

– Беги, моя принцесса, возвращайся в свою башню. Спасайся, а твой рыцарь задержит ведьм и колдуний.

Клотильда вела машину и плакала. Скалы меняли форму, расплывались, съезжали в море. На каждом повороте дороги возникал мыс Ревеллата, обьятый туманом ее слез. Влажный пейзаж выцветал, мокрые фонарные столбы скручивались, но Клотильда ехала медленно,

не больше тридцати километров в час, успевая разглядеть лицо Марии-Кьяры на развешенных афишах.

Концерт в стиле 80-х, в «Тропи-Каллисте».

22 августа, пляж Ошелучча.

Послезавтра... Та же программа, что четыре дня назад. Червоне не считал нужным менять успешное меню, тем более что туристы редко подолгу оставались на одном месте.

Нельзя упускать такую возможность! Она должна попытаться еще раз, вдруг получится поговорить с Марией-Кьярой. Нужно придумать, как избавиться от телохранителя, и рассказать итальянке о том, что случилось с Николая 23 августа 1989 года. О машине, вылетевшей с дороги, испорченном управлении и заговоре молчания... Версию Червоне может подтвердить только певица. Но как ее уговорить? Вряд ли сегодня, через столько лет, она признает ответственность за смерть трех человек. Вынуждена будет все отрицать. Даже если Клотильда каким-то чудом сумеет прорваться в вагончик Марии-Кьяры, та замкнется в молчании.

Я никогда не буду совершенно уверена, что узнала правду...

Клотильда сбросила скорость до двадцати километров, и водитель огромного кемпинг-кара с буквами NL на номерном знаке буркнул, что столкнет эту дуру с обрыва, если она сию же минуту не разгонится. Слезы полились ручьем, и у Клотильды сработал идиотский рефлекс – она включила дворники, чтобы пейзаж обрел четкость, и заметила конверт, зажатый между лобовым стеклом и щеткой. Рекламный проспект? Листок вырвался на волю и полетел прочь.

Она резко затормозила.

Едущий следом голландец отчаянно засигналил, машина взвыла громче противотуманной сирены парома на входе в порт Бастии. Сидевшая рядом с водителем рыжеволосая женщина обругала Клотильду на фламандском, а ребяташки, сидевшие на заднем сиденье, вытягивали шеи, глядя на нее, как на диковинное животное.

Ей было плевать. Она приткнулась на обочине, выскочила, оставив дверцу открытой, помчалась за летящей от скалы к скале бумажкой и поймала ее у дикой шелковицы, ободрав руки и проклиная себя за безумие. Франк прав, она теряет чувство меры. Не контролирует

эмоции. Ее едва не задавила машина, вылетевшая из-за рекламного щита, зазывавшего на «потрясающее открытие местного супермаркета с распродажей и концертом: приходите в следующее воскресенье – и, возможно, увидите саму Марию-Кьяру!

Клочок бумаги.

У Клотильды задрожала рука.

Белый конверт и два слова.

Для Кло

Почерк женский. Она узнала бы его среди всех.

Почерк ее матери.

39

***Понедельник, 21 августа 1989,
пятнадцатый день каникул,
небо цвета осколков голубого хрусталя***

– Я последовала твоим советам, Базиль, и посмотрела на дельфинов вместе с Наталем.

Я не преувеличиваю, честное слово. Народу в баре «Эпрокта» – не протолкнуться, в час аперитива «касанис»[148] и пиво «Пьетра» текут рекой, а оливок на столах столько, что, похоже, обобрали все деревья в восточной части острова.

Слушателей человек двадцать, только мужчины. Я описываю круиз на «Арионе», разливаюсь соловьем про дельфинов – семейную пару Орофина с Идрилью, их детишек Галдора и Татиэ, уверяю, что Наталь разговаривает с ними, что он и правда волшебник. А потом добавляю фразу из любимого фильма, который если кто из здешних и видел, то самые молодые, и запомнили они только вздернутый нос Розанны Аркетт[149] и веснушки на ее попке.

– Иди. Иди и смотри, любовь моя![150]

Я хитрая, смышленная и хорошо подготовилась к выступлению. Все эти волосатые, усатые, бородатые и пузатые мужчины пялятся на мою майку – черно-белую, с кровавыми буквами WWF под изображением панды с отрубленной головой. Я специально ее надела.

– Труднее всего будет построить заповедник, а с дельфинами договоримся, – продолжаю я, сложив губы сердечком. Сладкое простодушие контрастирует с вызывающим нарядом, но так и было задумано.

Выпивохам плевать: в сафари с дельфинами они верят не больше, чем в воскрешение морских тюленей.

– Я корсиканка, как и Наталья Анжели, так что никакого бетона! Придется использовать другие материалы – дерево, стекло, камень, – и получится очень красиво! Вид мы уродовать не станем, ведь участок принадлежит дедуле.

Просто блеск! Назвать моего деда «дедулей» перед всеми этими мужчинами, которые «решают проблемы» мира, обсуждают Корсику и маккию, благоухающую анисом, миртом и табаком. Мне кажется, они считают Кассаню Идрисси кем-то вроде генерал-аншефа, чье имя нельзя произносить вслух, чтобы не окаменеть. Я десантируюсь на остров в образе зомби и зову их верховного правителя дедулей.

А я ведь еще не пустила в ход свое секретное оружие.

– К счастью, работать мы будем семейным, так сказать, подрядом. Дедуля даст землю, а моя мама построит дом для дельфинов, она ведь архитектор.

На этом решаю остановиться, чтобы не переиграть, хотя эти люди, пьющие «стадом», как зебу у болота, вряд ли были такими уж хитрецами.

– Мама с Наталем хорошо ладят... Здесь есть туалет?

Я иду вниз по лестнице, весело мурлыча себе под нос. К туалетам ведут триста ступеней и бесконечно длинный туннель, как будто строители хотели оборудовать сортир на континенте... Спускаюсь на десять ступенек, жду, когда сработает датчик и погаснет свет, и поднимаюсь на семь. Согласна, уловка ничтожная, жалкая, поэтому сделаю признание.

Да, я ревную! Мысль о маме внушает мне единственное, но жгучее желание – убить. Да, я хочу знать, спит мама с Наталем или нет. Да, я бы предпочла, чтобы мама принадлежала только папе, а Наталья – мне. Потому и затаилась в темноте, как любопытная, хоть и трусливая мышка.

Долго ждать не приходится. У мужчин и женщин под хмельком развязываются языки, только дозы требуются разные. А потом

неизбежно начинаются разговоры на темы ниже пояса...

Первым раздается непривычно высокий для корсиканца голос с интонациями капризного ребенка:

– Наталь совсем страх потерял, раз покусился на невестку Кассаню...

В ответ звучит дружный смех, потом вступает гнусавый, как утка, тип:

– Сказать по правде, когда гляжу на жену Паоло, сам хочу переметнуться к «зеленым».

Над тарелками с оливками повисает тревожное молчание.

– Они уже лет двадцать хотят пустить волка в овчарню, – уточняет Даффи Дак. – Если речь про ее лохматого, я не против.

Все гогочут. Я слышу голос Базиля, он пытается урезонить собеседников:

– Может, парню и правда нужен архитектор, а у Пальмы есть свои резоны общаться с красавчиком...

В разговор взрослых вмешивается мой ровесник – у него все еще ломается голос. Спасибо ему большое, он задает тот вопрос, на который я жажду услышать ответ.

– Что за резоны?

Даффи Дак ржет как сумасшедший.

– Ты что, не знаешь местную поговорку, малыш? «На Ревеллате пастухи держат скот в овчарне зимой, а жен дома – летом, когда Поль Идрисси сходит с парома на берег».

Глумливый смех действует на меня, как взрывная волна, и я невольно отшатываюсь.

Элмер бросает следующую гранату, и я не успеваю заткнуть уши и пригнуться.

– Поля можно понять. Ему скучно с парижанками, которые ездят на метро. Зато у нас на острове дичь круглый год бежит на свободе.

– И лучшие трофеи достаются Полю, хотя охотится он всего два месяца в году.

– Нужно делиться с товарищами, ведь собакам на охоте положена часть добычи.

Ковровая бомбардировка. Стены рушатся. Воеет сирена, но я не могу сдвинуться с места, понимаю, что нужно бежать, спрятаться в тихом безопасном месте, а ноги не идут.

Из тумана доносится голос Базиля:

– Пальма – красивая женщина.

– Еще какая! – снова вмешивается Даффи. – Наталь показал ей дельфинов, а она ему – своих... китов, тех, что под лифчиком.

Мужской гогот ранит меня тысячей мелких укусов.

– И все-таки Наталь мог бы найти кого-нибудь помоложе. И, главное, не такую замужнюю, – говорит Элмер.

Внезапно наступает гробовая тишина.

Кто-то шепчет: «Тсс...»

Секунду мне кажется, что меня обнаружили, но тут же слышу плач младенца. В округе, насколько мне известно, есть всего один грудной ребенок, увечный внук женщины, которая убирается у дедули и бабули. Она повсюду возит его за собой в коляске.

Все кончено.

Из бара не доносится ни звука.

Я иду вниз, спотыкаясь на каждой ступеньке мрачной лестницы, углубляюсь в туннель и бреду целую вечность, ощупываю стены, а все, что осталось от моего детства, безвозвратно исчезает. Закрываюсь в туалетной кабинке и чувствую, что оказалась на другом берегу Средиземного моря, Млечного Пути, мира людей. Сажусь на крышку унитаза, достаю блокнот и в темноте записываю, строчку за строчкой, слова, взорвавшие мою жизнь, рисую буквы с лапками, и они шевелятся, как живые.

Чтобы наказать себя. Искупить семейную вину.

Перепишите. Перепишите это миллион раз.

Мой отец обманывает мою мать.

* * *

Три страницы заполнены одной-единственной фразой. Забавно.
Интересно, если однажды кто-нибудь решит напечатать этот дневник, он сократит текст?

40

20 августа 2016

15:00

Машины возмущенно гудели, водители, вынужденные брать левее, ближе к обрыву, проклинали несознательную хозяйку «пассата», занявшую лучшую часть прибрежной дороги в условиях ужасной видимости.

Клотильда их не слышала.

Она стояла с конвертом в руке, не зная, что делать, потом открыла его и начала читать – медленно, как ребенок с ДЦП, разбирая слова, написанные почерком учительницы-пенсионерки.

Моя дорогая Кло!

Спасибо, что согласилась. Спасибо, что постояла под дубом... Я боялась, что иначе не узнаю тебя. Ты стала очень красивой женщиной. А твоя дочь, по-моему, еще красивей. Кажется, она похожа на меня. На ту женщину, которой я была.

Как же мне хочется поговорить с тобой!

Сегодня вечером. Если получится, если ты сможешь.

Будь в полночь у тропинки, ведущей в Casa di Stella.

Он придет за тобой.

Будет прохладно, так что оденься потеплее.

Он приведет тебя в мою темную комнату. Дверь я открыть не смогу, но надеюсь, что стены достаточно тонкие и я услышу твой голос.

В полночь. При свете Бетельгейзе.

Целую тебя.

II.

Весь остаток дня Клотильда заставляла себя быть веселой.

Франк ни словом не упрекнул ее за то, что молчала за ланчем, не выразил удивления по поводу внезапного желания сходить на могилу родителей. Не выговаривал за скачки настроения, забытый мобильник и сообщения, которые мог ведь и прочесть. Вторая половина дня прошла в духе увольнительной в разгар боевых действий. Время тянулось бесконечно медленно. Лежать на пляже, пока не надоест, вернуться пешком, развесить мокрые полотенца, вымести песок с террасы, почистить фрукты для салата, почти наслаждаясь этими банальными делами, которые в обычное время скорее докучают.

Клотильда положила руку мужу на плечо. Ее умиляло, что он снова вступил в заведомо обреченную на поражение борьбу с муравьями. Насекомые каждый день прокладывали новую тропу к полкам с кофе, сахаром, печеньем, а Франк проверял каждый пакет – не прохудился ли, покрепче затягивал завязки. Побеждали, конечно же, хитрые и упорные букашки.

Клотильда не убирала руку. В этом жесте смешались вина и страх, но больше всего в нем было стратегического расчета. Не сиюминутного, не с прицелом на Наталя. Ради назначенной в полночь встречи.

– Потерпи, Франк. Я скоро все объясню. Мне дали новую информацию. – Она не была уверена, что муж слышал последнюю фразу, – Франк стоял спиной к ней на четвереньках и беседовал с муравьями – и продолжила: – Никаких историй о призраках, клянусь. Только правда. Старые фотографии, свидетельские показания. Жестокая правда.

Она наклонилась, поцеловала Франка в шею и удивилась себе – жест был искренним. Искренней, чем раньше, до того, как она завела любовника. Франк повернул голову и долго смотрел на нее, как будто хотел понять, о чем она думает. Мысли сумасшедшей, на которой он был женат, ходили, в его представлении, на колонии муравьев, так нельзя ли и их затолкать в герметичную упаковку и защитить семью?

– Как скажешь, Кло. Как скажешь.

Неужели это ловушка?

Клотильда так глубоко погрузилась в свои мысли, что не сразу услышала голос дочери.

– Передашь майонез, мама?

Будь в полночь у тропинки, ведущей в Casa di Stella.

Он придет за тобой.

– Девочки, завтрашний поход под парусами не отменяется?

Как же мне хочется поговорить с тобой!

Сегодня вечером. Если получится. Если ты сможешь.

Что, если это еще одна жестокая западня и она несется к ней, закусив удила? Вопросы роились в голове, не давая покоя, вопросы, которые кто-то намеренно внедрил в ее сознание. Как? Подложив первый конверт в бунгало С29. Украд документы из сейфа. Назвав собаку именем ее пса из другой жизни. Накрыв к завтраку стол. Сунув второе письмо под дворник на лобовом стекле...

– Кло, Валу, вы что, оглохли? Я зарезервировал 470-ю на целый день. Увидите, вам понравится. Ветер, тишина, свобода...

Откровения Червоне не дали ответа ни на один вопрос, но продолжали терзать Клотильде сердце, как тот, последний, взгляд Николя. Теперь она могла его объяснить: брат осознал, что он убийца, и в ту же секунду понял, что сейчас умрет. Что объединяет безумный план Николя по соблазнению Марии-Кьяры и дикие письма «с той стороны»?

Нечто еще более безумное.

Ее мать. Выжившая Пальма Идрисси.

23:00

Франк весь вечер проверял свой компас, карты, учебники образцового юного моряка и рано пошел спать. На следующий день нужно было встать на рассвете. Заказ на 21 августа он сделал полгода назад. Франк ничего не оставлял на волю случая и накануне полдня проверял все документы. Клотильда делала вид, что читает, наблюдала за мужем и думала о своем. Когда близко узнаешь искателей приключений, они чаще всего оказываются занудами. Педантами, аккуратистами, мелочными придирами. Все – альпинисты, серферы и шкиперы.

Франк методично сложил вчетверо полотенце, убрал щетку, которой сметал муравьев, повесил на место бейсболку.

В обратную сторону это не работает.

Не все маньяки – авантюристы.

– Будем ложиться?

– Скоро приду. Почитаю еще немного.

– Завтра рано вставать, Кло.

Завуалированный упрек. Она улыбнулась, поразившись, как убедительно научилась врать... ну, говорить полуправду.

– Знаю. Завтра я проведу целый день на палубе, загорая без купальника, а мой галантный муж будет подавать ледяные мохито. Об этом мы договорились зимой, когда ты просил меня сказать «да». Не забыл, дорогой?

23:45

Клотильда положила открытую книгу на столик в саду, оставила рядом недопитую чашку чая, создавая впечатление, что она где-то недалеко и вот-вот вернется. Франк захрапел.

Она бесшумно ступила в темноту.

Как только Клотильда оказалась на пустынной дороге под оливами, тишина кемпинга уступила место голосам ночи. Просыпались все уродливые и робкие существа, боящиеся солнца. Пугливые лесные мыши, хищные совы, влюбленные жабы. Клотильда шла минут десять, светя под ноги фонариком своего айфона, и наконец добралась до начала тропы, ведущей к *Casa di Stella*.

Он придет за тобой.

Будет прохладно, так что оденься потеплее.

И она, как маленькая послушная девочка, натянула толстый свитер из небеленого хлопка, следуя указаниям призрака своей матери.

Смешно, право слово!

Еще не поздно сбежать, раздеться, обнять Франка, показать ему письмо, посоветоваться.

Смешно...

Полгода назад Франк обвел в кружок дату 21 августа на календаре. Ничто не помешает ее мужу выйти в море с семьей – ни письмо, ни признание жены в измене.

Далеко в лесу квакала жаба. Жалобный крик любви или агонии.

«Любовник... – подумала Клотильда. – Может, послать сообщение Наталю? Все ему объяснить, позвать к себе, попросить утешить и

защитить?»

Смешно.

В этот час ее рыцарь обнимает дочь жандарма, которая рано ложится спать, потому что рано встает и отправляется на работу в клинику. А муж Клотильды тем временем принимает товар в магазине – коробки с мороженой треской.

Смешно.

Вся ее жизнь – сплошной маскарад. Авторы романов, сочиняющие подобные сюрреалистические сюжеты, как правило, делают свою героиню шизофреничкой с раздвоением личности, которая сама себя мистифицирует, а потом...

Она не услышала ни малейшего шума, не заметила никакой тени. Просто стоящая перед ней ночь вдруг стала чернее и глубже, хотя ничего не произошло.

Огни бухты Кальви и маяка де ла Ревеллата внезапно исчезли.

И тут же появились снова, зато погасли звезды стоящих на воде яхт.

Темная ночь перемещалась!

Прихрамывая. Теперь она это слышала.

Громада, заслонившая ночные огни, стояла перед ней. Клотильда осветила фонарем, увидела сухую руку, шею, лицо и узнала... Хагрида.

Она ненавидела это прозвище, и тем не менее оно первым пришло ей на ум.

– Орсю? – шепотом спросила она.

Великан не ответил, только протянул здоровую руку и посмотрел на нее, как перепуганный слон, отгоняющий хоботом мышку, потом кивком указал на тропинку.

Он включил фонарь и стремительно пошел вверх, используя негнущуюся ногу как трость. Через несколько минут они углубились в заросли маккии. Дрок и земляничник тянули к ним мягкие лапы из лилового мрака. Подъем казался бесконечным. Орсю так и не произнес ни слова, а Клотильда решила не задавать вопросов.

Она знала, что не дождется ответа, и не хотела нарушать торжественность момента, как будто лишь тишина достойна была обрамить значимость, цель и глубокий смысл происходящего.

Та, что ждала в конце пути, была ее матерью.

Он приведет тебя в мою темную комнату.

Кто другой мог написать эти слова?

Они перешли через речушку и оказались на пустоши. Орсю то и дело оборачивался, проверяя, нет ли кого позади. Клотильда инстинктивно делала то же самое, хотя следить за ними в непроглядной ночи никто не мог. Любой свет, даже далекий, был бы заметен, как утренняя звезда Венера.

Клотильда была уверена в двух вещах: они одни, и она безумна.

Добровольно полезла в маккию, откликнувшись на загробный зов, а в проводники взяла хромого молчуна-людоеда, который завоевал ее доверие с первого взгляда. Паломничество к святым местам, к божеству, о котором она ничего не знала, продлилось еще час.

Они брели по склону холма, пробираясь через густые заросли. Вдалеке светилась цитадель Кальви, похожая на укрепленный остров. Казалось, что к земле ее привязывают нити неоновых огней из портовых баров. Они снова углубились в лес, добрались до маленькой поляны, Орсю осветил фонарем ковер из ладанника, поднялся на несколько ступенек по вырубленной лестнице, остановился и поднял лампу, подавая знак.

У Клотильды так колотилось сердце, что она едва могла дышать.

Маленькая пастушья хижина стояла посреди «нигде». Во всяком случае, так показалось Клотильде. Неужели Орсю водил ее по кругу и теперь они вернулись в исходную точку? Домик выглядел ухоженным: идеально обтесанные камни, глинобитная крыша, тяжелая деревянная дверь и закрытые ставни. Клотильде хотелось выхватить у Орсю фонарь, бросить его на землю, чтобы стекло разбилось, тогда в наступившей темноте она увидит пробивающийся сквозь бороздки свет.

В хижине кто-то живет.

И этот кто-то ждет ее.

Она.

Пальма.

Мама.

Совсем близко. Клотильда это чувствует.

Орсю – ее союзник.

Дверь я открыть не смогу, но надеюсь, что стены достаточно тонкие и я расслышу твой голос.

Земля перед дверью была хорошо утоптана. Орсю словно бы прочел мысли Клотильды, отступил на шаг и погасил лампу. Она медленно шла к хижине и отчаянно шурилась в надежде, что дверь распахнется и...

«Как сейчас выглядит мама? Странно, я даже не потрудилась подсчитать, сколько лет ей могло бы исполниться. Серые волосы, морщинистое лицо, согнутая спина... Или призрак не постарел и Пальма – все та же потрясающая красавица, в которую был влюблен Наталь? Как же я тогда ревновала!»

*Ты стала очень красивой женщиной.
А твоя дочь, по-моему, еще красивей.
Кажется, она похожа на меня.*

Да, только мать или ее вечно молодой призрак могли написать дочери такие горькие слова. Ничего, дверь вот-вот откроется, они обнимутся и... Клотильда сделала еще один шаг.

Черт, что это? Свет идет не от хижины и не из-за спины, а откуда-то сбоку, как будто снайпер целится ей в висок из ружья с лазерным прицелом.

Шаги.

Быстрые. Нервные.

Тяжелое дыхание.

Человек продирается через ветки, его обуревают ненависть.

Сюда несется зверь. И он в ярости.

Это была ловушка. Орсю исчез. Сыграл роль проводника за пару купюр.

До двери оставалось не больше тридцати метров, но ей не успеть. Зверь оказался прямо перед ней.

И Клотильда его узнала.

Она не ошиблась насчет ненависти и ярости.

Он не мог идти следом по маккии. Ждал их здесь... Но как зверь узнал?

Да какая разница, ей конец.

Мой отец обманывает мою мать.

Он переворачивал страницы, заполненные этой простой фразой, разглядывал рисунки – черных пауков и паутину, – не касаясь их пальцами, как будто давно высохшие чернила могли поранить кожу.

Автор дневника постепенно успокаивался, почерк становился разборчивей, ярость стихала.

О себе он этого сказать не мог.

* * *

***Понедельник, 21 августа 1989.
пятнадцатый день каникул.
голубое небо цвета опрокинутой помойки***

*Я обманываю
Ты обманываешь
Он/она обманывает*

Я на пляже, переворачиваю страницы.

Мама загорает, папа спит.

Папа захотел повести нас на пляж Порт-Агро, в мало кому известную бухту, спрятанную за скалами Петра Кода. Попасть туда можно только по тропе, проложенной через маккию, где ходят ослы и козы. Нужно пробраться сквозь заросли колючего можжевельника, кусающего похуже комаров, миновать развалины генуэзской башни, пройти километр под палящим солнцем, вывихнуть лодыжку на крутом пыльном спуске, выйти на песчаную дорогу и наконец увидеть прославленный райский пляж, куда за день добираются от силы десять туристов.

Место, куда не ступала нога человека... почти не ступала. С ума сойти!

Последнее усилие – и можно играть в Робинзонов в раю.

А на самом деле... На самом деле на пляже полно туристов. Сотни людей лежат на песке, а горизонт застыт яхты всех типов и моторные лодки. Десятки судов стоят на якоре за линией буйков, огораживающих место для купания. Корпуса и белые паруса загрязняют пейзаж, как клочки бумаги, брошенные каким-то свинтусом в водосточный желоб. Играть в Робинзонов? Не смешите меня! Разве что в летней корсиканской версии. Робинзон бросил в море тысячи бутылок, но ни одной чашки, и все бутылки выловили!

*Мы обманываем
Вы обманываете
Они обманывают*

Пальма Мама легла на полотенце лицом к самым большим яхтам. Я уже три часа наблюдаю за лакированной палубой *Blu Castello*[151]. мадам с чихуахуа на руках, мсье в панаме, Джино в тельняшке и капитанской фуражке, толстуха Тереза несет веер и полотенца, девочка – моя ровесница – ни разу не встала с шезлонга. Мой вывод, окончательный и бесповоротный: на яхте тоскливо до жути!

Если хорошо подумать, самый маленький участок дерьмовейшего из кемпингов больше самой большой яхты, на которой, как ни старайся, ходишь по кругу. Все равно что лето напролет провести взаперти в бунгало. На судне невозможно уединиться, открыть иллюминатор и прогуляться или хлопнуть дверью, сбжав от всех. Вокруг вода, одна вода, километры воды. Чем дольше я смотрю на *Blu Castello*, тем яснее осознаю чудную очевидность: самые богатые люди этого мира меняют свободу на роскошные тюрьмы, которые сами себе купили за миллионы, по одной простой причине: если ты миллионер, глупо ходить на пляж пешком, ночевать в кемпинге, пытаться заснуть, когда у соседей плачет ребенок, и нюхать запах жареных сосисок. Вот они и покидают остров – отправляются в изгнание. Лично мне нравится, что аристократы отправились в добровольную ссылку на воде, пусть даже при этом их яхты-тюрьмы заслоняют остальным пейзаж.

Девчонка вылезла из шезлонга, сделала три шага, сказала три слова предкам, перешла к другому борту, левый-правый, левый-правый, левый-правый, и вернулась на место.

Не хотела бы я оказаться на ее месте. Даже если ее родители обожают друг друга. Может, деньги хоть в этом помогают?

*Я обманул
Ты обманываешь
Он/Она обманет*

Мама спит, папа наблюдает.
Как можно обманывать?
Того, с кем живешь. И продолжать жить с ним?
Получается, человек обманывает, потому что сам обманут?
Женщиной, жизнью, мечтами?
Неужели жизнь и меня обманет?
И я тоже однажды кого-нибудь обману?

42

20 августа 2016

Полночь

– Ты?

– Ждала кого-то другого?

Клотильда не знала, как поступить: ответить на вопрос или завывать от разочарования.

Они стояли лицом к лицу перед хижинкой, набычившись, как боксеры на ринге.

Собака и волк

Дичь и хищник

Воровка и жандарм

Жена и муж

Она и Франк

Клотильда справилась с изумлением и попыталась собраться с мыслями, разлетевшимися, как перепуганные выстрелом воробьи. Получив ответ на вопрос «кто?», она сосредоточилась на «как?».

Как Франк узнал, что она здесь? Что она будет здесь, ведь проследить, не обнаружив себя на пустоши, невозможно? Значит, муж

ждал их у затерянной в зарослях хижины, то есть знал место свидания. Она вспомнила, что он спал, сопел, даже храпел, когда она час назад на цыпочках смывалась из кемпинга. Он притворялся. Ее муж все подстроил.

Франк атаковал первым:

– Твой чай остынет. Ты оставила чашку на столе, когда уходила.

– Что ты здесь делаешь?

Он саркастически расхохотался:

– Ну нет, Клотильда, на этот раз ничего не выйдет, мы не поменяемся ролями.

– Что ты здесь делаешь? – повторила она.

– Прекрати, Кло... Когда вора ловят с поличным, он не спрашивает, как полицейский патруль оказался в нужном месте в нужное время.

– Мой муж – не полицейский! Скажи, как ты узнал?

– Следил за тобой.

– Чушь! Придумай что-нибудь получше!

Франк на секунду растерялся, словно не знал, что делать – молча уйти или взорваться. Он взял себя в руки.

– Пожалуйста, Клотильда...

– Что – пожалуйста?

– Ладно, хочешь расставить все точки над «i»? Вперед! Моя нежная супруга весь день получает сообщения и отвечает на них; моя милая женушка придумывает тысячи предлогов – в том числе посещение могилы родителей! – чтобы встретиться с любовником. Времени голубкам не хватает, и она ждет, когда муж заснет, и бежит сюда сломя голову, чтобы провести ночь в чужой постели.

– Так ты решил меня застукать?! – взорвалась Клотильда. – Письмо, которое я нашла на лобовом стекле, написал ты? Взял за образец первое?

Франк вздохнул:

– Если тебе так нравится, можешь считать, что это я с самого начала принимаю обличия... твоего мужа, отца твоей дочери, твоей воскресшей матери... Твоего любовника. А переписка с Наталем Анжели в мессенджере – это тоже я?

Франк залез в ее телефон! Он даже не стал отпираться.

– Знаю, я тебя разочаровал, Кло, но ты сама виновата. Никогда не думал, что сделаю нечто подобное. Да, я шарил в твоём телефоне и прочел сообщения этого Анжели.

«Он мне за это заплатит! – пообещала себе Клотильда. – Обязательно заплатит. Когда-нибудь...»

Франк схватил жену за руку и с силой потянул за собой. Она упиралась, оглядывалась на зыбкий силуэт хижины. Орсю исчез, растворился во тьме.

Так просто она не сдастся.

– Ты не мог проследить меня сегодня вечером, Франк. Никто бы не смог, я обязательно заметила бы свет. Тебе было известно, куда я собиралась, поэтому ответь: ты написал письмо, чтобы завлечь меня сюда? Если да, то... – Клотильда чувствовала, что вот-вот сорвется. Кто-то хочет свести ее с ума. И ему это удастся. – Я должна знать, ты автор письма или моя мать!

Франк был ошеломлен, он почти испугался. В сумраке ночи они напоминали актеров старого черно-белого кино.

– Прекрати немедленно, Клотильда! Опомнись! Я собираюсь бросить тебя, потому что стоит мне отвернуться, и ты кидаешься в объятия чужого мужика, а ночью прыгаешь к нему в койку. Валу, слава богу, ничего не знает и спокойно спит дома. Проклятье, ты все разрушаешь! Ладно – мы все разрушаем, здесь и сейчас, а тебя интересует только твоя мать. Хуже – ее призрак! – Он попытался рассмеяться. – Я знаю, некоторые мужчины разводятся с женами, потому что у их тещ ужасный характер... Но не из-за призрака тещи, будь он неладен!

Франк снова дернул Клотильду за руку, вынуждая ее двигаться, и домика пастуха как не бывало.

– Ты больше ничего не хочешь сказать, Кло? Забудь о мертвых! Вспомни о дочери, раз уж я тебя больше не интересую.

И тут Клотильду осенило.

Мужчина, который сейчас сурово отчитывает ее, ругается, орет, – чужой человек. В тот вечер, когда они познакомились, Франк был в костюме Дракулы. Это он ее клеил, он захотел на ней жениться. Он захотел остаться. Она много лет просто соглашалась на его присутствие рядом с собой.

Принимать, улыбаться, молчать.

– Мне не плевать на семью, Франк, я растеряна. Понимаешь? Расте-ря-на! И сейчас все тебе выскажу. Да, я думаю, что моя мать жива. Хотя знаю, что этого не может быть... Я не осмеливалась поделиться с тобой, Франк... Я знаю, кто убил родителей, кто испортил «фуэго», кто...

– Да мне насрать, Клотильда! – заорал Франк. – На аварию, на твоих родителей – они мертвы уже двадцать семь лет, – на твоего брата, которого я никогда не видел. Я готов взорваться от мысли, что ты целовалась с другим мужиком, что он тебя лапал, а в этой хибаре вы собирались... собирались... завалиться в койку! Я не смирюсь, не прощу. Просто не могу, Кло. Ты все испортила, когда решила сюда вернуться. Ты все вокруг себя разрушаешь!

Остальной путь они проделали молча.

Осунувшийся Франк и Валу сидели за столом. Перед отцом стояла чашка кофе, свежая как роза дочь поглощала кукурузные хлопья с шоколадным молоком, посматривая на яичницу-глазунью и апельсиновый сок.

Клотильда стояла у раковины. Франк сделал глоток кофе и заговорил:

– Хочешь хорошую новость, Валу? Мы можем плавать на 470-й, той яхте, что я зафрахтовал, два-три дня, а не один. Даже неделю.

Валу расковыряла вилкой желтки и спросила:

– Неделя втроем на яхте?

– Вдвоем. Мама останется на берегу. Мы будем делать остановки в Аяччо, Портиччо, Проприано... И в бухтах, доступных только с моря.

Девочка вытерла тарелку хлебом и, не попросив уточнений, достала телефон: точь-в-точь генеральный директор, которому потребовалось срочно отменить все дела, назначенные на ближайшие дни.

Клотильда ходила по бунгалю, складывала в рюкзак Валу теплые вещи, лекарства, зубные щетки, крем от загара, любимое печенье дочери, любимые бисквиты Франка – в количестве, достаточном для двоих. Она играла роль идеальной жены, предупредительной и заботливой, но поможет ли это все исправить?

Кретинка!

С чего она решила, будто сегодня «играет роль»? Много лет те же действия были привычными и естественными.

Франк встал.

– Идите, я сама все уберу.

08:57

Их ждал принадлежащий кемпингу минивэн. Франк с Клотильдой несли к стоянке тяжелые рюкзаки. Валентина шла следом, глядя на экран мобильного, как будто загрузила в него GPS-приложение, которое не давало ей потеряться на территории.

Франк бежал.

Смывался, драпал, уплывал с тонущего корабля в открытое море на шлюпке. «Что я делаю? – подумала Клотильда. – Притворяюсь, что не изменяла ему? Не сама заварила кашу?» Она не чувствовала себя виноватой. Казалось, все случившееся было запрограммировано много лет назад, а она – игрушка в чьих-то руках. Франк за ней шпионил, скрыл часть правды и мог легко все подстроить – и документы из сейфа забрать, и накрыть тот проклятый завтрак. Франк хотел свести ее с ума. Вчера не дал встретиться с матерью, сегодня крадет у нее дочь. Корит ее за то, что сбежала на несколько часов ради встречи с Наталем, а теперь собрался исчезнуть на несколько дней в неизвестном направлении.

Франк сказал: «Нужна пауза, чтобы все обдумать. Чтобы защитить Валу...» – и Клотильда не стала спорить. Именно этого она сейчас хотела, ей нужно время на расследование.

Шофер по имени Марко уже стоял рядом с минивэном.

– Надо идти...

Клотильда расцеловала Валентину, подошла к мужу и спросила, сделав лицо жалкой идиотки:

– Вы мне позвоните? Обещаете?

– Если в Бермудском треугольнике будет сигнал, – откликнулась Валентина, не отрываясь от экрана.

Машина исчезла в конце дороги. Франк договорился с Червоне Спинелло, что их отвезут в порт Кальви, к 470-й, а «пассат» оставил Клотильде. Единственные слова, которые он утром сказал жене, касались машины: документы в ящике для перчаток, уровень масла

нормальный, шины подкачаны, ключ от бензобака там-то. Клотильда слушала вполуха – она прекрасно знала устройство двигателя, а Франк играл роль мужа, оскорбленного в лучших чувствах, но ведущего себя с достоинством.

Ее альтер эго мужского пола.

Такой же глупый. Ну поциничней, раз напоследок показал, как откидываются спинки сидений.

По дороге на Кальви ехали семьи в легковых машинах и кемпинг-карах, и у Клотильды комок стоял в горле, хотя она не впервые расставалась с мужем и дочерью. Каждую субботу Франк водил Валу на баскетбол. Их не было несколько часов (не дней!), а она «сбегала» – не с любовником, с книгой.

Клотильда стояла и думала об отце: за несколько дней до аварии у скал Петра Кода он тоже ушел в море на паруснике – во всяком случае, так ей рассказывали – и вернулся в День святой Розы, 23 августа.

Послезавтра...

Кто-то тронул Клотильду за руку, она обернулась и увидела Червоне Спинелло. Он дал указание Марку и согласился оказать услугу Франку.

– Не грусти, Клотильда, тебе повезло. Франк взял Валу с собой, а другой мужик смылся бы, оставив ребенка на жену.

– Проехали, Червоне...

Он не обиделся. Не отпустил ее руку. Клотильда закусил губу – она ни за что не разнюнится перед этим гадом! Не хватало, чтобы он подавал ей носовой платок. Разговаривать с ним она в любом случае не станет. Ей вдруг пришло в голову, что она с самого утра не видела в кемпинге Орсю. Куда он пропал после ночной вылазки? Конечно, можно спросить у Червоне, но она не собирается откровенничать с директором кемпинга.

– О Якобе Шрайбере по-прежнему ничего не слышно?

– Нет, – ответил Червоне. – Если старик не объявится до вечера, я сообщу в жандармерию.

«А почему ты до сих пор этого не сделал? – подумала Клотильда. – Вы ведь приятели с капитаном Кадна...» Вслух задать вопрос она не успела.

– Звонила твоя бабушка Лизабетта, она была в панике и сказала, что дедушка Кассаню хочет увидеться с тобой. Как можно скорее.

– В Арканю?

– Нет... – Спинелло выдержал драматическую паузу и закончил: – Наверху. Там. – Он кивнул в сторону Капу ди а Вета, на пухлые облака.

Клотильда проследила за его взглядом и заметила крошечный черный крест на фоне неба. Чистые, легкие воспоминания, подкравшиеся к ней, как дар свыше, спугнула глумливая реплика Червоне:

– Если безумный старик не полетит на вертолете, а потащится пешком, он точно сдохнет у подножия этого креста.

43

*Вторник, 22 августа 1989,
пятнадцатый день каникул,
небо голубое, как Земля из космоса*

Ку-ку, мой конфидент, проснулись?

Вы в форме? Можно начинать рассказ о моих снах и утренних кошмарах? Очень раннеутренних! Если скажу, который час, вы обалдеете.

Помните мою миссию, мой договор с Наталем о поцелуе в щеку, если удастся уговорить дедушку Кассаню? Я сдержала обещание, попросила о встрече – деловой! – и дед согласился. Назначил время и место: Арканю, 05:00 утра!

Я никогда не встаю раньше двенадцати...

Пять утра? А вот и не слабо. Я явилась вовремя, не зная, что меня ждет.

Должна сказать, мой мудрый, неболтливый читатель, что переживаю во время этих каникул потрясающие эмоции. Каждый день мечется между худшим и лучшим: враньем взрослых – и плаванием с дельфинами. Сегодня чувствую себя легкой и свободной, захочу – оседлаю облако или поймаю за хвост королевского орла.

Ладно, сказала «а», придется выложить все до конца.

В пять утра, задолго до восхода солнца, дедуля ждал меня во дворе Арканю, у подножия зеленого дуба, с палкой в руке и биноклем на шее, который он тут же перевесил на меня.

– Смотри. – Он указал на горную грядку на юге, выше Нотр-Дам де ла Серра.

Крест!

Или то, что от него осталось.

– Побеседуем под крестом, Клотильда. Готова?

Он ухмыльнулся, глядя на мою толстовку *Guns 'N' Roses* и кеды.

Я сделала вид, что ничего не заметила, и этак небрежно пообещала:

– Буду ждать тебя наверху...

Сдулась я очень скоро.

Семьсот три метра... от уровня моря!

Четыре часа мы поднимались по отлогому склону, который постепенно становился все круче, а последние безумные двести метров карабкались на четвереньках, как муфлоны. В полной тишине. Вообще-то дед молчал практически всю дорогу, даже во время короткого привала, когда мы остановились поесть сыра и копы, в тот самый момент, когда солнце выплыло из-за Корсиканского мыса. Толкиновский пейзаж – огромное огненное кольцо поднимается над длинным иссушенным пальцем.

Сейчас я уже успокоилась. Сердце бьется размеренно, ноги перестали дрожать и не скользят по осыпи, голова не кружится. Я сижу под крестом. Как только мы добрались, дед сказал, что его называют Крестом австрияков, потому что первыми покорили вершину альпинисты из Вены, пятьдесят лет назад. Поставили крест в 1969-м, и за два десятилетия он здорово пострадал от непогоды. Мне показалось, что любой порыв ветра может сорвать его с места и унести прочь.

У дедули Кассаню Крест австрияков вызывает ухмылку, он говорит, что местные корсиканцы забирались на Капу ди а Вета задолго до парней из Вены. Ему самому не было и восьми, когда он в первый раз дошел до вершины с Панкратицем, моим прадедушкой.

Я понимаю зачем.

Это нелегко объяснить словами, но, оказавшись наверху, на маленьком каменном куполе, где мы сейчас сидим, чувствуешь себя... властелином мира. Ветер гудит в ушах, напевает, бормочет: «Ну же, оглядитесь вокруг, насладитесь видом, невысказанной красотой, сотворенной гигантами. Или детьми. Знаете, как дети лепят из пластилина?»»

Я чувствую, что парю, мне кажется, мы с дедом одни-одинешеньки на горе. Во время подъема он останавливался каждые двадцать метров и ждал меня, а сейчас совсем не выглядит усталым. Ему я могу рассказать все что угодно.

Вы теперь хорошо меня знаете и понимаете: я себе не отказала.

– Вот что меня удивляет, дедушка: все здесь тебя боятся. А я думаю, ты добрый.

«Операция Белуга». Дело прежде всего. Нужно его умаслить...

– Злой. Добрый. Это всего лишь слова, детка. Из добрых побуждений можно устроить катастрофу, испортить собственную жизнь и даже убить.

Убить?

Запишу в дневник и подумаю об этом в выпускном классе, на занятиях по философии.

Я повернула голову, чтобы полюбоваться пейзажем, напоминающим жеод[152], виденный мной в Городке науки и индустрии[153] (это был лицейский «визит года»!).

– Дед, где проходит граница участка, который тебе принадлежит?

– *Нам* принадлежит, Клотильда. Ничто никогда не принадлежит одному человеку. Что бы он стал делать с этим добром? Попробуй представить себе богатейшего богача за всю историю мира. Кто бы это мог быть? Человек, устранивший всех вокруг и живущий один, среди произведенных другими бесценных вещей? Он станет не только самым богатым, но и самым бедным обитателем планеты – ведь сравнивать будет не с кем. Для разговора о богатстве нужны как минимум двое. Смотрела когда-нибудь вестерн? Герои, супруги-поселенцы, строят дом посреди пустыни. Растет семья, умножается богатство, рождаются дети, появляются внуки. Земля, дом, память – нужно их передавать по наследству. Говоря абстрактно, богатство должно быть достоянием племени, рода, всех, кто когда-либо помогал друг другу. Богатство принадлежит острову, стране, всему миру, если человечество способно быть единым, как муж и жена, семья, род. – На этих словах дедуля посмотрел мне в глаза. – К несчастью, не получается. И никогда не получится, и мы должны защищать то, что нам принадлежит. Мы – хранители равновесия между эгоизмом каждого человека и безумием мира. Таков мой ответ, детка, вот все, что нам принадлежит.

Дед обвел пальцем почти весь полуостров Ревеллата до маяка, кемпинга «Эпрокт» и пляжа де л'Альга, чуть задержавшись у Кальви на севере и скал Петра Кода на юге. Он объяснил, что несколько сотен квадратных метров побережья принадлежат Агентству по защите и обустройству прибрежных территорий и океанологам, работающим в *Stareso*. Странно, почему он не упомянул анклав Пунта Росса, который его отец завещал родителю Наталя, и холмы над пляжем Ошелучча, где взорвался недостроенный курортный комплекс «Скала и Море».

Моя голова-жеод начинала новый оборот.

Сто девяносто градусов. Вид на вершину Монте-Чинто – самую высокую гору Корсики, две тысячи семьсот шесть метров. Если мерить от вершины пика до дна впадины в Средиземном море, глубина которой составляет сотни метров, – той самой, откуда на поверхность поднимаются любимые лакомства дельфинов, – получится больше трех тысяч пятисот метров. Почти Альпы!

– Я люблю тебя, дедуля. Ты сейчас выступал, как киногерой. Смотрел фильмы о крестных отцах, стоящих на страже интересов клана?

– И я тебя очень люблю, Клотильда. Ты не разбазаришь свою жизнь – не позволят принципы и честолюбие. Но...

– Но что?

– А ты не обидишься? Не бросишь меня тут одного? Не рванешь вниз?

– Ответь.

– Ты не корсиканка! Не настоящая корсиканка. У здешних женщин не принятошивать черепа на черные платья. Они сдержанные и молчаливые. Дом – вот их царство, над остальным властвуют мужчины. Я люблю именно таких женщин. Знаю, эти слова возмутят тебя, моя маленькая бунтарка, но таков уж я есть. То, что ты олицетворяешь, выше моего понимания, Клотильда, хотя я тоже люблю свободу больше жизни. Доведись мне родиться на сорок лет позже, наверное, женился бы на подобной тебе...

– Папа так и поступил!

– Нет, детка, нет. Пальма на тебя не похожа. – Кассаню помолчал. – Ладно, выкладывай, что хотела спросить.

Сорок пять градусов. Вид сверху на Балань – «сад Корсики»[154]; она простирается от Кальви до Л'Иль-Рус. Включив воображение,

угадываешь очертания Агриате[155] и порта коммуны Сен-Флоран у подножия Корсиканского мыса. Я смотрю на море – собираюсь с духом, прежде чем нырнуть, задержав дыхание, и начинаю объяснять. Дельфины – Орофин, Идриль и их детеныши, Наталь, который умеет с ними разговаривать; два причала, один для «Ариона», второй для корабля побольше, заповедник прямо в море, а на берегу – терраса и буфет... Я умолкаю. О доме для дельфинов и архитекторше Наталя поговорим позже.

Дедушка слушал молча.

Триста двадцать градусов. Прямо по курсу Ревеллата. Отсюда полуостров похож на спящего крокодила! Клянусь вам. Серо-зеленая кожа, мыс Ошелучча – толстые лапы, рыло лежит в воде, это оконечность полуострова. Тысяча белых скал выстроилась в линию, как зубы, а маяк напоминает пуговицу носа.

Дед наконец-то улыбнулся и спросил:

– Что особенного в этих дельфинах?

Я ждала чего угодно, только не этого! Попыталась объяснить, что почувствовала на «Арионе», когда нырнула и плавала с чудесными существами. Ему передалось мое волнение – при одной мысли о дельфинах у меня на глазах выступают слезы. Я искренна, и это видно.

– Скажи «да», дедуля, прошу тебя. Скажи «да» – и все, кого Наталь познакомит со своими любимцами, будут счастливы, он хочет поделиться сокровищем.

Черт, все пропало! Нельзя было ставить рядом слова «сокровище» и «поделиться». Дед заговорил, как седобородый мудрец, словно решил превратить мой дневник в колдовскую книгу:

– Понимаешь, девочка, с начала времен люди либо зарятся на сокровище, либо обладают им, либо охраняют – будь то женщина, алмаз, земля или магическая формула. Люди тоже бывают трех сортов: ревнивцы, эгоисты и хранители. Никто не делится сокровищем. Никто, Клотильда...

Сначала мне очень нравились дедулины рассуждения, но теперь меня укачало. Не в обиду ему будет сказано, не вижу особой разницы между эгоистами-собственниками и хранителями, не желающими делиться. Кассаню это знать необязательно, у меня есть идея, как заставить его реагировать.

– Как скажешь, дедушка. Но знаешь что? Ты, как и все корсиканцы, не любишь море. И дельфинов тоже не любишь. Не смотришь в ту сторону, на горизонт. Если бы корсиканцы и правда любили море, они не уступили бы его итальяшкам на яхтах.

Он засмеялся.

Последняя фраза была явно лишняя. Идиотская, зато теперь Кассаню не разозлится.

– Мне нравятся твои слова, Клотильда, но ты ошибаешься. Насчет корсиканцев и Средиземного моря. Я не всегда был пастухом. Пять лет служил в торговом флоте, три раза ходил в кругосветку...

Сработало!

Двести пятьдесят градусов. Кажется, я вижу заповедник Скандола[156] и бухту Жиролата, где скалы краснеют, а скопы строят на стенах бастиона гнезда, похожие на дозорные башни.

– Посмотри на Арканю, Клотильда. А теперь переведи взгляд на море и утесы Петра Кода. Самые высокие – не выше тридцати метров. Когда я был в твоём возрасте, все молодые корсиканцы – те самые, которые, по твоему мнению, боятся воды, – прыгали оттуда. Я был самым бесстрашным. Мой рекорд – двадцать четыре метра. С возрастом начал выбирать скалы пониже. Пятнадцать метров... Десять... Но я плаваю так часто, как могу, от утесов Петра Кода до Тюленьего Грота, а иногда и до Пунта Росса. Отказаться от моря все равно что отречься от своей молодости.

– Ну так соглашайся, дедуля, ради дельфинов, моей молодости, ради меня.

Он улыбнулся:

– Ты никогда не сдаешься, внучка? Из тебя выйдет хороший адвокат. Обещаю подумать. Дай мне немного времени. – Дед расхохотался во все горло, а потом покачал головой: – Все происходит слишком быстро. Женщины меняются и требуют права голоса. Дельфины тоже меняются и болтают с рыбаками. Не хочу, чтобы моя Корсика менялась так стремительно...

– Значит, да?

– Пока нет. Есть один момент, которого ты не коснулась, дорогая. Тень креста падает на нас.

– Я не знаю, можно ли доверять этому Наталю Анжели.

– Ты получил ответ, дедуля, – пробормотал он сквозь зубы. – Получил. Но не тот, которого ждал.

21 августа 2016

– Ты пропустила рассвет, Клотильда, а в пятнадцать лет была ранней пташкой.

Кассаню сидел под семиметровым крестом, установленным на вершине Капу ди а Вета. Он напоминал паломника, дотащившего свой собственный крест до крыши мира, чтобы водрузить его, выкопать рядом яму и похоронить себя в ней.

Клотильда не ответила деду. Она пыталась отдышаться после четырехчасового восхождения на гору, изумляясь, как девяностолетний старик живым добрался до вершины. У нее сил совсем не осталось.

Она выдохлась и... разнервничалась! От красоты пейзажа замирало сердце, ветер разносил ароматы мастиковых деревьев, цедрата и диких фиг, но Клотильда не замечала ничего вокруг. Она мучилась вопросом, была вчера мать в пастушьей хижине или нет, и горько сожалела, что не решилась постучать в дверь, когда появился Франк и испортил волшебство момента.

Как Пальма могла выжить?

Есть всего три варианта.

Ее не было в «фуэго»...

23 августа 1989 года, садясь в машину, Клотильда видела отца за рулем, мать – на пассажирском месте и Николя на заднем сиденье. Они улыбались друг другу, разговаривали. Нет никаких сомнений – семья Идрисси уехала из Арканю в полном составе.

Ее мать вышла из «фуэго» до аварии...

Но машина не останавливалась, только слегка притормозила на спуске, а от овчарни до утесов Петра Кода всего несколько километров, и Клотильда не спала. Она хорошо помнила, как отец в последнюю секунду перед падением взял мать за руку...

Ее мать выжила...

Последняя гипотеза была единственно возможной, пусть даже «фуэго» трижды ударился о камни, убив трех пассажиров. Клотильде показали их изуродованные тела, но она была в шоковом состоянии и мало что понимала. Неужели мама жива? Мог ли врач «скорой помощи» сотворить чудо? Если да, зачем было объявлять ее погибшей? Вряд ли реаниматологи спасли пациентку и никому ничего не сказали... Даже дочери. С какой стати превращать девочку в сироту? Чтобы защитить мать? Получается, убить хотели именно Пальму? Бред! Клотильда перестала понимать, во что верить. Червоне соврал насчет Николя и обстоятельств аварии или сказал правду? Ее муж Франк ведет немыслимую двойную игру? Наталь действительно видел призрак матери? Что известно Кассаню? Кто с самого начала дергает за ниточки?

Поднимаясь к кресту, Клотильда вела себя как подросток, которого родители силой выгнали на прогулку: не расставалась с телефоном и пыталась дозвониться трем людям.

Франк не отвечал, так что Клотильде оставалось ругаться с автоответчиком.

С Наталем она поговорила, но «ловец грез» наотрез отказался присоединиться к ней на Капу ди а Вета. «Нет, Кло, исключено, я целый день на работе. У Аурелии сегодня ночное дежурство, так что вечером, если можешь и хочешь...»

Ладно, до вечера, мой рыцарь...

Клотильде показалось, что Наталь отказался из-за Кассаню. Да, ее пират не похож на бесстрашного горца, может, даже трусоват.

Бояться нечего. Дед выглядел вполне неплохо, но неизвестно, сможет он подняться на ноги после этой безумной эскапады или так и останется сидеть у креста.

На середине пути Клотильда сделала последний, самый неожиданный звонок, и ей сразу ответили на почти безупречном французском с едва различимым немецким акцентом.

– Клотильда Идрисси? *Mein Gott*[157], как неожиданно – снова слышать вас после стольких лет.

Странно, но Герман Шрайбер не слишком удивился звонку.

– Вчера звонил отец, – объяснил немец. – После вашей встречи. Мы поговорили о знаменитом лете восемьдесят девятого.

Он говорил ей «вы», и тон был неприятно властным. Интересно, Герман помнит свое прозвище? Клотильда не без труда справилась с желанием назвать его Циклопом.

– Вы помните то лето?

– Да, все фамилии, имена и лица. Оно для всех оказалось довольно... мучительным. Согласны?

Особенно для меня, кретин!

Клотильда решила не ходить вокруг да около и в нескольких словах изложила «откровения» Червоне Спинелло насчет Николя и ослабленной гайки. Герман удивился и как будто не поверил, помолчал и произнес с пафосом в голосе:

– Значит, погибнуть должны были мы. Все пятеро. Николя, Мария-Кьяра, Аурелия, Червоне и я. В полночь мы собирались сесть в машину ваших родителей и поехать в ночной клуб. – Он задумался. – Это многое меняет. Как в фильме «Пункт назначения»[158]. – Еще одна пауза. – Да, пропасть ждала нас. Почему все сложилось иначе, знаете вы одна. Почему тем вечером ваш отец передумал, Клотильда? Что заставило его повезти семью на концерт?

– Я... я не знаю.

– Нет ничего случайного. Постарайтесь вспомнить – и обязательно найдете объяснение.

Тон Германа был повелительным. Так говорят люди, привыкшие, чтобы им подчинялись. Клотильда догадывалась, что последние двадцать семь лет он унижал окружающих, как когда-то поступали с ним. Но немец прав, значение имеет только ключевой вопрос: почему отец изменил программу вечера 23 августа? Объяснения этому нет. Колодец ее памяти безнадежно пересох. Возможно, ответ нашелся бы в дневнике, куда она что-то записывала, сидя на скамейке во дворе овчарни Арканю? Не исключено, что воспоминания спрятаны в тетрадке, которую ей так и не вернули (кстати, почему?). Впрочем, Клотильда тогда была пятнадцатилетней девчонкой – ревливой, обиженной, любившей приврать, в том числе в записях.

– Версий хватает, – продолжил Герман Шрайбер. – На Корсике все непросто – земля и семья, жизнь и смерть, деньги и власть. Для начала ответьте себе на вопрос, можно ли доверять Червоне Спинелло? Вы

нашли других свидетелей? Из числа тех пятерых? Думаю, все они живы?

«Кроме Николя... – подумала Клотильда. – Циклоп остался королем бестактности...»

– Я повидалась с Марией-Кьярой.

Герман расхохотался, оценив ее шпильку.

– Она ужасно мне нравилась! Но я тогда был полным болваном и считал, что девочку можно соблазнить, цитируя Гете и играя на скрипке Листа. Вообще-то мне следовало бы поблагодарить Марию-Кьяру: чтобы нравиться таким, как она, пришлось здорово потрудиться. Я говорю о красотках. – Еще один смешок. – Моя жена внешне напоминает Марию-Кьяру, но она блондинка. И не певичка из телешоу, а сопрано Кельнской оперы.

Клотильде захотелось прекратить ставший вдруг неприятным разговор. Почему, повзрослев, люди с наслаждением обгаживают все, что когда-то любили?

– Ладно, Герман, простите, что отняла время...

– Подождите, Клотильда, у меня появилась идея. Вам нужно еще раз встретиться с моим отцом. Он много лет не только фотографировал, но и разговаривал со всеми обитателями кемпинга. Думаю, он выстроил собственную теорию. После несчастного случая с вашей семьей его что-то беспокоило, но говорил он об этом только с моей матерью, Анке.

Клотильда не решилась сказать, что со вчерашнего дня о Якобе Шрайбере никто ничего не слышал. Она почувствовала себя трусливой мерзавкой, а Герман между тем продолжал:

– Я иногда беспокоюсь за моего старика. У нас вилла на острове Паг, в Хорватии, чудесный бассейн, внуки всегда с нетерпением ждут там старого упряма, но он предпочитает проводить лето на Корсике – в одиночестве.

Высокомерный тон Циклопа снова вывел Клотильду из себя. Вряд ли кто-нибудь в его окружении может даже представить, каким боязливым подростком был Герман Шрайбер. Он «зачистил» пространство и переписал историю своей жизни. Клотильду так и подмывало назвать его старым прозвищем и напомнить истинное лицо прошлого, но немец не оставил ей времени.

– Идите к моему отцу, – повторил он. – Он не расставался с фотоаппаратом и всю жизнь насаживал на булавку прошлое, как

другие – бабочек. Этаким шпион с объективом, щелкающий все необычное. Камера была его единственным глазом, хотя Циклопом дразнили меня!

– Присядь, Клотильда. – Старик отдышался и кивнул на ближайший камень.

Голос Кассаню вывел ее из задумчивости. Ничего, позже она вернется к вопросам Германа Шрайбера.

Стоявшая далеко внизу, на северной стороне, цитадель Кальви казалась игрушечной по сравнению с городом, расположившимся на холмах Балани. Последний раз Клотильда видела этот пейзаж двадцать семь лет назад.

Кассаню задрал голову, взглянул наверх и спросил твердым голосом:

– Ты помнишь тот крест, что стоял здесь в восемьдесят девятом, детка? Дерево сгнило, гвозди проржавели, тогда и водрузили новый, потом еще один, а меньше трех лет назад – нынешний. Австрияки очень последовательные люди.

– Почему ты назначил встречу на горе?

– Из-за этого... – Старик обвел рукой окрестности.

Клотильда узнала «спящего крокодила». Побережье, от Л'Иль-Рус до Кальви, от мыса Ревеллата до Балерин, напоминало отстроченную белой нитью кромку, шнурок, четкую линию, проведенную рукой мастера. Она знала, что это иллюзия и все дело в масштабе, что в действительности землю пересекают на части белые и острые, как тысяча ножей, скалы, вдающиеся в море.

– Из-за этого? – повторила Клотильда.

– Да. Я хотел последний раз насладиться красотой вместе с тобой. Называй наше семейное собрание в узком кругу, как тебе больше нравится, благословением или передачей дел. Ты наша единственная наследница по прямой, Клотильда. Все это... – он кивнул на расстилавшийся перед ним пейзаж, – однажды станет твоим.

Клотильда не стала отвечать. Подобное наследие казалось нереальным, далеким, чуждым ее жизни, сейчас у нее есть дела поважнее. Она не станет провоцировать деда вопросом о том, кто и зачем повредил «фуэго», правильней будет придерживаться плана. Сначала проверка, потом объяснения. Именно так поступают хорошие

адвокаты. Она узнает, говорил ли Червоне Спинелло правду, и только после этого обвинит своего брата Николая. Для этого ей нужен Кассаню.

– Считаешь, очень умно в твоём возрасте пускаться на подобные подвиги? – тоном разгневанной сиделки поинтересовалась она.

– Какой же это подвиг? Я читал, что один японец залез на Эверест в восемьдесят лет, его отец в девяносто девять съехал на лыжах с Монблана, а тут всего-то козья верхушка...

Голос старика сорвался, он закашлялся – видимо, устал больше, чем хотел показать.

– Впервые я поднялся сюда в тридцать пятом, а начиная с тридцать девятого делал это по несколько раз на дню – помогал партизанам, снабжал их продуктами, оружием, боеприпасами. Мы здесь, на Корсике, первыми вышибли нацистов вон, еще до высадки в Нормандии и без помощи американцев! Стали первым освобожденным департаментом Франции, вот только авторы учебников истории об этом забыли. Тебе было пятнадцать, когда ты впервые поднялась на гору. Помнишь? Ну конечно, помнишь, это было как раз перед...

Он не закончил фразу. Клотильда помнила – разве такое забудешь! На шее бинокль, в сумке бутерброд с броччио, встает солнце, в небе летают соколы-сапсаны. Кассаню тогда казался ей пожилым, но был прочен, как скала.

Она окинула взглядом крест: отлакированное дерево растрескалось, шляпки гвоздей ржавые. Дед увидит его сменщика... Возможно.

– Лизабетта с ума сходит от беспокойства.

– Она уже шестьдесят лет беспокоится...

Клотильда улыбнулась.

– У меня есть к тебе вопросы.

– Кто бы сомневался.

Клотильда посмотрела вниз. Побережье представляло собой череду полуостровов, серых щупалец, поросших мхом. Казалось, будто какой-то бог отрастил их, создав множество тайных бухточек, якорных стоянок и таможенных троп. Алчный бог, предусмотревший будущую выгоду.

На востоке, ближе к морю, стояли бунгало кемпинга «Эпрокт», неподалеку находился фундамент комплекса «Скала и Море», павильон «Тропи-Каллисте» отбрасывал тень на пляж Ошелучча.

– Когда мы были тут вдвоем в прошлый раз, Кассаню, под оливами стояли палатки, к пляжу вела узкая тропа, на воде покачивался рыбацкий баркас, а в заливе Ревеллата плавали дельфины. Как ты мог пустить сюда Червоне Спинелло с его бетоном? Он рассказывает всем и каждому, что «всемогущий Идрисси ест у него с руки»!

Кассаню не обиделся.

– Это очень сложно, детка. За эти годы все изменилось, но ответить я могу одним словом. Деньги, Клотильда. Дело в деньгах.

– Не верю! Тебе плевать на деньги. Найди другое объяснение, чтобы я поняла, почему павильон Червоне не сгорел, а фундамент отеля не взорвался.

Старик ничего не сказал – ему было тяжело дышать.

Клотильда проверила телефон: сигнал есть, значит, службу спасения она вызвать сможет. Вертолет из Кальви долетит за пять минут. Она успокоилась и продолжила донимать деда, как будто разговор начался не двадцать семь лет, а двадцать семь секунд назад.

– Почему ты предпочел проекты мерзавца Червоне экологическому заповеднику Наталя Анжели? Ведь ты мне почти пообещал. Почти сказал «да». Ты изменил мнение, потому что он влюбился в мою мать? Покусился на честь семьи, приблизившись к жене твоего сына?

– Честь – то, что остается, когда все остальное потеряно, Клотильда.

Она обвела взглядом восемьдесят гектаров земли, принадлежащих Идрисси.

– Все потеряно? Но все-таки запас прочности существует, разве нет? Ты не ответил на вопрос, Кассаню. В клане Идрисси женщины не обманывают мужей. Это табу! Зато мужчины...

Она думала, что дед отреагирует, но он молча ждал продолжения.

«Ладно, дедуля, раз ты действительно хочешь, чтобы я разворошила ногой семейные тайны, получай!»

– Я больше не маленькая девочка и знаю, что папа изменял маме. Все были в курсе и шутили на эту тему. Чем хуже Наталь и Пальма?

– Дело в другом, Клотильда, – наконец отреагировал Идрисси. – Все началось раньше, задолго до твоего появления на свет. Твой отец не должен был жениться на твоей матери.

Приехали. Не прошло и двадцати семи лет, как выяснилась правда.

– Из-за того что она не корсиканка?

– Нет. Он был обещан другой девушке. До того как встретил твою мать, влюбился и все бросил ради нее.

– Та другая была корсиканка?

– Ее звали Саломе. Она принадлежала к нашему клану, фактически была членом семьи и хранила ему верность. Всегда. Женись Поль на ней, не уехал бы с острова. Твоя мать ему не подходила. Вот в чем причина, Клотильда! Ты заблуждаешься на ее счет.

Снова наступила тишина. Ветер отнес жестокие слова к вершине, а Клотильда вспомнила встречу со Сперанцей на кладбище Марконе.

Ты уж мне поверь, женщины на такое способны. Твоя мать околдовала твоего отца. Поймала в сети и унесла далеко-далеко от тех, кто его любил.

В ее памяти эти слова смешались с шуточками мужчин в баре «Эпрокт». Ей было пятнадцать, и она узнала о неверности отца.

Поль должен был жить здесь, если бы твоя мать его не убила. Жить здесь, понимаешь? Жить здесь. А он вернулся, чтобы умереть.

Кассаню шумно закашлялся, спугнув призраков прошлого.

– Все очень просто, милая. Твой отец не должен был жениться на твоей матери. Он об этом пожалел. Мы все знали, что так и случится. Но было слишком поздно.

– Для чего поздно?

Дед бросил на Клотильду сокрушенный взгляд:

– Родились вы. Ты и Николая.

– Ну и?..

Кассаню на секунду закрыл глаза, как будто не знал, стоит ли продолжать, но все-таки решился:

– И Пальма проникла в наш круг, как червячок в яблоко. Никто не мог предотвратить драму...

Драму?

Это он об аварии?

Сначала обвиняют ее брата, теперь взяли за мать?

– Не пытайся выяснить больше, – добавил Кассаню. – Мне жаль, Клотильда, но, несмотря на кровь и будущее наследство, ты не станешь до конца своей, потому что не живешь на острове. Есть то, чему невозможно научиться. То, что ты никогда не поймешь.

Клотильда хотела было возразить, но Кассаню знаком призвал ее помолчать.

– Ну вот, теперь ты смотришь на меня с жалостью, как будто я сейчас умру у подножия этого креста. Никто на острове, никто в клане не смотрит на меня так. Никто не называет дедулей.

Клотильда поняла, что больше ничего не вытянет из старика, но не расстроилась: она не за этим лезла на гору.

– Заметь, что я тоже больше не говорю «дедуля». Маленькая девочка, которая так к тебе обращалась, умерла 23 августа 1989 года на скалах Петра Кода. Ее семья погибла. Ее детство закончилось. В тот день умерло все. Знаешь, что нас сближает, Кассаню? В тот вечер мы оба утратили иллюзии. Я не прошу нарушить омерту. Жалость тоже ни при чем. Мне нужна от тебя услуга.

Темные глаза Идрисси блеснули.

– Какая?

– Оказать ее может только тот, кому не страшны полицейские, кто не боится сам вершить суд.

– А почему ты считаешь меня *таким* человеком?

– Может, я и не принадлежу к вашему клану, но одно знаю точно: вам не нравится официальное правосудие, вы не слишком доверяете префекту, нотариусам и жандармам...

Старый корсиканец ухмыльнулся:

– Я как мог всю жизнь пытался бороться с несправедливостью.

Клотильда приложила палец к губам:

– Тсс... Помнишь, что ты сказал на этом самом месте двадцать семь лет назад? Простую фразу, меньше двадцати слов: «Ты никогда не сдаешься, внучка? Из тебя выйдет хороший адвокат». Так и получилось. Ты признаешься в тот день, когда будешь нуждаться в моих профессиональных услугах, а до тех пор я ничего не хочу слышать об утонувших торговцах бетоном, взорванных виллах, неопознанном трупе, всплывшем в бухте Кровани, – если верить сегодняшним новостям, и грузовиках, сгоревших на дороге в Альгайолу вместе с грузом... Хоть мне и жаль, что в списке потерь нет Червоне Спинелло.

Еще одна веселая ухмылка. Возможно, вертолет вызывать не придется и Кассаню спустится с горы сам.

– Мне необходимо твое вмешательство, – доверительным тоном произнесла Клотильда. – Не совсем законное. Потенциально опасное.

Хочу, чтобы ты вызвал к себе нескольких решительных мужчин. Вооруженных мужчин.

Кассаню изумился. Возможно, в жилах внучки все-таки течет немного его крови и она хоть полшага, но сделает внутрь родового круга.

– Вооруженных? Я старик и больше не имею влияния. Кого ты хочешь...

– Ладно-ладно-ладно... – Клотильда протянула деду телефон: – Не сомневаюсь, что тебе достаточно сделать пару звонков и набежит куча корсиканцев, готовых исполнить поручение.

– Смотря какое...

– Нейтрализовать охранника. Может, двух. Мускулистых, но без оружия.

Кассаню закрыл глаза. Представил себе эту сцену.

– Место действия?

– Это вызовет у тебя воспоминания. Павильон «Тропи-Каллисте», пляж Ошелучча. Не уверена, что ты видел афиши, но мне нужно подобраться к Марии-Кьяре Джордано.

– К этой шлюхе?

Значит, афиши он заметил...

– О чем ты хочешь ее расспросить?

– Мне нужна правда! – отрезала Клотильда. – Правда о смерти твоего сына. Моего отца. Моей матери и моего брата. Только Мария знает правду, которая неведома даже тебе.

Она не думала, что реакция будет такой сильной. Ей показалось, что Кассаню сейчас потеряет сознание. Он моргал, пыхтел, кашлял, медленно сползая на землю, как будто решил умереть на вершине, сложив руки крестом на груди назло австриякам.

Клотильда перепугалась и не знала, что делать, дала деду воды, сжала его пальцы, словно хотела удержать птицу-жизнь в своих ладонях. Прошло несколько долгих минут, прежде чем Кассаню окончательно пришел в себя. Он словно бы все проанализировал, восстановил дыхание и схватил трость:

– Помоги мне встать, девочка. На спуск у нас уйдет не меньше часа. По дороге я воспользуюсь твоим телефоном и найду тебе вооруженных парней в масках.

***Вторник, 22 августа 1989 года,
шестнадцатый день каникул,
небо фарфорово-голубое***

We are the world. We are the children[159].

Я – движение, и все вокруг – движение, я пою, держа за руку соседа, мы стоим вокруг костра на пляже де л'Альга и раскачиваемся, чтобы выразить общность возвышенных чувств. Николя находится в центре круга – наверняка надеется, что отсветы огня помогут ему разобрать гитарные табулатуры[160], в которых он мало что смыслит. Мой брат держит ритм, как умеет, воображая себя Марком Нопфлером, а Эстефан (его кумир Маню Катше[161]) аккомпанирует ему на джембе.

Скоро полночь, с неба на нас смотрят Бетельгейзе и ее многочисленные подружки. Сегодня вечеринка благонаправленных детей. Они жарят марשמеллоу, поют Боба Марли, ле Форестье[162] и телехиты. *И вот настало время смеха и песен...*[163]

Настало и снова отправилось в путь, это время «Острова для детей».

Сегодняшний праздник придуман, чтобы отвести глаза родителям и получше замаскировать завтрашнюю затею Николя – рейд в «Камарг». Туда отправятся только старшие и почти совершеннолетние. Вместо звезд там будут лазерные лучи, музыка в стиле техно и косячки, а малышня пусть довольствуется гитарными переборами и мармеладными мишками.

Нико решил прыгнуть из детства в зрелость ровно за сутки.

Чуточку слишком стремительно, согласны, мой доверенный читатель?

Они как будто не ведают, чем все закончится! Торопятся флиртовать, спят сначала с кем ни попадя, потом с одной-единственной, притираются друг к другу, женятся, занимаются любовью реже – раз в месяц, раз в год (в годовщину первой встречи), заводят любовницу, еще одну... Повторяют путь родителей. Моих родителей.

We are the children. Мы – дети.

Мария-Кьяра воображает себя Синди Лопер[164] и горланит, перекрикивая остальных: «*Well, well, well!*» Голос у нее красивый, кто бы спорил, так что недоволен один Герман. Он хотел бы спеть 99 *Luftballons*[165], но текст песни «Нены» на немецком кроме него понимают только голландцы Тесс и Магнус. Циклоп молчит и дуется как придурок: взял скрипку, собирался аккомпанировать, а его зашикали, предпочли жалкие аккорды Николая (говорю честно, хоть он и мой брат!). Герман держит за руку Аурелию, та – Червоне, а он – Канди. Любовный круг, который неизбежно превратится в хоровод горя.

We are the ones... Мы – избранные...

И хор голосов подхватывает:

*Далеко от сердца, далеко от глаз
Маленькая девочка из старого города,
Мир голубой, как ты,
Макумба, Макумба...
Я тоже отправлюсь туда...*

В наступившей тишине Герман разрывает круг, хватая скрипку, взмахивает смычком и извлекает из инструмента ноты слез и огня.

Играет он хорошо, что есть, то есть. Первой мелодию узнает Мария-Кьяра и начинает петь. Окружающим кажется, что они репетировали все лето.

*Вечно молодым, я хочу быть вечно молодым,
Ты точно хочешь жить вечно?
Вечно[166].*

Голоса Кьяры и скрипки летят к небесам. Никто не подпевает. В такие моменты слова не нужны даже лучшему из писателей. До чего же

мне хочется, чтобы вы услышали, как плачет скрипка, а человеческий голос утешает ее!

Вот ведь странность – самые идиотские песни о любви пробирают до дрожи даже того, кто носит футболку с надписью *Back in Black*[167]. Николя знает правила игры, он бросает гитару на песок. Аурелии до него далеко, она смотрит на немца и итальянку глазами жандарметки, словно хочет взять их под стражу за нарушение тишины в ночное время, превышение сердечного ритма и непристегнутый ремень безопасности в кресле ракеты, летящей к Млечному Пути. Аурелия бросает страстные взгляды на Николя, но мой братец-недотепа ничего не замечает.

Последние ноты тают во мраке.

Все аплодируют.

Вечно молодой...

Конечно.

Герману хватает сообразительности молча вернуться к друзьям. Он протягивает руку Аурелии, та – Червоне, и так по кругу... Николя делает мне «страшные глаза» – я, как Золушка, забыла о времени. Вообще-то перед балом меня навестила не фея-крестная, а грозная Пальма Мама и отдала приказ: «Чтобы в полночь лежала в постели!» Я нехотя бреду в кемпинг, оставив маленьких мужчин и женщин (они старше меня всего на три года!) наедине с их утопиями. Бросив последний взгляд сверху, вижу распавшийся круг: Аурелия и Герман держатся за руки, Мария-Кьяра положила голову на плечо Николя, Тесс и Кэнди достались Червоне.

Подхожу к бунгалю, нарочно шаркая по гравию, наливаю себе минералки и опять-таки намеренно хлопаю дверцей холодильника, снимаю ремень с пряжкой в виде черепа, кольца и швыряю их на стол. Пальма спрашивает, как все прошло, я односложно отвечаю «хорошо» и закрываю ногой дверь моей комнатки. Внутри дико жарко, и я распаиваю обе створки окна, ложусь, не раздеваясь, на кровать и честно пытаюсь заснуть. Ничего не выходит, я бесшумно поднимаюсь и вылезаю на улицу.

Четыре утра. Да знаю я, знаю, что обещала брату не шнырять по-мышинному и не шпионить хотя бы до завтрашнего дня. Я дала слово с

чистым сердцем, потому что у меня было дело поважнее: убедить дедулю насчет дельфинов...

Все получилось – сегодня утром он сказал «да»! Наталь будет в восторге. А я скучать не намерена.

Пляж опустел, костер почти догорел, подростки разошлись. Николя остался один, он ворошит угли, и они потрескивают, как цикады на рассвете.

Где все остальные? Пошли спать?

А Мария-Кьяра?

Она появляется из воды, как нимфа, сирена, наяда, – я так и не выучила, чем водяные божества с женскими телами отличаются друг от друга.

– Ты идешь?

Мария-Кьяра делает несколько шагов, мерцающие красным угли и бледная луна высвечивают сначала ее тень, потом силуэт и блики на нем. Нижняя половина тела еще в воде.

– Так идешь или нет, Нико?

– Ты с ума сошла, вода ледяная.

Я наблюдаю из темноты, замерев от потрясения, и запоминаю. Учусь тому, о чем не рассказывают дочкам их мамы.

– Лови! – Мария-Кьяра взмахнула купальником. – Ну же, лови...

Она пританцовывает, и тень обнимает ее тело, скрывает и тут же обнажает шею, прячет соски и через мгновение высвечивает их, как рука в черной перчатке, играет с холмиками груди, приподнимает, сдавливает, возбуждая ночь.

Николя встает.

Значит, вот так это работает... Обольщение. Вихрь, водоворот чувств – и все?

– Слишком поздно, – с вызовом сообщает итальянка, и кружевная штучка шлепается на песок, как медуза.

Поторопись, малыш Нико... Мой тупоголовый старший брат снимает рубашку и аккуратно кладет ее на песок. Неужели его нарочитая медлительность тоже часть игры?

Я никогда не сумею... так. Когда найду *своего* мужчину, проглочу его живьем!

– *Seconda possibilità?*[168]

Еще один кусочек прозрачного кружева как по мановению волшебной палочки оказывается в руке Марии-Кьяры. Вода по-прежнему доходит ей до пояса.

У Николая кончилось терпение, брюки и трусы падают на песок, и тут я закрываю глаза, уж простите, мой ночной читатель, но вид голой задницы брата меня не вдохновляет.

Снова взглянув на место действия, понимаю, что «актеры» превратились в невидимок. Я слышу, как они смеются, воркуют, играют в волнах, и обещаю себе заткнуть уши и склеить веки, если они умолкнут, проще говоря – уйти.

Я знаю, что должна поступить именно так...

Опоздала! Мария-Кьяра выходит первой. Голая. Невероятно красивая – я такой никогда не стану. Мало кто станет. Вся женская половина Галактики проклинает ее за красоту.

Мария-Кьяра продолжает смеяться, чуть истерично, фальшиво, как гитара Нико. Это отнимает у нее толику сексуальности, но она все равно может дать сто очков форы остальным.

Мария-Кьяра неторопливо подбирает разбросанную одежду.

Поторопись, Нико, дичь вот-вот ускользнет!

Я запоминаю правила игры... Спасибо, Кьяра.

Она уже оделась, и Николай выходит на песок. Кажется, ему немножко стыдно. Он надевает джинсы, стоя на одной ноге, как цапля. Мария-Кьяра дарит ему долгий поцелуй и... исчезает.

Догнать ее смог бы только чемпион мира по скачкам на одной ноге.

– *A domani, amore mio*, – кудахчет красавица-итальянка. – *Domani, t'offrirò la miochiave*[169].

Мерзавка убегает, потеряв одну вьетнамку. Николай подбирает шлепанец и замирает. Глуповатый Прекрасный принц кемпинга в королевстве Золушек в бикини.

Я бесшумно удаляюсь.

– До завтра...

Завтра будет 23 августа. Не завтра – сегодня, ведь уже пять утра. Решающий день настал.

Forever Young, прошептал он.
Let us die young or let us live forever.
Давайте умрем молодыми или будем жить вечно.
Им не оставили выбора.

46

22 августа 2016

20:00

Наблюдателю, укрывшемуся за изгородью чуть в стороне от пляжа Ошелучча, могло бы показаться, что к охраннику подошли три приятеля, такие же квадратно-накачаные, но иначе одетые. На телохранителе итальянской певицы был костюм цвета маренго безупречного кроя, двое из подошедших облачились в охотничьи костюмы, а третий – в спортивные штаны и толстовку с капюшоном. Но пляж пустовал, трейлеры стояли вдалеке, и убедиться в ошибке было некому.

Четверо темнолицых мужчин... Один негр и трое в масках.

Мария-Кьяра повернулась к госте, замершей рядом с кожаным креслом малинового цвета.

– Не стоило звать сюда ваших горилл из маккии, – сказала итальянка. – Я бы и так открыла дверь.

Клотильда глянула в окошко на мужчин, распивавших кофе из одного термоса. Подружились? Может, и так, во всяком случае, ружья прислонили к мусорному контейнеру.

Дедуля оказался на высоте! Пока они спускались с горы, он по мобильному Клотильды вызвал нескольких друзей, чтобы те «мягко нейтрализовали» телохранителя Марии-Кьяры. Дальнейшие события развивались тревожно. До овчарни они добрались через два часа, и Кассаню без сил рухнул на стул, стоявший посреди двора, под зеленым дубом. Услышав, как хрипло он дышит, Лизабетта не стала слушать возражений и позвонила доктору Пинейро. В обычное время старик Идрисси встречался с врачом только ради прививки против гриппа. Пинейро сразу вызвал «скорую» и распорядился отвезти патриарха в Балань, на обследование. «Побудете под наблюдением, отдохнете, и все наладится!» В свои без малого девяносто старый корсиканец каждый

день проходил не один десяток километров или проплывал не меньше пятисот метров.

– Я уже была здесь без эскорта, Мария. Вы не впустили меня, – сказала Клотильда.

– Но тем вечером с вами не было Брэда Питта.

Итальянка взглянула на Наталь, сидевшего в ярко-зеленом кресле.

Небритый, с растрепанными белокурыми волосами, он и одевался явно впопыхах, но был хорош даже в драных джинсах и старой белой футболке с растянутым воротом. От него исходила вкрадчивая, кошачья сила, и Клотильда постаралась усмирить вспыхнувшую было ревность, но Мария-Кьяра раздула угли. Она устроилась на маленьком стульчике прямо перед дверью гримерки, где из всей обстановки были только огромное зеркало, простая раковина и полка с разноцветными стеклянными флаконами и тюбиками помады всех оттенков красного, пурпурного и орехового.

– Как приятно видеть старых друзей, заглянувших без предупреждения на чай! – веселым тоном продолжила певица. – Вам придется меня извинить – концерт через два часа, нужно готовиться... Моя публика с нетерпением ждет встречи.

Мария-Кьяра подмигнула себе в зеркале. Она явно не заблуждалась насчет мотивов неполовозрелых подростков, собиравшихся посмотреть, как она ныряет в бассейн в белом прозрачном купальнике. Клотильда еще раз посмотрела на мужчин в масках и задвинула шторку.

– Мне жаль, что пришлось использовать силу, но...

Певица сбросила леопардовый пеньюар, повисший на спинке стула, как забытый охотничий трофей, и осталась в красных трусиках и лифчике. Вытатуированная на спине роза спускалась от затылка к пояснице. Бесстыжее зеркало отражало фасад.

Наталь сохранял каменную невозмутимость, совсем как стол, комод, журнальный столик и статуи Венеры и Купидона из искусственного мрамора в стиле китч. «Наверное, так обставляет квартиру дорогая проститутка, обслуживающая старых извращенцев», – злобно подумала Клотильда. Приглушенный свет, искусственная кожа, клееная фанера и драпировки, скрывающие нищету.

– За те двадцать лет, что я играла старлетов на пятом канале, пришлось повидать карабинеров всех сортов, – итальянка усмехнулась и начала привычными движениями накладывать грим, чтобы за два часа убрать все морщины. – Раз дело срочное, не тяните, выкладывайте.

Клотильда сделала глубокий вдох и начала рассказывать. Мария-Кьяра ни разу не перебила ее. Она внимательно выслушала версию Червоне Спинелло и воспоминания Клотильды о дне 23 августа 1989 года и поездке, задуманной Николя. О том, как он взял у отца «фуэго», чтобы покатать Марию-Кьяру, и они слегка подпортили машину, а потом... Потом гайка сорвалась и случилось что случилось...

Произнося свой монолог, Клотильда ни разу не взглянула на певицу и поразились, увидев результат манипуляций с гримом. Мария-Кьяра превратилась в тридцатилетнюю диву: пухлые ярко-красные губы, большие черные глаза, высокие сияющие скулы, гладкий выпуклый лоб. Этой молодой красотке следовало бы нырять в фонтан Треви, как Аните Экберг в великом фильме Феллини[170], а не в жалкий пластиковый лягушатник под прицелом айфонов.

Мария-Кьяра подкатилась на стульчике прямо к Клотильде и взяла ее за руку:

– Конечно, я помню вашего брата, дорогая. Николя был трогательным, красивым, не похожим на других. Чертовски милым. И храбрым. Он пытался соблазнить меня, был неумел, ужасно играл на гитаре, а раздеваясь, страшно стеснялся. Накануне аварии мы были на пляже, у костра. Он меня растрогал...

– Так почему же этот милый мальчик промолчал? Почему не признался отцу? Почему несколько часов спустя сел вместе с нами в машину и поехал навстречу гибели?!

– Николя не мог сделать ничего подобного.

Клотильда попыталась вырваться, но Мария-Кьяра не позволила.

– Не мог, – повторила она, – и вы это знаете не хуже меня.

Из глаз Клотильды потекли слезы, и она потянулась к Наталю.

– В одном Червоне Спинелло прав... – сказала Мария. – Я хотела убедиться, что Николя умеет водить, прежде чем согласиться на поездку с ним. Ваш брат и правда стибрил ключи у отца и предложил мне прокатиться до Галерии, но дальше все было не совсем так, как излагает ваш директор кемпинга. Николя рулил осторожно, спокойно и уверенно. Я проверила его на прочность – целовала в шею, гладила по

ноге, – он все выдержал, и мы вернулись живые-здоровые, ни разу не съехав на обочину.

Клотильда растерялась и произнесла дрожащим голосом:

– Червоне видел, как вы спорили на парковке.

– Верно, спорили... Точных слов не помню, но, выйдя из машины, я подтвердила Николая, что ночью отправлюсь с ним в клуб. При одном условии... – Пальцы Марии-Кьяры судорожно сжались. – При одном условии, – повторила певица. – Я не хотела, чтобы все ехали с нами.

Эти слова подействовали как сильнейшее болеутоляющее: Николай ни в чем не виноват, Червоне Спинелло оклеветал его.

Душу Клотильды затопила сладкая эйфория, и она сдержала слезы, зато глаза Марии-Кьяры увлажнились, испортив безупречный грим.

– Я ждала вашего брата, Клотильда, ждала на следующий день. Надела самое красивое платье, воткнула розу в волосы и ждала ночью, хотела, чтобы Николай стал моим первым. Он – и никто другой. Ждала под звездами, пока не погасла последняя, а потом решила, что он худший из негодяев, и пошла спать, затаив в душе презрение ко всем мужчинам. Утром мне рассказали об аварии... Немыслимо... – Кроваво-красные ногти певицы впились в ладонь Клотильды, но та не отняла руку. – Клянусь, всякий раз, занимаясь любовью, я думаю о вашем брате. Писатели посвящают книги «дорогим усопшим», а я посвящаю Николая оргазмы – маленькую смерть, которую он так и не познал. Я отвергла его тогда, на пляже, и это было глупое ребячество, каприз. Сегодня я не отказываю даже придуркам и редко переносу свидания. Надеюсь, Николай одобряет меня с небес.

Мария-Кьяра продолжала говорить, мешая слова со слезами, но Клотильда не слушала, сосредоточившись на нескольких установленных истинах.

Мария-Кьяра явно говорит правду.

Значит, Червоне Спинелло все придумал...

Зачем?

Из зависти? По злобе?

Или все еще проще? Червоне солгал, объясняя, почему рулевое управление «пассата» оказалось поврежденным. У кого много причин, тот много врет. Сержант Чезаре Гарсия уверен, что это было вредительство. Кому выгодно лгать о причине аварии? Тому, кто испортил машину.

Мария-Кьяра встала, посмотрелась в зеркало, покачала головой и показала язык.

– За несколько минут до начала концерта я вряд ли нарисую еще один шедевр. Ну и ладно, публике все равно плевать. Люди приходят не ради моих прекрасных глаз! – Она привычным движением сняла лифчик и взяла с вешалки белый купальник. – Первый пункт моего контракта, составленного на французском, итальянском и английском, гласит, что я должна прыгнуть в бассейн в конце второго куплета, одетая в бикини. Подпункт «а» уточняет: размер верха – 80С.

Она без малейшего смущения продемонстрировала Наталью свою наготу, но Клотильда не взревновала: итальянка проявила абсолютную честность и завоевала ее симпатию.

– Частный сеанс, Брэд, любуйтесь на здоровье! Они не мои, так что пользуйтесь случаем... Вернее, не совсем мои, ведь каждая стоила три с половиной тысячи евро, пришлось взять в долг на десять лет. Молодость в кредит – отличная идея, согласны? – Мария-Кьяра изогнулась, надевая крошечный белый верх от купальника, и обратилась к Клотильде: – Не сердитесь, дорогая, мы же ровесницы, но у вас классная фигура, а у вашего возлюбленного глаза чародея, так что, сами понимаете... Мужчины любят вас за улыбку, энергию, элегантность... А на меня с четырнадцати лет глазают из-за сисек. Они – мой опознавательный знак... Мой двойной опознавательный знак!

Клотильда взяла певицу за руку:

– Вы хорошо поете, Мария. Я вчера слушала *Sempre giovani*. У вас всегда был дивный голос, именно он привлекал мужчин, а вовсе не тело.

Клотильда сразу обругала себя за глагол в прошедшем времени, но Мария-Кьяра не обиделась.

– Спасибо, милая. А теперь извините, меня ждет бассейн...

Она рассмеялась, бросила последний взгляд на Наталью, поправила неприлично съехавший лифчик, повернулась и, насвистывая, пошла прочь.

Boys boys boys

Парни в масках растворились в ночи, и Наталью взял Клотильду за руку, чтобы прибывающая на пляж толпа не разлучила их. Они шли к

морю, а возбужденные юнцы пробирались к сцене. Люди толкались, как в переходе метро, но Клотильда задумалась и ничего не замечала.

Подростки и взрослые – шумные, сияющие – напоминали карнавальную толпу, которая, как это ни странно, не раздражала, а успокаивала ее. Растревоженное сердце Клотильды не давало ей сосредоточиться на людском море.

Николя не убивал родителей.

Кто-то испортил рулевое управление «фуэго».

Червоне Спинелло становится больше чем подозреваемым – виновным. Гибель отца, матери и брата будет отомщена, все тайны раскрыты. Этот сучий потрох Спинелло расколется и заплатит. Зачем он украл бумажник из бунгало? Приготовил завтрак? Присылал записки за подписью «П.»? Пытался скрыть давнишнее убийство? Она узнает, разберется, восстановит ход событий.

Они удалялись от неоновых огней «Тропи-Каллисте», народу навстречу шло немного, и Клотильда достала телефон.

Червоне она займется позже.

Завтра с утра, на рассвете.

А эта ночь принадлежит ей.

Клотильда выпустила руку Наталя и отошла в сторону. Он с завистью смотрел на компанию подростков, передававших по кругу бутылку пива.

Где ты?

Она повторила вызов, но ответа не получила – как и в предыдущие десять раз.

Ну ладно, в открытом море сети нет, но по ночам Франк и Валу бросают якорь. Безразличие Валентины не удивляет, она всегда откликается только на одиннадцатый раз.

А вот Франк...

Клотильда оторвала взгляд от экрана телефона и посмотрела на темную пустынную часть пляжа, защищенную зубчатыми скалами, похожими на мохнатых чудищ. Под ногами скрипел морской ритмум[171], в нескольких метрах от берега, у подножия спящих рифов, танцевала тень маленькой рыбацкой шхуны: «Арион» ждал, качаясь на волнах.

Музыка подталкивала их в спину сильнее ветра.

Наталь улыбнулся, подвернул штанины и протянул Клотильде руку. Он шел в темноте «наизусть», не боясь оступиться, а у воды подхватил ее на руки, чтобы доставить на «Арион» сухой.

Из его затеи ничего не вышло – вымокли оба, но это не имело значения. Важно было одно: сотни танцоров на пляже не могли их видеть.

Depeche Mode[172] гремели в такт шуму волн.

Морской бриз охлаждал кожу.

Клотильда чувствовала опьянение, ей казалось, что она переживает последние мгновения долгого кошмара и через несколько часов истина явит себя миру. Возможно, – как бы глупо это ни звучало – загнанный в угол Червоне признает, что ее мать жива и все эти годы ждала дочь.

Клотильда проверила телефон и начала стаскивать мокрый комбинезон. Стриптизерша из нее никакая, так что придется включить самоиронию.

– Прекрасная итальянка тебя завела? – спросила она.

– Хм... *Molto-molto*[173], – пропыхтел он, снимая майку. – Если бы ты согласилась называть меня Брэдом...

– Отказано! Для меня ты всегда был и останешься Жан-Марком Барром. Актером одной роли человека-дельфина.

Клотильда прижалась холодным мокрым телом к Наталью и решила, что они должны любить друг друга именно в этой позе, как сардинки (смешно!). Например среди поля, в высокой траве, на обочине дороги, в кровати высотой до потолка, в вагоне поезда на Венецию, под сценой театра в разгар представления...

Судно плавно раскачивалось.

Ее жизнь тоже.

– Может, уйдем?

Клотильда и Наталь лежали на палубе «Ариона», как в люльке. Она так и не смогла найти Бетельгейзе среди сотен других звезд, хотя очень старалась.

– Так уйдем? – повторила Клотильда.

«Арион» удерживала на месте разлохмаченная веревка, ее можно было перерезать одним взмахом перочинного ножа, или перекусить зубами, или разорвать острым ногтем. Р-раз – и прощай, земля!

Где-то далеко, в благоговейной тишине, Мария-Кьяра запела а капелла *Sempre giovani*. Клотильда очень хотела соединиться с Наталем под эту божественную музыку, исполнив наконец заветную мечту юности и всей жизни, но не сдержалась и достигла пика наслаждения под припев *Joe le taxi*.

*Приезжай сюда, Джо,
Приезжай сюда скорее,
Поезжай ночью к жрице любви...*

Все ради этого.

«Может, уйдем?» – мысленно повторила она.

Наталь не ответил.

Спрашивать снова она не стала.

Они молча караулили бархатный купол небес, надеясь, что хоть одна звезда утратит представление о времени и упадет вниз.

Клотильда хотела загадать желание...

– Мне пора, Кло...

Ей показалось, что развеселившееся божество решило вдруг перемешать все светила и заставило их пуститься в пляс.

– Домой?

– Смена Аурелии заканчивается в полночь. Я должен вернуться раньше.

Как же ей найти в этом хаосе Бетельгейзе, астероид Маленького принца, Кастор и Поллукс[174]? Да любую звезду, способную внушить мужчине вечную любовь?

– Зачем, Наталь?

Он встал и начал одеваться, пошатываясь, как хмельной любовник на заре.

– Почему ты столько лет оставался с ней? С такой, как она?

Наталь улыбнулся: «Ты действительно хочешь знать?» – и она ответила улыбкой.

– Тебе трудно это принять, но она очень старалась организовать мою жизнь, упорядочить ее. Аурелия внимательная, честная, прямая женщина, она всегда рядом, и я ей доверяю. Жена любит меня...

– Понимаю... Я все понимаю и верю тебе. – Звук собственного голоса показался ей металлически хриплым, и она приказала себе

успокоиться, прежде чем продолжать разговор. – Понимаю, но это не снимает вопроса, Наталья, ведь ты ее не любишь.

– Ну и что, Клотильда? Ну и что?

Иди. Иди и смотри, любовь моя![175]

Они расстались. Разошлись в разные стороны. Курлыкнул телефон Клотильды. Сообщение от Франка. Наконец-то!

Все в порядке.

Вернемся через несколько дней, как договаривались.

Люблю тебя.

В голове все еще звучали слова Наталя: «Ну и что, Клотильда? Ну и что?»

Зеркальное отражение ее жизни.

– *Я знаю, что ты ее не любишь.*

– *Ну и что?*

47

***Среда, 23 августа 1989,
семнадцатый день каникул,
небо цвета аквамарин***

Великий день настал!

Мы дожили до 23 августа, мой вчерашний и завтрашний читатель.

День святой Розы – нежное пробуждение, вечер обещаний, ночь ласк.

День «С» – Совокупления – для моего старшего братца-обормота Николая (об этом, надеюсь, вам напоминать не нужно!). Среда «В» – Вранья – для папы с мамой, они будут врать друг другу в годовщину встречи, поклянутся, что по-прежнему влюблены, что любовь существует, о да, конечно, куда же без любви, она кладет подарки у камина и согревает остывшие мятые простыни, когда любовники засыпают. Для взрослых Любовь – вроде Рождественского Деда.

Но к черту взрослых! Я верю в Любовь!

В детстве мальчишки дразнились на перемене в школьном дворе: «Нет никакого Деда!» – а я не верила.

Может статься, любовник (один из!) скажет, бросая меня: «Нет никакой любви...» – но я заткну уши.

Клянусь, что верю в Рождественского Деда, инопланетян, единорогов, сирен и дельфинов, беседующих с людьми.

И Наталь верит.

Сейчас побегу к нему, у нас свидание на причале *Stareso*. Я расскажу Наталью, что умиловивила, уговорила, обаяла дедулю Кассаню. Великий Дуб Арканю, медведь Балани, сокол Капу ди а Вета, хранитель мыса Ревеллата одобрит проект дома-музея китообразных на пляже Ошелучча. Наталь должен мне не один жалкий поцелуйчик в щеку, а много-много-много поцелуев каждый день, прогулку на «Арионе», купание с дельфинами и массу других приятных вещей, когда я вырасту, перестану верить в Рождественского Деда, но не разочаруюсь в Любви.

Я иду по тропе, которая вьется вдоль хребта, на северо-востоке круто спускается к порту *Stareso*, поворачивает на северо-восток к Пунта Росса и выводит прямо на маяк де ла Ревеллата. Это самая высокая и узкая часть полуострова, со всех сторон окруженная морем. Реши я пописать, не знала бы наверняка, куда потечет струйка – водопадом на запад или ручьем к пляжу на восток.

Я замедляю шаг, чтобы полюбоваться потрясающим видом, и снова и снова спрашиваю себя: на какой гигантской палитре смешали все оттенки красного и бирюзового? Гениальная идея! Между красными скалами едва видны стены зданий *Stareso*, напоминающие троглодитские жилища в кубической версии. Причал на их фоне выглядит кукольной постройкой. «Арион» не пришвартован.

Я останавливаюсь, смотрю на воду, где нет ни одного судна, лишь паром солнечно-желтого цвета. У меня появляются сомнения. Лучше всего было бы оставаться здесь, на холмах Ревеллаты, на солнцепеке и ветру, и любоваться горизонтом. Рано или поздно Наталь вернется в порт, а пока натянем поглубже бейсболку *Bon Jovi*, наденем темные очки и устроимся на валуне.

– Ждешь любовника?

Раздавшийся за спиной голос заставляет меня вздрогнуть.

– Кого это?

– Любовника! Старика.

Голос принадлежит Червоне Спинелло, гаденыш за мной шпионил. Ему все известно о Натале. Возможно, Базиль проболтался, меня бы это не удивило.

– Любовник? Ты бредишь! У нас с Наталем Анжели сугубо деловые отношения.

– Надеюсь – для твоей же пользы. Анжели предпочитает старух.

Если придурок думает, что я начну оправдываться, он ошибается!

Червоне смотрит на бухту Ресиза к югу от Ревеллаты, ее колонизировали серфингисты, говорят, там лучший ветер.

– Вообще-то я его понимаю. Старухи, они богатые. Видишь ту бухту? Оттуда стартуют парусные доски. При первой возможности я там обоснуюсь.

Кретин прав: зрелище яркое, напоминает безумный танец, но «обосноваться» можно только на скалах, камнях или песке, а ветер дует такой, что даже дюны не стоят на месте.

Я продолжаю щуриться на воду в ожидании «Ариона».

– На твоём пляже Ресиза ничегошеньки нет.

– Вот именно! Я построю павильон, поставлю на песке зонтики, чтобы читать в тенечке, а дети будут играть рядом.

Он меня удивил: книги, малышня – не в стиле Червоне.

– Рассчитываешь заработать?

– При чем тут деньги? У меня план мегазавлекательного места!

Он начинает делиться идеями. Не гарантирую, что передам его рассказ дословно, но он гений замысловатых придумок, которые могут сработать и принести ему выгоду.

Червоне – прямая противоположность дедушке и Наталю.

– Ну так вот, Клотильда, я много лет часами наблюдаю за бухточкой. Те, кто приезжает впервые, молоды, одиноки, детей у них нет. Мускулистые загорелые парни похожи на киношных авантюристов, у девушек спортивные фигуры. Кажется, что приехали из Калифорнии, Австралии или с Гавайев, хотя на самом деле живут в Лионе, Страсбурге и Брюсселе. Они встречаются, до безумия влюбляются, женятся, заводят ребенка, потом еще одного, покупают минивэн, чтобы возить на багажнике доски, а в салоне – ребятишек, и каждый год возвращаются на Корсику. Ни один мужик никогда не откажется от

своего увлечения, поэтому мамы с детьми сидят на пляже. Где папа? Видишь большой красный парус? Это твой папочка! Жена ждет с совком и ведерком, бутылкой воды и книгой в тени павильона – если он есть. Ей скучно, можно поболтать с симпатичным официантом или с местным парнем, если малыш играет в песочнице или съезжает с горки. Ему всего два года, у него золотистые волосы, и он останется с матерью лет до шести, максимум – восьми, потом присоединится на волнах к отцу, своему герою, а выйдя из воды, скажет: «Видела бы ты, мама, как мы веселились!» Она улыбнется и почувствует себя счастливой, во всяком случае за мужа и сына, хотя сама уже лет десять не становилась на доску. Неприятно целый год ждать трехнедельного отпуска, а приехав на остров, сидеть одной на пляже, вечерами сушить костюмы и залечивать «боевые раны» мужчин.

Я могу продолжать до бесконечности, Клотильда, но ты ведь уже поняла план действий. Назовешь еще хоть одно место на планете, где потрясающие красотки скучают в одиночестве? Нет, не сможешь! Когда широкоплечие атлеты ловят волну и ветер, их подруги оказываются в «зале ожидания».

Вот такая грошовая философия... «Ариона» все нет.

– Можешь не верить, Клотильда. Заведи себе серфера, путешественника или космонавта, он пообещает тебе звезду с неба, вот тогда и поговорим. А я найду жену в бухте Ресиза, и она будет красивей меня, добрее, трудолюбивей и милее.

– Ты просто тупица!

Не нужно было обзывать Червоне, но я не сдержалась. Почувствовала себя полномочной представительницей всех жен серферов, моряков, дальнобойщиков, солдат – тех, кто проводит жизнь в ожидании возлюбленных.

Парень обиделся.

– Сама дура! На что ты рассчитываешь с этим перестарком? Кончай пляться на море, он не вернется. Хочешь, скажу, где «Арион»? Наталь Анжели уплыл на прогулку с твоей мамашей! Да, старушка, сегодня дельфины получают на обед ее купальник.

Хочу, чтобы он заткнулся. Сижу, тупо уставившись на белые паруса, медленно скользящие к горизонту. Парусники, только парусники, и ни одной рыбацкой лодки. Червоне не унимается:

– Не грусти, дорогая. Не злись на мать. Она очень красивая. И сексуальная. С чего бы ей отказывать себе в удовольствии? Пальма поступает благовоспитанно – трахается с Анжели в открытом море. Не то что твой отец...

– О чем ты?

Говнюк торжествует. Он молча обводит взглядом причал, от которого ушел в море «Арион», смотрит на Тропу Таможенников, на маяк и роняет:

– Все здесь принадлежит Идрисси. Так что у твоего отца наверняка есть ключ от маячной башни.

Я бросила засранца,
пошла по тропе,
до маяка было сто метров,
я толкнула дверь, она оказалась незапертой,
я услышала приглушенный смех,
подняла глаза,
начала медленно взбираться по винтовой лестнице,
у меня закружилась голова,
но не из-за крутых ступенек, жары и высоты,
а потому что по наивности надеялась,
что их там будет двое,
папа и его любовница.
Только двое.

* * *

Это большой день, повторил он и захлопнул тетрадь. Великий день, когда свидетели признаются... или замолчат навек.

Червоне Спинелло любил встать пораньше и пройтись по кемпингу до пробуждения туристов. Он останавливался в аллеях. Слушал доносившиеся из кемперов звуки – храп и вздохи, пересчитывал пустые винные бутылки под остывшими мангалами, бесшумно проскальзывал мимо туристов, ночевавших на воздухе в спальных мешках. Директор воображал себя хозяином замка, инспектирующим свои владения: вот он здоровается со слугами, беседует с крестьянами о видах на урожай. Он – надёжа и опора, залог порядка и гармонии.

Червоне предпочитал подниматься рано, но не слишком.

07:30 – пробуждение; 07:45 – вон из постели!

Его жена Аника каждый день принималась за работу одна, проверяла счета, наличность, отмечала приезды-отъезды, готова была обеспечить туристам первый завтрак, утреннюю газету и подать идею времяпрепровождения.

Безупречная Аника не оторвалась от компьютера, когда муж прошел мимо ее стола с чашкой кофе в руке. Червоне прекрасно знал, о чем люди говорят у него за спиной. Анике исполнилось сорок, ее переполняла энергия молодой заводилы, она была властной, жестко вела дела с поставщиками, проявляла бесконечное терпение и нежность к детям, умела весело кокетничать с мужчинами, любезно болтать с женщинами и знала шесть европейских языков, в том числе корсиканский и каталанский. Когда-то Аника увлекалась серфингом и однажды летом приехала из Черногории на Корсику, в бухту Ресиза. Червоне отбил ее у дружка, выскочки-косовара, и тот уехал один на своем огромном «шевроле». Конечно, люди удивлялись. Что эта прелестная и умная женщина делает рядом с подобным... чудачком?

То есть с ним!

Положа руку на сердце, Червоне и сам каждое утро задавался тем же вопросом. Ну ладно, двадцать лет назад ему удалось соблазнить девушку с пляжа, но почему она осталась? Прошло совсем немного времени, и Аника наверняка осознала, что он лживый расчетливый болтун, но не ушла от него, из чего следует единственно возможный вывод: лучшие женщины способны любить только порочных невротиков. Как миллиардеры, занимающиеся благотворительностью. Не исключено, что Аника живет с ним из жалости.

– О боже, – выдохнула она, глядя на экран.

Среди ее утренних занятий был просмотр местных новостей.

– Что такое?

– Они опознали утопленника из бухты Кровани. Это Якоб Шрайбер.

– Чччерт... Им известно, как это случилось?

– Судя по всему, нет. На сайте «Корс-Матен» о происшествии всего три строчки.

Директор сунул правую руку в карман и до боли в пальцах сжал связку ключей. Он должен что-то сказать, и быстро, нечто такое, что покажется естественным его жене.

– Заеду утром в жандармерию Кальви, пообщаюсь с капитаном Кадна, он наверняка знает больше.

Червоне поспешил уйти: он знал, что Аника очень привязана к старому немцу, как и ко всем туристам «со стажем», и не хотел ломать комедию. Во всяком случае, сегодня утром.

Директор кемпинга свернул в ближайшую аллею, чтобы спокойно подумать. После исчезновения Шрайбера ему удалось выиграть время (он очень кстати задурил Клотильде голову, подло оговорив ее брата), но теперь тиски сжимаются, слишком многие почти догадались. Нельзя провалить все дело, только не сейчас, когда старика Кассаню увезли на «скорой» в больницу, строительство комплекса началось и будущее выглядит радужным. Он должен продержаться еще чуть-чуть!

Спинелло остановился рядом с площадкой для мусора. Коты снова прогрызли мешки, разбросали жирные обертки, пустые молочные пакеты. Черт бы побрал бродячих тварей!

Он поднял глаза. Еще один сотрудник «Эпрокта» встал очень рано, даже раньше директора, – Орсю. Хромой людоед тянул за собой бесконечно длинный шланг – поливать территорию полагалось с девяти вечера до девяти утра, чтобы жестокое солнце не выпило до капельки воду, вылитую на растрескавшуюся землю.

Червоне дождался, когда калека подойдет ближе, и рявкнул:

– Мне что, самому котов гонять? Каждое утро одна и та же канитель! – Он поддел ногой отбросы: – Фу, мерзость!

Спинелло знал, что стоит немного надавить – и Орсю притащит складную кровать к помойке и будет караулить всю ночь. Увечный великан обожал быть полезным, подчиняться, покорно выслушивал ругань.

– Нужно избавиться от этих тварей!

Орсю, конечно, неполноценный, но он вырос в овчарне и знает, что делать с вредителями, умеет ловить, душить, перерезать глотку.

– Это твоя работа...

В глазах Орсю появился намек на улыбку, и директор решил, что он уже обдумывает коварный план отлова котов и их жестокой казни. Великан похож на убийцу, Червоне всегда его боялся, с самого детства. Однажды он кого-нибудь кокнет, а может, уже успел – если Кассаню велел.

Директор кемпинга «Эпрокт» уверял себя, что, эксплуатируя монстра, давая ему возможность разрядиться на блохастых разносчиках заразы, он тем самым оказывает услугу обществу. Червоне взглянул на сосновую рощу и тут же закрыл глаза, как делал каждое утро, чтобы представить на месте скелетоподобных деревьев шестисотметровый бассейн, нависающий над Средиземным морем. Он уже заказал проект архитектору из Аяччо, остается дождаться решения банка по кредиту... и разрешения на строительство. Да, будущее и впрямь лучезарно.

Между тем его ждало новое огорчение: дверь в помещение, где хранился инвентарь для занятий спортом и игр на воздухе, оказалась открытой. И здесь дурак Орсю оплошал – кто хочет входит, что хочет берет, а добра здесь на десятки тысяч евро, акваланги, каноэ, каяки!

Спинелло чертыхнулся, вошел, подобрал с пола раскрутившийся моток возвратной веревки и тут же вспомнил о карабине Валентины, который сам же и превратил в «дефектный». Все кончилось благополучно – малышка натерпелась страха, но не убилась же! Червоне надеялся, что Клотильда перестанет совать нос куда не следует, и просчитался. Франк с Валу уплыли на яхте, а неумная мамаша осталась на суше, будь она неладна!

Кончится тем, что она все поймет...

И что ему остается? Кража документов из сейфа бунгало тоже оказалась бесполезной, разве что он узнал кое-какие сведения о внучке Кассаню. У него нет выбора, она должна исчезнуть, но одно дело – испортить оборудование, чтобы девчонка плюхнулась в воду, отдать приказ об истреблении кошек, даже почти «случайно» тюкнуть немца в висок шарами для петанка, и совсем другое – стать хладнокровным убийцей. Все разговоры о кровожадных корсиканцах, вендетте, омерте и любви к насилию – бредятина. На одного холодного и непреклонного

Кассаню Идрисси приходится девяносто девять уроженцев острова, способных выстрелить разве что в кабана или вальдшнепа. Тем не менее от слишком любопытной адвокатессы придется избавиться.

Орсю в пределах видимости не оказалось. Неужто отправился охотиться на кошек? Червоне машинально наклонился над гидрокостюмами для подводного плавания: инструктор, этот чертов бездельник, ничего не убрал, даже подводные ружья валяются кучей прямо с гарпунами, а ведь это опасно.

Директор разложил оборудование по ящикам, пересчитал, убрал костюмы на вешалку. В его хозяйстве имелось восемь комплектов для подводной охоты.

Не хватало...

Восемь гидрокостюмов, восемь компрессоров, восемь свинцовых поясов и... семь подводных ружей.

Червоне посмотрел под столом, под шкафом – ничего.

– Это ищешь?

Он сразу узнал голос, а через секунду увидел нацеленное ему прямо в сердце оружие.

– Тебе следует бережней хранить оборудование и лучше натаскивать персонал. Нельзя оставлять без присмотра такие опасные сокровища.

Это продлилось три минуты. Одна понадобилась Червоне, чтобы решиться и заговорить, в оставшиеся две он признавался в невозможном, а выложив все как на духу, секунду ждал в надежде на прощение.

Он сразу понял, что откровенное признание не спасет ему жизнь, и вспомнил, как впервые увидел Анику в бухте Ресиза. Ей было двадцать три года, она читала «Письмо незнакомки» Стефана Цвейга и была хороша, как райский цветок, который никто не осмелится сорвать. Он рискнул и потом делал все, чтобы поразить ее воображение.

Палец нажал на спуск.

Будет ли Аника сожалеть о нем?

Гарпун воткнулся в сердце Червоне.

Значит, это и есть убийство?
Трястись от страха.
Подкрасться, выстрелить, смыться.
Считать проблему решенной.
Забывать.
Он спокойно сел и снова открыл дневник.

* * *

*Среда, 23 августа 1989,
семнадцатый день каникул,
небо цвета «мертвая вода»*

Я поднялась еще на несколько ступенек, чтобы лучше видеть, совсем как операторы, снимающие звездную пару. Теперь я смотрю на них «в три четверти». Останавливаюсь на расстоянии двадцати ступенек, различаю верхушку маяка, железные перила и два силуэта на фоне неба.

Две огромные тени.

Папа кажется великаном. Он в ветровке, флуоресцирующий капюшон напоминает целлофановый пакет, грозящий улететь. Я преодолеваю еще три ступеньки – беззвучно, как амбарная мышь, мне не привыкать, я умею быть самой ловкой шпионкой, хотя то, что сейчас выслеживаю, способно меня убить.

Она стоит напротив отца и одной рукой гладит его затылок, другую кладет на плечо, нет – хватает, чтобы удержать, не дать прыгнуть, сбежать, улететь. Снизу она тоже выглядит высокой, ростом с отца, хотя это всего лишь эффект перспективы.

Они целуются. В губы.

Как будто специально для меня, на тот случай, если остались сомнения.

Я слышу, как они обсуждают охотников из кемпинга и смеются. Надеюсь, под маяком есть подземный ход, ведущий в никуда. На потом. Еще две ступеньки. Если они опустят глаза, обязательно увидят меня, но опасности нет, эти двое слишком заняты друг другом. Сплетаются в объятиях, как приморские сосны корнями, чтобы противостоять ветру.

Я вижу ее впервые. Темноволосая, очень красивая, в длинном светлом платье, строгом, но сексуальном. Загадочная, волнующая, влюбленная. В точности такая, какими воображаешь любовниц, отчаянно чувственная, чтобы проще было ненавидеть...

Но мама не уступает ей в красоте.

Счет ничейный!

Я почти готова восхититься отцом – и восхищалась бы, если бы не чувствовала жгучего желания придушить родителя. Папулечку, торговца газонным покрытием, корсиканца – когда это выгодно, мужа и отца, если пожелает, покорителя сердец первейших красавиц.

Последняя ступенька...

Последняя, обещаю.

Я вижу одно колесо, другое, еще два, коляску целиком. И младенца. Я не сказала, что сразу его заметила.

Как можно пропустить такое?!

Я не очень умею определять возраст грудничков, но этому, на первый взгляд, несколько месяцев, меньше полугода. Поражает меня не ребенок, а то, что держит его на руках не сексапильная брюнетка.

Вы спросите: «А кто же тогда?»

Мой отец.

23 августа 2016

09:00

Клотильда уснула на «Арионе» глубоким сном. На рассвете, когда унялись гуляки на пляже Ошелучча, погасли огни «Тропи-Каллисте», Мария-Кьяра надела пеньюар, а последние звуки музыки техно смыло волнами, и они растаяли, растворились.

«Арион» тихонько покачивался, баюкая единственную пассажирку, укрывшуюся старым грязным одеялом, пахнущим йодом и мазутом.

Клотильда долго лежала на спине, смотрела на звезды и представляла, что Пальма переселилась жить на астероид. Интересно, мама иногда спускается на Землю? Или, устав исследовать черные дыры, образовавшиеся после Большого Взрыва в ущелье Петра Кода, она провалилась в небытие?

Ее разбудил мобильник.

Наталь!

Мерзавец бросил ее и отправился к жене, поджав хвост. Вернее, плавник. А она осталась на судне, и ее мечты пропахли мазутом и пометом чаек. Когда-то давно его напугал призрак архитекторши, теперь – живая женщина. Клотильда была готова сунуть нос во все закрытые дела, отдать все, что имела, стать адвокатом его исковерканной судьбы, но появилась слишком поздно, опоздала на тридцать лет.

Наталю хватило воспитанности позвонить и извиниться.

– Клотильда, это я. Мой тесть хочет тебя видеть.

Странный способ извиняться!

– Сержант Гарсия? Где? В его «джакузи»?

Клотильда окончательно проснулась. Вокруг плескалась и хлюпала о борт лодки вода, она чувствовала себя легкой, свободной и была готова поднять якорь «Ариона».

– Нет, у меня. В Пунта Росса.

«Пошутить, что ли?» – подумала она и спросила:

– Ты сообщил, что отсылаешь его дочь и просишь моей руки?

– Мне не до смеха, Кло. Сегодня утром произошло убийство. В кемпинге.

«Валу!» – подумала Клотильда, судорожно вцепившись в грязное одеяло.

– Убили Червоне Спинелло, – продолжил Наталь.

Она прижала вонючую тряпку к лицу.

Червоне оболгал ее брата Николя. Скорее всего, именно он испортил машину родителей, а теперь умер и унес в могилу ответы на вопросы.

Клотильда едва сдержала рвотный позыв, рот наполнился едкой слюной. Пальцы, руки, все тело пахло мазутом, солью и дерьмом. «Арион» качнуло, и ее затошнило еще сильнее.

– Выстрелили из подводного ружья, вогнали гарпун в сердце. Спинелло умер на месте. Тесть должен сообщить нечто важное о твоей семье. Конфиденциально. Прежде чем тебя вызовут в жандармерию.

– Я спала на «Арионе». Одна. Так что вряд ли сумею помочь легавым в поисках убийцы.

- Им это не нужно.
- То есть?
- Они уже взяли убийцу.

Клотильда отбросила одеяло, с трудом поднялась на ноги и посмотрела на море взглядом человека, потерпевшего кораблекрушение.

– Кто... кто убил Спинелло?

– Мастер на все руки и уборщик. Ты наверняка видела этого бородатого великана, у него атрофированы рука, нога и половина лица. Преступник – Орсю Романи.

Аурелия и Наталья стояли перед домом, со всех сторон окруженным морем. Она держала мужа за руку, и Клотильде пришло в голову ехидное сравнение: «Ну просто голубки на пасхальной открытке! Или рекламная фотография в глянцевого журнале...» Дом мечты, красавец-блондин, лазурная оправка морской глади, подлинные старые камни, гениально сочетающиеся с деревом и стеклом. Даже Аурелия не выбивалась из стиля: годы не добавили ей очарования, но стройная фигура позволяла предположить, что когда-то она была хороша. Ясное лицо, хорошо очерченные изогнутые брови, тонкая талия, длинные ноги... Чтобы так выглядеть, приходится прилагать усилия, многим жертвовать и тратить большие деньги. На Аурелии было строгое и явно за пределами дорогое платье, тончайшие чулки цвета загара и элегантные туфли на каблуках. Тот, кто не знал Аурелию в пятнадцать лет, ни за что не угадал бы в женщине на пороге старости необаятельно-унылую девушку.

Клотильда понимала, как заметна сиюминутная разница между ними. Она явилась сюда напрямиком с пляжа Ошелучча, проведя ночь любви на «Арионе». Не приняла душ, не накрасилась, не надушилась и до сих пор чувствовала на коже поцелуи Наталя и его ласки.

Аурелия оглядела ее с головы до пят.

Способна ли женщина унюхать аромат тайной страсти, зная, что перед ней соперница?

Чезаре Гарсия не оставил им времени на долгие приветствия:

– Пойдем, Клотильда. Нужно поторапливаться. Дай ключи, Аурелия.

Он взял связку и повел гостью в сарай, стоявший в нескольких метрах от дома. Строение напоминало темный гараж без окон: четыре каменные стены и свисающая с потолка лампочка. Стул. Стол. На железных стеллажах десятки картонных коробок, их содержимое настолько ценно, что владелец хранит все под замком, как сомелье – элитные вина.

– Таких хижин много на побережье, – сказал отставной жандарм, закрывая дверь. – Раньше в них укрывались пастухи, когда перегоняли овец в горы. Стены полуметровой толщины, плоская глинобитная крыша – надежней, чем в бункере. Я держу здесь архив: документы, воспоминания, все, что не мог оставить в жандармерии, выходя в отставку. Иногда я прихожу сюда поработать, здесь просторней, чем в доме, и прохладно. – Гарсия обвел взглядом стены. – Знаю, ты считаешь придурью заявляться в место, со всех сторон окруженное водой, и запирается. Признаюсь в ужасном грехе: я много смотрю на море, и оно мне надоело! Как жена-красавица, с которой каждое утро просыпаешься в одной постели.

Клотильда не собиралась ходить вокруг да около.

– Орсю невиновен! Не знаю, кто убил Червоне Спинелло, но только не он.

Чезаре улыбнулся:

– Откуда ты знаешь? Тебя там не было.

Верно... Откуда ей знать?

– Называйте это как хотите – интуицией, убеждением...

Она вспомнила лицо Орсю, его огромное искалеченное тело. Обреченная жертва, идеальная добыча палача.

Гарсия протянул Клотильде папку:

– На орудии убийства нашли его отпечатки.

Адвокатские рефлексy Клотильды встрепенулись, хотя она много лет занималась только банальными разводами, имела отличную репутацию, особенно в глазах мужчин, и почти всегда стремилась кончить дело миром.

– Отпечатки? – переспросила она. – Да в кемпинге «Эпрокт» они есть повсюду, в том числе на оборудовании для подводной охоты.

– Он один из немногих, кто был на ногах к моменту преступления, – не сдавался отставной жандарм, – и Червоне Спинелло успел сделать ему выговор, вернее будет сказать – устроил выволочку.

– Если бы все служащие, обиженные боссами, пронзали им сердце первым попавшимся под руку острым предметом, мои коллеги-юристы стали бы безработными.

Гарсия снова улыбнулся и открыл папку. В помещении было прохладно, но его белая рубашка промокла от пота.

– Есть еще кое-что, Клотильда. Сыщики сделали обыск и нашли... шары для петанка.

– Шары? А что, одноруким запрещено их иметь? На Корсике это преступление?

– Особые шары, Клотильда. *Prestige Carbone 125*. Их легко идентифицировали, такие были у одного-единственного обитателя кемпинга... (Пауза.) У Якоба Шрайбера. Старого немца, который исчез три дня назад. А на шарах, – жандарм, нимало не стесняясь, отер пот с висков полой рубахи, обнажив жирный живот, – обнаружили следы крови. Много крови. Кровь и седые волосы. Принадлежащие старому бошу.

– Я... я не верю...

– Орсю далеко не ангел, Клотильда. Не несчастный гонимый калека. Он наделал много глупостей, его часто забирали в полицию за насилие, хотя лично я признаю, что в большинстве случаев беднягу провоцировали. Им легко манипулировать: мать покончила с собой, и Орсю ее не помнит, отца он не знал, а бабушка Сперанца воспитывала мальчишку как умела.

Смутный образ малыша в коляске, стоящей под зеленым дубом на дворе овчарни Арканю, всплыл в памяти Клотильды. Ей было пятнадцать, и она обращала мало внимания на тихого новорожденного.

Клотильда задала вопрос, мучивший ее, как ночной кошмар:

– Известно... известно, кто отец Орсю?

Ответ она знала.

– Это секрет Полишинеля, – ответил Гарсия. – Ящик Пандоры... – Он попробовал рассмеяться, мокрая рубашка отклеилась от кожи и тут же снова прилипла. – Мало кому хочется открывать этот ящик, потому я тебя и позвал. На Орсю есть досье в Национальной картотеке генетических отпечатков. Мне не составило труда проверить слух, возникший сразу после рождения мальчика.

Да не тяни ты, бросай свою бомбу!

– Ты уже догадалась, Клотильда, или вспомнила. Сомнений нет – у вас с Орсю общий отец. Он твой брат, ребенок Поля Идрисси и Саломе Романн, дочери Сперанцы. Был зачат в августе 1988-го, родился 5 мая 1989-го, он должен был бы встретиться со своим отцом через две недели, если точнее – шестнадцать дней. Впрочем, «встретиться» – это слишком сильно сказано. Поль был женат, имел сына и дочь, и я вообще не уверен, что он был в курсе появления на свет этого малыша.

Она вспомнила винтовую лестницу в здании маяка и ребенка на руках отца. Забытые, подавленные, перлюстрированные видения, похожие на книгу с вырванными страницами. Заключительными, все объясняющими.

– Он... Орсю родился инвалидом?

– Да. Саломе не хотела его рожать, но в семье Романн не делают аборт, они самые католические католики. Девушка попыталась «вытравить» младенчика, как говорили в стародавние времена. Помнишь, в «Манон с источника»[176] Сезар «Папе» Суберан спрашивает: «Он родился живым?» – «Да, но с горбом». У Орсю неживая рука, нога, половина лица и часть мозга, отвечающая за речь.

Орсю... ее единокровный брат? Клотильда не верила своим ушам. Нужно включить профессиональные рефлексы и сконцентрироваться на убийстве Червоне Спинелло, об остальном она подумает позже, решит, как меняет ее жизнь появление нового родственника.

– Ладно, возможно, Орсю был нежеланным ребенком, но это не делает из него убийцу.

Сержант вздохнул с облегчением, решив, что самое трудное позади.

– Ты так говоришь, потому что он твой кровный родственник? – Гарсия хохотнул. – Члены клана Идрисси друг друга не сдают, да?

– Барон! – выкрикнула Клотильда. – Моя фамилия Барон! Я – мэтр Барон, а Орсю сейчас позарез нужен адвокат.

Толстяк хотел вытереть лицо, но рубашка промокла насквозь, и он подумал, что скоро умрет от обезвоживания, как выбросившийся на берег кашалот.

– Мне нужна ваша помощь, – добавила Клотильда, вскочила и заметалась по помещению, глядя на стеллажи с коробками. Успокоилась и попросила отставного жандарма одолжить ей самый

маленький чемоданчик для дактилоскопии, внутри лежали ворсовая кисточка, окись алюминия и окись меди.

– Повторяю, на ружье отпечатки Орсю, но если хочешь...

– Еще мне нужно его досье, Чезаре. Или хотя бы копия отпечатков пальцев... моего брата.

– И только-то?

– Да!

Он нашел нужную папку и сказал, самодовольно хмыкнув:

– У меня есть копии всего на свете. Конечно, это запрещено, но любой корсиканский легавый обзаводится подобной страховкой.

Гарсия протянул Клотильде черно-белый снимок.

Большой палец плюс еще три.

– Автограф твоего родственничка. Такую лапу узнаешь среди тысячи других. В этой руке людоеда силищи больше, чем у двух здоровых мужиков.

– Спасибо.

Клотильда пошла к двери, остановилась, оглянулась.

В конце концов, именно сержант приоткрыл ящик Пандоры.

– Как вашей дочери удалось захомутать Наталью Анжели?

Выпад был неожиданным, но Гарсия и глазом не моргнул. Он невозмутимо вернул папку на место, сел, долго отдувался и наконец заговорил:

– Аурелия его любила. По-настоящему. Моя дочь – разумная женщина, даже очень, почти во всем. Но в том, что касается чувств, ее всегда привлекали необычные мужики – шуты, канатоходцы, трубадуры. Серую ночную бабочку неудержимо тянет на свет. Как моей девочке внести разнообразие в свою скучную жизнь медсестры? Разве что уложить в постель лунного Пьеро.

– Я не о том спрашивала, – сухо бросила Клотильда. – Меня интересует, почему Наталья согласился. Зачем он женился на *такой* женщине? Не в обиду Аурелии будет сказано, Наталья мог получить любую жену – самую красивую, веселую и молодую.

– Все очень просто, Клотильда, – после затянувшейся паузы ответил он. – Наталья хотел защититься. На Корсике зятя легавого охраняют жандармерия, армия и государство, то есть Франция.

– От кого ему требовалась защита?

– Не наивничай, девочка. От твоего деда, разумеется. От Кассаню! После аварии, в которой погибли Поль, Пальма и Николая, Наталья много недель жил в страхе. Иррациональном, парализующем...

Клотильда вспомнила несвязные речи Анжели в Пунта Росса.

В ту секунду, когда машина твоих родителей падала на скалы, когда они расставались с жизнью, я увидел ее в окно. Увидел твою мать так же ясно, как сейчас вижу тебя. Она посмотрела, как будто хотела проститься, и исчезла.

Получается, Наталя свели с ума смерть Пальмы и ее явление в виде призрака?

Даже если ее мать каким-то невероятным чудом выжила после падения в пропасть и ее повезли на «скорой» в Кальви, она не могла по дороге освободиться от капельницы и появиться на скале напротив дома в Пунта Росса.

– Может, он тревожился за свой проект? – предположила Клотильда, сама не веря в эту версию. – Что после гибели сына, невестки и внука Кассаню и слышать об этом не захочет?

Жандарм нетерпеливо отмахнулся:

– Твоему деду не было дела до дельфинов, речь шла о несчастном случае, хотя какая уж там случайность! Имело место вредительство, так что мы с Кассаню считали это убийством. И он искал убийцу.

У Клотильды закружилась голова.

Наталья – убийца? Он испортил машину, чтобы устранить соперника? Избавился от моего отца, потому что любил мою мать? Чушь собачья!

– А... Кассаню никогда не подозревал Червоне Спинелло?

– Сына лучшего друга? Червоне тогда было восемнадцать лет, так что... Нет, Клотильда, я бы знал. Да и зачем парню творить подобное?

– Низачем... Просто так...

Она открыла дверь. Нужно как можно скорее попасть в Кальви и расспросить Орсю, но прежде всего – проверить одну догадку, сделать тест. Это займет несколько секунд.

Клотильда взялась за ручку двери, и тут ее догнал звучный голос сержанта Гарсии:

– Ты должна узнать кое-что еще, раз намерена копаться в прошлом. Аурелия много лет пыталась Наталя, и он в конце концов поклялся, что между ним и твоей матерью никогда ничего не было. Пальма не любила

Наталя и была верной женой, она всего лишь хотела заставить мужа ревновать. – Толстяк помолчал. – И Наталь ее не любил.

Клотильда вспомнила, как терзалась в то лето сомнениями, ревновала и подозревала мать, и едва не разрыдалась...

– Потерпи, Клотильда. Наталь еще кое в чем признался моей дочери, и я предпочитаю, чтобы ты узнала это от меня, здесь и сейчас.

– Что за эпохальное признание он сделал?

– Наталь думал, что вы больше никогда не встретитесь, и... – старик огорченно улыбнулся, – сказал, что тогда был влюблен в тебя.

Дверь распахнулась, и солнце ударило Клотильде в лицо. Золотые лучи отражались от волн, освещая полуостров, как огни рампы. Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем тени снова обрели четкость и Клотильда увидела хозяев дома.

Аурелия крепко держала Наталя под руку, словно он был экзотическим сокровищем, нуждающимся в охране и защите. Именно так двадцать семь лет назад она цеплялась за Николя на пляже Ошелучча. Наталь смотрел вдаль, не достаивая море даже взглядом.

Клотильда поняла, что Аурелия в курсе насчет ночи на «Арионе».

Тем хуже.

Или лучше?

Она не знала.

Сейчас это не имеет значения. Нужно сконцентрироваться на Орсю, убийствах Червоне Спинелло и Якоба Шрайбера и вредительстве. Все это одна цепочка.

Первым делом она свяжется с Франком и Валентиной, короткая ночная эсэмэска про скорое возвращение ее не удовлетворила.

Клотильда молча шла к «пассату», думая об одном: «Неужели я больше никогда не увижу Наталя?»

В кинодрамах влюбленные мужчины вырываются из рук нелюбимых жен и бросаются в объятия возлюбленных, а зрительницы плачут от счастья, все ему прощают и думать не думают о брошенных законных супругах. Публика всегда отдает предпочтение сердцу перед разумом.

Наталь не шелохнулся.

Клотильда села в машину.

Может, он пришлет сообщение?

И хоть раз в жизни проявит мужество...

Вдруг Наталь все-таки снимется с якоря?
Она повернула ключ в зажигании.

Не доехав до жандармерии пару сотен метров, Клотильда остановилась у обочины. Нервно отстегнула ремень, открыла стоявшую на пассажирском кресле сумку. Черт, ну что за бардак! Пришлось вытряхнуть все содержимое, чтобы достать письмо.

*Моя милая Кло!
Не знаю, осталась ли ты такой же упрямой,
какой была в детстве, но все-таки попрошу.*

Успокойся. Действовать методично, хоть раз в жизни!

Клотильда положила листок на приборную доску и открыла дактилоскопический чемоданчик. Раз или два она видела, как это делали по постановлению суда, превращая пламенные любовные послания в мерзкие свидетельства адюльтера.

Клотильда пошарила в карманах, сдула черный порошок и зажала бумажку в правой руке. В левой она держала черно-белый снимок, полученный от Чезаре Гарсии.

Ровно через секунду ответ был получен. Слова плясали перед глазами.

*Вся моя жизнь – темная комната.
Целую тебя.*

П.

Среди множества отпечатков нашлись и «пальчики» людоеда.
Орсю.
Письмо написал якобы неграмотный Орсю.
Во всяком случае, он его доставил.

51

***Среда, 23 августа 1989,
семнадцатый день каникул,***

небо цвета «мятой бумаги»

20:00

Порядок восстановлен...

«Арион» вернулся в порт...

Папа вернулся с маяка...

И все собрались вокруг большого семейного стола, накрытого под дубом во дворе овчарни Арканю. Дедуля Кассаню сидит в торце – как глава клана, бабуля Лизабетта стоит на другом конце – точь-в-точь дирижер оркестра.

Бабушка и ее старая служанка – имени я не знаю – приносят закуски: соленые и сладкие канистрелли, колбаски фигателлу ди Корса, приготовленные в пиве, куски панчетты, призутту и коппы[177], «партизанский» паштет из зеленых оливок с травами, меняют посуду. С нами сидят дальние кузены всех возрастов, которых я никогда раньше не видела. Самые старые пьют вино, знаменитое *Clos Columbu*, – его делает мой двоюродный дед. Молодым наливают кока-колу, хотя дедуле Кассаню это не нравится: нечего лакать заморскую содовую, когда есть корсиканское вино!

Я насчитала человек пятнадцать Идрисси за длинным узким столом, который и не стол вовсе, а длинная доска на козлах. Размеры рассчитаны точно – так, чтобы разные группы гостей не смешивались. На одном конце мужчины беседуют о политике, окружающей среде, корсиканском наследии. Мне интересно, но я слышу только отдельные слова: «земельный налог», «спекуляция», «преимущественная покупка»... На другом конце разместились подростки и малышня, а в центре, за папиными букетами желтых роз, прячутся женщины. Почти все говорят по-корсикански – неужели специально, чтобы мама не понимала? – и на совсем другие темы.

Пальма зевает, ей скучно. Она в черном платье с красными розами, том самом, что папа купил в Кальви. Никогда не скажешь, что через час, после аперитива, они с папой бросят всех Идрисси и отправятся на любовное свидание в *Casa di Stella*, а остальные рассядутся по машинам и поедут в церковь Санта-Лючии слушать концерт «А Филетты».

По маминому лицу понятно, что она готова сорваться прямо сейчас, а папе, наоборот, хочется побыть подольше. Так что их

«медовая ночь» не более чем компромисс, не устраивающий ни одну из сторон.

Скажите, мой confident, это и есть супружеская жизнь? Так живут взрослые? Уступают, довольствуются ополовиненной свободой?

О чем будут разговаривать мои скрытные родители, оставшись наедине? О лигурийско-провансальском течении и дельфинах, замеченных с «Ариона»? О маяке де ла Ревеллата и его проблесковом огне? А может, ни о чем, обо всем и о нас? Они поужинают на белой скатерти, а потом постелят ее на кровать и займутся любовью. Ежегодное перемирие, как в сочельник – канун Рождества?

Не знаю. И мне плевать. Я сижу на скамейке, в наушниках, пишу вам и слушаю *Mano Negra*. Судя по всему, час аперитива подходит к концу. Скоро наступит вечер, и я клюю носом.

Перечитываю написанное.

Кажется, я слегка вздремнула.

Вокруг было спокойно, музыка меня убаюкала, и вдруг раздались крики.

Похоже, во дворе ссорятся: кто-то кричит, плачет.

Сходить посмотреть? Не хочу. Мне нет дела до разборок в клане Идрисси. Снова надеваю наушники, делаю громче, очень громко.

Наверное, я снова засыпаю.

* * *

Он перевернул страницу.

Открыл последнюю.

Дальше только чистые.

23 августа 2016

10:00

Обстановка в здании жандармерии Кальви показалась Клотильде спокойной. Не похоже на генштаб во время войсковой операции. Судя

по всему, здешние эксперты живут припеваючи, не то что спецы из «Майами»[178]. Капитан Кадна читал «Экип»[179], попивал кока-колу и искренне обрадовался Клотильде.

– Мадам Барон, мое почтение.

Хм... хм...

Красавица-адвокатша была явно не в настроении, и жандарм мгновенно отложил газету. Забыл о коле и попытался оправдаться:

– Вы здесь из-за Орсю Романн? Он в соседней комнате, в хорошей компании! Региональное управление уголовной полиции прислало этим утром двух инспекторов. Они забирают дело. У Червоне Спинелло были влиятельные друзья, и его убийство наделало шума. Мы, местная бригада, держим свечку, нет – шланг для полива, поскольку столичные штучки боятся пожара.

Молодой капитан счел, что этой тирады более чем достаточно, и потянулся за газетой, но Клотильда шагнула к двери допросной. И Кадна запаниковал:

– Нет, мадам Барон... – Чертыхнулся, отшвырнул газету и опрокинул стакан. – Туда нельзя входить! Они будут недовольны!

Клотильда посмотрела Кадна в глаза и отчеканила ледяным тоном:

– Я адвокат задержанного!

Жандарм-регбист не впечатлился.

– Неужели? Как давно?

– С этой минуты! Хотя мой клиент пока не в курсе.

Капитан колебался. Клотильда Барон не блефовала: десять дней назад она сообщила ему свою профессию. Будет очень даже неплохо, если она испортит настроение пришельцам из Аяччо.

– Ладно, разбирайтесь с ними сами. Если столичные гости не воспротивятся вашему присутствию, дерзайте... Ваш клиент – не самый разговорчивый свидетель на острове. Он возводит омерту на недосягаемый уровень: нам стало известно, что с момента рождения он ни разу не произнес трех слов подряд.

Клотильда открыла дверь и увидела Орсю. Сыщики, оба в серых костюмах и при галстуках, дружно повернулись, как покеристы в салуне, едва не опрокинули стол и выхватили оружие.

Быстро... Но недостаточно!

Клотильда нанесла удар первой:

– Я мэтр Идрисси!

Она сунула им визитку, на которой было написано «Клотильда Барон», но они даже не взглянули: фамилия Идрисси сделала свое дело.

Тот, что постарше, в прямоугольных очках, подал голос:

– Насколько мне известно, мсье Романи не упоминал ни о каком адвокате.

Он ее испытывает? Сейчас повысим ставки! Орсю сидел совершенно неподвижно, но Клотильда уловила едва заметное движение рукой и торжествующе заявила:

– Теперь все меняется. Два важных уточнения. Первое: мсье Орсю Романи, с этого момента мой клиент, является моим единокровным братом. И второе, само собой разумеющееся: мой клиент невиновен.

Пауза затянулась.

Полицейские переваривали информацию.

Фамилия Идрисси. У них был идеальный подозреваемый, умственно отсталый с криминальным прошлым и отягчающими обстоятельствами. Кто станет защищать немого маргинала? И нате вам, адвокат. Не просто адвокат, а кровная родственница из клана Идрисси!

Клотильда знала закон и понимала, что пока не выиграла партию. Полицейские обязаны ознакомить ее с делом, но могут не пускать на первый допрос. Потом ей дадут полчаса на беседу с клиентом. Остается блефовать.

– Полагаю, вы уже побеседовали с моим клиентом, господа? Тогда я хочу остаться с ним наедине.

– Мы не закончили, – сказал сыщик с козлиной бородкой. (Перевожу: «Увечный мерзавец не сказал нам ни слова за тот час, что мы его мариновали».)

– Мой клиент пообщается с вами. После того как поговорит со мной.

Орсю никак не выражал согласия, разве что глазами.

Полицейские переглянулись.

Оба понимали, что вести себя следует осмотрительно, поскольку они ступили на минное поле. Задержанный легко промолчит сорок восемь часов, а то и все семьдесят два, разве что в сортир попросится, так почему бы не позволить упавшей с неба адвокатше помочь им?

– Полчаса – и ни минутой больше, – сурово сказал очкарик.

Они покинули допросную.

Клотильда и ее брат остались одни.

Наедине? Не совсем. По столу перед Орсю ползал муравьишка. Великан подставлял палец, чтобы заставить насекомое преодолевать препятствие. Клотильда не привыкла к монологам: на бракоразводных процессах ее клиентки не закрывая рта рассказывали о прегрешениях партнеров.

– Сыграем в открытую, Орсю. О нашем отце поговорим потом, если захочешь, а сейчас займемся срочными делами.

Ее брат в ответ только левым мизинцем шевельнул, отрезая муравью путь к отступлению.

– Во-первых, я знаю, что ты не убивал эту сволочь, и вытащу тебя, можешь мне довериться.

Муравей отчаянно пытался выбраться из плена.

– Во-вторых, мне известно, что ты гораздо умнее, чем хочешь показать. Как Бернардо в «Зорро»[180]. Так что отношения у нас будут баш на баш, милый братец.

Орсю впервые поднял глаза и посмотрел на Клотильду, как в тот раз, когда она устроила взбучку двум гаденышам в душевой кемпинга. Взгляд был застенчивый, смущенный и словно бы говорил: «Бросьте это дело, я этого не заслуживаю, не стоит из-за меня беспокоиться...» Клотильда поняла, что доверие завоевано, пусть даже этого недостаточно, чтобы Орсю заговорил.

Она порылась в сумке, выложила на стол два листка и провела пальцем по последним строчкам первой записки.

*Вся моя жизнь – темная комната.
Целую тебя.*

П.

Перечитала вторую записку.

*Ты будешь ждать. Он тебя проводит.
Оденься потеплее, будет холодно.
Он приведет тебя в мою темную комнату.*

– Мне нужен ответ, Орсю. Имя. Кто это написал?
Никакой реакции, его волнует только муравей.

– Это написала моя мать? Пальма?

Может, повторить вопрос на муравьином?

– Ты ее знаешь? Ты ее видел? Знаешь, где она?

Муравей запаниковал – его загнали в безвыходное положение, – и Клотильде на секунду захотелось раздавить букашку, чтобы привлечь к себе внимание упрянца.

– Черт возьми, Орсю, это ее почерк, на бумаге твои отпечатки, ты был почтальоном, ты в полночь вел меня через лес к хижине. Но... но я видела, как мама погибла в аварии, и умоляю тебя сказать правду! Говори, если знаешь, иначе я сойду с ума.

Муравей наконец решился и заполз на волосатый указательный палец Орсю.

– *Самра sempre.*

Клотильда не поняла.

– *Самра sempre*, – повторил ее новоявленный брат.

– Я не говорю на корсиканском, братишка, переведи! – Она подтолкнула к нему листок, дала ручку: – Напиши!

Медленно, неуверенным детским почерком Орсю начал выводить буквы, пытаясь не напугать муравья.

Самра sempre.

Клотильда пулей вылетела из комнаты и сунула листок сыщикам из Аяччо:

– Что это значит?

Они переглянулись, покачали головами, как будто увидели текст на шумерском. Клотильда чертыхнулась, отмахнулась от извинений: «Мы чиновники, нас недавно перевели с континента, не знаем ни слова по-корсикански, зато говорим по-английски и прилично на итальянском...» – и прошла мимо битерруазца Жюля Кадна, не поглядев в его сторону. Он тоже не представлял никакого интереса.

Самра sempre.

Господи, это верх идиотизма – в жандармерии Кальви никто не может перевести два слова с корсиканского! Клотильде захотелось остановить движение, вытащить водителя из первой же машины и узнать наконец, что означают эти проклятые слова.

Самра sempre.

Шум в соседнем помещении заставил ее вздрогнуть.

Из туалета вышла уборщица-марокканка в синем, шитом золотом платье – джелябе – и белом платке на голове, с ведром и шваброй. Клотильда показала ей листок.

– *Самра sempre*, – на безупречном корсиканском произнесла женщина.

Клотильда воспрянула духом.

– Что это значит?!

Уборщица удивилась и сказала:

– Она жива. Она по-прежнему жива.

53

*Среда, 23 августа 1989,
семнадцатый день каникул,
небо цвета синяка*

– Кло...

Я нехотя сдвигаю наушники:

– Ну что еще?

– Поехали.

Куда?

Я вздыхаю. Просыпаюсь. Пытаюсь вернуться с небес на землю. Каменная стена врезается в спину, скамья царапает голые ноги. В овчарне тихо, как будто все разъехались.

Куда?

Я закрываю глаза, вспоминаю лица членов клана Идрисси, желтые розы, вино *Clos Columbi*, шумный разговор. Открываю глаза – передо мной Нико, сегодня он похож на профсоюзного функционера. На переговорщика, который должен убедить грабителей банка отпустить заложников.

Со мной это не пройдет!

Мое сердце это терпит каждый день[181], воеет Ману Чао. Я делаю громче. Не хочу покидать странную грезу. Выпрямляюсь, беру тетрадь и ручку.

Я все еще не пришла в себя, не знаю, сколько спала, и не очень понимаю, где нахожусь. Почти стемнело, а засыпала я при свете.

Начинаю медленное всплытие...

Рассказать вам сон, пока он не улетучился? Пока я снова не заснула? Обещаю, вы удивитесь!

Знаете что?

Вы там были, мой читатель из будущего. Были в моем сне!

Клянусь! Ну, не вы, не совсем вы, но события странного сна происходили в ВАШЕ время! Не через десять, не через тридцать лет. Как минимум через пятьдесят.

Николя никуда не делся и выглядит раздосадованным.

– Кло, тебя все ждут. Папа не станет...

Папа?

Я что-то пропустила? У папы изменились планы?

Смотрю на луну в небе, ее отражение на воде и начинаю писать еще быстрее; не сердитесь, мой обожаемый читатель, если я не успею закончить одну из фраз, не допишу слово, оставлю вас так сказать «на перроне». Папа дернул меня так сильно, что чуть не вывихнул руку. Дневник и ручка остались лежать на скамье. Так что – на всякий случай – целую, прощаюсь и...

...продолжаю.

У Николя странный вид, можно подумать, пока я спала, на острове случился конец света, во двор овчарни упал метеорит, цунами вырвало с корнем большой дуб.

Надо торопиться, не расслабляться, иначе сон ускользнет...

Все происходит в будущем, на пляже Ошелучча, я узнала скалы, песок, очертания бухты. Они остались прежними, а я превратилась в бабульку! Среди красных скал выросли странные здания из невиданных, почти прозрачных материалов, какие иногда рисует мама. Бассейн похож на нынешний – такой же большой. Я сижу на бортике и болтаю в воде морщинистыми ногами.

Слышу папины шаги и ускоряюсь.

В моем сне о будущем есть Наталья. В бассейне плещутся дети – возможно, мои. Или внуки? Не знаю. Но я счастлива, потому что за пятьдесят лет ничего не изменилось, рядом все мои близкие, никто не умер. Время проходит, но оно ни в чем не виновато, и мы ошибаемся, называя его убийцей...

Он перевел взгляд в пустоту.
Дневник заканчивался этим словом.
Убийца.
Он прочел его еще раз и закрыл тетрадь.

23 августа 2016

10:30

Клотильда уже приходила сюда ночью.

Но тогда ее вел Орсю.

Она понятия не имела, как найти пастушью хижину при свете дня. Приметы были расплывчатые: миновать реку, вскарабкаться по крутому склону, пересечь бесконечную гаригу[182].

Она бросила машину у подножия тропы, ведущей к *Casa di Stella*, в том самом месте, где в полночь ждала Орсю. Столичные сыщики остались в жандармерии.

Campa sempre.

Клотильда ничего больше не добилась от Орсю, но узнала главное. Ее мать жива!

Двадцать семь лет назад Пальма погибла у нее на глазах, но странный брат подтвердил то, в чем она уверилась, вернувшись на Корсику, то, что всегда знала.

Мама жива.

Мама ждет ее.

В хижине.

Клотильда влезла на холмик, с которого был виден двор овчарни в Арканю, и замерла.

...Задержись на несколько минут под зеленым дубом. – до наступления темноты.

Я увижу тебя и, надеюсь, узнаю.

Пальма скрытно наблюдала за дочерью и теперь где-то прячется – на горé или в зарослях дрока и вереска, доходящих человеку до пояса.

Очень удобно: ты следишь, а тебя не видят, подслушиваешь, а тебя не слышат, шпионишь – и остаешься вне подозрений. Глупо, но Клотильда вообразила, что, оказавшись на месте, вспомнит форму валуна, изгиб ствола, колючую ветку шиповника, узнает ночные тени, найдет указатели. Увы... Невозможно сориентироваться в лабиринте каштанов и дубов, окруженных земляничником. Голова кружилась от ароматов бескрайней маккии.

Клотильда готова была сдаться, вернуться в Кальви и попытаться улестить инспекторов из Аяччо, чтобы те отпустили Орсю под ее поручительство. Глупейшая из иллюзий! Он арестован по подозрению в убийстве, понадобятся недели, чтобы судья распорядился провести реконструкцию преступления.

И тут она увидела.

Пятно. Пурпурное пятно между ягодами земляничника.

Капля крови.

Еще одна – метром дальше, на сухой земле. Третья нашлась на стволе кедра. Можно подумать, у Мальчика-с-Пальчик кончились белые камешки и он вскрыл себе вены.

Хотел указать ей дорогу?

Клотильда пошла по окровавленной тропинке, в очередной раз почувствовав себя полной дурой. След мог оставить раненый зверь – лисица, кабан или олень. Она дотронулась пальцем до пятна и поняла, что кровь свежая.

«Что еще ты себе напридумывала? Что за несколько минут до тебя к хижине направился незнакомец? Что он ранен, истекает кровью и все равно пытается тебя опередить? Бессмыслица какая-то...» Но здесь точно кто-то шел – листва примята, ветки сломаны.

А может, все наоборот? Что, если раненый незнакомец не поднимался к хижине, а шел оттуда? Не имеет значения, следы выведут на поляну, где три дня назад на нее наскочил Франк, а Орсю растворился в темноте! Муж знал дорогу. Откуда? Кто его просветил? Спросить у него Клотильда не могла, Франк с утра не отвечал на эсэмэски.

Прошу тебя, Франк, перезвони мне.

Перезвони.

Перезвони.

Позже, все вопросы она задаст потом.

Campa sempre.

Остальное неважно. Нужно двигаться вперед, тем более что она вспомнила... да, этот пробковый дуб. Еще несколько метров – и вот она, хижина пастуха.

У Клотильды едва не разорвалось сердце.

Господь милосердный!

Она судорожно сглотнула и с трудом подавила желание обернуться, сбежать. Мальчик-с-Пальчик не резал вены, его закололи кинжалом, у него весь правый бок в засохшей крови.

Мертвое тело лежало на ковре из увядших лиловых и белых лепестков ладанника. Клотильда явно видела кровь, иначе решила бы, что он спит.

Она подошла. Неслышно. Едва дыша.

– Паша?

Из шеи пса торчал гарпун. Лабрадор с именем спутника ее детства. Кто-то снова отнял у Клотильды друга.

Дверь хижины была открыта. Над телом собаки жужжали осы, слетевшиеся на пир падальщиков. Клотильда подошла к каменному строению. Ночью она не разглядела тяжелый засов на двери, не заметила решеток на единственном окне за массивными дубовыми ставнями.

Средневековый замок, да и только!

Каменная тюрьма была обитаема. Внутри кто-то плакал.

Ее мать? Замурованная живьем?

Клотильда заставила себя войти.

Уже пять дней она пыталась вообразить обстановку хижины-тюрьмы, а увидела кровать, деревянный стол, несколько засохших цветков в вазе, радиоприемник и книги. Десятки книг на грубых стеллажах и на полу вдвое уменьшали и без того тесную комнату.

В углу, на табурете, спиной к ней сидела сгорбленная старая женщина.

Длинные седые волосы падали до пояса, как будто чинная бабушка вдруг вынула шпильки, решив показать зеркалу, внукам, давнему любовнику, как хороша была когда-то.

Старая женщина сидела в холодном темном углу лицом к стене и напоминала наказанного ребенка. Забытого на целую жизнь. Ребенка, за

которым никто не придет, но он даже не шелохнется, ведь ему так велели.

– Мама?

Женщина медленно повернулась. Руки и шея у нее были в крови.

– Мама?

Клотильда задыхалась, перед глазами стояла картина, терзавшая ее двадцать семь лет подряд: исковерканный «фуэго», окровавленное тело матери... И вот она, живая, вопреки всем очевидностям и безусловностям.

Мама?

Слова застряли в горле.

Женщине, которая смотрела на нее так, будто молила о прощении, этой красивой гордой женщине было явно больше восьмидесяти лет. Господи, как же долго она страдала!

Но эта мученица не была ее матерью.

III. Sempre giovani

55

23 августа 2016

Они напоминали близнецов, постаревших не в унисон. Первый был в водолазке, шею второго украшала татуировка в виде змеи – хвост терялся в районе лопаток. Один носил очки с толстыми стеклами, другой – серебряный шарик пирсинга в ноздре. Очкарик был в потертом вельветовом костюме цвета бутылочного стекла, его спутник надел красно-белый, цветов футбольного клуба «Аяччо», спортивный, чересчур облегающий костюм.

«Братья Кастани, ремонт и торговля запчастями», – гласила вывеска.

«Водолазочник» приехал на грузовичке, татуированный пригнал красную тачку. Пока один пересчитывал деньги, второй комментировал, поднимая помятый капот и вытирая руки о безупречно чистые штаны:

– За полторы тысячи евро не надейтесь пересечь континент.

Клиент был неразговорчив, зато платил наличными. Встречу он назначил на стоянке у водонапорной башни, рядом с лесом Бока Серья, и парни Кастани охотно согласились: никакого техконтроля, техпаспорта, номерного знака. Я тебе товар – ты мне деньги, что может быть лучше, если учесть, что товар – древняя развалюха?

Продавец убрал деньги в карман.

– Будьте осторожны, эта колымага много лет пребывала в спячке. Не хочу, чтобы вы разбились.

Татуированный захлопнул капот и сказал:

– Я проверил, что смог, какое-то время старушка продержится, но лучше бы вам не встречаться с легавыми!

Он протянул клиенту ключи, подмигнул компаньону, и оба сели в грузовик, не задав больше ни одного вопроса. Обычно они продавали старые коллекционные вещи умельцам, механикам-любителям, мастерам тюнинга. Этот клиент был не из таких, но братья Кастани плевать хотели на его намерения.

Когда грузовик исчез за мысом Кавалло, он несколько минут смотрел на машину, с трудом веря своим глазам. За несколько часов на первом попавшемся интернет-сайте, находясь на Корсике или в любом другом месте, можно найти то, что не сумел бы добыть даже джинн из лампы. Он пошел к джипу, спрятанному в лесу за корсиканскими соснами. Назначая свидание жестянщикам, он учитывал скрытное расположение места и возможность оставить машину неподалеку. Открыв дверцу, взял с пассажирского сиденья дневник и перенес его в только что приобретенный автомобиль.

Самое трудное впереди.

Он открыл багажник джипа, отвел в сторону колючие ветки и наклонился:

– Ну что, поменяем машину?

Она выпучила глаза, вытянула затекшие руки и ноги, вдохнула запах хвои.

Что он сказал? «Поменяем машину»?

Зачем?

Она так долго лежала скрючившись в багажнике внедорожника, что не знала, сможет ли встать, и он помог ей сделать первые шаги. Она щурилась, смаргивала слезы.

А потом увидела его. Красный «фуэго». Модель GTS.

Женщина пошатнулась.

Он предугадал изумление пленницы и успел поддержать ее.

– Авто вам что-то напоминает, мадам Идрисси?

23 августа 2016 года

11:00

Эта старая женщина была не ее мать.

Она смотрела на Клотильду и плакала. Лицо было в крови, а может, в синяках. Старуха вытирала слезы длинными седыми волосами, как кающаяся Мария Магдалина.

«Нет, – подумала Клотильда, – эта женщина не может быть моей матерью. Она гораздо старше. На целое поколение...»

На нее смотрела бабушка Лизабетта.

Тайна, обман, еще одна беда.

Задать вопрос Клотильда не успела. В комнате внезапно сделалось темно, как будто кто-то задернул черный полог на двери. Она обернулась. Не полог – платье. Черное платье ведьмы Сперанцы, превратившее комнату в пещеру, чтобы крысы, пауки и скарабеи вылезли из трещин между камнями и приветствовали свою госпожу.

Сперанца проигнорировала Клотильду и обратилась к Лизабетте:

– Они забрали Орсю. Никого не осталось.

Кто они? – завопил внутренний голос Клотильды.

– Она убила Пашу, – продолжила Сперанца.

Кто она?

Слова бились под черепом. Может, ведьмы общаются телепатически, может, если она будет думать очень громко, эти женщины ответят на вопросы?

– Когда я пришла, дверь была открыта, – сообщила Лизабетта.

– О ком вы говорите? – вкрадчиво спросила Клотильда.

Нет ответа.

Может, ведьмы глухие? Может, призраки не носят слуховых аппаратов?

– Где моя мать?! – проорала Клотильда. – Орсю сказал, что она жива! *Sempra sempre*. Где моя мать?

Лизабетта медленно поднялась. Клотильда решила, что бабушка готова говорить, но в хижине раздался голос Сперанцы:

– Не здесь, Лиза. Не здесь. Хочешь поговорить с ней, сделай это внизу.

Лизабетта колебалась.

Ведьма настаивала:

– Кассаню вот-вот вернется. «Скорая» доставит его в Арканю до полудня. Ничего не готово, Лиза. Ничего не готово.

Ничего не готово.

Клотильда поняла не сразу. На обратном пути они не разговаривали. Старые женщины шли быстро – быстрее Клотильды. Им была знакома каждая ветка каждого дерева, каждый камень, куда ступали их ноги, привычные к горным тропам.

Ничего не готово.

Они почти паниковали, то и дело по очереди смотрели на часы, а войдя в дом, забыли о Клотильде. Она бродила за ними, чувствуя себя бесполезной, как гостья, пришедшая раньше времени. Лизабетта открыла холодильник и приняла решение:

– Колбаски фигателлу с чечевицей.

Сперанца, не тратя времени на слова, достала из корзины лук и помидоры, а Лизабетта надела фартук, выложила на разделочную доску панчетту и фигателлу и повернулась к внучке:

– Садись, Клотильда. Кассаню сутки продержали в больнице в Кальви. Сама понимаешь, как проголодался твой дед. Вряд ли он ел их прессованную ветчину, йогурты и пюре... – Она бросила взгляд на ходики. – Ни разу за семьдесят лет – ни единого раза, понимаешь? – не случилось, чтобы Кассаню сел за стол, а еда не была готова. – Она улыбнулась и сполоснула руки. – Тебе трудно это понять, да, дорогая? В Париже все иначе. А на Корсике мы живем так, и порядок этот завели женщины.

– Где моя мать, бабуля? Где Пальма?

Лизабетта взяла большой нож.

– Сядь, прошу тебя, и я все расскажу, пока твой дед не вернулся. Корсиканские женщины умеют заниматься хозяйством и говорить на любые темы.

Только не Сперанца. Служанка сосредоточенно нарезала панчетту на ломтики и даже глаз не поднимала от доски.

– Это длинная история, Клотильда. Она и к тебе имеет отношение, хотя началась задолго до твоего рождения. – Лизабетта отвела взгляд от ножа, посмотрела на ведьму, отделявшую жир от мяса, и продолжила: – Пятьдесят лет назад Сперанца уже работала в Арканю, хотя «работать» – не совсем верное слово. Она жила здесь, понимаешь? Жила и занималась всем вместе со мной – уборкой, готовкой, садом и огородом. Дочь Сперанцы, малышка Саломе, родилась в Арканю в сорок восьмом. На три года позже твоего папы. В детстве Саломе и Поль были неразлучны. – Лизабетта снова посмотрела на Сперанцу, которую, казалось, волновал исключительно размер кубиков копченого мяса. – Все на острове знали, что со временем они поженятся. Так было записано в Книге Судеб. Время шло, Саломе становилась все красивей. Высокая, длинные темные волосы, глаза серны Эйтонского леса, грация как у козочки. А ее звонкий смех мог разрушить стены любой крепости.

Волшебная сказка: Поль – принц, наследник восьмидесяти гектаров маккии, Саломе – очаровательная Золушка-бесприданница. Для нас деньги не главное, важен клан, а не сан. Когда Саломе исполнилось пятнадцать, мы отпраздновали помолвку, зная, что они поженятся и родят много детишек.

Лизабетта замолчала, взглянула на часы и твердой рукой разрешила колбаски фигателлу на равные части.

11:27

– Все пошло кувыркoм летом шестьдесят восьмого. – Голос старой женщины звучал тихо и спокойно, как будто она с точностью до минуты рассчитала не только время приготовления еды, но и длительность рассказа. – Никто ни о чем не догадывался. По правде говоря, мы не забеспокоились, когда твой отец начал флиртовать с молодой франко-венгерской туристкой, разбившей палатку на поле, которое потом станет территорией кемпинга «Эпрокт». Жители острова охотятся на корсиканскую ласточку зимой, а на материковую – летом. В конце августа Пальма уедет, как все другие девушки, Поль поплачет, провожая паром, а через неделю забудет ее. Так мы думали, но они начали переписываться. Знала бы ты, милая, как сильно мне каждый раз хотелось перехватить почтальона и бросить конверт с парижским штемпелем в огонь. Конечно, сделай я это, ты бы сейчас не сидела тут и не слушала меня, но скольких драм и смертей мы бы избежали! Ты не представляешь, моя бедная девочка, сколько раз и какими словами я себя проклинала. – Лизабетта нежно взяла внучку за руку. – Первый раз Поль поехал в Париж на Рождество шестьдесят девятого, потом на Пасху, Вознесение, остался на все лето на Кикладах[183], присылал открытки с Наксоса, Сифноса, Санторини[184], как будто хотел заставить Корсику ревновать. Мы поняли, что все кончено. Не смирилась только Саломе. Было ясно, что несчастная девочка никогда не забудет Поля. Ее любимый каждое лето возвращался на остров – сначала с женой, потом, с семьдесят первого, с женой и сыном, а в семьдесят четвертом приехал с женой и двумя детьми. Так продолжалось до лета восемьдесят девятого. Вас принимали в Арканю, ласково улыбались, я даже учила твою мать готовить фигателлу, рагу из дичи и фиадоне. Сперанца собирала с ней травы – орегано, мяту и дудник. Мы проявляли гостеприимство, потому что Пальма стала

членом семьи, хоть и украла у нас сына, и мы не забыли этого и никогда ее не любили.

11:32

Лизабетта опустила чечевицу в кипящую воду, покосилась на Сперанцу – та невозмутимо чистила лук – и продолжила:

– Каждое лето Саломе пряталась от людей, чтобы поплакать. Она была очень гордой и не хотела смотреть, как Поль обнимает жену на пляже и играет с детьми. Вот почему ты видела ее считанные разы. (Бекон и лук шлепнулись на сковородку с оливковым маслом.) Саломе верила, что время – ее союзник, и цеплялась за эту надежду. В спорах между Пенелопами и... мерзавками всегда побеждают первые.

Лизабетта явно хотела сказать другое – грубое – слово, и Клотильда поняла, как сильно бабушка ненавидит свою невестку. Сперанца гремела посудой, словно хотела усилить впечатление от и без того печальной повести.

– Через десять лет Пальма растеряла преимущества, соблазвившие твоего отца. Перестала быть прекрасной экзотической незнакомкой. Так всегда бывает. Корсиканцы становятся моряками, учителями, торговцами, потому что в молодости задыхаются на острове и хотят сбежать. Их манят простор и свобода, но в конечном итоге остаются ароматы детства. Австро-венгерская принцесса обрекла Поля на жизнь в нормандском предместье. В небольшом доме, не во дворце. С садом в четыреста квадратных метров вместо восьмидесяти гектаров корсиканской маккии. Твой отец видел из окна не Средиземное море, а кукурузные поля, не говоря уж о солнце, друзьях детства и профессии. Торговец газонным покрытием! Поль тосковал по Корсике, он был в тунике и винил в этом Пальму.

Лизабетта убавила огонь, ссыпала в кастрюлю нарезанные помидоры и снова нежно взяла руку Клотильды в ладони.

– Больше я ничего не знаю наверняка, малышка. Кто сделал первый шаг? Мой сын? Саломе? Мне неизвестно, в какое лето они снова начали разговаривать, целоваться, любить друг друга. Произошло это за день или потребовались годы. Понятия не имею, любил Поль твою мать или вернулись его чувства к Саломе. Сперанца тоже ничего не знала, а в Рождество восемьдесят восьмого ее дочь бросилась с маяка де ля Ревеллата. Доктор Пинеиро сказал, что она будет в порядке,

дрок смягчил падение... но необходимо срочно сделать некоторые анализы и рентген. Он беспокоился о ребенке.

Сперанца вытерла слезы уголком фартука и выбросила очистки.

– Саломе ждала ребенка, и делать аборт было поздно. Ребенок родился 5 мая 1989 года. Появился на свет беззвучно, правая половина тела – ручка и ножка – и правая половина лица были лишены чувствительности. Саломе перестала прятаться, выбрала участь матери-одиночки, которой нечего терять, она плевать хотела на свою честь и делала все, чтобы спасти сына. В то лето Саломе впервые явилась на пляж, постелила полотенце на песке в метре от твоей матери и расстегнула лифчик, чтобы дать грудь сыну. Она ходила на рынок в порту *Stareso*, надев самое легкое платье, толкала перед собой коляску и только что на пятки Пальме не наступала. Твоя мать, конечно, знала, кто эта женщина и кто отец ее сына. Летом восемьдесят девятого Саломе довела твою мать до отчаяния.

11:36

Лизабетта выложила фигателлу в кастрюлю, добавила тмин и половинку лаврового листа.

– И она завела любовника...

Клотильда хотела возразить: «Нет, бабуля, все не так, между Наталем Анжели и моей мамой ничего не было!» – но бабушка громыхнула кастрюлей о конфорку, словно затыкая внучке рот.

– Саломе напомнила Полю об ответственности, противопоставила своего сына вам с Николя, себя – Пальме, Корсику – континенту. Твоя мать носила фамилию Идрисси, семь букв в регистрационном журнале мэрии, а Саломе принадлежало все, что символизировала эта фамилия.

«Папа собирался бросить нас, хотел, чтобы мама увезла меня и Николя на континент, а сам решил остаться в Арканю, растить другого ребенка, жениться на другой женщине. Боже мой...»

Лизабетта открыла бутылку *Clos Columbi* 2007 года.

– Все перевернулось в шестьдесят восьмом, двадцать третьего августа, когда Пальма разбила палатку на мысе Ревеллата. Все неизбежно должно было повториться именно двадцать третьего.

Лизабетта глотнула вина, поморщилась и продолжила:

– У твоей матери имелось важное преимущество, хочу, чтобы ты это знала. Поль был человеком долга, он бы никогда вас не бросил. Не

позволил бы Пальме сесть с вами на паром. Без него... А она хотела взять над ним верх – как всегда. Двадцать третьего августа Поль украсил стол не алыми, а желтыми розами. Желтый на языке цветов означает просьбу о прощении – за ошибку, измену. В День святой Розы Пальма и Поль собирались поужинать в *Casa di Stella*, провести там ночь и помириться – на год, до следующего лета. Саломе оставалось одно – рискнуть всем. Думаю, ты помнишь, что в тот вечер нас за столом было пятнадцать. После аперитива все собирались ехать на концерт в церковь Санта-Лючии. Ты не знаешь, что случилось потом, потому что заснула на скамейке в наушниках.

Клотильда отчетливо помнила те последние мгновения: открытый дневник на коленях, бешеный ритм *Mano Negra*, крики во дворе, на которые она не обратила внимания.

– Когда Саломе вошла во двор Арканю с ребенком на руках, мы онемели.

Наступила тишина. Лизабетта как будто колебалась, стоит ли продолжать. Сперанца медленно поднялась и ушла в соседнюю комнату, а когда вернулась, сдвинула в сторону мясные обрезки и молча положила на стол фотографию очень красивой женщины. Легкий загар, большие, удлинённые к вискам глаза, тонкий нос с легкой горбинкой, чуть приоткрытый рот.

Саломе... Почему это лицо кажется ей знакомым? Лизабетта указала ножом на снимок:

– Да, твоя мать и Саломе были очень похожи. Поль потому и обратил внимание на Пальму. Те же глаза, рост, улыбка, изящество плюс загадочность.

Клотильда вспомнила тот единственный раз, когда видела Саломе не одну, а со своим отцом. В башне маяка. Со спины. Накануне Дня святой Розы.

11:42

Лизабетта привычным движением перемешивала деревянной лопаткой ломтики панчетты, нарезанью фигателлу, лук, тимьян, помидоры, подливала оливковое масло, а закончив, выключила газ и повернулась к Клотильде:

– Да, дорогая. Мы все онемели. Твоя мать сочла наше молчание поддержкой Саломе, но дело было в удивлении. Дочь Сперанцы решила

пойти ва-банк, чтобы твоя мать поняла: ей не место в Арканю! Она красавица, но и ее можно заменить. В тот вечер Саломе зашла слишком далеко в желании спровоцировать Пальму. Она сделала такую же прическу, подхватив волосы черной муаровой лентой, накрасила губы темной помадой, надела рубиновый комплект – браслет и кольцо, не забыла даже духи *Imiza* с запахом иммортелей. Твоя мать час провела у зеркала, чтобы очаровать мужа, быть в этот вечер самой красивой женщиной в *Casa di Stella*... и Саломе сделала то же самое. Она осмелилась на еще большую дерзость. Ты вряд ли забыла платье от «Беноа», черное в красных розах, которое Поль купил в подарок твоей матери. Саломе была в таком же. Мне потом рассказали, что она отдала за него триста франков! Хотела доказать, что может быть такой же соблазнительной, даже сексуальной, как парижанка. Появившись во дворе, она сразу отдала ребенка Сперанце. Разговоры стихли, а заткнуть рот пятнадцати корсиканцам, которые успели опустошить пять бутылок *Clos Columbu*, очень непросто, уж ты мне поверь. Только Кассаню сказал: «Садись, Саломе. Садись», встал и поставил для нее стул... Между нами.

Клотильда смотрела через кухонное окно на пустой двор овчарни, перголу, большой зеленый дуб и не могла поверить, что все произошло здесь. 23 августа 1989 года. За несколько минут. А она все проспала, потому что ночью шпионила за братом, любила одиночество и терпеть не могла бесконечные семейные сборища. У нее за спиной Сперанца поднялась со стула, чтобы выбросить мусор, и тут же вернулась на свое место, не сняв фартука, не положив нож, и приготовилась молча слушать продолжение печального повествования Лизабетты.

– Пальма почувствовала себя чудовищно униженной. Ты ведь понимаешь, что никто из нас не знал о плане Саломе, но мы ничего не сделали, чтобы остановить это. А я даже налила ей вина. Что было делать твоей матери? Чужая женщина заняла ее место, напала без предупреждения, вытеснила, выдавила. Какие слова могла найти Пальма? Считаешь, ей следовало промолчать? Уподобиться нам? Не тот характер. Твоя мама встала. Я помню каждое слово, каждый вздох, все звуки – не было дня, чтобы мы не вспоминали ту сцену. Я и сейчас спрашиваю себя, не совершили ли мы тогда самый безумный поступок в нашей жизни...

Клотильда дрожала от холода, у нее так кружилась голова, что она боялась упасть и оперлась ледяной ладонью о белоснежные плитки на стене. Сперанца крепче сжала нож. Лизабетта стояла у плиты.

– Твоя мать оттолкнула стул, посмотрела на Поля и очень спокойно сказала: «Вели ей уйти». Твой отец не ответил... Все кузены, семья и друзья смотрели на нее враждебно. Все осудили бы Поля, встань он на сторону жены. «Не проси меня об этом, Пальма». Но твоя мать, повторила, повысив голос: «Пусть она уйдет! Я у себя, это моя семья». Стало ужасно тихо. Умолкли птицы, даже ветер не шумел в ветвях дуба. Твой отец очень долго молчал. Словно от ответа зависела его жизнь. Так оно и было. Потом сказал: «Прошу тебя, Пальма... Всем нам непросто. Мы должны постараться...» Твоя мать пришла в ярость. В тот момент она ненавидела мужа. Все это поняли – кроме твоего отца. Он не думал, что может лишиться жены. Он боялся потерять достоинство перед своими. «Мы все должны приложить усилия, – сказал он. – Я. Ты. Я оставляю семью, чтобы провести вечер с тобой». А Пальма усмехнулась: «Усилия? Сегодня?» Она отшвырнула стул, опрокинула вазу с желтыми розами и бутылку *Clos Columbu*. Возможно, ты в тот момент проснулась и услышала шум или крики?

Клотильда вспомнила, как прибавила тогда звук на плеере и ушла в свои мечты.

Лизабетта прикрутила конфорку и начала накрывать на стол.

11:57

Идеально.

– Ну так вот, дорогая... Твоя мать произнесла – прокричала – всего четыре фразы, которые мы ждали, даже надеялись услышать. Только после аварии стал понятен их истинный смысл.

– Что она сказала, бабуля?

– С каждой фразой она делала шаг в ночную темноту, которая опускалась на горы.

Езжай на свой концерт. С ней!

Шаг.

Уступаю место, раз вы этого хотите. Все вы.

Шаг.

Но имей в виду – дети с тобой не поедут.

Последний шаг, прежде чем выйти за ворота.

Ты понял меня? Бери ее и поезжай. Но не вмешивай детей. Не сажай их в машину.

– Я все время думала о двух последних фразах Пальмы. Тогда, во дворе овчарни, в противостоянии с кланом, она могла зацепиться только за тебя и Николая. Корсика решила отнять у нее мужа? Ладно, но не детей! За сына и дочь Пальма готова была бороться до конца. Я тоже мать и реагировала бы так же.

Сперанца с грохотом поставила на стол стопку тарелок. Клотильда не обернулась. Лизабетта продолжила:

– Но больше никто так не думал – ни Кассаню, ни Сперанца. Твоя мать пошла по тропинке к машине, и, как только она скрылась из виду, Саломе подбежала к Полю, чтобы поцеловать его. Она обнимала своего мужчину и молчала, как будто ничего не случилось, а потом зашагала к «фуэго», открыла дверцу и устроилась на пассажирском сиденье. Саломе победила!

Сперанца все громче звенела стаканами и гремела приборами.

– Продолжение тебе известно, детка. Твой папа наверняка хотел догнать жену, и он бы так и поступил, не смотри на него пятнадцать пар глаз, в том числе его отца. Поль утратил достоинство. И Пальма, и Саломе обращались с ним, как с игрушкой, вот он и решил восстановить авторитет и поступил, как все униженные мужчины. Они кричат, иногда распускают руки, но этого Поль никогда себе не позволял. Раздраженные отцы отдают приказы – часто несправедливые, – желая доказать себе, что умеют заставить подчиняться. Весь клан, как зрители в театре, хотел посмотреть, как поступит наследник Арканю. Любовница ждала его в машине. Твой отец прикрикнул на Николая, велел привести сестру и держать язык за зубами.

Лизабетта помолчала, потом посмотрела внучке в глаза:

– Не знаю, что планировал на вечер твой брат, наверное, вылазку с друзьями или девушкой, но он был ужасно огорчен и разочарован! У него было такое лицо, словно небо упало на землю, его замысел провалился, и по сравнению с этим уход матери казался пустяком. Николай повел себя по-мужски – он даже глазом не моргнул. Я мало общалась с внуком и не знаю, унаследовал он гордость от отца или от матери, наверное, от обоих, но, чувствуя громадную обиду, мальчик отправился за тобой.

Клотильда вспомнила, как Никола подошел к скамейке, где она грезила под музыку, и сказал: «Пора...» – а потом отец больно схватил ее за запястье и потащил за собой.

Теперь она все понимала.

– Ты вынырнула в реальность, милая, и никто ничего тебе не сказал. Ты даже не заподозрила, что женщина, сидящая в машине на месте твоей матери, причесанная, как твоя мать, одетая, как она, женщина, держащая за руку твоего отца, вовсе не твоя мать.

Верно, так все и было. «Фуэго» трогается с места, в машине тишина, нарушаемая редкими репликами отца или Николая. Она видела затылок матери, серьгу в ухе, рукав платья, а лицо и улыбку домыслила, ведь это могла быть только Пальма Идрисси. Тем более что отец сжал ее руку, когда машина вылетела за ограждение.

Николя знал. Он видел, слышал и понял разыгравшуюся драму.

А она, Клотильда, осталась в неведении.

Полдень

Лизабетта поднялась, чтобы выйти во двор.

– Водитель «скорой» Джованни – наш старый друг. Он очень пунктуален, знает, что Кассаню не любит ждать.

Клотильда не могла отвести взгляд от портрета Саломе. Голос Лизабетты смягчился:

– Ты уже поняла, милая, что Сперанца каждый день ходит на кладбище, чтобы украсить цветами семейный склеп Идрисси, потому что там лежит ее дочь.

Клотильда как наяву услышала голос старой ведьмы:

Она не должна быть здесь. Ее имени нечего делать на плите!

Сперанца эхом откликнулась Лизабетте, впервые за все время открыв рот:

– Я не колебалась, Клотильда. Похоронила дочь под чужим именем, чтобы она лежала рядом с твоим отцом. А потом заявила об исчезновении, сказала жандармам, что моя дочь покончила с собой, узнав о трагедии. Саломе одобрила бы мои действия. Она всегда мечтала стать членом вашей семьи. – Старуха воткнула нож в лежавшую на доске буханку. – Ее мечта оплачена ценой жизни! Девочка оставила на мое попечение ребенка. Потому что... – У

Сперанцы перехватило дыхание, и она вперила взгляд в Клотильду: – Потому что твоя мать убила ее!

12:01

«Скорая» медленно въехала во двор, и две старые женщины забыли обо всем остальном, оглядели кухню – все ли в порядке, сняли фартуки и вышли. Клотильда осталась одна. Последние слова Сперанцы все еще звучали у нее в голове.

Потому что твоя мать убила ее!

Она услышала, как пискнул в кармане мобильник. Сообщение от Франка, слава богу!

Узнали об убийстве директора кемпинга.

Возвращаемся.

Будем в кемпинге. Где ты?

До скорого,

Франк

Отослано сорок пять минут назад. Во дворе Лизабетта протянула Кассаню палку и подставила локоть. Сперанца вернулась на кухню – проследить за кастрюлей и упредить любое желание патриарха. Она послала Клотильде ненавидящий взгляд.

Потому что твоя мать убила ее!

Клотильда решительно загородила ей подступы к плите:

– Вы не ответили. Рассказали свою историю, но ни бабуля, ни вы не ответили. Где моя мать? Где она?!

– Сбежала... – прошипела Сперанца. – Убила Пашу и сбежала.

57

23 августа 2016

Туристам, собравшимся на пляж, попасть туда было сложнее, чем мексиканцу пересечь границу в Тихуане и попасть в США.

Два молодых улыбчивых, но непреклонных жандарма открывали каждую сумку, разворачивали каждое полотенце, проверяли документы, отмечали время входа-выхода и только что не пропускали через металлодетектор девушек в купальниках-бикини. Самые нетерпеливые ворчали: «Ну и что они надеются найти? Орудие убийства есть, виновный задержан...» Единственное, что волновало отдыхающих, заплативших 1200 евро за неделю проживания в бунгало, это кто будет мыть сортир, ведь повелитель швабр и метел сидит в тюремной камере в Кальви, а директор кемпинга лежит мертвый в морге Аяччо.

Заплаканная Аника Спинелло оказалась в эпицентре катастрофы и повела себя как опытный администратор. Она на всех языках мира объясняла, что, да, допросят всех, нет, палатки обыскивать не будут, кемпинг не закроют, ничего не изменится, продолжайте наслаждаться песком и солнцем, нет, экскурсии на сегодня отменены, как и игры... Нет, она совсем не спала, но спасибо Марко за помощь; да, ей нужна сигарета, бумажный носовой платок, даже вся пачка; нет, она не хочет отдохнуть, полежать, принять успокоительное... Да, она будет стоять за стойкой, как капитан у штурвала «Летучего голландца», потому что вся жизнь Червоне заключалась в этом кемпинге, «Эпрокт» был его детищем, его королевством, и теперь, когда он умер, она стала квартирмейстером, а закрыть кемпинг – все равно что снова убить Червоне... Да, малышка, спасибо тебе, очень мило...

Валентина положила перед Аникой пучок чабреца и карточку с соболезнованиями.

– Я очень хорошо относилась к вашему мужу, – сказала она, – хотя мало кто из родственников со мной соглашается. Мы с папой вернулись, как только узнали.

Аника в ответ улыбнулась – вымученно, но искренне.

– Хорошо поплавали?

– Ну...

Красноречивый ответ.

– Твой папа куда-то отлучился?

– Не знаю.

У Аники не было сил продолжать разговор, она снова ушла в свои мысли, вспомнила, как отказалась от серфинга, была в растерянности и тоске, а Червоне... он один умел собрать ее из кусков.

– Вы хотели меня видеть, Аника?

Хозяйка кемпинга сделала попытку встряхнуться, собраться с мыслями.

– Да-да, извини. Для тебя передали сообщение. Мама ждет в Арканю. Поторопись.

У ворот кемпинга стояли три машины жандармерии, но уже за поворотом дороги никого не было. Контраст был совершенно потрясающий, казалось, все сверчки, кобылки и кузнечики жили своей жизнью, не замечая всеобщего волнения.

Валентина понимала, почему в маккии так легко спрятаться: достаточно отойти на несколько метров от полицейских, добраться до кустов, и – хоп! – дело сделано, никто не станет вас искать, ведь даже полицейская собака не возьмет след в душистом море из трав и цветов.

Она шла в Арканю по тропинке. На пересечении с асфальтированной дорогой стояла машина. Валентина удивилась, в голове мелькнул смутный образ. Форма, цвет. «Винтажная тачка, – подумала девочка. – Хозяин наверняка какой-нибудь сериальный актер... Интересно, зачем я понадобилась маме, да еще срочно?» Валу вздохнула. Она сыта по горло древними историями, Арканю, бабушкой, дедушкой, прабабушкой и прадедушкой, мамой, призраками, покойниками...

Щелк!

Есть, вспомнила. Машина! Она видела ее на старых фотографиях в мамином альбоме. Черт, как же называлась та проклятая красно-черная тачка? Странное такое слово, вроде испанское...

Валентина подошла ближе и увидела на пассажирском месте старую женщину. Незнакомую. Так откуда этот страх?

Призрак. Она смотрит на призрак. Старуха была похожа на... нее! Валентине показалось, что это зеркало, в котором она видит себя, но шестидесятилетнюю.

«Возвращайся на тропу, идиотка, до зеленого дуба во дворе овчарни еще метров двести, не меньше...» Валентина оглянулась и встретила молящий взгляд женщины. Та словно хотела что-то сказать, но губы ее не слушались. Вокруг никого не было, только стрекотали ночные насекомые. «Вот дерьмо! – рассердилась на себя Валентина. – Как же называлась машина? Та, что свалилась в пропасть...»

– «Фуэго», – произнес голос у нее за спиной.

23 августа 2016

12:00

Кассаню проигнорировал руку жены, дал двадцать евро водителю Джованни, фыркнул на палку и раздраженно огрызнулся:

– Убери это, Лиза, ног я, слава богу, пока не лишился.

Он оглядел накрытый на четверых стол, обернулся и увидел в углу кухни Клотильду.

– У нас гости, – сообщила Лизабетта.

Сперанца стояла у плиты, словно не было дела важнее готовки. Ей что, память отшибло? Она забыла ночь святой Розы, гибель дочери?

Она сбежала... Убила Паи́у и сбежала.

Нет! Этого не может быть. Пальма ждала двадцать семь лет, «затерянная в маккии», и сбежала в день встречи с дочерью, когда та, получив приглашение, поднималась к убежищу? Абсурд!

– Надо же, какая неожиданность! – ухмыльнулся старик. – Когда семья что-то значила, за этот стол меньше десяти человек не садилось. Дети бегали по двору, заглядывали друзья, кузены.

– Она... – Лизабетта заломила руки. – Она... сбежала...

У Кассаню сделалось непроницаемое лицо.

– Сбежала, – повторила Сперанца. – Убила Пашу и сбежала. А... Орсю...

– Орсю в тюрьме, я в курсе, – буркнул хозяин дома. – Джованни все рассказал по дороге. Значит, полицейские обвинили его в убийстве Червоне...

Он залпом осушил стакан вина, положил нож между тарелкой и салфеткой и отодвинул стул, собираясь сесть. Клотильде показалось, что деда ничуть не взволновали новости. Или он намекает, что все приказы уже отданы? Черт бы его побрал! Она дернула Кассаню за рукав и выпалила, заводясь все сильнее:

– Орсю ничего не грозит! Я его адвокат и защищаю невиновного!

Кассаню поставил стакан на стол:

– Неужели? – Он усмехнулся и промокнул губы.

«По-прежнему считаешь меня неразумной девчонкой? Ну-ну, дедуля, сам напросился. Я забуду о твоём бедном сердце, о бабулиных вкусах и все вам выскажу!»

– Да, не-ви-но-вен! – Клотильда повысила голос. – Орсю и муравья не обидит. Я это знаю, потому что он мой брат. (Бац! Бомба взорвалась...) Он один любил мою мать и помогал ей все эти годы.

«Парализующий эффект», – констатировала Клотильда. Шесть застывших в воздухе рук. Мумифицированные тела. Глубокие морщины. Тишина. Только чечевица, тимьян и лавровый лист булькают в котелке, потому что ведьму-кухарку кто-то обратил в камень.

– Я хочу знать правду. Умоляю, дедушка, расскажи, что случилось.

Кассаню Идрисси выдержал долгую паузу, посмотрел на Сперанцу, перевел взгляд на жену, на бутылку вина, хлеб, четыре тарелки, нож и решил:

– Иди за мной.

На этот раз хозяин Арканю сам, без напоминаний, взял палку. Они вышли из дома и направились к ручью, за которым начиналась тропинка, обсаженная черной бузиной. Миновав окно кухни, старый корсиканец обернулся к внучке:

– Четыре тарелки... Начало конца. Меня скоро не станет, и двум безумным старухам придется садиться за стол вдвоем. Ничего, привыкнут... Такова женская участь: заботиться о мужчинах, провожать их, навещать, встречать. Выбирать дом рядом со школой, когда дети маленькие, а в старости переселяться поближе к кладбищу.

Клотильда улыбнулась, ей захотелось взять деда под руку, но он как будто просчитал ее порыв и кивнул на тропинку:

– Не беспокойся, на Капу ди а Вета мы не полезем, и рекомендации доктора Пинеиро ни при чем, он, между нами говоря, полный кретин. Мои ноги будут ходить, даже когда сердце остановится. Я все объясню, Клотильда. Ты узнаешь историю Корсики, и она поможет тебе понять нашу... Шагай и рассказывай, что тебе наплели мои чокнутые бабы.

Клотильда шла по узкой дороге и перечисляла факты: любовница, тайный ребенок отца, Саломе, вечер 23 августа, любовница занимает место жены, авария, размышления Лизабетты насчет последних слов Пальмы.

Кассаню кивнул:

– Лиза с самого начала не соглашалась со мной. У нее были... другие убеждения, назовем это так. Но она преданная жена и потому не противоречила. Уважала наш выбор.

- Сделанный мужчинами?
- Можно сказать и так, хотя на нашей стороне была и Сперанца.
- Что произошло, дедушка? Что случилось после аварии?

Палка старика стучала по земле, как будто он проверял путь на надежность, его походка была легкой, а голос спокойным.

– Тем вечером все происходило очень быстро. Мы узнали о случившемся после девяти. Мне позвонил Чезаре Гарсия, описал ситуацию: машина на дне пропасти, выжила ты одна. Больше ничего неизвестно. Несчастный случай? Покушение? Месть? У меня тогда были враги. – По лицу Кассаню скользнула загадочная усмешка. – Я обдумывал варианты, но первой мыслью было перехватить твою мать. Она убежала из Арканю, крикнув: «Езжай туда с ней, но не смей сажать в машину детей...» Это прозвучало как угроза, как будто Пальма знала, что должно произойти.

Клотильда молча перевела взгляд на мыс Ревеллата. С высоты нескольких сотен метров лесистый полуостров, окаймленный маленькими пляжами, усеянный редкими виллами и опоясанный белыми дорогами, казался райским прибежищем. Иллюзия. Обман. Этот полуостров – тупик.

Дед проследил за ее взглядом.

– Нетрудно было догадаться, куда направляется твоя мать. Я послал Мигеля и Симеоне, они поймали ее у маяка в сотне метров над домом Наталя Анжели. Ее любовника.

«Призрак, – подумала Клотильда. – Призрак, явившийся Наталю». Видение преследовало его всю жизнь, а между тем истина проста как апельсин. Наталю не почудилось. Пальма улыбнулась ему с вершины Пунта Росса, а потом ее схватили люди Кассаню. Чего она хотела – утешиться в его объятиях или выплакать обиду? Теперь этого никто не узнает.

Они шли по узкой, пропитанной лавандовым духом тропе. Справа осталась изрешеченная выстрелами скала. Кассаню специально выбрал эту дорогу – хотел поклониться горе Федератов, где в сентябре 1943 года, за несколько недель до освобождения Корсики, расстреляли макизаров. Старик погладил ладонью камни и продолжил рассказ:

– Твоя мать бежала к любовнику, и этот факт многое объяснял. Она изображала перед нами оскорбленную жертву, произнесла гневный монолог униженной женщины. С самого приезда на остров Пальма

была одержима пресловутым праздничным ужином в *Casa di Stella*, но это был спектакль. Она хотела одного – соединиться с Наталем Анжели! А ведь я тогда был почти готов согласиться и выделить ему кусок земли «под дельфинов». Ты меня убедила, хотя стала пешкой в их игре. Улик против Анжели я так и не нашел, но они с Пальмой были сообщниками. Знал ли он о ее планах? Участвовал в убийстве моего сына? Мог помешать? Я угрожал Наталю, давил на него, обещал прикончить и, возможно, переусердствовал. Этот трус женился на Аурелии, дочери Чезаре... Сержант Гарсия на многое смотрел сквозь пальцы, но убийство зятю не спустил бы. Со временем я не то чтобы простил Наталю Анжели, но пришел к выводу, что им тоже манипулировали. У этого красавчика-алкоголика кишка тонка. Он даже на сообщника убийства не тянул.

Клотильда дернула деда за руку:

– При чем тут сообщничество?

Кассаню не ответил, даже шаг не сбавил. К востоку тропа шла между зарослями маккии и виллами Кальви, чьи бассейны и балконы нависали над Средиземным морем.

– Эксперты осмотрели «фуэго» на следующий же день и дали официальное заключение: авария, несчастный случай. Дело закрыли. Тела выдали родственникам. Похороните и забудьте! Власти вздохнули с облегчением. Еще бы! Если бы это оказалось убийством, сведением счетов, в Балани началась бы война кланов: Идрисси против Пинелли, Касасопрано, Поджоли... Официальная версия – усталость, превышение скорости, алкоголь, роковое стечение обстоятельств – устроила всех. Но Альдо Наварри, механик из Кальви, – мой старый друг, наши отцы вместе воевали, освобождали Корсику, так что сначала он поговорил со мной, а уж потом с легавыми. Его вывод был однозначен: машину Поля испортили намеренно. Я попросил его молчать. Подтвердить удобный для всех вывод. Альдо часто оказывал услуги полиции, ему доверяли, так что рапорт ни у кого не вызвал сомнений.

Старик даже не повернулся к внучке, просто смотрел на деревни, прилепившиеся к склонам Балани. Монтемаджоре, Монкале, Каленцана.

– Чезаре Гарсии понадобилось много месяцев, чтобы прийти к тем же выводам. Он попросил кого-то сделать повторную экспертизу.

Слишком поздно.

Клотильда с ужасом смотрела на деда, надеясь, что ее догадка не подтвердится.

– Ты задействовал собственную полицию? Решил сам вершить правосудие?

– О чем ты говоришь? О каком правосудии? О том, что вершат бюрократы с континента? Присяжные, которым то и дело напоминают о презумпции невиновности, вопреки очевидности? За неимением доказательств! Ты адвокат, дорогая, и понимаешь, о чем речь. Я как-то участвовал в подобных цирковых представлениях, поэтому не верю ни в официальную юстицию, ни в закон. Не верю в гражданское право и уж тем более в уголовное.

У Клотильды закружилась голова.

– Ты стал карающей дланью?

– Был суд. Справедливый и беспристрастный.

– И маму защищал адвокат?

– Извини, Клотильда, но я никогда не понимал, зачем нужны адвокаты, – серьезно, без тени иронии, ответил Кассаню. – К тебе это, само собой, не относится. Ты занимаешься разводами и всеми сопутствующими проблемами, это веление времени, нет ни хороших, ни плохих, должен быть арбитр, чтобы все улаживать. Я о другом – о преступлении. Есть следствие, улики, дело, факты, суд, приговор. И адвокат, который пытается все извратить, перевернуть с ног на голову. Зачем виновным адвокаты?

– А невиновным?

Кассаню жирно хохотнул:

– Невиновным? Знаешь, кто такой невиновный? Преступник с хорошим адвокатом.

Клотильда сжала кулаки. «Бога благодари, дедуля, что я хочу выяснить, как далеко зашло твое безумие. Мне есть что сказать о твоём понимании правосудия. Я напомню, что твой внук гниет в тюрьме, что ты как миленький оплатишь услуги лучшего адвоката, раз не веришь в меня!»

– Ну давай, расскажи мне, как проходил тот беспристрастный суд.

Кассаню взглянул на дерево и остановился. Клотильда помнила легенду, связанную с этим местом. Именно здесь кондотьер Сампьеро Корсо приказал повесить родственников жены, которые предали его и

продали геноуэцам. К своей супруге, Ванине д'Орнано, он проявил милосердие – задушил собственным шарфом.

– Я собрал друзей, местных жителей, надежных, знающих, что такое честь, клан и семья. Двенадцать человек для жюри присяжных.

– Базиль Спинелло был в их числе?

– Да...

– Кто еще? Кузены? Свидетели появления Саломе на семейном обеде в День святой Розы?

На этот вопрос Кассаню отвечать не захотел.

– Ты считаешь, что твоя мать была заведомо обречена, но это не так. Я жаждал непредвзятого правосудия, хотел, чтобы присяжные опирались только на факты. Искал не виноватого, а убийцу сына и внука.

– И нашел Пальму? Мою мать? Это она залезла под машину и открутила гайку? Десять присяжных поверили в подобное?

– Она была архитектором, Клотильда, и разбиралась в технике. Я проверил другие возможные версии. Главы кланов поклялись честью, что не имеют к этому отношения, и я им поверил. На Корсике не подстраивают аварии, не трогают детей. Врага убивают, глядя ему в лицо. Тот, кто покопался в машине, знал, что управление может отказать на любом повороте. Преступление было преднамеренным, и нам следовало ответить на вопрос о мотиве. Кому выгодно? Ответ очевиден, даже если он тебе не нравится. Твоей матери! Она в тот вечер хитростью вынудила соперницу сесть в машину рядом со своим мужем, который ее разлюбил, собирался развестись и отнять детей. Поль не остался бы на острове с Саломе и Орсю без тебя и Николая. При разводе Пальма теряла все, в том числе деньги Идрисси. А вот если бы наследник состояния погиб в аварии, пока они еще были женаты...

Кассаню перевел взгляд на верхушки деревьев Сампьеро Корсо, словно вспоминая.

– Твоя мать приказала отцу не брать вас в машину. Повторила это дважды, прежде чем сбежать.

Они преодолели открытый участок пути и снова углубились в тень маккии. Кассаню старался отдышаться и шел молча.

«Что, если он прав? – подумала Клотильда. – Может, адвокаты и правда нужны для одного – разбивать в пух и прах неоспоримые

доказательства? Выдавать очевидные вещи за совпадение? Внушать сомнения?» Она сама адвокат и пользуется подобными приемами.

– У меня ни разу не возникло сомнений... – Старик угадал ее мысли. – Твоя мать знала, что в тот вечер никуда не поедет. Только у нее был мотив, даже несколько: любовь, деньги, дети. Она собиралась на свидание к любовнику. Пальма указала на себя, защищая вас, но у нее не было выбора.

Кассаню Идрисси повернулся и взял внучку за руку сухой морщинистой ладонью, похожей на кору пробкового дерева.

– Клянусь тебе, девочка, я искал. Искал других возможных виновных и другие объяснения. Ни одно не выдерживало критики.

– Но виновность моей матери тоже не была доказана и основывалась на домыслах.

Кассаню издал тяжелый вздох. Они вышли к распаханному полю, на котором паслись козы.

– Вот почему я хотел обойтись без адвоката! Мне нужно было настоящее правосудие. Все французские законники одинаковы: нет ни одного доказательства – значит, нет виновного и не будет приговора. Лучше отпустить сто виноватых, чем осудить одного невиновного. Я не мог допустить, чтобы убийца моего сына и внука осталась на свободе. Жюри присяжных, собравшееся в Арканю, сделало свою работу, никто не усомнился в виновности твоей матери.

Господь милосердный... Клотильду била дрожь. Стоявшее в зените солнце обжигало кожу, но леденило кровь. Дед присел на гранитную пирамидку, и она вспомнила, как девочкой приходила на равнину Паоли. Рассказывали, что один из автономистов[185] закопал здесь клад из золотых монет, которые незадолго до революции отчеканили в Кортэ[186], когда Корсика уже не была итальянской и еще не стала французской. «Сокровище послужит острову, когда он завоюет независимость» – так будто бы сказал хозяин золота, но никто не нашел ни одной монеты, а искали многие.

Легенда, слух – и ноль доказательств.

– Жюри признало твою мать виновной. В другие времена – те, что Мериме описал в «Коломбе» и «Маттео Фальконе», – Пальму осудили бы на казнь. Двадцать семь лет назад я без колебаний вынес бы ей смертный приговор, но остальные воспротивились. Лизабетта. Базиль. Несмотря ни на что, Пальма оставалась членом семьи Идрисси и

матерью нашей внучки. «И потом, она ведь так и не призналась, – сказала моя жена. – Что, если однажды выяснится другая правда?» Базиль хотел спасти Пальму и выдвинул другой аргумент: мы не должны быть менее цивилизованными, чем люди с континента, а они больше не казнят даже самых жестоких преступников. И мы приговорили ее к пожизненному заключению. Над Арканю, в маккии, хватает мест, где можно навсегда изолировать человека от мира. Твоя мать не протестовала. Да, она не призналась, но и не защищалась. И ни разу не попыталась сбежать.

«До сегодняшнего дня!» – подумала Клотильда. Накануне этого смехотворного самодетельного суда Пальма Идрисси потеряла мужа и сына. Она должна была сесть в машину и погибнуть вместе с семьей и терзалась муками совести. Ее обвинили, загнали в угол, у кого нашлись бы силы защищаться?

Тем вечером она потеряла все, кроме дочери.

Клотильда открыла было рот, но Кассаню надавил ей на плечо, не дав произнести ни слова.

– Я не чудовище, детка. Твоя мать лишилась только свободы. Как любой вор, насильник или убийца. Но обращались с ней нормально. Не то что с заключенными тюрьмы Борго. Лизабетта сама готовила для нее еду, Орсю был почтительным надзирателем, а его пса Пашу не натаскивали на убийство, как немецких овчарок. Мы не звери, Клотильда. И правосудие свершилось.

– А что теперь? Мама сбежала и отправится напрямик в полицию?

Кассаню улыбнулся и покачал головой:

– Поступи она так, жандармы уже были бы здесь. Нет, милая, твоя мать не станет рассказывать немыслимую историю о том, что ее столько лет держали под замком в пастушьей хижине! Пальма не выдала нас, хотя именно так поступил бы любой заложник, согласна? Лишнее доказательство ее вины. – Старик попытался поймать взгляд внучки. – Мы найдем ее, и вы поговорите. Корсиканец может очень долго прятаться в маккии, но не чужачка, двадцать семь лет просидевшая взаперти.

Клотильда посмотрела на Кассаню и поняла, что они думают об одном и том же. Что, если Пальма отправилась к Наталю Анжели? 23

августа 1989 года ей не позволили добраться до Пунта Росса, но это не значит, что она не попробует еще раз.

– Идем, – сказал Кассаню. – Нужно вернуться домой.

Обратный путь они проделали в молчании. Клотильда пыталась представить жизнь матери в импровизированной темнице. Она постепенно подружилась с Орсю, молчаливым мальчиком, носившим ей еду. Когда родился щенок, они дали ему имя Паша. Время от времени Пальма слышала обрывки фраз, возможно, обменивалась несколькими словами с Лизабеттой. И вот после всех этих лет в темной комнате, освещаемой только Бетельгейзе, она узнаёт, что ее дочь возвращается на Корсику, пишет записку и доверяет ее Орсю. Пусть дочь узнает, что она жива! Потом велит ему накрыть завтрак, как двадцать семь лет назад, а через несколько дней уговаривает стать проводником. Пальма хочет увидеть свое дитя, Клотильде ничего не угрожает.

Какую тайну скрывала ее мать? Она никогда не убила бы Пашу. Зачем бежать, когда долгожданная встреча вот-вот случится? Пальма Идрисси не могла ослабить проклятую гайку и подвергнуть жизнь детей смертельной опасности. Нет и еще раз нет! Из всего сказанного дедом значение имеет одно.

Ее мать жива!

Самра sempre.

Клотильде пора вступить в игру. Выполнить профессиональные обязанности.

Доказать невиновность Пальмы Идрисси.

На спуске хозяин Арканю ускорил шаг, словно, сняв с души груз, расслабился и теперь думал о накрытом к обеду столе и ароматных колбасках фигателлу.

«Не так быстро, дедуля. Не так быстро. Внучка может сильно испортить тебе аппетит!»

Клотильда коснулась руки старика, в которой была зажата палка:

– Дедушка... А если был еще какой-нибудь след? Другой подозреваемый?

Кассаню не притормозил – даже пошел быстрее.

– Я был прав, решив обойтись без адвоката...

– Между прочим, профессией я обязана тебе! – язвительным тоном откликнулась Клотильда. – Вспомни, что сказал мне двадцать семь лет назад на вершине Капу ди а Вета. Возможно, все predeterminedено свыше и ты подал мне идею пойти в адвокаты только для того, чтобы я однажды доказала: Кассаню Идрисси совершил самую большую ошибку в жизни.

Старик даже не улыбнулся.

– Мы проверили все и всех, Клотильда.

– Даже Червоне Спинелло?

Кассаню сбился с ритма.

– Червоне Спинелло? А он тут при чем? Ему было четырнадцать...

– Семнадцать...

– Пусть так. Как связаны мальчишка и вредительство? Все адвокаты с континента задают идиотские вопросы. Выбирают свеженького покойника и все вешают на него.

«Издевайся на здоровье, дедуля, я не поддамся!»

Вдалеке показалась макушка древнего дуба Арканю.

Кассаню Идрисси – мужчина. Значит, в разговоре с ним нужно блефовать.

– Червоне знал о моей матери, верно? О суде и приговоре? И шантажировал вас?

Кассаню закатил глаза.

– Это никак не связано с ослабленной гайкой, но ты права: много лет назад Червоне подслушал разговор отца с другим присяжным. Проныра вечно шпионил. После смерти Базиля он унаследовал кемпинг, но не стал меня шантажировать – на острове таких слов не произносят, можно поймать пулю в грудь – и просто дал понять, что знает. Мы ничего не обсуждали, условия договора были заведомо известны. Если Червоне обратится к полицейскому, поговорит с журналистом или еще с кем-то, возникнет угроза мне и всей моей семье. Я могу попасть в тюрьму, и Арканю зачахнет. Червоне попросил разрешения застроить несколько гектаров, обновить «Эпрокт», увеличив площадь ресторана и построив дополнительные душевые, финские домики, бунгало и павильон на пляже Ошелучча. Он хотел получить несколько участков, которые принадлежали мне. Место под комплекс «Скала и Море» Червоне купил благодаря моей протекции.

Он знал, какой выбор я сделаю между честью семьи и несколькими заасфальтированными гектарами земли.

– Если это не шантаж, что тогда?

– Торговый договор. Червоне – сын моего лучшего друга. Он знал, что ничем не рискует.

– То есть убить его приказал не ты?

Кассаню изумился:

– Конечно, нет! Зачем бы я стал это делать? Спинелло честолобив и не щепетилен, в делах понимает больше, чем в земле, но по-своему любит Корсику. Возможно, насчет строительства прав он, а не я.

Клотильда не стала комментировать слова деда. Он тоже находится в плену иллюзий. Мир вертится слишком быстро, как гигантская центрифуга, осушающая утопии. Не стоит посвящать Кассаню в свою версию событий. Червоне Спинелло ослабил гайку в «фуэго», потому что был уверен: Поль и Пальма Идрисси пойдут в *Casa di Stella* пешком, по тропинке. Никто не подозревал, что вечером за руль собирается сесть Николая и с ним будет Мария-Кьяра. Это от них хотел избавиться убийца. Что его толкнуло на преступление? Любовная досада, зависть, ревность. Взрослым такая версия просто не могла прийти в голову: компания подростков хранит секреты надежнее, чем корсиканские крестьяне омерту.

Они медленно пересекли двор, осторожно огибая клумбы с орхидеями Лизабетты. К удивлению Клотильды, Кассаню не пошел в дом, а присел на скамейку – ту самую, на которой она заснула двадцать семь лет назад, перед аварией.

«Нет, – повторила себе Клотильда, – никто не мог догадаться, что в то лето происходило между подростками. Никто, ни один человек, и уж тем более взрослый!»

Разве что...

Она посмотрела на деда. Он был похож на кота. Большого задремавшего кота. Все думают, что он устал и разленился, но при малейшем намеке на опасность хвостатый реагирует мгновенно, точно и безжалостно.

Встревоженная Лизабетта подошла к мужу, верная Сперанца осталась на пороге.

– Все хорошо, Кассаню?

Старый корсиканец не открыл глаз, только кивнул. Конечно, все хорошо: солнце светит, он сидит под дубом во дворе овчарни, вокруг хлопчут его женщины.

Разве что...

Мысли заметались в голове Клотильды, как растревоженные осы.

За несколько минут до роковой аварии она сидела на скамейке, слушала музыку, поспала, записала в дневнике несколько фраз – как оказалось, последних, – потом появился отец и потащил ее к машине...

Разве что...

Ни один взрослый даже вообразить не мог, какие драмы разыгрывались между подростками летом 89-го.

Никто не мог – если не прочел ее дневник!

Лизабетта коснулась плеча внучки, наклонилась, как будто прочла ее мысли и решила поделиться секретом:

– Ты забыла дневник на скамейке, дорогая. Ну так вот...

Продолжить она не успела – проснулся телефон Клотильды.

Франк!

Наконец-то.

Она отошла в сторонку.

– Ты вернулся?

Голос мужа звучал отрывисто, он как будто задыхался. Бежал? Или вокруг него свистит ветер? Они не разговаривали два дня, а он даже не поздоровался.

– Валу с тобой?

– Нет, почему ты спрашиваешь?

– Я в кемпинге, в административном корпусе, рядом со мной Аника. Ты оставила сообщение и попросила Валентину срочно подняться в Арканю.

Земля ушла у нее из-под ног. Мир перевернулся.

– Я ничего не посылала!

– Ну, значит, твой дед. Или кто-то из его домашних.

– Это очень странно. Подожди, я спрошу.

Она не успела задать вопрос бабушке – та закончила фразу:

– Твой дневник подобрала я тем вечером.

23 августа 2016

«Фуэго» медленно двигался по узкой каменистой дороге. Лапы росших по обочинам сосен то и дело скребли по машине, оставляя на кузове длинные, пахнущие смолой царапины. Братья Кастани наверняка бы не одобрили, как он обращается с коллекционной вещью.

Хотя им вряд ли есть до этого дело. Как и ему самому.

19:48

Скоро от машины мало что останется...

Через час и четырнадцать минут.

Та же машина.

То же время, с точностью до минуты.

То же место.

Те же пассажиры.

Полицейские найдут так же обезображенные трупы.

Дело нужно завершить с блеском. Он великолепно закрутил интригу, чтобы взять реванш у судьбы, посмеяться над ней, замкнуть круг, навесить на сундук два замка и утопить его на дне Средиземного моря.

Он посмотрел в зеркало и убедился, что машину невозможно увидеть ни с дороги D81, ни с тропинки, проходившей несколькими метрами выше. По D81 ездили только грузовики и бульдозеры, возившие плитняк с закрытого ныне карьера. Ни один турист, никто из местных здесь не появляется – за двадцать семь лет он хорошо изучил здешние места.

20:03

Здесь он тихо и спокойно дождетса часа Икс. А девочек, чтобы не скучали, развлечет чтением.

Особенно интересно будет Валентине.

Он остановился в тени корсиканской сосны, выключил зажигание, поставил машину на ручной тормоз и повернулся к сидевший рядом с ним женщине.

– Предпоследний этап, мадам Идрисси. Надеюсь, вы оцените. Я очень постарался, чтобы вас не разочаровать.

Женщина, естественно, не ответила.

– Простите меня, Пальма.

Он отстегнул ремень безопасности, открыл бардачок, достал пластиковый пакет и обернулся. Валентина сидела сзади со связанными руками и ногами, рот был заклеен пластырем телесного цвета. Она изо всех сил пыталась скрыть панику.

– Я не успел красиво упаковать, но вам будет интересно.

Девочка с трудом вытащила тетрадь с вылинявшей голубой обложкой и желтыми покоробившимися страницами.

– Дорогу молодым, а, Пальма? Тем более что содержание этого дневника вам давно известно, не так ли?

Она не ответила.

– Листать ты можешь, Валентина, и глаза пока тоже при тебе. Начинай читать. Я уверен, ты влюбишься в это произведение. Мы все мечтаем проникнуть в мысли наших матерей.

«Твоей матери, когда ей было столько же лет, сколько тебе...»

Валентина колебалась, понимая, что, как только увидит почерк матери, не сможет удержаться от искушения. Нельзя читать чужие дневники, но она имеет право знать.

Знать, кем была ее мать. И бабушка.

Прежде чем машина рухнет вниз.

И утонет.

Вместе с тремя пассажирами.

60

23 августа 2016

20:00

– Франк? Франк! Алло! Алло!

Клотильда плохо слышала мужа, разговор все время прерывался.

– Франк, никто не посылал сообщение Валу, ни я, ни дед, ни бабушка. Ее не звали в Арканю, тем более в срочном порядке!

– О господи!

– В чем дело? Валу не с тобой?

– Я... Я ходил принять душ, меня не было от силы четверть часа. Валентина ужасно расстроилась из-за гибели директора и хотела непременно пообщаться с Аникой, сказать, что очень хорошо относилась к ее мужу, ну, ты понимаешь... Девочке было не по себе.

Когда я вернулся, она уже исчезла. Аника сказала, что передала ей сообщение, и я позвонил тебе.

Скамья, дуб, двор и овчарня качнулись. Остров отчалил. Горы устремились к морю.

– Когда это случилось? Может, она идет сюда? На тропе? Или решила побродить по лесу?

Голос Франка сделался совсем тихим, и Клотильда крепче прижала телефон к уху.

– Нет...

– С чего ты взял?

– Я знаю, где Валу.

«Я не ослышалась? Он издевается?»

– Что ты такое говоришь?! – закричала Клотильда в безумной надежде, что горное эхо работает лучше мобильной связи.

Лизабетта так и стояла рядом с задремавшим мужем, Сперанца вернулась в дом, и ее вопля никто не услышал.

– Валу в десяти километрах от кемпинга! Где-то в лесу Бока Серья, над Галерией.

На секунду Клотильда решила, что муж похитил их дочь и держит взаперти где-то в маккии, как Кассаню ее мать.

– Черт, да объясни же толком! – Она снова спустила гнев с поводка.

Франк что-то мямлил, запинаясь, как будто не хотел выдавать секрет, не решался признаться. Лизабетта с тревогой смотрела на внучку, словно поняв, что Валентина исчезла.

– Что она там делает? – повторила Клотильда. – Откуда тебе известно про лес?

Ветер загудел в пустоте и донес ответ:

– Я... Я установил специальную программу в телефон Валу... Шпионскую штучку, позволяющую отслеживать географические координаты. – Он понизил голос, как пойманный с поличным мальчишка. – На случай, если... если с ней что-нибудь случится... Я... Ты меня знаешь... Я всегда волнуюсь за Валу... А тебе не сказал, потому что не сомневался в твоей реакции... С ней что-то случилось.

И тут Клотильда все поняла и едва не захлебнулась ненавистью, но одновременно почувствовала облегчение.

– В моем мобильном тоже есть эта дрянь?

– ...

– Я плевать хотела на твоего «шпиона», Франк, у нас нет на это времени, скажи одно: три ночи назад ты именно так нашел меня в маккии?

– Да...

Она закрыла глаза и сцепила зубы, чтобы не выплеснуть на мужа поток ругательств.

– Звони в полицию, Франк! Звони немедленно и передай им координаты! Пусть оцепят весь район и лес Бока Серья. И моли бога, чтобы твоя дерьмовая программа послужила делу. Я возвращаюсь в «Эпрокт». Где ты?

Франк повесил трубку.

Лизабетта все так же молча стояла рядом, ни о чем не спрашивая. Старая, но еще крепкая женщина, разве что спина уже не такая прямая, ждала, когда понадобится, совсем как полезная вещь, до времени убранная в шкаф.

Клотильда, в отличие от бабушки, впала в панику. Руки у нее тряслись, она не знала, что делать: сорваться с места и бежать к «пассату» или не пороть горячку, сделать глубокий вдох и осмыслить ситуацию? Все происходило слишком быстро, она не успевала переварить информацию. Ее мать и дочь исчезли, но пока живы. Во всяком случае, она на это надеялась... Нужно собрать как можно больше сведений, необходимы факты, факты, факты!

Кассаню проснулся, сдвинул шляпу на затылок и подставил лицо солнцу, не очень понимая, что происходит вокруг.

Клотильда сжала руки Лизабетты:

– Бабуля, ты сказала, что подобрала мой дневник. Он и сейчас у тебя? Это очень важно, скажи мне! Кому ты его показывала? Кто еще читал записи?

Лизабетта попыталась отнять руки.

– Я... не знаю, дорогая.

– Ты никому не показывала дневник?

– Нет.

– Значит, ты... ты... ты одна читала?

В черных глазах старой корсиканки блеснули слезы.

– За кого ты меня принимаешь, девочка? – спросила она, и в ее голосе впервые прозвучал гнев. – Да, я взяла твой дневник, но мне и в

голову не пришло открыть его! Порядочные люди не читают чужих писем и дневников. Я отнесла его в «Эпрокт», в ваше бунгало, вместе с твоими вещами, оставшимися в Арканю, – одеждой, книгами, сумкой. В больнице они тебе были не нужны.

– Потом меня выписали и сразу увезли на континент. В кемпинг я не возвращалась.

– Знаю, милая, знаю... Базиль Спинелло должен был пойти в бунгало, все упаковать и передать тебе.

Голос Лизабетты звучал спокойно и уверенно, а Клотильда дрожала, как лист на ветру.

– Базиль так и поступил, бабушка. – Она судорожно сглотнула. – Я все получила. Кроме дневника.

61

23 августа 2016

Нужно избавиться от телефона. Он не очень разбирался в новых технологиях, но любил детективы и знал, что даже по выключенному мобильнику можно определить местонахождение его владельца. Трубка полетела на камни, и он припечатал ее каблуком.

Пока Валентина со слезами на глазах читала дневник матери, он не торопясь изучил содержимое ее смартфона, но ничего интересного не узнал. Влез в почту, прочитал отправленные и принятые сообщения, просмотрел фотографии, послушал музыку. Погрузился на несколько минут в мир пятнадцатилетней девочки – и не обнаружил ни одного грубого слова о родителях или лишнего сантиметра голого тела на снимках. Ни бутылки вина на заднем плане, ни приятеля в откровенной позе, ни подружки в смелом купальнике.

Благоразумная девица.

Счастливая. Уверенная в себе. Воспитанная.

У нее нет проблем, она не знает ненависти и воспринимает жизнь как подарок анонимного благотворителя. Развернуть, оценить, поблагодарить, задорно задуть свечи и верить, что Рождественский Дед останется с ней, как и мама с папой, добрый Господь или Будда. Подросток без изъяна, без червоточинки. Если верить дневнику, мать в ее возрасте была совсем другой!

Может, дело как раз в технологиях? Мобильный телефон связывает тебя с окружающим миром, а дневник защищает и отгораживает от него.

Теперь последний сигнал, если его запеленгуют, будет из этого леса.

Пора. Хватит тянуть.

Он бросил взгляд на «фуэго», где сидели его пленницы. Пальма и Валентина. Черт, до чего похожи – высокие, тонкие, стройные!

Эту классическую красоту, гордую посадку головы и королевское достоинство не портят ни годы, ни морщины, ни лишние килограммы. Элегантные, привлекательные, внушающие доверие.

Клотильда совсем другая! Она тоже красива, но своим очарованием обязана совсем иным качествам. Хрупкости. Энергичности. Нонконформизму. Наверное, колдун, смешивающий гены, должен быть бережливым, наделяя ингредиентами родителей и детей, братьев и сестер, чтобы успеть сотворить новую порцию. Потому-то фамильные черты часто передаются через поколение.

Он шел к машине и думал о дочери, матери и бабушке. Клотильда никогда не умела общаться с матерью, это ясно из дневника. С дочерью получается не лучше – он долго за ними наблюдал и может с уверенностью утверждать это.

Ирония судьбы...

Бабушка с внучкой могли бы полюбить друг друга, понять, оценить, в этом нет сомнений!

Очень жаль...

Жаль, что им отпущено всего два часа на общение в жалком подобии того, первого, красавца «фуэго», что им не дано обняться – даже в последнюю минуту жизни.

Но он увлекся. Нужно как можно быстрее покинуть это место.

20:34

Прежде чем открыть дверцу, он глянул на часы. Отлично. К месту встречи они придут вовремя. Он посмотрел на Валентину. Девочка не читала, просто перелистывала страницы дневника Клотильды, не видя строчек из-за слез. Интересно, сумеет ли она наконец по-настоящему полюбить мать или возненавидит ее еще сильнее!

Не имеет значения. У нее не будет возможности рассказать.

Он открыл дверцу.
Пленницы не шелохнулись.
– Пора, мадам Идрисси. У нас встреча на карнизе Петра Кода.

62

23 августа 2016

20:40

Клотильда стояла у «пассата» и нервно шарила в сумке в поисках ключей. В голове была полная неразбериха, она не могла решить, куда бежать. В жандармерию? В «Эпрокт»? Ехать по дороге в надежде встретить Валентину? Свою мать? Пазл не складывался. В давнишней драме участвовали два разных кружка – взрослые и подростки, и связывала их между собой только старая голубая тетрадка.

Кто-то из взрослых прочел дневник. Украл, прочел и нашел правду – свою правду. Ключ, вот что дал ему проклятый дневник. А она не может отыскать ключ в сумке! Ну что за идиотка! Клиническая дура!

Завибрировал телефон.

Слава богу, хоть он в кармане...

– Клотильда? Это Аника! Какое горе, какое горе! – Женщина всхлипнула, произнесла несколько слов между двумя рыданиями. – Утром убили Червоне, теперь вот ваша дочь пропала.

Бывшая серфингистка сломалась, развалилась на куски. Железная хозяйка кемпинга совершенно потерялась.

– Вы в «Эпрокте»? С Франком?

– Нет... Я одна, у ворот.

– Где Франк?

– Не знаю.

– Пошел за полицейскими?

– Не знаю... возможно... они... уже здесь. С самого утра... Из-за Червоне... – Рыдания усилились. – Я знаю, вы его не любили, Клотильда, никогда не любили... но он заслуживал лучшего, чем...

– Вы позвонили, чтобы поговорить о муже? – сухо осведомилась Клотильда.

Проклятые ключи наконец нашлись, нужно было немедленно стартовать, а не тратить время на пустые объяснения с чужим

человеком. Да и телефон лучше не занимать.

– Нет, конечно нет, Клотильда. – Ни намек на враждебность в голосе, вот что значит опытный администратор! – Я побеспокоила вас, потому что вспомнила одну деталь.

Сердце Клотильды пропустило такт, она замерла, судорожно сжав в кулаке ключи.

– Записка, которой выманили Валентину... Якобы от вас... Следовало проверить, засомневаться, но я была так потрясена...

– Что за деталь, Аника?

– Незадолго до или почти сразу после того, как принесли записку, перед кемпингом стояла машина. Подъехала, притормозила, водитель подождал несколько минут. Я не сразу сообразила...

Клотильда открыла дверь машины и вставила ключ в замок зажигания, решив, что ничего важного не услышит, а Аника все никак не могла довести мысль до конца.

– Червоне все мне рассказал... Давно. Вот я и удивилась нестыковке, но тут увидела на стойке эту записку, потом пришла Валу, и... я отвлеклась.

– Что не так с машиной, Аника?

– Это был «фуэго». Красный. Именно о таком автомобиле Червоне твердил все эти годы. В таком погибли ваши родители и брат.

В мозгу зажглись три сигнальные лампочки, завывала тревожная сирена.

Красный «фуэго».

Географические координаты. Франк назвал лес Бока Серья, несколькими километрами выше скал Петра Кода.

Ее мать и ее дочь.

Вывод очевиден: некто нашел машину, как две капли воды похожую на «фуэго» ее родителей, посадил в нее Пальму и Валентину и везет их на карниз Петра Кода.

Клотильда не знала кто, как и зачем, но была уверена: развязка случится там. Она со страхом посмотрела на часы.

20:44

Кто-то – безумный, больной – направляется к провалу, чтобы воссоздать события, случившиеся двадцать семь лет назад. 23 августа.

И в машине, на заднем сиденье, находится другая пятнадцатилетняя девочка. Ее дочь!

Клотильда вспомнила, как десять дней назад они положили у обочины дороги три веточки чабреца, хотя Франк и Валентина и не проявили сочувствия. Водители проезжавших мимо машин бросали удивленные взгляды на странную женщину с опрокинутым лицом. Безумец будет на карнизе ровно в 21:02. И сбросит «фуэго» с обрыва.

Нужно лететь стрелой. Предупредить всех, до кого получится дозвониться.

Пусть на злосчастном месте соберется как можно больше народа. Прежде чем там появится *он*.

У нее восемнадцать минут. Она едва успевает.

Собираясь дать задний ход, она по привычке посмотрела в зеркало и... резко затормозила.

За машиной стоял Кассаню. Бледный, морщинистый, похожий на растерянного Гэндальфа. «Он все слышал. И все понял...» – подумала Клотильда.

– Уйди, – умоляющим тоном произнесла она.

– Я поеду с тобой...

– Освободи дорогу! Ты натворил достаточно глупостей.

Гравий полетел из-под колес, старик едва успел отскочить, и машина исчезла из виду, подняв тучу сухой пыли. Клотильда в последний раз посмотрела на деда. Он стоял прямо, словно врос в землю и не собирался двигаться с места в надежде слиться с природой, стать деревом или камнем, любым безобидным предметом. Уподобиться Лизабетте.

Дорога до полуострова Ревеллата и еще несколько километров до карниза Петра Кода представляла собой бесконечную череду поворотов. Чтобы по грунтовке выскочить из Арканю на департаментскую дорогу, надо было сделать приличный крюк, а путь по тропинке – всего несколько сотен метров.

Клотильда на полном газу пролетела короткий прямой участок дороги и резко затормозила на очередном вираже.

– Черт-черт-черт, – прошептала она, глотая слезы. – Успокойся, да успокойся же ты, если хочешь успеть.

Легко сказать – успокойся... Голова готова взорваться от вопросов. Кто этот псих? Да какая разница, главное – оказаться на карнизе раньше него, раньше них. Клотильда достала телефон. «Какого черта ты побоялась занести номер в книжку? Придумала бы кодовое имя... Теперь вот набирай».

06

Поворот.

25

Переключиться на вторую скорость, ехать быстрее.

96

Никого на встречной, никого сзади, взять влево, пересечь сплошную, выиграть несколько секунд.

59

Ехать еще быстрее.

Ну же, ответь наконец!

Переключиться на первую, затормозить.

– Где же ты?

Ехать еще быстрее.

Наговорить – проорать! – сообщение.

Наталь! Наталь, слушай внимательно. Они забрали мою дочь. Не знаю кто. Не знаю зачем. Пальму тоже похитили. Они едут на карниз Петра Кода. В красном «фуэго». Их хотят убить, Наталь, утопить в Средиземном море. Ты совсем рядом и можешь успеть первым.

Она отвлеклась всего на мгновение и тут же, выругавшись, ударила по тормозам.

На середине дороги стоял Кассаню Идрисси! Старый безумец срезал по тропе. Он дрожал, сильно опираясь на палку, и напоминал марафонца, израсходовавшего последние силы. Клотильда мгновенно приняла решение: придется взять деда на борт, объезжать выйдет дольше.

Она наклонилась и открыла дверцу.

– Считаешь, мало натворил? Ладно, садись живее!

20:50

Она потеряла тридцать секунд. Кассаню молча упал на сиденье. Он тяжело дышал, отдувался и так кашлял, как будто решил помереть

рядом с внучкой. «Видимо, как только “пассат” скрылся из виду, сорвался с места как подорванный, наплевав на крики Лизабетты, несся по тропинке, где ему был знаком каждый камень».

Старый корсиканец мало-помалу приходил в себя, а вот двигатель начал греться, через открытые окна в салон проникал запах жженой карамели.

Тормоза? Шины? Коробка передач?

Неважно, осталось всего восемь километров.

– Думаю, твоя мать не сбежала, Клотильда...

«Поздно для сожалений, дедуля!»

– Думаю... ее похитили.

Зазвонил телефон. Взвизгнули шины.

Наталь?

Франк?

«Пассат» летел прямо в пустоту.

– Поворот направо, – спокойно сообщил Кассаню. – Двести метров, сто двадцать градусов.

Она повернула в последний момент. Возможно, старик ей пригодится. Он каждый метр дороги знает наизусть, пусть поработает штурманом, пользы от него будет точно больше, чем от самого опытного раллиста на «Тур де Корс».

– Клотильда? Это Мария-Кьяра!

От удивления она едва не врезалась в каменную стенку и чудом не въехала в часовенку с Мадонной, крестом и тремя пластиковыми цветками. Кто их положил? Зачем? Решил почтить память другой машины, другой жизни, оборвавшейся тут днем или ночью?

– Левый поворот, сто пятьдесят метров, крутой поворот.

– Мария?

– Я думала о нашем разговоре. О вранье Червоне Спинелло. Об истории с испорченным рулевым управлением.

– Ну и?..

– Правый поворот, узкий, сто метров, сто шестьдесят градусов.

– Вообще-то Червоне не врал.

У Клотильды потемнело в глазах. Мария-Кьяра отказывается от своих слов. Червоне, идеального подозреваемого, сначала находят убитым, а теперь, будь он неладен, еще и обеляют. Раз Червоне не виноват, преступником автоматически становится ее брат Николя.

- Но вы утверждали...
- Я попыталась по минутам восстановить день 23 августа 1989 года, вспомнить каждое слово, каждый жест...
- Небольшой зигзаг слева, сто пятьдесят метров. Восемьдесят градусов.
- Каждый жест? Столько лет спустя?
- Слушайте внимательно, Клотильда, и не перебивайте. Все эти годы я была уверена, что ваши родители и брат погибли в аварии. Но Червоне не мог испортить машину, потому что убить нас с Николая хотел не он, а тот, кто умирал от ревности.
- Налево! – гаркнул Кассаню.
- Клотильда повернула в последний момент, не выпуская телефон, и съехала на обочину, раздавив колесами растущие на склоне цветы.
- Я совершенно уверена, – продолжила Мария-Кьяра, – и никогда не забуду глаза, смотревшие на меня и вашего брата на пляже Ошелучча вечером 23 августа, после того как все разошлись. Все, кроме него. На следующий после аварии день он так же смотрел на меня. Сегодня я поняла. Он хотел нас убить... С Николая у него получилось.
- Прямо, четыреста пятьдесят метров, газуй...
- Кто это был, Мария? Чей взгляд ты поймала?
- В ответ прозвучал смех. Деланный, киношный. Мария-Кьяра много лет чувствовала себя виноватой. Кто-то так сильно ревновал, что пошел на убийство.
- Вспомни, Клотильда, ты не могла забыть его глаза. Хотя чаще видела только один.

23 августа 2016

20:52

Повороты плавно сменяли друг друга. «Фуэго» ехал медленно, водитель мог не беспокоиться, за него думал GPS. Нужно точно выполнять указания механического голоса, и тогда машина окажется у первого поворота на карнизе Петра Кода точно в 21:02.

Через девять минут все будет кончено.

Чуть раньше отмеренного ему срока.
Врач говорил о девяти месяцах.

«Пассат» приближался к шоссе D81. Удаляясь от побережья, дорога спрямлялась, и Клотильда поехала быстрее. Метров через пятьсот придется снова сбросить скорость.

Она зажала телефон в коленях и крикнула деду:

– Это Герман! Придурочный Циклоп!

Кассаню повернул голову:

– Герман Шрайбер?

Клотильда смотрела на дорогу.

– Да, он всех убил. И через десять минут сделает это снова, если мы опоздаем. Он похитил Валу и маму.

– Исключено...

20:53

– Ничего подобного, дедуля! Я вчера говорила с ним по телефону и...

Старик положил руку ей на колено:

– Повторяю, это исключено. Ты не могла вчера говорить с немцем. – Он сделал долгую паузу. – Герман Шрайбер умер в девяносто первом, через полтора года после аварии, в которой погибли твои родители, немного не дожив до двадцати.

20:54

«Фуэго» проехал мимо скал Капо Кавалла.

«На месте в 21:02», – сообщил GPS. На дисплее навигатора в стилизованном виде отображался окружающий пейзаж. Ярко-синее море, гора цвета хаки, кофейно-кремовое небо.

«Безвкусная и кричащая картинка, – подумал Якоб Шрайбер, – настолько же уродливая, насколько прекрасна реальность...»

Заходящее солнце окрасило мыс Ревеллата, маяк, цитадель Кальви в алые тона. Он сбросил скорость, чтобы насладиться видом. Плевать на точный расчет времени и хронометр GPS, он нагонит после мыса Кантателли. Дивный пейзаж – единственное, о чем он будет сожалеть.

Дорога снова повернула к горам. В сухой маккии паслись тощие коровы. Он прибавил газу, подумав, что ведет себя глупо, размышляя о

предстоящем. Даже если бы Клотильда Идрисси не вернулась на Корсику, чтобы разбередить только-только затянувшиеся раны, лето 2016 года все равно стало бы для него последним. Старейший постоялец кемпинга «Эпрокт» решил распрощаться с жизнью на Корсике. Вместо того чтобы угасать в больнице в Леверкузене, лучше умереть в этих райских декорациях. А загробная жизнь... Неизвестно, есть там что-нибудь или нет.

«Самое большое – девять месяцев...» – сказал его доктор.

Первая опухоль появилась чуть выше печени восемь лет назад. Ему вычистили пищевод, как вычищают водосточный желоб минимойкой «Керхер», но ядовитый дождь продолжал орошать поджелудочную железу, легкие, желудок. Опухоль выиграла сражение. Он думал, что эта сволочь возьмет верх раньше и жизнь на пенсии не продлится дольше пяти лет. И тут бухгалтер компании «Байер» сообщил, что, уйдя с работы досрочно, он станет получать ежемесячную прибавку в триста евро – за то, что столько времени травился продукцией знаменитой фармакологической фирмы. Он трудился на предприятии пятнадцать лет, был специалистом, наблюдал за поточными линиями из-за защитных экранов. Рабочие, занимающиеся погрузкой, разгрузкой и очисткой чанов, обходились дирекции «Байера» гораздо дешевле.

Он посмотрел в зеркало. Интересно, его пассажирки догадываются, что их ждет? Пальма наверняка все поняла: красный «фуэго», указания GPS, девочка на заднем сиденье. Не дочь – внучка, но ощущение дежавю полное... Валентина прочла дневник матери и теперь тоже в курсе. Обе сохраняют спокойствие, что немудрено: если тебя упаковали, точно новогоднюю елку в сетке, не очень-то подергаешься. И лишь тлеет крохотная надежда, что происходящее – блеф, дурная шутка, инсценировка... Или что парапет у карниза Петра Кода надежно укрепили.

Впереди показалась бухта Никьярето. Якоб Шрайбер вел машину на крейсерской скорости. В последние дни он снова перечитывал дневник Клотильды, страницу за страницей, и его ненависть, и так не угасавшая двадцать семь лет, разгорелась с новой силой.

Его сын Герман ничего плохого не сделал.

Во всем виноваты Мария-Кьяра, Николя, Червоне, Аурелия и все остальные высокомерные эгоистичные недоросли. Клотильда подробно

все описала в дневнике. Эти дрянные детки вскормили его гнев, зависть и безумие. Герман был милым, серьезным, трудолюбивым и хорошо образованным мальчиком. Учился сначала в католической гимназии Лизы Мейтнер[187], потом в левенкузенском лицее Вернера Гейзенберга[188], в шесть лет стал юным скаутом, в пятнадцать – скаутом-следопытом. У него в кулаке всегда был кусочек пластилина, в кармане блестящий камешек, а в зубах – травинка.

Герман был нежнее своих ровесников. Он любил музыку. Ценил красоту. Занимался сольфеджио. Учился играть на скрипке, писал морские пейзажи и небо бледными, размытыми красками в студии художника-акварелиста, всю жизнь проработавшего в музее современного искусства в замке Морсбройха. Герман был единственным сыном Якоба. Он создавал свой собственный мир из найденных им сокровищ. На стенах его комнаты висели не постеры со знаменитыми теннисистами, певцами и гонщиками «Формулы-1», а десятки страниц гербария, который он постоянно пополнял. В десять лет Герману пришла в голову замечательная идея: он будет собирать коллекцию звезд. Морских и рождественских, звезд шерифа, звезд на ночном небе, сфотографированных из сердца леса, звезд на флагах, афишах, книжных обложках.

Благодаря своим блестящим способностям Герман поступил в Мюнхенский технический университет на факультет прикладных искусств. Он был и художником, и ремесленником. Его интересовали физика, механика, как работают вещи, но в первую очередь – красота, материальность красоты. Он считал, что природа – величайший гениальный творец и ей одной удастся достичь высшей гармонии и совершенства, а люди должны восхищаться ею, вдохновляться, подпитываться от нее.

Герман был простым и прямым молодым человеком.

Часто одиноким, застенчивым, замкнутым, непонятым. Но он никогда не лгал и не ведал зла. Всему плохому его научили ровесники. Герман игнорировал их кодексы и правила игры, но тем летом хотел стать членом «банды». Если бы не жестокость сверстников, он бы никогда не повредил машину, в которую собирались сестра Мария-Кьяра и Никола. У Германа не было намерения убить, он всего лишь хотел отомстить, чтобы они не сбежали, чтобы машина сломалась и им пришлось идти пешком, чтобы Никола подавился своей спесью и

Мария ему не отдалась. Герман хотел напугать, проучить. Он был девственником и не мог допустить, чтобы руки Николая осквернили красоту, изящество, совершенство лица и тела маленькой шлюшки Марии-Кьяры.

Якоб Шрайбер посмотрел на скалы, уступами спускавшиеся к Средиземному морю.

Конечно, Герман не хотел убивать Марию и Николая. Брат Клотильды собирался взять машину родителей и отвезти друзей в «Камарг».

Будь проклят тот вечер и тот ночной клуб! За несколько часов до вылазки Герман услышал разговор на стоянке. Мария-Кьяра соглашалась ехать с Николая, но при одном условии: все остальные останутся в кемпинге! «Ну уж нет!» – решил Герман и полез под машину. Он не мог знать, что программа изменится, что за руль сядет Поль Идрисси, что он возьмет с собой жену и детей. Так в восемнадцать лет Герман стал убийцей.

20:56

Время прибытия – 21:02.

Теперь Якоб Шрайбер мог программировать свою смерть поминутно.

Герман ничего никому не сказал. Полиция закрыла дело. Несчастный случай...

Герман чувствовал себя убийцей трех невинных душ.

Он так и не оправился, целый семестр не ходил на занятия, сидел в четырех стенах, между гербариями и звездами. Понадобилось тридцать сеансов у психоаналитика, чтобы он признался родителям, рассказал все, о чем Якоб и Анке уже догадались.

Герман продолжил общаться с психологом. Вернулся к игре на скрипке. Снова стал собирать растения и наблюдать за звездами. Якоб нашел для сына новый институт взамен университета, туда можно было поступить в середине учебного года, договорился в компании, чтобы сына взяли на работу. Надеялся, что это отвлечет мальчика от мрачных мыслей.

Герман выздоравливал, Якоб верил в это, хотел верить.

23 февраля 1991 года, ровно через восемнадцать месяцев после аварии на карнизе Петра Кода, Герман слишком близко подошел к чану

с едким натром. Кислота разъела его тело за несколько секунд, совсем как в научно-фантастических фильмах. Якобу хотелось верить в несчастный случай, но десять рабочих цеха ВЗ конвейера 07 завода «Байер» засвидетельствовали, что Герман намеренно опрокинул на себя емкость. Герман был мягким и одаренным юношей с блестящим будущим. Он мог занять важный пост на крупном предприятии, познакомиться с великолепной женщиной, прожить жизнь в гармонии со своими идеалами. Именно такую жизнь Якоб описал Клотильде по телефону, выдав себя за Германа. Он ничего не выдумал – эту жизнь украли у его сына.

Анке пережила Германа на два года. Она умерла от горя. В августе 1993-го жена Якоба настояла, чтобы они поехали отдыхать в Хорватию, на остров Паг. Его скалы и деревеньки немного напоминали Корсику. Однажды утром Анке села в «мерседес», поехала за хлебом и не повернула руль на вираже над пропастью. В портмоне нашли записку: *Entschuldigung*. Мне очень жаль.

Машину тщательно осмотрели. Рулевое управление оказалось в полном порядке.

У Якоба было достаточно времени, чтобы принять решение. Его жена и сын не совершали преступления, но наказание понесли.

Он обдумал последствия.

И пришел к выводу, что трагедии семьи Шрайбер и семьи Идрисси одинаково ужасны.

23 августа 1989 года, когда стало известно об аварии, Якоб нашел Германа в полной прострации на ступеньках кемпера А31. Он догадался, что часть вины лежит на сыне. До конца отпуска оставалась неделя, но они вернулись в Германию на следующий же день. Утром Якоб зашел в опустевшее бунгало семьи Идрисси. Тетрадь Клотильды, которую она вечно таскала с собой, лежала на кухонном столе вместе с другими вещами единственной выжившей. Якоб взял дневник. Чтобы разобраться, понять. Чтобы никто другой его не прочел, ведь там могло найтись свидетельство, уличающее Германа. Тем летом он несколько раз перечитал записи. Ни одна не указывала на Германа как на убийцу... если не считать фразы о том, что он самый проникательный из любителей детективного чтения. Клотильда Идрисси ничего не знала.

Между тем свидетель был. Червоне Спинелло. 23 августа 1989 года он стоял за стойкой в административном корпусе, не выпуская из поля зрения Николая и Марию-Кьяру, видел, как Герман залез под «фуэго», а потом слышал разговор взрослых об испорченном рулевом управлении. Червоне дал понять Якобу, что знает убийцу Идрисси, но ни разу не обвинил Германа открыто, не пошел в полицию, не настучал Кассаню Идрисси. Якоб не понимал почему, пока не заложили фундамент комплекса «Скала и Море», а на пляже Ошелучча не появилась дискотека «Тропи-Каллисте». Все было ясно как день. Червоне Спинелло шантажировал Кассаню Идрисси! Держал его за яйца, потому что сумел придумать правдоподобную версию событий. Да, у Червоне был козырь в рукаве – он знал имя настоящего убийцы Поля и Николая Идрисси. И Кассаню Идрисси никогда не заподозрит молодого немецкого туриста Германа Шрайбера, потому что ему неизвестно, что таковой существует.

Якоб оглянулся, услышав шуршание: Валентина бережно убирала тетрадь в пластиковый пакет. Пальма Идрисси и ее внучка сидели неподвижно, только ветер, проникавший в кабину через приспущенные стекла, шевелил их волосы. Он чувствовал, что они смотрят на него, встречался с ними взглядом в зеркале. Якоб безмятежно ждал наступления августа, чтобы в последний раз увидеть Средиземное море, выпить пива, сыграть партию в петанк. Врачи сказали, что это его последнее лето, и нате вам – появилась Клотильда Идрисси, начала повсюду совать свой нос, утверждать невозможные вещи. Ее мать, видите ли, жива! Блажь? Безумие? Конечно! Но она ворошила прошлое, расспрашивала Марию-Кьяру, Наталя Анжели, сержанта Чезаре Гарсию и его дочь Аурелию, оживляла воспоминания, срывала саваны с мертвецов. Якоб знал, что она явится к нему и попросит фотографии, сделанные тем летом. Что, если одна из них поможет ей догадаться? Старик превосходно разыграл изумление, когда открыл при ней пустую коробку, а потом уничтожил и снимки, хранившиеся в «облаке».

Он не предполагал, что опасность угрожает ему со стороны Спинелло. Директор кемпинга мог потерять куда больше, чем он сам. Червоне во всем сознался, прежде чем получил гарпун в сердце.

Директор запаниковал, узнав, что Якоб хочет скачать фотографии. Он сделал все, чтобы напугать Клотильду Идрисси, отвадить ее, но эта

женщина была упряма и проницательна. И очень трогательна. Червоне опасался, что ей удастся уговорить Якоба и он все расскажет. Тогда двое выживших в трагедии людей обнимутся, поплачут и снимут груз с души.

Якоб судорожно сжал пальцы на руле. Заходящее солнце, глядясь в море, как в зеркало, воспламеняло его. Да, Червоне Спинелло испугался, он понял, что может все потерять. Если Клотильда узнает правду, пойдет в полицию и все расскажет Кассаню, бизнесу директора кемпинга придет конец. Хуже – если хозяин Арканю узнает, что двадцать семь лет назад Червоне видел, как испортили машину Поля Идрисси, и молчал, он прикажет его убрать. Червоне напал на Якоба спонтанно, ударил в висок шаром для игры в петанк. И он не колеблясь добил бы свою жертву, но немца спасли проходившие мимо покеристы. Червоне не успевал спрятать труп и убрать место преступления. Он ушел, решив вернуться ночью и замести следы. На его беду, Якоб очнулся и скрылся, прихватив лекарства, чтобы продезинфицировать и перевязать рану. Он полвека каждое лето проводил на Корсике и сумел спрятаться в маккии.

Наутро Червоне пришлось дважды изображать удивление – перед игроками в петанк, обеспокоенными отсутствием старого немца, а потом перед Клотильдой, когда они обнаружили, что кемпер Якоба пуст. У него не было выбора, оставалось ждать, дрожать от страха и надеяться, что бош сдох в укромном месте, как раненое животное.

Якоб никуда не торопился, собираясь убить созревшего клиента в удобный момент.

Нужно было выиграть время.

Неопознанный утопленник, выловленный в бухте Кровани, подвернулся очень вовремя. Якоб сбросил кое-какую одежду, часы и документы со скалы на мысе Мурсетта, где было самое быстрое течение. Полицейские не идиоты, им понадобится несколько часов, максимум день, чтобы опознать покойника. А если и не выяснят имя, то уж точно поймут, что разложившееся тело не принадлежит Якобу Шрайберу. Но ему с лихвой хватит этого времени, чтобы усыпить тревогу Червоне.

Директор кемпинга не мог знать, что Якоб приговорен болезнью и ему плевать, как умирать. Он не понимал, что бош ненавидит не только Идрисси, но и всех тех, кто присвоил себе этот рай. Спинелло не догадывался, что боль и одиночество свели Шрайбера с ума и он тратит половину пенсии на психолога. Несчастный одинокий человек сознательно растравлял душевные раны, представляя, как стоит перед емкостью с едким натром, до головокружения вглядывается в белые скалы острова Паг и красные утесы Петра Кода у мыса Ревеллата.

Якоб только этим утром узнал секрет Червоне Спинелло, обеспечивавший ему покровительство Кассаню Идрисси.

Пальма Идрисси жива.

Народное жюри присяжных приговорило ее – вместо Германа, и с лета 1989-го она сидела взаперти в пастушьей хижине. Много лет Червоне сидел на двух стульях, позволяя каждому верить в свою правду: Кассаню не знал истинного виновника трагедии, Якоб Шрайбер – имя той, кого наказали вместо Германа. Директору даже не требовалось лгать, молчание делало его хозяином положения. Так было, пока на Корсику не вернулась Клотильда Идрисси.

Червоне Спинелло не заслуживал смерти, но пущенный в сердце гарпун можно было считать самозащитой. А вот Идрисси заслуживали и должны были помучиться, прежде чем отправиться на тот свет. Если бы три поколения проклятого семейства не жили во лжи, ничего бы не случилось.

21:01

Солнце еще не скатилась за бухту Кальви, оно раскачивалось над цитаделью огромным слепящим прожектором, превращая мир в театр теней. Глаза Якоба затуманились слезами. Все утро, все это лето, все годы, что прошли без Германа и Анке, он мысленно гонял по кругу одни и те же слова.

Мы были самой обычной семьей, любили простые вещи, приехали в отпуск, чтобы насладиться солнцем.

На острове Красоты.

Мы не знали, что эта красота сжигает тех, кто подходит к ней слишком близко, что она их обманывает и ускользает.

Мы не объяснили Герману, что можно погубить себя, страстно желая обладать красотой.

Герман был слишком чистым, он был совсем другим.

Они терпеть его не могли.

И убили!

Я уйду к Анке. К Герману.

23 августа, в 21:02.

Красный «фуэго».

Карниз Петра Кода, мыс Ревеллата.

Мужчина, женщина, девочка 15 лет.

Три трупа. Все завершится.

Среди красоты.

64

23 августа 2016

21:01

Осталось не больше минуты.

Клотильда, почти ослепнув от слез, гнала все быстрее.

Бесполезный телефон полетел на приборную доску. Перед ними простирался полуостров Ревеллата, который нужно было обогнуть, подняться до середины склона и спуститься, преодолев двадцать крутых поворотов.

Она не успеет.

Разве что Якоб Шрайбер опоздает. А уж ей хватит минуты, даже секунды.

Дедуля Кассаню молча сидел на пассажирском сиденье.

Они несколько раз повернули у самого основания полуострова, «Эпрокт» на юге, маяк на севере, и пейзаж на время исчез из виду. Клотильда выжимала педаль газа, даже не думая о том, что навстречу в любой момент может выскочить грузовик или трейлер. Белая разделительная полоса казалось ей клейкой лентой, не дающей «пассату» вылететь с дороги.

Они достигли вершины, миновали стоянку, обдав пылью припаркованные там машины. Туристы с фотоаппаратами проводили их раздраженными выкриками, но она даже не заметила. Дорога была

свободна на километр вперед. За десятью витками серпантина показался карниз Петра Кода.

Клотильда увидела его.

Она вдавила педаль газа, краем глаза уловив, как морщинистая рука Кассаню сжимает ремень безопасности.

Красный «фуэго» появился километром ниже, на выезде из бухты Порт-Агро. От карниза Петра Кода его отделяли несколько сотен метров.

Она пролетела первый поворот на скорости больше восьмидесяти километров в час, и ей показалось, что два левых колеса вот-вот оторвутся от земли и «пассат» опрокинется. В последний момент ей удалось вывернуть их в противоположную сторону, потеряв несколько секунд. Она снова вдавила в пол педаль газа и сосредоточилась на дороге.

Как же трудно, почти невозможно не смотреть на неумолимо приближающуюся красную точку. «Фуэго», в котором сидят ее дочь и мать.

Ей показалось, что машина замедляет ход, но безумная надежда погасла, как пламя на ветру. Водитель резко увеличил скорость и помчался по длинному прямому отрезку дороги, который заканчивался смертоносным поворотом на карнизе Петра Кода.

Клотильда повторила его маневр, забыв о тормозах. Оставалось всего четыре поворота, может, она успеет и перегородит «фуэго» дорогу. Пусть врежется в нее, столкнет в пропасть, один раз она уже выжила там. Клотильда хотела спасти Пальму и Валентину, на себя ей было плевать.

«Они сделали парапет выше, – напомнила себе Клотильда. – Я видела, когда клала цветы... Деревянную балюстраду заменили полуметровой каменной стенкой. Если мчащаяся на большой скорости машина врежется в это ограждение, ее развернет и закрутит между стенкой и горой, как шальное ядро в траншее, но вниз она не свалится».

Два последних витка, меньше трехсот метров.

Слишком поздно.

Через секунду «фуэго» на полном ходу пробьет каменную кладку, отделяющую дорогу от пропасти, ощерившейся кроваво-красными камнями, которым не терпится утолить жажду, продлившуюся двадцать семь лет.

Клотильда закрыла глаза.

«Фуэго» – тот, настоящий – взлетает в небо, отец сжимает руку женщины, которая не была ее матерью, Николя улыбается, предпочитая умереть молча, но с улыбкой.

Кассаню закричал, схватился за руль «пассата» и резко крутанул. Машина воткнулась в насыпь, снеся головки желтых смолоносиц, и они золотыми каплями брызнули на ветровое стекло.

21:02

«Пассат» замедлил ход, но не остановился, его подбрасывало и трясло на выбоинах и камнях осыпи. Клотильда против воли открыла глаза.

Она увидела, как «фуэго» слегка изменил траекторию, как будто водитель в последний момент решил уклониться от стенки над пропастью. У нее появилась безумная надежда, что автомобиль соскользнет по камням, потеряет крыло, дверцу, но в конце концов остановится.

Нет, она ничего не поняла. Якоб Шрайбер раз сто фотографировал этот поворот, обследовал его, изучал, обнюхивал и репетировал последний миг своей жизни.

Немец не пошел по стопам Поля Идрисси. Он бросил «фуэго» на бревна-кругляки над бухтой, они треснули, разлетелись, и машина на мгновение застыла в невесомости на фоне неба.

Клотильда знала, что ее мать внутри.

Что ее дочь внутри.

«Фуэго» полетел вниз, туда, где море неустанно билось о скалы.

Все было кончено.

65

23 августа 2016

21:02

«Пассат» оказался на карнизе Петра Кода через десять секунд. Клотильда ударила по тормозам, и машина остановилась, перегородив

дорогу. Она выскочила и ринулась к провалу, не поставив автомобиль на ручник, не включив аварийные огни.

Обратное течение раскачивало красный автомобиль, как поплавок, между рифами. Клотильда не видела, сильно ли помят кузов, но ясно представляла, как «фуэго» бьется о камни – раз, другой, десятый. Или же произошло чудо, и машина упала сразу в воду?

Море уже на две трети поглотило машину.

Еще несколько секунд – и она скроется под бирюзовой водой. Клотильду посетила святотатственная надежда, что Валентина и Пальма умерли мгновенно, при ударе о скалы, и это избавило их от медленной агонии под водой. Она до рези в глазах всматривалась в крышу.

Боже, боже!

Море плещет на заднее стекло, а за ним... Два силуэта? Две мечущиеся тени?

Иллюзия? Наваждение?

Она никогда не узнает. В следующее мгновение на поверхности осталась только игривая белая пена, швыряющая в голые камни тысячи прозрачных пузырьков.

– Подвинься!

Клотильда подчинилась не раздумывая.

Кассаню встал на край и прыгнул, а она вспомнила их давний разговор: «Все молодые корсиканцы ныряли оттуда, а я был самым безрассудным из всех».

Она до крови прикусила губу.

Может ли тело после стольких лет сохранить память о той идеальной скоординированности, которая необходима, чтобы прыгнуть с двадцатиметровой высоты и не разбиться о воду? Умение собраться в полете и по пути не удариться о выступающие утесы, которые сверху не видны? Не потерять ориентацию, правильно определить точку входа в море, а за мгновение до этого просчитать глубину и уберечься от подводной части красных камней, напоминающих колья во рву?

Да.

Да, тело Кассаню ничего не забыло.

Случай это, везение или дед действительно был выдающимся ныряльщиком? Траектория его прыжка оказалась феерически

совершенной, он пролетел мимо гранитных пиков и нырнул в водоворот в том самом месте, где утонул «фуэго».

Ничего.

Несколько бесконечно долгих секунд Клотильда ничего не могла разглядеть. Кассаню не выжил при падении. Он прыгнул не для того, чтобы спасти Валу и Пальму. Старик покончил с собой, чтобы не думать о том, что натворил.

За спиной завывали сирены. Хлопали дверцы машин. От топота множества ног завибрировал асфальт. Клотильда на миг повернула голову и снова уставилась на воду.

Значение сейчас имело только бирюзовое море.

Молиться, молиться, молиться.

Молиться о том, чтобы на поверхности появилось тело, вынырнула голова или рука.

На место прибывали новые люди. Среди жандармов были капитан Кадна, сержант Чезаре Гарсия, тут же его дочь Аурелия и Франк.

Муж Клотильды сделал все необходимое. Позвонил в полицию, и там отреагировали мгновенно, но все равно недостаточно быстро. Минуты сейчас равнялись вечности.

Франк взял ее за руку, и она не оттолкнула его.

Вечность.

Средиземное море никогда ничего не возвращает.

Сердце едва не выпрыгнуло из груди.

– Там! – закричала Клотильда, увидев деда, выталкивавшего из воды тело. Вот показались голова, шея, плечи.

Валу!

Живая.

Длинные темные волосы колыхались вокруг лица, как щупальца спрута. Франк сильнее сжал пальцы жены. Валентина не кашляла, не отплевывала соленую воду из легких – ее рот был заклеен пластырем.

– Дьявольщина! – выругался Франк. – Она связана, руки в наручниках, ей не удержаться на воде!

Камни в бухте были почти вертикальными и гладкими, так что ни Кассаню, ни тем более Валентина не могли за них уцепиться.

Старый корсиканец снова нырнул.

Валу плавала, видимо помогая себе ногами (Клотильда надеялась, что они не связаны).

– Она не сможет, – повторил Франк. – Бросьте ей веревку или круг, что угодно, да шевелитесь же!

Жандармы растерянно переглянулись. Они ехали спасать похищенную девочку, а не утопающих. Им и в голову не пришло, что... Остается ждать пожарных, их вызвали.

Валу из последних сил пыталась сохранить горизонтальное положение, но волна была слишком высокой и захлестывала ее, накрывала с головой, грозила утащить.

Девочка боролась, цеплялась за жизнь.

Как можно цепляться за пустоту? За воду?

– Никто из вас не прыгнет? – хриплым голосом проорала Клотильда.

Мужчины колебались. Ни один не был профессиональным ныряльщиком, а любитель, пусть даже умелый, имел один шанс из десяти не разбиться о скалы или рифы.

Франк перелез через первый парапет.

– Нужно попробовать спуститься, найти тропинку, спрыгнуть ниже.

Он проехал несколько метров на ягодицах, цепляясь за стебли дрока, росшего тут и там между камнями.

Четыре жандарма последовали за ним.

– Быстрее! – кричала им вслед Клотильда.

Кассаню снова вынырнул на поверхность. Он почти лишился сил, кашлял, отплевывался водой и кровью, но тащил вверх еще одно тело.

Мама!

Без чувств, глаза закрыты.

Кассаню пытается спасти женщину, которую так долго ненавидел и обрек на пожизненное заключение!

Больше хозяин Арканю не погружался. Одной рукой он удерживал Пальму, как удерживают тяжелый пакет, сдвигшийся матрас, спасательный круг, – а другой пытался дотянуться до Валентины.

Еще немного – и старик сдастся.

Франк и жандармы застряли. Попытка спуститься оказалась худшей из идей. Как только кустарник закончился, они лишились

возможности сделать хоть шаг. Прыгнуть тоже не могли. Без специального снаряжения ничего не выйдет, придется лезть наверх.

А спасатели опаздывают...

«Все пропало... – подумала Клотильда. – Кончено... Кассаню в конце концов добился своего...»

Самый высокий трамплин, с которого она прыгала, был трехметровым...

Теперь это не имеет значения.

Она рванулась вперед, сделала глубокий вдох и...

Кто-то схватил ее за руку.

Так крепко, что не вырвешься. Сержант Чезаре Гарсия не произнес ни единого слова, но его взгляд говорил: нет, довольно, хватит смертей, еще одно самопожертвование ничего не изменит.

Их было трое у проломленного парапета.

Чезаре, Аурелия и она.

– Пустите!

Сержант как будто не услышал. Клотильда была на грани истерики. Нужно действовать, она не может бросить Валентину и Пальму!

– Слышишь? – спросила Аурелия.

«Что? Что я должна слышать?!»

Клотильда напряглась. Ничего. Только ветер крепчает, и волны становятся все выше. Смертоносные, убийственные волны.

Она посмотрела вниз.

Кассаню ухватил Валентину за плечо, не выпуская Пальму, и теперь все трое держались вплотную друг к другу, как тюк с товарами, свалившийся с грузового корабля. Они тянули головы, сопротивлялись, но сил почти не осталось. И все равно – нужно держаться, держаться, держаться.

Зачем? До каких пор? Кто протянет им руку помощи?

Клотильда никогда не забудет, что именно Аурелия первой узнала шум двигателя, хотя вряд ли часто его слышала.

В сотне метров, за последней группой скал, скрывавших часть полуострова Ревеллата, Тюлений Грот, маяк, Пунта Росса, появилось суденышко.

Больше лодки, но меньше траулера.

«Арион».

Двигатель работает на полную мощность, судно скользит по волнам, изящно огибает рифы, Наталь стоит у штурвала, он в красной ветровке, светлые волосы развеваются на ветру.

Никогда еще сердце Клотильды не билось так сильно.

Через несколько секунд Наталь оказался рядом с утопающими, выключил двигатель и наклонился, чтобы вытащить Валентину.

Сделать это оказалось не так-то просто: «Арион» сильно качало, а Валу не могла помочь из-за наручников. Подтолкнуть девочку к Наталю должен был Кассаню, и каким-то чудом ему это удалось, теперь настала очередь Пальмы. Она уже перестала быть просто грузом, помогала мужчинам. Кассаню Идрисси обнял ее одной рукой за талию, другую подвел под колени и подал Наталю. Так свежеиспеченный муж переносит молодую жену через порог дома, в котором они проживут вместе до конца дней.

Клотильде почудилось, что в этот момент их взгляды встретились, губы шевельнулись.

Хозяин Арканю шепнул: «Прости...»

Пальма Идрисси ответила: «Спасибо...»

Да нет, не может быть, рот ее матери заклеен пластырем...

Бабушка и внучка оказались на палубе.

Спасены!

Наталь протянул руку Кассаню.

Старик уже целых семь минут боролся с морем, волнами, течением и скалами.

Схватка была неравной. Но он держался. И победил.

Теперь сил не осталось.

Во всяком случае, такой вывод сделали жандармы, так написали все утренние корсиканские газеты, так – с невероятной гордостью – рассказывали об этом охотники в баре «Эпрокта» и так всю оставшуюся жизнь отвечала Клотильда Пальме и Валу, когда те спрашивали: «Как все закончилось?»

Дедуля боролся до последнего вдоха.

Никто из свидетелей не поделился тем, что видел. Или думал, что видел.

Наталь Анжели протягивал руку. Она была в нескольких сантиметрах от Кассаню.

Старик за нее не схватился. И ушел под воду.

66

23 августа 2016

21:30

На карнизе Петра Кода давно не собиралось так много людей.

Ни разу – за последние двадцать семь лет.

Здесь стояли три пожарные машины, две «скорые», четыре микроавтобуса жандармерии, множество туристов, которые, на свою беду, оказались на единственной дороге, соединяющей Аяччо с Кальви. Только несколько мотоциклистов, велосипедистов и любителей вечерних пробежек медленно продвигались вперед, но и они останавливались взглянуть на происходящее.

Катер морской полиции «Зодиак» прочесывал бухту, где исчез Кассаню, но все было тщетно. Спасатели сбросили вниз веревочную лестницу, закрепив ее на стальных скобах, которые врубили в скалу. К тем же скобам стальными цепями надежно пришвартовали «Арион», на борт которого спустили подъемник. Опытные спасатели эвакуировали Валентину с Пальмой.

Под этим почетным эскортом они выбрались на дорогу, где их встретили зеваки, полицейские и близкие. *Пропустите, пропустите.* Девочку и ее бабушку завернули в специальные одеяла. *Все хорошо, все хорошо...* – объявил врач «скорой», похожий на молодого Харрисона Форда, настояв тем не менее, чтобы Валу и Пальму отвезли в Аяччо. Пришли санитары с носилками, водитель выбросил окурок и повернул ключ в зажигании, готовый немедленно стартовать. Пальма с трудом подняла руку. *Осторожно, потихоньку.* Клотильда едва успела обнять дочь и мать. *Позже, мадам, позже.*

Наталь поднялся по лестнице последним, без посторонней помощи. Чезаре Гарсия протянул зятю руку, хлопнул по плечу в знак одобрения: молодец, парень. Мужчинам, совершившим подвиг, выигравшим бой, не нужны слова.

Франк принес из машины свитер и брюки для Валентины, помог надеть кеды.

Аурелия что-то обсуждала с Харрисоном Фордом, вид у нее был профессионально участливый и в меру озабоченный. Клотильда оказалась лицом к лицу с Наталем. Ненамеренно. Он показался ей невероятно беззащитным и трогательным в расстегнутой до пояса ветровке, с мокрыми, падающими на глаза волосами и улыбкой супергероя. Ей захотелось кинуться ему на шею – естественный, понятный порыв, жарко шепнуть на ухо: *Спасибо, спасибо, спасибо. Я всегда знала, что ты поднимешь якорь и «Арион» снова поплывет по морю, что нам. нужно только поставить паруса – и в путь.* Валентина и Пальма спасены и обрели друг друга. Все улажено. Пора отправляться.

Она сделала шаг.

Желание прижаться к Наталю было животным, подсознательным, как будто его сила и спокойствие могли залечить душевные раны.

Аурелия отвернулась от врача и сделала два шага.

Франк сунул одежду дочери в руки проходившему мимо санитару и сделал три шага.

Чезаре Гарсия отступил назад, как арбитр на ринге.

– Наталь! – позвала Аурелия.

Он не двинулся с места.

– Кло! – в спину жене закричал Франк. – Кло!

Она не отреагировала.

– Клотильда, ты нужна Валу.

Она заколебалась.

– Ей нужно... сказать тебе что-то важное.

На остров опускалась ночь. Пожарные разъезжались. Катер морской полиции делал все более широкие круги, собираясь выйти из бухты в открытое море. У Клотильды упало сердце.

Разве можно сейчас покинуть дочь?

Она обернулась.

Валентина и Пальма сидели, сгорбившись под одеялами, в одинаковых белых чалмах из полотенец, и были ошеломляюще похожи.

– Что ты хотела, детка?

– Мама, я... у меня кое-что есть для тебя...

Девочка поднялась – ее качнуло, – вытащила из-под золотистой накидки пакет, засомневалась и наклонилась к бабушке:

– Вот... Отдайте ей сами.

Голос Пальмы дрожал, она говорила отрывисто, тяжело сглатывая между слогами:

– Скажи... мне... ты... ты... где... моя...

Она улыбнулась и приняла на колени пакет, не выпуская рук внучки. Шесть рук, тридцать пальцев соединились, и пакет зашуршал, как смятая бумажная безделушка.

– Это... твоё... – выговорила Пальма.

Бабушка и внучка расплакались.

Клотильда осторожно развернула подарок, не понимая, почему они так разволновались, увидела что-то бледно-голубое, нащупала прямоугольный предмет. Книга, легкая... Нет, не книга, скорее тетрадь.

Ветер подхватил пустой пакет, понес в сторону мыса Ревеллата, и никто не попытался его поймать.

Дневник каникул. Лето – 89

Знакомый почерк.

Она бережно перевернула первую страницу – как археолог найденный в пирамиде папирус.

Понедельник, 7 августа 1989 первый день каникул

Я – Клотильда.

Представляюсь из вежливости, хотя вы вряд ли ответите тем же, ведь я не знаю, кто вы, мой читатель.

Мой избранник на всю оставшуюся жизнь, которому я наутро после первой ночи любви протяну дрожащей рукой дневник юных лет?

Или придурак, случайно нашедший тетрадку, ведь я – растяпа и все время все теряю.

Слезы безудержно лились из глаз Клотильды. Буквы, слова, строчки остались нетронутыми, только страницы пожелтели да уголки загнулись, и дневник стал похож на старинную книгу заклинаний. Ей

на миг показалось, что она встретила с собой. Столкнулась нос к носу с девочкой пятнадцати лет, как это бывает в романах, где две героини проживают разные судьбы и встречаются в последней главе.

– Я спасла его, мама, – с гордостью сообщила Валу. – Спасла!

Теперь они плакали вместе.

Кто-то обнял ее за талию.

Франк.

Она обернулась, приникла к нему, положила подбородок на плечо. Муж мог принять это за проявление нежности, но она смотрела на Аурелию, спрятавшую лицо на груди Наталя.

Клотильда прижала к себе дневник.

67

27 августа 2016

12:00

Лизабетта с усмешкой наблюдала за собравшимися во дворе овчарни Арканю людьми. Полуденное солнце медленно поджаривало принарядившуюся толпу, каждый пытался найти хоть кусочек тени и... не находил. Все попали в ловушку. Кассаню бы это понравилось.

Он всегда терпеть не мог мрачные спектакли, которые до сих пор обожают некоторые корсиканцы, когда облаченные во все черное женщины поют бесконечные горестные гимны и воют. Его сместили попытки отвести, отвадить от дома смерть, задергивая шторы на окнах и закрывая зеркала простынями. Лизабетта обещала, что не допустит ничего подобного.

Она сдержала слово.

Но народ все равно собрался.

Пришедшие молчали и потели, и Лизабетта подумала: «Не ровен час, у каждого под ногами появится лужа, вода сольется в ручейки и потечет в море...»

Двор превратился в адское пекло. Корсика наказывала корсиканцев.

Толпа двигалась медленно, очень медленно.

Гроб несли Орсю и ближайшие кузены Мигель, Симеоне и Тонио. Собравшиеся просачивались наружу, как песчинки в песочных часах, и

отправлялись в долгий путь по тропе, которая вела на кладбище Марконе. Длиннющая черная гусеница ползла вперед по два человека в ряд. Было жарко, дышалось тяжело, и всем хотелось поскорее добраться до отрезка пути над морем, надеясь, что легкий ветерок поможет преодолеть последний километр из трех, отделяющих Арканю от мавзолея Идрисси. Гроб уже внесли на кладбище, а последние участники церемонии еще не тронулись в путь.

В процессии мелькали лица префекта, четырех генеральных советников, семерых членов Ассамблеи Корсики, директора Национального парка... Да, Корсика Кассаню любила пошутить. Чиновники были в тесных рубашках, застегнутых на все пуговицы пиджаках, начищенных до блеска туфлях и обливались потом, завидуя детишкам в шортах, девушкам в коротких платьях и мужчинам в поло с короткими рукавами. Те на похороны оделись, как для игры в шары.

Последняя насмешка Кассаню над приличиями!

Дуб оголился. Лизабетта обдумывала это много лет. Каждый день, глядя из окна кухни на огромное дерево в центре двора, она понимала, что церемония должна пройти так и только так, и попросила Кассаню внести специальный пункт в завещание.

Ни цветов, ни венков.

Для нее и для всех остальных дуб Арканю – дуб полуострова Ревеллата – и Кассаню Идрисси были единым целым. И Лизабетта исполнила задуманное: каждый друг семьи, каждый приглашенный, явившийся отдать последний поклон ее мужу, получил зеленую ветку, чтобы положить на могилу.

Трехсотлетнее дерево стояло голым, как зимой, и напоминало огромный высохший скелет.

Так захотела Лизабетта. Ее не волновали люди, сколько бы их ни пришло. В настоящий траур оденется дерево.

Минует лето, и дуб снова зазеленеет, а Арканю встрепенется и будет жить сотни лет.

Кассаню и древесного патриарха питала сила Идрисси. Так повелось с незапамятных времен и продлится до скончания веков.

Лизабетта с душевным трепетом наблюдала, как тысячи черных муравьев тащат зеленые ветки. Покидая овчарню последней, она взглянула на цветущую клумбу: никто не посмел наступить на ее маленький садик, ни один цветок не был сломан.

«На моих похоронах я, пожалуй, удовольствуюсь одной орхидеей...» – подумала она и пустилась в путь.

Она шла мелкими шажками, а толпа застопорилась уже на первом километре. Те, кто добрался до кладбища, стояли очень плотно, и процессия замерла. Люди расступались перед Лизабеттой и выстраивались вдоль дороги. Это было самое медленное и самое прекрасное ралли Корсики, разве что никто не улюлюкал и не свистел вслед.

Вдова потратила на дорогу час.

Склеп над бухтой Ревеллата был открыт. Вид на море завораживал, но Лизабетта терпеть не могла кладбищенские памятники, особенно монументальные мавзолеи знатных семей. Несмотря на роскошь, греческие колонны или оттоманские купола, они по сути своей были просторными шкафами, где хранились поколения корсиканцев. Однажды она разделит вечность с Кассаню, присоединится к нему на пятой полке справа, считая сверху, под родителями, бабушкой и дедушкой, прабабушкой и прадедушкой, прапрабабушкой и прапрадедушкой. Сыну, Полю Идрисси, недолго осталось ждать свидания с матерью.

Я кладу ее на полку, и она говорит: «Здесь слишком темно...»

Лизабетта покачала головой, гоня прочь глупую детскую песенку.

Она медленно шла к склепу, чтобы первой бросить ветку на гроб, и окружающим казалось, что вдова устала, потому и двигается так медленно. Они ошибались. Хозяйка Арканю повернула голову направо, Сперанца все поняла без слов и подставила ей руку. Она разделит с Лизабеттой честь и тоже первой подойдет к склепу.

Здесь лежит ее дочь Саломе.

Лизабетта посмотрела налево и взглядом, не терпящим возражений, пригласила Пальму присоединиться.

Здесь лежит ее муж.

Три женщины сделали последние шаги, бережно поддерживая друг друга.

Идея примирить Пальму и Сперанцу хотя бы на время церемонии пришла Лизабетте в голову накануне, и она обдумывала ее всю ночь, зная, что сумеет.

Три ветки одновременно полетели вниз и мягко опустились на полированную крышку, как будто дубовый гроб вдруг ожил, расцвел, зазеленел и, если бы его оставили в земле, а не запирали в мраморный шкаф, следующей весной доски превратились бы в ствол, пустили корни, дали желуди, а скопы свили бы гнезда.

Следом подошли Клотильда и Орсю. Судьба воссоединила брата и сестру, усомнившись, что сделала их сиротами. У них была одна ветка на двоих, и Орсю держал ее здоровой правой рукой, а Клотильда – левой. Так влюбленные переплетают пальцы, довольствуясь одним цветком.

Ветки с листьями цвета мха, нефрита, лишайников, опалового стекла ложились друг на друга, бросая вызов всем оттенкам синего Средиземного моря и красным скалам полуострова Ревеллата.

Лизабетта смотрела на дорогих сердцу людей, чья история переплелась с ее историей.

Безутешная Аника долго не отходила от могилы. Накануне на этом же кладбище она похоронила мужа. Народу было раз в десять меньше. Лизабетта долго с ней говорила, посоветовала остаться, не бросать «Эпрокт». *Она подумает, подумает...*

Мария-Кьяра Джордано была очень хороша и выглядела rispetтабельно в черном платье (вырез прикрыт кружевом) и темных очках. Ее сопровождали два телохранителя.

Франк бросил ветку и быстро отошел, чтобы не мешать Валентине. Девочка не плакала. Она застыла на краю могилы и смотрела на гроб, словно пыталась разглядеть свое прошлое. Отцу пришлось увести ее чуть ли не силой.

Последними прощались Аурелия и Чезаре Гарсия. Сержант был единственным, кого избавили от ожидания в Арканю, участия в похоронной процессии и подъема к мавзолею, но его темная рубашка все равно промокла от пота.

Аурелия отпустила руку отца, улыбнулась Лизабетте и перевела взгляд на море.

На кладбище собрались все.

Отказался прийти только Наталь.

Толпа постепенно расходилась. Клотильда крепко обняла бабушку и пошла к скамейке, на которой сидела Пальма. Несмотря на жару, она

накинула на плечи шелковую черную шаль в цветках шиповника. Валентина была рядом, писала кому-то сообщение и думала, что, сидя в заточении, бабушка вряд ли могла узнать о таком потрясающем изобретении, как сотовая связь.

«Мама многого не знает о своей матери, но у них впереди уйма времени, чтобы приручить друг друга. Хотя будет нелегко...»

Обретя свободу, Пальма почти ничего не рассказывала, больше молчала и слушала. Все происходило слишком быстро. Ей было шестьдесят восемь лет, свет, шум, волнение, вопросы утомили ее. Нужно было запомнить столько имен, столько фамилий!

Пальма путалась, забывала, принимала внучку за дочь, как будто время замедлило ход и Клотильда не изменилась.

Но стала похожа на нее.

А той было все равно. В ее душе поселился покой.

– Он... ушел, – сказала Пальма.

«Это она о Кассаню?»

Нет, не о старике. Взгляд ее матери был прикован к маяку, от которого уходил «Арион». За штурвалом угадывалась фигура Наталя Анжели.

– Он... ушел, – повторила Пальма.

Впервые за последние дни она произнесла почти монолог:

– Я много... думала о нем... Мне... было... сорок... когда я попала... в темную комнату... Я была... красивой женщиной... В доме висело зеркало... я заставила себя забыть... Наталя... и больше всего боялась... что он снова... меня увидит... Время жестоко... и несправедливо... к женщинам... Мужчина... пятидесяти пяти лет... не может... любить... семидесятилетнюю... женщину...

Клотильда промолчала.

Сказать было нечего.

Она смотрела и не могла насмотреться на чудесную, самую любимую на свете панораму: Крест австрияков на вершине Капу ди а Вета, цитадель Кальви, «Эпрокт», пляжи де л'Альга и Ошелучча, развалины комплекса «Скала и Море», маяк де ла Ревеллата.

– Смотри, мама, – позвала Валентина, оторвавшись наконец от мобильного.

– Куда?

– В море, сразу за маяком.

Клотильда ничего не увидела.

– На траверзе «Ариона». Четыре черные точки.

Клотильда и Пальма прищурились, вглядываясь.

– Это они, мама! Орофин, Идриль, Галдор и Татиэ. Твои дельфины!

Клотильда изумилась, не понимая, откуда дочери известны эти имена, но тут же сообразила: дневник! Девочка прочла его в «фуэго».

– Я почти уверена, мама! Ничего удивительного, они узнали «Арион».

Могла ли Валу, всегда такая серьезная и рассудительная, нафантазировать подобное?

– Дельфины живут больше пятидесяти лет, – горячилась Валентина, – и у них потрясающая память. Вспомни, мама, что говорили в одном фильме: «Такой длинной любовной памяти нет ни у одного млекопитающего. Они способны узнавать партнеров по голосу через двадцать лет после разлуки».

Как Клотильда ни старалась, не заметила ни одного плавника.

– Ты опоздала, – упрекнула ее Валу. – Они ушли.

Неужели девочка научилась блефовать, прочитав дневник? Валу продолжила, глядя на скалы, нависающие над пляжем Ошелучча, и изображая полную невозмутимость:

– Что теперь будет с развалинами «Скалы и Моря»?

– Не знаю, детка, наверное, останутся тут навсегда.

– Жалко...

– Почему?

Валентина повернула голову к склепу и начала читать имена своих предков, которых триста лет хоронили на острове.

– Жалко, что моя фамилия не Идрисси.

Долгую паузу нарушила Пальма:

– Что... бы... ты... стала... делать... с этой... фамилией?

Валентина взглянула на бабушку, как будто пыталась разглядеть в ней соблазнительную красавицу, описанную в дневнике.

– Ты была архитектором, бабуля?

– Да...

Клотильда повторила вопрос матери:

– Что бы ты делала, Валу, если бы носила фамилию Идрисси?

Валентина еще раз посмотрела на склеп, на море, перевела взгляд на останки комплекса «Скала и Море» и сказала:

– Не дала бы всему этому разрушиться!

Двадцать семь лет спустя

68

– Бабуля, можно поиграть в бассейне?

Она кивнула: «Конечно, милые!» – и подмигнула внукам. Они никогда не спрашивали разрешения у матери. Она всегда и на все говорит «нет».

Слишком холодно, слишком жарко, слишком мокро, слишком опасно.

Их мать – зануда. Самую малость.

– Спасибо, ба!

Феликс и Инес подпрыгнули, обхватили колени руками и плюхнулись в воду. Клотильда перевела взгляд на пляж де л'Альга и мыс Ревеллата. Бассейн нависал над полуостровом. «Турсиопс», дельфиний заповедник, открылся 15 лет назад. Основное здание, администрация, музей, лаборатории и лекционные залы построили из корсиканской сосны, по оригинальному проекту Пальмы. Чудо слияния с естественной средой – самообеспечение энергией благодаря солнцу, ветру и морю – плюс педагогический успех. Фундамент комплекса «Скала и Море» разобрали, а камни Брандо[189] пошли на обустройство дороги и лестниц, ведущих к бассейну и смотровой площадке над дельфиньей бухтой.

– А ты будешь купаться, бабуля?

– Оставьте вашу бабушку в покое! – крикнула детям Валентина и вернулась к колонкам цифр на экране ноутбука.

Клотильда колебалась. Она плавала практически весь год, часто с дельфинами Сирданом и Эолом[190] или морской свиньей по имени Диор Аранель[191], которого спасли из сетей сантурийских[192] рыбаков, а летом – с Феликсом и Инес. Нужно использовать последнюю возможность, ведь через два дня она останется одна, Валентина с детьми вернутся в Париж, в квартиру в модном районе

Берси-Виляж с видом на просторный офис главы семейства. Был конец августа, туристов приезжало меньше, но в коридорах «Турсиопса» не смолкал детский смех. С первых чисел сентября в заповедник регулярно приходили корсиканские школьники. Сама Клотильда не покидала остров с тех пор, как вышла на пенсию.

Она посмотрела на табло над бассейном – время, температура воды, прогноз погоды, – задержалась взглядом на мемориальной деревянной доске, установленной в честь архитектора. Фамилию ее матери обрамляли два цветка шиповника. Именно такой рос вокруг парка и с апреля по июль цвел всеми оттенками розового и сиреневого.

После освобождения Пальма жила одна в темной квартирке в Верноне и почти не выходила из дома. Клотильда боялась, что как только закончится строительство, мать окончательно потеряет желание жить, поэтому звонила каждый день.

Однажды вечером, заехав после работы, она обнаружила Пальму мертвой. Она лежала на кровати и выглядела спящей, спокойной и умиротворенной. Врач сказал, что это случилось несколько часов назад. Клотильда испытала странную смесь печали и облегчения.

Пальма хотела упокоиться рядом с Полем, но в склепе под ее именем уже лежала другая женщина. Было решено переместить тело Саломе Романи на несколько ярусов вниз, к матери. Сперанца испустила последний вздох в мае 2020 года, под зеленым дубом Арканю. Когда ее нашли, рядом стояла корзина только что собранных трав. Сердце Лизабетты внезапно остановилось три месяца спустя – утром, когда она выпалывала крапиву вокруг клумбы с орхидеями.

Клотильда бросила полотенце на шезлонг и пошла к бассейну, без малейшего стеснения демонстрируя окружающим фигуру молодожавой семидесятилетней женщины. Она была вполне довольна тем, как выглядит, и без зависти смотрела на идеальные тела молодых туристов, которые читали, спали или целовались с друзьями на шезлонгах. «Жить, – думала она, – значит наслаждаться красотой мира, его гармонией и поэзией, любоваться, пока есть возможность. Люди не умирают, они слепнут. Мы понимаем, что все кончено, когда чудеса вокруг нас блекнут...»

Сегодня мир сверкал всеми красками. В нижнем бассейне с видом на Средиземное море проводили время Эол, самый молодой из дельфинов, и светловолосый мускулистый ангел по имени Маттео. Его

спокойная грация повторяла хореографию движений Эола. У Маттео был хрустальный смех Маленького принца. Впервые Клотильда услышала его лет десять назад: мальчик сидел на пляже, читал «Гарри Поттера» и смеялся. Она тогда рассказала племяннику, что его отца когда-то дразнили Хагридом! Теперь никто бы не осмелился назвать так Орсю, серьезного и уверенного в себе директора кемпинга «Эпрокт».

Клотильда попробовала ногой воду. У бортика, в шезлонге под зонтом, сдвинув шляпу на нос и прикрыв лицо раскрытой книгой, спал Наталь. Ей ужасно захотелось обрызгать его водой. Попросить Феликса и Инес, чтобы помогли вытащить из-под него шезлонг и спихнуть в бассейн.

Через несколько месяцев после совершеннолетия Валентины Клотильда рассталась с Франком. В январе 2020-го они подписали документ о расторжении брака – по взаимному согласию, сэкономив на адвокатах. Остаток зимы, всю весну, весь июль она мечтала об одном – вернуться на Корсику и снова увидеть Наталя. Она была свободна. «Арион», заповедник, дельфины – все могло осуществиться благодаря деньгам Лизабетты, проектам Пальмы и маркетинговому таланту Валентины, которая поступила в Высшую школу коммерции.

Новость о намерениях Клотильды дошла до острова, и она получила длинное письмо от Аурелии. «Если ты вернешься и Наталь захочет уйти к тебе, я не стану его удерживать... – писала она. – Отпущу, хотя продолжаю любить. Отпущу, хотя искренне верю, что была ему самой лучшей женой. Отпущу, хотя все эти годы защищала мужа от призраков и ходила вокруг него на цыпочках, после того как он вернулся к жизни. И пусть Наталь никогда меня не любил – с другой он не стал бы счастливее...»

Многовато «хотя», вам так не кажется?

Клотильда знала, что Аурелия права... Она координировала проект Наталя и фактически вопреки ему построила «Туриопс». Наталь мечтал о заповеднике, но был слабоволен, и ему не хватало энергии. Любовник он потрясающий, но человек невыносимый. Забрасывал ее пламенными письмами, а потом пропадал на долгие месяцы. Давал обещания, клятвы – и тут же забывал их... Любовь прошла. Наталь останется ее другом и сообщником, но любить его... Нет, увольте, пусть уж Аурелия несет вахту! После развода у Клотильды было несколько любовников – красивых, умных, блестящих мужчин. Женатых французов.

Иностранцев. Если случилось так, что 23 августа при ней кто-то был, они ехали в *Casa di Stella* и всю ночь предавались любви под звездами.

– Осторожно, бабуля!

Клотильда вздрогнула и подняла глаза к большому трамплину. Наверху, на фоне ярко-синего ясного неба, стояла женщина.

Вокруг бассейна замерли перепуганные туристы.

Тело вошло в воду практически без брызг.

Великолепный прыжок. Профессиональный. Прыжок сирены.

Мария-Кьяра вынырнула через несколько секунд. Семидесятилетняя ундина была в белом полупрозрачном купальнике, обтягивающем великолепную грудь.

Феликс и Инес заплодировали. Они обожали тетушку Марию.

Клотильда расхохоталась. Они с Марией-Кьярой очень подружились. Итальянка любила рассказывать, что ежегодно, перед летним сезоном, «подкачивает сиськи». Когда она умрет, ее положат в гроб, но крышку закрыть не смогут – помешает силикон!

И чтобы никаких стенаний в день похорон.

Она поправила купальник на глазах у изумленных мужчин и их шокированных жен.

Время – убийца.

Иногда у него есть смягчающие обстоятельства.

– Ты идешь, бабуля? – во все горло закричали Феликс и Инес.

Клотильда улыбнулась и погрузилась в сладкую меланхолию, глядя, как замечтался Наталь, как корпит над счетами Валентина, а Мария-Кьяра подмигивает красавчику Маттео.

Sempre giovani.

*От всей души
благодарю
режиссера Люка
Бессона и студию
«Гомон»*

Мишель Бюсси

И все-таки она красавица

Michel Bussi

On la trouvait plutôt jolie

© **Michel Bussi et Presses de la Cité**, un département de Place des Editeurs, 2017

Книга издана при содействии Литературного агентства Анастасии Лестер

В оформлении использован фрагмент картины Джона Джеймса Одюбона (1785–1851)

Cet ouvrage, publié dans le cadre du Programme d'aide à la publication Pouchkine, a bénéficié du soutien de l'Institut français en Russie

Издание осуществлено в рамках программы содействия издательскому делу «Пушкин» при поддержке Французского института в России

Новая детективная драма самого популярного детективщика Франции

Новый детектив Мишеля Бюсси сразу после выхода возглавил во Франции все списки бестселлеров. С Бюсси уже несколько лет может конкурировать по популярности только Гийом Мюссо, но все отмечают, что по части сюжетных хитросплетений Мишель Бюсси вне конкуренции.

Красавица Лейли когда-то перебралась из Африки в Марсель, где и живет уже много лет. Жизнь Лейли полна проблем и трудностей, но все это ничто по сравнению с тем, что ей довелось испытать в прошлом. Главное для Лейли – ее трое детей, ради которых она готова на все. Она умна, трудолюбива, обаятельна и очень красива – с такими данными даже эмигрантка из Африки может вырваться из бедности. Вот только

сделать это Лейли не позволяет тайна, похороненная в прошлом, а также сокровище, которое она надежно спрятала в месте, известном только ей. Сокровище, которое нельзя использовать, можно лишь хранить и молчать о нем. Лейли привыкла к трудной, но размеренной и спокойной жизни, она ее не тяготит. Но однажды в отеле, предназначенном для чувственных развлечений, происходит убийство, странное и театрально обставленное. Убит менеджер компании, занимающейся помощью иммигрантам в Европе. Видеокамера перед входом в отель зафиксировала девушку, входящую с убитым в холл. Девушка закутана в платок, видны лишь одни глаза, но очевидно, что она красива, очень красива... С этой ночи Лейли и ее трое детей оказываются в самом центре криминальной головоломки, мастерски сооруженной Мишелем Бюсси. Новая детективная драма самого популярного сегодня детективщика Франции буквально затягивает в себя, заставляя переживать за Лейли и пытаться распутать с ней сложную загадку.

Очень красивый и очень вдумчивый роман. Мишель Бюсси вышел на новый уровень: сохранив свою фирменную заковыристую детективную интригу, расставив тут и там зеркала, ложные приманки, неявные подсказки, он в то же время погружает читателя в напряженную психологическую драму и поднимает очень важный и непростой вопрос, тревожащий сегодня многих.

Les lectures de l'oncle Paul

В центре едва ли не всех романов Бюсси находится женщина, мать, тревожащаяся за своих детей, готовая бороться за них всеми правдами и неправдами. Такова и красавица Лейли из новой книги – она жертвует всем, что у нее есть, чтобы у ее детей было будущее. Но у Лейли есть секрет, из-за которого завертится совершенно невероятная детективная интрига.

RTL

Мишель Бюсси сделал впечатляющий шаг вперед, его новая детективная драма увлекает не только напряженностью и сложностью интриги, но и глубиной поднимаемых проблем.

Le Figaro

Читатель детективов обычно не рассчитывает на тонкость, нежность, а главное на глубину проработки деталей и характеров. Все герои Бюсси, даже эпизодические, выглядят невероятно рельефными и настоящими. Не перегружая повествование и не отвлекая читателя от сюжета, Бюсси ухитряется в то же время создать внутри своего романа плотный и живой мир, который можно потрогать, рассмотреть с разных сторон, понюхать, в конце концов. Мир, который пугает, умиляет, волнует и трогает. И это весьма неожиданное для криминального романа свойство переводит книгу Бюсси из хороших детективов в разряд детективов по-настоящему выдающихся.

Галина Юзефович, «Медуза»

Нежная, но бурная криминальная драма.

Julie Malaure

Подсказки в этом детективе расставлены повсюду, до самой последней страницы, но финал все равно читателя ошеломит. Очарования книге придает Лейли, именно она настоящая загадка.

Le Point

Мишель Бюсси (1965 г.) преподавал географию в университете Руана, когда написал свой дебютный роман о высадке союзных войск в Нормандии. Рукопись отклонили все издательства, но неудача не расхолодила начинающего писателя. Еще десять лет Бюсси, по сути, пишет в стол, уверенный, что его час пробьет. И он не ошибся. В дни, когда во всех книжных магазинах виселись пирамиды из «Кода Да Винчи» Дэна Брауна, Мишель Бюсси оказался в Риме. И там его вдруг осенило – он переключится на детективы. Результатом этого внезапного решения стал «Кодекс Люпена» – роман, в котором Бюсси возродил классического французского сыщика. Произошло это как раз в год

столетнего юбилея Арсена Люпена. Книгу ждал огромный успех. С тех пор Мишель Бюсси пишет детективы. И не просто пишет, а весьма успешно. Сегодня он один из самых авторитетных и популярных детективщиков Франции – после оглушительного успеха романа «Самолет без нее». С того момента Бюсси получил уже 15 литературных премий. В 2015-м году, когда вышел роман «Пока ты не спишь», Мишель Бюсси и вовсе стал безоговорочным номер один в детективном жанре и вошел в тройку самых продаваемых авторов во Франции (более 1 000 000 экземпляров), и это при том, что опередили его писатели, в портфеле которых куда больше книг, чем у Мишеля Бюсси. Следующий роман «Время-убийца» закрепил статус Бюсси как детективщика № 1 во Франции. Новый роман «И все-таки она красавица» в первую же неделю после выхода возглавил все списки бестселлеров. В этом романе Бюсси раздвинул детективные рамки, по сути. Придумав, новый и крайне необычный детективный трюк. Но в то же время, роман выходит за границы жанра, это прекрасная психологическая и социальная драма. Во Франции Мишеляю Бюсси сравнивают с мировой детективной звездой Ю Несбе – только в отличие от Несбе, в книгах Бюсси нет поэтики насилия и, его детективные истории мягкие, краисвые, почти нежные. Несмотря на то что Бюсси – настоящая звезда во Франции, он ведет очень скромный образ жизни, живет там же, где жил, будучи простым преподавателем, – в небогатом пригороде Руана, общается в основном со старыми друзьями и ходит в тот же спортклуб, который посещал и прежде.

И все-таки она красавица

*Через четыре
горизонта,
Что мир распяли...*

*Жорж Брассенс /
Франсис Жамм.
Молитва*

*Возможно, ты
скажешь, что я
мечтатель,
Но я такой не один.
Надеюсь, однажды
ты будешь с нами,
И мир станет един.*

*Джон Леннон.
Представь себе*

– Что-то не так, Лейли? Вы красивы. У вас трое очаровательных детей. Бэмби, Альфа́, Тидиан. Вы выпутались из трудного положения.

– Неужели? Ерунда все это. Ветер. Пишик. Нет, мы вовсе не милая семейка. Не хватает главного.

– Папы?

– Да нет, что вы! Без папы – одного или нескольких – мы легко обходимся.

– Так чего же вам недостает?

Глаза Лейли приоткрылись, как шторы, которые впускают солнечный луч, и он освещает темную комнату, обращая пылинки в звезды.

– Какая бестактность! Мы едва знакомы, так с чего вы взяли, что я открою вам свой главный секрет?

Он не ответил. Шторки женских глаз сомкнулись, погрузив альков в сумрак. Она повернулась к морю и выдохнула дым, чтобы омрачить облака.

– Это даже больше чем секрет, мой маленький любопытный мсье. Это проклятие. Я – плохая мать. Мои дети обречены. Я могу только надеяться, что хоть один из них – всего один! – ускользнет из-под власти злых чар.

Она закрыла глаза.

– А кто навел эти чары? – спросил он.

За закрытыми «ставнями» век сверкнула молния.

– Вы. Я. Весь свет. В этом деле нет невиновных.

День печали

1

Баржа бесшумно скользила по воде под автобусом № 22.

Лейли сидела, прислонившись лбом к стеклу, в третьем ряду от водителя, смотрела, как медленно удаляются пирамиды белого песка, и думала: «Ну вот, теперь они крадут наш песок... Все остальное уже захапали, теперь забирают пляж, песчинку за песчинкой».

Автобус пересек канал Арль-Бук и продолжил подъем по авеню Мориса Тореза. Мысли в голове Лейли едва шевелились. Она всегда представляла себе этот канал как расходящийся шов, а городок Пор-де-Бук – как медленно дрейфующий в сторону моря клочок земли, отделенный от континента узким двадцатиметровым проливом. Завтрашним океаном.

«Не идиотничай...» – урезонила себя Лейли, а автобус уже ехал по объездной дороге, – четырехполосному национальному шоссе № 568. Нескончаемый поток машин отделял Пор-де-Бук от остального мира еще надежнее канала с его ленивыми баржами и лесистыми берегами. Часовая стрелка еще не доползла до цифры семь, а новый день уже начался, приоткрыв один темный глаз. Бледный свет фар встречных машин освещал лицо Лейли, преломляясь через стекло. В кои-то веки она казалась себе красивой. Результат стоил приложенных усилий. Она поднялась в шесть утра, чтобы вплести в косички разноцветные бусины, как это делала ее мать Марем в Сегу[1] летом, под палящим солнцем, у реки.

Лейли хотела выглядеть соблазнительной – это было важно. Патрис, то есть мсье Пеллегрен, сотрудник, занимавшийся ее досье в Бюро по предоставлению социального жилья за умеренную арендную плату, был равнодушен к ее ярким краскам. К улыбке. К жизнерадостности. Пёльскому[2] происхождению. Смешанной семье.

Автобус № 22 свернул на проспект Группы Манушьяна[3], идущий мимо городка Агаш.

Ее семья. Лейли сняла солнечные очки и аккуратно разложила на коленях фотографии. В деле обольщения Патриса Пеллегрена они такое

же важное оружие, как женское обаяние. Она тщательно отобрала снимки Тидиана, Альфа́, Бэмби и квартиры. Интересно, Патрис женат? Есть ли у него дети? Можно повлиять на этого мужчину? И если да, насколько он влиятелен?

Автобус № 22 вез Лейли к месту назначения, виляя между гигантским «Карфуром», «Квик бургером» и «Старбаксом». За несколько месяцев, прошедших с последнего визита в агентство, появилось штук десять новых вывесок: белые рога гриль-бара «Буффало», оранжевый цветок магазина «Страна садов»; пирамидальная крыша отеля «Ред Корнер». С фасада мультиплекса из стекла и стали на Лейли смотрел гигантский Джонни Депп в образе капитана Джека Воробья, и ей вдруг показалось, что у них одинаковые прически.

Все здесь было похоже, и все походило на другие места.

Автобус спустился к каналу Каронте, соединяющему лагунное озеро Бер с заливом Фос в Средиземном море, и оказался на улице Юрди-Милу. Здесь и располагалась контора Патриса Пеллегрена. Лейли последний раз взглянула на свое отражение. Робкий свет дня потихоньку стирал ее призрак в стеклянном зеркале. Она должна убедить этого человека, что не может жить в этом бездушном обезличенном месте. Внушить ему, что Лейли одна такая на свете, только и всего. Черт, а он Патрис или нет?

2

06:49

Бэмби стояла перед Франсуа.

Специальная система зеркал номера «Шахерезада» в отеле «Ред Корнер» множила углы обзора, как если бы десять камер снимали и проецировали ее изображение на стены и потолок со спины, снизу и анфас.

Франсуа никогда не видел подобной красавицы.

Во всяком случае, не в последние двадцать лет. С тех пор как он перестал мотаться по миру и покупать за пару баксов тайских и нигерийских проституток. Почти все они могли бы побеждать на конкурсах красоты, предоставь им судьба шанс родиться «по другую

сторону панели». Франсуа остепенился, женившись на Солен, у них родились Юго и Мелани, он построил дом в Обани[4], каждое утро повязывал галстук и отправлялся на работу проверять счета компании «Вогельзуг»[5], а в командировку за границу ездил два раза в год. Не дальше Марокко и Туниса.

Франсуа посчитал в уме месяцы: он около года не изменял Солен. Сам не заметил, как стал верным мужем. В «Вогельзуг» работали ярые сторонники режима секретности, и теперь он редко видел девушек легкого поведения, демонстрирующих соблазнительные изгибы и округлости.

И еще реже обнимал их.

Девушку звали Бэмби. Пёльское имя. Двадцать четыре года, тело африканской принцессы. Пишет диссертацию по антропологии и миграционным потокам. Они встретились случайно. Франсуа входил в группу из пятидесяти специалистов, регулирующих жизнь иммигрантов. Пятьдесят часов разговоров, записанных на диктофон (в том числе с ним плюс часовой монолог в кабинете «Вогельзуг»), оживленных легким флиртом.

Бэмби показалась Франсуа очень увлеченной, он давно не путешествовал налегке, беззаботность молодости уступила место опыту, силе, успешности, умению соблазнять, и он помог ей дельными замечаниями. Она прислала исправленный текст, и две недели спустя они снова встретились и долго разговаривали – на сей раз под запись, а прощаясь, позволили себе долгое объятие. *Позвоните мне, если будет желание...*

Очаровательная докторантка позвонила. Сказала, что ужасно занята – диссертация, практические занятия на факультете, – так что времени на бойфренда нет, поэтому... не будем терять время.

Получилось удачно: Франсуа придерживался той же философии.

Не будем терять время.

Приезжайте сюда, в «Ред Корнер», что на углу.

Войдя в номер, Франсуа сразу улегся на кровать, изображая внезапную усталость из-за трех стопочек водки, выпитых в баре на первом этаже. Не будем терять время? Пришлось потратить немало часов, чтобы приручить красавицу.

Бэмби присела рядом на корточки – без ложной застенчивости, но с обезоруживающей нежностью – и почесывала ему шею, как коту.

Парео из набивного хлопка цвета солнца, доходившее до лодыжек, оставляло открытыми смуглые плечи и глубокое декольте. Маленький серебряный кулон прятался под эластичной резинкой.

– Это птица?

– Сова. Хотите взглянуть?

Девушка медленно потянула яркое одеяние вниз, к холмикам груди, и рывком сдернула до талии.

Белья она не носила...

Вырвавшаяся на свободу плоть была великолепна, волшебна, а в ложбинке подрагивала маленькая сова.

Солнечное платье щекотало пупок, облегалo бедра. Бэмби поднялась, провела пальцем по шее Франсуа до первой пуговицы рубашки и скользнула ладонью ниже, ниже – к ширинке. Девчонка решила свести его с ума!

Франсуа не останавливало, что она чуть моложе его дочери. Он знал, что все еще привлекателен, а седина действует магнетически. Не забывал он и про обаяние денег.

Интересно, у нее есть корыстный интерес?

Тело Бэмби колыхалось перед ним. Она улыбалась. Играла, как бабочка, готовая в любое мгновение вспорхнуть. Франсуа заставил себя успокоиться, чтобы не наброситься на девушку, поймать ее ритм. Возьмет ли она деньги? Нет, конечно нет. Проще всего будет увидеться еще раз. Встречаться время от времени. Обращаться с ней как с принцессой. Подарок. Ресторан. Отель получше загородного «Ред Корнер». Он обожал умных красавиц, считал, что они добрее других девушек. Чужая зависть кого угодно заставит стать идеальной подругой. Никто не хочет быть «побитым камнями», уж лучше научиться скромности как средству выживания.

Мало кому из мужчин выпадает привилегия касаться ангелов.

У него мягкий голос, он любит поговорить. Больше всего ему нравится слушать себя.

Его жену зовут Солен. Их маленькой дочке Мелани исполнился год.

На левом соске у него маленький шрам в форме запятой.

Бэмби погладила подушечками пальцев кожу вокруг сосков, и Франсуа возбуждился еще сильнее. Она долго ласкала его и впервые позволила на несколько секунд коснуться своей груди, но сразу отпрянула, как будто обожглась.

Франсуа предпочел думать, что она хочет продолжить игру. Бэмби с вызовом посмотрела ему в глаза, нарочито медленно повернулась:

– Принесу воды...

Руки Франсуа осиротели, зато взгляд воспламенился. «Прояви терпение, дружок, – мысленно призвал он себя, – и будешь вознагражден!» Первым усладило зрение: Бэмби на ходу опустила парео еще ниже, прошла мимо витражного окна – на коже отразилась россыпь цветов – и через мгновение вернулась со стаканом. Франсуа ощутил волну тяжелого аромата.

– Нравится? – Голосок Бэмби прозвучал по-детски наивно.

Франсуа сел, подложив под спину подушку. У него был фирменный секрет – он никогда не строил из себя самца-победителя, особенно если был уверен, что уже покорило сердце женщины.

Он смотрел на девушку с обожанием и восторгом, как на заветный подарок, и изображал смущение.

– Красавица моя, ласточка моя бархатная, зачем тебе такой старик, как я?

– Замолчите, Франсуа.

Бэмби подошла совсем близко. Она была обнажена, только на волосах остался прозрачный шарф. Помнится, в их первую встречу Франсуа подумал, что такое покрывало не вписывается в образ «освобожденной» студентки. Бэмби расхохоталась:

– Разве я не кажусь вам красивой?

Бессовестная кокетка права. Шарф вуалью скрывал овал лица, затеняя круглые скулы, как дорогая рама, позволяющая сконцентрировать взгляд на шедевре – удлиненных, как листья оливы, глазах, двух перламутровых лодочках, уносящих в ночь между тростинками ресниц две черные, с медовым отблеском, жемчужины.

Комнату заполнял пряный аромат. Из скрытых в стенах динамиков лились восточные мелодии. «А нет ли тут видеокамер?» – встревожился Франсуа.

Бэмби плавно двигалась в такт музыке, зазывно вращала бедрами, внушая Франсуа уверенность, что он вот-вот насладится ее телом, а она станет инструментом в его руках. Бесценным инструментом, на котором позволено играть редким виртуозам.

– Я вам нравлюсь только из-за красоты.

Тембр голоса – «маленькая девочка»... Неотразимый. Не гортанный, без хрипотцы, как у исполнительниц госпела.

– С других сторон я тебя пока не знаю.

– Ну так закройте глаза.

Франсуа не послушался.

Бэмби медленно стянула с головы шарф. Длинные черные волосы были заплетены в косички.

– Хочу, чтобы вы любили меня с закрытыми глазами.

Девушка забралась на кровать и, мгновенно отринув стыдливость, оседлала Франсуа, так что он уперся взглядом в ее груди и ощутил мускусный запах женственности. Кожа Бэмби пахла вусуланом[6] – молодые малийки пропитывают этим благовонием одежду и волосы, втирают в тело, чтобы околдовать возлюбленного.

– Хочу, чтобы вы любили меня на ощупь.

Ладно... Франсуа принял игру. Ему не впервой заниматься любовью с повязкой на глазах. Вначале они с Солен часто это практиковали, но больше так не делают. Поэтому он сегодня здесь. Только поэтому. Франсуа опустил веки, Бэмби завязала ему глаза, и он попытался лизнуть ее соски, обхватив грудь ладонями.

– Ведите себя хорошо, господин администратор! – произнесла Бэмби.

Тонкие пальцы сомкнулись на запястье Франсуа, как если бы он, подобно мальчишке-шалуну, пытался стащить конфету из коробки.

Щелк.

Он понял не сразу, потом рефлекторно дернулся, чтобы сдвинуть повязку, не сумел дотянуться и осознал, что Бэмби затеяла игру с единственной целью – приковать его наручниками к кровати. Значит, она готовилась и заранее прикрепила их к прутьям спинки, спрятав за подушками.

Девушка все спланировала... Проклятье... Что ей нужно?

– Будьте благоразумны, мой авантюрист, игра только начинается.

Она прижалась к нему, окутав облаком аромата, и Франсуа успокоил себя: «Да, это игра, и оччень будоражащая!»

Чего добивается малышка? Он поступил правильно, взяв с собой всего двести евро. Или она задумала шантаж? Ну вперед, крошка! Мелани и Юго совершеннолетние, будет хороший повод расстаться с Солен.

В свои сорок девять лет Франсуа перестал рисковать, обрел столь желанное чувство равновесия и теперь даже радовался приключению, пока... не почувствовал боль в руке.

Укол! В вену! Мерзавка что-то ему ввела!

Франсуа запаниковал, потянул за наручники, хотел было закричать, но вспомнил, что все номера в треклятом отеле отделаны звукоизолирующим материалом, чтобы парочки не раздражались, сравнивая число и силу оргазмов соседей со своими собственными подвигами.

Нет, Бэмби ничего ему не вливала – ощущение было другое... Она взяла у него кровь!

– Долго ждать не придется, – успокоила его Бэмби, – всего несколько минут.

Франсуа показалось, что время остановилось.

– Бэмби?

Никто не ответил, но ему почудился плач.

– Бэмби?

Он начал терять ощущение времени. Сколько минут прошло? Он один в этом номере? Пора плюнуть на приличия и позвать на помощь. Придется краснеть, объясняться, спокойный мирок Солен рухнет, а Мелани узнает, что любимый папочка спал с ее ровесницей. О которой ничего толком не знал. Неужели проклятая девка с самого начала манипулировала им и все наврала? Только последний болван мог поверить, что такое сексапильное существо пишет диссертацию!

Он открыл рот и тут понял, что рядом кто-то есть.

Попробовал сосредоточиться, уловить запах Бэмби, но терпкие ароматы номера «Шахерезада» перебивали все остальные. Франсуа вслушался. Что это – звук шагов? Дыхание? Шорох висящей на шее цепочки с кулоном? Мелодия уда[7] заглушала все на свете.

– Бэмби?

Он почувствовал укол в запястье и легкую боль, так бывает, когда порежешься при бритье. Теплая жидкость потекла по правой руке. Кто-то с ловкостью цирюльника перерезал Франсуа вены.

8:30

Стулья, расставленные в длинном коридоре перед каждой дверью, напомнили Лейли бесконечное ожидание во время встреч родителей с преподавателями в школе и коллеже. Она часто появлялась последней, договариваясь на самое позднее время, больше часа ждала в одиночестве, после чего математик или англичанка уделяли ей две минуты: им не терпелось пойти домой. Так было с Бэмби и повторилось с Альфá. Одиночество в коридоре, как сегодня утром.

Бюро недвижимости откроется только через полчаса, но Лейли пустили внутрь, ни о чем не спросив. До девяти утра и после шести вечера чернокожие уборщицы в стеклянных кабинетах офисных зданий напоминали работающих посменно призраков. Лейли хотела оказаться первой. В половине девятого из лифта вышел Патрис Пеллегрен. Он выглядел так, словно не понимал, как оказался в этом бесконечном коридоре.

– Мадам Мааль? – удивился он. – Я начну прием только через полчаса!

Лейли взглядом дала понять: «Что вы, что вы, ничего страшного, не извиняйтесь, у меня полно времени!»

– Э-э, ну что же, простите... – мямлил чиновник, – схожу за кофе.

Лейли одарила Пеллегрена лучшей из своих улыбок.

– Возьмете мне круассан?

Он вернулся через десять минут, неся на картонном подносе два эспрессо, пакет с булочками, две бутылки сока, масло, джем и свежий хлеб.

– Входите, раз уж вы здесь. Позавтракаем вместе.

Улыбка Лейли, теплые цвета ее африканской туники и бусинки в косичках явно сработали. Она решила не признаваться, что пьет литрами чай и никогда – кофе. Дерзость – опасное оружие, его следует применять с осторожностью.

Она обмакнула круассан в чашку, надеясь, что он впитает всю жидкость. Через панорамное окно открывался потрясающий вид на Пор-де-Бук, дома, торговые центры и щупальца дамб, связывающих полуостров с континентом. Фонари гасли, мигали светофоры, зажигался свет в окнах.

– Я люблю вставать раньше всех, – тихонько произнесла Лейли. – Когда приехала во Францию, каждую ночь убиралась на верхних

этажах Башни[8] в Евромедитеране – деловом квартале Марселя. Мне там ужасно нравилось. Я как будто сторожила город, видела, как он просыпается, как загораются первые окна, идут по улице первые прохожие, фырчат первые автобусы, как начинаются новый день и новая жизнь. А у меня все наоборот – я собираюсь лечь спать.

Пеллегрен на мгновение задержался у окна.

– Я живу в Мартиге – на другой стороне канала, в одноэтажном доме. Вижу только растущие вокруг туи.

– Зато у вас есть сад.

– Да... Но выхожу я очень рано, чтобы успеть до пробок, закрываюсь в кабинете и читаю дела.

– Если не является надоедливый арендатор.

– Я всегда рад компании!

Патрис Пеллегрен: 40 лет, лишний вес, жена. Заарканив такого мужчину, за него выходят замуж и сразу рожают одного-двух детишек, чтобы «застолбить место» навечно. Такие мужчины если и говорят любезным тоном с девушкой, то совсем необязательно кадрят ее в этот момент.

– А я живу там. – Лейли показала на восемь белых башен квартала Эг Дус, стоящих лицом к Средиземному морю, как «сахарные» кости домино.

– Знаю... – ответил чиновник.

Они доели, и Пеллегрен переместился в деловую часть кабинета, достал папку и указал Лейли на стул напротив. Их разделял уродливый стол из лакированной сосны. Переменка закончилась.

– Итак, мадам, что я могу для вас сделать?

– Я не расскажу вам ничего нового, мсье Пеллегрен. Вы ведь знаете типовые квартирки *F1*, они все одинаковые: в двадцать пять квадратных метров втиснуты гостиная-кухня и спальня. Вчетвером очень тесно.

Она придвинула к Пеллегрену фотографии: диван, который каждый вечер превращается в ее кровать; детская, где спят Бэмби, Альфа́ и Тидиан.

Повсюду лежала одежда, громоздились стопки книг и тетрадей, валялись игрушки. Лейли потратила не один час, выстраивая композицию так, чтобы все выглядело естественно и Патрис Пеллегрен

проникся важностью ее дела, осознав, какая она хорошая мать и организованная чистюля, а единственная ее проблема – теснота.

Патрис рассматривал снимки участливо и вроде бы заинтересованно.

Солнце неожиданно перешагнуло через высокий силуэт мультиплекса из рифленого листового железа, и его лучи уподобились будильнику, извещающему, что новый рабочий день начался. Лейли почти машинально достала из сумки темные очки.

– Солнце вам мешает?

Он опустил жалюзи, и Лейли оценила этот жест. Она часто надевала очки (у нее была целая коллекция – не дороже пяти евро за пару), даже если солнце скрывали облака. Люди реагировали по-разному. Те, кто поагрессивней, принимали ее за воображалу, впавшие в депрессию считали несчастной. Лейли не обижалась – разве они могли догадаться?

Пеллегрену она казалась эксцентричной. Кабинет погрузился в полумрак, и женщина сняла очки.

– Понимаю, мадам Мааль. Но... – Он бросил взгляд на высокую стопку разноцветных папок, в каждой лежало заявление с просьбой предоставить квартиру в муниципальном доме с умеренной квартплатой. – Сотни семей, подобных вашей, ждут очереди на жилье.

– Я нашла работу, – сообщила Лейли.

Патрис Пеллегрен расцвел улыбкой.

– Постоянный трудовой договор в отеле «Ибис» в Пор-де-Буке, – уточнила она. – Уборка спален и столовых – как раз то, что я больше всего люблю! Начинаю сегодня после обеда. Так что если найдете мне квартиру побольше, я смогу за нее платить. Хотите посмотреть договор? – Она протянула чиновнику листок.

Пеллегрен вышел сделать копию, вернулся и отдал документы Лейли.

– Не уверен, что этого достаточно, мадам Мааль. Очко в вашу пользу, но... – Еще один взгляд на папки. – Я... пришлю сообщение, если будут новости.

– Вы и в прошлый раз так сказали, а я все жду и жду!

– Знаю... Э-э-э... Какая площадь вам требуется в идеале?

– Как минимум пятьдесят квадратных метров...

Он молча записал.

– В Эг Дус?

– Все равно, лишь бы получить квартиру побольше.

Лейли не могла угадать, воспринял ли он ее просьбу всерьез. Он сейчас напоминал отца семейства, который невозмутимо заносит в список рождественских подарков самые нахальные просьбы своих детей.

– Тяжело вам живется в Эг Дус?

– Пляж и море помогают терпеть.

– Понимаю...

Участливость Патриса показалась ей искренней. Он сдержался, не взглянул в сторону папок, и Лейли пришло в голову, что он может проделывать этот номер со всеми посетителями, а в проклятых картонных обложках нет никаких заявлений.

Он понимал – конечно, понимал, этакий господин Малоссен[9], переведенный в ведомство, распределяющее муниципальное жилье. Лейли накрутила косичку на палец.

– Спасибо. Вы милый, Патрис.

– Э... Меня зовут Патрик. Ничего страшного... Вы тоже очень...

Лейли не позволила ему договорить:

– Вы милый, но я предпочла бы мерзавца! Выдала бы номер с обольщением, чтобы он переложил мое дело наверх, напряг секретарей, поспорил с патроном. А вы слишком честный. Глупо, что мне достались именно вы...

Лейли выпалила обвинительную речь с обезоруживающей улыбкой. Патрик Пеллегрен замер с зажатой в пальцах ручкой, потом рассмеялся, решив, что она пошутила.

– Я сделаю все, что смогу. Обещаю.

Патрик выглядел таким же искренним, как Патрис. Чиновник встал, и Лейли поняла намек. Он посмотрел на очки-сову у нее на лбу и улыбнулся.

– Они ваше олицетворение, мадам Мааль. Приходите на рассвете. Терпеть не можете солнце. Вы – ночная птица?

– Была такой. Очень долго.

Взгляд Лейли затуманился.

Патрик Пеллегрен поднял штору, впустив в кабинет яркий средиземноморский свет. Лейли вернула очки со лба на нос и вышла.

Патрик Пеллегрен закрыл досье «Лейли Мааль», протянул руку, чтобы положить его на сотню папок (через три дня их должна рассмотреть паритетная комиссия), и замер. К слову сказать, свободных квартир будет не больше десяти, так что все решится быстро.

Делом Лейли займутся через много месяцев, и ее новая работа роли не сыграет. Патрик не желал подкладывать ее заявление к другим, это было все равно что зачислить Лейли в армию безымянных матерей-одиночек, приехавших из Африки и работавших на износ, чтобы иметь крышу над головой, одежду и еду для своих детей.

Лейли Мааль уникальна.

Патрик посмотрел в пустую кофейную чашку, перевел взгляд на чашку клиентки, заполненную мерзкой серой массой размокшего круассана.

Лейли ни на кого не похожа.

«Красива ли она?» – спросил себя Патрик.

Безусловно. А еще живая и резвая, у нее неумная фантазия, но глаза выдают груз тяжело прожитых лет, а яркая туника скрывает усталое тело, не доверяющее ни одному мужчине.

Может, он фантазирует? Черт его знает... Больше всего Патрика мучил другой вопрос: насколько искренна Лейли Мааль?

В окно было видно, как она ждет под козырьком остановки «Юрди-Милу» и через несколько минут села в автобус № 22, набитый, как клетка с курами, которых везут на рынок. Патрик смотрел вслед автобусу до угла Морского бульвара. Он не понимал, почему так сочувствует простой и такой естественной женщине, в которую мог бы даже влюбиться, хотя был уверен, что правды она ему не сказала.

Он долго наблюдал за грузовиками, деловито катившими вдоль канала Каронте, потом встряхнулся и закрыл папку. К концу дня сверху лежали девяносто девять других.

Майор Петар Велика осматривал номер «Шахерезада» со смесью растерянности и отвращения. На кровати лежал голый мужчина; недвижимый, холодный, обескровленный труп казался высеченным из камня. Белизну тела оттеняли красные простыни, персидские ковры, красновато-коричневые, с золотистым отливом, драпировки стен. Взгляд майора задержался на руках, прикованных наручниками к стойке балдахина.

– Черт возьми... – Других слов у полицейского не нашлось, хотя он повидал много подобных мест преступления и еще больше других, совсем не живописных.

В пятнадцать лет он сбежал из Югославии Иосипа Броз Тито, оставив половину семьи в Бьеловаре[10]. В двадцать лет поступил в школу полиции и через несколько месяцев заработал репутацию крутого и неподкупного легавого. Тридцать лет Велика собирал трупы во всех концах марсельской метрополии, что не смягчило его нрав.

– Он час истекал кровью, – заметил стоявший рядом Жюло.

– Объясни...

– Если судить по порезам на запястьях, он терял по пятьдесят-шестьдесят миллилитров в минуту. Значит, за час – три тысячи шестьсот миллилитров, а это половина всего объема крови, движущейся по сосудам человека. При такой кровопотере органы отказывают один за другим.

Велика едва слушал навязанного ему помощника, свежее испеченного выпускника полицейской школы двадцати трех лет от роду. Майор не мог понять, что заставило такого блестящего парня попроситься в его, прямо скажем, жалкое подразделение. Жюло Флор. Милый, вежливый, расторопный, образованный лейтенант, которого практически невозможно вывести из равновесия, да еще и с чувством юмора. Такой не может не раздражать.

Велика время от времени кивал, одновременно наблюдая за двумя другими сыщиками, занятыми обыском номера. Иллюзия путешествия в прошлое была полной: ритуальная казнь словно бы свершилась во дворце халифа, кто-то покарал евнуха, посмевшегося мысленно возжелать фаворитку повелителя. Пряный аромат ладана щекотал ноздри. Никто не догадался отключить спрятанную в стенах аппаратуру, и восточные мелодии продолжали заполнять помещение. Полицейские топтали ковер, люмилайтовские светильники

выхватывали из сумрака фарфоровые чаши и пузырьки с аргановым маслом. Номер соответствовал своему названию и напоминал сердце багдадского базара.

– Можно открыть окно? – спросил Велика у Мехди и Риана, снимавших отпечатки пальцев.

– Ну... Да.

Он отдернул шторы и толкнул створки.

Волшебство улетучилась.

Окно выходило во двор с мусорными контейнерами. Крики чаек заглушили экзотическую музыку, по национальному шоссе ехали грузовики и автобусы. Велика повернул голову, задержался взглядом на вывесках торгового центра: «Старбакс», «Карфур», мультиплекс. Джонни Депп с дредами размером пять на четыре метра. Ориентальность растворилась в выхлопных газах. Никаких тебе минаретов, только жилые башни и портовые ангары. Дворец халифа превратился в куб из гофрированного железа – чудо современной архитектуры.

– Патрон, – негромко окликнул майора Жюло, – пришел Серж Тисран, управляющий.

Перед Великой стоял мужчина лет сорока в костюме и галстук, похожий на торговца диванами или каминами. Говорящий каталог.

– Очень кстати, – откликнулся Петар. – Объясните мне принцип этих «Ред Корнер», вот уже несколько лет они растут как грибы после дождя.

Майор ухмыльнулся, глядя на Жюло, который что-то заносил в ультраплоский планшет размером с книгу карманного формата. Девайс заменял лейтенанту бумагу, которую повсюду разбрасывал его начальник.

– Речь идет о новой концепции отелей.

– Рассказывайте.

– Эта франшиза очень популярна во всем мире. Внизу бар, на этаже апартаменты. Принцип самообслуживания. Чтобы открыть дверь номера, нужна кредитная карта. Не труднее, чем заплатить дорожную пошлину. Счет выставляется за четверть часа, за тридцать или шестьдесят минут. Деньги списываются на выходе, как на выезде с парковки. А горничная уже делает уборку, и следующий постоялец

может въезжать. Ни бронирования, ни имен, ни обслуживания в номерах. Классический отель, но и очень практичный.

Петар снова обвел взглядом восточное убранство комнаты.

– Понятно... Но декор номеров, как я понимаю, не похож на отделку болидов «Формулы-1»?

На лице Тисрана отразилась сдержанная профессиональная гордость.

– В этом заключается другая особенность «Ред Корнер»! Все номера тематические. У вас было время осмотреться? Здесь есть «Луксор», «Тадж-Махал», «Монмартр», «Караван-сарай», «Венеция»...

Управляющий явно вознамерился пересказать весь буклет. Петар жестом остановил его, подумав, что Жюло уже загрузил все документы.

– Подобные номера есть во всех отелях сети?

Господин Каталог откашлялся.

– Совершенно верно. Повсюду на планете, куда бы вы ни поехали!

Петар заметил, что рассказ управляющего не только заинтересовал Жюло, но и развеселил его. Возможно, это идеальная гостиничная концепция для молодых романтиков с нищими зарплатами? Самого майора «красоты» из папье-маше ужасали. Почему бы не посетить номер «Вуковар», раз уж они здесь? Риан пытался распилить наручники, чтобы увезти тело к экспертам.

– В номерах есть камеры?

– Шутите? – делано возмутился администратор. Роль мелкого ремесленника, оскорбленного в лучших чувствах, удавалась ему не слишком хорошо. – Мы гарантируем полную анонимность. Безопасность, приватность, звукоизоляция...

«И почему это служащие компании так любят говорить “мы”, “наши”, не думая, что каждого могут заменить не позже чем через полгода?» – рассеянно подумал Петар.

– А снаружи?

– У нас три камеры на стоянке и одна перед дверью, запись ведется круглосуточно.

– Хорошо, мы ее забираем... А теперь, пожалуйста, – он посмотрел в глаза собеседнику, – заткните эту дерьмовую скрипку из «Тысячи и одной ночи»!

– Я попробую, – пролепетал Тисран. – Но... музыкальное оформление тоже централизовано.

– Так звоните в Сидней, Гонолулу, Токио, черту, дьяволу, и пусть вырубят звук!

* * *

В конце концов музыку убрали, тело увезли, ароматы испарились, почти все сыщики уехали. Петар стоял спиной к окну, опираясь на подоконник (сесть можно было только на него да еще на пропитанный кровью матрас).

– Слушаю тебя, Жюло, – обратился он к лейтенанту. – Ты наверняка успел залезть на дюжину сайтов, прошерстил соцсети и выяснил личность нашего покойника.

Лейтенант Флор улыбнулся:

– В точку, шеф! Жертву звали Франсуа Валиони. Сорок девять. Женат. Двое детей – Юго и Мелани. Живет в Обани, на дороге дела Куэст.

Петар закурил, выдохнул дым в окно, в сторону торгового центра.

– Ты чертовски расторопный, Жюло. И очень дотошный. Кончится тем, что я поверю в достоинства чертовой *Big Data*[11].

Лейтенант покраснел и на мгновение замялся.

– Ну... вообще-то я нашел бумажник жертвы в кармане пиджака.

Петар расхохотался:

– Блеск! Ладно, продолжай.

– Есть странная деталь. Риан заметил на правой руке след от иглы.

Не от укола – у него взяли кровь!

– Что-о-о?!

– Ту, что осталась, разумеется. (Петар оценил черный юмор подчиненного: паренек потихоньку отгаивает.) Похоже, убийца сначала взял кровь, а потом перерезал бедняге вены.

Жюло продемонстрировал майору прозрачный пакет с иглой, пробиркой и окровавленным ватным тампоном.

– Этот набор для определения группы крови нашли в помойке. Такие есть в любой аптеке, стоят пятнадцать евро. Шесть минут – и все готово.

Петар щелчком отправил окурок в окно, и он приземлился на презервативы, валявшиеся вокруг гостиничных мусорных баков.

– Давай посмотрим, что получается. Этот тип Франсуа Валиони добровольно заходит в номер «Шахерезада» – скорее всего, вместе со своим будущим убийцей. Он дает приковать себя к кровати, преступник

берет кровь, ждет результата, режет ему вены и исчезает, оставив после себя «халяльный» труп.

– Похоже на правду.

– Дьявольщина! – Петар задумался, потом продолжил ироничным тоном: – Возможно, мы имеем дело с человеком, который ищет донора. Срочно. Вопрос жизни и смерти. Он тестирует потенциального кандидата, выясняет, что кровь не подходит, приходит в бешенство и убивает его. Какая группа крови была у Валиони?

– Нулевая[12], резус положительный, – ответил лейтенант, – как у трети французов. Или это ремейк «Сумерек»?

– Не понял.

– Фильм про вампиров, – пояснил Жюло.

– Почему бы не сказать по-человечески – «Дракула»? Давай начнем с внешних камер. Валиони наверняка был с девушкой. Вряд ли достойный отец семейства интересовался мальчиками.

Жюло кивнул и показал патрону еще два пакетика:

– В карманах Валиони мы обнаружили вот это.

Петар наклонился, чтобы разглядеть содержимое: красный пластмассовый браслет в дырочку (такие выдают клиентам в отелях «все включено») и... шесть ракушек. Шесть практически идентичных, овальных, белых, перламутровых трехсантиметровых ракушек с дырочкой в самом центре.

– Никогда не видел таких на здешних пляжах! – удивился майор. – Загадка номер два. Где наш славный Франсуа откопал эти штучки?

– Он много ездил по работе, патрон.

– Ты нашел ежедневник?

– Нет, но в бумажнике лежали визитки. Франсуа Валиони руководил финансовой службой Ассоциации помощи беженцам «Вогельзуг».

Скучающее выражение на лице майора сменилось живым интересом.

– Ты уверен? «Вогельзуг»?

– Могу показать удостоверение с фотографией...

– Да ладно... – Жгучее любопытство Петара Велики уступило место тревожному нетерпению. – Дай мне подумать. Сходи в «Старбакс» за кофе.

Лейтенант изумился, засомневался, понял, что это не шутка, и отправился исполнять поручение.

Как только подчиненный удалился, Петар выдернул из кармана телефон.

«Вогельзуг».

Это не может быть совпадением. Он обвел взглядом здания, порт, промышленную зону и с другой стороны, совсем близко, – пристань для яхт. Микс нищеты в чистом виде с квинтэссенцией роскоши.

Неприятности только начинались.

5

10:01

– Можно еще кока-колы, дедуля?

Журден Блан-Мартен кивнул. Он не собирался лишать внуков ни сладкой газировки, ни других вредных вкусов, особенно в день рождения. Журден сидел на веранде, наблюдал за детьми ипил кофе. В конце концов все вышло удачно.

Стыдно признаться, но он ужасно волновался – и за организацию праздника Адама и Натана, близнецов его сына Жоффрея, чья жена улетела на две недели на Кубу, и за проведение симпозиума «Фронтекса»[13], открывавшегося через три дня во Дворце Конгрессов Марселя. Больше тысячи участников. Сорок три страны. Главы государств, руководители предприятий... Блан-Мартен осознавал, что бурная деятельность, развернутая вокруг мигрантов, перестала его интересовать. Пора передать бразды правления Жоффрею, старшему из трех сыновей, устроиться поудобнее в шезлонге и любоваться закатами над Пор-де-Буком. Наслаждаться кофе, поданным *не* секретаршей, и слушать смех детей *не* по громкой связи.

День рождения проходил чудесно, и неудивительно – денег Журден не пожалел. Пять аниматоров развлекали четырнадцать мальчишек. Одноклассников его внуков по школе Монтессори. Их далеко не бедных родителей впечатлила встреча у бассейна на шестом этаже виллы «Ла Лавера» с видом на залив де Фос от Пор-Сен-Луи-дю-Рон до границ Камарга и пляжей у мыса дю Карро. *Приходите с*

пустыми руками, было написано в приглашении, без подарков, возьмите только плавки.

Фонтаны газировки, пирамиды конфет, дождь конфетти. Оргия для самых маленьких.

Из правого кармана Журдена зазвучало «Адажио для струнных» Барбера[14] – рингтон его телефона. Он не стал отвечать. Позже. Его восхищала фантазия аниматоров. Один изображал Питера Пэна, худенькая девушка – фею Динь-Динь, другая – индианку, а малышню нарядили пиратами. В центре бассейна колыхался надувной остров, его поддерживали десять пластиковых крокодилов. Дети наперегонки гребли на матрасах между безобидными рептилиями, чтобы выбраться на остров и собрать как можно больше золотых шоколадных монет. Все визжали от восторга.

Журден на секунду отвлекся от малолетних мореплавателей, чтобы полюбоваться панорамным видом. Строго на юге тянулись вверх башни «неблагополучной городской зоны» Эг Дус – квартала его детства. Под ним, метрах в ста от домов, простирался порт Ренессанс, где стояли его яхта «Эккайон» и маленький изящный «Марибор» жены Жоффрея.

Несколько сотен метров и два ни в чем не похожих мира. Изолированных мира. Журден потратил полвека, чтобы перебраться из одного в другой. Он сделал состояние менее чем в километре от дома, где родился, что было предметом его гордости. Журден прошел все эшелоны без исключения и теперь имел право свысока смотреть на здания, чья тень подавляла его детство. Так выпущенный на свободу арестант покупает жилье рядом с тюрьмой, чтобы полнее насладиться свободой.

– Я возьму кока-колу, дедушка?

– Бери сколько хочешь, мой дорогой.

Натан пил четвертый стаканчик. Он стал меньше похож на своего брата-близнеца, каждый год поправлялся на килограмм, и различать мальчишек стало проще, хотя Жоффрей ошибался через раз. Он мотался по миру по делам «Вогельзуг», возвращался раз в три недели, по воскресеньям, чтобы поцеловать детей и заняться любовью с Ивановой. Эта красавица словенка интересовалась игрушками сыновей гораздо меньше, чем своей роскошной яхточкой и спорткаром «Ягуар F-Туре». Рано или поздно она начнет изменять болвану Жоффрею,

уверенная, что он тоже ни в чем себе не отказывает в «Хилтонах» и «Софителях» планеты.

Когда Журден создал в 1975 году свою ассоциацию, в мире было не больше пятидесяти миллионов человек, «перемещенных» из-за поиска работы, войны или нищеты. В 2000-м их число превысило сто пятьдесят миллионов и продолжало расти по экспоненте. Какое полезное ископаемое, какой вид энергии, какое сокровище могло похвалиться подобным регулярным увеличением стоимости за последние полвека? Журден надеялся, что у его сына, несущего на плечах бремя ответственности за ассоциацию, нет времени на игрища с проститутками.

Снова зазвучало «Адажио» Барбера – кто-то настойчиво пытался дозвониться, и Журден вышел на террасу (детские вопли начали его раздражать), чтобы ответить. Водный поиск сокровищ отвлек шестилетних монстров всего на двадцать минут. Благовоспитанные мальчики, вскормленные по методикам Монтессори, совершенно распоясались и лупили друг друга пенопластовыми саблями, швыряли в воду клубничины *tagada*[15], тыкали в мирных крокодилов конфетными «вертелами», нанизывали на них шоколадные луидоры.

Журден задвинул стекло веранды и прочел высветившееся на экране имя.

Петар Велика.

Что этот...

– Блан-Мартен?

– Он самый.

– Велика. Знаю, вы не любите звонков на личный номер, но...

– Но?

Журден смотрел вдаль, на мыс полуострова, вдававшийся в море до конца мола напротив форта Бук, прикрывающего рейд.

– У нас труп. Вам не понравится. Высокопоставленное лицо из вашей ассоциации. Франсуа Валиони.

Журден тяжело опустился в тиковый шезлонг, и тот едва не перевернулся. Крики чаек и детей смешивались в воздухе.

– Дальше...

– Убийство. Валиони нашли сегодня утром. С завязанными глазами. В наручниках. Вены перерезаны. В номере «Ред Корнер».

Журден автоматически повернул голову в сторону торгового центра Пор-де-Бука, хотя увидеть его с террасы не мог. Он потратил десятки тысяч евро на лесопосадки, чтобы вид из северной части виллы ограничивался приморскими соснами, растущими по берегам Арльского канала в Буке.

– У вас есть версия?

– Лучше. Мне только что принесли запись с внешних камер наблюдения.

Петар Велика прищурился, чтобы разглядеть рябоватую пиксельную картинку: у дверей «Ред Корнер» стояла девушка, почти все ее лицо скрывал шарф. Она посмотрела в камеру и тут же отвернулась, как будто хотела оставить не след, но лишь намек на него.

– Валиони входит с девушкой, – сообщил он Блан-Мартену. – Она красавица.

Журден оглянулся, проверяя, не притаился ли поблизости Капитан Крюк, Г-н Муш или Индейский Вождь [16], и отдал приказ:

– Идентифицируйте ее. Найдите и арестуйте. Раз ее поймала камера, это будет нетрудно.

Петару пришлось внести поправку:

– Она... была в шарфе, очень странном, с совами...

Бетонный парапет был больше метра в высоту, но Журден почувствовал, что его тянет в пустоту.

– Вы уверены?

– В этом – да.

Журден обвел взглядом дома Эг Дус, похожие один на другой, возведенные как башни средиземноморской белой крепости, недостроенной цитадели, оставшейся без стен.

«Шарф с совами, – повторил про себя Блан-Мартен. – Завязанные глаза. Перерезанные вены».

Красавица...

У него появилось дурное предчувствие: она продолжит наносить удары, убивать, проливать кровь.

Пока не найдет того, кого ищет.

10:27

Лейли поднялась на последнюю ступеньку лестницы, провела ладонью свободной руки по облупившейся краске стены и нащупала выключатель площадки восьмого этажа башни *H9* в Эг Дус.

Трещины в плитках пола, ржавые перила, плесень на потолке, вздувшиеся плинтусы... Она поморщилась. Прошлым летом перекрасили фасады, а на лестничные клетки, видно, не хватило материалов. «А может, – подумала она, глядя на сердца, черепа и прочие популярные члены, нарисованные на стенах, – мэрия создала комиссию по охране граффити, творческого наследия городского искусства начала века». На что она жалуется? Через много лет на лестничную клетку будут водить экскурсии, как в пещеру Ласко[17]. Лейли предпочитала рассматривать любую ситуацию с позитивной стороны. Возможно, ее номер с обращением сработает и Патрик Пеллегрен найдет для нее квартиру мечты, возможно, ее уже ждет мейл... 50 квадратных метров... нижний этаж... садик... оборудованная кух...

– Мадам Мааль?

Голос, нет – визгливый крик прозвучал этажом ниже. На лестнице стояла девушка. Камила. Только ее не хватало!

– Мадам Мааль, ваши дети могут приглушить звук? Кое-кто в этом доме пытается заниматься... чтобы однажды оказаться в лучшем месте.

Камила Саади. Соседка снизу. Учится на психолога. На третьем курсе, как Бэмби. Камила все делала, как Бэмби. По странному стечению обстоятельств Камила появилась в доме два года назад. Как почти все здесь, она получила жилье от социального арендодателя, который, не имея возможности отказаться, старался втиснуть в Эг Дус студентов, пенсионеров, безработных, нищих, создавая подобие разнообразия и освобождая от них другие кварталы.

Камила узнала соседку среди 650 студенток, сидевших вместе с ней в амфитеатрах психфака Университета Экс-Марсель. Целый год они ездили на занятия автобусом № 22, читали одни и те же конспекты, перекусывали кебабами.

Камила и Бэмби все делали вместе, но первая чуть хуже второй. Камила и Бэмби были похожи: длинные волосы, распущенные или заплетенные в косички; миндалевидные черные глаза с ореховыми переливами; матовая кожа, но Камила была не так красива, как Бэмби.

Они сдали одни и те же экзамены, но только Бэмби – с отличием. У них была общая компания, но Бэмби достался самый симпатичный парень. Прекрасная дружба мало-помалу превратилась в гнусную зависть, хотя вначале Лейли даже опасалась, что Бэмби захочет переселиться к Камиле.

– Кеен’V, – не унималась девушка, – Канардó, Сопранó...[18] Мило, но я это переросла.

«И Гаэль Фай»[19], – мысленно добавила Лейли. Бэмби его очень любила. А Тидиан обожал Мэтра Гимса, Альфа – Сета Гуэко. Сама Лейли за глажкой слушала по радио «Ностальжи» Гольдмана, Балавуана и Рено[20]. Работая по ночам, она не снимала наушники, но дома врубала звук на полную мощность. Когда живешь на двадцати пяти квадратных метрах, только музыка способна раздвинуть стены.

Этажом ниже открылась дверь квартиры напротив, и на площадку вышел мужчина лет пятидесяти. Время от времени Лейли сталкивалась с ним на лестнице. Выглядел сосед Камилы заспанным, одет был в мятую футболку – такую натягивают утром, опаздывая на работу или заваливаясь поспать на часок-другой во второй половине дня. Лицо у мужика тоже было «в складку», очень светлые голубые глаза словно бы досматривали наяву последний сон. Борода закрывала подбородок и шею, редкие волосы мышинного цвета плохо маскировали лысину. Майка обтягивала круглый, как мяч, живот.

– Лично я ничего не слышал, – заявил он, улыбнулся и подмигнул Лейли.

«У мужчин сегодня утром хорошее настроение», – подумала она, а плешивый мсье одарил улыбкой Камилу.

– Я уйду на работу в шесть утра и сплю здесь всю вторую половину дня. Если бы музыка грохотала, я бы точно услышал, красавица.

У него был странный скрипучий голос, как будто он осип от крика, поэтому спорить с ним было себе дороже и уж тем более просить повторить. Камила пожала плечами и вернулась в квартиру. Незнакомец поднялся на два пролета, протянул Лейли руку:

– Ги. Ги Лера́, – и подхватил тяжелые пакеты с покупками.

Йогурты, уцененные пирожные, поддельная «Нутелла» и прочая дрянь из дешевого супермаркета «Лидл» – нужно же забить холодильник. Ги неловко топтался у двери, пока Лейли искала ключи.

Застенчивый верзила, не решавшийся шагнуть через порог, показался ей очень трогательным.

– Входите же.

Он колебался.

– Ну хоть до холодильника меня проводите...

Ги поставил ногу на неразведанную территорию.

– Музыка правда вам не мешает? – спросила Лейли.

– Да я не слышу – сплю с берушами!

Его глаза лукаво блеснули, и Лейли рассмеялась: то-то Камила разозлилась бы... Нужно быть начеку, эта зараза найдет способ отыграться.

– Я работаю в порту, на нефтеперерабатывающем заводе. Начальство замеряло уровень шума – нам каждый день бьют по ушам сто децибел. Люди не могут не общаться, вот и надсаживают глотку. Те, что сидят наверху, говорят, что мы все сипим именно из-за шума. Мол, все дело в нем, а не в асбесте. Зачем бы о нем говорить, если его нет и он ни в чем не виноват. Думаю, поближе к пенсии обнаружится еще какая-нибудь мерзость.

Лейли понимающе кивнула и пошла на кухню разбирать продукты, дав Ги время осмотреться. Маленькая комната с двумя двухъярусными кроватями производила странное впечатление: живший в ней ребенок мог каждые пять лет менять кровать на следующую, не расставаясь с предыдущей. На первой лежали плюшевые звери, Базз Светик, макет «Тысячелетнего сокола»[21], комиксы, футбольные альбомы и книги по греческой мифологии; над верхней, прикрытой зелено-желто-красным одеяльцем, висели постеры африканских исполнителей регги, валялись кроссовки и блок сигарет. На спинке кровати-соседки пристроились два пакета с чем-то кружевным, просвечивал топик цвета фуксии, что-то с пайетками. Последняя койка пустовала, не было даже матраса. Она как будто ждала пока что нерожденного младенца. «Интересно, – подумал Ги, – при такой страшной тесноте дети и не подумали занять свободное место своими вещами...»

– Выпьете чаю? – спросила Лейли.

Сосед не ответил и виновато отвел взгляд от кроватей – получилось неловко, как будто он подглядывал.

– Не обращайтесь внимания на беспорядок, – продолжала Лейли. – Трое детей, представляете? Тидиану десять, он каждую неделю

притаскивает из библиотеки стопку книг. Совсем не похож на своего брата Альфа́. – Женщина кивнула на верхнюю кровать. – Школа и Альфа́... Непростые отношения. Я все силы положила, чтобы он не бросил раньше шестнадцати лет, но уже два года его волнуют только музыка и спорт, а еще дружки-приятели... Я за него не переживаю, Альфа́ изобретательный, умеет использовать любую возможность. Только бы с пути не сбился.

Голос Лейли дрогнул. Ги слушал не перебивая.

– А Бэмби скоро исполнится двадцать два. Она только что получила диплом психолога и теперь решает, как поступить, – то ли найти работу и продолжить учебу, то ли... Место получить очень трудно, сами понимаете. Дочь помогает мне, как только может...

Лейли посмотрела на фотографию детей. Тидиан улыбался во весь рот, Альфа́ был на голову выше брата и сестры, а Бэмби смотрела в объектив огромными, как у лани, глазами.

– Девочек охотно нанимают официантками в бары на пляже. Так что насчет чая?

Ги все еще колебался. Он сделал шаг в сторону гостиной. Диван был собран, но он догадался, что на ночь Лейли раскладывала его и превращала в спальное место. Маленький стол, четыре стула, компьютер, пепельница. Внимание сразу привлекли две необычные детали: большая плетеная корзина, где лежали солнечные очки всех цветов и форм, и множество расставленных повсюду фигурок сов. Деревянных, стеклянных, глиняных.

– Моя маленькая персональная коллекция, – похвасталась Лейли. – Сто двадцать девять штук.

– Почему совы?

– Вам интересно? Вы тоже ночная птица?

– Скорее рассветная.

Она улыбнулась и протянула руку к закипевшему чайнику:

– Ну что, наливаю?

– В другой раз.

Ги направился к двери, и Лейли изобразила обиду.

– А вам известно, что, отвергая гостеприимство женщины из пельского племени, вы наносите ей страшное оскорбление? В пустыне находили путешественников, зарубленных мачете за куда меньшие преступления.

Ги не знал, как выкрутиться, и остановил взгляд на картинке над компьютером: солнце садилось в реку – африканскую, если судить по черным теням пирог и хижин.

– Я пошутила, – успокоила его Лейли. – Что вас смущает?

– Ничего... просто... я не привык.

– К чему? К беспорядку? К детям? К совам? Или к тому, что подбивает клинья такая молодая, сексапильная и богатая девушка, как я, и приглашает в свой особняк выпить шампанского?

– К Африке, – выпалил Ги.

Он стоял в дверях квартиры, нервно поддевая ногой угол отставшего линолеума. Лейли застыла с чайником в руке.

– Вот оно что... Не ожидала. Уточните-ка, милый сосед.

В следующую секунду Ги собрал всю свою дерзость и заговорил с агрессивным напором:

– Не стану ходить вокруг да около! Моя молодость прошла между Витролем и Гарданом[22], тридцать лет работаю в доках Пор-де-Бука, большинство моих приятелей – «черные ноги» или сыновья «черноногих»[23]. В выходные мы стреляем уток на озере Бер, все голосуем за одну и ту же партию, и она скорее цвета морской волны, ну, сами понимаете... Вы милая, я ничего не имею против вас и ваших ребят. Черт возьми... как бы это сказать... Я не из тех, кто ходит в гости к арабам...

– Народ пель – не арабы.

– Черные, люди из Северной Африки, бородачи-мусульмане – называйте как хотите.

– По-вашему, у меня есть борода? Расслабьтесь, присядьте на пуф, возьмите чашку, пейте и не обожгитесь.

Ги досадливо пожал плечами, но не устоял перед напором Лейли.

– Вы выручили меня, защитили от мерзавки Камилы, так не отказывайтесь от угощения. Отпразднуем мою новую работу. Первый бессрочный[24] за три года. Начинаю сегодня, во второй половине дня.

Ги наконец сел, а Лейли свободной рукой сняла со стены картинку с закатом на реке, посмотрела в сторону кухни, перевела взгляд на комнату детей. Успокоилась. Она не оставила ни малейшего следа, не сделала ни одной ошибки. Впуская кого-нибудь в свой дом, она всегда нервничала, обдумывала каждую деталь, не полагалась на случай, устраивала все как положено. Приглашая незнакомца, Лейли каждый

раз искала подтверждения, что все остается скрытым. Вот и этот рохля, большой плюшевый мишка, извиняющийся за расистские взгляды, пребывает в неведении.

Лейли взяла стул и устроилась напротив Ги.

– Сегу, – сказала она, постучав пальцем по рамке. – Это в Мали. Там я родилась. Слушайте...

История Лейли

Сегу, о котором вы, дорогой сосед, наверняка никогда не слышали, это маленький городок в двухстах километрах от Бамако, но в пяти часах езды автобусом. Кажется, что дорога не может вырваться из города, словно столица растет быстрее, чем движутся машины. Конечно, они в конце концов берут верх и попадают в одиночество пустыни. Но Сегу – в первую очередь река, Великий Нигер. Он шире города, он почти как море. Мы жили в хижине в квартале гончаров, у реки. Мои отец и мать делали горшки, вазы, кувшины из глины, которую брали на берегу. Свои изделия они продавали туристам, которых до революции 1991 года было немного, так что приходилось иметь дело с путешественниками-перекупщиками.

Главными людьми в Сегу были владельцы пирога. Они ловили рыбу – основную нашу пищу, плавали по реке до городов Мопти и Кумикора, но самое главное – перевозили людей с берега на берег, потому что на Нигере на тысячу километров нет ни одного моста. Жители курсируют со своей едой, деньгами, камнем, лесом, кирпичом и животными. На каждой стороне – по огромному базару, они никогда не закрываются, там полно ослов, собак, встречаются даже верблюды, если туарег решается доехать до города, ребяташки окружают его, будто это сказочная диковина.

Пирого причаливает, и самый шустрый предлагает украшения, горшки, сигареты, презервативы и много чего еще...

Я шустрее всех! Мальчишки, может, и бегают быстрее за мячом, но я всегда опережаю их, бросаюсь в реку, бреду по пояс в воде, несу сумку в высоко поднятой руке, улыбаюсь, смеюсь, кричу. Да, Ги, я была самая отважная и продавала горшков больше, чем все мои кузены вместе. На реке меня знали, окружающих забавляло, как я барахтаюсь, благодарю – спасибо-спасибо-спасибо! – ловлю на лету африканские франки и складываю их в висящий на шее кошелек. С шести до

одиннадцати лет я была маленькой принцессой пляжа Сегу, любимицей владельцев пирог и рыбаков. Я приносила им воду в бутылках, финики и кокосы. Босоногая торговка восхищала взрослых, полудевочка-полурыба, неутомимая, как прилив.

Красные бляшки высыпали апрельским утром, за две недели до моего одиннадцатого дня рождения. Сначала я заметила сыпь на животе, как от укусов пиявок, потом пятна большего размера на ногах, спине, ягодицах... Пострадала вся нижняя половина тела, до сосков. Очень скоро пятна начали сливаться, как плесень, и папа отвел меня в диспансер за собором. Доктор – француз в холщовых штанах и рубашке, проживший в Сегу тридцать лет, но так и не привыкший к жаре, – осмотрел меня и успокоил. Ничего страшного, обычная аллергия, вода в реке жутко грязная, нужно бы запретить детям купаться, женщинам – стирать белье, а животным – гадить. Но все-таки будет лучше съездить в Бамако и проконсультироваться в больнице Туре.

Меня обследовали, сделали анализы, потом пришла женщина и напугала меня своей милой улыбкой. Из окна палаты были видны президентский дворец на холме Кулуба и университет, где я не буду учиться. Дама долго разговаривала с папой и объяснила нам, что у меня кожная болезнь. Она легко лечится, пятна исчезнут сами собой, если я перестану плавать в Нигере и жариться на солнце. Моя кожа стала очень хрупкой, солнце могло оставить на ней шрамы на всю жизнь. «Придется подождать, пока организм не вылечит себя, – сказала медсестра, протягивая мне листок бумаги, расчерченный в клеточку синими чернилами. – Месяца через три поправишься». Каждый вечер я зачеркивала простым карандашом число в календаре.

Сначала я не понимала, что такое *три месяца* и как это – не бывать на солнце. Папа старался развеселить меня, всю дорогу домой щекотал листьями баобаба, которыми торгуют на остановках женщины, позвонил в Сегу. Мама и кузены приготовили хижину для меня одной – с подушками, длинными простынями и плетеной мебелью. Папа подарил мне куклу, купленную на рынке в Бамако, и крошечный сервиз, который сделал сам.

– Ты проведешь здесь почти сто дней, моя принцессочка.

В хижине было небольшое круглое окошко, и все мои игрушки и покрывало разложили в противоположном углу. В тени.

– Мы позаботимся о тебе, Лейли. Все мы. Сто дней пройдут быстро, и ты снова будешь играть с подружками и бегать быстрее бамбар[25].

Значит, меня здесь запрут?

Все ушли, и я осталась одна. Мне строго наказали избегать круга света на полу, и я медленно двигалась вслед за обжигающим солнцем.

Так прошел день. К концу его я смертельно соскучилась. Мне было трудно вообразить, что эти три месяца заключения в глиняной тюрьме станут лучшими в моей жизни.

Но нам ничего не дается даром, и те же три месяца стали причиной всех моих бед. Проклятием за то, что захотела прикоснуться к счастью.

7

10:29

– Что вам взять, босс?

Лейтенант Жюло стоял в очереди в «Старбакс», прижав телефон к уху. Майор Петар Велика сказал со смесью удивления и досады в голосе:

– Я не передумал после того, как ты ушел, малыш. Кофе! Я буду кофе.

– Хорошо, патрон, но мне нужен более... развернутый ответ.

Ответом стало недоуменное молчание, и лейтенант почувствовал себя учителем, задавшим простейший вопрос ученику, который даже смысла его не понял. Он попробовал уточнить, проявив чудеса дипломатического такта:

– У них тут широкий ассортимент, патрон. Предпочитаете «Гватемала Антигуа»? «Органик Эфиопия»? «Кати Бленд»? Или...

Примирительный тон не сработал – майор взорвался, не дав подчиненному закончить перечисление:

– Разберись сам! Господи, когда мне хочется кофе, я иду в бар и заказываю хозяину черный, не спрашивая, вырастили его в Мозамбике или смололи в Непале!

– Ладно-ладно, не злитесь, все будет хорошо! – Жюло огорченно покачал головой.

Он много лет не был в баре, зато обожал «Старбакс», где люди разного возраста тихо-мирно ждали свой заказ, студенты ели с подносов, клерки в галстуках поглощали завтрак, не отрываясь от ноутбуков, бабульки с гурманским удовольствием выбирали маффины и чай. Очередь двигалась медленно. Жюло пытался решить проблему кофе для майора. Петар Велика завораживал его. Самому Жюло всегда было трудно сделать выбор, ему требовались доказательства, он выводил сумму данных, прежде чем выстроить гипотезу, чувствовал себя мощным процессором, способным, увы, только на запрограммированные рассуждения.

Петар же руководствовался инстинктом, плевал на объективные свидетельства, мог мгновенно выделить нужное, «клат с прибором» на психологические теории и через три слова просчитывал личность подозреваемого. Жюло ужасно хотелось провести хоть одно расследование в манере Петара – дилетантскими методами ворчливого легавого-мизантропа, трудолюбивого муравья, разгильдяя, не пугающегося трудностей, делающего ошибки и как ни в чем не бывало начинающего все сначала.

Наконец девушка с торчащим из-под зеленой бейсболки конским хвостиком широко улыбнулась и записала его заказ.

Стефани. Имя было вышито на фартуке, над левой грудью.

– Психованный улей. – Она смешно наморщила носик. – Придется немножко подождать.

Жюло обожал здешних официанток – как и бананово-ореховые кексы.

– Ничего, Стефани, подожду... – Он улыбнулся в ответ.

Нигде, кроме «Старбакса», лейтенант не позволил бы себе такой фамильярности. Все дело во взаимности. Он знал, какой ритуальный вопрос задаст очаровательная девушка, приняв заказ.

– Ваше имя?

Стефани подписала стаканчики – *Жюло* и *Петар*; сыщик устроился на высоком стуле по соседству, включил планшет и положил его на колени. На экране появилось увеличенное изображение ракушки, несколько минут можно было наслаждаться изучением моллюсков. Уже через десять секунд он так сосредоточился, что очнулся, только услышав имена очередных клиентов.

– Бэмби. Бэмби и Альфа. Два кофе. Забирайте!

– Парень с планшетом очень даже ничего. – Бэмби перевела взгляд на брата.

– Он легавый! – буркнул тот.

Альфá был дылдой – под два метра, так что, усаживаясь, согнулся и с трудом втиснул колени под стол. В пятнадцать лет этот гибкий, как лиана, парень таскал ящики на всех местных складах, а в свободное время «качался» и плавал в море, чтобы превратиться из тщедушного человечка в силача. Он преуспел и в семнадцать стал настоящим атлетом: 90 кило мышц, мощные ляжки, замаскированные свободными спортивными штанами, широкая мускулистая грудь в обтягивающей майке без рукавов.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю, так что не пялься.

Бэмби подчинилась. Этот молодой сыщик хорош, но брат прав: не стоит привлекать к себе внимание. Легавый, он легавый и есть. Девушка повернулась, взяла брата за руку и посмотрела ему в глаза.

Когда напряжение спало, она сняла с висевшей на шее цепочки кулон и положила на стол черный эбеновый треугольник одним углом вниз, что у народа пёль символизировало женское начало и плодородие. Альфá опустил на амулет сестры свой, одним углом вверх, что олицетворяло мужественность, два яичка и фаллос. Кулоны образовали звезду с шестью лучами.

Их черную звезду. Их единственную цель.

– Не уверена, что сумею, – призналась Бэмби.

Альфá сжал пальцы старшей сестры огромными ручищами, еще хранившими жар кофейных стаканов.

– У нас нет выбора. Мы – пушинки на ветру.

Бэмби никак не могла успокоиться, ее била дрожь. Альфá встал и обнял ее. Тяжеловес приласкал хилого перворазрядника. А между тем он знал, насколько сестра сильнее. Всегда была такой.

Их взгляды встретились.

– Конечно, маленький брат. Конечно, мы не можем отступить, потому что этой ночью освободили чудовище. Но... Просто я за тебя волнуюсь.

Кончиком указательного пальца Альфá поправил свой черный треугольник, чтобы он составлял идеальную звезду с подвеской Бэмби, глотнул кофе и произнес, успокаивая:

– Мы обговорили каждую деталь, приманили удачу на нашу сторону, как космонавты, летящие на ракете в другую галактику. Нужно в точности следовать плану. – И притянул сестру за плечи к своей широченной груди. – Я горжусь тобой, детка.

– Нас проклянут, – прошептала она.

– Мы уже прокляты.

Бэмби глотнула кофе. Горячая жидкость стекала по горлу на манер селя, пожирающего сорняки на поле под паром. Интересно, душ из кипятка также ободрал бы кожу? Господи, что за идиотская мысль! Она заставила себя улыбнуться.

– Два маленьких обреченных перышка? Две песчинки, разнесенные в разные стороны красным харматаном?[26] Пыльца, парящая в воздухе, прежде чем упасть к подножию стебля?

– Не всегда, – хмыкнул Альфа́. – Не всегда, Бэмби. Случается, пыльца проделывает путь в сотни километров, чтобы найти свой цветок, ее не останавливают ни стены, ни моря, ни границы.

Бэмби не раз слышала подобные речи. Через несколько секунд он заговорит о приспособленности растений к опылению ветром, поученому – анемогамии. Она терпеть не могла, когда младший брат изображал интеллектуала, дополняя образ бунтаря против любой школьной власти пространными теориями, или вдруг начинал цитировать Википедию, скрывая отсутствие подлинных знаний. Этот недостаток присущ всем красавчикам здоровякам. Они мнят себя хитрецами. Альфа́ считает себя умнее других, а на самом деле он всего лишь сильнее! Девушка улыбнулась, брат это заметил, но не рассмеялся в ответ.

– Ладно, красавица, я тебя утомил, но потерпи еще две секунды. Я кое-кого жду. Он лучше все объяснит. Нужно только...

Альфа́ бросил взгляд на полицейского с планшетом, как будто считал его угрозой. Бэмби ничего не поняла. Она чувствовала себя усталой, и от кофе стало только хуже, затошнило.

– А если наш план не сработает? – Голос девушки прозвучал странно скрипуче. – Что, если нас посадят? Или мы погибнем? Мама останется одна, на этот раз – совсем одна!

Бэмби протянула руку к звезде, как будто хотела разъединить кулоны, но Альфа́ ей помешал.

– Все это мы делаем для нее, малышка. Для нее. Не забывай.

– А Тидиан?

– Я ему объясню.

Долгое молчание прервала официантка, выкрикнувшая голосом уличного торговца, сулящего баснословный выигрыш:

– Жюло и Петар. Два кофе? Забирайте!

Альфá сжал ладонь сестры, призывая ее к молчанию. Сыщик убрал планшет, прихватил стаканы и направился к выходу. Когда он проходил мимо них, Бэмби отвернулась, потом привстала, провожая взглядом отличную задницу. Порог кофейни переступил чернокожий мужчина – старше Альфá, но такой же здоровенный, с бритым черепом, только на висках серебрился пушок.

– Это Саворньян, Бэмби, – сказал Альфá и добавил: – Он нелегал.

Саворньян приехал из Бенина, крошечного франкофонного государства рядом с африканским гигантом – Нигерией. Бенин – одна из беднейших стран планеты, там нет нефти, нет нормальных дорог, на юге – порт, откуда можно сбежать морем, а на севере – лес, где легко спрятаться (если выживешь в пустыне), а потом добраться до Франции. Саворньян прибыл два месяца назад вместе с кузенами из Котону – программистом Болой, архитектором Джимоном, исполнителем звука[27] Уисли и агрономом Захерином.

Объятия Альфá и беженца затянулись, и это показалось Бэмби фальшивым. Саворньян взглянул на черные треугольники. Альфá придется лавировать между добром и злом. Идти по проволоке. Продать душу.

– Саворньян оставил на родине жену и двоих детей, – уточнил Альфá, как будто речь шла об особой заслуге. – Бабилу, Сафи и Кейвана.

Бэмби уставилась на «мужественного» бенинца:

– Значит, ты бросил свою женщину и ребятишек, чтобы уйти в подполье? Считаешь, это делает тебя героем?

Альфá это разозлило, он хотел осадить сестру, но Саворньян остановил его, как добрый дядюшка-марабу:

– О чем мечтаешь, сладкая?

Бэмби растерялась:

– Ну...

– Я мечтаю о словах. Читаю. Пишу. Только этим и занимаюсь целыми днями. Но я не мечтаю стать журналистом, издателем,

репортером, романистом. Нет! Я хочу быть первым. Гонкуровская премия или ничего! – Он расхохотался. – Гитарист Уэсли мечтает о славе Элвиса Пресли или Боба Марли. Такая вот омонимия наоборот – именуется по-разному, а по сути – тезки! Захерин – самый рассудительный из моих родственников, он нацелен на агрономические исследования, чтобы покончить с голодом во всем мире или хотя бы в Африке, в первую очередь – в Бенине. Но ты не ответила. О чем мечтаешь, принцесса? У тебя наверняка есть заветное желание.

«Одно? – спросила себя Бэмби. – Танец? Музыка? Мода? Искусство? Встреча с прекрасным принцем? Миллионное состояние и дворец для мамы? Кругосветное путешествие?»

– Я много о чем мечтаю...

Саворньян нацепил маленькие очки с квадратными стеклами и стал еще больше похож на профессора.

– У всех есть мечты, Бэмби. Важно не осуществить, но поверить в них. Убедить себя, что существует возможность, маленький шанс. Когда рождаешься в Бенине и остаешься в Бенине – в Котону или Порто-Ново, – собственными руками хоронишь надежду. Топишь ее в океане. Почему бы среди десяти миллионов бенинцев не найдись будущим Зиданам, Моцартам, Эйнштейнам? Разве бенинцы не могут рождаться талантливыми? Так назови мне бенинца – лауреата Нобелевской премии. Не можешь? Конечно, не можешь, Бэмби, потому что нас хотят лишить мечты!

– Даже здесь, – промямлила девушка. – Даже во Франции... Сам знаешь, подобные мечты, они...

– Знаю. Истинные мечтатели очень редки. Золотоискатели. Неутомимые. Психи, верящие в свою счастливую звезду. В моем родном городе Абомее таких нашлось пятеро. – Он снова рассмеялся и залпом выпил кофе, который принес Альфа. – Запад считает, что, если не забаррикадируется, здесь высадится весь Африканский континент. Идиотский страх! Большинство популяций хотят остаться там, где они живут, на родине, с семьями и друзьями, если... если могут там выжить. Они готовы довольствоваться малым. Единицы мечтают о приключениях. Из ста или двухсот тысяч мигрантов, которые каждый год пытаются пересечь Средиземное море, на каждые десять тысяч приходится один африканец. И это они называют нашествием?!

Альфá подергал Саворньяна за рукав, давая понять, что они с Бэмби торопятся. Он надел темные очки, кожаную куртку и стал похож на мелкого бандита. Бенинец не отреагировал.

– Безумцы никогда не переведутся, – сказал он, глядя в глаза Бэмби. – Те, кто готов рискнуть всем, лишь бы увидеть, что происходит на той стороне. На другом склоне горы. Понимаешь, о чем я? Одиссей, Золотое руно, Христофор Колумб... Кое-кто рождается с особым складом мозгов. Несколько лет назад ученые набирали кандидатов для полета на Марс. Нашлись тысячи добровольцев – и это при том, что возвращения назад им никто не обещал.

Альфá не выдержал, встал и настороженно обвел взглядом зал, словно от его бдительности зависела безопасность группы, как будто он, и только он упреждает и принимает мгновенное решение. Бэмби улыбнулась. Младший брат снова переигрывал.

– И последнее, друг мой. Последнее. – Саворньян уставился на Бэмби. – В противоположность тому, что думает любой человек, сталкиваясь на улице с нелегалом в лохмотьях, родину покидают не самые обездоленные и не те, кому нечего терять. Нет, уезжают люди, способные что-то изменить, чемпионы, избранники семей, рыцари, которым отдают последнее, чтобы они вернулись с победой.

Альфá схватил бенинца за руку.

– Все ясно, – отрывисто произнес он. – Чемпионы. Такие, как ты. И благодаря чемпионам я одержу победу. – Он собирался продолжить, но Саворньян остановил его:

– Ты расскажешь о своем плане позже, друг мой. Он непогрешим, я уверен, но здесь не место.

Бенинец достал из кармана зеленый браслет в дырочку и положил его на стол.

– Час назад легавые взяли Болу и Джимона. Их наверняка вышлют. Джимона уж точно. Его легко опознать по шраму на лице. Шесть месяцев титанических усилий, полгода бок о бок со смертью – и все надо начинать сначала.

– Вот поэтому, Саворньян, – перебил его Альфá, – чтобы избежать подобного, мы должны договориться.

Тот встал, и брат Бэмби обнял его за плечи. «Снова изображает самоуверенного консультирующего...[28] – с досадой подумала Бэмби. – Отчаянного смельчака, одного из тех, кому поручают грязную работу,

нищего паладина, несущегося в атаку в первых рядах, бесстрашного героя местного разлива, легко превращающегося в смертника!»

Альфá вернул кулон на шею, Бэмби дрожащими пальцами застегнула цепочку со своим треугольником.

– Удачи, сестричка.

– И тебе, Альфá. До вечера. Мама ни о чем не должна догадаться.

– Маме очень важно, чтобы мы выглядели образцовой семьей. Я об этом помню. – Он улыбнулся, желая успокоить сестру.

– Будь осторожен, малыш.

– И ты, Бэмби.

8

10:47

– Ваш кофе, шеф.

– Спасибо.

Петар Велика протянул руку, даже не обернувшись, и взял стакан из рук лейтенанта Жюло Флора. Несколько полицейских осматривали первый этаж отеля «Ред Корнер».

– Я взял вам *Kati Blend*, – уточнил Жюло. – Кофе сезона. Ароматы лимона, пряностей и красных фруктов.

Майор не донес стакан до рта.

– Ты серьезно?

– Прямо из Восточной Африки. Уникальный, неповторимый вкус!

Петар нахмурился. Посмотрел на подчиненного, и тот понял, что его шеф... потрясен.

– Предпочитаете мой? – спросил он. – Кофе *Верона*. Встреча Латинской Америки с Индонезией и ноткой итальянского *Roast*.

Петар опустил глаза на черную жидкость.

– Кофе влюбленных, – не отставал Жюло. – Идеально сочетается с шоколадом и...

Он заткнулся, заметив, что пальцы майора побелели, как будто он собирался швырнуть стакан в гигантский экран, висевший над автоматом с напитками. Все в отеле было автоматизировано: двери, видеокамеры, продажа пива, презервативов и массажного масла. Все.

Велика осторожно пристроил стакан перед собой и обратился к полицейскому, стоявшему ближе всех к его столу:

– Риан, можешь запустить кино?

Пальцы молодого сыщика запорхали по клавишам ноутбука, соединенного с большим экраном.

– Не понимаю, как парни это сделали, – сказал майор лейтенанту, – но они сумели вывести изображение с камер слежения на этот телевизор. Устраивайся поудобней, дружок, сеанс сейчас начнется.

Они уселись в полосатые, розовые с золотом, кресла, стоявшие у низкого круглого стола из лакированного дерева. На экране появились кадры, снятые уличной камерой. Петар остановил «фильм» в 00:23, когда перед объективом появился Франсуа Валиони. Он обнимал за талию девушку чуть ниже его ростом.

– Стоп, Риан!

Изображение застыло.

– Единственный момент, когда девица смотрит прямо в камеру, – объяснил Петар.

Жюло прищурился, вглядываясь, майор с брезгливой гримасой отхлебнул кофе. Они, конечно, обязаны идентифицировать спутницу жертвы, но вот получится ли? На голове у нее был длинный шарф редкого плетения, складки скрывали большую часть лица, делая его практически неузнаваемым. Темные глаза с вызовом смотрели на будущих зрителей, пухлые губы были ярко покрашены, подбородок восхищал изяществом линий. Лейтенант Флор подумал: «Эта девушка похожа на ангела, она не может быть убийцей!» – но сразу устыдился своей глупости.

– Странно, патрон, вы не находите? Зачем смотреть прямо в камеру, если планируешь кокнуть мужика?

Майор так и не справился с кофе. Он следил взглядом за Рианом, мельтешившим между креслами, как официант с картой коктейлей.

– Все длится четверть секунды, Жюло. Девка показывает только то, что хочет, и умело использует шарф как чадру.

– Это не чадра, патрон.

– Ну никак... или хиджаб. Называй как хочешь, но...

– Смотрите внимательней, шеф.

Майор раздраженно дернул плечом и посмотрел на подчиненного. Шустрый, эффективный, изобретательный, но уж слишком наглый.

– На ткани есть узор, – пояснил Жюло. – Вроде бы совы. Бежево-охристые птички.

– Я заметил. И что?

– Ну... Не слишком ли это вызывающе – совы на религиозном покрывале?

– Так не положено, ты об этом? – Петар Велика обратился к лейтенанту Эль Фасси: – Риан, Коран допускает рисунок на чадре? Цветочки? Зверюшки?

– Понятия не имею! Я изучал священную Книгу в детском саду. Вы хорват, майор, но я же не прошу вас назвать имена всех апостолов!

Петар вздохнул:

– Ладно, не придирайся и ответь на вопрос.

– Если вы настаиваете... Это недопустимо, но... – он взгляделся в экран, – в принципе, узор вполне скромный, все-таки не Микки-Маусы.

– Твои теологические познания поражают воображение, Риан! Так мы никуда не продвинемся. Сделай раскадровку, увеличь и распечатай ее глаза, нос, подбородок. Если повезет, сможем идентифицировать нашу жестокосердную красавицу.

Жюло беспокоила одна деталь. Вызов, с которым незнакомка смотрела в камеру. Она будто просчитала все, до мельчайших деталей, самый крошечный момент, когда камера могла снять ее украдкой. Если девушка не хотела быть узнанной, она могла наклонить голову, спрятаться за шарфом. Вместо этого она словно сознательно оставила им указания, след, но в расфокусе. «Так поступают серийные убийцы в детективах, – думал Жюло, – насмеваются над полицейскими, когда шлют им письма, помогают, если те сбиваются со следа. Или морочат голову».

– Даже если мы установим ее личность, – сказал он, – девица совсем необязательно убийца.

Велика оторвался от созерцания кофейного стаканчика.

– Она входит в отель вместе с Франсуа. Они поднимаются в один номер. Несколько часов спустя Валиони находят мертвым – прикованным к спинке кровати и обескровленным. Не понимаю, что еще тебе нужно?

– Может, она была приманкой. Ни одна камера не зафиксировала ее на выходе из гостиницы. Не исключено, что Валиони был жив, когда они расстались, а убийца появился потом.

Майор выслушал гипотезу подчиненного и вдруг расхохотался:

– Да ты влюблен, Ромео! Не забыл, что чутье – моя епархия? Ты «ученый», а выдаешь никчемную теорийку, потому что у этой девушки большие темные глаза, рот сердечком и хрупкая, как у птички, фигура.

Лейтенант покраснел. Мерзавец Петар – самый умный, но и самый невыносимый из всех сыщиков бригады! Он закашлялся и допил кофе под насмешливым взглядом майора.

Кофе *Верона*. Кофе влюбленных...

Необходим отвлекающий маневр, чтобы он мог задать давно крутящийся в голове вопрос.

– Не фантазируйте, патрон, лучше расскажите об ассоциации, где трудился Франсуа Валиони. О «Вогельзуг». Вы, похоже, хорошо осведомлены.

Эффект получился мгновенный. Лицо Велики изменилось и стало как смайлик с перевернутой улыбкой. Он выпил половину *Kati Blend*, даже не поморщившись, и снизошел до объяснений:

– «Вогельзуг» – одна из крупнейших в Европе ассоциаций, занимающихся защитой мигрантов. На них работают сотни людей в Старом Свете и в Африке. В переводе с немецкого «Вогельзуг» – «миграция», или «перелетные птицы». Каждый год над Средиземным морем пролетают больше пяти миллиардов птиц, и никто не спрашивает у пернатых паспорт или вид на жительство. Улавливаешь символику? Штаб-квартира «Вогельзуг» находится в Марселе, кроме того, у них полно филиалов. Ассоциация, само собой, работает в контакте с таможенниками, полицейскими и политиками. У нее официальные соглашения с «Фронтексом», агентством Европейского союза по безопасности внешних границ. Удовлетворен, Ромео?

– Без сомнения, патрон! Попробую пошевелить мозгами и понять, что ответственный финансист «Вогельзуг» делал в «Ред Корнер». Между прочим, «Ромео» не балбесничал, пока ждал в «Старбаксе» свой кофе *Верона*.

Он включил планшет и положил его на низкий столик. На экране появилась ракушка, найденная в кармане Франсуа Валиони.

– Я включил программу распознавания, думал, придется долго ждать, но...

– Не томи! – прикрикнул на него Петар.

– ...не пришлось. Ответ появился через несколько секунд. Я нашел близняшек нашей фитюльки! Держитесь крепче, шеф, эта трехсантиметровая фарфоровая фиговина встречается гиперредко, в нескольких уголках планеты.

– Что насчет Средиземноморья?

– Мимо! Кузины ракушки живут припеваючи на Мальдивских пляжах и на побережье Индии. Только там! Я все проверил – форму, раскрытие, расцветку.

– Что там забыл Франсуа? Это не сфера деятельности «Вогельзуг»! А с анализом крови ты продвинулся?

– Притормозите, патрон. У меня было всего несколько минут, пока юная прелестница готовила любовный напиток.

Петар покачал головой, не удержавшись от улыбки.

– Но у меня все-таки есть теория, которую следует подкрепить доказательствами. Единственное, что ставит меня в тупик, – красный разорванный браслет, поэтому...

Его прервали громкие возгласы у входа в отель, куда подкатил полицейский фургон. Из него вышли двое полицейских.

– Петар, у нас в машине неожиданные гости.

Жюло бросил последний взгляд на экран, словно девушка в шарфе зачаровала его, и пошел за Петаром к выходу. Один из приехавших офицеров кивнул на африканцев в фургоне. Пожилой выглядел смирившимся. Тот, что помоложе, со шрамом через все лицо от виска до подбородка, яростно бился головой о стекло дверцы.

– Нелегалы, слонялись возле порта. Без документов. Смотрели на море, как будто хотели броситься и пересечь его вплавь в обратную сторону.

Петар пригладил взлохмаченные волосы и бессильно уронил руки, давая понять, что у него есть более важные дела.

– Ладно, – нехотя процедил он, – ведите их в участок. Попробуем выяснить, откуда они приехали... чтобы отослать их назад.

Пожилой африканец по-прежнему ни на что не реагировал, а человек со шрамом начал колотить по бронированным стеклам. Жюло удивил не его гнев. Не равнодушие коллег-полицейских. За год он почти отучился различать, где проходит граница между беспомощностью и насилием.

Кулак вцепился в дверцу. Эбеновый, светлый по краю... На запястье буйного арестанта был синий браслет.

9

11:53

Солнце скользило между платанами на набережной Свободы, утро заканчивалось, а автобус № 22 следовал по маршруту мимо игроков в шары, семейств, возвращавшихся с рынка, рабочих и служащих оружейных мастерских, пивших пиво на террасе под пальмами. Стоило покинуть башни квартала Эг Дус, и Пор-де-Бук начинал казаться образцовой прованской деревней с открытки. Лейли любила ездить через весь город на автобусе. Катить вдоль порта к лагунному озеру Бер и разноцветным фасадам на набережной Мартига, пересекать торговую зону. Она будет там через десять минут. Лейли никогда не опаздывала.

Она сняла темные очки – на сей раз «божью коровку», отлично подходившие к красному платью в черный горох, надетому после ухода Ги, – и перечитала извещение.

12: 30

«Ибис» – Пор-де-Бук

Вересковая аллея

Бизнес-парк Экополис

Хорошо, что она провела часть утра с соседом, хоть не думала о договоре, от которого так много зависело: продление разрешения на работу, надежды на бóльшую квартиру. Лейли понравилось обольщать этого неповоротливого медведя, вылезającego из берлоги только между двумя спячками. Медведя-обжору привлекал аромат меда, он поднимал глаза и следил за полетом яркой бабочки. Ги. В нем есть обаяние. Нежные глаза. Сильные руки. А историю слушал, как зачарованный ребенок. Решиться он снова постучать в ее дверь? Ги забыл в квартире пачку сигарет и зажигалку. Бездарная уловка? Неловкая хитрость? Рассеянность?

Остановка «Экополис».

Лейли еще раз взглянула на извещение, не в силах справиться с тревогой.

12:30

Работа ее не пугала. Какая разница, где делать уборку – в гостинице, в пустых кабинетах промышленной зоны или в школьном буфете? Беспокоил ее только будущий наниматель. Пять лет Лейли трудилась по коротким разовым договорам, замещала, не отказывалась от ночных смен, подменяла работавших за черную зарплату и повидала не одного мелкого начальника. Почти все работали на мультинациональную компанию, организованную на манер русской матрешки, со штаб-квартирой на другом конце света. Приказы на маленький клининговый филиал обрушивались с внезапностью гильотины. В конце концов Лейли разделила шефов на четыре категории, от самого безопасного до самого опасного: милые, угодливые, слащавые, с лихорадочным упорством исполняющие самые драконовские правила, объясняя при этом «я-де ни при чем»; упивающиеся своей злобностью и нанятые на работу именно за это качество; притворы, изображающие понимание и теплоту, вроде бы сговорчивые, прилипчивые, псевдодружелюбные, скрывающие собственную некомпетентность, готовые пожертвовать чем угодно, чтобы защитить себя, и, наконец, самые гадкие – те, что прикидываются злыми, не видя в этом ничего плохого, принимают себя всерьез, верят, что они справедливы и беспристрастны. Эти мнят себя подмастерьями Бога и каждое утро просыпаются в надежде, что им доверят галактику побольше.

Письмо-приглашение подписал Рубен Либерос. Интересно, к какой категории принадлежит патрон «Ибиса»?

Водитель высадил ее у входа в бизнес-парк. «Ибис» был поставлен прямо напротив – именно *поставлен*: казалось, что бетонный куб сложили на заранее выбранном месте, после чего все вокруг заасфальтировали под стоянку.

Рубен Либерос торчал перед дверью. Конечно, это он, кто же еще?

Высокий, худой, в отлично сидящем сером костюме. Подойдя ближе, она заметила изящные итальянские штиблеты и безупречные стрелки на брюках. Лицо у Либероса было длинное, высокий лоб пересекали почти вертикальные морщины, вверх их тянули седые, зачесанные назад волосы, то ли влажные, то ли набриолиненные.

«Напоминает танцора диско», – подумала Лейли. Неуместная элегантность на фоне гостиницы, где номер стоит 59 евро за ночь.

Псевдолюбезный? Истинно злобный?

На какие компромиссы придется идти, чтобы сохранить эту работу?

Лейли шла по пустой стоянке к зданию отеля, где люди проводят ночь – с полуночи до полудня. Когда до Рубена Либероса осталось три шага, она заметила, как внимательно он разглядывает очки-букашку, косички с бусинками, платье в горох и сандалеты. Неужели будущий патрон оденет ее в костюм субретки? Черные колготки и белый фартучек? Лейли была настороже, готовая скромно потупиться и пообещать, что будет носить платок, брюки, заколет волосы в пучок – что угодно.

Рубен Либерос широко развел руки:

– Добро пожаловать в мой замок, благородная дама.

Лейли так удивилась, что застыла на месте.

Рубен поднял глаза к небу, потом снова посмотрел на Лейли:

– Кто послал вас ко мне, маленькая солнечная принцесса, неужто повелитель лазурного небосвода? Я ждал в моей пыльной хижине кого угодно, только не радужную фею. Входите, прошу вас, прекрасное дитя, я присоединюсь к вам через мгновение.

Лейли решила, что управляющий издевается. У стойки портье ждал клиент – коммерческий представитель, судя по чемоданам с образцами у его ног. Либерос театральным жестом протянул мужчине счет и пожелал:

– Легкого пути, доблестный путешественник, пусть дорога приведет вас в один из наших оазисов.

На стене висела карта мира с отмеченной на ней гостиничной сетью.

– Другие скромные отельеры, столь же преданные своему делу, ждут вас в разных концах света. – Он перешел на шепот – достаточно громкий, чтобы Лейли могла услышать. – Признаюсь, друг мой: под скромной вывеской с названием в честь голенастой птицы скрыт тайный проход между без малого двумя тысячами совершенно одинаковых жилищ. Вы засыпаете в Пор-де-Буке, а просыпаетесь в Куала-Лумпуре. Спускаетесь к завтраку в Вальпараисо, а багаж забираете в Тегусигальпе. – Он подмигнул ошарашенному постояльцу и

вручил ему буклет отелей сети «Ибис». – Это круче, чем летучий порох Гарри Поттера[29]. Здесь? Там? Вы повсюду будете как дома.

Коммерсант шел по стоянке, совершенно убежденный, что разыгранную интермедию придумали маркетологи группы *Accor*[30]. Слава богу, рекламщики в его фирме не такие психи.

Рубен Либерос повернулся к Лейли.

– Извините за задержку, прелестная божья коровка. Я слегка преувеличиваю – в интересах дела, сами понимаете, но согласитесь, воистину поражает воображение, когда слышишь, что этот скромный куб из бетона и оцинкованного железа как две капли воды похож на тысячу других таких же кубов. Так кочевник, не умеющий телепортироваться, произнес волшебное слово и размножил свои дома.

Лейли не возразила, дескать, она сама и скотоводы племени пель иначе понимают кочевую жизнь. Она выскажется в следующий раз. Рубен легко обнял ее за талию и повел осматривать свое «королевство».

Дешевый отель. Облупившийся. Некрасиво постаревший. Отставший линолеум, потолок в трещинах, зеркало в темных точках.

– Вы сделаете все возможное, чтобы зеркала засияли, – извиняющимся тоном произнес управляющий. – Приведете в порядок полотна великих мастеров. – Он кивнул на постеры с изображением арен Арля и собора Нотр-Дам-де-ля-Гард. – И...

В этот момент в узком коридоре появилась горничная. Молодая – ровесница Бэмби. Метиска, как и она.

– Представляю вам Нуру, – сказал Либерос, – вашу партнершу по балету щеток. Танец в свободном стиле.

Девушка прошла мимо, никак не прореагировав. Лейли удивилась было, но, услышав электронную музыку, поняла, что Нура работает на наушниках. Лейли еще четверть часа ходила по гостинице с управляющим. Он сравнивал местные завтраки, разложенные по корзинкам и хранящиеся в холодной комнате, со свежим кокосовым молоком, которое подают в «Ибисах» на Борнео; вид из номеров 207–213 на лагунное озеро Бер – с видом на атолловую лагуну Вануату из комнат «Ибиса» в Порт-Вила[31]. Либерос, если верить его рассказу о том, сколькими «Ибисами» он управлял в разных городах, накопил сто ежегодных взносов к пенсии.

Лейли уже обожала этого элегантного чудака. Разговор они закончили в коридоре, пока Нура пылесосила холл. И все-таки когда

управляющий спросил, устраивают ли ее те-то и те-то часы работы, она насторожилась. Наверное, Рубен все-таки из «псевдолюбезных». Начальники не делают бесплатных подарков.

– Я... у меня двое взрослых детей, – наконец сказала она, – Альфа́ и Бэмби. За них я не волнуюсь, они возвращаются когда хотят. Но моему сыну Тидиану всего десять. Пока я на работе, он с моими родителями, но мне не нравится быть с ним врозь. Особенно по вечерам.

– Сделаю все, что от меня зависит, слово галисийца, или гаитянина, или финикийца. Все кодексы чести стоят друг друга, согласны?

Лейли хотелось верить Рубену – несмотря на крайнюю подозрительность и поучения товарок: «Мы призраки и должны ими оставаться! Материализуешься ночью, исчезаешь к утру. Ездишь на автобусах и электричках».

Лейли хотела верить Рубену.

Ободренная, вдохновленная, очарованная, она взялась за ручку ближайшего номера. У нее есть время оценить объем работы и помочь Нуре, потом она вернется домой, приготовит ужин, проверит у Тидиана домашние задания.

Рубен задержал ее руку:

– Нет-нет, не так быстро, моя посланница тропиков. – Голос управляющего сорвался, словно его вдруг что-то испугало. Он попытался превратить все в шутку, но сухой тон говорил об обратном. – Милое дитя, этот номер – комната секретов, а вы пока не прошли инициацию. Никогда, слышите – никогда! – не открывайте ни эту дверь, ни двери номеров 17, 18 и 23.

10

14:25

Тидиан осторожно пристроил мяч на кучку гравия, придержал двумя пальцами для равновесия, отошел на два шага, сделал глубокий вдох, прикидывая расстояние между перчаткой Стива Манданды[32] и правой стойкой ворот, бросил отвлекающий взгляд на левую стойку,

чтобы обмануть защитника, и... нанес точный сухой удар, такой внезапный и резкий, что Стив не успел среагировать.

Тидиан зажмурился и затаивался на месте, вскинув руки и образовав пальцами рамку, как будто хотел поймать в объектив солнце. Именно так сделали бы миллионы игроков во всем мире, если бы забыли о жестах Погбы, Бензема или Усэйна Болта[33]. Мяч успел откатиться на другую сторону квадратного двора. Одна стена этого двора шла вдоль проспекта Жана Жореса, другая повторяла путь проспекта Пастера, третья огибала филиал университета, четвертая – дом Тидиана. Вернее, дом дедули Муссы и бабули Марем.

Дом назывался «Посейдон».

Чаще всего дедуля Мусса наблюдал за ним с балкона третьего этажа. Тидиан мало что знал о квартале, прозванном «Олимпом». Каждое здание носило имя греческого бога – Аполлона, Зевса, Гермеса и Ареса. Дед рассказывал о них странные истории. Тидиан не старался запоминать имена олимпийцев, его истинными богами были те, чьи портреты украшали стены проспекта Жана Жореса. Во-первых, Манданда, но и остальные, о которых Тидиан только слышал: Жан Пьер Папен, Базиль Боли, Мариус Трезор, Крис Уоддл[34] и, конечно же, его любимец Зизу[35], хотя тот никогда не носил майку марсельского «Олимпика».

Тидиан подобрал мяч и отнес его на прежнюю точку. Перед ударом поправил футболку. На ней красовался Абдельазиз Баррада[36]. Да, он пока не удостоился портрета на стене и уехал в Дубай, но его тренер считает, что штрафные он бьет лучше самого Криштиану Роналду! К тому же за два года в Марселе он не раз получал травмы. У каждого есть любимый игрок, у Тидиана – Баррада.

– Идешь полдничать, Тиди? – позвал с балкона Мусса.

Уходить мальчику очень не хотелось, но он все-таки решил послушаться деда и подобрал мяч, на котором была нарисована морда льва. *Марокко. Кубок Африки 2015 года*. Подарок Альфа́. Его старший брат – хитрюга и умник, умеет добывать немыслимые вещи. Таких мячей, как этот, всего десять штук – по словам Альфа́. Кубок Африки по футболу 2015 года должен был проходить в Марокко, но из-за вируса Эбола все отменилось, и команды играли в одной из Гвиней. Футболки, шарфы, гербы и даже мячи отправились на свалку! Тидиан считал мяч

со львом своим амулетом, любимой игрушкой, он с ним ел, спал и не расставался.

– Идешь, Тиди?

– Да, дедуля.

Двор у «Посейдона» идеально подходил для тренировок, можно было даже сыграть матч с пацанами из квартала. Небольшой, замкнутый, как городской стадион, стены достаточно высокие, чтобы мяч не слишком часто улетал на улицу. Неудобств было два. Во-первых, подвалы и подземные гаражи. Двор, как и весь городок, оказался над лабиринтом паркингов. Большим, как лабиринт Минотавра, по словам дедули. Если играли слишком маленьким мячом и он падал в водосток, с ним можно было проститься.

Но главная проблема заключалась в другом: посреди двора росло дерево. Апельсиновое. Кстати, многие и сам квартал называли не только «Олимпом», но и кварталом Апельсинового дерева. Дома, дороги и школы строились вокруг. Дерево во дворе было десятиметровой высоты. Тидиану разрешалось долезать только до уровня балкона на третьем этаже. Дед Мусса соорудил из досок и сетки домик, натянул веревку между балконом и ближайшей веткой. Чаще всего Тидиан полдничал в доме на дереве – дед передавал ему корзинку, собранную бабулей Марем. Мусса курил на балконе, а Тиди грыз печенье.

Иногда, если было слишком жарко и от солнца плавился асфальт, мальчик прятался в домике и слушал дедовы истории.

Как сегодня.

– Расскажешь о солнце?

– Легенду о солнечных богах? Да ты наизусть ее знаешь!

Тидиан посмотрел на окно справа от балкона. Теперь комната принадлежала ему, а когда-то была маминой.

– Не эту, дедуля. Про маму.

Мусса задумался. Внук уже два или три раза слышал от него эту историю. Хитрюга интересовался жизнью кузенов, соседей, приятелей. Истины, которые преподают в школе, зачастую приносят больше вреда, чем семейные тайны. Тидиан слышал историю о сокровище, которое нашла его мать, проклятого сокровища – украденного и спрятанного. Историю о наказании, наступившем прежде преступления. Мать Тиди

авансом наказал всевидящий бог, которому ведомо даже будущее. Бог солнца.

– Снова, Тидиан?

– Да, снова!

Мальчик знал, что дед каждый раз добавляет новые детали. Он едва верил в эту историю о незнакомой ему деревне, незнакомой стране, незнакомой маленькой девочке (своей маме), но все равно предпочитал ее всем остальным. За то, что она была грустная. До того места, когда мама нашла сокровище и спаслась. Однажды он тоже найдет сокровище.

Тидиан уставился на деда и отдался магии его голоса.

История Лейли

Ты помнишь, Тидиан, что твоя мама жила в Сегу, городке на берегу большой реки Нигер, в пяти часах езды от Бамако, в хижине – как и ее соседи. Это нормальный дом, только крыша у него из жести, полы из песка, а стены саманные, из смеси земли, воды, шерсти и соломы. Саман очень надежен, если погода не дождливая, но в Сегу, как тебе известно, всегда сухо и солнечно. Солнце, вечно это проклятое солнце...

Тебе следует знать, Тидиан, что твоей маме в то время было примерно столько же лет, сколько тебе сейчас, а упрямством она кому угодно дала бы сто очков вперед! Мама часто купалась в реке, подхватила кожную болезнь, и ей пришлось три месяца беречься от солнца. Мы с бабулей поселили ее в небольшой хижине и сделали все, чтобы она не скучала. Я смастерил кукол из проса и сорго, глиняных зверушек, сплел домики из листьев банана. Марем шила для нее необычные наряды. Прошла неделя, и девочка совсем извелась. Она была похожа на антилопу и больше всего на свете любила бегать босиком по пыли. Мы с твоей бабушкой не знали, что делать, и чувствовали себя так, как будто заперли в клетке маленькую черную сороку, которая в неволе потеряла голос, ее перышки поблекли, и она разучилась летать. Через несколько недель люди из деревни собрались в Бамако, чтобы пожаловаться на депутата, который и носа к нам не казал. Я был в их числе, но в столице отправился напрямик в Институт французской культуры.

За книгами.

Твоя мама умела читать, Тиди, она хорошо училась, всем интересовалась, хоть и предпочитала носиться по полям за бабочками, а не сидеть за партой. В Институте было очень много книг, но они не хотели, чтобы я увозил их так далеко, и в конце концов мы сговорились на одну.

Это были «Мифы и легенды Древней Греции».

Я никогда не слышал ни о Геракле, ни об Одиссее, ни о Зевсе и даже представить не мог, что однажды поселюсь в квартале «Олимп» и доме «Посейдон». Понимаешь, Тидиан, случайностей не существует. На небесах все записано. Я вернулся в Сегу с толстой белой книгой. Лейли дулась, не хотела даже открыть мифы. Каждое утро, каждый полдень и каждый вечер до наступления ночи я сам читал ей. За неделю мы добрались до последней страницы пятнадцатой истории. Через месяц она знала их все наизусть, но больше всего любила тот подвиг Геракла, где он берет колесницу Гелиоса и отправляется на западную оконечность мира, чтобы похитить золотые яблоки из сада Гесперид под носом титана Атласа, держащего на плечах небесный свод. Говорят, что фрукты на самом деле были апельсинами, но греки их не знали. А высокие горы в Марокко стали Атласскими. Геракл добрался до Гибралтарского пролива между Африкой и Европой, где и сегодня стоят столбы, названные его именем – Геркулесовы.

Несколько недель спустя я вернулся в Бамако. Мне удалось взять в Институте другие книги, и я поставил их на маленькую деревянную этажерку в изножье кровати Лейли. И твоя мать начала читать. Неожиданно. Много. Сегодня она часто говорит, что те два месяца, когда она каждый день прочитывала по несколько книг, были счастливейшими в ее жизни. Все помогали нам – жители деревни, французские торговцы, учительница, туристы, направлявшиеся в страну догонов, привозили из столицы книги. Французы тогда могли свободно путешествовать по Мали, пока их президент не запретил этого из страха перед похищениями.

Все шло хорошо, Тидиан, твоя мама нашла лучший способ проводить время, пока была заперта в хижине-клетке. Она путешествовала по книгам! Даже я никогда бы не поверил, что тушканчик способен превратиться в библиотечную крысу. Потом я понял. Понял, что это любопытство заставляло мою дочь и бегать, и

читать. Ею руководили жажда, голод и огонь, но ты еще мал и вряд ли поймешь.

Лейли дни напролет глотала книги, но каждое утро перечитывала историю об одиннадцатом подвиге Геракла. О золотых яблоках из сада Гесперид. Она влюбилась в колесницу Гелиоса, которую везли по небу с востока на запад, до края мира, знаменитые лошади: Актеон – рассветный луч, Астероп – зажигающий первые звезды, Эритрей – восход, Флегон – закат, Лампос – самый яркий, видимый в зените, Пирой – сердечный жар солнца... В сказках всегда есть доля правды, Тиди, так думала твоя мама.

Одна в хижине с крошечным окошком, Лейли пыталась разгадать секрет солнца, разглядеть всех лошадей Гелиоса. Актеона и Эритрея – каждое утро, Астеропа и Флегона – каждый вечер, Лампоса и Пироя – когда светило было в зените. Она каждый день записывала точное местоположение колесницы Гелиоса, следуя взглядом за солнечными лучами, потом делала маленькие пометки пальцами на стенах. Однажды утром – начался третий месяц ее вынужденного заточения – я нашел твою маму лежащей на матрасе. Она не читала и смотрела не в окошко, а на следы своих пальцев на стене.

Лейли сказала:

– Мои глаза устали, папа.

Я повез дочку в диспансер, закутав от солнца. Я совершил глупость. Беда случилась. Солнце подкралось, как дьявол, прикинувшись гриотом[37]. Я не сумел защитить мою девочку. Хуже того – вместе с книгой я впустил в ее комнату демона.

В диспансере врач отвел меня в сторону и долго объяснял, что твоя мама слишком много смотрела на солнце.

Я не понимал. Все дети земли, все мужчины и женщины смотрят на небо, и солнце не обжигает им глаза. Врач открыл медицинский словарь и показал мне рисунок глаза, чтобы я понял, что у него внутри и как это работает.

Оптические клетки особенно чувствительны к воздействию солнца, потому что хрусталик работает как увеличительное стекло, а сетчатка не чувствует боли, не ощущает ожога. Также и с солнечным ударом: жар чувствуется не сразу, но клетки уже разрушены.

Я все еще не понимал: если солнце так опасно, почему его жертвами становятся не все, кто выходит на улицу среди бела дня, кто

не носит темных очков? А в Африке их не носит почти никто.

– Что вы делаете, мсье Мааль, если вдруг случайно взглянете на солнце?

Я не ответил доктору, просто не знал, что сказать, Тиди. Я беспокоился за твою маму, но еще не чувствовал отчаяния.

– Вы рефлекторно закрываете глаза, мсье Мааль, потому что оно слепит вас. Веки защищают глаза, как автоматические ставни. Но...

Я испугался того, что он собирался сказать.

– Но ваша дочь не хотела опускать веки. Не знаю, почему девочка проявляла такое упорство и часто, очень часто боролась с ослепляющим светом. Долго.

– И что теперь, доктор? Сколько это будет продолжаться? Когда она снова сможет читать?

Я с тоской и страхом считал оставшиеся тридцать дней, в которые Лейли не должна была ни читать, ни писать. Врач посмотрел на меня, как на последнего идиота из тех, по чьей вине – невольной! – случаются катастрофы, а они ничего не понимают, пока им не растолкуют.

– Вы меня не слушали, мсье Мааль? Ваша дочь не чувствовала боли, но клетки уже разрушены. Процесс запущен. И остановить его невозможно.

– Что именно невозможно остановить?

– Слепоту.

Ему стало жаль меня, но все же он уточнил:

– Ваша дочь потеряет зрение, мсье Мааль, это неизбежно.

11

16:17

Когда майор Петар Велика только вступил в должность, его весь год подбадривали шикарным видом из окна, увлекательной работой – ловлей мелких мошенников и охотой на крупных мафиози, – а на сладкое обещали сорокаметровый кабинет. Три года спустя каким-то загадочным образом – секрет известен только французским чиновникам – он по просьбе начальства согласился на «подселение» к нему в кабинет его заместителя. Проредить полицейские кадры, одновременно

увеличив скученность в комиссариатах... этот подвиг можно было осуществить только объединенными усилиями двух министерств – финансов и внутренних дел.

Уже год Петар и Жюло сидели друг напротив друга, как в офисе какой-нибудь курьерской службы или в заводской бухгалтерии. Петар считал это «придумкой для баб» – чтобы они могли целый день трепаться и сплетничать. А мужикам нужна обособленность. Тем более после того, что случилось этим утром.

Майор Велика разложил на столе десятки фотографий девушек, обнаженных в большей или меньшей степени. Скорее в большей. Накрашенных – сдержанно или от души. В основном молодых. Не всегда красивых. Некоторые выглядели трогательно. Все вызвали возбуждение.

Петар доставал снимки из большого черного альбома – полного каталога городских проституток. От любительниц до профессионалок, от нелегалок-нигериек до дорогущих независимых девушек из службы эскорта. Понадобились часы сидения в засаде и поиска в интернете, чтобы составить этот воистину уникальный путеводитель по жрицам порока. Свою базу данных майор пополнял неукоснительно и добросовестно.

– Продвигаетесь, патрон? – спросил Жюло, выглядывая из-за монитора.

Велика поймал его насмешливый взгляд. Лейтенанта Флора явно не впечатлял ремесленный метод идентификации «девушки в платке» из отеля «Ред Корнер». *Отвали, парень, я же не спрашиваю, какие картинки разглядываешь на экране ты?* Рядом с фотографиями проституток лежали увеличенные изображения глаз, рта и подбородка, полученные с камеры наблюдения. Петар считал себя физиономистом и был уверен, что узнает мерзавку, которая завлекла Франсуа Валиони в отель.

Он поднял голову и ответил лейтенанту:

– Продвигаюсь, дружок... сообщу, как только узнаю тариф твоей возлюбленной.

Круглая голова Жюло появилась над монитором.

– Бросьте, патрон, не дразнитесь. Почему вы так уверены, что она проститутка?

– Видишь, я прав. Ты ее защищаешь!

– Зато я преуспел, пока вы услаждаете себя обнаженкой.

– Скажи-ка, малыш... – Петар перевернул страницу альбома, – тебе не стыдно издеваться над священной книгой?! А знаешь ли ты, что многие поколения сыщиков утешались, разглядывая сей гримуар?[38] Это верный друг полицейских, которые дежурят или неделями сидят в засаде, не видя своих жен. Так что попочтительней, дружок!

Лейтенант Флор с трудом удержался от смеха. Научится ли он когда-нибудь отстраняться, как шеф? Спортсмены высшей лиги называют это освобождением, а сыскарям умение действовать, не задаваясь вопросами, помогает абстрагироваться от выматывающей следственный работы.

– Итак, Билл Гейтс, что нарыл?

– Я прошерстил компьютер Валиони. Плевое дело – в соцсетях он под своим именем. Интереснее всего оказалась его личная переписка в фейсбуке. Он шесть месяцев общался с девушкой, якобы докторанткой-антропологом, занимающейся миграционными потоками. Сначала все было очень чопорно, но после первой встречи соискательница вроде бы оценила Валиони, стала куда менее благоразумной, начала позволять себе недвусмысленные намеки и эмотиконки.

– Что-что?

– Смайлики, рисуночки, улыбки, подмигивания, бьющиеся сердечки, алые губки, посылающие «чмоки»...

Петар вздохнул – судя по всему, его это не впечатлило.

– Значит, девица сама связалась с Франсуа?

– Да, и это любопытно. Ей много о нем известно, как будто она шпионила и выяснила кучу деталей о его вкусах, семье, работе и прошлом. А потом заманила в ловушку. Случайность тут ни причем. Девушка в платке с совами пришла именно за ним, она его поймала по всем канонам искусства соблазнения.

Майор Велика взглянул на лежавший перед ним снимок: высокая блондинка в короткой, до середины бедра, шубке стояла, прислонившись к фонарю. Время года не определяется.

– Слишком уж все просто, лейтенант. Если девушка тщательно продумала план, зачем оставлять столько следов? Чтобы первый попавшийся гик опознал ее?

– Никакая она не дипломница, патрон. Все подделка – тема диссертации, исследования, учеба в университете.

- Ты хоть имя выяснил?
- Только ник, то есть ничего.
- Говори, чего уж там...
- *Vambi13*.

* * *

Петар вернул фотографии на место и закрыл черный талмуд. Судя по тому, что нарыл Жюло, они точно имели дело не с девушкой по вызову, которую наняли, чтобы она заманила Франсуа Валиони в незаметный отель, где с ним быстро и эффективно свели счета.

Таких гнусных убийств Петар за годы службы в полиции повидал не один десяток. Майор взял стул и сел рядом с Жюло перед экраном.

– Фотографий, конечно, в профиле *Vambi13* никаких?

– Десятки! Но опознать девицу нельзя ни на одной. Она публикует «части пазла»: спина, ноги, руки, волосы, а лицо прячет – как будто специально. Заметьте, женщины – особенно самые хорошенькие – поступают так, чтобы им не надоедали.

– Но в нашем случае она – охотница.

– Картинки должны были завести Валиони. *Vambi13* – молодая, высокая, стройная метиска. Если она и есть девушка, которую зафиксировала камера, мы можем быть уверены, что купается красотка не в буркини. На пляжных снимках она позирует в купальнике или лежит на животе топлес...

Петар внимательно вглядывался в кадры на экране.

Валиони и правда был таким болваном? Все слишком топорно: мужика кадрит красотка – ровесница его дочери, личика не кажет, но разгуливает нагишом в райских уголках земного шара.

– Она прикрывалась исследованиями, снималась на Сицилии, в Турции, на Канарах, в Доминикане, на Майотте[39] – почти везде, где высаживаются нелегалы. Я продолжу искать, патрон, вдруг она не заметила деталь, по которой мы сумеем ее опознать, но... но в профиле Валиони на фейсбуке есть нечто еще более странное.

К великому сожалению Петара, Жюло ушел от *Vambi13* и открыл аккаунт Франсуа Валиони. Появилось семейное фото сотрудника «Вогельзуг» на фоне бухточек Кассиса. Франсуа обнимал жену, рядом стояли двое детей.

– Черт побери, – прокомментировал Петар, – с этими проклятыми соцсетями мы скоро начнем поручать полицейские расследования

поисковикам. Нам весь мозг проели байками о Робкопах, а сыщики будущего – простое программное обеспечение – будут допрашивать подозреваемых по электронной почте, задерживать через твиттер, а сажать – просто лишая выхода в интернет! Конец тюрягам!

– Смотрите, патрон, – позвал Жюло, пропустив мимо ушей тираду майора, – вчера в 16:11 Валиони выложил в фейсбуке вот этот снимок.

Петар наклонился к экрану. Он сразу узнал синие рыбацкие лодки, стоящие на приколе в маленьком квадратном порту, и белую касбу с двумя бастionsами на заднем плане.

– Эс-Сувейра? Господи, что он там делал? Восемь часов спустя Франсуа вошел в «Ред Корнер», истек кровью и умер.

– Вы выиграла и получаете приз – голубой камамбер, патрон! Эс-Сувейра! Я прикинул время на дорогу между Эс-Сувейрой и ближайшим марокканским городом, где есть международный аэропорт. Это Касабланка, Марракеш или Рабат. Три-четыре часа на машине плюс два часа полета до Марселя. Мы знаем, что Франсуа Валиони вышел из здания «Вогельзуг» в десять утра, именно тогда свидетели в последний раз видели его живым. Четырнадцать часов спустя, в полночь, он оказался перед камерой, висящей над входом в отель «Ред Корнер». Непросто, но можно успеть в Эс-Сувейру и обратно.

Петар не сводил глаз с синих лодок на экране.

– Что ему там понадобилось? Какого черта он туда потащился? Что он забыл в Эс-Сувейре?

– Возможно, поехал по работе. Полетел бизнес-классом – фирма платит! – на деловую встречу. Нужно справиться в «Вогельзуг». Не думаю, что это была любовная эскапада.

– Увидим, Ромео... увидим. У фальшивой студентки, если верить камере, божественное тело и много других козырей. Такая легко могла завлечь нашего попрыгунчика по миру Валиони куда угодно.

Жюло Флор промолчал, понимая, что его шеф не торопится взять след «Вогельзуг».

– Например, на Мальдивы, – предположил он. – Ракушки, которые мы нашли в его кармане, именно оттуда.

– Если верить ежедневнику, за десять последних месяцев он ни разу там не был. Извините, патрон, но я не могу разорваться, поэтому экзотическими морепродуктами займусь позже, а пока подключил Риана. Необходимо выяснить, зачем у бедняги взяли кровь.

Велика встал. Он не мигая смотрел на размытую импрессионистичную картинку-фотографию, запечатлевшую сотни розовых фламинго, стоящих в озере Ваккарес[40], в самом сердце Камарга, в нескольких километрах от лагунного озера Бер.

– Проба крови. Ты прав, маленький гений. Есть теория?

– Была... Не подтвердилась.

– Что ты себе напридумал? Не забывай, вампирский след мы отметили.

– Все гораздо проще, патрон. Я предположил, что это был тест.

– Какой?

– На отцовство!

Майор помолчал, прикидывая разницу в возрасте между Франсуа Валиони и его гипотетической убийцей. Жюло между тем продолжал:

– Я полагал, что, зная группу крови двоих, можно вывести линию родства. Посидел в интернете и выяснил: так это не работает, нужно делать тест ДНК.

– И все-таки копни, – велел Петар, не сводя глаз с розовых птиц. – Мне нравится идея, что Франсуа Валиони наделал детишек во всех лагерях беженцев на планете, прежде чем поселился в Обани.

По коридору прошли Риан и Мехди. От стойки дежурного доносились крики на арабском – во всяком случае, так показалось Жюло. У биязычных сыщиков работы стало вдвое больше, чем у их коллег.

– Кстати, патрон, те два нелегала заговорили?

Петар почти втянулся внутрь лагунного озера, почувствовал, что стоит на одной ноге среди фламинго, и с трудом очнулся от задумчивости.

– Молчат как рыбы. С девицами нам помогает «волшебный черный альбом», а тут в дело вступают консульства с картотеками, копиями паспортов и запросами на визу. наших субчиков зовут Бола и Джимон. У Бола нрав мирный, Джимон – баламут со шрамом. Они бенинцы из Абомея, к северу от порта Котону, – по сведениям коллег из посольства.

– Мы их вышлем?

– Ну-у-у... придется. Они неделями, иногда месяцами добираются до Европы, используют всю имеющуюся энергию, хитрят, ловчат и... отправляются восвояси первым же чартером. Пять часов полета – и «здравствуй, милый дом»... Вот почему мигрантам никогда не победить

в схватке с забаррикадировавшимися странами Старого Света. Они десятками набиваются в грузовики, сотнями садятся на корабли, но выдворяют их в тысячу раз быстрее. Эти люди напоминают муравьев, которые с тупым упорством возвращаются в заветный шкафчик с печеньем. Хозяйка стирает их губкой и забывает – на время. Напоминаю: я говорю не о беженцах, а о мигрантах.

– В чем разница, патрон?

Вопрос лейтенанта развеселил Петара. Жюло догадывался, что его начальник часто обсуждал эту проблему на террасах кафе и идеально обкатал свою аргументацию.

– Нет ничего проще, дружок! Беженцы – милые люди, они бегут от войны, им следует сострадать, наш моральный долг – дать всем приют, ведь Франция – страна-прибежище! А мигранты – плохиши. Они хотят заполнить нашу страну, все они бедные, а нам своих бедняков хватает. Понимаешь?

– То есть мы впускаем беженцев, но не мигрантов?

– Не торопись. Долг Франции – принимать беженцев, но приказ сверху гласит: «Не пускать!» Во всяком случае, тех, кто без документов. Диктаторы редко выдают визы, ксерокс под бомбежкой искать нелегко, так что приходится рисковать жизнью и пробиваться наудачу. Спасение приходит, если удастся высадиться на берег.

– Их нельзя выслать?

– Можно. Теоретически. Но все зависит от родины каждого. Назад отправляются только уроженцы стран так называемого *надежного происхождения*, где несчастных не подвергнут пыткам, как только они сойдут с трапа самолета.

– Если я правильно понимаю, Франция не вышлет ни одного суданца, пока там идет война, но вышибет вон всех бенинцев?

– В точку! Беднякам должно повезти с войной на родине, иначе они у нас не задержатся. Политическим беженцам предоставляют убежище, экономическим – нет. И не спрашивай, чем парень, умирающий от страха, лучше умирающего от голода.

Лейтенант Флор не мог решить, насколько искренен Велика. Тема задевает? Утратил иллюзии?

Майор был уже у двери, когда Жюло сформулировал вопрос:

– А браслеты, патрон? Синие браслеты, которые они носят на запястье?

Ответа он не дождался и счел, что Петар просто не услышал.

Ночь совы

12

19:33

Лейли почти бежала от автобусной остановки у Эг Дус. Она пересекла пустынную игровую площадку, эспланаду, посыпанную розовым гравием, где весной мэрия высадила хилые деревца, и, задыхаясь от напряжения, поднялась на восьмой этаж башни *Н9*. Из багета, зажатого под мышкой, на каждую ступеньку сыпались крошки. Толкнув дверь, она ввалилась в квартиру.

Альфá, Бэмби и Тидиан сидели за накрытым столом. Лейли бросила сумку на ближайший стеллаж и чуточку слишком резко положила хлеб на стол. Лица детей остались бесстрастными, и Лейли занервничала. Не из-за нового патрона – Рубен Либерос был безупречен, даже превзошел ее ожидания. Удивительный, потрясающий, доброжелательный, сбивающий с толку хранитель тайны запертых номеров, которые ей не позволялось убирать. Лейли расстроилась из-за опоздания. Виноваты пробки и автобус, тащившийся с черепашьей скоростью. Рабочий день у всех марсельцев заканчивается в один и тот же час, как будто людей вынуждают не только жить и работать в одних и тех же огромных городах, но и возвращаться по домам в одно и то же время.

Бэмби бросила взгляд на часы над буфетом: 19:37.

Дочь не поздоровалась с Лейли. Не улыбнулась. На ее лице застыло выражение холодного неодобрения – точь-в-точь учительница, встречающая малыша, который на одну минуту опоздал после перемены.

– Я была на работе. Простите... – Лейли бросила темные очки в корзину, села, налила себе воды. – Мне правда очень жаль. Сегодня был мой первый день, а город с шести вечера просто стоит. Завтра постараюсь лучше рассчитать время и закончу пораньше, мой босс согласился.

– Да ладно, мам, – успокоил ее Альфá и отрезал себе сразу треть багета.

Бэмби продолжала дуться. «Красоточка моя... – Лейли мысленно улыбнулась. – Мечта любого мужчины!» Она жалела несчастного, которому достанется этот хрупкий дракончик. Ему лучше не опаздывать к ужину и... не забывать зайти в булочную!

Лейли положила себе тажина – кускус с цыпленком. Дети по раз и навсегда заведенному порядку не стали ждать возвращения матери и сели за стол, но к еде едва притронулась. «Вообще-то Бэмби имеет право злиться, – подумала Лейли. – Я сама завела этот ритуал, не нарушаемую семейную традицию: мы едим вместе, начинаем ровно в 19:30, не включаем ни телевизор, ни радио».

Каждый вечер ей приходилось преодолевать сопротивление старших детей – у них всегда находились занятия поинтереснее: нужно сделать домашнее задание, встретиться с друзьями, *ну чего ты, мам, я потом что-нибудь съем, возьму в холодильнике*. Бэмби возмущалась даже громче Альфа́, запальчиво повторяя: «Мы уже не дети... Подумаешь, опоздала на минуту... Мало ли что бывает...» – но Лейли была непреклонна. До тех пор пока один из них не заведет собственную семью, определять порядок в доме будет она. Днем они могут делать что хотят – вставать поздно, выходить из дома еще позже, – но к ужину быть как штык. Лейли знала слишком много семей, члены которых встречались в дверях или на лестничной площадке и жили бок о бок, не общаясь. А ведь кое-где имеются отцы! Бурчите на здоровье, дети мои, но за стол мы будем садиться ровно в половине восьмого, потому что Тидиану завтра в школу! Она не сдавалась и победила.

Лейли бросила короткий взгляд на детскую поверх головы младшего сына. Одежда разбросана, мяч упал с этажерки на пол – наверняка из-за сквозняка, который еще и перевернул горшок с фикусом, и никто не потрудился подмести. Ничего страшного, главного достижения у нее не отобрать. Маали каждый вечер едят вместе! Спорят, смеются, разговаривают.

Впрочем, сегодня вечером все немногословны.

Альфа́ раскачивался на стуле, и тот скрипел. Бэмби встала, чтобы налить в графин воды.

Можно подумать, опоздание матери разрушило магию. Тишина была почти нездоровой. И все из-за семи минут? Лейли гнала прочь воспоминания о том, как сама скандалила, если дети слегка задерживались. Ей хотелось нарушить молчание, и она начала

рассказывать, как прошел день. Семейные трапезы тем и хороши, что всегда есть темы для беседы. Альфа выглядел озабоченным, Бэмби казалась усталой, но постепенно перестала хмуриться. Рубен Либерос ей нравился.

– Он правда назвал тебя маленькой солнечной принцессой? – спросила она. – Ты выдумываешь, мам!

Девушка удивилась, услышав, сколько в мире отелей «Ибис», ей понравилась идея, что можно перемещаться из одного в другой, чтобы переночевать или поработать управляющим. Лейли заметила, как Альфа и Бэмби несколько раз переглянулись. Эти двое всегда были неразлучны, но сегодня они выглядели настоящими заговорщиками. Значит, ее опоздание всего лишь предлог для недовольства. Занятая наблюдением за старшими, Лейли забыла о Тидиане, а тот даже не начинал есть. Ничего веселого, когда все едят одно и то же, но Лейли и тут не уступала. Особенно когда еду готовила бабуля Марем. Тидиан ковырял вилкой холодный кускус, стараясь не ронять крупинки на стол, чтобы не навлечь на себя материнский гнев, но выражение лица у него было мученическое.

– Доедай, сынок, бабуля очень старалась.

Лейли тянула время, заговорила о том, как прошло утро, о своем визите в Бюро, о шансах получить квартиру побольше при посредничестве этого симпатичного Патрика (или Патриса?).

– Надо же, какой удачный выдался день, – прокомментировал Альфа. – Тебе сегодня встречались одни добрые самаритяне

Бэмби закатила глаза, бросила красноречивый взгляд на четыре кровати в спальне: «Пока-то наша нищета никуда не делась...»

– Мам, уже остыло...

Тидиан уронил вилку. Кускус рассыпался по столу, как песок. Цыпленок плавал в подливке между репой и кабачком. На секунду Лейли захотелось отвесить сыну оплеуху: ведь регулярно разыгрывает один и тот же спектакль! – но она взяла себя в руки. Бить ребенка? Никогда! Нужно терпеть. Господи, ну почему работающие матери должны проявлять больше терпения, чем все остальные? Тидиан еще не принялся за цыпленка, а Бэмби уже приступила к десерту, взяла себе натуральный йогурт. Лейли только сейчас заметила, что дочь накрашена сильнее обычного и слишком уж торопится. Может, отсюда и глупая злость на мать?

– Уходишь?

– Да. Идем с Шерин в *Happy Days*. Там вечером «Провизорро» – вечеринка фармацевток[41].

Нарядилась Бэмби сравнительно разумно: юбка миди в стиле кантри, белая блузка со скромным вырезом (цвет подчеркивает красоту смуглой кожи), бандана, эбеновый треугольник на шее. Если бы не излишне яркий макияж, ее естественная прелесть заставила бы позеленеть от зависти весь курс будущих аптекарш.

Ужин закончился сразу после 20:00. Бэмби вышла из-за стола. Лейли разрешила Тидиану не доедать и извинилась перед Альфá:

– Пойду уложу твоего брата.

– Да на здоровье... Не торопись, мам.

И она не торопилась. Десятилетний Тидиан вел себя как шестилетка: минута на чистку зубов, десять – на историю, две – на тетешканье любимого мяча и еще одна – последняя, нескончаемая, – на поцелуй, пожелания «спокойной ночи» и *мамочка, мне нужно тебе что-то сказать, мамочка, я забыл уложить ранец, мама-мамуля-мамулечка, иди сюда, ну еще один последний разочек*.

Так продолжалось с четверть часа, и Альфá успел уйти, даже посуду за собой не убрал.

Лейли вдруг почувствовала себя ужасно одинокой и запаниковала. Впервые за вечер в квартире установилась тишина. Она отогнала гнетущее предчувствие. Оно терзало ее каждый день, но этим вечером было просто невыносимым. Больше они все вместе ужинать не будут.

Лейли протянула руку, чтобы включить радио, но не успела.

Неизвестно, было ли это совпадением, но в квартире этажом ниже взревел рай[42]. Камила! Завистница прибавила звук, как только Альфá и Бэмби ушли из дома, а Тидиан почти заснул. Такая вот мелкая мстительность.

Лейли не знала, как поступить, то ли спуститься и поскандалить, то ли... плюнуть и растереть.

Второе! Она любит рай, и по ушам он бьет не так уж сильно, хотя Камила рискует оглохнуть.

Лейли занялась посудой, и тут в дверь постучали. Она по привычке обвела взглядом квартиру. В мойке грязные тарелки, на столике в гостиной стопка проспектов, полки этажерок прогнулись под тяжестью книг. Коллекция очков. Коллекция сов. Спальня. Ворох одежды.

Лейли не знала, кто стоит за дверью, да это и не имело значения. Главное – не выдать себя даже ничтожной деталью.

Всякий раз, когда кто-нибудь – кто угодно – приходил к Лейли домой, она могла думать только об одном.

Защитить главную тайну.

13

21:31

Лейтенант Флор смотрел на волны, подбиравшиеся к его босым ногам и грозившие испортить стоявшие чуть выше мокасины. Вечер был теплым, песок – почти сухим; ночной покой расслаблял полицейского. Он любил задерживаться на работе и уходить последним, не раньше семи. Петар два часа назад отправился домой, к своей возлюбленной – парикмахерше Надеж, красивой платиновой блондинке под пятьдесят. Жюло решил посидеть на пляже и выбрал путь по улицам 11 Января и 2 Марта, чтобы купить кебаб. Его всегда интриговали неизвестные даты в названиях, он не понимал, зачем давать улицам и площадям имена анонимных героев, забытых министров, расстрелянных партизан и вышедших из моды писателей. К морю лейтенант шел вдоль стены улицы Сопротивления. Пляж был погружен в темноту, вид на укрепления форта открывался неповторимый. Луч маяка прорезал ночь с регулярностью метронома.

Жюло любил эти наполненные меланхолией моменты. Он любил уединение, но вовсе не ради безделья. В одиночестве легче было сосредоточиться, подумать и выстроить версию.

Лейтенант съел кебаб, выбросил жирную обертку в ближайшую урну, зажал бутылку воды между коленей и включил планшет.

Тишина вокруг казалась осязаемой. Сыщик всегда воображал, что встретит женщину своей жизни на пороге ночи. На скамейке. В парке, с книгой на коленях. В любом пустынном месте. Она будет одиночкой, как и он. Чутьочку старой девой с кучей смешных маний, составляющих ее очарование. Именно странности станут порукой тому, что она примет его холостяцкие привычки. Не будет обижаться, что он любит завтракать и ужинать один и проводить почти весь день с ноутбуком на коленях.

Интересно, подобные девушки существуют?

Она точно не такая.

С экрана планшета на него смотрела девушка – фото со страницы *Vambi13* в фейсбуке. Жюло снова, один за другим, изучил тридцать снимков, выложенных за последние месяцы, большинство – до контакта с Франсуа Валиони. Изучил очень внимательно и скрупулезно, но маску с загадочной диссертантки это сорвать не помогло. Полицейский не умел идентифицировать ни одежду, ни украшения, ни татуировки.

Войдя в фейсбук и набрав в поиске *Vambi*, Жюло получил в ответ ссылки на сотни страниц. *Vambi* было то именем, то фамилией, а то предлагалось в написании *Vambu*. Иногда это были клички домашних животных (только в департаменте Буш-дю-Рон они упоминались десятки раз). Люди называли так возлюбленных или свои фирмы, артисты и аферисты всех мастей брали себе в качестве творческого псевдонима. Что он может вытянуть из *Vambi13*, если это даже не имя? Ведь не исключено, что им отводят глаза, морочат голову, завлекают на ложный след.

По пляжу в сторону лейтенанта шла группа подростков, они смеялись, перекидывались футбольным мячом. Хороший предлог сбросить рубашку и покрасоваться перед девчонками. «Ложный след?» – спрашивал себя Жюло, пролистывая откровенные фотографии и стараясь не отвлекаться на карамельные переливы ее кожи. Куда там... Взгляд задержался на лежащей на животе *Vambi13*: лицо прикрыто соломенной шляпой, затылок безупречной формы, ложбинка спины совершенна, как и изгиб поясницы. Следующий снимок – скорее, скорее! – а то... Бассейн перед большим отелем, на переднем плане стакан с мохито и ручки шезлонга, на заднем – две загорелые, бесконечно длинные благодаря перспективе ноги. Следующий снимок. Тень стройного силуэта на песке. Сложенные чашей ладони готовятся подхватить опускающийся в море огненный шар.

Смятение лейтенанта росло, и не только из-за сексапильности загадочной девушки. Что-то было не так в этой серии снимков.

20:33

– Мне пора, дорогая.

Закончить разговор по скайпу куда труднее, чем распрощаться по телефону. Кто решится первым? Кто одним щелчком заменит лицо визави темным экраном?

Жан-Лу ждал, чтобы это сделала Бландина, возложив на нее груз молчания и ответственности за расстояние между ними. Он инстинктивно коснулся подарков, задвинутых под журнальный стол, подальше от веб-камеры. Два больших пакета с дорогой косметикой из новой коллекции *L'Occitane en Provence*. Кремы, лосьоны, мыло, эфирное масло. Бландина обожала аромат лаванды и ангелики[43]. Они жили в Страсбурге двадцать лет, но она все еще тосковала по Марселю. Жан-Лу тогда работал в «Вогельзуг», путешествовал по миру, а Жонатан еще не родился.

Перейдя в компанию *SoliC@re*, он был очень загружен и не возвращался в Марсель. Должность директора по продажам предполагала перемещения по планете, но Жан-Лу делегировал полномочия или решал вопросы удаленно. На этот раз избежать посещения конгресса руководителей высшего уровня не удалось, зато в Страсбург он вернется с чемоданами прованских даров. Для Жонатана Жан-Лу выбрал самолетик А 380. Сыну был 21 год, и он обожал такие игрушки. Жонатан был трисомиком[44]. Жан-Лу и Бландина несколько недель колебались, оставлять ребенка или нет. Бландина и ее правоверно-католическая семья были против аборта. Жан-Лу считал, что ребенок-инвалид положит конец буржуазно-непоседливо-богемному образу жизни двух свободных и ни к чему не привязанных влюбленных.

Двадцать лет спустя Жан-Лу даже вспомнить не мог, какой она была, его прежняя жизнь: все эти отели и ночные попойки с коллегами из «Вогельзуг». Жонатан изменил его. Как будто все беды мира сосредоточились в маленьком невинном человечке, за которого отец нес полную ответственность. Больше не было нужды носиться по городам и весям в поисках химерического смысла жизни – теперь в нем нуждались дома. Каждый вечер. Вот так просто. В Жонатане заключалась жизнь Жана-Лу. А жизнь Жонатана принадлежала отцу с матерью.

Жан-Лу еще несколько минут смотрел в темный экран, потом поднял глаза. Большая гостиная номера в «Рэдиссон Блю» выходила окнами на море – единственная оригинальная деталь холодно-роскошного и обезличенного отеля, где ему предстоит провести две ночи. В старом порту жили своей жизнью корабли. Разговор с Бландиной и Жонатаном наполнил душу Жана-Лу счастьем, позволил облегченно выдохнуть и набраться смелости. Чтобы не потерять себя. Он едва не совершил величайшую в жизни глупость.

Его сын получит имя Жонатан.

Он будет трисомиком, это только что выяснилось.

Жан-Лу милый, он лучше остальных. Мягче. Нежнее. Он другой.

Но заплатит, как все. Он любит другую, как все. Прячется и насилует меня, как они.

Он коварнее и трусливее. Любит меня только потому, что я его не вижу.

И никогда не опознаю.

* * *

С другого конца салона Жану-Лу улыбнулась девушка в узкой юбке, благопристойной блузке и с очень черными волосами, собранными в пучок.

Она глотнула шампанского, слезла с высокого табурета, прихватила еще один бокал, ведерко со льдом и уверенным шагом подошла к нему.

Фалина. Само собой.

Красивая. Очень красивая.

Утонченная, породистая, дерзкая.

Куда менее застенчивая, чем обещали сообщения, которыми они обменивались несколько недель. Фалина была на четвертом месяце беременности. На девятой неделе анализы выявили у плода трисомию. Жан-Лу был председателем французской ассоциации помощи детям-трисомикам. Фалина написала ему в личку. Они часто общались. Она играла в соблазнение без последствий, потом случилось неизбежное. Девушка предложила встретиться. В реале. Наконец-то.

Две ночи в «Рэдиссон Блю» стали первыми за долгое время, проведенное вне дома. Жан-Лу на встречу согласился. И немедленно пожалел. Стал успокаивать себя. Они просто выпьют, ничего больше.

«Считай это испытанием любви к Бландине. Проверь на прочность непреодолимую стену, которую мы вдвоем возвели вокруг Жонатана».

Жан-Лу вдохнул аромат «Арлезианки»[45] и почти ощутил присутствие жены. Туалетная вода Фалины пахла пачулями и заглушала благоухание Прованса.

– Я заказала бутылку шампанского и два бокала, как мы договорились.

Она опустилась в низкое кресло напротив него, скрестив ноги в туфлях на высоких каблуках. Гладкие ножки. Зачем он пригласил сюда девушку на тридцать лет моложе себя? Как теперь избавиться от нее? Если присмотреться повнимательней, Фалина даже не очень красива. Слишком сильно накрашена, слишком уверена в себе. Привыкла, что сексуального наряда достаточно, чтобы поразить воображение ровесника.

– Все в порядке? – встревожилась она.

– Да...

Жан-Лу безусловно был славным человеком. Все так считали, не понимая, что его милота – форма вежливого лицемерия.

Они пили шампанское, обмениваясь – через долгие паузы – банальными репликами.

– Простите, что разочаровал, в жизни я не так разговорчив, как в интернете, – признался Жан-Лу. – Боюсь, я слегка поторопился...

Фалина наклонилась и приложила палец к его губам:

– Тсс... Не будем говорить о прошлом, лучше о будущем.

– О будущем?

– Хотите, предскажу ваше?

Удивленный Жан-Лу отставил бокал, а Фалина достала из сумки полотняный кошелечек и высыпала на стол с десяток ракушек.

– Мать научила меня гадать. Это малайский обычай...

Все раковинки были круглой формы, трех сантиметров в диаметре, с разрезом посередине, как у разломленного абрикоса. Большая часть – белые с перламутром, остальные сияли слабыми оттенками розового, голубого и зеленого, и именно по ним Фалина читала судьбу.

Девушка попыталась взять его за руку, но он не позволил.

– Вижу работу, которая все меньше вдохновляет вас. Рутинка. Скука. Обязанности, обязанности... они копят, как письма, которые не хочется открывать...

– Продолжайте, мадемуазель, но скажу честно: чтобы меня впечатлить, потребуется нечто большее.

Фалина улыбнулась:

– Дайте вашу руку, Жан-Лу.

– Нет.

– В этом случае предсказание не будет точным.

– С чего вы взяли, что оно меня интересует?

Девушка подмигнула (его слегка покорило), допила шампанское и продолжила:

– Еще я вижу женщину. Вашу жену. Вы ее любите. Это очевидно. – Фалина смотрела на ракушки красноватого оттенка. – Вы близки. Очень близки. Никогда не были так близки. Но...

Она сделала паузу, ожидая, что Жан-Лу все-таки протянет ей ладонь. Он не поддался. Фалина уставилась на ракушки, отливающие зеленым.

– В душе вы хотите, чтобы все изменилось и что-нибудь произошло. Упало с неба. Нечто из прошлого, оставленное позади, но связывающее вас со вчерашним днем. Эта тоненькая ниточка не ставит под сомнение ваше сегодня, но она могла бы снова сделать вас цельным человеком. Не тем, кто только и делает, что жертвует собой.

Жан-Лу одним глотком допил шампанское, хотел было поаплодировать, но ограничился ироничной похвалой:

– Хорошо сыграно. Правда. Отлично сыграно.

Он тронул кончиками пальцев ракушки и опустил руку на стол. Фалина восприняла жест как королевскую милость.

– Хорошо сыграно, – повторил Жан-Лу – Вы попали в точку. Буду честен: я не ступлю на этот мост. Не ухвачусь за спасительную ниточку.

Глаза девушки увлажнились. Обиделась?

Чем внимательнее приглядывался Жан-Лу, тем меньше она напоминала хрупкую напуганную беременную, с которой он общался в сети. Ни следа тревоги. Язык жестов не взывает о помощи. Сплошная гордость на высоких каблуках.

– Я поступлю вопреки моим правилам. Проявлю откровенность. Прямоту. Возможно, даже жестокость. Сегодня я буду спать один. Не изменю жене. Мне жаль, если вы неверно истолковали нашу переписку, я этого не хотел. Простите.

Разочарованное выражение мгновенно исчезло с лица девушки.

– Bravo, Жан-Лу. Bravo. Вы с блеском прошли первое испытание. Но... но я не Фалина.

– Не понимаю...

Она легонько сжала ладонь Жана-Лу и повела в ближайший к старому порту угол холла.

Он увидел девушку с книгой на коленях, в длинной юбке в стиле «вестерн» и белой кружевной блузке. Никаких украшений, лишь черный треугольный кулон на шее. Волосы скрыты элегантной банданой цвета опавших листьев.

– Я подруга Фалины. Она очень застенчива и боялась нарваться на записного бабника.

Девушка отпустила руку Жана-Лу, и она повисла в пустоте, как будто он сам протянул ее для рукопожатия. Фалина повернула голову и взглянула через плечо. И в тот же момент Жан-Лу вспомнил девушку с жемчужиной. У той были такие же глаза. Огромные. Бездонные. Молящие о милосердии.

15

20:45

Жюло не сразу сообразил, что было не так в фотографиях на странице *Vambi13* в фейсбуке.

Волны баюкали его, он набирал горсть песка и бездумно пропускал сквозь пальцы. Пришлось сделать над собой усилие, отряхнуть ладони и вернуться к работе. Его зацепил контраст.

Чаще всего на странице с фото было указано место съемки. Бодрум в Турции. Лансароте в составе Канарских и Лампедуза в составе Пелагских островов. Санто-Доминго в Доминиканской Республике. Нгапали в Бирме. Шикарные курорты. Страшно дорогие. И все расположены по соседству с крупнейшими на планете лагерями беженцев. Случайность или хитрая западня? *Vambi13* выдавала себя за студентку, специализирующуюся на правах человека, готовую бороться с ужасами жизни перемещенных лиц, гниющих в лагерях смерти, и... позировала в образе ветреной богачки. Как это сочетается? Сочувствие к чужому горю и беззаботные каникулы? Так ведут себя все туристы, жаждущие солнца и экзотики.

Жюло вытянул ноги и приказал мозгу сконцентрироваться. Нет, его смущало что-то другое, далекое от философских умствований.

Vamb13 – никакая не докторантка-антрополог! Она объяснила Франсуа Валиони, что ездит по приглашениям зарубежных университетов, а оплачивает все исследовательская лаборатория, где она пишет работу. Вранье! От первого до последнего слова! *Vamb13* — девушка лет двадцати, из эмигрантской среды. Каким же образом она за полгода объездила все эти страны? Кто ее спонсировал?

Жюло не мог представить себе *Vamb13* девушкой-богачкой, избалованным чадом нефтяного магната. Неужели его интуиция среагировала на число 13, пришпиленное к нику, и все то, что она о себе рассказывала? Буш-дю-Рон, Марсель, дочь африканских мигрантов, которые чаще занимаются уборкой в особняках, чем живут в них. Или дело во взгляде в камеру у отеля «Ред Корнер»? В нем были вызов и спокойная решимость следовать путем, который выбрал кто-то другой. Болван Петар Велика с его «парикмахерской» психологией угадал: этот взгляд поразил лейтенанта в самое сердце. Потряс сильнее, чем изящество форм загорелого тела без лица, скрытого платком с узором из сов. Совершенно неуместных на мусульманском покрывале.

Море тихо рокотало в нескольких сантиметрах от пляжа. Жюло отодвинулся назад, не отрываясь от экрана. Он открыл другую папку. Уходя из участка, лейтенант задал поиск на слово *сова* и удивился разнообразию взглядов на эту хищную птицу. Сова приносит удачу. Нет, несчастья. Сова – символ мудрости (со времен греческой мифологии до наших дней), спутница богини Афины. Умная, ясновидящая, проницательная, хитрая. Или наоборот – прислужница демонов, ведьм и колдуний, вестница смерти. Но главное – ночная птица. Днем она ничего не видит и прячется, а с наступлением темноты вылетает на охоту и ловит дичь, которую никто, кроме нее, не видит, не чувствует и не слышит. Сова убивает своих врагов во мраке, ее уханье возвещает спящему семейству об исчезновении одного из них. Очередное совпадение? Аналогия с убийством Валиони очевидна. Даже слишком?

Вдалеке подростки разделись, решив искупаться. Они громко смеялись, мешая Жюло размышлять. «Ну почему, скажите на милость, – раздраженно спрашивал он себя, – девушки и парни пытаются привлечь внимание друг друга свистом, воплями, диким

хохотом? Да, при моей любви к тишине вряд ли когда-нибудь получится завести подружку».

В лучшем случае – старую очкастую сову. Полную противоположность *Vambi*.

Мысленно он не добавил 13, и ник превратился в имя Бэмби, которое по непонятной причине звучало знакомо, как будто он его уже слышал. Недавно. Совсем недавно.

Черт, глупость какая... Лейтенант прогнал эту мысль и закрыл ноутбук, вспомнив слова шефа: «Приклей лицо со снимка, сделанного камерой у отеля, к фантастическому телу этой псевдостудентки, и поймешь, что она могла убедить Валиони отвезти ее хоть на край света...»

Петар зрил в корень.

Странная девушка заморозила не только Франсуа Валиони, но и лейтенанта Жюло Флора.

Хотя она, скорее всего, убийца.

Хуже того – Жюло предчувствовал новые убийства.

Сыщик поднялся, бросил последний взгляд на подростков. Чуть дальше, за маяком и фортом, появилась красная точка – рыбацкая шхуна возвращалась в порт.

16

21:13

Альфá следил взглядом за маленькой красной точкой. Приближаясь, она увеличилась в размерах и превратилась в звездочку с семью красными лучами на леере. Через десять минут судно прошло мимо мола и причалило. Рыбак крутил штурвал одной рукой, покуривая длинную самокрутку. Он бросил канат стоящему на пирсе Альфá.

– Привяжите, уж коли Аллах привел вас сюда.

Альфá принял конец, показавшийся ему невероятно тяжелым, и прочел написанное на борту название. «Аракс».

Его-то он и искал.

Хозяин шхуны прислонился к ржавой двери каюты и с наслаждением выпустил дым. Он не торопился начинать разговор. Альфá пытался проанализировать немногие детали, освещенные

единственным фонарем. На правой руке курильщика была вытатуирована голубка. На носу и рубке – рисунок: корабль на горе. Ноев ковчег?

– Пришли из Армении? – спросил он.

Рыбак одарил его недобрый взглядом и ловко выплюнул окурок, попав точнехонько между палубой и пирсом.

– Некоторые парни за меньшее оскорбление отправлялись на дно Каспийского моря. Я – курд, малыш, разве не видишь?!

Он расстегнул рубашку и продемонстрировал Альфа́ «руку Фатимы»[46], висевшую на волосатой груди.

– Рожденные у подножия Арарата, все мы – потомки Ноя! Мы уплыли в изгнание, чтобы заново заселить планету, помочь людям плодиться и размножаться. Говорю это, чтобы ты понял, зачем я мотаюсь туда-сюда по морю, будь оно неладно!

Альфа́ слушал монолог рыбака и закреплял концы, демонстрируя мощную мускулатуру. Он распрямился, и его голова оказалась на уровне рубки.

– Я от Саворньяна.

Курд снова закурил, и Альфа́ подумал: «Небось всю дорогу крутил сигареты, до самого берега...»

– Извини, парень, не знаю такого.

– Группа бенинцев. Была у вас на борту два месяца назад. Музыкант, болтливый агроном, человек со шрамом...

Рыбак обвел взглядом пустынный порт, словно опасался чужих любопытных ушей.

– Ладно, ладно, вспомнил я то плавание. Кто навел тебя на мой ковчег?

– Они... и еще несколько друзей.

– И что они тебе наговорили?

– Сказали, вы честный и правильный.

Туше́. Курд выпустил густую струю дыма.

– Так и есть... Если можешь оказать услугу, действуй... Жаль, я слишком поздно родился и не был проводником на войне. Вроде того пастуха, который помогал цыганам и евреям утекать в Швейцарию. Теперь вот компенсирую как могу. – Он стукнул кулаком по ржавой двери рубки, демонстрируя надежность. – На «Араксе» они уж точно в большей безопасности, чем на надувном плоту.

Саворньян назвал цену «круиза» на «Араксе» – от 2000 до 5000 евро. Как в бизнес-классе до Эмиратов. *No comment...*[47]

– Согласен, – кивнул Альфа́. – Помогать нашим братьям уехать – долг, а не преступление.

Курд недобро ухмыльнулся:

– Да уж, братья... Согласен, ты чернее меня, но многие твои друзья-приятели без зазрения совести оставили бы соплеменников с территорий южнее Сахары подыхать в пустыне.

Альфа́ снова кивнул – мол, я тоже это знаю.

– У меня есть план. Хочу организовать канал помощи нашим братьям. План простой и надежный. Многие умерли, так и не дождавшись, и...

Моряк перебил Альфа́:

– Знаю я все эти разговоры, не трать слова! «Я помогу добраться до правильного порта». Все проводники это обещают. Мы – перевозчики и ни за кого не отвечаем. Точка. Не герои и не мерзавцы. Просто делаем свое дело.

Он хмыкнул и взял долгую паузу, чтобы собеседник не догадался, как часто он повторяет эту шутку:

– Не уверен, что машиниста поезда на Освенцим предали суду.

Курд был явно не силен в истории.

Он взялся переставлять ящики с рыбой.

– Потому я и хочу встретиться с твоим патроном. С тем, кто отвечает за «погрузку».

Потомок Ноя обкладывал льдом и посыпал солью дораду и сардины.

– Мой план может принести хорошие деньги, намного больше, чем твое корыто. У меня сеть в африканских районах южнее Сахары, я знаю нужных людей и придумал комбинацию, которая никому не приходила в голову.

Альфа́ развернул плечи, закрыв собой единственный фонарь. Курд держался в тени, точно хищник, напуганный затмением.

– Знаешь, парень, каналов без тебя хватает, а с крупными монополистами лучше не связываться.

Альфа́ набычился.

– Конкуренция – моя проблема. А ты позвони главному снабженцу, логисту, завскладами – называй как хочешь, но пусть назначит встречу

на завтра. В полдень. – Альфа помолчал. – Квартал «Олимп», дом у апельсинового дерева, на пересечении проспектов Пастера и Жореса. Он не заблудится. Дело выгодное. Если захочет поучаствовать...

Рыбак выбрал позицию осторожного безразличия. Он сортировал агонизирующую рыбу, как придурковатый Ной, вознамерившийся спасти еще и рыб.

– Хорошо. Я позвоню. Почему бы не поощрить призвание. – Окурок полетел в лежавшие на пирсе водоросли. – В худшем случае выловлю тебя в открытом море, когда отправишься на корм скорпенам.

17

21:24

Тидиан проснулся внезапно.

В поту. С колотящимся сердцем.

И удивился свету за ставнями.

Мгновение назад он был слеп. Бежал по лабиринту, натыкался на стены, попадал в тупики, ориентировался по звуку собственных шагов, трогал камни, бился макушкой о своды. Он бежал за своим мячом «Марокко КАФ 2015», почти остановил его у желоба, не сумел задержать и полетел вслед за ним в черную дыру.

Живой. Зрячий.

В конце коридора мерцал свет.

Золотые плоды.

Сокровище. Золотые плоды титана Атласа, хранимые Гесперидами. Десять жеребцов везли по небу огненную колесницу, нагруженную, как «мерседес-бенц» в рыночный день. В корзинах лежали золотые плоды. Тысяча солнц. Он хотел схватить одно, почти коснулся его пальцем – во всяком случае, так ему показалось.

И тут все погасло.

Он вглядывался в темноту, но ничего не видел.

Он снова бежал – по коридорам, тупикам, попадал в карманы. Может, он не ослеп? Может, снаружи все также сияет солнце? Вдруг за дверью есть свет и он наконец перестанет натекаться на препятствия, чувствовать боль, плакать, истекать кровью, ощущая ее вкус и жар, но не ведая, красного ли она цвета?

Возможно...

Заухала сова.

Сердце Тидиана постепенно успокаивалось. Голос птицы он слышал наяву. Не во сне, это точно.

Под окном. Крик разбудил его. И спас.

Мальчик долго сидел на кровати, обнимая мяч.

Это был сон, всего лишь сон. Мяч никуда не делся.

Ему до ужаса хотелось крикнуть «Мама!», но он сдержался.

«Ты уже большой...»

Из гостиной доносилась музыка. Взрослые разговаривали.

У них гость?

Сова улетела. Наверное, кто-то ее спугнул. Или она отправилась спасать других детей.

Тидиан успокоился и заснул.

18

21:28

Жюло вышел на мол, опустился на колени и принялся отряхивать песок с ног, чтобы обуть мокасины. По набережной мимо него пробежали три девушки – им не мешали пот, соленые брызги и гравий под кроссовками.

Лейтенант непроизвольно проводил их взглядом. Его мысли витали далеко, он смаковал малюсенькую победу, подтвержденную текстом сообщения: ключевое свидание назначено на завтрашнее утро. Поколебавшись, он решил ничего не пересылать Петару. К десяти утра он будет в отделе, дождетя шефа и сделает ему сюрприз. Флор хотел провести часть расследования, связанную с забором крови, в одиночку. Сыграть сольную партию.

Жюло обувался, глядя на стоявшие перед ним дома.

А что, если дело будет разбираться в особом порядке?

Мысленно он все время возвращался к цифре 13 в нике *Vambi...* В Буш-дю-Роне насчитывалось два миллиона обитателей – практически столько же живет в Словении, на Ямайке или в Катаре. Периметр обширный, но все сходится на Пор-де-Буке, а точнее – на штаб-квартире ассоциации «Вогельзуг», где работал Франсуа Валиони. Петар

на этот счет был уклончив, но чувствовал себя в фокейском городе[48], как угорь в лагунном озере Бер, и имел долгий опыт работы в марсельской метрополии, знал ее коды, сети и соотношение сил.

Жюло приехал из Страны басков и был здесь чужим. От реальности его словно бы отделяла невидимая стена, и ему приходилось непросто в Пор-де-Буке, этом театре, где все пересекались со всеми, каждый следил за каждым и вел свою игру, зная реплики других действующих лиц. Жюло выступал в роли зрителя, неспособного понять умолчаний, невысказанностей, дидаскалий[49] и связей, объединяющих людей по принципу коммуны, соседства, крови.

Он дошел по молу до детского парка развлечений. *Кровные связи...* Завтра утром с этого и начнем.

Жюло бросил последний взгляд на ряд муниципальных домов – десяток белых клубов, обшарпанных, но с великолепным видом на море. Странно, квартал напомнил ему шарж из газеты двухмесячной давности. Риелтор пытается продать нищей семье руины в бидонвиле[50], расположенном напротив роскошной резиденции: «Вам повезло, вид отсюда гораздо лучше, чем с той стороны!»

Убойный аргумент, ничего не скажешь, но всегда наступает момент, когда человек перестает довольствоваться панорамой.

19

21:33

Лейли и Ги покурили на балконе, потом она оставила гостя в комнате считать сов, очки и чайные коробки, а сама пошла сменить «божьекоровкино» платье на удобную красную джеллабу с небольшим круглым вырезом, открывающую только лодыжки. Она очень осторожно поставила на журнальный столик поднос с чашками, как будто опасалась, что музыка, доносившаяся из квартиры Камилы и больше похожая на отзвуки землетрясения, выплеснет горячую жидкость.

Ги сидел на стуле и с тревогой смотрел на изображение Сегу и догонские маски, не убранную после ужина посуду, мяч Тидиана, рассыпанную по полу землю и, казалось, спрашивал себя, что он делает в этой немислимой квартире. Он позвонил в дверь час назад и

растрогал Лейли, пробормотав убогие извинения. Так ребенок просит прощения, не веря своим словам.

– Я... кажется, я забыл у вас сигареты, – сказал он голосом завязтого курильщика, жаждущего сделать первую, самую сладкую, затяжку.

Лейли встретила Ги открытой улыбкой, сказала, что Бэмби и Альфа́ нет дома, а Тидиан лег спать. Что он может ненадолго остаться, и она подогреет тажин или нальет чаю.

– Покурите в окно, а я пока сниму одежду, пропахшую пылью и жавелевой водой, и переоденусь. Главное – не обращайтесь внимания на беспорядок.

Когда Лейли вернулась в комнату, на ней была просторная джеллаба, подчеркивавшая высокую стройную фигуру. Она немножко гордилась тем, что платье идет ей, как и двадцать лет назад. Соседу снизу повезло меньше – из-под заправленной в джинсы клетчатой рубашки выпирал, нависая над ремнем, круглый живот. Лейли устроилась на диване, Ги докурил и сел напротив нее на стул.

– Пришли послушать продолжение истории? – спросила она, глядя ему в глаза и убеждаясь, что худшее миновало: сегодня вечером ее секрет хорошо защищен. – Но я-то о вас ничегошеньки не знаю...

Ги зажал ладони между коленей.

– Ну... что я... Родился в Мартиге, а через пятьдесят лет оказался тут, неподалеку, километрах в десяти. Тридцать лет работаю на одном и том же месте. Был женат двадцать лет, потом она ушла – надоело готовить мне еду, разговаривать «в пустоту» и весь день слышать из телевизора голос спортивного комментатора. Я поискал другую, похожую на нее, но не нашел: с возрастом женщины становятся недоверчивы. В общем, я скорее *не* люблю перемены.

– Тогда что вы здесь делаете?

– Не знаю.

– Подогреть тажин?

– А потом поведете беседу за двоих? Если еще и «Экип 21»[51] включите, сразу на вас женюсь!

Лейли рассмеялась, оценив немудреную шутку.

– Женитесь на черной?

Джеллаба соскользнула с плеча. Контраст пьяной вишни и шоколада. Ги задержал взгляд на женщине.

– Вы не такая, как все... Сколько вы здесь? Четыре, пять лет? Вы похожи на девчонку. На детей не сердисься, зло держишь на родителей. Знаете, почему в Пор-де-Буке так много иностранцев?

– Нет.

Она взяла поднос и пошла в кухонный закуток.

– В семидесятых, когда я был маленьким, закрылись верфи и власти заявили, что в Фосси, на озере Бер, будет создана самая большая промышленная зона во Франции. Самая большая, так и говорили. Нечто гигантское, тысячи и тысячи рабочих мест в черной металлургии. Подход показался новым, в Пор-де-Буке начали строить жилье, со всех концов Европы и – главное – из Африки приехали десять тысяч рабочих, готовых вкалывать на будущих заводах. Но кто-то в Париже решил, что никаких заводов не будет. Идею промышленной зоны в Фоссе похоронили, а иностранцы остались. Вот и вся история. Аид эль-Кабир – Большой праздник – стал в Пор-де-Буке национальным праздником и как никогда оправдал свое название!

Ги хрипло рассмеялся. Лейли вернулась с едой.

– Цыпленок, – уточнила она, окинув гостя жалостливым взглядом.

В этом человеке было что-то трогательное – она не понимала, что именно. Глаза? Голос? Неуклюжесть?

– Считаете меня придурком? Расистом? Мачо?

– Все вместе, мой капитан.

– Но вы со мной все-таки поговорите?

Лейли поставила блюдо на стол.

– Нет, займусь вашим образованием. Слушайте...

История Лейли

Я ослепла в тринадцать лет.

Вам будет трудно поверить, Ги, но сегодня солнце почти меня не беспокоит, только темные очки приходится носить, так что моя коллекция – не дань кокетству, но воспоминание об очень долгом периоде жизни. У Пикассо были розовый и голубой периоды, а у меня черный. Как ко мне вернулось зрение? Это долгая история, я расскажу ее позже. Она еще невероятней той, что вы услышите сейчас. Давайте начнем с самого начала.

Врач в диспансере без эмоций сообщил моему отцу, что я ослепну. Папа рассказал об этом со слезами на глазах – он плакал при мне единственный раз. Я до сих пор не знаю, что это было – удача или

проклятие. Наверное, то и другое вместе. Мысль о слепоте приводила меня в отчаяние, но хоть было время морально подготовиться. Тридцать месяцев, с одиннадцати до тринадцати лет, я прожила в уверенности, что темнота возьмет надо мной верх. Дни укорачивались, утренние и вечерние часы постепенно меркли. Линии в моих тетрадах превращались в кляксы, паучьи лапки, реки серого асфальта, моря чернил. Я тщетно таращила глаза – ночь неустанно готовилась поглотить меня. Очень странно наблюдать, как мир уходит в небытие, шатается, исчезает, а вы остаетесь. Если хорошенько подумать, это в чем-то противоположно смерти.

Так я себя успокаивала. Играла в Кима[52] по собственным правилам, завязывала глаза и вспоминала все-все-все. Слепые от рождения люди достойны большей жалости, им неведомы тысячи оттенков цветов, изящный полет бабочек, красота улыбки. Я была ловкой и умелой, и слепота не могла сделать меня инвалидом, требовалось одно – предельная концентрация. Я понимала: если разовью до предела другие четыре чувства, память сделает остальное. Услышав мяуканье, я следовала за котом. Улавливала аромат масла каритэ – и участвовала в веселом туалетном ритуале женщин нашей деревни. На тридцать месяцев я превратилась в записывающую систему. Впитывала изображения, пейзажи, фотографии, фильмы. Все журналы, которые мог раздобыть папа. Все телерепортажи – их я смотрела в отеле «Джолиба» (меня туда пускали). Учительница мадам Фане говорила, что я становлюсь умнее всех ребят в Сегу, что мне повезло и я упражняю мозг, пока мальчишки гоняют мяч. Она первой назвала меня совой, потому что эта птица видит в темноте. Сова – любимица богини Афины, она олицетворяет мудрость. Мудрость и войну.

Однажды – мне было тринадцать лет, семь месяцев и одиннадцать дней – все стало черным. Окончательно. Засыпая, я едва различала звезды на небе, а утром солнце для меня не встало. Наступила темная ночь, хотя мысленно я представляла себе все созвездия. Сегодня я их не помню, Ги, не могу сказать, где находятся Орион, Вега или Единорог, а в тринадцать лет звездная карта неба и множество других были отпечатаны у меня в мозгу.

Удивительно, но как только я потеряла зрение, окружающие начали говорить: «Какая красавица!» Сначала я принимала их слова за

утешение, но мама брала мою руку, водила ею по моим ногам, которые становились все длиннее, по наливавшимся грудям, по изящному изгибу спины. Образцами мне служили Наоми Кэмпбелл и Катюша Найан[53]. Мама рисовала для меня воображаемый фоторобот, говорила, что я полульвица, вроде Тины Тёрнер, и полуантилопа, как Уитни Хьюстон. Верилось с трудом, думаю, я никогда и не верила, а прозрев, убедилась, что мама была права.

Меня называли красивой. Умной. И слепой. Ровесницы мне не завидовали, красота, наверное, служила защитой от жалости. Найти аргументы против рока нетрудно, и я была не более несчастна, чем другие. Или отказывалась признаваться даже себе. Видите, я уже тогда была самодовольной особой с большими претензиями.

Шло время. Когда мне исполнилось семнадцать, то, о чем много лет говорили шепотом, стало явью: двенадцать жителей деревни решились уйти. Если быть точным – семеро мужчин и пять женщин. Они были самыми молодыми, самыми сильными, самыми смелыми. Сначала нужно было перейти пустыню на севере, чтобы добраться до Туниса, а потом попасть на борт лодки в Табарке и плыть в Европу. Деньги, жалкие накопления, дали жители речного квартала.

Я сказала родителям, что хочу отправиться в путь. Убеждала их двадцать три дня. Трое ушедших, мои кузены, заслуживали доверия и готовы были стать моими глазами, руками, ногами.

Моими поводырями.

А я буду их душой, их переводчицей (мой французский был лучше, могли пригодиться пусть небогатые, но все-таки знания в английском и испанском), их географом – не зря были выучены наизусть названия городов, расстояния между ними, направления дорог, координаты источников воды. Все хранилось в моей памяти.

В памяти проводника.

Поход по пустыне длился одиннадцать дней, потом мы поплыли в Европу на рыбацкой шхуне – посадка в Табарке прошла успешно. Границы тогда охранялись не очень строго. Во всяком случае, ушли мы легко.

Рано утром мы причалили к берегу в Мазара дель Валло. На Сицилии. Я мало что запомнила об этом острове, прежде чем ослепла: фильм «Крестный отец», фотография Этны, гравюра с изображением Сиракуз во времена Архимеда. Палермо, Марсалу, развалины

Агридженто и Селинунта, остров Ортиджию и балконы Таормины я могла лишь вообразать. Последний километр пути нас сопровождали три катера таможенников, а в Мазаре ждали карабинеры. Всех поместили в лагерь, где держали мигрантов из разных африканских стран. Нужно было дождаться, когда изучат наши досье, но на следующее утро мы сбежали. Недалеко. Кузенов отловили по одному, они плоховато играли в прятки.

В отличие от меня.

Я затаилась в темном углу и замерла. Только так выигрывают в прятки. Не шевелиться. Молчать. Не дышать. Нетерпеливых всегда находят. Мамина племянница Фатия каждый день приносила еду и воду – крапа где и что могла. Потом поймали и ее.

Я осталась.

Одна. В моем темном закутке. В нежилой квартире на холмах старого города Агридженто. Комната. Туалет. Стойкий запах горелого железа и серы из находившейся внизу гончарной мастерской. У меня было два выхода: выдать себя или умереть от голода.

Я колебалась, но ждала, сколько могла, чтобы сделать выбор в пользу первого. Наверное, это было ожидание чуда.

И оно случилось. Хотите верьте, хотите нет, Ги, но оно случилось.

Однажды дверь открылась.

Я подумала: *Карабинер... Или насильник (мне часто повторяли, что я нравлюсь мужчинам). А может, вор, хотя что у меня красть? Убийца. Будет жаль, если он пришел убить, у него такой нежный голос. Напевный. Почти женский.*

Его рука легла на мою.

Не бойтесь, мадемуазель.

Этому голосу, этим словам хотелось верить.

И я поверила. О, как же я поверила.

Всем сердцем поверила в чудо.

06:52

Журден Блан-Мартен сидел на тиковой террасе, нависающей над городским портом Ренессанс, и собирался завтракать. Ритуал поглощения еды, приготовленной Сафьету, был выверен до мельчайших деталей. Повариха служила у него двадцать лет и знала все пристрастия и привычки хозяина. Пиала с кофе стояла на льняной скатерти, рядом лежали салфетка и свежий номер «Либерасьон», сложенная вдвое без складок и заломов. Розетка с вареньем из красных фиг соседствовала с тремя кунжутными булочками, разрезанными вдоль.

Блан-Мартен бросил взгляд на рыбный аукцион Пор-де-Бука. Рефрижераторы уезжали в Марсель, шхуны возвращались в порт, пересекаясь с уходящими в море яхтами. День обещал быть жарким. Один из отпускных летних дней, предшествующих обещанному на завтра мистралю.

Журден проверил телефон. Софьету поставила перед ним яйцо всмятку, варившееся в кипятке ровно 2 минуты 53 секунды. Из кухни до террасы оно было доставлено за 7 секунд. Оставшись один, он перечитал последнее сообщение и набрал номер:

- Майор Велика?
- Слушаю... – ответил запыхавшийся сыщик.
- Журден Блан-Мартен.

Полицейский всполошился, как будто одно только имя собеседника подействовало, как трель будильника после тяжелой ночи.

– Как раз собирался проинформировать вас о ходе расследования убийства Франсуа Валиони. Мы продвинулись, но...

Блан-Мартен взял ложечку в левую руку и ударил по яйцу чуть сильнее, чем требовалось. Его всегда бесила угодливая торопливость мелких начальников, и Петар был из их числа, но империю – увы! – не построишь без помощи преданных и усердных служителей.

– Я звоню по другому поводу, Велика. Близкие друзья рассказали мне сегодня ночью об одном мелком правонарушителе, который вышел

с ними на контакт. Он вознамерился организовать канал доставки нелегальных мигрантов. Очень скоро для ребят из предместий ремесло проводника станет престижной дилерства. Каждый пацан, оставивший в Африке дядюшек, верит, что может разбогатеть, вложившись в покупку надувной лодки.

– Чего вы ждете от меня? – поинтересовался Велика.

– Он назначил встречу в северном квартале. Мне известны время и место. Возьмете его, напугаете и отобьете желание пробовать снова. Короче, проведете профилактическую работу.

– Не так это просто, мсье Блан-Мартен. Мы не сможем арестовать парня, если ничего при нем не найдем.

Ложечка из слоновой кости срезала округлый купол яйца слишком быстро, желток растекся, ошметки белка упали на стол. Блан-Мартен терпеть не мог беспорядка. Он мог бы придушить легавого, лишившего его невинного наслаждения едой. Идеальный обряд вкушения ежеутреннего яйца заменял Журдену йогу. Плавность жестов. Точность удара по скорлупе. Утонченность дегустации. Он постарался успокоиться: Блан-Мартен не превратится в карикатуру на владетельного сеньора, гневающегося на весь мир из-за *не такого* яйца.

Только не он...

– Вы справитесь, Велика. Придумаете, к чему прицепиться. Шины у скутера плохо накачаны, сам не похож на фотографию в паспорте. Любой предлог – и вы преподадите парню урок хорошего поведения.

– Без свидетелей и улик задержание будет незаконным, мсье.

Усердный вассал упирался. Петар Велика не хотел играть роль квартального воспитателя. Блан-Мартен ему явно докучал. Интересно, чем он может быть занят в такую рань? Блан-Мартен поднес ко рту ложечку с теплым желтком и до блеска ее облизал.

– Мне кажется, Велика, до сих пор у вас не было повода жаловаться на мои наводки. «Вогельзуг» добросовестно сотрудничает с полицией, так ведь? Сколько преступных группировок вы накрыли бы без меня?

– Конечно, мсье. Без вас все нелегалы обретались бы на улице, пытаюсь выжить любым способом, но...

– Я пойду дальше, – перебил майора Блан-Мартен, – и попрошу вас посадить парня в тюрьму... На одну ночь. А уж там

перевоспитавшиеся старшие братья научат его уму-разуму, это я беру на себя.

– Посмотрю, что удастся сделать, – буркнул Петар.

Он явно был раздражен. Блан-Мартен слышал какие-то посторонние звуки, но легавый не похож на мужика, подающего завтрак в постель подружке, и вряд ли станет жевать круассаны, держа на коленях младенца.

– Я в вас верю, майор. Профилактика – великое дело, помните об этом. Нужно вырвать зло с корнем, пока не пошло в рост. Возможно, ночь в тюрьме спасет недоумка от тюремной карьеры.

Он сделал паузу и выскреб белок любимой костяной ложечкой – серебряная придавала яйцу гадкий привкус, – бросил взгляд на бассейн и начал развязывать левой рукой пояс халата. Блан-Мартен каждое утро проплывал километр и только потом принимался за дела.

– Должен с вами попрощаться, Велика. Через три дня начинается симпозиум «Фронтекса». Я буду делать доклад на открытии, а вы займитесь работой и избавьте меня от деталей. Найдите девку, которая убила Франсуа до начала пышного раута, – при наличии фотографии это вряд ли будет так уж трудно.

21

08:22

Школа находилась в конце улицы, длинной прямой линии, засаженной оливами, чтобы их тень по утрам спасала от солнца. Тидиану было плевать на тень. Потный, в шортах и футболке, с ранцем на спине, он поддавал мяч ногой, точно зная, что сумеет обвести любое дерево, не сбавляя темпа.

Ну ладно, олива – даже самая толстая, столетняя – не Варан и не Канте[54], но она блокирует тебя тайными корнями, вспоровшими тротуар, или протягивает ветку и хватает за майку. Тидиан попробовал устранить последнего защитника ловким финтом, но мяч откатился на несколько метров. Сначала мальчик заметил кроссовки.

Фирмы «Найк».

Красные с черной запятой.

Огромные. Как минимум сорок седьмого размера.

Мяч «Марокко КАФ 2015» взлетел вверх, и Тидиан поднял наконец глаза.

– Альфа́!

Он кинулся в объятия старшего брата, тот оторвал его от земли и закружил в воздухе.

– Сюрприз, малыш! Скажи-ка, это, часом, не мой мячик?

Он поставил Тидиана на землю и бросил на него суровый взгляд, как наставник, явившийся конфисковать игрушку у хулигана.

– Ты знаешь, что это коллекционная вещь?

– Ну еще бы, Альфа́... я с ним не расстаюсь, ты ведь предупредил.

Тидиан знал, что никогда не будет таким высоким, как брат. Таким сильным. И таким храбрым. Они кровные братья, отцы у них разные. Он унаследовал гены очкастого профессора-коротышки, которого никогда не видел, но представлял по рассказам дедули Муссы и бабули Марем. Мама о нем никогда не заговаривала.

– Я сумею себя защитить!

– Не сомневаюсь, клоп. Кстати, мне нужна твоя помощь.

Тидиан просиял. Он понадобился старшему брату!

– После школы, Тиди, – не *вместо*, а *после*! – отправишься в «Олимп» и заберешься на апельсиновое дерево.

– До окон квартиры дедули и бабули?

– Выше, Тиди. Намного выше. Как можно выше, чтобы видеть дома. Будешь моим дозорным – предупредишь об опасности.

Тидиан вдруг немножко испугался. Он никогда не забирался выше четырех метров и даже не знал, закружится у него голова или нет. Что, если его увидит дед или бабушка? Протестовать он не решился, только спросил, стараясь, чтобы голос не дрожал:

– О какой опасности?

– О легавых. О подозрительных типах. Обо всем, что покажется необычным.

Тидиан спросил себя, как заметит полицейских, если те приедут на гражданской машине и будут не в форме? А подозрительных типов в квартале полно. Неожиданно его осенило: наверное, он все-таки унаследовал от мамы некоторые черты характера.

– А мне какая выгода?

Альфа́ не только удивился – он восхитился младшим братом, который за секунду словно бы вырос на пять сантиметров. Выхватить

мяч из-под локтя Альфа́ он, конечно, не мог, но впечатление произвел.

– Ну ты силен, Тиди... Как насчет футболки с автографом Баррады?

Мальчик не поверил.

– Для этого придется поехать в Дубай. А тебе какая выгода?

– Деньги, Тиди. Много денег.

– Нам не нужны деньги, у нас есть мамино сокровище.

– Ты знаешь, где оно?

– Почти... Я ищу, у меня появилась идея.

– Это хорошо, Тидиан, – похвалил Альфа́, улыбнувшись глазами.

Он кинул младшему брату мяч и продолжил: – Не потеряй. Таких всего три. Два других принадлежат Месси и Роналду. Так что он мне дороже тебя.

С этими словами Альфа́ исчез.

«Когда вырасту, буду как он», – решил Тидиан.

22

09:07

– Да будет вам известно, о, ч́удные звездочки на небосводе страны Утренней Свежести, что мне прекрасно знаком Сеул.

Перед Рубеном стояли шесть корейских студенток в униформе Кёнбукского национального университета[55]. Они ждали, когда управляющий закончит предаваться воспоминаниям, чтобы заплатить по счету. Рубен изъяснялся на смеси французского с английским, и девушки, судя по всему, прекрасно его понимали. Во всяком случае, слушали они заворуженно.

– Я тогда работал в «Гранд-Отеле» в торговом квартале Мёндон. Тридцать шесть этажей, полторы тысячи номеров, в том числе президентские апартаменты, где часто ночевал Пак Чонхи[56] с одной из двадцати трех любовниц. Каждую ночь с другой.

Студентки захихикали.

Лейли ждала с пылесосом в руке, чтобы азиатки сдали ключи. Тогда можно будет сделать уборку. Она заступила на смену в девять утра, комнаты должны быть готовы к полудню, а этот трепач

разливается соловьем. Но Лейли не злилась, рассказы Рубена даже забавляли ее.

– Вы шокированы, мои птички? Право, не стоит. Я сам закрутил роман с женой президента. Она хотела учиться тхэквондо, а меня, по прихоти судьбы, приобщил к этому благородному боевому искусству сам генерал Чхве Хон Хи[57]. Одно за другое – и вот я уже ублажаю первую даму вашей многоуважаемой страны, а ей был свойствен сексуальный аппетит всех двадцати трех любовниц разом!

Корейские студентки, которые, если верить их бейджикам, приехали посетить портовые сооружения Пор-Сен-Луи-дю-Рон, переглядывались и краснели. Лейли попыталась перебить Рубена и получить ключи, но поток его красноречия не иссякал.

– Вижу, вам наскучили древние альковные истории, так перейдем же к серьезным вещам, мои лакомки. Я должен задать нескромный вопрос, занимающий умы моих коллег во всех концах света. – Последовала многозначительная пауза. – Вы опустошили мини-бар? Шампанское «Дейц»? Водка «Абсолют»? Коньяк «Отард»? Хм, малышки, было бы серьезной ошибкой лишиться себя этого. – Он лукаво подмигнул: – Что, если я закрою глаза на все, а вы... никому ничего не расскажете о моем знойном романе с вашей президентшей?

Лейли не удержалась от улыбки. В стандартных номерах «Ибиса» не было ни мини-баров, ни ручек с конвертами, ни бутылочек с шампунем, выносить оттуда нечего, так что... Она раздвинула корейнок и пошла в холл.

– Этот роман был, конечно, общеизвестен, но вы, хрупкие газели, слишком молоды, чтобы помнить мои шалости. Впрочем, один пронырливый репортер «Корея дейли ньюс» поместил на первую полосу снимок вашего покорного слуги в более чем пикантной позиции. Но в то время газета довольствовалась тиражом в шесть миллионов семьсот тысяч экземпляров, это сегодня такая фотография, размещенная в твиттере, имела бы... миллиард просмотров. Ничего удивительного: брючки тобок[58] первой дамы государства спущены до щиколоток, а она увлечена моим черным поясом[59]. Бедняга Пак вынужден был публично защищать честь законной супруги, чем навлек на себя гнев двадцати трех наложниц. Он вызвал меня на дуэль по Хайдонг Кумдо[60] в школе «Гора Дракона». С фехтованием я был

отдаленно знаком по «Трем мушкетерам» и предпочел спастись бегством. Куда? Увы, об этом я рассказать не успею...

Принтер у него за спиной наконец выплюнул счета. Студентки покидали «Ибис» с сожалением, и Рубен в утешение раздал им проспекты.

– Раз уж вы будете посещать все крупнейшие порты планеты, остановитесь в «Ибисе» в Лас Таблас, в Панаме. Мой коллега Эстебан Родригез расскажет вам, как мы вдвоем путешествовали в контейнере в обществе тридцати девственниц из племени масаи. Их собирали за красоту по всей Абиссинии и обучали английскому, ведь они должны были принять участие в конкурсе красоты «Мисс черная Америка» в нью-йоркском отеле «Гранд Хаятт».

Лейли решила не звать Рубена, взяла со стойки ключи и пошла по коридору, не услышав очередной шутки, ужасно рассмешившей корейнок.

Номер 11.

Открыто.

Номер 13.

Открыто.

Номер 15.

Открыто.

Лейли действовала последовательно и энергично, оставляя двери распахнутыми, толкала перед собой тележку и складывала в нее грязное белье и полотенца.

Номер 17.

Откр...

Она слишком поздно услышала за спиной звук торопливых шагов Рубена. Слишком поздно поняла, что номер 17 – один из тех, которые ей запрещено отпирать.

Рубен не заметил, что она случайно прихватила и этот ключ. Успела вставить его в замочную скважину. Повернула ручку. Толкнула дверь. Она могла успеть закрыть ее или оставить щелку и не смотреть.

Да, она могла бы ничего не узнать. И ничего не увидеть.

Но она их услышала. Тех, кто был внутри. И ничто на свете не помешало бы ей войти в этот номер теперь, когда она узнала секрет.

09:22

– Жюло еще не пришел?

Майор Велика раздраженным жестом повесил кожаную куртку на вешалку-стойку, та качнулась, но не упала, как будто не хотела взбесить патрона еще сильнее. Остальные полицейские съежились и попытались стать невидимыми. Этим утром их шефу как нельзя лучше подходила его фамилия[61].

Обычно Петар последним покидал комиссариат, зато приходил позже всех. Этот распорядок позволял покувыркаться с Надеж, а потом заявиться на рабочее место, как к родному очагу, где ждет любящая жена. Шторы раздернуты. По кружкам разлит горячий кофе. Компьютеры урчат. Но сегодня Журден Блан-Мартен нарушил привычный утренний распорядок майора и на весь оставшийся день испортил ему настроение. Блан-Мартену легко гуманно относиться ко всем нелегалам планеты, сидя в своей башне из слоновой кости – на вилле «Ла Лавера», где его сторожит свора сенбернаров. А легавому приходится выслеживать каналы их доставки в Европу, вести профилактическую работу среди тех, кто мечтает о карьере проводника, и одновременно ловить убийцу шефа финансовой службы «Вогельзуг».

– Куда он отправился? – встревожился Петар.

– Сказал, что ему нужно в больницу, – подал голос Риан.

– Зачем? – изумился майор.

Проклятье!

Для полного счастья не хватает только, чтобы слег заместитель...

* * *

Лейтенант Жюло Флор не торопясь шел по огромному парку больницы Авиценны, вдыхая ароматы дурмана и жасмина. Он был на голову выше профессора Вакнина[62], лучшего гематолога и главврача лечебного учреждения, специалиста по тропическим болезням, иммунолога, а кроме того, читающего лекции в десятке университетов. Спокойный, немолодой, хорошо образованный, этот знаменитый доктор не имел никакого желания уходить на пенсию. Говорил профессор медленно, как педагог, собаку съевший на популяризации знаний для профанов – от обеспокоенных пациентов до студентов в аудитории. Этот жанр изложения весьма результативен на консультации, но в аудитории действует на манер снотворного.

Вакнин согласился поговорить с полицейским между двумя важными встречами, предложив пять минут прогуляться по парку и заодно насладиться солнечным теплом и светом. Профессор был в соломенной шляпе-трилби[63], но все равно старался держаться в тени редких деревьев.

– Вот что, лейтенант, прежде чем объяснить вам разницу между кровью и родственными связями, я должен сообщить нечто важное. Группы крови А, В, 0, если так понятнее, распределены по территории планеты неравномерно. Группы крови стали следствием очень древних связей человека с окружающей средой. Точнее, с биотопом[64], в том числе с питанием или сопротивляемостью локализованным патологиям. В самом начале – я имею в виду доисторические времена – у всего человечества была нулевая группа. Группы А и В появились между десятым и пятнадцатым тысячелетием до Рождества Христова в Азии, на Ближнем Востоке и на склонах Гималаев, откуда началось великое расселение в сторону Европы, где и зародилась группа АВ, самая редкая из всех. Случилось это двенадцать веков назад.

Жюло не решался перебить профессора и с тоской спрашивал себя, почему для ответа на простой вопрос: «Можно ли определить отцовство, сделав анализ крови?» – потребовалось вернуться в эпоху юрского периода.

– Даже сегодня, несмотря на смешение популяций, группы крови распределены неравномерно. Изначально у всех американцев была нулевая группа, а в Китае почти нет людей с нулевой отрицательной. Африканский континент – пример большего биологического разнообразия. У представителей народности пель, например, чаще встречается группа А и реже – группы В и 0, в отличие от соседних этносов.

Жюло пытался сообразить, какие выводы можно сделать из лекции профессора.

– Получается, по анализу крови можно определить географическое происхождение индивидуума?

Вакнин ответил удрученным взглядом. Прогулка по садам медицинского центра в обществе человека в белом халате заставила Жюло усомниться, все ли у него в порядке с головой, а сарказм в голосе собеседника не добавил оптимизма.

– Нет, лейтенант, что за дикая идея! С незапамятных времен человечество перемешалось, и не один раз, а стены начали строить недавно – по историческим меркам, конечно. Самая... продвинутая часть человечества питается в основном гамбургерами, кебабами и пиццей, и тем не менее кровяная система западного человека до сих пор не адаптировалась к новой системе питания.

Доктор выдержал паузу, чтобы инспектор оценил шутку, и вдруг посерьезнел.

– Понимаете, лейтенант, биологическое разнообразие крупных миграционных перекрестков является одним из главнейших санитарных вызовов, которые мы должны разрулить. В больших городах живут мужчины и женщины с разными группами крови, но с донорами дело обстоит иначе. Сдача крови по-прежнему связана с психологическими, социальными и даже религиозными критериями. У нас в Марселе наблюдается постоянный дефицит крови некоторых групп. В Париже та же картина. И в любой мировой метрополии. Приходится тратить кучу денег на информационные кампании и агитацию среди некоторых популяций.

Вакнин замедлил шаг, решив полюбоваться цветущей бугенвиллеей, а Жюло подумал, что поиск редкой группы крови объясняет, зачем убийца взял анализ у Франсуа Валиони, прежде чем перерезать ему вены. Тем не менее он был не готов расстаться и с первой гипотезой.

– Давайте все-таки вернемся к изначальному вопросу. Итак: по анализу крови отцовство определить нельзя, но опровергнуть можно?

– Именно так. Вот это поможет вам понять. – Профессор достал из висевшего на ремне портфеля листок и протянул лейтенанту: – Полная таблица невозможностей. Изучите на досуге, не так уж это и сложно. Даже самый глупый из моих студентов, как правило, справляется.

Вакнин присел на парапет фонтана из серого камня, сделав Жюло приглашающий жест.

– В простой таблице из восьми колонок на восьми строчках расположены все типы А, В, 0, АВ, положительные и отрицательные. В колонке – кровь отца, в строчке – матери, на пересечении типы крови, которых не может быть у их детей. Так, если у обоих родителей группа А+, а она такая у трети населения Земли, то у них не могут родиться дети с группами крови АВ или В. У родителей с группой 0+ рождаются

дети только с группой 0. Мы можем быть более точными с редкими группами крови. У двух родителей АВ+, или трех процентов населения мира, не может быть детей с нулевой группой крови... На самом деле существует несколько комбинаций крови родителей, которые способны родить детей со всеми возможными группами крови.

Жюло внимательно смотрел в таблицу.

– Подведем итог, профессор: если мне известна моя группа крови и группа матери, я могу сделать вывод, что мой предполагаемый отец – не мой отец?

Вакнин бросил на него восхищенный взгляд. Наверное, мысленно возгордился собственным педагогическим гением, а не интеллектуальными способностями ученика.

– Bravo, лейтенант, вы ухватили суть. Вы сможете уверенно утверждать, что ваш... якобы отец таковым не является. Обратное невозможно. У него не больше шансов быть вашим отцом, чем у миллиона других мужчин той же группы крови, живущих на планете.

* * *

Жюло появился после 10:00. По коридорам ходили полицейские, в том числе Риан и Мехди. Лейтенант зашел в кабинет шефа, положил отсканированную таблицу на стол и обратился к Петару:

– Я почти выяснил, зачем у Франсуа взяли кровь. А у вас какие успехи?

– Ноль. Я застрял на историях с мигрантами. Это отнимает время, приходится задействовать людей, а ты играешь в Шерлока Холмса и изображаешь посредника между МИДом, МВД, пятнадцатью посольствами и десятками ассоциаций.

Жюло ничего не ответил.

– Единственное, чего удалось добиться за утро по делу Валиони, – проворчал Петар, – это разрешения поставить человека у отеля.

Лейтенант удивился.

– Думаете, может быть еще убийство? – спросил он, присаживаясь на край стола.

– Думаю.

– Почему?

– Чутье старого легавого подсказывает, малыш. И вся мизансцена. Девка с наглыми глазами. Тип, которого она подцепила в интернете, как

будто пристреливала мишень. Твоя маленькая возлюбленная похожа на самку богомола. Не согласен?

Флор ответил не сразу, обдумывая идею шефа. Потрясающий он все-таки человек! С самого начала расследования интуиция лейтенанта тоже не дремала, но он не решался подать голос.

– Конечно, согласен. Но зачем нам наблюдатель у «Ред Корнера»? Если *Vamb13* задумала еще одно преступление, вряд ли она рискнет вернуться туда.

Петар с досады щелкнул по клавише компьютера.

– Ну и вопросыки у тебя, парень! Когда в урну закладывают бомбу и она взрывается, никто не спрашивает, зачем неделю караулить рядом с ней террориста, потому что даже законченный кретин не выберет дважды одно и то же место для закладки.

– А может, мы перестраховываемся? Ведь если debil прикипел к одной урне, а мы слишком хорошо о нем подумали и наблюдали за другой, это будет выглядеть как вопиющая некомпетентность. Знаете, патрон, решая, за что получить взбучку, все выберут чрезмерное усердие, а не широту взглядов! Такова ирония принципа предосторожности. Человек терзает себя абсурдными страхами, рассудок изобретает нормы, чтобы эти самые страхи никогда не материализовались.

Петар бросил на подчиненного изумленный взгляд:

– Ах ты чертов мелкий гений! Я годами торможу на истории с помойкой, а ты взял и разъяснил ее мне, как какому-то пригостишке!

Жюло пожал плечами, проигнорировав комплимент:

– Элементарно, патрон. А пока ваш Шерлок Холмс продолжит развлекаться. Хочу побольше узнать о проклятых браслетах и ракушках с Мальдив, выяснить, зачем Валиони ездил в Эс-Сувейру.

– Это подождет, Шерлок.

Жюло замер, недосняв куртку.

– Не хочешь размять ноги?

У лейтенанта Флора было стойкое ощущение, что всякий раз, когда речь заходила о «Вогельзуг», его шеф уклонялся и переводил разговор на другую тему. Простое совпадение? Он уставился на живот Петара, обтянутый голубой рубашкой.

– Предлагаете пробежаться вдоль моря?

Майор вскочил:

– Лучше. Задержать парня, вознамерившегося сделать карьеру и нажить состояние на переправке нелегальных мигрантов.

– А что он сделал?

– Ничего!

– То есть как?

Велика уже одевался.

– Не пытайся понять, это профилактическая мера. – Он посмотрел на сине-бело-красный герб, прикрепленный над балкой. – Кузина принципа предупреждения.

Жюло колебался, хотя Петар не оставил ему выбора. Ну что сегодня за день такой неудачный! Он с самого утра занимается тем, что больше всего ненавидит в профессии, – выслушал научную лекцию о крови, а теперь вот придется ехать на задержание. Не хватает только вскрытия на ночь глядя! Жюло покосился на экран майорского компьютера с фотографией африканского города крупным планом, – города такого плоского и пыльного, словно его выстроили на песке и из песка.

– Где это, патрон?

– В Бенине. Котону. Родина большинства задержанных вчера типов. Посольство надоедает с бумагами и...

– Можно взглянуть? – Жюло придвинулся к экрану, не дождавшись кивка шефа.

– Хочешь провести там отпуск?

Лейтенант не ответил. Его заинтриговала одна деталь. Почти сюрреалистическая. Он даже решил, что стал жертвой галлюцинации. В пейзаже Котону, практически целиком составленном из низких домов с шиферными крышами, главенствовала башня. Одна-единственная. Жюло повернулся к Риану, который принес два синих кевларовых бронежилета:

– Что это за монумент?

– Похож на башню ЦБГЗА.

– Расшифруй...

– Центральный банк государств Западной Африки[65]. Валютная зона франка КФА[66]. Восемь стран, миллионы клиентов, западноафриканская еврозона, если хотите... а башни – соборы. Небоскребы – по одному на столицу. Они тянутся к небу в Котону,

Уагадугу, Бисау, Абиджане, Бамако, Дакаре, Ниамее, Ломе и напоминают умирающим от голода о могуществе денег.

Майор перебил Риана и окрысился на Жюло:

– Что за новая блажь, паренек?

Тот даже головы не поднял и кликнул мышкой, увеличив банк-небоскреб в Котону.

– Взгляните, патрон.

Велика и Риан синхронно уставились в мониторы.

Господь милосердный...

Они не верили своим глазам.

Вдоль башни шли четыре белые вертикальные линии.

Жюло укрупнил изображение, и стали видны элементы декора семнадцати бетонных этажей. Четыре линии. Четыре раза по тринадцать гигантских ракушек. Аналогичных тем, которые нашли в кармане Франсуа Валиони.

Никаких сомнений. Такие можно найти только на Мальдивах, и их воспроизвели в пятидесяти скульптурах метровой высоты, видимых из любой точки Котону.

– Вот дерьмо! – сквозь зубы ругнулся Петар, глядя на лейтенанта. – Ты что-нибудь понимаешь?

– Ни хрена не понимаю...

Риан бросил коллегам жилеты.

– Но если мы сию же секунду не рванем в «Олимп», пропустим свидание.

24

9:29

Рубен Либерос положил руку на плечо Лейли.

Он опоздал.

Дверь номера 17 отеля «Ибис» города Пор-де-Бук уже приоткрылась. На Лейли смотрела дюжина глаз, и удивление в них было неподдельным.

Двенадцать больших, сверкающих белками глаз.

Четверо мужчин, женщина и подросток. Мужчина с голым торсом вышел из ванной, другой перебирал струны гитары, еще двое читали.

Паренек сидел спиной, женщина заплетала дреды. Лейли узнала Нуру.

Африканцы. С территорией южнее Сахары. На журнальном столике горячий чайник.

– Моя принцесса пустыни, – произнес Рубен в спину Лейли, – я благодарю провидение, что именно вы обнаружили моих протеже.

Она вошла в комнату. Попыталась улыбнуться Нуре, но коллега ответила безразличным взглядом.

– Устраивайтесь поудобнее, прекрасное дитя.

Сидевшие на одной из кроватей подвинулись, давая Лейли место, и Рубен пустился в объяснения:

– Степень заселенности моего дворца составляет ровно пятьдесят восемь процентов. Называю официальные цифры, подсчитанные казначеями империи *Accor*. Летом процент достигает восьмидесяти семи, зимой опускается до тридцати. В среднем в тринадцати номерах каждый вечер пустуют двадцать семь кроватей – капля в море среди пятисот тысяч комнат, предоставляемых империей в распоряжение клиентов по всему миру. А теперь ответьте, красавица, мог ли Рубен отсиживаться за закрытыми дверями, когда сотни бесприютных путешественников ночуют на улице? Я каждый вечер пускаю в свободные номера пассажиров ветра. Бесплатно, без документов. На один вечер. Одну неделю. Так делишься обильным обедом с оголодавшим соседом.

Лейли посмотрела на Рубена. Костюм антрацитово-серого цвета, черный галстук, набриолиненные седые волосы. Кто бы мог заподозрить в этом представительном мужчине диссидента? Уж точно не его начальники из штаб-квартиры *Accor*!

А управляющий продолжил свой монолог, и Лейли вдруг поняла, что показное самолюбование маскирует настоящую застенчивость. Мифоман, трепач, но болтливость служит ему защитой. Герой повседневной жизни. Правду, как известно, легче всего спрятать в море лжи.

– Сжальтесь, Лейли, не смотрите на меня этими влажными, как у газели, глазами, иначе я сию же секунду выставлю наших друзей за дверь и мы останемся наедине в замке тысячи и одного номера. Ваш покорный слуга всего лишь выполняет работу наемного служащего, поддерживающего репутацию заведения. Руководство не в курсе моих маленьких комбинаций, но никто не станет спорить, что наша главная

задача – давать приют мужчинам и женщинам, нуждающимся в помощи... повсюду на планете. В семьдесят восьмом, в ханойском «Ибисе», у меня месяц жили пятьдесят три семьи из Камбоджи. В девяносто третьем, в Кигали, я спас сто двадцать семь представителей народности тутси, которые...

Старший из присутствующих, коротышка в очках с толстыми стеклами и слишком широких бежевых полотняных штанах, перебил Рубена:

– В Кигали, брат, никогда не было отеля «Ибис».

Управляющий расхохотался:

– Захерин, чертов старый краб! Неблагодарный мерзавец. Я рискую репутацией, а ты выставляешь меня вралем в присутствии двух самых красивых девушек Африканского континента!

Лейли и Нура заулыбались.

Рубен продолжил, нимало не смутившись, сказав, что проявлял гостеприимство по мере возможностей, а они, эти самые возможности, прояснились ближе к вечеру. Зато нелегалы никогда не жили как сельди в бочке. Один номер – одна семья, по кровати на человека, хотя – что греха таить – часто к вечеру в какой-нибудь комнате оказывались целые фратрии, родственники сходились в холле, чтобы поспорить, спеть песню, сыграть на гитаре.

– Или послушать бесконечные истории Рубена Либероса, – пошутил очкарик. – Этот старый безумец пускает нас переночевать по одной-единственной причине: ему требуется публика!

– Понимаю, за что президент Кереку пытался убить тебя целых десять раз, старый ты бессмертный паразит! – со смехом отозвался Рубен и повернулся к Лейли: – Вы уже знакомы с прелестной Нурой, которая делит с вами ответственность за наведение блеска в дворцовых чертогах.

Нура ограничилась ледяной улыбкой.

– А теперь представляю вам моего друга. Дорогого друга. Это Саворньян Азаннай.

Саворньян поднялся с кровати и кивнул. Его сине-черные глаза излучали мудрость. Мягкие, почти женские движения были изящны, как у леопарда. Подобный магнетизм свойствен исключительно личностям – от Манделы до Обамы.

– Ты Лейли? – спросил он. – Лейли Мааль?

– Да. – Она удивилась.

– Вчера я видел твою дочь Бэмби. Она унаследовала твою красоту.

Саворньян не отвел взгляда – дружеского, без малейшей двусмысленности. Братского, но Лейли спиной почувствовала ревнивый взгляд Нуры. Все ясно: она влюблена в Саворньяна, но никогда не признается, надеясь, что язык тела все скажет за нее.

– Твоего сына я знаю ближе, мы с Альфá часто встречались. Он предложил свою помощь. Мы... пока думаем.

Лейли поостереглась расспрашивать. В последней фразе она расслышала сомнение и все поняла, хотя ничего не знала о делах нелегалов. Альфá честолюбивый и решительный. Прямой и честный, но никому не позволяет объяснять ему, где проходит граница между добром и злом. Наверное, ему нравится вести жизнь канатного плясуна. Иногда умного, порой жестокого.

Наступила короткая пауза, и Лейли воспользовалась тишиной, чтобы оглядеть номер 17. Окурки в пепельнице, пустые пивные бутылки, открытые коробки с пиццей, несколько ракушек в стеклянном стакане. Горячий чайник. Чашка перед каждым мужчиной. Запястье гитариста украшает синий браслет. У подростка такой же, но красный. У Захерина браслета нет, у Саворньяна тоже, но у него кольцо на безымянном пальце.

Обручальное.

Всем, кроме Нуры и юноши, перевалило за тридцать. И никаких детей.

– А ваши семьи? – спросила она.

Саворньян глотнул чая.

– Все стараются воссоединиться. Знаешь, мы ведь все недавно приехали. Вот смотри.

Бенинец достал из бумажника фотографию. На ней рядом с ним стояли сияющая молодая женщина с длинными гладкими волосами и двое детей лет восьми.

– Моя жена Бабила – медсестра. Мой сын Кейван обожает поезда, мечтает однажды стать машинистом TGV[67]. Сафи – моя маленькая принцесса. Дочка хочет открыть модный бутик и парикмахерский салон, чтобы делать женщин красивее.

Нура вскочила, не в силах выносить нежность во взгляде Саворньяна, выхватила из стенного шкафа совок и щетку и, стуча

каблуками, пошла к двери. Весь ее вид говорил: мне здесь платят не за чай в постели и разглядывание фоток!

Рубен попытался удержать ее:

– У нас есть время, Нура. Много времени. Пыль покрывает сердца быстрее, чем мебель.

Женщина пожала плечами и вышла. Обстановка разрядилась. Лейли повернулась к Саворньяну:

– Быть проводником опасно?

Он улыбнулся и заговорил – от лица всех присутствующих мужчин:

– Только представь, Лейли. Только представь. Даже если мне выдадут документы... даже если я получу постоянную работу и вид на жительство... Знаешь, сколько времени понадобится на воссоединение с семьей?

Она покачала головой.

– Возможно, целая жизнь. Канадец, швейцарец, японец получает визу за несколько дней, африканской семье требуется бесконечное количество времени. Расскажи ей, Дариус, расскажи.

Сидевший на кровати мужчина отложил книгу. На вид ему было около пятидесяти.

– Я сопровождаю сюда моих братьев, но не являюсь нелегалом. Живу во Франции уже семь лет. Моя жена и четверо детей остались в Того. Работаю на складе Транспортного управления Марселя, мне платят тысячу двести евро в месяц – минимальную зарплату, позволяющую подать в префектуру прошение о воссоединении с семьей. Но существует второе условие: необходимо иметь жилье из расчета десять квадратных метров на человека, в том числе на детей. Я давно пытаюсь получить квартиру – как минимум шестидесятиметровую, хотя платить за нее придется три четверти жалованья. Но кто сдаст такую уборщику-одиночке?

Саворньян переставил столик с чайником в центр комнаты. Все расселись на двух кроватях, как студенты в общежитии, планирующие как минимум переустройство мира. Захерин снова заговорил:

– Французы – хитрецы. Они не отказывают нашим женам и детям, раскрывают нам объятия, любят так сильно, что хотят оказать «достойный прием». А потом инспектор решает, что комнат в квартире недостаточно, или трубы проржавели, или вода течет слишком

холодная, или на чердаке ужасная влажность, а лестница «смертельно» крутая. – Глаза Захерина за стеклами очков подозрительно заблестели. – Тонко, не правда ли, Лейли? Отказать нашим семьям в праве жить вместе под тем предлогом, что они заслуживают комфорта, которого никогда не знали и даже не надеялись узнать?!

– Проверяющих назначают мэрии, – вмешался Саворньян, – и ни одна администрация не захочет повесить себе на шею семьи иностранцев, которые даже не голосуют, вот чиновники и виляют... Тридцать шесть тысяч коммун... Французское государство раздробило права человека на тридцать шесть тысяч осколков.

– Выпьем за права человека, – предложил Рубен, – и за тех, кто все еще в них верит.

Он достал из кармана фляжку «Ликера 43»[68] и протянул мужчинам. Отказался только Саворньян.

– Друзья мои, пью за землю убежища, какой была Франция, за эту землю, приютившую меня в семьдесят первом, когда я бежал от Франко. За Францию, которая приняла моих польских братьев в тысяча восемьсот сорок восьмом, армянских – в девятьсот пятнадцатом, русских – в девятьсот семнадцатом, а потом португальских, греческих и камбоджийских. За ту землю, что первая в мире записала в Конституцию обязанность предоставлять убежище всем угнетенным народам[69].

Он выпил залпом и перевернул чашку.

Пустую.

Захерин последовал его примеру, встал и направился в туалет, на ходу расстегивая ширинку:

– Вот я и помочусь на эту землю, сумевшую стать негостеприимной даже к своим франкофонным африканским братьям, так сильно ее любящим. Нассу на землю, которая поставила вне закона триста тысяч живущих здесь беженцев, в то время как Испания, Италия или Германия узаконивают миллионы. Нагажу на дряхлеющую Францию, не имеющую возможности платить пенсии старикам и готовую попросить граждан трудиться до семидесяти лет, в то время как африканские страны не знают, куда девать безработную молодежь.

Захерин скрылся в ванной комнате. Саворньян поставил чашку с недопитым чаем на стол и обратился к Лейли, словно это она сочинила закон об иммиграции. Женщина не решалась ответить, потому что

никогда ни с кем не обсуждала эти вопросы. Размышляла над ними, но молча. Трудяги-иностранцы – такие же, как она, – жили изолированно. Рано вставали. Поздно возвращались. Бесшумно ходили по пустым офисам. Ездили первыми и последними электричками. На философствование им не хватало ни сил, ни времени. Заклейменные проклятием герои романов Золя и Стейнбека сплачивались, собирались в профсоюзы и выходили на улицы. Сегодня они составляли феноменальный интернационал.

Лейли не высказывалась – только слушала.

– Мы не хотим красть у французов их богатства, – объяснял Саворньян, бурно жестикулируя. – Даже не просим поделиться. Мы созидаем, работаем, потребляем, заключаем браки, делаем детей. Нам нужна только свобода. Чего они боятся? Думают, если приоткрыть дверь, случится обвал? Чушь! Время миграций прошло! Практически ни у кого не осталось средств на путешествия. Бедняки, неграмотные горемыки привязаны к местам, где родились. Эти пленники общинной солидарности, чтобы сбежать от войны или голода на родине, в крайнем случае уйдут в еще более бедную страну.

Сидевший у окна Уисли тихонько пощипывал гитарные струны, сопровождая горестным словам Саворньяна.

– Кандидатов на великое переселение единицы, Лейли. Земной шар пересекают не голодные орды, а смельчаки, честолюбцы, безумцы, изгнанники, психи и мечтатели. Свободные люди. Почти никогда – женщины. Редко – отцы семейств. Все чаще – дети.

Саворньян наконец замолчал, опустил покрасневшие глаза на фотографию Бабилы, Сафи и Кейвана.

– Пси-хи, – тихо произнес он.

За стол вернулся Захерин, и Рубен разлил остатки спиртного по чашкам. Мужчины выпили. Подросток – разговор его не интересовал – мурлыкал что-то на языке бамбара[70] в ритме гитары Уисли.

– Все страны мира подписали Конвенцию ООН о правах ребенка... – Захерин обращался к Лейли. – Но если речь идет о несовершеннолетнем нелегале, отношение меняется: из-за поганца увеличится дефицит бюджета, его придется содержать до совершеннолетия, соблюдать права «малолетки». И власти подбирают страну для высылки и «приблизительную» семью или позволяют улице заняться образованием незваного гостя, а в пятнадцать лет

вышвыривают за пределы страны, заведомо решив, что возраст он себе убавил.

Стало тихо. Все молчали. Рубен потряс фляжку, но она была пуста. Три бенинца выпили по последнему глотку, Лейли встала, взяла пылесос, но Захерин ее задержал:

– Понимаешь, Лейли, наша сила в том, что они никогда не смогут без нас обойтись. – Он повернулся к Рубену: – Я не о тебе, старый псих, ты мелкий эксплуататор, приглашаешь нас выпить, чтобы успокоить совесть, а припас всего литр говенного испанского пойла.

Рубен весело хохотнул.

– Я адресуюсь к *Homo megapolitas*, жизнерадостному землестроителю самых больших и богатых городов планеты. Ему мы всегда будем нужны, чтобы делать, как говорят американцы, грязную, опасную, тупую и тяжелую работу. Кто нас заменит? Кому придет охота, учитывая, что мы невидимки? Мы призраки, но улицы на рассвете подметены, мусор убран, и стекла башен блестят чистотой. А когда встает солнце, вредные зверушки, те, без кого не выживает ни одна экосистема, забиваются в норы.

Лейли шагнула к двери. Поправила платок. Фартук. Запас ее терпения истощился.

Она вышла за дверь, и через несколько мгновений шум пылесоса заглушил голос гитары. По коридору шла Нура с простынями в руках. Молодая метиска даже не взглянула на Лейли, в наушниках гремела музыка, отгораживая ее от окружающего мира. А в голове у Лейли крутилось выражение *феноменальный интернационал*.

12:03

Тидиан не сумел забраться на самый верх апельсинового дерева. Не долез совсем чуть-чуть. Считать метры было трудно, и он ориентировался на дома «Арес» и «Афина». Он устроился на толстой ветке, на уровне второго этажа, как будто решил встретиться с солнцем, пусть даже оставаясь в тени листвы. Мама рассказывала Тидиану историю Икара, и он хорошо ее запомнил, чтобы не повторять идиотскую глупость героя.

Самым трудным оказалось избежать зоркого ока дедушки Муссы и бабушки Марем, пришлось ждать телевахты. Альфа́ все рассчитал. Альфа́ хитрый! Он хитрее всех.

Со своего поста Тидиан видел всю улицу Пастера и всю улицу Жореса, до самого университета. Вдалеке сверкало море, внизу, у подножия дерева, стоял Альфа́.

Свисти, Тиди, сказал старший брат младшему, *свисти, если увидишь в квартале больше одной чужой машины.*

Тидиан обожал, когда брат называл его уменьшительным именем.

Свисти – и я услышу.

Тидиан не мог вспомнить, умеет ли он свистеть.

Ему казалось, что он ждет вечность, и тут в начале улицы Пастера появились два фургона. Абсолютно одинаковых. Синие фонари на крышах не горели.

Легавые. Две машины с легавыми!

Слава богу, судя по скорости света фар, им понадобится не меньше двух минут, чтобы объехать корпуса «Арес» и «Аполлон» и припарковаться во дворе «Посейдона».

Тидиан старался не паниковать. Он сунул пальцы в рот, как учил прошлым летом Альфа́, когда они сидели на набережной у порта и глазели на девушек в юбках. Тидиан свистел. Они оборачивались и ругались. Альфа́ смеялся. Тидиан опускал глаза. И девчонки тоже не могли удержаться от смеха. Прозвучал громкий резкий протяжный свист, и мальчику показалось, что ветки вздрогнули.

У него получилось!

Он посмотрел вниз.

Альфа́ не шелохнулся.

Легавыми командовал потный крепыш-коротышка в кожаной куртке. Тидиан насчитал шестерых, но, возможно, кого-то не заметил. Если они зайдут с двух сторон, Альфа́ будет окружен.

Тидиан отпустил ветку и снова сунул пальцы в рот. Слишком быстро. Ноги соскользнули, обдирая кору. Он едва не упал. Еще чуть-чуть – и повторил бы ошибку Икара.

Мальчик крепко вцепился обеими руками в ветку, восстановил равновесие, вжался спиной в ствол, ругая себя за потерянную драгоценную секунду. В следующее мгновение он свистнул так громко, что позавидовали все птицы квартала.

В здании «Посейдон» несколько женщин вышли на балконы. Что их переполошило – свист или непривычная кутерьма, созданная полицейскими?

Альфá стоял неподвижно.

Он что, не услышал?

Может, Тидиан свистнул слишком тихо?

Или он опоздал и Альфá решил, что все пропало?..

Много долгих часов, даже дней Тидиан будет прокручивать в голове эти вопросы.

Слишком поздно.

Все пропало.

Легавые заняли каждый угол закрытого двора. Альфá в одиночестве стоял под апельсиновым деревом, как первый пленный в игре «Сыщик, ищи вора», которого никто не придет освободить.

Тидиан сомневался, стоит ли свистеть третий раз, ведь теперь это ничего не изменит. Если он свистнет, легавый поднимет глаза, соседи повернутся в его сторону, дедушка с бабушкой увидят внука. Может быть.

Тидиан все время косился в сторону балкона третьего этажа «Посейдона», находящегося вровень с его домиком на дереве. Мальчик не хотел, чтобы Альфá арестовали и – главное – чтобы бабуля с дедулей это увидели.

А кстати, зачем легавым арестовывать старшего брата?

Наркотики? Странно. Да нет, невозможно, Альфá весь мозг ему проел лекциями о вреде этой дряни. Хотя он мог торговать, не употребляя.

Толстяк в коже и арабы наставили на Альфá оружие, и тот поднял руки.

У Тидиана отлегло от сердца.

Они его заберут, допросят, задержат.

Старший братец – хитрюга, завтра он выйдет. Раз Альфá дал себя схватить, значит, он чист.

Тидиан смотрел, как двое в синих бронежилетах поверх рубашек ведут брата к машине, и спрашивал себя: зачем?

«Это бессмысленно, – думал он, – ты ищешь оправданий, хотя это ты плохо свистнул и провалил первое дело, порученное Альфá...»

Тидиана била дрожь.

Когда машины исчезли в конце улицы Пастера, его затошнило, плакать хотелось так сильно, что он не мог сдержаться.

Он никогда не станет Тиди. Вечно будет малышом Тидианом.

Не быть ему похожим на Альфа́. Альфа́ намеренно сдался. Как в кино. У него был план. Брат запросто обхитрит всех этих легавых. Он сказал, что заработает кучу денег. Больше, чем проклятые сокровища, которые спрятала мама.

26

14:52

Над дюнами вставало солнце. Песок на мягких склонах напоминал кожу с золотистым загаром. В недолговечных холмах пустыни узнавались изгиб спины, рельеф груди, округлость ягодич. Неизвестный автор постера, висевшего в столовой отеля «Ибис» в городе Пор-де-Бук, добивался именно такого эффекта. По аленущему небу скользила стая перелетных птиц.

Лейли собрала со столов остатки круассанов, масла, конфитюров и ненадолго задержалась перед плакатом, машинально надев солнечные очки. Круглые. Желтые. С веселым смайликом на каждом стекле.

Комната погрузилась в сумрак. Лейли не услышала шагов Рубена.

– Сувенир на память о Нубийской пустыне, – сказал управляющий. – Все, кто у нас останавливается, восхищаются чувственностью дюн, и никто не замечает сливающихся с небом птиц. Священных ибисов! Меня развлекла эта шуточка. Фотограф решил помочь несчастным ибисам, которых в античные времена почитали египтяне. Во Франции их сегодня обвиняют во вторжении в чужой ареал обитания, утверждают, что они занимают чужие гнезда и уничтожают кладки яиц, убивают птенцов, в том числе детишек розовых фламинго.

– Это правда?

– Так говорят. В двух шагах отсюда, в Камарге, как повсюду во Франции, работники заказников, озабоченные сохранением национального природного наследия, убивают ибисов, пытающихся мигрировать в наши болота.

Они постояли, разглядывая картинку, потом Рубен повернулся к Лейли:

– О моя неутомимая султанша, не окажете ли милость вашему покорному слуге? Можете прийти завтра пораньше? К шести утра? В виде исключения. Нура отпросилась на полдня.

Лейли задумалась. Сдвинула «улыбающиеся» очки на лоб.

– Я должна отвести Тидиана в школу. Разбудить его. Приготовить завтрак.

– Понимаю, принцесса, все понимаю.

Рубен был не из тех, кто упрашивает, настаивая на своем. Лейли не слишком хотелось оказывать услугу Нуре, но она вспомнила недавний разговор о феноменальном интернационале.

– Ладно, – согласилась она. – Дедушка Тидиана заберет его после ужина, он переночует у моих родителей, а утром бабушка о нем позаботится. Я пошлю им эсэмэску.

– Спаси... – Рубен не договорил, окончание слова застряло в горле. Изменившаяся в лице Лейли смотрела на экран мобильного.

– Альфа́, – помертвевшими губами произнесла она. – Альфа́, мой старший. Его только что арестовали. У дома моих родителей. Отец видел, как его в наручниках затаскивали в фургон...

Рубен положил руку ей на плечо:

– Ничего. Ничего, все образуется. Он не сделал ничего плохого. Полицейские его отпустят. В худшем случае – если произошла ошибка, – он сбежит. Я рассказывал вам, моя встревоженная Пенелопа, как в семьдесят четвертом сбежал из тюрьмы Бангкванг[71] в семи милях к северу от Бангкока после невероятного бартера?..

– Хватит! – Лейли закричала, горько зарыдала и все повторяла и повторяла: – Замолчите, Рубен! Замолчите!

Управляющий усадил ее. Они долго молчали, а в коридоре гудел пылесос, ходила туда-сюда неугомонная Нура. Лейли всхлипывала и сморкалась в бумажные платки с логотипом «Ибиса».

– Простите... – Голос Рубена прозвучал еле слышно.

– Это вы меня простите! Я не должна была кричать, ведь вы самый милый патрон из всех, кого я знала.

– Сотрудницы всегда так говорят – пока я не попытаюсь их поцеловать.

Лейли улыбнулась. Рубен лет на двадцать старше, значит, он пошутил. Во всяком случае, Лейли на это надеялась. Управляющий слишком элегантен, а вежлив и застенчив, как лицеист. Деликатность девственника.

– Отказав мне, они не злятся, им льстит джентльменское поведение, и я почти всегда становлюсь конфидентом. Больше всего мне доверяют отчаявшиеся! Когда я управлял «Паломаром» в Западном Лос-Анджелесе, то выслушивал откровения Мэрилин за несколько часов до ее самоубийства. А еще утешал Джин Сиберг... Далиду... Роми Шнайдер... – Рубен сделал паузу. – И Клеопатру.

Лейли снова улыбнулась, и Либерос взял ее за руку:

– Предлагаю миновать этап «попытка поцелуя – отказ». Надеюсь, вы не обидитесь, если мы откажемся от глупых *прелиминарий*, предшествующих началу дружбы между мужчиной и женщиной? Доверьтесь мне, Лейли. Доверьтесь, если хотите. Все считают, что мой любимый спорт – рассказывание историй. И все ошибаются. Я повторяюсь, заговариваюсь, поэтому предпочитаю слушать.

Лейли сжала его пальцы, дожидаясь, когда Нура уйдет в конец коридора.

– Ну так слушайте, мой прекрасный конфидент. Слушайте, но никогда никому не передавайте.

История Лейли

Я осталась одна в вонючей комнате сицилийского города Агридженто. Одинокая и слепая. Всех моих друзей и кузенов из Сегу отловили карабинеры. Их ждала высылка в Мали. У меня был выбор – умереть или сдать полицию, и тут открылась дверь и протянулась рука.

Вам не нужно больше бояться, мадемуазель.

Адиль.

Его звали Адиль Заири.

В каждой следующей его фразе звучали слова «слишком красивая». Обо мне. Слишком красивая, чтобы умереть. Слишком красивая, чтобы остаться здесь. Слишком красивая, чтобы не влюбиться. Потом Адиль повторил их десятки раз. Он влюбился с первого взгляда. По ночам Адиль называл меня маленьким больным птенчиком, брошенным котенком, сиреной, выброшенной на берег, но всегда возвращался к главному. К моей красоте.

Адиль жил этажом ниже, услышал шум на площадке, расспросил соседей и узнал, что на четвертом этаже прячется женщина. Всеми покинутая.

Он сразу понял, что перед ним слепая, когда я повернула пустые глаза на звук его голоса. Думаю, я тоже очень скоро влюбилась в него. Не только потому, что Адиль был спасательным кругом во мраке ночи. Я была недоверчива, как тигрица, глуха к обещаниям, как сова, пугающаяся шепота, и полюбила этого мужчину за то, что он нашел в себе силы шутить. Я была жалкой, а он бросился к моим ногам.

– Вы правда слепая? – почти сразу спросил он. – Вы действительно ничего не видите?

Я боязливо шепнула «да» и услышала ответ, которого меньше всего ожидала.

Уф.

Клянусь, именно это, Рубен.

Уф.

Повторил мелодичным голосом: «уф» – и добавил:

– Вы никогда не узнаете, какой я урод!

Я расхохоталась, но Адиль говорил серьезно. В следующие месяцы он часто повторял: «Я не красавец и смогу уложить в постель женщину моей мечты, только если она будет слепой!» Он ласкал подушечками пальцев мои ноги, грудь, спину и все время повторял: «Твое тело совершенно...» Ах, как мне это нравилось! Нравилось гладить лицо Адила (оно не было таким уж некрасивым, можете мне поверить!) и его упругое тело.

Как-то раз, вечером, он посетовал:

– Если ты однажды прозреешь, сразу меня бросишь.

Это случилось через несколько недель после нашего знакомства, и я решила, что Адиль шутит.

Он был французом. Работал в Ассоциации помощи беженцам и много ездил по Средиземноморью. Мы не расставались. Я ждала любимого в гостиничных номерах в Бейруте, Никосии, Афинах, Бари, Триполи. По утрам мы занимались любовью, и он уходил, едва прикоснувшись к завтраку, который я потом клевала весь день. Адиль возвращался вечером и бывал молчалив. Забавно, но говорила я, описывала, как прошел очередной день без происшествий, что я поняла о городе, где мы находились, по звукам с улицы.

Адиль тратил мало слов, но очень меня любил. Часто любил. Женщинам свойственно путать одно с другим. Но не мужчинам.

Однажды вечером – мы тогда жили в комнате над портом Орана – Адиль читал газету, я слушала голоса торговцев фруктами, доносившиеся с эспланады, и вдруг он сказал:

– Послушай-ка вот это, котенок.

Адиль никогда ничего мне не читал. Не любил. А мне так не хватало книг! Я часто вспоминала сказки и легенды, прочитанные во время вынужденного отшельничества, и без устали прокручивала их в голове. В мечтах любимый мужчина читал мне в темноте историю, как делал папа в Сегу, но Адиль предпочитал заниматься со мной любовью. Это понятно – я была его женщиной... Если мы родим детей, возможно, он захочет читать сказки нашей дочери.

– Это важно, котенок.

В тот вечер я прослушала длинную научную статью об операциях на роговице и трансплантации тканей, в результате которых слепые прозревают. По версии автора выходило, что подобное вмешательство все чаще производится в странах Средиземноморья. Мой случай был операбелен, требовал госпитализации всего на несколько дней и не представлял опасности для здоровья.

Я не могла поверить в подобное чудо, мне словно поднесли кубок с вином бессмертия; я думала, прижимаясь к Адилю, что этот разговор – лучшее доказательство его любви.

– Ты больше не боишься, что мы расстанемся, если зрение ко мне вернется? – спросила я Адилья. В этот волшебный миг, обещавший счастье и выздоровление, он должен был понять, как хорошо, во всех деталях, я знаю его тело.

Адиль поцеловал меня.

– Я все наврал, птичка моя, схитрил, чтобы тебя соблазнить. На самом деле я вылитый Ричард Гир!

Я рассмеялась, хотя понятия не имела, как выглядит этот артист. Все было прекрасно, пока я не задала проклятый вопрос о деньгах.

– А сколько стоит эта операция?

– Тридцать тысяч франков. В Марокко чуть дешевле, если платить в дирхамах.

Целое состояние. Годы работы. А я не проработала и дня в своей жизни.

Я была потрясена, но решила утешить Адила:

– Забудем, дорогой, давай обо всем забудем.

Мы больше об этом не говорили. Я все чаще покидала комнату, особенно после наступления ночи. Мы ужинали с друзьями и коллегами Адила или шли вдвоем в бар выпить по стаканчику, а потом курили на берегу моря. Однажды – кажется, это было в Сусе – мы вернулись к себе и он заключил меня в объятия. От него сильно пахло бухой, тунисской фиговой водкой. Я почти не пила и чувствовала себя потерянной, угнетенной, уязвимой, как только алкоголь притуплял мои чувства. Слух. Обоняние.

– Сами говорит, ты очень красивая.

Сами был аристократом франко-тунисского происхождения. Остроумный, обаятельный, богатый мужчина, на которого работало много народу.

– Он... – Адиль еще крепче прижал меня к себе, прежде чем продолжить. – Он предложил мне две тысячи динаров, если ты согласишься лечь с ним.

Сначала я не поняла, что это не шутка, Адиль не настаивал, и все как будто забылось. Несколько недель спустя он повторил предложение. Мы все еще оставались в Сусе. Адиль получил постоянную работу в ассоциации – работал с консульством, оформляя беженцам документы, меня в детали не посвящал.

– Сами предлагает три с половиной тысячи динаров.

Я сидела на кровати. За окном, в небе над кораблями, летали чайки. В этот раз я поняла, что Адиль говорит серьезно.

– Я не имею права помешать тебе использовать этот шанс, – пробормотал он и поспешил объяснить: – Ты можешь снова увидеть мир, Лейли! Все просто. Дело нескольких месяцев... возможно, лет. Мы оба знаем, как дорого стоит операция. Но... но многие мужчины готовы платить огромные деньги за твою... любовь.

Я плакала. Адиль тоже. Впервые на моей памяти.

– Я хочу, чтобы ты обрела счастье и нормальную жизнь, – повторял он.

– Не могу, Адиль. Просто не могу!

– Сделай это для меня, – после долгой паузы произнес он дрожащим голосом. – Для нас. Хочу, чтобы ты в один прекрасный день

увидела мое лицо. Хочу прочесть в твоём взгляде, что ты находишь меня прекрасным.

И я согласилась. Ради Адиля. Клянусь вам, Рубен, только ради него. И во имя любви. В голове у меня все смешалось. Я думала: если зрение вернется, я перестану быть обузой. Сила любви Адиля потрясла меня. Позволить мне спать с другими мужчинами, отринуть ревность ради моего счастья, исключительно ради него, моего эгоистичного счастья, – это верх великодушия. Способна ли я на подобную жертву? Нет, конечно нет, ни за что, даже если бы от этого зависела жизнь Адиля! Во всяком случае, так я тогда думала.

На следующий день я легла в постель с Сами. Мы встречались три раза в неделю, потом ему надоело, но Адиль меня успокоил:

– Ты такая красивая! Я найду других мужчин – друзей, коллег, соседей, – готовых раскошелиться.

Он ни разу не использовал слово «клиент».

Он их находил.

Они платили.

Сколько именно, я не знала, а на ощупь одна купюра была похожа на другую. Чаще всего друзья Адиля платили ему заранее. Я пыталась держать в голове суммы – десять раз по тысяче динаров, двадцать раз по пятьдесят франков, тридцать раз по сто долларов... – и все время подсчитывала, как долго мне еще жить в аду.

Адиль ревновал. Я часами ласкала его, убеждала, что он – единственный на свете, самый лучший, ни на кого не похожий. *У тебя самое крепкое тело. Самый тонкий нос. Самая гладкая кожа.* Я хотела все время встречаться с одними и теми же людьми. Мы с Адилем называли *это* встречами. Несколько ближайших друзей, те, кто хорошо платит, говорила я, предпочитая, чтобы ко мне прикасались знакомые мужчины. Каждый новый человек вызывал у меня немотивированный страх, а «постоянных» я приручала. Сама говорила мало – предпочитала слушать. Им нравилось изливаться душу – даже больше, чем заниматься со мной сексом. Возможно, я питала иллюзии и им нравились моя задница и моя грудь, но мне было трудно представить, что они так же хороши, как у Наоми Кэмпбелл или Катюши Найан. Другие образы в моей памяти не сохранились.

Бесспорно одно, Рубен: у них развязывался язык.

Они говорили о своей жизни. Своих женщинах. Своих детях. Своих страхах. Своем одиночестве. Не умолкали – как неугомонные дети.

Сначала я просто запоминала. Потом, когда все стало мешаться в голове, попробовала придумать, как помочь памяти. Записывать? Невозможно. Перечитывать? Исключено! Я решила попросить о помощи Надию. Она работала официанткой в баре отеля «Ганнибал», где Адиль устраивал мои свидания. Он снимал большой номер с видом на базар, говорил: «Хочу, чтобы ты весь день слышала жизнь!» – и покрывал мое лицо поцелуями. Я знала, что Адиль любит меня, несмотря на оскверненное тело. Иначе не заботился бы так.

Я попросила Надию купить маленький блокнот и после встречи диктовала ей откровения любовников. Фамилий они не называли, но я знала их имена, имена их жен и детей, их фобии, фантазии и мечты. Надия все записывала и, если я хотела, перечитывала мне. Она одна воспитывала крошечную дочь, и ей нравилось поднимать мужчин на смех. Только Надия знала тайну блокнота, с которым я никогда не расставалась. Он стал моим наваждением. «Я не увижу, как выглядят мужчины, с которыми мне приходится спать, но знать о них буду все!»

Блокнот и сейчас при мне. В Эг Дус. Под матрасом. Я много месяцев его не доставала и не знаю, правильно ли поступила, доверив вам мой секрет, Рубен. Не уверена, что стоило рассказывать о тех черных годах. В ваших глазах плещется жалость, и все-таки, Рубен... И все-таки. Что бы вы там себе ни думали, годы, когда я была слепой и занималась проституцией, были не самыми худшими в моей жизни.

Ночь якоря

27

19:23

Фамилия: Мааль

Имя: Альфа́

Родился 20 мая 1999 г. в городе Ужда, Марокко

– Ты крупный для своего возраста, парень, но ума это не прибавляет, тебя так и тянет на глупости, – заметил Петар, рассматривая документы задержанного.

Риан, одетый в безупречно отглаженную форму цвета морской волны, стоял рядом с майором. Паренек не оказал ни малейшего сопротивления – ни в момент ареста, ни в фургоне – и был очень спокоен, когда начался допрос, но и сотрудничать явно не собирался. Альфа́ вел себя, как подросток, которого достают предки, а он мычит в ответ что-то нечленораздельное и ухмыляется.

Петар и Риан ходили туда-сюда мимо Альфа́, которого поместили в глубине комнаты. В противоположном углу, за компьютером, сидел Жюло и наблюдал за ним. Слушал – не слишком внимательно – монологи коллег, на которые Альфа́ отвечал послушными кивками или тихими «да» или «нет» через паузу, произнесенными с вопросительной интонацией. Взгляд лейтенанта Флора перемещался с полицейских на подозреваемого (кстати, он до сих пор не знал в чем), потом на постер с розовыми фламинго на пруду Ваккарес и, наконец, на экран большого телевизора (он висел на стене в соседнем кабинете и был включен: переработка переработкой, но футбол – это святое!).

«Астра» Джурджу – «Олимпик» Марсель.

Жюло выяснил, что «Олимпик» играет ответный матч 1/32 Еврокубка в прелестном придунайском городке на границе Румынии и Болгарии. Ладно, пусть спорт поможет освежить его географические познания! Альфа́ то кивал, то тянул шею: счет интересовал его больше полицейских нотаций.

Профилактика, твердил Петар, как будто ему платили за каждое произнесенное слово. *Исключительно профилактика...*

«Как бы не так, господин майор!» – веселился про себя Жюло. Двухметровый парень прекрасно понимает, что у них ничего на него нет, даже крупницы порошка в кармане. Только телефонный донос. «Номер», который исполняли Петар и Риан, был хорошо обкатан, совсем как клоунская реприза, но лейтенант сомневался, что на этот раз он сработает.

Майор опирался на статистику: предпринимателям-одиночкам нет места в среде, где царит жесткая агрессивная конкуренция, здесь не берут «подмастерьев», как делают дилеры. Велика готов был привести десятки имен молодых красивых качков, получивших пулю калибра 6 мм между глаз и не воспользовавшихся по этой причине ни абонементом в спортзал, ни прелестями подружек.

Риан исполнял роль кюре-имама-раввина, взывал к морали, вспоминал сотни семей, утонувших с начала года в Средиземном море. «Среди них могли быть твой дядя, твой кузен, твоя сестра, твой отец!» Он поминал знаменитостей, осуждавших торговцев ложной надеждой, Юссу Н' Дура, рэперов, футболистов, которых Жюло знать не знал.

Петар слушал, соглашался и... начинал сызнова.

Лейтенант изумлялся энергии патрона. Никогда раньше тот не проявлял подобной участливости, а теперь словно исполнял поручение. Как директор частной школы, читающий мораль упрямому ученику, который не воспринимает ни слова. И причина тому одна: он знает, что разговор записывается.

Странно... Стоило Риану или Петару (он был вдвое плотнее лейтенанта) сдвинуться с места, и задержанный начинал ерзать на стуле и тянуть шею, чтобы видеть экран телевизора.

– Альфа́ Мааль! Ты слушаешь или нет?

О да, он слушал. Внимательно – как подросток, глядящий в окно на проходящих мимо лица девчонок, пока директор отчитывает его за проступок.

Альфа́ Мааль.

Жюло мысленно повторял имя и фамилию. Уже несколько минут его тревожила какая-то деталь, но понять, что не так, не удавалось. Это было связано с тем, что он недавно увидел, или прочел, или услышал.

Вспомнить не получалось. Ну и черт с ним. Жюло склонился над экраном с огромной раковиной и снимком башни банка в Котону. Ладно, он все-таки понял, как связаны мальдивские ракушки и

банковская система Западной Африки, и на том спасибо. Вернувшись в отдел, он нашел решение – каури, хотя эта информация не объясняла, почему они оказались в кармане Валиони. Лейтенант не мог довольствоваться данными из Википедии, ему нужно было обсудить проблему с Петаром, но он не знал, как долго продлится «урок хорошего поведения», а перерыва ждать не хотел. Жюло продолжил серфинг по гуглу и быстро нашел имя лучшего специалиста по нужной теме. Мохамед Туфик. Профессор современной африканской истории. Три работы о колонизации и деколонизации, десятистраничный список статей в исторических журналах, профиль на фейсбуке, его биография и электронный адрес. Историки перестали быть архивными призраками. Через несколько мгновений сыщик отправил Мохамеду сообщение, где просил о срочном свидании, надеясь, что тот отреагирует немедленно. Университетский деятель наверняка получает меньше посланий, чем звезда телешоу.

Шлепок папкой по столу заставил его вздрогнуть. Петар принес список всех «ликвидаций» и кровавых разборок, случившихся с начала года.

– Так что будем делать, Альфа́ Мааль? – отчеканил майор. – Что *вы* станете делать, если мы вас отпустим? Ответьте на простой вопрос. Где произойдет наша следующая встреча? В морге? Или рыбаки выловят ваш хладный труп сетями из Средиземного моря?

«Шеф переигрывает...» – подумал Жюло, но мучил его другой вопрос.

Имя: *Альфа́.*

Фамилия: *Мааль.*

Умолкни Петар хоть на секунду, Жюло заставил бы строптивый мозг выдать информацию. Вспомнить не удавалось, но странное ощущение, что он читал фамилию и слышал имя, не покидало. Вчера. Именно вчера. Двойное скрытое воспоминание.

Петар наконец заткнулся, лейтенант Флор сделал вдох, но тут от глухого шума задрожали стекла в коридоре: майор выскочил из комнаты, шваркнув дверь.

На десятой минуте матча «Олимпик» пропустил гол!

Риан футболом явно не интересовался, а вот Альфа́ выглядел удрученным. В комнате впервые стало тихо. Риан сделал примирительный жест:

– Хотите кофе, Мааль?

И тут в мозгу Жюло щелкнуло. Свет зажегся, как будто он нажал на кнопку выключателя... Слава богу, что не пришлось часами искать на ощупь.

МААЛЬ.

Он уже видел эту фамилию!

Жюло уткнулся в экран, кликнув на папку *Валиони*, потом на папку *Bambi13*. Еще два клика – и открылась папка, в которую он положил список всех Бэмби из департамента Буш-дю-Рон. Двести тридцать три фамилии, сто девяносто две, если вычеркнуть пожилых и совсем девчонок. Накануне он много часов просидел над списком, искал снимки, любые данные на каждую женщину, но работу не закончил.

Бэмби Лефевр.

Бэмби Лютц.

Бэмби Мааль.

Бинго! Одна из ста девяносто двух Бэмби, проживающих в Буш-дю-Роне, оказалась однофамилицей подростка, которого загребли его коллеги! Жюло лихорадочно шарил по интернету, но не мог найти ни одной фотографии Бэмби Мааль. В профиле на *LinkedIn* обнаружилась только дата рождения: 27 марта 1995 года. 21 год... Совпадает!

Что, если пресловутая *Bambi13*, которую они считают убийцей, родственница Альфа́ Мааля? Возможно, сестра. «А ну-ка, успокойся! – приказал себе лейтенант. – Все это ничего не значит. У Бэмби Мааль не больше шансов оказаться *Bambi13*, чем у всех остальных, и тот факт, что ее то ли брата, то ли однофамильца допрашивают в комиссариате, ничего не меняет...»

Вот только Жюло не верил в совпадения. Лейтенант отдался на волю странной интуиции («Мастерство не пропьешь!» – ухмыльнулся бы Петар). Он не случайно проверил эту фамилию, не случайно соединил имена «Альфа́» и «Бэмби». Это была подсказка подсознания – воспоминание, скрывавшееся за другим воспоминанием.

– Можешь передать мне его дело, Риан? – попросил Жюло.

Эль Фасси протянул ему несколько листков, и Альфа́ впервые обратил внимание на еще одного сыщика. В его взгляде определенно присутствовала тревога. «Значит, я прав! Мы где-то встречались», – обрадовался Жюло.

Коллеги по бригаде хорошо поработали, и неважно, что парень до сих пор не попадал в базу. Он бросил учебу в шестнадцать, аттестата не получил, с тех пор не работал. У него есть младший брат Тидиан. И старшая сестра Бэмби двадцати одного года.

Его сестра... Есть! Лейтенант Флор поднял глаза. Сердце колотилось как сумасшедшее. Альфа́ Мааль смотрел на него холодным взглядом. Непроницаемым. Без страха – на сей раз. А может, подросток успел научиться скрывать чувства? Жюло колебался: стоит или нет давить на парня? *У тебя есть фотография сестры? При себе? Знаешь, где она была прошлой ночью?*

Нет, не стоит.

Слишком рано. Сначала он поговорит с Петаром и достанет фотографии Бэмби. Устроит официальное опознание. А потом, если инстинкт его не обманул, будет вытряхивать душу из парня. Главное – не выпускать его из виду, а то растворится в пейзаже.

Появился Петар, а Жюло прочел еще несколько строчек из дела Альфа́ Мааля.

Законный представитель: Лейли Мааль.

Домашний адрес: Пор-де-Бук, дом *Н9*, Эг Дус.

Безотцовщина?

Пор-де-Бук. Сердце Жюло возликовало. Нет, таких совпадений не бывает!

– Я замолвил за тебя словечко, – сообщил Петар задержанному. – Не будешь тянуть кота за хвост, посмотришь окончание матча. Не в одиночке – с людьми. Карета подана, ночка в тюрьме пойдет тебе на пользу.

Даже не знай Жюло всех секретов правосудия и полиции, подобный – беспочвенный – арест показался бы ему незаконным. Но никто не запротестовал. Не возмутился. Ни Риан. Ни Альфа́ Мааль.

Ни он сам.

В конце концов, этот юнец сам напросился.

Полицейские вышли, а Жюло оторвался от экрана. Темнота опустилась на город. Он посмотрел на постер с изображением озера и сотен розовых фламинго в камышах Камарга. Они напоминали пастельную армию болельщиков, гораздо более симпатичных, чем настоящие – шумные люди, раскрашенные в голубой и белый цвета.

Жюло предчувствовал очередную бессонную ночь, и ему вдруг ужасно захотелось окунуться в душную городскую жару.

В голове по непонятной причине крутилось название.

«Вогельзуг».

Перелетные птицы.

Может, голенастые создания окажутся разговорчивее его шефа?

Через несколько минут – лейтенант уже собрался выключить компьютер – пришло новое сообщение.

От Мохамеда Туфика. Специалист по африканской истории назначал встречу.

Завтра утром. В центре Аль-Ислах.

Центр Аль-Ислах? Школа при мечети?

Петару это понравится!

28

19:30

Ровно 19:30.

На этот раз Лейли не опаздывала, она ушла из «Ибиса» больше двух часов назад, но мысль об ужине не радовала. Готовить тоже не хотелось, пришлось себя заставлять. Расставшись с Рубеном, Лейли совершила привычные действия. Можно подумать, человек каждый день тренируется, чтобы механически делать одно и то же, когда все утратит смысл. Сесть в автобус № 22, выйти на «Литораль». Купить еды в «Лидле»: хлеб, яйца, овощи. Войти в дом. Подняться по лестнице. Отпереть дверь квартиры. Неспешная повседневность, состоящая из пустяков, попадающих на пути. Таких, как этот салат на столе – из того, что нашлось в холодильнике.

Бэмби и Тидиан сидели за столом, глядя в свои тарелки.

В горле застрял комок. Она считала и пересчитывала три тарелки, три стакана, три прибора. На один меньше, чем вчера. «Как будто кто-то умер, – думала Лейли, – муж, отец, брат. В такие моменты их больше всего не хватает...»

Молчание усугубляло похоронную атмосферу. Стул не скрипнет. Вилка не звякнет. «Альфá жив! Его завтра выпустят. Завтра он будет дома». Уже два часа Лейли мучили дурные предчувствия, она могла

думать только о книге, которую читала в хижине в Сегу, перед тем как ослепла. Детектив Агаты Кристи «Десять негрятят». Там гостей, приглашенных на ужин, убивают одного за другим. 10, 9, 8, 7, 6, 5... Всех, до последнего.

Вчера их было четверо за столом. Сегодня – трое.

Лейли мучительно боялась остаться одна. Бэмби и Тидиан в курсе насчет Альфа́, ареста, тюрьмы, но ни один не решается заговорить об этом. Лейли несколько раз звонила в комиссариат, но ничего не узнала. В 16:00 ей ответили: «Еще слишком рано, мадам, дело Альфа́ Мааля еще не зарегистрировано, а около 17:00 секретариат закроется». Лейли не спорила, не протестовала. Слишком рано, слишком поздно, не здесь, рядом... Она привыкла, что ее гоняют от окошка к окошку.

Бэмби наверняка знает, за что полиция задержала Альфа́, он любит делиться со старшей сестрой. Тидиан тоже может знать, старшему брату нравится пускать пыль в глаза младшему. Лейли не стала ни о чем спрашивать. Зачем ставить детей в неловкое положение? Она предпочитает ничего не знать, пусть только Альфа́ вернется домой.

С самого рождения Альфа́ Лейли терзал страх: куда заведет мальчика природная склонность к жестокости? На светлую или темную сторону? В зависимости от этого меняется взгляд на все качества человека. Решимость оборачивается преднамеренностью, стратегия – скрытностью, а изобретательность – порочностью. Многие мелкие бандиты могли бы стать идеальными безжалостными генеральными директорами компаний и президентами корпораций, любой наркодилер выбрасывает адреналина не меньше, чем бесстрашный пожарный. Бесчисленные отцы семейств, еще вчера жившие на взводе, теперь утихомирились, но папаша Альфа́ был не из таковских, и сын, если она не успеет, пойдет по его стопам.

Усталый взгляд Лейли скользнул по салату, очкам в корзине, баку с бельем и коллекции сов. Худшую обувь носят сапожники, хуже всего воспитаны учительские детки, так почему бы квартирам уборщиц не выглядеть самыми запущенными?

– Мам, можно я посмотрю второй тайм с дедушкой? – отвлек ее Тидиан. – И добавленное время, если будет по нулям...

«Спасибо, Тиди...» – мысленно поблагодарила сына Лейли. У нее вылетело из головы, что завтра она подменяет Нуру. Придется встать в

полпятого, чтобы оказаться в «Ибисе» к шести утра. Дед почитает Тидиану после ужина.

– Я подумаю... – ответила она не внушающим надежды тоном и поинтересовалась: – Почему ты не ешь, Бэмби?

– Мы с Шерин идем в *KFC*, не ужинать же дважды. Достаточно того, что...

– Что ты сделала над собой нечеловеческое усилие и села за стол с семьей?

– Ну, мам, только второй тайм! – канючил Тидиан.

– Нет! – рявкнула Лейли, сама не зная, к кому из детей относится запрет.

Мальчик не расстроился: дедуля Мусса включит ящик, как только мама отвернется.

– Ладно, я пошла. – Бэмби встала, одета она была сексуальней, чем накануне. Короткая юбка. Голые ноги. Коротенькая кожаная курточка. Белый топ, обтягивающий лифчик *Wonderbra*.

– Уже?

Девочка не прикоснулась к еде. Только воды выпила и поклевала хлебный мякиш. Переминается с ноги на ногу от нетерпения. Нервная. Возбужденная.

19:52

Бэмби хватило на полчаса – профсоюзный минимум. Долго еще Лейли удастся собирать за столом всех своих детей? Скоро ли дочь начнет придумывать убедительные отмазки?

Как Альфа́ сегодня вечером.

Она улыбнулась. Печаль внушала злые мысли.

Слава богу, отсутствие старшего брата не отбило аппетит Тидиану, и он в один момент опустошил тарелку. «Тоже торопится закончить ужин!» – с горечью подумала Лейли.

Бэмби ушла. Лейли представила себе, как девочка вприпрыжку спускается по ступенькам.

Волшебство момента разрушил свирепый ритм рэпа, завопил Стоуми Багси:

Va niquer ta race

J'ai perdu ta trace

Камила! Чертовка как будто караулила у двери, когда уйдет Бэмби, чтобы врубить музыку. Лейли вздохнула. Подвинула свой стул ближе к Тидиану и между сыром и десертом завела разговор о школе и товарищах сына. Она задавала вопросы, мальчик отвечал односложно, как в игре «“Да” и “нет” не говорить»: «Немного», «Иногда», «Неплохо», «Не очень-то». Лейли не отставала, делала вид, что не замечает, как Тидиан смотрит на часы и наверняка злится на мать, которая никогда не включает телевизор во время еды.

19:56

Через несколько минут игроки покинут раздевалку.

– Успокойся, Тиди. Ты успеешь доесть десерт!

Ладно, делать нечего, дед все равно заберет его в 20:00.

19:59

В квартире этажом ниже Багси нанизывал одну рифму на другую, и тут в дверь постучали.

Лейли вздрогнула – как обычно. Когда она шла с работы, в голове царилá полная неразбериха: арест Альфа́, необходимость завтра утром подменить Нуру, Тидиан, витающий мыслями в раздевалке футболистов, неуловимая, как сквозняк, Бэмби... Она поставила сумки на стол, бросила пальто на диван, очки – в корзину, забыв о самом главном: не устроила привычную дотошную проверку.

Стук повторился. Настойчивый.

Лейли постаралась успокоиться. Всякий раз, когда кто-то – кто угодно – хотел подобраться ближе, она не могла справиться с этой манией.

Их с детьми секрет в опасности. Вошедший сразу заметит.

29

20:10

– Ты... Ты – сама гармония, Фалина.

– Спасибо. Спасибо, Жан-Лу.

Она ответила на комплимент улыбкой. Гармония? С чем именно она гармонирует? С простым и уютным декором гастрономического

ресторана «Блики», одного из самых известных заведений звездного шефа Пьера Ганьера?[72] Или с радугой красок в тарелке – корзиночка с креветками, лисички в морковном соусе, артишоки с перцем и солью, рубиновый грейпфрут?

Оделась она незатейливо: приталенная кожаная куртка, белый топ *Poivre*, короткая юбка в цветочек, туфли-балетки. Естественная. Женственная. Гармоничная? Дьявол в деталях – совсем как в тарелке, произведении кулинарного искусства.

Серьги – два голубых перышка, скромная незабудка в волосах, бронзовый отблеск черной подводки век.

– Извините меня, Жан-Лу, через секунду я буду к вашим услугам.

Она наклонилась, чтобы набрать сообщение – мобильник лежал у нее на коленях. Длинные черные волосы прикрывали целомудренный вырез. Кулон в виде капельки воды контрастировал с медовой кожей и почему-то напомнил мужчине маятник.

Ку-ку, дорогая.

Здесь клево, лучше, чем в KFC!

Спасибо! Буду держать тебя в курсе.

Звякну завтра утром.

Она отправила послание не без внутреннего содрогания. Ничего бы не получилось без ее подруги, ее половинки, ее бесценной. Не было бы ни этого свидания, ни фотографий в фейсбуке. Если сегодня вечером удастся заманить Жана-Лу в один из номеров «Ред Корнер», благодарить нужно будет тоже ее! Верную спутницу. Союзницу – хотя настоящая цель ей неизвестна. Так лучше, пусть думает, что это простой съем.

Она выпрямилась, с трудом сконцентрировалась на тарелке, перевела взгляд на Жана-Лу. Этот застенчивый пятидесятилетний мужчина не решался нарушить гармонию поданного ему блюда. Сидел с вилкой в руке, словно порушить целостность закуски все равно что совершить адюльтер. Попробовать – значит обмануть?

Говорил Жан-Лу на одну-единственную тему. О сыне Жонатане. Его трисомии, инаковости, невинности, смысле, который он придал жизни отца и матери. Об ассоциации «T21», где он председательствовал, о жуткой дилемме, терзающей родителей: оставлять ребенка или нет? В Фалине он хотел видеть не женщину, но

мать, носящую под сердцем ребенка-инвалида. Жан-Лу не судил – боже упаси! – а пытался объяснить ситуацию.

Неужели он согласился встретиться тет-а-тет исключительно по этой причине? Поверил ее байке – ну или притворился, чтобы не увязнуть? «Зачем иначе приглашать меня сюда? – подумала она, поправляя упавшую с плеча бретельку топа. – Из жалости?»

Жан-Лу – самый приятный из всех. Надия считает его «миленьким», и глаза-то у мужика добрые, и морщины трогательные. Если попрошу не прикасаться ко мне, он наверняка согласится и даже заплатит – чтобы только смотреть.

Большую часть времени занимают слова. Он одержим рождением ребенка, а с тех пор как узнал, что малыш неполноценный, живет в страхе.

Думаю, он не хочет его оставлять.

Ненавижу слово «неполноценный». Он произносит его с жалостью. Возможно, и ребенка решит сохранить из жалости.

Возможно, он смотрит на меня с жалостью. Любовью занимается тоже из жалости.

Это я ненавижу сильнее всего. Жалость.

Сомелье принес карту вин, произнес, адресуясь к Жану-Лу, несколько рекомендаций, как будто жаргон официантов и виноделов был частью ритуала соблазнения. Тот буркнул: «Прекрасно». Он вряд ли разобрался в вине, никогда не бывал в мишленовском ресторане и уж тем более с красоткой на тридцать лет моложе.

Жан-Лу чувствовал себя неудобно. Она, впрочем, тоже.

Он наконец умолк и принялся тыкать вилок в грейпфрут.

В голове царил раздрай, но она должна была придерживаться первоначального плана. Да, Жан-Лу – приятный человек, он искренне ей сопереживает и совсем не похож на мерзавца Франсуа Валиони, с тем все вышло очень легко, но она должна заставить себя поверить, что этот, следующий, просто лучше скрывает истинную сущность.

Разве Жан-Лу не пригласил ее на ужин при свечах, который встанет ему в ползарплаты? Он просто лицемернее других. Единственный вопрос – как заманить его в ловушку? Она намеренно положила руку на стол, но он не сделал попытки накрыть ее ладонью. Жана-Лу трудно будет приручить. Такой целуется на десятом свидании и сбежит, ломая ноги, если девушка, которую он желает, проявит

излишнюю смелость. Но она не может ждать долго. У нее всего один шанс. Один вечер. Этот вечер.

– У меня для вас подарок, Фалина.

Жан-Лу совсем разнервничался, окончательно порушил красоту в своей тарелке, положил нож на вилку, давая понять официанту (тот не стеснясь глазел на красотку), что закончил, и достал из сумки коробочку, размером и формой похожую на ювелирную.

Она улыбнулась: наконец-то Жан-Лу играет по правилам! Дорогой подарок красноречивее слов – он ее покупает. Все продается и все покупается. Красота. Женщины. Любовь.

Из всех моих любовников Жан-Лу самый щедрый.

Он часто дарит мне цветы. Только они меня и радуют.

Адиль никогда не приносит букетов.

Иногда я говорю себе, что могла бы довериться Жану-Лу.

– Открой ее, Фалина. Это не бог вещь что. Так, сувенир, купил вчера в аэропорту.

Она открыла коробочку. Развернула папиросную бумагу и увидела украшение. Вот так сюрприз. Жан-Лу преподнес девушке стеклянную подвеску. Дешевку за пять франков!

По телу Фалины побежали мурашки. Этот идиот растрогал ее пустяковым подарочком, простым и детским. Сделал именно то, о чем она втайне мечтала, – чтобы однажды мужчина выиграл для нее плюшевого медведя в ярмарочном тире, угостил леденцом, украденным в булочной, преподнес нелепую Эйфелеву башню с пайетками, купленную из жалости у торговца-нелегала. В голову на мгновение пришла мысль, которую она тут же изгнала, забаррикадив двери и ставни.

Отпустить его?

Ужин затягивался.

Полосатая барабулька, морской петух, миндальные ракушки и кокочас[73].

Она понимала только каждое второе слово в перечисленной тарабарщине, хотя дикция у официанта была безупречная (несмотря на нахальный раздевающий взгляд).

Копченый тунец-бонито и теша синеперого тунца.

Ну это уж точно не на французском!

Сабайон с каламондином, настойкой из лимона и листьев каффир-лайма[74].

Жан-Лу почти не пил. Фалина в основном молчала и слушала. Жан-Лу талдычил про свою ассоциацию, ну чисто проповедник, да и только. Не отследи она его биографию в сети, решила бы, что он блефует, рядится в одежды аббата Пьера, чтобы ее соблазнить. Но нет, он без устали сражается за права детей с синдромом Дауна и собирает деньги весь год, а не только в день телемарафона.

Святой.

Как заставить святого совершить грех? Да не абы какой, а плотский...

30

20:22

Жюло проклинал себя за глупость. Вспоминал, как любовался постером с изображением озера Ваккарес, грезил о розовых камаргских фламинго, хотел уехать из города, чтобы понаблюдать за перелетными птицами. Уже через полчаса он сидел на скамейке в природном парке, с потрясающим видом на пруд. В нем отражались розовые птицы, напоминающие гениальное творение импрессиониста. Но очарование быстро разрушили тысячи комаров, не меньше очарованные ночью и стоячей водой. Несмотря на жару, Жюло пришлось надеть толстовку и натянуть на голову капюшон.

Впрочем, кровососов интересовал не он сам, а светящийся в сумерках экран планшета. Все насекомые ринулись на приступ. Жюло отгонял их, но они неизменно возвращались на этот идеальный «аэродром подскока», который к тому же не обжигал крылышки.

Лейтенант клял на чем свет стоит сенсорное чудо и его изобретателя: работал, гад, в стерильных условиях лаборатории и думать не думал о том, что экрану плевать, кто его коснулся – один палец или сто камариных лапок! Жюло уже час сражался с полчищами невидимых врагов, пытался писать, а дети ночи развлекались, то добавляя, то удаляя буквы, кликали по виртуальным кнопкам, отдавая команды и открывая ненужные меню.

Он постарался сосредоточиться. Петар написал, что будет на встрече, назначенной Мохамедом Туфиком у мечети Аль-Ислах. Завтра профессор африканской истории расскажет им о знаменитых каури, раковинах с Мальдивских островов, чьи горельефы украшают стены банков черного континента. В качестве завуалированного извинения майор приписал, что не успеет – увы! – отрастить к утру бороду.

Когда пришел ответ от шефа, Жюло был на сайте «Вогельзуг». Странное название с немецким звучанием наконец обрело смысл. Из всех путешественников на планете только перелетным птицам неведомы границы.

У ассоциации есть филиалы повсюду в Средиземноморском бассейне. Она занимается расселением беженцев, поиском работы, оказывает юридическую помощь, представляет их интересы в разных инстанциях. На «Вогельзуг» работают сотни людей, и власти не могут не сотрудничать с ней. Через два дня в Марселе под ее эгидой состоится большой симпозиум агентства Европейского союза по безопасности внешних границ «Фронтекс». Жюло пытался читать между строк, но пока не понимал, как именно позиционирует себя «Вогельзуг». Гарант для государств, буфер, позволяющий им смягчить социальную цену мальгузианской миграционной политики, или по-настоящему неудобный независимый участник процесса, действующий помимо «Международной амнистии» и всяких там «Хьюман Райтс Вотч»?

Он остановился на разделе «Основатель» бессменного председателя, Журдена Блан-Мартена. Родился в Пор-де-Буке, в квартале Эг Дус. И все данные! Глава ассоциации явно не склонен к культуре личности.

Комары немного поутихли. Наверное, половина вампирчиков пошла на корм лягушкам – те так расквакались, что перебудили дремлющих в камышах голенастых птиц.

Лейтенант Флор перебрался на фейсбук к *Vambi13*. Он читал под гудение майского жука, который очень заинтересовался сексапильной псевдостуденткой в бикини на экране компьютера.

Итак, вопрос: *Vambi13* – это Бэмби Мааль? Перед уходом из комиссариата Жюло попытался поделиться догадкой с майором. У мальчишки, пробивающегося в проводники («Ну, вы взяли его сегодня

утром!»), есть сестра по имени Бэмби, живет в Пор-де-Буке. В квартале Эг Дус.

– Многовато совпадений, а, патрон?

– Обсудим завтра, дружок... – Петар надел куртку – его ждала парикмахерша! – Все просто. Сличим фотографии и все выясним. Может, сестра нашего загорелого Аполлона и впрямь окажется твоей... малышкой. Ладно, ты же все равно просидишь тут всю ночь, упрямая башка.

– Все просто... – буркнул лейтенант, перебив лягушек. – Все просто.

Он не нашел в интернете фотографий Бэмби Мааль, но даже если завтра они что-нибудь нароют, не факт, что появится определенность, слишком нечеткое изображение дала камера наблюдения.

На странице *Vambi13* на фейсбуке Жюло прыгал из Бодрума в Санто-Доминго, из Нгапали на Лансароте и сам не понимал зачем: прекрасная незнакомка нигде и никогда не показывала лица.

«Да ты влюбился!» – посмеялся бы над ним Петар.

«Еще чего! Мне не дает покоя одна деталь...» – убеждал себя лейтенант.

Профиль *Vambi13* на фейсбуке не соответствовал социальной среде, к которой относилась Бэмби Мааль. Квартал Эг Дус – неблагополучная городская зона, Лейли Мааль – мать-одиночка, которая, по словам сына, перебивается временной работой. Как девчушка из предместья ухитрилась путешествовать по миру, жить в роскошных отелях, один дороже другого? «В конце концов, прозвище Бэмби ничего не доказывает, – рассуждал лейтенант. – Настоящая убийца могла взять этот псевдоним, чтобы навести подозрение на обитательницу Пор-де-Бука. Она не предполагала, что сыщики проведут параллель. Но зачем использовать настоящее имя? Бессмыслица какая-то...»

– Хороша, верно? – спросил вслух Жюло, обращаясь то ли к майскому жуку с комарами, то ли к вернувшимся из тропиков фламинго.

Мааль. Альфа́. Бэмби. Лейли.

Типичные пельские имена и фамилия. Еще одно странное совпадение – сегодня утром профессор Вакнин упоминал эту народность в разговоре о крови.

Лейтенант достал из кармана таблицу невозможностей «сыновней» крови и развернул листок, вспоминая замечание гематолога: в отличие от других африканских этносов, пёль преобладают в группе А, представляющей 40 % человечества. Треть только для группы А+. Значит, у Бэмби, Лейли, Альфа́ группа крови предположительно А. Пока он не видит, куда это ведет, но связь точно есть.

31

20:55

Тидиан не спал. Хотя лег рано.

«Олимпик» в первом тайме пропустил два мяча и третий – перед перерывом. Румыны быстро отстрелялись, так что конец матча можно было не смотреть. Мальчик видел в окно бывшей комнаты матери, как за стеклом танцуют тени веток старого апельсина.

Он никак не мог заснуть, все думал об аресте Альфа́. О том, что почти мог дотронуться до солнца, когда залез на дерево. О легавых. Почему старший брат не услышал свиста? Ведь он свистел! Взрослые странно себя ведут. Мама, Бэмби, дед с бабушкой не говорят при нем об Альфа́, не отвечают на вопросы, шепчутся, как будто тот сделал ужасную глупость. Тидиан не любил, когда его *отстраняли*, он не малыш! Нечего врать ребенку «ради его же блага».

В квартире было жарко, несмотря на приоткрытое окно. Слишком жарко, чтобы заснуть. Тидиан смотрел на огоньки ароматических пирамидок, отгонявших комаров на балконе. Он лег головой в другую сторону, но тени никуда не делись.

Мальчик дремал, но тут нахлынули пугающие мысли о мужчине, который заявился вечером к ним домой. Он чмокнул маму в щеку, сказал «Привет...» – и его голос прозвучал как воплощенный ужас. Тидиану не нравился сосед. Ему пришлось уйти с дедом, оставив маму с ним одну. Она называла его Ги, а похож он был на Фредди Крюгера – один старшеклассник пересказывал на перемене содержание фильма ужасов про этого убийцу детей. Нет, Тиди решительно не одобрял общение мамы с другими, кроме них с Альфа́, мужчинами!

Он крепко зажмурился, отгораживаясь от холодного черного огня теней на простыне. Ему крепко-накрепко запомнился рассказ деда

Муссы о том, как мама ослепла в хижине на берегу реки из-за того, что смотрела на солнце, а потом стала сильнее, красивей, умнее и превратилась в самую лучшую маму. В маму, которая все чувствует, обо всем догадывается и читает мысли. Значит, побыть слепым – все равно что пройти испытание.

Тидиан свернулся в клубок. Он тоже должен тренироваться. Дедуля рассказал, как мама научилась ориентироваться на слух, как восстанавливала в памяти окружающий мир, каким видела его при свете ясного дня.

Он поднялся, не открывая глаз, и попытался вспомнить, где находятся шкаф, дверь, окно. Продвинулся вперед на метр и стукнулся об стену, открыл глаза и тут же снова зажмурился.

Он посоветуется с дедом и бабушкой, начнет упражняться по ночам, и днем тоже, будет играть в футбол с повязкой на глазах, находить дорогу в школу, ориентируясь на звуки улицы, узнавать друзей по голосам.

Он станет стремительным – как Зидан и Баррада. Заставит работать все инстинкты и чувства.

Тидиан вытянул руки и двинулся по комнате. Легкое дуновение воздуха подсказало, что рядом окно. Ноги немножко дрожали, но он подталкивал себя в пустоту. Никакой опасности нет, окно высоко... ну, не очень, но выпасть не выпадешь. Во всяком случае, Тидиан на это рассчитывал. Нужно вспоминать окно с закрытыми глазами и шагать. Стать храбрым, как мама, чтобы спасти ее от опасности, когда потребуется.

Маму. Альфа́. И защитить Бэмби.

Ветерок холодил лицо, а тело заливал пот. До чего же он нежный, этот вечерний ветер, так и манит к себе, так и манит.

Подала голос сова, живущая на апельсиновом дереве.

Тидиан слушал крик птицы, предупреждающий об опасности. Вспоминал дедулины истории и сказки – больше всего ему запомнился миф об Афине. Мальчику нравилось представлять, что совой, как в «Гарри Поттере», обернулась его мама.

Он остановился.

Встал перед окном и заговорил тихим голосом.

Ночь, совы все видят, все слышат, все понимают.

– Скажи мне, раз ты такая всемогущая. Скажи, Альфа́ отпустят? Скажи, почему он не сбежал? Скажи, мама влюбится во Фредди? Скажи, у меня однажды будет девушка... такая же красивая, как Бэмби? Скажи, раз все видела. Скажи, куда деваются мячи, когда попадают в ад? Скажи, где спрятано мамино сокровище? Обещаю, я его не украду, не притронусь к нему, просто хочу знать, существует оно или нет, это проклятое сокровище! Я буду его стеречь. Можешь мне верить. С закрытыми глазами.

32

21:07

Лейли стояла под душем с закрытыми глазами. В ванной пахло плесенью, краска на стенах облупилась, швы расходились, трубы проржавели, но вода текла такая же горячая, как из золоченых кранов в мраморном особняке.

Две бутылки пива в руке.

На лестничной площадке терзал барабанные перепонки рэп Камилы. Первым побуждением Лейли было захлопнуть дверь у него перед носом или – в крайнем случае – вежливо отфутболить.

Не сейчас, Ги. Потом. Возвращайтесь позже.

Странно, но она не решилась. Впустила его.

И сразу пожалела. Тидиан не должен был видеть Ги. А тот его. Мусса почти сразу забрал внука, но несколько минут Лейли не находила себе места от душной тревоги. Ги не выглядит слишком сообразительным, но он мог разгадать ее секрет – во всяком случае, кое-что заподозрить, хотя ни о чем не спросил мальчика, только поздоровался. «Никогда, – с содроганием думала Лейли, – никогда раньше ты не позволяла чужаку подобраться так близко к правде...»

Почему? Что такого есть в Ги? Красивым его не назовешь, хороши разве что голубые глаза, большие и задумчивые. Как у плюшевого медведя. Он совсем не забавный. После ухода Тидиана посмотрел на маленький телевизор двадцати лет от роду, размером не больше терминала минителя[75], и сказал:

– Не беспокойтесь, я не попрошу вас включить ящик – игра «Олимпиака» вгоняет меня в депрессию. Не представляете, сколько

времени я провел перед экраном, глядя матчи Еврокубков в надежде, что хоть какая-нибудь французская команда выйдет в финал... – Ги издал мрачный смешок. – Я хотел подняться во время перерыва, но подумал, что не успею.

Он снова хохотнул. Дребезжащий, как голос механической игрушки, смех заменял в его речи знаки препинания.

– Я пошутил, Лейли. Это была шутка. Вы для меня слишком красивая.

На сей раз он остался серьезным, а она не возразила.

Ги исправил положение, отсалютовав Лейли пивными бутылками:

– Я принес две, но не обижусь, если откажетесь. Мне больше достанется...

Еще одно ржавое «ха-ха». «Ги стоило бы предложить свои услуги создателям ситкомов», – подумала Лейли и улыбнулась. Ей очень хотелось чаю, но она не решалась оставить гостя одного: сосед оглядывал ее жилище таким изумленным взглядом, как если бы искал парижский тотализатор, а попал на базар. Книги, разноцветные совы, закат солнца над рекой Нигер на стене...

– Интересный у вас декор, – высказался он, привычным движением открыв бутылку. – Честно говоря, мне вся эта экзотика...

Он посмотрел на Лейли и не закончил фразу, замороженный эбеновой кожей, бусинками в косичках, яркими тапками-бабушами.

На сей раз Ги не засмеялся – выругался:

– Ну я и придурок!

Лейли хихикнула. Этот мужчина умилял ее.

У него траченное годами лицо и рыхлое тело. Он расист. И как пить дать алкаш. Но нравится ей, несмотря на все эти недостатки. Больше того – ее к нему тянет. Нет, о любви с первого взгляда речь не идет. Тут другое. Непонятно что, но другое. Старинное, покрытое патиной времени, обтершееся, износившееся, но несомненное.

Лейли хотелось обольстить Ги и самой поддаться соблазну.

Ни больше ни меньше.

Она выключила чайник и неожиданно для себя предложила Ги располагаться:

– Можете курить на балконе, включите телевизор, если хотите, или почитайте, а я пойду в душ.

После работы в «Ибисе» от нее пахло пачулями и жавелевой водой, нужно было срочно отмыться, привести себя в порядок. Лейли оставила Ги в гостиной, заперлась в ванной, разделась и посмотрела на свое отражение в мутном от старости зеркале.

Она лучше этого зеркала! Лучше заплесневелой ванной, лучше старой квартиры и выморочного квартала. Лейли коснулась кончиками пальцев груди, такой же высокой и упругой, как раньше, в те времена, когда мужчины ласкали и целовали эти темные холмики. Талия осталась тонкой, живот – плоским. Во всяком случае, на первый взгляд.

Она все еще хороша. И желанна, если сама того захочет.

Лейли закрыла кран, намазалась аргановым маслом, подкрасилась, уложила волосы в искусно-небрежную корону и надела на голое тело длинное малайское платье из бумази в сине-лиловых тонах. Оно не обтягивало тело, но красиво облегалось, как подарочная бумага, которая позволяет лишь угадать форму сюрприза и предоставляет воображению домыслить детали.

Бросила последний взгляд в зеркало, подмигнула и произнесла с вызовом в голосе:

– Сейчас проверим, как сильно ты не любишь «экзотические штучки»!

Лейли сидела на диванчике. От полбутылки пива у нее закружилась голова.

Ги пожирал ее взглядом, и она пожалела, что выбрала слишком откровенный наряд. Пришлось подогнуть под себя ноги и скрестить руки на груди, спрятавшись за кошачьей позой. В квартире Камилы стало тихо, словно хозяйка устала от рэпа или ушла. Лейли вставила в плеер диск Сезарии Эворы.

Тоже экзотика! Комментариев от Ги не последовало.

Он говорил – обо всем и ни о чем, она слушала рассеянно и думала о своем, лишь изредка вставляя слово-другое. Как странно чувствовать себя красивой и желанной...

Забытое состояние. Сегодня она ощутила его дважды: вечером – с Ги, днем – с Рубеном в «Ибисе». А если считается многозначительная улыбка Патрика – или Патриса? – неважно, – вчера в Бюро, то трижды.

Закон серии? Как принцип «беда не приходит одна»? Воздыхатели решили не ждать очереди и лезут без билета? Жизнь ни в чем не знает

меры, выдает счастье и несчастье скопом, одной доставкой, а мы разгребаем.

Ги сидел на другом краю дивана и неловко пытался приблизиться, как будто играл в «Раз, два, три – замри!». Стоило Лейли отвернуться, передвигал задницу на несколько миллиметров. Подкрадывался, как крокодил, бегемот, слон.

Ги преодолевал сантиметр, Лейли отодвигалась на пять, ясно давая понять, что сегодня вечером ему больше ничего не обломится. Не так быстро. Да, вечер «идеальный»: Альфа́ в полиции, Тидиан у дедушки с бабушкой, Бэмби дома не ночует (а где ночует – неизвестно!).

Ги смешил ее. Этого было достаточно для сегодняшнего вечера. Даже более чем достаточно.

Ги любил и чувствовал каламбуры. «Я завзятый каламбурщик...» – так он сказал и прокомментировал жизнь квартала, обыгрывая название Пор-де-Бук на все лады.

Порт Козел отпущения[76]– кругом арабы, итальянцы, португальцы и прочие поляки, заявили сорок лет назад, чтобы стать безработными на берегах лагунного озера Бер.

*Вежливый смех.

Порт Рвотный порошок[77]– идешь в бар сделать ставку, а вокруг никто не говорит по-французски.

*Смущенный смех.

Ги продолжил театр одного актера, взяв с этажерки книгу сказок и мифов.

Порт Дешевый ужастик[78].

*Его лучший номер!

Единственный зритель оценил мастерство. Лейли прекрасно себя чувствовала. Ей было спокойно. Алкоголь подействовал, и, когда Ги исчерпал свои шутки, ей захотелось довериться этому мужчине.

Ги был не мастер говорить.

Зато умел слушать – когда молчал. Что да, то да.

История Лейли

Надеюсь, вас не шокирует, Ги, что я была проституткой. Потому что я ею была. Мы с Адилем никогда не использовали слово «клиенты» – только «друзья» и «встречи». Даже когда все закончилось и Надия дописала под мою диктовку последнюю страницу дневника, у меня осталось три постоянных любовника, плативших за секс. Да, я

спала с ними ради того, чтобы вернуть зрение, из любви к Адилю или страха перед ним, но это ничего не меняет.

Я была шлюхой.

Не хочу, чтобы мои дети узнали. Пусть никто, кроме меня, не прочтет эту тетрадь. Я не скажу вам, где она спрятана, Ги, даже не надейтесь. Вам и так слишком многое известно. Намного больше, чем кому бы то ни было.

Я узнала, что беременна, 25 июля 1994 года, в День Тунисской республики. На улице взрывались петарды, и я – вот ведь идиотка! – боялась, что ребенок испугается, ему же всего три недели.

Адилю я сказала не сразу. Все считала и пересчитывала в уме. Не недели до родов – деньги. Число встреч и полученных подарков – мне не всегда платили в динарах, франках или долларах, иногда это были часы, золотые украшения, драгоценности. Адиль хранил все.

Однажды вечером, примерно через месяц (мы все еще занимались любовью) я наконец решилась.

– Мне кажется, у нас достаточно денег. На операцию. Можно больше не встречаться с друзьями. Уехать отсюда. Найти хирурга.

Адиль отвечал мягким тоном, лаская мое тело, ноги и все еще плоский живот, говорил, что не хочет рисковать, что нужно найти лучшего врача, лучшую больницу, ведь время еще есть, зачем торопиться? И тогда я призналась. Все объяснила одной фразой.

– Я тороплюсь, Адиль. Хочу прооперироваться до апреля. В ближайшие семь месяцев. Я хочу... хочу увидеть рождение моего ребенка.

Адиль ничего не сказал. Но напрягся. Рука у него как будто одеревенела. Сердце стучало... Стучало... Стучало...

На следующий день он уснул, не задав ни одного вопроса. Проснулся – и ни о чем не спросил, даже о моих догадках насчет отца ребенка (разве я могла знать?), поцеловал как ни в чем не бывало и сообщил:

– Франсуа хочет встретиться вечером...

Я ответила:

– Не пойду!

И пощечина отправила меня в нокаут.

Потом он плакал, просил прощения, умолял:

– Думаешь, мне легко, Лейли? Легко знать, что ты каждый вечер спишь с другими мужчинами? Я терплю – ради тебя. Ради тебя!

Он не заговорил о ребенке. А я думала только о нем.

Адиль бил меня каждый раз, когда я отказывалась от встреч. По щекам. По рукам. Любовники замечали следы. Ни один ничего не сказал. Даже Жан-Лу. Самый милый из всех. Он тоже закрыл глаза. Как остальные.

Однажды Адиль ударил меня по спине ногой в тяжелом ботинке – я лежала в кухне на полу, защищала руками живот, – потом сел напротив. Он давно не плакал, отлупив меня, зато гладил по волосам.

– На что ты будешь жить, дорогая, если прекратишь продаваться? Думаешь, когда зрение вернется, тебе понравится смотреть в глаза клиентам?

– Я жду ребенка, Адиль! Ребенка.

– И что с того, Лейли? Что с того? Пока наши друзья не в курсе, это ничего не меняет, верно?

Прошло три месяца. Адиль больше меня не бил. Незачем было. Я снова стала покорной. Мой живот округлился, и я верила, что все устроится само собой. Когда беременность станет невозможно скрывать, когда никто не захочет свиданий с женщиной на шестом, седьмом, восьмом месяце... Я считала в уме недели и думала: «Ребенок спасет меня».

Надия, официантка из «Ганнибала», которой я диктовала дневник, пришла однажды вечером предупредить меня. Она закрыла дверь бара и убедилась, что мы одни. Ее годовалая дочка играла на полу с пластмассовым жирафом. Она была пухленькая, кудрявая, ужасно мне нравилась, и я просила небеса послать мне такую же чудесную девочку. Надия коснулась моего живота и поделилась секретом, перевернувшим мою жизнь.

– Адиль собирается бросить тебя, Лейли. Он виделся с Яном и Франсуа. Сказал, что взял на субботу билет на паром до Марсея и хочет нанять двух вооруженных телохранителей. Наверное, повезет деньги. И вряд ли оставит половину тебе.

Все рухнуло.

Я наконец осознала то, что мозг понимал много лет, но отказывался принимать. Адиль торговал мной, чтобы обогатиться. История с глазной операцией была приманкой, он знал, что желание

прозреть окажется сильнее стыда. Ребенок нарушал его планы, и он решил вовремя смыться.

Полагаю, вы почти сразу все поняли и почувствовали досадливую жалость к той недотепе, которой я тогда была.

Любовь ослепляет. Я была слепа изначально.

– Спасибо, – сказала я Надие.

– Если тебе что-нибудь понадобится...

Вспоминая день, когда все рухнуло, я говорю себе: «Доказательств ты так и не получила, а потому не избавилась от навязчивой привычки ко всепрощению». Думаю: вдруг он не собирался бросать меня одну без денег и Надия все придумала? Или я сама все это спровоцировала?

В пятницу вечером мы лежали в постели, я обняла его и объявила:

– Все, Адиль. Хватит с меня любовников. Я хочу быть только с тобой.

Мои слова удивили его, как и моя нежность. Я подумала: если он намерен уйти завтра, обязательно займется со мной любовью, захочет потешить гордыню жалкого испорченного самца: «Пусть дурища насладиться в последний раз!» Это его и погубит! Я повторяла, сидя на нем верхом:

– Только с тобой. Я все решила. Заказала билет в Танжер. Нашла место в клинике Дю Солей в Марракеше. (Я не врала, такая клиника существовала!) Поговорила по телефону с врачом, он прислал факсом смету, конторщик мне ее прочел и...

– Как тебе удалось?

Я не собиралась признаваться, что мне помогла Надия. Он мог бы и сам сообразить, но ему было плевать.

– Завтра поговорим...

Адиль поднялся среди ночи. Я несколько часов ждала этого момента и не спала. Все, что я наговорила вечером, должно было спровоцировать его, заставить действовать в спешке, чтобы контролировать события.

Адиль беззвучно двигался в темноте, но я знала наизусть каждый шорох дома. Снаружи – в городе, на улице – я была бы уязвима, миг бы потерялась, а здесь мне зрение не требовалось.

Хватало слуха.

Я знала, что он прячет деньги и все подарки в доме, где-то на кухне, под одной из половиц. Я десятки раз слышала, как он ее

поднимает, но найти на ощупь не сумела. Нужно было заставить Адиля достать клад из тайника и только потом действовать. Он начал собирать сумку, большой черный баул с надписью «Адидас» (мы покупали его вместе). Складывал туда наши воспоминания и все, что имело хоть какую-то ценность. Без спешки, аккуратно. Гордясь собой. Адиль начал осуществлять свой идеальный план в день нашей встречи. Я принесла ему целое состояние, десятки тысяч франков, – и понятия не имела, кто он такой. Не знала, как выглядит его лицо. Он мог бросить меня и ничего не бояться – я бы не сумела его опознать.

Я поднялась.

Сделала шаг. Еще один. Еще. Одеваться не стала. Это была часть *моего* плана. Пусть считает меня совсем слабой, не опасной, несмотря на нож в правой руке. Нож дала мне Надия, я прятала его под матрасом. Старый берберский кинжал, немного проржавевший, с роговой ручкой.

Я приближалась. Он молчал. Я ударила – трижды, в пустоту, как безумная, сражающаяся с призраками.

Он разразился циничным смехом и отпрянул, чтобы насладиться моей нелепой пантомимой – охотой на комаров с бесполезным дротиком. Он понятия не имел, что я по звуку шагов определяю его местонахождение. Что знаю каждый сантиметр комнаты, понимаю наши позиции, а мой внутренний радар работает, как у летучей мыши. Ему бы в голову не пришло, что я мысленно соразмеряю длину моей руки и расстояние до его шеи, что я часами атаквала невидимые цели, как оса – апельсины или яблоки на буфете.

Я сделала еще несколько судорожных выпадов, как сомнамбула, потом стремительно шагнула раз, другой и вонзила нож в горло Адиля. Не знаю, попала я в сонную артерию или нет, но он беззвучно рухнул на пол.

Дальше все происходило очень быстро. Я оделась, схватила адидасовскую сумку (ужасно тяжелую!) и кинулась к Надие. Она несколько часов прятала меня у себя, потом отвезла в порт, к танжерскому парому.

Я до сих пор не знаю, умер Адиль, моя первая любовь, или остался жив. Я не только не знаю, стала ли убийцей, я не ведаю, как он выглядел.

21:29

Жюло дремал перед экраном и видел во сне перелет розовых фламинго с райских пляжей, где наслаждалась жизнью *Vambi13*. Жара и лягушачий концерт убаюкивали его. Он шел по берегу лагуны к незнакомой красавице без лица, которая несла под мышкой свою голову, напечатанную на 3D-принтере. Пассаты раздували накидку, оживляя сов.

Прозвучал резкий сигнал. Лейтенант выругался, заметив «нарушителя»: на экран приземлилась павлиноглазка (а может, какая-то другая ночная бабочка, черт их разберет!).

Плавные изгибы тела *Vambi13* исчезли, вытесненные рекламой сайта знакомств на грани порнофола, перечеркнутой жирным красным крестом. Жюло чертыхнулся и закрыл планшет. «Проклятые мошки не сдаются, значит, вернемся к традиционным методам, заодно носом клевать перестану», – решил он. Перевернул листок с выкладками профессора Вакнина и взял ручку. Луна лила слабый свет на поверхность пруда, обращая камыши в длинные черные перья. Ночные насекомые уносили лапки. «Ну просто гики – как только гаснет экран и открывается книга, их как ветром сдувает...»

Он открыл блокнот и попытался восстановить ход мыслей, крутя пазлы в голове и убеждаясь, что на клубок вопросов существует единственный ответ.

Сыщик начал торопливо записывать.

Зачем убили Франсуа Валиони?

Что Валиони делал в Эс-Сувейре за несколько часов до смерти?

Как связано его убийство и ассоциация «Вогельзуг»?

Почему Петар Велика не хочет это обсуждать? (Едва написав, он решительно зачеркнул строчку – не дай бог попадетя на глаза патрону.)

Как связаны Маали (в особенности мать семейства Лейли) с председателем Журденом Блан-Мартеном, их соседом по Пор-де-Бук, уроженцем Эг Дус?

Он продолжил составлять вопросы непосредственно об убийстве.

Убийца взял кровь на анализ у Франсуа Валиони для установления отцовства?

Как и почему в кармане Валиони оказались ракушки? (Тот факт, что это не просто ракушки, а каури, только добавлял тумана.)

Что означает красный браслет (еще есть зеленые и голубые) на запястьях некоторых нелегалов?

У Жюло набралось восемь вопросов без ответов, но интуиция подсказывала: главное – разобраться с последними. О Бэмби Мааль и *Vambi13*.

Бэмби Мааль и Vambi13 – одно и то же лицо?

Почему ее брат Альфа́ так легко дал себя задержать, словно рвался в тюрьму?

Как Vambi13 удастся перемещаться по миру?

Зачем Vambi13 фактически показала лицо в камеру наблюдения над входом в «Ред Корнер»?

Vambi13 убила Франсуа Валиони?

Vambi13 убьет снова?

Когда?

Где?

Последний вопрос – и сыщик закрыл глаза. В темноте надрывался лягушачий хор. Жюло завораживала красота *Vambi13* и интриговала судьба Бэмби Мааль.

Одна и та же женщина?

Или две, запутавшиеся в хитросплетении интриг?

Две или больше?

22:01

– Замечательный получился вечер, Фалина.

Официант мишленовского ресторана подал кофе полчаса назад, мазнув восхищенным взглядом по телу девушки. Жан-Лу наслаждался густым напитком, поклевал сладости с таитянской ванилью, лакричником и цукатами, съел несколько фиников, еще немного

поговорил о длинных скучных встречах, которые назначены на завтрашний день, и наконец иссяк.

Они помолчали – не дольше минуты. Он посмотрел на часы и решительно поднялся, отодвинув стул.

Замечательный получился вечер, Фалина.

«Он не сказал: “Ну, пошли”, – анализировала девушка. – Прошедшее время – *получился* – ясно дает понять, что для него вечер окончен...»

Фалина встала, одернула юбку и набросила кожаную курточку, стоя в трех шагах от спутника. Жан-Лу галантно пропустил ее вперед, и она прошла мимо, не сомневаясь, что любезный кавалер провожает взглядом задницу и ноги «дочери солнца».

Фалина вышла на улицу и закурила, наблюдая через витрину за Жаном-Лу, который расплачивался у стойки. Брюки коротковаты, рубашка мятая, в пятнах. С прической тоже беда.

Жан-Лу – самый неловкий из моих любовников.

Ласкает слишком напористо, целуется плохо, кончает почти сразу.

Он это знает и чувствует себя несчастным. Иногда даже плачет.

Фалина выдохнула дым в звездную ночь и попыталась подвести итог. Какую стратегию выбрать?

Она поняла, что Жан-Лу не проявит инициативу, то есть рискнуть придется ей. Но он только того и ждет, чтобы остаться чистеньким, а ей снова отвести роль «плохой девочки». Скажет с нежностью в голосе: «Ты очень красивая и сексапильная, но я люблю жену и сына, кстати, вы ровесники!» Ограничится поцелуем в щечку и отвалит в ореоле святости. Может, помастурбирует в номере отеля, думая о ней, а вернувшись домой, отдаст должное жене с удесятенным желанием. Фантазмы без осложнений – куда как удобно! Взбодренное либидо по цене ужина в гастрономическом ресторане.

Фалина сделала последнюю затяжку, стоя у кирпичной стены на погруженной в темноту улочке. В сумбуре чувств превалировало разочарование. Ничего общего с оскорбленным эго соблазнительницы: один неудавшийся вечер не мог заронить сомнение в душу женщины, укрощающей самцов одним взглядом. И все-таки от предчувствия провала к горлу подступала тошнота. Провал ее плана. Неужели все

было напрасно? Прodelать долгую и тщательную подготовительную работу и остановиться на полпути?

Она выбросила окурок.

Хотелось плакать, как из-за неуда на экзамене, к которому долго готовился...

И все-таки крошечная надежда оставалась. Шевелилась на дне души. Как будто Жан-Лу, не поддавшись соблазну, спасал заодно со своей жизнью всех остальных мужчин.

Фалина затоптала тлеющий окурок носком туфельки, придумывая самые приземленные объяснения. Любовница ждет Жана-Лу в его номере в «Рэдиссон Блю». Или он сексуально неполноценен. Или предпочитает мужчин... Тем хуже, придется идти ва-банк. Взять его за руку, поймать уголок губ, когда он чмокнет ее на прощанье. Чего ради? Ну вырвет она у него поцелуй, но в «Ред Корнер» этой ночью они все равно не попадут.

Занятая своими мыслями Фалина не увидела, как Жан-Лу вышел из ресторана.

Не слышала его шагов.

Заметила лишь тень. Они были одни на темной улице.

Жан-Лу не произнес ни слова. Не дал ей времени отреагировать. Оглянулся – нет ли свидетелей? – и навалился всем телом.

Впился губами в ее рот. Положил правую ладонь на грудь, сжал со звериной страстью. Левая рука пробралась под стринги.

Она не воспротивилась. Ответила на поцелуй. Пустила его.

Успокоилась. Она победила.

Жан-Лу заслуживает смерти. Как те, другие.

23:52

Доведенный до иступления Жерар Кутюрье вскочил с кровати.

Сначала он решил, что сосед включил *France Ô*[79], *RFO* или *France Culture* и слетевший с катушек диджей врубил африканский джаз. Но музыка доносилась не из комнаты за стеной. Гитара и тамтам звучали так громко, как будто кто-то колотил по переборке, но играли в другом месте.

Жерар вышел в коридор, пошел в другой конец, к буфету, где накрывали завтрак. Гитарный дуэт соперничал с женским голосом, певшим на незнакомом языке. Крики, шаги танцующих и аплодисменты аккомпанировали музыкантам.

Концерт?

В полночь? В отеле «Ибис» в Пор-де-Буке?

Жерар Кутюрье не верил своим ушам.

Между прочим, девушка хорошо поет. Он зевнул. Почесал живот под зеленой футболкой цвета франшизы его магазина садового инвентаря. Директор по продажам назначил встречу на восемь утра, и разговор предстоял неприятный. Цифры не радуют. По газонокосилкам падение продаж на 30 %. Глобальное потепление, засуха, трава выгорела по всему югу, трава растет медленно... Замкнутый адский круг. Жерар чувствовал себя, как Уголино[80] перед иссякшим источником.

Он обулся и через минуту оказался у двери запасного выхода. Закрыто. Постучал, начиная злиться, и через две секунды на пороге появился управляющий Рубен Либерос.

– Что за бардак? – поинтересовался Кутюрье.

Рубен сделал большие глаза.

– Бардак? Этот концерт – бардак?! Входите, друг мой, входите. «Вендо» – лучший биг-бэнд Африканского континента. Мы познакомились в девяносто четвертом году, они играли на церемонии вступления в должность президента Нельсона Манделы. Двадцать семь лет в камере на острове Роббен – это чего-то да стоит! «Вендо» – друзья Франции. Когда Миттеран произносил речь в Ла Боль, они исполняли «Марсельезу». Говорят, Жак Ширак хочет, чтобы они играли на его похоронах, даже распорядился в завещании...

Постоялец в замешательстве смотрел на управляющего и уже изготовился рывкнуть: «За идиота меня держите?!» – но тут дверь снова открылась. Ответственный за продажи газонокосилок успел увидеть гитариста с дредами, гиганта, склонившегося над джембе[81], и человек тридцать слушателей!

Вышла девушка. Высокая. Стройная. Сильно покрашенная. В короткой юбочке и кожаной куртке. Потрясающе красивая. Наверняка певица.

– Уже уходишь, Нура? – спросил Рубен.

– Меня ждут. Завтра буду к девяти. Надеюсь, твоя старуха справится. – Она чмокнула его в щеку и исчезла.

Управляющий распахнул дверь:

– Входите же, друг мой, прошу вас.

Жерар Кутюрье колебался и вдруг увидел бутылки с ромом на месте мисочек для корнфлекса. Великан подошел и дружески хлопнул его по спине:

– Выпей с нами, брат. Я – Саворньян. У тебя есть дети?

Жерар окончательно растерялся и кивнул.

– Наверное, редко их видишь при такой безумной работе? А мои завтра приезжают. Жена Бабила, сын Кейван и дочь Сафи. Пойдем отпразднуем.

Музыка зазвучала громче. К микрофону приблизилась другая певица, такая же красавица, как Нура. Плевать на директора по продажам! От газонокосилок не убудет, если он выпьет стаканчик перед сном. А завтра поставит пять звездочек отелю на *Trip Advisor*[82].

Жерар Кутюрье гостевал в половине европейских «Ибисов», и нигде ему не оказывали такого приема.

36

23:56

Тип на верхней койке храпел так громко, что вниз сыпалась пыль.

Альфá посмотрел на часы, дождался несколько минут, встал и потряс сокамерника за плечо. Тот мгновенно проснулся и резко дернулся, как будто на него обрушилась тюремная стена. Вытаращил глаза и с изумлением посмотрел на юного чернокожего гиганта:

– Оборзел, парень?

Оружия у него не было, но в глазах плескалась угроза.

– Ты мне нужен, – ответил Альфá.

Заключенный прищурился, как прицелился.

– Что за бред? Ты для этого меня разбудил? Сейчас я научу тебя правилам тюремного этикета! Мало того, что днем изводят все кому не лень, так теперь и ночью не отдохнешь из-за какого-то придурка...

Арестант напоминал американского комика Дэнни Де Вито. Волосы у дерганого коротышки росли только по бокам черепа, и уши

из-за этого казались громадными.

– Мне нужно увидеться с Казначеем, – спокойно сказал Альфа́.

«Де Вито» потер виски, и волосы встали дыбом, как белый гребень.

– С казначеем? Только и всего? Надеюсь – для твоего же блага! – что ты убил легавого или зарубил мачете свою бабу, потому что к Казначеему требуется пропуск. Быстро такие дела не делаются.

– Я выхожу завтра и должен повидаться с ним до того. Завтра утром. Пораньше.

– А может, хочешь еще и автограф Мерина[83] в качестве бонуса? Или фото с Бонни и Клайдом?

Альфа́ резко выбросил руку, схватил «Де Вито» за ворот пижамы, оторвал от подушки и встряхнул. Сползшая простыня заголила жирный живот.

– Ты не понял? Я хочу предложить Казначеему дело! Для того и дал легавым себя схватить. Не спрашивай почему, но я знал, что они приготовили мне воспитательную трепку. Так что уж постарайся и сделай все, чтобы на прогулке я оказался рядом с Казначеем!

Альфа́ отпустил коротышку. Тот откашлялся, одернул куртку, зевнул.

– И не надейся. Я не стану морочить голову *самому* из-за твоих бредней.

Альфа́ захотелось вцепиться соседу в глотку. Сжать покрепче, чтобы круглая рожа побагровела. Этот болван пообещает все что угодно, а потом улучит момент и нанесет удар в спину. О, разумеется, не сам – наймет шестерку... Ладно, проявим дипломатичность.

– Слушай, хитрован, я предложу Казначеему сделку века. Если не сведешь нас и все провалится по твоей вине, он узнает, и мало тебе не покажется. Знаешь, что случилось с генералами, которые не осмелились разбудить Гитлера, когда американцы высаживались в Нормандии? Он приказал их расстрелять! Сто восемнадцать человек. А может, не расстрелять, а отрубить головы – историки не уверены.

Доморощенный «Де Вито» не впечатлился.

– Никогда ничего ни о каком Гитлере не слышал. И о наркоте, которую янки ввозят через Нормандию, тоже.

Альфа́ попался самый тупой заключенный тюрьмы!

Он положил руки жирному соседу на плечи, вздохнул и попробовал иначе:

– Ну вот скажи, какую крупную ставку ты можешь сделать? Год назад в Японии один инженер послал «Сони» план новой игры «Покемон Гоу». Секретарь потерял папку, и изобретатель обратился в «Нинтендо». «Сони» потеряла триста миллиардов, сто сотрудников сделали харакири.

Судя по всему, покемоны показали французскому арестанту страшнее эсэсовцев. Он медленно высвободился из цепких объятий Альфа́ и сказал:

– Ты меня достал, парень! Черт с тобой, это не мои проблемы. Ты поговоришь с Казначеем. А теперь – спать. Подоткнешь мне простынку, поцелуешь в лобик, как папочка, и вернешься на свою койку.

37

00:25

– Алло, это вы, патрон? Не спите? – изумился Жюло.

В телефоне раздался недовольный голос Петара:

– Представь себе, я тоже беру работу на дом! Пришлось покинуть супружеское ложе и искать ответ на вопрос, который не дает мне покоя.

– Один-единственный? Вам везет!

– Не шути, малыш. Только не после полуночи. Тем более что сам же и вверг меня в сомнения.

– Я или мой профессор, который завтра утром прочтет нам лекцию о каури в мечети?

– Ни то ни другое. Дело в семье Мааль. Я, как и ты, не очень-то верю в совпадения. Бэмби + *Vambil3* на одной поляне – это перебор!

Жюло вспомнил разговор, состоявшийся сразу после задержания Альфа́ Мааля. *Vambil3*. Бэмби Мааль. Майор наконец-то отреагировал.

– Простите, что лишил вас сна.

– Ничего, завтра отосплюсь. Торопиться на работу не буду, а то Надеж разозлится. Ты не первый, кому я звоню. Надеялся разобраться и за четверть часа растормошил приятелей-компьютерщиков, но они не нашли в интернете следов Бэмби Мааль. Ни одной фотографии.

– Знаю, я тоже все обшарил, патрон.

Жюло прикусил язык, но Петар промолчал, и лейтенант представил, как начальник чешет затылок или толстый живот под пижамной курткой, а то и промежность – если штанов на нем нет.

– Ну и какие мысли, гений? – лениво процедил Велика.

Жюло ответил через секунду, как будто предчувствовал вопрос:

– Расспросим завтра ее мать. В деле есть адрес Лейли. Вызовем к нам, попросим захватить альбом с семейными фотографиями.

– Ты что, досье не читал? – удивился майор. – Или невнимательно читал?

– А в чем дело?

– Не заметил неувязочки?

– Все преодолимо, патрон! Мы – представители министерства внутренних дел, так? У нас длинные руки... Решение всегда есть, и не одно!

– Легко сказать... Придется повозиться. Нужен точный план... Думаешь, я сумею убедить Центральное управление судебной полиции?

– У вас вся ночь на обдумывание – найдете аргументы. Я в вас верю, шеф.

Голос Велики в трубке стал глуше – он представил грозящие ему заморочки и неприятности.

– Ну... Тезки Бэмби и *Vambil3* или нет, погоды не делает. Боюсь, придется обойтись без личной встречи с Лейли Мааль. Чтобы убедить управление, потребуется еще одно, а то и два убийства.

– Ясное дело, шеф, но ведь бригадир Талеб сторожит у входа в «Ред Корнер», так?

– Так, черт возьми!

00:47

Жан-Лу никогда не бывал в отеле «Ред Корнер», но был наслышан о нем. В такси, по дороге в отель, он подумал: «Нелепо устраивать любовное гнездышко посреди торгового центра, между магазинами садового инвентаря, “Сделай сам” и супермаркетом! Рядом только

окружная дорога, сплошь заасфальтированные автостоянки и череда красных огней, напоминающих восходящие солнца...»

И все-таки он последовал за Фалиной. Держась за руки, они молча пересекли пустой холл с автомат-баром, поднялись по тускло освещенной лестнице. Жан-Лу оплатил кредиткой в банкомате номер «Караван-сарай» и пропустил девушку вперед.

Время остановилось.

Их встретила тихая берберская мелодия. Густой соломенно-желтый ковер напоминал зыбучие пески. В комнате не было ни стен, ни потолка, она представляла собой просторную палатку караванщика. Полотняные по́лы с золотыми подхватами были откинута, перед ними горели факелы. Искусная игра зеркал до бесконечности множила ковры и шелковые занавески, а сквозь фальшотверстия проглядывали звездное небо, дюны и оазис.

Декорация к «Тысяче и одной ночи».

Тысяча ночей для фантазий. И всего одна, чтобы воплотить их в реальность.

В узком шкафу хранились одежда и аксессуары для клиентов. Платья, накидки, маски, тюрбаны, пояса, веера. Жан-Лу лег на подушки – ему не хотелось наряжаться восточным принцем. Фалина не настаивала, но все-таки решила поиграть: закрылась на несколько минут в ванной и вышла... закутанная-замотанная с головы до пят. Длинный лиловый с пурпурно-золотыми проблесками тюрбан почти закрывал лицо девушки, видны были только черные глаза и кармин губ. Шея, плечи, грудь и талия прятались под тканью, а концы ее, заканчиваясь у лодыжек, напоминали хвост сирены.

Мумия принцессы. Ждущая, чтобы ее вернули к жизни.

Жан-Лу зажмурился, желая убедиться, что это не сон. Мысли разбегались, он больше ничего не контролировал. Выходя из «Бликов», он клялся себе, что вечер закончится поцелуем. Нежным прощальным поцелуем. Язык и руки не послушались голоса рассудка, а Фалина не воспротивилась. Простое «нет» прогнало бы змея-искусителя, окопавшегося в мозгу и нашептывавшего: «Узнай, каковы на вкус эти свежие губы, ощути в ладонях тяжесть ее грудей, проникни во влажное лоно...»

Он мог бы остановиться.

Мумия приближалась мелкими шажками, покачиваясь, как кегля в боулинге.

Жан-Лу проклинал себя. Проклинал мужскую слабость. Проклинал мерзавца Всевышнего и весь сонм его ангелов-инженеров-творцов. Ну почему мы перестаем думать головой при виде аппетитной бабенки и моментально забываем моральные табу?!

Естественно, поцелуем дело не ограничилось. Он позвал Фалину к себе в номер в «Рэдиссон Блю», но она ответила, что есть другая идея. Получше.

Правой, свободной, рукой Фалина стянула с головы тюрбан, волосы дождем заструились по плечам и спине, а из-под шелка медленно возникали подбородок, затылок, плечи...

– Покрути меня, – шепнула она.

Жан-Лу ухватился за край тюрбана, поняв ее замысел. Он будет тянуть за лиловую накидку, красавица завертится, как юла, и обнажится. Однако действие пошло по иному сценарию. Фалина решила добавить игре остроты и привязала руку любовника к одному из шестов, поддерживающих палатку.

– Теперь мы оба связаны.

Она выпрямилась и обернулась вертящимся дервишем. Темп восточной музыки ускорился. «Плейлист, – подумал Жан-Лу. – Ритм запрограммирован на движения любовников...» Голова кружилась все сильнее...

«Бландина ничего не узнает, не узнает, не узнает...» – билась в голове мысль, а пальцы цеплялись за ткань, как за веревку бездонного колодца, в котором он тонул.

Приоткрылась верхняя часть груди. Каждый сантиметр, отвоеванный Жаном-Лу, высвобождал восхитительные холмики, и он, едва дыша от волнения, смотрел, как они распрямляются.

«Бландина ничего не узнает...»

Наполовину обнажившийся живот девушки – плоская темная равнина со впадиной пупка – придвинулся к Жану-Лу.

– Держишь меня ты, но и сам ускользнуть не сможешь.

Она привязала левое запястье любовника ко второму шесту палатки.

– Продолжай, мой маленький принц, я хочу потанцевать еще.

И Жан-Лу продолжил – кончиками пальцев, с трудом, неуклюже. Фалина расчетливо медленно кружилась под скрипичное крещендо, и лиловый шелк, на мгновение задержавшись на талии, достиг линии лобка, расстался с округлостью ягодиц.

Жан-Лу никогда еще так не возбуждался и все-таки не мог справиться с чувством вины.

Бландина узнает. Бландина догадается.

Нечистая совесть не отстанет, даже когда он займется любовью с этой потрясающей девушкой. Безупречный двойник отделится от тела жены и явится ему в виде голограммы, демонстрируя ее, любящую и одинокую в супружеской постели или баюкающую Жонатана. Наваждение испортит все удовольствие, и остаток дней он не сможет любить Бландину, не вспоминая волшебную ночь с Фалиной.

Девушка чуть отодвинулась, и ткань натянулась.

Жан-Лу заставлял себя думать, что случится обратное: бархатная подушка задавит угрызения совести, завтра он проснется в безмятежном настроении и забудет эту продажную девку. Позвонит Бландине и Жонатану, небо над головой прояснится, и эта ночь останется прекраснейшим деревом его тайного сада.

В это мгновение полог палатки упал, и несколько секунд Жан-Лу видел лишь свет факелов, тень – или тени? – потом пламя погасло.

Наступила полная темнота.

– Фалина? Фалина? Ты здесь?

Нет ответа. Новая игра? Западня? Его решили подловить? Будут снимать на камеру, фотографировать? Хотят шантажировать, чтобы разрушить семью? Кто? Зачем? В этом нет никакого смысла.

– Фалина! Фалина!

Он дернулся, но запястья были привязаны крепко.

Кто мог на него ополчиться? Он никогда не обманывал Бландину. Во всяком случае, в последние двадцать лет, после ухода из «Вогельзуг» и рождения Жонатана. До этого, отбывая на другой, далекий берег Средиземного моря, он встречался с проститутками.

Жан-Лу судорожно дернул шелковые кандалы.

Я думала, Жан-Лу поможет мне.

Он знал – понял, что я ношу ребенка.

Он сомневался. Неужели готов был взять на себя ответственность? Полюбить нас? Хотя бы из жалости?

Несколько недель я верила, а потом его жена – настоящая жена – забеременела. Неполноценным ребенком.

И он поступил, как другие, даже еще трусливее – бросил меня. Нас. Меня и моего ребенка.

Жан-Лу не знал, сколько прошло времени. Он различил скользившую в темноте тень, ночное создание, кошку, летучую мышь. Сумел слегка ослабить узлы. Напрягся в ожидании.

Тень подобралась совсем близко.

Уколола его в предплечье.

Неожиданно. Резко. Жан-Лу, не размышляя, отчаянно рванулся и вслепую укусил руку, вогнавшую иглу ему в вену.

Раздался вопль, Жан-Лу закричал в ответ, рука выдернула шприц, и тень отпрянула. Раздался звон бьющегося стекла, и Жан-Лу вспомнил подаренную девушке подвеску.

Фалина?

Он припомнил последние образы, которые глаза запечатлели через полотно палатки, прежде чем погасли факелы. Ему почудились две тени, но это мог быть оптический обман. Напала на него Фалина, кто же еще? Разум отказывался верить. Наверное, в номер проник неизвестный. Ревнивый любовник. Ударил Фалину, потом взялся за него.

Жан-Лу ждал, считая секунды. По его прикидкам, прошло минут шесть. Привкус крови во рту почти исчез.

И вдруг он почувствовал боль сначала в правом, потом в левом запястье, по рукам потекли теплые струйки.

Убийца приблизился совершенно бесшумно. Ночной призрак с острым ножом или опасной бритвой перерезал ему вены.

– Фалина? Умоляю тебя, Фалина...

Никто не ответил. Через несколько минут дверь номера «Караван-сарай» открылась и тихо захлопнулась.

Все кончено.

Он умрет здесь.

Некоторые раскаявшиеся любовники признаются на смертном одре, что вели двойную, даже тройную жизнь, полную лжи, и никогда не попадались. Его обрекли на смерть за первую же ошибку. Ирония судьбы.

Рано утром его найдут в этой комнате. Горничная. Или следующая пара клиентов. Обнаружат в кармане мобильник, сообщат Бландине, она не поверит – ни в смерть, ни в предательство.

Полицейские обыщут номер в «Рэдиссон Блю», перетряхнут вещи в чемодане. Найдут самолетик, макет А380, отдадут его Бландине, а она подарит игрушку Жонатану и скажет, что папа улетел на небо.

Сын грустить не станет. При виде самолетика его лицо осветится невинной улыбкой, он подумает: «Папа хороший, всегда привозит мне подарки...» – и побежит в сад, вскинув руку с самолетиком, изображая шум мотора и глядя вверх, чтобы найти отца и сказать спасибо.

А потом – очень скоро – забудет его.

День ветра

39

07:03

Казначей был похож на знаменитого актера Бена Кингсли.

Вытянутый лысый череп. Маленькие круглые очки. Улыбка все-зубы-навыпуск. И морщины на лбу, тонкие, как строчки в грессбухе. Альфа́, кстати, казалось, что все заключенные напоминают американских актеров. Он видел, как Брюс Уиллис выходил из сортира, старик Де Ниро говорил сам с собой на прогулке во дворе, а Роберт Дауни-младший и Хью Джекман отжимались.

Бен-Казначей подошел к Альфа́ сам – у стены, где не было ветра. Произнес два слова, глядя в сторону:

– Слушаю тебя.

Альфа́ выдохнул, взвесил в уме слова. Он знал, что Казначей по собственной воле сел в каталажку – на несколько лет! Внутри всегда необходим человек, чтобы «вести дела», ведь посылают же транснациональные компании своих эмиссаров в дебри Маньчжурии или в Арли[84], что в самом сердце Сахары. Некоторые, в том числе Казначей, соглашались: работа временная, и платят хорошо. Альфа́ коротко изложил свой план, назвал пароль доступа к папке в облаке «Дропбокс».

– Там все детали, финансовый план, контакты, сроки платежей. Все подготовлено и предусмотрено...

Потом Альфа́ заговорил о прибылях: «Колоссальные, если будем действовать быстро!»

В противоположность «Де Вито» Бен-Казначей сразу проявил интерес, одарил собеседника банкирской улыбкой, руку, правда, не пожал.

– Я передам. Тему изучат.

Альфа́ решил поддать жару.

– Пусть не канительятся. Лодка сейчас свободна, но это ненадолго, – сказал он и тут же пожалел, что не сдержался.

Казначей постарался оставить последнее слово за собой:

– Мы не имеем привычки канителиться. Информация распространяется быстро. Сведения уже ушли. Все решится сегодня утром.

07:04

Спасибо.

Простое, произнесенное шепотом, на выдохе, слово звучало в подсознании Журдена Блан-Мартена. В семь утра он включил компьютер и увидел на экране не привычную заставку – яхта «Марите» в открытом море у полуострова рядом с Пор-де-Буком, – а лицо матери. Потребовалось несколько секунд, прежде чем он вспомнил, что пару месяцев назад сам поставил «напоминалку».

Ровно десять лет назад мать упокоилась у него на руках в Соссэ-ле-Пен, в большом доме на улице Синего Берега с видом на Фриульские острова. Умерла спокойно. Угасла, как звездочка, что по утрам уступает место солнечному свету. Счастливая как никогда.

Спасибо, прошептала она и навсегда закрыла глаза.

Спасибо, Жорди.

«Два последних слова моей матери», – подумал Блан-Мартен. В тот день его последний раз назвали настоящим именем.

Жорди.

После ухода матери все вокруг зовут его только Журденом. Шестьсот служащих, пятнадцать членов административного совета, трое сыновей и жена.

Блан-Мартен третий раз отправил инструкцию секретарше. Не забыть послать венок на кладбище Сен-Рош и еще один – к одиннадцатичасовой мессе в церкви Сен-Сезер.

У него почти не осталось воспоминаний о годах, проведенных в юности с матерью. Несколько образов да гул голосов манифестантов: она брала маленького Жорди на Ла Канебьер[85], где проходили митинги, и он шагал под знаменем Всеобщей конфедерации труда. Аннетт Блан была активисткой, бойцом, пассионарией, ее нес по жизни мистраль социального протеста. Она была «красной»! Настолько же красной, насколько бесцветным оставался отец Жорди – Бернар

Мартен. Нейтральный. Аполитичный. Абстенционист[86]. Он никого не агитировал и отказался от борьбы после закрытия доков Пор-де-Бука. Мальчик рос между морем и домами Эг Дус, учился в школе Виктора Гюго, потом в коллеже Фредерика Мистралья[87]. На встречи преподавателей с родителями ходила только мать. Во время ожесточенных перепалок на этих собраниях о ее сыне разговор не заходил. *Жорди? Какой Жорди? Жорди Мартен? Погодите... Ну что же, отметки неплохие...* Как звучит голос мальчика, учитель вряд ли помнил.

Несколько долгих секунд Журден смотрел на портрет матери, потом открыл текстовый файл. На вилле «Ла Лавера» царил тишина. У него есть немного времени до завтрака. Если собратья, можно набросать завтрашнюю речь на открытии симпозиума «Фронтекса» во дворце Фаро. В борьбе за девственно чистую репутацию Европейское агентство выбрало рискованную стратегию – доверить открытие ассоциациям.

Карт-бланш.

Блан-Мартен их не разочарует.

Набирать текст он начал не сразу – отвлекся сначала на бассейн, потом на тиковую террасу и вид на порт. Журдену нравилось сравнивать рейд Пор-де-Бука с челюстью хищника. С высоты виллы иллюзия была ошеломляющая: край изогнутого мола образовывал идеальный клык, а доки причалов, пристани к северу и нефтеналивные танкеры на юге вдавались в море на манер острых резцов. Утром поднялся ветер. Журден остался сидеть, борясь с желанием пойти и проверить, прочно ли пришвартованы «Эскайон», «Марибор» и другие суда в порту.

Ладно, пора заняться делом.

Его вступительное слово будет классическим, примиряющим и основанным на консенсусе. Речь порадует местные организации и успокоит зарубежных гостей. Журден напомним им эпизод лета 1947-го. Четыре с половиной тысячи еврейских беженцев-нелегалов, чудом переживших Холокост и плывших в Палестину на судне «Исход-1947», были принудительно депортированы назад во Францию. Они провели три недели в нечеловеческих условиях на английских транспортных кораблях-тюрьмах, пришвартованных в Пор-де-Буке, в железных каютах без окон и элементарного проветривания. Ситуация

скандализировала общественность, мировая пресса описывала события на первых полосах.

Нет, Блан-Мартен не будет педалировать эту страницу истории. Он сделает упор на чувстве солидарности, которую стихийно проявили жители Пор-де-Бука. Его мать была среди самых активных, тех, кого не интересовало, по какой причине власти двух стран затягивают решение проблемы. Возможно, Блан-Мартен основал «Вогельзуг» именно в Пор-де-Буке в память о событии, потрясшем коллективную память. Он сделает упор на чуть наивных моральных постулатах – политики, доверяющие опросам общественного мнения, это оценят. Часто, скажет он, мужчины и женщины заявляют о нежелании пускать на «свою» территорию мигрантов и беженцев, но – вспомните рядовой героизм обитателей Пор-де-Бука! – первыми приходят на помощь чужакам, потерявшим надежду вблизи Земли обетованной. Показной расизм напоминает броню против собственного великодушия. Да, урок человечности для начала будет очень кстати. В восторг придут все – от мэра Пор-де-Бука до турецких, киприотских и венгерских делегатов.

Журден перечитал написанное, улыбнулся, поморщился на слове «расизм». Нужно найти другое, точнее выражающее страх перед беженцами. Ему было трудно сконцентрироваться. Годовщина смерти матери навевала мысли о прошлом.

Жорди Мартен.

В сентябре 1971-го он записался на факультет права в Экс-Марсель. На первой лекции по конституционному праву среди двухсот студентов не оказалось ни одного парня, ни одной девушки из Пор-де-Бука. Судя по всему, однокурсники Жорди были обитателями богатых кварталов и шикарных коммун Экса или Южного Марселя. Он тогда подумал, что имя и происхождение никогда не позволят ему войти в число пятнадцати счастливиц, которые через пять лет получают степень магистра международного права и пройдут конкурс на замещение должностей сотрудников старшего звена. Когда профессор объявил набор на практические занятия, первокурсник Мартен вписал только имя, причем неразборчивым почерком.

Жорди превратился в Журдена.

В том же списке он соединил фамилии родителей (они никогда не были женаты), Анны Блан и Бернара Мартена, и – вот ведь

странность! – два банальных патронима обеспечили ему династическо-дворянскую фамилию.

С того дня он для всех стал Журденом Блан-Мартеном.

Больше всего его интересовали права детей, права жертв войн и конфликтов, природных катастроф и людей без документов. Журден быстро убедил себя, что сумеет разбогатеть, специализируясь на нищете, и несколько лет спустя основал свою ассоциацию.

Блан-Мартен бросил последний взгляд на воображаемую точку в море и вернулся к ноутбуку. Выслушав чопорно-пафосное вступление, гости «Фронтекса» решат, что докладчик обрушится на проводников, упомянет десятки миллиардов, которые принесит новая работоторговля, «всплакнет» над тысячами утонувших в Средиземном море.

Нет, эту старую песню он не затынет! В папках делегатов лежат таблицы с осточертевшими цифрами. Евросоюз по какой-то непонятной причине наделил «Фронтекс» привилегией – взвешивать миграционные проблемы и... решать их. Иначе говоря, агентство определяло уровень риска, от которого зависел бюджет. Раз в десять лет его увеличивали в семь раз, чтобы закупить несколько дополнительных самолетов и вертолетов. Он поостережется от лобовой атаки на «Фронтекс»: в зале будут сидеть десятки активистов, найдется кому разоблачить полувоенный дрейф и узурпаторско-приватизаторскую тенденцию. А он в приветственной речи процитирует Стефана Цвейга – это произведет должное впечатление.

«Возможно, ничто не делает более наглядным чудовищный шаг назад, пережитый миром с начала Первой мировой войны, чем ограничения свободы передвижения. До 1914 года земля принадлежала всем. Каждый отправлялся куда хотел и жил так долго, как ему вздумается».

Потом он напомним, что человечество всегда было беспаспортным. Клочок бумаги придумали, когда началась Великая война, пообещав отказаться от документа, как только будет восстановлен мир. «Клятву» долго обсуждали: в 1930-е – в Лиге Наций, в 1950-е – в ООН, а в 1960-е благополучно и окончательно похоронили. Свободное перемещение людей по планете, это фундаментальное историческое тысячелетнее право, всего пятьдесят лет назад превратилось в утопию, в которую не верят даже самые отчаянные идеалисты.

Увесистая оплеуха устоявшимся взглядам! Он забьет гвоздь, уточнив, что мигранты много лет составляют 3 % от численности населения планеты, то есть в три раза меньше, чем в XIX веке. Парадокс для глобализированного общества, где все происходит намного быстрее и заходит глубже, чем в прошлые столетия: деньги, информация, энергия, культура. Все. Все, кроме людей. Кроме большинства людей. Демократии теперь возводят стены. После 11 сентября 2001 года это стало всеобщим поветрием, заразой. Стены не ограждают, они фильтруют. Сортируют, просеивают людей через сито, делят на угодных и негодных. Самая военизированная, дорогая и смертельно опасная граница проходит между США и Мексикой, и все-таки каждый год из Тихуаны в Сан-Диего приезжают десятки миллионов автомобилей.

Журден перечитал текст и остался доволен. Этим утром он был настроен... лирично и даже спросил себя, не пойти ли дальше, предложив просто взять и отменить все границы. Нет границ – нет и нелегалов. Проблема решена! Надобность во «Фронтексе» отпала. Падение Берлинской стены и создание Шенгенской зоны подтвердили непреложную истину: чем больше у людей свободы передвижения, тем реже они снимаются с места.

Блан-Мартен поднял глаза. Он один мог позволить себе зайти так далеко. Основав «Вогельзуг», Журден построил свою империю – столь же «двусмысленную», как «Фронтекс». Сотни его служащих, административный совет и семья жили – и очень хорошо жили! – за счет нелегальной миграции.

На горизонте, за мысом Карро, виднелись бухты Синего Берега и лесистые холмы, приютившие хутор Соссэ-ле-Пен. Блан-Мартен подарил его родителям в 1995 году.

Особняк на скальном карнизе, где одна только ванная превосходила размерами их квартиру в Эг Дус. Мать с трудом согласилась на подобную роскошь и плохо к ней привыкала, но малыш Жорди так гордился своим подарком... Отказ был бы равносителен неприятию успеха ее дорогого мальчика. После смерти мужа (с ним случился обширный инфаркт, когда он рыбачил с понтона) женщина девять лет жила в доме одна.

Когда не стало родителей, исчез и мальчик Жорди.

Начал с нуля и забрался на самый верх.

Блан-Мартен скользнул взглядом по домам квартала Эг Дус, они стояли лицом к морю, но были отделены от остального города лабиринтом тупиков.

Дети никогда не узнают, каким был путь отца в высшее общество, хотя через несколько месяцев – или лет? – Жоффруа станет председателем ассоциации «Вогельзуг».

Журден выпрямился и, не вставая со стула, прикинул высоту ограды, защищавшей виллу, и забора вокруг сада. Точно так же были обустроены владения его сыновей в Эгийе, Кабриесе и Кэрри-ле-Руэ. Они родились «наверху». Там и забаррикадировались на всю оставшуюся жизнь.

Журден посмотрел на часы. У него есть полчаса на уточнение некоторых моментов. Разминирование спорных сюжетов. Дестабилизирует или нет французское общество появление нескольких сотен тысяч беженцев? Четыре миллиона ливанцев приняли на крошечной территории своей страны, населенной в шесть раз плотнее Франции, полтора миллиона сирийцев. И что же? Рухнула финансовая система? Все экономисты сходятся во мнении, что приток иностранных рабочих дал экономике шанс подняться. Хорошо обученные, опытные, не достигшие пенсионного возраста люди принесли дохода больше, чем сами стоили государству.

Журден Блан-Мартен готовился свернуть шею очередной фальшивой истине, но тут зазвучало «Адажио» Барбера, и он полез в карман за телефоном.

Петар. Петар Велика.

От дурного предчувствия запершило в горле. Полицейский майор вряд ли звонил так рано, чтобы сообщить об аресте убийцы Франсуа Валиони. Журден встал и устремил взгляд на порт Ренессанс: неутомимый мистраль атаковал яхты, и они рыскали по воде.

– Блан-Мартен?

– Он самый.

– Не стану ходить вокруг да около. Мы... У нас еще один труп. Жан-Лу Куртуа. Та же схема, что с Валиони. Привязан. Вены перерезаны. Найден в «Ред Корнер». На этот раз – номер «Караван-сарай».

– Вы не приказали вашим людям наблюдать за отелем? – удивился Блан-Мартен.

– Естественно, приказал! Это может показаться невероятным, но...
– Неважно, – перебил сыщика председатель, плевать хотевший на извинения Велики. – Жан-Луи Куртуа около двадцати лет назад покинул «Вогельзуг». Веская причина, чтобы не вмешивать в дело мою ассоциацию. Я рассчитываю на вас, майор.

41

08:21

Петар Велика, чтобы не чувствовать себя пленником пустыни, оставил открытым окно в номере, пусть даже окружная дорога и торговая зона – не самый красивый вид. Петар вернулся под полотняный потолок, к песчаным стенам. Серж Тисран, управляющий в безупречном галстуке, напоминал колониального чиновника, которому поручили объявить бедуинам, что на их землях нашли нефть. Так что отвалите...

– Во всех отелях сети «Ред Корнер» в любой стране номера совершенно одинаковые, это так? – спросил Петар.

Тисран кивнул.

– Покажите мне все комнаты. Раз мы имеем дело с серийной убийцей, которая каждое утро оставляет нам по трупам в разных концах планеты каждый вечер в другом номере я должен понимать, куда она завтра отправится на охоту.

Он повернулся к лейтенанту. Жюло сидел на декоративной табуретке и как умненький-благоразумненький отличник ждал инструкций начальства.

– Пока я делаю обход, составь подробный отчет.

Приунывший Жюло смотрел в спину шефу и задавался риторическим вопросом: «За что?!» Петар приобнял управляющего за плечи. Со стороны могло показаться, что он беседует с агентом по недвижимости.

– Итак, Серж... В номере «Розовый лотос» на стенах висят японские эротические эстампы и ящики заполнены *шариками гейши*? А в «Кариоке» в изобилии стринги, танга и другие бразильские трусики? Ну показывайте ваши богатства, друг мой.

Петар вернулся через полчаса, один. Подсел к лейтенанту в баре, и тот поставил перед ним стакан и бутылку воды.

– Ну, и..?

Жюло доложил сжато и точно, в режиме реального времени. Жертва, Жан-Лу Куртуа, – отец семейства, без криминальной истории; председатель ассоциации поддержки родителей детей-трисомиков. С Франсуа Валиони его связывает только «Вогельзуг»: он проработал в ассоциации около десяти лет, потом ушел в отставку.

Велика слушал молча.

– Сценарий убийства аналогичный, – продолжил лейтенант. – Судебные медики пришлют предварительный отчет утром. Мы проверяем записи с камер, пытаемся выяснить, та же это девушка или другая.

В глазах майора появился интерес. Он посмотрел на вход в «Ред Корнер», где дремал бригадир Талеб. Он всю ночь сторожил отель. Тянул пустышку. Откуда им было знать, что убийца прикончит свою жертву в номере «Караван-сарай» и попадет в гостиницу, миновав единственный (он же центральный) вход?

– Майор... – Жюло повысил голос. – На месте преступления обнаружены два отличия – по сравнению с номером «Шахерезада». Уточнить?

– Вперед.

– Во-первых, куски разбитого стекла на ковре, рядом с телом Куртуа. Эксперты говорят, это осколки небольшого украшения, безделушки, но форму они пока не восстановили.

– Ладно, позвонят, когда соберут пазл. А второе отличие?

– Кровь. Жан-Лу Куртуа укусил своего палача. Палачку. В руку, если верить экспертам. Кровь обнаружена на одежде, губах и резцах жертвы. Чужая и его собственная. Мы, конечно, зашлем все, что собрали, в национальную картотеку генетических отпечатков, но лично я не надеюсь, что к загадочной девушке нас приведет ее ДНК.

– Вот как. А на что ты рассчитываешь, хитрец?

– На ее группу крови, которую определили за пять минут.

– И?..

– АВ. Одна из самых редких. Течет в венах четырех процентов населения планеты.

– Гениально! Всего-то несколько миллионов подозреваемых.

Лейтенант посмотрел на часы, допил воду, взял бутылку и поднялся.

– Не хочется торопить вас, патрон, но у нас через пятнадцать минут встреча в центре Аль-Ислах, так что я не успею взять вам кофе в «Старбаксе».

– Черт. И как мне продержаться день без моего эфиопского *Kati Blend*?!

Жюло улыбнулся. Велика тащился за ним с неохотой, его явно не грела мысль о свидании со специалистом по древней Африке и раздражал тот факт, что место назначил не он. Не хватает, чтобы университетские преподаватели начали изображать перегруженных работой звезд. Они молча шли к «Рено Сафрану», и Жюло воспользовался моментом, чтобы выдать шефу последнюю информацию.

– Мы успели проверить мобильный Куртуа. Его подцепили в точности, как Валиони. Он много месяцев общался в личке на фейсбуке с предполагаемой убийцей. Инициативу проявила она.

– Надеюсь, не под ником *Bambi13*?

– Нет. На сей раз девица назвалась *Faline95*.

– 95? Валь-д’Уаз?[88] Не дверь в дверь с Марселем.

– А если 95 – не номер департамента, а год рождения? 21 год. Все совпадает.

Петар остановился перед машиной цвета «голубой металлик».

– С чем именно? Почему ты так уверен, что *Faline95* и милая крошка *Bambi13* – одно и то же лицо?

Жюло посмотрел на начальника в упор:

– Вам известно, кто такая Фалина, майор?

– Нет... Певица?

– Лань, патрон.

Велика переспросил, как будто не расслышал, и выражение лица у него сделалось странное.

– Лань?

– В книге Зальтена[89] Фалина – кузина и подруга Бэмби.

– Дьявольщина...

Майор на секунду замер, потом вдруг кинул ключи помощнику:

– За руль, Шерлок! Начнем большую игру. Позвоню Риану, пусть объявит в розыск Бэмби Мааль, задержит у нас ее младшего братца

Альфá и – главное – устроит нам свидание с Лейли, матью двух ангелочков. На сей раз Центральное управление судебной полиции раскатает перед нами красную дорожку.

08:27

– Открой глаза, Тидиан!

– Незачем, дедуля.

Мальчик зажмурился, когда они проехали круглую площадь и он понял, что сумеет добраться до школы вслепую. Его мозг фиксировал все, с самого детства: звук шагов по гравию, когда идешь по дорожке через парк, пение птиц в оливах на улице Жана Жореса, запах хлеба из булочной на углу улицы Пастера. Подождать на светофоре. Услышать, как останавливаются машины. Перейти на другую сторону.

– Открой глаза, Тидиан!

Он не захотел, чтобы дед держал его ладонь в своей. Одной рукой мальчик прижимал к себе бесценный мяч, другую вытянул вперед, прощупывая темноту. Но когда Мусса положил руку ему на плечо, он не воспротивился.

– Осторожнее, милый, тротуар!

Тидиан шагнул, высоко подняв одну ногу, потом другую. Передвигаться во мраке не составляло труда: слушай внимательно – и все дела. Тидиан уже уловил крики на школьном дворе, оставалось добраться до школы по прямой улице. Дед шел рядом, готовый подхватить, не дать упасть, – так сторожат первые шаги ребенка.

Тидиану не очень-то хотелось, чтобы приятели увидели его с закрытыми глазами. Когда по его ощущениям до входа осталось несколько десятков метров, он решил «прозреть».

Победа! Перед ним дом № 12 с птичьей клеткой на балконе.

Мусса сжал запястье внука:

– Маленький негодник! Не стоило рассказывать тебе историю о солнце, ослепившем твою маму!

– Благодаря тебе, дедушка, я стану таким же сильным, как она. Буду тренироваться, научусь различать запахи – как пастушья собака, видеть по ночам – как кот, бегать в темноте – как мышь.

Мусса поправил Тидиану воротник рубашки.

– И зачем тебе все это?

– Чтобы найти мамино сокровище. И хранить его...

Из-за стены доносились возбужденные вопли и звук ударов по мячу. Тидиану не терпелось присоединиться к ребятам, но дед не отпускал его.

– Я был таким же, как ты, малыш. В детстве. Мечтал о сокровищах.

– У твоей мамы тоже был клад? – изумился Тидиан.

– Не у мамы. У деда. Его украли, отсюда все наши несчастья.

Судя по восторженным возгласам, одна из команд забила гол, и Тидиан со всех ног побежал ко входу. Разумеется, с открытыми глазами. Обернулся и крикнул:

– Расскажешь сегодня вечером!

43

09:17

Нура стояла перед Рубеном в позе классической субретки, уперев кулаки в бока.

– Ты удвоишь мне жалованье?

Управляющий отелем «Ибис» с изумлением уставился на молодую африканку. Она явилась в девять утра, как и предупреждала, выглядела усталой, помятой, посуетилась четверть часа и вернулась к стойке в образе фурии.

– Божественная моя, что-то не так?

Нура была странным созданием. Функционировала как робот на батарейках. По ночам пела и танцевала, к вящему удовольствию тайных постояльцев, а днем бродила по коридорам и номерам, надев наушники, и напоминала бытовой электроприбор на подзарядке. Этим утром наушники висели на шее.

– Конечно, не так, Рубен! Теоретически мы тут убираемся вдвоем!

Удивительное существо! Завистлива, все время ноет, жалуется, что в «Ибисе» слишком много работы, а теперь, когда он нанял Лейли, злится. Еще меньше ей понравилось, что новенькая опытнее, энергичнее, шустрее и вообще все делает отлично. Кроме того, Лейли

оказалась хорошенькой и очень веселой, такие, как она, способны растопить мужское сердце без малейших усилий. Солнечная женщина.

– Сладкая моя, Лейли на посту с шести утра. Добиралась на своих двоих – автобусы еще не ходили, так что дорога заняла целый час – и между прочим успела отвести сына к родителям. Она...

– Меня чужая личная жизнь не интересует. Работаешь, так работай, и точка!

Нура судорожно вздохнула, снова надела наушники (могло показаться, что мозг получил сигнал: батарея разряжена!) и удалилась, держа швабру наперевес.

Лейли сидела на кровати в номере 23 и плакала. На полу у ее ног кучей валялись простыни и белые полотенца, как будто она использовала их вместо бумажных носовых платков. Рубен не успел задать вопрос – Лейли заговорила первой:

– Меня вызывают в комиссариат Пор-де-Бука. Сегодня. К четырем.

– Зачем?

– Теперь из-за Бэмби. Они... Они ее ищут...

– А что с Альфá?

– Он прислал сообщение. Его отпустили. Сегодня рано утром. Раньше, чем должны были по правилам.

– Ваша дочь... Бэмби. Где она?

Глаза женщины снова наполнились слезами. Они текли по щекам, падали крупными каплями на синий пластиковый фартук и разбивались, как стеклянные горошины. Рубен решил не настаивать. Сказал только:

– Если у девочки проблемы, я могу помочь.

Лейли показывала ему фотографии детей. Бэмби была такой же красавицей, как Нура. Тоненькая, стройная, изгибы бедер созданы для танца, шея длинная, волосы медно-рыжие, губы чувственные и бархатистые, словно персик.

Рубен сел рядом с Лейли:

– У нас есть шесть часов... хотите кофе?

Она кивнула.

– Индонезийский, с острова Хальмахера[90]. Борцы за независимость подарили мне целых три тележки за то, что я тридцать шесть месяцев укрывал их лидера Йохана Тетериссу[91]. Этого инсургента искали все секретные службы Джакарты.

Лейли улыбнулась, и Рубен отправился в свой кабинет за обещанным молуккским нектаром, обернулся в дверях и постановил:

– Когда вернусь, вы все мне расскажете. Ваша жизнь гораздо интереснее моей.

Лейли промолчала, не уверенная в его правоте. Рубен поймал ее взгляд и сказал с оттенком меланхолии в голосе:

– Вы хотя бы ничего не выдумываете.

История Лейли

Я сошла на берег Танжера в сентябре 1994-го. Надия связала меня с *Caritas Maroc*, ассоциацией помощи беременным женщинам. Многие эмигрантки из стран Южной Сахары зачинали еще до отплытия в Европу. Большинство – в результате изнасилования, другие намеренно занимались сексом во время овуляции, чтобы на девять месяцев уберечься от посягательств. Было еще одно преимущество: когда власти Марокко или Алжира ликвидировали гетто нелегалов, заботу о женщинах брали на себя социальные службы, и они избегали обысков, побоев и нового насилия в приграничных тюрьмах. Лист ожидания в *Caritas Maroc* для будущих матерей-одиночек был очень длинным, но слепые и ампутанты имели приоритет.

Я рассказала свою историю, опустив одну «маленькую» деталь о содержимом адидасовской сумки, с которой не расставалась. Там лежали деньги, много денег, *мои деньги*. Но не только. Об остальной части добычи, принадлежавшей Адилю, не узнает никто, даже вы. Скажу одно: я не могла это ни потратить, ни выбросить. Так-то вот, Рубен. На любом сокровище лежит проклятие.

Я как заведенная твердила медсестрам, что хочу сделать операцию. Пересадку роговицы. Объясняла: моя семья сэкономила и собрала деньги. Думаю, люди из *Caritas* кое-что проверили, и я узнала, что Адиль Заири не был ни прекрасным принцем, ни идеальным возлюбленным. Его хорошо знали в эмигрантских кругах: он вел двойную игру в своей ассоциации помощи беженцам, переправлял нелегалов и наживался на них. Все девушки, попадавшие в его сети, становились проститутками, а потом отверженными, но ни одна не прожила с этим сутенером дольше меня. Возможно, он и правда любил свою Лейли сильнее остальных? Или все дело в том, что я столько времени не понимала очевидных вещей? Никто не знал, что случилось с Адилем. Выжил он или подельники утопили его труп в гавани Суса?

Я судьбой Адиля не интересовалась. У меня была единственная навязчивая идея – прозреть до родов. *Увидеть, как появится на свет мой ребенок.* Я умоляла хирурга – у него был визгливый, как у шпица, фальцет и высокомерный тон, – плакала, ругалась, но он переубедил меня одной фразой:

– Это слишком опасно для ребенка.

Офтальмолог рассказал об анестезии, риске выкидыша, инфекции, кровотечении.

Я запомнила одно.

Это слишком опасно для ребенка.

Я родила 27 марта 1995 года в клинике «Бу-Регрег» в Рабате. Доктор Роке согласился прооперировать мои глаза через четыре недели, тоже в Рабате. Вся процедура заняла чуть больше часа, по сорок минут на каждый глаз. Не представляете, как я орала на врача, когда все прошло! Никакого общего наркоза, меньше недели в больнице. 90 000 дирхамов за два движения скальпелем!

А он утверждал, что *это слишком опасно для ребенка.*

Я ужасно злилась на доктора Роке. С первого дня девочка спала в кроватке рядом со мной, а я не знала, как она выглядит. Давала ей грудь, переодевала, купала, целовала, умирала от счастья, вдыхая запах нежной кожи, но... понятия не имела, какого она цвета.

И все-таки хирург был прав, я осознала это, открыв глаза после операции и увидев Бэмби.

Бэмби, мое сокровище, мою красавицу, мое чудо. Мою любимую дочь.

Я запомнила ее лицо с первой секунды и на всю оставшуюся жизнь.

Прошло несколько недель, и я вернулась в Сегу и поселилась рядом с родителями, кузенами и прежними соседями. Часть оставшихся денег пошла на покупку домика у реки.

Бэмби подрастала. Бэмби, нежный цветок Африки. Светлая кожа метиски делала ее более хрупкой, чем другие дети. Девочке словно не доставало эбеновой брони. Она брезговала речной водой цвета охры, огорчалась, если на платице попадала глина, и ужасно боялась верблюдов. Полная противоположность мальчишке-сорванцу, каким была в детстве я.

А вот школу Бэмби полюбила сразу. В единственный класс набивались пятьдесят учеников, и старенькая учительница, лучше говорившая на бамбара, чем по-французски, давала им по утрам уроки. Другой школы на расстоянии тридцати километров не было. У меня появилась и созрела безумная идея.

Уехать снова. Добраться до Европы. Устроиться. И вызвать к себе дочь.

Я была знакома со Старым Светом – в Марсале, Марселе, Алмерии, – правда, ничего не увидела с противоположного берега Средиземного моря. В Сегу приходили письма и немного денег от кузин, устроившихся в Монтрёе, восточном пригороде Парижа. Я их почти не помнила, хотя в детстве играла с этими простушками. Они писали, что работают в мэрии, зарабатывают много тысяч франков в месяц (мне даже не хотелось считать, сколько это будет в африканских франках!), ходят с членами семьи в библиотеку и в кино.

Если преуспели тупицы Налло и Бинету, если они обеспечили лучшее будущее своим детям, так почему бы не попытаться и мне? Я добралась до Европы один раз, когда была слепа, доберусь и второй – зрячая! Денег хватит, можно оставить Бэмби с родителями и через несколько недель быть на месте. Найду работу, обустроюсь и заберу дочь. Во Франции у нее появится шанс. Моя детка – слишком хрупкое создание, чтобы расти в пустыне. Здесь она превратится в кактус, а во Франции будет розой, ирисом, орхидеей.

Чем дольше я думала о переезде, тем очевиднее выглядело решение.

Я должна попытаться – ради малышки. Остаться – значит обречь ее на горькую судьбу, что непростительно. Возможно, мои рассуждения кажутся нелепыми, но вы много путешествовали и наверняка знаете, что тысячи и тысячи мам в мире, в Африке и других местах, не смиряются, а идут на ту же жертву, что и я. Оставляют своих детей, чтобы дать им шанс на лучшую жизнь. Другую жизнь. Дать жизнь второй раз.

Путешествие стоило три тысячи франков. Отправление из Томбукту. Переход через Сахару в Надор, ожидание в лагере в лесу Гуругу, на горе с видом на Мелилью, автономный город-порт, город-крепость, город-анклав Испании в Марокко у Средиземного моря. В то время высокие заборы еще не были построены и испанских военных

было меньше. Во всяком случае, так уверяли проводники. Сеута и Гибралтар были закрыты, но через Мелилью доступ оставался[92]. Добрался – попал в Европу – спасен.

Не поверите, Рубен, родители даже не попытались меня отговорить. Они понимали, что я собираюсь рискнуть ради всех нас. Ради денег, которые смогу посылать из Франции. Ради того, чтобы в один прекрасный день забрать их к себе.

Я бы хотела избавить вас от деталей путешествия через пустыню, Рубен, уж слишком тяжелые это воспоминания. Четыре тысячи километров на «буханках», машинах, заменяющих дромадеров, по двенадцать человек под брезентовым навесом, ночью при нуле градусов, днем – при жаре в пятьдесят. Несколько глотков воды в день, поиски зарытых в песок канистр с бензином, бесконечное ожидание в Гао, у ворот пустыни, потом отправление в Кидаль. Машина то и дело ломается, и до Адрара-Ифораса[93] приходится идти пешком, оставляя товарищей, если они заболевают малярией или страдают диареей. В путь нас отправилось тридцать пять, до Тинзаутена в Алжире добралось девятнадцать.

Тинза – республика нелегалов, пограничный город, где собираются мигранты из стран Западной Сахары. Прибывающие сталкиваются с выслаемыми, которых сотнями отлавливает алжирская полиция. Ждешь много дней между машинами, снова платишь – другим проводникам, прячешься от военных, патрулирующих на вертолетах. Бежишь в Таманрассет, столицу пустыни, там ночуешь несколько ночей под брезентовым навесом, меняешь машину на еще более дряхлую, зато с алжирскими номерами. Торгуешься на каждом пропускном пункте, чтобы выбраться из города, платишь, пока встречаются патрули. Потом следуешь по пустыне на север, две тысячи километров без остановки, не ешь, не пьешь, только облегчаешься, водители меняются несколько раз за сутки. Еще четыре дня чистого ужаса, выживают сильнейшие, Рубен, только сильнейшие. Ах, если бы французы могли понять... Четыре дня пытки, спина разламывается, шея не держит голову, ветер, будь он благословен, уносит прочь вонь немых тел, мочи и желчи. И вот наконец Ужда у ворот Марокко.

Здесь ожидание длится еще дольше, чем в Тинзе. Отдаешь деньги незнакомцам, по ночам спишь вполглаза, но будят тебя неожиданно. Подкупленные военные ведут нас, пятнадцать нелегалов, в Надор, к

югу от Мелильи, в ста пятидесяти километрах от Тинзы. Шестидневный переход через Эр-Риф[94], живот сводит от страха, что проводники выстрелят в спину на краю балки или встретишь джип марокканской жандармерии и все закончится. Усталость достигает крайней степени, но безумие заставляет жить, надеяться, и вот он – лес Гуругу. Мигранты называют его отелем для нелегалов. Лес-дортуар. Врата рая. До Европы меньше километра, нужно *всего лишь* преодолеть три семиметровых забора, ждущих во всеоружии, но беженцы в лесу по многу дней готовятся к штурму, затачивают шесты, собирают лестницы. Нельзя провалиться, оказавшись так близко. Тысячи мигрантов из Нигерии, Берега Слоновой Кости, Конго, Габона ищут брешь. Ждут нужного момента, как армия, полная решимости победить.

Врата рая, Рубен. Да, рая. Но рай – анклав в аду.

Женщин в лесу было гораздо меньше, чем мужчин. Ко мне уже вернулось зрение, Рубен, и я видела, как женщины уходили из леса, чтобы вымыться или облегчиться, и за ними следовали мужчины. Те и другие раздевались. Женщины уступали, чтобы избежать побоев, отдавались одному, другому, третьему – без презервативов.

Однажды июньским вечером за мной пошли пятеро и окружили в километре от ближайшей палатки, как львы антилопу. Первый, ивуариец, заговорил по-французски.

– Мы не хотим тебе зла. Не станешь сопротивляться, все пройдет как надо.

Четверо других уже расстегивали штаны.

– Тебе повезло, – продолжил он. – Мы джентльмены.

Этот человек не врал, Рубен. Его товарищи успели спустить брюки до лодыжек, и тут он достал из кармана пачку из десяти резинок.

09:25

Тридцатиметровая яхта «Севастополь» когда-то принадлежала украинскому миллиардеру. Она долго скучала на приколе в Монако и была выставлена на продажу, когда бизнесмен решил вложить деньги в болгарскую футбольную команду. Цена – 2 500 000 евро, говорилось в

объявлении на *www.pleasance.fr*. Гавриле Букину платили 70 евро в день, он следил за отливом, запускал двигатель, понемногу полировал корпус и начищал иллюминаторы, показывал яхту потенциальным покупателям и получал 150 евро премиальных, если клиент хотел выйти в море.

Гаврила удивился, заметив утренних посетителей. Чернокожий гигант в джинсах, грязной футболке и мятой ветровке был небрит, как будто только что вышел из тюрьмы и завязывал шнурки кроссовок впопыхах. Компанию ему составлял гном в галстуке, бледный, как кашка молочника, с идеально причесанными седыми волосами. Лорел и Харди в версии Блэк & Уайт.

Гаврила повел их на экскурсию, они заглянули в машинное отделение, морозильную камеру, на камбуз и надолго задержались в большом, 80 квадратных метров, трюме. Великан делал мысленные подсчеты, глядя на потолок, как будто хотел выяснить высоту, чтобы не удариться макушкой.

– Прекрасно. Теперь можете нас оставить, – наконец сказал он, и Гаврила подчинился не моргнув глазом.

Он поднялся на палубу и встал так, чтобы приглядывать за Лорелом и Харди. Не то чтобы ему очень хотелось шпионить – он улавливал только обрывки фраз, – но указания ему дали самые ясные: пока денежки не заплачены, клиенты не должны оставаться на судне одни! Гаврила плохо представлял, что можно украсть на посудине, с которой хозяин и так все вывез. Сторож ухватился за леер и бросил взгляд на слоисто-кучевые облака, напоминающие паруса «Летучего Голландца». Поднялся ветер, и Гаврила мысленно взмолился, чтобы клиенты не попросились на морскую прогулку.

* * *

– Два с половиной миллиона евро – значительная сумма.

– Инвестиция, – уточнил Альфа. – Надежная инвестиция.

Собеседник размышлял, а он думал о цепи событий, случившихся с утра. Казначей действовал очень эффективно. Альфа не знал, поспособствовал ли «Бен Кингсли» его освобождению, но, как только вышел, увидел на противоположной стороне такси. В машине сидел некий Макс-Оливье – коллега Казначея на воле. Они поехали в порт. Симпатичный пятидесятилетней Макс-Оливье походил на банкира, с которым встречаешься, придя за кредитом. Такой внимательно вникает

в ваши нужды и подробно объясняет условия и последствия, ведь выплачивать займ с процентами придется тридцать лет. Этот «понимающий» тип не задумываясь напомним, как только вы окажетесь на улице: «А я предупреждал...»

Гном оглядывал пыльный трюм, паутину, изъеденные жучком деревянные панели, и на его лице явственно читался скептицизм.

– Господин Мааль, я детально изучил ваш финансовый план и – буду честен – все еще сомневаюсь.

Его голос звучно резонировал в пустом помещении, и, отвечая, Альфа́ взял на тон выше.

– Вам не хуже моего известны расценки. От трех до пяти тысяч евро с мигранта за плавание на одном из «Зодиаков», готовых в любой момент потонуть или нарваться на береговую охрану. Три тысячи евро, помноженные на пятьдесят, это сто пятьдесят тысяч с надувной лодки. Никаких налогов. Самоубийственное предприятие. Я предлагаю другую экономическую модель.

Банкир присвистнул:

– Ни много ни мало.

– Вам прекрасно известно, о чем я хочу говорить. Рынок мигрантов похож на все остальные рынки, он зависит от предложения и спроса. Чем лучше «Фронтекс» делает свою работу, тем меньше он пропускает нелегалов, и цены растут. Не мне вас учить, Макс-Оливье. Контрабандиста делает таможня, а не наоборот. Власти США обогатили бутлегеров, введя сухой закон. Не будь его, не было бы и Аль Капоне.

Альфа́ очень гордился этой максимой, он неделями ее шлифовал, но собеседник не впечатлился.

– Я знаю приграничный бизнес, Мааль, он выгоден всем. Таможенникам и контрабандистам. Но меня интересует другое: каким образом вы надеетесь зарабатывать больше других?

Альфа́ взял паузу, выдохнул. Огромный корпус судна почему-то вдруг напомнил ему собор.

– Я исходил из простой идеи. Дать мигрантам три гарантии. Безопасность, удобство и максимальная вероятность доставки. То, чего не обещают рядовые проводники. Многие согласятся платить дорого, намного дороже, чем на нынешнем рынке.

– Сколько?

– Десять-пятнадцать тысяч евро. Вообразите: берем мигрантов на борт яхты ночью, у берегов Африки, подальше от любопытных глаз, они спускаются в трюм. Если кое-что переоборудовать, можно поставить здесь пятьдесят кроватей, туалеты и душевые, запастись едой и питьем, а на палубе – на случай встречи с береговой охраной – посадим несколько блондинок в бикини топлес, чернокожий официант будет разносить мохито, капитана нарядим в шикарный пуловер. Никакого риска. Не будет ни течей, ни досмотров. Становимся на якорь в порту любого европейского курортного города – Аяччо, Сан-Тропе или Сан-Ремо, – дожидаемся ночи, нанимаем охрану, эмигранты исчезают, как бродячие коты. Как невидимки.

– Долго такая комбинация в секрете не сохранится.

– Согласен. Но подсчитайте, Макс-Оливье. Пятнадцать тысяч евро с пятидесяти пассажиров равняется семистам пятидесяти тысячам евро за рейс. Яхта окупится за три раза!

– Пятнадцать тысяч с человека? А вы найдете платежеспособных клиентов?

Альфá возликовал: у банкира не осталось аргументов против!

– Вы прочли досье? – спросил он еще громче. – А декларации о намерениях? Семьи из Мали, Кот-д’Ивуар, Ганы готовы влезать в долги, если результат будет гарантирован. У меня есть сети по обе стороны Средиземного моря, есть идея, люди, судно. Не хватает только денег.

Банкир долго молчал, потом сказал, понизив тон, чтобы остудить пыл Альфá:

– Конечно, это ваша идея. Ваши сети. Но если мы согласимся вас финансировать, вы станете нашим служащим. Назовем это франшизой, если хотите. Выплатите заем – станете совершенно независимым.

– Не беспокойтесь! – с вызовом произнес Альфá. – Выплачу – и не ракушками!

Банкир криво усмехнулся:

– Буду откровенен, Мааль: не уверен, что мы можем вам доверять. Слишком самонадеянно. Интуиция подсказывает – вы что-то скрываете, но ваше досье изучено и одобрено. Bravo! На сем мои прерогативы заканчиваются. Я сделаю все, чтобы до конца недели вы стали владельцем судна.

Он поднялся на палубу и минут пятнадцать разговаривал со сторожем «Севастополя». У Гаврилы была длинная борода, редкие волосы, во рту недоставало двух зубов, правый глаз дергался, и Альфа́ подумал: «Мужик копит на деревянную ногу и железный крюк!»[95]

Когда гном удалился, Альфа́ подошел к редкозубому рулевому, обвел взглядом затемненные стекла, крышу кабины и спросил:

– Ну что, теперь мы можем прокатиться?

45

10:05

Петар Велика сидел на террасе ресторана «Дар Заки» лицом к Аль-Ислаху и недовольно бурчал: профессор опаздывал на пять минут. Майор смотрел на мужчин в белых одеяниях, входивших и выходящих из исламского центра, и пытался определить, кто из них мог бы прогуливаться в очках, с рюкзаком или даже в европейском костюме. Ему никак не удавалось понять, что такое Аль-Ислах – мечеть, медресе, учебный центр или три в одном.

Жюло смотрел на экран смартфона и как будто совсем не интересовался окружающими. Перенесись он в китайский квартал – и тогда не оторвался бы от интернета, воспринимая окружающий мир как виртуальную декорацию, не имеющую к нему ни малейшего отношения. Риан позвонил в бригаду и выяснил – в довершение всех неприятностей, – что Бэмби Мааль исчезла, ее брата Альфа́ выпустили рано утром, до того как поступил приказ притормозить арестанта, и только их мать Лейли Мааль подтвердила, что явится в комиссариат Пор-де-Бука к 16:00. Ну хоть что-то! Риан проделал сумасшедшую работу, чтобы все организовать, убедить министерство, Центральное управление судебной полиции и следователя Мадлена, которого утром назначили на дело. Петар надеялся, что день будет спокойным, без очередного трупа, что Жюло не достанет ему нового свидетеля, как фокусник – кролика из цилиндра, и встречу не придется переносить.

Петар щелкнул по мобильнику подчиненного:

– Алло, алло, говорит Мекка. Что конкретно ты знаешь о профессоре?

– Ничего! Читал его статьи. Три клика – и ты понимаешь, что он лучший специалист по теме...

– Я не потрачу утро на ожидание, будь он хоть трижды специалист!

Петар начал подниматься, и тут у тротуара затормозил мотоцикл. Ездок слез, опустил подножку и снял шлем. Лет тридцати, спортивный, улыбчивый, он встряхнул длинными черными волосами и протянул руку:

– Мохамед Туфик. Простите за опоздание, утром у меня были практические занятия на факультете, а на одиннадцать утра назначена лекция – арабская докораническая литература.

Петар с изумлением смотрел на профессора. Никаких следов бороды. Огромный бриллиант в правом ухе. Он бы не удивился, обнаружив, что Туфик красит ресницы.

– Значит, вы – лучший специалист по каури? – с иронией в голосе спросил майор.

– Я всего лишь аспирант третьего года, но если сегодня вы до защиты не публикуете пять статей в год, не написали одну книгу на английском, другую на французском и третью на арабском, можете не надеяться получить интересную работу.

Он расхохотался, сверкнув белыми зубами. Неприятная физиономия. Взгляд, как у Омара Шарифа.

– Очень удачно, – процедил Велика сквозь зубы, – мы тоже торопимся, так что рассказывайте, что вы там знаете о пресловутых каури.

Мохамед понял, что ему не позволят заказать чаю, выкурить сигарету и поинтересоваться, зачем сыщикам эти сведения. Жюло примиряющим жестом выложил на стол раковины, идентичные тем, что были найдены в кармане Франсуа Валиони. Араб посмотрел на полицейских, перевел взгляд на ракушки и начал долгий монолог. Блестящий, точный, назидательный. Даже Велика забыл о криках муэдзина и звучащей вокруг речи на чужом языке.

– Каури – особая разновидность раковин, встречаются они только на Мальдивах, что делает их редкими и легко распознаваемыми. Их очень давно начали использовать в качестве инструмента торговли между народами. Можно считать каури древнейшей в мире валютой. Чтобы вас сориентировать, назову тысячный год до Рождества

Христова. Именно тогда возникла международная торговля, в том числе между Западной Африкой и Азией при посредстве арабских коммерсантов. Каури становятся главной межконтинентальной разменной валютой. Ее невозможно подделать, легко перевозить и взвешивать. Идеальная валюта. Она ходит во времена работорговли – есть упоминания о десятках миллиардов раковин, которые голландцы, французы и англичане перевезли в виде браслетов, ожерелий и корзинами по десять тысяч штук!

В колониальную эпоху европейцы постепенно вводят национальные денежные системы, существующие доныне, но каури остаются крайне популярными в Западной Африке. Раковины – символ плодородия, по ним гадают, ими украшают одежду и ритуальные маски. Мало-помалу каури превращаются для европейцев в символ сопротивления колонизации. Неожиданно, между тысяча восемьсот девяностым и тысяча девятисотым, французы, британцы и португальцы договариваются и просто-напросто запрещают хождение каури – принимают закон и обесценивают раковины! Радикальный способ установления нового общественного порядка, не находите? Рухнуло целое общество. Пострадали и самые бедные – они могли выплачивать минимальные суммы несколькими раковинами, и самые богатые, завоевавшие положение и всю жизнь копившие состояния в тоннах каури. Продавцы, коммерсанты, ремесленники, привыкшие взвешивать и пересчитывать тысячи каури в мешках, вазах, глиняных кувшинах, не сумели приспособиться к новым деньгам. Отныне налоги, проценты, штрафы следовало платить во франках, ливрах или реалах. Европейский капитализм мог торжествовать победу.

– Сегодня каури совсем вышли из употребления? – спросил Жюло.

Тофик проводил взглядом двух девушек, входивших в центр Аль-Ислах, этаких мусульманских Мэрилин. Гулявший по эспланаде ветер играл с платками, раздувал джеллабы.

– Нет. Денежной стоимости они не имеют уже сто лет, но сопротивление международного рынка организовалось иным способом. Принцип неофициальной валюты никогда не был актуальнее, чем сегодня.

На этот раз Петар отреагировал первым:

– Объясните...

– Все просто. Мировые миграции, рассеянные по миру диаспоры и финансовые операции между сообществами – повсюду существуют неформальные, нелегальные, тайные механизмы перевода средств: «хавала» в Индии и на Ближнем Востоке, «хунди» в Пакистане и Бангладеш, «падала» на Филиппинах... Системы обмена капиталами без физического оборота денег, без участия официальных банков и, кстати, с куда более низкой процентной ставкой. Такие механизмы перевода средств составляют до половины мирового денежного обмена, не подвластного никакому контролю... Любая система покоится на доверии между маклерами и посредниками, на чести и этнической солидарности. Никакой юридической базы! Как и каури, это современные аватары очень древних практик, позволявших уберечься от опасностей, что подстерегали караваны с золотом на дорогах Африки или Азии.

– Вы уж меня извините, – язвительно бросил Петар, – наверное, я так же туп в экономике, как ваши предки, не сумевшие перейти с каури на франк, но мне непонятен механизм.

Туфик взвесил на ладони раковины, принесенные полицейскими.

– Все очень просто, сейчас поймете. Легко представить, что каури стоит, скажем, сто долларов, но в закрытой системе, известной лишь посвященным. Если вам предстоит пересечь Африку – без багажа и имея при себе пятьсот долларов, – риск быть убитым очень велик. Но кто пойдет на преступление из-за пяти ракушек?

Туфик бросил последний взгляд на каури, как будто каждая раковина и впрямь стоила сто долларов, и встал:

– Мне пора на лекцию.

Майор и лейтенант смотрели вслед профессору. Как только он переступил порог центра, стайка молодых девушек с ранцами или рюкзаками последовала за ним, как рой возбужденных пчел.

– Возьму себе чай... – Жюло встал.

– Спроси, нет ли у них пива...

Когда подчиненный вернулся с серебряным чайником и хрустальным стаканом, Велика сообщил ему новость:

– Звонил Риан. Они составили-таки пазл из кусочков стекла, найденных в номере «Караван-сарай». Знаешь, что получилось? Держись за стул!

– Дельфин? Сова? Каури? – перечислил Жюло.

– Башня! Бурдж-Халифа[96], самый высокий небоскреб в мире, безделушка, которую можно купить только в аэропорту Дубая. Ребята проверили.

Жюло лихорадочно размышлял. Эта деталь согласовывалась с макетом А380 «Эмиратских авиалиний», найденным в чемодане Жана-Лу Куртуа. Еще одна загадка. Уйдя из ассоциации «Вогельзуг», Куртуа почти перестал ездить, чтобы не оставлять надолго сына- трисомика. Дубай – один из параметров, которые следует добавить к уравнению. Новая головоломка, куда более трудная, чем стеклянный пазл. Лейтенант подул на чай (патрону не предложил – поостерегся), обжег язык и решился.

– У меня тоже есть информация...

Петар с завистью смотрел на людей, сидевших на террасе отеля-ресторана на другой стороне улицы и пивших пиво и коктейли.

– Я провел рутинное расследование насчет Лейли Мааль – работа, досье о гражданском состоянии, соседи, друзья, а еще выяснил ее группу крови. Ничего сложного, достаточно было позвонить в единственную лабораторию Пор-де-Бука. На нее там есть досье. Как я и ожидал, у Лейли группа А плюс.

– А плюс? И это вся твоя информация? Да у 40 % жителей планеты та же группа!

Лейтенант сделал глоток чая и достал из кармана планшет с таблицей кровавых *невозможностей* профессора Вакнина.

– Все гораздо изошренней, патрон. Мы знаем, что у Лейли Мааль группа А плюс, а у *Faline95* — предполагаемой убийцы Жана-Лу Куртуа – В плюс. Предположим, что эта убийца – Бэмби Мааль, дочь Лейли. Тогда... – его пальцы скользнули по таблице, – тогда у отца может быть только АВ или В и ни в коем случае нулевая или А.

Петар обреченно пялился на таблицу, как ученик на чертеж на доске на уроке тригонометрии.

– Прости, парень, я сегодня плохо соображаю с утра и никак не въеду, к чему ты ведешь.

– Я веду – вернее, возвращаюсь – к первоначальной гипотезе. Девушка – назовем ее *Vambi13*, Бэмби Мааль или *Faline95* – ищет отца. Если тип, у которого она берет кровь, а потом перерезает вены, имеет нулевую группу или А, он никак не может быть ее папашей. А поскольку две эти группы имеют девяносто процентов населения, поле

возможностей предельно сужается. Предположим, у *Bambi3* составила список из трех-четырех потенциальных отцов. В таком случае есть все шансы идентифицировать его с помощью обычного анализа крови.

11:03

– Флёр?

Она подтвердила улыбкой, ничем не дав понять, что ждет уже полчаса. Ян Сегален сделал опоздания философией жизни. Девушка оглядела его с головы до ног, пока он усаживался рядом с ней на террасе «Гордонс Кафе». Холщовые штаны и куртка-сафари охрового цвета, белая рубашка с воротником-стойкой, короче – джентльменский набор «Извините, я только что с охоты...». Дорогушие тряпки шикарного мачо. Ян, не спуская с нее синих, как море в тропиках, бесстыжих глаз, провел ладонями по светлым седеющим волосам. Трехдневная щетина выглядела идеально небрежной. На вид ему под пятьдесят, подвижный, энергичный, держит себя в форме, хотя под просторной рубахой угадывается намек на живот начальника отдела логистики ассоциации «Вогельзуг». *Matin abdos, midi resto*. Утром – пресс, днем – обед.

– Сожалею, Флёр, времени у меня немного, – нахально сообщил Сегален.

Она промолчала, потому что не заметила, как пролетели полчаса в ожидании ответственного лица, пригласившего ее побеседовать насчет работы. Сидела, задумавшись, над стаканом перье с лимоном и только посматривала время от времени в сторону улицы Моно и площади Мартир. Она обожала города-космополиты. Смешение народов. Желлабы, чадры, галстуки, бейсболки, мини-шорты, бубу[97], шальвары, сари, кипы, ципао[98]. Это было первое, что очаровало ее, когда она прибыла в Марсель. С тех пор она, конечно же, поняла, что с наступлением ночи каждый отправляется в «свой» район, но первая прогулка по Ла Канебьер, этому развеселому многонациональному борделю, покорила ее навсегда.

– Предупреждаю, – продолжил Ян Сегален, – обычной беседы «наниматель – кандидат» у нас не будет. Мне начхать на причины, по

которым вы хотите работать в сфере гуманитарной помощи, я не желаю в энный раз выслушивать лепет в стиле послушниц сестры Эммануэль[99]. Ответьте на один-единственный вопрос: с чего бы мне брать вас на службу? Именно вас, а не кого-то другого?

Ян всегда опаздывает.

Но наверстывает, когда появляется.

Быстро раздевается. Ему нравится, когда я трогаю его тело.

Он уверен, что мне тоже.

Надя говорит, я и вообразить не смогу, до чего он хорош.

Мне и правда знакома только его мускулатура, когда он возбуждается.

Она притворилась, что размышляет над услышанным. Ей льстило, что Ян повел серьезный разговор из-за временной – всего на три месяца! – работы в своем отделе логистики. Также мне *сфера* – упаковывать на складе коробки, которые потом рассылают в «горячие точки»! Шеф отдела явился на встречу сам только потому, что его впечатлила фотография на резюме, та, где у нее белокурая челка, загорелое лицо и дерзкие зеленые глаза за круглыми стеклами маленьких очков.

Одеваясь перед выходом из дома, она решила укрепить двусмысленность образа. Выбрала строгую блузку, но оставила расстегнутыми три пуговицы, чтобы Ян видел белый кружевной лифчик каждый раз, когда она будет тянуться за водой. Юбку надела прямую, чинную, до колена, но стоило ей скрестить ноги, и та задиралась до середины бедра.

– Ладно, – жеманно протянула она, – причин много. В мире столько несправедливости, так что...

Девушка нервно потыкала соломинкой дольку лимона в стакане, и Ян вдруг схватил ее за запястье:

– Стоп-стоп-стоп! Именно такого ответа я и хотел избежать.

Он отпустил ее руку и махнул гарсону. Не поинтересовавшись мнением Флёр, заказал два бокала белого шато-мюзар, потом залез в рюкзак тисненой кожи с африканскими мотивами и вынул два листа бумаги.

Она узнала свое резюме. Ян быстро прочел характеристику, рекомендации (фальшивые от и до) и поднял глаза на Флёр. Теперь он пытался заглянуть ей в душу. Этот мужчина – хищник. Самый опасный

из всех, раз пытается понять сидящую напротив женщину. Как будто важнее этого нет ничего на свете. Ян хочет вывернуть ее наизнанку, прежде чем раздеть. «Интересно, он так себя ведет со всеми, кого соблазняет, или инстинктивно чувствует, что в *curriculum vitae* слишком красивой девицы что-то не стыкуется?»

– Жаль вас разочаровывать, Флёр, но на мать Терезу вы не похожи, а жизнеописаний высокообразованных полиглоток я получаю по десять в день. Чтобы меня убедить, требуется нечто большее.

Официант принес вино. Ян подал бокал собеседнице, взял свой и предложил тост:

– За приключение, Флёр! Ваш ход. Соблазните меня. Очаруйте. Обворожите. – Он взглянул на часы: – Даю пять минут.

Она – по наитию – произнесла:

– За неведомое, Ян. За чудесные встречи. Думаю, это меня и влечет в гуманитарную сферу. Встречи. С женщинами. С мужчинами. Разными. Умеющими растрогать душу. Харизматичными.

Ян лизнул край бокала. Теперь он пожирал ее глазами.

– Уже лучше, Флёр. Но недостаточно вдохновенно. Мне нужны факты. Доказательства. Поступки.

Он потянулся за рюкзаком, чтобы убрать резюме, и она воскликнула с решимостью отчаяния:

– Подождите, Ян! Дайте мне шанс! Что еще я могу сделать – разве только умолять поверить мне? Поверить, что я храбрее, чем кажусь. И что на мир смотрю не холодным взглядом. Что готова рисковать. – Она сделала паузу, попыталась поймать его взгляд. – Чем угодно...

Он уже встал и готов был уйти, как будто едва слушал. «Опасный хищник», – снова подумала она.

– Мне пора, Флёр. Но вы победили и получите еще один шанс. Найдете время для второй беседы? – Он даже не дал себе труда заглянуть в «поминальник». – Здесь. Сегодня вечером. Договорились?

– Да.

Она не смутилась. Ян произнес «Сегодня вечером...» особым, многозначительным тоном, она ответила «да» полузадушенным голосом.

Он вдруг перестал торопиться. Вгляделся в ее лицо, словно пытаясь решить, какая методика поможет уложить в койку красавицу на

тридцать лет моложе его. Могло показаться, что он и себе удивляется, – и это было главным оружием, делавшим его неотразимым.

– Предупреждаю, Флёр, я буду до конца дня думать о нашей новой встрече. И возможно, размечтаюсь, чтобы она приобрела иной, более интимный оборот.

– Я сказала, что готова на любой риск, и не откажусь от своих слов.

Девушка ответила без колебаний, и Ян решил закрепить преимущество.

– Предпочитаю честность, Флёр. Не хочу, чтобы между нами возникло недопонимание. Этот разговор – личный и частный – идет как по маслу, но это не значит, что вы получите работу. Я устроен иначе...

Флёр взяла бокал, выпила до дна, посмотрела с вызовом.

– Идите, Ян, не то опоздаете. Хочу предупредить: даже если наша... интимная беседа пройдет замечательно – а я вам это обещаю! – не уверена, что соглашусь занять место, которое вы мне предложите.

Он расхохотался. Победа! И через секунду исчез в пестрой толпе на площади Мартир.

Выждав несколько мгновений, девушка достала из сумочки телефон, вибрировавший все время, пока длился разговор с работодателем.

Как прошла встреча?

Я в порту, уплываю.

Береги себя, моя козочка.

Шерин

Флёр улыбнулась.

Общение с Яном Сегаленом заняло четверть часа. Соблазнение оказалось плевым делом, простой формальностью по сравнению с долгой подготовительной работой.

Ян Сегален был легкой добычей.

Слишком легкой.

В мозгу раздался тревожный сигнал: все получилось так просто, что времени на раздумье не осталось.

Тем хуже...

Или тем лучше. Время вышло, полицейские вот-вот соберут пазл и раскинут сети.

Флёр допила перье, чтобы перебить вкус вина, одернула юбку и поправила парик.

Сегодня вечером, сегодня ночью, завтра утром все закончится.

Для нее.

И для Альфа́.

47

12:18

Вдыхай полной грудью зарождающийся ветер!

Мы побежим по волне и вернемся живыми!

Гаврила с изумлением смотрел на чернокожего гиганта, изображавшего Ди Каприо на носу «Севастополя». Кого хочет впечатлить этот парень, стоя лицом к морю? Или он репетирует? Хочет быть готов, когда придет время провожать девок в трюм?

Гаврила цепко держался за штурвал. Они еще не вышли в открытое море, но берега уже не видно. А пассажир бросал вызов пустынному горизонту.

Поднимается ветер! Нужно пробовать жить!

Воздушный поток листает мою книгу.

Кстати, о ветре – пожалуй, нужно возвращаться. Если Лорел и Харди хотят купить старое корыто, они увидели достаточно. Темнокожий – Лорел – подтвердит своему дружку с чековой книжкой, что все в порядке, «Севастополь» держится на плаву!

Но прежде Гаврила хотел разыграть собственную карту. Он повысил голос, перекрывая шум двигателя, и спросил:

– Чтение стихов на борту станет частью программы будущих круизов?

Альфа́ подошел ближе, держа руки в карманах, и прислонился плечом к рубке.

– Нет, это я для собственного удовольствия.

Удовольствия?

Гаврила не поверил, ухмыльнулся, продемонстрировав отсутствие зубов, и пассажир уточнил:

– Я читал «Морское кладбище» Поля Валери. Выучил в школе, в младших классах. Вам не кажется, что море похоже на бескрайнее кладбище?

Гаврила в ответ пожал плечами, сбросил обороты, чтобы начать торможение, кашлянул, будто тоже готовился к декламации. «Севастополь» покачивался на волнах, двигатель рычал.

– То, что вы тогда обсуждали с партнером... в трюме... ну, насчет голых блондинок... Это не шутка?

Альфá так удивился, что едва не потерял равновесие и ухватился за ближайший буй на леере.

– Да я не подслушивал, – начал оправдываться Гаврила. – Так, обрывки фраз сами влетели в уши... наподобие хлопьев тумана... если понимаете, о чем я... Вы трепались про баб топлес на палубе, официанте с коктейлями на подносе и рулевом в морском джемпере. Если покупаете судно для таких дел, я участвую. Сколько плавал по Средиземному морю, вожу одно старичье! Курсируют между фабрикой, где разливают оливковое масло, ресторанами и тремя греческими храмами. Я умею держать рот на замке и, если захотите, даже к дантисту схожу, чтобы клиентов не распугать.

Ветер хлестал Альфá по щекам, и он надел вязаную шапочку, снова спрятал руки в карманы и подошел вплотную к рулевому.

– Можете не отвечать сейчас, – не унимался Гаврила. – Я пятнадцать лет хожу на тридцатиметровых яхтах и ни разу не видел на палубе даже кусочка голый сиськи! Я так понял, вы хотите переоборудовать трюм, чтобы были кровати, души и все такое прочее... – Он заговорщицки подмигнул Альфá: – Если откроете шикарный плавучий бордель или порнушку будете снимать – тоже хорошее дело. Я могила, слово моряка! Кладбищенского моряка!

«Севастополь» не двигался, как будто Гаврила решил дожидаться ответа, прежде чем вернуться в порт.

– Солярка кончилась? – встревожился Альфá.

– Хватит на кругосветное плавание!

Мааль вернулся к созерцанию волн.

Великое море, знающее исступленный восторг,

Тысяч и тысяч идолов солнца,

Абсолютная гидра, опьяненная твоей синюшной плотью,

В смятении, подобном тишине.

«Да он издевается!» – решил моряк и закричал, изобразив замах кнутом:

– Галопом, лошадки! Домой! Будем у причала через час, убедитесь, на что способен «Севастополь»!

Гаврила наклонился, потянул за рычаг управления, а когда поднял глаза...

...увидел наставленный на него пистолет.

– Я... я пошутил насчет шлюх... – промямлил он. – Я... ничего не слышал... Я...

– Спокойно, дружище! Если ты и впрямь хороший рулевой, все будет нормально. А теперь сменим курс.

Мирный тон парня, цитирующего Поля Валери и вооруженного пушкой, никого бы не успокоил. Прямо Тарантино какой-то! Гаврила запаниковал, как будто оказался на борту «Боинга-747», захваченного джихадистами. Пялился на воду, воображая, что на траверзе вот-вот появится остров и ему прикажут выброситься...

– Ку... куда мы плывем?

– Прямо. На ту сторону Средиземного моря.

48

16:01

Жюло был околдован.

Лейли Мааль вошла в комиссариат Пор-де-Бука и направилась к трем сыщикам, похожая на взволнованную, но уверенную в своем таланте актрису, закаленную нелегкой жизнью на сцене, и Жюло ее полюбил.

Нет, это не была любовь с первого взгляда, Лейли Мааль по возрасту годилась ему в матери, но от этой женщины исходила невероятная сила. Такие женщины непотопляемы, могут навязать свою волю метким словцом, а целеустремленностью напоминают муравьев, упорно ползущих вперед, огибающих препятствия и всегда добирающихся до места назначения – даже с грузом, превышающим собственный вес.

А еще эта муравьишка не забыла, что значит быть красивой. Пахнуть медом и одеваться в лепесток первоцвета. Выбранные ею тона – лиловые тени на веках, красные бусины в волосах, мандариново-оранжевая туника – выглядели оберегами против серости жизни.

Они допрашивали Лейли втроем – Петар, Жюло и майор Тони Фредиани, хорошо знавший марсельскую криминальную среду, в частности мафиозные сети, наживающиеся на иммиграции. На его участии настоял следователь Мадлен, после того как утром нашли второй труп и дело Валиони – Куртуа перешло под юрисдикцию центра. Все проявляли активность, так что понадобится несколько часов, чтобы утихли страсти между министерством и Центральным управлением судебной полиции, и все договорились со всеми, кто что будет делать и сколько ответственности на себя возьмет.

Лейли села напротив полицейских.

– У меня все в порядке с документами, – сразу сказала она. – Я получила статус резидента на десять лет, работаю по договору и...

Петар перебил ее, не повысив голоса:

– Мы знаем, мадам Мааль, мы все знаем.

Жюло кивнул, подтверждая слова шефа. Он быстро прочел досье Лейли Мааль, из которого следовало, что, попав во Францию, она несколько лет оставалась нелегалкой, но все время работала и даже платила налоги. (У лейтенанта в голове не укладывалось, как такое возможно!) Три года назад она узаконила свой статус. Работает. Получила бессрочный трудовой контракт. Образцовый жизненный путь.

– Вы принесли фотографии дочери? – спросил майор.

Лейли полезла в большую сумку-торбу, и Жюло отвлекся на страницу *Faline95* в фейсбуке. В ее аккаунте, как и у *Bamb13*, имелось несколько вызывающих фотографий «без лица», но все снимки были сделаны в окрестностях Марселя: на пляже Эстак, на фоне Фриульских островов, среди белых скал в каланках[100] у деревушки Ле Гуд, в городском бассейне Пуэн-Руж...

И все-таки, при некоторых различиях, Жана-Лу Куртуа завлекли аналогичным способом – с помощью виртуального секс-парада, ставшего теперь банальным оружием самоуверенных красоток. Фотографии в купальнике, игра теней на выпуклостях и изгибах обнаженного силуэта, крупные планы анатомически эротичных

деталей, иногда на грани. Два тела, похожих как две капли воды, две юные метиски.

Жюло и Петар час играли в «Найди семь отличий». Не нашли.

Все заставляло думать, что *Bambi13* и *Faline95* – одна и та же девушка, но стопроцентной уверенности у сыщиков не было, и снимки отослали в лабораторию. Жюло не знал, сумеют ли эксперты, опираясь на снимки, сделанные смартфоном, определить тождество родинки, рассчитать точный объем и длину бедер или асимптоту округлости груди. Впрочем, даже если у IT-волшебников получится, фотографии в фейсбуке могут быть фотошопом. Сегодня это не проблема.

Лейли Мааль отдала полицейским снимки дочери. По странному контрасту с *Bambi13* и *Faline95*, Бэмби Мааль оказалась девушкой в кроссовках, джинсах и объемном свитере. Накрашена она была более чем скромно. Петар и Тони долго разглядывали карточки, потом передали их лейтенанту. Он навсегда запомнил лицо девушки в шарфе с совами, которая дерзко посмотрела в объектив камеры слежения над входом в «Ред Корнер». Не лицо – только глаза и рот, но интуиция подсказывала: *это она*.

Это Бэмби Мааль. Та же бездонная глубина глаз, тот же вызывающий и одновременно печальный взгляд. Встретишь такой и обязательно влюбишься.

Это она.

Жюло смотрел на три фотографии и медленно, но верно уступал сомнениям.

Разве можно говорить об удивительном сходстве, основываясь только на взгляде? Даже не на форме носа, не на овале лица? Что, если это иллюзия, искусный грим, имитация?

Петар оставался внешне невозмутимым, как будто не он много часов сравнивал лицо на мутноватом снимке с фотопортретами всех городских проституток и не нашел даже намека на совпадение.

Неужели майор пришел к тому же заключению, что и он сам? Это Бэмби Мааль! Жюло был уверен в этом на восемьдесят, нет, на девяносто процентов. Но уверенность – не доказательство и не дает ответа на главный вопрос: как девушка из «проблемного» района Марселя могла превращаться в *Bambi13*, путешествующую по всему миру?

Петар заговорил – мягко, только что не извиняясь за доставленное Лейли неудобство. Это было совсем на него не похоже. Может, подействовало присутствие Тони Фредиаани.

– Если позволите, эти фотографии пока останутся у нас. Мы с утра пытаемся связаться с ней по номеру мобильного телефона, который вы нам дали, но пока безуспешно. Когда вы видели Бэмби последний раз, мадам Мааль?

Женщина ответила не задумываясь:

– Вчера вечером. В половине восьмого... Если совсем точно – между половиной восьмого и восемью вечера.

Столь четкий ответ разочаровал сыщиков. Если это правда, у них возникает несоответствие фактическим и запротоколированным обстоятельствам дела.

А если Лейли лжет, то делает это мастерски.

– Почему вы так уверены, мадам Мааль?

– Дочь ужинала со мной. Мы каждый день садимся за стол в 19:30. Говорите прямо, майор, в чем ее обвиняют?

Полицейские переглянулись, и Велика принял решение. Не говоря ни слова, достал папки с делами Валиони и Куртуа и придвинул их к Лейли. Показать снимки мест преступлений и обескровленных тел – прямой и грубый способ объяснить матери, что инкриминируют ее дочери!

Жюло внимательно следил за каждым жестом Лейли, караулил выражение ее лица. Вот она открыла первую папку, начала одну за другой рассматривать фотографии, напряглась, дрожащей рукой опустила обложку и застыла. Удивление, даже отвращение стало бы естественной реакцией, но лицо Лейли всего на миг окаменело от ужаса, потом она взяла себя в руки.

Петар извинился и забрал досье.

– Сожалею, что пришлось подвергнуть вас жестокому испытанию, мадам. У нас пока нет объективных оснований утверждать, что эти преступления совершила ваша дочь.

Прокручивая в голове неожиданные в своей утонченной вежливости витиеватые выражения шефа, Жюло восстановил в памяти сцену, развернувшуюся у него перед глазами. Панический ужас за секунду исчез с лица Лейли Мааль, она практически сразу взяла себя в руки, но вот что странно: женщину потрясли не фотографии тел

Франсуа Валиони и Жана-Лу Куртуа. Она испугалась, когда прочла их имена!

Как будто не узнала лиц, но знала, кто они.

Интересно, Петар заметил или его отвлекло якобы естественное для женщины волнение? Лейтенант возгордился – он один уловил важнейшую деталь!

– Я не идиотка, майор, – спокойным голосом произнесла Лейли. – Если бы вы думали, что моя дочь не имеет ничего общего с этими преступлениями, не предъявили бы мне этих снимков. Но вы ошибаетесь. На прошлую ночь у девочки есть алиби.

Да неужели? Ну-ну, пусть говорит, а мы проверим... Эта мысль ясно читалась на лицах сыщиков.

– Скажу честно: я не знаю, где моя дочь была с половины девятого вечера до полуночи. Сказала, что ходила в *KFC* с подругой, но доказательств у меня нет. А вот в полночь она пришла в отель «Ибис», я там работаю. Это рядом с «Экополисом».

Петар почесал затылок. Разговор принял непредвиденный оборот.

– И что же ваша дочь делала там в такое время, мадам Мааль?

– Пела.

– Что-что?

Пальцы Лейли судорожно сжали сумку. Она сделала глубокий вдох и объяснила:

– Будет... проще всего, если вы свяжетесь с управляющим. Его зовут Рубен Либерос. Вряд ли вас убедят слова матери, которая защищает дочь, а мсье Либерос все подтвердит.

В разговор наконец-то вступил майор Тони Фредани. Сочный марсельский акцент подчеркивал звучавшую в голосе иронию.

– Вряд ли ваша дочурка пела-распевала в полночь для вашего шефа в гордом одиночестве. Свидетели были?

– Да, – Лейли кивнула, – целый десяток. Может, больше.

Велика достал платок и отер пот со лба. Записал координаты «Ибиса», для проформы задал еще несколько вопросов и поблагодарил Лейли за сотрудничество.

Она взяла сумку, и Жюло поторопился сказать:

– Я вас провожу.

Он вышел из кабинета первым, не оглянувшись на коллег, плотно прикрыл за собой дверь и обратился к женщине, понизив голос:

– Что бы вам ни понадобилось, звоните мне. – Он протянул ей визитку, сам не понимая, почему так поступает. – Звоните, если просто захочется поговорить. О ваших детях. Об этих убитых мужчинах. О... Об ассоциации, где они работали. О «Вогельзуг».

Лейли взяла визитку, долго ее рассматривала, как будто решала, может ли доверять странному легавому, и пошла прочь, не промолвил ни слова, перед дверью надела очки в ярко-красный оправе, украшенной пунцовой розой с шипами.

Странная женщина...

Она уходила, как пришла, с прямой спиной и гордо поднятой головой, и была расстроена вряд ли больше мамочки, которую вызвали в полицейский участок, чтобы пожурить за то, что ее сын зайцем проехал в трамвае. Лейтенант понял, на чем основана его уверенность в том, что Бэмби Мааль, *Bambi13* и *Faline95* – одна и та же женщина. Дело было не только в размытом изображении с камеры. Свирепая решимость, сквозившая в каждом движении, каждом слове Лейли Мааль, убеждала безоговорочно. У таинственной убийцы была та же пластика. Инстинкт выживания. Как у человека, чудом уцелевшего во время катастрофы. Или вернувшегося из ада. Таких ничто не способно вывести из равновесия.

Через несколько секунд Жюло вернулся в допросную.

– Итак? – с оттенком нетерпения в голосе поинтересовался Тони.

Петар не дал подчиненному ответить – решил сам сделать некоторые выводы:

– Итак, все ясно как божий день. Девица – наша клиентка! Никаких сомнений. Сходство между малышкой Бэмби и нашей убийцей поразительное. И – вишенка на торте – Лейли Мааль знала имена обеих жертв!

Жюло от досады аж губу прикусил. Надо же патрону быть таким приметливым. Чертов профессионал.

– Один маленький нюанс, – продолжил майор. – Из-за алиби мы в полной заднице. – Он посмотрел на часы: – У нас есть полчаса на этого Рубена Либероса. До «Ибиса» – два километра.

Жюло позволил себе реплику от двери:

– Если Лейли Мааль знала жертв, как она связана с «Вогельзуг»?

Услышав название ассоциации, Тони Фредиаани сделал стойку.

– О чем ты? – раздраженно спросил Велика.

– Черт, патрон, это же просто как дважды два! Много лет назад Лейли оказалась во Франции. Все сводится к нелегалам-невидимкам. В кармане Валиони мы нашли браслет и ракушки, служившие африканской валютой. Альфа́, сын Лейли, хотел заделаться проводником. Мы в Пор-де-Буке, этот город был основан одной из самых могущественных ассоциаций помощи беженцам. Франсуа Валиони и Жан-Лу Куртуа работали на нее. Здесь, на полпути между комиссариатом и отелем «Ибис», живет глава «Вогельзуг» Журден Блан-Мартен.

Петар обошел лейтенанта и взялся за ручку двери:

– Это нужно обмозговать, малыш. Сначала выясним кто, потом постараемся понять зачем.

Петар открыл дверь. Фредиа́ни следил за пикировкой коллег, но вмешиваться не собирался.

– Вам не кажется, что стоит нанести короткий визит Блан-Мартену? – упорствовал Жюло.

Майор вышел, не ответив. Лейтенант смотрел ему вслед, как несколько минут назад смотрел в спину Лейли. Он понял, почему не сказал шефу о визитке, которую дал женщине, – Петар не задал правильных вопросов, не поинтересовался ее прошлым.

Она не стала бы отвечать.

Потому что боялась его.

Лейтенант кинулся догонять шефа.

Мозг сформулировал гипотезу: Лейли, Бэмби, а может, и Альфа́ нуждаются в тебе. Сформулировал и бросил хозяина в глубокую шизофреническую бездну.

49

16:15

– Дедушка, дедааа! – отчаянно кричал Тидиан из-под апельсинового дерева. – Дедуууля...

Вздохмаченный, как со сна, Мусса появился в окне третьего этажа:

– Что стряслось, дорогой?

– Мой мяч. Мой марокканский мяч... Он укатился! Вниз...

Тидиан показал на отверстие водостока, которым заканчивался желоб, шедший вокруг двора.

Его дед потер глаза.

– Как же ты так оплошал?

– Я... Я играл... С закрытыми глазами... Тренировал себя... И не заметил, как он ускакал.

Мусса издал тяжелый вздох.

– Жди, сейчас приду.

Две минуты спустя дед и внук склонились над темным отверстием. Мусса просунул вниз руку. Потом взял палку, попытался нашарить мяч, но ничего не вышло.

– Твой любимец в аду, дорогой.

– Тогда мы пойдем и найдем его!

– Это непросто, Тиди. Адом называют все подземелье городка, километры коридоров, подвалы – по одному на квартиру, парковочные места, канализацию и водостоки.

– Ты сказал, что мама сегодня вечером занята и вернется поздно. Мы успеем!

– Завтра, Тиди. Завтра у тебя нет уроков. Мяч никуда не денется, а нам нужно подготовиться. Экипироваться. Взять фонари, один тебе, другой мне.

– Ничего нам не нужно, я теперь вижу в темноте – как мама!

Мусса погладил внука по голове. Дед обожал, когда у внука разыгрывалась фантазия. Именно в ней он черпал свою безграничную решимость. Выиграть чемпионат мира, освободить Луну Эндора[101], вернуться в прошлое, к индейцам, и спасти бизонов! Беспечная удаль делает всех детей десяти лет невероятно трогательными.

– Я возьму моток веревки, – сказал Мусса, – такой же, как Ариадна дала Персею, чтобы он не потерялся в адском лабиринте.

– Мамино сокровище спрятано в аду?

Старик посмотрел в черный зев, поглотивший мяч.

– Возможно...

Тидиан вскочил и запрыгал на двух ногах.

– А клад твоего дедушки? Ты обещал, что расскажешь сегодня утром.

– Ладно, Тиди, так и быть.

Они устроились под апельсиновым деревом. Тидиан обожал посиделки с дедом. Ветер так быстро гнал по небу облака, что они напоминали конфетти, но во дворе было тихо. Тидиану вдруг показалось, что дед задремал, но Мусса просто задумался, словно заново загружал в голову историю, которую столько раз рассказывал мальчику. Получалось не быстро – мозги-то старые.

Мусса начал неспешный рассказ. Он поступал так намеренно, надеясь усыпить внука где-нибудь на половине, но Тидиан и в детстве не поддавался на эту уловку, а теперь и подавно.

– Моего деда звали Гали. Он делал глиняные кувшины. Но не горшки и не вазы для огромных цветков – сосуды твоего прапрадеда предназначались для хранения ракушек. В те времена они заменяли деньги. В каждую вазу входили тысячи раковин, а Гали мог сказать, скольких не хватает, просто взвесив сосуд, не пересчитывая. Тоха, твоя прапрабабушка, тоже была очень сильной и считала раковины быстрее всех. Это было их ремеслом – считать раковины, хранить их, обменивать на разные предметы. Твои родственники были очень богаты, но главное – все их уважали за честность. Нередко они давали несколько раковин беднякам – просто так, по доброте душевной. А потом в один несчастный день явился некий господин и объяснил, что ракушки больше не деньги, а обычные ракушки.

Эта часть истории была не совсем ясна Тидиану, и Мусса старался объяснить, что у некоторых людей бывают странные права и возможности. Например, решать, стоит раковина много денег или она дешевле песчинки или камешка, подобранного во дворе.

– В тот день Гали потерял все. Он взял палатку, коров, семью и стал скотоводом. Годами Гали бродил по пустыне с детьми и внуками и наконец остановился в Сегу, на берегу великой реки Нигер. Там родился я. И твоя мама.

– Сокровища больше нет? – спросил Тидиан.

Мусса поудобнее прислонился к стволу апельсинового дерева.

– Конечно, есть! Слушай меня, слушай внимательно, Тиди, и запомни эти слова. Ты найдешь сокровище, истинное сокровище, там, где наши корни.

17:14

Щит расписания под козырьком остановки «Литтораль» ходил ходуном. Мистраль весь день набирал силу. Как только Лейли вышла из автобуса, он проник ей под тунику, но она была готова противостоять стихии – по тяжелой сумке в каждой руке. Молоко, апельсины, цыпленок, картошка...

Чуть прихрамывая от усталости, она шла по тротуару к корпусам *G* и *H* квартала Эг Дус, мимо закрытых магазинов с железными ставнями на витринах. Владельцы не опасались неожиданного сильного прилива, просто закончился рабочий день. Серые фасады зданий были разрисованы граффити. Их теплые цвета и примитивные формы напоминали наскальную живопись догонов в пещерах нагорья Бандиагара, что на севере Мали. Лейли нравилось и самовыражение рисовальщиков, и широкое игровое пространство, которое мэрия обустроила между морем и домами. Фонтаны, подвесные мостики, качели, боксерские мини-ринги, мини-бассейны... Дети могут играть у моря в полной безопасности – с каждого балкона за ними наблюдают. Восемь корпусов по восемь квартир на восьми этажах.

Хорошее место для взросления. Изнутри дома разъедал рак старения – домофоны сломаны, почтовые ящики выпотрошены, – никто не согласится переехать сюда добровольно.

Лейли свернула за угол корпуса *G14*, и ее едва не сбил с ног порыв ветра. У земли мистраль изображал взбесившегося мусорщика, залетал в баки, взметал в воздух пустые пакеты, коробки, окурки, стаканчики и раскидывал в разные стороны. Генеральная уборка, затеянная природным Кёрхером. Скоро вся эта дрянь будет сметена в море, и наутро бетонные плиты в квартале окажутся чистыми. Лейли брела, согнувшись под весом сумок, смотрела в землю и не заметила, как чуть впереди остановился «мерседес» класса *C* и из него вышел мужчина. Лет шестьдесят. Высокий. Элегантный. В безупречном костюме. Подобные типы появляются здесь разве что перед выборами. Депутат? Чиновник? Бизнесмен? Она никогда прежде его не встречала.

– Вы Лейли Мааль?

А вот он ее знает...

– Журден Блан-Мартен.

Лейли остановилась. Он подошел и естественным, как рукопожатие, жестом, предложил отдать ему сумки. Она согласилась.

Журден Блан-Мартен.

Патрон «Вогельзуг». Вундеркинд квартала Эг Дус. Естественно, она знала, кто он такой, этот человек.

– Я много о вас слышал, мадам Мааль.

– Неужели? – В ее голосе прозвучала ирония.

– Могу я проводить вас до подъезда?

– Вы даже можете занести мои покупки на восьмой этаж!

Ответ она дала удачный, но не расслабилась. Встреча не случайна, так чего же он тянет? Блан-Мартен шел рядом – симпатичный, улыбающийся, галантный, – но Лейли давно научилась не доверять протянутой руке.

Блан-Мартен поднял глаза, посмотрел на балкон с провисшей бельевой веревкой и дребезжащей тарелкой антенны.

– Я здесь вырос, – сказал он. – Корпус G12. Школа Виктора Гюго, коллеж Мистраль. За пятьдесят лет мало что изменилось.

– Откуда вам знать? – резким тоном поинтересовалась Лейли. – Разве вы способны понять наши проблемы?

Блан-Мартен долго молчал, глядя на разъярившееся море.

– Ваша правда, Лейли. Я живу в километре отсюда и был здесь последний раз, когда забирал мать, с тех пор прошло два десятилетия. Я поселил ее на вилле, на холмах Соссэ-ле-Пен. Я все решил сам. Мама никогда не признавалась, но она скучала по старому месту. Ее не интересовало богатство. Она владела абсолютной роскошью – была так счастлива, что презирала деньги.

Они остановились.

– Что вам нужно, Блан-Мартен?

Председатель ассоциации облегченно вздохнул: слава богу, она сделала первый шаг!

– Хочу предупредить вас, помочь. Мне известна ваша история – все ее этапы. Я знаю, сколько вы вынесли, чтобы попасть во Францию, на какие жертвы пошли. Ваша жизнь – путь воительницы, Лейли. – Он сделал паузу. – И для меня не тайна, сколько мертвецов осталось у вас за спиной.

Лейли не удавалось поймать взгляд собеседника, он по-прежнему смотрел на балконы, и она не знала, как поступить. Забрать сумки и уйти? Но предупреждение об опасности чаще всего – замаскированная угроза.

– Мне не нужна ваша помощь.

Блан-Мартен устался на корпус *Н9*. На балкон Лейли на восьмом этаже. Он знает, где она живет! Мужчина продолжил вкрадчивым тоном, с оттенком иронии, как будто беседовал сам с собой:

– Вы любите рассказывать свою историю, Лейли. Кто осудит вас за это? Она такая поучительная. Такая увлекательная. Потрясающее мужество! Достойный пример! Кто останется безучастным к подобной судьбе?

Лейли решительным шагом направилась к двери. Ветер пихал ее в спину, Блан-Мартен шел в метре позади, с продуктами. Она подняла глаза – может, Ги курит на балконе или хоть Камила стоит? Никого! Все забаррикадировались от мистраля.

Она обернулась:

– Спрашиваю еще раз: что вам нужно, Блан-Мартен?

– Берегите ваших детей.

– Да как вы смеете?!

– Я ничего не имею против вас, Лейли, но помогите нам найти Бэмби и Альфа́.

Она не отвечала. «Господи, пусть кто-нибудь из соседей выйдет на лестницу!» Слова Блан-Мартена хлестали по щекам сильнее ветра.

– Я спешу, Блан-Мартен. – Лейли протянула руки за своими пакетами. – Мне нужно забрать младшего сына.

– Поймите меня правильно, мадам, ваши сын и дочь в большой опасности.

– Моя дочь не имеет никакого отношения к убийствам. Мой сын – не бандит. А вы – не легавый! И я не понимаю, на что вы намекаете.

Блан-Мартен не дал ей уйти, схватив за запястье:

– Выразусь яснее. Я знаю ваш секрет. Знаю, что вы не та, за кого себя выдаете. Вам доверяют, ваши слова никто не ставит под сомнение. Вами восхищаются. Жалеют. Любят. Вы очаровываете. Соблазняетесь. Соседей. Начальников. Родителей. Детей. Квартирных хозяев. Кредиторов. Даже полицейских... Все эти люди не подозревают, что вы ими манипулируете.

– Да вы больной!

– Нет, Лейли. Мы оба совершенно нормальные. И вы это знаете не хуже меня. Вы считаете, что умело дозируете ложь, но она заразила ваших детей безумием.

– Вы бредите!

Лейли ринулась на темную лестницу. В укрытие. Но все-таки услышала последние слова Блан-Мартена:

– Подумайте хорошенько, Лейли. Мне достаточно произнести одно слово – и все, что вы так терпеливо строили, рухнет.

51

17:17

– Прошу вас, господа, располагайтесь на этом скромном диванчике – другого все равно нет, а из напитков могу предложить только те, что выдает наш автомат. Он с характером, сахар насыпает через раз.

Майор Петар Велика и лейтенант Жюло Флор озадаченно посмотрели на управляющего отелем «Ибис» Пор-де-Бука, заняли места на ярко-красном диване и сразу ошалели от вылившегося на них потока слов.

– Вы напоминаете мне Дэвида Брауна и Фреда Йейтса, двух инспекторов из Данвуди, северного пригорода Атланты, которым поручили защиту Голди, несчастной афроамериканки, скрывавшейся в моем мотеле после убийства белого фермера. Мотель «Аламо» окружили две сотни типов в белых капюшонах с горящими крестами в руках. Мы продержались ночь, и Браун с Йейтсом обелили имя Голди. Кажется, младший из двоих, инспектор Фредди, влюбился в нее, и они до сих пор живут вместе где-то там...

Рубен Либерос долго смотрел на Жюло, точно и впрямь считал его реинкарнацией американского копа, потом достал из кармана монеты и подошел к кофейному автомату.

Отправляясь в «Ибис», Петар дал себе труд убедиться, что мужчина, вырядившийся в танцора танго, не сбежавший псих, а законный управляющий заштатного отеля на окраине Пор-де-Бука.

– Перейдем к делу, мсье Либерос, у нас не очень много времени. Вы можете подтвердить, что Бэмби Мааль, дочь вашей служащей, находилась здесь прошлой ночью, около полуночи?

– Подтверждаю. Категорически.

Он сунул монеты в щель и сильно стукнул ладонью по автомату, чтобы упал стаканчик.

– Извините, мсье Либерос, но что она здесь делала среди ночи? Ваша служащая – ее мать Лейли – сообщила нам, что девушка... пела.

– Могу я рассчитывать на вашу сдержанность, майор?

Петар что-то пробурчал. Ни да ни нет. Рубен продолжил:

– Вы человек чести, инспектор, поверьте, я с первого взгляда узнаю солдат, подчиняющихся лишь велениям своего сердца.

Он вернулся к полицейским и в нескольких словах, сдержанно и точно, объяснил, что иногда дает приют людям без документов и устраивает с ними и для них музыкальные вечера, куда часто забредают случайные постояльцы.

– И ваши фиесты стартуют в полночь? – поинтересовался Петар.

Либерос протянул ему стаканчик:

– Держите, майор. Капучино. Поверьте в мою долгую историю любви с этой капризной машиной: приготовить более-менее прилично она может только его.

Всучив Петару обжигающе горячий пластиковый стаканчик, Рубен продолжил повествование:

– Наши маленькие вечера начинаются с наступлением ночи. Скажу честно – у меня есть дива. Ее зовут Нура. Эта прелестная девушка будет появляться и исчезать то со шваброй, то с метелкой из перьев. Она подает завтрак путешественникам, которые покидают нас на рассвете. Золушка с соловьиным голосом исчезает, когда часы бьют полночь, и на сцене появляется Бэмби, хотя тембр ее голоса далеко не так нежен. – Он наклонился к сыщикам, подмигнул и шепотом произнес последнюю фразу: – Только не говорите этого ее матери.

Жюло не удержался и оглянулся. Золушка и впрямь вернулась к работе в ожидании следующего бала. Хорошенькая метиска решила использовать ветреную погоду, чтобы вытряхнуть покрывала.

Нура.

Мозг лейтенанта сработал прежде, чем он успел дать себе совет: «Опасайся совпадений!»

Нура удивительным образом напоминала Бэмби! Тот же гибкий силуэт. Тот же цвет кожи. То же изящество движений и поз – слегка нарочитое, ведь спесивица чувствует себя желанной.

Петара слишком расстроили убийственные для следствия показания управляющего, чтобы интересоваться доморощенной певичкой-уборщицей. Он опасно крепко сжимал в пальцах стаканчик,

до краев заполненный химически-шоколадной жижой с шапкой белой пены.

Либерос подошел к автомату за капучино для Жюло.

Петар посмотрел на часы и решил ускорить процесс.

– В таком случае ваши слова могут подтвердить многочисленные свидетели, верно?

Рубен хлопнул по автомату и получил второй стаканчик.

– Их не слишком много, майор... Я бы даже сказал – мало... Человек двадцать, не больше... Да будет вам известно, что в восемьдесят восьмом я собрал сто пятьдесят слушателей в «Ибисе», что в Тырговиште[102], на концерт цыганского скрипача, за которым охотилась Секуритате[103] Николае Чаушеску. Незабываемое было мероприятие...

– Двадцати свидетелей вполне хватит, – перебил управляющего Велика. – Где я могу с ними пообщаться?

Майор прилагал невероятные усилия, чтобы сохранять спокойствие, и это начало забавлять Жюло. Либерос отдал ему кофе, отошел к стойке и вернулся со стопкой листков:

– Держите, майор. Заявления всех свидетелей, утверждающих, что слушали пение Бэмби Мааль в моем скромном зальчике между полуночью и шестью утра. Здесь есть фамилии, имена, подписи. Всего девятнадцать.

Петар едва взглянул на исписанные страницы.

– Полагаю, у вас есть адреса всех этих достойных граждан или номера телефонов, чтобы мы могли вызвать их в комиссариат?

У Жюло едва не случилась кривошея. Он шпионил за Нурой, пытаясь ничего не упустить из шоу управляющего.

– Вы всерьез считаете, майор, что гражданин мира, который находится во Франции на нелегальном положении и которому в любой момент грозит высылка, добровольно явится в комиссариат давать показания? Попросите у меня видео или аудиозапись, если уж вам не хватает документов.

Петар отставил нетронутый капучино, поняв, что они могут часами ходить по кругу. Рубен Либерос тянул кота за хвост, чтобы выиграть время, морочил их. Этаким методом новой городской герильи. Так активисты солидарности, скрываясь среди местного населения, противостоят слепому правосудию.

– Если заявления слишком приблизительны, майор, я попрошу благодарных слушателей все для вас уточнить: список исполненных отрывков, точное время начала и завершения концерта. Когда человека обвиняют в убийстве, думаю...

Петар Велика был на грани срыва.

– Не трудитесь, мсье Либерос! – рявкнул он.

– Надеюсь, вы не считаете, что я сфабриковал показания? Все свидетели – важные сановники... на своей родине, опальные депутаты от оппозиции, судьи, учителя, врачи.

Велика почувствовал, что больше не может вести себя благопристойно. Нужно заткнуть управляющего и положить конец этому фарсу.

– Мы проверим ваши показания – каждое слово, можете быть уверены, но для нас важно одно: была ли мадемуазель Бэмби Мааль в Пор-де-Буке прошлой ночью, как утверждаете вы и ее мать. Известно ли вам, где произошло преступление, в котором обвиняется девушка?

Жюло подобрался. Он тоже отставил стаканчик с гадким пойлом, и ему показалось, что Нура замерла у него за спиной и прислушивается к разговору.

– Не имею понятия, – признал Либерос. – Лейли только сказала, что...

– Жана-Лу Куртуа – это имя жертвы – убили в номере «Караван-сарай» отеля «Ред Корнер». Между пятью и шестью часами утра, если верить судебным медикам.

– Я... Я понял, куда вы клоните, майор, – проямлил управляющий. – «Ред Корнер»! Боже упаси оказаться однажды во главе подобного заведения! Отель находится в двух километрах отсюда, это двадцать минут пешком. Вы полагаете, Бэмби Мааль могла отлучиться на полчаса и...

– Я не полагаю ничего подобного, Либерос. – На несколько долгих секунд «Ибис» погрузился в гробовую тишину, потом Петар Велика закончил: – Жана-Лу Куртуа не убивали в Пор-де-Буке. В мире существуют сотни отелей «Ред Корнер». Они сетевые, как и ваша гостиница.

Майор сделал паузу, и Рубен Либерос повернулся к карте Франции, где были отмечены все «Ибисы». Только в марсельском районе их было

десять. Последняя фраза майора оторвала его от земли, взволновала сердце, оросила слезами душу и лишила уверенности.

– Жан-Лу Куртуа был убит в дубайском «Ред Корнер». В пяти тысячах километров отсюда!

Рубен Либерос недоверчиво округлил глаза и... онемел. Велика кашлянул, почувствовав, что внезапно выдохся, и посмотрел на подчиненного:

– Расскажи ему все в деталях, Жюло.

Лейтенант заговорил спокойным вкрадчивым тоном:

– Куртуа приехал в Дубай на конгресс первых лиц международной ассоциации, в которой работал, *SoliC@re*. Две ночи он провел в отеле «Рэдиссон Блю», напротив старого порта, в красивом районе Дейра-Крик, всего в семи километрах от международного аэропорта. В день прилета он приобрел в дьюти фри косметику *Occitane en Provence* для жены, модель военного самолета для сына и стеклянный кулон «Башня Халифа», который, вне всяких сомнений, подарил своей убийце – *Faline95*, таков ее ник на фейсбуке. В первый вечер они выпили по бокалу вина в холле отеля, во второй вечер поужинали в мишленовском ресторане «Блики» – одном из десяти заведений Пьера Ганьера. Около полуночи Куртуа вышел из ресторана вместе с девушкой, они взяли такси и поехали в «Ред Корнер». Водитель-дубаец последним видел Жана-Лу живым – если не считать *Faline95*, разумеется. Мы с этого утра сотрудничаем с полицией Дубая и представителями Дирекции по международному полицейскому сотрудничеству при посольстве Франции в Объединенных Арабских Эмиратах. Мы побывали в номере «Караван-сарай» нашего «Ред Корнера», чтобы изучить обстановку, и получили от коллег фотографии места преступления, анализы крови, приблизительный фоторобот девушки. Она метиска.

Рубен встал, подхватил стаканчики и, даже не вылив, уронил в ближайшую урну.

– Господа дознаватели, – произнес он веселым голосом, – надеюсь, вы не торопитесь и выпьете со мной шампанского очень хорошего года. Раз место преступления отделяют от моей скромной гостиницы пять тысяч километров, это окончательно реабилитирует нашу милую Бэмби Мааль!

Ночь грязи

52

19:30

«Одиночество на двоих, – думала Лейли. – Мы с Тидианом остались одни».

– Когда вернутся Альфа́ и Бэмби?

– Не знаю, дорогой.

Лейли не обманывала мальчика. У нее не было новостей от старших детей. Она звонила, оставляла длинные голосовые сообщения, набирала коротенькие эсэмэски – знаков вопроса в них было больше, чем букв.

Все они остались без ответа.

Тидиан гонял по тарелке холодные макароны, накалывал на вилку сосисочные кружочки, макал их в кетчуп, жевал без всякого удовольствия. Лейли всеми силами пыталась успокоить метавшиеся в голове мысли, загнать их в дальний уголок сознания, чтобы спокойно поговорить с сыном, расспросить его с улыбкой на лице: «Ну как дела в школе? Что было на перемене? У друзей все в порядке?» В каждой семье младших ежевечерне подвергают допросу, а вот взрослые ничего о себе не рассказывают.

Берегите ваших детей.

Этим вечером у нее плохо получалось. Угроза Журдена Блан-Мартена звучала в ушах.

Мне достаточно произнести одно слово – и все, что вы так терпеливо строили, рухнет.

Блефовал ли он?

Помогите нам найти вашу дочь Бэмби.

Судя по всему, Блан-Мартен считает, что Бэмби убила двух мужчин. Как и те трое легавых в комиссариате. Смешно! Лейли вспомнила, как Бэмби вчера вечером вышла из-за стола, не поев, и сказала, что идет в *KFC* с Шерин. В бумагах, которые ей дали прочесть в комиссариате, было зафиксировано, что убийца Жана-Лу Куртуа в это самое время ужинала с ним в гастрономическом ресторане в Дубае. Эта

женщина не могла быть Бэмби, но кто поверит свидетельству матери? Чего стоят ложные показания Рубена? Почему дочь не дает о себе знать? Обычно дня не проходит, чтобы они не поговорили. Смутные догадки терзали душу Лейли. Нужно их прогнать. Заняться Тиди.

– Что не так, дорогой?

– Я потерял мяч... Мяч Альфа́.

– Твой талисман?

– Никакой он не талисман! – обиделся мальчик.

Лейли мысленно обругала себя за глупость. Тидиан вырастет и покинет ее, как Альфа́, как Бэмби. Она все сделала неправильно. Быть матерью – не ее стезя.

– Он... он упал в яму, мама.

– Завтра дедушка Мусса поможет тебе найти его. Ешь. Ешь, милый.

Тидиан заснул. Лейли прочла ему любимую историю о двенадцати подвигах Геракла. На четвертом он тихонько засопел, на седьмом первый раз закрыл глаза, на девятом – путешествии к амазонкам – проснулся, продержался до одиннадцатого о золотых яблоках Гесперид и окончательно погрузился в сон, когда Геракл отправился в ад на встречу с Цербером.

Лейли долго смотрела, как дышит ее мальчик, измученный противоречивыми чувствами. Одежда сползла, ей хотелось укрыть сына, чтобы не замерз, осторожно, чтобы не разбудить. И в конце концов неслышно поднялась, выключила свет и вышла.

Оказавшись за дверью, Лейли проверила телефон. Ни одного сообщения!

Как всегда в подобной ситуации, на сердце стало тяжело. Ей бы тоже хотелось крепко заснуть и расслабиться. Она вышла на балкон. Молчание Бэмби и Альфа́ вернуло ее мысли к угрозам Блан-Мартена. Лейли ощущала беспомощность – как все те матери, которым объявляют, что они перестанут получать социальную помощь, если их дети не будут посещать школу. Нет, сейчас ей было еще хуже. Гораздо хуже.

Она закурила. Нужно забыть Блан-Мартена. Выкинуть из головы два имени – Франсуа Валиони и Жан-Лу Куртуа, двух старинных друзей Адила, двух бывших *клиентов* (сегодня ей было противно произносить это слово даже мысленно). Оба убиты в номере отеля.

И все-таки это совпадение, ведь она никому не рассказывала о мужчинах, с которыми спала. Кроме Рубена и Ги. Но в детали не вдавалась, разве что называла имена. Подробности есть только в красный тетради, той самой, которую писала под ее диктовку Надия. Применимо ли слово «подробности» к рассказу слепой девушки? Конечно, нет! Да и вообще, тетрадь много лет покоится под матрасом.

«Со-впа-де-ни-е, – повторила Лейли, убеждая себя. – Полиция топчется на месте, у легавых нет мотива, нет подозреваемого, вот и копаются в прошлом жертв, ищут хоть какой-нибудь след».

Что у нее общего с этими мужчинами? Все, кто много ездит и останавливается в гостиницах, имеют дело с проститутками. Она долго была одной из них. Много месяцев. Больше двадцати лет назад. В другой жизни.

Она щелкнула зажигалкой и удивилась, как уверенно пламя противостоит ветру. Между башнями Эг Дус мистраль смирил нрав и усвистел в открытое море. В свете луны, прожектора маяка и фонарей на набережной черный бархат моря волновался, как будто всем его обитателям пришла охота заняться любовью со вздохами и ворчанием, а потом развлечься с кораблями, входящими в порт Фос-сюр-Мер.

Лейли почувствовала запах светлого табака. Этажом ниже Ги курил легкую сигарету. Она наклонилась и спросила:

– Перерыв?

– Нет. Решаю, что смотреть – чемпионат мира по дартсу или панамериканский чемпионат по бейсболу среди женщин.

Хриплый голос соседа едва перекрывал шум волн. Лейли перегнулась через перила, чтобы лучше слышать. Она была в платье из набивного хлопка – широком, длиной до колена, с глубоким вырезом. Неизвестно, что сумеет разглядеть в темноте Ги. Ничего. Или почти все. Плевать. Смирившийся мистраль ласкал кожу.

– И чем вы заняты?

– Тоже смотрю на море. – Он помолчал, давая Лейли время охватить взглядом бесконечную панораму. – Плазменного экрана больше этого еще не придумали!

В воздухе пахло йодом.

Лейли внезапно захотелось нежности.

– Отсюда лучше видно. Поднимайтесь!

– Возьму пиво.

– Нет, вина. И побольше.

Лейли жаждала любви.

Ги был похож на нее. Жизнь и его помяла. Изжевала, но не проглотила.

Лейли сразу поцеловала гостя. Он снял куртку, поставил на подзеркальник бутылку кото-дю-либрон и собрался что-то рассказать о лозе, танине, цвете винограда, но она снова закрыла ему рот поцелуем.

– Пойдем.

Она тянула его к кровати, думая, что в такой одежде – пуловер из крученной шерсти, рубашка, майка, вельветовые брюки, носки, грубые ботинки «Мустанг» – хорошо играть в стрип-покер. Дай бог к концу ночи останешься голым. Руки Ги скользнули под платье Лейли, губы коснулись ямки на шее.

Мужские ладони мнут ее груди... губы обцеловывают плечи... пальцы ласкают живот...

Желание было таким острым, что Лейли заторопилась, выгнула спину.

– Раздевайся...

Ги устроился на краешке кровати и бесконечно долго развязывал шнурки. Он нервничал и напоминал шестилетку, забывшего, как это делается.

Лейли сидела, подтянув колени к груди. Проверила взглядом, хорошо ли закрыта дверь в комнату Тидиана, выключен ли компьютер, стоящий на этажерке, слава богу, все в порядке. Она с нежностью посмотрела на Ги.

Он справился с одним ботинком. Отдышался и взялся за второй. Может, он не спешит раздеваться? Не хочет, чтобы она видела его голым? Тело Лейли трепетало, кожа хранила следы почти болезненных ласк и слишком глубоких поцелуев, требовала продолжения. Она много месяцев не занималась любовью. Да что там месяцев – последние десять лет!

Ботинок полетел в сторону. Теперь все пойдет быстрее. Штаны. Кальсоны. Носки.

У большинства ее любовников не было лиц... До сегодняшнего дня. Лейли вспомнила, как увидела в комиссариате фотографии Франсуа Валиони и Жана-Лу Куртуа. Словно призраки сбросили саваны и открылись ей. Оказалось, она все угадала правильно: Франсуа

был хорош собой и слишком самоуверен, Жан-Лу выглядел хрупким и трогательным.

Ги снял три слоя одежды – джинсу, шерсть, хлопок – и сложил руки на животе, извиняясь, что не сумел избавиться от последнего слоя – жирка.

Толстый. Неловкий.

Я хочу прочесть по твоим глазам, что ты меня любишь.

Почему она вспомнила эти слова Адиля? Он произнес их перед тем, как пустить в ход гнусный эмоциональный шантаж.

«И я согласилась продавать себя. А потом убила его».

Лица Жана-Лу и Франсуа стирались, уступая место трупам. Возбуждение сменилось отвращением. Чувства предавали ее. Тело Ги больше не внушало желаний. Потухшее лицо не звало к поцелуям. Согнутая спина и поникший затылок не будили страсть. Он был опечален. Уже готов снова одеться.

Лейли встала, чтобы попытаться спасти любовь или то, что от нее осталось. Скрестила руки, взялась за подол платья, стянула через голову и бросила на кровать, как змея старую кожу.

Она стояла перед ним обнаженная и знала, что все еще желанна. У нее медовые груди. Тонкая талия. Упругий живот.

Такая, как она, недостижима для такого, как он.

Лейли прочла желание в глазах Ги – неуправляемое желание маленького мальчика. Обожание.

Она чувствовала себя красивой – как никогда.

Из светлых глаз лились слезы.

И он показался ей красивым.

Ги встал. Обнял Лейли. Он понял.

Жизнь не пощадила их обоих.

Она последний раз посмотрела на дверь детской – закрыта – и шепнула:

– Идем...

Несколько часов, даже не всю ночь, но они будут вместе.

Лейли завернулась в одеяло и вышла покурить на балкон.

Ги лежал на кровати, накрывшись простыней. Все произошло слишком быстро, и ему хотелось продолжить, сделать все как следует, доказать Лейли, что он способен на большее.

Женщина плакала, и, утешая ее, он почему-то перешел на «вы».

– Что не так, Лейли? Вы красивая. У вас чудесные дети. Бэмби, Альфа́, Тидиан. Вы справились.

– Справилась? Все это видимость. Ветер. Нет, о нет, у нас совсем не образцовая семья. Нам недостает главного.

– Папы?

Лейли издала сухой смешок.

– Ответ отрицательный. Без папы, одного или нескольких, мы можем обойтись – все четверо.

– Так чего же не хватает?

Глаза Лейли стали огромными, и Ги почудилось, что солнечный луч осветил темную комнату, превратив пыль в звезды.

– Вы очень самонадеянны, дорогой мсье. Мы едва знакомы, так с чего бы мне открывать вам мой главный секрет?

Он не ответил. Глаза Лейли потускнели, и альков погрузился во мрак. Она повернулась лицом к морю, затянулась и выдохнула дым. Пусть и облака станут черными.

– Это больше чем секрет, мой любопытный малыш. Это проклятие. Я дурная мать. Все мои дети обречены. Я могу лишь надеяться, что хоть один из них ускользнет от чар. – Лейли закрыла глаза.

– Кто навел чары? – спросил Ги.

За закрытыми ставнями век сверкнула молния.

– Вы. Я. Весь мир. В этом деле невинных нет.

Больше Лейли ничего не сказала. Она легла рядом с Ги, прижалась к нему, погладила по плечу.

– Ты не можешь остаться. Тиди не должен тебя увидеть.

Ги понял, но попросил продолжения истории – поступил как султан, требовавший от Шахерезады новую сказку, чтобы задержать восход. Ги.

Ее истории.

Лейли мягко отвела мужскую руку:

– Веди себя хорошо, тогда расскажу.

В памяти всплыли слова Журдена Блан-Мартена, которые он произнес вечером, стоя у подножия лестницы.

Вы любите рассказывать свою историю, Лейли. Кто осудит вас за это?

Вам доверяют, ваши слова никто не ставит под сомнение.

Вы очаровываете. Соседей. Детей. Даже полицейских. И все эти люди не подозревают, что вы ими манипулируете.

Она повернулась к Ги, и его участливая улыбка придала ей мужества.

– Я ничего не выдумала. Верь мне. Слушай повесть о моей жизни нелегалки. В ней все – правда, каждая деталь.

История Лейли

Я была обречена.

Окружена.

Кричать, умолять бесполезно – никто не придет на помощь. В лесу Гуругу мы превратились в животных. Время от времени один из нас покидал стадо, чтобы умереть. Остальные еще теснее сбивались в кучу.

Итак, главарь – тот, что из Кот-д’Ивуара, – надвигался на меня с пачкой презервативов в руке, как хирург со шприцем обезболивающего. Я ничего не почувствую. Они тоже. Забудут. Сделают то же самое с другой отбившейся от своих самкой.

Я вспомнила Сус, ночи любви с незнакомцами в отеле «Ганнибал». Меня собирались изнасиловать не в первый раз, но я впервые видела лицо насильника.

Он был в метре от меня и не казался слишком уверенным в себе.

– Если хочешь, мы заплатим.

Четверо остальных (они так и стояли со спущенными штанами) удивились – видимо, он с ними не посоветовался. Я чувствовала запах их пота, страха, стыда и отвращения. К себе и ко мне. Но ни один не передумал. Когда кто-то из волков дает слабину, другие хищники разрывают его на куски.

– Платить нужно не мне.

Я вложила в ответ всю дерзость, на какую была способна. Этот боров до меня не дотронется!

– Не тебе? А кому?

– Виржилу.

Интуиция. Безумие. Имя выскочило само собой. Я ночи напролет слушала рассказы женщин, особенно нигериек, советовавших друг другу найти жениха или «друга» – для защиты. Крепкого. Жестокого. Ради собственного спокойствия. Стать его рабой, покорной и полезной, стирать, готовить еду, собирать хворост, носить воду и добровольно заниматься сексом. Обезумев от ужаса, я по наитию произнесла имя

самого опасного человека в лагере. Виржил был из Нигерии. Все почитали этого великана, покрытого татуировками и шрамами.

Они окаменели.

– Ты с ним? – спросил главарь.

– Узнай у него. Может, он сам назначит цену.

Они колебались, угрожали: «Если врешь, дорого за это заплатишь!» – но отступились, решили подкараулить меня в лагере. Выбора не осталось – пришлось идти в палатку Виржила.

Он спал, но секундой позже навалился всем телом, приставил нож к горлу:

– Что тебе нужно?

– Защити меня.

Я все ему объяснила. Он слушал и смотрел на меня. Я знала, что красива, но Виржил мог получить любую женщину в любой момент.

– У меня уже есть жена – в Бьюкенене. И дети...

– Она приедет к тебе в Лондон – если доберешься туда. У вас будут еще дети, а я стану заботиться о тебе, пока не окажемся по ту сторону заборов Мелильи.

Виржил спрятал нож. Он искал такую, как я.

– Я не намерен месяцами гнить в этом лесу.

– Так не тяни. Пользуйся, Виржил. Пользуйся, пока мы здесь.

Я сбросила грязную одежду и легла на него. Мы занялись любовью. Я испытала наслаждение и закричала – громко, на весь лагерь, чтобы волки услышали и поняли, кому я принадлежу. Окончательно и бесповоротно.

Надеюсь, вы не будете шокированы, Ги, но я не симулировала. Думаю, Виржил – единственный мужчина, которого я любила. Между нами не было чувства, мы ничего друг другу не обещали, просто заключили договор. Без лишних нежностей. Две заблудшие, измученные души нашли друг друга – это должно быть вам понятно, Ги. Виржил сражался в Либерии против войск президента Тейлора, то была самая кровавая гражданская война в Западной Африке. Виржил был настоящим политическим беженцем. За его голову назначили высокую цену. Он точно знал, что будет делать, оказавшись в Англии. Начнет охранником склада, потом устроится в ночной клуб. Виржил-Охранник – прозвище для героя фильма студии «Марвел». Но заветной мечтой моего друга было стать телохранителем звезды. Он собирал

фотографии, как мальчишка, и взял их с собой, зашив в подкладку куртки. Мадонна, Пола Абдул, Кайли Миноуг, Джулия Робертс... У Виржила была величественная осанка и сила, он бы точно преуспел. Я гордилась ролью его женщины. Другие мужчины-каиды продавали своих женщин, сдавали их тела внаем на час или на ночь. У выживания своя цена. Но Виржил никогда не поступал так со мной. Мы провели в Гуругу четыре месяца. Марокканская полиция регулярно устраивала рейды, все сжигала, но мы не сдавались, готовили большое наступление. И начали его 3 октября 1998 года. Многие сотни беженцев в едином порыве атаковали заборы Мелильи. Зомби выбрались из могил, чтобы захватить живых. Армия нищих пыталась взять приступом крепость. В ответ нас только что кипящим маслом не поливали.

Военные и полицейские были вооружены новейшими технологиями, мы брали числом.

Почти всех отловят, но некоторые преуспеют.

Другие через несколько месяцев попытаются снова. Их будет больше, но прорвутся снова немногие.

Мы с Виржилом не надеялись, что оба преодолеем границу, но верили, что кто-то один сможет. Если окажемся по разные стороны, даже проститься не успеем.

Мы пробежали несколько метров, держась за руки.

В тот день никто не добился цели.

Марокканскую полицию предупредили, они были настороже и удвоили количество патрулей. Ни один из нас не оказался ближе чем на десять метров к решетке. Вход охраняли собаки, джипы, люди, вооруженные и готовые стрелять. Самые сильные представители босоногой армии, которые несли таранные бревна, в ярости бросали их на землю, выкрикивали ругательства на всех возможных языках, плевались и поворачивали назад.

Виржил был среди тех, кто оскорблял охрану.

Я увидела, как трое полицейских взвели курки и выпустили не меньше двадцати пуль, хладнокровно убив пятерых беженцев, в том числе Виржила.

Я не знаю зачем.

Решили на его примере научить остальных? Убрать самых сильных, вожаков, чтобы не пришлось стрелять в стадо?

А может, все дело было в награде, объявленной за голову Виржила? Адиль не умер, Адиль нашел меня. Адиль заказал Виржила из ревности. Да, Ги, какой бы глупой ни была эта мысль, она пришла мне в голову, и я продолжаю жить, боясь, что призрак Адила преследует меня, чтобы лишить зрения.

Я вернулась в лагерь одна, без моего защитника, и хищники воспрянули духом. Таких волков нельзя было отпугнуть, ночуя у костра. Они выждали несколько недель. На этот раз я подпустила их достаточно близко и задрала платье, чтобы они увидели голый живот.

Мой округлившийся живот.

Я носила ребенка Виржила и знала, что никто не посмеет меня тронуть. Время от времени, по пятницам, в Гуругу приходил имам, чтобы передать беженцам деньги, собранные правоверными в мечетях по соседству. Он напоминал, что Коран велит отвечать на милосердие благочестивым поведением, заботиться о больных, самых слабых и будущих матерях. В одну из пятниц, когда насильники забыли страх перед Всевышним, имам забрал меня с собой, и я провела последние месяцы беременности в амбулатории на алжирской границе. Больная. Истощенная. Ребенок отнимал у меня все силы.

Он родился в Ужде.

Черный, очень крупный. Нервный и сильный, мой сын мог, по примеру Геракла, задушить голыми руками змей в своей колыбели.

Я знала, что мальчик уподобится природной стихии, как отец, которого он никогда не увидит.

И назвала его Альфа́.

20:32

– На судне есть Wi-Fi?

Альфа́ сунул свой ТТ-33 за пояс – он и кулаками мог заставить Гаврилу не геройствовать. Рулевой «Севастополя» понял, что гигант, приказавший изменить курс, не пристрелит его и не выбросит за борт. Во всяком случае, сразу. Бледность сошла с лица Гаврилы, к нему вернулась толика уверенности в себе.

– Wi-Fi? Зачем? Вы что, собираетесь крутить на этом корыте порнуху, когда переделаете его в плавающий бордель? Как водилы в прицепах своих грузовиков?

– А мобильник здесь ловит?

– Да он и на луне сегодня поймает сигнал! Даже на краю света, в тысяче миль от острова Пасхи можно позвонить куда захочешь.

В этом Гаврила был прав. Альфа́ крепко зажал телефон в ладони – на «Севастополе» он представлял бóльшую ценность, чем спасательный круг или якорь. Сегодня у тысяч молодых мигрантов нет крыши над головой, они не знают, в каком городе или порту будут ночевать на следующий день или через месяц, ни одному не ведома судьба близких, но у всех есть адрес.

Электронный адрес! Так они оставляли след.

Он поднял глаза к Большой Медведице, Веге, Андромеде.

Так они становились маленькой звездочкой. В сети.

Альфа́ нашел в «Контактах» *Бразза*[104] и позвонил.

– Саворньян? Это я. – Он плотнее прижал трубку к уху – мешал шум волн, а на той стороне кто-то смеялся и кричал. – Слышишь меня, Саворньян?

– Подожди, сейчас отойду в сторонку...

Альфа́, не выпускавший Гаврилу из поля зрения, сделал ему знак сбросить скорость.

– Я в пути, все идет по плану. Пересекаю Средиземное море, буду завтра на той стороне. Там мне понадобятся твои друзья.

– Альфа́... – Саворньян надолго замолчал, и Альфа́ даже решил, что связь прервалась. – Война окончена.

– Что... Как? Почему?

– Бабила, Сафи и Кейван прошли! Вчера их взяли на борт. Возможно, ты их встретишь, завтра утром они будут в Лампедузе.

– Что это меняет?

– Все! Это меняет все. Я поеду за ними. Даже если будет трудно, мы справимся. Бабила – самая нежная и неутомимая медсестра на свете, и рано или поздно ее возьмут на работу в больницу. Я поведу Кейвана на вокзал Сен-Шарль смотреть поезда, а однажды он станет машинистом. Моя малышка Сафи вырастет во Франции и будет самой красивой, на зависть жительницам Марсея, а потом откроет свой салон красоты. Наступит день, и мы поднимемся до Пра-Лу, чтобы

увидеть снег, и я буду весь год работать как каторжный, чтобы всей семьей побывать в Диснейленде. И у нас с Бабилой родится ребенок, который будет настоящим французом, как и наши внуки, и никто у них этого не отнимет, и мы пойдем смотреть парад 14 июля, в День взятия Бастилии, и салют, и фейерверк, а потом приготовим для французских друзей рыбные или овощные котлеты во фритюре. Вот что это меняет!

Голос Саворньяна звучал очень громко. «Он, наверное, выпил...» – подумал Альфа́.

– Не бросай меня, друг. Мы на войне и должны думать о наших братьях.

– Нет, Альфа́, прости, но нет. Я должен думать о своих. Я за них отвечаю. Они наконец-то свободны, и мне нужно получше принять их. Я не сяду в тюрьму, как это случилось со многими из тех, кто приложил немало сил, чтобы вырваться из ада.

– Мы должны выиграть войну, Саворньян, – повторил Альфа́.

Он услышал, как запела женщина, ее поддержали, раздались аплодисменты.

– Это больше не моя война, Альфа́. Счастливые не воюют.

54

20:54

Большинство мужчин, проходивших по улице Моно мимо «Гордонс Кафе», оборачивались, чтобы посмотреть на нее еще раз. Взгляды были сдержанные и настойчивые, взгляды украдкой и виноватые взгляды «занятых» самцов, не забывших охоту в стае.

Бэмби ставила нахалов на место презрительной гримаской. Она сидела, скрестив ноги под слишкой короткой юбкой, набросив кофточку, чтобы прикрыть декольте, и злилась на Яна за опоздание. Непонятно, правильно ли она поступила, одевшись сексуальнее, чем для ланча. Могла прийти в парандже, даже это не умерило бы аппетитов главного логиста ассоциации «Вогельзуг». Вспомнилась его жалкая «кадренная» стратегия.

Второе кадровое собеседование. Оно примет... более интимный оборот.

Чудовищный лицемер!

Не хочу, чтобы между нами возникло непонимание, это не значит, что я вас возьму.

Бедный маленький козлик! Хочет облегчить совесть, застраховаться от обвинения в харассменте, но так, чтобы и гордость его мужская не пострадала. *Она спит со мной из-за меня, а не ради работы.* Бэмби дописывала сообщение Шерин, когда появился Сегален. Она ждала его со стороны улицы Моно или площади Мартир, а он пришел из ливанского ресторана «У Шерифа», расположенного напротив «Гордонс Кафе».

– Извини за опоздание, красавица. Я заказал меззе[105], чтобы искупить вину. У шефа «У Шерифа» они лучшие в городе.

Бэмби успокоилась. Даже хорошо, что Ян задержался. Нужно тянуть время, отодвигая момент, когда отступить будет некуда, ему надоест игра и он накинется на нее. Она должна контролировать ход событий! В хорошем ливанском ресторане в меззе входит как минимум пятнадцать блюд. Она изобразит волчий аппетит, будет смаковать еду, если потребуется – вылизет мисочки из-под хумусов и баклажанной икры. Потом спросит: «Не хотите проводить меня?» Отличный план.

– Замечательно, Ян, – похвалила Бэмби и похлопала ресницами – браво-браво...

Она встала и посмотрела в сторону ливанского ресторана, не решаясь сойти с тротуара. Юбка, сволочь, узкая, а каблуквы высоченные – поди попробуй изобразить изящную походку! Она чувствовала, как мужской взгляд скользнул по ее спине и опустился ниже, – такой же липкий, как капли пота, стекавшие вдоль позвоночника.

Дело выгорело! Сегодня ночью Ян Сегален последует за ней куда угодно, как слон на веревочке. Только не в «Ред Корнер», это слишком рискованно. За входами во все отели сети следят строже, чем за Пентагоном, да и Ян наверняка слышал об убийствах Франсуа Валиони и Жана-Лу Куртуа.

– Пошли? – Он взял Бэмби за руку и повел к входу в «Гордонс Кафе».

– Разве мы не идем к «Шерифу»? Вы же заказали...

– Для начала я забронировал номер в «Гордонс». Апартаменты люкс для VIP-персон, с панорамным видом на город.

Она совладала с чувствами – не вырвалась, только пролепетала:

– А как же меззе?

И сразу поняла, как глупо это прозвучало. Ян все предусмотрел...
– Мы приятели с шеф-поваром. Через полчаса еду доставят в номер, а шампанское уже там.

Бэмби последовала за ним.

Контролировать? Как бы не так! Вечер толком не начался, а ее план уже полетел к черту. Через несколько минут она окажется наедине с Сегаленом. Слишком легко все получалось. И слишком быстро. Она не насторожилась. Плохо подготовилась. Легавые обложили ее, пришлось неоправданно рисковать.

Лифт пошел вниз. На электронном табло в золоченой рамке на мраморной панели над дверями высветилась цифра VIII.

VII, VI, V, IV.

Еще несколько секунд.

III, II, I.

И еще несколько на то, чтобы подняться в номер с шампанским и панорамным видом.

Несколько секунд на размышление.

Остается одно – импровизировать.

Не станет же он ее насиловать.

Она ничем не рискует.

Как и Ян Сегален.

В худшем случае монстр уйдет живым.

21:15

Жюло смотрел на снопы искр, освещавших ночь. Они взлетали в небо, цеплялись за темный бархат и падали на край бетонного пирса. Лейтенант различал тени трех рабочих с газовыми резаками, железный корпус эллинга, портовые краны. Полуночники, влюбленные в корабли, могут каждый вечер, семь раз на неделе, выбирать для прогулок новый порт: в понедельник – рыболовецкий, во вторник – яхтенный, в среду – пассажирский, в четверг – военный. Пусть сегодня будет торговый. Жюло предпочитал его остальным по очень простой причине: больше никому не нравилось бродить рядом с нефтеперерабатывающими заводами, вдыхая дым и запахи масла, нефти и газа. Кроме того, ему не

хотелось ни слушать ржание подростков на пляже, ни любоваться грациозными силуэтами девушек в купальниках. Фотографии *Vambi13* и *Faline95* на экране планшета уступили место острову.

Лампедуза.

Итальянский остров, находящийся ближе других к побережью Туниса и к Сицилии.

Он машинально набрал девять букв названия и кликнул по поиску картинок.

ЛАМПЕДУЗА.

Контраст ошеломлял. Глазам Жюло открылось слайд-шоу мировой трагикомедии: бирюзовое море и чернокожие люди, хрустально-прозрачные бухты и трупы, загорелые тела на полумесяцах пляжей и в трюмах ветхих суденышек. Та же скученность, только одна – райская, а другая – адская.

Ладно, о Бэмби и Фалине он подумает позже. После того как утром стало известно об убийстве в дубайском «Ред Корнере», он ни в чем не был уверен. Все указывало на виновность Бэмби Мааль, в том числе полное сходство рисунка брызг крови, найденных в номере «Караван-сарай». Но она физически не могла совершить это преступление, потому что находилась за пять тысяч километров от него.

Подождем, – буркнул лейтенант. – ДНК заговорит.

Жюло перешел от картинок к информации об острове. ЛАМПЕДУЗА. Туристические предложения вперемешку с рассказами о трагедиях.

* 95 отелей. Воспользуйтесь нашими специальными предложениями! Booking.com.

* Кораблекрушение 3 октября 2013 года на Лампедузе – Wikipedia.

* Лампедуза, посетить город – до 55 % экономии. www.routard.com

* Лампедуза, смертельные ворота в Европу, – BFMTV.

Начиная с 2002 года в акватории острова утонуло больше трех тысяч человек. Вдвое больше, чем на «Титанике», половина населения Лампедузы.

Тихий ветер играл с огоньками стоявших у причала яхт, искры взлетали и, потанцевав над морем, гасли в волнах, недолговечные, как мыльные пузыри. Учась в лицее, Жюло ездил с классом в Берлин и видел КПП «Чарли»[106]. Безумцы из ГДР, пытавшиеся перебраться на Запад, стали героями, резистантами, мучениками! Те, кто сегодня

пытался перейти границу с юга на север, чтобы оказаться на том же Западе, в объятиях тех же демократий, в лучшем случае объявлялись вне закона, в худшем – террористами.

Разница в числе попыток? Дело в моде? В цвете кожи? В вероисповедании?

Или рехнулся компас планеты?

Их смерть – признание в любви.

Жюло обхватил голову руками. Эту фразу он прочел на сайте «Вогельзуг».

Их смерть – признание в любви.

Иллюстрировали пафосное высказывание фотографии: лодки, набитые мигрантами, в нескольких километрах от побережья.

«Вогельзуг».

Ассоциация Пор-де-Бука, где работали Валиони и Куртуа. Лейтенант бродил по лабиринту сайта, где на десятке языков объяснялся феномен миграции. Он надеялся чудом наткнуться на следы цветного браслета на запястье или ракушки в горсти. Ему нужна связь. Любая.

Поиск ничего не давал, и он разделил экран на два окна, решив вернуться на страницы *Vambi13* и *Faline95* в фейсбуке и сравнить их еще раз. Если эта девушка не Бэмби Мааль, значит, она пыталась подставить ее, заманить в ловушку. Другими словами, они знакомы...

В кармане завибрировал мобильный.

Сообщение.

От Петара.

Прочсть? Лейтенант колебался. Они сцепились на обратном пути из «Ибиса», когда Жюло снова предложил вызвать на беседу Журдена Блан-Мартена. Велика отказался. Наотрез. Страсти разгорелись, и майор увеличил громкость магнитолы, чтобы прервать неприятный разговор. «Не человек покоряет море, – пел Рено, – море забирает человека».

Как только подует ветер...

Они ехали вдоль пляжа, недалеко от Эг Дус. Мальчишки купались, весело перекикиваясь. Петар бросил на них брезгливый взгляд и процедил сквозь зубы:

– Море – помойка, мигрантская могила.

В молчании миновали «Карфур», мультиплекс, где их третировал управляющий Джек Спэрроу, «Старбакс», «Ред Корнер». Было начало шестого, и на парковке отеля с красными стенами и пирамидальной крышей стояло штук десять машин. Видимо, с пяти до семи вечера клиентов здесь больше, чем среди ночи.

– Чего ты хочешь? – раздраженно спросил Петар. – Мы не можем следить за всеми отелями этой сети в мире. У принципа игры на опережение есть границы, вундеркинд!

– Не за всеми, – упрямо возразил Жюло. – Но в Пор-де-Буке...

– Да что в нем особенного?! В нем никого не убили!

Жюло молчал, ошеломленный логикой патрона.

На миг у него возникло сюрреалистичное ощущение, что они работают над одним и тем же расследованием в двух параллельных мирах и у преступления есть два решения, а истин великое множество.

Разговор возобновился не сразу, словно каждому требовалось проделать свой путь, чтобы вернуться в физические тела. Сидя рядом в «Рено Сафране», они миновали мост через канал Каронте и пастельные дома квартала Иль-де-Мартиг, Жюло – за рулем, Петар – на пассажирском сиденье.

Прошло несколько часов – и Велика вдруг присылает смс. Что такого невероятного могло случиться?

Не справившись с любопытством, он открыл сообщение.

Мы нашли девку.

Твою драгоценную малышку Бэмби.

Ей не уйти.

21:17

Ты чувствуешь себя пришельцем в этом мире

Ты один знаешь свое одиночество

Нура пела. Концерт шел уже больше часа. На этот раз двойные двери пожарного выхода из буфетной отеля «Ибис» были открыты для всех постояльцев. Низким чарующим голосом девушка исполняла репертуар бенинской дивы Анжелики Киджо.

Idje-Idje, We We, Batonga.

Мешая языки и музыкальные стили, госпел и английский, зук[107] и французский, регги и фоновую музыку, румбу и бамбара, музыку из игр *Sega*[108]. Нура импровизировала в каждом куплете, затягивала припевы. Дариус старался держать ритм на джембе, Уисли позволял себе долгие соло на гитаре, которые певица сопровождала эротичными телодвижениями. Человек тридцать слушателей аплодировали, танцевали, подпевали, сумасшедше счастливые и веселые.

Старик Захерин рассказывал разбуженным соседям, что приезжают его кузены из Джуго: «Мы не виделись двадцать лет!» Уисли сунул под струны второй гитары снимок своей невесты Найи, севшей на то же судно. «Она – звезда, ради нее я выучился играть, Нура будет ревновать, но я уговорю их спеть дуэтом. Получится отпадно!» Дариус, единственный чужак в маленькой бенинской компании, надел поношенный серый костюм, объяснив, что будет встречать дядю Рами, бывшего старейшину деревни Догбо-Тата, и свою жену Фатиму.

Рубен Либерос подавал фруктовые соки, содовую и шампанское. «Эти ящики – подарок внука царя Николая (он живет изгнанником в Эпернэ) в благодарность за одну тайную миссию, о которой и сегодня нельзя рассказывать!» Саворньян приобнял управляющего за плечи и отвел в сторону:

– Спасибо, Рубен. Спасибо.

– Я счастлив. За вас. Пройдет несколько дней или недель, и все вы наконец-то воссоединитесь с родными.

– А у тебя нет семьи, брат мой?

Либерос залпом допил шампанское. Нура извивалась, словно в трансе, пожирала Саворньяна глазами и пела, повторяя одну и ту же фразу:

Я чувствую себя чужим в этом мире

– Нет... Но не печалься обо мне, я сам так захотел. Я камень, качусь по дороге задом наперед. Под такими ничего не растет.

Саворньян разлил шампанское по стаканчикам.

– Выпьем за ваши семьи, братья. Разлученные и готовые снова объединиться. В детстве мать с отцом отправили меня учиться в пансион в Саламанку, в пятидесяти километрах от дома. Мы виделись трижды в год – на Рождество, Пасху и летом. Как же я их ненавидел! Меня выгнали собственные родители. Будь они живы, я бы не сумел воздать им полной мерой. Поступи они иначе, я бы застрял в деревне,

как мои ровесники, откармливал бы свиней и растил детей, чтобы они стали свиноводами после моей смерти. Сегодня вы поняли, братья, что мир – большая деревня, так рассеивайтесь по планете, собирайте все цветы, какие найдете. И тогда день воссоединения станет праздником.

Все снова выпили до дна.

– Я пополню твои запасы, Рубен, – пообещал Саворньян. – Когда получу Гонкуровскую премию.

Рубен махнул рукой, отказываясь от предложения, и спросил:

– Сколько ты заплатил?

– Немного.

– А поточнее?

– Три миллиона африканских франков. Чуть меньше пяти тысяч евро за каждого пассажира.

Рубен обвел взглядом танцующих. У всех этих мужчин и женщин вряд ли было больше десяти евро в кармане и ста – на счете в банке.

– Мы справляемся, – сказал Саворньян. – Иногда скидывается вся деревня. Некоторые занимают у ростовщиков, закабалаясь до конца жизни.

– А ты?

– Взял кредит на тридцать лет. Погасим через десять – благодаря моему преподавательскому жалованью, авторским правам и зарплате медсестры, которую будет получать Бабила. Мы умеем экономить. Потом оплатим Кейвану курсы железнодорожных машинистов, а Сафи купим салон красоты. Кое-кому обходится намного дороже, а у моих браслеты зеленые.

Рубен Либерос вздернул брови, выражая удивление. От шампанского у него слегка кружилась голова. Нура сделала перерыв, а гитара Уисли и джембе Дариуса затеяли бешеную гонку.

– Наша сеть проводников использует браслеты трех разных цветов, – объяснил Саворньян. – Цвет определяется суммой, уплаченной за переход. Такие же пластиковые браслеты носят постояльцы клубных отелей «все включено». Их нельзя подделать или поменять, а срезать и выбросить разрешается только в последний день. Зеленый – 5000 евро, синий – 7000, красный – 10 000.

Рубен неверной рукой поставил пустой стаканчик на подоконник, тот покатился и упал на пол.

– Зачем платить десять тысяч евро за переправу на другой берег Средиземного моря?

– В зависимости от цвета плывешь в трюме или сидишь на палубе, в темноте машинного отделения или возле иллюминатора. Сможешь в любой момент утолить жажду или будешь страдать без воды. Отправишься в путь или останешься ждать, если не хватит места на всех или вдруг испортится погода. Ты шокирован, Рубен? – Саворньян хохотнул, он тоже выпил лишнего. – Вначале я тоже негодовал, потом задумался. Любой вид транспорта функционирует по этому принципу, так? Любой! Бизнес-класс или эконом-класс. По-скотски или по-королевски. С чего бы нелегалам лишаться подобного выбора?

Управляющий кряхтя наклонился и поднял стаканчик.

– Разноцветные браслетики для сортировки людей, – прошептал он. – То еще изобретение.

– Не говори, друг! Миллионы мигрантов, заселивших Америку, тоже были разделены уже в дороге. Одни платили целое состояние за невероятную роскошь на плавучих городах, а другие сотнями мерли на нижней палубе, как жалкие псы.

Саворньян похлопал Рубена по плечу, и они подошли ближе к танцующим. Нура сменила репертуар и теперь исполняла поп-шлягеры пёльской певицы Инны Моджа.

Мы собираемся потратить некоторое время на празднование.

Из Рио-де-Жанейро в Сан-Диего,

А потом поедет в Бамако.

– Расскажу тебе мой секрет. – Саворньян приблизил губы к уху Рубена: – Я выбрал проводника не из-за браслетов. Все дело в каури.

– Каури?

– Плату вносишь ракушками, – шепнул бенинец.

Его глаза сверкали от возбуждения, совсем как у Нуры на импровизированной сцене.

– Редкими ракушками, – уточнил Саворньян. – Особыми каури. Внутри сети одна каури стоит сто евро. Воссоединение с семьей обошлось мне в сто пятьдесят каури. Их отдают постепенно – на каждом этапе, каждой границе, каждому посреднику. Я не хотел, чтобы Бабила, Кейван и Сафи пересекали Африку с пятнадцатью тысячами евро за подкладкой. А каури вне сети ничего не стоят.

– Хитро, – одобрил Рубен. – Очень хитро.

Нура в упор смотрела на Саворньяна, ее голос околдовывал, вызывал сладкую истому.

Сидней, Токио, Париж, Бамако – и снова

Поедем в Бамако. О! О! О!

У запасного выхода появились новые постояльцы в пижамах. Мать, отец и двое детей. Взъерошенные, плохо соображающие со сна. Их принялись угощать пуншем, соком, золотистой акрой – жареными шариками из трески и хрустящими самосами – чудесными мясными пирожками. Они пили и ели, не задавая вопросов, в полном обалдении, как будто легли спать в «Ибисе», а проснулись на другом континенте.

Рубен оставил Саворньяна, подошел вплотную к Нуре и едва слышно попросил:

– Пой. Пой всю ночь, красавица, твоя соперница сегодня не придет.

57

21:19

Бэмби застыла в дверях представительского люкса, почувствовав, что внутри кто-то есть, но Сегален не оставил ей выбора, чуть подтолкнув в спину.

Она шагнула в комнату.

Пусто... но их опередили: лампы на тумбочках отбрасывают на стены апельсиновый свет, тихо играет джаз, кровать усыпана лепестками роз. Да уж, Ян не поскупился ради обычного собеседования!

Дверь в ванную оставлена открытой. Намеренно. Из джакузи за стеклянной перегородкой поднимается пар – горничная открыла кран, чтобы вода набралась к указанному Яном часу. На бортике ждут два бокала шампанского. Бутылка стоит в ведерке со льдом.

Ян бросил рюкзак и куртку на столик у двери и подошел, собираясь поцеловать ее. Бэмби отпрянула, изобразив восторженную инженю:

– Боже, Ян... я и подумать не могла, что собеседование включает пробный заплыв.

«Нужно выиграть время! – Мысли лихорадочно метались в голове. – Держать его на расстоянии, чтобы избежать поцелуев. Уложить на кровать. Нейтрализовать. Чем? Достать шарф из сумки? Использовать ремень Яна?» Увы, логист «Вогельзуг» в точности следовал собственному сценарию, и первый этап предполагал, что они разденутся раньше, чем остынет пена в джакузи и согреется шампанское.

– Следовало предупредить меня, Ян, я бы захватила купальник.

Ответ она прочла в его глазах. *Он тебе не нужен, красавица.*

Сегален внаглую рассматривал Бэмби, и вульгарность взгляда противоречила романтической мизансцене. Темная и светлая сторона желания.

Овладеть женщиной. Обладать ею. Нимало не стесняясь, Ян прошел в ванную и начал раздеваться. Проверил термометр, давая понять: *кончай валандаться, не нарушай идеальный расчет времени.*

Идеальный расчет! Во всем антураже было нечто фальшивое, и Бэмби вдруг поняла это совершенно отчетливо. Ян Сегален вел себя неестественно – слишком уж торопился избавиться от одежды и не разливался соловьем. Будь на его месте другой мужчина, она отнесла бы это на счет смущения, но он не таков...

– Ты идешь?

Ян повесил белую льняную рубашку на крючок, уверенный в своей привлекательности, несмотря на располневшее тело. Он был из тех, кто, родившись красавцем, убеждает себя, что возраст над ним не властен. Подобные самцы отказывают в этой привилегии женщинам и охотятся только на молоденьких.

Бэмби села на кровать, рассеяно погладила кроваво-красные лепестки.

Неужели Ян вычислил ее?

За несколько последних дней были убиты два сотрудника, ну или бывших сотрудника ассоциации «Вогельзуг». И сделала это женщина. Да, они давно во всех деталях продумали, как подберутся к Яну, и на этот раз их план не имел ничего общего со случаем Франсуа или Жана-Лу. И да, она ответила на реальное предложение работы, а Ян сам ей позвонил, но... Но совершенно логично, что он не доверяет молодой красотке... очаровательной куколке, которая так легко позволила себя закадрить.

Ян очень скрытный. И самый хитрый из всех.

Он любит женщин, как охотник – дичь.

Они верят, что интересны этому мужчине, а он их изучает.

Я думала, он слушает и понимает меня, а он наблюдал.

Всегда держался настороже.

Прикидывался зачарованным, но был собран.

Чтобы ударить точно в сердце, когда решит, что пора.

– Так идешь? – повторил Ян. – Поздновато изображать робость.

– А как же официант?

– Наденем халаты.

Бэмби поднялась. Сделала несколько шагов.

Выиграть время. Хоть чуть-чуть. Она почувствовала – сейчас все резко переменится. Расстегнула блузку, сбросила туфли на шпильках и пошла к нему, босая, со вздымающейся над кружевным лифчиком грудью. На последнем шаге Бэмби вынула заколку, и волосы рассыпались по золотистым плечам, как сноп колосьев.

Я должна вернуть преимущество. Усыпить его подозрительность.

Она была уже совсем рядом с Яном, когда в дверь постучали.

– Ресторан «У Шерифа», – крикнул мужской голос. – Заказ для мсье Сегалена.

– Поставьте на кровать, – ответил Ян, повысив голос.

Бэмби услышала, как открылась и закрылась дверь, Сегален повернулся, собираясь выйти из ванной.

Она его удержала.

Инстинктивно.

Все не так. Все фальшивка. Театр. Постановка, причем плохая.

Бэмби положила ладонь на грудь мужчине, шепнула:

– Оставь, пусть пофантазирует, чем мы тут занимаемся.

Он удивился, воспротивился, но девушка прижалась к нему грудью, погладила выпуклость в штанах, начала расстегивать ремень.

Дальнейшее произошло почти молниеносно.

Бэмби рванула за пряжку, брюки упали вниз, она резко качнулась в сторону, не выпуская из кулака ремень, и обездвиженный Ян заорал:

– Она идет!

Бэмби выскочила в комнату и увидела амбала с дубинкой. Легавый!

Ловушка. Ян ее разоблачил.

Амбал допустил секундную задержку, увидев, что на него летит полуголая Барби. Он плотоядно улыбнулся, предвкушая, как поймает ее за талию, сожмет, а она будет брыкаться и дергаться в его крепких татуированных руках.

Пряжка ремня ударила в висок так стремительно, что он не успел увернуться. Бэмби на ходу намотала оружие на руку. Дубинка полетела на ковер, детина рухнул на кровать. Уже взявшись за ручку, девушка заметила свое отражение в зеркале, схватила сумку, куртку, портфель Яна и ринулась в коридор. В спину ей неся вопль громилы «Сссу-ка!», а из ванной нелепой походкой пингвина, путаясь в спущенных штанах, ковылял Ян.

VIII, VII, VI, V, IV, III, II, I.

Она натянула куртку в лифте, пытаясь успокоиться, чтобы сердце не выскочило из груди, вихрем миновала холл «Гордонс Кафе» и со спринтерской скоростью промчалась по улице Моно к площади Мартир. Прохожие оборачивались вслед безумной девице в куртке на голое тело. Бэмби подтянула юбку, чтобы делать шаги пошире, соблюдение приличий сейчас не главное, на кону стояла ее свобода, а может, и жизнь.

Правоверные мусульманки в длинных платьях и платках прикрывали глаза детям, чтобы те не видели «этого позора».

Бэмби проскользнула между двумя колясками и полетела к бульвару. Трое полицейских, дежуривших у ювелирного магазина, решили не покидать свой пост.

Тебе повезло, так беги быстрее!

Шершавый тротуар ранил босые ноги. На смену новым домам пришли развалины разбомбленных зданий. Бэмби прижимала портфель к груди в отчаянной попытке прикрыть наготу. Пересекла улицу, подталкиваемая в спину страхом.

Пропустите меня!

Машины во всех четырех рядах резко затормозили. Женщина, сидевшая за рулем белого пежо-504, грубо обругала Бэмби, молодой водитель феррари-458 засвистел ей вслед. Она сбросила скорость и побежала по широкой эспланаде; слева ехали машины, справа сверкало море.

Навстречу Бэмби попадались джоггеры. Четыре усача, сидевшие на скамейке, проводили девушку взглядами, весело скалясь. Она почти выдохлась и поглядывала налево, молясь, чтобы рядом притормозило такси, а не полицейская машина.

Но все же остановиться пришлось. Сумка оттягивала плечо, портфель прилип к потной груди, юбка задралась так высоко, что были видны белые трусики. Бэмби в последнем порыве целомудрия поправила одежду, сорвала, отшвырнула в сторону белокурый парик и откинула назад мокрые от пота волосы. Линзы невыносимо жгли глаза, но тут небо услышало ее молитвы: в крайнем ряду, метрах в ста, ехал бело-желтый «мерседес». Наконец-то! Бэмби выскочила на мостовую. Такси вильнуло.

Не дав водителю опомниться, она залезла на заднее сиденье.

– Говорите по-французски?

– Мало-мало...

– Тогда гоните.

Бэмби заметила флажок на магнитоле.

– В аэропорт Бейрута, – уточнила она. – Я должна там быть через четверть часа!

58

21:24

Журден Блан-Мартен беседовал с Аньезе де Кастро, аппетитной каталонской вдовушкой, владелицей десятка квартир на побережье Средиземного моря, от Барселоны до Пизы. Квартиры пустовали, и она соглашалась вселить в половину из них богатых беженцев. В левом кармане завибрировал телефон, раздались первые такты «Адажио» Барбера в исполнении Нью-Йоркского филармонического оркестра под управлением Леонарда Бернштейна (отличие от классической версии – рингтона его рабочего телефона, лежащего в правом кармане, – улавливал только сам Журден).

Он извинился перед вдовой. Его верные компаньоны сумеют выторговать хорошую цену за пустующие резиденции, необходимые всего на несколько недель в году. Подбор жилья для обеспеченных

беженцев тешил это Журдена даже сильнее, чем ежемесячный доход от *Airbnb* – онлайн-платформы для аренды жилья.

Блан-Мартен ушел подальше от большого зала приемов замка Калисан, украшенного гобеленами. Богатые дарители подписывали здесь чеки, и чем лучше было поданное вино, тем крупнее оказывались суммы. Журден дошел до пустынной парковой аллеи и взглянул на экран.

Звонил Макс-Оливье. Его Банкир.

– У меня совещание, Макс-О.

– Официальное?

– Да. Но ты можешь говорить, я сейчас один.

– Проблема с «Кенитрой». Они должны были отчалить из Сайдии ровно в двадцать один, взяв на борт тридцать пять пассажиров с браслетами красного цвета, но двигатель вышел из строя. Ничего удивительного – семь лет ходит по морю, груженный как мул.

– Где ты?

– В порту Сайдии. Меня вызвал капитан.

– Другое судно у причала есть?

– Ни одного! А люди скандалят. Кроме того, на несколько следующих недель плохой прогноз, обещают штормовую погоду. Уже сегодня море беспокойное.

– Утихомирь их, другого решения нет.

– Они устроят бучу, Журден! Представляешь последствия?

Он представлял. Еще бы ему не представлять! До него им не добраться, а диким слухам о том, что великий патрон «Вогельзуг» наживается на мигрантах, мало кто поверит.

– Когда ушел последний корабль?

– Час назад. «Эль Беркан». Сто пятьдесят клиентов на борту. Они прибавят ходу из-за метеосводки.

Журден присел напротив фонтана, лицом к прелестной статуе Дианы-охотницы с тремя ланями. Выход есть. Неприятный, но единственный.

– Сколько зеленых браслетов среди пассажиров «Эль Беркана»?

– Думаю, человек тридцать.

До чего же эффективно трудится Банкир! Так же эффективно, как его альтер эго за решеткой – Казначей. Ничего удивительного, обоим хорошо платят за неукоснительное соблюдение непреложных правил,

установленных хозяином. В том числе правила о том, что при погрузке на любое судно зеленые браслеты никогда не должны составлять большинство.

– О'кей, свяжись с рулевым. Пусть пересадит тридцать человек в шлюпку и вернется в Сайдию за «богатенькими».

Журден почувствовал, что Макс-Оливье колеблется.

– На высокой волне они и десяти минут не продержатся.

– А ты что предлагаешь?! – повысил голос Блан-Мартен.

Диана смотрела на верхушки деревьев, лаская одну из ланей.

– Полагаешь, удастся вернуть тридцать мигрантов в порт и обойтись без потасовки? Думаю, марокканская полиция очень заинтересуется, откуда взялись эти пассажиры лоукоста! Поверь, море сохранит тайну, мы тысячи раз такое проделывали. Пусть капитан найдет любой, самый идиотский предлог – двигатель заглох, таможенный патруль на горизонте – и натравит сине- и краснобраслетников на остальных, чтобы освободить тридцать мест.

В трубке раздался тяжелый вздох.

– Мы никого не принуждаем садиться на корабль, Макс-О! – Блан-Мартен решил надавить на Банкира. – Не будь наших судов, они поплыли бы в Европу на спасательных кругах.

– Ладно, Журден, избавь меня от нотаций. Капитан – хороший солдат. Он выполнит приказ и глазом не моргнет.

– Зеленые браслеты знают, что рискуют, – кипятился Журден. – Как и мы. Если повезет, патруль их подберет. А нет – будет урок остальным на будущее. Слухи в этой среде расходятся быстро, и люди поймут: за путешествие выгоднее заплатить подороже. Сообщи, когда дело будет сделано.

– Конечно.

Макс-О не отключился, как будто хотел сказать что-то еще. Что-то, не имеющее никакого отношения к тридцати мигрантам, которые будут брошены посреди Средиземного моря на ореховой скорлупке и почти наверняка погибнут. Десятки людей тонут каждый месяц, и если Блан-Мартен прикроет свой бизнес, то его место займут любители и процент жертв будет выше.

– В чем дело, Макс-О?

– Вчерашний парень. Альфа́ Мааль. Тот, что хотел продавать «пятизвездные круизы»...

– Ну и?..

– Со вчерашнего дня о нем ни слуху ни духу.

– Вот дерьмо! Я ведь просил присматривать за ним. Ищи и найди мерзавца до завтрашнего утра!

Журден закончил разговор. Он был обеспокоен.

Не «разменом» пассажиров. Дело быстро уладится, а разницу в прибыли – тридцать раз по 5000 евро минус 2000 каури – можно в расчет не брать. Все его мысли были о семейке Мааль. Мать, Лейли, рыпаться не посмеет. Он знает ее маленький секрет и готовит сюрприз: судя по сообщениям Яна Сегалена и Петара Велики, они загнали дичь – Бэмби. Давно пора! Осталось рассчитаться с мелким негодяем, ее братцем Альфá.

Журден бросил последний взгляд на каменные статуи, убрал телефон в левый карман и пошел назад, к огням зала приемов замка Калисан, отличному вину и приятной компании.

05:47

Стартуй!

Жалкие четыре часа сна. Сообщение от Петара. Без объяснений.

Приказ.

Стартуй!

Нет необходимости уточнять, что дело срочное. Жюло начал привыкать к немногословности патрона. Полчаса спустя он вошел в общий зал бригады – плохо выбритый, взъерошенный, кое-как одетый. Встреченные в коридоре коллеги тоже выглядели помятыми, как отпускники после ночного рейва.

Зато Велика казался совершенно бодрым. Он встретил подчиненного сияющей улыбкой, которую приберегал для особых случаев.

– Прости, что вытащил из постели, дружок, но у нас новости.

Жюло потерял глаза. Петар повернул свой ноутбук экраном к заместителю, но тот не смог разобрать ни слова.

– Наша убийца нанесла новый удар, – сообщил майор. – Как минимум попыталась.

– Кто? – коротко спросил Жюло.

– Ян Сегален. Главный логист «Вогельзуг».

Снова «Вогельзуг»... Возникла напряженная пауза. Жюло молча ждал продолжения.

– Ян Сегален работает в Бейруте. Он вошел в контакт с девушкой чуточку слишком красивой и чуточку, скажем так, слишком доступной, и у него возникли сомнения. Он назначил ей свидание в месте по собственному выбору и вызвал на подмогу начальника службы безопасности, чтобы захватить девицу. Лучше бы предупредил нас! Сегалену повезло – он жив, в отличие от Валиони и Куртуа, но преступница в бегах.

– Сегален ее опознал? Это Бэмби? Бэмби Мааль?

Петар позволил себе ироничную ухмылку. Он явно сказал не все и от души забавлялся, играя в кошки-мышки с лейтенантом, чьи шарик-ролики в кои-то веки крутились медленнее его собственных.

– Беспокоишься о своей любимой малышке? Потерпи, в Ливане скоро взойдет солнце, мы разбудим тамошних легавых и все узнаем. По свидетельству логиста, девушка была белокурая, с зелеными глазами и матовой кожей, жутко соблазнительная... Парик, линзы, умелый макияж – все сходится. Соответствует образам Бэмби, Фалины, Флёр – это новое имя, которое она выбрала. Удивлен? Да, я тоже могу набрать четыре буквы и выяснить благодаря Википедии, что так звали вонючую подружку оленьей Бэмби – скунсиху. Впрочем, под описание подходит куча других девушек...

Лейтенант никак не мог привести мысли в порядок, голова гудела как котел. «Как же я ненавижу утро!» В комнате запахло кофе – Жюло видел, как Риан заправлял машину. «Поторопись, старина, если не хочешь иметь дело с моим хладным трупом!»

Майор наверняка выхлебал уже не один литр, пребывал в страшном возбуждении и радовался просто по-детски, мешая помощнику размышлять.

– Так вот, умник, пока ты с упорством идиота часами пытался нарыть компромат на «Вогельзуг» и Блан-Мартена – не отпирайся, я влез в твой компьютер! – старший по званию разрабатывал эту девицу... И не только разглядывал снимки в бикини. Со вчерашнего дня, из-за показаний Лейли Мааль и припадочного Рубена Либероса с его анонимными свидетелями, у нас проблемка: как доказать, что позавчера вечером Бэмби Мааль была в Дубае? Бейрут – это уже теплее, учитывая, что у нас нет новостей о таинственной студентке-певице со вчерашнего утра, когда полиция начала проявлять к ней пристальный интерес.

Петар Велика был циничен не меньше и не больше обычного, но лейтенанту почему-то не понравился его тон. Жюло не оставлял попыток сосредоточиться, несмотря на слишком громко бурлящую кофемашину и трещащий радиоприемник (неизвестно, что хуже – песенки или новости).

– Утром будут готовы анализы ДНК, – устало произнес Жюло, – и мы получим доказательства благодаря крови из дубайского «Ред Корнер».

– Очнись, черт тебя подери! У нас подозреваемая в бегах. Преступница, зарезавшая двух отцов семейства и пытавшаяся ужокошить третьего. Она наверняка добралась до бейрутского аэропорта и села в самолет. Мы шерстим списки пассажиров всех рейсов и возьмем ее, как только приземлится. Не будем ждать у камина результатов из лаборатории.

Жюло сглотнул горькую слюну. У него появилось тошнотворное чувство, что начинается травля зверя. Петар Велика был человеком действия, когда ход следствия ускорялся, он оказывался в любимой стихии. Не требовалось разбираться в том, как и зачем девушка убивала, нужно было предотвратить следующую попытку. Нейтрализовать преступницу. И обо всем забыть.

– Я предполагаю, – продолжил майор, немного успокоившись, – что она, возможно, действовала не одна, и вот тут мне понадобятся твои мозги.

Жюло встряхнулся, пытаясь собраться с мыслями.

– Мы не бездельничали. За вечер нашли трех потенциальных кандидатов на роль двойников Бэмби Мааль, – сообщил майор.

«Пока я часами бился над неразрешимыми головоломками, патрон действовал. Он в тыщу раз эффективнее, прагматичней и сообразительней меня!» – уныло думал лейтенант.

– Первую зовут Нура Бенхадда. Эту красивую ме- тиску мы с тобой видели в «Ибисе». Она убирается в отеле и поет как богиня, живет в стране легально. Подозревать ее мы можем из-за потрясающей пластики и того обстоятельства, что мать Бэмби работает в том же отеле.

«Ничего нового...» – подумал Жюло.

– Вторую обнаружил Тони. Камила Саади живет этажом ниже, прямо под квартирой Лейли Мааль. Она учится на одном факультете и курсе с Бэмби Мааль. Они близко дружили, потом рассорились. Тони считает, что виной всему зависть и ревность: Камила не выдерживает сравнения с Бэмби. Но ты сам говорил – фотошоп творит чудеса. Не обязательно быть Холли Берри, чтобы заманить пятидесятилетнего женатого мужика в ближайший «Ред Корнер».

«Ложный след...» – подсказала Жюло интуиция.

– Третья заинтересует тебя больше, – пообещал Велика. – В контактах Бэмби Мааль нашлась некая Шерин Мёнье. Она на два года

старше, познакомились они на курсах зумбы в марсельской ассоциации любителей танца «Исадора». Две красотки, одинаково тоненькие и гибкие, как тропические лианы. Девуцы остались близкими подругами, хотя видятся нечасто. Шерин Мёнье – бортпроводница в «Ройяль Эйр Марок».

Жюло вздрогнул. Бортпроводница! Недостающее звено в его рассуждениях. Девушка, которая может фотографироваться в разных концах планеты, вот откуда фотографии *Vambi13* на фейсбуке. Одной загадкой меньше...

«И одним вопросом больше...» – осадил себя лейтенант. Кто такая Шерин Мёнье – убийца, присвоившая личность подруги, или всего лишь сообщница? Впервые за утро Петар замолчал, утихла и кофеарка.

Прозвучала отбивка новостей, и в тот же момент вошел Риан:

– Жюло и Петар. Два кофе? Заказ готов!

Лейтенант Флор не откликнулся. Завеса исчезла. Все вокруг вдруг расплылось и замедлилось: Петар, встающий, чтобы взять чашку; голос журналиста, вещающего по радио; Риан, изображающий баристу.

Жюло и Петар. Два кофе? Заказ готов!

Он наконец ухватил за хвост воспоминание, за которым охотился три дня. Не картинка, не ощущение – фраза! Простая, отфильтрованная, засунутая в дальний угол мозга и ждущая, чтобы ее достали.

Бэмби и Альфа́. Два кофе? Заказ готов!

Лейтенант молниеносно соединил фразу с местом, датой и точным временем: «Старбакс» рядом с «Ред Корнером», три дня назад, через несколько минут после обнаружения тела Франсуа Валиони.

Жюло Флор как сомнамбула протянул руку и взял горячий кофе.

Бэмби и Альфа́.

Два связанных друг с другом имени. Никаких сомнений – он находился рядом с братом и сестрой Мааль, в ста метрах от места преступления. Мысли уподобились взбесившемуся табуну. Как только одна улика обеляла Бэмби, немедленно появлялась другая и указывала на нее. Как пазл, части которого не желают складываться. Именно по этой причине он сконцентрировался не на идентификации девушки, а на ассоциации «Вогельзуг», незримо присутствовавшей во всех ответвлениях расследования.

Когда Жюло вернулся к реальности и решил поделиться с шефом этим странным совпадением, он осознал, что в комнате установилась мертвая тишина. Диктор сообщил результаты футбольного матча и удручающие цифры роста безработицы, а потом рассказал о новой, но уже такой привычной драме в Средиземном море.

У островов Чафари́нас (суверенные территории Испании), в трех с половиной километрах от побережья Марокко, неподалеку от границы с Алжиром.

Лодка в штормовом море.

Испанские пограничники засекали сигнал SOS. Слишком поздно.

Из воды подняли пятнадцать тел, остальные найти не удалось.

А теперь переходим к прогнозу погоды.

60

06:11

Лейли вышла на балкон и закурила. Солнце вставало исподтишка, прячась за кучевыми облаками, стирающими линию горизонта. Сигаретный дымок замер на уровне ее носа, как крошечная зловердная тучка-осквернитель. Ни ветра, ни волн, ни пены, только холодный влажный и соленый туман. Даже море казалось заспанным.

С восьмого этажа Лейли видела, как несколько теней двигались вдоль домов, и узнала Ги. Воротник куртки поднят, шапочка натянута до ушей.

Она провожала его взглядом, смотрела, как он пересек стоянку и на авеню Мистраль присоединился к утренним призракам, стоявшим на остановке автобуса № 22 в сторону Мартиг-Фигероль. Очень скоро она в него тоже сядет.

Возможно, однажды они проделают весь этот путь вместе: встанут, по очереди примут душ, позавтракают, закроют дверь, спустятся по лестнице, в молчании дождутся автобуса, поцелуются, перед тем как он выйдет на Каравель, а она проедет еще пять остановок. Лейли чувствовала печаль, глядя, как люди прощаются у подножки общественного транспорта или на стоянке возле школы, чтобы вечером испытать радость встречи.

Возможно, однажды. Но не этим утром. Ги ушел к себе около двух ночи. Лейли объяснила, что должна будет отвести Тидиана в школу, он понял и не обиделся. «У меня впереди тоже длинный рабочий день».

Подошедший автобус заглох на Ги, человек десять работяг, две коляски, нескольких учеников коллежа и скрылся из виду.

Лейли опаздывала, но никак не могла стряхнуть с себя утреннее оцепенение, когда мысленно ходишь по кругу. Она снова проверила телефон: никаких сообщений – ни от Бэмби, ни от Альфа́, а ведь она написала обоим, как только проснулась. Лейли было страшно. Из головы не шли угрозы Журдена Блан-Мартена. Инстинкт подсказывал: она – жертвенная пешка в обширной империи этого человека, построенной по принципу салонной игры. Кому она может доверять? В левом кармане лежала визитка молодого инспектора, встреченного накануне в комиссариате. Он показался ей искренним (как начинающий преподаватель) и не похожим на коллег: один смахивал на бульдога, у другого был типичный марсельский выговор.

Лейли затушила сигарету. Надо пошевеливаться, через час начинается ее смена в «Ибисе», не хватает только опоздать. Не терпится поскорее попасть на работу, послушать невероятные рассказы Рубена и пообщаться с Саворньяном и остальными беженцами из тайных комнат.

Лейли надела кофту, висевшую на одном из стульев в гостиной. Телевизор работал, но слабый звук заглушали взрывы хохота с *Fan Radio*, которое врубила этажом ниже Камила. Судя по застывшим в неподвижности машинам за спиной комментатора, он рассказывал об утреннем трафике в городе. Двигалась по экрану только новостная лента. Взгляд Лейли выхватил случайную фразу, и она успела прочесть каждое слово, прежде чем на ее место въехало следующее сообщение.

Новая драма в Средиземном море. Двадцать шесть мигрантов-бенинцев утонули у берегов Марокко.

Новости сменяли одна другую. Мир замер. Земной шар остановился.

* * *

Рубен сидел в большой буфетной «Ибиса». Один. Как брошенный всеми постоялец. Забытый. Ожидаящий, чтобы у него забрали вещи и проводили в номер.

Лейли поймала отсутствующий взгляд покрасневших глаз, увидела, как дрожат у него руки. Управляющий постарел на десять лет. Нура за соседним столиком судорожно сжимала телефон, она была в прострации.

Ничто не нарушало гнетущую тишину. Клиенты подходили к стойке, чтобы оплатить счет, ждали минуту-другую и молча исчезали. Так, встречая похоронную процессию, мгновенно умолкаешь и переходишь на цыпочках на другую сторону. Видя, что ни Нура, ни Рубен не обращают на них внимания, постояльцы брали круассаны, пакетики каши и эспрессо в стаканчиках. Никто не оставался завтракать на месте, неловкость пересиливала голод.

Когда ушли последние, Лейли подошла к Рубену, невольно повторяя про себя фразу из новостей.

Новая драма в Средиземном море. Двадцать шесть мигрантов-бенинцев утонули у берегов Марокко.

Всю дорогу она твердила себе: «Вряд ли несчастье коснулось Саворньяна, Захерина и остальных... В Бенине десять миллионов жителей, тысяча беженцев, диаспора, рассеянная по всей Европе. Зачем воображать худшее? Ну почему, узнав об очередной драме, мы поддаемся мрачному эгоцентризму и всегда боимся, что пострадал кто-нибудь из знакомых?»

Лейли села напротив Рубена. Он был не в состоянии промолвить ни слова, и она решила его не трогать. Огляделась, ища глазами Саворньяна, Захерина или Уисли... К ней подошла Нура. Положила на стол телефон, открыла почту и кликнула прикрепленный аудиофайл. Звук был отвратительный, с посторонними шумами, слабый голос прерывался. Каждое слово, каждая фраза произносились через долгую паузу – так читают молитву. Последнюю, безнадежную.

Рами... я Рами... бывший староста деревни Догбо-Тота... передайте всем это сообщение... они нас подобрали... в военном госпитале... Остров Изабеллы II... кажется...

Шлюпка перевернулась... почти сразу... как ушел «Эль Беркан»... мы не продержались и пяти минут... слишком высокие волны... сигнал проходил... мы сразу начали вызывать... видели берег... Острова Чафари'нас закричал Кейван... этот мальчик знал наизусть карту мира... испанская военная база... некоторые цеплялись за

перевернувшуюся лодку... остальным было не за что держаться, только друг за друга... потом волны нас разметали...

Испанцы говорят, что прибыли быстро... так быстро, как смогли... *lotás rápido... rápido... rápido...* Они все время это повторяют... они тоже потрясены... они втаскивали нас на катер и считали... раз... два... три... четыре... они давали каждому номер... они перекрикивались... *cuántos? cuántos?..* светили прожекторами и обшаривали море... я получил номер 5... Фатима – номер 8... *cuántos? cuántos?* Они кричали все громче... *treinta y cinco*, я ответил... после Фатимы они выловили юношу... номер 9... последний... они искали еще час... потом перестали...

Спасли девятых из тридцати пяти... Думаю, они сделали, что могли... Я им благодарен... за себя... за жену... для вас они навеки проклятые... когда море успокоилось, они вернулись... сразу как взошло солнце... вернулись за телами... которые уже пошли на дно... утром показалось, что берег еще ближе... всего в километре... я знаю, уточнять – еще большая жестокость... простите меня... я слишком много говорю... нанизываю слово на слово... чтобы оттянуть момент, когда придется назвать имена... все мы были знакомы... прожили вместе три месяца, пока ждали перехода... сообщество... до самого конца... верьте мне... мы все мечтали об одном... жребий бросило море... не испанские военные... море...

Голос прерывался, стал совсем невнятным. Слова напоминали выстрелы. Слышались плач, испанская речь, кто-то говорил на языке *fon*. Продолжила женщина. Скорее всего, Фатима. Спокойно, участливо.

Друзья мои. Дорогие мои друзья. Не знаю, простите ли вы меня когда-нибудь за то, что стала вестницей смерти.

Она перечислила двадцать шесть имен. Тех, кто пропал. Говорила медленно, почти по складам, чтобы избежать любого трагического недоразумения.

Лейли вздрагивала, и всякий раз боль проникала все глубже в сердце.

Кэмилъ и Ифраx.

Два кузена Захерина.

Найя.

Невеста Уисли.

Бабила, Кейван и Сафи.

Жена и дети Саворньяна.

– Где они? – почти беззвучно спросила Лейли у Рубена. – Где Саворньян, Захерин, Дариус, Уисли?

– Не знаю.

Фатима назвала еще несколько имен и замолчала. Даже не добавила: «Да пребудет с вами Аллах...» Прозвучало еще несколько слов на испанском. Военные.

Uno... dos... tres... cuatro...

Кого они считали? Живых или мертвых? Бог весть...

Лейли вернула телефон Нуры. Никогда раньше ее взгляд не выражал бездонного отчаяния – только ревность, желание и гнев. Из всех чувств осталась только ненависть.

– Пой, – шепнула Лейли. – Пой, Нура. Пой для них.

После секундной паузы девушка едва слышно затянула успокаивающую мелодию на незнакомом языке. Нежную колыбельную.

Лейли показалось, что это продлилось часы.

Это могло бы продлиться часы.

Мягкий голос Нуры осушил слезы Рубена. Магия оказалась всесильной – даже клиенты останавливались послушать и замирали, как загипнотизированные.

Телефон Лейли ожил, пронзительно заверещал, она вскинулась, сердце оборвалось от страха.

Кто это? Альфа? Бэмби? Может, Саворньян?

Нура открыла глаза и «убила» ее взглядом. Лейли было не до уязвленных чувств певицы, она ответила, хотя на экране высветился незнакомый номер.

– Мадам Мааль, это Камила! Ваша соседка снизу. Они у вас в квартире и все громят! Выбили дверь, я поднялась посмотреть, но их двое, и они с пушками. Я... Я не хотела звонить в полицию и закрылась у себя. Кажется, они уходят... Мне страшно, мадам Мааль!.. Возвращайтесь скорее... Я боюсь...

Девушка так кричала, что Рубен слышал весь истерический монолог.

Он встал.

– Я с вами, Лейли. Идемте.

Когда они добрались до Эг Дус, бандиты уже исчезли. Квартал выглядел как обычно. Почтовые ящики не взломаны. Лестничная

клетка загажена, но умеренно.

Камила ждала у своей квартиры.

– Они пробыли тут минут пять. Чтоб...

Девушка явно собиралась выругаться, но подавилась словами – ее впечатлил внешний вид Рубена: длинное пальто, черная фетровая шляпа, покрасневшие глаза спрятаны за темными очками.

Камила пришла в ужас. Сначала два «грузчика», теперь вот «чистильщик».

– Я у вас не была, мадам Мааль, клянусь! Они бы меня не пустили.

Рубен и Лейли молча поднялись на один этаж, вошли в квартиру, и она сразу поняла: ничего не украли. Да и что взять, кроме телевизора и компьютера? Незваные гости их не тронули, зато все остальное расшвыряли – коллекцию сов, книги, очки, матрасы. Детские вещи выкинули из чемоданов на пол...

– Кажется... у меня все на месте.

Несколько гипсовых птичек разлетелось на куски, но большая часть осталась цела, погромщики даже не потрудились растоптать их. Можно подумать, пронесся ураганный ветер.

– Запугивают, – устало промолвила Лейли. – Обычное дело.

Она вспомнила шантаж Блан-Мартена. Скорее всего, заказчик он. Велел подручным напугать «упрямую бабу». Дать понять, что его терпение на исходе. Напомнить свой... приказ: «Перезвоните, если Бэмби или Альфа́ объявятся».

Кому? Ему или в полицию?

Или они повязаны?

Рубен сел, похлопал ладонью по дивану.

– Что они ищут, Лейли? – мягко спросил он.

Она была благодарна за то, что управляющий не рассказал очередную байку о взломе квартиры в Бирме или Полинезии, а приготовился слушать.

– Моих детей. Моих старших детей.

– Они ушли, Лейли. Все кончено. Негодяи ушли.

Лейли долго молчала. Подобрала с пола стеклянную сову, странным образом не разбившуюся при падении.

– Они вернутся. Не сразу, но вернутся.

– Зачем?

Она улыбнулась. Подняла другую птичку, вырезанную из дерева, и поставила к первой.

– Время терпит, Рубен. Хотите узнать, чем кончилась моя история?

История Лейли

Родился Альфа́. Его отца Виржила убили во время атаки на колючую проволоку Мелильи. Моя попытка добраться до Европы провалилась. Я слышала рассказы о женщинах, которые так сильно хотели оказаться в волшебной счастливой стране вместе с детьми, что это превращалось в манию, и они сходили с ума посреди пустыни или в открытом море, укачивая мертвого ребенка.

Я вернулась в Сегу. Мне не терпелось снова увидеть Бэмби, познакомить Альфа́ с бабушкой и дедушкой. Я смертельно устала, Рубен. Пережила две попытки исхода, едва не погибла, едва не оказалась в Европе. У меня не было сил продолжать борьбу.

Приезд в Сегу стал крахом надежд. Поражением. Несмотря на доброту и нежность отца и матери, веселые игры Бэмби с кузенами и разглагольствования соседей.

Отец рассказывал мне много волшебных историй и сказок, чтобы я убеждала детей, что река – никакая не река, а вовсе даже океан. Что за ней ничего нет. Что радио, книги и телевизор врут. Понимаете, Рубен? Конечно, понимаете! Я должна была подарить им другую жизнь. Законными способами, как поется в песне. *Унеси меня, унеси меня...*

Я была привлекательнее других. И умнее. Любила книги. Это нравилось городским парням – самым честолюбивым, тем, кто собирался вырваться и добиться успеха. Любой ценой. Я встретила Ваила во время президентской кампании 2002 года. Он агитировал в Сегу за партию Ибрагима Бубакара Кейты[109]. Ваил учился на факультете права, писал диплом о демократии и был уверен, что ИБК однажды станет президентом, потому и работал на него. Семья Ваила – торговцы из Каеса – была гораздо богаче моей.

Ваил носил очки – маленькие, очень модные, одевался по западной моде и всегда имел при себе книгу по философии или экономике. Меня он называл маленькой принцессой, или Симоной[110] – когда воображал себя Сартром, или Колетт – если думал о Сенгоре[111], или Винни[112] – если вспоминал Манделу.

Мне это нравилось.

Ваил был муниципальным советником, но много времени проводил в Бамако, в штаб-квартире партии. Он мечтал стать депутатом. Хотел, чтобы мы с Бэмби жили с ним, чтобы я училась. Ваил любил мою дочь. Для своего возраста она была взрослой девочкой, через три-четыре года мы могли бы записать ее в столичный женский лицей и поселиться в квартале у ипподрома.

Сказка могла стать явью, но... без Альфа́. Задиры Альфа́. Ужасного Альфа́. Ваил не скрывал, что ему не нравится мой сын, ребенок, родившийся от человека, которого сын никогда не видел. Я протестовала, он приходил в бешенство, не желал ничего слышать о Виржиле, хотя тот давно умер. Ваил был претенциозным карьеристом, но не дураком и понимал, что из всех защищавших меня мужчин дорожила я только Виржилом и все ему отдала. Ваилом я восхищалась, но страсти с моей стороны не было – один голый расчет.

Я забеременела, когда Ваил был на четвертом курсе. Мы жили на два дома – в Сегу и Бамако, я присоединялась к нему так часто, как только могла, иногда работала для центра Джолиба – сортировала газеты. Тидиан родился в 2006-м. Надежда не покидала нас. Ваил скоро закончит диссертацию, скоро получит место в университете, скоро станет депутатом, родители скоро дадут ему деньги на квартиру.

Скоро, скоро, скоро, Рубен. В Бамако целые жизни строятся на таких вот «скоро». Африка – страна бесконечных «скоро», но там, как и везде, люди все равно торопятся. Однажды Ваил сообщил, что получил канадский грант и поедет дописывать свою работу в Квебек. От подобных предложений не отказываются. Такой шанс выпадает раз в жизни! Ваил обнимал меня, шептал дрожащими губами: «Это всего на несколько месяцев!» Канада, Канада – он повторял это название, как открыватель новых земель. «Я вызову тебя. Скоро».

Думаю, нет необходимости в подробностях рассказывать, что было дальше, Рубен. Первые недели мы часами общались в соцсетях, он скучал по Мали, по Бэмби, по малышу Тиди. Он мерз, у него кружилась голова, ему снился Нигер. Постепенно мы стали писать друг другу реже, но я следила за жизнью Ваила в фейсбуке, рассматривала фотографии его друзей и подружек, учившихся в Квебеке. На этих снимках Ваил уже не выглядел замерзшим, он ходил на вечеринки, пил, танцевал и веселился.

Первые слова Тиди, поступление Бэмби в коллеж интересовали его уже не так сильно. В фейсбуке Ваила окружали одни и те же лица. Он собирал новую семью. Очень скоро на фото осталась только девушка Грейс. На снимках она сидела у него на коленях. Обнимала за шею. Ваил не размещал фотографий подруги-антропологини на своей странице, а вот она себе не отказывала и комменты писала очень откровенные. *Ваил и Грейс вместе. Мы – пара. Я набралась храбрости и попросилась к ней в друзья.*

Лейли Мааль хочет стать твоим другом.

Грейс согласилась, и я поняла, что она ничего не знает. Понятия не имеет о моем существовании. И вдруг подумала: «А ведь Ваил ни разу не упомянул Тиди в своих постах!»

В тот же вечер я послала Грейс и Ваилу поздравление и свою фотографию с Тидианом на руках. Они так и не ответили. Наверное, ссорились всю ночь. Грейс с ума сходила от ревности, Ваил защищался, оправдывался – и оправдался. На следующий день меня выбросили из «друзей».

Я еще недели, нет – месяцы заходила на их страницу, иногда делаю это и сейчас, Рубен, – подседа на несчастье. Они поженились, живут в Монреале, их сын младше Тиди на два года. Если мы с Ваилом случайно встретимся, я должна буду поблагодарить его. Не понимаете? Сейчас объясню.

Как-то раз октябрьским вечером, на следующий после Хэллоуина день, я вошла в сеть. Натану исполнилось три года, и ему устроили веселый праздник, пригласили друзей – и белых и черных. Главным цветом был оранжевый – цвет тыквы, фонариков, детских костюмов, конфетного дождя. Закончилось празднование в «Макдоналдсе» и парке развлечений Ла Ронд. Счастливые родители запостили целый альбом снимков. Тидиан отпраздновал свой день рождения на несколько месяцев раньше. Я смогла подарить ему только улыбки. Сколько пожелаешь, малыш. Улыбки – как худший, самый горький стыд на свете.

Я знала, что никогда не попаду в Европу нелегальным путем вместе с Тиди, Альфá и Бэмби, и придумала другой план. Продала несколько украшений из добычи Адиля – проклятых трофеев, к которым поклялась не прикасаться, – взяла родителей, детей, и мы уехали в Марокко. В Рабат, где у дальних кузенов был ресторан. Мы

получили официальное разрешение на работу. Марокко – не Европа, но первая ступенька. У моей матери болела спина, отец страдал от артроза и больше не мог зарабатывать гончарным ремеслом, и я убедила их, что столица чужой страны станет для нас раем с врачами, больницами и настоящими зарплатами.

Так все и получилось. Я ничего не рассказывала о моем плане, чтобы не пугать их. Признаюсь вам, Рубен: в глубине души я никогда не отказывалась от намерения переехать в Европу. Во Францию. Легально!

В Рабате ресторан наших родственников находился в старинном арабском квартале Удайас, второй они открыли в Марракеше, третий – в Эс-Сувейре и последний – в Марселе. Сделаю вам еще одно признание, Рубен. Я – худшая кухарка во всей Западной Африке, что ужасно огорчало мою мать.

Считается, что у слепых сильнее развиваются остальные чувства. Со мной все иначе! Я терпеть не могу запахи. Мне не хватает терпения часами нарезать овощи и пряности, вид сырого мяса – халяльного или нет – вызывает тошноту. Я предпочитаю убираться по ночам в супермаркетах размером с футбольное поле, но не подчиняться на кухне приказам су-шефа. Понимаете? И все-таки я предложила свои услуги кузенам. Сказала, что согласна работать в «Берберской кубышке» в Марселе.

«Мы не нуждаемся в персонале. И меньше всего – в тебе».

Тогда я объяснила, что сама себя проспонсирую, то есть зарплата пойдет из моего собственного кармана. Я последний раз залезла в проклятое сокровище и заплатила им пятнадцать тысяч евро за временный трудовой договор[113] на год, которые они обязались возвращать ежемесячно в виде зарплаты. Оставалось подать в консульство приглашение, заявив, что я – лучшая кулинарка на всем южном берегу Нигера и никто во Франции не сумеет *так* приготовить куриную яссу – цыпленка по-сенегальски. Заведению необходима Лейли Мааль. Она, и только она. На двенадцать месяцев.

«А что потом? – спросил кузен. – Я не смогу платить тебе. Рабочая виза закончится. Придется вернуться в Марокко. Останешься – превратишься в нелегалку!»

«Я решу проблему, не волнуйся за меня!» – таким был мой ответ.

Я знала свои права. Условие получения законного статуса было простым, я много раз перечитывала его в формуляре префектуры Буш-дю-Рон. *Три года безвыездного пребывания во Франции, подтверждение 24 месяцев работы, 8 из которых в последние двенадцать месяцев.*

Нужно продержаться три года. Не попасться. Работать, платить налоги и подтверждать выплату аренды. Это может казаться абсурдным, Рубен, но таковы правила игры. Нелегалы коллекционируют их, суммируют – как баллы надежности.

Работать нетрудно, если согласен на любые условия.

Три года сносить унижения, преследования, обман, шантаж, рабское положение. Я держалась, месяц за месяцем, и копила семестры. Соглашалась работать задарма, за клочок бумаги. Поняла, почему государство не трогает невидимок. Мы вносим деньги в бюджет, потребляем, выполняем гражданские обязанности и не требуем прав. Никаких.

В течение трех лет.

Три года не видеть детей.

Я зачеркивала клеточки в календаре, Рубен. Пряталась. Считала месяцы – до тридцати шести, когда превращусь в иностранку с законным статусом.

Все будет легально!

И просто.

Я вызову детей к себе в рамках процедуры воссоединения семьи.

Легально!

Легально, Рубен. Слышите? Легально!

За мной больше не охотились. Мы победили – не мошенничая.

Больше ничто не могло разлучить нас. Никто не мог.

09:42

Бэмби сидела в кресле у иллюминатора. Куртка Сегалена была ей велика, но из-за отсутствия пуговиц или молнии все время распахивалась. Приходилось придерживать полы рукой. Ей было

холодно – кондиционер работал на полную мощность и студил кожу, а может, падало давление.

Она успела!

В последний момент, но успела. Улетела утренним рейсом. Фальшивый паспорт был при ней, Шерин выручила – как всегда. Бэмби отсиделась в отеле для летного состава «Ройяль Эйр Марок», в двухстах метрах от бейрутского аэропорта, заказала билеты и дождалась вылета. А вот переодеться не удалось, и она тряслась от страха до самого взлета: во всех аэропортах понатыкали камер, так что она не осталась незамеченной. Слава богу, агентам службы безопасности аэропорта платят только за «укрощение» пассажиров.

Бэмби прижалась лбом к иллюминатору. Аэробус летел над архипелагом, который она не опознала. Скорее всего – греческие острова. В соседнем кресле, на коленях у отца, без устали подпрыгивал малыш полутора лет. Папаша то и дело подмигивал соседке, его жена дремала в третьем кресле ряда.

Бэмби на мгновение прикрыла глаза и постаралась собраться с мыслями. Время она выиграла. Немного. Если Ян Сегален предупредил полицейских, им не составит труда обнаружить ее лицо на камерах и идентифицировать, пусть даже она зарегистрировалась под чужой фамилией. У легавых достаточно времени, они будут ждать ее в зале прилета.

Чем дольше Бэмби размышляла, тем яснее видела, как все закончится. Сесть в самолет было нелепейшим решением, но что еще она могла сделать? Ничего, разве что использовать последние минуты свободы.

Бэмби разложила столик, достала из портфеля ноутбук Сегалена, включила и удивилась отсутствию пароля. На экране появились десятки разных иконок и папок. Бэмби кликнула на файл *Excel*, появилась бесконечная череда таблиц со строчками фамилий, колонками пунктов назначения и суммами в клеточках. Различались таблицы только датой. Бэмби кинуло в жар. Если ее арестуют, будет что предложить в качестве разменной монеты – тайные счета «Вогельзуг»... пусть даже она мечтала не о такой мести.

Внизу, под крылом, крошечные порты и остроконечные пики небольших гор какого-то острова играли в прятки с облаками. «Крит, –

решила Бэмби, – а сверху напоминает Австралию». Малыш в соседнем кресле устал и приник к отцовской груди.

Бэмби несколько минут анализировала ситуацию. Она совершенно успокоилась и сосредоточилась. Сегален разгуливал с незапароленным ноутбуком, так что вряд ли получится обрушить «Вогельзуг», открыв наугад одну из папок. Эти типы – профессионалы! Ян подозрителен, как гиена, в ноутбуке наверняка нет никакого компромата. Во всяком случае, такого, который она могла бы найти без посторонней помощи.

Она одна. Отрезана от мира на высоте десяти тысячи метров, без интернета. На то, чтобы попросить помощи, у нее будет всего несколько минут, потом ее задержат.

Кому звонить? Шерин? Альфа? Маме?

Бэмби наугад тыкала в иконки, сосредоточившись на файлах PDF и Jpeg. Она оставила на время рабочий стол и углубилась во вложенные папки, выбирая файлы, созданные много лет назад. Взгляд задержался на снимке, сделанном в октябре 2011 года: Ян Сегален стоит с коктейлем в руке на залитой солнцем террасе, рядом с ним стройный мужчина – из тех, кого старость облагораживает, а седина делает еще сексуальней.

Бэмби пробрала дрожь, она снова коснулась лбом стекла, леденящего мозг.

Журден Блан-Мартен.

На несколько лет моложе.

Бэмби никогда не видела президента «Вогельзуг», но гугл показал ей его лицо во всех ракурсах. Шерин находила такую внешность мужественной. Бедняжка Шерин... От потного лба на стекле иллюминатора остался влажный след. Мысли, скакавшие, как блохи, перекинулись на Альфа. Ее младший брат плывет сейчас по синему морю, по преграде, которую самолет оставлял позади за два часа.

Малыш уже безмятежно спал на одеялке, мать гладила его по спине, муж держал ее за другую руку.

Любопытство снедало Бэмби, и она полезла глубже в архивы Сегалена, уверенная, что никаких секретов не найдет. Мерзавец слишком осторожен и методичен. Открыв альбомы 2007, потом 2003 года, девушка узнала на многих снимках Франсуа Валиони, тот позировал на фоне логотипа «Вогельзуг», сидел в костюме и при галстуке за круглым столом или инспектировал – в шароварах! –

хижины в африканских деревнях. Жан-Лу не появлялся ни разу. Стерли?

1994-й. Одно название, обычное название файла с расширением *IMG*, наэлектризовало затылок, она дернулась, как от удара. Указательный палец замер над клавишей *Enter*.

Адиль Заури.

Бэмби наклонилась вперед, куртка распахнулась, и молодой отец покосился на ее грудь, не переставая поглаживать пальцы спящей жены. Не покосился – уставился с вожделием, как горнолыжник на сверкающие вечные снега.

Адиль Заури.

Как же часто она читала эту фамилию. И это имя. Пять букв, написанных круглым почерком Надии. Имя легендарного существа, злого гения из волшебной сказки, чудовища без лица. Итак, Адиль Заури существовал. Двадцать лет назад он работал на «Вогельзуг». Ян Сегален, Журден Блан-Мартен, Франсуа Валиони, Жан-Лу Куртуа и все, кто в 1996 году был в штате ассоциации, знали его. На висках выступали капли горячего пота, стекали по шее на грудь, и кондиционер превращал их в ледяные слезы. Бэмби дрожала, так и не коснувшись клавиши. «Чудовище без лица...» – повторила она про себя. Ни она сама, ни Лейли не знали, как выглядит Адиль.

Бэмби последний раз повернула голову к иллюминатору. Лайнер летел над Тунисом. Тонкая линия черных и белых домов напоминала шов между пустыней и морем.

Она открыла папку с фотографиями.

62

09:44

Лейли встала и продолжила подбирать очки в ярких оправках и сов – пластмассовых, тряпичных, деревянных, шерстяных, стеклянных, разлетевшихся по полу. Она бережно протирала фигурки и методично расставляла их на полках, понимая, как глупо это выглядит. Квартира напоминала поле битвы. Придется все вычистить, что-то выбросить, что можно – починить.

Рубен остался сидеть.

– Идите сюда, Лейли, и расскажите мне продолжение.

– Нет никакого продолжения. История окончена.

Она все-таки вернулась, села рядом, и управляющий положил руку ей на плечо. Очки он убрал в карман, и в его глазах плескалась бесконечная печаль. Обычно Рубен маскировал ее невероятными выдумками, но этим утром играть не хотелось. Ну разве что в игру, где сбрасывают маски и доспехи.

Рубен притянул Лейли к себе. От него легко, ненавязчиво пахло табаком и одеколоном.

– Нет, Рубен.

Трудно отказывать человеку, излучающему нежность, но она высвободилась, повторила: «Нет, Рубен» – и поняла, что он не будет настаивать. Есть люди, умеющие скрывать чувства.

– Я спала с мужчиной, Рубен. Несколько часов назад. Здесь.

– Ты его любишь?

Он впервые обратился к ней на «ты», и она нашла это естественным.

– Не знаю... Ты ревнуешь?

Рубен не ответил. Вернее, ответил – вопросом на вопрос:

– Ты когда-нибудь любила мужчину?

– Не знаю.

Либерос крепче сжал ее плечо.

– Конечно, знаешь, Лейли. Ты любила – не Виржила, отца Альфа, к нему ты испытывала физическую страсть, а подпитывал ее адреналин, ведь тогда рядом с вами бродила смерть. Я говорю об Адиле... Твоем спасителе. Ты его любила. Очень сильно. На все пошла ради этой любви.

– А потом убила.

Рубен улыбнулся:

– Решающее доказательство любви.

Он обвел взглядом разгромленную квартиру, валяющиеся на полу книги в смятых суперобложках, с загнутыми уголками страниц. Томики напоминали птиц с подрезанными крыльями.

– Ты все помнишь, Лейли. Ты призналась, что сохранила тетрадку, которую под твою диктовку писала Надия, и прячешь ее под матрасом.

Лейли удивилась – к чему это он? – и Либерос пояснил:

– Ты не проверила, на месте ли она. Возможно, ее-то громили и искали?

Они поднялись.

Вдруг Рубен прав? Лейли сунула руку под матрас в попытке нашарить бесценную тетрадь.

Ничего!

Она занервничала, начала переворачивать подушки, сбросила на пол белье.

Тетрадь исчезла.

Лейли не успела задуматься о том, кто мог ее взять: на пружинном матрасе лежал конверт. Она схватила его. Рубен отступил на шаг, чтобы побороть искушение читать из-за плеча.

На конверте была надпись.

Лейли

От Ги

Дорогая Лейли!

Пишу наспех, пока ты принимаешь душ. Закончу и суну под матрас, прежде чем ты выйдешь. В конце концов ты его обнаружишь. Так всегда случается. Вещам доверять легче, чем людям.

Спасибо, Лейли.

Спасибо, что раскрыла мне объятия. Приняла таким, каков я сейчас. Нужно быть красавицей, Лейли, чтобы суметь полюбить меня сегодняшнего. Видеть сердцем, как говорил герой одной книги на своем астероиде. Хотел бы я, чтобы ты увидела меня лет двадцать назад. Когда годы еще не состарили меня. Когда я весил на двадцать пять кило меньше и говорил красивым голосом.

Уже слышу твои слова, моя храбрая фаталистка: такова жизнь, одно утро сменяет другое, завод, истощение...

О нет, Лейли, о нет... Некоторые стареют красиво. Другие успевают разбогатеть. Большинство все теряет по дороге, постепенно, по капельке, по крошечке, и их сердца становятся сухими, как камень. Не мой случай, Лейли. Я утратил все одним махом.

Однажды утром. Я не был готов. Лишился всего. Остался на обочине.

Знаешь, кто украл мою жизнь, Лейли? Женщина.

Женщина, которую я подобрал, женщина, которую я спас, женщина, которую без меня съели бы крысы. Женщина, которую я

любил. А она меня предала. Начинаешь понимать, Лейли?

Не асбест на стройках так повредил мою трахею, что голос превратился в ржавый смычок, застревающий на металлических струнах. Это сделала женщина, всадив нож мне в шею.

Припоминаешь, Лейли?

Бедняком я стал не из-за кризиса и не потому что потерял работу. Женщина украла сокровища, которые я терпеливо копил.

Я был слеп.

Знаю, Лейли, ты скажешь, что письмо слишком длинное и не могло быть написано «на скорую руку». Представляешь, сколько лет я сочинял текст? Как долго тебя искал? Подбирался к тебе? Осторожно, чтобы не спугнуть. Двадцать лет назад маленькая проныра Надия ничего мне не сказала, хотя я до смерти избил ее. Не выдала тебя. Это стоило мне работы в ассоциации – Адиль стал недостаточно чистеньким для «Вогельзуг». Я не слишком расстроился, организовал собственное небольшое предприятие, иногда брал подработку у прежних хозяев. Хорошие мошенники – те же умелые ремесленники, для них всегда найдется дело.

В глубине души мне было плевать. Ты удивишься, Лейли, но я хотел одного – выиграть пари. Я заключил его в тот день, когда согласился, чтобы ты спала с другими мужчинами. Помнишь? Не забыла, что я тогда сказал тебе? «Сделай это для меня. Сделай это для нас». И добавил как идиот: «Хочу, чтобы однажды ты увидела мое лицо. Хочу прочесть по твоим глазам: “Ты красивый!”»

Я говорил так, чтобы придать тебе мужества, а сам трясся от страха. Я ведь не шутил в тот первый вечер, когда забрал тебя из тайника в Агридженто. «Если прозреешь, бросишь меня». Ты была настолько красивее меня! Я разрывался между желанием, чтобы к тебе вернулось зрение, и страхом потери. Все было еще хуже, еще подлее. Я боялся увидеть в твоих глазах разочарование, презрение, даже отвращение. Если это не любовь, то что тогда?

Я продолжал сводничать, прятал от тебя наши сокровища. А ты поверила рассказам илюхи Нади и словам тех, кто потом называл Адилья Заури жалким проводником нелегалов, мелким сутенером, чудовищем. Вот кем я был в твоих глазах все эти годы. Чудовищем. Так ты описала меня – здесь, в этой комнате, на этой кровати, – когда рассказывала свою историю. Как видишь, ты была не права. Я молча

проглотил твою версию событий. Потребовал смехотворного реванша.

Единственного, имевшего значение.

Прочитай по твоим глазам, что ты находишь меня красивым.

Я выиграл, Лейли. Выиграл мое пари. Ты впервые разглядела мое лицо, и оно тебе так понравилось, что мы занялись любовью.

Такова моя месь, Лейли. Сладкая месь. Моя гордая, моя свобододолюбивая, моя непокорная Лейли добровольно отдалась своему палачу. И получила удовольствие.

Что равносильно жесточайшему изнасилованию.

Хотел бы я увидеть в твоих глазах эту маленькую смерть, раскрыть секрет не в письме, а в постели. Я ночи напролет воображал себе этот момент: вот ты кричишь от наслаждения в моих объятиях, а вот я тебе все выкладываю, а на заре души – до смерти. Или закалываю ножом. Планы изменились вчера вечером, когда я пересекся с Тидианом. Ты была недостаточно быстра, а может, слишком доверилась мне.

И я понял. Насчет твоего младшего сына, насчет Альфа́ и Бэмби. Я узнал твой секрет. Догадался, где ты прячешь мое сокровище.

Оставляю тебя, Лейли. Прячу конверт под матрас. Мы займемся любовью. Потом ты меня выставишь. А через несколько часов будешь стоять у окна. Или выйдешь покурить на балкон, проводишь меня взглядом и представишь, какая жизнь могла бы быть у нас двоих, увидишь, как я сажусь в автобус и еду на работу.

Не зная, что я отправляюсь не на завод, а за украденным у меня богатством.

Что я заберу его у твоего сына.

Целую тебя последний раз.

Адиль.

Письмо выпало из руки Лейли и медленно спланировало на пол. Рубен обнял ее – как друг, без малейшей двусмысленности.

– Что он имеет в виду, дорогая? Твой сын в опасности? О чем догадался этот человек?

Лейли поняла, что может довериться Рубену. Рассказать ему все без утайки, немедленно, иначе Тидиана не спасти.

03:47

Корпус «Севастополя» коснулся бетонного пирса и причалил так мягко, что Альфа́ даже не заметил. Холодный туман обволакивал порт, пропуская только робкий мигающий свет маяка. Над белесой ватой возвышался странный лес мачт, светлых теней, неподвижных флагов и выцветших фасадов с закрытыми ставнями.

Оранжевые буйки смягчили удар, Гаврила бросил якорь уверенным движением, не попросив единственного пассажира помочь. Альфа́ был изумлен: неужели он и правда пересек Средиземное море на средней скорости 25 узлов и всю ночь сопротивлялся колыбельной волн на раскачивающейся яхте? Время от времени Альфа́ засыпал – на несколько секунд, а может, минут, – сжимая в руке свой ТТ 33. Гаврила не попытался напасть на него, отнять оружие. Остался у руля. Зачем? Не возвращаться же назад с полпути! Предупредить полицию? От них одни неприятности, а вот с негром и его приятелем в галстук, который хочет купить судно, точно удастся договориться.

– Конечная... – Гаврила свистнул, изобразив пароходный сигнал.

Альфа́ наставил на него пистолет, а когда тот протянул руку, решил, что это инстинктивный жест: моряк всегда помогает пассажирам сойти на берег. Оказалось, что Гаврила всего лишь хотел передать ему листок с именем, фамилией и номером телефона.

– Помните обо мне, когда соберетесь выйти в море. Сами видели – я могу не спать всю ночь, как бармен за стойкой в клубе. – Гаврила подмигнул (или это снова был тик?).

Альфа́ прошел несколько метров по причалу, перечитал бумажку, пожал плечами, скатал шарик и щелчком отправил его в воду. Сделал еще несколько шагов и засунул пистолет за пояс.

Из тумана вынырнули четыре силуэта. Они шли в ряд, как в вестернах, молча, только звук шагов разносился вокруг.

Альфа́ ждал, соблюдая уговор.

«Пятьдесят на пятьдесят», – подумал он.

Четыре тени поприветствуют его.

Или убьют.

09:49

Лейли встала, взяла Рубена за руку, потянула за собой в детскую, повернулась и сказала, не заметив, что снова обращается к нему на «вы»:

– Смотрите, Рубен.

Двумя руками подхватила с пола майки и кучу футбольных трусов Тидиана, огромные футболки Альфа́ и белье Бэмби, кивком указала на старые кеды, мяч, постеры, книги, диски... Следы жизни троих детей, собранные в одной комнате. Визитеры ничего не порвали и не испачкали, обыскали только кровати и гардероб.

– Смотрите, Рубен, смотрите внимательно. Семья. Прекрасная дружная семья. Воссоединившаяся. По закону. Конец истории? – Глаза Лейли наполнились слезами. – Как бы не так! Даже не начало.

Либерос молчал, предчувствуя, что признание женщины все перевернет с ног на голову.

– Слушайте, Рубен. Слушайте внимательно. – Она надолго замолчала. – Мои дети никогда здесь не жили! (Майка с логотипом «Олимпиака» полетела на пол.) Все это инсценировка, Рубен. Кровати, игрушки, одежда. Все ложь. Я живу одна. Слышите? Одна! Мне так и не удалось переправить сюда детей. Я проиграла, Рубен, понимаете? Проиграла!

Лейли махала руками, как будто отбивалась от призраков. Призраков детей, навещающих эту забитую вещами комнату. Эту пустую комнату. И плакала, размазывая по щекам тушь.

– Я наткнулась на стеклянную стену. Невидимую. Непробиваемую. Таков мир, Рубен, таков мир для обычных людей, родившихся не в том месте планеты Земля. Ты можешь все видеть, все слышать – для этого хватает экранов, тарелок, спутников. Все со всем связано, все так близко, что кажется: протяни руку – и прикоснешься. Все станет твоим. Но нет. Вы протягиваете руку – и упираетесь в стену. Тянетесь губами – и целуете прозрачную перегородку. Иллюзия реальности. Еще более жестокой, чем отсутствие новостей. Виртуальная семья. Находящаяся на связи друг с другом, но разделенная. Мир стал стеклянным дворцом, Рубен. Перед некоторыми двери открываются сами, как в больших магазинах. Другие остаются на улице, обреченные попрошайничать. Я пять лет не целовала Тидиана. Не прижимала сына к себе, не чувствовала, как бьется его сердце. Не поправляла простынку на ночь.

Не вытирала ему пот со лба после игры в футбол. Альфа́ было двенадцать, когда я его оставила. С тех пор он наделал немало глупостей. Последнюю пощечину он получил от меня тоже в двенадцать. Я тогда была на голову выше сына, а сегодня он перерос меня на целых три! Так я думаю. Только Бэмби удалось приехать – по студенческой визе. В прошлом году. На двенадцать месяцев. Всего на двенадцать месяцев. Потом она уехала. Вы поняли, Рубен, и попытались помочь мне чем могли, подтвердив легавым, что прошлой ночью она пела в «Ибисе». – Лейли бросила взгляд на перевернутый стол, валяющиеся на полу тарелки и приборы. – Бэмби вчера вечером не ужинала тут, как и во все остальные вечера. Как и Тидиан, и Альфа́. Я живу одна, Рубен. Одна, как самка, которая ушла добыть еду для своих малышей, потерялась и не вернулась. Одна. То есть у моей дочери нет алиби. Ни на время убийства Жана-Лу Куртуа в «Ред Корнер» в Дубае, ни на час смерти Франсуа Валиони в Рабате.

65

03:51

Аэробус А 320 летел над Атласскими горами. Линии хребта Амура задерживали облака, чтобы пассажиры могли насладиться лесистыми вершинами, пастбищами на склонах и фруктовыми садами в вади[114]. Великолепный вид не интересовал Бэмби. Она смотрела на фотографию Адила Заири на экране чужого ноутбука. Последнее изменение 19/04/1994. Старый забытый файл. Банальный портрет элегантного мужчины, позирующего на крепостной стене старой части города Сус. Ничего компрометирующего.

И все-таки, открыв файл, Бэмби с трудом подавила рвавшийся из горла крик.

Она знала Адила!

Мама его не убила. Адиль выжил. Адиль нашел их. Адиль рыскает вокруг них. Рядом с мамой.

Бэмби наклонилась ближе, чтобы рассмотреть каждую деталь. С 1994 года Адиль растолстел, облысел, сменил джинсы в обтяжку и льняную сиреневую рубашку на явно не новый спортивный костюм и лишился надменной уверенности, но сомнений у девушки не осталось.

Она его узнала. Учась на психфаке в университете Экс-Марсель, Бэмби часто встречала его на лестнице дома в Эг Дус. Он жил этажом ниже матери. Незаметный такой мужичок, Бэмби даже имени его не помнила. Тьерри? Анри? Одиночка, молчун... пока не начнет выступать против арабов, коммунистической мэрии и мелких дилеров. О таких говорят: «Да нет, он не злобный. Слегка придурковатый, но не злобный».

Бэмби прикрыла глаза, вспоминая фамилию на почтовом ящике, на посылке в руках почтальона. Ги! *Ги Лера*. Сволочь проклятая, даже псевдоним себе придумал помоечный[115]. Умный подлец! Умный и очень злой. Что он искал? Что задумал? Чего ждал?

По узкому проходу шла стюардесса, толкая перед собой тележку с напитками. Пассажиры зашевелились, разбудили ребенка, спавшего на груди у матери, она отдала его отцу, и тот попросил кока-колу.

– Спасибо, я ничего не буду... – Голос Бэмби прозвучал едва слышно.

Кислая горечь жгла внутренности, подкатывала к горлу. Бэмби думала о матери, которая одна дома, Адиль Заири двадцатью ступеньками ниже. Она сама еще полчаса будет заперта в салоне самолета, еще полчаса не сможет ее предупредить, полчаса, за которые все может случиться. Да, Адиль уже много месяцев живет в Эг Дус под именем Ги Лера и пока ничего не предпринял, но девушку терзало дурное предчувствие.

Мама... одна... Позавчера вечером Бэмби наврала, что идет в *KFC* с Шерин, и встала из-за стола, не съев ни кусочка. Слиняла с ужина. Нарушила священный ритуал. А ведь им только оно и осталось – это ежедневное маленькое счастье обычных семей, за которое цепляется мама. Так она бросает вызов силам, разбросавшим их по четырем концам света. Вечерняя трапеза – навязчивая идея Лейли Мааль: семья собирается, и за едой все рассказывают, как прошел день. Не имеет значения, куда людей заносит днем, на деревенские улицы или площади мегаполисов, ужин всегда начинается в 19:30!

Где бы ни путешествовали Бэмби с Шерин, чем бы ни был занят Альфа в Марокко, какие бы вкусности ни приготовила бабуля Марем для Тидиана в «Олимпе», что в Рабате, в 19:30 каждый садился перед ноутбуком, включал веб-камеру и настраивал скайп на режим конференции. Час в день они говорили обо всем и ни о чем, «сидя за столом».

Пропустить ужин было все равно что убить маму.

Между 20:15 и 20:30 можно было – не слишком торопясь – встать, убрать посуду и выключить компьютер. Оставался только Тидиан. Малыш забирал ноутбук в свою комнату и пристраивал его на тумбочку рядом с кроватью, чтобы мама рассказала ему историю. Длинную. Чаще всего Тиди засыпал не дослушав, и бабушка или дед все выключали и гасили свет.

Маленькая пухлая ручонка потянула Бэмби за куртку. Малышу было скучно. Папаша извинился и залпом допил газировку, чтобы ребенок не опрокинул стакан. Девочка или мальчик? Поди знай... Яркие зеленые ползунки, круглая мордашка, большие черные глаза, едва наметившийся пух волос и невинная улыбка, разрывающая вам сердце. Бэмби отвернулась. Ее затошнило, легкие сдавило тисками, не давая дышать.

Мама. Одна. В Эг Дус, в Пор-де-Буке. Адиль, ее мучитель, ее палач, ее темный ангел, выжил. Выследил ее.

Что из этого следует?

Все сведения об Адиле Заири Бэмби почерпнула из маминой красной тетради. Ее он ищет? Поселился этажом ниже, чтобы под каким-нибудь предлогом проникнуть в дом и украсть заветные записи?

«Хрен тебе, крыса! – Бэмби мысленно скрипнула зубами. – Опоздал!»

Она нагнулась, придерживая полу куртки левой рукой, пошарила в стоявшей на полу сумке и достала тетрадь в яркой обложке, которая заинтересовала малыша гораздо больше его собственной книжки.

Бэмби нашла тетрадь год назад. Наткнулась на нее случайно однажды вечером – искала, куда спрятать травку, и приподняла матрас (других тайников в крошечной квартире не было). Мама тогда работала по ночам, убирала помещения Народного прованского банка. Бэмби читала, пока не рассвело. До этой бессонной ночи она знала о прошлом матери только то, что рассказывал дед. История о слепоте стала почти легендой, о ней напоминали коллекции очков и сов.

Прочитанное потрясло ее. Бэмби наконец-то поняла природу гнева, жившего в ней с самого детства. Тетрадь все объяснила. Так бывает, когда случается засор в трубе: застрянет какая-нибудь дрянь и воняет, пока не прочистишь. Находка все разблокировала, сорвала задвижки, сдерживающие ненависть.

Голос пилота заставил ее вздрогнуть. Аэробус начал снижаться. Рабат. «Рабат», – повторила про себя девушка. Там все началось.

Мысли перескочили на марокканскую столицу, полетели по белым улицам, где она так много гуляла, притормозили в западных кварталах, которые в юности завораживали ее, проскользнули между вывесками торговых центров, алкогольных баров, ресторанов и наконец замерли перед отелем «Ред Корнер». Сделали короткую паузу, сыграли в прятки с камерой наблюдения, проникли в номер «Шахерезада», остановились на трупе Франсуа Валиони, метнулись прочь, бегом спустились по лестнице, заскочили, пытаясь отдышаться, в «Старбакс» по соседству, тот самый, где она встретила молодого сыщика, где ее ждал Альфа, где они дали клятву и сложили эбеновые треугольники в черную звезду. Где они решили идти до конца. Что бы ни случилось.

Бэмби остановилась на середине пути. Бэмби не преуспела.

Ян Сегален выкрутился. Адиль Заири гуляет на свободе.

«Рабат, – прошептала Бэмби. И повторила по слогам: – Ра-бат».

Там, где все началось. Там, где все должно было закончиться?

Если полиция ждет ее на земле, она проиграет окончательно и бесповоротно.

66

09:53

Прибытие рейса Бейрут – Рабат ожидалось по расписанию. Терминал В. Выход 14.

В международном аэропорту тридцать вооруженных автоматами полицейских стояли, подняв глаза к табло, как будто ждали плохих новостей: самолет опаздывает, взяты заложники, аэробус летит в Бамако, в Дубай, в Марсель...

«Гипертрофированное дурное предчувствие, – думал Жюло, глядя на настороженных коллег. – Бэмби Мааль одна в самолете, безоружная. Ливанские полицейские безостановочно крутили пленки с камер наблюдения и не сомневались в опознании, несмотря на фальшивые документы. Это не помешало марокканской полиции организовать задержание по полной форме: несколько десятков легавых на одну двадцатилетнюю девчонку!»

Жюло держался чуть в стороне, рядом с галереей магазинов дьюти фри. Петар что-то обсуждал с лейтенантом марокканской полиции. Майор это обожал: раз уж нельзя приказывать чужим агентам, будем им советовать. Велика сотрудничал – а что еще остается? – но ясно давал понять коллегам, у кого лучшие эксперты, самые полные базы данных и самые современные научные лаборатории.

«В конце концов, это и есть официальная обязанность патрона», – думал Жюло.

Атташе по вопросам внутренней безопасности.

Сокращенно АПВВБ. Сам он всего лишь ЗАПВВБ. Заместитель атташе по вопросам внутренней безопасности.

Служба внутренней безопасности Франции в Марокко была представлена в Рабате майором Петаром Великой, лейтенантом Жюло Флором и еще тремя офицерами в Танжере, Касабланке и Марракеше.

Жюло было известно, что Дирекции по международному полицейскому сотрудничеству (ДМС) были созданы в конце 2000-х из офицеров полиции и жандармерии, около ста человек распределили по ста посольствам. Их главной задачей было предотвращение угроз Франции: терроризма, киберпреступности, торговли оружием и наркотиками и, конечно же, незаконной иммиграции. К классическим причинам головной боли для Министерства внутренних дел добавлялась – куда же без этого! – защита интересов диаспоры. Убийство Франсуа Валиони, таким образом, трижды относилось к прерогативе ДМС в Рабате: французский гражданин, убит в самом сердце марокканской столицы, занимался сетями транссредиземноморских мигрантов.

Ключевым словом было «сотрудничество». Сотрудничество с другими дирекциями (в Дубае и Бейруте) и, главное, с местными властями. Петар старался – по минимуму, – не нарушая субординацию, хоть и считал рабатских полицейских низкооплачиваемыми чиновниками, не заинтересованными в расследовании. Следовательно, именно ему предстоит проделать основную часть работы, щадя самолюбие местных.

Пассажиры в аэропорту ежились, замечая непривычно большое количество полицейских в зале. Страх перед терактом стал привычным, превратился в психоз. Агенты успокаивали людей, Петар хохотал, хлопал коллег-марокканцев по спине, стараясь разрядить обстановку.

Лейтенант Флор следил за суетой в зеркалах бутиков. Совершенно одинаковых во всех аэропортах мира.

Когда он возвращался мыслями к расследованию, впечатление *одинаковости* усиливалось, становилось навязчивым до зубовного скрежета. Одни и те же места и магазины повсюду на планете. Трансграничные компании, заведения и названия: «Старбакс», *L'Occitane*, «Ред Корнер» и многие другие... В самолетах показывают одни и те же фильмы, радиостанции крутят одну и ту же музыку, люди болеют за одни и те же футбольные клубы, мальчишки, живущие в странах Западной Африки, носят футболки *Unicef du Barca*, а марокканские становятся фанатами «Манчестер Юнайтед» или «Олимпик Марсель».

Жюло попытался отмотать назад события последних трех дней, восстановив в памяти ход расследования. Меньше чем через полчаса Бэмби Мааль выйдет из самолета и будет арестована, а он не может избавиться от назойливого ощущения, что упустил главное.

Ладно, начнем с самого начала. «Ред Корнер» в Рабате; «Старбакс», где он встретил – не заметив их! – Бэмби и Альфа́ Мааль; квартал Апельсинового дерева в северной части марокканской столицы и арест Альфа́ между проспектами Пастера и Жореса. Названия некоторых улиц тоже универсальны – во всяком случае, в бывших французских колониях. Так, что было дальше?.. Встреча с гематологом Вакнином в госпитале Авиценны, университетской клинике Рабата, носящей имя самого знаменитого мусульманского врача в истории ислама; центр Аль-Ислах, престижное место обучения французскому языку и культуре в нескольких километрах от Рабата, тезка марсельской мечети Аль-Ислах, самой большой на юге Франции. Вчера они ускорили дело, когда с согласия и при участии майора Тони Фредани из комиссариата Пор-де-Бука допросили Лейли Мааль. Риан урегулировал административные детали и логистику, и они полетели прямым утренним рейсом Рабат – Марсель, выслушали бредовые свидетельские показания Рубена Либероса в отеле «Ибис» и во второй половине дня улетели обратно. Вечером он бродил по огромному морскому порту Рабат-Сале и думал о расследовании. Накануне Жюло был в Национальном зоологическом саду, ходил вокруг знаменитого озера с розовыми фламинго, а в первый день спустился по улицам 11 Января и 2 Марта на пляж Сале. Кстати, теперь он знал, что в январе

1944-го была провозглашена независимость Марокко, а в марте 1956-го пришел конец французскому протекторату. «Национальный праздник, – уточнил Риан, пытаясь втолковать Петару, что страна Марокко никогда не была французской колонией. – Протекторат – это простой договор о защите и сотрудничестве».

Самолет должен был вот-вот сесть, и полицейские начали стягиваться к выходу. «Они что, на летное поле собрались? – изумился Жюло. – Вообразили, что Бэмби Мааль сбежит от них по взлетной полосе?»

Лейтенант Флор почувствовал себя посторонним. Он успел мысленно выстроить схему: Лейли Мааль, ее приезд в неблагополучную городскую зону Пор-де-Бука; ее сыновья Альфа́ и Тидиан, оставшиеся в Марокко; ее дочь Бэмби, курсирующая между двумя континентами. Петар и марокканцы успели обсудить опасную преступницу, которая совершила два убийства и одно покушение на убийство.

Жюло Флор придерживался иного мнения: семья Мааль защищалась – всеми доступными способами – от гораздо более опасного и куда лучше организованного криминального замысла неприкасаемых персон. Доказательств у лейтенанта не было, а когда он пытался обсудить свою версию с патроном, Велика отпускал шуточки о «прекрасных глазах Бэмби, покоровших сердце романтического легавого, и очах ее матери Лейли, куда более опасной в роли мамыши Кураж, которая вкалывает из последних сил, но продолжает одеваться, как экзотический цветок». Все свидетельствовало в пользу правоты майора. Вроде бы. Прямо Велика этого не сказал, но осуждал своего подчиненного за «мягкотелость».

Жюло вспомнил, как дал Лейли Мааль свою визитку в коридоре комиссариата Пор-де-Бука.

Позвоните, если вам что-нибудь понадобится.

Жалкое, нелепое предложение, попытка облегчить свою совесть. Что еще он мог предложить этой женщине?

Лейли взяла сигареты и вышла на балкон. Она никогда так много не курила. Солнце встало несколько часов назад, а пачка уже ополовинена. Море успокоилось, волны не набегали на берег напротив Эг Дус. Вдалеке, под порталными кранами Пор-Сен-Луи-дю-Рон, медленно полз контейнеровоз. Казалось, машина устала от слишком тяжелого груза и уподобилась настороженной улитке, которая дождалась под листком, когда кончится ливень, и опасно перебирает ножками по земле, оставляя за собой слюнявый след.

Рубен присоединился к Лейли. Он надел пальто и шляпу, хотя холодно не было, и она подумала, что ее патрон собирается покинуть Пор-де-Бук. Такой уж он человек: перестал рассказывать истории – значит, готов к отъезду. Либерос проводил взглядом тихоходные контейнеровозы.

– Зачем? – участливо спросил он. – Зачем вся эта... постановка?

Банные полотенца, детские шорты, спортивные носки сушились на веревке, раскачиваясь на ветру.

– Зачем? Все очень просто, Рубен. Я не отвечаю требованиям! Не соответствую. – Лейли глубоко затаилась. – Я должна поселиться в большой квартире, чтобы получить право воссоединиться с детьми. Норма – десять квадратных метров на человека, значит, нам нужно как минимум сорок. Таков закон. Минимальная зарплата и приличное жилье. Я пытаюсь получить его три года и сначала думала, что это будет легко. Подумаешь, простая формальность! – Она издала нервный смешок.

Рубен не отрывал взгляда от разноцветных кубиков – контейнеров на палубе судна.

– Я не соответствую. Не замужем. Получаю мизерную зарплату. Муниципальные службы предлагают мне студии, в лучшем случае – *F1*. «Вы же понимаете, мадам Мааль, *F2*, *F3* и *F4* мы оставляем для полных семей...» Такой вот идиотизм, Рубен. Без детей я не могу претендовать на нормальную квартиру, а без нее не могу вызвать детей! – В голосе Лейли прозвучало отчаяние. – Тот, кто это придумал, – гений. Волшебный пас, что-то вроде бесконечной ленты Мёбиуса. Чиновники могут до скончания века гонять просителей по кругу: окошко *A*, окошко *B*, окошко *C*, социальные арендодатели, мэрия, префектура, Французское бюро по делам беженцев, иммиграции и интеграции... И у всех свои формуляры, все одержимы заполнением анкет.

Лейли выдохнула дым. Лицо ее осунулось, глаза лихорадочно блестели.

– Идея пришла мне в голову три месяца назад, когда я в очередной раз заполняла бумаги для бюро по предоставлению социального жилья. Совсем простая идея. – Она сделала паузу. – Нужно всем говорить, что дети уже здесь.

Рубен повернул голову. Моргнул под тенью полей шляпы. Первые робкие лучи солнца отразились в его темных глазах. Лейли не снимала очки в виде черно-желтой бабочки.

– Закон требует, чтобы у моих детей была пристойная квартира, то есть мне ее предоставят, раз уж они здесь? Я не сделала ничего плохого – всего лишь приблизила их появление на несколько месяцев. Обустроила мою двушку так, как будто они живут в ней, развесила на веревке белье, держала дверь открытой, врубала рэп и диско, иногда говорила начальникам, что мне не с кем оставить младшего сына, сделала много фотографий нашей вопиющей тесноты, составила досье для комиссии и из кожи вон вылезла, чтобы умаслить Патриса... или Патрика... да какая разница! Кажется, я его убедила. Он переложит папку с моими документами на самый верх, и дело пойдет быстрее. Блеф, Рубен, вот что мне поможет. Вряд ли Патрис будет проверять в префектуре или где-то еще, действительно ли мои дети живут во Франции. Окошки *A* и *B* не сообщаются, это мне приходится каждый раз выстаивать очередь. Я была достаточно хитра и подготовилась к неожиданным визитам агентов бюро или служащих мэрии. Они иногда заглядывают. Нет, за порядком эти люди не следят, являются, чтобы кого-нибудь выкинуть, но до моего этажа, слава богу, ни разу не добрались.

Глаза Лейли заволоклись слезами, и в этот самый момент солнце ускользнуло из-под надзора облаков.

– План был великолепный, Рубен. Представьте: через несколько недель Патрис находит для меня *F3*. Я подписываю. Переезжаю. И никто не свете не выгонит меня на улицу. Оставалось дожидаться человека из мэрии и его благоприятного отзыва.

Лейли так вцепилась в перила, что побелели костяшки, и Рубен накрыл ее руку ладонью.

– Забудь о прошедшем времени, дорогая. Используй только будущее, ведь твой план идеален. Все получится.

Она сняла очки. Красные от слез глаза напоминали два сгоревших уголька.

– Что получится, Рубен? Что именно получится? У меня два дня нет новостей от Бэмби и Альфа. Я уже час без конца набираю номер родителей, но никто не отвечает. И я жду и рассказываю вам... тебе мою жизнь, а...

Она обернулась и с ужасом посмотрела на письмо Адила, лежавшее на столе в гостиной.

...Увидишь, как я сажусь в автобус и еду на работу.

Не зная, что я отправляюсь не на завод, а за украденным у меня богатством.

Что я заберу его у твоего сына.

Рубен коснулся ее плеча:

– Где Тидиан?

– У моих родителей. Квартал «Олимп». В Рабате. Я никак не могу с ними связаться, предупредить, потому что знаю только их телефон. Мы разговариваем каждый день... Они воспитывают Тиди с тех пор, как я уехала... а теперь... теперь не отвечают! Сегодня суббота, сейчас десять утра, а к телефону никто не подходит.

Рубен крепче сжал дрожащие пальцы Лейли:

– Не тревожься, твой сын в безопасности. Он на другом берегу Средиземного моря и...

Лейли отшатнулась, очки взлетели в воздух и, как слишком тяжелая бабочка, шлепнулись на асфальт восемью этажами ниже. Она даже не посмотрела им вслед. Пусть солнце, которое ласкается к волнам, отражается от крыш автомобилей и крышек мусорных баков, снова отправит ее во мрак, теперь это не имеет значения.

– Вы сами знаете, что это не так! – закричала она. – Адиль Заири покинул Эг Дус на рассвете и мог успеть на прямой рейс Марсель – Рабат. Может, он уже там. Он найдет их, Рубен. Найдет – и я не могу ему помешать.

Бэмби была так сосредоточена на красной тетради, что не замечала, как вздрагивает идущий на посадку самолет. Она читала тетрадку много раз и выучила наизусть описание всех встреч матери с мужчинами, о которых теперь знала почти все, каждое движение их душ, самые постыдные тайны и подлости.

Малыш хотел общаться. Существо полутора лет от роду цепкими пальчиками тянуло к себе куртку девушки, чтобы она прочла ему историю, пусть даже без картинок.

Бэмби нравилась малышу.

Его папе она тоже нравилась. Ничего удивительного: матовая кожа, белоснежный кружевной лифчик, а сверху куртка без застёжки!

Маме соседка по креслу нравилась явно меньше.

– Оставь мадам в покое, милая.

«Девочка! – подумала Бэмби. – Маленькая девочка – и уже тянется к книгам!» Крошка насупилась, но пальчики разжала, ее отец погрузился в журнал, а Бэмби представила себе ужас благородного семейства при ее аресте. Им объяснят, что они сидели рядом с преступницей, а их крошка даже гладила серийную убийцу...

Легавые наверняка ждут в зале прилета, а она сама кинулась волку в пасть, улетев из Рабата.

Аэробус медленно снижался. Во время первых полетов с Шерин у Бэмби при взлете и посадке чудовищно болели уши, так что хотелось биться головой о столик. Постепенно она привыкла. Даже самая сильная боль может стать привычкой, которую сначала клянешь, потом принимаешь как данность и наконец забываешь о ней. В детстве, разбив коленку или тяжело заболев, на вопрос матери «Очень больно?» – она отвечала: «Только когда я об этом думаю». Так оно и было! Стоило открыть книгу, и боль забывалась.

Лежавшая на коленях тетрадь разбередила раны. Бэмби казалось, что строчки разговаривают, что голос матери сливается с ее собственным.

У него южный голос, он любит поговорить. Больше всего любит слушать себя.

Его жену зовут Сален. У него есть годовалая дочка Мелани.

И маленький шрам в форме запятой под левым соском.

Дневник повествовал о ее рождении. Чтобы быть точной – о зачатии.

Об изнасиловании!

Изнасилованиях. Они совершались месяцами, по несколько раз в день. Пока мама не беременела. И после этого. Один из мужчин, детально описанных в дневнике, – ее отец.

Франсуа. Жан-Лу. Ян.

Один из трех мерзавцев – ее отец. Она прочла дневник много раз, но не привыкла к боли, не приняла ее и не забыла. Она долго размышляла и пришла к очевидному выводу: чтобы приручить первородное зло, терзавшее ее душу, нужно сделать три вещи.

Найти их.

Выбить признание.

Заставить заплатить.

Рядом горько плакала девочка, зажимая уши пухлыми ручками. Она еще не научилась терпеть боль. Мать баюкала бедняжку, отец держал ее ладошку в своей. *Ты научишься, милая, – мысленно пообещала Бэмби. – Научишься, когда кончится детство, научишься страдать молча. И узнаешь, что единственное лекарство от страдания – месть.*

Чуть меньше года назад Бэмби прочла тетрадь, сделала несколько фотокопий и послала их Альфá. Брат подметил, что все клиенты матери связаны с ассоциацией «Вогельзуг», где работал ее мучитель Адиль. Альфá навел справки. У ассоциации была хорошая репутация, сотни служащих, тысячи добровольцев со всего Средиземноморья, но имелось и несколько паршивых овец, озабоченных личным обогащением. Среди них были Адель Заири и его друзья. Увязшие – кто в большей, кто в меньшей степени. Коррупцированные. Темные делишки не могли бы твориться без соучастия – как минимум пассивного – людей из министерств иностранных дел, юстиции и полиции. Чиновники просто закрывали глаза. Кто станет искать причину смерти нескольких мигрантов, чьи тела нашли в пустыне? Беженцев, зарезанных в лесу? Утопленных в море? Люди без документов. Утратившие личность. Нелегалы из стран Магриба с сожженными пальцами. «Идеальное преступление существует, – подумал Альфá. – К черту коварные планы – можно просто убивать невидимок!»

Однажды вечером, в квартале «Олимп», Бэмби и Альфá поклялись отомстить.

Она – за поруганную честь матери.

Он – за попорченную честь своих братьев.

Они соединили свои кулоны, два эбеновых треугольника, образующих черную звезду мщения, похожую на звезду на марокканском флаге. Каждый будет носить треугольник на шее до самого конца. Альфа́ не понравилось слово «мщение» – он говорил о справедливости. Проводники работают на сети, объяснял он сестре, сети – это гигантский спрут. Чтобы щупальца не отрастали, нужно отрубить чудовищу голову. Вдвоем мы справимся, нашим врагам не придет в голову опасаться неизвестных дилетантов, Саурон[116] ведь не снисходил до Фродо и Сэма.

Бэмби отвлечет внимание, Альфа́ нанесет удар в голову.

Внизу простиралось Атлантическое побережье. Аэробус летел вдоль лимана Бу-Регрега, разделяющего два города-побратима, Рабат и Сале. Широченный пляж, где она так часто тусовалась, вдруг показался ей нелепым ящиком с песком, зарытым под кладбищем Лаалу. Она на мгновение закрыла глаза. Найти Франсуа, Жана-Лу и Яна оказалось не так трудно, хотя у Бэмби не было ни фамилий, ни физических примет. В красной тетради описывались привычки мужчин, их семьи, их пристрастия. Был и детальный психологический профиль, именно он оказался самым полезным. Опираясь на него, Бэмби создала три фальшивые личности: *Bamby13*, решительную безбашенную активистку; *Faline95*, юную перепуганную мать-одиночку; Флёр, бесстыжую стажерку.

Отвлечь внимание придумал Альфа́. Он обеспечил ее фальшивыми документами. Подруга Бэмби Шерин, бортпроводница «Ройял Эйр Марок», помогла с билетами на самолет. Ее фотографии, сделанные в разных частях света и умело подретушированные,годились для фейсбука. Шерин не задавала вопросов, не пыталась ничего выяснить, когда Бэмби попросила помочь ей найти отца, отсеяв самозванцев.

Она ни разу даже не намекнула на возможность физической расправы.

Когда это пришло ей в голову? В какой момент отвращение зашкалило и смерть этих свиней показалась единственно возможным выходом? Во время чтения того места в дневнике, где мама все еще верит, что один из них способен помочь ей, полюбить и спасти? Все ее бросили! Ни один из них, даже Жан-Лу, не попытался вырвать слепую

девушку из когтей Адила. Все трое продолжили пользоваться ее телом, чувствуя полную безнаказанность: она никогда их не опознает!

Или она приговорила их к смерти позже, когда Франсуа Валиони попытался изнасиловать ее на пустынной улочке крепости Эс-Сувейра? Когда он пригласил ее поужинать, не отказался пойти в «Ред Корнер», целовал, ласкал, терся об нее? А ведь она ровесница его дочери, могла бы быть его дочерью. Возможно, она и есть его дочь!

Но что, если Бэмби убила, подчинившись инстинкту? Узнала по результатам анализа, что он не ее отец, увидела каплю крови на запястье голого мужика и подумала: эта сволочь продолжает насиловать и попустительствовать смертям мигрантов, он – одно из щупалец спрута, которое отрастет, если его не отрубить, так сделай это!

Нужно отвлечь внимание, сказал Альфа́. Она не разочарует младшего брата.

Бэмби убила Франсуа Валиони и сбежала. Следующей ночью она надеялась, что Жан-Лу Куртуа окажется ее отцом и будет жить. Надеялась – пока он не прижал ее к кирпичной кладке на выходе из «Бликов» Ганьера.

Он тоже бросил ее мать на произвол судьбы.

Она взяла кровь на анализ.

Жан-Лу тоже не был ее отцом.

И тоже не имел права жить, хотя давно ушел от спрута.

Бэмби рефлекторно пощупала карман. Бикс с набором для экспресс-анализа, за шесть минут определяющего группу крови человека, была на месте. Она брала это для Яна Сегалена, но не успела использовать. Может ли он быть ее отцом? Обаятельный, живой, решительный, хитрый. Внутренний голос отвечал: *нет*. Шансов у него не больше, чем у двух других.

Красные камни башни Хасана доминировали в пейзаже, создавая иллюзию посадочной полосы на эспланаде мавзолея со средневековой башней контроля. Через несколько минут аэробус приземлится чуть севернее. Девчушка успокоилась и мирно чмокала соской, а молодой папаша собирал детские книжки, отложив свой планшет.

Полицейские наверняка будут ждать у трапа.

Она не выполнила свою миссию до конца, но внимание отвлекла. Ее самопожертвование поможет Альфа́ ускользнуть из сети. Она залезла во внутренний карман холщовой сумки и, наплевав на голодный

взгляд соседа и гневное фырканье его жены, достала кулон на кожаном шнурке и надела его.

Жест воительницы.

Самолет развернулся, лег на крыло, заходя на посадку. Бэмби выдернула из кармана телефон. 4G еще нет, но сеть появилась! Она наплевала на призыв не пользоваться электронной аппаратурой и нажала на первый из контактов.

Мама.

Бэмби показалось, что Лейли ответила, прежде чем прошел первый звонок.

– Это ты, доченька?

69

10:05

По молу навстречу Альфа́ двигались четыре силуэта. Он остановился. Из порта наплывал густой туман, как будто подводный огонь кипятил воду, чтобы сварить шлюпки и яхты. Пар притягивался к стенкам кирпичных ангаров как раз в том месте, где причалил «Севастополь».

Ноги у Альфа́ подкашивались. Он убедил себя, что страх тут ни при чем, что это нормальная реакция после суток на корабле. Альфа́ впервые ступил на другой континент. Шатало не его – дрожала Франция!

Над туманом, там, где начинался канал, стоял форт Бук. Массивные белокаменные стены цитадели напоминали пиратскую крепость Удая[117] в Рабате (ее возвели в устье долины Бу-Регрег, лицом к океану) и крепость Касбу в Танжере, возвышающуюся над мединой, где двадцать четыре часа назад Альфа́ поднялся на борт «Севастополя».

Четверо остановились в нескольких метрах от Альфа́. Окутанные последними клочьями тумана, они напоминали насекомых, застрявших в коконе.

Легавые? Подручные Банкаира или Казначея?

«Севастополь» могли засечь, он не корабль-невидимка. Альфа́ постарался незаметно принять стойку поудобнее, суеверным жестом

коснулся рукоятки ТТ. Мужчины в тумане замерли: ни улыбки, ни дружеского приветствия, ни единого слова.

Холодны, как камень. Немы, как смерть. Бледны, как траур.

Альфá забыл о пистолете, поднял руки, шагнул вперед и обнял самого высокого из мужчин:

– Спасибо, что пришел, брат.

Саворньян не ответил, и он повернулся к остальным, молча поприветствовал каждого. Захерин, агроном-философ; Уисли-гитарист; Дариус, виртуоз дженбе. Саворньяну удалось убедить трех нелегалов, добравшихся из Марокко до Франции на два дня раньше, чем он.

А может, все решила судьба. За несколько минут до прибытия в Пор-де-Бук Альфá получил сообщение о трагедии у побережья Марокко. *Бабила, Кейван, Сафи, Кэмиль, Ифрах, Найя...* Возможно, Средиземное море уже поглотило их тела, когда он ночью звонил Саворньяну, а тот с друзьями пел и танцевал на празднике в честь скорой встречи с родными.

«Счастливые не воюют», – сказал ему Саворньян на прощанье.

Сегодня утром он здесь.

Молчаливые объятия затянулись, судорожные, причиняющие боль. Альфá не торопился нарушить молчание, не зная, какие слова утешения выбрать. Любые прозвучат нелепо. Какое уж тут утешение... Но поддержку выразить необходимо. Альфá открыл было рот, но Захерин опередил его:

– Саворньян убедил меня прийти. Уисли и Дариуса тоже. Не будем терять время. наших мертвых мы оплачем потом. Сегодня нужно спасать других.

Они оставили туман за спиной и пошли к порту Ренессанс. Завсегдатаи, сидевшие на террасах баров и ресторанов, провожали их взглядами и возвращались к чтению газет и горячему кофе.

Альфá и его спутники остановились на углу улицы Папен. Наверху, за каменными оградами с решетчатыми воротами, стояли виллы, одна богаче другой, и открывался панорамный вид на Камарг.

Нужно было определить порядок действий, решить, куда идти. Альфá проверил телефон. Со вчерашнего дня мать звонила каждые пятнадцать минут. Она живет совсем близко, в доме, похожем на сторожевую вышку. Переехала, когда ему было двенадцать, чуть больше, чем сейчас Тиди, и все время обещала забрать их к себе.

Неделю назад она сказала: «У меня появилась идея, скоро все уладится, я получу визы...»

Альфá убрал мобильник. Незачем маме знать, что он был так близко от нее, – вдруг не доведется вернуться.

Он приплыл не ради нее. Вернее, не только ради нее. Сначала нужно сдержать клятву.

Альфá бросил последний взгляд на крыши домов, медленно достал из кармана черный треугольник на кожаном шнурке и повесил на шею.

Жест воителя.

– Вперед!

Бенинцы смотрели на него, как будто ждали, чтобы он сделал первый шаг.

– Готовы?

Они кивнули.

– Оружие есть?

Ответил Захерин:

– Я пойду, Альфá. Последую за тобой. Но с голыми руками, босой и с открытым сердцем. Те, кто отнял у нас самое дорогое, не испачкались в крови, у них на коже нет пороховой гари. Пусть же погибнут так, чтобы и мы не замарались.

Альфá постарался скрыть тревогу. Захерин и трое других сумасшедших понимают, какая опасность им грозит? Ему нужны решительные люди, солдаты, а не изувеченные жизнью калеки, которых жажда мщения лишила инстинкта самосохранения! Особняк Журдена Блан-Мартена «Ла Лавера» днем и ночью стерегут двое вооруженных людей. Профессионалы, обученные убивать.

Их пятеро, но действовать, судя по всему, способен только он. Захерин и Дариус слишком старые. Уисли слишком хрупкий. Помочь способен только Саворньян. Может быть.

– А ты что скажешь? – спросил он.

Взгляд бенинца был полон смертной муки.

– Несчастные должны воевать, Альфá. Таков закон. Воевать, чтобы другие жили в мире.

10:07

– Бэмби, это ты? Где ты, Бэмби? – кричала в телефон Лейли.

Ей ответил далекий, чуть приглушенный голос:

– У меня мало времени, мама... Не могу говорить громко... Я в самолете...

– В самолете? Почему? Что еще за самолет?!

– Я почти выбралась, мама. Мы скоро приземлимся. В Рабате.

Лейли вскрикнула, закусила губу.

Рабат? Она не ослышалась?

Стоявший рядом Рубен напряженно вслушивался в разговор, пытаюсь понять, что происходит.

– Это чудо, Бэмби. Беги, как только сядете. Беги со всех ног. К нам. В «Олимп». Тиди в опасности. Ты должна...

– Послушай меня, мама! Это ты в опасности! Ты!

Бэмби забыла об осторожности, и ее крик услышали все пассажиры.

Через несколько секунд Лейли поняла главное: дочь нашла красную тетрадь и опознала по фотографии Адила Заири... Ее соседа... Ги...

– Я все знаю, – сухо оборвала она Бэмби. – Я уже все знаю. Но Адила здесь нет. Он... Не теряй времени, ты должна успеть к Тиди раньше!

– Я не смогу, мама! – Голос Бэмби сорвался. – Меня не выпустят. Задержат на таможне, даже в зал не выпустят.

Лейли пошатнулась, вцепилась в перила балкона, и Рубену на секунду показалось, что она сейчас упадет.

– Объясни им! Скажи, пусть пошлют патрульную машину в квартал Апельсиновой рожи, это в нескольких километрах от аэропорта.

– Мама, они даже слушать не станут! Я... Меня разыскивают. За убийство... Меня заберут. Понадобятся часы, чтобы оправдаться.

Девушка понизила голос до шепота – наверное, мимо нее шла стюардесса или соседи выразили недовольство, – и Лейли воспользовалась тишиной в трубке, чтобы достать из кармана визитку. Последний козырь.

– Тогда свяжись с полицейским. Не с любимым. Его зовут Жюло Флор. Используй последние минуты на свободе. Я сейчас пришлю тебе

номер телефона и мейл. Расскажи ему все, что знаешь.

– Почему мы должны ему доверять?

– У нас нет выбора, дорогая, ничего другого не остается.

Резкий удар помешал Бэмби задать очередной вопрос. Ее бросило вперед, ремень безопасности впился в живот. Самолет сел! Связь прервалась.

Стюардесса попросила всех оставаться на местах.

Бэмби рывком расстегнула пряжку и снова поставила на колени ноутбук Яна Сегалена. Сигнал 4G был идеальным. Она вошла в почту в тот самый момент, когда ее мать прислала адрес сыщика. Девушка дрожащими пальцами набрала juloflores@gmail.com, прикрепила все фотографии, тексты, таблицы, отбрасывая слишком тяжелые файлы, кликнула «Отослать» и чертыхнулась. Сообщение не ушло! На экране появился вопрос: «Хотите отослать сообщение без вложений?» Близкая к истерике, она напечатала три буквы в качестве заголовка.

SOS

Отправила. На это раз получилось.

Она наугад выбирала из папок снимки, в основном те, на которых фигурировали Валиони, Сегален, Журден Блан-Мартен, Заири и неизвестные – неизвестные с внешностью чиновников, неизвестные с лицами полицейских.

Скопировать, прикрепить, отослать.

SOS

SOS

SOS

Самолет замер. Люди начали дружно вставать. Мать с малышкой на руках все пропускали вперед. Бэмби осталась одна.

Еще несколько секунд.

Выйти последней.

SOS

SOS

Отвлеки, попросил Альфа́.

Отшли всю информацию, все, что сможешь, велела мама.

Она подчинилась им обоим.

Не понимая зачем.

10:10

Тидиан возвращался из булочной. Бежал между оливами, изображал дриблинг и пасы обеими ногами вдоль улицы Пастера. Дед пообещал: «Если быстро пообедаешь, пойдешь со мной в ад». Они будут искать его любимца, мяч «Марокко Кубок Африки 2015», его амулет, улетевший в черную дыру.

Тидиан запыхался, остановился во дворе, прислонился к стволу апельсинового дерева и поднял голову к домику на ветке и тросу, соединяющему его с окном на третьем этаже. Иногда, в хорошую погоду, мальчик грыз орешки или семечки в своем укрытии, глядя на бабулю с дедулей, но сегодня кухонное окно было закрыто. Да и времени нет – надо успеть найти мяч к вечерней тренировке.

Мальчик вошел в подъезд корпуса «Посейдон», взлетел на третий этаж, прыгая через ступеньку. Его личный рекорд составлял 8 секунд. Он улучшал его каждый месяц, и бабушка Марем говорила: «Это нормально, ты ведь растешь».

Он коснулся двери квартиры и остановил хронометр своих часов. 9 секунд. Тидиан скривился, тут же утешился, сообразив, что бежал с хлебом и дедулиной газетой, а воскресный результат установил с пустыми руками. Пожалуй, ему стоит вычислить рекорд на каждый день, в зависимости от уроков, веса школьного рюкзака и даже бега вслепую. Ладно, хватит мечтать! Быстро за стол, проглотить кукурузные хлопья с молоком, схватить деда за рукав – и в ад! Тиди ужасно торопился, но не только из-за мяча. Он повернул ручку и толкнул дверь:

– Я пришел!

Ему никто не ответил. Молчала даже радиостанция «Марокко Ностальжи», которую бабушка Марем слушала целый день. Мальчик сделал несколько шагов по коридору и увидел деда и бабушку. Они сидели на диване. Такого с ними никогда не бывало! Только не вместе. Марем ходила немного, и всегда с палкой, но присаживалась, только чтобы поесть, а еще... Они даже не включили телевизор. Что про...

– Беги, Тиди!

Вопль деда разбудил мальчика. Он увидел в гостиной чужака. Тот залепил Муссе оплеуху, и старик сплюнул кровь. Тидиан окаменел. Он узнал обидчика.

Фредди.

Позавчера вечером этот человек пришел в гости – Тиди еще не спал, поцеловал маму и поздоровался. Человек ответил таким жутким голосом, что мальчик сразу окрестил его Фредди. Сейчас монстр держал в руке длинный нож, так что отсутствие когтей не делало его менее страшным.

Дед Мусса кашлянул, сплюнул и снова крикнул:

– Беги, милый!

Тидиан колебался. Дверь в квартиру у него за спиной осталась открытой, на лестнице он точно обгонит это брюхастое чудище. Фредди даже не попытался схватить мальчика. Вместо этого он потянул бабулю за длинные седые косы и приставил ей к горлу нож.

– Бе... – попыталась произнести Марем.

Кончик лезвия почти проколол кожу на шее.

– Нееет! – крикнул Тидиан и рванулся вперед, как горный баран. Фредди не причинит зла бабушке с дедушкой. Он пока не такой сильный, как Альфа́, зато быстрый и...

Для человека его комплекции Фредди действовал стремительно: отпустил женщину, выскочил из-за дивана, поймал мальчика и вздернул его вверх. Ноги Тидиана на мгновение повисли в пустоте, потом его швырнули на ковер, как старое пальто. Он почувствовал резкую боль в лодыжке. Фредди бесшумно подобрался к двери, закрыл ее, вернулся за спину старой женщины и принялся гладить ее по волосам. Выдержал театральную паузу и произнес замогильным голосом, обращаясь к Муссе и Тидиану:

– Ты шустрее меня, малыш. Не сомневаюсь, что твой дед вспомнит молодость и ненадолго соберется с силами, но если хоть один из вас дернется, то я испытаю свой замечательный берберский ножик на вашей любимой Марем. Знаете, кто мне его преподнес? – Еще одна пауза, взгляд в сторону Тидиана. – Твоя мать! Это был ее прощальный подарок – в некотором смысле. Я бережно хранил его много лет.

Он потер шею под бородой, как будто там скрывался глубокий шрам, превративший его голос в змеиное шипение.

– Я не сразу вас нашел. Маалей много – тысячи... Но у меня остались друзья в полиции. Сначала мы встретились у твоей мамы – не лично, через компьютер. Альфа́ любезно позволил арестовать себя здесь. Мне оставалось только сопоставить факты. Кстати, позволь

представиться: я старинный друг твоей мамы. Адиль. Адиль Заири. И новый друг тоже. Ги. Видишь, как мы близки.

Тидиан отползал от Фредди по оранжевому, с геометрическими узорами, ковру, не переставая потирать ногу. Выиграть несколько сантиметров, еще чуть-чуть, ромб за ромбом. Фредди, или Адиль, или Ги – у чудовищ всегда много имен, по одному на кошмар, – уперся взглядом в футболку Тиди. Его любимую. Обережную. Счастливую. Принадлежавшую Абдельазизу Барраде.

– Любишь «Олимпик», Тиди? Я ведь могу тебя так называть?

Мальчик съежился от страха. Фредди шагнул к нему, наслаждаясь своей властью.

– Вот и хорошо. Значит, мы подружимся. Я тоже за них болею. Ты их любишь, потому что твоя мама живет рядом с Марселем, так ведь? Одно только название навеивает тебе сладкие мечты. Прямо к цели. Стадион «Велодром» – домашний стадион «Олимпиака»... Мама столько раз обещала, что ты обязательно будешь жить с ней в этом городе. Понимаю. – Он смерил мальчика взглядом и устрашающе улыбнулся. – Скажи, он тебе и правда нравится, этот Баррада?

Тидиан не стал отвечать. Футболка была ему сильно велика, он мог бы стянуть ее вниз, до самых кроссовок, если, конечно, согнуть колени. Исчезнуть!

– А может, ты полюбил этого игрока, потому что только он носит две футболки – Марселя и Марокко? – Фредди присел на корточки и положил руку на плечо мальчику, не забывая время от времени оглядываться на стариков. – Ты не должен меня бояться, парень. Повторяю, я друг твоей мамы. Старый друг. Мы были вместе этой ночью. – Он повернул голову и ухмыльнулся, как вампир. – Она тебя обнимает. Крепко. Теперь ты все понял? Мама рассказывает сказки, чтобы ее любимый сыночек не горевал. Ты ведь тоже не хочешь, чтобы маме было плохо?

Тидиан покачал головой.

Нет... Нет...

– А давай повеселим твою маму, согласен? – В голосе Фредди появились свирепо-веселые нотки. – Пошлем ей фотографию. Селфи. Нас двоих. Давай?

Он извернулся, чтобы достать из кармана телефон, и зашел за спину Тидиану – так можно было держать в поле зрения диван. Дед

Мусса резко выпрямился, сделал угрожающий жест:

– Если вы только...

– Все хорошо. Не бойтесь.

Фредди вытянул левую руку с мобильником, чтобы в объектив попали их с Тидианом лица. Нахмурился – свет из окна создавал легкий контражур. Медленно, правой рукой, провел ножом по телу мальчика, от низа живота к груди, и коснулся лезвием его шеи.

Тидиан пытался не дрожать, держать спину прямо, не дергать ногами, как подбитый заяц, но сердце вдруг перестало качать кровь. Руки, ноги, лицо стали белыми, как футболка. Мусса до крови искусал губы, понимая, что не может даже шевельнуться, иначе случится непоправимое. Словно сидит на mine. Марем плакала, взглядом моля Адила Заири о пощаде.

– Ну вот, – продолжил Фредди, – так хорошо выйдет. Мама удивится, увидев нас всех вместе: верного друга, обожаемого сына и этот миленький кинжал. Он о многом ей напомнит. Об очень многом!

Безумец застыл на несколько долгих секунд. Левая рука вытянута вперед, правая удавом обнимает шею мальчика, кончик ножа упирается в его яремную вену.

Тидиан смотрел на экран широко распахнутыми глазами и как в зеркале видел лицо монстра, приклеившееся щекой к его щеке, блестящую сталь клинка и не сомневался, что Фредди отошлет снимок в тот самый момент, когда проткнет ему сонную артерию. Мама увидит последний миг жизни сына и брызнувшую из раны кровь. Плохие люди всегда так поступают – если верить фильмам.

Фредди сделал наконец снимок и сразу отвел кинжал в сторону, набрал адрес и воскликнул, гаденько хихикнув:

– Ну вот, готово дело... Мамочке очень понравится.

Марем зарыдала в голос, и Мусса обнял ее. Сердце Тидиана колотилось изо всех сил, как будто хотело компенсировать простой.

– Вернемся к твоей маме... малыш. – Фредди завис над Тиди. – Двадцать лет назад она... позаимствовала у меня сумку. Черную, адидасовскую. Она была очень дорога мне. Я вернулся в том числе из-за нее. Полагаю, вы знаете, куда Лейли спрятала сумку?

Ответа не последовало. Адиль тяжелыми шагами топтал оранжевый ковер.

– Ну же, признавайтесь, я уверен, что ваша дочь не могла ее выбросить, здесь не Версаль. Адидасовская сумка – заметная вещь. Отдайте сумку – и расстанемся друзьями.

Тидиан посмотрел на деда. Мусса отводил глаза, как будто боялся остановить взгляд на стене или дверце шкафа и невольно выдать секрет. Фредди кружил по комнате, заводясь все сильнее.

– Будьте же благоразумны! Я всего лишь хочу вернуть то, что принадлежит мне по праву.

Он сужал круги, подбираясь к Марем на манер акулы, пальцы сжимали рукоятку ножа.

«Фредди может ударить в любой момент, неожиданно!» – с ужасом подумал мальчик.

– Ну же, я жду!

«Может, он вонзит нож в диван, а не в бабулю? Или...»

– Спрашиваю последний раз.

Большой и указательный палец Фредди переместились ближе к лезвию.

– Я знаю! Знаю, где она!

Тидиан сорвался на крик, и Мусса попытался встать, но Фредди с силой толкнул его в грудь и повернулся к мальчику.

– Я знаю, где спрятано мамино сокровище.

В глазах Фредди сверкнул хищный огонь. Мальчишка связал сумку с сокровищем, значит, он и правда в курсе!

– Оно... оно не здесь, – пролепетал Тидиан.

Фредди сдвинул брови, выставил чуть вперед руку с кинжалом, давая понять, что не потерпит никаких выкрутасов. Тидиан поторопился объяснить:

– Оно... внизу... в подвале... в аду.

10:12

Самолет остановился метрах в пятидесяти от здания аэровокзала, и его сразу плотным кольцом окружили полицейские. Пассажиры сходили по трапу один за другим, на летном поле их останавливали и

обыскивали. Удивительно, но никто не возмущался, люди охотно обменивали небольшое ущемление в правах на безопасность.

Жюло наблюдал за происходящим через стеклянную стену, Петар стоял сзади, как наказанный школьник, и не сводил глаз с экрана своего телефона. Ему не позволили участвовать в задержании, предложили подождать, пока марокканская полиция возьмет Бэмби Мааль. «Не волнуйтесь, майор, допрос будет проводиться под двойной юрисдикцией!» – утешили его рабатские коллеги.

Жюло убедился, что никто из агентов не сможет заглянуть ему через плечо, и вернулся к планшету – начал открывать файлы, прикрепленные к сообщению, пришедшему три минуты назад.

bambymaal@hotmail.com

SOS

Девушка, запертая в стоящем на полосе самолете, окруженная тридцатью полицейскими, посылая лейтенанту сигнал бедствия. Ему, члену команды, которой поручено ее задержать. Что может означать этот сюрреалистический зов о помощи?

Кто-то запустил обратный отсчет? Отдал приказ об аресте, чтобы заставить девушку замолчать, и она пытается защитить себя, торгуя секретами?

Вздрагивая от малейшего звука, глядя одним глазом на экран, другим продолжая следить за холлом, Жюло открыл первые загруженные файлы – бесконечные таблицы данных. Названия строчек и колонок не оставляли ни малейших сомнений в том, что хранились они в персональном компьютере Яна Сегалена. Бейрутские сыщики подтвердили, что девушка сбежала, прихватив куртку и портфель логиста «Вогельзуг».

Жюло продолжил открывать разные страницы таблиц, но был не в силах интерпретировать цифры. Обычные счета или цифровой динамит? Да черт их знает! Лейтенант не имел ни времени, ни достаточной компетентности, чтобы проверить, а главное, считал, что есть более срочное дело. Раз Бэмби шлет эти досье, значит, они содержат вполне определенную информацию. Откровение, которое должно броситься ему в глаза.

Флор решил сосредоточиться на фотографиях. Кликнул наугад, снимки последовали один за другим, и на всех фигурировал Сегален. Ян с Франсуа Валиони, Ян в Африке, Марселе, Рабате; Ян с

незнакомыми типами, чьи лица Жюло уже встречал на сайте «Вогельзуг»; Ян рядом с Журденом Блан-Мартеном, на трибуне конференц-зала, у входа в лагерь беженцев. Ничего удивительного. Ничего компрометирующего.

Он продолжал вслепую копаться в файлах, практически утратив надежду отыскать хоть крупицу информации. Бэмби отослала все, что попало ей в руки, как беглянка, которую преследователи загнали на пляже, и она швыряется в них песком. Еще пара фотографий – и он все бросит, присоединится к Петару, а уж потом решит, что делать с досье. Может, отошлет следователю, а может, поговорит о...

Внезапно Жюло замер, глядя на невинный снимок, запечатлевший джип в пустыне. Четверо взмокших от пота мужчин вышли из машины, чтобы попозировать неизвестному фотографу. Сыщик узнал – справа налево – Яна Сегалена, Журдена Блан-Мартена, плешивого мужика, похожего на Бена Кингсли, и... Петара Велику!

Лейтенант инстинктивно поднял глаза. Майор смотрел на последних вышедших из самолета пассажиров. Бэмби Мааль так и не появилась. Девушка была в западне.

Жюло попытался справиться с возбуждением. Фотография подтвердила то, что он предполагал с самого начала расследования: его патрон знаком с шишками из «Вогельзуг»! Конечно, ничто не указывало на то, что Петар участвовал в их делах, но и сохранять беспристрастность не мог. То есть как минимум вел двойную игру. Защищал – если не друзей, то союзников. Потому и работал без особого рвения.

Лейтенант помассировал виски, подул на руки и последний раз проглядел пять полученных сообщений.

SOS

SOS

«Я никому ничего не должен. Отошлю материалы Мадлену через голову патрона. Пусть его люди прошерстят все данные. Бэмби Мааль так и так арестуют и осудят за двойное убийство, причем преднамеренное, так что адвокат даже не сможет ссылаться на смягчающие обстоятельства. Пусть ее утешит мысль, что другие все-таки поплатятся...»

SOS

SOS

SOS

Что еще он может сделать для этой девушки?

Рядом с самолетом никого не осталось, его как будто бросили на полосу. Последние полицейские поднялись на борт. Попыталась ли Бэмби спрятаться? Жюло поймал себя на нелепой надежде: пусть случится чудо, пусть она исчезнет стружкой дыма, залезет под кресло, замаскируется под другого пассажира! Он почти поверил, что его молитвы услышаны, но тут по трапу начали спускаться полицейские – один, другой, третий, и наконец показалась Бэмби Мааль – в наручниках, под конвоем.

Все было кончено.

Жюло подождал несколько секунд – растерянный, сбитый с толку, почти удивленный тем, что тридцати полицейским так легко удалось схватить девушку, – потом сделал шаг к Петару.

В этот самый момент в кармане брюк блямкнул телефон, извещая о новом сообщении.

Удивительная мстительница бросила в море последнюю бутылку?

Он опустил глаза, прочел *leylimaal@gmail.com* и подумал, что Бэмби решила попрощаться... но тут же сообразил, что неверно прочел имя.

leylimaal@gmail.com

К тексту был прикреплен один-единственный файл, который даже не понадобилось загружать, он открылся сам.

Ледяная дрожь пробежала по спине полицейского, когда он взглянул на жуткую фотографию. Ребенок с выпученными глазами смотрел в камеру, а к шее был приставлен нож. У него за спиной стоял улыбающийся мужчина.

Глупая шутка? Жюло попытался сделать блиц-анализ каждой детали снимка. Он узнал апельсиновое дерево за стеклом, здания цвета охры на заднем плане. Значит, снимали в «Олимпе», в северной части Рабата, там, где они вчера задержали Альфа́ Маалья.

Ребенок лет десяти мог быть только... его младшим братом Тидианом.

Опознать человека с ножом Жюло не мог, хотя был уверен, что всего несколько минут назад видел это лицо – более молодое, более худое, без бороды. Видел в компании Яна Сегалена и Журдена Блан-Мартена.

Над снимком Лейли Мааль написала шесть слов.
У него мой сын
Спасите его

10:26

Фредди заклеил пластырем рты старикам, связал руки и ноги одной длинной веревкой и закрепил конец на батарее, сильно натянув. Потом надел кожаную куртку и сунул нож в карман. Тидиан сидел на стуле и растирал ногу, сконцентрировавшись на меньшей из бед. Фредди наклонился к мальчику:

– Сейчас мы с тобой отправимся в подвал. Если встретим по пути кого-нибудь из соседей и ты вякнешь хоть слово, я его убью. Если попробуешь сбежать на лестнице, маленький хитрюга, я вернусь в квартиру и *позабочусь* о бабушке с дедушкой. Все ясно?

Они спустились на два этажа, никого не встретив. Слава богу... Оказавшись на площадке, Тиди указал на белую железную дверь с ржавыми штырями. Городской художник-любитель написал во всю ширину баллончиком с красной краской: *Дверь в ад*.

Фредди достал связку ключей, которую прихватил из прихожей, вставил № 29 в замочную скважину и толкнул тяжелую створку.

– Пойдешь первым.

Тидиан никогда не спускался в ад – дед запрещал, говорил, что это логово всяких мошенников, наркоманов и дилеров. Мальчик помнил слова Муссы над черной пастью водостока: «Километры коридора, подвалы – по одному на квартиру, парковочные места, канализация...»

Он нажал на кнопку выключателя. Несколько лампочек – по одной на каждые два метра, прикинул Тидиан – освещали крутую узкую лестницу. Тидиан осторожно поставил ногу на первую ступеньку. Он так и думал, что мамино сокровище спрятано где-то в аду.

Неужели сундук с богатствами – та самая адидасовская сумка, которую требует Фредди? Как ее найти в длинном коридоре? Долго морочить голову монстру не получится, а если сумка чудом отыщется, будет еще хуже. «Я стану не нужен и получу удар ножом в сердце, потом он убьет бабулю с дедулей!»

– Ты что там затих? – скрипучим голосом спросил Фредди. – Не дури и поторопись!

Кончик ножа уколол в спину. Как будто кот зацепил когтем. Тидиан пытался собраться и не паниковать, как учил Альфа́.

«Представь, что бьешь пенальти. Забудь обо всем. Не торопись. Дыши медленно».

Дед рассказывал ему о сокровище своего деда – кувшинах с ракушками, которые в один миг превратились в ничто. Тидиан тогда спросил: «Но сокровище никуда не делось?» – и услышал от Муссы нечто непонятное, но важное. Что это было?

– Шагай, сопляк!

Тидиан спустился на одну ступеньку.

«Двигайся спокойно, – учил Альфа́. – Разбег в два шага, не больше. Смотри в другую сторону, чтобы отвлечь внимание».

– Я... мне страшно, – прошептал он. – Кажется, там крысы... И шприцы... Иногда туда сбрасывают покойников.

Тиди говорил с закрытыми глазами – хотел привыкнуть к темноте. Он с невероятной осторожностью шагнул на следующую ступеньку, слыша за спиной хохот Фредди, эхом отражающийся от бетонных стен. Смех перешел в хриплый кашель, нож снова коснулся спины. До конца лестницы оставалось не меньше десяти ступеней.

– Ладно, малыш, а теперь прибавь-ка шаг...

Свет погас, пространство погрузилось в темноту, и Тидиан решился – начал спускаться. Их с Фредди разделяло уже не меньше метра, и негодяй разразился бранью, боясь шевельнуться.

«Дай мне твою силу, мама, – молил Тидиан. – И глаза совы... Нога – ступенька, нога – ступенька, еще одна, дальше, дальше от него...»

Тиди выхватил из кармана платок, обмотал кулак, нашел глазами на стене более темную тень и ударил. С хрустом разбилась лампочка.

«Двигайся вперед! – приказал себе Тидиан. – Нужно разбить все лампы, которые встретятся по пути. Ты тренировался. Ты видишь в темноте. Уж точно лучше Фредди».

Он разбил следующую лампочку через секунду после того, как Фредди нажал на кнопку. Монстр с ножом успел заметить силуэт в самом низу лестницы, и все снова погрузилось во мрак. Яростный вопль. Хлопнула дверь. Чудовище покинуло ад.

Сначала мальчик испугался за бабушку и дедушку. «Попробуешь сбежать, я вернусь и позабочусь о них!» – пригрозил ему убийца. «Ничего ты не сделаешь! Тебе нужна сумка, и ты уверен, что загнал меня, как крысу в лабиринте...»

Тиди понимал, что времени у него совсем мало: Фредди сходит за фонарем и вернется.

Мальчик двигался быстро, на ощупь, ведя ладонью по холодной, липко-влажной стене, по которой тянулся электрический провод. Лодыжка распухла и жутко болела, кончики пальцев покалывало.

«Иди! – приказал он себе. – Иди и бей лампочки!»

И он шел и бил, понимая, что в этом подвале вряд ли найдется выход, совсем как в каменном гроте.

Так будет рассуждать Фредди.

И потому обязательно вернется.

74

10:31

– Я должен с вами поговорить, Петар.

Майор смотрел, как марокканские коллеги ведут вниз по трапу аэробуса Бэмби Мааль. Эскорт как у голливудской дивы, ну в крайнем случае, как у старлетки студии «Атлас».

Уарзаат[118]. И умереть...

– Тогда поторопись, – ответил Велика. – Как только девица окажется в здании, я включаюсь в игру. Не люблю, когда меня отодвигают усачи в каскетках, которым всего-то и нужно, что произвести арест! После того как мы сделали всю работу.

– Не здесь, патрон. Наедине...

Петар даже не посмотрел в сторону подчиненного – первые члены группы захвата появились в зале.

– Пожалуйста, патрон. Мне нужна всего минута. Вопрос жизни и смерти.

Жюло кивком указал на дверь туалета напротив. Полицейские перекрыли зал В с 10-го по 16-й выход, так что посетителей в сортире быть не могло. Петар сдался:

– Ладно, парень. Надеюсь, ты не собираешься снова защищать твою возлюбленную. Захочешь взять ее замуж, придется подождать лет тридцать.

Они вошли, Жюло закрыл дверь, а майор решил воспользоваться писсуаром.

– Ну давай выкладывай, раз уж я здесь... – велел он и начал расстегиваться. – Чего ты ждешь?

Он повернул голову и так изумился, что забыл, чем занимается, и начал поднимать руки.

Жюло целился в него из «Зиг Зауэра».

– Ты... ты что, рехнулся?

– Мне очень жаль, патрон. Я не считаю вас мерзавцем, думаю, вы просто пытаетесь не потонуть в окружающем бардаке.

– Ничего не понимаю, чертов ты придурок! Опусти оружие и...

– Вам не нужны неприятности и заморочки. В обмен на место под солнцем вы всего лишь отворачиваетесь, когда речь заходит о беженцах. Смотрите в другую сторону.

Петар опустил руки, застегнул ширинку и решительно шагнул к своему лейтенанту.

– Ну все, хватит!

– Стойте на месте, патрон! Стойте, или я прострелю вам колено.

Велика замер. Этот кретин настроен решительно, он все еще свято верит в принципы.

– Что собираешься делать?

– Буду импровизировать... чтобы спасти то, что еще можно спасти. Дело срочное, но вам я его доверить не могу. Придется самому... Сага семьи Мааль не должна закончиться трагедией. Я попытаюсь выручить самого невинного из детей Лейли. Возьму ваше оружие и наручники – пристегну вас к батарее. И не изображайте героя – не ваш жанр. Мне нужно пять минут форы, потом начинайте орать, и дружки из королевской полиции придут и освободят вас.

– Тебя вышвырнут со службы, лейтенант. Зачем... Зачем ты это делаешь?

Жюло посмотрел патрону в глаза и ответил:

– Иногда нужно уметь выбрать правильную сторону.

Через три минуты Жюло вышел в зал В.

Никого.

Запаниковав, он бросил взгляд на летное поле.

Никого.

Он стартовал как подорванный, прыгая через несколько ступенек, спустился по эскалатору и побежал вдоль багажного транспортера, пустого и неподвижного. Дежурный таможенник у первого выхода смотрел на него не моргая, наслаждаясь тишиной после напряженной суеты.

– Девушка... Девушка из бейрутского аэробуса... Где она?

Таможенник пожал плечами и лениво процедил:

– Они ее забрали. Стояли у второго выхода, но сейчас наверняка уже уехали. Повезут в центральный комиссариат Рабата.

Жюло устремился к выходу, даже не поблагодарив, перепрыгнул через ленточный барьер безопасности, обрекающий несчастных пассажиров на бессмысленные повороты-развороты, едва не упал на скользком кафеле пола, резко свернул и увидел за стеклянной дверью силуэты полицейских, синие вращающиеся фары на крышах машин, а за ними – стоянку автобусов и такси.

Нужно успеть, пока они не тронулись с места! Жюло рванул так стремительно, что автоматические двери не успели открыться. Пришлось резко притормозить, чтобы не пробить головой стекло. Короткая задержка позволила перевести дыхание, но, оказавшись на улице, он едва не получил тепловой удар.

Полицейский фургон с затемненными стеклами был припаркован прямо перед входом. Узнать, там ли Бэмби, не представлялось возможным. Жюло подошел к молодому офицеру-марокканцу – высокомерный вид, мундир с галунами, фуражка натянута до бровей, пытается смотреть из-под козырька и потому напоминает жирафа.

– Жюло Флор, я из АЗИЯ ДМС.

Офицер королевской полиции смерил скептическим взглядом странного типа – потный, волосы взлохмачены, мятая рубашка расстегнута, – но стоявшие на тротуаре коллеги кивком подтвердили, что тот не врет.

– У меня указания министерства внутренних дел Франции, – с апломбом заявил Жюло. – Я должен допросить подозреваемую.

Капитан Жираф махнул рукой – мол, жди своей очереди, дружок, у Франции нет привилегий, закон тут представляю я, времена

изменились, это вам не эпоха протектората. Мистер Жираф сумел выразить все это жестом и презрительной гримасой.

– Меня прислал майор Велика...

В воздухе возникло напряжение. «Спасибо, Петар, у тебя талант нагонять на людей страх. Даже эти побаиваются...»

– Он... – Жюло действовал наугад, понимая, что должен играть по крупному, если хочет получить шанс. – Они обнаружили следы в соцсетях... Покушение в Марселе... – Слова нанизывались друг на друга сами собой. – Первый день конгресса «Фронтекса», двадцать восемь европейских министров, столько же африканских... Проклятье, открытие меньше чем через восемь часов, а эта девица – ключевой персонаж.

Капитан мотал головой, рискуя травмировать шейные позвонки о жесткий околышек фуражки. Он тянул время, но Жюло знал, что победил. Марокканец ничего не потеряет, если даст ему поговорить с задержанной несколько минут. А вот если откажет...

Жираф открыл дверцу фургона:

– Ладно... Залезайте.

На этот раз маску высокомерной сволочи надел Жюло. «Еще раз спасибо, Петар!» Он смерил группу марокканских коллег таким взглядом, как будто точно знал, что у каждого есть дальний кузен-исламист, потом посмотрел в глаза капитану:

– Думаю, не нужно уточнять, что все ее показания конфиденциальны? – И покрутил на пальце ключи от дежурного «рено», запаркованного метрах в ста от фургона.

Марокканец колебался, и Жюло решил не напирать сильнее, хотя понимал, что в зале аэропорта может в любую минуту появиться Петар или один из таможенников, услышавший вопли майора. В конце концов капитан толкнул фуражку пальцем под козырек, что должно было означать согласие, и знаком приказал четырем подчиненным отконвоировать задержанную в «рено».

– Кто вы?

– Лейтенант Жюло Флор. Опустите глаза, когда я буду говорить, изображайте недоверие и отвечайте короткими фразами.

– Во что вы играете?

Бэмби Мааль сидела на пассажирском месте. Расстегнутая куртка, длинные волосы в беспорядке. Неправдоподобно красивая. В глазах,

сухих, черных, как застывшая лава, плескалась ярость пополам с отчаянием. Сила характера прикрывала бездонную скорбь.

В жизни она оказалась еще прекрасней, чем на фотографиях. Пусть его выкинут из национальной полиции, осудят, расстреляют – свидание наедине с Бэмби Мааль того стоит.

– Ваш младший брат в опасности. В «Олимпе». Мне нужна ваша помощь.

Бэмби выдержала удар, хотя была на грани слез. Лейтенант бесшумно закрыл дверцу, вставил ключ в зажигание.

– Побудьте голосом навигатора или моим штурманом, как вам больше нравится, чтобы мы как можно быстрее попали в квартал Апельсиновой роши и квартиру ваших деда и бабушки.

– Они больше на нас не смотрят, – тихо произнесла девушка. – Едем, в конце дороги поверните направо!

Машина так резко рванула с места, что ни один из марокканцев, стоявших на тротуаре, не успел среагировать. Жюло до отказа вдавил в пол педаль газа, Бэмби отбросило на спинку кресла, куртка распахнулась.

– Осторожнее! – рывкнула она на лейтенанта.

Жюло старался не думать о том, что рядом, возможно, сидит девушка, совершившая два убийства.

– Налево, потом еще раз направо, так будет короче. Этой дорогой они не поедут.

Жюло подчинился, подумав, что даже Петар обращается с ним уважительней, когда он сидит за рулем.

– Дайте мне оружие!

– Чтооо?!

В конце проспекта Хасана Второго блестел синевой океан. Они будут в «Олимпе» через три минуты. Он резко свернул направо и на миг восхитился красотой воительницы Бэмби. Черт, он и правда помешался на этой девушке!

И тут она его добила.

– Между прочим, господин красавчик, я тоже умею видеть сквозь рубашку. У вас два пистолета. Дайте мне один!

10:37

Пробираясь по лабиринту, Тидиан кулаком разбил все лампочки, одну за другой, вырубив в аду весь свет. Он порезался, но в темноте не мог разглядеть, в крови белая ткань или нет, но на ощупь платок был мокро-склизким.

Плевать. Ему не больно!

Мальчик упорно двигался вперед по темным коридорам, ориентируясь на редкие серые просветы. Глаза быстро привыкали – помогли тренировки на «жизнь вслепую». Он различал очертания закрытых дверей в подвалы и более светлые ответвления в конце длинных проходов.

Тидиан неосознанно прибавлял шаг, но ходил по кругу.

Оставшись в одиночестве, он довольно быстро заметил впереди свой драгоценный мяч, но оставил его лежать посреди коридора как вешку и отправился дальше, на поиски другого выхода. Сворачивал направо, налево, старался не пропустить ни одной развилки... и вернулся к мячу.

Ужасное подозрение подтвердилось: другого выхода не было!

Мяч он взял с собой.

Тидиан находился в конце первого длинного прохода, в который спускалась лестница, и вдруг заметил свет.

Фредди!

Мальчик вжался спиной в стену. Ужасный человек не мог его видеть, а вот Тиди ясно различал огонек антикомариной пирамидки, одной из тех, которые дед зажигал ночью на балконе. Огонек подсвечивал лицо преступника, как в историческом фильме о Средневековье, когда палачи с факелами являлись в темницу, чтобы увести заключенных в пыточную. Тидиан попятился. Фредди двигался медленно, заглядывая в каждый темный угол. Он, должно быть, изучил план и прекрасно знал, что жертве некуда спрятаться, а бежать, даже очень быстро, глупо – конец все равно будет один.

С сокровищем или без него.

На всех решетках в аду висели замки. Тидиан по несколько раз проверил каждый проход, повертел все ручки, толкнулся во все двери – ни одна не открылась.

И никаких следов сумки!

Тиди крался бесшумными шагами, а свет приближался, обозначая местоположение Фредди, что давало мальчику преимущество.

Надолго ли? Скоро монстр прибавит шагу, прислушается, остановится, свернет, и они неизбежно встретятся. Тидиан понимал, что обречен.

Он сжал ладонями мяч, свое единственное оружие. «Ну и как ты намерен обороняться, дурачина?» Тиди свернул в темный коридор и зашагал вперед, дрожа от страха. Вот сейчас, сейчас убийца подкрадется и схватит его за плечо.

Раздавшийся крик напугал мальчика до смерти. Он шел из стены, нет, с потолка. Тиди готов был побиться об заклад, что кричала сова.

Он сделал еще один шаг и вдруг растянулся плашмя, в последний момент выпустив мяч из рук, и тот откатился на несколько метров. Рыхлая земля смягчила падение. Вокруг было абсолютно тихо. Приподнявшись, он разгреб ладонью пыль и все понял.

Корень!

Теперь Тидиан передвигался на корточках, ведя пальцами по бугорчатой поверхности. Корень извивался по коридору, вдоль стены, потом резко уходил вверх, к потолку. Апельсиновое дерево! Это наверняка оно!

Ад тянулся под всем кварталом «Олимп». Скорее всего, подвалы оборудовали вокруг дерева, а со временем корни проросли сквозь некоторые из них. Тиди знал двор как свои пять пальцев, единственным выходом на поверхность между стволом и асфальтом были дождевые стоки. Слишком узкие для человека. Но что, если дерево проделало отверстие, как вода в гроте, и там образовалось пространство, где он сумеет затаиться?

Тидиан полз на четвереньках между корнями и – о счастье! – добрался до укрытия, невидимого из коридора, и вздохнул с облегчением: он втиснется! Фредди пока его не догнал, значит, шанс есть. Тиди почувствовал себя в безопасности, сердце утихомирилось, мысли, метавшиеся, как обезумевшие от страха бабочки, постепенно успокаивались.

Может, Фредди пройдет мимо и не заметит его? Тидиан и сам бы не заметил укрытия, если бы не споткнулся о корень. Может, он и не попадет в руки злодею? Может... Внезапно в ушах прозвучал голос

дедули Муссы, разгоняя смятение. Так бывает, когда, разбирая бумаги, случайно находишь старое письмо и оно помогает успокоиться.

Теперь он вспомнил наставление деда, каждое его слово.

Ты найдешь сокровище, настоящее сокровище... там, где наши корни.

Что, если дедушка специально так сказал? *Корни*. Наверное, он не хотел, чтобы внук узнал слишком опасный секрет, потому и произнес фразу с двойным смыслом, надеясь, что Тиди все поймет только в нужный момент?

Мальчик вытянул руки вперед, в темноту, пошарил между сплетением корней, сердце ухнуло вниз, макушка едва не пробила свод пещерки.

Пальцы нащупали нечто.

Холодное. Мягкое. Сумка! Кожаная или нейлоновая.

Очень медленно, почти не дыша, Тидиан потянул ее к себе. Сумка была тяжелая, она как будто выросла в кирпичи и поддавалась с трудом. Дело заняло несколько бесконечно долгих минут, но мальчик победил: обнял сокровище, перевернулся на спину, обдирая спину и бока, пачкая заветную футболку Баррады. Он сейчас напоминал пса, защищающего сахарную косточку.

Сумка была закрыта.

Тидиан долго колебался, вслушиваясь в тишину, подтянул ноги к животу, чтобы Фредди их не заметил.

Никаких признаков жизни тот не подавал...

Тиди тихонько нажал на кнопку ручных часов, зеленый луч осветил его убежище и три маленьких синих листочка, перечеркнутых тремя горизонтальными чертами. Конечно же, он знал этот логотип – видел его на футболках «Олимпиака». *Adidas!*

Судя по весу, сумка доверху была набита золотом.

Тидиан насторожился, прислушивался несколько секунд и потянул за молнию.

Она пошла легко, беззвучно, только сердце стучало громко-громко. «Не торопись! – скомандовал себе мальчик и расстегнул молнию до конца. – Молодец, первый этап завершен...»

Он сунул руку с часами внутрь, чтобы разглядеть сокровище, но сделать это за один раз было невозможно. Тидиан отказался от намерения взвесить в ладонях золото, как делают в кино пираты,

открыв сундук с кладом. Будет много шума, слишком рискованно. А так хочется!

Лучик высвечивал золотые цепочки, кольца, браслеты, украшения с бриллиантами и другими камнями (наверное, тоже драгоценными), часы, серебряные ручки, кожаные бумажники. Пальцы тащили из глубины очки в золотой оправе, пиджачные пуговицы, мелкие безделушки из слоновой кости, зажигалки и...

Тидиана чуть не стошнило: золотые зубы! Он вспомнил урок истории, на котором мадам Обадиа рассказывала им о нацистских концлагерях, о том, как эсэсовцы отбирали у евреев, цыган и калек все ценное, а потом отправляли их в газовые камеры. Обманывали несчастных, говорили: «Получите все обратно после душа...» Сволочи!

Мальчик смотрел на свою находку и чувствовал отвращение. Неужели все это принадлежало людям, которых убили? Поэтому мамин клад проклят? Нужно повнимательнее рассмотреть каждый предмет.

И тут небеса услышали его: свет залил сотни золотых предметов. А через секунду спину Тиди обдало жаром, словно где-то рядом разгорелся адский огонь.

10:38

– Объясните мне, Велика.

Журден Блан-Мартен не пожелал выслушать извинения Петара. Больше всего он сейчас сожалел о том, что их с майором разделяют две тысячи километров. Не будь сыщик в Рабате, он с наслаждением вмазал бы ему по роже. И легавый стерпел бы! Кусал бы губы и просил прощения.

– Объясните, как вам удалось совершить такой... подвиг, майор. Ян Сегален заманил девку в западню, я преподнес ее вам на блюдечке, вы пригнали на летное поле рабатского аэропорта тридцать полицейских – и не сумели ее задержать?

– Я не мог знать, что мой заме...

– Слушайте внимательно, Велика. Я делаю *мою* работу и выполняю *мою* часть договора. Регулирую рынок нелегалов лучше «Фронтекса» или консульства. Избавляю вас от многих неприятностей

и прошу взамен об одном: обеспечьте мне покой! Без меня вы бы остались заштатным легавым, Велика. Если хотите сохранить место под солнцем, найдите девушку. Быстро и любым способом. С семьей Мааль нужно разобраться. Окончательно. Понимаете? Я займусь матерью, вы – детьми. Думаю, эта... работенка будет вам по плечу, а, Велика?

– Конечно...

Блан-Мартен закончил разговор не простившись. Этим утром он нуждался в покое. В ясности мыслей. Вечером открывается симпозиум «Фронтекса». Нужно отшлифовать речь, подготовиться к выступлению перед пятьюдесятью министрами и главами государств. Нет времени ни на проблемы ассоциации, ни на Адиля Заири, который вынырнул из ниоткуда, ни на утопленников, на которых всем плевать. Кстати, их смерть поможет сделать вступительное слово более эмоциональным. Долгая жизнь научила Журдена: публика любит свежие трупы – они вызывают сострадание.

Журден вышел босиком на согретый солнцем деревянный пол террасы. Он успеет подумать в бассейне, но сначала нужно изничтожить под корень семейство Мааль. Все приходится делать самому. Он снял трубку внутреннего телефона:

– Ибра, Бастун, поднимайтесь, вы мне нужны.

Двое телохранителей ждали у входа на стеклянную галерею между бассейном и домом. Стояли скрестив руки, похожие на тренеров по плаванию, бдительно наблюдающих за питомцами. Блан-Мартен убедился, что Сафьету нет поблизости, шагнул к ним и кивнул на высокие башни:

– Совершите небольшую прогулку, парни. В Эг Дус. Еще раз. Загляните на несколько минут и сразу возвращайтесь. Корпус *Н9*, этаж 7, только на этот раз не проколитесь.

Ибра и Бастун ответили невыразительными (читай – тупыми) взглядами, и хозяин сделал еще один шаг, развязал пояс халата, оглянулся, нет ли чужих ушей, и не сказал – прошипел:

– Убейте ее!

10:41

Альфá не верил ни в чудеса, ни в амулеты – все это для легковерных болванов, – что не мешало ему носить на шее эбеновый треугольник и касаться кулона, думая о Бэмби. Казалось, так они объединяют свои силы – даже не расстоянии.

Они терпеливо ждали на перекрестке улиц Папена и Гамбетты, стояли под козырьком автобусной остановки и смотрели на виллу «Ла Лавера».

Альфá верил, что успех принесет только сила вкупе с хитростью, именно это обеспечило успех первой половины его плана в Марокко. Он досконально изучил каждое место, контролировал привычки полицейских, проводников, сети нелегалов и справился со всеми этапами. Но здесь, во Франции, мог руководствоваться только инстинктом.

Альфá хотел действовать в три приема: позвонить в ворота виллы, наставить на охрану оружие, войти. А на деле все оказалось гораздо сложнее. У Саворньяна, Захерина и их товарищей не было оружия, охранники не утратят бдительности, да и камеры везде понатыканы. Любая попытка проникновения закончится провалом. Все старания пойдут прахом.

И тут случилось чудо!

Ворота открылись и... остались открытыми! Из них вышли два охранника. Вразвалочку, на своих двоих, как будто решили купить сигарет или выпить пива на террасе. Альфá проводил их взглядом до поворота на улицу Габриэля Пери, которая вела к Эг Дус. Неужели бугаи собрались на пробежку вдоль моря? Или решили окунуться? А может, у них встреча с одним из мелких гаденышей, работающих на их патрона?

«Сейчас!» – решил Альфá. Сделал знак бенинцам, они прокрались вдоль стены к воротам. Вошли. Камеры их, конечно, зафиксировали, но охранников нет, так что... Альфá толкнул дверь, все четверо просочились внутрь и очутились лицом к лицу с женщиной в переднике. В руках она держала тряпку.

Альфá оказался самым быстрым, он подскочил к ней и зажал рот широкой ладонью, чтобы не успела закричать, и почти нежно прошептал на ухо:

– Тсс... Нас пригласили.

Насмерть перепуганная Сафьету переводила взгляд с одного незваного гостя на другого. Все пятеро – кожа у них была такая же темная, как у нее, – сохраняли молчание и полное спокойствие.

– Мы друзья твоего хозяина, – уточнил Альфа́. – Давние... Где он?

Сафьету не отвечала, и он повторил на бамбара:

– *Min kɔrɔn i patɔrɔn?*

Женщина удивилась, но все еще казалась очень испуганной. Она не произнесла ни слова, только подняла глаза к верхним этажам и террасе. Альфа́ убрал руку, и Сафьету уставилась на пистолет у него за поясом.

– Мы хотим сделать ему сюрприз. Ты ведь не испортишь Журдену удовольствие?

Пятеро начали бесшумно подниматься по лестнице.

78

10:44

Тидиана схватили за лодыжки и потащили. Битые кирпичи до крови обдирали живот, руки, ноги. Он попробовал уцепиться за пустоту, за пыль, за тяжеленную сумку, но его рывком выдернули на голый цементный пол коридора.

Огонь лизал серые стены, растягивая каждую тень до немыслимых размеров. Самой длинной казалась тень Фредди. Воздух рядом с закутком нагрелся от горящей пирамидки, которую ужасный человек пристроил на трубу, чтобы освободить руки. Он толкнул Тиди к стене и вырвал у него сумку.

– Ты чертов маленький хитрец, я не ошибся, поверив тебе. – Он посмотрел на пещерку под корнем апельсинового дерева. – Если бы не мяч, я бы не остановился. Хорошо, что ты его забыл.

Тидиан с ужасом посмотрел на свой амулет и поднял глаза на Фредди.

– Между прочим, я не ворую, а забираю то, что... э-э... одолжила твоя мама. – Фредди прикинул вес сумки, подняв ее с пола. – Почти такая же тяжелая, как была. Она мало что взяла, так?

Мальчик попробовал встать, но Фредди толкнул его ногой.

– Я не сомневался, что твоя мать потратит деньги, а к вещам не прикоснется. Она слегка суеверна.

Фредди расстегнул молнию, проверил содержимое и гаденько ухмыльнулся:

– Сунул внутрь свой любопытный нос, а? Понимаешь, почему я хотел вернуть этот клад? Не из-за его стоимости, хотя эту копилку я собирал много лет. Все дело в призраках – бывших хозяевах этих вещей. В безликих, давным-давно сгинувших людях, которые никогда никого не смогут обвинить, потому что их прах развеял ветер пустыни. Но вещь бывает говорливее человека, малыш... Кольцо, цепочка, браслет могут спустя годы обратиться к мужу, подарившему украшение, или матери, которая его носила. Вещь не убьешь, понимаешь? Вещи можно спрятать. Или продать – далеко от того места, где их нашли.

Фредди бросил сумку на пол, и в воздух поднялась пыль, а по коридору разнеслось глухое эхо. Он повернулся к мальчику. В руке снова блеснул нож.

– Но ты, Тиди, ты ведь тоже заговоришь, да? И у тебя нет ничего ценного, такого, что я захотел бы взять на память.

Фредди сунул нож в туман, как будто решил нанести удар пыли (так психи охотятся на светлячков), но всего лишь проколол мяч, который сдулся почти мгновенно, как воздушный шарик, со зловещим змеиным шипением.

И Тидиан не выдержал. Сил не доставало, но овладевшая им ярость не знала преград. Он вскочил на ноги, заметил лестницу в конце коридора и сказал себе: «Ты его обгонишь, ты выберешься, ты отомстишь!»

Фредди схватил мальчика, предугадав его намерение, и остановил легко, как малыша, только-только вставшего на ножки. Преступник притиснул Тиди к себе, не давая дышать, от него воняло потом и спиртным.

– И не надейся, парень... Ты никому ничего не расскажешь. Кроме того, я поклялся, что заставлю твою мать страдать так же сильно, как страдал сам. Я мог просто убить ее, но это просто и пошло... А вот украсть сына...

Тидиан больше не отбивался – сделать это с ножом у горла трудно, и монстр слишком сильный.

– Бросьте оружие!

Пыль осела. В конце коридора, у лестницы, на которую падал свет из открытой двери, стоял человек с пистолетом в руке.

«Легавый» – подумал Адиль.

– Бросайте немедленно!

Голос дрожал. Дрожала и рука.

«Парню лет тридцать, в живую мишень никогда не стрелял... – лихорадочно думал Адиль. – Это шанс...»

Он сильнее прижал нож к шее мальчика, чуть уколол в яремную вену.

– Выстрелите, – крикнул он, – и я его убью! Пушку на землю и толкните ко мне, да посильнее.

Полицейский колебался... Адиль возликовал. Легавый не станет рисковать жизнью малолетки. Десятилетний заложник – лучшая в мире страховка.

– Мне терять нечего, – сквозь зубы процедил Заири. – Если что, зарежу парнишку не моргнув глазом. Не впервой...

– Ладно, ладно, не горячись!

Полицейский поднял руку в знак согласия, наклонился и швырнул оружие в сторону Адилья.

Недостаточно сильно.

Пистолет остановился в пятнадцати метрах от хозяина и в двадцати – от Адилья.

«Хороший ход! – мысленно похвалил преступник и еще сильнее сжал рукоятку ножа. – Поиграть решил, хитрец? Надеешься опередить меня?»

Адиль принял решение: он воткнет нож в грудь мальчишке, сраный зеленый ковбой кинется на него и получит удар окровавленным лезвием. Промахнуться просто невозможно.

Он сделал глубокий вдох. Почувствовал, как одеревенело тело мальчика, и ослабил захват. «Пусть сделает шаг в сторону, и я с ним покончу!» Адиль вздернул вверх руку с ножом, собираясь нанести удар в сердце.

Эхо выстрела прокатилось по стенам.

Прежде чем пуля вошла в легкое Адилья, он с недоумением посмотрел на пистолет на полу и подумал: «Но как...» Падая на пыльный пол, он заметил за спиной полицейского тень. Тонкую.

Женскую. Такую же холодную, решительную и беспощадную, как он сам, Адиль Заири.

– Тиди!

– Бэмби!

Мальчик кинулся к сестре. Лейтенант Флор опустился на нижнюю ступеньку. Потерянный. Успокоенный. Гордый собой. Лишившийся последних сил. Не способный понять, что чувствует. Его, конечно же, выпрут из полиции. Он спас жизнь десятилетнему мальчику и стал соучастником убийства – последнего из трех, которые эта девушка совершила за три дня. Девушка, которую придется отдать в руки правосудия.

Он достал из кармана телефон:

– Комиссариат Рабата? Позовите полицейского. Любого.

Бэмби Мааль повернулась к Жюло. В ее заплаканных глазах не было ни упрека, ни страха, ни раскаяния. Лейтенант нашел в них ответ на вопрос, мучивший его с того дня, когда он впервые увидел ее лицо, зафиксированное камерой наблюдения, и удивился вызову во взгляде.

Сегодня глаза Бэмби выражали благодарность.

Она поцеловала брата в лоб, подошла к Жюло и медленно опустилась на ступеньку. Лейтенант говорил на арабском. Он переложил телефон в другую руку.

– Пожалуйста, – попросила Бэмби. – Я пойду с вами. Обещаю. Сама. Добровольно. Только дайте мне несколько минут.

Она долго молчала, потом уточнила:

– Ровно шесть минут.

10:50

«Убейте ее», – сказал патрон. Хорошо, что на этот раз приказ ясен как день.

Ибра и Бастун остановились на углу улицы – перекурить и оглядеться. Несколько редких прохожих квартала Эг Дус шагали молча, опустив головы. Между башнями не было камер наблюдения, домофоны сломаны, свидетелей никаких – даже дилеров и наблюдателей на лестничных клетках. Гофрированные металлические

жалюзи на витринах магазинов опущены, машины на парковках выглядят брошенными, балконы пусты – если придется срочно уходить, даже соседей не потревожишь. Открытый и пустынный квартал – входи, убивай и исчезай безнаказанно.

Ибра прикурил от сигареты Бастуна. Они посмотрели на башню *Н9*, им даже искать не пришлось. Из всех балконов, загроможденных столами и стульями, велосипедами и скейтами, бельем и цветами в горшках, только на одном стоял человек. Это была Лейли Мааль. Женщина смотрела на море, как арестант на небо через решетку.

«И в ожидании палача...» – размечтался Ибра. Компанию Лейли составлял странный тип в шляпе. Старик. Высокий и худой, похожий на пастора-исповедника. Так выглядят исполнители последней воли. Тем хуже для него.

Ибра и Бастун сделали по три-четыре затяжки, затоптали окурки и пошли к дому, ровняя шаг.

Лейли курила.

Последнюю сигарету приговоренной к смертной казни.

80

10:51

Журден Блан-Мартен не услышал, как они появились.

Альфá, Саворньян, Захерин, Уисли и Дариус тихо поднялись по лестнице. Они были настороже, хоть Сафьету и сказала, что хозяин на террасе над городом, один – как всегда. Никто не должен его беспокоить.

Когда открылась стеклянная дверь, Журден не услышал. На большую тиковую террасу доносился единственный звук – журчание джакузи.

Председатель ассоциации «Вогельзуг» плавал в большом бассейне. От бортика до бортика и обратно, идеальным кролем.

Пятеро мужчин подошли ближе, и на сей раз Журден не мог их проигнорировать, но все-таки закончил дистанцию, прежде чем снять очки для ныряния. Если он и удивился, то мастерски это скрыл.

– Альфá Мааль? А я полагал, что вы еще в Марокко. Ошибся. Хорошо сыграно. Просто великолепно. Пересекли Средиземное море

тайно от меня – наверное, на «Севастополе». Кстати, яхту вы наняли на мои деньги, верно? А я думал о вашей сестре... Снимаю шляпу – характер у вас решительный.

Журден снова надел очки и поплыл в противоположную сторону, давая понять, что разговор окончен и с Альфá хватит этого комплимента. Саворньян положил руку на плечо другу:

– Мы обойдемся без тебя, брат.

Четверо бенинцев молча разошлись по разным сторонам, и каждый занял позицию у бортика. Блан-Мартен подплыл к железной лесенке, чтобы подняться и надеть халат, оставленный на шезлонге. Как только он взялся за перекладину, Саворньян наступил ему на пальцы. Журден взвыл.

– Псих ненормальный! На что вы рассчитываете?

Он обвел взглядом периметр бассейна. Четыре черных прямых силуэта образовывали правильный ромб, контролирующий прямоугольник воды. Достать ногами до дна Блан-Мартен не мог и поплыл к противоположному бортику, но ухватиться не успел. Африканец в дырявых кроссовках одарил его презрительным взглядом и поднял ногу.

«Смешно!» – подумал председатель. Он каждое утро плавает по тридцать минут, так что они первыми устанут от нелепой игры. Полежав на воде, Журден поплыл в другую сторону, туда, где стоял кудрявый молодой парень с печальными глазами, похожий на артиста. Выглядел он богемно, но вылезти Блан-Мартену не дал.

Подсознательно, пытаясь не подавать вида, Журден начал прикидывать, когда вернутся Ибра и Бастун. Унижаться, умолять он не желал – это было бессмысленно. Руки и ноги начали уставать. Обычно он отдыхал у стенки и плыл дальше, но к сюрплясу его еще не принуждали.

Когда он начнет тонуть? Через час? Через два? Намного раньше? Прошло уже двадцать минут, ему нужно было за что-нибудь подержаться или поставить ногу на твердую поверхность. Журден обвел взглядом пришельцев, посмотрел на Альфá. Наверное, его отстранили от дела, сочтя слишком молодым для убийства. Этот вывод напугал Блан-Мартена, и он перестал грести, хотя держать голову над водой и говорить оказалось непросто.

– Проклятье, чего вы хотите?

Нет ответа... Африканцы удостаивали его взглядом, только если он приближался к бортику, смотрели вдаль, на Средиземное море, как будто ждали появления призрака.

– Ладно... – выдохнул Журден. – Молчите дальше.

Он успокоился. Оружие они решили в ход не пускать, будут просто ждать. Чего? На случай, если усталость победит, есть надувной плавучий остров посреди бассейна. Остров сокровищ для пиратской мелюзги.

Держаться на плаву становилось все труднее. Журден насмешливо улыбнулся и в несколько гребков добрался до пластикового острова, где можно будет продержаться до возвращения телохранителей.

Но руки Блан-Мартена хватали пустоту. Остров оказался иллюзией. Недостижимый берег, сдуваемая мечта. Блан-Мартен только теперь вспомнил, что на дне рождения мальчишки шампурчики с конфетами превратили в гарпуны и тыкали ими в надувные понтоны, так что через двадцать минут аниматорам пришлось эвакуировать всех на сушу.

Журден надеялся, что остатков воздуха хватит и он успеет передохнуть. Эта «земля» примет его, приютит, поддержит. Хотя бы ненадолго. О большем он не просит.

Остров утонул под весом его тела. Журден цеплялся за сдувшиеся кокосовые пальмы и пляжи, хватал пальцами блестящие кругляшки – шоколадные пиастры, превратившиеся в вонючую липкую массу.

Блан-Мартен продержался еще много долгих минут. Потом утратил представление о времени. Вода доходила до шеи. До подбородка. До шеи – все чаще.

Журден десятки раз пробовал добраться до бортика. Силы были на исходе. Он замерз. Каждая попытка заканчивалась одинаково: один из членов зловещей четверки наступал ему на пальцы.

Он кричал, вопил, молил. Ждал, что вернутся Бастун и Ибра, поднимется Сафьету, зазвонит телефон, появится один из сыновей. Что эти кретины телохранители до сих пор делают в Эг Дус? Журден вспоминал свое детство на берегу Средиземного моря, марши протеста на Ла Канебьер за руку с мамой, думал о конгрессе «Фронтекса», который никогда не откроет, ждал, что один из пятерых заговорит, будет оскорблять его или поблагодарит, – а почему нет, в конце концов, благодаря ему тысячи африканцев живут сегодня в Европе и рожают

тут детей, маленьких цветных европейцев. Без него это поколение метисов никогда бы не появилось на свет.

81

10:53

Четыре минуты истекли.

Бэмби ждала, прислонившись лбом к плечу полицейского. Он обнял ее за талию под курткой, и она не оттолкнула его руку. Эта ласка последняя, впереди много лет тюремного заключения. Минует вечность, прежде чем старуха по имени Бэмби выйдет на свободу, а когда это случится, от ее завораживающего мужчин тела останется лишь воспоминание.

Они были одни в этом мире, сидели на последней ступеньке лестницы в ад.

Тидиан отправился освободить деда с бабушкой и получить от них утешение. Уйти его заставила Бэмби. Валяющийся в луже собственной крови Адиль – не лучшая компания для подростка.

Пять минут.

Они переживали восхитительный миг. Идеальный. Этот человек так нежен, что она готова полюбить его. Может, он будет навещать ее время от времени, пока какая-нибудь свободная симпатичная девушка не поймает его в свои сети. Пальцы у Жюло были теплые, он гладил Бэмби, подстраиваясь под удары ее сердца, и, казалось, мог предвосхитить их и замедлить ритм. «Хорошо бы заснуть, привалившись к его плечу...» – подумала она.

Шесть минут.

Не меняя позы, даже не подняв головы, усталым, лишенным малейшего нетерпения движением Бэмби протянула руку и взглянула на результаты анализа, который сделала, обмакнув ватный тампон в лужу крови Адилья и приложив его к тест-полоскам.

AB+

9 шансов из 10.

Девять шансов из десяти, что убитый был ее отцом.

Человек, которого она застрелила.

Бэмби еще теснее прижалась к Жюло. Тепло мужского тела обволокло ее. Она чувствовала себя пустой. Нетронутой. Освободившейся.

Ее поиски окончены.

82

10:57

Ибра и Бастун стояли на парковке между машинами и смотрели на пустой балкон на восьмом этаже. Балкон квартиры Лейли Мааль с бельем на веревке.

Они честно старались выполнить работу, их не в чем упрекнуть. Попытались выполнить приказ.

Убейте ее.

Дисциплинированные солдаты вопросов не задают.

Бастун до крови кусал губы. Ибра то и дело нервно поддавал носком ботинка камешки. Друг с другом бандиты не разговаривали.

Не их вина, что на лестничной клетке было полно легавых, потому их и взяли с поличным, то есть с оружием. Патрон будет в ярости, когда узнает. Но что они могли сделать? Только поднять руки, дать надеть браслеты и – главное – держать рот на замке.

Когда их сажали в полицейский фургон, оба в последний раз посмотрели на виллу «Ла Лавера». И все же Блан-Мартен может на них положиться: они не промолвили ни слова!

Майор Тони Фредани дождался, когда коллеги увезут арестованных, и достал телефон.

Сигнал дошел до противоположного берега Средиземного моря за три секунды. Петар ответил через две секунды.

– Велика? Это Фредани. Спасибо, приятель. Кавалерия прибыла вовремя! Но будь так любезен, в следующий раз предупреждай пораньше.

– Не жалуйся. Скажи спасибо, что я вообще решился позвонить.

Тони Фредани расхохотался.

– Сомневаюсь, Петар. Мы виделись один раз, но я записал тебя в охотники, а не в перелетные птицы. С чего это вдруг ты изменил мнение, приятель?

Велика не ответил. Майор вспомнил их вчерашнюю встречу в комиссариате Пор-де-Бука и короткий допрос Лейли Мааль. Потрясающая женщина, сгусток сексуальной энергии.

– Может, все дело в прекрасных очах Лейли? – предположил он.

– Представь себе, нет! Как видишь, я еще глупее моего заместителя.

Майор Фредиани рассмеялся, но тут же снова стал серьезным.

– Ты сильно рискуешь, дружище. Сказал, что нарыл информацию на Журдена Блан-Мартена, чтобы я задействовал всю бригаду, и прокуратура обязательно заинтересуется, как ты раздобыл эти сведения. Я много лет пытался прижать мерзавца – и не мог!

На другом конце света, где-то под солнцем Марокко, Петар Велика молчал, обдумывая ответ. Он вспомнил, как молодой безумец Жюло Флор приковал его наручниками в сортире и устроил забег через весь аэропорт, чтобы похитить прекраснейшую девушку планеты и спасти ее младшего брата. Черт, как бы он сам хотел сделать нечто подобное! Майор вспомнил Надеж, свою парикмахершу со снежно-белыми волосами. Вечером он поведет ее в ресторан, и они будут есть лучший тажин в Рабате. Он все расскажет и прочтет восхищение в ее взгляде. В кои веки раз.

– Ты здесь, Петар? Так что тебя подвигло на спасение этой куколочки?

Пауза. И ответ – окончательно правдивый.

– Иногда нужно уметь выбрать правильную сторону.

19:30

Несколько вечеров спустя

Лейли ужинала в одиночестве. На экране ноутбука замигал синий прямоугольник.

У вас одно новое сообщение.

Странно... Она кликнула мышкой.

patrick-pellegrin@yahoo.fr

Лейли нахмурилась. Это кто еще такой?! Нет у нее ни одного знакомого Патрика... Кто-то ошибся? Она машинально открыла сообщение – так рвут, не читая адреса, конверт с чужим письмом.

Дорогая Лейли!

Пишу вам со своей личной почты, чтобы не ждать до утра с хорошей новостью. Я победил! Я сражался как лев – подробности опускаю! – и ваше досье рассмотрели первым.

Ваша просьба о новой квартире удовлетворена! Эг Дус, корпус D7, F5, 75 м², с видом на море, но на четвертом этаже, так что уж извините, но вид будет похуже. Квартира уже свободна. Я проверил по плану, при переезде вам придется преодолеть всего 250 метров: спуститься на восемь этажей и подняться на четыре.

Я очень рад за вас, Лейли. За вас и вашу большую семью. Завтра утром пришлю официальное уведомление.

Искренне ваш,

Патрик.

Жестокая ирония совпадения заставила Лейли улыбнуться.

Уже свободна.

Это может подождать. Еще чуть-чуть, Патрик.

Адвокат сказал, что Бэмби грозит от двадцати до пожизненного. В убийстве Адиля Заири юристы будут настаивать на законной самообороне, но отрицать предумышленность двух первых преступлений не получится.

Альфá выйдет раньше сестры, хотя с него не сняли обвинение в соучастии в убийстве Журдена Блан-Мартена. Скандал с ассоциацией «Вогельзуг» уже неделю занимал первые полосы местной прессы. Адвокаты привлекли правозащитников, но Альфá все равно экстрадируют, Францию он не увидит – разве что двор марсельской тюрьмы «Бометт».

Тидиана поместили в приемную семью в Мохаммедии, что в семидесяти километрах от Рабата. Дедушке с бабушкой не сказали, когда они смогут его забрать. С мальчиком все хорошо, им удалось пообщаться в соцсетях, хотя и такие контакты запрещены. Врачи настаивают на психиатрическом обследовании и категорически запрещают увозить ребенка из Марокко. Административная процедура воссоединения семьи заблокирована и останется приостановленной до тех пор, пока марокканская и французская юстиция не наведут порядок

в делах. Это может занять месяцы. Даже годы, по мнению записного оптимиста Рубена.

Он иногда звонил ей.

Рубен подал в отставку с поста управляющего отелем «Ибис» в Пор-де-Буке за несколько часов до того, как генеральный директор группы «Аккор» подписал приказ о его увольнении. Рубен приземлился где-то в Андаманском море, на одном из Никобарских островов. Этот индийский архипелаг находится в юго-восточной части Бенгальского залива Индийского океана рядом с Таиландом. Люди в этой стране ходят голышом – даже мобильник в чехле нельзя на руку повесить.

Экран стоявшего перед Лейли ноутбука заснул.

Она подождет. Будет ужинать одна. Сколько понадобится.

Лейли налила себе чашку чая, и тут пришло новое сообщение.

patrick-pellegrin@yahoo.fr

Снова он...

Дорогая Лейли!

Вы сочтете меня навязчивым, а возможно, даже неприлично нахальным, но одна идея пришла мне в голову после того, как я отправил вам первое письмо.

А впрочем... Буду совершенно честен, идея появилась очень давно, но я не смел высказаться. И вот теперь собрал все свое мужество и кидаюсь в омут с головой. Вы согласитесь отпраздновать со мной хорошую новость? Скажем... сегодня вечером? Я с удовольствием приглашу вас на ужин. Или просто выпьем по стаканчику?

Лейли несколько раз перечитала робкие слова чиновника. Они показались ей искренними, да и сам Патрик был милым, честным, искренне увлеченным и... возможно, и правда холостым. Лейли встала – так ей легче думалось, – вышла на балкон и закурила. Волны лизали мол, пытаясь подобраться к подножию домов. Мальчишки купались в запрещенном месте, над нефтепроводом «Средиземное море – река Рона». Корабли уходили в море. Облака развлекались, притворяясь горами.

Лейли долго стояла, опираясь на парапет. Глупо, но мысли ее ничем не отличались от тех, что с начала времен одолевают стоящего у воды человека.

Любое море можно переплыть.

Самая меланхолическая из иллюзий!

Лейли вернулась за стол, села перед своей тарелкой, своим стаканом, своей салфеткой. Одна. Взглянула на пустой экран и решила ответить.

Дорогой Патрик!

Спасибо, но я занята. И сегодня вечером, и во все остальные вечера. Я ужинаю с детьми. Я нужна им. Знаю, вы поймете. Я должна беречь ту малую толику любви, которая осталась в моей душе. Для них.

Нежно вас обнимаю,

Лейли.

Она нажала на кнопку «отправить». И письмо улетело в параллельную вселенную, где нет границ.

Экран снова стал темным.

Мишель Бюсси

Не забывать никогда

*Артуру,
которому завтра —
18!*

*Вы заметили
на обрыве
хорошенькую
девушку? Не
протягивайте ей
руку! Могут
подумать, что это
вы толкнули ее
вниз.*

13 июля 2014 года

Кому:

Научно-исследовательский институт судебно-
медицинской и криминалистической экспертизы
(НИИ СМКЭ)

Лаборатория идентификации жертв катастроф
Заведующему Ж. Кальметту

От:

Национальная жандармерия,
Территориальная бригада коммуны Этрета,
Департамент Приморская Сена
Лейтенанта Б. Донадье

Господин Кальметт,

Ночью 12 июля 2014 года, около 2 ч. 45 мин.,
возле населенного пункта Валлез д'Этиг,
расположенного в трех километрах к западу от

коммуны Ипор, произошло обрушение толщи скалистого берега, от которого отделился и рухнул блок объемом примерно 45 000 кубических метров. Такого рода нарушения устойчивого состояния известнякового массива на нашем побережье не редкость. Помощь, прибывшая на место менее чем через час, констатировала, что в результате обрушения никто не пострадал.

Людей под обломками не оказалось, но спасатели обнаружили странную находку, которая, собственно, и побудила написать это письмо. Среди громоздившихся на берегу меловых глыб нашли останки трех человек.

Жандармы, прибывшие на место происшествия, не обнаружили поблизости ни одежды, ни личных вещей, позволявших идентифицировать останки. Можно предположить, что речь идет о спелеологах, попавших в скальную ловушку, так как карстовые пещеры в известняке, из которого сложены здешние скалы, давно облюбовали поклонники подземных прогулок. Однако за последние месяцы и даже за последние годы к нам не поступало ни одного сигнала о пропавших спелеологах. Возможно, останки пролежали в земле много лет, но, насколько возможно оценить без специальной экспертизы, они кажутся не слишком давними.

Хотелось бы уточнить, что обнаруженные в результате обрушения кости разбросало по берегу в радиусе примерно сорока метров. Следственно-розыскная судебная бригада, присланная из департамента полковником Бреденом, приступила к сбору разрозненных частей скелетов. Ее предварительные выводы совпадают с нашими: не все кости одинаковой сохранности, и создается впечатление, что смерть настигла свои жертвы в разное время, с промежутком в несколько лет. Причина гибели людей пока не установлена, однако

при первичном осмотре костей и черепов следов травм, способных повлечь за собой смерть, не обнаружено.

Не имея ни малейшей зацепки для начала расследования, мы не в состоянии начать процесс идентификации, ибо не представляем, ни что произошло до гибели этих людей, ни что после. Вопросы остаются открытыми: кто эти трое? Когда они умерли? Какова причина их гибели?

Разумеется, находка вызвала множество пересудов среди местных жителей, переживающих в последние месяцы трагические события, на первый взгляд не имеющие отношения к обнаружению останков трех неизвестных.

Понимая, какое множество срочных дел находятся на контроле в Лаборатории и сколь велико горе семей, ожидающих официального установления личностей своих скончавшихся близких, я тем не менее позволю себе настоятельно просить вас дать распоряжение подчиненным вам службам, чтобы те в виде исключения срочно приступили к экспертизе вышеозначенных останков.

С уважением, Лейтенант Б. Донадье.

19 февраля 2014 года.

— Осторожно, Джамал, трава на склоне скользкая.

Накинув плащ, Андре Жозвиак стоял у дверей своей гостиницы-ресторана «Сирена» и чувствовал, что его благоразумный совет, похоже, уже неуместен. Ртуть в термометре, висевшем над меню, усиленно стремилась пересечь нулевую отметку. Ветер практически стих. Кованый флюгер в виде маленького парусника, закрепленный на одной из выступавших балок фасада, был недвижим, словно заледенел за ночь.

Андре Жозвиак наблюдал, как на его глазах на берегу занимался день: таяла тонкая корочка льда, покрывавшая машины, припаркованные перед казино; дрожала, постукивая друг об друга, крупная галька, напоминая яйца, отложенные гигантской хищной

птицей. На востоке только что пробудившееся солнце лениво поднималось над морем, выкатываясь из-за голой скалы, высившейся в Пикардии, в сотне километров от здешнего пляжа.

Джамал шел мелким шагом. Андре видел, как он миновал казино и начал штурмовать подъем улицы Жан-Эли. Сцепив пальцы, хозяин гостиницы подул в ладони, согревая их. Пора подавать завтрак немногочисленным постояльцам, проводившим зимний отпуск на берегу Ла-Манша. Поначалу он считал этого молодого араба-инвалида чудачком: тот каждое утро совершал пробежку по туристической тропе, одинаково ловко двигая как собственной мускулистой ногой, так и протезом, завершающимся стопой из углепластика, ввинченной в кроссовок. Сейчас он испытывал к нему подлинную нежность. В возрасте Джамала, иначе говоря, когда ему еще не было тридцати, Андре каждое воскресенье по утрам отмахивал сто километров на велосипеде — Ипор–Ивето–Ипор, в полном одиночестве, и те три часа, что занимала дорога, никто не полоскал ему мозги. Поэтому, когда чумовой парень из Парижа на своей силиконовой ноге каждый день с первыми лучами солнца отправляется потеть в здешние долины, он его понимает.

Тень Джамала крадучись мелькнула на углу лестницы, ведущей вверх к скалам, и быстро исчезла за мусорными контейнерами казино. Хозяин «Сирены» вышел на улицу и закурил «Винстон». Несмотря на холод, не он один рискнул высунуть нос на улицу. Вдалеке по мокрому прибрежному песку шла почтенная дама с маленькой смешной собачкой на бесконечном поводке. Дерзкий песик, напомилавший игрушку на батарейках с дистанционным управлением, истерически тявкал на пролетающих чаек. В двухстах метрах от дамы, возле воды, засунув руки в карманы потертой коричневой кожанки, стоял высокий субъект и вызывающе глядел в морскую даль, словно намеревался взять реванш над горизонтом.

Затушив окурок, Андре вернулся в гостиницу. Он не хотел, чтобы его увидели в домашнем костюме, небритым и непричесанным, похожим на доисторического человека, вылезшего из пещеры, которую много лет назад покинула мадам Кроманьон.

С регулярностью метронома Джамал Салауи взбирался на самый высокий скалистый берег в Европе. Сто двадцать метров. Когда

последние виллы остались позади, дорожка сузилась до пешеходной тропы. Вид открывался до самого Этрета, на десяток километров вдаль. В конце прибрежной полосы Джамал заметил две фигуры: старушку с собачкой и мужчину, стоявшего лицом к морю. Три чайки, напуганные пронзительным тьяканьем пуделя, внезапно вылетели из-за скалы и, опережая его, с десяток метров летели у него над головой.

Первое, что заметил Джамал после указателя на кемпинг «Риваж», был красный шарф, зацепившийся за натянутое по краю поля ограждение, словно свидетельствуя об опасности. Это была первая мысль, что пришла Джамалу в голову.

Опасность.

Напоминание о камнепаде, наводнении, сдохшем звере.

Затем новая мысль. Это всего лишь шарф, зацепившийся за колючую проволоку, шарф, потерянный кем-то из отдыхающих и занесенный сюда морским ветром.

Он задумался, стоит ли прерывать привычный размеренный шаг и выгибать шею, чтобы рассмотреть ставший игрушкой ветра кусок ткани? Если бы он тогда продолжил свой путь, все пошло бы по-другому, все повернулось бы иначе.

Но Джамал замедлил ход, а потом и вовсе остановился.

Шарф, похоже, совсем новый. Ярко-красный, огненный. Джамал пощупал его, вчитался в этикетку.

Кашемир. Фирма «Берберри»... Да, за этот клочок ткани отдали небольшое состояние! Аккуратно отцепив шарф от проволоки, Джамал подумал, что надо бы немедленно отнести его в «Сирену». Андре Жозвиак знает в Ипоре всех и сможет узнать, кто потерял шарф. А если хозяин не найдется, Джамал оставит его себе. Продолжив бег, он одновременно поглаживал мягкую ткань. Когда он вернется в Ла-Курнев, в свой квартал-4000, то вряд ли станет носить его со спортивным костюмом. Кашемировый шарф за пятьсот евро — да за такой убится можно! Наверняка в квартале найдется хорошенькая девушка, готовая обмотать им свою нежную шейку.

Справа, возле бункера десяток овец повернули к нему свои морды. Они ждали, пока оттаят травы, и взгляд у них был такой же тупой, как и у тех придурков у него на работе, что в полдень выстраиваются перед микроволновкой.

Миновал бункер, Джамал увидел девушку.

Он живо прикинул расстояние между ней и обрывистым берегом. Меньше метра! Девушка стояла на краю вертикального обрыва высотой более ста метров! У него невольно закружилась голова. Зачем она взобралась на покатый склон по скользкой, покрытой инеем траве и теперь стояла над обрывом, подвергая себя большому риску, чем если бы она стояла на подоконнике тридцатого этажа самого высокого небоскреба.

— Мадемуазель, с вами все в порядке?

Слова Джамала потонули в холоде. Ответа не последовало.

Джамал находился метрах в ста пятидесяти от девушки.

Несмотря на ледяной воздух, на ней было всего лишь легкое красное платье, разорванное пополам; одна половинка облепляла пупок и бедра, другая болталась на шее, прикрывая ложбинку на груди и половинку бюстгалтера цвета фуксии.

Девушка дрожала.

Красивая. Однако Джамал быстро почувствовал, что девушка не вызывает у него никаких эротических эмоций. Невероятная, волнующая, встревоженная, она совершенно не возбуждала его сексуально. Когда впоследствии он вспоминал эту картину, чтобы объяснить ее, лучшим сравнением, пришедшим ему в голову, было сравнение с оскверненным произведением искусства. Настоящее святотатство, непростительное презрение к красоте.

— С вами все в порядке, мадемуазель? — повторил он.

Она повернулась к нему. Он шагнул ей навстречу.

Высокая трава доходила ему до середины икр, и он подумал, что, возможно, девушка не заметит протез, закрепленный на левой ноге. Она стояла напротив него. В десяти метрах. Спиной к пропасти. Очень близко.

Она недавно плакала, но, похоже, слезы уже иссякли. Растекшийся вокруг глаз макияж успел высохнуть. Джамал никак не мог выстроить обрывки противоречивых мыслей, метавшихся у него в голове.

Опасность.

Поторопиться.

Но главное, волнение. Волнение, охватившее его с головы до пят. Он никогда не видел таких красивых женщин. В его памяти навсегда запечатлелся совершенный овал повернутого к нему лица, в

обрамлении двух каскадов черных волос, угольно-черные глаза на белоснежной коже, тонкий и резкий рисунок рта и бровей, словно три воинственные полосы, начертанные пальцем, обмакнутым в кровь и сажу. Впоследствии он пытался понять, что побудило его протянуть ей руку — изумление, необычность ситуации или отчаяние неизвестной девушки, но ответа так и не нашел.

— Мадемуазель...

Джамал протянул руку.

— Не приближайтесь! — вскрикнула девушка.

Это скорее просьба, нежели приказ. Искорки в ее угольно-черных глазах потухли.

— Хорошо, — тихо проговорил Джамал, — согласен. Только не шевелитесь, нам некуда спешить.

Взгляд Джамала скользнул по ее нескромному платью. Он подумал, что девушка, видимо, вышла из казино, расположенного сотней метров ниже. Вечерами в тамошнем театральном-концертном зале Си-Вью устраивали дискотеки.

Отправилась в ночное заведение повеселиться, а все обернулось не так, как хотелось? Высокая, стройная, сексуальная, она не могла не притягивать к себе вождедеющие взоры. Ночные заведения всегда полны парней, которые приходят только для того, чтобы снять на ночь цыпочку.

— Сейчас я медленно подойду к вам и дам вам руку, — произнес он как можно спокойнее.

Первый раз девушка опустила глаза, и взгляд ее на минуту задержался на карбоновом протезе. Не сумев скрыть удивления, она, однако, быстро справилась с собой.

— Если вы сделаете еще хоть шаг, я прыгну...

— О'кей, о'кей, я стою...

Джамал замер на месте, даже дыхание затаил. Только взгляд его метался между девушкой, возникшей ниоткуда в десяти шагах от него, и рыжим солнцем, встававшим над горизонтом. «Налакавшиеся чуваки услаждали свой взор, отслеживая каждое покачивание бедер вот такой королевы танцпола», — вновь подумал Джамал. Среди них вполне мог оказаться какой-нибудь урод, а может, и не один, настолько порочный, чтобы последовать за девушкой к выходу. А потом зажать где-нибудь в углу и изнасиловать.

— Вам... вас обидели?

Угольки разразились льдинками слез.

— Вы не поймете. Идите своей дорогой. Уходите! Живо уходите.

Какая-то мысль...

Джамал обхватил себя за шею. Медленно. Но девушке его движение, видимо, показалось слишком резким. Внезапно она сделала шаг назад, и нога ее повисла над пустотой.

Джамал замер. Девушка походила на испуганного воробья. Его надо осторожно взять в лодочку ладоней. Птенец, выпавший из гнезда, не умеющий летать.

— Я стою, мадемуазель, стою. Только брошу вам свой шарф. Я буду держать один конец. А вы ловите другой. И подумайте, стоит вам его выпустить или нет.

Удивленная, она замерла. Воспользовавшись ее нерешительностью, Джамал бросил ей конец красного кашемирового шарфа. От юной самоубийцы его отделяло всего два метра.

Конец шарфа упал к ее ногам.

Она осторожно наклонилась, стыдливым жестом, показавшимся в ее положении смехотворным, прикрыла обрывком платья обнажившуюся грудь, а затем схватила конец шарфа, брошенного Джамалом.

— Спокойно, — проговорил Джамал. — Я сейчас подтяну шарф и начну наматывать его на руку. И подтяну к себе вас, всего на пару метров, чтобы вы не стояли на краю пропасти.

Девушка крепко сжала конец шарфа.

Джамал понял: он выиграл, все правильно сделал. Он бросил шарф, как моряк бросает спасательный круг, и теперь медленно вытащит утопающего на поверхность, постепенно, сантиметр за сантиметром, с бесконечными предосторожностями, чтобы не оборвалась веревка, вытащит его на борт.

— Спокойно, — повторил он. — Идите ко мне.

В этот миг он осознал, что встретил самую красивую девушку, такую красивую, каких он никогда раньше не видел. И он только что спас ей жизнь.

На короткую долю секунды эта мысль отвлекла его.

Внезапно девушка дернула шарф. Джамал ожидал любых действий, кроме этого. Резкое, стремительное движение.

Шарф выскользнул у него из рук.

Далее все случилось за доли секунды.

Взгляд девушки уперся в него, незабываемый взгляд девушки у окна отходящего от станции поезда. Взгляд самой судьбы.

— Не-е-ет! — закричал Джамал.

Последнее, что он увидел, был шарф из красного кашемира, зажатый между пальцами красавицы. В следующее мгновение она соскользнула в пропасть. Так же, как и жизнь Джамала. Но он об этом еще не знал.

I

РАССЛЕДОВАНИЕ

1

Дневник Джамала Салауи

Мне долго не везло.

Я был уверен, что удача всегда на одной стороне, только не на моей, и считал себя жертвой кошмарного заговора, составленного теми, кто поклялся сжить меня со света. Во главе с каким-нибудь божком, похожим на садиста-препода, вымещающего злость на самом слабом ученике в классе. При этом все остальные школяры, очень довольные, что шишки сыплются не на них, тоже начинают ревностно играть в палачей. На расстоянии. Чтобы не получить сдачи. Словно невезение является заразным.

Потом, с годами, я понял.

Это всего лишь видимость.

Единственный злобный божок, которого вам доведется встретить, будет именно препода, который сделает вас козлом отпущения.

Божкам, как и преподам, до вас как до лампочки. Вы для них не существуете.

Вы одни.

Чтобы монетка однажды упала вашей стороной, надо просто играть — часто, много, всегда.

Упорствовать.

Это всего лишь вопрос вероятности. А возможно, и удачи.

Меня зовут Джамал.

Джамал Салауи.

Надо сказать, это не то имя, которое приносит удачу.

Хотя...

Если вы заметили, я тезка Джамала Малика, мальчишки из «Миллионера из трущоб». Впрочем, имя — не единственное, что у нас общего. Мы оба мусульмане, живущие в немусульманской стране, и нас не слишком-то любят. Он вырос в районе Дхарави, в трущобах Бомбея, а я в длиннющем, как Китайская стена, доме, который называется

Бальзак, в квартале-4000 парижского пригорода Ла-Курнев. Не знаю, можно ли на самом деле сравнивать. А уж тем более сравнивать нашу внешность. Он не слишком-то хорош, лопоухий, похожий на пугливого воробья. Но я тоже не красавец. Пожалуй, даже урод, потому что у меня одна нога, точнее, одна с половиной, вторая доходит до колена, а заканчивается пластиковым протезом телесного цвета. Как-нибудь я вам расскажу, что со мной приключилось.

Это произошло тогда, когда монетка в очередной раз упала не моей стороной.

Но главное, что нас объединяет, сейчас здесь, рядом со мной. Главный выигрыш Джамала Малика — не миллионы рупий. Это Латика, его девушка, очень красивая, особенно в конце фильма, когда она в прозрачном желтом покрывале, и он встречает ее на вокзале в Бомбее. Она его джек-пот.

У меня тоже джек-пот.

Рядом со мной та самая девушка, невероятно желанная. Она только что надела синее платье-тюльпан. В шелковом вырезе волнуется грудь, и у меня есть право смотреть в этот вырез, когда мне захочется. Как бы вам объяснить, чтобы вы поняли? Она мой идеал женщины, порой мне кажется, что тысячу ночей она преследовала меня в снах, прежде чем наконец явиться наяву.

Я с ней ужинаю.

У нее в доме.

Отблески пламени камина ласкают белую кожу ее лица. Мы пьем шампанское. «Пайпер-Хайдсик» урожая 2005 года. Через несколько часов мы займемся любовью, может, даже еще до конца ужина.

И будем любить друг друга хотя бы одну ночь.

А может, и несколько ночей.

А может, и все оставшиеся мне в этой жизни ночи. И этот сон не улетучится с наступлением утра, а будет сопровождать меня и в душе, и в грязном лифте последней китайской стены квартала-4000, которую еще не успели взорвать, и на станции Курнев-Обервилье пригородной электрички, следующей по маршруту линии В.

Она улыбается мне. Подносит к губам широкий бокал с шампанским, и я представляю, как пузырьки скатываются в недра ее тела и там с шелестением лопаются. Прижимаюсь губами к ее губам. Влажные от шампанского, они сладкие, как взрывная конфетка.

Шикарным интерьерам соседнего ресторана она предпочла уютную обстановку своего дома. Быть может, в глубине души она немного стеснялась появиться со мной на людях, не хотела ловить взгляды с соседних столиков, устремленные на араба, заявившегося в ресторан с самой красивой девушкой в округе. Я ее понимаю, хотя мне абсолютно наплевать на их мелочную зависть. Я больше, чем кто-либо, заслужил этот миг. Я поставил на карту все. Каждый раз, когда монетка падала неправильно, я играл вновь. И никогда не переставал верить.

Я выиграл.

Впервые я встретил эту девушку шесть дней назад, в самом неподходящем месте для встречи с феей. В Ипоре.

За эти шесть дней я несколько раз чуть не умер.

Я жив.

За эти шесть дней меня обвинили в убийстве. В нескольких убийствах. В самых гнусных убийствах. Я сам чуть было в это не поверил.

Я невиновен.

Меня преследовали. Судили. Приговорили.

Я свободен.

Увидите, вам тоже будет трудно поверить бредовому рассказу какого-то араба-инвалида. Случившееся чудо покажется вам невероятным. А версия полицейских вполне приемлемой. Вот увидите, вы тоже станете сомневаться. До самого конца.

Вернетесь к началу этого рассказа, перечитаете эти строки и решите, что я сумасшедший, что я заманил вас в западню или что я все выдумал.

Но я ничего не выдумывал. И я не сумасшедший. Никакой западни. Я прошу вас только об одном — верьте мне. До самого конца.

Увидите, все кончится хорошо.

Сегодня у нас 24 февраля 2014 года. Все началось десять дней назад, 14 февраля, в пятницу вечером, когда подростки из клиники терапии Сент-Антуан разъезжаются по домам.

2

Верьте мне до самого конца?

Холодный дождь без всякого предупреждения застучал по крышам трех зданий из красного кирпича, занятых клиникой терапии «Сент-Антуан», что расположена в парижском пригороде Баньоле. Дождь поливал деревья в парке площадью в три гектара и белые статуи щедрых, знаменитых, но забытых дарителей прошлых веков. Неожиданно с десятков фигур зашевелились, словно ливень вдохнул жизнь в гипсовые фигуры. Врачи, медбратья и санитары в белых блузах спешили укрыться от дождя, словно призраки, опасавшиеся замочить свои саваны.

Некоторые нашли пристанище под портиком, другие в двух десятках легковушек, минивэнах и минибусах, припаркованных друг за другом в посыпанной гравием аллее. В незапертые машины набилось столько подростков, что дверцы перестали закрываться.

Каждый вечер в пятницу подростки, не нуждавшиеся в сопровождении, разъезжались по домам, чтобы провести с родными конец недели. А в эту пятницу вдобавок начались двухнедельные зимние каникулы.

Я, как и все, тоже бросился искать укрытие, но сначала втолкнул Грегори в заднюю дверцу «Рено Сценик», бросив под дождем его опустевшее кресло на колесах. Потом, пытаясь отыскать Офели, обежал взглядом три стоявшие впереди машины и скорую, мигалка которой разметывала вокруг себя дождь. И помчался в комнату обслуживающего персонала.

Там царил кавардак, какой обычно бывает после похода на лыжах, когда все начинают вытряхивать содержимое рюкзаков. Среди сотрудников клиники Сент-Антуан преобладают женщины — медицинские сестры, воспитательницы и психотерапевты; сейчас дамы толпились, обнимая заочеченными пальцами стаканчики с чаем или кофе. Одни даже не посмотрели в мою сторону, другие удостоили меня кивком, самые молодые воспитательницы, Сара и Фанни, улыбнулись мне, а главный психиатр Николь, как обычно, задержалась взглядом на моей негнущейся ноге. Большинство женщин в клинике относились ко мне неплохо: все зависело от возраста, сентиментальности и профессиональной добросовестности. «Матери Терезы» встречались чаще, чем «Мэрилин Монро».

Сразу за мной вошел Жером Пинелли, кретин, заведовавший обслуживающим персоналом. Оглядев всех, кто находился в комнате, он вперился в меня цепким взглядом следователя.

— Они увозят Офели. Полагаю, ты собой гордишься?

— Не слишком.

Я представил себе стоящую во дворе машину скорой помощи и Офели, вопящую, чтобы ее оставили в покое. Несколько секунд я придумывал, что бы такое сказать в свое оправдание или как бы объяснить причины своего поведения, чтобы ко мне перестали цепляться. Я шарил взглядом в поисках поддержки, хотя и был уверен, что вокруг нет никого, кто захотел бы мне помочь. Точно никого. Девушки опустили головы.

— После каникул мы с тобой разберемся, — подвел итог Пинелли.

К списку тех, кто каждый день отравляет нам жизнь, выискивая для себя очередную жертву, к злобным божкам и преподам-садистам надо добавить мелких начальников-фашиков: Жером Пинелли. Пятьдесят три года. Заведующий обслуживающим персоналом. Меньше чем за полгода на его счету уже один адюльтер, две депрессии и три увольнения.

Он встал перед большим — метр на два — плакатом с Монбланом, который я повесил в комнате для персонала. Массив во всей своей протяженности. Монблан, Белая Гора, Проклятая гора. Южная игла, Зуб Великана, Зеленая игла...

— Черт, — ругнулся Пинелли, — наконец-то отдохну от этих дебильных недорослей... Меньше чем через десять часов я уже в Куршевеле...

Он медленно повернулся, словно предлагая женскому персоналу полюбоваться его профилем, и нарочито уставился на мой протез.

— А ты? Поедешь на снежок, Салауи? Это ж клево, а? С твоим карбоновым протезом тебе нужна только одна лыжа!

Он расхохотался. Шуточка скользкая... Персонал не рискнул последовать его примеру. «Мэрилин Монро» тихонько хихикнули, «матери Терезы» молча выразили свое возмущение.

Из кармана Пинелли донеслись первые аккорды сингла «I gotta feeling», не оставив ему времени сгладить впечатление или добавить еще что-нибудь в том же духе. Вытащив мобильник и пробурчав «Ну и бардак», он с достоинством направился к двери.

— После каникул придется отвечать, Салауи. Малышка несовершеннолетняя, я не смогу вечно прикрывать тебя, — произнес он, бросив на меня последний взгляд.

Придурок!

Тут вошел Ибу и демонстративно захлопнул за начальником дверь.

Ибу — мой единственный союзник в этой лавочке. Он работает санитаром, в чьи обязанности входит перетаскивать носилки, натягивать смирительные рубашки и удерживать юных пациентов, когда те начинают убивать друг друга. Иногда он помогает мне в работе: монтировать стойки, переставлять мебель, менять колеса у микроавтобуса. Ибу — настоящий бугай, здоровенный, словно баобаб. Что-то вроде Омара Си. Красавец, приколист, крутой чувак, он умеет помирить всех «Мэрилин» и всех «матерей Терез». Спортивный.

Тоже мне, спортивный... Никто не знает, что, когда он по четвергам бегал со мной пятнадцать километров от парка Ла-Курнев до леса Монморанси, в последнем стремительном рывке я каждый раз обгонял его на полкруга.

Ибу похлопал меня по руке.

— Я слышал, что сказал этот идиот, как он нес чушь по поводу лыж. Но шутки в сторону, Джам, ты едешь на каникулы?

Повернувшись к афише с Монбланом, он сверлил взглядом фото вечных снегов и ледников.

— В Ипор. И это благодаря тебе.

— В Ипор? Вау! А там беговые дорожки есть?

— Это в Нормандии, толстяк. Возле Этрета. Перепад высоты на десяти километрах может доходить до тысячи метров. Но ни снега, ни подъемников...

Присвистнув, Ибу обратился к женской аудитории:

— Наверняка этот скрытник Джамал не сказал вам, что он спортсмен высокого класса! Этот упрямец отказывается соревноваться по паралимпийским дисциплинам и приносить в клинику Сент-Антуан успех, славу и медали. Он вбил себе в голову стать первым одноногим, который пересечет финишную линию ультрамарафона вокруг Монблана.

Я почувствовал, как взгляды всех женщин немедленно устремились на меня. Как и положено заботливому приятелю, Ибу не угомонился:

— Самая тяжелая дистанция в мире. А наш малыш не боится, а?

Девушки переводили взгляд с меня на сине-белый плакат и обратно. Я же устремил свой взор к высоте более трех тысяч метров. Ледник Мер-де-Глас. Валлорсин. Канатная дорога Агюль-дю Миди. Ультрамарафон вокруг Монблана — это сто шестьдесят восемь километров пешеходной тропы, сорок шесть часов пробега... На одной ноге. Способен ли я на такой подвиг? Выложиться полностью, забыть о боли? Медсестры уже сочувствовали, на глаза наворачивались слезы. Мне показалось, что я стал розовым, как поросенок. Я уставился на стену, покрытую грязной белой штукатуркой, словно среди следов плесени и ржавчины, стекавшей с потолка, надеялся обнаружить чьи-то невидимые следы.

— К тому же Джам — холостяк, — продолжал Ибу. — Неужели никто из вас не хочет сопровождать его? Поехать с ним в Ипор, блин!

И он подмигнул мне. Я весь напрягся.

— Давайте, девушки... — не унимался Ибу. — Требуется всего-то одна волонтерка! Неделя, о которой можно только мечтать! Составьте компанию олимпийскому чемпиону и станьте его половинкой.

Спасибо тебе, Ибу. Я внутренне подобрался, словно на тренировке.

— Кроме шуток, девушки. Но потом вы мне его вернете.

3

Забывать о боли?

Вытянувшись на ложе из гальки, у моих ног лежал труп.

Из-под головы медленно текла кровь, словно чья-то невидимая рука вытягивала из-под нее кусок красного шелка, алую волну, которая нашла себе дорогу и по пологому скату заструилась к морю.

Даже мертвая, незнакомка была невероятно хороша. Черные как смоль волосы, накрывшие холодное бледное лицо, напоминали водоросли, прилепившиеся к гладкой скале после очередного отлива. Теперь тело девушки уподобилось обломку скалы, который трудолюбивое море станет обтачивать до тех пор, пока оно не растворится в окружающем пространстве.

Я отвел взгляд от тела и стал изучать известняковую стену. Она высилась прямо передо мной. С тех пор как я обустроился в Ипоре, то есть три дня назад, здешний скалистый берег еще ни разу не казался

мне таким величественными. Потоки глины, стекавшие с лужаек, не видные с берега, но угадывавшиеся наверху, сплетались со следами ржавчины, сырости и грязи. Мне казалось, что я стою перед стеной гигантской тюрьмы, созданной богами, чтобы запереть в ней людей. Пытаться убежать оттуда, спрыгнуть сверху означало расстаться с жизнью.

Я посмотрел на часы.

8 часов 28 минут.

Прошло меньше четверти часа, как я вышел из «Сирены» и отправился на ежедневную тренировку. Я вспомнил советы хозяина гостиницы.

Будь осторожен, Джамал, на утесе трава будет скользить.

Потом вспомнил о красном шарфе, зацепившемся за проволоку, об овцах, о бункере... Картины сменяли одна другую. С поразительной навязчивостью. Я снова видел девушку в разорванном платье, стоявшую над краем пропасти, слышал ее последние слова: «Не приближайтесь. Вы не можете понять...», видел безмерное отчаяние, промелькнувшее в ее взгляде, прежде чем она шагнула в пустоту, сжимая в руке кашемировый шарф «Берберри», который я ей бросил.

После стремительного спуска с высокого берега сердце мое все еще колотилось так, словно я мог примчаться на пляж раньше и подхватить ее на руки. Спасти ее.

Смешно.

— Я видел, как она упала, — произнес у меня за спиной низкий голос.

Субъект в коричневой кожаной куртке. Медленно, волоча при ходьбе ноги, он подошел к телу с таким видом, словно этот несчастный случай давно сидит у него в печенках.

— Я слышал, как вы кричали, — продолжил он все тем же усталым голосом. — Я обернулся и увидел, что девушка камнем падает вниз.

На лице его появилось выражение отвращения, видимо, обозначая, что он видел, как тело разбилось, ударившись о каменистый пляж. Он прав: когда девушка прыгнула с обрыва, я закричал, устремив взор в пустое небо. Весь Ипор наверняка это слышал.

— Она не упала, — счел нужным уточнить я. — Она прыгнула.

Субъект промолчал. Интересно, понял ли он суть этого тонкого различия?

— Бедная девочка! — вздохнула подошедшая справа женщина.

Она была третьим свидетелем трагедии. Позднее я узнал, что ее зовут Дениза. Дениза Жубан. Она, как и мужчина в коричневой кожанке, оказалась на пляже раньше меня, метров на сто дальше от места падения. Я мчался, как сумасшедший, и в конце этой спринтерской дистанции прибыл на несколько секунд раньше, чем она. На Денизе были толстые желтые носки, торчавшие из голенищ высоких пластиковых сапог и терявшиеся под подолом светло-коричневого платья и серого плаща. Она прижимала к себе собачку породы ши-тцу, одетую в бежевый свитер с красными полосками, напомнившими мне полосатые одежки персонажей комиксов «Найди Чарли».

— Тише, Арнольд, — прошептала она на ухо песику и вздохнула. — Такая красивая девушка... а вы уверены, что она сама прыгнула вниз?

Ход мысли Денизы мне совершенно не понравился.

Разумеется, она сама прыгнула вниз.

Затем я поймал себя на мысли, что являюсь единственным свидетелем самоубийства. Двое других свидетелей гуляли по берегу, смотрели на море и обернулись, лишь услышав мой крик.

Что же хотела сказать Дениза? Что произошел несчастный случай?

Выражение глубочайшего отчаяния на ангельском лице девушки за миг до ее отчаянного прыжка снова бередило мою память.

— Конечно! — ответил я. — Я говорил с ней, там, наверху, возле бункера. Пытался убедить...

Дениза Жубан испытующе посмотрела на меня, словно моя кожа, мое произношение и моя негнущаяся нога являлись тремя причинами, по которым мне не стоило доверять.

О чем она думала? Что это вовсе не несчастный случай? Что девушку кто-то толкнул?

Я, как дурак, продолжал тянуть шею, пытаюсь разглядеть, что там, на вершине утеса. И словно желая оправдаться, сказал:

— Все произошло очень быстро. Я подошел к ней так близко, как мог. Попытался протянуть ей руку. Бросить...

Внезапно слова застряли у меня в горле.

На лежащем в метре от меня теле я внезапно заметил одну деталь. Совершенно невероятную...

Невозможно!

Картины случившейся трагедии завертелись по кругу.

Отчаявшийся взгляд прекрасной самоубийцы.

Шарф «Берберри», трепещущий в моей вытянутой руке.

Пустой горизонт.

Черт! Что-то ускользало от меня.

Я уставился на алый шарф, брошенный возле моих ног...

Наверняка есть какое-то рациональное объяснение...

Было...

— Надо что-то делать!

Я обернулся. Возглас исходил от Денизы. На миг я задался вопросом, обращалась она ко мне или к своей собаке, которую по-прежнему прижимала к груди.

— Она права, — поддержал мужчина в кожаной куртке. — Надо бы вызвать полицию...

У него был прокуренный голос. Помимо потертой куртки на нем была надета шерстяная шапочка бутылочного цвета, под которой он прятал длинные седеющие волосы и красные от холода уши. Я почему-то решил, что он одинок, в разводе и без работы. По крайней мере, у него достаточно неприятностей, чтобы прийти на пляж в такой час, когда здесь никого нет и никто не будет выносить тебе мозг. Неожиданно я вспомнил Ланоэля, депрессивного препода математики, который учил нас в пятом классе в коллеже Жан Вилар и которого вся школа, все три поколения учеников звали Атараксом.[1] Видимо, поэтому про себя я также назвал этого типа Атараксом. Позднее, когда я с ним познакомился, то узнал, что его зовут Кристиан Ле Медеф... Я не знал, что завтра, почти в этот же час, снова увижу его здесь, еще более унылого, и он сообщит мне сведения, сделавшие нас сообщниками, одержимыми одной бредовой идеей...

Спрятавшись на груди своей хозяйки, Арнольд громко тявкал.

Вызвать полицию?

По моей правой ладони пробежала дрожь, словно кашемировый шарф невидимой змеей вновь ускользал из нее. Перестав мне подчиняться, глаза уставились на красную ткань. Видимо, мое

выражение лица настолько изменилось, что Дениза и Атаракс как-то странно посмотрели на меня.

Или они ждали, что я возьму инициативу в свои руки...

Вызвать полицию?

Наконец я сообразил, что ни у того, ни у другой нет мобильных телефонов. Я достал свой айфон и набрал «17».

— Жандармерия Фекана слушает, — ответил через несколько секунд мужской голос.

Я объяснил, в чем дело. Самоубийство. Место происшествия. Да, девушка мертва, совершенно точно, падение с высоты ста двадцати метров на каменистый пляж. Один свидетель видел, как она прыгнула, двое других видели, как упала и разбилась.

На другом конце все записывали. Потом раздались неразборчивые голоса. Меня попросили еще раз четко повторить название местности и отключились.

Я улыбнулся Денизе и Атараксу.

— Сейчас приедут жандармы. Будут через десять минут.

Они удовлетворенно закивали. Долгое время тишину нарушало только постукивание гальки, перекачиваемой морем. С каждой волной Атаракс смотрел на часы. Он нисколько не походил на человека, огорченного смертью лежавшей у его ног девушки, ему было наплевать на ее гибель; так бывает, когда перед вами столкновение нескольких десятков автомобилей создает чудовищную пробку, и вы ловите себя на мысли, что вам совсем не жалко тех бедняг, что оказались жертвами железных коробок, а раздражены вы из-за того, что опаздываете и приехать вовремя нет никакой возможности. Однако Атаракс вряд ли слишком занят, раз слонялся по пляжу с восьми утра...

Внезапно Дениза отпустила Арнольда, и тот, спрыгнув на землю, тотчас спрятался между ног хозяйки, которая схватила меня за руку.

— Куда запропастились эти жандармы? Ладно, дай мне твою толстовку, мой мальчик.

Я не сразу понял, чего она от меня хочет. Чтобы я разделся? Сейчас от силы пять градусов... Властным голосом Дениза повторила:

— Дай мне твою толстовку для джоггинга!

Толстовку для джоггинга? Она так назвала мою флисовую куртку фирмы «North Face», сшитую из ткани по технологии Wind Wall?

Без дальнейших размышлений я подчинился. Склонившись над трупом, Дениза прикрыла моей фиолетовой курточкой лицо и верхнюю часть тела девушки.

Религиозный вопрос? Суеверие? Желание предохранить бедняжку Арнольда от психологической травмы?

Собственно, это не важно, в глубине души я поблагодарил ее за этот жест.

Прежде чем Дениза прикрыла тело импровизированным саваном, я успел в последний раз взглянуть на шарф. В голове безумный голос прокричал:

Как это возможно?

Теперь я не мог думать ни о чем ином. Я вновь перебирал все события сегодняшнего утра, каждую секунду, каждый жест, но не мог найти связного объяснения.

У мертвой девушки, лежавшей на галечном пляже, красный кашемировый шарф «Берберри» был обмотан вокруг шеи.

4

Как это возможно?

Холод больно щипал мои обнаженные руки. Солнце, появившись ненадолго из-за вершины скалы со стороны Фекана, снова отправилось спать под облачное одеяло. Чтобы согреться, я стал подпрыгивать на месте. Температура явно упала до нуля, но я не решался попросить у лежавшей на гальке девушки вернуть мне толстовку, сделанную специально для защиты от ветра. К тому же вряд ли полиция сильно задержится, я же позвонил им всего десять минут назад. Мы втроем стояли и молчали. Над нашими головами со скрипучим смехом пронеслась стая чаек.

Соединенный с хозяйкой тоненьким кожаным поводком, Арнольд сел и со смешанным чувством страха и изумления смотрел на пролетающих птиц.

Страх и изумление.

У меня наверняка такой же растерянный вид, как у этого песика.

У мертвой девушки, лежавшей на каменистом пляже, красный кашемировый шарф «Берберри» был обмотан вокруг шеи.

Я прокручивал в голове различные доводы, пытаюсь найти логичное объяснение. Я был твердо уверен, что девушка выдернула шарф у меня из рук и, отшатнувшись, сорвалась с обрыва.

Я смотрел на пустой мол, пустую парковку возле казино, на три десятка пляжных кабинок, пустующих зимой. Жандармов нигде не видно.

Кто мог обмотать шарф вокруг шеи трупа? Я первым примчался на берег, куда упало тело. Вокруг не было никого, кроме Денизы и Атаракса, но оба они находились гораздо дальше от места падения, чем я. Никто из них не успел бы отбежать от тела, чтобы снова вернуться, причем медленно, дыша ровно и размеренно. Да и зачем бы им это делать?

Это ж не имеет никакого смысла!

Кто тогда?

Никто! На огромном пустынном пляже никто не мог незамеченным приблизиться к трупу. Дениза и Атаракс непременно бы его засекли. Они видели, как девушка падала с обрыва, и поспешили к ней, не отрывая от нее взгляд...

По рукам пробежала дрожь. Холодно. Тревожно. Страшно. Я должен все разложить по полочкам, исключив то, чего не может быть. И останется единственное решение: девушка сама обмотала шею шарфом во время падения со скалы!

Полное безумие...

Однако иного решения у этого уравнения нет. Я прикинул высоту обрыва, представил, сколько времени тело может падать с его вершины. Несколько секунд. Три, может быть, четыре. Вполне достаточно, чтобы обмотать полоску ткани.

Технически, без сомнения, возможно.

Технически...

Я заметил чайку, которая, бросая вызов невесомости, парила между небом и меловыми скалами.

Чтобы обмотать шарф на лету, надо заранее все продумать, принять выверенное решение, многократно все повторить, устранить любые возможные помехи. Сконцентрироваться на одной-единственной цели: прежде чем умереть, закрутить вокруг шеи этот чертов шарф, и сделать это менее чем за четыре секунды, чтобы успеть до того, как разобьешься о прибрежную гальку...

Но это же бред собачий!

Движения, повторенные тысячи раз? Но шарф даже не принадлежал ей! Я нашел его возле тропы, инстинктивно протянул самоубийце, мысль об этом пришла мне прямо на месте. Ангельское создание на краю бездны, она не могла догадаться, что у нее в руках окажется эта полоска ткани.

Я взглянул на Денизу и Атаракса. Он закурил сигарету, а она подтянула поводок Арнольда, чтобы на ши-тцу не попал дым.

«Рассуждать логически, отсекая все невозможное», — снова подумал я. Какое решение остается? Даже если вообразить, что последним конвульсивным движением девушка успела обвить шарф вокруг шеи, вместо того чтобы камнем падать вниз или отчаянно махать руками, словно чайка крыльями, вопрос все равно остается открытым.

Зачем совершать столь бессмысленный поступок?

Внезапно появилось солнце, осветив своими лучами скалу, отчего ржавая глина и мел заискрились золотыми и серебряными искрами.

А через минуту прибыли жандармы. Свой микроавтобус «Боксер» они оставили на парковке возле казино.

Их было двое, они направлялись в нашу сторону. Позади шел тот, кто помоложе. Ему было лет сорок, его вытянутая голова напоминала булыжник; каждый раз, когда ноги его в сапогах фирмы «Вестон» скользили по мокрым водорослям, он громко чертыхался. Он явно встал с левой ноги и не успел до начала работы выпить кофе, а тут еще утро началось с необходимости забрать труп самоубийцы...

Второй жандарм уверенно ступал по галечнику, хрустевшему под подошвами его сапог. Сама опытность... Внешне он был похож на полицейского, которому вечно пора на пенсию — словно только что вышел из фильма Оливье Маршала. Широкая грудь, расстегнутая форменная куртка, весомый животик. Физиономия еще та. Прямые седящие волосы, зачесанные назад, достают до середины шеи, освобождая высокий морщинистый лоб. Этаким престарелый Марлон Брандо.

Когда он приблизился, я почувствовал, что мое первое впечатление верно.

Марлон Брандо. С надменной улыбкой на губах. Другой полицейский еще плелся метрах в десяти позади него, а Брандо уже стоял напротив нас, прямо над трупом.

— Капитан Пироз, — отрывисто представился он. — Здесь давно уже не было самоубийств! С тех пор как построили вантовый мост Нормандии, в моду вошло раскачиваться над водой на канате.

Он провел ладонями по лбу, словно хотел разгладить морщины, затем продолжил:

— Вы ее знаете?

Мы все трое отрицательно покачали головами.

— Что вы конкретно видели?

Атаракс ответил первым. Он видел, как девушка упала с обрыва и, пролетев сто двадцать метров, разбилась о пляжную гальку. Дениза подтвердила его слова, я ограничился утвердительным кивком.

— Значит, вы все были здесь? И никто не видел, что произошло там, наверху?

Словно почуяв мое волнение, Пироз пристально посмотрел на меня. Я ответил явно слишком быстро.

— Я видел. Я бежал по прибрежной тропе, как обычно бегаю каждое утро. Она стояла на краю обрыва, неподалеку от бункера. Я говорил с ней. Попытался помешать ей, но...

Пироз перевел взгляд на мой карбоновый протез; казалось, он пытается совместить мою инвалидность с моими каждодневными пробежками.

— Я... я каждый день тренируюсь. Я спортсмен высокого класса. Паралимпиец. Вы... вы сами видите, — зачастил я.

Если капитан это и заметил, то не показал виду. Он лишь нахмурил лоб а ля Брандо и склонился над телом. Взял мою куртку фирмы «North Face» и отложил в сторону, на камешки.

Чуда не произошло. Чертов шарф по-прежнему обвивал шею девушки.

Я не видел ничего, кроме этой красной полоски, но, казалось, Пироз не обращал на нее ни малейшего внимания. Он исследовал красное платье, обрывки ткани, затем оглядел обрыв, словно искал какой-нибудь кустик, вцепившийся корнями в голый камень. Наконец повернулся к нам.

— Она не могла разорвать платье во время падения.

Не дав полицейскому возможность развить эту мысль, я немедленно подтвердил ее.

— Когда я встретил девушку наверху, ее платье уже было порвано. А макияж весь размазан. Похоже, она была чем-то очень напугана.

Дениза и Атаракс подозрительно уставились на меня, словно упрекая меня за то, что я не сообщил им об этом раньше. Пироз снова разгладил рукой морщины, видимо, чтобы мысли добрались до самого мозга. Другой полицейский смотрел отсутствующим взглядом куда-то в сторону: на волны, на свежепокрашенные пляжные кабинки, на ветряные генераторы, возвышавшиеся над Феканом, словно дело касалось его столь же мало, как песика Арнольда.

Пироз, похоже, к этому привык. А может, они просто поругались, пока ехали сюда?

Пироз опустил на колени и склонился над трупом.

— Самоубийство, говорите? — пробурчал он сквозь зубы. — Надо иметь веские основания, чтобы броситься с отвесной скалы...

Он исследовал складки разорванного платья.

Вспоминая эту сцену, я корил себя за то, что упустил тот единственный момент, когда мог без обиняков поговорить с фликами. [2] Спустя время признаться им, что, в сущности, это мой шарф, подробно рассказать, что произошло наверху, возле бункера, убедить, что она сама вырвала этот чертов клоч ткани у меня из рук, было так же невозможно, как и поверить в мой рассказ...

И я промолчал. Наверное, ждал, что логическое объяснение свалится на меня с неба. Или что все обойдется, все забудут и перейдут к другим делам. Я не мог предвидеть, что обнаружит Пироз, приподняв платье девушки.

— Вот оно как, — присвистнул жандарм.

Я подошел поближе, Дениза и Атаракс тоже.

Под платьем у девушки не было нижнего белья.

Ни кружевных трусиков цвета фуксии, ни стрингов. Вдоль бедер тянулись фиолетовые пятна. А также царапины, четыре узкие и параллельные, на уровне паха, справа от совершенно гладкого после эпиляции лобка.

Дениза закрыла глаза и прижала к груди Арнольда. Лицо Атаракса приобрело цвет таблеток, которые он, похоже, проглотил сегодня утром.

То есть стало совсем белым. Мой карбоновый протез окончательно погрузился в галечник, и я с трудом сохранял равновесие.

Словно опуская занавес над сценой, Пироз прикрыл платьем промежность девушки.

— Полная хрень. Малышку изнасиловали... Самое большее несколько часов назад. — Он поджал губы. — Что ж, вполне основательная причина, чтобы прыгнуть вниз.

Он встал, еще раз оценивающим взглядом окинул отвесный обрыв, подавлявший своим величием окружающий пейзаж, и наконец перевел взгляд на шарф, обмотанный вокруг горла девушки.

Аккуратно, кончиками пальцев, размотал его.

У меня в глазах потемнело. Пироз говорил об изнасиловании. Без сомнения, мои генетические отпечатки сохранились на ткани. Децилитры пота, впитавшегося в волокна. Целая бочка ДНК.

Слишком поздно. Что говорить? Кто мне поверит?

Пироз просунул палец между шарфом и шеей девушки, медленно, словно врач, осматривающий хрипящего больного. Морщины на лбу Пироза собрались в кучку, образовав толстую волнистую складку.

— Малышку не только изнасиловали... Ее задушили.

Меня словно током ударило. Не думая, я произнес:

— Я... говорил с ней там, наверху... Она... она была жива. Она прыгнула сама. Она...

Пироз прервал меня:

— Значит, попытка удушения. Ваше появление на пешеходной тропе, без сомнения, спугнуло насильника раньше, чем он задушил ее. Вы спасли девушке жизнь... То есть могли бы спасти...

Могли бы спасти?

Слова его мне показались странными. Равно как и его версия. Завидев меня, насильник, в принципе, мог успеть спрятаться в бункере, но в остальном? Почему девушка ничего не сказала? Почему, протягивая ей руку, я не заметил никакой полосы на горле? Потому что не обратил внимания? Сосредоточил взгляд на лице? На разорванном платье?

— Что вы делаете?

Вопрос задала Дениза. Пироз встал на колени, уперся руками в гальку и стал обнюхивать кожу трупа. Арнольд с изумлением смотрел на него. Полицейский поднял голову и изобразил подобие

удовлетворенной улыбки, напоминавшей улыбку ищейки, взявшей след.

— У нее соленая кожа.

Мне казалось, что я смотрю пьесу театра абсурда, где актеры импровизируют каждую реплику. Второй полицейский, по-прежнему державшийся поодаль, бесстрастно слушал своего напарника. Быть может, у них так принято. У каждого своя роль. Первый устраивает шоу, а второй исподтишка наблюдает за нашей реакцией.

— Соленая кожа? — в изумлении повторил Атаракс.

— Мда-а... Но этому-то, по крайней мере, есть простое объяснение. — Пироз выдержал паузу. — Девушка искупалась в море.

Мы все одновременно повернулись в сторону Ла-Манша.

Искупалась? 19 февраля? Ночью? В воде, где температура меньше десяти градусов?

— Обнаженной, — добавил Пироз. — Ее одежда суха.

Дениза едва держалась на ногах. Без лишних размышлений я предложил ей руку, и она тотчас вцепилась в нее.

— Искупалась обнаженной, — продолжал флик. — Возможно, это упрощает дело, а возможно, и усложняет. Она удивительно красива, и именно красота, скорее всего, привлекла насильника.

Он пригладил волосы, пропуская гладкие пряди между пальцев, словно между зубьями редкой расчески.

— Пора оцеплять место преступления. Вызывать экспертов и остальную команду. Простите, но вам придется предъявить документы, сообщить адрес, телефон и все прочее. Прошу вас прийти для дачи показаний в жандармерию Фекана по возможности сразу после двенадцати; к тому времени мы наверняка успеем что-нибудь узнать об этой девушке.

На мне всем телом повисла Дениза. Теперь я уже откровенно дрожал от холода. Пироз это заметил и, пристально посмотрев на меня, протянул мне мою толстовку.

— Держите, полагаю, это ваша. Оденьтесь, а то простудитесь, а вы мне еще понадобится.

5

Кто бы мне поверил?

Прямо передо мной белела остроконечная скала — Игла Этрета. Она напоминала отделившуюся от берега деталь пазла, бородку ключа от монументальной двери, ограждающей вход в таинственное подземелье.

Расставшись на берегу с фликами, я бегал еще час, чуть меньше, чем в другие дни. Всего двенадцать километров. Дистанция Ипор — Этрета, через нависавшую над побережьем уютную долину возле местечка Вокотт и проход между скал возле Этига.

Достаточно времени, чтобы прочистить мозги. Подумать. Понять.

На улице не больше трех градусов выше нуля, но с меня градусом лился пот. Трава на известняковых почвах медленно оттаивала, образуя тоненькие холодные ручейки, которые, низвергаясь крошечными водопадами, выдалбливали, секунда за секундой, охряные бороздки, иссекавшие меловые бугорки. Пейзаж казался нетронутым, но это была лишь видимость. На скалу со всех сторон наступали: вода, лед, дождь, море; скала сопротивлялась, истончалась, уступала, умирала на глазах у миллионов туристов, не замечавших ни малейших изменений в пейзаже.

Совершенное преступление.

Теперь я дрожал.

Уже час как я покинул пляж, где полицейские продолжали делать свое дело, и с тех пор без устали прокручивал в голове всевозможные доводы. Казалось, выводы капитана Пироза достаточно ясно восстанавливали цепь событий. Сегодня ранним утром, когда солнце только что встало, неизвестная девушка оставляет свое платье на пляже Ипора. Обнаженная, она заходит в море. Насильник замечает ее, следит за ней, пока она одевается. Следует за ней, когда она поднимается вверх по тропинке. Теряет шарф, возле бункера нападает на девушку, насилует ее, пытается ее задушить. Неожиданно он слышит шаги, и до моего появления успевает спрятаться в бункере. Слишком поздно.

Девушка в отчаянии прыгает со скалы.

Напротив меня, по другую сторону бухты, несколько туристов размером с муравьев осторожно шли по скользким мосткам, ведущим в Девичью Комнату.[3]

11 часов 03 минуты. Пора возвращаться.

Нависавшие над побережьем долины, раскинувшиеся на моем пути в Ипор, я преодолел минут за сорок пять. По дороге я никого не встретил, за исключением велосипедиста в долине Вокотт, и ослика на тропе Заходящего солнца. Этот ослик, похоже, стал узнавать меня, так как каждый день видел, как я пробегаю мимо. Преодолев последний холм, я спустился в низину Ла Валетт. Ветер успокоился или просто забыл подуть. Неподвижные ветряки Фекана издали напоминали застывших гигантов. Сквозь туман я разглядел сооруженный в Ипоре ретранслятор, бункер и пасущихся вокруг овец.

Тревога сдавила мне горло.

Если версия Пироза верна, значит, насильник меня видел. Разглядывал меня, сидя в бункере. Я единственный свидетель...

Пешеходная тропинка пошла под уклон. Я ускорил шаг — насколько мне позволяла искусственная нога.

Единственный свидетель?

Я миновал кемпинг «Риваж». Выглянуло солнце, заливая ярким светом ипорскую бухту. Море отступало медленно, неспешно, обнажая лунный пейзаж. Сбившиеся в кучки изумрудные водоросли цеплялись за источенные камни отмели, словно лохматые оазисы в мокрой пустыне.

Моя хромота отстукивала другую версию.

А если Пироз ошибается?

Если насильник бросил девушку на берегу после того, как напал на нее, изнасиловал и задушил? А девушка, потеряв голову, побежала вверх, на обрыв, уронив по дороге шарф. Не в себе. И прыгнула, несмотря на мои уговоры.

Ступени лестницы, ведущей к казино, гулко звенели под карбоновой подошвой.

Изнасиловали ее внизу, на пляже или наверху, на обрыве, для бедняжки, в сущности, значения не имеет... Но для меня между этими двумя версиями стоял вопрос, над которым я хотел поразмышлять, пока Пироз не начнет меня допрашивать.

Видел меня насильник или нет?

Еще три ступени. Обогнув мешки с мусором из казино, я ступил на бетонный мол. Добрался до своей «Сирены».

Видел ли меня насильник?

Вопрос терзал меня, но я понимал, что за ним кроется еще один, более мучительный, тот, который Пироз пока не задал.

Как проклятый красный шарф мог оказаться на шее девушки? Шарф «Берберри», на котором остался мой биологический материал для генетического исследования.

По утрам я использовал деревянные перила «Сирены», чтобы подтянуться. Я никого не беспокоил, снаружи не было ни одного столика, ни одного стула, равно как и посетителей. Висело лишь меню комплексного обеда за 12,90 — тарелка улиток, мидии с луковым соусом и десерт «Плавающий остров». Рядом на стене которого Андре прикреплял кнопками метеосводку.

Солнца не будет.

На высоте 400 метров возможен снег.

Температура может опуститься до минус 15 градусов.

Ну и ну!

Андре Жозвиак направился ко мне. Он уже не похож на того доисторического человека, который утром подавал мне завтрак; он успел побриться, причесаться и воспользоваться парфюмом. Белая рубашка. Безупречно сидящий пиджак. Готов принять парижских туристов, заблудившихся в здешних улочках. Андре не из местных, прежде чем обосноваться в Ипоре, он держал гостиницу-ресторан в Брэ-Дюн, французском курортном городке у границы с Бельгией. Он любил рассказывать, как в поисках солнца он ездил на Юг. И чтобы убедить скептиков, каждый день вывешивал самую отвратительную метеосводку во всей Франции! Для этого он каждый вечер отыскивал в Интернете уголок в стране, где отверзались хляби небесные, яростно завывала буря, а температура опускалась как нигде низко. Сегодня утром, как приписано мелкими буквами внизу сводки, он выбрал деревню Шонев в кантоне Мут, в самом центре горного массива Юра.

Первым моим желанием было желание рассказать ему о трупе самоубийцы, обнаруженном на пляже. Он владел «Сиреной» уже пятнадцать лет и прекрасно знал всех жителей городка. Если такая красавица жила в Ипоре, он, несомненно, сможет ее опознать...

Не успел я открыть рот, как Андре опередил меня, протянув толстый конверт из коричневой оберточной бумаги.

— Почта, мой мальчик!

Я сидел на кровати у себя в комнате под номером семь. На последнем этаже. Вид на море, выше только крыша, покрытая кровельным сланцем. Когда я заказывал комнату в этой гостинице, то был уверен, что попаду в самый обычный стандартный отель...

Стереотипы!

Комнаты чистые, обстановка симпатичная. Обои явно поклеены недавно, в убранстве преобладают небесно-голубые тона, фриз с узором из ракушек и занавески со шнурами. Стоя у окна, я мог любоваться берегом вплоть до самого Фекана. Созерцать вершушки прибрежных скал, сидя на кровати.

Дрожащими руками я вскрыл конверт.

Кто мог написать мне сюда? Никто, кроме Ибу, Офели и еще нескольких девушек из числа сотрудниц клиники Сент-Антуан, не знал, что я отправился в Ипор. К тому же... Они знали название городка, куда я поехал, но не знали названия гостиницы.

Отправитель на конверте не указан. Только мое имя и адрес, выписанные круглым женским почерком.

Джамалу Салауи
Гостиница-ресторан «Сирена»
7, бульвар Александр Дюмон
76111 Ипор

На конверте штемпель Фекана.

Совсем рядом...

Клочки темной оберточной бумаги падали на кровать.

В конверте ксероксы, десятка два. Первый сразу же бросился мне в глаза. Ксерокопия статьи из «Курьер Ко», газеты, издаваемой в Фекане. Набранный жирным шрифтом заголовок занимал чуть ли ни всю страницу:

19 лет. Найдена мертвой в Ипоре, неподалеку от берегового обрыва.

Вершушки скал мерно покачивались за окном.

Пальцы мои сжали бумагу. Как местная газетенка смогла так стремительно раздобыть информацию? Девушка упала с обрыва не

более трех часов назад, и полицейские наверняка еще на пляже, обследуют место преступления.

Я попытался унять бешено забившееся сердце. Отвел взгляд от окна и, глядя на листок, принялся сортировать информацию. Внезапно мне полегчало. В руках я держал старое издание «Курьера Ко».

Очень старое. Почти десятилетней давности. От четверга 10 июня 2004 года.

Вот это да! Зачем посылать мне ксерокопию статьи о том, что случилось так давно?

Дрожащей рукой я перебрал остальные листки. Все они касались одного и того же дела. Девятнадцатилетняя девушка найдена мертвой в Ипоре, неподалеку от берегового обрыва. В конверте лежали статьи как из местных, так и из общенациональных газет, а также документы, показавшиеся мне конфиденциальными: выдержки из допросов, заметки, сделанные местными жандармами, письма, которыми обменивались следователь и капитан, который вел это дело.

По мере прочтения листков и возникавших при чтении вопросов личность отправителя стремительно отходила на второй план.

Похоже, все, о чем говорилось в присланных мне ксерокопиях, правда. Тем не менее все материалы следствия, даже самые подробные, вызывали у меня вопросы.

Спустя десять лет.

6

Видел ли меня насильник?

Дело Морганы Аврил — воскресенье, 6 июня 2004 года

Аспирант Максим Барон впервые видел труп. Но когда налетевшие на него мальчишки стали тянуть его за рукав, приговаривая: «Господин полицейский, господин полицейский, там труп на пляже», он не смог отвертеться.

Максим не нашел времени объяснить, что он всего лишь аспирант, направленный в жандармерию Фекана на стажировку, что он совершенно случайно оказался здесь, в Ипоре, на площади Жан-Поль Лоран, что в этот час он, собственно, еще не на службе, а капитан Грима отошел купить сигареты, но ларек закрыт... а он прибыл...

В общем, пришлось тащиться за подростками. У девушки на пляже оказался раздроблен череп.

Упала с обрыва, сомнений нет. Причем головой вперед. Крошево из мозга походило на прическу, венчавшую хорошенькое личико.

Сначала Максим расстался со съеденным утром завтраком: на глазах у изумленных подростков его стошнило прямо на гальку, устилавшую пляж. Утершись рукавом, он позвонил своему шефу.

— Фил, здесь труп, женский. На пляже. Там, где наверху гостиница-ресторан «Сирена» и казино.

Максим поднял глаза.

Огромная, два метра на три, афиша на стене казино извещала:

Музыкальный фестиваль «Рифф и Клифф».
С девятнадцати вечера до четырех утра.

Под серебристой гитарой, трепыхавшейся в состоянии невесомости перед береговым обрывом, перечислялись названия пятнадцати местных рок-групп. Бетонный мол усеивали пустые бутылки и жестянки из-под пива.

Ипор просыпался с мучительным ощущением сушняка.

Капитан Филипп Грима прибыл через минуту, однако за это время Максим успел еще раз исторгнуть остатки завтрака, а на пляже собралась толпа. Максим не был уверен, что его шефу доводилось сталкиваться с трупами чаще, чем ему самому. Шеф всего на пять лет его старше, только что окончил школу жандармерии в Монлюсоне. Скорее, приятель, чем шеф. Вчера, после того как они основательно попотели, играя в сквош в клубе Фекана, они два часа сидели в баре с видом на море, успев за это время обсудить футбол, велогонки и девочек, после чего Грима отправился домой. Капитан был женат и уже успел стать отцом.

На пять лет старше... А кажется, что на целую жизнь. Капитана Грима не тошнило. Он вел себя как босс. Никакой фамильярности со стажером Бароном, он не подмигнул ему, не хлопнул дружески по плечу. Сухим тоном он отдавал четкие приказания, которые Максим старательно исполнял, нисколько не обижаясь на холодность начальства, а наоборот, гордясь им. Настоящий пример для подражания! Станет ли он таким через пять лет?

Прежде всего капитан Грима велел стажеру Барону вытереть рот и освободить пространство вокруг трупа от зевак. Потом вынул мобильный телефон и сделал десятка три снимков места происшествия. Наконец он повернулся к небольшой кучке людей, большинство из которых составляли подростки, и спросил:

— Кто-нибудь знает эту девушку?

В толпе выделялся тип в красной жилетке, застегнутой на блестящие золотые пуговицы. Такие жилетки носят швейцары, сопровождающие пляжный лифт, шахта которого пробита в береговом обрыве. Там, где расположено сердце, у него над ярким желтым логотипом казино Ипора сверкало вышитое золотом имя: *Жерми*.

— Я знал. Ее невозможно забыть. Она всю ночь провела на дискотеке в зале Си-Вью.

Установление личности девушки заняло менее часа.

Моргана Аврил.

Девятнадцать лет.

Студентка первого курса медицинского факультета.

Проживает вместе с матерью, Кармен Аврил, в гостевом доме «Горная долина», расположенном по дороге на Фуркамон, в Нефшатель-ан-Брэ.

Капитан Грима без труда воссоздал события, предшествовавшие драме. Накануне Моргана Аврил приехала в Ипор на фестиваль рок-музыки «Рифф и Клифф», организованный местным казино. Вместе с ней приехала ее сестра Осеан и еще трое друзей. Николя Граве, Клара Бартеlemi и Матье Пикар. Николя Граве на своем «Рено Клио» и четверо его друзей выехали из Нефшатель-ан-Брэ (это примерно в ста километрах от Ипора) и прибыли на место около шести вечера. Мать Морганы долго не решалась отпускать дочерей, хотя обе уже были совершеннолетними.

Излишняя опека? Опасение? Предчувствие?

Это был их первый поход на дискотеку! Моргана весь семестр вкалывала на медицинском факультете университета в Руане и успешно сдала свои первые экзамены, заняв тридцать восьмое место. У Кармен не было оснований запретить девушке поехать развлечься. Первые результаты осмотра приглашенного судебного медика точно

определили причину смерти... Моргана Аврил была изнасилована между 5 и 6 часами утра, затем задушена и сброшена с обрыва на пляж.

Припухшее лицо. Вывихнутые от удара конечности. Разорванное платье. Разодранное нижнее белье. Трусики Моргану нашли только на следующий день, в десятках метров от подножия обрыва, на уровне бункера. Стринги цвета фуксии. Нет сомнений, вниз их принес западный ветер. На стрингах нашли следы спермы и несколько волосков с лобка насильника, точно таких же, какие обнаружили на теле Моргану. Не нашли только сумочку убитой, ее не было нигде: ни в гардеробе зала Си-Вью, ни на берегу, ни на мелководе. Трое жандармов два дня подряд занимались поисками сумочки, но безрезультатно.

К 16 часам, иначе говоря, примерно десять часов спустя после обнаружения трупа Моргану Аврил, капитану Грима удалось выслушать двадцать три свидетеля, главным образом жителей Ипора, которые также провели вечер в Си-Вью. Пятнадцать мужчин и восемь женщин.

Фестиваль «Рифф и Клифф» собрал более тысячи зрителей, большинство которых сразу забронировали билеты и на фестиваль, и на дискотеку, устроенную в зале Си-Вью после выступления последней группы. Все свидетели без исключения могли в точности описать Моргану Аврил.

Красивая.

Желанная.

Возбужденная.

Капитан Грима провел не один час, перечитывая собранные по горячим следам свидетельские показания. Свидетельства зачастую нескромные, ибо речь шла об изнасилованной девушке, задушенной каким-то типом, наверняка одним из тех, кто положил на нее глаз во время дискотеки. В своем описании Моргану Аврил свидетели были единодушны. Как мужчины, так и женщины.

Кокетливая.

Пылкая.

Секси до самых стрингов.

Рассказывали про ее импровизированный приват — вокруг дубового столба, про промокшее платье, облепившее грудь, когда она

вышла из туалета, про гибкое, как у угря, тело, про руки, скользившие по бедрам, приподнимая юбку, про плечи, извивавшиеся, раскрывшиеся, летящие. Про взгляд, выцеливавший мужчин, словно сквозь прицел снайпера.

Скромная студентка-медик ушла в отрыв.

А после пяти утра никто Моргану не видел. Никто не видел, как она уходила из Си-Вью. Никто не мог сказать, ушла она одна или с кем-нибудь.

Около 18 часов капитан Грима принял Кармен Аврил, мать Морганы. Он специально заставил ее ждать. Официально потому, что должен был по горячим следам расспросить непосредственных свидетелей трагедии. На самом же деле потому, что у него в голове смешались две картины: застывшее искореженное тело Морганы и это же тело, но живое, желанное для сотен мужчин, каким оно было всего несколько часов назад... И он панически боялся говорить об этом с ее матерью, которая была вряд ли намного старше его собственной матери.

Вошла Кармен Аврил. «Настоящий сейф», — определил капитан Грима.

Сейф, который он обязан вскрыть.

Он оглядел бочкообразный силуэт, стянутый, словно обручами, металлическими пуговицами замшевой куртки, толстые ноги в ботинках на шнуровке. Все части тела Кармен Аврил казались запертыми на замок, вплоть до очков с толстыми стеклами, цепочка от которых болталась у нее на шее; даже кожаная сумка с металлическими накладками. Капитан даже представил себе ключ, висящий у нее на шее и спрятанный под одеждой.

Ключ, отпиривший замок ее сердца.

«Ключ, утерянный навсегда», — быстро решил Грима. Сегодня утром его бросили на дно самого глубокого колодца.

Человек, сопровождавший Кармен Аврил, казалось, с незапамятных времен считал тяжким бременем выпавшую на его долю участь. У него было узкое лицо, завершавшееся острым подбородком, и словно сделанные из каучука руки, безвольно висевшие вдоль тела. Он напомнил ему резинового Месье Щекотку, но решил, что в такую минуту подобное сравнение неуместно.

«Они вместе не живут», — сказал себе капитан.

Он указал на два стула перед своим столом.

— Месье и мадам Аврил?

— Мадам, — ответил «сейф». — Жильбер — дядя Морганы. Он приехал со мной.

— А отец Морганы?

— У Морганы нет отца.

— Он...

Капитан судорожно подбирал слова. Умер. Пропал без вести. Уехал...

Кармен Аврил его опередила:

— У Морганы никогда не было отца.

— Вы хотите сказать, что...

У капитана не было никаких соображений, но он сумел настолько затянуть фразу, что Кармен Аврил вновь оборвала его:

— Я воспитывала ее одна. Я держу небольшой гостевой дом «Горная долина» в Нефшатель-ан-Брэ вот уже двадцать пять лет. И тоже одна.

Она повернулась к брату. Ее сумочка издала металлический звон, напомнивший звон кандалов каторжника.

— Я настояла, чтобы сегодня Жильбер поехал вместе со мной. Хотя обычно...

На этот раз Грима пришел на помощь Кармен:

— Понимаю. Вы привыкли в одиночку встречать ниспосланные вам испытания.

Он не лгал. Кармен Аврил являла собой неколебимую скалу, он прекрасно это понял из тех реплик, которыми они успели обменяться; в последующие дни расследование это подтвердило. Кармен являлась настоящим столпом Нефшатель-ан-Брэ. Хозяйка известного домашнего ресторанчика и гостевого дома с тремя колосьями,[4] вице-президент Общества по развитию края Бре, ответственная за культурные программы и туризм; пятнадцать лет назад избрана главой местного муниципального совета. Женщина сильная, активная, целеустремленная. В ее жизни никаких мужчин. Ее брат, Жильбер Аврил, шофер-дальнобойщик, работавший в компании «Гурнэ-ан-Брэ», полжизни проводил на железнодорожном пароме Дьепп — Ньюхэйвен, перевозя в своем грузовике-холодильнике молочные продукты в Англию.

Капитан не отступал и пристально взирал на Кармен. Петли ее куртки, пересеченные металлическими пуговицами-стерженьками, напоминали бойницы.

— И все же мне надо знать, что произошло с отцом Морганы.

Лицо ее приняло удрученное выражение, столь нелюбимое капитаном Грима.

— Мне надо снова повторить, капитан? У нее нет отца.

— Это всего лишь оборот речи, мадам Аврил. Разумеется, отец не воспитывал ее. Но с точки зрения генетики, мне надо знать, кто...

— Я сделала ЭКО девятнадцать лет назад...

Грима лихорадочно соображал. Он знал закон. Оплодотворение в пробирке делали только супружеским парам или, по крайней мере, парам, которые могли доказать, что живут семейной жизнью не менее двух лет.

— Но для этого надо быть семейной парой, разве не так?

— Не в Бельгии!

«Бог мой, — подумал Грима. — Кармен Аврил одна родила своих двух дочек...» При иных обстоятельствах он бы, без сомнения, сказал ей, что считает ее поступок в высшей мере эгоистичным. Уже четыре месяца он просыпался по ночам каждые три часа, чтобы дать бутылочку малютке Лоле, и, прижимая к обнаженной груди пять килограммов теплого тельца, каждый раз благословлял небо за то, что его подружка Сара не захотела сама кормить малютку.

Кармен Аврил отцепила очки от цепочки и протерла их бумажным платком. «Немножечко конденсата», — подумал Грима. Почти слезы. В конце концов, частная жизнь Кармен Аврил и ее способ воспитывать дочь не имеют никакого отношения к насилию, которому подверглась Моргана, и к ее убийству. Психология матери лишь усложняет его задачу, он это предчувствовал.

— Мадам Аврил, я должен задать вам несколько вопросов, относящихся к Моргане. Вопросов интимного характера.

Внезапно он почувствовал себя беспомощным и таким же некомпетентным, как и его стажер Максим. Кармен старше его лет на двадцать. Он стал отцом всего несколько месяцев назад, и его недолгий опыт дарил ему только радость.

— Задавайте.

— Моргане было девятнадцать. Это ее первый поход на дискотеку. Множество свидетелей, видевших ее в тот вечер, описывают ее поведение, как бы это сказать...

Он с трепетом искал слова, чтобы облегчить тот груз, который им предстояло нести.

— Вызывающее, — наконец сформулировал он.

— Вызывающее?

В судорожно сжатых руках Кармен бронированная сумочка искривилась, словно стала мягкой, как раскаленный металл. Грудь мадам Аврил высоко вздымалась, однако металлические застёжки выдержали. Цепочка, закрепленная на дужках, удержала стеклянную дамбу очков, преграждавших путь к глазам Кармен. Казалось, за увлажнившимися стеклами сосредоточилась боль, изнутри затопившая Кармен.

— Что вы называете вызывающим, капитан?

Грима плыл к цели. Он видел мыс, куда намеревался причалить, но никак не мог рассчитать, сколько гребков надо сделать, чтобы доплыть до цели.

— Желанной, мадам Аврил. Привлекательной. Притягивавшей взгляды мужчин. Не только взгляды. Она это понимала, и вы не хуже меня это знаете, мадам Аврил.

Замок не выдержал. Желая успокоить сестру, шофер-дальнобойщик погладил ее своей каучуковой рукой. Кармен бушевала, словно взорвавшаяся скороварка:

— Что вы такое говорите, капитан? Что Моргане сама искала на свою голову приключений? Ее изнасиловали, капитан. Изнасиловали, задушили и сбросили с обрыва. А вы меня спрашиваете, было ли ее поведение вызывающим!

Грима сдержался. Он подумал о Лоле. В свои четыре месяца она уже была очаровательна. Вызывающе хороша — в своем, конечно, роде. Он стал оправдываться:

— Мы с вами на одной стороне, мадам Аврил. Мы стараемся найти убийцу вашей дочери. Дорога каждая минута. Моргане стала жертвой самого жестокого преступления, никто с этим не спорит. Но чтобы поймать убийцу, мне надо собрать показания всех свидетелей.

— Свидетелей, которые рассказывают, что моя дочь сама его искала?

Сам не зная почему, капитан Грима встал.

— Мадам Аврил... Я постараюсь говорить как можно яснее. У нас только две версии. Либо убийца вашей дочери — извращенец, психически больной, встретивший Моргану ночью на улице, возможно, на парковке возле казино, или на пляже, при свете фонаря. В этом случае у нас практически нет возможности установить его личность, ибо его никто не видел. Вторая версия заключается в том, что убийца Морганы вчера вечером был на дискотеке в казино, где увидел Моргану, танцевал с ней, возможно, даже разговаривал. Они могли вместе покинуть дискотеку, Моргану могла пойти с ним совершенно добровольно. Да, согласен, потом все обернулось кошмаром, тип оказался настоящим чудовищем, а Моргану его невинной жертвой. Но поймите меня правильно, мадам Аврил, вторая гипотеза существенно сокращает круг возможных подозреваемых.

Кармен Аврил не отвечала. Сдавив в руках кожаную сумочку с металлическими накладками, она вытянула из нее бумажный платок, но так и не поднесла его к глазам. Грима вспомнил о единодушных показаниях свидетелей.

Моргану, извиваясь, обнимает дубовый столб. Она под хмельком, одна грудь выскочила из выреза платья, но она сознательно не оправляет его. Самая красивая девушка на дискотеке... Грима не мог рассказать об этом ее матери. Во всяком случае, не напрямую. И не сейчас. Он развернулся.

— Мадам Аврил, я постараюсь выразиться еще точнее. Все те, кто знал Моргану, подтвердили, что она прилежная девушка, усидчивая, разумная. Поход на дискотеку стал наградой за год упорного труда... Как вы считаете, быть может, Моргану придавала особое значение этой поездке? Своего рода... (Грима искал наиболее точную метафору)... первый опыт, которого она давно ждала?

Кармен «расстреляла» его взглядом.

— Вы хотите сказать, что она во что бы то ни стало стремилась потерять девственность? Не ходите вокруг да около, капитан. Вы что, думаете, она была готова отдаться первому встречному?

Покачав головой, Грима уточнил:

— Она могла наткнуться на человека с дурными намерениями... Если она была достаточно на взводе и добровольно последовала за новым знакомцем, мы сумеем установить его личность.

Словно разъяренный хищник заметался за железными прутьями куртки. Капитан решил, что небольшой комплимент исправит положение, тем более что он совершенно искренний:

— Мадам Аврил, ваша дочь была хорошенькой. Очень хорошенькой. Без сомнения, самой красивой девушкой на дискотеке. Попробуйте проследить за моими рассуждениями, это очень важно. У Морганы был большой выбор. Моргана могла выбирать, с кем ей уходить с дискотеки. Если она сама выбрала своего убийцу, а не наоборот, мы его найдем. Быстро найдем.

Кармен Аврил так и подскочила на стуле. Все цепи порваны. Ярость вырвалась наружу.

— Выбрала своего убийцу? Я не ослышалась, капитан? Выбрала своего убийцу! Так вот, запомните, капитан Грима, моя дочь ни с кем не выходила! Моя дочь не была на взводе и ни на что не соглашалась. Моя дочь была изнасилована. Вы понимаете? Изнасилована, задушена и сброшена в пропасть, словно издохшее животное.

Филипп Грима снова вспомнил теплое тельце крошечной Лолы. Девятнадцать лет воспитывать дочь, чтобы потом...

Да, он понимал. Разумеется. Именно поэтому он и хотел поймать этого типа как можно скорее.

— Я всего лишь хочу поймать мерзавца, который убил вашу дочь.

Не вставая со стула, месье Каучук протянул длинную, словно ветка ивы, руку, и схватил Кармен за рукав. Оторвав от себя руку брата, Кармен встала и вперила взор в капитана Грима.

— Вы всего лишь юный неумелый кретин.

Результаты вскрытия Морганы Аврил были готовы уже на следующий день.

Они подтвердили сделанные ранее выводы. Моргану Аврил изнасиловали между 5 и 6 часами утра, потом задушили и сбросили вниз с обрыва. Именно в таком порядке. Эксперты подтвердили, что, когда она падала, то, без сомнения, уже была мертва. Во влагалище Морганы судебные медики нашли следы спермы, которую, принимая во внимание последовательность событий, признали спермой насильника.

Для капитана Грима это заключение стало хорошей новостью. Следующий шаг — взять биологический материал для анализа ДНК у всех, кто присутствовал на фестивале «Рифф и Клифф» и на дискотеке

в зале Си-Вью, иначе говоря, у всех взрослых мужчин Ипора. Многие газеты вспомнили, что в 1996 году англичанка Кэролайн Дикинсон, ученица коллежа в Плен-Фужере в Бретани, была изнасилована при сходных обстоятельствах. Тогда всех тамошних мужчин обязали сдать анализ ДНК... Потом обязали мужчин, попавших под подозрение в Бретани, потом за ее пределами, затем взяли анализы более чем трех с половиной тысяч мужчин, которые, будучи в то время на свободе, в прошлом отбыли наказание за сексуальные преступления. У какого судьи хватит решимости спустя восемь лет запустить аналогичную процедуру в Нормандии?

При вскрытии обнаружили дополнительные детали, точнее, две, совершенно удивительные, однако и первая, и вторая только подтверждали предположение капитана Грима.

Прежде чем Моргану Аврил изнасиловали и задушили, она искупалась в море. Обнаженной. Судебные медики на этом настаивали: следы йода и соли не оставляли никаких сомнений. Она искупалась, а потом снова натянула платье. А потом ее изнасиловали. Читая заключение экспертов, капитан Грима периодически смотрел в сторону порта Фекан. Результаты экспертизы четко вписывались в разработанную им версию.

Моргана последовала за незнакомцем, которого возбудил ее танец на дискотеке. Затем последовало полуночное купание, обнаженными, вдвоем, вдалеке от любопытных взоров. Но после купания история соблазнения превратилась в драму. Моргана одевается, решает вернуться на дискотеку, целует незнакомца в щечку, и тот срывается с катушек.

Вторая деталь еще более странная. Насильник задушил Моргану Аврил не руками, а шарфом. Экспертиза показала, что нити, приставшие к шее жертвы, довольно редкие, особенно для такой ситуации: кашемировые, красные, с множеством оттенков, великолепного качества; эксперты без труда установили их происхождение: шарф в красную клетку марки «Берберри» — иначе говоря, модель роскошная и дорогущая.

Четыреста двадцать пять евро за кусок тряпки.

За какой-то красный шарф...

Капитан Грима присвистнул сквозь зубы.

Кольцо вокруг насильника стремительно сжималось. Вряд ли среди молодежи Ипора много тех, кто носит на шее такую роскошь.

* * *

Я поднял глаза.

Перечитал перепечатанные на машинке листки, вырезки из газет, сообщения жандармерии, все подробности расследования, проведенного капитаном Грима.

В Ипоре девушка девятнадцати лет изнасилована, задушена и сброшена с обрыва.

Почти десять лет назад. В июне 2004-го.

После купания в море обнаженной.

Задушена красным кашемировым шарфом марки «Берберри»?

Мне показалось, что стены комнаты заходили ходуном. Мой компьютер стоял на столе. Включенный.

Я лихорадочно вбил ключевые слова в поисковик.

Моргана Аврил. Насилие. Ипор.

Менее чем через секунду Google выплюнул ответ прямо мне в лицо: десятки статей, посвященных делу Морганы Аврил. Я быстро пробежал их содержание. Никакого сомнения: на страничках, которые я только что прочел, все абсолютно точно.

Я встал. Увидел в окне смеющиеся надо мной скалы. Овцы, как ни в чем не бывало, мирно паслись вокруг бункера. Словно мне все приснилось и эта сцена произошла не несколько часов назад, а с тех пор прошло уже десять лет.

Я чувствовал, что схожу с ума.

Я снова взял конверт и провел пальцем по штемпелю.

«Фекан.

17 часов 43 минуты.

18-02-14.

Франция».

Это письмо кто-то накануне отправил мне из Фекана. Кто-то, кто знал, что сегодня на обрыве я встречу девушку. Кто-то, кто знал, что эта девушка умрет при тех же обстоятельствах, что и та, другая, десять лет назад, за одним лишь исключением... Эту девушку не сбрасывали мертвой со скалы, как Моргану Аврил, она сама с нее прыгнула, живая, по собственной воле.

Черт, в этом нет никакого смысла.

Кто мог догадаться? Как? Почему?

Я смотрел на безупречно заправленную кровать, без единой складки, аккуратные подушки, прислоненные к стене, оклеенной небесно-голубыми обоями.

Нет, я не спал! Наоборот. Циферблат будильника, зеленый и флуоресцентный, навязчиво напоминал мне об этом едва ли ни в приказном порядке. 12 часов 53 минуты.

Я едва успел на автобус, отходивший в 13.15; на этом автобусе я успевал прибыть вовремя к Пирозу в жандармерию Фекана.

7

Задушена красным кашемировым шарфом марки «Берберри»?

По лестнице в три ступени я поднялся на крыльцо жандармерии Фекана. В окошечке жандарметка с глазами, синими, как ее форменный воротничок, одарила меня улыбкой стюардессы.

— Мне назначил капитан Пироз.

— Последняя дверь направо, не ошибетесь, на ней табличка с его именем.

Голос сладкий, как у сирены, способный заманить в сети жандармерии всех молодых разгильдяев.

Я углубился в вестибюль, загроможденный ксероксом и металлическими шкафами, набитыми папками с делами. Стены заклеены афишами, зазывавшими на службу: «*Стань жандармом — почему бы и не ты?*» Я двинулся по длинному коридору. Люди в форме сидели за компьютерами. Вдоль стены у дверей стояли стулья.

В двадцати метрах от меня сидел Атаракс. На нем была та же куртка, что и утром. Я сел рядом. Он улыбнулся мне чуть более приветливо, чем прежде.

— Дениза уже на месте, — сказал он. — И Арнольд тоже... Потом моя очередь.

Я в ответ улыбнулся, но не произнес ни слова. Я пытался вспомнить его настоящее имя, то, которое он назвал сегодня утром полицейским. И через несколько минут вспомнил. Имя, несколько не соответствовавшее физиономии этого типа, чертовски походившего на жертву общественной системы. Ле Медеф.[5] Кристиан Ле Медеф.

Ожидание затянулось. На низеньком столике лежали «Фигаро магазин» и «Пари-матч». Я не решался достать айфон и войти в Интернет. Мне жутко хотелось узнать больше о деле Морганы Аврил. Я не знал, кто отправил мне пакет на адрес «Сирены», но флики непременно должны были сравнить нынешнее дело с делом десятилетней давности: слишком много совпадений.

Насильник с красным шарфом вернулся спустя десять лет.

Атаракс раздраженно поглядывал на часы. По коридору сновали жандармы. Неподалеку, возле автомата с кофе, я заметил девушку. В подобных учреждениях женщины вообще встречаются редко. Впрочем, я видел ее только со спины. Она нервно совала монетку в отверстие автомата, но та снова выскакивала. На ней были узкие джинсы, аппетитно обтягивавшие попку, собранные в хвост рыжие волосы каскадом падали ей на спину. Она заинтересовала меня. Кто в наше время носит прическу «конский хвост»? Я с нетерпением ждал, когда она повернется и я смогу увидеть ее лицо.

Увы! Она все еще стояла ко мне спиной, когда дверь в кабинет Пироза отворилась и вышла Дениза с Арнольдом под мышкой. Единственный свидетель драмы, успевший сменить костюм: сейчас на нем был связанный на машинке красно-синий свитер — почти цветов национальной жандармерии. Провожая свидетельницу, Пироз пожал ей руку.

— Месье Ле Медеф. Теперь вы...

Атаракс и Пироз исчезли за дверью, которую капитан старательно закрыл за ними. Дениза ласкала Арнольда, словно тот был ребенком, только что покинувшим кабинет врача. Уставившись на меня своими бледно-голубыми глазами, она произнесла:

— У вас еще есть время, по крайней мере, четверть часа. Они хотят знать все, даже то, чего вы не видели.

Морщинистые руки Денизы утопали в шерсти ши-тцу, сама она то и дело сжимала ноги, словно ей очень хотелось помочиться.

Или поговорить со мной.

Наклонившись ко мне, она краем глаза продолжала наблюдать за жандармами, перемещавшимися из одного кабинета в другой.

— Мой мальчик, вам придется меня простить. Я была вынуждена сказать им правду.

Правду?

Я сделал изумленное лицо.

— Что за правду?

Дениза наклонилась еще ниже.

— Помнишь, сегодня утром ты сказал полицейскому, что мы видели, как девушка прыгнула с обрыва. Все трое. На этом они особенно настаивали. Но мне пришлось уточнить.

Пока мимо нас шел жандарм, она поправляла свитер на Арнольде, а потом продолжила шепотом:

— Я не видела, как она прыгнула. Я видела, как она падала, разбилась о гальку, и уверена, что тот человек, который сейчас у капитана, видел то же самое. К тому же с того места, где мы стояли, невозможно увидеть, что происходит наверху, на обрыве; жандармы это проверили.

Она смотрела на меня так, словно я еврей, на которого она только что донесла в гестапо, и вид у нее был притворно-жалобный, как у приличной дамы, исполнившей свой долг.

— Понимаешь, мой мальчик, я не могла сказать иначе.

Я повел себя так, как она ожидала: как послушный мальчик.

— Разумеется, мадам. Не беспокойтесь. Не волнуйтесь, расследование не затянется, это всего лишь... самоубийство.

Дениза выпрямилась и еще пристальней уставилась на меня; в ее недоверчивом взгляде читалось, что я самый наивный чувак на свете. Наконец она спустила Арнольда с рук и проследовала к выходу. Ши-тцу бежал за ней, обнюхивая каждую дверь в кабинет и приходя в восторг, словно ищейка-любитель, попавшая в помещение к профессионалам.

Я вытянул свою негнущуюся ногу. В голове царил сплошной бардак. Напротив меня рыжеволосая девица наконец одолела автомат с кофе и, радостная, обернулась. На четверть секунды ее взгляд

встретился с моим, но не заскользил дальше, к моей неполноценной ноге. На мой протез не смотрели так же редко, как редко парни смотрят в сторону девушки, не разглядывая при этом ее грудь.

Со стаканчиком кофе в руках она прошла мимо, и ее хорошенькая попка скрылась за поворотом коридора. Девушка была довольно миленькая, а ее веснушчатое лицо неуловимо напоминало лицо юной Марлен Жобер.

— Месье Салауи?

Атаракс пробыл в кабинете добрых двадцать минут. Не сказав ни слова, мы обменялись взглядами на пороге двери, и я вошел в кабинет капитана Пироза.

— Садитесь, месье Салауи.

Я сел. Передо мной, на столе на постаменте из красного дерева стоял огромный макет трехмачтового парусника.

Капитан прокашлялся.

— Точная копия «Рождественской звезды»! Малое двухмачтовое парусное судно, построенное в 1929 году, одно из последних рыболовных судов, вышедших из Фекана до Второй мировой войны. Корабль моего прадеда! Но, как вы понимаете, такие воспоминания нас не омолаживают.

Интересно, Пироз сам смастерил эту модель?

Мне пришлось сделать придурковатый вид. Я вспомнил, как однажды на Рождество получил механическую игрушку от конторы, где моя мать служила официанткой в столовой. Мотоцикл длиной в пятнадцать сантиметров; когда я зажимал его между большим пальцем и указательным и толкал вперед, он сам ехал по ковру. Гениально! В то время мне было двенадцать, но каждый уик-энд я уже занимался починкой «Ямахи V-MAX» моего кузена Латифа.

— Триста часов упорного труда! — продолжал Пироз. — Музей истории рыболовства заказал мне еще одну модель — «Дельфин», последний траулер Фекана.[6] Тогда весь город лил над ним слезы. Но им придется подождать, пока я выйду в отставку; раньше я не начну делать модель. А это случится не раньше чем через год. Им следует набраться терпения, точно?

Я кивнул, толком не зная, что отвечать. Пироз пригладил ладонью волосы.

— Вам ведь наплевать на мои модели, Салауи? «Этот старый дуралей вполне годится для ужина с придурками», — думаете вы. Разве нет?

Я не стал утруждать себя ответом. Я ждал. Я понял, что Пироз ничего не говорит просто так. На его столе, за моделью рыболовецкого судна, высилась стопка досье. Сверху лежала папка зеленого бутылочного цвета с написанным маркером именем, но сразу прочесть его мне не удалось.

Морщины на лбу Пироза внезапно вытянулись.

— Это не самоубийство, месье Салауи.

Мне показалось, что меня с размаху ударили по лицу. Пироз хорошо чувствовал ритм и не дал мне опомниться:

— Мы установили личность жертвы.

Он открыл зеленую папку и протянул мне ксерокопию удостоверения личности.

— Держите, Салауи, это не секретная информация.

Я стал разглядывать удостоверение: разворот и оборот были напечатаны на одной странице.

Магали Варрон.

Родилась 21 января 1995 г. в Шарлебурге,
Квебек.

Рост 1 м 73 см.

Особые приметы: нет.

Я постарался запомнить эти данные.

— Мне очень жаль, капитан. Я ничего не знаю об этой девушке.

Пироз, казалось, пропустил мой ответ мимо ушей и продолжил читать досье:

— Она была торговым агентом, рекламировала медицинские товары в регионе Гавра, работала на большую фармацевтическую компанию. Вчера она встречалась с врачами из кантонов Фекан и Крикто-Лесневаль. Судя по ее рабочему ежедневнику, ей оставалось провести еще несколько встреч. Предположительно она намеревалась переночевать в Ипоре или где-то рядом, но в местных гостиницах ее никто не видел.

Пироз перевернул страницу дела, затем перевел взгляд на меня, словно желая проверить, насколько внимательно я его слушаю.

— Начиная с сегодняшнего утра последовательность событий достаточно ясная. Около пяти утра Магали Варрон искупалась в море. Потом ее изнасиловали, и это, как утверждают судебные медики, произошло до шести утра. Следы спермы во влагалище, синяки на теле, разорванное платье. Ее трусики не нашли до сих пор; скорее всего, это танго цвета фуксии, такого же, как и ее лифчик. Поиски продолжаются. Сумочку тоже ищут. Но ни следа.

Каждое слово Пироза ударом молотка отдавалось у меня в голове.

Разумеется, он сравнил нынешний случай с убийством Морганы Аврил десять лет назад. Сходство в каждой детали. Насилие. Место и час нападения. Возраст жертвы. Купание в море. Исчезнувшие трусы.

Кроме ее смерти...

Я прокашлялся, желая вмешаться и напомнить о деле Аврил, но капитан Пироз замахал руками, давая понять, что он еще не закончил.

— После того как Магали Варрон изнасиловали, ее задушили. — Он сделал долгую паузу. — Шарфом, который был у нее на шее. Вспоминаете? Красный кашемировый шарф в шотландскую клетку, по крайней мере, как мне сказали. Шарф марки «Берберри». Штучка, стоящая целое состояние. Если я назову вам сумму, вы не поверите, Салауи!

8

Вы не поверите?

Послунявив палец, капитан Пироз провел им по лакированной корме «Рождественской звезды», оставив на ней невидимый след.

Я не стал просить его называть сумму.

Не стал спрашивать, уверен ли он в результатах медицинской экспертизы, уверены ли эксперты, утверждая, что Магали Варрон сначала была умерщвлена с помощью красного шарфа, а потом сброшена с обрыва.

Я промолчал, чтобы не пробудить его подозрения. Я хранил молчание, а перед глазами мелькали картины сегодняшнего утра. Шарф «Берберри», зацепившийся за колючую проволоку возле пешеходной тропинки, моя рука, неуверенно тянущаяся к шарфу и отцепляющая его от проволоки; та же самая рука бросает шарф Магали, рука Магали, которая хватается за шарф, дергает за него и исчезает. Тот же самый шарф,

только ниже на сто двадцать метров и четыре секунды; шарф, обмотанный вокруг ее шеи.

Расскажи об этом!

В голове чей-то голос отдавал приказ.

Расскажи о шарфе! Расскажи все этому флику. На шарфе найдут биологический материал насильника, но ведь там есть и твой биологический материал. И полиция его непременно обнаружит...

— Капитан Пироз...

Я проглотил слюну.

Что говорить?

Что Магали обмотала шарф вокруг шеи, когда бросилась вниз? Сказать, что я последний, кто касался этого шарфа? Но шарф — прямая улика против меня. Обвинение в насилии. В убийстве. Я вляпаюсь в целую кучу дерьма.

— Что, месье Салауи?

Морщины на лбу Пироза разгладились. Он с неподражаемым спокойствием ждал моего ответа.

— Я...

Я слишком долго колебался и теперь не мог произнести ни слова. Доводы, почему мне надо молчать, потоком обрушились на меня. Пироз говорил о следах спермы, о кровоподтеках на теле Магали Варрон; меньше чем через неделю эксперты определят ДНК насильника, и она скорее всего та же, что и у убийцы Морганы Аврил, десять лет назад. Тогда мне не нужно будет искать оправданий. Тогда и настанет время изложить полиции свою версию.

Внезапно я принял решение сменить курс. Пойти в атаку и сделать отвлекающий маневр:

— Хочу спросить вас, капитан Пироз. Вам не кажется, что сегодняшняя история загадочным образом напоминает дело Морганы Аврил? Ипор, июнь 2004-го. Вам это ничего не говорит?

Пироз выдержал. Вряд ли он предполагал, что удар будет нанесен так быстро, но все же сумел парировать его:

— Вы помните это дело, месье Салауи?

Я стал импровизировать. Речи нет, чтобы сейчас рассказывать о полученном мной по почте пакете.

— Спустя десять лет в Ипоре все еще говорят о нем! Трудно пройти мимо столь явных совпадений, не так ли, капитан? Насилие,

купание в море, разорванное красное платье...

Я сделал паузу, показывая, что готов продолжить перечисление.

— Красный кашемировый шарф, — добавил Пироз. — В обоих случаях одно и то же орудие убийства... — Он смотрел мне прямо в глаза. — Разумеется, месье Салауи, мы провели сравнение с делом Морганы Аврил. Поверьте мне, мы над этим работаем... Но, как вам известно, той истории уже более десяти лет... А сейчас, если вам угодно, вернемся в день нынешний и сосредоточимся на убийстве Магали Варрон.

Пироз перевернул еще одну страницу досье, словно давая мне время на раздумье. Я как мог постарался продолжить в том же тоне:

— Когда я встретил Магали на вершине обрыва, она была жива. Я, видимо, помешал ее насильнику, и он не смог задушить ее. Ну, не совсем...

Капитан смотрел на меня долгим изучающим взглядом. Морщины на его лбу приняли форму буквы V, словно указуя на листы медицинской экспертизы.

— Эта версия не поддерживается медэкспертами, месье Салауи. Они считают, что Магали умерла от удушья, и только потом была сброшена вниз на каменистый пляж...

Пироз сделал передышку, позволив себе улыбнуться:

— Но я согласен с вами, сомнения имеются. Речь идет о нескольких минутах. Сейчас мы поговорим об этом. Лаборатория все еще раз проверит. И мы тоже, месье Салауи. Мне необходимо подробнейшее описание Магали Варрон. Расскажите, как она выглядела, когда вы встретили ее сегодня утром.

Капитан выпрашивал обо всем очень подробно. Точное место встречи, порванное платье, несколько слов, произнесенных Магали.

Не приближайтесь.

Если вы сделаете хоть шаг, я прыгну...

Вы не поймете. Идите своей дорогой.

Уходите! Живо уходите.

Пироз просил описать каждый взгляд Магали, каждый ее жест. Он все записывал, и процедура заняла более десяти минут.

— Хорошо. Очень хорошо, месье Салауи.

Склонившись над кораблем, он кончиком указательного пальца переместил миллиметров на пять крошечного рулевого на

«Рождественской звезде».

— Теперь, если вы не возражаете, немного поговорим о вас.

Он взял листок из зеленой папки. Я узнал шапку бланка клиники терапии Сент-Антуан.

Черт побери!

Пироз взял меня за горло:

— Вы работаете в психиатрической лечебнице, месье Салауи?

— Нет, капитан! В терапевтическом и воспитательном учреждении. Там не принимают чокнутых, только трудновоспитуемых, тех, кто страдает от собственного неуравновешенного характера.

— Вы принадлежите к числу воспитателей?

— Нет, капитан.

— Вы терапевт?

— Никак нет. Я занимаюсь обслуживанием. Машины, дверные ручки, протечки кранов, все в таком роде. Площадь здания восемьсот квадратных метров, площадь сада в три раза больше; настоящий парк Шести прыгунов.

Капитан оторвал ручку от бумаги, ему было явно наплевать на мои разъяснения.

— Вы давно в Сент-Антуане?

«Вы давно» — спросил он, не «вы давно там работаете». Я понял намек. Я достаточно наигрался в прятки. Моя негнущаяся нога нервно ерзала по плитке пола.

— Я хочу расставить точки над «i», капитан. Мое детство прошло не в этом учреждении. Я не маленький псих, которого не знали куда девать, когда ему исполнилось восемнадцать, а потому оставили в доме. У меня есть диплом о среднем образовании по специальности «Обслуживание общественных зданий». Меня взяли на работу в клинику шесть лет назад.

Пироз подул в сторону стоявшего на столе парусника, словно сдувал с него пыль. Удовлетворенный тем, как надулись паруса, он погрузился в записи.

— Превосходно. Вы работали в Доме инвалидов, откуда в 2008-м вас пригласили на работу в Сент-Антуан. Ваши работодатели предоставили мне подробную информацию. Вас наняли при укомплектовании штата в 2008 году.

Этот кретин меня достал. По его тону я понял, какие пункты из моей характеристики ему запомнились — словно он подчеркнул их своим флуоресцентным фломастером.

Джамал Салауи.

Араб. Инвалид. Работает у психов...

Идеально подходит на роль убийцы.

К списку повседневных мучителей, к злобным божкам, преподам-садистам и начальникам-фашикам надо добавить: реакционеро-полицейских...

Пироз положил в папку еще один листок.

— Месье Салауи, сегодня утром у нас было не слишком много времени, тем не менее мы сумели дозвониться до вашего непосредственного начальника — Жерома Пинелли.

— Он в отпуске!

Впервые Пироз показал мне свои желтые зубы. Оскал напоминал улыбку.

— Я отыскал его в Куршевеле. Он ехал на подъемнике по склону Ла Танья, направляясь в сторону черной трассы Жокей. Он все подтвердил.

Что подтвердил этот кретин?

Пришла моя очередь «расстреливать» Пироза взглядом.

— Вашу личность, месье Салауи. Вашу должность в Сент-Антуан. Плюс в вашу пользу — у вас нет судимостей; впрочем, иначе вы бы не могли работать с подростками в специализированном учреждении. Это значит...

Мне ужасно хотелось одним щелчком опрокинуть все крошечные разрисованные фигурки, выставленные на палубе «Рождественской Звезды».

— Что значит?

— Жером Пинелли выразил сомнение.

Что еще этот засранец мог придумать?

— Сомнение?

— Он рассказал мне об Офели Пароди. Пятнадцатилетней девочке, поступившей в учреждение полтора года назад.

Скотина! Вот так, запросто, на лыжах и с солнечными очками на морде, сдать меня фликам. Впрочем, морда Пинелли больше напоминает задницу.

Пироз сделал выводы. Они с Пинелли наверняка быстро поняли друг друга.

— Он высказал предположение, что вы близки с этой Офели, излишне близки, как говорят психиатры в Сент-Антуане. Вас неоднократно вызывали по этому поводу...

Нет, никакой не щелчок, чтобы сбросить разрисованных куколок. Размахнуться, как при пощечине, и тремя взмахами сбить все мачты — только для того, чтобы посмотреть, как Пироз станет бушевать.

Это будет настоящий цирк!

Однако, к собственному удивлению, я сохранил спокойствие. Быть может, из-за Офели: воспоминание о ней успокоило меня.

— Надо перепроверять информацию, капитан. Начальник — не всегда самое подходящее лицо для сбора сведений о подчиненных, у меня много коллег, которые думают обо мне иначе, чем Жером Пинелли. Но... я совершенно не понимаю, какая связь между моей работой в Сент-Антуан и смертью Магали Варрон. Выразитесь точнее, капитан. Меня в чем-то обвиняют? В чем? В том, что я столкнул девушку в пропасть? Изнасиловал ее, пока вы там стояли?

Пироз медленно пригладил волосы. Негодяй давно ждал, когда я взорвусь.

— Спокойно, спокойно, месье Салауи, — неторопливо закрыв папку, произнес Пироз. — Чтобы устранить недомолвки, скажу, что пока вы проходите по делу как главный свидетель. Единственный, кто видел, как Магали Варрон по доброй воле прыгнула вниз, единственный, кто говорил с самоубийцей; впрочем, версия самоубийства пока противоречит данным медицинской экспертизы...

— Что значит «пока»?

— Подумайте сами, месье Салауи. Согласно всем сведениям, которые мне удалось собрать о вас, самым разумным со стороны следователя было бы посадить вас под замок.

Ошарашенный, я откинулся на спинку стула.

— Вы быстро бегаете, месье Салауи, даже на одной ноге, и это отмечено в вашем досье. Если вы являетесь насильником, а я позволю вам улизнуть...

Пироз почувствовал, что переиграл меня. И не лишил себя удовольствия сообщить об этом.

— Так вот, прежде чем обвинять меня в поспешных выводах, месье Салауи, поразмыслите сами над ситуацией. Вашей ситуацией! Я беру на себя риск оставить вас на свободе, подожду несколько часов, необходимых для проведения генетической экспертизы. Но завтра в 14.00 я хочу снова видеть вас у себя, в этом кабинете.

Внезапно он встал, схватил зеленую папку, обогнул стол и встал у меня за спиной.

— Что с вами случилось, месье Салауи?

— Как «что»?

— С ногой, я хочу сказать.

Мне не понравилось, как он на меня смотрит.

На столе Пироза на стопке досье лежал листок. Он заинтересовал меня. Белый листок с табличкой из четырех клеточек посередине; в клеточки вписаны восемь цифр:

2/2 | 3/0

0/3 | 1/1

Математическая головоломка? В последние месяцы перед выходом в отставку Пироз увлекся разгадыванием sudoku?

— Вы не ответили, месье Салауи.

Чтобы говорить с ним, мне пришлось повернуть голову.

— Простое недоразумение, капитан. Какой-то полицейский выстрелил в меня. Я убежал после вооруженного ограбления, отделение Народного Национального банка на улице Суффло, в пятом округе. Я уже тогда бегал быстро, но, получается, недостаточно. А не привлекался я потому, что меня не узнали. На мне была маска Бетти Буп...[7]

— Вы смеетесь надо мной?

— Нет, просто не люблю нагнетать.

Пожав плечами, Пироз вернулся за стол и выдвинул ящик.

— Держите, если уж заговорили о Бетти Буп...

И сунул мне в руки старый номер «Плейбоя».

— Сейчас вы прогуляетесь в комнатку тут рядом и наполните мне пробирку...

— Спермой?

— Ну да. Не взбитыми же сливками.

Приказ Пироза показался мне совершенно невыносимым.

— А это обычная процедура?

— Чего вы хотите, Салауи? Чтобы я задержал вас?

— А если я откажусь?

Капитан вздохнул.

— А зачем вам отказываться, Салауи? Если во влагалище Магали Варрон нашли не вашу сперму... Прошу вас также протянуть мне руки, я сам состригу у вас кусочек ногтя и несколько волосков.

Я скатал «Плейбой» в трубочку. Он прав. Мне не в чем себя упрекнуть. После того как они сравнят мою ДНК с ДНК насильника, все станет гораздо проще. Тогда я заставлю и Пинелли, и Пироза, и всех остальных сожрать все их оскорбления...

По крайней мере, мне так казалось.

Тогда я не мог думать иначе.

Моя сперма, мои волосы, мои ногти...

Я не касался той девушки, даже не приближался к ней.

С тех пор я несколько раз вспоминал взгляд Денизы, когда я рассказывал ей о самоубийстве Морганы Аврил. Взгляд, где читалось ужасное разочарование, что я оказался таким наивным...

Она была права.

Наивный...

Быть невиновным, не сделать ничего плохого, знать, что тебе не в чем себя упрекнуть. Но этого недостаточно.

Нет дыма без огня. Улики ничего не значат, ничего не значит истина, сомнение прокрадется везде.

Несмотря ни на что.

Несмотря на вас?

Ибо, если поразмыслить, разве не проще поверить версии жандармов и экспертов, чем версии какого-то араба, да еще и инвалида, работающего у психов?

9

Нет дыма без огня?

— Он не принимает монеты по пять сантимов... А по двадцать — глотает, я уже пробовала. Он принимает только один евро и не возвращает сдачу.

Я оторвался от автомата с кофе и обернулся, чтобы узнать, кому принадлежит женский голос у меня за спиной.

— Все флики — мошенники! — добавил голос.

Это была та самая рыжеволосая девушка. Юная Марлен Жобер. Она улыбалась мне во все личико, напоминавшее мордочку землеройки. Два черных живых глаза, маленький вздернутый нос, розовые губки, за которыми виднелись молочной белизны зубы; не хватает только тонких нейлоновых усов, торчащих из покрытых веснушками щек.

Я тоже улыбнулся ей.

— Полностью согласен.

Следуя ее совету, я бросил в щель монетку в одно евро и заказал большую чашку кофе без сахара. Она протянула мне стаканчик. Я выпил.

— Они маринуют меня уже сорок пять минут! А вас?

— А я отделался... По крайней мере, на сегодня. Но чувствую, что придется приобрести абонемент...

Маленьким розовым язычком она, словно мышь, облизала край стаканчика. Прелестное зрелище, напомнившее мне фотографии на почтовых календарях, которые моя мать вешала над раковиной. Кошечки, лакавшие молоко из плошек, девчушки в балетных пачках возле пианино. Фотографии моих детских очаровашек.

Девушка с любопытством меня разглядывала.

— Что вас сюда привело?

Я промедлил с ответом не более секунды.

— Свидетель. Какая-то девица бросилась с обрыва в Ипоре. Я был там как раз, когда она прыгала, но я ничего не мог сделать.

Она поджала губы. Ее глаза лесной мыши потускнели.

— Да, невесело. А... известно, почему она это сделала?

— Есть подозрения. Согласно проведенному расследованию незадолго до самоубийства ее изнасиловали. И пытались задушить.

— Боже мой...

Испуганным жестом мышка прикрыла рукой ротик, но быстро опустила руку. Ей явно нравилось играть.

— Надеюсь, вы хотя бы не насильник?

Вот это да! Я обожаю такую манеру ведения разговора. Так мы разговариваем с Ибу. Настоящий коктейль, четко отмеренное сочетание

лукавства и черного юмора.

— Нет, не думаю. Но скоро это станет ясно, я только что сдал полиции свою сперму...

На минуту она задумалась, словно пыталась представить себе субъекта, мастурбирующего за занавеской в соседнем кабинете. Окинув меня оценивающим взглядом, она дошла до промежности, спустилась до колен, но ни разу не подала виду, что заметила мою железную ногу.

Превосходно, мисс! Уверен, ее привлекла именно моя искусственная нога. Мое отличие. Тип девушек, которые обожают все, что выходит за рамки обычного. Ее две черные точки уставились прямо на меня.

— Хорошее известие! Даже если вы окажетесь насильником, надеюсь, еще пару минут я могу чувствовать себя в безопасности в вашем обществе. Лев насытился.

Я посмотрел на часы.

— Не стоит меня недооценивать... Подвергнуться сексуальному насилию в жандармерии... В этом что-то есть, как вы считаете?

Я расхохотался, но землеройка явно не была в этом твердо уверена, как пыталась сделать вид. Ее мелкие белые зубки вцепились в край пластикового стаканчика. Я решил продолжить разговор, пока она не шмыгнула в какую-нибудь дыру.

— А вы?

— Что «я»?

— Какого черта флики заставляют вас ждать сорок пять минут?

Вместо ответа она изогнулась и вытащила из заднего кармана джинсов смятый листок.

— Я жду печать. Разрешение собирать гальку на пляже.

— Простите?

Она рассмеялась.

— Теперь моя очередь удивлять вас!

Она протянула мне руку.

— Мона Салинас. Несмотря на несерьезный вид, я девушка строгая и занудная. Докторант по экспериментальной химии. Я получила стипендию от группы «Панши-Компьютер Текнолоджи», многонациональной индо-американской корпорации, специализирующейся на электронных составляющих информационных систем...

— А какая связь с галькой?

Она терзала в руках стаканчик. Мне казалось, она нервничает, возможно, из-за моей истории про изнасилование.

— Предоставляю вам самому догадаться...

Она вызывающе посмотрела на меня.

Связь между информатикой и галькой? Представления не имею! Однако я сделал вид, что думаю. Как ни странно, мне нравились девушки усидчивые, отличницы, зубрилы. Большинство парней, с которыми я корешился в Ла-Курнев, бежали от них как от чумы... А я — нет. Я заметил, что, когда знакомишься с такими девушками поближе, с ними гораздо веселей, чем с обычными пустышками. И они вовсе не неприступны. Но девушки-докторанты, да еще и по экспериментальной химии, редко ко мне обращались.

Моя землеройка начала проявлять нетерпение:

— Вы что, язык проглотили?

С растерянным видом я кивнул.

— О'кей! — бросила она. — Попробую просветить вас. Кремний является необходимым составляющим информационных технологий. Он служит электропроводником. Вы когда-нибудь слышали про Силиконовую долину в Соединенных Штатах? Название «силикон» происходит от латинского названия кремния, а вовсе не от накачанного силиконом бюстов калифорнийских дамочек.

Ну вот! Глаза мои произвольно, на четверть секунды скользнули к расстегнутой пуговице ее блузки, приоткрывшей ложбинку между ее маленькими грудями спортсменки, белыми, с рыжими веснушками. Молоко и мед.

Подобно канатоходцу, я чудом обрел равновесие на нити нашей беседы.

— Наверное, я совсем дурак, раз никак не могу связать ваш кремний с галькой.

Мое смущение ее забавляло.

— Терпение. Сейчас объясню. Кремний, иначе силиций, не существует в чистом виде... Вы следите за моими словами?... Только в связанной форме. Галька! А галька побережья Ла-Манша содержит самый высокий процент кремния в мире.

— В самом деле?

— Научно доказано. Сегодня мировой столицей добычи гальки является Кайе-сюр-Мер, в Пикардии... Но жители Нормандии уверяют, что их галька еще богаче кремнием... Самые большие запасы кремния на земле и по количеству, и по качеству.

Я представил себе движущиеся вереницы серых камешков, обкатанных равнодушным морем. Однако вообразить, что в этих камешках содержатся сокровища, необходимые для производства продукции высоких технологий, я не смог.

— А разве нужно разрешение полиции, чтобы собирать гальку?

— Да! Целый век гальку вывозили тоннами для строительства здешних дорог, домов и церквей. Но недавно заметили, что галечник является своеобразной защитой для скалистого побережья и всего, что на нем построено. Так что сегодня все, хватит! Сбор гальки строго запрещен, надо получать специальное разрешение.

— Даже громадной многонациональной индо-американской компании, способной принести в регион инвестиции.

— Вы все прекрасно поняли. Мне нужно всего несколько сотен камешков. Чтобы вы лучше себе представляли, кремний, используемый в электронной промышленности, должен быть беспримесным на 99,9999999 %. — Она произносила девятки, словно выпускала маленькие мыльные пузырьки. — Это современный стандарт, но «Панши», моя лавочка, хочет получить еще более чистый кремний! Еще на две или три девятки больше. В этом и заключается моя работа: узнать, можно ли получить искомые дополнительные цифры после запятой, если использовать гальку Фекана, Ипора или Этрета.

— У вас с собой маленькая химическая лаборатория?

— Да! Молоток, пинцет, пробирки, микроскоп и ноутбук, начиненный кучей сложных программ...

Мне очень хотелось остаться с ней. Я мало что понял из ее рассказа, возможно, своим кремнием и девятью цифрами после запятой она просто заговаривала мне зубы; но мне это нравилось! Мне казалось, это просто гениально — понять, что такие серые штуковины, как обкатанные морем камни, являются настоящими сокровищами!

Мы молча допили наш кофе. Теперь, если Мона хочет поддерживать разговор, пришел ее черед спрашивать, как меня зовут и что меня занесло в Ипор. Я готов расписать ей в деталях

ультрамарафон вокруг Монблана и свой будущий небывалый подвиг, который войдет в анналы паралимпийского спорта.

Молчание затягивалось.

Я бросил свой стаканчик в мусорную корзину.

Попал.

Она последовала моему примеру.

И тоже попала.

Я понял, что Мона не сделает ни шагу навстречу.

— Очень рад познакомиться с вами, Мона. Надеюсь, до скорого? Быть может, вы завтра будете ждать свою печать, а я вернусь сюда уже в наручниках...

Она положила руку мне на плечо и, приблизив губы к моему уху, прошептала:

— Интуиция мне подсказывает, что мы увидимся раньше, чем наступит завтра.

Я молча наслаждался прикосновением ее руки. Эта девушка обожала играть в загадки, ответы на которые я не знал.

— У меня хорошая интуиция. Она говорит мне, что вы остановились в Ипоре. Гостиница «Сирена», комната 7.

Она знала обо мне слишком много. Колдунья, замаскированная под землеройку, чтобы было легче шпионить за мной. Такая же любопытная, как полицейские ищейки. Пироз напоминал кошку, а она мышку.

— Откуда вы знаете?

Она снова склонилась ко мне. Когда ее крашенные оранжевые ноготки коснулись моей ключицы, мне показалось, что по плечу пробежал хомяк.

— Моя интуиция! Беззащитные газели вроде меня должны быть хорошо осведомлены, чтобы выжить в обществе хищников вашей породы.

Резко отстранившись, она посмотрела на часы.

— Тринадцать минут! Я должна вас покинуть. Лев скоро проснется, а в вашем обществе я не чувствую себя в безопасности.

— Я не стану есть вас здесь. На глазах у жандармов.

— Здесь нет. А потом?

Потом?

Судя по ее виду, Мона по-прежнему не собиралась подсказывать мне отгадки. Сделав три шага по коридору, она подошла к одному из кабинетов.

— Мне жаль расставаться с вами, но мне действительно надо, чтобы флики подписали мне эту чертову бумажку!

— Тогда удачи!

Я пошел по коридору к выходу. Перед тем как войти в кабинет, Мона повернулась ко мне и, как ни в чем не бывало, загадочно произнесла:

— До вечера! Не опаздывайте.

10

До вечера?

Автобус высадил меня в Ипоре на площади Жан-Поль Лоран; дальше путь его лежал в Гавр. Всего-то четверть часа в пути и почти три часа ожидания в Фекане. У меня осталось время обдумать вопросы Пироза. Я почти успокоился. Сперма насильника, его отпечатки, совпадения с убийством Морганы Аврил десятилетней давности — все это доказывало (должно было доказать!), что я тут ни при чем.

Я старался не думать о сомнительных моментах...

Они должны проясниться. Вместе с приливом. Словно закатное солнце, чьи заходящие лучи расщипывали облака на радужные кружева. Тот самый свет, который так привлекал импрессионистов! Я обязан его узнать, даже если я ни разу не был в музее. В Ипор стоит возвращаться хотя бы только ради этого света.

Двигаясь в сторону моря, я думал о Моне. Ее образ сопровождал меня всю дорогу, четко очерченный профиль на фоне заходящего солнца... У нее не было того трагического изящества, как у Магали Варрон, той отчаянной красоты, которая действует на вас, как удар ножа в сердце. Нет... Мона, скорее, напоминала приятеля, с которым приятно выпить пива. Просто приятель иного пола. С таким приятелем неплохо также разделить постель, и это будет столь же просто, как выпить с ним пива. Может, это и есть любовь...

Любовь, какой ее видят brutальные мужчины.

Насколько мне известно.

Я прошел мимо мясной лавки. Из-за витрины на меня подозрительно смотрела хозяйка. Словно своим протезом я намеревался разбить тротуар перед ее магазином.

Дурища!

Образ Моны вытеснил образ хозяйки лавки.

Почему она проявила ко мне интерес?

Почему она вообще заговорила со мной?

Потому что нет ничего более естественного, чем интерес, проявленный мужчиной и женщиной одного возраста друг к другу? Особенно если они встретились в глухой дыре, где оба чувствуют себя чужаками? Вряд ли. Я никогда не мог отделаться от чувства неполноценности, очень похожего на чувство вины. Почему эта девушка заинтересовалась мной, когда я не представлял для нее ни малейшего интереса? Тут столько других чуваков, есть из кого выбрать. Есть получше меня...

Я сошел с тротуара, уступая дорогу двум старушкам с палочками, которые двигались мне навстречу.

В феврале Ипор напоминал дом отдыха для лиц преклонного возраста, аккуратный дом престарелых на берегу моря, разбитый на множество павильончиков. Нет, не дом престарелых, а старую даму. Бабушку, которую навещают в хорошую погоду по воскресеньям, а на каникулах привозят внуков, чтобы они немножко пошумели и болтовней своей повеселили ее. Бабушку, у которой есть большой, заросший сорной травой сад со скрипучими качелями.

Ипор напоминал мне мою бабулю Джамилю. Не потому, что она когда-то жила на берегу моря, то ли в Эссауире, то ли в Агадире. Вовсе нет! Она жила в Драней, в башне Жерико, за Периферийным бульваром, но у нее тоже был большой сад — общественный сад, за которым она наблюдала со своего шестого этажа. Я ходил туда с кузенами, когда мне еще восьми не было, и этот парк развлечений был для нас словно уголок парка Диснея. Когда я там был в последний раз, там по-прежнему работали аттракционы, лошадка на пружинке, веревочный мост, но теперь вокруг детской площадки сидели одни старики, внуков не было, и им не нужно было ни за кем следить. Если бы вдруг там появился какой-нибудь малыш, они уставились бы на него, как на экзотическое животное, внезапно объявившееся в зоопарке для пенсионеров.

Я спустился к морю. В лицо мне подул ветер. Еще два десятка метров — и я в «Сирене».

Мона пробудила мои детские воспоминания, и я не знал почему.

Когда я вошел в гостиницу, передо мной вырос Андре Жозвиак.

С широченной улыбкой на лице.

И пакетом в руке.

Я сдавил пальцами гипсовое украшение, прилепившееся над деревянной обшивкой стены, украшенной рыболовными сетями. Разглядел на пакете штемпель UPS, американской компании, специализирующейся на экспресс-доставке. Рассыльный, должно быть, принес его сегодня после полудня. Андре усмехнулся.

— Для того, кто никогда не получает писем... ты написал роман, а издательства тебе отказали и возвращают рукописи?

Он протянул мне пакет. Я увидел свое имя, узнал почерк, тот же, что и на утреннем конверте. Коричневая бумага.

Андре не унимался:

— Ты завел новую подружку, и твои бывшие теперь возвращают тебе любовные письма?

Я схватил пакет и поспешил к лестнице, ведущей ко мне в комнату.

— Спасибо, Андре.

Он никогда не остановится.

— Копии для правки? Ты получил диплом преподавателя, и тебе предлагают места в частной школе?

Я обернулся, чтобы ответить так, как он ожидал.

— Это каталоги товаров, которые заказывают по почте. Медицинские каталоги. Фотографии исключительно левых ног из пластика.

Громовой хохот хозяина гостиницы достиг лестницы.

— Обед в девятнадцать часов.

На кровати валялся вскрытый пакет.

То же самое содержимое, что и утром. Вырезки из газет, подробный отчет капитана Грима, показания свидетелей.

Продолжение дела Морганы Аврил. Отправитель умело дозировал тревожное ожидание...

Разложив листки, я погрузился в чтение. Раз мой таинственный корреспондент хочет сыграть на моем любопытстве, не стану лишать его удовольствия.

* * *

Дело Морганы Аврил — Июнь 2004-го

Несмотря на молодость и отсутствие опыта, капитан Филипп Грима доказал, что его методы необычайно эффективны. Менее чем за три дня после смерти Морганы Аврил в Ипоре 90 % жителей мужского пола в возрасте от пятнадцати до семидесяти пяти согласились сдать в жандармерию биологический материал. Этот процент охватывал почти 70 % молодых людей, посетивших фестиваль «Рифф и Клифф» (323 образца спермы, чтобы быть точным). Разумеется, ни одна ДНК не совпала с ДНК насильника.

Капитан Грима быстро сообразил, что столь емкая по времени процедура, в сущности, принесла смехотворные результаты. Абсурдная версия, предполагающая, что убийца добровольно пойдет на сотрудничество с полицией и сдаст сперму, которая его выдаст. Однако эта процедура позволяла снять обвинение с близких Морганы, настаивал судья Надо-Локе, и исключала из списка подозреваемых множество мужчин, а значит, затягивала сеть.

Капитан Грима лично участвовал в допросах главных свидетелей, включая тех, с кого благодаря анализу ДНК сняли подозрения. Первые дни он проводил на работе по двенадцать часов, затем стал возвращаться домой только ночевать. Он подогревал еду и ел на коленке, потому что на другой коленке лежала головка его малютки Лолы. В конце концов он стал засыпать даже на допросах свидетелей, даже в объятиях своей четырехмесячной дочери. На время расследования его жена Сара выставила его на улицу, и три недели, с 21 июня по 12 июля 2004 года, он спал на раскладушке в кафетерии жандармерии. Раз в три дня он навещал свою маленькую семью и приносил с собой круассаны.

У него крепла уверенность в правильности своей версии. Этому способствовал график увеселительной поездки Морганы Аврил, расписанной буквально по минутам. Несмотря на свои девятнадцать лет, 5 июня 2004 года Моргана впервые отправилась развлекаться на всю ночь. Ее мать, Кармен, согласилась отпустить ее только потому, что с ней ехал ее двадцатитрехлетний друг Николя Граве, тот, кто сидел за рулем «Рено Клио», студент последнего курса лесохозяйственного

факультета Высшей школы в Меньер-ан-Брэ. Она также просила Осеан, свою вторую дочь, присмотреть за Морганой и двух других пассажиров «рено» — девятнадцатилетнюю Клару Бартелеми, работавшую помощницей учительницы в начальной школе Шарль Перро в Нефшателе, и Матье Пикара двадцати одного года, студента-медика третьего курса.

Приятная компания. Вполне разумная...

Хронология событий подтверждала версию Грима. Выехав из Нефшатель-ан-Брэ около шести часов вечера, они через час с небольшим прибыли в Ипор. На набережной закусили кебабами, посидели на камешках перед казино, как сотни других юных участников фестиваля «Рифф и Клифф», а затем отправились на концерт. Праздничная обстановка, но без излишеств. Моргану вела себя возбужденно, это было не слишком заметно.

Фестиваль завершился выступлением популярной местной группы «История А», ставшим апофеозом вечера. В час ночи диджей устроили перерыв.

Тогда Моргану, если верить словам Матье и Николя, сама стала отжигать.

Приват-танец, двусмысленные позы...

Николя и Матье утверждали, что пытались ее урезонить, но она выпила много пива. Хотя, если верить экспертизе, в ее организме нашли изрядное количество алкоголя. Достаточно, чтобы Моргану стала неуправляемой.

Николя Граве и Клара Бартелеми довольно быстро признались, что с двух часов и до утра они целовались и ласкали друг друга на одном из диванчиков в зале дискотеки. Поездка была для них предлогом, а трое пассажиров — алиби: они тайно встречались уже несколько недель. Исчезновение Моргану они заметили только тогда, когда в зале началась паника, примерно в шесть утра, после того как какой-то очумелый тип стал бегать вокруг диванчиков и орать:

— Там труп! Господи, труп на пляже!!!

Матье и Осеан наблюдали. К трем часам утра они заскучали и покинули танцпол. Между тремя и четырьмя они еще пытались разговаривать, перекрывая децибелы музыки и потягивая вино. Эскапады Моргану их не волновали; последний раз они видели ее на

танцполе где-то около половины четвертого. Матье Пикар с самого начала был уверен, что одна она не останется, и когда она исчезла из виду, не стал беспокоиться. Зал Си-Вью, выходящий на набережную, ставшую дополнительной танцплощадкой, превратился в настоящий поцелуедром... Матье Пикар доверительно сообщил, что пытался подбить клинья к Осеан, впрочем, без особой надежды, тем более что в тот вечер она выпила больше, чем обычно. С сестрой Морганы они дружили с детского сада, но она была не из тех, кого устраивал флирт на один вечер. В отличие от Морганы. В этом вопросе Осеан больше походила на мать. На Кармен. Кастратка, иного слова он для нее не нашел.

В результате капитан Грима обнаружил черную дыру продолжительностью в два часа — между 3.30 и 5.30, от момента исчезновения Морганы до обнаружения ее трупа.

Не совсем два, если быть точным. Гардеробщица в Си-Вью, Соня Тюро, маленькая блондинка с глазами куклы Барби трэш в стиле готов, вспомнила, что видела, как около 3.40 Моргана выходила покурить. Соня уверяла, что она ничего не путает. По ее словам, в тот вечер Моргана была самой заметной клиенткой. По лицу струился пот, облегающее платье задралось на вспотевших бедрах, тонкая, на грани приличия ткань платья не скрывала нижнего белья цвета фуксии.

— На ней были трусики и лифчик, — уверенно подтвердила Соня.

— Вы очень наблюдательны! — сделал ей комплимент Грима.

— А то, капитан! Я бы с удовольствием пощупала, как она под ними устроена!

Ответ Сони прозвучал так естественно, что поставил капитана в тупик, тем более что ее внимательный взгляд, устремившись между ног капитана, подразумевал, что у нее нет сексуальных предпочтений. В следующий раз — а Соню пришлось еще раз вызывать в полицию — он доверил ее допрос полицейскому, которому скоро в отставку.

«Выход на площадку для курения»...

Капитан долго раздумывал над этим фактом.

Моргана Аврил не курила...

Новый тупик.

Очень скоро интуиция подсказала капитану Грима, что пора начать вести следствие с другого конца. Надо не искать новых свидетелей, не

восстанавливать поминутно каждый шаг Морганы Аврил, а сосредоточиться на орудии убийства.

Шарф «Берберри».

19 июля 2004 года судья Надо-Локе письменно поздравил Грима с новым подходом к расследованию дела, хотя в перспективность новой версии не верил никто, кроме самого капитана.

Шарф. Полоска ткани стоимостью более четырехсот евро.

Грима высвободил время для проверки показаний всех свидетелей, собрал воедино все версии, исключив все, не имевшие отношения к делу или звучавшие слишком неправдоподобно.

В результате трое заслуживающих доверия свидетелей вспомнили о шарфе «Берберри».

Завидев полицейского с седой головой, гардеробщица Соня Тюро сначала сделала козью рожу, но в конце концов вспомнила клиента, которого определила как «папенькиного сынка». «Загорелый» — все, что она смогла сказать о его внешности. Определения «смуглокожий», «магребинец», «метис» и тому подобные, предложенные ей пожилым жандармом, она категорически отвергла.

— Когда на роже мелькает зеркальный шар, мой сладкий, я не могу измерить толщину слоя пудры на лице клиента...

Загорелый папенькин сынок сдал свой льняной пиджак и кашемировый шарф в гардероб. Такая одежда редко встречается во время рок-фестивалей, поэтому Соня его и запомнила.

— Шарф был красный? Марки «Берберри»?

Марку она не разглядывала, но, насколько помнит, действительно, похоже, «Берберри». Соня не видела, когда тип ушел, одежду наверняка выдала ее сменщица, хотя та тоже этого не помнила. Капитан Грима предположил, что Соня Тюро выдумала таинственного клиента. Для прессы дело Аврил быстро стало «делом убийцы с красным шарфом». Предположение капитана ничем не подкреплялось. Когда Соня Тюро не сидела за стойкой гардероба, она на полном серьезе слушала курс сравнительного европейского права в университете Руана. К тому же два других свидетеля подтвердили ее показания.

После долгих расспросов Мики, временно работающий вышибалой, признал, что в ночь с 5 на 6 июня обходил парковку, слушая, как шум волн перекрывает шум музыки, и видел, как какой-то тип, стоя в тени откоса, курил возле мусорного бака казино; кажется, на

нем был пиджак и шарф. Цвет он не смог разглядеть. Точное время, когда он его заметил, он тоже не вспомнил, сказал только, что после трех ночи, когда у него начался перерыв. Ничего другого он сказать не может. Единственное, в чем Мики был твердо уверен, — что тип был один.

— А не ждал ли он кого-нибудь? — спросил Грима.

— Может быть.

— Может, девушку?

— М-м-м... или приятелей. Я продолжил обход.

Мики не смог описать его внешность, только силуэт, который он разглядел, когда тип оказался в середине круга света уличного фонаря и одновременно пучка света электрического фонарика. Из рассказа следовало, что примерно в это время Моргана Аврил ушла с дискотеки... После никто не видел ее в живых.

Третий свидетель — Венсан Карре, двадцать один год, студент-химик — прибыл к семнадцати часам на вокзал в Бреоте, ближайшей к Ипору станции на линии сообщения Париж — Руан — Гавр. Оттуда междугородный автобус доставлял гостей на фестиваль. Венсан рассчитывал воспользоваться автобусом, чтобы на концерте присоединиться к приятелям из клуба любителей настольного тенниса. Он ждал примерно десять минут, стоя рядом с видным парнем, его ровесником, одетым исключительно шикарно: белоснежная рубашка, лаковые штiblеты, пиджак и красный шарф на шее. Его прикид резко контрастировал с одеждой других зрителей фестиваля. Они обменялись парой слов.

— Вырядился, словно принц, — прокомментировал Венсан.

— Девушки любят красавчиков, — объяснил «принц».

— Ты ради девушек приехал сюда или ради музыки?

Венсан Карре хорошо помнил, что тот ему ответил: «Музыки или девушек? Ты это серьезно, приятель? Хорошую музыку услышишь редко, и нового Хендрикса надо искать отнюдь не в Ипоре! А девушки... Вау, девушки хороши везде!»

Пришел междугородный автобус. Венсан не стал садиться рядом с «принцем». Он из другого теста. Оба воткнули в уши наушники mp3-плеера. Конец эпизода.

На дискотеке Венсан еще раз увидел типа в шарфе. Тот вместе со всеми двигался на танцполе и чаще, чем другие, подкатывался к

Моргане, самой красивой девушке на вечеринке; впрочем, тогда Венсан еще не знал, как ее зовут. Ежу понятно, что тип к ней клеился.

На танцполе шарфа на нем не было. Десятки других свидетелей подтвердили, что вокруг Морганы крутился какой-то парень. Осеан и Матье тоже его заметили. Все, включая Венсана, собрались вместе, чтобы составить фоторобот. Красивое лицо, слегка квадратное, карие глаза, смуглая кожа, как у уроженца Магриба, хотя в точности сказать трудно. Фотограф два дня работал над созданием фоторобота: портрет получился невыразительным и без характерных особенностей. Все же его распечатали и расклеили повсюду. Поступили сотни сигналов, все проверили, но безрезультатно. Капитан Грима сомневался в сходстве полученного портрета. Ведь ни в полутемном зале дискотеки, ни после ни у кого из свидетелей не было оснований запоминать его лицо.

На следующее утро Венсан Карре снова увидел неизвестного с красным шарфом. Только что обнаружили труп Морганы Аврил, Ипор бурлил, полицейские прочесывали городок. Тип в пиджаке стоял напротив булочной на площади Жан-Поль Лоран. Венсан торопился, потрясенный случившимся; вернувшись в два часа ночи, он рухнул на кровать и заснул, но выспаться не успел, так как его скоро разбудили. На пляже нашли мертвую девушку! Изнасилованную! Ему, как и всем остальным молодым людям, пришлось идти в полицию, предъявлять документы и сдавать анализ ДНК. Когда Венсан Карре проходил мимо того типа, он еще не знал подробностей преступления. Ни кто убил, ни как.

Тип приветственно помахал ему рукой. Он его узнал. Но если бы он не махнул рукой, Венсан не обратил бы на него внимания. Как ни странно, они не говорили об убитой девушке, Венсан Карре не знал, почему. Единственное объяснение, которое пришло ему в голову, — ему показалось, что неизвестный не в курсе случившегося. Или же ему наплевать.

— Тебе понравился концерт? — спросил Венсан.

Тип расхохотался.

— Еще спрашиваешь...

— А как местные девушки?

— Хорошенькие. Очень хорошенькие.

— Да, я видел, как этой ночью ты выбрал отнюдь не самую большую дурнушку...

— И не самую большую ледышку, уж можешь мне поверить...

Венсан Карре решил, что тип выпендренник. Еще он заметил, что красного шарфа на нем не было.

— А где твой шарф?

— Я оставил его цыпочке. На память, — ответил тип.

— Рассчитываешь снова с ней увидеться?

— С чего бы это...

Он усмехнулся. Потом психологи раз сто просили Венсана описать этот смешок во всех подробностях, со всеми нюансами.

Смех спонтанный? Вымученный? Циничный? Садистский?

Венсан не мог ответить. Он только помнил, что сказал тип в ответ на его последний вопрос.

«Ты вернешься на автобусе?» — спросил Венсан. «Нет, я поеду к своим старикам. У них небольшая дачка на нормандском побережье».

Вот он, ключ к делу Морганы Аврил!

Разумеется, показания Венсана Карре проверили. Они оказались точными, хотя, восстанавливая по часам и минутам его времяпрепровождение, полицейские обнаружили пробел: оставив приятелей по теннисному клубу догорать до конца вечера, Венсан около двух часов отправился спать. На него это не похоже...

Капитан Грима задал ему вопрос. Венсан Карре ответил, что он очень устал, что у него выдалась тяжелая неделя. Когда его спросили об этом еще раз, он занервничал и раздраженно заметил, что, будучи единственным свидетелем, сумевшим хотя бы немного продвинуть следствие, он не ожидал, что его станут подозревать. Он прав, у Грима не было никаких оснований подозревать Венсана Карре больше, чем любого другого посетителя дискотеки в Си-Вью. Тем более что его ДНК не совпала с ДНК насильника.

Итак, искали молодого человека лет двадцати, родители которого имели домик на побережье Нормандии. По такому случаю капитан Грима узнал, что нормандское побережье тянется более чем на тридцать пять миль... Отыскать нужный домик становилось миссией поистине невыполнимой. Даже если отрядить несколько команд полицейских, им придется на протяжении долгих недель ходить от двери к двери и показывать фоторобот. Ходить придется кругами —

Этрета, затем Сен-Валери-ан-Ко, затем Онфлер, потом Довиль, Кабург, Дьепп...

Мартышкин труд.

Ничего.

Тип с красным шарфом растворился в пространстве.

20 августа 2004 года капитан Грима представил отчет судье Надо-Локе. Пять недель расследование топталось на месте. Никаких новых улик. Но Грима был уверен в правильности своих действий. Моргана Аврил согласилась последовать за незнакомцем, крутившимся вокруг нее на танцполе. Тот незаметно взял в гардеробе свой пиджак и шарф, а затем ждал на парковке, пока Моргана выйдет к нему. В каком-нибудь укромном уголке пляжа они вместе искупались в море. А потом разыгралась драма.

Моргана отказывается преступить границу обычного флирта. Неизвестный настаивает. Выходит из себя, насилует ее, впадает в панику, душит ее, затаскивает на вершину обрыва и сбрасывает труп, возможно, чтобы выиграть время и заставить поверить в самоубийство.

И исчезает.

Несмотря на отсутствие подозреваемого, которого можно было бы предъявить судье Надо-Локе, капитан Грима закончил отчет на оптимистичной ноте. Убийца Морганы Аврил будет найден. Со временем он утратит бдительность, и кто-нибудь непременно его узнает где-нибудь на нормандском побережье или в ином месте. Капитан Грима был в этом уверен и обосновал свою уверенность в последнем разделе своего отчета.

Убийца Морганы Аврил никогда больше не совершит подобного преступления.

Убийцей является молодой человек, очевидно, состоятельный, образованный, воспитанный, совершивший в тот вечер самую большую глупость в своей жизни. Ему придется жить с этой чудовищной тайной, похороненной в глубине его сердца. До самой смерти.

Если его не вычислят раньше...

Доклад жандармерии Фекана вызвал ярость у клана Аврил.

Кармен Аврил и ее родные устами своего адвоката яростно протестовали против версии капитана Грима. Они не верили в молодого

человека из состоятельной семьи, непреднамеренно совершившего преступление. Для них убийца был извращенцем, хищником, действовавшим по заранее разработанному плану. Их самый убедительный довод основывался на утреннем поведении неизвестного с красным шарфом, описанного Венсаном Карре. По мысли же Грима, подозреваемый номер один спокойно ждал, когда родители приедут за ним на площадь Жан-Поль Лоран, не испытывая стресса и не впадая в панику, хотя в это время полицейские уже всю прочесывали улицы Ипора. Подобная безмятежность никак не соответствовала версии о ночной интрижке, окончившейся драмой.

Полицейские, адвокаты и судьи часами обсуждали четыре фразы, записанные со слов Венсана Карре.

— *А где твой шарф?*

— *Я оставил его цыпочке. На память.*

— *Рассчитываешь снова с ней увидеться?*

— *С чего бы это...*

Можно ли расценивать их как неподготовленные ответы субъекта, случайно совершившего убийство и поставившего на кон свою свободу, — орел или решка? Или это слова циничного преступника, обладающего потрясающим хладнокровием? Или вообще слова невинного человека... которого никогда не забирали в полицейский участок?

23 августа в газете «Гавр либр» капитан Грима в последний раз публично высказал свое мнение: он не верит в убийцу-садиста, случайно оказавшегося на дискотеке, сумевшего войти в доверие к Моргане Аврил, а потом напавшего на нее там, где никто не мог его увидеть. Откуда тогда взялось купание в море? И почему шарф «Берберри»?

26 августа 2004 года версия Грима рассыпалась как карточный домик.

Равно как и доверие к нему как к следователю.

Вся его кропотливая работа, ночи, проведенные на работе, три месяца без малютки Лолы, которой уже исполнилось шесть месяцев, все пошло прахом.

Резкий необоснованный поворот в ведении следствия. Непродуманные действия, не соответствующие занимаемой должности.

В один день дело о красном шарфе «Берберри» приобрело поистине государственный масштаб, превзошедший по своему размаху все, что капитан Грима мог себе вообразить.

Тот, кто раздул дело, взлетел в самые высокие сферы правосудия и полиции.

Улетел далеко за пределы своей компетенции.

Звон колокола оторвал меня от чтения.

* * *

Колокол звенел, не умолкая, словно набат, призывавший моряков собраться на палубе.

В коридоре раздался громоподобный голос Андре:

— Джамал! Ужин!

Я бросил взгляд на часы.

19.17.

Черт!

11

Рассчитываешь снова с ней увидеться?

В феврале «Сирена» больше походила на семейный пансион, чем на гостиницу-ресторан. Ужин в 19.00 и одно меню для всех немногочисленных постояльцев: два пенсионера, остановившиеся переночевать по дороге на Мон-Сен-Мишель, английская пара с рыжим малышом, высадившаяся в Дьеппе, тип в галстуке, похожий на бродячего торговца.

Я спустился вниз.

Ресторан находился в просторном помещении; мне казалось, он вполне мог вместить человек тридцать. Благодаря огромному окну, больше похожему на витрину, почти со всех мест можно наслаждаться великолепным морским пейзажем, не подлежавшим застройке. Войдя в ресторан, я увидел неожиданную гостью.

— Опаздываете, Джамал.

Мона!

Она в одиночестве сидела за столиком и, вооружившись специальной вилочкой из нержавеющей стали, примеривалась к тарелке с улитками. Через несколько столиков от нее молча ужинала пожилая пара пенсионеров. В углу комнаты англичане дружно уговаривали своего малыша съесть зеленую, словно лягушка, детскую смесь из баночки. Мона поставила второй стул прямо напротив себя.

— Вы предпочитаете ужинать в одиночестве, или я правильно приготовила для вас место?

Как я мог отказаться?

Я сел напротив нее. Она явно заранее договорилась с Андре, ибо не прошло и секунды, как мне принесли тарелку и прибор. С заговорщической улыбкой Андре удалился, причем я так и не понял, кому была адресована его улыбка, ей или мне.

— Так вы, плутовка, остановились в «Сирене» сегодня утром?

Мона подмигнула, явно гордясь тем, что в жандармерии сумела создать вокруг себя ореол таинственности.

— Совершенно верно. Вчера я обследовала сектор Вель-ле-Роз, а теперь мне предстоит исследовать участок между Антифер и Палюэль, две самые большие ловушки, куда затаскивает гальку со всего побережья. Я вас заметила сегодня утром, когда вы возвращались после моциона. Я стояла у стойки спиной к вам, и вы меня не заметили.

Ничего удивительного, как раз в это время Андре вручал мне первый пакет.

— Так вы наконец убедили жандармов поставить вам печать?

— Да! Но мне пришлось переспать с половиной жандармерии. А как вы? Новых самоубийств больше не было?

— Насколько мне известно...

В эту минуту Андре принес мне улиток под майонезом. Возможно, он услышал о «новых самоубийцах», но не стал заострять на них внимание.

— Мы заказали бутылку вина, — заявила Мона. — Я приглашаю!

Я запротестовал для виду, но Мона была неумолима:

— Я занесу ее в графу дорожных расходов. Мой финансовый директор не станет возникать из-за нескольких евро. В прошлом году компания «Панши-Компьютер Текнолоджи» получила почти пять миллиардов прибыли. А разве справедливо, что этим пользуются только пенсионеры на Ки Бискейн?[8]

Она попросила Андре принести бургундского — шардонэ 2009 года с виноградников Вужо.

Семьдесят пять евро бутылка!

Его выручка за неделю.

Мы надолго замолчали.

Наблюдательный раунд. Я не имел никакого желания обсуждать утреннее самоубийство, шарф «Берберри» и еще менее — дело Морганы Аврил. Меня одолевали вопросы без ответов, я пытался понять, в чем причина череды невероятных совпадений. Заметив, что мысли мои улетели далеко, Мона позволила мне сделать паузу.

Мой взгляд скользил по висевшим на стенах романтическим морским пейзажам, где бурное море билось о скалистые берега, по морским узлам в рамках под стеклом, по синему спасательному кругу с надписью «Добро пожаловать на борт», по гигантскому компасу, закрепленному на балке. Морская атмосфера. Я разглядывал каждую безделушку, стараясь ненароком не заглянуть в вырез блузки Моны, которая, по сравнению с сегодняшним утром, была расстегнута еще на одну пуговицу.

Чтобы соблазнить меня или уговорить жандармов?

Мона первой нарушила молчание:

— Вы знаете, как президент Панши сделал свое состояние?

— Понятия не имею...

— Совершенно невероятная история. Она вам понравится, Джамал. Его зовут Панши Кумар Шинд, он индус, эмигрировавший в Америку. Он прибыл в Сан-Франциско в середине семидесятых без гроша в кармане. По ночам чистил сортиры в конторах, расположенных в деловых районах, а днем посещал курсы менеджмента «Как сделать свой старт-ап». Обучение в подобных школах стоит десять тысяч долларов в год, там вешают лапшу на уши тысячам иностранцев, эксплуатируют американскую мечту, сказку, стремясь реализовать которую слушатели влезают в долги, отдавать которые придется нескольким поколениям. Среди года Панши нужно было сдать работу. Проект создания предприятия, с планом маркетинга, программой амортизации капитала и все такое прочее. Смертельно усталый после ночных трудов, он не сумел написать ни строчки и уже хотел все бросить. Убирая дерьмо, он начинал понимать, как устроена Америка. Накануне дня сдачи работы он все еще чистил туалеты в

Трансамериканской Пирамиде, на сорок седьмом этаже, не имея ни единой мысли о создании какого-либо предприятия, даже виртуального. Проще говоря, он только и делал, что проклинал кретинов, работавших на этом этаже и забивавших толчки бумажными полотенцами и листами А4, когда кончалась туалетная бумага.

Мона сделала паузу и пригубила шардонэ.

— И тут ему в голову пришла идея...

— В сортире?

— Да, идея самая идиотская в мире. Вместо того чтобы вешать в офисных туалетах стандартные рулоны по двадцать метров, те, которые мы используем дома, почему бы не установить более длинные рулоны? По двести, триста метров, в металлическом кожухе. За неимением лучшего он остановился на этой мысли и в оставшееся время набросал проект. На следующий день он, как обычно, должен был выйти на станции метро «Сивик Центр» линии «Л», чтобы пойти на курсы и сдать работу. В последнюю минуту он проехал остановку, вышел через пять станций, в «Вест Портал», пошел в агентство «Уэллс Фарго», продал свой проект и оформил патент.

— И дело пошло?

— Меньше чем за год он стал мультимиллионером, — с энтузиазмом произнесла Мона. — Он один из сотни самых богатых людей мира. Назовите мне хотя бы один вокзал, один отель, одно учреждение, где сегодня не установлен большой распределитель туалетной бумаги? Подсчитайте смеха ради, сколько сантиметров туалетной бумаги отматывает за день каждый житель нашей планеты?

Опустошив свой бокал, Мона продолжила:

— Самый прибыльный патент века! Говорят, потом Панши вложил в информатику, затем купил остров в Микронезии, где ходит голышом, слегка прикрывшись пальмовыми листьями.

— В самом деле?

Она рассмеялась.

— А вам как кажется?

Я задумался.

— Вы все придумали?

— Возможно. Обожаю придумывать байки.

Мне очень хотелось заплодировать, сжать ее в объятиях, выйти с ней на мол и там, смеясь во все горло, всю ночь бегать под луной.

Никогда еще я не встречал девушку, чей взгляд на мир был бы столь близок моему. Сумасбродная, переплетающая реальность с фантазией. Она как бы стояла на подоконнике между небом и землей; внизу земля принадлежала кишащим на улицах тачкам, а небо вверху принадлежало звездам. Второй раз за день я вспомнил о Джамиле. Мона напомнила мне мою бабушку Шехерезаду из Драней, прозванную мальчишками Канал-плюс. Каждый субботний вечер они собирались на лестнице «С» в башне Жерико и, разинув рот и развесив уши, слушали ее истории. Слушали до тех пор, пока Джамилю не засунули в дом престарелых в Блан-Мениле, где санитарки сочли ее волшебные сказки бессвязным бредом: доказательством прогрессирующего Альцгеймера.

Воспользовавшись моей задумчивостью, Андре убрал мою тарелку и поставил котелок с мидиями в соус. Заметив, что возле нашего столика он замедлил ход, я подумал, что ему, наверное, хочется обсудить историю с самоубийством. Новость о ней уже наверняка облетела городок. Девушка, прыгнувшая со скалы, найдена мертвой! Возможно, была попытка удушения...

Я представил себе панику, начавшуюся в домиках местных жителей.

Неужели спустя десять лет насильник с шарфом «Берберри» вернулся?

— А вы? — неожиданно спросила Мона.

— Я?

— Да! Теперь ваша очередь рассказать мне какую-нибудь необыкновенную историю.

Я покачал головой, давая понять, что моего внимания хватает лишь на то, чтобы доставать из котелка мидии и вычерпывать раковинной соус. Никакого вдохновения. Мона топнула ножкой.

— Не разочаровывайте меня, Джамал! Я бы ни за что не пригласила вас к себе за столик, если бы не была уверена, что вы удивите меня. Давайте, я жду фантастических рассказов!

Стараясь потянуть время, я вытирал пальцы салфеткой. Через три столика от нас оба пенсионера сидели каждый со своим смартфоном и шарили в Интернете.

— Хорошо, Мона. Вы этого хотели? Фантастическую историю? Что ж, надеюсь, я вас не разочарую. Я изобрел революционный способ

подбивания клиньев к девушкам. Проверенный способ затащить в постель любую девушку.

Мне удалось зацепить Мону. Она вскинулась, широко раскрыла глаза и приоткрыла рот. Забавно, но чтобы описать ее смеющееся лицо, как у куклы, мне в голову пришло слово, которое я не употреблял никогда в жизни, слово, звучащее обычно в устах стариков.

Мордашка.

Смесь девичьего личика, кошачьей рожицы и мышинной мордочки. Персонаж, выскочивший из какой-нибудь басни Лафонтена.

— Однако вы человек с претензиями, Джамал...

— Вы мне не верите?

— Я жду...

Я медленно вытащил из кармана бумажник, достал из него визитку и положил на стол, прикрыв ее ладонью, чтобы Мона не могла прочесть.

— Вот мое секретное оружие.

— А-а, — бросила Мона, изображая разочарование.

Я придвинул к ней карточку, по-прежнему закрывая ее ладонью.

— Вот уже десять лет, как я не выхожу на улицу без визиток. У меня в кармане всегда есть несколько. Моя повседневная жизнь — это пригородные поезда, городские тротуары... Иногда мне встречается девушка, которая мне нравится. Тогда я подхожу к ней и вкладываю ей в руку визитку, так быстро, что она не успевает разглядеть, на кого я похож.

Я убрал руку и прочел текст на карточке:

«Мадемуазель,

Не смейтесь, я подсчитал, что каждый день на улицах Парижа мне на глаза попадают сотни женщин. И каждый день я вручаю такую карточку одной из этих женщин, иногда двум, редко трем, но никогда больше.

Одной женщине из нескольких сотен.

Сегодня я вручаю ее вам.

Вы не такая, как все. Вы выделяетесь в толпе, что-то отличает вас от других.

Если вас любит мужчина и вы с ним счастливы, мой поступок, наверное, умилил вас. Если у вас нет

любимого человека, это несправедливо, ибо вы его заслуживаете. Гораздо больше, чем кто-либо из ваших подруг.

По моему мнению.

Благодарю за этот волшебный миг.
jamalsalaoui@yahoo.fr».

Я подтолкнул карточку Моне, и та схватила ее, словно карту острова сокровищ.

— Вау! И это работает?

Я наконец опустошил свой бокал шардонэ, в полной мере оценив его букет. Один евро за десять миллилитров...

— Стопроцентно! В худшем случае женщины чувствуют себя польщенными. В лучшем они сдаются. Я играю на их удивлении, на их эго, на контрасте между всеобщим парижским пофигизмом и легким романтическим флером, дарованным небом. Видите ли, Мона, это идеальный компромисс между виртуальным кадрежем на сайтах знакомств и грубым приставанием, которому сплошь и рядом подвергаются девушки на улицах.

Мона взяла бутылку и наполнила наши бокалы.

— Одна девушка на тысячу. И как вы выбираете? — спросила она, присвистнув сквозь зубы.

— В этом-то и вопрос, Мона. Как бы вам объяснить... Есть такая штука, которую я никогда не понимал. Это любовь с первого взгляда. Она падает вам на голову буквально посреди улицы. Толпа замедляет ход и расступается. Честно, Мона, почти все женщины обладают неким очарованием, почти у всех есть нечто, что позволяет в них влюбиться и любить их на протяжении всей жизни, ни разу не пожалев об этом. Согласен, возможно, для любви с первого взгляда этого недостаточно... Но, как мне кажется, по крайней мере одна женщина из трех, действительно, хорошенькая, особенно когда она хочет нравиться. А если вас и это не устраивает, тогда одна женщина из десяти, или даже из двадцати, будет само совершенство. Свое совершенство, в своем роде! Понимаете, Мона, я теряюсь, когда говорят о любви с первого взгляда. Женщины могут ослепить меня, в каждом вагоне метро непременно есть ослепительная женщина, десяток ослепительных женщин всегда можно встретить на террасе любого кафе на парижской площади, а летом на солнечном пляже их будет целая сотня...

Остренькими, словно у кошки, зубками, она разгрызла мидию и, с любопытством взглянув на меня, продолжила есть.

— Вас трудно загнать в тупик, Джамал. Интересно, вы опасный мачо или изобретатель постромантизма?

Задумавшись, она замерла; видимо, искала брешь в моем способе.

— Вы действительно раздаете не больше трех визиток в день?

Я сделал сконфуженный вид, словно ребенок, которого застали на месте шалости.

— Шутите! В некоторые дни я раздавал по несколько сотен...

Она рассмеялась.

— Хитрец! А теперь самый главный вопрос. Они вам отвечают?

— Серьезно?

— Да...

— Примерно 80 %... Почти все после трех писем переходят к делу. Я спал с самыми красивыми девушками столицы, срывал цветочки с такой легкостью, словно являлся главой самого большого модельного агентства Парижа.

— Вы смеетесь надо мной?

— Возможно. Я обожаю сочинять истории.

Подняв свой бокал шардонэ, она выпила вместе со мной.

— Превосходно, Джамал. Счет ноль-ноль.

Она помолчала, а потом спросила:

— Если бы вы встретили на улице меня, вы бы дали мне визитку?

Я понял, что не должен отвечать слишком быстро, а потому воспользовался паузой, дабы обозреть каждый сантиметр ее кожи, рыжие отблески на скулах, тени от ресниц, падавшие на ее очаровательный вздернутый носик. Мона присоединилась к моей игре и, устремив взор на море, приняла позу, чтобы я мог восхититься ее профилем, а потом потянулась, выставив напоказ грудь.

Взвешивая каждый слог, я наконец решился ответить:

— Да. И в тот день вручил бы только одну карточку.

Мона покраснела. В первый раз я почувствовал, что она смутилась.

— Лжец! — наконец с трудом выговорила она.

Она искала способ сменить направление разговора. Набрав побольше воздуха, задала вопрос:

— А ваша... ваша нога... Это несчастный случай?

В сущности, она не слишком отличалась от всех остальных. Так же поддавалась искушению. Мой ответ был готов. Уже много лет.

— Да. Станция «Порт Майо». На противоположной платформе ждала поезда самая красивая девушка, и я не мог не вручить ей карточку... Я прыгнул на пути, а в этот момент подошел поезд метро!

Она рассмеялась.

— Вот глупость! Но когда-нибудь вы мне расскажете?

— Обещаю.

— Вы странный тип, Джамал. Забавный, но лгун. Впрочем, я уверена, мне бы вы не дали визитку. Уверена, вам нравятся романтические женщины, роковые красавицы, мимолетные видения. Не такие непосредственные, как я. По-моему, вы ловите призрачные образы, коллекционируете их, как фигурки Панини. Но так вы вряд ли поймаете ту, которая вам нужна!

— Спасибо за совет.

Мона пожирала меня глазами.

— Извините, — раздался голос у нас за спиной.

За нами стоял Андре, держа в руках две порции «Плавучего острова». Сумев избежать цунами, он поставил их перед нами, а затем обратился ко мне.

— Джамал, ты говорил о самоубийстве. Это... случилось недавно?

Андре явно ничего не знал о трагедии сегодняшнего утра. Странно!

Я коротко изложил факты, умолчав о том, что нашел шарф «Берберри», зацепившийся за ограждение из колючей проволоки, а потом этот шарф необъяснимым образом оказался обмотанным вокруг шеи Магали Варрон. Чем дальше я рассказывал, тем шире открывались глаза Андре. Когда я умолк, переводя дыхание, хозяин «Сирены», белый, словно его скатерти, пробормотал:

— Твоя история напоминает мне...

Я опередил его.

— ...историю насильника, убившего Моргану Аврил. Десять лет назад.

Андре медленно закивал в знак согласия.

— Я был здесь, — проговорил он. — В первых рядах! Девушка Аврил умерла, можно сказать, под моим окном. Фестиваль «Рифф и Клифф» стал для меня настоящей каторгой. Я литрами готовил соус для

мидий, тонны картошки-фри и кебабов, уставил столиками всю набережную. В тот вечер погода была хорошая, молодежь прибывала со всех концов страны. Первый и последний раз, когда в Ипоре устраивали подобное мероприятие.

— Понимаю.

Я не придумал лучшего ответа.

— Я не жалею, — уточнил Андре. — После убийства моя гостиница не пустовала целых полгода. Журналисты, полицейские, эксперты, свидетели, адвокаты.

— Тогда это хорошая новость, — вставила Мона. — Смерть снова заполнит вам все номера!

Я не был уверен, что Андре оценит юмор Моны. И правда, он даже не улыбнулся, довольствуясь долгой паузой.

— Надеюсь, — наконец произнес он, — других не будет.

— Других чего?

— Других жертв...

— Одна жертва каждые десять лет. Однако у него развязаны руки.

Станным пустым взглядом Андре посмотрел сквозь Мону, словно вместо нее было пустое место, а затем взгляд его потерялся вдаль, где-то между морем и звездами. Мне показалось, что он ожидал не столько неуместного юмора Моны, сколько сочувствия к его тревогам. Я повернулся к нему.

— Почему, Андре? Почему должны быть другие жертвы?

Казалось, хозяин «Сирены» в этот вечер постарел на десять лет. Взяв стул, он сел рядом с нами и долго вглядывался в черный горизонт. Потом тихо произнес:

— Так ты не знаешь всей истории, Джамал? Ты знаешь только о деле Морганы Аврил?

Я вспомнил последние строчки газетных вырезок, которые успел прочесть перед ужином, рассыпавшуюся версию капитана Грима, общегосударственное значение, которое придали делу...

— Спустя четыре месяца после убийства Морганы Аврил, — продолжал Андре, — было совершено второе преступление. Девушка из Эльбефа, неподалеку от Руана. Трагедия случилась в Нижней Нормандии, так же на берегу моря, в конце каникул, она работала в лагере для подростков. Тот же самый насильник. Та же сперма. Жертва так же задушена шарфом «Берберри». Вся Нормандия словно

обезумела. Началась паника! Боялись, что серийный убийца продолжит... Но на этом он остановился... Две девушки...

Он замолчал, потом произнес:

— До сегодняшнего утра.

Я постарался призвать на помощь логику:

— Не значит ли это, что тот ненормальный десять лет провел в тюрьме, а теперь вышел и возобновил свою деятельность?

— Его не сумели поймать, — бесцветным голосом произнес Андре.

Он задумался, погрузился в воспоминания. Державшиеся на плаву «Острова» медленно погружались в море крема. Андре наконец удалился, чтобы убрать стол англичан, исчезнувших вместе с младенцем и оставивших после себя целое море зеленого пюре.

Мона смотрела на десерт, напоминавший айсберг, ставший жертвой климатического потепления.

— Дьявольская история.

Не глядя на нее, я размышлял.

Два убийства.

Неизвестный насильник, находившийся десять лет в бегах, сегодня утром снова перешел к действиям.

Разве что в этот раз он не убивал.

Магали сама бросилась с обрыва. После того как намотала на шею шарф.

Шарф с моими генетическими отпечатками.

Кто-то знал. Кто-то играл со мной и намеревался по капле выдавать мне информацию.

Почему я? Что я такого сделал, чтобы оказаться замешанным в эту историю?

Мона вертела в пальцах мою карточку.

— Пошли? — обратилась она ко мне.

Я не ответил. Казалось, она разочарована финалом нашего ужина; видимо, возврат к реальности оказался слишком резким. Она прочла вслух фразу с моей карточки:

— «Благодарю за этот волшебный миг». Знаете, Джамал, скажу вам честно. Мне бы очень понравилось, если бы какой-нибудь незнакомец на перроне пригородной электрички вложил мне в руку

такую карточку. Кем бы он ни был, ему бы точно удалось меня соблазнить.

Она постояла у огромного окна, любуясь зрелищем пришвартованных рыбацких лодок, танцующих на волнах в свете фонарей. Никого. Одни лишь невидимые призраки.

— Однако по случаю ужина с видом на море это тоже неплохо, — наконец произнесла она.

Отодвинув стул, она пошла к выходу. Я протер глаза, утратившие остроту видения из-за невероятного стечения обстоятельств сегодняшнего дня, и улыбнулся ей. Надеюсь, моя улыбка оказалась во вкусе Моны.

— У меня принцип, Джамал. Когда парень мне нравится, я всегда сплю с ним в первый вечер.

12

Почему я?

Мона открыла окно. Перестук гальки, омываемой волнами, ворвался в комнату, и она показалась мне каютой лайнера, плывущего по морю. Обнаженная Мона стояла между двух занавесок, подставляя кожу брызгам пены, которую прибывало к молу, а потом разносило ветром.

Растянувшись на кровати, я любовался Моной; она повернулась ко мне спиной. Изгиб ее талии плавно переходил в линию бедер, спина столь же плавно переходила в разделенные ложбинкой округлые ягодицы и далее в две стройные ножки, как у русалки, променявшей море на землю. Луна окрашивала ночь мягким светом. Отблески пустынного пляжа плясали на теле Моны. Красные неоновые от вывески казино, желтые песочные от галогеновых ламп. Запах леса, смолы и соснового бора.

Она повернулась ко мне лицом. Два маленьких торчащих коричневых пятнышка увенчивали бледные дюны ее груди. На выбритом лобке кучерявились несколько рыжих волосков.

Восхитительно.

В постели, когда Мона сняла резинку, разрушив прическу «лошадиный хвост», волосы каскадом рассыпались по ее плечам,

придали объем ее мышинному личику. Она недолго хранила серьезный вид и вскоре взорвалась переливчатым смехом.

Смеясь, Мона занималась любовью.

Со свойственной ей энергией, с неумолимой изобретательностью. Словно играла в игру. Вспоминала все игры своего детства. Прятки. Салки. Закрой глаза, дай мне руку, открой рот. А какая ирония по отношению к себе самой! Я никогда не встречал подобных девушек.

Ни у кого из нас не оказалось презерватива, но ей было наплевать. Она легонько подхватила меня пониже спины, чтобы я подольше остался в ней.

Перед тем как предаться наслаждению, она стала говорить мне «ты».

Я посмотрел на часы. 3 часа 10 минут.

Мона прикрыла окно и без тени смущения направилась ко мне. Я представил себе, как она, взяв висевшую в рамке на стене ракушку, прижмет ее к лобку на манер Венеры Боттичелли.

— У меня есть еще одно пристанище в Вокотте, — произнесла она. — Ты знаешь эти места?

Я знал. Занимаясь бегом, я каждое утро пересекал неглубокую долину Вокотт, самую красивую зеленую ложбину на всем побережье. Владельцы нескольких вилл, построенных в XIX веке в стиле барокко, приватизировали эту заросшую молодняком долину с ее карманным пляжем.

— У моего научного руководителя там небольшой домик, — уточнила Мона. — Он дал мне ключи, но я там еще не была. Судя по фотографиям, это старый дом, роскошный и мрачный, как в фильме «Психоз». Нет уж, спасибо...

— Ты спала с ним?

Вопрос удивил ее.

— Ты смеешься? Я жуткая зануда во всем, что касается работы, и легкомысленна, когда речь заходит о сексе. Так что сам понимаешь, если я стану их смешивать, ничего хорошего не выйдет. О-о-о...

Мона прыгнула на простыни. Когда я сел на край кровати, ее пальцы заскользили у меня по спине.

— Уже устал? Рано отправляешься на пробежку? А ведь мама предупреждала меня: «Дочь моя, никогда не спи с выдающимся

спортсменом!»

Я поцеловал ее в губы и взял в ладонь ее правую грудь.

— Всего пару минут. Можно?

Не став ждать ответа, я натянул трусы и открыл ноутбук, стоявший на столе напротив кровати. Как я и ожидал, Мона осыпала меня градом сарказмов:

— Оказывается, я нарвалась на компьютерного фаната! Что ты делаешь? Пишешь в Твиттер? Сообщаешь, что потерял девственность с самой красивой девушкой на всем побережье?

Я попытался улыбнуться.

— Нет, это про то, что рассказал нам за ужином Андре. Дело о двойном изнасиловании...

— Ты имеешь в виду историю десятилетней давности или свою историю, ту, что случилась сегодня утром?

— Ту, что произошла десять лет назад.

— А она не может подождать?

Нет... Я должен знать.

— Дай мне пару секунд, Мона. А потом я расскажу тебе сумасшедшую байку, которую ты никогда не слышала.

Я решил рассказать Моне все, включая путешествие шарфа «Берберри» от колючей проволоки ограждения и до шеи юной прекрасной самоубийцы.

Мой старенький ноут загружался безумно долго.

— Можешь оказать мне услугу, Мона? В кармане моей куртки, в бумажнике, лежит бумажка с паролем «Сирены» для подключения к Wi-Fi.

Пока Мона вытягивалась на постели, дотягиваясь до моей одежды, простыня плавно соскользнула на пол. Наконец она громко назвала мне несколько цифр и букв.

Я наугад напечатал первые попавшиеся слова:

Серийный убийца.

Нижняя Нормандия.

2004 год

Шарф «Берберри».

Google предложил мне не менее сотни ответов, почти все одинаковые. Некоторые слова появлялись в заголовках, некоторые — в резюме статей.

Миртий Камю.
Четверг, 26 августа 2004 года.
База отдыха Изиньи-сюр-Мер.
Изнасилована.
Убита.

Одно из названий прочно засело у меня в мозгу:

Изиньи-сюр-Мер.

Сам не знаю почему, ведь я даже не представлял себе, в какой части побережья Нормандии находится этот городок. Я попытался сосредоточиться, но за спиной раздался голос Моны:

— Вот почему ты такой скрытный. Ты шпик!

Шпик?

Мона порет чушь! Озадаченный, я повернулся к ней.

— Почему ты так считаешь?

Она помахала у меня перед носом маленькой золотистой звездой шерифа, основательно помятой.

Моей звездой!

Не довольствуясь портмоне, Мона обшарила все карманы моей куртки.

— Память о детстве? — спросила она.

— Совершенно верно. Пожалуйста, положи на место.

Я помнил то осеннее утро. Какой-то чувак заловил меня на улице, когда я стоял на шухере для Хакима и его дружков, и отвел к матери. Мне тогда было семь лет. Вместо того чтобы накричать на меня, мать потащила меня в торговый центр на другой стороне кольцевой дороги, в магазин игрушек. В свое время я развлекался тем, что смотрел кассеты со старыми вестернами, которые коллекционировал дядя Камель. Мать купила мне жестяную звезду шерифа, стоившую явно не более пяти франков, молча прицепила ее к моей курточке, отвела меня домой и посадила смотреть фильм про ковбоев. Не важно, какой, ей было все равно. Она просто хотела, чтобы я понял, по какую сторону закона должен находиться. Всегда.

— Ты написал эти слова?

Упрямая как ослица, Мона не убрала мою звезду. Напротив, она внимательно ее рассматривала.

— Какие-то слова. На каждом из пяти лучей.

Она медленно разбирала написанные фломастером наполовину стершиеся слова...

Стать первым.
Заняться любовью.
Родить ребенка.
Быть оплаканным.
Заплатить долг.

Я вздохнул.

— Это мои цели, Мона. Направления, если тебе угодно. Своего рода компас.

— Уточни!

Глаза Моны горели, вырывать звезду у нее из рук поздно. Простыня сползла с ее плеч, оставив прикрытым только восхитительный зад, но я ощущал себя еще более обнаженным, чем она. Я притворился, что звезда меня больше не интересуется, и погрузился в чтение ответов Google.

«Курьер Бессена».

Фермерское поселение, носящее название Большие Карьеры, расположено на выходе из Изиньи-сюр-Мер. Вечер. Возле бывшей печи для обжига извести обнаружен труп.

— Кроме шуток, — настаивала Мона. — Что значат слова «на пяти лучах»?

— Мой компас. Я же сказал...

Изобразив равнодушие, я склонился к экрану компьютера, не замечая, что она продолжает рыться у меня в бумажнике. Через несколько секунд она торжествующе помахала сложенным вчетверо листком бумаги.

— Нашла! — завизжала она.

Никто никогда не копался в моих вещах, никто не знал содержания пяти строк, спрятанных в этом листке, но я даже не пытался помешать ей прочесть их.

Она читала громко. Мне казалось, что я слышал, как в груди у нее бьется сердце.

«1. *Стать первым...* спортсменом-инвалидом, принявшим участие в супермарафоне вокруг Монблана.

2. *Заняться любовью...* с женщиной своей мечты.

3. *Родить...* ребенка.

4. *Быть оплаканным...* женщиной после своей смерти.

5. *Заплатить долг...* прежде чем умру».

Она умолкла и долго смотрела на меня.

— Я не все понимаю, Джамал... Ты мне объяснишь?

Я кликнул на другую статью.

«Запад Франции. Издание Байе.

Поиски насильника наращивают темп. Начальник судебной полиции города Кана командан Лео Бастине взял дело Аврил–Камю в свои руки. Министерство внутренних дел специально направило в Нижнюю Нормандию психолога-криминалиста.»

— Объяснишь мне, наконец? — спросила Мона.

Я с сожалением оторвал взор от экрана.

— Маленькая лицемерка! Уверен, ты давно все поняла. Это что-то вроде целей, к которым я стремлюсь в жизни. Мои честолюбивые надежды, если хочешь. Моя программа преодоления инвалидности. Желание не умереть раньше, чем я поставлю все пять галочек. Когда я исполню все свои задачи, тогда не важно, сколько мне будет лет, когда прах мой развеют по ветру...

— Ты, действительно, больной!

— И именно это тебя и привлекает во мне!

Сохраняя спокойствие, я открыл досье PDF.

«Франс-Суар».

Серийный убийца терроризирует Нормандию. Его предполагаемый фоторобот: молодой человек лет двадцати в сине-белой бейсболке «Адидас».

— Задача номер один, — прокомментировала Мона. — Прогулка на Монблан! Это я поняла. Для этого ты каждый день тренируешься.

Ты хочешь поехать туда в конце лета? У тебя еще есть время. Следовательно, первая цель достигнута!

Я невольно улыбнулся. Сознательна ли она хоть чуть-чуть всю трудность такого марафона, его нечеловеческую сложность, понимала ли, какой подвиг я непременно хотел совершить? Самый длинный марафон в мире! Моя детская мечта. Не говоря уж о квалификационных забегах, которые этому предшествуют...

— О'кей, — продолжил насмешливый голос. — Я ставлю галочку и напротив пункта номер два. *«Заняться любовью с женщиной своей мечты»*: вчера вечером ты это выполнил!

Отбросив ногой простыню, Мона, обнаженная, растянулась на кровати, словно требуя, чтобы я подтвердил ее слова.

Что сказать? Только признать, что Мона, действительно, самая красивая девушка из тех, с которыми мне довелось спать.

Не дождавшись ответа, Мона продолжила:

— Пункты три и четыре. Младенец. Заплаканная вдова. О'кей, Джамал, но здесь напрашивается весьма важный вопрос. Должен ли ты выполнить эти задачи с одной женщиной? Той, о которой говорится в пункте два?

Не открывая новых файлов, я продолжал смотреть на экран.

— Так как же? — настаивала Мона. — Любовница, мать и вдова. Одна, две или три женщины?

— Не имеет значения.

— Лгун!

— Нет... Женщина, которая плачет, развеивая мой прах по ветру, вполне может быть моей дочерью. Если я умру глубоким стариком.

— Превосходно! Вот мы и подошли к пункту пять. Что для тебя значит *«Заплатить долг... прежде чем умру»*? Ты кого-нибудь убил?

Сев на кровать, я положил руку ей на бедро.

— Я имею в виду долг, который есть у нас всех. Жизнь. Я всего лишь хочу сказать, что прежде чем умереть, хочу принести пользу. Спасти чью-нибудь жизнь, чтобы возместить жизнь собственную.

— Дурацкое желание! Ты даже не сумел помешать юной Магали прыгнуть с обрыва...

Моя рука заскользила по изгибам ее тела. Мона не признавала абсолютно никаких запретов. Я никогда и ни с кем не говорил о пяти

сторонах своего компаса, даже с Ибу, даже с Офели. Поэтому счел необходимым уточнить:

— Остановить убийцу, например. Помешать ему вновь совершить преступление.

— Насильника с шарфом «Берберри»?

— К примеру...

Одной рукой Мона прикрыла мне глаза, а другой нежно взяла мою руку и повлекла ее в свой самый интимный уголок.

— Забудь об этом...

Зелененькие светящиеся цифры будильника показывали 4 часа 3 минуты. Мы снова занялись любовью, а потом, устроившись между ее ног, я рассказал ей все, не скрывая загадочной истории с шарфом, обмотанным вокруг шеи Магали Варрон. Рассказ я закончил вопросом:

— Наверное, мне надо немедленно пойти в полицию. Ты бы мне посоветовала все им рассказать?

— Не знаю. В сущности, ничего удивительного, что ты нашел шарф «Берберри», зацепившийся за колючую проволоку. Тип, который изнасиловал Магали, услышал твои шаги, запаниковал и забыл про шарф. Но потом...

Размышляя, Мона нахмурила лоб. Ее маленький вздернутый носик уставился в пол. Внезапно она встрепенулась:

— Поняла! Насильник был в маске. Или в капюшоне. Или у Магали не было времени рассмотреть его. Увидев через несколько минут тебя с шарфом в руке, она решила, что вернулся насильник. Она приняла тебя за него!

Я вновь прокрутил в голове утреннюю сцену. Вспомнил, что говорила Магали прежде, чем прыгнуть в бездну.

«Не приближайтесь.

Если вы сделаете хоть шаг, я прыгну...

Идите своей дорогой. Уходите! Живо уходите».

Неужели я так глуп? Неужели вел себя, как охотник, загнавший кролика? Ее парализовал ужас. Она была готова на все, лишь бы снова не попасть в руки своего палача. Даже на уход из жизни.

От версии Моны я похолодел.

Если бы я не подошел к ней с этим шарфом в руке, возможно, Магали бы не прыгнула.

Мона не заметила, как я содрогнулся, и продолжала рассуждать.

— Джамал, моя версия объясняет самое невероятное. Она обмотала этот чертов шарф вокруг шеи, когда падала...

Она сделала короткую паузу.

— Чтобы обвинить тебя!

Чтобы меня обвинить?

Мое обнаженное тело напоминало замороженное мясо. Как Мона выдерживает его прикосновения? Я отодвинулся от нее. На этот раз Мона заметила смену моего настроения и удержала меня за плечо.

Лежавшая на прикроватном столике звезда шерифа отражала свет маяка. Прикосновение Моны было нежным.

— Не расстраивайся, Джамал. Ты ни в чем не виноват. Ты не мог знать.

Я встал. Пальцы Моны сжали пустоту.

— Ты не сделал ничего плохого, Джамал! Ты невиновен. Тебе нечего бояться полиции. Твоя сперма не совпадает со спермой насильника Магали Варрон, а тем более насильника тех двух девушек, убитых десять лет назад.

Я смотрел в окно на черные скалы.

— Тебе нечего бояться полиции, Джамал, — повторила Мона у меня за спиной.

Но она ошибалась.

Катастрофически ошибалась.

Очень скоро я понял, сколь велика ее ошибка.

13

В руки своего палача?

10 часов 22 минуты. Конверт лежал рядом со мной на скамейке, скамейка стояла напротив дюжины дремавших на камешках каяков. Отлив. В фарватере, вырытом в прибрежной зоне, чтобы облегчить спуск лодок на воду, двое серферов завершали цеплять гики. Один, молодой, с длинными, бесцветными от соли волосами, изобразил на своей доске шлем викинга; другой, лет под сорок, с пробившейся сединой, нарисовал стилизованных леопардов с герба Нормандии, золотых на красном фоне.

Настоящие искатели приключений! Истовые и бескорыстные! Уверенные, что скользить по океанской волне можно, только бросая вызов бушующей стихии, ледяному ветру, волнуемому морю, меловой гряде. По сравнению с ними те, кто занимается серфингом на Бермудах, под пальмами Гонолулу или в Сиднее, являются чем-то вроде воскресных трусаков по сравнению с супермарафонцами.

Я понимающе улыбался серферам. Ждал, не решаясь распечатать конверт. Наслаждался утренним покоем. Первый раз я проснулся в половине восьмого. Немедленно схватил с тумбочки звезду шерифа и приколот ее к брошенной на край кровати блузке Моны. Там, где сердце.

— Береги ее, Мона, — сонным голосом произнес я. — Я доверяю ее тебе.

Своим горячим телом она прижалась ко мне.

— Вау! Какая ответственность!

— Огромная!

Я опять заснул. Час спустя Мона ускользнула, оставив мне короткую записку:

«Мне пора вкалывать. Буду где-нибудь на берегу».

Около девяти часов я, надев спортивный костюм, спустился в холл «Сирены».

«Час благих намерений подходит к концу, — пошутил Андре, глядя на часы. — Участников супермарафона вряд ли будут отбирать среди любителей поваляться в кровати, а тем более среди хромых любителей...»

— У меня смягчающие обстоятельства! Девушка, очень красивая...

— Какая девушка? — подмигивая, спросил Андре.

Принимая во внимание средний возраст его гостей, ему нечасто доводится играть роль сводника.

Я намеревался совершить энергичную короткую пробежку километров в пятнадцать, в сторону Этрета, и, завершив круг, по тропинке Рамандез добежать до долины Гренваль. Прежде чем отправиться, я бросил взгляд на вывешенный бюллетень погоды:

«Опасность схода лавин.
Слабый снег.
К концу утра сильные порывы ветра.
-15 °С.
05350, Сен-Веран.
Высокие Альпы».

От ежедневной шутки Андре я неожиданно вздрогнул. Яркий свет, лившийся с улицы, создавал иллюзию тепла. Я вышел и зашагал мелким шагом. Стоило мне вырлиться на прибрежную тропу, как под ногами захрустела замерзшая трава.

Где-то к середине дистанции я оказался над Вокоттом; остановившись, чтобы перевести дух, я задался вопросом: какой из диковинных домиков, напоминавших затерявшиеся в сказочном лесу жилища гномов, принадлежит научному руководителю Моны? Спускаясь в Ипор по тропе, на обочине которой стояло придорожное распятие, я нос к носу столкнулся с малолитражкой почтальона.

Он посмотрел на меня, как на мальчишку, с нетерпением ожидающего почтовую открытку от подружки.

— Пакет? На имя Джамала Салауи? Да, сегодня получили, но я уже был в «Сирене». Спроси его у Деде, моего парнишки...

Но меня волновал не пакет, у меня в голове вертелась другая мысль.

— Можно ли отыскать отправителя письма? По оплате, например, тем более, когда нет марки, а только штамп?

Почтальон, явно любящий свое дело, с готовностью принялся объяснять:

— Да, теоретически. Но что касается твоего письма, мой мальчик, насколько я помню — а я держал его в руках меньше четверти часа назад, — оно было проштемпелевано машиной. Любое мелкое предприятие или администрация в регионе имеют такую машину. Если ты рассчитываешь найти поклонницу, что засыпает тебя письмами, надо по-иному браться за дело.

Андре протянул мне пакет сразу при входе в гостиницу.

— Твоя подписка, Джамал! «Телерама» или «Плейбой»?

— «Пиф гаджет»...

Мне не хотелось распечатывать конверт в комнате. Солнце упорствовало, заливая светом пляж, я прошелся по берегу и сел на скамейку. Я уже знал, что найду в этом конверте.

Продолжение судебного расследования.

Материалы, необходимые, чтобы понять связь событий, случившихся десять лет назад.

10 часов 29 минут. Двое серферов заскользили в сторону Англии. Я напомнил себе, что примерно через четыре часа в жандармерии Фекана меня ждет Пироз. Разорвал конверт и стал листать страницы, крепко сжимая их застывшими от холода пальцами, чтобы ветер не унес их.

* * *

Дело Миртий Камю — четверг, 26 августа 2004 года

С высоты трактора Виктор Тубервиль созерцал кукурузное море. Сначала он подумал, что видит мешок, набитый кукурузой, который хамоватые туристы пытались утащить, а потом бросили. Затем разглядел разорванное платье. А следом труп девушки.

Двое жандармов из ближайшего отделения в Изиньи-сюр-Мер прибыли на место через десять минут. Они немедленно провели параллель с убийством Морганы Аврил, случившимся тремя месяцами раньше. У них хватило присутствия духа предписать немногочисленным свидетелям, оказавшимся на месте преступления, а именно Виктору Тубервилю и его пятнадцатилетнему сыну, никому не говорить о случившемся, а потом объединились со своими начальниками, подтвердившими правильность их интуиции. Запрет двадцать четыре часа сообщать что-либо прессе предоставил полиции время убедиться в том, что оба убийства связаны между собой. Затем придется сообщить новость по радио, и на побережье Нормандии начнется паника, и это так же верно, как на средиземноморском побережье мгновенно распространяется лесной пожар.

Определение подхватили все журналисты.

Серийный убийца.

Чтобы рассеять сомнения, двадцати четырех часов оказалось больше чем достаточно.

Миртий Камю было двадцать лет и три месяца, она работала аниматором в лагере для подростков, две недели назад поставившим свои палатки в зоне отдыха Изиньи-сюр-Мер. Свидетели, последние видевшие ее живой, встретили ее около пятнадцати часов на дороге Гранкам, на выходе из Изиньи. Она шла одна. В этот день у нее был выходной.

Каждый абзац отчета о проведенной аутопсии подтверждал то, чего боялся каждый следователь, которому сообщали о новом преступлении.

Миртий Камю изнасиловали, а затем задушили красным кашемировым шарфом, скорее всего, марки «Берберри».

Анализ ДНК спермы насильника Миртий Камю установил ее идентичность сперме насильника Морганы Аврил. Детальные тесты, проведенные после тестов, сделанных на скорую руку, подтвердили аутентичность обоих идентификационных анализов.

Вышеуказанные обстоятельства убедили всех, что речь идет об одном и том же преступнике; приведенные в отчете подробности чрезвычайно всех взволновали.

Прежде чем Миртий Камю изнасиловали и задушили, она искупалась в море. Без сомнения, обнаженной, так как на ней не было ни купальника, ни купальных трусиков, а на ее нижнем белье не нашли следов морской воды. Но после того как она покинула Изиньи-сюр-Мер, ни на одном из пляжей ее никто не видел. На Миртий Камю было летнее платье, на голубом фоне которого бросались в глаза огромные малиновые цветы гибискуса. Очень элегантное. Платье оказалось разорванным почти по всей длине.

Как и в случае с Морганой Аврил, на трупе Миртий Камю сохранился малиновый, как цветы гибискуса, лифчик, а трусики пропали. Их нашли через день в фарватере бухты Вей; на них также сохранился биологический материал насильника. Последнее сходство между двумя убийствами — сумочка Миртий на длинном ремешке тоже исчезла. Следователи искали ее несколько месяцев, но все напрасно.

То же варварское преступление. Тот же насильник. То же орудие убийства. Та же агрессия.

Та же последовательность действий.

Убийца на этом не остановится.

После двадцати четырех часов следственных действий такой вердикт вынесли наиболее компетентные специалисты.

Убийца не остановится. Он снова нанесет удар.

Капитана Филиппа Грима из жандармерии Фекана вежливо поблагодарили за проделанную работу, которую он вел на протяжении трех месяцев, не став деликатно напоминать, что в своем заключительном отчете он полностью исключил риск рецидива. Затем его отстранили от расследования, передав оба дела, Моргану Аврил и Миртий Камю, дуэту, состав которого, по мнению министра внутренних дел и министра юстиции, прекрасно дополнял друг друга.

Коммандан судебной полиции Кана Лео Бастине, уже пять лет как вышел в отставку, однако никто не оспаривал ни его опытность, ни компетентность. Наделенный тактом, организаторскими способностями, чувством команды и британским юмором, Бастине являл собой тот редкий характер, который равно ценят и подчиненные, и начальство. К нему — на замену судье Надо-Локе — пристегнули Поля Юго Лагарда, молодого судью, недавно обосновавшегося в Кальвадосе. Красавец, честолюбивый, легко общавшийся с прессой, Лагард производил много шума, но Бастине сумел его утихомирить. Молодой судья мечтал о славе, но ему пришлось довольствоваться созданием архива материалов дела, чтобы в свое время получить разрешение сделать из него бестселлер. Министр внутренних дел, напуганный призраком серийного убийцы, который, дабы стать знаменитостью, может вернуться в самом начале учебного года, настоял, чтобы к судье и коммандану присоединили третьего специалиста: психолога-криминалиста Элен Нильсон, тридцати шести лет, обладательницу кучи дипломов. Этой, по мнению чиновников с площади Бово, суперодаренной даме разрешили участвовать в расследовании в качестве фрилансера и делать разъяснения где и когда ей захочется.

Перед трио поставили четкую цель:

Действовать быстро. Сохранять спокойствие. Остановить извращенца.

Поиски не подтвердили наличия связи между Морганой Аврил и Миртий Камю.

Убийца наносил удары наугад. Хуже не бывает.

На похороны Миртий Камю в церкви Сен-Жан-д'Эльбеф собралось более пяти тысяч человек. Почти каждый десятый житель городской агломерации.

Миртий Камю стала своего рода образцом для подражания. Она того заслуживала.

Все ненавидели убийцу.

Все, кроме, вероятно, его родственников.

Шарль и Луиза Камю были людьми известными в своем городке. Известными и уважаемыми. Шарль почти двадцать лет работал директором музея Эльбефа и слыл лучшим знатоком агломерации и двухтысячелетней истории Сены. Луиза преподавала танцы в зале Гамбетта и боролась за сохранение здания цирка-театра, самого красивого исторического памятника города.

Гуманная пара. Прогрессивная. Центристы по убеждениям.

У Луизы и Шарля был всего один поздний ребенок. Настоящее сокровище, они это сознавали и потому старались не запираить Миртий в сейф.

Миртий посещала танцевальные курсы матери, цирковой кружок и школу в квартале Пюшо, где за последние двадцать лет проводились всевозможные социальные эксперименты.

К ней на день рождения, в маленький дом на берегу Сены, втиснувшийся между современных зданий, приходили как отпрыски самых богатых семейств Эльбефа, так и дочери безработных и сыновья африканских иммигрантов.

Со стороны Луизы и Шарля это был взвешенный выбор, выбор не политический, а продиктованный самой жизнью. Миртий — единственный ребенок, любимый, самый лучший. Они хотели, чтобы Миртий была прекрасна не внешне, ибо внешне она была очень хороша без всякого старания с их стороны; они хотели, чтобы Миртий стала прекрасным человеком. Если подумать, возможно, в них даже говорил эгоизм, ведь они надеялись, что она возьмет от них лучшие из присущих им качеств, их ценности, такие как великодушие, способность уступать и прощать, а когда их не станет, передаст их дальше.

Задолго до рождения Миртий Луиза и Шарль создали для детей из неблагополучных семей Эльбефа ассоциацию «Золотой Простыни».

Это было в 1964 году, когда кризис в текстильной промышленности выбросил на улицу половину рабочих агломерации. Прибытие на берега Сены заводов «Рено» не смогло полностью компенсировать потерянные рабочие места. Каждое лето ассоциация «Золотой Простыни» устраивала лагеря для детей и подростков, не имевших возможности уехать на каникулы, лагеря, которыми Луиза и Шарль руководили более тридцати лет. Они брали с собой Миртий, когда та еще толком не умела ходить, и малышка стала своего рода талисманом будущих уличных главарей, летом устанавливавших свои законы в дортуарах, а в остальное время года на городских улицах. В 1999 году Луиза и Шарль передали руководство лагерем Фредерику Мескилеку, директору Дома молодежи и культуры Эльбефа. Когда Миртий исполнилось семнадцать, Фредерик уговорил ее начать работать аниматором.

Фредерику Мескилеку нравилось, когда его называли Шишин, по имени другого Фредерика, гитариста группы «Рита Мицук». Мескилек строил из себя денди и одновременно своего парня, носил длинные волосы, реденькую бородку и говорил степенно. Из строгого воспитания и десяти лет скаутского патруля он вынес моральные принципы, удовлетворявшие Шарля и Луизу, а кругосветное путешествие, совершенное в одиночку, когда ему еще не было двадцати, стало той изюминкой, которая притягивала к нему девушек, особенно тех, кто был значительно моложе его.

Включая Миртий.

Несмотря на разницу в возрасте, никто не сомневался, что Миртий и Фредерик полюбят друг друга. Ей было восемнадцать, а ему тридцать семь, но Луиза и Шарль не считали нужным препятствовать им.

Фредерик тоже был прекрасным человеком.

Свадьбу назначили на 2 октября 2004 года. На безымянном пальце трупа Миртий блесло обручальное кольцо.

На свадьбу Миртий собиралось прийти много народу.

Много, но значительно меньше, чем пришло на ее похороны.

Следовательское трио активизировалось. Судья, командан и психолог-криминалист.

Поначалу судья Лагард только и делал, что соглашался с решениями полицейского, а психолог-криминалист постоянно зевала,

просматривая нескончаемые листы данных ДНК. Банк генетических кодов жителей Нормандии, созданный после убийства Морганы Аврил, пополнился кодами местных жителей, избежавших сдачи генетического материала в прошлый раз, а также отпускников и обитателей кемпингов в бухте Вей.

Безрезультатно; разумеется, всех доноров исключили из числа подозреваемых.

С завидной регулярностью вывешивали фоторобот, сделанный по указанию капитана Грима — портрет молодого человека с красным шарфом «Берберри», которого видели в Ипоре и чьи родители предположительно имели домик на побережье Нормандии.

За отсутствием иных улик он оставался подозреваемым номер один.

Подозреваемый призрак.

Либо на побережье его никто не видел, либо портрет слишком далек от оригинала.

Кармен Аврил начала давить на следователей. В сентябре журнал «Современная женщина» посвятил целый разворот интервью с матерью Морганы. Самую примечательную фразу, сказанную Кармен, вынесли на обложку: *«Если бы меня послушали, Миртий Камю была бы жива!»*

Кармен Аврил объяснила журналистке, что она по-прежнему уверена, что ее дочь стала жертвой садиста. Что он выбрал ее совершенно случайно. Как случайно выбрал Миртий Камю. Как случайно выберет новую жертву, если его не остановят. Возможно, Миртий Камю была бы жива, если бы капитан Грима не потерял время, отыскивая доказательства для своей версии несчастного случая, когда обычный парень, впав в панику, слишком сильно сжал горло своей случайной подружки; обычный парень, который никогда больше не совершит ничего подобного...

Коммандан Бастине изящно замаял поднышающую шумиху, пригласил Кармен к себе, поговорил с ней. Власти пообещали женщине бросить на поиски убийцы все силы.

Они сдержали слово.

Судья Лагард и коммандан Бастине сплели гигантскую сеть и накрыли ею Нормандию. Поквартирные обходы, облавы, систематический опрос свидетелей, сравнение материалов картотек.

Бастине не сомневался, что охота на серийного убийцу будет долгой, но в конце концов следствие найдет недостающую улику, микроскопический элемент, затерявшийся в гигабайтах информации. Работа для трудолюбивых и компетентных муравьев... В сущности, та же самая работа, которую выполнял капитан Грима в Фекане, однако теперь на нее отпущено вдесятеро больше средств.

Психолог-криминалист Элен Нильсон ужасно скучала. В отличие от командана Бастине она делала ставку на свидетельские показания. Показания единственного свидетеля.

Между убийством Морганы Аврил и Миртий Камю была весьма существенная разница.

За несколько дней до смерти Миртий Камю угрожали.

И ее родные знали, кто.

* * *

Я поднял глаза. Я почти закончил чтение. Появление на пляже, примерно в сотне метров от меня, знакомой фигуры, озадачило меня.

Атаракс!

На нем была все та же коричневая куртка, приросшая к нему, словно вторая кожа, и выглядел он все таким же усталым и подавленным, так что было легко предположить, что это Атараксу, а не Магали Варрон следовало броситься с обрыва. Он медленно направлялся в сторону открытого моря, словно ждал, когда просохнет скрытая за убегающими волнами отмель.

Все стремилось свалить отсюда, даже море.

Прибрежные прогулки наверняка способствовали развитию его невроза.

Я быстро собрал листки, засунул их в конверт и поспешил к нему.

Мы составляли очень узкий круг трех свидетелей самоубийства Магали Варрон. Так как, по всей вероятности, убийца с красным шарфом появился вновь, после того как десять лет назад совершил двойное убийство, у Атаракса, возможно, имелась своя версия столь невероятного стечения обстоятельств.

Он не остановится?

— Кристиан? Кристиан Ле Медеф?

Я шел быстро, насколько позволяли камни, скрытые прежде под водой. Пустынный пейзаж после волшебного дождя. Тысячи крошечных вершин, малюсенькие долины и полости, проделанные ветром и тысячелетиями. Заостренные. Блестящие. Моя левая нога, зацепившись за гребень, соскользнула в долину. Я выругался про себя. Если я со своей дурацкой ногой не могу сохранить равновесие на скользких камнях, мне не стоит и пытаться покорить заснеженные склоны Монблана.

— Ле Медеф! — снова позвал я.

На этот раз Атаракс обернулся и устало посмотрел на меня.

— А-а... Это вы.

Он явно забыл мое имя. Я подошел к нему, пожал руку.

— Джамал. Джамал Салауи.

Он принялся изучать мою толстовку «Wind Woll». Ту, что была на мне накануне, равно как и во все остальные дни.

— Так вы, значит, каждый день бегаєте?

— Ну да.

Я не хотел вдаваться в подробности своих тренировок. Я искал повод заговорить об убийстве Магали Варрон.

— Сегодня я опять еду в полицию, в Фекан. Меня вызывали на четырнадцать часов. А вы?

Ле Медеф взглянул на меня с удивлением.

— А я нет. Я вчера подписал свои показания. Капитан Пироз сказал, что в случае необходимости он со мной свяжется... Заметьте, я не собираюсь жаловаться...

Похоже, ему хотелось осмыслить мое исключительное положение. У подножия обрыва уходила в бесконечную даль каменистая отмель. Пустыня, населенная черными согбенными тенями жителей Ипора, собиравших ракушки. Несколько десятков жителей, разбившихся на группы по два-три человека.

— Это запрещено, — произнес Ле Медеф.

— Что?

— Собирать ракушки. Запрещено! Есть плакат, он висит на посту спасателей, но все собирают... Полиция молчит. Это превосходит мое понимание...

Он поднял голос, быть может, в надежде, что его услышат собиратели ракушек.

— Если есть опасность, надо заставить уважать закон, а если опасности нет, нужно предоставить людям возможность спокойно собирать мидии... Но запрещать и не бороться с нарушителями — это же чистое лицемерие! Вы так не считаете?

— Не знаю... Я никогда не собирал мидии.

— Вы не считаете, что полицейские — лицемеры?

— Еще бы!

Я скривился, чтобы показать свое отвращение, но не к фликам, а от мысли, как можно совать в рот и есть скользких моллюсков, оторванных от камней, которых половину дня греет солнце. Моя гримаса вызвала у Ле Медефа улыбку. Отныне я решил про себя называть его «Ле Медеф», ибо, в сущности, его собственное имя более забавно, чем «Атаракс».

— Итак, капитан Пироз снова хочет говорить с вами? — спросил он.

— Увы...

— Впрочем, это логично... Здесь, внизу, мы с Денизой и отважным Арнольдом ничего не видели. Только разбившуюся девушку. А вы смотрели с балкона.

И он вновь воззрился на сборщиков ракушек.

— Только представьте себе, Джамал: вдруг случится отравление? И они все умрут. Или только один. Например, старик. Или мальчик. После того как они слопают начиненного бактериями краба. Здесь, между нефтеналивными судами и атомной электростанцией, такое вполне может случиться, это отнюдь не из области фантастики.

До нас долетали обрывки слов, которыми обменивались собиратели, находившиеся в пяти десятках метров от нас: дед и его два внука. Сапоги, желтые непромокаемые куртки, ведро с надписью «Хелоу Китти».

Нет, я не мог себе представить.

— Странное, однако, дело, — продолжал Ле Медеф.

Я понял, что он намекает на самоубийство Магали Варрон.

— Почему?

— Полагаю, капитан Пироз сказал вам. Понимаете, полицейские не считают это самоубийством. Малышку изнасиловали, потом задушили. Но ведь у вас несколько иная версия, не так ли?

Не успел я открыть рот, как он торопливо заговорил:

— Надо сказать, ваша версия меня удивила. Девушка добровольно прыгает со скалы. Знаете, я покопался в Интернете и нашел кое-какие сведения об этой Магали Варрон.

Приблизившись ко мне, он понизил голос. Теперь он обеими ногами стоял в промоине с соленой водой, однако ему, похоже, было наплевать.

— Я кое-что нашел. Правда, в это трудно поверить... У меня есть время для поисков, собственно, все дни в моем распоряжении.

— Как это?

— Я безработный, в разводе, сидел с детьми, они теперь учатся на другом конце Франции...

Черт! Я ожидал сведений о Магали Варрон, а он, приблизив небритое лицо к моему плечу, рассказывал мне свою жизнь.

— Я работал на АЭС «Палюэль». Квалифицированный инженер! Не так-то просто, особенно когда у вас, как у меня, есть экологическая жилка. Однажды, восемь лет тому назад, я все бросил и вложил средства в ветряные двигатели. За ними будущее! Моя жена согласилась, она тоже эколог, ну, во всяком случае, была им. Вначале все шло хорошо, я создал малое предприятие в Кане, даже нанял двух техников и одного коммерческого представителя, мы намеревались ездить по округе и продавать ветер здешним земледельцам... Никогда еще мое дурацкое имя «Ле Медеф» не звучало так весомо.

Переводя дух, он усмехнулся. Мне было не смешно. Запах его туалетной воды смешивался с брызгами волн. Голос его приобрел мелодраматические интонации. Немножко наигранные, но тогда я не обратил на это внимания. Я вспомнил об этом позже, гораздо позже.

— Неожиданно на рынок рванулись жирные коты, — нервно продолжал Ле Медеф, — Нордекс. Веолия. Суэз. Ровно в тот момент, когда закон запретил выдавать разрешения на установку ветряков в частных владениях. Теперь каждый столб устанавливался на основании результатов опросов и выяснения, какая от него польза для общества и не потребует ли его установка пересмотра градостроительного плана.

Не стану долго расписывать, через полгода все мелкие хозяева словно растворились, а многонациональные корпорации разделили пирог. В итоге! Жена удрала с коллегой, занявшим мое место на АЭС. Я по уши влез в долги, чтобы платить за обучение моих мальчишек. Должен сказать, я до сих пор каждый месяц получаю напоминание об оплате своих займов и раз в год открытку от моих мальчиков.

Ле Медеф напоминал мне одного из тех ослов, что словно приросли к скамейкам в квартале-4000. Одиночки, они пытались заново отснять кино своей жизни. Наверное, они верили, что если им удастся заловить первого встречного и рассказать ему о своих несчастьях, он возьмет их на себя.

— Год назад, — продолжал Ле Медеф, — я остался без жилья. К счастью, мне попался старик, который искал кого-нибудь, кто привел бы в порядок его летний дом в Ипоре, и предоставил дом в мое полное распоряжение. Он никогда не ездит в Ипор, но продавать дом не хочет. В общем, это его дело. Я согласился, мне надо немного подлечиться... Я занимаюсь починкой, стригу газон, поддерживаю халупу в порядке и живу там бесплатно. И не жалуясь, надо признать. Ипор — не самая занюханная деревня, чтобы начать все сначала.

Когда он, словно задержавший дыхание пловец, заново набирал воздух, я нарочито посмотрел на часы. Он понял намек.

— Ладно, вернемся к несчастной Магали Варрон. О том, что надо подняться на ноги, потом. Пироз вам о ней рассказывал?

— Он сказал мне, что она распространяла лекарственную продукцию, обходила всех страховых врачей кантона. Без сомнения, переночевала в Ипоре, только они не знают, где...

Ле Медеф снова повернул голову в сторону мальчиков и их деда; во взоре его читалась тревога, словно собиратели мидий находились в большой опасности.

— То же самое. Он мне рассказал то же самое, и тогда я напрягся. А на... АЭС «Палюэль» я работал в контакте с местными больницами и врачами. Контроль качества воздуха, распределение дозиметров и таблеток йода, прочая ерунда. Я общался с дюжиной местных эскулапов. И все они знали малышку Варрон... Надо сказать, та еще куколка! Она работала на Байер-Франс. Все видели в ней энергичную и кокетливую красотку, такую, какая нужна для того, чтобы врачи выписывали своим больным ее таблетки. Вы успели разглядеть ее

лучше, чем я. Я хотел сказать, рассмотреть ее живой. Очень красивая девушка, если бы такая предложила врачам выписывать в качестве антирадиационного средства галлюциногенные грибы, они бы и их упаковками прописывали. Короче говоря, девушка без комплексов... По крайней мере, на первый взгляд.

Ле Медеф обладал даром приковать к себе любого чувака, согласившегося его выслушать.

— Почему только «на первый»?

Он брел по выступавшим из воды камням. По низу его ботинок тянулась темная линия.

— Мои говнодавы промокли! Я возвращаюсь в деревню. Вы со мной?

Не двигаясь с места, я спросил:

— Так что же вы узнали о Магали Варрон? У нее были проблемы?

— Я же сказал, идемте со мной. Надо проникнуться, как и я, чтобы понять...

У меня не было выбора. Я следовал за ним по пятам. Пока мы шли к молу, я сообразил, что Кристиан Ле Медеф живет в этих краях уже больше десяти лет. Он также наверняка сопоставил самоубийство Магали Варрон и убийства Морганы Аврил и Миртий Камю. Красный шарф... «Может, стоило навести его на эту мысль?» — подумал я, но промолчал и поспешил за ним.

Одно разоблачение за другим...

Мы миновали «Сирену». Ле Медеф свернул на улицу Эмманюэля Фуа, торговую улицу Ипора.

— Сейчас вы увидите, — сказал он мне. — Это что-то невероятное!

С заговорщическим видом он остановился перед домом печати.

— Смотрите сюда, на газеты, что выложены на прилавке.

Я изучил заголовки: «Париж-Нормандия», «Гавр-пресс», «Курьер Ко». Не заметив ничего необычного, я вопросительно посмотрел на Ле Медефа.

— Я... я ничего не вижу.

— Вот именно! Вы не поняли? Невероятно! Девушка бросается с обрыва, изнасилованная и, возможно даже, задушенная. А на следующий день ни в одном из местных ежедневных изданий об этом ни слова. Ни единого слова.

Внезапно я понял, куда клонит Ле Медеф, и попытался выдвинуть контр-аргумент.

— Это самоубийство. Оно не заслуживает...

Я пропустил какого-то типа, выходявшего из дверей магазина с газетой «Экип» под мышкой. «Курьер Ко» писала о расширении границ городской агломерации Фекана, «Гавр-пресс» — о сокращении рабочих мест в агломерации Пор-Жером, «Париж-Нормандия» о повышении цен на недвижимость на побережье.

— Правда, ни одного слова? — продолжал Ле Медеф, повысив голос. — Только не говорите мне, что вы ничего не сравнивали. Вы наверняка говорили с местными жителями. Вы же в курсе, черт возьми! Вернулся серийный убийца! Изнасилование, юная девушка задушена красным шарфом стоимостью в месячное пособие! Черт, прошло десять лет, а я все помню, словно это случилось вчера. На протяжении полугода дело не сходило с первых полос всех газет. А сейчас? Ничего! Совсем ничего!

— Слишком мало времени. Все случилось вчера утром...

— Совершенно верно. Но это же сенсация! Как они могли пройти мимо?!

Я подробно изучил первую страницу ежедневной газеты, надеясь найти сообщение о самоубийстве хотя бы в колонке происшествий. Гордый своим открытием, Ле Медеф не мешал мне. Сам он наверняка прошерстил все газеты.

Я попытался придумать другое объяснение:

— Все дело в полицейских. Они сумели сохранить информацию в тайне. Примерно как... как о несчастном случае на атомной станции: сначала все молчат, ожидая, когда устранят опасность, а потом сообщают населению.

Я явно не убедил Ле Медефа.

— Как полиция могла утаить информацию? Есть три свидетеля. Я, например, уже все рассказал приятелям. Полагаю, вы тоже, разве нет? Так же и Дениза, это в ее стиле... Не говоря о тех, кто вчера утром видел, как полиция на пляже осматривала труп... И никто не задавался вопросами? В такой деревне, как Ипор, где никогда ничего не происходит и где старперам нечего делать, кроме как пережевывать слухи?

Кристиан Ле Медеф прав. Невозможно предположить, что ни один журналист не получил информации о случившемся, ни один не провел параллель с делом Аврил–Камю десятилетней давности. Что никто, кроме нас, не в курсе...

Однако получается именно так.

— Итак? — настаивал Ле Медеф. — Вы нашли объяснение?

Я отрицательно покачал головой.

— Вот и я не нашел. Поверь мне, мальчик, это дело плохо пахнет, от него идет вонь.

Я отдал себе отчет, что он обратился ко мне на «ты», словно искал во мне сообщника для расследования, превосходившего наше разумение. Он пальцем указал на маленький дом. Синие ставни, стены из местного камня с орнаментом из красного кирпича, черепичная крыша. Не самое худшее временное пристанище для бомжа.

— Это моя конура! Выпьешь кофе?

Время поджимало. До встречи с Пирозом оставалось менее трех часов.

— Нет. Мне очень жаль. Кстати, вы знаете, где живет Дениза, наш третий свидетель?

Кристиан Ле Медеф казался разочарованным.

— С Арнольдом, разумеется... — Он улыбнулся собственной шутке. — Других идей у меня нет. Я не видел ее со вчерашнего дня. Я ведь даже фамилии ее не знаю... А ты обретаешься у Андре Жозвиака, в «Сирене»?

— Да. Остановился на неделю.

— О'кей. Если узнаю чего-нибудь новенькое, сообщу. Я продолжу копать, чтобы побольше разузнать про эту Магали Варрон. Вот что я тебе скажу: надо нарушить омерту. Вчера вечером я говорил по телефону с доктором Шарье, у него свой кабинет в Дудвиле. Это врач, которого Магали посетила накануне своего большого выхода. То есть еще один тип, который в курсе случившегося! Что касается Шарье, то на него непросто произвести впечатление. Ты бы видел его секретарш, вот это бомбы... Так вот, он тоже попал под обаяние малышки Магали. Даже пытался поухлестывать за ней. Он заговорил ее, и в конце концов она ему рассказала, что занимается танцами; тогда он пригласил ее как-нибудь вечером пойти вместе с ним потанцевать. Хотел показать ей, что он тоже умеет выдерживать темп. Надо сказать, красавица Магали

занималась отнюдь не диско, а современными восточными танцами, кажется, танцем живота...

Беллиданс...

Молния ударила в мой мозг, и разорвавшиеся нейроны напрасно пытались соединиться вновь.

Кристиан Ле Медеф продолжал что-то говорить, кажется, он представлял себе Магали Варрон в сари с пайетками...

Я перестал его слушать.

— До скорого, Кристиан. Держите меня в курсе ваших поисков, — сказал я, помахав ему рукой.

Измученный моим резким уходом, он остался стоять посреди улицы.

Я находился примерно в ста метрах от «Сирены» и с трудом сдерживал себя, чтобы не припустить бегом.

Беллиданс...

Андре нигде не видно. Я поднялся по лестнице, отпер дверь, бросился к ноутбуку и включил его, заранее проклиная его медлительность. Диск Windows крутился медленнее, чем мои мысли.

Беллиданс.

Накануне я впервые прочел это слово в материалах из коричневых пакетов.

В биографической справке о Моргане Аврил!

Пока раскочегаривался мой ноут, я разложил на кровати листки, относившиеся к жизни Моргане Аврил. Статьи в прессе, полицейские заметки, интервью...

Наконец стрелка на экране показала, что можно начинать работать.

Я лихорадочно напечатал имя.

Магали Варрон.

Выскочило сразу несколько социальных сетей.

Facebook. Copains d'avant. Twitter. Linked In. Daily Motion.

Схватив листок и первую попавшуюся ручку, я провел черту. Одна колонка для Магали, другая — для Моргане. Последовательно записал все сведения, которые удалось найти, расположив их в порядке важности.

Дата и место рождения, кружки, которые посещали во время учебы в школе, музыкальные пристрастия, отдых, в каких странах побывали...

Слова и имена выстраивались на каждой половине страницы практически против моей воли.

Каждое новое слово казалось еще невероятнее, чем предыдущее.

Я продолжал поиск до тех пор, пока информация не стала повторяться.

Строчки, словно обезумев, скакали у меня перед глазами. Сюрреалистическая картина.

Неужели случай мог так поиздеваться надо мной?

15

Девушка без комплексов?

— Алло! Мона, ты где?

— Джамал? Ты проснулся? Я еду вдоль берега из Гренваля и скоро буду в Ипоре.

— О'кей, я тебя встречу. Мне надо с тобой поговорить. Срочно, очень срочно. Совершенно безумная штука.

— Она имеет отношение к твоему серийному убийце?

— Скорее, к его жертвам.

Прибежав на мол, я услышал, как кто-то зовет меня.

— Джамал, я здесь!

Мона.

Она сидела на качелях на маленькой детской площадке, устроенной на прибрежном склоне. Тобоган, маленькая стенка для скалолазанья, веревочный мост. Она тихо раскачивалась, словно сушила свой неопреновый комбинезон, расстегнутый на груди. У ее ног стоял рюкзак с образцами особо редкой гальки, способной произвести революцию в электронной промышленности.

Подойдя к ней, я с изумлением увидел, что Мона прицепила мою звезду шерифа к комбинезону. Кому еще, как не этой девушке, я мог доверить свои невероятные открытия?

Я сел напротив нее, на борт маленького лягушатника, который наполняют только в теплые солнечные дни — если такие здесь бывают. И мы оба уставились на медную рыбку с открытым ртом, предназначение которой — выплевывать в бассейн струю воды.

— Итак? — нетерпеливо начала Мона. — Что ты хотел сказать мне?

Я протянул ей исписанный листок.

— Смотри, Мона! Два столбца. Один — для Магали Варрон, скончавшейся вчера утром, другой — для Морганы Аврил, убитой садистом десять лет назад. Я выписал все, что о них известно. Так вот, слушай... Моргана Аврил была фанаткой прогрессивных рок-групп семидесятых: «Пинк Флойд», «Йес», «Генезис», это указано в отчете следствия, именно поэтому она так хотела поехать на фестиваль «Рифф и Клифф». На своей страничке в *Facebook* Магали Варрон также признавалась, что фанатеет от нескольких музыкальных групп. Точнее, трех: «Пинк Флойд», «Йес» и «Генезис».

— Как и тысячи других фанатов, я полагаю?

Качели Моны по-птичьи жалобно скрипели. Я вновь обратился к своему листку:

— О'кей, продолжаю. В Нефшателе Моргана занималась восточными танцами, а именно танцем живота...

— Знаю. Салонный танец, версия беллиданс. Это сейчас модно...

— Магали также обучалась танцу живота, только в Гавре.

— Я же тебе говорила...

— Разумеется, совпадение! Но подумай сама, Мона! Это всего лишь начало... Школьные годы Морганы Аврил прошли в государственных школах ее родного города Нефшатель-ан-Брэ, с 1986 по 2003-й. Я выписал все названия: дошкольное обучение в школе «Шарль Перро», начальная школа «Клод Моне», коллеж «Альберт Швейцер», лицей «Жорж Брассанс». Классический путь сотен других маленьких жителей Нефшателя. Ничего общего с Магали Варрон, жившей в департаменте Валь-де-Марн, к югу от Парижа. Окончив начальную школу в 2004 году, она, естественно, поступает в коллеж в Кретейе... Догадайся, как называется коллеж?

Вместо ответа качели издали три новых взвизга.

— «Альберт Швейцер»! — почти проорал я.

Сместив прямую траекторию, Мона резко качнулась вбок. Не став отвечать на ее изумленный взгляд, я продолжил:

— Еще одно совпадение, разумеется! Лицей Магали находится в двадцати километрах от Кретейя, а если быть точным, в Куркуроне. Как, по-твоему, называется лицей в Куркуроне?

— «Жорж Брассанс»? — неуверенно произнесла Мона.

— Совершенно верно! Я проверил, во Франции не меньше десятка лицеев носят имя Жоржа Брассанса... И среди них один в Нефшатель-ан-Брэ и один в Куркуроне.

— Странно, ты прав. Но...

Я не дал ей перевести дух.

— Слушай дальше. И Моргана, и Магали обе изучали медицину, Моргана в Руане, Магали — в университете Эври-Валь-д'Эссон.

Мона ногой притормозила движение качелей.

— Быть может, они дальние родственницы? Или дружили их семьи?

— Нет. Ни в одной из статей, ни в одном досье, посвященном расследованию дела Аврил, я не нашел упоминания о Магали Варрон. Впрочем, когда убили Моргану, Магали было десять лет. И она не жила в Нормандии.

Ветер с моря продолжал раскачивать качели, с которых соскочила Мона. Холодный ветер. Она до конца застегнула молнию своего комбинезона. На груди ее блестела звезда.

— О'кей, — произнесла она. — Поразмыслим спокойно. Ты прав в одном: это не может быть совпадением. Возможно, между девушками существует некая связь... Априори, согласно тому, что тебе удалось узнать, Моргана не могла быть знакома с Магали Варрон. Магали младше нее на десять лет. Она жила в Иль-де-Франсе.

Личико ее сморщилось, маленький носик вздернулся и задвигался, словно у недоверчивого кролика, вынюхивающего след. Внезапно в глазах ее загорелись искры, свидетельствующие о гениальном решении.

— Но ведь возможно и обратное, Джамал! Магали вполне могла слышать разговоры о деле Аврил, об убийце с красным шарфом. В то время ей было десять лет, и эта история могла травмировать ее детскую психику... Предположим — а почему бы и нет? — что она стала отождествлять себя с Морганой, копировать ее вкусы, привычки, вплоть до выбора коллежа, а затем лица. Отсюда коллеж и лицей, которые носят те же имена, что и коллеж и лицей Морганы Аврил...

Я с сомнением пожал плечами.

— Настолько, чтобы умереть той же смертью через десять лет? Заставить себя изнасиловать? Изобразить удушение шарфом «Берберри»?

Розовый носик Моны часто задышал.

— Согласна, в это поверить трудно.

Я подошел к Моне. Прежде чем продолжить, мне захотелось прижаться к ее влажному комбинезону и заключить ее в объятия.

— Это еще не все, Мона. Магали Варрон не только скопировала смерть Морганы Аврил. — Мой голос понизился на две октавы. — Она родилась 10 мая 1993 года — иначе говоря, день в день, только через десять лет после Морганы Аврил.

— Моргана родилась 10 мая 1983 года?

— Да, в больнице Фернан Ланглуа в Нефшатель-ан-Брэ.

Мона поперхнулась.

— А где... где родилась Магали Варрон?

— Почти за шесть тысяч километров от Нормандии, в северном предместье Квебека...

Я дал Моне время вздохнуть и с облегчением выдохнуть, чтобы потом сразить ее наповал.

— Предоставляю тебе возможность догадаться, как называлось то предместье...

Ответ застрял у нее в горле, и она с трудом вытолкнула его:

— Нефшатель?

— Да! Каким бы невероятным это ни казалось, но она родилась в Нефшателе, городке между Шарлесбургом и Лоретвилем.

Внезапно Мона расслабила мышцы своей мордашки настороженной мышки. Словно отказывалась понимать. Шагнув ко мне, она прижалась своим неопреном к моей «Wind Woll». Объятия непривычные, скользкие. Мы чувствовали себя космонавтами на планете Марс.

— Магали Варрон не только скопировала смерть Морганы Аврил, — повторил я. — Она скопировала ее рождение! Я провел поиск: во всем мире только пять городов носят название Нефшатель: четыре во Франции и один в Канаде. Магали Варрон приехала во Францию, в Кретей, когда ей исполнилось семь лет.

— Черт возьми, Джамал, что значит вся эта история?

— Я ничего не понимаю, Мона. Ничего не понимаю. Что-то ускользает от нас. Возможно, есть рациональное объяснение.

Не размыкая объятий, я прошептал ей на ухо:

— Копировать чужую жизнь. Каждый шаг, с начала до конца. Все увлечения, все школы, словно зеркало, только на расстоянии. Своего

рода голограмма. Черт, это невозможно!

Мона попыталась найти довод, однако голос ее звучал неуверенно:

— Серийный убийца всегда ищет похожую жертву, ведь так? Понимаешь, что я хочу сказать? Похожих девушек, которые напоминают ему мать, бывшую супругу или вымышленную, но вполне определенную женщину.

— Но здесь все наоборот, Мона! Здесь получается, будто эта девушка, Магали Варрон, старалась заменить жертву, самой выступить в роли добычи. Словно привлекала к себе хищника, пока он наконец не нашел ее...

— И сама доделала за него его работу, — добавила Мона. — И даже обмотала оружие убийства вокруг собственной шеи. Последний совершенный ею поступок.

Я не ответил. Несколько секунд я слушал шум прибоя, а потом нежно поцеловал ее в губы, проводя рукой по изгибам ее дельфиньей кожи. Когда рука моя спустилась на бедра, Мона тяжело задышала. В крошечном кармашке ее комбинезона я нащупал что-то плотное. Пальцы скользнули в кармашек и вытащили желтую косынку.

— Это для волос, — прошептала Мона. — Чтобы не мешали.

Косынка заскользила в моих пальцах. Без всякой задней мысли я поднял руки и, держа кусок ткани за оба конца, приблизил к ее подбородку.

Медленно.

— Интересно, сколько времени понадобится, чтобы затянуть эту штуку?

Я еще ближе приблизил шелк к ее шее. В следующее мгновение взор Моны потух.

В ее глазах я прочел страх. Внезапный и неизбывный ужас.

Какой кретин!

Я тотчас опустил руки; но зло свершилось.

— Пожалуйста, Джамал, не играй в такие игры... — произнесла она, и в голосе ее зазвенели слезы.

— Прости меня. Я не хотел... — промямлил я.

Она вырвала косынку у меня из рук.

— Оставь. Это мне надо извиняться, это глупое предчувствие.

Она уставилась на свисавшую с ладони желтую ткань.

— Хочешь знать, в чем я уверена, Джамал?

— В чем?

— Что это невозможно.

Глядя на высившийся перед нами обрыв, на бункер, на овец, на то самое место, откуда вчера упала Магали, она повторила:

— Невозможно, чтобы девушка во время падения с высоты обернула платок вокруг шеи.

Решительным жестом Мона сложила руки, потом отвела их за голову и стянула желтой косынкой волосы на затылке.

Сколько времени ей понадобилось? Менее секунды?

— Это не вопрос времени, Джамал! — резко произнесла она. — Быть может, это возможно, так сказать, технически. Но ты представляешь? Выполнить это движение, паря в воздухе, вернее, падая как камень. Точно рассчитанное движение... Абстрагируясь от всего остального. Это невозможно, Джамал, я уверена. Хотя тебе я тебе верю: когда Магали стояла на обрыве, шарфа на шее у нее не было, а внизу он появился...

— Видимо... может, есть некое рациональное объяснение...

— Ты уже нашел его, Джамал.

Я молчал. Она права. Эта история не выдерживала критики.

И все же...

Мона затолкала косынку в карман. Она села на мотоцикл-качалку и посмотрела на меня, словно медсестра, которой предстоит сделать укол несговорчивому пациенту.

— Подводя итог тому, что нам известно, Джамал, получается, что в 2004 году серийный убийца насилует и убивает двух женщин, Моргану Аврил и Миртий Камю. Спустя десять лет при аналогичных обстоятельствах умирает девушка. Версии две. Версия, на первый взгляд, идиотская: девушка повторяет судьбу Моргану Аврил, ее жизнь, ее вкусы, ее музыкальные пристрастия, школы с такими же названиями, как и те, где училась Моргану, проводит досуг... Вплоть до самоубийства, в точности повторяющего смерть Моргану.

— И выбирает тот же самый день и то же самое место рождения, что и Моргану, — вставил я. — Кретинизм!

— Согласна, кретинизм. Тогда перейдем ко второй версии, более логичной. Убийца вновь наносит удар. Принимая во внимание все, что мы знаем о Магали Варрон, на этот раз отнюдь не наугад. Он выбирает жертву, насилует ее, душит. Это ведь гипотеза полицейских, точно?

— Да, и такая же кретинская! Магали не скончалась от удушья, она совершила самоубийство.

Медленно покачав головой, Мона задумалась.

— Менее чем через два часа мне предстоит встреча с капитаном Пирозом, — продолжил я. — Должен тебе сказать, Мона, у меня заранее мурашки бегают. Я... по сути, я являюсь идеальной фигурой для преступника.

— У них ничего нет против тебя. Это не твоя сперма, Джамал! У тебя есть судимость?

— Нет!

— Ты никогда никого не убивал? Никогда никого не грабил?

Она слегка раскачивалась, сидя на мотоцикле. В латексном комбинезоне, с разметавшимися по плечам волосами, она напоминала ангела ада на миниатюрном «Харлей Дэвидсоне».

Я улыбнулся ей с видом отчаявшегося Друпиды;^[9] похоже, в этой улыбке заключалось все мое обаяние.

— Грабил, было. Чтобы заплатить за свое обучение. Но я никогда не попадался, у меня безупречный метод.

Зрачки ее задрожали. Она явно была рада сменить тему.

— Очередная история?

— Я совершал кражи только летом, на берегах рек, в ущельях Тарна или Ардеша. Знаешь, это настоящие автострады для каноэ и каяков. Я крал из железных ящиков, куда туристы складывали свои документы, часы и мобильные телефоны, а потом, вытащив на берег лодки, отправлялись скакать по скалам. В кемпинге или на пляже невозможно шарить в сумках, там все смотрят за всеми. Но когда ты в желтом спасательном жилете, а перед тобой три десятка каноэ, никто не обратит на тебя внимания.

Мона чуть не упала со своего мотоцикла.

— Черт. Гениально придумано. Ты, действительно, проделывал такие трюки?

Она пристально вглядывалась в каждую мою ресницу.

— Возможно... Обожаю придумывать истории.

Ответ прозвучал, как удар.

— А красный шарф ты тоже придумал?

Фраза вырвалась у нее невольно. Она произнесла ее инстинктивно. По крайней мере, в тот момент я думал именно так. Я был уверен, что

она не подготовлена заранее.

Лицо мое помрачнело.

— Черт, только не ты, Мона!

— Что «не ты»?

— Мона, послушай меня, я не имею отношения к смерти этой девушки. И к изнасилованию. Четырехлетний пацан — и тот понимает разницу между игрой, между тем, что делают понарошку, и тем, что всерьез. Мне кажется, ты об этом забыла, Мона...

Я умолк и посмотрел ей прямо в глаза.

— Если я не могу доверять тебе, тогда кому же?

Похоже, она обиделась. Стараясь не повышать голоса, она встала и произнесла:

— Все хорошо, Джамал. Успокойся. Я тебе верю.

Мое сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Я не блефовал. Я действительно готов был запаниковать. Одному невозможно разобраться в этой безумной истории.

Если Мона меня бросит...

Если Мона меня бросит, кто мне поверит?

Полиция?

Андре? Кристиан Ле Медеф? Дениза и Арнольд?

Вы?

16

Еще одно совпадение?

Мы с Моной могли молчать целую вечность.

Мона уже собиралась уходить, как зажигательная мелодия «La Grange» в исполнении рок-группы «ZZ Top» неожиданно взорвала воздух.

Это зазвенел мой мобильный! Пришла смс-ка. Я нервно нашарил в кармане телефон.

— Поклонница? — с любопытством спросила Мона.

Похоже, она обрадовалась, что некая сила извне разорвала паутину, в которой запутались мы оба. Я прочел послание и начал разряжать обстановку:

— Ты даже не представляешь, как ты угадала...

— Молодая и хорошенькая?

— Хорошенькая — да. И очень молоденькая.

— Сколько ей лет?

— Пятнадцать...

Мона привстала на цыпочки и окинула меня удивленным взглядом.

— Ее зовут Офели, она подросток из клиники Сент-Антуан. Ее изнасиловал собственный отец. Подарок на день рождения. Тогда ей исполнилось восемь лет. Последствия сказываются до сих пор. Вспышки ярости. Психическая неуравновешенность. Нарушения сексуального характера... Ни один взрослый, ни один воспитатель, психиатр или препод не может с ней договориться. Но мне удастся найти с ней общий язык.

— И она звонит тебе во время каникул?

— И ты туда же. В клинике меня с этим достали. По их мнению, я слишком с ней сблизился и мешаю процессу исцеления...

— Они правы, — заметила Мона. — У каждого своя работа. А чего хочет от тебя эта крошка?

Я протянул Моне телефон, чтобы показать присланное Офели фото. Она позировала, прижавшись лицом к щеке чернокожего бугая, половину ноздри которого занимал пирсинг. К фото прилагалось короткое послание. Два слова: «*Какая оценка?*»

— Что значит «Какая оценка»?

Я забрал у Моны телефон.

— Наша с ней игра. На уик-эндах или на каникулах, когда Офели подцепляет себе парня, она присылает мне его фото, и я его оцениваю... Даю оценку и характеристику. Вроде «*Можешь найти лучше*», «*Уже лучше*», «*Вне всякой критики*». По возвращении я иногда тоже показываю ей фото своих подружек...

Успокоившись, Мона наконец рассмеялась.

— И ты еще удивляешься, что воспитатели в твоей клинике тебя шпыняют!

Я быстро набрал ответ.

«5 баллов из 20. Отсутствие воображения.
Постарайся, чтобы снова не подсунули».

Когда я нажимал, чтобы отправить почту, Мона, презрев ветер, гулявший между дамбой и пляжными кабинками, резко расстегнула

комбинезон. Обе ее груди аккуратно высвободились из неопренового плена.

— А я? Какая оценка?

Эта девушка точно сумасшедшая!

— Ты хочешь получить оценку от моей приятельницы?

Я настроил iPhone и направил его на лицо Моны.

— Готово, ушло. Однако предупреждаю, Офели очень злая. До сих пор она не дала ни одной из моих подружек даже среднего балла.

Я подошел к Моне.

— Одевайся, пока не простыла до смерти. Я тебя покидаю, меня ждут жандармы.

Я сам застегнул молнию, и декольте Моны превратилось в скромный воротничок под горло.

У меня осталось время забежать в гостиницу, переодеться и заглотив бутерброд, прежде чем сесть в автобус, направлявшийся в Фекан, где находилась жандармерия.

Когда я вошел в холл «Сирены», Андре раскладывал проспекты дворца Бенедиктин. Обычно он проводил время за стойкой, то исчезая, то появляясь и таким образом убеждая всех, что у него есть некий тайный ход, секретный люк под барной стойкой или что-то в этом роде.

Похоже, новой почты для меня у него нет...

— Скажи, Андре, — обратился я к нему, — среди твоих клиентов не мелькало имя торгового агента фармацевтической компании Магали Варрон? Она распространяла лекарства в регионе Гавра. Время от времени ей приходилось ночевать в гостиницах. Вот, к примеру, позавчера...

— Девушка, что совершила самоубийство?

Он продолжал равнодушно раскладывать проспекты. Туристический поезд Этрета. Музей рыболовства в Фекане. Я чуть было не спросил, как это он так быстро сообразил, о ком речь.

— Ну да...

— Имя мне ничего не говорит. Ты же знаешь, в округе есть не менее десятка гостиниц, не считая тех, что в Этрета, а также гостевые комнаты, которые держат почти все местные крестьяне. У тебя нет ее фото?

— Нет...

Я постарался подробно описать Магали Варрон. Не скрыл от него ее чарующую красоту и притягательную силу ее отчаянного взгляда.

Ответ Андре прозвучал как нечто само собой разумеющееся:

— Такую красивую девушку я бы заметил...

Еще бы.

Когда я взбирался по деревянной лестнице, снова завибрировал телефон.

Новая смс-ка!

Ответ Офели на фото Моны.

Я прочел текст, убежденный, что моя маленькая протезе разобьет в пух и прах рыженькую землеройку, раскритикует с присущей ей ревностью и злобой. Послание сразило меня наповал.

«21 балл из 20. Не бросай ее, это женщина всей твоей жизни».

Когда я открыл дверь своего номера, из распахнутого окна на меня подул ледяной ветер.

Горничная решила проветрить.

Кровать заправлена безупречно. Полотенца заменены на чистые. Я вспомнил, в каком беспорядке оставил комнату после ночи, проведенной с Моной.

И внезапно замер на месте.

На моем рабочем столе, рядом с ноутбуком, лежал коричневый конверт. Новый, нетронутый. На этот раз никаких штампов. Никакого адреса. Только мое имя.

Джамалу Салауи.

Тот же женский почерк, что и на предыдущих конвертах.

Прежде чем взять пакет, я высунулся в открытое окно. Порыв ветра остудил мое вспотевшее тело. Попасть ко мне в комнату снаружи довольно просто: плоская крыша ресторана «Сирены» и его пристройки могли выступить в роли своеобразной лестницы для великана. Но кто мог решиться на такое рискованное предприятие? Прямо напротив моря, на виду у всех? Только для того, чтобы положить конверт мне на стол?

Я было решил спуститься и спросить Андре, не входил ли ко мне кто-нибудь, кроме горничной, но потом передумал.

Потом...

Я закрыл окно. Надо успокоиться. Пот, который моя навороченная куртка теоретически должна поглощать, горячими ручьями струился по телу. Я сел на кровать, разделся, отвинтил свой карбоновый протез. Пока я раздирал конверт, мокрые ладони оставляли на нем темные следы. Он был не такой толстый, как предыдущие. Всего три листка, сцепленные скрепкой.

Я тотчас узнал трехцветную ленточку национальной полиции.

«Региональное отделение судебной полиции
города Кана. Дело Миртий Камю.

Протокол от 28 августа 2004 года.

Лист № 027. Свидетельские показания Алины
Массон».

Скинув с себя все, кроме трусов, я сел на кровать, свесив до полу свою единственную ногу, и попытался унять охватившую меня дрожь.

* * *

Дело Миртий Камю — суббота, 28 августа 2004 года

— Я была самой близкой подругой Миртий.

— Мы знаем, — ответил Бастине.

Коммандан регионального отделения судебной полиции Кана и психолог-криминалист Элен Нильсон допрашивали четырех свидетелей. Луиза и Шарль, родители Миртий Камю. Фредерик Мескилек, ее жених. Алина Массон, ее лучшая подруга, та, которая начала говорить первой. Та, чьи показания могли оказаться решающими.

Коммандану Бастине не было нужды подглядывать в записи, он знал дело наизусть. С тех пор как неподалеку от Изиньи обнаружили труп изнасилованной и задушенной девушки, он спал меньше пяти часов, да и то не подряд, полчаса там, полчаса тут, словно штурман, прокладывающий курс.

Курс против времени.

В одиночку...

Чтобы прижать мерзавца, нанесшего за три месяца два удара. В июне Моргана Аврил в Ипоре, затем Миртий Камю — сейчас.

Честно говоря, он нисколько не рассчитывал на Элен Нильсон, дамочку, которую министерство повесило ему на шею. Нет, он не имел ничего против психологов-криминалистов, напротив, он относился к ним вполне благосклонно и часто прибегал к их помощи, чтобы лучше понять тех психов, которыми ему приходилось заниматься. Но сейчас он спрашивал себя, каким образом эта вычурная блондинка, заявившаяся с авторучкой «Дюпон» в футлярчике в качестве оружия, блокнотом «Монблан» в качестве снаряжения и бутылочкой «Активии» на обед, может быть ему полезна.

— Мадемуазель Массон, вы руководили подростковым лагерем, возле которого Миртий Камю нашли мертвой?

Алина кивнула.

«Девчонка!» — подумал Бастине.

Алине Массон исполнился двадцать один год, она всего на несколько дней старше Миртий Камю. В лагере Изиньи-сюр-Мер, организованном ассоциацией «Золотой Простыни», никто не делал никаких формальных различий между девушками. Длительная работа на равных.

Бастине решил идти прямо к цели:

— Миртий чувствовала угрозу? Знала, что ей угрожал мужчина, причем не один раз? Вы это подтверждаете, мадемуазель?

— Не совсем так, командан.

Бастине нахмурился. Не отрывая взгляда от своих изумрудных ногтей, Элен Нильсон переформулировала вопрос:

— Не торопитесь, мадемуазель Массон. Изложите нам факты. Только факты. Кто был этот мужчина?

— В первый раз я его увидела, — принялась объяснять Алина, — на пруду базы отдыха Изиньи. Он держался примерно в сотне метров от нас. Он... он пялился на Миртий.

— И как вы на это отреагировали?

— Никак. В тот момент я толком даже внимания на него не обратила. Ну, такое ведь часто случалось.

— Часто? — повторил комиссар.

Алина бросила смущенный взгляд на Фредерика Мескилека. Жених Миртий жестом показал, что она может говорить. Элен что-то записала к себе в блокнот «Монблан», а командан Бастине велел свидетельнице продолжать.

Миртий ввела в привычку каждое утро устраивать для подростков получасовые занятия гимнастикой на берегу пруда. Включала нехилую музыку, танцевала, а подростки повторяли за ней движения. Через несколько дней занятия Миртий стали местом ежедневной встречи всего кемпинга. Семьи, туристы, подростки.

— Она была в центре внимания, — подытожила Элен.

— Да, именно...

Алина колебалась, но, взглянув вопросительно на Луизу Камю, дрожащим голосом продолжила:

— Миртий была очень красива. Она танцевала грациозно и зажигательно, никто не оставался равнодушным.

В уголках глаз Луизы поблескивали слезы. Бывшая преподавательница танцев сжимала морщинистую руку мужа.

— Вы можете описать нам человека, который смотрел на Миртий? — повернул разговор Бастине. — Который пристально смотрел на Миртий, смотрел не так, как другие...

— Я видела его только издалека. Нормального роста. Скорее, молодой. Пожалуй, нашего возраста. На нем была сине-белая бейсболка с тремя полосками «Адидас». И солнечные очки. Он показался мне загорелым.

Бастине чертыхнулся. Описание подходило под описание незнакомца с красным шарфом, которого видели три свидетеля в Ипоре, подозреваемого номер один в деле об убийстве Морганы Аврил, того, кого безуспешно пытался найти капитан Грима. Но оно также подходило под описание сотен других молодых людей...

— Когда вы еще раз увидели этого типа?

— Он слонялся по лагерю, по крайней мере, я несколько раз замечала его бейсболку. По-моему, он из местных. Или аниматор из другого кемпинга. В Изиньи раскинули палатки по меньшей мере десятков лагерей...

— Точнее, семь, мадемуазель, — уточнил Бастине. — Сто тринадцать подростков и двадцать восемь взрослых, которые с ними работают.

Элен Нильсон возвела глаза к небу, словно дотошность командана ее утомила.

— Сейчас скажу точно, — продолжила Алина. — По-настоящему второй раз я его заметила в открытом море, возле Сен-Маркуф.

Бастине быстро сверился с заметками. Островки Сен-Маркуф, расположенные в семи километрах от побережья Нормандии, являлись единственными островами в виду французской береговой линии на участке от Кале до северной оконечности Котантена. Два валуна, торчащих из моря, на которых Наполеон соорудил форт для защиты от англичан. Собственность государства, ночевки запрещены, но пристать к берегу можно. Поездка на острова Сен-Маркуф являлась непременно здешним развлечением. Как и положено, ассоциация «Золотой простыни» организовала лодочную экскурсию на острова, состоявшуюся за пять дней до убийства Миртий.

— Миртий и ее группа из пяти подростков провели на архипелаге весь день, — продолжала Алина. — Я присоединилась к ним с другой группой, после полудня, примерно в 3 часа 20 минут. Я... я узнала того типа. Та же бейсболка, те же очки. Он прибыл на «Зодиак», маленьком суденышке, что-то вроде наемного катера... он плавал вокруг островов.

— И как долго? — спросила Элен.

— Не знаю... Когда мы подплывали к Сен-Маркуф, он был уже там. Сделал несколько кругов и, понятное дело, все время пристально смотрел на Миртий. А потом дал задний ход. Собственно, его катер появился там не больше чем минут на пять, но...

— Но на этот раз, — прервал ее Бастине, — это вас встревожило.

Элен демонстративно вздохнула.

— Не совсем так, командан, — произнесла Алина. — Своим хождением кругами он стал действовать нам на нервы.

— Понимаю. Рефлекс бдительной директрисы. Когда вы в последний раз видели этого человека?

— Спустя два дня у Миртий был выходной, она отправилась пешком на пляж в Гранкам-Мэзи, и мы договорились, что я заберу ее, когда поеду за покупками на девятиместном микроавтобусе. В назначенный час я отыскивала ее на пляже. Она спала, в купальнике, лежа на спине, прикрыв платком глаза. Я разбудила ее. И только тогда заметила, что он тоже там, лежит на полотенце метрах в тридцати от нее. На обратном пути Миртий призналась, что заснула прямо на песке

и проспала крепким сном больше двух часов... — Дрожащими пальцами Алина поискала в кармане носовой платок, не нашла, оставила это занятие и продолжила: — Значит, все это время тот тип мог как угодно пялиться на нее, воображать невесту что и даже снять кино, сфотографировать ее.

Внезапно Алина замолчала и залилась слезами. Судорожно вцепившийся руками в подлокотники кресла, Фредерик Мескилек никак не отреагировал на ее слезы. Казалось, он окаменел от ненависти к убийце своей невесты.

Элен протянула Алине пачку бумажных платков в элегантной голубой упаковке. Однако Бастине решил не затягивать паузу.

— Вы можете описать его?

Алина оказалась сильной девушкой. Высморкавшись и откашлявшись, она продолжила:

— Не совсем. Он лежал на животе. По-прежнему в бейсболке и солнечных очках. Довольно худой, мускулистый, с рельефными мышцами, как у спортсмена. Но узнать его я бы не смогла.

Полицейские показали ей фоторобот неизвестного из Ипора, потом с помощью фотошопа заменили красный шарф на бейсболку «Адидас» и добавили солнечные очки.

Это вполне мог быть он.

Или нет.

Коммандан Бастине понимающе улыбнулся.

— О'кей, мадемуазель Массон. Последний вопрос, который относится скорее к вам. Вы можете подтвердить, что Миртий вела дневник?

— Не совсем, коммандан. Не совсем дневник.

Родители, жених и подруга по очереди описали блокнот «Молескин» небесно-голубого цвета, где Миртий еще подростком начала вести записи. Она всегда держала его при себе или носила в сумочке.

И блокнот, и сумочка исчезли. Без сомнения, это дело рук насильника.

Миртий поверяла блокноту свои самые потаенные мысли. Несколько коротких фраз, иногда забавных, иногда меланхоличных. Миртий очень любила писать.

Бастине уже собрался поблагодарить всех четверых свидетелей, когда Элен подняла руку. Психолог-криминалист долгое время колебалась, стоит ли задавать свой вопрос в присутствии жениха Миртий. Фредерик Мескилек вызывал у нее чувство неловкости. Без сомнения, из-за разницы в возрасте со своей бывшей невестой. Впрочем, в свои тридцать семь он по-прежнему обладал шармом харизматичного воспитателя, а его кроткий, как у буддистского монаха, взгляд, вполне сочетался с широкими плечами дзюдоиста.

Придав своему голосу как можно более ласковые интонации, психолог обратилась непосредственно к Алине:

— Мадемуазель Массон, как по-вашему, почему в день убийства Миртий Камю принарядилась и выглядела необычайно элегантно?

Алина вздрогнула от удивления.

— Что вы хотите этим сказать?

Элен подняла палец с изумрудным ногтем и таким же кольцом, давая Бастине понять, что ему не следует вмешиваться. И уточнила.

— Миртий работала аниматором в лагере для подростков. Под вашим руководством. Полагаю, что, постоянно общаясь с мальчишками, вы носите на работе практичную одежду: шорты, футболки, тенниски... Во всяком случае, не белье цвета мальвы и не короткие платья...

— Это... это был ее выходной, — запинаясь, произнесла Алина, удивляясь, почему психолог-криминалист об этом не помнит.

Коммандан Бастине «расстреливал» глазами свою коллегу. Сдерживая ярость, Фредерик Мескилек сжимал руки на подлокотниках; Луиза и Шарль, сохраняя полнейшее спокойствие, встали тихо, словно два призрака.

Прежде чем Фредерик Мескилек покинул комнату, коммандан успел его рассмотреть. Высокий. Стройный. Непрístupный. Длинные волосы собраны в хвост и завязаны черной лентой. Бастине был убежден, что через несколько месяцев его дерзкая молодость исчезнет. Найдут они убийцу его предполагавшейся жены или нет, это дела не меняет, Мескилек сдуется быстрее, чем кто-либо другой, поседеет, обрюзгнет, словно аппетитный, но перезрелый фрукт.

Согласно материалам дела все называли его Шишин.

«Истории любви кончаются плохо, — ни с того ни с сего подумал Бастине. — В основном...»

В последующие дни вопрос, заданный Элен Нильсон, прокладывал себе дорогу в сознании Алины Массон — словно маленькая трещинка на зеркале воспоминаний, которая постепенно распространяется на все зеркало.

Она сотни раз вспоминала короткое платье и белье цвета мальвы.

Алина не решалась поговорить с Элен Нильсон. Держа в руках визитку, полученную от психолога-криминалиста, она несколько раз начинала набирать номер ее мобильного телефона, но никогда не доводила дело до конца. Она боялась довериться психологине с холеным лицом.

Даже если эта женщина мыслила верно.

Она одна.

Алина предпочла молчать. С каждым днем она жалела об этом все больше, но рассказать о своих сомнениях означало выдать секрет Миртий. Своей лучшей, своей единственной подруги.

В последующие дни Шарль и Луиза Камю сблизилась с Кармен Аврил.

И хотя они являли собой полную противоположность, они объединили свои силы.

Шарль и Луиза стремились к покою, Кармен хотела войны.

Шарль и Луиза хотели, чтобы свершилось правосудие, Кармен обуревала ненависть.

По сути же цель у них одна.

Узнать истину.

Установить личность убийцы Морганы Аврил и Миртий Камю.

В последующие дни командан Бастине потребовал от своих подчиненных сконцентрироваться на поисках подозреваемого номер один.

Человек в бейсболке «Адидас».

Собранные показания подтвердили слова Алины Массон, несколько других свидетелей также встречали этого молодого человека на базе отдыха «Изиньи-сюр-Мер», на пляже в Гранкам-Мэзи, возле лодочного клуба...

Встречали... но никто не знал, кто он. Опросив всех потенциальных работодателей, полиция убедилась, что он не работал в

здешних краях.

Одинокий хищник, растворившийся в толпе отдыхающих?

Сам факт, что молодой человек сразу не явился в полицию, чтобы свидетельствовать в свою пользу, укрепило командана Бастине в мысли, что именно он насильник и убийца. Тот самый молодой человек, который носил красный шарф в Ипоре.

Чем дальше шло время, тем больше командан отчаивался найти его след. Этот тип проскользнул сквозь ячейки сети. Теперь если им не поможет его величество случай, в который Бастине, опираясь на собственный опыт, давно не верил, они, скорее всего, никогда не узнают, кто он.

И был не прав.

Спустя два месяца, а именно 3 ноября 2004 года, судьба вроде бы повернулась к следователям лицом. В тот день полиция установила личность молодого человека в бейсболке «Адидас».

Поздно.

Дело Камю — Аврил облачилось в траур еще двух смертей.

17

Судьба повернулась лицом?

Я едва не пропустил автобус на Фекан. Мне удалось поймать его на перекрестке тропы Колен и улицы Крамуазан. Шофер без колебаний нарушил правила, позволив мне запрыгнуть на ходу; что ж, в этом преимущество ловли автобуса на одной ноге. Воспользовавшись возможностью срезать путь, я за выкроенное время успел закончить чтение. Противореча самому себе, я был одержим невероятным сходством между самоубийством Магали Варрон и убийством Морганы Аврил, случившимся десять лет назад. Такое количество совпадений ни один полицейский не сможет переварить. Но я был уверен, что параллельно мне надо идти еще одной дорогой, дорогой расследования убийства Миртий Камю, совершенного серийным убийцей и насильником. Если некто забавляется тем, что присылает мне по почте подробные отчеты о ходе расследования, значит, в этих отчетах так или иначе содержатся ответы на мои вопросы. Надо только помнить каждую мелочь, так как все материалы составляют цельный слаженный ансамбль. Каждый элемент пазла надо поставить на свое место.

В 13 часов 45 минут автобус высадил меня в Фекане на набережной Виконтства. У меня оставалось немного времени, и я купил в булочной сандвич с ветчиной и съел его, любуясь видом на порт, возле причала.

В жандармерии у окошка дежурного я, стараясь скрыть свою нервозность, начал шутить с жандарметкой с улыбкой стюардессы.

— Меня вызвали к Пирозу, — произнес я с видом школяра, вызванного к директору.

Дежурная жандарметка изобразила понимающее лицо подчиненной, знающей о дурном расположении духа своего шефа. И прежде чем я направился по коридору, пожелала мне удачи.

Ровно 14.00.

Я стоял перед дверью кабинета капитана Пироза.

Дверь открыта. Я отметил, что ждать мне пришлось не более секунды.

— Входите, месье Салауи.

Пироз знаком велел мне закрыть за собой дверь. Его седые, зачесанные назад волосы падали на плечи, словно ветви плакучей ивы под тяжестью инея.

— Садитесь.

Он нисколько не походил на директора, уставшего читать мораль хулиганам-ученикам, скорее он напоминал доктора, готового сообщить пациенту дурные новости. За моделью парусника «Рождественская Звезда» высилась стопка папок.

— Я получил ваши результаты, месье Салауи.

Неважно, какой это доктор. Пусть будет тот, кто лечит рак.

— Они неутешительны, месье Салауи.

— Это значит?

— Отпечатки пальцев... — Словно расческой, Пироз провел растопыренными пальцами по жирным волосам. — Они ваши.

Несмотря на то что подготовился, я с трудом выдержал удар.

— На шарфе «Берберри»?

Пироз кивнул.

— Сейчас я вам объясню, капитан.

Пока я излагал свою версию толкования фактов, рассказывал, как нашел шарф, зацепившийся за колючую проволоку возле бункера,

поведал о своем идиотском поступке, о брошенном Магали Варрон шарфе, флик ни разу не прервал меня. Я рассказал, как девушка прыгнула с обрыва, сжимая в руке шарф, развевавшийся на ветру. Я приготовил свой рассказ еще в автобусе, однако, когда пришло время говорить о том, что было дальше, я начал мямлить.

Пляж.

Шарф, обмотанный вокруг шеи самоубийцы.

Я выдвинул версию Моны: девушка не видела лица своего насильника, спутала меня с ним, запаниковала и прыгнула, чтобы убежать от меня, чтобы меня обвинить. Я сам не верил в эту версию, но у меня были основания казаться искренним, ибо я подозревал, что убедить Пироза сложно.

В этом я оказался прав.

— Ваша версия очень интересна, месье Салауи. Но вы меня прервали. Разумеется, следы ваших пальцев на красном кашемировом шарфе...

Он открыл лежавшую перед ним зеленую папку. По опыту я знал, что это недобрый знак.

— Месье Салауи, вам придется объяснить, почему мы нашли отпечатки ваших пальцев на шее Магали Варрон, на ее ногах и на груди...

Я замер.

Парализованный.

Тело мое превратилось в холодный стальной каркас, негнущийся, как и моя левая нога. Дыхание перехватило, вдох и выдох давались с трудом.

— Это... это невозможно, капитан, я не касался девушки.

Пироз оторвал взор от своей папки и откинул голову, словно ниспадавшие на плечи волосы оттягивали ее назад.

— Исходя из того что вы мне рассказали, вы не дотрагивались до нее, пока она не спрыгнула. Но на берегу, когда она уже была мертва?

Почва, куда хотел завлечь меня Пироз, отвратительна.

— Я ее не касался, капитан! Ни до смерти, ни после! Кристиан Ле Медеф и старуха Дениза должны были вам сказать...

— Я просто хочу помочь вам, месье Салауи.

Черта с два...

Я восстановил в памяти сцену на пляже, всю, вплоть до мельчайших деталей. Никаких сомнений. Я даже случайно не мог иметь тактильный контакт с Магали Варрон.

Что означает этот новый бред?

Я насмешливо улыбнулся Пирозу.

— Ни на секунду не верю вашим домыслам, капитан. А что дальше? Вы заявите, что мою сперму нашли во влагалище Магали Варрон?

Зажав седую прядь между большим и указательным пальцем, Пироз медленно пригладил ее.

— Мне бы это показалось совершенно логичным, месье Салауи. Человек, задушивший Магали Варрон, скорее всего, и изнасиловал ее.

Я взорвался. Глаза закатились, «Рождественская Звезда» закачалась.

— Черт знает что! Я хотел спасти девушку! Не дать ей упасть, а вы меня обвиняете...

У меня не нашлось сил завершить фразу. Улыбка Пироза была для меня, как ледяной душ. Меня охватил неумный страх.

Он не все мне сказал.

Я бросил ему вопрос:

— У вас есть результаты теста ДНК? Они тоже сошлись?

— Нет... Еще рано. Быть может, сегодня вечером...

— Но хотя бы приблизительно?

— Приблизительно — пожалуйста. Они плохие. Для вас плохие!

Вот дерьмо так дерьмо!

Я сидел на электрическом стуле, и через меня только что пропустили две тысячи вольт. Моя сперма во влагалище Магали Варрон... Ведь именно на это намекает мерзавец Пироз.

Спокойствие жандарма резко контрастировало с той бурей, что бушевала у меня в голове.

— Полагаю, вы догадываетесь, как дальше развернутся события. Сегодня утром следователь подписал предъявленное вам обвинение. Нам осталось уладить некоторые формальности. Например, быстро найти вам адвоката.

На несколько мгновений он позволил мне вынырнуть из воды, чтобы потом было проще задохнуться.

— Но, признаюсь вам, месье Салауи, прежде чем дело дойдет до предъявления обвинения, я бы хотел с вами поговорить. — Впервые руки выдали его колебания. — Поговорить, но не о деле Варрон. О двойном убийстве — Морганы Аврил и Миртий Камю, случившемся десять лет назад. Помните, месье Салауи?

Почему я должен помнить?

Внезапно мне показалось, что Пироз ступил на скользкую тропу, перешел границу дозволенного следователю. Я расправил плечи.

— Так вот как это делается, капитан? Три девушки мертвы. Вы начинаете с того, что шьете мне убийство первой, а потом вешаете на меня еще два преступления, которые полиция десять лет не может раскрыть.

Пироз лишь слегка нахмурил брови, речь моя не произвела на него впечатления.

— Вы наверняка провели свое маленькое расследование, месье Салауи. И должны были заметить некоторые совпадения в жизни Морганы Аврил и Магали Варрон. Поразительные совпадения. Впрочем, это неточное определение. Вы правы, мы топчемся на месте... Но мы обрели уверенность, что все три преступления связаны между собой!

Я не стал ничего утверждать. Лишь огрызался, как собака, схваченная за шкуру.

— Находить объяснение совпадениям — ваша работа, не моя.

— Вы правы.

Пироз снова погрузился в папку. На этот раз в бежевую.

— Я сейчас задам вам очень простой, но очень важный для вас вопрос, месье Салауи. Десять лет назад у вас уже была искусственная нога? В вашем досье ответа нет.

Я понял суть вопроса, Пироз мог не объяснять. Подозреваемый номер один в деле Аврил–Камю, неизвестный с шарфом «Берберри» на шее, а через три месяца в бейсболке «Адидас», вполне подходил под мое описание.

Темноволосый, среднего роста, спортивный, смуглая кожа.

Только он не хромал.

Ничто не могло заставить меня сказать Пирозу правду.

По крайней мере, отвечая на этот вопрос.

— Нет, капитан, я таким родился... Ну, почти. Мне не повезло, потому что фея, которая склонилась над моей колыбелью, имела дефект дикции и что-то напутала в своем заклинании.

Пироз недоверчиво смотрел на меня. Он мог сколько угодно страшить меня своими обвинениями, я намеревался отыграться. И заранее ликовал, представляя, как глаза его ползут на лоб.

— Паршивка-фея помахала своей волшебной палочкой у меня над головой, произнесла волшебное заклинание, абракадабра или что-то в этом роде, а затем сказала так: «Тогда пусть среди всех младенцев в мире этот младенец будет самый культяпистый». Да, капитан, именно так и сказала.

Лицо Пироза выразило огорчение.

— Всего лишь небольшая путаница, капитан. Глупо, не правда ли?

Мой утомленный мозг наполнился пузырьками, взрывающимися, словно крошечные фейерверки. Мне казалось, что я с обнаженной саблей наступаю на осадную машину.

Пироз побагровел.

— Здесь вам не игра, Салауи. Я пытаюсь вам помочь.

Но я гнул свое:

— Или загоняете меня в ловушку. Инвалид. Араб. Холостяк. И работает у психов. Идеальный козел отпущения. Разве нет? Все десять лет, пока полиция ищет...

Пироз уперся локтями в стол. Я продолжал отрицать:

— Я не касался той девушки, капитан. Это не мои отпечатки у нее на шее. Не моя сперма. Ищите другого дурака.

Флик на минутку скрылся за фок-мачтой «Рождественской Звезды», а потом самым спокойным тоном, на какой он только был способен, продолжил:

— Вы выбрали неверную стратегию, Салауи. Отсутствие ноги не спасет вас от вердикта присяжных...

Идиот! А какая, по его мнению, стратегия верная?

Напрасно мой ум придумывал все новые версии, искал всевозможные выходы. Объяснение только одно.

Полицейские подтасовки.

Они лепили виновного, какой нужен им. Бедняга, случайно оказавшийся утром в неурочную минуту на обрыве.

Я.

В следующее мгновение другое полушарие моего мозга напомнило мне, что я нахожусь в жандармерии Фекана, а не в Северной Корее или Южной Африке... Здесь не делают фальшивых улик, чтобы посадить невинного. Не здесь. Не во Франции...

— Я имею право на адвоката.

— Разумеется, Салауи. Невозможно отправить гражданина в камеру предварительного заключения прежде, чем он в присутствии адвоката не выслушает пункты обвинения.

Всплыли смутные воспоминания из сериалов, просмотренных на продавленном диване в нашей квартире в Ла-Курнев. «Наварро и компания», усыпительное «мыло», которое смотрела моя мать и перед которым валялся я, лишь бы не идти убираться у себя в комнате.

Дело Аврил–Камю десятилетней давности. Десять лет, за десять лет истекает срок давности ответственности за убийство. В моей голове забила безумная мысль.

Что, если я их последний шанс?

Через несколько месяцев дело Аврил–Камю сдадут в архив.

А если перед тем как закрыть занавес, полиция решила посадить первого встречного?

— Вы знаете какого-нибудь адвоката, Салауи?

Я не ответил. Теперь я во всем сомневался. Еще одна деталь, на которую я до сих пор не обратил внимания, удивила меня. Тоже из области воспоминаний о культовых сериалах матери.

— А разве при допросе не обязательно присутствие двоих жандармов?

— Нет, месье Салауи... При простом допросе не обязательно.

Раздраженный, Пироз встал.

— Признаюсь вам, у меня есть трое подчиненных, которые пытаются разгадать тайну смерти Магали Варрон, отрабатывают каждую версию, ищут лиц, с которыми она встречалась в последние дни. Они тоже отмечают совпадения увлечений и учебных заведений Магали Варрон с увлечениями и учебными заведениями Морганы Аврил. Разительные сходства, в которых никто ничего не может понять. Вам повезло, Салауи, что вы попали ко мне. В то время когда все, абсолютно все против вас, я продолжаю искать убийцу в другом месте. Поверьте, это чертово досье не убедило меня в вашей виновности, так что не стоит портить себе жизнь.

Последнюю фразу Пироз произнес с некой торжественностью в голосе. Проповедь представителя правосудия. Словно он один мог противостоять судьбе, намеревавшейся раздавить меня.

Ловушка? Еще одна ловушка? Пироз хитер.

Он наклонился ко мне, его длинные волосы соскользнули на шею и закрыли подбородок, словно накладная бородка, которая вот-вот отклеится.

— В последний раз, Салауи, это очень важно. Десять лет назад вы передвигались на своих ногах?

Должно быть, Пироз истолковал мое длительное молчание как раздумье. Но я уже принял решение.

Я ему не верил.

Я был виновен.

В его глазах. В глазах других полицейских. Все улики были здесь, собраны, подшиты, все факты, все свидетели.

Что стоили мои слова против непробиваемой уверенности?

Ничего.

Я не знал, кто они, но они загнали меня в тупик.

У меня больше нет выбора, я должен пройти сквозь сеть, которой они меня опутали.

Сейчас. Невзирая на последствия.

Действие заняло не больше секунды. Я слегка наклонился вперед, обеими руками выхватил подставку из красного дерева из-под модели «Рождественской Звезды» и в этот же миг, развернувшись и подняв руки, жажнул ею капитана жандармерии по черепу.

Не успев даже вскрикнуть, Пироз тяжело рухнул на пол. Руки его еще цеплялись за пустоту, тогда как ноги уже не держали его. Только обезумевший взор по-прежнему оставался цепким.

Его надменная уверенность быстро перешла в паническое отчаяние. Струйка крови вытекала из умолявшего меня рта.

— Нет, Салауи, нет...

Чего «нет»?

Чего он боялся потерять больше?

Свою модель? Свою добычу? Свою жизнь?

Упершись обеими руками в выложенный плиткой пол, он попытался встать. И получил удар. Алые капли, выступившие у него на лбу, ручейками стекали вдоль длинных волос.

Я в последний раз взглянул на «Рождественскую Звезду», на тоненькие снасти, выполненные с поразительной точностью, на искусно расписанные спасательные круги и вымпелы, на маленьких матросов, аккуратно расставленных на палубе, а потом в гневе обрушил корабль на затылок Пироза.

Он снова растянулся на полу. Нокаут.

Несколько секунд я стоял молча, уверенный, что, встревоженные шумом, сейчас сюда ворвутся жандармы числом не менее десятка.

Тишина. Дверь закрыта.

Можно подумать, они привыкли к тому, что у них все колотят друг друга.

Я быстро оценил ситуацию. Как теперь выкручиваться? Вылезти в окно? Рвануть по коридору к выходу? Схватить Пироза за шиворот и, приставив к его горлу нож для разрезания бумаги, волочить его за собой?

Смешно!

Единственный шанс — это уйти так же, как пришел. Раскованно. В меру весело. У окошка дежурного заговорщически подмигнуть жандарметке.

Я осторожно оторвал полоску ткани от шторы салатного цвета, призванной защищать кабинет от редкого феканского солнца, меньше чем за минуту связал Пироза занавеской и заткнул ему рот.

Он дышал, но не шевелился. Глаза закрыты, ресницы и волосы слиплись от крови. Еще несколько секунд понадобилось, чтобы на лету схватить зеленую папку.

Магали Варрон.

Унести другие папки я не решился. На столе капитана высилась гора папок, но у меня не было времени изучать их. Тем более тащить их с собой. В последнюю минуту я сунул в свою папку листок, торчавший из-под груды документов, тот самый, который еще вчера привлек мое внимание.

8 цифр в 4 клетках.

2/2 | 3/0

0/3 | 1/1

Еще одна тайна?

Подождет...

Я вышел.

Первый же встретившийся мне жандарм перешел мне дорогу; второй появился справа и задел меня плечом; двое других шли мне навстречу с другого конца коридора, оба вооружены, взгляд внимательный; однако при моем приближении они расступились.

Не оборачиваясь, я прошел между них и благополучно достиг предбанника для посетителей.

— Ну как, выжили? — с улыбкой спросила меня жандарметка, высунувшись из окошка дежурного.

Улыбаясь ей в ответ, я испытывал угрызения совести. Вряд ли коллеги похвалят ее за любезничание с беглым насильником. Ведь она ничего не заподозрила, не подняла тревогу. Осмелится ли она признать, что этот тип довольно симпатичный? Что он не похож на убийцу? Что, возможно, они ошибаются?

На миг мне показалось, что масштаб подтасовки улик, совершенной полицейскими, чтобы обвинить меня, не соответствовал той легкости, с которой мне удалось бежать из жандармерии.

Мне не на что жаловаться.

Когда я спустился с крыльца, в лицо мне ударил порыв ветра, насыщенного йодом.

Я свободен.

Но надолго ли?

Быстрым шагом я пошел прочь от полицейского участка, держа направление к морю.

Через сколько времени Пироз поднимет тревогу?

Я быстренько перебрал в уме пять лучей моей звезды. Стать героем супермарафона вокруг Монблана, заняться любовью с женщиной своей мечты, родить ребенка, быть оплаканным, отдать долг...

Плохое начало...

На несколько часов мне удалось избавиться от фликов; в лучшем случае на несколько дней. Вернуться ночевать в «Сирену» невозможно, как, собственно, и приближаться к Ипору.

На что я надеялся?

В одиночку доказать свою невиновность? Что завеса тайны рассеется как дурной сон? Что полиция найдет другого виновного?

Настоящего убийцу?

За спиной тянулась береговая линия. Пустынно. Несмотря на холод, редкие гуляющие не намеревались покидать бетонный причал. Галька заглушала мои шаги, никто не обращал на меня внимания.

Никто меня не слышал.

«Я невиновен!» — кричало у меня в голове.

Невиновен!

Вода потихоньку поднималась, но если идти быстро, можно уйти достаточно далеко, прежде чем она закроет отмель. Между Феканом и Ипором почти десять километров береговой линии, но доступ к морю лишь один — в Гренвале, и десятки табличек, строго запрещающие гулять под прибрежными скалами. Местная полиция давно завязала играть в прятки со здешними контрабандистами, предоставляя это делать таможенникам. Между морем и меловыми скалами никто не станет меня искать.

Под ногами перекатывалась галька. Фекан превратился в размытую полосу серых домов. Сжимая в руках зеленую папку, я вспоминал Пироза и выдвинутые им обвинения.

Меня преследовал один вопрос: когда я ударил его и сбежал, разорвал ли я сотканную вокруг меня паутину? Или это всего лишь еще один шаг к той бездне, которая стремилась меня поглотить?

II

ЗАДЕРЖАНИЕ

22 июля 2014 года

Кому:

Национальная жандармерия,
Территориальная бригада коммуны Этрета,
Департамент Приморская Сена
Лейтенанту Б. Донадье

От:

Научно-исследовательский институт судебно-
медицинской и криминалистической экспертизы
(НИИ СМКЭ)

Лаборатория идентификации жертв катастроф
Заведующего Ж. Кальметта

Господин лейтенант,

Отвечая на ваше письмо от 13 июля 2014 года, где шла речь об обнаружении 12 июля 2014 года на побережье Ипора (департамент Приморская Сена) останков трех человек, сообщая, что наша служба со всей добросовестностью отнеслась к расследованию данной трагедии.

В настоящее время никто из трех индивидов не идентифицирован, однако проведенные экспертизы выявили ряд неоспоримых фактов.

Мы можем с уверенностью сказать, что кости принадлежат трем взрослым мужчинам, которым на момент смерти было от двадцати до тридцати лет.

Ни на одном из трех черепов нет никаких повреждений, равно как и на прочих костях скелетов, что, по нашему мнению, исключает из причин смерти повреждения, нанесенные извне, например, обрушение одной из стен пещеры, где эти люди находились. Тем не менее принимая во внимание обстоятельства обнаружения данных останков,

версия насильственной смерти по-прежнему имеет основание, и мы продолжаем исследования. В частности, дополнительные химические анализы позволят, установить, не идет ли речь об отравлении.

Одним из самых сложных вопросов явилось определение даты смерти трех неизвестных. Согласно принятой при идентификации личности процедуре мы присвоили каждому скелету идентификационное наименование, сохраняющееся за ним на протяжении всего расследования: три имени, алфавитный порядок которых соответствует хронологической последовательности гибели неизвестных.

Мы столкнулись с труднообъяснимым явлением, суть которого в том, что все три индивида скончались в разное время, что исключает смерть, которую можно определить как «коллективная» или «одновременная»; соответственно, исключаются несчастный случай с группой спелеологов, тройное убийство и коллективное самоубийство.

Индивид, получивший имя Альбер, скончался раньше всех, летом 2004 года.

Второй, Бернар, скончался спустя несколько месяцев после Альбера, скорее всего, где-то между осенью 2004-го и зимой 2005-го.

Третий, Сезар, скончался в 2014 году, между февралем и мартом, следовательно, примерно пять месяцев назад. Принимая во внимание высокий уровень кислотности в образовавшейся в карбонатной породе каверне, где лежали трупы, быстрота разложения последнего тела не кажется удивительной.

Как и вы, господин лейтенант, мы уверены, что опознание вышеуказанных останков должно проводиться в рамках дела, именуемого «делом убийцы с красным шарфом», одна из жертв которого,

Моргана Аврил, в июне 2004-го была найдена убитой неподалеку от места обнаружения останков.

Прежде чем придут результаты дополнительных исследований, и в частности, результаты ДНК-идентификации, биологическим материалом для которой послужили кости, мы вряд ли сможем определить, каким образом смерть трех неизвестных мужчин связана с убийством молодых девушек.

Мы сделаем все возможное, чтобы в кратчайший срок выполнить экспертизы, способствующие скорейшему расследованию дела. Однако не стану скрывать, что в связи с сокращением штатов и увеличением количества работы нашим службам приходится выполнять прежде всего срочные задания. Определение же причин смерти Альбера и Бернара не может являться нашей приоритетной задачей, ибо предписанный законом десятилетний срок давности практически истек.

С наилучшими пожеланиями,
Ж. КАЛЬМЕТТ,
Заведующий лабораторией идентификации
жертв катастроф
НИИ СМКЭ.

18

Надолго ли?

Почти полдня я прождал наступления темноты, прячась в бесчисленных карстовых пустотах, цепляясь, словно мидия, к скалистой поверхности, где меня быстро находили морские волны.

Я промок насквозь.

Море позволило высохнуть полоске галечника длиной примерно в метр, расположившейся между меловым откосом и морем; но несколько дерзких волн, решив позабавиться, разбивались о скалу и рикошетом обдавали брызгами дурака, скрючившегося на этой условно сухой полоске. Однако, вознаграждая меня за усилия, Бог в

бесконечном своем сострадании подарил мне самый роскошный закат солнца. Любуясь закатом, я направился в сторону отливавшей рыжиной висячей долины по направлению к Вокотту.

Прежде чем выбраться из леса Ог, я немного подождал. Десять минут. За это время тьма сгустилась, а влажная одежда превратилась в ледяной саван.

Свободен, все еще свободен, но замерз, словно побывал в морозилке.

Ночью было пасмурно. В полумраке долина Вокотт выглядела совершенно призрачно. Три десятка домиков, затерявшихся в джунглях, где смешались сосны, лещина и дубы, казалось, были построены выигравшим конкурс архитектором дьявола. Виллы соперничали друг с другом в причудливости убранства. Крыши швейцарских шале, тирольские башенки, английские панорамные окна, мавританские фасады. Убедившись, что вокруг больше нет ни одной машины, я вышел и пошел вверх по дороге, сбегавшей к берегу моря. Орсен, вилла научного руководителя Моны, пряталась за перекрестком.

Мартен Денен.

123, дорога Заката.

«Ты найдешь ключ на бортике колодца, под одним из кирпичей, — уточнила Мона по телефону. — Возле сарая. Садовник, который ухаживает за домом и садом, уходя, кладет его туда. Будь как дома. Я приеду, как только смогу».

Она послала мне виртуальный поцелуй и отключилась. Не задавая вопросов, довольствуюсь тем, что я ей сказал.

«За мной гонится полиция.

Я должен лечь на дно.

Ты должна помочь мне».

Мона потрясающая девушка.

Нашарив под кирпичом ключ, я отпер дверь и спрятался за стенами виллы Орсен.

«Будь как дома...»

В первую очередь душ, горячий. Потом поставить точку. Все рассказать Моне — как только она приедет...

Прежде чем я нашел ванную, мне пришлось поплутать в лабиринте коридоров, бесчисленных крошечных комнатенок и соединявших их лестниц, опутавших все три этажа. Мартен Денен, научный руководитель Моны, наверняка нечасто посещал свое загородное владение. Тем не менее дом содержался в образцовом порядке. Садовник стриг газон и безупречно подрезал заросли роз, помощница по хозяйству, ценившаяся наверняка на вес золота, изгоняла колонии пауков и надраивала витражи, обрамлявшие каждое окно на верхнем этаже.

Вилла образцового содержания... но пустая.

Именно этот контраст и поразил меня, когда я извивался перед огромным зеркалом в позолоченной раме, пытаюсь стянуть с искусственной ноги промокшую штанину джинсов. Протез стукнул по голубой фаянсовой плитке из Делфта. Эхо, прокатившееся по тысяче и одной комнате пустой виллы, похоже, разбудило призраков и фантомов.

Шум водной струи заглушил шорохи поместья. Я стоял в душе на одной ноге.

Туалет, облицованный плиткой цвета розового фламинго! Определение должно понравиться Моне.

Закрыв глаза, я представил себе убранство виллы Орсен. Мартен Денен законсервировал свой дом. Слово найдено точно. Законсервировал. Прибывая сюда после долгих месяцев отсутствия, он находил его в прежнем виде.

Видимость жизни.

Цветы на камине и у изголовий. Искусственные.

На столе в кухне корзина с фруктами. Великолепная имитация. Этажерки в коридорах, где в беспорядке навалены карманные издания, иллюстрированные журналы и забытые с незапамятных времен коробки с салонными играми.

Наслаждаясь горячей водой, стекавшей по моему обнаженному телу, я думал о странной обстановке этого дома с привидениями, о его совершенно нереальной атмосфере, словно воссозданной воображением писателя-романтика...

Как, впрочем, и сама Мона...

Появившаяся ниоткуда исследовательница из Национального центра научных исследований.

Энергичная. Хорошенькая. Ни на кого не похожая, бесстыдная.

Словно выпорхнула из головы какого-нибудь писателя... или из моей головы, из головы холостяка в поисках любви.

Я поднял голову и усилил напор воды.

Нет, при здравом размышлении вторая версия не выдерживала критики! Мона обаятельна до безумия, но если бы меня попросили составить портрет идеальной женщины, это не был бы портрет Моны.

И, словно по волшебству, под горячим водопадом душа перед взором моим проплыло бледное лицо Магали Варрон.

«Будь как дома».

Я закрепил протез и натянул махровый кремовый халат, висевший на вешалке. Настоящий Calvin Klein. Я не решался позвонить Моне. Мне нельзя забывать об осторожности. Вполне возможно, полиция уже установила ее связь со мной. Я знал, что она не выдаст мое убежище, но ее могли заподозрить, проследить за ней...

Эту мысль я изгнал. А чтобы не думать о том, что у меня нет никакого плана, кроме того, что надо стремиться вперед, я снова затерялся в череде пустых комнат. Выиграть время. Больше ни единой идеи, как доказать свою невиновность.

Через полчаса я уже более или менее ориентировался в здешнем причудливом лабиринте. Побывал во всех комнатах, за исключением погребов, которые наверняка столь же обширны, как сама вилла. В гостиной на кованой этажерке выстроились медного цвета бутылки.

«Будь как дома».

Я налил себе кальвадосу. Кальвадос «Булар». На этикетке стоит «без возраста».

Как и дом.

Стоило мне сделать глоток, как в горле вспыхнул пожар. Мой кашель разбился о стены, беззвучно отскочил, а затем с сухим дробным стуком удалился на верхние этажи, словно пугливый стучащий дух, дерзко потревоженный каким-то наглецом. Напрасно я рылся в памяти, дошел до раннего детства в Ла-Курнев и череды жилищ, от угла с кроватью до пятикомнатной квартиры, где мне довелось жить по мере увеличения семейства... Нет, никогда в жизни нога моя не ступала в такой просторный дом.

Мне даже стало страшновато.

Я решил ждать Мону в комнате, которую назвал гнездом орла; в этой круглой комнате, оборудованной в маленькой башенке, возвышавшейся на несколько метров над крышей и каминной трубой, были самые высокие потолки в доме. Снаружи я принял этот китч за причуду архитектора. Этаким снобистский эрзац донжона. Но я ошибся! Из каждого окна, напоминавшего средневековую бойницу, открывался великолепный вид на всячую долину Вокотт, берег и море.

Настоящий маяк!

Мартен Денен устроил там кабинет. Невысокие книжные шкафы по всему кругу, триста шестьдесят градусов, огибали два вольтеровских кресла и дубовый стол, покрытый толстой пурпурной кожей.

Я ждал долго, наверное, боле часа, ощущая себя между небом и морем. Веки мои уже слипались, когда на плечи мне легли руки Моны.

Я не слышал, ни как она вошла, ни как поднялась по лестнице.

Настоящая фея!

Звезда с ее волшебной палочки сверкала там, где у нее сердце.

— Спасибо, — произнес я, прежде чем поцеловать ее.

Долгим поцелуем.

Некоторое время мы любовались луной и ее трепещущей двойняшкой, купавшейся в Ла-Манше.

— Рассказывай, — наконец велела мне Мона.

Я не скрыл от нее ничего. Ни обвинения Пироза. Ни побег. Ни уверенности в собственной невиновности. Я был жертвой полицейских интриг. Выслушав меня не перебивая, Мона произнесла три слова, те единственные три слова, которые я хотел услышать.

— Я тебе верю.

Я снова поцеловал ее. Растрепал ее золотистые волосы, и они пролились мне сквозь пальцы.

— Почему? Почему ты помогаешь мне?

Ее рука проникла под распахнувшиеся полы моего халата.

— Хочешь знать? Аромат неизвестности. Неумное пристрастие к историям, выходящим за рамки привычного. Внутреннее убеждение, что ты и муху не обидишь...

— Муху — нет. А флика?

Она рассмеялась.

— Если я велю тебе позвонить адвокату и завтра утром сдать жандармам, ты это сделаешь?

Я сжал Мону в объятиях.

— Нет! Я не хочу угодить к ним в ловушку. Хочу сам все понять.

— Понять что?

— Все! Возможно, есть логическое решение. Некий ключ, открывающий выход из их поганого зеркального дворца.

Пока Мона отыскивала припасенные на кухне деликатесы — фуа-гра, утиные консервы и красное вино бержерак, — я открыл досье Магали Варрон, украденное со стола Пироза.

Я чертыхался про себя, ибо досье не содержало ничего, чего бы я уже не знал. Подробная биография, подтвержденная информацией, собранной в Интернете, рассказ о детстве в Канаде, а затем в Валь-де-Марн, образовательные учреждения, которые она посещала, работа в Байер-Франс. Во второй части досье лежали материалы, относившиеся к изнасилованию и смерти. В развернутом медицинском отчете пронумерованы все телесные повреждения, сопровождаемые неаппетитными фотографиями, указана группа крови, ДНК, описано состояние асфиксии как последствие удушения... «которое повлекло за собой смерть», уточнялось в отчете.

Они ошибались, черт их дери! На несколько минут, но ошибались.

Я жалел, что не потратил время, чтобы порыться в папках Пироза и выловить среди них те, которые могли относиться к делу Камю и Аврил, где могли содержаться иные сведения, нежели те, которые некая добрая душа подкидывала мне в день по чайной ложке.

А также толкование той серии цифр, того уравнения, которым интересовался Пироз.

2/2 | 3/0

0/3 | 1/1

— За стол! — позвала Мона с таким подъемом, что на какое-то время рой вопросов, гудевший у меня в голове, разлетелся в разные стороны.

Запасы научного руководителя оказались вполне достойны меню «Сирены». Не утруждая себя особо, Мона поставила на стол баночку фуа-гра и подогрела на пару утиные консервы в баночках.

— За здоровье Мартена! — воскликнула она, поднимая бокал с бержерак. — В год Панши платит ему столько, что хватит на три

кругосветных путешествия. Так что надо помочь ему и опустошить запасы.

Я выпил. Улыбка грустная. Сердце не на месте.

— Что ты собираешься делать? — внезапно спросила Мона.

— Не знаю...

— Жаль.

Она намазала фуа-гра на мягкую булочку, целлофановую упаковку которых она отыскала в глубине шкафа.

— Жаль. Думаю, в конце концов они тебя схватят. Тогда ты все потеряешь. Все, что привлекает меня в тебе. — Она пальчиком погладила звезду, приколотую к блузке. — Гениальная идея — строить жизнь во имя исполнения мечты, даже целых пяти. Ты... ты что будешь делать с этими мечтами?

— У меня нет выбора, Мона.

Она молча смотрела на меня, долго смотрела, не пытаясь меня переубедить. словно перед ней сидел упрямый мальчишка. В ту минуту, когда она встала, чтобы взять стоявшую за ней кастрюлю, раздались резкие зажигательные звуки рока: звонил мой мобильник.

Номер неизвестен.

Я нажал на кнопку.

— Салауи?

Голос Пироза.

— Салауи, не отключайтесь. Не делайте глупостей. Вернитесь, черт бы вас побрал! У вас есть право на адвоката. У вас будет доступ к материалам следствия. Вы сможете сами выстроить свою защиту.

Я решил немного послушать, но не более пятнадцати секунд. Мерзавец наверняка пытался вычислить мое местонахождение.

— Салауи, вы меня безобразно разукрасили, но с этим потом разберемся. Я связался с клиникой Сент-Антуан, со всеми вашими коллегами, включая медицинский персонал, психотерапевтов. Вы не один! Вам могут помочь. Не ухудшайте свое...

Двадцать пять секунд.

Я нажал на кнопку и выключил телефон; рука моя все еще дрожала. Слегка. Мона накрыла ее своей рукой. Она говорила необычайно ласково, словно хотела меня приручить.

— В сущности, этот флик говорит то же, что и я, только другими словами.

Сдаться.

Самое простое решение.

— Они хотят повесить на меня убийства, Мона. Ты слышала, что он сказал? Все эти психотерапевты станут утверждать, что я сумасшедший...

Она еще сильнее сжала мою руку. Я продолжал:

— Моих отпечатков нет на теле той девушки! Я до нее не дотрагивался! Полиция врет. Они что-то мухлюют. Почему никто не знает о смерти Магали Варрон?

— Я знаю, Джамал. Андре Жозвиак знает, а он наверняка сообщил всему Ипору, который встречается у него за стойкой.

— Сегодня об этом не написала ни одна газета.

— Напишут завтра... Джамал, зачем полицейским брать на себя риск фальсификации данных?

— Не знаю, Мона. Но если ты хочешь играть в вопросы и ответы, то у меня целые ящики вопросов! Почему кто-то развлекается, посылая мне письма, где содержатся подробности дела Аврил–Камю? Почему Магали Варрон после того, как скопировала жизнь Морганы Аврил, совершила самоубийство? Почему красный кашемировый шарф оказался у меня на дороге, словно фонарь, который невозможно обойти?

Мона оттолкнула от себя едва початую баночку с фуа-гра.

— О'кей, ты выиграл. Я отказываюсь гадать.

С помощью щипчиков из нержавеющей стали она подцепила из банки два утиных бедрышка. Карминного цвета. Они произвели на меня впечатление ног, оторванных от тела новорожденного, которые судебный медик сохранил у себя в банке. И хотя я не шелохнулся, Мона заметила мое отвращение. Она положила мне руку на плечо.

— Я точно знаю, что ты не убийца! Мне такого ни разу не приходило в голову. Но кто-то в это верит...

От вида вываренного мяса мне захотелось блевать.

— Почему я, детективы хреновы?

Мона задумалась. Глядя на ее сосредоточенную мордашку землеройки, отражавшую высочайшую степень концентрации мысли, на трепещущие ноздри, сжатые ресницы, передние резцы, закусившие нижнюю губу, я на миг смягчился.

— Почему ты... Хороший вопрос, Джамал. Ты бывал в Ипоре? До этой недели?

— Нет...

Ее зубы, готовые впиться в меня, отпустили нижнюю губу.

— Я хочу правду, Джамал! Я не полицейский. Если хочешь, чтобы я тебе помогла, прекращай играть.

— Нет, говорю же тебе. Но намеревался.

— Джамал, объясни.

— Лет десять назад я чатился в Сети с одной девчонкой, она мне нравилась, я подцепил ее на уик-энде на пляже, она собиралась ехать в Этрета, но для меня тамошние цены неподъемны, поэтому я заказал гостиницу здесь, в Ипоре.

— А дальше?

— Дальше? Как только эта скотина увидела, что ее прекрасный принц без одной ноги, она отказала мне в медовом месяце.

— А ты ей не сказал?

— Нет. Забыл поставить у себя под столом веб-камеру...

— О'кей. И ты так никогда и не доехал до Ипора?

— Ни разу!

Мона рассмеялась и разлила в бокалы берджерак.

— Жаль. Придется добавить твое отмененное свидание в Ипоре в список совпадений! А зачем ты приехал сюда на этой неделе? Неужели в мире нет других мест, где можно готовиться к твоей колченогой прогулке по ледникам?

— Несколько месяцев назад я по телефону ответил на какую-то анкету. Что-то там о туризме в Нормандии. Разыгрывались призы. Я выиграл неделю в гостинице в Ипоре, с полупансионом. Сама понимаешь, я недолго колебался, соглашаясь запретить себя в этой дыре.

— Понимаю.

Мона опустошила свой бокал, пошла к окну, затем подняла глаза к башенке, тень от которой взметнулась высоко над крышей.

— И все же надо быть разумным, Джамал, я не смогу приходить сюда ночевать. Жандармы быстро установят, что мы знакомы. Завтра утром они явятся в «Сирену» с судебным поручением.

Я подошел к ней и обнял за талию.

— Но до завтрашнего утра у нас ведь есть время?

Ее взгляд заскользил по моему торсу и густым темным волосам на груди, полный контраст со светлым махровым халатом.

— Не здесь, — прошептала она, устремляя взор к гнезду орла. — Там, наверху...

19

Аромат неизвестности?

Мона решила принять душ и только потом присоединиться ко мне в самой верхней комнате виллы. Я услышал на лестнице ее шаги. Она тоже закуталась в халат Kevin Klein. Рубинового цвета.

Одарив меня поцелуем в губы, она полюбовалась окрестностями, уснувшей долиной и слепыми волнами, лизавшими берег, а затем, подойдя к одному из окружавших нас книжных шкафов, схватила за торчащий уголок книгу и вытащила ее. Грациозно уселась на стол, покрытый пурпурной кожей.

— Морис Леблан! — провозгласила она, раскрыв желтый томик. — Отец Арсена Люпена. Свои первые романы он написал здесь, в Вокотте. Здесь даже разыгрывается действие одного из его рассказов...

Мне наплевать, что она говорит.

Я хотел забыть дело Варрон–Аврил–Камю.

Хотел забыть жандармов, которые шли за мной по пятам.

Хотел забыть все, кроме белого тела Моны, закутанного в рубиновый халат.

Она закинула ногу на ногу; махровый халат, перетянутый на талии поясом, слегка приоткрылся.

— Послушай, Джамал, этот рассказ Мориса Леблана должен тебя заинтересовать. История одного бедолаги, который проходил мимо шикарного дома в Вокотте. Его звали Линан. Забавное имечко, ты не находишь? Он проник в дом с намерением стянуть чего-нибудь съестного, чтобы накормить своих голодных детей. Но ему не повезло: в его присутствии хозяин дома выпустил себе пулю в лоб. Самоубийство!

Подойдя к ней, я медленно развел в стороны полы халата, чтобы освободить ее белые, словно алебастр, груди.

— А потом? — прошептал я.

С едва слышным шелестом халат медленно соскользнул на стол, обнажив ее тело до талии. Теперь Мона напоминала красный плод, с которого сняли кожицу, чтобы добраться до мякоти. Она позволила моим рукам разгуливать по ее груди. В ее голосе зазвучали хриплые нотки, но она не потеряла нить рассказа:

— Жуткий грохот, Линан запаниковал, что-то уронил, прибежал слуга, увидел у ног Линана тело своего хозяина... Нетрудно догадаться, что потом. Арест. Процесс. Все думают, что это бедняга Линан убил хозяина дома, никто не верит в самоубийство.

Мои руки продвинулись еще ниже и теперь ласкали живот, замирая возле рубинового пояса, завязанного ниже пупка.

— И чем все кончилось? — прошептал я ей на ухо.

Она вздрогнула, вскинула голову и подняла книгу на уровень глаз.

— Ммммм... Ты хочешь, чтобы я прочла тебе последние строки? Слушай, это очень поучительно, тебе понравится.

«Служитель правосудия возвестил о начале утра.

— Приготовьтесь к смерти, Линан.

Над ним совершили последний туалет. Его связали. Он позволял делать с собой все, что они считали нужным — словно покорное животное, словно вещь. Они должны были подвести его к эшафоту.

Зубы его стучали. Он заикался.

— Я н-не... не убивал... Не убивал».

Мои пальцы развязали обмотанный вокруг талии пояс, и он соскользнул вниз. Полы красного махрового халата распахнулись, словно лепестки розы с первыми лучами солнца.

— «Эшафот», — прошептала Мона. Рассказ, опубликованный в газете «Жиль Блаз» 6 февраля 1893 года. Один из первых памфлетов против смертной казни!

Продолжая сидеть на столе, она отложила книгу в сторону. Она напомнила мне мадам Кончетти, преподашу по английскому, которая любила вот так сидеть, отчего весь наш класс просто тащился. Конечно, преподаша была чуть более одетой.

Мои руки заскользили по обнаженным бедрам.

Самоубийство? Невинный. Липовый убийца.

Спасибо, Мона. Посыл понят.

— И ты хочешь, чтобы я сдался фликам?

Когда, опершись на стол, я губами прижался к ее шее, она, словно фокусник, ногой развязала на мне пояс халата. Не довольствуясь этим подвигом, она принялась пальцами ноги исследовать мое тело, скрытое под складками светлой махровой ткани.

Внезапно, растопырив пальцы, она уперлась обеими руками в мягкую кожу стола и изогнулась. Груды взметнулись к небу. Две вершины-близнецы, рожденные одним вулканом. Обеими руками я сжал их, в то время как мой язык, словно с горы, спускался по ее животу, и я пьянел от этого бесконечного спуска, завершившегося на подстриженном и влажном газоне.

Мона спала на покрытом кожей столе, свернувшись клубочком, словно ребенок. Засыпая, она заставила меня пообещать, что разбудю ее до рассвета, чтобы она смогла долететь до своей комнаты в «Сирене».

Маленькая шаловливая вампирша... Чувственная и предприимчивая.

Я не мог не задаться вопросом, что больше возбуждало Мону. Заниматься любовью с беглецом, обвиненным в насилии и убийстве, или, отдавшись ему на письменном столе своего научного руководителя, прижиматься охваченным сладострастием телом к мягкой красной коже на том самом месте, где препод правил ее работу?

Несомненно, и то и другое.

Мне не хотелось спать. Я ходил кругами по комнате — в прямом и переносном смысле. Взгляд мой уже несколько часов блуждал между звездами, зажженными отливом, обнаженным телом Моны и окружающими меня книгами.

Старые карманные издания соседствовали с огромными фотоальбомами, толстыми научными фолиантами и десятками архивных папок. Я машинально читал надписи на корешках.

1978–1983–1990–1998–2004...

2004?

Год смерти Морганы Аврил и Миртий Камю.

Я взял папку и открыл ее, ожидая найти записи лекций, студенческие работы, ксероксы научных статей.

Ничего подобного!

Я закусил губу, чтобы не вскрикнуть от неожиданности. Профессор Мартен Денен, специалист по молекулярной химии, развлекался тем, что собирал статьи из «Курьера Ко», где говорилось о деле Морганы Аврил.

Выхватив наугад несколько листков, я лихорадочно бросил папку на ближайший стул. Пожелтевшие листочки рассказывали ту же самую историю, которую я узнал из документов, присланных мне незнакомцем.

Ничего нового, содержание большинства статей мне известно.

Ничего нового... за одним исключением.

Почему профессор, крайне редко бывавший в Ипоре, собирал эти вырезки?

Я не решился разбудить Мону и задать ей этот вопрос.

Потом.

Я снова углубился в содержимое папки, посвятил остаток ночи внимательному прочтению статей, пытаюсь выловить из них некую ускользнувшую от меня деталь, которая могла стать путеводной звездой в этом деле, ключом ко всем его загадкам...

Как же я был наивен...

Пробежав глазами с десятков статей, я вдруг увидел красочный разворот.

Дело Аврил.

Специальный номер «Курьера Ко».

Издание от 17 июня 2004 года, четверг.

Статья называлась «*О тебе, Моргана*».

У меня не закралось никаких подозрений.

Я не сразу заметил большую фотографию молодой девушки, улыбающейся, в восточном костюме, видимо, во время показа танца живота.

Внезапно я замер: руки опустились, рот открылся. Я впервые видел лицо Морганы Аврил. Ни в одной из присланных мне статей не

было ее фотографии. Или же кто-то постарался изъять их. Теперь я понял почему.

И заорал как оглашенный.

Стены круглой комнаты задрожали, словно при запуске космической ракеты.

— Черт-черт-черт! Этого не может быть! Это не она!

Я снова впился глазами в газету. На фотографии, помещенной на развороте страницы газеты 2004 года...

...улыбалась Магали Варрон! Девушка, родившаяся на десять лет позже и на моих глазах спрыгнувшая с обрыва. Вчера.

Проснувшись, Мона одним прыжком соскочила со стола. Набросив халат и позабыв про пояс, она с тревогой подбежала ко мне.

— Ночной кошмар?

Дрожащими руками я протянул ей газетный листок.

— Что за хрень, Мона. Посмотри на это фото.

Она прочла заголовок «*О тебе, Моргана*», затем сосредоточилась на снимке.

— Жуть как хороша, — проговорила исследовательница.

— Черт... Мона, ты принимаешь меня за идиота?

— Нет, а что?

Я провел рукой по ее губам, желая стереть с них ироническую улыбку.

— Девушка на фото. Та, кого в старой газете называют Морганой Аврил. Это она вчера вечером совершила самоубийство. Это... Магали Варрон.

Мона долго и пристально смотрела на меня, словно решала сложное уравнение со множеством неизвестных. Прежде чем выдать решение, она машинально запахнула полы халата. Не подхваченные поясом, они снова распахнулись.

— Они похожи, Джамал.

— Нет, Мона! Это не простое сходство. Это... Да нет, это она!

— Ты видел Магали всего несколько секунд...

— Возможно. Но ее лицо врезалось мне в память, можешь ты это понять? Каждая мельчайшая черточка ее лица...

— Ты так говоришь, словно успел в нее влюбиться.

Мона говорила нарочито спокойным голосом. С капелькой цинизма. Я предпочел не отвечать и повернулся к ней спиной, чтобы изучить остальные материалы архивной папки. Перебирая статьи, я находил все новые фото Морганы Аврил — в фас, в профиль, портретные фото и фото в полный рост.

Это она! Каким бы невероятным это ни казалось, но это Магали, я уверен, не мог ошибиться.

Похоже, моя одержимость не пришлась Моне по вкусу. Она запахнула халат под самое горло и, упершись руками в край стола, уставилась на меня, как на нерадивого ученика.

— Нет, Джамал, подумай хотя бы пару секунд. Мы с тобой согласились, что в этом деле есть сакральные теневые стороны, но два факта не дают оснований для сомнений. Первый — Моргану Аврил умерла 5 июня 2004 года. Все средства массовой информации сообщили об этом, вся полиция Франции искала ее убийцу. Второй — Магали Варрон умерла 19 февраля 2014 года, и ты стал тому свидетелем. Все остальное — я согласна с тобой — окутано тайной, но обе смерти — аксиомы...

— Что?

— Аксиомы. Факты, которые можно рассматривать как бесспорные и на которых можно выстраивать дальнейшие рассуждения.

— Продолжай! Каковы же твои рассуждения?

Мона изучила фото Морганы Аврил, извлеченное из «Обозревателя Брэ».

— Итак, мы знаем, что Магали Варрон усиленно подражала Моргане Аврил. Спустя десять лет. Те же школы, те же увлечения, та же профессия... Даже смерть та же. Потрясающая мимикрия. Не удивительно, что она стремилась походить на нее и внешне.

— Это больше чем сходство, Мона! Это она!

— Больше чем сходство? Что ты этим хочешь сказать?

Мона завелась. Я начинал понимать, почему она считалась идеальным исследователем: она могла найти правдоподобное объяснение любого парадокса.

— Даже не зная друг друга, Магали и Моргану могли оказаться родственницами. Ты говорил, Моргану родилась в результате ЭКО, сделанного в Бельгии? Спустя десять лет Магали могла родиться от

того же биологического отца. После убийства она увидела фото Моргану, когда его показали по телевизору. Задалась вопросом, откуда такое сходство, расспрашивала, обнаружила, что у них один отец, это травмировало ее психику...

— Настолько, что заставило инсценировать насилие и удушение, а затем броситься с обрыва...

— Почему бы и нет? Я ищу, Джамал, ищу, как и ты, рациональные объяснения.

— В этой истории нет ничего рационального...

В комнате повисло тяжелое молчание. Мы ощущали себя двумя сторожами на маяке, которых гроза отрезала от остального мира.

— Ничего рационального, — повторил я. — Почему, к примеру, твой научный руководитель, который приезжает сюда едва ли раз в год, посвятил столько времени сбору вырезок из местной газеты?

— В 2004 году он писал обоснование, необходимое для занятия руководящей должности. Работа на несколько сотен страниц. Необходимое условие для получения места профессора в университете. У него было направление от Национального центра научных исследований. Год без чтения лекций. Он провел здесь несколько месяцев, разговаривая только с галькой, микроскопом и текстовым редактором. Надо полагать, иногда ему становилось скучно. И он увлекся этим делом, ведь все произошло всего в нескольких километрах от его эрмитажа. Увлекся, как и все здешние жители.

Как и все здешние жители.

Снова у Моны на все готов ответ!

Мне казалось, что она отвечает мне хорошо заученный урок.

— Странно однако! Каждый раз, когда некий исследователь приезжает в Ипор собирать галечник, юная девушка совершает самоубийство!

Еще не произнеся свою реплику до конца, я уже пожалел о ней. Мона не удосужилась мне ответить. Она взбила волосы, поставила в шкаф книгу Мориса Леблана, завязала халат на талии.

Спокойная. Естественная.

— Я иду одеваться, Джамал. Сейчас три часа утра. Я должна вернуться в «Сирену». Жандармы наверняка захотят меня расспросить о вчерашнем вечере, о нашем ужине тет-а-тет, об одной комнате на двоих, о позднем пробуждении. Мне придется сказать им, что ты был

моим дружкойм всего на один вечер и со своими замысловатыми историями показался мне настоящим параноиком. И, Бог свидетель, у меня нет ни малейших соображений, где бы ты мог находиться.

— Я верю тебе, Мона. Ты очень хорошо умеешь рассказывать истории.

Я не знал, что еще сказать. Мое безудержное воображение, которое привлекло ее ко мне, куда-то испарилось. Я смотрел, как она спускается по лестнице.

Она в последний раз обернулась ко мне.

— Еще одно техническое уточнение, Джамал. Наша команда исследователей каждый год собирает галечник в Ипоре. С тех пор как существует наша лаборатория. А если говорить точно, то уже двадцать три года.

Она исчезла, оставив меня одного сторожить маяк.

Она приняла меня за безумца. А за кого иначе?

Я наблюдал, как «фиат-500» Моны выехал на усыпанную гравием аллею и исчез за первым поворотом дороги.

Подчиниться ей? Все бросить? Позвонить в полицию? Ждать, когда они придут меня арестовывать?

Нет, не сейчас!

Я еще не сдал все карты, а потому не готов сложить оружие. Я единственный свидетель. Кристиан Ле Медеф и старушка Дениза тоже рассматривали застывшее лицо Магали Варрон и могли сравнить его с Морганой Аврил.

Я оторвал лист «Курьера Ко» с большой фотографией Морганы Аврил.

Никакая логика не могла поколебать мое убеждение.

Это не простое сходство.

20

Ночной кошмар?

Было чуть больше четырех утра, когда я, взяв фонарь, пустился в путь. Два километра до Ипора я шел по берегу моря, прижимаясь к подножию скалистого берега.

Я не спал всю ночь. Завтра найду время выспаться. Целый день. Спрячусь в каком-нибудь подвале моего замка с привидениями. Если полицейские не окажутся хитрее и не вычислят моего убежища. Если Мона не выдаст меня раньше.

При свете фонаря отвесный меловой берег казался крепостной стеной, непреодолимой и нескончаемой.

Ипор спал. В отблесках синих неоновых огней казино, терзавших своим светом ночную мглу, я стал искать глазами «фиат» Моны среди десятка машин, припаркованных на стоянке напротив моря. Не нашел. Наверняка Мона бросила его где-нибудь в глухом переулке.

В этот час светлые ставни в комнатах «Сирены» плотно закрыты.

В моей комнате.

И в той, где спала Мона. Одна.

Невидимая рука сжала мне сердце. Я шагнул на темный причал, изо всех сил стараясь сосредоточиться и не отвлекаться на мелочи. Терять время больше нельзя. Последние две сотни метров представляли собой наибольшую опасность: на сонной деревенской улочке всегда есть риск встретиться с нежелательными лицами. Возможно, полиция объявила меня в розыск или что-то в этом роде, например, пообещала недурное вознаграждение тому, кто выдаст им хромого насильника. Никогда еще я не чувствовал себя настолько уязвимым. Здесь, в отличие от квартала-4000, невозможно раствориться в лабиринте лестничных клеток или подземных парковок, соединяющих густонаселенные многоэтажки.

До дома Кристиана Ле Медефа двести метров по открытому пространству.

Я двигался бесшумно, не смущая сон обитателей Ипора мрачным постукиванием, иначе говоря, не уподобляясь капитану Джону Сильверу, возвращавшемуся на «Эспаньолу».

Со временем я научился скользить протезом в нескольких миллиметрах от асфальта.

Неожиданные звуки заставили меня вздрогнуть.

У меня за спиной.

Я ускорил шаг, а затем резко остановился.

Звуки не стихали. Напротив, нарастали. Размеренные... Приближающиеся.

С сильно бьющимся сердцем я съежился под портиком агентства «Ипор-недвижимость», пытаюсь целиком уйти в тень.

На холодной улице послышалось хрипкое дыхание. Топот шагов по тротуару участился. Несколько секунд ожидания превратились в бесконечность, затем по мне пробежала тень.

Старый пес не меньше меня удивился нашей встрече.

Я приложил палец к губам, давая ему понять, что пора прекращать шуметь. Подчинившись, он сел, но стоило мне двинуться по улице, как он пошел следом, соблюдая дистанцию в несколько метров.

Его желтые глаза напоминали фары, свет которых не освещал ничего. Несчастный серый пес скакал на трех лапах. Без деревянного, алюминиевого или карбонового протеза для облегчения передвижения, только негнушаяся культя, подогнутая под углом и покрытая шерстью. Быть может, он преследовал меня исключительно из зависти?

Я остановился перед домом Ле Медефа и тотчас заметил, что сквозь ставни первого этажа пробивается свет.

Мой свидетель не спал! Держу пари, этот депрессивный тип еще и страдал бессонницей.

Пес сел на тротуаре напротив, видимо, собираясь ждать меня.

Я вошел в калитку и тихонько постучал в дверь.

Нет ответа.

Я повернул ручку, уверенный, что она не откроется и мне придется придумывать способ, как сообщить Кристиану Ле Медефу о своем приходе, при этом не перебудив весь квартал.

Зря!

Дверь открылась, словно Ле Медеф ждал моего визита. Я осторожно вошел в дом и тихо, едва слышно произнес:

— Кристиан? Кристиан Ле Медеф?

Мне не хотелось, чтобы этот параноик выстрелил в меня.

Ответа не было. Лампочка освещала высокую лестницу. Возможно, депрессивный Медеф накачался снотворным...

Атаракс...

Поднимаясь по лестнице, я старался топнуть на каждой ступени. Плохо закрепленные лестничные перила дрожали в моей вспотевшей

ладони, мне даже показалось, что они вот-вот рухнут. Разве Кристиан Ле Медеф получал деньги не за то, чтобы поддерживать дом в порядке?

Я ступил на ковровое покрытие, устилавшее лестничную площадку.

— Кристиан?

По-прежнему ни звука.

Я осторожно толкнул дверь спальни, ожидая найти Ле Медефа в постели. Обколотого или пьяного.

Глаза мои уперлись в пустоту.

В комнате никого не было. Безупречно заправленная кровать. У изголовья рядом с зажженной лампой книга. На стойке для одежды немного барахла: пижама, футболка, бежевый пуловер.

Комната старого холостяка.

Я остановился, собираясь с мыслями. Едва слышное потрескивание сбilo меня с толку. Я вприпрыжку спустился по лестнице.

«Комната старого холостяка», — повторял я про себя. Однако этот холостяк встает очень рано! Ясно же, что Ле Медеф уже встал. Звуки, сбившие меня с толку, больше всего напоминали треск плохо отрегулированного транзистора. Ле Медеф, похоже, завтракал. Я засеменял по выложенному черной и белой плиткой полу. Помимо прихожей, на первом этаже была всего одна комната: небольшая кухня, совмещенная с гостиной.

В центре стоял стол. И стул.

Я застыл на пороге, не в силах пошевелиться.

Черт, что здесь могло произойти?

На столе стояла тарелка. Кусок мяса, явно пережаренного, утопал в море спагетти. Рядом наполовину опустошенный стакан красного вина и почти пустая бутылка. Нож, вилка, клетчатая салфетка, все на своих местах. Половинка багета.

И ни следа Ле Медефа.

— Кристиан? — снова позвал я.

«Франция, которая не спит, на излете ночи», — глухо ответил мне транзистор, прежде чем запустить «Мой старик» в исполнении Даниэля Гишара. На случай, если Кристиан в душе или в туалете, я позвал громче.

Ничего.

Сегодня Ле Медеф не ночевал дома.
Он даже не завершил свой вчерашний ужин.
Мой мозг отказывался соображать.

Черт, что могло случиться?

Я быстро обыскал каждый угол дома общей площадью не более шестидесяти квадратных метров и убедился, что Ле Медефа в нем нет. Не было и трупа Ле Медефа...

Ничего. Только несколько личных вещей, одежда, книги, ноутбук, пароля к которому я не знал, полный холодильник, стопка местных газет, лекарства, антидепрессанты, но среди них ни атаракса, ни анафранила...

Словно Ле Медефу пришлось срочно уехать.

Когда?

Наплевав на отпечатки, я пощупал хлеб на столе. Мягкий.

Поковырял золу в камине. Теплая.

Ле Медеф, похоже, исчез менее десяти часов назад, наверняка в час ужина. Это примерно соответствовало тому времени, когда Мона приехала ко мне в Вокотт. Я снова окинул взором гостиную. Она напомнила мне квартиру дяди Юсуфа. Когда я вместе с матерью туда попал, мне было семь лет. Дядя умер от инфаркта за три часа до нашего прихода, и матери надо было забрать документы для организации похорон. На столе остывал суп в чашке, рядом лежал надкушенный кусок хлеба, под стулом стояли тапочки.

Неужели Кристиан Ле Медеф скончался?

Его убили? Похитили? Подтолкнули к бегству? Почему?

Последние слова, сказанные им вчера перед домом прессы, зазвучали у меня в голове:

«Я продолжу копать, чтобы побольше разузнать про Магали Варрон.

В этом заговоре молчания есть что-то ненормальное».

Неужели он что-то раскопал?

Он верил в заговор, в махинации.

Молчание газет.

Молчание жандармов.

Неужели полиция забрала Ле Медефа, чтобы он не заговорил?

«Смешно!» — тихонько нашептывал мне голосок разума. Во Франции полиция не хватает граждан по вечерам, не дав им завершить трапезу.

Я посмотрел на часы. 4 часа 35 минут. Я на десять минут превысил время, отведенное мною на визит к Медефу; пора возвращаться в Вокотт. Пока не проснулся Ипор. Я открыл все ящики, провел рукой под шкафами, скинул с полок книги, а с вешалок одежду. Ничего.

За исключением одной штучки.

Заложеного в телефонный справочник белого листочка, на котором, без сомнения, сам Ле Медеф нацарапал несколько цифр:

2/2 | 3/0

0/3 | 1/1

Дрожащими руками я закрыл справочник. Неужели Медеф вышел на тот же след, что и Пироз? Неужели из-за этого его убрали?

Пот из подмышек струился у меня по рукам, затоплял ладони, и на всем, к чему я прикасался, оставались влажные следы.

Ручки, щеколды, выключатели...

Литры ДНК, которые, как только соседи поднимут тревогу, позволят обвинить меня в исчезновении Кристиана Ле Медефа.

Через ставни я посмотрел на улицу. Она по-прежнему пустынна, не считая сидевшей под фонарем трехногой собаки. Свернув листок с цифрами, я опустил его в карман и вышел из дома.

21

Неужели он что-то раскопал?

Я проспал до десяти утра. Разбудила меня эсэмеска Моны:

«Полиция побывала в „Сирене“.

Тебя ищут. Ничего не сказала.

Тебя хотят взять живым. Уфф!

Позаботься о себе.

Бонни».

Несколько минут я сидел без движения, наслаждаясь лучами солнца, повисшего над долиной Вокотт; солнечные лучи пробрались в

дом и позолотили льняные простыни. Подсунув под спину пышную пуховую перину, я напечатал ответ:

«Не возьмут!

Тайна № 123: Кристиан Ле Медеф, прозванный мною Атараксом, свидетель № 2 самоубийства Магали Варрон, исчез вчера вечером.

Возможно, это ловушка!

Будь осторожна.

Клайд».

Несколько минут я ждал ответа Моны, но не дождался.

Встать. Умыться. Одеться. Позавтракать. Продумать план действий.

Мона ограничила наше общение. Наверное, она права. Раз жандармы приходили к ней, значит, они ее подозревают и могут установить слежку.

Около одиннадцати, выпив кофе и истребив коробку праздничного печенья «Лотюс», сохранившуюся, видимо, с Рождества, я спустился в подвал, единственное место в доме Мартена Денена, которое я еще не успел осмотреть.

Дальнейший план боевых действий представлялся мне весьма смутно. Весь день скрываться на вилле и, используя имеющиеся в моем распоряжении средства коммуникации, попытаться найти след. Интернет. Телефон. Как в фильме Хичкока, где тип с загипсованной ногой расследует дело, не выходя из дома.

Судя по толстому слою пыли, в профессорский погреб давно никто не спускался. Асимметричные следы моих ног отпечатались на пыльном бетоне более четко, чем если бы я ступал по снегу. Когда загорелась висевшая на проводе голая лампочка, в воздухе распространился запах горелых насекомых.

Гора громоздких вещей, предназначенных для использования солнечными уик-эндами. Велосипеды, зонты от солнца, шезлонги, барбекю, садовые стулья, сетка для бадминтона, мячи, ракетки.

Возле стен выстроились картонные ящики.

У меня впереди целый день, и я, не устояв перед искушением, сорвал с первой коробки коричневый скотч. В ней лежал десяток

фотоальбомов.

Не пожалев времени, я перелистал их, представив себе, что каждый альбом является одним из эпизодов ситкома.[10]

Семья Денен, эпизод 1

Университетский профессор позировал перед Иглой Этрета; судя по припаркованному позади оранжевому «рено» пятой серии, это примерно восьмидесятые годы. Профессор стоял, держа за руку жену, стройную улыбающуюся блондинку с растрепавшейся прической. По фотографиям, уложенным в целлофан, прослеживалась жизнь профессора. Мартен на пляже. Мартен мастерит. Мартен ловит рыбу.

Другой альбом. Денен, уже постарше, позировал перед Иглой Этрета; судя по припаркованному позади «Ауди А4», где-то в двухтысячные годы. Профессор стоял, рука об руку с женой, коренастой блондинкой с короткими волосами и строгим взглядом. Мартен — серфер. Мартен играет в гольф. Мартен играет в теннис с сыном, темноволосым мальчиком, который, скорее всего, мой ровесник; на протяжении страниц прослеживалось его взросление и пребывание на семейной загородной вилле.

Я продолжал листать наугад, пока не нашел то, что искал: фотографию Моны. Среди сотен снимков их было две.

На первой Мартен Денен вместе с Моной собирали галечник. На второй исследователь позировал вместе с Моной на фоне Иглы Этрета. Руки их не соприкасались, однако Мона казалась еще красивее, чем обычно.

Профессор Денен — везунчик.

Словно телепатия — не вымысел, в эту минуту телефон известил меня о приходе эсэмески. Ответ от Бонни!

«Не надейся на Ле Медефа, комиссар.
Делай ставку на свидетеля № 3. На старушку
Денизу.
Иначе прямая дорога в дурдом!»

Улыбнувшись, я нащупал в кармане оторванную страницу «Курьера Ко». Мона права. Ле Медеф вышел из игры, теперь только Дениза могла подтвердить, что лицо Магали Варрон идентично лицу Морганы Аврил. Только Дениза могла доказать, что крыша у меня еще не съехала. Но я знал только ее имя и возраст...

Дениза. Семьдесят лет.

Да уж, и впрямь редкий образчик, такой же редкий, как какая-нибудь пятидесятилетняя Натали или тридцатилетняя Стефани.

Не обзванивать же всех Дениз, проживавших в округе, по телефонному справочнику! Можно, конечно, спросить ее адрес у Пироза...

Я нервно напечатал короткий ответ. Словно сигнал SOS:

«Дениза, а дальше?»

Как будто Мона могла это знать. Ле Медеф говорил мне, что больше не видел Денизу в Ипоре. Она вполне могла жить в одной из окрестных деревень.

Я продолжил обшаривать погреб. На самой высокой полке я обнаружил маленькую красную коробку и с трудом разобрал наполовину стершуюся надпись:

«Винчестер АМ боеприпасы».

Коробка с патронами!

Не бывает боеприпасов без оружия... Профессор Денен наверняка прятал револьвер в подвале, чтобы его не нашли дети.

Добрых полчаса я старательно искал, пока наконец не нашел предмет своих поисков в одном из ящичков комода, доступ к которому преграждали скамеечка для ног и стол для пинг-понга. Сначала я вытащил кучу втиснутой в ящик одежды. Фирменные шмотки, смятые, словно половые тряпки. Вышли из моды? Стали малы? Забыты? Потерты перчатки «Луи Вюиттон». Розовая рубашка поло «Эден Парк». Футболка на подростка от Армани. Стильный хлопковый галстук с рисунком «виши». Не удержавшись, я взял галстук и намотал его на пальцы. Каждый чувак, у которого есть немного бабла, обязан иметь подобный аксессуар в своем гардеробе. Я попытался себе представить, что в результате очередного невероятного совпадения я очутился в погребе убийцы с красным шарфом и роюсь в его шмотье... иначе говоря, в погребе со шмотками Мартена Денена, профессора молекулярной химии. Не получилось.

Револьвер был спрятан под одеждой.

Кольт «Королевская Кобра». Название написано белым по черному металлу. Новый. По крайней мере, мне так показалось, ведь я впервые держал в руках огнестрельное оружие.

Звук прибывшей смс-ки эхом отозвался в подвале; я как раз собирался проверить подвижность спускового крючка:

«Спрашивай про собаку!»

Несколько секунд я сидел в растерянности, пытаюсь понять сообщение Моны.

Собака? Какая собака?

Сначала я решил, что это послание с подтекстом, потом вспомнил про Арнольда, собачку Денизы породы ши-тцу.

Четвертый свидетель?

Мона смеется надо мной!

Я обдумывал остроумный ответ, что-то вроде: «Если, собирая гальку, у тебя выпадет минутка, спроси адрес у чаек», как вдруг палец застыл на клавиатуре.

В голове со всей очевидностью сложилось решение.

Мона и не думала смеяться надо мной!

Ее совет совершенно прозрачен. *Спрашивай про собаку!*

Немного дерзости, много удачи — и, возможно, работает.

Я вылетел из погреба, не удосужившись убрать за собой разбросанные вещи. В доме наверняка есть телефонный справочник. Искать его я отправился в гостиную, где принялся открывать все ящики. Скрип шин в саду виллы приковал меня к месту, словно чья-то железная рука схватила таившиеся у меня в голове мысли.

Жандармы!

Инстинктивно я спрятался под подоконник.

Я отчетливо слышал, как хлопнула дверца автомобиля. Шаги по гравию... Я не намеревался сдаваться, тем более так глупо. Я встал и осторожно выглянул в окно.

Во дворе виллы стояла машина. Какой-то тип целенаправленно шел к двери.

Невероятно! Даже полиция не нашла меня здесь.

А он нашел!

Он постоял, закуривая сигарету, потом уверенным шагом направился к двери.

Почтальон дошел до почтового ящика, сунул в него большой коричневый конверт, сел в желтый «рено-кангу» и продолжил турне.

22

С подтекстом?

Джамалу Салауи
В доме Мартена Денена
Вилла Орсен
123, дорога Заката
Вокотт
76111 Ваттето-сюр-Мер.

Дрожа всем телом, я прочитал адрес:

«Джамалу Салауи
В доме Мартена Денена».

Рукописные строчки прыгали перед глазами.

Кто мог знать, что я скрываюсь именно здесь!

Никто! Никто, кроме той, кто предоставила мне это убежище.

Той единственной, кто помогла мне избежать ареста.

Той единственной, кто соглашалась мне верить.

Мона.

Неужели она с самого начала разыгрывала комедию, с той самой встречи в жандармерии?

Я снова выглянул в окно и, окинув взором долину, перевел взгляд на пляж. Каким образом моя собирательница гальки могла быть причастна к смерти Магали Варрон? К смерти Морганы Аврил и Миртий Камю? Полная бессмыслица. Только Мона могла отправить сюда, на виллу своего научного руководителя, почту на мое имя, но тем самым она выдавала себя с головой.

Я отказывался что-либо понимать. Но любопытство оказалось сильнее. Я догадывался, что в конверте новые подробности дела Аврил–Камю, подробности, о которых не писали ни в Интернете, ни в прессе.

Выбрав самое удобное кресло в гостиной, стоявшее перед потухшим камином, я дрожащими руками разорвал конверт.

В нем оказались всего две странички.

Протокол допроса Фредерика Мескилека. Вещественные доказательства МС-47, МС-48, МС-49, МС-50.

* * *

Дело Миртий Камю — Понедельник, 30 августа 2004 года

Элен Нильсон попросила командана Бастине позволить ей самостоятельно снять показания с Фредерика Мескилека, жениха Миртий Камю. Командан отнесся к просьбе психолога-криминалиста с пониманием. Он изнемогал под грудой дел, отбивался от требовавшего результатов судьи Лагарда, от объявленной ему герильи под управлением Кармен Аврил, которая вместе со своим адвокатом отказывалась верить, что полиция делает все возможное, чтобы найти убийцу ее дочери... Вдобавок ко всему Бастине жил в постоянной тревоге, опасаясь сообщения о новом трупе изнасилованной девушки.

Во время разбора полетов Бастине заметил, что его морщинистое лицо и мешки под глазами никак не гармонируют с гладким лбом и нежными скулами психолога. «Пять тысяч евро!» — тихонько усмехнулся его помощник Беранже. Стандартная цена... лифтинга.

Такие штучки превосходили понимание Бастине!

Каким образом девушка, столь занятая собственной внешностью, могла заниматься ремеслом, предполагавшим погружение во внутреннюю жизнь других людей?

— Месье Мескилек, — спросила психолог-криминалист, — речь, действительно, идет о письме Миртий?

— Да. Это последнее письмо, которое я получил от нее. Она отправила его, когда работала в лагере, за несколько дней до смерти.

Фредерик Мескилек сидел рядом с Алиной Массон. Она кивком подтвердила его слова. Боевой настрой лучшей подруги Миртий Камю резко контрастировал с туманной меланхолией, читавшейся во взгляде Мескилека.

— Вы разве не обменивались смс-сообщениями?

— Да, конечно, но...

Фредерику Мескилеку явно было трудно говорить о своей невесте, так и не ставшей его женой. Терзая в кармане пачку сигарет, он взглядом буквально умолял разрешить ему покурить в комиссариате.

Алина Массон приняла эстафету:

— Миртий была романтиком. Она любила писать письма. Я хочу сказать, письма на бумаге. Она любила писать. В летнем лагере нам часто приходилось завершать собрания далеко за полночь, но она находила в себе силы писать даже после отбоя, при свете фонаря.

Каждая черта характера Миртий, описанная устами ее лучшей подруги, стрелой вонзалась в воспоминания Мескилека. Обхватив голову руками, он начал жевать незажженную сигарету. Элен наблюдала за ним, как энтомолог наблюдает за мухой, бьющейся о стенки стакана, которым ее накрыли. Несмотря на обещание, командан Бастине не смог не вмешаться:

— Предлагаю вам прочесть это письмо!

Насколько возможно, Элен нахмурила свой подтянутый лоб, потом примирительным тоном смягчила предложение шефа:

— Месье Мескилек, я знаю, речь идет о глубоко личном письме, о стихотворении, насколько я поняла из ваших слов. Это, без сомнения, последние слова Миртий, написанные перед тем, как ее лишили жизни. Но, может быть, мы найдем в них некое указание...

Фредерик Мескилек размял пальцами сигарету, потом ответил:

— Мы должны были пожениться.

Не по теме.

Психолог захлопала длинными ресницами. Слишком длинными. Накладными.

— Я знаю, Фредерик. Нам хотелось бы услышать, что она вам написала.

Вынув из кармана листок, Мескилек поднял его на уровень глаз. Казалось, что он держит в руках тяжеленную стопку книг. Губы его зашевелились, но с них не слетело ни звука.

Пальчиками с красным, в цвет платья, маникюром, Элен Нильсон погладила под столом колено комиссара. Тот было удивился, но быстро понял, что она всего лишь просит его проявить чуточку терпения.

Она протянула к свидетелю руку, утопавшую в рукаве из браслетов.

— Не волнуйтесь, Фредерик. Доверьте нам это письмо.

Листок упал на стол. Психолог-криминалист громко и отчетливо прочла его вслух:

«Миртий, 24 августа 2004 года, Изиньи-сюр-Мер, ночь, 2 часа 25 минут.

Любовь моя,
У времени стрелки я украду,
И если бежать — с тобой убегу.

Костыль украду у белого дня,
Чтоб ты никуда не ушел от меня.

Нарциссы я украду у весны,
Чтобы всегда со мною был ты.

В броню шелкопряда запрю я тебя,
Чтоб ты никуда не сбежал от
меня.

Вселенную нашу окружу я
забором,
Чтобы никто не взял нас измором.

В отрепья одену судьбу нашу
лихую,
Чтоб не позарился никто на такую
плохую.

Я всех красавиц готова убить,
Чтобы им помешать тебя любить.

Чтобы никто не смел тебе
докучать,
Я всех готова навеки прогнать.

Я стену построю, чтоб нас

окружить,
И от врагов сумею нас защитить.

M2O.

Алина Массон вытащила бумажный платок и вытерла выступившие в уголках глаз слезы. Фредерик Мескилек сунул в рот новую сигарету и, глядя перед собой пустыми глазами, стал терзать ее зубами, пока не отгрыз фильтр.

— Прекрасные стихи, — произнесла Элен, уверенная, что это не избитый комплимент.

Миртий была талантлива. Талант, который смяли, словно исписанную страницу, скомкали, прежде чем бросить в урну.

Она лучше понимала чувства тех, кто жил, озаренный лучами обаяния Миртий, их чувства, метавшиеся от гнева к отчаянию. Она пригласила Шарля и Луизу Камю присутствовать при допросе, но родители Миртий вежливо отказались. Они больше не желали делить память о дочери с полицейскими и судьями. Миртий похоронили в Эльбефе, на кладбище Сент-Этьен, и они каждое утро приходили туда. Только вдвоем. Когда они рассказывали следователям подробности из жизни Миртий, им казалось, что они развеивают воспоминания о ней, как могли бы развеять ее пепел.

Бастине ничего не сказал. Он был разочарован. Не то чтобы ему не понравились душещипательные строки, просто он не видел в них ничего, что могло бы помочь отыскать убийцу. Ничего, даже если перечитать каждую строчку с конца до начала. Он поводил пальцем по листку.

— Что означает подпись — M2O?

— Миртий, 2 октября, — уточнил Мескилек. — Дата свадебной церемонии. В церкви в Оривале и в мэрии Эльбефа. Затем коктейль в Доме молодежи и культуры, а вечером ужин в зале здания цирка-театра.

Он обезглавил сигарету и выплюнул в ладонь окурок. Алина положила на стол использованный бумажный платок.

— Стихотворение, действительно, может вам помочь? — с сомнением спросила она.

Бастине поддержал ее сомнение, едва заметно покачав головой. Не говорить же ей, что потерял время, что единственно полезная для следствия улика — это небесно-голубой блокнот «Молескин», куда Миртий регулярно записывала свои мысли, где можно найти необходимые сведения о ее жизни в дни и часы, предшествовавшие изнасилованию. Блокнот, украденный убийцей.

Бастине встал. Приглядевшись к Фредерику Мескилеку, он нашел его физиономию отвратительной, не имеющей ничего общего с Шишином, гитаристом, которым бредили юные аниматорши Дома молодежи и культуры. В том числе и прекрасная Миртий.

Миртий, 2 октября.

Какие-то дурацкие слова звучали у него в голове.

«Скажи мне да, Фредди».

Какая чушь!

Заглянув в кабинет, Бастине объявил, что у него срочные дела, и он, полностью доверяя Элен, поручает ей завершить допрос.

«Продолжайте говорить о поэзии, — подумал он, — об излишне сексуальном платье, что было на Миртий Камю в день трагедии, о дате бракосочетания, об утерянном блокноте...» Он знал, что в этом деле сострадание не играет никакой роли. Зачем интересоваться личной жизнью жертвы? Разве только для очистки совести? Расследование должно сосредоточиться на убийце. Во время допроса, продолжавшегося около двадцати минут, ему передали три новых сообщения от тех, кто, по их словам, узнал незнакомца в бейсболке «Адидас», что крутился вокруг Миртий Камю перед ее гибелью. Существенное прибавление к нескольким десяткам других свидетельских показаний. Следовало из принципа проверить каждое показание, хотя сам Бастине был уверен, что насильник не позволит так просто себя обнаружить.

Спустя три часа Бастине вызвал к себе бригадир жандармерии коммуны Валонь. Бастине как раз договаривался о том, чтобы развесить во всех туристических бюро департамента фоторобот неизвестного в синей с белым бейсболке, а также почти идентичный ему фоторобот неизвестного с красным шарфом «Берберри». Предполагаемый убийца

проживал в дачном домике своих родителей, следовательно, мишенью становились туристические места; но в мэрии заартачились:

«Развешивайте, где угодно, командан, но только не под носом у туристов».

Туристы? В сентябре?

— Лео?

— М-м, ну да.

— Это Ларошель, из бригады коммуны Валонь.

— М-м, ну да.

Бригадир надолго умолк. «Когда же этот идиот наконец проснется», — подумал Бастине.

Торжествующий Ларошель не скрывал своего триумфа. Его слова буквально пригвоздили Бастине к стулу.

— Мы загнали его в угол!

— Кого?

— Вашего типа в бейсболке «Адидас». Того, кто крутился вокруг малышки Камю. Его задержали в Морсалине. Поверь мне, сообщение из достоверных источников, его скоро возьмут. А у меня есть его имя и адрес!

23

Его имя и адрес?

Я читал и перечитывал стихотворение.

Взволнованное. Беспокойное.

И снова спрашивал себя: какая связь существует между делом Миртий Камю... и мной?

К чему рифмовать столько подробностей? В чем расследование второго преступления убийцы с красным шарфом может помочь мне решить загадку первого, убийства Морганы Аврил? И как следствие загадку самоубийства Магали Варрон, случившегося два дня назад? Выйти из тупика, куда я себя загнал?

Узнать имя типа, задержанного полицейскими коммуны Валонь, подозреваемого номер один по делу Миртий Камю, мне пока не суждено, ибо тот, кто прислал мне эту информацию, его не сообщил. Умолчание — явно часть его плана.

Я встал и заходил по гостиной, внимательно читая каждую строку стихотворения. Лакированный паркет скрипел под ногами, напоминая навязчивый перезвон в телевизионной игре. После чтения стихотворения интуиция не оставляла меня в покое.

А что, если присланные материалы — не ловушка? Если, тот, кто посылает мне письма, хочет, чтобы я нашел решение? Чтобы спустя десять лет я ознакомился с ворохом показаний тех, кого допросила полиция, и определил личность двойного убийцы?

Стихотворение — одна из деталей пазла. Одна из многих.

Я снова подошел к окну. Какой-то чувак в галстук, прижав к уху телефон, шел к берегу, постоянно оборачиваясь.

Я рассортировал вопросы, роившиеся у меня в голове. Почти десяток.

Зачем присылать мне письма с вырезками и ксероксами? Какими особыми знаниями я обладаю, чтобы расследовать дело, о котором два дня назад ничего не знал?

Кто кроме Моны мог знать, что я прячусь в загородном доме Мартена Денена?

Куда делся Кристиан Ле Медеф? Его похитили? Убили?

Что означают четыре клетки и восемь цифр, которыми интересовались Пироз и Ле Медеф?

На улице блондинка с двумя детьми, четырехколесным велосипедом и роликами спускалась по крутому склону.

Где искать ответы на первые четыре вопроса, я не знал вовсе, хотя сами вопросы казались мне вполне логичными и разумными. Ничего общего со следующими шестью, где один другого бредовее.

Как могла полиция найти мой отпечаток на трупе Магали Варрон, если я ее не касался?

Каким образом она обмотала красный шарф вокруг шеи во время падения с обрыва?

Почему газеты ничего не написали о смерти Магали Варрон?

Как объяснить невероятное сходство между Магали Варрон и Морганой Аврил? Рождение, увлечения, учеба... и одинаковые лица!

Возможно ли, что Моргану Аврил не умерла десять лет назад, хотя все газеты Франции написали о ее трагической гибели?

И дополнительный вопрос.

Возможно ли, что один-единственный критерий может помочь решить это уравнение с десятком неизвестных?

Я снова осторожно выглянул в окно. Следом за семейным автодомом шел, заплетаясь ногами, подросток в наушниках MP3, огромных, словно уши шапки-ушанки; он явно отключился от внешнего мира.

Уверен, только с помощью собственного серого вещества мне эту загадку не решить, хотя в старых фильмах почтенный следователь с округлившимся брюшком всегда распутывал дело, не покидая своего кресла.

Я должен действовать, и первым моим действием станет установление местопребывания третьего свидетеля.

Денизы.

Мона права! Надо спросить адрес у ее собаки...

В следующую минуту я устроил в гостиной Мартена Денена настоящий погром, пока наконец под стопкой старых газет не нашел адресный справочник. Лихорадочно листая желтые страницы, я нашел в радиусе двадцать километров три ветеринарные клиники. Начал обзвон с ближайшей, с клиники «Аббасьяль» в Фекане. Кошачьим голосом отозвалась секретарша.

— Простите, — в свою очередь промяукал я, — я звоню от имени своей бабушки Денизы относительно ее собачки Арнольда.

— Арнольд, — повторил медоточивый голос. — Подождите...

Стук клавиатуры. Она печатала быстрее, чем говорила.

— Арнольд, ши-тцу, одиннадцать лет. Это она?

Я чуть не заорал от радости!

— Да! Как... как вам сказать? Моя бабушка стала забывчива. Она забывает часы приема, время вакцинации. И я решил сам позаботиться и об Арнольде, и о самой старушке.

— Понимаю, подождите, сейчас проверю.

Я услышал стук пальцев по клавишам, затем сладкий, как карамелька, голос произнес:

— Шесть месяцев назад вашей бабушке посылали памятку. Арнольд должен посетить нас до начала июня, чтобы получить прививку от пироплазмоза.

— Я так и знал! Бабушка забыла. Вы можете еще раз прислать мне эту памятку?

— На ваш адрес или на адрес бабушки?

— На адрес бабушки. Я навещаю ее каждую неделю.

Секретарша явно обожала заботливых мужчин, ибо голос ее окончательно превратился в патоку:

— Сегодня же пришлю ее вам, месье...

Я изобразил колебания, однако строго дозированные. И ровно перед тем, как она собралась класть трубку, поймал ее:

— Подождите! Какой адрес дала вам бабушка? Возможно, предыдущая памятка потерялась, потому что несколько месяцев назад нам пришлось переехать в дом в низине.

Короткое молчание, никакой клавиатуры. Я догадался, что она вращает колесико мыши.

— Дениза Жубан. Здание бывшего вокзала, в Турвиль-лез-Иф. Этот адрес сейчас верен?

— Абсолютно, мадемуазель.

Мадемуазель.

Она растеклась в благодарностях, я этим воспользовался и повесил трубку.

В следующую минуту на столе в гостиной уже лежала карта масштабом 1:25 000. Селение Иф располагалось в шести километрах от Ипора, в деревенской глуши. Я довольно долго изучал поросшие лесом участки, холмы и одинокие тропинки, пока наконец не разработал маршрут, позволявший добраться до Денизы Жубан с минимальным риском, не встретив свидетеля, готового выдать меня жандармам. Чтобы пропилить шесть километров через леса и поля колченогому, требуется время, а значит, есть риск, что его схватят.

Я понимал, насколько рискованно идти на встречу со старушкой. Но, возможно, это менее рискованно, чем целый день плесневеть в доме.

У меня сохранился последний козырь.

Дениза и Арнольд.

И я рассчитывал с успехом пустить его в ход.

24

Она стала забывчива?

Уже несколько километров я шел по заброшенной железнодорожной колее. Бывшая ветка, соединявшая Фекан с Руаном, не удержалась после сокращения потока туристов, приехавших на нормандское побережье. От нее остался только длинный шрам, терявшийся в заболоченных полях, где глубина топи местами доходила до десяти метров. Место на болотах себе частично отвоевали вязы, дубы и лещина.

Ритм моих шагов определялся расстоянием между шпалами, скользкими от холодного морозящего дождя. До самого Турвиля я не встретил никого, за исключением нескольких чаек, шпионивших за мной с неба, и сарыча, неподвижно сидевшего на сухом стволе платана; казалось, он сидит здесь последние лет сто, ожидая, когда пройдет очередной поезд.

Перевалив через насыпь, я оказался в деревушке Иф, прямо напротив дома, где, судя по полученному мною адресу, проживала Дениза Жубан.

Бывший вокзал! Голубенький домик начальника вокзала, стены, покрытые штукатуркой до самой черепичной крыши с двумя торчащими печными трубами с оранжевыми оголовками и монументальные часы, остановившиеся в 7 часов 34 минуты. Никто не считал нужным отвинтить с фасада фаянсовую табличку: «Железная дорога». Нетрудно вообразить, что за дубовой дверью шелестит элегантная толпа: дамы в кринолинах, усатые банкиры в канотье и юные парижане в матросских костюмчиках.

Их ждали поезда.

Вокруг заброшенной колеи выстроились десяток вагонов и три локомотива. Вагон Восточного экспресса, спальный вагон, паровоз Шапелона из серии «Пасифик». Новенькие, словно еще вчера ездили.

Зрелище сюрреалистическое, хотя, подготавливая свой поход, я выяснил, что общество бывших железнодорожников устроило свой штаб прямо напротив бывшего вокзала; там же члены общества занимались восстановлением старых ржавых вагонов, чтобы железнодорожные компании со всех концов света могли продлить им вторую молодость.

Дождь стал накрапывать сильнее. Это объясняло, почему сегодня никто не занимался починкой вагонов. Я подошел к двери домика;

внутренний голос упорно нашептывал мне, что и в этот раз все пойдет не так, как я предполагал.

Что старушки Денизы не окажется дома.

Что ее тоже заставили замолчать.

Что...

За окном раздалось тьяканье Арнольда, и в обрамлении кружевной занавесочки показался черный нос. Те две минуты, что Дениза отпирала мне дверь, песик истерично лаял, пуская слюни на выложенный плиткой пол.

Широко раскрыв глаза от изумления, она смотрела на меня так, словно я в своей фиолетовой толстовке «Wind Wall» был каким-то инопланетным существом, явившимся из далекого будущего.

— Месье?

Она меня не узнала. Хотя я специально надел ту же самую одежду, в которой был два дня назад, когда мы с ней встретились.

— Джамал. Джамал Салауи. Вы должны меня помнить. Пляж в Ипоре. Магали Варрон, молодая девушка, самоубийца.

Обшаривая самые дальние уголки памяти, Дениза, не задавая вопросов, пригласила меня пройти. Арнольд долго и недоверчиво смотрел на меня, затем отправился спать на подушку в зеленом чехле, цвет которого гармонировал с его лимонным свитером.

Большая комната, служащая одновременно и вестибюлем, и столовой, и гостиной, была красиво оформлена потолочными балками, нормандскими шкапами и комодами, кружевами и сухими букетами; но основное внимание привлекали развешанные по стенам фотографии. Десятки черно-белых фотографий поездов, застывших на фоне восхитительных пейзажей. Бескрайние заснеженные степи, головокружительные склоны Анд, бесконечные дамбы, уходящие в море.

— Мой муж был железнодорожником, — уточнила Дениза. — Жак умер больше девяти лет назад.

Она повернулась к плакату, где Восточный экспресс пересекал Венецианскую лагуну.

— Мы часто пользовались его бесплатным проездом...

Я достал из кармана оторванную страницу «Курьера Ко» от четверга, 17 июня 2004 года.

— Я хотел показать вам одно фото, Дениза.

И сунул ей под нос портрет Морганы Аврил, позаботившись замаскировать заголовок и дату статьи «*О тебе, Моргана*». Даже если у старушки слабовата память, за два дня она не могла забыть лицо Магали Варрон. То же самое лицо, что и на газетной странице.

— Вы ее узнаете?

Извинившись, что оставляет меня одного, Дениза пошла в спальню за очками, в ближайшую к двери комнату направо. Глядя на ее походку, мне показалось, что она менее уверенная, чем была в тот день на пляже в Ипоре, в утро самоубийства. За два дня она словно постарела на два года. Наконец она вернулась и принялась рассматривать фото.

— Да... это та самая девушка, которая скончалась после того, как ее изнасиловали.

Я с трудом сдержался, чтобы не подхватить Денизу на руки и не закружить по комнате. Как я и предвидел, она также спутала лицо Морганы Аврил с лицом Магали Варрон. Я не сошел с ума и не придумал это невозможное сходство! Но станет ли почтенная дама моей союзницей?

Я развернул газетный лист.

— Посмотрите на дату, Дениза, посмотрите, когда вышла эта газета.

Она поправила очки, словно четкость ее зрения зависела от того, с какой миллиметровой точностью очки сидят на носу.

— Четверг, 17 июня 2004 года? Боже мой... Мне казалось, эта чудовищная история произошла совсем недавно...

На противоположной стене я увидел, как поезд «Синкансэн» въезжает в туннель, проложенный между небоскребами какого-то японского города, возможно, Осаки.

— Два дня назад, — подсказал я.

Дениза звонко рассмеялась мелким старушечьим смехом и села на деревянный стул с соломенным сиденьем. В три прыжка Арнольд очутился у нее на коленях. С иронией в голосе она произнесла:

— Я знаю, что иногда теряю чувство времени. Но два дня — это даже для меня чересчур. Если поразмыслить, газета права, в то время когда расследовали это дело, Жак был еще жив. Он покинул меня в 2005-м...

Подняв морщинистую руку, она знаком велела мне сесть. Она по-прежнему не спрашивала, ни кто я, ни почему я задаю ей вопросы. Я взял другой стул, деревянный, с сиденьем, набитым соломой, и сел напротив нее. Арнольд стал принохиваться, словно всерьез намеревался поменять колени.

Возбуждение переполняло меня, я делал все возможное, чтобы оно не вырвалось наружу.

Дениза помнила убийство Морганы Аврил!

В сущности, это логично, она же постоянно живет здесь. Но, похоже, она не видела связи между двумя девушками, скончавшимися с интервалом в десять лет.

— Вы правы! — подтвердил я. — Это фотография Морганы Аврил, молодой девушки, изнасилованной и убитой в Ипоре в 2004 году. Но я пришел к вам поговорить о другой девушке, о Магали, той, что совершила самоубийство, спрыгнув с обрыва.

Ее дрожащая рука погрузилась в длинную шерсть Арнольда. Она смотрела на меня так, словно не понимала, что я ей сказал, и не решалась попросить повторить; наконец она отчетливо произнесла шесть слов:

— Я была там, когда нашли труп.

Разумеется, Дениза. Я тоже. Мы оба там были. Втроем, вместе с Ле Медефом.

Она закрыла глаза. Мне даже показалось, что она задремала. Она говорила медленно, словно рассказывала сон:

— Я шла по пляжу. Стояло раннее утро, кажется, не слишком холодное. — Она погладила пузико ши-тцу, и песик заурчал от удовольствия. — Арнольд был совсем маленький...

В голове моей зажегся сигнал тревоги.

Арнольд? Совсем маленький?

— Это был безумный день, — продолжала Дениза. — Молодежь танцевала везде, особенно перед казино. Всюду звучала музыка, много музыки, всю ночь, рок-музыка. Я тоже, когда была в их возрасте, любила танцевать под рок, но, разумеется, другой, не тот, который играли в тот вечер. Вам не кажется странным, что молодежь, сменив музыку, сохранила ее прежнее название? Они все выглядели совершенно счастливыми. Разумеется, пока не случилась трагедия. Пока под скалой не нашли тело этой бедной девушки.

Внезапно мне захотелось схватить мохнатый клубок, лежавший на коленях Денизы, и подбросить его до потолка, воздействовать на старушку неким подобием электрошока. Чтобы она сосредоточилась на воспоминаниях двухдневной, а не десятилетней давности. Чтобы подтвердила, что я никоим образом не касался трупа Магали Варрон.

Я повысил голос. Арнольд наострил ушки.

— Мадам Жубан, я пришел не для того, чтобы вы рассказывали мне о Моргане Аврил, а для того, чтобы мы могли поговорить о том, что случилось два дня назад, в среду, когда мы с вами встретились. Помните, вы гуляли с Арнольдом по пляжу в Ипоре?

Лицо Денизы озарила улыбка. Мне даже показалось, что при слове «гуляли» Арнольд завилял хвостом.

— Господи, точно, я гуляла... Арнольд тоже. Но это было так давно. Вот уже несколько лет, как мои ноги больше не могут долго ходить. Как и лапы Арнольда...

Я пытался сопротивляться крушению всех своих надежд.

О чем говорит эта безумная старуха?

Это было так давно... Ее ноги больше не могут долго ходить...

Но еще позавчера она вышагивала по пляжу Ипора с песиком на поводке!

Дениза продолжала, видимо, не в силах остановить поток ностальгических воспоминаний:

— Я словно брошенные под открытым небом поезда. Как заржавевшее железнодорожное полотно. Я живу здесь, чтобы ждать и вспоминать. Время от времени за мной приезжает такси и отвозит меня к врачу или Арнольда к ветеринару. Мадам из Помощи на дому приносит мне покупки.

У меня закружилась голова, я впери́л взгляд в фотографии на стенах. Поезда метались, словно выполняя команды безумного стрелочника. Дениза проследила направление моего взгляда.

— Я много путешествовала. Вместе с Жаком мы несколько раз совершили кругосветное путешествие. Совершенно бесплатно. Он был гениальным машинистом... Помню, в марте шестьдесят второго, как только выехали из Тайшета, Байкало-Амурскую магистраль завалило снегом и...

Не выдержав, я прервал ее. Арнольд наострил ушки и угрожающе зарычал, показав длинные, размером с дынную семечку, зубы.

— Позавчера я столкнулся с вами в жандармерии... Вы выходили из кабинета капитана Пироза.

— Так вы, значит, полицейский? — заикаясь, произнесла Дениза.

— Нет... нет. Совсем наоборот.

И тотчас пожалел о своем «наоборот». Рискую испытать на себе остроту зубов Арнольда, я положил руку на колено Денизы.

— Вам страшно? Вас просили забыть о том, что случилось позавчера? Ни с кем об этом не говорить? Особенно с журналистами?

Дениза резко поднялась. Арнольд с визгом соскользнул с ее коленей.

— Значит, вы журналист? И явились копаться в подробностях той давней истории?

Я тоже встал. Ее морщинистое лицо находилось на уровне моей шеи. Я почти перешел на крик:

— Мы вместе более четверти часа ждали на пляже приезда жандармов. Вы прикрыли тело девушки моей ветровкой. У девушки вокруг шеи был обмотан красный шарф...

Дениза попятилась. На вешалке возле входа висела серая непромокаемая куртка, соломенная шляпа и шелковый бежевый платок. Сначала наши взгляды сосредоточились на этом куске ткани, потом встретились.

В глазах Денизы я увидел ужас.

Я обнял ее за плечи и постарался придать голосу самые ласковые интонации:

— Я не хочу причинить вам зло. Не хочу обижать вас. Я хочу только...

Сначала я не понял ее жеста. Привычным движением она взялась правой рукой за левое запястье.

Пронзительный звук разорвал тишину, на часах замигала красная сигнальная лампочка.

То, что я принял за часы...

Как многие пожилые люди, проживающие в одиночестве, Дениза носила тревожный браслет, соединенный с ее лечащим врачом или со службой скорой помощи...

Если она не выключит эту штуку, помощь придет через несколько минут.

В следующую секунду зазвонил телефон. Она хотела снять трубку, но я удержал ее за рукав. Включился автоответчик, и в комнате зазвучал тревожный голос:

— Мадам Жубан? Это доктор Шарье. Что-то случилось? Ответьте мне, мадам Жубан! Что случилось?

Этот лекарь сейчас поднимет тревогу.

Я должен сматываться...

Я решил испытать судьбу. В последний раз.

— Дениза, умоляю, посмотрите на меня. Вы наверняка меня узнали!

Ее взгляд прошел сквозь меня, словно я бесплотный призрак, а ее интересуется только находящаяся за мной дверь. Затем, уверенная в прибытии скорой, она ответила умиротворенным тоном.

— Да, я вас узнаю. Вы стояли рядом со мной, на берегу...

Прежде чем я ощутил сладость надежды, почтенная дама взяла меня за руку.

— Вы тоже очень молоды. Но, в отличие от других молодых людей, вы не танцевали. Хотя могли бы. В свое время у вас были обе ноги... Вы...

Я больше не мог ее слушать. Я выбежал на улицу, оставив дверь открытой. Последнее, что сохранила моя память о старом вокзале, был Арнольд; пробежав метра три по стоянке, он разразился лаем, словно предупреждал, чтобы ноги моей здесь больше не было.

Между двумя поставленными на строительные блоки вагонами я проскользнул на насыпь и побежал по заброшенному железнодорожному полотну, уходившему в никуда; полотно напоминало бесконечную застежку-молнию, которую застегнул великан, чтобы никто не смог проникнуть в его спрятанные в земле тайны.

— Алло, Мона?

В первый раз я решился солгать ей. Точнее, рассказать не все. Не говорить, что старая Дениза Жубан не способна вспомнить несчастный случай, произошедший два дня назад... зато прекрасно помнит смерть Морганы Аврил, случившуюся десятью годами ранее.

Что она путала все, включая день, когда мы с ней встретились.

Что она приняла меня за другого.

Что она просто-напросто безумна.

Телефон звенел в пустоте. Мелькавшие под ногами шпалы напоминали ступени нескончаемой лестницы, ведущей в ад. Через сотню метров придется покинуть защитный ров заброшенной железнодорожной колеи и пойти по склонам, разделяющим огороженные заборами домики. Морозящий дождь превратился в холодный туман, леденивший кожу и преобразивший меня в расплывчатый силуэт случайного прохожего, отважно бредущего сквозь непогоду.

Я один.

Кристиан Ле Медеф исчез. Дениза Жубан впала в старческий маразм.

Я единственный свидетель кончины Магали Варрон.

Я нервно сжимал в руке мобильник.

Единственный свидетель, за исключением жандармов, Пироза, его помощника и всех жандармов из бригады Фекана, что склонялись над трупом.

Абонент недоступен. Попробуйте позвонить еще раз.

Я нажал зеленую кнопку айфона.

— Алло, Мона?

Она ответила.

— Ну как? Ты нашел свою старушку?

— Нет. Точнее, да, но это долгая история...

— Расскажи!

— Потом, Мона.

Я остановился под лещиной. Крупные холодные капли стекали с веток и разбивались о синтетическую ткань моей курточки.

— Могу я взять твою машину?

Несколько мгновений из телефона доносился только шум галечника, перебираемого волнами, затем голос Моны игриво спросил:

— Чтобы поехать в полицию и сдаться?

— Нет, Мона. Чтобы съездить в Нефшатель.

— Куда?

— В Нефшатель-ан-Брэ. Кармен Аврил, мать Морганы, по-прежнему держит там гостевой дом «Горная долина». Это примерно час пути. Надо уточнить кое-какие подробности... Мне нужны доказательства, нужно, чтобы ты...

— О'кей, дружок. Не переутомляйся. Бери, если хочешь, мою тачку. Она на месте, стоит на причале перед казино...

Я так и не придумал, какими словами выразить огромную признательность, которую я испытывал к Моне.

— Перед казино? Вот черт! Я не могу появиться в Ипоре среди бела дня. Даже в такую погоду меня могут сцапать...

Мона вздохнула, словно мамаша, которой ничего не остается, как только уступить капризу своего малыша.

— Ох, ты достал меня, Джамал! Я оставлю свой «фиат» на выезде из Ипора, после муниципального кемпинга, возле теннисных кортов. Ключ зажигания будет лежать сверху. А дверца и багажник не запираются уже давно...

— Спасибо, Мона. Я докажу тебе, что ты поставила на верную...

— Заткнись! Отключись, пока я не передумала...

Затолкав телефон в карман, я снова вспомнил о почтальоне, о коричневых конвертах с моим именем и адресом Мартена Денена. Адресом, известным только Моне, Моне, которой я не стал сообщать, что ни один свидетель не в состоянии подтвердить мою версию...

Кто из нас двоих предатель?

Я трусил по обледенелой тропинке. На равнине сгустился туман. Я больше не видел стройных рядов тополей, обрамлявших поля, где высились столбы линий высокого напряжения, тянувшихся в сторону АЭС.

Мое свидетельство против всех остальных.

Кто мне поверит?

Кто сможет поручиться за мою невиновность?

Никто...

Никто, кроме вас?

А вы по-прежнему расположены верить всему, что я сказал?

Я ничего не придумываю. Все кончится хорошо.

Вы готовы поставить на меня?

Я умственно здоров. Ничего не украл, никого не убил.

И сейчас это докажу.

По автостраде А-13 «Фиат-500» летел со скоростью 130 километров в час. Последние двадцать километров я утопил педаль акселератора, чтобы не потерять скорость на длинном участке, где дорога, ведущая в Брэ, шла на подъем. Впрочем, регулятор скорости не требовался: мотор и без него выдавал свой максимум.

Я постоянно оглядывался, желая убедиться, что меня никто не преследует. На всякий случай, ибо автострада была пустынна. Редкие грузовики на подъеме замедляли скорость, я обгонял их, и они исчезали из виду. Интенсивное движение наблюдалось на встречном направлении. Несколько английских одноместных автомобилей с лыжами и чемоданами на крыше двигались на юг, скрупулезно соблюдая ограничение скорости. Уверен, такими темпами они придут в горы, когда снег уже растает. Беспрерывно накрапывал дождь, и раздраженные «дворники» скрипели, счищая каждую каплю.

Внезапно однообразие пейзажа заповедного края Ко нарушилось. Появились огромные заболоченные поля, со всех сторон огражденные плотными живыми изгородями. После длительного подъема дорога внезапно ринулась в пустоту, чтобы взобраться на высившийся впереди склон. Я впервые видел глиняную долину, образовавшуюся в меловом плато. И тотчас резко вырулил вправо, чтобы попасть на дорогу, ведущую в Нефшатель-ан-Брэ.

Новые дома, выросшие возле развязки, напоминали грибы, сгрудившиеся возле пня. Дорога бесплатная, Руан всего в пятидесяти километрах. Совершенно очевидно, что разросшийся за счет маленьких домиков пригород поглотил деревенские просторы вплоть до развязки.

Термометр «фиата» показывал, что за бортом всего три градуса выше нуля. В разгар полудня я намеревался въехать в призрачный город, населенный немногочисленными стариками, презревшими холод и обледенелые тротуары, соединявшие два торговых центра.

Переехав эстакаду над Арком, я увидел беспорядочно припаркованные в два ряда грузовики и вынужден был резко затормозить.

Что они тут делают?

Неожиданно, словно из-под земли, впереди появилась орава ребятишек в разноцветных шапочках и рассыпалась между машинами.

16.30. Черт, это же час окончания занятий в школе!

Чтобы избежать людского внимания, на ближайшем перекрестке я свернул с центральной дороги. Проплутав в лабиринте улиц, между тупиками и улочками с односторонним движением, я припарковался в пустынном переулке. Натянув на голову шапочку Найк, подтянул штанину, чтобы она скрывала мой протез, и вышел из машины. Тротуар покрывал грязный тающий снег, в котором моя негнущаяся нога проделала тонкую борозду.

Я зашел в магазин с запотевшими окнами, первый попавшийся.

Я был готов держать пари, что Пироз не успел поставить на ноги все отделения жандармерии в департаменте, а жандармы не успели развесить мой портрет во всех витринах местных магазинов.

Продавец ранних овощей и фруктов. Он занимался тем, что пытался удержать на наклонной стойке выставленные в витрине яблоки.

«Овощи и фрукты-био», — гласила табличка над кассой.

— Что вам угодно?

— Я ищу гостевой дом «Горная долина». В нем по-прежнему заправляет Кармен Аврил?

Коммерсант выпрямился. Он был, можно сказать, лыс, за исключением пучка волос, коротко подстриженного и напоминавшего хохолок ананаса.

— А что вам от нее надо?

Вымученно улыбнувшись, я попытался обезоружить его недоверие:

— Не буду вас обманывать. Я журналист, мы готовим репортаж об убийстве ее дочери, Морганы.

Хохолок оглядел меня с головы до ног; так, наверное, смотрят его клиенты, когда выбирают фрукты. Хорошо еще, что он не ощупал мне ногу.

— Не думаю, что она обрадуется, когда к ней явятся надоедать с этой историей. Все кончено, все забыто.

— Десять лет, — уточнил я. — За те месяцы, что остались до истечения срока давности, мы хотели бы возобновить дело.

Не дав себе труда ответить, он повернулся к пирамиде из ягод. В разгар зимы этот кретин продавал клубнику-био, малину-био, вишню-био...

Услышав за спиной шаги, я вздрогнул. Раскрасневшаяся от холода девушка внесла на вытянутых руках три ящика с капустой: красной, белой и зеленой. Тяжело дыша, она довольно больно толкнула меня своими ящиками.

— Кармен будет согласна. Не то чтобы она любила этих журналюг, но она готова выслушать каждого, кто может помочь ей прижать того негодяя, который убил ее дочь.

Пожав плечами, хохолок ананаса продолжил ворчать у себя в углу.
«Опять напишут, что у нас тут целая деревня извращенцев».

Уверенными движениями девушка поставила ящики в шахматном порядке.

— «Горная долина» находится в трех километрах выше Нефшателя, по дороге на Фуркамон. Вы вряд ли пропустите вывеску «Гостевые дома Франции».

Когда я выходил из магазинчика, она угрожающе бросила мне вслед:

— Разговор с ней вам удовольствия не доставит.

По улице, ведущей к проулку, где я оставил автомобиль, шагали школьники, и мне пришлось идти за ними. Они шли по трое в ряд, избегая выщербленного тротуара, где выбоины превратились в моря, покрытые ледяной коркой. Ни один родитель не сопровождал их; можно было подумать, что родители забирали своих детей из школы только в хорошую погоду.

Меня это устраивало. Меньше свидетелей.

Подув на замерзшие пальцы, я открыл дверцу «фиата».

Рука застыла на металлической ручке, словно примерзла к ней.

На пассажирском сиденье лежал коричневый конверт.

Джамалу Салауи.

Чертов почерк, ставший почти родным.

Я тотчас вспомнил Мону. Она единственная, кто знал, что я поеду в Нефшатель... но она физически не могла находиться здесь! Где она раздобыла вторую машину? Как могла приехать раньше меня, когда я всю дорогу мчался, выжимая из двигателя все, на что он способен? Как могла проследить за мной, когда я всю дорогу пялил глаза в зеркальце заднего обзора?

Зачем ей играть в такую садистскую игру?

Я сел в машину, включил зажигание и прижал руки к вентилятору, согревая их.

Кто мог знать, что я припаркуюсь именно здесь?

Никто.

Кто мог бросить конверт на сиденье?

Кто угодно. Дверца автомобиля не запирается...

Несколько минут я сидел с включенной на максимум вентиляцией, направленной прямо в лицо, пока горячий воздух не стал обжигать мне кожу. Затем открыл конверт.

* * *

Дело Миртий Камю — Пятница, 8 октября 2004 года

Коммандан Лео Бастине в третий раз внимательнейшим образом перечитал факс бригадира Ларошеля.

Неизвестного в бейсболке «Адидас», подозреваемого номер один в деле об убийстве Миртий Камю, звали Оливье Руа.

Ему 21 год, он проживал в Морсалине, вместе с родителями, владельцами дома прессы в Валони. Совмещая работу с учебой, он изучал в Кане коммуникационные технологии в сфере культуры.

Собственно, вряд ли установление личности молодого человека, чей фоторобот висел в каждой районной жандармерии, стоило считать заслугой бригадира Ларошеля. Его родители, Моник и Жильдас Руа, 7 октября 2004 года явились в отделение жандармерии коммуны Валонь заявить об исчезновении сына.

Оливье был в кемпинге Изиньи-сюр-Мер, плавал возле островков Сен-Маркуф и загорал на пляже Гранкам-Мэзи одновременно с Миртий Камю. Без сомнения, он и есть тот самый тип, которого разыскивает полиция.

Родители объяснили, что смерть Миртий Камю необычайно взволновала Оливье, хотя они так и не поняли, почему. После сообщения о смерти девушки он надолго заперся у себя в комнате и выходил только для того, чтобы прогуляться в одиночестве. Вечером 6 октября 2004 года он вышел и направился в северном направлении, по бульвару Дюн, продолжением которого служит дорога на Сен-Вааст-ла-Уг. И больше не вернулся.

Коммандан Бастине был уверен, что ровно через тридцать семь часов преступника доставят к нему. Стремление Оливье Руа затвориться в четырех стенах можно истолковать как нежелание встречаться с полицией, его депрессию — как угрызения совести, а его бегство как признание.

На следующий день, около 18 часов, обвинение рухнуло, как карточный домик.

ДНК Оливье Руа не совпало с ДНК насильника!

Спустя час поступило еще одно сообщение: Оливье Руа не мог ни убить Моргану Аврил, ни быть незнакомцем с красным шарфом, которого видели зрители фестиваля «Рифф и Клифф». На уик-энде 5 июня 2004 года он вместе с тремя приятелями участвовал в фестивале искусств на улицах Биаррица, в девятистах километрах от Ипора.

Появление-исчезновение Оливье Руа разрушало версию Бастине. Но на всякий случай в течение нескольких недель полиция распространяла листовку «Внимание, розыск!». Срывала расплывчатые фотороботы и заменяли их фотографией Оливье Руа. Неубедительно.

Зачем тратить столько сил на розыски типа, который в лучшем случае может лишь выступить свидетелем?

Судья Поль Юго Лагард публично усомнился в методах Бастине, а затем направил просьбу в кассационный суд, чтобы его освободили от этого липкого дела, где стремительно вязла его карьера. Местные газеты закрыли тему. Судебные хроникеры сменили пластинку и принялись обсасывать историю рабочего из Мондевиля, совершившего самоубийство, надышавшись окисью углерода у себя в гараже вместе с женой и четырьмя детьми.

Психолог-криминалист Элен Нильсон все реже брала билеты на поезд Париж — Кан, а потом и вовсе перестала появляться, разочаровав полицейских из региональной службы судебной полиции, каждый раз заключающих пари о том, какая часть ее тела благодаря волшебному скальпелю пластического хирурга омолодится в очередной раз.

Все, кто после убийства Миртий Камю день и ночь трудились над раскрытием этого преступления, боялись лишь одного: обнаружить новую жертву. Страх, гонка наперегонки со временем держала их в форме, действовала, словно допинг, заставляла выбрасывать адреналин.

Однако отныне им оставалось только уповать, что еще одно изнасилование вновь пробудит интерес к делу. Напрасная надежда.

Убийца с красным шарфом «вышел в отставку»...

12 октября 2004 года, через несколько дней после того, как версию с Оливье Руа окончательно признали ошибочной, в региональном отделении судебной полиции Кана Кармен Аврил встретила с Лео Бастине. Она положила на стол командана пухлое досье под названием «*Двойной убийца*» и в нескольких фразах сформулировала его содержание.

Чтобы установить личность убийцы Морганы и Миртий, следовало работать только в одном направлении: искать, кто мог находиться 5 июня 2004 года в Ипоре, а 26 августа 2004 года в Изиньсьюр-Мер. Возможность, что этот субъект невиновен, практически равно нулю, тем более что он после убийства не явился в полицию.

Бастине согласно кивнул и усталым движением открыл досье. В нем лежали бесконечные списки: адреса, телефоны, копии электронных страничек. «Искать единственного субъекта, посетившего нормандское побережье весной в субботу, а потом в конце лета в четверг, означает проверить списки всех туристов, которые останавливались на базах отдыха, в гостиницах, в гостевых домах, — думал командан. — Искать среди тех, кто жил у друзей или у родственников? Среди тех, кто приехал в Нормандию на один день и расплачивался банковской картой на дорожном терминале, обедал в одном из ресторанов, купил сувенир в одном из киосков. Среди тех, кто оставил визитку, чек или просто свое лицо на фотографии?»

Коммандан аккуратно закрыл досье, затем поднял обрамленные свинцовыми кругами глаза на Кармен.

— Мадам Аврил, буду откровенен. Команду, занимавшуюся делом Аврил–Камю, за последний месяц сократили в десять раз. Вместо пятидесяти следователей теперь им занимаются пятеро. Если не откроются новые факты, через несколько недель полиция перестанет считать его приоритетным.

Кармен Аврил даже бровью не повела. Бастине забил последний гвоздь:

— Согласно правилам с прошлой недели это дело должно занимать не более десяти процентов моего рабочего времени.

Он подтолкнул к ней папку *«Двойной убийца»*, не потрудившись даже оценить добровольно проделанную работу.

— Мы не закрываем дело, мадам Аврил. Расследование продолжится, но не в спешном порядке. У нас есть ДНК-профиль насильника, мы знаем, что он дважды совершил преступление. Надо ждать...

Бастине был убежден, что Кармен ему ответит. В сущности, пощечину он заслужил.

Ждать чего? Когда он изнасилует еще одну девушку?

Он был разочарован.

Не глядя на него, Кармен встала и, зажав папку под мышкой, вышла, хлопнув дверью и прокричав на весь этаж:

— И без вас обойдемся!

В июне 2004 года, спустя несколько дней после убийства Морганы, Кармен Аврил создала некое сообщество, куда вошли все те, кто хорошо либо шапочно знал Моргану, почти пять сотен человек. Но довольно быстро число их сократилось до десятка самых близких, энергичных, а главное, достаточно великодушных, чтобы помогать выплачивать гонорары адвокатам, которые занимались этим делом.

В тот вечер, когда обнаружили труп Миртий Камю, Кармен пригласила Шарля и Луизу присоединиться к этому сообществу. А на следующий день они основали общество *«Красная нить»*. Первая статья устава, сданного в префектуру, состояла из трех слов: *«Никогда не забывать»*.

Шарль Камю стал председателем общества, его спокойствие и дипломатичность больше подходили для ведения переговоров с полицией и органами правосудия, нежели взрывной характер Кармен Аврил, удовлетвовавшейся местом вице-председателя. К великому сожалению, Кармен всегда было сложно договариваться с мужчинами. Особенно с вышестоящими. Осеан, сестра Морганы, стала секретарем, Алину Массон, лучшую подругу Миртий, назначили казначеем. За несколько недель, последовавших за вторым убийством, версия *«Двойной убийца»* сплотила обе семьи, но, как только стало ясно, что никто не поможет им дойти до конца поисков, группа распалась.

«И без вас обойдемся», — бросила мать Морганы в лицо командану Бастине.

Кармен Аврил рвалась начать крестовый поход, мстить, карать.

Шарль Камю стремился к правде, правосудию и даже прощению.

Хилый консенсус, установившийся в обществе «Красная нить», рушился на протяжении всего 2005 года. Кармен согласилась на сотрудничество с журналистом канала «Франс-2», пожелавшим сделать передачу под названием «Введите обвиняемого», о двойном убийстве, совершенном неизвестным с красным шарфом. Шарль категорически наложил вето, но мать Морганы объяснила, что после показа по телевидению возрастет число потенциальных свидетелей, не говоря уж о финансовой стороне вопроса: плата за право использования личных материалов позволит заплатить адвокатам и следователям. За ней выстроился весь клан Аврил, Луиза Камю умолкла, Алина Массон и Фредерик Мескилек долго не решались отречься от Шарля, но потом все же встали на сторону Кармен.

Передачу назначили на 24 марта 2005 года, на 22.30.

Как и остальные члены общества «Красная нить», Кармен первой увидела 90-минутную передачу на частном предпремьерном показе в студии «Ла Плен-Сен-Дени». В передаче последовательно рассказывали о случившихся событиях, о различных версиях, выдвинутых следствием; рассказы чередовались морскими пейзажами, непристойными снимками жертвы и выжимавшими слезу рассказами соседей. И ничего нового, что могло бы способствовать завершению расследования.

Лица сидевших в первом ряду каменели.

Чистой воды вуайеризм! Изнасилование Морганы и Миртий сняли исключительно для того, чтобы составить конкуренцию сериалам «Эксперты» или «Морская полиция: Спецотдел», показанным на других каналах. Кармен Аврил хотела запретить показ, но «Франс-2» не уступил. Передача собрала 18,6 % зрителей, что немногим больше обычного уровня. Канал не заплатил ни сантима ни обществу «Красная нить», ни — посмертно — двум главным действующим лицам.

Спустя несколько дней Шарль и Луиза Камю объявили о своем намерении дистанцироваться от общества. Шарль сослался на проблемы со здоровьем, что посчитали извинением, достойным дипломата.

Последний раз они обращались к Кармен Аврил как раз накануне драмы.

27 декабря 2007 года.

Ждать чего? Когда он изнасилует еще одну девушку?

Сложив листочки в конверт, я засунул его в бардачок «фиата».

Итак, два дела — Морганы Аврил и Миртий Камю — объединили в одно. Меньше чем через год после второго убийства.

Дело прекращено.

Запуская двигатель «фиата», я улыбался. Последняя информация явно полезна.

Именно сейчас.

Если я сообщу Кармен Аврил, что спустя десять лет убийца ее дочери вышел из своего убежища, она примет меня с распростертыми объятиями.

Спустя несколько минут я припарковал машину в сотне метров от рекламного щита «Гостевые дома Франции». Сгибаясь под тяжестью трех портфелей, вдоль дорожного откоса шла женщина, за ней вприпрыжку трое ребятишек. Они направлялись к коттеджному поселку, выросшему, словно грибы, на возвышенностях Нефшателя.

— Я ищу Кармен Аврил.

Многодетная мать перевела дух.

— Идите вниз по аллее. Не ошибетесь. Вон, смотрите, это она, на террасе своего гостевого дома.

Она указала на синий силуэт, видневшийся между ветвей низко обрезанных деревьев, а затем, словно локомотив, потянула за руку первого ребенка, чтобы два остальных «вагончика» последовали за ней.

Я пошел по аллее.

Гостевой дом «Горная долина» вытянулся метров на пятьдесят. Серая зимняя погода гармонировала с мрачным тесным камнем стен, однако, без сомнения, весной эти суровые стены исчезали за пышными кустами гортензий и цветущими ветвями большой яблони, растущей посреди двора; сейчас ее обнаженные ветви наводили уныние.

На террасе женщина крепкого телосложения, вооружившись молотком, пыталась выправить шаг резьбы у сооружения, являвшегося, на мой взгляд, старинным прессом для выжимания сока из яблок. Такой винтажный агрегат явно заслуживал место не в саду, а в музее быта и традиций Нормандии.

Кармен была сильно, энергично и точно.

Со спины ее можно принять за мужчину.

Внезапно молоток повис в воздухе. Кармен обернулась, словно почуяла мое присутствие.

— Кто вы?

— Мадам Аврил?

— Да.

Пока я — насколько смог — естественным голосом выдавал тираду, десятки раз прокрученную в голове еще в Ипоре, сердце мое билось все чаще и чаще.

— Я капитан Лопес. Из комиссариата Фекана. Хотел бы с вами поговорить.

Она оглядела меня с головы до ног. Казалось, с ее губ вот-вот сорвется вопрос: «А разве на работу в полицию берут инвалидов?»; но она сдержалась.

— Что вам от меня нужно?

— Не буду лукавить, мадам Аврил. Я пришел в связи с делом об убийстве вашей дочери Морганы. Еще... еще одно похожее убийство.

Молоток полетел на выложенную плитками террасу, и Кармен не успела его подхватить. Ее красное лицо, увядшее, словно забытое на дне корзины яблоко, еще больше сморщилось, а я облегченно вздохнул.

Пироз с ней не связался!

Странно, особенно принимая во внимание множество совпадений между Магали Варрон и Морганой Аврил, зато я, не побоявшись рискнуть, получил шанс разыграть свою партию с Кармен Аврил.

— И что нового?

— Ничего конкретного, мадам Аврил, я не хотел бы тешить вас напрасными надеждами. Но в последние дни в Ипоре произошел целый ряд волнующих событий. Я могу войти?

Интерьер сельского дома не уступал его утопавшим в зелени стенам. Настоящая жемчужина, очаровательное жилище. Потолочные балки. Широкий камин из кирпича и песчаника, где можно зажарить целого теленка. Любовно восстановленные сельскохозяйственные орудия. Роль стола в гостиной исполняло колесо от телеги, деревянные чурбаны играли роль табуреток. Пастельные тона, сельские пейзажи, немного стекла и кованого железа дополняли картину, напоминая о

современности. Идеальное сельское пристанище для проезжающих парижан. Гостевой дом Кармен Аврил вряд ли пустовал!

Кармен преложила мне сесть на канаве, от него пахло коровьей шкурой. На миг у меня мелькнул вопрос, как женщина в одиночку смогла отреставрировать обстановку дома.

Затем я рассказал ей все.

О самоубийстве Магали Варрон, о предшествовавшем ему изнасиловании, о красном кашемировом шарфе «Берберри», который оказался обмотанным вокруг ее шеи. Только забыл уточнить, что наверху, на обрыве, Магали встретила любителя бега трусцой.

Меня...

Почти четверть часа Кармен Аврил слушала меня, раскрыв рот.

— Значит, этот подонок вернулся, — процедила она сквозь зубы.

Не давая ей передышки, я достал из рюкзака папку с надписью «Магали Варрон», украденную со стола Пироза. Трехцветные шапки документов и официальные печати должны сделать убедительной ту невероятную информацию, которую я собирался сообщить Кармен.

— Вы должны выслушать меня, не перебивая, мадам Аврил. Затем я попрошу вас кое-что объяснить. Однако если у вас есть...

Она покачала головой. Она вновь вспомнила об убийстве дочери и была готова выслушивать все что угодно. Я глубоко вздохнул и перечислил все, что узнал о Магали Варрон.

Родилась 10 мая 1993 года в Нефшателе, в Канаде. Ходила в школу в парижском пригороде, сначала в начальную школу «Клод Моне», потом в коллеж «Альберт Швейцер» и в лицей Жорж Брассанс, затем поступила на медицинский факультет. Исполняла танец живота. Фанатка прогрессивного рока семидесятых.

Возбуждение Кармен переросло в изумление.

Какой смысл имеет это последовательное перечисление совпадений с жизнью ее дочери? Тот же день и одноименное место рождения, те же названия образовательных школ, те же увлечения.

Бред какой-то.

Хозяйка «Горной долины» молча встала; некоторая неуверенность движений выдавала ее волнение.

Она прошла на маленькую кухню и вернулась оттуда с подносом, где размещалось стандартное угощение для гостей. Местная выпечка, стаканы, графин с водой, оранжад и свежее молоко. Руки ее дрожали,

поднос вибрировал. Поставив поднос на низенький столик, она задумчиво произнесла:

— Что вам сказать, капитан? Все, что вы мне рассказали, кажется по меньшей мере невероятным. Совершенно невероятным. Кто эта девушка? Эта... Магали Варрон?

Прежде чем «забить второй гвоздь», я налил себе молока.

— Я еще не все сказал, мадам Аврил. Магали Варрон была похожа на вашу дочь. Сходство практически один в один...

Я не решился напомнить об оплодотворении из пробирки. Сказать, что ее дочь Моргана и Магали могли оказаться сводными сестрами, так как у них оказался один биологический отец. Словно читая мои мысли, Кармен опередила меня:

— Невероятное сходство, капитан Лопес? Это забавно. У Морганы не было младшей сестры! А тем более кузин, которые на десять лет моложе ее. Никого, кроме меня и сестры Осеан.

Я покачал головой, словно размышляя об иных возможных объяснениях. На самом деле я старался выиграть время. Чтобы «вытащить рыбу» Кармен из глубины, следовало потихоньку «подтягивать леску, водя ее по поверхности воды». Я снова перелистал досье Магали Варрон, вплоть до страницы с данными ее ДНК.

— Мадам Аврил, я подошел к тому вопросу, который привел меня сюда. Нам известно, что вы храните все архивы общества «Красная нить». Мне хотелось бы кое-что проверить — вместе с вами.

Кармен должна «заглотить наживку». Если все, что я читал ей, правда, она готова ринуться по любому следу, который может привести ее к убийце дочери. Даже по самому невероятному.

Небрежно взяв сухой бисквит, я пододвинул к ней листок.

— Я хотел бы сравнить ДНК Магали Варрон с ДНК вашей дочери.

«Леска натянулась, как струна». Кармен помрачнела. За последние десять лет она перестала доверять полицейским.

— А вы разве не сохранили досье моей дочери у себя в архиве?

Я замялся. Но быстро нашелся.

— Да, конечно, разумеется. Но получить досье дела, которое закрыто, — долгая процедура, надо согласовать со следователем, подписать кучу бумаг. Я решил, что быстрее приехать к вам.

Она как-то странно посмотрела на меня. Не уверен, что она мне поверила, но, возможно, приняла мои объяснения как очередное

доказательство некомпетентности полиции.

— Вы работаете с капитаном Пирозом? — внезапно спросила она.

Я усиленно жевал бисквит. Мед и миндаль. Чуть вязкий. По дороге в Нефшатель я постарался продумать все возможные вопросы и ответы на них, но такого вопроса глупейшим образом не предусмотрел.

Справившись с изумлением, я проглотил бисквит.

— Да, разумеется. Это он меня прислал.

Порозовевшие скулы на ее утомленном лице запылали кармином. Похоже, Кармен Аврил первый раз позволила себе расслабиться.

— О'кей, идемте со мной в кабинет. Пироз единственный честный полицейский во всей Нормандии.

Я не стал говорить, что не могу разделить ее убеждение. Мы прошли через небольшой вестибюль.

— Подождите меня, — сказала хозяйка «Горной долины».

Она оставила меня в кабинете и направилась в комнату рядом, без сомнения, ту, где хранила информацию по делу Аврил–Камю. Пока она отсутствовала, я изучал кабинет. Очевидно, изначально тут размещалась детская, но потом за ненадобностью Кармен переоборудовала ее. На стенах, оклеенных обоями с изображениями самолетов и воздушных шаров, висели фотографии. Черно-белые фото. Моргана в детстве. Моргана играет в доктора. Моргана играет в ковбоя. Моргана играет в пожарника.

Странно, но я не увидел ни одной фотографии ее сестры Осеан.

Кармен вернулась с архивной папкой и шлепнула ее на столешницу, положенную на пару козел.

— Оставляю вас, капитан, работайте, через минуту я в вашем распоряжении.

Она снова исчезла в соседней комнате, а я начал поиск. Перебрав несколько листков, я увидел ксерокопию документа, исходившего из жандармерии Фекана.

«Генетический код Морганы Аврил,
установленный в понедельник, 7 июня 2004 года.
Региональное отделение службы
криминалистического учета. Руан».

Рядом я положил другой листок. С 2004 года оформление и шрифт, используемые региональными отделениями службы криминалистического учета, изменились, но шапки, заголовки и печати остались прежние.

«Генетический код Магали Варрон, установленный в четверг, 20 февраля 2014 года. Региональное отделение службы криминалистического учета. Руан».

В первом пункте указано, что у Морганы, как и у Магали, вторая положительная группа крови. Насколько я помнил из лекций по медицинской биологии, прослушанных мной в клинике «Сент-Антуан», не самая распространенная группа крови. Ее имеют меньше десяти процентов французов.

Еще одно совпадение.

По затылку забегали мурашки. Глаза заметались по буквам и цифрам, составлявшим генетический код обеих девушек.

Я всмотрелся в две диаграммы, сопровождавшиеся длинной чередой букв и цифр.

ТН01chr 11 6/9. D2 25/29. D1816/18
ТН01chr 11 6/9. D2 25/29. D1816/18

Я не разбирался в деталях. Ничего не понимал в историях с генотипами гомозиготными и гетерозиготными. Но я запомнил, что научно доказано, что два разных индивида не могут обладать одинаковыми генетическими маркерами и одинаковой частотой их сцеплений. Цифры прыгали у меня перед глазами.

VWA chr 12 14/17 TPOXchr 15 9/12 FGA 21/23
VWA chr 12 14/17 TPOXchr 15 9/12 FGA 21/23

Синие и зеленые кривые напоминали энцефалограммы. Точные до десятой доли миллиметра. Дальше выискивать разницу бессмысленно, я уже понял...

ДНК-профили Магали и Морганы идентичны!

Я продолжал механически водить пальцем по строчкам, словно безумный ученый, до бесконечности перечитывавший формулу, бросавшую вызов законам мироздания.

D7 9/10. D16, 11/13, CSFIPOchr, 14/17

D7 9/10. D16, 11/13, CSFIPOchr, 14/17

То, что я видел, не могло существовать.

Два человека, родившиеся с разницей в десять лет, не могли иметь одинаковый генетический код!

Магали.

Моргана.

Значит, обе — одна и та же личность?

Какой бы бредовой ни казалась эта очевидность, я был в этом убежден с самого начала. Моргана Аврил не умерла десять лет назад. Это она разговаривала со мной в среду утром, возле бункера, прежде чем прыгнуть с обрыва. Впрочем, думая о потрясающем сходстве между Морганой Аврил и той девушкой, что на моих глазах совершила самоубийство, о Магали Варрон, должен признать, она показалась мне немного старше, чем Моргана на фотографиях 2004 года. То же самое лицо, точь-в-точь, но лицо, постаревшее на несколько лет, возможно, на десять лет.

И снова приходится признать: два дня назад Моргана Аврил была жива!

Аллель частота D3, 0,0789. Генотип частота D3, 0,013.

Аллель частота D3, 0,0789. Генотип частота D3, 0,013.

Внезапно я подумал о том, какая огромная юридическая машина была пущена в ход, чтобы раскрыть дело Аврил. Полицейские, следователи, свидетели, журналисты, сотни статей в газетах. Как смогла Моргана всех обмануть? Как смогла выжить? Но чей-то голос шептал: «Это же полный бред...»

Неуверенным шагом я направился в соседнюю комнату, чтобы предупредить Кармен.

Ее дочь Моргана жива.

Была жива два дня назад.

Прежде чем умереть во второй раз...

Хозяйка «Горной долины» не слышала, как я вошел. Она стояла ко мне спиной и разговаривала по телефону, прикрывая левой рукой рот и микрофон.

— Говорю же вам, сейчас здесь один из ваших коллег, — шептала она. — Черт побери, Пироз, что это за история с двойником моей дочери, совершившим самоубийство в Ипоре два дня назад?

Мускулы мои напряглись.

Кармен Аврил звонила в полицию! Эта гадюка не поверила мне и захотела проверить, правду ли я сказал. Она доверяла Пирозу, она сама мне об этом сказала...

Вот черт!

Я проклинал себя за потерю бдительности. Сделав шаг к базе беспроводного телефона, я нажал на кнопку громкой связи.

Истерический вопль капитана Пироза взорвал воздух:

— Задержите его, мадам Аврил. Задержите, ради бога, мы едем!

Клик.

Я прервал связь. В ту же минуту, не раздумывая, я вытащил из кармана револьвер «Королевская кобра», взятый у научного руководителя Моны и направил его на Кармен.

— Кто вы? — закричала она.

Что я мог ответить?

Сунуть ей под нос строчки ДНК-профиля и держать до тех пор, пока она мне не поверит?

Запереть ее в доме и бежать на улицу? Снова бежать?

Доколе?

Как вырваться из опутавшей меня паутины? Не лучше ли положить револьвер и спокойно дожждаться Пироза, сидя на канаве в гостиной?

Кармен слегка наклонилась, мускулы ее напряглись, как у медведя, готового выпрыгнуть из берлоги. Стены вокруг меня шатались, я с трудом удерживал колыт на одном уровне. Комната, где мы находились, раньше тоже была детской. На стенах висели другие фотографии Морганы. Трехлетняя Моргана набрасывает рождественскую гирлянду на плечи матери.

Шестилетняя Моргана на тракторе.

Семилетняя Моргана сидит во дворе на яблоне.

Кармен едва заметно подалась вперед. Я опустил дуло пистолета на несколько миллиметров и в то же время перевел взгляд на другую ветку яблони, что была на фотографии.

Словно чудодейственное ускорение подтолкнуло все мои мысли, помчавшиеся в одном направлении, подкрепляя мою уверенность. И тут же разлетевшиеся тысячью искр.

Я понял. Понял все.

Я знаю, кто такая Магали Варрон...

Продолжая сжимать рукоятку револьвера «Королевская кобра», я разразился безудержным безумным смехом...

27

Кто вы?

Две девчушки лет семи раскачивались на ветвях яблони.

Моргана и ее сестра Осеан.

Та же красная шапочка, то же зеленое пальтишко с меховым капюшоном, те же меховые сапожки, тот же шерстяной шарф на шее.

Тот же возраст. То же лицо.

Близнецы!

Вытирая уголки глаз, где от нервного смеха выступили слезы, я направил ствол прямо на Кармен, давая понять, что ей не следует ничего предпринимать.

У Морганы есть сестра-близнец!

Об этом не сказано ни в одной из бумаг, присланных в коричневых конвертах. В расследовании упоминалась Осеан, сестра Морганы, прилагались ее показания, рассказ о дискотеке во время фестиваля «Рифф и Клифф», но нигде не был указан ее возраст. И я ни разу не обратил на это внимания.

Все ясно.

Мне «забыли» сообщить эту информацию, чтобы надежнее загнать меня в западню.

Дулом револьвера я сделал знак Кармен выйти из комнаты.

Наконец-то пазл сложился; ну, почти сложился. Моргана, без сомнения, мертва, ее изнасиловали и убили 5 июня 2004 года. Спустя десять лет Осеан, ее сестра-близнец, бросилась с крутого берега в Ипоре. Это она отчаянным взглядом смотрела на меня возле бункера. Осеан решила повторить смерть своей сестры. Она придумала, создала и сыграла персонаж по имени Магали Варрон. Та же дата рождения, те же пристрастия, те же школы... И та же ДНК!

Я подтолкнул Кармен к кабинету.левой рукой схватил оба листка с анализом ДНК.

Как Осеан удалось обмануть полицию? Как она сумела всех убедить, что ее виртуальный двойник, Магали Варрон, родилась в Канаде на десять лет позже и жила там до семи лет?

Я снова впери́л взор в тест, сделанный судмедэкспертами, въелся взглядом в печать национальной жандармерии.

Если только Пироз специально не подкинул мне ложную информацию.

Кончиком ствола я указал на фотографию на стене. Ту, где девчушка лет шести наряжена в костюм ковбоя.

— Это она? — спросил я у Кармен. — Это Осеан, ваша вторая дочь?

— Да. Они были неразлучны. Осеан следовало родиться мальчишкой, Моргана же ощущала себя маленькой принцессой, однако никто никогда не мог их разлучить, даже я. Когда Моргану убили, я думала, Осеан не переживет ее.

— И все же пережила. На десять лет, — бросил я. — Это ведь Осеан, не так ли, бросилась с обрыва два дня назад?

Внезапно я почувствовал: что-то не клеится. Кармен Аврил недоверчиво смотрела на меня, но в ее взгляде не было ни печали, ни гнева. Ничего не подсказывало, что она только что потеряла вторую дочь, причем в результате трагедии, сопоставимой с той, что случилась десять лет назад.

Поглядев на настенные часы, висевшие над дверным проемом, она произнесла:

— Я похожа на мать в трауре?

Я вспомнил слова, которые Пироз проорал в телефон:

«Задержите его, ради бога, мы едем!»

Надо сматываться, и чем скорее, тем лучше. Но я услышал свой ответ, спокойный, с паузой после каждого слова, чтобы придать ему особую важность.

— Это была ваша дочь, мадам Аврил. Это была Осеан. Я видел, как она прыгнула вниз. Видел... видел ее труп.

Хозяйка «Горной долины» улыбнулась. Мои слова ее нисколько не впечатлили.

— Когда это случилось?

— В среду. Два дня назад. Ранним утром...

— Я не могу верить вашим басням, месье... месье Лопес.

Она шагнула ко мне, и я опустил ствол кольца до уровня ее пупка.

— Сегодня в полдень я разговаривала с Осеан по телефону, практически меньше пяти часов назад.

Я выдержал удар.

Кармен блефовала! Женщина, поистине, высеченная из бетонного монолита. Она лгала, чтобы дать Пирозу время приехать сюда. Все хотели навесить на меня смерть трех девушек.

— О'кей, я вам верю, — наконец вымолвил я. — Ваша дочь Осеан жива, позавчера она не спрыгнула с обрыва в Ипоре. Но в таком случае я хотел бы поговорить с ней.

— И речи быть не может!

— Она живет далеко отсюда?

Кармен презрительно посмотрела на меня.

— Вы опасный безумец.

У меня нет времени. Пироз или жандармы из Нефшателя, которых он наверняка предупредил, вот-вот приедут.

— Еще более безумный, чем вы думаете, мадам Аврил. Следуйте за мной, поговорим в другом месте.

Несколько секунд она прикидывала, насколько серьезны мои намерения, и молча подчинилась. Она неторопливо вышла в сад; галька, усыпавшая дорожки, скрипела у нее под ногами. Огромная яблоня отбрасывала тень скелетных ветвей на покрытую инеем траву. Каждую секунду я был готов услышать вой сирены и в конце аллеи, ведущей к гостевому дому, увидеть полицейские машины.

Никого. Дорога на Фуркамон пустынна. Кармен Аврил устроилась на пассажирском сиденье «Фиата-500»; я продолжал держать ее под

прицелом.

Она оказалась на удивление сговорчивой.

— Не пытайтесь выскочить из машины, — на всякий случай предупредил я, включая зажигание.

— Об этом не беспокойтесь. Не знаю, кто вы, но так или иначе вы имеете отношение к смерти Морганы, а также смерти девушки, изнасилованной и задушенной позавчера.

— Изнасилованной — скорее всего. Но не задушенной.

Она уставилась на меня, словно мальчишка, пойманный за руку на лжи.

— Задушенной! Пироз успел сообщить мне по телефону. Магали Варрон не совершила самоубийство, как вы тут мне рассказывали, она убита. Я не отпущу вас, Лопес, я десять лет ждала той минуты...

Какой минуты?

У меня нет времени попросить Кармен уточнить, она сама это сделала, бросив на меня уничтожающий взгляд.

— ...когда убийца моей девочки и малышки Миртий Камю снова нанесет удар.

Намереваясь бороться до конца, я смотрел ей прямо в глаза.

— Пироз ведет грязную игру. Не знаю, что он вам рассказал, но он ищет козла отпущения. Сожалею, но вашему приятелю-жандарму следовало бы поразмыслить, прежде чем душить девушку.

Кармен пожала плечами, словно мои слова для нее ничего не значили. Не важно. Я понял, что она ведет себя послушно только потому, что не знает, какую в точности роль я играю во всей этой истории. Смерть для нее, без сомнения, значила гораздо меньше, нежели поиск истины.

— Могу я знать, куда вы меня везете?

Не ответив, я тронулся с места. Проехав десять километров, мы выехали из Нефшателя, затем я свернул на проселочную дорогу. «Зеленая дорога, выезд № 11», — гласила деревянная табличка. После первого поворота я остановился под липой. Выключив зажигание, я снова наставил револьвер на свою пассажирку.

— Дайте мне ваш телефон. Живо.

— Зачем?

Я повторил. Я наклонился, достал ее сумку и извлек оттуда «Самсунг Гэлакси»; Кармен не протестовала, но и не содействовала

мне.

Я провел пальцем по экрану.

Список контактов.

ОСЕАН.

Я скользнул в галерею. Высветилась фотография Осеан. Во весь экран. Словно электрический разряд!

Это она. Никаких сомнений.

Магали Варрон и Осеан Аврил — одно и то же лицо.

На экране мобильного она улыбалась на фоне безоблачного неба, почти в той же позе, которую приняла за секунду до того, как спрыгнуть с обрыва. Ее распущенные волосы развевались на морском ветру, а прищуренные от яркого солнца глаза бросали вызов свету.

До тех пор пока она не разбилась о прибрежную гальку. Девушка, чей номер я нажал, умерла позавчера.

Голос ответил после первого же звонка. Далекий шепот, почти неслышный.

— Мама? У меня пациентка. Я тебе перезвоню через десять минут.

Несколько минут я молча ждал, прежде чем наконец понял, что она отключилась.

На пассажирском сиденье ликовала Кармен.

— Вы довольны, Лопес? Вы слышали голос Осеан. Или вы считаете, что попали на автоответчик призрака? А может, вы звонили в рай?

«Самсунг» чуть не выпал из моих потных дрожащих рук. Я больше не раздумывал. Я действовал по приказу мозга, готового вот-вот взорваться. Где доказательство, что девица, ответившая мне, Осеан Аврил? Список контактов скользил у меня под пальцами.

РАБОТА-ОСЕАН.

Я кликнул.

На этот раз три звонка, потом ответила какая-то женщина, четко выговаривавшая каждое слово.

— Медицинский кабинет слушает.

Несколько секунд я собирался с духом, потом начал импровизировать:

— Добрый день, я никак не могу найти вас, а мне назначено через четверть часа. Можете мне подсказать, как к вам проехать?

— Без проблем, месье, вы в Нефшателе?

— Почти...

Пока секретарша объясняла мне дорогу, Кармен смотрела на меня паническим взглядом.

Поворот в сторону центра города, направо, по главной улице, еще раз направо перед церковью. После короткого пробуждения, вызванного окончанием занятий в школе, Нефшатель, казалось, снова погрузился в липкую холодную дрему.

Жандармов нигде не видно.

Площадь перед медпунктом почти пуста. Я припарковался напротив.

Несмотря на грозивший ей револьвер, Кармен сделала попытку открыть дверцу «фиата». Впервые я видел страх в ее глазах. Сжимая в руках оружие, я, словно извиняясь, принялся оправдываться:

— Я никого не убил, Кармен. Я всего лишь хочу знать правду. Как и вы.

Ответ хозяйки гостевого дома прозвучал как приговор.

— Она будет не такой, какую вы ждете, Лопес. Осеан работает вон за той дверью. Она не та девушка, которую вы ищете, не Магали Варрон, которую вы не смогли спасти.

Кармен отстегнула ремень безопасности, но открыть дверцу больше не пыталась.

— Не она, не вторая моя дочь. Уверю вас, у меня нет тройняшек...

На миг мне пришла в голову и эта мысль.

Тройняшки, четверняшки, пятерняшки.

Молодые девушки, словно клоны, готовые одна за другой прыгать с крутого берега. По одной раз в десять лет. Смешно! Достоин дурного детектива.

Убедившись, что вокруг нет машин, я вышел из «фиата»; руку с пистолетом я замотал грязной тряпкой, найденной в бардачке. Сойдет за временную повязку.

Ступенька. Толкнув дверь из полированного стекла, я пропустил Кармен вперед. И сразу увидел четыре блестящие золотые таблички с именами и званиями врачей, работавших в кабинете. Внимание мое привлекла третья табличка.

Осеан Аврил.

Акушер-гинеколог.

Моя негнущаяся нога споткнулась о ступеньку. Не выпуская спрятанное под тряпкой оружие, я сумел сохранить равновесие, опершись об оштукатуренную стену.

«Нет! — кричал голос у меня в голове. — Девушка, только что ответившая по телефону, не могла быть сестрой-близнецом Морганы. Ее сестра-близнец на моих глазах упала с высоты сто двадцать метров». Словно за пару костылей, я цеплялся за две аксиомы, высказанные вчера вечером Моной. Есть только два неоспоримых факта.

Моргана Аврил скончалась десять лет назад.

Магали Варрон умерла два дня назад.

Их чудесное сходство, включая генетический код, можно объяснить только тем, что они близнецы!

Войдя в клинику, я положил обмотанную руку на бедро Кармен; жест, который вполне можно принять за дружеский. За приемной стойкой девушка в белом халатике улыбнулась нам, а затем обратилась к Кармен:

— Добрый день, мадам Аврил. Если вы приехали повидать Осеан, то она сейчас занята. Но скоро освободится.

И она бросила взгляд на дверь справа от меня.

Доктор Аврил.

Не раздумывая, я отстранил Кармен и толкнул дверь.

Четыре пары глаз уставились на меня.

Женщина в кресле дрожащими руками схватилась за свой круглый живот.

Мужчина рядом одной рукой обхватил ее за плечи, а другую выставил вперед, готовый ударить любого, кто к ней приблизится.

Двухлетний ребенок в углу комнаты собирал башню «Лего», выбирая детальки из коробки с конструктором.

Осеан Аврил за рабочим столом.

— Что-то случилось?

Акушерка непонимающе смотрела на меня.

Горячая волна захлестнула меня.

Это она... Магали Варрон.

Тот же меланхоличный взгляд.

Та же изысканная хрупкость.

То же совершенство в каждой черте лица, словно художник, нарисовавший эти черты, знал мои самые потаенные чувства... Девушка моей мечты, как я мог ошибиться?

Та, которой я протянул руку возле бункера.

Та, чей труп я караулил на пляже в течение долгих минут, пока не прибыли жандармы из Фекана.

Та, кто сейчас сидела передо мной. Живая, объяснявшая молодой паре, как дать жизнь ребенку...

Моя рука бессмысленно повисла. Тряпка соскользнула на пол, словно дохлая медуза, обнажив кольт.

Беременная женщина закричала, следом заревел ее сын. Башня «Лего» рухнула. Мальчик бросился к отцу и прижался к нему. Сжатые зубы. Сжатые кулаки.

— Вон отсюда! — приказала Осеан.

Отрезая мне путь к отступлению, между дверью и коридором стояла Кармен Аврил. Со всех стен из рамок на меня возмущенно смотрели голенькие младенцы всех цветов кожи, смотрели так, словно желали завершить на мне бесконечную цепочку продолжения рода.

Пора бежать. Думать потом.

Резко развернувшись, я изо всех сил толкнул Кармен. Она тяжело рухнула на спину, опрокинув в коридоре два стула. Размахивая перед собой револьвером, я услышал, как завопила девушка в белом халатике за стойкой.

Стеклянная дверь отлетела в сторону.

Ступенька.

В следующую секунду я уже сидел за рулем «фиата». Еще через секунду машина развернулась и перепрыгнула через водосток.

Я перевел дух и заставил себя ехать медленно, по крайней мере до выезда из Нефшателя. Посмотрев в зеркало заднего обзора, мне показалось, что на дороге на Фуркамон, за рекламным щитом «Гостевые дома Франции» мигает синий проблесковый маячок полицейской машины.

Я снова снизил скорость.

Полиция уже у Кармен!

Вряд ли им понадобится много времени, чтобы раздобыть описание моих примет, марку машины и, возможно даже, ее номер — в

том случае, если Кармен оказалась наблюдательной.

«Фиат» въехал на мост через Арк; «49 км/ч» замигало световое табло.

Мне надо исчезнуть. Кармен наверняка позвонила в полицию. Если они не схватили меня в Нефшателе, то, скорее всего, попробуют захватить меня на трассе.

Я свернул вправо, в направлении Меньер-ан-Брэ. У меня нет иного выбора, кроме как затеряться на сельских дорогах.

У меня остался единственный шанс.

Из-за меня вряд ли объявят план-перехват. Я не знал правил, но, как мне казалось, подобный план объявляли довольно редко, во всяком случае, реже, чем случались преступления и ловили беглых убийц. Если я не стану сворачивать с сельских дорог, если пережду ночь, то, соблюдая определенную осторожность, сумею добраться до Вокотта.

Потом...

Я включил фары. Шоссе, бегущее передо мной, сужалось. Скоро белая разделительная полоса стала моим единственным ориентиром в полумраке. Нить Ариадны, делившая мой путь на две равные части. Словно загипнотизированный, я сосредоточил взгляд на этой линии; мне казалось, что, глядя на нее, я смогу поделить свой разум на две камеры, разделенные непроницаемой перегородкой.

Первая камера отказала. Я все выдумал. Два дня назад ни одна девушка не совершала самоубийство. Если такая девушка и существовала, то она умерла, задушенная моими собственными руками. Ее лицо не было лицом Осеан Аврил, я перепутал его с другим, с лицом ее сестры, убитой десять лет назад. Быть может, я задушил также и Моргану? Я безумен, я убивал, я забывал, я путал свои жертвы. Я не помню Миртий Камю, но если я убил Моргану Аврил, значит, я изнасиловал и убил и третью девушку.

В пронзительном свете фар белая лента медленно раскручивалась, вызывая головокружение.

Теперь я понимал тех невиновных, которые после бессонных ночей, многочасовых допросов и вороха доказательств, приведенных стороной обвинения, признавались в преступлениях, которых они не совершали. Невиновных, в конце концов начинавших верить в чужие

истины и сомневаться в собственной правоте, в которой были твердо уверены, когда входили в кабинет следователя.

Резкий поворот.

Алебастровая линия стала тоньше булавки.

«Нет!» — чеканил в голове голос.

Нет!

У меня осталась вторая камера, она сопротивлялась. Должен быть ключ, должно быть логическое объяснение.

Надо только успокоиться и подумать. Снова разбросать все части пазла и заново сложить их, но уже по-другому.

Посмотреть сверху, отступить. Вознестись над видимостью.

Поговорить с тем, кто согласится мне поверить.

Мона?

28

Поговорить с тем, кто согласится мне поверить?

— У полиции есть описание примет моей тачки?

Мона кричала в телефон.

Фары «фиата» ослепили мальчишку с мячом под мышкой, собиравшегося перейти дорогу перед указателем «Карвий-По-де-Фер».

Я нажал на тормоз. Рассмеялся, увидев рядом с мальчишкой табличку: «*Сбросьте скорость, подумайте о наших детях*». Картонный мальчишка равнодушно смотрел, как я замедлял ход.

Деревушка Карвий-По-де-Фер спала.

Уже целый час я ездил по грязным дорогам, изрытым, словно траншеи, от деревни к деревне.

Я поднес мобильник к губам.

— Не уверен, Мона. Возможно, Кармен Аврил не запомнила номер.

— С чего ты взял? Она десять лет караулит убийцу дочери! Черт возьми, Джамал, как только она расскажет им о «Фиате-500», они тотчас узнают, что это моя машина.

В зеркальце заднего обзора удалялся брат-близнец картонного мальчишки с мячом. Деревушка Карвий-По-де-Фер оказалась крохотной, замерзшей, съезжившейся в комочек. Надо бы сказать Моне,

чтобы она не беспокоилась и заявила полицейским, что у нее украли автомобиль, потому что дверца не запирается, и...

— Приезжай ко мне в Вокотт, — прошептал я в аппарат.

— А как я туда доберусь? Ты что, забыл? Ты же едешь в моем авто.

Я не решился предложить встретиться возле Ипора. Слишком опасно! И я рискнул забросить удочку:

— Пешком. До Вокотта не больше двух километров.

На миг мне показалось, что Мона швырнула мне аппарат в физиономию. Передо мной вырос большой, сияющий огнями сельский дом, вознесшийся над долиной реки Дюрдан.

— Два километра! Подниматься по скалистому берегу и спускаться! Нет, дружочек, у меня нет бионической ноги!

Около девяти вечера начался дождь, холодный и частый. Вдали от моря он наверняка перейдет в снег. В висячих долинах Вокотта струйки дождя побегут по заасфальтированным склонам, сольются в быстротечный поток и обрушатся на галечный пляж. Кочевники в пустыне называют сухие русла рек, которые вода заполняет только в сезон дождей, вади. Это слово я узнал от матери. Интересно, а как их называют здесь?

Я высматривал в окно Мону. Несколько раз я порывался выйти, сесть в машину, оставленную в саду, и отправиться ей навстречу. Но Мона наверняка пойдет по прибрежной тропинке... Зачем неоправданно рисковать? Чтобы облегчить свою нечистую совесть?

Через двадцать минут сквозь стену дождя пробился дрожащий пучок света. За ним вырос темный силуэт, согнувшийся в попытке защититься от ветра и дождя. Но я все еще медлил, не бежал открывать дверь, протягивать теплый плед, кричать в ночь: «Слава богу, ты пришла».

Только Мона ли пришла в сад?

Я тогда узнал Мону, когда она чуть не вышибла дубовую дверь. Она молча стянула через голову желтый дождевик, делавший ее похожей на домовичка, и бросила его в меня.

Отшатнувшись, я схватил его и отбросил на пол; с него полилась вода. Я заметил, что сегодня Мона не надела мою звезду шерифа, хотя

еще вчера она была приколотая на том месте, где сердце. Логично, ведь сейчас она начнет меня ругать. Потом, быть может, выслушает меня.

Мона долго смотрела на меня. Мокрые рыжие волосы налипли ей на лицо. Она была чудо как хороша, этакий крохотный лесной зверек, бежавший от грозы, чтобы найти убежище в домике на опушке. Пугливый. Хотелось прижать его к себе, согреть. Наконец она улыбнулась своей неподражаемой улыбкой.

— Мне кажется, за мной никто не следил!

Захлопнув дверь, она преградила дождю дорогу в дом.

— Я иду в душ, Джамал. Встану под кипятилок!

Через полчаса Мона вышла из душа. Сняв с себя мокрую одежду, она натянула на голое тело широкий чистошерстяной серый свитер, доходивший ей до середины бедер и соскальзывавший с плеча. Рыжие волосы, блестящие и зачесанные назад, зрительно увеличивали лоб. Поджав колени и натянув свитер до самых пяток, она села на канapé и вопросительно посмотрела на меня.

— Давай рассказывай.

Я рассказал все.

Про поездку в Нефшатель-ан-Брэ, про поиски Кармен Аврил. Про доводы, с помощью которых хотел убедить ее дать мне посмотреть досье Морганы. Про одинаковый генетический код. Про фотографии сестер-близнецов. Про налет на медицинский кабинет. Про свидание с Осеан Аврил. Живой...

— Она такая же красивая, как в твоих воспоминаниях?

Вопрос удивил меня. Я не ответил. Точнее, ответил не совсем.

— Это она, Мона. И хотя я знаю, что это невозможно, это она. Та девушка, которая называла себя Магали Варрон. Та, которой я протянул шарф на обрыве, когда она прыгнула.

Мона не настаивала. Она попросила приготовить чай. Под раковиной Денена я нашел пакетики чая «Твинингс». Когда я вернулся в гостиную, она сидела, обхватив руками согнутые ноги и упершись подбородком в колени. Она напомнила мне маленького ежа, свернувшегося в клубок.

— Ты еще не хочешь сдать полицию?

— Они пытаются загнать меня в ловушку, Мона.

— О'кей, о'кей, не будем к этому возвращаться.

— Спасибо, что пришла.

— Не за что. Спасибо за адреналин.

В кухне засвистел чайник. Я не пошевелился.

— Что ты собираешься делать? — спросила Мона.

— Я думал об этом по дороге. Я оставил себе одну ночь. Только одну ночь! Начать все с начала, найти решение, поставить все на свои места. Если завтра я ничего не найду, я звоню Пирозу и сдаюсь.

Мона посмотрела на медный маятник, раскачивавшийся, словно метроном, в футляре нормандских настенных часов.

21 час 40 минут.

— Одну ночь? Ва-банк, однако! Если убрать три часа на короткий сон и час на секс, остается не так уж много времени...

Внезапно она встала. Чистошерстяной свитер XXL позволял видеть ложбинку между ее белоснежных грудей. На темном паркете белели ее босые ноги.

— С чего начнем?

Я без колебаний ответил:

— Магали Варрон! Полиция десять лет мурыжила дело Аврил-Камю, но ничего не нашла. Магали Варрон — ключ ко всему.

Я разложил на столе оба досье — Морганы Аврил, взятое у ее матери, и Магали Варрон, украденное из кабинета Пироза.

— О'кей, — произнесла Мона. — Я займусь Интернетом. Может быть, вчера в нем появилась какая-нибудь новая информация, которую ты пропустил.

Она прижалась ко мне. От нее пахло яблочным гелем для душа. Мои руки заскользили по ее обнаженным бедрам, по теплым ягодицам и упругому телу, изогнувшемуся под толстой шерстью. Когда она поднялась на цыпочки, я прижал свой восставший член к ее животу. Шерстяной свитер, словно кокон, обволакивал тело, готовое стать моей добычей. Неожиданно свитер показался мне таким широким, что я стал раздеваться, чтобы нырнуть под него, ибо места для двоих там явно хватит. Однако Мона, осчастливив меня долгим поцелуем в губы, ласково, но уверенно оттолкнула меня.

— За работу, дружочек!

Она села за компьютер Мартена Денена. Я разложил на столе десяток конвертов, полученных за последние два дня.

Мозговой штурм.

Мы напоминали двух студентов, пытавшихся за несколько часов до решающего экзамена вспомнить, что они изучали в семестре. Медный маятник вел ритмичный отсчет обратного времени, неизменно ударяясь о доски, словно желая сбежать из своего дубового футляра.

Внезапно раздался возмущенный вскрик Моны.

— Ты что, издеваешься надо мной?

Изумленный, я подошел к ней, стараясь смотреть на экран, а не на ее грудь в широком вырезе свитера.

— Вчера, — продолжала Мона, не отрывая взгляда от экрана, — на детской площадке в Ипоре ты сказал мне, что на основании данных Интернета восстановил жизнь Магали Варрон. Facebook. Copains d'avant. Twitter. Linkedln. Daily Motion. Помнишь? Две колонки, одна для Морганы, другая для Магали. «Пинк Флойд» и другие любимые группы, увлечение танцем живота, начальная школа в Канаде, затем коллеж и лицей парижского округа, которые носят те же названия, что и коллеж и лицей в Нефшатель-ан-Брэ. Полное совпадение, вплоть до даты рождения, тот же день, то же название городка, только с разницей в десять лет... Короче, целый ряд совершенно идиотских совпадений.

— Да, а что нашла ты?

Мона посмотрела на меня с сожалением. Так смотрят, когда хотят сообщить шестилетнему ребенку о смерти родственника.

— Ничего, Джамал. В Интернете ничего нет. Я пробила по разным поисковикам, но нигде не нашла ни следа Магали Варрон. Словно она никогда не существовала.

29

Словно она никогда не существовала?

Подобно пальцам безумного пианиста, мои пальцы бегали по клавиатуре компьютера. Я прекрасно помнил, что набирал, когда хотел получить сведения о Магали Варрон. Сайты, доступные в три клика, на которых подростки рассказывают о событиях своей жизни.

Ничего.

В Сети ни единого следа этой девушки.

Я повернулся в Моне.

— Кто-то уничтожил всю информацию...

Мона не ответила. Хотя голос мой дрожал, я счел нужным добавить:

— Любой может это сделать. Убрать странички с сайтов Интернета. Это новое доказательство... — Я перевел дыхание. — Новое доказательство того, что меня хотят завлечь в ловушку.

Мона встала. Потянула свитер вниз, пытаясь дотянуть до середины бедер, но шерсть, сжимаясь, постоянно уползала вверх, обнажая покрывшуюся мурашками кожу.

— Может, ты просто выдумал эту девушку?

Я смотрел на Мону и молчал. Она ходила босиком по комнате, не останавливаясь ни на секунду.

— Бог мой, Джамал, по сути, что известно о Магали Варрон? Только то, что ты мне рассказал! Ты говоришь, что прочел про нее в Сети, но там нет ни единой ссылки, даже перекрестной. Ты описал мне ее лицо, но это лицо другой девушки, скончавшейся десять лет назад, а также лицо ныне здравствующей сестры-близнеца. Ты утверждаешь, что эта девушка прыгнула с обрыва, изнасилованная и задушенная, но в газетах об этом ни слова. Никто не может подтвердить твои слова. Твой Кристиан Ле Медеф исчез. Дениза Жубан уже много месяцев не выходит из дома... Ты сам-то отдаешь себе отчет, Джамал? Есть только одно решение, которое объясняет все. Ключ простой и очевидный.

Не отрывая глаз от экрана компьютера, я продолжал наугад вбивать в поисковик слова, надеясь найти подтверждение своим выводам — хотя бы одному. Магали Варрон скрывалась где-то там...

Внезапно Мона остановилась. Натянула ворот свитера на обнажившееся правое плечо.

— Джамал, Магали Варрон не существует! Ты все выдумал. Три дня назад не было никакого самоубийства. Ты сам придумал эту сцену! Выдумал лицо девушки. Сочинил ее жизнь. Придумал свидетелей.

Резко вскочив, я схватил досье, украденное из кабинета Пироза, и потрясая им, сунул его под нос Моне.

Папка зеленого цвета.

На наклейке рукой Пироза написано: *«Магали Варрон»*.

— А как же жандармы, что следуют за мной по пятам? А это чертово обвинение? А полиция, что нагрянула к тебе сегодня утром в «Сирену»? Это тоже я выдумал?

Она ответила мне ровным тоном учительницы младших классов:

— Совершенно верно. Тебя разыскивала полиция. Полицейские пробыли у меня две минуты, они спросили, знаю ли я тебя и знаю ли, где ты находишься, но они ни слова не сказали о Магали Варрон. Равно как и о случившемся позавчера изнасиловании.

Я поднес папку к самым глазам Моны.

— Это кретинизм, Мона! А доклады судебных медиков? А фотографии искореженных членов Магали Варрон, а результаты экспертизы ДНК, где стоят печати отделения жандармерии? Я что, сам их подделал, а затем поставил печати?

Похоже, у нее наконец закралось сомнение в собственной правоте.

— Не знаю. Только я вижу, что ты все придумал, и это все объясняет. Почти все... К тому же ведь это отличная байка, разве нет?

Отличная байка?

Я в изумлении смотрел на нее.

— Подумай, Джамал. Если нет трупа Магали Варрон, значит, не было изнасилования. И обвинения в убийстве. У жандармов против тебя ничего нет! Ты самый настоящий параноик. Думаю, ты еще и присочинил чуток, чтобы половчее меня закадрить...

В ее тоне я не услышал ни единой нотки юмора.

— Черт возьми, Мона, что я, по-твоему, делал в жандармерии в тот день, когда мы столкнулись с тобой возле автомата для кофе?

— Не знаю. Может, тебя вызвали как свидетеля по какому-нибудь другому делу...

Она нарочито замолчала. Часы продолжали равномерно тикать.

Внезапно я понял.

Ясно увидел обратную сторону пазла, который сложила Мона.

Я не случайно придумал Магали Варрон. Ее лицо, ее изнасилование, красный шарф вокруг шеи, скалы Ипора.

Я описал сцену, которую уже однажды пережил!

Именно об этом и подумала Мона. Жандармы из Фекана вызвали меня как свидетеля по делу десятилетней давности: по делу об убийстве Морганы Аврил. Я все перепутал. Смешал прошлое с выдуманным настоящим.

Я сошел с ума...

Прежде чем окончательно соскользнуть в бездну, я попытался зацепиться за последние шероховатости:

— А эти письма? — спросил я Мону, указывая на разложенные по столу коричневые конверты. — Разве я сам себе их прислал?

Она подошла ко мне и положила руку на плечо.

— Нет, Джамал. Нет. Но, возможно, кто-то заинтересован в том, чтобы ты вспомнил подробности дела Аврил–Камю. Это вполне объясняет...

Стряхнув с плеча ее руку, я заорал:

— Чтобы я вспомнил? О чем? Я никогда не слышал об этом деле! Я вообще узнал о нем только на этой неделе!

Мона спрятала руки в рукава свитера, и я тотчас пожалел о своем крике. Я не знал, что делать. Не знал, виновен я или нет. Неожиданно мне захотелось плакать. Разрыдаться как ребенок.

— Я... я не имею никакого отношения к этой истории, Мона. Меня хотят заставить расплачиваться за другого. Выставить меня психом. Если ты бросишь меня, они своего добьются...

Отведя взгляд, Мона посмотрела на часы.

22 часа 10 минут.

— Одна ночь, Джамал! Я даю тебе одну ночь, чтобы убедить меня. Как только над скалами взойдет солнце, ты идешь сдаваться в полицию.

— Значит, я могу изложить свой план сражения?

— Разумеется.

— Кроме Пироза и его жандармов, подтвердить, что я не придумал самоубийство Магали Варрон, могут только два человека. Кристиан Ле Медеф и Дениза Жубан.

— Ты их уже спрашивал.

— Да, Ле Медеф все подтвердил, но потом исчез. Или его заставили исчезнуть. Мы вернемся к ним, к ним обоим, и ты сама поговоришь с ними — о чем захочешь.

— Среди ночи?

— Да.

— А жандармы? Ты рискуешь нарваться на них в Ипоре.

— Жандармы, которые идут за мной по пятам? А ты, случайно, сама не сбрендила?

Мона расхохоталась. Ее губы коснулись моих.

— Надеюсь, ты позволишь мне заварить чай?

Глядя, как она идет на кухню, я крикнул ей вслед:

— Раз я получил право на защиту, значит, я могу сделать звонок другу?

— Что ты сказал?

— Есть еще один след, но я по нему не пошел. Табличка с цифрами, которую я видел у Пироза и Ле Медефа. В Интернете невозможно найти, что это значит, тем более в связи с делом Аврил-Камю. Но в клинике «Сент-Антуан» у меня есть приятель, он настоящая ходячая энциклопедия. Его зовут Ибу. Вдруг он...

— Ты прав. Звони своему ученому другу, ведь доктора с диссертациями по экспериментальной химии — сплошные болваны!

Ибу ответил почти сразу. Я быстро прервал его вопросы о подготовке к марафону вокруг Монблана, о погоде в Нормандии и попытку рассказать последние сплетни.

— У тебя есть минутка, Ибу? Ты ничего не выиграешь, но можешь помочь мне не проиграть по-крупному...

Я описал табличку и назвал цифры, полагая, что речь идет о шифре, код которого не поддается разгадке.

2/2 | 3/0

0/3 | 1/1

В ответ услышал громовой хохот.

— Проще простого, зайчик мой. Все это знают! Квадрант дилеммы заключенного.

— Что?

— Дилемма заключенного! Это своего рода теорема, выведенная из теории игр.

Я включил на громкую связь, чтобы Мона тоже могла слышать.

— Теорема очень проста. Представь, что двое грабителей, совершивших, например, вооруженное ограбление, задержаны полицией и их допрашивают раздельно. Каждый задержанный, если, не хочет сознаваться, может выбрать одно из двух: либо молчать, либо предать своего сообщника. Если он предает сообщника, его отпускают, а приятель получает по полной. Но проблема в том, что ни один из задержанных не знает, как поступит его поделщик...

— Ибу, я ничего не понимаю. Что за теория и при чем тут твоя история?

— Сейчас объясню. Представь себе, что мы формализуем нашу задачу с помощью цифр, которые, например, обозначают, срок заключения. Это знаменитый квадрант. Если оба арестованных молчат, им вменяют что смогут и каждому дадут не более года тюрьмы. Если оба начинают предавать друг друга, обоих признают виновными и каждый получит по два года.

— А зачем жандармы допрашивают их по отдельности?

— Индивидуальный интерес должен возобладать над коллективным. Если первый задержанный предает второго, в то время как второй его выгораживает, с первого снимаются обвинения, а второй получает по полной, три года тюрьмы за своего приятеля, который выходит на свободу.

— Черт возьми, Ибу, неужели ученым платят за то, чтобы они выдумывали подобную чепуху?

— Еще как! Особенно одному американцу. Роберту Аксельроду. Он объявил конкурс на создание уравнения, позволяющего получить максимальный выигрыш в игре дилемма заключенного.

— А в нее можно играть?

— Да. Вдвоем. Вдесятером. Даже сто человек зараз. Правило самое простое, какое только можно придумать: ты предаешь или начинаешь сотрудничать. Ты втайне делаешь свой выбор, а потом сравниваешь выбор других игроков и считаешь очки.

— И дальше? Что значит эта волшебная формула?

— Согласно Аксельроду суть ее заключена в трех словах. Сотрудничество — взаимность — прощение. Поясню: ты предлагаешь другому игроку сотрудничество. Если он врет тебе и предает, впоследствии ты нанесешь свой удар, также предав его. Затем ты снова предлагаешь сотрудничать. Согласно Аксельроду это золотое правило, на основании которого строятся любые типы взаимоотношений между человеческими индивидами.

— Ну уж нет!

Я не видел никакого соотношения между этой дурацкой теорией, делом Аврил–Камю и самоубийством Магали Варрон. Почему Пироз и Ле Медеф написали на листке цифры этой дилеммы?

На несколько секунд я задумался.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, Ибу, но это решение Аксельрода работает только в том случае, если игроки несколько раз

играют друг против друга. Насколько я могу сделать вывод, основной принцип заключается в том, чтобы не дать себя обмануть два раза подряд. Но если ты играешь всего одну партию, решающую, то лучше всего пробудить доверие того, с кем играешь, а затем предать его, точно?

— Ты все прекрасно понял, дружок!

Нажимая отбой, я чувствовал, что ни на шаг не продвинулся к цели. Очевидно, дилемма заключенного не вдохновляла и Мону. Возможно, я сам выдумал эту последовательность цифр и сам нацарапал их...

Она сунула в пластиковый пакет коробку сухого печенья, вытащила термос и включила кофеварку.

— Со вчерашнего дня тебе вряд ли удалось поспать больше двух часов. Следи за кофе, а я пойду переоденусь.

Внезапно я задался вопросом, где в этом доме она собирается найти сухую женскую одежду, но она не оставила мне времени на размышления. Нервно растягивая свитер, она произнесла:

— Мне нужно знать, Джамал. Это важно... — Она так сильно потянула вязаное полотно, что деформировались петли. — Десять лет назад ты уже... — Серый свитер превратился в решетку, прикрывавшую ее обнаженное тело, словно шкура зебры. — ...еще передвигался на собственных ногах?

Такой же вопрос задал мне Пироз в жандармерии.

Я смерил ее взглядом. Цинично. Холодно.

— Передвигался на собственных ногах? Ты это хочешь узнать, Мона? Давай продолжай, договаривай до конца! Мог ли я танцевать десять лет назад? Лазать по скалам? Бегать за девушками? Ухлестывать за ними, насиловать их, душить, ведь ты об этом хочешь спросить, не так ли, Мона?

— Нет, ни о чем таком я не думаю, Джамал.

— Если бы в окрестностях появился хромым, его бы тотчас засекли.

— Мне надо, чтобы ты мне ответил на вопрос, — повторила Мона.

Я приподнял штанину, явив железный стержень, соединявший колено с карбоновой стопой.

— Я прошел сквозь стекло витрины торгового центра «Богренель», это в пятнадцатом округе. Мы вместе с десятком приятелей из Лакурнев занимались паркуром. Я порвал связки...

Мона открыла рот, словно рыба, вытщенная из воды. Я оказался быстрее:

— Это случилось в мае 2002-го, двенадцать лет назад.

Мона не ответила. Она прекратила терзать свитер, и мохер снова принял форму доспеха.

— Опять сочиняешь?

— Возможно, я обожаю придумывать истории.

Мона решила сама сесть за руль. Она натянула джинсы «капорал», очень модные, но слишком большие для нее, наверняка позаимствованные из гардероба сына Мартена Денена, и зеленый свитер, поверх которого надела свою еще мокрую куртку.

И никакой звезды на сердце...

Дождь кончился, температура опустилась ниже нуля. Прежде чем Мона запустила двигатель, я положил пальцы ей на руку.

— Если все кончится плохо...

Я открыл бардачок. Рука коснулась холодной рукоятки кольта. Я думал, Мона сейчас закричит.

Совсем наоборот! Она смотрела на меня как на распоследнего идиота.

— Кольт Мартена Денена? Но это оружие защиты, Джамал! Оно стреляет только резиновыми пулями или холостыми патронами. Мартен никогда бы не стал хранить у себя штучку, которая может убить кого-нибудь.

Заявление Моны придало мне храбрости или же, наоборот, испугало?

Времени на размышления не было, ибо в следующую минуту, когда я убирал оружие, пальцы мои коснулись пергаментной бумаги. Бумаги, по текстуре ничем не отличавшейся от почтовых конвертов для бандеролей.

Коричневый конверт.

На мое имя.

Два часа назад, когда я припарковал «фиат» в глубине аллеи, его там не было. Я осторожно отложил кольт. Неужели какой-то

неизвестный, воспользовавшись темнотой и дождем, бесшумно проник в сад?

Неизвестный... а может, проще: всего лишь Мона?

Решив потребовать у нее объяснений, я поднял глаза... и понял, что она думает точно так же.

Для нее я — единственный, кто мог подбросить конверт в машину.

Единственный, кто знал, что я открою бардачок, чтобы достать из нее револьвер...

Мона пристально смотрела на меня. Я снова вспомнил слова Ибу. Дилемма узника.

Чертова игра...

Два сообщника. Один выбор, тайный.

Предать или довериться.

Я разорвал конверт.

30

Сотрудничество — Взаимность — Прощение?

Дневник Алины Массон — декабрь 2004 года

Насколько я помню, Миртий была всегда.

Я жила на улице Пюшо, на седьмом этаже, в квартире с видом на Сену, мост Гинмер и прибрежную тропу, по которой раньше матросы тащили баржи. Туда никто никогда не ходил играть.

Миртий жила в пассаже «Табуэль», в городском домике с маленьким садом. На улице напротив.

Я всегда звала ее Мими.

Для нее я всегда была Линой.

Мими — Лина.

Двое неразлучных.

Мы перебрали воспоминания, и оказалось, что впервые мы встретились в 1983 году, в больнице Фегрэ. Я появилась на свет в тамошнем родильном отделении 17 декабря, а Мими родилась 15-го. Но ее мать Луиза обычно говорила, что подружились мы в детском парке Пюшо, где катались на тобогане, когда нам исполнился год и один

месяц. С тех пор как Мими больше нет, я часто рассматриваю наши старые фотографии, где мы с ней стоим в варежках, шарфиках и шапках.

Мы оказались в одной группе детского сада. Нормально! Я часто ходила играть к Мими: у нее была маленькая забавная собачка по кличке Бюффо. Позднее я узнала, что Шарль назвал ее так в честь знаменитого клоуна. Мы по-всякому тормозили ее, засовывали ее в коляску и отправлялись с ней гулять, подвязывали ей салфетку и пичкали детскими пюре.

Мими никогда не приходила ко мне. Мне было немножко совестно. К тому же у меня не было собаки.

Мы были неразлучны, как близнецы, по крайней мере, так говорили о нас в начальной школе «Альфонс Доде». Хотя внешне мы нисколько не похожи.

Луиза и Шарль много работали. Особенно по средам, субботам и во время каникул. У Луизы была своя школа танцев, Шарль водил группы по музею. Иногда мы гуляли по улицам Эльбефа, но чаще отправлялись к Жанин, бабушке Мими.

Она жила в Оривале, на улице Рош, в доме на берегу Сены, и у нее в саду были гроты, только нам запрещали туда лазить, потому что боялись обвалов. Жанина смешила нас, и мы не особенно ее слушались. Мы прозвали ее бабушкой Ниндзя, так придумала Мими. Она вообще большая выдумщица.

Иногда мы брали с собой Бюффо. Вдоль Пляжного бульвара мы вели его на поводке. Наверное, этот бульвар до сих пор так и называется. Сегодня там нет никаких пляжей, как, впрочем, и нет их и по берегам Сены.

Когда нам исполнилось восемь, мы впервые вместе отправились в летний лагерь, расположенный среди сосен в Буа-Плажан-Ре. Фредерик работал там аниматором. Мими находила его очень красивым: у него были длинные волосы, гитара и мускулистые руки, которыми он подбрасывал ее так высоко, что ей казалось, что она вот-вот улетит. Лагерем руководили Луиза и Шарль. Другие дети не любили Мими. Она была любимицей, дочерью начальников лагеря, возможно, единственной, у которой оба родителя имели работу.

Мы с Мими поддерживали друг друга.

Мими — Лина, навсегда.

В лагере «Буа», как его сокращенно называли, Мими часто плакала, но не хотела ничего говорить родителям. Мы спали вместе, в одном большом дортуаре. По ночам Мими иногда писала в постель. И, смеясь, говорила, что именно из-за описанных простыней лагерь получил название «Золотая простыня». Я переживала вместе с ней. Мы незаметно оставались в дортуаре и меняли матрасы. Я отдавала ей свой, а когда один из матрасов начал вонять мочой, мы заменяли его на матрас дежурного аниматора, который спал в коридоре.

Никто ничего не узнал.

Наша тайна.

Если бы я об этом рассказала, она бы меня убила. Я никогда никому ничего не говорила. Но умерла она.

После коллежа мы стали посещать кружки Дома молодежи и культуры. Разумеется, чтобы встречаться с Фредом. Мими занималась танцами и театром. Я ходила в цирковой кружок. Мне хорошо давались трюки с шаром, эквилибр, балансировочная доска. Мими — иное дело, она сама грация, само совершенство. Иногда Луиза открывала театрально-цирковой зал только для нас, и мы выходили на сцену и мечтали. Однажды в гардеробе мы нашли старую афишу, где человек в трико прыгал с трапеции прямо в огненный круг. Его звали Рустам Трифон, он выступал в цирке Молдавии. Красивый, как бог, белокурый со светлыми стальными глазами. Мы передавали афишу друг другу — неделю она висела у меня, неделю у нее. Рустам Трифон стал нашим кумиром. Кем-то вроде Филипа Николича из группы «2Ве3». Мы скачивали через «What's up» песни «4 Non Blondes», слушали и мечтали отправиться в Приднестровье... Там жил Рустам.

Наш первый лагерь, куда мы отправились аниматорами, находился в Буа-Плаж-ан-Ре, это было в 2001-м. Директором был Фредерик. Мими по-прежнему находила его красивым; теперь он коротко стриг волосы и играл на гавайской гитаре. В лагерь, как всегда, приезжали дети из проблемных кварталов Эльбефа, их кузены, их младшие братья, а возможно, даже их дети. Мы с Мими поднимали их среди ночи, чтобы они пошли пописать, и, смеясь, как безумные, проверяли, сухие ли у них матрасы и пижамы.

На следующий год на заработанные деньги мы позволили себе съездить в Бретань на рок-фестиваль «Старые плуги» и даже видели

там «Blues Brothers». До них буквально можно было дотронуться! Мы познакомились с бретонскими волонтерами. Такие красавчики! Однажды вечером Мими отправилась гулять с одним из них, с тем, который чистил туалеты; по ее мнению, он был самым симпатичным.

В этом вся Мими.

Когда через две недели мы вернулись домой, скончался Бюффо. В день святой Анны. Стояла жара, в полдень он заснул среди розовых кустов и не проснулся. Шарль похоронил его; собственно, он даже не стал двигать тело, а просто вырыл под ним ямку. С тех пор каждый раз, когда я иду в пассаж «Табуэль» и захожу к Шарлю и Луизе, я смотрю на розы и вспоминаю о Бюффо.

Мне кажется, собачка бы не возражала возродиться в виде розы.

В 2003 году летний лагерь впервые сменил остров Ре на Нормандию — из-за нехватки постоянно уменьшавшихся субсидий. В лагерь стали принимать все больше подростков. Однажды вечером в сентябре в Кодбек-лез-Эльбеф на задворках «Мак-Дака» Мими нашла потерявшегося щенка. Она назвала его Рональдом, имя дурацкое, но это было единственное имя клоуна, которое пришло ей в голову. Она принесла его Шарлю и Луизе. Своего рода способ дать понять родителям, что теперь она будет бывать дома гораздо реже. Во время работы в летнем лагере она часто ходила гулять с Фредериком. Все понимали, что у них роман, хотя он и старше нее на девятнадцать лет.

Честно говоря, мы все этого ждали. Даже считали, что они немного затянули с решением жить вместе. Следующей весной Мими спросила меня, хочу ли я стать свидетельницей на ее свадьбе. Теперь она хотела все ускорить. Свадьба планировалась на 2 октября, в Оривале, в церкви, вырубленной в скалистом берегу Сены, «такой же прочной, как и ее любовь», — говорила она. Мими была более романтичной, чем я, ей нравился католический обряд, белое платье, поэзия; она была уверена, что встретила принца на белом коне.

Я ответила «да». И сказала, что до свадьбы намерена заставить ее хорошенько попрыгать. Что у меня есть суперсумасшедший план похорон ее свободной девичьей жизни. После лагеря в Изиньи мне хотелось, закинув за спину рюкзак, вместе с ней доехать автостопом до другого конца Европы, до самого Приднестровья...

Мими покинула меня 26 августа 2004 года.

Даже не попрощавшись.

У нее был выходной, и она куда-то отправилась, ничего мне не сказав.

Меня привели туда жандармы. Я первая увидела ее посиневшую шею, ее обнаженное тело, прикрытое разорванным платьем, ее широко раскрытые и устремленные в небо глаза.

Я сообщила Шарлю и Луизе. Они известили Фредерика.

Прежде чем им позвонить, я вспомнила всю свою жизнь, промчавшуюся, словно скоростной поезд. Детский парк «Пюшо», Бюффо, цирк, Рустам Трифон, гроты бабушки Ниндзя...

Я даже представить себе не могла, что мне придется всю жизнь страдать без Мими.

Шарль, Луиза, Фредерик и я, мы хотели знать правду. Однако с Кармен Аврил и ее обществом против забвения «Красная нить» это почему-то не прокатывало. Впрочем, общество давало повод для частых долгих разговоров с Осеан, сестрой Морганы. Мы с ней почти ровесницы, и мы обе потеряли тех, кто был нам больше всего дорог на этом свете.

Их обеих убил один и тот же тип.

Близнецы по несчастью.

Однако мы не понимали друг друга. Или понимали плохо. Как и ее мать, Осеан руководила ненавистью. Осеан мечтала найти убийцу сестры и собственными руками задушить его. Я же была уверена, что стану каждый день посещать его в тюрьме и рассказывать ему о Мими, чтобы он понял, кем она была, раскаялся в своем поступке, полюбил ее и молил ее о прощении.

Когда установили личность Оливье Руа, подозреваемого номер один, Шарль и Луиза поняли, что никто никогда не узнает правды о гибели их единственной дочери.

Ибо Оливье Руа оправдали.

Коммандан Лео Бастине не скрывал, что дело сдается в архив... Если не произойдет ничего неожиданного. Шарль и Луиза вышли из общества «Красная нить» в 2005-м. Это был их личный выбор. Но они настояли, чтобы Фредерик и я остались его членами.

Никогда не забывать.

Тогда мы не поняли, почему.

Луиза терпеливо ждала до 2007 года, когда после десятилетней реставрации открылся театрально-цирковой зал «Эльбефа». По такому случаю Шарль и Луиза пригласили несколько артистов мировой величины.

Приехал Рустам Трифон. Ему было пятьдесят три года. Его афиша, приколотая к стене кнопками, все еще висела над кроватью Мими. Он согласился отправиться в тупик Табуэль, даже поднялся к ней в комнату, взлетев по лестнице с легкостью ангела. Я попросила его сорвать в саду розу, и он положил ее на могилу Мими на кладбище Сент-Этьен. Вид у него был взволнованный.

Прекрасная и печальная минута.

Вечером мы втроем сидели на арене: Шарль, Луиза и я. Глядя на огромный плюшевый занавес, пурпурный в свете прожекторов, я сказала:

— Мими бы это понравилось.

Шарль и Луиза промолчали. Возможно, они считали, что Мими сверху все видит. Слышит. Испытывает те же эмоции. А возможно, нет. После смерти Мими у них установились особые отношения с Богом.

Потом мы расстались.

Я до сих пор сожалею, что не рассказала им о своих сомнениях.

На следующий день Шарль и Луиза уехали на остров Ре. Строения, принадлежавшие летнему лагерю Буа-Плаж-ан-Ре, почти десять лет назад продали кемпингу. Еще один кемпинг. Люксовый, с бассейном и теннисным кортом, куда не сунется ни один трудный подросток из предместий Эльбефа. Около 18 часов 50 минут, буквально за несколько минут до закрытия, Шарль и Луиза поднялись на маяк «Бален». На высоту пятьдесят семь метров. Двести пятьдесят семь ступеней. С Атлантики дул холодный ветер, они были одни.

Взявшись за руки, они перебрались через бетонную балюстраду и прыгнули вниз.

С тех пор я часто навещаю бабушку Ниндзя, она по-прежнему живет на улице Рош. Она единственная, кто осталась в живых из членов моей настоящей семьи. Мы много говорили. В конце концов я поведала ей все, что у меня на душе. Она приободрила меня. Я правильно сделала, что ничего не сказала Шарлю и Луизе. Хорошо, что они ушли,

убежденные, что Мими стала жертвой случайного убийцы. Не обвиняли никого, кроме судьбы. Она также дала мне понять, что, если меня продолжит грызть сомнение, надо от него избавиться.

— Но как, Жанин? Как?

— Рассказав все полиции, милочка. Даже если придется разбередить самые уродливые раны.

Я вспомнила стихотворение, написанное Мими.

Последнюю строфу:

«Я стену построю, чтоб нас окружить,
И от врагов сумею нас защитить.

M2O».

Мими никогда бы не смогла написать такие строчки.

Мне очень не хватало Мими.

31

Разбередить самые уродливые раны?

Выключив в «фиате» верхний свет, Мона повернулась ко мне.

— И что там?

Коричневый конверт упал к моим ногам. Мне трудно связать только что прочитанное с убийством Морганы Аврил и самоубийством Магали Варрон, но связь существует, непременно...

Надо только найти ее... Передо мной предстал красный шарф, туго обмотанный вокруг шеи.

Мона заметила, как у меня из уголков глаз выкатились слезы.

— Трогательно?

— Очень.

— О Моргане или о Миртий?

— Миртий. Точнее, Мими... Очень красивое признание в любви.

Глаза Моны странно заблестели. Она помолчала, потом нежно провела пальцем по моему веку, убирая слезу.

— Спасибо, — произнесла она.

— За что?

Не ответив, она включила задний ход, чтобы машина могла выехать из парка.

23 ч 10 мин.

Мона припарковалась на площади Жан-Поль Лоран, прямо напротив дома Кристиана Ле Медефа. Вокруг ни одного полицейского. Прежде чем покинуть стоянку, я натянул на голову капюшон своей толстовки «Wind Wall North Face».

— Вчера здесь было не заперто, — сказал я, подойдя к домику.

Я повернул ручку. Дверь открылась.

— Однако твой свидетель слишком доверчив, — усмехнулась Мона.

Подождав, пока мы оба войдем в дом, я громко позвал:

— Кристиан! Кристиан Ле Медеф!

Никто не ответил, как я и ожидал. Атаракс, бывший инженер-атомщик, в дом не вернулся.

Бежал?

Похищен?

Убит?

Мона бодро шла за мной по темному коридору.

Внезапно я остановился. Заледенел, словно в доме неожиданно упала температура.

Лестница была полностью погружена во тьму.

— Света нет, — проговорил я.

— Но это же логично, разве нет?

— Нет! Вчера на втором этаже в комнате Ле Медефа горел ночник.

— Ты выключил его, когда уходил.

Я покачал головой. Я был уверен, что ничего не трогал. Кончиками пальцев я включил фонарик на своем айфоне. Экран осветил ступени.

Ничего. Ни единого шороха. Никаких признаков жизни. Точно так же, как прошлой ночью во время моего визита.

За исключением погашенного ночника.

Поднявшись на двенадцать ступеней, я осветил лестничную площадку, постоял немного, а потом позвал:

— Ле Медеф!

Никого.

Я снова ошибся. Вчера вечером я сам не заметил, как нажал на выключатель этой чертовой лампы.

— Ничего, ты еще увидишь, какой я сумасшедший! — неожиданно бросил я Моне, спускаясь с лестницы. — Иди за мной в гостиную.

Она пропустила меня; двигаясь по коридору, тела наши касались друг друга. Свет от экрана мобильного скользил по стенам, освещая отклеившиеся от сырости обои, серые розетки, тронутые грибком деревянные панели. Поглощенный мыслью об исчезновении Кристиана Ле Медефа, вчера я не заметил, до какой степени запущен дом; сейчас мне показалось, что он и вовсе давно заброшен.

Я опустил фонарик, осветил черно-белую плитку. Тишину нарушал только звук наших шагов.

Тишина...

И снова меня словно током ударило. Безумие бродило вокруг, продолжало бродить.

Я не услышал никакого бормотания. Кто-то выключил транзистор!

— Вчера радио работало, — прошептал я в темноте.

Мона не ответила. Я чувствовал за спиной ее дыхание. По телу побежали мурашки. Что я увижу в следующей комнате? Я остановился на пороге.

— Кристиан?

Смешно. Что я себе вообразил? Что похитители приводили его днем доесть тальятелли?

Кругом тишина. Не слышно даже радио...

Кто приходил сюда после меня? И зачем, черт возьми? Чтобы доставить труп Ле Медефа?

Свет от телефона проскользнул в центр комнаты, где прежде стоял стол, переместился в сторону, где был стул, затем на место микроволновки, телевизора, радиоприемника... Сделал несколько кругов, каждый раз ускоряя движение. Заскакал в истерическом мерцании.

Погоня осветителя, сошедшего с ума.

Внезапно, презрев элементарную осторожность, я повернул выключатель. Белый свет от лампочки без абажура ослепил нас, заставил закрыть глаза. Когда же, приставив руку козырьком ко лбу, я открыл глаза, то не поверил самому себе.

Комната была пуста.

Совершенно пуста.

Ни стула, ни стола, ни бутылки, ни тарелки, ни стакана, ни телепрограммы, ни даже радио. Никакой мебели.

Со вчерашнего дня гостиная и кухня полностью опустели. Телефон в руках внезапно стал тяжелым, словно кусок железа. Голова закружилась. Мона переступила порог комнаты. Слабое эхо сопровождало ее шаги.

— Ле Медеф жил здесь?

— Да.

Преодолевая головокружение, я поочередно указывал места, где стояла исчезнувшая мебель. Водил пальцами по стенам, по полу. Следы пыли или ее отсутствие ясно свидетельствовали, что мебель убрали совсем недавно. Словно все пришлось срочно эвакуировать.

— Они вывезли все, — произнес я.

— Кто эти «они»?

— Мона, я не знаю. Но это довольно просто. Один стол, один стул, немного кухонной утвари. Все влезет в один фургончик...

Мона не ответила. Я продолжал разматывать нить своего объяснения:

— Сначала устраивают исчезновение неудобного свидетеля. Затем всех имеющихся доказательств...

— Настоящий заговор... Просто суперорганизация, Джамал.

В голосе Моны звучала ирония.

Повернувшись к ней, я схватил ее за плечи.

— Черт возьми, Мона! Ты считаешь, что я все сочинил? Каждую деталь? Стакан вина, тарелку с тальятелли, тихо игравшее радио? Думаешь, я совсем с ума сошел?

Слова, сказанные громким голосом, ударялись о голые стены. Мона дошла до середины комнаты, где стоял стул Ле Медефа. Стоял еще вчера.

— Довольно вопросов, Джамал. Будем придерживаться принятого плана. Помнишь, что ты обещал? Сегодня ночью мы наносим визит двум твоим свидетелям. Кристиану Ле Медефу и Денизе Жубан. Затем ты идешь в полицию сдаваться.

Я не стал возражать. У меня больше нет сил.

Еще несколько минут мы постояли в пустом доме, потом Мона взяла меня за руку, и мы пошли к выходу. Как только мы вышли на улицу, дверь соседнего дома напротив открылась. Слабый свет упал на шоссе. Я инстинктивно отшатнулся в темноту. Тип, вышедший на улицу, различил только одинокий силуэт Моны.

— Что, холодно вато на улице?

Между его ног проскользнула хромая тень. Я узнал вчерашнюю собаку на трех лапах. Ее хозяин целую вечность закуривал сигарету, пользуясь возможностью при свете зажигалки рассмотреть лицо Моны.

— Не каждую ночь увидишь, как такая хорошенькая девушка вроде вас слоняется по улице.

Трехногая собака заковыляла ко мне. Не раздумывая, Мона подозвала ее щелкающими звуками и, наклонившись, принялась гладить. Сосед, похоже, оценил ее поступок.

— Вы давно здесь живете? — спросила Мона.

— О-о, лет этак десяток уже будет...

Он выпустил клуб дыма.

— Что вы делали в доме?

Этот кретин заметил свет!

— Приходили в гости, — беспечно ответила Мона.

Стараясь не касаться тротуара носком левой ноги, я отступил еще дальше в темноту.

— В такой-то час?

Он, казалось, удивился. К моему изумлению, рука немедленно сжала в кармане рукоятку кольта. Выпустив очередной клуб дыма, тип пожал плечами.

— Надо думать, они на все готовы, лишь бы продать...

— Продать? — вопросительно произнесла Мона.

— Ну да. Они уже полгода ищут покупателя. Ипор, конечно, не Довиль. Здесь на продажу выставлены десятки таких домов...

У меня подкосились ноги. Чтобы сохранить равновесие, я оперся рукой на холодный шершавый песчаник. Мона продолжала разыгрывать неведение:

— Дом уже полгода стоит пустой?

— Ну да. Кроме, разумеется, покупателей, которые в него приезжают. Но это редко... Особенно в такой час.

Выплюнув окурок, он улыбнулся Моне, подумав, впрочем, без особой надежды, как было бы хорошо заполучить такую очаровательную соседку, а потом подозвал собаку. Дверь за ними захлопнулась.

Подождав немного, я пошел в темноте к «фиату». Сзади прозвучал голос Моны:

— Доволен?

Я попытался проартикулировать самый невероятный довод.

— Пустой дом! Идеальное место, чтобы расставить мне ловушку.

Они отлично собирают и разбирают декорации.

Мона помигала фарами «фиата».

— Значит, Ле Медеф — их сообщник? А я думала, он твой союзник. Он сам показал тебе дом, где он живет?

— Возможно, он мне не доверял. Он говорил о заговоре, об омерте.

[11] Быть может, он боялся! Может...

Мона протянула мне ключи.

— О'кей, let's go, Джамал. Последний этап. Садись за руль, ты знаешь дорогу к Денизе.

Больше она ничего не сказала.

Она могла привести тысячи доводов и доказать, что я выдумал сцену с исчезновением Кристиана Ле Медефа. И с исчезновением мебели. Сосед, к примеру, не мог не заметить грузовой фургон, стоявший напротив двери. Так что, в сущности, единственным свидетелем, которого я мог предъявить за последние сутки, был пес на трех лапах.

Я включил зажигание.

На табло приборной доски высветились зеленые цифры: 23 часа 32 минуты.

— В такой час у Денизы Жубан инфаркт случится...

— Или у меня, — ответила Мона. — Какой сюрприз ждет нас сверх программы? Дениза, задушенная пришельцами? Ее призрак, который предложит нам чаю?

Призрак Денизы Жубан...

В тишине кабины я вспоминал, что говорила почтенная дама. Она утверждала, что уже несколько лет не выходит из дома. Но она же меня узнала, вспомнила, что видела меня на пляже в Ипоре — правда, в утро

убийства Морганы Аврил. Десять лет назад. Моя последняя надежда покоилась на свидетельстве старухи со старческим слабоумием, чей бред убеждал меня лишь в собственной амнезии.

Сидя на пассажирском месте, Мона, включив верхний свет, перелистывала досье Морганы Аврил и Магали Варрон, украденные у Кармен Аврил и Пироза. Внимательно перелистывала. Внезапно мне показалось, что ее что-то смутило. Она то и дело переводила взгляд с одной папки на другую.

Выезжая на дорогу, ведущую к бывшему железнодорожному вокзалу Турвиль-лез-Иф, я замедлил ход.

— Ты что-то нашла?

Она как-то странно посмотрела на меня.

Совершенно очевидно.

Она что-то нашла. Что-то, что привело ее в смятение.

— Нет. Впрочем, возможно.

— Что?

— Потом. После старушки.

— Почему?

Внезапно Мона повысила тон.

— Я же сказала: после старушки.

32

Ты что-то нашла?

Сначала свет фар «фиата» высветил вагон Восточного экспресса, затем паровоз Шапелона и наконец фасад бывшего вокзала, часы на котором по-прежнему показывали 7 часов 34 минуты.

Как только я выключил фары, вокзал, поезд и парковка исчезли во мраке ночи. Мы пошли, освещая дорогу фонариками. Через несколько шагов фонарики высветили голубенькие стены бывшего дома начальника вокзала.

— Будем будить Денизу? — спросила Мона.

Не ответив, я взялся за ручку двери. На этот раз дверь оказалась заперта. Деревушка Иф насчитывала всего несколько домиков, темные силуэты которых вырисовывались неподалеку.

— Если мы начнем стучать, то разбудим всех вокруг.

Не тратя времени на размышления, я рванулся к окну с частыми переплетами. Ставни были открыты. Схватив камень размером с яйцо, я ударил в оконное стекло, самое близкое к щеколде. Десять сантиметров на десять. В темноте сверкнули осколки разбитого стекла. Отбросив все мысли об осторожности, я открыл окно изнутри.

На ладони выступило несколько капель крови. Легкие порезы. Мона молча смотрела на меня.

— Сделаем Денизе сюрприз, — шутливым тоном произнес я.

Тон явно лишний.

Почему надо входить, как взломщики? Бороться с очевидными фактами? На что я надеялся? Застать врасплох армию заговорщиков, ставящих новую декорацию в доме Денизы Жубан, воздвигающих перегородки новой призрачной комнаты?

Мы влезли в окно.

«Арнольд», — внезапно вспомнил я.

Арнольд нас учует!

Как ни странно, ши-тцу не появлялся. Я пытался вспомнить расположение комнат в бывшем доме начальника вокзала. Кажется, спальня Денизы рядом с гостиной, по диагонали.

Фонариком я осветил стены.

И вздохнул с невероятным облегчением. Почувствовал бодрящее, едва ли ни обжигающее тепло. Фотографии поездов, колесящих по всему миру, по-прежнему украшали стены! Восточный экспресс переправлялся через Венецианскую лагуну, синкансэн въезжал в свой японский город. Мой фонарик продолжал исследовать комнату, перелетая с выступающих потолочных балок на нормандский шкаф, с засушенных цветов в вазе на стулья с соломенными сиденьями.

Я помнил каждый высвеченный предмет! Значит, какие-то нейроны моего мозга еще работали. Впервые за долгое время я мог довериться своей памяти. Я не придумал встречу с безумной Денизой.

Я колебался: позвать ли Денизу Жубан, как я звал Кристиана Ле Медефа, или застать ее врасплох в постели, вызвать шок, растряссти ее, отнести под душ и трясти до тех пор, пока она не изменит свою версию и не вспомнит среду, берег моря в Ипоре, Пироза и труп Магали Варрон.

Мы подошли к спальне. Когда я толкнул дверь, мой кроссовок, прикрученный к протезу левой ноги, наступил на что-то мягкое.

Пронзительный визг разорвал тишину. Звук, изданный детской игрушкой. Какой-то зверь, похожий на жирафа, — словом, игрушка для самых маленьких.

Тотчас в спальне Денизы Жубан загорелась лампа. Свет обжег мне глаза. Рука в кармане сжала револьвер. Не дать старушке заорать. Не дать ей и в этот раз поднять тревогу. Не дать...

Стены комнаты пожилой женщины были оклеены обоями «Хелло Китти».

С потолка свисали на ниточках маленькие феи. Симпатичные зверушки карабкались по занавескам. Большие плюшевые игрушки свалены в кучу. Собаки, кролики и слоны. Над кроватью цвета морской волны раскачивались еще одни феи. Из кровати, морщась от яркого света, на меня смотрели глаза. Глаза шестилетнего ребенка.

Громкий крик заставил меня повернуть голову. Крик исходил из кровати поменьше, окрашенной в розовый цвет.

Оттуда вынырнула головка девочки лет трех. Испуганная, она кричала, не переставая, не переводя дыхание, отчего на щеках ее, на лбу и на шее выступили красные пятна.

— Джамал, кретин...

Ничего другого Мона сказать не могла. До сих пор она с пониманием относилась к моей игре в поиск свидетелей, но сейчас я перешел черту.

Я развернулся, чтобы попытаться успокоить девочку.

Напрасный труд.

Вслед за ней заревел мальчик; он кричал еще громче, сотрясаясь всем тощим тельцем, облаченным в пижаму с пиратами.

— Какого черта вам тут надо? — прогремел голос у нас за спиной.

На пороге комнаты возникли двое взрослых. Женщина в ночной рубашке, растрепанная, бледная, онемевшая от ужаса. Мужчина лет сорока, с обнаженным торсом, покрытым седеющими волосами, сжимал кухонный нож.

Рука его дрожала...

Когда я выхватил кольт и направил его на обоих родителей, на плечо мне легла мягкая ладонь Моны.

Чисто инстинктивно.

Детский плач звучал все громче. Мать, словно волчица, казалось, только и ждала, когда мы ослабим бдительность, чтобы броситься на двух чужаков, вставших между ней и ее детьми.

Голос Моны звучал умоляюще:

— Нет, Джамал.

Я еще сильнее сжал рукоятку револьвера.

— Какого хрена? Что вы тут делаете? — спросил я.

— Что?

Измученный отец семейства выдержал мой взгляд. Он прилагал все усилия, чтобы не выдать своего страха.

Я повторил вопрос:

— Что вам тут нужно?

Похоже, он не понял смысла вопроса, но тем не менее ответил:

— Мы сняли на неделю этот дом...

Мона с облегчением вздохнула и потянула меня за рукав.

— Довольно, Джамал. Пора уходить.

Я не двинулся. «Королевская кобра» — всего лишь безобидное оружие самообороны, но человек с ножом этого не знал.

— А вчера? — спросил я. — Сразу после полудня вы здесь были?

— Нет, — ответил отец семейства. — Мы весь день осматривали побережье, где высадились союзники, но...

По мере моих вопросов голос его звучал все более уверенно. Возможно, он подумал, что имеет дело с береговой полицией...

Мона снова потянула меня за рукав.

— Идем. Ты меня напугал.

Я медленно последовал за ней, продолжая держать семейство на мушке. Мать устремилась к малышке, и та немедленно, словно по волшебству, замолчала. Отец, не выпуская из рук ножа, следил за нами настороженным взглядом.

Мона крепко сжимала мою руку; она торопила меня покинуть дом. Не теряя рассудка. В моей голове вещи из привокзального домика отплясывали сарабанду. Поезда на стенах, соломенные стулья, феи на ниточках...

Черт, не мог же я выдумать все эти прибабасы! Я прекрасно помнил и фото, и мебель, каждый предмет в комнате. Когда мы вышли

из дома, Мона заставила меня ускорить шаг. Я вспомнил, как несколько часов назад Арнольд гнался за мной до самой парковки; похоже, он жил здесь всегда, а потому защищал территорию со всей злостью мелкой шавки. Возле стены стояли два детских велосипеда, один двухколесный, другой с двумя дополнительными колесиками. В нескольких метрах от них была припаркована «ауди», приписанная к 75-му департаменту.

Мона молча вела машину. Я говорил один, словно убеждая самого себя. Лихорадочно выстреливал все аргументы, до последнего патрона.

— Готов согласиться: здание бывшего привокзального домика переоборудовали в сельский гостевой дом. О'кей, семья сняла его на неделю. Но вчера она целый день провела в другом месте. Вполне можно было успеть убрать детские игрушки. Чтобы в доме обосновалась Дениза. Сыграла для меня комедию. Рассказала историю про мужа-железнодорожника. И попыталась убедить, что не помнит самоубийство Магали Варрон.

Мона не отвечала. Мы не проехали и трех сотен метров, как она резко свернула направо и остановила машину на просторном пустыре напротив серого здания. На нем большими красными буквами было написано: «Склад Бенедиктин». Местность казалась пустынной.

Мона выключила мотор.

— Конец пути, Джамал. Я зашла так далеко, как могла.

— Послушай меня, Мона...

Я сосредоточился на фотографиях поездов в рамках. Байкало-Амурская магистраль, засыпанная снегом, склоны Анд и дамбы, пересекающие море. Вчера я видел все эти фото! В доме Денизы!

— Нет, Джамал, все кончено. Дениза Жубан никогда не жила в деревне Иф. Равно как и Кристиан Ле Медеф в доме на площади Жан-Поль Лоран. Ты никогда не говорил с ними, они никогда не видели девушку, которая прыгнула с обрыва. Они не видели, и никто не видел. Ни один журналист. Ни один жандарм. Потому что, Джамал, Магали Варрон никогда не существовала. Ты ее придумал. Не знаю, почему, но ты придумал все эпизоды ее жизни. Они, без сомнения, имеют сходство с историей Морганы Аврил, так как ты дал ей лицо Морганы. Быть может, они также имеют отношение к убийству Миртий Камю. Наверняка именно поэтому тебя разыскивает полиция. Ясно одно, и это, пожалуй, хорошая новость для тебя, Джамал. — Прежде чем

добить меня, она глубоко вздохнула. — Жандармы не смогут повесить на тебя убийство и изнасилование Магали Варрон, потому что ее не существует!

Я схватил полицейское досье, украденное у Пироза.

На нем заглавными буквами было написано: МАГАЛИ ВАРРОН.

Я не мог придумать...

Мона раздраженно отмахнулась, словно приказывая мне молчать.

— Мы уже говорили об этом, совсем недавно. Я выполнила свою часть соглашения, Джамал. Теперь тебе пора выполнить свою. Как только рассветет, ты пойдешь в полицию сдаваться.

Я не хотел уступать:

— Послушай, Мона, они только этого и ждут! О'кей, сейчас мы бьемся головой о стены, но есть еще темные места, которые хорошо бы осветить. Разве ты не находишь? Вот, к примеру, дилемма заключенного. И письма! Я все же не настолько сошел с ума, чтобы засунуть конверт в коробку из-под перчаток, а через час забыть об этом.

Мона так ласково посмотрела на меня, что я немедленно вспомнил психиатров из клиники «Сент-Антуан», когда те с профессиональным терпением выслушивали неправдоподобные рассказы подростков, пойманных на лжи.

Идиотизм! Но я не мог отказаться от своей мысли.

— Разгадка находится в письмах! Там есть что-то, чего никто не заметил, Мона. Что я один могу обнаружить...

Она нежно погладила меня по голове. Жест скорее матери, нежели возлюбленной.

— Забудь, Джамал. Забудь настоящее. Забудь все, что произошло за последние три дня. Тебе все привиделось. — Ее указательный палец спустился ко мне на лоб. — Тебе привиделось, ибо истина у тебя в голове, скрыта где-то очень глубоко. Тебе надо разобраться с тем, что произошло десять лет назад, а не с тем, что случилось на этой неделе.

Не думая, я схватил ее за запястье и сильно сжал, очень сильно, а потом отбросил ее руку, словно сухую ветку.

Мой голос стал ледяным:

— Тогда ты тоже.

— «Ты тоже» что?

— Ты тоже играешь в игру. Сводишь меня с ума, чтобы заставить расплачиваться за чужие грехи! Пытаешься повесить на меня убийство

двух девушек десятилетней давности. Ведь это и есть цель игры? Заставить меня сорваться? Заставить признаться?

Внезапно мысли мои обратились к конверту в бардачке, найденном в салоне «фиата», и к почтальону, приносившему почту в Вокотт. Кто-то словно предвидел мои шаги и первым наносил удар. Организовать это могла только Мона! Она основной двигатель заговора!

— Оставь меня, Мона. Я продолжаю играть. Один.

Ее рука снова попыталась завладеть моей рукой, но я оттолкнул ее.

— Я больше не доверяю, Мона. Не доверяю никому.

Я понимал, что поступаю как распоследний негодяй.

Быть может...

Ради меня Мона пошла на неслыханный риск.

Или нет.

Сомневаться — значит, идти на риск. Я больше не мог позволить себе рисковать. Сейчас я встану, выйду из машины и затеряюсь в ночи. Мона открыла дверцу.

— Оставь машину себе, Джамал. Тебе она нужнее, чем мне...

Взгляд Моны в последний раз скользнул с досье Магали Варрон на досье Морганы Аврил. Я вспомнил, что, перед тем как остановиться у здания бывшего вокзала, она что-то обнаружила, что окончательно убедило ее в том, что я бредил.

— *После. После старушки,* — сказала она.

Сейчас спрашивать слишком поздно.

Выйдя из машины, она наклонилась ко мне. В широком круге света ближайшего фонаря ее лицо удлинилось. Она больше не походила на веселую землеройку, скорее на загнанного зверька, маленького неосторожного грызуна, не заметившего наступления зимы. По щекам ее текли слезы.

— Есть еще кое-что, Джамал. Мне кажется, именно в этом и заключается суть проблемы. В твоём пазле не хватает очень важной детали, она бросается в глаза, хотя ты ее до сих пор не заметил.

Слезы потекли еще обильнее.

Важная деталь, которую я пропустил?

Прежде чем я начал искать в ее словах скрытый смысл, Мона разъяснила.

Совершенно искренне:

— Ты влюбился в ту девушку, Джамал! В Моргану Аврил. В ее лицо, которое ты мне восторженно описывал. Такое благородное, такое чистое, такое печальное. Ее лицо, которое, как тебе показалось, ты видел три дня назад на вершине обрыва. Строгое и отчаявшееся, помнишь? И чтобы оно не растворилось, не утекло сквозь пальцы, ты решил пофантазировать над трупом. Трупом хорошенькой девушки, умершей и похороненной десять лет назад. Сожалею, но мне на это наплевать. Я не могу ревновать к призраку.

— Мона, эта девушка существует.

Не ответив, она улыбнулась мне. Подошла к капоту «фиата». Долго смотрела на пустынную дорогу, убегающую вдаль, затем извлекала что-то из кармана куртки.

В ночи сверкнула золотая искорка.

— Я возвращаю ее тебе, — произнесла Мона.

И аккуратно положила на капот автомобиля звезду шерифа.

Я был не в силах произнести ни слова.

— Удачи тебе, — бросила она в открытую дверь.

Звезда шерифа. Мои пять задач, которые надо выполнить...

За последние дни я основательно забыл о пяти лучах моей звезды, как, впрочем, и обо всем остальном. Теперь, когда Мона уходила все дальше, растворяясь во мраке стоянки, пять задач почему-то всплыли в моей голове.

Стать первым. Заняться любовью. Родить ребенка. Быть оплаканным. Заплатить долг.

Погрузившись в собственные мысли, я не сразу заметил, что Мона повернула назад. Когда она подошла к машине, я подумал, что она вернулась ко мне и сейчас поцелует меня, обнимет и, опустив глаза, попросит прощения.

Она всего лишь отвела в сторону «дворники».

Черт, что за игру она ведет?

Медленно, одним пальцем, она начала писать на запыленном стекле. Двенадцать букв:

М. А. Г. А. Л. И. В. А. Р. Р. О. Н.

Затем стерла одну букву, одну-единственную, и тотчас написала ее вновь, несколькими сантиметрами ниже.

Сначала М.

Потом О.
Потом Р.
Потом Г.
Затем все остальные.

Когда каждая из двенадцати букв была стерта, а потом начертана ниже, на другой строке и в ином порядке, на пыльном ветровом стекле появилось новое имя:

М. О. Р. Г. А. Н. А. А. В. Р. И. Л.

Мона нагнулась к дверце «фиата».

— Одна и та же женщина, Джамал. Покойница и ее призрак...

В конце дороги вспыхнули фары, закрутился синий вихрь полицейской вертушки.

33

Покойница и ее призрак?

Неожиданно полицейский микроавтобус изменил траекторию движения и, чиркнув колесами по откосу, остановился в нескольких метрах от «фиата».

Фары включены на полную мощность. Два солнца пробивают лучами ночной мрак, вверху кружится синее электрическое небо.

На миг я задумался, каким образом жандармы так быстро нашли нас. Только на миг.

Какой кретин!

Наверняка, как только мы покинули гостевой дом, устроенный в бывшем домике начальника станции, родители тотчас позвонили в полицию и сообщили, что какой-то тип со стволом пробрался к ним в дом и ворвался в комнату, где спали дети.

Какой-то араб. Хромой. Возбужденный.

Возможно, ствол был заряжен.

От фургона отделились две тени; я узнал громоздкую фигуру Пироза и длинную сутулую фигуру его помощника.

В ночи раздался громкий голос капитана:

— Довольно играть, Салауи. Вылезайте из тачки и поднимите руки.

Пироз и его помощник держали пистолеты наготове. Они подошли ближе. Фары, светившие им в спину, до бесконечности увеличивали их тени. Отступая, Мона прижалась к капоту «фиата», словно боясь их непропорционально огромных рук, сжимавших пистолеты.

— Не двигайтесь, мадемуазель Салинас, — громко произнес Пироз.

Я впал в ступор: сидел в машине, не способный принять никакого решения. Только чувствовал, как «Кобра» оттягивает мне карман. Смешной пистолетик, стреляющий резиновыми пулями.

— Выходите, Салауи!

Я медленно открыл дверцу.

Я чувствовал то, что, наверное, чувствуют перед смертью: безропотную покорность, и одновременно крайнее возбуждение, подталкивающее к действию... Узнать, что там, за гранью. Понять великое таинство.

Кто я?

Извращенец с амнезией или затравленный козел отпущения?

— Идите вперед, Салауи!

Я окинул взглядом пустырь перед складом «Бенедиктин». Метрах в десяти от меня асфальт практически не виден, утонул во мраке ночи.

— Не делайте глупостей, — снова рывкнул Пироз, — не заставляйте меня пристрелить вас!

Чтобы затеряться в темноте, мне стоит лишь взять спринтерский старт. Всего лишь согнуть поясицу.

— Делай то, что тебе говорят, — умоляюще произнесла Мона.

Воспользовавшись тенью от кузова, я прижался левой рукой к дверце. Я чувствовал, как от Моны, находившейся меньше чем в метре от меня, исходит лихорадочный жар, слышал ее учащенное дыхание. В секунду я принял решение.

Самое плохое, какое только можно.

Испытать судьбу. До конца.

Инстинкт воробья, срабатывающий у любого мальчишки из предместья при виде полицейского мундира.

Взлететь!

Я медленно поднял правую руку, в то время как левая, прижатая к дверце, переместилась в карман толстовки.

Все произошло очень быстро.

Схватив кольт, я резко поднял левую руку, направив ствол в сторону звездного неба, чтобы изумить Пироза двумя противоречивыми знаками.

Одновременно.

Я вооружен. Я готов сдаться.

Я рассчитывал воспользоваться его кратковременным замешательством, прыгнуть во тьму, промчаться по пустырю, а потом бежать несколько километров по ровному полю. Сотни часов тренировок должны спасти мою шкуру.

Выстрел грянул без предупреждения.

Пироз выстрелил в меня. Почти в упор.

Никакой боли.

Внезапно Пироз и его помощник, словно испугавшись, опустили пистолеты.

Плавно, как в замедленной съемке, Мона рухнула на меня.

Кольт бешено плясал в моей руке, на плече моем истекала кровью Мона. Кровь фонтаном била из ее груди, заливая болотного цвета свитер. Еще одна струйка вытекала изо рта.

Мое сердце колотилось так, словно вот-вот вырвется из груди.

Гнев. Страх. Ненависть.

Мона задыхалась. Из горла ее вылетали невидимые слова, немые и таинственные, понятные только ангелам. Глаза ее покрылись поволокой, словно обозревали неведомый пейзаж, видеть который не дано никому; потом, в один миг, взор ее остановился.

Навсегда.

Соскользнув по мне, тело Моны повалилось лицом на асфальт, бесшумно, изящно, словно умирающая на сцене маленькая ученица танцевальной школы при Опере.

Дрожащими руками я попытался направить свой ствол на фликов. В полумраке они не могли разглядеть, какое оружие я на них навожу. Я решил попытать удачу.

Прицелился прямо в рожу Пироза.

Потом медленно обошел «фиат» и сел на водительское место. Словно раздавленные тяжестью совершенной ими ошибки, никто из

полицейских даже не шелохнулся.

Гадкая уверенность буравила мне сердце.

Полиция не оставила мне ни единого шанса! Флики стреляли в меня на поражение! У них на пути оказалась Мона, она умерла, потому что не поверила мне.

Я был прав с самого начала.

Полиция хотела загнать меня в ловушку. Любой ценой.

Бросив последний взгляд на распластавшуюся на асфальте землеройку, я со всей силой нажал на педаль акселератора.

В тишине раздался звон металла. На капоте «фиата» засверкала золотистая пыль.

Внутри у меня все перевернулось. Нога уперлась в пол.

Какое-то время звезда шерифа сохраняла равновесие, но вскоре свалилась с капота на асфальт. В кино героиня носит ее на сердце, и пуля рикошетом отскакивает от нее. Героиня не умирает...

В кино.

«Фиат» подпрыгнул. Я услышал, как правое переднее колесо проехало по жестяному значку, купленному матерью за пять франков. Это было в другой жизни. Той, о которой для меня мечтала мама, той, где я ловил злодеев.

Склады «Бенедиктин» казались бесконечными. Наконец я увидел проем в заборе и устремился к нему, чтобы выскочить на региональную дорогу. Темную и пустынную.

На дорогу, ведущую в ад. Где я больше не встречу Мону.

Только призрак Морганы Аврил...

34

В другой жизни?

Некоторое время я ехал по лесной дороге, потом притормозил. Повернув ключ зажигания, я подумал, что этим движением я обрываю все связи с цивилизованным миром; вместе с мотором я выключил мир вокруг себя. Погасли фары и светящиеся цифры на торпедо, а с ними и звезды и луна, исчезнувшие за кронами деревьев. Непроглядная ночь.

Я долго сидел в крошечной тьме.

Потом открыл дверцу и наклонился; меня стошнило на траву и крышку автомобиля Моны. Я откинулся на сиденье, затылком и спиной прижался к спинке. Сидел, не шевелясь. По щекам текли слезы, но я не делал ни малейшей попытки вытереть их. Они стекали по губам, смешиваясь с застрявшей в горле горечью. В какой-то миг я подумал, что видения, порожденные бредом моего мозга, могут выйти из организма, как выходит желчь, как вытекают слезы, рожденные слезными железами. Выйти вместе с кровью. Последняя мысль едва не побудила меня вскрыть себе вены.

Запах и вкус становились непереносимы. Я протянул руку и зажег потолочный свет.

Словно выгравированные на грязном стекле, передо мной предстали двенадцать букв:

М. О. Р. Г. А. Н. А. А. В. Р. И. Л.

Я снова увидел Мону, увидел, как она, устало улыбаясь, выводит пальцем эти буквы, а потом кладет на капот мою звезду.

Удачи тебе.

Что за удача, Мона, если она позволила с нами такое сотворить?

От земли поднимался туман, затопляя подлесок; казалось, дымится почва. Термометр в машине показывал два градуса ниже нуля.

Скоро все двенадцать букв исчезли в ватном облаке.

Заблуждение.

Я должен сдаться, совершенно ясно. Магали Варрон никогда не существовала. Равно как не существует ничего, что имеет отношение к ее гибели.

Ни свидетелей, ни шарфа, ни насилия, ни убийства посредством удушения.

Просто анаграмма. Призрак. Бредовое видение.

Я метался от одной мысли к другой, словно прыгал по камням, перебираясь через бурный ручей.

Если все это выдумка, зачем Пироз все три дня гонялся за мной? И даже стрелял в меня?

Еще один камень. Только очень шаткий. Хрупкое равновесие.

Если самоубийство Магали Варрон — всего лишь фантазия, тогда почему я впервые увидел Пироза именно в то утро, вместе с его помощником? А может, я впервые увидел его в жандармерии Фекана в

тот день, когда встретил Мону? И жандармы вызывали меня совершенно по другому поводу? В связи с другим делом? Тогда, значит, я сам придумал эту сказку.

Еще один прыжок. Еще один камень. Другой берег терялся вдали.

Что-то не клеивалось! Жандармы не стреляют в подозреваемых! Не стреляют без предупреждения. Не стреляют на поражение. Чтобы убить. Я направил ствол в небо. Ни секунды не угрожал Пирозу. И все же он выстрелил, чтобы не дать мне сбежать. Предпочел убить меня, нежели позволить мне сбежать в неизвестном направлении. Почему?

Потому что убежден, что я изнасиловал Моргану Аврил и Миртий Камю, совершил двойное убийство, и меня уже десять лет разыскивает полиция. Потому что, в отличие от меня, кто все забыл, они все эти годы собирали улики, не оставляющие сомнений в моей виновности.

Пальцы мои коснулись замерзшего лобового стекла. Двенадцать невидимых букв смеялись надо мной, и стереть их было невозможно.

В клинике «Сент-Антуан» я десятки раз слышал рассказы психологов о состоянии, похожем на амнезию. Когда подростки отрицают факты насилия, жертвой которого они стали. Нет, их родители — не насильники. Нет, никто их даже пальцем не трогал. Да, они хотят вернуться домой и жить с родителями. Они придумывали себе другую жизнь, более сносную. И жили в воображаемом мире.

Туман полностью окутал «фиат»; казалось, машина медленно летит в облаках.

Неужели я постарел? Постарел, шаг за шагом создавая вокруг себя видимый одному мне мир? Но я не мальчишка, подвергшийся насилию. Не жертва с изломанной психикой.

Я чудовище.

Десять лет назад я убил двух девушек.

Я и только я виновен в смерти Моны.

Я вышел из машины и направился в лес. Холод стальным обручем сковал мне грудь. Под ногами на замерзших лужицах хрустел лед. Шатаясь, я прошел несколько метров. На первой же застывшей впадине я поскользнулся и, чтобы не упасть, схватился руками за ближайшее дерево. Это оказался вяз; я до крови ободрал ладони о его шершавую кору.

И тут, не слушая голоса разума, я в отчаянии крикнул в темноту:

— *Hem!!!*

В десятке метров от меня зашелестели листья. Наверное, кролик, птица или еще какое-нибудь животное проснулось от моего крика. Интересно, животным снятся кошмары? Или они просто боятся темноты?

Внезапно мне захотелось поднять на ноги весь лес. И я снова взорвал тишину:

— *He-e-e-em!!!*

Я кричал целую вечность, не переводя дыхание, пока не заболели барабанные перепонки. Последняя преграда моего мозга держалась крепко.

— *Нет*, — повторил я.

На этот раз почти шепотом.

Нет.

Я не мог вспомнить ни убийства Морганы Аврил, ни убийства Миртий Камю. Не мог вспомнить по совершенно простой причине.

Я невиновен!

Три дня назад Магали Варрон у меня на глазах прыгнула с обрыва. Вместе с Кристианом Ле Медефом и Денизой Жубан я стерег ее труп на пляже. Чтобы понять, нужен ключ, и он рядом, на расстоянии вытянутой руки. Загадка, которую мне надо разгадать. Как, например, дилемма узника или последнее стихотворение Миртий Камю, отправленное жениху с подписью «M2O».

Я вытер о джинсы расцарапанные ладони. От скопившейся во рту смеси желчи и слез тянуло рвать. Мне нельзя отчаиваться, нельзя сдохнуть в лесу от холода, нельзя дожидаться, пока придут жандармы и схватят жалкого типа, терзаемого угрызениями совести. Я словно животное на поводке, которого прикончат, даже не удосужившись расспросить. Я вспомнил, что, покидая дом Мартена Денена, Мона заботливо захватила с собой кофе и печенье.

Я направился к багажнику «фиата», продолжая прокручивать в голове события последних трех дней.

События не могли произойти случайно, они связаны друг с другом, и у этой связи есть собственная логика...

Влага, покрывавшая машину, превратилась в тонкий слой льда.

...но логика, которую невозможно определить в пылу погони, связывая события, как читатель связывает главы детективного романа.

Мне надо встать над всеми, прояснить положение. Свое собственное.
Остановиться, выспаться.

Или выпить литр кофе.

Я открыл багажник.

Холод пробирал меня до костей, я стоял перед «фиатом», цепenea и покрываясь инеем. Словно стеклянная статуя.

Рядом с термосом и пакетом с печеньем лежал коричневый конверт.

Адресованный мне.

Кто, кроме призрака, мог положить его сюда?

Кто, кроме меня?

Я буквально смел печенье, взятое в кладовой Мартена Денена, выпил два стаканчика крепкого обжигающего кофе без сахара.

И открыл конверт.

35

Что-то не склеивалось?

Дело Аврил–Камю — весна 2007 года

19 июня 2007 года расследование дела Аврил–Камю было изъято из ведения регионального отделения судебной полиции Кана. В течение предшествующего года командан Лео Бастине не нашел ни одной новой улики, не собрал ни одного нового факта, и никто больше не заглядывал в материалы следствия, изложенные на трех тысячах страниц. С согласия Лео Бастине судья Поль Юго Лагард предложил до истечения исковой давности передать ведение дела Аврил–Камю следственной бригаде Фекана.

Жандармы Фекана, первыми начавшие расследование убийства, участвовали в проведении каждой экспертизы, так что капитан Грима, отстраненный от расследования после второго убийства, без сомнения, рассматривал возвращение к нему дела, которое большие шишки из региональной полиции не смогли раскрыть, как свой маленький личный реванш.

Капитан Грима согласился принять дело, и в пятницу, 15 июня 2007 года, папки с материалами расследования двойного убийства

перевезли из Кана в Фекан. На следующий день Кармен Аврил нанесла капитану первый визит. Спустя несколько дней она явилась вновь; на протяжении лета она почти каждую неделю навещалась в полицию Фекана. Капитан Грима понял, что судья Лагард не только сплавил ему явный «висяк», но и избавился от назойливой особы, вот уже несколько лет отравлявшей существование органов правосудия и полиции.

Никогда не забывать.

Время не убавило решимости председательницы общества «Красная нить»; после самоубийства Шарля и Луизы Камю она подчинила своей воле всех членов общества.

Спустя три года Грима добился перевода в жандармерию Сен-Флорана, маленького порта на Корсике, зажатого между мысом Корс и пустыней Агриате. Он устал как от вечного шума волн, бьющихся о бетонную дамбу Фекана, так и от постоянных нашествий неумной Кармен Аврил. С тех пор как с молодого человека с шарфом «Берберри» сняли все подозрения, капитан жандармерии и хозяйка гостевого дома «Горная долина» не находили общего языка. Прежде чем покинуть одни скалистые берега и обосноваться на других, ощетинившихся генуэскими башнями, Грима передал ключи от сейфа с делом старейшему и преданному делу жандарму, тому, кому на следующий день после убийства Морганы Аврил поручили координировать допросы свидетелей, видевших неизвестного с красным шарфом: дочери гардеробщика Тюро, вышибалы Мики, студента-химика Венсана Карре.

Капитану Пирозу, известному своей скрупулезностью. Он сразу понравился Кармен Аврил. Пироз поддержал ее версию о двойном убийце. Его не пугала перспектива составить из нескольких тысяч фамилий два списка, один — обитателей Ипора, другой — обитателей Изиньи, с единственной целью: найти в обоих списках повторение одного-единственного имени. Нисколько. Пироз обладал упорством, граничащим с паранойей. Старый холостяк. Без внебрачных детей и племянников. Не любит ни футбол, ни домино, не читает детективов. По вечерам прокручивает версии текущих дел — подобно тем, кто строит дворец Бенедиктин из спичек.

Просто так...

Как и капитан Грима, командан Бастине или психолог-криминалист Элен Нильсон, Пироз ни на шаг не продвинулся в

установлении личности убийцы.

После смерти Шарля и Луизы Камю Кармен Аврил полностью взяла на себя управление обществом «Красная нить». В сущности, общество уже не занималось ничем, кроме как — во исполнение долга — устройством ежегодных собраний, дабы почтить мрачную годовщину. Прекрасная возможность увековечить руководящее бюро, в сущности, превратившееся в призрак.

Кармен Аврил, мать Морганы Аврил,
председательница.

Фредерик Мескилек, жених Миртий Камю,
вице-председатель.

Осеан Аврил, сестра Морганы Аврил,
секретарь.

Жанин Дебуаз, бабушка Миртий Камю,
помощник секретаря.

Алина Массон, лучшая подруга Миртий Камю,
казначей.

Редкие собрания общества предоставили Алине возможность сблизиться с Осеан. Обе потеряли сестру-близнеца, одна — сестру по крови, другая — сестру по духу. У обеих словно отрезали половинку их самих. Они понимали друг друга, несмотря на то что Осеан унаследовала от матери стойкую ненависть к мужчинам, которых во время их долгих ночных бесед она обвиняла во всех смертных грехах. Возможно, потому, что они учинили насилие над ее сестрой. Впервые Алина открылась, осмелилась поделиться сомнениями, снедавшими ее уже несколько лет. Выслушав ее, Осеан никому ничего не сказала, даже матери, а Алине посоветовала обратиться к полицейским, которые вели расследование убийства Миртий Камю. Лучше поговорить с Элен Нильсон, чем с Бастине. Психолог-криминалист знала материалы дела не хуже командана, но наверняка способна лучше ее понять. Вероятно, способна.

Элен Нильсон отказалась говорить с Алиной Массон. Дело Аврил–Камю закрыли четыре года назад, и у нее полно других дел, которыми она обязана заниматься.

Десять телефонных звонков ничего не дали.

Пришлось обратиться к Пирозу, тот сумел надавить на судью Лагарда, а судья, в свою очередь, убедил психолога-криминалиста согласиться принять в своем парижском кабинете, расположенном в Четвертом округе на улице д'Обинье, капитана жандармов и лучшую подругу Миртий Камю. Пироз ругал грязное вонючее метро, на площади Конкорд чуть не попал под машину. Чертыхаясь, втиснул живот в крошечную кованую кабину лифта, который доставил их на пятый этаж, прямо в кабинет Нильсон, с окнами на юг, с видом на Сену.

Алина все время молчала.

Когда Элен, в платье от Ральфа Лорена, с декольте, не скрывавшем обновленного бюста, открыла тяжелую дубовую дверь и вошла в кабинет, Алина Массон чуть было не выскочила вон.

Способна понять?

Грузный, неповоротливый Пироз, явно впечатленный выполненными по индивидуальному заказу округлостями бывшей шведской проститутки, застыл, словно приклеенный к паркету; преградив Алине дорогу к отступлению.

Они сели. Кожаные кресла. Низенький стеклянный столик. Вид на остров Сен-Луи и скользящие туда-сюда прогулочные катера. У Алины закружилась голова. Как приблизиться к истине, не запятнав память Миртий?

Элен свободно расположила ноги безупречной формы и нахмурила неестественно гладкое лицо.

— Вы желали со мной встретиться, мадемуазель Массон?

У Алины не было другого выхода, и она ринулась в пропасть:

— Помните, — с трудом проговорила она, — в первый раз мы встретились в отделении региональной судебной полиции Кана, сразу после убийства Миртий. Вы тогда задали вопрос. Станный вопрос.

— Какой? — спросила Элен; она явно не пересматривала дело. — С тех пор прошло больше шести лет.

— Вы... вы спросили, почему в тот день, когда Миртий изнасиловали, она была одета так сексуально притягательно... Короткое голубое платье с яркими цветами гибискуса. Малиновое нижнее белье в тон цветам, а не в обычную одежду аниматора лагеря для подростков.

— Возможно. Тогда мы рассматривали множество гипотез...

— О чем вы думали в тот момент? — настаивала Алина.

Сделав над собой видимое усилие, Элен погрузилась в омут памяти и, вынырнув, устало ответила:

— Ни о чем определенном. Насколько я помню, Бастине настаивал на поисках потенциального преступника и не считал важным изучение личности жертвы. Он был прав, Миртий Камю, как и Моргана Аврил, стали случайными жертвами насильника.

Пироз зевнул.

— Я много размышляла над вашим вопросом, — продолжала Алина, — все эти годы. Честно говоря, беспрестанно об этом думала. Вы правы, Миртий обычно так не одевалась.

— Но Миртий погибла, когда у нее был выходной! Насколько я помню, вы руководили летним лагерем «Золотая простыня» в Изиньи, да, вы мне сами сказали.

— Даже в выходные дни Миртий так не одевалась.

Лицо Элен нахмурилось еще больше.

— Что вы хотите сказать, мадемуазель Массон? Что Миртий убил не случайный негодяй? Что она знала своего насильника? Что она... что у нее было назначено с ним свидание? Это вы хотите сказать?

Алина колебалась. На стене в стеклянной раме висело огромное фото коленапреклоненной обнаженной женщины, лицо которой скрывалось под каскадом белокурых волос.

Элен?

Вся окружающая обстановка располагала именно к такому ответу.

— Да, — наконец выдавила из себя Алина. — У Миртий было свидание. С мужчиной. Без сомнения, с ее убийцей.

— Разве она не была обручена с тем типом, что играл на гитаре?

Алина медленно заливалась краской. Именно из-за этого она молчала все эти годы. Защитить Миртий. Не омрачить образ, сохранившийся в памяти ее близких. Миртий совершенная. Верная. Влюбленная.

— Если...

— Шишин, насколько я помню?

— Шишин — прозвище. Его зовут Фредерик Мескилек.

Наконец-то психолог-криминалист обратилась к материалам дела, лежавшим перед ней на низеньком столике. Пролистав несколько страниц, она подняла глаза.

— Значит, Миртий стала жертвой какого-то волокиты или что-то в этом роде? Типа, который вскружил ей голову? Знаете ли вы, мадемуазель Массон, что ваше предположение в точности совпадает с первоначальной гипотезой капитана Грима? Он считал, что Моргана Аврил не была жертвой случайного насильника, ее убил соблазнитель, выследивший ее и заманивший в западню.

Алина подняла голову, но ничего не сказала. Разумеется, она знала...

— В сущности, это ничего не меняет, — продолжала психолог. — Если мы решим, что убийца — не хищник, а поклонник, что это нам дает для установления его личности? Кроме, разумеется, информации, что Миртий шла на свидание. У вас есть более четкие соображения, мадемуазель Массон?

— Нет...

— Почему бы ей не пойти на свидание с Оливье Руа, молодым человеком в бейсболке «Адидас», что вертелся вокруг нее в лагере Изиньи? Тем самым типом, что исчез спустя несколько месяцев после убийства?

— Невозможно! На вечер убийства Морганы Аврил у Оливье Руа железобетонное алиби. И его ДНК не совпадает с ДНК насильника, — подал наконец голос Пироз.

Удивленная, Элен повернулась к капитану.

— Совершенно верно, — согласилась психолог. — Именно этот факт и застопорил расследование бедняги Бастине. Тогда на свидание с кем?

— Я не знаю, — произнесла Алина.

Глаза ее наполнились слезами, она вытащила из кармана бумажный платок. Элен снова склонилась над делом. Этим воспользовался Пироз; изогнув шею, он сравнивал грудь блондинки на фото с грудью психолога-криминалиста, очертания которой угадывались под платьем цвета незабудки. Когда Элен выпрямилась, Пироз мгновенно перевел взор на прогулочные катера. Как мальчишка, пойманный за руку. Напротив, Элен подняла голову и, глядя на фотографию, словно в зеркало, изящным жестом стряхнула невидимую пушинку, упавшую в ложбинку между грудей.

— Надо признать, — продолжила психолог-криминалист, — после стольких лет ряд моментов так и не прояснился. Например, сексуальное

платье, которое Миртий не имела привычки надевать. Блокнот «Молескин» небесно-голубого цвета; его так и не нашли, хотя все в один голос утверждали, что Миртий записывала в него свои самые потаенные мысли. Возможно, в нем даже упоминается тот, с кем у нее было свидание. Оливье Руа, которого объявили в розыск и который, увидев, что его вот-вот загонят в угол, исчез навсегда. Почти как трусики потерпевшей.

Алина даже подскочила.

— Какие трусики?

Психолог поочередно смотрела то на Алину, то на Пироза.

— Весьма важная улика. Полагаю, вы в курсе. В вагине Миртий Камю спермы не обнаружили, но ее обнаружили на трусиках, найденных в сотне метров от трупа, в фарватере бухты Вей.

Нет, Алина не в курсе. Пироз, разумеется, знал, и потому с трудом оторвал взор от созерцания молитвенной позы бесстыдной девицы под стеклом.

— И как эксперты это объяснили? — спросила Алина.

— Довольно просто. Насильнику пришлось убраться раньше, чем он сумел получить удовольствие. И он решил урвать хотя бы часть и эякуировал на Миртий, по крайней мере, на ее трусики. У нас возник вопрос: почему он бежал, оставив сперму, которая может его изобличить?

— Его ДНК-профиль, как и ДНК-профиль всех уголовных преступников, должен был быть зарегистрирован в Национальной картотеке, — сказала Алина.

— Он не успел в нее попасть...

Отведя взгляд от фотографии, Пироз вмешался в разговор:

— Возможно, насильник надеялся, что убийство Миртий Камю не станут связывать с убийством Морганы Аврил.

— Маловероятно, — произнесла Элен. — Странно было бы не сопоставить два преступления, даже если бы ДНК насильников не совпали. Две девушки изнасилованы и задушены одним шарфом и практически в одном и том же месте.

— Мы наверняка имеем дело с психом, — проворчал Пироз.

— Есть еще третья гипотеза, — бесцветным голосом произнесла Алина. — Если ДНК может изобличить его, значит, он был знаком с Алиной?

Прежде чем ответить, Элен Нильсон выдержала паузу:

— Именно об этом мы тогда и подумали. Мы взяли материал на анализ ДНК более чем у тысячи пятисот мужчин, у семьи Миртий Камю, у ее друзей, у жителей Изиньи, Эльбефа и окрестностей, у всех без исключения. У всех, кто хотя бы раз видел Миртий. И все напрасно!

Алина умолкла.

«Если насильник не был знаком с Миртий, зачем ему скрывать свою ДНК?» — твердил голос у нее в голове. Знал ли он Моргану Аврил? Все смешалось, запуталось. Разорванное платье с цветами гибискуса, Оливье Руа, вертевшийся возле ее лучшей подруги на пляже в Гранкам-Мэзи и в открытом море возле островков Сен-Маркуф, блокнот «Молескин» небесно-голубого цвета, стихотворение, посланное Фредерику из лагеря во время работы в лагере, все эти «тебя-меня», «убить-любить», подписанные «М2О». Миртий 2 октября...

— А ваша версия о двойном убийце? — спросила Элен. — Продвигается?

Погрузившись в свои мысли, Алина не ответила.

— Потихоньку, — произнес Пироз. — Мы не торопимся. Перед нами вся жизнь...

— Не совсем так, — уточнила Элен. — Как и я, вы прекрасно знаете, что если через десять лет в деле не появились новые материалы, его закрывают за сроком исковой давности. Насильник остается в выигрыше...

— Ну и что? — спросила Алина в лифте.

Она до боли вжалась в кованую решетку, желая избежать прикосновения к жирному телу Пироза.

— Что? Что вы об этом думаете? — повторила она.

— Это не она, — ответил Пироз.

— Как так — не она?

— Не она на фото! Голая красотка на фотографии — это не психолог. Ей на нас наплевать.

Позднее, в метро, между остановками «Бастилия» и «Сен-Поль», Пироз, сметенный ввалившейся в вагон ватагой ребятишек лет семи в одинаковых бейсболках, буквально рухнул на Алину. На этот раз ей не удалось избежать прикосновения его тела. Он зашептал ей на ухо:

— Я видел, как вы улыбались уголком рта. Разумеется, можно не верить в двойного убийцу, но одно я могу сказать с уверенностью: 5 июня 2004 года убийца находился в Ипоре, а три месяца спустя — в Изиньи...

Ребятишки галдели, Алине пришлось повысить голос:

— Как и тысячи других людей. Убийца мог прибыть каким угодно транспортом или даже пешком, и его вполне могли не заметить: ни как он прибыл, ни как убыл. Имя его нигде не упомянуто.

Пироз пожал плечами.

Остановка Лувр.

Он скользнул взглядом по рекламной афише Диора. Обнаженный силуэт Шарлиз Терон напомнил фотографию, висевшую в кабинете психолога-криминалиста.

— Знаю, — пробурчал Пироз. — Поиски связующего звена между двумя убийствами не дает Кармен и ее дочери Осан сойти с ума. Ждать и надеяться — все, что им осталось.

Остановка «Конкорд».

Опекаемые двумя учительницами, ребятишки в бейсболках исчезли быстрее, чем взлетает стайка голубей. Алина тотчас отступила; теперь между ней и Пирозом образовалось расстояние не меньше метра.

— Ждать чего? — спросила она. — Что насильник снова совершит преступление?

Со дня убийства Миртий прошло шесть лет.

— Слишком поздно, — ответил Пироз. — Он ничего не совершит...

Остановка «Елисейские Поля-Клемансо».

Мимо окон продефилировали очередные Шарлиз Терон. Четыре на три метра. Диор колошматил по мозгам, Пироз тащился, глядя на рекламу, Алина кусала губы. Неужели так пробуждается влечение?

— Он не совершит, — уверенно повторил Пироз, поглощенный созерцанием тысячекратно увеличенной родинки на белой коже.

Алина инстинктивно подумала обратное.

Около часа ночи по мосту Бротон я перебрался на другой берег Сены. Затем катил по малым и большим дорогам. В свете фар «фиата» мелькали таблички с названиями нормандских городов, я старательно их объезжал. Пон-Одемер. Везвиль. Пон-Левек.

В голове у меня беспрерывно прокручивались свежепрочитанные страницы. Уверен, установить личность убийцы с красным шарфом можно, только осмыслив все материалы дела об убийстве Миртий Камю. Мне не напрасно их подбросили. Доказательства моей невиновности находятся где-то рядом, на расстоянии вытянутой руки.

Заблуждение? Еще одно заблуждение?

Какой смысл в моем последнем бегстве, когда я добрался до самого Изиньи-сюр-Мер?

Перед въездом в Троарн у меня в кармане зазвонил телефон. Было около двух часов ночи.

Разумеется, Пироз...

Я не стал включать телефон. Пироз унаследовал дело Аврил-Камю, кто-то позаботился сообщить мне об этом, подбросив мне очередной коричневый конверт. Став маньяком одной идеи, Пироз наконец нашел своего виновного.

Меня!

Спустя несколько секунд характерный звонок известил меня о новом смс-сообщении. Продолжая вести машину, я взял телефон.

И от удивления чуть не выпустил из рук руль.

Я ошибся в своих догадках!

Это не паршивый флик, гнавшийся за мной по пятам, а Офели. Теплая волна нежности накрыла меня с головой. Подросток из клиники «Сент-Антуан» прислала мне фото какого-то типа, вырезанное, как мне показалось, из модного журнала: стальной взор голубых глаз, сверкающий череп, белая рубашка с открытым воротником и плотоядная улыбка.

«Прямой потомок Цезаря», как гласил короткий комментарий под фото.

20 на 20!

Я невольно улыбнулся и вслепую, не замедляя хода, напечатал ответ:

«Слишком красив. Не доверяй внешности».

Офели ответила меньше чем через минуту:

«Дурак!

А ты где со своей рыжей милашкой!»

Мое сердце упало куда-то вниз.

Моя рыжая милашка.

Мона.

Мною завладело воспоминание о ее пышущем жаром теле, о том, как я прижимался к нему.

Теле, без сомнения, уже упрятанном в пластиковый мешок и сложенном в самом дальнем углу полицейской тачки, увозящей его в морг. Я с трудом удержался от желания вышвырнуть телефон в окно, взорвать криком ночную тишину, нажать на акселератор и направить «фиат» на первый же платан. В конце концов, я сунул телефон под задницу и сосредоточился на дороге: я подъезжал к Кану, который мне предстояло объехать стороной.

Около трех часов ночи «Фиат-500» въехал в деревушку Гранкам-Мэзи.

«Омаха-бич — дорога свободы», — гласили развешенные через каждые пару километров плакаты, приглашавшие совершить экскурсии в бункер и ямы от снарядов, на кладбища и в музеи, входившие в мемориальный комплекс, посвященный высадке союзников.

«Дорога свободы!» — звучало в голове. Забавное название для безнадежного побега.

Я припарковался возле церкви и развернул карту дорог Нормандии. Городок Изиньи-сюр-Мер находился в трех километрах от пляжа Гранкам-Мэзи, но я искал совершенно определенное место, а именно поселок Большие Карьеры, где, согласно полицейскому донесению, 26 августа 2004 года нашли тело Миртий Камю.

Мой палец остановился на искомой точке. Глядя на церковь, единственное освещенное поблизости здание, я выпил еще чашку наполовину остывшего кофе.

Странная церковь. Современная. Разрушенная до основания в сорок четвертом, а затем восстановленная на скорую руку: бетонный куб, сбоку вместо колокольни притулилась серая труба с прорезями-бойницами. Даже в Ла-Курнев церкви выглядели симпатичнее!

Даже в Ла-Курнев...

Внезапно меня пронзила безумная мысль. Словно кто-то спроецировал в мой мозг голограмму.

Я уже видел эту церковь!

На протяжении всего пути ко мне возвращались обрывки воспоминаний: название деревни Гранкам-Мэзи и канский пейзаж из живых изгородей и каменных домов, темные черепичные крыши и рекламные щиты, напоминавшие о высадке союзников в июне сорок четвертого. Моя память хранила их под колпаком из непрозрачного стекла.

Колпаком, который разбился вдребезги, когда я увидел эту церковь.

Я уже видел эту церковь. Очень давно.

Я помнил каждую деталь.

Лето. Как и все предшествующие годы, я проводил его в лагере в Клеси, в нормандской Швейцарии, возле Фалеза, в сотне километров от Гранкам-Мэзи. Восхождения, каноэ, пешие прогулки... Досуговый центр агломерации Плен-Коммюн посещали дети из Ла-Курнев, Обервилье и Вильтанеза, всего более пятисот детей и подростков, которых летом распределяли в десятки лагерей, разбросанных по всей Франции. Два таких лагеря находились в Нормандии: лагерь в Клеси, куда попал я, и на берегу моря в Гранкам-Мэзи. Я не любил море, но в тот раз аниматору из парусного лагеря понадобился свободный день. Он ехал на похороны бабушки или что-то в этом роде. Помню, он долго метался в поисках замены на этот день. Так как я уже имел некоторый опыт пребывания в летних лагерях, заменить его попросили меня. В тот день мне пришлось съездить в лагерь в Гранкам и обратно. Там не случилось ничего особенного. Купание в чертовой ледяной воде, стычка между подростками на пляже, новые назначения детских командиров. С годами неожиданная замена вылетела у меня из головы. Если бы не церковь, я бы никогда о ней не вспомнил.

Я закрыл глаза. Установить точную дату моего здесь пребывания невозможно. Раз купались, значит, дело было летом, Скорее всего, конец лета. Лет десять тому назад.

Я до боли сцепил пальцы.

Конец августа 2004-го?

В четверг, 26 августа, чтобы быть точным?

В день убийства Миртий Камю?

Невозможно!

Сразу после обнаружения труп жандармы оцепили все вокруг, тотчас стали стекаться журналисты. В конце августа 2004-го я находился в Гранкам, в нескольких километрах от места, где нашли изнасилованную и убитую девушку. Подростки наверняка болтали только об убийстве, и я должен был бы это помнить.

Открыв глаза, я вновь принялся рассматривать карту местности. Увидел значки, обозначающие ферму «Большие Карьеры». Четыре крошечных прямоугольника.

Все верно, за исключением того, что дело Камю стало достоянием публики только на следующий день после убийства. Полиция наложила своего рода эмбарго, запретив в течение двадцати четырех часов сообщать что-либо средствам массовой информации. Я не ночевал в лагере, так как вечером отбывал в Клеси. История с изнасилованием стала известна, скорее всего, спустя несколько часов после моего отъезда. Впрочем, мне было наплевать, в Клеси мы жили практически отрезанно от мира, без газет и ящика...

Ярко освещенная бетонная церковь притягивала меня; ее жутковатая колокольня напоминала сторожевую вышку концентрационного лагеря.

Неужели это возможно?

Дрожащими руками я попытался сложить карту автомобильных дорог. Безуспешно.

Неужели я, действительно, встретил в тот день Миртий Камю? На дороге из Изиньи, возле «Больших Карьеров»? Я наверняка ехал на старом «рено-трафик», принадлежавшем досуговому центру «Плен-Коммюн».

Я швырнул карту на пассажирское сиденье.

Неужели я, действительно, остановился, изнасиловал ее, задушил, а потом память навсегда стерла следы моего преступления?

Я снова глотнул кофе, на этот раз прямо из горлышка термоса, и завел двигатель.

После Османвиля я свернул на дорогу, ведущую к «Большим Карьерам». Справа от меня остался большой нормандский дом из саманного кирпича с синими ставнями и характерным фахверком. Теперь я ехал по утрамбованной земле.

Я никогда здесь не был.

Я в этом уверен.

Замедлив ход, я внимательно изучал окрестный пейзаж, проплывавший в свете фар «фиата», пытаюсь высмотреть нечто, что могло бы пробудить мои воспоминания. Подтвердить мое безумие.

Десять лет назад я приехал сюда, убил двадцатилетнюю девушку и бросил здесь ее тело.

Где именно бросил?

На дне небольшого карьера, вырытого в известняковой породе? В густом пролеске? У стен крошечной часовни, облицованной сланцем и опутанной корнями столетнего тиса? На каком-нибудь поле, окруженном непроницаемой живой изгородью? Или еще дальше, на берегу канала Вир, который, обогнув Изиньи, впадает в море?

В бледном свете фар деревенский пейзаж напоминал полотно кисти Милле, только без вечернего колокола и крестьян в лучах заходящего солнца. Без свидетелей, если не считать таковыми десяток черно-белых коров, жевавших свою жвачку точно так же, как и десять лет назад. Свидетелей немых и равнодушных.

Я остановился под единственным фонарем, в пятидесяти метрах от фермы, и вышел из машины. Я словно ждал, что одна из коров повернется и, узнав меня, уставится на меня укоризненным взором.

Я сходил с ума.

Я ничего не помнил.

Я пошел. Было холодно, но безветренно. Я не понимал, почему я пошел направо, по направлению к подлеску. В какой-то момент я подумал, что меня ведет нечто вроде фантомной памяти, а руки и ноги воспроизводят движения, которые сознание мое отказывалось вспоминать.

Вскоре впереди я заметил отблеск. Точнее, два отблеска.

Возле высокой лещины горели два огонька. Их окружал ковер из цветочных лепестков.

Прибитые к стволу две таблички отбрасывали заметную тень.

Не в силах разобрать, что там написано, я подошел поближе.

В двух фарфоровых чашах, без сомнения, наполненных невозгораемой жидкостью, плавали два зажженных фитиля. Яблоневые лепестки всевозможных оттенков розового устилали землю, образуя контуры двух тел.

Я уже знал, что написано на двух деревянных табличках.

Моргана Аврил 1983–2004

Миртий Камю 1983–2004

Я замер, даже не пытаюсь понять, ни кто выстроил эту похоронную декорацию, ни как долго горели маленькие факелы, ни откуда среди зимы взялись яблоневые лепестки.

И какой во всем этом смысл.

Я просто замер на месте.

Я ощутил безмерную усталость, словно мои руки, бедра и нога вмиг стали ватными. Я с трудом поборол желание лечь на лепестки и заснуть, покончив, таким образом, со всем и навсегда.

Все прозрачно.

Моргана Аврил 1983–2004

Миртий Камю 1983–2004

Этих двух девушек убил я. Жандармы загнали меня в угол, и мой разум не выдержал. Я бредил, чтобы защитить себя. Изобрел самоубийство, свидетелей, бесконечное бегство. Вовлек в свое безумие Мону, и несколько часов назад она заплатила за это жизнью. Если я не перестану отрицать очевидность, будут новые смерти.

В отблесках пламени плясали два имени.

Моргана Аврил 1983–2004

Миртий Камю 1983–2004

Охваченный лихорадкой, я не мог оторвать взгляд от табличек. Ноги подкашивались. Казалось, я стою на двух стеклянных спичках и буду стоять до тех пор, пока за мной не явится полиция. Мой мозг отяжелел. Я не спал почти три дня, но не только усталость засасывала меня в белую мягкую дыру. Сломалась преграда. Последняя. Половодье пролитой крови вот-вот затопит мое сознание. Я к этому готов.

Вытащив из кармана револьвер, я долго держал его возле виска.

Мои скрюченные пальцы, сжимавшие заледеневшую рукоятку, не могли даже пошевелиться.

Я швырнул револьвер на ложе из цветов яблони.

Я буду ждать суда.

Пусть другие расскажут мне, каким я был чудовищем.

Стоило мне заметить, что позади мелькнули две тени, как обе замерли метрах в десяти от меня. Одна тень что-то говорила, очень тихо, как говорят в церкви. Голос знакомый, я слышал его несколько часов назад, но мой застывший разум не способен узнать его.

— Им было всего двадцать лет. Они были такие красивые.

Женский голос. Я обернулся. У меня за спиной стояла Кармен Аврил, в брюках и черной куртке, единственным украшением которой была тонкая красная нить, прицепленная к пуговице. В руках она держала цветок яблони. Плавным движением она бросила цветок на ложе из лепестков, на правое ложе.

— У Морганы впереди была вся жизнь. Если бы в ту ночь она не встретила вас... Если бы только...

Она замолчала, словно не имея сил произнести больше ни слова. Слева от меня прошелестели легкие шаги, кто-то ступал почти беззвучно, не приминая траву. Затем чья-то тень устремилась к лещине. В черном платье. Кожаная куртка, отрезная на талии, под ней короткое бархатное платье иссиня-черного цвета. И тонкая красная нить — там, где сердце.

Осеан.

По ее щекам текли слезы.

— В тот вечер вы должны были убить также и меня, — тихо произнесла она. — Моргана и я, мы были единым целым. Две сестры. Одно сердце.

Она положила в чашу цветок яблони, который держала в руке.

— Да, Джамал Салауи, вам следовало убить также и меня. Даже самые никудышные охотники добивают свою жертву. Раненый зверь никогда ничего не забывает.

Ни о чем не думая, словно сомнамбула, я направился в лес, желая затеряться в темноте. Ноги отказывались служить, я хватался едва ли не за каждое дерево. Я шел вперед, шатаюсь, словно пьяный, от ствола к стволу. Где-то позади остались Кармен Аврил и Осеан Аврил, они не двинулись с места. Дойдя до опушки, я увидел вдалеке, в полях, простиравшихся до самого моря, какой-то свет.

Я вышел из зарослей.

В нескольких десятках метров от меня, посреди поля виднелась фигура женщины, обращенная лицом к устью реки. Женщина стояла, держа в правой руке подсвечник, где, словно по волшебству, презрев ветер с моря, горели пять свечей.

Я уже где-то видел этот силуэт...

Внезапно кровь застыла у меня в жилах.

— Миртий была моей лучшей подругой, — прозвучал нежный голос.

Слова перелетали через живые изгороди и уносились к горизонту. Несколько вскриков чаек прорезали тишину.

— Миртий была настоящим ангелом. Почему ты отнял жизнь у ангела, Джамал?

Она медленно повернулась ко мне. Лицо девушки было мне знакомо; в ее устремленном на меня взгляде заплаканных глаз читалась невыразимая боль. Боль без ненависти, без желания отомстить. Изумление при виде абсолютного зла.

— Почему, Джамал? — повторила она.

Мона печально улыбнулась, давая понять, что больше ничего не может для меня сделать.

Я опустился на землю впереди себя, ушел коленями и ладонями в грязь. Несколько долгих секунд я стоял в этой позе, ожидая, что либо меня засосет красная глина, либо одна из женщин меня прикончит.

Осеан. Кармен.

Призрак Моны.

Зазвонил колокол; скорбный перезвон длился несколько секунд. Я инстинктивно вскочил, скрюченный, грязный, со скованными членами, хотя глина еще не успела засохнуть. Пройдя в темноте метров пятьдесят, я уперся в часовню, облицованную сланцем.

Странно, но, несмотря на непрерывную цепочку необъяснимых событий, я знал, что это не сон. Мой ум расстался с надеждой проснуться в холодном поту у себя в кровати в номере седьмом гостиницы «Сирена» или убедиться, что я заснул за рулем «Фиата-500».

Все, что происходило со мной, происходило наяву. Возможно, больше со мной уже не случится ничего...

Внезапно двустворчатая дверь часовни отворилась. Мощный свет неоновых и галогеновых ламп, заливавший ее изнутри, ослепил меня.

Прижав руки козырьком ко лбу, я вошел внутрь. В крошечном нефе, перед алтарем, убранном уже увядшими цветами, я различил две молитвенные скамеечки. Затем увидел пустые скамьи из светлого дуба; на них лежали книги в красных переплетах. Конечно, библии или молитвенники.

Колокол снова зазвонил. Я убрал от лица вымазанные красной глиной руки.

— Мы должны были пожениться 2 октября, — донесся голос из часовни. — Все было готово. Шарль мечтал сам отвести дочь к алтарю. Луиза мечтала держать на коленях ребенка, который должен был родиться у меня и Миртий. Если бы она не встретила тебя.

Два шага по каменному полу отразились звучным эхо. От двери отделился мужчина в свадебном костюме. Я скользнул взглядом сначала по его бутоньерке с красной нитью, затем взгляделся в лицо.

Лицо, мне знакомое.

На меня в упор строго смотрел Кристиан Ле Медеф. Отчетливо, явно желая непременно донести до меня свои слова, он повторил:

— Мадам Миртий Камю-Мескилек. Звучало бы неплохо, а?

Убегая, я расслышал еще несколько слов, сказанных им, без сомнения, для себя.

— Если бы только я был здесь, чтобы защитить ее...

Я шел прямо, не сворачивая, к ферме с закрытыми ставнями, массивное строение которой чернело в конце тупика, после фонаря. Я собирался постучать в дверь, кричать, умолять обитателей дома впустить меня и запереть за мной дверь, чтобы не дать призракам пробраться следом.

Во дворе фермы не было ни души, даже петуха, пением своим рассеивающего кошмары.

Позади залаяла собака. Отрывистое визгливое тьяканье пуделя, ничего общего с огромным молоссом, охраняющим владение. Затем где-то зажегся свет, откуда-то со скоростью выпущенной стрелы выкатился маленький шерстяной комок и застыл в нескольких метрах от моих глиняных ног.

— Арнольд? — громко спросил я.

Ши-тцу в бежевом свитере с красными полосками, том самом, что был на нем в утро самоубийства Магали Варрон.

— Арнольд, — повторил я.

Песик отказался признать свое имя. Он с недоверием смотрел на меня и щерил зубы при любой моей попытке пошевелиться.

В отчаянии устремив взор на закрытые ставни фермы, я искал, но не находил помощи и в конце концов двинулся вперед, протянув ши-тцу свою перемазанную красной глиной руку. Мускулы песика напряглись, раскрытая пасть приготовилась сомкнуться над моим запястьем.

— Назад! — прокричал голос в противоположном конце двора.

Песик немного поколебался и, решив все же не кусать меня, помчался туда, откуда прозвучал голос. Через пару секунд он уже сидел на руках своей хозяйки. В правой руке Дениза Жубан держала костыль, а левой прижимала к себе песика.

Встретившись с металлическим взором почтенной хозяйки ши-тцу, я отвернулся. Мне оставался только один путь — к воде, все другие пути отступления отрезаны призраками.

Мой череп словно взорвался. Казалось, каждый мой нейрон растянулся до бесконечности, а потом разорвался на части. Тысячу раз, одновременно. Страхочная сетка разорвалась, упала в пропасть, выдрал все удерживавшие ее крепления. Я не чувствовал ни рук, ни ног, ни пальцев, ни шеи. Кровь в жилах замедлила свой бег, словно мотор, который чихает, замедляет ход и останавливается окончательно.

Надо продержаться еще несколько мгновений.

Уйти. Удалиться. Убежать от призраков.

Осторожно, встав на цыпочки, я обогнул последнюю изгородь, как вдруг за спиной возникли двое в синей униформе.

— Не двигайся, Салауи.

Пироз...

Разумеется... На этом балу живых покойников не хватало только его.

С трудом сохраняя равновесие, я обернулся.

Фары микроавтобуса ослепили меня, словно охотники дикого кролика. Капитан жандармов направил на меня пистолет, его помощник сделал то же самое. Я стал отступать; канал находился всего в нескольких метрах от меня.

— Стоп! Стоп, Салауи. Пора прекращать бегать.

Я механически поднял руки и отступил еще на метр.

— Мы не закончили нашу беседу, Салауи. Помнишь? Два дня назад я задал тебе вопрос. Как раз перед тем, как ты разбил модель «Рождественской звезды» о мою голову.

Вдалеке, справа от меня виднелись огни Изиньи. Канал забирал воду из порта и нес к морю, словно гигантская сточная труба под открытым небом.

— В последний раз спрашиваю, Салауи. Это ты десять лет назад изнасиловал и задушил Моргану Аврил и Миртий Камю?

Я закрыл глаза. Плотина в моем мозгу взорвалась, в проем хлынули чудовищные видения. Моя рука, скользнув под платье какой-то женщины, сжимает ее половой орган; женщина бьется в истерике, пытается от меня ускользнуть; я раздираю на ней платье; всей своей тяжестью наваливаюсь на нее, сдавливаю грудь, срываю трусы; высвобождаю свой член. Мои окровавленные руки затягивают обмотанный вокруг белой шеи красный кашемировый шарф и тянут изо всех сил, пока тело не перестает сопротивляться. Я все начинаю заново. Один раз, два раза. Мона, плача, смотрит на меня.

Шагнув назад, я закричал, и тотчас над полем взлетели три ворона, смешав свой полет с полетом чаек.

— Да, Пироз! Вы выиграли. Я их изнасиловал и задушил. Всех трех...

Когда я прыгал в воду, воля моя была ни при чем.

III СУД

3 августа 2014 года

Кому:

Национальная жандармерия,
Территориальная бригада коммуны Этрета,
Департамент Приморская Сена
Лейтенанту Б. Донадье

От:

Научно-исследовательский институт судебно-
медицинской и криминалистической экспертизы
(НИИ СМКЭ)

Лаборатория идентификации жертв катастроф
Заведующего Ж. Кальметта

Господин лейтенант,

Возвращаюсь к своему письму от 22 июля 2014 года относительно найденных 12 июля 2014 года на пляже в Ипоре (департамент Приморская Сена) останков трех человек.

Как было условлено, мы приступили к всестороннему исследованию останков и их биологического материала.

Довольно быстро нам удалось разгадать первую загадку, а именно: узнать причину их смерти. У всех троих она одинакова. Напомню вам, что для удобства расследования мы стали именовать неизвестных Альбер, Бернар и Сезар.

Альбер, Бернар и Сезар были отравлены. У них в костях обнаружены следы му斯卡рина, токсического вещества, извлекаемого из мухоморов. Яд поступил в организм в количестве, не оставляющем сомнений в их насильственной смерти. Напоминаю, му斯卡рин практически невозможно почувствовать при добавлении в пищу, он вызывает скорый паралич

центральной нервной системы, за которым неизбежно следует замедление сердечного ритма и остановка сердца.

Как вы помните, мы установили, что Альберт, Бернар и Сезар скончались в разное время, с промежутком в несколько лет. Если говорить точнее, Альберт скончался летом 2004-го; Бернар в осенне-зимний промежуток 2004 — 2005-го, Сезар — в 2014-м, между февралем и мартом. Наиболее логично предположить, что они убиты одним и тем же лицом и одним и тем же способом, с интервалом в несколько лет. Однако доказательств у этой гипотезы нет, поэтому можно предположить, что Сезар отравил Альбера и Бернара, а потом отравил себя, или же Бернар отравил Альбера, а Бернара отравил Сезар.

Иначе говоря, в идентификации личности убийцы мы далеко не продвинулись.

Однако спешу сообщить, что после идентификационных ДНК-анализов Альбера, Бернара и Сезара и сравнения результатов с Национальной автоматизированной картотекой ДНК-профилей нам удалось закрыть старое дело об убийстве Морганы Аврил и Миртий Камю (дело, именуемое делом убийцы с красным шарфом). Местоположение трех скелетов, а именно пляж возле скалистого берега в Ипоре, сразу напомнило нам об этом давнем деле.

Сопоставление генетических отпечатков Бернара и Сезара с данными Национальной картотеки ничего не дали. Обе личности полиции не известны.

Генетический отпечаток Альбера также не совпадает с образцами, содержащимися в Национальной картотеке, тем не менее его ДНК нам известна. Можно утверждать без преувеличения: его генетический код знают практически все наши

службы. ДНК Альбера соответствует ДНК, выделенной из спермы, найденной на трупах Морганы Аврил и Миртий Камю. Дата смерти Альбера приходится на время между июнем и сентябрем 2004-го, и, зная, что Миртий была изнасилована 26 августа 2004 года, можно с уверенностью сделать вывод, что Альбер нашел свою смерть спустя несколько дней или несколько недель после совершения второго преступления. Это объясняет, почему, несмотря на тысячи тестов ДНК, взятых у знакомых убитых девушек и местных жителей, насильника так и не выявили на основании его генетического отпечатка. К сожалению, ни установить его личность, ни определить, кто отравил его, мы не можем.

Данные экспертизы переданы мною судье Лагарду, которому надлежит вынести вердикт, может ли данная информация являться полным или частичным официальным заключением относительно идентификации двойного убийцы, который, как мы с вами знаем, был номинально разоблачен в субботу, 22 февраля 2014 года.

Не знаю, господин лейтенант, насколько данная информация поможет вам пролить свет на преступление десятилетней давности. Наши сотрудники продолжают работать над решением этой увлекательной задачи. Скорее всего, Альбер, Бернар и Сезар еще не все «рассказали» нам, что могут, и мы приступаем к проведению дополнительных экспертиз. В свете последних данных мы готовы сделать все исследования, которые вы посчитаете необходимыми.

С наилучшими пожеланиями,
Ж. Кальметт,
Заведующий лабораторией идентификации
жертв катастроф
НИИ СМКЭ.

Надежда пробуждается?

Свет плясал перед моими глазами, искусственный свет, подобный флуоресцентной рыбе в темных глубинах океана, крошечная блестящая точка, начавшая расти и быстро заполонившая все поле моего зрения.

Теперь я видел только белый квадрат.

Он чем-то напоминал школьную доску, на которой пишут специальными фломастерами или магнитными буквами.

В верхнем углу доски я заметил маленькую красную табличку. Я знал на ней каждое слово.

Кармен Аврил, мать Морганы Аврил,
председательница.

Фредерик Мескилек, жених Миртий Камю,
вице-председатель.

Осеан Аврил, сестра Морганы Аврил,
секретарь.

Жанин Дебуаз, бабушка Миртий Камю,
помощник секретаря.

Алина Массон, лучшая подруга Миртий Камю,
казначей.

Подобно актеру, который, отдернув черный занавес, неожиданно появляется на сцене, передо мной внезапно появилась Кармен Аврил. Она открыла рот, и ее голос зазвучал у меня в мозгу, словно ее мысли вытеснили мои собственные.

— Это несложно, месье Салауи, выбить почву из-под ног, а затем свести с ума. Заставить усомниться в самом себе. Достаточно всего лишь маленького общества, не больше пяти человек, при условии, что все они исполнены решимости. При условии, что всех их объединяет непоколебимое стремление к единой цели. *Никогда не забывать.*

Она подошла поближе. Во всяком случае, мне так показалось, ибо лицо ее приняло непропорциональные размеры, подобно лицу актера, к которому приблизили камеру. Голос ее также прибавил в объеме, равномерно отбивая внутри моего черепа отрывистые слова, ударявшие то в один висок, то в другой.

— У меня две хорошие новости, месье Салауи: вы не умерли и вы не сумасшедший. Но есть и дурная новость. Мы, члены общества «Красная нить», обвиняем вас в двойном убийстве — Морганы Аврил и Миртий Камю.

Силуэт Кармен Аврил растворился во мраке так же неожиданно, как и появился, а на ее месте материализовалась старуха Дениза. Тогда только я заметил на белой доске разноцветные магнитные буквы. Точнее, одиннадцать букв:

Д. Е. Н. И. З. А. Ж. У. Б. А. Н.

Дениза смотрела на меня или, по крайней мере в моем направлении, ибо я был не способен пошевелиться, не способен сказать, что я тут, перед ней, не способен понять, осталось ли у меня по-прежнему тело.

Ее голос проскрипел:

— Видишь, мой мальчик, не я одна потеряла память.

Д. Е. Н. И. З. А. Ж. У. Б. А. Н.

Ее морщинистые руки медленно передвигали по доске магнитные буквы.

До тех пор, пока они не образовали другое имя:

Ж. А. Н. И. Н. Д. Е. Б. У. А. З.

Дрожащий голос не умолкал:

— Теперь ты все знаешь, мой мальчик. Я тоже надеюсь узнать правду, прежде чем сойду в могилу. Всю правду. Про последние слова, последний вздох моей внучки. Ты можешь дать мне хотя бы это.

Внезапно она исчезла, словно режиссер оборвал сцену при монтаже. В следующую секунду доска возникла снова, но буквы на ней изменились.

Одиннадцать букв:

К. Р. И. С. Л. Е. М. Е. Д. Е. Ф.

Словно извергнутый ночным мраком, перед доской возник депрессивный безработный.

В уголках его губ блуждала улыбка.

Губы не двигались, однако я отчетливо слышал его хриловатый прокуренный голос, вибрировавший у меня в черепе, словно он захватил в плен мой мозг:

— Между пятидесятилетним субъектом, потрепанным, одиноким, и сорокалетним мужчиной, пылающим совершенной любовью к

двадцатилетней девушке, намеренным создать семью, свою собственную семью, разница больше, чем одна буква, Салауи. Целая жизнь. Та, которую ты у меня украл.

Его длинные пальцы переместили буквы, составлявшие его имя.

И составили другое:

Ф. Р. Е. Д. М. Е. С. К. И. Л. Е. К.

— Ле Медеф, — вибрировал у меня в голове надтреснутый голос. — Как думаешь, стоило его придумать, а? Назвать Ле Медефом безработного персонажа... Так очевидно, так заманчиво, так рискованно... Но ты поверил, верил до последнего... Хотя от тебя ничего не скрывали, абсолютно ничего!

Он тоже исчез.

У меня не осталось ничего, кроме разума. Лишенный тела, медлительный, бесстрастный, словно погруженный в ватный сон, обессиленный, я приговорен созерцать шествие перед белой доской. У меня нет сил даже повернуть голову, поднять руку или пошевелить ею. Да остался ли у меня разум, не затерялся ли и он в дебрях изнасилованной памяти?

Все та же доска.

Другие буквы:

М. О. Н. А. С. А. Л. И. Н. А. С.

Мона возникла ниоткуда, наверное, из мышинной норы.

Взор опущен. Слабый голос, почти шепчущий, усилился, смешавшись с моими мыслями:

— Спасибо, Джамал. Тебя взволновала моя история, ты только что мне это подтвердил. Теперь я бы хотела выслушать твою историю, Джамал, подлинную историю. Не очередную выдумку. Не про очередной побег.

М. О. Н. А. С. А. Л. И. Н. А. С.

Она убрала первую и последнюю букву фамилии, вставила в свое имя два «С»...

А. Л. И. Н. А. М. А. С. С. О. Н.

— Мы не жульничали, Джамал. Тебе дали все необходимые подсказки. Все имена, все буквы, все ключи. Надо было только увидеть и расставить в нужном порядке. Но ты ничего не замечал...

Она исчезла.

«С призраками покончено», — подумал я.

Новая вспышка.

Доска.

Шесть букв.

А. Р. Н. О. Л. Ы. Д.

На полу под доской спал песик ши-тцу.

В поле моего зрения возникла неизвестная рука и изменила местоположение трех букв:

Р. О. Н. А. Л. Ы. Д.

Песик приоткрыл один глаз и тотчас снова закрыл.

Полная тьма.

38

Подлинная история?

Когда я проснулся, было темно; меня раскачивало. На мгновение я решил, что утонул и труп мой дрейфует в темной толще океанских вод, но благодаря какому-то чуду я сохранил свое сознание. Моя правая рука коснулась дна.

Тепло. Мягко. Приятно на ощупь.

Матрас...

Я лежал на кровати.

Ощупью я продолжил исследовать пространство вокруг себя. Матрас, похоже, лежал в деревянной мебельной коробке. Я попытался встать. Невозможно. Моя левая рука пристегнута наручником к планке на стене.

Я подтянулся на прикованной руке, пытаюсь обшарить темное пространство вокруг. Меньше чем в метре от головы рука уперлась в потолок.

Всюду доски.

Гроб?

Доски раскачивались.

Гроб в фургоне старьевщика?

По телу пробежал холодок. Я лежал на кровати совершенно голый. Если не считать привидевшегося мне во сне дефиле призраков перед

белой доской, моим последним воспоминанием была ледяная вода канала Изиньи, несущего свои воды в море. Мои спасители, вытащившие меня из воды, когда я уже потерял сознание, позаботились о том, чтобы конфисковать мой протез. Как будто наручников мало...

Изменив положение, я ухитрился сесть на корточки. Ощупывая стену, я нащупал толстую ткань и подsunул под нее руку. Пальцы коснулись холодного стекла. Окно? Экран? Я оттянул ткань, и в помещение потек слабый свет. Я сразу все понял.

За стеклом плескалась вода.

Я заперт в каюте судна!

Через иллюминатор сочился свет половинки луны, значит, время ночное; однако в дверь постучали.

Посетитель не стал ждать, когда я приглашу его войти. Он повернул выключатель и закрыл за собой дверь. Неоновый свет, ударивший с потолка, ослепил меня. В светящемся белом ореоле передо мной предстал капитан Пироз. В руках он держал бутылку кальвадоса, два маленьких стаканчика и скрученный в трубочку и перевязанный красной ленточкой листок бумаги.

— Подарок, — приглушенным голосом произнес Пироз.

Я без слов понял, что его ночной визит носит подпольный характер. Он без стеснения разглядывал мое обнаженное тело, вытянувшееся на кровати, затем с отвращением уставился на мою култышку.

— Что за дурацкая идея — прыгать в канал! Черт возьми, нам пришлось немало поплавать, чтобы вытащить тебя на берег. Температура воды в канале вряд ли была выше десяти градусов. Надеюсь, ты нас простишь, что мы сняли с тебя одежду без твоего разрешения. Это была вынужденная мера, иначе ты бы сдох от гипотермии...

Я скорчился, пытаюсь скрыть под культей свой пенис.

— Надо сказать, Алина немного перестаралась со стилноксом, когда сыпала его в термос с кофе.

— Алина?

— Ну да... Ты наверняка ее помнишь. Хорошенькая рыжая девушка, без колебаний бросившаяся на шею инвалиду. Хотя тебе она, скорее, известна под именем Мона.

Мона. Алина. Призраки «Больших Карьеров» вновь возникли передо мной. Туманные, размытые. Звон церковного колокола смешался с тьяканьем ши-тцу. Конечно, это действие подсыпанного в кофе снотворного. Я с усилием отогнал призраков, чтобы сосредоточиться на текущем моменте.

— Где я?

— Полагаю, ты догадался. На яхте. «*Параме*», голландский куттер, восстановленный в Бретани. Сейчас нет еще и пяти утра; когда мы тебя выловили, мы сразу отдали швартовые и вышли из Изиныи.

Сделав паузу, он поставил бутылку и стаканчики на изголовье кушетки, затем, не дожидаясь моего вопроса, уточнил:

— Направление Сен-Маркуф! Надеюсь, за последние дни ты узнал о существовании этого дерьмового архипелага, единственных островов, торчащих из моря между полуостровом Котантен и бельгийской границей. Уверяю тебя, расстояние от берега невелико, вряд ли больше семи километров, но мы не торопимся, чтобы не прибыть раньше, чем начнет светать.

Я тщетно искал глазами какую-нибудь простынку, чтобы прикрыться.

— Какой черт несет нас на Сен-Маркуф? — отрывисто бросил я.

Пироз медленно налил кальвадос в оба стаканчика.

— Полагаю, это будет нечто вроде процесса. Допрос, показания свидетелей, следствие, приговор. Но, думается мне, они ускорят процедуру. Их цель — завершить все до начала прилива.

— Кто эти «они»?

Капитан ладонью загнал пробку в бутылку и посмотрел на меня.

— Так ты еще ничего не понял? Только что тебе показали видеоролик, чтобы ты расставил точки над «i», а также над другими буквами. Тебе в уши заправили наушники и подсунули под нос экран, но, похоже, ты все еще в отключке. Проще говоря, ты имеешь дело с актерами из труппы под названием «Красная нить», это тебе что-нибудь говорит? Одни сыграли самих себя, другие — персонажей, взявшихся ниоткуда, но у всех была единственная цель: заловить тебя в западню, голубчик ты мой!

Загнать меня в ловушку!

В голове вновь всплыли события трех последних дней. Совпадения, отсутствие логики, противоречивые свидетельства...

— Как считаешь, удачный кастинг? — не умолкал Пироз. — Кармен и Осеан Аврил сыграли самих себя. Логично, можно было держать пари, что ты попытаешься встретиться с ними. Малышке Алине достался самый трудный персонаж, роль Моны, девицы отнюдь не неприступной, находящейся проездом в Ипоре. Согласно сценарию ей следовало тебя обольстить и в случае необходимости лечь с тобой в постель... Могу тебе признаться, это я выдумал, предложил запудрить тебе мозги историей про кремний в гальке. Год назад у известного профессора молекулярной химии Мартена Денена вскрыли виллу в Вокотте. Я вел дело, мы прониклись симпатией друг к другу, я узнал, что в свое время он интересовался делом Морганы Аврил. Он оставил мне связку ключей, чтобы я время от времени навещался в его летний дом. Это позволило нам предоставить тебе нору, даже не спрашивая разрешения у профессора, ибо он никогда не приезжает сюда зимой.

Мона никогда не занималась научными исследованиями.

Мона не существовала...

Она всего лишь аватар, собирательный образ, сыгранный девушкой, старательно выучившей свою роль.

Пироз с садистским видом взирал на мое замешательство и продолжал:

— Три другие роли не предполагали столь тесной близости. Бедный Фредерик Мескилек, жених Миртий Камю, примерил костюм первого свидетеля, депрессивного Кристиана Ле Медефа. Бабушка Миртий, бабуля Ниндзя, сыграла второго свидетеля, Денизу Жубан с песиком Рональдом под мышкой, тем самым, которого она унаследовала после смерти Луизы и Шарля Камю. Должен тебе сказать, труднее всего было уговорить последнего актера, Жильбера Аврил, брата Кармен. Но кому-то непременно надо было сыграть роль жандарма, моего помощника. Нельзя сказать, что этот болван исполнил ее с блеском.

Как только Пироз завершил перечисление участников спектакля, я немедленно, не задумываясь, не пытаюсь перебрать в голове все те знаки, которые я попросту не заметил, спросил:

— К чему весь этот собачий цирк? Только для того, чтобы показать его мне?

Жандарм протянул мне стаканчик кальвадоса. Я с подозрением понюхал его.

— Организация «Красная нить» потратила тысячи часов на разработку версии двойного убийства и наконец вычислила единственного субъекта, который присутствовал в субботу, 5 июня 2004 года в Ипоре и в четверг, 26 августа, в Изиньи-сюр-Мер. Спустя несколько лет, а точнее, в 2011-м, после ознакомления с показаниями сотен свидетелей из шляпы вытащили имя. Твое, голубчик ты мой! Джамал Салауи. В ночь на 5 июня ты снимал комнату в гостевом доме в Каике, а 26 августа провел день в Гранкам-Мэзи, в парусном лагере от досугового центра агломерации Плен-Коммюн. Что и требовалось доказать, Джамал. Ты убийца...

Я вздохнул с облегчением. Огромная тяжесть, лежавшая на моей совести, растаяла без следа.

Весь этот абсурдный спектакль построен на недоразумении!

В тот момент я решил не говорить Пирозу, что до этой недели я никогда не бывал в Ипоре, что бронь на комнату в гостевом доме я отменил, потому что девушка, с которой я намеревался провести уик-энд, обманула меня, так что я всего лишь проездил туда-сюда, из Клеси в Гранкам, не заезжая в Изиньи, и даже не слышал разговоров об убийстве Миртий Камю.

— Однако та еще компания психов! — присвистнул я. — Но вы-то, Пироз, что заставило вас принять участие в этом маскараде?

Капитан опустошил свой стаканчик кальвадоса и улыбнулся.

— Полагаю, ты не сомневаешься, что идея принадлежит Кармен Аврил. Это она убедила всех участников. Поставь себя хотя бы на миг на их место. Ты единственный, кто подходит на кандидатуру убийцы, но против тебя нет никаких улик, кроме присутствия в соответствующие дни в районе мест преступления. Этого недостаточно, чтобы заставить судью Лагарда возобновить дело, срок давности которого вот-вот истечет; я пытался, можешь мне поверить. Хуже всего, что к роковому десятилетию в деле не было никаких новых подвижек, следовательно, его сдадут в архив...

Поставь себя на их место...

Пироз не причислял себя к этой компании. У меня сложилось впечатление, что капитан не разделял убеждения членов общества «Красная нить». Но я хотел получить подтверждение.

— Вы мне не ответили, Пироз. С чего вдруг национальная жандармерия участвует в бредовых постановках, чтобы задержать

подозреваемого?

Перевернув стаканчик, Пироз вытряхнул в рот последнюю каплю алкоголя.

— Вначале, Джамал, все было не столь драматично. Речь шла только о том, чтобы вытащить тебя в Ипор и создать тебе такие условия, чтобы твоя память воскресила некоторые воспоминания. Спектакль был рассчитан на один день и имел две четкие цели, по одной на каждый твой визит в жандармерию. В первый визит надо было получить образец твоей ДНК, твоей спермы, твоей крови, твоих ногтей и волос с задницы. Во второй визит, то есть на следующий день, загнать тебя в угол и заставить признаться в совершении двух преступлений. На этом спектакль завершался. Генетические доказательства и признания! Мы не предусмотрели, что ты, сволочь поганая, разобьешь мою модель «Рождественской звезды» об мою голову и смоешься подальше от города. С этого момента, чтобы сохранить превосходство, нам пришлось импровизировать, иначе говоря, довести тебя до психушки.

Если он ждал, что я попрошу прощения за его кретинский макет, пусть утретса. Я поставил стаканчик кальвадоса на изголовье.

— Выпей, мальчик мой, — посоветовал мне Пироз. — Ты промерз. А то еще помрешь.

— Ничего, я живучий! Раз уж вы взяли образцы моей спермы и всего прочего, полагаю, у вас нашлось время сравнить мои данные с данными убийцы с красным шарфом? — Я изо всех сил старался говорить с иронией в голосе. — Полагаю, сейчас вы сообщите мне, что моя сперма совпадает со спермой насильника, которого разыскивают десять лет. Иначе вы все будете выглядеть идиотами. Так стараться, а все впустую.

Пироз насмешливо глядел на меня.

— В одном, по крайней мере, ты прав, мой мальчик, результаты у меня есть...

Он помахал перед моим носом свернутой в трубочку бумагой и обвязанной ленточкой цвета фуксии.

— Главное доказательство. Пятьдесят на пятьдесят. Твоя свобода — или пожизненное... Но чтобы получить окончательный ответ, надо немного подождать.

У меня возникло то же чувство, что и несколько минут назад. Пироз, похоже, верил в мою невиновность. Или играл со мной, как кот с мышью.

Он снова налил себе кальвадосу.

— Сначала я отвечу на твой вопрос, тот, что ты задал раньше. Почему, будучи полицейским, я согласился принять участие в этом маскараде и даже вызвал тебя в жандармерию, хотя никто из моих коллег не знал, зачем ты туда явился. Прежде всего, должен сказать тебе, Салауи, что через три месяца я выхожу в отставку, так что сам понимаешь, порицание со стороны начальства и тому подобная дребедень меня больше не волнует. Спектакль увлек меня. Почти десять лет я расследую это дело о двойном убийстве, и надо признать, кроме идиотской идеи Кармен вытащить тебя и оказать на тебя давление, чтобы ты раскололся, у меня не было никаких соображений, способных убедить Лагарда официально возобновить расследование и привлечь тебя в качестве свидетеля.

У меня сжались кулаки.

— Черта с два! Надо было лишь попросить меня. Кто вам сказал, что я бы не согласился? Я не насиловал этих девушек! Я сдал вам анализ крови и спермы, так что можно было обойтись без ваших глупостей. Тем более я уверен, что показания, полученные столь замысловатым способом, в глазах судьи не имеют никакого значения.

Пироз смотрел на меня так, словно моя проницательность произвела на него неизгладимое впечатление.

— Ты прав, голубчик, не имеют никакого значения с точки зрения закона. Ты совершенно прав. На самом деле, я согласился участвовать в этом хреновом спектакле, поставленном Кармен Аврил, совершенно по другой причине, той, которая известна только мне. — Он поднял свой стаканчик. — А что касается результата анализа твоей ДНК, тебе надо чуточку подождать, пока я его тебе сообщу. Давай, твое здоровье!

39

Как считаешь, удачный кастинг?

Он опустошил второй стаканчик кальвадоса. Не задумываясь, я схватил свой стаканчик и последовал его примеру. Горлодер обжег

нёбо. Я вытер сбегавшие по вискам холодные капли пота и произнес как можно выразительнее и громче:

— Итак, Пироз, подводя итоги, я вынужден признать, что вы держали меня под контролем. Мона следила за мной и подбрасывала коричневые конверты, где в гомеопатических дозах излагались подробности дела Аврил–Камю. Фредерик Мескилек и бабуля Ниндзя играли в прятки, заставляя меня во всем сомневаться. Вы создали персонаж Магали Варрон, придумали и разместили в Интернете подробности ее биографии, поразительным образом совпадавшие с биографией Морганы Аврил, чтобы я в конце концов начал путать этих женщин. Но...

Внезапно я изо всех сил сжал стаканчик. Передо мной предстал образ распростершейся на камнях Ипора девушки с опухшим лицом и обмотанной красным шарфом шеей.

— Но, черт возьми, Пироз, кто же тогда прыгнул в пропасть три дня назад? Кто умер в то утро?

— Никто, Салауи.

— Не надо держать меня за дурака. Я был там! Она прыгнула с обрыва на моих глазах.

Пироз аккуратно поставил свой стаканчик.

— Салауи, ты видел фильм Хичкока «Головокружение»?

Вместо ответа я покачал головой.

— Так вот, «Головокружение» — это история частного детектива, нанявшегося следить за женой своего друга. Она постоянно пытается совершить самоубийство и в конце концов убивает себя, бросившись вниз с высокой башни. По крайней мере, детектив так считает. На самом деле это фуфло, все подстроено мужем, она выбросила вместо себя манекен. Детектив, которого выбрали из-за того, что он боится высоты, не мог непосредственно видеть прыжок красотки...

— Какое отношение фильм имеет ко мне?

— Твоя деревянная нога, кретин! Из-за нее ты не мог подойти к краю обрыва и увидеть, как тело Магали Варрон разбивается о прибрежные камни. Особенно утром, по ковру из заледеневшей травы. В сущности, отсюда и родилась сумасшедшая идея Кармен, ее цепочка ассоциаций: обрывистый берег, дурацкая искусственная нога...

— Я видел, как она прыгнула вниз. А потом видел ее окровавленное тело на пляже...

— Потом... Будь точен, Салауи. Через сорок семь секунд, если быть точным! Время, которое требуется, чтобы добежать до казино по улице Жан-Эли и спуститься по лестнице к морю. Время засекали десятки раз, для тебя быстрее добраться до пляжа невозможно. Оказавшись внизу, два свидетеля, в искренности которых у тебя оснований сомневаться не было, подтвердили, что видели, как тело Магали Варрон разбилось о прибрежные камни.

Я смотрел на Пироза и по-прежнему ничего не понимал. Он сильно вспотел. Похоже, он не слишком хорошо себя чувствовал. У меня создалось впечатление, что он хочет налить себе третий стаканчик, но не решается.

— Если я не совсем идиот, то, полагаю, роль Магали Варрон исполнила Осеан Аврил. Но, Пироз, одна деталь по-прежнему от меня ускользает, совсем крохотная деталь. Если все это подстроено, как Осеан удалось спокойно улечься на пляже? Может, у нее выросли крылья?

— Осеан — настоящая оторва! Красива до безумия. Спортивная. А главное, решительная. Горит желанием отомстить за сестру-близнеца. Как только год назад план созрел, она начала тренировки.

При упоминании о свойствах характера Осеан странное тепло разлилось по всему моему телу. «Девушка моей мечты, — снова вспомнил я. — Ангел, способный летать».

Я убедил себя пойти в наступление на Пироза.

— Какие еще, к дьяволу, тренировки?

— Бейсджампинг. Во Франции федерация насчитывает несколько сотен человек, а всего в мире их несколько тысяч. Чтобы тебе стало понятнее, бейсджампинг заключается в умении совершать короткие прыжки с фиксированных объектов. С края пропасти. С высотного здания. С церковной колокольни. Со скалы. Разве в твоём предместье этим не развлекались?

Я ничего не ответил, только покачал головой.

— Если хочешь узнать поподробнее, Салауи, скажу, что бейсджамперы могут прыгать с высоты минимум пятьдесят метров. Прибрежные скалы в Ипоре высотой примерно сто двадцать метров. Следовательно, сам видишь, даже не будучи профессиональным бейсером, Осеан не слишком рисковала.

— Я собственными глазами видел, как она прыгнула с обрыва, — повторил я. — С красным шарфом в руке. В разорванном платье...

— Преимущество бейсджампинга. При прыжке используется вытяжной парашют, маленький и круглый, который убирается в маленькую сумочку на липучке. На их жаргоне она называется хвостовой карман. Сумочка, принимающая форму спины, толщиной менее десяти сантиметров. Очень впечатляет, под курткой или пальто ее не видно вовсе.

— А под разодранным платьем? — едва слышно спросил я.

— Молодец, мой мальчик! Платье, которое, как ты подумал, разорвал впопыхах насильник, потребовало от нас многочасовой работы. Надо было сообразить, каким образом сексуальное платье скроет то, что нужно, а именно крепежные ремешки, опутывавшие тело и проходившие под бедрами и под мышками, а также хвостовой карман на спине, который должен был выпустить парашют, как только Осеан прыгнет и дернет за лохмотья своего платья. Осеан превосходная актриса... она сумела отвлечь твоё внимание. Согласен?

Я не ответил. Я не мог поверить. Не мог принять столь невероятную истину.

Спустя время, когда вся эта история окончилась, я проверил. Я посмотрел на YouTube сотни роликов бейсеров. Целую ночь, словно замороженный, я смотрел, как эти отчаянные безумцы во всех концах света развлекаются, прыгая в пустоту с самых невероятных точек — с соборов, с мостов, с телевышек. Я прошерстил все сайты, посвященные снаряжению. Пироз ничего не придумал. Хвостовой карман можно купить по Интернету, и он, действительно, занимает места меньше, чем дамская сумка, и крепится на спину.

— Падение длится менее четырех секунд, — продолжал Пироз. — Ты, возможно, заметил, что известняковое основание скалистого берега пронизано пустотами, более или менее широкими гротами, вполне достаточными, чтобы там спрятаться. Даже толстой Кармен! Сорока семи секунд больше чем достаточно, чтобы она загримировала лицо Осеан кровавыми следами и, забрав с собой хвостовой карман, снова спряталась в одном из ближайших гротов.

Я вспомнил, с какой ужасающей быстротой я мчался к пляжу. Я добежал до тела раньше, чем Кристиан Ле Медеф и Дениза Жубан. К распластавшемуся на камнях труп.

— Осеан сыграла мертвяка? Черт, как же ей удалось выдержать столько времени? Мы ждали вас больше десяти минут, пока вы парковали полицейский микроавтобус.

Пироз не удержался и налил себе третий стаканчик.

— Вспомни, Салауи. В то утро стоял собачий холод. А что прежде всего сделала Жанин, то есть для тебя Дениза Как-ее-там?

Я стал вспоминать. Точно. Какой же я идиот, что не обратил на это внимания!

Пироз торжествовал.

— Она попросила у тебя толстовку, чтобы прикрыть лицо и тело Осеан! Чтобы она спокойно дышала, пока ты дрожал от холода!

Словно желая продлить удовольствие, Пироз омочил губы в кальвадосе.

— Мы не предусмотрели только одну деталь, а именно — что тебе придет в голову бросить Осеан красный шарф, который мы заботливо прицепили на твоём пути. Пришлось импровизировать. Осеан прыгнула вместе с шарфом. Чтобы добавить еще немного перчика нашей мизансцене, Кармен решила обмотать его вокруг шеи дочери. Уверен, тебе пришлось основательно поломать голову!

— Кучка психов!

Пироз расхохотался.

— Я рад, что ты все правильно понимаешь!

Пока он смаковал кальвадос, не решаясь проглотить его одним махом, я разглядывал свернутый в трубочку лист.

Сравнение моего генетического профиля с профилем двойного убийцы.

Доказательство моей невиновности, сводящее на нет весь этот бред. Конечно, если Пироз не подделал его, как и все остальное.

— Вы напрасно затратили столько усилий, — бодро заявил я. — Со всем уважением, с коим я отношусь к горю этих лицемеров из организации «Красная нить», среди которых хочу особо выделить мерзавку Мону, или Алину, как вам будет угодно, я заявляю, что вы поставили не на ту лошадку. Я не убийца. Очень жаль... Надеюсь, вы передадите мои слова?

Я протянул руку, давая понять Пирозу, что жду от него ключа от наручника, которым прикована к стене моя правая рука.

— Кажется, ты не понял, Салауи. Насильник ты или нет, им наплевать. Им нужен виновный!

По моему обнаженному телу пробежала дрожь, от спины до отрезанного колена.

Хреново. Что еще придет в голову этим психопатам?

— Сначала они заставят тебя признаться. Потом они тебя казнят. Они десять лет ждут этого момента. Десять лет Кармен Аврил мечтает отрезать яйца тому, кто изнасиловал ее любимую девочку. Десять лет она делает все, чтобы горечь утраты Осеан становилась еще острее. Десять лет Фредерик Мескилек, словно кастрюля-скороварка, подогревает свою ненависть, чтобы наконец взорваться и выплеснуть ее. Десять лет он мечтает наплевать на все христианские принципы и собственными руками задушить убийцу своей невесты.

— Это кретинизм, Пироз! Я невиновен!

Пироз тихо поднес свой стаканчик к моему. Этот идиот хотел чокнуться со мной! Я не пошевелился. Нисколько не обидевшись, он, резко закинул голову, одним махом опустошил стаканчик и застыл в этой позе.

— Я знаю, — наконец промолвил он.

Меня словно током ударило.

Он знает?

Что он знает?

Что я не виновен!

Капитан жандармерии медленно развязал ленточку, обвязывавшую свернутый в трубочку листок, и протянул бумагу мне.

— Тебе подарок, Салауи. Признаюсь, я бы не обрадовался, если бы ты оказался убийцей. Дебильный араб с одной ногой — это многое упрощает. Но я обязан признать очевидное: твоя ДНК не соответствует ДНК убийцы с красным шарфом. Ты, голубчик мой, не убийца.

Я лихорадочно схватил листок и взгляделся в бесконечные сочетания трех букв, похожих на те, что я видел в деле Морганы Аврил и Магали Варрон. В этот раз у Пироза нет никаких оснований лгать мне. Я облегченно вздохнул и устремил взор в иллюминатор, где уходящая ночь позволяла видеть море.

— Как давно вы это узнали?

— Вчера после полудня. Около семнадцати часов...

Я рассвирепел.

— Тогда к чему этот бардак, если вы получили доказательства моей невиновности? Кретинская перестрелка возле бывшего вокзала в Иф? Гиньоль в «Больших Карьерах» рядом с Изиньи? Какого хрена мы плывем на Сен-Маркуф?

Пироз забрал у меня листок с результатами экспертизы и снова свернул его в трубочку.

— Тише, Салауи. Радуйся. Силы правопорядка на твоей стороне. Они знают, что ты не виновен. Они тебя защищают. Тебе больше нечего бояться.

Я дернул рукой в наручнике.

— Тогда освободите меня, уроды...

— Я же сказал: спокойно. Честно говоря, результат меня не удивил. Но я никогда не скажу этого в присутствии Кармен Аврил, не хочу, чтобы она выцарапала мне глаза. Я никогда не верил в ее версию двойного убийцы, по крайней мере, не верил, что твое присутствие в те дни в Ипоре и в Изиньи является бесспорным доказательством, что ты убийца. С тех пор как мне поручили это дело, я разрабатывал другую версию. Это, знаешь ли, моя личная версия... более сложная.

— Валяйте выкладывайте, перед нами вся ночь.

— И все время утреннего прилива. Впрочем, сам увидишь. Чтобы не быть многословным, скажу лишь, когда Кармен Аврил уговорила всех членов общества «Красная нить» сыграть свои роли, чтобы загнать тебя в угол, она привлекла к своей бредовой затее и меня. Собственно, я сам ухватился за подвернувшуюся возможность.

— Не крутите вокруг да около, Пироз.

Капитан закашлялся. Похоже, он чувствовал себя неважно.

— Ты еще не понял? Объясняю. Я использовал тебя как приманку! Принял участие в спектакле, чтобы отвлечь их внимание. Потому что...

Пироз опять закашлялся. Я вспомнил содержание коричневых конвертов, последние этапы расследования, сомнения Моны-Алины. Миртий Камю знала своего насильника. Она и Моргана Аврил стали жертвами одного поклонника. У них было с ним свидание...

— Потому что вам удалось установить личность настоящего преступника? — едва ли не выкрикнув, спросил я.

Пироз знаком велел мне сбавить тон. Я продолжил, но, кажется, почти столь же громко.

— Я его знаю? Полиция проверила генетические отпечатки всех знакомых Моргану Аврил и Миртий Камю. Среди них не могло быть убийцы!

Я перевел дух и тут же спросил:

— При чем здесь эта хренова дилемма заключенного? Она как-то связана с этим бардаком?

Пироз загадочно улыбнулся.

— Через несколько часов ты все узнаешь, Салауи. Все предусмотрено. Все готово. Доверься мне. Прошу тебя лишь об одном: играй в их игру! В последние дни они постоянно обводили тебя вокруг пальца, так почему бы и тебе немного не поломать комедию? Только пока не говори никому о нашем разговоре. Пока никто не в курсе. Твоя невиновность должна оставаться тайной еще несколько часов. Это единственный способ заставить убийцу выдать себя.

— Достали вы меня с вашими идиотскими играми.

Открыв бутылку кальвадоса, Пироз налил себе четвертый стаканчик.

— За твое здоровье, Салауи. Через несколько часов все будет кончено. Ты будешь бел как снег. И сможешь отчалить куда угодно со своей ненаглядной Алиной.

Он взял стоявший на изголовье стаканчик и протянул мне, но я даже не подумал взять его. Пироз пожал плечами.

— Она запала на тебя, голубчик. Чем чаще она виделась с тобой, тем меньше она верила в твою виновность. Запомни хорошенько мой совет, Салауи. На этом корабле мы с ней — твои единственные союзники.

Мона?

Моя единственная союзница?

В эту минуту я испытывал к мышке-притворщице самое глубокое презрение.

Обман. Предательство. Разочарование.

Как могла Офели поставить ей 21 из 20?

«Не бросай ее, это женщина всей твоей жизни».

Женщина всей моей жизни?

Моя единственная союзница?

Я не знал, ошиблась ли Офели, ошибся ли Пироз.

Когда капитан, пошатываясь, покинул каюту, забрав с собой экспертизу, бутылку и оба стаканчика, я почувствовал, как меня обволакивает сильный жар, словно деревянная обшивка каюты превратилась в стены сауны; я задыхался. Странно, я вдруг вспомнил день, когда на крыше спортивной площадки при школе «Луиза-Мишель» я выкурил свой первый косячок с наркотой. В тот день я словно с цепи сорвался, сбросил с себя весь груз, пригибавший меня к земле.

Все к черту!

Я почувствовал облегчение. Я не виновен. У фликов есть доказательства.

Мне оставалось только сказать «прощай» тесной компании психов, которые чуть не свели меня с ума.

За исключением, быть может, Осеан...

40

Играй в их игру?

Меня разбудили крики чаек и буревестников — словно тысячи морских птиц через социальные сети сговорились собраться, чтобы приветствовать прибытие «Параме» на Сен-Маркуф. Занимался день. Красный глаз робкого солнца, направленный в самый центр иллюминатора, омывали слезы пены.

Внезапно деревянные стены каюты содрогнулись. Раздались людские крики. Я понял, что яхта «Параме» причалила к берегу. В следующее мгновение дверь каюты распахнулась с такой силой, что едва не слетела с петель. Я узнал величественную фигуру Кармен Аврил. На ней был широкий непромокаемый плащ лилового цвета.

— Час настал! — воскликнула она.

С отвращением разглядывая мое обнаженное тело, она задержала взгляд на культе левой ноги. Так смотрят на монстра. На существо искалеченное и извращенное. С такой смесью восторга и ненависти, возбужденной созерцанием моего увечья, я сталкивался крайне редко.

Убийца ее дорогой дочери. Она уверена, что разглядывает убийцу.

Я демонстративно вытянулся на кровати, перестав скрывать между бедрами пенис.

Я невиновен! Жандармы на моей стороне, а не на ее.

— Надень вот это, — с отвращением произнесла Кармен, бросив на кровать скомканные шмотки.

Одновременно она извлекла из-за спины железный прут и ткнула им в мою сторону. Прут напоминал кочергу, только длиннее и толще, добрых два сантиметра в диаметре и длиной не менее метра.

Я инстинктивно отшатнулся в глубь алькова. Я невиновен, однако прикован наручником к стене, обнажен и беззащитен перед лицом психопатки, в течение десяти лет вынашивавшей план мести. Кармен Аврил приблизила прут ко мне, направляя прямо мне в лицо.

Время остановилось. Начиналась бесконечность.

Наконец она бросила прут, и тот с дребезжанием упал на пол.

— Это тебе вместо костыля.

Не сказав больше ни слова, она положила на изголовье кровати маленький ключ, видимо, от наручников, и вышла из каюты.

Как только я облачился в неопреновый комбинезон, брошенный мне Кармен, и ступил на палубу «Параме», как, видимо, поджидавший меня Фредерик Мескилек тотчас спустился в трюм. Я не успел ни обругать их, ни заорать, как подло с их стороны заставлял меня прыгать на одной ноге по лестнице, как трудно с одной ногой сохранять равновесие на борту, помогая себе лишь дурацким металлическим прутом. Фредерик Мескилек уже поднялся наверх и, держа в руках наручники, сделал мне знак протянуть руки.

Мескилек... Ублюдок Атаракс! За десять лет он здорово поистрепался, тот еще Шишин, кумир девчонок-подростков...

Я вспомнил советы Пироза.

Все предусмотрено.

Все готово.

Играй в их игру.

Я выпустил железный прут и вытянул руки. Допрыгал до сундука, служившего скамейкой, и сел.

Обе руки скованы, нога одна. Они что, действительно, считают, что я могу вплавь достичь берега?

«Параме» пристала к острову Ларж, одному из двух островков архипелага Сен-Маркуф. Островок площадью сто пятьдесят метров на восемьдесят, по сути, представлял собой крепость, построенную посреди моря. Я тотчас вспомнил телеигру «Форт Боярд». Я следил за

участниками игры и вместе с ними переживал свои первые детские страхи и фантазмы. Я помнил карликов, тигров, пауков, старлеток с соблазнительно глубокими вырезами спортивных маек.

Центральная часть форта Сен-Маркуф напоминала Колизей со сторожевой дорожкой поверху. Цитадель окружали рвы с водой и толстая кирпичная стена, сплошь поросшая водорослями и мхом. Во время прилива море затопляло значительную часть укрепления. И только причал, куда подплыла «Параме», похоже, был построен недавно.

Передо мной возникла Кармен.

— Не рассчитывай на спасателей, Салауи. Из соображений безопасности заходить на остров Ларж запрещено уже несколько лет. Разрешение есть только у членов общества, которое проводит реставрационные работы в форте. Но зимой добровольцы обычно не работают... А яхты не плавают по Ла-Маншу.

Я промолчал. На столике, вытасенном на палубу, стояли чашки, термос с кофе и тарелка с выпечкой. Взяв кофе и круассан, Фредерик Мескилек повернулся ко мне.

— Чашку кофе? — спросил он; в голосе его не слышалось ни ненависти, ни симпатии.

Похоже, ему очень просто играть своего персонажа, ибо, судя по его лицу, он пребывает в депрессии, как и Крис Ле Медеф.

— Нет, спасибо, — ответил я достаточно громко, чтобы меня услышала Мона. — Сколько времени мне понадобится, чтобы начать звать ее Алиной? — Последний кофе, который я пил, до сих пор сидит у меня в печенках.

Мона не шелохнулась.

Она стояла на носу, развернутом к другому островку, острову Терр. Распушенные рыжие волосы яростно хлестали ее по лицу, покрасневшему от холода; в уголках ее опухших глаз засохли несколько слезинок. Рядом с ней, слева на палубе, держась одной рукой за поручень, а другой прижимая к себе ши-тцу, расположилась Дениза Жубан. Арнольд спешно расправлялся с кусочком булочки с шоколадом, словно она могла удрать от него.

За стеклом рулевой рубки возвышался Жильбер Аврил, наблюдавший за работой навигационных приборов.

«Самый худший актер во всей труппе», — подумал я. Даже во время пути длиной в семь километров, даже причалив к острову, даже в спокойную погоду он наверняка найдет множество причин, чтобы не покидать рубку, предоставив остальным делать грязную работу.

Кармен прошла мимо меня; пытаюсь согреть пальцы, налила себе чашку кофе, потом подошла к Осеан и одарила ее лучезарной улыбкой.

Союз двух женщин, после стольких лет наконец добившихся своего.

Вознаграждение. Апофеоз.

В пальцах, выглядывавших из малиновых митенок, Осеан держала сигарету. С помощью яркой заколки-краба она заколола откинутые назад волосы. Такая прическа увеличивала ее лицо, ее темные глаза и придавала ей элегантность американской актрисы. Красавица на палубе трансатлантического лайнера, отплывшая из Нью-Йорка на завоевание Парижа. В отличие от других, она не избегала моего взгляда. Наоборот, она пристально смотрела на меня, время от времени позволяя морскому ветру швырять мне в лицо дым от ее сигареты.

Легкий налет таинственности. Я без рук, без ноги, однако побежденным себя не чувствую.

Невиновен!

Осеан рассматривала меня. Я ей интересен. Она задавала себе вопросы. В сущности, мне выпала удача. Если бы не ее презрение, не это кретинское недоразумение, такая роскошная девушка вряд ли когда-нибудь положила бы на меня глаз.

«Все предусмотрено, — сказал Пироз. — Все готово.

Играй в их игру».

Старый пьяница Пироз — единственный, кто не поднялся на палубу. Сидит и наверняка потягивает кальвадос, ожидая, когда настанет время извлечь из рукава новую версию.

За спиной у меня раздался строгий голос Фредерика Мескилека:

— С завтраком покончено?

Кармен поставила чашку на стол.

— Ты прав, не будем терять время, уже два часа как начался прилив.

Я не понял, как соотносится прилив с завтраком.

— Алина, — приказала Кармен, — ослабь швартовые.

Мона механически выполнила приказ: медленно выпростав руки, подтянула оранжевые буйки, качавшиеся на волнах между «Параме» и причалом острова Ларж. Во время маневра Дениза унесла Арнольда.

— Которое? — спросила Кармен, сверля взглядом кирпичную стену.

— Третье сверху, — ответил Фредерик Мескилек, глядя в одном с ней направлении.

Третье что?

На крепостной стене я видел только слизистые водоросли, некоторые уже смыло море, некоторые только через несколько минут окажутся под водой.

— Наименее ржавое, — уточнила Кармен, вытягивая палец.

Палец указывал на медное кольцо, вделанное в крепостную стену, примерно в метре высоты от нынешнего уровня моря, но на пятьдесят сантиметров ниже его максимального уровня, о чем можно судить по влажному мху. Я тотчас понял, почему они дали мне неопреновый комбинезон...

Они намеревались привязать меня к этому кольцу! И ждать прилива. Под неопреновым комбинезоном по телу у меня заструился едкий пот.

Какова их цель? Заставить меня признаться в преступлениях, которые я не совершал? Вырвать признание, а потом сдать полиции? Или, следуя неведомой мне логике, оставить подыхать здесь?

Я вспомнил слова Пироза:

«Все предусмотрено. Все готово».

Я молился, чтобы капитан жандармерии не ошибся.

Этот говнюк Пироз часто казался непроспавшимся.

Одним щелчком отправив окурок в море, Осеан продолжила сверлить меня взглядом. Непостижимым...

Ко мне подошла Кармен.

— Думаю, ты все понял, Салауи. Море поднимается примерно на сантиметр в минуту... У тебя чуть больше часа, чтобы рассказать нам о своих преступлениях.

Я проглотил слюну.

«Играй в их игру».

О'кей, Пироз, у меня нет выбора, но ты поторапливайся.

— А потом? — спросил я.

— Ты хочешь, чтобы я познакомила тебя с распорядком дня? В конце заседания жюри присяжных вынесет решение. Беспристрастное жюри, так что в твоих интересах говорить убедительно.

«Играй в их игру».

— Вы все больные, — сплюнул я.

Кармен стойчески выдержала мою выходку.

— Сходи за Пирозом! — крикнула она Фредерику. — Нам понадобится еще один мужчина, чтобы бросить Салауи в воду. Жильбер отказывается пачкать руки.

Жильбер Аврил не ответил. Наверное, он не расслышал реплики сестры, ее заглушили крики чаек, рассевшихся на капитанской рубке.

Фредерик исчез в трюме. Мона по-прежнему сжимала в руках облепленные морской пеной тросы. Сжимала до посинения. Скучное утреннее солнце постепенно выплывало из-за перины облаков. Температура на улице не превышала пяти градусов выше нуля. Температуру воды даже страшно себе представить.

Осеан закурила следующую сигарету. Кармен опустошила вторую чашку кофе.

— Где застрял этот идиот? — проворчала она; слова ее явно относились к Мескилеку, который должен был бы уже вернуться на палубу.

Наконец на лестнице послышались шаги. Лицо Фредерика Мескилека выражало растерянность и недоумение.

— Пироза нет в каюте, — произнес он.

Подо мной отверзлась пропасть. Видимо, судьба все же решила пришить меня к стене и теперь голосами сотен чаек насмехалась надо мной.

— А ты хорошо искал? — спросила Кармен. — В сортире? В душе?

Фредерик Мескилек раздраженно отмахнулся.

— Черт возьми, Кармен, — произнес он, теребя дурно выбритый подбородок, — суденышко длиной всего тридцать метров. Так что я утверждаю, что внизу его нет!

Все молчали. Кармен, Осеан, а следом и Дениза спустились вниз. Они обыскали каждый закоулок «Параме».

Безрезультатно.

Капитана жандармерии на яхте не было. Неужели Пироз так напился, что не удержался и упал за борт? А может, он добровольно прыгнул в ледяную воду и на какой-нибудь надувной лодке добрался до берега и отправился за помощью? Или его просто заставили замолчать, потому что он слишком много знал и не был достаточно осторожен?

Пока Жильбер Аврил, подгоняемый Кармен, пересчитывал спасательные жилеты, я снова и снова вспоминал слова Пироза.

«Пока никто не в курсе. Твоя невиновность должна оставаться тайной еще несколько часов.

Пока никто не в курсе».

Чертыхаясь, Жильбер Аврил сложил спасательные жилеты обратно в ящик.

Все жилеты на месте!

Я с ужасом взирал на железное кольцо, вделанное в кирпичную стену.

Море поднялось уже на добрых десять сантиметров.

41

Пока никто не в курсе?

«Волны доставали ему до колен, а старый дурак все шел вперед».

Не знаю, почему мне вдруг вспомнилась эта старая песня Грэма Олрайта, которую мы мальчишками пели в летнем лагере.

Вспомнилась и привязалась.

Один из способов, изобретенных мозгом, чтобы убежать от решения насущных проблем. Честно говоря, вода уже доходила мне до середины бедра. Холода я не чувствовал, неопреновый костюм пока еще защищал меня. Ныли руки, пристегнутые наручниками к кольцу.

За несколько минут я испробовал несколько позиций, цепляясь за кольцо то одной рукой, то другой, то обеими сразу, чтобы распределить тяжесть тела, а не перекладывать ее на одно плечо. Я знал, что, как только вода поднимется и тело мое закачается на волнах, боль, возможно, уйдет.

А потом мучения и вовсе закончатся.

Жильберу Аврил все же пришлось помочь Кармен и Мескилеку спустить меня с яхты и прикрепить наручники к медному кольцу, вделанному в стену укрепления. Он долго отнекивался, попросил у

Осеан сигарету, тут же ее выбросил, несколько раз пробормотал сквозь зубы: «Какая дикость», и как только меня приковали к пыточному столбу, вернулся в рубку.

Я не сопротивлялся. Хотя сначала не хотел упрощать им задачу, хотел заорать, упасть на палубу, извиваться, словно червяк, разрезанный надвое... Иначе говоря, к тому, что пришлось пережить, добавить еще и унижение.

Все напрасно...

Их шестеро. У Фредерика Мескилека и Осеан Аврил в карманах револьверы; они специально дали мне возможность заметить их. Я один. Связанный. Мне можно не угрожать оружием, а просто бросить со скованными руками в холодную воду и слушать, как я стану умолять их бросить мне соломинку, чтобы я смог вылезти из воды.

Вода поднималась с точностью швейцарских часов — на сантиметр в минуту. Море было спокойным, что не мешало водной зыби с силой биться об укрепления форта. Морская вода брызгала мне в лицо, соль щипала глаза и губы, но у меня не было ни малейшей возможности вытереть их, чтобы уменьшить раздражение. С каждой ударной волной тело мое приподнималось и припечатывалось к стене, покрытой мокрыми водорослями. Я напоминал подхваченный шквалом ствол, которому суждено болтаться до бесконечности.

По-прежнему опираясь на поручень, Дениза стояла на палубе, держа на руках Арнольда. Четверо других моих мучителей поднялись на бастион и теперь сидели или стояли на недавно отреставрированной стене в пяти метрах от меня. Со своего места я видел только кирпичную стену центральной, самой высокой, постройки цитадели и бегущую поверху караульную тропу; снизу казалось, что она проложена высоко, в затянутом облаками небе.

Моя последняя надежда...

Когда меня привязывали к медному кольцу, я думал, что вряд ли Пироз попытается достичь берега, скорее всего, спрятавшись на острове Ларж, он будет ждать своего часа, чтобы неожиданно появиться, возможно, даже в сопровождении эскадрона жандармов, и накрыть всю компанию.

Из четверых безумцев из «Красной нити» Мона — я не мог думать о ней как об Алине — находилась дальше всего от меня; она сидела на самом краю бастиона.

Она сама выбрала место?

Мона нервно постукивала ногами по стене; наверное, время тянулось для нее слишком медленно. Разметавшиеся волосы исполняли обязанности «дворников», убирая влагу с ее полных слез глаз. Мескилек, усевшись на корточках рядом с ней, каждые тридцать секунд нервно вскакивал и опять садился. Кармен стойчески держалась прямо, ее массивная фигура доминировала над остальными. Она ни разу не присела и отводила взор только для того, чтобы посмотреть на часы.

— Осталось меньше часа, Салауи. Если хочешь, чтобы у жюри было время посоветоваться, прежде чем ты изопьешь чашу до дна, советую тебе говорить.

Морская пена хлестнула меня по лицу.

Только Осеан казалась спокойной. Она сидела на корточках, ее ветровка «K-WAY» касалась земли. Глядя на меня без злобы, но и без сострадания, она продолжала курить сигарету за сигаретой. Она смотрела на меня с любопытством ребенка, который видит, как в саду одно насекомое пожирает другое, и не пытается спасти жертву, ибо начинает понимать, что мир жесток.

Потрясающе красива.

— Говорить о чем? — прокричал я между двумя волнами.

Мне никто не ответил. А я-то надеялся, что мне подскажут ответы.

Что за черт, куда делся этот кретин Пироз?

Вода, поднывавшая еще сантиметров на тридцать, словно обручем, сдавила мне грудь.

«Все предусмотрено. Все готово», — чеканил под черепушкой голос капитана жандармерии.

Но его самого как не было, так и нет.

— Тебе осталось меньше получаса, — напомнила Кармен Аврил.

Время шло слишком быстро. Жульническая клепсидра. *«Форт Боярд»*, версия snuff movie.[12]

Я выплюнул смесь пены и слюны.

— О'кей, сейчас я вам все расскажу!

Мне оставалось слишком мало времени. «Тем хуже для советов Пироза», — подумал я. Я не могу больше ждать. Этот толстый жандарм-алкоголик должен был мне четко сказать, когда высадится кавалерия.

— Вы с самого начала ошибались! — закричал я, перекрывая шум волн. — Я не убивал Моргану и Миртий! Пироз это знает, сегодня ночью он мне все рассказал.

Я тоже рассказал все, даже сообщил о результатах экспертизы ДНК; бумага эта наверняка лежит в каюте Пироза или где-нибудь на корабле, и они, черт бы их побрал, обязаны срочно найти ее!

— Идите поищите, — обратилась Кармен к Осеан и Мескилеку.

Они беспрекословно встали.

Тем временем я продолжал излагать свои доводы. Ипор, где я никогда не был, несмотря на полученную информацию, иначе говоря, на этот чертов заказ комнаты в гостевом доме. И вообще, в этом нормандском захолустье я только и видел, что бетонную церковь в Гранкам-Мэзи, да и то вечером, и никогда не был ни в «Больших Карьерах», ни на берегах канала Изиньи-сюр-Мер.

Мона ни разу не повернула голову в мою сторону. Она знала эту версию. Волна, превысившая все предыдущие, хлестнула меня по лицу, превратив мои последние аргументы в жуткий глоток соленой воды, который я выплюнул вместе с желчью.

Еще немного — и я сдохну.

Больше я ничего не сказал. Я решил пока не говорить о двойной игре Пироза, о его истинной цели — использовать меня как приманку, чтобы разоблачить преступника.

Интересно, на яхте есть еще кто-нибудь?

«Вода дошла ему до пояса», — звучали в голове строчки Грэма Олрайта.

Через десять минут из трюма выбрались Осеан и Фредерик Мескилек; с пустыми руками.

Ничего. Они все обшарили.

Никаких следов экспертизы ДНК. Пироз исчез, не оставив единственной оправдывавшей меня улики. Некомпетентный идиот!

Глаза щипало, словно их кололи тысячи абразивных кристаллов.

— Послушайте, уроды! — заорал я, вопреки забивавшим горло пене и слюне. — Сегодня ночью Пироз показал мне эту бумажку. Она выдана Региональным отделением службы криминалистического учета в Руане. Позвоните им, детективы хреновы, они вам подтвердят.

Осеан закурила новую сигарету и села. Совершенно безразличная ко всему. Мескилек прошел несколько шагов по брустверу.

— Не пытайтесь тянуть время, Салауи, — сурово произнесла Кармен. — У вас его не так много.

Возможно, минут двадцать...

Максимум.

Вода уже доставала мне до лопаток. Но мое положение стало более сносным: я сумел кое-как расслабить тело, поддерживая его в равновесии на колышущейся воде. А с помощью ампутированной ноги даже сдерживал натиск особенно агрессивных волн. Пытка, изобретенная Кармен и ее друзьями, оказалась невероятно эффективной. Каждый шаг, позволявший поудобнее устроиться на волнах, неумолимо приближал меня к смерти.

Горизонт был отчаянно пуст.

Несколько туч лопнули, и вниз посыпался мелкий дождь. Его послало само Провидение!

Широко открыв рот и распахнув глаза, я лакал струившуюся по лицу пресную воду. На палубе Дениза и дядя Жильбер зашли под навес капитанской рубки, а потом и вовсе скрылись в ее стеклянных затуманившихся от дождя стенах.

Кармен накинула на голову капюшон лилового дождевика. Мескилек открыл черный зонт, который вряд ли мог долго сопротивляться ветру, подошел к Моне и прикрыл ее от дождя. Девушка никак не отреагировала: не отмахнулась, но и не поблагодарила.

Только Осан не обращала внимания на дождь.

Капли били ее по лицу, смывая тушь с ресниц и фиолетовые тени с век, сбегавшие по щекам цветными дорожками; дорожки попадали в рот и струились дальше. Она выглядела потрясающе, настоящая византийская икона, забытая под дождем, смывшим ее золото и пурпур, чтобы боги могли изобразить на ней новый чудодейственный лик.

Я не сводил с нее глаз. Я чувствовал, что влюбляюсь в нее, как последний дурак. И хотя через несколько минут мне придется сдохнуть, утонуть в море, я испытывал непреодолимое желание, я желал эту девушку, которая наверняка больше, чем кто-либо, жаждала моей смерти. Без сомнения, это был тот самый перенос, который психиатры из клиники «Сент-Антуан» с радостью бы отпрепарировали; бегство в бездну, куда устремилась свихнувшаяся часть моего мозга.

Я подтянулся к кольцу, чтобы хоть на несколько минут приподнять тело над водой, а потом заорал, перекрывая шум волн, чаек и дождя:

— У Пироза другая версия! Он хотел расставить ловушку настоящему убийце!

Мое тело снова оказалось в ледяной воде.

— Убийца не я, — завопил я что было мочи. — Не я!

Последний вдох. Затем я вытолкнул из себя весь воздух, который только оставался:

— Он один из вас!

Никакой реакции. Арнольд, которого Дениза выпустила из капитанской рубки, тьякал, бегая за опустившимся на палубу бакланом.

— Не мелите чушь, Салауи, — отозвалась Кармен. — У вас четверть часа, чтобы во всем признаться.

«Вода дошла мне до груди», — насмешливо пел Грэм.

«Все предусмотрено, все готово», — отвечал ему Пироз.

Сволочи!

Какой план мог надеяться осуществить Пироз на этом крошечном островке? Почему здесь, на Сен-Маркуф? Потому что Миртий Камю незадолго до гибели останавливалась здесь на день во время экскурсии на паруснике? Что общего между планом Пироза и сомнениями Алины, лучшей подруги Миртий? Миртий, надевшей в свой выходной соблазнительное платье, Миртий, назначившей свидание со своим насильником, Миртий, поверявшей свои секреты небесно-голубому блокноту «Молескин», который никто больше не видел.

Миртий и под стихотворением подпись, смутившая Алину: «M2O».

Получается, она тоже знала, что я не убийца.

Алина, иначе говоря Мона, получившая задание соблазнить меня, была, по утверждению Пироза, моей единственной союзницей.

Алина, неизвестная незнакомка. Мона, предательница.

С сожалением оторвав взор от Осан, я переместил его на ту, которую так и не смог назвать иначе, чем Мона; подавленная, она сейчас пряталась под зонтом Мескилека.

Я умоляюще смотрел на нее.

«Скажи им все, Мона. Скажи им все. Быстрее!»

Она услышала меня, хотя я даже рта не открыл, поняла меня без слов. Она медленно поднялась и решительным жестом отстранила зонт Мескилека.

— Довольно, — произнесла она тихим голосом; я с трудом ее услышал.

Она обратилась к Кармен:

— Вы же видите, он ничего не скажет. Виновен он или нет, не нам решать. Вытащим его из воды и передадим в руки полиции.

— Они отпустят его, — отрезала Кармен. — Без признания они его отпустят.

Мона не уступала:

— Мы решили предоставить решение жюри. Значит, ему и решать. Примем решение вместе, как делали всегда.

Вода уже затопила мне плечи.

Да скорее же, уроды...

— О'кей, — уступила Кармен, — пусть те, кто готов вынуть этот кусок дерьма из воды, поднимут руки.

У себя в рубке Жильбер и Дениза не слышали вопроса, или сделали вид, что не слышат. Осан закурила еще одну сигарету.

Мона долгим вопросительным взглядом окинула каждого члена «Красной нити», потом подняла руку.

— Господи, — воскликнула она, — мы же можем ошибаться! Мы все знаем, что можем совершить ошибку. Нельзя оставить умирать этого типа только потому, что у нас нет никого другого, чтобы отомстить...

Она повернулась к Мескилеку. Взгляд длился целую вечность.

Еще три сантиметра воды — и ледяной клинок сдавил мое адамово яблоко.

Мескилек руку не поднял.

— Мы пришли к согласию, — отрезала Кармен. — Один голос за спасение Салауи, пять голосов против. Мне жаль, Алина...

Это конец, я приговорен.

«И волны уже были ему по шею», — усмехался Грэм.

Каждая вторая волна била мне прямо в рот. Я глотал две волны из трех. Кашлял. Задыхался.

«Все предусмотрено, — сказал Пироз. — Все готово».

Кретин!

Тест ДНК оправдывал меня, жирный жандарм верил в мою невиновность, но членам общества «Красная нить» на это наплевать. Им надо кого-нибудь казнить, потому что один из них убит.

Жизнь за жизнь.

Полный жизненный цикл.

Моя шея исчезла в пене.

Внезапно в полубреду я услышал, как на борту «Параме» залаял Арнольд. Громче, дольше, чем он обычно, тявкал, гоняясь за чайками.

Все обернулись. Я широко раскрыл глаза. Течение, несущее воды к острову Ларж, прибило к корме «Параме» тело, и сейчас оно раскачивалось на волнах рядом с яхтой.

Пироз.

Он не свалился случайно за борт, перебрав стаканчик кальвадоса, и не отправился на поиски помощи. Он покачивался на спине, словно алый плот со странной мачтой посередине.

Рукояткой кинжала.

Убитый.

«Все предусмотрено, все готово», — утверждал он.

Чертова задница!

Вчера вечером у меня в каюте мы слишком громко разговаривали. Пироз поступил неосмотрительно. Настоящий убийца услышал нас и заставил его замолчать.

Но кто?

Впрочем, теперь это не имеет значения. Значение имеет только уверенность.

Пока никто не в курсе.

Единственный человек, у которого имелись доказательства моей невиновности, умолк навеки. Я безоговорочно приговорен к смерти.

Все члены «Красной нити» недоверчиво следили за безжизненным телом Пироза, медленно колыхавшимся на волнах. Тело, раздувшееся от воды, а потому еще огромное, чем обычно.

Все, кроме Осеан Аврил.

Казалось, она поглощена чем-то иным, находящимся в нескольких метрах от нее, на кирпичной стене, почти под ногой у Моны.

Инстинктивно я повернул голову, пытаюсь понять, что же она увидела. Сначала я ничего не смог разглядеть в промежуток между двумя волнами, как ни старался. Но потом на меня словно озарение нашло.

Надо смотреть под определенным углом.

Осеан была потрясена не меньше меня.

На кирпичах цвета охры виднелись две полустершиеся буквы и цифра, инициалы, какие обычно процарапывают влюбленные, чтобы закрепить свою любовь печатью вечности.

«M2O».

42

Один из вас?

«M2O».

Я недоверчиво уставился на кирпичную стену.

Две буквы и цифра тоненькими белыми линиями мерцали на каменной кладке, словно Миртий Камю несколько дней назад вернулась на Сен-Маркуф, чтобы процарапать их, или же кто-то в течение десяти лет благоговейно сохранял эту надпись.

В лицо мне влетел сноп брызг. Я отплевывался, исторгая из себя смесь холодной пены и соли.

В моем катастрофическом положении мне было наплевать, каким образом эта эпитафия выплыла из прошлого, важно только ее значение. Очевидное. Столь же ясное, как голая истина, что скрывалась за внезапно отдернутым занавесом.

«M2O» не означала «Миртий второго октября», как считали все.

«M2O» имела иной смысл, неумолимая логика подсказывала его.

«Инициалы, которые обычно процарапывают влюбленные», — снова подумал я.

Миртий любит Оливье.

M.M.O.

M2O.

Миртий любила Оливье. Оливье Руа, красивого парня, вертевшегося вокруг нее в лагере Изиньи, в открытом море вокруг Сен-Маркуф и на пляже в Гранкам-Мэзи, типа в сине-белой бейсболке

«Адидас», которого искали все службы командана Бастине, типа, исчезнувшего 6 октября 2004 года.

Алина ошиблась, давая показания жандармам. Оливье Руа не вертелся вокруг Миртий Камю подобно извращенцу, выслеживавшему потенциальную добычу... Нет! Все гораздо проще: Миртий и Оливье спали вместе. Они переживали летний роман, и Миртий за несколько месяцев до свадьбы не осмелилась рассказать об этом своей лучшей подруге... Все эти годы Алину глодало сомнение, но она так и не смогла в этом признаться.

Море закрыло мой подбородок. Я дрожал от холода и возбуждения. Адреналин ускорял мыслительные процессы. Информация, полученная мною за прошедшие дни, стремительно всплывала в моем мозгу. Все материалы расследования командана Бастине и Элен Нильсон.

М2О.

Миртий любит Оливье.

Память услужливо подкинула несколько строчек...

Вселенную нашу окружу я забором,
Чтобы никто не сумел взять нас измором.

Чтобы никто не смел тебе докучать,
Я всех готова навеки прогнать.

Я стену построю, чтоб нас окружить,
И от врагов сумею нас защитить.

М2О.

Подпись под стихотворением, написанном для Оливье Руа, а не для Фредерика Мескилека...

В отчаянии я подтянулся на руках, чтобы оказаться над водой, и, набрав полные легкие воздуха, прокричал:

— Там!

Мой крик сопровождал указующий перст Осеан.

Все члены общества «Красная нить» замерли. Раздувшееся от воды тело капитана Пироза, достигнув мели возле причала форта, теперь,

словно упрямая резиновая кукла, яростно билось о стену при каждом приливе и отливе волн. Но на него никто не смотрел.

Не дожидаясь разъяснений, Мона легла на бруствер и дотянулась рукой до нацарапанных букв, находившихся примерно в метре над уровнем моря. Кирпич не был вмурован в стену.

Правой рукой Мона осторожно вынула его; за ним открылся тайник размером около десяти сантиметров. Она наклонилась еще ниже и левой рукой принялась исследовать углубление. В следующую минуту она извлекла оттуда прозрачный пластиковый пакет.

Вода лизала мою нижнюю губу. Через минуту она польется мне в рот. И все же, перед тем как новая волна захлестнет мне лицо, мне удалось рассмотреть светло-голубой прямоугольник, лежавший в целлофане. Разумеется, я знал, что сейчас обнаружит Мона.

Сюрприз Пироза?

«Все на месте», — утверждал он.

Интересно, он сам подготовил эту мизансцену? Процарапал на камне инициалы и спрятал пакет?

Мона зубами разорвала пластик. Прозрачные клочки тотчас унес морской ветер, а в руках у нее остался маленький голубой блокнот.

Блокнот «Молескин». Блокнот Миртий, тот самый, куда она записывала свои самые сокровенные мысли.

Уже потом, когда я вспоминал каждую деталь этой сцены, я составил список совпадений и описал точную позу каждого члена общества «Красная нить», где бы он ни находился — на палубе «Параме» или на крепостной стене форта острова Ларж, и каждой позе нашел логическое объяснение. Неизбежный прорыв после долгого, очень долгого ожидания. Но в ту минуту мозг мой выкрикивал только одно:

— *Скорее, Мона!*

Вода подобралась к ноздрям. От производимой организмом молочной кислоты горели плечи. Я напряг дельтовидные мышцы и, приподнявшись над волнами, высунул из воды подбородок. Когда боль стала слишком сильной, я вдохнул, расслабился, задержал дыхание и с головой ушел в море. Несколько секунд расслабления позволили мне

снова напрячь мускулы и вынырнуть над водой. Как долго мне еще удастся продержаться?

Шевеля губами, Мона читала записи. Ее силуэт четко вырисовывался на фоне светлого неба; круглое здание форта казалось ее прической.

— Ну же, Алина! — внезапно раздался с палубы голос Денизы.

Арнольд залаял.

Фредерик Мескилек сжал руку в кармане куртки.

Осеан и Кармен подошли друг к другу. Их одинаковые «K-Way» слились в единый лиловый синтетический дождевик. Похоже, мать и дочь не понимали смысла случившейся цепочки событий.

Новое погружение. Я сосчитал до тридцати.

И опять вынырнул на поверхность.

Оторвав взгляд от блокнота, Мона перевела его на Фредерика Мескилека. Ее голос, пропущенный через литры морской воды, словно через фильтр, показался мне очень далеким, почти нереальным:

— Она хотела расстаться с тобой, Фредерик. Миртий больше не любила тебя...

— Чушь! — выкрикнул Мескилек.

Кармен шагнула к ней, но Осеан удержала ее. Мона снова перевела взор на страницы блокнота «Молескин». Она переворачивала страницу целую вечность.

Мона, прошу тебя!

Море захлестнуло меня. На этот раз я продержался двадцать секунд. Затем, опершись на медное кольцо, со скованными запястьями, я вынырнул и принялся глотать кислород, рискуя разорвать легкие.

Голос Моны звучал все дальше и дальше:

— Она встретила другого, Фредерик. Того, кто открыл ей глаза. Кто дал ей мужество пойти против близких. Против Шарля и Луизы. Против меня. Мужество отказаться от всего, что от нее ожидали...

— Ерунда! — прокричал Мескилек.

Труп Пироза лег в дрейф и теперь покачивался в двух метрах от меня. Обессилев, я тупо смотрел на него. Волна ударила меня в лицо, захлестнула рот. Мне показалось, что внутри у меня заплескался целый океан. Я тонул, не в силах выплюнуть ни слова, но никто не обращал на меня внимания.

Все смотрели только на губы Моны.

— Это ее последние слова, Фредерик. Последние слова, которые она записала в своем блокноте.

Слова кружились вихрем. Моя нога, единственный мускул, еще способный сопротивляться, отчаянным движением уперлась в стену, пытаюсь пальцами нащупать под водой хотя бы небольшое углубление между двумя кирпичами.

Опереться обо что-нибудь. Выиграть несколько секунд ценой хрупкого равновесия, которое нарушит первая же волна.

Не найдя ни малейшей зацепки, нога забилась в пустоте.

Невозможно высунуть голову из воды.

Я закрыл глаза, рот, задержал дыхание — навеки. В нескольких сантиметрах от поверхности воды, словно в пузыре, я слышал, как Мона читает:

«25 августа. Три часа утра. Фред приезжает завтра. Завтра у меня выходной. Он настоял на этом приезде. Он никак не может согласиться с тем, что все кончено. Я назначила ему свидание в укромном месте, рядом с фермами „Больших Карьеров“, возле Изиньи. Надеюсь, в этот раз он поймет. Надеюсь, папа, мама и Алина тоже поймут. Надеюсь, что я их всех не разочарую. Надеюсь, что все пройдет быстро. Я тороплюсь, Оливье, очень тороплюсь встретиться с тобой».

Я открыл глаза. Грудная клетка вот-вот разорвется. Сквозь воду я видел только размытые тени.

Мона шагнула навстречу Мескилеку:

— Ты был в Изиньи, Фредерик? В «Больших Карьерах»? В тот день, когда убили Миртий?

Бесформенный силуэт Мескилека наклонился, вытянул руку и направил ее на меня.

— Черт, это все ваши фантазии! Он убийца. Он!

Я слишком поздно понял, что Мескилек держал в руке ствол и намеревался стрелять. В меня.

Я погрузился в воду, но скованные наручниками руки не позволяли мне опуститься глубже чем сантиметров на пятьдесят.

Идеальная мишень...

Все произошло очень быстро.

— Сдохни! — завопил Мескилек.

«Нет!» — прозвучал следом крик Осеан, раздался выстрел, и я понял, что сейчас пуля прошьет мое тело.

Ничего.

Еще три выстрела — и тело Фредерика Мескилека упало со стены в пяти метрах от меня, а Осеан все еще продолжала кричать.

Я понял, что она опередила Мескилека и выстрелила первой. А затем еще и еще — в убийцу Миртий Камю. Убийцу ее сестры Морганы.

В следующую секунду поднялся сноп брызг.

Мона прыгнула в воду.

Я почувствовал, как ее тело прижалось к моему; она прилипла ртом к моим губам, чтобы дать мне дополнительный глоток кислорода и тем самым на несколько мгновений отстрочить мою гибель. Потом она вынырнула, вдохнула, снова ушла под воду и опять поцеловала меня, в то время как пальцы ее лихорадочно теребили ржавое кольцо.

Я услышал звяканье металла и почувствовал, что на мне больше нет наручников.

Я свободен! Живой. Невинный.

С капитанского мостика «Параме» дядя Жильбер с бесстрастным лицом бросил нам два спасательных жилета.

На берегу Осеан рыдала в объятиях Кармен, недвижимой, словно скала, заслонявшей своей фигурой половину форта.

Мона, в мокрых джинсах капорал и зеленом свитере, обняла меня и попыталась поцеловать, скользнув губами по виску, где мокрые волосы смешались с морскими водорослями.

Я отвернулся. Я ощущал себя куском замерзшего дерьма, плывущего вдаль от всякой лжи.

Мона предала меня.

Это не она спасла меня.

Ухватившись за веревочную лестницу, свисавшую с борта «Параме», я обернулся и посмотрел на Осеан.

Она подняла голову и выдержала мой взгляд.

Это был тот же самый взгляд, который я видел несколькими днями ранее, на вершине утеса, прежде чем она прыгнула в пустоту.

Бездонная синь.

У ног ее лежал револьвер.
Чтобы я жил, Осеан только что убила человека.

43

Это все ваши фантазии?

Пляж Гранкам-Мэзи находился на расстоянии никак не меньше километра, но я уже различал светлые фасады домов первой линии, выстроившиеся, словно белые зубы в широченной улыбке.

Кармен Аврил позвонила в полицию. Хотя переход от Сен-Маркуф занимает всего несколько минут, жандармы уже ждали нас в порту. Видимо, к нашему прибытию подняли на ноги все местные бригады. В утреннем тумане исчез оставшийся у нас за спиной остров Ларж. И только полет бакланов над пустынным морем подсказывал, что где-то неподалеку, на расстоянии полета этих тяжелых птиц, есть земля.

Я сидел на сундуке. Никто не подумал вернуть мне протез. Осеан рыдала, прижавшись к моей груди. Кармен, зависнув на телефоне, вручила мне дочь, не оставив мне выбора. Я весь промок. Вода залилась под неопреновый комбинезон и там осталась. От ледяного ветра, бившего нам в лицо, костюм мой все больше напоминал холодильник.

Но я ни на что не променял бы свое положение.

Я не смел даже пошевелиться, чтобы укрыться от морского бриза, чтобы вытереть ледяные ручейки, струившиеся по телу, по рукам и ногам, не смел сделать ни единого движения, способного хотя бы на миг нарушить это чудесное положение.

Лицо Осеан покоилось на моем плече. Рука обвилась вокруг талии. Ее горячие слезы капали мне на шею: обжигающие капли в ледяных потоках.

Она находилась в состоянии прострации.

Осеан не видела, как после долгих стараний Жильбер и Кармен Аврил подняли на палубу трупы Пироза и Мескилека. Затем Жильбер в одиночку, зажав во рту «Мальборо» и не говоря ни слова, спустил их в трюм.

«Я знал, что эта дурацкая история ничем хорошим не кончится», — проворчал он, искоса поглядывая на сестру. Потом поднялся к себе в рубку и запустил мотор.

Кармен не ответила, ее ухо и губы приклеились к мобильнику; видимо, она дозванивалась в полицию. За время перехода ей так и не удалось объяснить жандармам, почему голландский куттер доставит в своем трюме два трупа.

Труп полицейского и труп убийцы.

Мона сидела на корме у борта, глядя в белесое небо. Единственной видимой точкой на берегу, куда можно устремить молитву, была колокольня церкви Гранкам. Глаза у Моны были красные. Дениза, привязав к ноге поводок Арнольда, гладила Мону по голове. Ей понадобится время. Ее лучшая подруга убита человеком, которого она знала с самого детства. Убита Шишином. Человеком, которого родители ее подруги, Шарль и Луиза, выбрали сделать счастье дочери.

Все сгинули, погребенные под лавиной лжи.

Все, кроме нее.

Начавшаяся качка баюкала Осеан. Я никогда не держал на руках младенцев, но понимал отцов, способных целыми ночами качать ребенка, прижимая его к груди. Я понимал, сколь неповторимо чувство ответственности, которое приказывает тебе не делать ничего, приказывает ждать, навечно превратившись в статую. Ибо достаточно того, что ты есть.

Пока мы шли в порт Гранкам, мысли мои, беспокойно метавшиеся в пустоте, окончательно заблудились. Я ничего не понял, или почти ничего, кроме того, что Фредерик Мескилек оказался дважды насильником и убийцей с красным шарфом, которого полиция искала на протяжении десяти лет и которого Пироз вычислил и заманил в ловушку.

Я смотрел, как вдоль бесконечно длинного бетонного причала, отделявшего пляж Гранкам от деревни, в направлении порта друг за другом мчатся три полицейские машины. Полиция была взбудоражена. Словами Кармен.

Они ждали десять лет. А потом все произошло слишком быстро.

Но ни я, ни они этого еще не знали.

Первую экспертизу блокнота «Молескин», найденного в тайнике за кирпичом, провели до наступления вечера; она безошибочно показала, что записи сделаны Миртий Камю десять лет назад. Специально

выделенные жандармы изучили график Фредерика Мескилека от 26 августа 2004 года. Один из служащих мэрии Эльбефа вспомнил, что накануне директор досугового центра Пюшо отменил встречу с родителями, с которыми намеревался отправиться осматривать будущий новый летний лагерь. Гостевые домики. Места для плавания. Пони-клуб. В то время никто не обратил на это внимания, никто не стал ничего проверять.

Речь шла о серийном убийце. Кто мог подумать, что Фредерик Мескилек в один день съездит из Эльбефа в Изиньи и обратно, проделает триста шестьдесят километров для того, чтобы изнасиловать и задушить свою невесту?

К концу дня, около 23 часов, жандармы из бригады Эльбефа, получив судебное поручение от судьи Лагарда, обыскали квартиру Фредерика Мескилека на улице Сент-Сесиль. К своему удивлению, в ящике, который им пришлось взломать, так как он был заперт на ключ, они нашли сумочку Морганы Аврил. Немедленно позвонив судье, они радостно сообщили, что наконец-то впервые получено доказательство связи между делом Аврил и делом Камю.

Около полуночи аспирант Ашани поговорил по телефону с Сандрой Фонтен, бывшей аниматоршей центра Пюшо, а ныне учительницей в Туи-Симер неподалеку от Эльбефа, и та вспомнила, что обсуждала со своим директором фестиваль «Рифф и Клифф» и, в частности, группу под названием «Истории А», которая должна была выступать в тот вечер. Группа славилась исполнением шлягеров «Риты Мицуко». Сандра Фонтен не знала, побывал ли ее директор на фестивале, но точно помнила, что на следующий день за кофе обсуждала с ним «Рифф и Клифф». Впрочем, в это день все говорили о фестивале. Но не о музыкальной программе, а о девушке, найденной изнасилованной, задушенной и сброшенной с обрыва.

Около часа ночи группа из трех полицейских во главе с команданом Вайсманом из региональной службы судебной полиции Руана приступила к составлению первого отчета. Получалось, что Фредерик Мескилек один отправился на фестиваль «Рифф и Клифф» и попал там под чары Морганы Аврил, зажигающей в тот вечер на танцполе в зале Си-Вью. Несомненно, Морганна Аврил не осталась равнодушной к ухаживаниям Мескилека. Они вместе вышли из зала. А

далее все пошло хуже некуда. Мескилек изнасиловал девушку, задушил ее и вернулся в Эльбеф, оставив себе сумочку, которую потом безуспешно искали полицейские.

Но что случилось через несколько месяцев, когда его невеста Миртий Камю назначила ему свидание в «Больших Карьерах», чтобы объявить, что хочет порвать с ним? Новый приступ ярости? Коварный план, тщательно разработанный? Конечно, теперь уже не узнаешь. На первый взгляд Фредерик Мескилек действовал по уже отработанной модели, как и в случае своего первого убийства. Разорвал платье. Красным шарфом «Берберри» задушил жертву. Отвел от себя подозрения полиции. Случайный убийца, извращенец. Никак не лицо, близкое к одной из девушек...

К трем часам утра командан Вайсман позволил своим сотрудникам передохнуть, а сам попытался разбудить командана Лео Бастине, пять лет назад вышедшего в отставку и проживавшего теперь возле Амбера, в департаменте Пюи-де Дом; командан торопился сообщить ему о последнем повороте в деле Аврил–Камю. После десятка звонков командан Бастине взял трубку, но быстро ее повесил, не дав Вайсману сказать и десяти слов. Совсем иначе повела себя Элен Нильсон, до которой Вайсман дозвонился сразу после звонка командану Бастине.

В шесть утра психолог-криминалист уже давала первое интервью каналу «i-Tele». Небрежно причесанная, словно только что из постели, лицо без грима и без единой морщинки, пышная грудь под натянутой наспех прозрачной шелковой кофточкой, она говорила журналисту, искоса поглядывавшему на ее стройные голые ноги, что всегда знала, что Миртий Камю знакома со своим убийцей, но, увы, никто, кроме нее, этому не верил.

В десять утра телефонистки из регионального отделения судебной полиции Руана отыскивали пять новых свидетелей — девушек, работавших в то время аниматорами в «Золотой простыне» и Доме молодежи и культуры в Эльбефе. Все девушки подтвердили, что, когда красавчик Шишин руководил молодежными центрами, его тянуло к юным хорошеньким практиканткам, проходившим стажировку, необходимую для получения разрешения на работу с детьми и подростками во время каникул. Девушки составили поистине

впечатляющий список поклонниц Шишина, от семнадцати до двадцати лет, готовых следовать за ним вплоть до постели. Несколько девушек признались, что они поддались на ухаживания гитариста, и описали метаморфозы, происходившие с соблазнителем, как только они складывали оружие: вечерний восторженный воздыхатель на заре превращался в капризного любовника. Торопливого. Избалованного. Однако полицейские не сумели найти ни одной девицы, прошедшей через постель Мескилека после лета 2003 года, даты, когда он стал появляться на людях с Миртией Камю. Неужели Мескилек нашел свою большую любовь? И не смог смириться с ее утратой?

Жильбер Аврил резко повернул штурвал влево. «Параме» взяла курс на порт, прямо на бетонный пирс, возвышавшийся над узким входом в фарватер. Несмотря на ранний час, на пирсе уже толпились несколько десятков зевак. Наверняка обитатели первой линии и владельцы ларьков, обеспокоенные появлением вереницы полицейских автобусов.

Они с любопытством взирали на нашу яхту, показывали пальцами в нашу сторону, смеялись и перешептывались. Блеснуло несколько фотовспышек.

Осеан, все еще в моих объятиях, повернулась к ним спиной. «Параме» медленно скользила по тихой воде. Я предчувствовал, что стоит нам пристать к берегу, как разразится буря. Полиция возьмет в оборот каждого члена общества «Красная нить». Всех отвезут в ближайший полицейский участок. Допросят поодиночке. Перед участком разобьет лагерь свора журналистов. Пользуясь последними секундами покоя, я мысленно составлял список вопросов, не исчезнувших со смертью Мескилека.

Кто доставил на остров дневник Миртией Камю? Пироз, намеревавшийся таким образом сбить с толку Фредерика Мескилека? Он на это намекал в каюте «Параме»? Но если он заполучил в руки такую непровержимую улику, как дневник, почему бы прямо не предъявить обвинение Мескилеку? Если Пироз догадался, что на самом деле означает подпись «M2O», почему он согласился принять участие в безумном спектакле, задуманном Кармен Аврил, и играл до конца, вплоть до жуткой развязки на островке Ларж?

«Все на месте», — утверждал капитан Пироз.

Что намеревался сделать Пироз, прежде чем его настиг кинжал Мескилека? Какое место в этой истории занимает дилемма узника, которой капитан жандармерии придавал большое значение?

В конце пирса наблюдатель уже поджидал нашу яхту. Тип в морской фуражке и вооруженный фотоаппаратом с телеобъективом, держась за перила, чтобы не потерять равновесие, делал нам руками какие-то знаки. *Кретин!*

Я инстинктивно развернулся, чтобы скрыть лицо Осеан. Журналисты толпились на набережной. Мой мозг снова закипал.

Несколько минут назад Осеан убила человека, Фредерик Мескилек, без сомнения, виновен, даже если...

Оставался еще один подводный камень. В сущности, основной, тот, благодаря которому никто никогда не подозревал Мескилека.

Его ДНК!

Жандармы подвергли экспертизе анализы ДНК всех лиц мужского пола, знавших Миртий Камю, и среди них ДНК Фредерика Мескилека. Разумеется, он не совпал с анализом спермы, найденной на теле Морганы и Миртий. Неужели красавчик Шишин тоже стал жертвой невероятных совпадений, цепочки умопомрачительных превратностей, сделавших его идеальным преступником? Или же он сотворил самый ловкий фокус?

Мы этого не знали, но жандармы уже завтра, к тринадцати часам, намеревались дать ответ.

Ответ простой и очевидный...

44

Неужели он нашел свою большую любовь?

К полуночи в Региональную службу судебного опознания Руана доставили шестьдесят три опечатанных пластиковых мешка. Стаканы, бутылки, ножи, вилки, зубные щетки, расчески, одежда, обувь, очки, перчатки, носовые платки, ручки, ключи, каподастры для гитары, наушники для плеера MP3...

Жандармы из бригады Эльбефа, исполняя приказ командана Вайсмана, тщательно собрали в квартире Фредерика Мескилека все

предметы, на которых, по их мнению, так или иначе, мог сохраниться биологический материал.

Первый результат анализа доставленного барахла пришел утром: банальная баночка, втиснутая между гелем для душа и шампунем, содержала застарелые остатки спермы. Спустя несколько часов компьютер выплонул генетический код.

Жандармы долго и старательно сверяли каждую букву, каждую цифру, словно игроки в лото, которые не могут поверить, что держат в руках выигранный билет. Десять лет они ждали, когда же наконец выскочит нужная комбинация...

И теперь бурно выражали свою радость.

Сперма в баночке оказалась та же, что нашли на телах Морганы Аврил и Миртий Камю! По горячим следам Вайсман составил итоговую докладную судье Лагарду: Фредерик Мескилек раздобыл сперму неизвестного, чтобы отвести от себя подозрения. Эта улика позволяла поставить точку в деле, принявшем совершенно отвратительный оборот. Обычный влюбленный, запаниковавший, получив отказ от обеих пассий, красавчик Шишин превращался в убийцу-садиста, тщательно подготовившего оба убийства. Напрасно судебный медик доктор Курад утверждал, что, по его мнению, технически невозможно, чтобы сперму, обнаруженную во влагалище Морганы Аврил, ввели туда искусственно; никто не придавал значения его словам. Даже с тремя пулями в животе Фредерика Мескилека занесли в первые строчки списка дьявольски изобретательных убийц.

«Параме» вошла в порт Гранкам-Мэзи. Обошла десяток пестрых рыбацких лодок, лениво покачивавшихся у набережной. Жандармы, рассыпавшиеся среди полистироловых баков, похоже, поймали сетью лодки рыбаков и пригнали сюда в ожидании, когда за ними явятся владельцы.

Дениза бросила канат ближайшему жандарму. Сплюсвив желтые спасательные круги, «Параме» уперлась в кирпичные подпорки набережной.

— Они хотят с тобой поговорить, — прошептала Кармен на ухо Осеан. — Поговорить с каждым из нас. Но сначала с тобой.

В ее голосе звучала тревога. Она сжимала в руке телефон.

Взглянув мокрыми от слез глазами на мать, Осеан снова обрушила на меня поток слез. Поток дождя — на этот раз горячего. Разумеется, ей

надо объясниться с полицией. Она убила человека. Меньше тридцати минут назад она всадила в него три пули.

Чтобы отомстить.

Чтобы спасти меня...

Ее ладонь медленно заскользила по моей руке.

— Прости меня, Джамал, — произнесла она. — Прости нас, это было...

— Тебя ждут, — торопила Кармен.

Осеан встала. Мне показалось, что во взгляде ее мелькнуло сожаление.

— Зовут, — прошептала она.

Зовут.

Кармен и Осеан скрылись за синим микроавтобусом «Рено-Трафик», стоявшим прямо напротив «Параме», а палубу куттера наводнили жандармы. Наверное, с десятков. Некоторые надели латексные перчатки и маски из прозрачного пластика. Я по-прежнему сидел на запертом ящике, и никто, похоже, мной не интересовался. Справа в поле моего зрения стояла, опираясь на поручни, Мона; когда к ней подошел полицейский, она что-то ему сказала.

Слишком далеко. Расслышать невозможно.

Флик покачал головой и отошел. В следующую секунду Мона уже стояла передо мной.

— Здравствуй, Джамал. С тех пор как я «умерла» возле вокзала в Иф, у нас толком не было возможности поговорить.

Ее смех звучал фальшиво. Или бессмысленно. Потому что с моей стороны ей ждать нечего.

Она поджала губы. Ветер играл ее волосами, пытаясь загнать их в капюшон ветровки «K-Way».

— Мне очень жаль, Джамал. Ты не причастен к этой истории. А мы все вляпались. Все.

В моем комбинезоне по-прежнему хлюпала вода. Мне очень хотелось покончить с этой тягомотиной. Выложить все фликаму, подписать показания и свалить отсюда.

— Тебе, конечно, наплевать, — продолжала Мона, — но я скажу. Я не хотела играть в их игры, но у меня не было выбора.

Я отвернулся. Из-за микроавтобуса «Рено-Трафик» в сопровождении жандарма вышла Кармен. Но не Осеан.

— Видишь, в конце концов Кармен Аврил оказалась права. Как и Пироз. Чтобы вытащить на поверхность истину, пришлось разворошить прошлое.

Разворошить прошлое?

Вытащить на поверхность истину?

В трюме «Параме» разлагались два трупа, явно не те, которые были предусмотрены в начале спектакля.

Какой-то жандарм в надвинутом до самых бровей кепи направился к нам. Но прежде чем он успел до нас дойти, его перехватила Дениза, сунув ему в руки Арнольда. Очевидно, Мона должна довести переговоры о перемирии до конца. Пришло время поговорить со мной.

На что она надеялась?

Мона нервно отбросила метавшуюся по губам непослушную прядь. Она больше не похожа на маленькую перепуганную землеройку.

— Джамал, я с самого начала знала, что ты невиновен...

С самого начала?

Уточни, прелесть моя.

Когда мы стали спать с тобой? Или раньше? Или после? Или во время?

Я заметил, как в трюм спустился четвертый жандарм.

— Я обязалась сыграть свою роль до конца, — оправдывалась Мона. — В память о Миртий... О Луизе, о Шарле... Я не могу этого объяснить. Помнишь, вчера вечером в Вокотте, когда мы сидели в «фиате», ты прочитал историю, присланную в коричневом конверте, историю девчонки с улицы Пюшо и ее подружки. Мими и Лины, подружек с самого детства. Печальную историю девушки, рыдавшей рядом с тобой, пока ты читал письмо незнакомки...

Вчера вечером. Сейчас не больше десяти часов. А мне казалось, что с тех пор прошел целый год.

Вокотт. «Фиат». Коричневый конверт.

«Трогательно?» — спросила она меня. «Спасибо» — добавила она.

Я ничего не понял, но выплюнул горсть ядовитых слов:

— Помню. Ты здорово запудрила мне мозги.

— Нет, Джамал...

— Еще как... Снимаю шляпу. Ты настоящая актриса.

Накрутив на палец прядь волос, она вскочила и поднялась на цыпочки, став похожей на примерную ученицу.

— Нет, Джамал, — глубоко вздохнула она. — Я была искренней. Несмотря на свою роль, я была искренней. Совершенно искренней. Ты не веришь мне, Джамал, но я не занимаюсь самообманом. Я обязана сказать тебе. Сказать сейчас. Если оставить в стороне все, что относилось к двойному убийству, я никогда...

Ей не хватало дыхания, но она решительно завершила фразу:

— ...никогда не была такой искренней в отношениях с мужчиной.

Ее неловкая улыбка разбилась о каменное выражение моего лица.

Искренней?

За исключением всего, что относилось к двойному убийству!

За исключением коричневых конвертов, разбрасываемых за моей спиной.

За исключением ночной поездки к Ле Медефу. За исключением вторжения в спальню к перепуганным детям в гостевом доме бывшего вокзала в Иф. За исключением придуманной жизни Магали Варрон. За исключением идеальной жизни некой Моны Салинас, докторанта, исследующего содержание кремния в гальке, любимой ученицы своего научного руководителя, начальника самой большой во Франции лаборатории экспериментальной химии, предоставившего в ее распоряжение свою виллу. Зачем это отрицать, Мона? У тебя был выбор, ты примерила на себя роль смешной, умной, обвешанной дипломами девчонки... Словом, получила все шансы соблазнить голубка, присевшего напротив тебя на столик в ресторане «Сирена».

— Все ложь, — проговорил я. — Все.

— Ни ложь, ни правда, Джамал... Мы придумывали, мы рассказывали друг другу истории!

У меня над головой раздался хриплый крик:

— Отвалите отсюда!

В капитанской рубке «Параме» Жильбер Аврил орал на жандарма, попытавшегося оттащить его от штурвала. Обезумевшие чайки металась между мачтами. Я смотрел поверх плечей Моны.

— Нет. В твою историю я поверил.

Молчание.

Я увидел, как из микроавтобуса в сопровождении двух жандармов вышла Осеан и тотчас скрылась в «ситроене». Через несколько секунд машина уже сворачивала с набережной.

Внутри у меня все сжалось. Я отвел взгляд.

— Я тебе поверил, Мона, — повторил я. — Видишь, я даже продолжаю называть тебя Моной. Глупо, да? Мона Салинас не существует! Никогда не существовала. Ты... Ты... я тебя не знаю!

Растрепавшиеся волосы все время падали ей на лицо, она отмахивалась от них, как от назойливых комаров.

— Если ты в этом уверен, — помолчав, произнесла она. — Впрочем, Алина не многим отличается от Моны. Это та же самая девушка, Джамал. Только буквы меняются местами. В сущности, каждый из нас играл свою собственную роль.

Она подошла ко мне и поцеловала в щеку. Задрожала. Выдавила из себя улыбку.

— Я не могу на тебя сердиться. Это был бы перебор. Забудем прошлое, и тогда...

Я молчал. Не сказал ни единого слова. Бодрый тон Моны казался мне жутко наигранным.

— Помнишь нашу первую встречу, Джамал? Наш обед в «Сирене». Я спросила тебя, дал бы ты мне свою визитку, из тех, которые ты раздавал на улице самым красивым девушкам.

— Я тебе ответил, что да.

— Это правда. Но ты помнишь, что я прибавила?

Напрочь не помню.

Я вглядывался в опустевший перекресток, где за кремовым павильончиком исчезла машина, увозившая Осеан.

— Тогда я обращалась к тебе на «вы», Джамал. Я была уверена, что вы бы не дали мне свою карточку. Потому что вы любите романтических женщин, роковых красавиц, неуловимую красоту. Не таких непосредственных, как я. — Холодным пальцем Мона провела по моей щеке. — Вы ловите призрачные образы, коллекционируете их, как фигурки Панини, не пытайтесь поймать ту, которая нужна вам.

Яркая вспышка, мелькнувшая в бледном дневном свете, ослепила меня. Кто-то из жандармов фотографировал борта и оснастку «Параме», чтобы определить то место, откуда Мескилек сбросил за борт Пироза. Никто по-прежнему не торопился нас допрашивать.

Слова Моны продолжали проскальзывать мне в голову:

«Вы любите романтических женщин, роковых красавиц, неуловимую красоту.

Вы не пытаетесь поймать ту, которая нужна вам».

Теперь я вспомнил, она сказала мне это еще в первый вечер; некое предчувствие, на которое я не обратил внимания.

— Забудем прошлое, — громко произнес я. — Ты права, Мона, меня больше привлекают звезды.

Я провел рукой под левым коленом — наверное, чтобы вновь ощутить пустоту.

— Те, которые я должен завоевать! Недостижимые вершины. Забраться на Монблан, ну, и тому подобные глупости. Для этого я упорно тренируюсь.

— Я знаю. В сущности, я всегда это знала. Чао, Джамал. Нас ждут жандармы. Думаю, мы оба можем похоронить славную девушку Мону, тогда как...

Алина. Вбить себе в голову это имя.

Она изогнулась, вытаскивая из заднего кармана джинсов какую-то штуку.

— Помня о твоих будущих вершинах, я вчера подобрала ее и положила на капот «фиата». Когда же ты рванул, чтобы уйти от Пироза, она соскользнула на землю. Возможно, ты даже проехал по ней...

Мона вложила мне в руку желтую звезду шерифа. Черную от грязи. Искореженную.

— Ты мне ее доверил. Теперь тебе надо найти другую хранильницу.

Я устремил взор к небу. Высоко над побледневшим месяцем, мимо которого плыли длинные белые облака, тускло поблескивало догорающее созвездие.

— Спасибо, Мона. Но она мне больше не нужна.

Я посмотрел на утренние звезды, кокетливо подмигивавшие из-за последней тонкой вуали тумана, потом двумя пальцами взял звезду шерифа и резким движением швырнул ее в воду, как можно дальше от яхты.

Описав элегантную кривую, кусочек жести отрикошетил от черной поверхности бухты.

— Не надо было этого делать, — заметила Мона. — Это твой талисман...

Звезда шерифа медленно погружалась в воду.

— Твой талисман, — повторила она.

Она подошла к борту и начала спускаться. Она одолела всего три ступеньки веревочной лестницы, когда жандарм в кожаной куртке вытащил руки из карманов и бросился помогать ей.

Четверо жандармов вынесли на палубу трупы Пироза и Мескилека, упакованные в темные пластиковые мешки.

Один из них смерил меня равнодушным взглядом. Быть может, он надеялся, что я помогу им оттранспортировать трупы.

Я закрыл глаза; качка убаюкивала меня.

В голове плясали пять целей.

Пять команд.

Стать первым спортсменом-инвалидом, принявшим участие в супермарафоне вокруг Монблана.

Заняться любовью с женщиной своей мечты.

Родить ребенка.

Быть оплаканным женщиной после смерти.

Заплатить долг, прежде чем умру.

Я не втирал очки Моне, по крайней мере, не в этот раз.

Мне больше не нужна путеводная звезда.

Я уже достиг всех пяти целей. Первое — это всего лишь вопрос тренированности. Второе перестало быть недостижимым Эверестом.

Осеан...

Никогда еще я так сильно не хотел, чтобы три моих желания исполнила одна и та же женщина. А пятая цель... за последние дни я столько раз был близок к смерти, что она вполне могла бы дать мне долгую передышку...

Трудно сказать, сколько времени я просидел на сундуке, погруженный в собственные мысли, пока наконец какой-то флик не пришел допросить меня. Молодой, улыбающийся, наверное, стажер. Он протянул мне одеяло и спросил, не хочу ли я переодеться. Я покачал головой.

— Следуйте за мной...

Я встал и запрыгал на своей единственной ноге. Смутьившись, стажер обернулся и стал шарить глазами по кораблю, надеясь отыскать мою отсутствующую половину ноги. Хотя, возможно, он искал, не притаился ли где-нибудь на борту крокодил с открытой пастью, который только и ждет, чтобы откусить мне вторую ногу.

Вскоре я почувствовал, что его смущение перешло в недоверие. Его многозначительный взгляд заскользил по моему лицу.

Подозрительный.

Наверное, ему трудно поверить, что невысокий одноногий араб совершенно не причастен к этой истории. Нет дыма без огня... В конечном счете, «Красная нить» собрала доказательства, я оказался единственным типом, который в соответствующее время находился в местах убийства и Морганы Аврил, и Миртий Камю. Я последний, кто говорил с Пирозом перед тем, как его убили... Да и в деле Мескилека осталось множество темных мест.

В конечном счете, я идеальный козел отпущения.

В конечном счете, не исключено, что я с самого начала вру.

Я протянул руку, намекая, что юный флик должен подставить мне плечо. Куда, интересно, эти уроды из «Красной нити» засунули мой протез? Я подозревал, что в последующие часы мне придется рассказывать, и не один раз, о невероятных стечениях обстоятельств, произошедших за последние шесть дней.

А также записывать, чтобы ничего не забыть.

Как самое худшее, так и самое лучшее.

Худшее у меня позади, лучшее — впереди.

Помните? Это было начало моего рассказа.

Я обедал у самой красивой девушки в мире.

Она только что надела синее платье-тюльпан. Ее груди подпрыгивают, свободные и обнаженные, слегка прикрытые шелком глубокого выреза, куда я имел право смотреть так долго, сколько мне хотелось.

Теперь я могу открыть вам ее имя.

Осеан.

Я был готов заняться с ней любовью.

Это первые строчки моего рассказа, они же и последние.

Любители триллеров, мне жаль разочаровывать вас...

Это хеппи-энд!

Шампанское «Пайпер Хайдсик» урожая 2005 года.

Полный бокал.

В камине поленья, перед камином — низенький темный столик из экзотического дерева, название которого мне неизвестно, бесценного, разумеется.

Кожаное кресло, в котором я сижу. Патинированная кожа, та самая светло-коричневая кожа, из которой делают седла для «Харлеев», сапоги для гаучо и тexasские стетсоны. Целое состояние! Надо полагать, все это заработано гинекологом.

Осеан возится на кухне. Мой бокал шампанского стоит на столе рядом со стопкой бумаги, точнее, со ста тринадцатью страницами. Рассказ о моих последних шести днях. Я напишу последние строчки и после того, как прочту их Осеан, отложу листки в сторону. Навсегда.

Кому они интересны?

Кто их прочтет?

Возможно, мое глубоко личное самонаблюдение останется лежать, позабытое, на дне ящика. А возможно, станет захватывающим детективным романом, главным героем которого буду я.

Кто вы, пролиставшие этот текст? Вы вообще-то существуете?

Конечно, на последних страницах я перехватил с черной краской.

К вечеру жандармы отпустили Осеан. Ее адвокат заявил, что ей больше ничто не грозит. Законная защита. Пять свидетелей это подтвердили. Фредерик Мескилек собирался выстрелить в меня и наверняка бы убил, если бы Осеан не выстрелила первой. Генеральная инспекция жандармерии продолжает расследовать участие Пироза в этом деле. Нам придется выступить в качестве свидетелей, и не один раз. Выслушав мою историю, командан Вайсман и трое его помощников посмотрели на меня с какой-то подозрительной жалостью и спросили, не хочу ли я подать жалобу.

Подать жалобу. На кого?

Они сделали вид, что не понимают, и отпустили меня. В течение двух дней жандармы придирались по пустякам, расспрашивали и переспрашивали, но, как мне теперь кажется, им на все было наплевать. У них был виновный, мотив, признания и улики; чего еще желать?

Фредерик Мескилек.

Арестован. Осужден. Казнен.
Дело закрыто.

Я приехал к Осеан меньше часа назад. Она живет в небольшом уединенно стоящем домике в Люси, в нескольких километрах от Нефшатель-ан-Брэ. Настоящий кукольный домик: фахверк, стены из саманного кирпича, на крыше солома и ирис, вокруг живая изгородь. Колодец, прудик, между грядок с безупречно подстриженными растениями дорожки, посыпанные гравием. Похоже, Кармен отработывает сверхурочные в саду у дочери.

Осеан впустила меня, указала на кожаное кресло и дала открыть бутылку шампанского, а сама пошла на второй этаж переодеться. Когда через несколько минут она спустилась, я увидел, что она сменила джинсы и свитер на синее платье-тюльпан.

Ручка выпала у меня из рук, я чувствовал, как подо мной плавится кожа кресла.

Широкая бирюзовая лента, крепившаяся где-то на спине, спускалась двумя концами на грудь, прикрывая ее и сбегая к поясу, где концы встречались, завершая умопомрачительное декольте. Из-под пояса платье-цветок расширялось, образуя шелковый венчик, обрамлявший два хороших пестика, обтянутых чулками в сеточку цвета морской воды.

Наклонившись, она протянула мне бокал и отошла приглушить огонь в камине. Длинные волосы, падавшие ей на лицо, бросали вызов языкам пламени.

Она была так красива, что у меня перехватило дыхание.

Сердце колотилось, рвалось наружу из груди. Чтобы оно не выскочило, я перевел взгляд на изгибы ее обтянутого платьем тела. Под платьем у Осеан не было ничего — ни парашютных ремней, чтобы снова улететь, ни лифчика.

Она стояла совсем близко.

— Не думай, что я мила с тобой только потому, что хочу заслужить прощение.

Ее губы коснулись моих, словно желая помешать мне ответить.

— Ты бы видел себя в тот день, когда ворвался в мой кабинет в Нефшателе. словно перед тобой явился призрак.

— Нет, ангел, — прошептал я.

Она насмешливо приложила палец к моим губам.

— А твой восхитительный испуг в то утро, когда я прыгнула в пустоту с обрыва?

— Ангел, — повторил я.

Своим бокалом шампанского она коснулась моего бокала.

— Можно?

Не дожидаясь разрешения, она осторожно, с легкостью маленькой девочки, села ко мне на колени, стараясь щадить мою искусственную ногу. Я затаил дыхание.

— Ты такая...

Она снова прижала свой палец к моим губам.

— Тсс...

Ее угольно-черные глаза в упор смотрели на меня. Настоящий поединок, глаза в глаза, пока я не уступил, не перевел взгляд на ее ничем не скованную грудь, слегка прикрытую двумя бирюзовыми лентами. Я устоял перед желанием отстранить ленты, накрыть ладонями грудь, пальцами исследовать изгибы ее тела, тысячекратно обвести вокруг темных ореолов сосков. Продолжая сидеть у меня на коленях, Осеан изогнулась, продвинулась немного вперед. Ее грудь прижалась к моей груди, лобок терся о застежку моих джинсов.

Я содрогнулся.

Под платьем скрывалось обнаженное тело красавицы.

Прежде чем я успел обнять ее за талию, она встала. Ее ловкие пальцы быстро расстегнули мой поясной ремень, одним движением спустили джинсы и «боксеры» до самых щиколоток.

Я молил небо, чтобы вид моей стальной кости не остановил ее порыв. Но, казалось, она не заметила ее вовсе. Королевским жестом она подняла платье, словно желая не помять его, и села.

Ее бедра слегка раздвинулись.

Когда я вошел в нее, губы ее слегка дрогнули.

Обнаженное тело Осеан являло собой экран, по которому в дикой пляске мчались тени, отброшенные языками пламени в камине.

— Ты даже не спросила меня, — прошептал я ей на ухо.

Шампанское лилось к ней в горло. Меня так и подмывало опрокинуть бутылку, из которой она пила из горлышка, в ямочку у нее на шее, чтобы затем омочить в ней губы и язык.

— О чем?

— О чем спрашивают меня все. Моя нога. Как это случилось? До 2004 года или после?

— Мне наплевать, Джамал.

И прижалась ко мне своим горячим телом. Никогда еще я серьезно не говорил о своей инвалидности со взрослым человеком. Однако именно в эту минуту мне больше не хотелось ни играть, ни бежать, ни лгать. На последней странице своего романа я запишу каждое слово своего разговора с женщиной моей мечты. Мои будущие читатели заслуживают право узнать правду до окончания истории.

Скользнув рукой вдоль обнаженной спины Осеан, я заговорщическим тоном произнес:

— С момента своего рождения я придумал не один десяток версий, и все разные. Некоторые я даже сообщил членам твоего общества «Красная нить». Героические подвиги, трагические случаи. Я играл в искалеченного пожарного, в неудачный выстрел, в неосторожного паркурщика. Но истина гораздо проще.

Она ласково погладила меня по плечу и поцеловала в шею.

— Одни родятся вместе с сестрой-близнецом, и жизнь умножается на два. — Глядя на нее, я улыбнулся. — Для меня, наоборот, она всегда была разделена надвое. Я родился с одной почкой, одним легким, одной ногой и одним сердцем, разумеется, очень слабым. Моей матери Наде исполнилось сорок шесть, когда она забеременела от моего отца, которому к тому времени было за пятьдесят. Мое появление стало для нее своего рода чудом. За первые пятнадцать лет брака она раз в три года рожала по ребенку. А потом пятнадцать лет никого... До моего рождения.

Поцелуи Осеан перебрались мне на грудь, мои ласки добрались до изгиба ее спины.

— Последние пятнадцать лет своей жизни мама занималась только мной. В детстве я перенес пятнадцать операций, провел на больничной койке в общей сложности двадцать месяцев. В десять лет я превратился в кошмар социальных служб. Я рос вместе с мыслью, что никогда не стану взрослым, что в моем организме слишком мало прочных деталей и он не выдержит долгую дорогу. Авария может произойти в любую минуту, и я застряну на обочине. Тогда я придумал себе будущее, вообразил судьбу Ахилла... Надеюсь, ты понимаешь, что я хочу

сказать? Смирился со смертью в молодом возрасте, но с условием, что прежде сделаю то, что захочу; не буду ставить планку в годах, но буду стремиться к поставленным целям.

— А их у тебя много? — спросила Осеан.

В ее голосе звучала бесконечная нежность. Словно она влюбилась в меня после моих признаний. Я даже пожалел те смешные версии, которые начиная с подросткового возраста придумывал, чтобы соблазнять девушек.

— Пять... Пять лучей моей звезды.

Она поймала мою руку, ласкавшую ее кожу, и нежно ее сжала.

— Сама понимаешь, мать и слушать не хотела ни о каком будущем Ахилла! Одну почку, одно легкое, одно взрослое сердце, все это можно найти, купить или получить. В поисках органов она возила своего мальчика по всем госпиталям Франции, самые известные хирурги не могли отделаться от нее. С карточкой медицинского страхования она договаривалась об операциях, стоивших миллионы евро. Восемнадцать операций — это не шутка. Как только моя грудная клетка достигла размеров ее грудной клетки, она отдала мне свое легкое; тогда мне исполнилось пятнадцать. Это была моя последняя операция. Следующей зимой мамы не стало.

Пять тонких пальцев сжали мою руку.

— Моя последняя операция, — повторил я. — Теперь я стоил три миллиарда. Приятели из Ла-Курнев прозвали меня Робокотом. Совершенно новый организм, за исключением большой берцовой кости и стопы, частей человеческого тела, которые ни один хирург в мире не смог пересадить. Но одна нога не мешает бегать так же быстро, как бегают здоровые люди. Или еще быстрее. Я начал бегать вечером того дня, когда похоронили мать. И с тех пор никогда не останавливался.

— Понимаю.

— В пригороде Ла-Курнев меня знали все. Вам надо было всего лишь справиться у соседей по подъезду. Я инвалид с детства, я не мог изнасиловать Моргану и Миртий.

— Прости нас.

Воспользовавшись выдавшейся возможностью, я похитил у нее долгий поцелуй.

— Знаешь, взрослея день ото дня, я всегда помнил, что за мной по пятам идет смерть, и каждый раз 25 декабря просил у Санта-Клауса

еще годик жизни... Так что если бы вы утопили меня на Сен-Маркуфе, мне, в сущности, было бы не о чем сожалеть...

— Даже о пяти лучах твоей звезды?

Я промолчал.

Может, я изменился? Может, отказался от судьбы Ахилла?

Высвободив руку из ее цепких пальцев, я обхватил ее грудь, круглую и полную.

— А разве моя звезда не продолжит светить и после моей смерти?

Осеан вздрогнула. Схватив мою руку, она прижала ее к груди, а потом медленно повела ниже, еще ниже, до самого края мира.

Привычным движением Осеан натянула через голову платье. Шелк обтянул ее тело, словно вторая кожа.

— Я хочу есть. Давай завершай свою премию Гонкуров,[13] а я пойду завершать приготовления к нашему пиршеству.

Значит, ко всему прочему Осеан еще и готовит?

Я смотрел, как она шла по комнате, как привычным движением подхватила бокал из-под шампанского и поставила его на место, а потом исчезла в кухне.

Прошло несколько минут.

Все это время я сидел в кожаном кресле и старательно заносил на бумагу каждое слово, каждое движение, каждое чувство, испытанное за истекший час.

Так завершится мой рассказ.

Через несколько минут я попрошу Осеан прочесть его. И мы снова займемся любовью.

Правда, красивая история? Низенький араб-инвалид, которого все считали убийцей, расстается с жизнью в объятиях женщины своей мечты. Что вы на это скажете?

Согласен, конец слишком слюнявый, чтобы вставить его в детектив. А в дамский роман? *Красавица и Чудовище*, версия эмигрантского пригорода...

Я поднимаю глаза. Над нормандским шкафом, украшенным резными гирляндами из всевозможных фруктов, круглое смотровое окошко, обрамленное кружевными занавесочками; в окошко видно темное небо, где сверкают тысячи звезд.

Которая из них моя?

Которая из них направляет пять лучей моей судьбы?

Мои мысли медленно плывут к прежней жизни, той, что начнется в понедельник в клинике «Сент-Антуан». Ибу сочтет меня сумасшедшим, Офели наверняка выложит целую коллекцию новых фотографий своих парней, кретин Жером Пинелли позеленеет от зависти.

На кухне поет Осеан. Кажется, это «То, что мы не сделали» Жан-Жака Гольдмана.

Ручка замедляет полет по чистому листу. Надо очень тщательно подобрать слова для последних строк моего романа.

Неужели я выиграл?

Неужели смерть наконец перестала преследовать меня?

Ручка повисла в воздухе, висит там несколько долгих секунд, до тех пор пока стук дверцы от духовки не заставляет меня повернуть голову. Появляется Осеан с тряпкой в руке. Пряный аромат щекочет ноздри. Охотничий соус, такой, какой не подают в столовых. Шампиньоны, лук-шалот, сливки и вино.

— Ты уверен, что никто не знает, что ты здесь? — спрашивает меня Осеан.

— Абсолютно!

Я уважал ее стыдливость и никому не сказал, что отправляюсь к ней. Красавица все еще стесняется своего неудобного любовника. Опасается, что Кармен не оценит. Боится, что дядя Жильбер станет ворчать. Или ее пугает реакция Моны?

Не Моны, Алины!

Она ревнует?

Обожаю аромат тайны. Пусть наша любовь останется в секрете, это придаст ей пикантности.

Ручка в последний раз касается бумаги. Я ужасно хочу найти симпатичную фразу, чтобы поставить финальную точку. Мучаюсь. Грызу колпачок.

— Готово! — кричит Осеан.

Тем хуже. Я уступаю, выбрав самый простой вариант.

Первые слова моего рассказа станут и последними.

«Мне долго не везло.»

Я был уверен, что удача всегда на одной стороне, только не на моей...»

Честно говоря, я все еще сомневаюсь, что она перебежала на мою сторону.

КОНЕЦ

IV

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА

10 августа 2014 года

Кому:

Национальная жандармерия,
Территориальная бригада коммуны Этрета,
Департамент Приморская Сена
Лейтенанту Б. Донадье

От:

Научно-исследовательский институт судебно-медицинской и криминалистической экспертизы (НИИ СМКЭ)

Лаборатория идентификации жертв катастроф
Заведующего Ж. Кальметта

Господин лейтенант,

направляю вам письмо с ответом на особый запрос по так называемому делу трех скелетов, найденных 12 июля 2014 года на пляже в Ипоре. Вкратце напоминаю вам, что три индивида, которых мы для удобства расследования назвали Альбером, Бернаром и Сезаром, скончались в разное время: Альбер — летом 2004-го, Бернар в промежутке между осенью 2004-го и зимой 2005-го, а Сезар между февралем и мартом 2014-го. Причиной их смерти явилось преднамеренное отравление мускарином; по мнению экспертов, меньше чем через тридцать минут после попадания яда в организм, случилась остановка сердца, ставшая причиной смерти всех трех индивидов.

Продолжая исследовать останки, мы неожиданно столкнулись со странным обстоятельством, вынуждающим задать вам вопрос, за который заранее прошу меня извинить.

Могут ли ваши службы проявить небрежность и забыть отправить нам одну из улик, проходящих по этому делу? Нам, образно говоря, не хватает одной детали пазла, и мы просим вас тщательно проверить, не утеряна ли она.

Поясню. Из костей, которые вы нам отправили, мы сумели полностью восстановить скелеты Альбера и Бернара, исполнить привычную для нас скрупулезную работу палеонтологов.

Несмотря на все усилия, нам не удалось полностью восстановить скелет Сезара, индивида, скончавшегося позже всех, а именно в феврале 2014 года, спустя несколько дней после того, как дело Аврил–Камю завершилось смертью Фредерика Мескилека, предполагаемого убийцы обеих девушек. Я намеренно употребляю определение «предполагаемый», ибо в предыдущем письме я официально указал, что ДНК Альбера, отравленного летом 2004-го, соответствует ДНК, выделенной из спермы, найденной на телах и одежде Морганы Аврил и Миртий Камю. В настоящее время я еще не получил ответ от судьи Лагарда, которому отправил копию предыдущего письма.

Скелет Сезара соответствует скелету молодого мужчины до тридцати лет, прекрасно сложенного; хотя он скончался всего полгода назад, останки его пребывали в состоянии быстрого разложения. Собрав все присланные вами кости, мы убедились, что Сезару недостает берцовой кости.

Надеюсь, вы сможете объяснить нам причину либо отсутствия, либо потери данной недостающей части скелета.

С наилучшими пожеланиями,
Ж. Кальметт,
Заведующий Лабораторией идентификации
жертв катастроф НИИ СМКЭ.

Неужели я выиграл?

Отведя взгляд от трупа Джамала, Осеан захлопнула багажник «ауди». Удостоверилась, что в темном саду никто ее не увидел. Самый яркий свет исходил от фонаря в конце улицы, но его световой круг не проникал за изгородь, окружавшую дом.

Холодно. С неба сыпался мелкий снег, устилая мокрым покровом крыши и тротуары. Сегодня вечером никто носа на улицу не высунет. Осеан могла беспрепятственно отвезти тело туда, где уже покоятся все остальные.

Непогода заставила ее вернуться в дом.

Из троих мужчин именно Джамала Салауи она никак не решалась убить. Пироз не в счет. Она устранила его, потому что он все понял и начал собирать доказательства; всадить ему в брюхо нож, когда он напился, и выбросить тело за борт «Параме» оказалось минутным делом.

Она подошла к камину. Язычки пламени лизали оставшиеся от поленьев головешки.

С Джамалом Салауи все иначе. Если судить объективно, он не заслуживал смерти. Он стал жертвой, как и она. Жертвой системы, чужого мнения, раздражительного насилия. Козел отпущения в самом точном значении термина, невинный, взваливший на себя коллективную вину всех остальных.

Всех остальных мужчин.

Осеан собрала страницы с рассказом Джамала, лежавшие на низеньком столике, больше ста страниц, и бросила в огонь. Сначала ничего не произошло, потом пирамида из бумаги внезапно вспыхнула ярким факелом.

Джамал Салауи мог докопаться до истины.

Пронырливая ищейка Пироз рассказал ему про дилемму заключенного, и Джамал все записал у себя в дневнике. Но если Джамал не понял, то другой, более изощренный, читатель вполне мог по-иному подойти к подсказкам, которыми пренебрег Джамал, усомниться в логике официальной версии. Понять...

Осеан скинула платье-тюльпан. Некоторое время она, обнаженная, стояла у камина, наслаждаясь жаром высоко взметнувшегося пламени.

Она упивалась этим мгновением, этой минутой, когда ни один мужчина не мог ухватиться за ее тело, увидеть в нем предмет своего вожделения и пожелать купить его для своих ничтожных извращенных игр.

Никогда ни один мужчина не встанет между нами.

В голове резонировал звонкий голос Морганы. Ее сестре семь лет, они вместе забрались на большую яблоню, что растет напротив дома матери. Весна, и лепестки яблоневого цвета падают им на волосы и плечи, настоящий розовый дождь из волшебных сказок.

Никогда ни один мужчина не встанет между нами.

Они обещали. Чтобы стать принцессами, им не нужен ни рыцарь, ни принц, ни король. Они сестры, близнецы, первая для второй и вторая для первой, и никогда никто и ничто не должно встать между ними.

Даже цветочный лепесток.

В камине угасал огонь. Обгорелые обрывки дневника Джамала крутились в воздухе. Осеан наклонилась и пошевелила пепел в камине, чтобы оживить язычки пламени. Как всегда уже на протяжении десяти лет, она должна быть осторожна. Разумеется, любезный и услужливый Джамал никому не сообщил, что свидание с ней назначено у нее в доме, но, когда жандармы убедятся в его исчезновении, они непременно станут расспрашивать и ее. Надо уничтожить все следы его пребывания. Столь же бесследно должен исчезнуть и его дневник.

Пока им не исполнилось восемнадцать, они с Морганой часто лазили на яблоню. Каждую весну, каждый год они давали клятву, делавшую их еще ближе, еще сильнее, еще красивей.

Ни одного мужчины между нами. Никогда.

Постепенно они превращались в Белоснежку и ее зеркало. Сиамских близнецов-принцесс. Два сердца, но одна кровь.

Мать с одним сердцем никогда не нуждалась в мужчине. Она самостоятельно создала семью. Своими руками построила самый красивый дом в Нефшатель-ан-Брэ, самостоятельно. Получила высокую должность в муниципальном совете, в ассоциации развития области Брэ, самостоятельно. Между ними и матерью никогда не стояло ни одного мужчины.

Огонь потух. Несколько минут Осеан позволяла холоду покалывать ей кожу, потом поднялась к себе в спальню, где натянула черные

джинсы и темный свитер. Настал час, когда труп Джамала Салауи должен присоединиться к двум другим трупам.

Дороги заповедного края Ко были пустынные. Холодный дождь выбелил склоны и скелеты деревьев. Никакой опасности, что тебя остановит полиция. Кто отважится выехать в три часа ночи на сельскую дорогу, исхлестанную ветром и ледяной изморосью? В свете фар указатель извещал, что до Ипора осталось десять километров.

Никогда ни один мужчина не встанет между нами.

Вечером 5 июня 2004 года звон гитар сверлил ей мозг. Одна группа сменяла другую, и каждая оглушала своей музыкой. Вылазка в Ипор с Кларой, Николая, Матье и Морганой. Ночь на дискотеке в зале «Сивью». Танцпол.

«Дворники» двигались в ритме сердца, давая слезы, упорно появлявшиеся вновь и вновь, каждый раз все более частые.

Ни одного мужчины между нами. Никогда.

Осеан повторила ей эти слова. Прошептала на ухо в «рено», когда заметила, как изменилась Морганя, надев платье, облежавшее ее ягодицы и груди. Она прокричала их ей на танцполе, продираясь сквозь лес мужчин с волчьими глазами, окруживших Морганю. Гремела музыка-техно. Морганя впала в транс и не слышала ее. Не слушала. Даже не посмотрела.

Но Морганя обещала...

Николя и Клара обнимались на канapé. Этот кретин Матье, решив попытаться удачи, провел рукой по ее бедрам и прижал губы к ее шее. Неужели он думал, что она способна нарушить свое обещание и пойти с мерзким представителем тараканьего племени? Он заснул над стаканом водки с апельсиновым соком. Осеан тоже выпила. Много. Слишком много. Больше, чем когда-либо в жизни.

И пошла за ними.

Морганя выбрала одного из волков. Не вожака стаи, скорее волчонка с молочными зубами, в рубашке, расстегнутой на безволосой после эпиляции груди и смешным красным шарфом на шее.

Осеан видела, как они целовались на парковке, как раздевались в уголке пляжа. Укрывшись в тени скалы, она смотрела, как они бежали к морю, стараясь сдерживать смех, как касались друг друга в воде, как, стуча зубами, выскочили на берег. Спрятавшись за причалом, она

слышала, как тяжело дышит Моргана, наслаждаясь ласками незнакомца, сдерживает крики, отдается, впадает в экстаз.

«Ты обещала, — кричал голос у нее в голове, — *никаких мужчин, никогда!*» Когда они поспешно оделись, так быстро, что Моргана не успела надеть трусы, Осеан, пошатываясь, пошла за сестрой и парнем с красным шарфом, шла до самого бункера. Кто из них двоих предложил, взявшись за руки, подняться наверх, чтобы с обрыва полюбоваться бескрайними просторами моря? Осеан никогда этого не узнает.

Под действием алкоголя шиферные крыши домов колыхались, словно серые волны. Через несколько минут после того, как волчонок наконец удалился, Осеан подошла к сестре. У Морганы на шее был намотан шарф незнакомца.

— Его мне дал Алекс.

Его звали Алекс. Александр Да Коста.

— Это соединяющая нас нить. Наша красная нить. Мы еще увидимся. Он не такой, как ос...

«Дворники» не справлялись с потоком слез. Осеан сбавила скорость и остановилась на обочине, перед перекрестком, где указатель показывал на Бенувиль. Воспоминания оказались слишком яркими. Стремительными. Обгоняли друг друга.

Ее крики в ночи. Улыбка Морганы.

Ты не имела права. Ты обещала. Ты не имела права.

Смех Морганы.

Никаких мужчин. Никаких мужчин между нами. Никогда.

Ее смех, звучавший вызывающе.

Осеан вновь видела, как ее пальцы раздирают платье сестры, стараясь удержать ее, как ее руки стягивают концы шарфа, чтобы она прекратила смеяться, чтобы наконец заплакала, попросила прощения и пала к ней в объятия.

Чтобы ни один мужчина никогда больше не смел встать между ними.

Осеан снова увидела, как кроткий взгляд Морганы остекленел, ее тело упало на мокрую траву, покатилося по косогору и сорвалось вниз.

«Ауди» медленно тронулась с места. Тысячи раз, снова и снова, Осеан видела, как взгляд Морганы тонул в ее глазах, угасал и улетал. Кто умер в этот вечер — принцесса или ее зеркальное отражение?

Никто? Обе?

Флики ничего не поняли. Они обнаружили на пляже труп хорошенькой девушки, задушенной, в разорванном платье, со следами спермы на теле и во влагалище, признаки насильственного проникновения, случившегося за несколько минут до убийства. Заключение глупых ничтожных самцов и не могло быть иным: только изнасилование! Осеан презирала их некомпетентность.

«Ауди» проехала Бенувиль. Городок спал. Возможно, он проспит всю зиму. Табличка предупреждала водителей: проезд закрыт. Осеан направилась именно туда. Надо проехать еще сотню метров по утрамбованной земле. Кому придет в голову искать здесь труп Джамала Салауи? Никому, как не пришло в голову искать трупы двух других — вот уже много лет. Завтра утром дождь смывает с тропинки все следы протекторов...

Осеан без труда нашла Александра Да Коста. Он скрывался в дачном домике своих родителей в Блонвиль-сюр-Мер; они собирались выйти на пенсию, а пока девять месяцев в году проводили на Антильских островах Сен-Винсент и Гренадины. Он оказался глуп, как пробка; тем не менее понял, что является подозреваемым номер один в деле об изнасиловании и убийстве Морганы Аврил, и если он высунет хотя бы кончик носа, ему придется отвечать за все — по причине его ДНК, его спермы и его красного шарфа.

Еще меньше труда Осеан затратила, чтобы соблазнить его. Она позвонила ему и сообщила, что накануне гибели сестра прислала ей сообщение, где называла своего любимого по имени. Александр Да Коста.

Этот кретин считал, что какой-то тип напал на Моргану после того, как он расстался с ней; наверное, чтобы украсть ее сумочку.

Она назначила ему свидание вечером, в Ивето, возле развязки А-29, в отеле «Формула один», где нет персонала, а только автоматы, выдающие коды для входа, готовая замороженная еда и кофе. Она обещала не выдавать его полиции, хотя может, так как не уверена... Словом, сначала она намерена с ним поговорить. Попытаться понять. Узнать, какие чувства сестра испытывала в тот вечер. Он примчался, как битый пес. Поджав хвост. Впрочем, вскоре он распушил его.

Ее красота потрясла дурака. Чудовище, он посмел сказать, что она красивей, чем ее сестра. Смерть настигла его на матрасе в номере 301,

комнате с картонными стенами, где под действием порошка мускарина, подсыпанного в мусаку, подогретую в холле в микроволновке, сердце его перестало биться. Всего-то дел. Осеан осторожно сняла презерватив, содержащий сперму юного петушка, аккуратно опорожнила его в стеклянную баночку, и в три часа ночи затолкала тело в багажник своей машины.

«Никогда ни один мужчина не станет между нами», — шептала она звездам, сбрасывая труп в черную пустоту.

Прошли три долгих месяца, прежде чем родители Александра Да Косты заявили об исчезновении своего двадцатидвухлетнего сына, посылавшего им весточку не чаще двух раз в год. Но они даже не могли назвать адрес его последнего местожительства; помимо домика в Нормандии у них во Франции было еще два дома: один на Лазурном Берегу, а другой на острове Ре; третий принадлежавший им дом находился на острове Црес, а еще квартира где-то на Балеарских островах. Тогда Осеан узнала, что во Франции ежегодно пропадает около шестидесяти пяти тысяч человек, и более десяти тысяч так и не находят...

Никому никогда не придет в голову заподозрить...

Мама, вероятно, всю жизнь будет искать убийцу своей дочери, но напрасно. Он умер. Осеан отомстила за сестру. Мужчина, который попытался разлучить их, их обоих, их троих, навечно упокоился на дне расщелины в скалистом берегу.

Осеан оставила «ауди» за небольшой ясеновой рощей, постаравшись поставить машину так, чтобы ни один заблудившийся в полях полуночник — если таковой найдется — не смог ее найти, разве что упершись в нее носом. Самое трудное — начать. Взвалить тело на плечи. Не оставить никаких следов, никаких отпечатков — ни волоса, ни капли пота. Пройти еще сто пятьдесят метров на запад от Вальез дю Кюре.

Десять лет назад, в июне 2004-го, прежде чем назначить Александру Да Коста свидание в «Формуле один», Осеан целыми днями бродила вдоль отвесных прибрежных скал. «Она предается грустным мыслям», — думали местные жители и жандармы. Беспокоились. Они, без сомнения, полагали, что она намеревается прыгнуть вниз вслед за сестрой-близнецом. Они бы это поняли. И не могли догадаться, что в испещренном дырками известняке, тянущемся

на километры, она искала подходящий колодец, чтобы в нем навеки исчезли неудобные мужчины. Достаточно широкий, чтобы сбросить туда половину человечества.

Она нашла такой колодец немного восточнее Бенувиля, возле небольшой котловины Этиг: карстовый провал, затерянный среди колючих зарослей, куда забредали только коровы; местные жители издавна туда не наведывались.

Затаив дыхание, Осеан открыла багажник. Она завернула тело Джамала в одеяло, которое сожжет тотчас же по возвращении в Нефшатель.

В этом укромном уголке она оставляет машину в третий раз.

7 августа 2004 года Нижнюю Нормандию облетело душераздирающее известие. Нашли труп девушки, изнасилованной и задушенной шарфом «Берберри». Некоей Миртий Камю. Всеобщее смятение. Серийный убийца снова выбрал жертву. И она не последняя...

В тот вечер в столовой школы «Гранкам-Мэзи», освобожденной для такого случая по приказу мэра, мама организовала общество «Красная нить». Она хотела встретиться с близкими этой Миртий, с ее родителями, с бабушкой, с лучшей подругой, с женихом. Время поджимало. Преступника надо ловить по горячим следам, пока он не сбежал. Или не начал снова убивать. Надо собрать как можно больше улик. Мама произнесла энергичную речь, суть которой сводилась к тому, что нельзя доверять полицейским, так как они завалены работой, им мало платят, а потому хотят поскорее сбросить с себя это грязное дело и вернуться к привычной текучке.

Вместе с маминым братом Жильбером за столом собралось восемь человек. Трое со стороны Аврил, пятеро со стороны Камю.

Все время, пока ехали из Нефшателя в Гранкам, пока дядя Жильбер, сидевший за рулем, проклинал парижан, дружно рванувших в августе в отпуск и заполонивших дорогу А-13, пока мама, не разжимая зубов, шептала: «Он снова начал убивать. Надо остановить этого мерзавца. Он снова начал убивать», Осеан окончательно прониклась уверенностью: убийца был знаком с Миртий Камю! Не просто мимолетный знакомый, а один из близких друзей, тот, кого полиция должна была бы заподозрить в первую очередь. Иначе почему он

замаскировал свое преступление и перевел падавшие на него подозрения на убийцу, разыскиваемого всей полицией Нормандии, на того, кто сначала насилует свои жертвы, а потом душит красным шарфом «Берберри»? Почему он приложил столько усилий, чтобы все поверили в серийного убийцу?

Несуществующего серийного убийцу! Только двое были посвящены в эту тайну: убийца Миртий Камю... и она!

Когда дядя Жильбер припарковал свой старенький «мерседес» на стоянке школы «Жан-Марион де Гранкам-Мэзи», Осеан с трудом скрывала свое возбуждение. Нет ли среди тех пятерых, кто сидит с ними за столом, убийцы Миртий Камю?

Осеан не сумела удержать тело Джамала, и оно соскользнуло со спины. Спина горела. Она не прошла и тридцати метров, а уже чувствовала себя на пределе. Ей никогда не дотащить его до колодца. Она остановилась и задумалась. Придется тащить, иного выхода нет. Тащить и заметать за собой след. Она вздохнула.

Ее сознание невольно снова возвращалось в «Гранкам-Мэзи», к тому вечеру, когда нашли труп Миртий. К тому собранию в столовой, где присутствовали члены семьи Камю. В тот вечер она совершила ошибку, единственную за все десять лет. Ошибку, которая едва не обошлась ей слишком дорого.

Войдя в зал школьной столовой и окинув взглядом пятерых, сидевших за маленьким восьмигранным столиком, Осеан сразу заподозрила Фредерика Мескилека в убийстве его невесты. Наблюдая за ним весь вечер, оценивая каждый его жест, каждое содрогание, каждую, в том числе и едва заметную, реакцию на любую упомянутую в полицейском докладе улику, она пришла к выводу, что, в отличие от остальных близких Миртий, его психологический профиль вполне соответствует профилю убийцы.

К концу вечера у нее сложилось твердое убеждение. Это он.

Но она забыла кое-что очень важное.

Убийца Миртий Камю обладал тем же самым преимуществом. Он тоже знал, что серийный убийца — фикция, придуманная полицейскими. И вполне мог предположить, что убийца Моргань сидит с ним за одним столом, напротив него, и наблюдает за ним.

Когда их взгляды наконец встретились, они без слов поняли друг друга. Осеан выдала себя, слишком настойчиво, в упор глядя на него. Кто мог его заподозрить? Кто мог сомневаться в версии о серийном убийце? Разве что тот, кто знал, что Моргана убита отнюдь не случайным гастролером.

Кто, кроме ее убийцы?

Их связало молчаливое соглашение.

Оценивая, как бы поудобнее подхватить труп Джамала, Осеан вспомнила знаменитую теорему, которую раскопал Пироз, так называемую дилемму заключенного, двух сообщников, которые могут предать или не предать друг друга. Если оба свидетельствуют друг против друга, они все теряют. Если они молчат и сотрудничают, выигрывают оба. До тех пор, пока один из них не будет уверен, что предаст раньше, чем это сделает другой. Согласно теореме за это он получит самый крупный куш. Пироз оказался не таким тупицей, как все остальные флики, он все понял, но стоило ему выпить, как голос у него стал слишком громким, а перегородки между каютами на «Параме» очень тонкие.

В тот день, когда убили Миртий Камю, собрание общества «Красная нить», проходившее в помещении столовой, завершилось около полуночи. С покрасневшими глазами все сели в свои машины и разъехались по гостиницам. Перед тем как выйти на улицу, Осеан направилась в туалет, расположенный в глубине школьного коридора и прилегавший к помещению столовой. Там ее догнал Фредерик Мескилек. Мертвенно-бледный.

«Это несчастный случай, — заплетающимся языком проговорил он. — Несчастный случай. Я не хотел ее задушить. Мы должны были пожениться. Она любила меня, она бы никогда меня не бросила. Это какое-то затмение. Тот тип для нее ничего не значил. Миртий любила меня. В последний раз мы занимались любовью как раз перед...»

— Надеюсь, с презервативом?

Мескилек уставился на нее. Он был ничем не лучше остальных мужчин. С этой минуты Осеан решила устранить его так же, как и других. Она сделает это, как только сможет, когда не будет никакого риска.

— Да, — ответил он.

— У меня для вас подарок!

Осеан вынула из кармана баночку. Разумеется, Мескилек ничего не понял.

«Это мне доверил тот, кто изнасиловал мою сестру, — уточнила Осеан. — Но надо прекратить играть в молчанку».

Схватив обеими руками баночку, Мескилек заговорил; признания, больше напоминавшие исповедь, полились из него потоком. Убив свою невесту, он впал в панику и спрятал тело Миртий в зарослях папоротника рядом с фермой «Большие Карьеры», в надежде, что успеет вернуться раньше, чем кто-нибудь случайно наткнется на труп. Затем, уверенный, что, как только труп его невесты найдут и опознают, его немедленно заподозрят, ему пришла в голову идея оформить свое преступление так же, как убийство в Ипоре, о котором средства массовой информации писали и говорили на протяжении последних месяцев. Мескилек отправился в Довиль, там в универмаге «Прентан» нашел бутик «Берберри», где, усыпив бдительность продавщиц, купил рубашку за сто пятьдесят евро, сумев при этом стянуть и спрятать под пальто красный кашемировый шарф. На обратном пути он остановился в Аснель и на пустынном пляже набрал в канистру морской воды, чтобы обрызгать труп Миртий. Наконец, вернувшись в «Большие Карьеры», он забрал сумочку и трусики Миртий, то есть повторил все действия убийцы Морганы Аврил. Не было только одной вещицы, блокнота «Молескин», куда Миртий записывала свои самые сокровенные мысли. Его не было ни в сумочке, ни где-либо.

С другого конца коридора раздался звучный голос мамы:

— Ты идешь, Осеан?

— Иду, мама.

Осеан оставила баночку Мескилеку.

Сотрудничество — взаимность.

Этим простым даром они снимали друг с друга обвинение.

На следующее утро в нескольких сотнях метров от «Больших Карьеров» полиция нашла трусики Миртий, зацепившиеся за колючие ветки кустарника; на трусиках обнаружили сперму насильника, идентичную сперме, извлеченной из влагалища Морганы Аврил.

Убедительное доказательство, что убийца тот же самый.

Серийный убийца, наугад выбирающий свои жертвы.

Осеан остановилась передохнуть. Она протащила тело Джамала еще сотню метров. Еще метров двадцать — и все будет кончено. Несколько звезд и узкий серп месяца слабо освещали бескрайние поля. Изморось перешла в мелкий дождь. Он превратит следы в грязь, и к утру от них ничего не останется. Осеан откинула капюшон, зябко потерла руки в перчатках и взялась за дело.

Удача пришла к Осеан 6 октября 2004 года, вечером, из глубины кармана, на ее мобильный телефон. Она тогда была секретарем общества «Красная нить», а мама регулярно размещала объявления, где приглашала потенциальных свидетелей. Тех, кто не осмелился идти в полицию.

Судя по голосу, Оливье Руа смущался.

«Я тот, кого все разыскивают, — боязливо шептал он в телефон. — Молодой человек в бейсболке „Адидас“, тот, кто крутился вокруг Миртий. Кого полиция...»

Осеан приказала ему замолчать, а главное, никому ничего не говорить. Она захотела встретиться с ним в Ивето, в «Формуле один», причем в тот же вечер, но он отказался. Слишком далеко, слишком поздно, слишком опасно. Ей все же удалось уговорить его встретиться — днем, в самом центре заповедника «Марэ де Вей», в нескольких километрах от его дома, неподалеку от Изиньи, в заброшенном охотничьем домике на отшибе, возле бывшей переправы Карентан.

— Я не убивал ее, мадам, — продолжал стелать телефон. — Все в этом уверены, но я ее не убивал. Я любил ее. Она собиралась расстаться со своим чуваком. Она посвящала мне стихи. В дневнике она написала стихотворение...

— Этот дневник у вас?

— Да, но...

— Принесите его...

Как и все, Оливье Руа считал, что Миртий стала жертвой заезжего гастролера. У него не было никаких оснований подозревать соперника. Но он никак не мог решиться пойти в полицию. Стал редко выходить из комнаты, на прогулку отправлялся только в пустынные места. Чтобы поразмыслить. Подумать о Миртий. Ему не в чем себя упрекнуть; в конце концов, он легко докажет свою невиновность. Но с этими полицейскими... Мечтая засадить убийцу в тюрьму, они расклеили по

всему кантону фоторобот, отдаленно похожий на него, так что если он явится, они наденут на него наручники раньше, чем он успеет сказать хоть слово в свое оправдание. И тут ему пришла в голову мысль: связаться с организацией «Красная нить». У них наверняка есть адвокаты, да и потом, они должны знать подробности дела, неизвестные полиции. Они обязательно выслушают его, дадут совет, объяснят, как надо вести себя с фликами.

В охотничьем домике Оливье передал Осеан все, что осталось у него после Миртий: блокнот «Молескин», письма и стихи. И почувствовал великое облегчение. В отличие от Осеан. Если Оливье Руа заговорит, подозрения тотчас падут на Фредерика Мескилека. Если Фредерик Мескилек попадется, она попадется вместе с ним...

Никогда ни один мужчина не встанет между нами.

Осеан открыла сумочку. Полдень, солнце в зените. Десятки уток и вальдшнепов копошились вокруг на изрезанных морскими приливами торфяных островках цвета ржавчины. Оливье Руа находил пейзаж очень милым. Он был настроен романтично и пессимистично, иначе говоря, у него ехала крыша. Когда Осеан вынула бутылку кока-колы, кусочки пиццы и восточные сладости, он машинально стал жевать вслед за ней. Он не удивился, отчего у всей еды столь пряный вкус. Возможно, просто не успел. Взгляд его медленно угасал, мускулы деревенели, и вскоре он застыл, словно охотничий пес, сделавший стойку по свистку хозяина. Через несколько минут сердце его остановилось.

На следующий день Мескилек нашел у себя в почтовом ящике стихотворение, написанное его покойной невестой. Осеан продолжала вести игру.

Сотрудничество — взаимность.

Мескилек схитрил: принял подарок и предъявил его командану Бастине. Исключительно как меру безопасности. Малышка Алина, постоянно вспоминая последние дни своей подруги, задавала себе все больше и больше вопросов.

Еще двадцать метров. Осеан двигалась осторожно, аккуратно отстраняя колючие ветки, чтобы не зацепиться за них. Полицейские

слепы, но упорны. Банальный клочок ткани, оставшийся на колючке, может помочь определить того, кто, тайком пробравшись сюда, незаконно опорожнил мусорный бачок.

С исчезновением Оливье Руа следствие сдулось, словно продырявленный воздушный шар. Несмотря на ярость мамы, полицейские спустили дело на тормозах. Поддерживать тлеющий огонь поручили жандармерии Фекана, в частности, капитану Пирозу.

Все вернулось на круги своя.

Мама вцепилась в версию о двойном убийце. Найти того типа, который побывал и в Ипоре, и в Изиньи... Осеан ей не мешала. В конце концов, это помогает маме не сойти с ума. История тянулась годы. Осеан исподволь сблизилась с Алиной Массон, лучшей подругой Миртий Камю, и постепенно заронила ей в душу семена сомнения — чтобы подготовить ее к тому дню, когда придется избавляться от Мескилека, этого вируса, этого Троянского коня на жестком диске ее мозга. От исполненных коварства вопросов.

А если Миртий убил не заезжий гастролер?

А если Миртий знала своего убийцу?

И вот однажды, в марте 2013-го, из огромного лотерейного барабана наконец выпало имя Джамала Салауи. Злосчастный тип, побывавший в нужное время в нужных местах. О его невинности знали только Мескилек и она.

Когда Кармен предложила свой безумный план, несусветный спектакль для разоблачения Салауи, Осеан с ней согласилась. Все встало на свои места. Очень удобный случай расправиться с Мескилеком. Она придумала финальную сцену на островках Сен-Маркуф и сумела внушить ее маме. Накануне, перед тем как обман наконец сработает, она подправила кое-какие детали. Извлекла кирпич из крепостной стены форта на острове Ларж и спрятала за ним блокнот «Молескин», принадлежавший Миртий Камю. Выцарапала на кирпиче три буквы. M2O. Вместе с Алиной составила очередное досье в коричневом конверте и подбросила его Джамалу Салауи, чтобы посеять у него сомнения. Даже если он поймет, в нужный момент... Потом заехала к Мескилеку и с помощью дубликата ключей, изготовленных во время бесконечных заседаний «Красной нити», проникла в нему в квартиру и спрятала там сумочку Морганы, до сих пор хранившуюся у нее, а также флакон с застарелыми следами забытой спермы

Александра Да Коста. Мескилек был не такой дурак, чтобы хранить подарок Осеан у себя.

На следующий день рано утром она спрыгнула с обрыва под самым носом у Джамала Салауи, совершила прыжок с высоты ста двадцати метров, используя карманный парашют. Колесо стечения обстоятельств завертелось, и никто, даже Пироз, не мог его остановить. Джамал Салауи боролся с машиной, которая рано или поздно должна была его перемолоть.

Экономист Аксельрод ошибся, предложенная им схема не решает дилемму заключенного.

Сотрудничество — взаимность — прощение.

Возможно, такая схема работает в том случае, если сообщники, выйдя из тюрьмы, хотят продолжить сотрудничество. Или отомстить друг другу. Настоящее решение — это предать всего лишь раз, но окончательно.

Ответить ударом на удар. Выстрелить первой.

Сотрудничество — предательство — наказание.

Осеан почти дотащила труп Джамала Салауи до колодца. Согласно ее подсчетам его глубина метров тридцать, а возможно, и больше, принимая во внимание прилегавшие боковые галереи, пронизывавшие известняк. Наверняка местные крестьяне знают это место и используют его как свалку отбросов. Но никому не придет в голову спуститься вниз.

В лучшем случае какой-нибудь спелеолог лет через пятьдесят найдет среди собачьих костей, старых телевизоров и ржавых стиральных машин три человеческих скелета. Или через сто лет, когда порода начнет оседать. Но даже если их тела найдут завтра, кто установит их связь с Осеан? Даже если удастся идентифицировать трех покойников, а ученые-криминалисты определят даты и причину их смерти, ничего, совершенно ничего не будет связывать эти трупы с ней, не позволит обвинить ее.

Она не приписывает себе никаких особых заслуг, кроме осторожности. Все сами попали к ней в паутину, ей даже не пришлось их заманивать.

И, словно молитву, она в последний раз повторила: «Никогда ни один мужчина не станет между нами». Теперь она в этом уверена. Все

мужчины получили свое. Все мужчины, посмеявшие приблизиться к ней, к ним, мертвы.

Она развязала веревки, развернула одеяло. словно по ковру, развернутому для последней церемонии, труп Джамала тихо покатился по пурпурной ткани и бесшумно соскользнул в бездонный колодец.

Все кончено.

Осеан торопилась вернуться в Нефшатель-ан-Брэ; однако она внимательно проверила, не наследила ли по дороге; слабый свет фонарика еле-еле достигал носка ее сапог.

Она торопилась вернуться домой.

Торопилась увидеть маму.

В бледном круге света Осеан видела голые чахлые стволы каштанов, сгибавшиеся под порывами ветра с моря.

Скорей бы во дворе дома «Горная долина» снова расцвела яблоня.

V

ПЕРЕСМОТР

Фекан, 13 августа 2014 года

Кому:

Научно-исследовательский институт судебно-медицинской и криминалистической экспертизы (НИИ СМКЭ)

Лаборатория идентификации жертв катастроф
Заведующему Ж. Кальметту

От:

Национальная жандармерия,
Территориальная бригада коммуны Этрета,
Департамент Приморская Сена
Лейтенанта Б. Донадье

Господин Кальметт,

Отвечая на ваше письмо от 10 августа 2014 года относительно идентификации останков Альбера, Бернара и Сезара, найденных на пляже в Ипоре 12 июля 2014 года, и выраженное вами беспокойство по поводу «недостающей детали пазла», хочу вам сообщить. Берцовая кость неизвестного, условно названного Сезаром, не потеряна ни вашими, ни моими сотрудниками, равно как и не унесена в море после обрушения скалы.

Мы сопоставили описание останков Сезара с Джамалом Салауи, одним из главных свидетелей в деле Аврил–Камю, молодым человеком, которого одно время подозревали в том, что он является насильником и убийцей обеих девушек. Вы легко поймете ход нашей мысли. Джамал Салауи — инвалид: нижнюю часть левой ноги, начиная от колена, ему заменял протез. Молодой человек исчез полгода назад, сразу после закрытия дела Аврил–

Камю. Исчез без видимых причин. Впрочем, никто не пытался объяснить его исчезновение.

Бесспорно, ваше открытие требует возобновить расследование, ибо очевидно, что Джамал Салауи убит и причина убийства неизвестна.

Но если говорить откровенно, то, имея лишь скелет и никаких других улик, мы не уверены в результатах расследования; вряд ли они изменят выводы, сделанные по делу Аврил–Камю. Невозможно предъявить обвинение в отравлении двойному насильнику Фредерику Мескилеку, убитому на островах Сен-Маркуф за три дня до исчезновения Джамала Салауи. По нашему мнению, ни один из оставшихся в живых участников этой драмы не вызывает подозрений. Кто бы ни был субъект, отравивший троих мужчин, чьи останки мы обнаружили, он действовал аккуратно, педантично и осторожно.

Все же мы возобновили следствие по делу об исчезновении Джамала Салауи; в свое время его вела жандармерия Фекана совместно с региональным отделением судебной полиции (РОСП) Руана. В Ла-Курнев мы опросили всех, кто знал Салауи, включая дальних родственников и знакомых, а также главных участников дела Аврил–Камю, членов бывшего общества «Красная нить» и коллег Салауи из клиники терапии «Сент-Антуан». Никто ничего не мог сказать. Джамал Салауи был замкнутым, сосредоточенным на собственных переживаниях; его внутренний мир был закрыт для других; он жил, словно окруженный прочной защитной оболочкой, и мало кому позволял под нее проникнуть. Его непосредственный начальник Жером Пинелли сказал, что Салауи был подвержен приступам депрессии. От депрессии к попытке отравиться мускарином и прыгнуть в расщелину, чтобы на дне ее составить компанию трупам двух других мужчин,

скончавшихся от того же алкалоида несколько лет назад, всего один шаг, и мои сотрудники в основном с этим согласились.

Когда мы покидали клинику «Сент-Антуан», намереваясь окончательно закрыть дело, неожиданно появился еще один свидетель. Молоденькая девушка, пациентка клиники. Она вопила на весь коридор, что непременно хочет «поговорить с фликами», но воспитатели, привыкшие к ее скандалам, на время нашего визита заперли ее в комнате.

Мы уже садились в машину, когда из окна своей комнаты на четвертом этаже она сумела до нас докричаться. Девочке пятнадцать лет, она находится в клинике с понедельника по пятницу, ее двадцать четыре часа в сутки лечат транквилизаторами. В истории болезни говорится, что она психологически нестабильна и страдает серьезными сексуальными расстройствами, причины которых кроются в ее детстве. Как нам сказали, это классический случай для таких клиник, как клиника терапии «Сент-Антуан». Офели была влюблена в Джамала Салауи, и его не раз приходилось призывать к порядку, чтобы он не переходил известные границы в общении с этой девушкой и не мешал работе специалистов. Во всяком случае, показания Офели Пароди — так зовут подростка — не представлялись нам заслуживающими доверия.

Когда один из воспитателей попытался оттащить девочку от окна, она вцепилась в подоконник, в занавеску, в свитер воспитателя и принялась бить его ногами. Истерика.

Я решил положить конец этой сцене, заявив, что готов выслушать все, что хочет сказать девочка. Но, честно говоря, юной Офели нечего было нам сказать...

Но было что показать!

Когда ее, все еще не успокоившуюся, дышащую тяжело, словно загнанная лань, которой удалось уйти от собак, привели ко мне и двум моим помощниками, она просто сунула мне в руку свой мобильник.

Экран открыт на смс-сообщении.

Имя отправителя — Джамал, его окружают два смайлика.

Заинтригованный, я посмотрел день и час отправления смс.

25 февраля 2014 года. 21 час 18 мин.

Тот самый день, когда Салауи исчез. С тех пор его никто не видел, не считая, разумеется, полуразложившегося трупа, найденного спустя полгода после его исчезновения. Девчонка не бредила, она действительно последняя, кто общался с Салауи.

Я увидел текст, чрезвычайно краткий и больше напоминавший ребус.

20 из 20?

Он наверняка остался бы неразгаданным, если бы его не сопровождала картинка. Неудачное фото с видом спины и четверти лица молодой женщины в синем платье-тюльпане с тряпкой в руке; в помещении, где находилась женщина, угадывалась кухня.

Очень красивая женщина.

Несмотря на расплывчатое изображение, нам удалось установить ее личность; когда мы получили результат, я просто онемел.

Осеан Аврил.

Сестра первой жертвы.

Роскошная, умная, импозантная женщина, несмотря на все перенесенные испытания. Я неоднократно расспрашивал ее об исчезновении Салауи, и у меня ни на секунду не возникло ни единого подозрения. Теперь вы знаете все.

Я немедленно связался с автономной территориальной бригадой жандармерии Нефшатель-ан-Брэ. Ее сотрудники позвонили в гинекологический кабинет, где работала Осеан Аврил; она оказалась на месте. В настоящее время она находится в пенитенциарном центре «Виньет» в Валь-д-Рей. Первые результаты допросов, полученные психиатрами, удручающие.

После проведения новых, углубленных, экспертиз специалистам из Национального института научной полиции удалось извлечь из недр ноутбука Джамала Салауи рассказ, написанный им перед смертью, за те несколько дней, что прошли после предполагаемого закрытия дела Аврил–Камю. Я его прочел; очень поучительно. Вы найдете его в вашей почте и сами сможете ознакомиться с историей, которую любой издатель наверняка опубликовал бы немедленно. В сущности, бедняга Салауи это заслужил.

Хочу уточнить еще одну деталь, хотя она и не дает ничего нового для раскрытия дела. Юная Офели Пароди немедленно ответила на смс Джамала Салауи. Согласно выстроенной нами модели ситуации к этому времени Салауи уже проглотил мускарин, и через несколько минут его неминуемо ждала смерть.

Краткое сообщение в точности повторяло смс-сообщение, отправленное ей Джамалом Салауи несколькими днями ранее. Лично мне кажется, что, несмотря на все диагнозы психиатров из клиники «Сент-Антуан», эта девочка с трудным характером отнюдь не глупа. Ее ответ на фото Осеан Аврил и поставленный вопрос: «20 из 20?» заключался в двух строках.

*«Слишком красивая. Не доверяй внешности.
Я бы предпочла рыженькую.»*

С уважением,
Лейтенант Б. Донадье».

31 августа 2014 года, спустя 18 дней

Эмиль привычным движением открыл 22-й вагончик, совершивший подъем на вершину Эгюий-дю-Миди, и выпустил шесть десятков китайских туристов. После путешествия в кабине маятниковой канатной дороги, протянувшейся над пропастью глубиной в две тысячи метров, ноги у них подгибались, словно ватные.

Он подошел к ограждению, посмотрел вниз и закурил «Мальборо».

Восемь вечера. Обычно это последний вагончик, рабочий день окончен. Потом спуск на станцию и пиво на террасе Шука.

Не сегодня.

Подождав, пока пройдут китайцы, к нему подошла невысокая рыженькая девушка. За ней, в белоснежном плаще с нашивками и галунами, высился настоящий «шкаф», широкоплечий красавец, похожий на альпийского стрелка, но только менее загорелый. Шикарный чувак. «Наверняка из Управления уголовных дел и исполнения наказаний», — подумал Эмиль.

Он протянул девушке руку. Ее лицо, обрамленное меховой оторочкой капюшона, напоминало мордочку сурка.

— Мадемуазель Алина Массон?

Девушка сунула ему свою маленькую, словно лапка грызуна, ручку.

— Нет. Салинас. Мона Салинас.

Эмиль пожал плечами. Если в министерстве ошиблись, ему наплевать. Телохранитель из Управления вручил ему несколько листов с триколорами и печатями. Выплюнув окурок, Эмиль указал им на раздвижную дверь вагончика.

— Заходите, все уже уехали. Последний подъем... Я поеду с вами. Того, о чем вы меня просите, мадемуазель, еще никто не делал. Мне так кажется.

Кабина дернулась и поползла. Два черных провода двумя жирными царапинами уродовали гору до самой заснеженной вершины, высота которой равнялась почти трем тысячам метров. Мона прижимала к груди свое сокровище. Эрве, исполнявший поручение Управления

уголовных дел и исполнения наказаний, стоял бесстрастный, словно мраморная статуя.

— Чудно это как-то, — продолжал Эмиль, чтобы заполнить пустоту. — Да и запрещено.

— Разрешение получено непосредственно от министра. Полагаю, вы в курсе этой истории? Неужели вы не находите ее чрезвычайно трогательной? — тоном проповедника произнес «шкаф».

Эмиль смотрел на Монблан и не ответил.

Трогательной?

Интересно, когда эти супергерои из министерства успели намочить свои бумажные платки...

— Принимая во внимание обстоятельства, — продолжал объяснять Эрве, — министерство не смогло отказать мадемуазель Массон в таком символическом жесте.

— А мне показалось, что ее зовут Салинас, — проворчал в бороду кондуктор подъемника.

Последние лучи заходящего солнца обсыпали Белую Долину розовыми и золотистыми отблесками. Настоящий север. Эмиль включил портативную рацию.

— Следующая остановка по требованию! Станция Этуаль. Выход на улицу Парадиз прямо у вас под ногами.

Спустя мгновение вагончик остановился. Глядя на небо, Мона улыбнулась. Присев на корточки, Эмиль принялся выкручивать болты запасного люка.

Тридцать сантиметров на тридцать.

Четыре болта.

Мона перевела взгляд с неба на долину Шамони.

— Где проходят участники соревнований? — спросила она.

— Внизу, — кратко ответил Эрве. — За Эгюий-де-Бионасей, вон той белой пирамидой, что высится над хребтом. Немного ниже они переберутся через перевал Коль дю Трико. Я дважды принимал участие в соревнованиях, организованных компанией «North Face», поэтому именно мне и доверили сопровождать вас. Бегуны стартовали примерно пару часов назад. Передовые до ночи должны достичь Италии. Затем еще пятнадцать часов бега. Для самых быстрых.

Эмиль вздохнул, словно усилия участников ультрамарафона вокруг Монблана не шли ни в какое сравнение с теми, которые прикладывал

он, чтобы вывинтить четыре болта, сидевшие в своих гнездах целую вечность.

Мона медленно повернула крышку урны.

Прямо над ней загоралась Венера. Пять грез...

Разжав пальцы левой руки, она, одну за другой, зачитала их наизусть, шепотом, едва шевеля губами, словно читала молитву.

Пять лучей. Джамал наверняка прошел бы все пять.

«Быть оплаканным женщиной после смерти», — прошептала Мона.

Слезы бежали по ее щекам. Она загнула большой палец. Эрве протянул ей носовой платок, но она отмахнулась.

Заплатить долг, прежде чем умру.

Сгибая указательный палец, Мона вновь вспомнила арест Осеан Аврил, обвиненной в шести убийствах: троих мужчин, чьи трупы найдены в расщелине скалистого берега, мерзавца Мескилека, капитана Пироза и Морганы, своей сестры-близнеца... Джамал сумел докопаться до истины, той истины, в поисках которой тысяча полицейских в течение десяти лет ломали голову. Она закрыла глаза; воспоминания перенесли ее в Ипор, на качели в пустынном детском парке, что рядом с пляжем. Тогда она впервые услышала об Офели. С тех пор она очень часто говорила с девушкой о Джамале. В следующий уик-энд подросток, получив разрешение от клиники «Сент-Антуан», впервые придет к ней в Эльбеф и проведет с ней два дня.

Три болта покатались по полу вагончика. Эмиль торжествовал. Под металлической пластиной свистел ветер.

— Как только я выкручу последний болт, мадам, у нас начнется качка.

Мона невольно вздрогнула.

Заняться любовью с женщиной своей мечты.

Она загнула средний палец.

Перед ней проплыли картины их первой ночи в «Сирене». Комната номер семь. Шум гальки, перекатывающейся под ласками волн. Прикосновение двух тел. Ее легкомыслие. Любовь без презерватива.

Внезапно порыв ледяного ветра ворвался в кабину. Эмиль держал в руках железную пластину.

— Алина, — произнес Эрве, — пора завершать.

В его голосе зазвучали повелительные нотки.
Мона загнула безымянный палец.

Родить ребенка.

Когда ветер еще раз сильно толкнул кабину, ее рука на мгновение замерла на округлившемся животе. С той ночи в «Сирене» прошло шесть месяцев.

Она медленно опустилась на колени возле люка. Эрве придерживал ее за плечи, хотя опасности не было никакой. Никто, даже младенец, не смог бы выпасть из крошечного люка. Она поднесла к нему урну.

Стать первым спортсменом-инвалидом, принявшим участие в супермарафоне вокруг Монблана.

Загнув мизинец, она высыпала пепел в люк. Ветер мгновенно рассеял его, понес в сторону Монблан-дю-Такюль, Мон-Моди и кемпинга «Дом де Миаж», понес высоко, очень высоко, так высоко, куда никогда не забирались участники супермарафона, чьи крошечные фигурки в пестрых комбинезонах виднелись на пешеходной тропе у подножия ледника Боссон.

Мишель Бюсси

Не отпускай мою руку

*Хлое, уже 18
лет*

*Опасно
вытаскивать на
поверхность
прошлое*

*Реюньонская
поговорка...*

СЕН-ЖИЛЬ-ЛЕ-БЕН, ОСТРОВ РЕЮНЬОН

ПЯТНИЦА, 29 МАРТА 2013 Г

1

Несколько мокрых следов

15 ч. 01 мин.

— Я на минутку поднимусь в номер.

Лиана не ждет ответа от дочери и мужа, она всего лишь весело сообщает им об этом, уже удаляясь от бассейна.

Габен незаметно, как и положено профессионалу, смотрит ей вслед из-за стойки бара. На этой неделе Лиана — первая красавица отеля «Аламанда». Остальным до нее далеко... Хотя она и не принадлежит к тому типу туристок, на кого он обыкновенно засматривается. Маленького роста, худенькая, с плоской грудью, но что-то в ней есть. Может быть, все дело в том, что кожа у нее белая, незагоревшая, с россыпью мелких веснушек по всей спине, до самого низа, до края ее изумрудно-золотистого купальника, до попки, которая плавно покачивается, удаляясь, — словно незрелый плод под ветром. Она идет босиком через лужайку так легко, что кажется — ни одной травинки не смяла. Габен все еще провожает ее взглядом, когда она, миновав белые шезлонги, пересекает внутренний дворик, глаз с нее не сводит до тех пор, пока ее наполовину не скрывает тощая пальма. Последняя картинка, которая ему запомнилась, — так он и скажет потом капитану Пюрви, — она незаметно стягивает верхнюю часть купальника, мимолетно и соблазнительно мелькают голая спина, белая грудь, половина соска, всего на мгновение, пока она не подхватила свое большое купальное полотенце цвета закатного неба и не завернулась в него.

15 ч. 03 мин.

Наиво из-за своей стойки красного дерева у входа в отель улыбается в ответ на влажную улыбку Лианы:

— Добрый день, мадемуазель...

Она идет через тесно заставленный холл, протискивается между подставкой с открытками и рядами парео и цветастых рубашек. Со светлых волос на прикрытую махровым полотенцем грудь капает вода.

Наиво нравятся ее белые плечи без бретелек и без отметин от них. Она осторожно ступает босыми ногами, стараясь не поскользнуться. Вообще-то здесь запрещено ходить босиком, но Наиво не считает себя обязанным отравлять жизнь туристам. Вода струится у девушки по ногам. Еще мгновение — и она скрывается в лифте, от нее остаются лишь несколько лужиц. «Как от Амели Пулен,[1] когда та расплакалась», — почему-то подумал тогда Наиво. Ему и потом, когда он часами и ночами напролет будет терзать собственную память, все время будет это вспоминаться. Девушка в буквальном смысле слова испарилась, улетучилась. Но он не посмеет сказать об этом полицейским. Он не уверен, что полицейские способны такое понять.

15 ч. 04 мин.

Лифт поглощает Лиану. Третий этаж. Лифт поднимается в рай, двери открываются, и через сплошь застекленную стену коридора, выходящую на юг, виден весь бассейн, а за ним раскинулся пляж. Золотистый полумесяц, укрытый казуаринами, кажется бесконечным, волны лагуны робко покусывают песчаную кромку. Это вдали, ударяясь о коралловый риф, они грохочут, а сюда добегают притихшие.

— Осторожно, пол мокрый! — кричит Ева Мария, еще не зная, кто выйдет из лифта.

А увидев, недовольно морщится. Блондинка из тридцать восьмого! И, разумеется, босиком. Кутается в полотенце, изображает робость и смущение, лицемерная ровно настолько, насколько требуется при общении с обслуживающим персоналом. Пробирается бочком, на цыпочках, не меньше чем в метре от ведра и тряпки, не переставая извиняться.

— Ничего страшного, — ворчливо отзывается Ева Мария, не выпуская из рук швабры. — Проходите, проходите, я за вами еще раз протру.

— Мне правда так неудобно...

«Ага, как же», — комментирует про себя Ева Мария.

Блондинка крутит задом и, боясь поскользнуться на мокром полу, идет словно на пуантах. «Скорее фигурное катание, чем кордебалет», — отмечает Ева Мария. Выполнить тройной аксель в тропиках в тридцатиградусную жару — вот был бы номер! Под

взглядом уборщицы красotka скользит к своей двери, останавливается, вставляет ключ в замочную скважину, входит и скрывается из виду.

От нее остаются только мокрые следы на безупречно чистой плитке, да и те уже пропадают, словно холодное покрытие ее втянуло, оставив ступни напоследок. «Как зыбучие пески», — мелькает в голове у Евы Марии странная мысль. Стоя в одиночестве посреди просторного застекленного коридора, она вздыхает. Теперь надо вытереть пыль с картин на стенах — акварели с видами Реюньона: деревушки, реликтовые леса, самые красивые уголки острова, куда туристы никогда не добираются. Стекла, пол — она в этом коридоре до вечера провозится. Обычно во второй половине дня ей никто не мешает, никто на этаж не поднимается, все плещутся в бассейне или в лагуне. Если не считать этой красоти...

Ева Мария не спешит пройтись тряпкой там, где она наследила. Все равно через пару секунд появится в другом купальнике, потому что в этом загар получается недостаточно ровным.

2

Набежавшая волна

15 ч. 31 мин.

Что Роден по-настоящему умеет — это приручать волны.

Одним только взглядом.

Портовые пьянчуги из Сен-Жиля ошибаются — дело это далеко не легкое. Оно требует времени. Терпения. И хитрости. И способности ни на что не отвлекаться, вот как сейчас — на то, что за спиной захлопнулась автомобильная дверца. Никогда не смотреть на землю, всегда — на горизонт.

Океан — от него с ума сойти можно. Один раз, еще в молодости, Роден побывал в музее. Ну то есть это было что-то вроде музея. На севере Франции, недалеко от Парижа, дом старика, который целыми днями смотрел на отблески солнца в пруду, там даже волн не было, только кувшинки. В стране, где ко всему еще постоянно холодно, а как только распрямишься — упираешься в небо. Один-единственный раз он покинул остров! И этого одного раза ему хватило, ни малейшего желания проделать это вновь у него не возникло. В музее рядом с тем домом были картины — пейзажи, закаты, серое небо, иногда море.

Самые впечатляющие — размером не меньше чем два на три метра. Там была толпа людей, по преимуществу женщин и старушки, похоже, способные часами торчать перед картиной.

Странно.

Опять у него за спиной дверца хлопнула. Он на слух определяет направление и расстояние: это на стоянке в порту, в тридцати метрах от конца мола, где он сидит на камне. Должно быть, какой-нибудь турист, который думает, будто волны можно ловить фотоаппаратом, — все равно что рыболов, который надеется вытащить рыбу, на секунду окунув удочку. Придурки...

Он вспоминает того ненормального бородача. В общем-то эти художники мало чем отличаются от него самого, они стараются поймать свет, волны, движение. Но зачем возиться с холстами и кистями? Достаточно сесть у моря и смотреть. Он прекрасно знает, что островитяне держат его за психа, потому что он целыми днями способен торчать здесь, глаз не сводя с горизонта. Но псих он не больше, чем застывшие перед картиной старушки. И даже меньше. У него зрелище бесплатное. Подаренное гениальным и щедрым художником там, наверху.

Прямо у него за спиной тишину пререзает сдавленный крик. Вернее, стон. Туристу стало плохо...

Роден не оборачивается. Для того чтобы понять море, уловить его ритм, надо сидеть неподвижно. Затаить дыхание. Волны — словно пугливые белки, стоит тебе пошевелиться — и они убегают... Девушка, которая занимается выплатой пособий, спросила у него, какую работу он ищет, к чему у него есть способности и склонность, какие у него планы по трудоустройству, — в общем, пыталась определить, к чему он пригоден. Он объяснил, что умеет разговаривать с волнами, узнавать их и, можно сказать, приручать, а потом серьезно поинтересовался, в какой профессии это может пригодиться. Может быть, в исследовательской работе? Или в области культуры? Людей интересуют странные вещи. Она уставилась на него круглыми глазами — похоже, решила, что он над ней насмехается. Она, пожалуй, была хорошенькая, он бы охотно привел ее на мол, чтобы познакомить с волнами. Он часто делает это со своими внучатыми племянниками. Они-то понимают. Немножко.

Все меньше и меньше.

За спиной раздается громкий крик, на этот раз уже не стон, кто-то явственно зовет на помощь.

Роден невольно оборачивается. Все равно чары разрушены и потребуется не один час, чтобы восстановить связь.

И бледнеет.

Он едва успевает заметить машину, черный внедорожник. И тень — приземистую, поперек себя шире, в куртке,[2] с лицом, скрытым странной защитного цвета кепкой. Малабар,[3] ни малейшего сомнения.

У Родена заплетается язык. Если он слишком много времени проводит в общении с волнами, слова потом не сразу выговариваются, ему надо заново учиться говорить.

— Извинит... Я хоте...

Он не может отвести взгляда от ножа в руке малабара, от красного лезвия. Он даже не пытается защищаться. Вообще-то единственное, на что он мог надеяться, — это успеть повернуться к морю и проститься с волнами, со светом, с горизонтом. Все остальное ему безразлично. Но малабар и этого ему не дал сделать.

Роден видит открытый багажник. Свисающую оттуда простыню. Торчащую ладонь. И еще...

Все опрокидывается.

Одна рука хватает его за плечо, другая вонзает нож ему в сердце.

3

Пустая комната

16 ч. 02 мин.

Солнце висит над бассейном исполинской галогенной лампой, закрепленной там навечно. Упорядоченные заросли пальм и маллесетов, огороженные тремя высокими стенами из тикового дерева, защищают внутренний дворик от малейшего дуновения ветра. За кружащими в небе фэзонами[4] угадывается океан, свежесть пассатов вдали. Но в саду отеля «Аламанда», на квадратной лужайке, стоит жара, и немногочисленные туристы прячутся от нее в хлорированной воде, а потом в тенистых уголках, где рядами выстроились шезлонги.

— Пойду посмотрю, куда подевалась Лиана.

Марсьяль подкрепляет слово делом. Подтянувшись на руках, он выбирается на бортик бассейна и направляется к Габену. Ничего не скажешь, муж Лианы тоже неплохо выглядит — мускулистые ноги, накачанный брюшной пресс, широкие плечи. Из породы тренеров, пожарных, охранников — словом, людей, которым по роду деятельности полагается целые дни проводить в тренажерном зале. И безупречный загар, контрастирующий с молочно-белой кожей его жены. Они еще недели здесь не пробыли, а у него кожа уже как у кафра...[5] Должно быть, у красавца Марсьяля есть капелька черной крови, всего-навсего одна крохотная хромосома, доставшаяся от предка-раба, дремлющий пигмент, которому достаточно солнечного луча, чтобы пробудиться и просочиться наружу, — словно голубая капелька Кюрасао, способная окрасить весь коктейль.

Пока он идет к стойке бара, Габен наблюдает, как по гладкому торсу туриста стекает вода. Красивая пара — Марсьяль и Лиана Бельон — предается сладостному ничегонеделанию в тропиках. Привлекательные и богатые. Тем лучше для них, думает Габен. И для нас. Счастье белых влюбленных и состоятельных пар — неосязаемый капитал так называемых райских уголков.

Их бизнес...

Марсьяль останавливается перед ним.

— Габен, моя жена не спускалась?

— Нет, к сожалению, я ее не видел...

Габен оборачивается и смотрит на стенные часы. Лиана уже час как поднялась вверх. Если бы ее попа еще раз мелькнула в поле его зрения, он бы точно об этом не забыл. Марсьяль возвращается к бассейну.

— Марго, можешь присмотреть за Софой? Пойду взгляну, что делает Лиана.

Габен запоминает этот эпизод во всех подробностях с отчетливостью, которой сейчас не осознает. Время на стенных часах — с точностью до минуты. Положение тел купальщиков в воде и тех, кто сидит или лежит в шезлонгах. Полицейские раз десять заставят его все это повторить, делая почеркушки на бумаге. Он ни разу не собьется.

Марго едва поворачивает голову к Марсьялю, она челноком снует в воде взад и вперед. Марго — жена из другой пары туристов. Жак, ее муж, сейчас читает в шезлонге. Или спит.

«Знаете, капитан Пюрви, — будет потом оправдываться Габен, — за этими темными очками...»

Марго и Жак Журден — не такая красивая пара, как Лиана и Марсьяль, лет на десять старше, и оба зануды. Он целыми днями торчит за компьютером в холле, проверяет почту. Она плавает в бассейне. Километры, поделенные на отрезки в двенадцать метров от бортика до бортика, сплывать можно, если подсчитать, сколько раз она сплавала туда-сюда. Чаше, чем местный ежик, которого мальчишки заперли в клетку. Эта парочка даже в тропиках поддыхает от скуки, а уж как они живут в Париже — этого Габен и представить себе не мог...

Софа — это дочка Лианы и Марсьяля. Собственно, Софа — ее прозвище, настоящее имя — Жозафа. Она кривляется в бассейне, притворяется, будто сейчас утонет, — вот уж что ей не грозит с ее надутыми нарукавниками. Габен в первый же день распознал характер этой мелкой тиранки, можно подумать, светловолосая шестилетняя девчушка сама себе дала единственное задание на каникулы — испортить отпуск родителям. Сверходаренный по этой части ребенок. Всего-то седьмой год пошел, и уже всем пресытилась. Много ли парижаночек ее возраста успели искупаться в тридцатиградусную жару в тени казуарин, среди ярких кораллов, с рыбками-клоунами, проскальзывающими между пальцев ног?

Пока Габен рассуждает о чересчур избалованной дочке, Марсьяль входит в отель.

16 ч. 05 мин.

Наиво только и сможет вспомнить, что спину Марсьяля Бельона, ждущего лифт. Наверное, отвернулся, когда Бельон шел через холл, или смотрел в свои бумажки. Но это, несомненно, был он. Его плавки, его спина, его волосы. Нелегко будет объяснить это полицейским, но человека и правда можно с уверенностью узнать со спины.

16 ч. 06 мин.

— Да идите, не бойтесь! — кричит Ева Мария Марсьялю, который топчется на месте, не решаясь ступить на свежeweымытый пол. — Все уже высохло!

Марсьяль через безупречно чистое окно третьего этажа смотрит в гостиничный сад. Софа сидит в одиночестве на бортике бассейна.

Марго довольствуется тем, что время от времени поглядывает на нее из воды. Марсьяль вздыхает и идет к темной деревянной двери тридцать восьмого номера.

Тихонько стучится. Ждет. Снова стучится. Несколько секунд спустя оборачивается и объясняет Еве Марии, которая ни о чем его не спрашивала:

— Ключи у жены... Похоже, она меня не слышит. Спустишь, попрошу, чтобы открыли...

Ева Мария пожимает плечами. Ей все равно. Пол высох.

Еще несколько секунд спустя Марсьяль снова поднимается на этаж — на этот раз вместе с Наиво, у которого в руке звенит огромная связка ключей, ни дать ни взять святой Петр. Ева Мария обреченно возводит глаза к потолку. Что за карнавал они устроили сегодня в ее коридоре! Наиво — сторож методичный, и первый же ключ, который он выбирает из связки, открывает дверь номера 38.

Марсьяль входит. Наиво остается на пороге, в метре позади него.

Комната пуста.

Марсьяль в растерянности делает еще один шаг.

— Ничего не понимаю... Лиана должна быть здесь...

Наиво придерживает дверь, по руке у него бегут мурашки. Здесь что-то не так, он сразу это ощутил. Пока Марсьяль шарит взглядом по закоулкам — хотя в комнате и закоулков-то никаких нет, — он изучает все детально. Скомканное ярко-розовое покрывало на двуспальной кровати. Разбросанную одежду. Подушки и пульт от телевизора на ковре. Опрокинутую белую стеклянную вазу. Все указывает на бурную семейную сцену.

Или ураганную постельную сцену — Наиво заставляет себя предположить лучшее.

Марсьяль кидается к двери ванной, распахивает ее.

Никого.

Никого нет ни в этой комнате, ни где-нибудь еще. Здесь нет балкона, под кроватью недостаточно места, чтобы спрятаться, нет стальных шкафов с дверцами — только деревянные полки.

Марсьяль садится на кровать. Он растерян, ничего не соображает. Но, как ни странно, Наиво не верит ему. Он не сумеет внятно объяснить

это полицейским, но что-то в реакции Бельона кажется ему неестественным. Он ограничится тем, что опишет эту сцену капитану Пюрви, — сорокалетний отец семейства, обаятельный, уверенный в себе, увидев пустую комнату, растерялся как маленький. Неподвижно сидящий на постели плейбой в одних плавках. Может, именно это и показалось ему тогда сюрреалистическим. Этот контраст...

Контраст... и красные пятна.

Виски у Наиво взмокли от пота.

Вся простыня в красных пятнах.

Наиво присматривается. И замечает еще с десятков красных пятен — на бежевом ковре около кровати, у окна, на занавесках. Он молчит. Он видит только это: комнату, забрызганную кровью.

Он в нерешительности.

Это продолжается всего несколько секунд, но кажется, что время тянется бесконечно. Марсьяль молча встает, бродит по комнате, роется в сваленных на кровати шмотках, словно ищет объяснение, записку, какой-нибудь знак. Наиво чувствует, что Ева Мария заглядывает ему через плечо. Она подходит поближе, для приличия прихватив тряпку, — кусок ткани того же бирюзового оттенка, что и косынка, прикрывающая ее волосы.

Марсьяль встает и наконец глухо произносит, ставя вазу на прежнее место:

— Не понимаю. Лиана должна быть здесь.

Наиво переводит взгляд на одежду, брошенную кучей на полу у кровати. Майки, шорты, рубашки.

Здесь только мужские вещи!

В голове у Наиво мгновенно распахивается дверь, сквозняк выметает его нездоровые предположения.

Красотка сбежала...

Он может утверждать это со знанием дела. Лиана Бельон чуть не каждый час меняла платья (можно подумать, вместе с ней в порту выгрузили контейнер с тряпками). Однако в разоренном номере не найти и следа кружевных трусиков, юбки с оборками, парео, маечки в обтяжку или кофточки с глубоким вырезом...

Наиво переводит дух и забывает про кровь.

— Этого не может быть, — бубнит Марсьяль, снова обследуя два квадратных метра ванной.

— Мсье Бельон, могу я вам чем-нибудь помочь? — спрашивает Наиво.

Марсьяль тут же поворачивается к нему и выпаливает поспешно, словно заранее приготовил свой ответ, выучил его наизусть:

— Вызовите полицию! Моя жена должна была находиться здесь. Она поднялась в номер час назад. И не вернулась.

Захлопнув дверь ванной, он прибавляет:

— Да, вы можете мне помочь. Приведите сюда полицейских.

Наиво профессионально сохраняет на лице спокойствие. Вызвать в отель полицейских... Хозяина это точно не обрадует. Чикунгунья[6] и стоимость билетов — за полет от Парижа до Сен-Дени надо выложить больше тысячи евро — не способствуют развитию туризма на острове. И так отдыхающих немного, а тут еще полицейские у бассейна появятся. Начнут допрашивать всех постояльцев... Нет, хозяину это не понравится. Но выбора-то у него нет.

— Конечно, мсье, — говорит Наиво. — Уже иду.

Он встречается глазами с Евой Марией, они без слов понимают друг друга. Затем он бросает последний взгляд на Марсьяля и думает, что тот похож на голого хищника, мечущегося по своей клетке. Из-за кондиционера у него дрожит каждая мышца, как у затерявшегося в Балтийском море серфингиста.

— Вы бы что-нибудь на себя надели, мсье.

Но тот едва его слышит.

— Это... это неправильно, — бормочет Марсьяль Бельон. — Лиана должна быть здесь.

4

Возвращение в «Аламанду»

17 ч. 07 мин.

Капитан Айя Пюрви, чертыхаясь, вдавила в пол педаль тормоза своего «пежо». Перед самым въездом в тоннель один из двух путей приморского шоссе огорожен длиннющим рядом оранжевых конусов.

Тропическая комариная лихорадка.

Дорожные работы!

Огромная черная пасть тоннеля с невыносимой медлительностью заглатывает разноцветную вереницу машин. «Пежо» черепашьям шагом продвигается еще на несколько десятков метров и, поравнявшись с красным пикапом, замирает позади внедорожника.

Айя раздраженно смотрит на часы рядом с рулем.

Сколько времени ей потребуется, чтобы проехать восемь километров, отделяющих ее от отеля «Аламанда»? Полчаса? Час? Еще больше?

Разъяренная Айя наблюдает, как волны Индийского океана бьются о каменный зубец, напоминающий, как принято считать, профиль Марианны. Ну-у... Айе никогда не удавалось разглядеть республиканский символ в этой базальтовой глыбе, лучше бы ее взорвали динамитом, чем тратить миллиарды на то, чтобы проложить несколькими сотнями метров выше дорогу, которая уродует пейзаж и не решает никаких проблем передвижения по острову. Зато у реюньонцев сохранится иллюзия того, что можно регистрировать на острове все больше машин, по тридцать тысяч дополнительно каждый год, и так до бесконечности. И все же надо признать очевидное: остров Реюньон — это выросшая в океане гора. Почти все его население теснится у самой воды, и все перемешаются в автомобилях по более или менее ровной узкой полоске земли между океаном и подножием вулканов, кружат наподобие протонов в циклотроне, и свободы у них ровно столько же. На реюньонцах проверяют концепцию замедлителя частиц.

Айя, смирившись, глушит мотор. Водитель пикапа, кафр в белой футболке, упорно пялится на нее, возвышаясь над ней на метр. Его рука через открытое окно свисает на дверцу, и это тоже раздражает Айю. Если бы она взяла служебную машину или хотя бы прицепила мигалку на крышу своего «пежо», она за несколько минут домчалась бы куда надо по приморскому шоссе, машины расступились бы перед ней, словно море перед пророком, в том числе и пикап этого кафра, который выворачивает шею, чтобы поглубже заглянуть ей в вырез. Айя бессознательно стягивает на груди блузку. Из-за таких типов ей иногда хочется носить покрывало. Исключительно для того, чтобы им досадить.

В конце концов, в тридцатиградусную жару черная чадра или бейсболка...

Или форменная фуражка...

Директор «Аламанды» Арман Зюттор настоятельно советовал ей... очень настоятельно: «Айя, только не надо пугать туристов, появись незаметно!»

Этот белый господин, директор отеля, обращается к ней на «ты» под тем предлогом, что знал ее совсем маленькой, она приходила с родителями в «Аламанду». Граница между бесцеремонностью и унижением иногда бывает тонкой, Айя прекрасно это осознает.

«Ты же понимаешь, Айя, это частное дело, а не официальное расследование. Марсьяль Бельон не намерен подавать заявление, просто зайди и успокой его насчет жены, я прошу тебя об этом как об услуге».

Услуга? Инкогнито? Ну посмотрим... Как ему отказать? Туризм — это восемьдесят процентов рабочих мест Сен-Жиля. Двести рабочих мест — в гостиничном деле... И тридцать из них — в одной только «Аламанде».

Арман Зюттор считает, что повода для паники нет: обычная история, приехала чета парижан, жена сбежала, прихватив свои вещи и оставив мужа в дураках и в одиночестве у бассейна, с шестилетней девчушкой на руках.

«Скорее забавно, да, Айя? Если бы это случилось с каким-нибудь креолом, все бы только посмеялись. И даже с осевшим здесь французом. Но турист... И потом, муж отрицает очевидное, не желает признавать, что птичка упорхнула, он потребовал вызвать полицию, и немедленно... Понимаешь?»

Айя понимает. И потому она, капитан жандармерии из Сен-Поля, примчалась, как мчатся пожарные, стоит только вулкану Питон-де-ла-Фурнез разок кашлянуть...

Безрассудно влезла в вечерний поток машин и теперь встала намертво, уже никто не въезжает в тоннель и не выезжает из него. Айя вздыхает и резко опускает стекло со стороны водителя. Удушливая жара, ни ветерка. Шины плавятся. Из колонок авторadio пикапа на неподвижную вереницу машин выплескивается мелодия сеги.[7] Кафр пальцами в кольцах выстукивает ритм креольской музыки, должно быть, дожидается, чтобы диктор местного радио сказал, на сколько километров тянутся по острову пробки, и, чтобы поднять дух населения, прибавил, что здесь не существует учреждения, куда бы стекалась и где бы обрабатывалась вся дорожная информация.

Айя откидывает голову на подголовник водительского кресла. Бросить бы машину здесь и дойти пешком. А вот кафра, похоже, пробка не злит, ему даже нравится. У него есть музыка, солнце, море... и девушка, чтобы на нее глазеть.

Можно подумать, ему больше нечем заняться...

17 ч. 43 мин.

Марсьяль Бельон стоит перед капитаном жандармерии Пюрви. Он очень бледен, отмечает Айя. Это она маялась целый час на солнцепеке, это у нее задница прилипла к автомобильному сиденью, обтянутому искусственной кожей, а пот градом катится с этого туриста, хотя в гостиничном холле работает кондиционер. Как только она вошла, он встал с плетеного пластикового кресла.

— Капитан Пюрви?

И остался с открытым ртом, словно так ему было легче дышать, — в точности как экзотические рыбы в аквариуме у него за спиной.

— Я... прошу прощения за то, что побеспокоил вас, капитан. Я догадываюсь, что полиции подобное исчезновение может показаться вполне... вполне заурядным... Но... но как вам объяснить... Извините, капитан, мне трудно подобрать слова... Это только на первый взгляд... А на самом деле...

Айя сочувственно смотрит на Марсьяля, который вытирает взмокший лоб полой расстегнутой рубашки. Бельон успел дважды извиниться в одной фразе. Ей кажется странным это чувство вины, к тому же оно не вяжется с внешностью загорелого красавчика, с его безупречными грудными мышцами, просвечивающими сквозь тонкую белую льняную рубашку. Почему он до такой степени чувствует себя виноватым?

Бельон набирает побольше воздуха, как будто намеревается побить мировой рекорд по задержке дыхания, потом решается:

— Капитан, я попробую по-другому, так будет проще. Я не настолько глуп, чтобы не догадываться, что все думают, будто жена меня бросила. Разумеется... На острове соблазнов более чем достаточно. Послушайте меня, капитан, здесь не тот случай... Она не ушла бы так. Без своей дочери... Без...

Айя внезапно обрывает неуверенную речь Марсьяля.

— Хорошо, мсье Бельон, не надо оправдываться, мы сделаем все возможное. Вам повезло, Арман Зюттор заботится о постояльцах... здесь жандармерия обслуживает вас наряду с другими работниками отеля. Обеспечивает вашу безопасность, вы же понимаете. Уверяю вас, я буду расследовать исчезновение вашей жены как можно более незаметно...

— Вы хотите, чтобы...

Пропитанная потом льняная рубашка, прилипшая к коже, кажется прозрачной. Айя улыбается и отводит глаза, она смотрит на желтую рыбку-хирурга, которая строит из себя начальника в аквариуме. Что-то в поведении этого перепуганного туриста ее по-прежнему смущает.

— Послушайте, мсье Бельон, сегодня уже слишком поздно, но завтра вам надо зайти в отделение полиции Сен-Жиля и официально заявить об исчезновении вашей жены. Кроме того, вас попросят предъявить удостоверение личности и дать некоторые сведения. А до тех пор я посмотрю, что я могу сделать. У вас есть фотография жены?

— Конечно.

Он передает ей фотографию. Айя разглядывает безупречный овал лица Лианы Бельон, светлые волосы, мелкие белые зубки. Чистокровка! Она понимает, что такая красotka может многих возбудить на Реюньоне — в этой лаборатории скрещивания пород. Айя с понимающим видом поджимает губы.

— Благодарю вас, мсье Бельон. Арман Зюттор уже изложил мне суть событий. Побудьте в холле или в саду, выпейте рома или пива, это пойдет вам на пользу, только пока не поднимайтесь в комнату. Ничего не трогайте, я через несколько минут все вам расскажу.

17 ч. 47 мин.

Габен наблюдает за тем, как Айя, обогнув бассейн, подходит к бару и припечатывает к стойке фотографию.

— Когда в отеле появляется такая красotka, ты ведь не можешь ее не заметить, а, Габен?

Бармен не спешит отвечать. Как правило, стоящие перед ним клиенты смотрят мимо него, на расположенную у него за спиной и занимающую три полки внушительную коллекцию бутылок рома, играющих красками, будто склянки в аптечной витрине. Но Айя смотрит ему прямо в глаза. Как большинство зарбов,[8] она не пьет

спиртного. А ведь нельзя сказать, чтобы ей не предлагали хотя бы попробовать, когда она была еще подростком и часами ждала отца и мать у бортика бассейна. До того, как произошла трагедия.

Раз Айя на него так уставилась, то и Габен не отказывает себе в удовольствии на нее поглазеть. На их острове не так часто вырастает подобный цветок. Зарабка с примесью креольской крови. У Габена сложилось довольно четкое представление о зарабах, они редко скрещиваются с другими, обычно предпочитая ни с кем не делить ни свои гены, ни свои банковские счета. Сдержанные и деятельные. Двадцать пять тысяч человек, тринадцать мечетей, никаких покрывал и никабов напоказ... и все ткацкие, и все автомобильные предприятия острова сосредоточены у них в руках, равно как и все производство фурнитуры!

Айя — зарабка по отцу и креолка по матери. Можно ли назвать ее красивой девушкой? — задумывается Габен. Не так легко решить. Иногда такое скрещивание порождает шедевры, изумляющие вас бесспорной красотой, но чаще всего природа экспериментирует. И тогда получается вот такая Айя. Невероятное сочетание длинных черных волос и синих миндалевидных глаз под почти сросшимися широкими черными бровями. Отличные задатки, резюмирует Габен, но для того, чтобы выглядеть привлекательно, Айе надо бы иногда улыбаться. И еще хорошо бы посмотреть на нее в купальнике. Мало ли что. Айя выросла вдали от океанского берега, в одном из уродливых домов на плато, он помнит ее школьницей. Уже тогда она казалась особой ящерицей в классе, состоявшем из одних хамелеонов. Такие одаренные дети появляются раз в десять лет. Из тех, кто едва успевает загореть, никогда и ног не замочит в лагуне, а только вкалывает, вкалывает и вкалывает больше всех. Как и многие другие, Айя училась в метрополии, окончила юридический факультет, потом жандармское училище. Дослужилась до капитана. Но, в отличие от других островных вундеркиндов, Айя вернулась. Теперь, возможно, она об этом жалеет. Метискам, которые хотят вскарабкаться по ступенькам служебной лестницы, места на острове достаются нелегко... Ее сослали в автономную территориальную бригаду в Сен-Жиль-ле-Бен. Только девочка она энергичная, честолюбивая и упорная, Габен видел ее в деле, эта ящерка может забраться очень высоко. И жажда мести как

дополнительный стимул. Зорьям[9] из Сен-Дени нелегко будет долго ее сдерживать...

Айя нетерпеливо трясет снимком у него перед носом.

— Ну так что, Габен?

— О чем ты? Айя, я вроде бы не слышал сирены... Сверхурочно подрабатываешь? За черную зарплату?

— Если бы... Ты же знаешь полицейских. Если какую-нибудь креолку колотит муж — они с места не сдвинутся. А вот если сбежала туристка...

Габен широко улыбается, показывая белые зубы.

— Айя, ты учишься быть дипломатичной, это хорошо.

Айя не отвечает, словно что-то обдумывая, потом снова спрашивает:

— Ну так скажешь мне что-нибудь про эту красотку?

— Почти ничего, дорогуша. Ты же знаешь, я безотлучно торчу за своей стойкой. Только и видел, как она прошла мимо шезлонгов, скинула купальник, завернулась в полотенце, — и привет. Спроси Наиво, он дежурит в холле. Это новенький, мальгаш, ты его ни с кем не спутаешь — он похож на лемура, повязавшего галстук. Он-то как раз и впустил Бельона в его номер...

17 ч. 51 мин.

Айя входит в холл. Марсьяля Бельона нигде не видно. Должно быть, он последовал ее совету сделаться незаметным, уйти подальше, не мешать ей вести расследование. И вдруг улыбается: Габен ее не обманул, гостей действительно встречает лемур! Глаза у Наиво карие, круглые, как бусины, все лицо поросло светлой шерстью, от уха до уха дыбом торчит венчик седых волос... а черно-белый полосатый галстук напоминает обернутый вокруг шеи хвост.

Большой плюшевый лемур, равнодушный к чарам блондинок. Стоило помахать перед его выпученными глазами фотографией Лианы — и поток слов уже не остановить.

— Да, капитан Пюрви, я видел, как Лиана Бельон сегодня днем поднялась в свой номер. Да, ее муж спустился за мной в холл и попросил, чтобы я открыл ему дверь. Сколько времени прошло? Примерно час. Бедняга выглядел встревоженным, и даже перепуганным и жалким в этих его шлепанцах и плавках. Это я, капитан, отпер ему

дверь тридцать восьмого номера... Что там было? Как вам сказать... Беспорядок. Следы борьбы. Или совместной сиесты мужа с женой, если вы понимаете, о чем я, капитан...

Одна из ореховых бусин скрывается под полуседыми, перец с солью, зарослями брови — должно быть, лемуры так подмигивают, думает Айя.

— Вот только... — продолжает Наиво. — Вот только все барахлишко жены исчезло. Можете мне поверить, у меня глаз наметанный. Лиана Бельон бросила мужа.

Ресницы смыкаются наподобие застежки-липучки.

— Но самое главное не это, капитан, самое главное, там были следы... как сказать?

Айя щурится, догадываясь, что продолжение ей не понравится. Лемур выпрямляется.

— Пятна, которые очень напоминали следы крови.

Айя невозмутимо кивает.

— Давайте поднимемся, если вы не против. Вы мне откроете...

Они поднимаются на третий этаж. Айя косится на большие окна, наблюдает за постояльцами, которые с коктейлями в руках разговаривают у бассейна под пылающим небом; голые спины женщин, струйки сигаретного дыма, детишки плещутся в яркой воде, которую подводные светильники поочередно окрашивают в синий, красный и зеленый.

Райский тропический вечер. Затишье. Арман Зюттор был прав, мигалки здесь ни к чему.

Лемур Наиво, направляясь к номеру 38, крутит в руке ключи. Как сторож зоопарка, безропотно отпирающий клетку сбежавшей гориллы.

— Капитан, можно с вами поговорить?

Голос идет непонятно откуда. Айя оборачивается и видит, что за спиной у нее стоит старуха со шваброй. Креолка, неслышно подкрадываясь к ней через весь коридор, продолжает:

— Ты ведь и есть капитан Пюрви? Малышка Айя? Дочка Лайлы и Рахима?

Айя не знает, что раздражает ее сильнее — упоминание о ее детстве из уст женщины, которую она не узнает, или то, как эта уборщица лениво тянет слова. Она неопределенно кивает.

— Знаешь, Айя, детка, я часто вижусь с твоей матерью, — говорит креолка. — На крытом рынке в Сен-Поле, чуть не каждое утро. Вспоминаем прошлое, словно две старушки.

Айя улыбается.

— Слушаю вас...

Лемур не трогается с места. Креолка тоже. Ей некуда деваться.

— Наедине, — в конце концов произносит старуха.

— Хорошо, — соглашается Айя и поворачивается к Наиво.

Лемур возмущенно таращит глаза, шерсть на его висках и над глазами топорщится, и он неохотно уходит в конец коридора. Креолка со шваброй, похоже, не знает, как начать, Айя выжидает несколько секунд, потом опережает ее.

— Давно вы здесь?

— Тридцать лет и шесть месяцев, Айя, детка...

Айя вздыхает.

— Я говорю про сегодняшний день, мадам. Я имела в виду — «здесь, в этом коридоре».

Ева Мария улыбается, неторопливо смотрит на часы, потом отвечает:

— Четыре с половиной часа.

— Это много, да?

— Скажем, обычно на моем этаже бывает поспокойнее...

Айя оглядывает пол, стены, картины, окна — везде чисто, словно в больничном коридоре. Имя уборщицы вышито у нее на халате.

— Ева Мария, мне кажется, вы женщина здравомыслящая и толковая. Расскажите мне в точности, что произошло в вашем коридоре сегодня днем.

Старуха бесконечно долго пристраивает свою швабру у стены.

— Ну так вот, около четырех часов Наиво поднялся сюда вместе с ее мужем, чтобы отпереть тридцать восьмой номер. Там никого не было и...

Ева Мария поправляет косынку на курчавых волосах. Убирает под нее прядь за прядью. Айя снова начинает говорить, чтобы ускорить дело.

— Ева Мария, мы уже знаем, что Марсьяль Бельон поднялся сюда в четыре часа, а Лиана Бельон — часом раньше, около трех. Меня интересует, что произошло за этот час. Если вы все время оставались в

коридоре, вы не могли не видеть, как мадам Бельон вышла из своего номера.

Ева Мария углядела на ближайшем к ней стекле невидимое пятнышко и целую вечность вытирает его уголком бирюзовой тряпки, потом наконец отвечает:

— Людей-то между тремя и четырьмя часами по моему коридору немало прошло... Только не эта блондинка...

Как обухом по голове.

— Что вы говорите? — почти орет на нее Айя. — Лиана Бельон не выходила из своего номера?

Ева Мария, довольная произведенным впечатлением, медленно складывает тряпку вчетверо. Ничего не скажешь — мастер саспенса, ей бы детективы писать.

— Муж поднимался сюда.

— Да, часом позже, я в курсе.

— Нет, не тогда, намного раньше. Примерно четверть часа спустя после того, как поднялась жена...

Еще один мощный удар, на этот раз под дых.

— Вы... вы в этом уверены?

— Да-да, Айя, детка, можешь на меня положиться, никто не пройдет по моему коридору так, чтобы я его не заметила.

— Я в этом не сомневаюсь, Ева Мария. Продолжайте...

Ева Мария с подозрением косится на Наиво. Лемур топчется у лифта. Креолка немного понижает голос.

— Он вошел в комнату. Я сначала-то подумала, что он хотел немного побаловаться с женой. Это было время сестры, ты же понимаешь, что я имею в виду, Айя, детка. Малышка осталась внизу с друзьями. Муж вышел из номера несколько минут спустя, минут десять прошло, не больше. Он подошел ко мне. И попросил об услуге.

Айя смотрит на свое отражение в оконном стекле. Ее синий взгляд теряется среди ярких бликов на воде расположенного четырьмя метрами ниже бассейна.

— Об услуге?

Ева Мария бесконечно долго поворачивается к тележке, на которой лежат щетки, стоят моющие средства и мусорное ведро.

— Да, об услуге. Он спросил, можно ли ему на время взять мою тележку. Не эту, а большую, ту, на которую я складываю постельное

белье и полотенца. Пустую. Он вошел с ней в комнату, две минуты спустя вышел оттуда, направился к лифту... и пропал из виду. Свою тележку я нашла внизу, в подвальном этаже, рядом со стоянкой. Это может показаться тебе странным, Айя, детка... Но здесь клиентам ни в чем не отказывают.

Капитан Пюрви дрожащей рукой оперлась о подоконник.

— А он объяснил вам, за каким чертом ему понадобилась бельевая тележка?

— Знаешь, Айя, детка, здесь еще и вопросы клиентам задавать не принято. *La lang na pwin le zo...* [10]

Айя кусает губы.

— Еще кто-нибудь входил в номер, выходил в коридор во второй половине дня?

— Никто! Можешь мне поверить, Айя, детка, красотка из тридцать восьмого номера оттуда так и не вышла.

Почему бы, в самом деле, не поверить Еве Марии?

— Ваша... ваша тележка для белья, она... какого она размера?

Ева Мария словно бы призадумалась.

— Чтобы ты могла себе это представить, там написано, что на нее можно погрузить восемьдесят килограммов белья. Я понимаю, куда ты клонишь, Айя, детка. Между нами говоря, я бы сильно удивилась, если бы оказалось, что та блондиночка в купальнике весила больше половины этого.

Ева Мария выискивает взглядом другие невидимые пылинки, Айя тем временем смотрит вниз. В саду при гостинице сейчас человек двадцать, не больше, они разговаривают, пьют, ждут, пока скроется солнце. Айя ищет глазами Марсьяля Бельона — он сидит на высоком стуле под фонарем, на коленях у него девочка лет шести.

Его жена так и не вышла из номера...

Наиво сказал, там были следы борьбы. Пятна крови.

Утешительное предположение, что красотка сбежала с любовником, заметно потускнело...

Лемур, должно быть, заметил, что разговор закончился, и двинулся по коридору с ключами в руке. Придется объяснить и ему, и директору отеля, что программа изменилась. Арману Зюттору это не понравится...

Вещи, разбросанные по номеру 38, вполне могут оказаться вещественными доказательствами преступления. Айя смотрит на часы. Хорошо бы заняться отпечатками пальцев, следами крови и ДНК, сделать все, что полагается в таких случаях. Сегодня же вечером.

Остается уговорить Кростоса сдвинуться с места...

5

Комариный бал

20 ч. 34 мин.

Софа даже не притронулась ни к жареному цыпленку, ни к рису. Надувшись, она уткнулась в сборник реюньонских сказок. Марсьяль Бельон с трудом заставил себя доесть копченую грудинку с пряным томатным соусом. Словно хотел показать, что все в порядке. А вот Жаку и Марго Журденам исчезновение Лианы, похоже, аппетита не отбило.

Все трое ужинают в молчании. У бассейна какой-то тип в цветастой рубашке орет в микрофон хиты восьмидесятых. У него за спиной извивается тетка в обтягивающем платье, с гирляндой из цветов огненного дерева на морщинистой шее. Время от времени она хлопает в ладоши или подхватывает припев. Довольно вяло.

Никто из двух десятков человек, сидящих за столиками в «Песчинке», ресторане отеля «Аламанда», не аплодирует. И никто не разговаривает.

«В путь, в п-у-у-у-уть, за край ночи и дня...»

Должно быть, эту парочку певцов держат с одной-единственной целью — заполнять бесконечные паузы в разговорах. Жак Журден подливает Марсьялю вина в бокал. Его рука слегка дрожит. Поколебавшись, он наклоняется к Марсьялю, чтобы тот расслышал его, — завываний дуэта ему не перекричать.

— Она вернется, Марсьяль. Не волнуйся, она обязательно вернется.

Марсьяль не отвечает. Сочувственное выражение лица Жака выглядит не очень убедительным. Действительно ли этот парижский адвокат искренне опечален несчастьем, случившимся с человеком,

которого он еще пять дней назад не знал? Марсьяль в этом сомневается. Жак и Марго скорее производят впечатление людей, которых утешает вид человека более несчастного, чем они сами. Они испытывают нечто среднее между жалостью и безразличием.

«Не бросай ее, она такая хрупкая...»

Атмосфера...

Марсьяль вымученно иронизирует. Да, в глубине души Жак, похоже, расстроен исчезновением его жены. Немного. Он себя не обманывает — изучение фигурки Лианы у бассейна было одним из скромных тропических удовольствий адвоката.

Марсьялю хочется встать, увести отсюда Софу, бросить их одних. Но он остается. Через силу жует остывшую грудинку. Нет, на этот раз он не должен поддаваться своим желаниям, ему надо набраться терпения, ничем себя не выдать, выдержать роль мужа, по-настоящему огорченного исчезновением жены. Он сознает, что партия у него трудная. Все будет зависеть от деталей, от его способности утаить правду от полицейских. Улики стянутся вокруг него, как затягивается на шее удавка, но, если они не найдут решающего доказательства, сомнение останется... А если дело обернется плохо, Журдены могут ему понадобиться. В особенности Жак: если судить по количеству мейлов, которые получает этот адвокат ежедневно, в Париже он нарасхват.

Молчание делается невыносимым.

Дуэт гнусно завывает, но, как ни странно, никто из сидящих за столиками не уходит из ресторана.

«Не плакать, оставаться здесь, не понимая почему...»

Марсьяль быстро прикидывает, как пройдет завтрашний день. Ловушка захлопнется. Полицейские, допросы, туристы, запертые в отеле. Журденов вызовут давать показания. По крайней мере он поспособствует тому, чтобы испортить отпуск этим лицемерам! Хоть что-то.

20 ч. 34 мин.

— Софа, пойдём в номер.

Марсьяль с бумажником в руке направляется к стойке. Габен протягивает ему ром, настоящий на фруктах и специях. Что там за плод — понять трудно. Похоже на мушмулу.

Беря деньги, Габен касается руки Марсьяля.

— Ром с локвой, мсье. По особому рецепту. Вернется ваша жена, не расстраивайтесь.

Этот-то, во всяком случае, говорит искренне. Марсьяль отвечает ему грустной, соответствующей обстоятельствам улыбкой.

— Ее можно понять, — продолжает Габен, — у вашей жены хороший вкус. Кому захотелось бы слушать такую музыку, как сегодня вечером? Вот завтра будет выступать хорошая группа — и она вернется.

20 ч. 34 мин.

«Жи-и-и-ить под юпитерами тро-о-о-опиков...»

В неоновом сиянии желтых светильников над бассейном танцуют только комары.

Марсьяль отходит от окна номера 17 на втором этаже. Поворачивается к детской кроватке, которую Наиво с большим трудом удалось втиснуть между двуспальной кроватью и стеной. Софа в конце концов уснула. Она целый час звала маму. Марсьяль, как сумел, неуклюже ей объяснил:

«Софа, она вернется. Она ушла погулять. Она скоро вернется».

Напрасно старался.

Вопросы посыпались градом:

А почему мама не звонит?

А почему она меня не поцеловала перед уходом?

А почему она не взяла меня с собой?

Где моя мама? ГДЕ ОНА?

Почему мы спим не в той комнате, где вчера?

«Потому, Софа, что полицейский придет снимать наши отпечатки пальцев». Но этого Марсьяль дочке сказать не может.

Он снова пересказал ей приключения Ти-Жана, Бабушки Калле и Большого Дьявола,[11] и девочка уснула. Ей нелегко было это сделать — те двое у бассейна продолжали вопить.

Марсьяль стянул через голову майку, сбросил на пол штаны, и теперь стоит голышом в темноте.

Встревоженный.

Все идет не так, как предполагалось.

Через несколько часов, самое позднее — завтра утром, полицейский откроет опечатанный номер 38. Наиво, должно быть, рассказал им про разбросанную по комнате одежду, опрокинутые предметы... про пятна крови. Конечно, рассказал.

Марсьяль идет в душ.

Сегодня вечером, до ужина, он контролировал ситуацию. Но несколько минут назад что-то из-под контроля ускользнуло.

Льется вода. Почти холодная.

Мысли кружатся, соскальзывают по гладким стенкам его мозга, исчезают в отверстиях. Зачем он сочинил этот бредовый план? Не попался ли он в им же самим устроенную западню?

Он вытирается, ему хотелось бы тереть кожу до крови, до тех пор, пока белое полотенце с вышитым на нем логотипом отеля не станет алым.

Перед его глазами снова встают чудовищные картины.

Был ли у него выбор?

Марсьяль проходит через комнату, голый останавливается у окна, почти не скрытый покровом темноты. Все равно никто в его сторону не смотрит. Почти для всех туристов вечер закончился, лишь несколько пар, обнявшись, танцуют на тиковых досках. Журденов не видно. Это не для них.

«Когда у тебя на глазах умирают сирее-еены...»

Бесконечный медленный танец позволяет предположить, что певцы вскоре свалят отсюда.

Марсьяль отходит от окна, прислушивается к тихому дыханию Софы, спящей в тесноватой для нее детской кровати.

А его кровать слишком велика. «Сексодром», как сказал Наиво. Бестактный придурок!

Марсьяль забирается под простыню, задубевшую под кондиционером и напоминающую саван. Ему не по себе от соприкосновения с ней. Внезапно становится невыносимо без Лианы. Марсьяль стискивает зубами край простыни, чтобы не завывать в голос, и осознает, что проделывает то же самое, что проделывала каждую ночь Лиана, когда, занимаясь любовью, старалась заглушить стоны.

Господи, что он наделал?

Он что угодно сейчас отдал бы, лишь бы почувствовать рядом с собой голое тело Лианы. Вернуться на день назад. На неделю, если бы это было возможно.

Никогда не ступать на берег этого острова.

За окном, словно взорвавшиеся звезды, гаснут неоновые огни бассейна.

Сегодня ночью ему не уснуть.

СУББОТА, 30 МАРТА 2013 Г.

6

Православная Пасха

9 ч. 11 мин.

Имельда появляется из-под одеяла подобно лаве, выплеснувшейся из жерла вулкана, и застывает горой антрацитового пепла.

— Кростос, на твой мобильник пришло сообщение! Вчера вечером, в девятнадцать сорок три. Ты когда-нибудь проверяешь свой телефон?

— В твоей постели — никогда!

Кростос Константинов потягивается, упиравшись головой в огромную черную грудь Имельды. Та бесцеремонно его отпихивает, тянется к ящику, заменяющему прикроватный столик, и берет с него мобильник.

— Это твоя начальница.

Перед его глазами раскинулась роскошная задница Имельды. Все остальное не имеет значения.

— Айя? В пасхальное воскресенье домогаться единственного на всем острове православного? Я подам на нее в суд за приставания...

Кростос с ворчанием подползает по кровати к Имельде и прижимается к ее черной коже. Имельда — заколдованная перина, которая с каждым годом делается толще на несколько сантиметров. Он нашел в ящике альбом с ее старыми фотографиями — двадцатилетняя Имельда позировала голая перед фотографом, а тот, должно быть, любовался ею, щелкая со всех сторон ее божественное тело, длинное, стройное и крепкое, такое, что и у мертвого встанет. И все же Кростос ни за что на свете не променял бы на девичье тело юной Имельды вот это вот сочащееся, растекшееся тело его любовницы двадцать лет спустя. Разве станешь восхищаться осиной талией после того, как насладился королевой? У Имельды шоколадное, тающее тело, которым хочется объедаться. Бескрайние телеса, текучие, меняющие форму, чувственное облако, которое можно вволю мять.

Знала бы она...

— Можно мне посмотреть? — жеманно тянет Имельда, не выпуская из рук мобильник.

Кристос вздыхает. Это запрещено. Это его служебный телефон. Ну и пусть — если он может доставить удовольствие Имельде. В ящике рядом с кроватью лежит стопка детективов. Имельда — черная мисс Марпл, и это тоже придает ей очарования.

— Если хочешь...

Имельда нажимает на кнопки мобильного, а рука Крестоса тем временем ползет вверх по ее ноге, взбирается по тысяче холмов ее живота, потом, подобно утомленному альпинисту, снова нетерпеливо спускается с безводных вершин во влажную ложбину. Пальцы Крестоса зарываются в Имельдину шерсть. Она и не думает удалять волосы... Происхождение мира, реюньонская версия, какое блаженство... Темные джунгли, непроходимый, священный лес, часть всемирного наследия человечества. Крестос сегодня с утра в поэтическом настроении, и ему совершенно не хочется тащиться в полицейский участок.

Он смотрит на стоящую у стены коляску. Маленькая Долена спит. Если повезет, она поспит еще.

— Отель «Аламанда», — глядя на экранчик мобильного, сообщает Имельда. — Тебе надо искать отпечатки пальцев, следы крови, ДНК и все такое прочее.

Под напором настойчивых пальцев Крестоса она слегка раздвигает ноги.

— Хорошо, — соглашается Крестос, — все понятно, я пойду туда ко времени аперитива... Никто на всем острове не умеет так готовить ром с фруктами и пряностями, как их бармен, Габен Пайе. Явиться в час эспрессо было бы просто-напросто оскорблением...

— Тебя в конце концов выгонят с работы...

Указательный палец Крестоса оскверняет заповедный лес.

— Ты меня прокормишь. Одним больше, одним меньше...

— На кой мне сдался такой бездельник, как ты? Мне едва хватает пособия на моих пятерых детишек...

Крестос втискивает колено между коленями Имельды. Затем второе.

— Назвать бездельником Крестоса Константинова, — пыхтит полицейский. — Не надо было тебе провоцировать маскаренного жеребца...

Он опирается на руки. Она пристраивается к нему, обхватывает белые ягодицы горячими ладонями. Обливаясь потом, направляет его

куда надо.

Кровать прогибается и пружинит, внезапно превратившись в батут.

В постель запрыгивают три чудовища. Дориан, Жоли и Амик. Лохматый, кудрявая и коротко остриженный. Двенадцать лет, семь лет и четыре года. И малышка в коляске — не хватает только Назира. Насколько известно Кростосу, потомство у Имельды от трех разных отцов, последний из них отчалил за одиннадцать месяцев до его появления. Веселая компания, в которой попробуй разберись. Креолы, малабары, зорей. Все они теснятся в трехкомнатной хижине, четырехкомнатной, если считать сад, старший спит в гамаке.

Троица метисов набрасывается на него. Кростос вяло отбивается.

Ни малейшего уважения!

— Тебе не надо идти на работу, Иисус?

— Кростос, а не Иисус! Вот именно что надо! Валите отсюда, малышня! А вы сегодня разве не учитесь?

Вместо ответа они так заливаются смехом, что и водопады Салази позавидовали бы.

Имельда уже встала, завернулась в парео. «Ну все, больше мне ничего не светит», — думает Кростос. И, смирившись, тоже встает.

— Что там пишет моя начальница?

Имельда даже не смотрит на мобильник, как будто с одного раза все запомнила.

— Турист остался без своей бабы. Исчезла вместе с чемоданом.

— Придурок!

Кростос натягивает полотняные штаны и сомнительной чистоты рубашку.

— А знаешь, как я поступаю, чтобы не остаться без своей бабы?

Имельда не отвечает. Она энергично дергает за простыни, стряхивая с постели малышню.

— Собственно, так же, как поступаю, когда не хочу остаться без ключей.

Ответа по-прежнему нет. Имельда наклоняется, собирает раскиданные по комнате подушки.

— Я запасуюсь дубликатами!

Кростос с хохотом выскакивает из комнаты за мгновение до того, как три подушки полетят ему в морду.

10 ч. 03 мин.

Отель «Аламанда». Кростос, повинувшись инстинкту, направляется к бару, словно кошка — к миске с едой. Он не наврал Имельде, ром у Габена самый лучший в Сен-Жиле, а может, и на всем острове. Чаще всего Кростос здесь бывает поздно ночью, когда требуется утихомирить разгулявшихся посетителей, покидающих одно из заведений по соседству, «Red White» или «Loft». Габен — своего рода местная знаменитость, джазмен коктейля, виртуоз, способный на любые импровизации. Вот уже десять лет все бары Реюньона его друг у друга переманивают, торгуются за него, как за центрального нападающего, который забивает гол за голом во время островного чемпионата.

Габен с улыбкой смотрит на идущего к нему Кростоса. Судя по его длинным седым волосам, стянутым на затылке в хвост, выгоревшей на солнце голубой рубашке и старым эспадрильям, легко догадаться, что он вот уже больше тридцати лет служит младшим лейтенантом в полиции.

— Смотри-ка, пророк! — восклицает Габен. — Что-то ты припозднился, мы тебя ждали с круассанами.

Вместо ответа Кростос делает движение большим пальцем — сверху вниз. Бармен не настаивает, он сам себе выдал диплом алкотерапевта, он наблюдает за клиентами, слушает, анализирует, потом подбирает лекарство для каждого. Кростосу он смешивает «Май тай», [12] следом еще один, а младший лейтенант тем временем слушает подробный рассказ о том, что произошло: красивая пара, поцелуи в бассейне, шестилетняя девчужка, достающая родителей, мама, которая на секундочку поднялась в номер, а потом испарилась...

Кростос слушает, сочувственно кивает, поглядывая то на стакан, где льдинки тают в остатках рома, то на пустой бассейн. Там глядеть совсем не на кого, даже мамы ни одной.

— Угу, вот что я тебе скажу, Габен, зорям надо бы остерегаться: этот остров — дьявольская западня. Слушай, сейчас расскажу тебе невероятную историю, знаешь, как я здесь очутился?

Габен вздыхает и качает головой. На самом деле его специальность называется психоалкотерапевт.

— Я жил в Курневе, — продолжает Кростос. — Когда мне стукнуло двадцать пять, я откликнулся на предложение перевестись в

жандармерию Сен-Дени. Это в пятнадцати километрах от меня, машиной добираться полчаса даже с учетом пробок. Я всего лишь одну деталь упустил в этом объявлении. Совсем незначительную деталь, всего-навсего цифру...

Допив стакан, Кростос делает заключение:

— Номер департамента... Там было девять-семь-четыре, а не девять-три... Надо полагать, это была судьба! Я решил, сложил всю свою жизнь в контейнер — и вперед! По направлению к тропикам. Я здесь уже тридцать лет.

Габен равнодушно вытирает стойку.

— Неужели тебя не смешит моя история?

Бармен отвечает, даже не поднимая глаз.

— Ты мне ее рассказываешь в пятый раз! Твои шутки всегда повторяются, Кростос.

Кростос пожимает плечами. Крутит льдинки в пустом стакане и отыскивает в памяти способ убедить себя в том, что Габен врет. И в конце концов сдаётся.

— Ты профи, Габен, но заставь поработать свое чувство юмора, это важно для клиентов. Ну пока, я пойду наверх изучать брачное ложе. Все-таки потерять жену — глупее не придумаешь, да?

Он уходит, но, немного поколебавшись, оборачивается:

— Габен, а знаешь, как я поступаю, чтобы свою бабу не потерять?

Бармен поднимает глаза к небу.

— Не знаю. Дубликаты заказываешь?

Придурок!

10 ч. 09 мин.

Кростос кладет на кровать алюминиевый чемоданчик, вытаскивает из его отделений флаконы с Bluestar® Forensic,[13] пробирки, ультрафиолетовую лампу и маленький цифровой фотоаппарат. Он единственный в бригаде Сен-Жиль-ле-Бен, кто умеет им пользоваться, не считая Айи. Такая компетентность дает право на некоторые привилегии... Например, спать подольше по утрам. Он вспоминает мальгаша, открывшего ему номер 38. Наиво Рандрианасолоаримино. И это немедленно вдохновляет его на шутку из тех, за какие можно потребовать напоследок еще стаканчик рома. Эй, Габен, умник этакий, угадай-ка: что ни в какие ворота не лезет, когда человек принимает

гостей в большом отеле? Не знаешь? Тогда спроси у Наиво Рандрианасолоаримино.

Такое имечко точно в дверях застрянет.

Угу...

За работу...

Спятить можно от этой чертовой работы.

Вокруг каждого темного пятна — на ковре, на простынях, в душе, на ободке унитаза — он должен набрызгать несколько капель люминола Bluestar® Forensic. Тщательно приготовив состав... Люминол можно использовать для выявления следов крови только после того, как его смешают с активатором на основе пероксида водорода. Не один только Габен, этот кретин, умеет коктейли смешивать, утешает себя Кристос. Потом, если в комнате достаточно темно, каждое пятно крови должно превратиться в красиво светящийся голубой кружочек.

Кристос торопится, свечение длится не больше тридцати секунд, маловато для того, чтобы успеть и выявить следы крови в агатовом свете лампы, и сделать фотографии. Не успеешь — придется все начинать заново, и так до бесконечности.

Кристос вздыхает, вода над полом ультрафиолетовой лампой. Голубые пятна почти сразу исчезают, как будто ковровое покрытие их впитывает, но сомневаться уже не приходится: в этой комнате была пролита кровь, она повсюду, и на кровати, и на стенах.

Прилавок мясника...

Как ни старается Кристос, отыскивая всевозможные аргументы, опровергающие предположение, ему приходится признать очевидное.

Номер 38 отеля «Аламанда» стал местом преступления.

Кристос кидает ультрафиолетовую лампу на кровать. Подобное открытие должно бы возбуждать нормального полицейского, словно энтомолога, который набрел на неизвестный муравейник, или астронома, открывшего новую планету. А ему, Кристосу, это остоелозило... Теперь придется снова растворять люминол, снова опрыскивать комнату раствором, на этот раз — метр за метром, чтобы сделать фотографии всего помещения. В самом паршивом американском сериале вокруг каждого несчастного трупа топчется человек двадцать. А в Сен-Жиль-ле-Бен на Реюньоне он должен выкручиваться один, как знает...

И эта голубая иллюминация — только первый этап...

Чья это кровь? Мадам Бельон? Мсье Бельона? Или обоих? Крестос знает, что ему придется раскладывать по пластиковым пакетикам тщательно вырезанные лоскутки простыней и наволочек. Ползать на четвереньках, отдирая целыми кусками ковровое покрытие. В ванной стараться ухватить пинцетом только теоретически существующие волоски из носа, из задницы или с лобка. Окунать руку с пробиркой в унитаз...

Он вспоминает старшего сына Имельды, эту дубину Назира, который курит замал[14] и целыми днями смотрит по кругу новые серии «C.S.I.: Место преступления», [15] которые скачивает для него приятель. Надо было прихватить его с собой, устроить стажировку, может, это отшибло бы у него пристрастие к травке, от которой делаешься идиотом.

А может, он попросил бы и ему скрутить косячок. Сейчас Крестос не прочь был его выкурить, чтобы собраться с духом.

Младший лейтенант смотрит в окно. Несколько шезлонгов у бассейна уже заняты постоялицами отеля. Старыми и дряблыми. Крестос по опыту знает, что молодые и красивые не загорают в отелях вокруг лагуны, развалившись в шезлонгах. Они шнуруют кроссовки и шастают по горным тропинкам. Крестос слишком стар для того, чтобы их догонять. Ну и пусть, ему всегда нравились женщины моложе его лет на десять-пятнадцать. Так что теперь, когда ему под шестьдесят...

Крестос разворачивается и оглядывает деревянные стеллажи: надо еще составить опись всего, что есть в номере. По словам того мальгаша с длинной фамилией, все вещи Лианы Бельон пропали, надо будет проверить. Он пытается себя успокоить: все же самой правдоподобной версией остается побег мадам. То, что найдены следы крови, вовсе не означает, что произошло убийство. Оно не доказано, пока нет трупа. Или по крайней мере... орудия преступления.

Крестоса внезапно озаряет. Он влезает на кровать и добросовестно опустошает полки. Спортивная сумка, обувь, дождевики, солнечные очки, теннисная ракетка, фонарь...

Его рука замирает, наткнувшись на комплект для барбекю, хай-тек, куплен в «Nature et Decouvertes» или «Maisons du Monde», такие подарки друзья делают вам, узнав, что вы отправляетесь в страну, где

все еще едят пальцами. Кростос раздирает застежку-липучку, на которую закрывается черный пластиковый чехол. Здесь есть отделения для всего — для вилки размера XXL, для лопаточек, для скребка, для щипцов, для кисточки, которой распределяют маринад... и, разумеется, выемка для ножа... большого, крепкого, без труда рассекающего бычьего ребра. Наточенное лезвие и деревянная рукоятка.

Во всяком случае, так предполагает Кростос.

Потому что ножа в этом наборе уже нет.

7

Пятеро против одного

15 ч. 13 мин.

Айя сидит за письменным столом, как раз напротив Марсьяля Бельона. Кростос остался стоять чуть поодаль. Здание автономной территориальной бригады Сен-Жиль-ле-Бен на бульваре Ролана Гарроса составлено из нескольких бетонных кубов разного размера, выкрашенных белой краской и соединенных с еще одним кубом, на этот раз — из железа, он служит проходной... Обычное убогое сооружение, таких во Франции тысячи, единственное отличие — уродские кубы поставлены в пятидесяти метрах от пляжа. И когда стоишь в большой комнате, а ворота ближайших домов открыты, можно любоваться пляжем и портом Сен-Жиль. Кростосу этот вид никогда не надоедает — покидающие порт яхты, парусники, серфингисты, солнечный закат в широком формате, если он уходит с работы после шести вечера. Такое бывает нечасто... Айя же, съездившаяся на своем стуле, и не заметила бы, если бы ее телепортировали в предместье Дюнкерка.

Марсьялю Бельону не до красот тропического пейзажа.

Его вызвали в полицию к 15 часам. Он пришел на двадцать минут раньше. По-прежнему выглядит как побитая собака. Вернее, как потерянная собака, которая ищет свою хозяйку. Возможно, брошенная собака.

— Вы что-нибудь узнали про мою жену, капитан? Нашли что-нибудь? Я с ума схожу. А Софа, наша маленькая дочка, еще того хуже...

Кростос чувствует, что Айя вот-вот взорвется.

А следы крови на стене, дорогуша? А пропавший нож?

Капитан не из тех, кто станет церемониться с подозреваемыми, и комедия, которую разыгрывает Марсьяль Бельон, ей вскоре прискучит.

— Сейчас я вам все расскажу, мсье Бельон...

Айя встает. Кростос любит ее безупречно отглаженным голубым мундиром, застегнутой на все пуговицы рубашкой, аккуратными нашивками. Кростос давным-давно перестал носить форму, но Айя не сдается, не оставляет попыток заставить его одеваться более официально. Если уж не хочет носить галстук, погоны и кепи, пусть хотя бы погладит рубашку и заправит ее в штаны. Капитан Пюрви из породы упрямых зануд. Марсьяль Бельон рискует вскоре в этом убедиться.

Айя внезапно поворачивается.

— Мсье Бельон, я терпеливо вас слушала и не мешала вам выступать в роли потрясенного и опечаленного мужа. Вам не кажется, что пора перейти ко второму действию? Давайте играть в открытую. Ева Мария Нативель, уборщица из отеля «Аламанда», рассказала нам во всех подробностях о ваших хождениях взад и вперед по коридору третьего этажа, о том, как вы попросили тележку для грязного белья и спустились с ней на лифте в подвал, к выходу на парковку с северо-восточной стороны...

Бельон удивленно таращит глаза. Очко в его пользу, отмечает Кростос, он неплохо справляется со своей ролью. Айя не сдается.

— Ее показания сильно расходятся с вашей версией, разве не так?

Бельон набирает побольше воздуха и решается:

— Эта женщина ошиблась. Или лжет.

Кростос присаживается на подоконник. Матч его увлекает, но он и одного евро не поставил бы на Бельона. Первый промах. Реплика неудачная. С чего бы честная Ева Мария стала врать? И как бы она могла ошибиться? Просто смешно!

Айя добавляет красок.

— Разумеется, Ева Мария лжет, мсье Бельон. Тогда продолжим. Кроме Евы Марии Нативель мсье Танги Дижу, садовник отеля «Аламанда», в 15 часов 25 минут видел, как вы шли через парковку, толкая перед собой пресловутую тележку для белья. Такое зрелище упустить никак нельзя — француз, решивший помочь уборщице-креолке. А позже трое мальчишек, которые играли в футбол за отелем,

заметили, как вы направились к своей припаркованной машине, арендованной вами «клио» серого цвета.

Айя делает шаг вперед, глядя туристу в глаза.

— При таких обстоятельствах, мсье Бельон, вы все еще утверждаете, что до 16 часов не уходили от бассейна?

Бельон чуть дольше задерживает дыхание, потом выдает:

— Они ошибаются. Или обманывают...

Айя поднимает глаза к потолку. Кростос невольно улыбается. Марсьяль упрям. Или глуп. Он продолжает рыть себе могилу.

— Я... я уже точно не помню, капитан. Я играл с дочкой в воде, учил ее плавать. Немного вздремнул в шезлонге... Я... я не смотрел на часы, но...

Кростосу почти жаль Марсьяля, который так бездарно защищается. Старается выплыть против течения... Он бы бросил ему спасательный круг, но его начальнице это не понравится... Айя кружит по комнате. Она явно намеренно предоставляет Бельону томиться в собственном соку, наподобие цыпленка-карри до тех пор, пока шкурка и мясо не отделятся от костей. Бельон застывшим взглядом смотрит на приклеенные к стенам сине-бело-красные плакаты, прославляющие заморскую полицию. Справа — морская полиция, водные мотоциклы, скутеры и скафандры; слева — воздушная полиция, вертолеты, веревочные лестницы, спуск по канату... Захватывающая жизнь на острове.

Приходите к нам работать!

Айя внезапно взрывается, да так, что от голубой рубашки отлетает пуговица.

— Мсье Бельон, я не собираюсь возиться с вами до вечера. Весь персонал отеля свидетельствует против вас! И показания сходятся. Ваша версия разваливается на глазах. Цербер так не охраняет ад, как Ева Мария Нативель — свой коридор, и она категорически утверждает, что ваша жена вошла в свой номер в пятнадцать часов одну минуту и больше оттуда не выходила. Единственный человек, который вошел туда, потом вышел, потом снова вошел часом позже, — это вы! В последний раз спрашиваю вас, Бельон, вы по-прежнему отрицаете, что поднялись в свой номер четверть часа спустя после того, как туда поднялась ваша жена?

Марсьяль колеблется. На стене вертолет летит над каньоном. Похоже, он решился броситься туда очертя голову.

Едва слышный шепот:

— Нет...

Кристос подмигивает начальнице. Отлично, Марсьяль, мы сдвинулись с места. Айя не дает ему передышки.

— Спасибо, мсье Бельон. Станете ли вы отрицать, что попросили тележку для белья у Евы Марии Нативель?

Пять секунд вечности. Его взгляд уплывает к полицейской девчонке в гидрокостюме, сидящей в надувной лодке.

— Нет.

Кристос снова подмигивает Айе. Всего одно слово — почти признание. Ну, Марсьяль, еще чуть-чуть, небольшое усилие...

Голос Айи снижается на целую октаву, становится почти ласковым.

— Зачем вам понадобилась тележка, мсье Бельон?

На этот раз взгляд Марсьяля устремлен в пустоту, пройдя сквозь плакаты и стены, он теряется среди деревьев...

— Я позволю себе настаивать, мсье Бельон. Когда вы вышли из номера, ваша жена еще была там? Она была еще... жива?

Кристос качает головой. Марсьяль не отзывается, он уже не с ними. Он уже не тонет и не пытается выплыть против течения. Он болтается на волнах... Ждет отлива. Долго ему придется ждать, улики только накапливаются.

Наконец его губы начинают шевелиться.

— Когда я поднялся в номер, там никого не было, капитан Пюрви. Мы... С тех пор как мы прилетели на остров, отношения у нас разладились. Я просто подумал, что она захотела, так сказать, создать между нами дистанцию.

— Вчера вы говорили мне другое, мсье Бельон. Когда вы вызвали меня в «Аламанду», вы заверили меня, что речь не идет о побеге, что ваша жена никогда не уехала бы без дочки.

— Это было вчера... Я так сказал, чтобы вы начали ее искать.

Айя поджимает губы, ее это слабо убеждает.

— А тележка?

— Дурацкая мысль пришла в голову, когда я увидел пустой номер. Я свалил туда одежду Лианы. Она оставила вещи в комнате, взяв с

собой почти пустой чемодан.

Кристос улыбается начальнице. Бельон явно не совсем сдался. Он продолжает барахтаться. На сколько времени его еще хватит, прежде чем он пойдет ко дну?

— Мы проверим, — холодно произносит Айя. — Никто, ни один человек не видел вашу жену выходящей из номера.

Бельон еще сильнее побледнел.

— Я больше ничего не знаю, капитан. Может быть, служащие куда-то отлучались и не хотят в этом признаваться. Капитан, вчера вечером я вызвал вас, чтобы вы нашли мою жену. Зачем бы я стал вас звать, если бы это не было единственным, что имело для меня значение?

Вместо ответа Айя лишь пожимает плечами. В комнате повисает тяжелое молчание. Капитан для порядка задает еще несколько вопросов, записывает все, что в отчаянии бормочет Бельон. Он не понимает, куда мог подеваться нож из набора для барбекю. Его забрала с собой жена? Унес кто-то из служащих отеля? Он как попало засунул одежду жены в мусорные мешки и выкинул их в контейнеры для утиля на авеню Бурбон, в нескольких сотнях метров от «Аламанды». До того как Лиана одна поднялась в номер 38, следов крови там не было, он в этом уверен. Может быть, она поранилась перед уходом?

Айя поняла, что больше она ничего из Марсьяля Бельона не вытянет. И тогда за дело берется Кристос. Закончить должен он. Техническими подробностями.

— Мсье Бельон, мы попросим вас пройти в соседнюю комнату, в медицинский кабинет. Наш коллега Морес возьмет у вас несколько капель крови, чтобы сравнить ее с той, которую нашли в вашем номере. Не стану ничего от вас скрывать, все утро я с этим провозился, и теперь мне безумно хочется узнать, чья это кровь.

15 ч. 55 мин.

Кристос смотрит в окно. Десятка три детишек в ярких бейсболках и цветастых шортах гуськом тянутся через пляж следом за аниматором. Они хоть понимают, как им повезло? Школьный двор, граничащий с океаном, песочница длиной в десять километров. Айе до них дела нет, она уставилась на афиши, прославляющие национальную жандармерию.

— Кростос, что ты об этом думаешь?

Младший лейтенант поворачивается к ней.

— Что это чистейшее надувательство. Лучше бы предупреждали местных мальчишек, которые мечтают поступить сюда на работу, что в автономных бригадах вертолеты и водные мотоциклы скорее редкость. А уж чтобы ими управляли креолы...

— Хватит валять дурака, Кростос! Что ты думаешь о деле Бельона?

Кростос выключает вентилятор и открывает окно. В комнату врывается жаркий ветер, он приносит с собой детские голоса.

— Сначала ты, Айя, прошу тебя.

Айя садится на край письменного стола.

— Если вкратце — у нас есть доказательства, что Марсьяль Бельон все наврал, от начала до конца. У нас против его показаний есть пять свидетельств. Трудно себе представить, чтобы все служащие гостиницы объединились против одного и того же человека. Что могло бы заставить их так поступить? Пять против одного.

— Шесть против ни одного, — поправляет младший лейтенант. — Бельон в конце концов признался, что потихоньку сходил в номер.

— Верно, Кростос. Я допускаю, что его жена могла ускользнуть от бдительности одного из служащих отеля, но не от всех. И поскольку она не могла покинуть номер верхом на Ситаране... [16] Если комната залита кровью его жены, все ясно, мы его засадим за решетку.

— Может, прямо сейчас его задержим, Айя? Чтобы красавчик Марсьяль был у нас под рукой?

— Кростос, у нас нет трупа! Нет орудия убийства, нет мотива, нет заявления, нет свидетелей. Ничего нет! И не забывай о том, что он завтракает и ужинает в «Аламанде» с адвокатом. Прокурор рассмеется мне в лицо... Мы несколько часов последим за Бельоном, пока не получим результаты анализов, мы на острове, он отсюда не сбежит.

Кростос некоторое время размышляет.

— Все-таки странно. Он вчера вызвал полицию, зная, что все свидетельства обернутся против него. Он даже не пытался скрываться со своей чертовой тележкой, он только что не написал на ней большими буквами, что перевозит труп своей жены. Если он виноват, если его жена не сбежала потихоньку, своей стратегией защиты он сам себя топит.

— Может быть, у него не было выбора!

Младший лейтенант придвигает себе стул.

— Объясни-ка мне получше, начальство.

— Представь себе такую картину. Красавица поднимается вверх.

Муж потихоньку идет за ней в номер. Они ссорятся. Дело оборачивается плохо. Он ее убивает, допустим, неумышленно. И что ему еще делать? Оставить тело в комнате? Если труп найдут, он пропал. Нет, другого выбора у него нет. В конце концов, он поступил правильно, без стеснения увезя тело. И оружие убийства тоже.

— На глазах у пяти свидетелей. И заляпав кровью все вокруг. Мы возвращаемся в исходную точку. Это равно самоубийству.

Айя раздраженно поглядывает на расстегнутую рубашку своего помощника.

— Ничего подобного, Кростос, совсем наоборот. Трупа нет! Орудия убийства нет! Мотива нет! Признаний нет! Даже если все улики указывают на него, он может попытаться счастья в суде. Есть прецедент. Дело Вигье — говорит тебе это о чем-нибудь? Все доказывает, что Жак Вигье убил свою жену. Исчезновение Сюзанны Вигье, измена мадам в качестве мотива, следы борьбы, простыни, выстиранные мужем, и даже выкинутый на свалку матрас... Все глубоко убеждены, что Жак Вигье виновен, однако никакого трупа, никакого орудия убийства, никакого признания... Он был оправдан в две тысячи десятом.

Кростос скептически морщит лоб.

— Угу. Если ты права, если мы не найдем Лиану Бельон в объятиях какого-нибудь местного парня, тебя ждет слава, Айя! Забудь про шум в ночное время у кабаков, про пьяниц, которых приходится подбирать на пляже, и про гонки на скутерах... Это трамплин, голубка моя, трамплин, которого ты ждала.

— Заткнись, пророк!

Кростос высовывается в окно, подставляет голову ветру.

— Айя, сколько времени занимают тесты ДНК?

— Я с них не слезу, ты же меня знаешь. Результаты будут к вечеру, самое позднее — завтра утром, это с запасом... А тем временем мы, может быть, найдем в контейнерах для сбора утиля трусики Лианы Бельон.

— Отлично, тогда я ставлю десятку на то, что дело можно закрывать, кровь в номере — это кровь его жены.

— Двдцдткту, — прдзноснт голос у нго зд спнон.

В комндту входнт Морес. Молодой. Обддтельный. Обддчно, когдд они с Кростосом вдвоём дежурят ночью, местного пива он может выпнтть сколько угодно, а вот блефовать не умеет, в покер ему лучше не играть.

— А лучше поставь все, что есть, — предлагает Морес. — Угадайте, что я увидел, когдд Бельон снял майку, чтобы у него взяли кровь для анализа? Он поранился! Порез под мышкой, неглубокий, но четкий, какой остается от хорошо наточенного ножа.

— Давный порез?

— Я бы сказал — вчерашний.

— Черт, — говорит Айя. — Бельону еще мало было...

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 31 МАРТА 2013 Г

8

Призрак лагуны

9 ч. 31 мин.

— Папа, когда мы вернемся обратно?

Папа сидит на пляже. Отвечает, не глядя на меня:

— Скоро, Софа, скоро.

Надеюсь.

Мне не очень нравится лагуна. В ней и воды-то почти нет. Это вроде маленького бассейна, лягушатника, куда набросаны всякие штуки. Штуки грязные и колючие. Чтобы ходить по лагуне, надо обуваться в пластиковые сандалии, а от них все ноги красные.

Папа с мамой говорят, что лагуна лучше бассейна, что если я хорошенько присмотрюсь, если наберусь терпения, то увижу разноцветных рыбок. Ну хорошо, рыбок я уже видела. Я не идиотка. Маленькие черно-белые рыбки. Они плавают рядом с кораллами. Мама говорит, коралл — это потрясающе красиво, но на самом деле это всего-навсего скала в воде, она колется, и в ней прячутся рыбы. Когда я плаваю с нарукавниками, мне кажется, что коралл сейчас обдерет мне кожу на коленях...

Лагуна — это опасный бассейн, где можно только ходить.

И ходить-то надо осторожно. На дне растут водоросли. Когда к ним приближаешься, кажется, что это рыба трется о твои ноги, но нет, это что-то вроде мерзкого липкого салата, который тебя облизывает, а потом волдыри остаются. На дне есть даже огромные волосатые слизняки. Ужасные! Мама говорит, что они безобидные, это морские огурцы, их так называют, потому что китайцы их едят. Есть слизняков! Странно все-таки, тем более что здесь все магазины и даже все рестораны скупили китайцы. Мама иногда болтает сама не знает что. И еще папа и мама говорят, что я всегда всем недовольна, хотя сами никогда не купаются.

— Папа, может, пойдём уже?

— Скоро пойдём, Софа. Не уходи далеко.

Теперь папа лежит на пляже, под деревом с толстыми корнями, похожими на змей. Папа никогда не слушает, что я ему говорю. Я уверена, если я сниму нарукавники, он этого даже не заметит. Он мне все время повторяет, чтобы я была осторожна и внимательна, но сам никогда на меня внимания не обращает.

Вот — я состроила ему рожу, просто так, чтобы убедиться, что он ее и не заметит. Папа — он всегда так делает — поднимает глаза, спрашивает, все ли в порядке, не жарко ли мне, не замерзла ли я, велит оставаться рядом и тут же уходит в свои грустные мысли... Он смотрит мимо, куда-то не туда, как будто в воде есть кто-то еще. Только не я, а ребенок-невидимка. Один раз он даже имя перепутал.

Он назвал меня Алекс.

Как будто разговаривал с призраком, которого никто, кроме него, не видит.

Папа иногда бывает такой странный.

Особенно с тех пор, как уехала мама.

Все-таки лучше бы мы пошли в бассейн. Вода там теплее, и она синяя-пресиняя. И он не такой большой. Я смотрю на море так далеко, как только могу. Если бы мне хватило смелости, я бы пошла прямо туда, где море глубокое и где кораллы не обдирают ноги. Хотя бы для того, чтобы поглядеть, заметит ли это папа. Вдали вода ломается как стекло. Шум такой, что даже немножко страшно. Мама мне объяснила, что это коралловый риф. Это подводная стена, которая нас защищает, с той стороны, кажется, есть акулы.

— Папа, давай вернемся в бассейн?

Теперь я уже привыкла, что все надо повторять по меньшей мере три раза, все громче и громче. До тех пор, пока он не услышит.

9 ч. 33 мин.

Марсьяль не слышит. Он всматривается в лагуну. Пустую.

Он должен взять себя в руки, должен действовать, а главное — не противоречить себе. Должен связно отвечать полицейским. Должен выработать стратегию и придерживаться ее. И быть настороже. У него не осталось выбора, теперь все пойдет очень быстро. Сколько у него есть времени? Самое большее — несколько часов? Ему нельзя расслабляться.

И все же он не может собраться с мыслями. Перед глазами у него туман. Лагуна все та же, только домов вокруг меньше. Нет проката катамаранов, нет продавцов мороженого. Только казуарины, охраняющие пляж. И солнце садится. На песке осталось всего несколько брошенных игрушек. Красное ведерко. Желтая лопатка.

Маленькая фигурка в воде. Шестилетний мальчик.

Один.

— Па-а-а-апа! С меня хва-а-а-атит! Пойдем в базе-е-е-ейн!

Марсьяль выныривает на поверхность.

— Да, Софа, да. В бассейн? Мы же только приш...

Он недоговаривает.

— Хорошо, маленькая моя, идем в отель.

Девочка выходит на берег, стаскивает нарукавники и сандалии.

— А когда мама вернется?

— Скоро, Софа. Скоро.

9

Пиршество

11 ч. 45 мин.

За те тридцать лет, что Кростос потягивает свой ти-пунш[17] на террасе, Сен-Жиль сильно изменился. Конечно, он уже не застал ни старинной рыбацкой деревни, ни железной дороги, по которой катили из Сен-Дени поезда с мужьями, спешившими к старательно оберегавшим под зонтиками белизну кожи женам и детям. Зато он своими глазами видел перемены в девяностых, когда остров еще верил, что когда-нибудь станет похож на старшего брата — Маврикия. При нем в центре туристической столицы Реюньона построили современный яхтенный порт. Неплохая была идея... Ручей давным-давно не достигал моря, разве что во время циклона; он замирал у края пляжа, не добежав нескольких метров до финиша. Планировщики дали городу выход к океану, тщательно разделив приморский комплекс, — яхты, рыбалка, дайвинг; свежевыкрашенные рыбацкие лодки, желтые пластиковые стулья в ресторанах, дорогое дерево клубных причалов, нежные тона детских лодочек в миниатюрном порту, розовые крыши Нотр-Дам-де-ла-Пе, серые мостики над оврагом с застоявшейся водой, белые хижины, взбирающиеся по склону бесплодного холма, — и все

это буйство красок в обрамлении пальм, что застройщикам хватило ума не срубить.

И черный цвет.

Недвижимость взлетела в цене, и креолы отступили в верхнюю часть города, в квартал Каррос, но толпой спускаются в порт, чтобы ловить рыбу с пирса или с лодок.

Все получилось отлично! Если не считать того, что авторы замысла, должно быть, мечтали о рыночной площади с шумной толпой, а не о полупустых террасах баров.

В этом отношении, по крайней мере, Кристоса нельзя упрекнуть в том, что он не прилагает усилий.

Он, Жан-Жак и Рене — единственные клиенты Морского бара. Отсюда можно вволю налюбоваться яхтами, а также задами двух десятков креолов-удильщиков, сидящих на разноцветных ящиках.

Жан-Жак на них не смотрит, он уткнулся в местную газету.

— Ну что, пророк, красотку все еще не нашли?

Кристос прикладывает к стакану. Ром здесь не идет ни в какое сравнение с тем, который наливает Габен в «Аламанде», зато пейзаж несравненный.

— Это не подлежит разглашению, ребятки...

— Ага, как же, — отзывается Рене. — Раз в жизни в этой стороне хоть что-то произошло.

Кристос вместе со стулом выбирается из-под зонта.

— Или тогда поите меня...

Жан-Жак, наливая себе пиво, разглядывает стоящую на столе бутылку рома, чашу со льдом, фисташки, треугольные пирожки. Всего вволю. Чем меньше клиентов, тем усерднее их обхаживают...

— Все беды острова заключены в бутылке, — провозглашает креол. — Ром, отупение, насилие, праздность...

Кристос обожает слушать, как Жан-Жак изрекает глубокие истины. У Жан-Жака есть профессия и есть увлечение. Он играет в петанк и философствует. А может, наоборот.

Кристос закрывает глаза, подставляет лицо жгучему солнцу и прислушивается.

11 ч. 48 мин.

В дальнем конце порта волны, забираясь между камнями мола, старательно отдирают клочья размокшей плоти трупа, потом, двигаясь в обратном направлении, омывают его раны. Колония красных крабов тоже занимается очисткой. Самые мелкие проникают во все отверстия и опустошают тело изнутри, пока этим не занялись трупоядные насекомые. Самые крупные трудятся на поверхности, выбирая нежные местечки. Рот, глаза, половые органы. Сбегаются новые крабы, прежних это не смущает. На этом пиршестве всем хватит еды, все насытятся. Обычно им приходится довольствоваться мелкими кусочками дохлых моллюсков.

11 ч. 49 мин.

Рене крутит на голове бейсболку с надписью «974» так, будто она привинчена к его лысому черепу. Разглядывает запряженную быком повозку на этикетке бутылки рома.

— Не хочется дураком помирать, Жан-Жак, объяснил бы ты мне связь между бедами острова и этой бутылкой.

Кристос сидит с закрытыми глазами, но ни слова из разговора не упускает. К этому часу Жан-Жак делается поэтом.

— Связь в том, что род человеческий эксплуатируют, милый мой Рене. Алкоголь и закабаление трудящихся масс. Рабы, вольноотпущенники, белые бедняки — все они пляшут под дудку сахарного тростника, миллионов литров дешевого рома, хороший-то в метрополию уплывает. Проклятьем заклеянным — вволю выпивки, водка — для поляков на шахтах, тафия — для креолов в полях, бедняцкий алкоголь, сжигающий революционные нейроны...

Бармен Стефано считает себя обязанным высказаться.

— Эй, Жан-Жак, торговцу тафией ты осточертел...

— Взаимно, — отзывается Рене, подняв стакан.

Рене — рыбак из Сен-Пьера, вернее, раньше был рыбаком. Двадцать лет выходил в море, до тех пор пока вырученные деньги не перестали покрывать затраты на дизельное топливо для траулера. И тогда Рене поселился в Сен-Жиле, решил зарабатывать на туристах, собирался возить их посмотреть на меч-рыбу, на дельфинов, на акул, на горбатых китов, далеко, до самого Кергелена, если потребуется... Концепция была такая: или клиент остается доволен — или ему возвращают деньги. Платит только в том случае, если видел морских

чудищ. Никто ничего не видел — во всяком случае, возвращаясь, туристы говорили именно так. А Рене чаще всего был слишком пьян для того, чтобы спорить. Под конец он даже включил в программу русалок.

— Тростниковая водка или ром — мне без разницы, — заявляет Рене, одним духом осушив стакан, — пью за культурное наследие острова...

Жан-Жак, словно в насмешку, мелкими глоточками попивает пиво.

— Иди в задницу со своим культурным наследием...

11 ч. 54 мин.

Теперь красные крабы разделяют труп упорядоченно. Выстроились в цепочку, будто муравьи. Самые сильные отрывают куски гниющей синей плоти, дряблой, как размокшая бумага. Самые слабые ограничиваются транспортировкой. Лакомые внутренние части — кишки и прочие потроха, мозг — крабы выбрали прежде всего, они, словно опытные перевозчики, вынимают все, что можно, оставляя пустой и легкий остов.

Десятки крабов внезапно замирают.

Труп пошевелился.

Самые пугливые уже скрылись за исполинскими камнями мола. Другие, крохотные, выскакивают изо рта, словно мертвец, поперхнувшись, их выплюнул.

Тело снова замирает в неподвижности. Крабы опасливо разглядывают предмет, которым проткнут труп.

Круглый. Гладкий. Холодный.

11 ч. 56 мин.

Жан-Жак размахивает местной газетой, рискуя опрокинуться вместе со своим пластиковым стулом.

— Закройте глаза и пейте спокойно, друзья мои. Алкоголизм, малограмотность, насилие... Это написано черным по белому. Реюньон бьет все рекорды.

Кристос открывает глаза, тоже опустошает свой стакан, потом наконец включается в разговор.

— Рене, рабство отменили несколько лет назад. Если реюньонцы напиваются, все-таки виноваты в этом уже не белые господа...

Жан-Жак, поерзав, вытаскивает из кармана фляжку с ромом.

— А это? Зачем, по-твоему, ее придумали? Двести граммов белого рома в лавке за ту же цену, что пятьдесят у стойки...

— Тут я с тобой согласен, Жан-Жак! — вопит из-за стойки Стефано. — Пьянство в одиночку — это национальное бедствие... Разорение баров, преступление против человечества...

Рене решительно наливает себе еще рома.

— И я с тобой согласен, Жан-Жак. Культурное наследие острова — ром крепостью сорок девять градусов, и в бутылках! А не этот сиропчик в пузырьках, ограниченный администрацией до сорока градусов...

Кристос наклоняется на своем пластиковом стуле. Ему так нравится их недобросовестность в споре. Он наблюдает, как тихий ветер слегка надувает паруса стоящих на якоре судов. Порт печется на солнце. Рай. Счастье триста шестьдесят пять дней в году. Он и не знал, что на земле может существовать подобное место. Надо только раз в три года пережить циклон. Два дня не вылезать из-под одеяла. Терпимо.

Жан-Жак не сдается. Он сует под нос Рене фляжку с ромом.

— Попробуй, кретин... Сорок девять градусов. Достаточно купить коробку с вкладышем, три литра рома в пластиковом мешке с вмонтированным краником, и самому наполнять свою фляжку... Последнее изобретение, чтобы спаивать толпу...

Он встает и двигает руками, как пьяный кукловод.

— Друзья мои, либеральная глобализация дергает островитян словно паяцев, за две нитки, по одной в каждом кармане. Фляжка и мобильный телефон.

Рене тупо хлопает себя по карманам джинсов.

— И мне на это наплевать, — вопит Жан-Жак. — В высшей степени. Вот выйдем играть в шары, и, пока все реюньонские нищелюды будут прикладываться к фляжке перед тем, как бросать, я останусь чемпионом острова.

И, словно подчеркивая сказанное, Жан-Жак вскидывает руку с пивом. Рене, которого все это не убеждает, заливается смехом. Тоже хватает стакан с ромом и тянется к Жан-Жаку.

Чтобы с ним чокнуться.

Пытаясь изобразить провансальский акцент, говорит:

— Да ладно тебе, дурачок, мы вполне можем поладить...

Жан-Жак безрадостно смотрит на него.

— Не разговаривай со мной как с марсельским игроком, меня это...

— Да ты подумай, балда... Я тебе предлагаю помирить ром и пиво...

Жан-Жак скептически смотрит на свое пиво.

Рене торжествует:

— А как называется главная улица Марселя?

И сам дает разгадку своей шарады. В самом деле, первая часть ее названия — Канебьер — означает сахарный тростник, из которого делают ром, вторая — пиво.[18]

Кристос хохочет так, что чудом не падает вместе со своим пластиковым стулом.

Жан-Жак вздыхает. Оскорбленный до предела.

— Ну знаешь, Рене, — комментирует Стефано, подойдя к ним с новой порцией самсы, — это уж ты загнул.

12 ч. 01 мин.

— Кевин, там мертвец! Точно мертвец!

— Не валяй дурака, Рональдо! Давай живо подбери мой мяч и возвращайся... Не тяни время...

— Кевин, я не валяю дурака. Говорю тебе, там покойник, на камнях. И крабы его наполовину слопали.

12 ч. 05 мин.

Жан-Жак снова уткнулся в местную газету, всем своим видом показывая, что шутки друзей ему наскучили. Рене, запрокинув голову, смотрит на облака, окутавшие вершину Маидо.

Кристос блаженствует. Ему эта атмосфера нескончаемой ярмарки не надоедает. И впрямь немного напоминает праздничную мешанину толпы на Канебьер; конечно, народу здесь куда меньше, зато солнце печет круглый год. Кристос уже не мог вытерпеть холодов. Убрать садовую мебель. Сложить дрова. Самому уйти в дом. Иногда придурки из метрополии спрашивают, не скучает ли он по временам года, не надоело ли ему видеть неизменно синее небо, деревья, с которых не опадают листья, закат в один и тот же час... Они уверяют, будто настоящему могут оценить весну лишь после трех месяцев ненастья,

по-настоящему наслаждаться отпуском только тогда, когда машина из-под хмурого неба катит к мистралю...

Идиотизм.

Как будто необходимо состариться, чтобы научиться ценить уходящее время, и надо на неделю сесть на диету, чтобы хороший ужин показался вкуснее. Чего-то себя лишать, чтобы заслужить удовольствие. Старая иудео-христианская мораль. Или мусульманская, или буддистская...

Кристос подумал, что сам он, возможно, исключение из правил...

Как правило, французы не задерживаются на острове дольше чем на пять лет, они откладывают свои 53 процента надбавки к зарплате чиновника, вкладывают сбережения в местную недвижимость, чтобы не платить налогов (спасибо Бессону, Периссолю, Жирардену и прочим), а потом живенько в метрополию, чтобы купить там домик своей мечты в пригороде. Ради детишек, объясняют они. Учеба.

Ну ладно, что правда, то правда, у него-то детишек нет.

Один креол из бригады Сен-Бенуа как-то сказал, что Кристос напоминает ему Люсьена Кордые, в «Безупречной репутации»[19] его играл Филипп Нуаре. Сначала Кристос обозлился. А потом стал думать. Надо смотреть глубже... Нуаре скучает в своей африканской деревне, цинично наблюдает за жизнью в тропиках. Убивает всех мудаков... У него, Кристоса, все совсем наоборот. Он здесь счастлив, как младенец, как кошка, как румяный плод, висящий достаточно высоко для того, чтобы его слопали. Парень из Сен-Бенуа, наверное, сказал так, потому что завидовал, у них там, на побережье, в год выпадает до шести метров осадков в виде дождя. Мировой рекорд! А здесь, в Зорейленде, — ни капли!

Он спокойно досидит до пенсии в этом маленьком раю, принадлежащем всем, а значит, отчасти и ему, на этом острове, который до XVII века был необитаемым. Никаких туземцев! Никто не может предъявить права на родную землю, потому что жил здесь раньше других; все мужчины и все женщины — в одной лодке, стоящей на якоре посреди Индийского океана.

Сложная иерархия — это само собой. Как на переполненном пассажирском судне... И зависть есть. Иногда мятежи.

Но никакого расизма!

Все в одной лодке, как...

Вот тут он и увидел через свои темные очки двух бегущих к нему мальчишек. Они размахивали руками как ненормальные. Да что это с ними?

Кристос сдвинул очки.

Черт!

Тот, что бежит впереди, мелкий, в майке, которая ему сильно велика, выглядит так, будто встретился с привидением. А второй орет во все горло:

— Это Роден! Это Роден!

Жан-Жак вскочил со стула.

— Роден? Что — Роден?

12 ч. 08 мин.

Кристос, задыхаясь, бежит по молу. Оба мальчишки мчатся в нескольких метрах впереди него. Жан-Жак пыхтит сзади. Рене кое-как идет, вернее сказать, ковыляет.

— Вот, это здесь!

Мол никак не кончается.

Это Роден.

Если бы не тридцатилетний опыт работы в бригаде Сен-Жиля, он бы не смог расшифровать это сообщение. В старой колониальной книге с картинками Кристос вычитал, что «креол по природе своей созерцатель». Роден — иллюстрация к этой книге. Роден с незапамятных времен целыми днями смотрел на горизонт со своего черного камня в конце мола, повернувшись спиной к острову, к порту, к барам, к ночным клубам, к автомобильной стоянке. И больше ничего не делал. Если все креолы — философы, то Родена можно считать Диогеном.

Роден здесь... Он лежит на камнях пятью метрами ниже.

Если наклониться, можно увидеть его труп.

Кристос переводит дух и говорит себе, что придется спуститься, взглянуть на него. А вдруг креол только ранен...

Но надежды на это мало.

Мальчишки так на него тарашатся, как будто перед ними Горацио Кейн[20] собственной персоной. Он их не разочарует...

Кристос ступает на скользкие камни, о которые волны должны разбиваться, не достигая бетонного мола. Он продвигается медленно. Камни обросли осклизкими водорослями, в лакированных ботинках идти трудно, нога то и дело срывается. Горацио не подготовился. Если бы он знал заранее...

— Ну что, Кристос? — тупо спрашивает сверху Рене.

О чем он? Минутку... На что он надеется? Что Кристос сейчас воскресит Родена, просто-напросто коснувшись его рукой?

Кристос кричит, чтобы отогнать красных крабов. Тем хуже для наименее проворных из этих мерзких ракообразных некрофагов, их панцири хрустят под его подошвами, словно опавшие листья.

Труп лежит на животе, ногами к океану.

Он точно мертв, но никаких ран не видно...

Кристос понял. Он сглатывает. Придется перевернуть тело, чтобы разобраться. Роден всегда отлично сохранял равновесие, он словно врос в бетон, как мидия лепится к садку. Он не упал бы, если бы его не толкнули...

Он слышит, как там, наверху, плачет Жан-Жак. Роден был недостижимым идеалом. Квинтэссенцией креольской мудрости.

Кристос старается дальше не думать и хватается за пояс джинсов. Тело до странности легкое, оно, можно сказать, с готовностью переворачивается, подставляя солнцу обглоданное крабами лицо.

Черт!

Кристос с трудом удерживается на ногах, вцепившись пальцами в подобие мягкого коралла, скрепляющее между собой каменные глыбы.

Только этого не доставало!

У Родена в сердце воткнут нож...

Младший лейтенант соединяет одно с другим. Да тут и самый тупой из жандармов увидел бы связь. Нож прочный, чистый. Наружу торчит только светлая рукоятка, выточенная из рога животного, какие здесь не пасутся. Кристос наклоняется. Там даже гравировка есть, чтобы уж точно расставить все по местам, на случай, если бы Родена нашел самый безмозглый полицейский.

Maisons du Monde.

Товары этой фирмы продаются по всей планете... но на острове нет ни одного их магазина.

Кристос старается рассуждать как можно быстрее.

Зачем было убивать Родена?

Он поднимает голову к молу. Жан-Жак плачет на груди у Рене. Мальчишка постарше держит за руку малыша, а тот держит мяч.

Зачем было убивать Родена?

Не для того, чтобы обокрасть. У Родена никогда ничего не было при себе, у него вообще ничего не было, даже крыши над головой. Крестос обернулся, посмотрел в сторону канала. У него зародилось предположение — бредовое, но правдоподобное.

А что, если Роден повернул голову, раз в жизни, единственный раз? Какой-то шум за спиной, кто-то позвал на помощь. Чуть повернул голову, и всего-то на мгновение.

Ничтожное мгновение в сравнении с целой жизнью, проведенной в созерцании.

А что, если Роден стал жертвой предельного невезения, жестокой шутки из тех, какими порой забавляется жизнь?

Повернуть голову всего один раз... но в самый неподходящий момент.

10

ITC Tropicar

16 ч. 01 мин.

Марсьяль в нерешительности. Ему бы надо поторопиться, подняться в номер, сложить вещи в чемодан. Скоро явятся полицейские, теперь в этом нет ни малейшего сомнения. Ему бы надо крикнуть Софе, чтобы вылезала из бассейна, и сваливать отсюда. опередить. Хоть ненамного.

Софа развлекается. Впервые с тех пор, как она живет в этой гостинице, ей есть с кем поиграть. Она прыгает в воду со своими нарукавниками. Другие дети толпятся вокруг нее, словно придворные вокруг королевы. Софа смеется. Загорелый, как ириска, малыш с длинными светлыми волосами что-то шепчет ей на ухо. Софа брызжет на него водой и хохочет.

У Марсьяля сжимается сердце.

Некогда умиляться. Надо пошевеливаться! Вытащить Софу из бассейна. И бежать...

Нельзя все загубить. Только не теперь...

16 ч. 03 мин.

Полицейский пикап катит по улице Генерала де Голля, мчится вниз по склону, давит листья и сиреневые вьюнки. Морес вжимает в пол педаль акселератора. Едущие навстречу машины жмутся к обочине. На этот раз Айя позабыла о какой бы то ни было дипломатии и, с наслаждением пожертвовав безмятежным покоем курорта и «Аламанды», организовала срочное задержание Марсьяля Бельона. Кроме пикапа, который на бешеной скорости несется к отелю, туда же едут еще четыре машины, больше двадцати полицейских, — капитан Пюрви позвала коллег из Сен-Поля и Сен-Ле. Цель операции — отрезать Сен-Жиль от остального мира. Перекрыть все выходы на случай, если задержание пойдет как-нибудь не так.

Кто может предсказать, как поведет себя Бельон?

Айя, сидящая на пассажирском сиденье, не обращая внимания на тряску, в последний раз перечитывает отчет экспертов из Сен-Дени. Результаты анализов подтверждают, что пробы, взятые Кростосом с постели, кровати и ковра, — это действительно кровь Лианы Бельон. Образцы сравнили с данными, полученными из лаборатории Кефер в метрополии, муниципалитета Дей-ла-Барр, департамент Валь-д'Уаз, той лаборатории, где у Лианы Бельон брали кровь для анализов. Но всё решили полученные пятнадцать минут назад результаты исследования ножа, который был воткнут в грудь Родена. Кроме крови креола на его лезвии были следы другой крови, более давние. Крови Лианы Бельон!

Одно оружие. Две жертвы.

Один преступник.

И чтобы совсем уже никаких сомнений не оставалось, на рукоятке ножа были четкие отпечатки пальцев.

Отпечатки пальцев Марсьяля Бельона.

Морес, подняв тучу пыли, вылетел на авеню Бурбон. ОТЕЛЬ «Аламанда» был прямо по курсу, между аквапарком и кварталом ночных клубов. Айя пожалела, что не арестовала Бельона вчера, когда он убалтывал ее в участке. Двое полицейских все утро рылись в контейнерах с утилем и не нашли ничего из одежды Лианы Бельон. Марсьяль и в самом деле перевозил ее труп! Он произвел на Айю впечатление человека, неспособного разумно действовать в

сложившихся обстоятельствах, жену он, скорее всего, убил ненамеренно, во время ссоры, в припадке ревности или гнева, может быть, даже из-за малышки... А потом запаниковал... И снова убил, на этот раз — мешающего ему свидетеля.

И на этот раз — хладнокровно.

Одному богу известно, на что он способен теперь.

16 ч. 05 мин.

Мне трудно бежать во вьетнамках.

Папа слишком сильно стиснул мою ладонь. Он мне руку оторвет, если будет так меня тащить. Я вообще не хотела вылезать из бассейна.

— Папа, не беги так, мне больно...

— Побыстрее, Софа.

Папа ведет меня за гостиницу, к парковке, туда, где стоит машина, которую мы взяли напрокат на время отпуска.

— Папа, я не могу так бежать...

Я потеряла вьетнамку. Я сделала это отчасти нарочно, но папе все равно, он продолжает выдергивать мне руку из плеча. В ноги впиваются камешки, я останавливаюсь и начинаю вопить. Папа недоволен.

— Софа! Побыстрее. Умоляю тебя...

Папа не кричит, это странно, он говорит тихо, почти шепотом, как будто боится, как будто за нами гонится толпа людоедов. Зажал мою руку в своей здоровенной лапище. Мне приходится скакать за ним на одной ножке. Я ною изо всех сил, но папа меня уже не слушает.

Вот она, машина, до нее осталось метров двадцать. Папа, даже не замедлив шага, издали ее открывает. Я все ноги ободрала о бетон на стоянке. Я кричу, ору еще громче, выхожу из себя, это я умею, бешусь до тех пор, пока папа не отпускает мою руку.

Он резко останавливается. Наконец-то.

Но не из-за того, что я орала.

Он смотрит на машину, как будто ее поцарапали, или колесо украли, или руль. Голос у папы дрожит.

— Софа, живо садись в машину...

Я не двигаюсь с места. Я умная, мама мне все время это говорит. Я умею читать. Почти все слова.

Например, те, что написаны на пыльном стекле двери.

Встреча
В бухти каскада
Завтра
16 ч
приходи с девочкой

Я плохо понимаю. Я хотела бы еще раз перечитать буквы и попытаться понять, что там написано. Или хотя бы запомнить.

Но я не успеваю, папа почти сразу стер записку рукой, оставив длинные грязные следы.

— Садись в машину. Софа. Быстро.

Папа никогда еще не разговаривал со мной таким строгим голосом. Я немножко испугалась, но послушалась. Забираюсь на заднее сиденье, влезаю в детское кресло.

Почему папа стер эти слова, как будто мне нельзя было их читать?

А кто должен был их прочитать? Кто их написал?

Папа?

Мама?

Перед тем как мотор завелся, я услышала, что сзади кто-то кричит.

16 ч. 08 мин.

Айя первой входит в гостиничный холл, Морес следует за ней. Крестос остается поодаль и наблюдает за ними.

Наиво вырастает за стойкой, словно игрушка на пружине. Не проходит и трех секунд, как является Арман Зюттор. Директор отеля ошалело таращит глаза, на одном виске волосы у него стоят торчком, к другому прилипли, как будто его подняли во время сиесты. Айя на него и не взглянула. Она выкрикивает приказы:

— Морес — наверх, в семнадцатый номер, Крестос — со мной в сад.

Двери лифта открываются. Ева Мария вопит:

— Не ходите по мокро...

Трое сволочей в форме и армейских ботинках, не слушая ее, топают по плитке. Пол в коридоре измазан мокрым песком, цепочка

следов тянется до двадцать второго номера, там ботинки упираются в белоснежную стенку напротив, потом одним ударом вышибают дверь.

Она слетает с петель.

Грязные ноги топчут ковер.

— Никого! — орет Морес в рацию. — Капитан, он смылся!

Айя выругалась.

Она смотрит на гостиничный сад. Видит перед собой замерших туристов, они похожи на забытых у бассейна надувных кукол. Ей даже приказывать не надо — полицейские сами рассыпаются в стороны, прочесывают отель в поисках малейшего закутка, где можно спрятаться. Все кроме Кростоса...

Младший лейтенант стоит, прислонившись к стволу пальмы, и довольствуется тем, что, повернув голову к бару, вопросительно глядит на Габена. Тот пожимает плечами. Вид у него недовольный, как будто он обдумывает, не сменить ли ему место работы после всего этого.

Кростос хмурится, показывая тем самым, что ждет ответа. Габен в пантомиме не так силен, как в смешивании коктейлей, но он делает над собой усилие. Он машет руками. Если не придираться, то можно считать, что он изображает птицу или, может быть, бабочку. Во всяком случае, нечто с крыльями.

Достаточно для того, чтобы понять.

Бельон упорхнул.

16 ч. 10 мин.

Марсьяль гонит машину, она мчится по авеню Бурбон, потом по улице Генерала де Голля, Сен-Жиль разворачивается длинной лентой между лагуной и лесом. Ему надо выехать на шоссе, минуя порт, иначе дорога приведет его напрямик в полицейский участок, так что выбора у него нет, приходится кружить переулками, вот только каждый второй из них заканчивается тупиком, словно ложный путь в лабиринте.

Пропетляв еще километр между хижинами, Марсьяль резко тормозит, едва не выругавшись вслух. Чтобы оказаться на дороге, ведущей к шоссе, надо проехать через единственный переброшенный над ручьем мостик, но доступ на него перекрыт. Сплошная лента машин тянется метров на двести...

Марсьяль закипает от злости.

Не важно, сама собой здесь образовалась пробка или это полицейские перегородили дорогу за мостиком. Как бы там ни было, он не может себе позволить торчать в пробках, он должен попытаться проскочить другим путем.

Он разворачивается. Шины «клио» взвизгивают.

Марсьяль снова едет по авеню Бурбон, теперь в обратном направлении, потом внезапно, за триста метров до «Аламанды», сворачивает вправо. Грунтовая дорога, тянущаяся на два километра вдоль пляжа, его выручит, если только перед ним не окажутся красные вагончики пляжного поезда, который с черепашьей скоростью перемещается между выходами к лагуне.

Если ехать на юг, дорога упрется в Ла-Салин-ле-Бен. Марсьяль старается убедить себя, что у него есть еще небольшой запас времени, он пока опережает полицейских. «Клио» в облаке рыжей пыли минует аквапарк, домики-близнецы Коралловой деревни, площадку для игры в шары. Велосипедисты съезжают с дороги. Семьи, стоящие в очереди к фургончику с мороженым, кашляют от поднятой им пыли; полуголые люди с полотенцами через плечо осыпают его ругательствами. Марсьяль понимает, что его побег никак не назовешь незаметным и что долго он в таком темпе не продержится.

Но у него нет выбора.

Через открытое окно внутрь летит песок. Софа плачет на заднем сиденье.

— Папа, мне глаза щиплет.

Марсьяль резко поднимает стекло. Логично было бы продолжать двигаться на юг вдоль пляжа, пересечь Ла-Салин и за пляжем выехать на дорогу, ведущую к Сен-Пьеру. Сен-Жиль — это путаница улиц, из которой можно выбраться только в трех направлениях: на север и на юг по прибрежному шоссе... и по сотому шоссе наверх...

Вернувшись на асфальт, он снова может прибавить скорость. Пляж с его разномастной толпой пунктиром мелькает между кривыми стволами. Казуарины проносятся словно телеграфные столбы.

«Мы проскочим с юга», — заставляет себя надеяться Марсьяль.

— Папа, не гони так!

Он видит в зеркальце перепуганную Софу, вцепившуюся в ремень безопасности. Можно подумать, вместо отца здесь кто-то чужой и он везет ее в ад. Стрелка спидометра снова дергается.

Внезапно из ворот какой-то виллы выбегает мальчик. Лет шести. Босой. С бодибордом под мышкой. И замирает, словно кролик.

Марсьяль давит на педаль тормоза. Софа вопит. Мальчик улепетывает, скрывается во дворе за решетчатой беседкой.

У Марсьяля взмокла спина. На мгновение ему показалось, будто он узнал Алекса.

Он сходит с ума. Это бегство пробуждает всех его демонов.

Он медлит, не трогается с места. Голова у него вот-вот лопнет, он стискивает ее мокрыми руками. Он принял решение. «Клио» на метр проскакивает вперед, из-под колес летит розовый гравий, которым усыпана аллея, ведущая к вилле, потом машина разворачивается и мчится в обратном направлении.

— Папа, что ты делаешь?

Марсьяль не отвечает. Он внезапно осознал, что несколько секунд назад устремился прямо в волчью пасть. Капитан Пюрви наверняка предупредила полицейских из Сен-Ле и Сен-Поля, и теперь они должны двигаться в сторону Сен-Жиля. Первым делом они поставят свои пикапы поперек дороги и перекроют приморское шоссе с юга и с севера.

У него остается только одна возможность. Выбраться через верх. Катить в горы.

А потом...

16 ч. 14 мин.

— Арендованная машина! — кричит Морес.

Полицейский бежит от стоянки, расположенной за отелем. Чуть отдышавшись, он прибавляет:

— Серая «клио». Не заметить ее невозможно, у нее спереди на щитке от солнца написано «ITC Trading»,^[21] а на задней двери — фирменная наклейка.

— Отлично! — Айя, в свою очередь, кричит в рацию: — Все выезды перекрыты, далеко ему не уехать. Усильте заграждения на прибрежном шоссе у выезда из Сен-Жиля.

Капитан Пюрви топчется на лужайке в гостиничном саду и отдает распоряжения. Жандармы из Сен-Жиля, за исключением Кростоса, толпой ходят за ней по пятам, словно телохранители. Некоторые из туристов у бассейна одеваются. Другие застыли на месте и только

поворачивают голову синхронно с перемещениями жандармов, чтобы не упустить ни мгновения зрелища. Почти все дети забрались на колени к родителям, и только малыш с длинными светлыми волосами словно бросает взглядом вызов авторитету взрослых.

Айя на мгновение встречается глазами с этим мини-серфингистом. Внезапно она застывает на месте, подносит к губам рацию.

— Нет! В программе изменения, оставайтесь главным образом наверху! Исинду, Мино — вы на прежнем месте, в конце Морского проспекта? Встаньте за кругом на Д100. Дорога вдоль берега под контролем, Бельону ничего не остается, кроме как свернуть на Маидо, а оттуда либо к циркам, либо на дорогу Тамариндов. Будьте наготове, руку готова дать на отсечение, что он попытается прорваться через верх!

Она переводит дыхание, старается говорить спокойно.

— Ребята, только осторожнее, я знаю, что мы имеем дело с преступником, убившим двоих... но на заднем сиденье едет девочка.

16 ч. 15 мин.

— Папа, меня тошнит!

На этот раз я не вру. Я правда хочу, чтобы папа остановился. Он не смотрит, куда едет, в конце концов он задавит кого-нибудь. Или не впишется в поворот. Я устала. И я боюсь. Я хочу вернуться в отель. Я хочу вернуться в бассейн.

Я хочу к маме.

Я же не совсем дура, я все поняла, папа сбежал, как только появились полицейские, как только он услышал сирены. Я догадываюсь, что это как-то связано с мамой. Дети в бассейне рассказывали, что она умерла.

Я брызгалась водой, не хотела при них плакать, я хохотала, но они не отставали, они проводили большим пальцем у шеи и заглядывали мне в глаза.

«Это твой папа ее убил!»

Я сдержала слезы, я заперла себе горло на два оборота и только рожу соорудила.

«Болтаешь сам не знаешь что, с чего ты взял?»

«Мне мама сказала!»

Самый старший, тот, что с длинными волосами, говорил уверенно. Вообще-то он тоже еще маленький. Но, может быть, это все-таки правда.

Папа, как будто прочитав мои мысли, оборачивается ко мне.

— Смотри, Софа, видишь гору прямо перед нами? Вот туда мы и едем, в облака.

— К маме? — спрашиваю я.

16 ч. 16 мин.

Марсьяль не отвечает. Он петляет по мелким улочкам — аллея Мечты, Кокосовая, Финиковая. Все они ведут к Морскому проспекту, ему останется только проехать через круговой перекресток на пересечении Н1 и Д100, и он свободен...

Надо еще прибавить скорость, гнать изо всех сил, надо проскочить до того, как они перекроют дорогу.

— Папа, это правда? Мама ушла на облака?

— Нет, Софа, конечно, нет...

— А тогда почему, папа, ты...

— Потом, Софа!

Марсьяль повысил голос и тут же на себя за это рассердился. Он никак не может сосредоточиться, ему не удастся точно сформулировать догадку, но чем больше машина удаляется от моря, тем более ясно и отчетливо он понимает, что ему не проскочить.

Полицейские переговариваются по телефону, у них, конечно, уже есть описание его машины, и они уже должны стоять на главных магистралях у выездов из Сен-Жиля. В том числе и на дороге, ведущей в горы.

«Клио» пропускает вперед «тойоту». Марсьяль снова открывает окно. Он явственно слышит полицейские сирены, совсем близко, в нескольких кварталах.

— Папа, мы возвращаемся в отель?

Он осознает, что в прятки играть бесполезно. Его взятая в аренду машина очень уж приметная. Полицейские спокойно накинута на него сеть.

— Нет, Софа, нет. Не в гостиницу. Я... я хочу сделать тебе сюрприз.

Он болтает невесть что, лишь бы Софа помолчала, лишь бы он мог спокойно подумать и найти выход.

Припарковаться здесь? Дальше идти пешком? Глупо, полицейские заметят машину. А с Софой ему и ста метров не пройти.

— Папа, я не хочу сюрприз, я хочу вернуться в отель.

Софа ерзает на заднем сиденье, колотит ногами по спинке его кресла.

— Я хочу к маме! Ты меня слышишь? К маме!

Снова раздаётся короткий пронзительный вопль сирены. Марсьялю необходимо что-то придумать, чтобы успокоить Софу, чтобы выиграть время. Он не может допустить, чтобы его поймали, тогда все пропало.

Он не имеет права на неудачу.

И, чтобы этого не случилось, он должен без колебаний пожертвовать тем, что его задерживает.

— Я покажу тебе нечто удивительное, Софа. Я отвезу тебя в рай. Думала ты когда-нибудь, что увидишь рай?

11

Что с них взять...

16 ч. 57 мин.

Парковка автономной территориальной бригады Сен-Жиля, как правило, представляет собой залитый солнцем пустырь, который иногда превращается в площадку для петанка, на которой Кростос, играя в паре с Жан-Жаком, вот уже лет десять остается непобедимым.

Сегодня ее внезапно превратили в штаб облавы на Марсьяля Бельона. Вокруг пяти машин, у которых все двери нараспашку, топчутся десятка два полицейских.

Айя переходит от одной группы к другой, словно режиссер, взвинченный перед генеральной репетицией. Уже довольно долго она осыпает оскорблениями свой телефон.

— Он не успел проскочить! — орет капитан Пюрви. — Да, я в этом убеждена! Все выходы перекрыты. Это вопрос нескольких минут, поверьте нам, какого черта, мы знаем эти места, мы его схватим!

Айя в ярости. Они уже больше часа прочесывают каждую улицу Сен-Жиля и его окрестностей и до сих пор не нашли ни малейшего

следа серой прокатной «клио», равно как и Марсьяля Бельона и его дочери. Можно подумать, машина испарилась! Айе пришлось позвонить в Сен-Дени, в управление полиции. Какой-то перепуганный мелкий служащий мгновенно соединил ее с полковником Ларошем. Тот беседовал с ней любезно, терпеливо, не проявляя ни малейших признаков паники, — напротив, этот мудака говорил снисходительным тоном, словно пытался ее подбодрить.

— Не беспокойтесь, капитан, мы уверены, что вы и ваши люди сделали максимум того, что было в ваших силах. Теперь за дело возьмутся оперативная группа и наши бригады... Мы будем оставаться на связи...

Максимум того, что было в ваших силах?

Этот тип с зорейским акцентом, который еще и трех месяцев на острове не пробыл, разговаривает с ней как с девчонкой. Айя с трудом успокаивается. И все же ей надо выцарапать несколько часов. Их бригады — это десятки перетренированных парней, которые только и ждут случая размяться; моторизованные бригады, морские, воздушные, высокогорные... Куда против них ее ребятам, но она надеется, что Ларошу не так уж хочется напустить все свои силы на самый что ни на есть туристический центр острова. Устроив охоту на человека на местности, они обратят отдыхающих в бегство скорее, чем рой тигровых комаров.[22]

Айе пришлось вести долгие переговоры.

— Хорошо, капитан Пюрви, — в итоге уступает Ларош. — Даю вам два часа на то, чтобы поймать вашего беглого туриста. В конце концов, нельзя же убийцу, который убегает вместе с дочкой, всерьез рассматривать как похитителя ребенка... — Полковник делает паузу, потом заканчивает: — Тем более что ее матери уже нет и она не может подать жалобу.

Молчание.

— Я пошутил, капитан Пюрви.

Кретин!

Айя с трудом подавляет желание оборвать разговор. Вместо этого она, напротив, обещает полковнику, что будет держать его в курсе и сообщать новости каждые четверть часа, снова его благодарит и, наконец, отключается.

Кретин!

Она сознает, что, если она не сможет быстро найти Марсьяля Бельона, выторгованные два часа ничего уже не изменят. Расследование будет поручено людям Лароша, а она будет досматривать из зала.

Кристос, стоя поодаль, в тени двух казуарин, между стволами которых растянута ветхий гамак, с удивлением наблюдает за происходящим. Зрелище сюрреалистическое. Всего в нескольких метрах от стоянки, превращенной в стратегический центр беспощадной охоты на человека, всего через каких-то два дома, лежит пляж Сен-Жиля. Туристы, идущие мимо, наблюдают за царящей здесь суетой, прислушиваются к стрекочущим рациям. Самые сообразительные, должно быть, думают, что проснулся вулкан или что на пасхальные каникулы намечается обширная операция по борьбе с пьянством за рулем, проверка содержания алкоголя в крови у водителей. Собственно, именно это Айя и попросила жандармов говорить прохожим, объясняя, почему устроили заграждения на выездах из города.

Сейчас начнется, думает Кристос. На маленький курорт обрушится ураган... Пользуйтесь, бездельники, успеете насладиться закатом, рыбами-клоунами и коктейлями с зонтиком и кружком апельсина, пока не объявили осадное положение. Вы очень скоро об этом услышите... По улицам ходит убийца. Он зарезал свою жену, а к этому времени, может, даже уже и дочку. Может, он зарыл их в песок, с которым возятся ваши детишки...

Айя, равнодушная к курортной жизни, поворачивается спиной к пляжу и входит в большой зал полицейского участка. Все двери и окна распахнуты. Видеопроектор, подсоединенный к ноутбуку, проецирует на белую стену карту Сен-Жиля в масштабе 1/10 000, размером четыре на два метра. Один из жандармов вводит в компьютер в реальном времени размещение заграждений и помечает места, которые уже обшарили; при помощи разноцветной заливки показано, сколько раз проходил патруль.

Айя несколько минут наблюдает за тем, как раскрашивается карта. Желтый. Оранжевый. Красный. Для того чтобы закрасить ее целиком, потребуется несколько часов... Внезапно она хватается за набор маркеров и идет к противоположной и тоже белоснежной стене. Встает на цыпочки

и пишет, стараясь дотянуться как можно выше, огромными заглавными буквами:

Черным —

ГДЕ МАШИНА?

Красным —

ГДЕ ТЕЛО ЛИАНЫ БЕЛЬОН?

Синим —

ГДЕ ЕЕ ДОЧЬ?

Зеленым —

ГДЕ БЕЛЬОН?

Айя надевает колпачок на последний фломастер. Кростос тихонько подходит к ней, останавливается у нее за спиной.

— Может, не надо было так открыто являться в отель арестовывать Бельона?

Капитан Пюрви оборачивается, явно раздраженная до предела.

— А ты бы что предложил? Явиться туда в купальниках и окружить бассейн?

Кростос не обижается. Он понимает. Малышка Айя честолюбива, она о себе довольно высокого мнения, и при этом она провалила первую достойную этого названия операцию, которую ей поручили.

— Айя, тебе не в чем себя упрекнуть. Ты мобилизовала все бригады, какие имелись в наличии.

Он кладет ей руку на плечо, смотрит, как суетятся на стоянке полицейские, — в точности как перепуганные муравьи.

— Вспомни, дорогуша, в последний раз, когда жандармы из Сен-Поля, Сен-Жиля и Сен-Ле проводили совместную операцию, это была облава на нудистов... В соответствии с сентябрьским законом 2005 года. И при этом половина клиентов голышом пробралась к Трем бассейнам...

Айя слабо улыбается.

— Бельон не прорвался, Кристос! Мы сразу закрыли город, я даже послала Гаврама и Лароза проверять выходящие из порта суда.

Капитан Пюрви умолкает и некоторое время разглядывает огромную карту на стене, покрытую оранжевыми кругами.

— Он еще здесь, где-то совсем рядом, я это чувствую.

Кристос, в свою очередь, смотрит на карту и морщится.

— Тогда остается поверить, что Бельон — волшебник. Спрятать взятую напрокат машину и шестилетнюю девочку в деревне с населением в три с половиной тысячи человек, когда по улицам рыскают десятки полицейских...

Айя его не слушает. Она разворачивается, выходит из комнаты, снова идет на стоянку и начинает говорить.

Все жандармы смотрят на нее.

— Ребята, Ларош пришлет подкрепление из Сен-Дени. Потому что нам, как они считают, самим не справиться. «Что с них взять...» — вот что они о нас думают... Так что давайте, пошевеливайтесь! Мы все знаем, что Марсьяль Бельон не мог покинуть город. Вы обыщете не только багажники всех машин, которые выезжают из Сен-Жиля, но еще и все гаражи, все хижины, все дома, виллы, резиденции. Богатые, бедные, креолы, французы — мне без разницы. Все дома до единого! Если надо, мы всю ночь будем этим заниматься. Он раскатывает в арендованной машине, на которой огромными буквами написано «ITC Tropicar»! Мы его поймаем, ребята. И сделаем это сами!

Ее речь встречена молчанием, за которым явно угадывается сомнение.

— Впечатляет, — шепчет ей на ухо Кристос. — Ты прямо как Джон Уэйн.[23] Остается выяснить, готова ли твоя конница атаковать...

Повернувшись к младшему лейтенанту, Айя тем же тоном прибавляет:

— А ты, мессия, заткнись со своими пророчествами. Займись расследованием в «Аламанде». Допроси Журденов, служащих отеля, мальчишек на стоянке... Всех! И выясни с точностью до секунды, чем занималась семья Бельон до того, как произошло убийство.

12

Софа в раю

17 ч. 01 мин.

Всякий раз, как Софа дотрагивается пальцем до мимозы, листочки сжимаются. Невероятно! Можно подумать, это зверек такой. Несколько секунд спустя листок робко и недоверчиво разворачивается снова.

Софа не может оторваться от этого растения. Всего-навсего прикоснешься к нему, всего-навсего на него подует ветерок или упадет капля воды — и цветок прячется, как улитка. Сперва Софа испугалась, но потом втянулась в игру. И это только начало. Здесь, в этом саду, в Эдеме, можно увидеть еще много других удивительных растений.

Райский сад — Марсьяль ее не обманул.

Он наблюдает за дочерью. Он успокоился. Софа на несколько минут забыла обо всем. Он догадывается, что за оградой парка, напротив, настоящий хаос. Вся полиция, в ярости оттого, что егопустила, занимается его поисками. И задается тысячами вопросов.

Все логично!

Кто бы мог подумать, что преступник, находящийся в розыске, преступник номер один на острове, вместо того чтобы бежать или затаиться в какой-нибудь хижине, спокойно осматривает вместе с дочкой «Эдем» — самый знаменитый ботанический сад Реюньона? Кому из полицейских придет в голову искать его здесь?

Жандармы ищут серую «клио».

Где можно спрятать взятую напрокат машину?

Не прошло и часа с тех пор, как Марсьялю, окруженному ревом сирен, стиснутому со всех сторон заграждениями, пришлось за несколько секунд принять решение. Оно представилось ему совершенно очевидным: лучший способ спрятаться состоит в том... чтобы не прятаться.

— Фу, дерево-кака! — кричит Софа, заливаясь смехом.

Она остановилась перед стеркулией вонючей[24] и пытается прочесть название на деревянной табличке. Нюхает цветы на ветках, зажимает нос, опять смеется и вприпрыжку бежит дальше.

Марсьяль молча идет за ней.

Не прятаться...

Додуматься до этого легче, чем выполнить! Марсьялю пришлось снова проехать по авеню Бурбон, в нескольких сотнях метров от отеля «Аламанда», под носом у полицейских. В любую минуту он мог

напороться на один из их пикапов. Марсьяль резко затормозил у ворот, за которыми виднелись маленький заасфальтированный двор и сиреневое бетонное здание.

Прокатное агентство «ITC Tropicar».

На стоянке пять машин, две из них — «клио» серого цвета. Дела у хозяина явно идут не очень... Впрочем, контора закрылась на пасхальные выходные, все клиенты, если они есть, знают код, отпирающий ворота, а ключи они должны бросить в почтовый ящик или позвонить управляющему, чтобы он пришел (его номер телефона написан черным на сиреневой стене). Марсьяль припарковал «клио» в самом дальнем конце стоянки, под казуаринами, чтобы ее не было видно с улицы.

Пять машин или шесть? Одной больше? Да кто это может знать кроме хозяина? А он это заметит самое раннее во вторник утром, когда откроет лавочку! Что же касается полицейских, вряд ли они станут проверять. Беглец, на которого полиция устраивает облаву, не тратит время на то, чтобы поставить арендованную машину на стоянку агентства, особенно если расстояние от нее до отеля, из которого он сбежал, всего метров триста.

Так что у него есть два дня...

Софа входит в кактусовый садик. С любопытством наклоняется над большим лохматым шаром. Еще одно растение, которое похоже на животное! На свернувшемся в клубок пустынного ежа.

— Тещина подушка, — неуверенно читает Софа, ведя пальцем по буквам.

Снова рассмеявшись, бежит к деревянному мостику посреди бамбуковой рощи.

Марсьяль идет следом за ней, погруженный в собственные мысли. У агентства «ITC Tropicar» есть еще одно преимущество — его стоянка граничит с лесочком, позволяющим обогнуть Сен-Жиль под прикрытием, пройти так целый километр, до входа в сад «Эдем». Ботанический сад в эти праздничные выходные почти совсем пуст, креольские семьи устраивают пикники в горах. Навстречу попадаются лишь редкие туристы, немолодые, с голубыми путеводителями в руках. Никто явно еще не в курсе того, что за оградой устраивают облаву.

Пока что сад «Эдем» — неприкосновенный рай, идеальное убежище, в котором можно переждать.

Пока что...

Софа поднимает глаза, замороженная деревом путешественников с его кроной в форме солнца, выстреливающей в небо сотни зеленых лучей. С той минуты, как вошла в сад, она не устает читать таблички рядом с растениями, бесконечно долго пытается разобрать названия. Ученые латинские слова, сложные ботанические термины — столько всего непонятного.

Равенала.

И все же Софа делает перерыв, морщит лоб, проводит рукой по своим длинным волосам. В точности копирует мать, отмечает Марсьяль, когда та приходит в музей или на выставку. Он сам удивляется, что в последние несколько минут дышит спокойнее, наслаждается мгновением, несмотря на полицейских, которые гонятся за ним по пятам. Никуда не спешит, любуется дочкой. Софа — настоящий чертенок, но она совершенно очаровательный чертенок. Одаренная. Страстная. Волевая.

Конечно, Лиана слишком ее избаловала. Но кто он такой, чтобы этому помешать? И какое место будет занимать отныне? Лиана бросила изучать свою социолингвистику ради того, чтобы растить Софу. Лиана должна была защитить диссертацию во время беременности, так предполагалось: девять месяцев на то, чтобы написать четыреста страниц на тему малоизвестных переводов «Маленького принца». Теоретически это было возможно сделать, даже работая три раза в неделю по полдня библиотекарем в детском фонде де Сент-Экзюпери в Исси-ле-Мулино.

Лиана даже введение не дописала. Бросила работу на четвертом месяце беременности, хотя после защиты ее с распростертыми объятиями приняли бы в штат фонда.

Беременность может изменить женщину. Как Марсьяль мог до такой степени позабыть об этом? Лиана внезапно отбросила всякие личные амбиции и полностью посвятила себя малышке весом в 3 кг 512 г. «Всякие личные амбиции...» Лиана взвыла бы, услышав от него эти слова. Он ничего не понимал! С тех пор как родилась Софа, Лиана пребывала в полной гармонии с собой...

Он напрочь перестал понимать Лиану...

И перестал понимать, что с ними происходит...

Беременность, потом рождение ребенка не оставили и следа от той Лианы, которая обвивалась вокруг него, от Лианы, обожавшей их на редкость изобретательные эротические игры. Не то чтобы у них вообще не было сексуальной жизни с тех пор, как появилась Софа... но теперь они занимались этим урывками, в лучшем случае любовные утехы были запланированы, еще немного — и их стали бы включать в список дел на неделю. Разумеется, необходимых, но первостепенную важность они утратили... Как, собственно, и он сам. Марсьяль никуда не делся, он по-прежнему занимал место в жизни Лианы, но уже не главное.

С этим примириться нелегко.

Софа бежит дальше, по сторонам мелькают деревья. Иногда она притормаживает, иногда смотрит в небо, иногда таращит глаза, разглядывая деревья, вырядившиеся словно для карнавала. Баобабы. Хлебные деревья. Масличные пальмы. Вакоа.

Внезапно она наклоняется и ныряет под красный мост, обвитый бугенвиллеями.

На мгновение Марсьяль теряет ее из виду.

«Это жизнь! — мурлыкала Лиана, укачивая Софу. — Это жизнь, Марсьяль! Повседневность, будни. То, что навсегда нас связало... Все пары, долго живущие вместе, через это проходят».

Нет, Лиана! Марсьялю столько раз хотелось это выкрикнуть. Нет, Лиана, не все пары!

Лиана никогда ни в чем его не упрекала, но молчание было таким гнетущим, недомолвки — такими понятными. Способен ли Марсьяль заботиться о Софе? Хотя бы любить ее? Можно ли на него положиться? Лиана никогда не упоминала о прошлом. Ни разу не произнесла имени Алекса. Лиана была умной, тонкой, чуткой и тактичной, но порой Марсьяль читал сомнение в ее взгляде, попадая в его пугающий водоворот. *Софа, твой папа — чудовище?*

— Осторожно!

Марсьяль инстинктивно рванулся вперед и схватил Софу за руку. Дочка бросает на него недобрый взгляд. Скорее обиделась, чем рассердилась.

— Это пальма «рыбий хвост», — объясняет Марсьяль, указывая на висящие над тропинкой гроздьи зеленых плодов. — Если съесть такой — отравишься, а если потрогаешь — будешь долго чесаться.

Софа недоверчиво и подозрительно оглядывает странное растение, потом, ни слова не ответив отцу, идет по тропинке дальше.

Софа, твой папа — чудовище?

Ответа он не знает.

Он больше не должен ни на что отвлекаться. Сад закрывается в 18 часов. Через несколько минут они окажутся на улице. Никакого плана у него нет. Квартал, наверное, битком набит полицейскими, они стекаются сюда со всего острова только ради него и его дочери. Его лицо вот-вот покажут по первому каналу Реюньонского телевидения. И лицо Софы.

Одинокий отец с дочкой...

Кто-нибудь неизбежно их узнает. Какой-нибудь турист или прохожий.

Софа остановилась в конце тропинки. На стебле «фарфоровой розы» нежится крохотный хамелеон. Цветок покачивается, и он меняет цвет — от красного до зеленого.

Творческий подход, чуть-чуть воображения...

Вот уж чего Софе не занимать.

— Побудешь здесь, маленькая? Я пойду к выходу.

Софа не отвечает, ее заморозили глаза хамелеонового детеныша, которые вращаются в разных направлениях, словно два волчка. Марсьяль, в последний раз взглянув на Софу, входит в увитую лианами крытую галерею. Он сознает, что у них больше нет машины, нет другой одежды, кроме той, которая на них, им негде ночевать и нечего есть.

Он больше никого не знает на этом острове, и уж тем более — на этом курорте. Один против всех. И на руках у него ничего, ни одного козыря.

Чтобы оказаться у выхода, надо пройти через гигантскую дубовую бочку, изготовленную, как сообщает табличка, в 1847 году и вмещавшую 57 000 литров рома. Марсьяль идет вперед, наблюдая за девушкой у входа, за рядами открыток. Она стучит по клавишам айфона. Крашенные ногти, африканские косички, пирсинг в ноздре. С

точки зрения статистики куда больше шансов, что красотка сидит в фейсбуке, чем на новостном сайте, где выложена фотография беглеца...

Марсьяль надевает темные очки. У него нет выбора, он должен попытаться счастья. В холле пусто, на стойке буклеты, перечисляющие главные развлечения острова, ежемесячный журнал, расхваливающий радости курорта Сен-Жиль, еще какие-то рекламные проспекты...

На первый взгляд — ничего полезного.

На первый взгляд.

У Марсьяля созревает план.

Для его осуществления надо только, чтобы ему повезло. Самую малость. И как следует набраться наглости.

13

Адвокат заговорил

17 ч. 16 мин.

— Алло, Айя?

Капитан Пюрви, закрывшись в большом зале, пересекает идущий от видеопроектора луч света и внезапно накрывает город Сен-Жиль черной тенью, словно грозовой тучей.

— Да?

— Жильдас, капитан из бригады Сен-Бенуа. Ты должна меня помнить, полицейские в резиновых сапогах и плащах...

Айя его помнит. Жильдас Яку уже двадцать пять лет как капитан из бригады Сен-Бенуа. Двадцать пять лет растит свою досаду, как другие — коноплю, просит о переводе в другое место, но никак не дождется. Сен-Бенуа — это сто дождливых дней в году, больше половины населения — безработные, и рекордные для острова цифры по насилию над личностью...

— Чего ты от меня хочешь, Жильдас? Мы здесь слегка зашиваемся. Если ты хотел предложить мне помощь...

Жильдас кашляет, как будто у них там зима.

— Айя, у меня есть кое-что новое по делу Бельона.

У Айи подкашиваются ноги. Марсьяль Бельон проскользнул сквозь ячейки сети. Он уже на другой стороне острова. Он скроется в Мафате или Салази.[25]

— Ты... ты засек Марсьяля Бельона?

— Нет... Хотя, знаешь, я бы не прочь. Поимел бы свои пять минут славы после того, как несколько десятилетий служил верой и правдой, и всем на это было начхать. Нет, не я, а — держись крепче — моя стажерка Флора, она дежурит в бригаде эту неделю... Она видела Лиану Бельон.

Айя рухнула на ближайший стул.

— Живую?

Жильдас снова покашлял в телефон. Так и представляешь себе его в шарфе и вязаной шапочке.

— Да, вполне, живее некуда.

Опять закашлялся. Жильдас явно тянет время.

— Но это было пять дней назад...

Оказаться бы сейчас рядом с Жильдасом и удавить его собственными руками.

— Хватит валять дурака, Жильдас. Мы здесь работаем.

Капитан из бригады Сен-Бенуа не обиделся.

— Лиана Бельон сама приходила в участок во вторник, 26-го числа.

За три дня до того, как пропала, подсчитала Айя.

— И чего она хотела?

— Трудно сказать. Насколько я понял, она разговаривала довольно странно, но подробности надо узнавать у Флоры, это она записывала показания.

— Ясно, Жильдас. Быстро давай сюда вместе со своей Флорой. Мы тебя ждем...

Жильдас забулькал смехом сквозь кашель.

— Ты не меняешься, Айя! Настоящая командирша. Представь себе, у нас здесь тоже работы хватает. Если хочешь увидеться с Флорой, тебе достаточно сесть в машину и обогнуть остров. Тебе повезло, в ближайшее время урагана не обещают...

— Жильдас, у нас убийца на свободе разгуливает.

— Ага... я так и понял... У меня, представь себе, каждую неделю по убийству. Не считая изнасилований и нападений...

— Не занудствуй, Жильдас. Если не будешь нам помогать, управление с тебя голову снимет.

Жильдас взорвался, и теперь в его голосе не слышится ни малейшего цинизма.

— Слушай, Айя, со мной эти штучки не пройдут! Мне-то какое дело до зореев из Сен-Дени? Давай договоримся, что приоритеты у нас разные, и останемся добрыми друзьями. Поделим пополам, идет? Я доеду до Ле-Тампона, а ты проделаешь другую половину пути, и мы встретимся в Антр-Дё, у кладбища Бра де Понто.

Айя смотрит, как гигантская карта на стене медленно, очень медленно окрашивается в желтый цвет, — это означает, что патрули прочесали территорию.

— Делать мне больше нечего. Жильдас, я нужна им здесь.

— Надо доверять своим людям, Айя, надо делить обязанности...

17 ч. 21 мин.

Кристос знаком предлагает супругам Журден сесть, а сам с наслаждением устраивается в глубоком кожаном кресле директора отеля «Аламанда».

Он ликовал, выгоняя Армана Зюттора из его кабинета.

Проваливай, дружище, твой кабинет реквизирован. Чрезвычайные обстоятельства!

Кристос просто залюбовался его перепуганной физиономией. И пусть скажет спасибо, что задница у младшего лейтенанта, согнавшего его с места, чтобы допросить с пристрастием его же постояльцев, не черная... Кристос поглубже забрался в кресло, расположенное с точным расчетом, — так, чтобы струя прохладного воздуха от вентилятора под потолком ласкала затылок сидящего. В общем-то Зюттора можно понять. К жалким привилегиям вроде этой так быстро привыкаешь...

Парочка напротив явно чувствовала себя неудобно. Адвокат и его жена. Жак и Марго Журден.

Кристос положил нож из набора, купленного в «Maisons du Monde», на письменный стол.

— Мадам и мсье Журден, еще раз спрашиваю: это нож Марсьяля Бельона?

— Ну-у...

Неразговорчивый попался адвокат.

Кристос не обманывается. Жак Журден, разумеется, узнал нож, но упирается. Вопрос чести, классовой солидарности, молчаливого сговора. В конце концов, еще вчера они с Марсьялем Бельоном сидели за одним столом...

Кристос поправил седую прядь, которую назойливо трепал ветерок от вентилятора.

— Мадам и мсье Журден, давайте говорить напрямик. Пока мы тут прохлаждаемся в директорском кабинете, все полицейские острова мобилизованы для псовой охоты. Свора, крупная дичь — а между ними жизнь шестилетней девочки. Так что думайте быстрее...

Кристос крутанул нож, словно стрелку лотерейного колеса.

— Это оружие торчало в груди одного бедолаги, на рукоятке остались отпечатки пальцев Бельона. Вы никого не выдаете... Я прошу у вас всего лишь подтверждения.

Жак Журден принимает вид достойный и ответственный.

— Трудно сказать...

Да-да, продолжай держать меня за дурака...

Кристос вздыхает. Как же его это бесит. Поднимает глаза от ножа, оглядывает комнату. Стены увешаны черно-белыми гравюрами, явно предназначенными для младшего персонала, заходящего в кабинет. Картинки рассказывают историю острова, но эта история обрывается в 1946 году, с его превращением в заморский департамент. Каторжный труд креолов на плантациях сахарного тростника, роскошные виллы в колониальном стиле, с резными украшениями по краю крыши, а перед ними — дамы в кринолинах, полуголые чернокожие и белозубые девушки, портреты каких-то забытых гордых и высокомерных вислоусых европейцев...

Доброе старое время...

Кристос готовится к бою.

— Я вас понимаю. Солидарность, так? Когда ветер крепчает, надо уметь сплотиться.

Можно подумать, он подсунул адвокату под зад морского ежа. Жак Журден завелся с четверти оборота.

— Почему вы так говорите?

Чтобы тебя, дурачка, расшевелить.

— Потому что по острову бродит убийца! Потому что он уже убил и будет убивать дальше, а нам необходимо подтверждение. В этом

случае и речи быть не может о профессиональной тайне, мсье Журден. Вы не адвокат Бельона. Вы ничем ему не обязаны. Вас не просят сотрудничать с иностранной полицией и доносить на соотечественника. Здесь вы на французской земле...

Не перегнул ли я палку, спрашивает себя Кростос.

— Это его нож, — неожиданно шепчет Марго Журден.

Он так и подскочил, кресло под ним мягко пружинит.

— Вы уверены?

— Да. Три дня назад мы поднимались в горы. Пикник в лучших креольских традициях. Мы останавливались на одной из площадок для барбекю. И все мы держали в руках этот нож.

Марго рассматривает его более пристально, изучает каждую царапину на лезвии и на рукоятке и подтверждает:

— Это его нож.

Жак бросает на жену свирепый взгляд. Для виду! Он скорее доволен, что Марго взяла это на себя. Кростос убирает нож в прозрачный пластиковый мешок.

— Спасибо, мы сдвинулись с места... Так что было вчера после обеда? Вы, кажется, плескались в бассейне вместе с Бельонами.

Жак, профессиональный лицемер, подхватывает:

— Совершенно верно. Перед тем как подняться в номер следом за Лианой, Марсьяль попросил нас присмотреть за Софой.

Кростос передвигает с места на место бронзовые часы, сделанные, должно быть, еще до отмены рабства. Циферблат окружен четырьмя маленькими голыми креолами, они тащат корзину, полную экзотических плодов.

— Извините, но не могли бы вы сказать поточнее? Лиана Бельон поднялась в номер в 15 часов 01 минуту. Наиво Рандрианасолоаримино открыл пустой номер 38 в 16 часов 06 минут, поднявшись туда вместе с Марсьялем Бельоном. Вопрос предельно простой: покидал ли Марсьяль Бельон сад отеля между 15 и 16 часами?

Жак Журден отвечает чуть поспешнее, чем надо:

— Трудно сказать. Вы же знаете, как это бывает. Сиеста, чтение, приятное безделье. Никто ни за кем не следит. Живем, не глядя на часы...

Ну да, конечно.

— Мсье и мадам Журден, я не стану заново выкладывать вам все аргументы насчет сбежавшего убийцы, маленькой Софы, важности ваших показаний...

Жак не сдаётся и пытается открыть все запасные выходы.

— Лейтенант, я предполагаю, что Марсьяль Бельон именно это должен был вам подтвердить. Кроме того, я слышал, что вы допросили служащих отеля. И троих детей, игравших на улице. Вам этого недостаточно?

Кристос смотрит на колониальные картинки, потом снова переводит взгляд на Жака Журдена.

— Мне — достаточно... А другим... Не стану скрывать от вас, версия Марсьяля Бельона с течением времени изменилась.

И на этот раз первой не выдержала Марго.

— Марсьяль ушел из сада пятнадцать минут спустя после Лианы. Потихоньку. Все дремали в шезлонгах, одна я плавала в бассейне. Он мог подумать, что никто его ухода не заметит. Его не было полчаса, вернувшись, он пробыл с нами минут двадцать и снова поднялся в номер, на этот раз так, чтобы все это заметили, попросив нас присмотреть за Софой.

— Вы уверены?

— Совершенно уверена. Я сначала подумала, что он собрался провести с женой эротическую сиесту... и позавидовала ей.

Получил, адвокат? Отличный удар справа...

— Время шло, и я подумала, что ей и правда очень повезло.

Отличный удар слева...

Кристос улыбнулся. Если присмотреться как следует, не такая уж она пресная и бесцветная, эта Марго Журден. Жак Журден продолжал улыбаться своей профессиональной улыбкой.

— Как видишь, дорогая моя, на самом деле ей не повезло.

Адвокат уклоняется от удара и наносит апперкот.

Внезапно взгляд его жены затуманился, она почти искренне воскликнула:

— Лейтенант! Вы правда думаете, что Марсьяль убил свою жену и этого... мм... туземца?

Осторожно, голубушка, это скользкая почва. Никогда, никогда не произноси этого слова здесь, на острове. Твой муж-адвокат сумеет

тебе это объяснить лучше меня. Под одеялом — ты это вполне заслужила.

— Возможно, мадам Журден. И я надеюсь, что больше он не оставит трупов на своем пути.

14

Частное лицо — частному лицу

17 ч. 33 мин.

Марсьяль сел на стул и на тот случай, если девица у входа поднимет глаза от своего айфона, спрятал лицо за сен-жильским листком, газеткой на четырех мелованных страницах. Да нет, вряд ли, она перебирает пальцами со страстью вундеркинда, исполняющего Моцарта в Альберт-холле.

Внимание Марсьяля привлек заголовок на первой полосе муниципальной газетки.

Отмена надбавки к пенсии. Недвижимость в Сен-Жиль-ле-Бен затаила дыхание.

Уже и одного заголовка оказалось достаточно для того, чтобы у Марсьяля появился набросок стратегии, но все же ему надо было узнать об этом побольше. Как и все на острове, он слышал разговоры о временной надбавке к пенсии, но он не может рисковать даже самую малость, ему надо собрать как можно больше сведений.

На мгновение опустив газету, он убедился, что Софа по-прежнему в райском саду. Хамелеона на стебле она бросила и переключилась на бабочек. Сейчас она пыталась проследить глазами за полетом оранжево-черного монарха, порхавшего между двумя орхидеями.

Успокоившись, Марсьяль погрузился в чтение статьи. Начиная с 1952 года любой французский государственный служащий, вышедший в отставку на Реюньоне, получает пенсию, увеличенную на 35 процентов, и единственное условие, которое он должен соблюдать, — не покидать остров более чем на сорок дней в течение года. Такую надбавку получают больше тридцати тысяч человек, и несколько сотен из них не живут или почти никогда не бывают на острове. Реформа 2008 года отменяет эти привилегии только через двадцать лет... Нельзя слишком быстро зарезать курочку, несущую золотые яйца: пенсионеры

— это сотни миллионов евро, закачаных в реюньонскую экономику... и в частности, в недвижимость Сен-Жиля.

Марсьяль снова взглянул на Софу — все в порядке, она опять принялась мучить хамелеона, просунула руку позади него, чтобы посмотреть, станет ли он розовым, — и стал читать дальше.

Правду сказать, подробности его не интересуют и будущее островитян-пенсионеров ему безразлично. Единственное, что для него имеет значение, — Сен-Жиль битком набит пустыми квартирами; официально они более трехсот дней в году заняты выходцами из метрополии, но в действительности эти люди почти никогда там не появляются. Марсьяль подозревает, что некоторые из них пытаются извлечь двойную выгоду. Они не только получают надбавку к пенсии, указывая как свое место жительства квартиру, которую не занимают или занимают редко, но к тому же еще и сдают эти пустующие квартиры. Как устоять перед искушением? Свободное жилье в тропиках, с видом на лагуну. Если можно оказать услугу...

Марсьяль отложил газету. Пальцы девицы у входа продолжали скользить по тактильному экрану с олимпийской скоростью, выполняя двойные аксели и тройные лутцы. Даже если полицейские явятся ее допрашивать, риск, что им удастся выудить у нее хоть какое-то описание посетителей, весьма невелик.

Марсьяль снова прошел через увитую лианами галерею и снова оказался в райском саду. Софа с расстояния в десять метров умоляюще смотрит на него.

— Папа, можно я еще раз схожу к мимозам?

— Да, Софа, только быстро. Нам пора.

На мгновение он призадумался: не лучше ли оставить Софу здесь и бежать одному! Способен ли он предвидеть, какой оборот примут события в ближайшие несколько часов? Способен ли он предсказать собственные поступки? Лиана никогда не отпустила бы с ним Софу. С самого рождения их дочери она всегда была против этого по очень простой причине.

Из-за стра...

Но Лианы здесь уже нет.

На висках у Марсьяля блестят капли пота. Он не должен поддаваться панике. Его метания смешны, у него нет выбора, Софа

должна остаться с ним. Его дочь — его заложница. Удобная заложница, послушная и сговорчивая.

И разменная монета, когда придет время для этого.

Марсьяль вытаскивает из кармана свой мобильник, BlackBerry Curve 9300, три дня назад купленный у китайца в Сен-Дени, на улице Бойни, нелегально, он даже имени не называл, так что никакого риска, что через этот телефон полицейские на него выйдут. С Интернетом полный порядок. Он быстро набирает адрес: www.parcvacances.fr

Этот сайт дает доступ к пятидесяти тысячам объявлений о сдаче частного жилья частным лицам. Меню предлагает выбирать по всему миру.

Регион или город?

Его большой палец скользит по клавиатуре.

СЕН-ЖИЛЬ-ЛЕ-БЕН

На сортировку ушло не больше четырех секунд. Сорок семь объявлений. Марсьяль быстро их просматривает. Предлагают по большей части квартиры. Он вздыхает. Слишком рискованно. Возвращается в меню.

Тип ЖИЛЬЯ?

Марсьяль ограничивает выбор.

ДОМ ИЛИ ВИЛЛА

На этот раз хватило трех секунд. Осталось восемнадцать объявлений.

Марсьяль быстро тюкает по иконке «Подробнее». С помощью приложения Google Earth он определяет, где находится каждый из домов, потом переходит к адресам электронной почты владельцев. Это отнимает у него меньше минуты. Дойдя до двенадцатого объявления, он находит, что искал. Дом на улице Мальдив, меньше чем в трехстах метрах от «Эдема». Более определенное представление о нем дают четыре фотографии, приложенные к тексту: скромный садик за бетонной оградой, застекленная стена, выходящая на веранду.

Идеальное место...

Обращаться по адресу: Chantal95@yahoo.fr

Есть даже адрес в метрополии.

Шанталь Летелье

Улица Клерво, 13

Монморанси

Марсьяль перепроверяет: точно ли дом свободен? Да, сдается на пять недель в году... И как раз на ближайшие пять недель... Все складывается как-то слишком уж прекрасно. Марсьяль не должен ничего оставлять на волю случая. Он возвращается назад.

www.google.fr

Картинки

Набирает, стараясь не ошибиться в написании слов.

Шанталь Летелье Монморанси

Секунду спустя появляются полтора десятка фотографий улыбающейся женщины лет шестидесяти с голубыми волосами.

Марсьяль выбирает первую.

corainsdavant.linternaute.com

Марсьяль прокручивает всю биографию Шанталь Летелье. Сведений немного. Тридцать восемь лет проработала медсестрой в больнице Биша. Он переходит к следующей фотографии и оказывается на странице фейсбука. Шанталь-с-голубыми-волосами украсила ее портретами внуков. Дедушки рядом не видно.

Марсьяль еле сдерживает восторг. О таком можно только мечтать! Шанталь Летелье сдает на пять недель в году свою реюньонскую квартиру... Если эта медсестра — честный человек, речь идет о периоде, который она по закону имеет право проводить в метрополии, ездит туда навещать внуков... А если она мошенничает — значит, сама в тропики ни ногой, а дом сдает на пять недель, которые в течение всего года сдвигаются на ее сайте.

В том и в другом случае дом пустой, до него рукой подать, и стоит уединенно...

Лучше и быть не может.

Он сохраняет в памяти телефона адрес — улица Мальдив, 3 — и наконец поднимает глаза.

Софа? Где Софа?

Рядом с мимозами ее нет!

Софа?

Марсьяль перепуган. Других посетителей расспрашивать опасно, еще опаснее окликать дочку по имени. Он засовывает мобильник в карман и пускается бежать.

Аллея, другая аллея. Он натывается на растения. Он не должен был оставлять ее без присмотра. Лиана была права. Он плохо соображает, что делает. В глубине сада есть пруд. В нем живут угри, гуппи и прочие разноцветные рыбки. Она могла...

Вот она, Софа.

Изумленно разглядывает странный дзенский садик.

Здесь, в отличие от всех прочих частей сада, где без умолку щебечут птицы, царит поразительная тишина. Земля цвета охры. Ровно лежащий серый гравий. Между округлыми холмиками черного песка выют змейки, выложенные из белых камешков. Марсьяль без единого слова ласково кладет руку на плечо Софы.

Девочка умоляюще смотрит на него.

— Папа, мы можем еще здесь побыть?

— Нет, Софа, нам пора идти.

Она улыбается ему. На мгновение она почти позабыла обо всех драматических событиях. О завываниях полицейской сирены. О погоне в машине.

О своей маме.

На мгновение.

15

Встречаемся в Ле-Тампоне

18 ч. 12 мин.

Айя припарковалась прямо у кладбища Бра-де-Понто. Могилы там разбросаны на пологом склоне довольно далеко одна от другой, словно каждой полагается в вечное пользование широкий вид на реку и на Равин-де-Ситрон с природными базальтовыми колоннами.

Воздух теплый, огромная тень от Снежного пика создает иллюзию сумерек, которые опустятся здесь не так внезапно, как в других местах.

Айя, чертыхаясь, смотрит на часы. У нее осталось меньше часа, потом Ларош возьмет дело в свои руки, на счету каждая минута, а она застряла здесь, на краю света, ждет опаздывающего тупого полицейского, который чаще всего дергает ее попусту.

18 ч. 25 мин.

Наконец Жильдас Яку появляется. Вылезает из желтого джипа с поднятым верхом. В расстегнутой рубашке с цветастым галстуком. Стиль сериала «Гавайи 5.0», версия Болливуда.

Толстый полицейский обнимает за талию дрожащую молоденькую креолочку, не особенно красивую, разве что ресницы длинные и трепещут, словно крылья бабочек. К счастью, только их и видно. Флора не отрывает взгляда от камней.

— Флора, знакомься, это Айя. Я знал ее совсем малышкой вроде тебя. Она у меня начинала. Очень боевая.

Жильдас улыбается Айе, как ему кажется, с заговорщическим видом, затем продолжает:

— Немного зануда и раздражительная, но порядочная девушка.

Айя чертит ногой по пыли.

— Ты уже закончил выступление?

— Угу...

— Тогда начнем. Мне бы надо быть в Сен-Жиле, и если бы ты не валял дурака...

— Потихе, Айя, потихе. Девочка ни в чем не виновата...

— Против девочки я ничего не имею. А вот тебе...

Глаза у Жильдаса блестят, как у рыбака, которого шторм уже не пугает.

— Успокойся, Айя... Девочка здесь всего-то третий месяц, она приехала из Хель-Бурга, и ей пришлось потрудиться, чтобы сюда попасть, ты можешь это понять... Так что спрашивай, но не дави на нее.

Полицейский отечески обнимает Флору за плечи. Она слегка дрожит. Айе трудно угадать, отчего — от ласки ли ее начальника, или оттого, какой садисткой тот изобразил ее, Айю... или оттого, что ей предстоит сейчас рассказать.

Айя поворачивается к Флоре.

— Так, значит, ты видела Лиану Бельон?

Флора мнется, ежится.

— Да... Во вторник. Пять дней назад.

Жильдас упирается Флоре в живот своим толстым пузом и шепчет ей на ухо:

— Говори, лапуля, она тебя не съест.

Айя хмурится. Эти двое от нее что-то скрывают. Девочка где-то лопухнулась, и эта свинья Жильдас старается ее покрыть.

Во всех смыслах этого слова...

Флора не говорит, а бормочет:

— Она... она приходила в участок Сен-Бенуа.

— Что?

Питбуль в Айе встrepенулся. Надо успокоиться. Не мешать девочке рассказывать.

Флора собралась с силами и заговорила, механически нанизывая слова. Постепенно она разогналась, и они покатались будто с горки.

— Я дежурила. Была в приемной одна. Она пришла утром, к началу рабочего дня, около девяти. И попросила о странной вещи. Она довольно путано объясняла, но я в конце концов поняла, что она просит ее защитить.

Айя с трудом удерживала пса, который рвался с поводка. И с трудом удерживалась, чтобы не заорать.

— Попросить защиты у полиции — это ты называешь странным?

Жильдас положил руку Флоре на талию, стал перебирать пальцами у нее по спине, прикрытой рубашкой, словно суфлировал реплики по Брайлю. Флора смутилась.

— Нет, капитан Пюрви. Нет... Я не это имела в виду. Лиана Бельон не так это сформулировала. Она, в общем, спросила, может ли полиция обеспечить защиту человеку... людям вообще...

— Но она говорила о себе?

— Да... Это сомнений не вызывало.

Айя попыталась сдержать выброс адреналина.

— Ты ведь не дура. Ты, должно быть, попыталась что-нибудь у нее выпросить?

— Конечно, капитан Пюрви, я пробовала ее разговорить. Я осторожно спросила у нее, кому требуется защита и от чего. Вот тут-то Лиану Бельон и заклинило. Она ответила что-то вроде «защищать людей, которые не могут открыть, что им угрожает».

— Что?

Флора почувствовала себя увереннее. Она шагнула вперед, и теперь у Жильдаса руки оказались слишком коротки для того, чтобы ее лапать.

— Вот-вот, капитан... Именно так и я ответила Лиане Бельон. «Что?» После этого она совершенно запуталась в объяснениях и только тогда начала говорить от первого лица. Она ходила по кругу. «Я боюсь, мадам, — говорила она. — Именно потому что я боюсь, я и не могу ничего вам сказать». А потом спросила, что сделает полиция, если она станет откровеннее.

— И что ты ей ответила?

— Что мы проверим факты! А что я еще могла ей ответить? И тут она вышла из себя и завопила: «Будет только хуже! Неужели вы не понимаете? Вы должны верить мне. Если вы не поверите мне на слово, если начнете расследование, то угроза перестанет быть всего лишь угрозой».

Айе не терпелось задать вопрос. Жильдас потянулся к Флоре, пытаясь ухватить ее за руку или за край рубашки, добраться до кусочка голой кожи. Флора властно подняла руку, требуя, чтобы ее не прерывали.

— Я настаивала, капитан Пюрви. Поверьте мне, я настаивала. «Вы должны рассказать мне больше, — говорила я Лиане Бельон. — Как, по-вашему, мы можем вмешаться, если от вас невозможно добиться никаких подробностей?» И тогда Лиана Бельон сломалась. Она была очень красивой женщиной и выглядела достаточно самоуверенной, но в этот момент она утратила контроль над собой. «Вы меня не поняли? — кричала она. — Вы вообще меня слышите? Я ничего не могу сказать! Я просто хочу, чтобы вы меня защитили!»

Флора внезапно замолчала, две черные бабочки, трепетавшие на краях ее век, повернулись к Снежному пику и взлетели к вершинам. Айя постаралась говорить так мягко, как только могла.

— А как ты, Флора, вела разговор после этого?

— Я старалась добиться от нее хоть каких-то уточнений, выйти хоть на какой-то след, хоть что-то нащупать. Лиана Бельон постепенно успокоилась. Она больше ничего не пожелала сказать, если не считать безумной идеи, что мы должны предоставить в ее распоряжение телохранителя или приставить к ней незаметную охрану, при этом она отказывалась даже намекнуть на то, что за опасность ей угрожала. Несколько минут спустя она сама захотела свернуть разговор, как будто пожалела о том, что пришла. И удалилась, сказав на прощание что-то

вроде: «Ничего страшного, я, наверное, подняла панику по пустякам, это не так уж важно».

И это всё?

Айя про себя ругала последними словами эту дурочку, и ей стоило немалых усилий не дать ярости вырваться наружу.

— Флора, и ты ее отпустила? Ты ей поверила?

— Нет... Нет, капитан Пюрви... Не то чтобы поверила, но... Что мне еще оставалось делать? Она не хотела писать заявления, она не хотела говорить, она извинялась за то, что напрасно меня побеспокоила...

И стажерка внезапно разревелась. Жильдас не упустил случая. Он снова прилип к ней, испепеляя Айю взглядом разгневанного отца. Хорошо еще, что у него хватило такта промолчать.

— Капитан Пюрви... — всхлипывала Флора. — Вы... вы думаете, это из-за меня? Она не решилась сказать, что чувствует себя в опасности, что муж ей угрожает, потому что слишком боялась за себя.

— Не за себя, — холодно и резко отозвалась Айя. — Она боялась за дочь.

Флора зарыдала еще сильнее, сквозь слезы едва можно было разобрать слова:

— Если бы... если бы я...

Жильдас решил поиграть в психолога.

— Да нет же, лапуля, ничего подобного...

У Айи не доставало духу ее добивать. Зачем? Можно ли было избежать трагедии, если бы Флора не решила, что Лиана Бельон все выдумала? Ответ не имел ни малейшего значения... Свидетельство Флоры всего лишь добавило еще одну строчку к списку обвинений против Марсьяля Бельона.

Тоже неплохо...

Айя задумчиво смотрела на кладбище. На большей части могил не было ни плит, ни памятников. Усопшие довольствовались торчавшей над травой прямоугольной клеткой, иногда с узорной решеткой, чаще всего — из ржавых прутьев. Снова повернувшись к жандармам, она спросила:

— Как вы думаете, почему Лиана Бельон отправилась ради этого в Сен-Бенуа, на другую сторону острова?

Ответил ей Жильдас. Рубашка у него промокла от пота, смешанного с Флориными слезами.

— Анонимность, Айя. Жены, которых избивают мужья, редко подают жалобу в ближайший участок...

Совершенно верно, Жильдас.

Жильдас — мерзкий придурок с блудливыми руками, она узнала это на собственном опыте, когда ей было столько лет, сколько Флоре сейчас, но полицейский он неплохой.

Флора продолжала хныкать. Колодец ее стыда все еще был переполнен.

— Я... я не могла предвидеть, капитан...

Айя не ответила. Собственно, она только лицемерно притворялась безупречной. На самом деле чувствовала себя виноватой не меньше, чем Флора. Она упустила Марсьяля Бельона. Она беспомощно барахтается. Расследование — тоже. Ошибка этой стажерки — ничто в сравнении с ее некомпетентностью...

Она взглянула на часы, потом на экран мобильного телефона. Ничего нового. Она не справилась. С минуты на минуту расследованием займется этот придурок Ларош со своей командой.

Но ведь совершенно ясно, что Лиана боялась за нее, боялась за дочь.

Айя уже не могла отвести взгляда от разбросанных по кладбищу оградок, за которыми росли цветы, от тонких металлических прутьев, от жестяных украшений. Она уже не видела перед собой никаких могил — только десятки детских кроваток, спальню под открытым небом, где спят заживо погребенные младенцы.

16

Дом старой дамы

19 ч. 50 мин.

Марсьяль, затаившись, разглядывает сквозь кружевную занавеску дома, стоящие вдоль улицы Мальдив. Слабый рассеянный свет лампы с улицы заметить невозможно.

Попасть в жилище Шанталь Летелье оказалось даже проще, чем он предполагал. Дом был до мельчайших подробностей описан на сайте www.purvacances.fr. Если судить по плану и фотографиям, окно ванной

комнаты было расположено укромнее других, да и разбить его было легче всего. Собственно, самым трудным оказалось объяснить Софе необходимость взлома.

Маленькая моя, одна старушка разрешила нам у нее пожить... но она забыла оставить нам ключи.

Софа ничего не сказала. Она просто дождалась, пока он откроет ей стеклянную дверь веранды, а потом стала с любопытством разглядывать фотографии на стенах: на них была незнакомая бабуля с голубыми волосами и ее загорелые светловолосые внуки, мальчик лет десяти и другой, почти ровесник Софы. Смешные снимки мальчишек, позирующих перед фотоаппаратом на крокодиловой ферме, перед серебряными струями водопада, на плантации сахарного тростника, где стебли были в три раза выше обоих.

Марсьяль продолжает подстергать малейшие проявления жизни в безлюдном коттеджном поселке. Не мелькнет ли тень под казуаринами, не пробежит ли рябь по поверхности воды в бассейне, не послышатся ли шаги на тротуаре. Малочисленное постоянное население этого почти необитаемого квартала пенсионеров, должно быть, только тем и занимается, что высматривает какие-нибудь непривычные детали. Они немедленно позвонят в полицию, стоит им только заметить, что где-то шевельнулась занавеска или без надобности горит свет...

Или — что ворота гаража открыты...

Марсьяль предпочел рискнуть, оставив железные ворота гаража приоткрытыми, — ровно настолько, чтобы с улицы можно было убедиться в том, что гараж пуст. Два часа назад он заметил на другом конце поселка полицейских, они — похоже, наугад — открывали гаражи один за другим, не иначе как в поисках взятой напрокат серой «клио». Если жандармы пойдут мимо дома Шанталь Летелье и увидят, что он заперт, безмолвен и темен, а гараж пуст, они здесь и не остановятся.

По крайней мере на это можно надеяться...

Отойдя в глубину комнаты, Марсьяль взял пульт от маленького телевизора, включил его, убавил громкость до минимума и завалился на диван.

Софа спит за стенкой, в детской, прелестной комнатке одного из внуков Шанталь Летелье, где на восьми квадратных метрах разместились креольские марионетки, ракушки, морские звезды, воздушные змеи и игрушечные парусники.

Софа была послушной. Слишком послушной. И молчаливой. По правде сказать, Марсьялю не с чем было сравнивать, он впервые остался с ней наедине. Что может взбрести в голову этой малышке, которую с рождения оберегали, будто хрупкую куколку? Хватит ли у нее сил выстоять против обрушившейся на нее лавины событий? Конечно, она его поцеловала, она ему улыбнулась, ответила «Да, папа» на его неловкое «Спокойной ночи, маленькая моя».

Но что она может думать о нем в глубине души?

20 ч. 45 мин.

По первому каналу реюньонского телевидения вот уже час без перерыва крутят один и тот же выпуск новостей. Марсьяль в третий раз видит, как на экране появляется фотография Лианы, затем ее сменяет сообщение о начале применения плана «Папанг».[26] В нижней части экрана бегущей строкой — номер телефона полицейского управления, а выше тем временем высвечивается его собственная фотография и следом за ней — фотография Софы. Голос за кадром повторяет: двойное убийство... Явные улики... Опасен и, возможно, вооружен... Обращаемся к свидетелям...

Портреты Марсьяля и Софы наконец исчезают с экрана, уступая место удрученному журналисту, который с каждым очередным экстренным сообщением все нагнетает: срочность, бдительность, осторожность...

Марсьяль устраивается поудобнее на диване, кладет ноги на низкий столик перед ним. Он чувствует себя до странности спокойно, он почти чужд всей этой им же порожденной суете, хотя и знает, насколько чудовищными будут последствия.словно безрассудный мальчишка, чиркнувший спичкой на заваленном соломой поле или бросивший камень на шоссе перед началом большой велогонки... И наблюдающий за бедствием, не имея ни малейшей возможности повлиять на ход событий.

20 ч. 51 мин.

Папа убил маму!

Я и так в этом почти не сомневалась из-за тех детей в бассейне, а теперь знаю точно, это несколько раз повторили в новостях. Папа совсем приглушил звук, но я все равно слышала.

И наши фотографии показали.

Папа убил маму.

Мне кажется, я уже несколько часов стою за открытой дверью гостиной. Я правда старалась уснуть, долго старалась, но у меня ничего не получилось.

Так и не смогла.

Я слезла с кровати и тихонько, бесшумно подошла к двери. Папа сказал, чтобы я громко не разговаривала, ничего не роняла и не зажигала свет.

Папа сидит на диване, но я со своего места вижу только его ботинки на столике. А всего целиком — только когда он встает, идет к окну и через занавеску смотрит на улицу.

Вот как сейчас. Шум от машины, проехавшей мимо, вдруг заглушил голоса в телевизоре. Фары на миг осветили комнату, а потом все пропало, машина уехала.

Папа продолжает следить.

Я не буду говорить громко, только так, чтобы папа слышал меня, а не журналистов из телевизора.

— Папа, а маме было больно, когда ты ее убил?

20 ч. 52 мин.

Марсьяль резко оборачивается, как будто его током ударило. И не находит, что ответить Софе, только прикладывает палец к губам. В соседнем доме зажигаются лампы. Наверное, соседи вернулись домой. Марсьяль замечает, что все еще держит в руке пульт от телевизора, и выключает звук.

— Замолчи, Софа.

Он оборачивается. И все рушится.

Ноги его не держат.

Софа лежит на плитках пола. Под ее лбом растекается лужица крови.

Гордость и лень

21 ч. 02 мин.

Айя устроилась на террасе позади полицейского участка. Внутренний дворик погружен в темноту, только стол освещен тусклой лампочкой, свисающей с закрученного вокруг балки провода. Тепло, тихо. Айя обожает вот так заканчивать день — поставить ноутбук на садовый стол, подключиться к вайфаю, довольствоваться слабой лампочкой и голубым свечением экрана, слушать пение птиц, тревожное, как будто они впервые оказались в сумерках. Отец научил ее различать голоса чекана и райской мухоловки, а главное — своей любимицы, саланганы, которая летает только по ночам и ориентируется по эху собственного щебета.

На экране выстраиваются слова. Айя выстукивает их километрами, даже не перечитывая, полковник Ларош ждет от нее рапорта к полуночи, он уточнил, что сам передаст его дальше по инстанции.

Решение начальства было с безупречной точностью объявлено ровно в двадцать часов: план «Папанг» официально приводится в действие. Люди Лароша берут на себя координацию облавы на Марсьяля Бельона с объявлениями о розыске по всем каналам телевидения и по радио, а также переговоры с метрополией, связь между различными островными бригадами, мобилизацию боевых отрядов национальной полиции.

С размахом...

Айе даже не пришлось ничего выторговывать. Ларош до утра оставил за ней руководство расследованием на территории коммуны Сен-Жиль, заграждения на выезде из города и обыски в домах. Всем остальным он занимается сам, вплоть до новых распоряжений.

Айя слышит у себя за спиной шорох радио на разных частотах. Глухо звучащие распоряжения. Иногда смешки, чаще — ругательства, вырывающиеся у измученных полицейских. По последним сведениям, пробки на выезде из Сен-Жиля, вызванные тем, что полиция обыскивает каждую машину, растянулись на несколько километров. Несчастных сыщиков, которым пришлось взяться за работу таможенников, осыпают градом проклятий. Еще пятнадцать жандармов

более или менее наугад обшаривают все дома с гаражами. Пока ничего не нашли.

Даже намек на хоть какой-нибудь след.

Айя закрывает глаза и прислушивается к доносящимся издали, со скал, крикам фаэтонов, защищающих свои гнезда. Конечно, она что-то упустила.

Слишком молода, слишком женщина, слишком креолка. Три недостатка. Завтра утром ей дадут это понять.

Вот она и корпит над рапортом.

Подробнейшим.

Вторник, 26 марта. Доказанный факт. Лиана Бельон приезжает в Сен-Бенуа и просит защиты у жандармерии. Она чувствует себя в опасности.

Пятница, 29 марта. Доказанный факт. Лиана Бельон покидает сад отеля «Аламанда» и входит в свой номер. Все постояльцы и персонал отеля это подтверждают. Ева Мария Нативель категорически заявляет, что Лиана Бельон из своего номера не выходила.

15 ч. 15 мин. Этот факт теперь доказан. Марсьяль Бельон присоединился к находившейся в номере жене. Подтверждено показаниями супругов Журден и служащих гостиницы.

15 ч. 25 мин. Факт почти доказанный. Марсьяль Бельон выходит из своего гостиничного номера, толкая перед собой тележку для белья, на которой может лежать тело. Показания Евы Марии Нативель, садовника гостиницы Танги Дижу и детей, игравших на стоянке, совпадают. Факт подтвержден также признаниями Марсьяля Бельона.

15 ч. 45 мин. Доказанный факт. Марсьяль Бельон вернулся в бассейн при гостинице.

16 часов. Доказанный факт. Марсьяль Бельон снова поднялся в свой номер. Показания персонала гостиницы совпадают. В номере обнаружены следы борьбы, а также кровь, принадлежащая Лиане Бельон.

Между 15 и 16 часами Амори Оаро по прозвищу Роден был убит в порту Сен-Жиля, приблизительно в километре от отеля. Орудие убийства, нож, принадлежит Марсьялю Бельону. Результаты анализа не оставляют ни малейших сомнений: на лезвии ножа остались пятна крови Лианы Бельон. Единственные отпечатки пальцев, найденные на рукоятке ножа, — это отпечатки пальцев Марсьяля Бельона.

Воскресенье, 31 марта, 16 часов. Марсьяль Бельон как раз перед тем, как его должны были задержать, сбежал из «Аламанды» на взятой напрокат серой «клио» и увез с собой свою дочь Жозафу.

С тех пор его не могут найти.

Сомнения в виновности Марсьяля Бельона: отсутствуют.

Неизвестные факты: отсутствие явных мотивов. Не найдено тело Лианы Бельон.

Наиболее правдоподобная версия: ссора между Марсьялем Бельоном и его женой закончилась плохо. Смерть в результате несчастного случая. Марсьяль Бельон пугается, а потом оказывается втянутым в опасную спираль, из которой не может выбраться.

Дополнительный вопрос: до какой степени он способен свихнуться?

Айя поднимает глаза. Она споткнулась на последнем слове. «Свихнуться». Ей хотелось бы найти для Лароша какую-то другую формулировку, но ничего лучше этого в голову не приходит.

Расследование, начатое в метрополии, пока никаких особенных результатов не дало. Обычная пара. Марсьяль Бельон работает охранником в гимназии коммуны Дей-ла-Барр. Женился на Лиане восемь лет назад. Вскоре она бросила изучать социалингвистику и занялась воспитанием их дочери Жозафы.

Агама, словно канатоходец, идет по балке рядом с проводом, на котором висит лампочка, старается подобраться поближе к свету. Бескрылый Икар.

Айя вымученно улыбается.

Предумышленное убийство случайно не совершают. В прошлом Марсьяля Бельона непременно должна найтись какая-то зацепка. Полицейский участок Дей-ла-Барр в течение ночи пришлет все сведения о чете Бельон, какие им удастся найти. Они там, похоже, стараются вовсю, хотя в метрополии сейчас около семи вечера, а Ларош нисколько не верит в психологическую подоплеку дела. Вернее, она его не интересует. Его вполне устраивает такое объяснение: семейная сцена обернулась трагедией. Первым делом надо поймать этого типа, пока он еще кого-нибудь не убил. А потом можно будет найти какие-нибудь смягчающие обстоятельства...

Только об этом и речи быть не может. Айя дважды встречалась с Марсьялем Бельоном. Что-то здесь не сходится. Человек, который

нечаянно убил жену, а потом поддался панике, уже попался бы. Зачем было обращаться к полицейским, зачем было добровольно идти в участок, чтобы потом сбежать? Вся эта игра напоминает инсценировку, выстроенную с определенной целью.

Но с какой?

Нелепо рапортовать о своих догадках — ей тотчас ответят, что она хочет подстраховаться, что она выдумывает себе коварного противника, лишь бы не признаваться в том, что ее обвел вокруг пальца дилетант.

Ну и пусть.

Все слова на экране подчеркнуты красным и зеленым. Она вздыхает. Наверное, есть дела более срочные, чем исправлять орфографические ошибки, чтобы доставить удовольствие зорейскому начальству... И все же, несмотря на то что вся эта бюрократия ее достала, она все исправит, и очень тщательно.

Вопрос гордости.

21 ч. 01 мин.

— Спокойной ночи, Габен!

Бармен оборачивается, но угольно-черную руку протянуть не решается. Он уже минут пятнадцать усердно чистит гигантский мангал «Аламанды». Меню «Песчинки», ресторана при отеле, составляет Арман Зюттор. В те вечера, когда жарят мясо, Габен не только готовит пунши, ему вменяется в обязанность еще и работа трубочиста. Что поделаешь, приказ есть приказ...

Он пристально смотрит на Еву Марию Нативель. Уборщица стоит перед ним, вцепившись обеими руками в свою холщовую сумку. Явно собралась идти домой.

— Не могу пожать тебе руку, Ева Мария! До завтра.

Старуха креолка, не трогаясь с места, улыбается ему из-под своей голубой косынки. Медленно поворачивает голову, желая убедиться, что ни один турист не может их услышать. Почти все они ушли от бассейна подальше, москитов испугались.

— Нет, — отвечает Ева Мария. — Завтра я вкалываю у белого богача. Тот еще болван, хуже Зюттора, но он мне платит в четыре раза больше...

— Ну, тогда счастливой тебе Пасхи...

Бармен, смирившись, опускает глаза и разглядывает свои вымазанные сажей руки. Ему еще долго придется с этим возиться. Его, мастера коктейлей, вынуждают гробить кожу и горло в тучах золы... На него нападает тоска, какую испытывал бы трубач, которому пришлось бы до блеска начищать медь инструментов.

Ева Мария не сдвинулась ни на сантиметр. Стоит и перекатывает во рту какое-то слово, будто бесконечно пережевывает стебель сахарного тростника.

— Ты им что сказал, этим сыщикам?

Габен едва не плюхнулся задом в уголь.

— Сыщикам?

— Да, малышке Айе и пророку — что именно ты им сказал?

Габен заставляет себя ответить не задумываясь.

— Рассказал все как было. Рассказал, что видел из-за своей стойки. А что еще, по-твоему, я мог рассказать?

Старая креолка прикрывает глаза — трудно понять, от усталости или от раздражения. Снова открыв их, она смотрит на бармена убийственным взглядом.

— Например, о прошлом. О прошлом Марсьяля Бельона.

Габен медлит, вытаскивает из кармана «Мальборо».

— Ни слова, Ева Мария. Сыщики меня об этом не спрашивали. Я мальчик дисциплинированный, отвечаю только на те вопросы, которые мне задают.

— Не заговаривай мне зубы, Габен! Это вопрос нескольких часов. Полицейские непременно все проверят.

Бармен наклоняется над мангалом и раздувает последние дотлевающие угольки, чтобы прикурить от них.

— Посмотрим. Что-нибудь придумаю на ходу. Мне не привыкать.

— В отличие от меня.

Ева Мария, еще больше согнувшись, словно деревянный крест, висящий у нее на шее, весит тонну, слабым голосом прибавляет:

— Мне... мне есть что терять, еще больше, чем вам.

Бармен не спеша затягивается. Сигаретный дым поднимается в небо и обворачивается вокруг Южного Креста.

— Ты все еще держишь зло на Бельона?

Ева Мария Нативель снова закрывает глаза, потом вперяет взгляд в мангал, будто предсказательница, способная узнавать будущее по

говяжьему жиру.

— Я рассчитываю на тебя, Габен. Полицейские станут ворошить золу. Раздувать угли. Я... я не хотела бы, чтобы при этом упоминалось имя Алоэ. Я столько лет ее оберегала. Ты же понимаешь, о чем я говорю, Габен. *Pis pa ka rété assi chyen mô.*[27]

Габен щелчком отправляет окурок в очаг.

— Понимаю. Только Айя упрямая. И она хорошо знает эти места, лучше, чем кто бы то ни было.

Ева Мария медленно поворачивается к выходу.

— Я рассчитываю на тебя, Габен. Передай сообщение Танги, Наиво и другим...

Бармен смотрит ей вслед и ищет какие-нибудь слова, способные доказать, что он на ее стороне, не на стороне полицейских.

— Не порть себе кровь, Ева Мария. В конце концов, вероятнее всего, Бельон получит пулю, и его попросту зарюют, незачем будет выкапывать кого-то вместо него.

21 ч. 09 мин.

Кристос появляется на веранде полицейского участка с бутылкой «Додо» в руке. Айя едва поднимает глаза от компьютера.

— Отличная работа, Кристос... я про показания Журденов.

Кристос, равнодушно выслушав похвалу, приканчивает пиво.

— Что-нибудь новое, Айя?

— Нет, ничего...

Она нажимает на клавишу. На экране разворачивается карта Сен-Жиля, на которой отмечены уже проверенные жандармами дома.

— Но мы продвигаемся, Кристос, мы его поймем. В квартале Каросс всего двое, и оба стажеры, если бы ты пошел им помочь...

Бутылка летит в урну. Кристос потягивается.

— Я сваливаю, Айя. Иду домой.

Айя роняет руки на колени. Она даже не пытается скрыть, насколько ошеломлена его словами.

— Ты что, Крис? У нас есть время до завтрашнего утра, чтобы его найти. После этого люди...

— Нет, Айя... извини. Надо работать посменно. Иначе ничего не получится.

— Какого черта, Кристос, у нас убийца гуляет на свободе...

— И не один. А кроме них — торговцы наркотиками. И педофилы. И всевозможные психи. И есть еще вдовы, которых надо защищать. Я свое дело знаю. И мои коллеги тоже.

Айя выпрямляется. Ее густые брови сошлись в одну прямую темную линию.

— У тебя нет выбора, Кростос. Ты обязан работать. Как все остальные. План «Папанг» — тебе это о чем-то говорит?

— И что ты со мной сделаешь, Айя? Выговор объявишь? Я буду здесь завтра утром. Рано. А сейчас пойду спать. Вообще-то тебе следовало бы сделать то же самое.

Айя, совершенно растерянная, прислушивается к странной смеси птичьего свиста с потрескиванием полицейских раций. И с усталым смешком произносит:

— Ты совершенно безответственный человек...

Кростос бесстыдно улыбается, прохаживается по саду:

— Тебе никому ничего не надо доказывать, Айя. Даже если ты поймашь Бельона, награда, которую ты за это получишь...

Она не дает ему закончить:

— Я хочу поймать этого типа до того, как он еще кого-нибудь убьет. И только. На все остальное мне плевать.

Кростос бесшумно аплодирует в темноте.

— Айя, я тобой восхищаюсь. Ты святая... Не забудь позвонить мужу и детям.

Айя поднимает голову — в глаза ударяет свет голой лампочки. На мгновение она вспоминает про Тома и дочек, Жад и Лолу. Лола всего на три месяца старше Жозафы Бельон. Том прислал ей сообщение сразу после того, как по телевизору объявили о начале плана «Папанг». Айя не успела ему ответить. В любом случае он понял, что она не придет домой ночевать. И объяснил это девочкам перед тем, как рассказать им сказку на ночь и подоткнуть одеяла. У нее самый лучший муж на свете.

Она щурится, вглядываясь в силуэт Кростоса. В глазах еще несколько секунд мелькают зеленые вспышки.

— Я только понапрасну теряю из-за тебя время, Кростос. Ты прав, лучше тебе отсюда свалить.

21 и. 13 мин.

Пластырь телесного цвета на лбу Софы едва заметен. Уже завтра ни от шишки, ни от царапины не останется и следа. Марсьяль сидит на кровати рядом с Софой, отодвинув вышитые подушки и плюшевых зверей. Софа безропотно подчинялась. Он обработал ранку. Раздел девочку. Уложил в постель. Собственные жесты казались ему почти нереальными, словно, заново проделывая то, что полагается делать отцу, он обучался этому на безжизненной кукле.

Парализованной кукле.

Он выключил телевизор. Софа больше не произнесла ни слова. А те последние, которые он от нее услышал, все еще звучат у него в голове.

«А маме было больно, когда ты ее убил?»

Марсьяль сжимает в руке сборник сказок про Ти-Жана и чувствует себя идиотом. Самый лучший способ наладить отношения с дочкой — это почитать ей? Едва ли не с самого ее рождения Лиана подолгу рассказывала ей сказки.

Бесконечный ритуал.

Мучение.

Марсьяль ненавидел эти минуты близости перед сном, близости, от которой он был отлучен: если он слушал, о чем они говорят, чувствовал себя соглядатаем, если уходил — ощущал себя чужаком. Он встает, возвращает книгу на заваленную ракушками полку. Снова, очень осторожно, садится на кровать.

— Я сейчас расскажу тебе одну историю, Софа. И даже больше того — я открою тебе тайну.

Ни слова в ответ. Софа сворачивается в клубок под одеялом нежной расцветки.

Марсьяль продолжает говорить тихим, успокаивающим голосом.

— Знаешь, почему тебе дали такое необычное имя — Жозафа?

Софа по-прежнему молчит, но дыхание ее слегка учащается.

— Я уверен, что мама никогда тебе об этом не рассказывала.

Голова высовывается из-под одеяла. Любопытство победило, об этом морзянкой сообщают веки Софы. Марсьяль улыбается.

— Видишь ли, Софа, папа с мамой хотели ребенка. Очень сильно хотели. Для того чтобы появился ребенок, папа с мамой должны

обняться, прижаться друг к дружке так же сильно, как сильно они хотят ребенка. Понимаешь?

Глаза у Софы распахиваются, становятся круглыми. На стенах висят фотографии: на одной из них мальчик ее возраста гладит панцирь исполинской черепахи, его светлые волосы торчат из-под бейсболки с надписью «Коралловая ферма»; на другой бабушка усаживает его на летние санки в парке Маидо. Сказочные каникулы. Безмятежное счастье.

Голос у Марсьяля чуть-чуть дрожит.

— В тот день папа с мамой решили уехать в отпуск куда-нибудь к морю, ненадолго и недалеко, как можно ближе к дому. Мы поехали в Нормандию, в Довиль. Мы опять ездили туда в прошлом году, помнишь, там был пляж с разноцветными зонтиками, ты еще сказала, что вода слишком холодная?

По лицу Софы видно, что помнит. Она приоткрывает рот, но ни звука с ее губ не слетает.

— Но я рассказываю тебе про другой день, который был задолго до твоего появления на свет. В тот день папа заказал для них с мамой номер в гостинице, он хотел, чтобы из окна было видно море. Такой сюрприз он придумал к маминому дню рождения. Мы сели в нашу машину, на ее заднем сиденье еще не было твоего детского кресла. В Нормандию надо ехать по не очень длинному шоссе, которое часто оказывается забитым. В тот вечер папа с мамой тронулись в путь поздно вечером, почти ночью, чтобы двигаться не в толпе. Маме не терпелось добраться до гостиницы, нам обоим не терпелось обняться, крепко-крепко прижаться друг к дружке, чтобы скорее появился ребенок...

Софа ерзает под одеялом. Теперь ее рука касается отцовского плеча.

— На шоссе, сразу за будкой, где платят дорожную пошлину, есть место для отдыха — это единственная площадка, дальше до самого моря нет ни одной. Папа и мама так торопились с ребенком, что не смогли дотерпеть до гостиницы, они остановились там, на этой стоянке у дороги... И знаешь. Софа, как называется это место?

— Н... нет, — еле слышно шепчет Софа.

Марсьяля захлестывает теплая волна.

— Оно называется площадкой Жозафы, маленькая моя. Не знаю, почему ей дали это красивое имя. Вокруг ничего нет: ни деревни, ни домов, просто площадка и несколько деревьев рядом. Вот там-то ты и спустилась с небес к маме с папой, маленькая моя. Когда мы снова сели в машину и поехали дальше, твоя мама сильно сжала мою руку и тихо спросила: «Тебе не кажется, что Жозафа — красивое имя?»

Горячая и влажная ладошка Софы скользнула в руку отца. Марсьяль наклоняется, теперь его голос едва различим.

— Только ты одна на всем белом свете носишь это имя, Софа. Это сокровище. Сокровище, тайна которого была известна только папе и маме, а теперь — еще и тебе. Понимаешь, маленькая моя, каждый день миллионы легковых машин и грузовиков проезжают мимо указателя с названием «Площадка Жозафы», и никто не догадывается, что это имя самой красивой в мире малышки.

По щеке у Софы катится слеза.

Девочка все еще не решается заговорить, но пристально смотрит на отца.

И, хотя они не обменялись ни единым словом, Марсьяль понимает, что потерял Софу.

Почему же тогда ты убил маму? — спрашивают ее мокрые глаза. Почему, если ты так ее любил?

Марсьяль замечает на стене еще одну фотографию, еще одно счастливое мгновение: бабушка, внука явно балующая, повела его в «Ванильный дом». Ладошка у Софы вялая, безвольная. Голая рука покрылась мурашками и чуть дрожит. Марсьяль вздыхает, отводит взгляд и наконец решается.

— Ты должна поверить мне, Софа. Поверь мне.

Он откашливается, прочищает горло.

— Я... я не убивал твою маму. Я никого не убивал, маленькая моя. Никого!

Ладошка Софы — словно мыло, тающее в его руке. Марсьяль смотрит на стену, на фотографии, он неспособен больше ни на какие проявления близости, он не может ни обнять дочку, ни прижать к себе, ни пропустить сквозь пальцы ее длинные волосы.

Он даже взгляда ее избегает. У него перед глазами назойливо пляшут три короткие фразы.

Встреча завтра

В бухте Каскадов
Приходи с девочкой

Он начинает говорить. Он понимает, что утешить Софу — это только первый этап. Затем он должен будет ее убедить. Она ему необходима.

— Ты должна быть смелой, Софа. Ты... ты помнишь, на стекле машины была записка, вчера, на стоянке у отеля. Этой запиской мне назначили встречу на другом конце острова, у подножия большого вулкана, в таком месте, которое называется бухта Каскадов.

Марсьяль сжимает в руке пять крохотных, насквозь мокрых пальчиков — как пропитанная слезами губка.

— Мы должны туда добраться, Софа. Завтра. Это будет трудно, очень трудно, там, снаружи, повсюду полицейские, которые нас ищут, но мы должны это сделать...

Софа всхлипывает, с трудом сквозь слезы выговаривает четыре слова:

— И найдем живую маму?

Очень долгая пауза, она длится целую вечность.

— Я бы очень этого хотел, Софа...

21 ч. 34 мин.

Марсьяль открыл окно ванной комнаты, то, что выходит в маленький внутренний дворик, невидимый с улицы. Вернее, приоткрыл всего на несколько сантиметров, только для того, чтобы выпустить дым, который поднимается к звездному небу.

Между пальцев у него зажата самокрутка. Сколько же лет он не курил коноплю. Он купил травку на улице Бойни, у китайца, того самого, у которого купил телефон.

Покупать травку...

Обхохочешься. Он почувствовал себя булочником на пенсии, который каждое утро ходит за хлебом. Еще немного — и он начал бы давать китайцу советы насчет его мелкой торговли.

Он снова затягивается. Звезды в небе на мгновение тускнеют, а потом снова рассыпаются, будто в калейдоскопе, за разбитым стеклом окна.

Во дворе поют какие-то ночные птицы. Марсьяль позабыл их названия, он помнит только серых воробьев парижских предместий.

Он почти все позабыл.

Когда три дня назад он отправился на улицу Бойни, ему пришлось пройти мимо старого автовокзала. Под фонарями, перед разрисованной стеной, ждали с десятков шлюх, и Марсьяль непроизвольно замедлил шаг.

Он искал взглядом среди этих метисок Алоэ. Ее там не было. Он скользил взглядом по девочкам, похоже несовершеннолетним, по креолкам с платиновыми волосами, по толстухам в тесной одежде, но ни одна из них не была на нее похожа. Или он ее не узнал. Последний раз он о ней слышал пять лет назад. Он знал, что она сменила имя. А может, и цвет волос поменяла. Может быть, у нее даже появились дети.

Еще одна затяжка.

Какой была бы жизнь Алоэ, если бы он не встретился на ее пути? Если бы она не привязалась к Алексу?

Три дня назад он говорил об этом с Лианой. Они поссорились, как бывало всякий раз, когда он упоминал об этой части своей жизни. Во всяком случае, о том, что Марсьяль ей об этом рассказал.

Ссора...

Все это сейчас казалось ему таким пустым и ничтожным...

Это было до бесповоротного шага.

Марсьяль давит окурки о стекло.

Он так привык врать. Врать Алоэ — в другой жизни. Лиане — на этой неделе. Полицейским — в последние три дня. Теперь — своей дочери.

Скрываться. Врать. Убегать. Убивать.

Есть ли у него другой выбор?

19

Грот Первых Французов

21 ч. 26 мин.

Старушка «рено» Кристоса медленно катит в верхний город Сен-Луи. И еще больше замедляет ход на крутом повороте Лаймовой улицы. Половина дороги занята десятком кафров, ждущих с бутылками пива в руках перед баром-фургоном, пока освободится белый пластиковый столик под натянутым между двумя пальмами пестрым навесом.

До чего же радужный народ, философствует Кристос.

Еще три поворота.

За несколькими многоэтажками начинаются хижины, крохотные кубики, окруженные садиками-свалками, — цветочки, торчащие среди ржавых велосипедов, строительного мусора и металлолома.

Трущобы. И это еще за казуаринами не видно худшего.

На следующем повороте Кростос срезает напрямик. Он по-настоящему понял Реюньон только в тот день, когда увидел его сверху; нет, не с вертолета, незачем было для этого подниматься в небо, он всего-навсего открыл Google Maps, и перед ним появился сфотографированный со спутника сплюснутый остров. Тысячи маленьких белых квадратиков — совершенно одинаковых домиков в окружении одной и той же тропической природы, подрумяненных одним и тем же солнцем; единственная деталь, вносящая разнообразие в это унифицированное изображение, — это маленькие голубые овалы... Если посмотреть сверху, уравнение выглядело простым: чем ближе к пляжу, чем ближе к лагуне, той, где можно было купаться, не опасаясь ни камней, ни акул, ни течения, тем больше было голубых овалов рядом с домами. И никаких исключений этот детерминизм не знал: плотность расположения бассейнов на острове была строго обратной теоретической потребности в них...

Кростос показал карту Айе, но та только плечами пожала. А ему метафора показалась невероятно многозначительной. «Наш остров — это мир» — провозглашает туристический слоган Реюньона. Собственно, так оно и есть. На сорока квадратных километрах собран типичный образчик неравенства между народами пяти континентов.

Лаборатория человечества.

Этот остров — терраса, пристроенная на краю мира для того, чтобы наблюдать за будущим человеческого рода. В тени, во вьетнамках, со стаканом пунша в руке.

Кростос останавливается на Мишу-Фонтен — идущей под уклон маленькой улочке со ржавыми машинами по обеим сторонам. Можно подумать, что это свалка металлолома, а на самом деле — стоянка. Дом Имельды — четвертый от угла. Перед домом, сидя на трех трухлявых досках, заменяющих ступени крыльца, курят трое мальчишек.

Назир — старший из сыновей Имельды. Ему пятнадцать. Длинные тощие ноги — будто аист шорты натянул. Выдохнув дым, он поднимает

глаза на Крестоса.

— А, это ты, Деррик?[28] Я-то думал, ты ловишь врага общества номер один.

В пяти метрах от них орет радиоприемник, стоящий на пластиковой канистре. Облава на Марсьяля Бельона заменяет вечерний телесериал.

Назир, снова затянувшись, прибавляет:

— Я-то тебя держал за Джеймса Бонда...

Крестос ставит ногу на ступеньку.

— Я отдыхаю, малыш. Видишь ли, Деррик тоже спит, жрет и срет. То же относится и к Джеймсу Бонду.

Оба приятеля Назира захихикали. А Назир — нет. Он уже изображает из себя скептика.

— Не понимаю, что моя мать в тебе нашла. Зорей, сыщик. И к тому же тупой.

Крестос поднимается на две ступеньки, смотрит на подростка сверху вниз.

— Но романтик. Ты должен усвоить урок, малыш. Спать, жрать и срать — но романтично. В этом весь секрет. Ну ладно, дай-ка мне курнуть...

Назир зажимает окурок между пальцами, прячет руку за спину.

— Не трогай, дядя, это запрещенное вещество...

— Тем более. Не забывай о том, что разговариваешь со служащим, который давал присягу.

Подросток с вызовом сверкает глазами.

— Да что ты?

— Да-да! В наказание отдавай косячок, а заодно и пакет с травкой, который ты прядешь в кармане. Конфисковано!

Назир, несколько не смутившись, вытаскивает из кармана пакетик с листьями и трясет им перед жандармом.

— Ты об этом говорил, дядя? Я тебе его уступлю за полторы сотни евро. Это стоит вдвое дороже, но ты ведь почти родственник, верно?

Крестос протягивает руку.

— Продано. Деньги я оставлю твоей матери.

— Еще чего...

Пластиковый пакетик снова исчезает в кармане. Назир вытащил оттуда всего один листик.

— Ну, бери, Деррик, — он протягивает его Кростосу, держа между большим и указательным пальцами. — Подарок от фирмы! Травка из нашего огорода, утром только сорвана...

Когда Кростос, с сигаретой в руке, входит в дом, Имельда стоит к нему спиной, наклонившись над раковиной. Трое детишек, Дориан, Жоли и Амик, сидят рядом с краю стола.

— Кростос, какого черта! — вопит Имельда не оборачиваясь. — Брось сигарету!

Полицейский вздыхает.

— Только не при детях! К Назиру это тоже относится, я все слышала. Ты не должен его поощрять, ему всего пятнадцать. Он берет с тебя пример...

Кростос покашливает.

— Ну да, я для него пример, а как же! Скажи еще, что я его приемный отец, раз уж на то пошло. Имельда, со мной этот дешевый психологический шантаж не пройдет.

Чашки и тарелки стучаются о выщербленный фаянс. Ножи и вилки с грохотом сыплются в раковину.

— Сейчас же потуши сигарету. А завтра ты для начала отберешь у него пакет с травкой, а потом выдернешь всю, какая растет в саду. Не хочешь быть в роли отца, так побудь хотя бы в роли полицейского.

Кростос тушит окурок об пол. Дотягивается до бутылки рома и плюхается на деревянную табуретку.

— Ничего не скажешь, вечер удался...

Развернувшись, Имельда одним движением сгребает стоящие перед детьми тарелки и стаканы.

— Я слушала новости. В Сен-Жиле дела серьезные. Я не ждала тебя так рано.

Белый ром обжигает небо младшего лейтенанта.

— Одним придурком больше играет в прятки, одним меньше — от этого мало что меняется...

Имельда пожимает плечами. Чиркает спичкой, зажигает газ под низкой алюминиевой кастрюлей.

— Спорю, ты ничего не ел?

Кростос только кивает в ответ. Он обожает эту черную богиню. Обожают ее карри. Обожают сидеть в ее хижине-развалюхе.

Как только он допивает ром, Жоли запрыгивает к нему на колени. Ее длинные курчавые волосы пахнут шампунем на кокосовом молоке.

— Расскажешь мне историю про злодея?

Кристос отодвигает бутылку подальше от девочки.

— Про настоящего злодея?

— Угу-у-у-у.

— Историю про злодея, который убивает креолов большим ножом? Который убивает свою жену, чтобы не делить с ней маленькую дочку?

Жоли хохочет.

— Ага-а-а-а!

Имельда убирает посуду в пластиковый кухонный шкафчик. Кристос сквозь бутылку рома смотрит на ее царственный зад. Он до безумия хочет ее прямо сейчас. Имельда просто создана для того, чтобы трахаться с ней по-собачьи.

Жоли тянет его за рукав.

— Ну, Иисус, ты будешь на мамину попу смотреть или рассказывать мне историю?

Вот паршивка!

Кристос переворачивает девочку вверх тормашками. Она хохочет во все горло. Дориан и Амик, не утерпев, лезут на ринг и получают каждый свою порцию кетча.

— Осторожно, горячее, — предупреждает Имельда, ставя перед Кристосом тарелку с карри. — Малышня, ну-ка, живо в постель!

Угрожающе замахнувшись тряпкой и тем самым заставив недовольных умолкнуть, она снова поворачивается к Кристосу.

— Мне надо с тобой поговорить. Немного попозже, когда останемся вдвоем. И серьезно...

— Тогда лучше не надо.

Имельда продолжает чуть более раздраженно:

— Поговорить про твоего сбежавшего убийцу, идиот! В этой истории, которую нам уже сто раз рассказали по телевизору, меня кое-что смущает. Кое-что странное, о чем, похоже, никто почему-то не подумал...

21 ч. 35 мин.

Двадцать минут отдыха. Айя позволяет себе устроить передышку.

На двадцать минут — по часам.

Она решила, что лучше выбраться из Сен-Жиля, и, как часто бывало, когда ей требовалось собраться с мыслями, доехала на машине до Сен-Поля, чтобы походить в темноте мимо безлюдного кладбища моряков, от пустой рыночной площади до укрытого казуаринами грота Первых Французов.

Айя только что звонила домой. Там все в порядке. Том укладывает спать Жад и Лолу. Айя терпеть не может вот так звонить, в трех фразах рассказывать, как прошел день, как можно скорее отключаться, чтобы не занимать линию, а потом выстраивать по порядку слова, набросанные в трубку сочувствующим мужем и взволнованными дочками.

Береги себя, дорогая! Мама, мы тебя по телевизору видели... Не волнуйся, дорогая, я справляюсь. Мама, ты когда вернешься? Девочки только твоего звонка ждали, сейчас выключим свет. Папа читал нам про Ти-Жана, а потом нашел хамелеона, он прятался под камнями за домом... Поцелуйте маму, девочки, она торопится...

Том — совершенство.

Он уже шесть лет как стал учителем, работает в верхней части Сен-Жиля. Занимается со старшими дошкольниками. Спокойный. Разумный. Добрый. Она часто спрашивает у него, с какой стати такой безупречный человек должен терпеть такую зануду, как она.

Ты не зануда, неизменно отвечает он. Ты цельная натура.

Цельная...

Иногда Айе кажется, что она живет с надежно закрепленной на подставке боксерской грушей: сколько раз ни ударь, всегда возвращается на место. Невредимая. Красивая боксерская груша из черного бархата. Потрясающий отец. Нежный любовник.

Айя не любит спать без Тома.

Но что поделаешь, если по острову разгуливает убийца с девочкой Лолиного возраста.

Она вытаскивает мобильник, смотрит, который час. У нее остается семь минут. Ей совершенно не из-за чего дергаться, Моресу строго велено немедленно звонить ей, если появится хоть что-то новое. Пока что он молчит.

Айя идет в сторону грота Первых Французов. Вдали виднеется порт Пуэнт-де-Гале... Именно здесь, если верить легенде, на берег

сошли первые жители острова. Остров Бурбон, как его называли в те времена, до того был необитаемым. Никаких туземцев, колонистам никого убивать не пришлось. Остров был всего-навсего камнем посреди океана, не принадлежащим никому. Или принадлежащим всем...

Айя идет мимо кладбища моряков к своей припаркованной машине. Недавно она узнала, что ее прапрадед похоронен здесь, рядом с могилами пиратов. Аби Пюрви, ее предок, прибыл на остров в 1861 году, во времена ангажизма — местный политкорректный термин для обозначения рабства после его отмены Французской республикой. Следом за африканцами и тамилами сюда тысячами везли зарабов для работы на плантациях сахарного тростника... И вот тут в метрополии как раз научились делать сахар из сахарной свеклы, после чего мгновенно рухнула вся экономика острова. Насмешка зарождающейся экономической глобализации — тысячи рабов оказались безработными. Прапрадед Айи, как и другие зарабы, пытался сколотить состояние на торговле тканями. Этническая солидарность. Он нашел себе нишу — плетеные соломенные шляпы из стеблей чайота. Они дали ему возможность выжить, во всяком случае, ему это удавалось лучше, чем большей части креолов, подыхавших с голоду.

Джалад, сын Аби Пюрви, продолжил дело отца. Чайот, соломка, шляпы — они не перестанут продаваться, пока тропическое солнце будет припекать головы. В 1906 году он женился, свадьба была в мечети Нур-аль-Ислам в Сен-Дени — самой старой мечети Франции. Купил клочок земли в Сен-Жиле, не предполагая, что как раз напротив этого каменистого участка, вдоль которого тянулась грязная канава, французы построят вокзал Сен-Дени. Поначалу он хотел перебраться оттуда куда-нибудь еще — из-за шума, дыма, толпы. Потом привык. В конце концов он сдал свою хижину жителям Сен-Дени, которые проводили выходные у лагуны. Пять лет спустя, в 1912 году, он бросил плести соломку и построил пансион на семь комнат.

Фарис, дед Айи, родился в 1915 году в большом доме, выстроенном в колониальном стиле, в верхней части Сен-Жиля. Дела семьи Пюрви шли как нельзя лучше. Теперь не только по железной дороге, но и на пассажирских судах, бросавших якорь в порту Пуэнт-де-Гале, прибывали потоки отборных туристов: руководителей предприятий, богатых семей, жаждущих экзотики. В 1937 году Фарис

заложил первый камень достойного этого названия реюньонского отеля, который открылся двумя годами позже. Первые его постояльцы задержались дольше, чем предполагали: это были богатые европейцы, бежавшие от нацизма, большей частью евреи. Иудаизм — единственная религия, которой до тех пор не доставало на острове!

Отец Айи, Рахим, появился на свет одновременно с открытием отеля «Лагуна», в 1939 году. Он был единственным сыном и нашел себе сестренку-ровесницу по имени Сара Абрамова, дочь еврея-предпринимателя, для которого отель стал убежищем на время войны и который после 1945 года не захотел покидать тропики ради молодого государства Израиль. Они росли вместе и были неразлучны, проводя время то в коридорах отеля, то на берегу лагуны. Для Фариса, Айинога деда, свадьба была делом решенным. Его деловое чутье, подкрепленное банковским счетом его тестя, давало возможность написать историю счастливого соединения евреев с мусульманами, какая могла произойти только на Реюньоне, и надежду на создание туристической империи. Когда Рахим и Сара достигли совершеннолетия, их отправили в Соединенные Штаты изучать международную торговлю. В одном и том же учебном заведении, на одном курсе. Рахим был робким и послушным, но семейное предприятие интересовало его меньше, чем его предполагаемые художественные способности, которые проявлялись в работе с фаянсом. Сара, со своей стороны, вскоре променяла креольские мелодии своего детства на рок группы Beach Boys. Она так и не вернулась домой. Подцепила светловолосого калифорнийца и осела в Сан-Диего. Прощайте, грезы о гостиничном комплексе посреди Индийского океана... Ее отец, Натан Абрамов, покинул Реюньон в 1967 году и поселился в Тель-Авиве. Рахим вернулся из Соединенных Штатов один, без денег и даже без диплома. В довершение ко всему этот недостойный сын, едва вернувшись, утешился после всех своих неудач, влюбившись в самую красивую девушку в гостинице, — Лайла, неграмотная креолка, только-только ставшая совершеннолетней, мыла туалеты. Отцовское разочарование, гнев, угрозы — ничего не помогло. Рахим, который и мечтать не мог о том, что такая красавица на него хотя бы посмотрит, впервые решился противостоять отцу. Он отплыл вместе с Лайлой на Мадагаскар, убегая от проклятий семьи и насмешек заравов и надеясь разбогатеть благодаря занятиям искусством. И снова у него ничего не вышло. Он

кое-как выживал, таская камни для строительства дамбы на озере Алаотра. На Реюньон он вернулся только шесть лет спустя, после смерти отца. Лайла тогда была беременна Айей. Денег не было. Работы тоже.

Рахима встретили как зачумленного. После его отъезда отель, оказавшийся на грани разорения, перекупила крупная международная корпорация — Marriott Corporation, одним из акционеров которой был — вот ирония судьбы! — Натан Абрамов. Управляющему отеля, переименованного в «Аламанду», бельгийцу с кучей дипломов, до семейного наследия никакого дела не было. Он взял мать Айи на работу, потому что она была красивая, а заодно уж и потому, что она знала свое дело и была местная. Время от времени, если Лайла очень уж просила, он давал работу и Рахиму — по его специальности, по фаянсу: ванны, бассейн, туалеты. Айя помнила, как другие служащие, когда она смиренно ждала родителей в гостиничном коридоре, не стеснялись при ней унижать сына прежнего хозяина. Как аукнется, так и откликнется! Фарис Пюрви был не из тех, кого могли разжалобить проблемы мелких служащих, а неудачники среди зарабов были редкостью. Только намного позже она поняла, что на Рахима все смотрели как на последнего представителя пришедшего в упадок рода, который, пытаясь восстановить династию, женился на самой красивой девушке острова... До того как ей исполнилось десять лет, ее родители жили на убогой окраине с несколькими покосившимися хибарками, отделенной от Сен-Поля и Сен-Жиля восьмидесятиметровыми скалами, потом перебрались в Флеримон. Рахим умер в пятьдесят два года, Айе тогда было семнадцать. Он оставил после себя бедную семью и удивительный дом, снизу доверху выложенный плиткой. Местная достопримечательность. Ее мать и сейчас живет в этом доме.

Айя появляется там не чаще раза в месяц. Сегодня вечером ее мать, должно быть, не отлипала от телевизионных новостей, гордясь тем, что полицейский участок ее дочери вышел на первый план, и, наверное, удивлялась странному совпадению — тому, что местом преступления оказалась «Аламанда».

Айя дошла до парковки. Через несколько часов, как и каждое утро, здесь раскинется самый красивый рынок острова. В воздухе — а может быть, только в ее воображении — стойко держался запах пряностей: кардамона, мускатного ореха, куркумы...

Телефон зазвонил, когда она уже садилась в машину.

Морес.

Что-то новое?

— Айя?

— Да, Морес?

— У нас есть новости!

— Что, Бельона поймали?

— Нет... Нет. Не горячись. Но у нас появились сведения о его прошлом. Представь себе, у Бельона на совести есть еще один труп... И если говорить о том, что давит на мозги, похоже, ничего более тяжелого не придумать.

22 ч. 13 мин.

Кристос мягко двигается под простыней туда и обратно. Тело у Имельды жаркое, складки ее кожи — будто пуховая перина, листва, сливки; он плавает в плотном море, по которому ходят волны, выплескиваются на простыни, растекаются по ним; он купается в океане околплодных вод. В ней он всякий раз становится одновременно любовником и зародышем. Он мог бы часами оставаться на взводе и двигаться внутри нее в ритме колыбельной.

Первозданный рай.

— Можно мне включить телевизор?

Кристос не успевает ответить: Имельда, продолжая лежать под навалившимся на нее жандармом, дотягивается рукой до пульта.

— Тебя это тоже отчасти касается, — вздыхает негритянка. — На всех каналах острова сегодня вечером бригада Сен-Жиля заменяет «Место преступления — Майами»...

Вот уж точно.

— Ты осознаешь, что трахаешься с Горацио Кейном?

Она прибавляет громкость.

— А ты разве не должен там быть?

— Нет... Как видишь, мы сменяемся. Я вернусь туда завтра с утра пораньше. Свеженьким. Айя требует от своих людей, чтобы они отдыхали...

И Горацио Кейн долгим и мощным движением входит в нее.

— Да уж, отдых у тебя что надо...

Кристос, опираясь на локти, продолжает мягко скользить взад и вперед внутри нее. Телевизор — нечестный соперник, но он не сдается...

— Кристос, там девочка в опасности.

— Ага, и еще есть торговцы наркотиками, педофилы, голодающие дети в бедных кварталах, рабовладельцы, а если у меня останется немножко времени — пьяные мотоциклисты и сводники, которые подстерегают девочек у школы. Это никогда не прекращается. И как я еще могу спать, а?

Имельда тихо застонала и выронила пульт от телевизора, бессмысленно глядя в потолок. Кристос ускоряет темп. Младший лейтенант знает наизусть каждый вздох подруги, до взрыва остается несколько секунд. Он обожает вулканические извержения ее тела.

— Он... он опасен, — задыхаясь, шепчет Имельда. — Опасен для своей дочки. Он... он уже убил другого ребенка... Это... это было...

Голова Кристоса внезапно показывается из-под простыни.

— Что? Какого еще ребенка?

Имельда, глубоко вздохнув, чуть расслабляется.

— Мальчика, на пляже Букан-Кано. Несколько лет назад. Не помнишь?

Нет, Кристос не помнит. Только реюньонские женщины способны откладывать в уголке мозга вычитанные из газет происшествия, копить их там, неделя за неделей.

— Объясни, лапушка...

— Я тебе расскажу, как помню. Это случилось лет восемь назад, не меньше. Кажется, вечером. Отец присматривал за сыном на пляже Букан-Кано. Во всяком случае, должен был присматривать. Шестилетнего мальчика нашли на следующее утро, он утонул в океане. Собственно, никто никогда толком так и не узнал, что произошло.

Кристос почувствовал, что эрекция его тает, словно эскимо, позабытое на залитой солнцем террасе.

— Черт. Ты уверена, что этим отцом был Марсьяль Бельон?

— Совершенно уверена. То же имя, и с виду похож.

По лицу младшего лейтенанта видно, что он не очень-то ей верит. Имельда спрашивает:

— Что, никому в полиции не пришло в голову сопоставить одно с другим?

— Мы считали Бельона туристом...

Оправдание кажется почти ирреальным. Они ненадолго замолкают, предоставляя выкрикам телерекламы заполнить паузу. Рука Кростоса обхватывает черную грудь, губы теребят розовый сосок.

— Кростос, ты что, не собираешься звонить коллегам? — вяло возмущается Имельда.

Кростос чувствует, как его член снова наполняется кровью. Эта женщина — ведьма, стоит только прикоснуться к ее коже, и у него встает, как у молоденького. Она, должно быть, перед его приходом прячет под кроватью зарезанных черных петухов, жжет камфару и свечи в скорлупе кокосовых орехов — словом, весь набор белой, малабарской и коморской магии.

— Завтра. Завтра прямо на рассвете. Обещаю.

И проникает в нее.

— Ты с ума сошел, — шепчет она. — Ты — позор полиции острова.

— Напротив, у меня есть принципы. Профсоюзный перерыв! Не все ли равно, выложу я им это все сегодня ночью или завтра утром. Этот тип где-то бежит...

Он по-детски пристраивает голову на ее уютном плече, а нижняя часть его туловища тем временем не перестает двигаться, и его плоть забирается все глубже в тайные лабиринты тела Имельды. Дикая и влажная пещера, куда никогда не входил ни один зорей.

22 ч. 32 мин.

Имельда гладит Кростоса по голове. Он, как всегда, уснул, едва кончил. Не переставая его поглаживать, левой рукой она берет с прикроватного столика грязную книгу с пожелтевшими страницами. Агата Кристи, «Немезида». Рассеянно перелистывает. Она снова думает об этом деле. О том, что говорили по телевизору, о том, что рассказал ей Кростос, об исчезновении этой женщины, о смерти Родена, о бегстве этого типа, о показаниях служащих отеля. Все сходится.

Истрепанные страницы книги с трудом разлепляются. А в показаниях что-то не склеивается. Еще тогда, сразу после того, как мальчик утонул в океане, ее смущали некоторые подробности. Надо постараться вспомнить. Может, поискать газеты того времени? Старуха

Мари-Колетт с улицы Иоанна XXIII хранит у себя все ежедневные издания Реюньона за последние тридцать лет.

Да как же его звали, того утонувшего малыша?

Она переворачивает страницы «Немезиды». Эту книгу Назир откопал для нее на барахолке в Сен-Жозефе. Крестосу нравится называть Имельду своей мисс Катриной Марпл. В самую точку, если учесть, что она проглатывает больше сотни романов за год. Весь квартал тащит ей книги, у половины недостает последней главы. Это дело напоминает ей роман, который она читала лет десять назад, «Kahului Bay», история такая же, как у Бельона, только все происходит на Гавайях. Все факты, казалось, говорили о том, что виноват этот тип... Вот только существовал еще один персонаж, свидетель, который появлялся в этой истории намного позже и менял весь расклад. Как всегда, несмотря на все старания автора ее обдурить, Имельда догадалась обо всем задолго до финала.

Крестос мурлычет, словно котенок.

Имельде надо поработать мозгами. Начать с самого простого. Порыться в своей слоновьей памяти.

Как его звали, того шестилетнего мальчика?

ПОНЕДЕЛЬНИК, 1 АПРЕЛЯ 2013 Г

20

Братик

7 ч. 21 мин.

Я вижу в зеркале папину руку с блестящим лезвием. Наточенным. Острым.

Папа приближает его к моему затылку, я чувствую, какое оно холодное.

До крови закусываю губы.

Я трясусь от страха, но не решаюсь выговорить ни слова. Папа стоит у меня за спиной. Он, наверное, догадывается о том, как я боюсь, чувствует, как я дрожу, видит, что вся кожа у меня покрылась пупырышками.

Папа придвигает лезвие еще ближе. Теперь острие упирается мне в шею. Совершенно ледяное. Лезвие поднимается к моему левому уху.

Я стараюсь совсем не шевелиться, я должна просто ждать и не двигаться. И не кричать. И не пугаться.

А то папа может сделать мне больно.

Может нечаянно меня поранить.

Мой папа не очень ловкий.

В умывальник падают клочья волос.

У меня текут слезы. Я обещала папе, что не буду плакать, но это трудно.

Папа же объяснил мне: для того чтобы найти маму, мы должны очень рано встать и как можно быстрее выехать, нам назначили встречу на другом конце острова. И еще он сказал мне, что я должна быть самой смелой девочкой на свете.

Я смелая, я обещаю, что буду смелой, я хочу найти маму. Но все-таки мои волосы... Я мечтала, что они отрастут до попы и будут такие же красивые, как у мамы, я была готова ждать этого несколько лет и часами расчесывать и распутывать их каждое утро.

А папа взял ножницы и разом их отстриг. Ну просто ужас.

Странная все-таки мысль — сделать из меня мальчика! Ему это пришло в голову, когда он смотрел на фотографии в комнате, где я

спала. На них был мальчик, ему примерно столько же лет, сколько мне, и он время от времени живет в этой комнате, когда приезжает к бабуле на каникулы. Хорошо, наверное, когда у тебя есть бабуля на Реюньоне. Это лучше, чем гостиница. И потом, с виду она добрая, и немножко смешная, с этими ее голубыми волосами. На всех фотографиях у нее длинные бусы из ракушек или из крокодильих зубов.

«Ты сможешь переодеться мальчиком, — сказал мне папа. — Это будет, как на карнавале».

Он заставил себя засмеяться. А я — нет. Когда папа старается шутить, у него редко получается смешно.

Лезвия ножниц пробираются у меня за ушами, стригут еще короче.

На самом деле я знаю, почему папа хочет переодеть меня мальчиком. Не для того, чтобы меня не узнали. Не только для этого.

Решив застигнуть папу врасплох, я оборачиваюсь.

— Папа, а скажи, это правда, что у меня был братик? Раньше был. И я его не знаю, потому что он умер.

Папа чуть ножницы не выронил. В последний момент он успел их подхватить, но все-таки немножко уколол мне шею, наверху, за ухом. Я так ждала ответа, что почти и не почувствовала.

Вот только папа мне не ответил.

7 ч. 24 мин.

Марсьяль долго молчал, несколько минут, прежде чем заговорить снова. Можно подумать, он надеялся, что Софе наскучит ждать и она забудет свой вопрос.

— Ты очень красивая в роли мальчика, солнышко мое.

Ее отражение в зеркале показывает ему язык.

Еще немножко подстричь. Хоть сколько-нибудь подравнять челку. Сосредоточиться на этой работе парикмахера-дилетанта, хотя думать он сейчас способен только об одном.

Отправить дочку на улицу одну — безумная мысль. Но у него нет другого выхода.

— Ты все поняла, маленькая моя? Я приготовил список, тебе надо только показать его продавцу.

— А прочитать нельзя? Знаешь, папа, я умею читать!

Он, как услужливый парикмахер, склоняется над дочкиной шеей.

— Солнышко мое, ты должна как можно меньше разговаривать. Никто не должен заметить, что ты — девочка. Так вот, ты только покажешь ему список и убедишься, что он все тебе дал. Карта в масштабе 1:25 000.

— Очень сложно...

— Компас.

— Остальное я знаю. Фрукты и сэндвичи.

— А если спросят, ты скажешь, что тебя зовут...

— Поль!

— Да.

Он заставляет себя рассмеяться. И смеется в одиночестве. Ему никогда не удастся насмешить Софу.

— Дорогу я тебе уже объяснил, надо идти к морю, все время прямо, вниз по широкой пешеходной улице. Все магазины там. Разговаривай только с продавцами, больше ни с кем, понятно?

— Понятно. Я уже не маленькая.

Марсьяль снимает с дочки покрытое волосами полотенце. Софа недоверчиво разглядывает себя в зеркале: неужели это она со стрижкой под горшок? Под выщербленный горшок.

— Мама всегда добавляет в конце списка покупок еще две строчки. Сюрприз для своей любимой дочки и сюрприз для своего милого-дорогого.

Совершенно верно. Лиана умела любую неприятную или скучную обязанность превращать в игру. Он медлит с ответом.

— Самым лучшим сюрпризом, солнышко, будет вернуться как можно скорее.

Он подходит к двери, приоткрывает ее, внимательно оглядывает пустую улицу.

— Постой, Софа, последний штришок.

Он наклоняется к дочке и сажает ей на нос темные очки, найденные им на полочке в прихожей.

— Слушай внимательно, Софа. Ты, может быть, с трудом меня узнаешь, когда вернешься. Я тоже замаскируюсь, подстригу волосы, сбрею бороду. Понимаешь?

— Да...

Трудно хоть что-нибудь прочесть во взгляде Софы.

Она боится? Удивляется? Возбуждена тем, что кажется ей игрой?

Марсьяль пропускает между пальцев дочкины коротенькие прядки. К его руке десятками липнут мелкие неживые волоски.

— Ну беги, моя умница.

21

Смягчающие обстоятельства

7 ч. 51 мин.

— Чаю, дорогая моя?

Сначала Айя пошевелила ноздрями, пригнувшись к горячему пару. Потом открыла глаза. Поднос. Чашка, чайник, сахарница. Корзинка с тремя круассанами.

Четвертый Кристос затолкал в рот и весь обсыпался крошками.

— Ты хоть поспала, Айя? Ну и видок у тебя — как у измученной бессонницей старушонки.

— Спасибо, Крис. Приятно, едва проснувшись, услышать комплимент. Да, поспала часок урывками, минут по десять.

— Я слушал радио по дороге. Так, значит, ничего нового?

— Ничего. Можно подумать, Бельон растворился в воздухе. Я разговаривала по телефону с Ларошем, который дирижирует планом «Папанг». Над всем островом с рассвета кружили шесть вертолетов. Нигде ни следа ни серой «клио», ни Бельона, ни его дочери. Ларош на Реюньоне полгода. Он должен мне перезвонить, как только поговорит с префектом. Он... он производит впечатление компетентного специалиста.

— В тон не попадаешь, Айя.

— Что?

— В тон не попадаешь, когда произносишь эти слова — «компетентный специалист».

Айя вздыхает, потягивается, обхватывает обеими руками обжигающую чашку. Кристос присаживается на подоконник.

— Зато у меня новости есть. И не какие-нибудь...

У Айи заблестели глаза. Последние ночные звездочки между сном и пробуждением.

— Правда? Ты даже в койке трудишься?

— Ты попала в самую точку. Я получил сведения от подруги. В голове у нее все равно что процессор Intel Core, а к нему еще память,

как у слона, типа жесткий диск на три терабайта, и эта память занимается исключительно тем, что сортирует реюньонскую хронику происшествий с начала времен. Короче, моя подруга по койке уверяет, что несколько лет назад Марсьяль Бельон был замешан в мутную историю — там мальчонка утонул на пляже Букан-Кано.

Глаза у Аи тускнеют. Южный Крест растворяется в бледных утренних лучах.

— Ты в это не веришь? — спрашивает разочарованный Крестос.

— Верю... нам всего-навсего семь раз позвонили со вчерашнего дня, чтобы рассказать ту же самую историю. У реюньонцев фантастическая память на самые поганые местные происшествия... Во всяком случае, получше, чем у нас. Ни один из полицейских острова не связал этого беглого французского туриста и давний случай с утонувшим мальчиком. Сам понимаешь, после этого мы начали копать, я получила несколько мейлов из метрополии, мне надо внимательно их перечитать, но если вкратце: Марсьяль Бельон потерял своего первого ребенка от первой жены, той, которая была до Лианы. Мальчика звали Алекс. Ему было шесть лет. Он утонул в океане. Бельон, с которым его оставили, недоглядел. Пока что я не вижу связи с двойным убийством в Сен-Жиле. Зато хорошо понимаю, что наш турист, затерянный во враждебной среде, на самом деле знает остров как свои пять пальцев.

— Аяя, надо уметь во всем находить хорошую сторону, — насмешливо замечает Крестос. — Он, конечно, нас поимел, но у нас есть смягчающие обстоятельства.

— Бельон прожил на острове девять лет, — продолжает, будто ничего и не слышала, капитан Пюрви, — с 1994-го по 2003-й. Работал в гребном клубе. Судя по тем сведениям, которыми управление, так уж и быть, со мной поделилось, у Бельона на острове кое-кто остался. Приятель в Ланжевене, раньше они вместе занимались подводным плаванием, владелец плантации сахарного тростника у реки Мат и бывшая жена в Равин-а-Малер. Все они утверждают, что после его возвращения в метрополию потеряли с ним всякую связь и даже теперь, когда он снова прилетел на остров, с ним не виделись. Тем не менее все они под наблюдением: прослушка, слежка, полный набор... Но Бельон не подавал признаков жизни.

Крестос доедает уже второй круассан.

— Он не так-то прост. Извини, дорогая, за бесполезные сведения...

— Ты не виноват. Извини за то, что вчера так грубо тебя послала...

— Сам напросился. И потом, ты была совершенно вымотанная. А сейчас еще того хуже... Тебе бы еще часок-другой поспать...

Айя дует на слишком горячий чай.

— Нет уж, милый мой, только не теперь. Я чувствую, что все произойдет в ближайшие несколько часов. Бельон на всю ночь где-то затаился, но ему непременно придется вылезти из норы, чтобы запастись едой... Крестос, он не просто так сбежал, у него есть цель. Совершенно определенная цель.

— Айя, если бы я предложил тебе помощь, несколько, как бы это сказать, нестандартную, ты бы согласилась ее принять?

— В моем теперешнем положении...

— Моя подруга по койке, негритянка с процессором Intel Core в голове, всю ночь думала над этой историей. Она тоже считает, что здесь дело нечисто. Что-то за всем этим кроется.

— Надо уметь перекладывать свои обязанности на других, Крестос. На чем она гадает, твоя подружка? На козлиных потрохах, на кофейной гуще? Коморское гадание?

— Скорее гадание по Харлану Кобену.[29] Угадывает за три главы до конца книги...

Айя обжигает горло чаем, морщится и решает:

— Ладно, в конце концов, почему бы и нет? Скажи ей, чтобы зашла, хуже не будет...

Крестос улыбается.

— Замечательно, шеф. Ты не разочаруешься. Имельда — это такая глыба.

Он вытаскивает из кармана пакетик с травкой, делает самокрутку. Айя хмурится.

— Крестос, успокой меня, ты ведь не станешь курить здесь коноплю? Как-никак это полицейский участок. И тем более сегодня, когда вот-вот сюда явится управление в полном составе...

— Спокойно, Айя. Мы на веранде, рядом с морем, пассаты все унесут... И потом, это было доброе дело, травку я перед уходом конфисковал у ребенка!

Айя безнадежно вздыхает.

— Отстань. У меня нет ни малейшего желания еще и сегодня с утра с тобой ругаться.

Кристос затягивается.

— А больше ничего нового, дорогая моя?

— Как же, минуты без этого не проходит... Еще бы — план «Папанг», десятки людей к этому подключены, здесь и в метрополии.

— Ну тогда выкладывай с разбором. Только самые пикантные подробности.

— Насчет пикантных ты в самую точку. Среди самых свежих новостей — компьютерщики из управления немного покопали насчет Журденов. Эта парочка действительно не была знакома с Бельонами до того, как они несколько дней назад встретились на острове. Но зато...

Младший лейтенант ухмыляется, не выпуская изо рта самокрутки, он предчувствует, что продолжение ему понравится.

— Но зато?

— Им пришло в голову пошарить в сети, в частности, проверить, как там обстоят дела у Журдена. Угадай, что этот скрытник прячет у себя на Пикасе?

— Это такая штука, где хранятся фотографии, да?

— Бинго, Крис! Жак Журден коллекционирует сделанные тайком фотографии молоденьких и хорошеньких туристок в одних трусиках, от расплывчатых снимков, которые он нащелкал на пляже в упор своим мобильником, до других — в стиле папарацци, сделанных хорошей камерой с трансфокатором.

— Вау! Не ожидал от адвоката такого. А можно его за это посадить?

— Не так просто. Правда, среди прочих девиц, которых он там у себя выложил, не меньше десятка фотографий Лианы Бельон. Нашей красавице явно нравилось загорать так, чтобы не оставалось следов от купальника.

Кристос расплывается в улыбке, косячок чудом удерживается у него в зубах.

— Можно взглянуть на снимки? Я готов прямо сейчас этим заняться!

Айя хохочет.

— В управлении уже нашлось несколько таких же озабоченных, они раньше тебя вызвались добровольцами. Не надо было прогуливать, голубчик...

Кристос роняет самокрутку.

— Я не меньше твоего ненавижу этих типов из управления! Думаешь, Жак Журден положил глаз на Лиану Бельон?

— Как знать...

Капитан Пюрви допивает чай и только потом снова поднимает глаза на Кристоса.

— Я для тебя кое-что другое приготовила. Раз уж ты так рано встал, не хочешь ли с пользой потрудиться?

— Дорогая моя, я и встал только ради этого! И, если уж говорить все как есть, я даже от утреннего секса отказался...

Айя со вздохом отставляет чашку.

— У нас появилась еще одна зацепка, надо проверить! Сегодня ночью, после экстренных сообщений по телевизору, позвонила одна девица, Шарлина Тай-Ленг, она работает регистраторшей в аэропорту Сен-Дени. Судя по тому, что она рассказала нам по телефону, Марсьяль Бельон пять дней назад, за сорок восемь часов до двойного убийства, обращался к ней, хотел поменять билет на самолет. Если это подтвердится, ко всем обвинениям против Бельона вполне можно будет добавить заранее обдуманый умысел. Сегодня у нее выходной. Она живет в Рокфее.[30] Сейчас она дома, ждет, чтобы кто-то из полиции пришел записать ее показания.

Айя протягивает ему бумажку с нацарапанным на ней адресом. Младший лейтенант давит ногой окурки.

— Ну, красавица моя, если ты решила играть на моих чувствах... Я просто о-бо-жа-аю стюардесс, — и, глядя на усталое лицо начальницы, прибавляет: — Ничего, Айя. Тиски сжимаются. Мы его возьмем, мы обязательно его возьмем.

22

Ястреб взлетает, все замирает

8 ч. 04 мин.

Я иду по широкой пешеходной улице, которая спускается к морю. Дома по обе ее стороны похожи на неярко раскрашенные кубики и на новенькие кукольные домики, у которых снимается крыша и разбираются стены. Стараюсь прочитать название улицы на табличке, прикрепленной под зеленым крестом аптеки. «Аллея Родригеса».

С той минуты, как папа закрыл за мной дверь, я делаю все в точности, как он велел. Я его слушаюсь. Не бежать. Идти по тротуару. Спуститься по лестнице. Перейти дорогу. Когда попаду на широкую аллею, по ней бежать тоже нельзя.

Я хорошо запомнила, что надо делать потом. В каждом магазине надо показывать продавцу список покупок.

Подождать. Заплатить.

Это легко, даже при том, что из-за больших темных очков я ничего не вижу, как только оказываюсь в тени.

Но папа очень строго сказал, что я не должна их снимать!

Там, внизу, в конце улицы, у самого пляжа, стоит полицейский в форме. Больше никого рядом нет. Он стоит прямо, неподвижно и только глазами водит туда-сюда, будто ленивый кот, подстерегающий воробьев.

Теперь он смотрит на меня. Наверное, я что-то такое сделала, что его удивило. Хорошо еще, что я не закричала, не побежала — я сдерживалась, как могла, хотя в голове у меня такое творилось!

Это я в газете!

Огромная фотография на первой странице — я с папой и мамой. Почти перед всеми магазинами лежат стопки газет. И все равно я должна идти спокойно, как папа велел. Мне надо их перехитрить. На газетной фотографии я в желтом платье, с длинными волосами и глаза видно. Никто не может меня узнать. И уж точно — не этот толстый полицейский котище.

Смело вхожу в лавочку.

— И чего же ты хочешь, деточка?

Молча, словно воды в рот набрала, протягиваю список тетеньке, стоящей среди деревянных ящиков. Мне надо хлеба, ветчины, печенья и бананов. Она целый час укладывает все это в пакеты, а потом еще целый час отсчитывает мне сдачу. Когда со всем этим покончено, я тихонько, почти шепотом, говорю:

— Спасибо, мадам.

Папа сказал, чтобы я не старалась изменить голос, просто надо говорить как можно тише, как будто я очень застенчивая.

Выхожу на улицу. Толстый полицейский котище все еще здесь, стоит неподвижно, но мне кажется, что он подобрался ближе, как в «замри-отомри».

Иду дальше как ни в чем не бывало.

Четыре магазина. Два с одеждой, один цветочный и блинная.

Прохожу мимо. Заставляю себя идти не спеша.

Книжный магазин.

Вхожу.

— Что ты ищешь, малыш?

Поднимаю глаза — и мне тут же становится страшно.

Китаец.

Я боюсь китайцев, после людоедов и карибских пиратов я больше всего на свете боюсь китайцев. Я даже в Париже, в ресторанах, их боюсь. Когда мы с мамой идем по магазинам, часто заходим в китайские рестораны, маме там еда очень нравится, а мне — нет. В школе Тимео рассказывал, что они едят всякие странные штуки: бездомных собак, пауков, безглазых рыб. А здесь вот — липучие огурцы. Я медленно разворачиваю папин список и молча обзываю себя идиоткой.

Я же прекрасно знаю, что Тимео болтает всякие глупости. И потом, этот-то китаец продает книги.

И газеты.

Опять натыкаюсь на свою фотографию, газета оказалась у меня прямо перед глазами. Читаю про себя, что написано большими печатными буквами.

У-БИЙ-ЦА В БЕ-ГАХ.

— Тебе газету, малыш? Ты уже умеешь читать?

Я опускаю голову, смотрю на свои мальчишковые сандалии. Мне надо купить всего одну вещь, но для того, чтобы сказать, что мне надо, я должна прочесть, а в магазине слишком темно, темнее, чем в пещере у троллей. Ничего не поделаешь, по-другому никак не получится, я снимаю темные очки и отчетливо говорю:

— Карту 1:25 000. 4406РТ.[31]

Китаец, четверть секунды подумав, протягивает мне сложенную книжечкой голубую карту.

— Что, малыш, собираешься с родителями на пикник в горах?

Ничего не отвечаю, протягиваю деньги, не поднимая головы, — до чего же у меня уродские сандалии. Вообще-то это даже лучше, что мне попался китаец. Он, наверное, подумал, что я его боюсь. Он, наверное, привык.

Я все купила. Выхожу на улицу.

Полицейский сдвинулся с места. Он жульничает, он идет по пешеходной улице, сейчас он как раз надо мной. Я не смогу его обойти, мы обязательно встретимся, когда я буду подниматься к дому бабушки с голубыми волосами, где меня ждет папа.

Ничего страшного. Ничего страшного. Ничего страшного.

Он не может меня узнать!

Еще двадцать метров.

Так, в «замри-отомри» больше не играем, переключаемся на «цыплят и ястреба». В «цыплят и ястреба» я играю лучше всех, мне всегда удается перебежать через всю площадку, и никто не может меня поймать. Там вся хитрость в том, чтобы стать незаметной. Не носиться без толку, как мальчишки, которые воображают, будто бегают быстрее всех, а сами всегда раньше меня попадают.

Я прохожу мимо жандарма с той же скоростью, не быстрее и не медленнее, чем шла, и даже головы не поворачиваю. Может, он на меня уставился, может, он смотрит мне в спину, может, он глаз с меня не сводит, а мне все равно, все равно, все равно — он не может меня узнать, этот толстый глупый ястреб.

Еще тридцать метров.

Мне осталось только перейти дорогу. Теперь я могу обернуться.

Полицейский далеко, на другом конце улицы, он идет в сторону пляжа.

Я же говорила, что играю лучше всех!

Как только я перейду дорогу, мне останется только подняться по лестнице, в ней двадцать ступенек, а потом можно будет побежать, бежать быстро, очень быстро, и до чего же мне этого хочется. Вот только сначала пусть проедут машины.

Машина вообще-то всего одна. Большая, черная, с очень высокими колесами, это чтобы ездить по горным дорогам. Она сбавляет скорость. Останавливается, чтобы меня пропустить.

Я начинаю переходить и машинально поворачиваю голову.

До чего же странный человек за рулем! У него смуглая, почти оранжевая кожа, на нем индийская рубашка, а на голове зеленая бейсболка с пришитым к ней большим красным тигром. Малабар — так

папа их называет, в гостинице тоже был один такой, лужайки подстригал. И он тоже в темных очках.

Оранжевый человек оборачивается и все время смотрит на меня, пока я перехожу улицу и поднимаюсь по лестнице, огибая пальму. Мне страшно, у меня мурашки по всему телу бегают, ноги дрожат, я не вижу глаз этого человека, но... я почти уверена: он догадался, что я только переоделась мальчиком.

Он знает, что я девочка! Он не попался на удочку, как тупой полицейский или китаец-людоед из книжного магазина.

Вообще-то, если быстро-быстро подумать, малабаров я боюсь еще больше, чем китайцев.

Ноги у меня дрожат, как будто эта улица с ее тремя пальмами тянется бесконечно или как будто мне надо не по ней пройти, а через заколдованный лес.

Ну и дура же я. Я же почти дошла. Папа ждет меня там, за поворотом, вот-вот покажется наш дом. Теперь я бегу по тротуару не оборачиваясь, не глядя на большую черную машину, которая, наверное, уже тронулась с места.

Папа!

Входная дверь открывается, и я сразу узнаю папу, хоть он и выглядит странно с этой очень-очень короткой стрижкой, и рот без усов и бороды у него какой-то совсем крошечный. Я влетаю в коридор, папа закрывает за мной дверь, обнимает и целует меня.

Обожаю, когда папа меня обнимает и целует. Это случается нечасто. В общем-то мне нравится, что я осталась с папой одна. С ним интереснее, с мамой мы в такие игры не играли.

И я в этих играх побеждаю! Я отдаю папе свои пакеты, я все сделала как надо, я добыла сокровища и не попалась! А главное — мы уже сегодня после обеда поедem к маме!

Папа заглядывает в первый пакет, проверяет, что в нем лежит, видно, что он доволен, он мной гордится, он проводит рукой по моим волосам, как будто хочет их растрепать.

Мне только хочется поплакать из-за волос. Теперь мне кажется, что незачем было их отрезать. Вполне достаточно было бы надеть бейсболку, зеленую и с тигром, как у того малабара.

Марсьяль проверяет последний пакет, тот, в котором лежит карта.

— Солнышко, ты просто героиня!

— А теперь мы поедem к маме?

Марсьяль берет ее на руки.

— Софа, слушай меня внимательно. Я сейчас запрy входную дверь на ключ. Включу тебе телевизор. Сделай звук как можно тише и, главное, никому не открывай. Не вставай с дивана. Теперь, раз ты уже дома, я хочу принять душ. Всего пять минут, а потом поедem...

8 ч. 21 мин.

Я минуты две посмотрела «Титефа», не больше, а потом слышу — прямо перед домом машина. Встать или лучше не надо?

Еще убавляю звук. Титеф мгновенно затыкается!

В гараже, который папа оставил открытым, какой-то шум.

Как будто туда заехала машина.

Мне бы хоть к окошку подойти, чтобы проверить. Мне, правда, кажется, что эта машина не на улице паркуется. Она здесь, совсем рядом, я слышу, как работает мотор.

Между домом и гаражом есть дверь. Может оказаться, что она открыта.

А вдруг кто-нибудь войдет?

Я почему-то вспомнила малабара с оранжевым лицом, в черной машине с большими колесами. Надо позвать папу, но он же сказал, чтобы я сидела как можно тише. А для того, чтобы он под душем меня услышал, надо громко кричать. Я не могу пойти в ванную, он мне даже с дивана встать не разрешил.

Если только...

Я встаю. Тихонько подкрадываюсь к двери ванной, мои ноги тонут в толстом ковре.

Ничего. Больше ничего. Я больше никаких звуков не слышу.

Ни Титефа, ни Надю, они молча открывают рты в телевизоре.

Ни в гараже.

Я даже не слышу, как шумит вода в душе.

23

Кап-Шампань

8 ч. 32 мин.

— Полковник, вы что — не понимаете? Снять заграждения сейчас было бы предельной глупостью.

Айя вцепилась в телефон. Ларош позвонил ей сразу после того, как поговорил с префектом. Самое большее — десять минут. А префект непосредственно перед этим связывался с каким-нибудь министром — внутренних дел или по делам заморских департаментов. Самое большее — на две минуты. И потом все явно пошло по нарастающей. Бюрократический поток усиливался на каждом административном уровне и в конце концов выплеснулся на нее из уст полковника Лароша.

— У меня со вчерашнего вечера тридцать человек торчат в ваших дурацких заграждениях, капитан Пюрви... И единственный результат всего этого — бардак, какого Реюньон не знал с февраля 2006 года, когда завалило приморское шоссе.

— Полковник, поверьте мне! Бельон выберется из своей норы, ему пришлось где-то затаиться на ночь, чтобы его дочка могла поспать, у него не было выбора, но теперь он попытается что-то предпринять... Нам надо только набраться терпения.

Айя смотрит на проекцию карты Сен-Жиля на стене полицейского участка. Осмотрены уже не меньше трети домов.

— Если только Бельон не оказался к этому времени на другом конце острова...

Ларош произнес это спокойно. Хладнокровно. Без напора.

Айя взрывается.

— Этого не может быть! Мы набросили на Бельона лассо. И теперь достаточно потихоньку затягивать петлю. Я знаю эти места, полковник...

— Не сомневаюсь, капитан Пюрви. Знаете лучше, чем я, — вы ведь на это намекаете? Но одно другому не мешает: я знаю свое дело, и у меня толковые сотрудники. Сегодня понедельник после Пасхи, день традиционного креольского пикника в горах. Все население покидает города. Ваши заграждения, из-за которых нарушится местная гастрономическая традиция, войдут в историю острова.

— Вот именно, полковник. Бельону это известно. Он попытается воспользоваться моментом, чтобы уйти из сети.

Ларош делает паузу, как будто ему надо подумать. Вообще-то Айя должна была рассказать ему про девушку из аэропорта, к которой обращался Марсьяль Бельон. Скрывать такого рода сведения —

профессиональное нарушение, и она это сознает. Но она-то на самом деле ничего не утаивает, просто дает себе небольшую отсрочку. Как только Кростос явится с отчетом, она сразу обо всем и сообщит. Если это действительно важно...

Ларош на другом конце провода вздыхает.

— Хорошо, капитан Пюрви. Мы еще на несколько часов оставим заграждения вокруг Сен-Жиля. Оглухнем, конечно, от воплей, но все равно у нас пока никакой другой версии нет.

Айя прислоняется к белой стене зала. Она победила.

— Спасибо, полковник. Люди уже совершенно выдохлись, они всю ночь не спали, но, если я попрошу их еще некоторое время продержаться, они останутся...

— Не перестарайтесь, капитан Пюрви.

— Что вы хотите этим сказать?

Ларош не раздражается. Айя подозревает, что у него заведены карточки на всех офицеров острова, и там должны быть указаны особенности характера капитана Айи Пюрви. И подчеркнуты красным.

— Как бы вам объяснить, капитан? Чтобы было проще, воспользуюсь вашей же недавней метафорой, помните, вы говорили про лассо и петлю? Хорошо сказано, но неверно. Точнее, она не полностью описывает ситуацию. План «Папанг» — операция предельно сложная, даже на таком острове, как Реюньон. Мы не накидываем лассо, мы раскидываем сеть, состоящую из многих связанных между собой нитей. Вот это-то и есть самое главное, капитан, то есть способ, каким они связаны. Речь идет не о простой сетке, а скорее о нескольких окружностях, вписанных одна в другую, от первой и самой простой, очерчивающей несколько сотен метров вокруг того места, где бесследно исчез Бельон, до более сложных, для которых требуется множество людей и транспортных средств, требуются системы наблюдения, специализированные бригады...

Куда он клонит, этот мудака?

— Можете не сомневаться, капитан Пюрви, мы полностью на вас полагаемся...

Снова пауза. На этот раз — хорошо рассчитанная.

— ...в том, чтобы удержать в руках веревку первой окружности.

Айя представляет себе лицемерную улыбку Лароша. Вряд ли он догадывается, что в эту минуту она показывает ему средний палец.

8 ч. 36 мин.

Айя устроилась в гамаке, подвешенном между двумя казуаринами, поставила на колени ноутбук. Ей всегда казалось, что глупо было вешать гамак на парковке полицейского участка (еще одна дурацкая выдумка Кростоса), но не станет же она из-за такой чепухи восстанавливать против себя всех коллег... А сегодня, после почти бессонной ночи, ей нравится, вот так покачиваясь, просматривать почту.

Солнце поднялось еще невысоко, между домами пробирается ветер с океана... Самое время, сидя в тени пальм, ненадолго отвлечься от погони и сосредоточиться на психологии Марсьяля Бельона. Несмотря на то что Айя не очень-то верит в туманные теории насчет убийц-рецидивистов, которыми им забивали головы в школе полиции так называемые специалисты по профилированию: способ действий, почерк, нарциссическое расстройство личности, кататимный кризис и прочая чушь в том же роде, она всегда считала, что эти полицейские, создавая видимость деятельности, прикрывают таким способом свою профнепригодность, вроде тех преподавателей, которые неспособны читать лекции и которых запикивают в институты повышения квалификации.

Полицейское управление засуетилось, они разослали всем бригадам, которым поручено было натягивать одну из веревок пресловутой Ларошевой сети, защищенное письмо с четырьмя вложениями. Айя открыла первое. Это было срочное сообщение от комиссара Дей-ла-Барра, содержащее краткие сведения о Марсьяле Бельоне.

Родился в Палезо в 1972 году. Детство провел в Орсе, затем жил в Лез-Юлисе.

Проучившись два года на факультете физкультуры и спорта в университете Париж-юг-ХІ, он бросил учебу, не получив диплома, — только два свидетельства, инструктора по плаванию и сопровождающего на каяке, и отплыл на Реюньон. Ему тогда был двадцать один год. Он стал спортивным организатором в гребном клубе в Сен-Жиле, проработал там девять лет. В сентябре 1996 года женился на Грациелле Доре, управляющей баром-рестораном «Кап-Шампань» на пляже Букан-Кано. Грациелла была на четвертом месяце

беременности. Алекс родился 11 марта. Полтора года спустя его родители развелись и присматривали за ребенком по очереди. Одни выходные малыш проводил с мамой, другие — с папой.

В воскресенье 4 мая 2003 года — на той неделе была очередь Марсьяля брать к себе сына — туристы обнаружили тело Алекса: мальчик утонул в океане. Происшествие в течение нескольких дней занимало первые полосы газет. Следователь долго колебался между убийством по неосторожности и причинением смерти в результате случайного стечения обстоятельств, в конце концов, после долгих обсуждений, было решено, что произошло причинение смерти в результате случайного стечения обстоятельств, что позволило Марсьялю Бельону избежать исправительного суда... и чем объясняется, почему в полицейских картотеках не сохранилось никаких следов этого дела.

Несколько месяцев спустя Марсьяль Бельон покинул остров. Вернулся во Францию. В 2005 году он познакомился с Лианой Армати. В январе 2007 года родилась Жозафа. С 2009 года Марсьяль работает охранником спортивного зала в Дей-ла-Барре. Лиана Бельон бросила учебу ради того, чтобы растить их дочь.

Это все.

Айя зевает. Солнечные лучи, пробираясь сквозь кроны казуарин, припекают ей затылок. Гамак покачивается. Ей кажется, будто она плывет по океану на надувном матрасе.

По океану, где есть вайфай.

Снова зевнув, она открывает второе вложение.

Там оказывается краткий протокол несчастного случая с Алексом Бельоном, составленный следователем Мартен-Гайяром, который вел это дело.

В тот вечер, когда случилась трагедия, Алекс был с Марсьялем Бельоном. Все произошло между 22 часами — в это время Марсьяль забрал сына у матери на пляже Букан-Кано — и 6 часами утра, когда на другом конце пляжа было найдено тело шестилетнего утопленника. Расследование установило вину Бельона, было доказано, что отец не следил за мальчиком. Все посетители бара, расположенного в сотне метров от пляжа Букан-Кано, подтвердили, что в то время, когда утонул его сын, Марсьяль Бельон сидел там и пил ром, стакан за стаканом. Отягчающее обстоятельство — Марсьяль Бельон так и не поднял

тревогу. Печальную новость сообщили ему полицейские, явившись на следующее утро в его квартиру в Сен-Поле. У Марсьяля в крови нашли 1,2 грамма алкоголя, а в моче — 150 наногаммов конопли.

Ничего себе...

Айя закрывает глаза. Разумеется, она думает о Жад и Лоле.

Как родители могут пережить такое несчастье?

Что после этого еще можно построить?

Сделался ли Марсьяль Бельон чудовищем по недосмотру? Почти случайно? Она представляет себе идиотское и вместе с тем омерзительное стечение обстоятельств. «Алекс, побудь здесь, никуда не уходи, папа только покурит и выпьет рюмочку в баре на том конце пляжа и сразу вернется, детям в таких местах делать нечего...»

Неужели несколько лишних стаканчиков могут все перевернуть? Сначала одну жизнь, потом еще...

Лиана Бельон. Роден. Софа Бельон.

Айя открывает третье вложение: появляется копия в формате pdf — статья из реюньонской ежедневной газеты, датированная 1 июля 2003 года, то есть написанная спустя два месяца после несчастного случая. В заметке сообщается о закрытии бара-ресторана «Кап-Шампань», которым управляла Грациелла Доре. Журналист не упустил случая напомнить о трагической смерти Алекса, чтобы выжать слезу у читателя. Да, он понимает, что Грациелле Доре трудно оставаться здесь, рядом с волнами, которые вынесли на песок безжизненное тело ее сына, но последствия закрытия ресторана также трагичны: со дня на день семь креолов останутся без работы! Бармен, официанты, повара...

...Уборщицы...

Айя отмечает странное совпадение. Ее собственные родители не один год проработали в отеле «Аламанда». Временная работа, как и у тех семи креолов, о которых говорится в статье. Взволнованная Айя продолжает рассуждать: наверное, некоторые из этих креолов, оставшихся без работы из-за смерти Алекса Бельона, пытались устроиться на работу в «Аламанду». Однако ни один из служащих отеля, которых допрашивали после исчезновения Лианы Бельон, не упомянул об этой давней истории.

Габен Пайе.

Ева Мария Нативель.

Наиво Рандриасолоаримино.
Танги Дижу.

Почему?

Айя краем сознания отмечает, что надо узнать имена этих семи работников ресторана «Кап-Шампань». Все ее расследование с самого начала опиралось на аксиому: единственный, кто мог совершить преступление, — это Марсьяль Бельон. Пять свидетельств против одного, в том числе показания Евы Марии Нативель, утверждающей, что Лиана Бельон больше не покидала тридцать восьмой номер. Она слово в слово помнит собственный вывод, которым поделилась с Кростосом: «Трудно себе представить, чтобы все служащие отеля объединились против одного и того же человека. Что могло бы заставить их так поступить?»

Пять против одного.

У нее ум за разум заходит.

Ей надо бы поспать.

Ее тело требует сна. Настойчиво. Если не считать пляшущих по клавишам пальцев, все части ее тела, все ее органы, кажется, работают замедленно, почти переключились в режим ожидания. Ее мысли устремляются к пляжу Букан-Кано, она не может не думать о странной судьбе самого известного пляжа острова. Вся его притягательность заключается именно в том, что он опасен, там нет никакой лагуны, Букан-Кано — это перепад уровней и волны, для серфинга лучше не найти. Так считалось до сентября 2011 года, когда самый знаменитый из местных бодибордеров в пятнадцати метрах от пляжа стал жертвой акулы. Травма для туристов и катастрофа для отелей, ресторанов и прочих заведений, все это не идет ни в какое сравнение с забытым всеми несчастным случаем, гибелью мальчика, утонувшего десять лет назад...

Айя зевает и, изо всех сил стараясь не заснуть, открывает четвертое вложение.

У нее перед глазами запись долгого разговора с Аньес Суриссо, учительницей Алекса Бельона. Этот документ явно получен все от того же следователя Мартен-Гайяра.

Вопрос следователя.

Каким отцом был Марсьяль Бельон?

Айя читает по диагонали длинный ответ учительницы.

Марсьяль Бельон был скорее рассеянным, непостоянным отцом, не слишком интересовался ребенком. Грациелла Бельон, в отличие от него, твердо стояла на земле и с воспитанием Алекса справлялась одна. По мнению учительницы, это довольно распространенный случай, так бывает во многих семьях. Марсьяль Бельон просто-напросто не готов был стать отцом. Не готов был пожертвовать своими пристрастиями ради ребенка.

Пристрастиями?

Спорт, друзья, алкоголь, травка... женщины.

Женщины?

Марсьяль Бельон был красивым парнем. И спортивным. Порхал с цветка на цветок. Ему достаточно было поманить... хотя мне кажется, что за несколько месяцев до гибели Алекса он остепенился и жил более или менее семейной жизнью с молоденькой креолкой.

Можно ли сказать, что трагедия не стала для вас неожиданностью?

Нет-нет, ничего похожего я не говорила. Марсьяля Бельона нельзя было назвать вполне благоразумным отцом, но представить себе, что случится такое несчастье...

Так что же все-таки там могло произойти?

А кто может это знать? Букан-Кано, в отличие от других пляжей острова, опасен, там резкий перепад глубины, и дно мгновенно уходит из-под ног. Алекс этого не знал. Мальчик обожал плавать наравне со взрослыми. Очень тяжело говорить об этом, но он восхищался отцом, постоянно рисовал его на доске для серфинга или виндсерфинга, окруженного рыбами. Марсьяль Бельон, со своей стороны, как я вам уже сказала, предпочитал друзей, девушек, которые у него постоянно менялись, шумные ночи... Он не был плохим человеком, просто он скорее был мальчику старшим братом, чем отцом... А кроме того... Все, о чем я вам сейчас рассказываю, выстраивается по порядку задним числом, в виде объяснения. Если бы вы задали мне те же вопросы до того, как случилась трагедия, я заверила бы вас, что Алекс — спокойный и уравновешенный мальчик, что жизнь его налажена, несмотря на то что родители в разводе, и он будет дальше расти на этом острове, словно в волшебной сказке, ему только на пользу то, что кроме разумной и властной матери у него есть легкомысленный отец...

Как сказала на других детях в школе гибель Алекса?

Ответа Айя не прочтет.

Во всяком случае, прямо сейчас.

Она незаметно уснула, убаюканная пассатами и покачиванием гамака.

24

Дверь гаража

8 ч. 47 мин.

Я боюсь.

Ни в доме, ни в гараже больше не слышно ни звука, если не считать того, что я луплю кулаками по двери ванной.

Колочу все сильнее.

Папа наконец выходит из ванной комнаты. Он переоделся. Он обнимает меня.

— Я здесь, маленькая моя. Я здесь.

Странно, что он не спрашивает меня, почему я колотила в дверь как ненормальная. И я не решаюсь рассказать ему про то, что слышала, как в гараже остановилась машина. Совсем рядом, прямо за дверью. А потом я замечаю еще более странную вещь. У папы волосы не мокрые. Он, наверное, их высушил или не лил воду на голову. А мне в душе больше всего нравится, когда вода льется на голову.

— Пойдем, солнышко? Теперь лучше не задерживаться.

Папа запихивает вещи в большую сумку: кеды, штаны, пуловеры. Похоже, там, куда мы едем, холодно. Мне трудно в такое поверить. С тех пор как мы приехали на Реюньон, здесь все время жара. Мне никогда в жизни не было так жарко. И потом, мальчик, который живет в этом доме, тот самый, чьи шорты и рубашка сейчас на мне, чуть повыше меня, и я хотела бы не спеша выбрать себе другую одежду, все примерить.

— И так сойдет, — сказал папа.

Еще он сказал, чтобы я не капризничала, что старушка с голубыми волосами и так уже была настолько любезна, что не только в дом пустила, но еще и разрешила взять все вещи, какие нам понадобятся.

Папа выгреб все из шкафчика над раковиной и бросил в сумку пачки печенья.

Я морщусь нос.

— Папа, это не бери, по-моему, оно невкусное...

Папа не отвечает. Вытаскивает печенье, кладет на стол. Он нервничает. И опять странно смотрит на меня, так же как смотрел недавно, когда только вылез из-под душа. Может, это из-за моего старшего брата, который умер. Мой старший брат точно был немножко похож на меня, вот потому папа и попросил меня переодеться мальчиком.

Как бы мне хотелось, чтобы у меня была фотография моего старшего брата...

Папа берет сумку. Я поднимаю на него глаза.

— Папа, мы далеко едем?

И голос у папы раздраженный.

— Да, я же тебе говорил... На другой конец острова, к твоей маме.

Он идет к двери гаража. Еще секунду поколебавшись, я не выдерживаю:

— Папа... Только что, пока ты принимал душ, я слышала, как подъехала машина. Слышно было так, как будто она остановилась совсем рядом... Здесь... в гараже.

Папа смотрит на меня испуганно, как будто я ему сказала, что позвонила в полицию и сообщила, где мы.

— Ты... ты что-нибудь видела?

— Нет, папа. Ничего не видела. Дверь гаража не открывалась. Никто не входил...

Папа быстро идет через весь дом. Я бегу следом за ним. Папа приоткрывает дверь гаража, оборачивается.

— Постой здесь, солнышко, я взгляну...

Он закрывает за собой дверь.

Я приготовилась долго ждать, но папа почти сразу возвращается. Он улыбается мне, но я вижу, что он заставляет себя улыбнуться.

— Ну что?

— Ничего, Софа. Ты... тебе, наверное, показалось... Там... там никого нет.

Папа врет. И у него это плохо получается. Я все вижу, но веду себя как примерная девочка.

— Вот и хорошо, папочка, а то я немножко испугалась...
— Побудь здесь, Софа, я только выгляну в сад, надо убедиться, что на дороге никого нет. Как только я тебя позову, сразу иди ко мне.
— Смотри, как бы полицейские тебя не узнали...
— Ты моя хорошая...
Он целует меня и уходит.
Что там такое, в гараже?
Что папа еще от меня скрывает?
Мне надо узнать...
Открываю дверь.
В гараже стоит желтая машина. Маленькая, круглая и блестящая.
Не знаю, что это за марка.
Вхожу в гараж.
За рулем кто-то сидит.
Подхожу поближе. Теперь я ее узнала.
Это старая дама с голубыми волосами.

Она неподвижно сидит на водительском месте. Ее синие очки упали на пол. Я бесшумно подхожу еще ближе. Уснула она, что ли...
Опираюсь рукой на желтую дверцу, встаю на цыпочки.
Не надо было этого делать.
На какую-то четверть секунды мои глаза отказываются верить тому, что увидели.
А потом я начинаю орать!
У старой дамы с голубыми волосами из шеи, внизу, торчит нож!
Вся шея у нее в крови, и подбородок тоже, кровь стекает ей на грудь, как будто она неопратно ела и вся облилась. Ее голубое, под цвет кудряшек, платье насквозь промокло, стало почти фиолетовым. И кудряшки вымазаны в кровавой каше.

Я готовлюсь снова заорать, перебудить весь квартал, но мне затыкает рот чья-то рука.
Здоровенная волосатая мужская рука. Самого мужчину я не вижу, только его тень.

8 ч. 49 мин.

Кристос ставит пикап под аркой недавно построенного здания в новом квартале Сен-Жиля в двух шагах от лагуны. Здесь, в соответствии с долгосрочными планами градостроительства, дома для богатых, с бассейнами, оградами и решетками, искусно перемешаны с более чем социальным многоэтажным жильем: предполагалось, что все эти люди будут посещать одни и те же школы, магазины и даже городские парки.

Ага, как же, думает Кристос, которого эта перетасовка напоказ не очень-то убедила. Лично он твердо верит в то, что на всем острове существует одно-единственное место, где перемешаны все расы, и место это — пляж! Все раздетые, все равны. Как ни странно, чем больше вокруг голой кожи разных цветов, чем легче забываешь про цвет кожи.

Младший лейтенант поднимается на три ступеньки, входит в вестибюль и принимается изучать выгравированные на медных табличках имена.

Шарлина Тай-Ленг. Лестница Б. Второй этаж. Квартира 11.

Меньше одного процента реюньонцев соглашаются покинуть свои дома или виллы ради того, чтобы набиться в многоэтажки, и потому таких обхаживают, пылинки с них сдувают; строить в высоту — единственный способ ежегодно давать приют еще десяти тысячам островитян и остановить анархическую урбанизацию, которая истребляет природное пространство острова так же верно, как лесной пожар.

Беззвучный лифт. Розовый коврик у порога. Красная дверь. Позолоченный звонок.

До чего шикарно!

Перед тем как второй раз нажать на звонок, Кристос освежает в памяти свои фантазмы с участием стюардесс-азиаток, поднятых с постели рано утром.

Дверь наконец открывается, и в проеме появляется секс-бомбочка примерно метр шестьдесят ростом. Смотрит на жандарма большими, как у персонажей манги, заспанными глазами. Ее круглое лицо обрамлено прямыми черными волосами, подстриженными как у Доры-следопыта. Ниже Кристос старается не смотреть — футболка, в которую одета девушка, едва прикрывает бедра, и ему кажется, что с

каждым вздохом маленькие торчащие грудки приподнимают ткань ровно настолько, чтобы выставить наружу лобок.

Он показывает удостоверение. Девушка трет глаза и роется в затуманенной памяти.

— А, ну да, конечно, тот тип из аэропорта. Входите.

Бесстыжая Дора первым делом предлагает ему сесть на диван, потом — выпить кофе.

Кристосу здесь нравится. Он любуется прекрасным видом на Индийский океан за окном или, чуть повернувшись, круглой загорелой попкой Шарлины, когда девушка наклоняется, придвигая поднос с завтраком. Кофе, печенье и мед.

— Рано вы там, в полиции, встаете!

Кристос веско объясняет:

— Чрезвычайные обстоятельства, мадемуазель. У нас убийца в бегах. Так что, сами понимаете, каждая минута на счету...

Она понимает. Усаживается, в свою очередь, на диван, скрещивает ноги. Майка задирается до пупа. Дора строит из себя Шерон Стоун. Кристос сжимает губы, чтобы не обжечь горячим кофе ненароком высунувшийся язык. Красотка улыбается, ничуть не смущаясь, волнение полицейского ее скорее забавляет.

— Но хотя бы пару секунд вы можете подождать? Я что-нибудь на себя накину.

Жаль...

Она скрывается в спальне и почти сразу же — у Кристоса едва перестало стоять — возвращается. Накинула она легкое платье из розового поплина, которое прикрывает ее голые ляжки не больше чем на дополнительный сантиметр...

Представление Доры о стыдливости.

Зато скромный вырез майки сменился головокружительным декольте платья на двух тонких бретельках, с трудом обуздывающих темные соски, которым не терпится полюбоваться утренним небом.

Кристос отводит глаза, поворачивается в сторону моря. Весь балкон занят доской для серфинга.

Она еще и спортсменка...

Младший лейтенант прочищает горло.

— Так, значит, вы видели Марсьяля Бельона в аэропорту Ролан-Гаррос? Пять дней назад?

Шарлина хихикает.

— Да... этот особо опасный преступник — довольно красивый парень. Если бы он был насильником, а не убийцей, я бы, пожалуй, не отказалась от утренней пробежки по Сен-Жиллю...

Она снова запрыгивает на диван и принимает позу Лолиты — поднимает коленки к груди.

Эта сучонка его завлекает! Может, на самом деле малышка грезит героическими представителями сил охраны правопорядка? Он не уверен в диагнозе и пока ограничивается тем, что складывает руки внизу живота, маскируя эрекцию.

— Чего хотел Марсьяль Бельон?

— Ничего особенного. Всего лишь поменять дату обратного билета.

— Он объяснил вам почему?

— Личная жизнь клиентов нас не касается — это записано первой строкой в уставе нашей компании.

Кристос хмурится.

— Бельону в итоге удалось поменять билет?

— Нет, это было невозможно! Он хотел как можно раньше вернуться в Париж, но мест не было. Прямым рейсом он мог улететь только через неделю, а там уже всего ничего оставалось до 7 апреля — обратный билет у него был на это число.

— И как он это воспринял?

— Запаниковал. Стал упрашивать. Мы пытались что-то сделать... Это было сложно, у него не было паспорта. Единственная возможность — лететь с пересадкой, через Сидней или через Дели. В три раза дороже.

— И?

— Он отказался... Но не без колебаний.

— Ага...

Кристос старается сосредоточиться на теневых участках расследования, но для этого надо отвлечься от теневых участков, виднеющихся между краем платья Шарлины Тай-Ленг и ее промежностью. Марсьяль Бельон потихоньку готовился свалить пораньше! Почти любой ценой. С точки зрения прокурора, это могло означать, что убийство жены не было всего лишь несчастным случаем, преступление планировалось заранее... При этом не очень понятно,

зачем надо было бежать во Францию? Потому что в метрополии легче спрятаться, чем на острове? Ну это как-то...

— Марсьяль Бельон больше ничего вам не сказал?

— Нет. Он показался мне довольно милым, хотя заметно было, что у него неприятности.

Девушка, сияя улыбкой, тянется за печеньем. Когда она наклонилась, приняв совсем уже акробатическую позу, платье поехало вверх, задралось сзади до копчика, а грудки, высвободившись, заплясали прямо перед носом у младшего лейтенанта. Притворяться каменным и ничего не предпринимать было бы крайне невежливо. Крестос протягивает руку к подносу, мимоходом касается соска.

— Хотите еще чего-нибудь, инспектор?

Она и на сантиметр не отодвинулась от его руки.

— Ме... меду... — запинаясь, мямлит Крестос.

Ну полный идиот.

И пока он колеблется, не зная, на что решиться, — проигнорировать ли более откровенный игривый намек или попросту облапить наглую грудь, кто-то спускает воду, и этот звук заглушает его похотливые мысли. Потом кто-то открывает и снова закручивает кран. Скрипит дверь.

В комнату входит дружок Шарлины — полуголый, в одних красных шароварах, сплошные мускулы, волосы светлые и растрепанные. Из тех, кто способен всю ночь трахаться, а остальное время заниматься серфингом.

— Меду, инспектор? — переспрашивает Дора-сучонка.

— Спасибо...

Медовая сладость отбила горький привкус.

Серфингист оказался неразговорчивым. Развалился на стуле и выхлебал литр воды.

— Мадемуазель Тай-Ленг, — спрашивает Крестос, — вам не показалось, что Марсьяль Бельон намеревается бежать?

— Что именно вы понимаете под словом «бежать», инспектор?

— Ну, он вроде бы хотел любой ценой покинуть остров... Как по-вашему, он чего-то боялся?

Серфингист встает, запускает руку в штаны и почесывает промежность. Шарлина, влюбленно на него посмотрев, снова уставилась на Крестоса своими большими кукольными глазами.

— Да, инспектор. Вот именно, он чего-то боялся.

26

Место смертника

9 ч. 03 мин.

Волосатая рука зажала мне рот, я не могу дышать.

Я задыхаюсь от слез. И от страха. Мне бы хотелось укунить эту руку, впиться в нее зубами, как дикий зверь, разодрать ее, выплевывая пальцы один за другим.

Чудовище сопит у меня за спиной, горячо дышит мне в шею.

— Тише, Софа. Не кричи. Только не кричи...

Папа?

Рука меня отпускает. Я оборачиваюсь. Ничего не понимаю.

Папа?

Папа опускается на корточки, чтобы мы с ним стали одного роста, и смотрит мне в глаза.

— Успокойся, солнышко, я прибежал сразу, как ты завопила. Больше так не делай. Никогда. Я закрыл дверь гаража, но соседи могут нас услышать. Они могут позвонить в полицию. Они могут...

Я не хочу дальше слушать папу, я закрываю уши руками и кричу, что бы он там ни говорил.

— Она мертвая, папа! Старая дама с голубыми волосами умерла...

Папа гладит меня по голове, рука у него холодная и волосатая, как паук.

— Тише, Софа. Не думай об этом. Нам надо уходить. И поскорее.

Огромный, смертельно опасный паук.

— Папа, у нее нож в шею воткнут. Ты ее убил.

Смотрю ему прямо в глаза.

— Это ты ее убил, папа. Больше никому! Это ты.

Папа придвигается еще ближе ко мне.

Паук опускается мне на плечо, его лапы щекочут мне шею.

— Конечно, нет, Софа! Как тебе только такое в голову пришло? Никогда больше этого не повторяй. Слышала, Софа? Никогда. Ты должна доверять мне, всегда, всегда доверять, что бы тебе ни сказали и что бы ты ни увидела. Все, нам пора, берем сумку и уходим.

Меня трясет. Слышать ничего не хочу. И с места не сдвинусь.

— Папа, я знаю, что это ты ее убил. Кроме нас, в доме никого нет.

— Софа, хватит болтать глупости, я все время был с тобой.

Паук сползает к моему сердцу, другой паук тем временем снова опускается на мои волосы. Я дрожу. Я плачу. Я знаю, что я права.

— Ты не принимал душ! Ты ее убил, чтобы забрать ее машину. И чтобы забрать ее дом. И ее вещи тоже. И одежду мальчика, которая сейчас на мне.

И тут я понимаю, что ору все громче и громче. Паук внезапно взлетает над моей щекой. До меня не сразу доходит, что мне вlepили пощечину.

Я отступаю, мгновенно онемев от удивления.

— Все, Софа, хватит! Мы не можем задерживаться! Отвернись!

— Нет!

Паук снова поднимается, он угрожает мне.

На этот раз я сдаюсь.

Папа открывает дверцу желтой машины со стороны пассажирского сиденья. Очень тихо, осторожно, почти бесшумно.

Даже если я этого не вижу, я все равно знаю, что сейчас делает папа.

Он вытаскивает старушку из машины, не обращая внимания на то, что кровь заливает сиденье. Ему наплевать, что она умерла. Ему наплевать, что она больше никогда не сможет поиграть с мальчиком, чьи шорты, рубашка и сандалии сейчас на мне.

Ему на все наплевать.

Кроме одного. Ему нужна машина, чтобы жандармы его не догнали. Потому что он убил маму, теперь я в этом уверена.

Потому что он ее убил и не хочет, чтобы его посадили в тюрьму.

9 ч. 11 мин.

— Софа, можешь повернуться.

Папина голубая рубашка вся в крови.

Я вижу старушкины ноги, они торчат из-за двух старых шин и газонокосилки.

— Садись в машину, Софа. Мне очень жаль, что пришлось дать тебе пощечину, но у меня не было выбора. Хотя ты еще маленькая, но ты должна понять. Нам надо любой ценой двигаться дальше. Вот

посмотришь, Софа, я покажу тебе удивительные пейзажи, ты таких никогда не видела...

Красивые пейзажи?

Я сижу на заднем сиденье машины.

Машины, которая принадлежит покойнице.

Папа сошел с ума.

— Не нужны мне никакие пейзажи. Я маму хочу увидеть!

Папа снова успокоился.

— Тогда, Софа, ты должна ехать со мной. И доверять мне. Если ты хочешь увидеть маму, сегодня днем нам надо оказаться на другом конце острова.

— Ты мне обещаешь?

Не знаю, зачем я об этом спрашиваю. Все равно я ему не поверю.

— Да, солнышко. Да. Я тебе обещаю.

9 ч. 17 мин.

Марсьяль то поглядывает в зеркальце — присматривает за Софой на заднем сиденье желтого «ниссана», то смотрит прямо перед собой — нет ли там каких подозрительных признаков. Пока что дорога почти пустая.

Марсьяль проезжает всего-навсего километр.

Не больше.

Дорога на Сен-Пьер впереди перегорожена. От полицейского заграждения, устроенного перед круговым перекрестком на шоссе, ведущем к Брюникелю, на несколько сотен метров растянулась вереница машин. Слегка сдвинувшись вправо, Марсьяль наблюдает за происходящим. Полицейские останавливают каждую машину, проверяют документы водителя, всматриваются в каждого пассажира, открывают багажник. У него нет ни малейшего шанса проскочить, несмотря на то что Софа переодета мальчиком, несмотря на то что он попытался, как мог, изменить собственную внешность, сбрив бороду и брови, надев очки с толстыми стеклами и глубоко надвинув бейсболку с широким козырьком.

Отец с шестилетним мальчуганом.

Без документов.

Они непременно что-то заподозрят.

Ничего не выйдет. Он попал в западню.

Внедорожник позади него сигналит. Он еще больше сдвигается в сторону, давит корни деревьев.

Марсьяль исподтишка поглядывает на Софу, неподвижно сидящую на заднем сиденье, и раз за разом прокручивает в голове не имеющее решения уравнение.

Полицейские ищут отца с шестилетним ребенком.

Есть только один способ решить уравнение. Решение жестокое для Софы, еще более чудовищное, чем все то, что из-за него пришлось испытать дочери, еще более травмирующее, чем история в гараже с трупом этой старухи.

И все же у него и на этот раз нет выбора.

Он как можно незаметнее маневрирует, и Софа таращит на него удивленные глаза.

— Папа, почему мы разворачиваемся?

27

Золотой локон

9 ч. 19 мин.

— Айя! Айя!

Капитан Пюрви в конце концов просыпается. В небе покачиваются лица Кростоса и Мореса — словно ангелов закрепили на пружинках. Айе требуется несколько секунд на то, чтобы осознать: качается она сама, лежит в гамаке, подсунув под голову ноутбук вместо подушки. Она осторожно выбирается из гамака, опираясь на протянутую руку Кростоса.

— Что-нибудь новенькое есть? — осведомляется капитан Пюрви, глядя на часы и пытаясь понять, долго ли она спала.

Два часа восемнадцать минут. Нормально, но вместе с тем слишком много.

Морес отвечает первым:

— И да, и нет. Мы толком не знаем, потому и решили тебя разбудить. Нам сообщили, что пропала Шанталь Летелье, шестидесяти восьми лет, проживающая на улице Мальдив. По словам друга, у которого она ночевала, около восьми утра она собиралась на минутку заскочить к себе домой, а потом присоединиться в Ла-Салине к нему и другим пенсионерам. Все они состоят в одном и том же клубе, играют в

го. Клуб называется «Го Додо». На самом деле! В клубе все еще ждут ее... Уже полчаса звонят ей домой. Никто не отвечает...

Айя потягивается, явно разочарованная. Проводит руками по лицу — ей кажется, что после этой сцены в гамаке у нее на лице отпечатались ромбы сетки.

— Угу... Бабулька наверняка застряла в пробке. Или уснула. Есть там хоть какая-то связь с Бельоном?

— Кое-какая, — отозвался Морес.

Его большие глаза налиты кровью. Морес безостановочно моргает, как будто его веки, подобно двум лепесткам бугенвиллии, треплет океанский ветер.

— Связь, правда, за уши притянута, Айя, — уточняет он. — Шанталь Летелье живет в двух шагах от ботанического сада. А вчера поздно вечером нам позвонила дежурная из «Эдема» и сообщила о том, что во второй половине дня видела пару, по описанию напоминающую Бельона и его дочь.

Айя включает мозги на полную мощность. Она проспала целых два часа, и теперь ей надо наверстывать упущенное время. Срок, отведенный Ларошем, вскоре закончится. Ей необходимо до того, как управление откроет шлюзы, найти доказательство, что Бельон не мог преодолеть ограждения вокруг Сен-Жиля.

— Морес, ты сам разговаривал с девушкой из ботанического сада?

— Да, только она была не вполне уверена. Отец с дочкой, она толком их и не разглядела, больше ничего эта бестолочь сказать не смогла. Со вчерашнего вечера мы получили полсотни таких сообщений...

Айя похлопывает себя по щекам, чтобы проснуться окончательно. Отпечатки сетки на лице разглаживаются. Морес и Кростос ждут ее реакции. И Айя взрывается.

— Вот только два слабых симптома, ребята, соединившись, дают симптом чертовски сильный. Улица Мальдив, говорите? Едем туда!

9 ч. 27 мин.

Айя кружит по пустой гостиной, наслаждается порядком, чуть старомодной и чопорной обстановкой, непрочным покоем, она сознает, что еще несколько минут — и этот дом станет называться местом преступления, целая толпа экспертов из криминальной полиции

примется тщательно изучать каждый квадратный метр, каждый предмет обстановки, каждую безделушку. Она проводит рукой по обоям, разглядывает фотографию Шанталь Летелье. У старушки удивительные голубые волосы. Должно быть, она чудачка, и внуки обожают ее...

Вихрем врывается Морес, глаза у него бешеные, мигают, будто два спятивших желтых маяка, со скоростью стрекозиных крыльев.

— Айя, мы все обшарили. В гараже пол залит кровью. И остальное — газонокосилка, шины, чехлы — тоже в крови. Но тела и следа нет...

— Черт, что бы это значило?

Айя кусает губы.

Кристос минут пятнадцать разговаривал по телефону с другом Шанталь Летелье. Какое-то объяснение наметилось. Шанталь Летелье никуда с острова не уезжала, но почти все время проводила у этого друга, тоже пенсионера, врача по профессии, с которым познакомилась в клубе игры в го в Сен-Поле. Он живет на улице Скалер в Ла-Салине, в трех километрах отсюда. Поскольку в доме Шанталь Летелье большую часть года — за исключением тех периодов, когда приезжали ее дети и внуки, — никто не жил, хозяйка решила его сдавать и поместила объявление на сайте, где частные лица сдавали и снимали жилье без посредников. Бельон, должно быть, зашел на этот сайт и, прочитав объявление, подумал, что Шанталь Летелье в метрополии, а ее дом стоит пустой.

Он и стоял пустой. Почти.

По дороге в клуб, куда она отправлялась каждое утро, Шанталь Летелье около восьми часов заглянула к себе домой. Обычно старушка этого не делала, но позвонил сосед: она забыла закрыть дверь гаража! Шанталь удивилась — с головой у нее пока что все в порядке, и ей казалось, что она эту чертову дверь закрывала... Но мало ли что — из-за истории с беглым убийцей она решила проверить.

Айя снимает со стены фотографию — ту, не очень четкую, где Шанталь Летелье позирует на фоне водопада.

Судьба безжалостна. Шанталь Летелье не повезло... Эта открытая дверь гаража — улика, благодаря которой можно было поймать Бельона. Для этого достаточно было позвонить в полицию.

Капитан Пюрви кладет фотографию на стол. Надо попросить Мореса, пусть разошлет ее по факсу во все полицейские участки острова. На всякий случай... Поскольку тело не найдено, остается

очень маленький шанс, что Бельон не убил Шанталь Летелье. Что она всего-навсего его заложница.

Весь гараж залит кровью...

Совсем крохотный шанс.

У Айи пока нет никаких результатов анализов ДНК, и отпечатков пальцев тоже, эксперты сейчас этим займутся, но улики сходятся. Они даже нашли в ванной окурки самокрутки с коноплей.

Марсель Бельон и его дочь переночевали в этом доме.

Несколько минут назад она связалась с полковником Ларошем, и теперь все начальство из управления на вертолете мчится в Сен-Жиль.

С поджатым хвостом...

Рыбка застряла в садке, Айя была права с самого начала. Она почти грубо оборвала разговор, чтобы подчеркнуть это и чтобы Ларош осознал, сколько сил и времени было напрасно потрачено на облаву, развернутую по всему острову.

9 ч. 29 мин.

Кристос снова входит в комнату. На губах у него играет приличествующая ситуации улыбка — отчасти циничная, отчасти пофигистская. Именно это выражение лица своего помощника Айя ненавидит больше всего.

— Ну что, тело Шанталь Летелье так и не нашли? — тревожно спрашивает капитан Пюрви.

— Нет... но я нашел кое-что другое.

Он осторожно держит пластиковый мешок — и внезапно, больше ни слова не прибавив, высыпает то, что в нем лежит, на низкий столик, прямо перед Айей. Волосы разлетаются по комнате, осыпаются на столик и на пол, за несколько секунд превращая гостиную в дамскую парикмахерскую.

Длинные светлые волосы. Тонкие. Почти кукольные.

Словно какой-то псих остриг наголо сотню Барби.

Или всего одну девочку с золотистыми кудрями.

Взгляд Айи снова устремляется к фотографиям в рамках на стене, на этот раз он задерживается не на бабушке, а на шестилетнем мальчике рядом с ней. На нем клетчатая рубашка и бейсболка. Он разглядывает крокодилов.

Она все поняла.

— Черт! — внезапно вскрикивает Айя. — Их нельзя упустить!

28

Мечта пожарного

9 ч. 29 мин.

— Вот, пожалуйста, это мамины документы.

Марсьяль открывает бумажник, протягивает полицейскому удостоверение личности, техпаспорт, страховку. Тот улыбается. Обычная проверка. Он, наверное, сегодня с утра уже не одну сотню машин осмотрел. Полицейский заглядывает в салон желтого «ниссана». На пассажирском сиденье спит старушка. Колени у нее прикрыты пледом, шея обмотана шарфом, как будто даже в тридцатиградусную жару она мерзнет. На заднем сиденье, между гамаком и кастрюльками для креольского пикника, втиснут надутый мальчонка.

Ну вот, уже и французы к этому пристрастились...

Полицейский, несмотря на усталость, внимательно и добросовестно изучает бумаги.

— А на ваши можно взглянуть? — наконец спрашивает он у Марсьяля.

Марсьяль виновато опускает голову.

— У меня при себе их нет... Мы только отвезем бабулю в горы немного подышать в холодке. Сами видите — если бы ей удалось найти вязаную шапку, наверное, она и ее бы натянула.

Полицейский с готовностью хохочет. Это креол. Он сочувствует Марсьялю. Протягивает ему документы.

— У меня то же самое, пару раз в месяц приходится... Только мне повезло меньше, чем вам, пока что выгуливаю всех четырех стариков.

Он снова присматривается к мальчику на заднем сиденье. Тот совсем раскис, похоже даже, что недавно ревел. Креол с понимающим видом подмигивает Марсьялю.

— Для мелких это вообще чистое наказание. Ему ведь тоже больше нравится лагуна, да? Как моим! Ну, хорошо вам погулять.

Марсьяль спокойно включает скорость.

Он проскочил!

Поначалу он неспешно катит по шоссе в сторону Сен-Пьера. От заграждения есть и кое-какая польза: из-за проверок дорога пуста, и он

сможет быстро отсюда убраться.

Он едет вдоль океана к Сен-Ле, минуя поочередно Труа-Бассен, Гранд-Равин и Равин Фонтен, бросает короткий взгляд на исполинские вантовые мосты Тамариндового шоссе в километре от побережья. Все равно что три виадука Мийо[32] меньше чем на десяти километрах... Машины идут по скоростной дороге ровным потоком. Слишком ровным. Его очень легко будет заметить.

Марсьяль резко выкручивает руль — он едва не пропустил поворот между карликовыми пальмами и гигантскими кактусами. Труп Шанталь Летелье на пассажирском сиденье соскальзывает, несмотря на то что пристегнут ремнем безопасности, безжизненная голова медленно склоняется ему на плечо.

Марсьяль вздрагивает, вцепляется в руль, его тошнит от соприкосновения с этой дряблой кожей, оно пробуждает нестерпимые воспоминания. Когда он ехал куда-нибудь с Лианой, даже на небольшие расстояния, она неминуемо засыпала на первых же километрах, и ее мягкие светлые волосы касались его плеча.

Вот так же нежно склонил ему на плечо голову этот труп.

Труп, который снова начал истекать кровью.

Его рубашка опять промокла.

Софа плачет на заднем сиденье.

Она все время плачет с тех пор, как выехали, — кроме нескольких минут, которые они простояли у ограждения, при полицейском она сдерживалась. И все же у Марсьяля нет другого выхода, он должен двигаться дальше, хотя и понимает, что воспоминание об этой сидящей на месте ее матери зарезанной старухе, замаскированной под уставшую бабушку, будет преследовать девочку до конца ее жизни.

Много лет... Или несколько часов.

Кто может знать?

Он больше ничем не управляет.

9 ч. 37 мин.

Марсьяль проезжает Этан-Сале. Еще несколько километров, и за Сен-Луи ему придется выбирать, продолжать ли двигаться вдоль берега океана или повернуть в глубь острова, в сторону Ле-Тампона. Его решение зависит от вопросов, на которые у него нет ответов. Сколько времени пройдет до того, как полицейские заметят исчезновение

Шанталь Летелье? Сколько времени им потребуется на то, чтобы опознать машину? Сколько времени понадобится тому жандарму, который его пропустил, чтобы сообразить что к чему? Скоро ли его объявят в розыск? Сколько времени у него есть? Несколько минут? Несколько часов?

Он в нерешительности. Самая короткая дорога к бухте Каскадов — вдоль берега. Сен-Пьер. Сен-Жозеф. Сен-Филипп. Почти непрерывная цепь домов, круговых перекрестков, пешеходных переходов, светофоров и радаров. На этом пути он окажется словно в воронке между горами и морем, здесь он будет наиболее уязвимым. Полицейским легче легкого будет его поймать, как только они узнают, по какой дороге он выехал из Сен-Жиля.

На дорожном щите указано направление на Ле-Тампон. Надо ехать прямо. Он машинально прибавляет скорость. Некоторое время он будет двигаться в сторону Антр-Де, доедет до равнины Кафров. А оттуда можно, по меньшей мере тремя разными способами, выбраться на дорогу, ведущую к вулкану Питон-де-ла-Фурнез.

Тупик. Вот на что он рассчитывает!

Каждый день сотни туристов поднимаются по этой дороге, фотографируют вулкан, потом спускаются тем же путем. Если и есть такое место, где полицейские не станут его искать, то именно здесь.

9 ч. 42 мин.

«Ниссан» одолевает первые петли дороги, ведущей к вулкану. Поля с сочной зеленой травой на пологих склонах огорожены колючей проволокой, натянутой между деревянными столбами. Пегие коровы высовывают головы поверх изгороди, стараясь получше разглядеть проезжающих мимо туристов. Дома с островерхими крышами напоминают разноцветные шале.

Один из самых удивительных пейзажей острова. Трудно себе представить, что несколькими десятками метров ниже остались кокосовые пальмы, кактусы и жара.

Марсьяль бросает взгляд в зеркальце заднего вида. Софа на заднем сиденье все так же неподвижна и безучастна.

— Видишь, маленькая моя, как меняется пейзаж. Можно подумать, мы в Швейцарии...

Молчание.

Софа всхлипывает.

Марсьяль снова отталкивает тело Шанталь Летелье, которое при каждом повороте направо валится на него. В безжизненной кукле нет уже ни капли крови, от старушки остался лишь бледный, почти прозрачный призрак, чья плоть быстро синееет, становясь того же цвета, что крашенные волосы.

Призрак, начавший разлагаться.

На каждом вираже труп появляется перед Софой. Девочка молчит, но Марсьяль видит, как она кусает губы, как у нее закатываются глаза.

Черт, какая же это травма для нее!

Ему бы следовало остановиться и выкинуть труп на обочину, это единственный способ сделать так, чтобы дочка не спятила. Или, по крайней мере, затормозить, вытащить тело и засунуть его в багажник.

Но это означало бы оставить полицейским слишком серьезную улику... или потерять драгоценное время.

И это большой риск.

Он рискует потерять все.

Невозможно. Он должен идти до конца в своем безрассудстве.

9 ч. 45 мин.

Теперь Софа не перестает дрожать.

Шанталь вот уже несколько минут как утихомирилась. Марсьяль, резко двинув плечом, оттолкнул ее к дверце, и она уткнулась в окно, словно любясь пейзажем. Прилипла губами к стеклу и поливает его зеленоватой слизью со сгустками крови.

Еще одна петля.

Марсьяль помнит дорогу, ехать еще долго, не меньше часа, впереди десятки поворотов. Софа этого не выдержит. Он должен что-то придумать. Что угодно. В горле у него стоит огромный комок. Откашлявшись, он начинает говорить.

— Софа, солнышко мое, недавно ты задала мне вопрос. Ты спросила, похожа ли ты на твоего старшего брата. Помнишь? Алекс. Твой старший брат, который... который умер до того, как ты родилась.

Взгляд в зеркальце заднего вида. Девочка по-прежнему безучастна.

— Если хочешь, теперь могу ответить. Да, солнышко мое, ты на него похожа. Конечно, ты очень похожа на маму. Но ты и на Алекса очень похожа.

Софа подняла голову. Взгляд пустой. Отсутствующий.

— Я хочу тебе рассказать одну историю. Знаешь, Софа, я уже второй раз еду по этой дороге. В первый раз это было чуть больше десяти лет назад. И... и Алекс сидел как раз там, где сейчас ты. Сзади. Он был почти того же возраста, всего на два месяца младше, чем ты теперь. Мы были в машине только вдвоем. Я хотел показать ему вулкан.

Софа слушает. Марсьяль это чувствует. Он должен говорить, чтобы не дать ее рассудку и дальше брести к границам безумия.

— Питон-де-ла-Фурнез, самый большой вулкан острова, в очередной раз начал извергаться. В таких случаях все островные газеты и телеканалы объясняют, что приближаться к нему нельзя ни в коем случае. Тем не менее все островитяне поступают как раз наоборот, они бросаются к вулкану, чтобы полюбоваться зрелищем. Самый прекрасный фейерверк, какой может увидеть человек...

Теперь желтый «ниссан» через каждые двести метров проезжает мимо беседки для пикника. Последнюю, как раз у подножия горы, не разглядеть — она скрылась за дымом от мангала, да еще к тому же Шанталь Летелье замусолила все стекло.

— Я хотел сделать Алексу сюрприз. Я заранее ничего ему не сказал. Его матери, разумеется, тоже. Ты ее не знаешь, но она была серьезной и строгой, она никогда не согласилась бы, она сказала бы, что я поступаю безрассудно, сама понимаешь, тащить шестилетнего ребенка смотреть на извержение вулкана, когда все здравомыслящие люди острова пытаются этому воспрепятствовать... Ты... может быть, ты, Софа, со мной не согласишься, но существуют вещи, которых мамы понять не могут.

Ничего. Ни одна ресничка не дрогнула.

Марсьяль продолжает, несмотря на то что Софа замкнулась, заперла вход в свой внутренний мир на два оборота, слушает собственную музыку через наушники воображаемого плеера. Теперь он рассказывает не столько дочке, сколько самому себе.

— В то время я уже читал Алексу сказки про Ти-Жана. Те же самые книжки, что и тебе! Ты же знаешь, Бабушка Калле и ее друг Большой Дьявол живут где-то там, под лавой вулкана, потому-то Алекс немного побаивался ехать по этой дороге. Ты-то не боишься, солнышко?

Марсьяль про себя чертыхается, осознав собственную глупость. Зачем ему понадобилось добавлять ко всему прочему еще и эту историю с Дьяволом? И быстро продолжает, чтобы не дать воцариться молчанию.

— Я тебе еще про другое расскажу, Софа. У Алекса, когда он был совсем маленьким, появилась любимая игрушка — пожарная машинка, которую он нашел на пляже. Знаешь, Софа, такой металлический грузовичок, который почти умещался у него в руке. Не очень красивый. И слегка заржавевший. Он повсюду таскал с собой эту машинку, превратил ее в вездеход. Складки одеяла у него на кровати. Песочница. Трава. Гравий. Высокий стульчик и край стола. Сиденье машины... Понимаешь, солнышко? Алексу было всего шесть лет, но его пожарный грузовичок успел проехать много километров. Мы добрались до ущелья Белькомб, до стоянки у подножия разъяренного вулкана — там, наверху, а дальше ехать не могли, дорога была перекрыта. И знаешь, что больше всего понравилось Алексу?

Лицо Софы в зеркале заднего вида по-прежнему непроницаемо, но ее рука пошевелилась, как будто, слушая рассказ про машинку, девочка шарила вокруг в поисках какого-нибудь друга, спальной игрушки, плюшевого мишки... Или хоть какого-нибудь предмета, на который она смогла бы переключить своих демонов.

— Софа, ты не поверишь! Алекса заинтересовали не огромные столбы пламени, которые выбрасывал вулкан, не снопы искр, которые рассыпались по угольно-черному небу. Нет! Его заворожили грузовики! Вереница пожарных машин, перегородивших дорогу, и десятки пожарных, бегавших взад-вперед и в своих асбестовых костюмах похожих на марсиан! Мы быстро вылезли из машины. Несмотря на адскую жару, опасности не было ни малейшей, до кратера оставалось несколько километров. Мы были не одни. Там уже собралась толпа, нас окружали сотни людей с фотоаппаратами, кинокамерами, биноклями. Приблизиться к заграждению, чтобы получше разглядеть вулкан, было почти невозможно, но в конце концов какая-то толстуха, креолка с огромным крестом на шее, пропустила Алекса вперед. «Это черт кашляет, — сказала она Алексу. — Ты должен это запомнить, малыш. Это черт, который злится на людей!» Алекс ее не слушал, он смотрел, как лава сползает по склону вулкана бесконечной огненной змеей. И можешь мне поверить, Софа, я никогда еще не видел, чтобы у него так

блестели глаза. Но старая креолка не унималась, все приставала к нему со своими душеспасительными историями. «А знаешь, малыш, что надо делать, чтобы не давать дьяволу разозлиться? Твой папа тебе не рассказывал? Надо молиться, малыш, молиться всем святым острова. Дьявол их боится».

Марсьяль делает паузу и бросает взгляд на вершину вулкана. Над кратером Доломье раскинулось ослепительно-синее небо, подернутое едва заметной дымкой зноя. В голове у него зарождается мысль, начинают вырисовываться зыбкие очертания дверцы в конце этого тупика, узкой дверцы — но, может быть, они сумеют вдвоем в нее протиснуться. Почему бы и нет? Это надо обдумать, только попозже, сейчас ему надо сосредоточиться на своей истории, не бросать Софу на полпути.

— Алексу не было никакого дела до святых, солнышко, как и тебе, — ты ведь никогда ни в одну церковь и не заходила, но он был воспитанным мальчиком, а старуха продолжала с таким видом, словно боженька говорил ее устами. «Я тебя не обманываю, малыш, слушай меня внимательно, как раз между вулканом и морем есть маленькая деревушка, Сент-Роз, а в ней — маленькая церковь Богоматери. Во время извержения 1977 года вулкан затопил все — и поля сахарного тростника, и дома, и дороги. Все жители деревни спрятались в церкви и стали, пока их не накрыла и не убила раскаленная лава, молиться святым. И знаешь, малыш, что тогда произошло?» Алекс покачал головой. Нет, он этого не знал — и знать не хотел, он смотрел на пожарных, которые в своих невероятных космонавтских костюмах приближались к кратеру. А старая креолка не умолкала: «Так вот, малыш, святые оказались сильнее дьявола. Он испугался. Лава остановилась у самой церкви. И никто не погиб! Теперь эта церковь называется Нотр-Дам-де-Лав! И сегодня еще можно увидеть остывшую лаву, которая взобралась на несколько ступенек и остановилась, будто не посмела войти. Если не веришь мне, малыш, попроси твоего папу, чтобы он повез тебя туда». Вот тут-то Алекс повернулся к толстухе и спросил: «А как святые остановили лаву? У них была красная машина?» Представляешь себе эту картину, Софа? Он застал креолку врасплох, и она немного смутилась, но засмеялась и сказала: «Нет, малыш, конечно, у святых нет машины». Алекс продолжал расспрашивать: «А блестящие каски у них есть? — Нет... — Или

одежда космонавта? И большое ружье, которое стреляет водой? — Нет, малыш, ну попробуй себе представить святых, одетых как космонавты и с ружьями...» Вдали люди в форме суетились так, будто на счету была каждая секунда, хотя сделать ничего не могли — только наблюдать за тем, как течет лава. Алекс пожал плечами и повернулся к креолке спиной. «Ну и зачем тогда становиться святым?» Он не сводил глаз с вулкана и крепко сжимал в руке свою красную машинку. «Я, когда вырасту, хочу быть пожарным».

Он снова заглядывает в зеркало заднего вида.

Софа никак не откликается на его рассказ. Не засмеялась и даже не улыбнулась.

Шанталь Летелье — тем более. Она выглядит так, будто нашла самое удобное положение, какое было возможно, и уснула. У нее даже рот сам собой закрылся, когда машину подбросило на ухабе.

Марсьяль гнет свое.

— И он стал бы им, Софа, поверь мне. Твой брат уже в шесть лет был очень смелым. Больше того — он был бесстрашным. Он стал бы лучшим пожарным на свете.

За окном мелькают беседки, все до одной занятые креольскими семьями и уже заставленные складными стульями и жестяными судками, завешанные полотенцами, чтобы во время сиесты защитить детей и стариков от солнца. Сквозь ветровое стекло виден вулкан, но очертания размыты, и виной тому не только слезь, вытекшая из рта Шанталь Летелье, — Марсьяль уже не сдерживает накопившихся слез.

Воспользовавшись коротким прямым отрезком дороги, он оборачивается к Софе. Она тоже плачет. Продолжая одной рукой держаться за руль, он протягивает вторую назад и чувствует, как ее касаются пальчики Софы, он с бесконечной нежностью ловит их, будто это пять хрупких насекомых.

— Жаль, что твой старший брат так рано умер. Он бы спасал людей, он бы многих спас, и ты так гордилась бы им, солнышко мое.

Пять насекомых слабо трепещут в его горячей руке, словно у них отрастают крылья. Марсьялю хотелось бы, чтобы это мгновение длилось вечно.

В небе над ними появляется вертолет.

Имельда в холодильнике

9 ч. 50 мин.

Кантен Паче стоит посреди парковки сен-жильской бригады, уставившись на пальцы собственных ног, будто школьник, которого застукали курящим в туалете. И, несмотря на то что роста в нем метр восемьдесят, у него третий дан айкидо и ни одного нарушения или промаха за двадцать один год службы в островной жандармерии, а стоящая перед ним девушка на десять лет моложе, на двадцать сантиметров ниже и на тридцать килограммов легче, ему против нее не выстоять.

— Одинокий мужчина! — вопит Айя. — С шестилетним ребенком на заднем сиденье! Без документов! И вы его пропустили, какого черта!

Кантен Паче открывает рот, чтобы пролепетать что-то в свое оправдание, но Айя не дает ему на это времени. Она уже слышала эту песенку — труп бабульки на пассажирском сиденье, переодетая мальчиком Софа, водитель с заурядной внешностью, в котором трудно было узнать Бельона с фотографии... Сообщение, разосланное всем патрулям, прозвучало по радио с опозданием на несколько минут, большинство полицейских попались бы на удочку, так уж вышло, что Бельону встретился этот болван Паче, а не кто другой. Капитан Пюрви это понимает, но продолжает разоряться.

— Он был у нас в руках, лейтенант. И если бы вы были повнимательнее...

Паче — отлично вымуштрованный полицейский. Служба в жандармерии и занятия в клубе айкидо научили его стойкости. Айя еще долго осыпает его упреками, а он все терпит.

Ей необходимо разрядиться.

А главное — надо произвести впечатление на полковника Лароша.

Он стоит неподалеку от них, в тени казуарины. Десять минут назад он вышел из новенького легкого вертолета «Ecoureuil AS350 B», который поднял песчаную бурю, приземлившись на пляже, еще за несколько минут до того очищенном стараниями жандармов.

Кристос, молча наблюдавший за этой сценой с самого начала, наконец решает тактично вмешаться. Наклонившись к уху капитана Пюрви, он шепчет:

— Ну все, Айя, хватит уже. Не перестарайся. Кантен почти тринадцать часов провел на передовой, по-моему, с него довольно.

Айя кивает.

Кантен удаляется, и она поворачивается к Ларошу. В сравнении с тем человеком, которого Айя себе представляла, разговаривая с ним по телефону, он, пожалуй, выше ростом. И более привлекательный. Сорокалетний красавец, аккуратный и гладкий, во взгляде ровно столько юмора, чтобы дать возможность разглядеть прячущегося за маской холодного бюрократа искусного дипломата. Его можно принять за руководителя неправительственной организации, за банкира, работающего в области микрофинансирования, за генерального советника, придерживающегося социалистических убеждений.

Умный. Энергичный. Внушающий доверие.

Раздражающий.

Дождавшись, пока Паче войдет в здание полицейского участка, полковник говорит:

— Давайте не будем начинать заново эту историю, капитан Пюрви. Из-за Паче мы потеряли всего несколько минут. Желтый «ниссан» объявлен в розыск, у Бельона физически не было времени сменить номерные знаки. Далеко ему не уйти, мы подняли в небо все вертолеты, какие имеются в нашем распоряжении, и сейчас они, все одиннадцать, кружат над островом. Вы отлично поработали, Пюрви, я говорю вам это совершенно искренне. Сначала загнали его в тупик, потом заставили выбраться из логова. Он опережает нас не больше чем на полчаса. Шансов у него никаких.

Пока Ларош все это говорит, его нога рисует кружки на гравии, которым засыпан асфальт парковки, и Айя догадывается, что втайне он нервничает, хотя по виду этого не скажешь, он выглядит уверенным в себе. Перед тем как сесть в вертолет, полковник облачился в камуфляжные штаны и пуленепробиваемый жилет, на ногах у него берцы — словом, полный набор Кена-десантника. Полковнику, должно быть, непривычно было расставаться с галстуком и нашивками ради воздушного крещения и визита к туземцам... И он явно не рассчитывал по случаю своего прибытия на остров получить такой подарок, как план «Папанг».

Айя сдвигает брови так, что они сходятся в одну линию, — тем самым она хочет показать Ларошу, что несколькими дежурными

комплиментами ее не улестить.

— А пока что будем делать, полковник? В ожидании возвращения вертолетов? Вытащим колонки и заполним паузу «Полетом валькирий»?

Ларош демонстрирует Айе безупречные зубы. Его улыбку кто угодно назвал бы открытой и заговорщической.

— Помолчим и будем молиться святому Экспедиту,[33] капитан Пюрви. Так ведь здесь у вас говорят?

9 ч. 57 мин.

— Айя, могу я с тобой поговорить с глазу на глаз?

Кристос тянет Айю за рукав, уводя ее подальше от остальных.

— У тебя важное дело?

— Да.

Кристос смотрит на Лароша, стоящего в трех метрах от них: полковник занят поисками того места на стоянке, где его айфон лучше всего ловил бы сеть.

— С глазу на глаз, — повторяет Кристос. — Не при Лароше. Ты способна понять. А он — нет... Закроемся в холодильнике?

Холодильник — это маленькая, десятиметровая комната без окон, где собраны архивы бригады за тридцать лет и стоят два железных стула и стол, тоже металлический. Сен-жильские жандармы окрестили ее холодильником, потому что она самая прохладная во всем здании. Здесь же при случае запирают на некоторое время обвиняемых, которых никак не удается разговорить.

Кристос затворяет дверь. Щелкает выключателем. Это новая модель холодильника, свет в нем зажигается, когда ты закрываешься внутри.

В прохладной комнате их уже ждет посетительница. Негритянка. Высокая. Толстая. Накрашенная в креольском стиле, но со вкусом, алая губная помада, синие тени на веках.

Кристос знакомит женщин.

— Айя, это Имельда. Моя подруга. Помнишь, я говорил тебе о ней сегодня утром? И ты сказала, что она может зайти. Тебе надо бы ее послушать, она много думала о нашем деле. И у нее больше отстраненности, ты ведь понимаешь, что я хочу сказать... Она не...

— Да, я помню, — перебивает его Айя, обращаясь непосредственно к Имельде. — Значит, вы и есть та единственная женщина на свете, которой удастся заставить пророка-анархиста Кростоса Константинова работать сверхурочно. И, если не ошибаюсь, большая поклонница дедуктивного метода? И любительница Харлана Кобена? Простите меня, мадам, и в первую очередь простите Кростоса, он должен был со мной посоветоваться раньше, и я бы вас заверила, что незачем вам сюда приходить, не стоит труда. По крайней мере сейчас. Марсьяля Бельона в настоящий момент отслеживает десяток вертолетов. Все может начаться с минуты на минуту...

Кростос не сдаётся.

— Нет, ты обязательно должна ее выслушать...

— Отстань, Кростос.

Айя расхаживает по комнате, на ходу машинально поправляет криво стоящую папку и наконец сочувственно смотрит на негрityнку.

— Мне очень жаль, Имельда, и я ничего против вас не имею, но...

— Я не обиделась, — Имельда улыбается ей. — Не надо извиняться, мадам. Я все понимаю, и я уже вышла из того возраста, когда легко обижаются.

Она встает и поворачивается к Кростосу.

— Твоя начальница права, я пойду домой. Говорила я тебе, что мне здесь нечего делать. Дома ждут дети, у меня гора стирки и глажки, надо купить на рынке овощи для карри и...

Кростос возводит глаза к облупившемуся потолку и внезапно грохает кулаком по столу, подняв тучу пыли.

— Айя, какого черта, тебе что — так трудно пять минут послушать? Имельда — свидетель, просто-напросто свидетель. Она замечала все, даже самые мелкие происшествия на острове, и складывала их в своей памяти задолго до того, как изобрели жесткие диски и поисковые системы...

Айя вздыхает, смотрит на часы.

— Ну хорошо, пять минут — и ни секундой больше.

Кростос придвигает стул, ребром ладони обтирает его. Снова в воздухе повисает облачко пыли, почти невидимое из-за того, что в комнату без окон не проникнуть солнечному лучу. Айя кашляет. Кростос прочищает горло. Чего-чего, а пива и льда в этом холодильнике не держат.

— Валяй, Имельда.

Имельда выступает вперед, останавливается под единственной тусклой лампочкой, темной горой возвышаясь в полумраке комнаты над Айей.

— Мадам, я нахожу, что поведение Марсьяля Бельона в этой истории с самого начала лишено логики.

В зависимости от перемещений Имельды лицо Айи то высвечивается, то скрывается в тени — как будто это ее подвергают допросу.

— Объясните подробнее.

— Так вот, если судить по тому, что говорит пресса, и по тому, что рассказал мне Кростос, складывается впечатление, что мы... как бы это сказать?.. Что мы имеем дело с двумя разными людьми.

Айя хмурится, брови сходятся в горизонтальную черту, напоминая запрещающий знак, но не перебивает Имельду.

— Поначалу, мадам, все наводит на мысль о самом обычном происшествии. Ссора. Несчастный случай. Марсьяль Бельон впадает в панику, вызывает полицию, признается в преступлении...

— Да-да, — нетерпеливо подтверждает Айя.

— А потом разворот на 180 градусов. Марсьяль бежит. Скрывается от полиции. Превращается в неуловимого преступника, действующего будто по заранее и тщательно продуманному плану или по меньшей мере стремящегося к определенной цели...

— Простите, Имельда, но я скажу вам прямо: обо всем этом мы уже подумали...

Кростос стоит, прислонившись к корешкам пожелтевших папок, и переводит взгляд с одной собеседницы на другую.

— Я об этом догадываюсь, мадам, — поспешно откликается Имельда, — я в этом и не сомневаюсь. Тогда я буду говорить покороче, я все сведу к одному-единственному вопросу: что произошло за эти двое суток, с 16 часов пятницы 29 марта и до воскресенья 31 марта?

Чуть помолчав, Айя резким тоном отвечает:

— Ничего! Ровным счетом ничего. События ускорились после этого — тогда, когда мы решили арестовать Бельона.

Имельда, нимало не смущаясь, продолжает, снова став более словоохотливой:

— Я объясню вам ход моих рассуждений, мадам. В пятницу, начиная с 16 часов, то есть сразу после исчезновения жены, Марсьяль Бельон сотрудничает с полицией, обращается с просьбой найти пропавшую и даже ищет у полицейских защиты. А через два дня все меняется...

Айя нетерпеливо смотрит на часы.

— А тем временем, Имельда, и вам это известно, поскольку Кростос, похоже, не делает различий между секретными сведениями и признаниями под одеялом, тем временем мы собрали улики. Кровь. ДНК. Убийство Амори Оаро. Орудие убийства... Бельон оказался припертым к стенке...

— Он там и раньше был, мадам, в этом отношении ничего не изменилось. Бельон не дурак, он уже знал и про кровь, и про ДНК, и про отпечатки пальцев, которые непременно найдут на рукоятке ножа. Я не отказываюсь от своих слов, капитан Пюрви. Бельон радикально изменил стратегию, и причины этого нам неизвестны. Говоря начистоту, это очень напоминает мне историю с моим сыном — со старшеньким, Назиром, дело было три года назад. Мне позвонили из школы и сказали, что он украл у одноклассника плеер.

Айя опять смотрит на часы, она явно нервничает, но Кростос знаком просит ее набраться терпения и дослушать.

— Поначалу Назир был кроток, словно ягненок, не отпирался, с учителями не спорил. До тех пор, пока приятель его не выдал: Назир не просто украл плеер, он наладил в школе настоящий нелегальный бизнес. Плееры, мобильники, игровые приставки, травка... Узнав о том, что сообщник его заложил, мой старшенький тут же сбежал, и полиция нашла его только через три дня. Ему тогда было всего двенадцать...

Айя вскочила. Ей наконец-то стало интересно. Она пытается провести параллель между этим рассказом и неясностями в деле. Лиана Бельон обращается с жалобой в участок в Сен-Филиппе, Бельон едет в аэропорт и безуспешно пытается поменять обратный билет. И еще прошлое Бельона — красотки, алкоголь, конопля...

— Что вы хотите сказать, Имельда? Что Марсьяль Бельон скрывает от нас нечто другое? Нечто более страшное, чем то, в чем его обвиняют? Он сбежал, чтобы мы до этого не добрались?

Кростос, гордясь подругой, сумевшей зацепить Айю своим рассказом, улыбается до ушей, потом присвистывает:

— Нечто более страшное, чем три убийства... Интересно, а? Пожалуй, стоит еще немного покопаться в прошлом Бельона?

Имельда театрально воздевает руки, но больше ей ни слова прибавить не удастся — дверь холодильника внезапно распахивается.

Врывается растрепанный Ларош в застегнутом до самого подбородка пуленепробиваемом жилете.

— Пюрви, их засекли!

— Где?

— За Равниной кафров, на дороге к вулкану.

— Это тупик! Мы их поймали. Уже иду.

Железный стул падает, подняв тучу пыли, эхо долго мечется, натываясь на стены.

Ларош молчит. Он в явном затруднении.

— Все вертолеты заняты, капитан Пюрви. Для вас... для вас нигде нет места! Операция поручена мужчинам, профессионалам, воздушному и высокогорному подразделениям. Ваша бригада должна продолжать расследование в Сен-Жиле... Это очень важно, в деле осталось еще много неясностей. Убийство Шанталь Летелье, а кроме того...

Айя взрывается:

— Вы что, смеетесь надо мной?

Два здоровенных — в дверь не пролезут — типа в форме за спиной у Лароша переминаются с ноги на ногу, как будто писать хотят.

— Капитан Пюрви, к «ниссану» Бельона устремятся одиннадцать вертолетов. Тридцать мужчин. Большею частью — снайперы. И каждый из них — лишь один из винтиков плана «Папанг», превосходно обученный и без всяких личных амбиций. Ничего личного, понятно вам, капитан Пюрви? А теперь мне пора...

Топот удаляется, за открытой дверью холодильника — пустота и тишина. Кростос поджимает губы, Имельда пятится к стеллажу с архивами. У обоих на лице написано одинаковое огорчение.

Внезапно железный стол, пролетев через всю комнату, с оглушительным грохотом ударяется о металлические стойки стеллажей.

— Козлы! Ублюдки!

Айя выскакивает из холодильника, влетает в зал. Морес отступает перед начальницей с грацией «чистильщика», желающего освободить штрафную площадку. Айя мчится вперед, она то ли не замечает

тянущегося через комнату электрического провода, то ли не хочет тратить время на то, чтобы его обойти, — и мгновение спустя видеопроектор летит на выложенный плиткой пол. Гаснут сотни желтых и оранжевых ячеек, обозначающих дома Сен-Жиля.

Восемьсот шестьдесят евро. Четверть годовой сметы управленческих расходов местной автономной бригады.

— Вот козлы! — комментирует Айя.

Она выбегает на стоянку.

Здесь бушуют вихри песка и гравия.

Вертолет Лароша, стоявший на пляже, пролетает меньше чем в тридцати метрах над ее головой, на пятнадцать секунд поднимается ураган, волнуются листья казуарин.

— Сукины дети!

Айя провожает глазами вертолет, выставив средний палец.

10 ч. 14 мин.

Вертолет Лароша превратился в мошку на горизонте. Айя топчется на месте, будто запертый в деннике жеребец, ворошит ногами камни.

Ни один из полицейских не смеет и рта раскрыть. Крестос прислоняется к стволу казуарины и закуривает, дожидаясь подходящего момента, чтобы тактично нарушить молчание.

Пусть гроза утихнет.

Капитан Пюрви несколько долгих секунд продолжает смотреть в пустое небо с отчаянием птенца, неспособного вылететь из гнезда. Внезапно она подносит ко рту мобильник и, нисколько не сдерживаясь и не скрываясь, орет в него:

— Жипе? Да, Айя. Очень срочное дело! У тебя остались свободные вертолеты?

Короткая пауза — и Айя снова вопит:

— Есть один? Потрясающе, я тебя обожаю! Это... это для не совсем обычной прогулки. Жди, я через пару минут тебе перезвоню.

Айя отключается.

Крестос недоверчиво смотрит на нее.

— Что еще за Жипе? Твой бывший?

— Почти. Ни с кем я так не улетала, как с ним.

— Он твой любовник?

— Нет. Мой инструктор полетов.

30

На краю могилы

10 ч. 17 мин.

Папа сказал — самый большой букет, какой только смогу собрать! И разноцветный. Для старой дамы с голубыми волосами, которая умерла. Как на кладбище. Умершим нравятся цветы.

Рви цветы здесь, под деревьями, сказал папа, никуда не уходи, и от ямы держись подальше. Это даже не яма, это очень глубокий колодец, по-моему, он доходит до центра земли. Страшно опасный! Деревянная загородка перед ним поломана. Рядом стоят большие желтые треугольники, протянуты оранжевые пластиковые ленты.

Я все время оборачиваюсь, чтобы не заблудиться среди кустов. Папа стоит рядом с желтой машиной, метрах в тридцати от меня.

Я все поняла.

Папа съехал с шоссе, как только увидел вертолет. Он сразу свернул с него и дальше поехал по грунтовой дороге, стараясь держаться под деревьями. Вертолет не мог нас выследить, разве что приземлился бы, но все равно бы нас не догнал, мы были уже далеко. Потом папа остановил машину у края ямы. Прямо перед табличкой на поломанной загородке. Я смогла разобрать слова. «Кратер Коммерсон».

Мы здесь совсем одни.

Мы вышли из машины, ну, то есть вышли мы с папой, старушка, понятно, нет. Я сразу хотела подойти к краю, но папа не разрешил.

— Глубина этой пропасти около трехсот метров, — объяснил он мне. — Если засунуть туда Эйфелеву башню, ее почти не будет видно, разве что самая верхушка наружу высунется...

Мне трудно было в такое поверить, но, если не наклоняться, нельзя было увидеть ничего, кроме края колодца и черных дырявых камней, похожих на высохшие губки.

А потом папа отправил меня за цветами...

Теперь у меня их много, еле-еле могу обхватить букет обеими руками. Я иду к желтой машине и все время помню о том, что не должна выходить из-под деревьев. Папа разделся до пояса. Хоть мы и поднялись в горы, но и здесь очень жарко, даже жарче, чем на берегу

лагуны, и ветра почти нет. Папа вытащил из машины все наши вещи — сумку, бутылки с водой, карту.

Странно.

Мне показалось, будто машина подвинулась.

Я иду к папе, несу в руках цветы.

— Софа, дальше не ходи!

— Папа, что ты делаешь?

Он весь потный. Держится руками за машину.

— Папа, что ты делаешь?

Прежде чем ответить, он садится на корточки, и его глаза оказываются как раз напротив моих. Мне очень нравится, когда он так делает.

— Софа, ты уже видела могилы на кладбищах? Там роют ямы, чтобы умершие люди могли спать и им не мешали бы шум, солнце, дождь... Спать вечно, понимаешь?

Я киваю. Мне понятно. Умереть — это не значит спать, это значит больше не проснуться.

— На этом острове, солнышко, и землю копать не надо, здесь уже есть огромные ямы — кратеры вулканов. Пятизвездочные могилы — как бывают пятизвездочные отели, понимаешь?

Я снова киваю — да, я поняла.

— Отступи немного, Софа...

Папа отодвигает желтые треугольники и опять начинает толкать машину. Он толкает ее не к деревянной загородке, а немного ниже, через кусты напрямиком к яме. Толкает изо всех сил. Машина потихоньку скользит...

Старая дама осталась внутри, я вижу в окне ее голубые волосы.

Папа одной рукой срывает оранжевую пластиковую ленту. В последний раз наваливается, и машина падает.

Надо же, сначала ничего не слышно, как будто на самом деле у этой ямы нет дна и можно падать час за часом, как Алиса, когда она провалилась в кроличью нору.

А потом внезапно раздается оглушительный взрыв. Так бывает в грозу — молния сверкнет, а гром прогремит прямо над тобой чуть позже, когда уже и не ждешь. Камни дрогнули, и мне показалось, что вот-вот они сорвутся с места и яма закроется сама собой.

Я попятилась от нее. Я далеко не такая смелая, как Алиса.

10 ч. 22 мин.

Марсьяль велит Софе отойти еще дальше и смотрит в небо. Теперь он различает три вертолета, довольно далеко: два кружат над вулканом Питон-де-ла-Фурнез, третий направляется к другому вулкану — Питон-де-Неж. Он представляет себе полицейских — как они свешиваются в пустоту и, не отрывая от глаз биноклей, высматривают среди деревьев хоть какой-нибудь след, который помог бы им отыскать беглецов. Машина и два человека в ней, где-то между склонами вулкана и рекой — круг поисков заметно сузился.

Именно таким и был его план!

Приманить вертолеты, открыто, у всех на виду, поднимаясь в «ниссане» к вулкану. Помахать красной тряпкой, чтобы раззадорить их. А потом, как в Сен-Жиле, внезапно отделаться от машины, запутать следы и дальше идти пешком... Спуститься по противоположному склону вулкана к Сент-Роз, к океану, к бухте Каскадов.

Марсьяль улыбается Софе, потом начинает складывать вещи в сумку, одновременно стараясь запомнить карту во всех подробностях — перепады высот, леса, ручьи и овраги — и мысленно выстраивая трехмерную проекцию.

Как только они покинут заросли вокруг кратера Коммерсон, им придется столкнуться с двумя серьезными проблемами.

Во-первых, им надо будет пересечь Песчаную равнину, пройти два километра под палящим солнцем по черному пеплу, почти полностью поглощающему солнечные лучи, не отражая их. И нигде никакой тени. Мангал размером в пятьсот футбольных полей, здесь хватило бы места для того, чтобы жарить на нем сосиски для всех, кто населял остров в течение столетия. Им придется идти по открытому пространству, где их будет заметить так же легко, как муравьев на белой скатерти.

А если они каким-то чудом эти два километра преодолечат, им надо будет спуститься к океану по склонам вулкана.

Пятнадцать километров. Разность уровней — тысяча семьсот метров.

Софа точно не дойдет...

10 ч. 25 мин.

— А теперь иди сюда, солнышко. У тебя получился замечательный букет.

Я стою в нерешительности, прижимая к себе стебли. Мне кажется, что края ямы все еще дрожат.

— Иди сюда, солнышко, у тебя голова не кружится?

— Нет...

— Дай руку. Ты бросишь цветы на дно кратера, и тогда старая дама с голубыми волосами отправится в рай.

Мне хочется сказать папе, что, если бы он не убил эту бабулю, нам не пришлось бы устраивать весь этот цирк с раем и цветами и сталкивать машину тоже бы не пришлось, но я боюсь, что он опять рассердится.

Я иду вперед. Останавливаюсь в десяти сантиметрах от ямы.

Рука у папы мокрая.

Яма похожа на огромный рот. Голодный рот, который готов проглотить не только мой букет, но и меня вместе с ним.

Как лошадь с ее большими зубами — когда просунешь ей через решетку несколько травинок, она старается захватить вместе с ними и пальцы. И ладонь. И всю руку.

Я упираюсь в камни у самого края ямы, мне хочется, чтобы цветы упали на дно.

— Папа, ты крепко меня держишь?

Мама никогда не разрешила бы мне это делать.

Я наклоняюсь, почти свесившись над ямой. Папа держит меня за левую руку, а правой я, широко размахнувшись, бросаю букет.

Цветы сыплются дождем.

Они падают бесшумно. Я опускаю голову, мне хотелось бы как можно дольше следить за ними взглядом, — до самого центра земли.

Я слышу только, как ветер шелестит листьями и как высоко в небе жужжат насекомые. А может, это вертолеты?

— Папа, ты только не отпускай меня, хорошо?

31

Greetings from Maurice[34]

10 ч. 32 мин.

Все улетели...

Кристос остался один сторожить стены полицейского участка в Сен-Жиле, глупее не придумаешь, он чувствует себя котом, которого хозяева оставили в августе полным хозяином большого дома и сада, а сами уехали в отпуск.

Да нет, он все-таки не один.

С ним осталась Имельда. Негритянка сидит в его кабинете и изучает подшивку «Реюньонского жандарма», ежемесячного издания, которое выпускает управление полиции: несколько страничек, заполненных сочинениями вдохновенных стажеров, прославляющих республику, жандармерию заморского департамента и ее офицеров... Кристос в него почти никогда и не заглядывает. На острове выходит столько журналов с полуголыми девушками на обложке... Кому же захочется читать желто-зеленый журнальчик, в котором если и мелькнет юбчонка, так от полицейской формы...

Кристоса сегодня с утра одолевают грязные мысли. Та стюардессочка его возбудила... Он смотрит на гамак и старается вообразить какое-нибудь гравитационное чудо, благодаря которому он смог бы закинуть туда Имельду, а потом другое чудо — забраться туда вместе с ней... Просто так, для развлечения.

Он не стал упрашивать Айю найти и ему местечко в вертолете этого самого Жипе, упустил возможность поиграть в туриста, полетать над островом, посмотреть сверху на каньон, на Маидо, на Мафат и Салази...

Уникальный опыт встречи с дикой природой.

И задаром!

Но кто-то же должен сторожить лавку... На самом-то деле у Кристоса не было ни малейшего желания любоваться слаженными действиями Ларошевых снайперов. Тридцать вооруженных охотников спустятся с небес, подобно ангелам смерти.

А против них — несчастный мужик и шестилетняя девочка...

Маловато для сафари, на его взгляд.

Кристос идет к холодильнику — настоящему, кухонному — за бутылкой пива, оттуда — в кабинет, который делит с Айей и где оставил Имельду. Негритянка отложила подшивку «Реюньонского жандарма» и переключилась на труды по криминалистике. Совершенно ими поглощена.

— Можно?

— Не стесняйся. Сегодня — день открытых дверей, библиотекой могут пользоваться все.

Да Имельда и не стесняется! Кростос немного заскучал. Ему приходится признать очевидное: его планам поиграть в миссионера, забравшись в гамак, осуществиться не суждено. И все же более скромные планы он еще строит. Наручники в правом верхнем ящике, прутья решетки в камере — как выйдешь из кабинета, первая дверь налево... Можно не просто по-быстрому перепихнуться, как сегодня с утра, а добавить к этому несколько пикантных деталей.

— О чем ты думаешь, Кростос?

— Ни о чем.

Имельда откладывает потрепанную книгу и жадно косится на папки, сваленные на Айином столе. Кростос допивает пиво и со скучающим видом произносит:

— Валяй, поройся в них, если хочется. Сегодня все в открытом доступе.

10 ч. 45 мин.

Имельда устраивается в Айином кожаном кресле. Перед ней, справа, в прямоугольной рамке хохочут две девчушки. Тут и гадать нечего — капитанские дочки. Очень похожи на ее собственных, отличие только одно, но весьма существенное: у этих веселых малышей есть папа, который на снимке обнимает обеих разом.

Она внимательно изучает все, что собрали полицейские из местной бригады. Протоколы допросов постояльцев и служащих отеля «Аламанда». Показания свидетелей, хотя бы как-то связанных с Марсьялем Бельоном. Анализы ДНК. Фотографии помещений, где предположительно произошло убийство: номер 38 в «Аламанде», дом Шанталь Летелье. Другие снимки, любительские: гостиничная парковка в день исчезновения Лианы Бельон, порт Сен-Жиля примерно в то время, когда был убит Роден, ботанический сад, где Бельон и его дочь, скорее всего, скрывались в течение нескольких часов...

Имельда старается все запомнить. Что бы ни думал на этот счет Кростос, сама она никогда не считала, будто у нее хоть сколько-то развито дедуктивное мышление. Она просто ничего не забывает. Она собирает, распределяет, раскладывает по полочкам — и очень быстро находит, когда понадобится.

Кристос клюет носом, сидя рядом с ней. Раскрытый на середине — там, где на развороте гордо позируют немногочисленные женщины из морской бригады, — «Реюньонский жандарм» падает у него из рук. Кристос трезво все обдумал и смирился. Да, Имельда чувственная и ненасытная любовница... но она придерживается традиций. И думать нечего трахнуть ее где-нибудь, кроме ее постели...

А если говорить о работе, так телефон в участке молчит уже больше двадцати минут. Все разбежались. Всем на все...

10 ч. 51 мин.

Вот тут он как раз и вошел. Кристос с первого взгляда его даже не узнал в этих темных очках, белом льняном костюме и с каплями пота, повисшими на черной с проседью бороде.

— Я бы хотел поговорить с капитаном Айей Пюрви.

Зато его голос младший лейтенант узнал сразу. Арман Зюттор, управляющий отелем «Аламанда».

— К сожалению, ей пришлось отлучиться...

Кристос пытается жестом изобразить взлетающий вертолет, но понять, что именно он показывает, кроме него самого, не способен никто.

Зюттор чертыхается.

— А что случилось? Еще кого-то из постояльцев недосчитались?

Управляющий вытирает бородку ладонью.

— Двоих!

Кристос падает на ближайший стул.

— Только этого не хватало... Я их знаю?

— В общем, да. Это Жак и Марго Журден.

Младший лейтенант стискивает обеими руками глянцевые страницы «Реюньонского жандарма». Растерянно смотрит на Имельду — а вот Зюттор, кажется, даже и не заметил ее присутствия.

— Журдены пропали? — тупо повторяет Кристос.

Зюттор, похоже, по этому поводу в панику не впадает. Он садится, не спеша снимает темные очки, вытаскивает бежевый шелковый платок, утирает пот с висков.

— Да нет, лейтенант, не то чтобы пропали. На самом деле они просто уехали из «Аламанды». Сказали мне, что решили остаток отпуска провести на Маврикии.

Кристос поднимает глаза к небу, держа скрученный журнал словно полицейскую дубинку.

— Их можно понять, — все тем же скучным тоном продолжает управляющий. — План «Папанг» не входит в число развлечений для туристов, перечисленных в путеводителе.

— Вот сволочи, — не выдержав, вставляет Кристос.

Арман Зюттор улыбается, а Кристос, вспомнив любимое занятие Жака Журдена — рассматривать весьма откровенные фотографии встречающихся на его пути девушек, в том числе и Лианы Бельон, — разом вскакивает.

— Хоть он и адвокат, а свой отпуск на Маврикии может засунуть себе сами знаете куда, и его женушка — тоже. Они главные свидетели, и, пока Бельон в бегах, они никуда с острова не уедут.

Управляющий отелом покачивает головой с таким видом, словно испытывает одновременно замешательство и облегчение.

— Танги Дижу, наш садовник, сегодня рано утром отвез их в аэропорт.

Он делает паузу, чтобы посмотреть на часы.

— Сейчас они уже в самолете. Им не в чем себя упрек...

— Подонок! — Кристос не дает ему договорить.

Довольная улыбка, застывшая на лице Армана Зюттора, не исчезает, но в каждой морщине снова блестят капли пота — словно вода в оврагах после короткого ливня.

Младший лейтенант продолжает:

— И сколько же они вам заплатили, чтобы вы придержали эту информацию до тех пор, пока самолет не взлетит?

Тонкий бежевый платок, которым Зюттор утирает серебристые виски и бородку, превратился в мокрую тряпку. Младший лейтенант, который выше управляющего на голову, наклоняется к нему.

— Да, я понимаю, за ваши бабки любой каприз, и не надо мне тут петь про кризис. Не беспокойтесь, Зюттор, их встретят в аэропорту имени сэра Сивусагура — как его там.[35] Адвокату и его красотке лучше бы согласиться с нами сотрудничать, если они не хотят маврикийской версии плана «Папанг» на свою задницу.

Зюттор опять смотрит на часы.

— Вам придется поторопиться, лейтенант. Самолет приземлится через десять минут.

Кристос присвистывает и изображает аплодисменты.

— Ничего не скажешь, Зюттор, все спланировали отлично. Остров Маврикий — независимая республика, склонная скорее защищать богатых иностранцев.

Кристос метко запускает «Реюньонского жандарма», будто дротик, в стальную корзину для мусора, и та отзывается звоном.

Затем он снова поворачивается к управляющему отелем «Аламанда».

— Вот только Маврикий — это все же не Каймановы острова. И со всеми островами архипелага[36] у нас заключены соглашения о борьбе с нелегальной иммиграцией, следователи и полицейские друг с другом сотрудничают. Так что пусть ваша парочка не обольщается, у нас завтра же утром будут все разрешения, какие надо, чтобы подать им кофе в постель. Вам известно, где они поселятся на Маврикии?

Зюттор хмурится, крутит в руках темные очки.

— Отель «Голубая лагуна». Я сам им его и посоветовал.

— Почему именно этот?

— «Голубая лагуна» — это полсотни хижин на сваях, прямо на воде. Мои клиенты долго раздумывать не стали.

— И что, в понедельник после Пасхи там нашлись места?

— Управляющие друг друга всегда выручают...

Кристосу нестерпимо хочется на несколько часов засунуть управляющего в холодильник, а потом ради собственного удовольствия допросить с пристрастием, но есть дела более срочные...

— Хорошо. Дайте мне адрес и телефон «Голубой лагуны» и валите отсюда.

Зюттор встает и медленно надевает темные очки. Только теперь он замечает Имельду.

— А она кто такая? — спрашивает управляющий, уставившись на сидящую за письменным столом негритянку.

Тон этого вопроса Кристосу не нравится. Должно быть, управляющие отелями на берегу лагуны больше внимания уделяют кокосовым пальмам, шезлонгам и зонтам, чем кафрам, мальгашам и прочим туземцам, которые работают в этих отелях, скользят невидимыми тенями, наводя порядок. И Кристос решает ответить так, чтобы Зюттору мало не показалось.

— Стажер Имельда Каджее. То, что она все время молчит, ничего не значит, она самая умная в нашей бригаде.

Зюттор бросает на нее подозрительный взгляд и выходит.

11 ч. 09 мин.

— Это гостиница «Голубая лагуна»? Вы говорите по-французски?

Собеседник на том конце провода отвечает с акцентом британского студента, затерявшегося в Латинском квартале.

— Да, мсье. Чуть-чуть говорю. Я к вашим услугам. Чем могу помочь?

— Соедините меня с управляющим!

Голос на мгновение замолкает, затем осведомляется:

— Не могли бы вы сообщить мне, по какому вопросу...

— Полицейский участок Сен-Жиля, остров Реюньон! Вопрос жизни и смерти. У нас тут беглый убийца, приведен в действие план «Папанг», до вас, наверное, дошли слухи?

На маврикийского администратора это не производит ровно никакого впечатления.

— Хорошо, мсье, сейчас узнаю, может ли она подойти к телефону.

Кристоса бесит этот флегматик, который, не отходя от телефона, спрашивает у какого-то Майка, похоже, не более энергичного, чем он сам, на месте ли «мисс Доре».

Кто?!

— Грациелла Доре? — орет в трубку Кристос. — Это она управляет «Голубой лагуной»?

— Да, мистер, но...

— Черт, позовите ее уже!

На этот раз в трубке слышны торопливые шаги. Шаги удаляются. Кристос смотрит в окно. Этого проныры Зюттора и след простыл.

Ждать не пришлось и минуты.

Снова послышались шаги, более легкие и неспешные, и на этот раз они приближаются. Высокие каблуки простучали по плитке, может быть, мраморной, остановились. Секундная пауза — и внезапно раздается резкое:

— Да?

— Грациелла Доре?

— Да, я слушаю.

— Младший лейтенант Кростос Константинов. Мне поручено расследование по делу вашего бывшего мужа, Марсьяля Бельона.

Прежде чем ответить, Грациелла Доре вздыхает с явным раздражением.

— Я вчера уже все рассказала тому типу из консульства, который приезжал в отель меня допрашивать. Он меня заверил, что работает в сотрудничестве с полицейским управлением Реюньона.

Кростос знаком просит Имельду дать ему папку с делом Бельона. Одной рукой перебирает бумажки. И почти сразу натывается на три скрепленных листка. Показания Грациеллы Доре, которую допрашивал в воскресенье 31 марта, в 21 час 17 минут, в отеле «Голубая лагуна» на острове Маврикий, Даниэль Колансон. Даниэль Колансон... Кростос смутно его помнит — бывший полицейский, раньше работал в Сен-Дени, после беспорядков в Шодроне[37] впал в депрессию и в конце концов перешел работать в службу безопасности консульства на Маврикии. Им передали эти показания по факсу из центрального управления сегодня утром, перед тем как они рванули к Шанталь Летелье. Он сунул их в папку не читая. Некогда было... И никого они не интересовали. Бельон — преступник. Кроме облавы, ничто не имело значения.

— Вы еще здесь, лейтенант?

Кростос оторвался от показаний. Некогда ему сейчас копаться в этих бумажках, он должен выиграть время.

— С чего вдруг Журдены к вам завалились?

Снова вздох, на этот раз в нем слышится удивление.

— Какие вы там, в жандармерии, оказывается, непосредственные и прямые!

— Да нет, просто время поджимает.

— Журдены — это парижский адвокат и его жена? Мне недавно звонил Арман Зюттор, он мой старый друг, и по его просьбе я освободила для них номер. Услуга за услугу. А что, не надо было этого делать?

— Почему же? Просто совпадение показалось мне странным.

Он думает о том, что Арман Зюттор, скорее всего, уже был управляющим «Аламандой» в те времена, когда Грациелла Доре держала бар-ресторан на пляже Букан-Кано. Один круг...

Кристос ведет пальцем по лежащей перед ним бумаге. Строчки прыгают у него перед глазами.

— Мадам Доре, вы можете кратко изложить мне то, что рассказали вчера Колансону?

— Это радует. Вы вообще в полиции между собой общаетесь?

— К сожалению, в последние два дня мы заняты по горло. Так какая у вас версия?

— Простите?

— Я предполагаю, что вы следили по телерепортажам за побегом вашего бывшего мужа. Сейчас у нас уже три трупа.

— Вы хотите услышать мое мнение? Я правильно поняла?

— Правильно.

— Я вчера сказала этому типу из консульства, что я думаю. Вы ошибаетесь. Во всем, от начала до конца. Марсьяль не имеет никакого отношения к этим убийствам, он и мухи не обидит.

Марсьяль Бельон?

И мухи не обидит?

Кристос чертыхается. Ему надо было не пожалеть времени и прочитать показания Грациеллы Доре. Этот Даниэль Колансон, насколько он помнит, хоть и тяжел на подъем, зато, когда допрашивает свидетелей, проявляет немалую сообразительность.

— Ваш бывший муж был осужден за причинение смерти в результате случайного стечения обстоятельств. Он виновен в гибели вашего сына.

Спокойный до тех пор голос Грациеллы Доре впервые поднимается до визга — это напоминает эффект Ларсена в плохо отлаженном микрофоне.

— Что вы там читали? Отчет следователя Мартен-Гайяра? Газеты того времени? Что вы знаете о случившемся той ночью? На какие свидетельства опираетесь?

Кристос не торопится отвечать. У него появилось странное ощущение, будто ход расследования вот-вот круто повернется. Он взвешивает слова.

— Марсьяль Бельон невиновен в гибели вашего сына Алекса? Я правильно понял ваши слова?

— Я уже вчера так и сказала вашему коллеге. Марсьяль здесь ни при чем. Он взял вину на себя. Поскольку надо было найти виновного...

Кристос пытается соображать как можно быстрее. А что, если они с самого начала рассуждали неверно, шли не в том направлении? Если Марсьяль невиновен в гибели сына, если он, напротив, стремится отомстить, — нечто в духе графа Монте-Кристо? Если он именно для того и вернулся на Реюньон? Было бы у Крестоса сейчас время посоветоваться с Имельдой...

— На пляже Букан-Кано был... был кто-то еще?

— Это давняя история, лейтенант. И мы довольно долго залечивали свои раны.

— Вы должны рассказать мне больше, мадам Доре.

— А что это изменит? Что изменится, если вы узнаете, как на самом деле умер Алекс? Какое это имеет значение для вашего плана «Папанг»?

— Искать и находить связи между прошлым и настоящим — наша забота, мадам Доре. Вы мне не ответили. Был на пляже Букан-Кано еще кто-то?

— Я вчера уже все сказала этому типу из консульства.

Кристос закрывает папку с делом Бельона. Если бы в показаниях Грациеллы Доре было хоть что-то интересное, центральное управление им на это указало бы.

— Ничего вы ему не сказали! Ни слова о тех, кто работал в вашем баре. Ни слова о возможных свидетелях гибели Алекса. Ни слова о том, что заставило вас закрыть свое заведение через два месяца после трагедии и почему еще несколько недель спустя вы покинули остров.

— Психологией увлекаетесь?

Кристос заговорщически улыбается Имельде.

— Пробую разобраться. Посещаю вечерние курсы.

— Отлично, лейтенант, так и продолжайте. Все, что я могу вам сказать, и повторяю это уже в третий раз: вы заблуждаетесь. Марсьяль никого не убивал. Он на это неспособен.

— Мадам Доре, чтобы признать вашего бывшего мужа невиновным, этого недостаточно. Прямо сейчас за ним охотятся одиннадцать вертолетов и больше тридцати полицейских.

— С сачком? Ваши люди гоняются за человеком, опасным не более чем какая-нибудь бабочка.

— С ружьями, мадам Доре. Они не станут рисковать. Они его застрелят.

Кажется, Грациелла Доре впервые заколебалась. Кростос понимает, что он должен подсказать ей выход. Он припоминает несколько причудливых версий, которые обсуждал с Айей.

— Мадам Доре, вы можете просто назвать мне имена служащих вашего бара, тех, кто был на месте, когда утонул Алекс?

— Это было так давно... Их было много.

— Мы все равно так или иначе узнаем их имена, мадам Доре.

— Вы быстро действуете, лейтенант. Очень быстро.

— Теперь ваша очередь. Вашего прелестного мотылька в ближайшие минуты насадят на булавку.

— Я подумаю. Оставьте мне ваши координаты.

— Их было семь, мадам Доре. Я хочу услышать семь имен.

— Совершенно верно, лейтенант. Семь креолов. Вы осведомлены лучше, чем вчерашний полицейский.

— Такая у нас работа. Ищем, роём, продвигаемся. Теперь о другом. Есть ли какие-то известия от Журденов?

— Нет. Они пока не объявлялись. На стеклянном столе в номере их ждут два стакана ванильного пунша и букет антуриумов.

— Райский уголок! Как только Журдены до вас доберутся, свяжитесь с Колансоном, полицейским из консульства. Или ваши хижины вполне могут остаться без крыш — их снесут вертолеты наших суровых парней...

Грациелла Доре снова заговорила холодным и нейтральным тоном, как и положено управляющей роскошным отелем.

— Я подумаю, лейтенант.

11 ч. 11 мин.

— Что скажешь, дорогуша?

Кростос только что положил трубку и теперь с нетерпением ждет заключения Имельды, которая слушала весь разговор по громкой связи.

— Миленько...

Младший лейтенант в недоумении таращит глаза:

— Ты о чем?

— О «Голубой лагуне»! Хижины на сваях, букет антуриумов — все это очень миленько. Свозил бы ты меня...

— На Маврикий?

Кристос пристраивается на краю стола, за которым сидит негритянка.

— По-моему, это место для юных влюбленных парочек...

Имельда хватает ластик и запускает им в Крестоса, тот со смехом пригибается.

— И без вывода!

Пока Имельда ищет другой снаряд, Крестос любит ее эбеновым телом в широком вырезе платья. Он знает способ умилостивить свою чернокожую мисс Марпл.

— А как насчет дела Бельона, красавица моя? Ты нашла кончик нитки, за который надо потянуть, чтобы распутать все эти узлы?

Имельда прекращает обстрел и начинает рассуждать вслух.

— Не знаю, мне надо во всем этом разобраться. Журдены, Арман Зюттор, те, кто работал в баре десять лет назад, и те, кто сегодня работает в «Аламанде», отношения между Марсьялем Бельоном и его бывшей женой, и с его новой женой, и с Алексом, и с Софой...

Воспользовавшись тем, что Имельда увлеклась рассуждениями, Крестос тянется к ней. Ему нестерпимо хочется расстегнуть одну-две пуговицы на ее платье, просто чтобы порадовать глаз. Негритянка, полностью поглощенная своими соображениями, ничего не замечает.

— Все это как-то связано одно с другим, — продолжает она. — Насилие не вырастает на пустом месте, для него всегда есть подготовленная почва.

Младший лейтенант наклоняется и дует ей в шею.

— А удобней здесь более чем достаточно. Несправедливо распределенные деньги. Общая безработица. И даже расизм, если копнуть поглубже.

— Вот уж чего нет, того нет. Тут вы ошибаетесь! Насилие на острове порождено совсем не этим.

Крестос отвечает ей машинально, почти уткнувшись лицом в грудь любовницы. Ему хочется добавить секс к длинному списку мотивов, побуждающих островитян убивать ближних.

— Ну так что же, красавица моя?

— Не знаю... Я каждый день просматриваю раздел происшествий в газете. Преступления на каждом шагу, куда ни глянь — брошенные дети, избитые жены, соседи, которые режут друг друга... Но истоки всего этого надо искать в другом месте... они скрыты...

Имельда продолжает рассуждать, она на мгновение вспоминает отцов своих детей. Обычная история, всегда одно и то же. Безделье. Нищета. Пьянство. Злоба. Пока островитянки получают и тратят детское пособие, отцы и свекры постепенно утрачивают всякое достоинство.

Она почти шепчет, словно открывает тайну:

— ...в каждом человеке.

Кристос ее не слышит. Он тянется к ней уже обеими руками, его пальцы нацеливаются на верхнюю пуговицу у выреза, но тут его зад соскальзывает со стола, и ему удается сохранить равновесие, лишь ухватившись правой рукой за плечо Имельды, а левой — за ее грудь.

Имельда отшатывается.

— Убери лапы, распутник. Я и так уже здесь засиделась. Меня дети ждут, надо карри готовить...

11 ч. 23 мин.

Имельда оставила машину рядом с почтой, за поворотом на бульвар Ролана Гарроса, метрах в пятидесяти от полицейского участка. Она идет к стоянке, на ходу пересчитывая монетки в кошельке. Один старый креол почти каждый день ставит здесь свой грузовичок и торгует клубнями чайота по невероятно низким ценам. Туристы на это больше одного раза не попадают... Как правило, чайот они ненавидят настолько же, насколько реюньонцы его обожают.

Имельда переходит улицу.

Прямо перед почтой стоят три машины. Грузовичок фермера. Синяя «Пикассо». И внедорожник «шевроле каптива». Черный.

Имельда не может оторвать взгляда от внедорожника: машины такого размера на острове редкость, а еще большая редкость — такие, как этот, с его двойным глушителем и хромированным кенгурятником, защищающим передний буфер, фары и капот.

Имельда дрожащей рукой закрывает сумку. В это невозможно поверить, однако ее зрительная память не позволяет ей усомниться.

Она уже видела этот автомобиль! И часа не прошло, как она видела его на фотографии в папке с делом Бельона, лежавшей на столе капитана Пюрви.

Она инстинктивно делает шаг в сторону, пытаясь спрятаться за стволом огненного дерева, укрывшего своей тенью улицу до самого угла. Торговец чайотом удивленно смотрит на нее из-под полей шляпы, беззубая улыбка застыла на его лице. Неумеренное чтение детективных романов приучило Имельду к тому, что в совпадения верить нельзя... Ей приходится признать очевидное.

Машина, которую она видит перед собой, машина, стоящая сейчас в двух шагах от полицейского участка, три дня назад была припаркована на стоянке отеля «Аламанда». Точнее, в пятницу, во второй половине дня, именно тогда, когда исчезло тело Лианы Бельон и когда был убит Роден.

32

Песчаная равнина

11 ч. 24 мин.

— Надо идти дальше, маленькая моя.

Марсьяль, сощурившись, всматривается в горизонт. Повсюду, насколько хватает глаз, перед ним лежит лунный пейзаж, пепельный океан, усеянный островками лавы огненного цвета и базальтовыми глыбами, напоминающими окаменевших чудовищ. Он точно рассчитал расстояние по карте. Даже если срезать напрямик, двигаться самой короткой дорогой, переход через Песчаную равнину — это два километра пути. Два километра по открытой местности, где нет ни одного дерева.

Пепел проминается у них под ногами, они оставляют за собой следы. Ветер поднимает недостаточно пыли для того, чтобы засыпать эти следы, зато его силы хватает на то, чтобы забивать ею ноздри, глаза, все отверстия. Они идут, плотно сжав губы.

Марсьяль смотрит на дорогу, которая вьется перед ними посреди равнины. Красный шлак скапливается на насыпи, покрывает асфальт, отчего дорога напоминает гигантский лист ржавого железа.

Им надо пересечь равнину. Потом идти дальше. Вперед.

— Слишком жарко, папа...

Софа не двигается с места. Она кашляет. И дальше идти отказывается. Марсьяль понимает, что дочка не капризничает, это безумие — заставлять малышку двигаться по пустыне.

— Надо идти дальше, Софа. Надо...

Дальше? До каких пор идти?

Черная земля перед ними словно выжжена лесным пожаром, все деревья до одного вырваны с корнями, обуглены, малейшие неровности сглажены, выветрены. Словно разгневанный Бог хотел быть уверен в том, что ни одно существо никогда не сможет жить на этой равнине. И даже пройти по ней не сможет, а значит, не осквернит тишины. Софа вопит, бросая вызов небу:

— Папа, я больше не могу дышать!

— Я тебя понесу, солнышко. Я понесу тебя на спине. Мы должны дойти... Как только доберемся до деревьев — считай, что мы спасены...

— Нет здесь никаких деревьев!

Слева и выше них стоянка у ущелья Белькомб. Красная дорога заканчивается там, у края кратера, а прямо за ней тянется впадина больше трехсот метров длиной, посреди которой пылает кратер Доломье. Они уже полчаса идут по равнине, за это время на стоянку приземлились три вертолета. И еще один рассекает небо вдаль, над вулканом Питон-де-Неж.

По лицу Марсьяля, скрытому козырьком низко надвинутой бейсболки с надписью «974», катятся крупные капли пота. Над ущельем Белькомб в солнечных лучах сверкают десятки звездочек.

Дверцы со стеклами? Бинокли? Оптические прицелы?

Марсьяль протягивает руки к дочери.

— Софа, если ты хочешь увидеть маму, надо идти дальше. Ты помнишь? Мы должны дойти до места встречи.

11 ч. 26 мин.

Полковник Ларош выпускает из рук бинокль, оставляет его висеть на шее. Марсьяль Бельон и его дочь видны невооруженным глазом. Полковник поворачивается к майору Андрие, командующему подразделением из шестнадцати снайперов, ожидающих его приказов на стоянке у ущелья Белькомб. Тех туристов, которые уже успели подняться, разместили подальше, позади вертолетов, у горного приюта

с комнатой для отдыха, закусочной и туалетом. Новые туристы не прибывают, дорогу перекрыли у Бург-Мюра. Андрие направляет свою снайперскую винтовку в сторону Песчаной равнины.

— Бельон, похоже, без оружия. С этого расстояния я могу его уложить, не зацепив девочку. Все закончится раньше, чем он что-то поймет.

Ларош задумчиво смотрит на крохотный вулкан Формика Лео. Переводясь с одного места на другое, он трижды объехал вокруг света, но этот остров несколько не походил ни на что виденное раньше. Серая пыль, каньоны, обломки породы — все это напоминает пейзаж из вестерна или, хуже того, из постапокалиптического триллера. Ларош поочередно оглядывает каждого из шестнадцати жандармов, вцепившихся в оружие. Теперь самое трудное — не поймать Марсьяля Бельона, а избежать оплошности.

— Спокойно, Андрие. Малышка — не заложница Бельона, это его дочь. Если мы застрелим отца у нее на глазах, это может привести к серьезному расстройству психики... Не говоря уж о шальной пуле. Нас здесь несколько десятков, Бельон один на пустой и открытой площадке в пять квадратных километров. Нам достаточно их окружить, чтобы взять живыми.

11 ч. 29 мин.

«Если ты хочешь увидеть маму, надо идти дальше», — сказал мне папа.

Если ты хочешь увидеть маму, надо идти дальше!

Это неправда. Папа просто-напросто врун!

Я не могу идти дальше. Мне слишком жарко, у меня больше нет сил, я останавливаюсь и ору:

— Папа, я тебе уже не верю, папа. Ты врешь! Ты все время врешь. Мама умерла, ты убил ее, как убил бабушку с голубыми волосами. И что ты теперь сделаешь? И меня тоже убьешь, потому что я уже не могу двигаться?

Папа протягивает ко мне руки, как будто хочет меня поднять.

Но я не поддамся.

Я сажусь, сбрасываю сандалии и ставлю босые ноги на черный песок. И руки на него кладу.

Как жжется! Мне кажется, сейчас у меня кожа расплавится до самых костей. Ну и пусть. Черные песчинки жалят кожу, будто подо мной тысячи муравьев. Я не шевелюсь. Я жду, чтобы они меня закусали. На это надо всего несколько секунд.

Лучше мне умереть...

Лучше мне...

Сама не заметила, как взлетела.

И оказалась у папы на спине.

Я пинаю его ногами, но он не обращает на это внимания. Папа наклоняется, подбирает мои сандалии. Он идет большими шагами, почти подпрыгивает, словно космонавт на Луне.

И говорит, тяжело дыша:

— Ты должна мне верить, Софа. Я никого не убивал, клянусь тебе.

— Тогда почему же они за тобой гонятся?

В небе пролетают еще два вертолета.

Со всех сторон на нас надвигаются черные тени, окружают нас. Как будто камни оживают.

Папа совсем спятил с этой своей встречей. Мы пропали. Жандармы ни за что нас не пропустят.

— Папа, не сжимай меня так, мне больно.

— Надо двигаться быстрее, Софа, посмотри, они уже совсем рядом...

Я не отвечаю, молча луплю его ногами по животу. Я хочу сделать ему как можно больнее.

11 ч. 33 мин.

Ноги Марсьяля вязнут в пепле, словно в сыром песке. Он взмок от пота. Софа слишком тяжелая и все время вертится, он не сможет долго ее тащить. Для того чтобы у них остался хотя бы крохотный шанс, он должен любой ценой убедить ее, что ему можно доверять, уговорить идти рядом.

Выиграть время.

— Софа, послушай меня, если жандармы нас остановят, ты больше никогда не увидишь маму. Никогда.

Вместо ответа Софа колотит его ногами.

— Врун! Врун!

Марсьяль смотрит на горизонт, где толпятся темные мундиры. Выбора у него нет. Он осторожно спускает на песок девочку, которая не перестает брыкаться, садится на корточки и заглядывает ей в глаза. Он знает, что не имеет права на ошибку.

И все же он блефует. У него на руках ничего нет, ни одной старшей карты, ни хотя бы одной пары.

Играю на последние!

— Послушай меня, Софа. Слушай внимательно. Мама не умерла. Нам надо перевалить через вулкан и спуститься с другой стороны, там она тебя ждет. Слышишь, Софа, она ждет тебя. Живая!

Софа стоит неподвижно. Недоверчиво смотрит на него.

Снова пролетают вертолеты, на этот раз три.

Равнина уменьшается, камни двигаются к ним, отрезая все пути.

— Она жива, Софа, клянусь тебе, — повторяет Марсьяль и молится про себя, чтобы это оказалось правдой.

33

Пекло

11 ч. 34 мин.

Базальтовый грот над Индийским океаном. Волна неумоимо бьется о черные скалы, словно океан упорно старается снова завоевать те несколько метров суши, которые вулкан крадет при каждом извержении. Иногда волны поднимаются выше, и тогда дерзкие брызги пены залетают внутрь вулканической пещеры, но испаряются, едва коснувшись камня.

Вечная битва огня и воды.

Сауна Данаид.

Лиана здесь умрет.

У Лианы руки связаны за спиной, ноги скручены стальным кабелем. В таком положении она и очнулась в этом гроте над Индийским океаном. Все, что она может, — поползти до входа в пещеру, встать на колени и увидеть бескрайний океан. Броситься в воду означало бы покончить жизнь самоубийством, волны за несколько секунд разобьют ее о скалы.

Это положило бы конец ее мучениям.

Но она должна держаться.

Ради Софы.

Лиана, с тех пор как пришла в себя, не перестает рассуждать. Скорее всего, она где-то на восточном побережье, между Сент-Роз и Сен-Филиппом, в одной из расселин, образованных вулканической лавой и доступных только со стороны океана, — стекая к воде, лава перекрыла прибрежную дорогу. Последнее извержение было в декабре 2010 года. Ни один географ не тратит время на то, чтобы наносить на карту столь недолговечный рельеф.

Лиана может сколько угодно кричать и вопить — никто ее не услышит. Несмолкающий грохот волн перекрывает все прочие звуки. Она все же попробовала, звала несколько часов подряд. У нее больше нет сил. В груди словно камин пылает, пары сернистого ангидрида с каждым вдохом разъедают гортань.

Сколько здесь может быть градусов? Пятьдесят? Еще больше? Она обливается обжигающим потом, несмотря на то что старается двигаться как можно меньше. Она пытается сохранить ясность ума. Задавать себе правильные вопросы.

На самом деле она задается одним-единственным вопросом.

Где Софа?

Она с Марсьялем? Он один с ней?

Софа в опасности. Лиана десятки раз, сотню раз прокрутила в голове ленту последних событий. Теперь ей все понятно. Ее жизнь не имеет значения. Уже не имеет значения. Ее смерть — лишь предлог. Ее тело — лишь приманка, кусок протухшей плоти, гниющей в западне.

На самом деле охотятся за Софой.

Лиана не боится умереть, но ей мучительно думать о том, что она подохнет здесь, бессильная. Она должна держаться, пока остается хотя бы самая крохотная надежда.

Где Софа?

Она выжила в эти несколько часов только потому, что хочет узнать ответ. Она вытянулась на раскаленных камнях и принялась ногами подталкивать в сторону океана самые рыхлые камни. Один за другим, сантиметр за сантиметром, прорывая канавку и медленно расширяя ее. Потом проделала то же самое еще раз, совсем рядом, и так до тех пор, пока в скале не образовался десяток впадин.

И стала ждать.

Когда волны взметнулись выше, наполнив пещеру водяной пылью, вода тотчас превратилась в горячий пар, и все же несколько капель остались в выемках, образовав теплые лужицы глубиной в несколько миллиметров. Лиана уткнулась в воду лицом, глазами, ноздрями, ртом, жадно впитывая и втягивая ее, пока она не испарилась. Лиана проделала это еще раз, еще десять, еще сто раз, надеясь, что теперь ее кожа не растрескается, словно пережженная глина.

Напрасно старалась. Она быстро поняла, что этого недостаточно. Собранная вода слишком быстро уходила через тысячи мелких трещин в камне. С таким же успехом можно пытаться загасить пылающий костер при помощи шприца. Несколько жалких лужиц дадут ей возможность протянуть всего на несколько часов дольше.

Лиана села, чтобы подумать, поискать другое решение, пока окончательно не лишилась рассудка.

Где Софа?

Зубами и связанными за спиной руками Лиана разорвала на себе одежду — широкую юбку, белую хлопчатобумажную блузку, лифчик. Ей пришлось долго крутиться, и ее шелковые трусики в клочья изодрались о камень. Она осталась голой, если не считать нескольких прилипших к коже лоскутков ткани, как прилипает обертка к леденцу, который слишком долго таскали в кармане.

Лиана подползла ко входу в грот. Ненадолго замерла, подставив нагое тело морскому ветру, потом затолкала лохмотья одежды в базальтовые площадки. Лоскуты постепенно впитали воду, не успевшую уйти в камень, и еще несколько мгновений оставались влажными и липкими. Лиана тут же стала прикладывать их к векам, между грудями, к лобку, выжимая, словно губку, до тех пор, пока тряпки не высохли и не затвердели.

Она начала все сначала. Бесконечно механически повторяла одни и те же движения. Потом стала добавлять к ним другие. Чтобы не сойти с ума.

Ей удалось, изгибаясь, отломить зубец, что-то вроде куска сталагмита. Она быстро отказалась от попыток перерезать свои стальные путы при помощи этого каменного орудия, вместо этого она принялась тереть его о скалу, стараясь заточить. Лиана прикинула, что острие длиной меньше десяти сантиметров поместится у нее в руке и останется незаметным.

Оружие...

Если ее когда-нибудь развяжут, может быть, она сумеет им воспользоваться. Она заставляет себя в это поверить, чтобы не помешаться.

Где Софа?

Лиана осознает, что поступала неправильно, что все ее усилия лишь приблизят агонию. Глупо было надеяться на это ничтожное оружие, к тому же она, пока его затачивала, ободрала запястья, и теперь они сильно кровоточат. И раздеваться тоже не надо было. Оттого, что она отчаянно извивается, прижимая тряпки к своему истерзанному телу, лоскутки с каждым разом становятся меньше. Теперь любое соприкосновение ничем не защищенной кожи с камнем оборачивается пыткой.

Она обгорела.

Ее ступни обожжены так, словно к ним прикладывали пылающие угли. Пот, стекая по телу, оставляет за собой жгучий след. Влагалище припекает изнутри.

А до того, как она разделась, хуже было или лучше? Она уже не помнит.

И все же она должна продержаться.

Добиться ответа.

Она должна снова увидеть Софу.

Живой.

34

Высокий полет

11 ч. 35 мин.

— Вот они!

Жипе показывает пальцем на две фигурки, побольше и поменьше, отчетливо видимые на фоне песка. В следующую секунду «Колибри» описывает короткую дугу и пикирует к вулкану.

Айя вцепляется в ручку над дверью. Она очень давно не летала на вертолете. Если совсем точно — семь с половиной лет. Она не поднималась в воздух с того дня, как узнала, что беременна Жад. А ведь сколько Жипе потом уговаривал эту упрямую ослицу снова летать с ним. Она познакомилась с пилотом еще в начальной школе, и на

переменках он чаще сидел на дереве или бегал по крыше, чем гулял во дворе. Ассоциацию «Высокий полет» он создал, когда ему было двадцать, Айя в то время изучала право в метрополии. Через несколько лет Жипе — Жан-Пьер Гранден — благодаря помощи сети друзей уже мог предложить любителям сильных ощущений полный набор всевозможных полетов над островом: на планерах, мотодельтапланах, дельтапланах, паралетах, мотопарапланах... и, разумеется, высший пилотаж... вертолетная прогулка.

«Колибри» внезапно качнулся вправо. Устремился к кратеру Доломье. Голова закружилась — Айя не помнит, чтобы раньше так было. Под каждым жерлом угадывается раскаленный колодец, словно они летят над логовом дракона, над Мордором — запретной территорией, откуда в любое мгновение может вырваться смертоносный огонь.

Жипе поправляет темные очки и улыбается.

— Без паники, Айя. Гора еще спит. Зато движение с утра оживленное...

Он кивает на три полицейских вертолета, которые кружат вдали над Песчаной равниной.

— Я не могу подобраться к ним слишком близко. Очень уж они обрадуются, если смогут лишить меня лицензии.

Айя понимает. Вертолетными прогулками над островом распоряжаются две официальные компании, которые установили непомерно высокие расценки... За час полета — больше тысячи евро... Твердая цена за незабываемые впечатления. Жан-Пьер со своей ассоциацией сбивает цены. «Высокий полет» не преследует никаких коммерческих целей, Жан-Пьер довольствуется тем, что катает своих друзей над островом на своем личном вертолете, как другие катали бы на машине... друзей из числа членов и донаторов его ассоциации, в среднем за сотню евро. Несмотря на давление официальных компаний, которые жаловались на нечестную конкуренцию, торговый суд в Сен-Дени не нашел, к чему придраться. Судья особенно и не старался, население верхней части города и их депутаты хорошо относились к «Высокому полету». Во время недавних ураганов Жан-Пьер Гранден был одним из немногих пилотов, кто согласился снабжать продовольствием деревушки цирка Мафат, от которых до ближайшей асфальтовой дороги несколько часов пути, деревушки, отрезанные от

мира, если не брать в расчет непрерывное кружение над ними вертолетов с туристами, не выпускающими из рук фотоаппараты и камеры.

— Айя, может, я высажу тебя на стоянке у ущелья Белькомб? Мне кажется, твои друзья не собираются тебя ждать и начнут без тебя...

«Колибри» вильнул влево.

Айя стискивает зубы. Из застекленной кабины открывается фантастическая панорама. Внизу, на стоянке, виднеются пять вертолетов и четыре полицейских фургона. Между ними перемешаются человек десять, все с оружием, а еще десятка три продолжают распределяться по Песчаной равнине, окружая двух беглецов. В центре Марсьяль Бельон, Айя узнает его, он держит за руку Софу.

— Им не уйти, — шепчет Айя.

Сколько бы она ни напоминала себе о трех совершенных Бельоном убийствах, она не может избавиться от жалости к этому человеку, убегающему вместе с дочерью: две выбившиеся из сил газели, окруженные хищниками, которым хватило ума загнать их на голую площадку и перекрыть все выходы. До первых деревьев, среди которых беглецы могли бы спрятаться, еще несколько сот метров, путь к ним преграждает заслон из двадцати полицейских, и у каждого — дальнобойная винтовка. Достаточно одного приказа Лароша, чтобы этот отчаянный побег завершился.

Еще несколько секунд, не больше, думает Айя. Ларош не такой дурак, он хочет их взять живыми...

Она поворачивается к пилоту.

— Игра окончена, Жипе. Извини за беспокойство, но лучше отвези меня домой. Я не горю желанием спускаться только для того, чтобы поздравить этого мудацкого полковника.

— Как скажешь, красавица...

Вертолет снова набирает высоту. Айя вцепляется в ручку и чертыхается.

— Все-таки странно, что Бельон оказался окруженным здесь, на склоне вулкана, посреди Песчаной равнины... У него был выбор между тысячей мест, где можно спрятаться, здесь леса, куда ни глянь, а он выбрал самое открытое место на всем острове...

Жипе улыбается.

— А этот твой беглец — он кто, турист? Или знает Реюньон?

— И то и другое... Хотя, да, судя по его биографии, он хорошо знает эти места.

— Ты меня удивляешь...

Пилот приподнимает очки и щурит глаза, большие и светлые. Похоже, он внезапно развеселился, он смотрит на Бельона и Софу с восхищением.

— Что значит — удивляю? О чем это ты, Жипе?

— Если хочешь знать мое мнение, ваш особо опасный преступник расставил вам отличную ловушку, и все полицейские острова в нее ломанулись.

Айя всматривается в склоны вулкана. Десятки людей окружают Бельона. Он один посередине. Она не понимает.

Жипе поднимается еще выше.

— Да не там, красавица. Прямо за нами.

Айя оборачивается. Она видит каньон, реку, скользит взглядом до устья, вдоль косы, вдоль коттеджных поселков Сен-Жозефа, заполнивших каждый клочок земли между океаном и ущельями.

И внезапно до нее доходит.

Она застывает, не в силах отвести взгляд от самого глубокого ущелья на острове, около двух тысяч метров.

Черт... Марсьяль Бельон все рассчитал. Точное место. И точное время побега. Он заставил все вертолеты приземлиться там, где ему надо. Он заставил всех полицейских острова в погоне за ним собраться в одной-единственной точке. И этот придурок Ларош ринулся туда очертя голову со всем своим зорейским войском. Марсьяль поставил на карту все, но правила игры были известны ему одному.

— Жипе, нам надо сесть! — орет Айя. — Нам надо немедленно сесть и предупредить их.

— Как прикажешь, красавица...

Вертолет резко идет вниз, к вулкану. Айя мысленно подсчитывает, сколько у них остается времени.

Самое большее — пятнадцать минут.

А потом расставленная Бельоном западня захлопнется, и люди Лароша, ничего не успев понять, окажутся в ней.

11 ч. 36 мин.

Имельда уже больше десяти минут не двигается с места. Она продолжает стоять в тени огненного дерева, задумчиво разглядывая черный внедорожник.

А на нее уже подозрительно поглядывает с противоположного тротуара продавец чайота. Имельда делает вид, будто ищет в сумке мобильник, потом — будто изучает какое-то приложение. Никто же не догадается, что ее старенький телефон ни на что больше не способен кроме как соединить двух людей, которым хочется поговорить друг с другом.

Имельда размышляет. Стоящая сейчас перед ней черная машина «шевроле каптива» в пятницу после обеда, в то самое время, когда пропала Лиана Бельон, была припаркована на стоянке отеля «Аламанда». Имельда на собственном опыте научилась не верить в случайности. У вещей всегда есть серьезные причины для того, чтобы оказаться там, где они оказались. И у вещей, и у людей.

Теплый корпус мобильника греет руку. Имельда в нерешительности. Логика подсказывает ей, что следует позвонить Кростосу, все ему объяснить, продиктовать номер машины. Он с этим разберется, и она сможет выбросить все из головы.

Кростос посмеялся бы над ней, но, если бы она стала настаивать, он все же занялся бы проверкой. Кростос неплохой человек. Больше того — он лучший из всех мужчин, каких она знала. Да, он еще и самый ленивый, самый неверный, и самый старый тоже, и кончает быстрее всех, едва успев в нее войти, а после этого еще быстрее засыпает, и пьет больше всех, и на коноплю подсел, как никто, и он самый белый из них... И все же случайностей не бывает. Она наблюдает за Кростосом, когда он не строит из себя мачо, искушенного и разочарованного полицейского или циничного любовника, когда, на мгновение выйдя из роли, он машинально подбирает с пола куклу Жоли, беглым взглядом окидывает скутер Назира, проверяя, все ли в порядке, или даже когда она читает и чувствует за плечом его взгляд.

Так не смотрят мужчины, у которых встает от солнца и алкоголя.

Этот взгляд полон невысказанной нежности.

Да, если присмотреться к Кростосу, увидишь, что он заслуживает любви.

«Шевроле каптива» мигает фарами. Они трижды включаются и гаснут. Имельда еще дальше отступает за дерево, не сводя глаз со стоянки. Какой-то мужчина направил на машину брелок. Малабар, похожий на бочку в своей тесной куртке, на голове бейсболка цвета хаки с красной тигриной мордой. Весит он, наверное, столько же, сколько она, если не больше, но при этом ростом ниже сантиметров на двадцать. Левым локтем прижимает к себе коричневую сумку, явно набитую до отказа провизией, купленной в «Хлебном доме».

Еще мгновение — и малабар скрывается в машине.

Имельда должна принять решение немедленно.

Позвонить Кростосу... и выставить себя идиоткой.

Бросить это дело... и постоянно о нем думать.

Добежать до своей старенькой «поло», припаркованной в десяти метрах отсюда, и двинуться следом за «шевроле». Просто для того, чтобы попытаться хоть что-то распутать...

Случайностей не бывает.

11 ч. 37 мин.

Печать.

Кростос наклоняется к компьютеру и щелкает по иконке.

Старенький принтер, кряхтя, начинает выплевывать на лист бумаги формата А4 красные буквы. Кростосу пришлось поменять цвет шрифта в файле PDF, который только что по электронной почте прислала ему Грациелла Доре, в черном картридже закончился тонер, а менять картриджи он так и не научился. Управляющей «Голубой лагуной» потребовалось меньше получаса на то, чтобы принять решение и прислать ему список тех, кто работал в ее баре десять лет назад.

Семь имен.

В файле проставлена дата, есть печать и подпись.

Кростос знает, что ему придется потратить время на то, чтобы проверить список, сравнить его с данными картотеки Фонда социального страхования, связаться с каждым из свидетелей, сопоставить версии.

Это все потом...

Его компас — интуиция Имельды. Он должен искать связь между прошлым и настоящим, между теми, кто работал в баре «Кап-Шампань», и теми, кто работает в отеле «Аламанда».

Кристос выдергивает лист бумаги из принтера и чертыхается. Вместо красных буквы получились бледно-розовыми. Цветных чернил тоже почти не осталось...

Через подключенные к компьютеру колонки все время слышны переговоры по рации между полицейскими бригадами. Кристос может почти непосредственно следить за облавой и неминуемым арестом Бельона, он слышит распоряжения, которым повинуются пилоты вертолетов... Всем им там, и Айе, и Ларошу, и без того есть чем заняться, никому сейчас нет дела до несчастного случая десятилетней давности и до свидетелей-креолов, которым, возможно, и рассказать-то нечего.

Кристос подносит листок к глазам. Буквы едва различимы, но ему все же удастся прочесть эти семь имен.

Мохамед Диндан

Рене-Поль Грегуар

Патрисия Токе

Алоэ Нативель

Жоэль Жуайе

Мари-Жозеф Инсуду

Франсуа Каликст

Или, может быть, Франсуаза Каликст.

Младший лейтенант еще раз перечитывает список, ненадолго задержавшись на четвертом имени, морщит лоб — это означает, что он раздумывает, — потом складывает листок и сует его в карман штанов.

Он принял решение.

Поскольку делать ему все равно нечего, он навестит Армана Зюттора и его подчиненных. Несмотря на то что сегодня понедельник после Пасхи, должны же хотя бы несколько человек остаться обслуживать последних туристов. Отсюда до отеля не больше километра, и ром там отличный...

11 ч. 39 мин.

Черный кроссовер остановился у знака «Уступите дорогу». Имельда выждала, пока между ее «поло» и «шевроле» окажутся три машины. Она последовала за малабаром — любопытство пересилило! Впрочем, она убедилась, что слезкой на острове заниматься проще простого: здесь есть одна-единственная дорога, которая тянется вдоль

моря, и машины едут по ней километр за километром, не обгоняя одна другую. Вот и хорошо! Потому что ее старая красная «поло» очень уж приметная с ее подобранной на свалке оранжевой задней левой дверью, которую Кростос все никак не соберется перекрасить.

Кроссовер едет через Авирон. Ниже идущей над ущельем дороги несколько коз щиплют редкую травку, пробивающуюся среди грязных обертков. Имельда чертыхается. Долго ей еще тащиться за этим малабаром?

Держась за руль одной рукой, она вытаскивает мобильник и набирает свой домашний номер.

— Назир? Это мама.

— Куда ты подевалась? Мы тебя ждем!

— Я немного задержусь.

— Но ты хоть к обеду-то вернешься?

— Не уверена. Ты покормишь Дориана, Амика и девочек?

— Ну нет.

Имельда приглушенно ругается. Кроссовер с черепашьей скоростью ползет через Этан-Сале. Она представляет себе Назира с косячком во рту, неспособного и пальцем пошевелить. И повышает голос.

— Ничего, справишься, мальчик мой. В холодильнике есть карри из курицы. Там маловато, так что добавь к нему овощи. Сам посмотри, что есть в огороде.

«Шевроле» въезжает в Сен-Пьер, затем сворачивает к Линь-Паради. Назир покашливает в телефоне.

— Ну ты даешь...

— На этот раз придется управляться самому. Попроси Жоли тебе помочь.

Молчание.

«На этот раз», — мысленно повторяет Имельда. Они вполне могут без нее обойтись. Она чувствует себя девчонкой, которая тайком сбегает из дома, чтобы пойти в ночной клуб, влюбленной девчонкой, у которой отчаянно колотится сердце. Ей надо успокоиться.

— Ты ведь справишься, правда, мой хороший?

— Мама, ты какая-то возбужденная. Что, мужика нашла, да? Настоящего? Кафра?

По мере приближения к поселку машин становится все меньше. Если Имельда не хочет, чтобы ее засекли, ей надо быть начеку. Она сбрасывает скорость.

— Назир, я больше не могу говорить. Ты мальчик неглупый, у тебя все получится.

Она отключается и кладет мобильник на колени.

«Шевроле» поворачивает налево, потом направо. Выждав несколько секунд, она следом за ним погружается в лабиринт грязных переулков. Кроссовер в конце концов заезжает в тупик. Имельда тормозит у обочины. Тощая собака принимается обнюхивать шину. Напротив раздергивается занавеска, выглядывает старуха в халате, тарашится на Имельду. Дети играют в мяч между мусорными баками.

Точная копия ее квартала в Сен-Луи. Имельда чувствует себя как дома. Она выходит из машины и пешком двигается к началу тупика.

«Шевроле» припаркован у маленького домика с железной крышей. Роскошный сверкающий кроссовер странно выглядит рядом с убогой хижинкой, но Имельда знает, что некоторые креолы согласились бы остаться без крыши над головой, а вот от новой тачки отказаться не в силах.

Малабар вылезает из машины и скрывается в доме.

Имельда ждет. Проходит минута. Телефонный звонок.

— Мама, это Назир.

Негритянка поднимает глаза к небу.

— Я занята!

— Мам, а если вместо этих паршивых овощей приготовить рис? Дориан, Амик и Жоли не возражают.

Ну сколько можно!

— Милый, я занята.

— Я понимаю, мам. Значит, да?

Имельда вздыхает.

— Хорошо. Назир, а теперь внимательно послушай, что я тебе скажу. Больше мне не звони. Если что-то срочное — посылай смс-ки. Ясно?

— Ясно! Рад за тебя, мама. Развлекайся, не буду тебе мешать...

Кретин!

Назир кладет трубку.

Проходит еще минута. Имельда снова начинает сомневаться: может, все-таки позвонить Кростосу? Читая детективы, она всегда ругает героев, когда они под совершенно неправдоподобными предложениями отказываются обратиться за помощью к полиции... и в конце концов вляпываются из-за этого в страшные неприятности, а некоторых и вообще убивают.

А вот теперь она сама ведет себя так же глупо...

Малабар выходит из дома. На плече у него висит сумка размером почти с него. Он запихивает ее в багажник «шевроле». Еще несколько секунд — и кроссовер трогается с места, выпуская через свой двойной глушитель выхлопные газы.

Имельда не знает, что делать: снова сесть в машину и продолжать слежку или остаться и осмотреть дом. Дом притягивает сильнее, да и вообще кроссовер уже скрылся за углом.

Имельда решает подождать, минуты тянутся бесконечно. Вдруг это ловушка? Малабар мог заметить ее машину, как заметил весь квартал — старуха, прилипшая к окну, собака, которую привлекают теперь остальные три шины, мальчишки, которые уже трижды промазали по кузову, но продолжают тренироваться...

Имельда встает.

Она решила только обойти сад и заглянуть в окно — может, удастся хоть что-то разглядеть. И если какая-то деталь ее заинтересует, она позвонит Кростосу.

Имельда толкает скрипучую калитку, отводит ветку засохшего эвкалипта. Подходит поближе. Окна заросли грязью, через них ничего не разглядеть.

Впрочем, и стараться незачем.

Дверь не заперта, малабар ее всего лишь прикрыл. Да и ржавым замком, похоже, уже много лет не пользовались.

Имельда прекрасно понимает, что войти было бы предельной глупостью. Она тысячу раз читала о чересчур любопытных свидетелях, которые вот так всегда и попадают, — из-за того, что были слишком уверены в себе.

Она окидывает взглядом улицу.

Да что с ней может здесь случиться среди бела дня? Она выросла в точно таком же квартале и всегда в таких жила, она знает местные правила и обычаи, и местных старух-шпионок, и галдящих на улице детей, и мужчин, которые до захода солнца не показываются.

Имельда сжимает в руке телефон, проверяет, ловит ли он сеть.
И открывает дверь.

36

Температурная инверсия

11 ч. 40 мин.

Над Песчаной равниной разносится усиленный мегафоном голос.
— Бельон! Вы окружены. Отойдите от дочери и поднимите руки.

Марсьяль, прищурившись, различает сквозь пыльную пепельную дымку стоящих людей. Их десятка два, они стоят прямо и неподвижно, будто тотемные столбы, расставленные на голой равнине метрах в тридцати друг от друга. И каждый целится в него из снайперской винтовки.

Софа крепко зажимает в кулачке его указательный палец.

— Папа, они нас убьют? — совсем тихонько спрашивает девочка.

Марсьяль садится перед ней на корточки.

— Нет, солнышко. Не бойся. Держи меня за руку. Только не отпускай мою руку.

Он с вызовом смотрит на полицейских. Чем они ближе, чем скорее ему предстоит встретиться с ними лицом к лицу, тем явственнее он ощущает в себе странную силу, пьянящее чувство неуязвимости, которое усиливает его волю. Ему хочется, например, встать между дочерью и этими винтовками, защитить ее от этих наемников.

Марсьяль снова наклоняется к дочери. Он не должен поддаваться эйфории, его отцовский порыв — всего лишь рефлекс, животный инстинкт выживания, иллюзия, которой он отгораживается от реальности.

Никогда еще он не вел себя до такой степени безответственно. Любой из этих полицейских может утратить хладнокровие и нажать на спусковой крючок.

— Ты умеешь быстро бегать, солнышко? — шепчет он дочери на ушко.

Софа, после недолгой паузы, улыбается:

— Да! В школе я бегаю быстрее всех. Даже мальчишки никогда не могут меня догнать, когда мы играем в «цыплят и ястреба».

— Вот и хорошо, верю. Тебе надо будет бежать еще быстрее, но только тогда, когда я тебе скажу, что пора.

Через мегафон снова доносится оглушительное:

— Бельон, я — полковник Ларош, руководитель жандармского управления острова. Не заставляйте нас открыть огонь. Отойдите от девочки и поднимите руки. На вас нацелены двадцать винтовок...

Марсьялю необходимо выиграть немного времени. Потянуть всего несколько секунд.

Вулкан за спинами полицейских спокоен. С этой стороны надеяться не на что, ни за одним кратером в мире так не присматривают, как за этим. Когда он просыпается, об этом оповещают все средства массовой информации, так что никакие сюрпризы здесь невозможны.

— Софа, делай, как я...

Марсьяль подчеркнуто медленно поднимает левую руку, правой продолжая держать за руку девочку.

Мегафону этого недостаточно.

— Хорошо, Бельон, раз вы не хотите понимать, мы придем за вами. Если вы хоть шаг сделаете, мы всадим вам пулю в голову. На глазах у вашей дочери. Вам понятно?

Марсьяль видит, как вдали, на стоянке рядом с ущельем Белькомб, приземляется вертолет. Кто-то из него выскакивает и бежит. Кажется, он узнает капитана Пюрви, красотку из сен-жильской жандармерии.

Но уже в следующее мгновение он не видит ничего.

Первыми исчезают вертолеты, вместе с вулканом.

Пять секунд спустя стоящие напротив него полицейские, в свою очередь, пропадают из виду.

Еще пять секунд — и он не различает ничего на расстоянии трех метров.

Еще секунда — и он уже не видит собственных ног. И Софы не видит, только чувствует в своей руке ее горячую ладонь.

— Пора, Софа! Вперед!

Они мчатся в тумане.

Я рискую всем.

Марсьяль не один десяток раз поднимался на склоны вулкана, но не уставал удивляться этому ошеломляющему местному явлению — температурной инверсии. Внезапно и резко, в течение нескольких секунд, солнце, сияющее на лазурном небе, скрывалось за туманом, который приносили с собой морские ветра. Поначалу туман держался в ущелье, затем вырывался из него, подобно рою пчел, и на несколько километров в округе пропадала всякая видимость. Марсьяль посмотрелся на внезапно оказавшихся в сыром тумане дрожащих туристов в майках, с бесполезным фотоаппаратом в руках, он столько раз выводил из этого киселя разочарованных путешественников к смотровым площадкам Маидо или к ущелью Белькомб...

Глухие звуки тонут в тумане. Беспорядочные приказания. Топот, заглушающий шаги Софы и его собственные.

Они не будут стрелять.

Марсьяль знает, что должен бежать еще быстрее, туман над Песчаной равниной может растаять в любую минуту. Разорваться в любом месте. Они спасутся, только если добегут до зарослей, между кустов туман может висеть часами. Они достаточно долго будут невидимыми, чтобы оторваться от погони, а потом затеряются в окрестностях Сент-Роз. Полицейским никак не угадать, в каком направлении они бегут.

— Не расходитесь! — орет в мегафон Ларош. — Встаньте в цепочку! Бельон не должен проскочить.

Марсьяль представляет себе, как полицейские вслепую шарят руками — точь-в-точь мальчишки, играющие в жмурки. Не более опасные для них, чем эти самые мальчишки.

Царапины обрадовали его едва ли не до слез.

Они добрались до кустов!

Он слышит рядом шумное дыхание Софы. Им нельзя произносить ни слова, они должны двигаться дальше, углубиться в заросли.

Марсьяль отводит свободной рукой хлещущие по лицам невидимые ветки. Отец и дочь бегут так быстро, как только могут.

Они удаляются, они уже не слышат криков полицейских.

Они победили!

Теперь им остается только спуститься к океану и добраться до бухты Каскадов.

Они успеют вовремя на назначенную встречу.

Они...

И вдруг Марсьяль спотыкается. На мгновение отвлекся — наступил на корень, пошатнулся, шагнул вбок, чтобы восстановить равновесие...

Влажная рука Софы выскользнула из его руки.

Он кусает губы, потом еле слышно шепчет:

— Софа?

Кричать нельзя. И даже громко говорить. Большой глупости не придумашь. Софа здесь, в нескольких метрах от него.

Только его дыхание в бледной ночи.

— Софа?

В ответ ни звука. Марсьяль водит руками вокруг себя, его кожу раздрают невидимые шипы.

Он шелестит как можно тише:

— Солнышко, я сейчас тебя найду, только стой, не шевелись.

С голосом он справился, а вот мысли обуздать невозможно. Он знает эти места. Здесь на каждом шагу упавшие деревья, голые камни с острыми краями, расселины. Достаточно нескольких минут, чтобы Софа потерялась, — так же быстро, как погонщик верблюдов, застигнутый в пустыне песчаной бурей.

— Софа, я здесь, я сейчас тебя найду. Умоляю тебя, никуда не уходи.

Он говорит громче, забыв об осторожности.

В ответ ни звука. Ватное небо даже эхом не отзывается.

Марсьяль едва сдерживается, чтобы не заорать во все горло. Он заново проживает самый страшный кошмар.

Он стоит на краю пляжа. Один.

И кричит. Перед ним пустое море.

Он выкрикивает имя своего сына.

— Алекс...

Дом малабара

11 ч. 41 мин.

Лиана, распаленная полуденным солнцем, трясет своими прелестными беленькими грудками над щетиной Марсьяля. Красавица сидит на муже верхом, мускулы ее длинных ног напряжены так, что красные стринги на ней вот-вот лопнут. Марсьяль блаженствует, лежа под ней, и, похоже, уже не знает, за какое место ее потрогать. Прижать ладони к этому плоскому животу? Или к блестящей от масла и пота спине? Или обхватить круглую попку? А может, поработать еще и ртом, целовать, не отрываясь, не переводя дыхания эти торчащие перед ним соски, эти губы, скрытые волной светлых волос?

У Марсьяля стоит, увеличенная до формата А3 фотография не оставляет ни малейших сомнений насчет этой подробности.

Маленькая Софа играет в двух метрах от них, в тени пальмы. Бельоны одни на этом пляже с черным песком — на пляже Этан-Сале, Имельда сразу его узнала.

Моментальный снимок счастья.

Кто мог их сфотографировать?

Имельда отходит подальше и мысленно повторяет этот простой вопрос.

Кто мог сделать этот снимок, а также другие фотографии, десятки фотографий, приклепленных к стенам этой грязной лачуги?

Имельда насчитала тридцать семь фотографий, напечатанных в форматах А4 и А3. Странная выставка создает впечатление, что какой-то папарацци постоянно шпионил за Бельонами с той минуты, как они прибыли на Реюньон. Фотографии явно были сделаны при помощи мощного объектива, без ведома Марсьяля и Лианы. Вот они на террасе ресторана в Сен-Жиле, на рыночной площади; вот перед индуистским храмом в Сент-Андре; вот у стойки с открытками на главной улице Хель-Бурга... Но больше всего неизвестного фотографа интересовали крупные планы маленькой Софы — ее большие голубые глаза, ее веснушки, ее крохотные ямочки. Выглядит как любая другая малышка, покорная жертва изобретения цифрового фотоаппарата, думает Имельда. Вот только автор снимков не стал просить Софу ему позировать...

Почему?

Продолжая размышлять, Имельда время от времени поглядывает в окно. На улице все так же спокойно, и она решается обойти дом. Логово малабара похоже на срочно снятое жилье. В обеих комнатах, гостиной и спальне, мебели почти нет: пара складных пластиковых стульев и стол, матрас, лежащий прямо на полу; на полках платяного шкафа, скрытого за грязной занавеской, сложены продукты — консервы, макароны, рис. Газовая плитка кое-как пристроена на мойке. Из мусорного ведра торчат коробки от пиццы и пустые бутылки из-под газировки.

Вдоль стены выстроились штук десять канистр с бензином. Интересно, что им собираются заправлять, задумывается Имельда. Это для мотора вертолета? Или для внедорожника, который на несколько недель затеряется в горах?

Это укрытие беглого преступника! Почти обычное... Если бы не эти фотографии.

Похоже на то, что в роли папарацци выступал этот самый малабар. Она была права, его черный «шевроле каптива» не случайно оказался на парковке отеля «Аламанда» в день убийства. Имельда чувствует, как возбуждение нарастает, она обожает эти минуты, когда надо раскладывать по полочкам информацию. Ей надо чуть-чуть сосредоточиться — и она соединит в одно целое кусочки головоломки.

Не вышло!

Короткий пронзительный звонок сообщает ей, что на ее мобильный телефон пришло сообщение.

Выругавшись, она открывает его и читает:

«Все путем, мам. Я стараюсь как магу. Преставил Дори и Жоль к стрипне. Ни спиши».

Имельда улыбается, в глубине души почти разочарованная — ее выводок отлично справляется и без нее. Набирает короткий ответ, одновременно пытаясь снова сосредоточиться на деле Бельона.

Малабар работал на себя? Или ему кто-то платил, чтобы он шпионил за Бельонами? Частный детектив, например? Не имеет значения, главная проблема — не в этом. Для чего надо следить за Бельонами? Для того чтобы шантажировать их? Из желания отомстить? Из ревности? Возможных вариантов много, и так же много возможных заказчиков: кто-то из близких семьи? Сумасшедший, который

встретился на их пути? А почему бы и не сама Лиана Бельон? Существует множество причин, которые могут заставить женщину следить за мужем, особенно когда у этого мужа темное прошлое и плохая репутация.

Имельда разглядывает снимок Лианы Бельон, сидящей на террасе бара, кажется, у порта в Сен-Жиле. Яркая мини-юбка, голая спина, небрежно скрученные светлые волосы открывают шею. Очень привлекательная...

А может быть, все как раз наоборот, рассуждает Имельда. Может, это Марсьяль Бельон сомневался в верности жены... Но с чего бы тогда он стал просить делать семейные портреты? И с чего бы он стал обращаться с этим к малабару? К малабару, живущему в этой трущобе?

Имельда вспоминает досье, которое прочла в кабинете Айи, вспоминает совпадающие показания служащих гостиницы «Аламанда», объединившихся против Бельона. Отель был основан малабарами — династией, последней представительнице которой, капитану Пюрви, поручено расследование.

Еще одно совпадение?

Перед тем как перейти во вторую комнату, где нет ни одного окна, Имельда снова выглядывает на улицу. Все вроде бы нормально. Собака продолжает расхаживать взад и вперед, обнюхивает шины и добавляет свою струю к общей грязи. Дети, играющие в футбол в глубине тупика, начинают тринадцатый тайм.

Имельда внезапно вздрагивает.

Звонок. На ее мобильник пришло новое сообщение.

«Мы справляемся. Даже на вечер хватит кари. Надеюсь ты в восторги? хорошо праведи время».

Имельда нетерпеливо дочитывает смс-ку. В общем, Назир — неплохой мальчик. Ему бы еще отца, который время от времени давал бы ему пинка. Наклонившись, она осторожно приподнимает грязные простыни, потом матрас.

И торжествует: в углу, между постелью и стеной, спрятана женская сумка! Вряд ли она может принадлежать малабару...

Имельда торопливо ее открывает. Ощупывает и рассматривает то, что в ней лежит. Ярко-красная помада, блеск для губ, бумажник, из

которого все высыпалось... Имельда шарит в сумке, вытаскивает наугад что попадется — удостоверение личности, кредитка, транспортная карта.

Все — на имя Лианы Бельон...

В голове у Имельды выстраиваются цепочки. Открываются и закрываются ящички, по которым она раскладывает гипотезы. Марсьяль Бельон спрятал здесь труп жены? Он поручил эту грязную работу малабару? Или все с самого начала ошибаются? Лиана Бельон не была убита в номере отеля, она замаскировала свой побег под убийство, а сама, пока вся островная полиция искала ее труп, пряталась в этой хижине.

Зачем? Она кого-то здесь ждала? Чтобы снова скрыться? Где?

И вдруг пальцы Имельды, готовые продолжать раскопки в поисках новых улик, замирают.

С улицы доносится собачий лай!

В следующее мгновение она слышит урчание мотора, машина замедляет ход, останавливается у дома. Имельда узнает по звуку большую машину с двойным глушителем. Внедорожник.

Ей даже не надо выглядывать в окно, чтобы догадаться, что машина черная, а за рулем малабар в бейсболке защитного цвета. Она наспех засовывает сумку обратно в тайник и вылетает в соседнюю комнату. Окидывает ее взглядом, проверяя, не сдвинула ли чего с места, и высматривая, где бы ей спрятаться.

Такое место здесь только одно, да и то сомнительное.

Шкаф.

Имельда яростно отдергивает занавеску и оценивает размеры высокого и узкого отделения, в котором стоит метла. Имельда в два раза шире, и все же, ни на секунду не задумавшись, она туда лезет. Ее дряблое тело трется о стенки, выпирает валиками, застревает. Имельда, чуть не плача, хватается за вешалку и тянет изо всех сил. Платье на ней рвется, деревянные стенки обдирают кожу, но в конце концов ей удается втиснуть туда свою плоть, расплющить ее о холодные доски, словно мягкое тесто, которое до отказа заполняет слишком мелкую для него форму.

Она рывком задергивает перед собой занавеску и в ужасе смотрит на эту тряпку, которая никак не перестанет колыхаться.

Имельда старается не дышать.

Дверь открывается.

Сквозь ткань Имельда может различить лишь приземистую тень, которая медленно перемещается по комнате. Последовательно доносящиеся до нее звуки объясняют больше. Вот сумка шлепнулась на стол, вот закрылась дверь туалета, спустили воду, теперь струйка льется, ударяясь о металлическую раковину, падают последние несколько капель — и снова становится тихо.

Имельда не дышит.

Шаги pokrжили по комнате, прошли мимо занавески не останавливаясь, потом удалились в спальню.

Имельда оставалась без воздуха почти минуту... Она снова начинает дышать. Обильный пот разъедает подмышки и лобок. Прислушавшись, она различает нечто похожее на шорох ткани, кажется, одежда мягко шлепается на пол, затем резко и коротко вжикает молния — может быть, на чемодане.

Должно быть, малабар переодевается...

Тянутся бесконечно долгие секунды.

Шаги снова приближаются. Слышно шумное дыхание. Занавеска колышется, касается живота Имельды.

Хлопает дверь.

И больше ничего.

Имельда ждет. Все ее чувства настороже.

Ждет долго. Целую вечность. В доме так тихо, что ей кажется, будто она слышит, как вдалеке, на улице, кричат мальчишки.

Она по-прежнему стоит неподвижно, потому что с улицы не доносится шум мотора. Малабар все еще здесь, совсем рядом, ей пока нельзя высовываться. Имельда с бесконечными предосторожностями вытаскивает из кармана мобильник. Она приняла решение: ей надо связаться с Кростосом. Она ничем не рискует, ее мобильник не издает никаких звуков, когда она отправляет сообщения.

Только когда она их получ...

Внезапно тишину комнаты разрывает звонок.

Окаменев, Имельда опускает глаза, словно загипнотизированная светящимся экраном.

«Все закончили везде чисто. Мам ты нами гордишься? знаешь где тряпки? а ключи ат дома? а

конопля каторую припрятал Деррик?»

Имельда читает сообщение со странной улыбкой.
Она ошибалась, дети не могут без нее обойтись.
Ее последняя мысль...

Занавеска рывком отдергивается. Перед ней стоит тень с кухонным ножом в руке. Имельда пытается высвободиться. Тщетно.

Она заживо по собственной воле влезла в слишком тесный для нее гроб.

Сначала она чувствует сильную короткую боль в сердце. Ее руки пытаются ухватить занавеску, но сжимают пустоту. На несколько секунд их сводит судорогой, потом они падают, обмякшие и бессильные, как два увядших листа на концах двух мертвых веток.

38

В облаке

11 ч. 43 мин.

— Папа?

Это не крик — всего лишь шепот в белой ночи.

У Марсьяля бешено колотится сердце. Софа здесь, в паре метров от него.

— Софа?

Они снова берутся за руки. Ни тот ни другая ни слова не произносят. Марсьяль ведет девочку уверенно. Они идут вниз по склону, и чем дальше, тем плотнее окутывает их туман.

Голоса полицейских, приказы через мегафон, крики, беспорядочный топот доносятся все слабее, будто сквозь вату. Полицейские стали невидимыми призраками, и ветер их рассеял.

Они уходят. Марсьяль прекрасно представляет себе, где они находятся. Он выучил наизусть каждый квадратный сантиметр карты, он отлично ориентируется, а если понадобится, еще и компас достанет из кармана. Сначала им надо идти вдоль ручья: если держаться восточнее, здесь не так уж и опасно, большую часть территории занимает поросшая деревьями равнина, их не увидят с воздуха, даже если туман рассеется. Дальше ручей впадает в Восточную реку, и тогда им надо повернуть на восток и идти через лес, где растут тамаринды,

пальмы и вейнманнии, — лес, пересеченный прогулочными тропами, которые им придется обходить, и прорезанный потоками лавы, остывшей несколько десятилетий назад. А потом почти до океана тянутся поля сахарного тростника, чьи стебли достигают трех метров в высоту. Под его прикрытием они подберутся как можно ближе к бухте Каскадов.

По расчетам Марсьяля, до берега им осталось километров пятнадцать, и дорога все время будет идти вниз, они спустятся на тысячу семьсот метров. Софа будет идти, сколько сможет. Они будут отдыхать. Он ее понесет.

Они теперь так близки к цели.

Они дойдут.

Для очистки совести Марсьяль вытаскивает из кармана компас. Им надо держать курс на северо-восток, по направлению к крохотному кратеру, очертания которого едва угадываются в тумане.

— Не отпускай мою руку, Софа, нам так идти еще несколько часов.

— Мама ждет нас в самом низу?

— Надеюсь, солнышко. Разговаривай поменьше, мы должны беречь силы.

Марсьяль знает, что примерно через час они окажутся ниже облака, и тогда им придется быть еще более бдительными.

12 ч. 48 мин.

Папа посмотрел на часы и сказал, что у нас есть небольшой запас времени, потому что я шла быстро и не ныла. Еще он сказал, что теперь нам осталось только спуститься через большое поле, на котором растут стебли в четыре раза выше меня, и мы окажемся на месте.

— Там, где нас ждут? — спросила я у папы. — Мы придем туда вовремя?

— Да, если ты и дальше будешь так же хорошо идти, солнышко.

Я ничего не ответила, я все время думаю про записку, оставленную на машине у отеля.

Встреча
В бухти каскада
Завтра
16 ч

приходи с девочкой

Мне будет нелегко...

Я не стала жаловаться папе, но у меня болят ноги, у меня все болит. Хотя, может, папа и сам догадался, потому что он согласился остановиться у реки.

Это скорее ручей, объяснил мне папа. В этой реке нет воды или почти нет, совсем чуть-чуть на дне оврага. И здесь растут фрукты, папа сказал, их можно есть, надо просто срывать с веток, некоторые я узнала — грейпфруты, клементины. Он мне сказал, как называются другие, — кафир-лайм, гуаява.

Когда мы только начали спускаться, папа все время со мной разговаривал, называл все деревья, цветы и фрукты. Но теперь, когда мы остановились, папа опять ушел далеко. Не то чтобы он от меня куда-то далеко ушел, я не это хотела сказать, нет, он сидит рядом, на камне. Просто он уже обо мне не думает. Такое с ним часто бывает. Мне кажется, тогда он уходит к моему старшему брату, Алексу. Тому, который умер. У папы немножко мокро в уголках глаз.

Потому я и догадываюсь, что он уходит мысленно говорить с Алексом и еще с другими призраками, которые жили до моего рождения.

13 ч. 03 мин.

Марсьяль поднимается, чтобы нарвать плодов гуаявы с веток, которые со всех сторон пронизывают начавший редеть туман. Он складывает их на землю, чтобы потом угостить Софу. Сейчас дочка играет. Он смотрит, как она пытается устроить в ручье миниатюрную запруду.

Эта маленькая женщина приводит его в изумление.

Она уже поняла, когда ей можно превращаться в очаровательную болтушку, которую не заставишь умолкнуть, и в какие минуты надо тихо уходить в собственный воображаемый мир и не мешать отцу думать о своем.

Марсьяль вздыхает, ощупывает карман, подавляя желание выкурить самокрутку с листьями конопли. Не здесь. Не теперь. Не при Софе.

Он поднимает глаза и видит в разрыве облака робкий клочок голубого неба в форме сердечка, перечеркнутого тонкой белой линией.

Это просто самолет. Его воображение могло бы дорисовать остальное...

Он сам толком не знает, почему его мысли устремились к Алоэ.

Почему теперь?

Почему здесь?

Из-за этой белой стрелы? Из-за этого пронзенного стрелой сердечка?

Этот вопрос терзает его уже много лет, еще один вопрос, на который у него нет ответа, и даже намек на ответ.

Если бы он не позволил Алоэ сесть в самолет, был бы Алекс сейчас жив?

39

Льдинка, девушка

13 ч. 05 мин.

Дзинь-дзинь-дзинь.

Кристос гоняет кубик льда в стакане с пуншем, он звенит, как ксилофон в радиоигре.

— Ну так что?

Служащие «Аламанды» сидят на высоких плетеных стульях из серого пластика. Стулья выстроены полукругом перед стойкой бара. Кристос остался стоять. Здесь все кроме уборщицы Евы Марии Нативель и садовника Танги Дижу, который повез Журденов в аэропорт. Вообще-то странно, что он до сих пор не вернулся, думает Кристос. На то, чтобы добраться сюда из Сен-Дени, двух часов многовато.

Тень стены, которой огорожен сад отеля, защищает их от палящего солнца. Позади них, на самом солнцепеке, немногочисленные туристы валяются в шезлонгах, отодвинув их подальше от бассейна, туда, куда не долетают брызги — дети раз за разом прыгают в воду.

Арман Зюттор устроился на равном расстоянии от своих подчиненных и от постояльцев, в тени пальмы, придвинув стул вплотную к ее стволу.

— Ну так что?

Кристос снова читает вслух семь имен. Медленно. Отчетливо выговаривая каждый слог, как будто повторяет фразы диктанта для малограмотного класса.

Мохамед Диндан

Рене-Поль Грегуар

Патрисия Токе

Алоэ Нативель

Жоэль Жуайе

Мари-Жозеф Инсуду

Франсуа Каликст

Или, может быть, Франсуаза Калликст.

Дзинь-дзин-дзинь.

— Никогда не слышали про этих людей?

Зюттор устало смотрит на часы, как будто учитывает с точностью до минуты время, потраченное его сотрудниками на допрос.

Да еще в выходной день.

Кристос поворачивается к стойке, готовит себе еще стакан пунша.

— Ни одного из семи не знаете? Реюньон — это все же не Австралия.

Тень стены, укрывающая служащих «Аламанды», постепенно уползает к бассейну. Кристос на это не рассчитывал, но теперь думает, что это, возможно, развяжет им языки. Кто не ответит, тот будет печься на солнце.

Первым поджарился Габен Пайе, сидящий напротив младшего лейтенанта. Он в конце концов не выдерживает и начинает говорить:

— Кристос, это все давняя история. Дело было почти десять лет назад. С тех пор здесь выросло много гостиниц. Появились сотни кроватей. Тысячи креолов меняли постели, подавали завтраки, складывали полотенца на тележки. Поработают неделю или месяц, срок контракта закончится — и они уходят...

Наиво Рандрианасолоаримино, которому остается еще несколько минут побыть в тени, вставляет профилактическое замечание.

— Да еще эти реюньонские фамилии, все похожие одна на другую. Оаро. Пайе. Диндан...

Кристос не упускает случая.

— Нативель... Много на острове Нативелей?

Мокрый от пота Габен в прилипшей к темной коже цветастой рубашке внезапно встает, заходит за свою стойку, открывает бутылку «перье», добавляет в стакан кубик льда и кружок лимона и, не глядя на остальных, возвращается на свое место.

— Это племянница Евы Марии!

Кристос широко улыбается.

Вот она, наконец, эта связь между прошлым и настоящим... Ева Мария Нативель — главный свидетель обвинения, кроме нее, никто не может сказать, вышла Лиана Бельон живой из тридцать восьмого номера отеля «Аламанда» или нет.

— Что ты хочешь о ней узнать, пророк?

— Все. Выкладывай, я разберусь.

— Разбираться-то особенно не в чем, не так много можно о ней рассказать. Я в то время работал в «Бамбук-баре». Алоэ была официанткой в ресторане «Кап-Шампань» на другом конце пляжа Букан-Кано. Она была хорошенькая, и даже очень хорошенькая. Такой прелестный тропический цветочек, ну ты себе представляешь. Клиентам она нравилась. Марсьялю Бельону тоже.

Тень еще немного отступила. Теперь все служащие отеля обливаются потом под безжалостным солнцем, только Арман Зюттор остается в холодке под пальмой, но все равно сидит надутый. У Крестоса нет ни малейшего желания сократить этот сеанс воспоминаний, чтобы уберечь их от солнечного удара.

Допив пунш, он снова обращается к Габену.

— Стало быть, ты с самого начала знал, что Марсьяль Бельон не обычный турист, как все, а зорей, который вернулся в метрополию. Мы бы выиграли время, если бы ты сразу сказал об этом...

— А никто меня об этом не спрашивал...

— Мы бы, может, раньше задержали Бельона, — продолжает Кристос. — Шанталь Летелье, может, осталась бы жива.

— Да ладно. Я же не мог догадаться... Это ты у нас пророк...

Младший лейтенант пропускает это мимо ушей. Ая сведет с ним счеты потом. Сопоставив обрывки сведений, полученных от Габена, он продолжает.

— Хорошо. Вернемся к Алоэ Нативель. До какой степени она нравилась Бельону?

— Она была его любовницей, — отвечает бармен, поставив стакан на подлокотник. — Марсьяль любил срывать такие прелестные цветочки.

— Это было до или после того, как он расстался с Грациеллой Доре?

— Несколько лет спустя... Они развелись в 1999-м, а Алоэ взяли на работу в «Кап-Шампань» только в 2002-м. Ей едва исполнилось восемнадцать. Алоэ была милой девочкой, расторопной и сообразительной, старшей в семье из пяти или шести детей. Она привязалась к маленькому Алексу. Его мама, хозяйка ресторана, много работала. У официантки было больше времени для мальчика, который играл на террасе между столиками...

— А Марсьяль Бельон? Он когда появился?

— Он приходил за Алексом в «Кап-Шампань» два раза в неделю. Алоэ была там. Алекс рассказывал отцу про старшую подружку... Словом, Бельон был неглуп. Алоэ Нативель обладала двумя ценными для него достоинствами. Она носила очень короткие юбки, едва прикрывавшие ее попку, и могла заниматься мальчиком, с которым не очень-то справлялся одинокий отец.

— У нее никого не было?

— Был, он работал в порту в Пуэнт-де-Гале и в море проводил больше времени, чем на суше... Алоэ Нативель была супернянькой! Роскошной приходящей няней, которую Бельон старался как можно чаще оставлять у себя. Дом, стол и койка...

Пока Габен с довольным видом допивает свою минералку, Кростос прикидывает, много ли дают им полученные от него сведения. Зюттор, похоже, уснул, за темными очками не поймешь. Наиво встал и раздает служащим «Аламанды» стаканчики с водой. Младший лейтенант не вмешивается, он сосредоточен на своем диалоге с Габеном.

— Алоэ Нативель была на работе в тот вечер, когда утонул Алекс? Бармен качает головой.

— Понятия не имею. Я им свечку не держал. Надо спросить у ее тетки...

Кростос мысленно выругался. Как нарочно, Ева Мария Нативель сегодня не работает. По словам других служащих, она каждый понедельник ходит к кому-то убирать. Левый заработок. Имени клиента никто не знает. Мобильника у Евы Марии нет. Связаться с ней можно

будет только после того, как она вернется домой, не раньше шести вечера...

Чтоб ее...

— А что стало с Алоэ?

— Для тропического цветочка настали не лучшие времена. Для начала ее вместе со всеми уволили, когда закрылся «Кап-Шампань». И у Марсьяля Бельона после смерти Алекса были другие заботы, и в няньке надобность отпала. Алоэ вернулась к своему моряку...

— И что тогда?

— Слухи пошли, люди языки чесали. В конце концов и этот тип ее послал. По последним сведениям, которым тоже уже лет пять, она пошла на панель, стояла у старого автовокзала в Сен-Дени. Не уверен, что узнал бы ее, если бы встретил...

Кристос молча усваивает информацию. Почему-то рассказ о судьбе Алоэ заставляет его вспомнить про девочек Имельды, Жоли и Долену. И про Назира с его коноплей тоже. По какую сторону водораздела ты окажешься — на этом острове почти всегда дело случая. Родиться с наветренной или подветренной стороны. Жить без забот или всю жизнь огребать по полной.

Младший лейтенант в последний раз звенит льдинкой в стакане.

Дзинь-дзин-дзинь.

Обратный отсчет начался. Он должен найти Еву Марию Нативель до шести вечера. Если ее свидетельство рассыплется, посыплется все. Может быть, Лиана Бельон вышла живой из номера 38... А если она не умерла, то обвинение против Бельона утрачивает всякий смысл, несмотря на пятна крови и отпечатки пальцев на ноже.

Кристос решает пока больше не строить предположений. Все становится слишком сложно. Если у него будет время, он позвонит Имельде, все ей расскажет, и они во всем разберутся. Он задает Габену последний вопрос:

— А ты случайно не помнишь, как его звали, парня Алоэ Нативель?

— Помню! Я время от времени его встречаю. Толстячок такой. Иногда он доставляет ящики с пивом в местные заведения. Его зовут Муругаин Панианди.

— Панианди? Он малабар?

Притча о додо

13 ч. 19 мин.

Ларош напоминает полководца, сбитого с толку неожиданным поворотом в ходе сражения. Он стоит на крыше полицейского фургона, и от ползущего пластами тумана кажется, что у него седые волосы и борода, как у патриарха. На шее у него висит инфракрасный бинокль ночного видения, теоретически способный помогать во время облавы в экстремальных ситуациях, но сейчас совершенно бесполезный.

Десятка два полицейских бродят вокруг, почти не видя друг друга под покровом медленно рассеивающегося тумана, — так бывает после манифестации, когда, разогнав толпу при помощи дымовых шашек, они без дела топчутся в облаке дыма.

Айя приближается к фургону в сопровождении Жипе, которого все это явно забавляет. Среди растерянных полицейских она выглядит вызывающе свободной и беспечной. Ларош поворачивается к ней, смотрит на нее сверху вниз. Сбросив доспехи непробиваемого дипломата, встречает ее нелюбезно.

— Только вас здесь и не доставало, Пюрви! Разве вы не должны сейчас, вместо того чтобы путаться у нас под ногами, вести расследование в Сен-Жиле?

Обычно Айя в таких случаях отвечает резко, не стараясь успокоить собеседника, но сейчас полковник, торчащий на крыше, словно петух на насесте, и кудахчущий распоряжения перепуганному курятнику, вызывает у нее жалость. Он, должно быть, уже доложил наверх, может, даже уже и до кабинета министров это дошло, что, хотя в операции были задействованы силы, каких никогда не собирали за всю историю острова, этот тип, который был один с шестилетней дочкой, выскользнул у них из рук.

Бедный Ларош. Того и гляди, его переведут на Кергеленские острова, куда-нибудь на Крозе или Тромлен. Будет там у него автономная бригада из него одного среди крачек и пингвинов.

— Вам что, Пюрви, это кажется смешным?

Айя выбрасывает белый флаг.

— Нет, полковник, мне очень жаль, что так вышло. И особенно жаль, что я слишком поздно догадалась о ловушке, которую подстроил

Бельон.

Ларош наклоняется и легко спрыгивает с крыши, подошвы его новеньких армейских ботинок впечатываются в песок. Он строит из себя крутого, как будто избыток властности может восполнить отсутствие результата.

— Не стоит извиняться, капитан, он нас всех поимел.

Ларош нервно закуривает и с удивлением смотрит на оранжевый вертолет с надписью «Высокий полет» и логотипом ассоциации — длинноногой птицей — на борту. Осмотр он заканчивает, остановив удивленный взгляд на расстегнутой рубашке Жипе.

— Капитан, вы добрались сюда автостопом? Решительно, островитяне располагают ошеломляющими возможностями... Я говорю не только про этого придурка Бельона...

К ним приближается человек в белом кепи, в руке у него развернутая, помятая ветром карта, на которой толстым фломастером нарисованы концентрические круги. Ларош тычет пальцем и отдает формальные распоряжения. Центробежное развертывание от вулкана. Систематическое прочесывание. Связь по радио.

Напрасно старается, думает Айя. Обследовать сто квадратных километров леса...

Она снова обращается к Ларошу:

— Полковник, вас интересуют реюньонцы? Если хотите, я изложу вам мою собственную теорию насчет неисчерпаемых душевных ресурсов островитян. Я называю это синдромом додо.

— Да?

Ларош провожает взглядом своих людей, которые под стрекот электронных цикад исчезают в тумане. Затягивается сигаретой. Если появится что-то новое, он узнает об этом первым.

— Хорошо, Пюрви, хуже от этого не станет, расскажите мне что-нибудь про остров. Что представляет собой этот ваш синдром додо?

Жипе весело подмигивает Айе. Та не заставляет себя уговаривать.

— Когда люди попадают на остров, они нередко удивляются, встречая местных жителей, которые здесь не в отпуске, ходят не во вьетнамках и одеты не в цветастую рубашку, расстегнутую на загорелой груди... Хуже того — есть и такие, кто носит галстук и работает с бумагами, они ругаются, стоя в пробках, и мечтают, как самые задавленные стрессом парижане. Вот что такое синдром додо... Я

расскажу вам историю, которая поможет понять, почему все это — тропическая беспечность, природная склонность креолов к созерцанию, словом, почему весь этот треп — всего лишь общее место, штамп, и ничего более. Вы, полковник, знаете, что за птица додо?

И, не дав ему времени ответить, Айя продолжает:

— По крайней мере, вы должны были видеть его на этикетках пива «Бурбон»...[38] Талисман острова! Вообще-то, если точно, специалисты называют его *Threskiornis solitarius*, или реюньонский ибис. Додо, или дронг, — та же птица, только маврикийская. Короче, специалисты считают, что додо прибыл на остров по воздуху — сам прилетел. И остался здесь! Очень неглупо! Реюньон был раем... Здесь не было млекопитающих, хищных зверей, больших обезьян, людей... Не было даже змей и пауков. Сначала местные додо ходили на ибисов.

На мгновение прервавшись, Айя показывает пальцем на птицу, изображенную на вертолете Жипе.

— Исследования показали, что это была стремительная птица с удлинённым телом, способная пересекать океаны. Но несколько сотен тысяч лет, проведенных на райском острове, изменяют и меж океанских атлетов. Скелеты, найденные на острове, — совершенно удивительные. Если нет врагов, если никто вам не угрожает, зачем утруждать себя, зачем летать? И крылья у додо постепенно атрофировались, с каждым поколением они уменьшались — до тех пор, пока не превратились в нелепые и бесполезные отростки. Зачем бегать? Со временем стройные ибисы стали похожи на раскормленных гусынь. Зачем усиленно размножаться? Они стали реже откладывать яйца. Зачем держаться вместе? Сообщества ибисов рассыпались на отдельные семьи. Если взглянуть на скелеты, мы увидим одни и те же изменения и у маврикийского дронга, и у реюньонского ибиса, и у родригесского пустынного...

Ларош с интересом слушал рассказ Айи, в то же время продолжая внимательно следить за своей рацией — не оживет ли.

— Так что же, Пюрви? В чем можно упрекнуть этих птиц? Они нашли земной рай на этих далеких от цивилизации островах. Они сотни тысяч лет жили припеваючи. Что же касается ваших эстетических суждений об их тучности... Зато ваши цесарки стали уникальными созданиями.

Айя улыбается. На самом деле Ларош не так уж глуп. Просто ей не хочется играть с ним в одной команде. Она смотрит на тех, кто еще остался на стоянке у ущелья Белькомб. Пилоты вертолетов. Снайперы. Инженеры-связисты. Все белые... без исключения.

Айя смотрит Ларошу в глаза.

— Додо были бесконечно простодушны и позабыли о том, что рая не существует. Никто никогда не узнает, сколько тысяч птиц было на острове, когда в 1665 году здесь высадились колонисты. Когда на берег сошли первые моряки, додо и не подумали убежать. Они и чувство страха позабыли... А когда им внезапно пришлось о нем вспомнить, было уже слишком поздно. У них уже не было крыльев, чтобы летать, не осталось сил убежать, не доставало смелости объединиться. Всех додо очень быстро перебили, к концу семнадцатого века на всех Маскаренских островах не осталось в живых ни одной птицы.

Айя замолкает. Ларош выплевывает окурок.

— А мораль отсюда, капитан Пюрви? Я предполагаю, что мораль должна быть?

— Полковник, вы человек образованный. Мне нет необходимости расставлять точки над «і». Любое доминирующее большинство и любая элита стараются превратить вас в додо. Послушный курятник. Комфорт, безопасность, лень. Готовая программа... Реюньонцы, подсчитывающие свое пособие для безработных и малооплачиваемых в литрах местного рома, не станут с этим спорить.

Ларош морщится. Жипе смеется. Немного поколебавшись, полковник начинает аплодировать.

— Хорошо, Пюрви, я все понял. Додо, население самых отдаленных территорий, женщины в полиции, одна и та же судьба, одна и та же битва. Благодарю за урок географии. При случае буду счастлив продолжить разговор. Мне довелось побывать на других островах, принадлежащих к заморским территориям, вы просто не сознаете, насколько Реюньон отличается от Антильских островов, Майотты[39] или Новой Каледонии, это едва ли не единственный на планете мирный рай, где нет ни расизма, ни межэтнической напряженности.

Полковник пристально смотрит на Айю, она молча выдерживает его взгляд. Не соглашается с ним. Но и не спорит.

Ларош улыбается, пожимает плечами, кладет обе руки на пояс. Этакий рейнджер, но умный, словно из фильма Клинта Иствуда.

— Если вы согласитесь, капитан, мы вернемся к этому немного позже. А сейчас я хотел бы узнать одну подробность: я предполагаю, что по убийствам Родена и Шанталь Летелье у вас нет ничего нового?

— Я распределяю обязанности, — жеманно тянет Айя. — Если бы у меня были хоть какие-то новости, вы бы первым об этом узнали.

Ларош довольствуется этим ответом и поворачивается к технику в шлеме, а Айя возвращается к Жипе. Оглядывается, желая убедиться в том, что Ларош уже не обращает на нее внимания.

— Жипе, меня терзает один вопрос. Как ты считаешь, какого черта Бельон потащился сюда вместе со своей дочкой?

— По-моему, это совершенно ясно, разве нет? Из-за микроклимата! Потому что на склонах вулкана туман самый плотный и быстрее всего поднимается.

— Не спорю, но, если Бельон хотел скрыться в лесах, он мог бросить свой «ниссан» где угодно и уйти напрямик в любой из них. Бебур, Белув, равнина Лиан — только выбирай. Ничем не рискуя и не давая нам и намека на след.

— Что ты хочешь этим сказать, Айя?

— Я долго об этом думала, крутила вопрос по-всякому, и получается, что есть только одно объяснение тому, зачем он это сделал. Он хотел спуститься с другой стороны вулкана. На прибрежном шоссе у него не было ни единого шанса, его бы поймали. Оставался только один выход — подняться на вершину и попытаться пройти пешком.

Жипе задумывается, словно мысленно разворачивает перед глазами карту острова.

— Если я правильно тебя понял, Бельон направляется в какое-то определенное место между Сен-Бенуа и Сен-Филиппом? Значит, нам придется охватить километров шестьдесят вдоль берега.

— Много... Слишком много. Тем более что я уверена: он, как уже было раньше, где-то появится... и снова исчезнет.

Жипе поднимает глаза. Ларош, прижав к уху мобильник, топчет армейскими ботинками пепел, которым покрыта стоянка.

— Ты скажешь об этом главному начальнику?

— Скорее сдохну!

Облака тумана на середине склона начинают рассеиваться. Айя наконец-то видит на востоке кусочек океана.

— Жипе, если Бельон снова появится, надо будет действовать... и действовать быстро. Ты... ты сможешь дать мне что-нибудь?

— А поточнее?

Она колеблется, отводит пилота в сторонку, понижает голос.

— Что-нибудь, на чем можно будет спуститься на две тысячи метров меньше чем за минуту. Сам лучше меня знаешь. Дельтаплан, параплан...

Жипе поджимает губы, потом переводит глаза на последних оставшихся здесь людей из отряда.

— Айя, мне не хотелось бы тебя огорчать, но, если я подвешу к планерам этих людей Икс и предоставлю пассатам их нести, они окажутся посреди Доломье и сгорят, как мошки на лампе.

Айя подмигивает пилоту и переходит на шепот.

— Жипе, я тебе не про этих клоунов говорю. Если ты сможешь доставить сюда аппараты, я соберу по всем бригадам острова человек двенадцать, опытных и с дипломами.

Небо внезапно проясняется, солнце заливает светом кратер. Жипе профессиональным жестом надевает темные очки.

— Ты никогда не сдаешься?

Она смеется.

— Нет, милый! Синдром додо! Я не хочу в конце концов остаться бескрылой и растолстеть... Чтобы меня ощипали.

— Ларош будет недоволен.

— А полковник может идти в задницу.

13 ч. 27 мин.

— Алло, Айя? Это Кростос! Ты все еще в ущелье Белькомб?

— Да. Ты слушал переговоры по радио? Ты звонишь, чтобы над нами поизмываться?

— Скорее наоборот...

— То есть?

— Погодите немного с Бельоном. Кажется, я откопал нечто такое, можно сказать, краугольный камень, из-за которого может обрушиться собор...

— Кростос, нельзя ли яснее?

— У меня есть сомнения в непредвзятости показаний Евы Марии Нативель.

— Давай подробности!

Младший лейтенант коротко рассказывает ей о появлении Армана Зюттора в жандармерии, о побеге Журденов на Маврикий, о телефонном разговоре с Грациеллой Доре, о списке из семи имен, об импровизированном допросе в «Аламанде», о том, что сообщил Габен...

Айя присвистывает в трубку.

— Черт... Как же заставить управление с этим считаться? Ларош не откажется от того, в чем убежден, из-за дальнего родства между свидетелями-креолами и истории, случившейся десять лет назад.

— Это да. Но, если хочешь знать все до конца, есть вещь еще более странная. Когда в управлении составляли список возможных контактов Марсьяля Бельона на острове, чтобы взять их под наблюдение, почему-то среди них ни разу не упомянули Алоэ Нативель, его бывшую подружку? Они не могут не знать о ее существовании.

Айя задумывается, но так и не находит объяснения.

— Крестос, я застряла здесь. Бельон может вынырнуть из тумана в любую минуту. Но тебе придется пожертвовать сиестой и еще до вечера найти мне Еву Марию Нативель!

— Легко сказать, красавица. По словам остальных, она весь день убирает у какого-то белого богача. И ни один креол не сдаст нам источник ее левого приработка...

Айя не отвечает. Кроме ветра, Крестос в трубке ничего не слышит.

— Айя? Ты еще здесь?

— Я, кажется, что-то придумала.

— Ты знаешь креола, который выдаст старушку Нативель?

— Да... Это Лайла...

— Кто-кто?

— Лайла Пюрви. Моя мать!

41

Дама с зонтиком

15 ч. 27 мин.

Марсьяль и Софа раздвигают исполинские стебли сахарного тростника. Они начинают подниматься по склону горы Питон Мока, стараясь оставаться под прикрытием трехметровых растений.

— Папа, подвинься, мне ничего не видно.

Желто-зеленые поля тянутся насколько хватает глаз, спускаются к океану полосами, разделенными узкими темно-серыми потеками лавы. Наверное, это самый однообразный пейзаж на всем острове... Над верхушками стеблей возвышается только колокольня церкви Нотр-Дам-де-Лав, напоминающей Шартрский собор в миниатюре.

Растительный лабиринт... Марсьяль долго изучал карту. Питон Мока — это старый, осыпавшийся вулкан, высота которого не достигает и пятисот метров. Никакого сравнения с нависающим над ним исполином Доломье, зато с него открывается масштабный вид на весь юго-восточный берег острова.

Софа, привстав на цыпочки, таращит глаза:

— А почему у синей дамы, вон там, видишь, зачем у нее зонтик?

Марсьяль смотрит туда, куда показывает его дочь. Почти под грязно-розовой колокольней церкви Нотр-Дам-де-Лав — статуя Девы Марии с молитвенно сложенными руками, совершенно обычная, за исключением одной детали: Пресвятая Дева держит над головой большой зонтик того же лазурного оттенка, что и ее отделанная золотом туника.

— Она защищает нас от извержений вулкана, солнышко. Здесь ее очень хорошо знают. Видишь, сколько цветов у ее ног? Это ей принесли в благодарность.

— Это благодаря ей жандармы не смогли нас поймать?

— Может быть...

— Я тоже принесу ей цветы. Мы пойдем с мамой...

Марсьяль чувствует, что сердце у него начинает биться быстрее. Он тянет дочку назад, чтобы она оставалась под прикрытием стеблей. На этой высоте туман совсем рассеялся. Он — скорее для большей уверенности, чем по необходимости, — вытаскивает из кармана карту масштабом 1:25 000. Им остается идти меньше километра, надо только спуститься к океану вдоль ручья.

— Мы пришли, солнышко! Посмотри вниз — видишь большие черные камни, уходящие в море? Это бухта Каскадов.

— И там нас ждет ма...

Софа не успевает договорить — рука Марсьяля накрывает ее лицо, и ужасный мокрый платок с силой трет губы, лезет в рот.

15 ч. 41 мин.

— Папа, мне же больно...

Я прекрасно поняла, платок — это из-за того, что я начала говорить про маму. Стоит мне о ней заговорить — папа всегда найдет способ не отвечать.

Папа наконец убирает платок от моего рта и показывает мне.

Я отдергиваюсь. Мне страшно.

Платок весь красный!

Я провожу пальцем по лицу — ничего не понимаю, у меня нигде не болит.

Папа продолжает улыбаться, как будто ничего такого не случилось. До меня не сразу доходит. Ну да, я совсем забыла, чуть выше мы нашли на деревьях фрукты. Гуаява — вот как они называются. Мне они так понравились! Я ими прямо объедалась, почти так же, как когда мы с мамой собирали ежевику в лесу Монморанси. Папа объяснил мне, что здесь они так быстро разрастаются, вытесняя все другие деревья, что люди, когда гуаявы попадают на глаза, выдирают их с корнем.

До чего глупо!

— Папа, теперь я чистая?

— Почти. Можно подумать, что ты накарсила губы. Хочешь на руки, солнышко?

— Я не устала...

Это правда, только в другую сторону. Я не устала... Я... я совсем выбилась из сил! Только папе я этого не показываю! Не для того я так долго спускалась с такой высокой горы, чтобы теперь заснуть. Всего за несколько минут до того, как увижу маму!

Там, в бухте Каскадов.

Если только папа не врал мне с самого начала.

— Ты вела себя как большая девочка и отлично держалась, — говорит он. — Но, прежде чем мы доберемся до моря, нам надо пройти последний кусок дороги, и нельзя, чтобы нас узнали. Жандармы продолжают нас искать. И теперь они знают, что ты переодета мальчиком.

— А что изменится оттого, что ты меня понесешь?

— Твой папа все продумал...

Папа наклоняется и достает из рюкзака уродское и грязное одеяло. Я узнаю его — это одеяло папа подобрал в гараже дамы с голубыми

волосами, которая теперь в бездонной яме вместе со своей машиной.

— Я заверну тебя, солнышко, в это одеяло и понесу на руках. Так, чтобы могло показаться, будто я, как делают местные, несу хворост, стебли тростника на растопку или листья пандана, из которых плетут корзины.

Я все равно не понимаю. Папа протягивает ко мне руки.

— Залезай, солнышко...

Я долго не решаюсь, потом делаю, как он сказал. Я протягиваю руки ему навстречу и, как только мои ноги отрываются от земли, чувствую, как на меня разом наваливается усталость, окутывает все мое тело, горячая и темная, как это одеяло, от которого ужасно воняет.

15 ч. 43 мин.

Марсьяль начинает спускаться. На то, чтобы пройти вдоль ручья, ему требуется меньше десяти минут. Софа, совершенно измученная, зевает у него на руках. Когда они подошли к тянущемуся вдоль побережья шоссе, он накинул на нее одеяло.

Осталось преодолеть последнее препятствие...

Шоссе кажется пустынным. Марсьяль на это и рассчитывал, здесь самая безлюдная часть острова, десять километров побережья — и ни одного жилья. В последнее десятилетие потоки лавы раз в два года доходили до океана, сжигая все на своем пути. Какой ненормальный захочет строить здесь дом?

Марсьяль, спрятавшись на краю плантации тростника, выжидает, высматривает что-нибудь подозрительное. Он должен оставаться начеку, пусть даже у полицейских нет никакой возможности угадать, в какую сторону он направился после Песчаной равнины. Софа мирно засыпает у него на руках; руки у Марсьяля дрожат, но не под тяжестью девочки.

Скорее от страха и тревоги.

Он вспоминает слова, наспех написанные на окне серой «клио».

Всреча

В бухти каскада

Завтра

16 ч

приходи с девочкой

Теперь, когда он почти у цели, ему приходит в голову, что правильнее всего было бы позволить полицейским его задержать. Признаться во всем... Не подвергает ли он Софу еще большей опасности, пытаясь спасти Лиану? Марсьяль нежно поглаживает одеяло, еле слышно напевая креольскую песенку, которую не пел десять лет.

Софа, убаюканная, засыпает. Дышит ровно, спокойно, доверчиво. Марсьяль смотрит на часы. Он придет вовремя.

15 ч. 57 мин.

Пропустив две легковые машины и грузовичок, Марсьяль пересекает шоссе. Ни одного полицейского поблизости не видно.

И внезапно перед ним открывается бухта Каскадов. Великолепный вид. Водная феерия в обрамлении пальм, терминалий и панданов, словно посаженных здесь старательным садовником. Пейзаж замыкают склоны вулканов, оттуда сплошным занавесом падает вода. Через ручей, выющийся между мостом и камнями, она утекает в море, исчезает под огромными угольно-черными камнями на пляже. Романтический оазис, вот только волны ударяются о скалистый берег с такой неистовой силой, что трудно представить себе, как десяток рыбацких лодок, выстроенных в ряд у непрочной с виду пристани, решится выйти в океан.

Марсьяль осторожно продвигается вперед. Любители пикников заняли все беседки, столы и деревянные скамьи в тени деревьев. Их машины смиренно стоят на стриженной лужайке, выделенной под парковку.

И только одна нарушает запрет. Она пристроилась в самом недоступном месте, за пристанью, позади груды камней.

Черный кроссовер. «Шевроле каптива».

Перед ним стоит мужчина. Маленький, плотный, смуглый, в низко надвинутой бейсболке защитного цвета.

Марсьяль не понимает. Он вцепляется дрожащими пальцами в бежевое одеяло.

Приближается к нему еще метров на десять.

Малабар пристально смотрит на него и улыбается, как будто ждал его. Марсьяль внезапно застывает, словно парализованный, только

сердце отчаянно колотится.

На этот раз он его узнал.

42

Опасно вытаскивать на поверхность прошлое...

15 ч. 29 мин.

Старая креолка не вошла в помещение жандармерии. Она поставила свою большую полотняную сумку на ступеньку и осталась ждать у порога, пока кто-нибудь ее заметит.

Кристос увидел ее, когда вышел покурить. Сколько же времени креолка здесь проторчала? Несколько минут? Или час?

— Лейтенант Константинов? — растягивая слова, спросила она. — Меня уговорила сюда пойти мать вашей начальницы, Лайла Пюрви. Надеюсь, это важно, а то хозяева не очень-то любят, когда у них веранда остается наполовину прибранная.

— Это зависит от вас, Ева Мария. Только от вас. Входите, прошу.

Кристос сунул сигареты в карман. Ева Мария Нативель не сдвинулась с места. Она вообще его услышала?

— Нет, — в конце концов пробормотала она, — нет, я пришла не для того, чтобы... чтобы... как это у вас говорится?..

— Дать показания?

— Да... показания. Я пришла просто для...

Не закончив фразы, старуха уставилась на бессильно свисавший трехцветный флаг.

— Для того чтобы рассказать мне историю? — Младший лейтенант пытается ее расшевелить. — Историю вашей племянницы Алоэ.

— Потому что я обещала Лайле это сделать.

Кристос смотрит на нее. Глаза у старухи такие же ярко-синие, как креольская косынка, прикрывающая ее волосы. В пятидесяти метрах от них, между домами, виден почти пустой пляж.

— Может быть, нам лучше немного пройтись?

Ева Мария улыбается.

— Отличная мысль, лейтенант. Возьмете у меня сумку?

Они бок о бок идут к пляжу, идут посреди улицы, нет ни одной машины, никто им не мешает. Проходят мимо оранжевой вывески парикмахерской.

— И скрытница же вы, Ева Мария.

Креолка шумно выдыхает с каждым шагом.

— Лейтенант, я сказала полиции все, что считала нужным. И ни разу не соврала.

— И вы продолжаете утверждать, что Лиана Бельон так и не вышла из тридцать восьмого номера отеля «Аламанда»?

Долгий вздох.

— Да.

— И что Марсьяль Бельон брал у вас тележку для белья?

Пауза. Посреди дороги. Мимо, едва не задев их, в сторону порта проносятся два мотороллера.

— И это тоже. Все произошло в точности так, как я рассказала.

— Но вы забыли сказать нам о том, что знали Марсьяля Бельона раньше. Что десять лет назад он жил с Алоэ Нативель, вашей племянницей.

Они идут дальше. Проходят три шага. Прямо перед ними, сразу за рестораном «Поль и Виржини», пляж. Еще тридцать метров. Никак не добраться.

— Лейтенант, какое отношение эта давняя история может иметь к исчезновению Лианы Бельон?

— Я жду, что вы мне это скажете, Ева Мария. Что вы расскажете мне историю вашей племянницы.

Старая креолка снова останавливается. Из ее глаз по морщинам текут слезы. Кристос, будто заботливый зять, берет ее под руку и поддерживает, пока они, метр за метром, приближаются к пляжу.

— Алоэ была золотая девочка, лейтенант. Такая милая, растила четырех братьев и сестер и никогда не жаловалась. И такая хорошенькая. И пахло от нее приятно. Ванилью. В моем саду всегда росла ваниль. Она каждый вечер после школы часами там оставалась. Вот потому я и не рассказала вам об этом. Fé lève lo mort,[40] лейтенант...

Фэ лэве ло морт?

Они спускаются по короткой бетонной лестнице, Ева Мария останавливается едва ли не на каждой из девяти ступенек. Добравшись

до последней, она опирается на плечо младшего лейтенанта и бесконечно долго разувается. Осторожно идет по песку, держа в руке свои полотняные тапки.

— Я уже знаю эту историю, Ева Мария. (Кристос старательно выбирает слова.) Жизнь к ней жестока, мужчины ее бросают, сначала Марсьяль Бельон, потом Муругаин Панианди, «Кап-Шампань» закрывается. Ева Мария, мне необходим точный ответ. Алоэ очень сблизилась с маленьким Алексом Бельоном. Она заботилась о нем больше, чем его родители. Была ли она на пляже Букан-Кано в тот вечер, когда Алекс утонул, третьего мая 2003 года? Можно ли считать, что она в какой-то мере виновата в гибели мальчика?

Ева Мария останавливается и бесконечно долго наблюдает за летящим над ними фаэтоном, потом с негодованием отвечает:

— Так вот оно что? Вот что вас так занимает? Вы думаете, я соврала, чтобы защитить племянницу?

Надтреснутый смех Евы Марии несется над лагуной.

— Господи... Бедная моя Алоэ...

Старуха садится на песок и пропускает через свои сморщенные руки тысячи песчинок. Кристос, немного поколебавшись, садится рядом.

— Алоэ и Марсьяль Бельон были красивой парой, он куда больше подходил ей, чем эта дубина Муругаин, несмотря на то что Марсьяль был старше. Но с каждой неделей он все больше сам занимался сыном. Молоденькая и хорошенькая нянька-креолка была ему нужна все меньше и меньше. Алоэ поняла, что рано или поздно он бросил бы ее ради другой девушки, такой же хорошенькой, но постарше.

— Вы не ответили на мой вопрос, Ева Мария. В решении суда говорилось о причинении смерти в результате случайного стечения обстоятельств. Судья Мартен-Гайяр рассматривал Марсьяля Бельона как единственного виновного. Где была Алоэ третьего мая 2003 года, в день, когда утонул Алекс?

— Далекко. Очень далекко.

Взгляд Евы Марии теряется в небе.

— Еще дальше, чем летают фаэтоны.

Она в своем уме?

Креолка опережает подозрения лейтенанта. Она берет его за руку. Ее пальцы дрожат, дрожит и голос.

— Алоэ думала, что ей выпал главный шанс, какой бывает в жизни! Она участвовала в кастинге на пляжном подиуме летом 2002 года. Надо было на закате танцевать в купальнике под кокосовыми пальмами. Что-то в этом роде... Потом, уже осенью, ей позвонили. Ее отобрали для съемок клипа в метрополии, песня была даже не реюньонская сега, по-моему, это был антильский зук. Ей оплатили дорогу и гостиницу. Клип тогда много раз крутили по телевизору, особенно на шестом канале. И все видели мою милую Алоэ, она вместе с еще пятнадцатью такими же красивыми, как она, метисками в бикини танцевала вокруг прекрасного, как статуя, черного певца. А потом она вернулась на Реюньон, и больше они к ней не обращались.

— Третьего мая 2003 года Алоэ была в метрополии?

— Да. Это, наверное, нетрудно будет проверить, должны существовать архивы всякого такого...

Странное совпадение... еще одно. Конечно, они проверят.

И все же Кростос неожиданно для самого себя отвечает:

— Это не понадобится. А можно... можно встретиться с Алоэ?

Сморщенная рука превращается в засохшую ветку. Глаза Евы Марии снова наполняются слезами.

— Вы, значит, не поняли?

Кростос гладит увядшую руку старой креолки, тихонько, как делал бы, если бы хотел успокоить испуганного чекана.

— Чего не понял?

— Почему я ничего не сказала вам про Алоэ.

— Когда для нее все обернулось плохо, она стала торговать собой — этого вы не хотели нам рассказывать?

Пальцами левой руки Ева Мария чертит кружки на песке.

— Она называла себя Ваниль. Клиенты знали ее только под этим именем, но это мне рассказали намного позже. Она больше никогда меня не навещала. Кажется, на нее был большой спрос. Она нравилась богатым людям и много зарабатывала.

Темная ладонь внезапно поднимает песчаную бурю, сметая нарисованные круги.

— Но у нее оставалось все меньше и меньше денег. Чем больше ей было надо, тем меньше она зарабатывала.

— Замал?

Ева Мария улыбается.

— Героин, лейтенант. Ее тело нашли 17 ноября 2009 года у водопада Манике, за Сен-Дени. В заключении написали, что это была передозировка. В местных газетах напечатали несколько строчек о смерти шлюхи по имени Ваниль. Никто так и не узнал ее настоящего имени, кроме полиции, ее братьев и сестер, ее родителей и меня. Даже Марсьяль не знает, что это была она.

— Мне очень жаль, Ева Мария.

— Вам не о чем сожалеть, лейтенант. Вы тут ничего не можете сделать. Но вы, по крайней мере, поняли, почему я не хотела говорить про Алоэ. На этом острове нелегко хранить семейные тайны.

Ева Мария пропускает сквозь пальцы последние песчинки.

— Пойдем обратно, лейтенант?

16 часов

Кристос и Ева Мария стоят у дверей полицейского участка. На обратном пути они почти не разговаривали. Лейтенант ни на мгновение не усомнился в том, что Ева Мария сказала правду.

— Спасибо за прогулку, лейтенант.

— Для меня это было удовольствием, Ева.

Кристос говорит искренне.

Ева Мария забирает у него сумку и, прежде чем медленно двинуться через парковку, в последний раз поворачивается к жандарму.

— Я прекрасно вижу, что вы и дальше будете ломать голову, пытаться узнать, кто виноват в смерти маленького Алекса. Так вот, лейтенант, скажите себе, что никто не виноват. Что это была случайность, и никто не мог ничего изменить. Именно так на свете зарождается всякая ненависть, из-за этого начинаются все войны, нам всегда надо найти виноватых во всех несчастьях мира. Даже когда их нет, наш разум их придумывает. Полицейскому нелегко примириться с этой мыслью, но нам так необходимы виновные, что мы в конце концов сами их создаем.

Кристос стоит неподвижно, он неспособен прервать монолог старой креолки. Она смотрит ему в глаза.

— *I fé ra la bou avan la pli'*,[41] лейтенант. Понимаете? Когда человек несчастен, он выживает благодаря тому, что ненавидит весь свет или кого-то одного, кого-то, на ком можно сорвать зло, чтобы почувствовать себя немного лучше. Вы со мной не согласны?

— Я... не знаю. Вы говорите, что в смерти Алекса никто не виноват, но у нас по острову бродит на свободе убийца...

Ева Мария окатывает жандарма своим океанским взглядом.

— Именно это я и пытаюсь вам объяснить, лейтенант. I fè pa la bou avan la plī. Когда на человека обрушиваются несчастья, он отказывается смириться с тем, что нет никакого виновника, которого надо наказать. И тогда, чтобы меньше страдать, мы придумываем месть.

«Мы придумываем месть», — повторяет про себя Кростос.

Она сумасшедшая, эта старуха, или она пытается ему открыть что-то иное? Зашифрованную правду? Назвать имя убийцы — и это не Марсьяль Бельон?

И пока в его голове роем вьются противоречащие одно другому предположения, в полицейском участке раздается звонок.

43

На попечении обоих родителей

16 ч. 01 мин.

Марсьяль остановился в двадцати метрах от малабара. Он не мог сделать больше ни шага. Он опускает на землю спящую Софу, завернутую в одеяло. Малабар наблюдает за ним из-за черного внедорожника, его лица не разглядеть в тени козырька защитного цвета бейсболки. За спиной у него волны бьются о черные скалы бухты Каскадов, обдавая их пеной.

Марсьяль на мгновение заколебался: идти, бежать вперед? Или убежать?

Он не трогается с места.

Он пристально смотрит на малабара и вспоминает записку на стекле машины.

Встреча
В бухти каскада

Он не может сопротивляться памяти, которая выходит из берегов, поднимается на поверхность мозга, возбуждает все его чувства. На этот раз он позволяет прошлому взять над ним верх.

Мысли мечутся, воспоминания идут потоком, и Марсьяль невольно дублирует этот поток, шевеля губами, с которых не срывается ни единого звука.

Все перевернул тот субботний вечер 3 мая 2003 года.

В те выходные была очередь Грациеллы сидеть с ребенком. В виде исключения я остался один. Моя тогдашняя подружка, Алоэ, только что улетела на кастинг в метрополию. Пауза пришлась кстати, и мы оба это сознавали. У каждого свой путь, у каждого свой шанс...

16 ч. 02 мин.

Грациелла Доре осторожно, словно боится оборвать, заправляет за ухо чуть более длинную, чем остальные, прядь волос, потом поворачивается лицом к Индийскому океану.

Ей вспоминается телефонный разговор с этим полицейским. Способен ли он хоть что-то понять? Да нет, конечно, нет. Он выглядел не особенно усердным служащим. И стоило потрясти у него перед носом марионеток, как он тут же пустился в погоню за тенью.

Милый ленивый щенок.

Ей надо сосредоточиться, хватит прокручивать в голове одно и то же кино. Действовать. Реагировать. Но разве можно забыть?

Каждая умирающая у ее ног океанская волна напоминает ей об Алексее.

Как с этим бороться?

Мелькают кадры. Лагуна. Отель «Аламанда». Бегство Марсьяля. Умершие... Недавно, когда-то...

Эти мертвецы хватают ее за ноги, не позволяют о них забыть.

И на этот раз Грациелла их не отталкивает.

Это было так давно...

А если точно, думает Грациелла, это было 3 мая 2003 года. Я тогда была одержима одной мыслью.

Марсьяль не имел права меня бросать.

Он мог сколько угодно изменять мне с другими женщинами, которые красивее, чем я, например с этой девочкой, Алоэ Нативель, он мог пить ночи напролет с другими мужчинами, он мог появляться через

день, мог пользоваться моими деньгами, поварами моего ресторана, моей постелью, моей дыркой, но он не имел права меня бросать.

Он не имел права любить другую.

Я все поставила на него, как ставят все свои сбережения на номер в казино, на лошадь, все в него вложила, как вкладывают в новый стремительно развивающийся проект. Я выбрала его из нескольких десятков возможных претендентов, я была уверена, что смогу его переделать; собственно, я этого и добилась, он был молод, податлив, словно глина, самородок, который надо было обработать, золотая жила, которую я одна угадала и из которой я одна смогла бы нечто извлечь. Я могла вытерпеть все, пожертвовать всем, потому что наша пара была творением, рассчитанным на долгий срок, творением, чьи мощь и гармонию можно было бы оценить лишь годы спустя. Долгое, терпеливое созидание.

Я сделала ставку на Марсьяля, оставив в стороне все прочие свои иллюзии, все прочие страсти, бесконечные возможности, которые дарила мне жизнь, я уподобилась студентке, готовой пренебречь собственной молодостью и работать день и ночь, стремясь к единственной цели — получению недостижимого диплома.

Я выбрала его, чтобы он стал отцом моего ребенка.

Нет, Марсьяль не имел права бросать меня ради первой попавшейся шлюшки.

Вот потому-то в тот вечер я приперла его к стенке...

16 ч. 03 мин.

Не прошло и трех часов с тех пор, как я отвез Алоэ в аэропорт в Сен-Дени, и мне позвонила Грациелла. Должно быть, узнала об этом от общих друзей, с самыми лучшими намерениями доложивших ей, что девчонка на неопределенный срок улетела в Париж.

— Мне надо, чтобы ты сегодня вечером побыл с Алексом. Да, я знаю, сегодня мой день, но... Но ты должен приехать. У меня сегодня вечером назначена встреча, свидание с мужчиной. Это впервые, Марсьяль. Так что прошу тебя, сделай над собой усилие, приезжай в «Кап-Шампань» и заведи Алекса не позже десяти.

Она врала. Я не сомневался в том, что она меня обманывает. Не было у нее никакого другого мужчины и не было никакого свидания. Она в очередной раз воспользовалась Алексом как предлогом, чтобы

свистнуть мне, чтобы заставить меня примчаться, чтобы снова орать мне в лицо, напоминать о мнимом долге перед ней и перед нашим сыном. Зная о том, что я снова свободен, еще раз попытаться счастья.

16 ч. 04 мин.

Гордость мешала Марсьялю в это поверить, но в тот вечер я его не обманула. Впервые я ничего не выдумывала. Я и в самом деле решила отдаться другому мужчине. Фабрис Мартен был адвокатом, специалистом в области экологического права. Он был богат и убежденно защищал биологическое разнообразие острова, выгоняя с заповедных территорий в горах скотоводов и земледельцев, хотя в тех местах поселились еще их прапрадеды. Если разобраться, он был скорее некрасивым. И, хотя он два часа в день бегал под солнцем и старался почаще стаскивать галстук и рубашку, чтобы я могла полюбоваться его великолепно вылепленным торсом, лицо у него все равно оставалось чиновничье — лоб с залысинами, длинный нос, на котором удобно сидели тяжелые очки для близоруких.

Он не первую неделю выклянчивал у меня ужин при свечах. И в тот вечер я согласилась — разумеется, только для того, чтобы заставить Марсьяля ревновать. Его едва достигшая совершеннолетия креолочка наконец-то свалила. Я уже давно могла уволить ее из ресторана, но она привлекала клиентов. И она заботилась об Алексе. Марсьяль никогда один не смог бы справиться с сыном... Но теперь с этим покончено! На этот раз он должен был выбрать...

Алекс играл на пляже, он часто играл там по вечерам. Я присматривала за ним из-за стойки бара, пляж был уже темным и безлюдным. Я решила все закрыть самое позднее в десять. У Марсьяля не было выбора, пусть даже очередь была не его, ему ничего не оставалось, кроме как приехать за Алексом. Он давно понял, что я не спущу ему даже малейшего опоздания... Свидетельства служащих. Письмо судье. Марсьяль был мальчишкой, которого следовало наказывать. Я была на верном пути. Он делал успехи. Вернувшись ко мне, он стал бы почти безупречным отцом.

Да, Марсьяль должен был приехать за Алексом. И тогда я напомнила бы ему о его обязанностях. Он не мог больше играть мной. Отныне он должен был считаться с соперником.

Фабрис был молодым адвокатом, богатым, спортивным и с головой на плечах.

Марсьяль мог окончательно меня потерять.

А этого он бы точно не вытерпел.

16 ч. 05 мин.

Если бы я не появился в ресторане до десяти вечера, эта ненормальная Грациелла в очередной раз написала бы судье, наврав с три короба. В этой ситуации слово отца весит против доводов матери столько же, сколько слово черного раба против слов надсмотрщика... В половине десятого я решил ехать за Алексом.

Я добрался до пляжа Букан-Кано в самом начале одиннадцатого. Солнце уже зашло, только небо пылало, словно проснувшийся вулкан. Я нарочно поставил машину под казуаринами, в самом конце пляжа, на некотором расстоянии от первого фонаря.

Я шел в полумраке вдоль черных скал напротив отеля «Букан». Отсюда я мог, сам оставаясь невидимым, наблюдать за баром «Кап-Шампань».

Эта стерва Грациелла была там, за стойкой, и смотрела оттуда, как Алекс, освещенный падающим из ресторана светом, играет на пляже метрах в десяти от нее.

Как я и думал, ее любовное свидание было всего лишь выдуманным предлогом, чтобы завлечь меня сюда, как только уехала Алоэ. Я подошел в полутьме поближе, присел на песок и несколько минут смотрел, как играет Алекс. Я обожал, когда он вот так ускользал из мира взрослых. Разговаривал с воображаемым кораблем, с пиратом, придумывал всяких фантастических креветок. А вот Грациелла терпеть не могла, чтобы он был ничем не занят.

Непримиримые...

16 ч. 06 мин.

Хотя Марсьяль и спрятал машину под казуаринами, и скрывался в темноте, он все же приехал за Алексом. Он, наверное, думал, что я его не вижу, но освещенные окна отеля у него за спиной его выдали. Я тайком наблюдала за его темным силуэтом, переводя взгляд на Алекса всякий раз, как Марсьяль поворачивал голову в мою сторону.

Я все поняла. В этот раз Марсьяль предпочел забрать сына, не встречаясь со мной, так, чтобы даже двух слов мне не сказать.

Классический случай...

Судья Мартен-Гайяр рассказывал мне, что некоторые разведенные родители до такой степени неспособны встречаться, так ненавидят друг друга, что передают ребенка, оставляя его на несколько минут одного в каком-нибудь безопасном месте, на лестничной клетке, в городском саду, на террасе кафе.

Марсьяль еще до такого не дошел, но все было ясно. Он больше не хотел меня видеть. Он не был плохим отцом и даже уже не был ветреным мужем. Но что-то во мне стало ему противным. И мои угрозы, и мои хитрости только ухудшали дело.

«Я поставила не на тот номер. Я проиграла».

Фабрис Мартен может во время ужина обойтись без долгих ухаживаний, я все равно ему отдамся сегодня ночью. В конце концов, может, я смогла бы его полюбить... Может быть, Марсьяль бы его возненавидел... Возненавидел бы до того, чтобы снова полюбить меня.

Может, не все еще было потеряно....

16 ч. 07 мин.

Я простоял в тени скал несколько минут. Я не хотел, чтобы Алекс меня увидел. Ему и без того было трудно привыкнуть к тому, что за ним присматриваю то я, то его мать. Он бы не понял, что я делаю здесь, на пляже Букан-Кано, в те выходные, которые он проводит с Грациеллой. И тем более не понял бы, почему я сразу уехал.

Я посмотрел на часы. Десять минут одиннадцатого. В последний раз взглянув на Грациеллу, чтобы убедиться, что она действительно из окна бара наблюдает за пляжем, я в темноте направился к своей машине.

16 ч. 08 мин.

Я посмотрела на стоящую под казуаринами машину Марсьяля, чтобы убедиться, что он все еще здесь.

Ну и пусть, подумала я.

Я тоже имею право на удовольствия, всего-то один вечер.

Мне не хотелось идти прощаться с Алексом. Он молча сидел на песке в нескольких метрах от меня. Я уже сказала ему, что отец за ним

заедет.

Он ничего не ответил, только зачерпнул горсть песка и смотрел, как песчинки высыпаются между пальцев.

Алекс был чувствительным, но замкнутым ребенком. Из-за нашего развода он в конце концов сделался бы аутистом...

Я отошла от окна, решение было уже принято, и теперь я боялась столкнуться с Марсьялем лицом к лицу. Он мог в любую минуту тенью появиться с темного пляжа и потребовать у меня объяснений, почему на мне вечернее платье, что за браслет у меня на запястье, зачем я так нарядилась... Я надела жакет, в последний раз взглянула на машину Марсьяля и пошла выключать свет в баре, по пути прихватив мобильный телефон.

Было уже десять минут одиннадцатого, Фабрис, наверное, давно ждал меня в лучшем ресторане западного побережья. Я только и сказала ему, сухо и холодно, что скоро буду.

Я собиралась его помучить. И получить от этого удовольствие.

16 ч. 09 мин.

Я тронулся с места и, выбираясь задним ходом с улицы Букан-Кано, набрал номер Грациеллы. Все фары у меня были выключены. Я услышал запись на автоответчике бара. Тогда я счел удачей то, что Грациелла сама не отозвалась. Это давало мне возможность избежать долгих объяснений.

«Грациелла, это Марсьяль. Я сегодня вечером за Алексом не приеду. Хватит уже искать дурацкие предлоги. Хватит прикрываться Алексом. Мы с тобой должны вести себя как взрослые люди, отвечающие за свои поступки».

А потом я пошел в «Бамбук-бар» на другом конце пляжа и допоздна засиделся там с друзьями. В этом кабачке с тремя столиками и десятком стульев умудрялись собраться все этнические группы острова... Я знал, что Грациелла в том числе, и поэтому никогда туда не сунется.

16 ч. 10 мин.

Сообщение Марсьяля я нашла на своем автоответчике в шесть утра. Я не ночевала дома, Фабрис был лишенным воображения, но стойким любовником. Я прослушала сообщение и с первого раза не

поняла. Я нажала на синюю кнопку, которая мигала, как фонарь на крыше «скорой помощи», и голос Марсьяля это повторил.

«Я сегодня вечером за Алексом не приеду».

И тогда я завывала. Я выскочила через застекленную дверь бара, выходящую на океан, и помчалась по пляжу как помешанная. Там уже собрались люди, инструктор по плаванию, какие-то прохожие.

И за лесом ног я разглядела лежащее на песке безжизненное тело Алекса.

16 ч. 11 мин.

Когда мне позвонили, я не сразу понял.

— Господин Марсьяль Бельон?

Алкоголь еще не выветрился, в голове у меня стучало, а этот полицейский старался орать как можно громче что-то непонятное. Оставить шестилетнего ребенка одного на пляже без присмотра. Ночью. Мальчика, который обожал воду. На таком опасном пляже.

Потом до меня дошло, и в голове у меня все взорвалось. Я даже не пытался ничего объяснить этому полицейскому... Я только бежал, мчался как помешанный, я пробежал пять километров между Сен-Полем и пляжем Букан-Кано, не переставая в гневе орать на океан.

Сначала я пытался втолковать полицейским, что в тот вечер за Алексом присматривала Грациелла, пытался объяснить им, какое большое значение имеют эти несколько минут до или после двадцати двух часов, пытался сказать им, что оставил сообщение на автоответчике бара, хотя Грациелла и отрицала, что получила его. Грациелла привела десяток свидетелей, и все они заявляли, что слышали, как она просила меня в виде исключения взять к себе Алекса, все они подтверждали, что видели, как я около десяти вечера припарковал машину около отеля «Букан». Адвокат Фабрис Мартен заверил, что Грациелла в самом начале одиннадцатого сидела с ним за столиком в ресторане. Остров Реюньон — тесный мирок, особенно если говорить о зорях, которые руководят здравоохранением, образованием, охраной порядка и правосудием. Судья Мартен-Гайяр был в родстве с Фабрисом Мартемом.

На меня тем проще было все свалить, что у меня не было ни малейшего желания сражаться, нанимать адвоката и поручать ему

выторговывать проценты моей ответственности за гибель Алекса. Мартен-Гайяр купил мое молчание, обвинив меня лишь в причинении смерти в результате случайного стечения обстоятельств. Я остался на свободе.

Месяц спустя я покинул Реюньон и растворился в тумане Иль-де-Франса. Это было десять лет назад. Тогда было совершенно непредставимо, что я смогу начать жить заново. И еще менее я мог себе представить, что снова буду растить ребенка. По сути, Грациелла победила. Я был готов взвалить на себя весь груз чувства вины, нести его, тащить, и, если бы даже Грациелла поделила со мной это чувство, его тяжести бы это не уменьшило.

Разведенные пары делят между собой заботу о живых детях, не о трупах.

16 ч. 12 мин.

Во всем виноват был один только Марсьяль. Я потом долго размышляла об этом в одиночестве, без всяких психологов и прочих наперсников.

Я была ни при чем.

Все это случилось только по вине Марсьяля, который пришел в тот вечер, словно вор, спрятался в тени, шпионил за нашим сыном, а потом ушел, не сказав ни слова, и пьянствовал в нескольких метрах отсюда...

У Марсьяля не было никаких оправданий. Ни в тот вечер, ни в другие дни, до того. Ничего бы не произошло, если бы Марсьяль нас не бросил, Алекса и меня. Алекс и сейчас был бы жив, если бы Марсьяль просто согласился продолжать нас любить. Или хотя бы притворяться, что любит. Если бы он не сеял смерть вокруг себя, не приносил несчастья.

Марсьяль, как всегда, сбежал после суда.

Я осталась.

Я попыталась выжить. Я разогнала негритосов и закрыла бар. Я перебралась на другой остров, к другому морю, но волны снова и снова выносили на берег тело Алекса.

Каждое утро.

Да, все случилось только по вине Марсьяля. И даже хуже того.

Я потом долго размышляла.

Марсьяль желал смерти Алекса.

Смерть Алекса стала для него большой удачей. Неожиданной возможностью окончательно от меня сбежать. Чтобы между им и мной оказались девять тысяч двести километров. Марсьяль, должно быть, не раз желал Алексу смерти. И в конце концов убил его в тот вечер, 3 мая 2003 года, так же верно, как если бы воткнул нож ему в сердце.

Причинение смерти в результате случайного стечения обстоятельств... Судья Мартен-Гайяр — полный идиот, он еще глупее своего родственничка. А ведь правда просто бросалась в глаза. Это было убийство, и убийство самое что ни на есть преднамеренное.

С заранее обдуманном намерением.

Марсьяль решил принести в жертву Алекса по совершенно определенной причине.

Он украл у него жизнь, потому что хотел подарить ее кому-то другому несколько лет спустя.

Маленькой светловолосой девочке по имени Жозафа.

Грациелле требуется несколько минут, чтобы собраться с мыслями. Она стоит, положив руку на черный металл кроссовера, и по ее желтовато-смуглым щекам текут слезы. Она не старается их сдержать, какая разница, успеют высохнуть. А грим теперь уже ни к чему.

Марсьяль приближается к ней с девочкой на руках.

Все в порядке.

Она силится улыбнуться, говорить естественным тоном и громко, чтобы перекрыть шум волн, которые разбиваются о скалы.

— Привет, Марсьяль, на этот раз ты явился вовремя.

44

Поселок Линь-Паради

16 ч. 01 мин.

— Алло, это полицейский участок Сен-Жиля?

Кристос не спеша открыл бутылку пива «Додо», потом лениво поднял трубку.

— Ага... Во всяком случае, то, что от него осталось...

— Кристос? Это Муса Дижу. Муниципальная полиция Сен-Пьера. Ты меня вспомнил?

Кристос вспоминает здорового жизнерадостного парня, в высшей степени склонного при появлении малейшей проблемы вызывать жандармов, с силой хлопать их по спине и завершать разговор фразой вроде: «Ну ладно, теперь не буду вам мешать выполнять вашу работу».

Муса Дижу продолжает:

— Я думал, тут автоответчик. Вы разве не все ушли охотиться на медведя?

— Как видишь, не все. Я, должно быть, вышел из того возраста, когда играют в трапперов...

Дижу и не думает в ответ расхохотаться. Плохой знак.

— Значит, мне повезло, что я попал на тебя, Кристос. Это продолжается. Представляешь, у меня здесь труп. В Линь-Паради. И держись крепче — меня вызвал со своего мобильного одиннадцатилетний мальчишка. Негритянка. Лежит в овраге, скорее всего, кто-то остановил свою тачку наверху и вывалил ее туда прямо из багажника. Зарезана ножом. Можешь себе представить?

Перед тем как ответить, Кристос делает пару глотков пива. По последним сведениям, Бельон все еще бегаёт где-то вокруг вулкана, так что это убийство трудно будет на него свалить.

— Шлюха? — устало спрашивает он.

— Да нет, не думаю. Не очень молодая, такая мать семейства, ну ты понимаешь, что я хочу сказать. Скорее хорошенькая, но с формами, с очень пышными формами. Ты можешь приехать?

Кристос прихлебывает пиво. Он чувствует, что ему надо действовать осторожно, если он не хочет взваливать на себя эту работу. Он еще даже не успел позвонить ни Айе, ни Имельде, чтобы рассказать им о своей ностальгической прогулке в обществе Евы Марии.

— Я тут совсем один в лавке остался. В нынешних обстоятельствах, с учетом плана «Папанг» и прочего, сам понимаешь, все бросить не так просто.

Дижу повышает голос.

— Эй, парни! Я-то всего-навсего муниципальный служащий. Вы не можете оставить меня здесь с трупом на руках...

Кристос вздыхает.

— Ну вот всегда так, одно к одному. Давай подробности.

— Да рассказывать-то почти нечего. Документов никаких. Сумочки нет. Только ключи от машины в кармане, а в трехстах метрах оттуда бесхозная, неправильно припаркованная красная «поло» с погнутой оранжевой дверцей. Номер тебе сказать?

Бутылка выскользывает у него из рук, замедленно падает, разлетается, ударившись о плитки пола, обливает ему ноги липкой жидкостью.

Кристос сидит без движения. Все кровеносные сосуды, которые соединяли его сердце с прочими органами, мгновенно разорвались. Как будто жизнь разом его покинула.

— Алло, Кристос? Алло, ты здесь? Ну что ты решил? Едешь ты сюда или как?

45

Счастье в кредит

16 ч. 13 мин.

— Привет, Марсьяль, — повторяет Грациелла. — Давненько не виделись...

И, пока Марсьяль идет к черному внедорожнику, Грациелла снимает бейсболку и бросает ее на капот. Ее длинные светло-каштановые волосы рассыпаются по плечам. Смуглая кожа от глаз до подбородка вся в белых полосах. Глинистая почва, в которой слезы проточили узкие канавки.

Грациелла плакала. Но сейчас голос у нее скрипучий, а тон циничный, словно для того, чтобы предупредить всякую жалость.

— Я была уверена, что ты найдешь способ добраться сюда...

Марсьяль останавливается в метре от нее. Его руки обнимают спящую Софу, завернутую в бежевое одеяло. Он говорит тихо, чтобы ее не разбудить.

— Я пришел, Грациелла. С Софой. Один. Я сдержал обещание. Где Лиана?

— Погоди, Марсьяль. Мы с тобой здесь встретились для того, чтобы найти правильное решение. Без спешки. И без гнева.

Марсьяль делает шаг вперед. Изучает взглядом бывшую жену.

— Скажи мне, что она жива, Грациелла. Скажи мне это немедленно или...

Грациелла усаживается на черный каменный мол. Она не случайно выбрала это место для встречи, другие посетители бухты Каскадов не могут их увидеть за горами камней, а грохот волн заглушает все разговоры — на расстоянии пяти метров уже ничего не слышно.

— Теперь ты понимаешь, Марсьяль. Ответственность. Семья. Страх, от которого все внутри скручивается. Познакомь меня, пожалуйста, с твоей дочерью...

— Она спит. Все в порядке. Я о ней позабочусь. Чего ты хочешь?

Грациелла оглядывается кругом. В двадцати метрах от них на волнах качается надувная лодка, привязанная к стволу пандана. Для того чтобы перекрыть шум волн, приходится напрячь голос.

— Я тебе уже сказала — найти правильное решение. Справедливое. Надо заплатить все долги, Марсьяль, даже спустя годы. Нет другого способа сделать так, чтобы призраки оставили нас в покое. Если ты не хотел с ними встречаться, зачем вернулся на остров с женой и дочерью?

Марсьяль почти кричит, как будто от пронзительного голоса клиническое спокойствие его бывшей жены может пойти трещинами.

— Потому что призраки существуют только у тебя в голове, Грациелла. И потому что ты покинула остров, забрав их с собой.

— Нет, Марсьяль. Они остались здесь, в «Аламанде», на пляже Букан-Кано, в баре «Кап-Шампань». Они спали, а ты вернулся и пробудил их.

Она смотрит на океан, на водопады, потом встречается глазами с Марсьялем.

— Ты в самом деле думал, что можешь уйти от своего прошлого?

Марсьяль пошатывается, очень тяжело держать, руки устали, он еле терпит, но не хочет сдаваться. Он должен выиграть время, чтобы защитить Софу. Он вспоминает о телефонных звонках, которые начались на следующий же день после их приезда на Реюньон.

«Это очень важно, Марсьяль, что ты вернулся заплатить свой долг. Когда покупаешь счастье в кредит, рано или поздно приходится расплачиваться.

Одна жизнь взамен другой. Жизнь твоей дочери за жизнь твоего сына.

И мы будем в расчете».

Грациелла продолжает тем же нейтральным тоном, будто судья, излагающий факты.

— Вы, наверное, хотели обратиться в полицию. Может быть даже, тайком с ними встречались. Но что вы могли сказать полицейским? Попросить их приставить к вам телохранителей? Какой полицейский предъявил бы мне обвинение только на основании анонимных угроз? Какой полицейский поверил бы вам на слово, не попытавшись провести хоть какое-то расследование?

Угрожающий голос, который Марсьяль слышал на другом конце провода неделей раньше, продолжает эхом отдаваться у него в голове.

«Суд над Жозафой был справедливым. Следствие длилось годы. Для обжалования слишком поздно, Марсьяль. Если хоть один полицейский подойдет ко мне и задаст хоть какой-нибудь вопрос, я казню твою дочь».

Тот же холодный голос, который сейчас торжествует победу.

— Я была уверена, что вы не станете играть с огнем... Когда похитители угрожают убить ребенка, родители могут рискнуть и обратиться в полицию. Они предполагают, что цель похитителей — получить выкуп, смерть ребенка ничего им не дает. Но для тебя, Марсьяль, ни о каких предположениях речь не шла, только об отсрочке — как оттянуть казнь, чтобы продолжать надеяться...

Марсьяль молчит. Хмурится. Вспоминает, как Лиана ходила в полицейский участок в Сен-Бенуа. В то утро она чуть было не рассказала обо всем полицейским. Он ждал ее в машине, но взял с нее обещание не называть имен. Никаких доказательств у них не было, и один бог знает, на что могла пойти Грациелла в ответ на обычное полицейское расследование.

— Я тебя знаю, — продолжает Грациелла. — Ты снова хотел убежать, но все места на всех рейсах были зарезервированы, да? Или надо было лететь с пересадками за бешеные деньги. Это было тебе не по средствам! Мы отвечаем за то, что кладем на весы: если бы ты не женился на девчонке без гроша, может, был бы сейчас далеко... Но ты уже не мог ускользнуть от приговора. Ты не мог покинуть остров. И не у кого было искать защиты. Палач мог постучать в твою дверь в любую

минуту. На этот раз ты следил за ребенком, правда, Марсьяль? Ты не оставлял дочку одну на пляже у лагуны. Ты беспокоился. Ты не выходил из роли отца. Ты вел себя благоразумно, как узник, который надеется, что за хорошее поведение ему смягчат наказание.

Ничего не отвечать. Тянуть время.

Грациелла то и дело поглядывает на лодку.

— Ты вел себя смиренно... Но готовился к побегу. Я должна похвалить тебя, Марсьяль, ты сумел проскользнуть в щелочку, которую я не углядела. У меня ушло немало времени, пока я разгадала вашу стратегию. Лиана внезапно исчезает, и вы подстраиваете все так, чтобы тебя заподозрили в убийстве. Пара легких царапин, несколько капель крови, пролитых в номере, на самых видных местах. Ты просишь уборщицу дать тебе на время ее тележку для белья и стараешься, чтобы тебя заметили служащие отеля; таким образом, никто не увидит, как вполне живая Лиана покидает номер, все подумают, будто ты вывозишь ее труп. Все улики, разумеется, против тебя. Полиции ничего другого не остается, кроме как тебя задержать, а малолетнюю Софу взять под охрану. А через два дня, за несколько часов до вылета, появилась бы Лиана. Она бы объяснила полицейским, что всего лишь ненадолго отлучилась. Они бы извинились, отпустили бы вас, и вы бы улетели в метрополию... Вы разработали сложный, но толковый план.

— Это был мой план, — вставляет Марсьяль. — Лиана поначалу не соглашалась. Она не хотела оставлять Софу одну со мной.

Грациелла поднимает взгляд к невидимым теням где-то за водопадами.

— Но, на свою большую беду, она к тебе прислушалась. Ты забыл об одной подробности, Марсьяль. Призраки недоверчивы. Я постоянно за вами следила. У Лианы была возможность полюбоваться несколькими трогательными семейными фотографиями на стенах моего сен-пьерского дома. Когда ты вывез ее на стоянку «Аламанды» на тележке для белья и там оставил, ее уже ждал там малабар в бейсболке защитного цвета. Он предложил ей сесть в его кроссовер «шевроле каптива».

На этот раз Марсьяль не может сдержаться.

— Если ты ее хоть...

— Не заводись, — перебивает его Грациелла, неспешно подняв руку. — Не путай роли, Марсьяль. Это ты пытался устроить побег

твоей жены. У тебя не получилось. Ты ведь знал правила. Наказание. Тюрьма. Бедная Лиана, она, по сути, ни в чем не виновата. Ее не в чем упрекнуть, если не считать того, что она встретила тебя. Ты хоть понимаешь, что сам вырыл могилу для всей своей семейки?

Марсьяль на метр отступает и прислоняется к стволу пандана — так легче рукам. Он должен как можно дольше защищать Софу от этой ненормальной.

— И... ты убила того типа в порту Сен-Жиля? Родена?

— Это случилось по твоей вине, Марсьяль. Только ты в этом виноват. Если бы не твой идиотский план, этот негритос был бы сейчас жив. Он повернул голову в самый неподходящий момент — когда я загружала Лиану в багажник. Вы предоставили мне орудие убийства, в сумке Лианы лежал нож с ее кровью на лезвии и твоими отпечатками пальцев на рукоятке. Перед тем как убить старуху, у которой ты жил, я дольше колебалась. Я встретила твою малышку Софу на улице в Сен-Жиле. Она была переодета мальчиком. Мальчиком, Марсьяль! В возрасте Алекса! Как будто и ты тоже понял, что ничего другого не остается, кроме как обменять одну жизнь на другую. Дальше все было несложно. Я двинулась следом за ней. Спряталась в десяти метрах от дома. Несколько минут спустя вернулась старуха. Представь себе, что было бы, если бы я ее не остановила, если бы она застала тебя в своем доме. Тебе самому пришлось бы всадить нож ей в горло, чтобы заставить молчать... Разве я не права? Ты предпочел бы пожертвовать дочерью?

Грациелла поднимает глаза на бывшего мужа и продолжает:

— Конечно, нет, но ты бы и на этот раз утверждал, что ни в чем не виноват. Марсьяль, могу я задать тебе один вопрос?

Марсьялю тем временем удалось пристроиться на импровизированное сиденье — на пирамиду воздушных корней, соединяющих ствол пандана с почвой. Он решает молчать, выиграв таким образом еще несколько секунд. Грациелла не сдается.

— Хотела бы я знать, в какой момент ты понял, что твой план провалился. Я предполагаю, что в первый же вечер Лиана должна была тебе позвонить, сказать, что все прошло хорошо, что она спряталась, как вы и договаривались, и ты можешь устроить свое представление перед жандармами...

Грациелла делает точно просчитанную паузу, затем продолжает.

— Вот только она так и не позвонила...

Марсьяль невольно вспоминает все возрастающий ужас, охвативший его после того, как он заявил в полицию Сен-Жиля об исчезновении жены. Лиана вечером не позвонила... Потом убили Родена. А затем на двери машины, которую он взял напрокат, появилась надпись: *Встреча в бухти каскада*... Как полицейские смогли бы понять, почему человек, готовый согласиться с обвинением, несколько часов спустя резко меняет тактику?

Невозможно. Здесь надеяться было не на что.

Марсьяль цепляется за два слова. Все те же два слова.

— Где Лиана?

Грациелла широко, обнадеживающе улыбается.

— Она жива, Марсьяль. Пока еще жива, несколько минут, по крайней мере, еще проживет. Она ждет тебя в очень теплом местечке, она оказалась крепче, чем я думала.

Улыбка вдруг застывает на ее лице.

— Довольно болтовни, Марсьяль, мне все равно, выживет твоя жена или нет, она была всего лишь приманкой, чтобы заставить тебя явиться вместе с дочерью. А теперь разбуди ее. Положи ее на землю. И покончим с этим.

Марсьяль старается соображать как можно быстрее. Одно то, что Софа не слышала признаний и угроз Грациеллы, — уже чудо. Неужели его бывшая жена способна убить девочку так же хладнокровно, как двух неудобных свидетелей?

Его глаза молят о милосердии.

— Не вмешивай Жозафу во все это, Грациелла, она не имеет никакого отношения к нашим взрослым разборкам, она...

На лице Грациеллы впервые появляется злобное выражение.

— Вот уж нет, Марсьяль, вот уж нет. Это можно назвать как угодно, но это не взрослые разборки. Ты хоть сосчитал, сколько лет было бы сейчас Алексу? Нет, я уверена, что нет. Ему было бы шестнадцать. Он был бы красивым подростком. Я бы волновалась, как он перейдет в следующий класс, искала бы для него самый лучший лицей, с европейской программой, дизайн, точные науки. Может быть, я вернулась бы в метрополию, чтобы у него было больше шансов поступить в одну из высших школ. Буди дочку, Марсьяль. Она должна вернуть жизнь, которую украла.

Марсьяль колеблется: не поставить ли на карту все, не схватить ли бывшую жену за горло и стискивать до тех пор, пока она не признается, где держит в заточении Лиану.

Слишком поздно.

Грациелла предвидит любую реакцию Марсьяля. Она внезапно вытаскивает из-под своей курты маленький черный пистолет.

— «Хаммерли», — поясняет она. — Швейцарский, стоил бешеных денег, но меня заверили, что это самый тихий, какой можно купить. Можешь не сомневаться, выстрела не будет слышно за шумом волн.

Она прицеливается.

— Положи девочку, Марсьяль. Положи ее — или я выстрелю.

46

Трупная канава

16 ч. 14 мин.

Высохшее русло ручья в Линь-Паради жители поселка превратили в сточную канаву, в свалку, куда бросают все ненужное и грязное. Ржавые канистры, дырявые шины, телевизор без экрана, заплесневелые газеты, десятки пустых бутылок, продранный диван с торчащими наружу пружинами, пенопласт, картон, железо, стекло, дерьмо — омерзительная каша, которую каждая гроза гонит вниз, к океану; здесь же трупы кошек, собак и крыс.

И труп Имельды.

Валяется среди отбросов.

Кристос спустился в овраг, стоит обеими ногами в мерзкой жиже, прижимает к груди уже остывшее тело. Ему хочется кого-нибудь убить, кинуть бомбу, хочется, чтобы сюда хлынул поток раскаленной лавы; ему хочется быть богом, хочется устроить ливень на сорок дней, вечно плакать, поднять ураган, вызвать прилив; снять остров одним движением рубанка, чтобы тонны воды, земли и дерьма с наветренной стороны выплеснулись на другой берег; хочется поглотить все расы, все племена, всех обычных людей с кожей любого цвета, из хижин и вилл.

Муса Дижу стоит на тротуаре над канавой и не осмеливается произнести ни слова. Его широкая заговорщическая улыбка застыла, когда он увидел, как Кристос выскочил из полицейского пикапа и побежал.

Вытащил свое удостоверение и рассек толпу.
И страшно завыл, как пес.

Кристос опускается на колени. Запускает руки в длинные курчавые волосы Имельды. Подобно пробуждающемуся чудищу, его чутье охотничьей собаки выходит из долгой спячки.

Все вопросы, которые он себе задает, натываются на стеклянные стены.

Кто мог убить Имельду?

Почему?

Зачем ее понесло в эти трущобы почти сразу после того, как она вышла из полицейского участка в Сен-Жиле, после того, как они расстались?

Что будет с ее детьми?

Полицейский старается отогнать от себя воспоминание об этой пятерке.

Гордый взгляд Назира. Тонкие ноги Дориана, на которых болтаются слишком широкие шорты. Робкий и сосредоточенный взгляд Амика за очками в погнутой оправе. Заливистый смех Жоли, когда он качает ее на коленях. Большие круглые глаза Долены, лежащей в коляске.

Пятеро детей, которым он должен сообщить об этом.

Кто мог убить мать семейства, так любившую любовь?

Толпа над оврагом растет. Старики в соломенных шляпах, сопливые мальчишки в драных майках, причитающие или ухмыляющиеся креолы. Все они, должно быть, считают Имельду жертвой вспыльчивого мужа.

Ничего особенного, обычное дело, хотя плачущий полицейский — это все же непривычно.

Дижу дружески протягивает ему руку.

— Иди сюда, Кристос. Давай я помогу тебе вылезти, ты не можешь ее воскресить.

Кристос не двигается с места. Он шарит в кармане, ищет мобильник. Ему надо позвонить Назиру. Он самый старший. Он позаботится о мальчиках и о Жоли. И о маленькой Долене тоже. Кристос натывается на какой-то мягкий пластиковый пакетик и понимает, что это конопля, которую он утром конфисковал у Назира.

Имельда на этом настояла. Она в шесть утра встала перед дверью и не выпускала Кростоса из дома до тех пор, пока он не нашел коноплю, — это оказалось легко, пакетик был под матрасом.

Назир, пятнадцати лет. Курит замал. И продает. Сирота.

Он будет отвечать за четырех братьев и сестер?

Надо, чтобы он хотя бы сам за себя отвечал. И прежде всего — чтобы не переключился на кокаин.

Кростос думает о маленькой Жоли в платье как у принцессы, которое сшила ей мама. О Дориане и Амике, которым Имельда обещала, что спустится с ними к морю, как только они научатся ездить на двухколесном велосипеде. Он думает про карри, которого детям больше не есть, и про овощи, которые сгниют на грядках, и про хижину, которая скоро развалится.

Сам в это не веря, Кростос говорит себе, что у детей, может быть, найдется дядя или еще какой-нибудь родственник, взрослый человек, на которого, по крайней мере, можно будет рассчитывать. И государство о них позаботится.

Он сжимает в руке мобильник. Приближает его к губам, он не знает, что сказать Назиру, он не знает, кто поднимет трубку. Он задумывается, правильно ли вообще звонить. Хватит ли у него когда-нибудь мужества вернуться в дом Имельды?

Кростос смотрит на экран мобильного.

Он пропустил звонок!

Он проводит большим пальцем по экрану, читает имя звонившего.

Айя.

И он пропустил не один звонок, а пять.

И еще получил смс.

Перезвони мне, какого черта.

Кростос машинально выбирает в меню «вызвать».

В ухе у него взрывается пронзительный голос Айи.

— Кростос, твою мать, куда ты подевался? Я раз двадцать звонила в участок. Ты где? Есть очень срочное дело.

— Говори, я слушаю.

Айя немного помолчала, словно удивившись покладистости своего помощника.

— Звонил управляющий автомобильным прокатом, он только что нашел машину, которую брал в аренду Марсьяль Бельон! Слушай, Кростос, с тобой все в порядке? У тебя голос какой-то странный.

— Айя, за меня не волнуйся. Я справлюсь.

— Ты уверен? Какой-то ты не такой. Ты где? Еще что-то случилось?

Кростос повышает голос.

— Потом, Айя. Рассказывай дальше про машину.

— Никогда не угадаешь, где управляющий нашел эту «клио». Бельон оставил ее на стоянке агентства, среди других автомобилей! Меньше чем в трех сотнях метров от отеля. Если бы час назад другой клиент не приехал возвращать машину, они до завтра ничего бы не заметили. Что ты об этом думаешь? Кростос, ты меня слышишь?

— Ага.

— Ты обкурился, что ли?

— Я в порядке, Айя, не трепыхайся.

— Ладно, беги. Я в тебя верю, ты сумеешь разговорить эту чертову тачку. И последнее, Крис...

— Что?

— Я хорошо тебя знаю. С тобой что-то не то. Не знаю что и не стану тебя доставать, если ты не хочешь говорить об этом, только пообещай мне, что будешь осторожен. Я тобой дорожу.

— Спасибо, красавица. Я тронут.

Он отключается. Охотничий пес взял след.

Имельда была убита после того, как просмотрела в полиции все бумаги по делу Бельона. Ее зарезали, как Родена и как Шанталь Летелье. Вот только на этот раз у Марсьяля Бельона железное алиби: когда ее убили, он шел через Песчаную равнину — это могут подтвердить полсотни полицейских. Напрашивается вывод: Родена убил не Бельон, и Шанталь Летелье тоже.

Настоящий убийца свободно разгуливает по острову.

Тот самый тип, который воткнул нож в сердце Имельды.

Кростос расталкивает зевак, садится в машину и срывается с места. Шины взвизгивают, сирена воет, пахнет разогретой резиной, он резко выкручивает руль на виражах, машины, едущие навстречу, из Сен-Луи, благоразумно уступают ему дорогу.

С каждым поворотом пейзаж открывается, потом исчезает, разноцветные башни валятся будто кегли, мелькают мечеть с синим минаретом, церковь с белой колокольной, страшные морды чудовищ на крыше индуистского храма, словно шарлатаны, перед носом у которых Крестос захлопнул дверь.

Пикап пролетает мимо прилавков с фруктами и прохожих на тротуарах, срезает напрямик.

Он вполне может не вписаться в вираж, или тормоза могут отказать — ну и пусть, ему все равно.

47

Одна жизнь в уплату за другую

16 ч. 17 мин.

Пальцы Грациеллы сжимаются на спусковом крючке.

— Последний раз повторяю: положи девочку!

Марсьяль стоит, прислонившись к стволу пандана. Он решил не уступать до тех пор, пока не получит доказательства, что Лиана жива.

— Где Лиана?

— Марсьяль, я выстрелю в девочку.

— Где Лиана? — тихо повторяет Марсьяль, он избегает резких движений, чтобы показать, что не хочет разбудить дочку.

Грациелла в нерешительности. Ее указательный палец медленно надавливает на спусковой крючок. Марсьяль сжимает в руках маленькое сонное тело, не переставая молиться: только бы Грациелла не ограничилась одним выстрелом в упор. Она, наверное, мечтала о более торжественной казни для Софы.

Надо затягивать переговоры.

— Софа пешком шла через весь остров, чтобы увидеть мать. Ты не можешь отказать ей в этом...

Грациелла улыбается, ее пальцы, стиснувшие пистолет, слегка разжимаются.

— Ты не изменился, Марсьяль. Все так же хорошо умеешь уговаривать. Что ж, раз ты так на этом настаиваешь — вперед.

Она показывает дулом пистолета в сторону моря, прямо на пришвартованную лодку.

— Иди первым.

Марсьяль осторожно ступает по мокрым черным камням. Он старается сохранять равновесие, хотя без помощи рук это нелегко. Надо пройти хотя бы несколько метров. Грациелла больше не настаивает на том, чтобы он разбудил Софу. Она поняла, что, пока руки у него заняты, он никаких отчаянных попыток нападения предпринять не сможет.

— Ты почти дошел, — говорит Грациелла у него за спиной. — Загляни в лодку.

Марсьяль делает еще шаг вперед. Волны без устали качают лодку, привязанную к стволу пандана двухметровой веревкой. Сначала Марсьяль замечает две двадцатилитровые канистры с бензином, закрепленные рядом с мотором.

А потом он видит Лиану.

Она лежит на дне надувной лодки. Во рту кляп, руки и ноги связаны мягкой проволокой.

Живая.

Марсьяль в ярости оборачивается, глаза у него наливаются кровью.

— Что ты с ней сделала?

У Грациеллы загораются глаза.

— До тебя начинает доходить, что это не игра? Негритос, старуха зорейка — до них тебе, в общем, не было дела, их смерть тебя не касалась. Но две твои любимые девочки...

Марсьяль дрожит от бешенства. С трудом сдерживаясь, он снова поворачивается к лодке. Лиана смотрит на него пустыми глазами, словно с трудом узнает.

Она совершенно голая. Вся кожа у нее в волдырях, как будто палач жестоко пытал ее, покрывая тело сотнями ожогов — поверхностных, но не оставляя нетронутым ни один сантиметр кожи. Кое-где он особенно усердствовал: ступни почернели оттого, что их прижигали каленым железом, на запястьях содрана кожа, промежность отекая и багровая, как будто после нескончаемой вереницы любовников.

Грациелла встает между Марсьялем и его женой.

— Ты был прав, жаль было бы лишить Лиану этого зрелища. В конце концов, ей удалось выжить только потому, что она хотела увидеть дочь. Она заслужила возможность поцеловать ее труп.

Грациелла снова начинает давить на спусковой крючок.

— Последний раз говорю, Марсьяль: я хочу посмотреть на Софу.

— Да пошла ты...

Лиана бессознательно начинает ворочаться на дне лодки, но Грациелла на нее и не смотрит.

— Тебе решительно нельзя доверить ребенка, Марсьяль... Неужели смерть Алекса ничему тебя не научила?

Марсьяль не успел пошевелиться. Указательный палец Грациеллы внезапно согнулся. Стоя на расстоянии меньше метра от Софы, она прицелилась прямо в сердце.

Раздались три выстрела, почти заглушенные шумом волн.

На ткани появились три дырки от пуль. Одеяло мгновенно пропиталось кровью, пальцы, запястья и рукава Марсьяля стали красными. В следующую секунду кровь проступает в уголках его глаз, наполняет мириады алых жилок.

Безумный взгляд.

Беспредельная ярость.

Марсьяль, совершенно невменяемый, прижимает к груди детский трупик.

Не опуская пистолета, Грациелла невозмутимо замечает:

— Жозафа ушла к Алексу. Одна жизнь в уплату за другую, Марсьяль, теперь мы друг другу ничего не должны. Надо было принести ее в жертву, чтобы ты понял. Чтобы понял, что такое обезуметь от горя и упиваться местью.

48

Звездная пыль

16 ч. 23 мин.

Человек из агентства «Тропикар» выглядел так, словно был свидетелем на свадьбе, а его внезапно выдернули на работу. В мятой рубашке, с потными подмышками, галстук болтается.

— Хорошо еще, что мне позвонил клиент, у которого проблемы с конди...

Кристос его не слушает. Этот тип болтает без умолку, он воображает, что на него возложена миссия осуществлять социальные связи. Кристос направляется к серой «клио», не имея ни малейшего представления о том, что он предполагает найти в брошенной Бельюном машине. У него в горле застрял горький комок. Кто-то зарезал трех ни в

чем не повинных людей, и теперь он уверен, что этот кто-то — не Марсьяль Бельон.

— Хорошо еще, что я умею считать до семи, — продолжает мсье Тропикар. — Такое, знаете ли, не каждый день случается, чтобы машина сама вернулась домой. А тем более машина, на которой ездил убийца.

Он давится смехом.

Солнце, будто застыдившись, спряталось за единственное облачко, заплутавшее над лагуной, и в тени линиялый сиреневый цвет стен, железные ворота и ряд одинаковых машин выглядят еще омерзительнее.

Мсье Тропикар не унимается. Он обследует шины кое-как припаркованного полицейского пикапа. На охристой земле стоянки остались следы колес, резкого торможения.

— Хорошо еще, лейтенант, что тормоза на спуске выдержали. Вы могли убиться. Знал я одного типа, он взял напрокат «лагуну», чтобы подняться к Салази, так у него на пятидесятом вираже...

Кристос хватает его за галстук.

— Заткнись! Ясно? Открой машину, принеси мне договор и вообще все бумаги, имеющие отношение к Бельону. И главное — молча.

— Хорошо, хорошо, — бормочет мсье Тропикар, по-рыбьи разевая рот.

И трусцой направляется к сиреневому зданию, где у него контора.

16 ч. 27 мин.

Кристос пошарил в бардачке и между сиденьями, поднял коврики.

Ничего. Никаких улик. Только реюньонский песок всевозможных оттенков, от белого до черного.

Да и на что он мог рассчитывать? Допустим, он вернется сюда — или пришлет еще кого-нибудь — с пробирками и лампой для выявления невидимых следов, экспертиза покажет, что Марсьяль Бельон и его дочь оставили отпечатки пальцев, что с их вьетнамок сыпались песчинки, применив соответствующие методы, можно будет создать подробную карту всех перемещений отца и дочери по острову, но как это поможет расследованию?

Мсье Тропикар возвращается с пачкой зеленых и голубых листков. Он с любопытством и восторгом наблюдает за тем, как Крестос осматривает «клио».

— Ни к чему не прикасайтесь, — говорит ему младший лейтенант, вылезая из машины. — Коллеги позже займутся песком и отпечатками пальцев.

— Вам еще повезло. Контракт предусматривает, что машину нам должны вернуть идеально чистой.

Громкий смех.

Крестос бы с удовольствием, продолжая ряд бессмысленных действий, никак не помогающих расследованию, заехал ему по физиономии. И все же он не дает воли рукам. Убийца гуляет на свободе. А у него нет никаких улик. Он должен сообщить пятерым детям, что их мать умерла. И всем богам всех религий, какие только есть на острове, на это наплевать. Они...

В лучах внезапно проглянувшего солнца вспыхивает созвездие сверкающих машин, и мсье Тропикара так и распирает от гордости за этот до блеска отполированный замшей Млечный Путь. Картину портит только «клио», которую вернул Бельон. Тусклая. Пыльная. Особенно грязные стекла в дверях. Проходя через них, солнечные лучи выделяют следы рук, следы пальцев.

И Крестос, ошеломленный, замирает.

Можно подумать, один из богов где-то у них над головами, задетый за живое, решил ткнуть пальцем в истину, чтобы заставить уверовать жалкого червя, который посмел его оскорбить.

На стекле со стороны водителя огненными буквами проступили слова.

Фантастические, почти нереальные.

Встреча
В бухти каскада
Завтра
16 ч
приходи с девочкой

16 ч. 28 мин.

Я бегу быстро, как только могу. На этом тростниковом поле я вижу еще меньше, чем в тумане, но не замедляю бега. Я раздвигаю обеими руками стебли, которые хлещут меня по лицу и по голым ногам.

Я вспоминаю, что сказал папа, когда разбудил меня, как раз перед тем, как мы вышли на шоссе.

— Беги, солнышко, беги через поле, все время прямо, прислушивайся к шуму машин и старайся, чтобы тебя не увидели. Все время смотри на колокольню, чтобы не сбиться с пути. Ты не должна ни подниматься, ни спускаться, старайся все время оставаться на одной высоте, тогда не заблудишься. Помнишь, Софа, даму с зонтиком? Ты должна до нее дойти. Там будут люди. Много людей. И ты будешь спасена.

Я сильно плакала.

Я знала с самого начала. Папа мне врал.

Я больше никогда не увижу маму. А ведь он сказал мне, что она ждет меня там, у черных камней, только дорогу перейти.

И тогда папа присел передо мной на корточки. Мне нравится, когда он так делает. А потом стал говорить очень быстро, почти без передышки.

— Да, солнышко, это правда, мама там, по ту сторону шоссе. Только есть еще кое-что, о чем я тебе не говорил. Нас там ждет еще одна женщина. Твой папа когда-то ее любил, очень давно, это мама Алекса, ты же знаешь, твоего старшего брата, который умер. Она очень горевала из-за того, что он умер, и стала злой, очень злой. Как ведьмы в твоих книжках, как Бабушка Калле, понимаешь, Софа? Так что ты должна нам помочь. Ты же моя принцесса, правда, солнышко?

У меня так сжалось сердце, что я не смогла ответить.

— Ты — моя принцесса? Да или нет?

— Д... да.

— Тогда тебе надо бежать, Софа, ты должна добежать до дамы с зонтиком и попросить ее защитить нас. Ты должна бежать как можно быстрее.

Папа, я больше не верю в фей.

И все же я бегу, бегу так быстро, как только ноги могут меня нести.

Потому что на этот раз я тебе поверила.

16 ч. 29 мин.

Три раздробленные ветки гуаявы валяются на камнях. Липкий красный сок, вытекший из плодов, почти сразу слизали пенные волны. Рядом с ветками лежит упавшее бежевое одеяло — как будто его бросил призрак, испуганный тремя выстрелами. Четвертая, более толстая ветка, которую Марсьяль грубо обернул листьями сахарного тростника и пандана, чтобы придать ей очертания тела ребенка, отлетела на несколько метров.

Грациелла с трудом сдерживается, чтобы не взорваться, ненависть переполняет ее. Пистолет подрагивает в ее руке.

— Где девочка?

— В безопасном месте, дорогая моя.

Грациелла приближается к нему. Дуло пистолета почти упирается ему в грудь. Остатки тонального крема на ее пересеченном морщинами и дорожками от слез лице кажутся боевой раскраской. Она старается снизить напряжение, сохранить контроль над ситуацией и самообладание.

— Что это еще за цирковой номер?

— Чтобы ты вернула мне Лиану, я должен был, выполняя твоё требование, явиться вместе с Софой. Но неужели ты считаешь меня полным идиотом, способным отдать ее тебе? Мне просто надо было как можно дольше держать ее при себе, ты ведь, наверное, включала радио, следила за облавой в прямом эфире. Если бы я доверил Софу полиции, ты немедленно об этом узнала бы, все средства массовой информации с торжеством сообщили бы об этом.

Грациелла громко и натужно смеется.

— До чего трогательно... И очень смешно. В таком случае далеко она не ушла. Если мне повезет, я успею и вас обоих ликвидировать, и ее на машине догнать.

На мгновение Грациелла отводит от него взгляд, чтобы посмотреть на лодку. На этот раз Марсьяль не медлит. Он резко выбрасывает руку вперед и, ударив по пистолету ребром ладони, отбрасывает его метра на два.

Оружие застревает между камнями.

У Грациеллы вырывается ругательство. Марсьяль грубо ее отталкивает. Он заметил, куда упал пистолет, и бросается к нему,

преодолевают расстояние в три прыжка. Наклоняется, хватает пистолет, поворачивается, прицеливается. Сейчас эта ненормальная нако...

Солнце скрывается за черной луной.

Это последнее, что он успевает увидеть. В следующую секунду черный камень, который Грациелла держит обеими руками, ударяет его в висок.

16 ч. 31 мин.

Фея с зонтиком!

Вот она, прямо передо мной, я вижу большой синий зонтик над верхушками стеблей.

Я почти добежала!

Папа сказал: это зонтик от солнца, а не от дождя.

Голубая фея меня не видит, у нее глаза опущены, и она улыбается ласково, как мама, когда прощает.

Я раздвигаю стебли сахарного тростника, как будто плыву по морю, полному водорослей, они режут руки, мне больно, но стебли уже редуют, кажется, я скоро доберусь до конца поля.

Я могу бежать еще быстрее. Я слышу шум дороги, я вижу дома вдаль, папа сказал мне, чтобы я остановила первого же человека, какого встречу, и сказала ему, что меня зовут Жозафа Бельон.

«Ты только назови свое имя, — сказал папа. — И этот человек первым делом вызовет полицию».

Как хочешь, папа.

Раз ты считаешь, что полиция лучше справляется с ведьмами, чем феи.

Ответа Софа так и не получит.

Сахарный тростник внезапно кончился, как будто раздернулся занавес. Софа не отрывала глаз от сине-золотого зонтика, ей никогда и в голову не пришло бы, что поле резко оборвется, уступив место потоку лавы.

Ее правая нога запнулась о шлак, Софа потеряла равновесие и левой ногой зацепилась за кусок туфа.

Девочка упала, покатила вниз, обдирая все тело о черное каменное кружево с режущими краями, а в небе над ней невесомо,

словно канатоходец, кружила голубая фея под зонтом.

Софа не успела заплакать. И даже по-настоящему почувствовать боль.

Она ударилась головой о тощий ствол, который старался протиснуться через узкую трещину в остывшей лаве.

50

Петельки

16 ч. 32 мин.

Всреча
В бухти каскада
Завтра
16 ч
прихади с девочкой

Кристос раз за разом прокручивает в голове эти пять строк, эти десять слов. Чья-то рука, наверное, это была рука Марсьяля Бельона, попыталась стереть записку, оставленную на стекле серой «клио» со стороны водителя. Пыль размазалась по всему стеклу, но на просвет, в солнечном луче, каждая буква вполне читается. Палец, который их писал, старательно, с нажимом выводил каждую черточку и каждый изгиб.

Округлый энергичный почерк.

Мсье Тропикар так и застыл со своими пятью квитанциями в руке. Он тоже изучает слова на стекле. У стоящего перед ним полицейского такой напряженный вид, что он пытается разрядить обстановку.

— Хорошо еще, что я узнал машину серийного убийцы до того, как отправил ее на мойку.

Смех застревает у него в горле. Кристос никак не отреагировал на его слова, будто и не слышал. Тропикар не настаивает. Он профессионал. У него не только с юмором все в порядке, но и с тактом, и в психологии он разбирается...

Кристос еще ближе придвигается к стеклу, он предельно сосредоточен.

Встреча
В бухти каскада
16 ч...

Он машинально смотрит на часы.

16 ч. 33 мин.

Кто мог назначить Бельону эту встречу?

Кристос вплотную приближается к окну в слабой надежде разглядеть что-то еще. Солнце сквозь стекло обжигает ему сетчатку. Вот она, разгадка, прямо перед ним. Этих пяти строчек должно быть достаточно, чтобы понять, откуда идет волна убийств.

...приходи с девочкой

Кристос чувствует, что ему не справиться. Все части головоломки у него перед глазами, но он неспособен их соединить. А вот Имельда сумела это сделать.

Из-за этого она умерла, а он неспособен за нее отомстить.

Кристос снова смотрит на часы. Он сдается. Время работает против него, как в игре на скорость, где главное — не упорствовать в поиске решения задачи, если не удастся сразу ее решить.

Он в последний раз перечитывает послание. Другими сведениями он не располагает, зато ему известны время и место встречи, и у него есть список приглашенных. Он должен сообщить это Айе. Кристос шарит в кармане в поисках телефона.

Все происходит в следующие несколько секунд. Не он это сделал, а его пальцы — как ни странно, именно так он всегда будет думать, годы спустя вспоминая этот эпизод.

Пальцы роются в кармане, отодвигают пакетик с коноплей, спускаются ниже. И, уже ухватив мобильник, задевают сложенный листок. Указательный и средний пальцы совместными усилиями извлекают из кармана Кристоса распечатку письма, полученного с Маврикия, от Грациеллы Доре, страницу с плохо различимыми, линиялыми красными буквами. Он скользит взглядом по бледному логотипу отеля «Голубая лагуна», по семи полустертым креольским именам. А прямо под ними — несколько отсканированных рукописных строчек: имя, адрес, номер телефона и подпись Грациеллы Доре.

Округлый энергичный почерк.

Грациелла Доре
3526 Голубая лагуна Линк Роуд
Маврикий
+ 230 248 1258

У Крестоса учащается сердцебиение.

Он поочередно изучает гласные в пяти строчках, написанных на стекле машины, и сравнивает их с едва различимыми буквами, составляющими имя.

Встреча
Грациелла

Видно плохо, и о графологии у него представление самое туманное... но сомневаться не приходится: у «е» и «а» на окне «клио» и на бумаге одинаковая форма. Разомкнутая петля, спираль.

Бесконечная спираль. Винтовая лестница, ведущая к безумию.

Мсье Тропикар в недоумении смотрит на Крестоса, который дергается, будто на пляже наступил на медузу, странно изгибается, потом выхватывает мобильник, быстро набирает номер и орет так, что вот-вот с казуарин хамелеоны посыплются.

— Айя! Ты меня слышишь? Это Крестос. Мы с самого начала ошибались! Бельон ни в чем не виноват. Это его бывшая, Грациелла Доре, с самого начала манипулировала нами.

— погоди, Крестос, давай помедленнее. Откуда она взялась, я думала, она на Маврикии?

— Айя, твою мать, ну поверь мне на этот раз. Бухта Каскадов. Отправь туда всех полицейских, каких можешь. Как знать, возможно, у нас есть крохотный шанс их спасти.

— Крестос, я ничего не понимаю. Кого спасти?

— Спасти Марсьяля Бельона и его дочь! Да послушай ты меня, это сволочная ловушка. Грациелла заманила их на другую сторону острова с единственной целью. Убить их! Только для этого и был устроен весь этот бардак. Убить их обоих, как она убила Лиану Бельон.

16 ч. 35 мин.

Марсьяль лежит, скорчившись, на дне надувной лодки, висок у него в крови, в голове нестерпимый шум, мешающий собрать в кучку рассыпанные мысли. Память работает проблесками, восстанавливая в стробоскопе только что истекшие минуты.

Кратковременная потеря сознания, Грациелле едва хватило времени отбросить камень, достать из багажника своего кроссовера гибкую стальную проволоку и скрутить ему руки и щиколотки. Растерянность, когда он очнулся. Бывшая жена, которая приставила ему к затылку пистолет и приказала ползти к лодке. Она и не думала ему помогать, только смотрела, стоя на камне, как он извивается, — словно ребенок-садист, мучающий дождевого червя. Наконец, он головой вперед бросается в лодку; одежда пропиталась водой и кровью из теплых лужиц, застоявшихся между пластиковыми валиками.

Лиана...

Она лежит рядом с ним, руки связаны за спиной, ноги спутаны, совершенно голая, с кляпом во рту.

Вся в чудовищных ожогах. Живая...

Пока Грациелла отвязывала лодку, Лиана, в свою очередь, неловко подползла по красным лужам к Марсьялю, прижалась к нему. Взглядом задает ему единственный вопрос, который ее волнует.

Где Софа?

Марсьяль отвечает ей тихим голосом, почти шепотом, чтобы не злить Грациеллу.

— С ней все в порядке, Лиана. Софа спасена.

Грациелла забралась в лодку и заводит мотор. Смотрит сверху вниз на чету узников, не обращая внимания на их убогие ласки.

— Ваше маленькое сокровище я навещу попозже. Кто-то же должен будет о ней позаботиться, когда вас обоих не станет.

Лиана смотрит на нее так, словно пытается убить взглядом. Марсьяль приподнимается, опираясь о бортик лодки, он старается одновременно и успокоить Лиану, и воздействовать на Грациеллу.

— Жозафа сейчас уже у полицейских. Нельзя выигрывать на всех досках.

Грациелла хохочет и включает скорость. Лодка срывается с места и несется по прибрежным волнам. Самым яростным. Лиана и Марсьяль теряют равновесие и валятся друг на дружку.

— Марсьяль, твоя наивность почти трогательна. Ты думаешь вот так запросто отделаться? Ты все еще не понял? Это за тобой охотится полиция! Это ты убил беднягу Родена, ты зарезал старушку Шанталь Летелье. И ты всадил нож в сердце этой любопытной негритянки. Других виновных нет, только ты, Марсьяль, сколько же раз надо тебе это повторять? Представь себе, что ни твоего трупа, ни трупа твоей жены так и не найдут. Что подумают полицейские? Что ты и ее зарезал и скрылся в неизвестном направлении. Креолы обожают истории про убийц. Ты станешь знаменитостью. Ситаран, лишенный погребения, серийный убийца, чье тело так и не было найдено. Да и умер ли он в самом деле, этот Марсьяль Бельон? Ты станешь легендой. Некоторые креолы станут уверять, будто встретились с тобой в лесу...

Грациелла поднимает глаза к облакам. Марсьяль стискивает кулаки. Прижимается виском к борту лодки, пытаюсь остановить кровь, которая все еще сочится из раны. Скалистый берег уже превратился в тонкую черную линию, над которой возвышается бесплодная громада вулкана. Они вышли из зоны течений, и море внезапно стихло.

— Теперь тебе понятна ситуация? — продолжает Грациелла.

Она делает паузу, а потом растолковывает:

— Марсьяль, ты, бедняжка, снова промахнулся. Если хорошенько подумать, мне ни к чему убивать твою дочь — Алекс от этого не воскреснет. Но, когда вас не станет, я смогу навестить Софу. Я даже смогу удочерить несчастную травмированную сиротку, это будет так великодушно с моей стороны, кто же откажется доверить мне дочь моего бывшего мужа.

Марсьяль медлит с ответом, ему хочется заорать, осыпать ее оскорблениями, но он знает, что это бесполезно. Грациелла только того и ждет. И он довольствуется тем, что долго смотрит в упор на бывшую жену, бросает ей вызов этим взглядом, собрав все свое мужество. А потом медленно отворачивается и с бесконечной нежностью целует

Лиану, выбирая места, где это не причинит ей боли. Глаза, наименее поврежденные участки кожи — плечи, верхняя часть рук, начало груди.

Грациелла молча смотрит на них, правой рукой вцепившись в руль.

Марсьяль не останавливается. Он спускается ниже, увлажняет губами обожженные груди Лианы, скользит по животу, покрытому багровыми пятнами, по лиловым отметинам, по облезавшей клочьями коже, лижет раны, словно кошка, зализывающая свои раны шершавым языком. Дыхание Лианы постепенно переходит в хриплый стон, заглушенный кляпом.

— Марсьяль, хватит валять дурака.

Он не останавливается, продолжает с удвоенной нежностью водить губами и языком по телу жены. Между ног вся кожа у Лианы облезла. Марсьяль целует ее там, и от каждого поцелуя по телу женщины пробегает дрожь.

Лодка останавливается в открытом море. Грациелла поднимает пистолет.

— Хочешь поиграть, Марсьяль? Хорошо, давай поиграем! Правило будет одно и очень простое: я буду целиться в то место на теле твоей милашки, которого ты коснешься. Если это будет рука или нога, она проживет на несколько минут дольше. А вот если...

Марсьяль на мгновение замирает, прикидывая, достаточно ли решимости во взгляде Грациеллы. Потом вспоминает про три пули, выпущенные в упор по одеялу, в которое, как предполагалось, была завернута спящая Софа.

И отодвигается от Лианы.

Лодка плывет дальше.

С каждой секундой они удаляются от берега.

16 ч. 41 мин.

— Ты что, считаешь в надувной лодке добраться до Маврикия?

Грациеллу вопрос Марсьяля забавляет.

— До Маврикия всего сто семьдесят километров, здесь плыть-то часа три, не больше. Море спокойное, сводка погоды самая что ни на есть утешительная. Это будет приятнейшая прогулка. Единственная серьезная проблема — мне пришлось запастись бензином, чтобы можно было заправиться в пути. Мне и так уже из-за тебя пришлось

вчера, как только ты сбежал, смотаться туда и обратно. Когда объявили о начале плана «Папанг», я поняла, что полицейские явятся на Маврикий, чтобы меня допросить. Три часа плавания... Я назначила встречу с ними на поздний вечер, чтобы у меня было время добраться, потому что лететь самолетом означало бы себя выдать, дала показания полицейскому из консульства, а потом, несколько часов спустя, вернулась и ночью была на месте. Машина ждала меня в бухте Каскадов. Я не хотела надолго оставлять вас одних, когда за вами гнались полицейские, а главное, мне надо было перевести твою жену в другую тюрьму, из моего сен-пьерского дома в камеру с видом на море, в двух шагах отсюда... Мы с тобой договорились о встрече... Для того чтобы заманить тебя сюда, мне надо было как можно дольше сохранять приманку живой.

Марсьялю страшно думать о том, какие адские муки вытерпела Лиана. Теперь она старается держаться от него подальше, прижимается к борту лодки. Ее потемневшая, вздувшаяся волдырями кожа, лоснящаяся от пены, похожа на чиненую пластиковую оболочку куклы для взрослых.

Грациелла всматривается в горизонт, как будто уже различает вдали берег Маврикия.

— Разумеется, персоналу «Голубой лагуны» неизвестно, где я, но им приказано переводить все звонки на мой мобильный. Не имеет никакого значения, где я, на Маврикии или на Реюньоне, обычного айфона вполне достаточно для того, чтобы переслать любой официальный документ. Жандарм, который мне недавно звонил, похоже, поумнее того, что приходил из консульства, а главное — он более любознательный, но я и ему рассказала такую историю, какую ему хотелось услышать. Зореи обожают истории про креолов, которых преследует жестокая судьба, эти сказки затрагивают их давнюю патерналистскую струнку. Он, должно быть, рванул по следу несчастной Алоэ Нативель... Ты помнишь ее, Марсьяль, помнишь Алоэ Нативель? Еще одна твоя жертва. Если бы ты не встретился на ее пути, сегодня у нее был бы ласковый муж, хорошенький домик с цветником и полдюжины детишек...

Алоэ?

Еще одна жертва?

Марсьяль не отвечает, он старается отогнать мысль о своей бывшей любовнице.

Не отвлекаться...

Он должен защитить Лиану и Софу.

Он всматривается в горизонт. Они все еще меньше чем в километре от берега. Очертания вулкана ясно видны.

— Что ты с нами сделаешь?

Грациелла тоже смотрит на бесконечный горизонт.

— Марсьяль, помнишь, я проводила целые недели в одиночестве, пока ты занимался подводным плаванием? А потом ты рассказывал мне про глубочайшие ямы, иногда больше ста метров, всего в нескольких десятках метров от берега, и полные рыб. Я слушала твои рассказы, Марсьяль... И запоминала... Я подожду еще немного, пока мы окажемся над океанической впадиной. Я не могу рисковать, если я хочу заботиться о малышке Софе, надо, чтобы ваших тел не нашли никогда...

Грациелла с притворно сокрушенным видом смотрит на окровавленный висок Марсьяля и на открытые раны на теле Лианы.

— Если только спуск не окажется короче, чем предполагалось... Акулы вершат правосудие быстрее людей.

Марсьяль старается контролировать каждое движение своего тела, ничем не выдать страха. Незачем доставлять Грациелле такое удовольствие. Он еще немного придвигается к Лиане, между ее голой кожей и его промокшей одеждой остается всего несколько сантиметров. Они выполняют распоряжения Грациеллы, они друг к другу не прикасаются, но глаза каждого из них растворяются в глазах другого, цвета радужных оболочек смешиваются, как на палитре художника, души сливаются воедино, никакой ласке не соединить людей так, как соединились сейчас они.

Пока они живы, Грациелле не разрушить эту связь.

Лодка летит по гладкому океану. Остров отдаляется.

Все кончено. Они остались одни, и ничего уже не изменить.

16 ч. 44 мин.

Секунды текут под однообразный рокот лодочного мотора. Лиана медленно, осторожно меняет положение тела. Она упирается ногами и,

мучительно напрягая мышцы, садится, прислонившись спиной к наполненному воздухом борту, как будто лежать уже больше не может.

Грациелла только улыбается с видом снисходительного тюремщика и продолжает смотреть на воду.

Марсьялю довольно одного взгляда, чтобы понять. Он опускает глаза и видит руки Лианы, связанные у нее за спиной и слегка приоткрытые.

И старается не показать изумления.

В кулаке у Лианы зажато базальтовое острие около десяти сантиметров длиной.

Лиана снова взглядом спрашивает согласия у Марсьяля. Безмолвно делает предложение.

Соединиться навечно.

Быть вместе в несчастье, только в несчастье.

Он всматривается в горизонт — вулкан уже скрылся за полосой тумана. И кивает. Лиана морщится, мускулы на ее руках напрягаются, раны снова начинают кровоточить, но теперь это уже неважно.

Грациелла немедленно замечает беспорядок.

Слишком поздно.

В следующее мгновение раздается взрыв, перекрывающий шум мотора, и тут же из баллона с бесконечным пронзительным свистом начинает выходить воздух.

Грациелла с воплем выключает мотор, хватается за пистолет и с яростью отталкивает Лиану.

Разрыв длиной сантиметров десять, но он быстро растет под напором вырывающегося наружу воздуха. Еще несколько секунд — и от лодки останется только кусок обмякшего пластика, который тут же пойдет ко дну под тяжестью мотора и двух канистр с бензином.

— Идиоты несчастные, — шипит Грациелла.

Выпрямившись во весь рост, она прикидывает расстояние до берега.

Километр, не больше.

Ее лицо искажает злобная усмешка. Она старается снова овладеть ситуацией.

— Вам явно нравится облегчать мне работу. В конце концов, не все ли равно, здесь вы умрете или чуть подалее...

Из дыры все еще выходит горячий воздух, щекочет им кожу. Лодка наклоняется под тяжестью лежащих тел, и Лиана наваливается на Марсьяля. Грациелла сохраняет равновесие и невозмутимость.

— Сильно сомневаюсь, что вам, связанным по рукам и ногам, удастся доплыть до берега. Я-то ничем особенно не рискую... Круиз, правда, придется отменить, я самым банальным образом вернусь на Маврикий самолетом.

Она смотрит на бирюзовую воду.

— Я поцелую за вас Софи.

И, когда вода уже начинает покрывать сдувшуюся лодку, Грациелла раздирает на себе куртку, под которой оказываются два спасательных жилета, один поверх другого: последняя деталь ее превращения в толстого малабара.

Вскоре на поверхности океана виднеется лишь красная точка.

16 ч. 46 мин.

Марсьяль задыхается. Вода уже заливается ему в рот. Он отплевывается. Лодка ушла в глубину и колыхается там огромной полупрозрачной медузой, увлекаемая подводными течениями. Лиана льнет к нему голым телом, но помочь друг другу они не могут. Лишенные возможности двигать руками, они идут ко дну, но все еще пытаются сопротивляться, отчаянно дергают связанными ногами, словно жалкими лапами.

Их тела соприкасаются, ударяются одно о другое.

В последний раз поцеловать Лиану.

Вода дошла до подбородка, Марсьяль касается губами щеки Лианы, зубами прикусывает липкий пластик, которым закреплен кляп, и, резко дернув шеей, грубо его отрывает.

Лиана кричит во все горло от внезапной, животной боли.

Вернее, коротко вскрикивает.

Они тонут вместе. Их губы соединяются.

Океан ничего не может с ними поделать, они соединяются в поцелуе навечно, они делят кислород, они задохнутся в этом поцелуе, так и умрут — самой прекрасной смертью, о какой только могут мечтать любовники.

Они оставили попытки выплыть.

Марсьяль уже видит потусторонний свет, часовню с коралловыми стенами, где будут покоиться их тела.

И, когда он сдается и идет ко дну, Лиана внезапно его кусает. Их взгляды встречаются в последний раз. Лиана поднимает глаза. Над их головами уже метровая толща воды.

Марсьяль чувствует, как вода проникает внутрь, заливая мозг, орошает его последними галлюцинациями. Теперь кораллы не только на дне, но и сверху. Невероятные цвета — оранжевый, красный, синий.

Он бредит.

Лиана снова кусает его, на этот раз в подбородок, до крови. Смотрит умоляюще, она хочет еще побороться, в последний раз подняться на поверхность воды.

Прижавшись друг к другу, они, раскачиваясь и изгибаясь, словно пара русалок, выталкивают себя наверх, и им удается высунуть из воды головы, чтобы сделать последний вдох.

Вместе.

Лиана звонко смеется и снова его целует.

Он поднимает глаза и не может понять.

Вокруг них с неба спускаются ангелы.

Бесшумно парят на огромных прямоугольных разноцветных крыльях.

52

Водопад

17 ч. 27 мин.

Длинная оранжевая пластиковая лента наглядно отделяет сотню зевак, сбежавшихся из беседок для пикника, из ближайшей деревни, с шоссе, где они наспех припарковались, от краешка лужайки, упирающегося в толстые стволы четырех масличных пальм и занятого всего-навсего тремя людьми.

Это Марсьяль, Лиана и Айя.

Капитан жандармерии Пюрви вытеснила отсюда всех остальных полицейских, в том числе и тех, кто согласился броситься вниз с площадки, расположенной на две тысячи метров выше, и ястребами обрушиться на уходящую в открытое море черную точку, которую они разглядели в свои бинокли.

Потом, позже, придет время для благодарностей, и для восторженных речей, и для наград, и для почестей.

Лиана завернута в спасательное термоодеяло, но дрожать не перестает, и Марсьяль, не захотевший снять промокшую одежду, крепко ее обнимает.

— Мы постараемся как можно быстрее переправить вас в больницу в Сен-Дени, — мягко говорит Айя. — Вертолет уже садится. Осталось совсем...

Лиана, похоже, не слушает.

— Где Софа? Вы нашли Софу?

Айя стоит в расстегнутом неопреновом комбинезоне, под ним — купальник. Она отвечает так быстро, что слова схлестываются между собой.

— Не волнуйтесь, мы ее найдем. Все закончилось. Теперь это вопрос нескольких секунд.

Слишком уклончивый ответ, брошенный наобум спасательный круг. Марсьяль гладит жену по плечу, стараясь ее успокоить.

— Вам ведь ничего не известно, капитан? Вы знаете не больше нашего?

Он делает паузу, как будто ищет точную формулировку, колеблясь между облегчением и тревогой.

— Вы уже совершили чудо, спустившись с небес. Я не стану просить вас снова туда подняться...

Айя улыбается. С длинных светлых волос Лианы на одеяло стекает вода. Она сосредоточенно вслушивается в шум водопада у них за спиной. Чуть подальше, под деревьями, суетятся люди. Хлопают двери машин, командуют полицейские, смеются взрослые, кричат дети. Незабываемый понедельник после Пасхи для всех отдыхающих.

— Капитан, у вас есть дети?

Вопрос Лианы застаёт Айю врасплох.

— Да...

— Наверное, в эти последние дни вы почти не видели их? Сколько им лет?

— Пять и семь.

Лиана заставляет себя улыбнуться. Марсьяль трет глаза.

— Хороший возраст. Они, должно быть, вами гордятся.

Айя кусает губы. Она растрогана, и это сближение ее смущает. Ну где этот Жипе, сколько можно возиться с вертолетом?

17 ч. 31 мин.

Толпа внезапно приходит в волнение. Четверо полицейских решают показать свою силу и бесцеремонно оттесняют зевак, расчищая дорогу шириной в метр. Из карманов появляются фотоаппараты. Люди куда-то показывают пальцами. Айя ждет, что сейчас появится Жипе в сопровождении санитаров с носилками.

Не угадала.

Ларош!

Полковник, подобно гениальному артисту-трансформисту, успел переодеться в льняной пиджак, бежевые полотняные штаны и мокасины. А может, к этому времени уже дал три интервью для радио и пару раз снялся для телевидения.

Он делает шаг в сторону.

Широко улыбается.

Из-за его спины вылетает стрела. Маленькая светлая стрела с большой повязкой на голове. И впивается прямо в сердце Лиане.

— Мама!

Софа прибежала с букетом гисбискусов в руке, темно-розовые лепестки сыплются на одеяло, застревают, расплюснутые, между Лианой и ее дочерью. Чудесный гербарий, который они всю жизнь будут хранить.

— Ее нашли на потоке застывшей лавы, — объясняет Ларош без лишних подробностей. — Ударилась о дерево и потеряла сознание, никаких серьезных повреждений нет. Мы бы и раньше пришли, но малышка непременно хотела собрать букет перед тем, как вас увидеть.

Лиана истерически смеется.

Софе, хотя мать так крепко ее стиснула, что она едва дышит, все же удается выговорить несколько слов:

— Мама, это для феи с зонтиком. Это она нас спасла.

Марсьяль треплет ее по выбившимся из-под повязки коротким прядям.

— Ты правильно сделала, солнышко, обещания надо выполнять.

Щелкают фотоаппараты. Айя отходит в сторонку, уступая место Ларошу. Через несколько часов фотографиями заполнятся социальные

сети, они появятся в десятках блогов рядом с изображениями других местных чудес: циклонами, потоками лавы, спасениями в море и цветистыми благодарностями святым покровителям острова: священникам, пожарным, полицейским...

Ей этого мало.

Она направляется к водопаду. Ей внезапно пришло в голову, что она уже много лет не останавливалась здесь, в этом райском уголке, а Жад и Лолу и вообще сюда не приводила; что ее маленькие непоседы толком не знают острова; что они с Томом перестали устраивать пикники, купаться, оставлять машину у обочины и... вообще всё перестали, они ничего не успевают... Что время летит так быстро.

Что больше всего на свете ей хочется прямо сейчас их увидеть, прижать к себе и долго-долго не отпускать, а потом закинуть их к маме в Флеримон и сбежать с Томом, и любить его три дня и три ночи без передышки.

53

Конопля

17 ч. 33 мин.

Морские течения вынесли Грациеллу к мысу на юге острова, между Сен-Филиппом и Сен-Жозефом. Встав обеими ногами на камни, перемешанные с травой и песком, она устало бросила на берег оба промокших тяжеленных спасательных жилета.

И, совершенно обессиленная, рухнула на крохотный пляж у подножия базальтовых скал.

Она может позволить себе отдохнуть всего несколько секунд. Ей нельзя здесь застревать. Если Бельон и его потаскушка смогли выплыть, за ней будет охотиться вся полиция острова.

Грациелла поднимает глаза к небу, и ей кажется, что она снова видит эту тучу дельтапланов, кружащих над связанными телами, словно фэтоны над выброшенной из лодки дохлой рыбиной.

Все, пора идти. Рисковать нельзя.

Откуда-то сверху, со скалы, катятся камни. Она чертыхается — про этих-то совсем позабыла, опять эти проклятые негритосы со своими мангалами. Этот мыс, бухту Каскадов, ущелье Белькомб — они все

заполонили, нигде от них не скроешься. Ей не терпится вернуться на Маврикий. Как она могла столько лет прожить на этом острове недоумков, провонявшем карри и жареной говядиной?

Снова начинают сыпаться камни, на этот раз дольше, а потом неизвестно откуда, перекрывая грохот этого микрообвала, слышится голос.

— У меня на острове немало друзей-серфингистов. Сначала я вместе с девчонками изумлялся и восхищался тем, как они рискуют. А потом они мне объяснили, что, изучив хоть сколько-нибудь морские течения, довольно легко, зная, откуда плывет предмет, точно предсказать, в каком месте его прибьет к берегу...

Кристос подошел к самому краю скалы, теперь он возвышается над пляжем и Грациеллой метров на пять. В руке у него пистолет, и он целится в Грациеллу.

— У меня было преимущество перед всеми остальными полицейскими, я их опередил.

Грациелла, побледнев, вытягивает шею: глядя против света, она различает лишь огромный силуэт на скале, но она узнала голос полицейского из Сен-Жиля. До чего он додумался? Она осознает, что уже ничто не связывает ее с малабаром, который убил Родена, зорейку с голубыми волосами и негритоску: не осталось ни бейсболки, ни курты, ни толщинок, ни желтоватого тонального крема на лице — его давно смыла океанская вода.

— Бельон заманил меня в бухту Каскадов. Он сказал, что...

Внезапно раздается выстрел, пуля, оцарапав ухо Грациеллы, врежется в камень чуть дальше.

Грациелла вздрагивает.

— Да вы с ума со...

Кристос не дает ей договорить.

— Не трудитесь перечислять мне алиби, мадам Доре. Я думаю, произошло, как бы это сказать, недоразумение. Мне кажется, вы путаете меня с другим человеком, с полицейским из Сен-Жиля. Вы его помните? Того самого, которого вы недавно сочли полным идиотом. Да, я на него похож, это верно, но — и тут я ничего нового вам не открою — не надо судить по внешности...

Не выпуская из рук пистолета, Кристос садится, с непринужденным видом устраивается на самом краю нависающей над

маленьким пляжем скалы.

Грациелла пятится. Ей не уйти.

Серая отвесная скала похожа на тюремную стену, и этот полицейский торчит на сторожевой вышке.

— Но я вам не представился, я — муж Имельды Каджее. Помните — Линь Паради, негритянка, которую вы бросили на свалке, перед тем всадив нож ей в сердце.

— Вы с ума сошли, вы...

Грациелла решительно направляется к огибающей скалу узкой тропинке.

Новый выстрел, в нескольких метрах от ее ноги, — приказ не двигаться с места.

— Если бы вы нарвались на полицейского, мадам Доре, он передал бы вас в руки правосудия, чтобы обеспечить справедливое решение. А вот обычный человек, только что потерявший любимую женщину...

Он целится ей прямо в лоб. Окаменевшая от ужаса Грациелла не может пошевелиться. Взгляд у Крестоса совершенно пустой, в нем нет ничего — ни страха, ни ненависти, ни решимости. Она понимает, что никак не сможет на него повлиять, ни хитрость, ни шантаж не подействуют.

Ему все безразлично. Не на что выменивать. Он все потерял.

Он выстрелит.

— Я сделаю вам одолжение, мадам Доре. Вообще-то, я думаю, Имельде не понравилось бы, что я вас так застрелил. Она была невероятно умна, но, как и все на этом острове, слепо верила в приметы, молитвы, пожертвования, почитание умерших, всякое такое, понимаете, о чем я? Вы знаете молитвы кафров, мадам Доре?

Грациелла молчит и только едва заметно качает головой. Не отводя от нее взгляда, Крестос кладет пистолет рядом с собой и вытаскивает из кармана пакетик с коноплей. Прежде чем снова заговорить, не спеша делает самокрутку и закуривает.

— Нет? Вам никогда ни о чем не надо было просить кафрских богов? Тогда я сам попытаюсь прочитать молитву за вас. На память. Я вам ничего не обещаю, но я почти каждый вечер слушал, как дети, Дориан, Жоли и Амик, повторяют ее, перед тем как лечь в постель. Эти трое малышей — дети Имельды Каджее. Можете поблагодарить этих маленьких кафров за короткую отсрочку, которую я вам даю, мадам

Доре. Чтобы вы понимали, о чем речь, это заканчивается примерно так: «Mé tiranou dann malizé» — «Но избави нас от лукавого», если вам требуется перевод.

Кристос снова направляет пистолет на Грациеллу, целится прямо в ее лихорадочно блестящие глаза и медленно начинает:

Aou, nout Papa dann syèl
Amont vréman kisa ou lé,
Fé kler bard'zout out royom,
Fé viv out volonté...

Продолжая читать молитву, Кристос думает о своем.

На какой срок посадят полицейского, застрелившего в упор безоружную преступницу? Даже если это худшая из преступниц? На несколько лет? Может, даже и меньше, может, осудят условно, может, выпустят раньше...

Partou toulant parèy dann syèl.
Donn anou zordi zourpouzour
Nout manzé pou la vi.

Он затягивается самокруткой. Сесть в тюрьму — лучший способ отсутствовать в день, когда социальные службы острова явятся забирать пятерых сирот в приют в Ле-Тампоне и хижина в Сен-Луи опустеет.

Если ему повезет, к тому времени, как он выйдет на свободу, Назир станет совершеннолетним. А может, сам сядет в тюрьму за кражу или за торговлю наркотиками. Может, хижину продадут. Может, он больше никогда не услышит про этих детей.

Pardonn anou le tor nou la fé
Kom nou osi ni pardonn lézot.

В уголках глаз скапливаются слезы. Он трет глаза, как будто их щиплет от дыма, который ветер гонит ему в лицо. Грациелла

неподвижно стоит двумя метрами ниже в ожидании приговора. Может быть, произносит те же слова на латыни или на маврикийском диалекте. В голове у него звучит детский смех вместе с креольской молитвой, которую они читали каждый вечер.

Тебе не надо идти на работу, Крестос?

Ты будешь на мамину попу смотреть или рассказывать мне историю?

А можно мне спать в кровати с вами обоими?

Конопля образует завесу, помогает отогнать призраки детей, цепляющихся за него, как раньше, когда напрашивались на ласку или потасовку. И помогает бредить, вести здесь, наверху, диалог в отуманенной голове.

Нет, Имельда, нет! Даже и не мечтай! Я всего лишь старый циничный мудак, который целыми днями пьянствует в портовом кабаке.

Имельда, давай начистоту. Ты сама хоть на минуту можешь в это поверить?

Ты видишь меня отцом семейства?

Да еще с пятью детьми сразу?

Дым от конопли принимает странные очертания, в нем видятся лица, чувствуются запахи, слышатся голоса.

Имельда, надо было думать об этом раньше. Я этим детям даже не отец... Собственно, кто я этому выводку? Да никто... Ты была умна, Имельда, ты была самой умной из всех кафров, но на этот раз ты промахнулась, не того выбрала... Человека, который не переставая пьет пунш и курит коноплю.

Неудачный выбор.

Но избави нас от лукавого.

Надо с этим покончить, надо выстрелить.

Крестос, расскажешь мне историю про злодея?
Про настоящего злодея?

Рука Крестоса внезапно хватает зажатый у него между колен пакетик с коноплей и обреченным рыбацким движением забрасывает его как можно дальше в океан.

Он направляет пистолет на Грациеллу. Она складывает руки, закрывает глаза.

Все кончено.

— Грациелла Доре, вы арестованы за убийства Амори Оаро, Шанталь Летелье и Имельды Каджее. Вам придется отвечать за свои преступления перед правосудием этого острова.

Он умолкает и глубоко затягивается, бесконечно долго затягивается коноплей, а затем одним щелчком отправляет окурок на песок.

Последний косячок.

Последняя сигарета приговоренного.

Заниматься пятью детьми...

В его голове звучит оглушительный смех Имельды.

Мишель Бюсси

Пока ты не спишь

*Посвящается
— конечно же —
моей маме*

*У меня много
мам.*

*Это не так-то
просто.*

*Особенно
потому, что они
друг друга не
любят.*

*И одна из них
скоро умрет.*

*Может, я
тоже в этом
виноват?*

*Может, все
случилось из-за
меня?*

*Потому что я
не помню, которая
из них настоящая.*

I. Марианна

1

*Аэропорт Гавр-Октевиль,
пятница, 6 ноября 2015, 16:15*

Ноги Малона оторвались от пола, и он увидел даму в стеклянном домике. На ней был фиолетовый пиджак — совсем как у полицейских, и смешные очки на круглом лице. Она напомнила ему кассиршу из цирка.

Он чувствовал, как дрожат мамины руки, — наверное, не так-то легко держать его ровно.

Дама смотрела ему прямо в глаза, переводила взгляд на маму, потом на маленькие коричневые книжечки.

Мама все ему объяснила. Дама проверяет фотографии. Ей нужно убедиться, что они — это на самом деле они. Что их можно пустить в самолет.

Дама не знает одного: куда они летят. Куда они летят по правде.

Он один это знает.

Они отправляются в лес людоедов.

Малон ухватился за раму окошка и смог разглядеть значок на пиджаке очкастой дамы. Читать он, конечно, не умел, но некоторые буквы уже знал.

Ж... А... Н...

Сотрудница пограничной службы кивнула пассажирке, давая понять, что та может опустить малыша на пол. Обычно Жанна проявляла куда меньше служебного рвения. Особенно в этом маленьком аэропорту Гавр-Октевиль, где было всего-то три окна (касса, регистрация и паспортный контроль), две багажные карусели и один кофейный автомат. Но сегодняшний день сложился иначе, как-то нервно. Сразу после 15:00 сотрудники службы безопасности заняли позиции в зале и на площадке перед ангаром, всех мобилизовали для поимки какого-то беглого преступника, которого, впрочем, вряд ли прельстит здешняя авиадыра.

Но это не имеет значения, указания майор Огресс дала четкие: развесить на стенах зала листовки с портретами объявленных в розыск двух мужчин и молодой женщины, провести инструктаж с таможенниками и охранниками.

Преступники очень опасны.

Особенно один из них.

Налетчик. Грабитель. Убийца. Рецидивист со стажем, если верить ориентировке, разосланной во все комиссариаты региональной полиции.

Жанна слегка наклонилась вперед:

— Ты уже летал на самолете, малыш? Путешествовал так далеко?

Ответа она не дождалась — мальчик спрятался за спиной матери. Детей у Жанны не было. Неудобный график работы в аэропорту давал ее дружку-балбесу отличный повод, чтобы уклоняться от разговоров о «продолжении рода». А ведь она умела обращаться с ребятами и нередко находила с ними общий язык... легче, чем с мужчинами. Жанна считала, что у нее дар — приручать детей и кошек.

— Скажи, дружок, ты ведь храбрый мальчик? — с улыбкой спросила она. — Знаешь, там, куда ты летишь, есть... — Жанна нарочно растягивала слова и добилась желаемого результата: из-за обтянутых джинсами ног женщины показался кончик любопытного носа, — джунгли! Так, милый?

Мальчик вздрогнул от удивления и даже отступил на шаг, не понимая, как чужая тетка узнала его секрет. Жанна в последний раз взглянула на паспорта и энергично их проштемпелевала.

— Тебе совершенно нечего бояться, мой ангел, ведь ты отправляешься в путешествие вместе с мамой!

Ребенок так и не пожелал с ней пообщаться, и Жанна почувствовала разочарование. Неужели в довершение всех неприятностей она теряет чутье на малышню? Нет, дело не в ней, просто обстановка сегодня напряженная, эти кретины военные вышагивают по залу, выставив напоказ оружие, как будто майор Огресс устроила проверку боевой готовности и победителей ждет награда.

Жанна не собиралась сдаваться. Ее задача — обеспечить безопасность пассажиров, в том числе эмоциональную.

— Попроси мамочку рассказать тебе о джунглях и ничего не бойся.

Женщина благодарно улыбнулась. Мальчик тоже отреагировал. Станным образом.

Жанна поймала его взгляд, когда второй раз произнесла слово «мама»: малыш посмотрел не на мать — он повернул голову к стене, на которой висели фотографии преступников.

Да нет, показалось...

Наверное, мальчик смотрел в большое окно. На самолеты. Или на море вдалеке. Малыш витает в облаках. В небе.

Жанна колебалась. В этой паре было что-то странное, и у нее возникло смутное предчувствие, природы которого она понять не могла.

Все документы в порядке, нет причин задерживать их. Мимо, грохоча тяжелыми ботинками, прошли два бритоголовых солдата в камуфляже. Милое дело — обеспечивать безопасность, до смерти пугая мирных граждан!

Жанна пыталась уговорить себя, что поддалась психологическому давлению, что во всем виновата атмосфера гражданской войны, неизбежно возникающая в любом аэропорту всякий раз, когда полиция устраивает там облаву. *Слишком ты впечатлительная, отсюда и проблемы — в том числе с мужчинами!*

Она протянула паспорта в окошко:

— Все в порядке, мадам. Счастливого полета.

— Спасибо.

Это было первое слово, которое Жанна услышала от пассажирки.

Airbus A318 небесно-голубого цвета компании KLM[1] оторвался от бетона взлетной полосы.

* * *

Майор Марианна Огресс подняла глаза на лазоревый самолет в небе, несколько мгновений следила, как он скользит над океаном густо-нефтяного цвета, потом продолжила мучительный подъем.

Четыреста пятьдесят ступеней.

Ж. Б., сильно опередивший начальницу, легко, играючи сбежал вниз. Вот ведь стервец, как будто вызов ей бросает! Момент был напряженный, но этот пустяк почему-то дико разозлил Марианну.

— Есть свидетель! — прокричал сверху лейтенант. — И не абы какой...

Марианна ухватилась за перила и остановилась, не донеся ногу до следующей ступеньки. Надо передохнуть, иначе добром дело не кончится. Она тяжело дышала, спина взмокла. Организм сорокалетней женщины яростно протестовал против каждого грамма лишнего веса, ужинов на скорую руку, вечеров на диване перед телевизором, одиноких ночей и проигнорированных утренних пробежек.

А чертов лейтенант прыгает по лестнице так, словно его несут не ноги, а невидимый лифт.

Он остановился перед Марианной и протянул ей нечто, похожее на серую крысу. Мягкую. Мертвую.

— Где ты *это* нашел?

— В зарослях ежевики. Должно быть, Алексис Зерда зашвырнул туда игрушку, прежде чем раствориться в воздухе.

Майор никак не прокомментировала версию своего лейтенанта, только машинально ущипнула старенькую, линялую плюшевую зверушку, которую трехлетний мальчик столько раз прижимал к груди, гладил, сосал, поливал слезами. Черные глаза-шарики были широко распахнуты и с ужасом смотрели на нее.

Ж. Б. прав, она держит в руках свидетеля. Перепуганного. Липкого. Ему вырвали сердце, заставили замолчать. Навечно.

Марианна еще крепче сжала в руках странного зверька. Ее одолевали мрачные мысли.

Ребенок ни за что не расстался бы со своим любимцем добровольно.

Она раздвинула шерстку на груди — таким движением женщины гладят волосатую грудь любовника — и заметила темные пятна на акриловом волокне. Кровь, что же еще. Та же самая, которую они обнаружили в блиндаже?

Кровь ребенка?

Или Аманды Мулен?

— Вперед, Ж. Б.! — нарочито суровым тоном приказала Марианна. — Шевелись! Карабкаемся дальше!

Лейтенант Жан-Батист Лешевалье — для своих Ж. Б. — отреагировал мгновенно, взлетев вверх сразу на пять ступенек.

Она двинулась следом, пытаясь подстроить шаг к ходу мыслей и не замечать усталости. Гипотезы громоздились одна на другую, но срочного ответа требовал один-единственный вопрос.

Где?

Поезд, автомобиль, трамвай, автобус, самолет... У Алексиса Зерды тысяча способов скрыться, исчезнуть — несмотря на объявленную несколько часов назад операцию «Перехват», расклеенные по всему городу листовки с портретами и десятки патрулей.

Где и как?

Шаг — ступенька, еще шаг — следующая, мысль, умозаключение, вывод — и так до бесконечности.

Где, как и почему?

Только бы не задавать другой вопрос. Главный.

Почему выбросили старую плюшевую крысу?

Кто и зачем вырвал игрушку из рук малыша? Он, наверное, рыдал, кричал, что дальше не пойдет — «ни за что!», что вот сейчас возьмет и умрет — прямо тут, но не расстанется с плешивой крысой, впитавшей самые родные и понятные запахи на свете — матери и его собственный.

Ветер с моря вонял нефтью. Контейнеровозы стояли в пробке у входа в бухту Гавра — совсем как застрявшие на светофоре машины.

Вены на висках Марианны набухли от напряжения. Кровь и пот. Ей казалось, что проклятая лестница уходит в бесконечность, а вместо каждой оставшейся за спиной ступеньки впереди тут же появляется новая.

Зачем?

Возможно, Зерда не собирался тащить с собой мальчика и уж тем более грязную и лысую игрушку. Возможно, решил, что проще найти укромное местечко, столкнуть ребенка в яму и зарыть тело.

В небо взлетел еще один аэробус — до аэропорта было километра два, не больше. *Там Зерда не проскользнет!* — успокаивала себя Марианна. *Туда мы отправили достаточно людей...*

Еще несколько десятков ступеней. Лейтенант Лешевалье уже добрался до парковочной площадки, а Марианна нашла наконец правильный ритм и поднималась, машинально разминая пальцами серое плюшевое тельце, словно хотела убедиться, что игрушечному существу неопознанной породы действительно вырвали сердце и язык, что оно больше никогда не расскажет ни одной истории, не поделится

секретом, не откроет тайны. Майор и ее подчиненные часами, снова и снова, слушали его сокровенные беседы с Малоном, но теперь все кончено.

Ладонь Марианны замерла на линиях шерстки, указательный палец вдруг нащупал кусочек более жесткой ткани. Она взглянула, не подозревая, какое открытие ее ждет.

Какую тайну хранит клочок замахрившегося акрила?

Она прищурилась, пытаясь прочесть буквы на ярлыке, и внезапно все поняла. Части мозаики, в том числе самые загадочные, сложились воедино.

Ракета, лес людоедов, пираты и затонувший корабль, тропический грызун, лишившийся памяти, соковище, четыре башни замка — все эти бредни, которые пять дней подряд пыталась разгадать команда майора Огресс.

Они считали их выдумками слишком впечатлительного мальчика... А на самом деле...

Истина была у них под носом! Малыш Малон ничего не выдумал.

Нужно было всего лишь прочесть три слова на клочке ткани, пришитом к безмолвному свидетелю.

Каждый член бригады держал в руках старую игрушку, и никто ничего не заметил. Все только слушали болтливую крысу, но ни один не взгляделся повнимательней в любимца Малона, которого убийца сначала заставил замолчать, а потом зашвырнул на склон горы.

Марианна на мгновение прикрыла глаза. Если бы какой-нибудь телепат прочел сейчас ее мысли, перехватил их, как ловят обрывки чужого разговора, не зная сути истории, то наверняка решил бы, что она чокнутая!

Плюшевая игрушка не разговаривает, не плачет и не умирает. Года в четыре ребенок перестает верить, что она живая. Ну ладно, не в четыре — в шесть, максимум в восемь!

Любой человек, прочитавший первую главу этой истории, назовет ее бредом сумасшедшего. Да, любой — в том числе сама Марианна Огресс. Ее рациональная ипостась. Майор полиции.

Так было бы пять дней назад.

Она прижала плюшевого зверька к груди, оглянулась и почувствовала дурноту. На горизонте бесконечное пустое небо и море

сходились, серая кружевная пена волн выплескивалась на тяжелые свинцовые облака.

Марианна услышала звук работающего двигателя — Ж. Б. уже выводил «рено меган» со стоянки, — встряхнулась и бросилась на штурм последних двадцати ступеней.

Теперь, когда истина открылась ей во всей полноте и ясности, оставалось ответить на последний вопрос.

Ты успеешь их остановить?

Четырьмя днями ранее...

Понедельник

День Луны[2]

2

Маленькая стрелка на 8, большая — на 7

— Мама шла быстро. Мы крепко держались за руки, мне даже было немножко больно. Она искала для нас место, чтобы спрятаться. И кричала. Но я не слышал — вокруг было ужасно много людей.

— Много людей? А что за люди там были?

— Ну... всякие... Они покупали разные вещи.

— Значит, ты видел магазины?

— Да. Много. Но мы тележку не брали, я нес большой рюкзак. С Джеком и пиратами.

— А вы с мамой тоже делали покупки?

— Да нет же, я уезжал на каникулы. Мама говорила: «Это будут до-о-лгие каникулы...» Я не хотел, вот мы и искали где спрятаться. Чтобы никто не увидел мой... приступ.

— Такой же, как случился в школе? Клотильда мне рассказала, что ты плакал. Сильно злился. Хотел все разгромить в классе. Такой приступ, Малон?

— Да.

— А почему ты разозлился?

— Потому что не хотел ехать с другой мамой.

— Вот, значит, в чем дело?

— ...

— Ладно, мы еще поговорим о твоей другой маме. Потом. А сейчас соберись и постарайся вспомнить все, что сможешь. Опиши, что видел в том месте, где вы с мамой «очень быстро шли».

— Я видел магазины. Много. А еще «Макдоналдс», но мы туда не зашли. Мама хотела, чтобы я поиграл с другими детьми.

— А улицу ты помнишь? Еще какие-нибудь магазины?

— Мы были не на улице.

— А где же?

— Ну как на улице, но без неба!

— Ты уверен, Малон? Вы не видели небо? А стоянка возле магазинов была?

— Не знаю. В машине я спал, а потом мы оказались на улице без неба, и мама тащила меня за руку.

— Хорошо, Малон, успокойся, ты молодец. Знаешь что, подожди немножко, я покажу тебе фотографии, ты внимательно посмотришь и скажешь, узнаешь что-нибудь или нет.

Малон неподвижно сидит на кровати и послушно ждет.

Гути молчит. Притворился мертвым. Ничего, так бывает, когда будет можно, он оживет.

— Ну вот, Малон, смотри на экран. Узнаешь что-нибудь?

— Да.

— Вы с мамой были в этих магазинах?

— Да.

— Уверен?

— Ага. Там была такая же птичка — красная с зеленым. И попугай-пират.

— Ясно. Это очень важно, Малон. Я потом покажу тебе другие снимки, а сейчас рассказывай дальше. Где вы с мамой спрятались?

— В туалете. Я сидел на полу. Мама закрыла дверь, чтобы попугай не услышал.

— Что тебе говорила мама?

— Она сказала, что я все забуду, как ночные сны. Забуду, но должен стараться думать о ней каждый вечер перед сном. Думать изо всех сил. О ней и о нашем доме. О пляже. О пиратском корабле. О замке. Она все время повторяла, что картинки из моей головы исчезнут. Я не верил, но мама все время повторяла одно и то же. Ты забудешь,

если перестанешь думать об этом перед сном. Все улетит, как листья с деревьев.

— А потом она отдала тебя твоей другой маме?

— Другая — не моя мама!

— Конечно, Малон, я поняла, потому и называю ее «другая мама».

А что еще сказала твоя первая мама?

— Велела слушать Гути.

— Гути — это твоя игрушка? Привет, Гути! Значит, ты должен был слушать Гути?

— Да! Должен был, тайком.

— Он очень ловкий и умный, твой Гути! А как он помогает тебе не забывать?

— Говорит со мной.

— Гути с тобой разговаривает?

— Да.

— И когда же?

— Это секрет. Мама велела мне хранить его. А потом, в туалете, открыла тайну, как спастись от людоедов, если они захотят утащить меня в лес.

— Хорошо, я поняла и не буду об этом спрашивать. Больше мама ничего тебе не говорила, Малон?

— Говорила. Это...

— Что — это?

— Малон!

— Она назвала тебя по имени — Малон?

— Да. Мама сказала: Малон — красивое имя и ты должен на него отзываться.

— Но раньше тебя звали иначе? Помнишь как?

Малон мгновенно замыкается.

— Ничего, милый, бог с ним, с именем. Вспомни, что мама сказала потом.

— Ничего. Она плакала.

— Понятно. Можешь рассказать о доме, где ты жил раньше?

— Я почти ничего не помню. Гути редко об этом говорит.

— Но что-то у тебя в голове осталось? Ты рассказывал о море, о пиратском корабле, о башнях замка...

— Да! Сада там точно не было, только пляж. И море, прямо под окном моей комнаты. Я видел пиратский корабль, он был сломан пополам. А еще я помню ракету. И еще мне не разрешали уходить далеко от дома — из-за леса.

— Леса людоедов?

— Да.

— Опишешь мне его?

— Ладно. Деревья там высокие-превысокие, до самого неба. В джунглях живут людоеды, большие обезьяны, змеи, огромные пауки — ужас какие страшные, я видел одного.

— Больше ты ничего не помнишь?

— Нет.

— Ладно. Скажи мне... Малон. Я буду звать тебя Малон, пока мы не узнаем твое прежнее имя, идет? Вот и хорошо. Твой зверек, он какой породы?

— Он — Гути!

— Ясно... Гути. Поняла. Значит, он с тобой беседует. По правде. Не только у тебя в голове. Знаю, знаю, это секрет, но, может, все-таки объяснишь мне?

Малон затаил дыхание.

— Молчи, Гути! — шепотом приказал он, услышав шаги на лестнице. Караулить шумы в доме вошло у него в привычку, особенно по вечерам, когда он лежал в темноте под одеялом и слушал рассказы Гути.

Наверх поднималась Мама-да.

— Скорее, Гути, притворись, что спишь!

Его пушистый любимец успел замолчать вовремя: в комнату вошла Мама-да. Малон судорожно прижал игрушку к груди. Он очень гордился своим другом — Гути здорово притворялся.

Мама-да всегда чуть-чуть растягивает слова, особенно по вечерам, когда кажется такой усталой, что едва может договорить фразу до конца.

— Все в порядке, милый?

— Угу...

Малону хотелось, чтобы она ушла, но Мама-да, как и каждый вечер, присела на краешек кровати и погладила его по голове. А потом обняла — так сильно, что даже больно стало.

— Ты помнишь, родной, что завтра я встречаюсь с твоей учительницей?

Он не стал отвечать.

— Мне сказали, что ты придумываешь разные истории. Ты у меня фантазер, как все маленькие мальчики. Я очень тобой горжусь, но, знаешь, взрослые иногда принимают твои сказки за правду. Потому-то нас и вызвали в школу, понимаешь?

Малон крепко зажмурился.

Мама-да долго ждала, потом вздохнула и сказала:

— Ладно, милый, спи. Сладких тебе снов.

Она поцеловала его и наконец-то ушла. Малон еще чуть-чуть подождал — нужно быть осторожным! — и посмотрел на свой космонавтский будильник.

Маленькая стрелка на 8, большая — на 9.

Мама научила Малона, что будить Гути можно, только когда маленькая стрелка окажется на цифре 9.

Он взглянул на большую карту звездного неба, висящую на стене над будильником. Нарисованные планеты блестели в ночи. Когда в комнате становилось совсем темно, видны были только они. Сегодня настал день Луны.

Малону не терпелось послушать историю о сокровище, зарытом на пляже. О потерянном кладе.

3

Сегодня, пляж в Мимизане. Я сняла верх купальника, чтобы порадовать Марко. Моего парня. Ему нравится моя грудь. Лежащему рядом борову она тоже явно нравится.

Желание убить

Я воткнула кончик солнечного зонта ему в брюхо, прямо в пупок.

Не нравится: 28

Нравится: 3289

Телефонная трель вырвала майора Огресс из сна.

Несколько секунд она смотрела на свое голое тело, словно бы застывшее в ледяном гробу. Марианна уже час лежала в ванне, задремала, и вода успела остыть. Потянувшись за мобильником, она задела рукой корзиночку с игрушками, стоявшую на бельевом баке, и пластмассовые кораблики, заводные дельфинчики и светящиеся рыбки свалились в воду.

— Черт!

Она схватила трубку мокрыми пальцами.

Номер неизвестен.

«Ну что за свинство!»

Огресс надеялась, что к реальности ее вернул один из лейтенантов — Ж. Б., Дед или любой другой дежурный детектив комиссариата Гавра. Она пребывала в нетерпеливом ожидании со вчерашнего дня, когда Тимо Солера заметили в квартале Сен-Франсуа рядом с аптекой. Майор приказала четверем своим людям устроить засаду между двумя гаванями — Торговой и Королевской. Они уже почти год гонялись за Солером, если точнее — девять месяцев и двадцать семь дней. Охота началась во вторник, 6 января 2015 года, после того как на пульт дежурного поступил сигнал о вооруженном ограблении в Довиле, в ту секунду, когда камеры наблюдения запечатлели лицо Тимо Солера. Он скрылся от преследователей на мотоцикле *Münch Mammut 2000*, хотя его ранили из парабеллума 9-го калибра. Эксперты утверждали, что пуля должна была застрять где-то между плечом и легким. Марианна хорошо себя знала — теперь она не сможет уснуть до утра, будет дремать, перетаскиваясь из ванны на диван, с дивана в кровать в надежде, что придется среди ночи сорваться на работу. Тогда она натянет на бегу кожаную куртку и выскочит за дверь, не убрав постель, не погасив свет, оставив на столике перед включенным телевизором пластиковую тарелку с едой и недопитый стакан минералки *Quézac*. Только насыплет сухого корма в миску Могвей, ленивой метиски, в которой смешалась кровь породы ли-браун и «кисис вульгарис». «Лигарис» — Марианна очень гордилась придуманным названием новой «породы», как будто сама ее вывела.

— Слушаю...

Она осторожно протерла запотевшее стекло айфона краем свисавшего с бортика полотенца, очень надеясь, что подлючий

сенсорный экран не погаснет.

— Майор Огресс? Меня зовут Василе Драгонман. Я школьный психолог. Вы меня не знаете, но у нас есть общий друг, Анжелика Фонтен. Она дала мне ваш номер.

Энджи... Вот негодяйка! Ну она ей покажет, этой трепливой любительнице кружевного белья от *Aubade*!

— У вас ко мне официальное дело, господин Драгонман? Я жду важного звонка по этой линии.

— Обещаю быть кратким.

Чудесный у него голос — спокойный, мягкий, внушающий доверие. Так мог бы говорить молодой священник, или гипнотизер, или восточный маг, практикующий телепатию, или... завзятый враль. А для придания особой прелести — легкий славянский акцент.

— Я слушаю... — со вздохом произнесла Марианна.

— Мой рассказ может показаться вам странным, майор. Я школьный психолог, зона моей ответственности — весь северный район у приливного устья Гавра. Уже несколько недель я занимаюсь одним не совсем обычным ребенком.

— В каком смысле не совсем обычным?

Свободной рукой Марианна похлопывала по поверхности воды, по коленям. Не так уж и плохо быть разбуженной вкрадчивым мужским голосом. Даже если его обладатель не намерен приглашать тебя на ужин.

— Мальчик утверждает, что его мать — не его мать.

Ладонь Марианны соскользнула в воду.

— Что, простите?

— Он говорит: моя мама — не моя! И папа, кстати, тоже не папа.

— Сколько ему лет?

— Три с половиной.

Марианна прикусила губу.

Не повезло — нарвалась на слишком усердного мозговеда! Видно, Энджи совсем увязла в его психологическом трепе, раз дала ему телефон...

— По тому, как этот ребенок говорит, я бы дал ему все пять лет, — поторопился уточнить Драгонман. — Он, конечно, не гений, но развит не по годам. Если верить тестам, которые...

— А мать с отцом — настоящие родители? — перебила его Марианна. — Вы узнавали у учителей? Уверены, что не было усыновления, помещения в приемную семью?

— Я все проверил — ребенок не приемный, органы юстиции и опеки им не занимались. Родители уверяют, что у их сына просто очень богатое воображение. Директриса вызвала их на завтра, хочет поговорить.

— Значит, все в порядке?

Она сразу пожалела, что слишком резко оборвала сладкоголосого собеседника. Резиновый дельфинчик щекотал ей бедро. Грегуар, племянник Марианны, уже полгода не оставался ночевать в этом доме. В следующем месяце ему исполнится одиннадцать, такого взрослого парня пиццей и фильмами на DVD не соблазнишь, так что неизвестно, когда она его снова увидит. Может, стоит сложить все это барахло в мешок и вынести на помойку, чтобы не расстраиваться?

— Нет, ничего не в порядке! — прервал ее размышления Драгонман. — Как это ни странно, я считаю, что мальчик говорит правду.

Ну конечно! На то он и психолог, чтобы так думать... Ребенок всегда прав!

— А что мать? — спросила Огресс.

— Она в бешенстве.

— Ее можно понять... Так чего же вы от меня ждете, Василе?

Марианна оттолкнула коленом настырного дельфина. Голос незнакомца бередил душу. Слава богу, этот человек не знает, что она разговаривает с ним голая, поставив босые ступни на бортик ванны!

Мужчина молчал, а она предавалась жарким фантазиям. Нет, не о том, чтобы разделить ванну со стройным сильным любовником — места маловато, да и комплексы мешают. Чего ей хотелось на самом деле, хотя она никому бы в этом не призналась даже под пыткой, так это оказаться в ванне со своим ребенком. Она могла бы часами бултыхаться в воде с пухленьким человечком, намыливать ему и себе голову шампунем, брызгаться, смеяться и плевать на указания всех педиатров мира.

— Чего я жду? — переспросил наконец Василе Драгонман. — Не знаю... Наверное, помощи.

— Хотите, чтобы я провела расследование? Открыла дело?

— Так далеко я в своих мечтах не заходил. Простите, майор, неудачная шутка. Я надеялся — Энджи мне сказала, — что вы сумеете кое-что разведать. Проверить утверждения мальчика. Я бы дал вам кассеты с записью бесед, свои заметки, рисунки малыша...

Безумный дельфин снова поднырнул под Марианну.

Разговор затянулся, и она подумала, что проще всего будет встретиться с этим психологом. Тем более что он протеже Энджи... Анжелика Фонтен знает, что подруге нужно. Марианна ясно дала ей понять, что в ближайшие месяцы будет охотиться на единственное в своем роде мифическое животное — ОТЦА. Возможно, Энджи решила свести ее со школьным психологом, сочтя его идеальным кандидатом в папаша. Профессионал по детям, цитирующий Френе, Пьяже и Монтессори,[3] в то время как другие особи мужского пола читают *L'Equipe*, *Entrevue* или *Detective*. Марианна приказала себе забыть о довильских налетчиках и аптеке в квартале Сен-Франсуа. Если этой ночью или утром будут новости о Тимо Солере, ее сразу оповестят.

— Вы наверняка не хуже меня знаете, господин Драгонман: когда возникает подозрение, что ребенок находится в опасности, следует немедленно сообщить в службу правовой охраны несовершеннолетних и в Социальную помощь детству. Случай, который вы описали, кажется мне, скажем так, необычным. Вы собираетесь подать рапорт, опираясь на слова мальчика? У вас создалось впечатление, что с ним плохо обращаются? Родители показались вам опасными личностями? Есть у вас хоть один веский довод, который позволил бы нам изъять малыша из семьи?

— Нет. Родители выглядят до противности нормальными.

— Понимаю. В таком случае никакой срочности нет. Мы займемся этой историей, но события форсировать не будем. Не посадим мать с отцом в кутузку только за то, что у их сына буйная фантазия...

Марианна зябко поежилась. Соль с ароматом лаванды-эвкалипта-фиалки растворилась, вода в ванне была розовой. Желтый пластмассовый кораблик колыхался над ее животом и казался совсем крошечным на фоне выглядывающих из пены грудей-айсбергов. «Апокалиптическая картина конца мира... — мысленно усмехнулась она. — Теплоход плывет мимо райских островов, загрязняя акваторию и побережье».

Голос психолога вернул ее к реальности:

— Простите, майор, но я вынужден не согласиться! Я не просто так выпросил у Энджи ваш телефон и позволил себе этот вечерний звонок. Дело чрезвычайно срочное. Не терпящее отлагательств. Промедление может обойтись мальчику фатально дорого!

— Что значит — фатально? — Марианна повысила голос: — Вы только что сказали, что он в безопасности!

— Поймите меня правильно. Ему нет и четырех, завтра он забудет все, что знает сегодня. Или послезавтра. Или через месяц-два.

Марианна села:

— Объясните поточнее.

— Малыш цепляется за обрывки воспоминаний, пытаюсь убедить меня, что его мать — не его мать. За несколько следующих дней — или недель — он повзрослеет, узнает что-то новое, запомнит названия животных, цветов и букв, и прежние воспоминания сотрутся. Он забудет ту, другую, мать и прежнюю жизнь, о которой рассказывает на каждой нашей встрече. Все это просто перестанет для него существовать!

4

Маленькая стрелка на 9, большая — на 12

Малон долго вслушивался в тишину — нужно убедиться, что Мама-да ушла совсем и не вернется.

Его пальчики гладили Гути под одеялом, почесывали теплую шкурку. Маленькое сердце плюшевого друга забилося сильнее, Малон спрятался под одеяло с головой и весь обратился в слух. Сегодня день Луны. День истории о Гути и орешках. Он слышал ее много-много раз.

Мальчик прижал ухо к мягкому тельцу.

* * *

Гути исполнилось три года, и в своей семье он мог считаться вполне взрослым, ведь его маме было восемь, а старенькому дедушке — пятнадцать лет.

Они жили в самом большом дереве на пляже, третий этаж, первая ветка слева. Их соседями были вечно где-то летающая крачка и

старый хромоногий филин-пенсионер, когда-то служивший на пиратских кораблях.

Мама не раз повторяла, что Гути очень похож на своего дедушку — такой же мечтатель. Дедушка и правда часто пребывал в грезах, потому что терял память. Он то и дело засыпал на чужой ветке, а иногда вместо желудя зарывал в землю серый камешек. Гути любил сидеть на пляже и мечтать, как однажды заберется на корабль, спрячется в трюме и поплывет на новый остров, а чтобы не умереть от голода, прогрызет дырочку в одном из мешков с пшеницей или овсом. Гути хотелось поселиться в незнакомом месте и завести другую семью. Вот такие мысли занимали его голову, заставляя забывать обо всем остальном.

А между тем у Гути была работа, всегда одна и та же, но важная: собирать в лесу орехи и зарывать их рядом с домом. Семья Гути поселилась на острове именно из-за леса. Осеннее небо цвета оранжевых листьев щедро рассыпало по земле фундук, грецкие орехи, желуды и сосновые шишки. Все это богатство следовало собрать до наступления зимы, чтобы семье кормиться остаток года. Мама Гути не могла этим заниматься — она заботилась о его младшем брате Мюло и маленькой сестричке Мюзэ.

И Гути каждый день делал важное для всей семьи дело, а потом шел на берег и мечтал, глядя на воду. Каждый вечер, по пути назад к большому дереву, он вдруг понимал, что забыл, где закопал плоды.

Под большим камнем? Между корнями? Рядом с раковиной?

Бедный Гути не мог вспомнить, но ни разу не осмелился признаться в этом маме.

Время шло, Гути сгорал со стыда — и молчал.

Однажды утром наступила зима.

Все родственники Гути покинули родную ветку и укрылись в чистой глубокой норе под паутиной корней. Когда-то давно ее вырыл дедушка, но семья с тех пор разрослась, и места для хранения припасов не осталось.

Полгода промелькнули как одна секунда.

Когда все наконец проснулись и вылезли наружу, оказалось, что большое дерево исчезло!

И не только оно, но и крачка с филином. Вокруг не было ни одного орешника, дуба или сосны. Лес испарился!

Наверное, зимой буря вырвала с корнями все деревья, а ветер унес их далеко-далеко.

Мама Гути знала, как все исправить. «Первым делом нужно поесть», — спокойно сказала она и велела сыну достать из песка припасы.

И тогда Гути горько заплакал.

Пляж такой огромный, искать там еду все равно что иголку в еловом лесу. Пока он найдет хоть один орешек, семья умрет с голоду... а деревья валяются у кромки воды вверх корнями, с поломанными ветками и больше никогда не принесут плодов.

Мама не стала спорить. «Нам придется перебраться на новое место, дети, — объявила она. — Туда, где будет еда...» — и попросила, чтобы Гути посадил себе на спину Мюзу. Она несла на спине дедушку, который еще больше постарел за время спячки.

Они обошли весь мир. Пересекали реки и долины, горы и пустыни. Искали пропитание в погребках и на чердаках, на верхушках странных незнакомых деревьев и в глубине бездонных ям под толщей океанских вод. Их гнали прочь метлой, они до визга пугали детишек в школах и старых дам в церкви, путешествовали в грузовиках, плыли на кораблях, а один раз даже летели самолетом.

Прошли месяцы, а может, даже годы, и вот однажды — в тот день голод мучил их особенно сильно — седоусый дедушка нарушил молчание. «Пора возвращаться домой!» — вот что он сказал.

Маме его слова, скорее всего, показались глупыми, но дедушка редко открывал рот, и семье следовало подчиниться.

Они отправились в обратный путь. Всем было грустно, каждый вспоминал погибшие деревья, длинный пляж, засыпанный сухими ветками, где не осталось ни листика, ни раковины. Там пустыня страшней тех, которые им пришлось пересечь!

Сначала они решили, что ошиблись пляжем.

Только дедушка улыбался, и его белые усы смешно подергивались. Он велел им сесть на кучку песка и начал рассказывать. «Давным-давно, когда я был маленьким, как Гути, и очень рассеянным, мне хотелось отправиться в путешествие по миру. Мы были бедными и худыми, на нашем пляже росло мало деревьев, о лесе никто слухом не слыхивал, еды не хватало, а я к тому же каждый раз забывал, где

зарыл орешки. Потом из одного потерянного ядрышка выросло дерево, а на его ветках — целых сто орехов. Следом за первым — второе дерево. За ним — третье. Так появился лес, где вы родились...

Наш лес.

У нас началась новая жизнь, и мы очень радовались, но знали, что однажды налетит буря и придется все начинать заново».

Дедушка замолчал, и они пошли по песку.

На пустынном пляже из сотен орехов и желудей, которые Гути когда-то собрал и забыл, где закопал, вырос самый высокий, густой и зеленый лес на свете. Никто никогда не видал такой красоты на берегу моря. Мама Гути крепко прижала его к груди, Мюло и Мюза бегали между деревьями и аплодировали старшему брату маленькими лапками. За ними спокойно наблюдали крачка и филин, давно вернувшиеся в родные края.

Дедушка сказал, что очень устал и скоро уснет на секундочку, которая продлится дольше зимы, и ему нужно сказать Гути что-то очень важное.

Он повел внука к воде и заговорил мягким нежным голосом: «Видишь, Гути, настоящие сокровища — это совсем не то, что ты ищешь всю жизнь, они всегда спрятаны рядом с нами. Ты их сажаешь, ухаживаешь за ними, поливаешь каждый вечер — даже если не помнишь, зачем это делаешь! — и в одно прекрасное утро они расцветают».

* * *

Малон позволил Гути уснуть. Завтра утром его пушистый друг должен быть бодрым и сильным, ведь Мама-да и Па-ди идут в школу, к учительнице. Малон немножко побаивался того, что они ей скажут.

Ему тоже давно пора было спать, но он не хотел. Знал, что кошмары вернутся. Он как будто уже слышал шум ледяного дождя — холодного, сверкающего, острого, как осколки зеркала. Малон даже глаза закрывать не желал.

И вовсе не потому, что боялся темноты!

Стоило ему зажмуриться, и в голове все становилось одного цвета. Как будто кто-то взял кисть и одним мазком перекрасил все вокруг.

Цвет.
Единственный.
Красный.
Везде.

Вторник

День войны

5

Василе Драгонман терпеливо ждал встречи с Марианной. Он сидел в холле комиссариата, положив на колени папку, и разглядывал сновавших мимо сотрудников. Если бы не униформа полицейских и байкерская куртка психолога из состаренной кожи, обстановка напоминала бы больничный коридор, забитый посетителями и усталым персоналом.

Появилась майор Огресс. Она шла не торопясь, по самому центру, и люди обтекали ее с двух сторон, как гордый линкор.

— Ты перезвонил врачу, Дед? — Вопрос был адресован инспектору, который направлялся к лифту.

Лейтенант Пьеррик Паделу замедлил шаг. Все сыщики Гавра звали его Дедом — из-за предпенсионного возраста и шести внуков, живущих в разных уголках Франции. Он наголо брил череп, носил серебристо-черную эспаньолку, тело у него было поджарое, как у профессионального бегуна, а глаза — как у большого доброго пса. Старожилы бригады говорили: «Наш Дед еще о-го-го!» — новички же считали его «ужасно пожилым».

— Он все утро на консультации, помощница пообещала, что шеф перезвонит, как только появится минутка.

— Но он подтвердил, что штопал именно Тимо Солера?

— На все сто. Солер связался с ним через несколько минут после того, как был замечен у аптеки в квартале Сен-Франсуа. Профессор Ларошель обслужил нашего налетчика в порту, в гавани Осака, между контейнерами.

— И доблестный доктор сразу связался с полицией? Его не смутило, что он нарушает профессиональную тайну?

— Нисколько, — улыбнулся Дед. — То ли еще будет...

Марианна отогнала мысли о раненом налетчике и повернулась к Василе Драгонману:

— Ну что, идем? Я нашла для вас время между двумя... консультациями и не могу обещать, что нам дадут спокойно поговорить.

Невозмутимость психолога резко контрастировала с царившим в участке возбуждением. Он сел, расправил полы куртки, открыл папку, достал блокнот и разложил перед собой детские рисунки. Взгляд светло-карих глаз был острым, как луч лазера, славянский акцент проявлялся сильнее, чем по телефону. «Красивые глаза, — подумала Марианна, — не банально карие, а цвета полированного дерева, терракоты или золотистой запеченной корочки круассана».

— Я принес вам рисунки Малона, майор, и мои заметки с комментариями. Они пока рукописные, но...

Марианна жестом остановила Василе, чтобы получше его рассмотреть. Обаятельный мужик, ничего не скажешь! Чуть моложе ее. Она обожала застенчивых мужчин: за их сдержанностью таится огонь. Славянский шарм и трагическая судьба героев Толстого и Чехова.

— Что, если мы начнем с самого начала? О ком вы говорите? Где он живет?

— Конечно, майор, простите. Когда волнуюсь, становлюсь бестолковым. Мальчика зовут Малон. Малон Мулен. Он ходит в младшую группу начальной школы. В Манеглизе. Знаете, где это?

Она сделала ему знак продолжать, кивнув на висевшую на противоположной стене карту эстуария[4] Сены. Манеглиз находился в десяти километрах от Гавра. Маленькая деревенька среди полей с населением в тысячу жителей.

— Со мной связалась школьная медсестра, сообщила, что ребенок все время повторяет нечто странное. Я впервые увидел мальчика три недели назад.

— И он рассказал, что его родители — не его родители?

— Именно так. Малон утверждает, что помнит другую жизнь, прежнюю...

— А родители, конечно, все отрицают.

— Естественно. — Драгонман взглянул на часы. — В этот самый момент они встречаются с директрисой школы.

— Без вас?

— Да. Предпочли обойтись без моего присутствия.

— Родители или начальство?

— По обоюдному согласию...

— Ваше вмешательство их раздражает?

Психолог смущенно улыбнулся и посмотрел на Марианну взглядом бродячего пса, выпрашивающего у прохожего кусок хлеба.

— Их можно понять. Честно говоря, если бы вас прислала не Анжелика...

— Позвольте мне кое-что объяснить. Я постараюсь говорить сжато...

Майор Огресс колебалась. Этот психолог чертовски хорош! Мямлит, запинаясь, но своего не упустит. Нужно будет выяснить, где эта хитрюга Энджи его выловила.

— Ладно, господин Драгонман, даю вам четверть часа.

Дверь без стука распахнулась, и появившийся Дед разрушил очарование момента:

— Доктор на проводе!

— Вот же черт! Переведи на мой телефон.

— Ты можешь не только поговорить с профессором Ларошелем, но и увидеть светило больницы Моно на экране размером три на три! Его кабинет нашпигован классным оборудованием для видеоконференций.

Марианна попросила Василе подождать несколько минут в коридоре:

— У нас крупное дело — январское ограбление в Довиле, наверное, слышали?

Психолог кивнул и послушно пошел к двери, столкнувшись на пороге со вторым лейтенантом, катившим тележку с видеокамерой и микрофоном.

— Наконец-то пригодилась чертова техника, — произнес тот и присел на корточки, чтобы установить камеру напротив белой стены.

На вид сыщику было лет тридцать. Белая футболка, тесные джинсы, кроссовки — вид у накачанного красавчика был явно непротокольный.

Лейтенант Жан-Батист Лешевалье. Женат. Двое детей. Верный муж. Нежный отец.

Ожившая мечта одинокой женщины.

— Пошустрее, Ж. Б.!

Марианна ворчала для проформы. Взгляд скользнул по сильной спине подчиненного, уперся в полоску голого тела между задравшейся майкой и поясом джинсов.

Трусы-боксеры от *Calvin Klein* обтягивали классную задницу.

Руки прочь, частная собственность! Чужая...

— Прямо какое-то широкоэкранное кино. — Ж. Б. с кошачьей грацией поднялся с корточек.

Лейтенанты Паделу и Лешевалье устроились на стульях, Марианна осталась за своим столом. Секунду спустя на белой стене появилась роскошная декорация в стиле хай-тек. Сплошь прямые углы — лакированное бюро, дизайнерские кресла, обтянутые серой кожей, мебель из ценных пород дерева, большая плазма на стене и даже высокая балконная дверь, через которую в комнату льется яркий свет.

А вот и хозяин кабинета. Хирург в белом халате поверх шикарного костюма-тройки (небось подбирал специально к своей хищной улыбке!), в руке стакан, в котором позвякивает лед.

— Здравствуйте, майор Огресс, сожалею, но могу уделить вам всего несколько секунд. Одна дама уже лежит и с нетерпением ждет, когда я вернусь вместе с моим оружием!

Пауза. Ларошель пошутил и теперь как будто ждал награды — заранее записанного смеха зрителей, — сияя безупречной белозубой улыбкой (хвала коллегам-ортодонтам!).

— Я буду пересаживать ей печень. Так что давайте поторопимся.

— Вчера вы оказали помощь Тимо Солеру, так? — задала вопрос Марианна.

Доктор сделал глоток медно-красной жидкости. Интересно, что он пьет перед операцией? Неужели виски? Или *Red Bull*? В углу, в сумке от *Hugo Boss*, клюшки для гольфа, каждая деталь обстановки точно выверена, словно это театральная декорация или съемочная площадка, а не настоящая комната.

— Налетчику? Так точно, мадам. Я уже все рассказал вашим инспекторам. Беглец позвонил вчера, во второй половине дня. Назначил срочную встречу в порту, в гавани Осака — вдали от чужих глаз, понимаете? Он ждал в белой «тойоте ярис». Номер я запомнил, не волнуйтесь. Рана у него плохая — между подключичной артерией и верхней долей левого легкого. Пулю калибра девять миллиметров несколько месяцев назад вытащил какой-то коновал, ухаживали за ним

непрофессионально. По его собственным словам, он недавно упал, рана открылась и начались адские боли. Я сделал, что смог.

— Прооперировали Тимо прямо в машине? — изумилась Марианна.

— Конечно нет! Я имел в виду, что сделал все, чтобы помочь вам.

— Нам?

Ж. Б. был потрясен антуражем и угадывающимся за окном бассейном. Или морем? Ведь это Сент-Адресс, шикарный пригород Гавра, и больница стоит на берегу Ла-Манша.

— Именно так. Помочь правосудию, сообщить о преступнике, которого не один месяц разыскивает полиция, долг каждого честного гражданина, ведь так?

— Безусловно, профессор! Как еще вы нам помогли?

— Ввел двойную дозу нальбуфина. Это обезболивающее, намного сильнее морфина. Лекарство мгновенно облегчило страдания и будет действовать еще как минимум двенадцать часов. Я немножко почистил рану и снова зашил. Шов получился — загляденье. Высокая мода, да и только!

Еще одна улыбка во славу хирургов-стоматологов... Профессор наклонился к камере, будто хотел сообщить нечто конфиденциальное:

— Но внутри я пошалил скальпелем, комиссар! Когда нальбуфин перестанет действовать, Тимо Солер взвьется под потолок. И снова позвонит мне, никуда не денется... а там подтянетесь вы с кавалерией.

Марианна шумно сглотнула, прежде чем ответить:

— Не беспокойтесь, подтянемся.

Ларошель поставил на стол пустой стакан:

— Договорились. А теперь, если позволите, я отправлюсь в операционную и помогу пациентке, которая в меня верит. Если все пройдет хорошо — тьфу-тьфу-тьфу! — через несколько минут все ее страхи будут позади.

Прощальная улыбка — и экран погас. Трое полицейских еще несколько секунд молча смотрели на белую стену.

— Да он просто святой, — умиленно произнес Дед.

— И что органы правопорядка делали бы без помощи таких вот сознательных граждан? — ухмыльнулся Ж. Б.

— Ладно, позубоскалили, и хватит! Доктор нам, может, и не слишком симпатичен, но будет отлично, если с его помощью мы

возьмем Солера. — Марианна повернулась к Ж. Б. и скомандовала: — Давай, Спилберг, убирай отсюда всю эту технику. Дед, будь на связи с нашим доктором Хаусом. А я...

Она подвинула к себе рисунки, принесенные Драгонманом. Четыре вертикальные черты сделаны черным фломастером, пятая, диагональная, — синим.

Каракули.

— А меня оставьте на четверть часа с этим психологом, который жаждет объяснить, как функционирует память трехлетнего ребенка.

6

Маленькая стрелка на 12, большая — на 1

Класс опустел, и Малон остался один. Половина ребят уже построились в пары и, весело галдя, потянулись в столовую через маленькую железную калитку на задах школьного двора. Остальных ждали родители, в основном мамы; папы появлялись утром или вечером. Каждый ребенок хватался за мамочкину руку, обнимал за шею, прижимался к ноге.

Все — кроме Малона.

— Сиди здесь и будь умником. Жди, мы скоро придем, — сказала Клотильда, его учительница, и не обманула: Мама-да и Па-ди появились сразу после того, как ушли другие родители. Мама-да почти никогда не опаздывала, но обычно уводила его обедать одна, без Па-ди.

Малон подбежал и взял ее за руку.

Утром родители напомнили ему, что в полдень будут разговаривать с учительницей. Малон знал: это из-за историй, которые он рассказывает. Странно и здорово было войти в пустой класс и получить в свое распоряжение все игрушки.

— Господин и госпожа Мулен? Прошу вас, садитесь... — Клотильда Брюйер смущенно кивнула на маленькие, сантиметров тридцать в высоту, стульчики — других в младшей группе не было. Обычно собрания с родителями учеников проходили здесь, и проблем ни у кого из взрослых не возникало.

Обычно...

Димитри Мулен — рост метр восемьдесят, вес сто десять кило — пристроился на лилипутском стуле и сразу стал похож на циркового

слона, взгромоздившегося на тумбу. Колени почти уткнулись в подбородок.

Клотильда повернулась к Малону:

— Оставишь нас, великан? Пойди поиграй во дворе и не скучай, мы тебя позовем.

Малон не удивился и не расстроился. Он заранее посадил Гути в углу рядом с куклами, на синюю кровать. Никто не обратит внимания на плюшевую игрушку, а Гути потом все-все ему расскажет. Мальчик вышел из класса и с вождением посмотрел на горку и туннель: там всегда играли дети из старшей группы, а до малышни очередь доходила редко. Он не знал, на что решиться.

Небо совсем потемнело и грозило дождем. Туалет находился далеко от игровой площадки, очень далеко, практически на другом конце двора. Если начнется ливень, он не успеет добежать и наверняка попадет под стеклянные капли.

Из-за закрытой двери раздался крик Па-ди. «Бедненький мой Гути...» — подумал Малон. Он знал, что его любимец побаивается Па-ди, когда тот ругается.

Димитри Мулен нервно переступал ногами по линолеуму с нарисованным городом, давя дома, сады и дороги с машинками.

— Буду говорить прямо, госпожа Брюйер. У меня есть дела поважнее визитов в детский сад! Я наконец снова нашел работу, и мне пришлось упрашивать патрона, чтобы разрешил выйти сегодня после обеда. Вам на это наплевать, вы свою зарплату будете получать каждый месяц, до самой пенсии. У меня совсем другая жизнь...

Ну, пошло-поехало! Очередная обвинительная речь в адрес государственных служащих. Клотильда пропустила инвективы недовольного папаши мимо ушей. Педагогический стаж у нее небольшой, всего шесть лет, и два года на посту директора, но кое-какой опыт она накопила. Клотильда выбрала работу с самыми маленькими детьми, потому что по характеру была мягкой и терпеливой, и это помогало ей справляться с разбушевавшимися отцами.

— Давайте вернемся к теме нашего разговора.

— Согласен. И ближе к делу. Вот, я принес все бумаги, убедитесь сами! — Он достал из висевшего на плече рюкзака несколько

картонных папок. — Свидетельство о рождении! Семейная книжка с печатями мэрии и родильного дома. Альбомы с фотографиями малыша с первого дня его жизни. Смотрите, смотрите! Разве это не наш мальчик?

Сидевшая рядом с мужем Аманда вела себя отстраненно и в разговор пока не вступала. Ее взгляд был прикован к синей игрушечной кроватке в углу, на которую ее сын посадил Гути. «Он как будто шпионит за нами... Господи, что за глупости! Не может плюшевая игрушка ни за кем шпионить...»

— Не стоит так нервничать, господин Мулен! Мы никогда не подвергали сомнению тот факт, что Малон — ваш сын. Но...

— Не держите нас за идиотов! — перебил директрису Димитри Мулен. — Мы очень даже хорошо поняли намеки этого мозговеда, румына, как его там? Василе? И ваши фразочки в дневнике моего малыша.

Мягкость и терпение. Нужно придерживаться выбранной стратегии. Вряд ли папашу Мулена укротить будет труднее, чем Килиана и Ноа, главных заводил класса.

— Я пригласила вас на встречу по одной-единственной причине: ваш сын говорит вещи, необычные для ребенка его возраста. Детский психолог забеспокоился и поделился тревогой со мной, а я всего лишь хочу кое-что уточнить.

— Уточнить! Прямо полицейский допрос.

Клотильда сделала шаг вперед и присела на корточки — так, чтобы ее лицо оказалось вровень с глазами Мулена-старшего. Поза была привычной — она почти весь день существовала на высоте детского роста, так что у этого детины нет пространственного преимущества. Только не в ее классе.

— Ну-ка, успокойтесь! — Она бросила на него суровый взгляд. — Полиция тут ни при чем. Мы в школе. В моей школе! В интересах вашего ребенка будем общаться как цивилизованные люди.

Собеседник Клотильды дернулся было, но жена положила руку ему на бедро и не дала вскочить со стульчика.

— Ладно... — Он с вызовом посмотрел на молодую учительницу. — Против вас я ничего не имею, но этот психолог... — Мулен сделал паузу, подавившись «нелицеприятной» характеристикой. — Разве родители не имеют права запретить ему встречаться с ребенком?

Клотильда ответила не сразу.

— Это не так просто сделать, все зависит от...

— Да начхать мне на вашего специалиста! — снова перебил ее Мулен, но уже не так агрессивно: у крошечной училки явно есть характер, ему такие нравились. — Я и сам вижу — с мальчиком что-то не так. Он не болтливый, но знает много всяких слов — слишком сложных для четырехлетнего мальчугана, а в голове у него... толчется слишком много народу, ну, вы понимаете, о чем я. Если разговоры помогают, тем лучше. Пусть с ним беседует кто-нибудь из взрослых, но не Василе Драгонман. Есть у вас другой человек? Более...

— Что — более?

— Сами понимаете. — Он хохотнул. — Более французский француз, а не какой-то паршивый румын.

Димитри наклонился и положил на пол альбомы с фотографиями, закрыв большую часть нарисованного города.

— Давайте уж, посмотрите, не то получится, что мы зря сюда притащились. Глядите — и мы пойдем.

Клотильда демонстративно отвела взгляд от снимков.

— Василе Драгонман — не мой подчиненный. Я сегодня пытаюсь, так сказать, навести мосты. Мы поговорим, все обсудим, и я сообщу свои выводы психологу, а после этого вы встретитесь еще раз, и не откладывая.

Мулен задумался, и его жена впервые задала вопрос:

— Выходит, школьный психолог может подать докладную через вашу голову?

— Да. Если сочтет, что ребенку грозит опасность, то обратится в Социальную помощь детству, и для начала к вам приставят инспектора...

— Для начала?! — взревел Димитри. — А что будет потом?

Клотильда незаметно убрала из-под ноги Мулена пожарную машинку, чтобы он не раздавил ее каблучищем, и произнесла тонким голоском:

— Потом он напишет заявление в полицию.

— В полицию?! Издеваетесь? Из-за мальчонки, которому нет и четырех и который едва может связать три фразы?

Клотильда спасла следующую машинку. Она не торопилась отвечать, понимая, что вернула себе преимущество.

— Я не утверждаю, что сделаю это, — наконец сказала она и улыбнулась, чтобы успокоить родителей Малона. — Ваш сын — чудесный ребенок, вы идеально о нем заботитесь, он нормально развивается. Кроме того — между нами! — я совсем не жажду, чтобы полиция открывала дело и задавала вопросы детям, папам и мамам.

Клотильда придвинулась еще ближе к Димитри, чтобы смотреть ему прямо в глаза: именно такая поза позволяла ей брать верх над самыми отчаянными шалунами в классе.

— В такой маленькой деревне, как Манеглиз, это никому не нужно. Согласны, господин Мулен? Значит, мы спокойно побеседуем и вы попытаетесь объяснить, почему наш фантазер утверждает, будто вы — не его родители.

Димитри Мулен открыл было рот, но Аманда его опередила.

— Помолчи, — почти жалобно попросила она. — Помолчи и позволь мне сказать.

* * *

На железную горку упала первая капля дождя. Упала и скатилась на песок.

За ней вторая. Потом третья.

Каждая новая была опасней предыдущей.

Малону повезло, даже очень — все опасные стекляшки пролетали мимо.

Пока.

Он бросил последний взгляд на окно своего класса, где на стенах висели рисунки учеников и отпечатки маленьких ладошек: каждый окунал руки в миски с краской, и ему досталась ярко-красная.

Там, за стеклом, родители разговаривали с учительницей. О нем. А может, о маме. И о пиратах, ракетах и людоедах. Взрослым, наверное, это известно, а он сам все помнит благодаря Гути.

Очередная капля шмякнулась на маленькую кроссовку.

Она едва его не задела! Малон кинулся бежать.

От туалета его отделяло расстояние метров в двадцать, а то и больше.

Скорее, скорее, нужно открыть дверь и спрятаться там, как учила мама!

7

Сегодня моя младшая сестра Агата съела все запасы конфет, прежде чем я вернулась из коллежа, а мама — с работы.

Желание убить

Одна из них была с цианидом!

Не нравится: 253

Нравится: 27

www.jelanie-ubit.com

Василе Драгонман разложил перед Марианной Огресс бумаги и постучал пальцем по белому листу с четырьмя черными вертикальными линиями, перечеркнутыми красным зигзагом:

— Вот, смотрите внимательно...

Она прикрыла рисунок ладонью:

— Нет, давайте с самого начала! Кто он, этот мальчик? Расскажите в двух словах о его родителях.

— Родители — нормальные люди. Самые обычные. Ничего примечательного в них нет. Матери, Аманде Мулен, чуть за тридцать, но можно дать лет на десять больше. Отец старше, ему как минимум сорок. Женаты много лет. Живут в маленьком коттедже в Верхнем Манеглизе, почти на окраине деревни, в районе сквера Мориса Равеля, если быть точным. Весь Манеглиз — небольшой центральный квартал, вокруг частная застройка. Аманда работает кассиршей в «Вивеко», это продуктовый магазин самообслуживания. Он, если не ошибаюсь, электрик, ищет — пока безуспешно — постоянную работу, тренирует детскую футбольную команду.

— Вы с ним встречались?

— Один раз, в самом начале. В тот момент вопросов у меня было гораздо меньше.

Василе говорил извиняющимся тоном, как будто чувствовал неловкость за то, что невольно бросает тень подозрения на приличную семью. Марианна подумала, что психолог сейчас похож на маленького

мальчика, который вынужден выступать в роли противного ябедника, и его ужасно мучит совесть. Она сегодня же вечером допросит Энджи и выяснит, что связывает подругу с этим красавчиком. Вряд ли у них роман. Психолог-интеллектуал не ее тип, Энджи любит «плохих парней».

По коридору мимо стеклянной стены шел Дед со стаканчиком кофе в руке, майор бросила на него вопрошающий взгляд, и он в ответ отрицательно покачал головой. Никаких новостей от профессора Ларошеля, стало быть, ничего нового о Тимо Солере...

— Хорошо, господин Драгонман, давайте вернемся к мальчику. Объясните мне эти рисунки.

— Как я уже говорил по телефону, он утверждает, что у него была другая жизнь — не та, что сегодня, не в Манеглизе, не с родителями Амандой и Димитри Мулен. Он детально описывает эту предыдущую жизнь, хотя обычно, по словам учительницы Клотильды Брюйер, Малон Мулен общительностью не отличается.

— А вам он почему доверился?

— Это моя профессия.

«Хорошо сказано! — подумала Марианна. — Василе очень мил и идеально воспитан, но цену себе знает. А что, если он мифоман? Сочинил историю, чтобы привлечь к себе внимание... Этакое “дело тринадцати из Утро”?[5]»

— Смотрите на рисунки, — продолжил психолог, — так вам будет проще понять. Четыре вертикальные линии, по словам мальчика, это башни замка, рядом с которым он жил. Красный зигзаг — ракета. Он уверяет, что видел, как она взлетает в небо. Много раз.

Марианна вздохнула. Она слушала весь этот бред по одной-единственной причине: Драгонман помогал ей скоротать время в ожидании звонка хирурга, когда можно будет послать пять машин в порт и взять наконец Тимо Солера. Она мельком взглянула на компьютер, заметила открывшийся на экране сайт *jelanie-ubit.com* и снова подумала об Энджи.

А вдруг подруга над ней подшутила? Что, если этот так называемый психолог — один из ее приятелей с актерскими способностями?

— Вы забыли о пиратах, — рассеянным тоном произнесла Марианна. — Вчера вы упоминали пиратский корабль.

Василе предпочел не заметить иронии.

— Совершенно верно! — Он подвинул к ней другой рисунок: — Синие штрихи — это море. Малон все время повторяет, что видел его из окна своей комнаты. А две черные точки — корабль.

— Так один пиратский корабль или два?

— Один, но расколотый надвое. Его он тоже видел из окна. Именно такого рода уточнения из уст четырехлетнего мальчика настораживают больше всего. Он никогда не сбивается, на каждом сеансе повторяет все слово в слово.

Марианна провела пальцем по синему морю на рисунке.

— А что насчет леса людоедов? Я помню, в истории был лес.

Она подалась вперед, выставив грудь, свой лучший и единственный аргумент в общении с мужчинами. Разыграла ее Энджи или нет, пора заканчивать комедию.

— Скажите честно, господин Драгонман, чего вы хотите? Как глубоко надеетесь вовлечь меня в эту странную историю? Вы же не станете утверждать, что поверили ребенку, что вас убедили сказки и рисунки?!

Глаза психолога сверкнули. Два кусочка керамики цвета сиенской терракоты разлетелись вдребезги, столкнувшись с жестоким, ледяным, расчетливым миром.

— Да, майор, как бы странно это ни звучало, я ему верю! Восемь лет учебы и столько же лет работы «на земле», как вы говорите, должны были убедить меня, что мальчик создал свой внутренний мир со свойственными ему одному символами, психологический лабиринт, по которому следует передвигаться с особой осторожностью. Называйте это как хотите — инстинктом или интуицией, — но я уверен: большинство воспоминаний Малона реальны. И плевать, что это противоречит психоанализу! Повторяю, я уверен, что малыш видел все, что нарисовал.

— В своем доме в Манеглизе?

— Конечно нет!

«Проклятье!» — мысленно выругалась Марианна, крепко сцепив пальцы под столом. Она чувствовала, что против собственной воли втягивается в немислимую историю и делает это, потому что в ожидании звонка профессора лучше смотреть в дивные, цвета медовой коврижки глаза психолога, а не пялиться на кофемашину.

— У вас есть что-нибудь еще, господин Драгонман? Более конкретное?..

— Да.

Психолог покопался в старенькой кожаной папке и выложил на стол несколько снимков торгового центра:

— Узнаёте?

— А должна? Во Франции несколько тысяч подобных комплексов.

— Этот находится в Мон-Гайар, самом большом районе Гавра. Малон утверждает, что именно здесь мать — настоящая — передала его второй матери, Аманде Мулен. Я показывал ему много фотографий. Он узнал «Макдоналдс», логотип «Ашана» и красно-зеленого попугая, символ «Пиратского островка». Все три магазина есть только в этом торговом центре. Ребенок не мог такое выдумать...

Марианна внимательно просмотрела все снимки, подняла глаза на Василе и вынесла вердикт:

— Не согласна. Он перепутал. Ваш Малон с самого рождения каждую субботу проводит в этом потребительском раю, как и все обитатели северной части эстуария.

— Мальчик ничего не путает, майор! Очень трудно за несколько минут объяснить вам тонкую разницу, существующую между семантической памятью и памятью эпизодической, но Малон не ошибается, уверяю вас!

Красивый, гордый и упертый... Чертов умник...

Марианна вздохнула.

— И как давно, по-вашему, состоялся обмен мамами?

— Много месяцев назад. Возможно, год. Это не первичное воспоминание, а воспоминание о воспоминании,[6] если хотите.

— Не понимаю, объясните подходчивей.

— Воспоминание, о котором он заставляет себя думать каждый вечер, чтобы не забыть, если никто ему не напомнит. Воспоминание, которое он вбивает себе в голову, как гвоздь. И вешает на этот гвоздь в мозгу воображаемую простыню, не желая видеть, что за ней.

— А что за ней?

— То, что он пережил до обмена в Мон-Гайар. То, что ему удастся выразить только рисунками. Людоеды, пираты и многое другое. Реальность, которую почти невозможно визуализировать напрямую.

— То есть мальчик был травмирован и прячет эту внутреннюю травму?

Василе одарил майора Огресс мальчишеской улыбкой.

— Для меня это очевидно! Я готов усомниться в его словах о двух мамах, я не знаю, насколько искренни Мулены, но в одном не сомневаюсь: малыш перенес тяжелейшую травму и его мозг возвел толстенные стены, чтобы запереть призрак в самом дальнем уголке памяти.

Психолог почувствовал, что снова завладел вниманием Марианны, и продолжил, стараясь не торопиться и говорить убедительно:

— Есть одна загвоздка... понимаете, это не травма в ее классическом виде. Малон не боится своих новых родителей. Он их даже любит. Но считает, что они ненастоящие мама и папа.

— Подобные симптомы могли быть спровоцированы педофилией или жестоким обращением со стороны близкого человека, не обязательно отца или матери?

— Я ничего подобного не выявил.

Марианна посмотрела на часы. 12:20.

Уже несколько секунд в окно ее кабинета ломился неистовый, необузданный, злой ливень. В Гавре часто случались короткие дожди, влажность и сероватый туман пропитывали бетонные стены домов в центре города, портовые камни и галечные пляжи.

Через стекло перегородки Марианна видела, как по коридору не торопясь прохаживаются ее подчиненные. Этот язык тела означал одно: Тимо Солер признаков жизни не подавал. Или признаков смерти — если профессор Ларошель слишком уж активно «пошалил» скальпелем.

Она решила продолжить разговор, и на сей раз не ради прекрасных глаз психолога. Пусть расскажет о раннем детстве Малона Мулена и всех других малышей с «нуля до четырех». Майор Огресс надеялась, что однажды сумеет выносить и произвести на свет такого человечка.

— Буду откровенна, господин Драгонман. Все, что я сейчас услышала, напоминает дурацкую шутку, но вчера вы сказали, что дело срочное, и меня это обеспокоило. Вы утверждаете, что память вашего маленького пациента сотрется, поэтому действовать нужно очень быстро. Объясните точнее, что случится, если никто, кроме вас, ему не поверит?

Маленькая стрелка на 12, большая — на 4

Между дверью и белым кафельным полом оставалась щель сантиметров в десять — наверное, чтобы уборщице было удобнее выметать занесенный с улицы сор. Малон смотрел на маленькую лужицу. Он легко преодолеет эту преграду, хотя прыгает хуже старших ребят, да и бегаёт не так быстро.

Пусть кроссовки намокнут, главное, что упавшая с неба вода умирает, разбившись о землю, и перестает быть опасной. Совсем как пчелы: они жалят — и сразу умирают, ему Мама-да говорила. Она часто рассказывает о пчелах, комарах, муравьях и других маленьких букашках.

Да, придется прыгнуть.

Когда все закончится.

Не сейчас.

Малон слышал, как дождь барабанит по крыше туалета, но не знал, мертвые это капли или живые, те, что жалят, как тысяча змей, как тысяча стрел из луков рыцарей, если вы не успели спрятаться.

Он наклонился, чтобы еще раз посмотреть через щель. На другой стороне двора, за окном его класса, угадывалось лицо Мамы-да.

* * *

— Мне здесь неудобно, мадемуазель...

Димитри Мулен ерзал на детском стульчике и разговором совершенно не интересовался. Аманда Мулен отщипнула кусочек пластилина и принялась скатывать крошечные шарики.

— Понимаете, я никогда не любила учиться. Поступила в 1987-м, почти тридцать лет назад. Это моя родная школа. Директором работала госпожа Кутюрье. Тогда во дворе не было горки, в классе — игрушек, а за партами сидело всего пятнадцать человек. Я должна была бы чувствовать себя здесь как дома, но хороших воспоминаний у меня не осталось. Я говорю вам все это, чтобы вы поняли: праздники, родительский комитет, продажа пирожных на школьной ярмарке — это не мое. Не то чтобы я не хотела участвовать... Я знаю, это важно, но...

Аманда замолчала. Соединила красный комок с белым и скатала один розовый, с алыми прожилками. Клотильда терпеливо ждала

продолжения.

— В общем, я не любила учиться — с самого раннего детства, лет с трех. Наверное, я не одна такая, лентяев на свете больше, чем отличников, верно? Я шесть лет сижу за кассой в «Вивеко» и все время общаюсь с покупателями, любой вам скажет. Я не особо застенчива, но у вас смущаюсь. Вокруг полно людей поумней тебя, думаю, они всё знают, у них есть собственное мнение... Я имею в виду тех, для кого школа была удовольствием.

Аманда безостановочно мяла в руках розовые шарики, перекидывая их с ладони на ладонь. «Меня предупреждали...» — подумала Клотильда. Родители часто проявляют недоверие и враждебность, даже бывают агрессивными, стоит им попасть на школьный двор, но в данном случае причина в страхе, идущем из детства.

— Расскажите мне о Малоне, госпожа Мулен.

— Конечно, сейчас. Я заговорила о себе, потому что это важно, иначе вы не поймете. Мы здесь, потому что Малон все время повторяет, что мы не его настоящие родители, и школьный психолог ему верит, так? Разве можно принимать такие слова всерьез? Малон живет с нами с самого рождения. Мы много фотографировали нашего сына, его дни рождения, праздники с соседями, прогулки по лесу, отпуск на море, игры в детском уголке торгового центра. С первой минуты жизни Малона мы расставались с ним всего на два дня — год назад, когда ездили на свадьбу к моей сестре в Ле-Ман. Если бы нам подменили ребенка, мы бы точно заметили!

Клотильда натянуто улыбнулась, а Димитри даже глаз не поднял от игрового коврика.

— Спросите кого хотите, мадемуазель, — не успокаивалась Аманда, — наших соседей, моих родственников, семью Димитри, няню Малона, мамочек, которые гуляют с детишками в парке Эланд... Это мой ребенок! Вы ведь помните, мы пришли записываться в школу в прошлом мае. И в мэрии не могли забыть, как мы регистрировали сына. У нас все бумаги в порядке.

— Конечно, госпожа Мулен, никто в этом не сомневается.

В классе наступила тишина — полная, какой Клотильде никогда не удавалось добиться от учеников. Первой не выдержала Аманда. Она

уронила розовый колобок на вельветовую юбку и спросила дрожащим голосом:

— У нас ведь его не заберут, правда?

Димитри вздрогнул, поддал носком ботинка белую машинку «скорой помощи», изумленная директриса открыла было рот, но Аманда продолжила:

— Мы заботимся о малыше как умеем, мадемуазель. Когда я забеременела, купили дом в Манеглизе. Это было чистое безумие, Димитри подтвердит. Нам никто не помогал, мы закабалили себя на тридцать лет, хотя ссуды были беспроцентные, но не воспитывать же ребенка в муниципальном доме в Мон-Гайар! А еще тут хорошая школа. Так я, во всяком случае, думала.

Димитри Мулен бросил на жену раздраженный взгляд, но она этого не заметила.

— Мы делаем все, что можем, мадемуазель. Следуем советам. Малон играет на воздухе, ест овощи — приходится его заставлять, редко смотрит телевизор. Мы ему читаем. Стараемся дать сыну шанс, которого не было у нас. — Аманда достала носовой платок, стиснула его в кулаке. — Если бы вы только знали, что для меня значит этот мальчик! Клянусь, я все для него делаю.

— Никто в этом не сомневается, госпожа Мулен, — повторила Клотильда, подойдя так же близко к Аманде Мулен, как делала всякий раз, собираясь причесать одного из малышей или вытереть ему нос. — Вы очень стараетесь, делаете все, что нужно. Но почему же Малон рассказывает то, что рассказывает?

— Истории о ракетах, замке, пиратах и другой жизни — прежней, той, что была у него до нас?

— Да.

— Все дети фантазируют, сочиняют, разве нет?

— Верно... но почти никто не утверждает, что живет с чужими людьми, что мама и папа — не его родители.

Аманда надолго задумалась. Димитри снова вытянул ноги и демонстративно застегнул молнию на куртке — ему явно не терпелось уйти, но жена никак не отреагировала на этот жест.

— Считаете, мы плохо о нем заботимся? — спросила она.

— Вовсе нет! — чуточку слишком поспешно ответила Клотильда.

— А я иногда думаю, что мы делаем недостаточно. Малон лучше нас. Умнее. После первой встречи с нашим мальчиком психолог сказал, что он развит не по годам. Мы это понимаем, потому и согласились, чтобы Драгонман с ним пообщался. Голова Малона забита всякими историями, он живет в собственном мире, куда нам с Димитри доступа нет.

— О чем вы?

— Возможно, Малон хотел бы иметь других родителей — богаче, моложе, образованней, летать с ними в отпуск на самолете, кататься на горных лыжах, ходить по музеям. Наверное, он потому и придумывает себе маму и папу, не похожих на нас...

— Вы ошибаетесь, госпожа Мулен, у детей иная логика.

— А вот я ушла от родителей именно из-за того, что хотела жить по-другому. Забыть о деревне, работе, хозяевах. И думала, что все получилось, — пока вы меня не вызвали.

— Я вас не «вызывала», госпожа Мулен. И о другой жизни мечтают подростки, но не такие малыши.

— Но я же говорила, мадемуазель, что Малон развит не по годам!

Димитри Мулен резко вскочил, заполнив собой все пространство.

— Ну хватит! Я опаздываю на смену, а мой сын уже чертову прорву времени мается один во дворе.

У Аманды не осталось выбора — она тоже встала, а ее муж смерил взглядом Клотильду, посмотрел в окно на Малона — дождь перестал, мальчик покинул свое «укрытие» — и сказал:

— Мой мальчишка в полном порядке! Передайте вашему психологу, что если не отстанет, я поговорю с ним по-мужски. Малона не бьют, не насилуют и вообще ничего такого. С ним все хорошо, ясно? А воспитываю я сына так, как сам считаю нужным!

— Понимаю.

Учительница открыла дверь, посмотрела на стоявшего рядом с горкой Малона и произнесла:

— Я уже несколько месяцев каждый день вижу вашего ребенка в классе, поэтому все-таки позволю себе дать один совет: одевайте его потеплее.

— Разве обещали похолодание? — вскинулась Аманда.

— Насчет погоды я ничего не знаю, но Малон мерзнет. Часто. Почти всегда. Даже в солнечные дни.

«Шкода фабия» быстро катила по пустынным улицам Манеглиза. Дорога на Бранмаз. Па-ди все время постукивал по рулю пальцами. Малон сидел в детском креслице, крепко сжимая в руках Гути.

Маленькая стрелка на 1, большая — на 4

Ему не терпелось вернуться в свою комнату и спрятаться под одеялом, чтобы Гути все ему рассказал...

9

— Итак, майор, вы хотите понять, как функционирует детская память?

Марианна кивнула. Василе Драгонман набрал в грудь побольше воздуха и начал излагать:

— Ладно, попробую. Заранее прошу простить, если мои объяснения покажутся вам слишком длинными. Все не так уж и сложно, главное — запомнить принцип, один-единственный и вполне элементарный. Чем старше становится ребенок, тем дольше сохраняются его воспоминания. Трехмесячный малыш помнит неделю. Игру, музыку, вкус... Шестимесячный — три недели, полуторагодовалый — три месяца, трехлетний — шесть месяцев...

Марианна нетерпеливо отмахнулась:

— Будем считать, что математическую теорию я усвоила. Но ведь детская память зависит от других критериев, я права? Полагаю, ребенок лучше помнит вещь или человека, которые видит каждый день. Как и из ряда вон выходящее событие, которое ужасно ему понравилось или до ужаса напугало. Все верно?

— Нет, — психолог покачал головой, — так это не работает. Ваши рассуждения применимы к памяти взрослого человека, способного сделать выбор между важным и второстепенным, полезным и бесполезным, истинным и ложным. Память ребенка до трех лет функционирует совершенно иначе. Все нереактивированные впоследствии воспоминания неизбежно стираются. Приведу пример. С первого дня жизни и до трех лет вы каждый день показываете ребенку один и тот же мультфильм. Он без конца его смотрит и скоро знает наизусть. Персонажи становятся лучшими друзьями малыша. Потом вы на целый год «забываете» о мультфильме, а на четвертый день

рождения сажают сына перед телевизором и... он смотрит его, как в первый раз!

— Неужели?

— Да! Точно так же память работает в отношении людей, даже близких — умершего деда или переехавшей подружки. Конечно, мы исходим из предположения, что люди крайне редко много месяцев обходят молчанием значительное воспоминание. Так называемая короткая память маленьких детей практически безотказна. Малыш знает, где утром спрятал свою соску, он помнит, какого цвета качели в парке, куда его водят играть каждую неделю, может описать собаку, которую видит за чужим забором, когда идет с мамой в булочную, особенно если повторяющиеся действия все время упоминают в разговорах.

— Значит, память ребенка конструируют родители?

— Почти на сто процентов. Кстати, это и к нам относится. Психологи называют такую память эпизодической, или автобиографической. Наша взрослая память практически целиком состоит из не прямых воспоминаний: фотографий, рассказов, фильмов. Что-то вроде арабского телефона: воспоминания о воспоминаниях о воспоминаниях. Человек уверен, что во всех деталях помнит, как провел каникулы тридцать лет назад, помнит каждый день, каждый пейзаж, каждую эмоцию. На самом же деле это всего лишь картинки, всегда одни и те же, которые он отобрал и выстроил, отталкиваясь от сугубо личных критериев, — наподобие камеры, снимающей с одного ракурса одну часть декорации. Тот же принцип действует в отношении первого падения с велосипеда, первого поцелуя, криков радости после объявления результатов экзамена на степень бакалавра. Ваш мозг тасует воспоминания и удерживает лишь то, что важно и интересно. Если бы мы могли отмотать время назад, увидели бы, что реальные факты имеют мало общего с воспоминаниями. Какая была погода? Что вы делали до, после? Кто там был, кроме вас? Нет ответов. Остались только вспышки — озарения!

Марианна все время посматривала через плечо психолога на коллег, фланировавших по коридору с сэндвичами и стаканчиками кофе. Значит, Тимо Солер с профессором Ларошелем не связывался.

— Я далеко не все поняла, господин Драгонман, — сказала она, — но готова верить на слово. Давайте вернемся к детям. В какой момент

появляются воспоминания, сохраняющиеся на всю оставшуюся жизнь?

— Трудно сказать. Некоторые люди свято верят, что помнят события, пережитые в два-три года, однако речь идет о воспоминаниях «с чужих слов», или реконструированных воспоминаниях. Это относится к приемным детям, особенно к усыновленным в других странах: им трудно отделить реальные воспоминания от тех, что основаны на рассказах взрослых, или тех, которые они себе нафантазировали. Канадские исследователи выяснили, что приемные дети, узнавшие об усыновлении в самом раннем возрасте, свято верят, что помнят свою «первую жизнь». У тех, для кого усыновление осталось тайной, подобных «воспоминаний» нет.

Психолог опустил глаза на рисунки Малона Мулена, помолчал и продолжил:

— Подведем итог, майор. У большинства из нас не существует практически ни одного непосредственного воспоминания о том, что было пережито в четыре-пять лет. Вы никогда не забудете того, что происходило в первые шестьдесят месяцев жизни ваших детей. Будете с умилением вспоминать, как водили их в зоопарк, возили к морю, рассказывали сказки, праздновали дни рождения и Новый год, словно это случилось вчера. Вы — но не они!

Марианна бросила на психолога изумленный взгляд, как будто он только что высказал жутко еретическую мысль.

— Но ведь педиатры утверждают, что основы личности закладываются до четырех лет...

Василе Драгонман улыбнулся: он заманил майора куда хотел.

— И они правы! Первые годы — самые важные. А если верить психогенеалогическим[7] теориям и трансгенерационным бредням,[8] эти самые «основы» начинают формироваться в период внутриутробного развития. Ценности, вкусы, личность... Все творится в первые годы жизни и запечатлевается навсегда! Все — только не непосредственная память о фактах! Поразительно, парадоксально, не так ли? Наша жизнь управляется событиями, актами насилия и проявлениями любви, подтверждения которым мы не имеем. Этаким черный ящик, ключ от которого потерян навек.

— И воспоминания хранятся в этом самом ящике? — спросила Марианна, пытаясь осознать услышанное.

— Да... По сути своей это довольно простой механизм. Пока речь не освоена, мысль развивается через образы — как и память. С психоаналитической точки зрения это означает, что воспоминания могут храниться только в подсознании, а не в сознании и не в предсознании.

Майор Огресс сделала большие глаза, желая показать, что запуталась. Психолог подался вперед и принялся терпеливо объяснять:

— Иными словами, в памяти маленького ребенка, который вроде бы все забыл, обязательно остаются следы! Это так называемая сенсорная, или сенсорно-моторная память. Она выражается в смутных эмоциях, впечатлениях, ощущениях. Классический пример: мальчик, которому сделали обрезание в возрасте трех месяцев, до десяти лет ужасно боится больницы, ее запахов и звуков, не понимая природы этого страха и даже не зная, что уже бывал там. На нашем «птичьем», профессиональном языке такую подсознательную травматическую память называют фантомной.

Марианна все больше увлекалась разговором, и не только потому, что ореховые глаза психолога загорались азартом, как только он начинал излагать очередную теорию. Она упивалась ситуацией, как сверхмотивированная студентка. Ей казалось, что она плывет к незнакомому материку или девственному острову, населенному маленькими дикарями «от нуля до четырех», которых можно воспитывать и формировать по образу и подобию родителей. Мечта любой мамы!

— Позвольте глупый вопрос, господин Драгонман. Какое решение должен принять воспитатель, имея дело с травмированным ребенком? Что будет правильно — помочь ему забыть или облечь ощущения в слова, поговорить о них, чтобы фантом не угнезвился в самом дальнем уголке мозга?

Ответ Василе последовал незамедлительно:

— Тут все психологи единодушны, майор: отрицание травмы есть форма защиты, которая ничего не решает! Чтобы жить с травмой, нужно принять ее, противостоять ей, облечь чувства в слова. Это называется коэффициентом удельного сопротивления на удар — термин, введенный в оборот Борисом Цирюльником.[9]

— Вам не кажется, что тут есть нечто идиотское? — спросила Марианна, обожавшая провоцировать собеседника.

— Почему? — встрепенулся Василе.

Она поняла, что заработала очко, и решила развить преимущество:

— Ну... я вспоминаю фильм «Вечное сияние чистого разума»... Историю об обществе, в котором болезненные воспоминания можно просто стереть. Заманчиво, вам так не кажется? Чем горевать по ушедшей любви, лучше навсегда забыть о ней!

— Это ненаучная фантастика, майор.

Ура, он попался!

— Конечно, для взрослых... Не для маленьких детей — если верить тому, что вы рассказали! Взрослый человек с постоянной памятью не может вытеснить травму. Выход один — извлечь ее, как опухоль. Но у четырехлетнего ребенка все происходит иначе, так? Все сознательные воспоминания исчезают бесследно? Лично я готова спорить, что лучше ничего не говорить, пусть воспоминания улетучатся, растворятся, начнут казаться нереальными... Даже если ребенок смутно помнит обстоятельства, при которых был травмирован, он будет отождествлять их с прочитанным в книге или увиденным на экране. Своего рода теория удержания, или заточения, если хотите. А на практике так закапывают в землю радиоактивные отходы.

— Продолжайте, майор... — Разговор явно забавлял Драгонмана.

— Вообразите мальчугана года или двух от роду, пережившего геноцид, как дети из Камбоджи или Руанды, попавшие во Францию после того, как у них на глазах убили всех родственников. Как лучше поступить? Стереть воспоминания, чтобы они забыли о пережитых ужасах и росли, как все нормальные дети, весело и беззаботно, — или ничего не делать, и пусть всю жизнь несут эту ношу?

— Скажу откровенно, майор, с точки зрения психоанализа ваша теория неприятия действительности — полный бред! Сенсорная память ребенка войдет в противоречие с тем, что попытаются вложить ему в голову взрослые. И фантомов вы не прогоните... Однако... однако вы нарисовали очень точную картину. Мне понравилось сравнение с радиоактивными отходами. Рвануть может в любой момент! А может и не рвануть... — Драгонман подмигнул Марианне. — Единого для всех правила не существует. Подавленная жестокая травма способна спровоцировать амнезию — даже у взрослых. Иногда память возвращается, и человек неожиданно вспоминает о перенесенном в раннем детстве сексуальном насилии. Как в этом случае отличить

ложное воспоминание от реального? Фантомы подсознания идут с нами по жизни, как маленькие верные и невидимые ангелы. Существует единственный способ научиться жить с ними в гармонии.

— И какой же?

— Любовь, майор, любовь! Ребенок прежде всего нуждается в физической и эмоциональной безопасности. В стабильности. В доверии к взрослому, который его защищает. Вербализация травм не играет роли, если отсутствует главный ингредиент: любовь матери, отца, любого другого взрослого, которому доверяет ребенок. Ему нужна только любовь!

Марианна внимала словам Драгонмана, как песне. Этот тип со славянским акцентом и глазами цвета светлого дуба, блестящими, как школьная парта в первый день учебного года, наделен врожденным педагогическим даром. Чувством ритма, умением интонировать, нагнетать напряжение. Если все психологи такие, неудивительно, что студентки штурмуют аудитории, где читают курс этой науки.

Она перевела затуманенный взгляд на детские рисунки.

— Все ясно, господин Драгонман. Любовь матери важнее всего на свете. Но давайте вернемся к Малону Мулену. Я кое-чего не понимаю. Вы утверждаете, что история с заменой одной мамы на другую произошла в торговом центре много месяцев назад. Почти год. Как мальчик может помнить все детали, если у ребенка его возраста воспоминания так быстро улечиваются? Я уж не говорю о его прежней жизни — пиратских кораблях, ракетах, людоедах...

— Ему много месяцев подряд — каждый день, каждый вечер, каждую неделю — напоминают об этом.

От удивления Марианна чуть со стула не свалилась.

— Черт! Кто? Кто это делает?

Ответить психологу помешал вошедший в кабинет лейтенант Пьеррик Паделу. Весело ухмыляясь, он подал Марианне серо-голубой пуленепробиваемый жилет с надписью «Полиция» на спине:

— Пора, милая! Наш бесценный лекарь только что позвонил. Тимо Солер потребовал немедленной встречи — через час, в порту, в гавани Осака. Там же Ларошель зашивал его вчера.

Майор Огресс вскочила и скомандовала:

— Десять человек, пять машин, нельзя его упустить!

Василе Драгонман с изумлением наблюдал за вставшим на дыбы комиссариатом. Марианна была уже на пороге, когда он робко поднял руку:

— Вы не хотите узнать ответ на свой вопрос, майор?

— Какой вопрос?

— Кто рассказывает Малону Мулену о его прежней жизни.

— Он с вами поделился?

— Да...

— Ну же, говорите! — нетерпеливо поторопила Марианна, на ходу надевая жилет.

— Его игрушка.

— Что-о-о?

— Плюшевая игрушка по имени Гути. Малыш утверждает, что Гути каждый вечер — в кровати, под одеялом — говорит с ним о жизни, которая была «до». И... если хотите знать мое мнение... каким бы странным это ни казалось... я думаю, что он говорит правду!

Психолог с лучистым взглядом мог кого угодно убедить в том, что Марс обитаем, и уговорить любую женщину сесть вдвоем в ракету и отправиться заселять Красную планету.

10

Лейтенант Паделу наблюдал за припаркованной на другом берегу бухты белой «тойотой», спрятавшись за стеной контейнеров, напоминающих разноцветные стальные кирпичи. Других машин на полуострове, «запертом» шлюзом Франциска I, не было.

Все пути к отступлению отрезаны.

На западе — океан.

На юге — гавань Азии, Дед и два «рено меган».

На севере — гавань Северной и Южной Америк и еще два полицейских автомобиля, которые спрятались за гигантскими кранами, склонившими головы над венесуэльским теплоходом.

На восточной оконечности полуострова, где находился Солер, в пятом по счету «рено» сидели майор Огресс и капрал Кабраль. Они нашли укрытие за искусственными дюнами из песка и гравия, выбранными из устья, чтобы бронированные монстры могли подходить к бетонным пирсам.

Сизифов труд. Выкапываешь несколько кубических метров песка, а каждый океанский прилив приносит вдвое больше.

Лейтенант Паделу давно не был в порту, особенно здесь, напротив шлюза Франциска I и разводного моста, который был самым большим в мире, пока бельгийцы, а потом голландцы и китайцы не побили рекорд.

Сорок лет назад отец возил маленького Пьеррика на багажнике своего велосипеда между ящиками, которые разгружали докеры. Четыре пятых города еще лежали в руинах после жестокой бомбардировки. Сыщик не помнил, каким был Гавр до 1945-го, город роскошных вилл, богатых арматоров, казино и морских купаний. Город, который оплакивали старики. Его отец. Его мать. Тот Гавр, где доки Кафе и Океан превратили в кинотеатры, концертные залы, «Фнак», «Пимки» или «Фланч»,[10] куда молодняк приходит тусоваться, а не работать.

— Эй, Дед, слышишь меня?

Жан-Батист Лешевалье находился прямо напротив, в гавани Северной и Южной Америк. Их разделяли пятьсот метров океанской глади и четыре километра дамб. Лейтенант Паделу вышел из задумчивости и нажал на кнопку рации:

— Угу... Слышу. Видишь «ярис»?

— Как на ладони. И Тимо Солера внутри. Бурден уже сделал несколько отличных снимков. Выглядит наш клиент паршиво. Похоже, он молится, чтобы Ларошель его не продинамил.

Дед посмотрел на часы. 13:12.

— Куда подевался чертов докторишка?

— Говорит, что едет. Ищет дорогу... похоже, он не знает, как забить в навигатор слова «промышленная зона».

Лейтенант отключил рацию и поднес к глазам бинокль. Тимо Солер сидел, прижавшись затылком к подголовнику и крепко ухватившись за руль. Его лицо то и дело судорожно подергивалось от боли, но он был настороже и пытался держать глаза открытыми. Оружия лейтенант Паделу разглядеть не сумел. Интересно почему?

Хочет иметь возможность мгновенно стартовать, если что не так?

Или совсем измучен болью?

Дед поднес к губам рацию:

— Какой план, Марианна? Мы не можем ждать профессора до вечера. Ж. Б. предлагает действовать...

— А ты что думаешь?

— Что красавчик Тимо вряд ли от нас ускользнет. Там, где он стоит, на юге, только одна дорога, а на севере два моста. Мы перекроем все выходы.

— Поняла. Но Солер не случайно там встал. У него круговой обзор окрестностей, он заметит нас за километр, как только покажемся, а гарантии, что наш подопечный не вооружен, нет. Дозвонился до врача?

— Ж. Б. говорит, он скоро будет...

— Тогда придерживаемся плана. Ларошель даст Тимо тиопентал, тот отключится минут через пять, и док начнет его резать. А мы подтянемся. Какая у профессора машина?

— «Сааб 9–3».

Марианна присвистнула.

— Было бы обидно начать без профессора, раз уж он готов не погнушаться нашим обществом и приехать в порт на такой роскошной тачке.

Дед оценил юмор начальницы.

— Для него это дело чести. Классовая солидарность! Не забывай, что Тимо Солер ограбил четыре самых роскошных магазина Довиля. Логика доброго доктора Ларошеля вполне понятна: во что превратится мир, если дать волю мужланам?

— Ладно, Дед, поострили, расслабились — и хватит! Ждем нашего поборника справедливости еще десять минут, потом выдвигаемся.

Порт выглядел вымершим. Казалось, что команды ушли со стоящих на приколе кораблей, техники бросили руководить разгрузкой и власть захватили машины и роботы — единственные выжившие в этом аду из стали и бетона. Опустевшие контейнеры громоздились на площадке, подчиняясь какой-то абсурдной логике, навсегда забытой с уходом последнего человеческого существа.

Дед ни на секунду не спускал глаз с белой «тойоты» и предавался философским размышлениям. Содержимое каждого контейнера наверняка стоит кучу денег, так почему эти гигантские железные коробки расставлены как попало и ни один бухгалтер из капитанства понятия не имеет, что за богатства занимают многие километры пирсов?

Отец лейтенанта Паделу часто повторял, что порт, работающий на полную мощность, это порт, где нет кораблей. Корабль, стоящий у пирса, теряет деньги. Паделу-старший был докером, его бригада много и тяжело работала, соревнуясь с другими. «Как же все изменилось... — думал Дед. — Сегодня порт, работающий на всю катушку, это порт без людей!»

— Доктор еще в Арфлэре, — проскрежетал голос Ж. Б. в радиии. — Сказал, что не там свернул, но, по-моему, врет — просто задержался в больнице. Обещал быть через десять минут.

Дед снова посмотрел на часы. Ларошель опаздывал уже на семь минут.

— Что делаем, Марианна?

— Ничего. Не теряем из виду «тойоту» и ждем.

Ждем.

Серый танкер медленно входил в бухту. Российский флаг. Значит, нефть. При такой скорости он через несколько минут окажется перед гаванью Северной и Южной Америк и перекроет Ж. Б. вид на полуостров. «Ничего страшного, — сказал себе Дед, находившийся на другой оконечности бухты, — нам с Марианной все отлично видно».

Мелкий частый дождь промыл серый бетон порта, высветлил свинцовое, линялое небо.

— Солер ожил! — рявкнула в радию Марианна.

Дед подкрутил бинокль и успел разглядеть, как Тимо разогнулся с гримасой боли на лице, переключил скорость, его машина развернулась, подняв облако пыли, и рванула на север, к красному металлическому мосту, находящемуся в нескольких сотнях метров от шлюзовых ворот.

— Он твой, Ж. Б.! — закричал Дед. — Солер сорвался и едет к тебе. Марианна его преследует.

Лейтенант Паделу занимал позицию между цистернами и дорогой к устью, чтобы перекрыть преступнику отход на юг, и теперь мог только наблюдать за коллегами. От машины Солера его отделяло расстояние в два километра.

«Рено» Марианны, завывая сиреной, вылетел из-за дюны, не оставив раненому грабителю ни единого шанса на бегство...

Дед перевел бинокль чуть выше, слегка опережая «тойоту», и...

Вот же черт!

Он прикусил губу, едва удержавшись, чтобы не выругаться прямо в рацию.

Солер все точно рассчитал.

В тот момент, когда его машина оказалась у шлюза Франциска I, нос русского танкера появился у края разводного моста. Солер прибавил скорости. Мост разошелся на несколько сантиметров, и половинки начали подниматься к небу.

Тревожный сигнал шлюза эхом откликнулся на завывания полицейской сирены. Замигали три красных огня, в свете синих фонарей на крышах полицейских машин цвет сменился на пурпурный, как будто сцена, снятая на черно-белую пленку, внезапно обрела краски.

«Тойота» влетела на мост. Машина выглядела крошечной на фоне танкера-гиганта. Как муха, приземлившаяся на рог носорога.

— Нужно прижать его, не дать проскочить! — заорал Дед. Помочь коллегам он был не в состоянии и задыхался от бессильной злобы.

— Я ничего не вижу, — откликнулся Ж. Б. — Проклятое русское корыто заслоняет мне обзор. Если Солер минует шлюз, мы с ним окажемся нос к носу.

«Если успеете...» — подумал лейтенант Паделу, не опуская бинокля.

Машину Марианны вел Кабраль, надежный и очень опытный полицейский.

— Поднажми! — скомандовала она. — Если Солер собирается проскочить, мы тоже должны успеть!

Майор Огресс расстегнула кобуру и опустила стекло: так будет удобней стрелять... если придется.

Кабраль и глазом не моргнул.

«Тойота» оттолкнулась от моста, как лыжник от трамплина, и, пролетев над водой метра полтора, приземлилась на набережной.

Лейтенант мог определить дистанцию очень приблизительно, ему показалось, что машина вот-вот перевернется, но она сделала разворот на 180 градусов и застыла.

— Могу представить, каково пришлось этому говнюку! — прошипел Дед. — Доктор Ларошель с ним не чикался, заправский мясник так бы рану не разворотил. От такого удара Тимо наверняка едва не сдох!

Вот именно — едва... В следующую секунду белая «тойота» стартовала в сторону авеню Амираль Шийу, петляя между контейнерами.

— Прямо по курсу! — выкрикнул Дед. — Не зевай, Ж. Б., он будет у тебя на мушке.

Мост поднялся уже на метр, вой сирен бил по ушам, вспышки слепили глаза.

— Не проскочим!

Кабраль резко втопил в пол педаль тормоза, «рено» замер почти у края, и майор Огресс со всей силы ткнулась лицом в ветровое стекло, засыпанное мокрым песком.

Машины Тимо Солера, Ж. Б. и капрала Ленормана исчезли из поля зрения Деда.

— Вы там в порядке?! — крикнул он в рацию и услышал ответ Кабраля:

— Обойдется... Майор пострадала, но не сильно — расквасила нос. Выговор от начальства мне обеспечен, но это все-таки лучше прыжка в воду.

Мост плавно опускался на место, порт оживал на глазах. Из-за контейнеров, как плеймобили из коробки, выбегали люди; русские моряки, собравшись у борта, с интересом наблюдали за происходящим.

— Слышишь меня, Дед? — Голос Ж. Б. из рации заставил лейтенанта вздрогнуть от неожиданности.

— Куда я денусь...

— Мы нашли «тойоту».

— И?

— Пустую, — уточнил Ж. Б. — На авеню 16-й Портовой. Ставим оцепление. Он ранен и пешком далеко не уйдет.

— Твоими бы устами... — с сомнением в голосе произнес Дед.

Он хорошо знал это место. Улица, где Солер бросил машину, огибала квартал де Неж, район на тысячу жителей, странный симбиоз промышленного предместья и неблагополучной городской зоны. Анклав среди портовых сооружений. Изолят.

Тимо Солер не случайно назначил встречу профессору в порту и не просто так бросил машину там, где бросил! Он уже много месяцев скрывался в квартале де Неж, у него здесь есть сообщники, так что поиски могут затянуться на недели.

И никто не поручится, что они загонят хищника раньше, чем того dokonает рана.

11

Маленькая стрелка на 1, большая — на 7

Малон играл на ковре с маленькой бело-голубой ракетой, а Гути наблюдал за ним, сидя на полу у ножки стула. Малон предпочел бы подняться к себе в комнату и послушать рассказ плюшевого друга, но не мог.

Сегодня на это нет времени, сказала ему Мама-да. Они успеют только разогреть спагетти, накрыть на стол, быстро поесть и вернуться в школу.

Малон поднял руку с зажатой в ней ракетой, размышляя, куда бы ее отправить. Пожалуй, на Пуф-Пуф, малую лиловую планету в форме груши. Из кухни доносился громкий голос Па-ди. Он пил кофе и все время повторял одно и то же.

Учительница и Василе. Василе и учительница.

Па-ди злился. За столом он ни разу не посмотрел на Малона, и мальчик знал почему.

Па-ди рассердился из-за того, что он рассказал Василе.

Ну и пусть. Па-ди может кричать, не обращать на него внимания, даже наказать. Ему все равно! Он никогда не поделится тайной с Па-ди, а с Василе будет говорить. Он обещал маме.

Мама-да быстро помыла посуду, поцеловала Малона в лоб и начала собирать тетради и книжки с картинками. Она открыла большой шкаф под лестницей, и тут ее позвал Па-ди: он никак не мог найти свой

шарф. Мама-да всегда говорила, что у нее не один ребенок, а два — Малон и Па-ди!

Она пошла искать шарф, Па-ди ждал в кухне перед телевизором, допивал кофе и то и дело кричал, что опаздывает.

Ракета мягко приземлилась на планету Пуф-Пуф, совсем рядом с высокой черной дверью в конце коридора, которую всегда держали закрытой.

В шкафу было почти темно, свет шел только снаружи. На стеллажах стояли альбомы с фотографиями. Открывать их было незачем — Мама-да много раз показывала эти снимки Малону, но он не узнавал себя маленького. Благодаря Гути мальчик помнил кучу вещей, но не себя. Не свое лицо в детстве.

Малон обвел взглядом коробки, составленные под ступенями лестницы, и заметил странную картину, на которой были написаны большие буквы. Он знал не весь алфавит, но свое имя прочесть мог.

М. А. Л. О. Н.

В школьной раздевалке, на стене, висели таблички с именами. На одной из них было написано «Малон».

На гладкой белой бумаге под стеклом было выведено его имя. Но не фломастером. Не краской. И не ручкой.

Малон влез на коробки, взял картину и наклонил так, чтобы на нее падал свет.

Буквы его имени были написаны... животными!

Правда, совсем маленькими.

Муравьями.

Несколько десятков муравьев выстроили рядами, приклеили к бумаге и придавили стеклом. Сделано это было с большой тщательностью и очень аккуратно. Получилось чисто и красиво, но Малон чувствовал печаль из-за того, что всех этих букашек убили. Или имя написали сушеными муравьями?

Кто мог такое придумать?

Уж точно не Па-ди. Он терпеть не мог раскрашивать, вырезать, играть в «Лего». Значит, это Мама-да приготовила для него сюрприз?

Странно... Малон не очень любил муравьев. Особенно дохлых. Ему больше нравилось, когда его имя писали цветными фломастерами или пальцами, вымазанными в краске.

Хлопнула входная дверь: Па-ди ушел, даже не попрощавшись.

— Нам пора, дорогой! — крикнула из своей комнаты Мама-да. — Надевай курточку.

Малон бесшумно покинул шкаф, однако успел увидеть других странных зверей. Тоже мертвых, но покрупнее муравьев.

12

Нос Марианны Огресс украшала повязка, зафиксированная пластырем на щеках.

«Ну и рожа, как у боксерши, — подумала она. — Или у кугуара, посетившего ветеринарную клинику пластической хирургии». Невыносимо чувствовать на себе взгляды пятнадцати мужиков, особенно — по разным причинам — Ж. Б. и Кабраля, но без дебрифинга[11] не обойтись. Тимо Солер ушел от них, теперь придется задействовать как можно больше людей, даже тех, кто и года не работает, причем у каждого должен быть максимально полный объем информации о доவில்ском ограблении.

Деваться было некуда, и Марианна вышла в центр комнаты. Когда она после удара о стекло посмотрела в зеркало и увидела распухший кровотокающий нос, то чуть не заплакала от жалости к себе. Первая мысль была не о бегстве Тимо Солера, а о том, как долго окружающие будут пугаться ее жуткого вида. Неделю? Месяц? Полгода? «Часики тикают. Обратный отсчет начался, а с такой рожей на тебя ни один стоящий мужик не клюнет и ребенка тебе не сделает...»

Ау, старушка, ты превращаешься в маньячку!

Она взяла себя в руки и вставила флешку в компьютер, одновременно контролируя подчиненных, передававших друг другу папку с делами. Слава богу, нос не сломан — по словам Ларошеля, который «оказал ей первую помощь» прямо в порту, на виду у докеров и моряков, глазевших на майора полиции, как на обнаруженного в контейнере нелегала. Он заверил Марианну, что швы накладывать не требуется, а гематома рассосется через несколько дней. Хотя какая-то польза от светила!

Хирург подъехал к шлюзу через три минуты после исчезновения Тимо Солера, и она спустила на него всех собак: байка о навигаторе, «забывшем» дорогу к порту, не выдерживала никакой критики. Марианна не исключала, что Ларошель задержался сознательно, чтобы позволить преступнику уйти.

Однако Дед, хоть и не питал теплых чувств к профессору, с начальницей не согласился: «Остынь, Марианна. Он назвал точное время и место встречи, Солер на встречу явился, так что мы сами виноваты».

Лейтенант был прав: Ларошель не в ответе за их некомпетентность, а выволочка его скорее развлекла, как и унылые лица толпившихся вокруг сыщиков.

— Ладно, Дед, — буркнула Марианна, — разберемся...

Она понимала, что наезжать на доктора не следует. В конце концов, он уже помог полиции: открытая рана Тимо — его рук дело... Все так, но от этого не легче.

Марианна ворчала всю дорогу до комиссариата.

Сегодня, по вине придурочного лекаря, я упустила преступника, да еще и рожу мне покалечили.

Желание убить.

Я выхватила оружие из кобуры и...

Ей не хватило воображения придумать смешной или странный пост завсегда сайта *jelanie-ubit.com*. Все они соревновались в находчивости, изобретая «казни египетские» для тех, кто портит им жизнь. Правило идиотского сайта было очень простым: скажите, кого ненавидите, опишите — по возможности в трогательной или патетической форме, — как стали бы его убивать, и получите вердикт жюри подписчиков... Версия 2.0 сайта *dermoaia-jizn.com*... Способ не хуже и не лучше других, которым пользуются депрессивные слабаки-анонимы, чтобы разрядиться, не переходя к реальным действиям. «Между прочим, в каком-то смысле этот сайт изменил твою жизнь», — напомнила себе Марианна.

Она прогнала посторонние мысли, запустила диапору[12] и с облегчением заметила, что внимание сотрудников переключилось на план Довиля. Марианна поручила Люке Маруэтту, стажеру, который маялся бездельем в комиссариате, подготовить анимацию на *Google Street View*. [13] Детская игра для того, кто умеет скачивать базовые приложения. Майор знала, что следователи обожают виртуальные воспроизведения обстоятельств преступления.

— Итак: вторник, 6 января 2015 года, — начала она. — Время 11:12. Погода холодная и ветреная. Улицы Довиля практически пусты. Два мотоциклиста останавливаются на круглой площади в центре города, между улицами Эжена Кола и Люсьена Барьера, в двух шагах от казино. В этот же самый момент по тротуару идет обнявшаяся парочка. Оба очень элегантно одеты. У него на голове шотландская серая фетровая шляпа, ее волосы убраны под шелковый шарф. Ни одна камера наблюдения не зафиксировала лиц.

На видеораме два стилизованных силуэта — синий и красный, без одежды и лиц — шли по торговой улице Довиля мимо дорогих магазинов, иллюстрируя в реальном времени рассказ майора Огресс.

— Мотоциклисты паркуются, парочка разделяется. Он входит в бутик *Hermès*, она — в *Louis Vuitton*. Все происходит стремительно. Мотоциклисты, вооруженные ружьями «маверик 88», врываются в два самых крупных ювелирных магазина на улице Эжена Кола — *Godechot-Pauliet* и *Blot*. Мужчина в шотландской шляпе выхватывает «беретту 92» и наводит на двух продавщиц в *Hermès*. Женщина делает то же самое в *Louis Vuitton*. За две минуты они набивают четыре сумки. Точно знают, чего хотят, берут только то, что легко унести. Часы, драгоценности, шелковые платки, ремни, бумажники, сумки, очки... Несколько редких, коллекционных вещей. Их действия точны, рассчитаны по минутам. Все четверо одновременно выходят на улицу Эжена Кола, мотоциклисты отдают сумки женщине. К этому моменту уже объявлена полицейская тревога. Комиссариат находится на той же улице, в семистах метрах. Любой вышедший покурить сотрудник может увидеть мотоциклистов.

На экране мелькают нормандские фахверковые дома — кажется, будто оператор снимал их камерой с плеча; потом в кадре появляются четверо виртуальных преступников. Марианна продолжает:

— Опущу комментарии прессы касательно дерзости налетчиков и их легкомыслия. Будем придерживаться фактов. Да, налет был идеально подготовлен. Мотоциклисты быстро едут по улице Эжена Кола в сторону комиссариата, но за двести пятьдесят метров, у площади Морни, резко сворачивают. Это отвлекающий маневр: они хотят вынудить полицейских погнаться за ними, пока сообщники смываются с добычей. Теоретически мотоциклы *Münch Mammut 2000* легко могут уйти от полицейских машин.

— Не только теоретически, — хохотнул один из сотрудников.

— Мы друг друга поняли, — поморщилась Марианна. — Это обстоятельство подтверждает, что план ограбления был разработан в мельчайших деталях. Они не профессионалы, значит, готовились долго: разведывали место, уточняли, репетировали. Но им не повезло.

На экране появилось изображение ипподрома Ля Тук[14] в окружении богатых вилл.

— В этот самый момент мимо, по бульвару Може, ехал полицейский патруль. Коллеги решили перехватить преступников. Думаю, продолжение вам известно.

Ряд домов в 3D-изображении сменился фотографиями крупных планов. Кровь на тротуаре. Шлем в придорожной канаве.

— Первым выстрелил мотоциклист. Полицейские ответили, попали во второго, тот упал, мотоцикл опрокинулся на него, шлем ударился об асфальт, и забрало треснуло. Свалившись, он исчез с линии огня — его защищали фонарный столб и мусорный бак. Первый мотоциклист продолжал стрелять из-за стоящих у обочины машин, второй снял изуродованный шлем, и две камеры — у ипподрома и отеля «Кот Флэри» — зафиксировали его лицо.

На стене появилось размытое изображение Тимо Солера. Красавчик, глаза добрые, но взгляд дерзкий.

— Стрельба продолжалась всего восемнадцать секунд, но больше никто не был ранен. Мотоциклисты разворачиваются и направляются к стадиону. Катят вдоль железнодорожных путей — недолго, съезжают с дороги, минуют ипподром Ля Тук и скрываются в роще, ведущей к Пон-л'Эвек. Преследовать их нет никакой возможности. План «Перехват» результата не дал. Они бесследно исчезли... — Майор сделала паузу, на мгновение опустила глаза и закончила: — Пока сегодня, во второй половине дня, не появился Тимо Солер.

Кликнув мышкой, Марианна вернула изображение центра Довиля и двух силуэтов — синего и красного.

— Отвлекающий маневр сработал лишь частично. Как только мужчина в шотландской шляпе покинул бутик *Hermès*, директор магазина Флоранс Лагард не только нажала на тревожную кнопку, но и выскочила на тротуар улицы Эжена Кола, держа возле уха мобильный телефон. Замечу, что это было крайне неразумно. Через пять секунд она связалась с лейтенантом Галуа из комиссариата Довиля и рассказала,

что налетчики разделились на группы и два беглеца идут в противоположном направлении. Остальные события заняли две минуты. Мужчина с револьвером выходит на улицу Люсьена Барьера, он то и дело оборачивается, женщина с четырьмя сумками бежит к пляжу. Их стратегия вроде бы совершенно ясна: она должна спрятать добычу, он ее прикрывает, чтобы никто из коммерсантов не вздумал проявить героизм. Когда мужчина оказывается у Дворца конгрессов, женщина уже идет по улице де ла Мер и поворачивает налево, к набережной Планш.[15] Камера видеонаблюдения казино зафиксировала ее в 11:17. Минуту спустя та же камера снова сняла преступницу, бегущую обратно. Уже без сумок!

Майор замолчала, как будто хотела дать своим людям прочувствовать всю важность этой детали. Внезапное исчезновение сумок с награбленным имело огромное значение.

— В тот же момент мужчину в шотландской шляпе берут в клещи два полицейских в пешеходной зоне улицы Люсьена Барьера. Думаю, все знают, что случилось потом. Женщина зовет сообщника. Он бежит к ней. Первая пуля попадает ему в ногу, он стреляет в ответ и ранит капрала Делатра в коленную чашечку, бедолага будет хромать всю оставшуюся жизнь. По берегу моря гуляют туристы, в основном бабушки-дедушки с внуками. На улице де ла Мер преступники попадают под перекрестный огонь двух патрулей. Они петляют между машинами, палят не целясь, ранят — слава богу, легко! — Савинье в плечо, пытаются перебежать улицу к водолечебнице, оказываются на открытом месте и падают, сраженные пулями полицейских. Занавес...

Клик мышкой. Две фотографии — мужчина и женщина.

— Сирил и Илона Люковик. Бонни и Клайд нашего эстуария. Сирил — местный уроженец, у него богатое прошлое: в пятнадцать лет начал торговать наркотиками, потом переквалифицировался, стал грабить богатые дачи в Ож,[16] за четыре года трижды попадал в тюрьму, в общей сложности отсидел двадцать шесть месяцев. С женой Илоной, в девичестве Адамяк, познакомился в юности в Потиньи. Деревня, где они росли, находится в двадцати километрах к югу от Кана.[17] Уже в коллеже оба приторговывали наркотой, Илона — милая девочка, ни у кого не вызывавшая подозрений, — была наводчицей во время ограблений.

Марианна приблизила лица застреленных грабителей.

— Идеальные подозреваемые — казалось бы... Заковыка в том, что последние несколько лет парочка вела себя образцово-показательно! Они поженились в 1997-м. Сирил получил место докера в нашем порту, потом нанимался в разные порты по всему миру. Илона с ним не расставалась. В конце 2013-го вернулись в Гавр, где Сирил работал от случая к случаю, что, очевидно, и спровоцировало рецидив...

Молодые улыбающиеся лица супругов наводили на мысль о свадебных фотографиях или снимках с праздничной вечеринки. Не хватало только музыкального фона — скрипок Элтона Джона или голоса Адели, чтобы представить следующие кадры: малыши Илона и Сирил на руках у родителей, в коляске, на велосипеде, в костюмах джедая и принцессы Леи, в свадебных нарядах под рисовым дождем, в купальных костюмах на доவில்ском пляже.

Очередной клик мышкой.

Новый снимок. Два трупа на мостовой напротив набережной Планш в кольце зевак.

— В досье есть подробные биографические данные обоих, изучите их потом. Расследование должно ответить на три вопроса.

Буквы на экране сложились в слова, потом во фразу. «Ничего не скажешь, стажер — классный программист, — подумала Марианна. — Посмотрим, как он будет работать “на земле”».

Скоро она это выяснит...

Майор Огресс кашлянула и произнесла вслух то, что остальные уже прочли глазами.

Где спрятано награбленное?

— Если верить показаниям пострадавших, ущерб составил около двух миллионов евро: полтора миллиона — драгоценности и часы, триста тысяч — кожгалантерея. Остальное — роскошные шмотки, очки и духи. Даже если доблестные торговцы слегка преувеличили — для страховщиков, — добыча все равно знатная. И реализовать ее на международном черном рынке будет проще простого. Нас интересует не стоимость товара, а то, как удалось спрятать четыре сумки. У Илоны Люковик была на это всего минута, ее не заметил ни один свидетель —

ни турист на пляже, ни портье, ни водитель у казино. Десятки наших людей обыскали каждый дом, проверили номера во всех отелях на берегу моря. Ничего! Никаких следов! Оставалась одна очевидная возможность, идеальное укрытие: пляжные кабинки. Выводить их на экран не имеет смысла, всем хорошо известна фирменная картинка довильских пляжей. Четыреста кабинок. Каждая названа в честь голливудской звезды, все принадлежат богатейшим парижанам, пожелавшим сохранить инкогнито. На первой стадии расследования выбора у нас не было, пришлось открывать и обыскивать все. — Марианна закатила глаза, давая понять, что работенка была еще та. — У наших коллег из Довиля ушло на это пять недель, но они довели дело до конца, хотя мэрия требовала предъявить ордер на каждую чертову будку с висячим замком! Титаническая дипломатическая миссия! — Майор резко повысила голос: — И все впустую! Никаких следов товара стоимостью два миллиона евро!

Она сделала несколько шагов по кабинету. Тридцать подчиненных слушали своего шефа, как перепуганные ученики строгую учительницу. Ни одному не пришло в голову достать планшет или мобильник.

— Будем рассуждать иначе. Зададимся вопросом, почему Люковики так странно себя вели. Как они собирались скрыться, если бы отвлекающий маневр сработал? Если бы полицейские не засекали их на набережной Планш? Если бы лица обоих не попали в объектив камер? Довиль — не Париж, не Антверпен и не Милан. Как только поступил первый сигнал тревоги, выезды из города были перекрыты, проверялась каждая машина, все водители и пассажиры. Конечно, Сирил и Илона могли бы остаться в Довиле и ждать, когда все успокоится, но мы проверили дома, квартиры, номера отелей и ничего не нашли. Первый наш вопрос остается без ответа...

Клик.

Вопрос номер два.

Где прячется Тимо Солер?

Марианна коснулась марлевой повязки на носу.

— После шестого января мы наверняка знаем одно: Солер ранен. Довольно тяжело, если верить баллистикам. Не стоит забывать и о том,

что на него упал мотоцикл. Все клиники и больницы были предупреждены. Мы не сомневались, что если Тимо не околел в какой-нибудь норе, если его не добил сообщник, он всплывет на поверхность, как упрямый мальчишка, которого боль заставляет-таки принять горькое лекарство. Я говорю «мы», имея в виду все комиссариаты от Кана до Руана!

Она улыбнулась и тут же поморщилась от боли.

— Удача, если это можно так назвать, свалилась именно на нас. Солер скрывался в Гавре. Думаю, все понимают, что после сегодняшнего провала мы станем посмешищем для всех коллег. Нужно найти Тимо как можно быстрее... Десять человек будут патрулировать в квартале де Неж — днем и ночью...

Так, предпоследний слайд.

Слава богу, пора заканчивать. И говорила-то всего двадцать минут, а совершенно выдохлась. Как только преподаватели выдерживают по восемь часов в день?..

Кто четвертый налетчик?

Она снова откашлялась.

— Мотоциклист, работавший на пару с Тимо, ни разу не снял шлем, так что у нас есть только подозрения. Правда, серьезные.

Последний клик.

Фотография. Мужчина лет сорока с резкими чертами лица. Густые брови и щетина над верхней губой, тонкий прямой нос; светло-зеленые, почти прозрачные глаза, как у змеи или кота абиссинской породы. Еще две запоминающиеся детали: тяжелая серебряная серьга-полумесяц в мочке левого уха и маленькая татуировка в виде черепа у основания шеи.

— Алексис Зерда. Друг детства Сирила, Илоны и Тимо. Все четверо росли в Потиньи. Учились в одном классе. Ходили играть в один и тот же парк развлечений, ездили вместе в летний лагерь, отирались на автобусной остановке. Зерда — самый опасный из друзей. Сидел только по малолетке, но замешан в нескольких убийствах. Считается, что в 2001 году, во время ограбления отделения Парижского национального банка в Ферте-Бернар, именно он открыл стрельбу по

жандармскому патрулю, убив молодого, недавно женившегося сотрудника и отца семейства. Две вдовы, трое сирот. Через два года ситуация повторилась во время нападения на инкассаторов, приехавших за выручкой в магазин «Перекресток» в Эрувиле. В 5:30 утра охранник и приходящая уборщица застрелены в голову. Доказательств — ноль, ни отпечатков, ни свидетелей. Но следователи считают, что это дело рук Зерды. Я уверена, что мозгом довильского ограбления был именно он, — назовите это интуицией, если хотите. Зерда мотается между Гавром и Парижем, и мы за ним скрытно наблюдаем. Прижать эту сволочь нечем — разве что следить днем и ночью, чтобы он не рискнул надеть один из шарфиков, взятых в *Hermès*, похвастаться часами фирмы *Breitling* на запястье или чемоданом от *Vuitton*...

Нос у Марианны дико чесался, и она строго приказала себе не теревить повязку на глазах у изумленной публики.

— Вот так-то, ребятишки! Уравнение с тремя неизвестными. Вся полиция Нормандии рассчитывает, что мы вычислим хотя бы одно.

Ж. Б. заплодировал. Вот ведь болван! Другие его поддержали. И эти туда же! Они хотели выразить шефу симпатию и уважение, поддержать Марианну после провала в порту. Но она восприняла это иначе, чувствуя себя толстой красномордой индюшкой с расплюснутым носом, которая к тому же — вишенка на торте! — думает сейчас не о побеге Тимо Солера, а о рисунках маленького мальчика, странном рассказе обаятельного психолога и — главное — о том, что накопает в Манеглизе стажер-вундеркинд Люка Маруэтт...

13

Василе въехал на стоянку у мэрии Манеглиза, встал у решетки школьного двора, но слезать с мотоцикла не стал. Он хотел дождаться, когда уйдет последний родитель, и только после этого постучать в дверь класса Клотильды.

Регулировщица в желтом флуоресцирующем жилете, стоявшая у «зебры», бросила на него подозрительный взгляд. На руке у женщины висел жезл в форме огромного красно-зеленого леденца на палочке, все ее внимание было сконцентрировано на воротах: вдруг какой-нибудь

опоздавший малыш, забыв об осторожности, выбежит на дорогу и — не дай бог! — попадет под машину?!

Василе вздрогнул, почувствовав за спиной чье-то присутствие.

Клотильда.

Лицо не сказать чтобы приветливое.

Решила перехватить инициативу... Она открыла было рот, но ничего не сказала, заметив мамашу, катившую коляску, за которую держались двое ребяташек. Школьный психолог воспользовался минутной отсрочкой, не торопясь снял шлем и перчатки. Клотильда кинулась в атаку, только когда женщина отошла метров на десять:

— Закрываем лавочку, Василе! В полдень я встречалась с родителями Мулена, и у меня не осталось сомнений: Малон их сын. Они очень его любят. Думаю, вопрос решен.

Василе аккуратно уложил перчатки внутрь шлема и, не скрывая раздражения, поинтересовался:

— Бросаешь меня, Клотильда? В чем дело? Боишься получить «красную карточку» от мэрии? Тебя пугает родительское лобби? Опасаешься, что жители сплотятся и сколотят коалицию против школы? «Руки прочь от Манеглиза!» — так, что ли? — Василе взглянул на регулировщицу и понизил голос: — Черт возьми, Клотильда, ты ведь знаешь, что именно так, перекладывая свои обязанности на другого, мы совершаем худшие проступки — чтобы не сказать преступления...

Василе замолчал. За ними через решетку наблюдали два мальчика. Один из них, Марен, был тяжелым дислексиком, и отчаявшиеся родители надолго оставляли его на продленке, чтобы не мучиться каждый вечер с домашними заданиями. Клотильда разозлилась — она стояла спиной к решетке и не видела ребят.

— Намекаешь на побои, инцест и другие ужасы? «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу...» — в этом ты меня обвиняешь?

— Идите играть на тот конец двора, мальчики, — велел Василе.

Клотильда не услышала. Или притворилась, что не слышит.

— Не смей меня шантажировать, Василе! И не передергивай. В самом начале ты утверждал, что никакой угрозы для ребенка со стороны родителей нет. Так? Из этого я и исходила. Если ты сейчас скажешь, что изменил оценку и у тебя появилось хоть малейшее подозрение, я положусь на мнение специалиста, не стану медлить, и мы

вместе рванем в жандармерию писать заявление. Но весь этот бред насчет двойной жизни, людоедов и ракеты не лезет ни в какие ворота...

Василе резко взмахнул рукой, отгоняя любопытных мальчишек. На этот раз они подчинились и, громко хохоча, убежали под крытую галерею.

— Нет нужды мчаться в жандармерию, Клотильда.

Молодая директриса жестом театрального отчаяния схватилась за голову:

— То есть?

— Больше нет нужды, если быть точным...

— Черт, что ты сделал?!

На сей раз регулировщица услышала и только что не подпрыгнула на месте, махнув жезлом в сторону улицы, хотя никто не собирался переходить на другую сторону. Платила ей мэрия, она стояла на посту четыре раза в неделю по тридцать минут в день — утром, в полдень и вечером, но любила задержаться, чтобы посудачить с мамашами. Социальные связи. Тесное общение.

Василе чуть подтолкнул Клотильду в спину ладонью, чтобы увести ее поближе к зданию мэрии.

— Ничего официального, клянусь. Просто решил прояснить два-три странных момента. Это необычное дело, и я не могу следовать стандартной процедуре, составлять досье, отсылать малыша на тестирование в медицинский психопедагогический центр. Здесь есть что-то еще. Я чувствую...

— Папаша Мулен убьет тебя, если узнает. Господи боже ты мой! Говорить с полицией через голову школьного врача и специалистов из академии... Если тебя не разорвет в клочки Мулен, то распнет инспекция!

Старшеклассники вернулись в здание. Вереница машин рассосалась, и на маленькой площади снова стало тихо. Дама с жезлом наверняка легко разбирала каждое произнесенное ими слово. Клотильда четко артикулировала — на случай, если свидетельница умеет читать по губам.

— Я запрещаю тебе подходить к Малону Мулену.

— Шутишь?

— Нет.

— Чего ты боишься?

— Хаоса, который ты можешь внести в окружающее пространство и жизнь этого ребенка.

Василе схватил Клотильду за плечи. Она была хрупкой, изящной от макушки до маленьких ножек. Глаза испуганно смотрели из-за стекол круглых очков в стильной золотистой оправе.

— Ты не имеешь никакого права запрещать мне видеться с Малоном! В этом секторе я — единственный судья. Мне решать, что отвечает интересам ребенка, а что нет. Перед первым сеансом родители подписали согласие. Хочешь закрыть для меня двери школы — проинформируй академию и объясни, чем ты недовольна.

Молодой отец в сером костюме вышел во двор, ведя за руку девочку лет восьми, которая что-то ему рассказывала. Отец глаз не мог оторвать от любимого чада. Регулировщица заняла пост в центре «зебры», и они пошли через улицу; девчушка продолжала весело щебетать.

— Но, возможно, не в твоих интересах выносить сор из избы? Ты же не хочешь, чтобы мэр разозлился и урезал бюджет на ластик и карандаши, а родители учеников отказались участвовать в благотворительной ярмарке?

— Какой же ты мерзавец, Василе!

— Я просто хочу защитить мальчика.

— А я — всю семью.

Василе шагнул к своему мотоциклу, улыбнулся, кивнул регулировщице, она помахала в ответ.

— Я приеду в четверг утром, и наша встреча с Малоном состоится.

— Что будет, если родители воспротивятся? Не захотят, чтобы ты разговаривал с их сыном?

— А ты не подсказывай, что у них есть на это право. Мы все время так делаем, Клотильда, особенно в тех случаях, когда взрослые не желают признать, что у ребенка проблемы. Ты... ты же не посоветовала Муленам прервать мои сеансы с Малоном?

Она бросила на него презрительный взгляд.

— Нет, Василе, я ни слова не сказала этим людям, но прислушайся к моему совету: назначь встречу с матерью. Это важно, она должна знать, что происходит с ее мальчиком. — Клотильда улыбнулась: — А вот свидания с отцом лучше избегать...

Сегодня мы с моим любимым вместе приняли ванну, а потом он сказал, что у меня толстая задница.

Желание убить

Полезная информация, девчонки: брошенный в воду фен — действенное оружие!

Не нравится: 231

Нравится: 336

www.jelanie-ubit.com

Марианна ненавидела зал фитнес-клуба «Амазония». Все здесь до ужаса ее раздражало. Каждая деталь.

Кричащий цвет ковров и стен, запах пота, посетители обоих полов в обтягивающих шортах и легинсах, стоимость абонемента, фальшивое радушие сотрудников, насмешливые улыбочки молодняка в раздевалке, тренажеры, напоминающие пыточные механизмы в Музее инквизиции.

Пытка. Точное слово!

Марианна терпеть не могла беговую дорожку, велосипед, на котором нельзя уехать, и «греблю посуху».

Она пыталась держать ритм. На экране горели цифры: 7,5 км/ч. Тренер все время твердит: не опускаться ниже 7...

Восемнадцать месяцев! Она дала себе полтора года на то, чтобы сбросить вес, укрепить сухожилия и лигаменты, которые держат в равновесии грудь, сделать более упругими ягодицы. Удачи тебе, мышечная система, продержись еще чуть-чуть, пока какой-нибудь мужик не упадет на упругие сиськи и не возьмет на себя ежевечернюю заботу о них.

Через полтора года она все пошлет к черту! Спорт. Режим. Правильное питание. Даже курить снова начнет. И если судьба, Боженька на небесах или стая аистов наплюют на титанические усилия майора Огресс и не устроят ей встречу с отцом будущего ребенка, пусть потом не читают нравоучений!

Еще десять минут на коврик — и она вознаградит себя за мужество: примет горячий душ, как грешница в аду, которую черти варят в котле, а потом пойдет в сауну. Клубный абонемент,

включающий спа-процедуры, стоит аж семьдесят три евро в месяц. За эту цену они могли бы подливать в воду шампанское *Moët & Chandon*.

Марианна лежала голая на полотенце и потела, потела. Она это обожала. Особенно когда оказывалась в сауне одна, как сегодня.

Она протерла экран своего айфона краешком полотенца и проверила почту.

Никаких новостей о Тимо Солере. Вообще-то она их и не ждала. Слишком рано. Он оставался неуловимым десять месяцев и, похоже, все это время прятался в квартале де Неж, который они прочесали вдоль и поперек. Вывод напрашивался сам собой: у него есть сообщник, а возможно, и не один.

Тимо вернулся в нору и вылезет оттуда, только если почувствует, что поддыхает.

Новое сообщение.

lucas.marouette@yahoo.fr

Марианна улыбнулась, провела пальцем по запотевшему экрану.

Смайлик в кепочке гонится за собратом в капюшоне. Никакого сопроводительного текста, только прикрепленный файл.

Она вздохнула, нажала на иконку документа, присланного офицером-стажером. Во второй половине дня он отправился по ее заданию в Манеглиз, чтобы аккуратно навести справки об Аманде и Димитри Мулен. Марианна решила испытать этого сверхталантливого программиста в деле, априори куда менее опасном, чем гонка преследования в гавани Франциска I.

Люка Маруэтт сумел произвести на нее впечатление, написав целый роман. Он в ладах не только с компьютером, буквы и слова ему тоже подвластны.

Марианна провела ладонью по вспотевшей груди и вернулась мыслями к Василе Драгонману. В этой влажно-душной сосновой будке она чувствовала себя одалиской, одной из девушек с аппетитными округлостями, обитательниц султанских гаремов. Они живут во дворцах, нежатся в роскошных хаммамах, ходят в хиджабах на голое тело, прогуливая свои жирные животы и большие сиськи, обедают лукумом и безостановочно рожают принцев, пополняя великую армию Оттоманской империи.

Марианна коснулась ладонью живота, почувствовала, какой нежной стала надышавшаяся паром кожа, подумала: «Не такая уж ты и толстая...» — и открыла текст.

Отчет от 3 ноября 2015 г.
(офицер-стажер Люка Маруэтт)

Расследование основано на показаниях соседней Аманды,

Димитри и Малона Мулен, проживающих в Манеглизе, бульвар Мориса Равеля, 5.

Данность первая, шеф: Малон Мулен родился 29 апреля 2012 г. в клинике «Эстюэр». Это точно!

Вес: 3,450 кг.

Вы будете мной гордиться, я сумел снять на телефон справку из роддома и две крошечные бледно-голубые пинетки, зашнурованные сердечком. Показала их Девот Дюмонтель. Ее дом — № 9 по скверу Равеля — стоит напротив дома Муленов. Думаете, было просто? Черта с два! Я совершил подвиг, выпив мерзкий кофе, который дама разогрела в ковшике из ржавой «нержавейки» и трясущейся рукой перелила в стакан из жаростойкого стекла. При этом она горделиво улыбалась, словно на плитке стояла дорогущая медная турка, а передо мной — изящная хрустальная чашечка. Потом я, естественно, попросился в туалет — надо же человеку помыть руки! — но от описания этого места воздержусь, пощажу ваши нервы! Страдал я не напрасно: милая старушка устроила в клозете зал своей трудовой славы, развесив по стенам копии свидетельств о рождении Малона Мулена, собственных детей и внуков, которые вряд ли часто ее навещают. Иначе давно подарили бы бабушке настоящую кофеварку, верно?

Ладно, продолжаю. Трогательными воспоминаниями в исполнении Девот Дюмонтель я

не ограничился и получил подтверждение от лечебного заведения. Сомнений быть не может, Малон Мулен — сын своих родителей! Я встретился с педиатром, наблюдавшим малыша в первые два года жизни. Доктор Пило-Канон худа, как стручок фасоли, а стены ее кабинета украшены фотографиями овощей, фруктов и всяких растений. По ее словам, Мулены — самая что ни на есть обычная, нормальная семья. Мать очень нежна с сыном, опекает его — может, чуточку слишком, но все-таки в пределах разумного. Отец ворчун и несколько груб. Не сюсюкает, хотя на медицинские осмотры регулярно приходит вместе с женой и сыном. Тип из тех, который лучше этажерку сколотит, чем книгу ребенку почитает; может посадить и поливать овощи, рекомендованные мадам Пило-Канон, а вот кормить супом и стирать липкий слюнявчик не захочет. В медицинской карте Малона много записей — рост, вес, прививки. На третьем году жизни мальчик попал к другому врачу, Сержу Лакорну из Монтивилье. Я до него дозвонился. Ничего необычного: четыре или пять визитов, профилактические осмотры, простуда, желудочный грипп. Если верить Лакорну, Малон — вполне здоровый ребенок.

Идем дальше, шеф? Вы успеваете? Теперь о соседях. Мулены живут в Верхнем Манеглизе уже четыре года. Дом купили через четыре месяца после того, как Аманда Мулен узнала о своей беременности. Раньше у них была квартира в Кокриовиле. Я целый час проводил рекогносцировку — в разгар дня! — и не увидел ни одной кошачьей души, можете себе такое представить?! Зато собак полно, в основном немецкие овчарки, надрывающие глотки за изгородью из двухметровых кипарисов. Чистый концлагерь! Ладно, ладно, я слегка

преувеличил, старушка Девот — нежное существо. Перед самым уходом я встретил одного типа, он возвращался со смены. Парень всю ночь грузил поддоны на складе в промышленной зоне Фекана и был рад поболтать. Они с женой хорошо знают Муленов, оказывают друг другу услуги. Оба часто видели, как Аманда гуляла с сыном в коляске, а когда мальчик подрос — на велосипеде. Аманда раз в год берет на себя заботу об индюшках мадам Дюмонтель, когда та ездит навестить детей в Вандею.

Извините, шеф, я не допросил ближайшее окружение Муленов, друзей, кузенов, коллег... Вы приказали проявить осторожность, и я, так сказать, скользил по поверхности, не педалировал, вопросы задавал якобы между делом, чтобы сравнить полученную информацию с нашими данными. Расследование моральной стороны, если хотите. Аманду Мулен в деревне хорошо знают, в детстве она жила здесь с родителями, смылась, когда подросла, вернулась годы спустя. Блудная дочь...

Учительница Аманды — она уже на пенсии — хорошо помнит «девочку». Не слишком умная, не хитрюга, но очень целеустремленная. Настоящий боец! Никому не позволяла помыкать собой. Покупатели магазина, где она работает кассиршей, отзываются о ней хорошо. Пунктуальная. Любезная. Общительная. «Респонденты» у меня были возрастные, так что в их устах это комплимент.

Попробую угадать ход ваших мыслей, шеф. Вы можете решить, что жизнь Муленов в Манеглизе напоминает историю героев «Маленького домика в прерии», [18] где Кэролайн Инглз увольняет противную и высокомерную сплетницу Харриет Олсон из бакалейной лавки. Все не так просто. Есть

любопытные детали насчет мужа Аманды. Папаша Мулен — профессиональный электрик, но не первый год занимается то тем, то этим, часто подолгу сидит без работы. В общем, перебивается случайными заработками. А теперь сюрприз — лично для вас: Димитри есть в нашей базе! Чтобы быть точным — в Национальном досье криминалистического учета. Одиннадцать лет назад проходил по делу об угоне машин в Парижском районе. С Амандой они тогда знакомы не были. Сидел три месяца в Буа-д'Арси, [19] впечатлился, чист с 2003 года. Хотите, чтобы я копнул глубже?

Вы дали мне ключевые слова и велели обмозговать их.

Ракета. Замок. Пиратский корабль. Лес. Людоед.

Держитесь за воздух, шеф! С момента рождения Малона ни одна ракета не стартовала из эстуария! Больше того — за четыре последних года ни один пиратский корабль не совершил набега на гаврский порт. Что касается людоедов, тут действует *omerta*, [20] люди запуганы. Ха-ха-ха!

Не хочу вас обидеть, шеф, но скажите честно — это был розыгрыш?

И еще одно важное свидетельство от Девот Дюмонтель. Мулены за эти три года не отсутствовали в Манеглизе дольше недели. В последний раз они ездили в Кароль — это рядом с Гранвилем. Летом, когда Малону исполнилось два. Бабулька получала от них открытки. Еще она вспомнила чью-то свадьбу в Мансе и путешествие в Бретань на рождественских каникулах.

Ну вот и все, шеф! Я сделал что смог, действовал осторожно, но за результат не поручусь... Сами знаете, в таких маленьких деревеньках люди не любят, когда чужаки суют нос в их дела. Жду

приказаний, готов к новым приключениям. Будет продолжение розыгрыша? Может, мне заняться летающими тарелками, марсианами и армиями кровожадных троллей?

А если серьезно — идти вглубь или замести следы?

Марианна улыбнулась — парень неплохо справился! — и набрала короткий ответ:

Продолжай!

Дверь сауны открылась, вошли две тоненькие блондинки в розовых полотенцах, которые они тут же скинули. Их тела покрывал ровный загар, даже от стрингов следа не было, ногти на руках и ногах накрашены, маленькие попки, крохотные грудки. Но Марианну добила не их презрительные взгляды — так смотрят на старый дом, уродующий пейзаж, — а то, что они говорили.

О мужчинах.

Все, как на подбор, мерзавцы, бездельники, сексуальные маньяки. Каждого нужно держать на поводке. Мужа. Любовника. Шефа.

Марианна вышла из парилки, приняла ледяной душ и не вытираясь схватила телефон. Профессиональный тик.

Никаких известий от Ж. Б. или Деда. Тимо Солер проведет ночь в аду...

19:23.

Час до встречи с Энджи в «Уно». Им есть о чем поговорить... И не последней темой станет румын-психолог с глазами цвета сиенской терракоты.

15

Маленькая стрелка на 8, большая — на 7

Малон старался не заснуть, но глаза не слушались — закрывались сами собой. Ласки Мама-да убаюкивали его. Он любил, когда она щекотала ему спину и целовала в шею, ему нравился вкусный запах ее духов.

И все-таки Малон хотел, чтобы Мама-да ушла.

Пока она в комнате, Гути придется молчать, а сегодня день войны! Малон успел выслушать плюшевого друга, тот передал ему все слова Клотильды, Мамы-да и Па-ди, но он ничего не понял. Все говорили то слишком громко, то слишком тихо и — главное — слишком много.

Ну и ладно, ему все равно больше нравятся «истории на сон грядущий».

— А теперь спи, дорогой.

Аманда подоткнула одеяло, поцеловала Малона в лоб и погасила верхний свет, оставив только ночник, отбрасывающий на стены и потолок тени звезд и облачков.

— Спокойной ночи, милый. — Она немножко помолчала и добавила: — Ты ведь знаешь, папа тебя любит. Он иногда ужасно кричит, но это ничего... Папа очень хочет, чтобы ты тоже его любил. Так же сильно, как меня.

Малон не стал отвечать, и дверь наконец закрылась.

Он ждал — долго. Смотрел во все глаза на зеленые стрелки космонавтского будильника, а чтобы не заснуть, время от времени переводил взгляд на маленький календарь, висящий рядом со шкафом. Каждый день был отмечен планетой, маленькая ракета на магните служила указателем. Сегодня красно-белый воздушный корабль был нацелен на Марс. Просыпаясь по утрам, Малон сразу переставлял магнитик. С Луны — на Красную планету.

МАРС.

День войны.

Он знал наизусть планеты и дни недели. Все.

Он помнил наизусть истории Гути. По одной на день.

В доме было тихо.

Сердце Гути снова забило. Малон нырнул под одеяло с головой и в полной тишине и темноте стал слушать историю.

Он должен был делать это каждый вечер, а потом читать молитву против людоедов. Он обещал маме. Прежней маме.

* * *

В одном большом-большом лесу стоял большой замок, построенный из самых толстых деревьев, срубленных в этом лесу.

Четыре высокие башни замка были видны издалека, а жили там рыцари.

В те времена каждый рыцарь получал имя по дню недели, в который родился, каждый день носил название качества характера, и все в этот день должны были его проявлять.

Не слишком понятно?

Ладно, приведу пример. Рыцарей, родившихся в день Сен-Жюст, звали Жюст, то есть Справедливый. Тех, кто появился на свет в день Сен-Куртуа, звали Куртуа, учтивый. А еще были Фидель — Верный, Эмабль — Любезный, Констан — Стойкий, Модест — Скромный, Клеман — Милосердный, Проспер — Прцветающий, Придан — Благоразумный... В день именин Эмабля все жители должны были проявлять любезность. Видишь, на самом деле все просто!

Но ты должен знать еще кое-что. Были и другие дни — те, что соответствовали недостаткам, и люди могли целые сутки быть... ну, не совсем правильными.

Некоторых невезучих рыцарей звали Гурман, или Кюрьё — Любопытный, или Фарсёр — Шут, а того, о ком мы поведем речь, — Простак. Другие носили у пояса шпагу, он — флейту. У всех латы были из железа, а у него — из цветочных лепестков. Шлем он себе сделал из перьев, а щит — из толстенной книги, с которой никогда не расставался. Самые смелые из рыцарей — Арди — Храбрец, Прё — Герой, Вайян — Молодец — могли насмехаться над ним лишь в тот день, когда родился рыцарь Мокёр — Насмешник.

Жизнь в замке шла по строгим правилам. Никто не знал почему, вернее, не решался спросить, ведь сделать это можно было только в день рождения рыцаря Франа — Честного. Сегодня у нас другой день. Итак, два простых и четких правила.

Никто не должен уходить далеко от замка.

Никто не должен покидать замок ночью.

Однажды, в день рождения рыцаря по имени Женерё — Благородный, Простак решил поискать подарок для братьев-рыцарей. Погода была чудесная, и он надумал собрать самый большой и прекрасный букет цветов на свете.

Знаю-знаю, о чем ты подумал! Рыцарь Простак сорвет один цветочек, другой, третий и — вуаля! — уйдет далеко от замка, и с ним

случится беда. А вот и нет! Это ведь не история о рыцаре Энпрюдане — Бешшабашином...

Ну так вот, собирал Простак цветы, собирал и все время оглядывался на башни замка. Он встретил стрекозу и поиграл ей на флейте, поздоровался с птичкой и подарил ей перо из своего шлема для гнезда, а зайчику рассказал историю из любимой толстой книги. Увидев порхающую бабочку, преподнес ей несколько лепестков.

Простак собрал огромный букет, решил вернуться и тут увидел принцессу, чуточку похожую на Белоснежку. Может, это она и была!

Принцесса улыбнулась, махнула рукой и со смехом побежала прочь. Простак с букетом в руке последовал за красавицей.

На этот раз ты правильно угадал, что случилось дальше. Белоснежка то исчезала в густых папоротниках, то вдруг появлялась на поляне, Простак вглядывался в густую тень деревьев, прислушивался, пытался различить ее звонкий смех в щебете птиц.

Вот так, играя в прятки, Простак оказался на большой лужайке, среди которой стояла большущая хижина. Из трубы поднимался дым, у двери его ждала Белоснежка, и была она еще красивее прежнего. Девушка взяла Простака за руку и сказала:

— Ну же, входи!

За столом у очага сидели... ты не поверишь! — Золушка, Аврора, Белль, Рапунцель и другие девушки, одна прекрасней другой, в роскошных платьях и сверкающих диадемах. Маленькие мальчики, похожие на Пинокио, Мальчика-с-пальчик, Гензеля, мило улыбались гостю.

— Присоединяйся, Простак, ты наверняка проголодался.

Простак сел рядом с Белоснежкой и преподнес ей букет. Она покраснела от удовольствия и стала еще краше. Никогда еще Простак не чувствовал себя таким счастливым и не ел так вкусно.

Он не заметил, как пролетело время и стемнело, и опомнился, только услышав крик за окном в непроглядной ночи.

— Что это? — встревожился юноша.

— Ничего, — ответила Белоснежка. — Не тревожься, Простак. Девушке было страшно, и от этого она еще больше похорошела.

Малон высунул голову из-под одеяла, приложил палец к губам и велел Гути замолчать.

Он, как и Простак, слышал шум, который доносился снизу. Наверное, Мама-да и Па-ди снова ссорятся. Как всегда по вечерам.

А может, ему это приснилось. Вторая часть истории всегда немного его пугала.

Несколько мгновений он лежал и слушал тишину, а когда удостоверился, что никто не поднимается по лестнице, не скребется в дверь, не скользит во мраке к его кровати, снова залез под одеяло.

Гути ждал его и, как бывало во все дни войны, бросил вызов чудищам, хищным зверям, темноте и вернулся к истории рыцаря.

Ужин продолжался. За окном кричали, рычали, бурчали, скреблись в дверь и бились о стены.

Белоснежка и другие принцессы все время улыбались.

— Уже поздно, Простак, тебе пора домой.

Маленький рыцарь задрожал всем телом.

Возвращаться сейчас? Ночью? Через лес? Замок так далеко...

— Но я...

Внезапно ему в голову пришла ужасная мысль. Ты наверняка удивишься, что он не подумал об этом раньше.

А где же все злые герои сказок? За столом с ним сидели только добрые, так куда же делись злые — волки, людоеды, колдуньи?

Белоснежка поняла, что Простак догадался. В эту минуту она его пугала и от этого была еще красивее.

— Мы живем вместе, так что пришлось уладить дело, — пояснила она.

— Уладить?

— Мы поделили лес и никогда не встречаемся. Нам принадлежит день, им — ночь. Очень удобно.

Простаку тоже так показалось — в первую секунду, но ему тут же пришел в голову следующий вопрос:

— Но что же едят волки? Людоеды? Чудища?

Белоснежка покраснела. Опустила глаза, как будто просила прощения, и стала еще краше. Ответил Простаку мальчик, похожий на Пиноккио, и его нос ничуть не удлинился:

— Мы отдаем им на съедение маленьких рыцарей-простаков, которых заманиваем в чащу. Иного способа жить в мире не существует.

*Простак понял... Посмотрел на Белоснежку и лишился чувств.
А очнулся уже в лесу. В темноте.*

Домик добрых героев стоял на своем месте, в окошке горел свет, из трубы поднимался дым. Он услышал вой волков и кинулся бежать. Мчался, не чуя под собой ног, кружил, кружил и никак не мог найти дорогу домой.

Вокруг плясали ломаные тени, как будто из-за каждого ствола дерева тянула когти страшная ведьма. Простак устал и остановился. Его окружили чудовища — волки, лисы, вороны, змеи, гигантские пауки и другие свирепые звери. Их желтые глаза сверкали, с острых клыков капала слюна. Круг разомкнулся, пропуская вожака кровожадной стаи.

Огромного людоеда.

Простак съежился. На шее у людоеда был нарисован череп, в ухе блестела серебряная серьга-полумесяц. Он расхохотался и произнес громовым голосом:

— Так-так-так, сегодня родился рыцарь Простак, и наши друзья из хижины об этом не забыли.

Людоед выхватил большой нож, лезвие сверкнуло, как будто Луна была не Луна, а огромная головка сыра и он собрался покромсать ее на куски.

Ты много раз слушал мою историю, наверное, даже наизусть успел ее выучить, но в этом месте каждый раз все равно пугаешься и хочешь, чтобы я остановилась. Только представь, как было страшно Простаку, ведь то, что ты услышишь сейчас, он узнал намного позже.

Жестокие чудовища подбирались все ближе, они облизывались, предвкушая отличный ужин, но тут проснулась стрекоза, которую Простак развлекал игрой на флейте. Она полетела в замок, громко зовя на помощь, птичка, получившая в подарок перо из шлема, разбудила сторожа на башне, зайчик, полюбивший историю из толстой книги, доскакал до подъемного моста, а бабочка опустилась на букет, стоявший в вазе на столе в обеденной зале.

— Простак в опасности!

Мост опустился, и рыцари поскакали в лес, вооруженные настоящими мечами и щитами, в настоящих шлемах и латах.

На выручку Простаку мчались не только Храбрец, Богатырь и Молодец, но и Крепыш, Ветеран и даже Трус и Хиляк. Все рыцари замка!

*Они поспели вовремя. Хищные звери сбежали вместе с людоедом.
Простак был спасен.*

Он дрожал и все никак не мог успокоиться, и тогда Молчун, самый старый из рыцарей, сел рядом с ним на ствол поваленного дерева и спросил:

— Хочешь узнать две важные истины?

Первая заключается в том, что милые с виду люди на самом деле не всегда милые.

Вторая еще важнее. Ведь без нее стрекоза, зайчик и бабочка, которым ты помог, никогда бы нас не предупредили и мы бы тебя не спасли.

Запомни крепко-крепко: даже если милые на вид люди только кажутся милыми и ты в них сомневаешься, все равно сам будь приветлив и ласков. Думаю, ты понял не все мои слова, но это не страшно. Повторяй их — и в конце концов запомнишь.

Злых людей на свете много, но побеждает всегда доброе слово.

16

Это что, весь ужин?

Желание убить

Не знаю, что выбрать — омлет с мухоморами или тартар с соусом кураре.

Не нравится: 49

Нравится: 547

www.jelanie-ubit.com

Анжелика выпила слишком много риохи — вина в бутылке осталось на один бокал. Марианна за весь вечер сделала всего несколько глотков.

Мимо остановки проехал трамвай и исчез между домами на пути к бетонной свече церкви Сен-Франсуа.

— Не увлекайся, Энджи, — предостерегла Марианна.

Темноволосый официант-каталонец принес ей тортилью. Его взгляд задержался на профиле Анжелики, ее длинных черных волосах, небрежно заколотых шпильками, и она неосознанным движением

заправила непослушные пряди за маленькие уши. Этот жест наверняка показался невероятно сексуальным пылкому каталонцу, неведомо как оказавшемуся на севере страны. Густые ресницы, высокие скулы, удлиненные к вискам глаза... Королева!

Невинная игра.

Энджи знала, как велика ее власть над мужчинами. Она поднесла бокал к губам и улыбнулась майору полиции:

— Василе Драгонман? Ты на него запала? Брось, это несерьезно! Мы с ним встречались всего пару раз на вечеринках у общих друзей, Камиллы и Бруно. Они всегда приглашают уйму народу. В прошлую субботу Василе начал рассказывать странную историю... Какой-то мальчик помнит свою прежнюю жизнь — ту, что была до нынешней. Имя он, конечно, не называл — профессиональная тайна, сама понимаешь... Мне показалось, что Василе в тупике, даже растерян, и это было так трогательно. По-моему, он чувствовал себя очень одиноким. Если я все правильно поняла, ему приходится противостоять всем: родителям, школе, администрации, а веских доказательств, чтобы подать официальную жалобу, нет. Василе никто не принимает всерьез, он отчаянно нуждается в помощи, чтобы тщательно все разведать...

— И ты дала ему номер моего мобильного?

— Угу... История с мальчиком показалась мне *very strange*. [21]

— Дело только в этом?

Анжелика подмигнула подруге:

— Не угадала! Он мне понравился. Обручального кольца нет не только на пальце, но и в кармане — я узнавала у Камиллы. К тому же он спец по ребятишкам. Я хорошая подруга и сразу подумала о тебе!

Марианна кисло улыбнулась, дождалась, когда отойдет официант, — он забрал недоеденные тапас [22] и поставил перед ней тарелку *arroz con costra* [23] — и сказала:

— Ну спасибо, Энджи, что позаботилась о бабушке.

— Брось эти глупости! Ты в прекрасной форме — как олимпийская чемпионка! Отлично сохранилась...

— О да... — Марианна бросила рассеянный взгляд на серые линии домов квартала Перре. — Сохранность, как у памятника, скоро попаду в реестр исторического наследия! — Она провела указательным пальцем по марле на носу: — Осталось дожидаться, когда закончатся реставрационные работы...

Анжелика хихикнула:

— Профессиональные риски, старушка! Нечего жаловаться, у тебя под началом сплошные мачо. Можем махнутья, будешь работать в салоне, дни напролет стричь и перекрашивать девушек в блондинок, а седеющих дам — в жгучих брюнеток.

Марианна расхохоталась.

Она знала, что Анжелика обожает полицейские истории (у нее было чутье начинающей сыщицы), и поэтому иногда рассказывала кое-что о своих расследованиях — конечно, не вдаваясь в детали. Но сейчас Энджи больше всего интересовали сердечные проблемы подруги. Если бы официант или посетитель за соседним столиком сумел подслушать их разговор или прочесть мысли бравой майорши, он назвал бы ее озабоченной хищницей, которую если что и волнует в этой жизни, так только сексуальный потенциал подчиненных и свидетелей...

Впечатление ошибочное и тем более странное, что Марианна, поднимаясь по служебной лестнице и работая только с мужчинами, ни с одним не спала. Она была честолобива и считала, что женщины, составляющие в полиции меньшинство, должны проявлять солидарность и защищать интересы друг друга.

Однако майор Огресс, сторонница равенства полов, начинала понимать, что существует и биологическая несправедливость: ни одному мужику не приходится прислушиваться к тиканью внутренних часов! Никакого обратного отсчета! Стареющий самец может без зазрения совести ухлестывать за молоденькими и в пятьдесят стать отцом. А вот если «пожилая девушка» проспит свой час... Прощай, маленький Иисус, плоть от плоти моей, плод чрева моего.

Game over![24]

Даже если на горизонте нарисуетя прекрасный принц и попросит прощения за опоздание.

Game over!

«Это несправедливо, — думала Марианна. — Вдвойне! Женщины по природе своей ответственнее мужчин, они переборчивы и не готовы жертвовать молодостью ради первого попавшегося придурка, поэтому на пороге сорокалетия вынуждены выходить на охоту. Совсем как ненавидящие шопинг, получив приглашение на важную церемонию, поневоле бегут в магазин и выбирают одежду в толпе потных баб, мечтая всех поубивать».

Марианна часто обсуждала это с Анжеликой. С красавицей Энджи, у которой вся жизнь впереди, которая обожает глазеть на витрины, делать покупки и не отказывается от первых попавшихся придурков.

— Ты охотишься, дорогая, но, надеюсь, Василе — не единственный объект? Как обстоят дела с Ж. Б.? — поинтересовалась Анжелика.

— Ж. Б.?

— Ну да. Этот твой образцово-показательный помощник. Недавно мы весь вечер только о нем и говорили. Но, знаешь, он слишком хорош. И слишком мил, чтобы быть честным. Твой Ж. Б. изменяет жене. Или мечтает об этом. Зуб даю! Попробуй его завести, сама увидишь.

— Ты совсем рехнулась?

Они чокнулись.

— Идеальных мужиков не существует, красавица, так что вперед!

— Да ты что, он ведь женат! Единственный человек в комиссариате, способный бросить все на свете, чтобы забрать детей из школы. Кроме того, он мой подчиненный... И...

— Вот именно! Держись поблизости и в нужный момент подставь плечо. Черт, Марианна, у тебя такой богатый выбор! Ты не парикмахерша, не продавщица в булочной, не няня в яслях, а майор полиции! Все эти мужики на тебя молятся!

— Молились... До сегодняшнего дня. Преступник был у нас в руках. Десять полицейских, пять машин — и мы его упустили. Вопиющая некомпетентность!

Марианна снова провела пальцем по распухшему носу. Ей захотелось сменить тему, и Анжелика с готовностью подхватила:

— Вы не смогли задержать типа, которого искали девять месяцев? Вот невезуха... Кстати, как его вычислили?

Марианна не могла заложить хирурга, хотя доля вины за провал операции лежала и на нем. Нет, она не уподобится Ларошелю и не нарушит профессиональную тайну.

— Нам повезло. Патруль наткнулся на него в гавани Франциска I.

Об остальном можно было рассказать — через несколько часов газета *Havre Presse* опубликует на первой полосе подробный отчет о полицейской погоне.

— В квартале де Неж он от нас ушел, как сквозь землю провалился.

Глаза Энджи блестели от возбуждения.

— У меня там полно знакомых, многие клиенты живут в де Неж. Могу поспрашивать.

Идея неплохая: люди часто выбалтывают свои секреты, сидя в парикмахерском кресле. Иногда мастеру легче добиться успеха, чем армии осведомителей.

Анжелика профессиональным взглядом оценила потравы на лице майора:

— Боевое ранение... Не расстраивайся, дорогая. Завтра утром замажешь синяки тональным кремом и будешь как новенькая.

— Мы могли его взять! Я облаяла Кабраля, который вел машину, но, думаю, он спас мне жизнь, ударив по тормозам... Надеюсь, никто не заметил, как я перетрухала на том мосту.

— Понимаю... — голос Анжелики дрогнул.

— Что именно?

— Твой страх. Страх перед аварией. Панику в ожидании удара.

Энджи говорила о себе, что теперь случалось редко. В самом начале знакомства она была очень откровенна, поделилась своей ненавистью, страхами, *jelaniem-ubit*, испуганием. Это скрепило их дружбу, как яд, совместно подлитый в бокал сотрапезника. Потом девушка уподобилась пустой бутылке, дорогому флакону из-под духов, зеркалу, короче — любому стеклянному предмету, который то бывает прозрачным, то посылает вам ваше собственное отражение.

Идеальная подруга. Они замечательно дополняли друг друга. Прагматичная, просчитывающая ходы наперед Марианна. Наивная, романтическая идеалистка Анжелика. Чутьочку вульгарная? Да. Ей слегка недостает вкуса, и мужчины это сразу замечают? Конечно! Ерунда, дело поправимое, любой психолог легко все исправит. Сделать новый нос или липосакцию уж точно труднее.

— Ты когда-нибудь попадала в аварию?

— Да. Давно.

Энджи колебалась. Улыбающийся официант принес им профитроли. Соленая карамель,[25] крошечные зонтики и печенье-веер из слоеного теста. На сей раз ему не удалось полюбоваться красотой Энджи, спрятавшей лицо за занавесой шелковистых волос.

— Я никому об этом не рассказывала, Марианна...

— И не стоит, если до сих пор больно...

Анжелика залпом допила вино. Слишком быстро. Так, что несколько капель попали на подбородок.

— Мне исполнился двадцать один год, и у меня был роман с одним типом, моим ровесником. Его звали Людовик. Красавчик, дерзкий на язык. Такие мне тогда нравились... Да почему тогда, сегодня тоже. Месяцев через семь я поняла, что залетела. Я не была дурой и знала, какотреагирует Людовик. Бедный козленочек, конечно же, не хотел никакого ребенка. Мачо сдулся, остался сладкоголосый мальчик, который все объяснил, привел массу доводов, сказал, что его дядя-врач сделает аборт, а родители все оплатят. Я в ответ прошептала на ухо любимому: «Хочу оставить ребенка!» Беднягу словно током шибануло, а я настаивала: «Это мой малыш. Он мне нужен. Я не попрошу тебя признать ребенка, не стану вымогать деньги. Я справлюсь одна».

Вдалеке за окном из «Вулкана»[26] вывалилась толпа и рассеялась по площади Оскара Нимейера. Марианна никогда не была в знаменитом культурном центре Гавра.

— Естественно, я ничего не понимала в мужчинах. Людо посмотрел на меня как на психованную идиотку, налил себе виски и спокойно ответил, что так дела не делаются: «Ну не признаю я ребенка, что это изменит?» Он плеснул себе еще и продолжил: «Я буду каждый день думать, что похожий на меня молокосос живет рядом!» Еще одна порция спиртного. «А потом однажды столкнусь нос к носу со своей точной копией...» Закончил Людовик «жизнеутверждающе»: «Не хочу стареть с ощущением, что где-то, как подзаборная трава, подрастает часть меня!»

Марианна поглаживала руку Энджи. Шарик ванили таяли, корочка на соленой карамели пошла трещинами.

— Людо вылакал всю бутылку, но держался, ему было не привыкать. Он целый час пытался меня убедить, я в ответ что-то лепетала. Мы произносили худшие с доисторических времен банальности. «Это мое тело, мой живот, и ни одна сволочь не имеет права сунуться туда со скальпелем». — «Это моя сперма, и ни одна баба не будет производить клонов без моего ведома!» — «Говори что хочешь, но ребенок родится! И плевать, будем мы воспитывать его вместе или нет!» Правда была на моей стороне, он в конце концов это понял и успокоился. Мы даже любовью занялись, а около полуночи

Людо сказал: «Поехали, подвезу...» Я тогда жила в Гравиле, в маленькой квартирке.

Ярко накрашенные губы Анжелики сложились в улыбку печального клоуна.

— Чтобы попасть в Гравиль, нужно было преодолеть с десяток виражей. На выезде из четвертого «фольксваген гольф» все еще шел по прямой — Людо даже не попытался повернуть руль или притормозить... Машина двигалась по инерции, мы врезались в стену, скорость небольшая, оба были пристегнуты и отделались ушибами и царапинами.

Голос Энджи надломился.

— Врачи сказали, что ребенок погиб сразу. Людовик был пьян — он этого не отрицал — и расстроен. «Я узнал, что моя девушка беременна, господин судья, и не обрадовался. Но вы же не думаете, будто я устроил аварию, чтобы у Энджи случился выкидыш?»

Десерт превратился в неаппетитное бурое месиво. По площади Оскара Нимейера ехал в парк пустой трамвай, в «Вулкане» гасили огни. Тени припозднившихся прохожих скользили вдоль домов и исчезали во тьме.

— Ты не представляешь, сколько раз с того несчастного дня я об этом думала... Пыталась поставить себя на место Людовика. По сути дела, он был прав. Я не могла, не должна была действовать у него за спиной. Мерзавец меня перехитрил. Я заплатила полной мерой. После нескольких обследований врачи больницы Монод сообщили, что детей у меня не будет никогда. Людовик по-прежнему живет в Гравиле — мы иногда сталкиваемся... случайно... в трамвае. У него трое детей. Он выглядит заботливым отцом.

Марианна не находила слов утешения.

— Не расстраивайся, милая, — попросила Энджи. — Такая уж у меня жизнь. Ничего не поделаешь... Бывают бабы и понесчастней.

Она допила вино, встала, надела потертую на рукавах кожаную куртку, обмотала шею стареньким шарфом поверх нитки искусственного жемчуга, посмотрела пустым взглядом на решетку, закрывавшую витрину модного бутика на другой стороне улицы, и устало улыбнулась:

— Если найду твоего Тимо Солера, получу часть добычи в качестве вознаграждения? В платье от *Hermès*, туфлях от *Dior* и с

сумочкой от *Gucci* я буду неотразимо хороша.

— Ты будешь прекрасна, Энджи. Ты и без всего этого самая роскошная из всех красавиц.

17

Маленькая стрелка на 11, большая — на 3

Занавески взметнулись вверх, как стая птиц за мгновение до первого раската грома.

Окно распахнулось.

Стекло разбилось, словно невидимое чудовище вломилось в комнату, и тысячи стеклянных капель обрушились на кровать.

Малон заслонил лицо ладонями, но успел заметить, как Гути протянул к нему лапку, а потом порыв ветра унес его.

Малон был не в силах шевельнуться и помочь своему любимцу.

Гути исчезал. Кто-то тянул к нему руки, но он не мог за них ухватиться. Мамины руки. Они были красными.

Она тоже удалялась от него, все быстрее и быстрее крутясь вокруг себя. Ее затягивала пустота.

Малон закричал.

Он тоже хотел упасть в пустоту. Догнать Гути и маму. Оказаться по ту сторону ветра.

Кто-то крепко обнял его за плечи:

— Ну-ну, все кончилось, дорогой. Все кончилось. Мама с тобой.

Малон, весь мокрый от пота, свернулся в клубок. Мама-да долго и нежно укачивала его, а потом уложила.

— Это был просто кошмар, милый. Засыпай скорее. Просто кошмар.

Веки Малона отяжелели. Он закрыл глаза.

Среда

День путешествия

18

Маленькая стрелка на 8, большая — на 4

Малона разбудили крики Па-ди. Он бесшумно выскользнул за дверь и остановился у лестницы.

Голос несся снизу, из кухни. На сей раз нет нужды оставлять Гути в углу, чтобы он подслушал их секреты, а потом рассказал ему. Па-ди кричал очень громко.

— Семь тридцать утра! Слышишь меня? Макс прислал сообщение в половине восьмого!

Шум льющейся воды, звяканье чашек. Чмокнул, открываясь, холодильник. Дверца захлопнулась. Наверное, Мама-да готовит завтрак, а Па-ди пьет кофе.

— Ты знаешь, кто такой Макс? Он работает озеленителем. Его парень, Дилан, вратарь детской футбольной команды. Макс разговаривал с мамашей Амаруш, которая регулирует движение у школы. Она слышала, как психолог болтал с учи... Тетка уверена, что румын нас в покое не оставит!

Малон спустился на три ступеньки. С этой позиции он мог видеть только верхние шкафчики и полки, где прятали все режущие предметы. Па-ди и Мама-да были заняты спором и даже не заметили, что он проснулся. У Малона появилась идея. Он был в пижаме и без тапочек, так что родители не услышали, когда он сошел вниз еще на три ступеньки.

Па-ди бушевал:

— Чертов психолог хочет утром встретиться с Малоном. Он заявится в школу, и милая крошка директриса с ним не справится. — Пауза. — Все просто, Аманда. Малон сегодня в школу не пойдет.

Звякнуло стекло. Мама-да освобождала посудомоечную машину.

— Это ничего не решит, Димитри. Завтра, послезавтра или на следующей неделе ему придется туда вернуться. И что ты предлагаешь? Сменить школу?

Малон взял свой маленький стульчик и осторожно пристроил его за дверью.

— Я встречусь с Тексерой. Он помощник мэра и должен быть доволен, что я сделал его сына центральным нападающим, хотя тот с

начала сезона забил всего один гол. Попрошу его поговорить с мэром. Мы на них надавим!

Пулеметная очередь и три выстрела. Вилки и ножи бросили в ящик буфета, потом хлопнули дверцы.

— Зачем, Димитри? Мэр не может заявиться в школу. И легавые не могут. Школа, она как церковь. Учителя делают что хотят! Ты можешь только молчать и слушать.

Малон забрался на стул, повернул ручку, и дверь открылась. Так, теперь нужно потянуть створку на себя, оставив маленькую щель, тогда будет видно пространство под лестницей.

— Возможно, ты права насчет легавых, Аманда. Но родители имеют право зайти в школу, если захотят, так? Значит, я сам на них надавлю. Да, мы разрешили этому психологу поговорить с мальчиком, но можем ведь и запретить! Или найти другого.

Па-ди рычал, как людоед, а Мама-да шептала, как фея.

— Это ничего не изменит, Димитри. Я с ним поговорю.

— С кем?

— С Малоном. Объясню, что он вредит нам своими историями. Мальчик уже взрослый. Он поймет. Он...

Малон на цыпочках спустился по лестнице. Вчера он побывал в заветном шкафу, и теперь ему ужасно хотелось еще раз взглянуть на картину со своим именем. Никто не узнает...

М. А. Л. О. Н.

Каждая буква написана мертвыми муравьями. Ему показалось, что по спине разгуливают тысячи других, живых, букашек. Малон обернулся. Его интересовали коробки, стоявшие одна на другой. Внутри лежали прозрачные коробочки вроде тех, куда прячут бусинки, карандаши или ластик.

Малон встал на колени и начал копать в первой, размером больше него самого. Маму-да он больше не слышал, в темном шкафу глухо звучал только голос Па-ди, похожий на недовольное ворчание медведя, заставшего в берлоге незваного гостя.

— Вот как мы поступим... Ты попробуешь вразумить мальчишку лаской, а если не подействует, я «приласкаю» психолога... промеж глаз. — Он захохотал.

Удар гонга: кто-то стукнул ногой по мусорному ведру, и крышка захлопнулась. Малон снова услышал Маму-да. Наверное, она подошла к лестнице или повысила голос.

— У него ведь все есть. Игрушки. Книги. Всё. Мы. Что еще нужно?

Малон взялся за пластиковый ящик размером с обувную коробку. Он был перетянут резинками, внутри лежали какие-то маленькие черные штучки.

Конфеты? Лакрица? Солдатики?

Ящик ничего не весил, но резинки были слишком тугие, и Малон едва мог просунуть под них пальцы.

— Что еще ему нужно? Может, не только твои нежности! Отбери у него проклятую игрушку! Он не расстанется с этим плюшевым уродцем. Его единственный друг — крыса, которую он сосет с первого дня жизни... Хрен знает что такое!

— Ты не прав, Димитри, все дети в его возрасте...

Жуткий грохот заглушил последние слова Аманды. Она метнулась прочь из кухни, бросила обезумевший от страха взгляд на лестницу:

— Малон?

Никого.

Из шкафа доносился детский вопль.

— Малон!

Дверь с треском распахнулась. Свет проник внутрь.

Малон стоял на коленях, рядом валялся Гути. Коробка из-под набора посуды для пикника опрокинулась на бок, крышка слетела. За спиной Аманды возник Димитри, и в шкафу снова стало темно.

Несколько мгновений чистого, беспримесного ужаса.

На ее маленького мальчика обрушилось все содержимое пластмассовой коробки.

Он задыхался, тянул руки к Маме-да, чтобы она вытащила его из этого жуткого бездонного колодца. И кричал, кричал, кричал, надрывая горло и легкие.

Малон был с головы до ног покрыт насекомыми.

Мертвыми. Сотнями мух, жуков, божьих коровок, клопов, мокриц, пчел... Они запутались у него в волосах, прицепились к пижаме и босым ногам. Бедняга Гути тоже был засыпан их трупиками.

19

Сегодня он сказал: знаешь, я тебя люблю... Но ребенок... Это не для меня...

Желание убить

Я все равно рожу малыша. Без спроса. И назову его Эдипом.

Не нравится: 323

Нравится: 95

www.jelanie-ubit.com

Василе Драгонман подошел к окну и посмотрел на яхтенную гавань. С двенадцатого этажа здания Резиденс де Франс моторные лодки, парусники и катамараны напоминали новенькие автомобили на стоянке перед офисом продаж крупного дилера. Почти все белые. Почти все небольшие. Ни одна роскошная яхта не нарушала покоя скромных судов, ни одна высокая мачта не выбивалась из общего ряда. Порт для влюбленных в море горожан, без кичливости и эксцентрики.

Окно находилось на высоте сорока метров над водой, так что никто из редких прохожих на бульваре Клемансо или на портовой дамбе не мог заметить приклеившегося к стеклу Василе.

И слава богу: встав с постели, он не дал себе труда одеться.

Его подруга откинула смятую простыню, подошла, прижалась грудью к спине, обвила руками талию. Он мягко отстранился:

— Мне пора...

— Сегодня же среда! — Она скорчила обиженную гримаску. — Школы вроде бы закрыты?

— У меня встреча с детективом.

— С твоей майоршей? С дамой Огресс? Берегись — приревную!

Психолог обнял любовницу и сразу отстранился, чтобы не возбуждаться.

Жест Василе слегка задел девушку, но она тут же утешилась и развеселилась, глядя, как он одевается. Да уж, если носишь такие тесные джинсы, по утрам о сексе лучше не думать!

Василе натянул серый шерстяной свитер прямо на голое тело, пригладил взлохмаченные волосы и улыбнулся.

Красавчик.

— Где ты встречаешься со своей жандармской подругой?

Он обмотал шею шарфом из небеленого полотна, надел темно-терракотовую льняную куртку. На бритье времени не осталось.

«Чертов пижон! — подумала девушка. — Прикид подбирает к цвету глаз и знает, как ему идет трехдневная щетина...»

— Свидание назначено в комиссариате. Там наверняка будут ее подчиненные. Половина криминальной бригады...

— Да уж надеюсь!

Василе взялся за ручку двери, и девушка сказала ему в спину с ноткой вызова в голосе:

— Вся эта история с мальчиком и воскресшими мертвецами превращается в навязчивый кошмар. Нельзя, чтобы она отдаляла тебя от...

Она не закончила, поежилась, почувствовав, что вдруг замерзла.

— От чего?

Солнечный луч пробился сквозь тяжелый свинец туч, осветил комнату, позолотил кожу подруги Василе. Как будто лето украло этот день у осени.

— Чтобы это отдалило нас друг от друга... — шепотом закончила она.

Дверь за Василе захлопнулась.

20

Лейтенанты Жан-Батист Лешевалье и Пьеррик Паделу уже час сидели в «фольксвагене», припаркованном напротив аптеки на улице дю Ок. Они были на месте в 8 утра — Марианна Огресс считала, что позицию нужно занять до открытия магазинов.

В квартале де Неж другой аптеки не было. Полицейские исходили из предположения, что Тимо Солеру кто-то помогает, а значит, его

сообщник может отправиться за болеутоляющими. С помощью Ларошеля был составлен список лекарств, названия которых рекомендует любой интернетовский сайт самолечения.

Йодированный поливидон, цетримид, глюконат хлоргексидина, лидокаин, противостолбнячный анатоксин, метронидазол...

Провизорша получила четкие указания. Если кто-нибудь захочет купить пусть даже одно из средств, она должна обслужить покупателя, дать ему выйти за порог, снять белый халат и повесить на плечики, подав сыщикам знак. Им останется скрытно проследить за этим человеком.

Если он будет настолько глуп, что решит пойти в аптеку рядом с домом...

Первый час в засаде Ж. Б. и Дед обсуждали детали операции. Прохожих на улице дю Ок было мало, как будто все решили поспать подольше. У Деда на этот счет имелась своя теория: по сведениям ближайшего полицейского участка, 26 % обитателей квартала де Неж сидели без работы, среди 18–25-летних — вдвое больше. Никому из этих людей — вне зависимости от возраста — нет нужды вставать раньше служащих Центра занятости.[27]

Ж. Б. включил магнитолау, поискал, что бы послушать, и остановился на частоте 101,5.

Chérie FM.

Дед бросил на него изумленный взгляд:

— Сдурел?

Даниэль Леви[28] надрывал глотку: «Уже завтра это будем мы...»

— Наша свадебная песня, — улыбнулся Лешевалье. — До сих пор мурашки по коже, когда ее слышу.

— Ты меня поражаешь...

На улице было тихо, даже мусоровоз еще не приезжал. Кричали чайки, коты заняли позиции вокруг контейнеров на углу.

— И чем же?

— Да ничем! То есть всем. Ты хорош как бог. Ты легавый! И ведешь жизнь почтового служащего.

Даниэль Леви орал, что «хочет любить», ему вторили хористы забытой музыкальной комедии.

— Не понимаю, о чем ты, Дед.

— Проклятье, Ж. Б., хочешь, чтобы я перечислил все, что говорят у тебя за спиной?

— Вообще-то нет.

Элтон Джон затыкнул *Your Song*, [29] и лейтенант Лешевалье прибавил громкость. Он не спускал глаз с витрины аптеки, наблюдая за мамашей с ребенком на руках возле кассы.

Дед решил проигнорировать нежелание коллеги узнать о себе всю правду.

— Начнем с твоей жены. Все удивляются, как ты мог с ней связаться. Мари-Жо все время тебя достает, ноет, звонит по десять раз на дню, заставляет тащиться домой в полночь, когда все празднуют успешное завершение долгой операции. Ты занимаешься детьми, по субботам делаешь покупки, по воскресеньям починяешь-мастеришь, на неделе таскаешься на родительские собрания... Плюс ко всему Мари-Жо — совсем не Мисс Мира!

Лешевалье не обиделся — разве что слегка удивился:

— Вы правда все это обсуждаете?

— Еще как. Ты в бригаде самый «правильный». Это результат плебисцита у кофемашины. Все жандарметки участка предаются мечтам о тебе, эдакий молодой самец, да еще с нашивками и в парадной униформе. Никто не понимает, что ты нашел в Мари-Жо. Даже наш майор сексуальней твоей жены.

— Особенно с таким носом, как сейчас! — весело ухмыльнулся Ж. Б. — Если однажды Мари-Жо меня бросит, найду себе кого-нибудь вроде Огресс.

— Что значит — вроде? С яйцами, что ли?

— Можно и так сказать...

— А с чего бы Мари-Жо уходить от тебя?

— Да мало ли... Я, как ты верно заметил, легавый. У меня ненормированный рабочий день и куцая зарплата.

Дед прищурился: в аптеку вошел мужчина в надвинутой на лоб шерстяной шапке и куртке с поднятым воротником. Пьеррик ответил напарнику, не спуская глаз с посетителя аптеки:

— Повторяю — ты меня поражаешь... своей тупостью! Всего-то и делов, что найти похищенное в Довиле барахло до Дня святого Валентина и прикарманить несколько цацек.

Из приемника зазвучала старая песня *Rolling Stones*. «*Раскрасить черным*».[30]

Ж. Б. сделал потише и ничего не ответил, но Дед не отставал:

— Только жене потом не отдавай, подари какой-нибудь игривой красотке...

Лешевалье как-то странно на него посмотрел, но рта не раскрыл, а поинтересоваться, в чем дело, Паделу не успел: тип в шапке вышел на улицу с большим пакетом в руке, а аптекарша подала условный знак, сняв халат.

Сыщик навел на него фотоаппарат, чтобы сделать снимок, и от изумления разинул рот.

— Вот черт, это же Зерда!

Ж. Б. кивнул — он тоже узнал четвертого участника довьельского налета, вернее сказать, подозреваемого и выбрался из неприметной оперативной машины, стараясь не привлекать к себе внимания.

Мужчина с пакетом спокойно прошел по тротуару метров двадцать до бакалейной лавки на углу. Лейтенант Лешевалье сидел у него на хвосте, Дед направился к аптеке.

В магазине слонялось человек десять покупателей. Немного, но все равно больше, чем на улице или перед административными зданиями. Алексис Зерда — если это был он — выбирал пиво. Лешевалье наблюдал за ним, делая вид, что интересуется ромом.

Проклятье!

Он чуть губу не прокусил от злости.

Их провели!

Зерда снимал с полки упаковку «Короны».[31]

Двумя руками...

Мешок с лекарствами испарился!

Ж. Б. запаниковал и начал озираться. Три человека стояли в очереди к кассе, на тротуаре у входа две женщины набирали фрукты прямо из ящиков.

Он вернулся к Зерде — так, для очистки совести, желая удостовериться, что тот не распихал лекарства по карманам, — хотя уже все понял...

Зерда передал пакет сообщнику, ждавшему в лавке!

Мужчина или женщина, которого они не успели засечь. Можно и дальше следить за предполагаемым налетчиком, к Солеру он их не приведет!

Аптекарьша подтвердила, что мужчина в шапке купил стерильные салфетки и бинты, бетадин, коалган и пластырь. Оптимальный набор средств для обработки открытой раны, который можно получить без рецепта. Лешевалье по-прежнему пас Зерду, рассматривая пастисы: «Перно Рикар», «Пастис 51», «Пастис Берже».

Он окончательно удостоверился, что человек, ставящий «Корону» рядом с «Десперадос», [32] соответствует описанию неопознанного в Довиле мотоциклиста. В рассеченной надвое мочке левого уха болталась дутая серебряная серьга, у основания шеи был вытатуирован череп.

21

Марианна не слишком хотела отвечать, но, увидев на экране айфона фамилию своего лейтенанта, приняла вызов:

— Что нового, Ж. Б.?

Она чувствовала прилив адреналина, но ответ Лешевалье охладил ее пыл.

— Мы лажанулись...

Он коротко доложил о засаде у аптеки, о появлении Зерды и сообщнике, которого они не сумели вычислить. Марианна сделала над собой усилие, чтобы не сорваться и не высказать все, что она думает о работе своих подчиненных. После вчерашнего провала правильнее было проявить солидарность с неудачниками.

Прямо перед ней, на волнах, три существа в резиновых костюмах — фанаты кайтбординга, [33] полуптицы-полудельфины — ловили ветер воздушными змеями своих серфов.

— Ладно, Ж. Б. Следите за Зердой. В Гавре сотни аптек, так что он вряд ли случайно заявился именно в эту. С шестого января это первая ниточка между ним и доவில்скими налетчиками, значит, мы двигаемся в правильном направлении.

Ж. Б. успокоило философское отношение начальницы к осечке:

— Согласен, Марианна. Мы обложили волков, и им придется выйти из леса! Велю Бурдену сесть на хвост Зерде. Встретимся в

комиссариате?

— Да. Я немного задержусь.

Майор Огресс инстинктивно прикрыла ладонью микрофон, чтобы лейтенант не услышал криков чаек, потом убрала сотовый и улыбнулась Василе:

— Срочное дело... Придется возвращаться на работу, но еще немного времени у нас есть.

Перед ними простирался бескрайний гаврский пляж. Расположенные полумесяцем добротные дома защищала широкая бетонная плотина, украшенная пальмами в кадках, трепещущими на ветру флагами Евросоюза и зелеными островками подстриженных газонов. Серая галька, идущие из Англии паромы... И как только Ницце удалось украсть у Гавра название «Английская набережная» и репутацию города с самым красивым в мире приморским бульваром?

Марианна и Василе шли по узкой дощатой дорожке, касаясь друг друга плечами. Чуть ниже, совсем близко, плескалось море. Сотни белых кабинок стояли стеной между дамбой и пустынным пляжем.

Когда они миновали эту своеобразную галерею с бойницами, Марианна задрала голову, неудобно вывернув шею — психолог был сантиметров на двадцать выше, — и сказала:

— Я выполнила свое обещание, господин Драгонман, провела конфиденциальное расследование насчет семьи Мулен. Вывод ясен и однозначен. Жаль вас расстраивать, но родители чисты. Малон действительно их ребенок — с самого рождения, какой бы странной ни казалась такая формулировка.

Запертые на замок пляжные кабинки, проплешины на месте разобранных и увезенных летних кафе, закрытые ресторанчики на приморском бульваре навевали унылые мысли, но Марианна предпочитала меланхолию осени летней суете. Недоставало одного — уютной террасы под навесом, где можно пить кофе и смотреть на плывущие на заднем плане корабли. А на переднем — глаза Василе Драгонмана цвета золотистого круассана.

— Нормальная семья, — продолжила она. — Обычная супружеская пара. Димитри Мулен отсидел несколько месяцев в тюрьме, но это было давным-давно. С тех пор он образцовый муж и отец, идеально интегрировавшийся в жизнь своей деревни.

Василе кисло улыбнулся:

— Ну, если вы *так* определяете образцового отца...

Марианна не повелась на провокацию.

— С какого бы конца мы ни взяли за эту проблему, господин Драгонман, истина конкретна: Малон не может НЕ быть их сыном...

— Я понял... — психолог кивнул, — спасибо, что попытались.

На некоторых кабинках висели большие черно-белые постеры в стиле «Ревущих двадцатых»,^[34] фотографии «Титаника», трансатлантических лайнеров и нарядных парочек на мосту. Сто лет назад Гавр был чертовски романтичным местом.

Марианна скользила рассеянным взглядом по афишам, задавая себе идиотские вопросы.

Интересно, Василе холостяк? У него роман? Нравится ему прогуливаться с женщиной по берегу океана? Мерзавец отлично скрывает свои чувства! Стоит на своем, как ребенок, не желающий признавать, что сирен и единорогов на самом деле не существует.

Он медленно повернул к ней голову:

— Можете назвать свое самое раннее воспоминание, майор?

— Что, простите?

Психолог улыбнулся:

— Обожаю этот тест! Каждый должен однажды пройти его. Ну же, подумайте. Я спрашиваю не о том, что вам рассказали, а о событии, отпечатавшемся в мозгу.

— Ясно...

Марианна на мгновение прикрыла глаза, отгородившись от внешнего мира, потом сказала:

— Вы застали меня врасплох, так что за точность не ручаюсь... Думаю, это воспоминание о поездке на ферму моей тети. Я смотрела, как она доит корову, притащила стульчик и попробовала повторить ее движения. Кажется, я никому об этом не рассказывала...

— Сколько вам было лет?

— Не уверена... Четыре? Нет, скорее пять, а может, даже шесть, ведь это случилось весной.

— То есть первые пять-шесть лет жизни похожи на «черную дыру», и, если вы хотите что-нибудь узнать о том времени, приходится верить на слово другим людям. Рассматривать альбомы с фотографиями. Доверять маме, которая как-то раз, после воскресного

обеда, вдруг расчувствовалась и пустилась в воспоминания. О пространственных ориентирах — детском садике, доме няни, месте, куда вы впервые поехали на каникулы, — вы тоже слышите от других людей...

Психолог помолчал, подставил лицо морскому ветру и продолжил:

— Малону Мулену нет и четырех, майор! Он неизбежно забудет все, что уже пережил и переживет за последующие долгие месяцы, останутся только призраки. Я ведь объяснил вам, что память ребенка такого возраста подобна глине, которой взрослые могут придать любую форму. Я хочу верить, что Малон, как вы и сказали, сын Аманды и Димитри Мулен, но в таком случае к проблеме нужно подходить иначе. Воспоминания оказались в голове мальчика не случайно.

— Как это понимать?

— До трех лет ребенок не осознает себя. Его «я» растворено в том, что на нашем профессиональном жаргоне называется коллективное бессознательное. Мама, папа, няня воспринимаются им как продолжение себя... Это значит, что когда Малон говорит о прежней маме, о том, что помнит о своей жизни с ней, мы можем быть уверены в одном: его воспоминания реальны. Они существуют у него в мозгу. Сначала их туда поместили, а потом холили и лелеяли. Сделать это мог только человек из его коллективного бессознательного. И этот человек постарался, чтобы Малон не забывал. Он последний свидетель. Хранитель тайны. А следовательно...

Василе замолчал, уставившись на ретроафишу на соседней кабинке: усач в котелке приподнимал вуаль на шляпке хорошенькой, стриженной под мальчика полуобнаженной девицы.

— Следовательно, — продолжил психолог, — если некто приложил столько усилий, чтобы Малон помнил, значит, другие заинтересованы в том, чтобы он забыл...

— Родители?

— Вполне вероятно. Можете записать меня в идиоты, но все, что рассказывает этот мальчик, наводит на одну-единственную мысль: ему в голову намеренно вложили этикие маячки, чтобы в нужный момент мозг их активировал.

Василе так увлекся, что даже губы дрожали. Марианну это очаровало, заинтриговало и почти убедило.

Увы, в его рассуждениях имелся один, но капитальный недостаток.

По его гипотезе выходило, что некто, наделенный макиавеллиевской изобретательностью, встроил воспоминания в мозг Малона и беспрестанно рассказывает ему о другой, прошлой жизни.

Тут-то и таится главная заковыка.

Малыш без колебаний назвал имя таинственного манипулятора. Гути, плюшевая игрушка!

Бред.

Марианна несколько долгих секунд прислушивалась к себе, пытаюсь понять, верит ли хоть чуть-чуть в сверхъестественную выдумку Малона Мулена. Ей совсем не хотелось обидеть Василе шуткой или насмешкой. Вопреки всякой логике, она решила отнестись к опасениям психолога серьезно. Ну или хотя бы сделать вид.

— Значит, Малону что-то грозит и воспоминания призваны его защищать?

— Возможно. Чем еще объяснить панический страх перед дождем? А то, что он вечно мерзнет? Но в остальном картинка слишком точны и ничем не напоминают обычную травматическую память.

Порыв ветра взлохматил волосы Марианны. «Прическа *a la* дохлый осьминог, рожа красная, пальто застегнуто до подбородка... Дивно сексуальные детали отлично дополняют разбитый нос!» — с иронией подумала она.

— Давайте укроемся вон там, — Драгонман кивнул на пляжную кабинку, которую перекрашивал муниципальный рабочий, — я вам кое-что покажу.

Два на два метра, запах сырости странным образом контрастировал с жарким воздухом. «Увы, целоваться с тобой в этом укромном уголке он явно не собирается, подруга!» — мысленно посетовала Марианна.

Василе опустил на колени, достал из рюкзачка карту масштаба 1:25 000 и разложил на песке. Чтобы не наступить на глянцевую бумагу, Марианне пришлось вжаться спиной в дощатую стенку. Карта была исчерчена цветными стрелками, заштрихованными геометрическими фигурами и разноцветными кругами.

— Я попытался разобраться... — он поднял глаза на собеседницу, — материализовать рассказы Малона. Видите, не такой уж я и чудак, использую дедуктивно-гипотетический метод. Как и полиция, верно?

Логика психолога позабавила Марианну, но и показалась убедительной: сотрудники комиссариата действительно часто опирались в расследованиях на свидетельства разного уровня надежности.

— По словам Малона, — продолжил Василе, — прежний его дом стоял на берегу моря, которое он видел из окна комнаты. Я заштриховал все обитаемые прибрежные пространства. Их не так много, если исключить скалы, природные заповедники и промышленные зоны. Кроме того, Малон каждый раз упоминает пиратский корабль. Я обвел кружками все места, откуда можно заметить корабль. Неважно какой — рыбацкую шхуну или танкер-гигант. На карте отмечены все виды на рыболовецкий порт и бухты. Я не исключил даже деревянные лодки на игровых площадках в Мар-Руж, Сен-Франсуа и Блевиле. Видите, майор, если соединить прямыми линиями места на побережье и дома, откуда можно увидеть корабль, получается огромная территория, в нее входит большая часть исторического центра Гавра, восстановленного Огюстом Перре.

— А как насчет остального? Кажется, Малон утверждает, что жил рядом с лесом, где водились людоеды и чудища, так?

Ничуть не смутившись, психолог указал на зеленые участки карты:

— Тут у нас выбор богатейший. Лес Монжон — само собой, сады вокруг форта Сент-Адресс, лес у въезда в туннель Женнер... Но совпадений нет, вернее, их слишком много. Стоит подняться на возвышенность — и издалека увидишь море.

— А ракеты?

Василе включился в игру. Он был очень рад, что Марианна запомнила детали, его глаза горели азартом, смущая женскую душу.

— Насчет ракет у меня ноль идей. Аэропорт Гавр-Октевиль расположен в километре от моря, достаточно близко к торговому центру «Мон-Гайар», но Малон категоричен: не самолет, а именно ракета. Никаких следов замка с четырьмя круглыми башнями я тоже не нашел. Ближе всего расположен замок д'Орше, но у него одна башня. А у замка Гадель в Сент-Адресс их восемь... Я на всякий случай учел всё, что напоминает донжон или небольшой замок, в том числе водонапорные башни, и отметил их синими крестиками.

Марианна с минуту разглядывала карту. Из Драгонмана вышел бы хороший сыщик. Воображение у него точно богаче, чем у большинства

ее коллег.

Василе огорченно улыбнулся:

— Ни одно из мест не соответствует всем критериям. Я как будто смотрю на детали нескольких пазлов, которые случайно ссыпали в одну коробку. Кажется, что несколько пластов воспоминаний наложились один на другой. Трудно понять, что к чему относится, рассортировать кусочки, отложить ненужные в сторону.

Майор Огресс тоже терялась в догадках. Экран ее телефона загорелся голубым светом.

Скоро будешь?

Ж. Б.

Марианна мгновенно забыла о психологе, словно сообщение лейтенанта вырвало ее из долгого сна.

Что она здесь делает? Разглядывает карту сокровищ, плод фантазии трехлетнего мальчика и ученого с завиральными идеями, а где-то разгуливают два налетчика, которые хладнокровно расстреляли полицейский патруль и как сквозь землю провалились вместе с добычей в два миллиона евро.

— Мне действительно пора, господин Драгонман. Мы вернемся к этому разговору. Я поручила одному сотруднику — он молодой, но шустрый и сообразительный — копать дальше, так что...

Они обменялись неловким рукопожатием, и Марианна быстрым шагом пошла к своему «рено», припаркованному у кафе «Жареная картошка от Виктора», только оно осталось открытым на приморском бульваре.

* * *

Василе свернул карту. Из трамвая вывалились подростки на роликовых коньках и покатали в сторону скейт-парка. По дощатой дорожке бежала девушка с конским хвостиком и плеером на поясе.

Как долго Марианна Огресс будет его поддерживать?

В какой момент присоединится к скептикам?

Даже если она так не поступит, как убедить ее не сдаваться и немедленно копнуть глубже, пока мозг Малона хранит воспоминания, пока образы еще не скукожились, не усохли, как подгнившее зерно, которое никогда не даст всходов? Как успеть и не дать окончательно улетучиться жизни ребенка, его настоящей жизни?..

Малон доверился ему. Василе понимал, что с самого первого дня работы психологом не брал на себя подобной ответственности.

Он убрал карту в рюкзак.

Нелегко ощущать себя последней надеждой ребенка, чем-то вроде обломка мачты на волнах, за которую цепляется утопающий.

Да что там нелегко — страшно!

Девушка была очень хорошенькая. Она на бегу встретилась с ним взглядом, но не замедлила шаг и даже не обернулась, уверенная, что красивый брюнет будет смотреть ей вслед, любуясь крепкой попой.

Маленькие удовольствия мимолетного соблазнения.

Она ошибалась.

Василе уже секунду спустя забыл о бегунье, ошеломленный внезапной догадкой.

Он понял, как Малон общается со своим плюшевым любимцем.

22

Маленькая стрелка на 10, большая — на 7

Красно-оранжевая шапочка, шарф и перчатки в тон, резиновые сапожки делали Малона похожим на садового гнома. Он стоял в высокой траве и ждал, когда Аманда выведет из гаража его велосипед и поставит на плиты у забора.

— Мы идем на пруд, к уткам.

Малон не шевельнулся, только слегка повернул голову и с опаской посмотрел на неприветливое небо. Могло показаться, что внутри этого гномика находится самый настоящий барометр.

Будет дождь.

Аманда подняла сына и посадила на седло:

— Вперед, ленивец, крути педали!

Мальчик послушался, но проехал не больше пары метров: колеса увязли в гравии. Аманда вздохнула и слегка подтолкнула его:

— Ну же, малыш, не упрямясь! Я уверена, что Килиан и Лола давным-давно ездят без боковых колесиков.

Аргумент действия не возымел. Она поправила сыну шапочку и снова подтолкнула в спину, придав ускорение.

Волосы Малона не успели просохнуть. Под душем он орал не переставая — его жутко пугали брызги, но на сей раз у Аманды не было выбора. Она зажала сына между коленями, раздела и понесла в ванную, чтобы смыть с лица, шеи и рук мертвых насекомых.

Мертвых, всего лишь мертвых. Не грязных.

Обнаружив Малона в шкафу, она так и сказала сыну и мужу, пытаясь улыбаться, как будто речь шла о забавной шутке. *Не плачь, милый, они ничего тебе не сделают, ты ведь не боишься конфетти или пуха одуванчиков!*

Уговоры не подействовали.

— Вымой парня и подмети тут! — Окрик Димитри прозвучал как удар хлыста.

Аманда покорно присела на корточки, одной рукой прижала к себе Малона, а другой принялась собирать мух, жуков, пчел и складывать их в пластмассовую коробку.

— Выкинь эту дрянь в помойку! — рявкнул Димитри, и Малон зажал уши ладошками.

Аманда воспротивилась — наверное, впервые в жизни:

— Нет, Димитри. Нет! Не проси меня, пожалуйста...

Она боялась, что он сейчас отнимет у нее коробку, схватит веник — впервые в жизни — и сам все выметет, но он лишь буркнул:

— Ты чокнутая! Еще более чокнутая, чем этот мальчишка! — И вышел, шваркнув дверью.

Дорожка от участка к пруду шла под уклон, так что Малону даже не нужно было крутить педали велосипеда. Он усадил Гути в пристегнутую к рулю корзинку и катил по гладкому черному асфальту, как по треку «Формулы-1».

Здесь было безопасно. На машинах по улице ездили только жители домов, стоявших вокруг сквера Мориса Равеля. Архитекторы, планировавшие застройку Верхнего Манеглиза, были экспертами по сооружению лабиринтов. Когда Димитри и Аманда купили дом, им объяснили, что в их мини-поселении действует общественный контроль: никто не может попасть туда незамеченным, каждый житель наблюдает за домом соседа. У всех был свой кусок улицы и своя

стоянка, но благодаря гениальному замыслу архитекторов создавалось ощущение уединенности. Копаешься в садике, возделываешь огород — и чувствуешь себя отрезанным от мира, города и даже деревни, хотя тебя окружают однотипные дома, торговые центры, деловые районы и транспортные развязки.

Головастые градостроители, ничего не скажешь!

В центре этого стратегически обустроенного макета дети могли играть, не подвергаясь никакому риску. Здесь даже пруд имел нарочито заброшенный таинственный вид: «лабиринтологи» четко спланировали комплекс, подчеркнув его достоинства импровизированными деталями.

Аманда ухватила Малона за воротник, чтобы не слишком разгонялся, и мальчик звонко засмеялся — впервые за день. В такие мгновения она всегда повторяла про себя слова песни Рено,[35] а потом слушала ее по несколько раз, чтобы навсегда сохранить в памяти мгновения счастья. «Даже самые идиотские песни на то и нужны, — говорила она себе, — чтобы помнить глупейшие эмоции...»

*И слышать, как твой смех летит ввысь,
туда, где кричат птицы.*

Голос Рено под фортепианный аккомпанемент:

*Нужно любить жизнь, и любить ее,
даже если время-убийца
уносит с собой детский смех.[36]*

Примитивные истины...

Уток на пруду не было — они улетели несколько недель назад, когда в сентябре случились первые утренние заморозки. Аманда знала, что птиц они не увидят, но притворилась огорченной, а Малону было все равно. Он взял Гути и потопал в камыши искать утиные гнезда. Прошлой весной ему удалось увидеть вылупившихся утят, но потом их сожрали кошки.

Аманда таяла от умиления.

Этот деревенский уголок в пятидесяти метрах от их дома был для Малона краем земли, безбрежным океаном, бесконечной вселенной: он будет расти, а она — сжиматься. Пройдет несколько лет, и огромный мир станет невзрачной планеткой, которую можно обойти в три шага. Лабиринтом вроде того, куда Минос посылал на верную смерть молодых афинян. Хитрой ловушкой из туй и бирючины, полной тупиков.

«Эти умники архитекторы пытались построить для нас лабиринт, но только все запутали», — подумала Аманда.

Отсюда удавалось исчезнуть только уткам...

Даже она, в шестнадцать лет поклявшаяся себе, что уедет из Манеглиза навсегда, вернулась... как птицы. Человек может объехать весь мир в поисках солнца и любви, найти их — или не найти, но он всегда возвращается, потому что потомство должно появляться на свет здесь.

Чтобы его потом кто-нибудь сожрал.

Тяжелая капля пробила темную маслянистую поверхность пруда.

Малон ничего не заметил, но Аманда поняла, что нужно немедленно возвращаться. Пока не начался ливень и Малон не взбудоражил своими криками всю округу.

— Куда они делись, Мама-да, где утята?

«Потомство должно появляться на свет здесь», — снова подумала Аманда, оставив вопрос Малона без ответа.

И его обязательно кто-нибудь сожрет.

Если она не помешает.

Сделать салат из помидоров. Пожарить котлету и картошку. Пока будет готовиться еда, Малон посмотрит серию «Джека и пиратов», а за обедом еще одну.

— За стол, юнга! — строгим голосом скомандовала Аманда, и Малон не стал упрямиться. Ну и ладно, он знает истории про Джека наизусть, куда лучше побыть одному в своей комнате. Аманда знала, как сильно ее мальчик любит уединение, и очень тревожилась, но разве могла она упрекать за это сына?

Малон лежал в кровати, натянув одеяло до подбородка и устроив Гути на подушке. Аманда сидела рядом.

— Послушай меня, милый... бывает, что папа очень громко кричит. Но он тебя любит. Сильно любит! Просто злится иногда.

Малон промолчал.

— Ты ведь понимаешь? — не успокаивалась Аманда.

Мальчик посмотрел на висящий у кровати календарь: ракета причалила к Меркурию.

День путешествия.

Ночью лежать в кровати приятней, чем днем, когда Мама-да кладет его поспать. Ночью планеты и звезды светятся в темноте.

— Когда ты рассказываешь истории, например в школе, когда говоришь, что я — не твоя мама, мне все равно. Я не сержусь, хоть это и неправда, а вот папа просто выходит из себя.

Аманда нежно погладила сына по волосам. Он смотрел на нее во все глаза. Солнце проникало в комнату через оранжевые шторы, заливая помещение медно-красным светом.

— Ты хочешь, чтобы я перестал, да? — пролепетал Малон.

— Хочу, дорогой! Я очень хочу, чтобы ты больше не говорил ничего подобного и выкинул эти мысли из головы.

Малон задумался.

— Я не могу, потому что ты — не моя мама.

Правой рукой Аманда продолжила гладить сына по голове, а левой судорожно вцепилась в детское одеяло, комкая Вуди, Базза Лайтера, Пиль-Пуаля.[37]

— Кто тебе это сказал, родной? Кто вбил в голову такую глупость?

— Секрет!

Аманде хотелось закричать в голос, но она наклонилась и прошептала:

— Разве ты не понимаешь, как маме грустно из-за твоих секретов?

Вопрос был риторический. Аманда крепко обняла Малона, вдохнула сладкий запах его волос. Мальчик первым нарушил молчание:

— Не хочу, чтобы ты грустила, Мама-да. Я... я тебя люблю... Сильно-сильно!

— Так пообещай, что перестанешь говорить, будто я не твоя мама. Договорились?

— Даже если я так думаю?

— Да! Не переживай, котенок, глупые мысли исчезнут, как микробы, из-за которых мы боеем, как сыпь во время ветрянки.

Малон высвободился из объятий Аманды и горестно воскликнул:

— Не хочу, чтобы они исчезали, Мама-да! Я должен помнить. Всегда.

На сей раз Аманда не смогла сдержать слез. Она уткнулась лицом в подушку сына, судорожно вздохнула, обняла его еще крепче и прошептала на ухо:

— Не говори так, дорогой. Не нужно, прошу тебя! Кончится тем, что они тебе поверят и разлучат нас, понимаешь? Ты ведь этого не хочешь?

— Нет, Мама-да! Я хочу оставаться с тобой...

— Я тоже! — Аманда всхлипнула. Ей было так страшно, что она никак не могла отпустить сына, и следующие три секунды стали, возможно, самыми сладкими в ее жизни. Ощущение тепла, вкус высохших слез, детская комната оказались вне времени и пространства. Ей казалось, что счастье пребудет с ними вечно. Казалось — пока Малон не закончил фразу:

— ...пока не вернется мама и не заберет меня.

23

Сегодня в банке тип, стоявший передо мной в очереди к окошку, депонировал чек на 127 000 евро.

Желание убить

Я закадрю его вдову.

Не нравится: 98

Нравится: 459

www.jelanie-ubit.com

Тишину комиссариата нарушила музыкальная отбивка: 17:00. Почти все сотрудники каждый час на минуту отвлекались от своих дел, чтобы послушать новости по радио.

Ведущий больше не упоминал о побеге Тимо Солера после провалившегося захвата в порту Гавра. С раннего утра журналисты местных радиостанций названивали в комиссариат, надеясь узнать что-

нибудь новенькое. Один из них даже провел два часа на ступеньках лестницы.

«Никаких деталей сообщить не могу...» — отвечала Марианна. Не из вредности, хотя назойливому репортеру пригрозила проколоть шины скутера, после чего он поспешно ретировался.

Ничего нового! Действительно ничего.

Лейтенант Лешевалье надел куртку:

— Уже пять. Я ухожу...

Марианна кивнула:

— Ладно, давай... а то из-за пробок можешь не успеть к «Вопросам для чемпиона».[38]

— Так и так не успею... — Ж. Б. помахал листком, исписанным женским почерком: — По дороге придется заскочить в «Мон-Гайар» — купить все, что велено.

— Разумно, — похвалил Дед, оторвавшись от компьютера. — Если объявится Солер, можем на неделю засесть в засаду.

— Слушайся Деда, Ж. Б., он наш гуру, — сказала Марианна. — Затарь холодильник, чтобы твое маленькое семейство не погибло голодной смертью.

— И воспользуйся «окном для стрельбы», если мамочка будет настроена, — пошутил Дед. — Помнится, в девяносто пятом, когда сбежал Халед Келькаль,[39] мы караулили его одиннадцать ночей подряд...

Ж. Б. вышел в коридор, не снизойдя до ответа.

— Упреждение, вот что важно! — крикнул ему в спину Дед. — Я называл это «предупредительным огнем», когда жил с последней бывшей женой...

Лейтенант Лешевалье не сдержал улыбки.

— У вас есть мой номер — на случай, если дело сдвинется. Но если хотите знать мое мнение...

Он не дал себе труда закончить фразу, и Марианна его не осудила. По большому счету, Ж. Б. прав. Незачем весь вечер торчать без дела в комиссариате, читая и перечитывая отчеты. Алексиса Зерду водили весь день — от бакалеи на улице дю Ок до дома на улице Мишле с заходом в дилерский салон «Форда», бар «Адмирал Нельсон» и тренажерный зал «Физик Форм».

Результат нулевой.

Агент Бурден несколько раз звонил Марианне, чтобы получить инструкции, и не скрывал усталости и разочарования:

— Зерда не прячется! Выставляет напоказ свою спокойную жизнь, ну просто Де Ниро на пенсии.[40] Он либо чист, как первый снег, либо издевается над нами.

Именно что издевается! Майор Огресс не верила в совпадения и не думала, что Алексис Зерда случайно посетил аптеку в квартале де Неж на следующий день после неудавшегося захвата Тимо Солера. Нет, он не просто так купил лекарства и средства для обработки раны, а через несколько минут таинственным образом избавился от пакета в бакалейной лавке.

Зерда — четвертый налетчик. Он защищает Тимо Солера. Остается его прижать!

— Продолжай следить! — приказала она Бурдену. — В конце концов он выведет нас на Солера, иначе тот сдохнет в норе, где затаился. — Она смягчила тон и закончила: — Будь осторожен, Бурден. Не рискуй понапрасну. Тимо Солер — попавший в переплет бедолага, а Зерда — опасный псих. Убийца полицейских. Убийца...

Все звонившие в прямой эфир говорили только о кризисе. Логистическая компания «Атлантик LOG», где работало сто пятьдесят семь человек, объявила себя банкротом. Безработным ведущий давал секунд по десять, и они извергали на систему потоки ненависти. Те, кому повезло больше, тоже высказывали недовольство: «Почему мы должны кого-то содержать на наши налоги?!» У каждого своя революция...

Дед не очень-то вслушивался в горькие монологи неудачников. Он разложил на столе цветные фотографии похищенных в Довиле предметов — диадему от *Piaget*, очечник от *Lucrin* и еще несколько десятков роскошных вещей.

Ну просто набор маленькой принцессы! Когда дело будет закрыто, он, пожалуй, отошлет эти картинки своей внучке Эмме. А сейчас передвигал их, придумывая авангардистское дефиле для воображаемых мужчины и женщины.

— Лично меня скорее волнует обратное, — буркнул лейтенант.

— Обратное чему? — поинтересовалась Марианна.

— Перед ограблением в Довиле все поддались паническим настроениям. Люди изумляются, волнуются, впадают в психоз. А я удивляюсь, что налеты случаются так редко. В дорогих магазинах посетителей днем с огнем не сыщешь. Тебе не кажется странным, Марианна, что люди не громят витрины, а просто смотрят на них, как в телевизор? Им почему-то не приходит в голову, что все эти чудесные, роскошные вещи по праву принадлежат и им тоже. И вообще, раз богатые изобрели деньги, почему бы беднякам не считать кражу своего рода *транзакцией*?

Майор Огресс зевнула, но лейтенант Паделу так увлекся, что не заметил этого.

— Нет, правда, тебя не поражает, что все эти люди, набивающие товаром тележки, продолжают покорно платить деньги в кассу и обеспечивают магазинам миллиардные прибыли, вместо того чтобы устроить флешмоб и смести все турникеты во всех французских гипермаркетах? Ну разве не странно, что кто-то еще разъезжает по улицам на «порше» — и его не забрасывают камнями, носит на запястье «ролекс» — и ему не отрывают руку? Почему те, кому нечего терять, не пытаются рискнуть хотя бы ради того, чтобы сохранить гордость, удивить любимую женщину, оставить по себе достойную память у детей... Черт, даже покеристы не сдаются, пока карты не открыты!

Лейтенант Пьеррик Паделу мог разглагольствовать часами, и майор воспользовалась короткой паузой, чтобы вставить слово:

— Мы делаем нашу работу, Дед. И нам даже платят за это. За то, что мы наводим страх на людей. Полицейские — хранители мира, гражданского и общественного. Это официальное звание нам присвоили полтора столетия назад, и плевать, что мир с тех пор превратился в ад.

— Скорее Цербер, чем святой Петр... Я тебя понял, Марианна. — Дед смахнул со стола снимки часов *Longines* и продолжил: — Алексис Зерда — опасный псих, которого нужно посадить и забыть о нем, кто бы спорил. Но Тимо Солер, Сирил и Илона Люковик скорее хорошие люди. Ребята из Потиньи, шахтерские дети... Они мне гораздо симпатичней владельцев LVMH,[41] которые требуют вернуть им украденное.

— Не знаю, Дед... Ничего я не знаю. Не уверена, что нам следует задаваться такими вопросами... Помнишь три тонны контрафактных кроссовок «Найк», которые мы вместе с таможенниками нашли месяц назад в контейнере, прибывшем с Себу?[42] Зачем было все пускать под экскаватор? Филиппины больше нуждаются в развитии, чем Штаты. Бедным странам нечего терять. Говоришь, мир — это глобальная партия в покер? Значит, маленькие страны обречены! Нет, Дед, так это не работает, ты сам знаешь. Нужны правила и храбрые солдатики, которые будут следить за их исполнением.

Паделу кивнул, как усталый сфинкс, машинально теребя бархатистую ленточку *Hermès-Paris*.

— Твоя правда, красавица. Кстати, знаешь, кем был Гермес?

— Греческим богом?

— В точку! Одним из олимпийцев. Богом торговли и... покровителем воров! Древние греки все понимали, так? За три тысячи лет до того, как Центральный банк подтвердил предсказания Дельфийского оракула.

Марианна хохотнула, встала и прогулялась по коридору, чтобы размять ноги. Сотрудники расходились по домам. Она налила себе кофе и отправила сообщение Анжелике:

Хочешь выпить вечером в «Уно»?

Ответ пришел через несколько минут:

Не сегодня. Еду к старикам. Нужны бабки.

Марианна улыбнулась и смяла в ладони стаканчик. Ей не хотелось возвращаться домой в одиночестве, одной потеть на беговой дорожке в клубе «Амазония», есть одной, спать одной и одной вставать утром с постели. Неожиданно в голову пришла мысль о Василе Драгонмане. У нее есть номер сотового, но она не может приглашать на ужин человека, которого едва знает, у нее и предлога-то нет!

— Надолго задержишься? — спросила она Деда.

— Пожалуй, посижу часов до трех утра...

— Сверхурочные тебе не заплатят.

— Знаю. Хочу дождаться, когда в Америке будет восемь вечера, и позвоню дочери в Кливленд со служебного телефона. С домашнего мне не по карману!

Марианна решила не выяснять, шутит Дед или говорит серьезно, надела пальто и вышла.

Одна.

24

Маленькая стрелка на 5, большая — на 11

Малон проспал три часа. Днем он всегда засыпал легче и спал долго.

После полдника Аманда дала ему новую игрушку, желто-зеленый самолетик с пропеллером и голубыми колесиками, в котором сидело пять человечков в коричневых шлемах и больших черных очках.

Каждую среду Аманда дарила сыну новую игрушку. Они появлялись у нее в руках как по волшебству, и Малон всякий раз замирал от восторга. На ближайшие дни игрушка становилась его главным сокровищем — после Гути, разумеется.

На этой неделе он получил самолет, на прошлой — пожарную машину, на позапрошлой — динозавра, три среды назад — ковбоя на лошади, а еще раньше — гоночную машинку. С появлением новой игрушки Малон вовсе не остывал к прежней, каждой находилось место в его вселенной. Все подарки Мама-да лежали в ящике или были расставлены на ковре в определенном порядке, который понимал только он. Маленький мальчик, как начинающий бог, был наделен уникальной необъятной памятью и никогда не забывал ни одно из своих творений.

— Спасибо, — сказал Малон, не спуская глаз с самолетика.

Аманда не дождалась ни «Спасибо, Мама-да», ни «Спасибо, мама», хотя ей очень этого хотелось, и мальчик все понял.

Он бы тоже очень хотел. Назвать ее *мамой*.

Как и всякий раз, когда получал подарок, или когда она его целовала, или когда говорила «Я тебя люблю». Он правда часто хотел.

Нельзя.

Как только Мама-да ушла готовить полдник, Малон побежал в гостиную, положил Гути на пол, залез под стол, немножко поиграл с самолетиком, а потом, укрывшись в углу, достал из кармана листок.

Он был сложен в несколько раз — так легче спрятать от чужих глаз. Когда ему совсем уж сильно хотелось сказать *мама* вместо *Мама-да*, а поговорить с Гути он не мог — все бы услышали! — Малон разворачивал свой рисунок, чтобы не наделать глупостей.

Вообще-то рисунок сделали они с мамой. Секретный рисунок, который он не показал даже Василе.

Поглядывая на открытую дверь кухни, Малон разгладил пальчиками листок, полюбовался звездой, зеленым деревом, подарками и тремя человечками, задержавшись на несколько секунд на своей и маминой фигурке. Она сама себя нарисовала. Мама с длинными волосами была ужасно красивой, а он — совсем маленьким.

Сердце у него билось сильно-сильно, как всякий раз при взгляде на рисунок, но это не имело значения. Малон смотрел на буквы, которые знал наизусть, большие и маленькие.

Семнадцать — наверху, над звездой на верхушке дерева.

Веселого Рождества

Шестнадцать — внизу, рядом с подарками.

Никогда не забывай

Он услышал шаги и быстро свернул листок. Мама-да принесла ему полдник на подносе и даже вставила соломинку в клубничный сок.

Маленькая стрелка на 6, большая — на 3

Малон играл на ковре в столовой, когда вернулся Димитри.

Он не поздоровался, даже не посмотрел в сторону мальчика, прошел на кухню и достал из холодильника пиво.

Аманда, чистившая овощи у раковины, никак не отреагировала на появление мужа.

Димитри одним глотком, прямо из горлышка, ополовинил бутылку и сказал:

— Нужно поговорить.

Аманда толкнула дверь. Недостаточно быстро — Малон успел влезть к ней на колени, улыбнулся Па-ди, вытер лежавшей на столе тряпкой подбородок и красные усы от компота вокруг рта.

— Оставь нас, дорогой. Иди поиграй в гостиной с самолетиком.

Малон кивнул и спрыгнул на пол. Он совсем не расстроился. Он самый хитрый. Он успел устроить Гути у телевизора, прислонив его к пластмассовой коробке.

Димитри метался по кухне с пустой бутылкой в руке.

— Я думал. Весь день. Мне было не до работы. Выбора у нас нет. Придется позвонить ему.

Аманда оторвалась от чистки моркови и посмотрела на мужа. В ее глазах сверкала такая ярость, что тот почти испугался.

— Ни за что! Я думала, мы договорились. Так? Больше никаких дел с ним. Ты меня понял?

Димитри с силой нажал на педаль мусорного бака. Бутылка грохнулась на дно, он мысленно чертыхнулся — Аманда вечно выбрасывает полупустой пакет! — открыл холодильник, достал еще одну, сорвал крышку и слизнул выступившую пену.

— Проклятье! Ты разве не понимаешь, что это единственный выход?

Аманда ответила спокойно, коротко и отрывисто — совсем как Гути:

— Малыш больше не станет рассказывать историй. Он мне пообещал.

— Поздно, черт бы его побрал! В деревне уже пошли разговоры. Легавые роют землю, задают людям вопросы.

Аманда высыпала морковные очистки в ведро.

— И что с того?

— Что с того?! Они и до меня доберутся. Припомнят судимость, отсидку и не дадут нам покоя.

— Ну и что они сделают? Отберут у нас ребенка из-за дурацких историй о людоедах, ракете и пиратах? Пусть суетятся — рано или поздно им надоест.

— Им, но не психологу! Ему не нравится, что такого ребенка, как Малон, воспитывают такие люди, как мы. Это он настучал легавым. Я звоню. Нужно с этим кончать. Пусть вытаскивает нас из дерьма...

Бутылка бесшумно упала на увядшую морковную ботву. Аманда механическими движениями чистила другие овощи, лицо ее оставалось невозмутимым, но внутри все дрожало от страха.

Кончать? Звонить? Пусть вытаскивает нас из дерьма...

Неужели Димитри настолько наивен?

Она судорожно пыталась придумать выход и вдруг заметила, что у мужа трясутся руки.

Он колеблется!

Аманда ринулась в бой:

— Ты что, не способен разобраться с ним сам? В этом все дело? Боишься поговорить с румыном по-мужски и отвадить его от нас? — Она подошла к мужу вплотную: — Когда мы познакомились, ты легко обходился без чужой помощи.

Машинальным движением подхватив Гути, Аманда посадила его на стул Малона. Димитри убрал телефон. Он чувствовал... да-да — облегчение, как будто в глубине души ждал именно такой реакции жены.

— Ладно, как скажешь... Но я сделаю все по-своему, ясно? — Он глянул на пластмассовую коробку, куда Аманда собрала мертвых насекомых, и добавил: — Раз ты так хочешь... Хотя, по-моему, у тебя тоже едет крыша.

Аманда проследила за его взглядом, посмотрела на плюшевого зверька, потом на коробку и шагнула к Димитри, сжимая в кулаке «экономку», [43] похожую на театральный кинжал с убирающимся в рукоятку лезвием.

— Может, у меня есть на то причины?

25

Майор Огресс ушла, лейтенант Пьеррик Паделу выключил радио, и в комиссариате наступила тишина. Дед очень любил эти редкие моменты одиночества, когда можно было разложить на столе улики по делу и передвигать их, как кусочки мозаики, соединять, разъединять, откладывая на манер мастера-мебельщика, у которого для каждой операции есть особый инструмент.

Деду нравилось отпускать свой разум в вольное плавание, а потом снова погружаться в хитросплетения расследования.

Сейчас он, как обычно, думал о детях.

Ему было всего двадцать, когда родился Седрик. Два года спустя на свет появилась Дельфина. Сегодня двум его старшим детям уже за тридцать, они живут на юге и сами давно родители. Двое у Седрика, трое у Дельфины — пять внуков, с которыми Дед практически не видится. Старший из них, Флориан, уже поступил в коллеж и через несколько лет покинет родительский дом. Жизнь продолжается!

На столе перед лейтенантом лежали две посмертные фотографии. Сирил и Илона Люковик. Убиты 6 января 2015 года на улице де ла Мер

в Довиле.

Дед развелся, когда Седрику исполнилось пять. Он много месяцев сражался за совместную опеку над сыном и дочерью, даже заявил, что готов сменить работу, но сволочной судья ничего не захотел слушать. Много лет лейтенант Паделу виделся с детьми два раза в месяц, забирая их на уик-энд. Если вычесть школу по субботам, получится всего тридцать шесть дней в год. Жалкое соотношение 1:10!

Со Стефани, своей второй женой, он познакомился в двадцать шесть лет и заранее знал, что до старости они вместе не доживут. Она была очень влюблена. Слишком молодая, слишком красивая, слишком жизнелюбивая. У девятнадцатилетней Стефани Пьеррик был первым мужчиной. Он был уверен, что со временем она неизбежно станет ему изменять, и поспешил сделать ей Шарлотту и Валентина.

Четыре года спустя Стефани наконец завела любовника, дав Деду все козыри. Она считала себя виноватой и была счастлива, когда муж благородно предложил ей разделить опеку над детьми. Разумеется, в их интересах. Красиво сыграно. Ничего не скажешь.

Лучшие моменты его жизни.

Дед поглаживал пальцем вырезанную из фотографии рубиновую диадему стоимостью пятнадцать тысяч евро. Мало кто из сыскарей поинтересовался короткой жизнью нормандских Бонни и Клайда, все сконцентрировалось на двух скрывшихся преступниках — Тимо Солере и его гипотетическом сообщнике Алексисе Зерде. Ну и конечно, на их добыче! Журналисты и читатели местной прессы вели подсчеты и предавались фантазиям, но никто не вспоминал о Сириле и Илоне, чьи трупы запаковали в пластиковые чехлы и увезли с приморского бульвара Довиля в морг. Для проформы инспекторы посетили Кан и Потиньи — деревню, где все начиналось.

Через несколько лет Дед встретил Александру. Ей было тридцать, и она воспитывала Шарлотту и Валентина как собственных детей, ничего никогда не просила, предоставив ему все «властные полномочия». Идеальная мачеха! В тридцать три она неожиданно забеременела и родила своего первенца, которого не так чтобы очень хотела, пятого ребенка Пьеррика Паделу.

Это произошло в 1996-м. Анаис, обожаемая всеми принцесса. ЕГО принцесса! Его любимица, ради которой стоило просыпаться по утрам. Он был совершенно счастливым человеком — до совершеннолетия дочери. В июне прошлого года она отлично сдала бакалаврские экзамены и отправилась в Кливленд, в бизнес-школу, где за обучение приходилось платить десять тысяч долларов в год. Он восемнадцать лет холил и лелеял свою девочку, она умоляла отпустить ее, как же было не согласиться? И он согласился, в один момент лишившись смысла всей жизни.

С Александрой Дед расстался на следующий день после объявления результатов экзамена. В пятьдесят один год она была еще очень сексуальна, элегантна, свободна... окончательно свободна от груза материнства. А Дед вдруг почувствовал себя жутко постаревшим, и их замечательная семья перестала существовать.

Лейтенант Паделу из последних сил боролся с усталостью. Продержаться оставалось всего четверть часа: разговор с Анаис придаст ему бодрости.

Он подвинул к себе папку и попытался сконцентрироваться на деталях расследования.

Тимо Солер, Алексис Зерда, Сирил и Илона Люковик родились в Потиньи, деревеньке в Нижней Нормандии, где восемьдесят лет работали самые большие угольные шахты на западе Франции. Шахтерский поселок в центре нормандских лесов.

Шахты Потиньи окончательно закрылись в 1989 году, и два поколения людей двадцати национальностей стали безработными. Большинство составляли поляки, основавшие на Канской равнине маленькую Варшаву.

Четыре налетчика. Дети Потиньи. Три парня и одна девушка. Все четверо — безработные и дети безработных. Лейтенант пытался найти ответ на главный вопрос: как и почему эти ребята, выросшие в рабочем поселке, на улице Грызунов, годы спустя сбились в банду?

Канские сыщики покопались в коллективной памяти деревни, провели несколько часов на улицах Потиньи, расспрашивая старожилов, и прислали в комиссариат Гавра полный отчет.

Глаза у Деда слипались, но он продолжал упрямо пялиться в текст. Вдруг коллеги пропустили главное?

Возможно, он сумеет уловить то, что они прохлопали? Углядит нечто новое?

Лейтенант не сомневался, что ключ к тайне кроется именно в этом мрачном превращении. Четверо друзей совершают вооруженный налет на дорогие магазины, действуя по самоубийственному сценарию. Разгадать этот феномен было гораздо важнее, чем отыскать награбленное или доказать причастность к преступлению Алексиса Зерды.

Взгляд Деда задержался на фотографиях налетчиков. Он передвинул их так, чтобы снимки убитых лежали рядом. Муж и жена погибли в перестрелке, он держал в руке «беретту», так что их виновность ни у кого не вызывала сомнений, хоть суд и не выносил им приговора. Ни один полицейский не спросил себя, почему пара согласилась участвовать в опасном предприятии, а вот Деду этот вопрос не давал покоя.

Сирил много лет работал докером. Десять последних месяцев он перебивался временной работой, но нарушения закона остались в прошлом. Любовь. Женитьба. Семья. Пусть журналисты тешатся мифом о гаврских Бонни и Клайде, все полицейские знают, что Илона и Сирил вели вполне упорядоченный образ жизни. Как Зерда убедил их связаться в заведомо обреченную на провал кровавую авантюру? Их и Тимо Солера?

Они согласились во имя былой дружбы?

Были вынуждены пойти на смертельный риск, потому что их связывал тайный договор?

Что стало причиной — долг, контракт или угроза?

Лейтенант чувствовал, что искать нужно в Потиньи. В прошлом. До деревни два часа езды, так что проще всего будет отправиться на место и выяснить, насколько верны собранные данные. Необходимо понять, что Илона и Сирил оставили в Довиле, выяснить, какими были их детство и молодость, с кем они дружили, как общались с родственниками...

Важнее всего проверить одну деталь, с которой канские сыщики «разобрались» за полчаса. Эта деталь, по мнению лейтенанта Паделу, меняла все.

— Не мог ответить побыстрее? Я ждал три минуты... У меня на хвосте легавые...

— Я подыхаю, Алекс.

Зерда помолчал, потом произнес:

— Не пори чушь. Лекарства не помогают?

В трубке раздался хриплый кашель. Алексис Зерда представил, как из горла Тимо на экран айфона летят сгустки крови, и плотнее прижал телефон к уху. Стоянка у доков Вобана была пуста, но за машинами наверняка прячется парочка полицейских. Сидят, морозят яйца... Да нет, они далеко, слишком далеко, а волны, бьющиеся о бетон Антильской набережной, наверняка заглушают голос Тимо...

Еще один хрип. Зерда буквально чувствовал запах смерти.

— Я долго не продержусь, Алекс.

Продержись еще немного, парень. Несколько часов. Один-два дня...

— Ты справишься, Тимо! Ты в тепле. Легавые тебя не найдут, а меня пасут с утра до вечера. Обложили со всех сторон, так что придется действовать быстро. Не глупи, ладно? Если высунешься, попытаешься встретиться с лекарем или приблизиться к больнице, тебя схватят!

— Что ты предлагаешь?

Хрипы, свистящее, затрудненное дыхание, голос дрожит, жизнь по капле покидает тело.

Морская пена оседала на брючинах, и Зерда отодвинулся. На полметра, не больше — на случай, если у легавых дальнобойные микрофоны. Не говоря уж о том, что эти сволочи могли привести с собой сурдопереводчика.

«Успокойся, кретин, в Гавре такого оборудования точно нет!» — приказал он себе.

— Нам нужно выиграть время, Тимо. Меня вычислили из-за похода в аптеку, больше рисковать нельзя. Мы не можем все потерять, только не сейчас...

Зерда торопился закончить разговор. Он убедился, что Тимо не сдастся полиции. Пока. «Немного времени у меня есть...» — подумал он, глядя, как яхта с погашенными огнями миновала Марсельскую гавань и маневрировала, ориентируясь на маяк.

— Дай мне телефон! Немедленно!

Зерда изумился, услышав женский крик. Громкий голос зазвучал прямо у него в ухе:

— Это я, Алексис. Ты понимаешь, что Тимо умирает? Понимаешь или нет?

— И что я должен сделать? Вызвать «скорую»? Заняться легавой бабой, которая ведет дело?

— А почему нет? Решай сам... Но сделай хоть что-нибудь — для разнообразия, иначе мы все потонем.

— Дай мне эту ночь. Всего одну ночь. Если запаникуем, все будет кончено...

— Что, если Тимо утром не проснется?

Зерда снова отвлекся на голубые огни яхты. Сорок пять футов как минимум. Стальной корпус, деревянная палуба. Эта игрушка стоит несколько миллионов. Интересно, кто живет за иллюминаторами? Что за миллиардер решил приплыть в Гавр, взяв в эту дыру дорогих шлюх?

Он бы так не поступил, это точно.

Зерде не хотелось думать об умирающем Тимо и его рыдающей вдове...

— Обожаю тебя, девочка. Ты слишком хороша для него!

* * *

Тимо откинулся на груды подушек у стены. Со вчерашнего дня он занимал эту единственно приемлемую сидяче-лежащую позу, уподобившись пациенту хосписа, которому только и осталось, что довольствоваться удобствами специальной кровати.

— Идиот проклятый! — прошипела девушка.

Тимо попробовал улыбнуться. Рана не кровоточила уже несколько часов и, если он не шевелился, почти не болела.

— Он был не обязан соваться в аптеку.

Она достала из шкафа кремовое махровое полотенце, намочила его, легла рядом с Тимо и прикрыла красную от крови марлю, приклеенную к ране. Погладила Тимо по волосам.

Он дрожал. Его кожа еще больше побледнела, сравнявшись цветом с простынями, желатиновыми облатками лекарств и компрессами, почти доверху заполнившими помойное ведро. Природная смуглость,

унаследованная от пяти поколений галисийских крестьян, слиняла за несколько дней заточения в квартире без света.

Смуглость, которую она так любила...

— Зерда до смерти боится, что ты его сдашь, если попадешь в лапы полиции. Мерзавец предпочитает, чтобы ты загнулся в одиночестве.

— Я не умру, моя девочка обо мне позаботится, так ведь?

Она подложила ладонь под влажный затылок раненого:

— Конечно. Конечно позабочусь, милый.

Уткнувшись лбом в его плечо, она беззвучно заплакала.

Ну почему слезы не залечивают раны, как в волшебных сказках?

Не впадай в детство, дура!

Нужно держаться...

Тимо заснул, и она долго лежала неподвижно, боясь потревожить болезненное забытие, потом высвободилась — с бесконечными предосторожностями, словно играла в «Микадо».[44]

Так, спустить одну ногу. Другую. Сделать шаг, еще один.

Тимо открыл глаза.

— Поспи еще немного, — шепнула она.

Рана больше не кровоточила. Бетадин и коалган лежали на табуретке, рядом с бутылкой воды.

Она поцеловала его в сухие растрескавшиеся губы, коснулась плеча, почувствовала липкий пот на коже.

— Мы справимся, Тимо. Обещаю. Все будет хорошо. Мы выберемся.

Он на секунду опустил веки, потом открыл глаза и в упор посмотрел на девушку:

— Выберемся? Вдвоем? Ты правда в это веришь?

— Втроем. Мы выберемся втроем! — поправила она.

Лицо Тимо исказила гримаса боли.

— Да уж, этот мерзавец Алекс нам точно не поможет.

Она не стала отвечать. Нужно молчать и ждать. Дождаться, когда Тимо задремлет. На одно короткое мгновение она пожалела, что ее жених ничего не понял.

Гути все ему рассказал под одеялом. Все, что Па-ди говорил Маме-да. Вот только Малон ничего не понял. Как и вчера, он хотел слушать не споры взрослых, а свою историю.

Историю Меркурия.

Наверное, самую любимую.

Будь его воля, он бы только ее и слушал, но это было невозможно. Гути каждый вечер рассказывал ему новую историю. Он всегда слушался маму. Как и Малон.

* * *

На острове все звали его Маленьким пиратом. Он давно вырос, и прозвище не слишком ему нравилось, но, если рождаешься последним и кузены растут рядом, навсегда остаешься самым младшим.

Маленький пират жил на маленьком, совсем маленьком острове. Таким маленьком, что, выйдя из хижины на прогулку по берегу моря, обойти его не было никакой возможности: вместо того чтобы удаляться от дома, ты сразу начинал к нему приближаться.

Маленький пират не скучал. Они с кузенами залезли на самые высокие пальмы и рвали кокосовые орехи. Правда, на верхние ветки ему карабкаться запрещали.

— Вот вырастешь, тогда... — говорила мама.

А еще они играли в прятки. Найти укрытие на таком крошечном острове было непросто, так что приходилось зарываться в песок или залезать в кроличьи норы, гроты у воды тоже годились. Только Маленькому пирату запрещали забираться совсем глубоко.

— Вот вырастешь, тогда... — говорила мама.

Очень часто Маленький пират играл с девочкой по имени Лили, своей единственной ровесницей. Она тоже жила в хижине на сваях на берегу моря, рядом с жилищем Маленького пирата. Их кровати стояли по разные стороны общей бамбуковой стены. Лили была такой красивой, что он хотел одного — жениться на ней.

— Вот вырастешь, тогда... — говорила мама.

Раз в год, на Рождество, всего раз в год маленький рост мальчика мог сослужить ему службу. В этот день папа сажал его к себе на плечи (он был единственным, кого папа мог носить на плечах), чтобы

Маленький пират прикрепил звезду к верхушке дерева, украшенного шариками и гирляндами.

— Так будет, пока ты не вырастешь, — предупреждала мама.

Наступил день, когда Маленькому пирату надоело ждать и кружить по острову. Он взял большую лодку, стоявшую на пляже, и уплыл. Совсем один.

Ровно через десять секунд Маленький пират сделал потрясающее открытие.

Его маленький круглый остров был вовсе не островом, а планетой!

Пиратский корабль — не кораблем, а ракетой!

А море вокруг острова — не морем, а небом!

«Тем лучше!» — подумал Маленький пират. Ракета летит быстрее, чем плывет парусник. Ракета движется со скоростью света. Он путешествовал много световых лет.

На борту ракеты был маленький GPS, указывавший путь ко всем планетам, даже к самой маленькой планете самой далекой галактики. Путешественнику оставалось только следовать указаниям.

«После третьего спутника поверните направо, к Млечному Пути. Держитесь левее в течение трех световых лет».

«Перед черной дырой сделайте поворот на 180°».

«На вашем маршруте ожидают метеоритные дожди. Хотите продолжить? Да-Нет».

GPS указывал на солнце каждой галактики, и ракете достаточно было пролететь мимо одного из них в нескольких световых секундах, чтобы запастись энергией. GPS был даже оборудован системой ограничения скорости, что казалось ужасной глупостью, ведь никому еще не удавалось превысить скорость света.

Прошло двадцать лет, и Маленький пират решил, что уже вырос, и вернулся на свою планету.

Когда ракета приземлилась, кузены, мама, папа и Лили бросились обнимать Маленького пирата.

Кузены стали высокими бородачами, мама и папа больше напоминали бабушку и дедушку, а Лили была красивей всех принцесс на

свете. Они стали старше на двадцать лет. Он вспомнил давние мамыны слова: «Вот вырастешь, тогда...»

И вот он вырос!

Подумал, что вырос...

Он забыл об одной детали — идиотской, но менявшей абсолютно все. Когда путешествуешь со скоростью света, перемещаешься так же быстро, как время, и не стареешь!

Маленький пират провел двадцать лет в ракете, но не постарел ни на один день.

Остальные выросли без него!

Все стало еще хуже, чем было. Никто из кузенов не хотел лазать по пальмам: эти серьезные сильные мужчины просто трясли дерево за ствол, и кокосовые орехи падали на землю. В кроличьи норы и гроты мог забраться только Маленький пират, и никто не хотел играть с ним в прятки. В Рождество отец объяснил, что слишком стар и устал, поэтому не посадит его на плечи и он не прикрепит звезду к верхушке дерева. А прекрасная принцесса Лили ни за что не выйдет замуж за человека на двадцать лет моложе себя!

Маленький пират стал самым печальным пиратом галактики. Он думал, что делать, думал, думал — и ничего не придумал! Он чувствовал себя одиноким, самым одиноким пиратом галактики. И каким бы невероятным это ни казалось, скоро он станет еще более одиноким.

Как-то раз, утром, Маленький пират проснулся и увидел, что все его покинули. Кузены, родители, Лили — все поднялись на борт ракеты и улетели.

Без него. Они его бросили!

Маленький пират заплакал. Он не мог понять, почему с ним так поступили. Ушел в грот и плакал три дня и три ночи подряд, а потом влез на самую высокую пальму — вокруг не было никого, чтобы запретить ему это.

Сверху Маленький пират заметил слова, написанные на песке почерком мамы: «Жди нас».

И тогда он понял и стал ждать. Был очень храбрым, терпеливым и благоразумным и прожил один на острове много тысяч дней. Без родителей, друзей и невесты.

Так прошло ровно двадцать лет, и одним прекрасным утром ракета вернулась.

Первой на землю сошла Лили. Она не постарела ни на один день, а Маленький пират, живший все это время на острове, превратился во взрослого сильного пирата — точно такого же, как прилетевшие назад кузены.

Они с Лили стали ровесниками и поженились на следующий же день.

— Теперь вы взрослые и можете это сделать, — сказала мама.

В вечер Рождества Маленький пират, которого больше никто так не называл, опустился на корточки, посадил старенького папу на плечи, и тот прикрепил звезду к макушке дерева с гирляндами.

Папа наклонился и прошептал ему на ухо: «Когда ты маленький, это нелегко понять, но слушай внимательно. Иногда приходится отпускать от себя человека, которого очень сильно любишь. И он уходит далеко-далеко. А ты ждешь. Долго-долго. Это и есть настоящее доказательство любви. Возможно, единственное».

* * *

История закончилась. Тени звезд на стенах комнаты убаюкивали Малона. Как и каждый вечер, стоило Гути замолчать и уснуть, знак вернулся. Сначала он тоже напоминал зыбкую тень, словно кто-то махал рукой перед лампой. Но обе руки мальчика были спрятаны под одеялом.

Постепенно знак становился все четче, проявился каждый палец. В точности как на рисунках, которые они делали с Клотильдой, опуская обе ладони в краску. Теперь рисунки висят на окнах школы.

Потом возник цвет. Один-единственный. Красный. На всех стенах комнаты.

Малон закрыл глаза, чтобы не видеть. Чтобы цвет исчез, как звезды со стен, как планеты и ракета, сверкавшие над головой, как комната. Как все на свете.

И все погрузилось во тьму, даже Гути.

Кроме красной руки.

А потом и все остальное стало красным.

28

Сегодня Лоран сказал, что больше меня не любит.

Желание убить

Всех на свете, кроме него и меня.

Не нравится: 15

Нравится: 953

www.jelanie-ubit.com

Василе Драгонман стоял под обжигающе-горячей водой. Это стало привычкой, ритуалом, почти манией.

Он занимался любовью и сразу шел в душ.

В те редкие разы, когда любовь случалась на природе или в машине, ему долго казалось, что следы пальцев, губ, ну и всего остального, конечно, тоже впечатались в тело, растворились в нем, украв частицу его личности, его глубинной сущности.

Мгновение спустя он уже крыл себя последними словами. Психолог хренов! Закомплексованный любитель усложнять. Анализируешь, анализируешь... Не умеешь насладиться моментом.

Она без малейшего стеснения открыла стеклянную дверцу кабины.

Оранжевые шаровары с африканскими мотивами, обнаженная грудь, заколотые на затылке волосы, походка делали ее похожей на деревенскую женщину из мультипликационных историй про маленького сенегальского негретенка Кирику.[45] В европейской версии. С молочно-белой кожей. Зыбкое воспоминание о первых мальчишеских фантазиях смутило его еще больше.

— Думаю, это тебя. — Она протянула ему мобильник.

Василе выключил воду.

Сообщение.

Он протер запотевший экран.

Я идиотка, но хочу вам верить.

Понимаю, что времени мало, сделаю что смогу.

Свяжитесь со мной в любое время.

Марианна

— Снова твоя майорша?

Василе изобразил лицом огорчение, как пойманный на месте преступления мальчишка, наотрез отказывающийся признать свою вину.

Неотразим! Да, чертовски хорош, а вот легавая дама сильно раздражает.

— Полуночная эсэмэска? Да это кадрез чистой воды!

Она прекрасно понимала, что ее приемчик «ярость разгневанной любовницы» проигрывает наивно-невинной улыбке Василе.

— Она мне нужна. Я веду большую игру.

— Ради того малыша? Мальчика, который разговаривает со своей игрушкой?

— Да.

Он положил телефон на раковину и снова открыл кран. Она тут же шагнула под воду — прямо в шароварах, и через несколько секунд на алебастре ее округлостей возникли контуры слонов, жирафов и зебр.

Она поцеловала его в шею, погладила волосы на груди и спросила вкрадчивым голосом:

— Увидишься с ним завтра утром в школе?

— Да. Если они позволят.

— А могут запретить?

— Конечно... Кто угодно. Родители, школа, полицейские...

— Он в тебе нуждается. Это я уже поняла. Ты все время твердишь, что мальчик доверяет только тебе, что приходится быть очень деликатным, не давить, иначе он захлопнет раковину, как устрица, и привет...

Она растерла в ладонях немного ароматного геля, положила руки ему на плечи, медленно помассировала.

Он сделал шаг назад, задел бедром кран, сдвинул его на несколько сантиметров влево.

Из обжигающей вода стала теплой.

— Возможно, это самое правильное решение, Василе. Позволить мальчику забыть свою травму.

Василе был сложен как бог, ему бы учиться на спортивном факультете, играть в регби. А он стал психологом. Женские пальцы следовали за изгибами его торса, спустились ниже, погладили сильный мускулистый живот.

— Если у него в мозгу прячется призрак, пусть остается там навсегда... — едва слышно произнесла она.

— Ты пропустила один этап.

Вода стала ледяной, но они этого не заметили — уж слишком напряженный был момент.

— Прежде чем приговорить призрака к заключению и оставить его доживать свой век в одной из клеток мозга Малона, я должен его найти, посмотреть ему в глаза, приручить. А если потребуется, скрестить с ним шпаги...

Она приподнялась на цыпочки и прошептала прямо в ухо Василе:

— Опасная затея, верно?

Телефон звонко тренькнул — новое сообщение.

— Снова твоя сыщица?

Василе с невинным видом вздернул брови, ухмыльнулся, потянулся за лежащим на раковине мобильником и взглянул на экран.

Веселость мгновенно исчезла с его лица.

— Что-то случилось?

Номер неизвестен.

Фотография и текст.

Они смогли разглядеть мраморное надгробие с крестом на фоне пламенеющего неба, но выгравированные на стеле слова и цифры не разобрали.

Кто лежит под камнем? Неизвестный? Ребенок? Может, это семейное захоронение?

Текст был коротким:

Ты или мальчик. Выбор пока есть.

Она прикусила губу, поежилась.

— Что будешь делать?

— Не знаю. Позвоню в полицию.

— Майорше?

— Не знаю... Бред какой-то!

Она стояла перед ним — красивая женщина с обнаженной грудью. Длинноволосая, длинноногая. Такая же прекрасная, как в день их встречи у Бруно. Потом медленно, движением, в котором не было ничего эротичного, потянула вниз резинку шаровар. Этот жест напоминал какой-то древний колдовской ритуал или ответ на просьбу врача на осмотре.

Она обвела пальцем пупок. Спустилась ниже, к лобку.

— Посмотри на меня, Василе. Смотри и слушай. Видишь этот живот? Он никогда не выносит ребенка. В моей матке никогда не зародится жизнь. Ты можешь подумать: «Сейчас не время об этом говорить...» — и будешь прав. Я не стану грузить тебя жестокими деталями, скажу одно: мерзавец, приславший сообщение, ошибается. Выбора у тебя нет.

Василе смотрел на нее, не веря своим ушам, ничего не понимая. Десять лет учебы и еще десять практической работы психологом не смогли сейчас дать ему подсказку, пролить свет на хитросплетение событий.

Четверг

День мужества

29

Маленькая стрелка на 11, большая — на 6

— Слушай меня очень внимательно, Малон, это важно. Ты должен поделиться со мной секретом, если хочешь, чтобы я поверил. Объясни, как Гути рассказывает тебе эти истории.

Мальчик молча смотрел на какую-то невидимую точку на стоявшей между ними парте, словно там был когда-то написан ответ, который потом стерли. Гути лежал у него на коленях и... тоже не произносил ни звука, только улыбался глазами и розовой пастью: его вопрос школьного психолога ни капельки не заинтересовал.

— Я должен знать, Малон.

Василе колебался. Ниточка доверия между ним и ребенком была совсем тонкой, но за нее все-таки придется потянуть. С бесконечной осторожностью.

— Если хочешь снова увидеться с мамой... С прежней мамой... Помоги мне.

Малон не поднял головы, не произнес ни звука, только еще крепче зажал зверька между коленями, как будто ждал помощи от плюшевого друга.

Серое существо хранило молчание.

Василе попытался снова:

— Гути должен довериться кому-нибудь, кроме тебя, понимаешь? Нужно, чтобы он поговорил со взрослым человеком.

Малон наклонил голову, словно советуясь со своим любимцем. Может, у них телепатический контакт? Вдруг все дети именно так общаются с игрушками, а вырастая, теряют волшебный дар?

Они уже час сидели в кабинете Клотильды.

— Не торопись, Малон. Подумай хорошенько.

Василе выдержал паузу. Стол директрисы был завален тетрадями, большими листами цветной бумаги, в коробках лежали вещи, собранные для благотворительной ярмарки.

Клотильда прошла по коридору и даже не взглянула в его сторону. Сорок пять минут назад она демонстративно включила кофеварку, не подумав предложить ему чашечку. Теперь агрегат с вызовом булькал у него за спиной.

Василе покосился на часы. Через пятнадцать минут появятся малыши и будет поздно. Ему вряд ли представится случай еще раз поговорить с Малоном.

Мальчик по-прежнему смотрел на плюшевого зверька, моля его о помощи. Ладно, придется ускорить дело, наплевав на профессиональную этику.

— Послушай меня, Малон. Игрушка не умеет разговаривать, и ты это знаешь!

Ребенок прикусил губу и заерзал на стуле. Так, один этап пройден, он подстегнул мозг Малона, добился реакции. Теперь нужно подождать. Немного.

На столе перед школьным психологом лежали три страницы. Он напечатал их сегодня утром, расположив текст в две колонки.

Слева — вопросы, фотографии, символы.

Справа — ответы, составленные за несколько последних недель.

Левая колонка: пиратский корабль из комикса про Астерикса.

Правая колонка: реакция Малона.

Нет, мой пиратский корабль совсем другой. Он был чернее и без этой штуки посередине.

Мачта? Без мачты? Насколько черный?

Точный ответ он получил через несколько бесконечно долгих минут.

Черный, совсем черный, как военный корабль.

Левая колонка: замок в Пьерфоне с водяными рвами, подъемным мостом, кружевными амбразурами башен и донжонами.

Нет, башни были толстые и короткие. Без всего этого.

Без чего всего, Малон? Без косых крыш? Без скульптур? Без отверстий в камнях?

Василе сделал шесть черновиков, но успеха не добился: Малон каждый раз отрицательно качал головой. Перебрав все возможные архитектурные формы, Драгонман нарисовал четыре цилиндра, расположив их в линию.

Глаза мальчика просияли.

Да, вот такие!

Дождь стучал в окно кабинета. У ограды собрались женщины под зонтиками, в коридоре шумели дети, снимая с крючков пальтишки и шарфы. Малон вот-вот ускользнет.

Нет, только не сейчас!

Василе чувствовал, что мальчик готов сдаться, и решил чуть сильнее потянуть за невидимую ниточку.

— Гути разговаривает у тебя в голове, да, Малон? Не по-настоящему, не вслух! Гути — игрушка, а не живой зверек и не может каждый вечер рассказывать тебе историю. Он не может...

— Может!

Мальчик скрестил на груди тонкие ручки, поджал губы, хотя ему ужас как хотелось доказать взрослому дядьке, что тот ошибается.

«Еще несколько минут, мне нужно всего несколько минут!» — думал Василе, глядя в свои заметки.

Левая колонка: ракета. Фотография «Ариан 5».[46]

Это она!

Уверен? Ты видел именно ее, видел, как она взлетала?

Да. Да-да-да. Я уверен. Я помню. Это она!

Драгонман выключил кофеварку — он больше не мог выносить звука падающих капель, которые отсчитывали секунды, как скрипучие ходики.

— Твоя мама скоро будет здесь, Малон. Ты зовешь ее Мама-да. Вы пойдете домой. Если не скажешь прямо сейчас, как Гути с тобой разговаривает...

По какой-то непонятной причине Василе вдруг вспомнил «могильную» эсэмэску от анонима. Он не мог решить, как поступить с угрожающим посланием, удалить или переслать майору Огресс, и мысленно отмахнулся: ладно, решу потом.

Психолог налил стакан воды и поставил перед мальчиком.

Без пяти минут полдень.

Выбора нет. Время вышло. Ниточка вот-вот оборвется. Тем хуже... Он взял стул, сел рядом с Малоном, наклонился, чтобы смотреть ему прямо в глаза:

— Они больше не разрешат нам встречаться, малыш. Если ты не поделишься со мной своим секретом, тайной Гути, никогда не увидишь маму.

Малон смотрел не моргая. Он не произнес ни слова, но Василе понял, что победил.

Мальчик осторожно взял Гути, запустил пальчики в вытертый мех, как будто решил пощекотать серый круглый животик любимца.

Потянул. Тихонько.

Василе не верил своим глазам.

Брюшко Гути раскрывалось.

Оно было застегнуто на обычную липучку. Идеально вшитую, невидимую. Ее невозможно было заметить, даже держа игрушку в руках. Впрочем, ни один взрослый никогда к ней не прикасался.

Малон пошарил в утробе Гути, достал детские наушники, аккуратно размотал два черных проводка, потом вытянул еще один провод — тоже черный, он вел к элементу питания. Последним на свет появился крошечный MP3-плеер.

Несколько миллиметров в толщину, три сантиметра в длину, дисплей с подсветкой.

Малон горделиво улыбнулся и подвинул свое сокровище к психологу.

Василе инстинктивно оглянулся на дверь и толкнул ее ногой.

— Это совсем легко, — сказал мальчик, — нужно только помнить цвета. И рисунки.

Он привычным легким движением стал жать на пять кнопок плеера.

Зеленый треугольник. Чтобы слушать Гути.

Красный кружок. Чтобы Гути замолчал.

Две черточки. Чтобы Гути послушал, что говорят, и потом все ему пересказал.

И две стрелки на двух кнопках. Чтобы прогуляться по памяти Гути.

— Они нужны, чтобы каждый вечер выбирать правильную историю, верно?

— Да.

У Василе дрожали руки. Объяснение выглядело таким очевидным. Простым... детским.

Семь файлов. По одному на вечер. Семь историй, чтобы слушать в одном и том же порядке. Так легко, что даже малыш справится.

— Мама научила тебя им пользоваться? Твоя прежняя мама? Она сделала сердце Гути и спрятала у него в животике? Она просила тебя каждый вечер слушать по одной истории? Ты слышишь голос мамы? Я угадал?

Малон молча кивал на все вопросы. Казалось, что за две минуты он повзрослел на два года. У Василе не было времени анализировать поразительные открытия.

Зачем было навязывать трехлетнему ребенку подобный ритуал?

Как Малон сумел уберечь свой секрет от Аманды Мулен?

О чем эти истории? Что в них зашифровано? Как они повлияли на формирующийся мозг мальчика?

И главное...

Психолог погладил Малона по голове, пытаясь успокоиться.

Главный вопрос: в чьем безумном мозгу родилась эта иезуитская уловка?

Оба слишком поздно услышали шаги. Дверь распахнулась. Малон оказался шустрее. Привычка. Инстинкт. Он улыбнулся Клотильде, смахнул наушники с плеером на колени и уронил Гути на стол животом вниз.

— Все хорошо, Малон?

Робкое «да».

Человек — животное с врожденным талантом ко лжи.

— Пришла твоя мама. Вернешься в коридор за пальто?

— Мы почти закончили, — покладистым тоном произнес Василе. — Дайте нам еще две минутки.

Он начал собирать бумаги. Клотильда пожала плечами и вышла. Ливень усилился. Капли яростно барабанили по стеклу, и на лице Малона отразился ужас.

Психолог подвинулся к мальчику и прошептал:

— Отдай мне сердечко Гути, малыш. Я должен послушать его истории.

Малону было страшно. Из-за дождя. Из-за просьбы Василе.

— Я знаю, что ты дал слово. Пообещал маме. Не бойся, я никому ничего не скажу...

Малон медленно развел коленки и протянул Драгонману плеер с двумя проводками, похожими на лакричные палочки.

Взрослый накрыл широкой ладонью руку малыша, и они молча скрепили секретный договор, такой важный для обоих.

Василе ощутил, что на его плечи лег груз невероятной ответственности, как если бы ребенок доверил ему свое теплое бьющееся сердце.

Рассыпавшаяся в тишине трель звонка вывела Малона из оцепенения. Он судорожным движением схватил Гути и прижал зверька к груди.

— Он снова будет разговаривать с тобой, — шепнул Василе. — Клянусь. Я... — Психолог чувствовал, что его слова ничего не значат. Он взял плеер. — Гути просто немножко поспит. Отдохнет. Не волнуйся, завтра он оживет. Утром, у школы, я верну тебе его сердце.

Малон кивнул и пошел одеваться. Василе смотрел ему вслед. Всякий раз, проходя под пластиковыми навесами, по которым барабанил ливень, мальчик вздрагивал и вжимал голову в плечи. Одной

из загадок, скрытых в мозгу этого ребенка, был панический страх перед дождем. Кроме того, он вечно мерз и потому всегда был одет теплее других детей.

Василе предчувствовал, что вряд ли найдет разгадки в «историях Гути», скорее они еще больше все запутают.

Помощница ATSEM[47] вышла из игровой комнаты, чтобы открыть калитку на школьный двор. Психолог достал телефон, убрал в карман черные наушники и плеер и начал просматривать полученные со вчерашнего дня сообщения.

Энджи. 9:18

Смайлик с красным воздушным шариком в форме сердца.

Люблю. Будь осторожен.

Неизвестный номер. 00:51

Могила под закатным небом.

Ты или мальчик. Выбор пока есть.

Он поежился и поспешил вернуться к предыдущей эсэмэске.

Неизвестный номер. 23:57

Я идиотка, но хочу вам верить.

Понимаю, что времени мало, сделаю что смогу.

Свяжитесь со мной в любое время.

Марианна

Василе без колебаний нажал на кнопку повтора вызова.

Аманда Мулен стояла у решетки с черным зонтом в руке и не сводила глаз с крыльца. Другие мамочки, уже встретившие своих детей, продолжали что-то оживленно обсуждать, нимало не интересуясь тем, как прошел день у их отпрысков.

Малон застыл на крыльце.

Школьный двор превратился в ущелье, по дну которого с грозным ревом несся поток воды.

Он видел Маму-да и взглядом молил о помощи. Время как будто остановилось.

Василе бесшумно подошел к Малону, бросил взгляд на тонкий ручеек воды у крыльца и успокаивающим жестом похлопал своего подопечного по спине:

— Беги к маме, малыш.

Мальчик не шелохнулся — остался стоять как стоял, с ужасом уставясь на хмурое небо.

И Аманда не выдержала — перешагнула через желтую линию, перебежала через двор и, не глядя на Василе Драгонмана, взяла сына за руку:

— Пойдем домой, зайчик.

Она слышала возмущенный гул голосов у себя за спиной. «Безобразие! Да что она о себе воображает? Ничего с ее сыном не случится, если он, как все дети, пройдет тридцать метров под дождем...»

Плевать она хотела на этих дур!

Психолог выглядел растерянным. Стоял столбом за спиной Малона, сунув руки в карманы джинсов, глаза у него бегали, как у ребенка, стянувшего конфету в булочной. Аманда наконец удостоила его взглядом:

— Оставьте моего ребенка в покое, я сумею защитить его и без вашей помощи!

Пальцы Василе сжались в кулак.

— Я просто пытаюсь помочь Мал...

— Отстаньте от него, — повторила женщина уже громче. — Умоляю вас!

Голоса за оградой стихли.

— Прошу вас, господин Драгонман... — Теперь Аманда почти шептала. — Если не хотите, чтобы случилось несчастье.

30

Майор Огресс нервничала. *Ненавижу ждать!* Она смотрела на трамвайную остановку на другой стороне улицы, провожала глазами машины, катившие по бульвару Георга V, переводила взгляд на яхты класса «Оптимист» и «420» в Торговой гавани и спрашивала себя, откуда он появится.

И когда!

Она ненавидела ждать. Когда ждала, всегда чувствовала себя уязвимой и зависимой. Марианна каждый день отдавала приказы и сама решала, чем будут заниматься сотрудники. Хуже всего, что приходится торчать у комиссариата. Мимо, даже не посмотрев на нее, прошли Дюамель и Константины. Майор понятия не имела, откуда явились подчиненные, и оттого раздражалась еще сильнее. Ей фатально не хватало людей: агент, наблюдавший за домом Алексиса Зерды, сменился в 23:00, следующий заступит на пост только в 6 утра, но они не могут следить за подозреваемым круглосуточно, ведь ничего конкретного у полиции на него нет. А тут еще Дед с утра изводил ее разговорами...

Рядом затормозил *Guzzi California*, мотоциклист снял шлем, и только тут Марианна его узнала. Взлохмаченные темные волосы делали Василе Драгонмана похожим на потрепанную ураганом ворону.

— Вы опоздали...

Психолог не стал ни оправдываться, ни извиняться. Он слез с мотоцикла, подошел совсем близко, чтобы только она могла разглядеть лежавший у него на ладони MP3-плеер.

— Мальчик ничего не придумал... — тихо произнес он.

Василе в нескольких словах описал свою встречу с Малоном, объяснил, что плеер лежал в животе плюшевой игрушки и ребенок каждый вечер, ложась в постель, надевал наушники и по секрету от родителей слушал одни и те же истории.

— Я поклялся, что верну ему плеер завтра утром.

Марианна оперлась ладонью о капот ближайшей машины.

— Проклятье! Бред какой-то!

— Вообще-то, нет...

— Я думала, вы явитесь и снова начнете морочить мне голову призраками, живущими в детском мозгу, пластичном, как глина. А вы притащили плеер, рассказываете сказки о плюшевой зверушке... Мальчик и правда верит, что мохнатый любимец с ним разговаривает?

— Похоже на то. На самом деле все куда сложнее, а психологические теории насчет детского развития можно считать... теориями.

— А я, конечно, слишком глупа и ни черта в них не пойму?

Василе удивленно вздернул брови:

— С чего вы взяли?

— А может, я слишком рациональна? Или во мне слишком много от легавой и недостаточно от матери? Я недоженщина?

Психолог растерялся. Детские невроты были ему явно ближе и понятнее женских.

— Не знаю, майор.

Они помолчали, потом Марианна скомандовала:

— Ладно, попробуйте объяснить.

Василе собрался с мыслями и заговорил:

— Итак... Чтобы понять, какие отношения связывают Малона и Гути, нужно задаться одним-единственным вопросом: в каком возрасте дети начинают притворяться, вернее, осознавать, что притворяются?

«Хорошенькое начало...» — подумала Марианна, но решила не подавать вида, что обескуражена.

Василе наградил ее жалостливо-снисходительным взглядом и переформулировал:

— Возьмем конкретный пример. Девочка, играющая в куклы, с пяти лет знает, что играет в куклы, что держит в руках игрушку, хотя укачивает и ласкает ее, как живого младенца. Она понимает фундаментальное различие, существующее между реальностью как таковой и восприятием этой реальности, и может использовать это различие через социальные коды. Пока все понятно?

Марианна кивнула, и он продолжил:

— Я делаю вид, что даю кукле бутылочку, понимая, что на самом деле она не пьет. Я знаю, что кукла — всего лишь игрушка, хотя она мне дороже всего на свете, а родители поддерживают игру и говорят о кукле как о живом существе. Игра учит имитации, кодификации, трансгрессии.[48] А вот дети до трех лет не видят никакой разницы между физической реальностью и своим восприятием этой реальности. Для них не существует жизни и смерти, а плюшевый мишка ничем не отличается от медведя из зоосада. В этом возрасте дети не различают подлинное и ложное, вещи для них либо существуют, либо нет, так что иметь двух мам — настоящую и ненастоящую — просто невозможно. У трехлетнего малыша есть мама — и другие женщины, которые о нем заботятся: няня, тетя, подружка...

Василе замолчал, и Марианна вклинилась, изображая прилежную ученицу:

— Значит, если я правильно поняла, для малыша Малона разговор с Гути вполне реален, хотя он сам нажимает на кнопки.

Психолог кивнул, но продолжил не сразу, как будто взвешивал каждое слово, не желая обидеть собеседницу, задеть ее самолюбие.

— Все не так просто, майор. Как я уже сказал, включение осознания реальности у ребенка, по-научному — когнитивное отчуждение, происходит, как правило, в период между двумя и пятью годами. Но в какой именно момент? Всем детям дарят одни и те же игрушки, стимулирующие воображение и познавательную способность. Машинки, домики, костюмы доктора, пожарного, принцессы, пирата... Над всем этим работают маркетологи на пару с педагогами, так что в каждый Новый год детишек заваливают так называемыми обучающими игрушками. Никогда прежде детей так не стимулировали, но каждый из них по-прежнему остается «черным ящиком». Играет он или нет? Знает ли, что играет? Имеет ли значение тот факт, что мы включаемся в его игру? Или все дело в том, что он хочет сыграть в нашу?

Василе сделал паузу — как на лекции для восторженных студенток, записывающих каждое его слово.

— Что касается Малона, тут мне все ясно. Для него Гути — не неодушевленный предмет и не живое существо, наделенное чувствами. Эти слова ничего для него не значат, он не способен увидеть разницу между ними. Малон не осознает, что привязанность к Гути есть не что иное, как проецирование его собственных эмоций на плюшевую игрушку. Тем не менее трехлетний ребенок понимает, что находится под запретом, а что разрешено. Большая разница между Гути и обычной игрушкой заключается не в том, что его друг говорит, слушает и рассказывает истории, как телевизор, радиоприемник или телефон. Фундаментальное отличие в том, что мама Малона запретила ему открывать тайну Гути кому бы то ни было. Ребенок — даже очень маленький — умеет слушаться взрослых. Он не видит разницы между «хорошо» и «плохо», это приходит позже, но знает, что можно и чего нельзя делать, как любое дрессируемое животное. Осложняется все потом, когда возникает необходимость сопрягать «хорошо» и «плохо» с «можно» и «нельзя». К счастью для Малона, он еще не достиг этого этапа.

Довольная улыбка довершила рассказ психолога. Майор Огресс не замечала, что мимо них все время ходят ее коллеги. Этот парень

гипнотизер или она так реагирует из-за мальчика? Будь психолог плешивым и подслеповатым, его теории вряд ли потрясли бы Марианну.

Она сделала над собой усилие, вернулась к реальности и сказала:

— Я поняла — почти все — и беру назад слово «бред», но хочу спросить: как долго, по-вашему, длится тайная связь Гути и Малона?

— Месяцев десять, не меньше, и это значит, что каждую историю мальчик прослушал больше тридцати раз и все они стали его реальностью. Единственной, по сути дела.

— Наравне с каждодневной жизнью, — охладила пыл Василе Марианна. — Со школой. С семьей. — Она взглянула на плеер: — Вы успели прослушать истории?

— Да. Они недлинные. Семь штук по несколько минут каждая.

— Ну и?..

Два агента, возвращавшиеся в комиссариат, поздоровались с Марианной и с любопытством оглядели стоящий на тротуаре *Guzzi California* и молодого мужика, что-то бурно обсуждающего с их шефом.

— Я ни в чем не уверен. У меня есть догадки, ниточки. Реперные точки те же самые: лес, море, корабль, четыре башни замка. Информация закодирована, но я слегка продвинулся в определении места. Все, что соответствует описанию прежнего дома Малона, я объеду за один день.

Психолог потянулся к рюкзаку, и Марианна решила, что он собрался прямо здесь развернуть карту.

— Если только речь не идет о феномене ложных воспоминаний, — сухо заметила она. — Ложных, то есть внушенных целиком и полностью! Вполне вероятно, что малыш Малон никогда не жил на берегу моря или на краю леса...

— Исключено! Во всем есть смысл и связь. Поверьте моей интуиции. Моя работа — находить этот смысл, а ваша... У меня есть для вас еще один подарок, майор. — Он протянул ей детский стаканчик с феей Динь-Динь, аккуратно завернутый в бумажный носовой платок: — Малон пил из него сегодня утром.

— Зачем он мне?

— Единственный способ удостовериться, что Мулены — его биологические родители, это сделать анализ ДНК. Думаю, вам не составит труда проверить.

Марианна вздохнула и повернула голову к Торговой гавани. Ребятишки в одинаковых оранжевых жилетах готовились подняться на борт яхт класса «Оптимист». Их веселый гомон смешивался с криками чаек.

Василе молчал, явно разочарованный реакцией собеседницы. Парадоксально — она совсем не обрадовалась поднесенному на блюде доказательству!

— Все не так просто, господин Драгонман. Чтобы сделать этот анализ, нужна официальная жалоба, судебное поручение.

Ладно, не выходит по-хорошему, попробуем иначе... Психолог повысил голос:

— Вас пугает статья 36 bis кодекса образцового поведения полицейского отличника Франции? Вы действительно не понимаете? Я нарушил элементарные правила, чтобы добыть для вас эту посудинку. Я рисковал, майор! Чертовски рисковал...

Перед его мысленным взором появилась фотография могилы под закатным небом.

Пыл Василе не слишком впечатлил Марианну.

— Так отступитесь, тем более что ваш единственный аргумент утратил силу. — Она бросила взгляд на плеер. — Срочность отпала! Малон Мулен не лишится воспоминаний, раз они хранятся на жестком диске. К тому же неизвестно, чьи они на самом деле.

Психолог посмотрел на ребятишек в жилетах. Одни смеялись, другие плакали. Некоторые сбились в кучу, парализованные страхом.

— Этому мальчику каждую ночь снятся кошмары, майор. Он изо всех сил пытается не заснуть, потому что ночная темнота пугает его меньше красной пелены за опущенными веками. Он думает, что дождевые капли сделаны из стекла, что они острые и могут его поранить. А вы утверждаете, что никакой срочности нет!

Мимо них, держа руку на кобуре с оружием, прошли Бенами, Бурден и Летелье и начали подниматься по лестнице.

Марианна не знала, на что решиться. Она чувствовала, что не должна увязнуть в этой истории. Не так. Не здесь. Не перед комиссариатом. «Черт, стою тут на виду у всех с этим типом и даже сигарету не догадалась захватить — какой-никакой, но все-таки предлог выйти из кабинета...»

Она протянула руку:

— Давайте ваш стаканчик. Мы проверим плеер, записи и, если понадобится, попросим прокурора начать предварительное расследование. Не беспокойтесь, действовать будем быстро и эффективно.

Василе Драгонман одарил Марианну победной улыбкой — вот мерзавец! — и надел шлем.

Упрямый, хитрый, нахальный, самоуверенный и надменный. Но до чего хорош...

Именно таких мужчин она и любит.

Марианна попыталась собрать мысли в кучку. Обещание обещанием, но о приоритетах забывать нельзя.

Поймать Тимо Солера.

Дать ответ Деду. Лейтенант Паделу твердо вознамерился провести собственное расследование об Илоне и Сириле Люковик. «Остались темные зоны...» — не вдаваясь в детали, сообщил он. Дед хотел заново перепахать след, по которому без всякого результата прошли коллеги из Довиля и Кана. Лейтенант тоже был упрямым, хитрым, нахальным, самоуверенным и надменным.

И он был необходим ей здесь и сейчас.

— Майор...

Марианна оглянулась.

Драгонман не уехал. Он поднял забрало шлема и не отрываясь смотрел на нее.

— Хочу спросить. Вдруг вы сумеете помочь.

— Валяйте...

— Не удивляйтесь, если вопрос покажется вам странным. Он мучит меня несколько недель, ответа я не нахожу и дико злюсь, потому что... Потому что это очень важно. Не исключено, что ключ ко всем тайнам кроется именно в нем...

— Выкладывайте, не тяните! — чуть раздраженно поторопила Марианна.

Василе достал из кармана фотографию:

— Представляю вам Гути, знаменитого плюшевого любимца Малона Мулена. Как вы думаете, что это за зверек?

Марианна потеряла дар речи.

Секунду спустя мотоцикл уже мчался вверх по бульвару Георга V. Движение было неплотным, и он быстро скрылся из виду. Наездник не заметил, что с боковой стоянки выехал «форд куга» и рванул следом.

31

Грасиетта Марешаль бесконечно долго убирала сдачу в кошелек.

Эта девяностолетняя жительница Манеглиза каждое утро покупала в «Вивеко» хлеб и что-нибудь сладкое — булочку, пирожок или пирожное, пальцы у нее дрожали, так что собрать монетки было не так-то просто. «Сегодня старушка совсем плоха, — думала Аманда, — а может, это я не в себе...»

За последнюю неделю в Манеглизе ничего не изменилось — в этой деревне никогда ничего не менялось. Одни и те же клиенты в магазине, те же «здравствуйте — до свидания», газеты, билеты мгновенной лотереи, перебранки, ритуалы и скука. Но сегодня утром все иначе.

Или ей это только кажется.

Ей чудилось, что все клиенты явились в магазин, чтобы шпионить за ней, что местные газеты они покупают с одной целью — найти какую-нибудь мерзость о ней, а разговоры затевают, потому что хотят устроить ей западню.

Наваждение?

В тот момент, когда Аманда протянула багет Оскару Минотье, рабочему из Сен-Жуэн-Брюневаля, который стоял за Грасиеттой и терпеливо ждал своей очереди, вошел еще один покупатель. Он был в темно-синей куртке с поднятым воротником и сразу направился к стойке с прессой. Аманда видела его впервые.

Она никому не доверяла.

В этой деревне, где живет меньше тысячи человек, все происходит очень быстро. Дома, чувства, судьбы — не более чем солома, сухая трава, хворост. Одна искра, спичка — и огонь распространится со скоростью света. Служащая мэрии подслушала разговор у ворот школы, учительница открыла дверь незнакомому прониуре... Пожар будет не остановить.

Внутренний, невидимый пожар. Молва. Слухи. Толки. Сплетни.

Скоро она пойдет за Малоном, и мамыши будут ей улыбаться. Как и каждый день. Как ни в чем не бывало. Но ее не обманешь.

Аманда родилась в Манеглизе, знала каждый его уголок и закоулок. Под навесом остановки она провела больше часов, чем за школьной партой, ей была введена скука, которая одолевает здесь подростков. Она остается с ними навсегда, а рутинная жизнь уподобляется гангрене, разъедающей мечты. Что хорошего может ждать человека в такой деревне? Брак. Наследство, путешествие. В худшем случае — овдоеешь, станешь роконосцем или сойдешь с ума.

Один мальчик рассказывает, что его мать, да-да, его мама, вы ее знаете, она кассирша в «Вивеко», так вот, ему почти четыре года, и он всем говорит, что его мать — не его мать.

Ну надо же...

Вот ведь ужас!

Не повезло бедняжке...

32

Из-за наушников Марианна не услышала, как вошел Дед.

Гути обрел землю обетованную. Из орехов, желудей и шишек, забытых в песке, вырос самый прекрасный и густой лес на свете.

— Марианна... МАРИАННА!

Лейтенант вернулся к разговору о Потиньи. В Гавре ничего не происходит, значит, он вполне может отлучиться.

— Какого черта тебе понадобилось в Потиньи?

— Там похоронены Илона и Сирил Люковик.

— И что с того?

— Они родились в Потиньи. Как и Тимо Солер, и Алексис Зерда. Все четверо выросли в этом месте. Там до сих пор живут родители Сирила.

— Ты меня достал, Дед! Если коллеги из Довиля или Кана узнают, что ты перепроверяешь их работу...

Паделу был занудой, но чутье имел потрясающее. Воображение у него превалировало над методичностью. Он смотрел на Марианну молящим взглядом сыщика, который вот-вот выйдет в отставку и хочет пережить прощальную минуту славы. Он напоминал футболиста-ветерана, сидящего на скамейке запасных и жаждущего выйти на поле, чтобы забить напоследок гол.

Майор подтолкнула к нему снимок. Лейтенант Паделу с удивлением уставился на плюшевую серо-оранжевую крысу с острым

розовым носиком, черными глазами и вытертой шерсткой.

— Вот, займись делом, узнай, что это за зверь такой. Найдешь — поедешь в Потиньи!

Дед не успел ничего спросить, поторговаться или выразить протест. Дверь распахнулась, и появился Ж. Б. Вид у него был унылый, как у вестника несчастья.

— Бурден упустил Зерду! Он вел его в «Эспас Коти». Народу было — не протолкнуться. Пока Бурден закуривал, Зерда ускользнул.

— Ну что за кретин! — Марианна в ярости сорвала наушники.

Ж. Б. попытался смягчить гнев начальницы:

— Бурден не уверен, случайно это вышло или намеренно.

— Да неужели?! Он полагает, Зерда не понял, что его ведут? Когда это случилось?

— Около часа назад...

— И он позвонил только сейчас?

— Надеялся, что найдет его и...

Марианна обхватила голову руками:

— На сей раз Бурден превзошел себя! Наш доблестный товарищ, видимо, рассчитывал, что Зерда занял ему местечко на террасе *Lucky Store*. Проклятье! Придется утроить число патрулей в квартале де Неж. Возможно, Бурден оказал нам услугу. Если Зерда так рискует, значит, собирается войти в контакт с Солером. Не исключено, что у него нет выбора, потому что Тимо совсем плох. Еще раз предупредите всех врачей и провизоров города.

Ж. Б. исчез за дверью. Дед несколько секунд смотрел на фотографию серого плюшевого зверька с нежными глазами. «Напоминает невинную жертву слетевшего с катушек легавого!» Потом спохватился и последовал за коллегой.

* * *

В «Вивеко» мужчина в темно-синей куртке увлеченно читал журнал.

Wakou. Для маленьких любителей природы от 4 до 7 лет.

«Похож на подростка, тайком рассматривающего голых баб в издании для взрослых», — подумала Аманда.

Легавый... Добренькие соседки и знакомые подробно его описали. Белокурые волосы зачесаны набок, длинная жирафья шея, пальцы как у пианиста — или душителя.

Подмастерье легавого! Наверняка только-только выучился. Разнюхивал, выпрашивал — вкрадчиво, как продавец жалюзи со скидкой.

Аманда бросила на него злобный взгляд. Ничего, в худшем случае решит, что она просто делает свою работу: читаешь — плати! Может, даже испугается немножко, не полезет дальше, не подойдет к ним слишком близко.

К ней. К Димитри. И — главное — к Малону.

Этот юнец наверняка хорошо поработал в Манеглизе. Сделал первоклассную грязную работу... Соседки, приятельницы рады были посплетничать с продавцом жалюзи. Впускали его в дом, ничего не покупали, зато много чего наболтали.

Женщина положила перед Амандой квитанцию на посылку. В бакалейный магазин доставляли товары, заказанные по почте: чтобы выжить, все деревенские лавочки вынуждены были предоставлять эту услугу интернет-компаниям, которые рано или поздно их же и сожрут.

Она передала покупательнице пакет, та расписалась и ушла. По большому счету, Аманде не было дела до проблем деревенской торговли: когда все рухнет, ее здесь уже не будет.

Молодой полицейский успел открыть другой журнал и листал его, ненатурально изображая начинающего извращенца.

«Тобогган».

Вы захотите повзрослеть.

15:53.

Кароль не должна опоздать на смену. Только не сегодня! Аманда хотела оказаться у ворот школы раньше других мамаш. Она не боится этой своры! Пусть говорят и думают что хотят.

Никто и близко не подойдет к Малону.

Никто не заберет у нее сына.

* * *

— Майор, это Люка...

Марианна Огресс припарковалась у аптеки на улице дю Ок.

— У тебя что-то срочное?

— Ну, я в Манеглизе. Сажу на автобусной остановке. Вы приказали давать устный отчет дважды в день.

Марианна обвела взглядом пустынные тротуары. Чисто рефлекторно. Она отправила пять машин патрулировать улицы квартала де Неж и еще две — наблюдать за аптекой с разных точек.

На случай, если появится Зерда...

— Слушаю тебя. Переходи к сути. Есть что-нибудь новое?

— Пожалуй. Вы попали в точку, когда велели копнуть глубже. За гладким фасадом обнаружили неожиданные следы.

— Я же просила — без лирических отступлений!

— Ладно, не сердитесь. Итак, версия семейства Мулен слегка расходится с тем, что я выяснил. У Аманды действительно шестилетний стаж работы в магазине, но она забыла упомянуть, что прерывалась на три года — была в декрете — и вернулась только в прошлом июне.

Марианна полезла в карман за блокнотом и ручкой.

— То есть все это время сидела с малышом дома?

Она изогнулась, безуспешно пытаясь выдернуть застрявший в подкладке ежедневник. «Ты по три часа в неделю терзаешь себя фитнесом, а в результате даже задницу не можешь приподнять!» — укорила она себя.

— Не совсем так, шеф. У меня полно свидетелей, видевших Малона с самого рождения. Совсем крохотным, полугодовалым. Педиатр, друзья, жители деревни. А вот няни у мальчика никогда не было. И в ясли его не отдавали. Впрочем, их в Манеглизе нет.

— То есть до школы Малон с другими детьми не контактировал?

— Именно так, майор.

— Прекрати повторять «майор» через каждые три слова, это экономит нам время! Есть что-нибудь еще?

— Да, несколько странных деталей. Помните, я говорил, что соседи иногда видели, как Малон катается на велосипеде? В шлеме. В конце сквера Равеля есть пруд, весной туда прилетают утки и вьют гнезда. Манеглиз — красивое место... Марианна. Недалеко от Гавра, жизнь не слишком дорогая — самое оно, чтобы создать семью, и...

Марианна наконец нащупала ручку. Окажись стажер рядом, она бы с наслаждением воткнула ее в руку этому болтуну!

— Выкладывай, не тяни!

— Простите, Марианна. Несколько месяцев назад — зимой этого года — супруги, так сказать, оборвали все связи. Никаких семейных обедов, что неудивительно, поскольку все их близкие родственники живут в сотнях километров от Нормандии — кроме родителей Аманды, которые лежат на деревенском кладбище.

Марианна испустила тяжелый вздох.

— Мулены не приглашают к себе друзей, а в те редкие разы, когда сами идут в гости, ребенка с собой не берут. Они перестали посещать Сержа Лакорна, лечащего врача Малона. Еще одна деталь показалась соседям странной — по трезвом размышлении. Нынешней зимой они видели мальчика в саду. На велосипеде, у пруда... и всегда — в шерстяной шапочке и с толстым шарфом на шее. Но чем теплее становилась погода, тем реже малыш появлялся на улице. Да, конечно, обитатели подобных мест сразу валят на пляж, стоит солнцу выглянуть из-за тучи, но...

Марианна отказалась от надежды справиться с непокорным еженедельником: ее пальцы нащупали в кармане другой предмет.

— Если я все правильно поняла, Люка, Мулены — особенно мамаша — опекали сына до двух с половиной лет, сведя его общение с другими детьми до минимума. А с трех лет — полное затемнение!

— В сентябре он пошел в детский сад, Марианна...

Уж лучше бы называл меня майором!

— Да, как и любой ребенок во Франции, которому должно исполниться четыре. Не записать Малона в сад они не могли — это сразу привлекло бы к ним внимание.

Она осторожно, двумя пальцами, вытащила из кармана свою находку.

— Вы правы, Марианна, но я должен сказать кое-что важное.

— Пожалуйста, Люка, не зови меня по имени. Даже сотрудники с тридцатилетним стажем этого не делают.

— Конечно. Так вот, мад... Думаю, она меня вычислила...

— Кто? Аманда Мулен?

— Да.

— Ну и что? Мы полицейские, а не секретные агенты!

— Вы так думаете, э-э-э, мадам Огресс?

Марианна снова вздохнула и положила мятый стаканчик на приборную доску.

— Покорителем сердца Аманды Мулен ты точно не станешь. Она никогда не забудет, что ты копался в ее личной жизни. Ничего, переживешь...

Она закончила разговор, не дождавшись ответа, и устремила взгляд на фею Динь-Динь и ее подружек, готовившихся вспорхнуть в небо над улицей дю Ок.

Малон Мулен пил из стаканчика сегодня утром.

Что, если Василе Драгонман прав?

Возможно, простейшее из решений — начать официальное расследование и сделать анализ ДНК?

33

Маленькая стрелка на 8, большая — на 10

Малон плакал. Мама-да сидела рядом с ним на кровати, но он не мог сказать ей, почему так грустит.

Не мог признаться, что Гути уснул — возможно, навсегда.

Что его сердце больше не бьется, а рот не разговаривает. Что он теперь такой же... как все игрушки.

Малон понимал, что должен успокоиться. Нужно взять платок, вытереть слезы и сопли. Иначе Мама-да не уйдет. Останется в комнате, будет гладить его по волосам, говорить, что любит, что он ее большой мальчик, ее сокровище.

А он хочет остаться один, с Гути.

Раз друг не может говорить, значит, историю сегодня вечером должен рассказать Малон. Его историю. Сквозь завесу слез он видел стрелку, стоящую на карамельной планете. Самой большой из всех.

Сегодня день Юпитера. День силы. День мужества.

Мама-да никак не уходила. Сидела, прижавшись к нему, в тепле детской. Малон слышал ее мерное дыхание. Заснула? Нет. Подняла руку, приласкала его, беззвучно прошептала «тсс...». Поцеловала в шею со словами: «Уже поздно, милый, тебе пора в страну снов».

Малон понял: сегодня Мама-да не уйдет из комнаты, пока он не заснет.

Ну и ладно... Мальчик завел мысленный разговор — в надежде, что Гути сумеет его услышать.

Он знал наизусть историю про Юпитер.

Она самая важная, мама все время это повторяла. Именно ее он должен будет вспомнить, когда наступит момент.

Момент улететь. И вовсе не в страну снов, как хочет Мама-да.

А в лес людоедов.

В этот момент Малон должен быть очень-очень храбрым. От чудищ можно спастись одним-единственным способом. Потом будет слишком поздно. С самолета не прыгнешь. Мама сказала, что есть всего одно место, где людоеды никогда его не найдут.

Она заставила Малона пообещать, что он будет думать об этом каждый вечер. Думать, повторять слова, пересказывать их Гути, но только ему.

КАЖДЫЙ ВЕЧЕР

Снова и снова думать об укрытии.

Сверхсекретном. И самом простом на свете.

34

Сегодня на заправке я сдрейфил и не сказал своим, что мне нечем платить за бензин. Не мог расстроить их в первый день отпуска.

Желание убить

Взял 11,78 литра на 20 евро... вылил на землю и кинул окурок.

Не нравится: 176

Нравится: 324

www.jelanie-ubit.com

Прожекторы башен-близнецов маяка на мысе де ла Эв каждые двенадцать секунд освещали обрывистый берег.

Василе мысленно отсчитывал время. Мощный фонарь позволял взбираться по нависшей над пропастью террасе, сплошь заросшей кальцефилами, но береговую линию и чернильно-черную поверхность моря внизу он видел плохо.

Двенадцать секунд.

Василе направил фонарь на свой мотоцикл, оставленный между двумя белыми скамейками, чуть в стороне от пустой парковки. Байк стоял прочно. От порывов ледяного ветра у Василе то и дело сбивалось дыхание, развернуть карту еще раз он не рискнул и мысленно восстановил в памяти цветные кружки, линии и стрелки — результат долгой кропотливой работы по сопоставлению данных.

Сразу после полудня Василе купил новую карту, перенес на нее все значки, потом взял фломастеры, надел наушники и несколько часов гонял по кругу истории Гути, которые переписал на свой плеер. Слушал, возвращался назад, искал расхождения, пытался выделить место, в котором сходилось большинство воспоминаний Малона.

«Я должен найти общий знаменатель!» — твердил он себе, продираясь сквозь заросли темного можжевельника. Здесь. В колючих джунглях, цеплявшихся за рукава его мотокуртки «Беринг», [49] дорогой, почти новой. Накрылась одежда...

Какого черта он тут делает?

Василе осторожно двигался вперед по скользкой траве, светя фонарем себе под ноги. Он не мог избавиться от мыслей об угрожающей эсэмэске «с видом на могилу», рассудок нашептывал: «Вали отсюда! Садись на байк и возвращайся в город — к свету и людям!» Спасти бегством не позволяли мысли о Малоне.

Он не мог забыть, как мальчик стоял на верхней ступеньке лестницы, напуганный, дрожащий, не решаясь спуститься во двор. Последние капли дождя и тонкий ручеек воды на асфальте казались ему непреодолимым препятствием.

Василе решил, что проведет рекогносцировку и, если интуиция его не подвела и все элементы окажутся на месте, больше сюда не вернется, даже среди бела дня. Позвонит Марианне Огресс.

Она будет вынуждена вмешаться.

Свет фонаря не позволял определить, где кончается плато и начинается пропасть. Если он как полный идиот сорвется вниз, сразу его точно не найдут, а потом изуродованное солью и нефтью тело вынесет на один из пляжей или прибьет к берегу в гавани.

На сей раз он избавился от мрачных мыслей, вспомнив об Энджи. Нужно послать сообщение. Взбодрить себя. Успокоить ее. Назначить встречу дома, в Резиденс де Франс. Много времени ему не

понадобится, смотается туда-сюда на мотоцикле — всего-то десять километров.

Телефон тренькнул — сообщение ушло. Василе посмотрел на часы. 22:20.

Чайки затихли. Море нашептывало ночи колыбельную.

Двенадцать секунд.

Луч маяка ослепил Василе и заскользил на север, на мгновение высветив пляж и отхлынувшую воду.

Четыре башни. В один ряд.

Замок Малона!

У Василе бешено заколотилось сердце. Нет, ему не померещилось.

Он прищурился, вглядываясь в поверхность моря, по которой закат разбросал золотые блески.

Пиратский корабль.

Черный.

Расколотый пополам.

Василе постарался сдерживать возбуждение.

При следующей вспышке он увидел странные дома и голую стену за ними.

Тени, людоеды?

Мог ли Малон жить здесь?

Что, если он заблуждается, принимая фантазии ребенка за реальные факты, и пытается решить загадку, опираясь на них, как на Розеттский камень?[50]

Василе попытался прикинуть расстояние до аэропорта, до Мон-Гайара и до Манеглиза, понимая, что без помощи полиции не обойдется. Да, он нашел «то самое» место, но обыскать эти замогильные хижины удастся только по судебному ордеру. Возможно, призрак матери Малона все еще здесь, как и тайна его рождения?

Через четверть часа он пошел назад, к мотоциклу, воспользовавшись расчищенным проходом. Фонарь освещал следы человеческого присутствия — окурки, пустые пивные бутылки, старое костровище.

Стоянка была совсем рядом, за можжевелевой завесой, и тут снова подал голос мобильник.

Энджи.

Семь слов. Ошибка на ошибке.

Буть астарожен. Жду тибя. Целу

Василе почувствовал, как по телу разлилась волна тепла, словно бесшумный двигатель заработал в полную силу, ускорив работу сердца, подстегнув желание немедленно вернуться на бульвар Клемансо и укрыться в объятиях любовницы.

И как его угораздило влюбиться в парикмахершу?

Да вот угораздило...

Он улыбнулся и пошел дальше, наступая на обрывки ритма и морской капусты. Не глядя коснулся указательным пальцем телефона, и лицо Энджи растаяло в темноте.

Байк лежал на земле.

«Похож на раненое животное, сбитое на шоссе и оставленное умирать...» — подумал он и кинулся бежать. Порывы ветра толкали в спину, раздували куртку, но опрокинуть машину весом в триста килограмм точно не могли.

Тусклый фонарь метрах в ста от парковки давал мало света, и Василе наклонился, чтобы оценить потравы. Он смотрел на двухколесного друга и терялся в догадках.

Что это было? Авария? Угроза? Кто-то намеренно опрокинул мотоцикл, толкнув его бампером? Нет, был бы слышен звук удара. И следы бы остались. Значит, это дело рук человека, который пришел один и двигался совершенно бесшумно. Но зачем?

Василе принялся и не уловил запаха горячего. На хромированных деталях царапин от гудрона осталось не больше, чем на кожаной куртке от шипов ежевики.

Нужно успокоиться. Наверняка он сам плохо закрепил подпорку, не учел угол уклона. Страх и спешка сделали свое дело. «Кретин несчастный! Ты не создан для подобных эскапад, вот и не лезь!» Нужно

как можно скорее передать Малона на попечение полиции. И встретиться с Энджи.

Заняться любовью.

Сделать ей ребенка.

Эта мысль, не подкрепленная мысленным образом, оказалась последней.

Он погрузился во мрак.

Запах. Боль.

Василе не знал, как долго был без сознания.

Несколько минут? Больше часа?

Удар по затылку отдавался невыносимой болью во всем позвоночнике, на ноги чудовищной тяжестью давил мотоцикл, грозя расплющить голени и коленные чашечки. Василе попытался оттолкнуть *Guzzi*, но из этого ничего не вышло. Он в западне.

Шлем откатился в сторону на несколько метров и лежал на асфальте, как отрубленная голова.

Василе уперся одной рукой в руль, другой в обтекатель и снова толкнул тяжелую машину. Не сдаваться, хоть чуть-чуть сдвинуть машину, тогда появится шанс дождаться помощи... живым.

Он сделал глубокий вдох.

Запах топлива проник в легкие, как невидимое кислотное облако, разъедающее все на своем пути. Горло. Трахею. Грудную клетку.

Он закашлялся. Под ним растекалась лужа газойля. Перед выездом он залил полный бак на круглосуточной заправке у Мон-Гайара, и теперь большая часть этих тридцати литров вылилась на землю.

Василе опустил веки, досчитал до двадцати, медленно, очень медленно расслабил бицепсы, трицепсы, дельтовидные мышцы, открыл глаза и снова толкнул *Guzzi*, вложив в это движение всю оставшуюся силу.

Он не сдастся, пока совсем не выдохнется. Будет толкать до рассвета.

Не останется лежать тут, как бабочка, приколотая булавкой к подушечке.

Вдох, забудь о запахе горючки, выдох, не дыши.

Не закрывай глаза.

Тол...

Сначала Василе подумал, что это звезда, или сигнальный огонек самолета, или странное светящееся насекомое.

Понимание пришло не сразу.

Первыми дрогнули ноздри. Из-за дыма. И запаха опасности.

Это была не звезда. Не жук. Не самолет и не ракета.

В нескольких метрах от него, скрывая лицо в тени, стоял человек с горячей сигаретой во рту.

35

Сегодня мне 39 лет, детей нет.

Желание убить СЕБЯ

Съесть отравленное яблоко, лечь в стеклянный гроб и ждать.

Не нравится: 7

Нравится: 539

www.jelanie-ubit.com

Буть астарожен. Жду тибя. Целу

Энджи перечитала свое сообщение и зажала телефон между коленями, вздрогнув, когда холодное стекло экрана коснулось ноги в нейлоновом чулке.

Сидевшая напротив Марианна продолжала что-то говорить.

Кальцоне,[51] к которому она едва притронулась, напоминал вулкан, остывший тысячи лет назад. Официант то и дело проходил мимо их столика, словно решал, не присесть ли на свободный стул, чтобы покормить майора Огресс с ложечки.

Время было позднее. Скоро полночь.

Энджи хотелось одного — вернуться домой и обнять любимого.

Марианне это знать ни к чему.

Сегодня вечером она не станет говорить с подругой о мужчинах. Особенно о своем.

Это почти так же рискованно, как рассказывать о себе. Вчера вечером она наболтала много лишнего — вино развязало ей язык, — и сегодня Марианна одна прикончила бутылку риохи.

Энджи слушала, не улавливая смысла, как будто собеседница изъяснялась на чужом языке.

Василе.

Важное слово... Она мгновенно сконцентрировалась.

— Ты назовешь меня дурой, детка, но я снова встречалась с господином Драгонманом. Держись за стул — мы вели беседу прямо перед комиссариатом, мои люди входили и выходили, а он сидел верхом на своем мотоцикле, ангельски красивый и жутко умный, ну просто Денис Хоппер,[52] прочитавший всю Дольто.[53]

Энджи пришлось налить себе вина. Один бокал. Она закатила глаза, изобразив изумленно-шокированное выражение. Ей было не привыкать: пообщаешься целый день с клиентками — и не тому научишься. Парикмахерши — лучшие актрисы в мире.

Жизнь, проведенная у зеркала...

— С твоим психологом? Вернись на землю, милая! Сама ведь говорила — он на десять лет моложе тебя. И вообще... Яйцеголовый и легавая вместе расследуют дело и до ужаса влюбляются... Сюжет для мыльной оперы, тебе так не кажется?

Марианна показала ей язык, проследив взглядом за аппетитной задницей официанта, ставившего стулья на соседний столик. Энджи скорчила смешную гримаску, что далось ей нелегко.

Интересно, как повела бы себя Марианна, узнав, что лучшая подруга спит с мужчиной ее мечты? Рассмеялась бы от души? Произнесла бы тост за здоровье молодых и красивых любовников? Или промолчала, спрятав обиду и сдержав желание вlepить ей пощечину?

Сама виновата, нечего было давать Василе телефон!

Нужно сменить тему. Немедленно.

— Расскажи-ка лучше о твоём коллеге...

— Ж. Б.? Что тебя интересует?

— Все!

Энджи откинула голову и рассмеялась. Официант обернулся. Залюбовался ее длинной гибкой шеей, приклеился взглядом к вырезу расстегнутой блузки.

Марианна задумчиво смотрела в стену.

— Ничем не могу тебя порадовать, красавица. Лейтенант Лешевалье все еще женат, он по-прежнему образцовый папаша и...

самый сексуальный сыщик комиссариата. Любитель обтягивающих джинсов.

— Ну и хорошо. Жди своего часа. Любовь — вопрос терпения, нужно оказаться в нужное время в нужном месте, только и всего. — Энджи глотнула вина и продолжила: — Так всегда говорил мой отец. Он облысел в семнадцать лет, росточка был небольшого, всего-то метр шестьдесят, а рубашку всегда застегивал до горла, чтобы шерсть на груди не выглядывала. Но вышел победителем и получил в награду первую красавицу класса, андалузку, о которой мечтали все парни! Папа часто повторял, что просто всегда был рядом — верный, упорный, внимательный, как фанат певца, мечтающий сидеть на концерте в первом ряду и готовый ради этого провести две ночи в очереди за билетами. Девять месяцев, во время парада претендентов, он «держал свечку», или зонтик, или коробку бумажных носовых платков. Представляешь — год мучений и долгая счастливая жизнь до конца дней...

— Андалузка — твоя мама?

— Угу...

— Надо же... Значит, ты — дитя любви!

Энджи поднесла бокал к губам, держа его в ладонях, чтобы спрятать слезы. В парикмахерской она точно справляется лучше.

Долгая счастливая жизнь до конца дней... Да, ее отец был счастлив. У доменной печи металлургической компании Нормандии в предместье Кана.[54] И ее мать тоже была счастлива. Дома. Планировала визиты любовников — в соответствии с рабочим графиком отца. Один ночью, один днем, один по воскресеньям. Все были очень вежливы с Анжеликой, маленьким молчаливым ангелочком, игравшим в своей комнате, пока мама запиралась у себя с господами.

— Дитя любви, — прошептала Энджи. — Очень точное определение, старушка.

Трамвай, отходивший от остановки «Ратуша», напомнил ей поезд Кан — Париж. Наутро после своего шестнадцатого дня рождения она поцеловала в лоб отца, покинула дом в тупике Коперника и вошла в вагон. Полгода спустя асбестовый рак свел отца в могилу.

Дитя любви...

Звучит почти комично.

Она никогда не забудет, как была несчастна в юности, пока не встретила мужчину своей жизни. Дитя любви, жаждавшее уничтожить все человечество.

— Значит, советуешь терпеливо ждать? — Марианна вопросительно смотрела на нее.

— Терпение и упорство, милая, — хриплым голосом ответила Энджи. — Это твой единственный шанс!

— Мерзавка! — ухмыльнулась Марианна. — Я раз сто говорила тебе про мой обратный отсчет: восемнадцать месяцев, максимум — двадцать четыре на то, чтобы какой-нибудь самец согласился осеменить меня и дожждаться, когда bebéшка родится...

Обе расхохотались. Марианна — весело, Энджи — слегка натужно. До чего же она трогательная, эта бравая майорша, напоминает загнанную стаей волков козу, у которой нет другого оружия, кроме острых и ловких копыт. Сегодня вечером она не распространялась о ходе расследования. Сказала только, пока они ждали аперитив — кир с грейпфрутовым соком, — что Тимо Солер не найден, Алексис Зерда скрылся, а Малон Мулен продолжает плести небылицы. Если ее что и занимает, так это ненаглядный психолог...

Официант стер с доски меню дня и занес ее в подсобку. Марианна вняла безмолвному сигналу, замолчала и принялась за остывшую пиццу.

И тут зазвонил ее сотовый.

Она отреагировала, как возбужденный подросток: включила громкую связь и повернула телефон экраном к Энджи. Лейтенант Лешевалье крупным планом, сексуален, как Ричард Гир в фильме «Офицер и джентльмен»,^[55] выступает с трибуны тринадцатого конгресса территориальной полиции.

— Помяни черта... — прошептала Энджи, наставив указательный палец на подругу. — Твой ход, красавица!

— Говори, Ж. Б.!

— Ты слышишь меня, Марианна? — не унимался Ж. Б.

Они подняли бокалы и беззвучно чокнулись.

— Марианна?

— Я здесь, не кричи. Ты что, свалился с супружеской кровати?

— Если бы... Я на выезде, у нас происшествие на мысе де ла Эв.

— Снова подростки резвятся?

Мимо на скорости пролетела машина, она не расслышала ответа и переспросила.

— Нет. Не подростки. Скорее всего, дорожная авария. Мужик не справился с управлением.

— Черт... Подробности?

— Немного. Нам поздно сообщили. Первый жилой дом находится в двух километрах от террасы. Когда мы приехали, осталась кучка пепла...

— Ты уверен, что других жертв не было?

— Да, но с опозданием придется повозиться. Единственный предмет, который может оказаться полезным, — мотоцикл. *Guzzi California*.

Пол ушел из-под ног Марианны. Бокал недопитой риохи подпрыгнул и начал опрокидываться, как в замедленной съемке. Энджи раздавила свой в пальцах.

Время остановилось. По белой скатерти расползались пурпурные пятна: вино смешивалось с кровью из порезов, образуя что-то вроде «пятен Роршаха».[56] Психиатры используют этот тест, когда хотят выманить призраков из подсознания пациентов.

Пятница

День любви

36

Маленькая стрелка на 8, большая — на 6

Ворота на школьный двор открылись. Обычно Клотильда несколько минут стояла у решетки, здоровалась с каждым ребенком, называя мальчиков и девочек по именам, улыбалась мамам и папам.

Вела себя, как гостеприимная хозяйка, чтобы приручить семьи. Нужно обеспечить себе хорошие отношения с тремя поколениями манеглизцев, ведь если она задержится на своем посту на несколько десятилетий, то будет учить детей сегодняшних детей.

Этим утром все было иначе. Сегодня к ней явился необычный посетитель. Они отошли в сторонку, к небольшому огороду, за который отвечали ребяташки из средней группы. Мужчина не был похож на отца кого-то из малышей и ничем не напоминал учителя на замену или инспектора академии.

Наверное, приятель хорошенькой директрисы, думали мамы, украдкой поглядывая на мачо с трехдневной щетиной в дорогой кожаной куртке и узких джинсах. Да нет же, нет, он похож на... полицейского! На героического сыщика из телесериала в исполнении второразрядного артиста с квадратной челюстью и накачанными грудными мышцами.

Они невольно замедляли шаг.

Дети отпускали руки мам и пап и бежали в свои классы. Мать и сын Мулены только подходили к воротам. Малон был в коротком синем пальтишке с капюшоном, шерстяном колпачке и варежках, к груди он крепко прижимал Гути. Внезапно мальчик остановился, внимательно оглядел двор, окна классов, мамочек, которые уже сдали своих отпрысков с рук на руки учителям, несколько припаркованных у школы машин. Мотоцикла нигде не было видно.

— Я хочу к Василе!

Аманда потянула его за руку, произнесла, понизив голос:

— Ты виделся с ним вчера, дорогой, сегодня Василе поехал в другую школу.

— Я хочу к Василе!

Малон еще крепче прижал к себе Гути. Раздавленного. Плоского. Пустого. Он чувствовал, как заходится от страха его маленькое сердце, и повторял про себя: «Василе обещал! Василе сказал, что будет здесь и вернет сердце Гути. Он приедет. Вот сейчас затрещит мотоцикл и Василе появится. Значит, нужно стоять тут и ждать».

— Идем, Малон!

Мама-да больно дернула его за руку. Однажды он вот так же потянул за лапку своего старенького медведя и оторвал ее.

— Я хочу к Василе. Он обещал!

Малон закричал так громко, что стоявшая на школьном дворе Клотильда и ее собеседник резко обернулись. Аманда инстинктивно отступила назад, оттеснив Малона к доске, на которой было вывешено меню на неделю. Проходившие мимо родители не выглядели слишком удивленными: ну не хочет ребенок идти в класс, ну закатил истерику, с кем не бывает!

Аманда повысила голос, как сделала бы на ее месте любая мать:

— Все дети уже вошли, Малон! Перестань упрямиться!

Две мамы — Валери Куртуаз и Натали Делапланк — покивали Аманде, одобряя ее суровую твердость. Она покрепче ухватила Малона за рукав, ясно давая понять, что, если потребуется, потащит его силой.

Малыш знал, что нужно делать. Он станет таким же, как Гути, у которого украли сердце. Притворится тряпичной куклой.

Малон как подкошенный рухнул на землю.

Мать Лолы Жеральдина Валетт присоединилась к двум стоявшим у решетки кумушкам, которые и ради приличия не делали вид, будто обсуждают свои проблемы. Даже красавчик-полицейский перестал их интересоваться: они наблюдали.

Что еще им оставалось?

Пройти мимо, изобразив полное безразличие, значило бы нарушить материнскую солидарность. Вмешаться? Ни в коем случае! Бедняжка Аманда будет оскорблена до глубины души. Каждая женщина, становясь матерью, знает, что однажды неизбежно переживет момент публичного позора. Любой ребенок может нагрубить, описаться, закатить истерику...

— Вставай, Малон, маме ужасно за тебя стыдно! — воскликнула Аманда. Правильная, естественная реакция.

Она боялась сделать сыну больно и не решалась тащить его за руку. Он лежал на асфальте, похожий на сломанную куклу.

— Повторяю последний раз, Малон. Вставай сейчас же, иначе мама...

Мальчик вскочил так резко, что Аманда не сумела поймать его за рукав, и помчался между стоящими на улице машинами, крича во все горло, как будто хотел, чтобы слышал весь Манеглиз:

— Ты — не моя мама!

37

Марианна жутко замерзла.

Она уже два часа находилась на террасе мыса де ла Эв.

Ветер разгонялся до пяти тысяч километров, летел над океаном и планировал в устье Сены.

У ног майора Огресс лежала кучка остывшего пепла и то, что не сгорело: *Guzzi California* без шин, рулевой обводки и седла, искореженный остов с серебряным, расправившим крылья орлом.

Деформировавшийся от огня черный овальный шлем напоминал череп инопланетного чудовища.

Человеческая плоть сгорела, шлем, фонарь и сотовый оплавилась, стекло часов треснуло, почти не пострадали только ключи да пряжка ремня. Можно подумать, Василе пришлось выложить на стол все металлические предметы, чтобы пройти в райские врата.

У Марианны не осталось никаких сомнений насчет личности погибшего.

Василе Драгонман.

Человек десять полицейских перебирали, сортировали, классифицировали обнаруженные на месте происшествия предметы. Первые анализы ДНК будут готовы через несколько часов, и они получат формальные доказательства, обретут уверенность, окончательно лишатся иллюзий.

Она сосредоточилась на работе, чтобы совладать с эмоциями. Важно поставить точные вопросы, бесстрастно сформулировать гипотезы.

Зачем понадобилось убивать школьного психолога?

Версию несчастного случая сразу отбросили, не обнаружив следов столкновения или резкого торможения. Константины ездил на *Yamaha V-Max* — эта модель очень похожа на *Guzzi* — и категорично заявил, что разжечь такой пожар, используя только горючее из бака, невозможно, разве что устроив взрыв. Кто-то специально вылил на стоянку не один литр дизельного топлива, а потом поджег.

Следователь Дюма, которому сообщили о происшествии по телефону, выдвинул идиотскую гипотезу о... самосожжении. Подавив бешенство, Марианна ответила, что не верит в это, и закончила разговор. Дюма незачем знать, каким был Василе. Она не станет описывать их последнюю встречу в пляжной кабинке, где он с азартным блеском в глазах показывал ей карту сокровищ, убеждал, делился сомнениями...

Она подошла к ограждению террасы, посмотрела на погашенный маяк и бескрайнюю гладь океана. Деревья загораживали пляж у подножия утеса — увидеть, что находится внизу, можно было, только пробравшись через колючие заросли можжевельника над обрывом.

— Телефон, майор...

Агент Бурден стоял за спиной Марианны, метрах в десяти, не больше, но она была погружена в свои мысли и не реагировала.

Зачем Драгонман поехал на мыс де ла Эв? Что ему здесь понадобилось среди ночи? Почему он взял с собой фонарь? Есть ли связь между этой смертельной вылазкой и рассказами Малона Мулена?

Марианна нащупала лежавший в кармане плеер, который накануне доверил ей Драгонман. Он должен был заехать рано утром, чтобы забрать его и вернуть мальчику.

За это его и убили? За семь коротких рассказов — по одному на день?

Конечно, она прослушала семь сказок Гути — в меру поучительных, забавных, нестрашно страшных. Миллионам детей во всех уголках планеты каждый вечер читают подобные истории.

В чем их секрет? Не секрет — тайна, причем настолько мрачная, что ее спрятали в животе плюшевой игрушки? Такая опасная, что маленького мальчика заставили выучить сказки наизусть, как «Отче наш»? Кошмарная тайна, ради сохранения которой можно убить человека.

— Вам звонят, шеф, — снова подал голос Бурден.

38

Маленькая стрелка на 8, большая — на 8

Школу и сквер Мориса Равеля в самом центре Верхнего Манеглиза разделяли восемьсот пятьдесят метров.

И все это расстояние ей придется нести Малона на руках.

Первые двести метров он вел себя спокойно, потом стал колотить Аманду по груди и спине. Она поставила сына на землю и так ужасно накричала, что он разрыдался. Аманда снова подхватила его, перекинула через плечо и пошла дальше. Малон не противился, только вздрагивал иногда всем телом.

Восемьсот пятьдесят метров, путь от школы до дома, уподобился гонке «Тур де Франс».

Ей казалось, что все обитатели деревни оказались на улице: посетители бара с табачным киоском «Пиковый туз» вышли покурить; клиентки «Вивеко» — няни, домохозяйки, безработные и свехурочники[57] — решили именно этим утром отправиться за покупками; озеленители сажали петунии вдоль Эпувильской объездной

дороги, а старушки на лавочке у дороги дю Кальвер как будто и вовсе обосновались там с ночи.

Аманда не обращала на них внимания. Ей плевать на всех жителей этой деревни живых мертвецов, хосписа под открытым небом! Она уже в шестнадцать лет поняла, как относится к ним... Пусть мамыши, окружившие ее у школы, отправляются в ад! Как же эти сучки радовались, что «позор» пал не на их головы, что истерику закатил Малон, а не их бесценные детки!

Слыхали, как он с ней говорил?

Ты — не моя мама...

Если бы мой ребенок позволил себе такое...

Аманда чихать хотела на этих сорók, и на стервятников из мэрии, и на бездельников, которые шляются по улицам и как попугаи повторяют все, что услышат. Она поспешила уйти, забрав Малона, потому что поняла: директриса разговаривает с легавым. И не с каким-то там рядовым инспектором...

Родительницы шептались об этом у школы еще до того, как Малон устроил представление с рыданиями и воплями. Слухи полезны. Они как вечерний выпуск новостей — помогают быть в курсе грядущей катастрофы.

Полицейский заявился в школу из-за трупа, найденного на мысе де ла Эв. По всему выходит, что убили школьного психолога, который каждый четверг встречался в школе с «проблемными» детьми.

Аманда свернула на улицу Дебюсси.

Тупики Верхнего Манеглиза складывались в лабиринты с тротуарами, пустовавшими в это время дня. На работу все уходят рано, возвращаются поздно, а на уик-энд обязательно куда-нибудь уезжают. Люди, живущие здесь, напоминают постояльцев отеля. Они на тридцать лет закабалили себя кредитами и теперь вынуждены заниматься «самообслуживанием»: копаются в саду, готовят первый завтрак, меняют постельное белье и дряют сортир!

Малон потихоньку успокаивался. Он все еще всхлипывал, но теперь обнимал Аманду за шею, и ей стало легче нести сына. Она чувствовала холод его слез, биение маленького сердца, ласку плюшевой шерстки Гути...

Через пять минут они будут в безопасности.

Во всяком случае, на первый взгляд.

Аманда судорожно соображала, что делать дальше.
Остаться дома? Сделать вид, что ничего не случилось?

В полдень вернется Димитри. Он всегда приходит обедать в одно и то же время.

Может, стоит поговорить с ним? Принять решение вместе. Правильное решение. Если такое существует...

Из-за зарослей туи доносился лай собак. Датские доги, сторожевые псы. Каждый житель лабиринта купил себе персонального Минотавра. Все сидят по домам, но слушают сарафанное радио. Манеглизцы говорят с манеглизцами. Новость о смерти Василе Драгонмана разнесли по деревне почтальон и булочник. Какой-то журналист уже выложил статью на *grand-havre.com*, разместив снимок обгоревших останков и мотоцикла на мысе де ла Эв. Три фразы и десяток вопросительных знаков. Мы знаем, *кого* убили, знаем, *где* убили. Остается понять, *почему* убили и *кто* это сделал.

Малон беззвучно дышал, уткнувшись в грудь Аманды. Наверное, заснул. Она свернула на улицу Шопена. До их дома в конце тупика оставалось метров семьдесят, не больше. Аманда срезала через пустую стоянку, не замедлив шага, не повернув головы в сторону окна Девот Дюмонтель. Визгливый лай собаки за спиной вонзался в мозг, как звонок будильника, который некому заткнуть.

Василе Драгонман. Сгорел заживо. Хорошая новость, что и говорить.

Живой он был для них опасен...

Но что, если мертвый он стал еще опаснее?

39

Агент Бурден стоял неподвижно, как вековая приморская сосна, привычная к порывам ветра. Время поджимало, но он не решался повысить голос.

— Телефон, майор!

Марианна смотрела на мыс де ла Эв, мысленно отмечая каждую деталь открывающейся панорамы.

Василе Драгонман приехал сюда не случайно.

Нужно приказать экспертам все тут прочесать. Они будут ворчать, но это неважно. Психолог точно что-то искал.

Она попыталась мысленно представить себе карту, которую ей показывал Василе, но не смогла вспомнить отмеченные им места, черточки, стрелки и разноцветные кружки. Зато его слова — каждое слово — отпечатались в мозгу навсегда.

Я продвинулся в определении места. Все, что соответствует описанию прежнего дома Малона, я объеду за один день.

Им придется начать расследование с нуля, отталкиваясь от заметок Василе, рассказов Малона, историй Гути. Утром Марианна послала Ж. Б. в манеглизскую школу, чтобы он побеседовал с директрисой. Лейтенант сделал кислую мину — он всю ночь провел на месте происшествия, — но начальница не оставила ему выбора. Ничего, не развалится, крюк всего-то в десять километров.

— Майор...

Наконец-то обернулась!

— Вам звонят... — Бурден протянул трубку. — Срочный вызов.

— Марианна? Вы что там, обалдели?! — Дед вопил как потерпевший. — Ларошель позвонил!

— Хирург?

— Ты знаешь другого Ларошеля? Тимо Солер только что с ним связался. Сказал, что теряет сознание, что рана снова открылась, что он не может шевельнуться. Назначил встречу.

— Проклятье! Где?

— Не падай в обморок, милая, — у него в убежище! На улице де ла Бель-Этуаль, в самом сердце квартала де Неж.

Марианна на мгновение закрыла глаза, подставив лицо ветру, но у ветра было другое, более важное дело — он спешил развеять пепел человека, которого она не успела полюбить.

— Мы едем, Дед. Бросаем все и мчимся. Отправь туда пять машин и десять агентов.

40

Маленькая стрелка на 11, большая — на 10

Все существа на кровати Малона были мертвы. Десяток муравьев, черный скарабей в красную крапушку, три божьи коровки и еще одно насекомое побольше, названия которого он не знал. Мальчик подобрал букашек в коридоре, под галошницей, пока Мама-да вешала на крючок свое пальто, и спрятал их в карман. Накануне она плохо подмела пол, и

теперь насекомые лежали на одеяле с Вуди, Баззом Лайтером и Пиль-Пуалем, вытянувшись в линию, как корабли космических монстров, летящие между звездами.

Они мертвы.

Как Гути.

Его любимец сидел с открытыми глазами, привалясь к подушке, словно решил отдохнуть.

Он больше никогда не заговорит. Василе — обманщик. Все обманщики. Взрослым нельзя верить. Никому, кроме мамы.

Малон взглянул на календарь, посчитал планеты.

Одна, вторая, третья, четвертая, пятая...

Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера...

Сегодня.

День любви.

Гути больше не разговаривает. Значит, сегодня вечером он снова сам будет рассказывать историю. Очень тихо, спрятавшись под одеялом. Он знает ее наизусть — как и шесть остальных. Поэтому все будет хорошо.

Малон вдруг понял, что не заметил, как перестал плакать. Взрослых рядом нет, так что слез его все равно никто не увидит.

Мама-да внизу, на кухне. Он один в своей комнате. Малон повернулся к Гути, и ему в голову пришла замечательная мысль: сегодня можно рассказать другу любую историю, какую захочется! И не ждать ночи.

Мальчик посмотрел на календарь. Космическая ракета стояла на зеленой планете, не самой его любимой. Он предпочитал те, где случались потасовки и нужна была храбрость, чтобы защищать маму от людоедов и чудовищ...

Он перевел взгляд на кровать, усеянную крошечными муравьями, божьими коровками, похожими на конфетки-драже. А вот скарабей с двумя оторванными лапками.

Звездное воинство, годное только для помойки!

Малон наклонился к розовому ушку Гути. Он хотел рассказать ему свою любимую историю — о главаре людоедов с татуировкой в виде черепа на шее и блестящей серебряной серьгой в ухе. Его легко было узнать, а вот сбежать от него никто не сумел бы.

— Слушай внимательно, Гути, — прошептал он. — В лесу жил один людоед, который...

Малон замолчал. Не потому, что забыл слова. Ему помешал нос. Нос не желал продолжать, нос учуял запах, перебивший мысли об истории, людоедах и маме.

Запах шел из кухни, заполняя собой все вокруг. Ни о чем другом малыш думать не мог. Как вкусно пахнет! И есть ужасно хочется. Может, спуститься вниз, приласкаться к Маме-да и стащить кусочек?

Малон взглядом попросил прощения у Гути, но плюшевый зверек не ответил. Он всегда был неразговорчив, а теперь, без сердца, и вовсе онемел.

Молчание — тоже ответ, но как его понять?

Он может пойти на кухню и поесть пирога с Мамой-да или должен остаться и продолжить рассказ?

41

Механик, лежавший под машиной, пообещал, что мой «рено твинго» будет готов сегодня вечером. Ха-ха... Он выглядел искренне расстроенным, этот придурок.

Желание убить

Я выбила домкрат.

Не нравится: 1263

Нравится: 329

www.jelanie-ubit.com

Агент Кабраль гнал как сумасшедший. На сей раз Марианна пристегнулась, потому что Кабраль наотрез отказался стартовать, бросив красноречивый взгляд на ее замазанный тональным кремом и все еще свернутый на сторону нос.

— Ладно, ладно, сейчас. Поехали!

Все четыре полосы авеню Фош были заняты машинами. Марианна любила Гавр — в том числе за широкие перпендикулярные улицы в центре города, хотя сравнение с Америкой приходило на ум только во время погонь в даунтауне, между улицей Расина и улицей Ришелье, когда можно было поиграть в Старски и Хатча.[58]

Сирена воеет, как гиена.

Звонок Энджи. Разговаривать было не с руки, но она все-таки ответила.

— Марианна? Я случайно прочла один блог на сайте Гавра. С жутким заголовком: «Мотоцикл сгорел на мысе де ла Эв». — Энджи замолчала, пытаясь успокоиться. — Там написано... школьный психолог. Господи, это он? Твой... тот, что занимался мальчиком?.. Фантазером?

«Рено меган» на полной скорости пересек трамвайные пути. Стоявшие на остановке лицеисты провожали машину изумленно-восторженными взглядами, снимали на телефоны.

Энджи о ней тревожится. Не самый удобный момент для разговора, но реакция подруги понятна: накануне она полвечера расписывала достоинства Василе Драгонмана, а он в этот момент находился в пяти километрах от кафе и... горел заживо.

Воплощенный ужас! Сейчас она слишком возбуждена, но скоро отойдет, и тогда...

Нельзя останавливаться на бегу.

Нужно сосредоточиться на деле.

Поймать Тимо Солера.

— Есть новости? — встревоженно спросила Энджи. — Вы уверены, что... это он?

— Пока нет. Спасибо, что волнуешься за меня, но я правда занята.

Кабраль свернул на улицу Брендо. От Мон-Гайара спускался трамвай маршрута А, навстречу ему, с пляжа, ехал другой, маршрута В. С другого конца Парижской улицы выползал серый контейнеровоз высотой в пять этажей, как будто один из бетонных домов вдруг взял и решил покинуть город.

Энджи продолжала что-то говорить, и Марианна прикрыла правое ухо ладонью, пытаясь разобрать слова.

— Позвонишь, когда что-нибудь узнаешь?

Ее голос дрожал, и у Марианны на секунду возникло странное ощущение, что в румынского психолога влюблена именно Анжелика.

Если не в него самого, то в его призрак.

Они въехали на улицу Зигфрида, с которой можно было попасть в портовую зону.

«Через пятьсот метров переезжайте мост, потом поверните налево. Вы на месте», — голосом исполнительницы госпела произнес навигатор.

Все, хватит, она должна сама направлять Кабраля. Сирену и эту тетку придется выключить, чтобы не переполошить Тимо Солера.

Нужно забыть об Энджи. Забыть о психологе. Сейчас важно одно — четко провести задержание опасного преступника.

— Поговорим вечером, детка. Пока...

42

Маленькая стрелка на 12, большая — на 2

Аманда ставила на стол последнюю тарелку, когда хлопнула входная дверь.

Успела.

Еда готова. Телевизор включен. Она достала бутылку *Chateau Faugères*[59] и приоткрыла дверцу плиты, чтобы карамельный аромат пирога из ириса «Карамбар»[60] перебил запах жарящейся ножки. Малону очень нравится, когда в доме пахнет его любимым лакомством.

Ее сын — нежный, умный, трепетный ребенок. Аманда давно поняла, что обоняние — самое важное, наряду с осязанием, чувство, но большинство мужчин довольствуется зрением и вкусом.

Ее маленький мальчик не способен съесть целый пирог, но он обожает нюхать его, сосать, грызть корочку — если не дуется на свою маму и не капризничает, как сегодня. Любит помогать ей растапливать ирис в кастрюле с маслом и сахаром.

Аманда перевернула мясо. Проклятье, снова чуть-чуть передержала. Придется покорно слушать кулинарные советы Димитри — вдобавок к комментариям по поводу актуальных событий.

Она удивилась, увидев улыбку на лице мужа. Он не поцеловал ее, только приобнял за талию.

— Слышала новость? В деревне все об этом говорят. Чертов психолог сгорел!

Аманда отстранилась и знаком велела ему говорить тише.

Димитри выдвинул стул, сел, налил себе вина и бросил взгляд на плиту, как будто почувствовал запах «Карамбара». На плите тушилось овощное рагу. Как-то раз, за ужином, он все время цеплялся к ней из-за опавшего суфле, а сейчас промолчал.

Это почти комплимент...

Димитри понизил голос:

— Можем успокоиться. Он больше не будет нас доставать...

Аманда пожала плечами и выключила газ:

— Полиция заведет дело. Он проводил с Малоном много времени.

— Полдня в неделю. Этот румын встречался еще с двадцатью мальчишками. И у каждого свои тараканы в голове...

Аманда промолчала, надела огнеупорную варежку и достала из духовки пирог, представив, как его аромат плывет вдоль лестницы, проникает под дверь комнаты Малона. Он поймет безмолвное приглашение. Все остальное значения не имеет.

Мальчик должен навсегда запомнить этот запах. И вкус других замечательных штук.

Только матери способны научить маленьких мужчин чувствительности. Если кумиром мальчика становится отец, он будет любить футбол, тачки, дрель и... станет таким же придурком. Поколения придурков! Предназначение матерей — противостоять проклятию.

Она посыпала пирог разноцветными шоколадными лепестками. Необходимое излишество. Незначительная деталь? Конечно! Но те, кто в детстве ел красивые пироги, потом живут во дворцах, а остальные их охраняют.

— Известно, что произошло? — спросила она. — Говорят, он разбился на мотоцикле на мысе де ла Эв...

Димитри залпом допил вино и ухмыльнулся:

— Пусть говорят... Было скользко, он свалился, мотоцикл упал на него, горячего был полный бак, все вылилось — пых! Не повезло... Кто знает, может, этот придурочный решил покурить, пока ждал помощи? — Он расхохотался.

Аманда напряженно размышляла. Вчера муж был дома весь вечер, хотя наверх поднялся позже нее. После одиннадцати закончились «Интимные признания», и он выключил телевизор. Разве мог Димитри находиться в это же самое время на мысе де ла Эв?

Она мысленно прикинула расстояние от Верхнего Манеглиза до побережья. Терраса находится километрах в десяти — можно обернуться туда и обратно за полчаса. А Димитри целый час лежал один на диване перед ящиком.

Семейный адвокат у нее в голове продолжал приводить аргументы в пользу подозреваемого. Димитри не мог выйти из дома и завести машину — она бы услышала и как он отъезжал, и как вернулся... Так ведь? Так, да не так! Что, если ее муж специально прибавил звук, вышел на цыпочках, а машину заранее поставил подальше? Адвокат, исчерпав все доводы, уцепился за последний: Димитри — не убийца.

— Что ты пытаешься сказать? — запинаящимся голосом спросила Аманда. — Что это не ава...

В дверь постучали.

Полицейские? Так скоро?

Или снова кто-то из школы?

Димитри, нимало не обеспокоившись, пошел открывать. От входной двери потянуло холодом.

— А, это ты... Очень вовремя. Входи!

Он весело заржал.

Когда-то, в самом начале совместной жизни, именно манера смеяться примирила Аманду с недостатками мужа. Чувство юмора у него напрочь отсутствовало, и смеялся он по любому поводу, потому и не разочаровывался ни в людях, ни в жизни.

Аманда вышла в коридор и сразу заметила, что дверь в комнату Малона приоткрыта.

Волшебная сила «Карамбара»...

В это мгновение она любила весь мир. Запах пирога, свою кухню, своего малыша, который сначала раскапризничался, а теперь успокоился и вот-вот спустится вниз и уткнется лицом в юбку матери. Ее радовало, что к мужу зашел поговорить друг и нужно поставить на стол еще одну тарелку, а потом подать аперитив.

Таким она представляла себе счастье. Если бы только можно было остановить время!

* * *

Малон стоял на площадке второго этажа.

Как же хочется есть! Вот бы начать с десерта...

Он услышал голоса и смех и понял, что к Па-ди кто-то пришел. Это хорошо. После еды они надолго засядут в гостиной, а Малон

наберет себе печенюшек и соленой соломки из мисочек, останется на кухне один, будет есть и смотреть мультики. Когда они обедали втроем, Па-ди заставлял Маму-да смотреть вместе с ним новости, и это было совсем неинтересно.

Малон сделал шаг, еще один и оказался у перил.

В руках он сжимал Гути. Онемевшего. Теперь даже «тсс» можно не говорить.

Мама-да подняла глаза, увидела сына и улыбнулась.

Димитри взял из рук мужчины плащ и шарф и повернулся к вешалке.

Малон прикусил губу. Он узнал гостя.

Не человека. Не его лицо. Кое-что другое.

Блестящую серьгу в ухе. Татуировку-череп на шее.

Никаких сомнений.

Это был людоед. Тот самый. Из леса.

43

Он храпит уже десять часов.

Желание убить

Больше не храпит. Лежит на боку. Ноги у него холодноваты. На подушке — следы слюны и крови.

Не нравится: 336

Нравится: 341

www.jelanie-ubit.com

Кровавая баня.

Именно это — в прямом смысле слова — увидела Марианна Огресс в ванной с облупившимися стенами. Сидячая ванна — такие устанавливали в 1960-х — краны проржавели, уплотнитель порос плесенью, на дне лужа крови в два пальца глубиной. Сток забит всякой дрянью, вот ничего и не стекает, тут им повезло.

Картина ясная: раненого человека дотащили до ванной, усадили, вымыли и вытерли, хотя делать это в древнем фаянсовом корыте метровой высоты ох как непросто.

Тимо Солер жил здесь.

Теперь они были совершенно уверены, что кто-то ему помог. Принять душ. Одеться.

Скрыться до того, как нагрянет полиция.

Скоро Марианна получит подтверждение: десять агентов обыскивают квартиру F2 на шестом этаже дома по улице Бель-Этуаль. Тимо и его сообщник сбежали второпях. Как будто вышли ненадолго и вот-вот вернуться, купив хлеб и газету. В изножье кровати валяется скомканная одежда, в раковине грязная посуда, на столе чашки. Радио не выключено, по коридору разбросана обувь.

Хозяева вот-вот вернуться.

«Как же, вернуться, будь они неладны!» Солер снова ускользнул. Они опять потерпели неудачу, хотя на этот раз майору Огресс вроде бы не в чем себя упрекнуть.

Агенты подбирались к квартире со всеми возможными предосторожностями, но ее обитатель исчез прежде, чем первая полицейская машина въехала на территорию квартала де Неж.

Почему, черт возьми? Тимо позвонил Ларошелю меньше часа назад. По словам хирурга, преступник невыносимо страдал, но отказывался не только приехать в больницу, но даже выйти из дома. «Он прикован к постели!» — гордо пояснил доктор, словно сам шваркнул его молотком по голове. Солер назвал Ларошелю адрес, сказал, что заплатит много, очень много! — за «помощь на дому». Так зачем же он сбежал как подорванный ровно через пятнадцать минут, хотя ни одного полицейского поблизости не наблюдалось?

Эксперты в комбинезонах и перчатках раскладывали на кровати пропитанную кровью одежду. Брюки, трусы, футболка — все было пунцового цвета.

Может, врач выдал себя по телефону и Тимо что-то почувал?

Странно...

Марианна обвела взглядом квартиру. Тряпки на вешалке, носки на батарее, стопка газет под журнальным столиком в гостиной... Что-то смущало ее во всей этой обстановке, нечто *сама-не-знаю-что* не сходилось. Все вместе эти отдельные незначительные детали заставляли взглянуть под другим углом на побег Солера и на то, как он ухитрился спрятаться и продержаться много месяцев.

Майор была уверена, что все у нее перед глазами, просто она не может ухватить главное, тот единственный элемент, который бы все прояснил.

Она снова чертыхнулась, отпихнула Константины, который, вооружившись лампой Вуда,[61] неспешно изучал пространство под диваном. Неужели только она чувствует смутное беспокойство?

Очень странно.

Разгадка здесь, на видном месте — как забытое слово, которое вертится на языке... Марианна зачем-то открыла холодильник, потом дверцы шкафчиков, и тут зазвонил телефон.

Лейтенант Лешевалье.

— Ты нужен мне, Ж. Б., приезжай как можно скорее!

— Дед не с тобой?

— Нет, этот упрямый осел час назад укатил в Потиньи, родовое гнездо супругов Люковик и их друзей детства Алексиса и Тимо. Он уверен, что награбленное спрятано именно там, и я как дура поддалась на уговоры. Теперь получу по полной программе от Дюма, хотя никто не мог знать, что сегодня утром все так обернется. Возвращать Деда было поздно... Теперь дело за экспертами. Пусть поработают на улицах — может, Солер, как Мальчик-с-пальчик, где-нибудь наследил, оставил кровавый след.

— Пусть работают, пока чайки не ликвидировали следы. Ты знаешь, что они становятся плотоядными из-за того, что жрут трупы нелегалов, всплывающие в порту?

Марианна не ответила на шутку — не то было настроение.

— Где ты?

— Бульвар Клемансо, башня Резиденс де Франс. Драгонман жил на двенадцатом этаже.

Жил...

Глагол, употребленный в прошедшем времени, отозвался в мозгу короткой вспышкой боли. Еще один нейрон погиб. Ну не может она заниматься одновременно убийством Василе и побегом Тимо Солера!

Конечно, не может, но кого это волнует? Перепоручить некому.

— А как все прошло в школе?

— Утром? В Манеглизе? Ну что тебе сказать... У меня возникло тяжелое чувство.

— Почему? — удивилась Марианна.

— Я был там в половине девятого, беседовал с директрисой во дворе. Ученики пялились на меня как на извращенца, а проводить собственных детей до школы у меня не получается... из-за нашей гребаной работы.

Майор Огресс тяжело вздохнула:

— Ладно, Ж. Б., я оценила показательное выступление на тему «Образцовый отец горюет об упущенных возможностях», переходи к делу. Что узнал?

— Ничего определенного. Василе Драгонман был единственным школьным психологом на весь северный сектор Гавра: три кантона, пятьдесят восемь коммун, двадцать семь школ, больше тысячи ребятишек... У тридцати он выявил отклонения...

Марианна тут же вспомнила дело психиатра Вебера, которого в 2009 году убили в Онфлере, в собственном кабинете. В том году он наблюдал больше пятидесяти пациентов, за четыре-пять лет практики у него их было несколько сотен. В том числе подростки-шизофреники и старые пропойцы с белой горячкой. Каждый — потенциальный преступник, забывший выпить лекарство, обидевшийся из-за того, что врач не принял его немедленно, пожалевший, что наговорил лишнего. У всех больных, чьи фамилии фигурировали в ежедневнике Вебера, был мотив для его убийства.

Неужели то же самое случилось с Василе? Может, он занимался другими проблемными детьми, которые рассказывали ему, что родители бьют их или — того хуже — домогаются? Вдруг Драгонман узнал тайны настолько мрачные и омерзительные, что каждый, кому грозило разоблачение, был готов убить его?

«Тридцать ребятишек, — повторила про себя Марианна. — Но ко мне он пришел из-за одного».

— Другие школы меня не интересуют! Рассказывай о манеглизской. В деталях...

— Директриса вполне симпатичная. Они с Драгонманом вчера поругались, но мне показалось, что новость о его смерти ее действительно потрясла. Она дала нам адрес. Судя по всему, психолог хранил дома папки с личными делами подопечных, у него был старенький компьютер, но он распечатывал тексты бесед, отчеты, рекомендации для врачей, детские рисунки. Я у подъезда. Чувствую, придется попотеть, чтобы все это рассортировать.

— Придется. Начни с папки с именем Малона Мулена.

Марианна бросила рассеянный взгляд в грязное кухонное окно, и у нее перехватило дыхание: с хмурого гаврского неба на нее смотрели ореховые глаза Василе Драгонмана. Лукавые глаза ныне вольного духа, все еще помнящего о своем долге перед ребенком. В голове явственно прозвучал тихий голос: «Я умер из-за карты сокровищ, той самой, на которой отметил фантазии мальчика...»

Она еще несколько мгновений следила за распадающимися на языки тучами, потом отогнала воспоминания о Василе и сосредоточила внимание на кухонных шкафчиках. Десятки банок с консервами, пакеты вермишели и макарон, яркие соусы в стеклянных банках и бутылках.

Все то же навязчивое ощущение несоответствия...

Марианну бесило, что она никак не может собраться, абстрагироваться от историй о секретных планах, пиратах и призраках. Майор полиции Огресс давно научилась забывать волшебные сказки. Поднимаясь по служебной лестнице, она отказывалась от роли девочки-хитрюги, отрекалась от идолов своего детства, которым была обязана призванием. Клод — вожатая из «Великолепной Пятерки», [62] Велма Динкли — мозг мультсериала «Скуби-Ду», маленькая ведьма Сабрина (самая неженственная из всех) расстались с ней навсегда.

— Марианна? — Голос Ж. Б. в трубке звучал встревоженно.

Ее внимание привлекла висящая на крючке тряпка. Сердце бешено заколотилось: она наконец поняла, что с самого начала не давало ей покоя в квартире Тимо Солера.

Чтобы успокоить дыхание, она обвела взглядом своих людей.

Десять мужчин и ни одной женщины.

Ну конечно...

— Марианна?

Она приказала себе сосредоточиться и сложить воедино кусочки мозаики.

Да, квартира обветшала, пахнет тленом, но... здесь чисто и прибрано. Человек, находящийся между жизнью и смертью, никогда бы этим не озаботился. Как и его сообщник. Особенно Алексис Зерда.

Как же они сразу не догадались?

Марианна еще раз взглянула на выстиранные носки на батарее.

Здесь жили двое!

С Тимо Солером все время была женщина. Подруга, любовница, жена — не имеет значения, ведь именно благодаря ей он и выжил. И она снова спасла его. Они сбежали.

Чтобы затаиться в какой-нибудь норе и сдохнуть?

Забыв о телефоне, Марианна скомандовала:

— Обыщите здесь все хоть сто раз, но найдите мне материальное свидетельство женского присутствия!

* * *

Через четверть часа она приняла решение и велела Ж. Б. идти в квартиру Василе Драгонмана, заняться его бумагами и регулярно докладывать. Одновременно она следила по айпаду за патрулями, занимавшими позиции в квартале де Неж. Программа *Géo Pol* напоминала видеоигру, что-то вроде навороченного «Пакмана», [63] в которой патрульные, отмеченные точками, занимали большинство дорог, ни разу не пересекаясь.

Где, на какой из улиц прячется Тимо Солер? Может, он в машине, которую ведет его подруга? Лежит на заднем сиденье, прикрытый одеялом? Ее существование больше не предположение, а установленный факт: эксперты без труда обнаружили в душе несколько длинных светлых волос, следы помады на стаканчике для зубных щеток, кружевные трусики, завалившиеся за бак для белья.

Очень сексуальные.

Майор так грозно посмотрела на подчиненных, что они воздержались от сальных шуточек насчет незнакомки — стройной, молодой, красивой.

Агент Константины с помощью своей волшебной лампы обнаружил кровь на лестничной клетке, потом на верхних ступеньках. Марианна послала трех человек искать возможные следы перед домом, на стоянке, на дороге, чтобы попытаться определить направление, в котором скрылись беглецы.

Послала, не веря в успех.

Голубки улетели. Спаслись чудесным образом. Марианна отдавала приказы, отвечала на вопросы, но все время возвращалась мыслями к

Малону Мулену и Василе Драгонману. Стоило ей повернуться к окну, и она видела на небе размытый образ психолога. Облака побелили его бороду, брови и ресницы, а лицо как будто искусственно состарили, пропустив через компьютер. «Его обаяние пребудет в веках...» — думала она, чувствуя смятение оттого, что образы из ее мозга переместились на небосвод.

Будь она сейчас одна, дала бы волю слезам. Нет, такое лицо не может исчезнуть без следа, такие глаза не могут просто взять и погаснуть.

Какие странные вопросы только что задавала ей по телефону Энджи...

Вы уверены, что... что это он?

Вообще-то надежда оставалась: никаких формальных доказательств, что сгоревший труп, найденный под остовом мотоцикла, действительно принадлежит Василе Драгонману, у них пока нет. Вряд ли он один из всех жителей Гавра ездил на мотоцикле *Guzzi California*.

— Телефон, шеф...

Бурден стоял в углу комнаты, застыв, как декоративный фикус, — то ли живое растение, то ли каучуковая имитация. Марианна не отрываясь смотрела на гигантские скелеты портовых кранов и как будто не слышала агента, но потом протянула руку и взяла трубку:

— Майор Огресс, слушаю...

— Это Ортега, я в морге. Дело заняло меньше времени, чем мы думали.

— Почему?

— Нам повезло. Мы сразу нашли медицинскую карту. Психолог лечил зубы у Кихенга Суаярана, у него кабинет на улице Сери. Мы вместе учились. Он прислал мне снимки на компьютер. На сравнение ушло чуть больше пяти минут...

— С чем ты сравнивал?

— С челюстью типа, найденного под мотоциклом, конечно! А ты о чем подумала? Зубы-то не успели расплавиться.

Марианна судорожно сглотнула.

— Выкладывай, не тяни!

— Никаких сомнений. Полное совпадение. Можешь не ждать анализа ДНК. Труп с мыса де ла Эв — твой школьный психолог Василе Драгонман. Увы...

Маленькая стрелка на 12, большая — на 6

*Я искал в стихах-поэмах,
Как сказать: люблю тебя.
Много слов там очень умных,
Слишком длинных для меня.*

Малон сидел на корточках между унитазом и стеной.

Ему было ужасно неудобно, но это не имело значения: он выучил наизусть пятничную историю о зеленой планете Венере, о любви. Ту самую, в конце которой они с мамой улетали.

Но сначала он должен сбежать от людоеда с серебряной серьгой и черепом на шее. Хорошо, что Малон знает волшебное место, куда не могут войти злые люди. Гути много раз повторял ему этот секрет, во все дни зеленой планеты.

Нужно было запереться в туалете!

Малон думал об этом всякий раз, когда ходил писать. Он был слишком маленького роста и не мог дотянуться до задвижки, стоя на полу, но если залезал на крышку мусорного ведра и приподнимался на цыпочках, то все получалось. Выход он нашел сам и очень этим гордился.

Закрыться в туалете.

Дождаться, когда за ним придет мама.

И исчезнуть вместе с ней.

Ему было страшно. Так страшно, что он достал из кармана листок с рождественским рисунком и начал водить пальцем по звезде, елке с бледными иголками, подаркам, прорисованным разноцветными фломастерами. Нужно снова спрятать его в альбом, чтобы никто не нашел — ни Мама-да, ни Па-ди. А главное — людоед!

Напоследок он полюбовался тремя фигурками — они держались за руки, стоя под гирляндами.

Он. Папа.

Мальчик погладил длинные волосы мамы, прочел каждую букву вверху и внизу страницы.

*Веселого Рождества
Всегда помни*

Твой Ангел

Он мог прочесть только эти шесть слов и свое имя. Ну и конечно, слово МАМА.

*Я искал везде и всюду нужные слова,
А нашел их рядом — в сердце, главные слова.
Ты меня учила в детстве, как сказать «люблю»,
Я запомнил и теперь снова говорю:
Я люблю тебя до неба,
Вот как я люблю!*

— Выходи, Малон, ну пожалуйста. — Аманда старалась говорить как можно тише и нежнее. — Прошу тебя, Малон.

Запах подгоревшего пирога цеплялся к стенам, полу, ступенькам. Навязчивый, почти тошнотворный. Аманда понадеялась было, что аромат пирога заставит мальчика отпереть дверь, но почти сразу поняла, что ее сын не купится на такую грубую уловку.

Малон узнал Алексиса, и старая травма проснулась, спровоцировав сумятицу в мозгу. Возможно, лицо Зерды реанимировало другие воспоминания. Так иногда случается со старыми часами: упав, они снова начинают ходить.

А может, она все выдумывает и этот похожий на упыря мерзавец просто напугал мальчика.

Аманда сидела на потертом коврикe перед дверью туалета. Она дрожала, скреблась в дверь, как котенок, рвущийся войти туда, где скрылся хозяин, и говорила, говорила, говорила. Нежно, как любая мать, утешающая заболевшего ребенка. Защитница. Стена. Твердыня.

Вот только на сей раз их разделяла дверь.

Аманда слышала прерывистое дыхание сына, угадывала его сдержанные рыдания, и у нее закипала кровь.

*Тысячи звезд на небе,
Тысячи цветов в саду,*

*Тысячи пчел на цветах,
Тысячи ракушек на пляжах,
Только мама всего одна.*

— Хватит, Аманда! — крикнул снизу Димитри. — Сам выйдет.

Ее муж — кретин. Сидит, пьет виски. Нашел время! Алексис, тот даже пива себе не налил. Станный все-таки у него голос — слегка присвистывающий, певучий, почти приятный. Почти... Потом, правда, замечаешь: да он пришептывает и на фальцет то и дело срывается. Когда они познакомились, Аманда подумала: если бы змеи разговаривали как люди, то именно таким голосом. Не на серпентарго — змеином языке василиска, с которым столкнулся Гарри Поттер, а на языке гремучей змеи, рехнувшей от одиночества в пустыне.

— Оставь это, Аманда.

Приказы Алексиса Зерды не обсуждаются.

Аманда медленно спустилась по лестнице и села между мужчинами в клубное кресло,[64] обтянутое искусственной кожей. Димитри сжимал в ладонях стакан с виски, как будто хотел побыстрее растопить лед.

— Вы все просрали...

Зерда смотрел на Димитри, но Аманда знала, что обращается он к ней. Алексис очень умен и не мог не понять, что ее муж ничего не контролирует.

— Скоро прибудет кавалерия.

Димитри открыл было рот, но Зерда знаком приказал ему молчать.

— Они так и так у вас появятся. Будь психолог жив, легавые взяли бы его с собой, и мы знаем, чем бы все закончилось. Устранив румына, мы выиграли время. Немного.

Аманда наклонилась вперед, и пружины спинки придали ей ускорения:

— Ты убил его?

Зерда и не подумал ответить. Он повернул голову к висевшей на стене рамке. В нарисованные фломастером сердечки были вписаны короткие стишки, считалки на День матери, которые дети заучивают наизусть, украшают засушенными цветами и бабочками на булавках.

— И уберите вот это. — Он уставился на Аманду зелеными глазами-щелками и продолжил, повысив голос: — Мальчик давно

должен был все забыть. Ребенок его возраста, будь он неладен, забывает обо всем за несколько месяцев. Во всяком случае, так утверждают все эти хреновы эксперты! Не понимаю, почему ваш все еще помнит...

— Тебя? — Аманда криво улыбнулась.

— Все, он помнит все! Когда появится полиция, молокосос не должен разевать пасть! Достал всех своими сказками и легендами!

— Не смей так о нем... — В голосе Аманды прозвучала угроза.

Алексис встал. Подошел к стене и начал рассматривать цветочный гербарий, не переставая вслушиваться, стараясь уловить хоть какие-то звуки со второго этажа.

Тишина. Малон не вышел из укрытия.

— Ты принимаешь все слишком близко к сердцу, Аманда. Если пацан будет молчать, легавые не смогут ни прижать нас, ни сопоставить факты. У них нет ничего конкретного, не считая смутных воспоминаний сопляка, которые давно должны были исчезнуть. Это была твоя работа, милая, — стереть его прошлое.

Димитри налил себе еще виски. На него никто не обращал внимания.

— Что, если они отберут его у нас? — не успокаивалась Аманда. — Отберут, даже если не свяжут со всем остальным?

— Никто не заберет у тебя сына, Аманда. Он умный мальчик. Здоровый. Любит тебя. С чего им разлучать вас?

Зерда с презрением посмотрел на Димитри, который, пытаясь сохранить лицо, налил себе не полный стакан, а всего-то на доньшке. Аманда давно поняла, что ее муж для Алексиса — разменная пешка, которой он не задумываясь пожертвует.

Лучший друг детства...

Димитри очень не повезло: в тюрьме Буа-д'Арси он оказался в одной камере с Алексисом. Ее мужу требовался кумир, чтобы тот защищал его и позволял блистать... в своей тени. Он мог встретить медведя, акулу, волка... А попал на змею! Этот гад сотрет его в порошок, если почувствует опасность, как сделал это с Василе Драгонманом, а потом ликвидирует ее и Малона.

— Приведи мальчика, — мягко попросил Зерда. — Скажи — если не откроет чертову дверь, я ее вышибу.

Аманда пошла к лестнице, и он продолжил ей в спину:

— Не хочу задерживаться. Полицейские могут появиться в любой момент, нельзя, чтобы они меня сцапали. Утром один из них приходил в школу. Как только установят личность погибшего на мысе де ла Эв, навестят всех, с кем имел дело пронырливый румын, и ваша семья будет первой в списке.

Еще две ступеньки.

— Нужно, чтобы парень нам подыграл. Слегка. Пусть плетет сказки о пиратах и ракетах, если хочет, это на время займет легавых. Главное, чтобы подыграл. Совсем чуть-чуть, понимаешь, Аманда? Он не должен вести себя как перепуганная устрица, молчать, дичиться, и тогда никто не будет расковыривать раковину.

Еще три ступеньки.

— Если хочешь, чтобы он остался с тобой.

Аманда молча сделала следующий шаг, шаркнув войлочными подошвами по ковровой дорожке.

*Мамочка, мамочка, мамочка родная,
Хочу к тебе на ручки, мамочка моя.
Поцелуй меня хоть разик, мамочка моя,
(чмок)
И узнаешь мой секрет:
(шепотом)
Я люблю тебя.*

* * *

Через пять минут она вернулась к мужчинам.

Димитри допил виски, но больше наливать не стал. Алексис разглядывал коллекцию бабочек под стеклом, следя краем глаза за выходящим на парковку окном.

Аманда покрепче ухватилась за перила и сказала надтреснутым голосом:

— Он хочет поговорить с матерью.

— О чем ты? — изумился Зерда.

— Малон хочет поговорить со своей мамой.

— Исключено!

— Он сказал, что не выйдет, пока не поговорит с мамой, — терпеливо повторила Аманда. — Раз она не может прийти, нужно поговорить по телефону. Но я с тобой согласна, Алексис. Пойти на такое было бы последней глупостью.

Они замолчали и не заметили, что Димитри встал, снял телефон с базы, вошел в гостиную и, прежде чем заговорить, бросил взгляд в окно.

— Я не первый день живу с этим мальчишкой. Он упрям как осел, и понять, что варится в его маленькой черепушке, непросто. — Димитри выдержал театральную паузу и продолжил: — И все-таки мы можем заставить его слушаться. Есть одно средство. Верняк...

Алексис насторожился:

— Какое?

— Его мать...

Аманда расстреляла мужа взглядом. Зерда отвернулся от окна:

— Продолжай, Димитри.

— Давайте позвоним. Пусть малец поговорит с ней пару минут, не больше. Он узнает голос матери, и мы сможем делать с ним что захотим. Взрослые всегда врут, если нужно договориться с детьми. Лучшего способа нет. Понимаешь, о чем я, Алексис? Скажем, например, так: «Если хочешь снова поговорить с мамой, милый, будь послушным!» Что-то наподобие «если хочешь, чтобы Пер-Ноэль[65] принес тебе подарки» или «если хочешь, чтобы маленькая мышка оставила тебе под подушкой конфетку»...

Аманда подошла к мужу, подняла к нему залитое слезами лицо:

— Побойся бога, Димитри! Ты не можешь... Неужели все было напрасно?

Горячая ладонь Алексиса легла ей на плечо.

Горячая и липко-потная.

— То, что предложил твой муж, совсем не глупо. Мальчик уверен, что ты — не его мать, так что... Звонок позволит нам выиграть время, много времени. Именно его нам сейчас и не хватает.

— А что потом?

Не дожидаясь ответа Зерды, Димитри протянул ему телефон и улыбнулся Аманде уголками губ: «Ты вне игры... Теперь делом займутся мужчины!»

Псих несчастный...

— Вы... мне... обещали, — заикаясь, произнесла она.

Пол ушел у нее из-под ног, руки задрожали, позвоночник заледенел. Ясно, что будет дальше. Алексис убьет их, одного за другим. Как только найдет то, что ищет.

Зерда поднял глаза к лестнице.

— Сходи за мальчиком, Димитри. Скажи, что мы согласны, что позвоним его матери и он сможет поговорить с ней одну минуту.

45

Марианна Огресс вышла на балкон с видом на причалы и доки порта, бетонную дамбу, грузовые суда антрацитового цвета и пустое небо. Навек опустевшее небо.

Налетевший порыв ветра взметнул вверх тюлевые занавески, в глубине квартиры хлопнула дверь, но она даже головы не повернула.

Утром следователь Дюма оставил сообщение на голосовой почте, поинтересовавшись, как Тимо Солеру удалось снова ускользнуть от них. Марианне нечего было ответить. Ее люди обложили квартал де Неж через пятнадцать минут после звонка хирурга. Солер мог смыться по любой причине — усомнился в Ларошеле, занервничал, — но полицейские в этом не виноваты.

— Говори громче, Дед, а то я слышу тебя через слово, — раздраженно буркнула она, прислонилась спиной к перилам, прижала телефон плечом к уху и начала просматривать почту.

Нельзя вести два дела одновременно! Не можешь позволить себе остановиться и подумать, огорчиться и порадоваться, как бывает, когда читаешь детективный роман с лихо закрученной интригой. Сюжетные линии перекрещиваются, напряжение усиливается, и ты не успеваешь притормозить, задуматься, задать вопросы и найти ответы. То же самое наверняка чувствует женщина, у которой есть и муж, и любовник. Трудно не запутаться, когда разговариваешь с одним, а думаешь о другом.

«Ты-то откуда знаешь? — Марианна мысленно усмехнулась. — У тебя нет ни того ни другого!»

Последний парень, одаривший ее улыбкой, обратился в пепел на мысе де ла Эв. От его улыбки осталась челюсть, присланная добрым доктором Ортегой. Благодаря чудесам технологии эта челюсть в

масштабе 3D плавала сейчас в невесомости на экране планшета майора Огресс. Зловещее подтверждение того, что губы Василе Драгонмана больше не поцелуют ни одну девушку.

— Я уже проехал Кан, Марианна. Мне развернуться?

Она открыла другое приложение на айпаде. *Géo Pol* показал полицейские патрули — красные кружки на карте, — которые рыскали по городу в поисках Тимо Солера.

— Не стоит, Дед. Мы тут завязли. Но найди место, где сигнал будет ловиться по-человечески.

— Ладно, перезвоню, когда выберусь из долины Лез.[66]

Марианна перешла к посланиям Ж. Б. К каждому был прикреплен с десяток файлов. Детские рисунки из досье Малона Мулена, обнаруженные в квартире Василе Драгонмана.

Нажать, увеличить, просмотреть...

Странные черты, живые цвета, сложные формы.

Каждый рисунок Василе подписал круглым разборчивым — «учительским» — почерком.

Пиратский корабль, 17/9/2015

Ракета, летящая над лесом людоедов, 24/9/2015

Четыре башни замка, 8/10/2015

Людоед, 15/10/2015

Марианна смотрела на картофелеобразное лицо людоеда, на черточки, изображающие глаза, нос, рот (или это шрам?), на черную точку сбоку на шее (похожа на родинку), на полуприкрытый глаз и серьгу в ухе и думала.

Что ей со всем этим делать? С десятками страниц, заполненных детскими каракулями?

В первом сообщении Ж. Б. написал, что точно так же рисует его пятилетний сын Лео, а заодно попросил разрешения отлучиться в середине дня: он хотел встретить детей после уроков и сделать сюрприз жене.

Марианна отказала. Нет, нет и нет! Сегодня слишком много работы. Рисковать нельзя. Ж. Б. выразил несогласие и обиду, прислав смайлик с поднятым вверх средним пальцем[67] (обычно он ограничивался рожицей с высунутым языком) и приписав всего одну, но ехидную фразу:

Вот заведешь детей, тогда поймешь...

Туше. Прямо в сердце. Негодяй!

Детей у Марианны не было, не исключено, что это была одна из причин, по которой ей доверили руководить комиссариатом. Сегодня она не задумываясь променяла бы все повышения в мире на малыша, чтобы он будил ее спозаранку после ночи в засаде, на ребенка, который кидался бы ей навстречу во дворе ясель и обнимал за шею, заставляя забыть о мерзости и грязи полицейской работы. Сейчас не до нежностей. Ж. Б. и все остальные самцы, находящиеся под началом майора Огресс, отцы негодные и образцовые, мобилизованы до завтрашнего утра.

На экране телефона появилось круглое лицо Деда.

— Я забрался на колокольню церкви в Бретвиле, как меня слышно?

— Давай без лирики! Ты там изображаешь туриста, а мы возимся со сгоревшим телом, никак не можем поймать истекающего кровью Тимо Солера, не знаем, где затаился Алексис Зерда, и нашли кружевные трусики подружки Тимо, о которой до сегодняшнего утра понятия не имели...

— И только-то? Сейчас я тебя порадую, у меня есть ответ на твой главный вопрос.

Марианна сдвинула брови:

— Какой именно?

— Ключевой. Тот, что открывает все двери.

— Не тяни резину!

— Неужели забыла? Вчера, у тебя в кабинете... фотография плюшевого зверька. Гути. Ты спросила, какой породы эта игрушка.

Она вздохнула и инстинктивным движением прикрыла балконную дверь.

— Ну и? Ты выяснил?

Веселый тон Деда резко контрастировал с гнетущей атмосферой берлоги Солера.

— Приложил усилия. Просидел часть ночи в интернете, хотя все было совершенно очевидно. Твой зверек — агути.

— Кто?

— Агути! Любителям зоологии хорошо известна эта морская свинка, уроженка Амазонии. Грызун, размером чуть больше крысы. Вроде кролика, но без хвоста и ушей.

Марианна вывела на экран следующий рисунок.

Гути, написал Василе.

Рисунок Малона можно было разгадать, только опираясь на ассоциативный ряд идей. Два круга — возможно, это его тело — на ковре из желтых и красных точек. Синие черточки устремлены вверх, за пределы листа.

— Значит, у нас снова тупик. Малон Мулен разговаривал со своей морской свинкой. Блеск!

— Дай мне секунду — и узнаешь одну странную деталь...

— Валяй, Дед, мне все равно больше нечем заняться, так почему бы не развлечься зоологией.

— Агути страдает амнезией.

— Не поняла...

— Он всю жизнь припрятывает зернышки и фрукты, которые чистит, прежде чем зарыть. Зверек готовит запасы на голодные месяцы и период после спячки. Проблема в том, что бедолага неизбежно забывает, где спрятаны его сокровища.

Дюамель водил лампой Вуда над теми местами на полу, где только что стояла мебель.

Сюрреалистическое зрелище.

Марианна закашлялась. Ветер с моря задувал через воротник пальто, холодя грудь.

— Гениально, Дед. Агути — самый тупой грызун из всех божьих тварей!

— Самый полезный, — возразил лейтенант Паделу. — Сам того не ведая, он способствует возрождению растений. Агути — садовник экваториального леса. Коротко говоря, у него есть сокровище, он его прячет, забывает, где спрятал, подышает с голоду, но лес растет!

— Проклятье...

Майор не отрываясь смотрела на яркие точки на детском рисунке. Что это? Зерно? Фрукты? Золотые монеты?

Она попыталась вспомнить отрывки из историй *Гути*, которые уже несколько раз прослушала на MP3-плеере. Придется начать сначала, все разложить на элементы, расшифровать. Найти связь — а почему нет? — между сказками и убийством Василе Драгонмана.

Все верно, план хорош. Но сначала нужно задержать Тимо Солера и его подружку.

Через несколько секунд звякнул телефон. Сообщение. Из Регионального управления службы криминалистического учета. Коллеги прислали стандартную защищенную информацию с номером ничего не говорящего ей дела.

Марианна открыла приложение, начала читать и ухватилась за перила: три строчки — результаты анализа ДНК — повергли ее в шок.

46

Маленькая стрелка на 12, большая — на 8

Малон сидел на диване, рядом с Гути.

Алексис Зерда отступил на несколько шагов, к входной двери, чтобы не пугать мальчика еще сильнее, а Димитри протянул ему трубку и в третий раз повторил, что сейчас он поговорит с мамой. Совсем недолго, скажет несколько фраз, поздоровается, спросит, как дела, подтвердит, что у него все в порядке, и на этом конец. А потом будет вести себя очень хорошо и останется с другой мамой. С той, которая о нем заботится. С Мамой-да. Иначе ему никогда больше не позволят поговорить с прежней мамой.

Аманда стояла спиной к ним и смотрела в окно. На дома опускался легкий туман. Все происходило как в дурном сне. Окружающее пространство напоминало дрянную декорацию. Ее мир сузился до зацементированного круга за стеклом, в котором отражалась тень Алексиса Зерды.

Когда Димитри пошел наверх за Малоном, незваный гость распахнул куртку — вроде как за носовым платком полез, а на самом деле хотел продемонстрировать пистолет за поясом.

Этот идиот Димитри, конечно, ничего не понял.

Капкан вот-вот захлопнется. Они заключили договор с дьяволом, впустили его в свой дом, в свою жизнь. Аманда почти надеялась, что из тумана вынырнет полицейская машина.

Она прижалась лбом к стеклу.

Но если это случится, легавые заберут у нее Малона.

Димитри набрал номер.

Она взглянула на рамку над буфетом. Сердечки, стишки, бабочки. Во всем, что произошло, виноват ее муж. Он несет ответственность за

череду бед, одна горше другой. Уж лучше бы не пытался исправить непоправимое!

Если их обоих ждет смерть, пусть первым Зерда убьет Димитри! Она хочет увидеть, как его тупая башка расколется о холодный кафель пола, как в тупых глазах мелькнет изумление и они погаснут. Навсегда. Он сдохнет, так ничего и не поняв.

Не осознав, что натворил.

* * *

Телефон зазвонил в третий раз. Аппарат стоял на столике у входной двери рядом с вешалкой, под картиной, изображающей скалы в Этрета.[68] Никто из полицейских не взял на себя смелость ответить. Каждый ждал приказа шефа.

Майор Огресс на балконе не отрываясь смотрела на экран своего планшета, потом неожиданно вернулась в комнату, в несколько шагов преодолела расстояние до коридора и сорвала трубку, не озаботившись надеть перчатки.

— Алло, алло, мама?

Голос ребенка. Совсем маленького.

Сколько продлилась пауза? Секунду? Вечность.

Марианна не решалась подать голос, боясь, что на другом конце провода повесят трубку.

— Мама, ты меня слышишь? Это Малон!

Она застыла как громом пораженная.

И в этот момент случилось непоправимое. Бурден крикнул: «Проблемы, майор?» — и тут же зажал рот рукой, поняв, какую глупость совершил.

Поздно. В трубке раздались частые гудки.

Марианна успела услышать глухое эхо — возможно, звук выстрела.

Что-то упало? Стул? Тело?

Времени на раздумья не было. Марианна крикнула — так громко, что слышали даже те, кто находился пятью этажами ниже, на парковке:

— У подружки Тимо Солера был ребенок! И я знаю, как его зовут!

II. Аманда

47

*Аэропорт Гавр-Октевиль,
пятница, 6 ноября 2015, 16:25*

Малон шел по длинному коридору местного аэропорта, семенил, чтобы успеть за мамой. Она делала шаг, он — три.

Выход № 1

Выход № 2

Выход № 3

Малон держался за мамину руку и считал самолеты, стоящие на летном поле. Мимо них то и дело проходили бритоголовые мужчины в пятнистой военной форме, у одного была серьга в ухе, у другого — татуировки на руках и на шее. Мама каждый раз опускала голову, как будто тоже чувствовала страх. Боялась, что ее узнают.

Как только они оказывались на безопасном расстоянии, она наклонялась к Малону и шепотом повторяла одно и то же: «*Поторопись, поторопись, поторопись...*»

Между прочим, ему только что пришлось ждать у двери, где люди снимали часы, ремни и очки. Мама зазвенела, и ее вернули, она расстегнула колье, положила его на столик и снова прошла через рамку металлоискателя.

Выход № 4

Выход № 5

Потом он попробовал убежать — недалеко, в конец коридора, — но в тот момент, когда мама окликнула его, увидел большой плакат и понял, что поступил ужасно глупо.

Нужно быть послушным, взрослым и храбрым мальчиком.

Он должен делать все в точности так, как ему велели.

Выход № 6

Выход № 7

Он грустил из-за Гути. Ему не хватало мохнатого любимца. Трудно быть храбрым без друга. Мама крепко сжимала его пальцы.

— *Поторопись, поторопись, поторопись...*

Большой палец, указательный, средний на другой руке. По ту сторону стекла было три самолета: бело-голубой, оранжево-белый и белоснежный. Малон не знал, на каком они полетят в лес людоедов.

Выход № 8

«Наш вон тот, оранжево-белый», — сказала мама и показала на самолет пальцем.

Они встали в очередь. Мама не отпускала его руку, но не подгоняла, а, наоборот, удерживала на месте.

Малон застыл как соляной столбик, готовясь проявить всю свою храбрость. Он поступил так, как учил Гути и просила мама.

Прежняя мама. Не та, что вцепилась сейчас в его ладонь и не отпускала.

Люди начали подниматься по трапу. Пора!

Мальчик мысленно произнес слова, смысл которых понимал не слишком хорошо, хотя повторял их сотни раз тайком от всех, перед сном, чтобы помнить утром, проснувшись в своей постели.

Это молитва, твоя молитва. Ты не должен ее забывать.

Это совсем просто, ты сумеешь.

Прямо перед тем как войти в самолет, ты скажешь одну фразу. Ту самую.

Даже если это будет неправда. Важно, чтобы все тебе поверили.

Он потянул маму за рукав.

Даже если это будет неправда. Важно, чтобы все тебе поверили.

— Что такое, дорогой?

Четырьмя часами ранее

Малон сидел сзади. Детского кресла, как в машине Мамы-да, тут не было, и он мог видеть в окно только кусочек крыши и серую, похожую на летающую тарелку антенну на фоне трубы. Ремень безопасности перечеркивал его лицо наискосок, от левого глаза к подбородку, как будто кто-то надел на него пиратскую повязку не по размеру.

Он крепко прижимал к груди Гути. Сегодня у них был один ремень на двоих, не то что в машине Мамы-да, где Гути всегда доставался ремень среднего кресла. Маме-да это не нравилось, но Малон все равно пристегивал своего друга.

Он был напуган.

Мама-да тоже боялась. Она часто оборачивалась с переднего сиденья, подмигивала и говорила: «Ты должен быть храбрым, мой пират. Очень храбрым...»

А вот Зерда вел себя совершенно спокойно и ни разу не повысил голос. Он усадил их в свой «форд куга», как сделал бы любой отец семейства, спешащий вернуться на работу после обеденного перерыва.

Застегнул куртку до самого верха, наклонился к Аманде, сказал: «Займись малышом, его не должны увидеть. Я сейчас вернусь... — Выпрямился, собираясь уйти, снова нагнулся и пригрозил: — Не умничай, если дорожишь сыном!»

Потом в три шага преодолел гравийную аллею и даже не оглянулся.

Как только дверь дома закрылась, Аманда пересела за руль и тут же до крови закусил губу, чтобы не вскрикнуть и не напугать сына еще сильнее.

Ключа в зажигании не оказалось.

На мгновение ей захотелось отстегнуть Малона, схватить за руку и сбежать, затеряться в туевом лабиринте, открыть первую же калитку и выпустить собак. Или ворваться в дом Девот и забаррикадироваться там.

На мгновение...

Ее взгляд утонул в глазах Малона.

Я — ничто, важна только жизнь моего ребенка.

Димитри поднял глаза и судорожным движением вытер губы. Его правая рука застыла в воздухе, на полпути между столом и ртом. Виски в стакане было на три четверти, пальцы дрожали, как у мальчишки, стащившего из вазочки горсть конфет, вместо того чтобы взять одну, как велели родители.

Алексис Зерда молча смотрел на него, словно раздумывал, как поступить.

— Что легавые делали у Тимо? — заплетающимся языком спросил Димитри. — Думаешь, они его сцапали? Или нашли труп?

Зерда расстегнул три пуговицы на куртке.

— Идея с телефонным звонком была идиотская, Димитри. Еще одна суперидиотская идея...

Мулен хохотнул и сделал большой глоток виски.

— Ты ведь согласился, разве нет? Может, ты лучше меня разбираешься в детской психологии? Румын дал тебе урок, прежде чем сгорел? — Он допил виски, пока Зерда расстегивал куртку. — Ты в полной заднице, Алексис. Ты — не я! Я никак не связан ни с Солером, ни с вашими делами. Я оказал тебе услугу. И все, конец...

Зерда подошел к единственному окну гостиной, выходящему на парковку. Аманда и Малон сидели в машине. Вокруг никого. Нужно действовать быстро.

— Ты чертов болван, Димитри. Ты и в Буа-д'Арси был главным придурком. В твоём идиотизме даже есть нечто трогательное. Наверное, это и помогло тебе обзавестись женой. И ребенком. Ты их не заслуживаешь, Димитри...

Зерда резким движением задернул шторы. В комнате стало темно, как будто солнце вдруг сорвалось с неба и сгнуло в преисподней.

Димитри поставил стакан на столик:

— Что будешь делать?

— Ты хоть понимаешь, что виноват в смерти ребенка?

— Он жив...

— Не для Аманды...

Димитри облизал липкие от спиртного пальцы, уставился на Зерду и глупо захихикал. Алкоголь действовал на него, как легкий наркоз, притупляя чувства. Алексис справедливо называет его придурком. На него вот-вот наставят пушку, а он реагирует как придурок, то есть

никак. Димитри понятия не имел, что хочет услышать от него Алексис, и от ужаса совсем растерялся.

— Ну потеряла она одного сопляка, и что с того? Я нашел ей другого! И второй оказался лучше первого. Ты видел Аманду и не станешь спорить, что она предпочитает... этого.

Зерда небрежным жестом, как носовой платок, вытащил оружие. В темноте комнаты Димитри видел только его руку, заканчивающуюся узким длинным предметом. Ему показалось, что это сербский пистолет *Zastava M57*: пятнадцать лет назад Алексис купил эту игрушку у одного полусумасшедшего вояки, вернувшегося из Косово.

Зерда сделал шаг к Димитри и произнес свистящим шепотом:

— Мне будет жалко избавляться от Аманды. Очень жалко. Но не от тебя...

На сей раз Мулен не рассмеялся. Нельзя поворачиваться спиной к смерти. Да и вызов ей бросать тоже не след. Он встал, пытаясь удержать равновесие, вскинул голову и посмотрел в глаза другу детства:

— Не дури, Алекс. Ну убьешь ты меня, и что дальше? Я ничего не знаю — ни о вашей добыче, ни о мальчишке.

— Легавые скоро появятся. Через минуту-другую. Ты их слегка задержишь. Как тот психолог. Если еще не понял, я стал Мальчиком-с-пальчик и оставляю за собой след... из трупов. Агенты теряют время, убирая ба-а-льшие трупаки с дороги, и я успеваю смыться.

Димитри как загипнотизированный смотрел на дуло M57, освещенное случайным лучом солнца, протиснувшимся через шторы. Все выглядело ненатурально, как в театре, хотя... Тот чокнутый наемник утверждал, что пристрелил из этой пушки десятки боснийцев — мужчин, женщин, детей...

— Живой я тебе полезней, Алекс... — пробормотал Мулен. — Забирай парня и уезжай, я их уболтаю. Я это умею. У тебя будет несколько часов, рванешь куда захочешь...

— Знаю. Ты прав. По части болтовни ты спец. Тем больше удовольствия я получу.

Хлопок.

Пуля 10-го калибра попала Димитри точно между глаз. Он упал на ковер, опрокинув стол, стакан и бутылку *Glen Moray*.

Пару секунд убийца смотрел на тело, словно желая удостовериться, что покойник не встанет, потом вернулся к окну.

Раздернул занавески.

И вздрогнул от неожиданности.

Из-за стекла на него смотрела Аманда.

Он моргнул, бросил взгляд за спину женщины и вздохнул с облегчением: ребенок в машине, на заднем сиденье, и по-прежнему пристегнут!

Их разделяло грязное стекло, но Алексис видел страх на лице Аманды. Только страх — ни боли, ни печали, ни сочувствия к мертвому человеку, лежащему на ковре в луже виски.

Самое странное, что на губах новоиспеченной вдовы Зерда угадывал улыбку. Облегчение. Возможно, даже возбуждение. Позже, ведя машину, он пришел к выводу, что эта маленькая, но сильная женщина — и все еще красивая женщина, если накрается и приоденется, — до смерти боится мужика с пистолетом и одновременно восхищается им.

Губы Аманды шевельнулись, стекло слегка запотело, и Алексис угадал произнесенное слово, одно-единственное.

Спасибо.

49

«Рено меган» выехал на авеню дю Буа-о-Кок.

«До Манеглиза — 17 километров, 18 минут», — объявил закрепленный под зеркалом навигатор. Агент Кабраль решил успеть за 9 минут, включил сирену и на полной скорости пересек трамвайные пути. Вдалеке, на фоне серебристо-серого неба, вырисовывались черепичные крыши деревни.

— Ничего не сортируй, Ж. Б.! — кричала в телефон Марианна. — Найди корзину для белья, коробку или мешок для мусора и собери папки Драгонмана. Я хочу знать все, что он слышал, все, что написал о Малоне Мулене, меня интересуют любые догадки. Рисунки малыша, заметки психолога — вези все! Если поторопишься, можешь присоединиться к нам в Манеглизе, мы будем там через пятнадцать минут. Проведем рекогносцировку на месте!

Лейтенант Лешевалье не проявил энтузиазма:

— Может, будет лучше, если...

— Мы ошибались с самого начала, Ж. Б.! Прямо перед тем, как малыш Малон позвонил своей мамочке в квартиру Тимо Солера, я получила результаты генетического анализа. Его сделали в Региональном центре криминалистического учета — я послала им стаканчик, из которого пил малыш. Эксперты сравнили слюну Малона Мулена с генетическим кодом Димитри Мулена. Он есть в Национальной базе ДНК. Вывод однозначен: Димитри Мулен не может быть биологическим отцом Малона! Повторяю, Ж. Б., мы лопухнулись. Нас провели, мы купились и расследовали два дела вместо одного, общего. Так что поднажми...

Кабраль вылетел на объездную дорогу, даже не сбросив скорость. Движение стало более плотным, но водители пропускали полицейскую машину, и «рено» пробирался между легковушками, грузовиками и автобусами, как малолетний хулиган, пытающийся без очереди пролезть к окошку кассы в кинотеатре.

Марианна позвонила в комиссариат стажеру Маруэтту, решив, что он сумеет оценить факты незамысленным взглядом, догадается, где нужно искать.

— Люка? Подними дело о доவில்ском налете и сконцентрируйся на Тимо Солере. Мне нужна вся его биография, с раннего детства... Дед в Потиньи, там вырос наш беглец. Может, найдет полезную информацию, но ты, чтобы не терять времени, покопайся в его личной жизни. Ищи малейший намек на ребенка, которого он воспитывал вместе с подружкой. Если сумеешь идентифицировать личность, будет совсем хорошо.

Кабраль вильнул, уклоняясь от «пежо 207». Сидевшая за рулем женщина запаниковала из-за сирены — права она явно получила недавно. Марианна ухватила за ручку дверцы, вспомнив о своем многострадальном носе, но разговор не прервала.

— Мне нужно имя этой девушки! — крикнула она в трубку и разъединилась, не дав Маруэтту произнести коронное «Слушаюсь, шеф» или пошутить: «Спасибо, что оценили, как я изображал папарацци в Манеглизе, и даете задание, достойное журналиста скандального таблоида “Ищейка”[69]».

Кабраль пробрался мимо еще одного «пежо», который заглох, почти полностью перекрыв подъезд к торговому центру. Они ехали вдоль бесконечно длинной парковки, похожей на битумное поле,

которое безумный фермер засеял семенами автомобилей. Разноцветных, готовых к жатве. Вырастили — потребили.

Взгляд Марианны остановился на красно-зеленой птице над гигантским фасадом гипермаркета «Ашан». Полдень пятницы, а покупателей не меньше, чем в распродажный уик-энд.

— Если хочешь здесь отовариться, самое оно приезжать на машине с мигалкой и включенной сиреной...

Марианна не слушала рассуждений подчиненного. Она смотрела в окно, на вывески. По свидетельству Василе, Малон в последний раз видел свою мать именно здесь. Настоящую мать, ту, что была до Аманды Мулен.

Мать, которая жила в добровольном заточении вместе с Тимо Солером в квартале де Неж? Мать, десять месяцев назад доверившая своего ребенка незнакомой женщине?

Зачем?

Зачем было отдавать ребенка и одновременно придумывать хитрейшую хитрость — прятать в живот плюшевой игрушки MP3-плеер, чтобы мальчик ее не забывал? Как это вообще возможно, учитывая, что Малон родился у Муленов, жил у Муленов, рос у Муленов первые три года жизни?

Неужели у него было две семьи? Совместная опека, поделенная между двумя матерями? И каждая пыталась стереть воспоминания о другой, чтобы владеть малышом единолично?

Они покинули территорию торгового центра и через несколько минут будут на месте.

«До Манеглиза — 12 километров, 9 минут», — встревоженным голосом сообщила GPS-Кассандра.

Кабраль выиграл у навигатора целых семь минут и выглядел очень довольным.

— Прибавь газу! — скомандовала Марианна.

Ну естественно, женская солидарность...

Стоявшая среди полей водонапорная башня, расписанная морскими мотивами, напомнила сухопутный маяк. Наверное, освещает путь потерявшимся в дороге тракторам...

«Одно дело — Тимо Солер, Алексис Зерда, Василе Драгонман, Малон Мулен, — повторила про себя Марианна. — С самого начала это

было одно дело».

Две семьи.

Один ребенок.

Чертовщина какая-то...

50

Маленькая стрелка на 1, большая — на 2

Полноприводный «форд куга» медленно ехал по узкой дороге, зажатой между склонами, поросшими грабами и каштанами. Ветки деревьев стучали по крыше, заглядывали в окна. Машину совсем не трясло на выбоинах: внедорожник, он и есть внедорожник!

Зерда повернулся к Малону:

— Открой глаза, дружок. Мой «форд» — машина времени, как в кино. Готов к большому путешествию?

Ребенок смотрел, не понимая. Горизонт расширился между силуэтами двух толстых, слившихся в объятии дубов.

Сидевшая рядом с Зердой Аманда до боли в суставах сжала пальцы.

Машина времени.

Она не велела Алексису заткнуться, потому что, по большому счету, это не имело значения. Он не умел общаться с четырехлетними детьми. В отличие от нее. Но она сейчас могла сделать одно — молиться, чтобы Малон все забыл, а сидящий за рулем гад в это поверил. Убедился, что мальчик не представляет для него никакой опасности.

Аманда представляла себе детский мозг в виде компьютера. Все выброшенное в «корзину» — мейлы, файлы, фотографии — где-то припрятано. Специалист сумеет отыскать их месяцы, даже годы спустя... Единственный действенный способ — швырнуть компьютер в окно с пятнадцатого этажа, раздавить колесами машины, сжечь в камине.

Она надеялась, что Зерда рассуждает иначе, но ни в чем не могла быть уверена. Он не снимал темные очки, хотя кроны деревьев заслоняли солнце.

Аманда обернулась к Малону. Тот был совершенно спокоен, сидел, повернув голову к окну, как опытный путешественник, привычный к долгим поездкам. Рядом, на сиденье, лежал конверт с документами.

Зерда велел Аманде взять всё — семейную книжку, паспорта, медицинские справки, — не объяснив зачем и не сказав, куда они направляются.

Алексис положил руку на ее колено и переключился на вторую скорость.

Аманда вжалась в кресло. Она не пыталась завлечь сидящего рядом мужчину: секс, любовные игры, соблазнение остались в далеком прошлом.

«Нравиться» для Аманды значило улыбаться клиентам «Вивеко» и выглядеть опрятной и отдохнувшей. Даже не элегантной. Она не красилась и давно ни с кем не флиртвала. Не хотела тратить силы на обманщиков. Аманда Мулен считала любовь приманкой для простофиля, чем-то вроде билетов Французской национальной лотерейной компании, которые она навязывала покупателям в своем магазине. Никто никогда не выигрывает, разве что «по маленькой», ровно столько, чтобы человек купил следующий билет, сделал еще одну ставку в надежде сорвать куш, который обеспечит его до конца жизни.

Аманда знала, что она не самая умная женщина на свете, но умела учиться на собственном опыте и досыта нахлебалась разочарований. Димитри постарелся... Рука Алексиса у нее на колене ничего не означает — он просто самоутверждается, как любой самец.

Зерда возился с магнитолой. Он усилил звук задних колонок, приглушив передние.

Фредди Меркьюри, «Богемная рапсодия». Вслед за фортепьяно вступает голос.[70]

Мама...

Аманда наконец-то поняла: Алексис не хочет, чтобы Малон слышал их разговор. Ей пришлось напрягаться, чтобы разобрать каждое слово, произнесенное свистяще-шипящим голосом, но она ни за что на свете не придвинулась бы к нему даже на сантиметр.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Аманда. Не бойся, я не трону мальчишку. Хотел бы, давно бы все сделал и облегчил себе жизнь. Да, я опасный тип, дрянь, негодяй, можешь продолжить, если хочешь, но детей не убиваю.

Он сдвинул очки на лоб и посмотрел на женщину своими узкими змеиными глазами, надеясь рассеять ее страхи.

Нет, она не может ему доверять!

Зерда передвинул руку ей на бедро. Провел ладонью по джинсам. Дешевым. Купленным за десять евро на рынке.

«Рефлекс, — подумала Аманда. — Привычка. Форма вежливости». И аккуратно отстранилась. Молча. Не тратя слов.

Он ухмыльнулся, продолжая следить за дорогой.

— Я не такой, как Димитри. Не обижаю малышей.

Алексис пошарил в бардачке, достал из-под карты фотографию и подтолкнул к Аманде:

— Забрал, перед тем как мы ушли. Димитри принес. Узнаешь?

Малон.

— Ты должна поговорить с мальчиком. Будет лучше, если он все узнает от тебя, а не от легавых. Мне плевать, я буду далеко.

Аманда посмотрела на пейзаж за новым домом, окруженным карликовыми изгородями, перевела взгляд на Зерду.

— Подумай над моими словами, хорошенько подумай. Малон должен понять, что произошло. Вряд ли они оставят его с тобой, сама понимаешь...

Он нажал на кнопку, сделав громче, и рояль Фредди уступил место гитаре Брайана Мэя.[71]

Мозг Аманды работал без сбоев. Он выдержал падение с десятиметровой высоты, не сломался, когда на него обрушились три с половиной тонны груза, и не сгорел в адском пламени.

Ее память не пострадала. Обычная фотография всколыхнула картины прошлого, хранившиеся в голове, как данные, записанные на DVD, который прячут от чужих глаз в глубине ящика.

Малон.

Это случилось десять месяцев назад.

23 декабря.

Перед ее мысленным взором мелькали картины прошлого. Рождение Малона. Малон ползает по коврику у двери детской, на втором этаже. Малон в парке. Его первые шаги. Первые слова. Первые зубы. Плач Малона. Смех Малона. Постоянный страх за него. Малон был бесстрашным сорванцом, вечно куда-то карабкался, а Аманда

старалась оградить его от всех опасностей. Когда Малон лежал в кровати, она поднимала решетку. Если сидел на своем высоком стульчике, пристегивала его ремнями. Верхнюю и нижнюю площадку лестницы придумала оборудовать калитками, которые они с Димитри всегда закрывали за собой.

Малон.

Она нервно сжимала в руке снимок, который дал ей Зерда, и лицо ребенка двигалось, как живое.

Аманда вспомнила, как выронила корзину с бельем и страшно закричала, увидев тело Малона у подножия лестницы. Димитри стоял на верхней ступеньке со стаканом виски в руке. Она велела ему следить за сыном, а он потом сказал, что «не заметил»...

«Скорая». Надежда. Ожидание.

Диагноз.

Несколько часов в коме. Черепно-мозговая травма. Малон не умрет.

Насчет всего остального — полная неизвестность, нужно подождать.

Одиннадцать дней спустя они покинули частную клинику Жолио-Кюри. Никто — ни соседи, ни кузены, ни друзья — ничего не знал о случившемся, свидетелей их позора не было, ни одна живая душа не могла догадаться. Все думали, что Мулены уехали на праздники в Бретань, посмотреть на Мон-Сен-Мишель,[72] крепостные стены и форты в соседнем городке Сен-Мало, Большой аквариум.[73] Потом они все объяснят, успеется.

Возвращение в Манеглиз, с Малоном.

Осложнения...

Сорви-голова Малон теперь все время сидит на своем стуле, пристегнутый ремнями. Храбрец Малон не может сам одеться, поесть, даже пописать. Малон, которому так нравилось познавать мир, теперь способен двигать лишь глазами и видит только крошечные вещи — мух, муравьев, бабочек. То, что движется совсем рядом с ним.

Все остальное, настоящую живую жизнь, он не замечает. Цветы, деревья, машины для него не существуют.

Как и его мать.

Аманда погладила указательным пальцем грустное лицо мальчика на фотографии. Его сняли после визита в парикмахерскую. Прямая челка до середины лба, клетчатая рубашечка чуть маловата. Странно, но он не кажется ей красивым. Глаза невыразительные, слишком близко посаженные, нос широкий, как у Димитри. Она повернулась к Зерде, прикрыв фотографию рукой, чтобы не увидел Малон.

Фредди все пел и пел. Какая-то бесконечная песня. Самая длинная в репертуаре *Queen*.

Мама! Оооо...

Аманда говорила о несчастье только с профессором Лакруа, он заведовал отделением в клинике Жолио-Кюри, где обследовали Малона. Она решила дожидаться, когда сыну станет лучше, и уж тогда все рассказать окружающим, описать, через какие испытания пришлось пройти.

По словам Лакруа, у них было 15 % надежды на полное исцеление Малона. Если жизнь обманет и перевесят те 33 %, которые грозят резким ухудшением, она закроет ставни, забаррикадируется в доме и больше не промолвит ни слова.

Профессор объяснил, что главная сила — это любовь. Любовь и деньги, очень быстро поняла Аманда. Она долго сидела в сети и нашла информацию об американской лаборатории, где делают операции на мозге, стимулируя рост аксонов,[74] создавая новые нейронные связи взамен поврежденных. В мире есть всего одна такая бригада нейрохирургов, но стоит их работа очень дорого — сотни тысяч долларов. Когда Аманда рассказала об американцах Лакруа, он пожал плечами и сказал: «Деньги делу не помогут, мадам Мулен, только любовь!»

Спорить было бессмысленно. Она хорошо знала, что такое разочарование. Жизнь научила.

Прошло много дней. Состояние Малона стабилизировалось. Но только внешне.

Другие дети его возраста развивались, учились говорить, считать, рисовать. Все — кроме него. Малона занимали только насекомые. Она

помогала ему, как умела, собирала проклятых букашек, как другие мамочки коллекционируют со своими малышами бусинки или шарики.

Каждые три дня ее сына осматривали врачи. Это было необходимо. Они называли это лонгитюдным методом, или продольной стратегией. [75]

Аманда перевернула фотографию и прочла надпись.

Малон, 29 сентября 2014.

Снимали у скал в Этрета, за три месяца до несчастья. Весь тот день Малон бегал за чайками по дамбе.

Последнее письмо из клиники Жолио-Кюри пришло 17 января 2015 года. Вместе с двумя счетами. Аманда научилась читать медицинские отчеты, она умела включать мозги, когда хотела. Листок выпал у нее из рук.

Малон был обречен. Ему оставалось жить несколько недель. Они обнаружили трещину у него в мозгу, крошечную трещину, но она очень быстро увеличивалась, подбиралась к спинному мозгу и мозговому стволу в том месте, которое называется Варолиев мост и отвечает за подвижность и чувствительность.

Мост рушился.

Это было неизбежно.

Малон стал хрупким, как стрекоза, бабочка или муравей.

Эфемерная подёнка.

Не случайно он их так любил.

Аманда опустила стекло. Медленно разорвала снимок на мелкие клочки и развеяла по ветру. Зерда вел машину и продолжал улыбаться. Может, у него тик? Или он думает, что это ее успокоит?

Аманда закрыла окно.

Фредди наконец допел почти до конца. Его голос звучал очень тихо, в нем не было ни капли фирменного лирического выдрючивания.

Тихий голос замыкал круг.

Куда бы ни дул ветер...

В то утро Димитри не произнес ни слова. Он прочел медицинский отчет, поставил стакан на стол, надел пальто и вышел из дома.

Она до сих пор помнит, как хлопнула дверь, как завелась и отъехала машина.

Димитри не осмелился с ней поговорить, хотя уже несколько дней обдумывал одну идею.

Возможно, надеялся на прощение. Рассчитывал, что Аманда перестанет смотреть на него с презрением и отвращением.

Он ушел, не сказав ни слова.

За другим мальчиком.

Так собачник берет щенка, когда умирает его любимый пес.

51

Сегодня, 24 декабря, бородатый придурок заявился на рождественский ужин без iPhone 6, без iPad, без Nintendo 3DS, зато с билетом во Франкфурт на языковые курсы и оплаченным договором с Acadomia.[76]

Желание убить

Моя младшая сестра даже не успела поверить в Деда Мороза. Он сторел в камине вместе с мешком.

Не нравится: 853

Нравится: 18

www.jelanie-ubit.com

— Может, он не захотел попробовать ее пирог с «Карамбаром»...

Марианна Огресс с укором посмотрела на агента Бурдена. Она стояла в дверях, у вешалки из темноствольной канадской березы, и оглядывала помещение. Кухня. Гостиная. Неуместное замечание Бурдена было не таким уж и глупым.

Могло показаться, что Аманда Мулен вот-вот появится на кухне с тряпкой в одной руке, губкой в другой и весело крикнет: «Все готово. Садимся есть!»

Стол накрыт. В холодильнике миска с салатом из помидоров с моцареллой. В корзинке свежий хлеб. В духовке пирог. Чутьочку подгоревший. Единственная фальшивая нота.

Все вышло из-под контроля в гостиной. Димитри Мулен лежал на бамбуковом ковре. Японские мотивы. Что-то вроде белых кувшинок.

Цветы плавали в луже крови, просочившейся на деревянные половицы.

Он поймал пулю между глаз.

Оружия рядом нет.

Как нет и свидетелей: Аманда и Малон Мулен исчезли.

Машина Муленов в гараже, они проверяли. Все наводит на мысль, что Аманда убила мужа, взяла сына и сбежала. Гипотетического сына. Пешком...

Марианна подошла к двери шкафа под лестницей. Контраст между кухней и гостиной выглядел неправдоподобным: сцена домашнего уюта и сцена преступления. Два взаимоисключающих мира, разделенные невидимой границей. Невероятно. Невозможно. Слишком жестоко.

Было кое-что еще.

Майор Огресс не хотела увлекаться гипотезами, которые в данный момент никуда не вели. Пусть эксперты работают. Если в доме был кто-нибудь еще, они это обнаружат, хотя на столе стоит один стакан виски, а начальник Димитри заявил, что тот ушел с работы в 11:30. Мулен вернулся домой, чтобы пообедать, а меньше чем через полчаса его убили.

Константини и Дюамель прочесывали район в поисках свидетелей. Две машины кружили по Манеглизу, патрулировали близлежащие департаментские дороги: если Аманда Мулен действительно запаниковала и покинула дом с маленьким сыном, далеко она не уйдет.

Беда заключалась в том, что Марианна и сама не верила в эту версию.

Она подошла к окну и увидела, как лейтенант Лешевалье паркуется на стоянке. Ж. Б. вытащил с заднего сиденья большую пластиковую коробку, потом достал какие-то бумаги из багажника. Документы из дома Василе Драгонмана.

Ж. Б. действует быстро и эффективно. Даже если очень злится, потому что со вчерашнего дня не видел жену и детей, причем самый большой зуб у него на майора Огресс. Ж. Б. ей необходим, он поможет перебраться по дням каждый месяц короткой жизни мальчика, которому не исполнилось и четырех.

Марианна вернулась в гостиную и уставилась на труп Димитри Мулена. Думала она о другом. О ребенке, оставшемся сиротой.

О выстреле в голову.

Профессиональном, метком выстреле.

Оружие держала не женщина, поссорившаяся с мужем, запаниковавшая и случайно спустившая курок. Марианна не верила в преднамеренность. Даже самая сознательная, самая покорная мать семейства не ставит на стол тарелку и бокал, не кладет рядом нож и вилку, если решила убить мужа, как только тот вернется домой.

Завибрировал мобильный. Короткое сообщение.

От Энджи.

Красавица места себе не находит из-за трупа с мыса де ла Эв... У Марианны не было ни времени, ни желания перезванивать подруге и подтверждать, что убит именно Василе Драгонман. В один из ближайших вечеров они выпьют вина и помянут психолога, но не сейчас. Красавица-парикмахерша вряд ли поможет ей разгадать тайны покойника, так что пусть подождет...

Марианна подошла к лестнице, обернулась, нашла глазами агента Бенами и распорядилась:

— Пусть Ж. Б. поднимается в детскую. Если коробка слишком тяжелая, поможешь затащить ее наверх. Там мы не будем мешать вам манипулировать с ватными палочками и пробирками.

* * *

Ж. Б. разложил на кровати рисунки Малона — пятнадцать листов размера А4 из архива Василе Драгонмана.

Стена напротив лестницы была мансардной, и Марианне пришлось наклониться, чтобы включить маленький музыкальный центр, стоявший на стеллаже, а уж потом подсоединить к нему МРЗ-плеер.

В тишине комнаты зазвучал голос. Тихий, спокойный, бесполой. Неопытное ухо могло бы принять его за детский. Такими голосами разговаривают мультяшные герои. Наверное, именно так должен бы звучать голосок плюшевого зверька, умеи тот говорить. Во всяком случае, в представлении Малона.

После второго прослушивания сомнений не осталось: голос был женский, временами слишком резкий на высоких нотах, с металлическими интонациями. Марианна не сомневалась, что его

изменили, пропустив запись через особую программу. Проверить будет нетрудно.

Гути исполнилось три года, и в своей семье он мог считаться вполне взрослым, ведь его маме было восемь, а старенькому дедушке — пятнадцать лет.

Зачем понадобилось менять голос Гути?

Они жили в самом большом дереве на пляже. Третий этаж, первая ветка слева. Их соседями были вечно отсутствующая крачка и старый хромоногий филин-пенсионер, когда-то служивший на пиратских кораблях.

Ответ казался очевидным. Голос изменили, чтобы его нельзя было узнать. Если Гути и его сердечко попадут в руки чужого человека, или Малон проболтается, или его застукают в наушниках под одеялом, на рассказчицу выйти не смогут.

Кто она, его настоящая мама? Подружка Тимо Солера?

Чтобы ответить на вопросы, нужно идентифицировать голос, но сделать это они смогут, только если его обладательница известна полиции. Если ее отпечатки есть в базе, если она знала Солера, если принадлежала к той же банде мелких хулиганов, эксперты скажут, кто она такая, и искаженный голос с толку их не собьет.

Марианна едва слушала историю, которую накануне прокручивала снова и снова. Ж. Б., в отличие от своего шефа, впитывал каждое слово, произнесенное голосом робота из первых озвученных манг. Карту масштаба 1:25 000 он разложил на маленьком письменном столе. Правила были ему известны: Марианна сказала, что они играют в погоню за сокровищами. И начнут с того места, на котором остановился Василе Драгонман. Та же карта, те же знаки — и огромное преимущество над школьным психологом: они должны обратить особое внимание на зоны, прилегающие к мысу де ла Эв, ведь убили его именно там. Убили, потому что он подобрался совсем близко?

Марианна обвела взглядом детскую: слишком много игрушек. Мулены совсем не богаты, но Малон их единственный ребенок, и эта

комната — наглядное свидетельство родительской любви, во всяком случае материнской.

Над прикроватной тумбочкой висел светящийся календарь. Ракета указывала на одну из планет, пятничную. Вот почему малыш Малон узнавал дни недели и никогда не путался, в то время как его ровесники иногда даже утро от вечера отличить не могли.

Все было рассчитано. Тщательно спланировано. Мальчиком манипулировали почти год. Приемные родители Аманда и Димитри? Или «сказочница», без их ведома? Сделавшая все, чтобы в мозгу Малона остались воспоминания о его прежней жизни?

Марианна сдвинула рисунки в сторону, села на детскую кровать и прислонилась к подушке с Баззом и Молнией Мак-Куином. На другой, того же размера, был изображен Вуди. На первом этаже хозяйничали эксперты, и она совсем не хотела туда спускаться. Ей было хорошо и спокойно в этой комнате, похожей на надежное убежище.

Ж. Б. решил повесить несколько рисунков на светло-желтый радиатор, потянулся за большими разноцветными магнитами и коснулся руки Марианны. Она успела заметить, как свободно лейтенант чувствует себя в детской. Он здесь впервые, но у него есть инстинктивные навыки. Не задумываясь проверил под матрасом, вытащил спрятанную игрушку и посадил на стеллаж — как другой мужик подобрал бы клочок бумаги с коврика в любимой машине. Ж. Б. наверняка может найти нужную детскую книгу по корешку среди сотен других на стеллаже, умеет пройти по ковру, не раздавив ни одной детальки из развивающего конструктора, ни одной маленькой машинки. Эдакий «Чип и Дейл спешат на помощь» в одном лице. Воплощенная обольстительность, лучший из лучших — парни из ее фитнес-клуба могут хоть всю жизнь качаться, им до него как до луны!

Марианна представила, как Ж. Б. склоняется над дочкой в кроватке и целует девочку в лоб. Как счастливые родители прячут под подушкой любимого чада подарок от мышки. Рассказывают хором сказку. Смеются, щекочат друг друга, пересчитывая игрушки. Наверное, именно такое вот каждодневное сообщничество позволяет разлюбившим друг друга мужчинам и женщинам жить вместе. Мгновения близости с ребенком не сравнятся с самым потрясающим оргазмом.

Марианна вспомнила комнату в собственной квартире, забитую всяким хламом. Неразобранные коробки, запылившаяся гитара, коллекция выцветших перуанских кукол, складная сушилка для нижнего белья, которое никого не возбуждает. Она на мгновение прикрыла глаза, вообразив, какая славная получилась бы детская из ее спальни: обои в розовых котятках, занавески с жирафами, ковер с клоунами, разноцветный мобиль...

Черт, соберись немедленно!

На стене напротив кровати висела доска, на которой можно было рисовать, рядом стояла коробка с мелками.

Чтобы отвлечься от горькой пустоты внутри, она взяла белый брусочек и начала записывать:

Кто подружка Тимо Солера?

Малон — ее сын?

Почему она решила изменить голос?

Почему отдала своего ребенка Муленам?

Почему доверила плюшевой игрушке воспоминания, которые неизбежно предстояло утратить ее сыну?

О чем он не должен был забывать? Его запрограммировали ради определенной цели? К определенному времени?

Разгадку следует искать в историях Гути?

Мелок раскололся на девятом вопросительном знаке, и Марианна взяла другой.

Кто такой Гути?

Почему плюшевый любимец Малона оказался агути — грызуном, страдающим потерей памяти?

Она поменяла мелок на розовый и продолжила, чередуя прописные буквы со строчными:

КТО убил ВАСИЛЕ ДРАГОНМАНА?

КТО убил ДИМИТРИ МУЛЕНА?

КТО станет следующей жертвой?

*КТО убийца? Или убийцы?
ГДЕ АМАНДА МУЛЕН?
ГДЕ МАЛОН МУЛЕН?
ГДЕ ТИМО СОЛЕР?
ГДЕ АЛЕКСИС ЗЕРДА?
ГДЕ добыча довьльских налетчиков?*

Нервным движением обведя вопросы, Марианна приписала сбоку:

КАК ВСЕ ЭТО СВЯЗАНО?

Ж. Б. посмотрел на начальницу:

— И только-то? Всего двадцать вопросов?

Марианна положила мел и бросила взгляд на часы:

— Есть еще один, дополнительный. Почему не звонит Дед?

52

Федерико Солер. 1948–2009.

Люди, похороненные на кладбище в Потиньи, до преклонных лет не доживали. Эта мысль посетила лейтенанта Паделу, когда он бродил между могилами, упражняясь в мрачноватом устном счете.

Шестьдесят один год. Пятьдесят восемь. Шестьдесят три.

В 1989 году самая большая шахта Западной Франции закрылась, но шахтеры, лишившиеся работы, не стали жить дольше. Для них было слишком поздно. Или слишком рано. Все, кто мог, уехали, другие застряли. За кладбищем стояла колокольня польской церкви Ченстоховской Иконы Божьей Матери, но цвета флагов на памятниках и языки эпитафий говорили о том, что последнее упокоение здесь нашли люди как минимум двадцати других национальностей.

Итальянцы, русские, бельгийцы, испанцы, китайцы...

Лейтенант остановился у могилы с двойным захоронением.

Томаш и Каролина Адамяк, родители Илоны Адамяк, по мужу Люковик, умерли в 2007 году. Он — в пятьдесят восемь, она — в шестьдесят два. Теперь у Деда были все элементы дела, подробные биографии тех, кого он окрестил бандой Грызунов. Четверо парней родились в домах по соседству. Только родители Сирила Люковика все еще жили в деревне, в том же доме № 9 по улице Грызунов. Мать и отец

Алексиса Зерды лет десять назад переехали на юг — в Грюиссан, на лангедокское побережье.

Дед еще немного побродил по пустынному кладбищу. Перед тем как отправиться сюда, он провел быструю рекогносцировку местности. Весь центр деревни был перестроен, так что свидетельства прежней жизни могли заметить только старожилы. На каждом въезде в поселок стояли железные вагонетки, переоборудованные под цветочные ящики, Горная улица, стадион «Красных Глоток»[77] с площадкой для игры в «Рудничный петанк», водонапорная башня в форме буровой вышки.

Время как будто остановилось.

А выросшие здесь дети потерялись.

Ни шахты, ни родителей, ни работы.

Это не оправдание. Всего лишь объяснение.

Здесь, в Потиньи, бал правит нищета. В Довиле, всего в пятидесяти километрах севернее, — море.

Две деревни, от одной до другой рукой подать, а словно бы принадлежат к разным мирам.

Это не оправдание. Всего лишь соблазн.

Дед подошел к ограде, за которой припарковал машину. Нетрудно понять, почему банда Грызунов решила отовариться в Довиле, взяв с собой не кредитные карты или чековые книжки, а «беретту» 22-го калибра и два дробовика «маверик 88». Дело не в необходимости, а в идентичности.

Родиться в деревне нормандских шахтеров? Дурацкая шутка! А как насчет того, чтобы расти в самом сердце области Ож, где нет ни коров, ни яблоневых садов? Даже Пьера Башле[78] местного разлива, которым можно было бы гордиться, тоже нет. Ничего нет, только несколько десятилетий бессмысленного ковыряния в земле, о чем все давно забыли.

Потерянное, принесенное в жертву поколение. Люди разных национальностей приехали сюда в поисках лучшей участи и сгинули, забытые окружающим миром. Все — кроме, пожалуй, поляков.

Дед толкнул калитку, подумав, что его семья — дети, внуки, бывшие жены — поступили иначе, разъехавшись в разные концы Франции, а дочь так и вовсе оказалась в Штатах. В Кливленде сейчас 7 утра, Анаис наверняка еще спит.

Войдя на кладбище, он выключил мобильник, но не потому, что боялся потревожить покой скорбящих родственников, просто хотел проявить уважение. Дед был склонен к мистицизму: никто пока не доказал, что волны, испускаемые смартфонами, вредны для живых, но не исключено, что они мешают призракам общаться между собой в загробном мире.

Оказавшись за воротами, он включил телефон, который тут же зазвонил. Марианна.

— Дед? Ты в Потиньи? — Голос звучал возбужденно.

— Угу...

— Отлично! Возможно, отправиться туда было не такой уж дурацкой идеей. Собери все, что сумеешь, о Тимо Солере. Мы ищем его девушку, не исключено, что и их общего ребенка. В деревне у него должны были остаться родственники, друзья, соседи...

Лейтенант вспомнил надгробие на могиле Федерико Солера и мысленно вернулся к досье его сына. Отец воспитывал парня один, до самой своей смерти. Скончался он в 2009-м, в шестьдесят один год, от рака легких. Мать Тимо, Офелия, вернулась в Галисию,[79] когда сыну не было шести.

— Восемь лет назад Тимо Солер уехал из Потиньи... С тех пор силикоз сожрал целое поколение тех, кто знал его подростком. Эта болезнь выкашивает людей почище холеры.

— Делай что хочешь, хоть на уши вставай, но задание выполни! — разозлилась Марианна. — Ты сам рвался в этот поход. Найди старую учительницу, друзей по футбольному клубу, кюре, булочницу, знавшую его малышом. Кого угодно.

Кого угодно...

Улицы Потиньи были пусты. На месте старых магазинов появились новые. Деревня давно прогнала призраков, связанных с шахтой.

— Я же не мог этого предвидеть, Марианна...

— Чего именно?

— Неожиданных поворотов в деле. У нас десять месяцев не было ни одной зацепки по довьльскому ограблению. — Дед выехал на длинную торговую улицу, которая по прямой пересекала деревню из конца в конец.

Марианна вздохнула:

— Так зачем же ты туда поперся?

— Интуиция. Пытаюсь выстроить что-то вроде матрицы, которая бы все объяснила. Улица Грызунов, юность в Потиньи, пустые графы в их резюме, криминальные досье плюс откровения Малона Мулена, история с ракетой, плюшевый зверек, оказавшийся агути...

— Ты мне надоел, Дед! Тебе известно, какой у нас тут цирк? Слушаем по кругу рассказ плешивой игрушки и пытаемся рисовать иллюстрации к волшебным сказкам на карте сокровищ... Короче, ты бы мне очень пригодился здесь, а не в Потиньи! Ты лучше всех знаешь Манеглиз, а теперь по твоей милости Ж. Б. застрянет в чужой детской с кучей рисунков, вместо того чтобы забрать из школы своих собственных малышей и поцеловать жену.

Лейтенант заметил в конце улицы здание школы. Из парикмахерской напротив выходила молодая красотка в мини на высоченных каблуках. Блондинка — возможно, свежееиспеченная.

Он рассмеялся, вспомнив последние слова майора Огресс.

— Я что-то пропустила, Дед?

— Прости, не в этом дело. Наш Ж. Б. и впрямь образцовый отец, но... В общем, когда он смывается из комиссариата в четыре часа, то уж точно не для того, чтобы встретить своих крошек после уроков...

— Не поняла...

Марианна вскочила и чуть не долбанулась макушкой о мансардную стену.

— Ж. Б. встречается не с детьми, а с мамашами, — уточнил Дед, — если ты понимаешь, о чем я. Дамские сумочки нравятся ему больше ранцев.

— Что ты несешь?

— До чего же ты непонятливая! С пяти до семи наш Ж. Б. берет уроки — частные, у красивых и покладистых учительниц... не школьных. Я сам только вчера узнал и чуть в осадок не выпал, клянусь тебе! Весь комиссариат в курсе... кроме нас с тобой.

Марианна бессильно привалилась к стене, на которой висела доска, не заметив, что стерла написанные мелом слова. Остались вопросительные знаки и несколько букв.

Мать, ребенок, воспоминания, убийцы...

Она смотрела на лейтенанта Лешевалье, полулежавшего на кровати среди детских рисунков. С головой ушел в расследование.

Профессионал.

Но изучает он не заметки Василе Драгонмана и не рисунки Малона, а дело о доவில்ском ограблении, перестрелке на улице де ла Мер, около набережной Планш.

Гангстерские истории интересуют тебя куда больше детских каракулей, дружок! Лжец... И засранец.

Идеальный мужчина? Последняя фантазия?

Ну что ты завелась? Разве измены Ж. Б. как-то меняют твоё видение семьи? Совсем наоборот. Волшебные мгновения близости с ребенком подобны оргазму, а со временем становятся его альтернативой.

И тогда успокоившиеся мамы начинают искать наслаждений с другим мужчиной.

А идеальные папы изменяют мамашам.

Во всяком случае, так поступает Ж. Б.

А если попадают, требуют совместной опеки!

— Ладно, Дед, перезвони, как только что-нибудь нароешь, — спокойным голосом произнесла она, повернувшись к Лешевалье и скомандовала: — Закрой чертову папку, мы только что не наизусть выучили эти документы! У тебя сын и дочь, ты разбираешься в детском творчестве, так берись за дело! Василе Драгонман додумался, что-то нашёл. Неужели мы глупее?

Ж. Б. удивился неожиданной смене тона — как ребенок, не понимающий, почему мать вдруг так разозлилась, — и собрался было возразить, но не успел. В коридоре раздался крик.

— Майор Огресс, это Бурден, у нас есть свидетель! Де-вот Дюмонтель, живет напротив Муленов.

Марианна вышла на лестничную площадку. Бурден тяжело отдувался, помахивая какой-то бумажкой, — вылитое дерево в декабре с последним листком на конце ветки.

— Я показал ей фотографию. Старушка утверждает, что Аманда и Малон сели в большую черную машину, которую она никогда раньше не видела. Марку мадам Дюмонтель не опознала, но мы это выясним.

Он присоединился к ним через несколько секунд. Мать и сын выглядели очень напуганными. Потом она предложила мне кофе, но я...

— Кто он, говори толком! Кто к ним присоединился?

Бурден снова помахал фотографией, как будто Марианна могла на таком расстоянии узнать изображенного на ней человека.

— Зерда! — крикнул он. — Алексис Зерда!

Майор Огресс ухватилась за перила. Труп Мулена с пулей между глаз уже везут в пластиковом мешке в морг. Она вспомнила убийства, в которых подозревали Зерду, двух погибших во время налета на отделение Национального Парижского банка в Ферте-Бернар и еще двух при нападении на фургон магазина «Перекресток» в Эрувилле.

Со вчерашнего дня жертв на его счету стало на две больше.

Василе Драгонман. Димитри Мулен.

Через несколько часов он убьет еще двоих.

Женщину и ребенка.

Вряд ли Зерда остановится.

Марианна вернулась в комнату. Сейчас она должна подвести промежуточный итог, заставив свой мозг работать со скоростью компьютера, выдающего ответ через несколько секунд после нажатия на клавишу *Enter*. Они понятия не имеют, в каком направлении скрылся преступник, но, раз он увез Малона и его мать, значит, есть связь с воспоминаниями мальчика. В голове промелькнула дикая мысль: все знает Гути.

Их единственный осведомитель...

Следующая мысль оказалась еще более фантастической: они могут с ним связаться!

Марианна повернулась к Ж. Б., который так и сидел на кровати, разглядывая фотографии, сделанные на месте налета. Поверх рисунков Малона лейтенант разложил снимки: два мертвых тела перед водолечебницей, разбитые витрины магазинов на улице де ла Мер, изрешеченные пулями машины. Обманщику явно больше нравится играть в воров и жандармов, ручной труд ему не по душе.

Марианна разозлилась — всего минуту назад она дала ему четкие указания! — но рявкнуть не успела. Он поднял руку, не позволив ей излить на него начальственную злобу и женское разочарование.

Изменщик, но в себе уверен, что и говорить...

— Я кое-что нашел. Связь между ограблением и малышом! Это объясняет его психическую травму, боязнь дождя, двойную личность и все остальное.

53

Маленькая стрелка на 1, большая — на 5

«Это не дождь, — сказала Мама-да. — Дождь падает с неба на землю. Он потому и делает нам больно, что падает с самого верха, льется из плывущих по небу туч. Эти самые тучи кажутся маленькими, а на самом деле они огромные. Даже самая маленькая туча все равно больше нашей Земли. Капли летят мимо звезд и планет, а потом падают на головы людей».

«И это совсем не те капли, от которых твое лицо становится мокрым», — добавила Мама-да. Малон ей не поверил, и она стала объяснять дальше: «Дождевые капли приносит ветер. Они не разбиваются, как стекляшки, а тоже берутся из туч, но из других — маленьких, рожденных волнами и белой пеной, которая бьется о гальку и откатывается назад, в море. Ветер возвращает гальку на пляж, а иногда, если хватает сил, доносит до скал».

Чтобы убедить Малона, Мама-да произнесла и другие — незнакомые — слова: пена, зыбь, водяная пыль.

Он все равно не верил и прятал лицо под капюшоном, а когда смотрел прямо перед собой, не видел границы между небом и морем. Они сливались и были одного цвета. Серого. Как будто это небо и это море нарисовал и раскрасил неумеха. Даже границу поленился провести!

Малона пугало, что он не знает, как отличить «острый» дождь от «мокрого», потому и опускал голову и смотрел под ноги из-под капюшона.

Башни замка. Пиратский корабль. Он пока не видел домов, но угадывал их. Надо спуститься по большой лестнице, потом по маленькой. Его дом будет третьим.

Он почему-то был совершенно в этом уверен. Все происходило как в историях Гути, но теперь он помнит не только слова, но и картинки.

— Возьми его за руку, — приказал Зерда.

Он огляделся. Никого... Погода им благоприятствует — под таким ледяным ветром не погуляешь по пляжу. Даже дельтапланеристов нет, хотя это их излюбленное место. На всякий случай Алексис подстраховался, спрятав свой огромный джип за каштановой рощей. Даже если кто-то поедет по дороге Сент-Андриё на малой скорости, все равно его не заметит.

С импровизированной стоянки был виден весь берег до самого мыса де ла Эв. Осенний нормандский пейзаж в черно-белых тонах. Зерда хмыкнул, подумав, что испепеленные останки Василе Драгонмана отлично вписываются в эту монотонность. Легавые уже отвалили с террасы, где сгорел мотоцикл. Несколько минут назад, проезжая мимо по департаментской дороге, он слегка притормозил и на мгновение закрыл глаза, чтобы заново пережить сладкий момент убийства: щелчок — и горящий окурок летит в лужу бензина на асфальте. Его путь усеян трупами. В эту самую минуту бригада спецов из комиссариата Гавра обследует квартиру Аманды в Манеглизе.

Как скоро они их найдут? Этому психологу, румыну, понадобилась не одна неделя. Легавые работают командой, но вряд ли окажутся умнее и шустрее покойника. И все-таки затягивать не стоит.

Зерда наклонился к уху Аманды, заслонил ее от ветра и прошептал:

— Пошли. Заберем свое добро и свалим.

Его рука скользнула на талию Аманды, не слишком изящную талию, которую он скорее воображал, чем чувствовал, но она не отреагировала.

«Не понравилось, дорогуша? — мысленно усмехнулся Алексис. — Ничего, скоро распробуешь — когда забудешь своего скота-муженька, который ни разу тебя не приласкал, не поцеловал, только тупо трахал, и все».

Он опустил руку еще ниже и слегка подтолкнул Аманду, чтобы она ускорила шаг и начала спускаться по выбитой в скале лестнице.

* * *

Несколько десятков ступеней остались позади. Аманда шла первой, крепко держа сына за руку. Малон семенил следом, втянув голову в плечи, — его волновали только капли морской пены, долетавшие до лица. Маленькие ноги легко преодолевали ступеньку за ступенькой.

Алексис дышал Аманде в спину. Она знала, что, если вдруг сбавит темп или остановится передохнуть, Зерда застынет ступенькой выше, положит ей руку на плечо, коснется груди — как бы невзначай, просто чтобы поторопить. Не тормози, добыча ждет, легавые на хвосте, нужно защитить Малона... ты ведь хочешь защитить сына, а, Аманда?

Зерда не отстанет, будет ее лапать, пока не надоест.

Она не была сладкой идиоткой, знала, что убийца с ней играет, и все-таки чувствовала смятение. Аманда не рассчитывала завлечь Зерду, строя ему глазки и виляя задницей. Она знала цену себе и своим «прелестям», обаяния в ней с гулькин нос, а сексапильности того меньше. Однако он наверняка захочет ею попользоваться. Несколько следующих недель или даже месяцев Алексис будет в бегах, так почему бы не перепихнуться напоследок? А если она воспротивится, можно и силу применить.

Малон споткнулся — очередная ступенька оказалась неожиданно выше предыдущей, и Аманда ухватила его за шиворот.

Возможно, это последний шанс. Не для нее — для Малона. Может, ей удастся встать между сыном и убийцей? Превратиться в живой щит? Образ красивый, но комплекция — увы — не позволит.

Пальцы Малона сжимали ее руку. Красивой Аманда была только для сына. Другие мужчины не считали ее ни мягкой, ни нежной, ни чувственной. А мальчик трех с половиной лет любил свою Маму-да искренне и беззаветно. Ради него стоит продолжать жить.

Лестница выглядела бесконечной. Аманда посмотрела вниз. С каждым ударом волны черный остов корабля грозил разломиться и уйти под воду. Но ничего подобного не случится, эта развалина целую вечность ждет упокоения.

Аманда ободряюще улыбнулась сыну и потянула его за собой, ускорив шаг, чтобы опередить дышащего ей в спину дракона хотя бы на три ступеньки.

Малон успокоился. Мама-да очень сильная и похожа на скалу. Ее рука удерживает его, как вожжи. Она его оберегает. Справляется, когда он упрямится и не хочет идти дальше или рвется убежать вперед, не дает упасть — как сейчас, на лестнице.

Он точно так же ведет себя с Гути и может сделать с ним то, на что Мама-да не способна. Например, нести плюшевого друга так, чтобы он как будто плыл по воздуху, подбрасывать вверх и ловить, даже пришить оторвавшуюся лапу. Да, Мама-да намного добрее к нему, чем он сам к Гути.

С Мамой-да никогда не бывает страшно.

Он даже людоеда у себя за спиной не боится.

Потому что знает, как от него сбежать. Теперь Малон все вспомнил. Почти все — не хватает только леса и ракеты. Сейчас он увидит дом, где жил с мамой. Третий по счету, со сломанными ставнями. Вдруг мама ждет его там? Может, они будут жить там все вместе — он, мама и Мама-да?

Малон ужасно замерз, но больше не боялся.

Ничего — кроме капель морской воды, от которых не спасал и капюшон.

54

Ж. Б. вскочил. Голубые глаза сверкали азартом, как у отличника, который первым решил трудную задачу. Обаятельный умник, болтун и враль! Интересно, скольким женщинам он заморочил голову?

— Смотри! — Он сунул Марианне фотографию из папки с делом о доவில்ском налете.

Она раз двадцать изучала этот снимок. Улица де ла Мер, перед водолечебницей. Тела супругов Люковик. Машины на стоянке у казино изрешечены пулями. На что еще тут смотреть?

— Мы гадали, как Сирил и Илона Люковик намеревались скрыться с места преступления и ускользнуть из Довиля. Пешком? Исключено: у них сумки с добычей. Значит, их ждала тачка.

— Знаю, Ж. Б. Все я знаю. Мы проверили номера стоявших поблизости машин, но это ничего не дало.

— Взгляни на этот «опель зафира» на первом плане, в нескольких метрах от трупов... — Ж. Б. нетерпеливо постучал пальцем по глянцевой бумаге.

— Проклятье... — прошептала Марианна.

На заднем сиденье серой машины виднелся силуэт детского кресла. В заднее стекло «опеля» попала пуля, выпущенная кем-то из полицейских, и оно разлетелось на тысячи осколков.

— Стекланный дождь, — сказал Ж. Б. — Ничего не напоминает?

— Фобия Малона Мулена...

— Предполагаемого сына Тимо Солера.

Лейтенант Лешевалье и майор Огресс стояли в маленькой, забитой игрушками детской. Он касался рукой ее руки, она чувствовала запах его одеколона — кажется, *Fuel for Life* от *Diesel* или что-то вроде того. Маска сброшена, заботливый отец и муж-подкаблучник исчез, уступив место хищнику. Такому же, как все мужчины. Гад паршивый.

Отличный полицейский.

— У тебя есть теория?

Ж. Б. пристально посмотрел на Марианну.

Черт, какие же синие у него глаза... И взгляд манящий, не оторвешься.

— Нужно потянуть за эту ниточку и размотать весь клубок. Мы считали, что сообщник ждал Люковиков за рулем автомобиля, припаркованного у казино, и увез награбленное. Доказательств у нас не было, в момент налета поблизости находилось штук сто машин, в поднявшейся суматохе многие успели свалить с места преступления. Давай немного изменим нашу гипотезу... Возможно, за рулем «опеля» была женщина. Подруга Тимо. А в детском креслице сидел малыш, которому не было и трех лет...

Лейтенант снова посмотрел на фотографию: мертвые тела, толпа людей на тротуаре.

— Идея очень изобретательная. Они понимали, что полиция сразу выставит кордоны на всех выездах из Довиля, а семью с маленьким ребенком заподозрили бы в последнюю очередь.

— Вот только до «опеля» его родители добраться не успели...

— Ну да... Если мы не ошибаемся, женщина Тимо Солера и ее мальчик находились на улице де ла Мер, когда началась перестрелка, а потом растворились в воздухе.

— Не десятков — сотен. Все, кто был на пляже, гулял по улицам, выходил из «Гранд-Отеля», казино, пляжных кабинок, водолечебницы. Когда стрельба прекратилась, весь Довиль явился поглазеть на место трагедии. И нам это на руку, Ж. Б. Номер мы, конечно, пробьем, но это может ничего не дать, тогда придется снова просмотреть все любительские фотографии — у нас их полный диск — в надежде найти на одной из них Малона Мулена...

— За руку с мамочкой.

Марианна еще раз провела пальцем по фотографии — осторожно, словно боялась обрезать.

— Безумцы, — прошептала она. — Взять на ограбление такого кроху...

— Он был с матерью, машина стояла далеко, и они не собирались проливать кровь — ни свою, ни чужую.

Марианна бросила на лейтенанта негодующий взгляд: он вроде как оправдывал действия безответственной парочки.

Это было несправедливо, почти смешно, но она не могла сдержаться:

— Да как у тебя только язык поворачивается. Ты ведь сам отец! Мальчик все видел. Видел, как убивали людей, в том числе тех, кого он, возможно, знал.

Марианна была в бешенстве. Один негодяй использовал своего ребенка как приманку, другой обманывает жену, рискуя испортить жизнь детям, которые ни в чем не виноваты... Одна мера вины, равное наказание!

Ж. Б., похоже, не заметил, что начальница пребывает в гневе. Он положил руку ей на плечо и воскликнул, с трудом сдерживая нетерпение, как взявшая след ищейка:

— Ты гений, Марианна! Люди, которых он знал... Вот он, ключ!

Секунду спустя оба снова сидели на кровати Малона.

— Начнем сначала. Банда из Потиньи планирует ограбление. Сирил и Илона Люковик, Тимо Солер и четвертый мушкетер — без сомнения, Алексис Зерда. Плюс подружка Тимо Солера, до сих пор нами не вычисленная.

— Такое дело нужно готовить несколько недель, — подхватила Марианна, — возможно, месяцев. Но в назначенный день идеальный план проваливается. Илона и Сирил убиты, Тимо Солер ранен и опознан...

— А мы не сомневаемся, что четвертым налетчиком был Зерда, но доказать не можем! Никто из окружения Тимо Солера не желает помогать легавым, все заявляют, что ничего не знают. А о существовании еще двух свидетелей — подружки Тимо и его сына — полицейские даже не подозревают.

Ж. Б. потянулся за папкой Василе Драгонмана, на мгновение прижался к плечу начальницы, она резко отстранилась, схватившись за детское одеяльце. Под ее рукой заиграла музыка. Звуки издавал маленький фотоальбом, украшенный обезьянками, попугаями и тропическими деревьями, с кнопкой в центре обложки. Ее-то и задела Марианна.

Она открыла альбом на первой странице: малыш спит в плетеной колыбели под ажурным пологом, то ли кисейным, то ли кружевным, не самого лучшего вкуса.

Малон?

Узнать его в этом крошечном человечке Марианна не могла, хотя кто-то из любящих родителей усадил рядом с ним нового чистенького Гути.

— Еще два свидетеля, — продолжал Ж. Б., проигнорировав находку Марианны. — Знай мы, что у Тимо Солера были подруга и ребенок, допросили бы их. Но не думаю, что женщина сдала бы нам сожителя...

— Зато ребенок наверняка рассказал бы о маме с папой. Об их друзьях.

— О Люковиках... О человеке, который все время оставался в тени, но часто бывал у Солеров. Они выпивали, изучали карту, снова и снова преодолевали расстояние от улицы Эжена Кола на мотоцикле, засекая время. Алексис Зерда!

— Алексис Зерда, — повторила Марианна. — Малон не мог не знать его. Он играл рядом со столом, за которым взрослые строили планы, или сидел на коленях у матери, или просыпался, чтобы сесть на горшок, и видел лица гостей. Видел и запоминал. Доберись мы до мальчика, получили бы подтверждение, что Зерда участвовал в

ограблении. Ребенок мог подтвердить, что Солеры, Люковики и Зерда — все вместе — жили в какой-нибудь берлоге, вдали от чужих глаз и нескромных ушей.

— В той самой, которую мы безуспешно искали... Воспоминание о ней запрятано среди пиратов, замков и ракет. Именно это укрытие нашел Василе Драгонман.

Марианна перевернула страницу. Пластиковые карманчики для фотографий потускнели: их часто трогали.

Ребенку явно больше полугода. Он сидит в траве. Погода теплая, на нем только подгузник и красная бандана на голове. Маленький пират...

Мальчик. Еще лысенький. Щурится на солнце, так что цвет глаз определить невозможно.

Малон? Возможно... По-прежнему никакой уверенности.

Пухлой ручкой он держит за заднюю лапу Гути. Почти нового, но уже порядком замурзанного.

— Значит, гипотеза такова, — севшим от волнения голосом произнесла Марианна. — Ребенка прячут. Доверяют приемной семье — пока все не успокоится и мальчик не забудет то, чему был свидетелем. В том числе — лицо Зерды.

Марианна замолчала, вспоминая теории Василе насчет детской памяти, которые он пять дней назад излагал в ее кабинете.

— Трехлетнему ребенку нужно совсем мало времени, чтобы забыть свое прошлое и на всю оставшуюся жизнь превратиться в безмолвного свидетеля. Лицо забывается за несколько недель, вся прежняя жизнь — за несколько месяцев. Максимум за год.

Ж. Б. придвинулся к Марианне, чтобы заглянуть в альбом.

— Хитро... Более того — логично! И все-таки остается масса вопросов. Как осуществить этот ловкий трюк? Где найти приемную семью? Как сменить личность мальчику двух с половиной лет? И главное — зачем так рисковать? Подруга Солера могла затаиться, спрятаться вместе с ребенком, мы ведь и знать не знали об их существовании. Мы близки к разгадке, но нам не хватает еще одной части головоломки.

Близки к разгадке...

Марианна поежилась, вспомнив, как ветер разносил холодный пепел на мысе де ла Эв, и открыла следующую страницу.

Ребенку больше года. Он стоит у дерева, одетый в костюм индейца. На заднем плане — пруд с утками, чуть дальше — кремовые дома Верхнего Манеглиза. На сей раз сомнений нет, это Малон: снимали с близкого расстояния, лицо в кадре, свет достаточно резкий.

Никаких следов Гути или других игрушек.

Новые страницы. Малон в манеже, перед аквариумом, смотрит на именинный торт вместе с Амандой и Димитри. Три свечи. На последней странице — Малон у подножия сосны. Майору Огресс показалось, что этот снимок толще остальных. Она засунула палец в карманчик и вытащила неумело сложенный в восемь раз листок бумаги.

Рисунок. Сделан явно взрослой рукой, но раскрашен — вернее, расчеркан — очень маленьким ребенком.

Малоном?

Классическая сцена: семья празднует Новый год, все собрались у елки, украшенной гирляндами, увенчанной звездой, под елкой — подарки. Многим детям, желая занять их, говорят: «Давай, милый, нарисуй всех нас, и мы отдадим твою картинку Деду Морозу, когда он придет!» Папа, мама и ребенок изображены хоть умело, но вполне схематично, так что картинка ничего не дает. Разве что вот эта деталь: у мамы длинные волосы — намного длиннее, чем у Аманды Мулен.

Марианна отметила еще одну вещь: на рисунке шесть слов, четыре написаны вверху, над звездой, а два — внизу, под человечками. Почерк явно женский. Очевидно, написала его мать. Нужно будет сравнить с почерком Аманды Мулен. Что символизировали для мальчика слова, фигурки людей, елка?

Вопросов становилось все больше.

Новая тайна? Еще один ключ к разгадке? Если бы знать... Каждый предмет в этой обычной детской могли поместить сюда намеренно, со вполне определенной целью. Все они выполняют запрограммированную функцию, помогают создать другую реальность, которую должен принять Малон. Игрушки или ловушки? Календарь в виде Солнечной системы. Светящиеся звезды на потолке. Одежда

«История игрушек». Самолет «Счастливая страна». Ящик с плюшевыми зверями. Игрушечные пираты. Альбом с фотографиями...

Марианна вглядывалась в снимки и прокручивала в голове выкладки подчиненного. Кто он, этот ребенок, три первых года жизни которого любовно запечатлены на пленке?

Один и тот же мальчик?

Или два разных и это умело скрыто с помощью ретуши?

Нет, все-таки один, а взрослые изложили две версии его жизни... Первая — до трех лет, до налета, до драмы, с жестокой травмой в конце. Вторую сочинили, чтобы вытеснить первую и защитить знакомых ему с рождения взрослых. Принесли в жертву.

Какая мать согласится на подобное? Лишиться своего ребенка, пусть даже на несколько месяцев, если за это время он все забудет и она станет ему чужой?

Еще невероятней выглядит подмена детей. Люка Маруэтт отлично поработал и выяснил, что у Аманды и Димитри Мулен действительно был сын Малон, родившийся 29 апреля 2012 года в клинике де л'Эстюэр.

Если мальчик Тимо Солера занял его место, что стало с настоящим Малоном?

Тоже исчез? Испарился?

55

Маленькая стрелка на I, большая — на II

Они спустились до середины лестницы. Отсюда были хорошо видны четыре больших цилиндра, корабль на воде и чуть правее — первые пустующие дома.

Аманда никогда не была здесь. Она слышала разговоры об этом странном месте, но не связывала его с историями Малона.

Теперь все стало ясно.

Малон по-прежнему держал ее за руку. Смирный. Послушный. Думающий о чем-то своем. Возможно, погруженный в воспоминания.

Зерда шел за ними след в след. Ему явно хотелось, чтобы они поторопились, но он их не понукал. Сопляк не кочевряжится — и слава богу!

Он промолчал, когда Аманда остановилась, сняла плащ и повесила его на руку. Спина у нее взмокла. От страха. От усталости. Спуск был

трудным. Ледяной ветер хлестал по лицу, но она все-таки расстегнула две верхние пуговицы на блузке.

Голая шея. Безумие. Так и заболеть недолго. Аманда понимала, как смехотворны все ее попытки, но должна была попытаться.

Напомнить Зерде, что она женщина...

И если он хочет...

Никакой другой жертвы во имя спасения жизни Малона Аманда принести не могла. Она не сумела защитить своего первого ребенка, но второго просто так не отдаст.

До пляжа осталось сто ступенек. Не меньше. Лестница в преисподнюю...

Та, с которой упал Малон.

Другой Малон, тот, что умер.

17 января 2015 года она получила очередное письмо из клиники Жолио-Кюри, в котором сообщалось, что ее сыну осталось жить несколько недель, потому что трещина у него в мозгу увеличилась. В тот день Димитри ничего не сказал. Просто ушел.

И вернулся вечером.

С мальчиком. Чужим, «на замену» приговоренному, который спал в своей комнате на втором этаже.

Можешь получить его... если хочешь.

Сначала Аманда сочла это безумием. Она ничего не поняла в истории о приятеле, с которым муж не виделся тысячу лет, но «Алексис — так его зовут — готов оказать нам услугу. Она будет взаимной, что-то вроде обмена». Димитри произносил слова, которые пускают в ход, торгуясь с соседями на гаражной распродаже.

Только речь шла о ребенка. Их ребенку.

«Это временно, всего на несколько недель, ну, может, месяцев, пока не закончится траур, не уйдет боль. Антидепрессант, ребенок в доме, которому нужна мать, он смеется, хочет играть, ждет ласки...» С этого Димитри начал, но быстро понял, что выбрал неверную стратегию. Сообразил, хоть и был придурком. Аманда на мгновение вспомнила мертвое тело мужа на полу в кухне. *Временно...* По большому счету, Димитри оказался прав. Ему оставалось жить несколько месяцев, он уловил предостережение свыше.

В тот вечер он все-таки нашел нужные слова — единственно верные, способные заставить Аманду изменить мнение, согласиться на дьявольский план.

Может, нам даже удастся оставить его...

Аманда начала задавать вопросы много позже. Она хотела узнать историю ребенка, упавшего с неба, чтобы заменить того, что упал с лестницы. Ей нужно было понять, почему мальчику понадобилась защита, зачем мать и отец решили отдать его — пусть и на некоторое время. А если Димитри сказал правду, значит, они готовы расстаться с сыном навсегда.

Может, нам даже удастся оставить его...

Аманда колебалась. Какой же душой она тогда была! Но если бы отвергла предложение Димитри и Алексиса, никогда бы не почувствовала теплой ладошки маленького мужчины в своей руке, не услышала стука его сердца у своей груди, он ни разу не ткнулся бы влажными губами ей в щеку.

К счастью, она сдалась, уступила, поняв, что судьба дает ей второй шанс.

Малон был обречен. Уже несколько недель он «разговаривал» только со своими проклятыми насекомыми — общался с помощью невидимых антенн или телепатически, но не выражал никаких чувств. Ни радости, ни боли. Врачи объяснили ей, что множество таблеток, которые принимает мальчик, не могут ни смягчить боль, ни зарастить проклятую трещину. Лихорадка, мигрени, бред. Варолиев мост рушился. Беззвучно, безболезненно.

Возможно, было бы лучше, чтобы Малон отправился на небо, вырвался из кокона страдания, а его мать начала воспитывать другого ребенка, оберегая и защищая его. Сегодня это так ясно, так очевидно.

Море лизало гальку. Интересно, сейчас прилив или отлив? Судя по отсутствию на сваях влажных следов и липких водорослей, вода прибывает. Нужно прибавить шаг.

* * *

Наконец они внизу, остается преодолеть бетонный парапет. Аманда хотела помочь сыну, но он увернулся, сам забрался на бортик и только после этого снова дал ей руку, не показав лица из-под капюшона.

Маленькая обезьянка...

Конечно, сказала она себе, плача перед стулом, на котором спал Малон, пуская слюни и писая под себя, равнодушный, как умирающее животное. Конечно, она не будет любить нового ребенка так же сильно, но, взяв его, попробует искупить свою вину, доказать, что может быть хорошей мамой — отважной и внимательной защитницей, и ее сын будет гордиться ею там, куда попал, где нет страданий.

До галечного пляжа внизу было не меньше метра. Она сжала ладошку сына.

Сильно. Слишком сильно.

Он не заплакал. Он никогда не плакал.

Она тогда не представляла, как сильно полюбит этого другого мальчика, которого должна была звать именем сына.

Он был умным и застенчивым фантазером, этот малыш. Именно таких мужчин она и любила — могла бы любить, представься случай. Милый, серьезный, любящий стихи и всякие выдумки, он больше интересовался ракетами, чем машинами, волшебные палочки предпочитал саблям, а драконов любил больше собак.

Она была готова ради него на все, хотя он не любил ее, вернее, любил, но не как маму. Ничего, это придет. Со временем. А если времени не хватит, если она умрет ради него, он будет любить ее через призму воспоминаний.

На мгновение, даже не оглянувшись на Зерду, она взмолилась, чтобы соленый туман, липнувший к коже, сделал ее желанной.

Они медленно брели по берегу. Вода быстро поднималась, перекатывая гальку, утягивала камешки в море и возвращала назад. Малон не спускал глаз с домов, выглядевших заброшенными.

Зерда прошел вперед, указав взглядом на третий дом со сломанными ставнями. На Аманду он не обратил ни малейшего внимания, больше того — нарочито проигнорировал, наклонился к Малону и заговорил с ним доверительным тоном, как будто матери не было рядом:

— Нужно поторопиться, великан. Здесь теперь небезопасно, потому что кое-кто выболтал полицейским, где находится наше тайное убежище. — Он подмигнул, давая мальчику понять, что не сердится, бросил усталый взгляд на Аманду и произнес с нажимом: — Нельзя терять время.

Она вздрогнула, не зная, как поступить: надеть плащ или притвориться, что не поняла намека.

Нельзя терять время?

У Аманды больше не было сил бороться. До заброшенного дома на пустынном пляже осталось несколько метров. Немолчный перестук гальки мешал сосредоточиться. Димитри был глуп, она немногим умнее и кончит так же — с пулей во лбу, в луже собственной крови.

Прилив унесет тело далеко-далеко, оно всплывет в грязных водах устья и будет болтаться среди отбросов, вываленных из контейнеров. Ладонь у Аманды вспотела, и рука Малона выскользнула, как маленькая рыбка.

Она примет любую судьбу, лишь бы ее сын остался жив.

* * *

Зерда остановился перед домом и послал Аманде с Малоном лучезарную улыбку, одновременно продемонстрировав рукоятку пистолета. Он читал Аманду как открытую книгу. Она паниковала, сомневалась, надеялась на передышку, на отсрочку. На то, что он пощадит малыша. Что трахнет ее, перед тем как убить. Что заберет спрятанную добычу и свалит.

Зерде это нравилось. У него нет причин менять свой план, но почему бы не поиграть в Мальчика-с-пальчик до самого конца, раз этот сопляк все равно считает его людоедом?

Все эти месяцы он только и делал, что проявлял терпение. Изображал сиделку, чтобы Тимо его не сдал. Не трогал товар. Ждал, когда этот недомерок все забудет, а легавые потеряют интерес.

Дом был деревянный, с оцинкованной крышей и совсем ветхий, как и десять других халуп на этом фальшивом пляже. Зерда поднялся на три ступеньки, достал из кармана ключ, хотя мог просто вышибить

трухлявую дверь. Он старался совладать с возбуждением, не позволить чувствам взять над ним верх.

Нелегко.

Алексис знал, что из этой хибары, из убежища пиратов, где они с Тимо, Илоной, Сирилом и мальчишкой провели много недель перед ограблением, он выйдет через несколько минут богатым человеком.

Один.

56

Станция Сен-Лазар. 14-й путь. Вечер пятницы. Я — один из «хомяков», едущих на эскалаторе.

Желание убить

Я подложил бомбу. Они ни черта не понимают. Рассуждают об Аль-Каиде. А это я.

Не нравится: 335

Нравится: 1560

www.jelanie-ubit.com

Она всегда ненавидела парковки. Это была почти фобия.

Особенно гигантские, у торговых центров. Эти стальные равнины, где нельзя появляться пешеходам, а выезд затерян в конце лабиринта.

В детстве она однажды заблудилась на парковке.

В торговом центре «Мондевиль», в предместье Кана. Родители отказались купить ей очередной покебол,[80] она обиделась и ушла через северный вход. Они с папой и мамой попали внутрь через похожую дверь. Южную. Взрослые целый час искали ее на стоянке S2 — лиловой, а она рыдала на зеленой N3. До ужаса перепуганная. Одинокая.

Там ее и нашли сотрудники службы безопасности.

Желание убить.

Стоянки... фобия.

Она выросла и теперь регулярно теряет тачку на разных стоянках.

Сегодня она теряет на одном из этих проклятых мест свою любовь.

Черная кровь медленно вытекала из раны. Темное пятно расплывалось по светло-кофейному сиденью «рено твинго». Лицо Тимо, его руки и шея стремительно теряли краски, становясь мертвенно-бледными.

Она нежным, успокаивающим движением гладила его по ноге. Пассажирское сиденье было откинута, и Тимо лежал, пристегнутый ремнем. Случайные заблудившиеся покупатели увидеть его не могли, а если кто-нибудь вдруг поворачивал голову и вглядывался — машинально или из природного любопытства, — то видел мирно беседующую пару.

Губы Тимо двигались, дрожали, так что казалось, что человек произносит слова.

Вообще-то он и правда пытался, но ей удавалось разобрать только отдельные звуки, один-другой слог из трех, десяти. Тимо вздохнул, произнес что-то нечленораздельное и умолк.

Она улыбнулась в ответ и стала гладить его по груди. Тимо всегда был красавчиком. В те дни, когда он свободно ходил по улицам, до «события», девушки оборачивались ему вслед.

Что он пытается сказать?

Хочет пожаловаться на боль?

Поделиться страхом?

Проститься?

— Ты должен жить, Тимо. Слышишь меня? Должен жить...

Она старалась говорить тихо, четко произнося каждый слог, чтобы Тимо попробовал ответить так же.

Его губы лишь дрогнули.

— Ты должен жить, любимый. Ради нашего сына! Ты знаешь, что мне придется уйти и ты останешься один. Продержись несколько минут, потом я вызову «скорую», скажу, где стоит машина, они приедут и спасут тебя. Полежишь несколько недель в больнице, получишь срок, отсидишь и выйдешь — молодым! Твой сын немножко подрастет. Вы встретитесь, и мы снова будем вместе. Ты должен жить — ради нас!

Она не умолкала — уговаривала, заклинала, не сводя глаз со светящихся цифр на приборной доске.

14:13.

Тимо произнес какое-то слово, одно, судорожно сглотнул кровавую слюну, но она не смогла разобрать.

Что он сказал?

Люблю?

Пока?

Прощай?

Она прижалась губами к его губам. Сухим. Растрескавшимся. Под зеркалом раскачивалась елочка-отдушка, аромат ванили смешивался с запахом табака, но перебить его не мог.

Елочка напомнила ей о рисунке, спрятанном в альбоме сына.

Этот листок — единственное связующее звено между ними.

Все сделано. Запрограммировано. Остается надеяться на удачу...

Она убедилась, что Тимо не упадет, что ему удобно — насколько это возможно — на пассажирском сиденье, и опустила жалюзи: никто не должен его заметить.

Тимо может справиться. Тимо справится. Он держался много месяцев с того проклятого дня, когда сволочной доктор нарушил гребаную клятву Гиппократа и навредил ему. Тимо сумеет потерпеть еще несколько часов, всего несколько часов.

Желание-жить.

Она вышла из машины, послав Тимо прощальную улыбку. Глаза ее любимого снова закрылись, губы беззвучно дрожали.

Ее качнуло, она оперлась рукой о бампер и заплакала. Часы на запястье напоминали размокший блин с картины Дали.

14:23.

Автоматическая дверь в дальнем конце стоянки открывалась и закрывалась, пропуская людей.

Пора.

57

Дед в изумлении застыл перед провалом.

Пятьсот шестьдесят метров!

Все вокруг выглядело заброшенным. Он определенно потерялся. Старые карты навигатора не учитывали последних перемен в Потиньи, снесенных промышленных зон, улиц, проложенных на месте

исчезнувших заводов, пустующих шахтерских поселков, заброшенных кирпичных зданий. Мороз по коже, как при встрече с призраком. Лейтенант выехал из поселка и вышел из машины, решив прогуляться перед возвращением на заваленную строительным мусором стоянку.

Он искал улицу Грызунов. Когда все шахтеры умрут, дома там тоже снесут и посадят на их месте яблоневый сад, в котором будут пастись коровы. Чтобы окончательно стереть с лица земли эту аномалию.

На севере страны находятся шахты, пирамидальные терриконы и красные дома на тенистых улицах, а в Нормандии — фермы, голубятни и колодцы в каждом дворе. В любом месте пейзаж меняется под влиянием коллективного воображения. Северянам ближе Золя, нормандцам — Флобер и Мопассан. Этакое пластические операции, которые люди проводят местам своего обитания. Ну раз уж нельзя изменить женщину, с которой спишь, почему бы не изменить спальню... Этот способ борьбы с быстротекущим временем не лучше и не хуже других и к тому же позволяет избавиться от всего самого уродливого, что было в прошлом.

Дед любил менять мир — в одиночку, у себя в голове, чтобы никто не мог возразить или поспорить.

Даже навигатор с медоточивым голосом, который посылал его на несуществующие улицы и приказывал «немедленно повернуть назад».

Идиотка!

Вообще-то лейтенант Паделу напрасно возводил напраслину на своего GPS-поводыря — он не слишком внимательно слушал указания, потому что просматривал сообщения Марианны: рисунки Малона и все те же реперные точки.

Корабль.

Лес, ракета.

Замок с четырьмя башнями.

В приписке майора сквозило все больше нетерпения.

Проклятье, Дед, ты живешь в устье больше 50 лет, так включи мозг и выдай идею!

Хорошенькое дело...

Пусть рисунками мальчишки занимаются его коллеги в Гавре, их там пятнадцать человек. Каждый должен делать свою часть работы.

Расследование — коллективный труд, а лейтенант Паделу был одиночкой вроде частного сыщика. Он решил, что может позволить себе эту роскошь — до отставки всего несколько месяцев! — и напрямую связался со стажером Люкой Маруэттом, «озадачил» его и теперь бомбардировал вопросами. Он должен иметь максимум сведений к моменту, когда наконец попадет на гребаную улицу Грызунов, в квартал, где родились Тимо, Илона, Сирил и Алексис. Они выросли, а шахты закрылись. Эти четверо уподобились детям войны: родную деревню разбомбили, они играют в развалинах, и их смех заглушает стенания стариков. Так вели себя дети в Орадуре и Хиросиме, не ведавшие, что творят, когда резвятся «на костях».

Сейчас он стоял на краю могилы глубиной в пятьсот шестьдесят метров, куда сбросили сто лет местной истории.

Лейтенант вышел из машины, прочел текст на табличке и наклонился взглянуть. Колодец д'Эзи был последним материальным свидетельством шахтерской деятельности в деревне. Ствол пяти метров в диаметре и практически без дна, а над ним что-то вроде бетонного блока тридцатиметровой высоты — башенный копер.[81] До конца 1980-х, пока шла добыча руды, здесь размещались подъемные установки. Теперь башня смотрела на мир подслеповатыми глазами бойниц с выбитыми стеклами.

Какого черта стажер тянет кота за хвост? Лейтенант Паделу поставил перед ним четкие вопросы, на которые не так трудно найти ответы, имея доступ в интернет, даже если они кажутся нелепыми. «У тебя портится характер, старина!» Дед хотел все знать о жизни агути, странного грызуна родом из Южной Америки. Все — от А до Я. «Считаешь меня дебилом, малыш Маруэтт? Продолжай в том же духе, но найди ответы! — мысленно кипятился Дед. — Значение польских слов тебе выдаст электронный полиглот. Я хочу знать, что такое *Gryzons* и другие названия, связанные с польской колонией в Потиньи!»

Лейтенант не сомневался, что разгадку подскажет ассоциативный ряд идей, закодированное воспоминание.

Он понимал, что выполнить второе задание Маруэтту будет труднее, но работа должна быть сделана! Ему не обойтись без максимально полных биографий Тимо Солера, Алексиса Зерды, Илоны Адамяк и Сирила Люковика, с детства до сегодняшнего дня. Данных из

Национального досье криминалистического учета недостаточно, необходимы детали, которыми обычно не интересуются ни сыщики, ни адвокаты.

Придется ждать.

Минуту спустя пришло сообщение. Не от Маруэтта — от Марианны.

Дед чертыхнулся.

Шеф теряет терпение.

Майор Огресс прислала рисунок Малона Мулена, ничем не отличающийся от других его каракуль: четыре черные вертикальные черты и три синие, почти горизонтальные.

Пресловутый замок на берегу моря.

Замок, будь он неладен! Дед, найди мне хоть один хренов замок в устье с видом на Ла-Мани.

Нету такого, милая! Мальчик фантазирует.

Паделу постоял еще немного, собираясь с мыслями, на краю бездонной могилы и пошел к машине. Он отправится на улицу Грызунов — с ответами или без них.

Сообщение от Люки Маруэтта прервало его перепалку с Анной, властной феей навигатора. Лейтенант любил властных девушек, которые ни в чем ему не уступали.

Три прикрепленных файла.

В первом — тридцать страниц текста о жизни агути. Он прочтет их позже.

Во втором лишь одна страница, таблица из двух колонок: в левой — имена на польском, в правой — на французском.

Его внимание привлекла единственная строчка.

Грызунов.

У Деда екнуло сердце. Он был прав — с самого начала!

Лейтенант заткнул виртуальную Анну и нервным движением открыл последнее приложение. Две страницы. Детали биографий Солеров и Люковиков.

Стажер — головастый малый: нашел старые резюме в Центре занятости, сообразив, что все фигуранты после ограбления встали на учет на бирже труда. Никто не поинтересовался их образованием, стажем работы или наличием контрактов на фиксированный срок, а

статус «временно занятых» для Люковиков «самоотменился» январским утром 2015-го на улице де ла Мер. Последняя отметка в их делах гласила, что Сирил некоторое время работал в порту докером, а Илона — бухгалтером.

Дед оторвался от экрана. Теперь у него на руках все козыри. Что, если он все-таки ошибается? Может, стоит доложить Марианне? Зачем? Это не поможет ей найти Тимо Солера. Не наведет на след Малона Мулена, Аманды Мулен и Алексиса Зерды, хотя теперь понятно, откуда растут ноги случившегося безумия.

Еще одно сообщение. Марианна...

Она достала его своими раскрасками!

Дед? Получил мой последний мейл?

Сыщик вздохнул и вывел на экран рисунок Малона.

Четыре черные черты...

Мальчик описывал психологу круглые башни, но в окрестностях Гавра не осталось ни одного целого дворца. Равно как и на берегу моря. Немцы все разбомбили во время последней войны.

Марианна просто зануда! Каждый должен выполнять свое задание, тогда они вместе распутают дело.

Лейтенант несколько мгновений следил за бегущими по небу облаками, потом его взгляд остановился на надшахтных постройках д'Эзи. *На башенном копре!*

В мозгу у Деда щелкнуло, пребывавший в анабиозе механизм заработал, и ему показалось, что гигантский бетонный блок, устремленный в небо, замерцал, начал раскачиваться и вот-вот рухнет в разверстую бездну у своего подножия.

Он дрожащей рукой схватил телефон. В конце концов, ему ведь нравится потакать властным женщинам, так почему бы не порадовать начальницу!

— Я нашел, Марианна. Нашел твой чертов замок у воды!

58

Маленькая стрелка на 2, большая — на 7

Малон сидел на ступеньке лестницы, ведущей в дом на сваях, и смотрел на море. Гути лежал у него на коленях — на случай, если волны вдруг прихлынут ближе и одна из них окажется шустрее других. У Гути ведь нет капюшона, чтобы защитить голову.

Людоед велел ему остаться на улице, сидеть и ждать. Ну и ладно. Здесь холодно, но он не против. В его воспоминаниях корабль был прекрасен — с белыми парусами и черным флагом на мачте, а этот наполовину затонул и напоминал выступающий из воды утес.

Замок тоже подурнел и казался ветхим, а на башни было не подняться: лестница отсутствовала, как и окна. Рыцари не могли наблюдать сверху за окрестностями, ведь между четырьмя башнями не было стен. Придет огромная волна и проглотит корабль, дом людоеда, Гути.

Ну нет, Гути — пусть и мертвого — он держит крепко, зажав между коленками.

Малону очень хотелось, чтобы море ушло. Он помнил, как оно откатывалось за круглые камни, оставляя за собой песчаный след, и они с мамой строили замки, которые стояли долго-долго, пока не начинался прилив.

Он точно знает, что все это здесь, только спрятано под водой. Может, когда море уйдет, мама вернется, чтобы поиграть с ним?

Здесьняя мама, не Мама-да.

Из дома донесся жуткий крик. Малон вздрогнул. Он узнал голос людоеда, поглубже натянул капюшон и зажал пальцами уши Гути.

* * *

Алексис Зерда опрокинул на пол хлипкий шкаф из клееной фанеры, тот разлетелся на куски, и все, что было на полках — посуда, безделушки, пожелтевшие листы бумаги, — вывалилось на мокрый паркет и разбилось-расколосось.

Ничего.

Бесполезная дребедень.

Он сорвал со стен полки — и книги, диски, вазочки, банки с консервами постигла та же судьба.

Снова ничего. Только барахло, которое они сами бросили в этом логове.

Награбленное исчезло!

Зерда на всякий случай продолжил обыск, круша тонкие перегородки между пятью комнатами, но делал это, просто чтобы

выпустить пар. Проверив тайник на кухне под холодильником, он сразу понял, что его опередили.

Добыча лежала под домом в трех чемоданах небольшого размера, которые можно взять в салон, летя самолетом лоукостера. Товар на два миллиона! Алексис вошел в первую спальню, рывком поднял кровать, располосовал ножом матрас и выпотрошил его.

О тайнике знали четверо: Тимо, Люковики и он. Даже ребенок был не в курсе. Как и Димитри с Амандой. Готовясь к налету, они решили, что после дела спрячут добычу, дождутся, когда все утихнет, и уж потом свяжутся со скупщиками китайцами. Желтолицые живут на другом конце света, так что среди них вряд ли есть осведомители здешних легавых.

Кто его предал?

Зерда разрезал второй подгнивший от сырости матрас, швырнул его на пол и пошарил внутри.

Паскуда, забравшая сокровище из тайника, вряд ли перепрятала вещи в этом доме.

Кто мог вернуться?

Не Тимо. Он не в том состоянии. Зерда оставил Солера полумертвым в квартале де Неж. А Люковики лежали на оцинкованных столах в гаврском морге, когда он ставил чемоданы под холодильник.

Значит, кто-то проболтался.

Неужели Тимо что-то рассказал своей девке? Или мальчишке?

Зерда посмотрел на Аманду. Та сидела на стуле в гостиной, глядя в стену, как в невидимый телевизор.

Женщиной он займется позже, а сейчас...

Убийца шагнул к двери, сделал вдох-выдох, чтобы успокоиться, и наклонился к ребенку.

Чем черт не шутит...

* * *

Аманда смотрела на стену. На трещину в стене, напоминающую смертельный разлом в мозгу ее ребенка. Дом скоро обрушится — все всегда начинается с крошечной, едва заметной трещинки, а потом все летит в пустоту, в бездну, утягивая за собой то, что вам дорого.

Она бесшумно поднялась. Зерда вроде бы не обращал на нее внимания, но это впечатление было обманчивым. Это хищный зверь, коварный, как тигр, он выглядит невозмутимым, а напасть может в любой момент.

Какая-то она странная, эта трещина...

Аманда подошла ближе. Тонкая ниточка трещины спускалась с потолка до пола, шла вдоль плинтуса и поднималась на несколько сантиметров, до пластикового столика с одним ящиком. Можно подумать, колония муравьев нашла запасы сахара и методично их растаскивает.

Аманда провела по стене пальцем и поняла, что трещина — вовсе не трещина, а мельчайший пунктир, нанесенный черным фломастером. Чья-то умелая рука потрясающе правдоподобно изобразила цепочку насекомых в надежде, что она заметит! Только она. Похоже, незнакомый художник знал секрет ее сына, которого провожали на небеса насекомые, живущие у него в голове.

Она украдкой покосилась на Зерду. Он разговаривал с Малоном у входа в дом.

О чем?

Неважно. Она получила несколько секунд отсрочки. Нужно открыть ящик.

Она заслонила стол телом и потянула за ручку, увидела старые дорожные карты — мятые, сложенные кое-как, начала шарить под ними, до крови кусая губы от нетерпения и непонимания.

Наконец ее пальцы наткнулись на два картонных прямоугольника.

Билеты на самолет!

Места 23А и 23В.

На имя Аманды и Малона Мулен.

Вылет из аэропорта Гавр-Октевиль. Пункт назначения — Каракас, через Гэллоуэй, в Венесуэлу через маленький городок в Ирландии.

Что это значит?

Кто их сюда положил? Зерда? Он их ищет? Надеется улететь, ускользнув от полиции? Исключено, ему даже таможеню не пройти.

Если не он, то кто?

Аманда вдруг раскашлялась, и Зерда наградил ее безгловым взглядом. Расстегнутая блузка — идиотская затея — ни к чему хорошему не привела... кроме простуды.

Через несколько минут она умрет, захлебнувшись соплями. Смешная, жалкая, какой была всю жизнь. Нужно успеть... Она должна отвлечь внимание Зерды и крикнуть во все горло Малону, чтобы спасался, бежал подальше от проклятого дома, пока прилив не запер их здесь.

* * *

— Потерял свое сокровище?

Малон не боится людоедов, а этот и вовсе какой-то растерянный. Совсем не похож на огромного лесного людоеда из истории о рыцаре Простаке, этот не сможет раскромсать Луну на куски своим огромным ножом. Наверное, нужно ему помочь.

— У тебя есть идея, Малон? Ты знаешь, где оно спрятано?

Людоед говорил совсем как злюка, пытающийся казаться милым.

— Ты как Гути...

— Что значит, я — как Гути?

— Ты разве не знаешь историю о сокровище Гути? Он прячет его перед сном, чтобы достать, когда проснется.

— Продолжай, Малон. Продолжай. Как Гути находит свое сокровище?

— Никак. В том-то и дело. Он никогда его не находит. Гути закапывает сокровище и сразу забывает где.

Зерда едва сдерживался, чтобы не обрушить на Малона поток брани. Можно подумать, мальчика кто-то подучил, чтобы он довел его до остервенения.

Взяв себя в руки, Алексис спросил вкрадчивым тоном:

— Так кто же тогда находит сокровища Гути? Кто их крадет?

— Никто... — Малон покрепче сжал Гути коленями, посмотрел на море, помолчал и продолжил: — Никто — и все. Сокровище Гути — зернышко, зарытое в землю. Из него вырастет большое дерево, и все могут играть, и есть, и спать в нем.

Зерда наклонился еще ближе, задев Малона дулом висевшего на поясе пистолета.

* * *

Любопытство оказалось сильнее голоса рассудка, и Аманда продолжила шарить в столе. Подняла последнюю карту. Ивето.[82] Синяя серия. Под картой что-то лежало.

Она медленно, почти не дыша, вытащила атлас автомобильных дорог, положила его на стол, чтобы он не помешал ей разглядеть предмет в ящике, прищурилась, встряхнула головой, желая убедиться, что ей ничего не мерещится.

Иного объяснения нет, кто-то положил его в ящик намеренно. Специально для нее.

59

Сегодня Стефани родила нашего третьего ребенка. Вот только в животе у нее их было двое.

Желание убить

Я спросил, которого она хотела сохранить.

Не нравится: 1153

Нравится: 129

www.jelanie-ubit.com

Гути исполнилось три года, и в своей семье он мог считаться вполне взрослым, ведь его маме было восемь, а старенькому дедушке — пятнадцать.

Люди майора Огресс обыскивали квартиру Муленов. Труп Димитри увезли несколько минут назад вместе с пропитавшимся кровью бамбуковым ковром, так что передвигаться можно было свободно, не боясь затоптать следы. Кто-то даже разложил карту на столе в гостиной.

Марианна объявила всем, что дело наисрочнейшее: нужно предотвратить два новых убийства — женщины и четырехлетнего мальчика. После звонка Деда у них наконец появилась серьезная наводка.

Малон нарисовал донжоны, но не замка, а завода!

Лейтенант Паделу понял это, увидев башенный копер д'Эзи, до странности похожий на донжон. Искать нужно не четыре башни, а четыре трубы, или четыре цистерны, или четыре отстойника, стоящие лицом к морю... Плевое дело!

Перед каждым из пяти полицейских — открытый ноутбук, все пятеро прилипли к экранам, как команда безумных геймеров, сражающихся в онлайн с игроками на другом конце света.

Они просмотрели все сайты, содержащие данные с привязкой к фотографиям и картам. *Google Earth*, *Google Street View*, локальные интерактивные карты, Система географических данных Агентства городского планирования Гавра и Агломерационного сообщества. Бенами и Бурдену было поручено связаться с Большим морским портом и Торгово-Промышленной палатой.

Майор Огресс координировала действия. Дед был лучшим в команде, его догадка снова это подтвердила, жаль только, что упрямец предпочитает действовать в одиночку. Марианна охотно поменяла бы его местами с Ж. Б. У Лешевалье отличный нюх, он сумел разглядеть на снимке детское кресло, но она все еще на него злилась.

В одном большом-большом лесу стоял большой замок, построенный из самых толстых деревьев, срубленных в этом лесу.

Четыре высокие башни замка были видны издали, а жили там рыцари.

В те времена каждый рыцарь получал имя по дню недели, в который родился...

Эйфория, охватившая коллектив после озарения лейтенанта Паделу, прошла.

Ни одного соответствия...

Промышленно-портовая зона находилась слишком далеко от мыса де ла Эв. У моря не было электростанции или завода — ни нефтеперегонного, ни сталелитейного, ни химического. Промышленные здания стояли выше по течению реки, ближе к Порт-Жерому располагалось самое крупное во Франции нефтеперерабатывающее предприятие. По другую сторону от Сены, рядом с Онфлером, не было ничего, кроме нескольких рыболовецких

шхун, маяка и марины — специально оборудованной стоянки для яхт. Ни одной башни, даже просто заводской трубы... На севере, в направлении к нефтяному терминалу Гавр-Антифер, ни один объект не соответствовал описаниям Малона Мулена.

Марианна то и дело смотрела на часы и тихо чертыхалась.

14:40.

Они завязли... У Ж. Б. будет правдивая отмазка по поводу позднего возвращения домой. Когда он поцелует на ночь детишек и жену, она не учует запаха чужих духов. Если обманщик попросит, Марианна даст ему записку для супруги — ей не жалко.

Другие линии расследования тоже зашли в тупик. Через несколько часов после налета — или на следующий день — «опель» исчез. Полицейские пробили номер и выяснили, что машина принадлежит фармацевту из Нейи. Он почти не бывал в Довиле, и три его автомобиля большую часть времени стояли в гараже. Об угоне фармацевт заявил через три месяца, 9 апреля. Никто не связал эту угнанную машину с другими двадцатью семью, которые в день ограбления стояли на улице де ла Мер. Хорошего дурака они сваяли! «Опель» наверняка сожгли в укромном месте или утопили, столкнув с дальнего пирса.

Из всего этого следовало два вывода:

1. Преступники тщательно готовились к ограблению.
2. Именно на угнанном «опеле» Илона и Сирил Люковик собирались скрыться после налета, увозя добычу.

Оставался шанс узнать Малона Мулена на одной из фотографий, сделанных зеваками до, во время и после перестрелки. Люка Маруэтт над этим работает, но пока ничего не нашел и, если не случится чуда, будет возиться до второго пришествия.

На острове все звали его Маленьким пиратом. Он давно вырос, и прозвище не слишком ему нравилось, но, если рождаешься последним и кузены растут рядом, навсегда остаешься самым младшим.

В гостиной Муленов Гути уже час рассказывал семь историй — по кругу, снова и снова. Марианна приказала не выключать плеер, пока они не расшифруют закодированный смысл посланий, хотя гнусавый голосок придавал происходящему оттенок ирреальности.

Взрослые дядьки, полицейские, сидели и как дураки слушали сказки грызуна.

Видишь, Гути, настоящие сокровища — это совсем не то, что ты ищешь всю жизнь, они всегда спрятаны рядом с нами...

Марианна отошла от стола, чтобы ответить на звонок.

Энджи.

Умеет подруга выбрать момент!

Она прижала телефон к уху и прошла на террасу с видом на маленький садик за домом.

— Ты слышишь меня, Марианна?

— Что-то случилось, Энджи?

— Нет... Но ты... ты обещала перезвонить... насчет твоего психолога... Это он... сгорел?

Марианна обвела взглядом небо и сад, закрытый с трех сторон живой изгородью из бирючины. Два кубометра дров под навесом, которые хозяин дома никогда не сложит в поленницу. Забытый под стулом мяч, которым отец больше никогда не сыграет с сыном в футбол. Мангал, который будет ржаветь в ожидании праздника, да так и не дождетя.

— Да, он.

Пауза. Долгая. Нескончаемая.

— Жертв прибавилось, милая, так что мне правда некогда...

— По... понимаю...

Марианна машинально теребила лежавшую в кармане бумажку. Потом достала ее и прочла.

Веселого Нового года. Всегда помни.

Записка, найденная в фотоальбоме Малона.

— Ты... не занята сегодня вечером? — робко спросила Анжелика.

— Занята, еще как занята... — отрезала Марианна и сразу пожалела о своем тоне. Ничего, потом извинится, а сейчас нужно освободить линию. Время есть всего на один вопрос. — Ты на работе? Голос у тебя какой-то странный... Ничего не случилось?

— Все в порядке, все хорошо, не волнуйся. Знаешь, ты мне нужна, я не могу без тебя...

Шепот Энджи был такой беспомощный, что Марианна растрогалась. Она очень нежно относилась к Анжелике, хотя знакомы они были всего несколько месяцев. Душа мечтательной парикмахерши разрывалась между запредельным отчаянием и неукротимой страстью к красивой жизни. Спасало положение только неизменное чувство юмора.

Желание-убить.

Желание-жить.

Желание-все-послать-к-черту.

Желание-всего, нежелание-ничего.

Не сейчас, не сегодня вечером... Когда это дело будет наконец закрыто, они встретятся, выпьют бутылку риохи и восстановят свой хрупкий мирок.

— Спасибо, красавица, — прошептала майор Огресс. — Совсем скоро мы снова будем вместе, обещаю. Ладно, мне пора.

— *No problemo. Ciao...*

Марианна вернулась в улей, где в поте лица трудились ее подчиненные. Ж. Б. нервничал, метался между двумя компьютерами и пожимал плечами, как будто все меньше верил в озарение Деда. Заменить башни печными трубами, рыцарей — рабочими. Конечно, наш красавчик раздражен, время близится к вечеру, а он застрял тут и попусту тратит время...

Голос Энджи продолжал звучать в голове Марианны.

...Ты мне нужна.

Это было не просто признание в любви, а зов, мольба о помощи!

Она мысленно чертыхнулась: «Хороша, нечего сказать — других осуждаешь, а у самой башка забита посторонними мыслями. Соберись! Забудь о подруге и займись делом!»

Рядом с буфетом красного дерева стояла звуковая колонка, разносившая голос Гути. Женский голос.

Он вытащил свой большой нож. Лезвие блеснуло в ночи, словно Луна над их головами была не Луна, а головка сыра, которую можно разрезать на куски.

Агент Бурден вытянулся перед майором в струнку, прямой, как налысо выбритая туя.

— Меня?

Он кивнул, не изменив позы.

— Майор Огресс, слушаю вас...

— Меня зовут Юбер ван де Мэле, я инженер в Большом морском порту. Инженер на пенсии. Мне звонил председатель и сказал, что вы ищете конкретное место и это связано с важным расследованием. Сам он очень занят, вот и эксплуатирует отставников. Я не против, это помогает бороться с Альцгеймером, Александером, Паркинсоном или Хантингтоном[83] — короче, со всеми ужасами, которые накидываются на человека, как только его сдают в архив. Что конкретно вы ищете?

Марианна, не очень веря в успех, объяснила коротко, в детали вдаваться не стала. Они ищут место, похожее на замок, и корабль вроде пиратского... но ничего не нашли, во всяком случае...

Ван де Мэле перебил собеседницу, не дослушав:

— А старая база НАТО?

— О чем вы?

— Бывшая натовская база в Октевиль-сюр-Мер, за мысом де ла Эв. Рядом с аэропортом.

— Продолжайте... — охрипшим от волнения голосом попросила Марианна.

— В самом начале шестидесятых, в разгар холодной войны, Франция — тогда еще полноценный член Североатлантического альянса[84] — решила построить небольшую базу в пяти километрах к северу от Гавра. На случай бомбардировки порта. Бетонные стены толщиной шестьдесят сантиметров, четыре резервуара по десять тысяч кубометров углеводородов каждый, якорные стоянки для танкеров или броненосцев были спрятаны у подножия скалы и соединены с плато лестницей в четыреста пятьдесят ступеней. Военные занимали секретный объект двадцать лет и ждали нападения врага — совсем как гарнизон в «Татарской пустыне», [85] но ни один красный ни с неба, ни из-под воды так и не появился. База не пригодилась, и в начале 80-х ее зыкрыли. Залили цемент в нефтяные цистерны, заварили двери блокаузов и ушли. Остались только разбитая дорога и лестница. Вокруг почти сразу выросли дома — совершенно незаконно, разумеется. Сквоттеров привлекал доступ к морю и возможность

поживиться кое-какими материалами. А с годами все, за исключением нескольких обществ охраны окружающей среды, забыли об этой истории.

— На что похожи четыре цистерны?

— Большие, стоят в ряд лицом к морю под бетонным блокгаузом. Снизу только они и видны. Человеку с воображением это место вполне может показаться обителью зла, вроде тех, куда обычно вламывается Джеймс Бонд.

— Вы сказали, что база так и не начала функционировать. Значит, корабля там нет?

— Верно. После закрытия все пирсы снесли, а пять уходящих в море дамб оставили — на всякий случай, чтобы предотвратить возможность высадки.

Марианна с досады прикусила губу. Неужели снова ложный след?

— Картину дополняют обломки в море, которые никто не потрудился убрать. То ли время и силы пожалели, то ли денег не хватило.

— Обломки?

— Да. Тридцать лет назад у берега сел на мель корабль, танкер первого поколения. Разломился пополам. В прилив кажется, что он все еще на плаву, как корабль-призрак, но во время отлива видно, что он увяз в песке. Черный гордец, которому суждено оставаться в плену до скончания времен. Наследие эпохи, но, конечно, не такое, как памятник павшим. Пленник несостоявшейся войны. Пустыня Тартари...

Марианна отдала телефон Бурдену, даже не поблагодарив отставного инженера, бросила короткий взгляд на рисунки Малона, разложенные на столе, и окликнула лейтенанта Лешевалье. Без всяких задних мыслей, с одной целью — максимально ускорить дело.

— Убежище существует, Ж. Б. Малыш ничего не придумал, просто слегка приукрасил реальность. Все совпадает. Именно в этой берлоге Малон провел первые годы жизни... — Она сделала глубокий вдох. Медленно выдохнула, пытаясь унять сердцебиение, и продолжила: — И там же, возможно, доживает последние часы... наедине с убийцей!

Алексис Зерда смотрел, как сотрясаются и дрожат сваи, все больше напоминая резиновые тросы. Прилив поглотил их почти до верха. Самые дерзкие волны уже подбирались к террасе. Пора уходить.

Мальчишка ничего не знает. Он просто повторяет то, что вложили ему в голову, дурацкую историю об амазонской крысе, которая зарывает сокровище, никогда его не находит, но ищет, пока не сойдет с ума.

Попугай, выучивший басню! Та, что вбила ему в башку всю эту хрень, наложила лапу на их трофеи. Чокнутая идиотка! Это же надо — внаглую обокрасть убийцу и не побояться оставить с ним своего ребенка...

Зерда сунул правую руку под капюшон Малона и погладил его по волосам, а левой медленно полез за оружием. Сначала нужно избавиться от Аманды. Сопляком он займется потом. По какой-то непонятной ему причине для общества жизнь ребенка бесценна. Уж точно дороже трех чемоданов с двумя миллионами евро. Так во сколько же ценит эту жизнь его мать?

— Мы уходим, Аманда.

Он отдал приказ властным, но спокойным тоном, вошел в дом и закрыл за собой дверь. Аманда неподвижно стояла в глубине разгромленной комнаты. Женщина показалась Зерде трогательной, почти желанной. Жизнь ее не баловала, но она все равно так не хочет умирать, что даже попыталась соблазнить своего убийцу. Бедняжка почти красива с этим молящим, как у побитой собаки, взглядом.

Делай со мной что хочешь, только ребенка моего не трогай.

Полное самоотречение... Доведется ли ему еще хоть раз встретить столь же абсолютную покорность? Конечно нет, ни одна баба не способна на такое, как ее ни пытай.

Любовь к ребенку — вот что возвышает женщин. Но она же делает их уязвимыми и предсказуемыми.

Зерда шагнул вперед, предварительно убедившись, что Малон по-прежнему сидит на лестнице, играет со своей крысой и мечтает о пиратах. Руку с пистолетом он держал за спиной.

У него еще будут женщины — даже если придется покупать их ласки.

Любовь к деньгам тоже возвышает женщин. Других. В другом месте.

Он снял оружие с предохранителя.

— Я не сделаю ему ничего плохого, Аманда. С его головы даже волос не упадет, обещаю тебе.

Он закончит дело достойно. Чисто. Быстро. Она не успеет ничего понять. Ее не судили и не приговаривали к смертной казни через расстрел: «Готовсь! Целься! Пли!» Аманда — «хлебная крошка» на его пути Мальчика-с-пальчик.

Сделать дело и смыться.

— Я знаю, Алексис, — ответила Аманда. — Знаю, что ты не тронешь этого малыша.

Она улыбалась. Зерда почувствовал облегчение. Хорошо, что она так это воспринимает.

Воспринимает что? Свою смерть? Убийство?

Он не успел решить, что именно.

— Не тронешь, потому что не успеешь.

Аманда выстрелила. Четыре раза.

Две пули попали Зерде в грудь, третья прошила плечо, четвертая ударила в фанерную стену, в метре справа.

Он упал, не успев ни среагировать, ни что-либо понять.

Мгновенная смерть.

Дальше Аманда действовала на автопилоте, составляя в уме список действий, как поступала каждый день, обдумывая многочисленные домашние дела. Спрятать в правый карман револьвер. Она выбросит его в море, как только окажется на улице. Сунуть в левый билеты на самолет. Это программа минимум.

Отвлечь внимание, как сделал бы Зерда, — программа максимум. Запутать следы. Чтобы полицейские провозились тут как можно дольше.

А потом бежать.

* * *

— Я устал, Мама-да...

Они не преодолели и четверти пути вверх. Аманда потянула Малона за руку. Еще одна ступенька — из трехсот оставшихся. Ветер легонько подталкивал их в спину.

— Мама-да, я хочу отдохнуть, хочу вернуться в дом, мой дом на берегу моря. Хочу подождать маму.

Аманда молча дернула сына за руку. Следующая ступенька.

298

— Мы уже долго идем, слишком высоко!

297

— Пусти меня! Руку больно!

296

— Я тебя не люблю. Я только маму люблю. Хочу к маме!!! ХОЧУ К МОЕЙ МАМЕ.

296

Аманда внезапно разжала пальцы и вырвала у него игрушку. Ее холодная ярость так напугала Малона, что он не издал ни звука.

Она размахнулась и зашвырнула Гути так далеко, как смогла. Он ударился о землю, отскочил к голым ветвям орешника и повис на колючках ежевичника — головой вниз, с разведенными лапками.

Гути!

Онемевший Малон смотрел на плюшевого любимца сквозь пелену слез.

Аманда твердой рукой ухватила пять маленьких пальчиков — как будто прихлопнула за один раз пять муравьев или гадких мошек. И произнесла три слова — всего три! — через долгие паузы, а ветер отнес их к скале, чтобы отзывались эхом, пока они не окажутся на верхней ступеньке:

— Я — твоя мама!

III. Анжелика

Пятница

День любви

61

*Аэропорт Гавр-Октевиль,
пятница, 6 ноября 2015, 15:20*

Анжелика совсем измучилась. Сохранять позу, в которой она находилась, было невыносимо трудно. Бедро, ягодицы и спина опирались на картонные коробки, грозившие обрушиться от малейшего движения подобно карточному домику.

Она должна сохранять равновесие, как акробат на проволоке, натянутой над пустотой. При малейшем шорохе Анжелика упиралась ладонями в стены, чтобы перераспределить вес.

Вслепую. Канатная плясунья с завязанными глазами — это придает номеру остроту...

Она готова терпеть хоть до скончания века. Ноги затекли, пальцы онемели? И что с того? Тимо уже трое суток теряет кровь, ему точно хуже, чем ей. Воняет аммиаком, лавандой и дерьмом? Какие мы нежные! От Тимо уже три дня исходит запах смерти, и ты прижималась к любимому, чтобы заглушить его, так что...

Нужно выдержать еще несколько бесконечных минут. Здесь, в этом сортире. Как Тимо, запертый в машине на парковке.

Свещающийся циферблат ее часов показывал 15:23.

Она вызовет «скорую», как только окажется в безопасности.

Чьи-то шаги. Двери открылись, закрылись, хлопнули. Ни слов, ни смеха, ни музыки — только шум, шорохи и вздохи. Затаить дыхание, замереть — на всякий случай, мало ли что... Никто не знает, что она здесь, и все-таки...

В темноте перед ее мысленным взором проходили картины случившегося. Довильский налет; Илона и Сирил убиты у нее на глазах, их тела лежат перед водолечебницей; пуля пробивает заднее

стекло «опеля зафира», дождь из осколков стекла; толпа стервятников вокруг; она спокойным, естественным движением стряхивает бриллиантовую крошку с волос сына, как конфетти после карнавала.

Время ускорялось. Она вспоминала лицо Алексиса Зерды, его испуг и злость на Илону и Сирила — уже мертвых, между прочим! Гнев на Тимо и его шлем, отскочивший на тротуар перед ипподромом, — на раненого Тимо, между прочим!

Вечером Зерда вышел прогуляться по пустынному пляжу, а вернувшись, заявил, что полицейские без труда вычислят его, раз уж им известны личности трех налетчиков.

«У них нет доказательств, Алекс, — собравшись с силами, пробормотал Тимо. — Я буду молчать, если меня схватят».

Он сказал так не из страха, что Зерда бросит его подышать как собаку, а может, и прикончит. «Да, мой любимый дурачок искренне переживал за эту мразь, — думала Анжелика. — Мол, прости, что получил пулю в легкое, уронил шлем, оказался не на высоте гениального плана, разработанного мозгом банды!» А этот самый «мозг» даже не смел встретиться с ним взглядом.

Анжелика мгновенно поняла, куда смотрят гадючьи глаза Зерды, — на ее сына.

На Малона. Теперь она должна звать его Малоном.

Он долго пялился на мальчика двух с половиной лет. Таким же взглядом этот человек смотрит на легавых и осведомителей — на всех, кто угрожает его свободе.

Малон знал Алексиса в лицо.

Если сыщики доберутся до ребенка и покажут ему фотографию — любую, снятую в Потиньи, футбольном клубе, шахтерском баре, — Малон кивнет и скажет «да». Трехлетний мальчик не может давать показания в суде, но следователя его слова убедят. Он распорядится задержать подозреваемого и поставит всех на уши, чтобы доказать его вину.

Легавые поймут, что четверо сообщников много месяцев готовили операцию, часами обсуждали каждую деталь при этом сообразительном, не по годам развитом ребенке.

Тимо ничего не скажет, даже сидя в камере. Она тоже, если легавые ее вычислят. Значит, опасен Зерде только их сын.

Мозг Анжелики работал с бешеной скоростью. Нужно убедить Зерду, что Малон вовсе не опасный свидетель, во всяком случае, пока жив. Аргументы пришли в голову сами собой, она отослала мальчика поиграть на пляже, выдохнула и заговорила:

— Ребенок, которому нет и трех лет, забывает, Алекс. Быстро забывает. Через несколько недель твое лицо сотрется из его памяти. Нужно просто подождать.

Зерда долго смотрел, как малыш в красных резиновых сапожках собирает на пляже водоросли и раскладывает их вокруг кучек гальки.

Возможно, тогда главарь банды понял, что оказался в безвыходном положении: если убьет Малона, придется убрать и мать, иначе та задушит его собственными руками.

Зерда всегда питал к ней слабость.

Ублюдок.

План родился именно в тот момент, когда сошлись три открывшихся перед ней горизонта: на первом плане — ржавый остов дома, на втором — красные сапоги Малона и бескрайний пляж, а на заднем — необъятная гладь океана.

Три плана в одном, одном безумном плане, — карточный домик, картонный дом, который будет уничтожен, если рухнет хоть одна стена.

План, который вынашивался много месяцев, а осуществляться начал прошлой ночью, когда она поняла, что Зерда зачищает пространство вокруг себя, избавляясь от свидетелей.

К реальности ее вернул раздражающий звук цокающих по полу шпилек. Шаги быстрые, нервные. Стюардесса забежала перед полетом? Уборщица? Элегантная дама, спешащая на свидание с любовником?

Стоит так близко. Невидимая...

Анжелика заставила себя вернуться к воспоминаниям. Да, ее план был безумным, невыполнимым, но выбора не оставалось.

Соблазнить одинокого мужика? Пара пустяков!

Одинокую женщину? Еще проще. Одинокие бабы не доверяют противоположному полу, но не свалившейся с неба подруге.

Василе Драгонман.

Марианна Огресс.

Все остальное в руках ее сына. Малон! Называть его Малоном, чтобы имя накрепко засело в голове. Следовал ли он ее советам?

Подчинялся ли Гути? Слушал ли истории, которые она записала, изменив голос? Эта тварь, Зерда, и подумать не мог, что она будет мстить с помощью детских сказок и плюшевой крысы, знающей единственный способ избавления от людоедов.

Каблучки процокали к двери, и на смену им впервые пришел смех. Детский. А через несколько секунд раздались громкие вопли матери.

Грубые, вульгарные. Нормальная женщина, наделенная чувством юмора, не орет, как тюремная надзирательница, не воспринимает веселость своих детей как оскорбление, не считает, что их жизнь принадлежит ей, не распоряжается ими, как вещами. Которые нужно расставлять по местам. Начищать до блеска. А можно и сломать — по небрежности или разозлившись.

Желание-убить.

Голоса детей удалялись в другую сторону, сопровождаемые тяжелыми шагами матери.

Думая о своем плане, Анжелика почему-то вспоминала, как в третьем классе учительница французского велела им прочесть одну книгу, сборник научно-фантастических рассказов о колонизации Марса. У марсиан был удивительный дар — они умели принимать разные обличья, и зависело это от того, кто на них смотрел. Люди, само собой разумеется, всех их истребили, но один спрятался на ферме, стоящей на отшибе, и колонисты решили, что он их покойный сын. Они заботились о нем и очень любили — до тех пор, пока не решили съездить в город. Плохая была идея! На улице одна женщина приняла его за мужа, умершего несколько дней назад, какой-то мужчина подумал, что перед ним жена, которая его бросила. Марсианин не мог сбежать, скрыться: его все время кто-нибудь «узнавал», брал за руку, обнимал за талию, бросался на шею, умоляя остаться, не исчезать. Толпа горюющих — по разным причинам — людей растерзала беднягу, они не хотели делить его друг с другом, вот и убили.

Сегодня она ясно понимает мораль этой безумной истории. Ее сына не должна постичь такая участь.

Для Аманды он Малон.

Для нее — отныне и навсегда — тоже.

Он ее сын, хоть и носит имя другого, чужого, мальчика.

Одна из коробок осела под тяжестью ее тела, и Анжелике пришлось покрепче упереться ладонями в перегородки, чтобы не рухнуло все сооружение. Она выдохнула: пирамида вроде бы выстояла, хотя ей казалось, что импровизированный трон опускается — потихоньку, по миллиметру. В любой момент все может грохнуться.

«Не сейчас! — взмолилась она. — Только не сейчас, когда цель так близка! Боже, пусть картонный домик простоит еще несколько минут!»

Потом у них будет вечность, чтобы построить другой на самой солнечной поляне самого большого леса на свете.

Далеко отсюда.

Каменный, надежный дом на века.

Семейный дом.

Дом для нее, Тимо и их сына.

62

Сегодня мы похоронили мою девственность. Подруги заставили меня пройти по Елисейским Полям, вырядившись мексиканской шлюхой: чулки в сеточку, накладные сиськи и сомбреро.

Желание убить

Они отошли, чтобы сделать фотку, и я не предупредила, что сзади подъехал туристический автобус. В гробах они лежали в карнавальных костюмах энчиладос. [86]

Не нравится: 19

Нравится: 1632

www.jelanie-ubit.com

Лейтенант Лешевалье снял ботинки, закатал до колен брюки и влез в воду рядом со сваями, не обращая внимания на холод. Пошарил под сваями дома и вытащил окровавленную одежду.

— Больше ничего нет, — сообщил он стоявшей в дверях Марианне.

Женский плащ большого размера. Ж. Б. сорвал резиновые перчатки, швырнул их на ступеньку и объявил безапелляционным тоном:

— Учитывая, сколько крови впитала эта тряпка, я бы сказал, что Зерда сделал три смертельных выстрела — в грудь, живот и легкое.

Марианна поморщилась — мнение Ж. Б. о баллистике не слишком ее интересовало, — вздохнула и спросила:

— Этого следовало ожидать... Но тела нет?

— Никаких следов. Ни тела, ни мальчика...

— Остается надеяться, что Зерда не сменил почерк — по трупу на каждый этап — и ребенок все еще жив.

— Думаешь, он следующий в списке?

Марианна посмотрела в глаза лейтенанту и кивнула.

— Если мы не остановим убийцу... разберите эту хибару на части и найдите тело Аманды Мулен. С таким грузом Зерда не одолел бы лестницу, а прилив только начинался и не мог унести труп в море. Банда с улицы Грызунов много месяцев обреталась в этой берлоге, готовясь к ограблению. Так найдите мне следы их присутствия, соберите все, даже самые мелкие мелочи!

Ж. Б. вошел в дом не обуваясь, не сняв насквозь промокшую рубаху.

Марианна дозвонилась до Центрального управления судебной полиции:

— Слышите меня? Да, это майор Огресс. Усильте меры по розыску Алексиса Зерды и Тимо Солера, обклейте весь район их фотографиями и листовками «Разыскивается...», разошлите сообщения по факсу и электронной почте. И убедитесь, что информация дошла до аэропорта Гавр-Октевиль. Каждый пограничник, каждый таможенник должен увидеть их рожи! Мы в пяти километрах от аэропорта, а я в случайности не верю.

* * *

Море поднялось еще на двадцать сантиметров. Полицейские сновали туда-сюда с оборудованием, обследуя место преступления под строгим надзором Марианны. Никто и не подумал разуться или закатать брюки. Все ходили по колено в воде, то и дело оскальзываясь на гальке.

В общей суете не участвовал только Ж. Б. Он сидел в дальней комнате за импровизированным столом из положенной на козлы доски, уставившись в экран ноутбука.

Соленая вода стекала по его спине, полупрозрачная ткань рубашки обтягивала рельефные мышцы. Он напоминал футболиста, бегающего по полю под проливным дождем и не замечающего непогоды в надежде забить гол. Если уж ходить на стадион, так только ради того, чтобы полюбоваться на игроков, этих безмозглых красавцев.

Ж. Б. почувствовал ее взгляд и обернулся:

— Это компьютер Зерды. Он все стер, но я покопаюсь, вдруг что-нибудь найду.

Марианна не стала возражать. Ноутбук, конечно, следует отправить экспертам, но время поджидает. Если мальчик еще жив...

Майор Огресс очень боялась, что ДНК-анализ крови с плаща, пола и стен укажет на Аманду Мулен и Малона. Что с минуты на минуту, в шкафу или под полом, найдут два тела — матери и ребенка.

Ее пробрала нервная дрожь.

— Все в порядке, Марианна?

Она хотела было огрызнуться, но не стала: Ж. Б. промок до костей, а трясет ее.

Красивый, наглый и гордый, как павлин.

— Вам звонят, шеф. — Бурден протягивал ей телефон, стоя по колено в море, в позе плакучей ивы.

— Это Люка... Вы будете мной гордиться, шеф, я нашел малыша Малона на фотографии!

— На какой?

Люка Маруэтт заговорил медленно и членораздельно. Как старый профессор с туповатым новичком, которому не по силам сразу переварить весь объем имеющейся информации:

— На одной из шестисот двадцати семи, сделанных после довьильской пальбы. Их принесли сознательные туристы, обессмертившие место преступления. Все как один жаждали оказать содействие нашей доблестной полиции.

— Ладно, короче. Ты уверен, что это Малон?

— На все сто! Убедитесь сами, я переслал вам снимок. Агент Бурден уже открыл его, проведите пальцем слева направо.

А то я сама бы не сообразила, наглый ты щенок!

— Это не все, шеф. Угадайте, кто держит мальчонку за руку?

Проклятье, он меня достал этим своим «шеф»!

Она собралась было рывкнуть, но тут на экране появилась картинка, а Люка произнес торжествующим тоном:

— Его мама!

На фотографии размером 5×3 была запечатлена толпа на тротуаре у казино. Десятки людей. И что прикажете с этим делать? Марианна нервным движением увеличила изображение, но взгляд все время натывался на пожилые лица. Отдыхающие, сильно за шестьдесят. Да где же?..

— Рядом с лысым мужиком, шеф, — подсказал стажер. — Он выше всех на голову.

Так, едем вправо.

Плешивый дылда.

Едем вниз.

Лицо Малона напомнило ей картину Мунка «Крик». Или маску убийцы из фильма «Крик». Ребенок, сраженный жестоким, невыносимым безумием. Марианну заворожил ужас, контрастирующий с тупым безразличием взрослых. Она перевела взгляд на стоящую рядом с мальчиком женщину.

Маму Малона. Жену Тимо Солера.

Ей показалось, что дом на сваях покачнулся и прилив сейчас подхватит его и унесет в море.

Покачнулся не дом — она.

Марианна ухватилась за косяк, бессильно уронила руку с телефоном, и мобильник упал в море.

Бурден так изумился, что даже не сделал попытки поймать гаджет.

* * *

Ангел.

Анжелика — мать Малона.

Мозг Марианны на бешеной скорости отматывал назад события последних десяти месяцев.

Их свело вместе расследование. Майор Огресс получила анонимную жалобу на сайт *jelanie-ubit.com*. Подобных сайтов в интернете миллионы, но именно этот был прописан в Гавре. Марианна вызвала в комиссариат Анжелику Фонтен, и та подтвердила, что много лет назад, в юности, действительно создала сайт *dermoaia-jizn*, но давно не имеет никакого отношения ни к нему, ни сайту *jelanie-ubit.com*. Кое-кто иногда размещает там посты, посещений бывает не больше пары сотен в месяц. Анжелика сказала, что не возражает против закрытия сайта, ей плевать, она переросла мрачные подростковые бредни. Марианна отослала стандартный рапорт прокурору республики и забыла об этом деле.

Ей сразу понравилась красивая, улыбчивая молодая женщина, сохранившая остатки ребяческого нахальства. Та позвонила на следующий же день, сказала, что хочет передать документы — то ли старые копии мейлов, то ли счета провайдера. Вечером они встретились, выпили вина, поболтали. Неделю спустя увиделись снова, поужинали в «Уно». Все было подстроено. В том числе та анонимка...

Марианна смотрела на плавающий в воде телефон. Волны захлестывали экран серой пеной, но он не тонул — видимо, благодаря силиконовому чехлу.

Анжелика не вызывала подозрений у майора Огресс. С какой стати? Она практически никогда ничего не рассказывала ей о своих расследованиях. Называла имена Василе Драгонмана и Малона Мулена, но Тимо Солера не упоминала. Когда они ехали брать его в квартал де Неж, Анжелика позвонила ей на мобильный, услышала указания навигатора и поняла, что к любовнику спешит не доктор Ларошель, а полиция. Энджи — умница и хитрюга, она никогда не расспрашивала о ходе дела, только наблюдала и в каком-то смысле контролировала. «Где ты?», «Как ты?» — вот и все вопросы.

Люка Маруэтт что-то кричал из телефона, отправленного в свободное плавание, но Марианна будто оглохла, пытаясь вспомнить, какие детали дела могла выдать Анжелике.

Да никакие! Они говорили о мужиках, тряпках, книгах, фильмах и... детях. Чаще всего — о детях.

Чужих детях.

Вроде как ерунда, пустяк, ничего страшного. Грубейшая профессиональная ошибка...

Она вытащила из кармана листок, который нашла в фотоальбоме Малона. Шесть слов. Нарисованные елка, подарки, три человеческих фигурки.

Веселого Рождества!

Никогда не забывай!

Твой Ангел

Написано женским почерком, четыре слова — вверху листка, над елкой, два — внизу, почти прямо под фигуркой женщины с длинными волосами.

Как она могла быть такой тупицей?

Рисунок был гениальным приемом, он помогал Малону не забывать мать — на подсознательном уровне. Она оставила сыну секретный код, зашитый в два простых слова и записанные сказки Гути.

Твой ангел.

Анжелика.

Теперь Марианна понимала, почему был изменен голос.

Ее провели. Как девчонку!

Утопиться, что ли? Не выйдет, дорогая, глубины не хватит, а вот шею можешь сломать! Бурден стоял уронив руки и ждал приказаний. Наверное, мог бы простоять так до полной воды...

Марианна вышла из ступора и кивком велела подчиненному выловить телефон, в котором все еще надрывался Маруэтт.

Надо же, ничего с ним не делается...

— Шеф? Куда вы пропали? У меня есть все данные на мать Малона Мулена. Ее зовут Анжелика Фонтен. Не поверите, но она тоже из Потиньи! Выросла в тупике Коперника, в трех кварталах от улицы Грызунов, я проверил. До четвертого класса училась вместе с Солером, а в шестнадцать лет сбежала! Думаю, они потом снова встретились с Тимо и...

Она нажала на кнопку, не дождавшись окончания отчета, и набрала другой номер.

— Оперативный центр? Это снова Огресс. Добавьте к фотографиям Зерды и Солера еще одну. Женщина. Анжелика Фонтен. В Центральном есть ее снимок. Действовать нужно очень быстро. Пусть расклеют на вокзалах и в пунктах уплаты дорожной пошлины, пошлите мобильные бригады на каждую кольцевую развязку.

Она теснее прижала телефон к уху, опасаясь, что купание все-таки не пошло ему на пользу, и крикнула:

— И не забудьте про аэропорт! Это самое главное!

Марианна не услышала шагов за спиной — Ж. Б. так и не обулся.

— Ты права.

Она ответила на его слова вопросом:

— Нашли тело Аманды Мулен?

Лейтенант покачал головой и повторил:

— Ты права, Марианна.

— В чем?

— Аэропорт действительно в приоритете. — Ж. Б. поднял ноутбук: — Смотри, что я вытащил из его памяти.

Она не увидела ничего, кроме крошечных нечитаемых символов, и буркнула:

— Давай, Шампольон, расшифруй для непонятливых...

— Это скрининг сайтов авиакомпаний. Один и тот же пункт вылета, один и тот же конечный пункт: Гавр — Гэллоуэй, Гэллоуэй — Каракас. Сегодня. Отправление в 16:24. — Он посмотрел на часы. — Через тридцать минут!

Ж. Б. взглянул на небо, опустил глаза, как будто собрался нырнуть, оценил взглядом глубину, сунул компьютер под мышку и улыбнулся:

— До аэропорта меньше пяти километров. Должны успеть!

63

Маленькая стрелка на 4, большая — на 3

Аманда подняла Малона, чтобы девица в окошке могла его увидеть. Ничтожное усилие в сравнении с тем, которое ей пришлось сделать на лестнице, чтобы донести сына до машины Зерды. Она улыбнулась служащей, разглядывающей их билеты и документы. Не похожа на стандартных красоток в стиле Барби — тощих, затянутых в пурпурную форму, напудренных, сильно накрашенных, — но вполне мила. Круглые очки в яблочно-зеленой оправе, ногти с разноцветным

маникюром и кольцо с изумрудным котенком — явная заявка на оригинальность.

«Застенчивая мечтательница», — подумала Аманда, прочитав имя на бейджике: Жанна. Любит детей и кошек.

Девушка кивнула:

— Все в порядке, мадам.

Аманда поставила Малона на пол, и он тут же спрятался за нее.

Жанна не была вредной педантшей, но каждый документ проверяла дотошно — наверняка из-за нервной атмосферы в зале аэропорта. Аманда взмокла от напряжения и все время повторяла про себя: «Прекрати, паспорта в порядке — и твой, и Малона. Даже если легавые нашли дом на сваях, тебя они считают мертвой, так что никто сюда не позвонит и не прикажет задержать вас!»

— Ты уже летал на самолете, малыш? — спросила пограничница. — Путешествовал так далеко?

Малон снова спрятался за Аманду.

«Ах ты пугливый котенок!» — умиленно подумала Жанна.

— Скажи, дружок, ты ведь храбрый мальчик? Знаешь, там, куда ты летишь, есть...

Она сделала паузу, надеясь, что Малон отреагирует. У Аманды вспотела спина, и ей показалось, что горький запах чувствуется на расстоянии нескольких шагов.

— ...Есть джунгли! Так, милый?

Малон не отвечал.

Жанна проштемпелевала паспорта, и этот звук отозвался в мозгу Аманды, как удар шар-бабы, рушащей стену тюрьмы.

— Не бойся, милый, ты ведь не один! — Она бросила негодующий взгляд на проходивший мимо патруль и закончила: — Мама все-все тебе объяснит про джунгли.

Аманда почувствовала, что сейчас хлопнется в обморок.

Когда болтливая идиотка произнесла слово «мама», Малон повернул голову и посмотрел на стену, где висели фотографии разыскиваемых преступников. Зерды. Солера.

И Анжелики Фонтен.

Надежды Аманды не оправдались: полицейские сработали оперативно и идентифицировали личность сообщницы грабителей. Они

уже знают, что она — настоящая мать Малона, значит, поняли и все остальное...

Аманда попыталась справиться с паникой. Слава богу, Жанна смотрела не на нее, а на Малона.

Одно неведомо легавым умникам: она жива и никому не позволит украсть у нее сына! Анжелика Фонтен бросила своего ребенка, она помогла убийцам и надолго сядет в тюрьму. Мать Малона должна быть свободной и любящей женщиной. Он ведь забыл свою прежнюю жизнь, почти все забыл! Через несколько дней Анжелика превратится в размытый образ на снимке, а через несколько недель он о ней и не вспомнит.

Во взгляде женщины, от которой сейчас зависела ее судьба, Аманда ясно читала недоумение, даже сомнение.

Она не может потерпеть неудачу сейчас, когда цель так близка.

Аманда повернулась в сторону стены с фотографиями, перевела взгляд на самолеты, взлетные полосы и море, естественным движением взлохматила волосы Малона.

Мать и сын отправляются в далекое путешествие, мыслями они уже над облаками.

Следующие несколько секунд показались ей вечностью, в ушах стоял грохот армейских ботинок. Жанна наконец приняла решение и протянула паспорта пассажирке:

— Все в порядке, мадам. Счастливого пути!

— Спасибо.

Первое слово, произнесенное Амандой.

Небесно-голубой *Airbus A318* оторвался от взлетной полосы и взмыл вверх.

* * *

Лейтенант Лешевалье проследил взглядом за лазерным самолетом, набиравшим высоту над маслянисто-черным океаном, и побежал вниз. Он опередил Марианну на пятьдесят ступенек, а она совсем выдохлась и поняла, что, если не остановится, сдохнет на треклятой лестнице.

— Есть свидетель! — крикнул он. — И не абы какой...

Ж. Б. протянул начальнице плюшевую игрушку.

— Где ты *это* нашел?

— В зарослях ежевики. Должно быть, Алексис Зерда зашвырнул туда Гути, прежде чем раствориться в воздухе.

Она не отреагировала. Не улыбнулась. Не похвалила, сказав что-нибудь вроде «Молодец, Ж. Б.!»), а ведь эта находка крайне важна для них. Мальчик ни за что не расстался бы с Гути, этот комок синтетического меха успокаивал и утешал его. Раз Зерда выкинул игрушку, значит, решил, что Малон ему больше не нужен, убил его и спрятал тело в укромном месте.

Майор Огресс схватила старую крысу и сжала ее в руках — слишком уж нежно, на взгляд лейтенанта Лешевалье, как будто вдруг поверила, что зверушка и впрямь умеет разговаривать! Она что, хочет подольститься к Гути и выведать его тайны?

— Вперед, Ж. Б.! Шевелись! — скомандовала Марианна, даже не взглянув на своего лейтенанта.

Он в три шага преодолел пять ступенек, пытаюсь понять, с чего вдруг начальница так переменилась к нему за несколько последних часов. Почему вдруг стала дерганой, даже агрессивной. Причина не только в этом проклятом деле, не в неудачах, которые их преследуют, и даже не в необходимости срочно задержать Зерду и Солера.

Дело лично в нем.

Неожиданно он превратился в обычного сотрудника, компетентно исполняющего приказы, — одного из многих. Лейтенант не понимал причин столь внезапного разочарования Марианны, и это его мучило. Он старается как может, заметил детское сиденье на фотографии, обнаружил в компьютере Зерды следы билетов Гавр-Каракас, нашел Гути в колючем кустарнике...

Одобрение во взгляде майора Огресс всегда очень много для него значило. В этом не было ни капли сексуального притяжения, хотя они действовали слаженно, как танцоры или фигуристы.

До гаврского аэропорта километра два, не больше. Самолет вылетает через четверть часа, они успеют перехватить беглецов.

Минуту спустя Ж. Б. оказался на последней ступеньке и обернулся. Марианна смотрела на море, прижимая к груди Гути, как девушка сумочку в переполненном трамвае. Ее била крупная дрожь.

У лейтенанта мелькнула нелепая мысль: плюшевый зверь дождался, когда они останутся наедине, и сделал признание, которое до глубины души потрясло майора полиции, и она поняла, что расследование с самого начала шло по ложному следу.

Лешевалье стремительно пересек парковку и сел за руль «рено». Когда Марианна поднимется, он будет у лестницы и откроет ей дверцу.

Быстро. Четко. Без слов.

Он помигал фарами и в который уже раз подумал, что не понимает, как всем этим танцорам на пуантах, в лаковых штиблетах или на коньках удастся по многу лет быть партнерами и не влюбляться друг в друга.

64

Дед проигнорировал нервные советы «Анны из навигатора», выключил двигатель и перешел к плану В.

Будем работать по старинке. С картой. Так, с современной частью Потиньи все ясно: широкая центральная улица, магазины в окружении новых домов, — а вот шахтерские кварталы маскируются от редких визитеров. Дюжина кондоминиумов по десять маленьких, совершенно одинаковых домиков.

Лейтенант Паделу нашел на плане улицу Грызунов, отметив крестиками адреса всех участников разыгравшейся драмы. Люка Маруэтт отыскал в старой книге по истории Потиньи фотографии домов того времени, когда шахта еще работала, и отсканировал те, что интересовали Деда.

Федерико и Офелия Солер, ул. Грызунов, 12
Томаш и Каролина Адамяк, ул. Грызунов, 21
Йозеф и Марта Люковик, ул. Грызунов, 23
Дарко и Хелена Зерда, ул. Грызунов, 33

Получив новое раздраженное сообщение Марианны, он добавил еще один крестик рядом с жилищем родителей Анжелики Фонтен в тупике Коперника, недалеко от улицы Грызунов, и вышел из машины. Коттедж был отделен от соседних маленьким садиком и мог бы выглядеть кокетливым, если бы не закрытые ставни, увядшие цветы и

проржавевшая решетка. Дом с привидениями... Трудно поверить, что в нем когда-то звучал веселый детский смех.

Потиньи — не лучшее место для взросления. Здесь хорошо разве что стариться...

Он свернул направо и оказался на улице Грызунов. Его неприятно поразила унылая, однотипная архитектура краснокирпичной застройки, которую едва оживляли немощные лучи солнца.

Ржаво-коричневый, винно-пунцовый, кроваво-красный.

Отсюда дети тоже сбежали. Об их присутствии напоминал только старый дорожный знак «Осторожно, дети!» перед «лежачим полицейским», который теперь мог пригодиться хорошо если дважды в год, когда внуки здешних обитателей приезжали навестить их на Рождество или в день рождения.

Дед медленно шел по узкой, пустынной, продуваемой всеми ветрами улице и чувствовал себя таким Счастливым Люком, вернувшимся в родной Дейзи-Таун.[87] Он вышагивает по улицам, в спину ему, прячась за занавесками, смотрят местные жители — банкир, китаец-прачка, салунная красотка, — а на другом конце улицы вот-вот появятся злодеи Пат Покер и Билли Зи Кид.

Никого тут нет.

Даже гробовщика.

А вот и дом № 12, где жили Солеры. По сведениям Маруэтта, его выкупили через несколько недель после смерти отца Тимо. Федерико Солер предпочел провести последние месяцы жизни не в больнице, проходя курс химиотерапии, а у родного очага, мастера поделки. Со времени детства Тимо кое-что изменилось: на месте песочницы красовалась клумба с гортензиями, там, где мальчишки гоняли мяч, оборудовали площадку для игры в петанк, баскетбольный щит выкопали, заменив жаровней для барбекю. Занавеска на окне отодвинулась. Дед краем глаза увидел женщину в розовом халате и пошел дальше.

Дом № 21, Томаш и Каролина Адамяк. На заборе табличка «Продается»...

Запущенный вид здания, явно покинутого много лет назад, контрастировал с ухоженной могилой родителей Илоны.

Дом № 23, Йозеф и Марта Люковик. Лейтенант Паделу решил, что посетит жилище семейства Зерда позже. Родители Алексиса уехали из Потиньи двадцать лет назад, а вот отец и мать Сирила все еще здесь — если данные Маруэтта верны. Те же светло-зеленые ставни, что и на старом снимке, тот же огород, те же горка и качели, привязанные к верхней ветке вишневого дерева. Как будто ребенок тоже никуда не делся.

Дед подошел к забору.

Почтовый ящик с индексом коммуны Ож,[88] над ним кнопка.

Он секунду помедлил, словно опасался, что звонок разбудит не только обитателей дома, но и весь квартал, всю деревню — даже тех, кто на кладбище.

Верна ли его догадка?

Может, стоило взять с собой Марианну или кого-то из ребят?

Он позвонил.

Дубовая дверь открылась не сразу. На пороге стоял Йозеф, а лейтенант ожидал увидеть Марту Люковик.

Седой ежик волос, элегантный свитерок, поза польского таможенника на линии Одер — Нейсе. Не хватает только оружия, хотя черные, близко посаженные глаза очень напоминают дуло двустволки.

— Что нужно?

Дед не стал отвечать, он смотрел за спину бывшего шахтера. Сыщик понял, что был прав с самого начала, что все угадал верно и не зря приехал в Потиньи.

65

Маленькая стрелка на 4, большая — на 4

— Мама-да... — Она метнула на него сердитый взгляд, и он сразу спохватился: — Мама...

— Что, мой дорогой?

— Зачем все снимают ботинки?

Малон не очень хорошо понял ответ. При чем тут ремни, драгоценности, очки, обувь и компьютеры?

Мама-да — про себя он имеет право так ее называть! — все время повторяла одно и то же: «Поторопись...» И подталкивала его в спину, и тянула за руку. Полицейские, мужчина и женщина, снова проверили их документы, Малон бесшумно шагнул в сторону, и Мама-да поймала его в последний момент:

— В чем дело, милый?

Ее голос прозвучал нежно — она хотела выглядеть пайнкой, как перед учительницей. Нужно воспользоваться моментом.

— Я хочу Гути!

Малон не мог забыть верного друга, висящего вниз головой на колючках куста. Мама-да не имела права отнимать у него Гути.

НЕ ИМЕЛА ПРАВА бросать его там.

НЕ ИМЕЛА ПРАВА уходить без него.

Она с глупым видом смотрела на полицейских, обеими руками обнимая сына.

— Там, куда мы отправляемся, таких полно. Я куплю тебе другого, покрасивее.

Малон не слушал, его внимание было приковано к залу аэропорта. Он большой, очень большой, Мама-да его не догонит. Сбежать будет очень легко...

— Хорошо, мама, — тонким голоском произнес он.

Она разжала руки.

И он сразу рванул с места, точно зная, что будет делать: помчится вперед и повернет у плакатов на стене.

— Стой, Малон! — крикнула ему в спину Мама-да.

Он замер на месте.

Вовсе не потому, что она велела. На ее вопль обернулись все, кто был вокруг, а он едва слышал этот голос.

Потому что смотрел на плакат.

На нем была мама.

Да, это ее широкая улыбка, ее длинные волосы и сердитый взгляд, как будто она тоже хочет отругать его.

Какой же он глупый! Чуть не ослушался...

Малон только что вспомнил мамин совет, который никогда не должен был забывать, а вот забыл, хотя пообещал, что будет повторять его каждый вечер — про себя, конечно! — и делал это вместе с Гути.

Ему просто следовало ждать.

Мама-да крепко схватила его за руку:
— Довольно, Малон!

Ждать нужного момента.

А до тех пор вести себя так, как будто Мама-да — его мама. Они вернулись к полицейским. Мама-да выложила телефон, сняла очки и часы, а Малон — висевший на шее медальон. Потом они прошли через дверь без стены, Мама-да снова зазвенела, и ей пришлось снять кольцо.

Малон спокойно ждал ее по другую сторону.

Полицейские пересмеивались, переговаривались о чем-то своем и казались вполне безобидными, а вот те, что стояли чуть дальше — с ружьями и в камуфляже, — выглядели грозно.

Они шли по стеклянному коридору, Малон смотрел на самолеты и думал о последних словах мамы.

— Выход номер восемь, — сказала Мама-да. — Два кружочка друг над другом. Поищем вместе, милый?

Малон смотрел в другую сторону, туда, где были стены, магазины и двери.

Нужно быть храбрым. Как же ему не хватает Гути! Спасти от людоедов можно одним-единственным способом! И не сесть в самолет, летящий в их лес, тоже...

Малон помнил, как они с мамой прощались — давным-давно, в торговом центре. Он стоял, прижимая к груди Гути, а она снова повторила:

Это молитва, твоя молитва. Ты должен помнить ее всегда-всегда.

Это совсем просто, ты сумеешь. Прежде чем войти в самолет, ты скажешь одну фразу, ты повторял ее тысячу раз. Главное — произнеси ее именно в этот момент.

Даже если это будет неправдой. Пусть тебе поверят.

Два кружочка друг над другом.

Выход № 8.

Мама-да улыбалась. Оранжево-белый самолет был подсоединен к большой трубе, похожей на шланг пылесоса, как будто пассажиры были не люди, а комки пыли или хлебные крошки.

Малон потянул Маму-да за рукав.

Пусть тебе поверят. Даже если это будет неправдой.

— Мама...

Она заулыбалась. Он знал, что, если назовет ее мамой, она точно улыбнется.

— Что такое, малыш?

— Я хочу писать.

66

Сегодня, около полуночи, он сказал: мне жаль, красотка, я никогда не ложусь в койку на первом свидании... Я тоже, уже 317 вечеров.

Желание убить

Я оставила ему на память мои туфли-шпильки... по одной в каждом яичке!

Не нравится: 97

Нравится: 451

www.jelanie-ubit.com

«Рено» резко затормозил перед высокой застекленной дверью аэропорта. Дверцы машины распахнулись, Марианна и Ж. Б. синхронно выскочили наружу. Она держала в левой руке Гути.

16:33.

Рейс на Каракас через Гэллоуэй. Вылет через девять минут.

Ее доставал этот обратный отсчет, хотя она знала, что Алексис Зерда не сможет сбежать, не улетит этим самолетом из этого аэропорта — ни с мальчиком, ни с Тимо, ни с Энджи.

Даже один не улетит. Они предупредили каждого агента, каждого полицейского, каждую бортпроводницу, расклеили повсюду фотографии трех подозреваемых. Через этот аэропорт Зерде не

ускользнуть. Билетный скрининг в компьютере — отвлекающий маневр или один из планов Зерды, план В, план Z, не имеет значения. Он не станет его использовать. Алексис Зерда — убийца, но не идиот, он не полезет добровольно в капкан.

16:34.

Долой сомнения, вперед!

Стеклянные створки разъехались, Марианна рванулась вперед, как бегун на финише, но Ж. Б. схватил ее за запястье:

— Подожди, Марианна.

Когда они парковались, зазвонил его телефон, он ответил и все еще слушал собеседника, время от времени кивая.

Его прикосновение несколько не взволновало майора Огресс. Тремя минутами раньше, когда лейтенант переодевался в машине, она без смущения разглядывала его торс с накачанным до рельефных кубиков прессом. Единственным образом, пришедшим ей в голову, были лица детей, ждущих у школы папочку, который в этот момент развлекается с хорошенькой девицей.

Ж. Б. — отличный сыщик и надежный товарищ. Все остальное в прошлом. Во всяком случае, пока... Она снова рассмотрит этот вопрос после менопаузы. Если лейтенант к сорока годам не разжиреет.

Лейтенант так и не отпустил ее руку.

— Они нашли тело в тайнике. За домом была яма, доверху заполненная строительным мусором, битуминозным песчаником, водорослями. Константины пришлось погрузиться по плечи, чтобы достать труп.

— Ясно... Мы были к этому готовы.

Марианна повернулась к дверям, собираясь наконец войти, но почувствовала какую-то недоговоренность и спросила:

— В чем дело, Ж. Б.?

— Есть проблема. С покойником...

Он сделал паузу и еще крепче сжал ее запястье, как будто решил посчитать пульс.

150 ударов в минуту.

Обезумевшая дверь снова и снова открывалась и закрывалась.

— Не тяни!

— Это труп не Аманды Мулен!

Давление усилилось.

175 ударов в минуту. Дверь-гильотина по-прежнему хватала пустоту.

— Убит Зерда. Двумя пулями в грудь.

— Проклятье...

Он наконец отпустил ее. Марианна шагнула вперед, бросив через плечо:

— Что-нибудь еще?

Ж. Б. не отставал ни на шаг.

— Да, шеф, и еще более удивительное, чем труп Зерды... Снова отличился наш стажер. Малыш Маруэтт шустро работает. Он занялся Анжеликой Фонтен.

Марианна прикусила губу. В стекле контражуром отразилось ее перекосившееся от тревоги лицо. Сейчас Ж. Б. объявит, что они нашли фотографию Энджи или, того лучше, свидетеля — официанта из «Уно», а тот показал, что Анжелика Фонтен каждую неделю встречалась с женщиной. «Ты не поверишь, Марианна, если верить описанию, она — твоя точная копия!»

— Маруэтт все перелопатил, — продолжил Лешевалье. — Всю жизнь этой дамочки — начиная с отъезда из Потиньи до сегодняшнего дня. Она работает в Гавре, в парикмахерском салоне, живет в Гравиле...

Жар приливал к голове, мешая Марианне сосредоточиться. Конечно, она сумеет все объяснить и ответит за свою глупость — потом, позже. А сейчас ей нужно всего несколько минут, чтобы спасти мальчика.

— Ну и? — осипшим голосом поинтересовалась она.

Им навстречу шли патрульные с автоматами через плечо.

— С двадцатилетнего возраста ни один факт не указывает ни на беременность, ни на роды.

Марианна вспомнила разговор с Анжеликой в «Уно» — о том, что Энджи была беременна, что отец ребенка подстроил аварию, случился выкидыш и это обрекло ее на бездетность. Теперь признания подруги обрели окончательный смысл.

— Как можно так долго скрывать ребенка? Целых три года! Есть же акт гражданского состояния, роддом, ясли, няни, бабушки-дедушки, педиатры, соседи. Мать не запирает малыша в квартире, когда идет на работу, не прячет под пальто, отправляясь за покупками. Маруэтт с

коллегами не нашли никаких следов грудничка в жизни этой Фонтен. Ни единого!

Два солдата стояли совсем близко от них.

Голос рассудка у нее в голове злобно хихикнул. Да-да, Ж. Б., у каждого свои маленькие семейные тайны. У тебя — перепихон в режиме нон-стоп. У меня — подруга-преступница.

Марианна помахала удостоверением перед носом военных и стремительно двинулась дальше — неудержимая, как танк. Она поймала себя на том, что испытала тщеславное удовольствие, продемонстрировав власть, хотя выглядело это, как учебный поединок перед строем. На мгновение ее внимание привлекла стена напротив.

С листовок формата А3 на нее смотрели лица Алексиса Зерды, Тимо Солера и Энджи.

Пустая трата времени. Искать в аэропорту нужно Аманду Мулен. Это она пытается сесть в самолет с усыновленным мальчиком, который теперь носит ее фамилию. У досмотрщиков нет никаких причин задерживать мать и сына. Ловкий ход, Аманда!

Майор взглянула на часы, а Ж. Б. посмотрел на фотографии. Бедняга наверняка думает, что они окончательно утратили контроль над ситуацией...

Пять минут до взлета.

Марианна шла по залу, крепко зажав в руке Гути. Ж. Б. — отличный сыщик, но на сей раз он ошибается.

А она все поняла благодаря потертой плюшевой крысе.

Аманда не должна улететь с Малоном. Ни в коем случае! И не потому, что убила Алексиса Зерду, хороший адвокат легко докажет, что это была самооборона. Дело совсем в другом.

Энджи ее не обманывала! Энджи всего лишь бросила бутылку в море, послала сигнал SOS. В некотором смысле она даже призналась, сказала правду. Сейчас это главное. В своих чувствах она разберется потом и даст отчет сотрудникам отдела собственной безопасности.

Марианна кивком велела лейтенанту идти к таможенникам, а сама направилась к окошкам регистрации. В словах необходимости не было, они же профессионалы...

Молодой офицер с недоумением смотрел на женщину, державшую в одной руке серую плюшевую крысу и полицейское удостоверение — в другой. В кармане у Марианны подал голос сотовый, и она мысленно взмолилась: «Боже, пусть это будет Дед!»

Пусть поможет принять верное решение. Пусть подтвердит то, что несколько минут назад, на лестнице, ведущей от заброшенной базы НАТО, открыл ей Гути.

Три простых слова, вышитых на меховой шкурке, которые заметила только она. Банальные. Стандартные. Такие вышивают на тысячах игрушек, продаваемых по всему миру... Они высветили истину.

Анжелика — не мать Малона!

67

Маленькая стрелка на 4, большая — на 7

В очереди перед ними почти никого не осталось. Пылесос проглотил всех барашков. Рраз — и прямо в самолет!

Малон кривил губы, изо всех сил стараясь не заплакать, хотя ему было чуточку больно: рука слишком сильно сжимала его ладошку, и кольцо царапало пальцы.

Он поднял глаза.

Один, два, три.

Три последних барашка перед ними. Люди двигались быстро. Дама в костюме была шустрее двух первых — той, что проверяла документы в окошке, и другой — у столика, где все снимали ремни и часы. Эта едва смотрела на проходивших мимо нее пассажиров и их паспорта с фотографиями, только брала у каждого посадочный талон, надрывала и тут же отдавала назад.

Один, два, три, снова пересчитал Малон.

Здесь нужно было предъявлять бумаги третий раз. Понятно, почему дама едва на них смотрит.

Пылесосова глотка втянула в себя последних барашков — дама всех пропустила. Теперь их очередь.

Малон споткнулся: дама его пугала. Чуть-чуть. У нее были длинные красные ногти, волосы огненного цвета, темная кожа и черные глаза. Она очень широко открывала рот, когда говорила, а закрывала не

до конца, как будто зубов было слишком много и они не помещались внутри.

Малон понял.

Это дракон. Вернее, драконша.

Она сторожит вход в пещеру, ведущую в лес людоедов. Барашков пропустила, а вот как отнесется к ним, неизвестно.

Драконша взяла документы и, даже не взглянув на фотографию, надорвала талон и сказала:

— Счастливого путешествия, мадам.

Внутри пылесоса было темновато. И прохладно. В самом конце Малон увидел другую дыру — лаз в самолет.

Рука потянула его сильнее.

Лес людоедов...

На этот раз Малон все-таки заплакал.

Большая ладонь стала мягкой. Голос, раздавшийся в туннеле, был ласковым и нежным:

— Ты вел себя очень храбро, любимый.

Малону было плевать на храбрость, на людоедов, на драконшу. Даже на то, сядут они в самолет или он улетит без них.

Ему нужен Гути.

Он хочет свою игрушку.

— Потерпи еще немножко, малыш. Гути будет тобой гордиться. Ты все сделал так, как он хотел. — Она обняла Малона: — Договорились, милый?

Он шмыгнул носом, кивнул и сделал шаг, другой, третий... Между пылесосом и кабиной самолета была маленькая щель, а под ней — асфальт взлетной полосы. Две дамы в одинаковых костюмах попросили показать талон — только его, не документы с фотографией. На листке был указан номер их места. Мама-да ему объясняла. У этих двух дам зубов во рту тоже было слишком много, но они любезно проводили их к креслам.

Большая рука снова сильно сжала детскую ладошку:

— Полетели, мой хороший? Обещаю, папа скоро будет с нами.

Она поцеловала Малона. Он всхлипнул. Без Гути ему было нечем занять руки. Слезы все никак не останавливались, но он все-таки заставил себя улыбнуться.

— Ладно, мама.

68

Сегодня он вернулся купить хлеба. Он хорош собой. Инженер или что-то вроде того. Ходит в пиджаке с галстуком, таскает на плечах своих детишек, и они смеются. Он ни разу не посмотрел в мою сторону, когда я протягивала ему багет и сдачу. Ни разу не заглянул в вырез моего платья. Я всегда была для него жалкой продавщицей.

Желание убить

Я все выдумала и послала сообщение его жене. Она проломила ему голову утюгом — так написали в местной газетенке.

Не нравится: 2136

Нравится: 129

www.jelanie-ubit.com

Силуэты за спиной Марианны напоминали призраков. Огромные, полупрозрачные, они приближались, росли и стали такими же высокими, как бело-красная башня контроля, раздавив два «Боинга 737», словно это были детские самолетики. Потом вдруг угрожающе потемнели и мгновение спустя растаяли. Всего лишь облако в небе, заслонившее отражение полицейских, спешащих присоединиться к майору Огресс.

Марианна не обернулась. Она смотрела на летное поле.

Выходы 5 и 9. Амстердам. Гэллоуэй. Лион. Барселона.

Запыхавшегося Ж. Б. окрестности не заинтересовали.

— Нашли Солера! Анонимный звонок. От женщины. Он лежал на пассажирском сиденье припаркованной на аэропортовской стоянке машины.

Марианна оглянулась:

— Тимо Солер... Наконец-то! Как он?

— Плохо... Пробито легкое, открытая рана под лопаткой, внутреннее кровотечение, но когда Бурден и Бенами открыли дверцу, он все еще дышал. Был в полусознании — веки двигались, губы дрожали... Однако признаний не жди.

Она в упор посмотрела на лейтенанта:

— Твой прогноз?

— Трудно сказать. «Скорая» едет. Один шанс из десяти? Из ста? Чудо, что Солер до сих пор жив, так что...

Справа от них исходил нетерпением начальник службы безопасности аэропорта — маленький лысый человечек в галстуке и очках с тонкой оправой на унылом вислом носу. Его не волновало, выживет Тимо Солер или подойдет как собака. Он обильно потел и переминался с ноги на ногу, не зная, как реагировать на ситуацию. Рядом стояли высоченная рыжеволосая стюардесса с ярким маникюром и два молодых бритоголовых солдата в камуфляже с автоматами на плече. Нелепая четверка — продажный чиновник с эскортом и телохранителями. Голос у коротышки был сухой и визгливый, как у людей, лишенных всяческого авторитета.

— Что будем делать, майор?

Марианна не сочла нужным отвечать. Она смотрела на «Боинг 737», прокручивая в голове последние события.

Полумертвого Тимо Солера оставили на парковке, однако позаботились о том, чтобы помощь пришла вовремя и у него остался пусть минимальный, но шанс на спасение. Логично, ведь все эпизоды этой истории срежиссировали заранее. Майор Огресс была марионеткой в игре теней, персонажем, чью роль тщательно прописали главу за главой.

Предпоследняя разыгралась меньше пяти минут назад.

Она разговаривала со служащими у окошка, когда по залу разнесся крик. Ж. Б. и Константины ринулись к дамской комнате, Марианна бежала следом. Она все поняла, увидев дверь, высаженную плечом Константины, и тело в кабинке.

Еще одна иллюзия долой.

На Аманду Мулен напали в туалете — единственном на весь этот небольшой аэропорт, затащили тело в ближайшую кабинку, наскоро связали, заткнули рот. Тот, кто это сделал, очень торопился.

— Он прятался здесь. — Ж. Б. открыл дверцу хозяйственного шкафа. — Сидел тут и ждал Аманду Мулен.

Марианна взглянула на примятые, стоящие одна на другой коробки, втиснутые между моющими средствами и швабрами.

— Она...

— Она?

Шкаф был узкий, не больше тридцати сантиметров в ширину. Аманда Мулен сидела на унитазе с кляпом во рту и отчаянно вращала глазами.

— Она! Только женщина могла здесь поместиться. Худая и гибкая.

Энджи.

Марианна вернулась к реальности.

Господин Безопасность сильно нервничал. Вид женщины с оружием у пояса был ему явно внове, а ведь от нее зависели его дальнейшие действия.

Марианна размышляла. Все предельно ясно: Энджи села в самолет вместо Аманды Мулен. Она приехала в аэропорт загодя, зарезервировав билет на какой-нибудь рейс, прошла все стадии контроля и спряталась до того, как ее фотографию разослали повсюду. Оставалось дожидаться, когда Аманда Мулен — ее никто ни в чем не подозревал — придет вместе с Маломом, зарегистрирует багаж, пройдет таможенный досмотр и паспортный контроль. Последняя проверка была формальной: запуская в кабину сто двадцать пассажиров, стюардессы смотрят только на посадочные талоны с номерами кресел.

Мать и ребенок. Два паспорта. Некоторое сходство с Амандой. На этом этапе Энджи ничем не рисковала — ей достаточно было слегка изменить внешность.

Идеальный план. И чертовски дерзкий.

Плешивый гном исчерпал запас аргументов и отчаянно нуждался в помощи, но его телохранители и высоченная пышногрудая стюардесса уподобились восковым фигурам.

Он вздохнул:

— Так что будем делать?

Марианна указала пальцем на стеклянную стену:

— Самолет все еще на взлетной полосе?

Бедолага всплеснул пухлыми ручками и кивнул на «боинги», стоящие на летном поле:

— Да! И следующие три ждут своей очереди. Женщина и ребенок внутри, мы проверили. Ждем ваших указаний, майор. Следователь Дюма выразился недвусмысленно: пока вы не отдадите приказ, самолет никуда не полетит. В моем распоряжении пятнадцать человек, они могут вмешаться, как только...

Марианна не ответила. Он на мгновение прикрыл глаза, у него дернулись губы. Происходящее было за гранью добра и зла. Эта баба — майор полиции! — бродит по залу с мерзким плюшевым зверьком в руке, а все делают вид, что так и надо. Дичь какая-то...

Марианна поглаживала швы на шкурке Гути, как будто решила доконать несчастного, потом перечитала три слова, написанные на ярлыке. Секрет Гути!

Она невольно улыбнулась.

Подсказка с самого начала была у них под носом, но никто не обратил на нее внимания.

Made in Guyana. Гвиана.

Да, Энджи все придумала заранее, всю эту историю. Вплоть до последней главы. Но решающий ход за Марианной.

Признания, сделанные Энджи за столиком в «Уно», имели единственную цель — подготовить момент, внушить сомнение... Много вечеров, что они провели вместе, Энджи притворялась ее подругой.

Что это было?

Манипулирование?

Зов о помощи?

Начальник службы безопасности привстал на цыпочки и рявкнул что было сил:

— Проклятье, чего мы ждем, майор?

Спокойный ответ Марианны лишил его остатков самообладания:

— Телефонного звонка.

Я не смогла.

Не нравится: 7

Нравится: 990

www.jelanie-ubit.com

Ребенок медленно раскачивался, не понимая, как это опасно.

Веревки были потертыми, деревянная доска трухлявой, а карабины ржавыми. Дождь и время постарались...

Малыш не прикладывал усилий, качели двигались по инерции, а вместе с ними — трава, деревья, дом, весь земной шар.

Марта Люковик долго смотрела на мальчика в теплых варежках и шапочке, потом наконец отвлеклась и поставила на стол кофейник. Под окнами застекленной веранды выстроились в ряд горшки с апельсиновыми и лимонными деревцами и кустами черной смородины. Изысканная цветовая гамма радовала и успокаивала глаз.

Йозеф, сидевший напротив лейтенанта Паделу, указал на маленький садик, с трех сторон отгороженный от мира высокими кирпичными стенами. Дед решил, что он собирается рассказать ему о ребенке, но ошибся.

— Не поверите, но это южная сторона. Мы пристроили веранду в девяностых, когда закрыли шахту и я получил страховку. Безумие... — Он закашлялся и подвинул к себе чашку. — Прошло двадцать пять лет. Мы все еще выплачиваем за нее, и я провожу день за днем среди этих растений, что мне, возможно, совсем не полезно.

Кашель перешел в хриплый смех. Марта положила сахар в чашку мужа, не дожидаясь просьбы.

— Благодаря этим трем стенам нам хоть соседи не надоедают! — добавил он и начал прихлебывать горячий напиток дрожащими губами.

Дед сделал глоток. Кофе оказался очень горьким, но он и виду не подал. Ему стоило невероятного труда попасть в дом. Полицейский значок не подействовал. Старый шахтер смягчился, только когда он назвал имена Тимо Солера и Анжелики Фонтен, а дверь открыл пошире, услышав имя Алексиса Зерды.

— Зерда мертв. Убит. Меньше часа назад. Его тело нашли в цистерне на заброшенной базе НАТО. — Лейтенант решил пойти ва-банк, и дверь распахнулась.

— Мы пойдем на веранду, — сказал хозяин дома. — Принеси нам кофе, Марта.

Йозеф явно не хотел разговаривать с чужаком в коридоре, где на стенах, обклеенных старомодными обоями, висели плакаты польской «Солидарности», фотография кафедрального собора в Вавеле и портрет Бронислава Булы[89] над галошницей.

Гостей в этой семье принимали редко.

Дед одним глотком допил кофе, поморщился и перевел взгляд на ребенка на качелях.

— Что произошло?

Марта Люковик взяла ладони руку мужа. Морщинистую, покрытую старческой гречкой, износившуюся, как доски калитки, вынырившую детей, которые выросли и покинули ее. Пьеррик Паделу понял смысл этого жеста: довольно, дорогой. Пора все рассказать. Телепатическая связь. Слова предстояло найти мужу, но признание решила сделать жена.

Йозеф еще раз кашлянул и начал рассказывать:

— Алексис позвонил нам после ограбления в Довиле. Я зову его так, потому что Зердой для нас был Дарко, его отец. Мы двадцать лет спускались вместе в забой.

Марта легонько похлопала мужа по руке, призывая не отвлекаться.

— Он первым предупредил нас — раньше полицейских, журналистов и соседей. Сказал, что полицейские убили Сирила в Довиле, на улице де Мер, Илона тоже погибла. Я помню, что Алексис пришел в полдень. Марта слушала радио «Ностальжи» и пересаживала камелию на веранде. Она переключила приемник на новости. Все станции только об этом и говорили. Горшок выпал у Марты из рук. Видите вон ту выбоину? — Старик кивнул на щербину на кафельном полу. — Мы с Мартой и раньше не сильно любили вашу братию...

Дед промолчал. Ребенок в саду раскачивался на качелях — медленно и мерно, как маятник ходиков.

— Он назначил вам встречу?

— Да, час спустя мы встретились у пруда Каниве. В те времена все деревенские мальчишки удили там рыбу. Мы с Мартой приехали вместе. Машину вела она, меня трясло, и я бы не сумел удержать руль. С тех пор чертов артрит в правой руке не дает мне покоя.

Лейтенант понял, почему Марта все время поглаживает пальцы мужа.

— Алексис стоял у воды, рядом с хижинкой, которую они, когда им было по десять лет, построили в камышах, чтобы ловить лягушек и водяных курочек.[90] Домик из трех старых досок и двух листов железа. Он тоже был не в себе, я впервые видел парня в таком состоянии. Помню, когда его вызвали на педсовет за кражу у малышки Легенек, он вел себя вызывающе и спесиво, совсем как его отец с горным мастером. Но в тот страшный день Алексис выглядел напуганным и каким-то... уязвимым.

— Он едва не погиб. А Сирил и Илона...

— Нет! — отрезал Йозеф и снова закашлялся. — Алексису не было никакого дела ни до нашего сына, ни до невестки, ни даже до Тимо, раненного в грудь. Да погибни они все, ему это было бы только на руку. Чем меньше живых свидетелей, тем лучше: не придется делиться. Я никогда не питал иллюзий насчет малыша Алексиса, с тех пор как впервые увидел его на детском празднике по случаю пятого дня рождения Сирила. Это может показаться странным, но человек с жизненным опытом способен безошибочно определить, кем — и каким — станет малыш детсадовского возраста. Алексис уже в детстве не любил делиться.

— Так в чем же заключалось его уязвимое место?

— В последнем живом свидетеле.

— Анжелика Фонтен? — задал ключевой вопрос лейтенант Паделу.

Йозеф и Марта с улыбкой переглянулись.

— Нет! Конечно нет. Энджи никогда не стала бы говорить с легавыми, она не такая, и Алексис это знал. Его беспокоил только мальчик, потому он и рискнул встретиться с нами.

— Сколько лет было ребенку?

— Почти три. Он жил с ними все время, пока они планировали ограбление. Сидел на руках у матери, играл рядом с ними, ел вместе с ними. Полицейские неизбежно захотели бы допросить его. Для своих

неполных трех лет он был очень смышленным и бойким, знал много слов. Так что они без труда разговорили бы его. Малец как минимум опознал бы Алексиса по фотографиям. А как максимум — повторил бы обрывки разговоров. Даты, названия мест, улиц, магазинов. Дети в этом возрасте впитывают все как губка.

— Думаете, судья принял бы во внимание показания малолетнего свидетеля?

Йозеф бросил взгляд в сторону сада. Качели замедляли ход, ведь сидевший на доске ребенок не придавал им ускорения.

— Мы навели справки, — ответил старый шахтер. — С девяностых годов, после нашумевших судов над педофилами, детишек очень даже слушают... и это, вообще-то, хорошо.

— Что придумал Зерда?

Ответ Йозефа прозвучал как удар хлыста:

— Подменить мальчика.

Он зашелся в приступе мучительного кашля, и рассказ продолжила его жена:

— По сути дела, это было единственное решение. Рано или поздно полицейские узнали бы о существовании ребенка. Заявились бы сюда, разговорили его — и готово дело, Алексис на крючке. Скажете, мы могли подучить малыша, чтобы он соврал дознавателям, но это какое-то... бесстыдство. Да и не может маленький человечек противостоять взрослым, они все равно его обхитрят. Решение Алексиса Зерды выглядело совсем простым. Хотите допросить нашего внука? Да на здоровье! Только это будет другой мальчик. Неболтливый. Еще лучше, если он не сможет общаться, потому что замкнулся в своем внутреннем мире. Да, это было единственное решение, — повторила Марта.

Пальцы женщины, лежащие на ладони мужа, не дрожали, но голос выдавал ее волнение.

— Алексис убил бы мальчика, не согласись мы на обмен, — между двумя приступами кашля проговорил Йозеф. — Точно вам говорю — убил бы, чтобы заставить замолчать.

Ребенок в саду спустился с качелей. Или упал с них. Теперь они висели неподвижно, а он лежал на боку, утопая в траве. Его щека льнула к зеленым стебелькам, как к гриве льва, рядом с которым он заснул.

Марта встала, спросила лейтенанта, хочет ли он еще кофе, и он из вежливости согласился, подумав, что волен не допить чашку, и продолжил расспросы:

— Итак, достаточно было подменить мальчика, чтобы полицейские не смогли допросить нужного. Но для этого требовалась виртуозная ловкость, верно?

Йозеф сделал глоток — горячий напиток утихомирил кашель — и пустился в объяснения:

— Все придумал Алексис. У него был приятель, Димитри Мулен, они сидели в одной камере в Буа д'Арси. Сын этого Димитри, его зовут Малон, упал с лестницы. Теперь он овощ. Идеальный вариант. Несколько тысяч евро убедили папашу...

Он взглядом попросил у жены прощения за то, что берedit ей душу тяжелыми воспоминаниями.

— Убедить мать оказалось труднее. Она отказывалась расставаться со своим ребенком, даже ненадолго. И тогда Алексис и Димитри подделали результаты последних анализов, убедили Аманду, что ее сын обречен и ему осталось жить несколько месяцев. Пришлось участвовать в их игре. Мы часами разговаривали с Амандой по телефону, вначале она звонила по десять раз на дню. Потом реже и наконец вовсе перестала. Мы слали ей сообщения, писали письма и каждый раз вкладывали в конверт фотографии. Хотели успокоить бедняжку... Мы сообщали ей, что Малон все еще жив, хотя его состояние не улучшилось. Малон ест, Малон качается на качелях, Малон спит, Малон смотрит на бабочек, Малон смотрит на муравьев, Малон не играет, Малон не смеется... Да, мы продолжали сообщать ей новости, хотя уже поняли...

Лежащий в траве ребенок смотрел в одну точку, скорее всего, на какое-то крошечное насекомое.

Йозеф не сумел закончить фразу. По его морщинистому лицу потекли слезы. Дед пришел на помощь бедняге:

— Вы поняли, что другой мальчик занял в сердце Аманды место ее сына. Так?

— Вы правы, — кивнула Марта. — У нас есть доступ ко всем медицинским документам. — Она бросила взгляд в окно. — Малыш может оставаться в таком состоянии много лет. Он даже не страдает. — В голосе женщины звучала бесконечная нежность. — План Алексиса

был предельно прост. За несколько недель ребенок забудет прежнюю жизнь — во всяком случае, лица, имена и места, которые могут скомпрометировать участников налета, и все закончится. Гениально! Что будет с детьми потом, Алексиса не интересовало.

И Люковики согласились на обмен, прикрыли Зерду. Лейтенант Паделу подумал о документах из папки, которую оставил на пассажирском сиденье «рено». В молодости у Йозефа были стычки с полицией, его задерживали за пьяный дебош на улице, за оскорбление агента при исполнении. Это было пятьдесят лет назад, но неприязнь к полицейским никуда не делась.

В деле оставались непроясненные моменты. Люка Маруэтт твердо уверен, что у Анжелики Фонтен никогда не было детей.

— Расскажите мне об Анжелике Фонтен, — попросил он.

На лице Марты появилась широкая улыбка:

— Малышка Энджи была умнее всех членов банды Грызунов. Способная девочка, хитрюга. Тоненькая, изящная. Мечтательная. В детстве не выходила на улицу без куклы или книжки. И очень красивая. Сами понимаете, инспектор, ее проблемы были связаны с парнями. Из всех возлюбленных Тимо Солер был лучшим, если можно так сказать. «Плохой парень», тайный друг, поэтому вы и не знали об их связи. Энджи разочаровалась в нашем мире уже в юности. Ее мать изменяла отцу, вся деревня была в курсе, он, конечно, тоже, но проблема заключалась не в этом. Малышка Энджи была для родителей инопланетянкой, дом в тупике Коперника превратился в безжизненную планету, и она мечтала поймать такси и улететь в другую галактику. В шестнадцать лет девочка сбежала, и все покатило в тартарары. Через полгода рак сожрал ее отца, она завела тот чертов блог *jelanie-ubit*, а потом случилась авария.

— Авария?

Дед подскочил на стуле. В досье Маруэтта об аварии не говорилось ни слова. Неужели это недостающая часть головоломки?

— В январе 2005-го Энджи и ее тогдашний дружок разбились на машине недалеко от Гравиля. Поганый был паренек, она как будто специально таких выбирала! Он отделался легким испугом, а вот Энджи... Бедняжка была в положении, потеряла ребенка, и врач сказал, что она больше никогда не сможет забеременеть. А она так мечтала

стать матерью. Никогда не забуду, как эта девочка в детстве гуляла по Потиньи с розовой кукольной колясочкой.

Йозеф поймал недоверчивый взгляд лейтенанта и счел нужным уточнить детали:

— Мало кто был в курсе, но у нас с Фонтенами был общий врач, доктор Саркисян. Он по-прежнему живет в Потиньи, можете сами у него спросить. Каждую пятницу, после обеда, мы играем в петанк. Он, как говорится, из «наших». Иначе не остался бы здесь...

Дед судорожно сглотнул. Все прояснилось. Почти все. Йозеф и Марта так и сидели, держась за руки, единые в своем горе, и он решил, что пора заканчивать:

— Когда вы в последний раз видели сына и невестку?

Кто ответит на вопрос? Йозеф? Заговорила Марта:

— Все зависит от того, какое значение вы вкладываете в слово «видели», инспектор. Сирил и Илона приезжали раз или два... перед налетом. Ненадолго. Кофе, ужин. Даже на партию в белот или прогулку у них не было времени, но мы не обижались. Все лучше чем ничего.

— Расскажите поподробней, — попросил лейтенант.

— После коллежа Сирил болтался без дела. Шахта закрылась. Он начал приторговывать травкой, ворованными автомагнитолами, угонял машины, шарил по закрытым на зиму домам... Мой сын и Илона не были ангелами, но они за это заплатили. Двумя годами тюрьмы. Когда вышли, поженились и стали нормальными людьми. Честное слово, инспектор! Сняли квартиру в Гавре, в квартале де Неж. Он пошел работать докером, и ему это нравилось. А через четыре года уехали.

— В Гвиану?

— Да. «Майерск»[91] открыл дополнительную линию в большом морском порту Ремир-Монжоли.[92] Платили там лучше, чем в Гавре, намного лучше, но пришлось подписать долгосрочный контракт на работу в заморских территориях.

— Они сразу решились?

— Без колебаний... Уехали вдвоем в июне 2009-го, шесть лет назад. С тех пор мы видели Сирила в общей сложности несколько недель — до тех пор, пока...

Марта снова беззвучно заплакала, отвернулась и устремила взгляд на ржавую калитку в глубине сада, словно она была символом раз и

навсегда сломавшейся жизни. Ребенок с муравьями тоже казался призраком, тенью реального человека.

Йозеф продолжил рассказ жены:

— Через пять лет, когда Сирил вернулся в Гавр, работы в доках для него не нашлось. Персонал сократили вполтину. Один человек мог разгрузить пятнадцать тысяч контейнеров, сидя за компьютером. Нет нужды объяснять, что случилось дальше, инспектор. Безработица, биржа труда, безденежье. Сирил снова сошелся с Алексисом.

Марта промокнула глаза вышитым платочком.

— У них появились новые обязанности, — сказал Йозеф. — Когда они уезжали во Французскую Гвиану, никто об этом не думал...

— О чем именно? — решил уточнить Дед, хотя ответ был ему известен.

Над мальчиком пролетела бабочка, но он даже не проследил за ней взглядом.

Ответила Марта:

— Мы не думали, что Сирил и Илона привезут нам внука!

70

Дед взял долгую паузу, чтобы восстановить в памяти ключевые моменты дела, которые не давали ему покоя прошлой ночью в комиссариате.

Интуиция!

Он снова посмотрел через стекло веранды на ребенка.

Мы не думали, что Сирил и Илона привезут нам внука!

Из отчета следовало, что сотрудники следственного отдела криминальной полиции Кана посетили Йозефа и Марту Люковик 20 января 2015 года, чтобы допросить ребенка Сирила и Илоны Люковик. Все было сделано по закону. Бабушка и дедушка получили опеку над осиротевшим внуком и дали согласие на его разговор с полицейскими. Те показали мальчику фотографии всех возможных подозреваемых, в том числе Алексиса Зерды. Беседа длилась час, но результата не дала.

Ребенок показался сыщикам крайне неконтактным, апатичным, чуть ли не умственно отсталым. Ничего удивительного: он только что потерял родителей. Они порекомендовали провести психологическое обследование, поговорили с опекунами, но расследованию это ничем не помогло. Отчет о допросе ребенка был сформулирован в десяти строках

и фигурировал в деле, содержащем сотни страниц свидетельств и экспертиз. Никто, кроме Деда, не обратил на него внимания.

Теперь он решил прояснить каждую деталь:

— Сколько лет было вашему внуку, когда вы увидели его в первый раз?

Голос Марты дрогнул, выдавая волнение, так же было, когда она рассказывала об Энджи.

— Чуть меньше двух лет. Он родился во Французской Гвиане, видел только эту страну, рос в экваториальном климате. Я сразу заметила, что ребенок все время мерзнет у нас в Нормандии, и говорила Сирилу, чтобы теплее его одевал, но сын никогда меня не слушал. Мой внук был веселым ребенком — куда более развитым, чем его ровесники. Он уже тогда хорошо говорил и болтал не закрывая рта, особенно об огромном амазонском лесе, обезьянах и змеях, а чаще всего — о ракете «Ариан», взлетающей с Куру. Вернувшись во Францию, он многое стал забывать и путать. — Женщина кивком указала на растения под верандой: — Ему нравилось сдвигать горшки и устраивать джунгли. Он ставил стакан на стакан — строил ракету, гудел, изображая звук, который она издает при взлете, а еще качался на створке ворот, как маленькая обезьянка, и очень громко кричал.

— Думаю, он не расставался со своей плюшевой игрушкой?

В глазах Марты снова блеснули слезы.

— Гути? Да он из рук его не выпускал! Родители купили эту крысу ему в подарок — там, за океаном. Могли бы выбрать ягуара, броненосца, ленивца, пуму, попугая, но взяли агути. В память о детстве на улице Грызунов. Ведь агути — грызун.

Дед сумел сложить пазл, только приехав в Потиньи: отъезд на пять лет в Гвиану, упомянутый в досье Сирила и Илоны; плюшевая игрушка по имени Гути; фотоальбом с обезьянами, попугаями и тропическими деревьями, о котором говорила ему по телефону Марианна; снимок ивовой колыбели под пологом... Все это смешалось в мозгу мальчика с более поздними воспоминаниями о базе НАТО, джунглях и ракетах...

— Золотой ребенок! — воскликнула Марта, вставая. — Мечтатель, выдумщик. Мы видели его раз или два в месяц. Он родился под высоким небом, а не под землей, как здешние обитатели, и мог бы вырасти счастливым человеком. У него был шанс до тех пор, пока...

— Пока что, мадам Люковик?

Старая женщина прижалась к холодному стеклу веранды, и оно запотело от ее дыхания.

— Пока у него на глазах не застрелили родителей! У вас есть дети, инспектор? Можно ли придумать план более чудовищный, чем взять на ограбление ребенка двух с половиной лет, надеясь с его помощью скрыться от полиции? Мой сын и невестка сделали это! Как малыш сумел бы это пережить? Алексис нас не пощадил, рассказал, что раненый Сирил оперся рукой о стекло «опеля», встретился взглядом с сыном, побежал дальше и получил три пули в спину. Как ребенку забыть подобную травму? Его жизнь тоже загублена. — Она обернулась и снова взяла руку мужа в свою. — Для него все пропало — как для Йозефа, который всю жизнь рыл туннель и не заработал ничего, кроме силикоза. Как для Сирила, польстившегося на то, что блесит. Три поколения пропащих.

Она обвела рассеянным взглядом сад, три кирпичные стены, заснувшего в траве ребенка.

— От этого не убежишь, лейтенант. Никому еще не удавалось.

— Разве что забудешь, — откликнулся он.

Женщина впервые утратила контроль над собой:

— Да как же он забудет? Малыш лишился родителей! Мы слишком стары, и беднягу будут передавать из одной приемной семьи в другую. Отпечаток смерти в мозгу не сотрется...

Отпечаток смерти не сотрется.

Паделу вспомнил свой разговор с Марианной о теориях Василе Драгонмана. Возможно ли удалить, стереть воспоминания ребенка, чей мозг еще слишком пластичен? Например, о травме — особенно о травме! Реально или нет похоронить пережитый ужас, чтобы он не сопровождал человека всю оставшуюся жизнь? Сколько требовалось легкомыслия, отчаяния и решимости, чтобы рискнуть?

Делиться своими мыслями с хозяйкой дома Дед не стал.

Марта бросила взгляд в сторону двора. Мальчик по-прежнему лежал на газоне, ветерок шевелил его волосы, он улыбался. Струйка слюны стекала из приоткрытого рта.

— Ну хоть этот ангелочек будет счастливей.

Йозеф сидел, погружившись в собственные мысли. Лейтенант Паделу достал телефон, чтобы поделиться открытиями с Марианной,

отошел на два шага, заметил в стекле отражение собственного лица и вдруг почувствовал себя ужасно старым.

Три поколения пропащих... Дед невольно подумал о собственных детях — Седрике, Дельфине, Шарлотте, Валентине и Анаис, покинувших гнездо, о шести внуках, которых почти не видел. Да, он чувствовал себя стариком. Неужели и для него все пропало?

Марта неверно истолковала его взгляд и спросила злым голосом:
— Вы и этого у нас заберете?

71

Сегодня я иду по мосту Искусств. Одна.

Желание убить

Я бы хотела стать той самой «последней каплей», последним замком, который обрушит мост.

Не нравится: 19

Нравится: 187

www.jelanie-ubit.com

Пятнадцать военных стояли вокруг самолета, ожидая сигнала от невидимого дирижера, начальника службы безопасности, который смотрел на них из-за стекла.

Марианна, даже не взглянув в его сторону, убрала телефон. Слова Деда продолжали звучать у нее в голове, смешиваясь с теми, что несколько дней назад говорил ей Василе Драгонман.

Можно ли обнулить память ребенка? Спрятать, закопать, похоронить травму? Не дать ей разрастись, укорениться, разесть жизнь человека, подобно кислоте?

Мозг ребенка трех лет подобен пластилину. Почему бы мальчику не забыть о том, что родителей убили у него на глазах? Воспоминание невыносимо, а прекрасная фея готова спасти его взмахом волшебной палочки.

Да, мальчик верит, что Энджи — его мама. Она манипулировала им — потому что твердо решила спасти. Гути был ее инструментом и сообщником. Энджи всего лишь использовала старый как мир трюк —

противопоставила одну правду другой. Маленькому мозгу было не так-то легко справиться с альтернативой «Аманда против Энджи». Если у ребенка есть две любящие мамы, одна из них точно лишняя! Идеальные условия, чтобы забыть третью, которая никогда больше не появится, потому что ее убили, забыть о кровавом отпечатке отцовской ладони и помнить только об опасном стеклянном дожде, а со временем забыть и о нем.

Майор Огресс сжимала в руках бывалую игрушечную крысу.

Энджи хотела ребенка больше всего на свете. Энджи будет хорошей матерью. Малон вырастет счастливым рядом с ней.

Энджи никого не убивала.

Энджи подружилась с майором полиции, чтобы та поняла: ее цель — спасение этого мальчика. Она его единственная надежда.

Энджи согласилась на замысел Зерды обменять детей, потому что заранее планировала избавиться от него в решающий момент. Он и понятия не имел, на что способна любая мать ради спасения ребенка. А в этой истории их целых две... Зерда был изначально обречен на поражение! Первая, Аманда, пустила ему две пули в грудь из пистолета, который вложила ей в руку вторая, Энджи.

Начальник службы безопасности устал от ожидания, вытер пот с лысины, почти грубо отстранил сотрудницу с яркими ногтями и оказался лицом к лицу с Марианной:

— Итак, майор? Мы входим в этот чертов самолет или нет? Речь идет о женщине и ребенке. Они не вооружены. Так в чем же дело? Вы сами дали команду задержать рейс.

На Марианну накатила дурнота. Самолет застыл на взлетной полосе. Солдаты взяли его в кольцо. Плешивый гном грозит «крупными неприятностями». Его телохранители сохраняют стоическое спокойствие. На лице стюардессы вымученная улыбка. Все вокруг как будто остановилось. Только этот придурок никак не успокоится.

— Проклятье, вы что, не понимаете? Задерживая один самолет, вы нарушаете все расписание! Четыре рейса... на летном поле стоят десять вооруженных людей, они за несколько секунд возьмут штурмом кабину.

— Сохраняйте спокойствие, — почти машинально ответила Марианна. — Речь идет о матери с ребенком.

Писклявый карлик не отставал:

— Что за цирк вы устроили? Почему уже двадцать минут не даете добро на вылет?

Глава службы безопасности явно вознамерился изобразить доминирующего самца, бросив вызов майору полиции. *В конце концов, я тут босс, и у меня есть власть!*

Сейчас он поставит ее на место...

Марианна повернулась к рыжеволосой девушке с ярко-красным ртом, по-дружески коснулась ее плеча и протянула ей Гути, давая понять, что доверяет ей самую деликатную миссию на свете.

Стюардесса растерянно взяла плюшевого уродца и вопросительно посмотрела на странную полицейскую даму.

Марианна громко — как будто хотела, чтобы все слышали, — произнесла, чеканя слова:

— Ребенок забыл любимую игрушку. Он не может улететь без нее.

72

Маленькая стрелка на 5, большая — на 3

Мыс де ла Эв превратился в крошечную точку на горизонте, которая через секунду исчезла под крылом «Боинга 737». В иллюминатор Энджи видела только океан, над которым плыли ватные облачка.

Малон заснул у нее на коленях, крепко прижимая к груди Гути. Плюшевый зверек тихонько поднимался и опускался в такт дыханию мальчика, словно тоже устал и решил отдохнуть.

Отдых героя, совершившего великий подвиг и засыпающего крепким сном в эпилоге романа.

Энджи обожала чувствовать себя пленницей этого бесценного мальчика. Она готова была часами сидеть в одной позе, лишь бы не потревожить его покой.

К ним подошла улыбающаяся стюардесса, спросила, все ли в порядке, бросила умиленный взгляд на ребенка.

Энджи вздохнула. Как же долго она ждала этого мгновения...

Дать этому ребенку второй шанс. А может, все наоборот, и шанс получает она? Какая, к черту, разница... Теперь она будет дышать в такт с Малоном — как Гути.

Откинувшись на спинку синего велюрового кресла, Энджи закрыла глаза.

Все оказалось не так уж и трудно.

Алексис Зерда был опасен, но предсказуем. Она без труда убедила его подменить мальчика — на время, на несколько месяцев, пока он все не забудет... Несчастный придурок! Ребенок безусловно забудет худшее, но остальное будет помнить, все остальное, все, что понадобится и когда понадобится! Благодаря Гути.

Разве могла она бросить на произвол судьбы сына Илоны и Сирила, о котором они так плохо заботились? Долгое время, пока готовился налет, она была ему нянькой, старшей сестрой, даже мамой. Укладывала спать и будила по утрам, умывала, кормила и рассказывала истории, а остальные в энный раз репетировали свой план, изучали каждый сантиметр на карте Довиля, по секундам рассчитывали трехминутное ограбление, которое должно было обеспечить их на всю оставшуюся жизнь.

По большому счету, Гути не соврал: Энджи была его мамой — его настоящей мамой, еще при жизни родителей.

Аманда Мулен тоже была по-своему предсказуемой. Она, конечно же, всей душой полюбила нового Малона, была готова на все, чтобы он остался с ней, и захочет сбежать с ним на другой конец света, если ей подсунуть билеты в рай. Она избавится от любого, кто попытается ей помешать, и воспользуется найденным в ящике пистолетом. Если полицейские обнаружат следы скрининга билетов, это запутает следы, ведь она заказывала их с компьютера Зерды, спрятанного вместе с добычей на заброшенной базе НАТО, и не забыла стереть имена Аманды и Малона.

Единственной темной лошадкой оставалась Марианна Огресс. Она должна будет понять. Не слишком рано, чтобы не испортить игру, но и не слишком поздно, чтобы успеть обдумать ее признания. Энджи написала анонимное письмо, они встретились и подружились.

Энджи очень постаралась, смешав правду с ложью. Это был отчаянный блеф, цена ее свободы.

Она снова вспомнила о психоаналитических выкладках Василе Драгонмана. Он так и не сумел убедить ее, что с призраками лучше

встречаться лицом к лицу, а не позволять им дремать в глубинах подсознания.

Энджи не могла согласиться, что будет правильной взвалить на плечи ребенка груз правды, чтобы он всю оставшуюся жизнь тащил ее на себе во имя пресловутого «права знать». Ведь ложь дала бы ему возможность порвать страницу черновика и начать все с чистого листа.

Да, травматическая память существует и химеры будут терзать Малона, но любовь — ее любовь — перевесит на весах счастья!

«Боинг» продолжал набирать высоту. Через несколько секунд они окажутся над облаками, по другую сторону мира. К земле подступала темнота, водители на дорогах включали фары, город светился гирляндами огней.

Отправляясь на другой континент, Энджи думала о Тимо. Он не мог сбежать вместе с ними, и это было единственным слабым местом ее плана. Лицо Тимо знал каждый полицейский, жандарм, таможенник и пограничник, так что в самолет он бы ни за что не попал.

Она положила ладонь на лоб Малона и прошептала в маленькое ухо, чтобы он навсегда запомнил эти слова:

— Папа обязательно прилетит к нам... потом...

Она на это надеялась. Всем сердцем. Тимо будет замечательным отцом.

Осторожно, чтобы не разбудить Малона, Энджи наклонилась к иллюминатору и прежде, чем облака окончательно закрыли от нее землю, увидела желтую мерцающую паутину города и одну светящуюся синюю точку, которая двигалась быстрее остальных.

73

Сегодня закончил первый курс медфака 1128-м. Они оставляют 117 первых.

Желание убить...

...потому что желание лечить умерло! Остается выбрать профессию. Палач? Наемный убийца? Писатель-детективщик?

Не нравится: 27

Нравится: 321

www.jelanie-ubit.com

Синий фонарь на крыше и завывающая сирена предупреждали об опасности. За долю секунды до того, как «скорая помощь» выехала на авеню Буа-о-Кок, по высоким стенам башен Мар Руж пробежал голубой свет прожектора. Вышедшие на балконы жители окрестных домов успели увидеть машину, промчавшуюся к торговому центру «Мон-Гайар», потом вывески и бесконечно длинная, забитая машинами стоянка погрузились в темноту.

«Скорая» спускалась по авеню Валь-о-Корней.

До больницы Моно оставалось два километра. 1 мин 32 с — по данным системы, определявшей время с удивительной точностью.

Ехавший перед ними мотоциклист резко затормозил. Грузовичок шарахнулся от него к обочине, но Ивон, много лет сидевший за рулем «скорой», и глазом не моргнул и не сбросил скорость.

Он не собирался бить рекорды — ехать быстрее было бы чистым безумием.

В центре следующей площади Ивон развернулся и поехал по выделенной для автобусов полосе.

55 секунд.

Оставалось подняться по авеню де Фрилёз.

Рука в перчатке коснулась его плеча. Такое случалось как минимум два-три раза из десяти. Танги — они работали вместе не первый год — даже не требовалось ничего говорить.

Ивон кинул взгляд в зеркало, припарковался за автобусом, выключил фары и только после этого обернулся. Сзади, кроме Танги, сидели молодая медсестра в белом халате — новенькая, Ивон ее не знал — и опытный реаниматор Эрик.

Привилегия последнего слова, последнего жеста — если это можно назвать привилегией! — принадлежала именно ему.

Люди выходили из автобуса № 12 и исчезали в черных провалах подъездов.

— Кончено, — произнес Эрик, натянув край простыни на красивое молодое лицо Тимо Солера.

Шесть месяцев спустя

Терраса отеля «Бриганден» была оккупирована мужчинами.

Одинокими.

Это были физики, программисты, логисты, техники — специалисты космического центра Куру во Французской Гвиане, обеспечивающие двести семнадцатый запуск ракеты «Ариан». Рутинная работа. Старт состоится через два часа. Мужчины в пиджаках и галстуках не выглядели озабоченными. Из-за бамбуковой стены, от бассейна, доносились взрывы хохота и плеск воды.

За оградительной сеткой, в нескольких сотнях метров от отеля, тянулась вверх белоснежная ракета, отбрасывающая гигантскую тень на пальмы и ангары. «Ариан» напоминала изящный собор, выстроенный на лужайке и уже потом окруженный городом. Через сто двадцать минут капризная красавица взлетит, бросит вызов Богу и рассеет по небу металлических ангелов.

Максимильен взял себе мохито и прошел на террасу. Он сразу заметил ее.

Единственную женщину.

Настоящую женщину — не антильскую уборщицу и не официантку-метиску в платье с зазывным декольте.

Она сидела и задумчиво смотрела на стакан воды со льдом и веточкой мяты — совсем как в песне, не хватало только старого музыкального автомата и ангела-хранителя. Молодая, красивая, в темных очках, длинные волосы подхвачены в хвост, свободно падающий на платье с цветочным узором, руки и ноги золотистые от загара. Наверняка живет в стране уже несколько месяцев... но меньше года. Максимильен давно научился определять по цвету кожи, как давно женщина приехала в этот рай.

Он подошел к столику:

— Могу я присесть?

Она на мгновение приподняла очки, взглянула на мужчину и нашла его привлекательным. Понимающий взгляд — очко в пользу незнакомца. Молодой, лет на пять старше ее, со стойким загаром — такой появляется, когда человек три недели работает во Французской Гвиане, а следующие три проводит в метрополии. Сейчас этот симпатяга объяснит, не слишком вдаваясь в подробности, что ракета взлетит в том числе благодаря его стараниям, что он руководит

командой из тридцати инженеров и техников, что каждый запуск — это «такой драйв, вы себе не представляете, видел целых пятнадцать, но до сих пор не привык!». Потом он добавит, что хорошо зарабатывает, что часто приходит сюда, потому что после запуска бывает скучновато, что любит встречи с незнакомыми людьми, что в детстве мечтал стать астронавтом и почти преуспел...

Он протянул руку и представился:

— Максимильен. Но я предпочитаю просто Макс...

— Анжелика. Я предпочитаю просто Энджи...

Они рассмеялись — хором, еще одно очко в пользу... Макса. Он рассказал о себе — Энджи почти все угадала верно. Она же в детали вдаваться не стала, объяснила, что приехала на несколько дней по делам, а живет в основном в Венесуэле. Макс заметил лежащую на столе ручку с логотипом *Western Union* и подумал, что она напоминает контрабандистку, скрывающуюся от французской полиции. Такие бывают в метрополии набегами, а большую часть времени прячутся в экваториальных лесах.

Черные очки делали Энджи похожей на шпионку, добавляли ей загадочности.

Она не убрала руку, когда Макс накрыл ее своей ладонью. Жест был недвусмысленный — обручальное кольцо на пальце заменяло слова. Привилегия специалистов, работающих за рубежом. Экватор, влажный климат...

— Вы очаровательны, Энджи.

— А вы опытный соблазнитель, Макс. — Их влажные пальцы переплелись, как у танцоров танго, глаза Энджи мерцали. — И наверняка чудесный любовник... Вы не поверите, если я скажу, как долго не занималась любовью.

Макс на мгновение смешался, смущенный дерзкой прямоотой молодой женщины.

— Но всех этих достоинств недостаточно, Макс. Необходимо еще одно.

— Бросаете мне вызов?

Инженер улыбнулся — ему всегда нравились склонные к авантюрам женщины. Задать следующий вопрос он не успел, «ответ» — живой и веселый — появился прямо перед ним.

— Мы можем побыть тут еще, мама? Ракета сейчас взлетит!

Мальчик лет четырех подбежал к их столику и вскарабкался на колени к матери, едва не опрокинув стаканы с коктейлями. Ему не терпелось увидеть, как из двигателей «Вулкан» вылетят огненные струи, поднимая «Ариан» в воздух.

— Конечно, родной. Мы для того и пришли.

Ребенок радостно рассмеялся, спрыгнул на пол, схватил вытертую плюшевую крысу и помчался между столиками к сетке ограждения, откуда была отлично видна вся стартовая площадка.

Макс сделал несколько больших глотков мохито и спросил:

— Сколько ему? Четыре?

— Скоро будет пять... То дополнительное условие я выдвигаю ради него. Мне нужен любовник, ему — отец.

— И одно неотделимо от другого?

— Никак...

— Торг неуместен?

— Верно.

Макс искренне расхохотался, открыл айфон и подтолкнул его по столу к собеседнице:

— Сожалею, Энджи, я уже ангажирован. Представляю вам Селесту, Кома и Арсена, три, шесть и одиннадцать лет соответственно, а также их маму Анну-Веронику. Я их обожаю. — После чего поднялся, взял свой стакан: — *Hasta la vista, senorita.*[93]

Взглянув на мальчика, который залез на пластиковый стул, чтобы лучше видеть через колючую проволоку, Макс посоветовал:

— Позаботьтесь о себе, Энджи. Подарите сыну звезды, он этого заслуживает. — И послал ей воздушный поцелуй. — А отцов на свете хватает, уж вы мне поверьте.

Энджи смотрела вслед мужчине, пока он не исчез в глубине холла. Потом перевела рассеянный взгляд на столики: за каждым сидели мужчины, они смеялись, играли, расслаблялись, предавались мечтам.

75

Аманду Мулен приговорили к четырем месяцам тюремного заключения. Ни ей, ни ее адвокату даже не пришлось заявлять о «пределах допустимой обороны» при убийстве Алексиса Зерды.

Срок она получила за другие правонарушения: незаконное присвоение личности, бегство с места преступления, попытку

похищения.

Сидела Аманда в исправительной тюрьме Ренна. Первые две недели ей каждое утро после прогулки приносили письмо со штампом Потиньи, от Йозефа и Марты Люковик.

Аманда не распечатывала конверты. Никогда.

Она знала, что в них. Фотографии Малона, одни и те же. Рассказ о том, как он проводит дни. Адвокат сразу сообщил ей, что Малон не умрет. Димитри и Алексис Зерда подделали отчет из клиники Жолио-Кюри.

Крошечная трещина в его мозгу действительно существовала, сводя практически на нет моторику и реакции возбудимости, но ни одна жизненная функция не была затронута.

Аманде было все равно. Если честно, она бы предпочла, чтобы Малон умер. Чтобы все закончилось. Пусть ей дадут гвоздь, простыню и табурет, и она повесится.

Через три недели ее вызвали на свидание с социальным работником. Молодая женщина объяснила Аманде, что судья по делам несовершеннолетних вынес решение, лишив Люковиков права опеки над ребенком. Йозеф и Марта не имели никаких родственных связей с мальчиком, поэтому его отправят в медико-воспитательное заведение, где он будет содержаться весь срок ее заключения.

— А что потом?

Собеседница Аманды молча опустила глаза и подвинула к ней бумаги. Аманда подписала не читая.

Постановление судьи предусматривало еженедельное посещение ребенка в присутствии официального лица.

Через семь дней Аманду привели в комнатку без окон размером три на три метра и оставили наедине с Малоном и молодой воспитательницей.

Все десять минут свидания мальчик смотрел на муху, сидевшую на стене за спиной матери. Соцработник сначала задавала вопросы: «Вы не возьмете его на руки? Не поцелуете? Ничего не скажете?» — потом замолчала и больше никогда ни о чем не спрашивала.

По средам Аманда не сопротивляясь ехала на встречу с сыном. Все происходило в полной тишине — даже муха больше не жужжала.

Малона всякий раз сопровождала другая сотрудница, и именно это обстоятельство заставило Аманду проявить эмоции. Малон не какая-то

там ненужная вещь, чтобы передавать его с рук на руки.

Душа Аманды начала медленно оживать.

К ней вернулась надежда. Пройдет еще несколько недель, и она выйдет на свободу. Ей отдадут Малона. Она примет его таким, каков он есть. И будет о нем заботиться.

За неделю до освобождения судья распорядился провести дополнительные обследования Аманды и Малона. Она полдня отвечала на вопросы тюремного психолога, а ее сына на два дня положили в педиатрическое отделение профессора Лакруа, того самого хирурга, который оперировал его после падения с лестницы.

Утром Аманда встретила с врачом. Он заставил ее прождать целый час, хотя пациентов в коридоре не было и никакой ребенок не играл в углу в «Лего». В приемной шушукались и хихикали три секретарши.

Когда доктор наконец принял ее, то сразу сообщил, что имел долгую беседу с судьей и высказал ему свое мнение.

Малон должен содержаться в специализированном учреждении.

Мальчику необходимы регулярный уход и лечение.

Аманда может видеться с ним так часто, как пожелает...

— Верните мне ребенка, — попросила Аманда. — Пожалуйста, профессор...

Врач не ответил. Он вертел в пальцах изящную серебряную ручку и не удосужился достать из пластиковой папки, которую принесла Аманда, разрешение забрать Малона домой. Подписать документ мог только Лакруа.

— Прошу вас, доктор...

В голосе Аманды не было и тени враждебности.

Вместо ответа он подвинул к ней медицинскую карту сына. Она рассеянно ее перелистала, заранее зная, что не увидит ничего нового. Состояние больного без перемен. Когнитивная активность и реакции отсутствуют.

— Это для блага ребенка, мадам Мулен, — счел нужным уточнить нейрохирург. — Малону будет лучше в медицинском учреждении, против вас я ничего не имею...

Аманда не слушала. Ее взгляд привлек логотип филаделфийской Университетской клиники Харпера. Она знала его. Единственная

лаборатория в мире, где «чинят» мозги: имплантируют новые аксоны на поврежденные нейроны. «Команда из тридцати дипломированных нейрохирургов, уникальное медицинское оборудование». Большой парк, список знаменитостей — целых три колонки! — оперировавшихся в клинике, — текст рекламного буклета. И неважно, что никого из них во Франции не знают.

Стоимость операции 680 000 долларов.

— Надеюсь, вы понимаете, что я очень вам сочувствую, мадам Мулен... Вам и вашему сыну. Но я не могу рисковать. После того, что случилось...

Врач улыбнулся, и Аманда возненавидела спесивого ублюдка с дорогой ручкой, цена которой наверняка составляет тысячную часть от стоимости операции.

В доме у сквера Мориса Равеля ничего не изменилось. Все соседи торчали в окнах: возвращение Аманды стало для округи бесплатным развлечением. В комнатах было пусто, холодно и пыльно. На полу — след от бамбукового ковра и засохшие пятна крови. В рамке на стене, украшенной сердечками и бабочками, висели стишки в честь Дня матери.

Аманда так обессилела, что даже плакать не могла.

Следующие три дня она никуда не выходила, ничего не ела и почти не спала. Пришедший почтальон понял, что корреспонденцию из почтового ящика никто не забирает, открыл калитку и постучал в дверь, чтобы лично вручить Аманде письмо из Французской Гвианы.

Она налила себе кофе, села за кухонный стол и вскрыла конверт.

На первой странице было всего два слова.

Для Малона.

И подпись.

Энджи.

Десять строк на второй странице, написанные женским почерком, Аманда прочла по диагонали.

Энджи просила прощения за то, что не подавала о себе вестей, объясняла, что отправила посылку в Венесуэлу, что имела дело с ювелиром из Антверпена через голландского посредника, что было

очень сложно переправить «товар» клиентам в Сингапуре, Тайбее, Йоханнесбурге и Дубае...

Все это не имело значения.

Важна была только последняя строчка.

Две буквы, цепочка цифр и имя.

СН10 00230 00109822346

Ллойд & Ломбард, Объединенный Банк Цюрих

76

Марианна решила ни в чем себя не ограничивать.

Позову всех и обязательно напьюсь!

Она купила торт и украсила его свечками.

Воткнула сорок штук.

Марианна приказала себе забыть о разговоре с сотрудниками отдела собственной безопасности, о грядущем позоре и весьма вероятном увольнении, надела обтягивающую майку с надписью *No Kids* на груди и порхала от одного гостя к другому со стаканом в руке, повторяя:

— За свободу!

Ж. Б. появился поздно вечером, под руку с молоденькой девицей в джинсовых шортах и топе цвета «фуксия» до пупка. Лейтенант прятал за спиной бутылку шампанского — решил сразу отпраздновать развод и залить горе по поводу отказа в совместной опеке.

Парочка погостила недолго, потом Лешевалье поцеловал Марианну в лоб, шепнул, что они с Лорин встречаются в клубе с ее друзьями, и голубки упорхнули.

Часа в три ночи начали расходиться остальные, к пяти в квартире остался только Дед. Повсюду грязные стаканы, недопитые бутылки, раздавленные птифуры, одноразовые тарелки с едва початыми кусками торта.

Марианна без сил повалилась на диван рядом с кошкой и открыла бутылку «Десперадос».

— Хочешь, помогу тебе навести порядок?

— Не бери в голову, это подождет до завтра. У меня теперь будет масса времени на наведение порядка.

Дед тоже взял себе пиво, покачал головой:

— Как я тебя понимаю...

Неделю назад лейтенант Паделу отмечал свою отставку. Ушел в пятьдесят два года, прослужив в полиции двадцать семь долгих лет.

Марианна была пьяна. Она уронила бутылку на паркет, и пиво потекло под диван.

— Что за идиотизм — звать тебя Дедом... Ты старше меня всего-то лет на десять, а выглядишь лучше многих моих ровесников. Ты один, сам по себе, отчитываться не перед кем. Иди сюда. — Она подвинулась, давая ему место, спихнула ногой кошку.

Дед улыбнулся:

— Могу я уточнить, что конкретно ты мне предлагаешь, Марианна?

Майор Огресс улыбнулась в ответ:

— Давай займемся любовью. Отпразднуем начало моей новой жизни. Твоей, кстати, тоже. Предадимся утехам, ничего больше, клянусь. Ты вряд ли захочешь сделать мне ребенка, у тебя их вон сколько...

Лейтенант Паделу не без труда справился с волнением, подхватил стул за спинку и устроился напротив Марианны:

— Ты серьезно?

— Хочу ли я заняться с тобой любовью? Ну... Можно разок попробовать... Я тебе больше не начальница.

— Я не о том, а о ребенке. Ты говорила серьезно или просто глупо пошутила?

Голова у Марианны кружилась, но она кивнула — почти машинально, — что могло означать «да» или «почему бы и нет».

Он наклонился и взял ее за руку:

— Это не шутка, красавица? Через шесть месяцев я смогу положить ладонь на твой округлившийся живот с моим наследником внутри? А через год буду утешать плачущего малыша, который капризничает и хочет к папе? И мне не придется проводить Рождество в одиночестве, ведь нужно будет ставить елку, украшать ее сверкающими звездами и изображать Пер-Нозля? А качели у меня в саду снова обретут хозяина, и я достану из сарая велосипед, смогу гулять в порту, ходить в бассейн и на ярмарку, есть сладкую вату, кататься на карусели и наслаждаться мультиками? Ты хочешь подарить мне все это, Марианна? И маленький мальчик или чудесная девочка будет целовать

меня по утрам, залезать на колени и шептать со смехом: «Ты колючий, папа!»? И я не закончу жизнь никому не нужным старикашкой, который борется с желанием названивать взрослым детям? Ведь каждый вечер я буду рассказывать сказку малышу, а он будет всякий раз виснуть у меня на шее, не желая отпустить от себя? Я получу все это, Марианна? Я все начну сначала, поверну стрелки вспять, отмотаю время на двадцать лет назад? Ты серьезно, Марианна?

Она потянула Деда к себе.

Экс-лейтенант полиции Паделу не стал сопротивляться.

— Я тебя не разочарую. Я стану идеальным отцом.

— Уж будь так любезен... — прошептала Марианна. — Тебе придется постараться, потому что я стану сумасшедшей мамочкой.

Мишель Бюсси

Помнишь ли ты, Анаис?

© Нина Хотинская, перевод, 2019

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2019

Помнишь ли ты, Анаис?

Праздник, устроенный Виктором Гюго для детей Вёля
(24 сентября 1882)

По легенде, курорт Вэль-ле-Роз на Алебастровом берегу Нормандии основала в 1826 году актриса Анаис Обер. Эту историю рассказывают все местные путеводители – будто бы однажды утром, после скоропалительного бегства из Парижа, красавица влюбилась в рыбацкую деревушку. Если бы не память жителей, имя Анаис Обер давно бы забылось, подобно именам многих бывших знаменитостей.

Кто же она была, прекрасная мадемуазель Анаис? Какая тайна заставила ее бежать из Парижа в Вэль?

Любознательный турист может до бесконечности строить догадки. Упорствовать в поисках. Копаться в архивах. Тайна...

Остается единственный выход: ничего не выдумывать, но положиться на воображение.

Все места в этой повести, за исключением виллы «Одеон», существуют в Вэле и достоверно описаны. То же относится и к биографиям Анаис Обер и Виктора Гюго.

Что же касается деталей этого пазла, они собраны на мое усмотрение, и всю ответственность несу за это я.

Вэль-ле-Роз, 23 января 2016

Я держу в руках письмо. Жильбер Мартино позвал меня минут пять назад. Я была в мастерской, работала. Вырисовывала на бересте геометрические узоры, похожие на блестящие, словно покрытые лаком квадраты черепашьего панциря.

– Мамзель Ариана! – заорал Мартино.

В тот момент я прокляла его, испугавшись, что он разбудит Анаис. Она спит наверху, в своей комнате, но в этом доме ни одна дверь не закрывается и слышимость просто ужас какая. Сегодня в порядке исключения Анаис не проводит день у бабушки с дедушкой. Они уехали в Дьепп, у них там какая-то встреча – кажется, с нотариусом.

– Мамзель Ариана, – Мартино понизил голос под моим разъяренным взглядом встревоженной матери, – смотрите, что я нашел! Прямо в стене. – Он указал концом мастерка на щель, которую собирался замазать, и выглядывающий из нее конверт. – Странное дело, вчера я расчищал стены, но ничего не заметил. Можно подумать, кто-то подложил этой ночью.

Я улыбаюсь. Невольно отмечаю достижения. Жильбер Мартино и впрямь проделал большую работу, сбил кувалдой слои штукатурки с обрывками оранжевых обоев, весь этот жуткий декор пятидесятилетней давности. Я поручила Мартино ответственную миссию: вернуть дому дивную атмосферу вилл девятнадцатого века – эпохи моды на морские купания. Он откроет изначальное очарование помещений, стены из кирпича и руста и тесанные топором деревянные балки станут аутентичным антуражем для моих произведений и вызовут у туристов неодолимое желание купить их.

Письмо не особенно заинтересовало Жильбера Мартино, он уже макает мастерок в ведро с бежевым раствором.

А вот меня...

Пальцы дрожат, когда я вскрываю конверт. Вижу старомодный почерк, изящные изгибы, тонкие линии, умело выведенные пером на толстой пожелтевшей бумаге. Что-то старинное, в этом нет сомнений. Взгляд останавливается на верхней строчке, подтверждая мою догадку.

Вэль-ан-Ко, 1851

В то время жители деревни еще не заменили «Ко» на «Роз». Имя украсили розами лишь в 1897 году.

Дорогая Анаис...

Зрение мутится, сердце бешено колотится. Возможно ли? *Анаис*. Не моя Анаис, разумеется, не моя дорогая детка, которая спит в своей кукольной кровати, невзирая на крики и буханье кувалды Мартино. Письмо Анаис Обер, знаменитой актрисе...

Основательнице...

Взгляд скользит вниз, к подписи.

Ваш верный мушкетер

Меленг

Дрожь пробегает по телу. Меленг... Я вспоминаю рассказ Александра об истории Вэль-ле-Роз, о названиях улиц и прославленных артистах, основавших курорт почти двести лет назад. Меленг[1] был самым популярным актером девятнадцатого века, бессмертным д'Артаньяном, любимцем Александра Дюма, обожающим Вэль наперсником Анаис Обер. Стоп, надо успокоиться. Мартино насвистывает в соседней комнате, которая станет складом моего магазина. Слышу я и тихий шорох наверху – наверное, просыпается моя Анаис.

Подожди, подожди еще немного, сердечко мое. Быстро и жадно пробегаю глазами рукописные строчки. Сердце бьется так, словно письмо адресовано мне, словно я вскрыла послание от любовника. Меленг пишет странные вещи. Он успокаивает Анаис Обер, оставшуюся в Париже, напоминает о ее таланте, карьере, которую нельзя загубить. Слова нанизываются одно на другое. *Приедете ли Вы в Вэль на романтические празднества? Все здесь ждут Вас. Вы желанная гостья, поверьте.* Меленг приводит названия и имена, которых я не знаю, и они сразу западают в память. *Эми Робсарт, «Король забавляется», Мадемуазель Марс[2].*

Я переворачиваю лист. Со второго этажа доносится шебуршание, скрипит паркет под маленькими ножками. Анаис ступает в мягких тапочках, глядя на мир с высоты своих трех лет.

Иду, моя сладкая, иду.

Взгляд задерживается на последних строчках письма.

Как бы там ни было, милая Анаис, будьте спокойны. Вашу тайну здесь хранят свято. Она в надежных руках, которые дороги Вам.

Ваш верный мушкетер

Меленг

Все смешалось в моей голове, мне снова вспоминаются рассказы Александра, его длинные монологи во время наших прогулок, его одержимость тайной Анаис. Неужели я обнаружила неизвестный ему след? Совпадение кажется мне слишком невероятным.

Я складываю письмо и прячу его в конверт. Жильбер Мартино по-прежнему сидит на корточках у стены, спиной ко мне. Он насвистывает тот же мотив, который под сурдинку звучит по радио, кажется, я узнаю припев к шлягеру Мишеля Фюгена[3]. Спешу на лестницу, не хочу, чтобы Анаис одна спускалась по шатким ступенькам.

Подожди, моя красавица.

На ходу перебираю в памяти тринадцать дней – ровно столько я уже в Вёле. Все эти странные мелочи, маленькие тайны, на которые я не обращала внимания. Не до того было. Вот, например, ощущение, будто за мной следят, здесь, в этом доме, днем и ночью, даже когда я одна, даже когда Мартино, убрав свои инструменты, уходит к себе. И странные стихи Анаис, красивые, слишком красивые, чтобы их сочинила трехлетняя девочка. И фотография праздника, устроенного Виктором Гюго для детей Вёля в 1882 году, которую все почему-то от меня прячут. Ну и конечно, Адель. Бедняжка Адель. Мелочи. Ничего не значащие, если взять каждую в отдельности.

А теперь это письмо.

Я беру на руки мою маленькую Анаис, и от ее улыбки все тревоги рассыпаются звездной пылью. Она крепко прижимает к груди лилового страуса. Эму – так утверждают зоологи. Мёмё, уточняет Анаис.

– Ты хорошо спала, моя радость?

– А ты что делала, мама?

– Ничего, ничего.

Мне почему-то трудно сосредоточиться. Я думаю о том, что напишу сегодня вечером в дневнике.

– Мама, я есть хочу.

– Сейчас, милая, сейчас.

Мне нужно отмотать пленку в начало, ко дню моего приезда. Перечитать дневник. Подвести итог. Понять. Проследить в обратном порядке эти несколько дней, когда я поставила на кон свою жизнь.

Разыграла ее в орла или решку.

Тринадцатую днями раньше

2

Вель-ле-Роз, 10 января 2016

Остановить мгновение трудно. Описать его – еще труднее.

Но я все же попробую. Я решила вести дневник новой жизни. Моей новой жизни! Итак, она начинается сегодня, 10 января 2016-го, у пруда в Вель-ле-Роз.

Ровно в 9 часов 11 минут.

Моя белая «панда» стоит поперек дороги у водоема размером сорок метров на пять на въезде в Вель. Капот почти уткнулся в воду, как морда животного на водопое. Маленькая коровка. Большой баран. Я действовала инстинктивно, затормозила, заблокировала ручник, выскочила из машины, схватила с заднего сиденья Анаис, даже дверцы не захлопнула.

Я ставлю Анаис у самой воды.

Красота такая, что дух захватывает.

Прямо перед нами танцуют, отражаясь в прямоугольнике чистой воды, фахверковые стены домиков вперемешку с листвой берез. Сказочный пейзаж, вне времени, вне жизни. Интересно, что сейчас думает Анаис, что творится в ее головке? Действует ли на нее странное очарование этого места так же, как на меня?

Холод щиплет нам подбородки и уши. Сухой морозец, серое небо, коварный ветер. Анаис молчит, из чуть приоткрытого ротика выпархивают облачка пара.

Да, описать мгновение нелегко.

Я выехала из Нантера в 6 часов утра. Я все увозила с собой, запихав жизнь в багажник и на заднее сиденье «панды». В том числе Адель в банке из плексигласа, которую, как взрослая, держала на коленях Анаис. Стояла непроглядная темень. Потом мне долго казалось, что я еду все прямо и прямо, на север, до конца дороги, до края света, до берега моря, которое откроется передо мной между двух скал.

Сюда.

В Вель-ле-Роз. Затерянную деревушку. Мифический оазис на краю урбанистической пустыни, забытый городскими кочевниками.

На улице ни души. Вода речки Вэль как будто не может решить, притихнуть ли на время в запруде, поиграть между мхом и галькой, дожидаться серебристой форели или бежать быстрее под мостик из песчаника и дальше к морю. Безразличные к нерешительности течения домики дрожат в холодной воде. Анаис тоже дрожит, крепко держится за мою руку и прижимается ко мне. Я даже не надела пальто, оно так и лежит на пассажирском сиденье.

Как странно выглядит эта пустая, словно покинутая, улица; все жители попрятались, их одолела зима. Я помню Вэль другим, это воспоминание из моей прошлой жизни, когда я приезжала сюда впервые с Рюи четыре года назад. Улицы Вёля были полны народа. Нежданная жара обрушилась на Алебастровый берег в середине августа. Туристы съезжались отовсюду, просто из-под земли вырастали как грибы после дождя. Веселая толпа, поднимаясь на полтора километра по течению самой маленькой реки во Франции, брала штурмом террасы кафе. Песчаный пляж при отливе никогда еще не казался таким широким. Обнаженные тела невозможно было сосчитать, как, впрочем, и машины, растянувшиеся у дороги вдоль скал бесконечной разноцветной змеей.

Когда стемнело, погасли огни Вёля и огромная автомобильная змея уползла к суше, к городам Руану, Нанту, Парижу, Рюи показал мне деревню. Свою деревню. Мы поужинали в «Ле Гале», а потом поднялись по течению Вёли. У истока, в зарослях кресс-салата, он поцеловал меня долгим поцелуем. Мы были одни в потемках. Пройдя еще сто метров, Рюи остановился – на этом самом месте, у водопада. Я почувствовала себя потерянной и держалась за его руку, как держится сегодня Анаис за мою. И Рюи рассказал мне историю Анаис Обер – могло ли быть иначе? Анаис Обер была одной из самых знаменитых актрис начала девятнадцатого века. Существует легенда, что она внезапно покинула «Комеди Франсез» летним вечером 1826 года, сразу после представления. Будто бы просто сказала кучеру: «Трогай, езжай прямо и не жалея лошадей. Прямо, все время прямо. Не останавливайся». Беглянка Анаис Обер добралась сюда, к водопаду, в то время только этой дорогой можно было въехать в Вэль. Она влюбилась в эту рыбацкую деревню с первого взгляда. И, вернувшись в «Комеди Франсез», рассказала о своем открытии всему парижскому бомонду. Сюда устремились актеры, художники. Родился новый курорт, Вэль-ан-

Ко... Только один вопрос, один-единственный, оставался без ответа, то была великая, так и не разгаданная тайна Вёля. Глаза Рюи лукаво блеснули, когда он наклонился меня поцеловать.

Почему Анаис Обер в тот вечер покинула Париж?

Рюи посмотрел на желтый ореол фонаря, отражавшийся в черной воде запруды, обнял меня за талию и прошептал простые слова, такие неожиданные в его устах: «Если когда-нибудь у меня будет ребенок, дочь, я назову ее Анаис. Это не обсуждается, Ариана!»

Анаис тянет меня за рукав. Ей холодно. Она права, я не могу больше терять время на воспоминания.

Смотрю на часы: уже четверть десятого. Через пятнадцать минут я встречаюсь с Ксавье Пуленом, риелтором из местного агентства, он передаст мне ключи от моего магазина. Ну, магазина – это сильно сказано... ключи от развалюхи на улице Виктора Гюго, которая уже этой весной должна стать изысканным художественным салоном. Мысли разбегаются, и я ничего не могу с этим поделать. Силюсь отогнать липкий страх, парализовавший горло, все яснее осознавая свою безответственность: надо же было додуматься – приехать сюда одной, с трехлетним ребенком, среди зимы, чтобы открыть лавочку.

Я растираю Анаис, согревая ее и одновременно успокаивая себя. Оборачиваюсь к машине. Дверцы «панды» распахнуты, она притулилась у воды, как большая птица, присевшая утолить жажду.

– Пойдем пешком, милая. До дома недалеко.

– А Адель возьмем?

– Нет, она подождет здесь.

Адели все равно. Она спит на заднем сиденье в своей банке. Адель – водяная черепаха. Насколько мне известно, она уже жила на свете, когда я родилась. Мне подарил ее крестный, которого я видела раз в жизни. Значит, Адели не меньше двадцати пяти лет, а водяные черепахи, говорят, живут до шестидесяти. Еще бы им не жить! Адель целыми днями только и делает, что ест сушеных креветок и кусочки мяса на декоративных скалах в своем аквариуме. Или в банке, когда путешествует.

– Сиди смирно, Адель, – велит ей Анаис, – мы скоро.

Анаис любит Адель, она с ней разговаривает, кормит, поверяет свои секреты, даже гладит, как лилового страуса Мёмё. Панцирь и

плюш, ее единственные друзья.

Я закрываю дверцы «фиата», даже толком не припарковавшись. Проверяю, тепло ли одета Анаис. Шапочка, рукавички, шарф.

– Вот увидишь, милая, здесь очень красиво!

Мы шагаем по тротуару улицы Доктора Пьера Жирара. Деревня потихоньку просыпается. Мимо идут люди, все больше пожилые, с хозяйственными сумками в руках. Дует холодный ветер. Закутанные прохожие, кажется, не очень-то привычны к холоду. Это меня немного успокаивает.

– Пахнет морем, – шепчет Анаис.

Она улыбается, я смеюсь. Я рада, что она не жалуется на погоду. За домами угадывается плеск волн о бетонную дамбу, а может, это журчит вода на мельницах, убыстряющих течение Вёли шумными каскадами. Мы приближаемся к цели. На улице Виктора Гюго большинство домов пустует. Виллы выстроились в ряд, они соревнуются в причудливости и выглядят еще красивее, чем в моих летних воспоминаниях, наверно, из-за расцветок: деревянная обшивка фахверковых стен, двери и ставни синевато-зеленые, оранжевые, красные.

– Смотри, мама, это дом принцессы, правда?

Гостевой дом «Милая Франция». Замок в самом сердце деревни. Под каменным портиком висит огромная люстра между опереточными занавесями. Я как могу отгоняю воспоминания о теле Рюи в мансарде сказочной гостиницы, его медной коже в лунном свете, романтическом завтраке в беседке.

Я крепко-прекрепко обнимаю мою маленькую Анаис.

– Я люблю тебя, детка, вот увидишь, нам будет здесь хорошо вдвоем.

Холод незаметно пробирается под одежду и прочно укореняется там. Сомнения тоже. Неужели я безумна, как Анаис Обер? Странно, до чего судьба актрисы, жившей двести лет назад, близка к моей: бросить все, бежать из Парижа, чтобы осесть здесь.

А вот и вывеска агентства недвижимости. Это старый каменный дом,ходишь туда, как в пещеру, пригнув голову. Я толкаю тяжелую синюю дверь.

Тепло окутывает нас животворным коконом.

Вель-ле-Роз, 11 января 2016

Время за полночь. Я на ногах с пяти утра, но до сих пор не сомкнула глаз. Не могу уснуть. Сборы, дорога, обустройство на новом месте – все смешалось в моих усталых мозгах в коктейль тревоги и возбуждения. Я пишу в постели. Начинаю вести дневник. В комнате кое-как свалены коробки, подобно мыслям у меня в голове. В уголок задвинуто чувство, что я повела себя как легкомысленная девчонка, совершенно не владеющая ситуацией, и мне ни за что не справиться. Но в другом уголке я обнаруживаю ощущение, что здесь я наконец-то на своем месте. Что держу собственную судьбу в своих руках – впервые в жизни.

Анаис спит наверху. Наш кукольный домик, как она его называет, невелик: на два этажа семьдесят квадратных метров. Кому придет в голову, что эти четыре облупленные и заплесневелые стены станут самым шикарным адресом на улице Виктора Гюго?

Даже когда деревня Вель окончательно *онфлёризуется*[4], они будут обеспечивать меня... Надо только верить! Немного везения, мастерство Жильбера Мартино, деньги, которых у меня нет... и побольше фантазии! Старая уроженка Вёля жила здесь до меня восемьдесят лет. Оранжевые обои. Голубой пластик. Жить можно... в ожидании лучшего. Мои скудные сбережения придется истратить на обустройство магазина. Жилые комнаты подождут.

Анаис уснула как убитая, прижимая к груди Мёмё. Мы зашли к ее бабушке с дедушкой всего на несколько минут, малышка слишком устала.

– До завтра, – пообещала я.

Они поняли, они всегда все понимают. Элиза настояла на том, чтобы оставить мне готовый ужин в контейнере, нужно только разогреть говядину под соусом с морковью. Порывшись в коробках, я отыскала микроволновку и кое-какую посуду.

Я вымоталась. Я так счастлива. Когда я пришла в магазин с ключами в руке, Мартино был уже там – припарковал грузовичок перед домом, двумя колесами на тротуаре, и стоял рядом, прижав к уху мобильный телефон. Он представил мне краткий обзор моих

семидесяти квадратных метров, по ходу составляя смету на калькуляторе. Три месяца работы как минимум... Он, конечно, понял, что у меня есть четкое представление, чего я хочу, и вкус. Ну, скажем так, мой вкус. Союз кирпича, железа, камня. Он улыбался, почесывая затылок, словно искал самое доступное и недорогое решение. Да уж... Мартино, может, и не похож на бандита с большой дороги, но я-то, подозреваю, очень похожа на одинокую парижанку, не имеющую иного выбора, кроме как довериться ему. То есть на птичку, которую легко ошипать.

Адель в своей банке на полу смотрит на меня, щурясь, как будто насмехается. Открывает рот и угрожающе скалит до смешного крошечные зубки. Путешествие, должно быть, утомило и ее. Анаис все три часа пути говорила с ней, рассказывала, что мы переезжаем и будем жить у моря.

Возбуждение не проходит, словно я выпила литр кофе. Вечером, когда ушел Мартино, мы с Анаис прогулялись к морю. Она видела его дважды в жизни, первый раз – в Довиле, второй – в Булони, через стекло большого аквариума. Анаис замороженно смотрела, как река вытекает из большой каменной трубы прямо на пляж. Она что-то говорила о больших белых птицах, но я не слушала, пляж Вёля напомнил мне ласки Рюи, полуночное купание в августовскую жару. Мою любовь, мою историю.

Мне надо ее рассказать, изложить на бумаге, сейчас самое время.

Все равно не спится...

С тех пор не прошло и шести лет. Я была студенткой, как тысячи моих ровесниц. Ушла, хлопнув дверью, от разведенных родителей, каждый из которых обзавелся новой семьей – в Бретани и в Анси. Я поступила на историю искусств, получала стипендию и снимала квартирку за двести пятьдесят евро в месяц на паях с подругой. Рюи я встретила на студенческой вечеринке, на набережных Руана. Он учился на музыковеда. Красивый, черноволосый, небритый, играл на гитаре, на саксофоне, всегда держал между колен африканский барабан... Короче, Артист.

Он, должно быть, подумал то же самое обо мне. Хочется в это верить. Парней тогда вокруг меня крутилось много, и не только из-за моего таланта к рисованию и способности с выдумкой расписать любой

«холст», в том числе плинтусы в квартирах друзей. Домашние граффити стали моим коньком. Но мужчин я привлекала непосредственностью, этокое дитя природы, жадно вонзающее зубы в жизнь, без кривляний, без прикрас. В иных кругах искренность и простота значат больше, чем тугой кошелек. В это мне тоже хочется верить.

Дальнейшее – красивая история, каких множество на университетских скамьях. Вечеринки с друзьями, косяки и пиво, нам принадлежит мир, построенный и перестроенный, повернутый и перевернутый, ночи почти без сна, экзамены, кое-как сданные наутро. В общем, студенческие годы, когда факультет служит детским садом для больших мальчиков и девочек, фабрика надежд, воспоминаний и друзей навеки, как будто делаешь запас на долгую зиму. На всю оставшуюся жизнь! Беда в том, что понимаешь это много позже.

Я все меньше времени проводила в нашей квартире и все больше у Рюи. Моя подруга Селина дулась, раздраженная чужим маленьким счастьем, понимая, что скоро ей придется платить за жильё одной.

Мы были вместе уже полтора года, когда однажды, в августовскую пятницу, Рюи привез меня в Вёль-ле-Роз, свою родную деревню. И я влюбилась в нее с первого взгляда. Да, именно влюбилась. Это было так же очевидно, как желание, заставившее меня уступить Рюи. Вёль и Рюи были неразделимы: то же неброское очарование, скрытое, почти робкое, тот же артистизм. Рюи выложил все козыри: ужин в «Ле Гале» (одном из лучших ресторанов в Нормандии, но это я узнала потом), мансарда в «Милой Франции», берега Вёли, которых я не видела, потому что не отрывалась от его губ, полуночное купание, а назавтра, просто потому что нельзя было иначе, мы зашли – ненадолго, только на чашку кофе – к его родителям на улицу Меленга. И пробыли там три часа!

Элиза и Анжело тоже занимают место в картине, покорившей мое сердце. Очаровательные. Любящие. Своеобразные. И я убеждена, что их сердца я тоже покорила. Рюи ужасно стеснялся. Я была первой девушкой, которую он представил родителям. Пожалуй, я его немного поторопила. Я сразу поняла, что Элиза и Анжело – две половинки. Семья, которой у меня никогда не было.

Все рухнуло через месяц.

Непринятая таблетка, задержка... пришлось сказать Рюи.

Никогда, ни на мгновение, я не думала об аборте. Господи, как может прийти в голову избавиться от ребенка Рюи? Малыша, который унаследует гены его таланта и его красоты? Я еще не догадывалась, что Рюи был милым, тонким, ласковым, но... как бы это сказать не зло... слабовольным. Он понял по моим глазам, как я счастлива, и не захотел огорчать. Для него, единственного сына дружной четы, семья была святыней, нерушимой крепостью. Он решил попытаться, по примеру родителей, построить собственную. Да, я уверена, что хотел. От всей души. Но не выдержал столкновения с реальной жизнью. Он завалил все экзамены. Легкая депрессия, подавленность, называйте как хотите. Во время моей беременности мы несколько раз побывали в Вёле на улице Меленга. Элиза и Анжело были предупредительны, заботливы, теперь мне кажется, что даже слишком – как врачи, скрывающие от пациента неизлечимую болезнь. Вероятно, они уже тогда предполагали, чем кончится эта история, и не верили в превращение своего богемного сына в образцового отца. Когда Анаис было неполных три месяца, если быть точной – семьдесят три дня, Рюи ушел. Без объяснений. Просто оставил мне книгу Паньоля[5] «Мариус».

Я не дура, я все поняла еще раньше. По-прежнему влюбленная, но не законченная же идиотка.

Да, Рюи, при всем твоём таланте, Паньоля был не лучшей идеей.

Ты – Мариус, тебя зовет морской простор; я – Фанни. В порту, с пеленками.

Кажется, Рюи живет теперь в Нью-Йорке. Так мне сказали в последний раз друзья. Или в Дакаре? Я не ищу его – больше не ищу.

Пеленки, сами понимаете. Возлюбленная прочно застряла в порту.

Жизнь не роман, Рюи. Мне пришлось работать. Все изменилось в одночасье: прощай, учеба, история искусств, мечты об Эколь Нормаль[6] или Школе декоративно-прикладного искусства имени Буля[7]. Курс на Париж, первая подвернувшаяся работа в квартале Дефанс, с тремя сотнями тысяч таких же наемных служащих в одной электричке утром и вечером. Продавщица в «Декатлоне», обязанная сбывать спортивное оборудование для таких видов, которыми никогда в жизни не занималась, – гольф, теннис, горные лыжи, вездеходные велосипеды.

Шеф оказался моим ровесником с хорошо подвешенным языком.

«У тебя симпатичная мордашка, и дипломы есть. Научишься быстро».

В остальном ход событий ускорился. Квартирка в Нантере, на пятом этаже многоэтажки; районные ясли, закрывающиеся в 18.30, не позже. Я выматывалась в ежедневной гонке, контраст со студенческими годами был такой, как будто переход из юности в зрелость равен прыжку со скалы. Наказанию за неведомое преступление. Вкрадчивый голос шептал у меня в голове: «Ты правильно сделала, красавица, что накопила мечты впрок». Я держалась ради Анаис, я держалась благодаря Анаис. Только ради нее. Новости о Рюи я узнавала от общих друзей.

Сидней. Рио. Ванкувер.

А потом мало-помалу в голове стала вызревать идея. Я думала об этом, когда вела не перестающую кашлять Анаис в детский сад, и она дышала выхлопными газами; когда пустые банки из-под криветочного корма для Адели с грохотом летели по мусоропроводу с пятого этажа; когда машинально черкала что-то на клочке бумаги.

Вэль-ле-Роз.

Мои университетские запасы мечтаний были на исходе. Вкрадчивый голос издевался: «Тебе не пережить зимы, бедная моя Ариана».

Единственный выход. Безумная идея заключалась в том, чтобы собрать то немногое, что у меня осталось, – мое искусствоведческое образование, мой предполагаемый талант, бабушку и дедушку Анаис – в Вэль-ле-Роз, сказочной деревушке на берегу моря. Из всех этих деталей я сложила невероятный пазл...

Два месяца назад я приняла решение.

Бросить все к черту!

Бежать в Вэль.

Купить помещение и открыть магазинчик.

Попытаться счастья, рисовать.

Я опустошила квартиру, запихала все в белую «панду», оставив место только для Анаис и Адели, и уехала... Это было сегодня утром, в 6 часов. Теперь можно и рухнуть. Я вымоталась. Пора спать.

Мне хорошо.

Было бы совсем хорошо, если бы не странное ощущение, возникшее сегодня вечером после ухода Марино.

Странное и какое-то ирреальное.
Кто-то следит за мной. Здесь. В моем доме.

4

Вель-ле-Роз, 12 января 2016

Сегодня мы ужинаем у родителей Рюи. Анаис недовольна, она хотела взять с собой Адель, но сразу перестает хныкать, увидев подарки, ожидающие ее в гостиной, – томик стихов, пастель, альбом для рисования... Все необходимое для начинающей художницы. Анжело и Элиза плохо знают свою внучку, но о многом догадываются.

Ужин изумительный, беседа тоже. Говорить о Рюи мы избегаем, все внимание отдано Анаис. Анжело счастлив, что внучка попробует сокровища Вёля – устриц, форель, кресс-салат... Поставив на стол сыры, Элиза робко вступает в разговор:

– Если хотите, Ариана, я могу сидеть с Анаис днем, чтобы вы спокойно работали.

Она как будто угадала мою просьбу.

Я с радостью согласилась. Во-первых, мне польстило, что мое занятие – расписывать кору, гальку и старые доски – они считают работой. Вот так-то, Мартино! И потом, работа действительно предстоит титаническая, у меня всего четыре месяца, чтобы запастись товаром, всевозможными произведениями искусства на продажу до открытия магазина. Если Анаис будет целый день путаться под ногами, ничего не выйдет. Не говоря уж о ремонте и пылице.

– Знаете, – добавила Элиза, – я ведь нянька. Всегда была, как и моя мать, и все женщины в роду. Я сижу с малышкой Клеманс, она на месяц старше Анаис, и Полем, двухлетним шельмецом. Анаис подружится с ними, и на будущий год они вместе пойдут в садик.

Анаис – вот неблагодарная! – хлопает в ладоши.

– Можно я возьму с собой Адель?

– Кто такая Адель, детка?

Все смеются. Мы переходим в гостиную. Из окна открывается великолепный вид на Вэль. Я чувствую себя почти в семейном кругу. И убеждаюсь, что сделала правильный выбор, вернувшись сюда.

Элиза убирает со стола. Анжело успокаивает меня:

– Я знаю Жильбера Мартино как облупленного, уверен, он будет с утра до вечера твердить вам, что вы спятили, что никто никогда не

станет покупать штучки-дрючки, которые вы расписываете. Имейте в виду, он в этом ни черта не понимает! Его дело – подновлять лавки, которые открываются в мае и закрываются в сентябре. Но вы не такая, как все, детка, вы талантливы. В Вёле зима суровая, но как только дождемся теплых деньков, от курортников у вас отбоя не будет.

Спасибо! Спасибо, Анжело.

Анаис выгребает вещи из гостиной, роется в книжном шкафу, вытаскивает книги и альбомы.

– Нельзя, Анаис.

– Оставьте, пусть...

Анаис раскладывает на ковре иллюстрированные издания, кипы пожелтевших брошюр по местной истории, целую коллекцию старых черно-белых альбомов. Я читаю имена на обложках. *Жюль Трюфье, Поль Мёрис, братья Гонкур, Жюль Мишле, Виктор Гюго, Меленг...* и, конечно, *Анаис Обер*.

Удивительно, что Анаис это интересно. Вот ведь маленькая хитрюга – знает, за какие ниточки потянуть, чтобы очаровать деда. Она забирается к нему на колени с брошюрой в руке.

– Кто эта красивая дама?

– Анаис Обер, актриса. Это она открыла...

– Ее зовут как меня, дедуля!

Анжело улыбается. Он не может удержаться и в очередной раз рассказывает об актрисе, ее бегстве из столицы и приезде в Вэль, к водопою. Я спрашиваю, пользуясь случаем:

– Удалось выяснить, почему она так спешно покинула Париж?

Анжело почесывает бороду.

– Увы, нет! Тайна не разгадана и, боюсь, еще долго останется тайной... Наверное, серьезным историкам и без нее есть чем заняться.

Анаис, продолжая листать книгу, перебивает деда:

– А кто вот этот старый дядя с большой бородой?

– Виктор Гюго. Писатель. Как бы тебе объяснить... Ты слышала про горбуна из собора Нотр-Дам?

И продолжает рассказ – для внучки и для меня – о том, как Виктор Гюго любил Вэль-ле-Роз, как с 1879-го по 1884-й приезжал на курорт к своему лучшему другу Полю Мёрису, как в 1882 году устроил большой праздник для всех деревенских детей.

– Вот, Анаис, смотри.

Я наклоняюсь. Тоже хочу взглянуть.

На большой черно-белой фотографии множество детей стоят в каком-то дворе, в центре – старый Виктор Гюго, но Анжело вдруг захлопывает книгу. На какую-то долю секунды в его глазах мелькает паника.

Появляется Элиза с горячим чаем.

Мне почудилось.

Может, и так, но Анжело продолжает держать книгу закрытой. Анаис уже соскочила с его колен, а дед все сидит неподвижно, зажав брошюру под мышкой.

Я уверена: он что-то от меня скрывает!

В следующую секунду уже ругаю себя за глупость. Какая тайна может крыться в старой книге с фотографиями, в снимке, сделанном почти полтора века назад? *Смешно!* Через минуту я и думать об этом забуду.

Не забыла. Думаю об этом весь вечер.

Я успела запомнить название: «Прогулки в Вёле», книжица издана Ассоциацией за сохранение вельского наследия. Схожу в библиотеку Вёля, что рядом с мэрией, там наверняка есть экземпляр.

* * *

Возвращаемся к себе уже затемно. На склонах утеса светятся окна вилл, как будто их прорубили прямо в звездном небе. Анаис в восторге: проводить дни у бабушки с дедушкой в компании ровесников – что может быть лучше?! Ей не терпится все рассказать Адели, но бедная черепашка открывает узкие глазки и устало склоняет голову, словно не мы, а она побывала на роскошном ужине.

– В кровать, детка! Расскажешь ей все завтра.

Если бы я знала...

В ту самую минуту, когда я закрываю дверь комнаты Анаис, снова накатывает неотвязное и странное чувство: кто-то за мной наблюдает. Ходит следом по всем комнатам.

Идиотка!

Я тихонько приоткрываю дверь.

Стою и говорю сама с собой в холодном коридоре.

Моя дорогая, если хочешь продержаться всю зиму одна в этой конуре, не давай воли воображению.

5

Вель-ле-Роз, 13 января 2016

Сегодня с утра, вместо того чтобы работать над очередными картинками, я как последняя дура ищу в интернете информацию о знаменитой Анаис Обер. Мартино трудится за стеной и насвистывает мелодии, вторя потрескивающему транзистору, настроенному на «Ностальжи». Джо Дассена с «Индийским летом» сменяет Мишель Сарду с «Любовным недугом».

Тучи сбежали от прилива, и квадрат голубого неба заливают светом лужайку позади дома. В конце садовой ограды маленькая деревянная калитка выходит прямо на дорогу Пюшэ, еще одну восхитительную деревенскую приманку для туристов. Рыбацкие домики выстроились вдоль речки, радуя взгляд прохожих кружевными занавесками и безделушками за стеклами низких окон. Берега украшают миниатюрные мостики, кукольные шлюзы и микроводопады. Перед каждым жилищем три ступеньки и причал, так и кажется, что вот-вот мимо проплывут гондолы.

Адель нежится на солнышке, загорая в своей банке. Надо бы найти для нее аквариум или другую емкость, но побольше. Анаис сегодня впервые проводит день у бабушки с дедушкой. Я всячески сопротивляюсь желанию звонить ей каждый час и злюсь на себя: могла бы использовать свободное время более продуктивно – например, порисовать.

Любопытство борется с чувством вины.

Еще десять минут, говорю я себе, не больше. Потом только работа! Мой старенький ноутбук подключен к интернету через смартфон. Сначала я искала праздник, устроенный Виктором Гюго для детей Вёля, но ничего не нашла. В некоторых статьях действительно упоминается застолье со старым писателем в 1882 году, однако никаких фотографий нет – во всяком случае, той, которую я мельком видела вчера.

Мартино насвистывает мелодию из фильма «Снега Килиманджаро». Это невыносимо! Я закрываю дверь ногой и навожу

курсор на экране ноутбука на «Мою музыку». По папке на исполнителя. Брассенс; Ферсен; Тьефен; Сансеверино[8].

Тьефен!

Кликаю мышкой.

Ну конечно же, «Последняя остановка до автострады».

Это больше чем песня, четыре строчки и четыре такта мелодии стали гимном, который мы столько раз распевали во все горло с Рюи, соло, дуэтом, на двадцать голосов в квартирке-студии, на три тысячи на концерте в Ла-Курнёв.

Неповторимый голос Тьефена льется из колонок моего компьютера.

Дождик над полем повис.
Помнишь ли ты, Анаис,
Опиум серых небес,
Эту дорогу и лес?[9]

Эй, Мартино, вот классик, которого не крутят по «Ностальжи»!

Тьефен поет не умолкая, пока я просматриваю сайты с упоминанием Анаис Обер. Хочется рвать и метать. Каждый раз, когда я набираю в поисковике *Анаис Обер*, вижу одну и ту же информацию об открытии Вэль-ле-Роз! Можно подумать, что актриса за всю жизнь больше ничего не сделала. Или жители Вёля просто сочинили миф о лесной нимфе.

Ладно, тут я, пожалуй, преувеличила. Постепенно узнаю, что Анаис Обер была маленького роста, миниатюрная, очаровательная травести и играла в основном субреток да всяких ангелоподобных существ. В начале XIX века мадемуазель Анаис, как ее называли, была любимицей парижского бомонда.

Любопытство. Чувство вины.

А Тьефен, допев «Последнюю остановку», заводит рассказ о «дочери косца конопля».

Интернет снова отключился. Я обреченно вздыхаю, понимая, что поймать сигнал в моей хибарке на краю света было чудом само по себе. Выключаю компьютер, через три часа пора будет идти за моей Анаис.

* * *

– Адель, Адель! – Я срываюсь на крик.

Мартино не было, когда я вернулась от Элизы и Анжелло.

– Адель, Адель! – Анаис тоже кричит.

Бедняжка Адель, она не может нас услышать. Пластиковая банка валяется в траве. Калитка в углу садика приоткрыта.

Я бегу туда и, охваченная недобрым предчувствием, выхожу первой.

Вот она, Адель. Ей не суждено прожить шестьдесят лет.

Черепашка лежит передо мной, панцирь раздавлен, липкая масса растеклась посреди дороги Пюшэ. Я и не знала, что панцирь так легко разбить. Я прикрываю ладонью глаза Анаис, прижимаю ее к себе. В голове мечутся мысли.

Что могло случиться?

Какой-нибудь бродячий кот или пес перепрыгнул через ограду или открыл калитку, опрокинул банку и... раздавил панцирь? Смешно!

Анаис вырывается, всхлипывает.

Или какой-то мальчишка-садист воспользовался моим отсутствием и выместил злость на черепахе парижанки? Выполнил фант дурацкой игры?

Анаис бьет меня крошечными кулачками. Ей было так хорошо сегодня у бабушки с дедушкой. Рисунки, которые она гордо преподнесла мне, разбросаны по саду, и ветер уносит их, как грязные бумажки.

Безумие какое-то. Может, в сад и правда забрался бродячий пес, Адель сама убежала, а по дороге ехал мотоцикл? Может ли он раздавить панцирь? Разве бывает такое стечение обстоятельств?

Анаис обмякает в моих объятиях, как тряпичная кукла.

Из-за черепахи не заявляют в полицию. И траура по черепахе не носят.

Все, хватит!

Я тащу за собой Анаис, и мы входим в дом. Теперь она прижимает к груди Мёмё. Вот-вот задушит.

Ситуация вышла из-под контроля.

Я не управляю неотвязным чувством, необъяснимой уверенностью, что *кто-то наблюдает, как мы плачем!*

Вель-ле-Роз, 14 января 2016

Анаис не сразу, но утешается.

Сегодня я с утра рисую черепашек на старых дубовых дощечках от ставен. Об этом попросила Анаис, когда я отводила ее к Элизе.

Я спросила Мартино насчет Адели – не заметил ли он чего, прежде чем ушел? Он ничего не знает. По правде говоря, ему плевать на мою черепаху. Поделилась я с ним и ощущением, что за мной постоянно следят. Он пожал плечами. Должно быть, считает меня чокнутой. Как минимум чудачкой. Спросил с ухмылкой, почему я рисую больших устриц.

Повезло этому придурку, что у него золотые руки!

* * *

Я иду по Вёлю. Местные решат, что столичная фифа ищет вдохновения. На самом же деле я решила сходить в библиотеку, перед тем как забирать Анаис.

Пройти из конца в конец деревни можно за несколько минут. Фолиант из кованого железа на каменной стене сообщает, что в этом великолепном строении размещается местная библиотека. Бывший дом ткачей, гласит табличка для туристов. Я медлю, в очередной раз замороженная красотой этих мест: виллы вокруг перекрестка дышат странным очарованием, строгим и дерзким, как будто сами не знают, выставить напоказ или спрятать от прохожих свои причудливые фантазии; чуть дальше угадывается двор мэрии; библиотека утопает в зелени старых деревьев большого парка.

Толкаю дверь и вхожу. За безупречно чистым столом сидит женщина с безупречной высокой прической. Она одаривает меня красноречивым взглядом: «А, вы та самая чудачка, которая расписывает всякую фигню, чтобы продавать ее парижанам...»

Новости здесь разносятся быстро.

На полке с табличкой «Местная жизнь» я без труда нахожу книжицу, которую видела в руках Анжело, «Прогулки в Вёле». У них здесь вся серия, десяток брошюр. Нетерпеливо открываю, смотрю

оглавление. Вот – Гюго и его праздник, 24 сентября 1882-го. Страница 42.

Переворачиваю страницы.

38, 39, 40, 41...

О господи!

42-й страницы нет. Она вырвана.

Женщина с высокой прической смотрит удивленно. Не возмущается, но негодует ровно настолько, чтобы выглядеть искренней.

– Я... Я ничего не понимаю. Очень странно, эти старые брошюры берут редко, но за всем не уследишь. Люди совсем совесть потеряли. Вы все-таки хотите ее взять?

* * *

Я тороплюсь, обходя квадратную колокольню церкви Сен-Мартен, чтобы вернуться на улицу Меленга.

Меня ждет Анаис.

Шагаю стремительно и твержу себе: ничего необычного не происходит, все это мелочи. Вырванная из книги страница. Сбежавшая черепаха. Чувство, что за мной следят. На миг мне чудится угроза в тени вилл Вёля: деревня-призрак, деревня-ловушка. Я здесь чужая, меня заманили. Беззащитная одинокая жертва, которую будут мучить забавы ради. А потом... Что потом?

Бред чистой воды!

Надо взять себя в руки, я должна заботиться об Анаис и думать о моем магазине.

Я должна держаться.

7

Вэль-ле-Роз, 18 января 2016

Набережная Вэль-ле-Роз безобразна. Единственное безобразное место в Вёле – выход к пляжу! На открытках с видами деревни его прячут, как физический изъян. Ладно, согласна, «безобразная» – суждение субъективное. Следовало написать, что набережную Вэль-ле-Роз реконструировали после войны. Наспех.

Говорят, Вэль-ле-Роз мог войти в число самых красивых деревень Франции, но его кандидатура была отвергнута – из-за набережной. Только представьте, вся коммуна пережила фиаско по вине трех уродливых домов, глядящих на Ламанш, и старого казино. Три дома из... скольких? Трехсот? Пятисот? Похоже, обитатели трех коттеджей, стоящих на первой линии и портящих вид, испытывают мстительное удовольствие. В парижских агентствах недвижимости их жилища выставляют на продажу за несколько миллионов евро. Забавный парадокс: лучший вид на деревню, где панораму не уродуют эти бородавки, открывается, если в них жить.

А в остальном я обожаю Вэль!

Все сильнее и сильнее.

Мне не приедаются долгие прогулки вдвоем с Анаис по пляжу в час отлива, когда солнце садится за скалы, и утром, в тумане, среди грядок кресс-салата. Анаис больше всего любит гулять вдоль леса, по Елисейским Полям[10]. Я узнала, что эту тропу так называют, потому что два столетия назад там жил некий папаша Элизе[11]. Парижане нашли это забавным. По дороге Анаис останавливает меня у каждой мельницы, при виде каждой плещущейся в Вёли утки, каждой взлетающей птицы. Моя любопытная малышка любит заглядывать за ограды садов. Я терпеливо жду. Не спорю, когда она говорит, что мы должны посидеть пять минут на каждой скамейке. Как в песенке.

Местные жители начинают меня узнавать, кто-то уже здоровается. Я почти подружилась с Клер из блинной «Марина» на улице Виктора Гюго, в двух шагах от моего магазина. Я трижды заходила туда выпить кофе. Мы с Клер ровесницы, и она уже заказала мне десяток натюрмортов для своего ресторана.

«Женская солидарность», – рассмеялась она, скрестив пальцы. Еще я часто встречаю парализованного старика – прикрытый клетчатым пледом, он сидит в инвалидном кресле, которое катит сиделка. Старик живет на вилле «Маржолен». Клер рассказала, что его семья разбогатела в начале двадцатого века на торговле страусовыми перьями. Анжело подтвердил. Любопытные персонажи встречаются в Вёле. Таких немного, но все заслуживают внимания.

Анаис часто играет на деревянной плотине. Целая игровая площадка в ее единоличном распоряжении, с огромной горкой, веревочными мостиками и песочницей. Она прыгает по лужам в

лягушатнике, пустом и грязном, словно простуженном в ожидании тепла.

Да, я обожаю эту деревню зимой. Этот лабиринт в спячке. Этот дикий микрокосмос.

Все знакомы, никто друг с другом не общается.

8

Вель-ле-Роз, 19 января 2016

Сегодня, во второй половине дня, у меня случилась удивительная встреча.

Я стою на большой деревянной террасе на сваях, построенной над пляжем и Вёлю. Здесь ее называют эстакадой. Начинается прилив, но песок между камнями еще виден. Вдали возвращается на стоянку трактор устричного хозяйства. Я провожу здесь много времени – ищу вдохновения в белых и охряных скалах, похожих на огромный каменный водопад, бесконечно стекающий в море. Солнце щекочет лицо, и мне хочется выпустить из-под кепки мои белокурые волосы, которые тут же растреплет сильный западный ветер. Если повернуться к нему лицом, нетрудно понять, почему самые красивые виллы построены на западном склоне. Под защитой.

Позже, там, где оставалось место, возвели новые. Хлопают под ветром четыре флага на высоких шестах, качели на пустой игровой площадке раскачиваются, как будто невидимое дитя-призрак играет там в одиночестве.

Из моря выходит мужчина в черном гидрокостюме с красными и зелеными флуоресцентными вставками. С него течет вода.

Его зовут Александр.

Не юноша, я бы дала ему лет сорок с хвостиком. Но когда он высвободился из второй неопреновой кожи и подставил торс ледяному ветру, я невольно задержала на нем взгляд. Молния расстегнулась до середины живота, под ней угадывался пучок седой поросли – ровно столько, сколько надо. Эффект был умело рассчитан, но это я поняла позже.

Александр идет босиком по гальке с легкостью, которая, поверьте мне, требует долгих лет тренировки. Нет, не так. Для этого надо просто родиться здесь. У жителей Вёля, вследствие эволюции по Дарвину,

наверняка затвердела кожа на подошвах. Александр, наплевав на волну, бросает на берегу свой виндсерф с красным парусом, украшенным золотым шлемом викинга, взъерошивает волосы и ослепительно улыбается.

– Вы Ариана? Художница? Невестка Элизы и Анжело?

Я изумленно таращусь на него из-под козырька бархатной кепки, тру окоченевшие руки в перчатках, а этот почти голый чудик, вышедший из ледяной воды, продолжает:

– Удивляетесь моей осведомленности? Все просто – в деревне только о вас и говорят. А как же иначе? Красотка-парижанка, та, что сумела заарканить Рюи.

– А...

Он смеется и, подтянувшись на руках, влезает на дамбу метрах в трех от меня. Его ноги оставляют мокрые следы на экзотическом дереве эстакады.

– На ваш счет даже заключают пари. Продержится парижанка, не продержится. Протянет зиму, протянет лето, дотянет до Рождества...

Я смеюсь в ответ. Мне нравится этот бабник, возникший из пены морской. Я принимаю игру:

– А вы как думаете?

Шесть мокрых шагов по дощатому настилу. Вода с его торса уже капает на мои сапоги. Я почти утыкаюсь носом в седую поросль на груди.

– Что они чертовски правы, когда говорят, что парижанка – красотка!

Выпад и туше!

Я опять смеюсь. Не могу вспомнить, когда в последний раз мужчина пытался меня охмурить. Пялились – это да, в Дефанс, тысячу раз на дню. Тысячи спешащих безымянных встречных провожали взглядом, оценивали, касались. Но чтобы кто-то подкатился...

Александр предложил мне выпить кофе в «Викторе Гюго», огромном уродливом ресторане над пляжем.

Я посмотрела на часы. Через пятнадцать минут надо идти за Анаис, но это в двух шагах.

Я опоздала на двадцать минут. Впервые!

Не сказать чтобы Александр очень мне понравился, о нет. Ему бы скинуть лет двадцать и рисоваться поменьше. Он полная противоположность мужчине, в которого я могла бы влюбиться, но с ним приятно... поболтать. Я сознательно не использую слово «диалог», Александр не готов к диалогу, не готов хотя бы делать вид, что слушает женщину. Он вёлец – вёлец по рождению, по крови... вплоть до подошв! Его жена работает в центре развития туризма в Дьеппе, он же летом трудится инструктором по парусному спорту и музыкантом по выходным и праздникам. За его услуги платят курортники, когда играют свадьбы на виллах, празднуют крестины и первое причастие. Еще он ухаживает за садами, орудует газонокосилкой за отдыхающих, подрезает розовые кусты. Времена для сыновей ветра нынче суровые. Он пожирает меня небесно-голубыми глазами и говорит, говорит без умолку. Развлекается, похоже. Многие явно присочиняет. Я верю ему в одном – в том, что очевидно. Этот парень знает Вэль, его историю и жителей как собственный карман. В который он за словом не лезет.

9

Вэль-ле-Роз, 22 января 2016

Когда я в пять часов забирала Анаис у Элизы, она не преминула съязвить, что я вовремя... сегодня! Мы возвращаемся домой с неизменным заходом на пляж, через лужи в лягушатнике и холодный пластик горки, потом играем в прятки на почти пешеходных улицах – Анаис Обер и Морской, на просеке Сен-Николя.

* * *

Анаис полдничает за импровизированным обеденным столом – Мартино соорудил его из широкой доски, уложив ее на козлы. Тараторит без устали, описывает, как прошел день. Дочь не перестает удивлять меня талантом рассказчицы, сочиняет невероятные истории, песенки и иллюстрирует их потрясающими рисунками. Иногда я думаю, что у нее уникальные способности. В другой раз одергиваю себя – не заносись! Впрочем, каждой матери хочется видеть в своем ребенке вундеркинда.

Вот только Анаис, хотите верьте, хотите нет, и правда вундеркинд!

* * *

Анаис разложила на столе пастельные краски, играет, смешивая их. Она рисует разных животных. Только не черепах. Моя детка ни разу не заговорила об Адели. Бедная крошка.

Даже Мартино заглянул через плечо девочки и шепнул: «Здорово, красивые рисунки». Анаис раздулась от гордости. Подумать только, мою живопись мужлан Мартино, который весь день торчит в соседней комнате, криво усмехается и слушает «Ностальжи», ни разу не похвалил. Одно из двух: или от робости... или мои картинки и вправду гроша ломаного не стоят.

* * *

Купаться!

Анаис любит плескаться в старой чугунной ванне. Еще одна древность, которую со временем надо будет заменить. Пока дочка мокнет, я за стеной готовлю ужин. Мартино ушел с час назад.

В этот самый момент я и услышала, как Анаис поет.

Мы по берегу над Вёлью
Нагулялись вволю!
Здесь цветы и рыба вместе
С овощами, честь по чести,
Слава яблоку и песне!

– Что ты там поешь, милая?

Здесь увидишь спозаранку
Поселянку —
Рынок ждет ее, а там
Слава всем ее трудам?

Слава всем ее плодам!

Я стою в ванной. Анаис сидит ко мне спиной, всецело сосредоточившись на словах песенки.

Поцелуй купить-продать —
Благодать!
Эй, монету приготовь,
Потому что вновь и вновь
Славим юность и любовь!

– Кто тебя научил этой песне, детка?

До чего же день веселый,
Вот сюрприз!
Вот где настоящий рай —
Эти люди, этот край,
Слава, слава Анаис!

Дочка наконец оборачивается и смотрит на меня с ангельской улыбкой.

– Никто!

– Как это – никто? Не ты же ее сочинила.

– А вот и я, мамочка. Сама придумала.

У меня на языке вертится слово *врушка*.

Элиза не поет таких песен. Анжело тем более, к тому же сегодня он уезжал в Сен-Валери. Читать Анаис не умеет.

– Продолжай, дорогая. Хорошая вышла песенка.

Анаис умолкает, ее взгляд туманится.

Такое часто случается, с тех пор как Адель...

Она замерзла и дрожит, я даю ей полотенце.

* * *

Позже, вечером, оставшись одна в своей кроватке и думая, что я не слышу, она снова запела. Те же куплеты. Я слушала молча, не приближаясь. Чем старше становится Анаис, тем больше она похожа на Рюи. Мечтательная и обидчивая, очаровательная и неуловимая.

Вот где настоящий рай —
Эти люди, этот край,
Слава, слава Анаис!

Слова вторят моему наваждению.
О ком они? Об Анаис Обер, опять о ней?
Меня преследует призрак.

10

Вэль-ле-Роз, 23 января 2016

За мной шпионят!

Теперь я в этом уверена. У меня нет никаких доказательств, никаких материальных улик, но я точно знаю. Это не объяснить словами, но спиной я чувствую чей-то взгляд. Можно ошибиться раз, другой, но не каждый же день, не постоянно. Кто-то бродит по дому, вторгается ко мне, подсматривает, я под наблюдением во всех комнатах.

Я поделилась с Мартино. Он смотрел недоверчиво, но я не оставила ему выбора.

– Обыщите все комнаты. Каждый уголок!

Он пожал плечами, словно хотел сказать: «Любой каприз за ваши деньги». Тщательно осмотрел весь дом сверху донизу. Я ходила за ним по пятам, на осмотр ушло все утро.

Впустую!

Не нашлось ни склепа под плиточным полом, ни потайной двери в стене, ни подземного хода, ни шкафа с двойным дном.

Ни-че-го!

– Это вам не приключения Арсена Люпена, – лаконично прокомментировал Мартино.

Но я-то знаю, что говорю!

Кто-то проникает в мой дом, ходит за мной по пятам.

Вполне реальный человек.

Не призрак Анаис Обер.

* * *

Я снова увиделась с Александром. Он очень хотел показать мне знаменитый грот Виктора Гюго, и я согласилась, понимая, что это классический местный прием соблазнения, наверняка сто раз опробованный на других женщинах. На самом деле в Вёле называют гротом Виктора Гюго дыру в скале два на три метра, куда можно подняться по трем ступенькам. Говорят, писатель на старости лет размышлял там, глядя на море. Вилла его друга Поля Мёриса располагалась прямо под гротом, там, где сейчас ресторан «Виктор Гюго».

Александр, как и Виктор до него, был прав: вид из грота на длинный изгиб побережья открывается изумительный... правда, места для двоих маловато.

– Знаете, Ариана, – мурлычет мне на ухо Александр, – в Вёле рассказывают, как один местный поклонник Виктора Гюго написал на песке имя писателя. «Смотрите, – сказал ему кто-то из друзей, – море стирает ваше имя». – Он придвигается еще ближе, голубые глаза ищут мой взгляд, и договаривает: – «Оно его не стирает, – якобы ответил Гюго, – а уносит с собой...»

На секунду мне показалось, что он меня поцелует прямо здесь, в этом каменном алькове. Но Александр, должно быть, инстинктивно почувствовал, что не стоит спешить, дама может чисто рефлекторно дать в челюсть.

Мы больше часа простояли в этой меловой дыре, прижавшись друг к другу, после чего размяли затекшие мышцы долгой прогулкой под скалами. Правда, вскоре красавчик исчерпал запас из десятка дежурных шуток и перестал быть интересным собеседником. А уж комплименты, которые он отвешивал женщине в джинсах, свитере, зимней куртке и теплом шарфе, были, ей-богу, не к месту. Зато я выяснила, что у него есть странная, но истинная страсть к местной истории вообще и тайной истории жизни Анаис Обер в частности.

Он рассказал, что раньше мой дом принадлежал чете рыбаков, у которых и нашла приют Анаис Обер, когда в 1826 году открыла деревню. Гостеприимство вельцев стало одной из тех искр, которые разожгли пламя ее любви к будущему курорту.

Сама не знаю почему, но это открытие меня взволновало.

Я ведь не с кондачка купила именно этот дом. Все переговоры с агентом по недвижимости Ксавье Пуленом взяли на себя Элиза и Анжело. Одна, сидя в нантерской квартире, я бы ничего не сумела. Похоже, недвижимость в Вёле сдают и продают только *своим*. И войти в этот круг со стороны практически невозможно.

Мы взбираемся на бетонную дамбу, которая пытается задержать уплывающую к северу гальку, и я, воспользовавшись короткой паузой в его тираде о художниках-импрессионистах в Вёле, вставляю слово о том, как приехала к водопою почти две недели назад и оставила свой «фиат» с дверями нараспашку. Александр вдруг впадает в раж, его громкий голос будит эхо в скалах. Он захлеб рассуждает о пресловутой «тайне Анаис Обер», о секрете, который она увезла с собой в дилижансе из Парижа в Вель и спрятала где-то здесь, в этой деревне. У меня возникает чувство, что этот местный донжуан больше не смотрит на меня как на объект желания и мог бы с тем же успехом распинаться перед устрицей.

– Что же за тайна была у Анаис Обер? Можете себе представить – я с детства всю жизнь только о ней и слышу. Где Анаис Обер ее спрятала?

Впору подумать, что Александр подкатил ко мне позавчера исключительно потому, что я поселилась по первому вельскому адресу Анаис Обер. Что я интересна ему только через призму памяти об актрисе... Мне почти хочется, чтобы он взял меня за руку, обнял за талию, прижал к груди, – только ради удовольствия послать его подальше. Но этот хам не позволил себе ни единого неуместного жеста...

Мы возвращаемся на набережную. Я размышляю под рассказ Александра о том, как Виктор Гюго подал в Национальное собрание проект закона об охране скал Вёля. А он хитер, этот профессиональный соблазнитель. Но меня не проведешь. Александр решил потомить меня

на медленном огне, заманить в сети тайнами любимой актрисы. Вынуждена признаться: мне нравится его метода!

* * *

Все это было вчера.

Я простилась с Александром на пляже и вернулась домой, где продолжала рисовать рядом с Мартино, который сносил перегородки и ухмылялся, поглядывая на моих черепашек, котиков, волны и утесы, закаты и радуги, чем безмерно меня раздражал. Я легко угадывала его мысли: скоро, очень скоро эта пустоголовая столичная штучка узнает, как сурова жизнь.

А потом Мартино нашел письмо.

Письмо Меленга к Анаис Обер.

И все переменялось.

11

Вель-ле-Роз, 23 января 2016

Я поставила компьютер под единственным слуховым окошком в крыше. Шарю по интернету при слабом свете лампочки, свисающей с балки посреди комнаты. Я протестировала все уголки дома, здесь сигнал самый сильный. У меня не выходит из головы письмо Меленга к Анаис Обер.

Что бы ни случилось, милая Анаис, будьте спокойны. Вашу тайну здесь хранят свято. Она в надежных руках, которые дороги Вам.

Ваш верный мушкетер

Меленг

Анаис спит за стеной. Мои пальцы летают по клавиатуре. Не в пример Анаис Обер Меленг оставил немало следов в интернете. Если верить Всемирной паутине, он был самым популярным актером своей эпохи, играл во всех великих пьесах Александра Дюма – «Юность мушкетеров», «Королева Марго»... Этьен-Мартен – так его звали – не только блистал на сцене, еще он занимался скульптурой и живописью.

Меленг был близким другом Анаис Обер и впервые приехал в Вёль-ле-Роз по приглашению красавицы-актрисы. Любовь с первого взгляда! Он купил триста метров побережья и построил опереточную виллу, Постоялый двор Д'Артаньяна, – безумство, вдохновленное самыми причудливыми театральными декорациями. Виллу Меленга снесли в 1925 году и заменили... паркингом! В одиночестве, под звездами, я размышляю. До чего же люди глупы! Сровняли с землей опереточную декорацию. Забыли славные роли актера. Все, что осталось от Меленга, – улица и площадь в Вёле, названные его именем... которого ни один турист в жизни не слышал. Пальцы постукивают в полумраке по клавишам, словно мышка бежит мелкими шажками по мостовой в ночи.

Меленг говорит в письме о какой-то Эми Робсарт. Гугл на эту тему оказался неиссякаем! Интернет – бездонный кладезь знаний для невежд. Эми Робсарт жила в XVI веке и была женой некоего Роберта Дадли, фаворита королевы Елизаветы I. Ее величество намеревалась вступить в брак с красавцем Робертом, и однажды Эми Робсарт нашли мертвой у подножия лестницы в своем доме. Убийство? Самоубийство? Грандиозный скандал при дворе! Имя Эми и тайну ее смерти прославил знаменитый Вальтер Скотт, ей же, судя по всему, посвятил пьесу Поль Фуше, шурина Виктора Гюго. Премьера состоялась 13 февраля 1828-го... и провалилась с оглушительным треском!

Сигнал, кажется, подает признаки слабости. Кликаешь и ждешь несколько долгих секунд. Проклятье! Что же связывает Вёль, Меленга и Эми Робсарт? Бездонный кладезь знаний бывает порой суше обычной книги на нужную тему. Но я терпелива и все равно продолжаю поиски. Меленг упоминает также пьесу «Король забавляется». Гугл просвещает меня, и на этот раз связь гораздо очевиднее. «Король забавляется» – одна из первых пьес Виктора Гюго, ее премьера состоялась 22 ноября 1832-го. Публика освистала пьесу, критики единодушно ее осмеяли, а правительство сразу запретило за политические аллюзии. Надо же, и великий Виктор сталкивался с трудностями в начале творческого пути!

Я не знаю, что делать дальше.

Продолжать в том же духе, провести ночь, бродя с сайта на сайт в поисках химеры? Какой, собственно, химеры? Передать письмо Меленга на экспертизу какому-нибудь историку? Да, конечно, это было

бы лучше всего. Если повезет, артефакт сделает мне рекламу перед открытием магазина. Вот только я не знаю ни одного историка... И...

Я поднимаю голову, смотрю на звезды. Есть решение получше! Чего-то я не могу ухватить, с тех пор как приехала в Вэль. Слишком много здесь тайн, слишком много совпадений, вот и это письмо нашлось в стене вроде бы случайно. Я больше не раздумываю. Беру телефон и жму на последний номер в списке контактов.

Александр.

Попадаю на автоответчик.

«Александр, это Ариана. Мне нужно с вами увидеться. Завтра, если можно. Ничего страшного не случилось. Я... я кое-что нашла. Эта находка вас чертовски заинтересует».

И отключаюсь.

Сколько времени я просидела, обхватив голову руками?

Ночную тишину разрывает рев.

Телефон. Не мой мобильный – стационарный, в комнате.

Я вскакиваю, срываю трубку. Это материнский инстинкт, главное – не разбудить дочку.

Голос, только голос. Холодный. Резкий.

– Идиотка! Не вздумайте ничего говорить. Никому не доверяйте!

И трубку вешают.

Я дрожу всем телом. Капли пота стекают по ногам. Заледеневшие ступни оставляют влажные следы на холодном камне.

12

Вэль-ле-Роз, 24 января 2016

Я жду Александра у стелы Виктора Гюго, прямо надо мной развалины церкви Сен-Николя – разбросанные вокруг креста камни из песчаника. Александр опаздывает. Я успеваю во всех деталях рассмотреть бронзовый горельеф, на котором Виктор Гюго предстает в окружении десятка своих героев, – тут и Эсмеральда, и Квазимодо, и Козетта с Гаврошем... Час назад я отвела Анаис к бабушке с дедушкой. Я всю ночь не сомкнула глаз. Мне кажется, что события обрушиваются на меня, как валы на скалу, и я с каждой волной все больше покрываюсь трещинами.

Александр появляется из ниоткуда, совершенно запыхавшийся.

– Ну что, Ариана? Я бежал всю дорогу, даже отменил выход в море с друзьями в Антифере. Говорите скорее, что вы нашли?

Я медлю, вспоминая ночной телефонный звонок.

Идиотка! Не вздумайте ничего говорить. Никому не доверяйте!

Плевать! Я протягиваю Александру письмо Меленга. Он смотрит удивленно, берет его, утыкается в рукописные строчки, проглатывает единым духом, щуря глаза и приговаривая: «Боже мой, боже мой». Читает письмо снова и снова.

– Александр!

Меня больше нет.

– Александр?

Я срываюсь на крик.

Злость, усталость, страх.

Он наконец поднимает на меня глаза:

– Идемте!

Александр тащит меня за руку, я не сопротивляюсь. Мы почти бегом пересекаем деревню. Морская улица, площадь Шотландцев, квадратная башня церкви Сен-Мартен, ткацкая фабрика. Я узнаю фолиант из кованого железа.

Библиотека Вёля.

– Идите за мной, – выдыхает Александр.

Хлопает дверь низкого строения.

– Привет, Мадо! – бросает мой провожатый библиотекарьше.

Женщина сидит за столом – похоже, за неделю не сдвинулась ни на миллиметр. Ни один волосок не выбился из прически. Когда мы подходим к полкам, посвященным местной истории, я поворачиваюсь к Александру:

– Что за цирк?

– Вы мне все равно не поверите, так что я лучше сразу предъявлю вам доказательства. Присядьте.

Я падаю на стул, пытаюсь отдышаться. Александр, привстав на цыпочки, достает толстый том в картонном переплете и кладет его передо мной на стол. Я едва успеваю прочесть название: «Иллюстрированная энциклопедия французского романтического театра в XIX веке».

– Послушайте меня, Ариана. Мы знаем, что Анаис Обер бежала из Парижа в 1826 году. По какой, черт возьми, причине? Несчастливая любовь? Провал в театре? Вы наверняка пошарили в интернете, не так ли? И ничего не нашли, ровным счетом ничего! А я потратил годы, искал в архивах, в редких изданиях, в памяти старых историков. Ваша находка подтверждает все мои выводы. Самую безумную из моих гипотез.

Александр подозрительно косится на чучело библиотекаря и понижает голос, напуганный собственной эйфорией.

– В письме, которое вы нашли, Меленг упоминает какую-то Эми Робсарт.

– Да, речь идет о пьесе, написанной шурином Гюго, Полем Фуше.

У Александра вырывается презрительный смешок.

– Ничего подобного! Никогда не довольствуйтесь сведениями из интернета. На самом деле Виктор Гюго в девятнадцать лет создал три акта пьесы «Эми Робсарт» в соавторстве с неким Суме, который должен был дописать еще два. Этот самый Суме нашел материал, предложенный никому не известным Гюго, скверным: юный автор, по его мнению, недопустимым образом смешал трагедию с комедией. Было это в 1822 году, и текст остался лежать в ящике стола. Через шесть лет шурином Гюго Поль Фуше попросил родственника «отдать» ему раннюю пьесу, которую писатель собирался сжечь. Тот согласился. И напрасно! Первое и единственное представление обернулось колоссальным фиаско для Поля Фуше... а рикошетом досталось и Виктору Гюго. Только в 1889 году, через четыре года после смерти Гюго, пьеса снова увидела свет рампы... Думаю, вы догадываетесь, что на этот раз все критики превозносили ее как подлинный шедевр!

Я сбрасываю пальто на ближайший стул. Он меня утомил. Я, пожалуй, предпочту полуголого Александра-серфингиста Александру-эрудиту, равнодушному к остаткам моих женских чар.

– Хорошо, понятно. Но где же связь с Вэль-ле-Роз?

Александр придвигает ко мне «Иллюстрированную энциклопедию французского романтического театра в XIX веке», переворачивает страницы и находит главу, посвященную «Эми Робсарт».

– Красиво, да? Костюмы как-никак рисовал Эжен Делакруа. Уже нечто! Но посмотрите вот сюда! Видите, кто играл Эми Робсарт в том единственном представлении?

Пробегаю список действующих лиц и исполнителей.

Эми Робсарт – Анаис Обер.

Боже мой!

– Подождите, дальше еще интереснее. – Александр крепко сжимает мою руку. – Перейдем к пьесе «Король забавляется». Это 1832 год. Второй болезненный провал Гюго в театре. И на сей раз под собственным именем!

Я перебиваю Александра:

– Об этом я читала в интернете. Пьеса была плохая. Единственное представление. Освистана!

Александр негодует.

– «Король забавляется» – плохая пьеса?! Да, вы правы, она была сыграна всего раз, но известно ли вам, что двадцать лет спустя Верди написал по ее мотивам оперу? «Риголетто»! Одну из самых знаменитых опер в мире. На самом деле, провал пьесы объясняется двумя причинами. Всего двумя.

– Какими же? – спрашиваю я, как прилежная ученица.

– Первая причина политическая. Герой пьесы и оперы – злобный шут, открыто насмехающийся над монархией.

– Понятно. А вторая?

Александр стучит пальцем по энциклопедии, листает страницы и продолжает менторским тоном:

– Гюго написал классическую трагедию. Злой шут Трибуле безумно любит свою единственную дочь Бланш. Это коронная драматическая роль в пьесе! Король Франциск I похищает Бланш и пытается ее соблазнить. Королевское право первой ночи! Шут Трибуле жаждет мести и хочет убить короля, но Бланш расстраивает его планы, подставив под удар себя, и погибает... от руки собственного отца! Мрачная романтическая драма. Кто, по-вашему, играл роль Бланш?

Я читаю, заранее зная ответ.

Бланш, дочь Трибуле, – Мадемуазель Анаис.

– Читайте дальше, – настаивает Александр, – читайте отзывы критиков.

Перехожу к длинному комментарию о поправках, которые внес Гюго в надежде сбить с толку цензуру и расположить к себе критиков.

После переработки из второго акта почти полностью исчезли подробности похищения Бланш: на сцене Мадемуазель Анаис была

похищена вниз головой и ножками кверху.

Все, с меня довольно!

– Хватит играть со мной в кошки-мышки, Александр! Излагайте вашу гениальную теорию.

Его лицо расплывается в широкой улыбке. Приложив палец к губам, он косится на статую-библиотекаршу.

– Пусть это останется между нами. Я вам доверяю и открою секрет. Насколько мне известно, ни один специалист по Гюго никогда такой гипотезы не выдвигал.

Он достал меня своими предосторожностями.

– Ну же, говорите!

– Хорошо, Ариана, не сердитесь. Виктор Гюго, как известно, родился в 1802 году. Веку было два года! Как вы думаете, в каком году родилась Анаис Обер?

Я молчу, твердо решив больше не играть в угадайку.

– В 1802-м! Как и Гюго! Итак, Ариана, давайте подытожим. Виктор Гюго – молодой писатель-романтик, самый многообещающий в Париже. Мадемуазель Анаис – самая красивая актриса в столице. Они были рождены, чтобы встретиться. Так оно, впрочем, и случилось, я представил вам исторические доказательства этой встречи: молодой Виктор Гюго доверил Мадемуазель Анаис главные роли в двух своих первых пьесах. Невероятный факт, если вдуматься! Анаис Обер известна как исполнительница ролей субреток в «Комеди Франсез». Жюль Трюфье даже сказал однажды, что она совершенно неспособна играть трагедию. Стало быть, главный вопрос следующий: почему молодой и талантливый Виктор Гюго отдал красавице Анаис, этой несостоятельной актрисе, звездные роли в своих первых великих трагедиях?

Я почти кричу:

– Потому что он с ней спал!

– Это очевидно, – торжествующе заключает Александр. – Анаис Обер была любовницей Гюго. Знаю, специалисты скажут, что он долго любил свою неверную жену Адель. Я в это не верю ни на йоту! У Гюго было множество связей в течение всей жизни, мужчина редко на старости лет в одночасье становится ходяком. Поверьте мне, Ариана, Анаис Обер была любовницей Виктора Гюго. Писатель бросил ее после 1832 года и провала пьесы «Король забавляется». Второго провала,

первым была «Эми Робсарт». Два провала подряд, вызванных, в числе прочего, смехотворной игрой Мадемуазель Анаис. Через несколько месяцев Гюго сошелся с Жюльеттой Друэ. Одна любовница вытеснила другую.

– Хорошо, согласна, ваша гипотеза выглядит вполне логичной. Но в 1826-м? Что произошло в 1826-м?

Он настороженно озирается. Ни дать ни взять чайка, высматривающая рыбу.

– Теперь нам известно, что в 1826 году красавица-актриса бежала от своего любовника, который был не кем иным, как Виктором Гюго. Мы вряд ли когда-нибудь узнаем, по какой причине они поссорились. Гюго недавно стал отцом – возможно, его мучила совесть, не исключено, что Анаис хотела от молодого человека большего, чем любовная связь. Одно я знаю точно... – Голос его становится глуше, серьезнее. – Я обнаружил это после долгих лет поисков в письме Жюля Трюфье, известного актера, друга Гюго, Меленга и Вэль-ле-Роз. Трюфье рисует не очень лестный портрет Анаис Обер, пишет, что женской прелести в ней было больше, чем таланта, ну, вы понимаете, что я хочу сказать. Но главное...

Александр снова медлит. Ну почему я должна все вытягивать из него клещами?

– Главное?

И Александр решает:

– Но главное – Трюфье намекнул, как и Меленг в вашем письме, что Анаис Обер спрятала какой-то секрет здесь, в Вёле, – секрет, с которым она бежала из Парижа. Трюфье, однако, высказался гораздо конкретнее Меленга.

Еще одна бесконечная пауза. Я вздыхаю, и он продолжает:

– Трюфье утверждает, что Анаис Обер из ревности украла рукопись молодого Гюго! Оригинал пьесы, романа или эссе – точно неизвестно. Гюго работал в 1826-м над «Кромвелем». Анаис говорила своему окружению об этом таинственном тексте, который она похитила. Вот этот автограф Гюго я и ищу много лет. Всю жизнь!

Я молчу – дыхание перехватило.

Александр говорил еще долго. Больше часа. Высказал множество соображений о таинственной рукописи, с 1826 года ожидающей своего часа где-то в Вэль-ле-Роз. Соображения, впрочем, были скорее финансового, чем культурного плана. Сколько может стоить рукопись Виктора Гюго? Неизданное произведение самого, быть может, известного в мире писателя? Миллионы? Десятки миллионов? Столько же, сколько полотно кисти прославленного мастера? Или даже больше?

Мало-помалу до меня начало доходить, что я единственная, не считая Александра, посвящена в эту тайну. И всему виной письмо Меленга. На меня как будто обрушилась скала.

В какую безумную историю я влипла?

13

Вэль-ле-Роз, 25 января 2016

Сегодня утром я опаздываю. Анаис не одета, мы не позавтракали. Я еще стою под душем. Этой ночью я снова спала меньше трех часов. Так мне долго не выдержать.

Вода идет едва теплая.

В этой развалюхе все прогнило и вышло из строя. Вода из душа больше попадает на пол и стены, чем в чугунную ванну. Я невольно, в который уже раз, прокручиваю в голове откровения Александра. Анаис Обер – любовница Виктора Гюго. Украла рукопись, увезла ее далеко, очень далеко, и спрятала на краю света.

Вода из чуть теплой становится холодной. Я ерошу пальцами волосы, пытаюсь их прополоскать.

Здесь, в этом самом – теперь моем – доме, остановилась Анаис Обер в 1826-м. Брось, урезониваю я себя. Все это только домыслы, чистое безумие. Ты должна думать об открытии магазина через четыре месяца, должна рисовать. Вот-вот придет Марино.

Звонит телефон.

Мне вдруг становится страшно. Предчувствую, что услышу давешний голос.

Я перешагиваю через край ванны, забыв, что подо мной мокрый пол, и, даже не прикрывшись полотенцем, голая, бегу через комнату. Хватаю трубку.

Анаис в комнате нет – наверное, играет на кухне. Я подношу трубку к уху.

И слышу голос, от которого леденеет затылок. Все тот же безымянный голос. На этот раз испуганный.

Ваша дочь, боже мой! Ваша дочь на кухне.

Я ору как резаная, бросаю трубку, мчусь туда, ныряю в густой пар и слышу бульканье кипящей воды.

И вдруг как стоп-кадр, как при вспышке молнии. Анаис стоит на стуле. Ее рука в двух сантиметрах от кастрюльки. Я отчаянно кричу:

– НЕТ!..

Она уже почти коснулась раскаленного металла. Я срываюсь на нутряной, животный вопль:

– НЕТ, АНАИС!

Малышка замирает. Стул покачивается, словно раздумывая, не рухнуть ли на газовую плиту, и вновь опускается на четыре ножки. Я хватаю одной рукой Анаис, другой отодвигаю кастрюльку и выключаю газ.

– Детка, деточка моя.

Ее сердечко бьется у моей груди.

– Ты меня намочила, мама.

Я голая и мокрая.

Плохая мать. Безумная. Безответственная.

Телефонная трубка так и висит на проводе.

Я поднимаю ее, подношу к уху.

Тишина, никого нет.

Никого в кухне.

Никого в доме.

Только теперь до меня доходит, что я не одета.

Кто-то наблюдает за мной, видит меня под душем, в постели, каждую минуту.

Кто-то вторгается в мое интимное пространство.

Кто?

Монстр-извращенец? Ангел-хранитель?

Как это возможно?

И этот голос, боже мой. Я уверена, что этот голос мне знаком.

Вель-ле-Роз, 26 января 2016

Я открываю «Желтые страницы», зажмуриваюсь, палец скользит вниз, останавливается.

Я полагаюсь на случай в чистом виде.

Читаю.

Мишель Деламар. Каменщик в Кани-Барвиле. Звоню.

Разумеется, этот Мишель Деламар не вполне понял, чего я хочу. Плевать, главное сделано, он придет завтра на улицу Виктора Гюго и тщательнейшим образом обследует стены, пол и чердак. Потом я позвонила Мартино и сказала, чтобы завтра не приходил. Он тоже ничего не понял. Ворчал, по своему обыкновению, мол, так он никогда не закончит мой магазин.

Я ужинаю с Клер в «Марине». Мы в блинной одни. На горизонте ни тени клиента. Клер, как и я, зимой выживает как может и с нетерпением ждет майских праздников. Она одна растит четырехлетнего сынишку Тома, мальчик даже ходил к Элизе в прошлом году, до того как пошел в садик.

Пока мы едим, Анаис и Том играют вместе на полу, у коробки с «Лего». В своем ресторане Клер устроила детский уголок, как в приемной врача: игрушки в ящике, журналы на низком столике, на этажерке книги.

Я пробую блинчик с морскими гребешками, луком-пореем и дьепским соусом. Не знаю, каковы блинчики Клер в разгар лета, но в мертвый сезон... пальчики оближешь! Я вообще-то не пью, а тут подруга наливает мне уже третий стакан сидра.

За ужином я и рассказала Клер все. Просто так, без особой причины. Наверное, сказались усталость, одиночество и страх. Я все выложила. Про письмо Меленга, секрет Анаис Обер, одержимость Александра, анонимные звонки, песни Анаис и... про Адель.

Клер долго сидит, уставившись на меня, так смотрит психотерапевт на пациента с отклонениями. Потом, покусав губы, говорит:

– Про все остальное ничего не знаю. Если честно, я мало что поняла про рукопись Виктора Гюго, пьесы, Мадемуазель Анаис и

призраков, которые проходят сквозь стены и пользуются мобильником. А вот насчет Александра могу сказать одно: будь с ним поосторожнее!

Я удивлена!

– Что ты имеешь в виду?

Клер краснеет. Вернее, розовеет. Она хорошенькая, чуть полноватая, с большими светлыми глазами, на щеках россыпь веснушек, густые кудрявые волосы делают голову похожей на шар. Симпатия, говорят вельцы. Она кашляет, осушает стакан сидра и наконец решается:

– Знаешь, Ариана, моя история матери-одиночки далеко не так романтична, как твоя. Твой Рюи улетел на край света, а чтобы отыскать отца Тома, GPS-навигатор не нужен. Он работает вахтовым методом на атомной электростанции Палюэль и получает достаточно, чтобы содержать дом в Блосвиле – меньше чем в десяти километрах отсюда – и выплачивать алименты еще двум дурочкам вроде меня.

Мы смеемся. Вылетает пробка из второй бутылки сидра. Наши стаканы встречаются звеня.

За здоровье подлецов!

Но нить я не потеряла.

– Так что насчет Александра? Что значит твой совет?

– Какое определение ты предпочитаешь? Бабник? Трепач? Захребетник? Я не знала, что он еще и двинутый на этой истории с актрисой и книгой Виктора Гюго, но меня это не удивляет.

Последний морской гребешок. Под сидр. Я смакую. Во мне просыпается стерва.

– У тебя с ним было?

Клер отвечает смущенной улыбкой, лицо покрывается розовыми пятнами.

Нет уж, я ее дожму.

– Уверена, что да!

Клер опускает глазки. А я не отстаю:

– Я не ревную, Клер, плевать мне на этого типа.

– Один раз, сто лет назад. Тому еще и года не было. Но я знаю, что говорю, Ариана. Не подпускай его близко.

Мы снова смеемся. Я встаю, меня чуть пошатывает. Сколько лет я не брала в рот ни капли спиртного? Иду к Анаис и Тому. Повсюду

валяются пластмассовые детали конструктора, журналы и книги тоже разбросаны.

Внезапно мой взгляд застывает.

Книга!

Невозможно не узнать «Прогулки в Вёле».

Наклоняюсь, беру брошюру и лихорадочно листаю. Где же страница 42? Фотография с праздника Виктора Гюго? Та, которую от меня скрывают, с тех пор как я приехала?

42-й страницы нет... Остался жалкий клочок бумаги возле корешка.

Зал ресторана качается. Когда же кончится это безумие?

Я оборачиваюсь к Клер и кричу:

– Почему? Почему она вырвана, эта страница?

Анаис с Томом смотрят на меня как-то странно.

Клер, убирая посуду, пожимает плечами:

– Понятия не имею, книга старая.

– Вот именно, – не унимаюсь я, – как она здесь оказалась, эта книга, в твоей блинной?

Клер отвечает сухо, ее раздражает моя истерика:

– Не знаю. Вообще-то, в деревне у всех она найдется, на полке или в чулане...

15

Вэль-ле-Роз, 27 января 2016

Мишель Деламар, каменщик из Кани-Бравиля, пришел утром, как обещал. Пузан лет шестидесяти в сопровождении двадцатилетнего подмастерья, застенчивого и красивого как бог. Деламар проверил все, от фундамента до конька. Простукивал стены, передвигал мебель, осмотрел чердак. На это ушел почти весь день. Я не отходила от него ни на шаг, как второй подмастерье, только более неповоротливый, чем красавчик в рабочей спецовке. Чем дальше продвигалось дело, тем шире становилась улыбка Деламара.

– Что вы, собственно, ищете, дамочка? Если гоняетесь за привидением, то вам не каменщик нужен, а колдун.

Около пяти я пошла за Анаис. Деламар был еще в доме, на пару с подмастерьем исследовал фундамент. Несмотря на все насмешки, к

работе своей он, похоже, относился серьезно. Закончил он в шесть, не обнаружив в доме никаких потайных ходов. Ни тайника, ни микрофона, ни скрытой камеры, даже миниатюрной. За работу Деламар взял триста евро.

– Теперь-то ваша душенька спокойна, – сказал он, пряча в карман чек.

Подмастерье собрал инструменты, пока Деламар потягивал пиво, которое я предложила ему из вежливости, и они сели в свой фургон.

Спокойна?

С точностью до наоборот, как никогда в жизни. С минуты на минуту я жду, что тишину разорвет телефонный звонок и злобещий голос примется дразнить меня:

Ищи, дорогая, ищи дальше, ищи до посинения. Я здесь, я совсем рядом.

Анаис играет на кухне.

– Посмотри, мама, посмотри.

Как хорошо, что есть Анаис, только благодаря ей я все еще цепляюсь за разъезжающуюся реальность. Дочка протягивает мне тетрадь:

– Мы это сделали сегодня с бабулей Элизой.

Я пробегаю глазами по строчкам, выведенным круглым почерком. Волнение зашкаливает, я не могу сдержать слез.

– Это... Это бабуля написала стихотворение?

– НЕТ! – обиженно отвечает Анаис. – Она *написала*, а я *сочинила*.

Честное слово, мама.

– Я верю тебе, милая, верю.

Слова Анаис как песня, они прекрасны, слишком совершенны, для того чтобы оказаться сочинением трехлетней девочки.

Танцуйте, маленькие волны,
Вдвоем-втроем,
Играйте, пойте, и за вами
Мы поплывем!

Крутитесь, мельницы, над нами,
Смелей, смелей,
Кружитесь с вами в хороводе

Все веселей!

Ищите, матушки и тети,
Грозь, шутя, —
Вы в хороводе не найдете
Свое дитя!

Я крепко обнимаю Анаис. В моей измученной голове борются гордость и недоверие, угрожая мозгу шизофренией. Анаис не могла сочинить это стихотворение сама. Зачем она врёт? К чему эта новая ложь, новая тайна? Я мысленно повторяю песенку, которую все время напевает Анаис.

Вот где настоящий рай —
Эти люди, этот край,
Слава, слава Анаис!

Что от меня скрывают? Какой секрет охраняют от меня, объединившись, жители деревни? Все жители!
Я схожу с ума.

* * *

Анаис в кровати, я подтыкаю ей одеяло.
— Тебе понравилось мое стихотворение, мама?
— Оно самое лучшее на свете, милая.
Ее глаза сияют от радости.
— Я завтра еще напишу, мама.
— Хорошо, мой ангел.
Я целую ее в щечку, глубоко вдыхаю, мой голос дрожит, как будто я в чем-то провинилась.
— Завтра, детка, ты останешься ночевать у Клер, ладно? Сможешь поиграть с Томом. Тебе ведь нравится Том, правда?

Вель-ле-Роз, 28 января 2016

По контрасту с блинной Клер в «Ле Гале» полно народу. Лучший, если верить гурманам, ресторан департамента Приморская Сена не простаивает ни летом, ни зимой. Накрахмаленная и покрашенная девушка отбарабанивает состав первого блюда, как будто читает стихи Виктора Гюго на прослушивании в «Комеди Франсез».

– Равиоли с сыром нёшатель, цветами тимьяна, дикими побегами и ореховым маслом.

Да, первое официальное приглашение Александр обставил по высшему разряду. Столик на двоих в «Ле Гале». Мне немного совестно, что я оставила Анаис одну у Клер, хотя моя дочь наверняка предпочтет блинчики с ветчиной и сыром изысканному детскому меню за пятнадцать евро в «Ле Гале».

Верный своим привычкам, Александр поддерживает беседу за двоих. Вот уже полчаса Виктор Гюго остается единственной темой разговора. Александр наклоняется ко мне и почти все время шепчет, как будто боится любопытных ушей за соседними столиками или скрытых микрофонов в кадках с растениями. Он строит всевозможные гипотезы по поводу рукописи, украденной Анаис Обер. В 1826 году Гюго писал «Кромвеля», непригодную к постановке стихотворную драму в шесть тысяч строк; известным осталось только предисловие, и его считают манифестом романтизма! Не эта ли рукопись была украдена? Еще одно предисловие к «Кромвелю»? Новые стихотворные строки, помимо шести тысяч известных? Или – почему бы нет? – политический трактат, написанный молодым пылким Гюго? Против смертной казни. За объединение европейских государств. Против монархии.

– Как знать? – горячится Александр, постепенно забывая всякую осторожность.

Я слушаю. Мысли мои далеко. Я не могу не вспоминать другой ужин в этом же ресторане, за несколько столиков отсюда, ближе к морю. С Рюи.

Рюи был забавнее. Рюи был красивее. Рюи был...

– Ариана?

– Фуа-гра из утиной печени по-фермерски, обжаренное и карамелизованное, на ломтике поджаренного деревенского хлеба на

закваске из сидра, – декламирует девушка.

До Александра наконец доходит, что мне скучны его теории, и он меняет тему. Правда, не совсем. Он рассказывает, как на протяжении двадцати лет сумел проникнуть во все виллы деревни в поисках хоть малюсенького следа! Годился любой предлог: уроки музыки или тенниса для детей, уход за садом, реставрация старой мебели, игра на фортепьяно и аккордеоне в праздники. Надо было проявлять смекалку... курортники не любят открывать свои двери уроженцам Вёля. Разные миры не пересекаются.

– *Засахаренные помидоры черри, запеченные с сухофруктами и орехами, и салат из свежих фруктов.*

Вот теперь Александр забавен донельзя. Я узнаю в подробностях, как он становился – по обстоятельствам – любовником мамаш или дочек, наперсником бабушек, собутыльником мужей. Иногда все это под одной крышей. Коварный внутренний голос подсказывает, что Александр – идеальный кандидат на роль шпиона, пробравшегося в мой магазин. Его одержимость, страсть к тайнам, знание секретов деревни и это нездоровое любопытство – подсматривать за мной даже под душем. Но нет, кое-что не сходится. Во-первых, голос по телефону. И главное, вспоминая все труды побывавших у меня каменщиков, я должна признать очевидное: проникнуть ко мне и спрятаться в доме невозможно!

– Пройдемся?

– С удовольствием, Александр. Это было божественно.

С Рюи мы когда-то прошли по всему течению Вёли, целовались у каждой мельницы, купались голышом, занимались любовью на пустом пляже, потом под низким потолком мансарды, за завтраком в беседке – и до, и после.

А сейчас у меня только одно желание. Лечь.

– Выпьем по последней, Ариана?

Лечь. Одной. Или не одной.

Какая разница? Мой магазин всего в нескольких шагах, моя спальня в нескольких ступеньках ведущей наверх лестницы.

Мы идем по улице Виктора Гюго. Проходим мимо блинной Клер. Ставни закрыты, свет не просачивается, все наверняка уже спят.

Конечно же, я думаю об Анаис.

Еще тридцать метров.

Наконец мы останавливаемся у моей двери. Поворачивая ключ в замке, я чувствую губы Александра, целующие меня в затылок, его рука уже скользит по моей талии.

Я вхожу. Александр прижимается ко мне.

– Ты не зажжешь свет? – шепчет он мне в шею.

– Нет. Свет нам точно не нужен.

17

Вэль-ле-Роз, 29 января 2016

Александр еще спит в моей постели.

7 часов утра, я уже встала, спать больше не хочется. Пройдясь по комнатам при свете дня, обнаруживаю, что Анаис перед уходом наклеила повсюду на мебель розовые стикеры в форме сердечка.

Ливень маленьких экспресс-стишков.

Много на небе звезд, а я маму люблю еще больше, долго лететь, а я маму люблю еще дольше.

И десятки других подобных.

Я тронута до слез. Анаис как будто угадала, что я буду спать не одна, что в мою постель ляжет мужчина, но ей хотелось быть здесь, когда я проснусь. Наверняка она и в этот раз готовила сюрприз вместе с бабушкой. Анаис видела Александра раз или два – мельком, издалека, когда мы с ним разговаривали. Поздоровалась, опустив глаза.

Мне кажется, он ей не по душе.

Спускаюсь в магазин босиком, в одной длинной футболке. Еще осталось ощущение от давления пальцев Александра на мои бедра, ягодицы, груди. Я почти не помню удовольствия, только чувствую приятную боль в мышцах, ломоту, как после физической нагрузки, равноценной пробежке, сеансу фитнеса или вечеру на дискотеке. Затекающее тело пробуждается к жизни.

Наливаю стакан воды.

Я знаю, что здесь кто-то есть, что чьи-то глаза подсматривают за каждым моим движением.

Кто это?

Дух, разбуженный молотком Мартино? Невидимка, которому известен тайник, оказавшийся не по зубам армии каменщиков?

Замысловатая миниатюрная камера, скрытая бог весть где?

Я уверена в одном: за мной кто-то наблюдает. Следит. Может быть, даже бережет.

Внезапно меня отвлекает глухой стук, словно что-то упало. Наверху, прямо над моей головой. По лестнице я поднимаюсь бесшумно. На цыпочках. Затаив дыхание, толкаю дверь спальни.

Александр не спит.

Он стоит в одних трусах, перегнувшись через полки за кроватью. И простукивает стену, ударяя по кирпичам кулаком.

Какая же я дура!

А ведь меня предупреждали. Да и сам Александр признался: все средства хороши, чтобы завоевать доверие местных жителей, чтобы проникать к ним в дома, рыскать, вынюхивать, красть. Разрабатывать многоходовые комбинации, манипулируя чувствами, с единственной целью: найти окаянную рукопись Гюго!

– Вон отсюда, Александр. Вон из моего дома. Сейчас же!

18

Вель-ле-Роз, 29 января 2016

Сейчас 8 часов утра.

Я кружу по моим семидесяти квадратным метрам. Идти за Анаис еще рано, и вообще мы вчера договорились, что Клер отведет ее прямо к бабушке, когда моя дочка проснется. Она сама это предложила, подмигнув мне.

– Знаешь, Ариана, неожиданный гость может и задержаться... Ты лучше и Мартино позвони, чтобы не приходил с утра.

Клер оказалась права по всем статьям. Я попросила Мартино прийти не раньше полудня, вот только гость свалил раньше, чем ожидалось. Невольно вспоминаю Александра, налитые кровью глаза и ярость, когда я полчаса назад выставила его за дверь.

Глаза безумца!

Я собираю одно за другим стихотворения Анаис, чудные розовые бумажные сердечки, и снова ловлю себя на мысли, что она не могла сама придумать эти невероятные строчки. Может быть, Элиза ей подсказала? Впрочем, сомневаюсь... На бабушку это непохоже. Надо

сварить себе кофе. Пока фильтруется вода в старенькой кофеварке, рассеянно смотрю в окно на виллы Вёля, прилепившиеся к склону. Легкий туман висит над скалами.

Где-то совсем рядом хлопает дверь.

Мурашки бегут по спине к затылку. Звук донесся от входной двери. Клер? Анаис? Марино?

– Кто там?

Нет ответа.

Я тихонько выхожу из кухни, не в силах справиться с нехорошим предчувствием. Кто-то вошел в дом, кто-то прячется в моем недоремонтированном магазине, и на сей раз это не призрак и не голос в телефонной трубке.

– Есть... Есть тут кто-нибудь?

Слова застревают в горле.

– Кто...

Больше я ничего сказать не успеваю. За моей спиной возникает тень. Я отчаянно пытаюсь отскочить. С грохотом падает полка с десятком недавно расписанных кусков коры. Неделя работы коту под хвост.

Но сейчас это заботит меня меньше всего.

Тень ловит меня. Я вырываюсь, обдираю пальцы о камень стены. Две руки ползут к моим плечам, потом хватка ослабевает: одна тянет меня за волосы, откидывая назад голову, вторая зажимает рот.

Тень нависает надо мной, сильная, безжалостная. Жгучая боль. Пытаюсь вывернуться, задыхаюсь. На меня с широченной улыбкой смотрит Александр. Он удерживает меня за волосы еще несколько долгих секунд, как будто хочет сломать шею. Я чувствую, что позвонки вот-вот хрустнут, один за другим. Вдруг он с размаху бьет меня по лицу.

Я оседаю на пол, откатываюсь на пивные бутылки, которые оставил здесь Марино. Они разбиваются о стену.

Я кашляю, не в состоянии произнести ни слова. А Александр уже рядом, наваливается сверху, у него в руке тряпка. Он запикивает ее мне в рот. Губы кривятся в усмешке.

– Ну, красавица моя, захочешь ответить – кивнешь. Если тебе есть что мне сказать, выну кляп.

Господи, на какого психа я нарвалась?

– Мне не понравилось, красавица, совсем не понравилось, как ты меня вышвырнула.

Он давит ногой расписанные куски коры, лаковые узоры на гипсовом фоне. Кошечки, солнышки, скалы, черепашки перемешались с осколками пивных бутылок.

Я смотрю на обломки под его ногами. Он знает: я поняла.

– Полно, милочка, ты же не станешь закатывать истерику из-за какой-то черепахи. Это была, скажем так, торжественная встреча в Вэль-ле-Роз. Чтобы ты быстрее освоилась, если угодно. У меня были большие надежды на этот дом. Ты, надеюсь, в курсе, что в нем ночевала Анаис Обер в 1826-м? Где еще она могла спрятать рукопись Гюго? И вот являешься ты, делаешь ремонт, хочешь снести стены. Чудо, да и только! Вся охрана в доме – молодая красотка, ее малявка да черепаха. Я был прав, а? Ты нашла письмо Меленга! Но теперь пора поговорить серьезно. Где рукопись Гюго?

Я таращусь на него, во рту скопилась слюна, щека горит от новой пощечины. Перед глазами пляшут искры.

– Где книга?

Я мотаю головой. Как убедить этого психа, что я ничего не знаю? Я стою перед ним на коленях и чуть не плачу.

– Где книга? Все сходится, Ариана. Она здесь, наверняка здесь.

Я покорно киваю. Александр подходит ко мне и вынимает кляп.

Я ору что есть мочи:

– Понятия не имею, недоумок!

Пусть меня услышит весь Вэль!

От звонкой оплеухи вспыхивает болью все лицо. Липкая ткань снова затыкает мне рот.

– Ты врешь, лапочка. Тайник здесь, иначе и быть не может. Все остальные гипотезы завели меня в тупик. Ты должна была как минимум найти другие письма Меленга или еще что-нибудь, неважно что.

Наклонившись, Александр берет осколок бутылки и подносит к моему горлу.

– Ты заговоришь, дорогая. Разгадка тайны здесь, в этих стенах, я достаточно ломал голову все эти годы, чтобы понять, где искать.

Он убьет меня. Я вижу это по его глазам. И сделает он это здесь, в моем доме, ради химеры, которая свела его с ума.

Осколок стекла впивается в шею.

И в эту самую секунду с треском вылетает входная дверь.

На пороге трое полицейских. Александр не успевает даже обернуться, как его прижимают к полу четыре сильные руки. Третий полицейский вынимает у меня изо рта кляп. Улыбается:

– Что ж, кажется, мы вовремя.

Я с трудом сглатываю. Горло еще болит, как будто туда продолжает затекать липкий яд.

– Ка... Как вы узнали? – невнятно бормочу я.

Молодой полицейский удивлен:

– От вас!

– От меня?

– В жандармерию позвонили пять минут назад. Звонок поступил отсюда, из этого дома.

19

Вэль-ле-Роз, 29 января 2016

Полицейские увели Александра и оставили меня одну. Я должна зайти к ним как можно скорее, чтобы дать показания.

– Да, да.

Я пообещала. Сказала: дайте только одеться.

– Я скоро, я сама приду в жандармерию.

Я позвонила Элизе. Поговорить, правда, пришлось с Анжело. Да, Анаис пришла. Она играет в саду. Спокойно переночевала у Клер, все в порядке. Потом я долго стояла под душем, пока вода не стала ледяной.

Не думать больше ни о чем.

Я вернулась в магазин. Начала собирать куски дерева, осколки стекла и гипса. Встала на колени, чтобы все рассортировать. Солнечный луч вдруг залил пол светом – так в театре софит освещает пустую сцену.

В этом помещении одно окно. Из него видна деревня: множество вилл громоздятся одна на другую по всему склону, и кажется, будто каждая расположилась здесь, не думая о соседях, с единственной целью

– захватить наилучший вид на море. Когда я сидела на полу с кляпом во рту, окно было у меня за спиной.

Я же не сошла с ума!

Встаю, беру самую большую кисть, баночку черной гуаши, лист ватмана формата А0—1200 × 840 мм. Пишу огромными буквами:

КТО ВЫ?

Беру стул и сажусь перед окном. Импровизированный плакат держу на коленях. В окно его хорошо видно.

КТО ВЫ?

Я жду.

20

Вель-ле-Роз, 29 января 2016

Сколько я уже сижу на стуле перед окном? Час, не меньше. Телефон молчит. Если нужно, буду сидеть здесь весь день.

* * *

В первое мгновение я не верю своим глазам. Сначала различаю только расплывчатые цвета, лиловый и красный, просто пятно... пятно в точности тех же оттенков, что и свитер, который я купила Анаис месяц назад в квартале Дефанс. Ее зимний свитер для Вёля. Тот, который я положила вчера вечером в дочкину сумку, тот, который Клер должна была надеть ей сегодня утром. Пятно появилось в окне самой верхней виллы – дома с пурпурными ставнями, в стиле швейцарского шале, трехэтажного, с башенками.

Неужели у меня галлюцинация? Еще одна?

Щурюсь, стараюсь сосредоточиться – нет, ничего больше не разглядеть. Но я не сдамся. Всматриваюсь в виллу несколько долгих секунд, и вот высокая массивная фигура затеняет оконный проем, как будто кто-то приближается к лилово-красному пятну. Это свитер Анаис, теперь я уверена. В следующее мгновение цветная точка исчезает.

Я захожусь в крике. С грохотом распахиваю входную дверь магазина и бегу, даже не прикрыв ее, по улице Виктора Гюго. Я не оделась, на мне только широкая рубашка. Зимний холод кусает голые

руки, грудь, живот. Плевать. Ноги сами несут меня вверх по улице Поля Мёриса. Я сворачиваю на улицу Вакери, задираю голову, пытаюсь сориентироваться в этом лабиринте переулочков среди вилл. Выше, выше – фахверковая стена и пурпурные ставни выше. Тупик Сотвиль заканчивается тремя десятками ступенек, и я взбегаю по ним, прыгая через одну. На эспланаде полно чаек. С круглой площади открывается несравненный вид на пляж Вёля. Но я не обращаю на него внимания, вилла с пурпурными ставнями прямо передо мной, десятью метрами выше, справа, у шоссе.

Я бегу. Останавливаюсь, запыхавшись, с горящими ногами, у деревянной двери. Толкаю ее. Она открывается.

Меня как будто ждали.

Я медлю на пороге, но мой материнский инстинкт яростно отменяет последнюю предосторожность. Я вхожу. Иду по длинной пыльной прихожей. Почти сразу слышу быстрые шаги, от которых вибрирует большая дубовая лестница, ведущая на второй этаж.

Сердце вот-вот вырвется из груди. В тишине вдруг звенит радостный голосок:

– Мама!!!

– Анаис?

Моя дочка сбегает по последним ступенькам и прыгает мне на шею:

– Мама, мамочка, ты нашла дома стихи?

– Да, да, спасибо.

По моим щекам текут слезы. Я больше не пытаюсь понять что бы то ни было.

– А я тебя видела, мамочка, – продолжает Анаис со своей ангельской улыбкой, – я видела тебя в окне. Я тебе помахала, а ты не видела меня. Ты так быстро вскочила и помчалась!

Лестница снова вибрирует. Кто-то тяжело спускается к нам. Появляются две ноги, потом высокая фигура.

Анаис радостно хлопает в ладоши:

– Дедуля!

Голос моего свекра гулко разносится по пустому дому:

– Идемте, Ариана, не задавайте вопросов, все потом, пока просто идемте со мной.

Мы поднимаемся по лестнице. Анжело идет замыкающим. Голос его спокоен. Каждое слово он произносит так, словно долго и тщательно его обдумывал:

– Вилла «Одеон» была построена по заказу Анаис Обер в 1827 году, меньше чем через год после ее первого приезда в Вёль. Именно в театре «Одеон» на долю Мадемуазель Анаис выпали почти все ее сценические успехи. Она сама утвердила планы дома и руководила строительством.

Анаис бежит по коридору:

– Смотри, мама, как здорово! Из каждой комнаты в этом доме видно в окно комнату у нас – спальню, ванную, кухню. Дедуля дал мне бинокль, я тебя отлично видела.

Анжело наклоняется к Анаис:

– Детка, иди поиграй в саду. Мне надо поговорить с мамой.

Личико Анаис вытягивается, но она не спорит, дедушка – непререкаемый авторитет. Дом она, очевидно, уже знает как свои пять пальцев и уверенно спускается по ступенькам. Я слышу, как открывается дверь.

– Там безопасно, – опережает мой вопрос свекор. – Сад окружен высокой оградой. Есть старые качели, стол, стулья. А вид...

Я резко перебиваю Анжело и даю волю гневу:

– Довольно! Хватит играть в кошки-мышки. Сейчас вы мне все расскажете.

Анжело ласково улыбается мне.

– Конечно, Ариана. Конечно, расскажу. Думаю, вы и так уже знаете немало. Александр был очень хорошо осведомлен. Он почти все понял. Действительно, Анаис Обер и Виктор Гюго были любовниками. Великолепная пара. Их связь продолжалась до 1832 года, когда Гюго встретил Жюльетту Друэ. Он был автором трагедий, Мадемуазель Анаис мечтала о карьере трагической актрисы. Гюго женат, его жена Адель ему неверна, но все же он связанный узами брака отец пятерых детей. В 1826 году Анаис Обер бежала от него, от своего любовника Виктора Гюго.

Прямо, кучер, все время прямо, на край света, как можно дальше.

И да, она увезла с собой тайну.

Анжело делает несколько шагов. Я иду за ним к окну в коридоре. В шестидесяти метрах ниже отлично видно окно моего магазина.

– Да, Ариана, догадка Александра была верна – отчасти. Анаис Обер в 1826 году спрятала свой секрет в этом доме рыбаков, где прожила несколько недель. В этом самом «нижнем доме», где на протяжении многих поколений жила моя семья, в доме, который я выторговал для вас у Ксавье Пулена, агента по недвижимости, когда вы сообщили о своем желании поселиться в Вёль-ле-Роз с нашей внучкой.

Я захлебываюсь вопросами:

– Подлинная рукопись Виктора Гюго, да? Книга? Бумаги? Их спрятала Анаис Обер?

Анжело идет дальше по коридору – в полутемную гардеробную, свет проникает только через слуховое окошко.

– Посмотрите, Ариана.

Я встаю на цыпочки. Сквозь круглое оконце далеко внизу мне отлично видна кухня в моем доме. Два окна точно ориентированы по одной оси. Дрожь пробегает по моим напряженным ногам.

Анжело продолжает ровным голосом:

– Она якобы увезла с собой неизданную рукопись Виктора Гюго. Этот слух пустила сама Анаис Обер, так она говорила знакомым – например, Жюлю Трюфье, чтобы ее оставили в покое. Вот только история с украденной рукописью была обманкой, Ариана, отвлекающим маневром, чистым вымыслом. И Александр повелся как лох, подобно многим искателям сокровищ до него. Только самый близкий друг Анаис Обер, Меленг, знал правду.

Я открываю окошко, слышу скрип качелей в саду. Мой голос теряется в ирреальной атмосфере этой виллы.

– Какую правду, боже мой?

– Это же так просто, Ариана. Так очевидно. Анаис Обер двадцать четыре года, весь Париж у ее ног, и Виктор Гюго в ее постели. Перед ней блестящее будущее. Правда не должна была выплыть наружу.

Анжело входит в следующую комнату. Я за ним. Окно смотрит на запад, и внизу, по прямой линии, я вижу через стекло мою ванную. Анжело поворачивается и обнимает меня:

– Ариана, послушайте, что я вам скажу. Анаис Обер была беременна! Беременна от Виктора Гюго. Она бежала из Парижа, когда скрывать это стало невозможно. Актриса знала правила игры. Первая красавица Парижа утратит всю свою привлекательность, став матерью-одиночкой. Хуже того – если узнает Виктор Гюго, разразится скандал!

Он только что стал отцом третьего ребенка, сына Шарля, родившегося 4 ноября 1826-го. Если эта внебрачная беременность станет достоянием парижского света, конец честолюбивым мечтам об актерском поприще, о трагических ролях, которые обещал ей любовник... Бланш, Эми Робсарт... Анаис Обер родила здесь, в Вель-ан-Ко, в том самом «нижнем доме», который теперь стал вашим, Ариана. В Вёле испокон веков мужчины надолго уходили рыбачить, а женщины сидели с детьми – своими, а иногда и с чужими. Анаис Обер доверила чете рыбаков своего ребенка. Сына Виктора Гюго. Он рос у них, подобно всем детям в деревне. Анаис приезжала так часто, как могла. В остальное время новости ей сообщал Меленг.

Я сажусь на мягкую кровать. Меня окутывает облачко пыли, но я стараюсь не кашлять. Скрипит паркет под ногами Анжело.

– Из осторожности Анаис Обер не могла приближаться к сыну. Он не должен был знать, кто его настоящая мать. И тогда, по совету Меленга, она построила виллу «Одеон». В деревне тогда было не так много домов. Приезжающие на лето парижане строили что хотели и где хотели. Идея Меленга была проста: расположить виллу над домом рыбаков, где рос сын Анаис, так, чтобы из любого места она могла видеть все их комнаты. Два строения были как будто связаны невидимым коридором! С архитектурной точки зрения это оказалось нелегкой задачей. Пришлось изменить расположение окон в нижнем доме, одни увеличить, другие переориентировать, в зависимости от игры света и тени, переместить даже внутренние стены. Результат получился ошеломляющий. В нижнем доме невозможно ни о чем догадаться, но сверху, с помощью простой подзорной трубы, Анаис Обер могла долгие годы наблюдать, как растет ее сын, как он ест, спит, играет. Это на диво современно, Ариана, вы не находите, – наблюдать на расстоянии за няней, которой вы поручили ребенка? Элиза где-то читала, что сегодня некоторые родители требуют, чтобы няня включала веб-камеру, и смотрят все онлайн на своем компьютере, когда сидят на работе.

От пыли щиплет глаза, першит в горле. Анжело так удивительно спокоен, что ругаться с ним просто нелепо.

– Значит, это вы, Анжело, постоянно смотрели мне в спину? Уж не знаю, проклинать вас или благодарить.

– Проклинайте, Ариана. Проклинайте. Может быть, не окажись я у окна в тот день и не позвони вам в панике, Анаис опрокинула бы на себя кастрюлю с кипятком. А не вызови я сегодня жандармов, Александр в своем безумии всадил бы вам осколок стекла в горло. Но, наверное, я зря не рассказал вам обо всем этом раньше. Зря хотел, чтобы вы сами, шаг за шагом, приближались к истине, зря спрятал письмо Меленга между старыми кирпичами в стене.

Я вскакиваю. В голове крутится неотвязное подозрение: Анжело скрывает от меня что-то еще. Скрывает главное, мотив всего происходящего. Какова моя роль во всем этом безумии? Какая может быть связь между давней историей актрисы и мной?

Я невольно повышаю голос:

– Что за истина, Анжело? Что за тайны? Каким боком ребенок Анаис Обер и Виктора Гюго, родившийся почти двести лет назад, касается меня?

Анжело медлит. Его рука ныряет в карман темной куртки. Время как будто остановилось в этой комнате с выцветшими обоями. Наконец мой свекор достает из кармана сложенный вчетверо листок бумаги и вкладывает мне в руку.

Я разворачиваю его – это вырванная страница.

42-я страница.

На ней самая обыкновенная черно-белая фотография. И не оставляющая никаких сомнений подпись: *Снимок с обеда, устроенного Виктором Гюго для детей Вёля, опубликован в «Иллюстрасьон», Париж, 7 октября 1882.* Писатель стоит в окружении сотни детей от двух до десяти лет – прелестные девочки в нарядных платьицах, примерные мальчики в праздничных костюмчиках и шляпах-канотье.

Сдержанный голос Анжело снова нарушает тишину:

– В конце жизни Виктор Гюго часто, очень часто бывал в Вёле. Почти каждое лето он проводил здесь у Поля Мёриса, своего лучшего друга и душеприказчика, который был и близким другом Меленга. Гюго очень интересовался детьми Вёля, даже удивительно насколько.

Я не могу оторвать глаз от старой фотографии. Почему Анжело взял на себя труд вырвать сорок вторую страницу из всех экземпляров брошюры по истории Вёля, какие только сумел найти? Что скрывает снимок? Нет, я сейчас с ума сойду!

– Можно предположить, – продолжает Анжело, – что после смерти Анаис Обер в 1871 году Меленг кое-что открыл великому писателю.

Я до боли в глазах всматриваюсь в фотографию. В лицо каждого ребенка. И вдруг – так всплывают порой образы из подсознания – мне открывается истина.

Господи, не может быть!

Это очевидно, но... невероятно, невысказанно. Я все понимаю в долю секунды. Вскочив, распахиваю окно. Анаис смиренно сидит в саду, погруженная в созерцание, – это не свойственно трехлетним детям, но естественно для нее, так естественно, что я этого просто не замечаю. Анаис завожил сказочной красоты вид на скалы. Ее губы тихонько шевелятся, будто шепчут слова, магия которых понятна ей одной.

Снова опускаю глаза на снимок 1882 года.

Прямо перед Виктором Гюго, таким патриархом, массивным и бородатым, стоит маленькая девочка лет трех. Кажется, что она держит за руку дедушку.

Это не иллюзия. *Девочка на фотографии – близнец Анаис!* Моей Анаис, которая сидит в саду и смотрит на море и скалы.

– Жанна, – тихо говорит Анжело. – Ее звали Жанна. Ей было чуть больше трех лет, когда она впервые встретилась со своим дедом Виктором Гюго. Ее бабушка Анаис Обер умерла за несколько лет до ее рождения.

Анжело долго молчит. Сглатывает, дернув кадыком, и продолжает:

– Жанна была моей бабушкой. Я хорошо ее помню, она скончалась в «нижнем доме» на улице Виктора Гюго в апреле 1969 года. Вы уже поняли, Ариана, что потомки Виктора Гюго и Анаис Обер до сих пор живут в деревне. Никуда не хочется уезжать, когда вокруг такая красота, особенно если поэзия и искусство у вас в крови. А кто уезжает, тот непременно вернется. Еще раз простите меня, я не хотел, чтобы вы догадались слишком быстро. Знаете, Ариана, не весь наш род унаследовал артистические гены. Мне, например, ничего не досталось. Зато нашей маленькой Анаис... Боже, какой талант! Намного, намного одареннее Рюи. А ведь мы бесконечно гордились сыном, когда он был в ее возрасте, о, как мы были уверены в его гениальности! Поди знай, Ариана, какую роль здесь играет наследственность, а какую – то, как мы смотрим на наших детей, как вы будете смотреть на вашу малышку Анаис теперь, когда знаете, кто ее предок.

Анжело подходит ко мне и крепко обнимает. Тепло окутывает меня, словно дарованное наконец счастье.

– Добро пожаловать в семью, Ариана.

21

Вёль-ле-Роз, 1 мая 2016

«Чердак Анаис» открылся 1 мая 2016 года.

Солнечный праздничный уик-энд, первый по-настоящему погожий день в Нормандии. С раннего утра я с изумлением наблюдаю, как пустые улочки Вёля постепенно заполняются сотнями, тысячами гостей, – словно нарциссы расцвели в одну ночь на поляне или лесные звери все разом вышли из зимней спячки. Стоянки переполнены, дети бегают от Пюшё до Елисейских Полей, пуская по Вёли кораблики. Море отступает насколько хватает глаз, словно хочет порадовать семьи, которые уходят босиком далеко-далеко по мокрому песку; улица Виктора Гюго стала пешеходной, разве проедешь сквозь толпу восхищенных приезжих? Террасы, блинчики, вафли. Опытная Клер наняла двух помощников, и очередь перед ее блинной неуклонно растет. Везде полно народу, и у меня тоже.

Приезжие удивляются. *Смотри-ка, новая вывеска!* Вёль – деревня завсегдаев.

Они все прибывают, и «Чердак Анаис» не пустует. За несколько часов я продала десятки вещиц и уже получила кругленькую прибыль, совсем неплохую для начала. А комплименты гостей окончательно меня успокоили.

Анаис играет в продавщицу. Сияет улыбкой, дает советы, тянет покупателей за рукав, чтобы показать то, что ей нравится. У нее не только писательский гений в крови, но еще и обаяние, такт, коммерческая жилка.

Анжело и Элиза, разумеется, тоже зашли.

Явился даже Жильбер Мартино – единственное угрюмое лицо в веселой толпе, – притворяясь, будто смотрит больше на безупречно оборудованный магазин, дело его рук, чем на мои товары. На восторженную толпу строитель косится недоверчиво.

Я так и слышу, как он бормочет себе под нос, рассматривая потолочные балки: «Они любое барахло купят, парижане эти, с жиру бесятся!»

Красавчик лет тридцати в обуженных полотняных брюках и накинутом на плечи небесно-голубом кашемировом свитере получает пылкий поцелуй от своей спутницы, худенькой блондиночки в коротком платье, со свежей стрижкой каре: он только что купил у меня черепашку, нарисованную на дощечке от старого ставня. За шестьдесят девять евро!

Мартино наблюдает за этой сценой с явным подозрением.

– Ты прелесть! – мурлычет девушка, прижимаясь своим декольте к кашемировому свитеру.

Дождавшись, когда они выйдут, Мартино подходит ко мне и цедит сквозь зубы – смущенно, но и насмешливо:

– Мамзель Ариана, если я возьму такую для моей хозяйки, ну, черепашку, скидку-то мне сделаете?

Нормандский шкаф

Они вышли из машины и остановились полюбоваться фермой.

Все выглядело в точности как на фотографиях в рекламном буклете. Длинная тополиная аллея ведет к очаровательному кирпичному домику, утопающему в зелени, рядом колодец, голубятня; полевые цветы – лютики, гвоздики, маки – рассыпаны, точно конфетти, на безупречно зеленом ковре свежестриженной лужайки.

– Как тебе наше любовное гнездышко?

Диана-Перль взяла Говена за руку:

– Спасибо, мой рыцарь.

Она чуть крепче сжала его пальцы. Он все еще красив, ее Говенчик. С седыми, поредевшими волосами, морщинами и смеющимися глазами пожилого Роджера Мура. Ей вдруг захотелось близости. Такого давно не случалось.

Впервые за три года они выбрались из пятнадцатого округа Парижа и отправились на каникулы вдвоем, как влюбленные. Их дети много лет назад покинули квартиру на улице Театр и разлетелись во все концы Европы – Леопольд в Амстердаме, Аликс в Копенгагене, а Сибилла в испанской Альмерии, – но Диана-Перль отказывалась уезжать из Парижа даже на несколько дней, пока были живы ее родители – оба лежали в специализированной палате в клинике Жарден-Мирабо.

Бешеные деньги. Жертвенное служение.

Мама умерла зимой, на Богоявление, папа пережил ее ненадолго, ушел после Масленицы. Говен выждал сорок дней Великого поста и снял комнату на пасхальные каникулы.

В «Лисьей норе», близ Дудевиля, в самом сердце области Ко, в Нормандии.

Они шли по аллее из насыпного гравия рука об руку, ни дать ни взять молодожены. Так оно и было... но сорок девять лет назад! Диане-Перль шел шестьдесят девятый год, а в тот день ей едва исполнилось двадцать, – в день, когда она сказала «да» своему Говену, который был старше ее на пять лет.

– Здесь чудесно, мой рыцарь! Чудесный вид! Чудесный свет! Чудесный запах!

Говен считал подлинным чудом превращение Дианы в принцессу, в сумасбродку, которая вечно переигрывала, выражая восторг слишком бурно, как плохая актриса.

Она снова начала свою игру.

Говорливая и вполне осязаемая актриса.

– Спасибо, мой Говенчик!

Ласковая, шаловливая кошечка.

Еще немного – и он увлек бы ее в сторону от дороги, чтобы поцеловать, обнять, а может быть, даже – почему бы нет? – заняться любовью за яблоней во фруктовом саду, раскинувшемся по ту сторону изгороди. Все равно ведь приехали раньше. Им часто случалось заниматься любовью в полях, только было это давно.

Он рискнул сделать шаг в сторону. Ну что же, посмотрим...

Диана-Перль последовала за ним, хотя могла понять движение иначе.

Еще шаг? – размышлял Говен. – Решиться или нет? Перелезть через изгородь?

Его рука легла на талию жены.

– Перестань, – успела возразить она.

И оба вздрогнули, услышав крик.

Крик, полный ужаса, короткий, громкий, пронзительный.

Диана-Перль инстинктивно спряталась за Говена, он же приосанился, контролируя ситуацию с той британской флегмой, которая так восхищала ее все эти годы и еще чаще раздражала.

– Прелести деревни, милая. Где-то режут свинью или барашка... Природа. Жизнь во всей своей натуральности. Они покажут тебе, как потрошат кролика или ощипывают курицу, если захочешь.

Диана-Перль еще дрожала, но постепенно успокаивалась.

Через несколько минут они уже стояли у дубовой двери дома.

Стучать пришлось долго, Говен даже обошел дом и заглянул в самое низкое окно, но занавески оказались задернутыми. Видно было только движение расплывчатой тени за матовым стеклом слухового окошка под крышей.

Наконец спустя долгие пять минут дверь открылась.

Перед ними стоял мужчина лет пятидесяти. Растрепанный, запыхавшийся, рукава засучены, рубашка расстегнута, круглое красное лицо в испарине.

Природа, жизнь без прикрас, вспомнила Диана-Перль, представив себе тушки кур и уток в кладовой за кухней.

– Мсье Лефевр? – Говен с улыбкой протянул руку: – Говен Бодрикур. Мы сняли комнату на неделю.

Лефевр смотрел ошарашенно, словно не понимал, о чем идет речь, но потом вроде бы сообразил, что здесь делают двое приезжих.

– Ах да. Да. Э-э... Заходите.

Внутри дом был обставлен со вкусом. Приглушенные тона, чуть выцветшие краски, патина; все здесь ненавязчиво напоминало о времени, которое проходит, придавая ценность самым обычным вещам, – красно-коричневая терракотовая плитка на полу; выдававшая виды мебель светлого дерева; тусклые отблески засушенных цветов.

Неужто вещи блекнут со временем, как краски? – подумал Говен, ощутив прилив вдохновения.

– У вас мило, – сказал он, оглядываясь.

Диана-Перль решила, что пора вмешаться. Эту романтическую жемчужину отыскал в интернете муж, но всю практическую сторону она взяла на себя. Говена вечно обводили вокруг пальца. Он ведь не от мира сего, достаточно почитать его электронную почту!

– Мадам Лефевр нет дома?

– Э-э...

– Дело в том, что все детали я обговорила с ней.

– Она... Она вышла. Скоро будет.

Диана-Перль употребила слово «детали», но это было преуменьшением. Она держала в голове целый список требований, внесенных по ее настоянию в контракт. Постельное белье, доступ к стиральной машине и инструкция к ней, одеяла, сушилка, пароль к интернету для Говена...

Они так и стояли в коридоре в ожидании мадам Лефевр, не зная, появится она через две секунды или через два часа.

– Может, покажете нам дом, пока ее нет?

– Э-э... да.

Экскурсия затянулась. Лефевр путался, бесконечно отвлекался на технические подробности, в которых разбирался. Через сколько минут выключается свет на лестнице, как запирается дверь, какие половицы скрипят, какие ручки заедают, как работает микроволновка и ненужный в это время года кондиционер, как отрегулировать душ. Диана-Перль засыпала его конкретными вопросами, на которые он неизменно отвечал: «Моя жена вам объяснит».

Диана-Перль пожимала плечами, уже слегка раздраженная неведением хозяина и насмешливой улыбкой Говена.

Вот и комната, наконец-то...

По образу и подобию всего дома прелесть ее состояла в неуловимом налете прожитых лет – слегка выгоревшие обои, потускневшие панели, шаткое равновесие балдахина над кроватью... все будто специально для старых супругов.

Глаза у Говена загорелись при виде широченной кровати с толстым матрасом и белоснежным кружевным подзором. А Диана-Перль, наскоро проверив, чистые ли простыни, повернулась к балдахину спиной и залюбовалась великолепным нормандским шкафом, занимавшим половину стены.

– Какая роскошь! – восторженно ахнула она.

Шедевр краснодеревщика! Дверцы и карниз этого произведения искусства были изукрашены резьбой, и не какими-нибудь классическими корзинами фруктов, снопами пшеницы и букетами цветов, а целыми вереницами животных, от буколических – бабочки, голубки, ягнята – до самых диковинных – единорог, сова, лисица, змея. Тонкость работы поразила Диану-Перль. Она любила старину, вечно таскала Говена то в антикварные лавки Лувра, то на блошиный рынок в Ванве, но никогда еще ей не попадалось такой коллекционной вещи.

Она хотела было коснуться резьбы, но Лефевр молниеносно, с каким-то почти священным ужасом перехватил ее руку:

– О нет, мадам! Пожалуйста, только не шкаф.

Диана-Перль удивленно захлопала глазами.

– Он здесь исключительно для декора. – Лефевра вдруг как прорвало. – Это семейная реликвия, он для нас большая ценность. Мой дед спасал этот шкаф под бомбежкой в 1943-м, когда от попадания снаряда особняк запылал. Ему это стоило трех пальцев, они совсем

обгорели, и их пришлось ампутировать. А до этого шкаф пережил оккупацию 1870-го, тогда усадьбу реквизировали пруссаки. Рассказывают, что во время Великой французской революции граф Одибер де Люссан, позже продавший свой замок нашему предку, спрятался в этом шкафу в ночь на 4 августа и просидел там одиннадцать дней.

Говена история интересовала куда больше столярного искусства. Он подошел к шкафу и протянул руку к деревянным скульптурам. Но Лефевр помешал и ему:

– Нет! Не трогайте! Ни в коем случае! Дверцы держатся на честном слове. Петли, замки, шарниры – все расшатано. Если попытаетесь его открыть, он сложится как карточный домик.

Диана-Перль и Говен посмотрели на него с недоумением. А хозяин не унимался, тон его стал менторским, почти угрожающим:

– В вашем распоряжении весь дом, вся усадьба, все этажи до чердака, сады, уголья, гуляйте, отдыхайте, где вам вздумается, об одном только прошу: не трогайте этот шкаф! Вы меня поняли? Он представляет для нас огромную ценность, так что смотрите на него, любуйтесь сколько угодно. Только не трогайте!

– Хорошо, – покладисто согласился Говен. – Мы будем паиньками. Обещаем!

Он вновь с вожделием покосился на балдахин. Жена смотрела в ту же сторону... но настроена была опять скорее прагматично, чем романтично.

– А что насчет белья? – спросила Диана-Перль. – Я договорилась с вашей женой, что мы будем сами прибирать дом и менять простыни и полотенца, а грязные оставлять за дверью. Я не очень люблю, когда вторгаются в наше личное пространство, понимаете? Мадам Лефевр была согласна.

Говен вздохнул. Все эти годы Диана-Перль никого не подпускала к домашнему хозяйству, не желала, чтобы приходящая домработница гладила ее белье или пылесосила в комнатах. Она всегда справлялась одна, даже в те времена – Говен вспоминал о них с ужасом, – когда совмещала работу (она преподавала французский), воспитание Леопольда, Аликс и Сибиллы и председательство в клубе «Пятнадцатая муза». Диана-Перль и в отпуске никого не допускала до уборки – ни в съемной комнате, ни в номере отеля. Она готова была каждый раз

оставлять «маячок» под дверью, лишь бы убедиться, что никто не входил к ним в их отсутствие. Лефевру это не показалось обидным.

– Ну, если вы договорились с моей женой...

С этими словами он вышел.

Говен запрыгнул на кровать. Не то чтобы он надеялся порезвиться до вечера, но все же ждал того короткого момента, когда Диана-Перль наконец расслабится, а на него еще не навалится усталость. Диана-Перль между тем обследовала плинтусы на наличие пыли.

– Странно, что нет его жены, – рассуждала она вслух.

– А он ее убил!

Диана-Перль чуть не подскочила и обернулась. Говен, воспользовавшись случаем, обхватил ее обеими руками.

– Помнишь, недавно в доме кричали? Женщина... Убил и закопал, никаких сомнений.

Диана-Перль внимательно посмотрела мужу в лицо, поняла, что он шутит, и высвободилась из его объятий.

– Какой же ты дурак! Иди принеси чемоданы!

Когда он вернулся, Диана-Перль уже начала обживать комнату: засунула под кровать висевшую на стене репродукцию «Скала Игла в Этрета» Моне (импрессионизм она терпеть не могла!) и переставила лампы у кровати. Левая, со стороны Говена, была не нужна, он не имел привычки читать перед сном.

– Я все думаю о том, что ты сказал, – крикнула она мужу, приступив к осмотру туалета.

– О чем?

– Что он убил свою жену!

Говен пришел в восторг. Прекрасная была идея – приправить их каникулы перчиком подозрения, трепетом неизвестности. Он обожал эту игру. Диана-Перль когда-то тоже ее любила.

– И что же?

– Этот тип. Лефевр. У него на брюках кровь.

На этот раз онемел Говен. Сам он обычно не замечал подобных мелочей.

– Неужели?

– Точно тебе говорю, – кивнула Диана-Перль, рассеянно пересчитывая рулоны туалетной бумаги.

Говен потирал руки. Жена сказала правду или решила поймать мужа в его собственную ловушку?

В эту ночь, дочитав первую главу и погасив свет, она прижалась к нему и почти сразу уснула.

Назавтра еще не было восьми, когда Диана-Перль встала и распахнула окно. Говен потянул на себя одеяло:

– С ума сошла!

– Здесь пахнет. – Жена была уже умыта, одета, надушена. – Я спущусь, повидаю эту мадам Лефевр. В ванной нет коврика, фена и стаканчиков. Да и стиральную машину хочу запустить уже сегодня.

Говен накрылся с головой и глухо крикнул из-под одеяла:

– Спроси ее, подают ли они завтрак в постель!

Мадам Лефевр дома не оказалось. Ее муж завтракал один, сидя в гостиной с чашкой кофе, и время от времени поднимал глаза к телевизору, настроенному на спортивный канал, где каждые три минуты повторялись одни и те же голы. Нет, его жены дома нет. Она будет вечером, а может, и раньше, во второй половине дня, но пусть они чувствуют себя как дома, день чудесный, им повезло, прогноз обещает ясную и солнечную погоду.

Диана-Перль хотела было вернуться в комнату, взять контракт и, спустившись, помахать им перед его носом, но передумала и только окинула взглядом фотографии на стенах, в том числе свадебную – уж ее-то, висевшую в рамке над камином, невозможно было пропустить. Мсье и мадам Лефевр стояли, осыпанные рисом, соединившиеся «на радость и на горе», он – еще не располневший, она – хорошенькая, сияющая улыбкой, очень аппетитная.

Контраст с сегодняшним хозяином, в одиночестве уткнувшимся в чашку в конце длинного стола, был разительным. Странный он все-таки, подумала Диана-Перль. Что и говорить, Лефевр заинтриговал ее с первого взгляда, но с утра он показался ей другим. Не злым и не страшным.

Просто... отсутствующим.

Диана-Перль с Говеном провели день в Этрета, забрались в Девичий грот, спустились к пляжу пообедать, прогулялись в другую

сторону, к часовне Нотр-Дам-де-ла-Гард, и вернулись едва живые от усталости.

Припарковав машину, они не встретили Лефевра, только мельком увидели его на другом конце фермы: он катил тачку к сараю, где, видимо, держал садовый инвентарь.

Они вошли в «Лисью нору», задержались внизу, обследовали весь дом, скрипя половицами, и оказались наконец у двери своей комнаты, не обнаружив никаких следов мадам Лефевр.

– Иди спроси его, – предложила Диана-Перль. – Спроси у этого медведя, когда его жена вернется в берлогу.

Говен уже лежал на кровати.

– Так она же мертва!

Диана-Перль не поддержала шутку и, пожав плечами, пошла открывать окно. На этот раз Говен тоже почувствовал неприятный запах. Прелести деревни, подумалось ему, старые дома, коварная сырость, незримые преступники – годы, время-убийца, лишь слабый запахок изобличает его черное дело, плесневеют обои, гниет дерево, желтеет ткань.

– Странно все-таки, что этой женщины нет дома, – не унималась Диана-Перль. Она потянула за покрывало: – Вставай, Говен. *Go!* Шевелись. Иди и спроси его.

У Говена не было ни малейшего желания вставать, но он никогда не умел говорить «нет» ученикам, директору, детям, Диане и потому в совершенстве овладел тонким искусством риторики.

– Подумай сама, Диана... Если нашей хозяйки нет дома, на то наверняка есть причины. Допустим, они поссорились перед нашим приездом и она хлопнула дверью. Не беспокоить же Лефевра из-за настройки микроволновой печи!

Диана-Перль смирилась и задернула занавески.

– Оправдания... Ты найдешь оправдания всем на земле! И тебя это устраивает, коль скоро ты все еще живешь не на Марсе.

В эту ночь, закончив вторую главу, она не легла к мужу под бочок. Говен перекатился поближе к ней, но, когда он положил руку ей на грудь, она отвернулась и прошептала:

– Не надо. Не сегодня. Перестань.

В постели Диана-Перль не заморачивалась искусством риторики. *Эротики тоже*, подумал Говен.

Чтобы поскорее уснуть, он пересчитывал ночи, оставшиеся до конца недели, пытаясь понять, почему фармацевтическая компания «Пфайзер» продает таблетки виагры в упаковках по восемь штук.

Утром третьего дня, собираясь ехать в Варенжвиль-сюр-Мер, они встретили Лефевра.

Он ровнял граблями аллею. Под лучами яркого утреннего солнца поблескивали осколки дробленого кремня.

– Все в порядке? – спросил он.

– Когда мы увидим вашу жену?

– Что-то не так? – встревожился Лефевр.

– Нет, но...

– Все прекрасно, – заверил хозяина Говен, увлекая Диану-Перль к их «крайслеру себрингу».

– Моя жена зайдет к вам, как только будет минутка, – бросил им вслед Лефевр, подняв грабли. – Она, верно, ушла сегодня рано.

Говен медленно въезжал в Дудевиль, строго соблюдая ограничение скорости, как вдруг Диана-Перль взвизгнула.

– Остановись!

– Что?

– Стой, говорю!

Минуту спустя они парковались на маленькой стоянке, которую указала Диана-Перль, под золотистой вывеской в виде снопа пшеницы. Она вошла в булочную, попросила два круассана, багет с льняным семенем и, расплачиваясь, заметила как бы невзначай, отчего у Говена мурашки побежали по спине:

– Мы здесь на неделю. Снимаем комнату в «Лисьей норе».

Булочница пару минут восторгалась архитектурой усадьбы, красотами парка, духом старины в доме и симпатичными хозяевами.

– Хм. – Диана-Перль поджала губы с таким видом, будто булочница уже стала ее закадычной подружкой, готовой выслушать любые откровения. – Мсье Лефевр немного... как бы это по деликатнее выразиться... бирюк. Что до мадам Лефевр...

– Она прелесть, – поспешила заверить булочница. – Вы не могли не заметить! Кстати, передайте ей привет, она уже неделю не

появляется в магазине. Это на нее непохоже, обычно мадам Лефевр каждый день приходит за хлебом. – Женщина отсчитала сдачу и добавила: – Приболела, наверное.

Диана-Перль хотела было ответить, но Говен увлек ее на улицу за ремешок сумочки. Он тащил ее и молился, чтобы она не раскрывала рот, пока они не останутся одни.

– Она не больна! – прошипела Диана-Перль, как только они вышли на стоянку. – Лефевр сказал, что она ушла рано утром.

– Или она очень, очень больна, – пошутил Говен, чиркнув большим пальцем по шее. – Каюк...

– Идиот! Как бы то ни было, Лефевр нам врет, и теперь у нас есть доказательство.

Говен втолкнул жену в «крайслер», не переставая улыбаться.

– Или он ее убил, или она его бросила... Душегуб или рогоносец! По статистике, милая, – это тебе говорит учитель математики на пенсии, – куда более высока вероятность второго варианта.

– Ты меня раздражаешь! – фыркнула она и стукнула мужа по голове багетом.

Когда они вернулись, Лефевр смотрел в гостиной телевизор. Мужские голоса обсуждали невероятное преимущество «Пари Сен-Жермен» в четыре гола. Диана-Перль задержалась в прихожей «Лисьей норы», заметив на вешалке женскую куртку. Длинный пуховик цвета металлик.

Может быть, у мадам Лефевр несколько пальто?

– Вашей жены все еще нет? – спросил Говен достаточно громко, чтобы перекричать телевизор. Лефевр взял пульт и нехотя убавил звук.

– Она вернется поздно!

Когда они поднимались по лестнице в свою комнату, Диана-Перль ущипнула мужа и прошептала ему на ухо:

– Не надо было спрашивать. Он поймет, что мы его подозреваем.

Ее так трясло, что она не могла найти ключи. Говен, воспользовавшись случаем, пробежался пальцами по ее спине – то ли приласкал, то ли изобразил паучка.

– Мы стали ненужными свидетелями, милая, он устранит нас сегодня ночью!

Он плотоядно сглотнул и приник к шее жены поцелуем вампира.

Диана-Перль закатила глаза, открыла дверь и поспешила запереть ее, дважды повернув ключ.

– Снова этот запах! Пресвятая дева, что за вонь!

Ночью Диана-Перль не сомкнула глаз.

Так ему и надо, Говену!

Она проглотила два десятка глав, нимало не заботясь, что свет мог мешать мужу. Время от времени она отрывала глаза от книги, смотрела в потолок и прислушивалась, точно мышь к шагам кота. Лампу Диана-Перль погасила около трех часов ночи, а проснулась, как от толчка, в половине шестого и немедленно снова зажгла весь свет в комнате.

Пока Говен протирал глаза, жмурясь и закрываясь ладонью от люстры, моргал – в черепной коробке плясали зеленые молнии, как будто он уснул под лазерными лучами дискотеки, – жена уже вскочила с постели.

Он обнаружил ее стоящей на четвереньках. Диана-Перль возилась под нормандским шкафом.

Наконец она поднялась и торжествующим жестом сунула мужу под нос тряпку:

– Кровь!

Говен молча, еще не совсем проснувшись, смотрел на темные пятна на светлой тряпке.

– Кровь, Говенчик. Уж поверь мне, я ее всегда распознаю.

– Здесь, наверное, не убивались много месяцев, – вздохнул Говен, отворачиваясь.

– Свежая кровь. Меньше недели!

Не имея сил спорить, Говен сел в кровати. Он не мог отрицать, что гнилостный запах в комнате становится все невыносимее и идет, вне всякого сомнения, из нормандского шкафа.

– Хоть раз в жизни, – прошептала Диана-Перль, – открой глаза и посмотри на вещи серьезно. Этот тип убил свою жену и спрятал труп в шкафу. Мы спим рядом с покойницей, милый!

Говен пробормотал что-то невнятное. В шесть утра, в чем мать родила, ослепленный светом – в такой позиции не до обсуждений и даже легендарная риторика не помощница.

– Мы сообщим в полицию, – решила Диана-Перль.

Говен потерял виски, взъерошил волосы.

– В полицию? И что мы расскажем? Про твою грязную тряпку? Про запах гнили? Про женщину, которая так рано уходит на работу и так поздно возвращается, что мы ее ни разу не видели? Да нам рассмеются в лицо!

– Тогда открой шкаф!

– Лефевр запретил его трогать.

– Та-та-та! Конечно, запретил, там же труп его жены.

Говен решился. Встал и, не тратя время на одевание, как был, без трусов, начал осматривать запертые дверцы. Никаких инструментов у него не было, и он попытался просунуть пальцы в узкие, в несколько миллиметров, щели над дверцами. Безуспешно.

Диана-Перль накинула на плечи одеяло и села на кровать.

– Ну что за недотепа! Меня зарежет первый встречный психопат – только потому, что я вышла замуж за человека, не умеющего обращаться с отверткой.

И тут в кои-то веки раз Говен вспылел. Слегка. На свой лад. То есть произнес три фразы кряду и всерьез, повысив тон. Такого не случалось практически никогда, что давало ему значительный перевес в спорах с женой. При одном условии: чтобы метода оставалась действенной, пользоваться ею следовало крайне экономно.

– Послушай, Диана, давай рассуждать спокойно. Ты сама сказала – тут с тобой не поспоришь, – что этот шкаф – коллекционная вещь и стоит целое состояние. Было бы варварством сломать его из-за смехотворных подозрений.

– А что ты предлагаешь? Пойти к Лефевру и сказать, что в нашей комнате стоит вонь, что пахнет из шкафа и так продолжаться не может?

– Пожалуй, это было бы логично...

Диана-Перль окинула его взглядом, полным ужаса. Сверху вниз, снизу вверх, как будто прикидывала, годится ли это старое голое тело еще хоть на что-нибудь или его пора выбросить на свалку, в лучшем случае – сдать в утиль.

– Да ты просто боишься открыть этот окаянный шкаф!

– Диана, будь благоразумна. История с убийством была игрой. У нас нет никаких объективных причин подозревать этого человека. И тем более нет резона его не слушаться. Он дал нам четкие указания насчет шкафа. Мы отдыхаем, комната у нас прекрасная...

– Если не считать запаха!

– Значит, надо сказать ему об этом! Откуда он может знать? Ты же запретила ему входить в комнату.

Говен взглянул в окно. Рассвет уже забрезжил на горизонте, позолотив волнистый рельеф плоскогорья Ко. Просыпались горы, им, мирным и безмятежным, не было дела до моря, год за годом обгрызавшего кончики их пальцев. По посыпанной гравием аллее шел Лефевр, ранняя пташка, в заляпанном темными пятнами фартуке; в каждой руке он нес по обезглавленному гусю.

Говен кашлянул, задернул занавеску и повернулся к жене. Повысив голос и почти восстав, он возбудился. Началась эрекция, но учитель математики на пенсии постеснялся открыто прикинуть в градусах угол наклона.

Главное было констатировать факт.

Это стало стимулом.

Несколько красных капель... эффективнее голубых таблеток.

– Послушай, Диана, – заключил он в поисках компромисса, – есть только один выход. Давай сегодня копнем глубже, разведем, поищем улики и какой-нибудь инструмент. Тогда, если к вечеру таинственная мадам Лефевр не объявится, я вскрою этот шкаф.

Диана-Перль опустила глаза в знак капитуляции, бормоча что-то невнятное – мол, до вечера она может и не дожить.

Говен шагнул к ней, его рука скользнула под ночнушку.

В конце концов, если этот рассвет станет для них последним...

– Нет! – осадила она его и вскочила с кровати, кипя энергией. – Нам предстоит расследование! Одевайся, мой Геркулес! (Она скользнула насмешливым взглядом по «анатомии» мужа.) Мой Эркюль Пуаро![12]

Весь день, как и собирались, Диана-Перль и Говен посвятили «расследованию». Их главной целью было найти следы мадам Лефевр. Рука об руку прогулялись они вокруг голубятни, как бы между прочим заглянули в колодец, походили туда-сюда по саду.

Лефевр ни о чем их не спрашивал и никуда не отлучался, с утра укрепляя бетонным раствором кирпичную стену одной из надворных построек.

– Он закатает ее в цемент. Точно тебе говорю, вот как только мы уедем, – шепнула Диана-Перль на ухо мужу и крепко прижалась к нему.

Прогулка была бесспорно не лишена приятности, хоть Говен уже не надеялся увлечь жену за голубятню или за самую толстую яблоню.

– Смотри, – вдруг сказала Диана-Перль. – Белье.

– Что – белье?

– Оно так и висит на веревке, с тех пор как мы приехали. Даже если мадам Лефевр уходила рано и возвращалась поздно, как сказал нам ее муж, она бы обязательно белье сняла! Дом содержится безупречно, с чего бы ей проявлять такую небрежность?

Они продолжали поиски, в обнимку, никуда не торопясь.

– Почтовый ящик, Говен. Смотри, он битком набит проспектами и газетами!

Они продвигались все дальше. Под ручку. Лефевр все еще возился с раствором, время от времени улыбаясь им.

Осторожно, делая вид, будто любуются цветочными клумбами, они свернули за сарай и дошли до гаража, кирпичного строения на самом краю усадьбы. Под крышей из листового железа, возле черного внедорожника, оснащенного внушительным «кенгурятником» (Говен не знал, какой марки машина, и впервые видел логотип – растопырившего когти медведя в короне), они увидели яблочно-зеленый «рено твинго».

– Машина его жены! – возликовала Диана-Перль. – Ты думал, что она каждый день навещает свою больную бабушку? Вот тебе ответ – она не покидала усадьбу!

Говен ничего не ответил. Он шагнул в гараж, лавируя между штабелями всевозможного барахла – тут были шины, садовые инструменты, мешки с землей, доски и железные прутья, – и начал один за другим выдвигать ящики большого стола-верстака.

– Осторожнее, Говенчик, – шепнула Диана-Перль, стоя на шухере.

Таким вот, деятельным, чуточку неловким, он очень нравился ей. Мужчина с характером, на свой лад. Мужчина с убеждениями, на свой фасон. Когда через несколько секунд муж вернулся, пряча под пальто гвоздодер, она почти пожалела, что он не повторил предложения насчет любовной игры.

Не в этот раз.

– Теперь все прояснится! – только и сказал он с внезапной решимостью.

Они снова оказались во дворе.

И тотчас замедлили шаг.

Лефевр в облегающей футболке шел им навстречу, поигрывая мускулами и прищурясь на манер Чарльза Бронсона – может, от солнца, светившего в глаза, а может, что-то прикидывая. Двумя руками он прижимал к груди увесистую кувалду – ту самую, которой с утра дробил кирпич, кремень и старый цемент.

Говен стиснул гвоздодер под пальто. Диана-Перль дрожала.

Лефевр остановился в двух шагах от них и вдруг свирепо нахмурился, как будто в одночасье утратил всякую вежливость, а вместе с камнями растрескался и без того тонкий налет цивилизации.

– Вы сегодня никуда не едете?

Говен шагнул вперед и встал между женой и мужиком с кувалдой. Диана-Перль нашла его поведение изумительно рыцарским.

Настала ее очередь защищать Говенчика.

– Нет, – сказала она, томно опустив лиловые веки. – Мы немного устали. Вчерашний подъем к висячим долинам нас доконал. А у вас в усадьбе так мило, что будет приятно провести денек здесь.

– Угу. Работы только невпроворот, с ног сбиваюсь. Иной раз так хочется послать все к черту.

Он поиграл у них перед носом своей железкой, как мажоретка жезлом. Ни Говен, ни Диана-Перль не посмели спросить его о жене. Каждый взмах кувалдой словно говорил: только заикнись о ней – размозжу тебе башку. Оба понимали, что впервые ни словом не обмолвились о мадам Лефевр, что само по себе не может не вызывать подозрений.

Они простояли так целую вечность, не решаясь повернуться к нему спиной. Хозяин явно ждал, что жильцы поддержат разговор, и, не дождавшись, ушел первым, все с тем же хмурым видом.

Когда они поднялись в свою комнату, Говен бросил гвоздодер на кровать и нежно обнял жену.

– Давай еще подумаем... Не стану скрывать, моя Диана, не мне тягаться с этим животным, силы слишком неравные. Не лучше ли нам просто унести ноги и забыть обо всем?

– И жить с таким грузом на совести? Невозможно!

Она посмотрела на черную железку с раздвоенным загнутым концом, прятавшуюся в складках соломенно-желтого одеяла, как змея, под тяжестью которой просел песок.

– Открой шкаф, Говен, и покончим с этим!

– Минутку, милая. Я знаю, ты терпеть не можешь, когда я рассуждаю как учитель математики и картезианец[13], но иногда это необходимо. Если я открою шкаф этим гвоздодером, возможны два исхода. Всего два. И ни один мне не нравится. Или внутри нет никакого трупа, и тогда мы зря ломаем нормандский шкаф бедной мадам Лефевр, или там действительно спрятан не первой свежести труп, и в таком случае мы окажемся свидетелями преступления психопата, с которым нам придется оставаться наедине достаточно долго, пока не явятся полицейские...

Диана-Перль потянула носом. Пахло тошнотворно и уже совсем не слегка.

– Ты просто трус! – взорвалась она и принялась лихорадочно выбрасывать содержимое из комода и всех шкафчиков в комнате, в кухоньке, в ванной. Потом схватила тряпку и в поисках малейшего следа совершенного здесь преступления прошлась по всем предметам мебели и углам комнаты.

Говен смотрел на нее ошеломленный, вздрагивая от каждого шороха.

– Помоги мне, трусишка! – приказала Диана-Перль, уже не понижая голоса.

Она хотела перевернуть матрас, но мешал балдахин.

Через несколько минут общих усилий им это удалось.

И оба оцепенели.

Под матрасом была спрятана рубашка. Женская – белая, в кровавых пятнах, – похожая на те, что надевали когда-то на приговоренных перед казнью на гильотине.

Еще одно доказательство... но гнилостная вонь исходила не от этой тряпки.

И Говен принял решение.

– Диана, – скомандовал он, – набери номер жандармерии Дудевиля. Как только я открою шкаф, звонишь туда и все объясняешь,

потом выходим, вещи оставляем, идем к машине, держимся естественно, не бежим и не оглядываемся.

Диана-Перль кивнула, дрожащей рукой сжимая телефон. Говен осторожно выглянул в окно.

– Где он?

– Не знаю, я не вижу его.

– Ну и ладно!

Говен взял гвоздодер двумя руками, прикинул фронт работ и решил начать с правой дверцы.

Не успел он коснуться верхней петли, как дверца рухнула на пол. В следующее мгновение отвалилась вторая, за ней последовали все консоли и полки. Покачавшись, обрушились боковые стенки, и оставшийся без поддержки карниз с ужасающим грохотом упал с двухметровой высоты.

Покатились по полу резные деревянные животные, искалеченные бабочки, безногие барашки, обезглавленные совы, расчлененные змеи. Карниз развалился на составляющие, как и панель одной дверцы.

Катастрофа.

Грохот наверняка эхом отозвался в самых дальних концах усадьбы.

Убийца не мог его не услышать!

Вот только убийцы-то никакого не было. Ни убийцы, ни трупа.

На дне шкафа, на пожелтевшей тряпице, лежали две крысы и пять крысят. Мертвые, уже частично разложившиеся – наверняка поели крысиной отравы, разложенной по углам дома. Они-то и воняли.

Говен, все еще с ломиком в руках, зашелся нервным смехом, не в силах остановиться.

За спиной у них раздался рев:

– Что вы наделали?!

Не дожидаясь ответа, Лефевр рухнул на колени перед останками шкафа. С убитым видом он гладил рассыпанные деревяшки, дощечки, колышки, фигурки, все частицы пазла, который терпеливо собирали веками и в одну секунду разрушили – то ли в приступе безумия, то ли по недомыслию.

Он долго сидел на полу, словно окаменев, потом повернулся к жильцам.

– Как это случилось?

Потрясенная Диана-Перль как-то вдруг забыла об исчезновении мадам Лефевр, упорной лжи мсье Лефевра, окровавленной рубашке... Все вытеснило чувство вины: она стала ребенком, разбившим вазу в ту самую минуту, когда домой вернулись взрослые.

– Здесь... пахло, – сконфуженно призналась она, кивнув на мертвых крыс.

– Я решил посмотреть, – добавил Говен.

Он вытащил из-за спины гвоздодер. Лефевр тарачил глаза – скорее удивленно, чем сердито, словно подобная глупость была выше его понимания.

– Но почему вы мне не сказали? – с трудом выговорил Лефевр. – Я же каждый день спрашивал вас, все ли в порядке.

Голос его был спокоен. Казалось, отчаяние в нем пересилило гнев.

Ну что взять с городских идиотов!

Говен молчал. Диана-Перль попыталась оправдаться:

– Сказать по правде... вы будете смеяться... мы ничего не сказали, потому что подумали...

Говен кашлянул и закончил за жену:

– Мы подумали, что вы очень заняты! Мы... мы не хотели вас отвлекать.

Диана-Перль не привыкла, чтобы ее перебивали, она надулась, но стерпела.

Лефевр повернулся к руинам шкафа. Объяснения парижан были просто смехотворны и нелепы на фоне масштабов бедствия.

– А ведь я вас предупреждал. Этот шкаф хрупкий, как стекло. Триста лет он принадлежит нашей семье. Разве я смогу его починить? Все пропало, все пропало...

Диана-Перль не выдержала. Игнорируя гневный взгляд мужа, она схватила найденную под матрасом рубашку с пятнами крови и сунула ее Лефевру под нос. У них были смягчающие обстоятельства! Она преисполнилась решимости перейти в контрнаступление и настаивать на каждом пункте контракта, который обговаривался с его женой и не был соблюден... но тут заурчал мотор въезжающей в усадьбу машины и все обернулись к окну.

Белый «Пежо 106» катил по аллее под тополями. Машина остановилась у дома, из нее вышла мадам Лефевр. Такая же живая и

грациозная, как на фотографии в гостиной. Маленькая, кругленькая, энергичная.

Это их доконало!

– Но... Но оттуда правда воняло, – едва слышно пробормотала Диана-Перль.

Говен молча достал из кармана чековую книжку, нервно нацарапал сумму и резким движением оторвал чек.

– Нам искренне жаль. Мы повели себя как последние невежи, и это мягко сказано. Возьмите... Я знаю, это не залечит душевную рану и не возместит потерю семейной реликвии, – он снова посмотрел на кучу деревяшек на полу, – но это все, что мы можем сделать. Еще раз просим нас извинить.

Лефевр взял листок небрежным жестом и даже не взглянул на сумму, демонстрируя, что его волнуют только обломки шкафа.

Пять минут спустя Диана-Перль и Говен побросали вещи в чемоданы, закинули их в багажник и уехали.

Срам. Они никогда в жизни не испытывали такого стыда!

Когда «крайслер себринг» скрылся в конце тополиной аллеи, мадам Лефевр повернулась к мужу. Ей не терпелось.

– Ну, сколько?

– Четыре тысячи евро! – выпалил Лефевр.

Жена зааплодировала:

– Четыре тысячи! Отлично! До нашего рекорда далеко, но от четы учителей я такой щедрости не ожидала. – Она посмотрела на разбросанные по полу деревянные. – Четыре тысячи за прогнивший нормандский шкаф, рваную рубашку и семейку дохлых крыс – неплохой доход, скажи? Ты сможешь все собрать?

– Как нечего делать! Это ведь ненадолго. Снова рухнет, как только тронут петли, не беспокойся. Времени полно, следующие парижане приедут только через три дня.

Мадам Лефевр подняла на него умоляющий взгляд:

– Можно, в этот раз убийцей буду я?

– И думать забудь! Я гораздо правдоподобнее смотрюсь в роли кровавого маньяка из Ко!

– Ну пожалуйста! Булочница тоже говорит – было бы хорошо для разнообразия. Только представь: я – ведьма из Ко, собираю травы под луной, варю ядовитые зелья, бормочу заклинания и не расстаюсь с черным котом...

– Ладно, там будет видно.

До Руана было недалеко, «крайслер себринг» тихо катил через лес в долине Остреберт. Ни Говен, ни Диана-Перль с самого отъезда не произнесли ни слова.

Смеркалось. Лес был густой, темный и тихий. Диана-Перль заметила дорожку, уходящую под деревья, и небольшую земляную площадку в тени чуть подалее.

Она положила руку на колено мужа. Передвинула ее выше, к бедру. Он сбросил скорость, вписываясь в поворот, она потянулась, включила поворотник и прошептала:

– Стоп. Остановись.

Вид с чердака

1

Все началось в одно майское воскресенье. Чудесное, погожее воскресенье.

Я понимаю, вам будет трудно поверить тому, что вы прочтете. Очень трудно.

Поэтому попытаюсь описать каждый этап этой тайны, как проживал их я, хотя говорить о себе – не мой конек.

Но Мюгетта свидетель, и она все подтвердит, а может, даже расскажет получше моего: я ничего не выдумал! Факты есть факты. Не укладываемые в голову, но вполне реальные. Я крутил-вертел их так и этак, чтобы сложить в цепочку. Чуть не тронулся умом и нашел единственное объяснение, которому никто не поверил. Но вы – сторонние наблюдатели, вы объективны, не задействованы, – вы можете и должны мне поверить!

Итак, все началось в одно майское воскресенье. Вот он я, сижу за письменным столом у окна.

На горизонте бескрайнего голубого неба ни облачка, ветерок не тревожит листву плакучей ивы, не морщит воду маленького пруда под моим окном. Тишь! Роскошный погожий майский день. Пожалуй, слишком – подозрительно – погожий.

Тридцатисантиметровая кипа газет высится справа от меня, слева стопка из десятка книг, на столе остается чуть-чуть места для ноутбука. Дело об отравленном джозамицине, кричат заголовки газет. Согласен, не самый оригинальный факт криминальной хроники, но от этого дела никуда не денешься, а главное, я на все сто уверен, что произошла непростительная судебная ошибка, если не сознательное игнорирование правосудием версии о бытовом отравлении.

После успеха первого тома «Преступлений под яблонями» (названием я очень горжусь, а подзаголовок *Нераскрытые убийства и другие преступления в Нормандии* придумал издатель) – на мой взгляд прекрасные продажи, а если в цифрах, то 773 проданных экземпляра – издатель требует от меня второй том к лету. Пришлось срочно выбрать

десяток новых дел, раскопать сотни статей из старых газет, подобрать тысячи страниц из архивов и снять с них ксерокопии, после чего приступить к написанию, преодолевая неуверенность и надеясь, что вернется вдохновение, за которое я удостоился похвал от многих местных изданий. «Информасьон дьеппуаз», «Импарсьяль», «Эвей де Понт-Одемер» назвали мое перо легким, изящным и ироничным.

Если угодно, можете сами убедиться!

Я первый удивился, поверьте. Четыре года назад я вышел на пенсию[14], всю жизнь проработав контролером на железной дороге, а Флориан и Полина вскоре уехали учиться, и дом опустел. Я понятия не имел, чем заполнить свой досуг. Тогда мне и в голову не приходило, что сегодня вся моя энергия будет сосредоточена на одном-единственном занятии, увлекательном и даже захватывающем настолько, что мало-помалу отойдет на задний план все, что когда-то было для меня самым важным, – велосипедные прогулки с друзьями, ежемесячные посиделки в ресторане с бывшими коллегами из поезда Руан – Париж, уик-энды в кругу семьи.

Я всю жизнь ждал пенсии без нетерпения и особого страха – так ждут времени отхода ко сну после насыщенного дня, – а теперь боюсь не успеть, состариться, не написав всего. Не знаю, сможете ли вы понять. В местной уголовной хронике столько забытых дел, которые останутся таковыми навсегда, если никто не прольет свет на разбитые судьбы и нераскрытые преступления.

Пусть это покажется вам смешным, но я в свои пятьдесят девять каждое утро подсчитываю, сколько мне осталось хороших лет, таких, когда голова еще работает, и проклиная быстротекущие дни.

Время летит во весь опор, и я вряд ли успею утолить до конца мою страсть. Выразусь точнее – исполнить миссию.

Этим-то размышлениям я и предавался, когда на лестнице раздались шаги.

Мюгетта, кто же еще.

Платье в цветочек, аромат весны, яркий макияж. Сейчас она меня гильотинирует.

– Собираешься сидеть взаперти весь день, Габриэль?

Бац!

Что я говорил?

Будь на улице дождь, хотя бы мелкая, симпатичная нормандская майская морось и градусов десять со свежим западным ветром, Мюгетта принесла бы мне кофе, спросила: «Как продвигается дело, милый?» – и дала бы мне весь день спокойно работать.

Но сегодня...

– Видел, какое сегодня чудесное солнце, дорогой?

Взявшись за перо, я понял, почему со времен Флобера и Мопассана писателей тянуло в Нормандию. Дело не в том, что Париж и море совсем близко, домики романтичны, а в аббатствах полно привидений. Уроженцы Нормандии во все времена были самыми плодовитыми исключительно по причине погодных условий!

Когда Мюгетта положила руку мне на плечо, я тут же выработал стратегию. Нет солнца или оно есть, я мало чем рискую – какие развлечения можно найти майским воскресеньем в Туфревиле-ла-Корбелин, в сердце области Ко? Дипломатично соглашусь выпить с Мюгеттой чаю в саду, поболтаю с ней полчаса, повосхищаюсь геранями и розовыми кустами и – готово дело! – вернусь за стол!

– Было бы преступлением не воспользоваться таким дивным деньком, – настаивает Мюгетта.

В ответ я широко зеваю, как медведь, мирно спавший в берлоге, пока его не разбудила весна. Мюгетта улыбается, ей не привыкать, убирает руку с моего плеча и разворачивает газету. Свежую, не древний пожелтевший экземпляр с заголовком о трупе, найденном в петле на чердаке старой фермы.

Сегодняшнюю газету.

Какой же я дурак!

Западня вот-вот захлопнется. При всей любви к уголовной хронике я вовсе не извращенный манипулятор. Совсем наоборот. Я интересуюсь этими преступлениями, потому что напрочь лишен воображения. Мое единственное удовольствие и мой единственный талант – скрупулезно препарировать каждую деталь дела, как часовщик, разбирающийся в сложном механизме. По сути своей я человек наивный, простой, душа нараспашку и не расчетлив ни на грамм. Полная противоположность Мюгетте, чей мозг только тем и занят, что строит планы, как меня защитить, развлечь, обогреть душевным теплом и осчастливить, хоть я ни о чем таком не просил.

– Пошли, Габи, давай проветрим твое серое вещество!

Я соглашаюсь, питая надежду отделаться малой кровью.
– Ладно. Небольшая передышка пойдет мне на пользу. Откупорим бутылочку сидра на веранде?
Полчаса – и свобода!
– Кое-что получше, милый.
Мюгетта сует мне под нос «Курьер Ко».
Меня поймали на живца. Облапошили. Загнали в угол.
Я смотрю на нормандское солнце и проклиная его окончательно и бесповоротно.
Мюгетта торжествует сдержанно, но не унимается, как будто я сам не умею читать.

*Воскресенье, 21 мая 2017
Ярмарка-от-всех в День святого Константина
Муниципальный стадион, Туфревиль-ла-
Корбелин
С 9:00 до 19:00
Более 50 участников*

Комментарий Мюгетты

*Не заблуждайтесь!
Мой Габи лукавит. Интересничает, прикидывается несчастненьким. Мой муженек – душа нараспашку, бедняжечка мой, вытащили его, видите ли, из норы погреться на солнышке. Но согласитесь: не потому ли он так подробно описывает солнечное воскресенье, свои муки и происки хитрой жenuшки, что хочет отвлечься от всех этих убийств, одно другого кошмарнее?*

В глубине души он и сам не прочь поговорить о себе.

Да и мне жаловаться не на что: он оставляет мне несколько строк в конце главы, чтобы я изложила свою версию.

Уж будьте уверены – я себе в этом не откажу!

Мне придется вас просветить, ибо выражение *ярмарка-от-всех* практически неизвестно за пределами Нормандии. Этаким экзотический варваризм. В других областях Франции говорят *чердачная* или *гаражная распродажа*, *блошинный рынок*, *барахолка*, на худой конец... Эти ценные знания я приобрел в долгие дни каникул, которые проводил в разных концах страны и бродил вдоль столиков, палаток, подиумов, выставленных на улицах, площадях и набережных.

Скажу вам еще кое-что. Только одно занятие скучнее прогулки по подобной ярмарке – это участие в ней. Всю неделю разбирать вещи, опустошая дом, потом упаковать безделушки, игрушки, одежды, запихать все в багажник машины, распаковать и разложить на отрезке в три метра, предоставленном вам на стадионе или в актовом зале, и ждать, ждать, ждать, ибо все сделки совершаются в первые четверть часа. Это золотое правило ярмарок-от-всех: выставленные вещи уходят сразу... или никогда! К концу дня вырученная вами сумма едва окупает хот-дог с жареной картошкой, который вы купили и съели в полдень, пополнив кассу футбольного клуба или товарищества пожарных.

Хороша загадка, не правда ли? Зачем подыхать со скуки день-деньской в выходные и праздники, если теперь можно куда быстрее и выгоднее сбыть лишний хлам через интернет? Думаю, я нашел объяснение. Кризис – не более чем неуклюжее оправдание небывалого всплеска интереса к нормандским ярмаркам-от-всех и всем барахолкам планеты, а на самом деле успех легко объясняется четырьмя словами, не имеющими никакого отношения к деньгам: людей посмотреть, себя показать.

Замечательно! Но я-то не хочу ни на кого смотреть и никому себя показывать! Мне вообще интересны только жертвы и их убийцы, тоже давно умершие, только в своих постелях и безнаказанными. Это мое неотъемлемое право и, смею добавить, даже долг!

Я уже почти четверть часа околачиваюсь на футбольном поле, забитом гостями и участниками. Мы с Мюгеттой пришли пешком. До стадиона в Туфревиле-ла-Корбелин от нашего дома метров восемьсот. Машины стоят у обочины и вдоль насыпей аж до ближайших поселков Бур-Ноден, Мон-дю-Кюль, Маре. Вереница в несколько километров.

Людское море. Мне кажется, население Туфревиля увеличилось как минимум вчетверо.

Одно утешение: навстречу попадаются и другие примерные мужья. Они, как и я, бредут по газону (хотя предпочли бы бегать по траве за кожаным мячом), рассеянно поглядывают на диски, книги, одежду, игрушки. Стенды неотличимы один от другого.

А вот Мюгетта полна энергии и попусту не суетится. У нее своя стратегия: она всегда отправляется на ярмарку-от-всех, имея четкую цель, практически невыполнимую. Когда Флориан и Полина были маленькими, это могла быть редкая книга, второй велосипед, чтобы держать его у бабушки, недорогие видеокассеты, старый молочный кувшин для сада... Поиск любой вещи становится делом жизни, ради него не лень методично исходить вдоль и поперек все аллеи, а в случае неудачи отправиться на следующей неделе в соседнюю деревню.

На этот раз Мюгетта ищет скамеечку или маленькую лесенку, недорогую, чтобы можно было перекрасить и поставить у фасада нашего дома под цветочные горшки. Поди найди такую редкость, все лето придется искать.

Но нет, немислимая удача!

Везучая Мюгетта нашла именно то, что искала. Хозяин стенда не верит собственному счастью: ему не только не придется нести в утиль трухлявую скамеечку, он будет избавлен от нее... за деньги! Чудо, да и только, сказал я себе, дело сладилось в два счета... Но тут Мюгетта принялась торговаться.

Я жду. От нечего делать рассматриваю богатства ближайших продавцов. Должен признать, собравшиеся здесь семьи, расстающиеся с дорогими сердцу вещами, – зрелище довольно трогательное. Целые жизни выложены на продажу. Люди избавляются от воспоминаний, чтобы не мучиться сожалениями, когда придется уместить свою жизнь в десятиметровой комнатухе в доме престарелых. Или, чуть позже, на двух метрах в гробу.

Ну вот, я ударился в поэзию, а Мюгетта все еще торгуется.

Я топчусь на месте, задержав взгляд на стенде напротив. Наблюдаю. Философствую. Отмечаю еще одну константу ярмарок-от-всех: это же мусорные баки эпохи.

Все участники продают одни и те же вещи. Необходимые в каждом доме в одни годы. Вышедшие из моды через несколько лет.

Все. Без исключения.

Скосил глаза на ящик, разглядывая диски и видеокассеты, мысленно заключая пари сам с собой насчет музыки и кино, которые там найду. Наверняка те же, что есть в каждой семье. Полный набор «Жандарма из Сен-Тропе», «Анжелики», Брюса Ли, «Звездного пути»... Старые виниловые пластинки – Селин Дион, *Supertramp*[15], Франс Галль, *Pink Floyd*. Подхожу ближе к коробкам с играми. «Клуэдо», «Четыре в ряд», головоломка «Мастермайнд». Разумеется, у Флориана и Полины были такие же.

Рядом куча фигурок, такие у нас тоже были – забытые звезды тысяч мультяшных шоу: «Телепузики» (Дипси), «Неугомонные детки» (Анжелика Корнишон), «Барбапапа» (Барбалала). Все-таки удивительно, что у меня когда-то были практически все вещи, выставленные на этом столе.

На коробке стоят две миниатюрные машинки – белый «Пежо 205 GTI» и желтый «Рено Спайдер», точно такие же наверняка нашлись бы в коллекции Флориана.

Поворачиваюсь направо, к детской секции.

Завороженно смотрю на лошадку-качалку, пеленальный столик, погремушки в виде сосок и зайчиков. Все покупали одно и то же, убеждаю я себя, но совпадения меня заинтриговали.

Все?

На меня накатывает дурнота.

Неужели в каждой семье была вот такая лошадка-качалка, которую моя мать подарила нам для Полины, когда та родилась? С красным седлом, полосатой гривой и серебряными копытами? И вот этот детский столик на толстых красных ножках со встроенным пианино на три клавиши и четыремя лягушками, спрятавшимися в пластмассовых кувшинках? И эта бирюзово-голубая складная колясочка с откидным верхом, такая удобная, неотличимая от той, которую выбрали мы с Мюгеттой перед рождением Флориана двадцать пять лет назад?

Хозяйка стенда смотрит на меня и улыбается. Полноватая женщина примерно моих лет, одетая в широкое серое платье в мелкие маки. Я наверняка выгляжу хорошим клиентом. Мужчины покупают быстро и без капризов. Не торгуюсь.

Я отвечаю на ее улыбку и продолжаю рассматривать стол, стараясь ничем не выдать охватившего меня волнения.

Рядом с игрушками – три пазла на сюжеты Уолта Диснея: «Мулан», «Король-Лев», «Покахонтас». Полина и Флориан когда-то получили в подарок такие же наборы, один в один!

Пытаюсь убедить себя, что это логично. Выбор поколения. Все дети одного возраста смотрели одни и те же фильмы. Играли в одни и те же игрушки, любили одних и тех же мишек и кукол. Вспоминаю, как Полина оккупировала гостиную со своей игрушечной посудой и колыбельками, как встречала меня вечером с рейса Париж – Руан, расположившись на диване в обществе всех своих кукол. Разве может папа, даже спустя годы, забыть их имена? Белокурая Шарлотта с длинными косами, лысый щекастый пупс Лора, большая кудрявая негритянка Имани и рыженькая Келли – младшая сестра Барби.

Боже мой!

Кажется, я выругался.

Они здесь! Все!

Замечаю, что дрожат руки. Шарлотта, Лора, Имани и Келли, вот они, передо мной. Сидят на доске. Пять евро за куклу. С одежками – десять евро. Улыбаются, как будто узнали старого знакомого.

Меня!

Я почти напуган и, кажется, готов окликнуть их. Вдруг отзовутся... Дурацкая мысль возвращает меня на землю. Чтобы унять дрожь в ногах, повторяю себе: все ровесницы Полины играли в детстве с одинаковыми куклами, а то, что они оказались на этом столе, – обычное совпадение.

Хозяйка в «маковом» платье не спускает с меня глаз.

Смутившись, я перемещаюсь к ящику с дисками. Подобно многим ровесникам, я слушаю только французские песни и рок, вкусы семьи продавца посвежее... и с уклоном в хард-рок. Примерно как у Флориана, моего взрослого сына-бунтаря, которому все же удалось в бытность свою подростком привить мне любовь к хеви-метал, гитарным переборам и рефренам-воплям, где не поймешь ни слова.

Вынимаю из ящика диски, один за другим.

– Два евро за диск, за семь – десять евро, – уточняет маковая мадам.

Флориан больше всего любил...

Nevermind[16] группы «Нирвана».

Я перебираю диски, будто листаю страницы книги. Триллера. Быстро-быстро. Как я и подозревал, маленький пловец[17] здесь. Ничего удивительного. Хотя дрожь уже охватила мои локти и колени.

Надо успокоиться. Успокоиться.

Еще Флориан слушал нон-стоп *The Black Album* группы «Металлика». Как старую знакомую, я приветствую устрашающую змею на черной обложке, все правильно...

Ладно, попробуем поискать что-нибудь более редкое. Флориан обожал еще и пластинку *Ten* группы «Перл Джем».

Есть! Его я тоже нахожу между альбомами «Эй-си/Ди-си» и «Рэдиохэд».

Нырять в глубины памяти, все еще не веря. Вспоминаю *Blue Lines* группы «Мэссив Атак».

Боже правый, и этот диск здесь!

Почти не дыша, я все глубже погружаюсь в прошлое, чувствую, что ставки высоки, на карте мое душевное здоровье, и вспоминается, что Флориан буквально боготворил альбом *Act III*[18]. Однажды ночью, часа в три, он разбудил весь дом, врубив его на полную громкость на своем музыкальном центре, в наушниках... которые забыл подключить. Не может быть, чтобы и эта коллекционная вещица оказалась здесь!

Я судорожно роюсь в ящике с дисками. Как загипнотизированный. Еще три диска – и в мозгу взрывается бомба.

Есть!

Я с первого взгляда узнаю алый занавес на обложке *Act III*, сразу за салатово-зеленой обложкой «Алан Парсон Проджект».

Все любимые альбомы Флориана, даже самые заветные!

Я опираюсь рукой о деревянный стол, сделав вид, что закружилась голова, и заставляю себя рассуждать здраво. Какова вероятность, что все эти знакомые мне предметы кто-то собрал вместе и разместил на двух квадратных метрах?

Констатирую – вероятность нулевая. Шансы один к миллиарду.

Маковая хозяйка больше не смотрит на меня, она уже убирает коробки в трейлер, стоящий за ее стендом.

Надо ловить момент. Попятившись, я достаю телефон и стремительно – никогда бы не подумал, что способен развить такую скорость, – делаю с десятков снимков: детская полка, одежда, игрушки, куклы, диски.

Хочу доказать себе, что не спятил, и показать их Мюгетте. Память у жены всегда была лучше моей. Она точно вспомнит. И прояснит эту тайну.

Мюгетта между тем все еще торгуется. Подойдя, я слышу, как она говорит продавцу скамеечки, который по ходу дела уже вдвое сбросил цену:

– Нет, все-таки я ее не возьму. Мне нужна лесенка на пять ступенек. Пожалуй, попытаю счастья на той неделе на ярмарке-от-всех в Ла-Фоллетьере.

Комментарий Мюгетты

На этом этапе, не желая испортить саспенс истории, которую так хорошо рассказывает мой муж-писатель, уточню одно: Габриэль сильно преувеличивает мою страсть к ярмаркам-от-всех.

Я бываю от силы на пяти в год! И тащу туда моего бедного муженька силой, но, как правило, возвращаюсь домой с пустыми руками, а он бродит по проходам часами и всегда уходит со стопками книг, пачками дисков и другими «несметными сокровищами». Как будто вещи тоже могут рассказать нам о прошлом.

3

Я распечатал все фотографии и разложил их на столе в гостиной. Внимательно рассмотрев каждую, Мюгетта высказывается, не пытаясь скрыть насмешливые нотки в голосе:

– Ну ты даешь, Габи! Ни за что не поверю, что у этой женщины были сын и дочка ровесники нашим детям, и она возила их в такой складной коляске, покупала девочке этих кукол, а мальчику мультяшных героев и машинки. И что он, когда подрос, слушал рок и хеви-метал.

Я не обижаюсь. Я сержусь на себя. За то, что не подвел вчера Мюгетту к тому стенду. На месте она бы узнала и кукол, и коляску, и лошадку, и диски. Наверняка вспомнила бы подробности: погнутое

колесико, карандашную линию на коробке с игрой, царапину на фигурке... А я не решился. Мюгетта не умеет хранить чужие секреты.

Я не сдаюсь, указываю на укрупненный снимок с куклами:

– Да ты присмотришься. Узнаешь Полининых любимых кукол в полном составе? Шарлотта, Лора, Имани и Келли... Беленькая, лысенькая, черненькая и рыженькая. Ее знаменитые четверняшки. Все вместе!

На лице Мюгетты появляется противная улыбочка. Так бывает всякий раз, когда я пытаюсь изложить ей свою гипотезу очередного нераскрытого преступления.

– Брось, Габи, когда дети были маленькими, всем нам бросали в почтовые ящики одни и те же каталоги. По телевизору крутили одну и ту же рекламу. Все девочки просили на день рождения и Новый год одних и тех же кукол.

– Ладно бы только куклы... – Я нервным жестом откладываю фотографию. – Но сумма совпадений просто невероятна! Все наши игрушки, все диски, все вещи лежали, стояли и сидели на этом столе... как будто... – Я ищу слова. – Как будто эта женщина выставила на стенде нашу жизнь!

– Милый, мы с тобой покупали массу вещей, которых у нее не было.

– Ты права... но все, что она продавала, было у нас.

– Как и у миллионов других родителей... Что ты хочешь доказать, Габи?

– Ничего... абсолютно ничего. Ты затащила меня на ярмарку... Я просто говорю, что это поразительно!

Мюгетта уже не слушает. Расположилась на диване и уткнулась в нового Жюль Лёгардинье[19]. Детективы, тайны, расследования моя жена терпеть не может.

Я не унимаюсь, беру другую фотографию:

– А лошадка-качалка? Моя мать подарила ее Полине, когда та родилась. Вспомни, это штучная вещица, сделана на заказ ее знакомым столяром. Таковую нельзя было купить в супермаркете.

Мюгетта покорно поднимает глаза от книги – так ведут себя с не в меру надоедливый ребенком.

– Да, милый, но эта лошадка почти сгнила на чердаке. Когда мы затеяли генеральную уборку, ты пустил ее на дрова.

– Уверена?

– Абсолютно. Ты аккуратно отвинтил все, что не горит, остальное распилил, а уж куда потом все делось, тебе видней.

Теперь я смутно припоминаю этот эпизод. Но ни за что не признаюсь Мюгетте, разве что попутно выдвину гипотезу: кто-то мог стибрить части лошадки и собрать ее заново.

Я продолжаю рассматривать снимки в поисках новых доводов. Мюгетта тихонько закрывает книгу и роняет фразу, которая меня добивает:

– Боюсь, коктейль из уголовной хроники ударил тебе в голову.

Нет, Мюгетта!

Только не этот аргумент!

Не подлый удар ниже пояса!

Мюгетта в очередной раз пеняет на мою страсть. Напоминает, до какой степени я изменился. Самоизолировался от реального мира. Этот наш единственный и вечный повод для ссор.

Хотите пример? Я знаю, нет ничего хуже, чем оказаться меж двух огней, когда ссорятся двое близких людей, но хочу, чтобы вы поняли. Через месяц у нас серебряный юбилей, двадцать пять лет совместной жизни. Мюгетта хотела поехать на неделю в Венецию, где мы были в свадебном путешествии, но на мне висит окаянный второй том нормандских тайн.

«Поедем позже, милая, – пообещал я однажды вечером. – Сразу как закончу книгу. Мы с тобой прожили двадцать пять лет, что изменят три месяца?» Компромиссное решение? Но Мюгетта хлопнула дверью и закрылась в кухне, а я ушел к себе в кабинет.

На сей раз я остался в гостиной. Переживаю. Пережевываю. Мюгетта валит все в одну кучу. Каким боком это совпадение касается моих расследований почти забытых преступлений? Просто-напросто, если рассуждать здраво, напрашивается однозначный вывод: вероятность того, что одни и те же вещи могли оказаться в двух разных домах, равна нулю.

Я встаю и заявляю победным тоном:

– Придется с этим разобраться!

Мюгетта хохочет, но ее рассмешил не я – Легардинье.

– Большинство этих вещей мы не выбрасывали. Достаточно их найти, и все станет ясно, – добавляю я решительно.

Комментарий Мюгетты

До чего же ты хорош, когда кипящишься, милый. Ссориться в тысячу раз лучше, чем дуться и молчать, каждый в своем углу. Я предпочту хлопающую дверь двери закрытой. Периодические грозы – вечно умеренному климату.

Я прекрасно знаю, что гондолы и Гранд-канале никуда не денутся и в сентябре. Но ты бы обиделся, не прояви я нетерпения, правда?

Что до всего остального, повторю твои слова, дорогой: тиши жалобу на себя!

4

– Добрый день, мадам, позвольте представиться: Габриэль Эспинас, автор «Преступлений под яблонями». Вы... Возможно, вы помните, пару лет назад я работал с документами из муниципального архива.

Секретарша мэрии смотрит с недоверием.

– Вот как?

Определенно, она не из числа моих «верных читательниц».

– Сегодня мне нужна совсем простая справка – фамилии участников ярмарки-от-всех в прошлое воскресенье.

– Зачем они вам понадобились?

Надо попытаться произвести впечатление на должностное лицо.

– Гм... Ну, скажем так... Это важно для одного из моих расследований... Дело довольно конфиденциальное...

Я кладу на стойку экземпляр моего бестселлера в красно-зеленом супере – захватил на всякий случай.

– Но как связаны ваши «истории о трупах» с ярмаркой-от-всех в Туфревиле?

Облом!

– Никак, просто... гм...

Секретарша продолжает буравить меня взглядом, как будто ждет, что я открою ей страшную тайну – например, о том, что один из участников продавал на своем стенде фамильное серебро некоей семьи, чьи обугленные останки нашли в печи для обжига негашеной извести.

Решаю сдать назад.

– Дело в том, что... Я присмотрел одну вещь... Не решился купить сразу, а теперь жалею и хотел бы связаться с продавцом. Это... это был третий стенд от северного входа на стадион. У вас должен быть план, координаты. Мне нужны только фамилия, адрес, номер телефона.

Секретарша не спешит, выравнивает на столе стопку проспектов с рекламой местных хостелов и гостевых домов.

– Знаете, мсье Эспинас, мы действительно просим участников заполнить анкету, когда они бронируют места, но по окончании ярмарки всегда выбрасываем весь этот бумажный хлам в корзину, негде это хранить...

Кого ты решила обмануть, чудачка? Надеешься так просто отделаться от самого ушлого сыщика во всей области Ко? У меня развязывали язык и не такие упрямцы.

Я выдаю самую обаятельную из своих улыбок и заговорщически подмигиваю:

– Вообще-то, я хочу сделать сюрприз жене... Подарить ей декоративную лесенку... Продавщица была в сером платье с маками и...

Секретарша расстреливает меня взглядом.

– Вот что я вам скажу, мсье Эспинас. Я не имею права сообщать вам данные участников. Что бы вы там себе ни думали, все сделки на ярмарках-от-всех строго регламентированы.

Вот ведь повезло! Нарвался на формалистку! Выслушав резкую отповедь, делаю очередную неуклюжую попытку договориться:

– Но речь идет о старой деревянной лесенке, я ведь объяснил, что...

Бюрократка вскакивает, не дав мне договорить.

– У нас тихая деревня, господин писатель! Вынюхивайте у соседей, если вам больше нечем заняться, здесь не найдете никакой уголовной хроники. Никаких секретов. Никаких нераскрытых убийств. – Она пытается взять себя в руки, снова нервно выравнивая и без того ровную стопку проспектов. – Мы не хотим, чтобы сюда хлынули туристы, как в Лепанж и Шевалин. Отправляйтесь ворошить ваши тайны в другое место, мсье Эспинас. Все поняли?

– Я кого-то потревожил, Мюгетта! Кому-то помешал. Сунул нос куда не надо. Поверь мне, реакция секретарши мэрии была совершенно неадекватной. Она не желает, чтобы я искал. Значит, ей есть что скрывать!

Мюгетта слушает внимательно, без привычного намека на иронию во взгляде. Спасибо, Мюгетта! И отвечает вполне серьезно:

– В чем-то ты прав, милый. Твои книги очень нравятся читателям. Всем без исключения. Кроме тех, кого они напрямую касаются.

– Что ты хочешь сказать?

– Сырье для твоей уголовной хроники – людские беды. Это безотказно работает, люди обожают жалеть несчастных. Но не забывай, что свои грошовые роялти ты зарабатываешь на жертвах.

– Ты правда так думаешь?

– Нет, а вот ты подумай.

– Считаешь, кто-то может иметь на меня зуб за... роялти? Хочет заткнуть мне рот? Помешать добраться до той женщины в платье с маками?

– Конечно, нет! Я имела в виду нездоровое любопытство и зависть.

Я не успеваю ответить: Мюгетта на секунду закатывает глаза, потом снова смотрит на меня, и на сей раз я вижу намек на иронию, а не насмешку.

– Ну хорошо, дорогой. Ты влез в дело государственной важности! Много лет мэрия Туфревиля-ла-Корбелин скрывает какую-то тайну. Замазаны все: мэр, секретарша, прочие должностные лица... Тебя надо убрать. Знаешь, как в песенке: первый, кто сказал правду... [20] Ты только подумай: эта твоя женщина в платье с маками все развела о нашей жизни, скопировала каждую детскую игрушку, она знает даже цвет волос кукол нашей дочери и число лягушек на детском столике нашего сына. Как думаешь, эту информацию вырвали под пытками у няни Мартины?

Мартина Лувен была няней Полины и Флориана до садика, нянчила она и десятки других деревенских детей. Мы часто видим ее с детской коляской и полудюжиной малышкой, цепляющихся за ее юбки.

Я всеми силами стараюсь сохранять спокойствие.

– Я не шучу, Мюгетта. Моя работа предполагает определенный риск. Я изучаю дела об убийствах. В том числе – до сих пор не раскрытые. Убийцы живут на свободе, где-то по соседству.

Разворачиваюсь и иду к лестнице, чтобы подняться в кабинет. Мюгетта провожает меня взглядом. Я застываю на ступеньке под большим постером с изображением горной цепи Пюи в Оверни. Великолепный вид сверху на Пюи-де-Дом, Пюи-де-ла-Ваш, Пюи-де-Саркуи и кратер вулкана Париу. Я знаю, как дорог Мюгетте снимок, это память о наших путешествиях до рождения детей. Одна палатка на двоих, по рюкзаку на каждого, километры горных троп. Каждое лето, когда Полина и Флориан отказывались от прогулки в горах, хотя бы и однодневной, мы с женой обещали друг другу опять надеть альпинистские ботинки, как только дети вырастут. Вместо палатки под звездами будут комнаты в гостевых домах, а вместо пикников на лоне природы – мишленовские рестораны.

Все будет, Мюгетта, клянусь тебе. Как только закончу второй том. И прежде, чем издатель закажет мне третий (а вдруг...).

Делаю шаг на следующую ступеньку и заслоняю собой овернский пейзаж. Мюгетта молчит. Наверное, думает о скопище монстров, психопатов и прочих маньяков всех мастей, явившихся под крышу ее дома и укравших у нее мужа. Увы, я знаю, какого она мнения о моей страсти – в глубине души.

Комментарий Мюгетты

Нет, не знаешь, милый.

Ты ошибаешься.

Я твою страсть уважаю. Это твой выбор, и я никогда, ни разу его не осуждала.

Да, я ее не разделяю, кори меня, если хочешь, но не за то, что препятствую тебе. Хотя знаю, какую цену нам всем приходится платить за нее.

Но если хочешь добрый совет от скромной читательницы, то есть в этой главе одна неувязочка.

Ты начал за здравие, с маковой женичины на ярмарке-от-всех, а кончил за упокой, кровавыми преступлениями.

Извини, Габи, но я при всем желании не вижу связи между всеми этими нераскрытыми

*убийствами и Полининными куклами или машинками
Флориана.*

5

Вы меня уже немного знаете. И понимаете, что я так легко не сдаюсь.

Я снова побывал в мэрии, пытался хоть что-нибудь разузнать, разведать – исподволь, расспрашивая друзей. Безуспешно. Никто не знает участницу ярмарки в платье с маками, никто ничего не заметил, никто не понимает, что именно я ищу. А может, все притворяются...

Чем больше я думаю об этом стенде на ярмарке-от-всех, чем дольше рассматриваю фотографии, тем меньше верю, что столь невероятное совпадение могло остаться незамеченным. И тут я вспоминаю, что сказал Мюгетте. *Большинство этих вещей мы ведь не выбрасывали. Достаточно их найти, и все станет ясно.* Нужно только дождаться удобного случая.

Несколько дней спустя я работал у себя в кабинете, перечитывал показания санитаров скорой об отравлении цианидом маленькой Эмили, и увидел в окно въезжающую на нашу стоянку машину Флориана. Флориана и Амандины, если быть точным.

У меня всегда щемит сердце, когда я вижу, как мой двадцатичетырехлетний сын входит в сад рука об руку со своей любимой. Я вспоминаю, сколько раз здесь же вел Флориана за ручку. Или катил его, таща за руль детского трехколесного велосипеда. Или позже, страхуя на двухколесном, на роликах, на скейтборде. Сколько раз я бил по мячу в импровизированные ворота или по волану через натянутую вместо сетки веревку.

Я как дурак верил, что они вечны, эти дни игр с сыном в Большого Папу на парковке! Сколько это продолжалось? Десять лет? Сначала ты ждешь своего первенца, потом имеешь счастье длиной максимум в пятнадцать лет, а после еще лет тридцать вспоминаешь о нем. Пусть не так много лет, но с Флорианом нас связывала закадычная дружба. На наш манер. Никаких откровений, признаний, сердечных тайн, зато мы не могли наговориться – о том, кто победит в «Тур де Франс», кого надо включить в сборную по футболу, кто должен играть в Кубке Дэвиса – Санторо или Пьолин. Ну и о музыке, разумеется.

Шуршат шаги по гравию аллеи. Раз в две недели Флориан приезжает в Туфревиль. С женой. Сын покинул родительское гнездо, чтобы свить свое с Амандиной, три года назад, и с тех пор – хотите верьте, хотите нет – я ни разу не видел Флориана одного. Не припомню, чтобы он заговорил о звездах футбола, результатах Большого шлема или Гран-при «Формулы-1». Флориан благовоспитанно сидит на диване и слушает, как щебечут Амандина с Мюгеттой. Свекровь и невестка обожают друг друга и могут часами трепаться обо всем и ни о чем, а Флориан только кивает и нежно проводит пальцем по позвонкам любимой, если она в платье, или гладит бедро, когда она в брюках, будто боится, что стоит ему, забывшись, обронить имя Рибери[21], как его сокровище убежит без оглядки. Не бойся, сынок, я не выставлю тебя на позор. Так что когда Флориан с Амандиной приезжают, я вежливо здороваюсь, наливаю всем выпить и, посидев с ними немного для приличия, удаляюсь в свою берлогу – работать. «Ты должен с ним поговорить», – сто раз настаивала Мюгетта, после того как сын с женой садились в машину и уезжали к себе в Монтивилье.

Поговорить? О чем?

Флориан сделал выбор. Мужчина всегда выбирает женщину, с которой чувствует себя лучше, тоньше, умнее, чем он есть на самом деле.

– Я уважаю сына, потому и не разговариваю с ним, – ответил я однажды Мюгетте.

– А он, по-моему, уверен, что ты на него сердишься.

Когда я спускаюсь в гостиную, Мюгетта и Амандина увлеченно обсуждают непростой выбор между деревянными ставнями и рулонными шторами. Флориан вертит головой от матери к ненаглядной, напоминая теннисного арбитра, который устал считать очки, сидя на судейском насесте, и теперь делает это, удобно устроившись на диване.

– Можно задать тебе вопрос, Флориан?

Флориан поворачивается ко мне, в глазах тревога.

– Я давно хочу разобрать старые коробки. Не поднимешься со мной? Посмотришь старые диски, отберешь, что хочешь оставить себе?

Мюгетта недовольна. Амандину мое предложение скорее забавляет. Флориан удивлен, но он с детства сохранил хорошую привычку слушаться папу.

И вот несколько минут спустя – большая премьера! Отец и сын вдвоем на чердаке.

Мы открываем отсыревшие коробки. Сюда, под крышу, я убрал все вещи, которые понадобятся Флориану, когда придет его черед перебраться из квартиры в центре города в новенький коттедж и мечтательный-юнец-не-знающий-от-какой-стены-гвоздь окончательно превратится в рукастого-папу-занимающегося-по-воскресеньям-ремонт. После его отъезда в Гавр я занял бывшую детскую, устроил в ней свой кабинет, заменил японские комиксы на полках подборками «Курьера Ко», тщательно составил архив детства Флориана и отправил все это добро на чердак.

Под балкой, наполовину укрытой стекловолокном, стоит CD-плеер, старенький, но все еще в рабочем состоянии. Я вскрываю ножом коробку с надписью: «Музыка. Флориан».

И как минимум на четверть часа мой сын исчезает. Его голова ныряет глубоко в коробку и высовывается на несколько секунд, только чтобы глотнуть воздуха и выложить очередную стопку дисков, по большей части помеченных маркером.

Хиты 94–96

Французский рок 97

Шлягеры лето 99

Я украдкой рассматриваю каждую обложку. Пока Флориан не достал из коробки ни один альбом из тех, что я узнал на ярмарке, а ведь именно их он слушал нон-стоп в подростковом возрасте. «Нирвана», «Металлика» и прочие «Ангелы смерти».

Флориан разгибается, вставляет диск и нажимает *play*. Плеер скрежещет, как ржавая фреза, кажется, диск так и будет вечно крутиться вхолостую, но вот вступают полнозвучные гитары «Крэнберриз»[22], сотрясая балки чердака.

Zombie.

– Вау! – выдыхает Флориан. – Это было здорово!

Несколько долгих секунд он, закрыв глаза, отдается медленному, гипнотическому ритму, потом перещелкивает дальше. В динамиках стрекочет вступление ко второй песне. Звучат гитарные аккорды – самые знаменитые за последние двадцать лет.

– *Wonderwall!*[23]– кричу я, как будто мы играем в «Кто первый».

– Отлично, пап. Вопрос был из простых. А вот это?

От мощного гитарного риффа дрожит пыльный пол.

– Легко! Ленни Кравиц! *Are You Gonna Go My Way!*[24]

– Еще одну?

Звуки гитары внезапно становятся тише, новая мелодия сменила предыдущую.

– Группа «Ред Хот»! *Californication!*[25]

– Ты силен, пап. Значит, не забыл мои уроки настоящей музыки, а?

Мы с Флорианом улыбаемся друг другу, и я задумываюсь, когда вот так общался с сыном в последний раз? Годы назад? До того, как он поступил в лицей, или позже?

Песни следуют чередой. Флориан ставит диск с французским роком. Мы с моим большим мальчиком ничего не говорим, ну почти ничего. Прислонясь к балкам, слушаем, роняем слово-другое о мелодии, одни песни прокручиваем, другие повторяем. Друг друга сменяют *Les Nuits parisiennes* группы «Луиза атакует», *Onde sensuelle* неповторимого – М-[26], *L'Homme presse* группы «Темные желания» и *L'Apologie* от «Матматаха».

Пользуясь случаем, решаюсь задать вопрос, когда Флориан меняет диск (ему любопытно послушать тот, на обложке которого нет пометки маркером). Я долго собираюсь с духом, мне неловко портить редкий момент близости, скрывая от сына подлинные намерения, наконец выпаливаю на одном дыхании:

– Раз уж мы устроили большой концерт твоей дикарской музыки, скажи, ты случайно не находил в коробке *Nevermind*? Я имею в виду «Нирвану». И других твоих любимых металлистов, «Металлику», «Перл Джем», «Массив Агтак»?

Флориан как-то странно смотрит на меня. Похоже, удивляется моей памяти.

– Нет, пап. Сам не пойму. Никаких следов.

– А «Ангел смерти»?

Детская улыбка озаряет лицо моего мальчика.

– Черт, ты прав. «Ангел смерти»! Это сила! Нет, в коробке ее не было.

Я хочу задать следующий вопрос, но Флориан продолжает:

– Наверное, дал их послушать приятелю, а он не вернул. Ничего, все по-честному. Большинство дисков в этой коробке я сам заиграл у

друзей.

Я медлю – спросить? не спросить? Какому приятелю? Когда? Они общаются? Чувствую себя до ужаса нелепым и предпочитаю промолчать.

Между тем вступили «Скорпионз», и на чердаке задул ветер перемен[27].

Передохнув, Флориан берется за другие коробки, затормозив над той, где сложены его машинки.

– Смотри-ка, – замечает он, – пропали мои «пежо 205 GTI» и «рено спайдер».

Как будто балка рухнула мне на темечко. Я напрягаю помятые мозги, вспоминаю две машинки на стенде ярмарки-от-всех. Накатывает странное, сродни эйфории, чувство: я с самого начала был прав! Но смятение перед необъяснимым сильнее.

– А их ты не давал приятелю?

– Мою коллекцию? Ты издеваешься? До чего жалко, что машинки пропали. Особенно мой серый «спайдер».

Я мысленно сосредоточиваюсь на двух машинках, стоявших между плюшевыми любимцами и развивающими играми.

– Твой «спайдер» был желтый, мой мальчик.

– Серый, пап, я точно помню.

Я не спорю, но остаюсь при своем мнении.

Нет, сынок, он был желтый! Желтый, как на снимке, что я сделал в воскресенье на стенде, он лежит на моем столе, и белый «пежо» рядом.

Флориан тоже не настаивает. Поразмыслив, я прихожу к выводу, что уже не так уверен, какого цвета была эта старая модель с откидным верхом.

Раздался вопль *What's going on!*[28]

– Если исключить бойбэндзы, – размышляет вслух Флориан, – хорошее было время – девяностые.

– Да, – соглашаюсь я, – пару-тройку вещей даже можно слушать.

Флориану явно не хочется возвращаться на диван к Амандине и слушать про рулонные шторы. Я поудобнее устраиваюсь у балки с единственным желанием продлить этот момент. И повторить его еще

раз и еще. Начинается сезон музыкальных фестивалей, почему бы не предложить Флориану сходить вместе на концерт?

А он тем временем находит на дне другой коробки старые альбомы *Ranini Foot*[29] со звездами футбола. Сезон 1997–1998. Невероятная победа клуба «Ланс» за месяц до чемпионата мира. Забытый всеми чемпион. Везде, кроме, наверное, городишки Ланса. В голову приходит еще более безумная идея: купить два билета и пойти с Флорианом на стадион, как много лет назад, когда ему было шесть.

Комментарий Мюгетты

Я ни в коем случае не хочу омрачить чудесное воссоединение отца и сына. Поэтому не скажу ни слова о Рибери, миниатюрных машинках, лучшем форварде «Ланса» двадцатилетней давности...

Позволю себе всего одно замечание: уверяю тебя, милый, женщины в отсутствие мужчин найдут о чем поговорить – кроме рулонных штор...

Да-да, клянусь, не в обиду тебе будет сказано. Я пишу это ради твоей карьеры, мне бы не хотелось, чтобы из-за сексистских настроений ты потерял читательниц!

Твоя женушка чуть-чуть ревнует, но очень тронута вашей вновь обретенной дружбой с твоим – нашим – сыном.

6

– Я уверен, в мэрии что-то скрывают.

– Что? – рассеянно отзывается Мюгетта, вода тряпкой по мебели красного дерева.

После чудесного общения с Флорианом на чердаке сомнения вернулись, еще более неотвязные. Я прокручиваю в голове картины: вот пустая коробка из-под дисков, вот другая, в которой была коллекция машинок, потом перед глазами встают те недостающие предметы, что были разложены на доске у женщины в платье с маками. Как она сумела их украсть?

Я продолжаю изливать душу Мюгетте.

– Боюсь, я, сам того не желая, затронул болезненное место, какую-то старую историю. Я просмотрел подшивки местных выпусков «Курьера Ко» почти за семьдесят лет. В округе были странные случаи, пропавшие подростки, подозрительные смерти. Если подойти к прошлому методично, связать незначительные с виду происшествия, все станет ясно. Булочница так странно смотрела на меня сегодня утром. А когда я проходил мимо школы, родители почему-то...

Взметнувшееся облачко пыли щекочет Мюгетте ноздри, и она звонко хохочет.

– А чего ты хотел? Три недели подряд донимаешь людей расспросами о ярмарке-от-всех. Суешь им так называемый фоторобот женщины, который нарисовал по памяти. Твердишь, что она не могла раствориться в воздухе... Просишь сообщить, если встретят ее...

Пресловутый фоторобот, действительно нарисованный по памяти, лежит на пианино прямо возле Мюгетты – набросок толстой краснощекой женщины весьма умеренного сходства с оригиналом. Только серое платье с маками может послужить зацепкой, но с 21 мая непрерывно льет дождь, и эта участница вряд ли появится на следующей ярмарке одетой по-летнему.

Даже погода против меня!

Я посвятил расследованию три недели и сумел отыскать всего одну ниточку. Бывшая нянька из соседней деревни Мон-де-л'Иф отдаленно похожа на маковую женщину. Ее дети ходили в начальную школу в Туфревиле-ла-Корбелин одновременно с Флорианом и Полиной. Но, во-первых, нянька давно переехала, а во-вторых, никто, как ни странно, не помнит ее имени.

– Круговая порука области Ко, – смеется Мюгетта. – Край молчунов! Могу выдвинуть другую гипотезу: ты рисуешь не лучше малолетки из детского садика.

Ничто так не мотивирует, как поддержка близкого человека.

Я подхожу к ней, держа в правой руке ножницы, а в левой газету. Ни дать ни взять злостный анонимщик, готовящийся завалить деревню подметными письмами. Наклоняюсь к фотороботу, потом к Мюгетте:

– Клянусь тебе, я выясню, почему эта женщина копирует нашу жизнь.

– Тебе не кажется, что ты хватил через край, Габи?

– Я?! А Полинины куклы? А коробки с дисками Флориана, в которых не хватает именно тех, что я видел на ярмарке?

– Флориан дал эти диски приятелю!

– Вот именно! У нас этих дисков больше нет, а та женщина их продавала. Она как будто нарочно собрала все вещи, которые принадлежали нашим детям.

– Все?

– Очень многие.

Отложив тряпку, Мюгетта садится на табурет у пианино.

– Итак, по твоей версии, Габи, эта женщина много лет коллекционирует вещи, которые мы разбрасываем направо и налево. Как фанатка или помешанная... ну, скажем, на Амели Нотомб, рылась бы в ее помойке, проникала к ее друзьям, к няне ее детей, чтобы стянуть забытые мелочи, выслеживала ее в пункте приема утиля и присваивала ненужное ей старье?

В точку, Мюгетта!

Я торжествую.

– Да. Именно так.

Увы, радуюсь я недолго.

– С какой стати ей фанатеть по тебе?

– По нам, Мюгетта. По нам. По нашей семье...

– Ты меня утомил...

Она поднимает крышку пианино и выстукивает три ноты.

До, ми, соль.

Трех нот достаточно, чтобы я прикусил язык. Наше пианино онемело, с тех пор как Полина перебралась в Тулузу. Раньше дочь играла едва ли не каждый день. Музыка была частью нашей жизни. Полинино пианино, диски Флориана, песенки Мюгетты. В каждой комнате звучала своя мелодия. Что такое счастливая семья? Какофония.

Сегодня напевает только Мюгетта. Над клавишами стоит партитура «Прекрасной Елены» Оффенбаха. В молодости жена пела в маленькой местной труппе, которая ставила оперетки. Я сопровождал ее на гастроли – дальше Парижа они не уезжали. Только через пять лет я набрался духу и признался ей, что терпеть не могу музыкальные комедии. В тот день я почувствовал себя предателем.

Потом Мюгетта бросила петь. Первое время еще ходила с подругами на спектакли, но скоро перестала. Никто, кроме Мюгетты,

оперетту не любит.

Ми, фа, соль.

– Едем!

Мюгетта оборачивается ко мне, смотрит удивленно:

– Куда?

– В Тулузу, к Полине.

– Вот так просто возьмем и поедем?

– Да, вот так просто! Ты недовольна, что я сижу в четырех стенах, что отвык от спонтанных поступков. Так что давай – быстро собираем чемоданы, снимаемся с якоря и едем к дочери в Тулузу... Мы с Рождества ее не видели!

– А твой второй том?

– Три дня. Мы едем на три дня. Могу себе позволить посвятить три дня дочери раз в полгода.

Я кладу руку на плечо Мюгетты, провожу пальцем по клавишам пианино.

Фа, си, до.

Комментарий Мюгетты

Хороший вопрос, Габриэль. Я задавалась им не один год, с тех пор как ты признался мне, что терпеть не можешь Оффенбаха, Франсиса Лопеса[30] и Жоржа Гетари[31].

Да, просто замечательный вопрос.

Заверить любимого, что любишь то же, что любит он... Это доказательство любви или предательство?

Со временем я получила ответ. Пять лет ходить на мои спектакли, слушать «Дорогу цветов» [32], когда любишь только рок и авторскую песню, – это было доказательство любви, лучшее доказательство из всех возможных.

Таких доказательств ты давно не даешь мне, милый.

И еще, откровенность за откровенность, все эти годы я пела для тебя и только для тебя.

С террасы открывается восхитительный вид на Тулузу, Южный канал и аэробусы, взлетающие из аэропорта Бланьяк.

– Не спорю, – убеждает Станислас нас с Мюгеттой, поднимая бокал, – от самолетов немного шумно, но это лучше, чем жить, как мои коллеги-инженеры, на другом конце Тулузы и проводить два часа в пробках, чтобы добраться через весь город на работу.

От меня трудно дожидаться доброго слова о зяте, но должен признать, что дом великолепен: терраса из потемневшего тикового дерева располагает к отдыху, искрится солнечными бликами бассейн, зеленеет свежестриженный сад. Коттедж, превращенный во дворец по мановению волшебной палочки «короля Мерлина», как говорила в детстве Полина, в сказочный дворец, где теперь царит и правит моя дочь.

Полина всегда обожала сказки! Я каждый вечер, если возвращался не слишком поздно, рассказывал ей про фей и добрых волшебниц. Полина была девочкой увлекающейся, мечтательницей, фантазеркой. Способной и старательной ученицей. Степень бакалавра по гуманитарным наукам. Диплом с отличием по современной литературе, специализация в книжной области в магистратуре в Тулузе. Стоило ли уезжать так далеко от Нормандии, чтобы получить образование без дальнейших перспектив? Все произошло, как в моих худших кошмарах.

Полина влюбилась в начинающего инженера авиации. Полина стала приезжать в Туфревиль-ла-Корбелин от силы на три дня. Полина бросила учебу, как только Станисласа после стажировки приняли на постоянную работу в Центр авиационных технологий в Бальма. Они залезли в долги на двадцать пять лет, чтобы купить этот дом, террасу, бассейн, и маленькая фея Полина превратилась в домохозяйку. Они хотят ребенка, у них пока не получается, а я – признаюсь начистоту – почти надеюсь, что и не получится. Никогда. Я чувствую, что для Полины это последний шанс когда-нибудь снова стать свободной.

Не то чтобы Стан был плохим мужем (Станислас терпеть не может, когда его называют Станом).

Не то чтобы Полина не выглядела счастливой. Просто не о такой жизни для нее я мечтал.

– Твои куклы еще у тебя?

Я задал вопрос с самым невинным видом, за аперитивом – бокал розового вина с грейпфрутовым соком перед каждым и блюдце с оливками посередине.

Мюгетта прожгла меня взглядом. Прицельный огонь, да и только.

– Мои куклы? – переспросила Полина, и ее огромные глаза от удивления стали еще больше.

А ведь я постарался подобраться к теме как бы между прочим. Упомянул для начала каникулы на Кикладах – лучшее из наших воспоминаний – вдвоем, потом вчетвером (Мюгетта уверяет, что мы зачали Полину на Санторини, под кратером, и это она настояла на том, чтобы вернуться туда десять лет спустя с детьми). Флориану было шесть лет, и он целыми днями выстраивал в ряд свои машинки, чтобы они заехали на паром. А плутовка Полина то и дело нарушала строй, как сбивают с пути цепочку муравьев, катая туда-сюда складную колясочку, в которой теснились четверняшки.

И готово дело, можно спросить о куклах!

Моя грубая уловка не обманула Мюгетту, но Полина отвечает, не заморачиваясь лишними вопросами:

– Я не знаю. Разве они не остались у вас?

Я помню, как однажды субботним утром Стан и трое его друзей с тулузским акцентом прикатили к нам в фургоне и за какой-то час вынесли из дома все детство Полины: мебель, книги, тетради, игрушки, одежду.

Грабеж среди бела дня. Нам осталась пустота.

– Нет, Полина. Ты все забрала.

Она задумывается. Моя дочь все такая же хорошенькая, когда хмурит брови. Паршивец Стан осознает, как ему повезло? Понимает, что поймал в свои сети лучшую в мире девушку?

– Не все, – возражает Полина. – Я увезла только нужное: письменный стол, музыкальный центр, книги и конспекты. Игрушки я точно в Тулузу не брала.

Не может быть, Полина!

Я только качаю головой, чтобы не перечить моей детке при муже, но знаю, что говорю. Кукол в доме нет. Я все перерыл. Нашел какие-то

старые игрушки, школьную доску, пеленальный столик, но ни одной куклы!

– А разве вас не заливало? – спрашивает вдруг Полина.

Черт! Она права! Заливало! В конце зимы 2014-го сорвало черепицу, и мы обнаружили протечку на чердаке. Многие коробки промокли, пришлось выбросить все, что заплесневело. Пытаюсь вспомнить, что именно, и не могу...

– Да, – утвердительно киваю я.

Кажется, Мюгетту все это забавляет. Но пусть не надеется, я легко не сдамся. Коль скоро у Полины такая хорошая память, пусть покажет, на что способна!

– Ты их помнишь? – Выдержав театральную паузу, достаю фотографию из висящей на спинке стула сумки.

Четыре куклы сидят в ряд. Черненькая, беленькая, рыженькая и лысая.

Такое чувство, что Мюгетта сейчас плеснет мне в лицо розовым вином с грейпфрутовым соком. Или запустит в меня блюдцем с оливками. Но она колеблется – выбирает между боевым истребителем и пикирующим бомбардировщиком. Воспользовавшись ее замешательством, передаю снимок Полине. Моя бывшая фея-егоза, ныне почтенная матрона, берет фотографию равнодушно, и вдруг лицо ее так и сияет.

Как при вспышке молнии.

Сразившей меня наповал.

За долю секунды мне открылась истина: все, что я пережил, чего ждал, что терял, стоило этой минуты. Этой чистой эмоции.

Моя дочка, ставшая женщиной, ставшая серьезной, ставшая сексуальной, знающая, от чего отказалась, и довольствующаяся тем, чего добилась, моя Полина, взглянув на фотографию, вновь обернулась девочкой, со всеми детскими мечтами, откуда ни возьмись всплывшими на поверхность, девочкой без комплексов, без мальчиков, без бремени двух тысячелетий женского удела на плечах... Просто девочкой, которая твердо верит, что жизнь можно лепить, как пластилин.

Что четыре ее куклы живые и единственные в мире.

Полина проводит пальцем по четырем пластмассовым рожицам:

– Шарлотта, Лора... Имани и Келли.

Я гоню от себя мрачную мысль.

Ты бросила их. И папу тоже бросила.

– Ты их нашел! – радуется Полина. – Ты привез их?

Мое сердце дрожит, как веки дочери.

Стан смотрит на жену как на безумную.

Ничего, привыкай, старина, в твоей одомашненной фее живет фея-мечтательница, которую тебе никогда не приручить!

Окрыленный (теперь у меня есть доказательство! Полина с уверенностью опознала на снимке своих кукол!), я открываю рот, чтобы рассказать всю историю – про ярмарку-от-всех, женщину в платье с маками, невероятные совпадения, диски, машинки, игры, лошадку-качалку... но Мюгетта пребольно пинает меня под столом ногой.

В ход пошла тяжелая артиллерия.

* * *

– Ты только за этим и поехал в Тулузу! Не для того чтобы повидать дочь. Не для того чтобы повидать зятя. Исключительно потому, что одержим этой дурацкой историей!

Мюгетта бушует, сидя на кровати. Когда моя жена в таком состоянии, лучше спрятаться под зонтом и переждать грозу.

– Тсс! – шиплю я. – Они услышат.

– Ну и пусть!

Мюгетта встает и начинает расхаживать вокруг чемоданов в гостевой комнате. (Кретин Станислас не меньше пяти раз повторил: *Дорогая, твои родители займут гостевую комнату!* Значит, мы теперь гости, а не семья?)

– Ты вообще соображаешь? – орет Мюгетта. – Ты врал мне с самого начала. На поездку в Тулузу тебя сподвиг твой бред! История с куклами! Которых мы выбросили на помойку сто лет назад.

Я помалкиваю, жду, когда утихнет буря, а Мюгетта, покружив еще немного, осматривает комнату, распаковывает чемоданы и говорит, говорит обо всем на свете – какой изумительный дом, какой замечательный муж Станислас, какая они чудесная пара.

Лучше еще раз попросить прощения, чем все это выслушивать!

– Мне очень жаль, Мюгетта. Это вышло само собой, по ходу разговора, вспоминали Грецию, каникулы, детские игрушки...

Напрасный труд. Мюгетта слишком хорошо меня знает, чтобы купиться на жалкие извинения. За неимением других аргументов иду ва-банк.

– И все-таки, скажи, ты видела глаза нашей девочки? Заметила, как загорелся ее взгляд, когда она держала в руке фотографию кукол? Ты не можешь этого отрицать. Улыбка дочери стоила всех на свете тестов ДНК. Полина их узнала!

– Ты больной, Габи. Больной на всю голову!

* * *

Наутро мы выходим к завтраку и по пути заглядываем в будущую детскую. Большая комната с белыми стенами практически пуста, только матрас на полу, коробки, древний компьютер и допотопный принтер.

Комната ожидания. Комната ребенка, которого не чают дожидаться.

В центре, как стреноженная, спокойно покачивается лошадка.

Мюгетта, конечно же, ее заметила! Она тянет меня за руку:

– Смотри, Габи... лошадка! Та самая, которую подарила нам твоя мать, когда родилась Полина. Она здесь!

Я ошарашенно рассматриваю красное седло, полосатую гриву, серебряные копыта. Непослушными губами выговариваю вопрос:

– Разве не ты сказала, что она лежит в гараже, развинченная и распиленная?

– Ну, значит, Полина забрала ее, починила, покрасила, – радуется Мюгетта. – Или я ошиблась. Но не это главное. Раз лошадка-качалка, сделанная в единственном экземпляре, как ты сам мне напомнил, терпеливо ждет своего часа в этой комнате, значит, на стенде ярмарки-от-всех ты видел другую игрушку!

Этот раунд за тобой, Мюгетта.

По крайней мере, на первый взгляд.

Рассмотрев повнимательнее тулузскую лошадку, я начинаю сомневаться. Насколько мне помнится, у нашего скакуна седло было посветлее, уши подлиннее, копыта не такие блестящие. Мелочи, о которых я тебе не скажу, Мюгетта, но меня они убедили, что на ярмарке в Туфревиле была выставлена лошадка моей дочери... а в этой комнате живет самозванка!

Завтрак напоминает прекрасный сон. Стан отправился в Бальма учить летать самолеты, и дочь сегодня принадлежит только нам. В доме царит восхитительный кавардак, Полина выглядит более раскованной.

Я ликую. Моя маленькая фея снова со мной, полная жизни, забавная, веселая, она копирует окситанский акцент, подражая булочнице, рассыпает по всей кухне крошки, запихивая в тостер слишком толстые ломти хлеба, жонглирует тремя апельсинами, перед тем как выжать из них сок, звонко хохочет при виде обуглившихся тостов.

Как я мог прожить почти полгода, не видя Полину? Даю себе клятву, что мы будем приезжать часто, очень часто. И не только из-за истории с куклами... и не только ради будущей внучки (у них будет девочка, я уверен).

Мы сидим втроем, нежась на утреннем солнышке. Я терплю, прикусив язык. Клянусь вам, я терпел весь завтрак.

Наконец, допив кофе, я отодвигаю стул подальше от тифлек Мюгетты, перевожу взгляд на Лангедокский канал и спрашиваю Полину:

– А откуда лошадка-качалка в будущей детской? Она очень похожа на ту, которую подарили тебе на рождение. Где ты ее нашла?

Дочь отвечает, расплываясь в клоунской улыбке из капучино:

– Мне ее подарила бабуля!

Комментарий Мюгетты

Ты оставляешь мне мало места, Габи, поэтому отвечаю точно. Во-первых, ты несправедлив к Станисласу, милый. Ты так трогательно относишься к Полине и по-глупому дуешься на зятя. Боюсь, тебе все-таки придется смириться.

А насчет гнева Тяжелой Артиллерии ты малость преувеличиваешь, тебе не кажется? Пусть и в интересах читателей.

И наконец, ты ошибаешься в главном, мой Габи. Когда Полина родит, мы с тобой будем нянчить маленького мальчика!

Я ненавижу это место! Бываю здесь так редко, как только могу. Если моему рассказу суждено принести хоть какую-то пользу, то вот эту: я черным по белому, при свидетелях, пишу эти строки, которые прошу считать завещанием. Я отказываюсь здесь доживать!

Хотя бы ради того, чтобы не терзать моих детей этим испытанием.

От которого, должен признать, максимально часто уклоняюсь. Жизнь мамы в доме престарелых организована, распланирована, расписана по часам двумя моими сестрами, они делят между собой и еженедельные посещения: Стефани по средам, Брижит по субботам. Они взяли на себя все: белье, медицинский уход, бумажную волокиту и даже разговоры. Мне оставили большие праздники, Рождество и дни рождения, а в остальном: *Оставь, Габриэль, оставь, не грузись, мы сами.*

Вот так же мамы никогда не дают папам толком заниматься детьми. В чем-то они правы – не мамы в отношении детей, нет, дочки в отношении мамы.

Стефани и Брижит наделены удивительным даром находить темы для разговоров, они могут по три часа тянуть время за остывающим чаем, под бормотание телевизора, заполняя послеобеденные часы вереницами слов.

В те редкие разы, когда я навещаю маму в дневное время, успеваю исчерпать все темы едва ли не за три минуты. Сестры меня понимают, они знают, что любовь измеряется не количеством слов. Ее можно выражать молча и доказывать делами, найти, например, уютный ресторан, чтобы собрать всю семью, симпатичное местечко у моря, музей или выставку, куда можно пойти всем вместе.

Можно было.

Маме исполнился девяносто один год.

– Габриэль, почему ты здесь? Ничего не случилось?

Мама уже не очень дружит с головой, но память сохранила превосходную. Самые давние ее воспоминания – они же самые точные.

– Не волнуйся, все хорошо. Я просто ехал мимо.

– Тебе не надо извиняться, ты же знаешь.

Нам почти нечего сказать друг другу, но мама знает меня как никто. Она умеет расшифровывать мое молчание. Толковать мои жесты. В четыре слова уместилась невысказанная жизнь.

Тебе не надо извиняться.

Будь мы способны поддержать беседу, могли бы проговорить весь день. Мама рада моему визиту, так с какой стати мне оправдываться? Разве я не могу просто войти и сказать: *Мне захотелось повидать тебя, мама. Наверное, я должен приезжать чаще?*

И я мысленно повторяю: *Я должен приезжать чаще.*

Мы говорим о детях, о Мюгетте, немного о моих книгах (первый том «Преступлений под яблонями» лежит на тумбочке у кровати) – и ни слова о моей пенсии (кто может вообразить, что будет однажды говорить о своей пенсии с родителями?). Я с удивлением замечаю, что выдержал почти тринадцать минут. Повисает пауза, мама уверена, что ее сын сейчас встанет и смоеется, но я усаживаюсь поудобнее и, откашлявшись, продолжаю разговор:

– Ты подарила Полине лошадку-качалку?

Мама удивлена. Она лепечет сконфуженно, как ребенок, застигнутый с банкой варенья:

– Ну да, подарила, уж ты меня прости. Обычно эту игрушку дарят, когда малыш уже родился. Но я знаю, что у Полины и Станисласа трудности. Все будет, надо только набраться терпения, раз Полине нужен именно такой мужчина. У них будут чудесные дети. Но ведь я старею. Сердце колотится как шальное, боюсь, что уйду раньше, чем появится правнук. Или руки у столяра будут слишком дрожать...

– Столяра?

– Андре. Они с твоим отцом были однополчанами, так, кажется, говорили в старину. Наш свидетель на свадьбе. Он живет в Кань-сюр-Мер. Ты можешь его помнить, вы иногда встречались, а когда тебе исполнилось десять лет, он переехал. Андре делает таких лошадок. Ему под девяносто, но руки золотые. Почти как раньше.

– А другая лошадка, та, что ты подарила к рождению Полины, что с ней случилось?

– Откуда мне знать? Надеюсь, она у вас сохранилась.

Я прокручиваю в голове слова Мюгетты. Лошадка-качалка пылилась на чердаке, почти сгнила, и я распилил ее на куски. Медленно достаю фотографию деревянной игрушки на стенде маковой женщины и протягиваю ее маме:

– Это она?

– Да, она!

– Ты уверена?

– Конечно. Каждая лошадка Андре уникальна, понимаешь? Сделана специально для ребенка, который должен родиться, каждая отличается от других формой ушей, густотой гривы, цветом глаз. Никаких сомнений, Габриэль: это лошадка Полины. Я рада, что вы так хорошо ее сохранили.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не вцепиться в спинку кровати. Мюгетта ни за что не поверит. Мне придется привезти ее сюда, чтобы мама все повторила, чтобы...

– Ты еще приедешь ко мне?

– Конечно, мама.

Я приеду. Я искренне так думаю. Да, я приеду с вещами, с фотографиями, с книгами, и мы поговорим о прошлом и о будущем... И о моей книге тоже. Множество людей, которых я знать не знаю, заговаривают со мной, чтобы обсудить ее, почему же я ни разу не говорил о ней с родной матерью? Я смотрю на зелено-красную обложку лежащего на тумбочке томика, поднимаю взгляд на маму, точно школьник, предъявивший родителям дневник:

– Как она тебе?

Мама улыбается.

– А я уж думала, ты никогда не спросишь!

Комментарий Мюгетты

А я, мой Габи? Обо мне ты подумал?

С твоим завещанием все ясно, я усвоила, намотала на ус, выбила на мраморе, мне придется терпеть тебя дома до конца, если ты первым превратишься в развалину...

А как же я?

Что, если мне хочется именно этого – доживать в уютной палате с заботливыми сиделками? Проводить дни в компании старушек, играть с ними в домино или вязать?

Ты не последовал бы за мной? Ты даже не приезжал бы меня навестить, мой Габи? С фотографиями и вещами, чтобы освежить мою память?

Это бабушка надвое сказала, я знаю, все зависит от того, кто первым выживет из ума.

Коль скоро ты так любишь обращаться к читателям, можешь спросить их мнение.

Сдается мне, у тебя есть фора, милый:)))

Я шучу! Видишь, я поставила смайлик, как научила Полина?

Я шучу, Габи. Я очень надеюсь, что мы, не раздумывая и взявшись за руки, прыгнем вместе в безумие безвременья.

9

В дни и недели, последовавшие за описанными выше событиями, я постарался сосредоточиться на втором томе «Преступлений под яблонями». И более-менее преуспел, проклиная безумную историю с ярмаркой-от-всех, которая так и оставалась непроясненной.

Я продолжал расследование тайком, стараясь, чтобы Мюгетта ничего не узнала. Задействовал свою сеть, бывший родительский комитет, друзей по библиотеке, служащих мэрий окрестных поселков. Показывал всем фоторобот, и кольцо вокруг бывшей няни из Мон-дел'Иф, чьи дети ходили в школу одновременно с Полиной и Флорианом, постепенно сжималось. Я наконец выяснил ее имя: некая Сильви Тонневиль!

От моих источников я также узнал, что Полина могла ходить в цирковой кружок в коллеже с дочкой этой Сильви, что Мюгетта могла быть избрана в родительский комитет одновременно с ней, но что с тех пор она успела развестись, переехала и, скорее всего, снова вышла замуж, потому что никакой Тонневиль не оказалось ни в телефонном справочнике, ни в интернете. В общем, я по-прежнему ничего о ней не знал, кроме того, что наши дети, возможно, вместе учились.

Мало-помалу у меня оформилась безумная гипотеза (и сколько я ни ломал голову, она оставалась единственной правдоподобной): что, если эта женщина и вправду отслеживала нашу жизнь? Как в жутковатом фильме «Одинокая белая женщина»[33]. Только Сильви Тонневиль показалось мало подражать (как делала героиня фильма) одной женщине, которой она болезненно завидовала, нет, она решила

подражать целой семье. Чтобы в один прекрасный день послать все к чертям и сбыть на барахолке скопированную жизнь.

Почему? Совесть замучила? Что-то стряслось у Тонневилей? Ушли дети? Бросил муж? Зачем было копировать именно нашу семью? Что в ней завидного? Исключительного? Не было ли у Полины и Флориана особых отношений с детьми Тонневилей?

Мюгетте я ничего говорить не стал. Твердо решил держать все в себе, пока не пролью свет на это дело, но часто жалел об этом. А что, если Мюгетта подвергается опасности? Что, если она дружила с этой Сильви Тонневиль, когда дети были маленькими?

Второй том «Преступлений под яблонями» вышел 30 июня. Все лето я мотался по окрестным книжным салонам и, сбывая любопытным зевакам от десяти до тридцати книг каждый уик-энд, к концу августа превысил цифру продаж в пятьсот экземпляров, так что издатель сразу заказал мне третий том. С одним пожеланием: не расширять географические рамки и по возможности углубиться в прошлое. В идеале – написать криминальную историографию коммуны и окрестностей со времен античности! Выкопать все трупы, спрятанные под домами мирных обывателей в разных геологических слоях, начиная с юрского периода.

Ничего не скажешь, программа обширная. Амбициозная. Заманчивая. Самоубийственная.

Я начал собирать материал. И чем больше я звонил в двери, сидел в архивах, рылся на чердаках, бродил по кладбищам, тем чаще ловил на себе косые взгляды. Казалось, каждый местный житель боялся, что я обнаружу у него прадеда-садиста или предка-педофила.

В День всех святых, на официальной автограф-сессии моего второго тома, устроенной в библиотеке Туффревиля, за широкими улыбками и дежурными поздравлениями мэра и советника по культуре мне почудилось нечто странное. Я кого-то потревожил.

Все связано.

Деревня меня сторонится. Мои источники молчат. Знакомые не здороваются. Друзья отворачиваются. Плевать! Пусть расследование будет стоить мне добрых отношений со всеми соседями – благодаря ему я вновь обрел семью!

В ноябре у мамы случилось просветление и она назвала имя свидетеля-столяра: Андре Ломбар. Я отыскал его в доме престарелых в Манделье. Он продолжал выпиливать и сколачивать деревянные вещицы, однако только сам и знал, кого они изображают, но больше не помнил решительно ничего.

«Не настаивайте, у него в мозгах опилки», – деликатно шепнула мне сиделка. Я также дал объявление о розыске Шарлотты, Лоры, Имани и Келли. Специально открыл страницу в фейсбуке. Безуспешно. Похоже, девочки забывают своих кукол, едва зарегистрировавшись в социальных сетях.

Еще я сделал несколько телефонных звонков ближайшим друзьям Флориана – тем, кому он мог одолжить альбомы *Nirvana*, *Metallica* и *Death Angel*. Через несколько часов проклюнулся Флориан.

– Папа? Я сейчас говорил с Нико. Ты спрашивал, у него ли еще диски, которые я дал ему десять лет назад?

– Гм... Да... Ну, ты же сам сказал, что кто-то не вернул их тебе.

– Ты спятил, пап? Позоришь меня перед моими друзьями!

– Я серьезно, сынок. И, кстати, Нико и другие твои приятели считают, что спятил ты. Им совсем не понравились твои обвинения. Они утверждают, что никогда в жизни не брали у тебя ни единого диска.

Флориан расхохотался.

– Вот паршивцы! А ты – самый нудный отец в мире. Если тебе так дороги эти диски, я хоть сегодня закажу их на «Амазоне», и завтра они будут у тебя.

В середине декабря Полина сообщила нам, что беременна. Мы сразу поехали в Тулузу вместе с Флорианом и Амандиной и впервые провели Рождество по-семейному. Стан просто лопался от гордости: ведь это благодаря его преуспеянию родня жены могла собраться на его тиковой террасе. Чтобы доставить удовольствие зятю, мы с Мюгеттой задержались до начала января. И правильно сделали! Стан в конце концов едва нас не выставил.

За все время пребывания в Тулузе третий том не продвинулся ни на строчку. А Мюгетта на обратном пути перешла в наступление.

Габи, милый, почему бы нам не остановиться в каком-нибудь гостевом доме в горах Пюи? Купим тебе свитер, шарф, ботинки на

меху и побродим несколько дней по горным тропам. Совсем небольшой крюк, просто чтобы развеяться. Бесс-ан-Шандесс не так далеко, как Венеция или Санторини.

«Посмотрим, – ответил я. – Там будет видно». Это была отговорка. Для меня вопрос не стоял.

Только прямо.

Сначала разгадать тайну Тонневиль. Потом придет черед тайн юрского периода. Горы подождут.

Комментарий Мюгетты

Ладно, мой Габи, ладно. Я тоже подожду, я терпеливая.

Сначала разгадать тайну Тонневиль.

Я не так глупа, как ты думаешь. Я знаю, чего ты ждешь.

Ты пометил этот день красным в своем ежедневнике.

Воскресенье.

Майское воскресенье.

Если бы я только могла представить...

Ничего, я подожду, обещаю, подожду до этого дня.

А потом, милый, ты будешь мой!

10

Все должно было закончиться, как и началось, в майское воскресенье.

Я сижу в моем кабинете у окна. Ни единого солнечного лучика на горизонте, только бескрайнее серое небо, ни малейший ветерок не всколыхнет листья плакучей ивы и не разгонит мелкий дождик, испещривший каплями воду маленького пруда под моим окном. Ничего! Только дождливый майский день. Пожалуй, слишком ненастный, чтобы не ждать подвоха.

Тридцатисантиметровая кипа газет высится справа от меня, слева от меня стопка из десятка книг, на столе остается чуть-чуть места для

ноутбука.

Я, по обыкновению, размышляю, когда раздаются шаги на лестнице.

Мюгетта, кто же еще.

На ней джинсы и толстый шерстяной свитер. Я понимаю, что сейчас она меня гильотинирует.

– Если собралась на прогулку, ничего не выйдет! Бум!

Что я вам говорил?

Если бы было солнышко, ну хотя бы градусов двадцать, я бы сам пришел к Мюгетте с широкой улыбкой и сказал: *Я славно поработал, милая, можем прогуляться, если хочешь.*

Но сейчас...

– Ты видишь, какие сегодня тучи?

Я беру лежащую поверх архивных материалов газету, не ксерокопию, не древний пожелтевший экземпляр с заголовком о трупе, найденном в петле в сарае старой фермы.

Сегодняшнюю газету.

*Воскресенье, 20 мая 2018
Ярмарка-от-всех в День святой Троицы
Муниципальный стадион, Туфревиль-ла-
Корбелин
С 9:00 до 19:00
Более 50 участников*

– Неужели этот дождичек нас остановит, милая?

Мюгетта с тревогой смотрит на капли-камикадзе, разбивающиеся об окно моего кабинета. Она превосходная актриса, но на сей раз я решил положить конец нашему импровизированному матчу. Разумеется, Мюгетта поняла, чего я хочу. Целый год я только и ждал случая вернуться на стадион и походить между стендами. С единственной надеждой – вновь встретить маковую женщину.

– Если это излечит тебя от навязчивой идеи! – смеется Мюгетта.

– Навязчивой? – ощетиниваюсь я. – Сколько месяцев я тебя этим не донимаю?!

– И тайком продолжаешь поиски... Я же не на другой планете живу, Габи. Твоя мать со мной говорила, и Полина, и Флориан. И все соседи.

Разоблачили!

Мюгетта всегда была хитрее меня.

Мы одеваемся по погоде, выходим на улицу, шагаем быстрым шагом по мокрым тротуарам. Зонтики стекаются к стадиону, словно брошенные чьей-то рукой конфетти.

Я продолжаю разговор. Наконец-то можно высказаться.

– Хорошо, Мюгетта, не спорю, я время от времени думал об этой истории. Но признай, что у моих поисков есть и хорошая сторона. Благодаря им я снова навещаю маму, побывал с Флорианом на матче «Олимпик Марсель» – «Стад Малерб Кан»[34] и на концерте рок-группы *Les Insus*, съездил к Полине. Все, чего я давно не делал...

Мюгетта отвечает улыбкой, истолковать которую выше моих сил. Вот и стадион. Толпа такая же, и дождь никого не напугал. Участники прячутся в импровизированных палатках или под полиэтиленовыми полотнищами, а десятки посетителей шлепают по грязи.

Человек ко всему привыкает, даже к худшим метеоусловиям. Я собираюсь развить очередную теорию, как вдруг все мысли вылетают из головы. Я останавливаюсь как вкопанный, ноги словно увязли в свежем цементе.

Маковая женщина здесь! Через три стенда от нас. На этот раз не в платье, а в вельветовых брюках и зеленом дождевике с капюшоном, но сомнений быть не может. Это она!

Размокшая земля стадиона превращается в быстро схватывающийся цемент. Я каменею с ног до головы. Прошел целый год, я и сам уже поверил, что этой женщины нет в природе, что мне все померещилось и при любом раскладе найти ее не светит, как бывало в молодости, когда не решишься подойти к понравившейся девушке и она исчезает навсегда, оставив по себе бесконечные сожаления.

С тех пор как я с некоторой долей вероятности установил имя неизвестной, Сильви Тонневиль, но так и не сумел напасть на ее след, чутье мне подсказывало, что женщина прячется. Как будто я, сам того не желая, разоблачил аферу, к которой не имел ни малейшего отношения, оказался случайным свидетелем хитрой махинации, и мошенница, перед тем как скрыться, тщательно замела все следы.

Я ошибался с самого начала! Вот она, Сильви Тонневиль, передо мной!

Непринужденная. Приветливая. Беседует с прохожими. Шутит.
И не думает прятаться.

Рядом со мной молчит Мюгетта. От стенда нас отделяют тридцать метров, но я отлично вижу стол перед женщиной. И не узнаю ни одной вещи. Нет ни машинок, ни фигурок, ни кукол, ни дисков, ни лошадки-качалки. Ничего, чем мог бы заинтересоваться ребенок.

Вытаскиваю ноги из топкого месива и шагаю вперед, силясь разглядеть, что же продает в этом году таинственная женщина. Выбор на сей раз победнее. Товар, преимущественно мелкий, занимает едва ли четверть стола.

Я приближаюсь. И наконец вижу.

Не удержи меня Мюгетта за руку, я бы поскользнулся в ручье жидкой грязи, растекающемся под нашими ногами.

Мюгетта подталкивает меня вперед. Мне странен этот жест – приглашение к новому наваждению. На миг мне кажется, что женщина в зеленом дождевике, предполагаемая Сильви Тонневиль, улыбается Мюгетте, более того, она (если только дело не в капле, упавшей с мокрого капюшона) ей подмигивает.

Я делаю еще шаг. Организаторы рассыпали перед стендами опилки, и в непосредственной близости от участников не так скользко.

Почему Мюгетта так крепко сжимает мою руку?

На столе, среди незнакомых безделушек, красуются: старенький путеводитель туристического маршрута № 30 по горной цепи Пюи и Овернским озерам, сильно потрепанный, в точности такой мы с Мюгеттой таскали в рюкзаке двадцать с лишним лет назад;

две венецианские маски, Пьеро и Коломбина, точно такие же мы привезли из свадебного путешествия, и они долго висели над камином; старые программки оперетт Оффенбаха «Прекрасная Елена», «Орфей спускается в ад» и «Парижская жизнь» (мне смутно помнится, что когда-то давно я был на этих спектаклях); стопка почтовых открыток, на первой – вид Санторини, и я мог бы поклясться, что только вчера отправил ее из Тиры, с самого кратера, и на обороте еще написано «Люблю» и нарисованы два сердечка, которые мы с Мюгеттой когда-то переплели.

Под проливным дождем ее рука еще крепче сжимает мою.

Комментарий Мюгетты

Ты прав, милый. Твоя одержимость пошла всем на пользу. Я и не представляла, до какой степени.

Я ломала голову, как вытащить тебя из скорлупы, чтобы ты снова стал отцом твоим детям и сыном твоей маме. Я не нашла лучшего способа, чем использовать твою страсть. Твою любовь к тайнам. Остальное для такой хитрюги и хорошей актрисы, как я, было детской игрой. И спасибо моей старой подруге Сильви.

Сдается мне, Габи, ты пришел в восторг от первого тома «Вида с чердака»!

Надеюсь, что и второй том понравится тебе не меньше.

Запомни хорошенько каждый из этих вещдоков и – главное – ни одного не забывай. Я жду не дождусь твоего нового расследования, мой страстный сыщик.

Чтобы ты умолял меня пойти на все оперетты – вдвоем, только ты и я.

Чтобы ты обманом увез меня в Овернь, в горный поход.

Чтобы ты сделал мне сюрприз и преподнес билеты на ночной поезд в Венецию.

Чтобы ты прошептал, целуя меня утром: «Давай уедем вместе, как в первый раз, уедем любить друг друга на Санторини».

Бегство в рай

Пляж Эрмитаж, Сен-Жиль-ле-Бен

Семь часов после полуночи

Силиан проснулся первым. Стремя в стремя с солнцем. Вничью. Он открывает свою палатку в ту самую минуту, когда первые лучи просачиваются сквозь огромные иглы-ветки казуарин. Обходит большую, давно остывшую жаровню, кастрюли с остатками карри, ступает между бутылками из-под рома, перешагивает через Гибера и Кефрена, уснувших прямо на песке (празднование Нового года затянулось до поздней ночи), и берет с низкого столика маску и трубку Фафана, своего старшего брата.

Силиан живет в деревне До-д'Ан – ну и название, Седельный выюк осла, – на вулканическом плато-островке в чаше Мафата – самой труднодоступной кальдеры[35] Реюньона. В лагуне он бывает два-три раза в году, не чаще, их привозит автобус от школы или летнего лагеря, ну и 31 декабря... если нет дождя.

Большинство его одноклассников плевать хотели на океан, это развлечение для зореев[36], там акулы, ну его, но Силиан – другое дело. В комнате, которую он делит с Кефреном, Фафаном и Гибером, каждому отведена стена. Гибер украсил свою постером с Джексоном Ричардсоном, Кефрен выбрал Димитри Пайета, Фафан – Валери Бег[37], а вот Силиан предпочел повесить афишу с рыбами лагуны, купленную в аквариуме Сен-Жиля.

Шаг в воду, второй.

Маска ему великовата.

Ну и ничего страшного. Вокруг ступней уже выются рыбешки-спинороги. Лагуна Эрмитажа – аквариум, в который можно нырять, хочешь с разбега, а хочешь солдатиком.

Несколько долгих минут Силиан плывет неспешным брассом вслед за желтым светящимся плавником рыбы-хирурга, потом сворачивает к ветвям большого коралла, похожего на цветную капусту. Десятки крошечных синих рыбок-ангелов хотят защитить свой риф, но напасть

не решаются – предпочитают спастись бегством. О поверхность лагуны разбиваются первые капли дождя.

Опустив лицо в воду, раскинув руки и ноги на манер морской звезды, Силиан чувствует себя в сердце бездны, над самой глубокой океанской впадиной, где ему открывается тайная подводная жизнь... а ведь здесь нет и метра глубины. Если встать, будет едва по пояс.

Он старается плыть как можно медленнее, чтобы рыбы-клоуны не прятались от него между прозрачными щупальцами актиний.

И как только ребята могут плевать на такие сокровища?

То там, то сям на дне лагуны Силиан видит останки китайских фонариков. Вчера, ровно в полночь, их запускали с пляжа и загадывали желания, но эти высоко не поднялись, огонек погас слишком рано. Вот так и бывает – веришь в приметы, а потом случается облом, и... прости-прощай, голубые мечты!

Силиан мало-помалу удаляется от пляжа, следуя за черно-белыми полосками хирурга-каторжника[38], который держит курс в открытое море. Дно отодвинулось, но Силиан по-прежнему может встать, на цыпочки. Он продвигается осторожно, чтобы не оцарапаться о кроваво-красные кораллы.

И тут видит его.

Прямо под собой. Как отражение в зеркале.

Лежащего плашмя, как и он.

Кафра[39], как и он.

Его первая реакция, парень спит. Все, случается, спят на пляже. Перебрал, компания разошлась поздно, а он уснул, где упал. Только вот почему на дне лагуны?

Расписной спинорог кружит над человеком, путается в черной, цвета морского ежа, шевелюре, обнюхивает тонкие волоски на мускулистом торсе, скользит вдоль согнутой руки, ниже, покачивается над пупком и резко сворачивает, огибая препятствие.

Рукоятку ножа, торчащего из груди.

У Силиана отсроченная реакция: ему кажется, что он тонет, хотя по-прежнему достает до дна; паника берет верх над разумом, он резко опускает ноги, обдирая их о кораллы, и вопит на весь пляж:

– В лагуне мертвец!

Три часа до полуночи

Жюстина ставит свою маленькую палатку «кечуа» на краю пляжа. Тут даже молоток не нужен, колышки сами уходят в песок между корнями казуарин. Закончив, она на несколько секунд замирает, сидя на корточках – смотрит, как солнце садится за коралловый риф. Небо пламенеет, красные облака словно бы собрались нырнуть в лагуну, как бросаются в море сильно обгоревшие курортники; океан стал золотым, пляж – медным, черные силуэты казуарин прямо-таки просятся на почтовую открытку, но Жюстина не фотографирует.

Она – часть пейзажа.

Невероятно, но факт.

Как же все тут прекрасно.

Этот Новый год обещает быть самым необычайным в ее жизни.

Жоана протягивает ей стакан пунша.

«Мы сбежали в рай», – думает Жюстина, чувствуя, как ветер ласкает кожу. Пунш, солнце, вода в море тридцать градусов, а еще вчера вечером она ехала в набитом вагоне *RER* по линии «Б» в Руасси-Шарль-де-Голль, а часом раньше в торговой галерее на вокзале Сен-Лазар ее рвали на части покупатели, желавшие приобрести шмотки *H&M*, связанные десятилетними детьми где-то в Азии. Поди объясни девице из центра занятости, что, несмотря на ваш диплом о высшем коммерческом образовании, вы не желаете работать в определенных магазинах из этических соображений.

На неделю Жюстина хочет обо всем забыть. Хотя если бы не *H&M*, она бы не встретила Жоану.

Ее подруга летает на Реюньон каждый год, платит только за билет. На острове живет вся ее семья, так что прием обеспечен королевский.

Жоана умоляла ее.

Ну давай, Жю, полетим вместе! Да, за билет придется выложить месячную зарплату, но ты прикинь, сколько их еще будет, этих месячных зарплат, до самой пенсии, посчитай, старушка, сорок пять лет помножь на двенадцать... а сколько раз в жизни получится сбежать в рай?

Жоана была права.

Здесь такая красота, просто дух захватывает. Жоана – прелесть. Метиска. Маленькая, тоненькая, спортивная. С курчавыми волосами. И почему-то очень застенчивая. Жюстина впервые увидела ее зимой 2012-го, Жоана к тому моменту была в столице две недели. Париж

занесло снегом, какой выпадает раз в десять лет. Жоана стучала зубами, глядя из-под вязаной шапки большими миндалевидными глазами. Она стояла у памятника часам[40] на площади перед вокзалом Сен-Лазар, Жюстина взяла ее за руку. Вернее, за рукавичку. Они заказали по горячему шоколаду в знаменитом «Молларе», Жоана впервые увидела такой роскошный и стильный пивной ресторан: фрески, мозаичный потолок, хрустальные люстры и официанты, похожие на пингвинов – с утра во фраках и белых манишках.

Само собой получилось, что с тех пор они каждое утро завтракают вместе. Уже шесть лет.

Подруги до гроба. Сестры. Близняшки. Они знают друг о друге все.

Поедем, Жюстина, пожалуйста, поедем в этот раз вместе, умоляла Жо.

И поехали!

Жюстина никогда не путешествовала дальше Ла-Транш-сюр-Мер в Вандее, в тот раз она погрузила свой велосипед в скоростной поезд, и ее достали велодорожки через болота, длинные песчаные пляжи и вода не теплее двадцати градусов.

Не то что здесь, где все прекрасно.

Даже парни!

Жоана достает из сумки-холодильника креольские котлетки из лосося и пикули, которые приготовила для них ее мать. Они чокаются – в стаканчиках местный белый ром – и смеются.

– За рай! И за ангелов, которые тут загорают!

В пятидесяти метрах от их палатки разбили лагерь ребята – ну не разбили, просто расстелили полотенца. Квадрат сигнальной ленты между казуаринами обозначает их территорию, так поместили участки все другие семьи, которые много недель готовились к замечательному празднику и теперь толпятся на берегу. Их особенно много сегодня, ведь погоду обещали без дождя.

– Ты принесешь нам удачу, – пророчит Жоана, и они снова чокаются.

Им и правда повезло найти свободный уголок в роще у самого пляжа, среди десятков тысяч островитян, вставших лагерем у лагуны со

столами, стульями, холодильниками, плитками и всевозможной техникой, дружно извергающей музыку и новости.

Удача выпала двойная: ближайшие соседи – парни, да какие!

Сексуальные до невозможности. Высокие. Чернокожие. Накачанные.

Их человек пятнадцать. Жюстина не верит своим глазам!

– Как дела, девочки?

Жоана смотрит на окликнувшего их парня и переводит взгляд на три пластиковые ленты, привязанные к деревьям вокруг их палатки.

– Граница на замке, – грозно отчеканивает она. – Частное владение.

Ребята смеются. «Владение» – два метра на два.

– Это Шенген? Может, впустите? Мы беженцы.

Жоана собирается спровадить трепачей... Но Жюстина тает от счастья.

Она не красотка, не то что Жоана. Лицо у нее заурядное, тело самое обыкновенное, но у моря на белокожую девушку в купальнике алчно глазают все эти мускулистые, здоровенные, сексульные парни, у которых одно на уме...

Восемь часов после полуночи

Труп лежит на шезлонге отеля «Риф», первого, к которому они вышли. Ближайшего к пляжу.

«Счастливчик...» – думает Кристос Константинов, младший лейтенант жандармерии Сен-Жиль-ле-Бен.

Все остальные шезлонги свободны, никто не досаждаст, и весь бассейн в его распоряжении. Пальмы вокруг все еще переливаются огоньками новогодних гирлянд, безостановочно крутится мигалка скорой.

«Да, он счастливчик... – Кристос массирует виски, – у него-то голова не болит! И его мобильник мог часами звонить в кармане, разрываться, принимая новогодние поздравления, пожелания здоровья и счастья, а он дрых себе спокойненько на дне лагуны».

Бедняга младший лейтенант лег в шесть утра, а разбудили его в семь. Из Сен-Луи в Сен-Жиль его отвез сын. Дориану семнадцать, чтобы получить права, он должен проехать три тысячи километров в сопровождении взрослого. Если этот самый взрослый спит на

пассажи́рском сиденье, потому что злоупотребил пуншем в новогоднюю ночь, это все равно считается.

Кристосу ужасно хочется попросить Габена Пайе, здешнего бармена-виртуоза, приготовить ему коктейль. Уж если оказался в «Рифе», куда только что переманили лучшего купажиста на острове, будет глупо не начать год лучше, чем он закончился, – но Рейнальд Бертран-Ги, директор отеля, зорей, недавно явившийся с Опалового берега на севере Франции, недоверчиво косится на него. Он еще не оправился от теплового удара, но с утра при галстукe, в застегнутой на все пуговицы рубашке и антрацитового цвета костюме. Чем недоволен этот тип? Его бассейн, его стол и его меню появятся крупным планом во всех завтрашних газетах.

Ну же, вперед, до бара двадцать метров.

Он успевает пройти только пять, его окликает рядовой первого класса Морез.

Ламба, другой дежурный жандарм, зараб[41], трезвый, как истинный зараб, уже час как на месте и ждет его, чтобы отчитаться. Парень рвет подметки на ходу.

Он уже установил личность мертвеца. Маню Нативель. Тридцать восемь лет. Не женат. Все еще живет с родителями в Тампоне. Служит в муниципалитете, в департаменте городского озеленения. Пожарный-волонтер. Футболист-любитель. В общем, отличный малый...

Ламба даже нож, который всадили в сердце Маню, успел идентифицировать.

Кухонный нож, собственность Оаро де Сен-Филиппов. Семнадцать членов этой большой семьи праздновали на пляже под казуаринами; нож, по их словам, исчез незадолго до полуночи. Мария-Тереза, ответственная за карри, утверждает, что искала его. Ее еще допросят – официально, в жандармерии, как и всю семью Оаро, – но в темноте, сутолоке, грохоте петард и мигании новогодних фонариков кто угодно мог стащить это оружие с их раскладного стола.

– Отличная работа, Ламба, – признает Кристос. – Дело за малым – найти связь. Как нож Марии-Терезы оказался в груди парня, лежащего на дне лагуны? Есть идеи?

Ламба не отвечает. Не великого ума служака... Мысли Кристоса заняты Габеном – еще пятнадцать метров, и он прочтет будущее в «мутных водах» мохито.

Кристос делает три шага, но его ждет Дориан, сын сидит на пластмассовом стуле с банкой колы в руке. С ним малыш Силиан, паренек, который нашел тело в лагуне.

– Я не ослышался? – спрашивает Дориан. – Ты говорил о Маню Нативеле?

– Знаешь его?

– Как и все. Он был центральным защитником на чемпионате[42].

– Хорошим?

– А то! Он играл за клуб «Марсуен», Сен-Лё. Я не про нынешних попрыгунчиков, а про легендарную команду сезона 2000/2001. Про ту, которая дошла до одной восьмой финала в Кубке Франции, победила «Гавр» в одной шестнадцатой на муниципальном стадионе и только потом проиграла «Васкеалю».

Кристос задумывается над причудами подростковой памяти. Дориан тогда только родился, и нате вам – помнит все это, а сам Кристос почти забыл ту короткую футбольную лихорадку и неожиданную победу команды Сен-Лё над клубом французской первой лиги, но не забыл обидное поражение в следующем туре, когда весь остров болел у телеэкранов.

– Спасибо за информацию, – кивает Кристос, – но ты малость приукрасил. Тоже мне эпопея, счет 4:0 в предместье Лилля при температуре в минус пять. Это скорее похоже на поход Наполеона в Россию. Дай-ка пройти, парень... Беспокоить Габена из-за колы все равно что просить Моцарта сыграть «Макарену».

Кристосу остается два шага до заветной цели, но тут звонит его телефон.

Это Паче, еще один жандарм. Они что, сговорились?

– У нас проблема, лейтенант.

Черт, до бара всего метр.

– Что еще?!

– Две девушки. Пропали. Я в роще у пляжа Эрмитаж, перед их пустой палаткой. Соседи в один голос утверждают, что не видели их с ночи.

Час до полуночи

Они уселись в круг на песке, под казуаринами, у самого пляжа. Окружили три сумки-холодильника. Сидят тесно. Пятнадцать парней и

две девушки.

Жо и Жю.

Жюстина немного жалеет, что согласилась, да еще уговаривала подругу. *Пойдем, Жоана, ну что тебе стоит выпить с ними, не сидеть же нам монашками до полуночи. Они вроде симпатичные, и ты же сама говорила, что твой остров – это melting-pot!*[43]

Жюстина разочарована. Нужно было слушать Жоану. Ребята и впрямь ничего, но неотесанные какие-то...

Все пятнадцать щеголяют в фирменных футболках и плевать хотели на возраст шивших их детей. Они передают по кругу бутылку рома и косячок замала[44]. Наверное, в обычные дни они нормальные, веселые, любят свою работу, а с каждым по отдельности и поговорить будет о чем, но... стая каждое слово встречает дружным ржанием.

– Ну же, девчонки, затяжечку, всего одну.

Жюстина соглашается – ладно, один раз попробую. Жоана наотрез отказывается.

Пущена по кругу «трубка мира». Вместе с бутылкой. Действо слегка затянулось. Все разговоры – о тачках... и сексе.

Жюстина давится дымом. Накачанный великан бросается ей на помощь:

– Не пошло, красавица? Глотни – и все пройдет.

Жюстина отталкивает руку с бутылкой, Жоана тоже не хочет пить.

А парни и не настаивают. Необидчивые, да и не назойливые.

– Вы здесь одни или друзей ждете?

– А может, подружек?

И снова ржание...

Жюстина только сейчас поняла – их никто не клеит. Все пришли оттянуться со всеми, с парнями, с девчонками, кто присоединится к кругу, – расширять его можно до бесконечности. Это вечер большой кармы, но никак не ночь *Камасутры*. Для любви никто из них не пригоден, да и уединиться на берегу, где сегодня и яблоку негде упасть, не получится.

Жаль...

Жюстина была бы не против маленького приключения с каким-нибудь расслабленным ромом парнем, чтобы он хвалил ее красивые глаза, называл экзотическим цветком, попросил рассказать про

Эйфелеву башню, предлагал потрогать свои железные мускулы. Этаким темнокожий красавчик в джинсах в облипку, не дурак и не нахал, в меру дерзкий и чуточку застенчивый.

Она обводит круг взглядом.

Есть такой!

Молчаливее других, пожалуй, даже немного замкнутый. И красивый. Она бы не отказалась от ночи с ним.

Только он один смотрит на девушек, а не на пущенные по кругу косяк и бутылку.

Будем точны, поправляет себя Жюстина, он смотрит не на обеих девушек.

А на одну девушку.

Не на нее. На Жоану.

Восемь часов пятнадцать минут после полуночи

– Крестос?

– Ну?

– Это Айя.

Черт, шефиня! Младший лейтенант Константинов прячет за спину мохито, как будто капитан жандармерии Сен-Жиля может по телефону разглядеть, что у него в руках.

– Сегодня вроде не твое дежурство, красавица!

– ЧП, великан!

– А как же твои принцессочки Жад и Лола без мамочки?

– Том о них позаботится. Они едут на новогодний обед к его родителям в Плато-Кайу. Закончу с делами и присоединюсь к ним.

Крестос думает про себя, что ждать семейству шефини придется долго, а она, скорее всего, удовольствуется разогретым земброкалом[45] в пластиковой упаковке.

– Ты где сейчас? – спрашивает младший лейтенант.

– В Университетском клиническом центре Феликса Гюйона, в Сен-Дени. Я нашла вашу пляжную пропажу. Жоана Фонтен и Жюстина Патри здесь, в палате 217.

Ламба и Морез напряженно прислушиваются. Директор отеля тоже. Крестос отходит в сторону. Дело осложняется, а капитан Айя Пюрви не из тех, кто жалеет подчиненных, даже в праздник.

Он смотрит на труп Маню Нативеля, лежащий на шезлонге. Нож. Засохшая кровь.

– Какого черта они там делают? – спрашивает он начальницу. – Они ранены?

– Одна из девушек, Жоана Фонтен, в коме. Врачи не могут понять почему. Ни видимых повреждений, ни следов насилия. Что-то ее сильно травмировало. Эмоциональный шок, она словно закрылась изнутри и не хочет выходить.

– А ее подруга?

– Жюстина Патри? Тоже в шоке, но в сознании. Судя по всему, это она доставила Жоану Фонтен в отделение скорой помощи. Сейчас сидит рядом, ни на шаг не отходит. Я попытаюсь ее допросить и перезвоню тебе. Она выглядит так... – Айя понижает голос, будто не решается договорить, – словно вырвалась из ада.

Тридцать минут до полуночи

Жюстина пропускает между пальцами мелкий песок. Набирает его в ладони. И под ногами тоже песок. Жоана сидит напротив нее на пляже, рядом с палаткой, но уже так темно, что видны только отсветы ее светлого парео и висящий на шее акулий зуб.

Рядом горит огонек: семья по соседству с девушками готовит на газовой плитке карри. За большим котлом присматривает грамуна[46], вооружившись половником, ножами и ложками, разложенными на столике.

Когда между девушками и котлом склоняется длинная тень парня, они оказываются в полной темноте.

Парня зовут Маню.

Он шел за ними.

Жо и Жю покинули круг вскоре после одиннадцати под шуточки оставшихся:

– Что, запах изо рта не нравится?

– Вы ведь не ляжете спать до полуночи?

– А на ночлег в свою палатку не прихватите?

Жюстину позабавили их раздосадованные голоса. Приятно было почувствовать голодные взгляды всех этих самцов, которые пялились на ее белые ноги и попку, пока она удалялась, неловко ступая босиком по сухим ветвям казуарин.

Спиртное, жара, экзотика. Жюстина сбежала от сальных шуточек, но чуточку сожалела.

О чем?

Они с Жоаной ушли недалеко, метров на пятьдесят. Парни знают, где ее найти, а ночь будет долгая. Если один из ребят окажется посмелее, не вырубится от возлияний, он, возможно, расстегнет молнию палатки и пригласит ее прогуляться в дюнах. А потом предложит снять платье и станцевать – *лежа* – под луной. Почему бы нет? На вокзале Сен-Лазар подобное вряд ли случится. Но она молода, свободна, одинока и оказалась за десять тысяч километров от сплетен и пересудов.

Ей не хватает одного – знания кодекса.

Кодекса тропиков.

Могут ли девушки выбирать? Провоцировать? Ждать?

Жо, та знает правила.

Поднявшись, чтобы разорвать круг, Жоана посмотрела в глаза тому самому парню. Только он был способен оставить приятелей, пожать плечами, улыбнувшись на их подначки (*ну и олухи же вы, ребята*), и уйти как ни в чем не бывало, пусть мучаются комплексами, которые даже в выпивке не удастся утопить.

Маню.

Молчун.

Высокомерный.

Потом он вернется с таинственным видом, возьмет косяк, бутылку и не промолвит ни слова, оставив остальных гадать.

Сейчас Маню с ними.

Милый, ласковый, обходительный.

Он даже разговорился, рассказал, что он пожарный, что потому и не пьет, описал, как в полночь повсюду начнут рваться петарды и зажгутся тысячи китайских фонариков, полетят вверх, будут рыскать по ветру во все стороны, цепляться за ветки, падать на крыши машин, на палатки... 31 декабря в лагуне красиво, что и говорить, но небезопасно. Не то чтобы люди ничего не соображали, нет, но он предпочитает быть начеку, вдруг факел упадет на ребенка или от фейерверка загорится соломенная хижина.

На вкус Жюстины, он уж слишком разговорился, красавчик Маню. Она бы предпочла поменьше трепы – бери пример с поддавших друзей! – и побольше... дела.

Жо, судя по всему, другого мнения. Она слушает пожарного серьезно, одной рукой пощипывает нижнюю губу, другая уже лежит на колене доблестного спасателя. Да и он, похоже, распинается ради нее одной.

Подружка-зорей стала невидимкой.

Тихое *ах*, тихое *ох*. *Ладно*, думает Жюстина, *все всё поняли, Жо*.

Остынь.

Маню тоже понял. Вы друг друга выбрали, вам обоим этого хочется, и вы не откажете себе в удовольствии. Ты будешь зажигать звезды, а я подержу свечку – несколько секунд, пока ее не задует пассат.

Обижаться на подругу Жюстина не может. Тем более ревновать, хотя парни всегда смотрят на Жо и уходят с Жо. Ничего, что Жюстина проведет новогоднюю ночь одна в их палатке, что Жоана бросает ее ради своего пожарного.

Жюстина знает историю Жоаны. Она единственная посвящена в тайну. Только ей юная креолка решилась все рассказать. После бегства с родного острова.

Жоане потребовались годы, чтобы снова улыбнуться и довериться мужчине. Так что нет, Жюстина не ревнует, хоть миляга пожарный ей тоже понравился.

– Искупаемся? – предлагает Маню.

– Не знаю... – не решается Жоана.

Она смотрит на Жюстину. Ждет совета.

– Лично я пошел, – объявляет Маню.

И шагает к океану.

– Иди, – шепчет Жюстина. – Иди к нему. Я тебя подожду.

Жоана освобожденно вздыхает, как будто и впрямь ждала разрешения подруги. Она встает, бормочет *спасибо*, сжимает руку Жю, целует ее в щеку.

На пляже Маню срывает футболку, джинсы, и – опля! – красавчик предстает в узеньких плавках.

Ты не можешь ревновать к Жоане, твердит себе Жюстина, а лунный свет играет на мускулах кафра, его широкой груди и крепких ногах.

Ты не можешь к ней ревновать после того, что она пережила.

Жоана скидывает парео и остается в купальнике. Само совершенство. На такую всю ночь простоит и у «заснувшего»[47]. Она бежит по пляжу к Маню, а в нескольких метрах от них взмывает ракета фейерверка, осветив черную кожу пожарного. Искры на секунду рассыпаются над лагуной, и снова воцаряется тьма.

Этого мгновения света Жюстине хватает, чтобы заметить – подруга вдруг замерла. Задрожала. Она сейчас упадет! Да нет, уроженку Реюньона не может испугать фейерверк.

В следующее мгновение она теряет из виду подругу с кавалером. И больше не пытается найти их глазами во вспыхивающей темноте.

Восемь часов сорок пять минут после полуночи

– Расскажите мне, Жюстина, – просит Айя. – Что произошло? – Капитан жандармерии протягивает девушке носовой платок.

Та разрыдалась, как только вышла из палаты Жоаны. Они немного прошлись и отыскивали тихий закуток в конце коридора. По стенам развешены гирлянды. Рядом с ними мигает огоньками искусственная елочка. Медсестры движутся медленно, толкая перед собой кресла с дремлющими больными, кажется, что вся больница – и персонал, и пациенты – весело отпраздновала Новый год.

– Что будет с Жоаной? – всхлипывает Жюстина.

– Она выкарабкается. Физически с ней все в порядке.

Они садятся на парные стулья.

– Что произошло? – повторяет Айя.

Капитан аккуратно кладет пачку носовых платков на низкий столик перед ними. Она знает, что должна сдерживать нетерпение. Не делать резких движений, расспрашивать Жюстину осторожно. Что ей нельзя думать о времени, о своем обещании поздравить родителей Тома, особенно его мать, настоящий вулкан, способный выдать извержение, если кто-то не соблюдает традиций. Сегодня утром, когда

зазвонил телефон и она, одевшись за минуту, схватила ключи от служебной машины, Том ни словом не упрекнул ее, только задержал на секунду в дверях, быстро поцеловал – *держись!* – и шепнул: «Возвращайся скорее».

– Я не знаю, – отвечает Жюстина.

– Мадемуазель Патри, а давайте начнем прямо с начала вечера.

Жюстина рассказывает. Палатка, сигнальные ленты вокруг. Компания парней. Ром и замал. Они уходят, Маню идет за ними. Маню уходит к лагуне, Жоана идет следом. Оба скрываются в темноте.

– А потом? Когда Жоана вернулась?

Жюстина шмыгает носом. Берет новый платок. Вытирает глаза и рассматривает пятна туши на смятой бумаге.

– После полуночи, – отвечает она наконец. – Сразу после полуночи. Я увидела, как она выходит из воды.

– Одна?

– Да, одна.

Айя все запоминает, ничего не записывает, чтобы не спугнуть девушку. Значит, Жоана идет купаться с Маню Нативелем, возвращается четверть часа спустя одна – ее спутник уже лежит на дне лагуны зарезанный, – после чего впадает в травматическую кому.

– Когда Жоана вышла из лагуны, – спрашивает капитан, – она выглядела... взволнованной?

Жюстина отвечает на удивление быстро:

– Нет! Нет, не в тот момент. Совсем наоборот. Я не ожидала, что Жо вернется так быстро, но она выглядела умиротворенной. Не такой, как обычно. Она вообще-то дерганая. Но когда вышла из воды, я подумала, что никогда не видела у нее такого безмятежного лица.

Обе умолкают. Они думают о Жоане, лежащей в коме в палате 217. Чем объяснить резкий переход от состояния внутреннего покоя к глубочайшему шоку?

– Что же было потом? – продолжает Айя. – Что произошло?

Жюстина шмыгает носом, сморкается, опять вытирает потеки туши бумажным платком.

– Я не знаю. Все случилось очень быстро. Парни на пляже искали Маню, хотели поздравить его с Новым годом. Они увидели Жоану, она как раз выходила из воды с широкой, безмятежной улыбкой и помахала мне рукой – а потом вдруг упала на песок, соскользнула бесшумно, как

Маленький Принц, когда его укусила змея. Будто громом пораженная – в разгар праздника, среди незнакомых людей, которые обнимались и целовались, под китайскими фонариками и фейерверками. Можно было подумать, что снайпер дождался грохота петард и подстрелил Жоану, вот выстрела никто и не услышал.

Айя берет руки Жюстины в свои.

– Ваша подруга не подвергалась насилию. В нее никто не стрелял. Ее никто не бил. Она пережила психологический шок. Чистая психотравматика. – Айя крепче сжимает пальцы девушки. – Вы ее подруга. В прошлом Жоаны были... как бы поточнее сформулировать... события, которые могли бы объяснить этот шок? Тяжелые расставания? Душевные надломы?

Жюстина с тоской смотрит на бумажные платки. Хорошо бы сейчас высморкаться, скатать все в один большой комок и мять его, мять... Ну и пусть, что похоже на нервный тик, зато становится легче... Но капитан не отпускает ее рук.

– Жоана сбежала с острова. Уехала в метрополию. Шесть лет назад.

– Почему?

– Это... Это тайна... Никто не знает, кроме меня. Не уверена, что Жоана...

По щекам Жюстины снова текут слезы. Айя поднимает глаза к настенным часам над елочкой. Думает о Томе, Жад и Лоле. Муж и дочка сейчас, наверно, завтракают на террасе. Кажется, оставались манго, литр свежавыжатого сока гуайявы, макатья[48]. Она вздыхает:

– Подумайте, не спешите.

У входной двери «Рифа» раздаются женские крики. Возгласы. Даже вопли. Крестос косится на директора отеля – тот наконец скинул пиджак и ослабил узел галстука, – потом переводит взгляд на агентов Мореза и Ламба, давая команду: зону огородить, зевак прогнать, и все должны заткнуться. Ему надо сосредоточиться, вот-вот придут эксперты из Сен-Дени.

– Я хочу видеть сына!

Морез и Ламба не спеша идут к выходу. Дверь распахивается. Врывается женщина лет шестидесяти, невысокая, крепкая; она

кидается к шезлонгам, на ходу так сильно толкая Рейнальда Бертрана-Ги, что директор едва не падает в бассейн.

Кристос первым успевает загородить ей дорогу. Заключает женщину в объятия, прижимает ее голову к своей груди, ждет, когда она успокоится, сделав знак жандармам не вмешиваться. Проходит несколько бесконечно долгих секунд, прежде чем он ослабляет хватку, ведет несчастную в патио, пододвигает стул, она не желает садиться, и Кристос обещает:

– Вы увидите вашего сына, обязательно увидите, мадам Нативель, но пусть эксперты сделают свою работу. Он... его...

– Я знаю! – истошно кричит женщина. – Его убили!

В распахнутую дверь «Рифа» входит мужчина с седыми, курчавыми, коротко стриженными волосами – отец; за ним еще люди – братья и сестры. Все проснулись, все уже знают о драме, поддерживают друг друга. У Кристоса духу не хватает не пустить кого-то. Рейнальд Бертран-Ги давно повесил галстук на пальму, расстегнул рубашку, под мышками мокрые пятна, он, похоже, не знает, куда кидаться в первую очередь.

«Ладно, – думает Кристос, – что уж теперь, пусть только к телу не приближаются. С минуты на минуту коллеги заберут его, чтобы передать судмедэкспертам в морге Сен-Дени».

– Кто мог убить моего мальчика? – стонет мамаша Нативель, глядя на Кристоса.

Я не знаю.

В саду «Рифа» все галдят и перебивают друг друга. Люди, знавшие Маню Нативеля, родня, соседи задаются одним вопросом, не в силах поверить в случившееся.

Убили? Ножом? Ладно бы кого другого, но не Маню. Маню не притрагивался ни к наркоте, ни к алкоголю, ни к деньгам. Маню был правильным парнем, серьезным. Пожалуй, даже слишком серьезным.

– Почему он, лейтенант, почему он?

– Я не знаю.

Кристос отходит. Не смаковать же мохито Габена перед всем святым семейством. Хорошо начинается год, нечего сказать! У него мало данных, как тут приступить к расследованию. Он набирает номер Айи, но та не берет трубку.

Телефон звонит, но Айя не отвечает. Только смотрит на исходящий номер. *Секундочку, еще секундочку, Крестос. Вот сейчас я потяну за ниточку и сразу тебе перезвоню.* Капитан поднимает глаза: над ней, на верхушке искусственной елки, блестит звезда. Жюстина Патри сидит и смотрит в пустоту, затерявшись в далекой галактике. Электрические гирлянды бросают разноцветные отсветы на белые больничные стены.

– Продолжайте, Жюстина. Что за тайна? Вы должны рассказать, если хотите помочь подруге.

Жюстина ждет, когда коридор опустеет, чтобы мимо не ходили ни пациенты, ни врачи, на это уходит несколько минут, и наконец решается. Произносит несколько слов. Быстро, отрывисто.

– Жоану изнасиловали. В семнадцать лет. После дискотеки. Она не подала жалобу. Никому ничего не сказала. Только мне, через несколько лет.

Капитан Пюрви выдерживает короткую паузу.

– Маню Нативель мог быть ее обидчиком?

Жюстина не уходит от ответа. Кажется вздыхает с облегчением, когда Айя задает этот вопрос.

– Я не знаю. В тот вечер Жоана не видела лица нападавшего. Было темно, он затащил ее в овраг под виадуком Фонтен. Но...

– Что – но, Жюстина?

Две медсестры проходят мимо них, и Жюстина умолкает, ждет, когда они скроются за поворотом.

– Вам это покажется странным, капитан, но когда я увидела, как Жоана выходит из лагуны одна, без того парня, когда посмотрела на ее лицо, еще не зная, что в воде найдут труп, я сразу об этом подумала. Сказала себе в ту же секунду: она это сделала, освободилась наконец, отомстила. Свела счеты.

Взгляд Айи останавливается на часах над елочкой.

– Итак, вы подтверждаете, то есть вы предполагаете, что Маню Нативель мог быть человеком, изнасиловавшим вашу подругу?

– Я... я не знаю...

– Думаю, вы не все мне сказали, Жюстина. В ту ночь Жоана не видела лица преступника. Верно? Могла она узнать его как-то иначе?

Жюстина с трудом сглатывает.

– Да.

Пять минут до полуночи

Вода – кипяток. Жарче воздуха. Чернее ночи.

Жоана и Маню удаляются во тьму, уходят все дальше и как будто взрезают толщу воды, но она все еще доходит только до бедер.

Они невидимы и знают это.

Маню держит Жоану за руку. Он идет по дну чуть впереди, прокладывая ей дорогу между коралловыми рифами, и первым ставит ступни на песок, под которым прячутся шипастые бородавчатки[49] и морские ежи.

Предупредительный. Очаровательный.

Жоана дрожит.

Наконец Маню останавливается.

– Здесь безопасно, – успокаивает ее пожарный. – Нам не грозят ни давка, ни пожар. Это лучшее место, чтобы полюбоваться зрелищем.

Они поворачиваются.

Вид на берег открывается феерический. Прямо перед ними, на пляже, под казуаринами, – огни, фонарики, музыка, смех, пение, и так на десятках километров побережья.

Жоана ищет взглядом в шумной толпе Жюстину, но не находит ее.

Четыре минуты до полуночи

Взрываются несколько дымовых шашек. Дети бегают по берегу лагуны, там, где огни озаряют первые волны. Потрескивают искры, вспыхивают спички, факелы, лучины, пора поджигать ракеты, петарды и фонарики. Побережье лежит огромным светящимся полумесяцем до самого Сен-Лё.

Он вот-вот запыляет.

Три минуты до полуночи

Маню смотрит на верхушки казуарин, пассат треплет его волосы, он на страже – бдит, чтобы предугадать направление ветра, не упустить начала неминуемого пожара.

Он серьезен и сосредоточен.

Но Жоана знает, что все это комедия. Он прикидывается терпеливым.

Получается не слишком хорошо.

Маню делает шаг к девушке, поворачивается, его руки смыкаются на ее талии. Жоана вздрагивает, но он не отступает. Не сейчас. Маню смелеет. Он намного выше, его объятие становится настойчивей, лицо склоняется к ней в надежде, что она подставит губы. Но Жоана не собирается этого делать и даже слегка отворачивает голову.

Маню выпрямляется. Ему неловко. Он поторопился.

– Ты права, – бормочет он. – Дождемся полуночи, тогда и поцелуемся.

Глупое представление.

Глаза Жоаны устремлены в бесконечную даль. Лишь бы не смотреть на этого мужчину. Не задерживать взгляд на его правом плече.

Только не вздумай сейчас убежать.

Пусть льнет к тебе, не выдавай своего отвращения. Держись прямо, не поддавайся дурноте.

Казуарины танцуют на берегу под звуки креольской музыки. За ее спиной коралловый риф вот-вот рухнет, и их захлестнет волна.

Не двигайся.

Жди. Еще две минуты.

Две минуты до полуночи

Маню придвигается ближе, вплотную. Они стоят почти прижавшись друг к дружке и ждут, когда запылает побережье, как робкие подростки перед киноэкраном. Сейчас начнется фильм. Маню поворачивает ее к себе, его мокрые плавки трутся о пупок Жоаны, выдавая желание мужчины.

Не думай об этом. Думай только о руке, его руке, которая переплелась с твоей.

– Не торопись, – шепчет Жоана.

Маню послушно отстраняется, плавки оставили на ее коже мокрый отпечаток.

Жоана начинает кашлять, кусачий холод леденит живот. К горлу подступает желчь, и она с трудом подавляет желание угостить выпитым ромом рыб лагуны.

Одна минута до полуночи

На сей раз рука Маню с бедра Жоаны опускается ниже, проскальзывает под трусики купальника, ложится на ягодицы, приглашая к сближению.

– Нет!

Жоана крикнула слишком громко. Слишком резко отпрянула. Удивленный Маню смотрит пристально, словно поняв, что любовная игра пошла не так.

Больше ждать нельзя... Ничего не поделаешь. Покончи с этим, пока он не насторожился.

Жоана отнимает у Маню руку, заводит ее за спину, чтобы достать нож... Тот самый нож, который она схватила в темноте с чужого стола и спрятала под резинкой трусиков, ни на секунду не подумав, что может пораниться. А теперь она достает его и держит сбоку, у бедра.

Полночь

Мгновение – и все заливают свет.

Километры побережья взрываются десятками фейерверков, озаряются насколько хватает глаз. Тысячи китайских фонариков одновременно взмывают в небо, точно сказочный рой гигантских пламенеющих светлячков. Многоголосое *ola!* облетает остров, как раскат грома.

Это длится и длится. Сверкают гирлянды на казуаринах.

Это прекрасно. Незабываемо. Немыслимо.

Жара. Полночь.

Всюду поют, смеются.

– Поцелуемся? – спрашивает Маню.

У него детская улыбка, смеющиеся глаза, сильные руки, он осторожно притягивает ее к себе, как срывают плод с тонкой кожицей.

Эта рука...

Маню в двадцати сантиметрах от Жоаны.

Он приближает губы, ждет поцелуя, первого в году.

Жоана дарит ему не поцелуй – смерть.

Вонзает нож прямо в сердце.

Небо по-прежнему залито светом, мерцает эфемерными звездами.

Тело Маню тихо соскальзывает в воду. Жоане невыносимо легко.

Ей вдруг хочется пива, шампанского, она чувствует себя освобожденной, воздушной, как эти маленькие шарики-монгольфьеры;

все годы жизни в аду, стыд и страх улетели в небо.

Все разрешилось будто по какому-то священному календарю. Ровно в полночь. С этой минуты часы будут идти правильно.

Теперь она может начать жить.

И получать от жизни удовольствие.

Девять часов после полуночи

Капитан Айя Пюрви смотрит на настенные часы над елочкой. Ее взгляд следует за бесшумным бегом секундной стрелки. Том, Жад и Лола, должно быть, уже позавтракали и пишут поздравительные открытки, посылают сообщения друзьям в метрополию, на Мадагаскар, в Австралию.

Без нее.

Жюстина Патри снова замкнулась. В ответ на последний вопрос Айи – *могла ли Жоана узнать его как-то иначе?* – у нее непроизвольно вырвалось:

– Да.

Больше она ничего не сказала.

По коридору снуют медсестры, встречаясь, поздравляют друг друга с Новым годом, желают доброго здоровья – на тон ниже, чтобы не услышали больные. Дав секундной стрелке пробежать еще три круга, Айя тихо повторяет:

– Что это за деталь, Жюстина?

Девушка колеблется. Прокручивает в голове события последних часов. Вот Жоана оседает на песок. Нет, раньше... За несколько минут до наступления нового года лицо подруги на мгновение искажается от резкой боли, когда Маню снимает футболку и вспышка ракеты освещает его торс, плечи и руки. А вот Жоана выходит из воды, сразу после полуночи, у нее умиротворенное лицо, как будто что-то кончилось. Жо часто говорила о своем наваждении. О тюрьме, из которой она не может вырваться, с тех пор как на нее напали. Рассказать все этой легавой все равно что прямо обвинить подругу.

Жюстина медленно поворачивается к Айе. Она видит, что капитану жандармерии стоит невероятных усилий оставаться спокойной, терпеливой, внимательной, но смотрит она на циферблат часов.

Торопится. Ее наверняка ждут.

Жюстина снова мысленно взвешивает все «за» и «против». Ее признание станет приговором Жоане. Но подруга в коме, а у нее нет выбора.

– Маню Нативель был ее насильником, – выпаливает она в лицо Айе. – Я думаю, она встретила его случайно, хотя искала – так или иначе – все эти годы.

– Она узнала его, так? Но он ее не вспомнил?

– Она была жертвой, наверняка одной из многих. Он просто пошел однажды вечером за девушкой от ночного клуба и взял ее силой. В темноте. Шесть лет назад. И сразу выкинул ее из головы. Но она – разве могла она забыть его?

– Я понимаю, Жюстина, но вы мне так и не ответили. Почему Жоана была уверена, что Маню Нативель – тот самый насильник, если не знала его в лицо?

Рот Жюстины болезненно кривится.

– У него была татуировка. Очень необычная. Два дельфина, стоящие на хвостах, повернувшись друг к другу, и дата: 11/11/2000. На ключице и правом плече. Эта татуировка была ее навязчивой идеей. Когда насильник навалился на нее там, в овраге под виадуком Фонтен, она видела только этот рисунок. Два дельфина плясали в ритме мускулов насильника, придавившего ее всем своим весом. Мне кажется, с той ночи Жо при виде мужчины с голым торсом всегда проверяла, нет ли у него этой татуировки. Это стало рефлексом. Она воспринимала ее как клеймо, которым мог быть помечен любой парень.

– Хотите сказать, у Маню была такая татуировка? И Жоана ее узнала?

– Да... Жо все поняла, когда парень снял футболку и бросил ее на песок. Я тоже должна была понять. Догадаться, что она решилась. Я могла бы ее остановить.

Айя мягко касается коленей Жюстины.

– Подождите, мадемуазель Патри, не спешите винить себя. Сначала нужно все проверить.

– Крестос?

– Ну?

Айя быстро пересказывает по телефону показания Жюстины Патри. Мысленно фиксируя детали, Кростос все чаще смотрит на расположившееся в беседке отеля семейство Нативель. Все – мать, отец, братья, кузены – уставились на него, ждут новостей, вот сейчас он договорит, подойдет и скажет, глядя им в глаза: все кончено, мы взяли убийцу вашего сына. Только на это им и остается надеяться.

Айя продолжает свой рассказ. Кростос удаляется от беседки и идет к дверям, куда входят двое коллег. Эксперты из Сен-Дени приехали за телом Маню Нативеля, упакованным в пластиковый мешок.

Маню Нативель... Образцовый служащий, самоотверженный пожарный, верный друг, идеальный сын.

Кростос в последний раз оглядывается на Нативелей. Все ждут, чтобы правосудие покарало виновного, а им сейчас скажут, что оно свершилось.

Их сын был насильником. Его судили. Приговорили. И казнили.

Кто в это поверит? Кто из них сможет принять такую версию?

– Проверь, Кростос!

– Что проверить, Айя?

– Татуировку. Пока тело не увезли в морг.

– Твою мать...

Кростос тормозит коллег с носилками, спиной чувствуя давление всего клана Нативелей. Он шепчет пару слов Морезу, стоящему рядом с телом, и тянет вниз молнию на мешке.

Черные волосы, холодный лоб, широкий нос. «Боже, – мысленно молит Кростос, – сделай так, чтобы парень был ни в чем не виноват».

Мешок открывается, уже виден пересохший рот, волоски на подбородке.

«Сделай так, чтобы бедолага оказался случайной жертвой пьяной драки. Боже милостивый, дай всем, кто любил парня, оплакать его. Они не перенесут второго смертельного удара».

Шея, плечо.

Первой бросается в глаза ключица.

Черт!

Девчонка была права.

На правом плече мертвого тела Кростос видит татуировку.

Ту самую, которую описала Жюстина Патри. Дата, 11/11/2000, и два танцующих дельфина.

Кристос выпрямляется, кивает Морезу: закрывай мешок, машет коллегам, чтобы уносили тело.

Его взгляд задерживается на малыше Силиане, который нашел труп. Потом на сидящем у стойки бара Дориане.

«Извини, сынок, твой кумир из “Марсуена” был тот еще негодяй».

Потом на семье.

«Извините, друзья, ваш ненаглядный Маню скрывал грязную тайну».

Хоть и не похож был на сексуального насильника. «Мне жаль, что это случилось 1 января. Я и сам хотел верить в сказку о герое, достойном, чтобы о нем скорбели».

Все еще сжимая в руке телефон, младший лейтенант подходит к бару и берет свой мохито, не обращая внимания на встревоженные взгляды полицейских, Нативелей, Рейнальда Бертрана-Ги и своих подчиненных.

Выпивает одним махом.

С Новым годом, доброго здоровья.

Где-то далеко, в его руке, разоряется Айя.

– Ну что, Кристос? – пробивается сквозь треск помех голос капитана.

– Это он!

Айя отключается.

– Это он, – сообщает она Жюстине.

Девушка мгновенно успокаивается. Все будет хорошо, Жоана очнется, ей предъявят обвинение, но у нее найдутся доводы в свою защиту. Неопровержимые доводы.

Она встает:

– Я хочу вернуться к Жо.

Они вместе идут к палате 217. Айя в последний раз оглядывается на часы. Может, она даже успеет в Плато-Кайу раньше Тома с Жад и Лолой.

Но один вопрос остался без ответа.

Почему Жоана не испытала эмоциональный шок, увидев татуировку на плече насильника? Или всадив нож ему в сердце? Почему девушку накрыло позже, когда ее поиск был завершен и дело

сделано? Что такое увидела она в ту минуту, когда вышла из воды на пляж Эрмитаж? Какой демон вернулся за ней, чтобы утащить напрямик в ад?

Одна минута после полуночи

Жоана медленно возвращается к пляжу, вода стекает по ее ногам, как будто лагуна опорожняется. Она увела Маню далеко, очень далеко, чтобы его тело нашли не раньше завтрашнего утра.

Китайские фонарики продолжают взлетать. Она не зажжет свой в этом году. Никогда больше не зажжет. Ее желание, ее единственное желание исполнилось.

Негодяй получил свое.

Ей нравится воцарившийся на пляже веселый кавардак, хохот детей, вспышки петард, крики мамаш, рев музыки. Она снова улыбается жизни. В нескольких метрах впереди она узнает друзей Маню, вся компания здесь, по щиколотки в воде, полуголые, с бутылками пива в руках, пошатываются, брызгаются и орут.

Манюууу! Манюууу!

Долго же им придется его искать!

Она высматривает справа маленькую палатку, видит, что Жюстина ее ждет. Пользуясь вспышкой особенно белой, особенно яркой ракеты, на миг озаряющей весь пляж, она машет подруге рукой.

И любит зрелищем.

Дети, семьи, женщины под казуаринами, парни прямо перед ней на песке.

Мгновение ослепительной белизны.

И чернота.

Девять часов пятнадцать минут после полуночи

– Крестос, тебя тут спрашивают! У входа. Все хотят дать показания. Их человек пятнадцать, не меньше!

Морез в панике мечется по холлу отеля, не зная, куда кидаться; ему сейчас не легче, чем секьюрити, сдерживающему орду рвущихся на футбольное поле фанатов.

– Пусть подождут, я говорю по телефону... Чего они хотят?

– Говорю же, дать показания.

– Кто?

– Друзья Маню Нативеля. Они все вместе были на пляже.

– Что-то новое?

– Вряд ли. Просто изъявляют готовность, так сказать, сотрудничать с правосудием.

– Передай, что правосудие очень занято!

Кристос садится в шезлонг, решив как следует помариновать парней. Мало того, что придется объяснять всей родне, что убитый, славный пожарный-волонтер, был на самом деле насильником-извращенцем, так еще ломай голову, как сообщить обо всем друзьям...

Кристос утирает лоб. Влажная жара невыносима на солнце. Впервые с утра он чувствует себя грязным. Ему хочется передохнуть, освежиться, нырнуть в бассейн прямо в форме, чтобы вымыться, даже не раздеваясь, а потом лечь в шезлонг, обсохнуть и уснуть.

Увы, Морез никак не угомонится, машет руками, как мельница. И Ламба тоже. Они от него не отстанут. Кристос смотрит на приближающихся коллег сквозь полированное стекло пустого стакана.

Можно хотя бы ополоснуть рот остатками мохито. Пососать льдинку со вкусом лимона и мяты.

– Обстановка накаляется, Крис, – ноет Морез, – мы больше не можем удерживать дружков Маню Нативеля. Они узнали, что их приятеля замочили, и жаждут мести. Подозревают одну девчонку. Она весь вечер зажигала на пляже, а потом уединилась с ним в лагуне.

Кристос со вздохом встает.

«Когда эти шерифы тропиков узнают про изнасилование, – думает младший лейтенант, – наверняка умерят свой пыл».

Морез настаивает:

– Надо с ними поговорить, патрон. Они ждут в холле.

– Ладно, ладно, сейчас.

Кристос выходит к стойке портье. Его действительно ждут человек пятнадцать. У всех усталый вид, парни взвинчены, в глазах боль.

Разорванный круг.

Они быстро протрезвели.

Сплоченный клан.

Все примерно одного возраста. Все кафры, как Маню. Все спортсмены, как он. Большинство в одинаковых шортах, одинаковых

каскатках, одинаковых кроссовках цветов спортивного клуба «Марсуен» из Сен-Лё.

Все одного поколения. Все из одной футбольной команды.

Победа на Кубке Франции – такое не забывается! И выход из первой лиги ноябрьским вечером 2000 года – это должно остаться в памяти навсегда.

В холле отеля нечем дышать из-за жары, а может, дело в парах алкоголя и слезах.

Все пятнадцать друзей без футболок, голые по пояс.

И у всех есть татуировка: два танцующих дельфина, символ клуба «Марсуен». Два дельфина, запечатленных между ключицей и правым плечом.

И дата, та самая дата их общего подвига.

11/11/2000.

Мишель Бюсси

Следы на песке

MICHEL BUSSI

GRAVÉ DANS LE SABLE

Copyright © Presses de la Cité, 2014

© Елена Клокова, перевод, 2020

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2020

*Такси в ад – и
обратно – смерти в
пасть[1]*

*Смерть
челюсти сыто свела*

Этот роман родился из иллюзии

Моей матери

Этот роман впервые выходит под названием «*Следы на песке*», но написан он давно. Больше двадцати лет назад.

Мои книги не объединены общим героем, и те, кого они заинтересуют, могут читать их в произвольном порядке, – но первое произведение всегда занимает особое место в биографии писателя, даже если было написано в тридцать лет.

Сочиняя роман, я не знал (да и не очень верил), что однажды он увидит свет. Со следующими моими книгами все складывалось иначе.

Тогда я работал, не имея ни малейшего понятия о законах детективного жанра, и потому изобретал и менял их по ходу дела. Возможно, описание места действия длинновато, частный детектив излишне романтичен, наемный убийца неловок, но такова уж моя манера повествования.

Этот роман полон намеков, кивков, ссылок, наваждений и даже навязчивых идей, некоторые из которых перешли в следующие книги и были дополнены и развернуты. Надеюсь, внимательные читатели получат немалое удовольствие, подмечая и разгадывая мои коды.

В 1994 году в распоряжении писателей не было интернета, Гугла, онлайн-энциклопедий. Они не могли кликнуть мышкой и увидеть фотографии ста револьверов или полный список наград американской армии со времен Джорджа Вашингтона. Альтернатива была проста: надолго закопаться в исследованиях или... все выдумать! В следующих романах я тщательно выверял детали (почти всегда), а за мной текст вылизывали бдительные редакторы. Книга «*Следы на песке*» миновала сито реальности, так что читатели могут развлечься, отделяя правду от вымысла, факты от выдумок автора, который дал волю фантазии, но правдоподобности повествования не навредил. Честно говоря, я иногда жалею, что литераторы сегодня так хорошо оснащены, и мечтаю писать, руководствуясь собственным воображением, а не подсказками всезнающего интернета.

Было бы здорово придумывать марки автомобилей, бренды одежды и названия спиртных напитков, изображать судебные

процедуры так, как я их вижу, забыв о законах, постановлениях и указах. Вы можете спросить: «А что вам мешает?» – и будете правы. Именно так я однажды и сделаю. Вообще-то я уже сейчас так поступаю. Иногда. Втихаря. Пишу о полиции, ни разу не побывав в комиссариате.

У этого романа было несколько жизней. Три – если быть точным. В первой он десять лет «спал» в ящике письменного стола, а потом увидел свет под названием «Грифельная доска». Во второй был переименован в *Omaha Crimes* и ввел меня в мир детективной литературы. Теперь под названием «Следы на песке» книга благополучно перекочевала в третью жизнь, а четвертую – чем черт не шутит! – возможно, обретет на экране.

Идею романа мне подал кинематограф. По воспоминаниям о фильме «Самый длинный день»[2] я был уверен, что американские рейнджеры бежали на приступ бетонной стены по команде лейтенанта. Первый, второй, третий, четвертый... Посмотрев картину еще раз, я убедился, что сцены фатального отсчета в ней нет и в помине. Правда, ни один историк и не утверждал, что ничего подобного не происходило. За отсутствием Истины я ее выдумал.

Желаю вам приятного чтения в компании Алисы, Лизон, Ника, Ральфа, Эмили, Лаки, Теда... Всем им отведено особое место в моем сердце – как друзьям детства, которых мы помним всю жизнь.

Я знаю, что те, кто держал в руках томик *Omaha Crimes* в черно-белой обложке с изображением десантных катеров, воспринимали роман как военные мемуары. Для них он имел особую остроту, ему они до сих пор отдают предпочтение и могут слегка приревновать к изданию под другим названием. Точно так же взрослый напутствует уходящего в «большую» жизнь мальчишку, советуя не забывать о корнях.

Я считаю чудом, что мой первый роман, напечатанный провинциальным издателем, через несколько лет стал известен не только во Франции, но и в других странах. Меня восхищает, что книге суждены тысячи новых жизней, которые подарят ей читатели.

Мишель Бюсси

Первая эпоха

1944

Умереть в Нормандии

1

Штурм

6 июня 1944

Омаха-Бич[3], Пуэнт-Гийом

Чрево десантного катера разверзлось. Сто восемьдесят восемь рейнджеров спрыгнули в холодную воду и мгновенно рассыпались в разные стороны. Сверху они напоминали муравьев на мятой скатерти.

Удобные мишени.

Лаки Мэрри первым выбрался на пляж и даже не запыхался. Он растянулся на влажном песке под защитой небольшого гранитного валуна. За спиной раздался быстрый топот и тяжелое дыхание. Рядом упал Ральф Финн. Жив!

Ральф посмотрел на окутанные туманом скалы Пуэнт-Гийома, на бетонную стену впереди, на Лаки и расплылся в улыбке славного малого, застигнутого вселенской бурей, но готового стоять до конца.

Метрах в десяти громыхнул взрыв, взметнув тучи мокрого песка. Никто не вскрикнул. Из тумана вылетел Алан Ву и плюхнулся рядом с Лаки и Ральфом.

Тоже жив!

Взгляд Алана был спокойным и мудрым. Человечным.

Благородное качество – человечность, но уместно ли оно на войне?

– Первый! – выкрикнул лейтенант Дин.

Лаки, Ральф и Алан открыли огонь по скалам. В воздухе засвистели пули. Целясь, Лаки старался думать об Алисе. Он выберется – как всегда, благодаря ей.

Истошный вопль перекрыл грохот взрывов. Бедолага Бенджамин Йес закончил свой земной путь.

– Второй! – заорал Дин.

Уже?

Лаки обернулся, не прекращая стрелять. В грязной воде прибоя лежали раненые, убитые и те, кто так и не заставил себя выскочить из моря и рвануть через открытое пространство.

Среди последних был и Оскар Арлингтон. Но вот и он добрался до пляжа и медленно пополз по песку. Его била дрожь, глаза налились кровью, руки не справлялись с карабином.

Лаки перехватил его растерянный взгляд.

– Третий!

Ответом на пальбу рейнджеров стал оглушительный взрыв, их накрыло комьями мокрой охристой земли. Оскара Арлингтона трудно было узнать.

Лаки отвернулся. Ему ни до кого нет дела, нужно только представить лицо красавицы Алисы, и тогда он победит, выиграет – так или иначе – у всех Арлингтонов на свете.

– Четвертый!

Лаки охватил сладостный озноб. Он улыбнулся. За игрой в покер он никогда так не возбуждался, даже если делал немыслимые ставки. Жизнь – невероятная игра стоимостью в 1 миллион 440 тысяч долларов! Он зажмурился и тут же снова открыл глаза: нежный образ Алисы заслонил пороховой дым.

Он бессмертен.

Влажная рука Оскара Арлингтона вцепилась в рукав его полевой куртки.

Слишком поздно.

Не время колебаться.

Сейчас он получит ответ, правильно ли поступил, ввязавшись три дня назад в безумную авантюру. Выяснит, кто он – самый безголовый или самый гениальный из всех рейнджеров, участвующих в операции «Оверлорд».

2

Мрачная лотерея

3 июня 1944

Порт Дентона, Англия

Они ушли на небо под проливным дождем... Эта фраза не давала покоя Оскару. Скорее всего, где-то вычитал ее недавно. Или эти слова произнес какой-то придурок. На их десантном катере придурков было предостаточно. Придурков, возомнивших себя пророками. Придурков, ставших мистиками за несколько дней до Страшного суда.

Оскар упирался большим выпуклым лбом в иллюминатор и смотрел на падающие с неба струи, пеленой закрывавшие акваторию порта, серый брезент маскировочных чехлов, проблески маяка.

Никто и не сомневался, что в предстоящий проклятый день 6 июня над этим проклятым пляжем разверзнутся небеса. Дождь будет ледяным, и тяжелый мокрый песок налипнет на сапоги – если они доберутся до пляжа... Все знали, что в такую гнилую погоду они покинут землю без всяких сожалений.

Он ни за что не удержится на веревке!

Оскар вспомнил, что у него никогда не получалось взобраться по канату – ни в школе, ни в тренировочном отряде. Он вечно зависал в метре от земли, как кабанья туша.

Арлингтон криво усмехнулся. Ему не место на этом катере среди героев-безумцев.

Героев было сто восемьдесят восемь, нет – сто восемьдесят семь плюс Оскар Арлингтон. Сто восемьдесят восемь молодых американцев, бойцов штурмового батальона рейнджеров, погрузились на десантный катер, чтобы выполнить одну из самых сложных миссий высадки в Нормандии: занять казематы и блокгаузы на скалах Пуэнт-Гийома.

Утес нависал над обрывистым берегом, и венчало его «гнездо сопротивления», ощерившееся орудиями. Штабисты считали его одной из ключевых точек операции «Оверлорд». Сто восемьдесят восемь добровольцев месяц провели в Англии, карабкаясь на скалы, чтобы натренировать руки и головы, по вечерам сидели в баре, шумели, смеялись. Они верили в свою счастливую звезду и звезды на флаге, который предстояло водрузить на вершине утеса.

В самом большом помещении десантного катера, где еще совсем недавно располагался бар, стояла гробовая тишина. Исчезло все, что

помогало убить время, – карты, пиво, кости. Сто восемьдесят восемь рейнджеров сидели кто на чем – на полу, на табуретках, на столах, некоторые сгрудились у иллюминаторов. Сто восемьдесят восемь молодых бритоголовых парней устрашающего вида, всегда готовых рассказать похабный анекдот или отпустить сальную шутку, молчали и переглядывались. Воняло потом, сыростью, несвежим дыханием – совсем как в раздевалке футбольной команды после матча. Никто не произносил ни слова. Команда проиграла, каждый ждал наказания и надеялся, что кара падет на голову товарища. Сто восемьдесят восемь пар глаз смотрели на низенькую табуретку, на которой стояла перевернутая каска.

Обычная каска завораживала всех, пугала, как статуя Сатаны.

Какого черта я здесь делаю? – думал Оскар.

Он потел сильнее товарищей. Ему нечего делать среди этих бритоголовых атлетов. Этих десантников. Они высокие, сильные, загорелые, им нипочем английский дождь, а он – жирный коротышка.

Что я здесь делаю?

Что я буду делать на этом пляже?

Они сразу меня ухлопают. Я даже не успею укрыться за чьей-нибудь спиной. В такого жирдяя, как я, не промахнется даже самый близорукий фриц.

И все это по вине одного человека.

Оскар Арлингтон на мгновение зажмурился.

Виновата Эмилия Арлингтон, его мать. Это она возжелала, чтобы сын стал героем, и настояла, чтобы он отправился совершать невозможное вместе с другими рейнджерами.

Спасибо, мамуля. Сука проклятая! Идиотка! Я – герой... Ха-ха-ха! Лезть наверх по веревке! Да я с детства боюсь спускаться с верхнего яруса кровати или по лестнице с чердака. До сих пор боюсь. А рядом молодые придурки мечтают о славе и свято верят, что немцы разбегутся, как только увидят десантные катера. Кретины! Мы все сдохнем на пляже, глядя на меловые скалы.

Оскар с сожалением обвел взглядом парней.

Молодые дураки. Если бы вы знали... Я-то знаю, потому что долго беседовал с Тедди Бауром, одним из немногих на этом плавающем

гробу, у кого есть мозги. Он тоже не понимает, зачем тут оказался, но знает, что нас ждет. Тедди бывал во Франции до войны, приезжал писать пейзажи и как свои пять пальцев знает нормандское побережье. Потому его и зачислили в отряд. Тедди не альпинист, а художник. Он часами смотрел на скалы, примеривался к утесам, рисовал Пуэнт-Гийом при разном освещении. Этот меловой пик такой мощный, что ни море, ни ветер, ни другие стихии не смогли его выветрить или хотя бы изъязвить, и людям остался донжон, с которого так удобно наблюдать за природной цитаделью, которой является побережье Нормандии.

Если верить легенде, еще в детстве будущий Вильгельм Завоеватель поднялся на эти скалы и поклялся, что покорит Англию. Тедди сказал Оскару: «Здесь Бастард перевоплотился в Завоевателя, потому утесу дали его имя. У его отца Роберта Великолепного по прозвищу Дьявол был небольшой замок в километре от моря, где Вильгельм проводил много времени. По сей день существует деревня Шато-ле-Дьябль[4]».

Шато-ле-Дьябль.

Цель номер два после блокгауза на утесе.

Встретимся в Шато-ле-Дьябль.

Ну что же, план понятен. А молодые психи верят, что их ждут райские кущи! Тедди Баур считает задачу невыполнимой – что сверху, что снизу. Меловая стена, длинный, абсолютно открытый пляж, а за ним еще одна, неприступная стена. Мы разобьемся о скалы, как волны прибоя, останется несколько потеков крови, которые смоеет следующая высокая волна.

О бетонной стене сержанты сообщили позавчера. Даже Тедди Баур не знал. Немцы возвели ее посреди пляжа уже во время войны.

Решили усложнить дело, думал Оскар, придать ему завершенность. Мало этим садистам шестидесятиметровой отвесной скалы с тобуками[5] на склонах и казематами на вершине[6], они не поленились защитить подножие бетоном! Стена мешает подобраться к утесу поближе, чтобы точнее прицелиться из ракетницы для запуска крюков штурмовых «кошек» с канатами, но при этом она ниже дотов, так что укрыться за ней невозможно. А поверху еще и колючая проволока идет, зацепишься – и тебя добьют.

Вот лейтенант Дин, главный садюга среди командиров-янки, объяснил: прежде чем штурмовать, придется подорвать стену.

– Будет бойня, – сквозь зубы процедил Дин. – Настоящая бойня.

Он сделал паузу, чтобы сто восемьдесят восемь десантников – почти все пошли на войну добровольцами – прочувствовали ситуацию. Люди ждали продолжения, они не поверили в бойню: никто не посылает на убой штурмовую группу десантников. Хотя... история со стеной тоже не шутка. Рейнджеры вслушивались в каждое слово своего командира, надеясь услышать хитрый план нейтрализации немецкой ловушки, который наверняка разработали в штабах. Молчание все длилось, потом Дин закончил:

– Но мы не дадим проклятым немцам уничтожить нас, так, парни? Не попадем в их чертову западню, верно? Мы придумали, как свести к минимуму потери личного состава.

Свести к минимуму потери личного состава.

Попахивает авантюрой, подумал Оскар Арлингтон. И не ошибся.

Командование решило не посылать на убой всех рейнджеров. Разумнее будет отправить лишь некоторых, одного за другим, вдруг кто-нибудь доберется живым и заложит взрывчатку. Стену взорвут, проделают брешь.

Некоторых...

Кого конкретно?

Тех, кому не повезет.

Им всем предстоит тянуть жребий. В каску положат бумажки с номерами от 1 до 188. Тот, кому достанется листок с № 1, пойдет первым, далее по порядку.

– Это самое справедливое решение, – сказал Дин.

Сам он, естественно, в орлянку с судьбой играть не собирался.

Оскар поговорил с Тедди Бауром, и тот заявил, как отрезал: номера с первого по двадцатый уже покойники! Расстояние слишком велико, взрывчатка тяжелая, так что первых тут же подстрелят как кроликов. Придется двигаться короткими перебежками, метр за метром, от трупа к трупу. «Двадцать первых приговорены», – заключил Тедди. Значит, чтобы сохранить надежду выжить, нужно ставить на № 30, а еще лучше – на № 41.

Оскар думал и потел. Чем дольше думал, тем сильнее потел. Он один из ста восьмидесяти восьми несчастных, собравшихся вокруг каски, и ему придется тянуть жребий. Оскар дрожал от ужаса, пытаясь представить, как будет там – на свету, на пляже. «Я в любом случае утону, даже если воды будет по пояс, и на берег не выберусь, так что номер очереди значения не имеет».

Все верно, так почему он не сводит глаз с судьбоносной каски?

Тишина была почти невыносимой. Никто не решался первым шагнуть к табуретке. Каждый думал о своей висящей на ниточке жизни.

Но что делаю тут я, Оскар Арлингтон? Мамаша могла раз двадцать меня перевести, если бы захотела. Она лично знакома с половиной командного состава нашей армии. Ей ничего не стоило найти мне спокойное место в штабе – отвечать на звонки, клеить марки. Да, я был бы уклонистом, но ведь полезным! А она решила, что ее сын должен стать героем, пусть даже мертвым. Престиж семьи важнее всего. Престиж и карьера Эмилии Арлингтон. В Америке наберется не больше десяти женщин-политиков, и одна из них – моя мать.

Гребаная семейка!

Сволочные Арлингтоны! Все, с самого первого, покинувшего Англию, и кончая Эмилией. А я как последний идиот молчал и не протестовал. Испугался и не попросил: мама, я не хочу на фронт, не хочу умирать молодым на чужой войне. Давай немного подождем... Мне не хватает навыков, а в нашей благословенной стране полно парней, которые мечтают повоевать и покрыть себя славой. Ну же, мама, Арлингтоны достаточно трудились и рисковали с 1787-го, пусть теперь другие исполнят свой долг. Нет, Арлингтоны подобных разговоров не ведут! Но чувствуют-то они как все люди, и мать должна понимать все без слов. Мать должна рыдать вослед уходящему сыну – он ведь может не вернуться. Эмилия Арлингтон прекрасно знала, что ее взрослый ребенок не хочет, чтобы ему продырявили шкуру в Нормандии. Да и кто бы захотел? Любая женщина попыталась бы спасти свое дитя, но только не Эмилия, железная леди из Вирджинии, несгибаемая госпожа Арлингтон, любимица американской прессы. Гадина! Наверняка надеется, что я сдохну, как отец, превратившийся в живого мертвеца. Он не вылезал из пижамы, кашлял, отхаркивался и умер в тридцать один год. Мне было шесть. Его убил газ. Иприт,

который немцы пустили в 1918 году, постепенно разъедал его внутренности. И убил. Но Эмилии Арлингтон мало одного героя в семье. У нее разыгрался аппетит.

Оскар смотрел на каску, к которой никто так и не осмелился подойти.

Нет, это было бы слишком просто! Я найду выход! Не лягу здесь во имя героического и трагического предназначения Арлингтонов. Твой сын станет героем, мама, но не мертвым. Я еще попользуюсь твоим положением и состоянием, можешь не сомневаться!

Убийственная лотерея стартовала.

Несколько рейнджеров решились: одни были безрассудно отважны, другие до мозга костей суеверны. Первый вытащил № 123 и громко объявил об этом – так родился ритуал.

Человек пятнадцать вытащили из каски бумажки. Оскар не торопился.

Необходимо ждать, ждать, ждать. И не паниковать! На пляже ты превратишься в тупого десантника, но здесь, в стаде бизонов, думай головой, употреби мозги на дело...

Молодому застенчивому официанту из Денвера – Оскар не знал его имени – достался № 3. Парень окаменел. Никто не смел встретиться с ним взглядом, чтобы не увидеть его слез.

Уф, пронесло, подумал Оскар. Пока пронесло.

К каске подошел Барри Монро, самый болтливый и громогласный в команде. Оскар терпеть его не мог – уж больно тот был вульгарен и слишком любил войну. Барри вел себя на катере как туземный царек: считал, что может делать что заблагорассудится, используя свои главные «достоинства» – злобность и склонность к насилию. Война дала Монро невероятный шанс блеснуть – хотя бы раз в жизни. Это уводило его от обыденности, на войне он мстил своему боссу, преподавателям, родителям, а возможно, жене – всем, кто его унижал.

Хуже войны для Оскара была необходимость спать рядом со скотами, которые рыгают, бздят и припиливают к стенам фотографии голых красоток.

Барри Монро вытянул № 5.

Отлично! – возликовал Оскар. Если так пойдет, я, пожалуй, поверю в Бога!

Монро зарычал, глядя в потолок, потом ударил кулаком в стену и заорал. Все опустили глаза, а он разрыдался.

Оскар выжидал. Он решил тянуть жребий в числе последних, цеплялся за безумную надежду, что номера с 1-го по 20-й выйдут раньше. Художнику Тедди Бауру достался № 19.

Он сегодня не заснет, подумал Оскар. Будет прикидывать в голове размеры пляжа и расстояние до стены, рассчитает, сколько метров сможет пройти рейнджер с грузом взрывчатки, умножит на 19. Ему не повезло, так пусть не портит настроение остальным!

Настал черед Лаки Мэрри. Оскар и его не любил. Лаки был амулетом отряда, красивым, неглупым, веселым и заводным. Он напоминал героя Эррола Флинна, потерявшегося в реальной жизни, но продолжающего играть роль под градом пуль[7]. Холостых... Лаки олицетворял собой идеальную Америку *по версии* миссис Арлингтон. За все это Оскар и не любил Лаки Мэрри. А еще – за невероятную, легендарную удачливость: ему дьявольски везло во всем, особенно в покере. Он обчистил всех матросов, выиграл полкатора и жребий тянул с улыбкой победителя. № 148! Парень почувствовал неловкость и быстро отошел.

Прохиндей! – озлился Оскар. Это какой-то трюк!

Ирония судьбы – следом за Лаки студент-правовед Бенджамин Йес достал № 1. Он закрыл глаза – наверное, думал о семье, о том, что у него есть от силы два дня, потом рампу десантного катера откинут, и через несколько минут его жизнь закончится. Вот что такое № 1.

Осталась бумажка с № 4, следом по опасности номера с 31-го по 39-й.

Если я не ошибся, не тянули пятнадцать человек. Терпение, еще чуть-чуть терпения, не паникуй и не теряй головы, уговаривал себя Оскар.

Молодой рейнджер вытащил № 121. Следующий – его прозвали Дрочилой – дрожащей рукой взял со дна бумажку. 69! Все заржали.

Может, лучше остаться лежать мертвым на пляже, чем терпеть этих вонючих тупиц до самого Парижа... Чтоб вы все сдохли, завтра или послезавтра! Сколько их осталось? Двенадцать? Меньше? А номер 4 до сих пор не вышел!

У Оскара было все больше шансов стать Четвертым.

Этого я не знаю наверняка, подумал он, глядя, как очередной рейнджер с обреченным видом разворачивает бумажку. Ну же, приятель, постарайся, пусть это будет четверка!

98.

Ублюдок! Один шанс из одиннадцати.

Следующий... Давай, Джонни, порадуй Оскара.

59.

Дерьмо! Один шанс из десяти. Оскар понял: пора. Сейчас идеальный момент. Он не мог шевельнуться.

Ну давай же, остались только трусы вроде тебя. Вперед!

Тело Оскара отказывалось повиноваться.

Тощий сгорбленный парень взял бумажку. Таким вечно не везет. У него будет четверка. № 4. Он приговорен.

Господь милосердный, клянусь святым семейством Арлингтонов, что больше никогда не буду думать в храме о разных гнусностях!

«Приговоренному» достался № 113 – к его собственному изумлению.

Дьявольщина, один шанс из девяти.

Оскар потащился к каске, чувствуя спиной взгляды солдат. Его не любили – за то, что был другим, за мать, богатство, спесь, презрение к остальным и нежелание умирать в Нормандии.

Он коснулся пальцами холодной стали, взял бумажку, заколебался, бросил ее, достал другую.

Развернул.

№ 4.

3

Дезертир в деревне

6 июня 1944

Шато-ле-Дьябль, Омаха-Бич

Весь день 6 июня 1944 года Лизон Мюнье и ее родители укрывались от бомбежки в подвале маленького каменного дома, стоящего в самом центре Шато-ле-Дьябль. Девушке казалось, что она вернулась в детство, когда в дождливое воскресенье все дети играли на улице, а ей не разрешали выходить за дверь. Вечером самолеты

улетели, взрывы прекратились, словно гроза отгремела и отправилась пугать других. Мюнье первыми выбрались во двор, чтобы взглянуть на небо.

– Нужно поискать раненых американцев! – с трудом сдерживая возбуждение, сказала Лизон.

– О чем ты?

– От нас до пляжа всего пятьсот метров, мы не можем просто сидеть и ждать. Пошли!

– Не горячись, девочка, янки своих не бросают. Они заберут раненых и отправят в госпиталь.

– Да неужели?! У них только и забот, что проверять под огнем, кто жив, а кто нет! О раненых должны позаботиться гражданские!

Отец Лизон пожал плечами, мать промолчала, не желая вмешиваться.

Девушка ничего другого и не ждала и, не говоря ни слова, оседлала велосипед.

Двадцатилетняя Лизон была красива и знала это. Девушка мчалась к скалам, встречный ветер раздувал подол простенького платья, и она чувствовала себя героиней романа. Случай превратил их дыру, Шато-ле-Дьябль, в место, где решаются судьбы человечества. Герои-освободители высадились на берег в двух шагах от ее дома, и она ни за что не упустит шанс поучаствовать в великих событиях.

– Вернись немедленно, Лизон! – закричал отец в спину дочери, осознав серьезность ее намерений. – Там мины! Слышишь меня, я запрещаю! Мы не для того пережили пять лет войны, чтобы ты погибла в день освобождения!

Лизон резко затормозила.

Велосипед упал в грязь, забрызгав ее сказочный наряд – простое платье из грубого полотна. Слова отца подействовали как оплеуха. Никакая она не принцесса и не романтическая героиня. Ее отец – Жан Мюнье, простой каменщик, настолько трусливый, что не только не примкнул к Сопротивлению, но даже в коллаборационисты не подался. Лизон почти ненавидела отца и клялась, что ее жизнь будет совсем другой.

Она подняла велосипед, обернулась и крикнула:

– Ты мне отвратителен! Американцы приплыли умереть за тебя... эти солдаты – мои ровесники, мы им тысячу лет не нужны, они знают, что почти наверняка не выживут, но карабкаются вверх, лезут и лезут. А люди отсиживаются в погребках, не бегут подбирать раненых. Прости, я так не могу!

– Лизон!

Девушка села на велосипед и уехала, Мюнье посмотрел на жену, рассчитывая на помощь и сочувствие, но она ответила негодующим взглядом.

Яблоко от яблони.

Жан Мюнье схватил свой велосипед и поехал догонять дочь, кляня обеих женщин.

Жители деревни сокрушенно качали головами, мадам Мюнье горделиво смотрела вслед мужу и дочери, те мчались к скалам, и люди удивлялись: «Каков наш Жан, не поджал хвост, не прячется за женскую юбку, молодец! Да и то – подвиги совершают в исключительных обстоятельствах, когда рушится мир. Герои сбрасывают маски обывателей и спасают человечество...»

Каменщик между тем никак не мог догнать Лизон и клял про себя «чертовы ланды и чертову дорогу», не предполагая, что незапланированный подвиг обеспечит ему славу местного героя. Через несколько лет он станет членом муниципального совета Шато-ле-Дьябль, а с 1958-го по 1977-й будет мэром. На кантональный уровень ему помешают выйти настоящие участники Сопротивления.

Лизон объезжала воронки, глядя вперед, туда, где на песке валялись каски. Американские каски. И пять тел. Господи, один шевельнулся. Неужели показалось? Нет, это не ветер и не воображение разыгралось!

Придавленный трупами четырех товарищей, пятый солдат вздрагивал и... хрипло дышал!

Окажись Лизон и американский десантник совершенно разными людьми, даже будь один из них кошмарным уродом, они были обречены на любовь. Обстоятельства преопределили будущее.

Лизон осторожно напоила рейнджера, обтерла ему лицо, он открыл голубые глаза и улыбнулся.

Парень в эту минуту уверовал в чудеса. Он умирал в вонючей воронке, и его спас ангел. Любовь вспыхнула с первого взгляда.

Отдуваясь, Жан Мюнье соскочил с велосипеда, и они с Лизон потащили раненного в спину солдата к себе домой – нужно было поскорее остановить кровотечение.

Днем из соседнего городка приехал доктор, прооперировал рейнджера, сказал, что ему необходим покой, и велел связаться с американцами: в пятнадцати километрах от Шато-ле-Дьябль, в Кальвиле, янки разместили полевой госпиталь. Лизон согласно кивала – и ничего не сделала. Оставила *своего* солдата при себе, а он и не думал возражать.

Довольно скоро рейнджер назвал спасителям свое имя – Алан Ву, рассказал, что родных у него нет и оплакивать его на родине некому. Сослуживцы наверняка сочли его погибшим, а сам он больше не хочет воевать. Забинтованный Алан напоминал мумию и был прикован к постели в маленьком доме в нормандской деревушке. Днем и ночью за ним ухаживала юная красавица, так что причин дезертировать оказалось более чем достаточно. Алан Ву остался в деревне.

После войны он занимался чем придется: таскал камни, рубил деревья, строил дома. Алан был не только крепким, но и сообразительным парнем, французский выучил быстро (как и Лизон английский) и скоро стал в деревне своим.

4

И мел снова становится скалой

19 ноября 1944

Нормандия

Сидя в автобусе, неторопливо катившем из Кана в Шато-ле-Дьябль, Алиса читала про себя стихотворение Жака Превера, написанное во время войны. Мисс Порси прочла его в классе и велела выучить наизусть. Оно было о птице-лире и скале. Алиса никогда не слышала ни об этом поэте, ни о лирохвосте, но стихотворение ей понравилось.

*...А птица-лира играет,
а ученик все поет,*

*а учитель горло свое дерет:
«Прекратите сейчас же дурачиться!»
Однако почти все дети
слушают музыку птицы,
и рушатся стены класса.
В песок превращаются окон стекла,
а парты – снова в деревья,
чернила водой становятся,
мел – снова скалой прибрежной.
А школьная ручка с пером
становится птицей, как прежде[8].*

Она закрыла глаза, чтобы отгородиться от пейзажа за окном и разбитой дороги, не гадать, что ее ждет за полем, и думать только о стихотворении...

*В песок превращаются окон стекла,
а парты – снова в деревья,
чернила водой становятся,
мел – снова скалой прибрежной.
А школьная ручка с пером
становится птицей, как прежде.*

– Повторите! – говорила учительница. – Пока не появится птица-лира... Повторяйте за мной!

Алиса еще крепче зажмурилась и перенеслась мыслями в Вашингтонскую школу, в кабинет с белыми стенами, к одноклассникам и улыбчивой мисс Порси.

– Повторите!

*«Повторите!» – говорит учитель.
Два плюс два – четыре,
четыре и четыре – восемь,
восемь и восемь дают шестнадцать.
Но вот птица-лира
пролетает по синему небу.*

*Видит ее малыш,
слышит ее малыш,
и мальчик ее зовет:
«Спаси меня,
поиграй со мной, птица!»*

– Повторите!

Алиса повторяла. Повторяла про себя в пятнадцатый раз, строки давно отложились в памяти и не мешали думать о другом. Например, о разбитой нормандской дороге. Алиса сидела «на колесе», через два ряда от водителя. Место она не выбирала – не подумала, что будет так сильно трясти на ухабах и у нее разболится спина. Франция... Нормандия... Импрессионисты... Свет, травы, цветы, море, ветер смешивает краски, зеленый цвет сливается с желтым и синим. Она прекрасно знает все это по пейзажам, висящим в вашингтонской Национальной галерее искусства. Пастельная Нормандия – гармония изумрудных полей, белых парусов, желтых соломенных шляпок и кружев.

Автобус подпрыгнул на очередном камне. До Шато-ле-Дьябль оставалось полчаса пути. Алисе хотелось думать об Америке, о своей деревне Личфилд, о прежних временах и Лаки. Живом Лаки. Нужно закрыть глаза, не смотреть на жуткие дымящиеся развалины и представлять хижину, пруд, одинокий тополь и родную деревню.

Алиса оказалась в Огайо, когда ей исполнилось пятнадцать, она вытянула билет в ад – худший, чем сиротский дом, где она росла. Алиса работала в бакалейной лавке, ночевала на крошечном чердаке и смертельно, до слез, скучала по своему приюту. А потом появился Лаки Мэрри и все изменилось. Они были ровесниками.

Сначала она наблюдала, как он носится по единственной улице Личфилда и весело хохочет. Не паренек – торнадо! Лаки улыбался девушке, та влюблялась, а он исчезал, как Чеширский кот, словно его и не было. И конечно, он неизбежно обратил внимание на единственную в деревне чужачку и... пропал. Любимец деревни, капитан бейсбольной команды влюбился в девушку из чужой страны. Пошли разговоры. Но жители Личфилда были людьми незлыми, без повода никого не гнобили, а Алиса, душечка и сирота, работала не покладая рук и

никогда не жаловалась. Девочка перебралась в дом родителей Лаки, те приняли ее как родную, она снова пошла учиться, много занималась французским. Личфилд оказался не каторгой, а деревней фей, родиной Белоснежки – без гномов, но с прекрасным принцем.

То было чудесное время. Красавица Алиса умела корчить жуткие гримасы, чем очень веселила всех вокруг, а Лаки восхищалась ее красотой. Она не теряла привлекательности ни в лавке, ни на пыльной улице, ни на беговой дорожке стадиона, в промокшей от пота футболке. Даже строя рожи, Алиса оставалась красивой в глазах Лаки.

Глаза Лаки...

Автобус трясло все сильнее, и водитель сбросил скорость. Алиса нахмурилась. Лаки вечно говорил: «До чего же ты хороша!» – а теперь его нет. Она больше никогда не будет красивой и ни одной рожи не состроит. Незачем. Без него она станет невидимкой.

Они что, никогда не доедут? Так и будут тащиться черепашьям ходом? В памяти Алисы яркими вспышками мелькали картины жизни в деревне: вот она танцует на балу по случаю Четвертого июля, а вот подпрыгивает, вскидывает руки, кричит, подбадривая Лаки, и он снова приносит команде победу. В 1941-м вся деревня несет его на руках после завоевания бейсбольного кубка. Алиса очень гордилась, что всеобщий кумир любит только ее. Герой маленькой деревни в штате Огайо. Главный человек в ее мире.

Автобус остановился, и Алиса открыла глаза. По ступенькам поднялась толстая краснолицая женщина. Она пыхтела, тяжело отдувалась и с трудом уместилась на сиденье за спиной водителя. Платье в цветах было не первой свежести, простые чулки обтягивали отечные ноги.

Алиса почувствовала раздражение. Что, это и есть Франция?

Неужели все ее любимые авторы эпохи Просвещения – Золя, Гюго, Мопассан и Флобер, – так увлекательно писавшие о нормандцах, сознательно умалчивали о жалких слезливых старухах и тоскливых деревнях, населенных уродливыми крестьянами? Это их хотели освободить молодые американцы?

Не смей так думать, сказала себе Алиса, не смей... Да, от этой фермерши воняет навозом, как от личфилдских коров. Нервная, дерганая, говорит не закрывая рта, переругивается с водителем. Нужно

отстраниться, думать о своем. Лаки не мог погибнуть! Ему всегда все удавалось, он был настоящим счастливым, любимцем фортуны.

– Высадишь меня в Де-Жюмо, – крикнула нормандка водителю. – Будь она проклята, эта дорога!

Корова, думала Алиса, эта фермерша – корова. Куда подевались девушки в длинных платьях с кружевными зонтиками, любившие завтракать на траве и купаться нагишом?

Когда парни Личфилда уплыли в Англию, чтобы участвовать в высадке на побережье Нормандии, девушки горько плакали. Все – кроме Алисы.

– Говорят, они и в Кальвиле размялись?

Лаки тоже не плакал, прощаясь с Алисой, он знал, что неуязвим. И Алиса знала: Лаки не такой, как все, и разлуки не будет.

Они молоды и любят друг друга! Что им война? Далекая война на другом континенте... Невозможно представить Лаки мертвым.

Они расстались, но Лаки не сомневался, что вернется, и Алиса была спокойна.

– Де-Жюмо тоже досталось! И не только от бошей.

Алиса заткнула уши.

В Нормандии не погибают!

Заткнуть уши, закрыть глаза, чтобы не видеть эту – реальную – Нормандию и помнить только живописные изображения домов старого Онфлера, Руанского собора на закате и скал Этрета.

– Скажи-ка, Марго, вас и правда разбомбили? – спросил водитель.

– Чистая правда, – ответила фермерша. – От деревни почти ничего не осталось. Жандармы сказали, что разрушено девяносто девять процентов! Уж и не знаю, как они считали, лично я оставшегося одного процента что-то не замечаю. Разве что подвалы да колодцы... Семнадцать человек убило. На войне это, может, и не великие потери, а вот для деревни, где всего сто тридцать жителей, очень даже много! Я живу одна и никого не потеряла. Только собаку... Врать не стану – горюю по ней ужасно, но другим тяжелее моего. Англичане не церемонятся.

В Нормандии не умирают, убеждала себя Алиса. Не слушай других, думай о Лаки как о живом!

– Уверена, что это сделали англичане?

– Еще бы! Мы успели разглядеть, когда бежали прятаться, а жандармы потом все разъяснили. Держись крепче за руль, Реми. Знаешь, зачем они сбросили бомбы?

– Конечно. Из-за бошей. Чтобы уничтожить их. С самолета целиться трудно, вот тебе и сопутствующие потери, чего уж там.

– Чушь! В деревне не было ни боша, ни полбоша, и англичане это точно знали, но... сровняли деревню с землей, чтобы перекрыть немцам дорогу.

– Перекрыть дорогу?

– Вот именно! Из обломков наших домов вышла отличная баррикада.

Господи, когда же они заткнутся? Алиса никак не могла сосредоточиться. Нечего выставлять свои беды напоказ. Настоящая печаль прячется от людей. Печаль заразна!

– Они хотели превратить наши фермы в заслон, – продолжала Марго. – Отрезать Изиньи от Кана. Немцы из гарнизона в Изиньи не должны были успеть на пляж к моменту высадки десанта. Поэтому Де-Жюмо забросали бомбами.

– Да бошей в Изиньи уже не было, они ушли третьего июня, – возразил водитель.

– Ну-у...

– Хочешь сказать, англичане кидали бомбы, чтобы не пропустить бошей, которые ушли за два дня до того? Проклятье! Выходит, все умерли ни за что? Папаша Дюваль... Леонар де Корневиль и его малыш... Сестры Карруж... Семнадцать погибших... И все зазря?!

В автобусе стало совсем тихо, только двигатель урчал да погромыхивал ржавый кузов. Алиса так и не смогла сосредоточиться на воспоминаниях.

Она вслушивалась в тишину.

Реми яростно погудел трем курицам, они неторопливо переходили через дорогу, равнодушные к человеческим несчастьям.

– Вот ведь ужас. – Водитель покачал головой. – И вы все равно устроили англичанам торжественную встречу?

– А как же. Война, она война и есть... Паренек, который шел на приступ наших скал, не бросал на нас бомбы. Да и тот, что сидел в кабине самолета, выполнял приказ командира, укрывшегося в бункере посреди Лондона... На большом столе перед ним разложена большая

карта Нормандии с маленькой черной точкой – деревней Де-Жюмо. Посмотрел он на нее и подумал: «Сбросим-ка мы бомбы вот сюда и задержим бошей!» Он сделал свою работу. Даже немцы и те выполняли приказы, их солдатики тоже люди подневольные. Во время войны все верят, что поступают правильно. Такая вот дурость.

Алисе расхотелось закрывать глаза. Нормандка вдруг перестала вонять. Обе они – одинокие женщины среди мужчин, играющих в героев. А фермы с пасущимися на полях безучастными коровами ничем не отличаются от Личфилда. Центр земли для их обитателей. Крошечные черные точки на огромной карте для всех остальных.

Алиса думала о письме, которое три месяца назад получили родители Лаки: «Ваш сын пал смертью храбрых в Нормандии, пойдя на приступ Пуэнт-Гийома...» Алиса отказалась поверить в смерть Лаки.

Только не он!

В Нормандии никто не умирает. Тем более Лаки! Как только представилась возможность, Алиса отправилась во Францию, чтобы найти Лаки. Его родители оплатили дорогу. «Поезжай, девочка, и привези нам хорошие новости!»

Она смотрела в окно и видела только одно. Торжество смерти.

Автобус въехал в Де-Жюмо. Деревня лежала в развалинах, на немногих уцелевших домах не было крыш.

Марго вышла на «остановке», обозначенной картонкой на палке. Вдалеке угадывались темные согбенные силуэты с тележками и тачками: люди разбирали завалы, растаскивали камни.

Водитель обернулся к Алисе:

– Здесь была церковная площадь. Сам-то я редко ходил в мессе, но деревня без церкви... Нет, так не годится!

– Люди построят новую, современную, – попыталась утешить его Алиса.

– Скажете тоже – современную! Настоящая церковь должна быть старинной, старше всех домов. А новая – так, вроде безделушки на камине. Церковь – она как родовая память, передается от поколения к поколению. И новая, которую собираются построить, станет вечным укором, напоминанием о случившемся, памятником павшим.

Автобус тронулся с места. До моря оставалось несколько километров. Разъезженная дорога шла через ланды, заросшие дикими

травами. В конце ее Реми и высадил Алису.

– Приехали, мисс. Желаю удачи.

Шато-ле-Дьябль оказалась местечком на двадцать домов, стоящих вокруг перекрестка. Напротив остановки находилось маленькое кафе с громким названием «Завоеватель». Цветы на окнах, занавески в красную клетку – веселый контрапункт в пейзаже цвета пыли. Все остальное выглядело тоскливым и пустынным. Оно и понятно – восемь утра.

Из подъехавшего джипа вылез американский офицер:

– Вы Алиса?

Его настойчивый взгляд она наивно приняла за солдатскую прямоту.

– Да.

– Я лейтенант Дин, командир отряда рейнджеров, штурмовавших Пуэнт-Гийом. Соболезную насчет Лаки, понимаю и одобряю ваш приезд. Сидя дома, ничего не поймешь. Если хотите, я отвезу вас на пляж, где разворачивались события.

Алиса села в машину.

– Я... не могу поверить в смерть Лаки... – После секундной паузы она произнесла «не могу» вместо «не могла».

Лейтенант кивнул:

– Конечно... Понимаю. Я недолго общался с Лаки, но успел понять его характер. Он был как ребенок и никак не мог погибнуть на войне. Жестокие игры не для таких людей. Мне очень жаль, мадемуазель, но Лаки мертв, его убили одним из первых. Товарищи оплакали геройскую гибель вашего жениха.

Лейтенант припарковал джип на земляной площадке, они обошли блокгауз и оказались на крутом шестидесятиметровом утесе. Внизу лежал бесконечный пляж, серый и грязный. Начался отлив. Похожие на зеленых букашек военные занимались разминированием, растаскивали тонны ставших ненужными железяк.

Ну почему так случилось, что солдатам пришлось штурмовать стену? – горестно размышляла Алиса. Пляж казался бескрайним, скалы – запредельно высокими. Сколько людей отдали жизнь за проклятый блокгауз? Где взять мужество, чтобы подняться и рвануть вперед, молясь об одном: пусть вражеский солдат целится в другого?

Здесь она поверила в смерть Лаки, ощутила ее внутри себя. Удача отвернулась от своего любимца.

– Лаки всегда везло, лейтенант. В Личфилде – это наша деревня – он был героем, ему все удавалось. И...

– И этот весельчак приплыл в Нормандию, чтобы умереть рядом с тысячами других молодых американцев, счастливых и везунчиков. Война не выбирает! – закончил за нее лейтенант.

– Рядом с тысячами других... – повторила Алиса.

Они помолчали. Дин искал слова утешения. И нашел:

– Надеюсь, вам станет легче, если я скажу, что Лаки был всеобщим любимцем.

Заметив, что девушка удивилась, он пояснил:

– Вы единственная, скажу мягче – первая подруга погибшего рейнджера, приехавшая сюда. Родители нескольких парней были в этом месяце, невест – ни одной. Лаки и впрямь повезло.

– Можно мне побыть тут немного?

– Конечно. Спуститесь на пляж, если хотите, но будьте осторожны, не сходите с тропинки. Вокруг полно мин.

Лейтенант Дин смотрел вслед Алисе. Он, конечно, необъективен, все-таки полтора года в исключительно мужской компании, но Алиса Куин – настоящая красавица. Дин видел ее изящный силуэт на фоне вересковых зарослей, вспоминал большие голубые глаза и изящный изгиб бровей, таких тонких, как будто их сначала выщипали, а потом нарисовали карандашом.

Алиса спускалась по выбитым в скале ступеням, и лейтенант любовался ее длинными золотистыми волосами, пока она не скрылась из виду.

Лаки мертв. Погиб как герой. Его память будут чтить, но разве это имеет значение?

Алиса долго ходила по пляжу, разговаривала с военными и смотрела по сторонам, чтобы сохранить увиденное в навечно окаменевшем сердце. У меловой стены ей вспомнились строки Превера:

*В песок превращаются окон стекла —
а парты – снова в деревья,*

*чернила водой становятся,
мел – снова скалой прибрежной.*

Она придумала продолжение:

*И плоть в песок превращается —
а кровь становится морем...*

Природа вечна, она сильнее всех и всегда берет свое. Солдаты расчистят пляж, море сотрет следы, напоминающие о бойне, как мел с грифельной доски. Дети снова будут играть на солнце, купаться, бегать среди разноцветных зонтиков и весело смеяться. Когда люди простят себя и друг друга (они всегда прощают – самое ужасное, что только так можно забыть), на пляже зазвучат разные языки и отец немецкого семейства с улыбкой отпасует мяч молодому американцу.

Вода прибывала. Нет, ни о какой удаче и речи тут не шло. Лаки погиб, а волны уничтожили все следы. В 12:45 Алиса вернулась в Шато-ле-Дьябль.

Автобус опаздывал. Рядом с остановкой шумно дышала дряхлая лошадь, запряженная в тележку-развалюху, груженную узкими деревянными брусками. Хозяин, усатый нормандец, поглаживал животное по гриве, искоса поглядывая на незнакомую девушку.

Жизнь в Нормандии продолжается, думала Алиса. Все наладится, появятся новые дома за белыми заборами, вырастут сады.

Солнце робко касалось лучами хрупкого квадрата голубого неба. На другой стороне дороги веселая темноволосая девушка отмывала пыльные окна кафе «Завоеватель».

Ее звали Лизон Мюнье. Аппетитное тело, сильные руки и ноги, миткалевая красная клетчатая юбка (шторы в заведении были из того же материала). Прошло десять минут. Автобуса все не было, и хозяин повозки ушел в кафе. Лизон обернулась, и Алиса увидела, что она очень хороша собой, похожа на румяную куклу с огромными светлыми глазами. Ее победная красота бросала вызов хаосу, утверждала торжество жизни над смертью. Лизон улыбнулась Алисе, та ответила

грустным взглядом. Мадонна нормандских развалин сразу все поняла и смутилась.

Американка... Приехала в Шато-ле-Дьябль, чтобы почтить память любимого человека.

Подошедший автобус отвлек молодую нормандку от печальных мыслей, отгородив ее от безысходной стороны улицы. Алиса поднялась в салон, но водитель, не Реми, не тронулся с места, он ждал усача-лошадника. Тот прибежал, и они начали грузить бруски на багажник.

На пороге «Завоевателя» появился Алан Ву. Он слегка прихрамывал, загипсованная левая рука висела на перевязи из шарфа, пол-лица скрывали бинты. Алиса не могла отвести глаз от покалеченного нормандца. Надо же, какая у парня выправка! Он похож на американского солдата. Или канадского. Да нет, показалось. Здоровой рукой Алан обнял Лизон за талию.

Прекрати! – прикрикнула на себя Алиса. Некоторые французы, в том числе нормандцы, тоже воевали, но остались живы и вернулись к любимым женам!

Она отвернулась, чтобы не захлебнуться злостью. Водитель автобуса и усатый мужичок заканчивали разговор.

– Выгрузишь в Кальвиле. Америкашки сообразят, как и что. Там у меня на каждом бруске есть метки – всего и делов-то, что пару гвоздей вколотить.

– Богатейший тебе достался заказ, – сказал водитель. – Тут заготовок на сотню крестов, не меньше.

– Да это так, на пробу, – ответил столяр. – Понравится моя работа, буду делать тридцать тысяч!

– Сколько?!

– Тридцать тысяч одинаковых крестов! Чертовская удача, так что уж будь поаккуратней.

– Не бойся, доставлю в лучшем виде...

Двери автобуса закрылись.

Тридцать тысяч крестов, ужаснулась Алиса. Ее Лаки был одним из деревянных крестов...

Она обернулась, чтобы в последний раз посмотреть на Шато-ле-Дьябль, и встретила взглядом с раненым нормандцем. Он глядел так, словно пытался что-то вспомнить, надеялся узнать ее. Это смутило

Алису сильнее, чем любовь этой пары. На ее счастье, автобус наконец тронулся с места.

Из-под задних колес летела пыль. Она не заметила, что мужчина, тяжело припадая на одну ногу, бежит следом и отчаянно машет рукой. Водитель его тоже не видел, автобус продолжил свой путь в Кан через Кальвиль.

На колдобинах и в ямах плохо закрепленные бруски летели на землю, десятки заготовок усеяли дорогу, которую союзники окрестили дорогой Свободы.

Метров через сто американец выдохся, тяжело закашлялся и остановился. Он наконец понял, почему грустное лицо девушки из автобуса показалось ему знакомым. Но поздно. Он упустил ее.

Упустил.

– Алан! Алан! Кто это? – крикнула Лизон с порога «Завоевателя».

– Никто, я ошибся...

– Она американка, точно тебе говорю! Вы знакомы? Ты ее узнал?

– Да нет же, показалось...

– Она славная, – не успокаивалась Лизон. – Грустная, но красивая. Скажи мне, кто она, Алан?

– Я принял ее за жену друга. Или невесту. Товарища по отряду. Почудилось, но я не уверен – видел только на фотографии, так что... Возможно, это не она... Точно не она!

– Что за товарищ? Как его зовут?

– Он погиб. За нее!

Лизон и Алан еще долго стояли на улице перед кафе, а автобус с Алисой ехал в Кан.

– Так как его звали? – настаивала Лизон.

– Ты его не знала, – ответил Алан. – Перед самой высадкой он показал мне снимок.

– И ты запомнил? Ничего удивительного, такая красавица.

– Думаю, я ошибся. Теперь это не имеет значения.

Он пожал плечами, судорожно ища другую тему для разговора, но Лизон и не собиралась сдаваться.

– Ты впервые проявляешь такой интерес к человеку из прошлого. Поклянись, что она ничего для тебя не значит.

– Клянусь! Прошлое осталось в прошлом.

– А ее жених?

– Он тоже.

– Я ничего о тебе не знаю, только имя. Расскажи об этом друге, ну пожалуйста...

– Он погиб!

– Ты не должен оставаться один на один с военными кошмарами! Как звали твоего друга?

Алан сдался.

– Лаки. Его звали Лаки. Он был моим лучшим, нет – единственным другом на десантном катере.

– И дальше?..

– Лаки был самым безумным парнем из всех, кого я встречал. Ему всегда и во всем везло. Он всех ребят ободрал как липку в покер.

– Ага, ты играл в покер! – наигранно возмутилась Лизон.

– Лаки был для нас образцом во всем. Его девушку мы видели только на фотографии, но каждый мечтал заполучить такую же.

Лизон покачала головой.

– Я тоже – до встречи с тобой, – поспешил исправиться Алан. – У Лаки был договор с Богом и персональный ангел-хранитель.

– Ангел? – Лизон пожала плечами. – Ну, значит, ангел погиб под обстрелом до шестого июня! Умереть на пляже, какое уж тут везение? – Она обвила шею Алана руками. – Ты вдесятеро везучей Лаки, любимый... потому что остался жив! И женщина твоя намного красивее, разве нет?

Алан не ответил, и Лизон скорчила недовольную гримаску.

– Лаки всегда держал судьбу в узде. Он сам выбрал свою смерть. – Алан помолчал. – Даже ангел-хранитель не может помешать человеку продать душу дьяволу.

– О чем ты?

– Это мужские дела, Лизон. Американские истории. Прошлое... Лучше тебе ничего о них не знать.

– Но я хочу! Я должна!

Лизон так и не узнала. Алан умел хранить секреты.

5

В Сидней или куда угодно...

20 ноября 1944

Аэропорт Ле Бурже, Париж

Из Кана в Париж Алиса добралась поездом и на вокзале взяла такси до аэропорта. Самолет вылетал в 18:59. Она обвела рассеянным взглядом зал ожидания, думая о Нью-Йорке.

Нью-Йорк без Лаки.

Личфилд без Лаки.

Но с его родителями, друзьями и близкими, десятками сочувствующих, готовых утешать, задавать вопросы, приставать с советами, заставлять быть счастливой через силу. Нет, жители Личфилда не бросят на произвол судьбы молодую вдову, не такие они люди.

А ей – вот ведь беда – хотелось забиться в угол и не думать. Не изображать по заказу веселость или грусть. Она хотела стать невидимкой.

Нью-Йорк, 18:59.

Единственный рейс. Аэропорт только-только начал возвращаться к гражданской жизни.

Лондон, 17:13.

Стокгольм, 19:24.

Сидней, через Лондон, 17:13.

Стать невидимкой.

Алиса посмотрела на табло и как сомнамбула побрела к кассе. В Сидней или куда угодно...

Какая, в конце концов, разница? Нужно просто уехать подальше от всего и от всех, пока не утихнет боль.

Навсегда, подумала она.

На деле вышло иначе.

6

Секрет Алана

Декабрь 1944 – январь 1964
Шато-ле-Дьябль, Нормандия

В 1945 году дядя Лизон, Виктор Мюнье, хозяин бара «Завоеватель», уехал в Прованс, на родину жены, которая за много лет так и не привыкла к соленым шуткам нормандцев. Между последним стаканчиком кальвадоса и первой рюмкой пастиса Виктор предложил племяннице принять бразды правления, и она согласилась. И скоро «Завоеватель» стал одним из популярнейших заведений кантона: посетителей радушно встречал американец и с улыбкой обслуживала Лизон.

Кстати сказать, многих американец интересовал больше красавицы.

Каждому хотелось посмотреть, как Алан разливает белое вино и кальвадос, послушать, как говорит на местном наречии, веселя крестьян и разбивая сердца девушкам под бдительным присмотром Лизон. Об Алане говорили «наш американец», а близкие друзья в шутку называли его «дезертиром».

Завсегдатаи бара любили этого надежного, слегка застенчивого, улыбочивого верзилу и гордились, что он остался с ними, очарованный первой красавицей Шато-ле-Дьябль. В некоторых нормандских деревнях был военный музей или кладбище, памятник или новая церковь. А в Шато-ле-Дьябль – собственный американец!

Лизон и мечтать не могла о таком счастье. Юная легкомысленная девчонка, бродившая по ландам, превратилась в прелестную женщину, жизнерадостную, но благоразумную. Ей было хорошо, ничто не омрачало ее отношений с Аланом, разве что два-три маленьких облачка на бескрайнем голубом небе.

Единственным камнем преткновения был вопрос о ребенке. Лизон настаивала, Алан не сдавался.

– Каждые двадцать лет случается война, – говорил он. – Я не хочу заводить малыша и растить его до совершеннолетия, чтобы он потом оказался в каком-нибудь незнакомом краю и стал там убийцей... или трупом. Или тем и другим одновременно.

На все возражения Лизон Алан отвечал:

– Ты не поймешь, тебя не призывали в армию, не сажали на десантный катер, не выбрасывали в шторм на побережье чужой страны.

Ты не бежала под пулями по пляжу и не стреляла в ровесников только потому, что они говорят на другом языке.

Крыть такие аргументы было нечем, но Лизон не теряла надежду, что Алан со временем передумает. Они молоды, так что успеется.

Лизон ошиблась – Алан продолжал упорствовать. Она недоумевала: он ведь любит детей, ловко обращается с чужими – а своих не хочет? Может, есть какая-то причина – американская, с довоенных времен?

Алан не любил вспоминать прошлое. В самом начале их отношений он сказал Лизон, что дома у него не осталось ни родных, ни друзей, и ей пришлось довольствоваться этим, хотя в голове гвоздем засел неприятный вопрос: что, если Алан Ву – ненастоящее имя? Вдруг у него есть семья в Америке? Жена? Дети? Это бы все объяснило... Лизон гнала подозрения прочь – в конце концов, это лишь крошечная туча на ярко-синем небосклоне ее счастья.

Впрочем, было и кое-что еще – письма.

Алан регулярно получал из Америки письма в надушенных конвертах, надписанные одним и тем же женским почерком. Он садился сочинять ответ подальше от Лизон и всегда сам относил письмо на почту. Сначала она дулась, любопытничала, изображала ревнивую досаду, но Алан отвечал всегда одно и то же:

– Ничего интересного тут нет, уверяю тебя!

Через несколько лет Лизон сдалась и перестала задавать вопросы, но, когда приходило очередное письмо из Америки, не могла не думать о плохом.

В январе 1964 года все нормандское побережье готовилось отмечать двадцатилетие высадки союзников. А в Шато-ле-Дьябль решили устроить праздник в честь юбилея встречи Лизон и Алана. Они так и не поженились из-за проблем с его гражданским статусом.

10 января, обычным зимним утром, Алан вышел на кухню, и вид у него был странный. Он не спал всю ночь – впервые после 1945 года, когда его мучили кошмары. Накануне они провели вечер с друзьями. Пришли Шавантре, кузен Лизон; ее детский воздыхатель Тетрион; Поль Тесье, которого все называли Учителем, хотя никто не знал, работал ли он когда-нибудь в школе; Фернан Приер, архивист из Кана.

Все веселились, вспоминали юные годы, и бар закрыли позже обычного.

Алан и Лизон сидели за столиком в холодной кухне, она смотрела на любимого и предчувствовала дурное.

– Я должен вернуться в Штаты, – мягко сказал он.

Она молчала.

– Ненадолго. Улажу одно дело и вернусь.

В последнее время Алан не получал писем, его никто не навещал, так почему он выглядит столь потрясенным?

– Что случилось? – спросила Лизон.

– Прости, милая, не могу сказать. Тебе лучше ничего не знать.

Двадцать лет Лизон мучил страх, что Алан однажды заскучает, покинет ее и вернется на родину, к прежним привязанностям. Поэтому она так боялась писем из Штатов. Но зачем уезжать сейчас?

Он решил, что двух десятков лет изгнания более чем достаточно?

– Устал от Франции?! – взорвалась Лизон. – И от маленькой француженки? Решил, если не сможешь сейчас, потом будет поздно, придется доживать свой век на чужбине?

– Нет, Лизон, клянусь, ты ошибаешься! – Алан изо всех сил пытался сохранить спокойствие.

– Дело в женщине? Той, что пишет тебе? Она твоя любовница? Твоя невеста? – Лизон задохнулась от негодования и замолчала. – Или жена? Может, у тебя и ребенок есть?

– Нет, Лизон.

– Тогда объясни, почему ты решил уехать именно сейчас? Расскажи наконец, от кого эти письма!

– Успокойся, Лизон, я вернусь через несколько недель.

– Возьми меня с собой!

– Не могу, я должен поехать один.

– Америка далеко...

– Но время пролетит быстро.

Бушевавшая в душе Лизон гроза сменилась мелким печальным дождиком, какой часто подолгу идет в Нормандии.

– Я буду ждать тебя, Алан, – сказала она, – вернешься ты или нет. Мне все равно, есть у тебя другая женщина или нет, я не перестану

ждать. Никогда.

– Верь мне, очень тебя прошу. Да, я еду из-за женщины – той, что писала мне двадцать лет. Но не потому что люблю ее, все ровным счетом наоборот!

Алан замолчал. Слезы текли по щекам Лизон, капали на клеенку.

Не слишком щедрый на нежности Алан попытался утешить ее.

– Я вернусь, и, если не передумаешь, мы заведем ребенка... Еще не поздно, нам с тобой нет и сорока. Может, ему повезет: он будет слишком юным и его не возьмут на ближайшую войну, а на следующую он не попадет по возрасту. Но прежде я должен сдержать данное давным-давно слово.

Лизон еще долго сидела за столом и плакала. Потом снова плакала, глядя вслед автобусу, который увозил Алана в Кан.

– Я буду ждать тебя, – прошептала она, обращаясь к облаку пыли.

Лизон сдержала слово.

Она ждала его. И больше никогда не видела.

Серый дождик навсегда поселился в ее душе.

Вторая эпоха

1964

Кровь предателя

7

Окончание уроков

Май 1964

Блю-Хилл, Оклахома

Дождь обрушился на городскую школу в Блю-Хилл за несколько секунд до того, как дети высыпали во двор. Зонтики раскрывались синхронно, вырастали над головами, точно грибы после дождя. Мамочки оказались в таком импровизированном разноцветном шапито и продолжили болтать, не обращая внимания на стук капель.

Стоявший чуть поодаль Алан Ву был одним из немногих мужчин.

Как бы меня не приняли за педофила, подумал он. Торчу в тридцати метрах от школьных ворот, наблюдаю за женщинами и детьми. Глупо.

Впрочем, Алан не очень беспокоился, здесь его никто не знал, разве что миссис Парк, управляющая гостиницей «У озера». За несколько последних недель он только с ней и перебросился парой слов.

Дождь усилился. По шоссе 108 мчались машины, из-под колес летели брызги. Никто не обращал внимания на чужака. Его охота подходила к концу, рыжеволосая женщина была здесь, она тоже пришла забрать ребенка после уроков.

Рыжеволосая?

Все матери были в шапочках, капюшонах или под зонтами. Которая из них – призрак, за которым он гоняется?

Учительница Мэри Таннер дунула в свисток, и дети устремились во двор наперегонки с дождевыми каплями. Алан искал глазами рыжеволосых. Каждый ребенок подбежал к матери или отцу и укрылся под зонтом. Крыша шапито распалась на части.

Рыжеволосый паренек и девочка с такими же яркими кудряшками нырнули под один из зонтов.

Она!

Алан следовал за ними вдоль шоссе 108, держа дистанцию. Женщина и дети перешли на другую сторону и свернули на перекрестке. Алан ускорил шаг.

У него за спиной зажглись фары. Включились дворники, разгоняя по стеклу воду. Заработал двигатель, и автомобиль тронулся с места. Алан побежал через дорогу, не глядя по сторонам, и не заметил находившуюся метрах в ста машину.

Она ехала медленно. Угрожающе медленно.

8

Вдова и солдаты

Июнь 1964

Шато-ле-Дьябль, Нормандия

Природе, как известно, нет дела до планов людей. Они готовились праздновать двадцатую годовщину Высадки, а погода хмурилась, хотя была и не настолько ужасной, чтобы напомнить ветеранам весну 1944-го.

В автобусе Алиса села сзади. Она долго колебалась, прежде чем решила поучаствовать в праздновании. По пути из Кана в Изиньи через Пуэнт-Гийом ее одолевали воспоминания. Это путешествие разительно отличалось от первого: автобус был намного удобнее, а на шоссе недавно положили новый асфальт. Флаги и гирлянды украшали деревенские площади и дома, дети пели и смеялись.

Похоже, все забыли войну, думала Алиса. По крайней мере, пытаются забыть.

Она помнила почти все. В группе кроме нее было несколько старушек – скорее, дам в возрасте, – они приехали оплакать сыновей, не успевших подарить им внуков. Две солдатские жены откровенно скучали и явно жалели, что согласились сопровождать мужей в Нормандию. Мужчины развлекались, рассказывая похабные анекдоты. Их послушать, так вся эта война – не более чем развеселая шуточная

кампания. Встречи ветеранов-рейнджеров были похуже попойки болельщиков после бейсбольного матча, куда не допускаются женщины.

Алиса ни с кем не вступала в разговоры – не любила делиться воспоминаниями, но прониклась симпатией к Кристине Адамс из Вайоминга. Женщина чем-то напоминала мать Лаки. Кристина воспитывала сына одна, и его гибель у Пуэнт-Гийома лишила ее жизнь смысла. Миссис Адамс знала, что такое долгие годы одиночества. Они сблизились, и Алиса впервые рассказала свою жизнь чужому человеку.

Она провела в Австралии пятнадцать лет. Преподавала французский. Замены Лаки не нашла – ни в своем сердце, ни в постели. В начале 1950-х, после пяти лет молчания, написала родителям Лаки. В Личфилде все считали, что она покончила с собой в ту первую поездку во Францию. Переписка стала регулярной, родные покойного жениха настаивали на ее возвращении, и в 1959-м Алиса сдалась. В личфилдском колледже открылась вакансия, и она переехала. У нее началась *почти* нормальная жизнь, в которой было все, кроме любви. Она не раз отвергала предложения руки и сердца от коллег, сраженных красотой молодой вдовы. Алиса отреклась от любви и не жалела об этом. Многие женщины жили без любви: одних мужья считали уродками, другие слишком рано вступили в брак и обзавелись ребенком. Да мало ли причин... Сорокалетняя Алиса не думала, что заслуживает больше жалости, чем все остальные, ведь двадцать лет назад она узнала настоящую любовь, которая и теперь согревала ее сердце.

Деревню Де-Жюмо автобус проехал без остановки. Алиса успела заметить большую стоянку рядом с новой бетонной церковью странной геометрической формы и без колокольни. Она подумала о фермерше, которая жила здесь двадцать лет назад. Кажется, ее звали Марго... Интересно, что с ней случилось?

Через несколько минут автобус въехал на центральную площадь Шато-ле-Дьябль. Кафе «Завоеватель» стояло на прежнем месте, на окнах висели занавески в красную клетку. Группа задержалась в ресторане, ветераны выпили лишнего, размякли от воспоминаний. Захмелевший капитан вскочил с сиденья и затянул «Пять свинок».

Алиса думала о молодой паре, которую двадцать лет назад видела на пороге «Завоевателя». Они казались нереально счастливыми в самом сердце трагедии. Девушка была очень красива.

В тот момент, когда автобус свернул на узкую дорогу, ведущую к скалам, Алиса заметила лицо в окне третьего этажа.

Женщина с печалью смотрела на веселую компанию американцев. Алиса мгновенно узнала в ней девушку из прошлого и как будто увидела себя в зеркале. Ей захотелось выйти, поговорить, может быть, утешить незнакомку. Их судьбы странным образом переплелись. Когда-то они были веселы и беззаботны, потом судьба нанесла им удар.

Автобус въехал на грунтовую стоянку перед блокгаузом, напротив только что установленной мемориальной доски в память о павших героях. Ее вмуровали в памятник – современный, причудливой формы. Скульптор хотел изобразить летящие к скале штурмовые «кошки», но вышло не то паучье гнездо, не то заросли крапивы. Капитан дирижировал хором, изображал свинок, других животных с фермы и первым увидел блокгауз, памятник и утес. Все мгновенно замолчали.

Рейнджеры вышли на бескрайний пляж, ставший еще шире из-за отлива. Каждый оказался наедине с воспоминаниями и позабытыми страхами, никто не решился развеять наваждение шуткой, хотя некоторые только тем и занимались последние двадцать лет. Женщины брали мужей за руку, обнимали за талию.

Только у Кристины Адамс и Алисы не оказалось пары, и один из ветеранов сообразил, что эта красивая женщина – не солдатская жена, значит, можно с ней поболтать и на время забыть своих демонов.

– Выходит, вы ничья не жена?

Вопрос прозвучал неуклюже, и Алиса растрогалась.

– Я не одна. Тот, кого я люблю, здесь.

Он удивленно вздернул брови, Алиса улыбнулась и пояснила:

– Здесь я чувствую, что он рядом.

– Какой же я идиот! – Мужчина стукнул себя кулаком по лбу, развеселив Алису, и постарался сформулировать следующую реплику не так коряво. – Думаю, он бы гордился, что вы помните его и двадцать лет спустя.

– Благодарю вас.

– У большинства парней, которые тут полегли, не было ни жен, ни подружек, которые стали бы оплакивать их так долго.

Алиса промолчала, и рейнджер осмелел.

– Вот ведь невезуха – умереть здесь, когда дома ждет такая красавица! Могу я узнать имя несчастного?

– Лаки Мэрри.

– Алиса! – воскликнул рейнджер. – Вы Алиса! А я болван! – Он снова постучал кулаком по лбу. – Должен был догадаться.

На этот раз изумилась Алиса.

– Не понимаете, откуда я знаю ваше имя? Некоторые вещи помнишь всю жизнь. Ваше лицо я бы не узнал – Лаки показывал мне фотографию раз или два, но имя... Знаете, Лаки был звездой. Всем нравился. Он рассказывал о себе, и мы думали: «Складно врет!» Лаки называл вас своей великой любовью, и каждый раз, выигрывая в покер, целовал вашу карточку. Вы стали легендой, ребята спрашивали друг друга: «Как думаешь, она настоящая?» Вы были такой красивой... – Он покраснел, сообразив, что это прозвучало обидно, и поспешил исправиться: – Вы и сейчас прекрасны, но на той фотографии выглядели еще и веселой, и счастливой. Что и говорить, мы завидовали прохоже Лаки. – Рейнджер спохватился, что зашел слишком далеко, и пробормотал: – Не сердитесь, мисс, я не мастак говорить комплименты.

– Все в порядке, – улыбнулась Алиса. – Предпочитаю, чтобы его вспоминали весело.

Он успокоился.

– Поверить не могу – вы существуете, Лаки вас не выдумал! Никто не имеет права умирать, когда дома его ждет такая женщина. Нельзя дразнить смерть, если тебя любит первейшая красавица.

– Дразнить смерть, – повторила Алиса. – Лаки был как все, он не выбирал эту войну.

– Конечно, нет, но ему не стоило так рисковать...

– О чем вы? – удивилась Алиса.

– Да вы и сами все знаете, – ухмыльнулся ветеран, – фортель он выкинул тот еще, зато теперь вы не только самая красивая, но и самая богатая вдова в Америке.

– Вы что-то путаете, – удивилась Алиса. – У Лаки не было денег. Его отец рабочий, мать официантка.

– Издеваетесь? – рассердился он. – Все же знают эту историю.

– Какую историю?!

– Хотите сказать, что вы не получили денег?

– Да мы даже женаты не были, какая уж тут пенсия!

– Я о другом... Значит, вы и правда никаких денег не видели?

Точно?

Он со злостью стукнул костяшками пальцев по многострадальному лбу.

– Проклятье... Сволочь! Бесстыжий мерзавец!

У Алисы закаменели скулы.

– Это вы о Лаки?

– Господи, нет, Лаки был святой и самый большой дурак, судя по вашим словам!

– Я требую объяснений! – Алиса повысила голос.

– Будь оно неладно, Лаки провели, обманули, надули! Подождите, я позову Барри, пусть все расскажет. Этот кретин остался жить благодаря Лаки. Даже не знаю, что будет, когда он узнает, что вам и доллара не досталось... Барри!

На зов обернулся лысый пузатый мужик, который всю дорогу потешал попутчиков анекдотами и непристойными песенками.

– Чего тебе, Джимми?

– Иди сюда, толстяк. Не поверишь, кто тут у нас!

– Эйзенхауэр? – Барри посмотрел на Алису. – Вот те на, дочка Эйзенхауэра.

– Заткнись, кретин... Представляю тебе невесту Лаки. Это Алиса!

Рейнджер кашлянул, покраснел, протянул толстую лапищу и пробормотал:

– Барри Монро... уж извините... счастлив познакомиться...

– Она не знает! – сообщил товарищу Джимми. – Историю с Оскаром Арлингтоном. Девушка Лаки не получила ни цента!

До Барри не сразу дошел смысл сказанного, но затем он разразился ругательствами.

– Ублюдок! Подлая скотина! Его счастье, что не поехал с нами! Попадись он мне...

Ветер еще долго разносил по округе возмущенные крики отставного рейнджера.

9

Памятная церемония

Июнь 1964

«Шератон-Сити-Центр», Вашингтон

Самый большой зал «Шератон-Сити-Центра» был заполнен до отказа. С потолка свисали звездно-полосатые флаги. Оскар Арлингтон пересчитывал их, надеясь, что это занятие придает ему задумчивый, сосредоточенный вид.

Подсчет знамен займет некоторое время – сказать, что здесь их много, значит ничего не сказать.

Интересно, кто-нибудь удосужился сосчитать все флаги, вывешенные в Вашингтоне в обычный день? Число наверняка поражает воображение. Почему Америке так сильно хочется самоутвердиться, особенно после убийства Джона Кеннеди? На каждой крыше полотнище, совсем как в банановой республике после государственного переворота.

Считать Оскар бросил, но взгляд не опустил – на людей смотреть не хотелось. Ему было неуютно в глубоком кресле, обитом зеленой кожей, на виду у полутысячи ветеранов Высадки, которые по тем или иным причинам не смогли поехать в Нормандию. Он знал, что через несколько минут, во время награждения, почувствует себя еще хуже. Оскар пришел, чтобы получить медаль. Какую? Он не знал и знать не хотел. Медаль за то, что служил народу.

Спасибо, мама...

Арлингтон наклонился к соседу. Несмотря на молодость, на мундире у того сверкало штук шесть наград. Наверное, и ему повесят на грудь одну из таких вот красивых побрякушек. Они очень нравятся девушкам, а военные на редкость изобретательны по части всяческих цапек.

Мой геройский сосед собрал не всю коллекцию, подумал Оскар, иначе не находился бы здесь. Слава выжившим! Вам обещали персональную медаль, если будете выполнять приказы и, не дрогнув, побежите на приступ. Чего разнюнились, выжившие? Долго ждали? Двадцать лет? Ликуйте, час вашей славы настал! Не стоит расстраиваться, парни, выиграли все. Даже меня решили отметить. Даже я сорву джекпот! Снимаю шляпу, мама. Интересно, какими глазами будут смотреть на меня присутствующие, когда я поднимусь на сцену за медалью, а, мамуля? Кое-кто из пятисот героев в курсе моей

истории, один или двое знают, что мои кости сейчас должны лежать в песках Нормандии, и не откажут себе в удовольствии распустить языки. Веселятся втихаря, глядя, как я сижу тут, надуваю щеки, изображая героя. Какого черта матери пришла в голову идея с награждением? Мне двадцать лет не было дела до кретинов в форме цвета хаки. Да, я поступил как последний негодяй, и мне было все равно: я знал, что больше никогда не увижу парней из отряда, потому что мы живем в разных мирах. Но я не учел одного – маму с ее гениальными идеями. «Иди и получи свою медаль, сын мой!» Сколько пафоса, мама. Ты, может, и не подозреваешь, какой гад твой сын, но не можешь не сознавать, что он совсем не герой. Ты держала меня в коконе, я остался личинкой и увял в твоей тени. Конечно, все могло быть еще хуже, захоти мамочка послать меня в Нормандию, по местам боевой славы, так сказать. Оргкомитет собрал целый автобус бывших рейнджеров и отправил ветеранов в Пуэнт-Гийом, на открытие мемориальной доски с именами павших. *Моего там не будет!* Черт, черт, черт, я ни за что не приму эту награду. Сколько их, знающих правду? Десять человек, двадцать, пятьдесят, еще больше? Вряд ли я единственный дезертир в славном собрании. Ау, уклонисты, вставайте!

– Оскар Арлингтон, – звучным голосом произнес генерал с седыми висками.

Оскар медленно поднялся. Он так и смотрел в потолок на звездно-полосатые флаги.

Они смеются, все надо мной смеются. И всем все известно.

Понимающая улыбка генерала окончательно лишила Оскара самообладания. Он узнал этого человека, хотя имени его не вспомнил, – генерал был частым гостем на обедах, которые устраивала Эмилия Арлингтон. Бриллианты уродливой генеральской жены сверкали ярче наград мужа, которого она все время перебивала. Как мог подкаблучник сделать карьеру в армии?

– Оскар, Оскар...

Он наконец взглянул на зависшую в пустоте руку в перчатке и пожал ее.

– Поздравляю, Оскар.

Хорошо хоть не добавил: «Мать будет тобой гордиться».

Несколько часов спустя медаль красовалась на шее Оскара, а шампанское готовилось ударить в голову. Он знал, что уже выпил лишнего, но и не думал останавливаться.

Я должен был погибнуть в Нормандии, так зачем лишать себя удовольствий? Напьюсь – и будет проще свести счеты. Чем я владею заслуженно из того, что имею? Медаль краденая, она меня душит. Деньги, дом, «плимут», пластинки Чака Берри... все это мне подарили. Спасибо, мама! Ничего этого я не заслужил. Как обстоят дела с женщинами? Внесем успокоение в души угнетенного человечества: деньги и крутая тачка делу не помогают. Можно водить «плимут» и оставаться сорокалетним девственником. Да-да, мамочка, а ты не знала? Кстати, я забыл включить маму в список имущества. Но я и ее не достоин.

Оскар бросил взгляд на отставных военных, толпившихся у столов с закусками: они предавались воспоминаниям и громко хохотали. В нынешнем собрании смешались все классы американского общества, все расы и вероисповедания, их объединил великий идеал и возвышенные воспоминания.

Армия Свободы!

Все американцы, даже дебилы-уголовники и тупые фермеры, проявили беспримерное мужество. Все – кроме него. Паршивая овца армии освободителей. Ни на что не годный слабак. Черт, какая же она тяжелая, это сволочная медаль.

Оскар выпил еще, и пол вдруг ушел у него из-под ног. Он сделал отчаянную попытку уцепиться за скатерть, но только стащил ее на пол вместе с дюжиной бокалов и двумя блюдами птифуров – к счастью, почти пустыми.

В зале стало тихо. Люди оборачивались. Генерал подошел к Оскару и шепнул ему на ухо:

– Арлингтон, старина, вы слишком много выпили. Пусть вас отвезут домой, подумайте о матушке...

Придурок! – вскипел Оскар.

– Я не Арлингтон! – завопил он. – Я номер четыре! Слышите? Я – четвертый! Живой мертвец!

Генерал и его верный адъютант практически силой вывели Оскара в сад и усадили у фонтана.

– Подышите воздухом, дружище, – сказал генерал, смочил платок и вытер с рукава слюну сенаторского сынка. – Подышите и придите в себя! Вы теперь герой Америки. С сегодняшнего вечера вы обручены этой медалью. У вас есть долг перед родиной, понимаете? Взбодритесь!

Оскар сорвал с шеи медаль и швырнул в фонтан.

– Я ходячий мертвец, генерал. Номер четыре – живой мертвец.

Генерал пожал плечами и бросил помощнику:

– Вот ведь жалость. Такое оскорбление для его матушки. Проследите за ним, только аккуратно. Не хочу, чтобы он в таком состоянии сел за руль.

Адъютант обернулся и не обнаружил порученного его заботам героя. Нет, в фонтан тот не упал: на другом конце аллеи сорвался с места «плимут» бутылочно-зеленого цвета, каким-то чудом не задев официальные лимузины с флажками у лобового стекла.

10

Договор

Июнь 1964

Пуэнт-Гийом, Нормандия

Барри Монро твердил охрипшим басом:

– Выходит, вы ничего не знаете, мисс? Так? Вот скотство! Если бы Лаки меня послушался... Вы должны знать, Алиса, что я остался жив только благодаря вашему Лаки! Веская причина расцеловать вас.

– Эй, эй, осади назад, старый развратник! – прикрикнул Джимми. – Я не для того тебя позвал... Хватит трепаться, лучше расскажи всю историю с самого начала, в деталях.

– Я к тому и вел. За три дня до высадки на катере состоялась та чертова жеребьевка. Насчет этого вы в курсе, Алиса?

– Да. Официальные лица объяснили. Лаки достался номер четыре.

– Вот, значит, как вам преподнесли эту историю. И вы поверили, что везунчик Лаки вытянул четверку? Лаки стал номером сто сорок восьмым, он был спасен, а я – номер пятый – мог считать себя покойником. И скулил до самой высадки. Вот глядите...

Барри показал Алисе сжатый кулак со старыми шрамами.

– Я дубасил в переборку до крови на костяшках, а хотел разбить голову! Потом придурок Арлингтон вытащил номер четыре, и никто ему не посочувствовал, тем более я. Дрянной человечиска, трус, богатей, маменькин сынок. Конгрессмен Эмилия Арлингтон, знаете такую?

Алиса покачала головой – она никогда не интересовалась политикой.

– Я знал, что мерзавец не станет изображать героя. Вытянув четвертый номер, он обделался – чистая правда! – но мы не злорадствовали. Судьба приговорила Оскара Арлингтона к смертной казни с отсрочкой исполнения наказания, и мы с ним оказались товарищами по несчастью, номер четыре и номер пять. Многие ребята вздохнули с облегчением.

Алиса слушала, слегка приоткрыв рот, напряженно хмурилась, стараясь все запомнить, то и дело убирала за ухо непослушную белокурую прядь. Двадцать лет назад она была недостижимой мечтой рейнджеров, пливших к берегам Нормандии, и вот теперь, в середине жизни, обрела плоть и кровь, и реальность превзошла все ожидания. Сама Алиса, похоже, не подозревала, как действует на мужчин.

– Кончай трепаться, переходи к фактам, – велел приятелю Джимми.

– Тебе не понять, у тебя был номер сто двадцать семь, – огрызнулся Барри. – Ладно, давай поговорим о чувствах бесчувственного ублюдка Арлингтона. В тот же вечер он пустил слух, что заплатит по десять тысяч за единицу счета. Ребята решили, что это гнусно и глупо, и были уверены: никто не согласится, а Оскар в очередной раз выставил себя дураком. Даже умереть не может по-мужски! Все хранили благоговейное молчание, а он пытался склонить чашу весов на свою сторону, бросив на нее миллионы.

– А Лаки согласился, – едва слышно произнесла Алиса.

– Да, вы правы, этот дурак принял предложение. У него был номер сто сорок восемь. И он обменял его на миллион четыреста сорок тысяч долларов. Полтора миллиона! Целое состояние. Офицеры были не в курсе – они бы не позволили. Лаки заключил безумный контракт – жизнь в обмен на деньги, и Оскар должен был выплатить всю сумму сразу после возвращения в Штаты.

– Выплатить... мертвецу, – тихо пробормотала Алиса. – Лаки не был наивным простаком и прекрасно понимал, как сильно рискует.

– Ну, не знаю... Мы говорили ему: «Подумай о скалах, фрицах, пулеметах...» – а он пожимал плечами и просто отмахивался. «Вдруг тебя убьют?» – спрашивали некоторые. «Тогда деньги получит моя невеста!» – отвечал он. Клянусь, Алиса, именно так и было. «Все мы рискуем жизнью, – говорил Лаки. – За что? За жратву, курево и потому что приказали генералы. Никто ни черта не понимает и не хочет разбираться: а вдруг поймешь, ужаснешься и дезертируешь? Я обменяю свою шкуру на полтора миллиона долларов. Добавлю остроты героическому заданию. Это окрыляет...»

Джимми нетерпеливо переступал с ноги на ногу, пытаясь вклинить в разговор, но перебить Барри было не так-то просто.

– Ему говорили: «Ты псих, Лаки!» Он отвечал: «Мы останемся лежать на этом треклятом пляже, а что получают наши родители и подружки? Продырявленную форму в пятнах засохшей крови, жестяной сундучок, цепочку, сломанные часы? Ничего! Вы сдохнете в двадцать лет как полные придурки. Родились – умерли – забыты... В моем завещании будет прописана кругленькая сумма – миллион четыреста сорок тысяч долларов! Все мы – крысы в клетке, но мне достался выигрышный билет, я сорву джекпот!»

– И вы его не остановили, – онемевшими губами произнесла Алиса.

– Я предупреждал: «Берегись, Лаки. Не верь Оскару, он сволочь!»

Все, достаточно, подумал Джимми и сказал примирительным тоном:

– Да ладно тебе, Барри, это уж слишком.

– Ничего не слишком! Сказал, что думал, по-честному. Лаки успокаивал парней – мол, все прописано в договоре, если погибну, Алиса получит полтора миллиона. Клянусь вам, Алиса, в договоре были ваши имя, фотография и адрес, а еще личфилдский адрес родителей Лаки. Он все предусмотрел. Арлингтон тоже высказал последнюю волю, собственноручно записав, что если погибнет, то обязательства исполнит его мать.

– И что же стало с договором?

– Загадка! Лаки позвал двух свидетелей. Не меня. И зря. Будь я в деле, вам не пришлось бы ждать двадцать лет, чтобы узнать правду.

Джимми досадливо поморщился. И за каким чертом он позвал Барри? Теперь вот белокурая красотка глаз с него не сводит.

– Назовите мне имена свидетелей? – спросила Алиса.

– Первым был Алан, фамилию не помню. Хороший парень... Молчаливый. Кажется, погиб во время высадки. Нет, пропал без вести. Второго все звали Дрочилой, уж извините за грубость. Его застали сами понимаете за каким занятием... Ладно, не будем вдаваться в детали. Прозвище, кстати, придумал я. Паренек был не слишком умным и трусоватым, а после того как его застукали, все стало совсем плохо, мы тогда были жестокими. Только Лаки и Алан обращались с бедолагой по-человечески. Он вроде остался жив.

– Вам известны подробности о... – Алиса не могла договорить фразу до конца, но Барри понял.

– О смерти Лаки? Он до самой высадки верил в удачу. Считал, что выберется – несмотря на четвертый номер. Я был пятый. Первый и второй погибли, не пробежав и десяти метров, третий подтащил взрывчатку чуть ближе к стене. Как только все началось, я понял, что приговорен, как и следующие пятьдесят ребят: на открытом пространстве нас отстреливали как кроликов. Когда стартовал Лаки, показалось, что пули расступаются перед ним, потом одна попала в руку, другая в плечо, третья в ногу. А он продолжал бежать... не знаю как. Мы ждали, что он вот-вот рухнет на песок, и я готовился сорваться с места – не думая, как робот, как все остальные. Мы перестали размышлять. Бетонная стена защищала Лаки, и он сумел установить взрывчатку. Все сделал и рванул к нам, как спринтер, словно еще верил в свой фарт, бежал и улыбался, бежал и хохотал – знал, что выполнил задание. Фрицы стреляли ему в спину, попали десять раз, двадцать, но не остановили. Он упал на руки товарищам. Мертвый. Улыбающийся. Я не знаю, какая именно пуля убила Лаки, но почему-то уверен, что к нам бежал мертвец. Он решил, что выполнит задание во что бы то ни стало, и его воля оказалась сильнее смерти. Потом взорвалась стена, и мы кинулись в прорыв.

Барри Монро умолк и виновато посмотрел на Алису – может, стоит извиниться? Но ведь она сама захотела узнать. Джимми тоже разволновался от этих воспоминаний. Он, вытянувший № 127, не сумел бы так складно рассказать.

– Я остался жив благодаря Лаки, – заключил Барри. – Я и половина рейнджеров.

Пока Барри рассказывал, многие ветераны подошли ближе. Кристина Адамс взяла Алису за руку, на что не осмелился ни один мужчина. Все подтверждали рассказ Монро, вспоминали Лаки и его отчаянную отвагу, проклинали Арлингтона.

– А этот Оскар, он выжил? – спросила Алиса.

– Да уж конечно! Не получил ни единой царапины. Еще бы – всегда держался за чужими спинами. Не уверен, что мерзавец выпустил хоть одну пулю... Но хуже всего то, что он нарушил слово. Вы правда не получили ни доллара?

– Я пятнадцать лет жила в Австралии.

– Но теперь, благодарение господу, вернулись! Кроме того, у Арлингтона был адрес родителей Лаки. Они ведь никуда не переезжали?

Алиса покачала головой.

– Держу пари – эти люди знали, где вы живете, но Оскар и не подумал с ними связаться?

Алиса кивнула.

– Так что не ищите для него оправданий. Сволочь, он сволочь и есть. Вам и сегодня, двадцать лет спустя, будет непросто получить свои деньги, хотя лично я готов свидетельствовать в суде.

«Я тоже!», «Я тоже!», «Я тоже!» – зазвучало со всех сторон.

– Ни один офицер не был в курсе, – добавил Барри, – иначе бы вышел скандал.

– Кто-нибудь забрал договор? – спросила Алиса.

– Всего было четыре экземпляра – для Алана Ву, Дрочилы, Лаки и Арлингтона. Можно попытаться найти тот, что получил Дрочила.

– А кто взял экземпляр Лаки?

– Наверное, Алан. Они были лучшими друзьями. Но Алана...

– ...объявили пропавшим без вести, – прошептала Алиса. – Вместе с ним пропали и два экземпляра договора.

– Не сдавайтесь, Алиса!

– Арлингтон не должен выкрутиться!

– Я готов все рассказать!

Впервые за долгое время Алиса улыбалась, глядя на незнакомых людей, вернувших смысл ее жизни.

На обратном пути она уточняла детали и записывала адреса, потом начала набрасывать план, попутно объясняя, что деньги ни при чем, на деньги ей плевать.

Даже на полтора миллиона долларов.

Значение имело одно: Лаки погиб на нормандском пляже, потому что сам так решил. Война была для него игрой, и он не умер, а проиграл. Потому что Арлингтон не заплатил.

Ничего, она это исправит.

Все бывшие рейнджеры поняли, как серьезно настроена эта красивая печальная женщина.

У Алисы появилась цель: Арлингтоны должны заплатить.

11

Посольский квартал

Июль 1964

Дипломатический квартал в Вашингтоне

Посольский квартал в Вашингтоне являет собой любопытный микрокосм, сгусток мировой геополитики, разместившийся на территории в несколько гектаров. Посольство – витрина страны за рубежом. Посольство в США – главная витрина. Вся культура страны должна быть выражена в одном-единственном здании. Несколько стран – Австралия, Чили, Индонезия – решили разместить свои посольства в самом центре Вашингтона, но большинство проявили благоразумие и устроились в безопасном квартале на северо-востоке, за Рок-Криком – одним из самых больших городских парков.

Здесь праздный горожанин или заблудившийся турист могут предаваться забавной игре – узнавать государства, не глядя на таблички на ограде.

Способ первый – опознать флаг, который развевается над верхушками деревьев, придавая пейзажу атмосферу праздника – не национального, но планетарного. У этого способа есть свой минус: чтобы узнать страну по флагу – если это не Китай, Канада, Великобритания или Бразилия, – нужно быть подкованным в географии. Американцы неизбежно путают флаги без звезд и других эмблем, состоящие из банальных полос, вертикальных или

горизонтальных. Хуже всего обстоят дела с европейскими странами – Францией, Германией, Бельгией, Италией и Ирландией: их триколоры свидетельствуют о полном отсутствии воображения.

Второй способ – опознать страну по архитектуре здания – много сложнее первого. Затейливые крыши и яркие цвета ясно указывают на Китай; массивное, величественное строение в викторианском стиле безусловно олицетворяет Великобританию; немецкое посольство скорее похоже на бункер, правда роскошный; посольство Италии выражает себя парковыми статуями и фонтаном. Африканские посольства ютятся в скромных зданиях, флаги свисают из окна, а не с мачты, и прохожие никогда не слышали названий стран Черного континента.

Французское посольство отличается от других: современное, сложных геометрических форм, белое, как орбитальная станция, стоит посреди большого ухоженного парка. Кажется, что его никто не строил, оно просто заглянуло в гости, как убежище инопланетной нации, и может в любой момент сняться с места и улететь.

Арлингтоны жили в особняке, где прежде располагалось посольство Эквадора, переехавшее после Второй мировой войны в более современное здание. Колонны в неороманском стиле обветшали, но пышная растительность скрывала возраст здания.

Мария поднялась, как обычно, в шесть утра. Достала из холодильника апельсиновый сок, сделала кофе, намазала маслом три куска хлеба и принялась накрывать на стол. Постелила скатерть, расставила посуду, положила свежий номер «Вашингтон пост» рядом с тарелкой миссис Арлингтон. Закончив, Мария принялась обдумывать меню на день. Посмотрела на часы – 6:15. Да, пусть будет укроп, господин Оскар его любит, рыбу она подберет. Служанка вышла из дома и направилась к перекрестку Проспект-стрит и 38-й, чтобы дожидаться грузовичка, на котором зеленщик ехал на рынок. Он притормаживал, чтобы обслужить ее, и Мария очень гордилась своей уловкой. Такова привилегия всех, кто работает на миссис Арлингтон.

На углу стоял зеленый «плимут».

Надо же, господин Оскар не поставил машину в гараж, подумала женщина. Не очень разумно, нельзя же быть таким избалованным ребенком! Разве можно оставлять красивый дорогой кабриолет на

ночной улице города, где полным-полно преступников? Правда, вчера мальчику вручили медаль.

Мария улыбнулась и бодро направилась к месту встречи. Проходя мимо зеленого автомобиля, она боковым зрением заметила на водительском месте спящего Оскара.

Он что, всю ночь провел в машине, уткнувшись носом в дверцу? Не похоже на молодого хозяина. Парень, конечно, разгильдяй, но не до такой же степени.

Мария колебалась. Она не имела привычки совать нос не в свое дело и решила отвернуться. Через час или два господин Арлингтон проснется, захочет позавтракать, она подаст еду и не станет задавать вопросов.

Любопытство ли пересилило благоразумие или сработал инстинкт гувернантки, столько лет заботившейся о «мальчике», но Мария все-таки бросила беглый взгляд на Оскара, спавшего в странной позе. Она видела только прядь волос, прижатую к стеклу, и... и...

Господь милосердный...

Кровь!

Кровавый след на стекле успел высохнуть, форма мятая, кобура пуста, пистолет на полу. На приборной доске, на самом видном месте, лежало письмо. Листок был исписан крупным круглым почерком Оскара. Девчачьим почерком.

За тридцать лет службы у Эмилии Арлингтон Мария научилась смирять любопытство, но этим утром совладать с собой не смогла. Оскара она считала своим ребенком тоже, а теперь он умер, убил себя. Это было так на него не похоже, что Мария захотела понять и прочла записку:

Я трус. Мой ровесник погиб вместо меня на пляже в Нормандии.

Я впервые в жизни решил проявить мужество, покончить с этой лживой жизнью.

Оскар Арлингтон

Четыре строчки.

Скоропостижное завещание. Мария вернула листок на место и направилась к дому – будить миссис Арлингтон. Она сделала, что должно, и теперь могла поплакать.

Смертельно бледная, но исполненная достоинства миссис Арлингтон наклонилась, взяла прощальную записку сына, прочла и сунула листок в карман.

– Может, не стоит ничего трогать, мадам, – робко произнесла Мария. – Приедет полиция и заберет...

– Что?

– Записку.

– Какую записку, Мария?

– Ну...

Мария была понятлива, но хозяйка все же решила расставить все по местам:

– Никакой записки *не было*, Мария! Вам все ясно?

12

Что знают двое...

Марии все было ясно. Мария не нарушила данного слова. Она никому не рассказала о записке, но навсегда запомнила ее. Слова о гибели в Нормандии незнакомого парня потрясли ее воображение...

Мария было неглупа и распознала запашок скандала: у многих людей имелся зуб на Арлингтонов.

Итак, служанка хранила молчание и нарушила приказ хозяйки всего-то один раз, неделю или две спустя, поговорив с мужем.

Но ведь хорошая жена не должна иметь тайн от супруга? Так Мария успокаивала свою совесть, наводя порядок в доме Арлингтонов. И потом, она же заставила Джека поклясться, что он никогда и никому не повторит то, что услышал от нее тем вечером, иначе она лишится работы. Джек больше не мог работать на стройке из-за больной спины, так что кормила семью Мария.

Миссис Арлингтон всегда была добра к ним, нашла квартиру, помогла устроить Джека в хорошую больницу, написала начальству универмага «Бeverли Клозес», и их дочь Джейн взяли на работу продавщицей.

На душе у Марии было беспокойно, ей хотелось забыть неприятную историю, и она убеждала себя, что все будет хорошо, ведь Джек неболтлив.

Муж Марии поклялся молчать и держал слово, пока однажды ночью, за покером, не проболтался приятелям – Джиму, Пэту и Джерри. Они перебрали с виски, что случилось не чаще одного-двух раз в год. Джек растрепал секрет, чтобы пустить пыль в глаза приятелям. Они мало что поняли, но не собирались предавать его доверие.

Холостяк Джим так и поступил. Этот увалень понятия не имел, кто такая миссис Арлингтон.

Молчун Пэт общался исключительно с женой, двумя дочерьми, родителями и тестем. И все-таки несколько месяцев спустя, на свадьбе кузена, сидевший справа от него тип оказался политиком. Ужин длился много часов, Пэт все время молчал, ему захотелось задать вопрос.

– Вы знаете миссис Арлингтон?

Гости изумились: оказывается, мужик не немой! По равнодушной реакции соседа Пэт решил, что тот республиканец (как и миссис Арлингтон), и не стал продолжать.

Джерри все рассказал жене за завтраком, на следующий день та встала пораньше и отправилась делиться сенсацией – «У молодого Арлингтона совесть была нечиста» – с тремя торговцами и пятью случайно встреченными приятельницами. Вернувшись домой после прогулки по кварталу, она сделала с десяток телефонных звонков и восемь раз ввернула «анекдот» в разговор. В последующие дни жена Джерри переключилась на новые сплетни.

13

Эмилия Арлингтон

5 июля 1964

Посольский квартал, Вашингтон

Алиса терпеливо ждала в гостиной миссис Арлингтон, куда ее привела Мария, чья ласковая улыбка выглядела неуместной в холодном убранстве сенаторского дома. Чтобы попасть в салон, пришлось миновать огромные холлы с полами из искусственного мрамора, подняться и спуститься по скользким белым лестницам в несколько ступенек, ведущим из коридора в сад, а из сада на внутреннюю галерею. С практической точки зрения смысла в них не было никакого. Вода с тихим журчанием обтекала камешки альпийской горки,

струилась по затейливым растениям. Все было белым или зеленым, гладким, чистым, сверкающим. Старина без изношенности, функциональный антиквариат. Это архитектурное двуличие портило Алисе общее впечатление от Вашингтона.

Стены гостиной сияли белизной, зеленую бархатную обивку кресел подобрали в тон экзотическим цветам. На скромных граждан, явившихся в дом, чтобы умолять сенатора о помощи, взирали с портретов герои американской истории в париках и военной форме, пешие и конные.

Из двадцати деятелей Алиса опознала Вашингтона, Адамса и Джефферсона, но ее это мало волновало. Она почти месяц пыталась встретиться с Оскаром Арлингтоном, звонила каждый день, по нескольку раз. Впустую. Нужно было действовать через его мать, но пробиться к Эмили оказалось еще труднее.

Алиса навела справки об Арлингтонах – имя ассоциировалось у нее исключительно с Национальным кладбищем – и выяснила, что речь идет об одной из старейших семей Вирджинии. Уже сто пятьдесят лет Арлингтоны делали деньги на хлопке и занимались политикой – поочередно, а то и одновременно. Клан послал в Конгресс семь сенаторов от родного штата, но со знаменитым Арлингтонским домом[9], что к юго-западу от Вашингтона, семья не имела ничего общего. Фамилия стала знаменитой в 1868 году, когда генерал Монтоммери решил превратить небольшой Арлингтонский холм в одноименное Национальное кладбище. В сознании средних американцев навечно поселилась убежденность, что кладбище и сенаторы одной, так сказать, породы. Что же касается славы, фамилия связывалась с соратником Джорджа Вашингтона и героем Первой мировой войны Джонатаном Арлингтоном. Он был гордостью династии. Ему не суждено было стать генералом до вступления Америки в Великую войну, но он храбро воевал и вернулся из Европы, кашляя, как рудокоп, и остаток жизни провел в халате, мучительно отхаркиваясь с утра до ночи. Ему было трудно разговаривать, его собеседникам – слушать. Очень скоро мистер Арлингтон перестал выходить из своей комнаты. Несколько месяцев пытался писать – не хватало увлеченности, а может, таланта. Тогда он заказал несколько ящиков книг по американской истории и принялся их читать, сидя в широком кожаном кресле. В этом кресле он и умер некоторое время

спустя, не закончив первый из трехсот пятидесяти восьми научных трактатов. Иприт убил его за пять лет и три месяца. Так Джонатан Арлингтон и стал героем войны.

Эмилия Арлингтон повесила портрет супруга в гостиной, между Джорджем Вашингтоном и Бенджамином Франклином, и посетители, не знавшие покойного в лицо, терялись в догадках, кто этот прославленный деятель американской истории. Долгое умирание мужа наделило Эмилию неограниченными правами и полномочиями. Она подчинила своей тиранической власти сначала дом, потом вирджинское поместье Тайсонс-Корнер и с головой ушла в политику – на редкость храбро и успешно. Эмилия, не стесняясь, эксплуатировала имя усопшего и даже приняла участие в избирательной кампании в коммуне Арлингтон, которая была расположена идеально: в Вирджинии, но напротив Вашингтона, на правом берегу Потомака. Никто не захотел вступить в борьбу с кандидаткой, которая могла позволить себе обойтись без рекламы. Фамилия Арлингтон была повсюду: Арлингтонский Мемориальный мост, Арлингтонское национальное кладбище, Арлингтонский бульвар, Арлингтонский дом. Эмилия не была хозяйкой этих мест, но среднего избирателя впечатлить сумела.

Она стала третьей женщиной, избранной в конгресс. Политическую карьеру младшей дочери судовладельца из Балтимора с трудно выговариваемой польской фамилией, тайком въехавшего в Америку, часто приводили как пример равноправия, главенствующего в избирательной системе страны. Семья Эмилии было довольно богата, но не имела славного прошлого. Она превратилась в Эмилию Арлингтон и вскоре переехала в Вашингтон, а поместье посещала шесть раз в год, в первое воскресенье нечетных месяцев.

С миссис Арлингтон не так-то просто было связаться. Ее одолевали телефонными звонками журналисты, коллеги-конгрессмены, порученцы, ходатаи по разным делам, рядовые граждане – приставалы и зануды всех сортов – и... Алиса, звонившая по серьезному поводу, но не желавшая объяснять суть дела по телефону.

Она не хотела, чтобы миссис Арлингтон успела выстроить защиту, а секретари не желали беспокоить свою работодательницу, считая звонок дурацким розыгрышем.

«Будьте более конкретны, пожалуйста. У миссис Арлингтон очень плотное расписание».

Несколько раз Алиса писала сенаторше, прося о встрече. В конце концов в секретариате решили, что тратят слишком много времени на бессмысленные переговоры, и нашли для нее четверть часа драгоценного времени миссис Арлингтон.

Две недели назад Алиса узнала дату встречи, а через девять дней прочла в газетах объявление о кончине Оскара Арлингтона: на рассвете его нашли мертвым в собственной машине.

Самоубийство – заключила полиция за неимением лучшей версии. Оскар застрелился из своего армейского пистолета между тремя и четырьмя часами утра. На оружии нашли его отпечатки, но не было ни свидетелей, ни прощальной записки. Накануне, на церемонии в честь двадцатилетия Высадки в Нормандии, случился скандал. Арлингтон слишком много выпил. Одна из газет намекнула, что с войны он страдал клинической депрессией, от которой так и не оправился. Друзья семьи и близкие к ней политические деятели говорили о долге народа перед семьей Арлингтон, вспоминали тяжкие утраты Эмилии, потерявшей в двух мировых войнах мужа и сына. Трагическая судьба!

Никаких заявлений для прессы семья делать не захотела.

Смерть Оскара Арлингтона не поколебала решимости Алисы. Смерть – слишком простой выход! Для окружающих Оскар все еще герой – накануне смерти его наградили, все газеты написали, что он великий боец Второй мировой войны. А Лаки никто не отдавал воинских почестей, даже после гибели. Журналисты должны назвать Оскара Арлингтона трусом и негодяем, а Лаки прославить.

Семья Арлингтон обязана заплатить долг.

Дверь открылась, выпуская принаряженную пару, явившуюся к миссис Арлингтон с какой-то жизненно важной для них просьбой. Алиса вошла.

Миссис Арлингтон была нехороша собой: квадратное лицо, толстая шея, широкие плечи. Сенаторша сидела за столом неподвижно, как памятник самой себе. Ее глаза – живые, искрящиеся умом – были бы украшением любого другого лица, но в сочетании с внешностью миссис Арлингтон напоминали хитрых зверьков, коварно шпионящих в пользу холодного, четко организованного ума. Женщина была совершенно спокойна, руки не дрожали, мозг контролировал тело на все сто процентов. Алиса подготовилась к встрече, навела справки и узнала, что миссис Арлингтон исключительно энергичная и

влиятельная особа. Она рано стала популярной у сельских тружеников, в одиночку добившись летом 1953-го ограничения размера кредитов, предоставляемых Европе по плану Маршалла. Средства были перенаправлены хозяйствам юга США, пострадавшим от засухи.

Взгляд Алисы остановился на единственном признаке человечности, оживлявшем этот обезличенный кабинет: черно-белые фотографии в деревянных рамках на письменном столе.

Эмилия Арлингтон заговорила сухо, по-деловому:

– Признаюсь, мисс Куин, мои секретари совершенно ничего не поняли в услышанной от вас истории. Дело будто бы секретное и касается моего сына? Думаю, вы понимаете – сейчас не лучший момент.

Ее голос ни разу не дрогнул, не сорвался.

Она знает? – спросила себя Алиса. Знает и ломает комедию?

По большому счету это было неважно. Не имела значения и заведомая враждебность миссис Арлингтон. Алиса чувствовала, что может помериться силами с этой женщиной. Терять ей нечего.

Она спокойно и холодно, слово в слово, пересказала сенаторше все, что узнала от ветеранов-рейнджеров, а в заключение сообщила, что еще месяц назад пребывала в неведении, потому и молчала последние двадцать лет. И тем не менее факты не вызывают сомнения – их подтверждают два десятка свидетелей.

Эмилия Арлингтон выслушала Алису молча и, не моргая, уставилась на нее, заставив отвести взгляд. Алиса воспользовалась моментом, чтобы получше рассмотреть фотографии. Вот толстый младенец – наверняка Оскар; военный с оттопыренными ушами – возможно, Джонатан до болезни. Саму миссис Арлингтон Алиса на снимках не нашла.

– Чего конкретно вы хотите? – спросила хозяйка кабинета.

– Во-первых и в-главных – чтобы все узнали правду. Во-вторых – получить миллион четыреста сорок тысяч долларов. Поймите меня правильно – деньги не столь важны, но договор, заключенный в июне 1944-го, должен быть соблюден. В память о Лаки Мэрри.

– Ну конечно же, деньги не важны, понимаю. – Эмилия цинично ухмыльнулась. – Деньги – всего лишь приложение... Полтора миллиона долларов – ерунда, да и только. Вы желаете устроить скандал во имя чести! Я стараюсь сохранять спокойствие, но надеюсь, что вы

осознаете всю низость вашего демарша. Вы покусились на доброе имя моего умершего сына!

– Мне очень жаль, но это сути дела не меняет.

В глазах Алисы полыхнул гнев, однако она не позволила ему выплеснуться, снова посмотрела на фотографии, задержала взгляд на той, где младенец Оскар на руках у генерала. Алиса узнала Эйзенхауэра! Рядом сияющий улыбкой Джонатан – те же оттопыренные уши и военная форма. И никакой Эмилии Арлингтон – ни на одном из снимков.

– Это омерзительно! – продолжила сенаторша. – Вы рассказываете сказочку, обвиняете моего сына во всех грехах и пороках, а он не может защитить свое честное имя. Не ожидала от стервятников такой прыти.

– Я уже целый месяц пытаюсь условиться о встрече с вами, ваши секретари подтвердят, хотя в этом вряд ли есть необходимость: вы обо всем прекрасно осведомлены.

– Вы повторяетесь и попусту отнимаете у меня время. Уходите. Я не из тех, кого можно шантажировать, тем более так топорно. Вы либо дура, либо сумасшедшая, но мне это безразлично. Главное – никогда вас больше не видеть.

Миссис Арлингтон отлично изображала оскорбленную невинность, но Алиса интуитивно понимала, что эта женщина разыгрывает перед ней спектакль. Что-то было не так. Скорее всего – та свирепая решимость, с которой она защищала честь сына. Мать всегда знает своего ребенка, а значит, для миссис Арлингтон не секрет, что ее сын никакой не храбрец, а трус и, выбирая между собственной жизнью и честью – не только своей, но и семейной, – он без малейших колебаний выберет жизнь. Будь миссис Арлингтон не в курсе, она бы как минимум засомневалась и разволновалась. Рассказ Алисы должен был подействовать как удар током. Нет, сенаторша не сомневалась, что услышанная история – чистая правда. Она знала это до встречи с незваной гостьей.

– Это не шантаж, миссис Арлингтон, – продолжила Алиса, – а нечто прямо противоположное. И вы это знаете! Речь идет о выполнении договора.

– Договора? Ну так покажите его мне.

Алиса поняла, что проиграла очко, но все-таки сказала:

– Целый полк рейнджеров готов свидетельствовать.

– Значит, договора у вас нет? Вы противоречите себе, мисс Куин. Нужно тщательнее разрабатывать свои выдумки!

Алиса повысила голос:

– Довольно ломать комедию! Вы готовы назвать лжецами всех выживших рейнджеров отряда?

– Да что они знают, эти ветераны? Что могут помнить двадцать лет спустя? Разве что слухи и сплетни, которые всегда ходят о тех, кто на виду. Распускают их завистники, ревнивцы и неудачники. О каждом из нас. Такова участь всех влиятельных семейств. Что вы мне предъявляете? Какой-то неведомый договор? Каких-то сомнительных свидетелей, мертвых или сгинувших неведомо куда? Да у вас нет ни единого доказательства, даже намека на доказательство!

Эмилия Арлингтон впервые с начала разговора забыла о холодной вежливости.

– Уходите немедленно и больше не смейте нарушать мой траур.

Ладно, подумала Алиса, не захотела уладить дело миром, так потом не жалуйся. Она решила пустить в ход аргумент, все время крутившийся в голове, убойный, пусть и не слишком благородный. Не стоило бы прибегать к такому средству, но, возможно, хоть оно убедит эту лицемерку?

– Миссис Арлингтон, – спокойно начала Алиса, – как вы думаете, почему ваш сын покончил с собой? Именно наутро после встречи с ветеранами и награждения фальшивой медалью. Ваш сын – трус, и вам это известно! Он всю жизнь от чего-то бежал. И последнее бегство – в смерть – не спасет его. Нет, Лаки Мэрри умер не напрасно.

Квадратное лицо осталось бесстрастным, как будто сенаторша предвидела выпад Алисы, и ответ она дала хлесткий и неожиданный, чем потрясла собеседницу.

– Верно, мисс, вам на руку, что мой сын умер до того, как вы заявили в мой дом и устроили это маленькое представление. Иначе ваш шантаж не имел бы смысла. Я совершенно уверена, что мой мальчик не сводил счетов с жизнью, но до сегодняшнего дня не представляла, кому могло быть выгодно убить его. Теперь я знаю!

Алиса онемела. Эмилия Арлингтон открыто обвинила ее в тягчайшем преступлении и, как это ни странно, была искренна. Она действительно уверена, что Оскара убили.

Уродина – мелькнула злая мысль. Даже в двадцать лет была страшна как смертный грех, ненавидела свою внешность, потому и не фотографировалась.

Алиса собралась, мысленно встряхнулась и решила закончить разговор.

– Если вы не выполните условия договора, я подам на вас в суд, миссис Арлингтон. И скандала избежать не удастся.

– И с чем же вы туда пойдете? Какие доказательства предъявите? Вас поднимут на смех. Истина конкретна: мой сын был героем войны. Он получил награду за доблесть, и никто и ничто этого не изменит. Фамилия Арлингтон не будет опозорена. Не советую поливать грязью моего сына, особенно теперь. Не сомневайтесь, я достаточно влиятельна и найду на вас управу.

– Полагаю, письма рейнджеров и свидетельства людей, не заинтересованных в этой истории, не заставят вас изменить мнение?

– Ни в коем случае. Я уже объяснила, что думаю о сплетнях.

– Значит, встретимся в суде! Не знаю, искренни вы или нет, все ли вам известно об этой истории или вы только что о ней услышали, но у меня в жизни одна цель: сделать так, чтобы этот долг был оплачен.

– Позвольте уж и мне высказаться, мисс. Я не сомневаюсь, что вы гнусная мошенница, лгунья и интриганка, жаждущая лишь денег. Можете поверить, я кое-что понимаю в людях. Ваша выходка позорит память того самого Лаки, чью честь вы якобы защищаете. Мне теперь тоже осталось одно: оплакивать сына, привилегия горевать вам не принадлежит. Мой муж мертв. Оскар тоже. Я обязана хранить честь этого дома. И честь имени, которое мне доверили!

Она вызвала Марию, та мягко выпроводила Алису и закрыла за ней дверь.

– Змея, – процедила сквозь зубы миссис Арлингтон. – Маленькая гадюка... Мария, – позвала она, – можете договориться о встрече для меня?

– Конечно. С кем, мадам?

Миссис Арлингтон достала из ящика письменного стола визитную карточку и протянула ее Марии.

Тед Силва, мужской и дамский парикмахер, 1351, Фаррагут-Норт.

Заинтригованная служанка подняла глаза и переспросила:

– Сегодня, на вторую половину дня? Тед Силва, парикмахер?

Раздраженная миссис Арлингтон процедила сквозь зубы:

– Вы, кажется, умеете читать, Мария?

О да, читать Мария умела, вот только миссис Арлингтон не посещала парикмахера целых двадцать лет.

Она ненавидела *куаферов*.

14

Знак четырех

5 июля 1964

Агентство Ника Хорнетта, 11-я улица, 115

Ник Хорнетт стал частным сыщиком из чувства противоречия. В молодые годы родители обуздывали все его причуды и заскоки, чтобы он посвящал свое время исключительно учебе, успешно защитил диплом и преуспел больше них, обычных рабочих химического завода Байзенстайна, расположенного в пригороде Вашингтона. Заботясь исключительно о благе сына, они выбрали для него скучнейшую из профессий – юриспруденцию. Получив диплом, Ник начал приискивать максимально веселое занятие, чтобы компенсировать занудство студенческой поры. И стал детективом, что привело к окончательному разрыву с семьей: мать с отцом прокляли неблагодарного сына, забывшего о принесенных ими жертвах.

Время взяло на себя роль эзекутора: Ник приближался к сорокалетию, жил один, рано поседел и вынужден был все время удлинять дистанцию утренней пробежки, чтобы не растолстеть. Одиночество он переносил неплохо. Семь лет прожил в браке с женщиной, к которой не питал большой любви, но и раздражала она его недостаточно, чтобы расстаться. На счастье супругов, у них не было детей и они окончательно себя не закабалили. Потом произошло чудо: жена Ника влюбилась в его лучшего друга. Оба стыдились случившегося, но повели себя честно и признались, не зная, что оказывают Нику величайшую услугу. Познав трудности и перипетии семейной жизни, он теперь наслаждался свободой.

Седина – Хорнетт предпочитал называть цвет своих волос «соль с перцем» – не только не портила внешность детектива, но придавала ему

зрелый и серьезный вид и даже определенный шик, что, безусловно, шло на пользу его профессиональной, а иногда и личной жизни.

У двери звякнул колокольчик, предупреждая, что кто-то поднимается по лестнице и вот-вот войдет в контору. Хорнетт принял позу, которая, по его мнению, лучше всего подходила частному сыщику: ноги на столе, одна на другой, стул на колесиках отодвинут на максимальное расстояние, ягоды прочно уместились на краешке сиденья. В руке зажженная сигарета. *Невозмутимый парень, который никого не ждет, но, конечно же, возьмется за очередное дело. Не какой-то там неудачник, больше месяца не видевший ни одного живого клиента и с нетерпением ждущий хотя бы пустякового расследования. Нет, тот жалкий тип – моя полная противоположность!*

Дверь открылась. Вошла Алиса.

О черт! Ник мгновенно почувствовал, что, дернувшись от неожиданности, нарушил шаткое равновесие, а стул на колесиках имел опасную тенденцию отъезжать слишком далеко, лишая зад точки опоры. Ему удалось избежать позора и не встретить прекрасную даму вверх тормашками только благодаря крепким щиколоткам.

А посетительница была воистину хороша... и мысленный возглас «*О черт!*» означал высший балл по шкале Ника.

Ко мне вообще не каждый день кто-нибудь заходит, а уж такие красавицы... Мой типичный клиент мал ростом, лыс и пузат. Он жаждет приключений, предъявляет фотографию женщины – мерзавки, которая, как он совершенно уверен, его обманывает. Вышеупомянутая мерзавка – обычно жуткая уродина, такая старая и противная, что непонятно, как она сумела выйти замуж. А уж роман на стороне и любовник равносильны чуду вроде двух выигрышей подряд в лотерею. Тем не менее муж уверен в существовании любовника – очевидно, его это успокаивает, поддерживает иллюзию, что жена еще очень даже... соблазнительна. И я начинаю следить за якобы изменщицей, ни о чем не думаю, не реагирую на проходящих мимо красоток, смотрю только на морщинистую каргу. Фотографирую страницу, делаю крупные планы, ругаю последними словами счастливицков-папарацци, которые приезжают на экзотические острова, забираются на кокосовую пальму и снимают топ-моделей, а те купаются голяком в синих океанских водах.

И вдруг эта богиня... Невозможно, она ошиблась дверью и сейчас спросит, здесь ли сдают в аренду «ягуары» или стригут пуделей, потом улыбнется и испарится.

Мысли теснились в голове сыщика – он всегда думал быстро, слишком быстро. Он считал это большим преимуществом в деле, которым занимался, хотя от мозговой гимнастики у него часто случалась мигрень. Ник скомандовал себе: «Все, хватит, наслаждайся зрелищем!»

Алиса была в достаточно короткой клетчатой юбке, чтобы он мог вдоволь любоваться ее ногами.

Господи боже ты мой, до чего же я люблю женские ноги... Особенно такие стройные!

Ник поднял глаза на свободный зеленый джемпер с треугольным вырезом.

Мне нравится грудь женщин в декольте. Я вообще люблю все, что они показывают... частично. О прекрасная незнакомка, в ожидании всего остального, заявляю, что очарован твоими ножками!

Ник, конечно, думал очень быстро, но Алиса начинала терять терпение, а ему совсем не хотелось проявлять вежливость и предлагать ей сесть. Грех прятать красоту под столом.

– Извините, мисс, задумался... – как во сне произнес Хорнетт. – Садитесь, прошу вас.

Алиса опустила на стул.

Зачем ты это сказал, кретин? Роль старого порочного увальня тебе неплохо удавалась. А теперь молись, болван, чтобы причиной ее прихода оказалась не измена мужа, которого она продолжает любить. Не хочет с ним расставаться. Пытается избежать скандала. Из-за детей!

Алиса начала рассказывать свою историю – второй раз за день.

Да, женщина с такими печальными глазами (и такими ногами) не могла прийти из-за пошлого адюльтера. О нет, она намного выше этого. Грусть, решимость, достоинство. К тебе явилась не клиентка, малыш Ник, а героиня романа! Соберись и слушай даму.

А дама рассказывала о договоре.

Четыре экземпляра. Знак четырех. Как в романе Конан Дойла. Секрет, договор... Черт возьми, а дело-то почти такое же

интересное, как сама дама! Загадочное и увлекательное. Ну же, Ник, улыбнись, сделай умное лицо, прикинься компетентным, кивай, играй мускулами, поверни голову и продемонстрируй седеющие виски – в них все твоё обаяние. Делай что хочешь, но удержи ее.

Алиса перешла к миссис Арлингтон.

Дама из конгресса, я верно расслышал? Сенатор от Вирджинии? Интонация была такая, словно я должен ее знать. Надо притвориться, что знаю, но не хочу перебивать. Конечно, кому, как не мне, знать всех конгрессменов? Да я вообще со всеми политиками на короткой ноге – ну, кроме президента... Семья Арлингтон, правильно? Мне знаком только Том Скотт-Арлингтон, который полсезона 1956-го играл за «Пум» из Сан-Диего. Форвардом второй линии.

– Вот и все, – заключила Алиса и улыбнулась разящей наповал улыбкой. – Полагаете, этого будет достаточно, чтобы выиграть процесс?

У Ника в голове крутилось другое.

Это волшебное создание думает об одном-единственном мужчине, который погиб двадцать лет назад. Невероятно! Друзья скинулись и послали тебе эту модель, так давай, жми на педали, не упusti шанс всей твоей жизни.

– Мы его выиграем, мисс, – с жаром пообещал он. – С таким количеством свидетелей дело будет сделано на раз.

Ну зачем ты это сказал, придурок?! Нужно было убеждать ее, что судиться придется годами, наше сотрудничество затянется и мы проведем вместе сотни бессонных ночей.

– Я пришла к вам, потому что не знаю, как подступиться к делу.

Он распрямил плечи, откинулся на спинку стула.

– Случай не такой уж и сложный, мисс, главное – выбрать правильный метод. Взять показания у всех, даже если это займет много времени. Важнее всего свидетельства сержантов, но они могут оказаться не в курсе. Потом придется устанавливать личность того типа, Дрочилы, что вряд ли окажется непосильной задачей. Узнаем имя, найдем его, он отдаст нам договор – и дело в шляпе. Возможно, получится избежать суда. Последняя линия – Алан – самая шаткая, но мы ничего не оставим на волю случая. Необходимо дать объявления в газеты по всей стране. Алан объявлен пропавшим, но может быть жив, а даже если и погиб в сорок четвертом, что наиболее вероятно, кому-то из членов семьи наверняка прислали его вещи. Примем за данность, что

у Алана было два экземпляра договора, его собственный и тот, что принадлежал Лаки. Итак, мы имеем три направления расследования. Иногда берешься за дело, не представляя, с чего начать, а тут... Считайте, знаменитая миссис Арлингтон уже выписывает вам чек.

Хорошо сказано! Если она променяет меня на кого-нибудь из моих коллег, запишусь добровольцем во Вьетнам.

– Я бы предпочла... – откликнулась Алиса и замолчала.

Что именно она предпочла бы? Ну да, чек. Но почему?

– Предпочла, чтобы так все и получилось, потому что сейчас, – продолжила Алиса, – у меня нет денег на частного детектива, особенно такого знаменитого.

Она шутит или похвала искренняя? Это что, ловкий прием, лишь бы меня заарканить?

– Конечно, если я выиграю процесс, – с обезоруживающей улыбкой сказала Алиса, – вы возьмете из полутора миллионов столько, сколько посчитаете нужным.

Она еще и умна. Материальная заинтересованность – великое дело. 1 миллион 440 тысяч долларов... Даже за один процент от этой суммы я буду день и ночь работать сам и заставлю трудиться всю семью, вплоть до малолетних кузенов из Арканзаса.

– Миллион четыреста сорок тысяч долларов – огромные деньги. – Ник покачал головой.

Глупая фраза. И сам ты идиот. Не забывай – перед тобой героиня романа, а не торговка коврами.

– Только не думайте, что дело в деньгах, мистер Хорнетт. Миллионы меня не интересуют. Я не прикоснусь к деньгам Арлингтонов. Я затеяла все это в память о Лаки, он погиб из-за проклятого договора, значит, нужно добиться его выполнения, иначе получится, что его смерть была напрасной. Понимаете? Может показаться глупым ворошить прошлое двадцать лет спустя, но так моя жизнь обретает смысл. Как и жизнь Лаки. Нужно все стереть, чтобы мел снова стал скалой.

О чем она?

– Не понимаю...

– Простите, – смутилась Алиса. – Мысли вслух. Это из французского стихотворения. Забыла сказать, что преподаю французский. Слышали о Жаке Превере?

Красавица моя, я спец по бейсболу. А французских стихоплетов знаю так же хорошо, как пакистанских гончаров.

– Увы.

– Он написал это во время войны. На английский перевести почти невозможно.

Милая моя Алиса. Ты бриллиант, ты чиста душой и прекрасна телом. А ты, бедняга Ник, влюбляешься в этот бриллиант. Берегись. Давно тебя таким не видел. Да никогда не видел, чего уж там.

– Конечно, – прошептал сыщик.

Что – конечно? Скажи что-нибудь еще. Конечно – идиотская реплика. Она решит, что ты совсем без мозгов.

– Не тревожьтесь, мисс Куин, – добавил Ник, – я вовсе не считаю глупыми ваши действия, напротив – испытываю уважение. Меня восхищает чувство, не поблекшее и через двадцать лет.

– Благодарю, мистер Хорнетт. Каким бы странным это ни казалось окружающим, Лаки – единственный мужчина, которого я любила... и всегда буду любить.

Проклятье.

15

Скорбное ожидание

Июль 1964

Изиньи, Нормандия

Могло показаться, что все жители Изиньи и окрестностей назначили друг другу встречу на один и тот же час в одном и том же месте – на крошечной местной почте. Как случилось, что в пустынной сельской местности к единственному окошку выстроилась длинная очередь?

Никто из клиентов не сетовал на неторопливое обслуживание.

Рабочий-иммигрант хотел отправить несколько сотен франков своей семье, живущей в деревушке в самом сердце Мали, а служащий в окошке таранился на него так, словно его впервые попросили совершить столь сложную операцию. Старушка намеревалась опустошить свой счет (оставив на нем несколько франков) и уйти домой со сбережениями всей жизни в матерчатой кошелке. Мужчина в

подпитии громко возмущался, не веря, что его деньги взяли да и закончились. Коммерсант принес недельную выручку – три тяжелых мешка желтых монет в столбиках по десять штук. Дети бегали, вопили и то и дело цеплялись за стойку.

Лизон Мюнье не нервничала. У нее было полно времени. Она каждый месяц совершала маленькое паломничество, это стало ритуалом в память об ушедшем, исчезнувшем. Другие ходят за этим на кладбище. Стояние в очереди превратилось в часть ритуала – как похоронная процессия, осознанное замедление шага, имеющее целью заставить мозг думать и молиться, вспоминать последние двадцать лет, Алана, прежнюю жизнь... Лизон тихонько продвигалась к окошку – и вспоминала. Иногда особо нетерпеливые клиенты вставали перед ней, пользуясь ее задумчивостью.

Смешно. Нелепо. На службе в церкви никто ведь не лезет без очереди, чтобы причаститься.

Оказавшись у цели, она протягивала конверты служащему, который старался не смотреть в ее грустные глаза.

– В США? – спрашивал он.

– В США, – подтверждала Лизон, платила и уходила. Она уже пять месяцев давала короткие объявления в американские газеты.

Ищу Алана Ву, 41 года, родившегося в Кнутсоне, штат Огайо. Исчез в феврале 1964 года. Связаться с Лизон Мюнье, Шато-ле-Дьябль, 14250, Кальвадос, Франция.

Пока что она не получила ни одного ответа.

Лизон посмотрела на часы. 11:15. У нее есть время до полуденного автобуса. Очередь сегодня оказалась не такой уж и длинной. Чем занять время? Пройтись по магазинам? Не хочется...

Месяц назад Лизон продала «Завоеватель» Рене Мюло – молодому симпатичному парню из местных. У нее закончилось терпение. Она больше не могла улыбаться через силу и целый день выслушивать шутки и жалобы посетителей. Лизон редко выходила из дома, шила на заказ, вышивала. Свадебные платья, крестильные рубашечки, скатерти и салфетки для гостиничных ресторанов. Сотрудничала с музеем Вайе – делала для них реплики. Когда-то она все это ненавидела, а теперь работала как машина – точно и монотонно. Руки были заняты, мозг – нет. Завсегдатаи бара из Шато-ле-Дьябль завели манеру звать ее Пенелопой.

Лизон все реже там бывала.

Как же убить время до автобуса? Купить газету? И что она там прочтет? Лизон решила посидеть на лавочке под козырьком остановки, где уже устроилась грязная старуха, та кормила хлебом воробьев и ругательски их ругала.

16

Старая дама и парикмахер

5 июля 1964

Фаррагут-Норт, 1351, Вашингтон

День подходил к концу. Эмилия Арлингтон была единственной клиенткой Теда Силвы. Он сегодня припозднился с закрытием – по настоянию миссис Арлингтон, а миссис Арлингтон это вам не невесть кто! С улицы салон Силвы можно было заметить только по узкой двери с матовым стеклом, выходящей на Фаррагут-Норт. По улице ездили машины, а пешеходов практически не было. Зайти сюда могли лишь завсегдатаи.

Силва, само собой, слышал об Эмилии Арлингтон. Он специализировался на влиятельных персонах Вашингтона. Тед всегда был в курсе событий, имел выдающуюся память на сплетни и помнил о самоубийстве Оскара Арлингтона. Миссис Арлингтон приказала себе крепиться, оставила пальто в гардеробе, позволила накинуть на плечи голубой пеньюар, сдержалась, когда мастер бережно приложил ладони к ее вискам, потянул голову назад, вымыл шампунем волосы, не обращая внимания на текущую по шее воду, и помассировал пальцами кожу.

Ужас!

Много лет назад она поклялась никогда не переступить порог парикмахерской, сама мыла голову и подстригалась.

Тед Силва болтал обо всем и ни о чем, о творящихся безобразиях, мерзостях жизни и красоте ее волос...

У меня плохие волосы, как, впрочем, и все остальное... Миссис Арлингтон не заблуждалась насчет своей внешности, поэтому терпеть не могла доморощенных Фигаро. Какая это мука – сидеть в кресле и

смотреть на собственное отражение в высоком зеркале, на жидкие мокрые волосы, облепившие морщинистое лицо.

Тед не умолкал. Разговоры... Еще одна попытка, подумала Эмилия Арлингтон. Почему люди так легко открываются своему мастеру? Незнакомому человеку, в салоне, набитом старушками в бигуди? Как можно обсуждать насущные проблемы и важные дела с посторонними людьми – торговцами, секретаршами, домохозяйками, соседками? Как вытерпеть все эти «Добрый день, как поживаете?», болтовню о погоде, быстротечности времени, зеленеющей траве, подрастающих детях, слишком коротких отпусках и бесстыдно высоких налогах?

Любые разговоры с кем угодно, которые мы вынуждены вести, по большей части глупы и банальны.

Эмилия желала беседовать только с равными и на серьезные, тщательно выбранные темы. Она никогда не смогла бы избираться от округа, пожимать руки, встречаться с людьми на улицах, изображать интерес к их проблемам, выслушивать и кивать с понимающим видом. Это было бы выше ее сил. Между тем Эмилия Арлингтон не думала, что подобное положение вещей способно помешать ей хорошо делать свою работу. Кроме того, она считала большинство политиков лицемерами. Их избирают, чтобы писать законы – методично, отстраненно и нейтрально. Да, она держит дистанцию с народом, с избирателями, с мало что понимающими гражданами, что есть лучшее доказательство ее честности и неподкупности.

А парикмахер не умолкая перебирал, мямлял, теребил волосы сенаторши и рассуждал о дорожных работах.

– Сейчас-то тихо, потому что время позднее, и эти бездельники – строительные рабочие – разошлись по домам, но днем от грохота просто житья нет. Жуткий, просто адский грохот! Они, видите ли, делают тротуар. Разве мне нужен тротуар, спрашиваю я вас? Зачем мне тротуар? Чтобы все кому не лень шлялись по улице, заглядывали через застекленную дверь, заходили внутрь? Я принимаю только по рекомендации. У меня избранная клиентура, с тротуара я никого не принимаю!

Пора переходить к делу, решила миссис Арлингтон. Судя по всему, этот Силва не собирался делать первый шаг. Он отлично играл роль угодливого мастера. Вообще-то именно этого и требовали условия

игры, но куафер получал от нее удовольствие. Теда Силву порекомендовал миссис Арлингтон Гораций Халдас. Он рассказал Эмили, что Тед оказывает особые услуги, только поэтому она и не сочла это шуткой. Бедняге Горацию было не до веселья: как только он начал строить особняк в Луизиане, на затопляемых землях, да еще и на деньги из общественных фондов, ему на хвост села целая свора журналистов. Этому человеку можно доверять, а значит, надежен и Тед Силва. Эмилия Арлингтон окончательно убедилась в этом после мотоциклетной аварии, в которой погиб уж слишком настырный молодой репортер, надоедавший Горацию.

Видимо, первый шаг должна сделать клиентка, подумала миссис Арлингтон и сказала:

– У всех свои трудности, мистер Силва, сегодня никто не застрахован от неприятностей.

– Даже такие высокопоставленные особы, как вы, миссис Арлингтон? – изумился парикмахер. – Влиятельные, наделенные властью?

– Они в особенности. Тот, кто на виду, чаще других становится объектом нападков со стороны недоброжелателей. Люди с трудом переносят чужой успех и прячут собственную посредственность за стойкой ненавистью.

– Мне ли не знать.

– Эти паразиты... Эти люди не имеют больше ни капли уважения ни к традициям, ни к труду, не говоря уж о семье! Семья...

– Это самое ценное, мэм. Я сам...

Эмилия Арлингтон решила перебить собеседника – не хватало только разговора о клане Силва, наверняка ужасно многочисленном. Она, конечно, готова лицемерить, но не до такой степени.

– Видите ли, мистер Силва, *моя* семья выше всяких подозрений. Получив удар, она скорбит, однако и в страданиях не теряет достоинства!

– Кто бы посмел усомниться, миссис Арлингтон?

– Представьте себе, такие люди есть.

Тед Силва всегда был сдержан. Благоразумие стало его девизом. Он ничего не сказал, только вздернул брови.

– Сегодня утром, – продолжила сенаторша, – ко мне в кабинет пришла одна из таких паразиток... Алиса Куин! Эта женщина живет в

доме триста восемнадцать по Индиана-авеню.

Тед продолжал возиться с прической важной клиентки – и запоминал.

– Чудовище, – продолжала между тем Эмилия, – змея, желающая запятнать честь моего сына, героя, награжденного Голубым крестом за отвагу, тварь, шантажистка!

– Господь посылает нам подобных существ, чтобы испытать, – сочувствующим тоном произнес Силва.

– Подобные испытания невыносимы, – сухо бросила миссис Арлингтон.

– Они скоротечны, поверьте. Если позволите, я буду молиться за вас.

Парикмахер на секунду перестал щелкать ножницами, открыл ящик стоявшего справа шкафчика, достал маленькую белую карточку и протянул миссис Арлингтон.

На картонке была надпись *Ex-voto*.

– Это небольшая ассоциация, – почти застенчиво пояснил Тед. – Тесная, семейная молитвенная группа. Мы пытаемся со всем возможным благочестием бороться со злом и бедами нашего мира. Иногда Всевышний нас слышит и откликается. Рай, должно быть, напоминает заполненную просителями приемную бюрократа. Не хочу хвастаться, но наши моления часто оказываются действенными. Не исключаю, что «небесный чиновник», который занимается нашими просьбами, особенно ревностен.

Эмилия Арлингтон взгляделась в карточку. Идеальное исполнение. Никаких имен, только название ассоциации. *Ex-voto*. Справа внизу номер банковского счета.

– Мы – добровольная организация, – продолжил Тед. – Существует на пожертвования нескольких щедрых благотворителей. – Парикмахер завел речь о черном гетто, которое наступает на центр города, и белые со дня на день будут вытеснены оттуда. – Я не горжусь тем, что теперь закрываюсь в восемь вечера. Раньше все было иначе. Можете вообразить, что в Вашингтоне белые исчезнут с Молла? С Фогги-Боттом? С Капитолийского холма? Из парка Вест-Потомак?

Миссис Арлингтон больше не слушала. Решительно, Тед Силва – мистер Совершенство. Дело сладилось за две минуты в три фразы.

Никто не произнес слов *преступление, убийца, заказ*. Клиентка посетила своего мастера. Что может быть естественней? Парикмахер – по совместительству добрый христианин. Банально? Конечно! Гораций Халдас уточнил, давая наводку, что клиент жертвует ассоциации *Ex-voto* немного денег – так принято, – причем не откладывая. Поощряет, так сказать, молитвенный пыл... Потом, если молитвы бывают услышаны и *счастливый* несчастный случай избавляет человека от неприятностей, он кладет на указанный счет кругленькую сумму. Число нулей зависит от степени удовлетворенности клиента или клиентки. Многие из осторожности выплачивают деньги небольшими траншами. Контрактов никто не подписывает. Все основано на взаимном доверии. Тед Силва, по словам Горация, работает на избранных, клиенты передают его *из рук в руки*. В Вашингтоне, этом всеамериканском эпицентре скандалов, работы у Теда всегда хватает.

Божественный гнев, подстегнутый молитвами парикмахера, обрушивался стремительно и без промаха.

Оригинальность системы, изобретенной Тедом, покоилась на убежденности, что пуританские семейства, оказавшись замешанными в скандале, ужасно пугаются. Разве могут эти благочестивые буржуа заговорить об *убийстве*? Придумать хитрый план и нанять киллера? Боже упаси, разговор может идти лишь о высшем правосудии. В парикмахерской Теда Силвы велись разговоры о работе, семье, морали, государственных интересах. Потом остается одно – каждый день внимательно читать в газете раздел происшествий. Если Провидение сработало добросовестно, следует его отблагодарить, сделав щедрое пожертвование. Все очень просто. Впоследствии каждый сам договаривается со своей совестью, но человек склонен быстро забывать все эти щекотливые истории и считать себя изумительно невинным.

Миссис Арлингтон плевать хотела на притворство и лицемерие. Она перед совестью не отчитывалась и осознанно брала на себя ответственность за то, что заказала убийство. От Теда Силвы требовались молчание и эффективность. Все остальное – лирика. Теперь все улажено, и ради этого стоило помучиться в парикмахерском кресле.

Сенаторша через силу слушала банальности, изрекаемые Силвой. Не стоит обижать нужного человека. Мало ли как жизнь сложится.

А Тед болтал – совершенно механически – и причесывал – так же механически. Заметив, что миссис Арлингтон отвлеклась, он умолк и принялся насвистывать, обдумывая новое *дело*.

Аппетитный заказ. О такой клиентке можно только мечтать. Вне подозрений. Высокоморальна. И главное, абсолютно кредитоспособна. В последнее время кризис заставил парикмахера стать чуть менее привередливым в выборе клиентов. Скандалы больше не наполняли атмосферу столицы, а может, журналисты обленились и свои бомбы готовили не так тщательно. Несчастные случаи подстраивать становилось все сложнее, а уж о полной достоверности говорить и вовсе не приходилось. Месяц назад жалкий докторишка, чья жена врезалась на машине в дерево на берегу канала, никак не хотел расплачиваться, заявлял, что не знает никакого Теда, в парикмахерскую зашел постричься и, наверное, пожаловался мастеру на проблемы, а потом сделал небольшое пожертвование ассоциации *Ex-voto*, но все это никак не связано с аварией, в которую, к несчастью, попала его жена... «Да, мистер Силва, жена оставила мне солидное наследство, но умоляю, уважайте мою скорбь».

Теду Силве пришлось беспокоиться лично (чего он ужасно не любил, это могло его скомпрометировать) и объяснить коротышке-доктору закон серийности. Жестокая судьба часто наказывает одну и ту же семью несколько раз подряд. За первой аварией вторая, за второй – третья и так далее. Вы меня понимаете? Хотите вызвать полицию? И что вы им скажете?

Врач заплатил почти сразу, но Тед остался недоволен. Споры и угрозы так пошлы, так мучительны. Его работа не подразумевает торга.

Эмилия Арлингтон повела дело элегантно, как он любил. Ни одного лишнего слова. Пара намеков, несколько пожеланий, фамилия, адрес – и готово. Возможно, сенаторша в своем праве, возможно даже, ее действительно достает бессовестная наглая девка. Шантажисты – бич демократии, и Тед спасает общество, стирает грязное белье американского правосудия. А с нечистой совестью он умеет договариваться не хуже клиентов.

Прекрасный получился денек! Тед мог гордиться своей работой – он справился с жиденькими волосами миссис Арлингтон, стрижка удалась.

Жестом тореадора он сдернул голубой пеньюар и осторожно смахнул с шеи волоски, после чего подал ей зеркало, чтобы она смогла оценить, как получился затылок.

Неплохо! Эмилия вынуждена была это признать – и признала, что Тед оценил по достоинству. Женщина говорила искренно, а это случалось не так часто, хотя Силва всегда старался, чтобы клиенты уходили от него похорошевшими.

Миссис Арлингтон не терпелось уйти – болтливый тип ее достал. Он попросил за стрижку двадцать три доллара, протянул сдачу, Эмилия отказалась, и он оставил деньги себе. Не без ужимок.

Проводил парикмахер клиентку ритуальной фразой:

– Наши молитвы будут сразу услышаны. – И закатил глаза. – Я знаю верные пути.

– Нисколько не сомневаюсь, мистер Силва.

Миссис Арлингтон убедилась, что на тротуаре никого нет, и прошептала в самое ухо парикмахеру:

– Убейте эту мерзавку, пока она не разворошила навозную кучу!

Сенаторше хотелось хоть раз увидеть застывшую улыбку этого типа, с которым они больше никогда не встретятся. Стервятник, падальщик, он кормится на помойках богатых семей.

Покачав головой, как ребенок, случайно услышавший бранное слово, он вернулся к себе в салон и вздохнул с облегчением, вспомнив, что час назад отпустил свою ученицу Терезу, а тротуар перед витриной, к счастью, пуст.

Чертова работа, подумал он и закрыл за собой дверь.

17

Призраки Молла

5 июля 1964

Национальный Молл, Вашингтон

Ночь опускалась на Молл, широкую зеленую эспланаду, которая ведет от Капитолия к монументу Вашингтона, и дальше, мимо Белого дома, к мемориалу Линкольна на берегу Потомака. Официальное название – Национальный Молл, в просторечии – «передний двор Америки».

Над рекой поднимались плотные клочья тумана и плыли к высоким административным зданиям, отстоявшим от берега на сто метров. В тумане можно было различить фигуры прохожих, шпили и американский флаг – кусок ткани, больше напоминавший саван.

Трава была влажной, но Алису это нисколько не заботило, ей всегда нравился такой лунный пейзаж. Недалеко от нее группа подростков играла в бейсбол, хотя в тумане ни черта не было видно. Девушки визгливо хохотали, привлекая внимание парней. Когда-то и у Алисы в жизни было такое.

Она прошла мимо них к длинному мемориальному водоему. От воды поднималась легкая дымка. Алиса любила холодную воду, озера, бассейны и застывшие фонтаны, когда заходящее солнце больше не золотило водную гладь, ветер стихал, с улиц исчезали прохожие, а птицы отправлялись на ночлег. Мертвая, холодная и черная вода без единой складочки напоминала Алисе пустынный пляж с обрывистым меловым утесом.

В самом конце Молла стоял памятник Линкольну. Алисе показалось, что великий человек смотрит на нее с насмешкой. Фигура в огромном кресле вызвала в памяти Александра Великого, Зевса, Тутанхамона... Таков был замысел скульпторов, и они сумели воплотить его в камне. Линкольн наблюдал за миром, глядя прямо перед собой. На землю опускался вечер, клочья тумана цеплялись к бороде президента, словно мудрый патриарх курил трубку. Линкольн сторожил свой город, свою страну и правосудие.

Белый призрак успокоил Алису. В конце концов, она обычная средняя американка, которой с детства внушали мечту о великом едином государстве. Она верила в нее, хотела верить в торжество права, для которого нет богатых и бедных, а есть невиновные и преступники. Алиса вспомнила, как смешно смущался Ник Хорнетт, как лепетал и сразу загорелся желанием помочь. С удивившим ее саму удовольствием она подумала, что осталась привлекательной. Сегодня она пустила в ход все свое очарование, даже юбку надела, чтобы убедить сыщика работать на нее бесплатно. Из чувства долга, ради Лаки...

Да, она может соблазнить этого мужчину, но не хочет этого делать. Алиса подобна холодной черной воде и полна решимости осуществить задуманное.

По меньшей мере 51 свидетель

3 сентября 1964

Агентство Хорнетта, 11-я улица, 115

– Скажите честно, мистер Хорнетт, какие у нас шансы? – спросила Алиса. – До суда осталось десять дней. На каком мы свете?

До чего же она хороша... даже в длинной юбке!

Ник любовался этой женщиной и даже не пытался скрыть восхищение.

Она права, процесс начнется через десять дней. Жаль, что не через десять лет. Скоро Алиса перестанет быть моей клиенткой. Будь позитивным, Ник, покажи даме, что хорошо поработал, она будет гордиться тобой и влюбится по уши. Думай о деле. Если вы выиграете, Алиса будет прыгать от радости, обнимет тебя, даже поцелует. Возможно. А если не додумается, постарайся сам не упустить случай.

– Мы победим, Алиса, я хочу этого не меньше вас. (*Прозвучало искренне, надеюсь, мой вид ее убедил.*) Давайте спокойно разложим все по полочкам, Алиса. Некоторые моменты обнадеживают, другие вызывают сомнения...

Продолжай в том же духе и поменьше ной.

– Итак, у меня полсотни и один очевидец, и все покажут, что видели, как Оскар вытянул четвертый номер, и сорок три свидетеля, помнящих, что у Лаки был номер сто сорок восемь. В рапорте о штурме, составленном лейтенантом Дином, зафиксировано, что Лаки стал четвертым рейнджером, помчавшимся к стене со взрывчаткой. Я получил тридцать восемь письменных показаний, тридцать четыре человека готовы явиться в суд. В том числе лейтенант Дин. Сами видите, их более чем достаточно, чтобы убедить любого судью.

– Обмен жребием, понимаю. Но что насчет мотива этого обмена? Я о договоре...

Ну конечно, само собой, не считай ее идиоткой.

– Именно тут механизм заедает. Никто не сможет отрицать, что обмен номерами состоялся, но всего двадцать три свидетеля слышали историю об одном миллионе четырехстах сорока тысячах долларов.

– Всего двадцать три? – воскликнула Алиса. – Да это невероятно много!

Знаю, красавица моя, никто, кроме меня, не добился бы такого результата. Но меня вела любовь.

– Потребовалось время, но в этом нет ничего особо гениального. С таким количеством свидетелей мы быстро начинаем ходить по кругу.

– В каком смысле?

– Просто я отыскал всего пятерых, которые собственными ушами слышали, как Оскар Арлингтон предложил обменять свой номер на другой и обещал заплатить по десять тысяч долларов за каждое следующее число.

– Разве недостаточно пяти свидетелей?

– В том-то и дело, что их может не хватить. Адвокат ответчицы начнет щекотать им нервы, давить, и они признают, что Оскар, вероятно, пошутил. Мол, сначала все восприняли его слова всерьез, но потом поняли, что это был дурацкий розыгрыш.

– Вашим свидетелям будут щекотать нервы?

Щекотать... Как притягателен этот выразительный глагол в твоих устах...

– Хороший адвокат – а у Арлингтон будут лучшие юристы, можете быть уверены – обязательно именно так и поступит.

– А договор?

– Договор... Я как раз собирался об этом поговорить. Из двадцати трех солдат, *слышавших* о документе, всего четверо имели, скажем так, *прямой* источник информации. Их посвятил в эту историю сам Лаки. Оскар никогда никому ничего не рассказывал.

– Но слух разошелся мгновенно, и Оскар ничего не отрицал.

– Вы попали в точку, это важный пункт, но убедит ли он судью? Да, обмен жребием состоялся, тому есть пятьдесят один свидетель. Как минимум. Насчет всего остального – ни одного доказательства, только слух, основанный на заявлениях Лаки, сделанных до гибели.

– И умолчания Оскара.

– Буду с вами честен, Алиса. Нам может не хватить этих доказательств, чтобы выбить из старухи Арлингтон полтора миллиона долларов. Несмотря на всю нашу с вами уверенность.

Отлично, Ники! Особенно хороша последняя фраза. «Наша с вами уверенность...» У нее загорелись глаза, я видел! Уверенность –

правильное слово... А «наша с вами» подразумевает сообщничество.

– А как же четыре экземпляра договора? У Алана Ву? У Дрочилы?

Сейчас расскажу, моя Алиса, как я месяц бегал с высунутым языком и ни разу тебе не изменил.

– Четыре экземпляра договора... Один у Оскара Арлингтона, его нам не видать как своих ушей.

Следи за языком, Ник, девочка вряд ли любит вульгарных грубиянов.

– Алан Ву... Теоретически у него было два экземпляра – его собственный и тот, что он после штурма забрал вместе с личными вещами Лаки. Семьи у Алана не было, только дядя, не имевший сведений о племяннике, пропавшем без вести в сорок четвертом.

– Он тоже был сиротой?

– Да.

– Надо же...

– И правда, странное совпадение. На мои короткие объявления никто не откликнулся. Я на всякий случай продолжаю, но Алан, судя по всему, пропал с концами.

– Вы посылали эти объявления в нормандские газеты?

– Зачем?

– Ну, не знаю. Вдруг он был только ранен во время высадки и кто-то из местных его подобрал и выходил.

Черт возьми, это же так очевидно! Оттуда и следовало начать. Ну ты и кретин, Ники. Прекрасная дама вряд ли будет гордиться таким посмешищем.

– Ну... Да... Вы правы. Это ведь не повредит, можем попробовать, верно? И остается Дрочила, – смущенно продолжил сыщик.

Прости, Алиса, я не стану называть его ни «тайным онанистом», ни «железной рукой».

– Я расспросил больше половины ребят из отряда. Никто не вспомнил имя. Все звали его Дрочила. Но у меня есть детальное описание.

– Какое именно?

– Брюнет, рост средний, глаза светлые, легкий южный акцент. Возможно, строитель. Разговорчив. Еще бы, с таким-то прозвищем.

– Маловато деталей.

Делаю что могу, детка, и мне непросто, твоя история мхом поросла, знаешь ли.

– Речь идет о событиях двадцатилетней давности, Алиса, поэтому мое расследование носит специфический характер.

– Знаю, Ник. Мне очень жаль, правда.

Ник, она назвала тебя Ником! Впервые сказала не «мистер Хорнетт», а Ник. Ух ты!

– В любом случае круг сужается. Дрочила не относится к числу рейнджеров, с которыми я общался. Надеюсь, что так. Не исключено, что мы говорили по телефону и он не признался. Не хотел неприятностей или просто забыл идиотское прозвище. Вообразите эту беседу, Алиса.

Я: Добрый день, я ищу человека по прозвищу Дрочила.

Он: Это я...

Я: Рад вас слышать, мистер... мистер...

Он: Прошу вас, зовите меня Боб...

Кроме того, я мог позвонить в тот момент, когда рядом были его жена и дети, все святое семейство на диванчике. Они никогда не слышали этой клички, вот отец и изобразил потерю памяти.

– Неутешительно...

– Да уж... Зачем Лаки взял в свидетели такого парня? Если считать, что все мои собеседники были честны и ничего не придумали, я могу выбирать из десяти фамилий. Многие рейнджеры переехали, и найти их оказалось невозможно. Вот так.

Да, вот так, милая, это все. Не стану признаваться, что целый месяц вкалывал как галерный раб, засыпал поздно вечером, пристроив голову на папки – ведь тебя-то рядом не было... За вознаграждение в один доллар! А теперь, Ник, поверни лицо на три четверти, покажи сидящие виски и улыбнись.

– Вы проделали фантастическую работу, Ник.

Спасибо.

– За такой короткий срок.

Еще раз спасибо.

– Без денег. Не знаю, что бы я без вас делала.

– Пустяки, Алиса, я сделал все, что мог.

Брось, Ники, она права, ты сделал намного больше, и даже улыбка Алисы не компенсирует твоих затрат.

– Вы сделали намного больше, Ник.

– Пусть вознаграждением станет ваша улыбка!

Эй, эй, что на тебя нашло, приятель? Ну вот, она улыбается, а ты похож на идиота. И наверняка покраснел как помидор. Шляпа! Простофиля! Ну давай, продолжай, скажи хоть что-нибудь.

– Мы выиграем этот процесс, Алиса, я не сомневаюсь. С нами Лаки, а он никогда не проигрывал, сами знаете. Его удача с нами!

– Спасибо, Ник.

«Его удача с нами»... Что за идиотство! Да уж, ты отличился, старина Ник. Взял и вытащил из небытия Лаки, говоришь с Алисой про его улыбку. Предположим, чудо произошло, она не устояла перед обаянием седящего красноухого простака и начала забывать прошлое, тут-то ты и позвал на помощь привидение. Кретин, ты ее не заслуживаешь.

19

Цветы Национального Молла

3 сентября 1964

Национальный Молл, Вашингтон

Вторая половина дня выдалась солнечной, и горожане всех возрастов заполнили улицы. Мячи катались и прыгали между колясками, утки лакомились полдниками капризных детей. Памятники сверкали белизной, как и новые дома в пригороде. Линкольн наблюдал, как его стадо пасется на лугу. Отдавая дань уважения великому человеку, молодые солдаты в мундирах восемнадцатого века играли на флейтах, дудках и барабанах ритурунели времен Гражданской войны. Лето уже подходило к концу. Чернокожие сторонники Мартина Лютера Кинга и лохматые хиппи, любители плачущей гитары Джоан Баэз, еще не вытоптали зеленую траву лужаек.

Алиса вышла из агентства Ника на 11-й улице и решила пройтись по Моллу, прежде чем возвращаться в свою квартиру на Индиана-авеню. Впервые за долгое время ей было радостно. Приближался суд, нашлись люди, готовые свидетельствовать в память о Лаки. Она не может проиграть. Даже без формальных доказательств любой честный человек сразу поймет, где правда.

Мимо Алисы прошел молодой офисный служащий. Он спешил, как все столичные клерки, и все-таки потратил несколько секунд драгоценного времени, остановился, оглянулся.

Ну вот, теперь на нее оборачиваются, а ведь она по-прежнему чувствует себя... невидимкой. Но не совсем прозрачной, усмехнулась она, вспомнив Ника.

Он ей нравился.

В другой жизни она могла бы полюбить этого мужчину – забавного, путающегося в словах, хмурящего брови. Он как будто все время думает о том, что скажет в следующую минуту, но нервничает и еще сильнее запинается. Ник пытается скрывать чувства, но у него это не очень получается. Он веселил Алису, заставлял ее улыбаться, и она с ним играла. Печальная, занятая предстоящим процессом и воспоминаниями о Лаки, женщина все-таки позволяла себе то кокетливый взгляд, то нежное слово, чтобы подбодрить преданного сыщика-волонтера.

Зачем Алиса это делала? Намекала, что потом, когда они добьются правды, все может получиться, почему бы и нет?

Почему бы и нет...

Алиса не хотела задумываться. Во всяком случае, не теперь. Потом. Потом... А пока... Будем продолжать игру и морочить голову, хотя он не идиот и все понимает. Тень Лаки будет стоять между ними до тех пор, пока мир не признает, что он пожертвовал собой и должен быть вознагражден – пусть и после смерти. Потом... возможно, потом призрак успокоится и уйдет, освободив Алису. Как знать.

Алиса впервые пыталась взглянуть на свою судьбу и привязанность к Лаки почти отстраненно, под новым углом.

Ник? Почему бы и нет?

А до тех пор лучшей мотивацией для Ника – за неимением денег – будет надежда, пусть даже призрачная.

Алиса миновала Национальную галерею, машинально подсчитав, что не была тут двадцать один год. А когда-то проводила целые дни. В то время она учила французский.

Люди часто критикуют Америку, говорят, что в стране нет настоящего правосудия и справедливости, но в Вашингтоне все-таки существует одна очень важная привилегия. Свободный доступ к

культуре всех граждан вне зависимости от цвета кожи и толщины бумажника. Вход в музеи бесплатный, их двери всегда открыты. В Национальную галерею не надо стоять в очереди, посетителей не обыскивают, не выдают им билетов в окошечке кассы. Вы входите в музей, как на вокзал, и можете провести здесь минуту или целый день перед полотнами Да Винчи, Боттичелли, Ван Дейка, Гойи, Ренуара, Кэссетт, Моне... Садитесь на скамейку, читайте газету, пишите письмо, ждите друга. Ни с кем не разговаривайте, если не хотите, и вам никто не станет задавать вопросов. Во время учебы в Вашингтоне, до войны, и с 42-го по 44-й год Алиса проводила в музее часы. Больше всего она любила импрессионистов. Почти ко всем экзаменам Алиса готовилась у картин. В галерее она впервые увидела пейзажи Нормандии, и они показались ей нереальными, просто сказочными. «Вот земля, – думала она, – на которой невозможно умереть».

Особенно ей нравилось большое полотно Ренуара «Девочка с обручем», на котором была изображена бледная малышка со странной улыбкой, не по возрасту серьезная. Ее волосы подхватывала лента благородного, строгого синего цвета. Девочка стояла на гравийной дорожке сквера и смотрела на зрителя, пристально и встревоженно. Что скрывала эта малышка, до того печальная, что обруч у нее в руках выглядел неуместным?

Прожив много лет в Австралии, Алиса успела забыть девочку. А сегодня вспомнила и устыдилась, словно та была подругой ее детства, которой она ни разу не написала, а ведь обещала.

Алиса вошла в музей, но не направилась к Ренуару, а принялась бродить, разглядывая невыразительных итальянских красавиц эпохи Возрождения, кровавые ужасы испанской истории, первые кубические опыты Пикассо. Она почти пробежала мимо пейзажей Нормандии и портретов прославленных американских первопоселенцев – уж слишком они напоминали ей одну из нынешних обительниц Капитолия.

Девочка ждала Алису в дальнем углу зала.

На ее молочно-белом лице не появилось ни одной морщинки. Она смотрела на Алису глазами ожившей куклы, и взгляд ее был не таким уж и грустным.

Да, девочка смотрела именно на Алису, забыв о других детях, гуляющих в парижском парке. Она бросила игру и повернулась, чтобы

взглянуть на посетительницу.

Нет, Алиса не была невидимкой.

20

Короткое замыкание

3 сентября 1964

Индиана-авеню, 318, Вашингтон

Нельсон Рэйфл сидел на обычном месте, прислонясь к стене дома № 318 по Индиана-авеню. Его вытянутые вперед ноги перегораживали половину тротуара так, что прохожие были вынуждены перешагивать через них. Нельсон зорко смотрел по сторонам, карауля появление Алисы: она каждый день ненадолго выходила – прогуляться или купить продукты. Сегодня в руках у нее ничего не было и она впервые улыбалась – по-настоящему! – и казалась счастливой. Возможно, причиной тому стало ласковое сентябрьское солнце. Нельсон был опытным наблюдателем, умел незаметно перехватывать взгляды, чем и зарабатывал на хлеб. Он порадовался тому, как выглядит Алиса. Обычно она бывала просто красивой, а сегодня еще и веселой. Женщина сияла. Она и в печальном настроении не забывала бросить монетку в его бейсболку, лежавшую на асфальте козырьком к пешеходам, а вот сегодня прошла мимо и не задержалась рядом с ним.

Счастье делает людей эгоистами, с философской обреченностью подумал Нельсон. Мгновение спустя Алиса вернулась и улыбнулась ему:

– Простите, Нельс, я задумалась и едва не забыла про вас.

Она положила ежедневную дань в бейсболку.

Досадно, подумал Нельсон – отличный наблюдатель, но безнадежный пессимист. Должно быть, ее счастье пока не совершенно.

Алиса набрала код, нажав на стертые кнопки домофона, вошла в дом и медленно поднялась на шестой этаж к своей квартире, впервые за два месяца читая фамилии на табличках. У порогов лежали цветные коврики, на дверях красовались наклейки, на стенах – граффити, признания в любви или ненависти.

Алиса знала, что свет скоро погаснет, – времени хватает, чтобы дойти до квартиры, достать ключи и отпереть дверь, – но сегодня не

думала о прозе жизни и сознательно не торопилась.

Она думала о суде, который наверняка выиграет, и о том, какое пристыженное лицо будет у миссис Арлингтон. Сенаторше придется признать, что ее сын был гнилым отбросом и жадным уродом. Эмилии придется не только заплатить, но и извиниться. Не перед ней, а перед Лаки – от имени покойного сына.

Ключ в третьем замке Алиса поворачивала уже в темноте. Она толкнула дверь и протянула руку, пытаясь нащупать выключатель, не входя в квартиру: ей не хотелось топтать конверты, которые почтальон подсовывал под дверь.

Черт, да где же эта проклятая клавиша? Ага, вот – ну слава богу.

Раздался взрыв.

Открытая дверь разлетелась в щепки вместе с частью обстановки – стоявшим в прихожей комодом, телефоном и розеткой. Осыпавшаяся с потолка штукатурка смешалась с обрывками обоев, отвратительных, в желтый цветочек. Фотографии молодого Лаки в рамках за стеклом полетели на пол, шкаф с одеждой, холодильник, полка с банками ягодного варенья, которое прислали в подарок его родители, – все смешалось в бесформенную кучу. Погибли и книги. Смерч пронесся по квартире, вырвался наружу и сбил с ног Алису. Она пролетела целый этаж, упала, и ее завалило обломками.

21

Анекдот

3 сентября 1964

Индиана-авеню, 318, Вашингтон

Тед Силва наблюдал за происходящим, стоя на перекрестке.

Отличный получился взрыв!

Чернокожий мошенник, изображавший инвалида, первым кинулся к лестнице, даже не высыпав мелочь в карман.

Что-то он неважно выглядит, отметил Тед и медленно двинулся прочь, не обращая внимания на зевак.

Дело сделано, миссис Арлингтон будет довольна такой аккуратной работой. А ведь газ – не совсем его специальность. Ничего, толковый

справочник и дотошность помогли. Тед улыбнулся. Да, хорошая работа, может, не самая лучшая, и все же...

Улыбался Тед по другому поводу. Как-то раз он уже работал в этом квартале. Дело было идиотское, одно из первых. В парикмахерскую пришла дама из небогатых и все время, проведенное в кресле, ругала мужа. Тед *решил проблему*, соорудив хлипкие мостки, обрушившиеся под несчастным супругом. Чисто и незатейливо. Он ждал свой чек, а тот все никак не приходил. Пришлось навести справки, понаблюдать и заглянуть к клиентке. Дама третью неделю пребывала в депрессии и не могла понять, чего хочет парикмахер, к которому она зашла по чистой случайности. Сначала Тед подумал, что заказчица издевается над ним, а потом сообразил, что случилось недоразумение: в тот день у женщины было плохое настроение, она хотела выговориться и открылась незнакомому человеку. Мужчина погиб по недоразумению – из-за болтливой бабы и слишком усердного профессионала.

С тех пор Тед стал осторожнее. Каждый может попасть впросак, нужно быть внимательным, только и всего. Он решил, что включит комичный эпизод в свои мемуары. Никто не любит работать бесплатно, но Тед не стал требовать долг: даже его профессия допускает минимум сочувствия и такта. Бедняжка жила в маленькой квартире на первом этаже дома, стоявшего на пересечении 7-й улицы и Пенсильвания-авеню. Тед отметил, что ставни закрыты, и, судя по всему, давно, а стены и дверь обклеены рваными афишами и исписаны расистскими призывами.

22

Дрочила

Сентябрь 1964

Топика, штат Арканзас

Табита завершила превращение Жан-Пьера в единорога. Бедняга хмуρο щипал траву в саду, пока она пряталась среди игрушек в надежде ускользнуть от Саманты, которая искала ее, яростно вращая глазами.

М-да... Зрелище не сказать чтобы полностью захватило Ральфа Финна, и он смотрел телевизор вполглаза, одновременно листая газету.

На диване рядом с ним молча сидел мальчик лет десяти в боксерских трусах и бейсболке с надписью *Мировая Ассоциация Бокса*.

– Убери свою газету, папа, ты загораживаешь мне экран.

– Лучше бы почитал, чем смотреть всякие глупости.

– Но ты же сам смотришь! – возмутился Финн-младший.

– А вот и нет – ты только что сказал, что я тебе мешаю, потому что читаю. Включи мозг, Кассиус Клей! [10]

«Кассиус Клей» дернул за газету, решив втянуть отца в шутивную схватку, тот поддался, они повалились на ковер и с хохотом затеяли возню. Ральф притворился, что вот-вот сдастся, его жена с умилением наблюдала за своими мужчинами.

Напрасно Саманта надувала щеки и совершала магические пассы – она была не в силах вернуть Жан-Пьеру человеческую форму или заинтересовать его бедами кого-то из членов семьи Финн. Как только ученик боксера озверел, Ральф сделал вид, что обессилел, и выпустил газету, оставив ее в руках сына. Он все равно уже прочел ее. Гордый собой мальчик снял бейсболку, удобно устроился на диване, сделал умное лицо и перекрыл отцу обзор. Ральф никогда не узнает, остался Жан-Пьер единорогом или нет. Но вряд ли это помешает ему спокойно спать.

– Слушай, слушай, папа! Вот умора!

– Ты о чем?

– О рубрике объявлений.

– Вроде тех, что дают типы, расписывая себя красавцами, весельчаками, владельцами половины штата Техас и... холостяками?

– Да нет, тут один тип ищет другого...

– А что тут смешного?

– Как его дразнили. Он тоже воевал, как ты. Сейчас прочту: «Ищу ветерана 9-го отряда рейнджеров, в июне 1944 года участвовавшего в штурме Пуэнт-Гийома. Известно только прозвище – Дрочила. Солидное вознаграждение. За справками обращаться к Нику Хорне...»

– Я запрещаю тебе произносить подобные гадости! – крикнула жена из кухни. – Почему ты молчишь, Ральф?!

Глава семейства резко поднялся, вырвал у сына газету и швырнул ее в маленький камин в углу.

– Ну чего ты, пап, я же для смеха...

Мальчика испугал судорожный, на грани грубости, жест отца, совершенно для него не характерный, и он счел за лучшее ретироваться на кухню.

Ральф смотрел, как горит газета, – и слышал хохот солдат в касках, чувствовал на себе их насмешливые взгляды. Парни ржали и пялились на Ральфа.

Дрочила – так они все его звали.

– Папа, ну папа, это же Кассиус Клей! Мир? – крикнул мальчик. – Идем есть, мама зовет!

Жизнь на десантном транспорте была невыносимой, не в последнюю очередь – из-за тесноты. Встречаясь в узких проходах, люди то и дело вынужденно касались друг друга.

Извини, Дрочила!

Остаться одному не получалось – никогда, ни на минуту, а уж о том, чтобы поспать как нормальный человек, нечего было и мечтать.

Эй, Дрочила, ты спишь?

Солдаты, разгоряченные жаром маленькой буржуйки, оттачивали на нем остроумие.

Эй, Дрочила!

– Папа, все готово!

Идешь, Дрочила?

– Ты идешь, папа?

Эй, Дрочила!

– Ну папа же!

– Да, иду, малыш... Иду.

23

Дама червей

3 сентября 1964

Индиана-авеню, 318, Вашингтон

– Это несчастный случай, – твердил Ник. – Несчастный случай... Вот, выпейте, Алиса. Да, до дна! Алкоголь вам сейчас не повредит.

– Как же я испугалась, – стуча зубами, пробормотала Алиса.

Ничего не бойся, детка, теперь я здесь, с тобой.

– Вы меня удивляете, – продолжал Ник. – Чудо, что вы практически не пострадали, а несколько царапин на руке и кровь на лице не считаются. Полшага в квартиру – и вас разорвало бы в клочья! Стена защитила вас от взрыва. Правая рука и шишка на лбу поболят и перестанут, пусть и не сразу, дверь все-таки тяжелая, но вы справитесь. Вас засыпало метровым слоем обломков, так что скажите спасибо Нельсону, что действовал так быстро.

Все еще не оправившаяся от шока Алиса молча смотрела на Ника.

Они устроились на лестнице, на четвертом этаже. Сосед снизу, отставной швейцар Национального географического общества, приютил ее до прихода Ника. Алиса приняла душ, смыла с себя варенье и грязь, старичок дал ей старый красный халат из неведомой ворсистой ткани, какой обивают кресла и пуфики. Застегивалось одеяние спереди на два помпона того же ярко-красного цвета.

Алиса выглядела до неприличия соблазнительной и в этой жалкой тряпке, едва прикрывавшей попку. Петли растянулись, помпоны грустно свисали вниз, так что будь Ник понахальней, запросто разглядел бы и грудь.

Он удержался от соблазна – не те обстоятельства – и удовольствовался созерцанием красивого лица. Мокрые волосы были зачесаны назад, и Алиса напоминала модель, рекламирующую туалетную воду или увлажняющий крем. Такие красотки обычно позируют полуобнаженными для глянцевого журналов.

Господи, до чего же она хороша. Выколи себе глаза, Ник, потом будет поздно. Что? Уже слишком поздно? Да что с тобой такое? Кто бы мог догадаться, что Венера Боттичелли после ванны кутается в старый красный халат?

Алиса не сводила с сыщика глаз, будто ждала слов утешения.

– В общем и целом, – произнес Ник самым естественным тоном (во всяком случае, он на это очень надеялся), – обстоятельства сложились невероятным образом, но со знаком плюс: дверь от взрыва слетела с петель и прикрыла вас, как щитом, попрошайка решил проявить героизм. Вашему везению можно позавидовать, Алиса.

– Знаете, Ник, везение...

– Знаю – не вечно. Говоря это, вы думаете о Лаки. Так вот: забудьте, и немедленно!

Гляди-ка, малыш Ник, ты сегодня в ударе. Тебя подстегивает волнение или возбуждает это красное недоразумение?

– Я поговорил с пожарными, – продолжил он. – По их словам, все дело в ржавчине. Крошечное пятнышко вызвало утечку газа. Когда зажглась лампочка, рвануло в полную силу. Возможно, случилось короткое замыкание. Если предъявите иск хозяину дома, наверняка выиграете!

Алиса улыбнулась, стянула халат у шеи.

Об иске это ты ловко вставил, малыш Ник, молодец.

– Несчастный случай? – спросила Алиса. – Вы уверены?

– Да. Трудно даже представить, какая подготовительная работа понадобилась бы, реши кто-нибудь *подстроить* аварию. Нужно вломиться к вам, испортить трубу – нет, скорее, подменить ее ржавой, – рассчитать объем газа, который вытечет до вашего возвращения, не слишком большой, но и не слишком маленький. И, наконец, устроить короткое замыкание в тот самый момент, когда вы включите свет. Исключено!

Или же... Да нет, слишком невероятно. Не давай волю воображению!

– Вы меня утешили, Ник, постараюсь справиться с мрачными мыслями. Но ведь этот... несчастный случай произошел за десять дней до начала процесса, вот и мерещатся всякие кошмары. И ужасные подозрения.

– Насчет Эмилии Арлингтон? Понимаю. Успокойтесь, я настаиваю: это совпадение. Здание насквозь прогнило, сами знаете!

Давай, Ник, теперь или никогда, спроси ее: «Тебе страшно?» И если скажет «да», хватай в охапку и предлагай защиту!

– Вы боитесь, Алиса?

– Дело не в страхе. Мне плевать на собственную жизнь, но этот случай похож на дурную примету. Я боюсь одного – не выиграть сражение.

Так, со страхами не вышло. Попробуй предложить пристанище. Вдруг согласится?

– Уборка вашей квартиры займет какое-то время, Алиса. Если хотите, можете пожить у меня... До суда. Я с радостью потеснюсь!

– Какой же вы милый, Ник! – Алиса улыбнулась, как мудрая женщина, не желающая обижать собеседника. – Со мной все будет в

порядке, но я хочу побыть одна и сниму номер в отеле.

– Как скажете.

Она отвела взгляд. Задумалась. И все-таки на одно короткое мгновение ей захотелось согласиться, Ник это почувствовал.

Ни о чем не жалею, малыш Ник. Представь, что она приняла приглашение и три дня бродит по двум твоим комнатам в неглиже. Вдова, давшая обет целомудрия. Тут умом тронешься, закончишь жизнь в сумасшедшем доме или станешь любимым клиентом полиции нравов. Все понял?

Да.

Уверен?

Вот и хватит воображать, как она ходит туда-сюда без одежды!

24

Дама пик

4 сентября 1964

Посольский квартал, Вашингтон

Эмилия Арлингтон встала в половине седьмого, как каждое утро, и сразу оделась, потому что терпеть не могла спускаться к завтраку в халате и тапочках. Мало кто мог похвастаться, что видел миссис Арлингтон неприбранной.

Стол Мария теперь накрывала на «одну персону» – апельсиновый сок, кофе, три тоста с маслом, чашка и ложечка. Справа от тарелки лежал аккуратно сложенный номер «Вашингтон пост». Миссис Арлингтон налила себе кофе, нашла его слишком горячим и развернула газету. Начала с биржевых новостей – «слабая активность», пропустила все про спорт и внешнюю политику – не ее темы, чуть дальше задержалась на внутренних проблемах, макая тост в кофе. Все ее действия были отработаны до автоматизма: абзац – глоток, абзац – глоток.

Излюбленной темой пишущей братии стала расовая сегрегация. После награждения Мартина Лютера Кинга Нобелевской премией мира обо всем остальном журналисты забыли, а вот сенаторшу эта проблема не волновала. Сторонники узаконенной сегрегации заведомо обречены

на проигрыш – «цветные» станут равноправными гражданами. Но идейные борцы тоже останутся ни с чем: права правами, а бедные и богатые, белые и черные будут по-прежнему жить обособленно друг от друга. Обездоленных меньше не станет, их просто легче будет скрывать от глаз «неравнодушной общественности», а чертовы лицемеры все еще талдычат о солидарности, как будто не понимают, что говорильня – пустая трата времени и сил!

Экономических статей в газете почти не было. Решительно, «Пост» все больше увязает в демагогии; можно, конечно, изменить ей с «Миррор», но с некоторыми привычками очень трудно расставаться. Завтрак Эмилия традиционно закончила апельсиновым соком, рассеянно проглядывая другие страницы. Она любила читать по диагонали, только заголовки, этого ей хватало, чтобы составить представление о проблеме или ситуации. Так же сенатор Арлингтон поступала, когда требовалось изучить сотни страниц досье и подготовить доклад для комиссии. Она сводила множество деталей к одной – ясной, простой, точной и легко реализуемой. Это требовало сложной гимнастики ума и привычки анализировать множество данных и сведений. Сортировка, классификация, отбор и отбраковка. Анализ того, что осталось, и повторение тех же операций (с каждым разом куда более сложное), пока в голове не оставалось одно-единственное уравнение, объясняющее весь объем хаоса. Коллеги всегда ценили «синтетический» интеллект Эмилии, а все дело было в ее умении стремительно принимать решения. Без колебаний, не думая о деталях, заботясь только о конечной цели, отсекая лишнее снова и снова, пока не останется чистая суть.

Сделав третий глоток сока, миссис Арлингтон наткнулась на короткую заметку.

Взрыв на Индиана-авеню

Вчера, ближе к вечеру, маленькая квартира на шестом этаже дома № 318 по Индиана-авеню была практически уничтожена взрывом газа. К счастью, обошлось без жертв, что само по себе является чудом. Проживавшая в квартире преподавательница французского языка Алиса Куин получила легкое сотрясение мозга. Этот несчастный случай снова ставит на повестку дня проблему обветшавшего жилого

фонда в центре исторического квартала столицы. Когда же городские власти займутся наконец реальным делом вместо пустой болтовни?

Гораций Халдас отрекомендовал ей Теда Силву как виртуоза своего дела. Она не поскупилась на взнос обществу *Ex-voto*. Дело провалено – за десять дней до начала разбирательства! Если этот Силва умен – а он как минимум не дурак, – то не повторит попытки, пока не пройдет достаточно времени. Два несчастных случая, даже очень чисто подстроенных, перестают быть случайными, тут даже самый тупой коп засомневается.

Значит, эта мерзавка придет в суд.

25

Сражение

14 сентября 1964

Суд в Фогги-Боттом, Вашингтон

– Представьте себе скалу, господин председатель, белую стену высотой шестьдесят метров, оцетинившуюся пулеметами, самую неприступную из рукотворных крепостей. Вот это и нужно было штурмовать!

Тедди Баур разливался соловьем. Публика, на одну половину состоявшая из бывших рейнджеров, а на другую – из родственников и друзей Лаки Мэрри, была зачарована его ораторским искусством. Он не спеша воссоздавал атмосферу и устанавливал декорации, стараясь оправдать репутацию художника слова.

Процесс проходил в одном из безвкусных, чуточку аляповатых залов со стенами, обшитыми деревянными панелями, и американскими флагами, – такие залы хорошо знакомы телезрителям всего мира по сериалам о юристах и полицейских. Робин Легри, адвокат миссис Арлингтон, нервничал. Вернее, выглядел нервничающим. Тридцать лет адвокатского стажа не избавили Легри от невротических привычек: он грыз ногти, карандаши, ручки и даже жевал бумажные шарики. Сконцентрироваться адвокат мог только таким способом, хотя знал, что окружающие это замечают, и обращался за помощью к специалистам, но те лишь пожимали плечами: тик, неконтролируемые движения.

Выступая в суде, Легри ценой невероятных усилий заставлял себя не мельтешить руками – и превращался в посредственность, ибо рассеянный адвокат уже не адвокат. Он плюнул на приличия и стал одним из самых дорогих и уважаемых вашингтонских мэтров. Когда Робин Легри брал слово, никто не смотрел на его руки.

Он почти сгрыз колпачок роскошного фломастера фирмы *Waterman*, который дочь подарила ему месяц назад. Родные легко решали проблему новогодних подарков – преподносили ручки или фломастеры, зная, что не промахнутся. Однажды, правда, кто-то купил дороговую самописку, и Легри не оценил вкуса чернил. Он расплющил колпачок зубами, взглянул исподлобья на зал и сказал себе, что его мания ничем не хуже курения, а обходится дешевле, так что нечего смеяться.

Сейчас Робин Легри был не слишком сосредоточен. Тедди Баур повторял ту же историю, которую до него рассказали пятнадцать свидетелей, да к тому же углубился в описание пейзажа. Художник, черт бы его побрал.

Двадцать три свидетеля, больше истцы собрать не смогли. И каждый следующий повторял предыдущего, и каждый искренний монолог подтверждал запущенный истицей слух. Впрочем, это ничего не меняет, ибо даже тысяча свидетелей, «слышавших слух», не способны доказать, что версия – не фарс, не шутка, не блеф и не клевета. Тем более слух двадцатилетней давности. Не осталось ни живых участников события, ни письменных свидетельств.

Разбирательство пройдет спокойно, решил Легри, прикидывая, как бы половчее раскусить фломастер и не испачкаться до выступления.

Небольшой зал суда был битком набит зрителями, и почти все сочувствовали «делу Лаки». Эмилия Арлингтон обошлась без рекламы, так что даже родственники не были в курсе и не получили приглашения войти в команду поддержки. Сенаторша рассчитывала закончить дело быстро и без лишнего шума.

Сидевшие в зале рейнджеры хотели вспомнить героическую молодость. Жители Личфилда, родители Лаки, дяди и кузены, местные торговцы, друзья, все, кто знал его в юности, облачившись в воскресные костюмы, прибыли в Вашингтон, чтобы защитить честь местного героя и дать бой этой сенаторше, которая якобы ратует за

права крестьян. Почему бы не утереть нос политикам из Капитолия и Белого дома, которым нет дела до маленьких людей? Эмилия Арлингтон задолжала не только Лаки, она представляет правящий класс, а тот много чего должен скотоводам западных штатов, мелким торговцам и пенсионерам Личфилда, лишенным государством общественного транспорта, достойного цивилизованной страны.

Короче говоря, публика в зале суда была настроена крайне враждебно. Робину Легри подобная атмосфера даже нравилась, она позволит ему напустить туману, навязать идею «необоснованного требования». Старый юридический волк судья Картерон не позволит эмоциональной, но очень наивной публике запугать себя.

Истица Алиса Куин была хороша собой и благородна в своем горе. Ни намек на истеричность, полная сосредоточенность и решимость идти до конца. Впечатляет, особенно если учесть, что прошло двадцать лет. Вдова отлично сохранилась и напоминала героиню романа. Ее манеры, сдержанность и немногословие были гораздо опасней и убедительней сотни шумных болельщиков и двадцати трех свидетелей.

Робин понимал, что восхищается Алисой в том числе из-за ее профессии. Она преподает французский. А у него как-никак французская фамилия – Легри. На самом деле его настоящее имя Робин Грей, но оно всегда казалось ему чудовищно банальным. Как-то раз он смотрел канадский фильм, в котором одну из ролей играл артист Ясент Легри, и решил, что это звучит намного лучше. Деньги помогли устранить проблему.

Двадцать третий – и последний – свидетель Барри Монро поэтом не был.

– Знаете, ваша честь, понять, каково тянуть номер из каски, может только тот, кто это пережил. Я буду помнить всю мою сучью жизнь, могу и сейчас назвать очередь каждого. Оскар Арлингтон – номер четыре, Лаки Мэрри – номер сто сорок восемь. Тут уж не схитришь.

Ошибаешься, парень, теперь и мы представляем, как все было, подумал Робин Легри. Выслушаешь историю двадцать три раза подряд – решишь, что видел все собственными глазами.

Адвокат понимал, что рейнджеры явились в суд не только как свидетели – они хотели послушать друг друга, вспомнить молодость,

изгнать демонов былых времен, избавиться от кошмаров. Это не суд, а огромная, групповая кушетка психоаналитика.

Робин Легри дождался окончания рассказа, сунул в карман останки фломастера и встал:

– Могу я задать вам несколько вопросов, господин Монро?

– Конечно...

– Среди двадцати трех заслушанных нами свидетелей не было ни одного сержанта. Это случайность?

– Да вы что! Никто не был в курсе насчет обмена, иначе такое бы устроили... Оскар предложил втихаря!

– Втихаря? Не понимаю... Вы уверены, что предложение действительно имело место? Как именно Оскар Арлингтон представил дело?

– Ну, он был чуток не в себе – от страха, как я, как все, кто вытащил первые номера. Обхватил голову руками и сказал: «Продам проклятую четверку любому с дальним номером по десять тысяч долларов за единицу!»

– Прямо так и сказал?

– Двадцать лет прошло, но я уверен.

– А Оскар Арлингтон не использовал сослагательное наклонение?

– Чего-чего?

– Может, он сказал что-то вроде: «Как бы я хотел вытащить не четверку, а другой номер, состояние бы за это отдал!»

– Вообще-то да, а что, есть разница?

Робин Легри с сокрушенным видом покачал головой.

Барри Монро, сообразивший, что им манипулируют, пошел в атаку:

– Ну, я-то был там и хоть и не помню точные слова Арлингтона, но знаю, что он сделал предложение – прямое и ясное! Все мы так его поняли.

– Да-да, конечно. Но что, если Оскар произнес эти слова без всякой задней мысли, просто вырвалось у него, от страха и отчаяния? Трудно поставить под сомнение честность человека – тем более покойного, – руководствуясь чужими интерпретациями его слов и очень приблизительными воспоминаниями. Никто в отряде не любил Оскара – это заявили все свидетели, прямо или в завуалированной форме, товарищи считали его скрягой, потому и интерпретировали так его

высказывание. А ведь это могло означать, что человек покорился судьбе! Все свидетели высказались примерно одинаково. В группе людей, тем более в группе мужчин, и уж тем более в группе мужчин, отправляющихся на войну, всегда есть лидеры. И козел отпущения, от которого остальные отстраняются, обвиняют его во всех грехах и навешивают ярлыки всех пороков – реальных, предполагаемых и вымышленных. Нет ничего лучше козла отпущения, если хочешь сплотить сообщество.

– Арлингтон не был козлом отпущения, нет, господин адвокат! – запротестовал Монро. – Он сдрейфил и был готов на все ради спасения своей шкуры.

– Благодарю вас.

Все оставшееся время до конца заседания повторялись одни и те же аргументы и свидетельства. Дело забуксовало.

Час спустя Легри встал, чтобы произнести заключительную речь. Процесс оказался лакомым кусочком: действующие лица воодушевленно и в деталях вспоминали ледяное море и туман, свист пуль, хороших и плохих парней, погибших героев. Сильные чувства – и ничего конкретного, ни одного стоящего доказательства, которое позволило бы вынести решение в пользу истицы.

Обращаясь к суду, Легри снова, но вскользь, помянул козла отпущения (не будем недооценивать судью Картерона), согласился с противной стороной в том, что обмен имел место, то есть Оскар и Лаки поменялись очередью, было бы глупо утверждать обратное – вряд ли целый отряд стал жертвой галлюцинации на тему жеребьевки.

– Итак, они поменялись. Но на какой основе? Зачем? Какую цену назначили? Точно нам ничего не известно. Лаки Мэрри утверждал, что продал свой № 148 за 1 миллион 440 тысяч долларов. Он один это говорил, только он! Никто из присутствующих здесь свидетелей не читал и даже не видел пресловутый договор. Свидетели повторяют слова Лаки, но ни один экземпляр документа не был предъявлен суду, не выступил ни один из двух официальных хранителей заветной бумаги.

У нас осталась единственная возможность: положить на одну чашу весов слова Лаки Мэрри, а на другую – слова Оскара Арлингтона. Лаки Мэрри утверждал, что обменял свою очередь на 1 миллион 440 тысяч

долларов. Оскар Арлингтон ничего не говорил, но платить не стал, из чего следует, что они по-разному понимали сущность сделки. Один из них солгал. Оба мертвы. У нас нет причин верить скорее одному, чем другому. Так где выход? Бросить монетку? Положиться на орла и решку и осудить Оскара Арлингтона вместе со всей семьей Арлингтон? Разве американская юстиция отказалась от принципа презумпции невиновности?

Если вы сегодня осудите Оскара Арлингтона, завтра у всех будут развязаны руки. Я, например, стану рассказывать всем и каждому, что вечность назад, двадцать-тридцать лет назад, поспособствовал спасению жизни президента Кеннеди, а он пообещал за услугу несколько миллионов долларов, как только под рукой окажется чековая книжка. И вот я твержу друзьям, что подписал контракт, что у меня есть свидетели, но они, увы, переехали, таинственным образом исчезли или умерли, а через несколько недель после убийства президента являюсь и требую мифические миллионы! Кто мне поверит? Будем же серьезны! Да, в деле, которое сегодня слушается в суде, имел место обмен. Но на какой цене сошлись два человека? 1 миллион 440 тысяч долларов? Больше? Меньше? Или Лаки и Оскар заключили секретный договор и деньги вообще ни при чем? Может, дело в покерном долге? Нет, Лаки был гениальным игроком, все об этом говорили. Но Лаки выигрывал не потому, что ему везло. Чтобы стать великим покеристом, дамы и господа, нужно уметь одно – блефовать! Благодарю за ваше внимание.

Робин Легри бросил взгляд на враждебно настроенную публику. *Ну что, карандашный грызун оказался совсем неплох?* Он укротил зал и даже заставил сомневаться многих болельщиков Лаки.

Еще немного – и Легри убедил бы и себя, хотя, положив руку на сердце, точно знал, что даже при отсутствии доказательств истина на другой стороне. Сын миссис Арлингтон был богатым слизняком. За три дня до высадки он умирал от страха и вряд ли посулил легкомысленному Лаки пачку жвачки и три сигареты, чтобы тот согласился занять его место. Оскар Арлингтон был готов отдать за свою жизнь все состояние, которое семья заработала за сто лет, поместье в Вирджинии, хлопковую плантацию. Только бы не сдохнуть... После возвращения на родину страх поймать пулю исчез. Теперь Оскар боялся только матери – не дай бог узнает о сделке. И он притворился, что

ничего не было, но не сумел договориться со своей совестью. К несчастью для красавицы вдовы, у нее нет ни одного доказательства. Даже его коллега, адвокат Джонас Джонс – к слову сказать, недурной юрист, хоть и слишком молодой, – оказался бессилён.

Интересно, что обо всем этом думает мамаша Арлингтон. У Легри возникли три версии.

Версия № 1. Она ослеплена материнской любовью и действительно верит, что ее бесценный сынок ни в чем не виноват. Эта гипотеза маловероятна, ведь тогда напрашивается вывод, что миссис Арлингтон способна любить до умопомрачения, а это – даже по отношению к сыну – не в духе госпожи сенаторши.

Версия № 2. В глубине души она принимает очевидное: ее сын совершил очередную глупость и едва не столкнул все святое семейство в яму с жидкой грязью.

Эмилия Арлингтон скорее дала бы вырвать себе все волосы из носа и с подбородка (кстати, лучше бы так и сделала), чем признала вину сына и принесла публичные извинения. Ведь эта женщина мало того, что одержима фамильной честью, так еще и обладает железной волей.

И наконец, последняя версия, № 3. Сенаторша была в курсе, сын облегчил душу, вернувшись с войны, или позже – перед тем как совершить самоубийство. Миссис Арлингтон знала правду и держала оборону.

Итак, самым вероятным выглядит вариант № 2, но при этом миссис Арлингтон сознательно лишила Алису Куин полутора миллионов долларов. С позиций если не юриспруденции, то морали это многое меняет.

Решение было вынесено без промедления. Судья Картерон признал, что обмен номерами произошёл. Пусть даже ни один офицер не был в курсе, это неоспоримый факт. Однако, в связи с отсутствием договора, миссис Арлингтон ничего не должна Алисе Куин. Оскар Арлингтон остается героем войны при всех своих наградах.

Публика зароптала. Люди поднимались с мест, мать Лаки упала на руки мужу, рейнджеры кричали: «Позор!» – и срывали с себя медали. Раздались возгласы: «Продажная сволочь!», «Пародия на справедливость!», «Арлингтоны что, неприкасаемые?» – хотя судья с

бородой а-ля Линкольн выглядел внушающим доверие и вряд ли мог быть подкуплен ответчицей. Он несколько раз очень спокойно попросил всех очистить зал, и люди начали расходиться – неохотно, понуриив головы.

Робин Легри стоял перед Эмилией Арлингтон – без неуместной гордости, но с чувством выполненного долга. Она не стала светиться в зале суда, не села рядом со своим адвокатом. Обвиняли не мать, а сына, так что сенаторша могла с полным правом расположиться среди публики.

– Мы выиграли, – сказал Легри.

– Слава богу, – проворчала миссис Арлингтон. – Хорошо, что в этой стране все еще существует правосудие.

Адвокат усмехнулся – женщина, сама того не желая, подтвердила, что совесть у нее нечиста.

– Признайтесь, Легри, вы на стороне этой ведьмы Куин, как и все остальные. А между тем плачу вам я – и немало. Да, вы защищаете честь моего сына и делаете это добросовестно, не могу не признать, но в глубине души уверены, что права и правда на стороне блондинки, что она – несчастная жертва, а мой сын – сволочь.

Адвокат не стал спорить, подумав: так и не назвала меня ни разу мэтром, старая карга.

– Скажу вам две вещи, Легри, которые ни в коем случае не повторю перед судом. Во-первых, Оскар не покончил с собой. Не был он и убийцей. У него просто не хватило бы духа прикончить человека. Тем более наложить руки на себя. Можете мне не верить, но я это знаю. Знаю, и все тут. И второе... Относитесь к этому как хотите, но скорбящая вдова, такая красивая, благородная, величественная и возвышенная судьбой, эта Алиса Куин, отлично умеет очаровывать мужчин. И не спорьте! Алиса Куин всего лишь мелкая куртизанка, которую интересуют только деньги. Лживая гадюка! Трудно принять подобное? Я это знаю, а она наверняка догадалась, что не сумела меня обмануть, но понимает: личное достоинство и честь семьи заставят меня молчать.

Да она безумна, подумал Робин Легри. Дамочке пора вернуться на ранчо в Вирджинию и помыкать там десятком слуг, а не заседать в конгрессе.

– Одного я не понимаю в этой истории, – продолжала Эмилия. – Почему Господь защищает это создание? Ладно, дело сделано, теперь пусть убирается к черту!

Психопатка, окончательно убедился адвокат. Он всегда считал ссылки на Бога и дьявола неоспоримыми признаками сумасшествия, столь частого и – увы! – необратимого у людей определенного возраста.

Алиса и Ник стояли на опустевших ступенях лестницы суда.

– Лаки погиб зря, – сказала она. – Все пропало.

– Нет, Алиса, – покачал головой Ник. – Проигран первый тайм, мы провели рекогносцировку сил противника и подадим апелляцию. А пока будем искать чертовых свидетелей и экземпляры договора. У нас есть новые зацепки, мы вот-вот отыщем Дрочилу. Я уже неделю даю короткие объявления в нормандских газетах насчет Алана Ву. По сути дела, судья согласен с нами, он дал это понять, но ему нужны доказательства.

– Вы хороший человек, Ник, но вряд ли захотите потратить жизнь на распутывание безнадежного дела...

– Не стоит меня недооценивать, Алиса.

– За месяц вы не заработали ни доллара, Ник, так дальше продолжаться не может.

Знала бы ты, что у меня уже три месяца нет других клиентов. Выбор прост: твое дело или... ничего.

– Не страшно, вы ведь не забудете о процентах от чека миссис Арлингтон?

– Ник, мы рядом с ними – мелочь, ничтожества. Вы слышали, как легко адвокат Легри перевернул все с ног на голову.

– Зато у вас лучший частный сыщик столицы.

Она даже не улыбнулась! Хотя обычно... Сегодня прекрасную Алису будет непросто развеселить.

– Ваш договор действовал до начала процесса, и вы проделали фантастическую работу. Скажите, сколько я вам должна, и со временем все получите – жалованье у меня небольшое, но платят регулярно. Прошу вас об одном – не ломайте карьеру. Это моя судьба и моя проблема. Только моя.

– Я с вами не согласен, Алиса. И не хочу останавливаться, потому что много поставил на кон.

Куда ты лезешь, Ник? Не вздумай объясняться с ней на ступеньках суда!

– Но зачем, Ник?

– Хочу разогнать призраков, Алиса, чтобы вы снова начали улыбаться.

Легковесно, Ник, легковесно.

– Вы очень милый человек, Ник...

Знаю, знаю, даже слишком милый. Лучше бы ты вел себя как последняя сволочь и поцеловал ее.

– Вовсе нет, Алиса, я, конечно, человек верный, но не бескорыстный.

Не уходи в сторону, Ник, развесели ее, придумай хоть что-нибудь.

Ник колебался, стоит ли продолжать...

Один шанс из тысячи, что брошенная тобой в море бутылка не разобьется.

И решился:

– Если я сейчас признаюсь, что люблю вас, вы ответите: «Не время...»

Алиса улыбнулась.

– Верно, Ник, не время.

– Слишком рано? Из-за призраков?

Алиса кивнула.

– К тому же лестница суда не самое лучшее место, да?

Еще одна улыбка.

– Верно.

– Ну и ладно, – махнул рукой Ник. – Я все-таки развеселил вас.

А себе причинил боль, кретин. Неужели она не понимает, что любить ушедшего из жизни куда легче, чем живую, но равнодушную к тебе женщину?

Третья эпоха

1964

Рожок призраков

26

Утренний кальвадос

17 октября 1964

«Завоеватель», Шато-ле-Дьябль, Нормандия

Завсегдатаи «Завоевателя» в ненастные дни особенно наслаждались приятной атмосферой заведения. Шато-ле-Дьябль проснулся под редким холодным дождем. Выходить в это осеннее нормандское утро не хотелось. В кафе было тепло, отделенное от мира запотевшими стеклами, оно казалось Ноевым ковчегом для нескольких выживших: Эжена Тетриона, Люсьена Шавантре, Фернана Приера, Поля Тесье – они спасались тут от потопа, то есть женщин, детей, работы и непогоды.

– А вот еще неплохой, – сказал сидевший у стойки Эжен Тетрион по прозвищу Сися. – Один тип идет в мэрию...

– Рене! – крикнул Люсьен Шавантре, бесцеремонно перебив Сисю. – Я просил кофе с кальвадосом, а не просто кофе.

– Я налил в чашку кальвадоса, Дохлец (все деревенские называли так Люсьена), – огрызнулся из-за стойки Рене. – Ни черта не замечаешь, а туда же – попрекать!

– А вот и нет! – задиристо отозвался Шавантре. – Я увидел, как ты достал из-под стойки бутылку без этикетки и капнул в мою чашку не пойми чего. Я глотнул и почувствовал вкус кофе с яблочным оттенком. Так что говори, что там у тебя в секретном сосуде.

– Ах ты сволочь! Намекаешь, что я наливаю людям не двадцатилетний кальвадос, а кошачью мочу? В следующий раз я тебя в ней утоплю.

– Брось, Рене, – примирительным тоном произнес сидевший в углу Фернан Приер. – Наш Дохлец набрался с раннего утра и вряд ли

заметит разницу. Эй, Люсьен, зачем ты вообще добавляешь кофе в кальвадос?

– Да пошел ты... Что хочу, то и пью! Я работаю на свежем воздухе! Попробовал бы ты повкальвать в поле, хлебнув растворимого какао! Чинуша!

– Ладно, Рене, не мелочись, налей ему глоток, – сказал Фернан хозяину. – Не то он взбесится.

– Какого черта! – насупился тот. – Хочет еще выпить, пусть платит, я выдержанным кальвадосом задарма не угощаю.

– Ну и ладно, – отозвался Шавантре. – У такого жмотяры, как ты, кальвадос и столетнего юбилея может дождаться.

– Господа, – вмешался Учитель (Поль Тесье рассказывал всем, что работал учителем в департаменте Верхняя Луара, а в Нормандию переехал, выйдя на пенсию), – если будете вести ваши пьяные споры потише, я смогу сосредоточиться на газете. – Поль всегда читал в кафе «Бессенский курьер». – Умоляю, Рене, сжальтесь над этим закоренелым алкоголиком, утолите его жажду, иначе он не даст нам покоя. Подарите мне несколько мгновений тишины, господа, и я загадаю вам интересную загадку. Она имеет отношение к короткому объявлению, которое я только что прочел.

– Ну вот, – Сися воспользовался паузой в разговоре, чтобы дорассказать анекдот, – один тип идет в мэрию...

– Я согласен с Учителем, – подал голос Шавантре. – Не по форме – никакой я не *закоренелый*, а по сути – насчет гло..

– Ты меня достал! – воскликнул Рене. – Утром, днем и вечером пьешь тут на халяву и еще недоволен!

– Насчет вечера – это ты заливаешь, ведь по вечерам я пью у брательника! Пусть у него кальвадос и не двадцатилетней выдержки, но наливает он не как девчонкам. Смотри, не исправишься, буду и завтракать у него!

– Вот из-за таких болванов, как ты, и закрывают французские кафе, одно за другим! – простонал Рене. – И все остальное скоро позакрывают в деревнях. Де Голль сказал, что все сейчас бегут в города или пьют у телевизора. А кафе и быстро прогорают.

– Не уверен, что де Голль такое говорил, – заметил Учитель.

– Еще как говорил! – Рене стукнул кулаком по стойке. – Со всем моим уважением, Учитель, но я знаю, что могу пострадать! Де Голль

называет это обустройством территории, а быстро, кафешки и другая торговля – часть его плана. Посмотрим, что вы скажете, когда я запру дверь и выброшу ключ, где тогда будете выпивать?

– Завалимся скопом к брательнику Дохлеца, может, он и нам кальвадоса нальет, – съязвил Фернан.

– Твоя правда, Рене, без «Завоевателя» деревня будет уже не та, – задумчиво произнес Шавантре. – Черт, да мы все просто подохнем. Даже фрицы во время войны бары и кафе не трогали, и англичане тоже. Церкви закрывали, было, но не питейные заведения!

– Вот именно, Дохлец, вот именно. А ты, болван, норовишь пить, не раскошеливаясь.

– Так вот, один тип идет в мэрию...

– Валяй, Сися, рассказывай, – снова перебил его Шавантре, – рассмеши нас, раз де Голль запретил выпивать. Веселиться пока никому не заказано. Смех не помешает обустройству территории, верно, Рене?

Хозяин заведения пожал плечами, и бедняга Тетрион в которой уже раз заговорил:

– Идет он, значит, в мэрию, потому что у него родился сын и он должен его записать. Секретарь спрашивает: «Как вы решили назвать малыша?» А мужик отвечает: *Жэтруакуэн*[11].

– Вот идиот! – расхохотался Шавантре.

– По-моему, Сися не закончил, – заметил Фернан.

– Правда, что ли, Сися? – изумился Шавантре.

– Вообще-то да, – устало ответил рассказчик. – Ты рано начал смеяться.

– Вот оно что... Ну, по мне, он и так неплох, твой анекдот.

– Вперед, Сися, – подбодрил рассказчика Фернан. – Продолжай. Не тушуйся. Скажи ты, что тот тип хотел назвать мальчишку *Бранльпуком*[12], наш Дохлец веселился бы точно так же.

– А что, нельзя?! – возмутился тот. – Смеяться нельзя, выпивать нельзя. Дерьмовое сегодня утро получается.

– Будете слушать или нет?! – взвился Тетрион.

Все кивнули, и он начал:

– Секретарша смотрит на папашу и говорит ему: «Нет, это невозможно, нельзя называть так ребенка!» Мужик разозлился и давай ругаться: «Что за порядки в вашей мэрии, одним поблажки в обход закона, а другим отказываете!» Секретарша ни черта не понимает.

– Приготовься, Дохлец, – шепнул Фернан, – скоро нужно будет смеяться.

– Заткнись! Заканчивай, Сися!

– Вы все время меня перебиваете, – вздохнул бедняга, – так что концовка все равно не получится. Ладно, пока никто не ляпнул еще одну глупость. Тип говорит секретарше: «Моя соседка захотела назвать дочку *Жесикэт*[13] – и ничего, разрешили!»

Слушатели расхохотались – все, кроме Учителя.

– Ты был прав, Сися, – сказал Шавантре, – с концовкой смешнее.

– Чудеса! – воскликнул Фернан. – Дохлец понял анекдот! Зажимайте носы, ребята, медведь в лесу издох!

– Вам не смешно, Учитель? – разочарованно спросил Сися. – А я старался, выбрал несальный в кои-то веки.

– Это точно, – согласился Фернан.

– Не сальный, но и не новый, – ответил Учитель. – Я его знал, хоть и не местный.

– Все знали, – ухмыльнулся Фернан. – Но все равно смешно! А повторять полезно, на двадцатый раз Дохлец понимает, когда пора смеяться.

– Ты мне надоел, Фернан! Задница ты лошадиная, а не муниципальный советник. Не стану за тебя голосовать на следующих выборах!

– Хватит спорить, слушайте меня. Я обещал вам маленькую загадку, чтобы вы как следует напрягли свои пропитые мозги. Тут у меня короткое объявление. Кто назовет фамилию того янки, что держал бар до Рене?

– Американца? – переспросил хозяин заведения.

– Дезертира? – уточнил Сися.

– Его звали Алан! – тут же вспомнил Фернан.

– Мне нужна фамилия! – повторил Учитель.

– Ну, дезертир, Алан-дезертир! – сделал вторую попытку Фернан.

Учитель покачал головой и улыбнулся, как будто ответы мимо цели обрадовали его.

– Скажу одно, – вмешался Шавантре, – золотое было времечко! Он на кальвадосе не экономил.

– Само собой, – пробурчал Рене, – тот америкашка ведь жил с твоей крестницей Лизон! Его что, ищут?!

– Угадали, – ответил Учитель.

– Значит, в газете есть и фамилия, не могли же они назвать человека, которого разыскивают, просто Аланом.

– Да, – подтвердил Учитель, – но я хочу быть уверен, что это именно он. Многих американцев зовут Аланами.

– Ну так прочти нам его фамилию! – скомандовал Рене. – И мы скажем, он это или нет, в точку ты попал или ошибся.

– Не хочу, – покачал головой Учитель, – так будет неинтересно. И слишком просто. Чем пить, лучше пораскиньте мозгами.

– Вот ведь зануда! – хмыкнул Рене.

– Прежде чем оскорблять посетителей, подумайте об *обустройстве территории!* – обиженно парировал Учитель.

– Иди в задницу, и обустройство с де Голлем прихвати! – огрызнулся хозяин заведения.

– А в его фамилии не было ничего русского? – вдруг спросил Сися.

В этот момент Шавантре – он уже некоторое время молчал, копаясь в памяти, – так стукнул кулаком по столу, что подскочили пепельницы и его чашка.

– Ву! Его звали Алан Ву! Мне полагается стопка за старания.

– Правильно, – подтвердил Учитель. – Это он.

– Ну ты даешь, Дохлец, вот уж не ожидал от тебя! – воскликнул впечатленный Рене.

– Не слишком русское имя, – заметил Фернан.

– Ну перепутал, – согласился Сися.

На самом деле, он подал идею насчет «русскости» фамилии, чтобы вернуть шуточку: «А его случайно звали не *Жедузвак?*[14]» – но теперь боялся выставить себя дураком и промолчал. До следующего раза.

– Что им от него нужно? – спросил Рене.

– Хотят найти.

– Кого?

– Скорее всего, какого-то другого американца.

– Они не торопились, – прокомментировал Фернан. – Парень должен был вернуться в полк двадцать лет назад. Если они и на Луну будут собираться с такой скоростью...

– Уверен, что объявление дала не Лизон? – спросил Шавантре. – Она уже полгода посылает запросы в Штаты.

– Нет, его дало агентство Ника Хорнетта.

– Лизон обрадуется, что появились новости. С тех пор как уехал Алан, она места себе не находит. Надеется получить доброе известие.

– И все-таки это странно, – сказал Учитель. – Алан Ву дезертировал, двадцать лет жил в Нормандии, и никто в Америке о нем не вспоминал. Теперь он вернулся – и янки объявили его в розыск... у нас!

– К дезертирству это наверняка не имеет никакого отношения, – сказал Рене. – Двадцать лет прошло, на черта он им сдался?

– Может, хотят послать его во Вьетнам, чтобы довоевал!

– Заткнись, Фернан! – рявкнул Шавантре. – Я любил нашего америкоса.

– Что, если он был русским шпионом? – Сися сделал робкую попытку вклиниться в обсуждение.

– С чего ты вдруг это сказанул? – изумился Шавантре.

– Ну... я... Да нет, глупости.

– Выкладывай, раз начал! – не отставал Шавантре.

– Рожай уже! – потребовал Фернан. – Ты весь извелся – русские то, русские се, а на самом деле хочешь выдать очередную глупую шутку. Кончай ломаться!

– Ладно, вы сами захотели. Возможно, пароль русского шпиона был *Жедузвак*!

В кафе установилась гробовая тишина.

– Лучше бы ты промолчал, – вынес вердикт Фернан, и Сися насупился. Он больше не станет ломать голову, чтобы рассмешить этих придурков. Хотя... Если придумать что-нибудь по-настоящему уморительное, тогда уж...

– Не то чтобы я скучал с товарищами или не ценил хорошую компанию, – сказал, поднимаясь с места, Шавантре, – но раз выпивка тут похожа на Несси: все о ней говорят, но никто никогда не видел, – то я ухожу. Делом нужно заняться. Коров подоить, как сказал бы Хрущев.

Болван! – мысленно выругался Сися, а Шавантре добавил:

– Нужно зайти к Лизон, сообщить ей новость. Учитель, одолжите мне страницу с объявлением?

18 октября 1964

Агентство Ника Хорнетта, 11-я улица, 115

– Алло, Алиса? Это Ник!

– Что случилось, Ник? – сонным голосом спросила Алиса. – Сейчас три утра.

– У меня потрясающая новость!

– В это время? Подождите пару секунд, я хотя бы халат накину.

Ник, старый ты пердун, джентльмен хренов! Говоришь с самой красивой женщиной Америки – и она... голая! Ну почему ты позвонил, а не поехал прямо к ней, чтобы все рассказать? Теперь вот стой и фантазируй!

– Готово, Ник, я могу говорить. Так что за новость?

– Нашелся свидетель!

– Правда? У вас есть свидетель?

– Да!

– Дрочила?

– Не угадали. Алан Ву!

– Алан Ву? Невероятно! Значит, он не погиб в сорок четвертом? Он жив... вы его отыскиали?

– Нет... не совсем. Все сложнее. По сути дела, Алан не пропал без вести на двадцать лет, но теперь, когда мы обнаружили его след, он действительно исчез.

– Но вы же сказали, что нашли его!

Сбавь обороты, Ник, остынь и спокойненько начни с начала. Скажи ей все.

– Как бы вам объяснить...

– Где вы обнаружили след Алана, Ник?

Конечно, рано или поздно она должна была спросить.

– В Нормандии.

Давай, Алиса, ехидничай на здоровье, скажи, что я ничтожество, что если бы сразу догадался дать объявления в нормандские газеты, мы, возможно, получили бы эти сведения месяц назад или даже нашли Алана Ву до начала процесса. Я готов признать, мы провалили дело из-за меня.

– Ник! Ник! Вы меня слышите? Продолжайте, прошу вас! Что Алан делал в Нормандии?

Спасибо, что промолчала, Алиса, ты и впрямь идеальная женщина..

– Любовь, Алиса, любовь! Его ранили во время штурма, началась паника, неразбериха, и он остался лежать на пляже. Его подобрала молоденькая нормандка Лизон Мюнье. Она связалась со мной, потому я и звоню в такое время. Лизон позвонила четверть часа назад, наверное, забыла о разнице во времени. Так вот, с сорок четвертого года Лизон и Алан двадцать лет жили вместе в Нормандии.

– Значит, Алан нашелся!

– Э-э... Шесть месяцев назад он улетел в Штаты. Лизон толком не знает зачем, но ее это потрясло, хотя он пообещал вернуться. Скоро. Сначала Алан писал мадемуазель Мюнье открытки, но уже три месяца она не получала ни строчки.

– Странно.

– Это еще мягко сказано. Я вкратце передал ей всю историю и выяснил, что Алан молчал все эти годы! Зато – держитесь крепче, Алиса, вы ни за что не догадаетесь.

– Так скажите!

Она права, кретин, не играй словами, она побьет тебя как ребенка.

– Лизон вас знает. Правда! Описала вас по телефону так точно, словно видела вчера вечером.

– Описала? Что за нелепость. У меня нет знакомых в Нормандии, Лизон что-то напутала.

– Нет! Вы никогда не догадаетесь, где она вас видела.

Снова выставляешь себя идиотом!

Алиса быстро рассуждала вслух:

– Я ездила в Нормандию два раза и мало с кем встречалась. Девушка, нормандка, моя ровесница... Ну конечно! Слушайте, Ник, думаю, мы с Лизон виделись на углу, у кафе «Завоеватель». Жаль, что вы слышали только ее голос, Ник, потому что это – очаровательная брюнетка, она бы вам понравилась.

Ты понял, болван? Она колдунья!

– Это поразительно, Алиса! Вы двадцать лет назад случайно пересеклись с незнакомкой на две или три минуты – и до сих пор ее помните.

– Некоторые дни мы помним лучше, чем десятилетия нашей жизни, Ник. Ни вы, ни Лизон не знаете, что я видела ее еще раз – четыре месяца назад, в июне, в Нормандии. Я заметила ее случайно, в окне кафе, и она показалась мне ужасно печальной, как скорбящая вдова. Теперь я понимаю, что виной тому отъезд Алана.

– Вы запомнили Лизон из-за схожести ваших судеб...

Отличный ход, Ник, в психологии ты сильнее, чем в ребусах.

– Думаю, я и Алана видела. В сорок четвертом, вместе с Лизон. Он так странно на меня посмотрел, как будто пытался вспомнить мое имя. Но у него не получилось.

– Получилось, Алиса, но через пару секунд. Автобус тронулся, и Алан кинулся следом, но вы не оглянулись. Странная штука жизнь. Если бы Алана осенило вовремя, он рассказал бы вам, почему погиб Лаки, и отдал бы вам договор.

– Не уверена, что это могло что-нибудь изменить, Ник! Я тогда была так далека от всего этого. Документ, миллион долларов...

Ошибаетесь, Алиса, это изменило бы все. С деньгами или без. Потому что тогда...

– Но тогда мы бы не встретились, – пробормотал он.

– Вы правы, Ник! Вы просто замечательный человек, а я жалкая эгоистка. – Алиса помолчала. – Но кое-что не сходится. Как Алан мог меня вспомнить, если никогда не видел?

– А вы подумайте. Лизон мне объяснила.

– Ничего не приходит в голову. Разве что фотография... Ну конечно! Лаки хранил мой снимок, а Алан был его лучшим другом. Но все равно странно.

Не упusti свой шанс, Ник.

– Мужчина, который забудет вас, увидев хоть раз, пусть и на фотографии, не мужчина.

Хорошо сказано, старина.

– Вы всегда делаете женщинам столько комплиментов среди ночи, Ник? Фотография и правда вышла удачная, я тогда еще хотела нравиться и прилагала некоторые усилия.

Слава богу, что я не знал двадцатилетнюю Алису. Как Лаки мог так поступить? Зачем рисковать жизнью, когда тебя любит такая красавица? Ты совершил роковую ошибку, Лаки. Полтора миллиона долларов – ничто рядом с этой женщиной.

– Ник? Ник!

– Да...

– Вы там не уснули?

– Конечно, нет! Лизон Мюнье напишет вам, благо вы владеете французским. Я дал ей адрес, она расскажет все, что знает, и приложит открытки Алана из Америки. Мы вышли на след, Алиса, ухватились за кончик и размотаем весь клубок

– Вы умеете вдохнуть в человека надежду, Ник. Спокойной ночи.

Спокойной ночи, любовь моя. Если Лизон пришлет открытки, отправленные из Флориды или Калифорнии, мы продолжим расследование вместе, Алиса.

28

Он был здесь

Октябрь 1964

Луизиана-авеню, 19, Вашингтон

– Когда умер муж, – сказала миссис Уотерс, ставя на стол между чашками тарелку с кексами, – с чайным салоном была масса хлопот, хотя он был нашей общей собственностью. Как будто женщина не способна сама вести дело!

– Меня это не удивляет, – ответила Сид Кэбелл, единственная клиентка в этот утренний час. – Мужчины занимаются только политикой, им и дела нет до подобных проблем.

– Ваша правда, – кивнула миссис Уотерс. – Настанет время, и женщин в политике станет больше, но случится это не сегодня и даже не завтра. Политика – мужская история, так что вторгнуться туда сумеет только очень храбрая женщина.

– Да уж, женщину-президента мы вряд ли скоро дождемся.

– Слышали об Эмилии Арлингтон, сенаторе от Вирджинии? Она защищает фермеров. Ну так вот, никто не знал, что на нее подали в суд – кажется, из-за сына.

– Кто именно?

– Понятия не имею. Но уверена – те же люди теперь нападают еще на одну честную женщину, да к тому же политика. Весь процесс был липой, они ничего не смогли доказать и вынуждены были отступить.

Шайка мерзавцев, вот кто эти люди! Очень по-мужски – нападать на сына, чтобы причинить боль матери.

Миссис Уотерс поставила поднос перед Сил Кэбелл и замолчала, подыскивая новую тему для беседы.

Посетительница помогла ей – спросила, понизив голос, доверительным тоном:

– Вы разве не в курсе?

Сид Кэбелл очень удивилась, поняв, что профессиональная сплетница миссис Уотерс (не зря она семнадцать лет владеет чайным салоном) ничего не слышала.

– В курсе чего? – рассеянно поинтересовалась миссис Уотерс, убирая соседние столики.

– В курсе смерти сына миссис Арлингтон. – Сид Кэбелл перешла на мелодраматический шепот: – Похоже, нам не все сообщили.

– Лично я отношусь к рассказам о политиках, особенно о политиках-женщинах, с большой осторожностью! – безапелляционно заявила миссис Уотерс.

– Ходят слухи... – продолжила Сид, слегка разочарованная реакцией собеседницы, – что молодой Арлингтон оставил прощальную записку, но мать ее уничтожила и никому ничего не сказала.

– Как вы узнали?

Сид выдержала театральную паузу, прищурила близорукие глаза, как будто высматривала гипотетических шпионов, и сообщила:

– От экономки! Это она нашла тело молодого Арлингтона. Мы с ней приятельницы.

Миссис Уотерс протирала столики, изображая пренебрежительную недоверчивость, но Сид, хоть и неопытная в деле распространения слухов, заметила, что столешница давно сияет. Хозяйка заведения клюнула. Она могла сколь угодно долго притворяться равнодушной, Сид ей не обмануть. Миссис Уотерс жаждет узнать подробности. Придется ей потерпеть.

– Ну что же... – миссис Уотерс пожала плечами, – любая мать поступила бы так же. Вы же не думаете, что ей следовало опубликовать письмо сына на первой полосе «Вашингтон пост»?

– Конечно нет! В подобной ситуации необходима сдержанность. Лучше мне помолчать.

Сид деликатно подула на чай и поставила точку в разговоре, очень гордясь собой.

Миссис Уотерс оставила в покое губку и полировальную тряпицу, взяла стул и села рядом.

– Буду с вами честна, дорогая. В области деонтологии откровений – а тут я почти профессионал – существует единственное правило: не говори ничего или скажи все. Умолчание, намеки, предположения вредят честным людям. Обвиняешь – предъявляй доказательства.

Сид Кэбелл растерялась – она была любительницей, куда ей тягаться с миссис Уотерс.

– Вы действительно так думаете?

– Ну конечно! Вы намекаете, что миссис Арлингтон скрывает ужасную тайну своего сына. Попросту говоря – клеветеете на нее. И пока совершенно бесплатно, а ведь другие, услышав об этом, могут напридумывать бог знает что: «Похоже, молодой Арлингтон был гомосексуалистом, да-да, мисс Кэбелл меня просветила!»

– Господи, вот ужас! – вскричала совершенно раздавленная Сид. – Вы правы, лучше уж я все вам расскажу.

Она сделала еще одну паузу, подула на чай и заговорила:

– Это касается высадки в Нормандии. Сына сенаторши наградили, но на самом деле никакой он не герой войны, а трус. Вместо него во Франции погиб другой солдат. Он сам признался в письме.

Миссис Уотерс притворилась разочарованной.

– Как я и думала, ничего определенного.

Она вернулась за стойку и перевела разговор на другую тему.

Четверть часа спустя Сид Кэбелл допила чай и покинула салон.

Миссис Уотерс зорким глазом высматривала среди новых посетителей знакомых Эмилии Арлингтон – друга сенаторши, которого она могла бы расстроить, или врага, чтобы его обрадовать.

Растяпа Сид Кэбелл понятия не имеет, какой ценный секрет она поведала. Скандальные сведения из первых рук – такое не каждое утро доходит до ваших ушей.

Воистину, день славно начался.

27 октября 1964
Вашингтон

Утром Алиса получила письмо от Лизон. Она не стала вскрывать конверт – решила прогуляться и прочесть его в тени деревьев, как поступала когда-то с письмами от Лаки.

Впервые после возвращения в Вашингтон ей захотелось обогнуть город с юга, вдоль Потомака, – двадцать лет назад это был ее любимый маршрут. Тогда у реки было много широких лужаек и газонов для пикников. Архитекторы совершенно сознательно сохранили гектары свободного пространства напротив Капитолия и Белого дома.

Возводя Вашингтон, француз Пьер Ланфан дополнил стандартный – блоковый – план американских городов широкими диагональными улицами, откуда открывались разнообразные виды. На Белый дом, на Маунт-Вернон-сквер, на архитектурный ансамбль Круга Томаса с Капитолием и разбегающиеся от него авеню. Во времена первого архитектора город напоминал букву *L*: Белый дом, памятник Джорджу Вашингтону, Капитолий. История Соединенных Штатов была тогда такой же короткой, как главный проспект столицы.

Годы шли, понадобилось продлить авеню Молл. Век спустя пришлось засыпать приличную часть Потомака, чтобы выстроить напротив Белого дома мемориал Джефферсона, а напротив Капитолия – мемориал Линкольна. Недавно исторический проспект перебрался через реку, и на правом берегу зажегся Вечный огонь Джона Кеннеди, встроившись в перспективу памятников славным предкам. Скоро наверняка понадобится место для солдат, погибших во Вьетнаме, для пионеров космоса, героев следующей мировой войны.

Преемники Пьера Ланфана вынуждены были экономить землю, с учетом долгосрочной архитектурной панорамы. Они держали в резерве эти столь завидные пустые пространства рядом с центром города, чтобы не пришлось ставить памятники будущим героям американского народа в пригороде – за неимением места. Исторический американский проспект двигался вперед потихоньку, согласно логике и хронологии, всегда на запад, и, возможно, когда-нибудь дойдет до Тихого океана.

Во всяком случае, так Алиса представляла себе Вашингтон. В 1940-м, в предвидении всех этих будущих памятников, берега реки оставались деревенским уголком в сердце города.

Октябрьским вторником 1964 года Алиса вышла к Потوماку и почувствовала разочарование: судя по всему, историческим фигурам Америки будущего грозит далекое изгнание. Монумент героям Вьетнама установят в Чайна-тауне или другом подобном месте.

Нераспаханной земли не осталось – подрядчики победили.

Свободные когда-то пространства вдоль реки со всех сторон пересекали подъездные дороги, чудовищные восьмиполосные транспортные развязки. Десятки напластованных друг на друга транспортных артерий напоминали Алисе гигантское блюдо лапши, кишашее маленькими зверюшками: автомобили чиновников спешили вырваться из города, покинуть тысячи офисов в центре и оказаться на северо-западе, в Джорджтауне, Бетесде, Чеве-Чейзе... [15] Их манили к себе тенистые долины и дома, не всегда большие и оригинальные, но частные. Окруженные садами, часто не огороженные (зачем добрым соседям заборы). В подобных владениях человек может наконец обрести вечернее отдохновение, улыбнуться ребенку, который выехал на дорогу на велосипеде встречать родителей. Итак, подъездные пути, чей вид расстраивал Алису, сотворили вторую реку – из автомобилей – со своим мелководьем, многочисленными паводками и опасными для окружающего мира выбросами.

Алиса собралась с духом и пошла вниз по течению, держась на безопасном расстоянии от берегов. С трудом ей удалось пересечь автомобильный поток, чтобы попасть на узкую тропинку, которую благоразумно сохранили архитекторы. На некоторых участках ее заасфальтировали – для пешеходов, велосипедистов и мамаш с колясками.

Двухколесные, четырехколесные и вовсе безколесные старались уживаться в этом узком коридоре, встречаясь и расходясь с максимальной деликатностью.

К глубокому своему разочарованию, Алиса увидела, как изменились подступы к небольшой вашингтонской бухте, где когда-то можно было встретить настоящих рыбаков, продававших свежий улов. Зато появились рыбные рестораны с террасами, утыканными разноцветными зонтами.

Алиса взяла чуть западнее, к слиянию Потوماка и реки Рок-Крик. Здесь, в старых квартирах с видом на воду, она жила с 1940-го по 1944-й, когда учила французский в Джорджтаунском университете. Алиса

очень их любила, эти небольшие, почти деревенские здания. Это было единственное – возможно, последнее – место в Вашингтоне, где сосуществовали люди всех рас, вероисповеданий и возрастов, американцы и иностранные подданные. Транзитная территория давала приют новым обитателям столицы, еще не угнездившимся в городе, не выбравшим свой лагерь: Джорджтаун, Чайна-таун, северные или черные университеты вокруг Говардского университета...[16]

На картах, выпущенных в 1964 году, Алиса этих старых домов не обнаружила и теперь, оказавшись на месте, издали увидела церковь из стекла с выразительным названием: Уотергейт.

Водные врата.

Все выглядело новым и очень чистым, журчал фонтан, вокруг росли цветы. Круглая форма здания позволяла жителям этих мест выбирать вид из окон на свой вкус: величественный – на Потомак, лиричный – на Рок-Крик.

Алиса облюбовала скамейку на широкой внутренней эспланаде и села отдохнуть. Вид ее не порадовал. Слишком много гравия... Обстановка изменилась, но она узнала место. Здесь, но на другой, старого образца, скамейке она каждый вечер читала под фонарем письма Лаки или писала ответ. Света тут всегда было достаточно, и она наконец распечатала конверт с посланием от Лизон.

Шато-ле-Дьябль, 18 октября 1964

Дорогая Алиса!

Я прекрасно вас помню. Я очень давно, первый и единственный раз в жизни, увидела вас на короткое мгновение, но оно навеки запечатлелось в альбоме моих личных воспоминаний. Вы тоже меня не забыли, правда? Когда тебе двадцать, подобные моменты остаются с тобой навсегда. Я была очень веселой, а вы, напротив, печальной. Меня потряс ваш взгляд, вернее, его отсутствие, как у человека, желающего стать невидимым.

Один и тот же отлив, тот же десантный бот принесли мне любовь, а вас сделали вдовой. Это различие произвело на меня чудовищное впечатление, ужасно меня поразило, показалось, что мир не нуждается в избытке счастья и горя, но в равновесии между ними, то есть моя радость могла родиться только после смерти чужого

чувства. В голову пришла дикая мысль: похоже на договор со свирепым демоном.

Тем летним днем 1944 года я, нормандка, увидела вас и подумала, что не должна чувствовать себя такой неприлично счастливой. Я догадалась, что вы американка, влюбленная, уже вдова, потерявшая все на свете. Каждому нормандцу следовало испытывать некоторый стыд – во всяком случае, я на это надеялась, глядя на погибших американских солдат, ведь они были так молоды! Каждый обязан был спрашивать себя: а стою ли я того, чтобы чужеземцы приплыли умереть за нашу свободу, достойны ли мы подобного самопожертвования? Я была хуже всех. Лаки погиб в Нормандии, на краю света, чтобы освободить трусливых незнакомцев, которые как идиоты ждали чудесного избавления ценой чужих жизней. По иронии судьбы, я, такая же трусливая нормандка, как и все остальные нормандцы, не надела траур по освободителям, а влюбилась и переживала счастливые часы моей жизни. Извините за многословие, но мне и правда часто бывает стыдно за то, что мои соотечественники такие неблагодарные люди! Хотя я и тут необъективна – высадка союзников принесла мне гораздо больше радости, чем всем остальным.

Знаете, Алиса, сегодня я понимаю то ваше давнишнее желание стать невидимкой. Алан уехал. Я хотела бы оказаться в Америке и понять, почему от него так давно нет вестей. Я бы сумела – как вы двадцать лет назад в Нормандии, но у меня, увы, нет денег на путешествие, поэтому я удовольствовалась десятками объявлений в газетах и несколькими безрезультатными телефонными звонками.

Я долго думала, что у Алана осталась женщина на родине. Другая жизнь. Он ведь регулярно получал письма, и у него был от меня секрет. Лучшие уж так, чем самое плохое. Иллюзии утешали меня – Алан счастлив, он воссоединился с любимой – до сегодняшнего разговора с вашим сыщиком, этим Ником Хорнеттом. Теперь я многое понимаю в молчании Алана. Он ведь никогда не хотел рассказывать – ни о Лаки, ни о вас. Быть свидетелем Лаки Алан считал честью, возможно, он вернулся домой, чтобы исполнить долг перед другом. Теперь мне кажется странным, что он не поступил так давным-давно.

Меня мучит другая догадка, ужаснее первой, – о двойной жизни Алана. Если он уехал в Америку из-за истории с договором, значит,

хотел встретиться с вами, чтобы предупредить. Мистер Хорнетт сказал, что из Австралии вы вернулись уже давно, так что я не ошибаюсь. Вы не встретились. Он до сих пор не нашел вас. Почему? Господи, как же я боюсь, что ему помешали! Он скрыл от меня не только историю с договором, но и нечто гораздо более страшное. Он сделал открытие, которое напугало его – двадцать лет спустя! – и заставило срочно улететь в Штаты.

Алан написал из Америки три открытки – в первые два месяца, в них не было ничего особенного, разве что он слишком настойчиво пытался меня успокоить. Прилагаю их к письму в надежде, что они выведут вас на след.

Алиса, вы спасательный круг в океане моих сомнений и неопределенности. Сама я никогда не смогла бы начать расследование в вашей стране, нанять частного детектива. Очень вас прошу, держите меня в курсе, сообщайте новости – любые, пусть даже самые печальные.

Наши судьбы странным образом пересеклись. Мы поразительно близки, Алиса, и я чувствую то же, что вы. Ник Хорнетт (этот детектив просто боготворит вас) рассказал, что вы двадцать лет носите в душе траур. Надеюсь, когда это дело окончательно разрешится, вы сумеете забыть и жить дальше, ведь вам всего сорок. Я же буду молиться, чтобы не пришлось одеться в черное в тот самый момент, когда ваш траур закончится. Я знаю, что тоже буду вдовствовать долго, очень долго, а учитывая мой возраст, это обречет меня на душевную муку до конца дней. Надеюсь, мы снова увидимся, и верю, что это не будет встреча двух несчастных вдов, которые способны говорить только о потерянной любви.

Лизон Мюнье

В конверте лежали фотография Алана и три открытки, что он прислал.

На первой был изображен ярко-красный комбайн на деревянном цоколе. На обороте Алиса прочла: *Джонатан Фид, 1863, первая автоматическая сноповязалка, Музей сельскохозяйственной техники, Эшленд, Кентукки.*

Вторая открытка была с изображением памятника на гранитном постаменте. Надпись гласила: *Генерал от кавалерии Говард Д.*

Линфорд, 1798–1859, Эффингем-Бэттл, 1837, Эффингем.

На третьей открытке бурная река несла несколько каноэ, их корпуса и оранжевые спасательные жилеты контрастировали с зеленью берегов. Внизу надпись: *Де-Мойн, Валентайн, Айова.*

Послания Алана показались Алисе нейтральными, успокаивающими. Он заверял, что у него все в порядке, обещал скоро вернуться, просил Лизон о понимании и терпении, передавал привет друзьям, оставшимся в Нормандии, и заканчивал нежными, но очень целомудренными словами.

Эшленд, Эффингем, Валентайн... Так Мальчик-с-пальчик бросал камешки. Выйти на его след спустя полгода не составит труда.

30

Эшленд и его Сельскохозяйственный музей

7 ноября 1964

Национальное шоссе № 452, Ричмонд – Франкфурт

Национальное шоссе № 452, попетляв немного через Аппалачи, развернуло перед ними асфальтовую ленту и устремилось на восток, к долине великой реки Миссисипи. Дорога была пуста, как в американских роуд-муви или в рекламе, восхваляющей мощь дорогого автомобиля.

По шоссе ехала одна – нет, две машины: неспешный «форд-флитвуд» и метрах в ста позади него – ярко-красный «кадиллак-эльдорадо».

Мы тащимся, Ник, иначе не скажешь. Разве не ты хотел умчать принцессу в Калифорнию?

– Колымага снова саботирует! – воскликнул он, стукнув кулаком по рулю своего «форда». – Простите меня, Алиса.

– За что? – удивилась она.

– За жалкую машину, за то, что проехали сто семьдесят миль за шесть часов.

– Послушайте, Ник, вы работаете на меня за просто так. На что мне жаловаться? Мы едем на вашей машине, у меня ведь даже прав нет. Я вряд ли когда-нибудь сумею вас отблагодарить.

– Такое впечатление, что мы стоим на месте. Почему Бог создал такие монотонные пейзажи? А люди проложили еще более скучные дороги?

Ник нервным жестом выключил радио – оно невыносимо раздражало его скрипучей пародией на кантри.

– Даже музыка нормальная тут не ловится!

– Не любите уезжать из Вашингтона, Ник?

– Почему вы так решили? Из-за того, как выглядит мой «форд»? Едет он медленно, но это все-таки «Флитвуд». Двадцать лет назад был тачкой номер один.

– По вашему настроению.

Теперь тебя волнует мое настроение, Алиса? Стоило разозлиться. Ты слишком романтичен, дружище. Женщины не любят милых мужчин, им нравятся мерзавцы с дурными манерами.

– Я не путешественник. Люблю родной город.

– Спасибо за все, что вы для меня делаете, Ник. Кажется, расставание с Вашингтоном тяжело вам далось.

– И «форду» тоже.

Пауза на мило.

Кончай плести кружева, Ник, изобрази грубияна, раз уж только это и приносит результат.

– Я бы смирился, будь это свадебное путешествие, – буркнул Ник, но Алиса не приняла игру.

Они молчали четыре мили – очень долго, с учетом скорости – 50 миль в час.

Пошевели мозгами, Ник, скажи что-нибудь оригинальное.

– Эшленд большой? – спросил он.

Гениально, старик! В умении вести беседу и двух равных тебе не наберется.

– Маленькая точка на карте, – натужно-веселым тоном ответила Алиса. – Сейчас открою путеводитель. Эшленд, две тысячи четыреста двадцать восемь жителей. Знаменитый Сельскохозяйственный музей.

– Какой ужас.

– Почему? – удивилась она. – Экспозиция наверняка интересная.

– Я и забыл, что вы тоже деревенская.

– Только по приемным родителям. Но я и правда люблю деревню.

– Даже до двух с половиной тысяч не дотянули. Значит, гостиница всего одна.

– В путеводителе об этом ничего не сказано.

– Поверьте ветерану засад – отель один-единственный, то есть Алан наверняка там ночевал. Сегодня вечером мы пройдем по его следам, а может, даже получим его номер. Если, конечно, доберемся.

Двухмильная пауза.

Черт, Ник, музыки все равно нет, ищи другую гениальную идею.

– Спойте что-нибудь, Алиса.

Она улыбнулась, включила радио, и звуки электрогитары заполнили старенький «форд».

Знаешь, Ник, даже я иногда удивляюсь твоей тупости.

Они миновали указатель «Чарлстон, 140 миль».

Минуту спустя мимо них проехал Тед Силва.

Невероятно! Они что, так и будут ползти всю дорогу? Надеюсь, эти придурки не везут меня полюбоваться тихоокеанским побережьем, черт бы их побрал. 50 миль в час! Стоило садиться в новый «кадиллак-эльдорадо».

Приемник трещал, скрипел и плевался неразборчивым роком. «Грехи вы мои тяжкие!» Тед скормил новомодной магнитоле последний писк сезона – *Everly Brothers*, – и они в шестой раз затянули «Прощай, любовь», а следом весь остальной репертуар.

Почему ты не взял другие кассеты, болван?!

Тед стартовал в режиме молнии. Он терпеть не мог спешных отъездов, в том числе потому, что приходилось закрывать салон. На сколько времени? Как долго влюбленные голубки будут таскать его за собой по сельской местности? Силва мог бы поручить парикмахерскую Терезе, но его ученица и с собой-то едва справлялась. Тереза! Не будь она дочерью его сестры Джинны, давно вылетела бы за дверь.

Тед волновался, потому что салон приносил ему хорошие деньги, даже если брать в расчет только обычную клиентуру. Его дети, Серджио и Лелла, давно выросли. Ему не по возрасту отправляться на сафари, вооружившись одной только зубной щеткой. Уйти от дел? Почему бы и нет, в конце концов? Елена будет в восторге, она вечно бухтит: «Ты слишком много работаешь!» Переберутся на юг, поближе к Лелле и

зятю. Елена, его благочестивая жена, после стольких лет бесконечного вранья это заслужила.

И правда, почему бы не уйти на покой? Выполнив этот контракт, разумеется. Обязательство есть обязательство, пусть даже такое тухлое, как то, что поручила ему сенатор Арлингтон. У Теда была профессиональная честь, он считал, что устный уговор – святое дело.

Он встряхнулся и автоматически прибавил скорость.

Осторожно, Тед, знаешь ведь, что нет ничего труднее слежки за машиной на пустынной дороге, тем более что у тебя очень приметная тачка. Понять бы еще, куда они едут.

Эшленд оказался крошечным городком чуть в стороне от крупной развязки, обустроенной двадцать лет назад между национальным шоссе № 452 на Ричмонд – Франкфурт и шоссе № 18 на Нэшвилл – Кливленд. Столица сельскохозяйственной техники встретила их рычанием кранов и бульдозеров: строители расширяли дорогу, перекресток должен был превратиться в современную транспортную развязку. Местные жители много ждали от инфраструктурных перемен, надеясь, что Эшленд станет стратегически «необъезжаемым» городом, настоящей столицей! Местные боссы верили, что скоростные полосы обеспечат развитие, хотя случиться, по логике вещей, должно было обратное.

Ник скептически относился к достоинствам своего «форда», однако в Эшленд они добрались задолго до наступления ночи, зато он оказался прав насчет единственного отеля. Приют для усталых дальнбойщиков и торговцев, подобных транзитных гостиниц тысячи по стране. Тип с благородной сединой, при галстукке, выглядел так шикарно, что никому и в голову не пришло бы, что он проводит дни, опорожня мусорные корзины и баки, перестилая постели и подметая полы. Он одарил их искренней улыбкой – встречать постояльцев было самой непротивной из его обязанностей.

Ник решил не ходить вокруг да около, представился частным детективом и заговорил об Алане Ву, который жил в гостинице в марте 1964 года. Лицо управляющего выразило сомнение, он объяснил, что нанялся на работу всего три месяца назад. Мало кто из выпускников гостиничного колледжа мечтает оказаться в подобной дыре. Но журнал регистрации он показал без проблем, и Алиса с Ником нашли, что

искали: 21 марта 1964 года Алан заселился в отель и провел здесь две ночи.

– Теперь остается узнать, зачем Алан приехал в эти края. Вряд ли страсть к сельскохозяйственной технике могла оторвать его от прекрасной нормандки Лизон. Пожалуй, нам стоит здесь поселиться, Алиса.

О да, Алиса, час истины пробил. Наша первая ночь вместе.

– Желаете номер с туалетной комнатой, душем, телевизором? – спросил обрадованный портье.

– Не имеет значения – платит агентство Хорнетта, – объявил Ник. – После завершения дела запишу это на счет клиента.

– Значит, без душа и телевизора, – ответила Алиса.

– Агентство благодарит вас за экономность, дорогая.

– Но комнат две, – уточнила Алиса.

Туше, маленькое чудовище!

Ночь давно убаюкала Эшленд, но Алисе не спалось. Она вышла на деревянный балкон, выкрашенный зеленым в тон фасаду гостиницы в стиле Дикого Запада. Спящая деревня напоминала Личфилд, где она жила у приемных родителей. Было три часа, Алиса наблюдала за теньями, вслушивалась в тишину и вспоминала себя в пятнадцать лет. Покой бескрайних пространств вернул ей то, что она безвозвратно утратила в шуме и грохоте Вашингтона. Тихая ласковая ночь дарила покой.

Открылась балконная дверь соседнего номера, появился Ник.

До чего же холодно! Нужна храбрость, мой потрепанный Ромео, чтобы в такой час выйти в кальсонах на балкон полюбоваться возлюбленной.

– Не спите, Алиса?

– Нет... А вы?

– Ну... Я спал. Захотел пить... Увидел свет.

Наступила пауза длиной в полет падающей звезды.

Ник никогда не видел Алису в таком *неглиже*, разве что в день взрыва. Розовая футболка с лохматым серым щенком соблазнительно обтягивала идеальные формы.

Господь всемогущий, как же она хороша. Выглядит на восемнадцать лет! Если тебе больше нечего сказать, остается

только стратегический подход. Возвращайся в постель и предайся фантазиям. Ты четыре часа не спал, да и награду уже получил.

– Ну ладно... Доброй ночи, Алиса. Завтра нас ждет работа.

– Вы правы. Я тоже попробую заснуть.

– Что вы там увидели, Алиса?

Она обернулась и посмотрела на него – нежно, как спаниель, вышитый на ее футболке.

– Ничего... Ничего важного. Может, астероид В-612.

– Не понял.

– Астероид В-612. Не пытайтесь вспомнить, Ник, вы не поймете.

Теперь она принимает меня за умственно отсталого.

– Слушаюсь. Вашему шоферу не хватает мозгов, лучше ему уложить их спать, а то мало ли.

Алиса улыбнулась.

– Нет, Ник, дело совсем в другом.

Хорнетт закатил глаза, чтобы не пялиться на грудь Алисы под розовой тканью.

– Значит, я для вас недостаточно романтичен?

– Перестаньте, Ник. Вы – взрослый, потому и не можете понять.

Взрослый? О да, все мое существо это чувствует. Но и ты, Алиса, не девочка.

Он взял себя в руки и спросил почти веселым тоном:

– Итак, взрослые люди не способны разглядеть астероид?

– Увы... Вы читали «Маленького принца»?

– Мой черед сожалеть. Я и литература, особенно французская...

– Между прочим, «Маленький принц» был написан в Нью-Йорке.

На французском языке, тут вы правы. Никто на свете не писал ничего прекрасней. Это книга... о счастье – несмотря на ужасно грустный конец. О надежде – хотя свет она увидела в сорок третьем, а вскоре погиб Лаки.

– А какое отношение к книге имеет астероид?

– Там живет Маленький принц. Когда Сент-Экзюпери становится грустно, он смотрит на небо и вспоминает друга, который вернулся жить на свою звезду. Печально и радостно, понимаете? У каждого ушедшего есть собственная звезда.

Тед Силва боролся со сном. Получалось плохо, уж слишком удобным был салон его «кадиллака». Он выбрал эту модель, предвидя частые отлучки из Вашингтона.

Вот ведь идиотство! – думал Тед. Плевое дело – одна машина, всего одна на пустынной парковке. Сломавшаяся тачка – примитивно, однако надежно. И Эмилия Арлингтон наверняка предпочитает эффективность дешевым эффектам.

Тед устал, его вымотала медленная езда. Время позднее, погасит она когда-нибудь этот чертов свет или собирается торчать всю ночь на балконе! Удумала тоже – любоваться звездами, даже не одевшись по-человечески. Чокнутая баба!

А этот детектив? Почему не затащил блондиночку в постель? Развязал бы мне руки. Ну что за невезение – наткнуться на единственного вашингтонского детектива-педика.

Тед сделал глоток воды, обтер лицо и вернулся к чтению профессионального журнала американских парикмахеров, его заинтересовали сушки-колпаки.

31

Война ничто по сравнению с...

Ноябрь 1964

Топика, штат Арканзас

Ральф Финн лежал в супружеской постели и тоже не мог заснуть. Дверь открылась, он услышал перешептывания, но слов разобрать не мог.

– Тсс, Барри, не шуми, тут мужик спит.

– Да пошел ты... не раздеваться же мне в темноте.

– Совсем рехнулся? Уже полночь...

– Плевать, идет война!

Барри зажег свет.

– Эй, Джим, ты только погляди, какие шаловливые у этого типа ручонки.

– Что?

Барри бежал по коридору и барабанил в двери:

– Ребята, сюда, в нашей каюте онанист! Клянусь, это правда. Дрочила, дрочила!

Ральф проснулся в липком поту. Барри и Джим давно его не посещали. Лежавшая рядом жена тихонько посапывала во сне, она ни о чем не подозревала, не знала ни той давней истории, ни идиотского прозвища. И слава богу, Ральф сгорел бы со стыда.

Да, война тогда казалась ерундой по сравнению с последовавшими днями. В любой группе есть свои коды, ориентиры, выражения, клички, анекдоты – именно так люди сплачиваются.

Дрочила.

Эта дурацкая история объединила остальных и сплотила. Против него.

Позже Ральф прочел, что мастурбируют 86 % мужчин. То есть 86 % мужчин признались в этом социологам. А сколько еще не признались? Получается, подавляющее большинство. Да еще учесть, что опрос проводили в мирное время, когда вокруг мужчины полно женщин, которые не всегда говорят «нет». Во время войны все было иначе, подружки, невесты и жены остались за океаном. Ральф был уверен, что почти все рейнджеры на том десантном боте мастурбировали, чаще или реже. Ему просто не повезло – его застукали.

Теперь, по прошествии лет, он не мог не признать, что первые несколько дней команда отпускала на его счет сальные шутки, а потом прозвище стало всего лишь прозвищем, таким же, как любое другое – Микки, Барли или Тарзан. Мало кто знал его имя и фамилию, для ребят он был просто Дрочилой, а некоторые придурки считали, что это и есть фамилия. Ральф Финн попробовал повернуться на бок, чтобы уснуть, но голоса не оставили его в покое, повторяя на разные лады: «Кофе, Дрочила?», «Покер, Дрочила?»...

Иногда они хотели спасти ему жизнь: «Берегись, Дрочила!», «Вперед, Дрочила, я тебя прикрою!» К несчастью, сам он к прозвищу так и не привык, вот и ранен был во время высадки, потому что оборачивался – против воли, – услышав прозвище, и отвечал, и улыбался.

Рейнджеры не понимали этого. В школе, в летнем лагере от завода отца он никогда не ходил среди робких, не был изгоем, его не дразнили за то, что он медленно бегают, писается в кровать или часто плачет. Ральф не понимал, что значит быть отверженным. Нет, в главарях он тоже не ходил, но лейтенантом себя чувствовал. Ему вспомнился Жирдяй, как там его звали? Луи, да, точно. Они пять лет проучились в одном классе. Мысленно он всегда звал его Жирдяем. Без задних мыслей. Под конец они даже подружились, не раз вместе рыбачили на Бивер-Лейк. Над Жирдяем не издевались – разве что в самом начале, потом прозвище стало знаком приязни. Жирдяй страдал все пять лет, а Ральфу доставалось всего четыре месяца.

Он встал, чтобы выпить воды. В доме царила тишина.

Из ста восьмидесяти рейнджеров, если исключить сержантов, только Алан и Лаки звали его Ральфом. Алан – потому что был хорошим человеком и все понимал. Возможно, его самого в детстве дразнили Зассыхой, Мямлей или Слабаком? Да нет, просто Алану хватало такта.

Лаки, тот умел быть жестоким, но уж слишком любил отличаться от остальных. Раз другие зовут Ральфа Дрочилой, он предпочтет забыть это слово. Впрочем, если бы Лаки первым придумал Ральфу кличку, даже еще более жестокую, он бы сообщил ее остальным не задумываясь.

Так могло случиться в самом начале. Потом – нет. Какого черта он об этом думает? Лаки наплевал бы и забыл! Они с Лаки стали друзьями. Во всяком случае, Ральфу хотелось так думать. Любой рейнджер хотел стать другом Лаки. А Ральф сидел с ним за одним столом, как верный оруженосец.

Лаки умел располагать к себе. Он сделал Ральфа другом очень просто – ни разу не назвал его Дрочилой.

Хитрый черт, что тут скажешь.

Алан и Лаки были особенными. И он, Ральф, тоже стал особенным. Мушкетером. Одним из четырех!

Ральф осторожно поставил стакан в мойку и вдруг вспомнил, как Оскар Арлингтон, Лаки Мэрри, Алан Ву и он сам закрылись в каюте, чтобы составить этот договор. Лаки выбрал его свидетелем. Его и Алана. Ну, Алан – это нормально. Но Ральф...

Почему? Зачем выбирать Дрочилу? Наверное, он внушал жалость, симпатию, выглядел честным. Скорее всего. Оскар так сильно трусил, что аж трясся. Миллион четыреста сорок тысяч долларов в те времена были колоссальными деньгами. Ральф спрашивал себя, кто из двоих безумнее – Лаки или Оскар. Не имеет значения, Лаки ему доверился. В вопросе жизни и смерти. Ему, а не одному из тех, с кем пил по ночам и резался в карты. Все эти парни были для него клоунами, а он, Ральф, – лучшим другом.

Ральф подумал об объявлении в газете, вашингтонский детектив искал свидетеля. Дрочилу.

Голос внутри тихо произнес: Лаки тебе доверился.

Нет! Лаки доверился Дрочиле. Но какая теперь разница. Слишком поздно. Дрочилы нет, он умер. Ему не вынести, если он еще хоть раз услышит это прозвище, да еще от ветеранов, в суде, где все будут над ним насмеяться.

Пот капал со лба, стекал по щекам на подбородок. От одной только мысли, что жена и дети могут узнать, внутри все скручивалось.

Мне жаль, Лаки.

Дрочила умер, он не воскреснет.

Вообще-то прозвище и связанные с ним мучения закалили Ральфа, именно оно сделало его сильным. Вернувшись с войны, он поклялся, что больше никогда не будет жертвой. Парией. Никогда! У него будет нормальная жизнь, семья, которая станет им гордиться. Гордиться Ральфом – хорошим мужем, мудрым отцом.

Все, что он сделал начиная с 1944 года, должно было уничтожить Дрочилу. И уничтожило.

Ральф постепенно успокоился. Здравый смысл одолел призраков Барри и Джима.

Прости, Лаки. Ты ошибся. Выбрал свидетелем не того. Твоя Алиса будет долго меня искать.

32

Черный кофе

8 ноября 1964

Эшленд, штат Кентукки

В Эшленде погасло последнее окно – в номере Алисы.

Пора!

Тед попытался встряхнуться. Пять часов.

Я спал или нет? Вздремнул четверть часа и совершенно окоченел, дурак. Давай, соберись, иди и сделай что надо, самое время.

Тело плохо слушалось, и Тед только через десять минут вырвался из объятий удобного кресла, пошатываясь, пересек парковку, и ночная прохлада наконец привела его в чувство.

Ну вот, самое сложное позади. Осталась рутина.

Силва приблизился к «форду».

Сейчас все быстро сделаю и поеду домой. Не умничать, просто повредить топливный бак, и тогда поворот ключа и – бах! Не шедевр, зато никто не обвинит миссис Арлингтон в том, что она съездила в Эшленд и собственноручно прикончила эту бабу. Меня, кстати, тоже не заподозрят, а учитывая состояние этой, с позволения сказать, машины, копы точно поверят в несчастный случай.

За спиной Теда раздался шум. Он обернулся. Пусто. Свет не зажегся, собака мимо не пробежала. Ничего!

Он подождал, прислушиваясь, и снова склонился над бензобаком. Вот опять! На этот раз Тед понял: что-то происходит в жалком придорожном баре напротив парковки. Хозяин что, идиот? Он же не собирается открыться в пять утра?!

Железная штора со скрипом поползла вверх, полоска света легла на тротуар.

Да, мужик начинает работать до рассвета!

Тед разглядел силуэт за стеклом: хозяин заведения снимал со столов табуреты и расставлял их по местам.

Невероятно. Я сплю, вижу кошмар и сейчас проснусь. Ни один бар в мире не открывается в такое время!

Тед колебался, но все-таки решил действовать. Хозяин не разглядит его издали и не сможет опознать. Не факт, что он вообще его заметит.

Тед не привык рисковать, но эта история ему надоела. Теперь будет непросто превратить «форд» в адскую машину, но можно повредить рулевое управление, чтобы оно отказало не сразу, а через несколько десятков миль. Никто не свяжет аварию с незнакомцем, стоявшим рядом с машиной, а он будет уже далеко.

Тед вернулся к своему багажнику за инструментами, и тут внезапно появился грузовик. В кузове сидели шестеро здоровенных черных в дождевиках анилиново-желтого цвета. За рулем – белый небритый мужик, тоже в желтом. Грузовик припарковался неподалеку от «кадиллака», рабочие улыбались Теду, будто говоря: «Гнусное утро, приятель, лежать бы сейчас под одеялом, согласен, приятель?»

Мне крышка! – обреченно подумал Тед. Я погорел в этой дыре. Семеро видели меня с ножовкой в руке рядом с машиной. Вот же невезение. Зря только проторчал тут всю ночь.

Спать расхотелось окончательно.

Наверняка это рабочие с развязки, размышлял Тед. Есть в этой дыре хоть один квадратный сантиметр, где ничего не строят? И почему они так рано начинают? Наверное, у хозяина бара так мало клиентов, что он готов обслуживать их в пять утра! И что теперь делать? Могу только выпить кофе с черномазыми.

Ник проснулся бодрым, Алиса тоже – она привыкла мало спать. Они были единственными клиентами, и завтрак им подали отменный: апельсиновый сок, бекон, яйца, йогурты, фрукты...

За кофе Ник протянул Алисе фотографию Алана Ву:

– Я напечатал несколько штук. Увидите, Алиса, играть в сыщиков очень весело.

Они разделились и провели утро в деревне, показывая фотографию Алана всем, с кем встречались. Безуспешно. Во второй половине дня настал черед торговцев, но и тут результат оказался нулевым. Оставалось одно – звонить в двери. Увы...

Алиса была близка к отчаянию, когда в маленьком сквере за городским музеем встретила старую даму с внучкой.

– Мне жаль, милая, я никогда его не видела, – сказала она.

И вдруг девочка – на вид ей было лет десять – подергала Алису за рукав, прося показать снимок, сдвинула бровки:

– Бабуля, кажется, это тот гадкий мистер!

– Какой еще гадкий мистер, Сара, что ты такое говоришь?

– Ну, тот, с которым ты велела мне не разговаривать. Помнишь, он стоял у школы и смотрел на двор.

– Ты думаешь? Нет...

– Я уверена, ба, а ты просто его не рассмотрела!

– А что за гадкий мистер? – спросила Алиса.

– Сатир, миссис, – ответила девочка. – Пама с мамой так...

– А ну закрой рот, Сара! – строго приказала бабушка. – Я сама расскажу. Ну так вот... Это случилось полгода назад. Этот человек – не знаю, его ли вы ищете, – появился однажды утром неизвестно откуда. Стоял у школы и высматривал кого-то. В деревне, конечно, пошли разговоры. На следующий день он вернулся, и родители велели детям быть осторожнее. Должна признать, что на бродягу или извращенца он не был похож, но поди знай. А потом он исчез, и больше мы его не видели.

– Кто-нибудь с ним разговаривал?

– Кажется, нет. Не успели. Вы из полиции? Он преступник, да?

– Нет, бабуля, – вмешалась девочка, – не преступник, а сатир.

Сара получила подзатыльник, и Алиса почувствовала себя виноватой.

Два часа спустя они сели в «форд».

– Подведем итоги первого этапа, – сказал Ник. – Очень средне. Сами видите, Алиса, ремесло частного сыщика – дело крайне неблагодарное.

– А мне ваша работа кажется очень увлекательной.

– Согласен, любой сыщик скажет вам, что удачи в работе бывают редко.

– Почему вы так говорите?

– Ну... вам трудно будет понять. Проехать пятьсот миль и узнать, что Алан – извращенец, подкарауливающий детей у школы. Не стоит писать об этом бедняжке Лизон.

– Нужно мыслить позитивно, Ник. Мы продвигаемся быстрее Алана. Даже на вашей машине! Мы провели здесь одну ночь, а он – две. В таком темпе мы скоро его догоним. Вперед! Нас ждет второй адрес: Эффингем, штат Иллинойс. Кажется, там была какая-то битва...

– Многообещающе...

– Мужайтесь, до Эффингема всего пятьсот миль.

– Тише, Алиса, мой «форд» может услышать.

8 ноября 1964
Эффингем, штат Иллинойс

Второй этап оказался еще скоротечней первого.

Когда-то Эффингем действительно был процветающим и знаменитым, но теперь так считали только несколько местных историков-краеведов.

Эфемерной славой город был в первую очередь обязан сражению: в 1837 году местный уроженец генерал Говард Д. Линфорд уничтожил здесь остатки племени сиу, которые дали армии повод устроить бойню, убив нескольких пионеров, имевших неосторожность поселиться на уединенных фермах.

Второй достопримечательностью Эффингема был кожевенный завод Мерилла, долгое время остававшийся одним из крупнейших в США. Завод, выстроенный на Калластия-Ривер, небольшом притоке Миссисипи, перед войной поставлял кожу лучших сортов, а в конце пятидесятых переехал южнее, ближе к морю и стадам, в окрестности Хьюстона.

Эффингемский объект Мерилла тогда же, в пятидесятых, модернизировали – возвели новые здания, чтобы потрафить Томасу Мериллу, наследнику отца-основателя предприятия. Его предок Израэль Мерилл, героический трапер доколониального периода американской истории, занялся кожевенным делом в 1820-м, в возрасте пятидесяти лет, когда дрожание в руках не позволило и дальше плавать по бурным рекам, преодолевая пороги. После смерти в 1957 году последнего Мерилла акционеры, люди совсем не сентиментальные, покинули глухой угол.

Закрытие завода положило конец бесплатным обедам, ссудам на жилье и футбольную команду, рабочих по утрам не везли на работу, детей – в школу, даже мусор перестали собирать централизованно. Некоторые переехали в Техас, другие предпочли остаться, но и им пришлось сниматься с места, когда закрылись школы, магазины и все остальное. Типовые домики с плоскими крышами почти все опустели, и если бы индейцы сиу выжили, то они без труда отвоевали бы свою территорию, ведь защищал ее теперь только старый генерал Линфорд, по-прежнему сидевший на вздыбленном бронзовом скакуне.

Ник и Алиса въехали в Эффингем в четыре часа пополудни и покатали по длинной главной улице, застроенной кирпичными домами, в сторону площади Говарда Д. Линфорда. Маленькая старушка улыбнулась и помахала им красными руками. Нет, она не была представительницей коренного населения, просто всю жизнь проработала красильщицей.

«Форд» остановился. Алиса вышла и узнала у старушки, что последняя гостиница закрылась три месяца назад, а человек на фотографии ей незнаком, хотя он мог и побывать в Эффингеме, поэтому можно, конечно, справиться в другом месте, но уж если она не видела незнакомца, то все остальные и подавно. А впрочем, желаю успеха...

Ник с Алисой последовали совету и ничего не добились. Не повезло им и со школой, ее тоже закрыли много лет назад.

– Зачем Алан приезжал в эту деревню призраков? – спросил Ник. – Ума не приложу.

– Остановиться нам негде, – сказала Алиса. – Что будем делать?

– Выбор невелик. Место симпатичное, не спорю, для тех, кому нравится промышленный туризм. Жалко, что ни один мой приятель не выстроил в этом райском уголке рыбацкой хижины и не даст нам приюта. Боюсь, придется сократить наше пребывание в Эффингеме. Напомните, где наш Мальчик-с-пальчик оставил свой третий камешек?

– Третью открытку? В Валентайне, штат Айова, на реке Демойн.

– И сколько туда добираться?

– Не меньше десяти часов.

– Я готов, Алиса. Вы согласны ехать отсюда прямо в Валентайн? Мы можем быть там завтра утром, к завтраку.

– Вы водитель, Ник, но как быть с «фордом»?

– А что «форд»? «Форд» слушается своего водителя!

Хорошая работа, Ник. Молодец, проявил профессиональную сознательность, за это проведешь первую ночь с Алисой.

Алиса заснула на пассажирском сиденье до наступления темноты. Одета она была как обычно: широкая юбка, блузка, на плечи накинут пуловер. В вырезе блузки виднелся краешек белых кружев, грудь мерно вздымалась.

Ник сбросил скорость, повернул зеркало в сторону своей спутницы и потому не заметил следующей за ними машины.

Тед Силва этого не знал и прилагал невероятные усилия, чтобы держать дистанцию. Было бы верхом идиотизма проехать тысячу миль и облажаться!

Тед не переставал мысленно чертыхаться. Он ужасно злился, потому что так и не поел в этой деревне зомби.

Теперь он хотел есть. И спать. А проклятый «форд» и не думал останавливаться перед одним из немногочисленных мотелей, попадавшихся на пути.

Эти сволочи решили ехать без остановок – хотят меня уморить. Я не выдержу второй бессонной ночи! Не знаю, что с этим детективом, но сегодня вечером он тащится совсем медленно. Не думал, что такое вообще возможно. Вот ведь мука. Знать бы, куда направляются эти тупицы.

Тед боролся со сном, главное сейчас – ни во что не врезаться. Вот если его арестуют, он сразу расколется. Чувство чести у парикмахера имелось, однако он отчаянно боялся боли, а копы наверняка захотят превратить его в боксерскую грушу. Он прославится – против воли. О его преступлениях будут говорить. Газеты напишут о нем на первых полосах, объявят его преступником года, а может, и века. Но если сейчас воткнется в дерево или закончит свои дни в кювете, никто не узнает, каким гениальным убийцей был Тед Силва. И он навечно останется жалким парикмахером из квартала Фаррагут-Норт. Вряд ли вкладчики *Ex-voto* захотят прилюдно отдать ему должное.

Силва встряхнулся. Нет, преступный гений не может бесславно погибнуть в банальной аварии.

Тед всегда хотел написать мемуары – позже, на «пенсии» – и опубликовать их в посмертном, так сказать, порядке. Весь мир будет потрясен, скандал выйдет вселенский. Книга произведет эффект разорвавшейся бомбы. А уж как удивятся его жена, дети, родственники, любовница Джина и толстая корова Тереза. Ведь Тед Силва никогда не участвовал в темных делишках, не продавал наркотики, не воровал, как кузены.

Ваши подвиги просто смешны, ребята. Тед Силва – человек другого калибра.

Да, после смерти его ждет слава, но сейчас он не готов к исповеди. Мастер причесок вечно пытался угодить родным, особенно жене Елене, и ничего не мог с этим поделать. Его, последыша в семье, воспитывала

слишком властная мать, поэтому-то он и вел двойную жизнь — выпускал на волю свое подлинное «я».

Чтобы как-то развлечь себя, Тед начал подбирать название для будущих мемуаров. В душе он считал себя не только волшебником ножниц и расчески, но и мастером слова.

«Кровь на моих ножницах». А что, красиво! Запомним.

«Мои стервозные клиентки». Забавно было бы посмотреть на их лица, когда они возьмут книгу в руки.

«Мои безупречные преступления». Нет, слишком претенциозно.

«Убийца этих дам». Тоже нет. Елене не понравится.

«Да исполнится ваша воля». Неплохо... Хотя малость клерикально.

«Черный ангел». Почему нет.

Тед быстро утомился. Все, хватит. Он уже придумал достаточно броских названий, теперь придется выбирать лучшее, а это дело непростое. Впрочем, все приключения он в один том не уместит, так что могут пригодиться и другие.

Тед раздраженно пихнул кассету в магнитолау.

Bye Bye Love...

34

Валентайн, его река, его плотина

9 ноября 1964

Валентайн, штат Айова

В противоположность Эффингему, Валентайн за несколько лет перешел из разряда деревни в ранг маленького города, который постепенно уничтожал окрестные леса. А причиной всему — большая плотина на реке Демойн, возведенная в 1960 году.

Сначала все в Валентайне были против плотины. Эти самые «все» сводились к нескольким горластым крестьянам, которые убеждали остальных, что «плотина испортит пейзаж, распугает рыбу и сгонит с насиженных мест перелетных птиц».

Большинство поверило обещаниям технократов, суливших чудеса прогресса и представивших на суд общественности красивый многоцветный макет будущей долины. Комментировал его сенатор собственной персоной. Мэр быстро понял, сколько денег может

получить город, и все согласились на плотину. Все, кроме земледельцев, чьи поля ниже по течению реки были обречены на затопление, и они это сразу поняли, хоть и промолчали. Крестьяне вооружились и забаррикадировались, как делали их предки, ожидавшие набега индейцев. Выглядело это до того героически, что кто-нибудь когда-нибудь наверняка снимет об этом телесериал. Когда-нибудь... А пока приехали бульдозеры и снесли дома, а крестьяне стояли в садах перед руинами, сохраняя молчаливое достоинство. Нет, они не ушли – наблюдали, как строится плотина, и тихо злорадствовали, убеждая себя, что реку Демойн покорить невозможно.

Однажды утром снова приехал сенатор, на сей раз с ножницами, перерезал ленточку, и представители местной власти открыли заглушки. Последние «сопротивленцы» услышали рев воды и ушли в горы, решив не сдаваться. Больше никто не жаловался: плотина обеспечивала электричеством территорию в шестьдесят миль, воды стало вдоволь, и впервые в истории здешних мест люди начали выращивать помидоры и другие капризные культуры. Укротила плотина и перекаты, так что тысячи туристов на каноэ и каяках принялись сплавляться по реке и отдыхать на берегах, на радость местной торговле.

Ник с Алисой подъехали к Валентайну на рассвете, день обещал быть прекрасным. Вдалеке шелестели рыжие сикоморы. Их ветви, поблескивающие инеем, склонялись к озерной глади, любуясь своим отражением.

– Какое великолепие, Ник! – прошептала Алиса.

– Вид неплохой, – небрежным тоном согласился Ник, – но не идет ни в какое сравнение с тем, что я видел этой ночью...

Алиса задумалась, но не до конца проснувшийся мозг не принял намека, и она спросила:

– Вы очень устали, Ник?

– Да как вам сказать... До Валентайна дотянул, слава богу, но как только войду в первую же гостиницу, сниму номер и буду отсыпаться. Сейчас мне все равно, был здесь Алан или нет, начнем разбираться, когда отдохнем.

– Полно, Ник, не будьте смешным!

Ну что за женщина! Я всю ночь за рулем, а она просыпается и говорит: «Не будьте смешным!» И знаешь, что самое глупое, малыш

Ник? Ты сейчас кивнешь как дурак и пробормочешь что-нибудь вроде: «Я пошутил, Алиса... Конечно, мы остановимся только в том отеле, где жил Алан! Даже если придется искать его три часа».

– Слушаюсь, мой капитан, – устало произнес он.

В Валентайне было пять отелей. Третьим они посетили «Озерный трактир», стоявший на холме, чуть в стороне от города. До затопления он назывался «Трактир у водопада», и ему сказочно повезло: вода, поднявшаяся на десять метров, остановилась у нижней ступеньки, так что теперь хозяева похвалялись самым большим «бассейном» в Америке. С балкона каждого номера, выходящего на южную сторону, можно было нырнуть прямо в озеро. Миссис Парк, владевшая гостиницей двадцать лет и когда-то едва сводившая концы с концами, стала весьма обеспеченной женщиной. Она сразу опознала Алана, пригласила усталых путешественников войти и провела их в большой, в стиле ретро, салон. Обстановка наводила на мысль о процветании и роскоши.

– Жалко, что вы не видели, какой была моя гостиница до появления плотины, сегодня здесь все иначе. Летом я не принимаю постояльцев.

Алиса начала расспрашивать хозяйку об Алане, и та уверенно ответила:

– Я очень хорошо помню этого молодого человека. Забавно – он тоже назвался частным детективом.

Ник изумился, но перебивать хозяйку не стал.

– Вот вы похожи на сыщика, а ему я сразу не поверила, сама не знаю почему. Он был один, казался очень печальным. Выглядел как мужчина, которого бросила жена, и он ищет ветра в поле... если вы понимаете, о чем я. Или хочет найти детей, которых никогда не видел. Ваш друг задавал вопросы о школе, об учениках, но искал женщину, это точно. Он провел у нас две недели, но больше ничего мне не сказал. Вернее, он вообще ничего не говорил – все, что вы от меня услышали, не более чем догадки. Я кое-что сопоставила, перекинулась кое с кем парой фраз.

– И больше вы ничего о нем не помните? – спросила Алиса.

– Не знаю, важно ли это, но он очень любил французские блюда. У меня работала девушка из Нанта, она дала мне несколько рецептов, всякие изыски, выпечка с кремом. Кажется, ваш приятель попал в

Нормандию во время высадки союзников, а после войны остался там жить. Это объясняет, почему он так легко сошелся с моей горничной.

Вот так новость. Все закольцовывается. Алан жил в Нормандии. Хорошо бы задать несколько умных и точных вопросов, чтобы все прояснить, но у меня мозги не варят от усталости.

Диван был такой удобный, что у Ника начали закрываться глаза. Ему уже почти снились булочки с кремом, а Алиса сидела далеко и не могла пнуть его, чтобы разбудить.

– Выпьете кофе? – спросила миссис Парк. – Вид у вас больно усталый. Неужто всю ночь ехали из Иллинойса?

– Спасибо, с удовольствием! – Ник встрепенулся при слове «кофе» и спросил: – А чем Алан занимался, пока жил у вас?

– Да ходил повсюду, расспрашивал людей. Постоянно читал газеты. Покупал каждое утро целую пачку и... Вспомнила! Он просматривал объявления. Думаю, он кого-то искал, но не в нашей деревне. Так, я принесу вам кофе.

Вскоре хозяйка гостиницы вернулась и накрыла стол к завтраку: кофе, круассаны, масло и конфитюр. Не хватало только юной официантки-француженки.

– Вот что я подумала, – сказала миссис Парк, – насчет объявлений в «Деймон Вэлли ньюс». Это наша местная газета, ее редакция находится на Ровейн-стрит. Они подписаны на все издания штата и хранят уйму газет. Билл Бозмен – мой старый друг, сошлитесь на меня, и он покажет вам все, что захотите, и будет в восторге – старик обожает детективные романы.

– А вы случайно не знаете, куда Алан отправился из Валентайна? – спросила Алиса, страшась ответа.

– Понятия не имею. Он уехал однажды утром, мило попрощался, но и только. И адреса не оставил. Так поступают все постояльцы.

Поблагодарив гостеприимную хозяйку, Ник и Алиса отправились проветрить мозги на берег озера.

– Вот и закончились белые путеводные камешки, – посетовал сыщик. – След оборвался, Алиса.

– Что, если заняться газетными объявлениями?

– Угу...

Короткие объявления

9 ноября 1964

Валентайн, штат Айова

Название Ровейн-стрит оказалось очень метким. Улица и была, по сути, ущельем посреди скалистого выступа, вернее, холма, – на котором был выстроен город Валентайн, во всяком случае, самая старая его часть. Первопоселенцы выбрали холм как естественную защиту от взбрыков реки, тогда еще не перекрытой плотиной. Каменная дамба защищала дома во время паводка и придавала американскому городку несообразный вид средневекового фортификационного сооружения. Улица начиналась от церкви и спускалась к дамбе.

Здесь всегда было полно пешеходов, машин, фургонов доставки, кафе с плетеными стульями на террасах. Продавцы открыток соседствовали с самодеятельными выставками ремесленников, раскладывавших свои изделия на столах или ковриках. Этаким маленький Мон-Сен-Мишель в сердце Айовы – без моря, зато с озером, а иногда и с приливами, пусть и рукотворными.

Они оставили машину далеко от редакции, но легко нашли «Демойн Вэлли ньюс» по кричащей красно-белой витрине, украшенной постерами – портретами местных знаменитостей. Билл Бозмен, рыжеватый блондин, встретил их улыбкой раскормленного младенца из телевизионной рекламы.

– Я в курсе, миссис Парк мне позвонила. Я вас сразу узнал: «небритый тип и красивая блондинка»! Значит, вы детектив, а девушка – ваша ассистентка? – с оттенком зависти в голосе спросил он и подмигнул Нику, дескать: сыщики не скучают, да, старина?

Ник сделал возмущенное лицо – как можно, дружище! – очень надеясь, что Алиса не увидела. Билл обошел посетителей слева, извинившись за беспорядок, сдвинул стулья, чтобы не мешали, убрал со стола несколько папок и с гордостью сообщил занятым машинисткам: «Наш гость – детектив!» – но они даже голов не подняли, и редактор переключился на очкарика с ручкой и блокнотом. Тот скользнул взглядом по прелестной ассистентке и вернулся к своим занятиям.

– Жалко, что мы не предупредили о визите, – они бы перед нами и красную ковровую дорожку расстелили.

– Не нужно смеяться над провинциальными журналистами! – укоризненно покачала головой Алиса. – Читатели привередливы, впечатлить их непросто. Приходится пускать в ход воображение, чтобы местные политические свары выглядели значимой частью мировых новостей, а исчезновение коровы превратилось в летний детективный сериал. Все это требует большого таланта и старания!

Они поднялись на второй этаж, в библиотеку.

– Знаете, – сказал Билл, – мы к подобным делам не привыкли, у нас небольшая газета, но я думаю, что вам повезет. Располагайтесь поудобнее, если понадобится – зовите, не стесняйтесь. Можете хоть все здесь перевернуть, я потом уберу.

– Спасибо, старина, – поблагодарил Ник, – не беспокойтесь, моя помощница сама наведет порядок.

Алиса скорчила гримасу и показала Нику язык.

Ну разве это не признание в любви, дружище Ник?

Они стояли перед стеллажами с подшивками газет, в общей сложности пятнадцать общенациональных изданий плюс местные, издаваемые на четверти территории США.

– Вот это да! – присвистнул Ник. – Если они читают каждый номер, тяжело им приходится, бедолагам...

– Посочувствуйте лучше тем, кто пишет, – сказала Алиса.

– Ладно, мисс придира, за дело! Напоминаю – мы ищем номера газет за две недели, с 15 по 29 апреля 1964 года. Предлагаю начать с главных региональных изданий.

– Почему?

– Так будет логичнее.

– В таком случае, – сказала Алиса, потянув на себя подшивку «Соут Пейпер», – первый, кто найдет...

– Что получит победитель?

– Право изображать детектива на следующем этапе расследования. А проигравшему придется ассистировать.

– Будь по-вашему, – вздохнул Ник, – только никто не купится. – Вы безупречны в роли личного секретаря, но на сыщика не тянете.

Алиса снова состроила гримасу, и оба погрузились в чтение.

Соберись, малыш Ник. Перестал понимать, что с тобой происходит? Прекрасная Алиса теперь не только недостижимая мечта. Ты, прожженный циник, не верил, что можешь встретить женщину, которую будешь воспринимать не только как объект желания, но и как товарища. Что между вами возникнет взаимопонимание. Ты изображал робкого влюбленного, романтика, но в глубине души понимал, что это игра. Игра, в которой ты мог позволить себе все, потому что был заведомо обречен на провал. Но теперь это уже не игра. Ты считал, что тебе ничего не грозит, что твое сердце – цемент, но эта женщина взломала его как опытный бульдозерист.

Он посмотрел на Алису. Она углубилась в чтение, светлые волосы мягкими волнами падали на плечи, стекали на стол.

Как она не похожа на отчаявшуюся женщину, которая пять месяцев назад появилась на моем пороге. Можно подумать, что поиски правды стали для нее и поисками себя. Тайна Лаки и Арлингтона будто помогает склеить осколки своего сердца. Если окажешься здесь в тот день, когда душа Алисы сбросит вдовью вуаль, кто посмеет встать между вами? Никто, Ник. Никто! Она любит тебя, теперь ты это знаешь. И если однажды Алиса сумеет снова впустить в свою жизнь мужчину, им будешь ты.

В глубине души Ника мучило предчувствие, которое он даже мысленно не решался сформулировать. Внутренний голос нашептывал: *Она никогда не станет твоей, несмотря на обоюдное желание. Обстоятельства всегда будут сильнее вас.*

– Есть! – воскликнула Алиса.

Ник поднял глаза. Поиски продлились не дольше пяти минут. Алиса держала в руке номер «Соут Пейпер» от 18 апреля 1964-го.

– Вот, слушайте. *Ищу Ральфа Финна – Очень важно – Новые детали о контракте Лаки Мэрри – Арлингтон не заплатил – Связаться с Аланом Ву – Озерный трактор – Валентайн – Айова.* Разве это не доказательство? – ликовала Алиса. – Только бы найти Алана, чтобы он дал показания.

– Это лучше, чем доказательство, Алиса. Угадайте, кто такой этот Ральф Финн?

– Понятия не имею.

– Больше не говорите, что претендуете на роль детектива, а не ассистентки. Ладно, я помогу. Во время войны его наградили довольно обидным прозвищем.

– Так этот Ральф – Дрочила? Вы уверены?

– Почти. Финн – один из десяти последних членов отряда, которых я не смог установить, но мы с самого начала предполагали, что Дрочила входит в число этих десяти парней. Все досье у меня в машине, можно проверить, но я помню все фамилии. И потом, если Алану требовалась помощь, он наверняка обратился бы к одному из четверки.

– Согласна, это очевидно. Вы меня огорошили, Ник, поэтому я не сразу догадалась. Если кто-нибудь соберется превратить нашу историю в киносценарий, я не хочу выглядеть слабоумной идиоткой с замедленной реакцией, вроде доктора Ватсона!

Знаешь, красавица, я не Шерлок Холмс, но тоже кое-что умею.

– Ловлю вас на слове. Пораскиньте мозгами и придумайте, как нам отыскать Ральфа Финна, больше известного в военной среде под кличкой Дрочила, одного из десяти рейнджеров, чьи адреса я так и не выяснил.

– Ну...

– Да?

Алиса напряженно размышляла.

– Все элементарно, – сжалился Ник. – Используем психологию. Мы дали кучу объявлений, но никто не откликнулся. Почему? Да потому что через двадцать лет после войны мужику совсем не хочется, чтобы семья и окружающие узнали его подноготную, включая прозвище.

– Да, мы уже говорили об этом.

– Но теперь нам известно его имя, и мы можем дать еще одно объявление, например, такое: «Разыскиваем Ральфа Финна» – и разместить его в какой-нибудь захудалой газетенке. Потом усилим давление – текст побольше, газеты более маститые. Ральф сообразит, что встреча в его интересах, если он не хочет, чтобы булочник и школьная учительница детей узнали о его прошлом. Как вам?

– Игра не очень честная, но свидетеля мы выманит.

– Вот вам загадка позаковыристей: как снова выйти на след Алана Ву?

– С помощью объявлений.

– Бросьте, Ватсон, мы даем их уже два месяца, а Лизон – полгода. Результат нулевой!

– Вы правы. Ну, тогда... – Алиса снова надолго задумалась и признала свое поражение: – Никаких идей. А как у вас?

– Вы во мне сомневаетесь?

– Конечно, нет. Приношу мои нижайшие извинения, склоняю голову и слушаю вас, мастер.

Вперед, Ник, не упусти свой шанс...

– Все просто: мы не покинем этот райский уголок, пока не найдем ниточку, даже если понадобится целая жизнь. Ради экономии снимем один номер на двоих в «Озерном трактире», выдадим себя за новобрачных, и никто ничего не заподозрит. Чтобы сбить местных с толку, будем прогуливаться, держась за ручку, и целоваться на закате. И разнохивать – делая покупки, купаясь, сидя на скамейке в парке. В полночь станем нырять голыми в озеро прямо с балкона.

– Чтобы допросить рыб.

– Именно так! Не упустим ни единого следа. Согласитесь – Шерлок Холмс никогда не был так предупредителен с Ватсоном.

– Хватит шутить, Ник! Вас бессонница довела до такого состояния?

– Да, я не спал. Провел ночь рядом с вами... Без сна.

Куда тебя понесло? Берегись, не то все испортишь. Помни о терпении.

– Ну вот что, Ник, – нарочито строго сказала Алиса, – если хотите произвести на меня впечатление, найдите след Алана.

Я тебя впечатлю, куколка, и еще как впечатлю. Доверься профессионалу!

– Хорошо. Раз уж вы глухи к моим самым заманчивым предложениям, восхититесь хотя бы красотой логических построений. Давайте вернемся к тому, что нам известно. Алан покинул «Озерный трактир» двадцать девятого апреля шестьдесят четвертого года и исчез в неизвестном направлении. Чем, по-вашему, он займется, добравшись до цели?

– Найдет гостиницу.

– А потом?

– Наведет справки о школах и таинственной женщине...

– А дальше?

– Даст объявления...

– Тепло, тепло. И что он напишет в этих объявлениях?

– Что ищет Ральфа Финна.

– Ну-ну, продолжайте.

– Он укажет свой новый адрес – для ответа, как сделал это в Валентайне. Значит, будет достаточно найти одно из объявлений. Вы бесподобны, Ник.

Алиса чмокнула сыщика в кончик носа. Ник изобразил обморок и растянулся на ковре.

– Поднимайтесь, толстый вы ленивец! Мы должны раскопать одно маленькое объявление в трех тоннах газет.

Как же я тебя люблю, Алиса.

Час поисков ничего не дал. Билл Бозмен принес им картошку фри, сэндвичи, булочки и ледяную кока-колу.

– Ланч! Вот решил вас накормить, а заодно помочь – если хотите.

Они продолжили поиски в шесть рук, беря еду черными от типографской краски пальцами, прошерстили все национальные газеты и крупные региональные ежедневники – и ничего не нашли. Занялись прессой соседних с Айовой штатов, сужая круги.

В два часа расстроенный неудачей Билл оставил их, убедившись, что реальная жизнь частного сыщика куда скучнее сериальной.

– Уж и не знаю, стоила ли эта ваша гениальная идея поцелуя, – устало сказала Алиса.

Ник попробовал ответить смешной гримасой, но не преуспел.

Еще через пятьдесят минут Ник устало развернул «Сатердей оф Оклахома».

Ах ты черт!

Ник побледнел. Он смотрел на Алису, продолжавшую с отчаянным упорством листать страницы, и не знал, как сообщить ей новость. Тишина стала вдруг гнетущей, и Алиса подняла голову.

– Что вы нашли, Ник?

Он молча протянул ей газету.

В самом низу полосы, в рубрике «Разное», был помещен снимок – лицо Алана Ву, глаза закрыты. Заголовок набран жирным шрифтом:

Неизвестный сбит лихачом. В короткой заметке сообщалось:

6 мая 1964 года, в 05:30, в Блю-Хилл, на национальном шоссе 108, недалеко от школы, произошел несчастный случай. Мужчина, погибший на месте происшествия, не был опознан. Водитель, сбивший его под проливным дождем, не остановился. Свидетелей нет. Тело нашел мистер Перни, возвращавшийся с работы, через семь минут после наезда. Видимость вследствие непогоды была очень плохой, полиция склоняется к версии несчастного случая. Шоссе 108 считается опасным, и многие родители учеников неоднократно подавали жалобы, опасаясь за жизнь своих детей. Полиция Блю-Хилл просит о помощи любого, узнавшего жертву или бывшего свидетелем происшествия.

Алиса подумала о Лизон. Она вспомнила строки из ее письма о неизбежном горе и их перекрестившихся судьбах.

Ник подошел, чтобы обнять молодую женщину – по-товарищески, без всякой задней мысли, но она отстранилась.

– Не нужно, не прикасайтесь ко мне, я притягиваю смерть! Люди вокруг меня гибнут. Меня как будто прокляли. Бегите, Ник, пока еще есть время.

– Перестаньте, Алиса! И не говорите таких ужасных слов. Мы с самого начала охоты за Аланом знали, что все может закончиться именно так. Вы знали. Лизон предвидела. Возьмите себя в руки, осталось перевернуть последнюю карту – отыскать Ральфа Финна.

– Если он еще жив... И если так, давайте пощадим его – оставим в покое.

– Никакого проклятия нет, Алиса. Вспомните короткое объявление: *Арлингтон не заплатил.* То, что случилось с Аланом, безусловно, на руку этой семье, но госпоже сенаторше не стоит успокаиваться. Теперь ей противостоят две вдовы, настроенные очень решительно.

Взгляд Алисы был пустым.

– Я устала от вашего наивного оптимизма, Ник. Оставьте нас с нашими страданиями и возвращайтесь в мир живых.

Он взял ее за плечи, встряхнул:

– Выходит, меня можно не принимать в расчет, Алиса? Я совсем ничего для вас не значу? Я всегда уважал вашу любовь к Лаки, но она

делает вас эгоистичной. Вам никогда не приходило в голову, что я тоже способен любить и страдать? У вас любовь отняли. Мне она просто не досталась.

Алиса посмотрела на него:

– Идемте отсюда, не хочу видеть эти апокалиптические газеты.

Они медленно спустились на первый этаж, прошли мимо Билла Бозмена, который открыл было рот, собираясь задать вопрос, но, почувствовав его неуместность, промолчал и только проводил их взглядом.

Ровейн-стрит была пуста. Солнце садилось, стало прохладнее.

– Не волнуйтесь, Ник, мне лучше, я уже дышу.

– Тихонько, дорогая, не торопитесь.

Раздался шум, похожий на глухое гудение поезда в тоннеле, Ник оглянулся и заорал:

– Алиса!

Прямо на них летел продуктовый фургон без водителя, с распахнутой дверцей.

Неуправляемая машина сшибала стулья, столы, парусиновые навесы, открытки и сувениры.

Алиса оцепенела. Грузовик был уже в каких-то сантиметрах. Ник прыгнул и с силой толкнул ее.

Я люблю тебя, Алиса.

Она влетела спиной в витрину редакции «Демойн Вэлли ньюс». В то же мгновение грузовик подбросил Ника в воздух и врезался в старый мол, отбросив детектива на камень.

Мгновение спустя появился водитель в белом халате: задыхаясь, он мчался за фургоном, в глазах плескался животный ужас. Едва отдышавшись у нагромождения железа и камня, где уже собиралась толпа, он забормотал:

– Я поставил на ручник, клянусь, поставил, как обычно... Два раза проверил, я же знаю эту проклятую улицу... Поставил! Зашел выпить к Джонсону, оглянулся – а машины нет, вышел и увидел, что она едет сама по себе... Но она стояла на ручнике... Это не я... Это грузовик... Клянусь, парни, не я...

Его слушали молча, смотрели с жалостью.

– *Я поставил на проклятый ручник!* – крикнул водитель и замолчал. Бедняга осознал: никакие клятвы не помогут, ему все равно не поверят.

Толпа быстро росла, одни машины останавливались, другие медленно проезжали мимо, в том числе «кадиллак-эльдорадо».

Тед Силва чуть притормозил, но смотрел он – единственный из всех! – не на камень и грузовик, а на разбитую витрину.

Вот ведь подлость! – думал он.

Идея с грузовиком срабатывала всегда. Он не спал двое суток. Выжидал три дня, и все сошлось – улица с крутым уклоном, бесхозный грузовик, несчастный случай на глазах у десятков свидетелей. Идеальная авария, комар носу не подточит, а дурак водитель всю оставшуюся жизнь будет считать себя виновным. Положа руку на сердце, удача тут ни при чем. Покушение сработано отменно, одно из лучших в его карьере. Но все усилия напрасны. Да еще и салон уже три дня без пригляда.

Тед вспомнил кузена Франческо. В семье знали, что он наркодилер, но никто его не осуждал, тем более что на рождественские подарки он никогда не скупился. Франческо раз в месяц ездил за товаром по маршруту Вашингтон – доки Балтимора – Вашингтон и ничем не рисковал. Деньги сами шли к нему в руки. Ни тебе слезки, ни бессонных ночей. Но Тед принципиально не прикасался к этой отраве, он был отцом и всегда помнил о детях.

Он опять, словно наяву, увидел жуткую картину – врезавшийся в каменную стену грузовик, перепуганные люди. Да кто он такой, чтобы осуждать семейный бизнес? Силва почувствовал всю ничтожность своих принципов, которыми пытался утихомирить совесть. Но черные мысли редко посещали его, да и противоядие было хорошо известно – адреналин! Он вспомнил, как был возбужден, забираясь в кабину, незаметно снимая грузовик с тормоза и спрыгивая на землю – в последнюю секунду, точно записной каскадер. Франческо, скучный рядовой наркобизнеса, не ведал азартного вдохновения, не импровизировал, не принимал решение за десятую долю секунды, предварительно изучив условия, место и действующих лиц. Нет, не понять таким Теда Силву. Однажды он напишет историю своей жизни,

тогда люди узнают! «Безумный грузовик» – отличное название для главы.

Парикмахер умел поднять себе настроение.

Нет, я еще не стал безупречным убийцей, рано думать об отставке. Прости, Елена. Впереди интересные контракты, в том числе этот. И я его выполню, теперь для меня это дело чести. Рано или поздно удача отвернется от этой Алисы. Во всем есть хорошая сторона: ее я упустил, зато, считай, избавился от детектива, у блондиночки больше нет ангела-хранителя. Миссис Арлингтон – если у нее есть совесть! – сделает небольшое пожертвование. Если...

Он с удовольствием выжал педаль газа. Нужно поскорее открыть парикмахерскую. Нельзя надолго оставлять клиентов на попечение Терезы, она всего лишь подмастерье. Приемник захрипел. Тед Силва вздохнул.

Вуе Вуе Love. Прощай, любовь...

36

Воля двух вдов

*16 ноября 1964
Шато-ле-Дьябль*

Дорогая Алиса!

Спасибо, что были честны со мной. Я готовила себя к этой новости, но, застань она меня врасплох, могла бы оказаться смертоносной. Боль и горе не единственные чувства, которые я сейчас испытываю, ярость и жажда мести помогают держаться.

Я нахожусь очень далеко от вас, я защищена, и вы можете подумать: «Легко ей кричать и требовать справедливости из-за океана, она не видела всех этих якобы несчастных случаев, таких жестоких, за которыми неизвестно кто стоит».

Кто-то все придумал и организовал, а теперь упивается нашей болью.

Вы написали, что хотите отступить, Алиса, потому что отчаялись и в ужасе от череды смертей. Поверьте, я понимаю, что вами руководит не страх. Если вы и боитесь, то не за себя, а за других, тех, кто может быть вовлечен в смертельную игру.

Я далеко и чувствую себя бесполезной, но в моей душе кипит ярость. Ах, если бы она хоть немного сгладила мое бессилие! Я могу одно – заклинать вас, Алиса, продолжить борьбу и выяснить правду. Наверное, вы ждете от меня именно этого. Не сдавайтесь, вы так близко подобрались к истине, в вашем распоряжении столько фрагментов и неслучайных совпадений. Покушения и убийства означают, что разгадка близка. Алан вернулся в Америку, чтобы все прояснить, в газетах он открыто обвиняет Оскара Арлингтона. Я не из тех, кто позволяет себе беспочвенно оговаривать людей, но если Арлингтоны как-то связаны с негодяем, сбившим Алана, пусть будут наказаны!

Расставаясь со мной, Алан пообещал вернуться, сказал, что мы обязательно заведем ребенка. Меня много месяцев мучило подозрение: что, если Алан солгал, чтобы было легче избавиться от меня? Теперь я знаю, что ошибалась. Облегчение только усиливает боль. Разве сенаторша может хоть что-нибудь противопоставить ярости двух вдов, которым нечего терять? Боритесь, Алиса, боритесь дальше. А если слишком устали, приезжайте в Нормандию. Мы пойдем на пляж и будем говорить о наших мертвых, как две безумные старухи.

До скорой встречи.

Лизон

Алиса перечитала фразу «Разве сенаторша может хоть что-нибудь противопоставить ярости двух вдов, которым нечего терять?».

Почти те же слова произнес Ник перед тем, как на него наехал грузовик. Алиса считала себя такой сильной и неуязвимой, думала, что ей нечего терять, а оказалось, что она не привидение, что осколки чужих жизней ранят ее.

Ей хотелось одного – сидеть взаперти в своей комнате, в полной темноте. Вот бы включить свет в коридоре этой новой квартиры, чтобы все взорвалось... Вместе с ней.

Прости, Лаки, у меня кончились силы. Хочу заснуть и видеть сны о тебе, каким ты был раньше.

21 ноября 1964

Вашингтон

Алиса сдержала данное себе обещание: следующие десять дней она выходила из дома, только чтобы купить еды, отправить письмо Лизон и навестить в больнице Ника. Ей казалось, что силы, необходимые для продолжения борьбы, покинули ее навсегда.

И все-таки судьба, почти против ее воли, доставила молодой женщине на дом все инструменты мщениия. В виде телефонного звонка.

Трех звонков.

В первый раз это случилось 21 ноября в пять часов вечера.

– Алло, Алиса? Это Рамзес Второй.

– Кто? – удивилась Алиса. – Говорите четче, я не понимаю!

– Рамзес Второй! Нет, конечно, не фараон. Но очень похожий на него тип. Напрягите мозги...

– Вы, должно быть, ошиблись.

– Не удивлен, что вы не узнаете мой голос. Но думать-то вам ничто не мешает, Ватсон? Скольких мужчин, обмотанных бинтами и лежащих в саркофаге, вы знаете?

– Ник!

Он самый... Чтобы избавиться от меня, красавица Алиса, одного грузовика мало.

– Прощаю, что не узнали голос, у меня не закрывается рот... что не помогает четко артикулировать.

– Ник, я часто приезжала в больницу, но меня никогда не пускали к вам, говорили, что вы все равно не увидите и не услышите меня, а потом операции, так что...

– Ну теперь-то у меня вполне товарный вид, а два дня назад я заговорил.

– Вам очень больно?

Конечно, нет, Алиса. Или ты успела забыть мой глуповатый оптимизм?

– Нет, я никогда не чувствовал себя лучше.

– Перестаньте, Ник!

– Клянусь, что не вру, у меня не болят зубы, потому что их больше нет. Я не чувствую судорог в руках, потому что не могу пошевелить ни

левой ни правой. Ног я вообще не чувствую. Остального тела тоже – просто бесплотный дух. Идеальный детектив, работающий исключительно головой. Из меня мог бы выйти отличный герой сериала – сыщик, распутывающий дела, лежа в кровати.

– Как вы можете шутить, Ник?

– Простите, сейчас заткнусь, вы ведь говорили, что находите мой оптимизм глуповатым.

– И прошу меня за это извинить! Как мне заслужить ваше прощение?

– Просто навестите меня. Вам ничего не грозит – мои желания больше не имеют физического воплощения. Кстати, это очень досадно, некоторых здешних медсестер я бы назвал... возбуждающими!

– Хотите, чтобы я ревновала, Ник?

– Даже не надеюсь!

– Что говорят врачи?

– Пообещали, что через какое-то время я вроде бы смогу ходить. Дескать, мне очень повезло, поскольку ни один жизненно важный орган не пострадал – кроме одного, того самого, что помогает утолять желание, ну, вы понимаете. Судя по всему, эскулапы не относят его к числу первостепенных, зато все остальное берутся починить. Дали мне каталог пластмассовых рук и ног разной цены и качества.

– Прекратите, Ник!

Старик, ты наконец-то обрел свое истинное призвание. Будешь юмористом с чернушным уклоном. Мумификация тебя вдохновила, и твое мазохистское «я» наконец получило право голоса. Не оставляй стараний, Алисе нравится. В любой женщине дремлет медсестра.

– Но я серьезен как никогда, потому и звоню. Мне позарез нужен кусочек от полутора лимонов, иначе получу третьесортный товар. Слишком короткие руки, кривые ноги от доноров – уродов или стариков. Необходимость позаботиться о себе очень мотивирует, так что я уже сегодня начал работать.

– В больнице?

– А что тут такого? Сумел позвонить вам, номер набрал носом. Одно плохо – телефонный счет будет огромным. Ну и черт с ним, я все равно неплатежеспособен, а мое бедное тело в качестве залога им не нужно. Ладно, буду выписываться – разберусь.

– Довольно глупостей, Ник! Так что вы узнали?

– Ну слава богу, я думал, вы не спросите. Значит, не бросите это дело, Алиса?

– Нет... конечно, нет...

– Не слышу энтузиазма в голосе. Не мне, человеку-обрубку, который останавливает взбесившиеся грузовики зубами, поднимать моральный дух красивейшей и самой любимой женщине в Америке.

– Вы, как всегда, правы, Ник.

– Тогда слушайте. Никто не видел, как произошел несчастный случай с Аланом Ву, и местная полиция закрыла дело. Он приехал в Блю-Хилл накануне гибели. Заходил в отель «Центральный», но не зарегистрировался, так что его плохо запомнили. Одним словом, ничего интересного. Я обзвонил все местные гостиницы и сделал потрясающее открытие. Угадайте, кто в тот же день ночевал в отеле «Гамильтон» в Солсбери, то есть в шести милях от Блю-Хилл?

– Ну же, не тяните...

– Оскар Арлингтон! Во всяком случае, это более чем вероятно. Я описал его управляющему – он прекрасно запомнил толстого коротышку с густыми бровями, растрепанного, в массивных очках. Оскар заселился поздно вечером 5 мая, то есть в вечер происшествия с Аланом. Разумеется, зарегистрировался под фальшивой фамилией – Сноу, но расписался в журнале регистрации крупным женским почерком с характерными кружочками вместо точек над «i». Словом, я абсолютно уверен, что это он. Нужно отправить управляющему его фотографию, а он пришлет копию страницы журнала регистрации. Покойный Арлингтон спалился. Но и это не доказательство.

– Боже, да чего же больше?

– Судья назовет это совпадением, но, по мне, их многовато. Есть что-нибудь новое про Ральфа?

– Нет...

– Не унывайте, Алиса, он скоро откликнется – я сделал ему убойную рекламу в газетах: «Ищу Ральфа Финна по прозвищу Дрочила», – и дал ваш номер телефона. Готов спорить, он скоро всплывет.

– Без вас я бы все бросила, Ник. Вы такой...

– Обойдемся без комплиментов, дорогая, лучше скажите, кто ваш любимый артист?

Не подведите, Алиса, я два дня обдумывал этот вопрос.

– Не понимаю....

– Что тут понимать, просто скажите. Шон Коннери? Кэри Грант? Ричард Бертон? Джеймс Мейсон?

– Понятия не имею... Зачем вы спрашиваете?

– Если уж представился случай получить новую внешность, выберу то, что вам нравится! Тем более что деньги у нас скоро появятся.

– Ник!

– Ладно, даю вам время подумать. Только не Энтони Куинн, умоляю! До завтра. Прощаюсь. Сказочное создание в образе ангела принесло мне пюре и соломинку.

Да уж, стокилограммовая тетка, затянутая в белый халат, похожа на ангела не больше, чем ты на Кэри Гранта.

Алиса повесила трубку. Она восхищалась силой духа Ника, и ей было стыдно за собственную слабость.

Утром она поехала в больницу навестить друга. Ник демонстрировал бодрость, подшучивал над ней, рассуждал о перспективах расследования, призывал ее не сдаваться.

Алиса поговорила с врачами. «Это чудо, – заявили они. – На то, чтобы снова научиться ходить, понадобится время. Шрамов на теле останется много. Но ни одна из травм не фатальна. Пациенту повезло – лицо почти не пострадало... Ну, если не считать челюсти. В больнице ему придется провести много месяцев. Скорость выздоровления и восстановления навыков зависит только от его силы воли. Возможно, он довольствуется инвалидным креслом, но если проявит терпение и мужество, то вернется к полноценной жизни».

Алиса чувствовала себя отвратительно. Она готова была сражаться, но сил у нее не было. Чтобы жить дальше и продолжать поиски, ей требовался Ник с его юмором и оптимизмом.

Она не стоит и кончика пальца своих мужчин. Лаки. Ник. Боже, как же хочется покоя.

38

Последний из четырех

23 ноября 1964

Индиана-авеню, 318, Вашингтон

Два дня спустя, под вечер, в четыре часа, телефон зазвонил во второй раз.

– Это мисс Алиса Куин?

– Да.

– Я Ральф Финн.

Дрочила!

От неожиданности Алиса задохнулась, велела себе успокоиться и говорить медленно, чтобы не допустить оплошность, ведь они с Ником не один месяц называли этого человека только обидным прозвищем.

– Ральф... – произнесла она, выдержав паузу. – Наконец-то! Мы так давно вас ищем.

– Знаю. Буду говорить без околичностей. Я позвонил с одной-единственной целью – потребовать, чтобы вы прекратили давать эти нелепые объявления! Неужели вы не понимаете, что бесчестите меня, через столько лет после войны?! У меня жена и дети, я делаю все, чтобы газета не попала им в руки, но вы обязаны уняться, мисс Куин! Вы действуете недостойным методом.

– Простите, мистер Финн, но вы не оставили нам выбора, не отреагировав на первые объявления.

– Ладно, у вас получилось, вот он я. Теперь усвойте: хватит! Я не желаю ничего слышать об истории с договором и не дам показаний против Оскара Арлингтона. Уясните это. Я не желаю видеть свое имя и фотографию на первых страницах газет: Ральф Финн, известный также под прозвищем Дрочила, обвиняет сына сенатора Арлингтон в неисполнении обязательств по договору.

– В суде незачем упоминать ваше прозвище военного времени.

– Ничего не выйдет. «Дрочила обвиняет» – шикарный заголовок, и вы не справитесь с журналистами. Если меня спросят, я отвечу, что ничего не знаю об этой истории.

– Ральф... Вы не можете... Вас было четверо, больше о контракте никто не знал. Трое мертвы! Восстановить справедливость под силу только вам.

– Вы очень точно описали ситуацию, мисс. Жив я один и умирать не хочу! Арлингтоны – могущественный клан, и я уверен: меня не тронули, потому что я затаился.

– Но Оскар Арлингтон мертв.

– Он – да, но не его семья! Мать, другие родственники. Не советую вам нападать на этих людей. Мы слишком ничтожны и слабы, они нас раздавят. Хотите судиться с Арлингтонами – пожалуйста, но без меня. Просите умереть за вас? По какому праву?

Алиса подумала о Нике на больничной койке, вспомнила безумный грузовик и взрыв в квартире. Ральф Финн прав, давать свидетельские показания опасно. С чего она вдруг решила, что может требовать от этого человека рисковать жизнью? А если она настоит, а он согласится и станет очередной жертвой, сумеет ли она простить себя? Но и отступить нельзя.

– Расскажите хотя бы мне, Ральф. Покажите договор, я должна знать, что точно произошло. Забудем о суде и показаниях против Арлингтонов, но согласитесь встретиться со мной.

– Нет, нет и нет! Я все забыл. Я ничего не знаю. Лаки никогда не просил меня быть свидетелем. Не было никакого договора! Вот вам правда. Довольны? Тогда идите к черту! Лаки мертв. Многие погибли в тот день, двадцать лет назад. Нужно забыть и жить дальше.

Лаки мертв. Как и многие другие.

К Алисе вернулась решимость.

– Нет, Ральф, это было бы слишком легко! Лаки выбрал вас – не знаю почему – из сотен солдат. Он вам доверился, и вы не можете взять и предать его. У вас было двадцать лет, чтобы отречься. Вы этого не сделали, так сдержите слово!

– Я вешаю трубку, мисс Куин...

– Наверное, вам было невесело каждый день слышать от товарищей по отряду обидное прозвище? Но Лаки выбрал вас, значит, он был вашим другом, он не издевался над вами. Я знаю, это не в его духе. Сколько их было на катере – тех, кто не кричал то и дело «Дрочила»? Помимо Лаки? Один? Двое? Вспомните, Ральф, Лаки был вашим другом! Он доверял вам. И вы не можете бросить его сейчас.

Алиса почувствовала смятение собеседника.

– Мне жаль, мисс Куин, – сказал Ральф, – очень жаль, что Лаки погиб, он был отличный парень. Но у меня жена, дети, и я дорожу жизнью. Прощайте, скоро дети вернутся из школы, они не должны ничего знать об этой истории.

Ральф Финн был слабаком и трусом, и Алиса поняла, что заставить его говорить можно, только напугав еще сильнее.

– Ну что же, Ральф, тогда мы продолжим. Я имею в виду объявления. В газетах. По радио. А потом и по телевизору. Дороговато выйдет, но на кону почти полтора миллиона. Я не отступлюсь. Ваши дети слушают радио, смотрят телевизор? Вы, конечно, можете сломать и то и другое, но заткнуть рот одноклассникам точно не сумеете. Они вряд ли читают газеты, но телевизор наверняка смотрят. Хотите, чтобы дочка пережила в школьном дворе то, что вам пришлось терпеть на корабле?

Она сделала паузу, давая Ральфу время представить будущее.

– Я не отстану, Ральф. Хотите защитить себя, так расскажите все полиции. Тогда Арлингтоны ничего не смогут вам сделать, и страх исчезнет.

Финн колебался. В трубке слышались детские голоса, хлопнула дверь.

– Ладно, вы победили. Довольны, что так легко подчиняете себе людей? Я встречусь с вами – один раз! – выложу все, что знаю, и вы поклянетесь оставить меня в покое.

– Где? Когда?

– В Вашингтоне. Скажем, в пятницу, во второй половине дня?

– Договорились. В пятницу, в три часа. Лафайетт-сквер, напротив Белого дома, там всегда полно копов, так что можете ничего не бояться.

– Довольно шутить, мисс, я этого не люблю. В кино главного свидетеля всегда убивают *до того*, как он успевает дать показания, иначе любой фильм заканчивался бы на час раньше.

– Это не кино, Ральф.

– Да уж, это гораздо хуже. Вы не были на войне, иначе знали бы: когда все кончено, нужно сделать одно – забыть.

– До пятницы, Ральф. Даю слово – объявлений больше не будет.

39

Он пройдет здесь

24 ноября 1964

Индиана-авеню, 318, Вашингтон

В третий – и последний – раз телефон зазвонил следующим утром, в 06:45. Алиса еще спала – накануне, как всегда, легла поздно.

Затуманенный мозг нашептывал: хороших новостей не жди... Не бери трубку...

Неужели произошел очередной загадочный *несчастный случай*?
Она почему-то сразу подумала про Ральфа.

– Алло, Алиса, это тетя Понни!

– Тетя Понни?

Что за Понни? Я не знаю никакой теть.

Она попробовала сконцентрироваться, прогнать остатки утреннего тумана, обволакивающего память, но ничего не вспомнила и промолчала.

– Тетя Понни, сестра Максима! Мужа Джейн! Сестры отца Лаки. Мы виделись на двадцатилетии их свадьбы, а потом на похоронах дяди Алекса. Вспомнила? Ты какая-то сонная!

Алиса пыталась соображать максимально быстро. *Так, отец Лаки, ясно... Его сестра Джейн, ее муж Максим... Они часто виделись в Личфилде... Понни? Да-да, у Максима была сестра, малость истеричная (особенно после нескольких глотков виски) и такая заводила-затейница, вечно затягивала жуткие песни, а все подхватывали. Тетя Понни? Возможно... Это было так давно. Но что ей нужно?*

– Понни! – воскликнула она натужно радостным голосом. – Вы невестка Джейн. Конечно, я вас помню. Как поживаете?

– Говори мне «ты», дорогая, наверное, я все-таки тебя разбудила. У нас в Личфилде время течет по-другому, понимаешь? А потом, я боялась тебя не застать. У нас все в деревне следили за процессом, все-все. Ты уж извини, что я не приехала тогда в Вашингтон, просто суд совпал с экскурсией ветеранов во Флориду. Ладно, не хочу тебя задерживать, дорогуша, тем более что я обещалась мисс Макинтайр – помнишь бывшую библиотекаршу? – бедняжка теряет разум, я сказала, что отвезу ее на овощной рынок, а там уже к девяти утра остается одна только увядшая дрянь.

– Так зачем ты все-таки звонишь, тетя Понни? – поинтересовалась Алиса.

– Ах да, прости-прости-прости, я такая болтушка, а ты наверняка занята! Это насчет твоего дела... Требуется подтверждение, но должно тебя заинтересовать. Прошлый понедельник я провела в Вашингтоне –

каждый год так делаю, раз или два. Знаю-знаю, ты скажешь, что *могла бы тебя навещать хоть иногда*, но я не решаюсь, зачем тебе чужая старуха...

Алиса начала закипать, но сдерживалась из последних сил. С многочисленной родней Лаки она всегда вела себя как робкий подросток, словно и теперь, через двадцать лет после его гибели, надо доказывать, что была ему идеальной подругой.

– Ну так вот, – продолжала тетя Понни, – я сделала все свои дела и пошла выпить чаю к миссис Уотерс. Помнишь ее? Нет, что я говорю, дура старая, они уехали из Личфилда до того, как ты появилась. Ладно, неважно, это наша бывшая соседка, теперь у нее чайный салон на Луизиана-авеню. Муж умер несколько лет назад. Миссис Уотерс – женщина с характером, супруга, по правде говоря, не слишком берегла, но в остальном... Она человек очень информированный, без этого в ее бизнесе никуда. Если бы миссис Уотерс нечего было рассказать, я бы не тратила время на визиты в ее чайный салон. Перехожу к сути. Угадай, что она рассказала мне о деле Арлингтонов?

– Ну откуда же мне знать.

– Поверь, сейчас ты окончательно проснешься, дорогая! Это насчет самоубийства молодого Арлингтона. С миссис Уотерс поделилась одна клиентка, которой вполне можно доверять. Ладно, не буду ходить вокруг да около, не то мисс Макинтайр решит, что со мной случилось несчастье, и позвонит в полицию. Так вот, Оскар Арлингтон оставил прощальное письмо, а матушка никому его не показала.

– И тебе известно, что в нем было?

– Слово в слово, дорогая! Сын сенаторши признался, что вся его жизнь состояла из лжи, и он решил положить этому конец, и что на нормандском пляже погибнуть должен был он, а погиб другой парень.

Алиса напряглась.

– Не обижайся, тетя Понни, но история похожа на домысел. Как кто-то мог узнать содержание письма? В тебе я не сомневаюсь, но ты сама сказала, что миссис Арлингтон никому письмо не показала.

– Миссис Уотерс рассказала горничная сенаторши, – обиженно ответила Понни. – Это она нашла самоубийцу – утром, в машине.

– Спасибо тебе огромное, тетя Понни, ты правильно сделала, что разбудила меня, – дело того стоило.

– Не за что, милая. Мы в деревне все тебя помним. Ладно, побежала... Увидимся на тридцатилетии свадьбы Бена и Голди.

– А... Конечно, до скорого свидания, – ответила Алиса, понятия не имевшая, кто такие эти Бен и Голди. – Еще раз спасибо!

Алиса закончила разговор в семь утра с минутами, ей не терпелось сообщить новости Нику – она поверила в невероятную историю тетушки, – но пришлось ждать до девяти.

Ник, как она и предполагала, воспринял рассказ всерьез.

– Подобные сплетни часто кажутся выдумками, а оказываются правдой. Наконец у нас появился новый след. Ах, если бы судья выдал ордер на обыск дома миссис Арлингтон. Она наверняка сохранила записку. Ни одна мать, даже самая худшая на свете, не сожжет и не выбросит прощальное послание сына. Даже Эмилия Арлингтон.

На следующий день Ник обратился к судье Каплану, который в этом деле проявлял крайнюю осторожность. Миссис Арлингтон была политиком с обширными связями, а он – рядовым судьей. Конечно, не начинающим, но и не достигшим потолка – во всяком случае, он на это надеялся. Каплан внимательно выслушал рассказ Ника о том, что в расследовании наметился новый поворот, а также о странных совпадениях.

Комментировать услышанное судья не стал. Каплан не был поборником справедливости, одним из тех рыцарей правосудия, которые нюхом чувствуют нечистоплотность коллег, не боятся призвать к ответу неприкасаемых, защищают слабых, но невиновных. Каплан хотел сделать карьеру, но умел терпеть и ждать. До сих пор в этом деле он руководствовался исключительно прагматизмом. С Эмилией Арлингтон судья был неизменно предупредителен, но сейчас ветер явно подул в другую сторону, а если еще и всплывет неоспоримое доказательство, ситуация развернется на сто восемьдесят градусов.

Каплан напряженно размышлял. Он мог по-прежнему изображать сверхосторожного юриста, рискуя прослыть робким, даже трусливым, чинящим помехи Фемиде. А в худшем случае – продажным. Но не исключено, что ему выпал уникальный шанс – заработать имя на резонансном деле. Выступить против сенатора США очень рискованно. Материальной выгоды никакой, но при удачном исходе журналисты споют осанну его неподкупности и честности, объявят оплотом

справедливости, поборником истины, ради которой он готов пожертвовать даже карьерой.

Звучит красиво.

Если появятся *убойные* свидетельства, никто не встанет на защиту миссис Арлингтон. А что будет в противном случае – если он ввяжется, а этот частный детектив ничего не найдет? Ну отберут у него дело, а потом повьесят, предложив переехать в другой штат.

Правосудие в нашей стране, думал Каплан, функционирует благодаря честолобию судей, а не их честности. Никакое место под солнцем, ни один чемодан долларов не перевесят пяти колонок на первых полосах газет с упоминанием имени. А уж о телевидении, способном сделать человека национальным героем, и говорить нечего.

И судья Каплан дал добро на обыск в доме Эмилии Арлингтон. Наутро полицейские застали сенаторшу полностью одетой и накрашенной, она пила кофе и читала газету. Обыск не занял и десяти минут: хозяйка дома явно ничего не опасалась и хранила прощальное послание сына в ящике прикроватной тумбочки.

Когда полиция удалилась, миссис Арлингтон посмотрела на Марию, и та поняла, что ее работа у сенаторши окончена и им с мужем надо срочно перебираться как можно дальше от Вашингтона.

40

Лафайетт-сквер

28 ноября 1964

Лафайетт-сквер, Вашингтон

Вторая половина того дня выдалась бы на редкость приятной, если бы не ветер, залетевший повеселиться на улицах Вашингтона. Громко хлопали звездно-полосатые флаги. Листья, окурки, бутылки из-под кока-колы, объедки и прочий мусор летели, катились и прыгали, заставляя прохожих уворачиваться. Стоявшие на посту у Белого дома гвардейцы больше не напоминали неподвижные восковые фигуры, они то и дело хватались за головные уборы – не дай бог улетят, вот будет позору. Туристы смеялись и фотографировали их.

Кое-как укрыться от непогоды удавалось только под деревьями Лафайетт-сквера. В парке обреталась разная публика. Преобладали чиновники из администрации президента – тут они обычно устраивали короткую передышку на ланч и бежали дальше по делам, а рядом, если не на тех же скамейках, сидели и лежали бедолаги всех мастей, бездомные, безработные, потерявшие семьи, в основном чернокожие. Никто ни к кому не цеплялся.

Лавочки, деревья и вид на Белый дом принадлежали всем.

Белые воротнички держали в руках газеты, но, просмотрев результаты матчей, отправляли солидные издания в урну или оставляли на лавочке, на радость какому-нибудь нищему. Иногда подобравший газету сначала проглядывал страницы, но чаще сразу заворачивал в нее бутылку. Алкоголизм – в отличие от бедности – порок, так что если хочешь выпить в общественном месте, замаскируй свой дешевый виски.

Алиса уже десять минут сидела на скамейке. За ней из густой кроны большого дерева с любопытством наблюдала белка. Алиса смотрела в другую сторону, на угадывавшийся вдалеке Белый дом.

Какой же он жалкий! Возможно, во времена архитектора Пьера Ланфана здание было видно отовсюду и впечатляло, но сегодня место, где решаются судьбы планеты, средоточие тайн и интриг, место, о котором грезит мир, терялось среди высоких построек. Казначейство, Декейтер-Хаус – Национальный центр истории Белого дома, министерство торговли и Художественная галерея Коркорана – все они выглядели куда внушительнее. Рядом с ними Белый дом казался крошечным – как измученная жизнью старушка в толпе молодых и здоровых горожан. Реши снайпер подстрелить главу государства, к его услугам были десятки превосходных позиций. Белый дом защищали лишь низкая золоченая ограда и несколько марионеток в военной форме. Да уж, это не Версаль, не пекинский Запретный город, не Кремль...

Не исключено, что Белый дом сделали таким намеренно, думала Алиса. Олицетворение американской мечты. Символ страны, где нет ничего невозможного, где даже самые могущественные граждане не являются неприкасаемыми. Даже сенаторы. Даже Эмилия Арлингтон.

Внезапно раздался хлопок. Любопытная белка мигом скрылась в листве. Алиса обернулась, и сердце у нее забило быстрее. Вдоль ограды парка пронесся мотоцикл, оставляя за собой шлейф черного дыма. Через мгновение его рев слился с шумом уличного движения.

Алиса испугалась – неужели что-то случилось с Ральфом Финном? Стрелка на часах приближалась к трем. А за себя не боишься? – подумала она. Охота открыта на тебя. Все несчастные случаи подстроены. Убийцей может быть любой из посетителей парка. Например, вон тот пьянчужка, или тип, что прячется за газетой, или громогласный турист за спиной... Бред! Хватит паниковать, что будет, то и будет. Нет, за себя ей не страшно. 15:03. Пора бы Ральфу появиться.

Вопль сирены снова заставил Алису вздрогнуть. Вверх по 17-й улице, лавируя из ряда в ряд, выскакивая на встречную полосу, не тормозя перед светофорами, мчалась белая полицейская машина. На улицах американской столицы к такому ралли привыкли. Если раньше режиссеры телесериалов для достоверности копировали методы сотрудников ФБР, то теперь полиция подражала героям фильмов. Каждый патрульный вел себя так, словно за спиной у него оператор. Полицейский автомобиль просто не способен ехать, не нарушая тишины и не превышая скорости. В Америке шум вообще никого не выводит из себя, больше того, придает повседневности остроту.

Алиса никак не могла к этому привыкнуть и невольно связала полицейскую машину со своим делом.

Она ошибалась. Взвизгнув покрышками, автомобиль круто повернул налево и полетел по Пенсильвания-авеню, к Фаррагут-Норт.

41

Кратчайший путь в рай

28 ноября 1964

Фаррагут-Норт, 1351, Вашингтон

Полицейская машина резко затормозила перед салоном Теда Силвы, въехав на тротуар.

Парикмахер увидел копов через стекло витрины. За долгую карьеру наемного убийцы он научился не паниковать раньше времени.

Мало ли зачем явились легавые? Возможно, ошиблись адресом. Как удачно, что в салоне сейчас всего одна клиентка – легальная! До сегодняшнего дня ни один коп не переступал порога заведения Силвы. Насчет Терезы он не волновался, она слишком глупа и ничего не поймет.

Крепко сбитый полицейский (наверняка из тех, кто беспрерывно жует жвачку, подумал Тед, но проверить не успел) толкнул хозяина салона в грудь, предъявил ордер, и началось... Они вспарывали сиденья кожаных кресел, купленных всего два года назад, опрокидывали мусорные корзины, выливали шампуни в раковину – «Сандрелли» по 50 долларов за флакон! – разрезали ковровое покрытие (плевать, все равно его пора менять), обезглавили все манекены.

Тед начал прозревать и от этого, как ни странно, слегка успокоился.

На пол полетела пластмассовая голова креолки с густыми черными завитыми волосами, вокруг рассыпался белый порошок.

Кто-то меня сдал, подумал Тед. Франческо? Только он в курсе. Так мне и надо! Следовало послать его куда подальше.

Парикмахер впервые поддался на уговоры кузена. «Всего на два дня, – обещал этот придурок. – Твой салон – идеальное укрытие! Лучше подземелий Ватикана и сортиров ООН». Тед согласился не из-за жалких пятисот долларов. Просто решил оказать услугу родственнику. Кроме того, Франческо мог решить, что он прячет в салоне что-то другое. Теперь Тед Силва спалился из-за дури, спрятанной в башке негритянки. Какая ирония.

Судьи сейчас лютуют, так что упекут его надолго. Копы будут запугивать на допросах, может, даже немного помнут, радуясь, что взяли мелкого дилера, но они никогда не узнают, что к ним в руки попал ключ ко множеству загадок, над которыми бьются их коллеги из убойного отдела. Члены ассоциации *Ex-voto* были фантомами, между ними и Тедом не существовало никакой связи. Значит, за исключением наркотиков, он чист как первый снег.

Но его ждет тюрьма.

Силва подумал о Елене. Жена, конечно, будет рыдать, сочтет себя опозоренной, но на свидание явится и станет проклинать Франческо, жаловаться, что на детях теперь клеймо, а потом примется успокаивать: «Они в порядке, они любят тебя, несмотря ни на что, но как ты мог?!»

Ах, Елена, если бы ты только знала.

Полицейские закончили обыск, тщательно собрали героин в пластиковый пакет вместе с обрезками волос. Тед велел рыдающей Терезе успокоиться и вручил ей ключи от салона. На сердце у него было тяжело. Парикмахерской конец! Пока ему надевали наручники и сажали в машину, он размышлял о своей карьере – настоящей карьере. С ней теперь тоже покончено. Досрочная отставка. На свободу он выйдет уже через несколько лет, но его бизнес держится на безупречной репутации. На чистом полицейском досье. Никто не доверит даже самый пустяковый контракт опростоволосившемуся убийце – во всяком случае, ни один человек из прежней клиентуры. Да он бы и сам не взялся – по соображениям профессиональной этики. Так что финита. Карьера исполнителя желаний и молитв завершается печально по вине болтливому кузена, безмозглого тупицы, и ложно понятого чувства долга перед семьей.

Возможно, так даже лучше. Он остановился, не успев взять еще один – лишней – контракт. Бывает, гонщик уходит из спорта, получив небольшую травму и проклиная невезение, хотя не исключено, что избежал неминуемой гибели. Тем хуже для мамыши Арлингтон. И тем лучше для малышки Куин.

Полицейская машина с воем пронеслась по 17-й улице в обратную сторону, оставив позади Белый дом.

Тед Силва надеялся провести в камере лет пять. Надо наконец написать мемуары – в тишине, без внуков, требующих, чтобы дедуля поиграл с ними в футбол, без жены, то и дело спрашивающей, что приготовить на обед и ужин, заглядывающей в рукопись через плечо. В покое тюремной камеры можно будет сосредоточиться.

«Кратчайший путь в рай» – так он назовет свою книгу. А в качестве предисловия подойдет что-то вроде «Трудно быть чудотворцем». И начнет, пожалуй, так: «В то время я выполнял просьбы влиятельных людей. Творил чудеса для сильных мира сего, не способных самостоятельно осуществить задуманное».

Впервые за долгое время Тед Силва чувствовал себя счастливым, у него было легко на сердце.

Посвящение? *Кретину Франческо, чья болтливость меня освободила...*

Направление ветра

28 ноября 1964

Лафайетт-сквер, Вашингтон

– Алиса Куин?

Она обернулась:

– Да?

Перед ней стоял высокий мужчина с очень бледным лицом.

– Ральф Финн. Прошу прощения за опоздание.

– Все нормально, спасибо, что пришли. Садитесь, прошу вас.

Алиса отложила газету и подвинулась, давая ему место рядом с собой.

– Благодарю, мисс Куин, – пробормотал Ральф. – Я вам признателен за то, что объявлений больше не было. Объясните, чего вы от меня хотите.

Ральф держался очень прямо, но Алису его осанка не обманула: Финн был напуган.

– Мне нужны письменные показания. И ваш экземпляр договора.

– Ладно. Я в вашей власти...

– Вам наверняка известно, что с Эмилией Арлингтон покончено. Судья Каплан теперь на нашей стороне, у нее в доме провели обыск и нашли предсмертное признание Оскара Арлингтона.

Ральф выдохнул.

– Имея ваше свидетельство, – продолжила Алиса, – и договор...

– Насчет свидетельства... это нужно обсудить. А на договор не рассчитывайте.

– То есть как?! У вас ведь есть экземпляр?

– Он у меня *был*. По телефону вы назвали меня клятвопреступником, сказали, что я не заслужил доверия Лаки. Но я пытался исполнить свой долг перед ним! В сорок четвертом я приехал в Вашингтон, чтобы все рассказать, – у меня был ваш адрес. Консьержка дома в Рок-Крик может подтвердить. Она сказала, что от вас нет известий. Давно.

Алиса на секунду задумалась, потом спросила:

– И что вы сделали потом, Ральф?

– Ничего! Вы исчезли. Война закончилась. Я жил в пятистах милях от Вашингтона. Я не радовался, что Арлингтон вышел сухим из воды, но что еще я мог?

– А как же родители Лаки? Они остались в Личфилде.

– У меня не было адреса.

– Но Лаки вписал фамилии отца и матери в один из пунктов договора.

– Все верно, вы хорошо осведомлены. Вот только договор был уничтожен. В один из двух джипов с вещами Девятого отряда попал снаряд, тогда же, у Шато-ле-Дьябль.

– Вы не держали документ при себе?

– О чем вы! Мы должны были высаживаться прямо в воду. Естественно, договор остался в вещмешке, но ваш адрес я запомнил, а вот адрес родителей Лаки... И почему я перед вами оправдываюсь? Я сдержал слово, вот только вы исчезли. Моя жизнь продолжалась, и я решил забыть прошлое.

Алиса растерялась. Спокойно! – приказала она себе. Показаний Финна будет достаточно – даже без договора.

– Почему вы не отвечали на наши объявления, Ральф? Дело в прозвище?

– Да... Наверное... Ну, честно говоря, нет... Дело в другом. Полгода назад я увидел Алана Ву.

– На снимке в газете?

– Нет, по телевизору. В передаче «Ищем свидетелей». Среди десятка неопознанных погибших было и его фото. Ведущий сказал, что этого человека сбила машина. Двадцать лет прошло, но я узнал Алана. И понял, что правильно поступил, не откликнувшись. Лучше прикинуться покойником, чем стать им. Понимаете?

– Вы готовы дать показания, Ральф?

– Разве у меня есть выбор?

– Нет. Ваша фамилия в списке, который лежит на столе судьи Каплана. А он настроен крайне решительно.

– Bravo, мисс Куин. Вы загнали меня в ловушку, но и в кабинете этого сурового Каплана, и в зале суда я расскажу только то, что захочу. Я последний свидетель, а Эмилии Арлингтон точно не понравится, если я раскрою правду.

– Дадите показания против сенаторши – окажетесь в лагере победителей. Течение, по которому вы плыли, уже переменяло направление, Ральф.

– Вам легко ворошить прошлое двадцать лет спустя. Терять нечего, а на кону полтора миллиона.

Не отвечай, Алиса, не спугни его.

– Я прошу об одном, Ральф: скажите правду.

– Вы еще хуже Арлингтонов. Пообещайте называть меня в суде Ральфом Финном. Только и исключительно Ральфом. Это мое условие.

– Обещаю.

Ральф все еще сомневался.

– Можем подписать договор, боюсь только, вы и его потеряете.

Алиса сразу пожалела о сказанном, но Ральф должен чувствовать ее решимость, знать, что она беспощадна – почище миссис Арлингтон.

– Вы жестокая женщина, мисс Куин. Но я сделаю, как вы просите, я любил Лаки.

– Я тоже.

43

Справедливость

13 января 1965

Суд округа Фогги-Боттом, Вашингтон

– Вы не представляете, ваша честь, на что в бою способен человек, – говорил Ральф Финн. – Если бы до войны или даже сразу после меня попросили залезть на что-нибудь выше двух метров, я бы не смог, я с детства боюсь высоты. А в Нормандии мы, насквозь промокшие и замерзшие, штурмовали огромную скалу под пулеметным огнем – и не чувствовали страха! Когда Лаки подорвал бетонную стену и уцелел под обстрелом, у всех нас будто крылья выросли. Мы рвались вперед без единой мысли в голове, и ничто не могло нас остановить.

Этот парень – отличный свидетель, думал адвокат Легри. Явно трусит, но справляется. Во втором акте нашего представления – главная звезда.

На заседание не вызвали уже опрошенных свидетелей, Финн солировал, воссоздавая контекст (тот самый пресловутый контекст,

который нередко влияет на ход процесса), и делал это с блеском. Легри почти восхищался им, хотя миссис Арлингтон оказалась в трудном положении.

Адвокат слушал внимательно, найдя чем занять свои беспокойные руки. Он подцепил за кончик нитку из сиденья стула и накручивал ее на указательный палец так туго, чтобы остался красный след, затем осторожно вытягивал следующие пять сантиметров и мотал дальше. Легри чувствовал сладкую боль и... облегчение. Дело дурно пахнет, а он купился как новичок. Коротышка Каплан вовремя переметнулся и взял самоотвод, но адвокат так поступить не может. Легри выиграл двадцать четыре процесса, семнадцать раз добился прекращения дела. Он всегда тщательно выбирал клиентов – и вот промахнулся, его ждет фиаско. Робин терпеть не мог уголовные дела, предпочитая им финансовые махинации, на худой конец – любовные разборки, адюльтеры... Но убийства не его конек. Кроме того, клиентка с самого начала врала ему, а ложь он ненавидел сильнее всего на свете.

Адвокат чуть сильнее дернул нитку, но сдержался из страха порвать ее, а свидетель все говорил и говорил.

Разве может адвокат нормально работать, если клиентка ему не доверят? Он знает, что такое профессиональная честь, он умеет молчать не хуже священника, которому исповедался преступник. И о чем только думала эта старая ведьма?

Ральф Финн закончил рассказ о войне, канонада стихла, рейнджеры возвращались домой. Скоро настанет черед адвоката ответчицы. Ральф свою задачу выполнил. Он, последний живой свидетель, подтвердил, что договор существовал, что Лаки и Оскар поменялись номерами, что Алиса Куин должна была получить полтора миллиона долларов. Ладно, за работу! Спасай то, что еще можно спасти.

Робин Легри встал, без малейших сожалений оборвав нитку.

– Мистер Финн, – начал он, – вы, безусловно, отдаете себе отчет в том, что являетесь единственным непосредственным свидетелем событий военной поры.

– Безусловно.

– Досадно, что нам снова, как и в прошлый раз, не предъявили никакого материального доказательства, одни только воспоминания.

– Я объяснил, что договор сгорел в джипе...

– После воистину чудодейственного взрыва!

Сидящие в зале рейнджеры зароптали: один из их товарищей погиб за рулем той машины.

Судье пришлось стукнуть молотком: тишина!

Глупо, подумал Легри. Слово «чудодейственный» подействовало на них как красная тряпка на быка, но мне трудно работать в подобных обстоятельствах. Сенаторша уперлась и не желает признать себя виновной.

– Получается, – спокойным тоном продолжил адвокат, – что единственное доказательство услышанной нами версии – ваша честность.

– Так и есть.

– Вы были близкими друзьями с Лаки Мэрри?

– Ну, близкими – это громко сказано, но мы дружили.

– Вы друг Лаки и единственный живой свидетель заключения пресловутого договора. Вам не пришло в голову, что мисс Куин могла бы выплатить вам вознаграждение из причитающихся ей полутора миллионов долларов? Ведь именно это она и предложила в обмен на показания?

Чем черт не шутит. Почему бы не попробовать грубую игру? В конце концов, в подобном улаживании проблемы нет ничего особенного. Ральф – трус, если надавить на него посильнее на публике, может дать слабину.

– Я... – Ральф аж заикаться начал от возмущения. – Я никогда ничего подобного не просил... – Ошарашенное выражение его лица свидетельствовало о полной искренности.

Жаль! – подумал Легри. Могло получиться.

Поднялся адвокат истца.

– Мой коллега безосновательно обвиняет свидетеля в продажности, это недопустимо!

Судья Картерон кивнул, соглашаясь.

Робин Легри улыбнулся и сел.

Слово взял судья:

– Документы, предоставленные нам лейтенантом Дином из Девятого отряда рейнджеров, более чем ясны: два джипа везли личные вещи солдат, и шестого июня немецкий снаряд попал в одну из машин на побережье у Шато-ле-Дьябль. – Картерон пошелестел бумагами и

продолжил: – В распоряжении суда имеется и предсмертная записка Оскара Арлингтона: «Я трус. Мой ровесник погиб вместо меня на пляже в Нормандии. Я впервые в жизни решил проявить мужество, покончить с этой лживой жизнью». Эксперты подтвердили подлинность почерка и подписи Оскара. Адвокат Легри не нашел ни одного специалиста, который утверждал бы обратное. Записка настоящая.

Робин оглянулся на зал, пытаясь выдернуть из обивки еще одну нитку. Все эти люди пришли посмотреть матч-реванш, но вели себя весьма сдержанно.

Судья Картерон перешел к событиям в Блю-Хилл, к несчастному случаю с Аланом Ву.

Добро пожаловать в самую грязь, подумал Легри. Будь внимателен, Робин, попробуй ухватить полезную деталь.

Управляющий отелем, прямой сухопарый тип, давал показания очень уверенно. Он заявил, что Оливер Сноу, ночевавший в его заведении 6 мая 1964-го, – это Оскар Арлингтон. Эксперты проанализировали почерк в регистрационном журнале отеля «Гамильтон» и уверенно опознали подпись покойного сына сенаторши. Все доказательства били прямо в цель, и Робин думал уже не о деле, а о нитке, которая никак не желала вытягиваться из обивки, – вот же гадина! Адвокат снова оглянулся, надеясь увидеть приятное лицо. И увидел. Лицо Алисы Куин. Держалась она с достоинством, а уж красива была до невозможности. И почему он представляет интересы старой дуры Арлингтон, а не этой блондинки-мечты?! Уж тогда бы он точно выиграл двадцать пятый процесс подряд. Приглядевшись повнимательней, адвокат понял, что за маской невозмутимости женщина скрывает печаль. Но ведь она победила, это очевидно уже сейчас. Возможно, красавица думает, что окончание процесса лишит ее последнего смысла существования, навсегда закрыв дверь в прошлое. Ладно, это не его проблема. Легри попытался выстроить аргументы, но мысли разбегались, он никак не мог сосредоточиться.

Судья продолжал перечислять факты. За все время, что он говорил, Эмилия Арлингтон ни разу даже не моргнула.

Адвокат Алисы Куин учился вместе с Ником на юридическом. Блестящий профессионал, Джонс согласился работать бесплатно, в память о «старых добрых временах» и ради прекрасных глаз истицы. Когда ему дали слово, он упирал на договор, на полтора миллиона долларов, утверждал, что Алана Ву сбили намеренно, и сделал это Оскар Арлингтон. В конце своей речи он намекнул на подозрительный характер цепочки несчастных случаев с Алисой Куин и Ником Хорнеттом, но, конечно же, не стал возлагать ответственность на покойного сына сенаторши.

Снова настал черед Робина Легри вступить в игру. Ради спасения того, что можно было спасти, он решил забыть о деньгах и попытаться дезавуировать обвинения в убийствах. *Недоказанных* убийствах.

– Оскар ушел из жизни, – начал он. – По своей воле. Оставил формальное объяснение: старый военный долг. Но нам дано узнать только чужую версию этой истории, взгляд на нее других людей. Солдат, которые завидовали его богатству и происхождению, которые не понимали, что он – *другой*. Проще сказать, они его не любили. А это ведь все равно что предоставить в суде слово адвокату только одной стороны. Мы никогда не узнаем, насколько правдива эта история, не исказило ли ее коллективное бессознательное. А также время. Останется неведомым, не пал ли Оскар жертвой интриг или травли, а может, и шантажа...

В зале засвистели.

– Да-да, я настаиваю: Оскар находился во враждебном окружении. И лучший тому пример – Ральф Финн, единственный свидетель обвинения. Скажите, Ральф, вы были одним из тех, кого очаровал Лаки? Его адъютантом и другом? Но вы также были парнем, уставшим от войны, злым на весь мир, так, мистер Финн? Или мне называть вас Дрочилой?

В зале снова зароптали. Ветераны Девятого отряда сочли поведение законника подлым, забыв, что прозвище когда-то придумали именно они.

Робин постарался не встречаться взглядом с Ральфом Финном и Алисой Куин. Он умел быть жестоким, если этого требовало дело, но садизм не доставлял ему удовольствия.

– Оскар находился во враждебном окружении, – повторил он, – настолько враждебном, что когда старая история выплыла на свет, Оскар предпочел покончить с собой.

Публика снова загомонила. Это уж слишком – теперь ветеранов хотят обвинить в подстрекательстве к самоубийству! Судья внушительно откашлялся. И остался доволен произведенным эффектом. А Робин Легри продолжал:

– Мы говорим о войне. Кто вправе не то что судить – даже пытаться понять солдат? Но чьи воспоминания могут претендовать на объективность двадцать лет спустя? Я знаю одно – сейчас творится несправедливость. Оскар Арлингтон наказал себя сам, но шакалы не успокоились.

В зале уже кричали.

– Так не упустим же шанс, повесим на него все преступления. Лихач сбил Алана Ву? Это был Оскар! Из могилы он не подаст голос в свою защиту. Грузовик наехал на детектива три месяца спустя после смерти Оскара? Кто, как не он, восстал из небытия и снял машину с ручника посреди улицы? Может, и президента Кеннеди убил тоже Оскар Арлингтон?

Судья отчаянно стучал молотком, призывая публику успокоиться.

– Нет никаких улик, указывающих на Оскара Арлингтона как на убийцу. Ничто не доказывает, что шестого мая шестьдесят четвертого года они с Аланом Ву встретились. Следующую ночь Оскар провел за шесть миль от бывшего однополчанина. Как тысячи других людей. Тысячи людей, севших наутро за руль и выехавших под дождь... И даже если Оскар Арлингтон виделся с Аланом Ву в Блю-Хилл и говорил с ним, потом они могли мирно расстаться. И Оскар вернулся в отель...

– ...где зарегистрировался под чужим именем! – выкрикнул кто-то из зала.

Судья яростно грохнул молотком.

– Итак, Оскар вернулся к себе в отель, – невозмутимо продолжил Легри, – и той же ночью Алана на опасном участке дороги, в непогоду, сбил какой-то негодяй. В нашей стране ежегодно случаются тысячи подобных происшествий. В среднем одно каждые три минуты. Пока я говорил, погибли пять пешеходов как минимум. Кто виноват? Оскар Арлингтон?

Председатель строго посмотрел на главных бузотеров – Барри Монро с приятелями, – призывая их умолкнуть. Легри благодарно кивнул.

– Вот что я вам скажу, и эти слова идут от сердца: судите Оскара Арлингтона – если хотите – за обещание, данное в условиях, которые нам, к счастью, не дано познать. Но не обвиняйте в убийстве человека, неспособного себя защитить. Не обвиняйте, основываясь лишь на совпадениях и собственном отношении к покойному. Благодарю за внимание, дамы и господа, я закончил.

Судья Картерон позволил публике выпустить пар, вволю покричать, затем решительно потребовал тишины.

Значит, я был хорош, подумал Легри. И плевать на эту деревенщину. Да, я проиграю процесс, но никто не посмеет сказать, что старина Робин сдался без борьбы!

Ожидание длилось нестерпимо долго. Главные действующие лица, Эмилия Арлингтон и Алиса Куин, сохраняли невозмутимость, являя собой разительный контраст со всеми остальными участниками действия, которые нервничали так, словно от вердикта зависела их жизнь.

Наконец судья вернулся в зал и монотонно зачитал решение. Суд постановил, что Оскар Арлингтон перед высадкой в Нормандии действительно пообещал выплатить Лаки Мэрри, либо его жене, либо родителям 1 миллион 440 тысяч долларов – если Лаки Мэрри поменяется с ним номерами смертельной жеребьевки. А посему семья Арлингтон обязана выплатить Алисе Куин эту сумму с процентами и с учетом инфляции за двадцать лет. Относительно разжалования Оскара Арлингтона и лишения его всех наград решать будет военный трибунал. В убийстве и покушении на убийство Оскар Арлингтон невиновен.

Не так уж и плохо, решил Робин Легри.

Публика взорвалась.

Одни кинулись к Алисе, другие окружили родителей Лаки, а самые хитрые поспешили покинуть зал суда, рассчитывая на интерес прессы.

Полтора миллиона! С процентами! Да это же прямо джекпот!

Во взгляде Алисы читались облегчение и радость.

Возможно, то была вовсе не печаль, а тревога за исход дела, подумал Робин Легри. Она выиграла и успокоилась. В отличие от

миссис Арлингтон. Враждебный настрой зала я выдержал, но теперь мне предстоит схватка со злобным бульдогом.

44

Версия миссис Арлингтон

13 января 1965

Суд округа Фогги-Боттом, Вашингтон

Зал постепенно опустел, и Робин Легри подошел к своей клиентке.

– Вы скверно поработали, Грей! – сухо сказала миссис Арлингтон. – Очень скверно!

Как старая карга узнала, что его настоящая фамилия Грей, а не Легри? Адвокат пришел в раздражение. Разве недостаточно, что она никогда не называет его мэтром?

– Что именно вам не понравилось? – спросил он с профессиональной сдержанностью.

– Вы мне не поверили. Сочли, что я лгу, ваша заключительная речь прозвучала неискренне. Вы были неубедительны!

– Но, миссис Арлингтон...

Адвокат держал руку в кармане, терзая пальцами бумажный шарик, еще полчаса назад бывший страничкой из блокнота с черновиком заключительной речи.

– Мы ведь договорились отрицать вину. По всем пунктам!

– Я так и поступил...

– Нет! Вы сознательно пожертвовали солдатской честью моего сына, чтобы его не обвинили в убийстве.

– И был не прав? Эту самую честь трудно было...

– Довольно, Грей!

– Но все...

– Я хорошо вам плачу и не жду, чтобы вы присоединились к мнению большинства! Да прекратите же наконец шерудить в кармане! Нервничаете? Так закурите, ведите себя по-мужски!

Робин Легри имел немалый опыт словесных схваток и гордился своей выдержкой, но стержовная клиентка подвергла его нервную систему суровому испытанию.

– Я впервые за семь лет проиграл дело, – спокойно произнес адвокат, продолжив терзать бумажный шарик. – Скажи вы мне сразу всю правду...

– Правду, Грей? Надеюсь, вы достаточно умны, чтобы все понимать без слов! Надеюсь, вы поняли, что я никогда прилюдно не признаю, что один из Арлингтонов мог струсить во время боя. Струсить и купить себе жизнь ценой чужой жизни! Да пусть все факты доказывают обратное, я буду отрицать. Это вопрос чести. Умирая, мой супруг Джонатан завещал мне фамилию Арлингтон. Моя единственная миссия – сохранить ее незапятнанной! Я завтра же соберу всех генералов, которые двадцать лет заходят ко мне промочить горло, и объясню, что не в их интересах лишать моего сына даже самой простенькой из наград. Вот вам правда, мэтр Грей! Ее вы должны были отстаивать в суде. Нетрудно было понять такому прожженному законнику, как вы, а? Эта маленькая гадина, Алиса Куин, сразу все просекла, она...

– Но ваше дело *нельзя* было выиграть, миссис Арлингтон, признайте это! Разве что подкупить всех. Факты – упрямая вещь.

– Факты? – Эмилия Арлингтон почувствовала – редчайший случай! – что вот-вот утратит контроль над собой. – Говорите, факты, Грей?

Она надолго задумалась, принимая мучительное для себя решение. Они все еще стояли в зале заседаний, никто не попросил их уйти, судебный пристав не решился беспокоить столь важную персону. Сенатор села, жестом пригласив Легри занять соседнее кресло.

– Хотите, чтобы я исповедалась вам, как священнику?

Грей кивнул.

– Ладно... Вы узнаете правду. Но предупреждаю – если вы хоть кому-нибудь проговоритесь...

Адвокат принял угрозу всерьез, но передернул плечами.

– До сегодняшнего дня в этой истории с долгом все были уверены, что мой сын Оскар ничего не заплатил Алисе Куин. В этом суть, не так ли? Но с чего мы взяли, что это правда?

– Ну как же... – Адвокат ни разу не задумывался об этом. – Алиса Куин заявила, что договор не был выполнен.

Легри понимал, что слова миссис Арлингтон не лишены смысла.

– Вот именно, Алиса заявила! – воскликнула сенаторша. – Есть только ее слово. Но если допустить, что Оскар отдал свой долг еще в сорок пятом, что он заплатил маленькой мерзавке, то получится, что она хочет получить деньги второй раз. Удвоить ставку в полтора миллиона долларов!

– Гипотетически такое возможно, но...

– Мэтр Грей! Слушайте внимательно. Вы первый человек, которому я решила открыть истинное положение дел. В сорок пятом году мой сын снял со своего личного счета миллион четыреста сорок тысяч долларов наличными. Помешать ему я не могла, хотя счета контролировала. Миллион четыреста сорок тысяч! Он отказался объяснить, на что пошли деньги. Наплел бредовую историю о дорогушем коллекционном авто, я проверила и убедилась, что сын меня обманул. А между тем среди военных ходили слухи, что Оскар во время войны повел себя как трус. Но он вернулся домой и погасил свой долг этой девке Куин, что черным по белому записано в семейных финансовых документах. Можете проверить...

Черт побери! – подумал Легри. С чего бы ей заявлять подобное, если это вранье? Что она выигрывает? Ничего.

Он обвел взглядом зал. Адвокат пожалел, что потребовал от клиентки признания и в результате оказался единственным человеком, посвященным в тайны семейства Арлингтон.

– Почему вы молчали? Почему не открылись хотя бы судье?

– Признать, что Оскар расплатился, значило бы признать существование подобного долга. И обесчестить семью. Я всегда это отрицала и буду отрицать, даже если мне предъявят формальные доказательства! Я ни за что не признаюсь – публично! – что один из Арлингтонов мог выкупить свою жизнь за деньги, тем более во время войны. Оскар был единственным наследником, продолжателем рода. Моим сыном! Не уверена, что вы сумеете понять, Грей.

С чего бы? – удивился адвокат. Из-за того что я поменял фамилию, стыдясь своей настоящей?

– Итак, вы утверждаете, что Алиса Куин озолотилась сразу после войны. Это кажется...

– Прокрутите в голове всю историю, Грей, изменив одну крошечную деталь: мой сын заплатил Алисе Куин. Дела это не осложняет, напротив – многие вещи становятся кристально ясными.

Сразу после войны Алиса на много лет уезжает в Австралию. Любопытно, верно? Чем был вызван внезапный отъезд? Зачем бежать от родителей Лаки и друзей в горестный момент? Возможно, она скрывалась. Полтора миллиона долларов – вот конкретная причина поспешного бегства. В одиночестве легче и приятнее тратить деньги. Исчезнуть на другом континенте и спокойно зажить другой жизнью. Кстати, ничто не доказывает – кроме ее утверждений, – что все это время она была в Австралии. Возможно, швырялась деньгами в Америке!

Страх постепенно уступал место азартному интересу, и адвокат спросил:

– Что, по-вашему, было дальше?

– Она вернулась через пятнадцать лет – очевидно, все потратила. Как – загадка. Впрочем, особы типа мисс Куин вполне способны промотать такую кучу денег. Итак, приехав, она понимает, что никто в семье Лаки ничего не знает о договоре. Два свидетеля не объявились. Умерли или исчезли. Так почему бы не пошантажировать семью Арлингтон? Тех, кто готов на все, чтобы уберечь свою честь и не позволить позорной истории выйти наружу двадцать лет спустя. Алисе Куин даже необязательно представлять дело как шантаж. Все намного проще. Достаточно прикинуться простодушной, заявить, что она никогда ничего не получала, и потребовать свое. Она дает себя уговорить поехать во Францию, встретиться там с рейнджерами, «случайно» раскрывает свою личность, и ей тут же выкладывают историю об обмене номерами. Остается разыграть удивление невинной жертвы. Каждый немедленно становится на сторону обманутой вдовы против вероломных Арлингтонов. Безупречный план! Змея умеет пользоваться своим обаянием, и ей идет роль безутешной вдовы. Кто же откажется пожалеть красавицу.

– Все это не мешает мисс Куин искренне горевать, – заметил Легри. – Она потеряла любимого человека и поклялась погубить репутацию Арлингтонов, несмотря на все риски. Решила, что не простит Оскара и заставит его заплатить дважды.

– Не исключено. Но вы приписываете этой женщине чертовски романтические побуждения, потому что тоже поддались ее чарам. Не отрицайте, я за вами наблюдала. Даже старый боров Картерон смотрел на нее с умилением. Не ищите гадине оправданий. Она похожа на

кинозвезду, у нее судьба героини романа, такие любого мужчину проведут. Слепцы! Все самцы – вы в том числе – готовы пресмыкаться перед ней. Я не удивлена вашим провалом.

Адвокат не ввязался в спор, решив наказать старуху размером гонорара.

– Думайте что хотите, Грей. Я считаю Алису Куин расчетливой интриганкой, ловкой манипуляторшей. Профессиональной лицедейкой. Ломая комедию в шестьдесят четвертом, она знает, что рано или поздно найдутся и доказательства, и свидетели. Что я буду все отрицать. Что она выиграет. Что я не признаю вины сына и снова заплачу.

– Но почти полтора миллиона, да еще с процентами. Огромные деньги! Продолжая молчать, вы преподносите подарок врагу.

– Наша семья богата, Грей. Для нас полтора миллиона – ничто в сравнении с честью.

Бумажка в кармане превратилась в твердый шарик. Теперь адвокат катал его в ладони, это помогало думать. Дело напоминало китайский пазл, части которого могут складываться в разные фигуры, все зависит от того, как их соединить. История выглядела такой простой, такой очевидной, но стоит выстроить факты в ином порядке – и найдется другой виновный, а цепочка останется вполне логичной. И все-таки одна сумеречная зона остается. О худшем – преступлениях, несчастных случаях – речи пока не было.

– А смерти? Аварии? Это уже не шантаж, все выглядит гораздо страшнее.

– Вы правы, Грей. Безупречному плану Алисы мог помешать только Оскар. Всего два человека знали, что долг выплачен, – он и она. Исчезнет Оскар – и девке обеспечен выигрыш. По всему выходило, что Оскар никогда никому не признавался, что заплатил, даже мне ничего не сказал. Алиса не учла, что я могу контролировать финансы сына. Повторяю, ей требовалось одно: чтобы Оскара не стало.

– Но ваш сын покончил с собой.

– И тут же объявилась мисс Куин. Странное совпадение, не находите? Вот что я вам скажу: мой сын не накладывал на себя руки. Любая мать чувствует такие вещи. Да, Оскар был трусом, и, возможно, в этом виновато мое воспитание. Но он бы себя не убил! Ему бы не хватило мужества выстрелить в себя, я уверена.

Бумажный шарик прилип к влажной от пота ладони. Старуха не врет, это очевидно.

– Оскара убили? А как же прощальная записка?

– Она тоже совсем не в его духе.

– Но эксперты подтвердили, что и почерк, и подпись принадлежат Оскару.

– Он напился в тот вечер. Любой мог подойти, забрать его оружие и под дулом пистолета заставить написать признание. А потом инсценировать самоубийство.

– И все-таки странно. – Легри не скрывал скептицизма. – Даже пьяный не может не понимать, что написать «покончу с этой лживой жизнью», – даже если тебе угрожают, значит дать отпущение грехов своему убийце.

– Кто знает... Считайте аксиомой: мой сын себя не убивал. Его смерть выгодна только одному человеку. Его записка была приманкой для меня. Она означала: «Я раскаялся, мама, ты должна верить словам красавицы, которая придет к тебе. Выдай ей полтора миллиона». Полагаю, Алиса Куин не думала, что дело дойдет до суда, она была уверена: я сломаюсь, узнав о смерти сына. Ей было неизвестно, что я уже знала. Но даже если бы дело затянулось, время работало на нее. Она ничем не рисковала. Только мы с ней знали правду, а в том, что я не заговорю, сомнений у мерзавки не возникало. Способов борьбы с мисс Куин у меня не было – во всяком случае, законных.

Во всяком случае, законных... Адвокат насторожился. До сих пор Робин Легри не понимал, почему железная женщина Эмилия Арлингтон так пассивна, почему не реагирует на действия Алисы Куин, почему заняла выжидательную позицию. Но теперь понял с полуслова: *во всяком случае, законных*. Это сама Эмилия Арлингтон организовала «несчастные случаи» с Алисой Куин и Ником Хорнеттом! Как его угораздило вляпаться в столь дерьмовую историю? Его охватил страх. Бумажный шарик размок от пота и развалился, ошметки прилипли к ладони. Аргументы Эмилии Арлингтон выглядели до ужаса логичными, но все равно невозможно представить Алису в роли мстительной убийцы. Неужели клиентка права и она всех загипнотизировала? Он не должен ввязываться в эту темную историю. Но любопытство оказалось сильнее.

– А что с Аланом Ву? – как бы между прочим поинтересовался он.

– Об этом мне ничего неизвестно. Но догадаться не составляет труда. Тот факт, что Оскар провел одну ночь в Блю-Хилл, вызывает у меня недоумение, но Алиса Куин могла легко заманить его туда и посоветовать ему не называть портъе настоящее имя. Алан Ву мешал этой твари, он наверняка знал, что Оскар Арлингтон погасил долг, иначе вернулся бы из Франции гораздо раньше. Алан был честным и решительным человеком. Почему он молчал почти двадцать лет? Никакой логики в этом нет. Ву приехал в Америку, как раз когда Алиса Куин начала осуществлять свой план, потому что был против ее намерения повторно выпотрошить Арлингтонов. Как он узнал? Возможно, от одного из рейнджеров, а может, Алиса сама с ним связалась и попробовала перетянуть на свою сторону.пустила в ход свои чары. Посулила деньги. А потом авария...

– Мисс Куин даже водить не умеет.

– По ее словам. А где доказательства?

– А как быть с объявлениями, в которых Алан Ву утверждал: «Оскар Арлингтон ничего не заплатил»?

– Почему мы так уверены, что их давал именно он? Подобное легко сфабриковать, а пришлось очень кстати!

У миссис Арлингтон на все имелся ответ. Если она говорит правду, если Оскар расплатился с вдовой в сорок пятом, ее версия – единственно возможная, это факт.

Робин Легри не сомневался, что клиентка не лжет. Алиса Куин с самого начала дергала за ниточки. Ей хватало решимости, обаяния и ума, но в этой истории главенствовали жестокость и алчность, а вот их в молодой женщине не было.

Странная история. Интригующая, что и говорить, но слишком уж опасная.

– Что вы теперь будете делать, миссис Арлингтон?

– Заплачу. Раз суд так решил. Заплачу... И задушу Алису Куин собственными руками!

45

Рожок призраков

14 января 1965

Больница Ганемана[17], Вашингтон

Алиса вошла в палату № 668, где лежал Ник. Лица ее не было видно за огромным букетом.

– Цветы в честь нашей победы. И будут еще. Много цветов. Пусть ваша *нимфея*[18] ревнует!

Ник не подпрыгнул от радости – он все еще был прикован к больничной койке, хотя лицо постепенно заживало, а левая рука уже неделю как обрела подвижность. Накануне Алиса позвонила, чтобы рассказать о решении суда, но пустили ее только сегодня утром. Палата была большая и светлая, с ванной, туалетом и глубокими стенными шкапами. Не больничная палата, а гостиничный номер.

Ник был задумчив, улыбался натянуто.

Все заканчивается. Наше прекрасное приключение очень скоро счастливо завершится. Так улыбайся, сияй, ликуй!

– Ник?

Она что-то сказала про какую-то нимфею? Именно, твои новые пластиковые уши тебя не обманули.

– Извините, Алиса, при чем тут нимфея?

– Вы не читали Бориса Виана?

– М-м... Нет, хотя я без ума от французской литературы. Правда! Хоть на это больница сгодилась. Сименон на ночь, чтобы заснуть, комиксы о Тинтине, чтобы пробудиться. Это еще не Бальзак и не Пруст, но я постепенно проникаюсь.

Алиса улыбнулась.

– Какая же я глупая, «Пену дней» еще не перевели на английский, да это и невозможно, думаю. Американцы все равно не поймут.

– А вы все-таки попробуйте. Я уже три недели не смотрел футбол! Мой организм постепенно очищается от отравы. Так что там за история?

– Это метафора. Метафора болезни... Виан считал, что больному нужно приносить много цветов, тогда нимфея взревнует и перестанет расти. Герой его книги Колен разоряется на цветах, чтобы спасти жену Хлоэ.

– Брр... И как все кончается?

– Хорошо... – с секундной задержкой ответила Алиса. – Конечно, хорошо. – Она пристроила букет на краю кровати. – Пусть медсестры

украсят ваш временный дом, Ник, не стану отнимать у них хлеб, – весело сказала она. – Вы понимаете, что мы победили?

– А что я вам твердил с самого начала?

– Да, все получилось благодаря вам! Теперь я могу оплатить вашу работу. Просите чего хотите.

Если бы я только смел.

– Это не горит, Алиса. Некуда торопиться. Осталось несколько тайн, так что моя работа не завершена. Почему Алан Ву вернулся в Штаты в шестьдесят четвертом? Кто пытался нас убить? Да нет, не нас – вас, Алиса! Сами видите, кое-какие хвосты еще болтаются.

– Это не главное, Ник.

– Согласен. Но мне не нравится, что за все отдувается покойный Оскар Арлингтон.

Алиса удивилась. Присела между Ником и букетом.

– В каком смысле?

– «Кто посмирней, так тот и виноват», – пояснил Ник.

– Лафонтен? – изумилась Алиса. – «Мор зверей»! В изучении французской литературы вы миновали этап Тинтина!

– Нет, это воспоминание из молодых лет. Один год я учил в лицее французский, и преподавательница-садистка заставляла нас заучивать басни. Знаете, такие, которых не понимаешь, но в памяти они застревают.

Старый враль! Давай признайся, что вчера вечером два часа пытался запомнить эти четыре несчастных слова. И все-таки едва не забыл их в нужный момент.

– Снимаю шляпу, Ник. Но одного я все-таки не понимаю: мы пять месяцев старались вывести Оскара Арлингтона на чистую воду, а теперь вы его защищаете.

Она права, ты настоящий псих. Это уже не профессиональная добросовестность, а невроз. Не пытайся затянуть дело, Ник. Расследование окончено. Все!

– Знаю. Но я люблю доводить дело до конца. Мне неприятно обвинять самоубийцу. Честно говоря, я считаю, что Эмилия Арлингтон дешево отделалась. У нее будет золотая старость достойной женщины, удрученной трагическим концом сына. Но кто, кроме нее, мог желать вам смерти? Думаю, она с самого начала была кукловодом в этой истории. Организовала аварию для Алана Ву. Оскар был безвольным

типом. Я допускаю, что мать сама вложила ему в руку служебное оружие в тот вечер, когда он вернулся мертвецки пьяным.

– Какое нам теперь до них дело, Ник? Все Арлингтоны одним миром мазаны. Для меня важно другое: благодаря вам смерть Лаки была не напрасной, они расплатились по долгам!

– Да, конечно... Вы – босс. Дело закрыто.

По его тону Алиса поняла: что-то не так.

– В чем дело?

– Чем теперь займетесь, Алиса?

– Не знаю.

Один раз, любовь моя, один-единственный и последний раз не держи меня за идиота.

– Знаете. Разумеется, знаете! Вы не из тех, кто колеблется, принимая решение. Все вы знаете, и мне очень жаль, что я не заслужил вашего доверия.

– Ладно. Скажем так: я пока не определилась. Но Лизон Мюнье пригласила меня в Нормандию. Мне очень хочется познакомиться с ней по-настоящему. Провести там какое-то время. После того как вы поправитесь, Ник.

Алиса смутилась, взяла букет и поставила его в вазу, стоявшую у окна. Ник молча смотрел на нее.

Она закрылась. Словно устрица. Окончательно. А ведь он почти уверился, что эта женщина вернулась к жизни. Но нет, больше она не будет улыбаться и корчить милые гримасы. Почему? Ты детектив, умник Ник, вот и прояви аналитические способности.

Гипотеза номер один: она находилась в мире живых с миссией, в память о Лаки. Миссия выполнена, она возвращается к призракам. Не стоило влюбляться в инопланетянку! Чао, Ники.

Гипотеза номер два: она возвращалась к жизни, пусть и медленно. Ей требовались время, покой, твоя поддержка, старина Ник. И все бы получилось, если бы грузовик не раздавил в лепешку твое лицо, а Алан Ву не погиб. Чао, Ники!

Гипотеза номер три: у этой красавицы аллергия на жизнь. Она заставила себя улыбаться и кокетничать, чтобы завоевать доверие сыщика. Теперь он ей не нужен. Чао, Ники!

Алиса закончила возиться с цветами. Посмотрела на унылый пейзаж северного предместья Вашингтона.

Нет, гипотеза номер три смешна. Отбрасываем. Гипотеза номер два соблазнительна... Но я все-таки ставлю на номер один, так что мне жаль, старик, но с ней у тебя никогда не было и не будет ни единого шанса.

– Знаете, мне уже лучше, – сказал Ник и сам удивился.

Алиса обернулась и снова села на кровать.

– Вы свободны, Алиса. В некотором смысле. Потому что призраки никуда не делись. Это дело было отклонением от маршрута, коротким визитом в мир живых. Призраки вернулись и снова вцепились в вас. Теперь моя очередь попытаться удержать исчезающее существо.

Алиса осторожно взяла в ладони здоровую руку сыщика.

– Ник, мои улыбки были вымученными, а шутки ненатуральными. Я сама в какой-то момент поверила в новое начало жизни, я была как двигатель старой, давно стоящей на приколе машины. Увы, она застряла на первой же выбоине. Теперь моя веселость превратится в комедию, извините за каламбур. Не хочу лгать вам, Ник. На фальшивых чувствах любовь не вырастишь. Я либо буду врать, либо сделаю вас несчастным. Придется вернуться к призракам, хотя бы на некоторое время.

– Тогда вперед, дорогая. И передайте от меня привет призракам. Задайте им жару. Не уступайте ни пяди!

– Улыбнитесь мне, Ник. По-настоящему. Наше дело завершено, но конец у него счастливый, разве нет?

– Конечно, вы правы... Чувство такое странное, что и не выразить словами. Радуга на сердце.

Последние слова Ник произнес по-французски.

Оцени, Алиса, это мой последний бой!

– Красивая метафора, Ник. – Алиса покрепче стиснула пальцы сыщика. – Радуга на сердце. Грибной дождь. Этому вас тоже научила учительница-мучительница?

Никакой лицейской преподавательницы не было, Алиса, я ее придумал, чтобы произвести на тебя впечатление. Ты одна учила меня французскому.

– Нет. Но я знал, что однажды подловлю вас, Алиса. Перечитайте классиков: «Радуга на сердце», Тинтин, «Голубой лотос». Последняя страница. Тинтин покидает Чанга.

– У вас есть безумная мечта? – вдруг спросила Алиса. – Отвечайте не задумываясь.

Ладно...

– Не задумываясь!

– Ну...

– Быстрее!

– Потом не жалуйтесь. Предупреждаю, это полный идиотизм. Я давно хочу открыть международное бюро генеалогических изысканий, специализирующееся на самых знаменитых родах. Агентство, куда принцессы, звезды, богатые наследницы – словом, мировая элита – будут приходить, чтобы проконсультироваться насчет предков.

– Продолжайте.

– Хочу стать нужным всяким уникамам. Царствовать в большом стеклянном особняке, управлять обожающими меня секретаршами и преданными детективами. И чтобы мои владения располагались в месте, где всегда тепло, у синего моря, в котором плещутся обнаженные загорелые красотки. И чтобы там была частная взлетно-посадочная полоса, где смогут приземляться самолеты знаменитостей.

– Вы все получите, Ник, это будет мой подарок.

Четвертая эпоха

1975

Взлет

46

Две умалишетки

Октябрь 1975

Шато-ле-Дьябль, Нормандия

Две «умалишетки» – так, любя, называли в деревне Алису и Лизон – регулярно гуляли в ландах. Каждый вторник.

Вторник – выходной день в музее, значит, можно никуда не торопиться и пройти двенадцать километров. В хорошую погоду. Они стартовали от Замка дьявола, трех руин, считавшихся остатками знаменитого владения, где маленький герцог Вильгельм проводил каникулы. С недавних пор у развалин установили деревянный щит с картой для туристов. Женщины шагали по каменистой дороге, а с полей на них, точно с балкона, смотрели коровы. Иногда чистокровка из конюшни в Ла Поммерэ сопровождала их вдоль ограды несколько сотен метров. Где-то через километр крутая тропинка перерезала нависающий над морем луг и выводила к прибрежным отвесным скалам. Мирный пейзаж нарушали блокгаузы и воронки – так и не зажившие отметины страшной войны.

Они открыли музей в 1969 году. Совсем крошечный, на первом этаже небольшого городского дома. Коридор, зал с правой стороны, два чулана слева – для хранения всякой всячины.

Название, Музей Штурма, они придумали вместе, оно звучало очень горделиво и... самонадеянно, но пока что это была скорее лавка старьевщика: каски, ружья, обувь вперемешку со штабными картами, парашютами, макетами военных операций, изготовленными одним пенсионером, участвовавшим в Соппротивлении. Нормандцев до слез трогали довоенные открытки с видами церкви в Де-Жюмо, рынка, мощеных улиц, мужчин в кепках, позирующих на пороге дома. Жан

Мюнье, отец Лизон и по совместительству мэр городка, долго хранил экспонаты на чердаке мэрии и теперь мог гордиться своим политическим чутьем и предусмотрительностью. Зная, как устроен бюрократический механизм, можно было получить гранты от департамента, государства, Европы, поощряющих открытие музеев во имя сохранения памяти. Ну и конечно, ради привлечения туристов. Пляжи пляжами, а что делать в плохую погоду? Такой музей был давней и заветной мечтой Жана Мюнье, который стыдился своей трусоватости в годы войны.

И все-таки, несмотря на энтузиазм мэра и поддержку жителей, грандиозный, как Великие пирамиды, проект все откладывался и откладывался. Алиса не задумываясь пополнила бюджет несколькими десятками тысяч франков, заслужив глубокую благодарность жителей Шато-ле-Дьябль, которые с большим восторгом раскрыли объятия американке – миллионерше и благотворительнице коммуны.

Лизон и Алиса согласились работать на добровольной основе, что благотворно отражалось на муниципальном бюджете. Музей открыл свои двери в июне 1969 года, в тот самый день, когда булочник объявил, что сворачивает дела, после чего в Шато-ле-Дьябль продолжили работать лишь кафе «Завоеватель» и Музей Штурма.

Первыми его посетителями стали, конечно, нормандцы. Едва ли не все жители провинции хоть раз да приехали в городок, чтобы заглянуть в музей. Летом, в пасмурные дни, появлялись парижане в дождевиках, позже – американцы, канадцы и англичане. Последними порог переступили немцы. В год музей посещало около тысячи человек. Цифры разочаровали Жана Мюнье, но он быстро утешился: музей никому ничего не стоил и немного отвлекал его дочь от печальных мыслей. Глядя на нее, мэр с горечью вспоминал энергичную девушку в цветастом платье, колесившую на велосипеде по ландам.

Алиса прилетела навестить Лизон в апреле 1965-го – и осталась, обретя в Нормандии покой, в котором нуждалась ее душа. Во всем мире не нашлось бы места, где она чувствовала бы себя ближе к любимому человеку.

Алиса часто писала в Личфилд, родным Лаки, и регулярно – Нику, только ее послания сыщику были намного длиннее и подробнее.

Ник Хорнетт уже семь лет жил на острове Сан-Себастьяну, неподалеку от Сан-Паулу. Его агентство оказалось успешным, быстро завоевав международную репутацию. В начале семидесятых о нем много говорили в связи с делом династии Романовых. Прямые потомки последнего русского царя Николая II хотели восстановить генеалогию рода во всей ее полноте. После Октябрьской революции члены царской семьи рассеялись по Европе, многие сменили фамилию, и через полвека отделить настоящих Романовых от фальшивых стало почти невозможно. Из писем Ника и газет Алиса поняла, что дело царской семьи оказалось куда сложнее обычного расследования. Анализы крови, антропологические измерения – уши, межзрачковое расстояние, генетические тесты, графологическая экспертиза... Продвигаться приходилось очень осторожно и деликатно. Ник не скрывал, что для большинства его знаменитых клиентов, проживающих на райском острове, генеалогические изыскания были предлогом, чтобы устроить себе оригинальный отпуск вместо надоевшей талассотерапии или водолечения. Они загорали, плавали и несколько часов в неделю излагали свои воспоминания детективу или копались в архивах Центральной библиотеки. Вскоре подобное времяпрепровождение вошло в моду, несмотря на всю его дороговизну. Ник не раз предлагал Алисе приехать, но она неизменно отказывалась. По письмам Ника Алисе казалось, что ее друг счастлив. Вокруг него порхали деловитые секретарши. Он снова ходил, а хромал по настроению или чтобы вызвать сочувствие клиента.

Время от времени Алиса нанимала частных сыщиков, чтобы возобновить поиски загадочного лихача-убийцы из Блю-Хилл, но его след давно затерялся – как исчезали следы на тропе, петляющей по нормандским ландам.

Утес совсем зарос мхом. Стены полевых укреплений – их так и не снесли – были покрыты граффити и любовными признаниями.

Лизон рассказала Алисе, что ее отец недавно продал три блокгауза Пуэнт-Гийома вместе с большими участками прилегающих ландов швейцарским подрядчикам. Они намерены переустроить бетонные кубы в комфортабельное курортное жилье. Вид из домов потрясающий! Идея показалась Алисе странной.

Ложбины и горки, появившиеся в ландах в результате бомбардировки 1944 года, стали игровыми полигонами для

мотогонщиков и свалкой старых холодильников и автомобилей. Из Пуэнт-Гийома можно было бы разглядеть бухту Изиньи и маяк в Сен-Маркуфе, но сегодня все скрывалось в дымке. Алиса вспомнила излюбленную присказку Шавантре, кузена Лизон: *если из Пуэнт-Гийома виден маяк, значит, будет дождь, а если не виден – значит, дождь уже идет.*

Услышав это впервые, Алиса улыбнулась и подумала: какой все-таки у деревенских естественный, природный юмор. Можно подумать, что смех составляет единственный смысл жизни каждого обитателя здешних мест. Все они любят острое словцо, готовы рассказать анекдот, выслушать историю соседа, а потом обдумывать ее за работой. В точности как в самом светском парижском салоне. Алису не смущали бранные словечки Шавантре, цинизм Фернана, бородатые шуточки Сиси, нудные наставления Учителя. Алиса и Лизон регулярно заглядывали в бар Рене, хотя он уже лет десять грозился закрыть заведение – из-за кризиса и по причине «идиотизма клиентуры». Посетители «Завоевателя» были двум женщинам семьей. Идеальными родственниками, не ждущими отчета, в случае нужды всегда сидевшими за стойкой, ничего не требующими взамен и не имеющими ужасной привычки являться в гости без предупреждения. Это была семья объединившихся одиночек, претендовавшая на одноединственное право – именовать Алису и Лизон умалишечками.

Алиса и Лизон шагали по бетонным плитам над Пуэнт-Гийомом. На солнце поблескивал мемориал – штурмовая «кошка», навечно впившаяся в камень, память о подвиге рейнджеров. Жан Мюнье самолично начищал металл каждый месяц. Здесь женщины на время расставались. Алиса брела по песку к тому месту, где убили Лаки, а Лизон углублялась в ланды, туда, где в утро высадки нашла Алана. Через полчаса они снова встречались у монумента.

Подруги редко говорили о любимых мужчинах, научившись сопрягать свои одиночества: жить в одном ритме, синхронно ощущать необходимость в уединении или желание излить душу, помогать друг другу общаться с деревенскими.

Два призрака ландов, гуляющие в строго определенное время суток. И только в дни, когда музей закрыт. По вторникам.

Два богатых и щедрых призрака.

Доллары Алисы медленно, но верно таяли. Много денег ушло на бразильский особняк Ника, чуть меньше – на музей.

В 1966-м Алиса решила передать часть своего состояния Красному Кресту, «Врачам без границ» и движениям, борющимся за демократию. Биафра, Голанские высоты, Корея, Камбоджа, Западная Сахара, Казаманс, Туарегский Хоггар, Кашмир, Шри-Ланка, Вьетнам, Ирландия, Западная Новая Гвинея, Курдистан, Панама, Сальвадор... Международные награды вроде Нобелевской премии мира очень почетны и весомы, но денег борцам вечно не хватает. Всегда нужны лекарства, перевязочный материал, требуется печатать листовки и плакаты, обустроить убежища и конспиративные квартиры, ну и конечно, покупать оружие. Алиса выписывала газеты разных стран, чтобы представлять картину мира и всегда вставать на сторону самых справедливых дел. Она нередко ошибалась, но не отчаивалась. Тратя деньги, на которые Лаки обменял свою жизнь, она, пусть и символически, отдавала ему дань уважения. Гибель любимого не только подарила лишние двадцать лет трусу Оскару Арлингтону, но и помогала куда более достойным людям.

Наступила унылая осень. Алиса предпочитала лето с его шумными пляжами. За минувшие десять лет произошли удивительные перемены: если в 1966-м в Нормандию приезжал хорошо если один иностранный турист, теперь их бывало даже больше, чем французов. Алиса усматривала в этом глубокий смысл: смешение народов свидетельствовало о том, что общество, во всяком случае Европа, движется в верном направлении – к миру.

И совершенно неважно, что утопию, о которой с давних времен мечтало человечество, творила не правящая элита в чинных салонах, а пузатые отдыхающие в каскетках и бейсболках.

В начале осени все разъезжались, побережье пустело.

Снова сойдясь у монумента, Алиса и Лизон шли домой по асфальтированной дорожке, мимо «Завоевателя». В этот вторник они встретили старую даму с четырехлетним внуком, который крутил педали велосипеда. Парижанка, одна из последних, самых стойких курортниц.

Столичные жители возводили вокруг деревни все больше вилл. Парижское шоссе скоро дотянут до Кана – обещал министр промышленности д’Орнано. Нормандия стала популярной у влюбленных, молодые парочки, которым была не по карману Венеция, приезжали сюда на романтический уик-энд. Люди постарше привозили целые выводки детей, которые совершали набеги на заросли тутовника. Никого не смущал запах коровьих лепешек, а занятые на полях крестьяне и вовсе были для горожан бесплатным развлечением. Тихие прибрежные деревни, обезлюдевшие в войну, наполнились смехом и веселыми криками. Местные, конечно, ворчали, изображали недовольство, но и им было по душе, что провинция оживает.

Маленькие парижане карабкались по блокгаузам, ходили по Музею Штурма, трогали пулевые отверстия в стенах мэрии, спрашивали: «Папа, почему у церкви нет колокольни? Как люди попадали в эти квадратные дома над пляжем, там ведь ни окон, ни дверей, одни бетонные стены? Почему здесь нет ни одного магазина?»

С наступлением темноты Алиса и Лизон возвращались в Шато-ле-Дьябль, заходя иногда выпить в «Завоеватель».

47

Воскресный визит

26 октября 1975

Музей Штурма, Шато-ле-Дьябль

– Гийом, не балуйся! – прикрикнула на сына Мадлен. – Потерпи, мы скоро освободимся. Смотри фотографии!

Мальчика фотографии не интересовали. Они даже не цветные! Он хотел на пляж. Ну и что, что дождь! Родители пообещали ему море, вот пусть и ведут на пляж!

Мы здесь надолго не задержимся, думала Мадлен. Обойдем музей за десять минут и вернемся до пробок. Много времени на ржавые каски и оружие не понадобится. Ну за что мне эти воскресные мучения?! Ладно, хватит ныть, Жак давно обещал отцу привезти его сюда...

И вот они поддерживают старика Леонса под руки, а он с трудом преодолевает ступеньки.

Поглядишь на свекра сейчас и ни за что не поверишь, что во время войны он был одним из самых храбрых бойцов Сопротивления, что его специально прислали из Лондона для организации поддержки Штурма изнутри. Леонс – парашютист? Да он едва ноги переставляет.

Гийом подошел к одному из стеллажей – его заинтересовал нож, лежавший в пределах досягаемости.

– Не прикасайся! Он весь в ржавчине! – прикрикнула мать, угадав намерение сына.

Взять бы его за руку, да Жак в одиночку Леонса не удержит. Не ребенок, а сущее наказание. Подумать только, мы назвали его Гийомом, потому что впервые занимались любовью рядом с Пуэнт-Гийомом, в блокаде. Брр, ужас! Тот еще романтический уик-энд. У Жака тогда совсем не было денег, но молодость все компенсировала.

Леонс оступился, и Мадлен едва успела подхватить беднягу.

Как все-таки ужасна старость! А Жаку хоть бы хны, как будто Леонс не его отец, а мой. Ладно, хорошо хоть доброе дело сделали, старик все уши прожужжал о десанте.

Леонс долго разбирал пожелтевшие строчки старых газет, нервничал, спрашивал у сына и Мадлен, что там написано.

Надолго не задержимся... Я просто глупая оптимистка! Свекра теперь отсюда даже буксиром не вытащишь. Он знает, что в доме престарелых *увольнительные* дают редко, вот и тянет время! Хитрый старый партизан.

– Подведи меня вон к той карте, Жак, – попросил Леонс. – Там внизу есть кое-что непонятное. В сорок четвертом не было дороги на О-Пуарье. Полковник сидел там в засаде... Или я путаю. Потом проверю. Этот музей – настоящая бомба, да?

– Когда мы уже пойдем, мам?

Мадлен бросила на сына суровый взгляд.

– Мне завтра в школу, – тоненьким голоском добавил маленький хитрец.

Мадлен раздобыла у смотрительницы, милой дамы, стул, и Леонс уселся перед макетом деревни, который оживляли пластиковые солдатики и цветные стрелки. Он молчал и думал о своем. О том, что те несколько недель в 1944-м были лучшими в его жизни. Мадлен расчувствовалась: в *богадельне*, во время редких свиданий, Леонс

казался ей овощем, а он – герой войны. Пусть свекор еще немного побудет там, со своими товарищами... И плевать на пробки.

Ее размышления неожиданно прервал грохот, за которым последовали выброс пыли и отчаянный рев Гийома. Мальчик понял, что скоро освободиться не получится, воспользовался тем, что взрослые отвлеклись, и полез на стеллаж – вроде бы прибитый к стене, – чтобы рассмотреть немецкий пистолет. «Люгер». Не такой ржавый, как остальное оружие, и потому лежащий на самом верху.

Стеллаж не выдержал веса десятилетнего худосочного парижанина и опрокинулся на Гийома вместе с экспонатами, составлявшими четверть всех богатств музея.

Жак и Мадлен обернулись, перепугавшись за сына, и ужаснулись, увидев нанесенный им ущерб. Не всполошился только Леонс – он так глубоко погрузился в воспоминания, что наверняка принял шум за канонаду.

Алиса и Лизон, которые оставляли посетителей одних, в тишине и сосредоточенности, считая, что так люди полнее прочувствуют атмосферу музея, влетели в зал одновременно.

– Что случилось?

– С тобой все в порядке, Гийом?

– Проклятый стеллаж, давно нужно было его укрепить.

– Мама-а-а... – Гийом на всякий случай поторопился всех разжалобить.

Взрослые рассыпались в извинениях. Озорник не пострадал, но продолжал подвывать, предвидя неминуемое наказание. Мадлен еще раз попросила прощения, Жак достал чековую книжку, Лизон и Алиса уверяли, что это ни к чему, что у них есть страховка, да и сами виноваты, стеллаж едва держался, и вообще им давно пора навести здесь порядок.

Мадлен и Жак направились к выходу, волоча за собой ребенка и старика. Их ждали пробки и дом престарелых.

Алиса и Лизон переглянулись и улыбнулись, радуясь, что у них появилась работа. Они собрали рассыпавшиеся по полу экспонаты, потом занялись старым железным ящиком, который Алан нашел на берегу после войны. Пустой, но тяжелый, он стоял на нижней полке и потому не придавил мальчика. Алиса хотела открыть его и потянула за

крышку. От удара дно ящика немного покосилось, и обнажилась покореженная железная пластинка.

Второе дно?

Заинтригованная Лизон дернула, но сдвинуть железку не сумела. Она достала десантный нож из кожаного чехла, висевшего у входа в зал рядом с формой рейнджера, подцепила пластинку и начала ее расшатывать. Потом ее сменила Алиса... Через сорок минут железо капитулировало, и они увидели старую папку.

48

Экспонаты

26 октября 1975

Музей Штурма, Шато-ле-Дьябль

Пять минут спустя содержимое папки было разложено на скатерти в столовой Алисы и Лизон. За окном стемнело.

Одна фотография.

Два сложенных листа бумаги.

Одиннадцать писем.

Фотография Алисы. Ей лет двадцать, на лице широкая улыбка. Она смотрит из-под белокурых прядей, будто дразнит фотографа. На обороте надпись: *Я буду ждать. Алиса, апрель 1944.*

Алиса улыбнулась.

– Наверное, в ноябре сорок четвертого Алан меня узнал благодаря этому снимку. Лаки взял с собой несколько штук.

– Ты такая красивая... – Лизон вздохнула.

– Была. Но Лаки это не удержало. Алан никогда не показывал тебе все это?

– Никогда. Не делился секретом. Думаю, доставал по вечерам, когда я засыпала. Он часто ложился позже меня.

Два сложенных вчетверо листа бумаги.

Женщины сидели за столом. Ни одна не хотела первой дотронуться до документов.

– Полагаешь, это экземпляры договора? – спросила Алиса.

Лизон не ответила.

– Ну, кто самый смелый? – продолжила Алиса.

Лизон решила. Улыбнулась. Придвинулась к подруге. И они начали читать.

Дантон, 5 июня 1944

Я, нижеподписавшийся Лаки Мэрри, безумный, но тем хуже для меня, согласен обменять очередь № 148 участника высадки во время штурма Пуэнт-Гийома на очередь № 4 Оскара Арлингтона.

Я, нижеподписавшийся Оскар Арлингтон, будучи в здравом уме и твердой памяти, обязуюсь выплатить Лаки Мэрри за вышеупомянутый обмен 1 миллион 440 тысяч долларов после возвращения в Соединенные Штаты Америки.

В том случае, если Лаки Мэрри будет убит до окончания этой войны, обязуюсь выплатить ту же сумму его подруге жизни Алисе Куин, проживающей в Вашингтоне, округ Колумбия, Рок-Крик-Резиденс, 144, или же мистеру и миссис Мэрри, Алабама, Личфилд, Хобарт-авеню, 2621.

В случае моей смерти торжественно прошу мою мать Эмилию Арлингтон выполнить условия данного договора.

Фотография Алисы Куин будет приложена к экземпляру договора Оскара Арлингтона.

Под текстом стояли четыре подписи с расшифровкой.

Лаки Мэрри, Оскар Арлингтон, Алан Ву, Ральф Финн.

Экземпляры были идентичны.

– Договоры Лаки и Алана, – прошептала Лизон. – Странно. Получается, Алан не взял документы с собой, улетая в Америку.

– Пресловутое вещественное доказательство, которого так не хватало. Теперь Эмилия Арлингтон не сможет ничего отрицать, – продолжила Алиса.

– Подумать только, документы все время были у нас под рукой...

– И могли бы пролежать в ящике еще сто лет. Как объяснить, что вокруг этого договора столько тайн? А всего-то несколько строк.

– Несколько зловещих строк... У меня кровь стынет в жилах от официального тона. Они словно не жизнь на смерть меняют, а одну машину на другую.

– Остались письма, – почти шепотом напомнила Алиса.

На Шато-ле-Дьябль опустилась ночь. В квартире Алисы и Лизон было тихо, только осыпались на старинный нормандский буфет белые лепестки безвременника. Цветы, собранные во время прогулки, почти увяли.

Лизон долго не отводила взгляд от букета, потом сделала над собой усилие и взялась за дело.

Она выложила на столе одиннадцать конвертов, адресованных Алану. Все были подписаны круглым женским почерком. На каждом стоял штамп.

Соединенные Штаты Америки.

Четыре письма отправили из Эшленда, штат Кентукки, три – из Эффингема в Иллинойсе, четыре – из Валентайна в Айове.

– Из-за этих писем меня одолевала ужасная тревога, – дрожащим голосом произнесла Лизон. – Их писала женщина. Последняя связь Алана с Америкой... Он так и не рассказал, от кого они. Я умирала от ревности! Накручивала себя, думала, что однажды он вернется на родину из-за женщины, которая его любила.

Алиса слушала не перебивая.

– По сути, я оказалась права. Он признался, что уезжает из-за нее. И не вернулся! Я долго думала почему. Кто она, его американка? А теперь мне страшно узнать правду. – Она издала короткий натужный смешок. – Сейчас мы наконец поймем, зачем Алана понесло в эту дикую глушь!

Лизон открыла первый конверт, со штампом Эшленда. В правом верхнем углу стояло: *Эшленд, 21 января 1946*. В левом она прочла адрес: *Кентукки, Эшленд, Бичер-стрит, 51б*.

Текст письма начинался словами «Дорогой Алан». Пелена слез не позволила Лизон разобрать следующую строчку. Сейчас она хотела

только одного – узнать имя соперницы. Она посмотрела в конец письма.

Послание подписала *Алиса Куин*.

Воскресенье подходило к концу. Часы показывали 23:00. Алиса и Лизон не ужинали. Так и сидели – молча, неподвижно. В тусклом свете однорожковой люстры тени от мебели удлинялись, принимая странные очертания.

Алиса Куин!

Лизон перестала понимать что бы то ни было.

– В чем дело, Лизон? – встревожилась Алиса.

Подруга не ответила. Она хотела сначала прочитать, понять. Должно же быть этому какое-то объяснение...

Лизон быстро пробежала письмо глазами.

Дорогой Алан,

Пишу, чтобы успокоить вас и поблагодарить. Оскар Арлингтон выплатил свой долг, 1 миллион 440 тысяч долларов наличными. Невероятная сумма! Он выглядел смущенным, даже пристыженным. Вынуждена признать, что Оскар проявил некоторую деликатность, хотя внутренний голос твердит: «Лаки погиб из-за него!» Не знаю, не знаю... Лаки сам поставил на кон свою жизнь. Наверное, я мало его любила... Но теперь слишком поздно. Спасибо, что написали Оскару Арлингтону и напомнили о долге передо мной. Он сам мне об этом сообщил и дал ваш нормандский адрес. Оскар утверждает, что все равно заплатил бы. Не знаю, правда это или подействовали ваши угрозы всем все рассказать. Да это и неважно.

Мне хотелось познакомиться с вами. Понять, как разворачивалась операция в июне 1944-го. Почему в голову Лаки пришла эта безумная идея? Оскар Арлингтон назвал вас другом Лаки. Спасибо, что взяли на себя труд ответить, но если больше не захотите писать, я пойму. Свой долг свидетеля Лаки вы исполнили. Я хотела связаться с вами еще по одной причине. Если возникнет нужда в деньгах, обратитесь ко мне, очень вас прошу. Через несколько недель я уеду из Вашингтона – слишком много здесь тяжелых воспоминаний. Мой новый адрес вы найдете в письме. Сейчас я нуждаюсь в уединении и собираюсь попутешествовать. Не представляю, что буду делать с кучей денег.

Может, отложу на потом – вдруг вкус к жизни вернется или появятся дети.

Примите мою вечную благодарность. Мне показалось, что вы счастливы в новой жизни. Ответьте, если захотите рассказать. Надеюсь, нас ждет удача.

Алиса Куин

Лизон выронила листок – словно он обжег ей пальцы.

– Алиса... – с ужасом в голосе прошептала она. – Получается, все эти годы Алану писала ты! Значит, ты не ездила в Австралию? Оскар расплатился с тобой после войны... Почему ты ничего мне не сказала? Зачем потребовала, чтобы Арлингтоны заплатили второй раз?

Алиса вскочила.

– Что за бред? Что ты несешь, Лизон?! – Алиса схватила листок, прочла и подняла глаза на подругу. – Это не мой почерк, сравни это письмо с теми, что я посылала тебе! И я никогда ничего подобного не писала!

Лизон встрепенулась. Слава богу! Конечно, это не Алисин почерк! Она не останется запертой в погребке наедине с кошмарами.

– Какая же я дура, Алиса! Конечно, это совсем другой почерк! Чужой...

– И вовсе ты не дура.

– Еще какая... Но я ничего не понимаю. Что за женщина выдает себя за тебя? Она хочет все забыть, считает Оскара *почти симпатичным*.

– Я не знаю, кто она, но уверена, что объяснение наверняка имеется.

Они достали остальные письма и принялись читать.

Эшленд, 18 марта 1948

Дорогой Алан!

У меня все в порядке, спасибо, что пишете так регулярно. Жизнь у нас в стране перестраивается. Прошло четыре года. У меня уже несколько месяцев новый спутник жизни. Я и не думала, что сумею за такое короткое время забыть. Странно, как быстро все меняется в Америке. Во Франции наверняка тоже. Не думаю, что когда-нибудь

вернусь туда, слишком много воспоминаний, и не самых лучших. А у вас как будто все в порядке. Пишите мне.

*С дружеским приветом,
Алиса Куин*

Эффингем, 23 февраля 1950

Дорогой Алан!

Простите, что редко давала о себе знать в последние годы, но время просто летит. Видимо, некоторые ваши письма, адресованные в Эшленд, остались без ответа.

Мы продолжаем путешествовать по США, как вы сами видите по нынешнему адресу. Я поняла, что хочу родить детей, на чем давно настаивает мой друг. А у вас так и не появился наследник, хотя война давно кончилась. Только вы меня с ней и связываете. Но Нормандия так далеко.

*Ваша
Алиса Куин*

Эффингем, 13 марта 1954

Дорогой Алан!

В последнем письме я сообщила, что хочу детей. Сегодня нашему мальчику уже три года! Я посвящаю ему много времени, но это не оправдывает меня за то, что так редко пишу вам. Теперь ваши письма больше не будут теряться.

Жизнь здесь у нас продолжается.

Маленькой сестренке Майкла исполнилось два года, ее зовут Дженни, и она прелесть.

Извините, что пишу коротко и банально, и поверьте, что я чувствую ностальгию, что хрупкая связь между нами очень важна и помогает мне не забывать. Вам тоже?

Алиса Куин

В остальных письмах не оказалось интересных деталей. Последнее было датировано 12 сентября 1963 года.

– Если их писала не ты, – спросила Лизон, – то кто? Что за женщина эта другая Алиса? Кто сумел занять твое место и получить

полагающиеся тебе деньги?

Алиса задумалась.

– Нет, невозможно, – наконец сказала она. – У Оскара Арлингтона были мой адрес и фотография. Так написано в договоре. Он обязан был передать деньги лично в руки Алисе Куин! И у меня нет сестры-близнеца! Оскар был не настолько туп, чтобы отдать огромную сумму незнакомке. И вот что очень странно: самозванке во всех деталях известна история с договором.

– Одну тайну это объясняет, – заметила Лизон. – Я спрашиваю себя, почему Алан решил проверить, заплатил ли Оскар Алисе, только в 1964 году. Ты была в Австралии, но он мог связаться с родителями Лаки в Личфилде. Мог, но не сделал этого! Письма все объясняют: Алан искренне верил, что дело сделано, и не знал, что пишешь ему не ты, а самозванка!

– Ну конечно! – воскликнула Алиса. – Разумеется! Я поняла, Лизон! Арлингтон был куда умнее, чем мы думали. В сорок пятом Алан пишет ему, чтобы напомнить о долге и пригрозить скандалом, если он не подчинится. Об этом речь идет в первом письме. Как мог отреагировать Оскар? Он знает, что должен заплатить, иначе Алан его опозорит. Ему могло быть известно, что я исчезла с горизонта, – без следа, но дела это не меняло. В договоре был пункт о родителях Лаки, а они по-прежнему жили в Личфилде, и связаться с ними не составляло труда. Короче, плати – или все узнают, что ты трус. Что мог предпринять Арлингтон? Подкупить свидетелей или устранить их... Ральф Финн – не проблема, он не подавал признаков жизни. Оставался Алан. Он в Нормандии, и его ликвидировать трудно. А подкупить...

– Невозможно! – горячо заверила Лизон.

– Да, и Оскар это знает. Знает и не станет рисковать. Так что же остается? Позволить Алану рассказать все прессе, военным, матери? Не имея новостей от Алисы, Алан наверняка напишет в Личфилд. Придется платить! Альтернатива проста: иди в банк или готовься к скандалу...

Лизон была так захвачена рассуждениями подруги, что даже рот приоткрыла.

– Однако, если хорошо подумать, – продолжила Алиса, – решение у Оскара одно. Одно-единственное! Простая идея, почти без риска. Алан далеко, во Франции, и, судя по всему, останется там надолго,

навсегда. Я испарилась – тоже надолго. Почти все тогда думали, что я забила в какую-нибудь дыру и покончила с собой. Следовательно, достаточно написать Алану письмо от имени Алисы Куин и уверить, что миллион четыреста сорок тысяч долларов выплачены. Текст должен быть составлен ловко, не повредит даже предложить Алану денег. Простое почтовое отправление – и дело в шляпе!

– Ты права, это был бы идеальный выход для Арлингтона. А мой Алан не имел причин сомневаться в подлинности письма.

– Верно. Оскар почти не рисковал – при условии, что Алан останется в Нормандии, а я никогда не всплыву.

– Но Алан мог связаться с родителями Лаки.

– Конечно... Он бы так и поступил, поэтому Оскар продолжал писать Алану. Время от времени. Давал новые адреса, рассказывал новости от имени Алисы Куин.

– И проверял, не уехал ли Алан из Франции.

Лизон чувствовала себя опустошенной, выдохшейся и не понимала, хорошую новость они узнали или плохую. Она встала, чтобы вскипятить воду, спросила, хочет ли Алиса чаю. Боже, как же ее поразило имя в конце письма! На несколько секунд она поверила в бессовестный обман и теперь сторала со стыда. Хорошо, что у Алисы железная логика.

– Прости меня, – сказала она. – Наговорила глупостей, вообразила бог весть что.

– Ничего, я не обиделась.

Они помолчали.

– Значит, ты думаешь, что эта вторая Алиса – призрак, придуманный Оскаром Арлингтоном? – спросила наконец Лизон. – Переезды с места на место, рождение детей, вся эта жизнь в письмах – миф? Считаешь, Оскар сам их писал?

– Возможно. У него был округлый женский почерк, эксперты-графологи неоднократно подчеркивали это на процессе. Мне легко представить, как он придумывает себе вторую личность. Женскую. Впрочем, автором посланий могла быть и Эмилия Арлингтон. Ник всегда считал, что за ниточки дергает она. Сенаторша достаточно хитра, чтобы придумать подобную многоходовку.

Лизон сделала маленький глоток обжигающего чая.

– Нужно послать одно из писем твоему другу Нику. Под его началом работает куча детективов, они мгновенно все выяснят.

– Хорошая идея.

– Получается, что Алан, прилетев в Штаты, искал в Эшленде, Эффингеме, Валентайне и Блю-Хилл призрака... Все-таки странно. В каждом городке он проводил по нескольку дней, хотя у него были точные адреса и имена детей фальшивой Алисы. Если все детали были выдуманы, адреса случайны, а описания местности взяты из энциклопедии, Алан немедленно бы это заметил. И кто-то же получал его письма.

– Арлингтоны могущественны. У них наверняка были сообщники, или они использовали адреса пустующих домов.

– Не исключено. А может, кто-то действительно играл твою роль. Подружка Оскара Арлингтона... Его любовница, почему нет! В любом случае – не призрак, а женщина во плоти, имеющая двух детей, жившая в Эшленде, Эффингеме, Валентайне. Иначе к чему придумывать столько деталей? Именно эту женщину, этих детей пытался найти Алан. Ты сама говорила: Алан бродил вокруг школ.

– Этот вариант тоже нельзя исключать... но Оскару было проще все сделать самому.

– Конечно, и все-таки Алан искал конкретного человека! – не сдавалась Лизон. – Искал и нашел – иначе был бы жив! Автор писем обнаружился в Блю-Хилл. Фальшивая Алиса Куин! Алан погиб, потому что узнал правду. Кто поджидал его в конце пути? Оскар Арлингтон?

Лизон одним глотком допила горячий чай и издала короткий нервный смешок.

– Оскар, переодетый в женское платье, совсем как в фильме Хичкока «Психо»! – Лизон глубоко вздохнула. – Алиса...

– Я знаю, Лизон. Ты хочешь пройти по следу Алана.

– Да. Эта тайна – моя. И мстить тоже мне! Тебе знакома дорога от Эшленда до Валентайна, Алиса. Вы с Ником ничего не нашли, но на этот раз все иначе – мы знаем, что ищем. Женщину, супружескую пару с двумя детьми, Майклом и Дженни... И у нас есть точные адреса!

– Я бы тоже хотела снова проделать путь из Эшленда в Валентайн, – сочувственным тоном произнесла Алиса. – Встретиться с моим двойником – той Алисой Куин, какой я бы никогда не могла стать. Счастливой и богатой женщиной, забывшей Лаки, вышедшей замуж и

родившей детей. Мне с трудом верится, что подобная женщина могла бы жить на свете!

– Мы пойдем по следам Алана! – Лизон встала, почувствовав прилив вдохновения. – У нас есть все, чем он располагал в шестьдесят четвертом. Одиннадцать писем, три адреса... След в след, поняла?

Лизон мысленно строила планы и вдруг вскинулась:

– Но нам не хватает главного!

Алиса вопросительно посмотрела на подругу.

– Почему Алан внезапно сорвался с места именно в шестьдесят четвертом? Что за открытие он сделал?

– Алан обнаружил подлог, – уверенно заявила Алиса. – Узнал, что двадцать лет ему писала не я. А значит, долг не погашен и нужно вернуться в Америку, чтобы разобраться и все исправить... Только так можно объяснить короткие объявления в газетах. Что, если самозванка допустила оплошность? Выдала себя каким-нибудь противоречием. Алан не получал письма перед самым отъездом?

Лизон покачала головой:

– Нет. Я тысячу раз спрашивала у почтальона, не передавал ли он Алану письмо тайком от меня.

– А за несколько дней до вашего расставания не было неожиданных встреч?

– Ни одной, уж ты мне поверь! Я десять лет прокручиваю те события в голове!

За полночь обе женщины захотели спать, вернее, побыть в одиночестве, каждая в своей комнате. Лизон разложила письма по конвертам и убрала их в папку. Алиса взяла свою фотографию, перевернула, еще раз прочла: *Я буду тебя ждать. Алиса, апрель 1944.*

Ее лицо просветлело.

– Ну конечно... Лизон, я знаю!

– Что знаешь?

– Как Алан все понял! Как узнал, что я не писала этих писем! Почерк на обороте фотографии – мой, вот подпись настоящей Алисы Куин. Достаточно сравнить, чтобы убедиться в подлоге. Взгляни.

Лизон посмотрела.

– Оскар или любой другой человек не мог знать, что у Алана есть образец моего почерка, – начала объяснять Алиса. – Твой

возлюбленный ни разу за двадцать лет не сличил почерк в письмах и на обороте фотографии, потому что не имел причин сомневаться. Думаю, он сделал открытие случайно, в очередной раз достав документы, хотя это могло случиться сразу, в сорок шестом, или через десять лет, или через тридцать. Или никогда.

– Он не захотел поговорить со мной, – горестно произнесла Лизон.

– Алан сообразил, что только Арлингтоны были заинтересованы в обмане, он осознал опасность. Потому и решил не вмешивать тебя.

В тот вечер свет в комнатах над музеем горел еще очень долго. Ни Лизон, ни Алиса не спали.

Лизон размышляла о серьезных и одновременно очень простых вещах. Она всю жизнь говорила правду, не боясь последствий, и до сих пор поступала так по отношению к глупому мэру – своему отцу. Почему мужчины вечно все усложняют и врут? Боятся, что их не поймут или сочтут смешными?

Как может отец доверять тупицам-избирателям?

Что за комплекс заставлял Оскара Арлингтона думать, что мать не простит ему трусости во время войны?

Почему Алан так мало ей доверял?

Жизнь могла бы быть такой простой...

49

Прощальный кофе

2 ноября 1975

Кафе «Завоеватель», Шато-ле-Дьябль

Над Шато-ле-Дьябль занималось ясное утро, туман растаял. Засидевшиеся посетители бара не могли больше сваливать нежелание заняться делами на холод или дождь. Алиса и Лизон сидели за столиком у окна и пили кофе.

– Так когда точно вы уезжаете, дамы? – спросил Учитель.

– Через неделю, – ответила Алиса. – Десятого ноября.

– Какие вы, однако, стремительные. Разумно ли срывать с места из-за одиннадцати пожелтевших писем?

– Разумно ли? – воскликнул Шавантре и так стукнул кулаком по столу, что едва не опрокинул пепельницу. – Да у этих умалишенок и слова такого в словаре нет!

– Мы телеграфировали Нику Хорнетту, нашему детективу, – сказала Алиса. – Держим его в курсе. Сообщили маршрут. Он, кстати, знает его лучше меня и присоединится, как только сможет.

– Сами видите, мы очень разумны! – вмешалась Лизон.

– Вы две безумные идиотки, – буркнул Шавантре. – Зачем ворошить прошлое? Неужели так трудно забыть все раз и навсегда?

– Да! – хором ответили они и рассмеялись.

– Нельзя и несчастье превращать в привилегию! – возмутился Шавантре. – Не только у вас есть повод лить слезы. А если глаза у человека такие же прекрасные, как у вас обеих, нужно однажды перекрыть кран!

Умалишетки только улыбнулись, чего и добивался Шавантре.

– Мы тут дни напролет болтаем всякие глупости, но жизнь и нас не пощадила. Каждый поимел свою долю несчастий!

– Это не значит, что можно по утрам *утешаться* кальвадосом, – съязвил Фернан Приер, – хотя почему бы и нет...

– Ты чертовски прав, – подтвердил Рене. – Мое кафе выполняет общественную миссию! В этом убогом мире я помогаю людям забывать о бедах. Как городской психиатр! Мне должны платить пособие!

– В ваших словах есть доля правоты, Рене, – прокомментировал Учитель. – Уровень самоубийств выше всего в сельской местности. Чаще всего это делают в лесополосах. Специалисты объясняют феномен отчужденностью.

– Рад, что вы это сказали, Учитель, – просиял Рене. – Могу назвать многих парней, повесившихся в своих собственных амбарах! И все жили в местах, где не было ни кафе, ни бара. А в Шато-ле-Дьябль висельники не водятся.

– Ни одного! – возбужденно подтвердил Шавантре. – Скоро страховщики будут оплачивать каждый стаканчик кальвадоса!

Лизон и Алиса снова улыбнулись. Им будет не хватать болтовни этих нормандских остряков.

– Сегодня утром меня от вас в дрожь бросает, – пожаловался Сися.

– С чего бы это? Расстраиваешься, что уезжают две красивые женщины? – поинтересовался Шавантре.

– Ему все равно, – вмешался Фернан. – Наш Сися предпочитает голландок, которые купаются голяком на пляже Черных Коров!

Сися побагровел. Об этом пляже не принято было говорить. На него распространялось табу, а дружки все растрепали, да еще при Лизон. Мерзавцы! Как она будет вспоминать его в Америке?

Сися сделал неловкую попытку реабилитироваться:

– Я там купался задолго до всяких голландок.

– И потом, голландки – товар сезонный, как арбузы, – внес свою лепту в разговор Фернан. – По осени их почти не бывает.

– Ну да, все бегут... – Рене покачал головой. – Первыми это делают женщины. Голландки – летом. Американки – осенью. Этой зимой я тоже «спрячу ключ под крыльцом». Все, конец! В Шато-ле-Дьябль оставались лишь бар да музей. Музей закрывается! Мне незачем торчать тут одному.

50

Фернан говорит по-английски

3 ноября 1975

Тайсонс-Корнер, штат Вирджиния

Со спины ее можно было принять за мужчину: рубаха в крупную красную клетку, узкие джинсы, высокие кожаные сапоги, кряжистое тело, сложенные за спиной руки сжимают стек. Поза неподвижная, как у статуи.

Да, Эмилия Арлингтон напоминала мужчину, но ей было все равно, что о ней говорят. Она и прежде, идя на заседание, почти не красилась, а теперь, оставив политику и переехав на свое ранчо Тайсонс-Корнер в Вирджинии, жила среди слуг, которых помнила детьми.

Плевать она хотела на свой внешний вид! Важен лишь Теннесси, гнедой чистокровный жеребец, его сейчас готовят к скачкам в Ричмонде, которые состоятся через четыре месяца. И жеребец будет к ним готов! Случившийся в начале сентября вывих лодыжки остался дурным воспоминанием, а потому нужно много работать, тренироваться утром и после обеда, несмотря на все возражения

талантливому, но упрямого до тупости жокея Рода Кинли, который утверждает, что Теннесси необходимо щадить.

Щадить! Это за несколько-то недель до Гран-при. Стоит ей отвернуться, и этот кретин так и поступит. Но она не отвернется.

– Миссис Арлингтон, телефон! – крикнул молодой Дэвис. – Телефон! Миссис Арлингтон!

– Я слышу! – откликнулась отставная сенаторша. Она неохотно отвела взгляд от манежа, грозно посмотрела на Рода Кинли, как преподаватель, которому потребовалось отлучиться из аудитории во время лекции, вошла в дом и сняла трубку. – Слушаю...

– Это Фернан. Фернан Приер. Ну, помните, Фернан из Шато-ле-Дьябль. Я должен был вас предупредить. Вы сказали, вдруг что произойдет...

– Ну и?..

– Лизон Мюнье и Алиса Куин собирают чемоданы и летят в Америку! Они нашли старые бумаги... Кажется, что-то важное.

Фернан в деталях рассказал все, что знал о содержимом папки, обнаруженной в старом железном ящике, назвал даты, адреса и добавил:

– Дамы все оставили в деревне на случай, если...

– Благодарю, господин Приер, вы хорошо поработали. Полученные от вас сведения полностью подтверждают мое видение этой истории.

Она замолчала, и Фернан испугался, что американка повесила трубку.

– Мадам!

– Да?

– А как насчет... ну... вы понимаете?..

– Что я должна понимать?

Миссис Арлингтон говорила безжалостным тоном, который нагонял страх на всех ее подручных, но достоинства при этом не утрачивала.

– Насчет чека...

– Вы о своих чаевых?

– Ага...

– Разве мы не договорились?

– Вообще-то да...

– Что-то изменилось?

- Да вроде нет...
- Тогда я не понимаю, зачем напоминать мне об этом. Вы все получите, как было условлено. Хотите еще что-то сказать?
- Э-э-э... Нет.
- Вы оказали мне бесценную помощь, господин Приер. Будет еще информация, не стесняйтесь, звоните.
- Конечно... Спасибо, миссис Арлингтон. До свидания.

Телеграмма от Ника пришла с опозданием. Шавантре получил ее на следующий после отъезда Лизон и Алисы день. Сыщик выражал восторг по поводу обнаружения злосчастных договоров, сообщал, что занят делом неких центрально-африканских князьков, сложным, но обещающим хороший гонорар. Он постарается закончить как можно скорее и присоединится к женщинам на полпути между Эшлендом и Валентайном. В конце Хорнетт пошутил: «Дорогу, конечно же, не забыл, все тело ее помнит и заранее трясется от страха!»

51

Апартаменты в отеле «Рамада Инн»

11 ноября 1975

Вашингтон

Лизон считанные разы покидала Нормандию, о чем и сообщила Алисе в самолете. Раз или два она ездила в Париж, ну и конечно, совершила паломничество в Лурд. Лизон не отправилась в Америку на поиски Алана не только из-за недостатка средств, но и потому что боялась неизвестности. Что она знала в жизни? Только Шато-ле-Дьябль с горсткой домов, где была королевой. В любом другом месте Лизон чувствовала себя маленькой потерявшейся девочкой.

Поздним вечером самолет приземлился в Вашингтонском национальном аэропорту, по соседству с Пентагоном. Лизон не увидела ничего, кроме ярких огней, неприязненного взгляда таможенника и широченной улицы с бесконечным потоком автомобилей, мчащихся в разные стороны. Алиса небрежно махнула рукой и остановила такси. Темнокожий водитель поставил вещи в багажник и быстро домчал их до гостиницы. На фасаде горели красные неоновые буквы: «Рамада

Инн». Усатые коридорные в бордовых костюмах показались Лизон слишком уж улыбчивыми и потому подозрительными, она почему-то решила, что это пуэрториканцы. «В чем ты подозреваешь незнакомых людей? Забыла, как злилась на отца, который терпеть не мог цыган и, стоило табору показаться на краю деревни, готов был сразу обвинить их во всех смертных грехах?!» Строгое внушение не подействовало, ощущение неуверенности никуда не делось. В коридорах гостиницы лежали ковровые дорожки цвета фуксии, лифт был отделан роскошно, но наверх полз еле-еле.

Маленький ключ от номера крепился к массивному каучуковому брелоку с железной окантовкой. Номер оказался трехкомнатными апартаментами с тремя кроватями, тремя телевизорами, тремя мини-барами и кухней.

– Он огромный, Алиса! – воскликнула Лизон.

– Здесь все такое, – ответила подруга. – Гигантомания бодрит американцев. Гостиничные номера – не исключение. Когда принесут завтрак, увидишь размеры кофейных чашек, изумишься толщине газет. Жители этой страны вечно боятся, что им будет мало, и не могут остановиться. Успокаиваются, только соря деньгами. Увидишь завтра: машины, дома, улицы – все огромное. И люди толстые!

Лизон мгновенно уснула на кровати, которая в ширину была больше, чем в длину. Разница во времени и волнение сделали свое дело.

На следующее утро, открыв глаза, она обнаружила, что Алиса стоит рядом полностью одетая и улыбается.

– Отдыхай, – сказала Алиса. – Для моей маленькой нормандки путешествие оказалось слишком утомительным. А я прогуляюсь, возьму напрокат машину, куплю карту и сниму деньги. Много времени это не займет. Заказать тебе завтрак? Во Франции уже далеко за полдень!

Лизон кивнула. Потянулась на роскошном ложе и подумала, что путешествия и американский комфорт ей начинают нравиться. Она входит во вкус.

Алиса ушла, а пять минут спустя в дверь постучали. Лизон решила, что принесли еду, ринулась к чемодану, выхватила из кучи вещей пеньюар, надела его и застегнула все пуговицы. Не хватало еще,

чтобы усатый пуэрториканец с пронзительным взглядом решил, будто она с ним кокетничает.

– Сейчас, подождите минутку!

Эту фразу она произнесла по-английски и восхитилась своим нахальством. Слова, выученные за годы жизни с Аланом, как по волшебству всплыли в памяти.

Она открыла дверь.

Это оказался не официант. На пороге стояла строгая пожилая дама с волосами, стянутыми в высокий пучок. Несмотря на возраст, держалась она очень прямо.

– Лизон Мюнье?

– Да...

– Я Эмилия Арлингтон. Мне необходимо с вами поговорить.

У Лизон закружилась голова. Она жестом пригласила посетительницу войти.

– Думаю, вам нужна моя подруга, но она вернется не скоро.

– Нет, я хотела встретиться с вами, без свидетелей, и специально ждала на улице, когда уйдет Алиса Куин.

– Но... – Лизон внезапно испугалась. – Как вы узнали, что мы остановились в этой гостинице? Мы прилетели сегодня ночью.

– Я люблю быть в курсе. Привычка политика. Не бойтесь, я хочу только поговорить. Можно присесть?

Лизон смотрела на незваную гостью с недоверием, а та опустилась на стул, не дожидаясь приглашения. Лизон пыталась собраться, чтобы противостоять напору экс-сенаторши. В дверь снова постучали – на сей раз это был завтрак, действительно обильный, как и обещала Алиса, а официант вовсе не выглядел подозрительным.

– Что вам нужно? – спросила Лизон, надеясь, что голос не дрожит.

– Просто выслушайте меня. Я расскажу *мою версию* уже известной вам истории.

Лизон нервно закружила по номеру.

– Я предпочитаю дождаться возвращения Алисы.

– Выслушайте меня, маленькая дурочка! – раздраженно воскликнула Эмилия Арлингтон. – Мне за восемьдесят, бояться вам нечего. И перестаньте вести себя как все, не верьте Алисе Куин. Да сядьте же наконец! И не тряситесь! Ешьте ваш завтрак, если хотите, но слушайте внимательно.

Такой мне и описывали эту женщину, с тоской подумала Лизон, села и налила себе кофе в большую чашку.

Миссис Арлингтон достала из сумки листок бумаги. Копию банковской выписки.

– Обратите внимание на одиннадцатую строку в колонке расходов. Что вы видите, мадемуазель Мюнье? Снято: один миллион четыреста сорок тысяч долларов, наличными. Дата: 10 января 1946 года. Владелец счета: Оскар Арлингтон.

– Ну и что?

– А то, что Оскар расплатился с долгом в сорок шестом году! Мой сын отдал Алисе Куин миллион четыреста сорок тысяч долларов.

– Надеетесь убедить меня при помощи клочка бумаги?

– Ознакомьтесь с оригиналом можете в «Северном Кэпитал Банке». И не только с ним, но и со всеми операциями нашей семьи за семьдесят лет. Сотня лицензированных банковских служащих смогут их подтвердить.

Лизон не желала слушать эту женщину, ее доводы. Алиса предупреждала: Эмилия Арлингтон всемогуща, ни одно ее слово нельзя принимать на веру.

– В вашей истории кое-что не сходится, миссис Арлингтон. Как объяснить случившееся с вашим сыном в шестьдесят четвертом, если он все урегулировал с Алисой?

Старая женщина усмехнулась: рыбка на крючке!

– Сами поймете, если дадите себе труд подумать.

Эмилия Арлингтон последовательно, пункт за пунктом, изложила свою версию событий – второй раз, первым ее услышал Робин Легри десять лет назад, сразу после суда. Сомнения насчет пребывания Алисы в Австралии, идея заставить Арлингтонов заплатить еще раз, умение загипнотизировать, очаровать окружающих, хитрые уловки, позволяющие перетянуть всех свидетелей на свою сторону, и, наконец, кодекс чести семьи Арлингтон, не позволяющий открыть правду о подстроенном убийстве Оскара. Об Алане Ву не было сказано ни слова.

– Я знаю, что мой сын не покончил с собой.

Лизон очень нервничала, но пыталась рассуждать логически:

– Намекаете, что вашего сына убила Алиса? Это просто смешно!

– Почему вы не верите, что она могла решиться на подобное? Думаете, она недостаточно сильно его ненавидела?

– Вы выставяете Алису Куин жадной до денег стервой, считаете, что она за пятнадцать лет все промотала и захотела получить еще столько же? Ужасно глупо с вашей стороны! Мы живем вместе десять лет. Она почти ничего не тратит на себя, а ее деньги помогают людям. Алиса и не думает изображать скорбящую вдову, она до сих пор помнит и любит Лаки.

Миссис Арлингтон задумалась, потом сказала:

– Возможно, вы правы и она заставила нашу семью платить исключительно из ненависти.

– Зачем было ждать двадцать лет? Алисе плевать на богатство, вам тоже.

Сенаторша торжествующе улыбнулась.

– Не исключено, что сначала Алиса не замышляла ничего, кроме шантажа, для того и громоздила одну ложь на другую. Она могла даже считать себя вправе поступать подобным образом, рассуждая так: «Разве смерть Лаки не стоит больше, чем миллион четыреста сорок тысяч? Пусть богачи заплатят, Оскар остался жив благодаря Лаки, пусть поделится деньгами с его вдовой». Дело зашло дальше, чем планировала Алиса. Она встретила с моим сыном, а он отказался платить по второму разу. Образовался замкнутый круг. Несколько раз она чудом избежала смерти, вовлекла в эту историю людей, которых любила, но никто не смеет безнаказанно нападать на Арлингтонов! Быть может, ваша подруга осознала, что оскорбила, запачкала память Лаки Мэрри, что ненависть завела ее слишком далеко. Алиса – не легкомысленная дурочка, потому и не тратит деньги на пустяки. Но печаль этой женщины – маска!

Лизон почувствовала, что почва уходит у нее из-под ног.

– Я провела собственное расследование. И Алиса вовсе не та идеальная женщина, какой пытается себя выставить.

– Вам не все известно! – выкрикнула Лизон, в отчаянии цепляясь за то, что считалось секретом. – Две недели назад, в Нормандии, мы нашли еще доказательства. Два экземпляра договора. И письма!

– И что же в этих письмах? – невозмутимо спросила миссис Арлингтон.

– Ну...

Лизон вдруг показалось, что сенаторша все знает. Но откуда? Она чувствовала себя загнанной в угол. И зачем только Алиса оставила ее одну?

– Ну так что же? Письма подтверждают мои выводы, так? В них наверняка черным по белому написано, что мой сын погасил долг после войны. И кем письма подписаны?

Она знает! Эта женщина – дьявол.

– Алисой Куин, – прошептала Лизон. – Но...

Бедняжка вовсе не отреклась от подруги. Старая ведьма знает, следовательно, она и есть автор фальшивок.

– ...написаны они не почерком Алисы! Может, их посылал ваш сын, иначе откуда бы вам знать?

– Все секреты продаются, милочка, их можно купить даже на расстоянии. И все же не забывайте – мой сын заплатил в сорок шестом. Позвоните в банк, если до сих пор сомневаетесь. И скажите, почему вы считаете письма подделкой? Вам не приходило в голову, что почерк изменен не в письмах к Алану, а в тех, что вы получали от Алисы через двадцать лет после войны, – в письмах, призванных убедить вас в том, что с Аланом переписывалась самозванка. Вы уверены, что знаете, какой почерк подлинный?

– Да! – выкрикнула Лизон. – В письмах, которые получала я, почерк тот же, которым Алиса надписала свою фотографию для Лаки. Он отдал ее Алану вместе с договором в сорок четвертом, еще до всей этой истории!

Нет, Эмилия Арлингтон не загонит ее в угол.

– Вы повторяете аргументы, которые внушила вам Алиса. Но пораскиньте мозгами! Вы живете вместе уже десять лет. У нее было время подстроить чудесное обнаружение бумаг.

– Зачем Алисе весь этот спектакль? Через десять лет...

– Ради экземпляров договора, разумеется. Пока их никто не видел, дело нельзя было считать закрытым. Ваша мисс Куин прекрасно знала, что мои детективы продолжают копать.

Лизон хотела бы заткнуть уши. Позвонить, чтобы примчался пуэрториканец и вышвырнул дьяволицу.

– Вам не кажется странным, что Алан не взял с собой документы? – не сдавалась миссис Арлингтон.

Да, это было странно, но Лизон считала, что Алан боялся рисковать.

– Все дело в том, что он не оставлял папку, иначе вы бы ее нашли. Она была при нем в Америке, и это уже здесь кто-то забрал ее у Алана, привез в Нормандию и ловко подсунул вам.

Пусть она замолчит! – взмолилась Лизон.

– И этот кто-то – убийца Алана. Кто он? Или она? Кто, кроме Алисы, мог повернуть подобное? Кто, кроме нее, мог убить Алана?

Ну где же Алиса? Она должна быть здесь, защищаться, доказывать, что все это клевета. Наверняка есть другое, логичное, объяснение.

– Почему, по-вашему, Алан вернулся в Америку? – спросила Эмилия Арлингтон.

– Из-за надписи на снимке, – механически ответила Лизон. – Почерк на фото отличался от почерка в письмах.

– И Алан вдруг заметил это через двадцать лет? Любопытно! В тот самый момент, когда Алиса Куин приступила к осуществлению своего плана. Нет, все гораздо проще. Только мой сын и Алан Ву знали, что долг погашен, а значит, Ву следовало заткнуться или... исчезнуть. Под каким-то предлогом Алиса выманила его в Соединенные Штаты. Телефонный звонок, телеграмма. Она могла предложить ему поучаствовать в афере, он отказался стать сообщником, не захотел держать рот на замке. И она его устранила.

Лизон собрала остатки сил и бросилась в бой:

– Это *ваш* сын ночевал в отеле в тот день, когда Алана сбила машина в нескольких милях от Блю-Хилл! А оказался он там из-за объявлений, в которых говорилось: «Арлингтон не заплатил...»

– Вы зря считаете Оскара дураком, – возразила мучительница. – Убил Алана, но в Вашингтон не вернулся, а заночевал в гостинице, так, что ли? Полная чушь.

– Он зарегистрировался под чужим именем!

– В Блю-Хилл всего пять отелей, так что Оскара обязательно вычислили бы. Моего сына заманили туда, чтобы сделать козлом отпущения.

– А объявления?

– Я проверила – все они пришли в газеты по почте. Их мог составить любой. Знаете, выставить человека чудовищем совсем не трудно, если все заранее уверены в его виновности.

Лизон услышала шаги в коридоре и на секунду понадеялась, что возвращается Алиса, но человек прошел мимо, открылась и захлопнулась дверь соседнего номера.

– А грузовик, сбивший Ника Хорнетта? А взорванная квартира Алисы? Еще один ее *спектакль*?

– Нет. – Эмилия Арлингтон оскалилась. – Нет. Алиса не оставила мне выбора, она знала, что я буду молчать. Но эта женщина убила моего сына! Что ею двигало, ненависть или алчность, не знаю, но она его убила. Я должна была защитить честь Арлингтонов. Должна была отомстить.

– Убирайтесь! – взорвалась Лизон. – Я вам не верю!

– Задумайтесь, мадемуазель Мюнье, дайте себе труд. Только моя версия объясняет все. Я понимаю, как вам трудно, но попытайтесь осознать – ваша подруга убила человека, которого вы любили.

Эмилия Арлингтон протянула Лизон банковскую выписку:

– Оставляю вам этот документ, изучите его. Когда у вас не останется сомнений, придется смириться со всем остальным.

– Уходите!

– И последнее, мадемуазель Мюнье. Я вам верю. Вы ни в чем не виноваты. Возвращайтесь в Нормандию. Я твердо намерена уничтожить эту гадину Алису Куин. И устраню всех, кто попытается мне помешать. Против вас я ничего не имею, но советую понять наконец, кто ваш настоящий враг.

Лизон схватила счет, смяла его в комок и произнесла срывающимся голосом:

– Оставьте меня в покое!

– Подумайте. Спокойно подумайте. Как поступила я сама. И придете к такому же выводу. Манипуляция, опасная манипуляция. Ладно, ладно, ухожу...

Алиса вернулась через сорок пять минут и застала подругу неодетой, сидящей в кресле перед телевизором.

– Глядите-ка, – весело воскликнула она, – наша француженка быстро переняла американский стиль жизни. С утра пораньше смотришь тупое шоу! И к завтраку не притронулась. Скоро полдень, а ты все еще в халате...

Она вдруг заметила бледность Лизон.

– Бедная моя, никак не перестроишься? Если хочешь, остановимся у аптеки. Машину я арендовала, после обеда можем стартовать в Эшленд. Надеюсь, проблем не возникнет, хоть права я получила во Франции, а здесь никогда за руль не садилась. Ты меня не слушаешь, Лизон?

Алиса подошла ближе, наступила на бумажный шарик и наклонилась, но поднять его не успела.

– Не трогай! – отчаянно вскрикнула Лизон, схватила смятый листок и сунула в карман. Потом, не говоря ни слова, ушла в ванную, включила душ и долго плакала.

52

Лора Стерн

12 ноября 1975

Эшленд – Валентайн

Алиса вела «форд-флитвуд», чувствуя радостное возбуждение. Ей стоило огромного труда найти этот коллекционный автомобиль, но у нее получилось.

Она вспоминала, как десять лет назад они с Ником ехали по этой дороге, и на каждом перекрестке рассказывала Лизон что-нибудь смешное: «Здесь мы никак не могли обогнать парня, который тащился как черепаха, а тут радио затрещало, захрипело, просто ужас!»

Лизон не отвечала. Вела себя как сомнамбула. Она промолчала о визите Эмилии Арлингтон и теперь чувствовала себя предательницей. Мысли путались, она все глубже увязала в зыбучих песках отчуждения.

Алиса убила Алана.

Это невозможно, нелепо! Лизон пыталась убедить себя, что старуха оклеветала подругу, а если и нет, она ничего не хочет знать, предпочитает ложь правде. Господи, нет, что за глупости, Алиса ни в чем не виновата! Так почему бы не рассказать ей все?

Потому что...

Лизон чувствовала себя бесконечно одинокой в этой огромной машине, так далеко от Шато-ле-Дьябль и друзей – настоящих, тех, кого знала всю жизнь. Америка принесла ей только горе, отобрала тех, кого она любила. Алана, а теперь и Алису... Отец был прав – ей не

следовало покидать родную деревню. Прекрасных принцев не выносит прибоем на побережье Нормандии! Приключения не для нее. Лучше бы вышла замуж за Сисю – он об этом всегда мечтал! Завели бы детей, прожили всю жизнь вместе и умерли в один день.

Смерть...

Эмилия Арлингтон где-то рядом. Она убьет их – раньше или позже. Тогда все закончится и наступит покой.

Пусть взорвет эту машину на пустынном шоссе, пусть все случится мгновенно, чтобы они не мучились. Чтобы больше не думать, кто друг, а кто предатель. Убей нас! Убей меня первой, если хочешь.

– Лизон, ты нашла на карте Эшленда Бичер-стрит? – Не дождавшись ответа, Алиса забеспокоилась: – Лизон! Лизон, ты меня не слушаешь?

– Конечно... – тусклым голосом отозвалась подруга.

– Очень похоже, что ты заболеваешь. С самого приезда с тобой что-то не так. Плохая из тебя путешественница. Придется заглянуть в аптеку, а может, и к врачу.

– Не стоит, я в порядке.

Некогда скромный Эшленд теперь стоял на пересечении автомагистралей, став деловым центром из стекла и бетона. Но Бичер-стрит находилась на окраине. Дверь дома № 51б открыл небритый молодой мужчина с младенцем на руках.

– Как вы сказали? Куин? Нет, я ее не знаю, никогда не слышал.

– Она жила здесь с сорок шестого по пятидесятый, – сказала Алиса.

Парень присвистнул.

– Тогда понятно. Мы тут всего три года. Вам нужно обратиться к нотариусу, он теперь живет в Мэрридже, это соседний городок. У него милая секретарша, она в курсе всех его дел.

Алиса легко отыскала Мэрридж и контору местного нотариуса. Секретарша приняла их очень любезно.

– Сейчас посмотрим, – сказала она, выслушав Алису. – Итак, вас интересует, кто тогда жил в доме № 51б? Давно это было, но мы храним все сведения, ничего не уничтожаем.

Девушка поднялась на стремянку и сняла с верхней полки картонную коробку. Открыла крышку и достала папку, где лежал одинокий листок бумаги.

– Посмотрим... Сорок шестой год. Есть! Лора Стерн. Домохозяйка. Родилась двадцать пятого апреля тысяча девятьсот двадцать шестого. Прожила по этому адресу четыре года. Других сведений не имеется.

– Ничего о муже? – спросила Алиса.

– Нет, мы записываем только данные арендатора, который платит за дом. Были ли у нее муж и дети, сказать не могу.

Они побродили по Эшленду, но ничего полезного не узнали. Другой город, другие люди.

Они вернулись в центр, зашли в маленький сквер, находившийся по соседству с Музеем сельскохозяйственной техники.

– Он еще старомоднее нашего Музея Штурма! – надеюсь расшевелить Лизон, сказала Алиса. – Мы идем по следам Алана. Десять лет назад он тоже узнал адрес, побывал у нотариуса и выяснил имя – Лора Стерн. Кто она такая, эта Лора? Призрак? Нет. Призраки не вносят арендную плату за дом целых четыре года. На следующем этапе мы наверняка выясним много больше. Едем в Эффингем!

Лизон промолчала.

– Разница во времени ни при чем, милая, верно? Что происходит? Ты ведь хотела, чтобы мы занялись расследованием.

– Ничего со мной не происходит, – тихо сказала Лизон. – Я с тобой. Просто у меня меньше опыта в подобных делах. И места эти ты знаешь... Кажется, очень хорошо знаешь.

– Пожалуй, – ответила удивленная Алиса. – Но вообще-то не так уж и хорошо. Мы с Ником тратили на каждый этап не больше нескольких часов.

Переночевав в том же отеле, где Алиса с Ником останавливались десять лет назад (фасад здания недавно покрасили, управляющий тоже был новый), они выехали рано и засветло оказались в Эффингеме, таком же пустынным, как прежде. Статуя генерала Линфорда все так же охраняла покой главной площади.

В доме № 18 по Хайвуд-стрит давно никто не жил, о чем свидетельствовали выбитые стекла и заросший палисадник. Алиса

рискнула зайти во двор.

– Посмотрю поближе, мало ли что.

Лизон осталась на тротуаре. Второй день она жила как в аду, помимо своей воли все время наблюдая за подругой. А вдруг это она писала Алану? Что, если Алиса и Лора Стерн – одно и то же лицо? Ведет себя так, словно впервые попала в здешние места, но вдруг прикидывается? Вот что она бродит вокруг этого заброшенного дома? Может, только изображает интерес, а сама испытывает ностальгию? Лизон злилась на себя, понимала, что ведет себя недостойно, – и продолжала подмечать детали и толковать их. Недавно, на перекрестке, Алиса автоматически повернула направо, чтобы попасть на Хайвуд-стрит. А почему не налево, откуда она знает дорогу?

Лизон устыдилась и начала корить себя: какая разница, куда повернула Алиса, хотела бы что-то скрыть, притворилась бы, что заблудилась. Лизон чувствовала, что сходит с ума, и едва не крикнула: «Лора!» – проверить, не обернется ли Алиса.

В саду не нашлось ничего интересного, и они пошли назад по длинной, застроенной кирпичными домами улице к площади Генерала Линфорда. Алиса решила навестить старушку, с которой разговаривала десять лет назад, но их встретила запертая на большой навесной замок дверь.

На другой стороне улицы стукнули ставни, и Алиса с Лизон обернулись.

В окне появился мужчина лет семидесяти и удивленно уставился на них.

– Что вы хотите? – спросил он, надевая очки. – О, я вас помню, вы тут уже были.

У Лизон бешено заколотилось сердце. Алиса молчала.

– Десять лет назад вы приходили с мужчиной, так? У меня прекрасная память! Я днями сижу у окна, с тех пор как меня спровадили на пенсию. В пятьдесят лет, представляете! Вы снова приехали к Моне?

– Да... Если она живет в этом доме.

– Жила, – поправил старик. – Бедняжка умерла три года назад.

– Как жаль.

– Еще как жаль. Грустно видеть закрытые ставни, если в окне полвека мелькала соседка. Все ее звали Моной – за загадочную улыбку.

А что у вас к ней за дело?

– Мы ищем кого-нибудь, кто жил здесь лет двадцать пять назад...

– Уже нашли! Я прожил тут всю жизнь. Дети уехали на юг, жена перебралась в большой город, но я держался, как генерал в осажденной крепости.

Алиса объяснила, что они ищут Лору Стерн, которая жила в Эффингеме между 1950-м и 1958-м, с двумя детьми.

– Трудно сказать, – задумчиво произнес мужчина. – В пятьдесят седьмом, до закрытия кожевенного завода – хозяева, чертovsky ублюдки! – здесь было в три, а то и в четыре раза больше народу. Люди приезжали, уезжали. Говорите, маленький ребенок? Вам нужно поговорить с Дженнифер Торинг. Сошлитесь на меня. Дженнифер всю жизнь проработала учительницей. Живет она совсем рядом, в маленьком домике между складскими ангарами с какой-то химической отравой. Не захотела переселяться. Раньше ее дом стоял в полях, а теперь мимо пронесется тысяча грузовиков в день! Но протестовать некому, из жителей остались одни старики.

Четверть часа спустя Алиса и Лизон брели по пыльной дороге и вскоре увидели маленький, почти кукольный домик с яркими ставнями, цветастыми шторами и сохнувшим на веревке бельем.

– Входите же, входите поскорее, – позвала с порога мисс Торинг. – Внутри намного тише.

Алиса в очередной раз изложила цель их приезда.

– Лора Стерн? – переспросила бывшая учительница. – Мальчик родился в пятьдесят первом? Сейчас посмотрю.

Она поднялась по скрипучей лестнице на второй этаж и вскоре вернулась с классным журналом красного цвета.

– Это за пятьдесят седьмой год, – пояснила учительница. – Так вас интересует Стерн? Да, вот он. Майкл Стерн, шесть лет...

К последней странице скотчем был приклеен большой коричневый конверт с групповой фотографией.

– Обычно я подписывала на обороте имена всех детей. На имена-то у меня память не очень, а вот лица я всегда хорошо запоминала. Кажется, вот Майкл Стерн. На снимке не видно, но он был рыжим. Обычный мальчик, спокойный, довольно способный. У его матери тоже были рыжие волосы. Верно?

– Я не знаю, – ответила Алиса.

– Красивая женщина, насколько я помню, стройная. Лица не опишу, но она была хороша. Немного похожа на вас... – Учительница посмотрела на Алису. – Мои коллеги-мужчины на нее засматривались, когда она забирала сына после уроков, но у нее имелся спутник жизни, я помню.

– Мы продвигаемся, Лизон, продвигаемся! – Алисе хотелось подбодрить подругу. – Рыжеволосые мать и сын... Ты спишь?

– Нет-нет, я слушаю.

– Когда мы с Ником ехали в Валентайн, я всю дорогу спала. Подумать только – Лора Стерн, женщина из плоти и крови. Она и не думала прятаться. Может, была любовницей Оскара Арлингтона? Боже, да что с тобой такое? – Алиса съехала на обочину. – Объясни наконец, в чем дело, Лизон! Ты сама не своя с тех пор, как мы прилетели, и как будто что-то скрываешь от меня. Словно тебя что-то гложет!

– Надеюсь, ты не переворачиваешь все с ног на голову... – едва слышно пробормотала Лизон, уткнувшись лбом в стекло.

– Что ты там бормочешь? Мы проехали почти тысячу миль, дело движется, а ты в прострации!

Лизон выпрямилась. Она была на грани нервного срыва и не сводила глаз с ночных бабочек, разбивающихся о лобовое стекло.

– Что ты ищешь, Алиса?

– То есть как – что я ищу?!

– Зачем ты гонишься за этой рыжеволосой женщиной? Минуту тридцать лет, все давно в прошлом. Дело в деньгах? Но у тебя они есть. Мечь? Ненависть? Я не понимаю.

– Что происходит, Лизон? Это ведь твоя идея. Ты захотела отправиться в Америку. Ради Алана...

Лизон чувствовала себя мотыльком, летящим на гибельный свет.

– Алиса, у тебя были друзья в Австралии? Почему ты никогда о них не рассказываешь? У тебя осталась с ними связь? Ты ведь жила там дольше, чем в Нормандии.

Алису удивил внезапный напор, но она обрадовалась, что подруга ожила.

– В Австралии я вела очень одинокую жизнь, Лизон. Постоянно переезжала с места на место, скрывалась, как только переставала быть

невидимкой, когда торговцы начинали со мной здороваться, соседи задавали вопросы, коллеги зазывали в гости. Я хотела исчезнуть, из-за Лаки. Понадобилось много лет, чтобы я вернулась к жизни.

– Получается, в Австралии тебя никто толком не знает?

– Нет... – Алиса улыбнулась. – Для австралийцев я такая же загадка, как Лора Стерн для нас с тобой.

Лизон снова прижалась к стеклу мокрой от слез щекой.

– Если не хочешь разговаривать – не беда, дорогая. Поспи. Поверь, мы выйдем на след. Женщина с двумя детьми не может исчезнуть. Ты выглядишь такой потерянной без своей любимой Нормандии. Все эти годы во Франции ты поддерживала меня. Заставляла встречаться с твоими друзьями, ходить в бар, гулять в ландах. Без тебя я бы давно превратилась в безумную старую деву. Теперь моя очередь, доверься мне, Лизон.

Смотри не потеряй меня... – подумала Лизон.

«Форд» тронулся с места.

Она и правда чувствовала себя четырехлетней девочкой, которую мать впервые привела в детский сад, велела дать руку незнакомой женщине и ушла. Зачем она тут? Почему ее бросили?

Часа два они ехали молча, потом Алиса сказала, что очень устала, они остановились в первом же мотеле, а с рассветом снова тронулись в путь и были в Валентайне еще до полудня. Городок совсем не напоминал уютный туристический уголок из воспоминаний Алисы. Сикоморы с голыми ветвями уныло отражались в озере. Солнце не соизволило появиться на небе и просушить воздух. Наверное, Алиса была необъективна, но это место ассоциировалось у нее исключительно с грузовиком-убийцей.

Молодая учительница мисс Генри очень хотела помочь им, но ничего не знала. Дольше всех в школе работала ее коллега, приехавшая в город семь лет назад. Зато в школе есть архив! Она провела их к старомодным шкафам, занимавшим полкоридора. Записи хранились в идеальном порядке.

– Так, тысяча девятьсот шестьдесят второй... Майкл и Дженни Стерн... Вот их фотографии. Хотите взглянуть? Милые, правда?

Дом № 2681 по Танлоу-Хай – адрес, указанный на конвертах. Улица оказалась тупиком на холмах, прямо над плотиной. Они въехали

во двор, где чета пенсионеров выпалывала траву на гравийной дорожке.

Появление незнакомок внесло разнообразие в тусклую повседневность стариковской жизни. Вряд ли ведущий телевикторины, сулящий миллионы за правильный ответ, обрадовал бы их больше.

– Люди, жившие в доме до нас, они вас интересуют, да? – спросил старик.

– Ну да, они ведь только что это сказали, пеня ты беспамятный! – возмутилась его жена. – Мы видели их всего раз, пересеклись случайно. Мы приехали немного раньше, чем договаривались, уж очень хотелось поскорее вселиться в дом над озером, а они собирались уезжать. Мы провели вместе часа два. Сидели вон на той скамейке позади вас, пока грузчики носили вещи. Двенадцать лет назад это было.

– Да, пришлось подождать, – вмешался старик. – У них, кстати, была чертова прорва вещей. Пианино, картины, всякие голые статуи, шикарная мебель...

– Да что ты в этом понимаешь! – снова возмутилась его жена.

– Не обращайтесь на нее внимания... – Старик подмигнул Алисе и Лизон. – Она-то не помнит.

– А как они выглядели? – спросила Лизон.

– Рыжие! – воскликнул муж, по-детски радуясь, что опередил жену.

– Да, – подтвердила та, – и женщина, и детки рыжие.

– А я что говорю? Мамаша была красавицей, и вся такая... гм... аппетитная, вот как вы, мисс!

Алиса смущенно улыбнулась.

Лизон смотрела на озеро – ее словно тянуло вниз, кружилась голова, а ведь в Шато-ле-Дьябль она гуляла по скалам, по самой кромке обрыва.

– Пора тебя в богадельню сдать, – сурово сказала старуха. – Там с тобой цацкаться не станут, похабник несчастный. Вы уж извините его, он таким не был.

– Нечего ругаться, им нужны подробности, вот я и рассказываю, что помню. Муж был одного с ней возраста, темноволосый, обычный. Не такой интересный, как она...

– Лучше вспомни их фамилию!

– Стерн? – спросила Алиса.

– Точно! Стерн. Сама я никогда бы не вспомнила.

– А они не сказали, куда едут? – спросила вдруг Лизон.

Старик кивнул:

– А как же, сказали.

– Нет, не сказали, – не согласилась с мужем старушка.

– А я говорю – сказали! Уже перед самым отъездом. Я поболтал с парнем. С красоткой-то опасно было, гарпия моя следила за мной. Но вот название места вылетело из головы.

– И с чего бы ему откровенничать с тобой?

– Не сбивай меня. Черт, не могу вспомнить!

– Блю-Хилл! – выпалила жена. – Они решили переехать в Блю-Хилл, что в Оклахоме!

Ну конечно, подумала Лизон. Там все и закончится.

Больше в Валентайне подруги ничего не узнали. Они так устали, что заночевали в заведении мисс Парк, а утром следующего дня отправились в Блю-Хилл.

У людей, выбиравших название для деревни, было замечательное чувство юмора. Мало того, что голубой цвет не присутствовал ни в каком виде, так еще вокруг, до самого горизонта, не наблюдалось ни единого холма, даже намека на возвышенность.

Сейчас городок представлял собой одну длинную улицу, по сути – отрезок национального шоссе 108. На задах высоких узких домов пестрели палисадники, редкие перпендикулярные дороги вели к окрестным деревням.

Жители использовали внушительный арсенал средств, чтобы принудить автомобилистов сбрасывать скорость. Въезд украшала монументальная деревянная арка, обвитая плющом, совсем как в средневековом городе или замке. Следом – ярко-красные «лежачие полицейские», а чуть дальше начинались обманки того же цвета. На тротуарах, у самой кромки, привлекали взгляд картонные дети в натуральную величину: казалось, еще секунда – и малыши в шортах кинутся под машину, чтобы перейти на другую сторону.

А вдруг с Аланом действительно произошел несчастный случай? – думала Лизон. Банальная авария на скоростном шоссе. Очень удобная авария, решившая проблему. Господи, как же хочется вернуться домой, в Нормандию, и все забыть!

Мэри Таннер была вроде цербера у школьной ограды. Ни один ребенок не сумел бы проскользнуть мимо нее и выскочить на шоссе 108. Алиса и Лизон поздоровались, и она охотно вступила в разговор.

– Помню ли я тех, кто учился здесь больше десяти лет назад? Я охраняю эту калитку на три года дольше! При мне не произошло ни одного несчастного случая во время перемены, я не выпустила со двора никого из детей. За тринадцать лет – ни одного! Кого вы ищете?

– Майкла и Дженни Стерн.

– Шестьдесят третий, шестьдесят четвертый, – мгновенно ответила Мэри Таннер. – Они недолго здесь прожили, но я помню, потому что это были первые годы моей работы. Два милых рыжих ребенка. Девочка – умненькая и бойкая для своего возраста. Ее брат Майкл поспокойнее. В общем, ничего особенного. Их мать – тоже рыжая – не работала, вела дом. Я ее видела, они жили недалеко, за площадью Рузвельта. Дома там снесли и построили кинотеатр. Ребята шли домой пешком, если не было дождя, и меня это, честно говоря, слегка тревожило, хотя Майклу к тому моменту исполнилось двенадцать.

– Можете описать мать? – спросила Лизон.

– Вряд ли. Я видела ее только под зонтом, а волновали меня проезжавшие мимо машины. Муж – не уверена, что они были официально женаты, – появлялся совсем редко. Он работал на стройке, тут недалеко. Занимался канализацией. Семья уехала, когда строительство закончилось. Куда? Об этом мне ничего не известно, они не сказали и вестей о себе не подавали.

Алиса и Лизон сели в машину и доехали до насыпной, цвета охры, парковки. За ней находился маленький кинотеатр «Рузвельт». Белое здание украшали уродливые афиши «Крестного отца 2» и «Челюстей». Стая голубей и воробьев кормилась у дверей остатками попкорна, который выметали из зала после сеанса.

Они вышли, постояли рядом со своей винтажной машиной, оглядывая окрестности.

– Вот ведь глупость! – вздохнула Алиса. – Мы не можем просто взять и потерять след! Куда-то же они уехали, эти Стерны? У ее детей были друзья...

– Это конец путешествия, Алиса, – отозвалась Лизон. – Алан тоже больше ничего не нашел. Думаешь, что едешь в крошечный городок в одну улицу, который можно промахнуть на скорости в сто километров в час, но он оказывается тупиком, конечной остановкой. А национальное шоссе – картонной декорацией. Все, приехали!

– Я знаю, что ты чувствуешь, – сказала Алиса.

Лизон хотелось завизжать: «Нет! Не знаешь!» Путешествие вот-вот закончится, она так устала.

Здание мэрии стояло между кинотеатром и большой детской площадкой. За ним Эмилия Арлингтон и бросила свою машину с открытой дверцей, а сама укрылась за деревом, пристроив на нижнюю ветку винтовку *Garand M1*. Позиция была выбрана идеально: Алиса неподвижно стояла метрах в ста напротив нее. Промахнуться просто невозможно.

Эмили Арлингтон было восемьдесят три года, но рука у нее твердая, как прежде. Она не дрогнула два месяца назад, когда пришлось пристрелить чистокровку Смоки, который едва не затоптал Дэвиса в конюшне. Она пустила пулю в голову жеребцу, превратившемуся в демона, а уж эту мерзкую тварь уничтожит не раздумывая! Глупая нормандка пусть живет, она ни в чем не виновата.

Прицелиться в сердце суки, преследующей ее мертвого сына.

Выдохнуть, нажать на спусковой крючок.

53

Конец

16 ноября 1975

Блю-Хилл, штат Оклахома

По городку разнесся сухой хлопок.

Стая птиц, кормившаяся у кинотеатра, взметнулась в воздух, забыв о грязно-белых шариках попкорна.

Все замерло.

Звук донесся от деревьев, росших на другой стороне парковки.

– Там! – крикнула Лизон, ясно различив коренастый силуэт и блеск металла.

Алиса обернулась.

Силуэт медленно отделился от дерева, и подруги узнали Эмилию Арлингтон. Она как будто пыталась опереться на свое оружие. По голубой ткани расплывалось красное пятно.

Кровь!

Сенаторша пошатнулась, выронила винтовку, хотела ухватиться за дерево, не сумела и тяжело рухнула на землю.

– Чуть не опоздал, – сказал кто-то, и голос показался Алисе знакомым.

Женщины повернулись.

От детской площадки к ним шагал Ник Хорнетт. Запыхавшийся, но улыбающийся. Он слегка постарел и совсем поседел, что очень шло к его загорелому лицу.

– Не хочу вас пугать, дорогие, но мы чудом избежали смерти. Старуха едва меня не опередила, я выстрелил за секунду до нее...

Сыщик подошел к дереву, наклонился над миссис Арлингтон, она была без сознания. Рана выглядела устрашающе, но не была фатальной.

– Что вы тут делаете, Ник? – спросила Алиса.

Ты все такая же красавица, любимая. Бледновата, но хороша. Воздух Нормандии тебе к лицу. Зато я мог бы предложить бразильский загар.

– Разве не вы меня вызвали? – удивился Ник. – Неужели моя телеграмма не дошла? Ну вот он я...

– Ровно в тот самый момент, когда она собиралась выстрелить? Просто чудо.

– Не совсем. Я уже пару дней не отстаю от вас ни на шаг. И не спускаю глаз с мегеры.

– Но зачем, Ник? Почему вы не дали о себе знать?

Потому что я профессионал, Алиса.

– Учусь на своих ошибках. У меня остались плохие воспоминания о прошлой поездке, тогда за нами следили от Вашингтона до Валентайна, вот я и подумал, что враг решит применить ту же тактику. И не ошибся – старушка Арлингтон лично преследовала вас. Оставалось ждать и вступить в игру в нужный момент. Я хотел взять ее на месте преступления.

– Значит, вы все время были у нас за спиной?

– Да, мне нравится роль ангела-хранителя. Я не терял из виду ваш «Флитвуд», но был деликатен, как человек-невидимка. Мне приятно, что вы выбрали эту машину, Алиса. Свою я продал за сто тридцать долларов, а вы наверняка за аренду заплатили намного больше.

– Но тогда почему вы сказали, что чуть не опоздали? – не успокаивалась Алиса.

Все так же внимательно к словам.

– Теперь можно признаться. В этой треклятой деревне одна улица – поди спрячь машину! Я оставил ее на отшибе, вернулся пешком, а эта гадина испарилась! Заметил ее в последний момент, под деревьями, остальное было делом техники. Я могу попасть в муху, летящую в миле. Отчет устраивает, босс?

– Вполне, Ник. Познакомьтесь, это Лизон.

Они обменялись рукопожатием.

Лизон все еще трясло.

– У нас будет время узнать друг друга как следует, – сказал Ник.

Алиса пошла в мэрию вызвать «скорую», а Ник с Лизон понесли Эмилию Арлингтон к машине. Пуля попала ей в плечо, и она уже очнулась.

– Куин... – прошипела она. – Почему Господь всякий раз защищает ее?

– Потому что Он защищает невинных, – ответил Ник.

– Заткнитесь, Хорнетт! Вы продали душу дьяволу!

– Сами заткнитесь, или я вас брошу.

Сенаторша поморщилась от боли, когда ее без особых церемоний уложили на заднее сиденье.

– «Скорая» будет через пять минут, – сообщила вернувшаяся Алиса.

– Вы ничего не знаете, Хорнетт! – с ненавистью проскрипела Эмилия. – Поговорите с этой нормандской идиоткой. Она все знает – и молчит!

Алиса и Ник посмотрели на Лизон.

– Что вы ей наговорили?! – выкрикнула Алиса. – Это вы довели Лизон до такого состояния?

– Я всего лишь сказала правду. Спросите у нее сами...

Она закрыла глаза. Уже слышался вой сирены: «скорая помощь» неслась, не обращая внимания на картонных детишек. Санитары погрузили сенаторшу, и машина умчалась.

С минуты на минуту должны были появиться полицейские. Алиса и Ник вопрошающе смотрели на Лизон. Какое сомнение старая дрянь поселила в душе француженки? Причин молчать больше не было, и Лизон рассказала все – монотонно, механическим голосом, словно ее устами говорила Эмилия Арлингтон.

Сыщик то и дело прерывал Лизон, восклицая: «Вот ведь старая сука!»

– Ник, позвольте ей закончить... – мягко попросила Алиса.

Лизон показала смятую копию банковской выписки, но документ Ника не заинтересовал.

– Как можно было поверить в этот бред?! – кипятился он, глядя в глаза Лизон. – Версия карги выстроена на одной-единственной детали: Оскар Арлингтон якобы заплатил в сорок шестом году. Где доказательства? Выписка! И она думает, что мы это проглотим! Капитал банка на восемьдесят процентов состоит из денег семейства Арлингтон. Она завтракает и обедает с банкирами, играет с ними в гольф. В Америке вряд ли отыщется нечто, заслуживающее меньше доверия, чем финансы любого политика! – Ник с брезгливой гримасой изучил выписку. – Ни исправлений, ни одной даже самой пустяковой поправки... От этой бумажки за версту несет подлогом.

Все, наивная ты нормандка, я прыгнул выше головы!

Запальчивость Ника успокоила Лизон. Он прав, конечно же прав! А она идиотка. Дура набитая. Предательница, усомнившаяся в Алисе...

– Так дело в этом, Лизон? – с бесконечной нежностью в голосе спросила Алиса. – Не беспокойся, я докажу, что жила в Австралии начиная с сорок пятого года, что не получала никаких денег, не возвращалась, чтобы отправлять письма Алану, никого не убивала. Я работала, платила за квартиру. Ты получишь доказательства.

– Ну и гадина! – не мог угомониться сыщик.

– Будьте конструктивнее, Ник! С самого начала, с первой встречи с Эмилией Арлингтон, мне кое-что не давало покоя: она казалась искренней. Во всяком случае, в своей ненависти ко мне. Миссис

Арлингтон уверена, что Оскар не убивал себя, и все, что она изложила Лизон, совсем не похоже на ловко состряпанную ложь.

Лизон взглянула на Алису. Ведь она почувствовала то же самое, потому и усомнилась.

– Старуха потеряла связь с реальностью, – хмыкнул Ник. – Она долго убеждала себя и в конце концов поверила, что права. Эмилия могла быть искренней – и заблуждаться. Ну разве сенаторши самолично отстреливают врагов? По мне, так это чистое безумие!

У Лизон стало легко на душе.

Их разговор прервало появление шерифа. Они отправились в его офис, чтобы дать показания. Дело затянулось, после беседы с ними шериф решил связаться с Госдепартаментом. Ответивший чиновник был уклончив, посоветовал все задокументировать и прислать в Вашингтон полное досье. Копий не делать.

Алиса, Лизон и Ник провели в Блю-Хилл три дня, опросили всех жителей, но Стернов мало кто помнил. И никто понятия не имел, куда они подались.

– Проведем здесь отпуск? – спросил Ник под конец третьего дня.

Тем вечером он выглядел страшно разочарованным. Рухнул в ротанговое кресло и задумался. Алиса и Лизон пытались читать.

– Из этой истории вышел бы классный роман, согласны, девочки? Нет? Вам все равно? Проблема в том, что необходим ударный финал. Только представьте возмущение читателя, если я брошу его затерянным в оклахомской глуши. Мол, прости, приятель, последняя глава отсутствует. Мы никого не нашли. Недоволен? Сам ищи! А как найдешь, сообщи, и я напишу продолжение. Второй том!

Женщины смотрели на Ника, не зная, что сказать.

На следующее утро они решили вернуться в Вашингтон. Ник вел свой кабриолет с переделанными педалями и рулем – правая рука и нога плохо гнулись и затекали после долгого пути. Алиса и Лизон держались следом, чуть приотстав, и пытались говорить о чем угодно, только не о проваленном расследовании.

Ник напряженно размышлял. У них есть все части пазла, так почему ему кажется, что их можно сложить иначе и получится более логичная картина?

Нужно все разобрать и взглянуть на детали под другим углом.

Я считал старуху виновной. Готовой на все, чтобы избежать скандала. Она виновата в том, что знала о долге Оскара, но не заплатила. Убила Алана Ву, подтолкнула сына к самоубийству, пыталась прикончить нас – и все во имя пресловутой чести семьи. Эта версия событий выглядела самой правдоподобной, но если принять во внимание интуицию моих спутниц, да и твою собственную, и если Арлингтон не врет, что тогда получается? Нет, нельзя рассуждать как сенаторша, я должен исходить из того, что правду говорит Алиса!

Прошло десять лет. А она все так же хороша. Мы по-прежнему понимаем друг друга с полуслова. Значит, любовь никуда не делась? Это вряд ли, Ники. Мало перемешать ингредиенты, необходимо нечто большее. Твоя любовь к Алисе жива, но пылает не так жарко, как прежде. Еще не зола, но уже угли. Хочешь раздуть пожар, приложи усилия, подбрось дров. Эй, старик, ты уходишь в сторону. Вернись на землю. Итак, предположим, что правду говорят обе. Возможно ли такое? В 1946-м Оскар действительно выложил 1 миллион 440 тысяч долларов, но заплатил не Алисе, она ничего не получила. Что из этого следует? Гипотеза № 1. Оскар отдает деньги подружке. Например, Лоре Стерн. Она растит его детей, о которых никто не знает. Но зачем он снял со счета именно эту сумму? Хотел обмануть свою властную мать? Забавно... Гипотеза № 2. Оскар считает, что передает деньги Алисе, но дело имеет с аферисткой, Лорой Стерн, которая его попросту надула. Исключено: у Оскара есть экземпляр договора и фотография невесты Лаки. Впрочем, это легко обойти. Есть возражение посерьезнее: изобразить Алису, чтобы захватить полтора миллиона, мог лишь человек, знавший историю с договором во всех деталях. Так кто она – Лора Стерн? Напрашивается единственный вывод, старик...

Четыре часа спустя Ник мигнул фарами, и машины заехали на парковку, не дотянув семьдесят миль до Литл-Рока.

Алиса и Лизон пили за столиком чай, Ник – кофе, стоя перед большой картой штата Арканзас.

– Мы будем в тридцати милях от Топики. Помните, кто там живет?

– Нет, – Алиса покачала головой. – Элвис Пресли?

– Уточняю – вопрос имеет отношение к нашему делу.

– Лора Стерн? Вы знали – знали с самого начала, а говорите только сейчас! Гадкий шутник.

Ник улыбнулся.

Не раздувай угли слишком усердно, Алиса, огонь может ожить! А я не в том возрасте, чтобы прыгать в костер.

– Как же мне не хватало вашей язвительности, дорогая. Мои бразильянки – загорелые красотки, но с португальским у меня все еще туго, так что поболтать не с кем. В Топике живет не Лора Стерн, а наш старый друг Ральф Финн. Дрочила. Во всяком случае, десять лет назад, когда шел процесс, он там жил. У меня в досье должен быть точный адрес. Заглянем повидаться?

– Ну... – с сомнением протянула Алиса.

– Это почти по дороге. Я ведь никогда его не видел. Когда вы с ним встречались в Вашингтоне, я валялся на больничной койке.

– Я помню, – кивнула Алиса. – Пришлось надавить, чтобы он дал показания. Ладно, Ник, вы правы, это достойное завершение нашего ностальгического турне. В путь!

Топика оказалась хаотичным городом без собственного лица, похожим на своих провинциальных собратьев, которые росли слишком быстро. Путешественники час искали квартал Черри-Уэст, где жил Ральф Финн.

– Нику, как всегда, пришла в голову блестящая идея! – сказала Алиса. – С нашим везением наверняка окажется, что Ральф переехал семь лет назад.

Дорогу им объяснила дама, выгуливавшая собачку.

– Дом шестьдесят три? Направо, потом еще раз направо. Последний дом в конце тупика. Не заблудитесь.

Они легко нашли нужный дом.

Припарковались.

Увидели.

Алису и Лизон охватило странное чувство – вот он, конец следа. Здесь, в этом тупичке, они получают ответы на все вопросы, не дававшие им покоя столько лет, здесь узнают разгадку всех тайн. В доме 63 по Черри-Уэст.

Ник заглушил мотор.

Ты гений, дружище. Гениальный детектив. Слегка туповатый, уж слишком долго соображал. Но это лучшее дело в твоей карьере!

Юная девушка пыталась удержать равновесие на роликовых коньках, младшая сестра ехала следом на велосипеде. Мать смотрела на них из сада, развешивая белье.

Ничего особенного. Обычный городской проулок. Вот только волосы у женщины и девочек были рыжие.

54

Убедительное доказательство

20 ноября 1975

Черри-Уэст, 63, Топика, штат Арканзас

Алиса и Лизон выбрались из машины. Они окончательно перестали что-либо понимать. Пазл рассыпался.

Женщины молча смотрели на Ника, боясь допустить оплошность.

Зато сыщик казался абсолютно уверенным в себе.

Рыжеволосая женщина и очень похожие на нее девушка и девочка помладше смотрели на чужаков. Женщина улыбнулась. Других домов в тупике не было, и она, похоже, приняла их за туристов.

Будь осторожен, Ник, ты не имеешь права на ошибку.

– Вы Лора Стерн?

– Да.

– Меня зовут Ник Хорнетт, а это Алиса Куин и Лизон Мюнье.

Взгляд Лоры застыл. Безмятежное лицо помертвело.

Она была уничтожена. Выглядела как человек, в один миг лишившийся всего, как приговоренный к смерти, за которым явились надзиратели.

– Пойдемте в дом, – бесцветным голосом сказала она. – Девочки, вы еще погуляйте, но далеко не уходите. Мне нужно поговорить с этими людьми.

– Кто они? – спросила старшая.

– Они...

Боясь расплакаться при детях, Лора резко повернулась и пошла в дом.

Гостиная ошеломляла роскошью, но роскошь эта была какая-то странная. Неуместная. Картины, мебель, ковры, скульптуры... Все слишком элегантно, антикварное, утонченное, чтобы быть подлинным в таком заурядном доме.

И тем не менее подделок в комнате не было, а обстановка обошлась в целое состояние.

Хозяйка и гости устроились на угловом диване цвета ряски.

– Как вы меня нашли? – спросила Лора Стерн.

– Перебрали все другие варианты, остался единственный.

– Ну конечно... – Она кивнула. – Я знала, что этот день наступит. Всегда знала... Четверть века я тряслась от страха – за себя, за Ральфа, особенно за детей, но пять лет назад начала верить, что все позади. Думала, что мы в безопасности, что давняя история забыта. Вы должны были появиться раньше! Не теперь! Это слишком жестоко.

Не делай резких движений, детектив. Поджарь ее на медленном огне. Она еще ни в чем не призналась. А ты понял едва ли десятую часть всей истории... Не торопись.

– Больше вам бояться нечего, – сказал Ник.

– Может, так даже лучше. Уж больно тяжело хранить подобную тайну. – Она с отвращением обвела взглядом гостиную.

– Облегчите душу, Лора. Расскажите нам все.

Женщина колебалась.

Стоп-стоп-стоп, Ник! Сначала надо загнать ее в угол. Осторожно, не то она сообразит, что тебе ни черта не известно, и выскользнет из сетей. Эту газель нужно парализовать, убедить, что все потеряно и бегство не выход, а самоубийство...

Пауза длилась, тишина становилась невыносимой.

– Можете все отрицать, миссис Стерн, – заговорила Лизон. – Отпирайтесь, молчите, рассказывайте сказки, возможно, вы обманете правосудие и избежите наказания. Но сумеете ли вы избавиться от нас с Алисой? Сумеете ли прожить хоть один день с миром в душе? Мы настроены решительно, у нас никого нет, нам некого защищать. И мы не оставим вас в покое, пока не признаетесь. Ваше единственная надежда, что мы пойдем и попытаемся простить.

Вот ведь чертовка! Кто просил давить на нее, Лизон.

Лору Стерн тирада Лизон впечатлила.

– Вы правы, – сказала она. – Я выдала себя, услышав ваши имена. Оказалась не готова. Я не знаю точно, что вам известно, но рано или поздно вы выясните все, так почему бы мне не облегчить душу. Одному богу ведомо, что еще способен сотворить Ральф.

Ого, Ники, ты можешь идти гулять, твои дамы, похоже, и сами во всем разберутся.

– До войны Ральф был нормальным парнем, – начала Лора. – Не лучше, но и не хуже других... У нас было много планов, мы мечтали о простой, обычной жизни. С фронта он вернулся другим человеком, хотя с виду был все таким же спокойным, милым и немного робким. Но я чувствовала, что в его душе поселились ненависть и ярость. Наверное, во всем виноваты ужасы войны... А еще Ральф поумнел. Знаете, мисс Куин, он очень любил Лаки. Он рассказал мне историю о договоре между Лаки и Оскаром Арлингтоном. В сорок пятом, почти сразу после его возвращения, мы поехали в Вашингтон. У нас был ваш адрес, но консьержка сообщила, что вы исчезли, испарились, не подавали о себе вестей после отъезда в Нормандию. Она сказала, что ходили слухи, будто вы покончили с собой, что разыскивали вас только родные, а про Оскара Арлингтона она ничего не знает.

Ральф был жутко удручен. Мы отправились выпить в кафе у Потوماка. Никогда не забуду тот день. Ральф впервые выпустил свой гнев на волю: «Какая гнусность! Арлингтон выйдет сухим из воды. Не заплатит ни цента! Эти богачи вечно отделяются легким испугом, а такие, как мы с Лаки, хлебаем дерьмо!»

Я попыталась успокоить его, убедить, что Оскар может отдать долг родителям Лаки, но он меня не слышал. На целую минуту ушел в себя – и придумал план! Очень простой... «Черт, Лора, если нам хватит смелости, мы провернем фантастическое дело. И без малейшего риска. Оскар не знаком с Алисой Куин. Лаки дал ему фотографию, но она сгорела в джипе вместе с экземплярами договора и имуществом рейнджеров. Ты снимешь пустующую квартиру Алисы Куин, и нам останется только ждать. В один прекрасный день явится Арлингтон, позвонит в дверь и спросит: “Вы мисс Алиса Куин?” Ты ответишь: “Да-да...” Он вручит тебе полтора миллиона, ты произнесешь две-три прочувствованные фразы о Лаки, и вы расстанетесь».

Ральф все говорил и говорил, он уверовал, что план безупречен. «Если Оскар не придет – вряд ли ему хочется платить! – ты

отправишься к нему сама, напомнишь о долге, пригроишь обратиться в газеты и устроить скандал. Гарантирую – через неделю он приползет, держа в зубах полтора миллиона долларов! Придется оставить на почтовом ящике и на двери фамилию Куин, но не волнуйся, никто не обратит внимания. Подозрений ни у кого не возникнет. Алан Ву погиб в Нормандии. Алиса Куин наложила на себя руки. Оскар не станет кричать о таком на всех углах. Да, историю знают другие рейнджеры, но у них нет ни доказательств, ни адреса Алисы, ни ее фото. Слухи к делу не пришьешь. Все быстро обо всем забудут. Нельзя упускать этот шанс, другого не будет!»

Алиса так изумилась, что ненадолго забыла об отвращении к мошеннице и желании отомстить.

– Вы должны мне верить, – продолжила Лора. – Я возражала против этой аферы, говорила, что мы не воры и что нас обязательно поймают и посадят. Ральф в ответ твердил: «Обокрасть негодяя – не то что честного трудягу! У Арлингтонов денег куры не клюют, заставим их заплатить и отомстим за Лаки. И – главное – это так просто, Лора, так просто!» В конце концов я дала себя уговорить. Поначалу мне казалось, что план Ральфа сработает, но я помнила, зачем мы поехали в Вашингтон. Клянусь вам, Алиса, сначала у нас были самые честные намерения, но вас не оказалось и...

– Бросьте! – жестко оборвала ее Лизон. – Вы собирались предупредить Алису? О да – за процент от полутора миллионов!

Лора Стерн пожала плечами.

– Ах, если бы вся наша вина заключалась только в этом мелочном расчете. Ну так вот, Алиса, я поселилась в вашей квартире и через неделю отправилась к Арлингтону. Против воли, но пошла. Напялила белокурый парик – на случай, если он запомнил, что девушка на снимке была блондинкой. Вообще-то мы не особо опасались, я тогда была очень даже хорошенькая. Мы встретились в Джорджтауне, я следила за Оскаром и подошла к нему в магазине. Сказала: «Меня зовут Алиса Куин. Не заплатите через неделю – ждите скандала на весь Вашингтон. Журналисты, военные, политики – все узнают правду». Он в ответ пролепетал: «Я забыл адрес...» Ральф говорил, что Арлингтон трус и поплывет, если на него надавить. «Постарайся вспомнить, толстяк, это в твоих интересах!» «Рок-Крик? – проблеял он. – А номер дома не

вспомню». Я посоветовала: «Пораскинь мозгами или поищи фамилию на почтовых ящиках! Срок – неделя, и ни днем больше!»

У Арлингтона не было причин сомневаться, что я и есть Алиса Куин. На следующий день он явился со всей суммой, пробыл у меня около часа, плакал, умолял простить, называл себя последним трусом. Сказал: «Я знаю, деньги не заменят вам Лаки, но не сердитесь на него, он не понимал, что делает! Я буду рядом, и если вам что-нибудь понадобится...» Потом рассказывал о войне, о ненависти солдат, вспомнил, как обзывали Ральфа. Я уверена: злобным муж стал именно из-за этого мерзкого прозвища.

В тот день Оскар Арлингтон был кем угодно, только не подлецом. Он боялся смерти и хотел выжить любой ценой. Как и все остальные. Вот только они были бедные, а он богатый. Ему было что предложить. Я следила за процессом по газетам. Люди считают, что Оскар негодяй. И виноваты в этом тоже мы.

– Теперь я понимаю его мать, – сказала Лизон. – Она знала сына. Знала, что он сожалел о смерти Лаки, что хотел искупить вину, что заплатил. Эмилия возненавидела шантажистку Алису Куин. Вот только фальшивую.

Ник видел свое отражение в висевшем на стене зеркале. «Дорогущее, но безвкусное», – рассеянно подумал он.

Какой я кретин! Все ясно как день, а мне потребовалось десять лет, чтобы догадаться.

– Что было дальше? – спросила Алиса. – Как вы поступили с деньгами? Ваша жизнь изменилась?

Лора печально улыбнулась.

– О да, изменилась. К худшему. Мы почти ничего не потратили. Накупили вот этой красоты, а три четверти суммы до сих пор в чемоданчике. Мы боялись много тратить. Боялись выдать себя. Ральф продолжал работать на стройках. Мы думали, что однажды наше время придет, да и у детей будет наследство.

– Довольно лирики, – перебила ее Лизон. – Расскажите, когда в этой истории появился Алан.

– Оскар Арлингтон рассказывал мне о нем. Ну, о том, что он не умер, что вы спасли его и он остался в Нормандии. Алан написал Оскару и напомнил о договоре. Это была первая песчинка в отлаженном механизме плана! Алан Ву жив и может свидетельствовать.

Я попросила у Оскара французский адрес Алана, сразу поняла, что нужно обратиться к нему от имени Алисы. Успокоить его.

Лизон хотелось вскочить, схватить одну из бронзовых статуэток и устроить погром. Но только спросила:

– Почему вы продолжили писать Алану?

– Ральф считал, что Алиса должна время от времени подавать признаки жизни, иначе однажды он может написать родителям Лаки или начнет искать нас. Маневр на упреждение – так муж это назвал. Мы боялись заводить друзей, никого не звали в гости – Ральф не хотел, чтобы люди увидели дорогую обстановку: «Мало ли что они подумают!» И письма стали для меня отдушиной, успокаивали меня. Я рассказывала о рождении Майкла, о школе... Это было как окно в мир. Из-за профессии Ральфа мы часто переезжали. Он строил автомобильную развязку в Эшленде, участвовал в модернизации завода Мерилла в Эффингеме и возведении Валентайнской плотины.

Ты чертов идиот, Ник! Знал ведь, что Дрочила – строитель, видел все эти объекты, но не сопоставил факты, не догадался.

– Вы же не станете утверждать, что Алан был вашим единственным другом, когда вы жили в золотой клетке?! – в сердцах воскликнула Лизон.

– Думайте что хотите, мне все равно. Я уже говорила, что мы никому не доверяли. Я оставила девичью фамилию, и жилье мы всегда оформляли на мое имя, так что по документам никто не смог бы связать Лору Стерн с Ральфом Финном. Ни одна живая душа не знала о подлоге. Ральф был вне подозрений. А потом, в шестьдесят четвертом, в Америку вернулся Алан. Не знаю как, но он понял, что писала ему самозванка.

Алиса достала из сумочки свою фотографию, которую надписала для Лаки.

– Через двадцать лет Алан додумался сличить почерки.

Лора вздохнула с облегчением.

– Вот оно как. А я десять лет терпела обвинения Ральфа. Он твердил, что я допустила промах в одном из писем, что его план был безупречен, а я все испортила. Дальнейшее вам известно. Алан пошел по нашему следу – Эшленд, Эффингем, Валентайн, Блю-Хилл...

– Да, а мы повторили путь Алана, что оказалось нетрудно благодаря его объявлениям в газетах.

– Мы почувствовали, что Алан Ву вот-вот найдет нас. Явится к Лоре Стерн и обнаружит, что розы в саду подрезает его однополчанин Ральф Финн. Муж встретился с ним, а когда вернулся, сказал, что дело улажено. Мол, деньги творят чудеса, с их помощью всего можно добиться. Вы не обязаны мне верить, но...

– Значит, вы были не в курсе? – спросил Ник.

– Только поначалу. Потом он признался. Ральф окончательно перешел на темную сторону. Он понимал, что вряд ли купит молчание Алана, и придумал дьявольский план. Позвонил Оскару, назвал себя Аланом и запугал его разоблачением в газетах. Он велел ему немедленно приехать в Блю-Хилл и остановиться в отеле под чужим именем, чтобы сохранить конфиденциальность. Оскар сел в самолет, потом взял напрокат машину, всю ночь провел в номере и, естественно, ни с кем не встретился, а утром уехал. Растерянный и напуганный.

– А Ральф Финн в ту ночь убил Алана, – сказал Ник.

Лора опустила голову.

– Ваш муж сотворил идеального подозреваемого, а сам остался невидимкой, его никто не мог заподозрить. Но ведь Блю-Хилл – деревня. Опознай кто Алана, легко вышли бы на Финна.

– Но этого не случилось, – заметила Лора. – Даже я не сразу сообразила, что пострадавший – Алан Ву.

– Вы просто не хотели знать! – бросила Лизон.

Она ощущала удивительную перемену – ненависть наполнила ее новой силой.

– Что было дальше? – спросил Ник.

– Ральф успокоился, но тут появились вы, Алиса. Воскресли. Возникли из небытия. Поехали в Нормандию, и ветераны рассказали вам о договоре.

– Но как об этом узнал Финн?

– Он следил за однополчанами. Не напрямую, через знакомых. Ральф превратился в параноика, ничего не оставлял на волю случая, пытался просчитать все ходы.

– Итак, Ральф выяснил, что Алиса жива, все знает и предъявит счет Арлингтону, – сказал Ник. – А Оскар, желая оправдаться, расскажет, как отдал деньги женщине, которую принял за Алису Куин. Катастрофа! Так все было?

– Так. Ральф отправился в Вашингтон, а вернувшись, сказал, что опять откупился.

– И вы снова поверили? – удивилась Алиса.

– Нет. Он это понял и все мне выложил. Сказал, что несколько дней следил за Оскаром, чтобы осуществить задуманное. Нужно было опередить вас, не допустить вашей встречи с Арлингтоном. Потом была церемония награждения в «Шератоне». Оскар напился. Ральф был в зале, стоял в углу, за спинами однополчан. Ехал за Оскаром до дома. Думаю, сначала он хотел просто убить его, не представляя дело как самоубийство, но, увидев, как Арлингтон плачет и кается, решился на импровизацию. Знаете, потом я поняла, что Ральф гордится тем, что сделал, и очень испугалась. Он пересел в машину к Оскару, и тот его сразу узнал. Ральф сказал, что пришел отомстить за Лаки, назвал его подлецом и трусом, недостойным носить медаль, раз вместо себя послал на смерть товарища. Арлингтон только кивал. Ральф пригрозил, что завтра же свяжется с прессой и разоблачит его. Что у него один выход – признаться. Оскар хоть и был не в себе, воспротивился, сказал, что это убьет мать. Тогда Ральф вырвал у Оскара пистолет, приставил к его виску и заставил поклясться, что завтра он расскажет правду матери, а потом и всем остальным, но признание напишет сейчас, при нем. Продиктовал ему текст и заставил расписаться. Пьяный Оскар даже не понял, что написал прощальное письмо самоубийцы.

– И потом Ральф его застрелил?

– Да.

– Миссис Арлингтон была права, – прошептала Алиса. – Она знала – всегда знала, – что ее сын не убивал себя.

– Да, – кивнул Ник. – Но она тоже угодила в ловушку Ральфа. Он оставался в тени, и она сочла виноватой вас, Алиса.

– Я все узнала из газет, – снова заговорила Лора. – Для нас самоубийство Оскара было удачей, но я разучилась верить в чудеса и пристала к Ральфу с расспросами. Терзала его, грозилась уйти и забрать детей. Он сдался. Признался в убийствах Оскара Арлингтона и Алана Ву... Я ужаснулась не только поступкам мужа, но и его хладнокровию, тому, как естественно он себя чувствует в мышеловке, как произносит, беспечно пожав плечами: «Это было единственное решение». Ральф превратился в чудовище. Но что я могла? Пойти в полицию? Я с самого начала была сообщницей Ральфа. Что случилось бы с нашими детьми? Я

оказалась в западне, вот и предпочла убедить себя, что все это наваждение, что оно прошло и больше не вернется. Я старалась думать только о домашних заданиях детей, об обедах и ужинах, об уборке. Мне казалось, что я преуспела. Нашему сыну Майклу уже двадцать четыре, у него хорошая работа в нью-йоркском магазине, торгующем электроприборами, он, разумеется, ничего не знает. Поверьте, я не Бонни Паркер[19].

Лизон смотрела на Лору с ненавистью.

– Вашей младшей дочери ведь нет десяти, так? Ральф признался вам в шестьдесят четвертом. Вы назвали мужа чудовищем. Так как вы могли снова лечь с ним в постель и зачать ребенка?

Нику захотелось исчезнуть.

– Это касается только меня, – глухим голосом ответила Лора, изо всех сил пытаясь не разрыдаться. – Вряд ли можно говорить об изнасиловании жены мужем. И все-таки...

– ...об этом можно забыть! – закончила за нее Лизон. – Не появись мы, вы бы так и жили, стараясь не думать, защищая детей, дом, мебель. Ради всего этого можно и потерпеть домогательства мужа, не самая большая плата за благополучие.

– Вам нужна была правда, – равнодушно сказала Лора, – теперь вы ее знаете. Да, мой муж – чудовище. А я его жена. Полагаю, мы с вами ровесницы. До войны мы были одинаково веселы и счастливы. А кто мы теперь? Женщины, изуродованные войной. Ваши мужчины погибли, мой стал убийцей. Сомневаюсь, что моя жизнь была счастливее вашей.

– Что было дальше, после убийства Оскара? – Ник решил перевести разговор на другую тему.

– Вы и сами знаете, – ответила Лора. – Ральфу пришлось откликнуться на объявления, иначе кто-нибудь из соседей выдал бы его. Кроме того, он ничем не рисковал, потому что из четырех человек, знавших про подписанный договор, трое были уже мертвы.

– Ральфа мы не подозревали, – сказал Ник. – Обвиняли во всем Эмилию Арлингтон. А она обвиняла Алису. Считала, что Алиса вознамерилась заставить ее сына заплатить еще раз и убила Оскара, когда тот отказался. Ральф, сам того не подозревая, придумал и осуществил идеальный план.

Ник снова посмотрел в зеркало.

А ты не так уж и плох в роли детектива, старик. Единственный мужик, уцелевший – ну ладно, почти уцелевший – в компании мстительных фурий, чья ненависть опаснее ножа.

– Хотите, я покажу деньги? – спросила Лора. – Они здесь, в чемодане на шкафу, осталось около миллиона. Видите, как глупо. Во всем виновата проклятая бойня! Ладно, прошлого не вернуть, содеянного не исправить.

Она встала, посмотрела в окно, за которым сгущались сумерки.

– Ральф вот-вот вернется. Звоните в полицию – неизвестно, как он отреагирует, увидев вас.

Алиса не шелохнулась. Она выглядела спокойной, но сил еще на один крестовый поход у нее не было. История обернулась цепью поступков, изначально совершенных из благих побуждений: Лора Стерн и Ральф Финн хотели лишь вывести Оскара на чистую воду, Эмилия Арлингтон защищала честь семьи, сама Алиса хотела почтить память Лаки, Лизон – выяснить, что случилось с Аланом...

Лора посмотрела на часы – такие же нелепо дорогие, как и обстановка гостиной.

– Он уже должен быть здесь, не понимаю. Извините, я позову детей. – Она открыла окно и крикнула: – Девочки, идите в дом. Папа скоро придет.

– Он уже пришел! – крикнула Дженни.

– Что значит – уже пришел?

– То и значит. Минут пятнадцать назад. Увидел машину с вашингтонскими номерами и спросил, что за люди на ней приехали. Потом прижал палец к губам, сказал: «Тсс...» – и вошел через подвал, а потом вышел с чемоданом, ну, с тем, который нельзя трогать. Сказал, что уезжает, потому что хочет приготовить тебе сюрприз. Сел в машину и уехал...

– Больше он ничего не сказал? – спросила ошеломленная Лора.

– Ни слова. Но поцеловал нас.

– Становится холодно, идите в дом, милые.

Лора осторожно закрыла окно. Задержала тюль и шторы.

Нику оставалось одно – вызвать полицию.

Треклятая жизнь... Лора – потрясающая женщина, такая же сильная, как Алиса и Лизон. Ее судьба свернула не туда, и она осталась на руинах жизни, но страха в ней нет. Мужчинам обязательно нужно

покорить вершину, чтобы потом рухнуть в пропасть. А женщины просто живут на самом краю этой пропасти и смотрят в бездну, поглотившую мужчину...

За дело, друг. Раз уж в этой истории тебе отведена роль палача, толкни эту женщину в ее бездну.

Ник подошел к телефону.

Лора обняла дочерей, прижала к себе так крепко, что им стало неловко.

55

Завершение истории

Эмилию Арлингтон доставили в центральную больницу Оклахома-Сити и успешно прооперировали. Хирург был доволен – жизни пациентки ничто не угрожало. Природа наделила экс-сенаторшу редкостной силой: едва очнувшись от наркоза, она объявила, что немедленно возвращается на свое ранчо. Врачи, разумеется, возражали, но миссис Арлингтон плевать хотела на их мнение.

Домочадцы встретили ее цветами и аплодисментами. На столе в гостиной была сложена тонна газет. Первые полосы пестрели заголовками, посвященными Эмили Арлингтон. *Бедовая Джейн*[20], *Мамаша Далтон*[21], карикатуры. Мнения разделились: одни считали ее месть священной, другие утверждали, что она безумна.

Целыми днями Эмилия Арлингтон читала газеты, рана ее воспалилась, но хозяйка поместья запретила пускать врачей. Поместье осаждали журналисты, несколько особо пронырливых сумели снять миссис Арлингтон, взобравшись на деревья. На самой знаменитой фотографии старая женщина сидит на веранде в кресле-качалке, лицо ее мокро от слез. Америка изумилась: железная леди из Вирджинии плачет? Немыслимо.

Репортер не стал уточнять, что на цветной версии снимка различимо облако красноватой пыли, – в тот момент в загоне перед домом тренировали жеребца Теннесси. Глаза Эмили Арлингтон слезились от пыли.

Она продержалась до Кубка Ричмонда, мартовским воскресным днем поехала на скачки, молча наслаждалась победой своего жокея Рода

Кинли и вернулась домой едва живая.

Наутро дворецкий Дэвис нашел ее лежащей на полу спальни. «Скорая» доставила миссис Арлингтон в реанимацию Колумбийской клиники, но она не хотела больше жить и умерла на операционном столе. Это случилось 22 марта 1976 года.

Ральфа Финна так и не нашли. Лору Стерн – ей пришлось отвечать за двоих – приговорили к двенадцати годам тюремного заключения за мошенничество и сокрытие убийства. Вышла она через семь лет и три месяца, в сентябре 1982-го.

Ее сыну Майклу уже исполнился тридцать один год, Дженни было под тридцать, Бетти – шестнадцать. Опекун над младшей доверили сестре Лоры, и тетка неустанно твердила, что их мать – монстр. Неудивительно, что дети не захотели с ней общаться.

Лора не сдавалась, приходила к лицу и однажды увидела Бетти через решетку ограды. Дочь показалась ей совсем взрослой и невозможно красивой.

Она окликнула ее. Бетти обернулась. Посмотрела на мать – холодно, брезгливо – и вернулась к подругам.

Тед Силву выпустили быстро. Выждав некоторое время, он снял все деньги со счета ассоциации *Ex-voto* и увез семью на Гавайи, где их жизнь потекла в счастье и довольстве. В начале 1980-х Тед получил два предупреждения – у него случилось два тяжелых сердечных приступа. Он понял, что надо поторопиться, и втайне от всех дописал историю своей жизни, которую начал сочинять в камере. Отставной парикмахер запечатал рукопись в конверт, присовокупив крупную сумму денег, и отослал издателю с условием опубликовать книгу через неделю после его смерти.

Умер Тед Силва утром 22 августа 1984 года, чистя зубы. Он успел последний раз взглянуть в зеркало на счастливого коротышку, мужа и отца семейства, который очень скоро превратится в великого и легендарного исполнителя желаний Теда Силву.

На похороны съехалось множество людей. Прибыл весь семейный клан, из разных городов Америки.

Сразу после похорон Елена Силва, прихватив изрядную сумму, села в самолет и отправилась к издателю. Она выкупила рукопись

мужа, вернулась на Гавайи и сожгла ее в камине, даже не подумав прочесть.

Она давно поняла, как связаны неожиданные отлучки мужа с громкими заголовками газетных статей о необъяснимых несчастных случаях. Окончательно она убедилась в своей правоте, когда узнала, какое богатство Тед нажил, держа скромную парикмахерскую. Елена сочла, что ее это не касается, – если бы муж счел нужным, он бы еще при жизни все ей рассказал. То, что хотела, она узнавала, шпионя за Тедом, и исполняла это мастерски. Теперь она – глава семьи и должна позаботиться о будущем детей, поэтому и для них, и для всех окружающих Тед останется заурядным мастером ножниц и расчески. Посмертная репутация важнее посмертной славы.

Ник вышел в отставку в 1986-м. Ему исполнилось шестьдесят, но он много путешествовал, благо раскрученное агентство не нуждалось в его личном руководстве. Друзьями он обзавелся во множестве стран, его приглашали погостить принцы, президенты, эмиры и миллиардеры. Репутация у некоторых была не самая безупречная, зато все были блестяще образованны, обаятельны и имели широкие связи. Ника они ценили за чувство юмора и благородную простоту.

Пекин и Сан-Паулу, Лос-Анджелес и Париж... Ник наслаждался жизнью. Как-то раз, в скромном аэропорту острова Тимор, скучая в ожидании рейса до Джакарты, он неожиданно встретился взглядом с индонезийской актрисой, неизвестной за пределами родной страны. Ник воспарил, вспылал, пустил в ход все свое обаяние и очаровал красавицу. Путешествовать он стал реже, найдя умиротворение рядом с женщиной намного моложе и гораздо богаче себя. Тридцатисемилетняя звезда владела одним из тринадцати тысяч островов, составляющих индонезийский архипелаг.

В Нормандию, повидаться с Алисой и Лизон, Ник за минувшие годы летал четыре раза. В пятый раз он полетел во Францию в сентябре 1993-го – на похороны.

Лизон и Алиса вернулись в Нормандию и продолжили жить как прежде: работали в музее, по вторникам гуляли в ландах, пили кофе или чай в «Завоевателе». Они старели, никто больше не оборачивался

им вслед. Алиса и Лизон превратились в обычных вдов, печальных и спокойных, – какими и положено быть дамам в шестьдесят лет.

Лизон всегда была более хрупкой, она и стала первой добычей болезни, но рак наткнулся на отчаянное сопротивление. Болезнь предприняла несколько попыток, нанесла урон поджелудочной железе, но Лизон не одолела, ибо ей предстояло довести до конца еще одно, самое важное дело.

Она ждала. Ждала последнего визита.

Остатки средств Алиса потратила в начале девяностых годов. Она посылала много денег в Восточную Европу. Ее тревожил проект строительства АЭС в нескольких километрах от Шато-ле-Дьябль, на тех самых пляжах, где в 1945 году высадились союзники. Парижский депутат, продвигавший проект, сулил золотые горы: работу всем желающим и сказочное снижение налогов местным коммунальщикам! Алиса отдала последние деньги на борьбу со строительством атомной станции, и все побережье, включая Пуэнт-Гийом, объявили заповедной зоной, историческим наследием.

После этого воистину исторического события рак, уставший бороться с Лизон, переключился на Алису, и она не выстояла. Ей было почти семьдесят, пятнадцать лет из них она прожила сиротой, пять лет была абсолютно счастлива, следующие пятьдесят лет вспоминала былое. Картины прошлого расплывались, покрывались патиной, тускнели, подобно старым фрескам. Алиса стала многое забывать и очень переживала. Вот и уступила болезни.

Последние дни она провела в мечтах о скорой встрече с душой Лаки, которая давно ждала ее между пляжем и Пуэнт-Гийомом – там, где его сразила немецкая пуля.

Глаза Алисы закрылись навсегда 29 сентября 1993 года.

Лизон осталась одна. Деревня Шато-ле-Дьябль, какой она ее знала, тихо умирала, уступая место другой. В восьмидесятых владелец бара Рене переехал на юго-запад и не подавал о себе вестей. «Завоеватель» купил какой-то бретонец и превратил его в шикарную харчевню для туристов, быстро заслужившую солидную репутацию. Фернан Приер выставил свою кандидатуру на муниципальных выборах 1983 года, проиграл молодому инженеру из Кана и с досады в следующем же году

переехал в Шаранту. Шавантре умер в хосписе в Байе в конце 1989-го, последние два года он никого не узнавал – даже Лизон.

Молодой мэр выстроил у обрыва тридцать дачных домиков для жителей Кана, тоскующих по природе. «Или коттеджи, или АЭС!» – объявил он сразу после выборов. Жители деревни предпочли первое. Но вскоре начались оползни, и первая линия домов оказалась под угрозой. Владельцы пытались продавать их, терпели неудачу, подавали на мэрию в суд. Сегодня большинство коттеджей пустует, совсем как блокгаузы.

Лизон ждала. На этом свете ее удерживала только надежда на встречу с Ральфом Финном. Она была уверена, что однажды он явится.

Почти все рейнджеры хотя бы по разу побывали в Пуэнт-Гийоме и обязательно заходили в маленький музей. Лизон на всю жизнь запомнила лицо убийцы Алана и представляла, как тот будет выглядеть в старости. А вот он никогда ее не видел и не знал, что жена бывшего однополчанина работает в музее.

Если он вернется в Шато-ле-Дьябль, она его сразу узнает. И тогда...

Лето 1994-го выдалось хлопотным. На пятидесятилетие Высадки съехалось много народу, в музее было не протолкнуться. Лизон переживала, что Ральф вряд ли прилетит из страха быть узнанным ветеранами. Еще одно лето прошло впустую.

56

Уход

1 декабря 1994

Пуэнт-Гийом, Нормандия

Лизон узнала Ральфа, как только он переступил порог музея. Она была готова и ничем себя не выдала – он увидел улыбчивую старую даму, явно обрадовавшуюся посетителю.

Он осмотрел экспозицию – старые открытки, макет – и остался равнодушным. Музей показался ему жалким. Кого все это может заинтересовать, кроме рейнджеров, высадившихся в 1944-м на побережье Нормандии? Да и тех в живых осталось хорошо если половина.

Лизон вела себя осторожно, беседы не заводила, сидела на стуле у входа в зал.

Ральф понял, что ничего не чувствует. Он слишком долго выжидал. Двадцатилетний парень, что играл в солдата, тот, которого товарищи прозвали Дрочилой, стал ему чужим. Много времени утекло, он познал иные, куда более сильные эмоции. Военные воспоминания давно не бередили душу, трогали не сильнее художественного фильма. Но ему до чертиков надоело таскаться по отелям с единственным спутником – чемоданом. Так не все ли равно, где скучать.

– Где тут у вас можно поесть? – спросил он у Лизон, покидая музей.

– В харчевне на углу, – ответила она. – Заведение не из дешевых, но популярное. Обслуживают, правда, неторопливо.

– Автобус будет только во второй половине дня, так что время у меня есть.

– Вы приехали на автобусе? – поинтересовалась Лизон. – Значит, до Пуэнт-Гийома не добрались?

Ральф покачал головой. Он чувствовал себя уставшим.

– Они поставили там странный памятник, – продолжила она. – Странный, но впечатление производит. И вид на пляж сверху открывается потрясающий. Но вы, наверное, помните?

Симпатичная мадам, подумал Ральф, и голова вроде работает как надо, а это редкость среди тех, кто пережил войну.

– Это далеко отсюда?

– Два километра. Но если напрямую через ланды, то поменьше.

– Мои бедные ноги не осият такое расстояние. Боюсь, придется воздержаться. Ничего, воспоминания у меня, знаете ли, не самые лучшие.

Лизон позволила ему выйти на улицу.

Она не импровизировала: Ральф уже угодил в ловушку. Она предвидела все его возможные реакции, знала, что и в какой момент сказать.

– Я могу вас отвезти, если хотите, – крикнула она, открывая дверь.

Ральф остановился. Он колебался.

– Не стесняйтесь, вы будете не первым. Ветераны, навещающие нас, постарели, у каждого свои недуги, а мне только в радость помочь. Много времени это не займет.

Лизон улыбнулась. У нее была ослепительная улыбка постаревший голливудской звезды золотого века кинематографа. Женщины редко кокетничали с Ральфом.

– Буду рад, – наконец согласился он.

Все получилось легче, чем я могла надеяться, подумала Лизон. Он ничего не заподозрил.

Они сели в маленький ярко-красный «рено-твинго», не пробежавшее и тысячи километров. «Баночка йогурта» неожиданно показалась Ральфу удивительно удобной и совсем не тесной. А старушка-то оригиналка, выбрала молодежную тачку! – усмехнулся он про себя.

Они тронулись.

– Вы были в Девятом отряде рейнджеров? – спросила Лизон.

Ральф ограничился кивком.

– Я знала нескольких солдат, которые участвовали в высадке. Одного очень близко. – Голос женщины дрогнул.

Они съехали на грунтовую дорогу, но скорость Лизон не сбросила, и Ральф ухватился за ручку над окном. Боль в спине мешала сосредоточиться.

Неуместное лихачество, с досадой подумал он. Что она там говорит?

– Возможно, вы тоже его знали? – спросила Лизон.

Чертова таратайка! Почему эта безумная не притормозит? Боль в спине стала невыносимой. Какое ей дело до моих воспоминаний?

– Его звали Алан. Алан Ву.

Ральф, не пытаясь скрыть растерянность, резко повернул голову:

– Алан Ву?

Лизон не смотрела на Ральфа. Она резко вывернула руль, и машина запрыгала по ландам.

– Лизон Мюнье, – пробормотал Ральф. – Я должен был догадаться! Расслабился, потерял бдительность...

Машину трясло все сильнее, позвоночник отчаянно вопил, но Ральф знал, что если соберет волю в кулак, то сможет перехватить руль, дернуть ручник или открыть дверцу и выпрыгнуть. Решаться нужно было немедленно. Может, он успеет объяснить женщине, что вся эта история была одним большим недоразумением, что он не хотел никого

убивать, что сожалеет о содеянном, что двадцать лет вел жизнь бродячего пса.

Ральф промолчал. И ничего не сделал.

Они оставили позади покинутые хозяевами коттеджи. Прибрежные скалы были совсем близко.

– Я долго ждала вас, Ральф...

Лизон прибавила скорость.

– Моей вины тут нет, – едва слышно произнес Ральф. – Алан был хороший парень. Но...

– Я знаю. Он обещал вернуться, сказал, что мы обвенчаемся, заведем детей. Да, Алан был очень хорошим человеком. За это я его и полюбила.

Сбоку промелькнул блокгауз. Время еще было, но Ральф не шевельнулся.

Впереди, до самого горизонта, простиралось небо.

Последние три метра ландов шли под уклон. Ярко-красный автомобиль взлетел на невысоком травянистом трамплине и сорвался с обрыва.

Несколько мгновений они парили над пустынным пляжем. А потом камнем рухнули вниз.

Об авторе

Профессор географии в Руанском университете Мишель Бюсси – сегодня один из лучших детективщиков Франции. С 2015 года Бюсси уверенно входит в тройку самых успешных писателей Франции. В его детективах нет жестокости и леденящих душу описаний, но есть погружение в психологию, нетривиальные сюжеты и романтическая атмосфера. Книги Мишеля Бюсси уже вышли в 31 стране на 29 языках.

Все герои Бюсси, даже эпизодические, выглядят невероятно рельефными и настоящими. Не перегружая повествование и не отвлекая читателя от сюжета, Бюсси ухитряется в то же время создать внутри своего романа плотный и живой мир, который можно потрогать, рассмотреть с разных сторон, понюхать, в конце концов. Мир, который пугает, умиляет, волнует и трогает.

Галина Юзефович

«Следы на песке» – первый роман Мишеля Бюсси, который спустя десять лет он значительно переработал. Поразительно, с какой точностью он описывает Нормандию, где развивается часть действия. И, как всегда, главным двигателем его истории являются чувства.

Стремительные диалоги, лаконичный язык, сюжет, который совершает настоящие виражи, – отличный детектив!

Europe1

Мишель Бюсси – самое яркое имя в современной французской беллетристике. Чтобы опередить таких мэтров, как Гранже, Пеннак, Гавальда, Варгас, нужно быть действительно незаурядным автором.

Bibliobs

Бюсси запомнится читателю совершенно не прямолинейными сюжетами, романтической атмосферой Нормандии, которая, по словам автора, не уступает Лазурному Берегу по красоте, а также изощренным психологизмом.

Афиша.Daily

Жан Брюс

ОСС 117. Совершенно секретно

*Роковое "если"
– самое банальное
явление на любой
войне, но о нем
невозможно не
думать,
невозможно не
задумываться о
бесчисленных
проявлениях случая,
благодаря которым
выживаешь, чтобы
завтра
встретиться с
новыми "если".*

*Ирвин Шоу (Бал
проклятых)*

Ночь была невероятно черной. В белой пене, окружавшей широкие бока барки, отражались бортовые огни. Вокруг была чернильная стена, такая густая, что Кунг, выбиравший сеть, не мог смотреть на нее, не испытывая тревоги...

Такара, неподвижно стоявший у штурвала, который удерживал одной рукой, думал, что это идеальная ночь для того, что он собирался сделать. Он секунду послушал скрип лебедки, потом хлопки паруса, который трясся от порывов неровного ветра. Его левая рука наощупь нашла голову Ко – немецкой овчарки, свернувшейся клубком на куче канатов. Ко заворчал от удовольствия, а Такара спросил себя, что будет делать собака, когда наступит момент.

Ко принадлежал Такаре. Кунг тоже принадлежал Такаре, но пока не знал об этом.

Легкие волны, длинные и неглубокие, равномерно покачивали кораблик. Такара поднял глаза, безуспешно пытаясь всмотреться в небо. Ни одной звезды; только слой плотных облаков... Он глубоко вздохнул, наполняя свои большие легкие холодным соленым воздухом, вкус которого он так любил. Инстинкт моряка говорил ему, что дождя, несмотря на пасмурную погоду, не будет, а его инстинкт был надежнее всех официальных прогнозов метеорологов.

– Ху! – крикнул Кунг.

Под парусом появились серебряные блески, и на палубу посыпалась рыба. Такара включил электрический фонарик и тихо покачал головой: улов не блестящий, но бывало и хуже.

Кунг, включив большую керосиновую лампу, закрепленную на мачте, открыл люк, через который рыбу надо было сбросить в трюм. Такара помог ему, потому что время шло и лучше было закончить работу до того момента.

Едва сеть была освобождена от последней рыбешки, Кунг молча приготовился забросить ее снова. Такара закрыл люк и решил, что пора.

Он встал сзади матроса, твердо стоявшего на сгибающихся и выпрямляющихся в такт движениям большой барки ногах, и стал ждать, пока Кунг распрямитя.

Такаре не пришлось ждать долго. Заинтригованный необычной неподвижностью своего капитана, стоявшего позади него, Кунг выпрямился и хотел обернуться.

Обернуться ему не удалось. Мощные руки Такары сомкнулись на его шее, как тиски. Кунг даже не успел закричать. Он почувствовал и услышал, как у него в горле хрустят хрящи. "Такара сошел с ума", – подумал он. Потом приток крови к мозгу прекратился, он перестал думать, и судорожные движения его тела, которое Такара держал на весу, стали всего лишь бессознательными рефлексамии животной самозащиты.

Не было никакого шума, но овчарка Ко почувствовала, что происходит. Она почуяла запах смерти и с глухим ворчанием слезла с кучи канатов. Пес в несколько прыжков оказался перед мачтой, возле странной группы, состоявшей из его хозяина и матроса, первый из которых убивал второго.

– Ху, Ко! – бросил Такара, немного запыхавшись.

Ко всеми зубами вцепился в резиновый сапог на ноге бедняги Кунга.

– Хаа... Ко!

Ко отпустил сапог и, ворча, отступил. Такара тяжело дошел до борта и сбросил в воду неподвижное тело своей жертвы. Раздался сухой "бух" щелкнувшего именно в этот момент паруса.

Такара недолго постоял, склонившись над волнами, потом выпрямился, потирая руки без каких бы то ни было эмоций. Кунг был его помощником в течение двух лет, но поскольку он оказался неразговорчивым, Такара ничего, или почти ничего, о нем не знал...

Собака заворчала и потерлась о ногу хозяина. Такара ласково поговорил с ней и приготовил себе кусок жевательного табака. Сунув его в рот, он нагнулся, чтобы пройти под низкой реей и вернуться к рулю. Далеко на западе темноту через равные промежутки времени разрывали вспышки света. "Маяк Вала в шесть часов, а Пилтуна в восемь", – напомнил себе Такара и резко повернул штурвал, чтобы выправить судно, отклонившееся от курса.

* * *

Капитан бросил последний взгляд на циферблат и скомандовал в микрофон:

– Стоп машина.

В следующие пять секунд шумы прекратились один за другим, и в подводной лодке установилась странная, тревожная тишина. "Мертвая тишина", – подумал капитан, которому стало не по себе.

Он вышел из рубки, прошел по коридору до своей каюты, постучал в дверь и вошел.

– Вы готовы? Мы поднялись на поверхность. Нельзя терять ни секунды...

Юбер Бониссор де Ла Бат в последний раз посмотрел на себя в зеркало и ответил, обернувшись:

– Готов, капитан. Не хочу вас обидеть, но я рад выйти из этой консервной банки на свежий воздух!

Капитан посмотрел на него с сочувствием.

– Не хотел бы я поменяться с вами местами, старина!

И добавил со смехом:

– Ну и видок у вас! А физиономия!

Юбер был одет точно так же, как рыбак Такара, а на его лицо благородного разбойника был наложен слой краски "цвета загара". Он крутанулся, чтобы лучше показать себя, и пошутил:

– Я король рыбаков Охотского моря!

– Угу! – мрачно отозвался офицер. – Только бы вас рыбы не сожрали!

Юбер пошел к двери.

– Одну секунду! Я должен дать вам подписать одну бумагу.

– Расписку о доставке груза по назначению?

– Совершенно верно!

Командир лодки открыл сейф, вделанный в переборку, вынул из него листок с напечатанным на машинке текстом и положил его на стол.

– Возьмите мою ручку.

– Спасибо.

Юбер подписал заявление, которым признавал, что командир подлодки 639 ВМС США доставил его, специального агента ОСС 117, до заданной точки.

– На пересечении сто сорок пятого меридиана и пятьдесят второй параллели, – уточнил офицер. – Примерно так...

Он положил бумагу в сейф и закрыл его тяжелую дверцу.

– Если тот не придёт, я верну вам расписку.

– Очень любезно с вашей стороны! Вы могли бы сбросить меня за борт, а потом умыться руки...

Капитан сделал Юберу знак идти по коридору первым.

– Пойдемте. Вы не похожи на человека, который позволит сбросить себя за борт. Я ошибаюсь?

– Нет. Если я правильно понял, мы сейчас в Охотском море?

– Да. Приблизительно в пятидесяти милях от восточного побережья острова Сахалин... За спиной Курилы...

Бррр!

– Это означает, что русские безжалостно потопят вас, если обнаружат здесь?

– Конечно! И, в общем-то, будут правы...

– На войне, как на войне! – пошутил Юбер, входя в рубку.

– Война закончилась, – с горечью ответил командир лодки.

– Серьезно? Лично я никогда не замечал, что наступил мир.

– Вы делаете свою работу, старина.

– Конечно! – серьезно согласился Юбер. – Чтобы остальные спокойно сидели в своих домах...

Офицер указал на железную лестницу.

– Поднимайтесь. Наверху открыто.

Они поднялись один за другим и оказались на мостике. Их охватил ночной холод, легкие наполнил холодный воздух. Капитан снял трубку телефона.

– Объект на двести семьдесят пять, – сообщил оператор радара.

– Большой?

– Нет, командир.

– Дистанция?

– Пятьсот пятьдесят. Он медленно приближается.

– Это должен быть ваш человек, – сказал офицер, обращаясь к Юберу.

– Будем надеяться, – ответил тот, наблюдая за пенным следом у основания мостика.

Он достал из кармана ультразвуковой свисток и спросил:

– Направление?

Капитан указал рукой на запад. Юбер поднес к губам свисток и стал дуть в него так, карему указали. Ни он, ни командир лодки ничего не услышали, но через две-три секунды эхо донесло далекий лай.

– Собака, – сказал Юбер. – Это тот, кто мне нужен...

Подводная лодка вяло покачивалась на волнах, с глухим гулом разбивавшихся о ее хвост, который едва высовывался из воды.

Капитан спросил по телефону:

– Дистанция?

– Четыреста пятьдесят.

– Пеленг?

– Без изменений.

– Погасите большой свет в рубке, а то его видно через люк.

– Хорошо, командир.

Юбер снова свистнул тем же образом. На этот раз лай Ко стал четче, и Юбер не удержался от смеха.

– Думаете, он нас найдет? – забеспокоился капитан. – Такая темень... Может, надо было пойти ему навстречу...

– Не имеет смысла. Собака, очевидно, обучена лаять всякий раз, когда я свищу. Хозяину остается только следовать туда, куда она поворачивает голову... Смотрите! Видны бортовые огни.

Огни были еще довольно далеко и казались неподвижными. Капитан прошептал:

– К счастью, он идет под парусом. Будь у него мотор, я бы не чувствовал себя спокойно...

– Почему?

– Насколько мне известно, военные флоты давно не используют парусники.

Юбер рассмеялся.

– Понятно. Это ваше первое задание такого рода?

– Да, – буркнул тот. – И хотел бы, чтобы оно стало последним.

Шпионаж и я...

– Вы презираете шпионов?

– Нет. Даже, если бы было так, я бы вам не сказал. Я ими восхищаюсь, но не понимаю, каким человеком нужно быть, чтобы заниматься этим ремеслом...

– Надо любить приключение ради приключения. Любить опасность. Верить в то, что делаешь.

– Быть фанатиком? Вы до такой степени ненавидите тех?

Юбер оживленно запротестовал:

– Конечно, нет. Я ненавижу фанатизм и научился уважать "тех", как вы говорите. Я верю, что шпионы не дают начаться войнам. Наша задача заключается в том, чтобы поддерживать существующий баланс сил. Пока баланс сохраняется, мир, в принципе, обеспечен. Угроза войны становится серьезной, когда одна из сторон становится слишком сильной. Вот почему важно, чтобы секреты обеих сторон не оставались тайнами слишком долго...

– Обоих? – недоверчиво переспросил капитан. – Вы считаете нормальным, что коммунистические шпионы проникают к нам и воруют планы наших секретных вооружений?

– Совершенно нормальным. Я ведь сейчас собираюсь сделать то же самое по тем же причинам и с той же целью.

– Станный вы человек, – осторожно сказал офицер.

– Правда? – насмешливо переспросил Юбер.

– Пеленг? – спросил капитан в трубку телефона.

– Двести семьдесят.

– Дистанция?

– Сто метров.

Юбер снова свистнул. Лай Ко показался им совсем близким. Огни большой барки плясали в чернильной черноте ночи, как сошедшие с ума звезды. До них донесся модулированный зов: "Хууу-оооо..." Юбер наполнил легкие воздухом и ответил тем же образом, включил фонарь, две или три секунды помахал им в направлении подходившей барки, потом выключил.

Прошло еще секунд двадцать, затем они услышали удары паруса на ветру. Еще секунд через десять до них донесся стук дизельного двигателя...

– Уф! – сказал капитан. – Я боялся, что он попытается причалить сразу...

В темноте ночи прямо перед мостиком появилась темная масса. Юбер передал фонарь офицеру.

– Ведите его, – сказал он. – Я не моряк...

Капитан взял фонарь.

– Давайте спустимся, – предложил он.

Один за другим они спустились по внешней железной лестнице, связывавшей мостик с баком. Ступая по воде, забрызгиваемые волнами, они шли, держась за поручни. Капитан включил фонарь и жестами и голосом руководил швартовкой большой барки. Юберу на секунду показалось, что суденышко вот-вот разобьется о корпус подводной лодки, но оно в последний момент выправило, и кораблик тяжело задел своим деревянным бортом стальной бок боевого корабля.

– Давайте!

Юбер разбежался и прыгнул. Перемахнув через борт, он упал на скользкую палубу и растянулся на ней.

– До свиданья! Счастливого возвращения! – крикнул он, поднимаясь.

– Прощайте!

Стук двигателя стал громче. Кораблик накренился на правый борт. Очень быстро тонкая черная полоска подлодки исчезла в ночи. Юбер увидел танцующий огонек фонаря, поднимающийся на мостик, а потом он исчез.

И больше ничего.

Он вздрогнул от холода. С комком в горле обернувшись к корме судна, он услышал разъяренное рычание собаки. Огромного роста человек держал одной рукой штурвал, а другой – собаку.

– Хааа... Ко!

Юбер подошел, держась за поручни, и сказал на американском английском:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – лаконично ответил рыбак на том же языке.

Юбер прочистил горло.

– Хм... Как вы смогли нас найти в такую ночь?

– Я плаваю в Охотском море тридцать лет, – ответил гигант, – и знаю в нем каждую волну.

Он рассмеялся смехом, мощным, как он сам, как его хриплый голос с поющими интонациями. Юбер отметил, что говорит он на американском английском очень правильно.

– Меня зовут Такара, – продолжил рыбак, почесывая голову Ко, переставшему рычать.

– Зовите меня Фред, – сказал Юбер.

– О'кей! – ответил тот и снова засмеялся.

Он отпустил собаку.

– Хааа... Ко!

Он включил электрический фонарик и наставил луч на Юбера.

– Дайте мне посмотреть, как вы одеты...

Он откашлялся и плюнул за борт.

– Неплохо. Если не присматриваться слишком внимательно, то все пройдет нормально...

Короткая пауза, нарушаемая только громким дум-дум-дум дизеля и приглушенными ударами воды о корпус, потом Такара объяснил:

– Пограничники проверяют рыбаков при выходе в море и возвращении...

– Надеюсь, – сказал Юбер, – у вас на борту есть надежный тайник?

– Это не нужно, – хладнокровно ответил Такара. – Вы останетесь на палубе и не будете прятаться...

– Разве возвращение контролируют не те же, кто контролирует выход?

– Те же.

– Как же так? Разве они не заметят, что экипаж увеличился на одного человека?

– Нет, сэр. При выходе на судне было два человека и одна собака. И будут два человека и собака...

Юбер понял:

– Что стало со вторым?

– Упал в море. Поскользнулся...

Юбер тихо покачал головой:

– И вы не смогли его выловить?

– Было очень темно. Слишком темно...

– Хм! – сказал Юбер. – Занятное совпадение!

– Точно... Его звали Кунг, и он никогда не разговаривал.

– Немой?

– Нет. Просто никогда не разговаривал. Когда пограничники будут проверять нас через два часа, ведите себя, как он – ничего не говорите.

– Я буду Кунгом.

– Да, сэр.

Юберу не нравилось, что Такара говорит: "Да, сэр... Нет, сэр".

– Можете сесть там, – сказал рыбак. – Мы возвращаемся. Перед тем как упасть в воду, Кунг закончил работу...

– Какой аккуратный тип! – усмехнулся Юбер, садясь около кучи канатов, служившей Ко постелью.

– Да, сэр, очень аккуратный.

"Да пошел он к черту!" – подумал Юбер, садясь поудобнее. Судя по тому, что ему сказал Говард, секретарь мистера Смита, Такара был сыном маньчжура и японки. До 1941 года он жил в Отиаи, в южной, японской, части острова Сахалин. Когда Япония вступила в войну, он перебрался в Ноглики, в северную, русскую, зону, чтобы, как он утверждал, избежать мобилизации в японскую армию. В действительности он служил в японской разведке и, поселившись в Ногликах, выполнял приказ. Он остался там и после того, как русские овладели всем островом, и продолжал работать на японцев и на их союзников – американцев.

Юбер очнулся от толчка и понял, что Такара пнул его ногой.

– Эй, это что такое...

– Замолчите, сэр! – перебил Такара, приложив палец к губам. – Контроль... Сидите, не двигайтесь и ничего не говорите.

В ту же секунду барку залил яркий свет прожектора.

– Эй! – крикнули им по-русски. – Кто вы?

– "Сихота"! – закричал рыбак в ответ. – Хозяин: Такара!

Он стукнул себя кулаком в грудь.

– И матрос Кунг!

Он показал на Юбера, привалившегося к канатам.

– Самый большой бездельник на всем Сахалине!

Огромный быстроходный катер подошел к борту "Сихоты", и одетый в длинный просторный резиновый плащ офицер прыгнул на борт рыбацкого суденышка.

– Покажи мне трюм, старая лиса!

Такара открыл люк, и офицер направил в отверстие луч мощного электрического фонаря.

– Хороший улов?

– Повредил сеть. Если хотите мне помочь ее починить...

Офицер разрешил Такаре закрыть люк, на секунду наставил луч на Юбера и спросил:

– Ничего подозрительного не заметил? Недалеко от твоего обычного места лова радар обнаружил неустановленное судно. Оно исчезло...

– Может, это был я? – усмехнулся Такара.

– Нет. Ничего не видел и не слышал?

– В такую ночь трудно что-то разглядеть. Но мы ничего не слышали, да, Кунг?

Юбер заворчал, утвердительно качая головой. Офицер молча смотрел на него, и Юбер, несмотря на холод, почувствовал, что на поясице у него выступил пот. Такара вмешался:

– Если бы я мог рыбачить на вашем катере, начальник!

Юбер понял, что Такара тоже чувствует себя неуютно. Наконец офицер отвернулся и ловко перескочил на борт своего корабля.

– Счастливого возвращения! – бросил он.

Прожектор погас, и нервы Юбера, натянутые до предела, разом расслабились. Мощный катер ушел, оставляя за собой высокий след серебряной пены.

– Уф! – перевел дыхание Юбер.

Такара занял место за штурвалом и без нервозности запустил мотор.

– Через полчаса мы будем в Ногликах, – сообщил он.

Холод показался сильнее, и Юбер съежился, чтобы лучше сохранить свое тепло. Ко заворчал, встал, сделал несколько кругов и снова лег. Юбер почувствовал на правой щеке дыхание животного.

Он не пошевелился.

Электрические часы показывали час дня. Мистер Смит с трудом проглотил последний кусок сэндвича, вытер рот платком, допил оставшееся в стакане холодное молоко, снова вытер рот и позвонил дежурному.

Как и всегда, у мистера Смита был озадаченный и усталый вид. Он провел по блестящей лысине полной и белой, как у прелата, рукой, снял очки и принялся протирать толстые стекла крохотным кусочком замши, извлеченным из жилетного кармана.

Вошел дежурный, за ним Говард. Мистер Смит отодвинул поднос, на котором ему принесли обед, и сказал:

– Можете унести. Спасибо.

Когда дежурный вышел и закрыл за собой тяжелую дверь, он спросил своего секретаря:

– Что нового, Говард?

Очень элегантный и совершенно безликий в своей прекрасно сшитой форме Говард помахал листком розовой бумаги с машинописным текстом:

– Радиограмма с подлодки, сэр. Капитан сообщает нам, что успешно завершил порученное ему задание. В два часа тринадцать минут по местному времени, одиннадцать часов тринадцать минут по нашему, ОСС сто семнадцатый покинул лодку и перешел на борт рыбацкого судна, пришедшего на встречу в назначенное время.

– Прекрасно! – одобрил мистер Смит. – Надеюсь, вы ничего не забыли?

– Наш агент должен ждать сто семнадцатого в Ногликах, чтобы проводить к месту действий.

Мистер Смит надел очки на нос и, наконец, смог разглядеть стоявшего перед ним Говарда.

– Надеюсь, это надежный агент?

– Двойной агент, сэр, но она ни разу не доставила нам неприятностей за все восемь лет, что работает на нас.

Мистер Смит нахмурил брови:

– Это женщина?

– Ее зовут Лин Маннова, сэр... Лин Маннова, тридцать четыре года, дочь Яна Манновы, бывшего унтер-офицера чехословацкого корпуса, находившегося в девятьсот семнадцатом во Владивостоке, и Хей Му Тан, прекрасной маньчжурки-большевички. Дезертировав, чтобы жениться на своей маньчжурской красавице, Маннова поселился во Владивостоке. Он умер в тридцать девятом году естественной смертью, сохранив ностальгию по западному образу жизни. Это чувство он передал Лин. В следующем году Лин взяли работать в ГУГБ[1] и забросили с разведзаданием на японский Сахалин. Там она познакомилась с одним нашим агентом и влюбилась в него. Он сумел ее убедить работать на нас, не уходя из русской разведки. В сорок третьем этого агента убили японцы, но Лин Маннова продолжает верно служить нам.

– Она должна обладать необыкновенной силой, если продолжает двойную игру так долго!

– Возможно, ее ловкость объясняется смешанным евро-азиатским происхождением.

– Что ей известно о задании сто семнадцатого?

– Ничего. Мы ей просто дали инструкции проводить его в Погоби и помогать по мере возможностей, то есть, не ставя саму себя под угрозу провала.

– Хм! – произнес мистер Смит. – Я отлично знаю, что наш Юбер выкручивался и из более сложных дел, но все-таки мне не нравится, что он находится в руках двойного агента. Кстати, ему передали перед отъездом последние инструкции? МИГ семнадцать становится теперь его приоритетной задачей, а секретное строительство отодвигается на второй план.

– Он это знает, сэр.

– Это все, Говард?

– Все, сэр.

* * *

Такара коснулся плеча Юбера и объявил:

– Ноглики. Прямо впереди.

Юбер приподнялся, чтобы лучше видеть. Вращающийся маяк небольшого радиуса действия прорезал ночь своим лучом. В окрестностях в несколько этажей мелькали огоньки.

Такара добавил:

– Я не могу довести пас до порта. Контролер профсоюза рыбаков сразу поднимется на борт, чтобы оценить улов, а он хорошо знает настоящего Кунга.

Юбер встал. Побеспокоенный Ко заворчал во сне и устроился поудобнее. Такара сбавил скорость судна, и стук дизеля стал тише.

– Ну и что? – недоверчиво спросил Юбер.

– Что? Я надеюсь, вы умеете плавать?

Юбер сдержал дрожь.

– Господи! В ледяной воде?

– Она не ледяная, сэр. Сейчас она должна иметь где-то десять градусов тепла...

– Что я и говорил.

– Вы оставите одежду здесь, сэр, и натрете тело жиром. К тому же вы прыгнете в воду в пятистах метрах от берега...

– А дальше? – спросил Юбер, смирившись. – Вы придете за мной пешком?

– Нет, сэр. Моя задача выполнена. Я покажу вам огонь на берегу. Он будет вашим ориентиром. Огонь в окне дома. Вы войдете в этот дом и встретите там человека, который будет вам помогать после меня.

Юбер тихо поскреб подбородок.

– Меня об этом не предупреждали, – объяснил он.

– Вполне возможно, сэр, но это ничего не меняет. Те, кто засылал вас сюда, не знают, как здесь живут...

– Я не хочу принимать холодную ванну...

– Вполне возможно, сэр, но тогда надо было оставаться дома. И это ничего не меняет... Если вы не захотите прыгнуть по своей воле, я сам сброшу вас в воду. Я очень хочу вам помочь, сэр, но я дорожу своей жизнью...

По всей очевидности, гигант не шутил и лучше кого бы то ни было знал, что можно, а чего нельзя.

– Ладно, старина, – ответил Юбер. – Я поплыву...

– Приготовьтесь, сэр. Самое большое через три минуты будет пора. Коробка с жиром в ящике у основания мачты. Оставьте вашу одежду

здесь, я займусь ею потом.

Юбер направился к центру корабля, не споря больше. Перспектива плыть четверть часа в десятиградусной воде приводила его в раздражение. Но раз Такара, – кстати как две капли воды похожий на ужасных воинов-самураев, которых можно увидеть на старинных гравюрах – уверял, что больше ничего нельзя сделать...

Он быстро разделся, оставшись в одних фланелевых кальсонах, доходивших до середины ноги, какие, наверняка, были на Такаре. Его охватил холод, и по коже побежали мурашки. Температура воздуха явно была ниже десяти градусов.

Он нашел коробку и стал натирать тело жиром, который имел отвратительный запах и был неприятно плотным. Он старался думать о другом и повернулся лицом к ветру, чтобы не чувствовать вони.

– Готово, сэр?

– Готов.

Он оставил одежду сваленной в кучу на палубе. В карманах не было ничего, чем бы он дорожил и что не мог бы заменить на земле. Такара критически осмотрел его, потом указал пальцем на одинокий огонек, казавшийся совсем близким.

– Вот ваша звезда, сэр. Ориентируйтесь по ней. Не потеряйте.

Юбер с удовольствием отметил, что в непосредственной близости нет других огоньков. Конечно, они могли зажечься, но он надеялся, что низкая волна позволит не потерять из виду "его звезду". Ноглики были чуть правее, следовательно, чуть севернее.

– Давайте, сэр. Я не могу подойти ближе...

– Все-таки, спасибо, – ответил Юбер, перелезая через поручень под удивленным взглядом Ко, снова начавшего рычать.

– Акул нет, – счел нужным уточнить Такара.

– Я догадался! – сказал Юбер. – Рад буду встретиться с вами снова...

– Хууу! – буркнул Такара.

Юбер нырнул. По контрасту с испытанным холодом, вода показалась ему теплой, но он знал, что это только ощущение и продлится оно недолго. Он увидел темную массу удаляющейся к Ногликам барки и засек огонек, указанный рыбаком. "Ты только не гасни, дорогой!", – попросил он вполголоса и быстро поплыл мощным брассом...

У него возникло чувство, что он плывет целую вечность, а его звезда нисколько не приблизилась. "А если это настоящая звезда?" На мгновение его охватило отчаяние, потом он услышал шум прибоя, и это придало ему сил. Если слышен прибой, значит, берег недалеко.

Это было хорошо, потому что, несмотря на покрывавший тело жир, в него проникал холод и мускулы немели все больше. "Я не продержусь дольше четверти часа". Потом он подумал, что забыл спросить Такару о характере берега: песчаный он, каменистый или скалистый? И есть ли рифы?

Свет горел с прежней яркостью, приподнятый над предполагаемым горизонтом. Значит, берег крутой. Он спросил себя, сколько может быть времени. Часов пять? Где-то около того. В Вашингтоне должно быть два часа дня, и мистер Смит с обычным своим усталым видом тщательно изучает секретные рапорты, получаемые со всех уголков мира...

Одна его нога коснулась дна. Юбер хотел встать, но волна повалила его, и он хлебнул немного воды, которую, кашляя, выплюнул. Заставив себя проплыть еще немного, он встал на ноги. Вода доходила теперь до плеч.

Он пошел, полупарализованный холодом. Волна снова подняла его, и он огромным усилием воли заставил себя сделать еще несколько гребков. Затем подождал, пока его колени упрутся в песок, чтобы встать снова, но поначалу ему не удалось удержаться на онемевших ногах и он упал на четвереньки. Его залила большая волна. "Какая глупость, – подумал он с нервным смешком, – не могу же я захлебнуться так близко от цели". Но встать ему не удавалось. Новая волна толкнула его вперед. Он сообразил, что сопротивляться не стоит, и, когда вода отхлынула, крепко вцепился в берег, а потом на четвереньках отполз на сухой песок. "Идет прилив, здесь нельзя оставаться". Ему безумно хотелось полежать, чтобы перевести дыхание. Перекатившись на спину, он стал растирать себя все сильнее, чтобы восстановить кровообращение. Затем встал на колени, помахал руками перед грудью, растер щеки, поднялся и начал бегать по кругу до тех пор, пока не почувствовал себя лучше.

Ночь посветлела, и видимость достигла двух десятков метров. Юбер повернулся спиной к морю и увидел горящий над ним огонек. Он пошел к нему, огибая скалы, и скоро оказался перед забором, через

который без труда перелез. Между скал с росшими на них маленькими кривыми деревцами вилась песчаная дорожка.

Пройдя по дорожке, он попал во двор, выложенный морской галькой. Дом был широким, приземистым, в единственном окне второго этажа под крышей в виде буквы "Л" горел свет.

Все было тихо. Слышался только шум прибоя справа от дома.

Ему снова стало холодно. Он не мог стоять так всю ночь, мокрый и практически голый, но с другой стороны принять решение войти было трудно.

Зайти в дом и заявить: "Ку-ку, вот и я. Не дадите ли мне попить чего-нибудь тепленького?" – значило подвергнуть себя серьезному риску. Теоретически, в доме его должна была ждать женщина...

Теоретически...

Он решил обойти дом на некотором расстоянии. Двор был большим. Ночной гость пошел направо, прошел вдоль стены дома и вышел с другой стороны. Из окна первого этажа на гальку падал прямоугольник света. Вот его медленно пересекла тень, тень женщины, вне всякого сомнения.

Юбер вздохнул свободнее, бесшумно дошел до угла, потом до освещенного окна.

Он рискнул заглянуть туда и увидел за двойным стеклом простой интерьер. Удобная светлая столовая с камиллом, в котором горел приветливый огонь.

Слева вышла женщина, и Юбер увидел ее меньше чем в двух метрах. Она была высокой, стройной и худощавой, одета в длинное домашнее платье темно-синего цвета из толстого мольтона. Ее лицо показалось ему странным: очень смуглое, с необыкновенными голубыми глазами, по-азиатски зауженными. Гладкие черные волосы собраны в пучок на затылке, выступающие скулы.

Юбер весь трясся и решил, наконец, постучать в дверь. Крыльцо было чуть дальше. Он пригнулся, проходя по освещенной зоне перед окном, постучал в дверь и подождал.

Спокойные шаги. Строгий и приятный голос спросил по-русски:

– Кто там?

Юбер ответил по-немецки, поскольку Говард ему сообщил, что женщина не знает английского; только японский, русский и немецкий.

– Я заблудился и не могу найти дорогу. Звезда привела меня к вашему дому...

Пауза. Потом она спросила тоже по-немецки:

– Какая звезда?

– Одна из звезд флага.

Послышался лязг засовов, и дверь открылась.

– Входите, – просто сказала женщина. – Я вас ждала...

Лин не удивилась, увидев его одетого в одни смешные кальсоны, облепившие ноги, покрытого зловонным жиром, продрогшего до костей.

– Сюда, – добавила она, закрыв дверь. – Я приготовила вам чан горячей воды, дам вам мыло и полотенце...

Юбер расцвел:

– И стакан водки для внутреннего употребления.

– И стакан водки, – согласилась она.

– Вы просто фея! Не знаю, как вас благодарить. Хотите выйти за меня замуж?

Они были в конце коридора, и она уже взялась за ручку двери, но тут резко обернулась и смерила его разъяренным взглядом.

– Считаю нужным сказать вам сразу: я не люблю, когда надо мной насмеются.

Он смущенно запротестовал:

– Я не хотел вас обидеть. Я просто пошутил... Уверю вас, это была шутка...

Лин открыла дверь в комнату со стенами из неотесанных бревен, в которой клубился густой пар.

– Я не люблю шутки такого рода, – отрезала она так же холодно.

Юбер почувствовал, что лучше ничего не говорить. В конце концов, вполне нормально, что эта странная женщина не понимает юмор определенного рода. Он вошел в комнату и оказался в необыкновенно приятном влажном тепле. В центре стоял огромный чан, полный дымящейся воды, рядом на табурете лежала большая губка. Женщина положила туда кусок мыла и полотенце и пошла к двери, сказав:

– Можете начинать.

Дверь за ней закрылась. Юбер с трудом снял кальсоны. Перед уходом хозяйки он хотел напомнить ей обещание налить ему стакан

водки. Его удержало опасение снова рассердить ее. "Будет весело!", – подумал он и влез в чан, как будто вошел в рай...

С обвязанным вокруг пояса полотенцем он возник на пороге открытой двери в гостиную и церемонно поклонился:

– Я прихожу в отчаяние, что беспокою вас, милостивая государыня, но необходимость...

Лин быстро встала с кресла перед камином и перебила его:

– Вы хотите получить одежду?

Ее светло-голубые глаза были самым необыкновенным в ее лице, на очень смуглой коже которого плясали отблески пламени. Она ту же затянула поясок своего плотного домашнего платья и продолжила:

Я не знала ваших размеров. Все необходимое достану утром. Ваша постель очень теплая. Я ее нагрела. Ложитесь спать, я вас разбужу, когда будет нужно...

– Вы мне обещали стакан водки, – напомнил Юбер.

Она открыла буфет из светлого дерева, вынула бутылку и стакан и направилась к столу.

– Вы очень хорошо сложены, – сказала Лин, бросив на него оценивающий взгляд.

Юбер из осторожности решил воздержаться от ответа, готового сорваться у него с языка, и взял стакан.

– Ваше здоровье.

Лин наклонила голову. Он залпом выпил водку и сжал зубы, пока огонь разливался по его груди. Его лицо пылало.

– Господи, как хорошо! – прошептал Юбер.

– Идите спать, – повторила Лин. – Дверь напротив.

– Спокойной ночи.

Она ничего не ответила.

Юбер медленно выныривал из крепкого сна, когда шум мотора разбудил его окончательно. Хлопнула дверца, потом послышался голос Лин Манновой, чистый и твердый, говоривший по-русски:

– Спасибо, что подвез, Владимир.

Юбер отбросил тяжелое белое одеяло, которым был накрыт, и бесшумно вскочил на ноги. Окно комнаты, где он спал, выходило во двор. Деревянные ставни не позволяли выглянуть наружу. Густой веселый голос ответил:

– Рад был помочь, сердце мое. Подожди... Я сам отнесу этот сверток.

– Нет, нет, я не хочу тебя задерживать.

– Ты меня не задерживаешь.

Хлопнула дверца машины, и под ногами захрустел гравий. Юбер вдруг заметил, что стоит голый и вздрогнул. В комнате было совсем не жарко. Кто этот Владимир? Шаги послышались уже в коридоре, затем хозяйка сказала:

– Мне очень жаль, но не проси оставить тебя завтракать. Мне нечем тебя угостить. Сегодня, как ты знаешь, я уезжаю и купила ровно столько продуктов, сколько нужно мне одной.

Веселый густой голос Владимира:

– Ничего страшного, сердце мое. Мне все равно придется ехать в управление. Мы кое-кого взяли...

Наступило короткое молчание. Они, очевидно, были в столовой, с другой стороны от прихожей. Снова раздался женский голос, но уже глуше:

– Можно узнать, кого?

– Пожалуйста... Рыбака Такару. Он вернулся один еще до рассвета и утверждает, будто его матрос упал в воду, а он не сумел его вытащить.

У Юбера замерло сердце.

– Такара... Это не тот тип огромного роста, что похож на самураев из старинных японских легенд?

– Да, он.

– Вы думаете, он сам сбросил своего матроса в море?

– Мы не знаем. Во всяком случае, это не исключено. У Такары репутация вспыльчивого человека, и он вполне мог выбросить матроса за борт после ссоры... Самое неприятное то, что его матрос ни с кем не дружил и не разговаривал. Никто не помнит, чтобы он произнес хотя бы одну законченную фразу.

Маннова беззаботно рассмеялась.

– Я уверена, Владимир, что ты без труда разберешься в этом деле.

Владимир издал нечто вроде кудахтанья.

– Я бы давно отпустил его домой, если бы радарная станция Вала не засекала этой ночью неустановленное судно приблизительно в том месте, где Такара обычно ловил рыбу.

У Юбера второй раз перехватило дыхание.

– Никому не говори об этом, сердце мое, – продолжал мужчина. – У радарщиков могла быть галлюцинация, но мне все равно придется еще подержать Такару.

– Конечно, Владимир. Тебе виднее, это твоя работа.

– Ты права, сердце мое, такая работа.

Голос приблизился, и Юбер прижался к стене, чтобы дверь закрыла его, если ее кто-нибудь откроет. Затем шаги удалились по коридору. Гость и Маннова обменялись во дворе несколькими словами, которые Юбер не разобрал. Наконец, хлопнула дверца, зашумел мотор, машина тронулась с места и уехала.

– Уф! – перевел дыхание Юбер.

И нырнул в теплую постель. Он слышал, как женщина расхаживала по дому, а потом вошла без стука.

– Добрый день, – сказала она.

– Добрый день.

Лин была одета в черное шерстяное платье с застежкой на боку, на ногах – блестящие короткие сапожки. Она держала под мышкой сверток, который положила на одеяло.

– Хорошо выспались?

– Да! Мне снились вы, – невозмутимо ответил Юбер.

Она не проявила никакого любопытства.

– Меня подвез начальник Ногликовского управления МВД. Он мой старый друг...

– Я все слышал, – ответил Юбер с равной непринужденностью. – У этого парня очень красивый голос...

Лин развернула одежду и разложила ее на кровати.

– Да? Возможно... Он очень милый человек. Хочет на мне жениться, но...

– Но вы не любите шутки такого рода.

Она удивленно посмотрела на него, потом вспомнила об их ночном разговоре и усмехнулась:

– Такие женщины, как я, не выходят замуж.

Затем сделала паузу и посмотрела ему прямо в глаза:

– Но это не мешает мне заниматься любовью, когда мне хочется, и получать от этого удовольствие. Ваш мозг западного человека может это понять?

Юбер очень серьезно ответил:

– Я всегда считал, что в любви женщины имеют такие же права, как и мы. В вашем случае это право тем более обосновано, что вы должны находиться в прекрасной физической форме.

– Именно так я и думаю.

– Тогда, – заявил неисправимый Юбер, – я к вашим услугам, мадам.

– Спасибо, вы очень любезны, – поблагодарила она таким же тоном, как если бы он предложил ей руку, чтобы помочь перейти через ручей. Она по-прежнему вела себя как светская дама.

Юбер вдруг захотел ее и спросил:

– Сейчас?

– Нет, сейчас не время. Я должны приготовить поесть, к тому же нам надо о многом поговорить...

– Вы что, всегда все делаете по расписанию? – раздраженно бросил он.

Лин повернулась к нему спиной и пошла к двери.

– Простите, я дурак.

– Я вам уже говорила: вы глупы, но очень хорошо сложены.

Она вышла, а Юбер тихо засмеялся. Эта дамочка была занятным феноменом.

Одежда оказалась простой, среднего качества, неброских цветов. Как раз то, что нужно.

Он начал одеваться.

Лин Маннова положила Юберу еще несколько жареных сардин и сказала:

– Не думаю, что им удастся заставить Такару заговорить, но они могут догадаться, что прошлой ночью на берег в окрестностях Ногликов высадился человек, и начать его поиски. Нельзя дать им время дойти до нас.

– Командуйте, Лин. Я в ваших руках.

Он отпил несколько глотков горячего чая и стал ждать продолжения. Она доела сардину и сказала:

– Я получила приказ проводить вас в Погоби. Это нелегко...

– Я никогда не думал, что это будет легко.

– Прямой дороги туда нет. Отсюда надо ехать через Адатиум, Александровск и Трамбасс. Адатиум – маленький шахтерский городок в горах. Из Ногликов туда ведет плохая дорога. Александровск – главный порт в Татарском проливе; десять тысяч жителей. Недавно построенная железная дорога соединяет Адатиум с Александровском. Линия начинается в Гродекове, в угольном бассейне Дербиненко... Вы представляете себе, о чем я говорю?

Юбер с полным ртом энергично кивнул головой.

– Я могу нарисовать вам по памяти карту Сахалина и безошибочно указать на ней населенные пункты, о которых вы говорите. Можете продолжать. Если что-нибудь будет непонятно, я попрошу у вас разъяснений.

– Таким образом, в Адатиуме можно сесть на поезд с углем, идущий к Гродекова в Александровск. Пассажирских вагонов нет, но многие люди устраиваются, как могут, на угле, и никто им ничего не говорит. Если вы не привлечете к себе внимания, то сможете добраться до Татарского пролива, избежав проверки документов...

Она встала, унесла тарелки и через минуту вернулась, неся главное блюдо: свиные ребрышки с рисом.

– Самой сложной будет первая часть поездки: из Ногликов в Адатиум. Если вы не пойдете пешком и не поедете на велосипеде девяносто километров по дороге, все время идущей на подъем, придется садиться в автобус. Концентрация двадцати пассажиров на таком маленьком пространстве в течение четырех часов неизбежно будет опасной для человека в вашем положении.

– Тем более, что я недостаточно хорошо говорю по-русски, чтобы сойти за местного. У меня не очень большой словарный запас.

– Вы понимаете этот язык?

– Да, почти все, что говорят, но я полагаю, что здешние жители разговаривают на своем особом диалекте?

– Да, конечно. Но коренных сахалинцев мало. Население на три четверти состоит из настоящих русских. В сорок шестом была массовая иммиграция из ста тысяч человек.

– Я не буду много болтать.

Она отпила несколько глотков чая, оставила кружку и с задумчивым видом сказала:

– До Адатиума вам придется действовать одному. Арест Такары запрещает мне прикрывать вас при отъезде. Если вас арестуют, я не должна провалиться...

– Полностью с вами согласен, – одобрил Юбер. – Таковы правила игры.

– Тем не менее я поеду тем же автобусом, но ни под каким предлогом не вступаю со мной в контакт. Только я могу брать на себя инициативы такого рода...

– Полностью согласен. Можете мне доверять.

Ее светло-голубые глаза сузились.

– Я знаю, – сказала она. – И не хотела бы иметь вас своим противником.

– Лично я не отказался бы побороться с вами... в рукопашном бою.

Лин осталась холодной.

– Я хотела сказать, что могу вам доверять, потому что вы сильный, безжалостный, энергичный и, должно быть, редко совершали ошибки во время заданий...

Он кивнул.

– Я вышел невредимым из многих передраг, потому что, наверное, чего-то стою. И конечно, мне очень везет...

Надпись, выгравированная на бордюрном камне, указывала: "Адатиум 84 – Нуиво 5". Нуиво было старым названием Ногликов.

Юбер поглубже надвинул на голову кепку, повесил котомку на лямку и сел на каменную тумбу. Где-то недалеко гудел самолет. Юбер машинально поднял глаза на узкую полоску неба, видневшуюся между кронами гигантских пихт, но ничего не увидел. Самолет улетел, и снова запели птицы.

Узкая каменистая дорога, казалось, терялась в густом лесу, росшем по обеим ее сторонам. Перед Юбером была тропинка, по которой он пришел, обойдя Ноглики. Маннова посоветовала ему не садиться в автобус в городе и указала лесную тропу, позволявшую выйти на шоссе. Поблизости шла крупная рубка, и Юбера могли принять за дровосека.

Он посмотрел на свои руки, которые были натерты смолой и грязью, на грязные ногти. Руки лесоруба... От ботинок из жесткой кожи у него болели ноги. В Адатиуме надо будет найти другие, если, конечно, он туда доедет, в чем отнюдь не был уверен...

Он поднял кепку и провел рукой по наголо обритой голове, к чему еще не успел привыкнуть. Лин сама провела эту операцию после того, как убедила Юбера, что его стрижка слишком "западная" и может привлечь к нему внимание.

Послышался шум мотора. Он надел кепку и прислушался. Это должен быть автобус. С сильно бьющимся сердцем он встал и повесил торбу на плечо. Он прекрасно знал свою роль, но в делах такого рода всегда следует ожидать непредвиденных случайностей.

Автобус медленно выехал из-за поворота. Он был старым, японской модели. Наверняка военный трофей, заканчивающий свою жизнь на службе обществу. На крыше лежала куча багажа. За жалкой машиной стлалось густое облако выхлопных газов.

Юбер помахал рукой, как ему говорила Лин Маннова. Автобус остановился, жутко скрипя. Открылась дверь. Юбер вошел и тут же сказал шоферу:

– Адатиум.

– Десять рублей, – ответил тот, отрывая билет от бобины.

Юбер отдал десять рублей и, взяв билет, кивнул головой, что должно было означать "спасибо". "Говорите как можно меньше, – посоветовала Маннова. – Не бойтесь, что вас примут за нелюдимого или невоспитанного человека". Он повернулся лицом к салону, пока шофер трогал с места на первой скорости. Когда автобус поехал, Юбер взялся за металлический поручень, а потом пошел в середину, где оставалось несколько свободных мест.

Лин Маннова сидела у окна, справа, если смотреть по ходу движения, в трех рядах от двери. Она читала толстую книгу, обложку которой защищала газета, и ни на секунду не подняла глаза.

Юбер сел на заднее сиденье, занимавшее всю ширину автобуса. Искусственная кожа была вытертой, и из нее вылезали волос и пружины. Юбер немного поерзал между соседями, но быстро отказался от попыток сесть поудобнее и поставил котомку на колени.

Справа сидела женщина средних лет, некрасивая, худая и плохо одетая, прижимавшая к тощей груди жалкого котенка. Слева толстяк с ярко-красным лицом, одетый в хороший плащ и в коричневой шляпе на голове, казалось, дремал. Его толстые руки лежали на широких ляжках. Ногти на пальцах были обгрызены до кожи, и от него исходил сильный запах пота и мочи.

Юбер принял неприветливый вид и стал смотреть перед собой на белую дорогу, шедшую прямо в сердце густого леса гигантских пихт.

Толстяк пошевелился и спросил, дыхнув в лицо Юберу чем-то кислым:

– Вы далеко едете?

Юбер медленно повернул голову к соседу и смерил его злым взглядом.

– А что? – раздраженно спросил он.

Толстяк пожал плечами и что-то пробурчал сквозь зубы. Женщина, сидевшая перед ним, сказала без видимой причины:

– Через полчаса стемнеет.

Это была правда, а они проехали только половину пути. Уже некоторое время дорога равномерно поднималась, выделявая многочисленные повороты. Пихтовые леса следовали один за другим, разделенные небольшими скудными пастбищами, где паслись стада коров. Время от времени автобус останавливался в крохотных деревушках из деревянных домов.

Котенок с блеклой шерсткой продолжал спать на тощей груди своей тощей хозяйки. Лин Маннова продолжала читать книгу.

– Эти леса красивее, чем на континенте... Вы лесоруб, товарищ?

Юбер снова повернул к нему свое враждебное лицо и спросил недовольным тоном:

– А что?

* * *

– Зачем? – в сотый раз повторил Такара. – Зачем мне было сбрасывать Кунга за борт, если он работал со мной несколько лет и его работа меня удовлетворяла?

Владимир обошел стол и встал перед великаном-рыбаком.

– Ссора. Если это так, то тебе лучше признаться. Мы можем уладить это дело...

Такара провел своими огромными пальцами по черной шевелюре, и его густые брови сошлись на переносице. Он с презрением пожал плечами и возразил:

– Ссора? Как я мог поссориться с Кунгом? Он никогда не разговаривал. Я ему говорил: сделай это. Он молча делал. Говорил: не делай этого. Он не делал. И никогда ни единого слова. Только: Хууу! А! Ну да! – все, что он знал... Этого было достаточно.

Владимир вдруг сказал на американском английском:

– Позавчера твой матрос пришел сюда и донес, что ты иностранный шпион.

Такара остался каменным. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он вопросительно посмотрел на Владимира, потом повернулся к двери, к которой стоял спиной. Дверь была закрыта, и в комнате находились только они двое.

– Э! – спросил Такара, хмуря брови. – С кем вы разговариваете?

Владимир ответил по-русски:

– С тобой.

– А вы можете говорить, как все?

Круглое лицо Владимира посуровело. Он грубо ответил:

– Ты прекрасно понял, что я тебе сказал! Позавчера Кунг пришел сюда и донес, что ты иностранный шпион.

На этот раз он сказал по-русски. Секунду Такара стоял, как бы не веря своим ушам, немного наклонив голову на бок, глядя чистыми глазами, потом сильно покраснел и расхохотался. Фантастический смех сотряс всю комнату и заставил Владимира отступить к столу, к которому он прислонился.

– Хватит! – заорал он.

Но Такара не остановился. Он продолжал смеяться, хлопал себя по ляжкам, плача, икая, шмыгая носом и задыхаясь.

Было так смешно, что его хотели поймать на эту идиотскую историю!

– Хватит! – снова заорал Владимир.

* * *

Адатиум. Автобус с громким скрежетом остановился на тесной площади, скупо освещенной единственным фонарем, лампочка которого качалась на ветру. Ночь была такой же темной, как предыдущая. Несколько полосок света выбивалась из домов, смутно видневшихся по краям площади.

Пассажиры медленно выходили, не толкаясь. Юбер последовал за остальными. Женщина с котенком была впереди него, толстяк сзади.

– Вы знаете город, товарищ?

От толстого было трудно отделаться.

– Да, – буркнул Юбер, не оборачиваясь.

Они, шаг за шагом, продвигались по узкому проходу в цетре салона.

– У вас есть номер в гостинице?

– Нет.

– В гостинице мало мест, – продолжал толстяк, – и они всегда заняты. Автобус поедет на центральную станцию... Только бы работало отопление.

Они прошли полпути. Шофер стоял на крыше и сбрасывал багаж, который пассажиры ловили на лету. Юберу никак не удавалось разглядеть стройную фигуру Манновой...

– Вы идете на центральную станцию, товарищ?

– Нет.

– А! – догадался тот. – У вас здесь есть знакомые.

– Да.

– И вы заночуете у них?

– Да.

Наконец, они подошли к двери.

– А нельзя привести к ним еще одного человека? – шепнул толстяк на ухо Юберу. – Конечно, не бесплатно...

– Нет, – буркнул Юбер, начавший злиться.

– Ну, ладно, – обиженно сказал толстяк.

Юбер спрыгнул на землю и обернулся, чтобы высвободить котомку, застрявшую в двери. Его взгляд встретился со взглядом толстяка, и то, что он там прочел, ему совершенно не понравилось. "Пошел к черту!", – подумал он, освобождая выход, но не мог не спросить себя, кто такой этот тип и почему он так любопытен: по характеру или...

Лин Маннова быстро уходила в сторону противоположного конца площади. Юберу вдруг сильно захотелось пойти за ней сразу и догнать, как только они окажутся одни. Однако она категорически запретила ему делать это, а до Погоби командовала она.

Открылась дверь закуской, и в прямоугольнике света появился маленький человечек в фартуке и в меховом колпаке на голове.

Юбер вошел первым. Зал был довольно большим; в нем стояли рядами десятка два деревянных столиков. В глубине была стойка, занятая бутылками, чайниками и американской кофеваркой времен Буффало Билла. На стенах висели привычные портреты великих людей. Помещение тускло освещала грязная лампочка.

Пол скрипел при каждом шаге. Юбер сел за столик возле круглой печки и заказал порцию водки.

Вошли еще несколько пассажиров автобуса, потом толстяк, который прошел мимо Юбера, поправляя на голове шляпу, и сел через два столика от него.

Буфетчик включил радио, скрытое за стойкой. Работали сразу две станции одновременно, и политическая речь на китайском накладывалась на фон из русской музыки. Толстяк поднял воротник своего плаща и сказал достаточно громко, чтобы его слышал Юбер:

– Как же они надоели со своей ерундой.

Юбер сделал вид, что не слышал. Когда принесли водку, он расплатился и выпил стакан в два глотка.

Он прождал достаточно долго и теперь мог идти. Но прежде незаметно бросил взгляд на толстяка: тот явно наблюдал за ним. Юбер встал, повесил котомку на плечо и направился к двери.

– Спокойной ночи! – бросил он, переступая через порог.

Несколько голосов ответили ему. Он закрыл за собой дверь и пошел направо, вглубь площади. Шофер автобуса, все возившийся возле своей машины, сердечно простился с ним.

Перед ним была улица, а слева, в самом ее начале – кинотеатр. То, что нужно. Единственный фонарь едва освещал афиши, наклеенные на стену большого дома.

Улица, куда он двинулся, не была освещена. Пройдя по ней несколько метров, Юбер обернулся...

И перестал дышать: следом за ним через площадь шла толстая фигура, которую он сразу узнал.

Что делать? Попробовать оторваться? Трудно. Юбер не знал этот городок. Лин Маннова заставила его заучить наизусть сложный маршрут. Чтобы пройти по нему такой темной ночью, не сбившись с пути, надо было идти медленно, осторожно, часто останавливаясь для проверок.

Он продолжал идти тем же шагом, что и вначале. Подошвы почти не производили шума на грязном тротуаре. Главное не нервничать, хорошенько взвесить все "за" и "против" и принять решение. И ни в коем случае не выжидать, не рассчитывать на удачу или случай.

Если этот субъект пошел за ним после неудачных попыток завязать разговор, значит, на это была веская причина. Когда Юбер сел в автобус, неизвестный уже находился там, и наверняка он сел в Ногликах...

Были возможны два объяснения: человек, а это несомненно чекист, заметил в поведении или в одежде Юбера нечто такое, что показалось ему странным, а значит, разбудило профессиональное любопытство. Это была самая простая и наименее опасная гипотеза. Более серьезной была вторая: управление МВД Ногликов, заподозрившее, что прошлой ночью на берег высадился иностранный агент, могло установить наблюдение за дорогами и средствами передвижения и человек в плаще мог быть одним из агентов, осуществлявших это наблюдение.

И в том, и в другом случае существовал всего один способ заставить неизвестного прекратить слежку...

Юбер снова обернулся. Он прошел по улице метров сто пятьдесят. Дома становились реже. Адатиум – небольшой городок, хотя, по словам Манновой, быстро развивается. "Хвост", чей силуэт выделялся на более светлом фоне площади, казалось, приблизился. Он не пытался прятаться, это очевидно. Тогда чего он хотел?

Напугать дичь и заставить ее совершить ошибку? Если бы Юбер действительно был честным и безобидным русским лесорубом, едущим по своим совершенно законным делам, его бы, конечно, не беспокоило, что кто-то следует за ним к друзьям, у которых он собирался заночевать. И напротив, если он попытается оторваться от "хвоста", подозрения преследователя подтвердятся, и в действие вступит контрразведка.

Дома кончились. По обеим сторонам простирались поля, кое-где росли отдельные деревья, а слева от дороги выстроились телефонные и телеграфные столбы. Небо было полностью затянуто тучами, и темнота была такой, что Юберу приходилось ориентироваться по столбам, чтобы видеть шоссе.

Он дошел до названного ему перекрестка с тремя указательными табличками. "Как раз напротив будет каменистая дорожка". Он прошел перекресток: дорожка была там.

Судя по звуку шагов, преследователь был всего метрах в двадцати сзади.

Юбер почувствовал, что у него напрягаются мускулы спины. Он не считал, что его жизни угрожает реальная опасность, по крайней мере в данный момент, но в присутствии сзади этого неизвестного не было ничего приятного...

Тропинка вдруг свернула в пихтовый лес и стала более трудной. Рытвины заставляли Юбера идти осторожнее.

Он на секунду остановился и прислушался. "Хвост" тоже остановился, но Юбер чувствовал его присутствие, как хищник чувствует охотника.

Юбер снова тронулся в путь. Дорога резко пошла под уклон. Более мощный звук перекрыл завывания ветра в ветвях деревьев: вблизи была бурная речка.

Лес закончился, непрерывный шум воды стал оглушительным. Стремительная речка была, очевидно, широкой. Юбер инстинктивно остановился. "Подвесной мост со столбами", сказала Маннова. Он встал между этими цементными столбами и насилиу нащупал деревянный мосток, закачавшийся под его весом.

Мост был шириной около метра и не имел поручней ни с той, ни с другой стороны. Держаться приходилось за металлические тросы, отходившие от толстых кабелей, на которых висел мост.

Юбер медленно пошел по ненадежному мосту осторожными скользящими шагами, не сводя глаз с тросов, выделявшихся в небе.

Второй, наверняка, будет ждать, пока он перейдет на другой берег, чтобы тоже пойти. Значит, спешить нет необходимости. Он взял в зубы лямку котомки, которую держал в правой руке, и достал из кармана моток веревки и нож. Он на глаз отрезал метра два веревки, убрал моток и нож в карман и снова взял в правую руку котомку.

Мост стал сильно раскачиваться, и Юбер понял, что дошел до его середины. Здесь он остановился и положил котомку, но продолжал раскачивать мост толчками ног.

Юбер быстро привязал веревку к одному тросу, затем к другому, примерно в пятнадцати сантиметрах над досками поперек моста. Затем встал во весь рост, взял свою котомку, перешагнул через веревку и продолжил прерванный переход.

Наконец, он попал на противоположный берег и спрятался за одним из двух столбов.

Прошло секунд двадцать, ничего не происходило, потом луч электрического фонарика на мгновение осветил мосток. Юбер поздравил себя с тем, что укрылся за столбом. "Хвост", опасавшийся ловушки, предпочел осветить ненадежный мост, прежде чем ступить на него.

Тросы закрипели. Толстяк приближался и шел быстрее, чем Юбер. Шагов через десять он снова на секунду включил фонарик. Юбер поморщился: противник мог заметить веревку, натянутую поперек моста.

Фонарик включился еще раз, почти на середине, и Юбер, стиснув зубы, мысленно выругался. Через две секунды послышался шум падения, жуткое ругательство, потом крик...

Внизу раздался звук упавшего металлического предмета. И больше ничего. Юбер вышел из-за столба и протянул руку к тросу-поручню... Мосток раскачивался сильно, но не совсем свободно. На нем лежал груз...

Более сильные колебания вскоре подтвердили подозрения Юбера. "Хвост" упал, но успел уцепиться за доску руками. Он, очевидно, висел над бурным потоком и подтягивался, пытаясь влезть на мост.

Юбер знал, что ему это не удастся до тех пор, пока колебания моста не станут потише...

Действовать надо было быстро. Он на четвереньках пополз к своей жертве, стараясь не мешать мосту раскачиваться, и быстро преодолел расстояние. Вдруг, менее чем в метре впереди, он увидел руки, вцепившиеся в деревянные доски...

Выход был прост: ударить по пальцам, чтобы они разжались. Другого решения быть не могло. Это был вопрос жизни и смерти: или он, или я. Юбер достал нож. Голос толстяка, прерывающийся и встревоженный, перекрыл грохот потока:

– Стой, товарищ! Не делай глупость!

Юбер остановился. Время его не поджимало. По крайней мере, он так думал...

– Послушай, – продолжал толстяк, – я не хотел тебе зла...

Юберу показалось, что его пальцы немного скользят по мокрым доскам. Мостик уже почти не качался. Вдали пронзительно закричала птица. Сильный ветер высушил на напряженном лице Юбера пот.

– Ты меня слушаешь? – спросил толстяк сдавленным голосом.

– Да, – ответил Юбер нейтральным тоном.

– Я понял, что ты занимаешься "левыми" делами, и хотел этим воспользоваться. Но я не собирался причинять тебе зла.

– Да? – повторил Юбер, ничем себя не выдавая.

– Я бы подошел к тебе после моста и попросил бы немного денег за молчание. И все...

Он больше не мог держаться. Это чувствовалось по его голосу. Юбер, словно зачарованный, не сводил глаз с жутко напряженных рук своего противника.

– Почему ты молчишь? – спросил он.

Говорить было нечего. Даже, если он сказал правду, Юбер не мог оставить его в живых.

Это было невозможно. Дело было слишком важным, слишком большого значения, чтобы жизнь одного человека могла иметь какое-либо значение.

– Спаси меня, – взмолился толстяк. – Я отдам тебе все, что у меня есть, и ты обо мне больше никогда не услышишь. Спаси меня... Аааа!!!

Не в силах дольше выносить эту ужасную сцену, Юбер дважды ударил. Душераздирающий вопль жертвы потерялся в гуле бурного потока. И все. Юбер сжался, чувствуя, что к горлу подкатывает тошнота...

Он лихорадочно ухватился за веревку, натянутую поперек моста, и поднялся, чтобы дойти до берега. Там он прислонился к одному из столбов и стал ровно и глубоко дышать до тех пор, пока биение его сердца не вернулось в нормальный ритм.

Тогда он поднял с земли свою котомку, повесил ее на плечо и пошел.

Дальше надо было идти вдоль высоковольтной линии до конца, оставляя ее слева. Он заметил металлические столбы, возвышавшиеся, как гигантские роботы, и прибавил шагу.

Его не покидала мысль о человеке, которого он только что убил. В ходе драки или атаки, когда его жизни угрожала прямая опасность, Юбер убивал без колебаний и без всяких угрызений совести, но сейчас было совсем другое дело. Убитый не угрожал его жизни. Он убил его потому, что не мог позволить себе рисковать в таком деле, и должен был задушить риск провала в самом зародыше...

Где-то близко залаяла собака. Юбер остановился. Его глаза, привыкшие к темноте, различили группу невысоких строений, прилепившихся к кромке леса, который, по всей вероятности, служил зимой защитой от ветра.

Через минуту он вошел в ригу, указанную Лин Манновой, и чиркнул спичкой, чтобы осветить ее. Несколько сельскохозяйственных инструментов, в глубине огромный стог сена, к которому приставлена лестница.

Он тщательно погасил спичку и наощупь дошел до лестницы. Едва поднявшись по ней, он упал на сено и заснул.

Собака побрехала еще несколько минут, потом, устав, замолчала, и было слышно только завывание ветра в высоких пихтах, защищавших ферму...

Такара больше не смеялся. Он начал уставать и беспокоиться: ненормально, что его держали так долго.

Он отломил кусок жевательного табака и сунул его в рот в тот момент, когда Владимир вернулся со свертком под мышкой. У комиссара был довольный и жестокий вид, совершенно не понравившийся Такаре. Затем вошел еще один человек, закрыл дверь и прислонился к ней. Рыбак заметил, что он не снимает ладонь с рукоятки табельного "нагана".

Тревожный признак.

Владимир развернул принесенный сверток, в котором оказалась одежда.

– Мы нашли это на твоем судне, в тайнике под палубой.

Такаре вдруг стало тяжело дышать, Зачем он сохранил шмотки американского агента? Почему не выбросил в море, утяжелив куском железа, чтобы они сразу пошли на дно? Истина была в том, что он надеялся продать их и выручить несколько рублей... Опять хотел нажиться. Он страшно разозлился на себя, но сумел сказать совершенно спокойным голосом:

– Не понимаю, зачем вы это делаете, но если хотите, чтобы я вам помог, придумайте что-нибудь другое...

Владимир смотрел на него, пока он говорил. Круглое лицо чекиста медленно краснело от злости.

– Что ты хочешь сказать? – заорал он.

Такара хладнокровно уточнил:

– Что вы не могли найти это на моем судне. Я оставляю свою одежду дома и, выходя на лов, никогда не беру с собой смену. Понятно?

– Сукин сын! – заорал Владимир. – Ты намекаешь, что... что...

От возмущения он не мог говорить. Такара поднял руки, выражая протест.

– Я ни на что не намекаю, комиссар!

Совсем ни на что...

И он договорил:

– Может быть, вы правы, комиссар. Может быть, ваши люди действительно нашли эту одежду на моем судне. Значит, ее без моего

ведома принес Кунг. Да, это вполне возможно.

Владимир презрительно посмотрел на него:

– Эти вещи никогда не принадлежали Кунгу.

– Да? – спросил Такара, изображая вежливый интерес. – Как вы это узнали?

Владимир сделал паузу, прежде чем ответить:

– Они для него слишком велики и... не имеют запаха.

– Не имеют запаха? – повторил Такара, встревожившись и делая вид, что не понимает.

Он провел своими толстыми пальцами по густой всклокоченной черной шевелюре. Владимир уточнил:

– Если бы они принадлежали Кунгу, то сохранили бы его запах. От Кунга воняло; это всем известно! С другой стороны, если бы они пролежали на твоём судне долго, то пропитались бы рыбным запахом. Сочувствую тебе, но эта одежда не имеет запаха...

Пауза, потом:

– Чтобы избавить себя от неизбежных неприятностей, тебе лучше сказать мне, откуда они взялись и чему или кому служили.

Такара начал понимать, что его дела ухудшились. Он попался в ловушку.

Как крыса. Единственно возможное поведение: отрицать, отрицать до конца, вопреки Очевидным фактам.

– Я не понимаю, – буркнул он, потирая руки, – и до сих пор не знаю, что вы хотите от меня услышать...

Владимир обошел стол и встал перед рыбаком.

– Не знаешь, что я хочу от тебя услышать?

– Да.

Владимир вытащил свой "наган" и, держа его за ствол, стал постукивать рукояткой по ладони левой руки. Такара увидел удар и успел прикрыть лицо. Ему показалось, что рука влетела в рот. В горло потекла кровь, и его охватила ярость. Неповрежденной левой рукой он схватил чекиста за горло и без видимого усилия поднял его, как куклу. Рыбак прочитал в глазах Владимира ужас и увидел, как он высунул язык, прежде чем вспомнил о том, что сзади него есть второй чекист.

Но было уже поздно: искаженное лицо Владимира перед ним расплылось, потом совсем исчезло...

– Спасибо, – прохрипел Владимир, массируя шею.

Второй не ответил. Он снял один за другим несколько черных волосков, прилипших к рукоятке "нагана" и убрал оружие в кобуру. Владимир перестал растирать шею, два или три раза с трудом сглотнул слюну, потом связал одежду в сверток и сунул его под мышку.

– Я ухожу, – сказал он, направляясь к двери. – На час, не больше. Как только он очнется, немного поработай над ним. Хотелось бы, чтобы он был более сговорчив...

Шофер управления дремал в холле, где стояли несколько вооруженных часовых. Владимир потряс его.

– Пошли. Отвезешь меня в одно место.

Они вышли. Ночь была темной и холодной, ветер довольно сильным. Владимир сел в машину рядом с водителем.

– К Китайцу.

Они выехали через площадь на набережную, проехали вдоль порта, направляясь на север. У подножья старого форта они свернули налево и остановились на углу второй улицы.

– Жди меня здесь, – приказал Владимир.

– Слушаюсь, комиссар.

Чекист вышел из машины. Справа от жалкой лавочки узкий проход разделял два дома. Он прошел в эту зловонную черную дыру и оказался в грязном дворе.

Плохо подогнанные ставни на первом этаже пропускали немного желтого света. Владимир заглянул в щель и увидел Китайца, занимавшегося подведением счетов под висевшей на потолке керосиновой лампой. Китаец был старым и высохшим. В течение двадцати лет он содержал единственную в Ногликах прачечную, а также занимался "левыми" делами, при случае приторговывая одеждой. Милиция не трогала его, получая взамен сведения, иногда очень интересные.

Владимир постучал в ставень: три отдельных удара, потом два кряду и потише.

Китаец открыл дверь и согнулся пополам:

– Входите, комиссар, этот дом и все, что в нем, принадлежат вам...

Владимир вошел и положил сверток на стол.

– Я пришел спросить тебя кое о чем, – объявил он, как будто когда-нибудь приходил по другой причине.

Старый сын Поднебесной пошевелил своими тощими плечами под слишком широким пиджаком и скрестил на животе высохшие руки. Владимир развязал сверток и разложил одежду.

– Посмотри и скажи, что ты об этом думаешь...

Китаец подошел, покопался в тряпках несколько минут, затем сделал шаг назад и сказал:

– Эта одежда никогда не проходила через мои руки.

– Ты уверен? – спросил разочарованный Владимир.

– Абсолютно.

Маленький старик, казалось, заколебался, потом, снова скрестив руки на животе, поклонился:

– Интересует ли уважаемого комиссара мое мнение?

Чекист кивнул круглой головой. Его лицо было озабоченным.

– Естественно.

– Недавно эту одежду стирали. То, как была выполнена работа, в том числе и глажка, говорит мне, что это сделал не здешний человек.

Владимир нахмурил брови.

– Не из Ногликов?

– И не из любого другого места Сахалина.

– Из Владивостока?

– Тоже нет.

– Из Японии?

– Нет.

– Тогда откуда?

– Я не знаю, уважаемый комиссар.

– Если я правильно понимаю, ты уверен, что это сделано не в тех местах, что мы перечислили, но ты не можешь сказать, где это сделали.

– Совершенно вернет, – подтвердил Китаец, кланяясь. – Могу я себе позволить высказать предложение?

– Давай.

– Ответ может дать химический анализ. Химические стирающие средства оставляют следы...

– Благодарю тебя. Это все?

Китаец, казалось, хотел сказать что-то еще, заколебался, потом:

– Я мог бы дать вам точный размер человека, носившего эту одежду, но... Китаец замолчал, как будто охваченный сомнениями, но Владимир сухо сказал:

– Договаривай.

– Если вы не в курсе, значит, это не имеет никакого отношения к делу и стоит ли говорить.

– Все равно скажи.

Китаец вздохнул и опустил морщинистые веки на черные глаза.

– Сегодня утром госпожа Маннова приходила ко мне купить мужскую одежду... Именно такого размера.

Владимир остался невозмутимым. После секунды молчания он, не торопясь, завязал сверток.

– Спасибо, – сказал он. – Ты ценный помощник. И пошел к двери, держа сверток под мышкой.

* * *

Юбер мгновенно проснулся и задержал дыхание, тогда как его тело осталось полностью неподвижным. Он открыл глаза: полная темнота. У него было смутное чувство, что он слышал лай собаки. Как бы то ни было, но Юбер был уверен, что в ригу кто-то вошел.

Снаружи в деревьях выл ветер. Юберу захотелось чихнуть, и он поспешил пощекотать небо языком, чтобы пресечь несвоевременное желание.

Внизу что-то шевельнулось. Затем послышался легкий удар о металлический предмет, и кто-то прошептал:

– Вы здесь?

Это должна быть Лин, но он не узнал ее голос. После долгой паузы он услышал:

– Это Лин.

На этот раз сомнений быть не могло. Он тихо свистнул, сообщая о своем присутствии. Почти тотчас он услышал хруст сена под лестницей. Она поднималась.

– Вы где?

– Идите сюда.

Она пошла в его сторону, споткнулась о его ногу и упала на него, откатилась в сторону и осталась лежать, дыша немного прерывисто.

– Какая темнота! – прошептала она.

– Да.

Плечи женщины лежали на его вытянутой руке, и их тела соприкасались во всю длину. Она не отодвинулась и он почувствовал, что в нем поднимается сильное желание.

– Который час?

– Пять. Рассвет только через полтора часа. Хорошо спали?

– Да.

– Сюда дошли без проблем?

– Нет.

Юбер тихим голосом рассказал о неудобствах, доставленных ему толстяком, которого в конце концов ему пришлось убрать. Дойдя до сцены на мосту, он почувствовал, как она вздрогнула и прижалась к нему, и догадался об эротическом эффекте, произведенном на нее этим рассказом в сочетании с темнотой и ситуацией, одновременно скабрёзной и опасной.

Немного пряное дыхание женщины ласкало его лицо. Он нашел ее рот и с дикой силой поцеловал. Его руки ощупывали ее тело. Под пальто на ней была пижама из плотной фланели и ничего больше....

– Нет, – простонала она, с силой отталкивая его. – Не сейчас. Я не хочу.

Он не стал настаивать, убрал руки, лег на спину и замер, быстро и шумно дыша.

– Простите, – сказала она. – Это моя ошибка.

Лин не отодвинулась и попросила Юбера дать точный словесный портрет человека, которого ему пришлось убить.

– Кажется, я его видела, – сказала она. – Я почти уверена, что это был сотрудник МВД Адатиума. Это очень неприятно. Когда они найдут тело, то спросят себя, что он здесь делал.

Женщина шевельнулась и продолжила:

– Возьмите... Это ваши документы... Трудовая книжка, командировочное направление, предписывающее вам отправиться в Погоби, где вы будете должны обратиться в центральное бюро по трудоустройству. Вот еще две карточки: члена футбольной команды Гродекова и для столовой. Посмотрите это днем, когда будете один. Вас зовут Юрий Ворошин...

Она рассказала ему несколько деталей из биографии того человека, за которого ему предстояло выдавать себя, и закончила:

– Через час вы выйдете отсюда. Обойдете лесок сзади и увидите светофор железной дороги. За светофором находится деревянный мост. Он временный. Составы вынуждены проезжать по нему со скоростью пешехода. Сядете в первый, который поедет. Устраивайтесь на угле. Мы встретимся в...

– В какую сторону мне ехать? – перебил ее Юбер. – Как я узнаю, что поезд идет, куда надо...

– Грузенные углем составы обязательно идут в Александровск, а возвращаются пустые.

– Понятно.

– В Александровске поселитесь в гостинице "Тарракаи" на улице Кирова, возле порта. Там живут только рабочие или моряки, оказавшиеся в городе проездом. Я свяжусь с вами там завтра или послезавтра... Кажется, все.

Наступило натянутое молчание, потом она спросила глухим голосом:

– Вы сейчас в хорошей физической форме?

– Почему вы меня об этом спрашиваете?

Лин вздохнула и ответила, коснувшись его рукой:

– Я хочу сказать... Я не хотела, чтобы какая-нибудь глупость... лишила вас ясности мысли, которая вам так нужна.

Юбер понял, но у него оставалась смутная враждебность к ней из-за ее первого отказа. Он сказал фальшиво непринужденным тоном:

– Не понимаю, к чему вы клоните...

Юбер догадался, что она сделала над собой большое усилие, чтобы уточнить:

– Я сожалею, что только что... Скажем, что теперь я изменила мнение...

Он понял, что завел игру слишком далеко:

– Мнение о чем?

Лин процедила сквозь зубы ругательство и вскочила.

– Счастливо оставаться.

Юбер хотел ее удержать, но она уже спускалась по лестнице. Она была не из тех женщин, которые возвращаются после оскорбления. "Я вел себя, как последний дурак!" – подумал он, отлично зная, что, занявшись любовью, успокоил бы свои нервы.

Несомненно, ей это тоже было нужно.

Лин Маннова застегнула платье и в последний раз посмотрела на себя в зеркало. Ее смуглое лицо было взволнованным, а великолепные голубые глаза обведены черными кругами. "Дурак", – прошептала она, подумав о Юбере, и все ее тело сотрясла дрожь.

Она подошла к окну комнаты и выглянула во двор фермы, с трех сторон окруженной постройками. Вдруг она замерла и инстинктивно отступила, чтобы не быть замеченной.

В центре двора стоял, глядя по сторонам, человек в оливково-зеленой форме с красными петлицами и нашивками внизу рукава.

Комиссар МВД.

Николай, хозяин фермы, вышел из свинарника и пошел навстречу гостю. Маленький и коренастый Николай шагал не быстрее, чем обычно. У него была чистая совесть, и он никого и ничего не боялся.

Незванный гость заговорил с Николаем. Их объяснения продолжались долго. Николай только кивал головой и время от времени почесывал макушку, поднимая меховую шапку. Потом фермер пожал плечами и жестом пригласил комиссара войти в дом.

Лин быстро отошла от окна. Ее сердце бешено колотилось. Ей было страшно. Вне всяких сомнений, найден труп убитого американцем человека и начато следствие. С мостика можно было прийти только к ферме Николая...

– Товарищ Маннова?

Ее звал Николай. Она открыла дверь комнаты и крикнула в сторону лестницы, находившейся напротив:

– Что?

– Вы не могли бы спуститься? Комиссар Адатиума хочет поговорить с вами тоже.

– Хорошо. Сейчас спущусь.

Она закрыла дверь и прислонилась к ней, глубоко дыша. Она мало спала, и финальная сцена с ее американским протеже оставила у нее неприятное чувство. Ей было совершенно необходимо успокоиться, прежде чем встретиться с человеком из МВД.

Закрыв глаза, она методично дышала и смогла себя убедить, что все идет не так уж плохо и даже в самом худшем случае подозрений

против нее возникнуть не могло.

Она заставила себя улыбнуться, убрала с виска прядь волос и вышла из комнаты. Она неторопливо спустилась по лестнице, снова полностью владея собой, и улыбнулась Николаю.

Комиссар подошел к ней и представился:

– Михаил Григорьев, начальник управления МВД Адатиума. А вы...

– Лин Маннова, журналист.

У него было суровое и холодное лицо. Очки в металлической оправе придавали ему хитрый и неприятный вид. Не теряя времени, он приступил к делу:

– Сегодня рано утром рыбаки, ловившие форель, нашли в реке застрявший между скалами труп сотрудника управления МВД Адатиума. Этот человек сошел вчера поздно вечером с автобуса, приехавшего из Ногликов.

– Я тоже ехала в том автобусе, – спокойно перебила Лин. – Может быть, я его заметила?

Григорьев бросил на нее проницательный взгляд, два или три раза кашлянул и продолжил:

– Возможно. Сойдя с автобуса, этот человек должен был пойти к себе домой, у него здесь жена и дети. Однако он пошел к реке, и мы стараемся узнать, почему.

Лин Маннова бессильно развела руками.

– Боюсь, я ничем не могу быть вам полезна, комиссар. За время поездки я ни с кем не разговаривала и не заметила, чтобы за мной кто-то шел от автобусной остановки сюда...

Она сделала вид, что ей в голову пришла ужасная догадка:

– Он был... Я хочу сказать: его?..

Комиссар остался холодным, как лед.

– Мы пока не знаем. Очевидно, он упал с мостика, но нам неизвестно... пока неизвестно, сам он упал или его столкнули.

Он повернулся к фермеру и спросил:

– Гражданка Маннова ваша родственница?

Лин ответила сама:

– Нет, друг. Мы знакомы уже десять лет, комиссар.

Она не сочла нужным уточнять, что во время войны оказывала Николаю определенные услуги, а тот взамен снабжал ее продуктами.

Это никого не касалось. Комиссар обернулся к ней.

– Вы долго пробудете здесь?

– Нет. А что? Я могу вам еще понадобится?

– Вполне возможно.

Она улыбнулась.

– В таком случае, если меня здесь не будет, вы сможете найти меня через газету "Народ Сахалина".

– Спасибо.

– Не за что, комиссар.

Она повернулась к нему спиной и вышла. Захлопнув за собой дверь, она осталась за ней и стала прислушиваться.

– Что вы теперь будете делать, комиссар? – спросил Николай.

Михаил Григорьев уклончиво ответил:

– Не знаю. У этого человека, несомненно, была веская причина прийти сюда среди ночи. Поскольку он провел два дня в Ногликах, я позвоню туда моему коллеге. Посмотрим...

Помолчав, он добавил:

– Знаете, я подумал, что он мог провожать сюда эту женщину и случайно упасть с мостика, возвращаясь в город...

Лин Маннова прислонилась к двери плечом. В ее голове крутилась одна мысль: "Он позвонит Владимиру... Он позвонит Владимиру... Он позвонит Владимиру..."

* * *

Лежа на животе на большой куче угля, положив голову на руки, Юбер смотрел на проплывавшие по обеим сторонам дома Александровска. Низкие, тусклые, безликие дома, над которыми возвышались более высокие и более современные здания: школы, склады, больница, казарма, несколько заводов...

Судя по положению солнца над горизонтом, было где-то около пяти часов дня. Скоро будет двенадцать часов, как Юбер увидел этот поезд, приближавшийся к мосту, указанному Манновой, и забрался в полувагон. Двенадцать часов, чтобы проехать двадцать четыре километра черепашим шагом с частыми остановками. Десяток других "пассажиров", таких же, как он, лежали в разных вагонах. Весь день он

притворялся спящим, чтобы уменьшить риск, что с ним попытаются завязать разговор. Даже, когда, проголодавшись, он был вынужден поесть, то старался это делать как можно незаметнее...

Поезд с адским грохотом проехал по стрелке. Юбер сжался, когда на ней закачался его вагон. Миновала стена длинного склада, и он увидел море. "Татарский пролив", – прошептал он, поднявшись на локтях, и его черное от угля лицо осветилось от удовлетворения: ему удалось пересечь весь Сахалин! Высадившись на восточном побережье, он достиг западного. Если бы не было тумана он бы, наверняка, увидел вдали сибирский берег...

Поезд с углем прогрохотал через весь порт мимо причалов, у которых стояли суда разного водоизмещения. Затем состав остановился с жутким лязгом.

Юбер, не торопясь, поднялся и бросил свою котомку на землю, гибко спрыгнул на насыпь, поднял торбу и только тут заметил идущего к нему милиционера в синей фуражке. Он остановился и стал ждать, пока он подойдет, улыбаясь, несмотря на комок, вставший у него в горле:

– Добрый день.

– Добрый день. Как тебя зовут?

– Юрий Ворошин.

– Ты откуда?

– Из Гродекова.

– Документы.

Юбер достал маленькую потертую и грязную сумочку, в которой лежали документы, переданные Лин Манновой. Милиционер просмотрел все с фантастической медлительностью. Юберу пришлось убраться за спину, чтобы не было заметно, что они дрожат.

– Ладно, – сказал, наконец, человек в синей фуражке. – Можешь идти...

Юбер взял свои бумаги и поблагодарил кивком головы, не в силах произнести ни слова. Почему он стал таким впечатлительным? Может быть, от усталости...

Он взвалил котомку на плечо и ушел. Чуть дальше милиция проверяла документы у других пассажиров. Рутинка. Юбер пересек улицу, выходящую на набережную, и пошел по противоположному тротуару.

Он остановил старушку, чтобы спросить у нее, где находится улица Кирова. Она ему объяснила, что это совсем рядом, за большим бетонным зданием "дворца культуры".

Очевидно, когда-то давно гостиница "Тарракаи" была совсем неплохой. Перед дверью красовались неожиданные дорические колонны, а каменные плиты в холле выглядели еще очень ничего.

Бюро администратора было жалким, как и сам администратор, буркнувший Юберу, попросившему у него номер:

– Осталась одна кровать в общей комнате. Десять рублей.

Юбер поморщился, но отказаться не мог. Лин Маннова должна была встретиться с ним именно здесь, и пойти в другую гостиницу было невозможно.

– Согласен, – сказал он.

Он дал деньги, человек попросил у него документы и записал в регистр: Юрий Ворошин и номер паспорта. Служащая ярко выраженного маньчжурского типа пригласила Юбера следовать за ней. Они поднялись на второй этаж и прошли по темному коридору. Девушка открыла дверь и сказала:

– Сюда. Третья кровать слева. Остальные все заняты. Если будете выходить, вещи оставьте в шкафчике рядом с вашей кроватью.

Она вышла и закрыла дверь.

В комнате, где едва хватало места для двух кроватей, стояло шесть. В изголовье каждой находилась маленькая металлическая тумбочка. Юбер обрадовался, что оказался в углу, и спросил себя, кем окажутся его соседи. Это было не смешно.

Он сунул котомку в шкафчик и спустился: надо было осмотреть порт и пополнить запасы продуктов, истощившиеся за время дороги.

* * *

После тридцати шести часов допросов, из них более двадцати с применением мер физического воздействия, рыбак Такара по-прежнему отказывался говорить.

Владимир был взбешен. Взбешен и сбит с толку. К ярости, вызванной удивительным сопротивлением Такары, добавлялось смятение, возникшее от полученных у Китайца сведений и

усилившееся после телефонного звонка Михаила Григорьева, его коллеги из Адатиума. В обоих случаях было названо имя Лин Манновой, что сильно его смущало.

Владимир покачал круглой головой. "Совпадение", подумал он, отказываясь поверить, что прекрасная Лин может быть замешана во что-то противозаконное. Она была порядочной женщиной, на которой он давно хотел жениться.

Он заставил себя не думать больше о деле "Сихоты", которое собирался закончить за час и которое приобрело необычайный размах.

Факты были известны. Ночью радарная станция сообщила об обнаружении неустановленного судна в обычном месте лова Такары. Тот вернулся раньше, чем обычно, и заявил пограничному контролю, что у него порвалась сеть... Так, наверняка это не проверили. Сделать. В момент проверки Кунг был на судне, и офицер пограничного катера, поднимавшийся на борт, уверял, что там никто не мог спрятаться, разве что под рыбой. Через полчаса – нормальное время – Такара привел "Сихоту" на обычное место стоянки в порту Ногликов и бросился в милицию, где заявил, что Кунг упал в море, а он не смог его вытащить. Обыск, проведенный на борту судна, позволил обнаружить мужскую одежду без запаха, про которую Китаец сказал, что ее недавно стирали, но не на Сахалине.

Тело Кунга найдено не было, хотя море должно было его выбросить в ближайшие сорок восемь часов, если он утонул так близко от берега, как утверждал Такара.

В конце концов Такара вполне мог взять кого-то на борт в море, убрать Кунга, чтобы тот его не выдал и... неизвестный вполне мог избавиться от одежды в нескольких кабельтовых от берега и добраться до него вплавь. Возможно, он ждал в каком-нибудь укрытии, пока Такара принесет ему одежду.

Владимир вдруг почувствовал, что сильно возбудился от этой мысли, и быстро принял решение.

После разговора с Китайцем он отдал куртку, брюки и рубашку, найденные на "Сихоте" оперативнику, который сразу же уехал в Гродеково, где была очень хорошо оборудованная лаборатория. Химики шахтоуправления сумеют заставить эту одежду заговорить. Оперативнику было приказано позвонить по телефону сразу, как только станет известен результат.

Владимир не считал нужным послать туда ботинки и сейчас обрадовался этому. Он взял их из шкафа, прошел в питомник, отвязал Японца – служебную собаку, приписанную к управлению, и увел его на поводке.

В течение десяти минут они медленно продвигались от дамбы, замыкавшей порт с юга. Собака, долго нюхавшая ботинки, ходила туда-сюда по узкому пляжу, уткнувшись носом в серый песок...

И вдруг пес остановился. Владимир с сильно забившимся сердцем тоже остановился. Они стояли внизу склона холма перед домом Лин Манновой.

Японец завыл, возбужденно забегал по кругу и направился напрямик к извилистой тропинке, идущей вверх между кустов. Владимир недоверчиво пошел за ним...

Двор, засыпанный галькой, низкий, пустой дом. Владимир вытащил "наган". Человек, если он существовал, мог спрятаться в доме без ведома хозяйки и до сих пор находиться там. Собака обошла двор и, остановившись перед дверью, залаяла.

Держа револьвер в руке, Владимир подошел к двери и достал из кармана отмычку, с которой никогда не расставался. Без труда открыв замок, он вошел в дом. Собака бросилась в прихожую, свернула в столовую, подбежала к комнате, где Юбер мылся, потом вернулась и стала скрестись в дверь спальни, соседней со спальней Лин. Владимир открыл ее. Собака влетела в комнату, вскочила на кровать, разворошила всю постель, спрыгнула на пол и, уставившись на хозяина, снова залаяла.

Владимир, бледный, как мертвец, не решался поверить своим глазам. "К счастью, я никому ничего не сказал", – машинально подумал он.

Собака снова выбежала во двор и там лихорадочно нюхала землю. Владимир позвал ее, и она неохотно вернулась. Чекист закрыл дверь дома и стал проводить обыск. Ничего.

Они вышли. Владимир запер дверь отмычкой и последовал за собакой, бежавшей вглубь суши. Человек, побывавший в доме Манновой, очевидно, ушел в этом направлении.

Через двадцать минут Японец остановился в лесу на шоссе Ноглики – Адатиум перед камнем с указателем: Адатиум 84 – Нуиво 5.

Здесь след обрывался.

Юбер снова проснулся мгновенно. В комнате было светло. Напротив него человек с виноватым видом держал в руке кисточку для бритья. Двое или трое запротестовали. На другом конце комнаты вскочил высокий тощий тип с блуждающими глазами, спрашивавший:

– Который час, а? Который час? А?

– Заткнись! – бросил ему ближайший из соседей. – Дай нам поспать.

– Полшестого, – ответил человек с кисточкой и, увидев, что Юбер проснулся, покачал головой и сказал ему, посмеиваясь:

– Ну, приятель, ты даешь! Не понимаю, как ты вчера дошел! Я редко видел, чтобы кто-нибудь так надирался!

– Заткнись! – отозвался Юбер, чтобы остаться в своей роли и, отвернувшись, уткнулся лицом в подушку.

Накануне, чтобы сразу пресечь все попытки завязать разговор, Юбер не придумал ничего лучшего, как притвориться пьяным. Все пятеро соседей по комнате клюнули на эту удочку, а один из них даже по-братски помог ему раздеться и лечь в постель. Теперь ему надо было дожидаться, пока все уйдут, и встать последним.

Он снова заснул. В семь часов кто-то разбудил его, трясая за плечо, и крикнул:

– Эй! Товарищ! Семь! Ты должен идти на работу...

– Семь часов? – переспросил Юбер. – У меня есть время. Много времени.

Сосед оставил его в покое и ушел. В половине восьмого его заставила встать пришедшая уборщица. Он прошел к общему умывальнику в глубине коридора, умылся, побрился, потом, вернувшись в комнату, оделся под равнодушным взглядом уборщицы, выдавшей и не такое.

Когда он шел по вестибюлю к выходу, его окликнул администратор:

– Товарищ Ворошин, вам записка.

Юбер взял запечатанный конверт и сунул в карман, несмотря на недавнее его любопытство. Тусклые глаза администратора проследили за его жестом.

– Вы останетесь на следующую ночь, товарищ Ворошин? Я должен знать это сейчас.

Юбер пожал плечами.

– Пока не знаю. Скажу через час.

– Но не позже, а то я велю вынести ваши вещи вниз и сдам место другому.

– Хорошо.

Он неторопливо вышел, дошел до порта и только тогда вскрыл конверт. Внутри лежал листок белой бумаги с напечатанным на машинке текстом:

"Приходите как можно скорее. Проспект Победы, д. 27, второй двор, лестница слева, пятый этаж, дверь 6".

Никакой подписи. В принципе, приглашение могло исходить только от Манновой. В принципе...

Юбер заучил адрес наизусть и съел записку. Судя по описанию, речь шла о современном и очень большом здании.

Он набрался смелости и спросил дорогу у прохаживавшегося по тротуару милиционера. Проспект Победы находился недалеко. Надо было пройти метров триста по набережной и свернуть направо.

Дом оказался двенадцатиэтажным, бетонным. Фасад не был завершен. Юбер без колебаний вошел под широкую арку, пересек первый двор и попал во второй. Лестница слева, пятый этаж. Хорошо, что не двенадцатый, а то лифт пока не работал.

Дверь с цифрой 6. В темном коридоре его охватило неприятное предчувствие. А если это ловушка? Нет, не может быть. Если бы чекисты хотели его арестовать, то пришли бы в гостиницу. Это было проще.

Юбер поднял руку, чтобы постучать, но дверь открылась и из прихожей, еще более темной, чем коридор, прозвучал хорошо знакомый ему голос:

– Входите.

Он подчинился, почувствовав облегчение. Лин провела его в довольно просторную комнату, хорошо освещенную большим прямоугольным окном. Он быстро окинул взглядом декор и повернулся посмотреть на нее. Она была одета в довольно элегантное серое шерстяное платье, и его снова очаровал блеск голубых глаз на ее

темном, как старое золото, лице. Потом он увидел в этих глазах тревогу и нахмурил брови.

– Прошу прощения за вчерашнее утро, – машинально сказал он. – Я вел себя, как хам, о чем сильно жалею.

Маннова нетерпеливо махнула рукой и ответила ледяным тоном:

– Речь не об этом! Я увидела вас в окно, почему и открыла дверь...

Она потерла руки и продолжила:

– Рыбаки нашли тело человека, которого вы сбросили в реку... Он был агентом МВД из Адатиума. Рано утром на ферму приезжал комиссар, расспрашивал. Он допросил меня...

Юбер снял кепку и положил ее на стол.

– Это неприятно, – сказал он не слишком уверенным тоном.

Она посмотрела ему в лицо, и в ее светло-голубых глазах была почти ненависть.

– Еще как! Он уехал, сказав, что позвонит в Ноглики... Он не мог понять, зачем тот тип пошел туда среди ночи, а не вернулся прямо домой. Он подумал, что я попросила его проводить меня. Если бы я догадалась об этом раньше, то так бы и сказала... Они бы подумали, что он упал с моста на обратном пути...

Она перевела дыхание, не сводя с него глаз. Он не находил слов. Он мог ей ответить только одно: не его вина, что тот тип пошел за ним, а если бы он оставил его в живых, их положение было бы намного хуже.

– Если бы тот тип был кем угодно, они сразу бы приняли версию о несчастном случае. Они бы подумали, что он шел браконьерствовать и так ему и надо. Но он был чекистом, и они не успокоятся, пока не выяснят все дело. Они будут суетиться, всюду совать свой нос. Они уже позвонили Владимиру...

– Тому, кто подвез вас в первое утро?

– Да.

Лин выглядела по-настоящему озабоченной. Наконец она отвела глаза и, понизив голос, сообщила:

– Я не могу больше сопровождать вас. Из-за вас ко мне привлечено внимание чекистов, и мы представляем друг для друга опасность:

Юбер хладнокровно констатировал:

– Вы меня бросаете.

Она была слишком умна, чтобы проглотить такой крючок.

– Называйте, как хотите, это не имеет значения. Важно то, что я хочу жить. И жить на свободе...

– И как далеко вы готовы зайти в этом вашем желании?

Лин вздрогнула, как от пощечины, и смерила его гневным взглядом.

– Я вас не выдам, если вы намекаете на это. В любом случае ваш провал будет означать и мой тоже.

Она успокоилась, глубоко вздохнула и добавила своим обычным голосом:

– Нет, я вас не бросаю. Я дам вам другие документы. Если ваш след обнаружат здесь, то надо, чтобы здесь же он и оборвался. Они подумают, что вы пересекли пролив, чтобы попасть на континент...

– Мне нужно в Погоби, – напомнил Юбер.

– Я не забыла. Отсюда в Погоби ведет дорога, проложенная вдоль берега и проходящая через Тромбасс. С начала большого строительства она под строгим наблюдением. Вы можете сесть в грузовик, но я вам не советую.

– Значит, поезд?

– Поездов нет. Железная дорога только строится и будет закончена не раньше, чем через два-три месяца. Надежнее всего забраться в самоходную баржу. Они ходят вдоль побережья в Погоби, перевозя уголь...

Юбер равнодушно пожал плечами.

– Лишь бы добраться до цели...

– Все эти баржи отходят от набережной Максима Горького. Это рядом с улицей Кирова.

– А если я по ошибке сяду на судно, которое увезет меня в другое место? На континент, например?

– Никакой опасности. Большие баржи, что ходят в Погоби, имеют дизельные моторы, а суда на Николаевск и Владивосток крупнее и на пару.

– Ладно. Хочется вам верить...

Лин бросила на него двусмысленный взгляд.

– А зачем я стала бы вас обманывать?

Юбер не ответил, и она, помрачнев, добавила:

– Вы неприятный собеседник.

– Мне очень жаль.

Между ними повисло натянутое молчание. Ему казалось, что она только и ждет случая помириться, но он не хотел этого по-настоящему и спрашивал себя, почему чувствует глухую враждебность к женщине, которая помогала ему.

– Мне очень жаль, – повторил он.

Он произнес это тоном, ясно говорившим: "Это все, что я могу для тебя сделать". Она напряглась и спросила:

– Документы с вами? Я дам вам другие...

Юбер достал из кармана маленькую полотняную сумочку и бросил ее на стол.

– Это ваша квартира?

– Нет. Здесь живет моя подруга. Она сейчас в Москве на всесоюзном съезде спортсменов, а ключ оставила мне...

– Понятно.

Лин прошла в соседнюю комнату, очевидно, служившую кухней, и почти тотчас вернулась.

– Вот. Теперь вас зовут Дмитрий Зиновьев...

Они еще долго обсуждали различные детали операции, пока Лин не сказала:

– Вам пора. Я очень рисковала, вызвав вас сюда. Что вы сделали с запиской, которую я...

– Съел, – ответил Юбер. – Надеюсь, я ее переварю.

Она осталась серьезной и, гордо откинув назад свою голову азиатской королевы, заключила:

– По всей видимости, мы с вами больше никогда не увидимся. Я на это надеюсь. У меня останутся от вас неприятные воспоминания...

– Мне очень жаль, – снова сказал Юбер.

Он был искренен.

Лин проводила его до двери.

Владимир указал водителю автобуса на стул и сказал:

– Садитесь.

Водитель неловко сел, явно смущенный.

– Я вас вызвал...

Зазвонил телефон, и комиссар перебил себя, чтобы ответить:

– Алло...

Звонили из лаборатории Гродекова. Одежда, представленная для анализа химикам, была выстирана с помощью порошка, редко

применяемого в СССР. Один из инженеров читал в научном журнале, что такие моющие средства использует интендантство армии США. Кроме того, масло, пятна которого остались на брюках, бесспорно, американского производства. Этого достаточно?

– Достаточно, спасибо.

Владимир бросил трубку на рычаг и стиснул зубы. Его круглое, обычно немного вялое лицо, приняло жесткое выражение. Водитель автобуса сжался на стуле, спрашивая себя, какой камень сейчас упадет ему на голову, и в сотый раз повторял себе, что совершенно ни в чем не виноват.

– Позавчера, – начал Владимир, – направляясь в Адатиум, ты посадил пассажира у пятого камня. Помнишь?

Шофер, задохлик с плохо подстриженными черными волосами, принялся крутить в грязных пальцах кепку. Он нахмурил брови, посмотрел вбок на пол, кривя рот, и медленно ответил:

– Да, помню, товарищ комиссар... Высокий тип, красивый, не очень приветливый на вид.

Лицо Владимира просветлело.

– Как он был одет?

Глаза шофера округлились.

– Как?.. Ну... Как все... Он был похож на рабочего в воскресном костюме... Помню, у него была кепка... коричневая, кажется; и еще котомка на плече.

– Он остановил тебя посреди дороги?

– Да. Как раз рядом с камнем, в самом лесу. Я еще подумал что он идет с лесосеки. Там недалеко их несколько.

– Что он тебе сказал?

– Ну... Попросил билет до Адатиума, заплатил и сел на свободное место.

Владимир открыл ящик, достал оттуда фотографию, присланную из Адатиума его коллегой Григорьевым, и протянул ее шоферу.

– Ты знаешь этого человека?

– Это... Это не тот, о ком мы говорили!

– Я знаю, – нетерпеливо сказал Владимир. – Ты его видел?

– Л а. Я его часто возил. Это милиционер из Адатиума, верно?

– Да. Когда ты его видел в последний раз?

Шофер задумался, потом его тупое лицо вдруг выразило радость.

– О! Как раз в тот день, когда посадил того типа у пятого камня. Подождите! Да, тот тип сел как раз рядом с милиционером, который, правда, был не в форме!

Комиссар почувствовал, как у него по спине пробежала дрожь.

– Значит, он сел рядом с милиционером? Они разговаривали?

– Этого я не знаю, товарищ комиссар. Я ведь за рулем, мне надо следить за дорогой, так?

– Разумеется. В Адатиуме они сошли с автобуса. А ушли они вместе?

Шофер поджал губы и с сомнением покачал головой. Механизм его памяти, казалось, немного заржавел и не сразу заводился. Наконец, он вспомнил.

– Я не видел, как они выходили, товарищ комиссар. Я был на крыше, снимал багаж пассажиров. Потом я хотел подмести в салоне и увидел, как высокий вышел из закусочной и пошел в сторону Александровского шоссе. Сразу после него милиционер тоже вышел из закусочной и пошел в ту же сторону, что и высокий.

– Далеко позади него?

– Метрах в пятидесяти. Где-то так. Было темно...

Владимир взял фотографию, которую ему протягивал собеседник, и убрал ее в ящик.

– Ладно, – сказал он. – Ты мне больше не нужен. Можешь идти. И никому ни слова, а не то...

По лицу шофера пробежала тень страха. Он вышел, пятясь и обещая держать язык за зубами. Владимир снял трубку внутреннего телефона и приказал:

– Через четверть часа мне нужна машина. Без шофера. Я поведу сам... Направление? Запишите: Адатиум и Александровск.

Он вышел в коридор и по пути обратился к одному из секретарей:

– Прекратите допросы Такары. Держите его в одиночке до моего возвращения. Я уезжаю на двадцать четыре часа.

Уже второй раз после наступления темноты Юбер проходил по оживленной набережной Максима Горького. Он шел решительным шагом, как человек, имеющий определенное дело и знающий, как его выполнить. Таким образом ни один милиционер, обеспечивавший безопасность порта, не обратил на него внимания.

Он сделал свой выбор. Длинная и тяжелая самоходная баржа, погрузка которой закончилась, имела покрытую брезентом спасательную шлюпку, куда было сравнительно легко забраться с причала.

Набережную освещали фонари, но их было недостаточно, и каждое судно, готовившееся к отплытию, освещалось еще и прожекторами, установленными на верхушках кранов. Когда погрузка заканчивалась, прожектора выключались и баржа оказывалась в тени.

На набережной перед выбранной Юбером баржей лежали две огромные стопки кирпичей, разделенные узким проходом. Убедившись, что в тени крана его никто не может заметить, он скользнул в этот проход, сжался на своей котомке, положенной там час назад, и стал наблюдать за баржей.

Он проследил за отходом многих судов и знал, что на борту барж только два члена экипажа: капитан, стоявший за штурвалом и прокладывавший курс, и помощник, видимо, занимавшийся дизельным мотором.

Из кабины вышел человек в фуражке, державший в руке бумагу, наклонился над люком и крикнул, чтобы помощник включил мотор и дал ему прогреться, пока он сам сходит завизировать документы в управление порта. Он спрыгнул на причал и пошел к административному зданию, расположенному в двухстах метрах дальше.

Юбер не шевелился и ждал. Через минуту громко застучал включенный дизель. Тогда он встал, взвалил котомку на плечо, неторопливо прошел короткое расстояние, отделявшее его от баржи, и поднялся на борт.

Никакой реакции. Если кто и видел его, то не нашел в его действиях ничего подозрительного. Он тихо дошел до спасательной

шлюпки, к счастью, расположенной в очень темной зоне. Не было никакой опасности, что его услышит помощник, оглушенный грохотом дизеля.

Котомка исчезла под брезентом первой, за ней последовал Юбер. Шлюпка была большой, и в ней можно было вытянуться во весь рост. Юбер очень осторожно опустил брезент, устроился поудобнее, положил голову на котомку и довольно улыбнулся.

Потом он подумал о Лин Манновой и горько пожалел, что не взял ее на сене, когда она была готова отдаться... Он еще мечтал о ней, когда заметил, что шум мотора стал громче и судно тронулось с места.

Начался последний этап пути в Погоби.

* * *

Лин Май нова проснулась, как от толчка, и прижала руку к безумно заколотившемуся сердцу. Кто-то звонил в дверь. Она включила лампу в изголовье и посмотрела на часы: два десять. Кто мог прийти к ней среди ночи?

Она отбросила одеяло и встала. Квартира, как и весь дом, хорошо отапливалась; она спала голой и заметила это только у двери в прихожую. Она вернулась, набросила синий халат и спросила через дверь:

– Кто там?

– Владимир.

У нее перехватило дыхание.

– Но, Владимир; – заметила она, – я не могу впустить тебя сейчас. Это неприлично... Я спала и...

– Дело очень серьезное, Лин Маннова. Открой мне немедленно...

Она вздрогнула. Он никогда не называл ее по фамилии. Что случилось? Как бы то ни было, лучше выслушать, что он скажет. Лин не имела привычки отступать перед опасностью и открыла дверь.

– Входи, Владимир. Что случилось?

Чекист вошел со злым лицом и направился прямо в комнату. Она прошла следом, кокетливо запахивая пеньюар на голом теле.

– Садись. Снимай пальто. Хочешь выпить? Немного водки? Кажется, в бутылке кое-что осталось...

Владимир снял пальто, бросил его на кровать и задернул шторы на окне.

– Не беспокойся, оно закрыто ставнями.

К ней полностью вернулись хладнокровие и способность к борьбе. Он повернулся к ней лицом, и Лин даже сумела улыбнуться.

– На твоём месте я бы не смеялся! Это очень серьёзно! Ты рискуешь головой!

По всей видимости, он сумел узнать что-то, чего она не смогла предусмотреть. Лин гордо и холодно сказала ему:

– Объясни, прошу тебя.

Владимир подошел к ней и взял за плечи. Его глаза метали молнии, на скулах играли жевлаки.

– Слушай, Маннова, я все знаю. Такара доставил к берегу иностранного шпиона. Этот шпион разделся и добрался вплавь до берега возле твоего дома. Ты его приняла, купила у Китайца новую одежду для него... Как видишь, я всю знаю. Этот шпион сел в автобус на Адатиум у пятого камня. Один милиционер обратил на него внимание и стал следить...

Он замолчал, задохнувшись. Пораженная, она делала невероятные усилия, чтобы не выдать себя, и у нее свело мускулы шеи. Лин быстро открыла рот и шумно вдохнула воздух. Ее сотрясла сильная дрожь. "Я пропала", – подумала она, и от ее застывшего лица отхлынула кровь...

Владимир расхохотался горьким смехом.

– Ты боишься! – закричал он. – Боишься! Самое время!

Он стал грубо трясти ее, осыпая ругательствами. Его глаза были налиты кровью, по подбородку текла тонкая струйка пены. Он сделал ей больно, и именно боль вернула женщине потерянное хладнокровие. Лин высвободилась резким движением и бросила ему ледяным тоном, полным презрения:

– Посмотри на себя, Владимир. Посмотришь в зеркало!

На секунду он замер, потом медленно выдохнул, сделал несколько шагов по комнате и вернулся к ней, внешне успокоившись.

– В Адатиуме, – продолжил он, – тот шпион должен был встретиться с тобой на ферме, где ты ночевала. Милиционер проследил за ним до моста через реку...

Владимир снова замолчал. Его круглые щеки были усеяны фиолетовыми пятнами, он сильно сжимал кулаки. Глухим голосом он

закончил:

– Дальше рассказывать нет необходимости, не так ли? Надеюсь, теперь ты убедилась?

Да, Лин Маннова убедилась. Глубина и острота нависшей опасности вернули ей всю сообразительность, которая была ей так нужна. Она рассуждала теперь спокойно и цинично и нашла выход в несколько секунд.

– Я пропала, – простонала она, закрыв лицо руками.

Она подошла к дивану и упала на него, нервно всхлипывая.

– Клянусь тебе, Владимир, что я невиновна! Я была только неосторожной... Но... Поверь мне... Кто мне поверит, если не веришь ты? Теперь все кончено! Да, я хотела выйти за тебя замуж... Ты один любил меня искренне и бескорыстно. Ты добрый, Владимир, и я тоже полюбила тебя.

Она посмотрела на него через слегка раздвинутые пальцы и поразилась одновременно похотливому и хитрому выражению лунообразного лица комиссара. Только тогда она заметила, что в момент падения на диван ее пеньюар раскрылся. Она умышленно задрала ткань еще выше, открывая свои полные ляжки, крепкие и загорелые. "Он такой же, как все, подумала она, и попытается попользоваться мною, прежде чем выдать". Почти тотчас до нее донесся странно хриплый голос Владимира:

– Это возможно... Все это очень возможно... Ты знаешь, что я давно хотел жениться на тебе... Если ты и можешь кого убедить, так это меня... И все-таки надо... В общем, ты понимаешь, что я не в состоянии думать и слушать тебя сейчас...

Он подошел к дивану, и его колено коснулось голой ноги Манновой, которая не пошевелилась. Она знала, что мужчина может видеть в широкую щель пеньюара низ ее живота, и от этой мысли у нее вспыхнули щеки, но сейчас было не время смущаться.

Он упал на нее и сжал ей голову своими большими холодными ладонями.

– Лин, – пробормотал Владимир, – я могу взять тебя сейчас, а потом, обещаю, что...

Она гибко высвободилась, скользнула вбок и встала на ноги. При этом движении ее пеньюар окончательно распахнулся и, закрывая его,

она промедлила ровно столько чтобы дать мужчине зажечься от вида ее крепкого тела.

– Я тебе не верю, – сказала она. – Если я отдамся тебе сейчас, ты меня потом выдашь. Мужчины бесчестны в таких делах...

Ему захотелось спросить ее, честнее ли в них женщины, но он промолчал, сел на край дивана, потом встал и, сделав шаг, заключил ее в объятия.

– Лин, я хочу тебя. Обещаю, я улажу эту историю ради тебя после того...

Она безуспешно попыталась оттолкнуть его, и при этом усилии ее живот прижался к животу мужчины.

– Не после, – сказала она, – а до того...

И, делая вид, что снова пытается вырваться из его объятий, она заерзала, доводя его желание до высшей точки. Скоро он сдался.

– Я сделаю то, что ты хочешь, Лин.

"Если бы он не знал, какая я сильная, то уже попытался бы изнасиловать меня", – подумала она, и ее недоверчивость усилилась от жестокого хитрого огонька, который она увидела в расширенных глазах Владимира.

– Вот как мы сделаем, – сказала она. – Ты напишешь заявление и признаешься в нем, что покрывал своей властью иностранного шпиона, виновного в преступлениях против нашей страны. Имен ты указывать не будешь. После того как ты подпишешь, я отдамся тебе, а потом напишу под твоим признанием, что я, Лин Маннова, и есть шпион, о котором ты пишешь. Так мы будем взаимно защищены. В ближайшем будущем мы поженимся и постараемся забыть эту историю.

Она догадалась, что он напрягся, пытаясь разглядеть ловушку, и стала поддерживать в нем желание, не давая ему вернуть себе ясность мысли. Она действовала так успешно, что он вдруг отбросил всякую осторожность и согласился:

– Сделаем, как ты хочешь, только быстро.

Она подтолкнула его к столу, положила перед ним листок бумаги, посмотрела, как он садится и снимает колпачок с ручки, потом опустилась на колени возле него и стала водить опытной рукой по его ляжке.

Она начал писать. Вдруг она вздрогнула и воскликнула:

– Это бесполезно. Все напрасно.

– Почему? – удивился он, хмуря брови и уже придя в ярость.

– Твои коллеги! Они знают все то, о чем ты мне рассказал...

Он ответил совершенно искренне:

– Нет! Все, что касается тебя, я сохранил в тайне! Кроме меня никто ничего не знает!

Она почувствовала, как ее заполняет жестокая радость, и спросила, тщательно маскируя ее:

– Ты можешь в этом поклясться?

– Клянусь памятью моей покойной матери!

Он снова стал писать, торопясь поскорее покончить с этим. Рука молодой женщины не отпускала его до того момента, когда он поставил под признанием свою подпись. Лин Маннова слегка приподнялась, чтобы прочесть текст.

– Ты этого хотела?

– Да, – шепнула она.

Она потянулась к нему, подставляя губы.

"Она в моих руках, – подумал он, целуя ее. Займусь с ней любовью, дам подписать признание и сразу же выдам, рассказав, к какой хитрости мне пришлось прибегнуть".

Он поднялся, привлекая ее к себе и подталкивая к постели.

– Иди, сейчас.

Она со смехом возразила:

– Незачем так торопиться, дорогой. Я должна на секунду зайти в ванную. Ты пока раздевайся и жди меня в постели... Прошу тебя, дорогой.

Он отпустил ее. В конце концов, ему некуда спешить. До утра все равно ничего не сделаешь. Его ждали несколько часов удовольствий... Он начал раздеваться...

Лин Маннова прильнула глазом к замочной скважине с другой стороны двери ванной комнаты. Она видела, как Владимир лихорадочно сбросил с себя одежду и положил "наган" на стол в центре комнаты. Потом он исчез из поля зрения, и почти тотчас послышался скрип пружин кровати.

Тогда она поднялась и надела на правую руку резиновую перчатку, лежавшую на умывальнике. Зеркало отразило ее лицо: суровое и беспощадно решительное. Она не торопясь открыла дверь, выключила

в ванной свет, прошла в комнату и рукой, на которой не было перчатки, повернула выключатель слева от двери.

– Я смущаюсь, дорогой! – объяснила она шутливым тоном. – Подвинься немножко...

Она знала помещение достаточно хорошо, чтобы пройти по нему в темноте. Ни на что не наткнувшись, она дошла до стола и правой рукой в перчатке взяла на ходу револьвер, даже не остановившись. Она коснулась коленом края кровати и услышала шумное дыхание Владимира, казалось, прижавшегося к стене.

– Ты где?

Рука мужчины нащупала ее ляжку и потянула Лин к себе. Она упала на него, заведя правую руку за спину, чтобы он не наткнулся на оружие... "Стрелять надо в рот", – спокойно решила она. Если бы она выстрелила с правой руки, входное отверстие в теле жертвы оказалось бы слева, а Владимир, к сожалению, не был левшой. В рот лучше всего...

– Где твой рот? – спросила она, ища его пальцами левой руки.

Она коснулась теплых губ мужчины, уже заключившего ее в объятия и пытавшегося повалить под себя.

– Подожди, – простонала она.

Она продвинула пальцы дальше и Владимир, думая, что это какая-то игра, широко открыл рот. Простое движение, продолжавшееся не больше секунды. Ствол "нагана" стукнулся о зубы мужчины, и в тот же момент грохнул выстрел.

Отдача и шум наполовину оглушили ее. Оружие вылетело из руки. Охваченная внезапным ужасом, она с криком вскочила на ноги, побежала к двери, включила свет, наткнулась на кресло и больно ушибла ляжку.

Наконец, вспыхнул свет, и она увидела разнесенное пулей лицо Владимира, револьвер рядом с телом, простыню, покрасневшую от хлеставшей фонтаном крови. "Все отлично", машинально подумала она. Ей не было нужды вкладывать оружие в правую руку Владимира, лежавшую на груди. Следователи подумают, что револьвер выпал в момент выстрела, что часто случается при самоубийствах...

Она задрожала, стуча зубами. Ей пришлось сделать над собой огромное усилие, чтобы пройти в ванную, снять перчатку и посмотреть

на себя в зеркало. Она была зеленой от ужаса и отвращения, но ни единого пятна крови на ней не было.

Она надела пеньюар, вернулась в комнату и, сняв трубку телефона, набрала секретный номер. Через несколько секунд ее соединили с начальником регионального управления госбезопасности. Она назвалась и сказала, не в силах сдержать дрожь в голосе:

– Рядом со мной только что покончил с собой начальник Ногликовского управления МВД. Я уже давно подозревала его в измене, а этой ночью сумела вынудить подписать признание. Он воспользовался тем, что я на секунду отвлеклась, и пустил себе пулю в рот. Это ужасно! Что мне делать?..

Начальник управления госбезопасности ответил:

– Никуда не уходите. Я сделаю все необходимое. Через десять минут я приеду. Особо следите за тем, чтобы признания предателя не попали в чужие руки... До скорого, моя маленькая. Не бойтесь...

Лин Маннова положила трубку на рычаг. Теперь опасность отступила, в этом она была уверена. Ей захотелось выпить чего-нибудь крепкого. Ее взгляд, как будто притянутый магнитом, остановился на кровавом месиве, в которое превратилось лицо Владимира, человека, хотевшего на ней жениться.

Она почувствовала, что ее оставляют силы. Ноги подогнулись, и она рухнула на паркет без сознания.

Мистер Смит аккуратно надел очки, стекла которых только что протер, долго рассматривал кусочек замши, убрал его в жилетный карман и, наконец, обратил внимание на Говарда.

– Что вы хотите?

Капитан Говард в тот день надел новую форму, из-за чего, возможно, выглядел особенно чопорным.

– Я хотел с вами поговорить о сто семнадцатом, сэр. Сегодня ровно три недели, как он должен был высадиться на Сахалин, а мы до сих пор не получили от него известий...

Мистер Смит поднял брови.

– Стоит ли волноваться? В любом случае...

Говард вежливо перебил:

– Знаю, сэр, но по причине необычного положения агента, который должен был встретить его в Ногликах, я принял дополнительные предосторожности. Я передал этому агенту указание сообщить обычным путем по радио, когда сто семнадцатый доберется до Погоби. Дорога туда должна была в самом худшем случае занять не больше недели...

Мистер Смит нахмурил брови.

– Черт!

И он раздраженно прищелкнул языком.

– Я высказывал вам свои возражения по поводу отправки Юбера к двойному агенту, да еще женщине. Это две причины для провала...

Затем сработала его феноменальная память, и он спросил:

– Так... Послушайте, а двести тринадцатый?

Говард кивнул:

– Также должен был сообщить мне о прибытии нашего друга в Погоби. От него также нет сообщений.

– Черт побери! – произнес мистер Смит. И добавил с явным недовольством: – Я был против отправки сто семнадцатого на это задание!

Говард невозмутимо ответил:

– Если бы вы были против, сэр, он не отправился бы туда. Обычно ваши приказы в этом учреждении выполняются с точностью до буквы...

Мистер Смит бросил черный взгляд на своего секретаря и нервно передернул плечами, потом провел по лысине пухлой рукой прелата и мягко сказал:

– Он попал в сложное положение, и мы должны постараться вытащить его. Полагаю, у вас есть способ связаться с двести тринадцатым?

– Никакого, сэр, – ответил Говард. – Он может связываться с нами в любой удобный для него момент, но по вполне понятным причинам безопасности он потребовал, чтобы мы отказались от установления двусторонней связи. Нам придется ждать его сообщения, чтобы передать ему инструкции. Он не выходил на связь больше трех недель.

– Может, он провалился...

– Не думаю, сэр. Те объявили бы об этом с большой помпой. Они любят процессы такого рода.

– Возможно, но я не думаю, что они захотят предать огласке конкретный случай с двести тринадцатым. Понимаете, почему?

Говард секунду подумал.

– Конечно! Пока дело не закончится...

– А оно далеко от завершения!

Секундное молчание, потом Смит сказал:

– Выход один: довериться Юберу. Он уже много раз вгонял нас в жуткую дрожь, но всегда возвращался. Будем ждать... Что еще?

– Вчера вечером в русском секторе Берлина при попытке побега от арестовавших его полицейских погиб один из наших агентов. Мы твердо уверены, что при нем не было ничего компрометирующего.

– Он убит?

– Да, сэр. На месте.

– Ну что ж, позаботьтесь о семье, если она у него была.

* * *

Дорога была плохой, разбитой, в выбоинах и рытвинах, которые дождь превратил в лужи. Огромный грузовик подпрыгивал, тряся, но, рыча, продолжал двигаться по темной влажной ночи.

Полулежа за широким рулем, Юбер вглядывался в дорогу через небольшую чистую полосу на лобовом стекле, которую с большим

трудом поддерживал старый скрипучий "дворник".

Мастер-китаец что-то сказал на своем родном языке; Юбер не счел нужным отвечать.

В кабине сидели еще два сына Поднебесной. Эти были привилегированными, а сзади, сжатые под иллюзорной защитой брезента, стоя, спали пятьдесят кули, равнодушных ко всем толчкам и ударам. Пятьдесят живых мертвецов.

За огромным темным складом слева от дороги появились огни лагеря. Через сто метров был маленький облупленный домик, в котором жила странная пожилая пара. Дальше шла грунтовая дорога, ведущая прямо в лагерь.

Юбер перевел рычаг переключения скоростей и надавил ногой на педаль газа, чтобы въехать на холм. Тяжелая машина с урчанием рванулась вперед, с удивительной легкостью взяла препятствие и замедлила ход на равнине.

– Стой!

Юбер остановил грузовик. Подошедший вооруженный часовой узнал его и махнул рукой. Белый с красным шлагбаум поднялся, освобождая путь. Юбер, уже включивший первую скорость, поехал вперед...

Лагерь имел форму шестилучевой звезды с круглой площадкой посередине. На этой площадке кули выходили и шли в свои бараки.

В этот вечер разгрузка заняла не больше и не меньше времени, чем обычно. Когда в машине не осталось ни одного китайца, Юбер выехал из лагеря через контрольный пункт и на первой скорости съехал по крутому склону холма на дорогу.

Обычно он сворачивал направо, чтобы вернуться в Погоби, где жил в общежитии рядом с бойней. На этот раз он свернул налево, в сторону Маркова, и быстро набрал скорость.

В Марково были нефтяные скважины, но Юбера не интересовала нефть. У него в кармане лежал путевой листок, предписывавший ехать на воздушную базу Лакарстово и принять там груз, характер которого не уточнялся.

Совсем недавно Юбер узнал, что Лакарстово – база реактивных истребителей типа МИГ. Именно то, что он искал...

Сразу за лагерем дорога становилась намного лучше, несомненно, потому, что по ней гораздо меньше ездили, и Юбер доехал до

Лакарстова меньше чем за пятнадцать минут.

Надо было проехать через деревушку из трех десятков домов, сгрудившихся вокруг разрушенной церкви. За ней открывался радующий глаз фейерверк разноцветных сигнальных огней, разбросанных в ночи.

А вот и шлагбаум, часовые.

– Стой!

Юбер затормозил, протянув свой путевой листок. Солдат взял его, велел подождать и ушел в караулку, расположенную за стеной, на территории базы. Юбер выключил фары грузовика. Глаза постепенно привыкли к темноте, и он различил бараки, а чуть подалее – большие ангары для самолетов. Все было тихо и спокойно.

Он пожалел, что не приехал сюда днем: наверняка увидел бы истребители.

Солдат запаздывал, но Юбер не ощущал никакого страха. С того времени как благодаря документам, которые достала Лин Маннова, он без труда сумел устроиться работать на большое строительство в Погоби, он постоянно испытывал странное в его положении чувство безопасности.

Солдат вернулся, что-то приказал часовому. Шлагбаум поднялся, и Юбер, включив фары, тихо тронулся с места. Солдат вскочил на подножку и крикнул:

– Езжай прямо. Я скажу, где свернуть.

Они проехали вдоль барачков около двухсот метров.

– Направо! – указал солдат.

Юбер повернул руль.

– Стой!

Он затормозил, выключил зажигание, вышел из машины и последовал за своим проводником к дощатому домику с ярко освещенными окнами.

– Сюда, – показал солдат.

Они прошли коридор и через широко открытую дверь попали в довольно просторный, скудно меблированный кабинет с обычными портретами на стенах. В нем находились трое: двое в полевой форме, третий в широко распахнутом на груди меховом комбинезоне, под которым был надет второй, из простой ткани.

Тот из военных, что был пониже ростом, спросил в лоб:

– Кто вы?

Юбер, уже несколько секунд борющийся с охватившей его тревогой, сумел ответить спокойно:

– Дмитрий Зиновьев, шофер транспортного цеха комбината "Татарский".

Спрашивавший сел за стол, заваленный папками. Юбер заметил у него в руке бумагу и узнал в ней свой путевой листок. Второй военный положил ладонь на рукоятку своего пистолета и прислонился к закрытой входной двери. Тип в комбинезоне – коренастый, светлые волосы подстрижены бобриком, лицо загорелое, глаза голубые, голова фавна с острыми ушами – спокойно закурил сигарету, не сводя с Юбера откровенно враждебного взгляда.

– Где вы взяли этот путевой листок? – спросил сидевший чекист.

Юбер искренне удивился:

– Где? Получил в диспетчерской, в Погоби.

Полицейский холодно возразил:

– Мы только что туда звонили. Они не в курсе. Так же, как и мы... Нам ничего не нужно перевозить. Кто вам дал эту бумагу?

– Сам замначальника транспортного цеха.

Юбер начинал себя спрашивать, что может означать эта история, а кроме того боялся, что его выдаст акцент.

– Дмитрий Зиновьев, значит? Место рождения?

– Горловка, Украина. Вот мои бумаги...

Он достал из внутреннего кармана документы. Полицейский взял их, тщательно изучил и, казалось, был разочарован.

– Почему ты так плохо говоришь по-русски? Где ты научился этому странному выговору?

Это было неопасно. В СССР говорят на стольких диалектах, что все не может знать никто.

– Я провел юность в одном глухом местечке на Урале, где говорят на особом языке, а потом мне пришлось учить белорусский.

– Зачем ты подделал путевой листок и приехал сюда?

– Я вам сказал, кто мне дал это бумагу. Проверьте.

– Уже проверили. Бумага фальшивая. Ты знаешь, чем рискуешь?

Юбер пожал широкими плечами.

– Ничем. Моя совесть чиста. Это какая-то ошибка.

Неожиданно тип с физиономией фавна сказал на американском английском:

– Ладно, братец, оставь. Ты провалился, и тебе осталось только выложить все начистоту.

Юбер изумленно посмотрел на него и спросил сидевшего:

– Что он сказал?

– Он говорил на твоём родном языке. Он тоже жил в том глухом местечке на Урале.

Юбер засмеялся.

– Вы шутите! – воскликнул он. – Ладно, скажите, что надо везти, и я пошел. Я хочу спать. Завтра утром мне везти китаезов на стройку...

– Ах, да... Мы предупредим транспортный цех, чтобы они нашли для этого другого шофера...

– Почему? – встревожился Юбер.

– Потому что, если ты будешь продолжать вести себя так, наш разговор может затянуться... и стать для тебя неприятным. Понял?

Секунду Юбер стоял неподвижно, как будто оглушенный, потом взорвался:

– Черт подери! Да чего вы от меня хотите? Что это за ерунда?

Тип с внешностью фавна сказал опять на американском английском:

– Оставь, братец. Если будешь упрямяться, тебе станет плохо.

– Кто это такой? – спросил Юбер, указывая на него.

Военный странно улыбнулся:

– Томас Скирвин, бывший капитан шестой воздушной армии США... Год назад его сбили, попал в плен, а теперь он понял правоту нашего дела и отказался возвращаться на родину... Томас Скирвин говорит, что знает вас. Он утверждает, что встретил вас в Токио, будучи в увольнении, и что вы тоже военный летчик.

– Мы здорово надрались в одном баре на улице Гинза, – уточнил Скирвин, впервые заговорив по-русски.

Юбер был совершенно уверен, что никогда не надирался ни в одном токийском баре с этим дезертиром из ВВС с физиономией фавна. Он пожал плечами, мысленно проклиная неудачу, и ответил:

– Глупость! Самая настоящая глупость!

Он почувствовал, как что-то твердое сжало его ребра. Опытные руки тщательно ощупали его.

– Оружия нет, – объявил военный, стоявший сзади Юбера.

– Обыщи его получше, – приказал другой. – А еще лучше, раздень догола.

– Идиот, – бросил Скирвин, – если ты не шпион, расскажи правду. Не понимаю, почему ты хочешь вернуться в эти поганые Штаты! Да говори же! Говори!

Юбер молча пожал плечами и покорно позволил себя раздеть. "Если не произойдет чудо, я пропал", – подумал он и вдруг осознал, что уже давно готов к этому, с того момента, как Лин Маннова бросила его на произвол судьбы и он остался один на этом чужом враждебном острове, уехать с которого у него не было ни единого шанса. Потом он понял причину странного чувства безопасности, испытываемого им с самого приезда в Погоби: он знал, что провалится, и подсознательно принял это еще тогда, когда прямо ему ничего не угрожало.

Вдруг к нему вернулась вся его агрессивность, вся безумная и холодная храбрость, на которую он был способен в мгновения отчаяния. "Они меня еще не взяли!", – мысленно решил он. И это совершенно ничем не подкрепленное умозаключение придало ему силы.

* * *

Такара превратился в собственную тень. Три недели заключения, из которых две – в одиночке, сломили его волю к сопротивлению. Такара, привыкший к морским просторам, не мог сидеть взаперти. Его волосы на висках поседели, на лице самурая прорезались глубокие морщины. Он сгорбился и казался не таким огромным и не таким опасным.

Уже несколько дней достаточно было Владимиру просто спросить: "Ну, будешь говорить?", чтобы Такара выложил все, что знал, лишь бы не оставаться запертым в душной тесной камере в обществе крыс и пауков...

В коридоре слышались шаги, а потом голоса, из них один – женский. Такара рывком вскочил с деревянных нар.

Как обычно, засовы открылись с громким лязгом. Почему тюремщики никогда не смазывают засовы? По традиции?

Дверь открылась с жутким скрипом. Вошла Лин Маннова, строгая и элегантная в приталенном каракулевом манто.

– Оставьте нас, – приказала она надзирателю.

– Но...

– Оставьте нас, – жестко повторила она. – И не вздумайте подслушивать в коридоре...

Дверь закрылась. Такара и женщина остались одни, лицом к лицу, пристально глядя друг на друга. Потом она прошептала:

– Я пришла спасти тебя.

И спросила себя, слышал ли он ее. Такара остался неподвижным, как будто окаменел. Ей стало его жаль, но только на какую-то долю секунды, потому что она не умела испытывать жалость. Жалость – чувство слабых, а Лин Маннова была сильной, очень сильной. И стала еще сильнее после того, как хладнокровно убила Владимира, спасая свою жизнь и жизнь шпиона, который никем для нее не был... Он не был для нее никем, но она постоянно думала о нем. Наваждение. Одно наваждение вытесняет другое, и она предпочитала образ полного жизни шпиона образу превращенной в кровавое месиво головы Владимира...

У нее подогнулись ноги, но она стиснула зубы и взяла себя в руки.

– Я пришла спасти тебя, – повторила она.

Она толкнула его в плечо, заставляя сесть, и сама села рядом с ним.

– Слушай меня внимательно, – сказала она, беря его руку.

Лин почувствовала, как его огромная рука дрожит.

– Владимир умер.

Рука перестала дрожать, и она услышала шумное дыхание арестованного.

Лин продолжала, оставаясь в сильном напряжении:

– Перед смертью он написал признание... Написал, что покрывал своей властью иностранного шпиона... Этим шпионом был Кунг, твой матрос... Слушай внимательно, Такара...

Ее голос принял такую твердость, словно она собиралась разбить стену, возникшую между ними.

– Слушай внимательно, Такара... Ночью... Той ночью Кунг пытался заставить тебя направить судно к световым сигналам, замеченным на уровне воды. Поскольку ты отказался, он попытался сбросить тебя в

море. Собака пришла тебе на помощь, и во время драки ты, не рассчитав силы, убил матроса.

Рука Такары сжалась. Она догадалась, что он внимательно слушает ее, увидев просвет в черной стене, окружавшей его много дней.

– Потом, – продолжила она, – ты испугался. Огни исчезли, и ты не мог понять, действительно ли они были или тебе померещилось. Ты решил, что тебе никто не поверит, и придумал другую версию случившегося. Из-за нее ты оказался здесь. К тому же Владимир специально топил тебя фальшивыми уликами.

Она замолчала, ожидая, что он что-нибудь скажет. Но Такара только кашлянул, и Лин спросила себя, не напрасно ли говорила все это время.

– Ты меня слышишь, Такара?

Он сжал ее руку и утвердительно кивнул головой, не в силах ответить.

– В море нашли тело Кунга, – сообщила она.

Лин понизила голос.

– Служба госбезопасности поручила мне поговорить с тобой. Выйдя отсюда я заявлю, что ты во всем признался. Завтра утром, на официальном допросе, ты повторишь то, что я тебе сказала. Затем тебя наверняка отпустят...

Она встала.

– Ты доволен?

И увидела крупные слезы, катившиеся по ввалившимся щекам Такары.

– Доволен, – сказал он наконец.

Она постучала в дверь, зовя надзирателя.

– Ладно, – сказал Юбер, – я не герой.

Кулак Скирвина все-таки попал ему в лицо еще раз. Из носа потекла кровь, и он провел языком по губам, слизывая теплую липкую струйку, стекавшую на подбородок.

Военный взял Скирвина за руку. Странное лицо фавна, бывшего летчика, было белым, как снег.

– Он сказал, что с него хватит. Теперь он будет говорить.

– Только не при этой мрази! – буркнул Юбер, глядя на Скирвина.

– Ну! Ну! – дружелюбно сказал военный. – Не будем преувеличивать.

У него был умный и несколько робкий вид, но Юбер ему не доверял.

– Тогда пусть он встанет так, чтобы я его не видел. Меня от него тошнит.

Скирвин, стиснув зубы, все такой же белый, молча встал сзади Юбера. Военный сказал слащавым голосом:

– Вы готовы сказать правду? Я вас слушаю...

Юбер опустил плечи и сказал:

– Этот подонок говорил правду. Я был капитаном в шестьдесят третьей эскадрилье шестой воздушной армии. Сбит МИГом над Канко примерно полгода назад. Знание русского языка помогло мне спрятаться, и я не попал в плен...

Лицо чекиста замкнулось, и он спросил:

– Как вы добрались сюда? Почему не пытались вернуться к своим?

Юбер пожал плечами.

– Может быть, потому что устал. Если даже мне удалось бы вернуться, меня опять посадили бы в самолет. Мне больше не хотелось воевать. Я хотел посмотреть вашу страну, узнать, как вы живете. Я подумал, что вы меня не съедите и что попытка не пытка... Поэтому я отправился на север – пешком, на машине, на поезде – как придется. Я без особых трудностей пересек границу и попал во Владивосток. Там один китаец продал мне фальшивые документы, по которым я сумел найти работу... Я пробыл там два месяца, может быть, больше. Потом я узнал, что в районе Николаевска есть интересная и хорошо

оплачиваемая работа. Я хотел отправиться туда, но сел на корабль, шедший в Александровск. Там я сел на самоходную баржу, груженную углем, и приехал в Погоби. Вот уже месяц я работаю в Погоби шофером.

Молчание. Чекист заговорил, глядя в потолок:

– Разумеется, мы это проверим. Изложите это в письменном виде со всеми подробностями... Он покачался на стуле, потом спросил:

– Разумеется, вы хотите, чтобы вас репатриировали?

Юбер пожал плечами, вытер рукавом стекавшую на подбородок кровь и осторожно ответил:

– Я этого не особо хочу. Я не фигурирую в списке военнопленных. У меня потребуют объяснений, возможно, даже сочтут дезертиром...

Он сделал короткую паузу, выражавшую нерешительность.

– Если бы я был уверен, что здесь меня оставят в покое... дадут возможность жить в приличных условиях... Большого мне и не надо...

Чекист смотрел на него, не отвечая.

В комнате стоял холод, походная кровать была неудобной. Отвернувшись к стене, Юбер дрожал под тонким одеялом. В замке повернулся ключ, дверь открылась, и зажегся свет. Скирвин вошел и захлопнул дверь ногой.

– Надеюсь, я разбудил тебя не слишком рано?

В его голосе была ирония и враждебность. Юбер, не оборачиваясь, холодно ответил:

– Я спокойно отношусь к клопам.

Скирвин ничего не сказал. Он принялся расхаживать по комнате. Юбер слышал, как он остановился, чиркнул спичкой, кашлянул и возобновил прерванную ходьбу.

– Ты напрасно так это воспринимаешь, дружище, – сказал он наконец. – Совершенно напрасно.

Новая пауза. Юбер перевернулся на спину. Скирвин остановился у окна, закрытого масляной бумагой. У него были широкие плечи, комбинезон затянут в поясе.

– Если кто и может тебе помочь, дружище, то один я и никто другой...

– Ударами кулака в морду, – иронично прокомментировал Юбер.

Скирвин медленно повернулся на каблуках. Его лицо фавна было ярко-красным.

– Ты напрасно так это воспринимаешь. Это было необходимо. Дураки очень легко выводят меня из себя, а я поначалу принял тебя за дурака...

Юбер ангельски улыбнулся:

– А теперь?

– Изменил мнение.

Улыбка Юбера стала шире.

– Скажи, дружище, сколько ты получил за свое обращение в их веру?

Скирвин не рассердился.

– Тебя это интересует?

– Может быть.

Скирвин тихо рассмеялся, и его лицо покрылось мелкими морщинками.

– Ты будешь разочарован, дружище. Я сделал это по убеждению. Исключительно по убеждению. Ты мне не веришь?

Юбер сладким голосом отозвался:

– А почему мне тебе не верить? Все точки зрения имеют право на существование, верно?

– Так говорят... Сигарету хочешь?

– Спасибо, я не курю.

– Счастливчик.

Он подошел к походной кровати. Юбер поднялся на локте и посмотрел ему в глаза. Скирвин улыбнулся.

– По моей фамилии ты должен был догадаться о моем русском происхождении. Мои дед и бабка... В общем, я вернулся на родину предков. Все просто...

– Все просто. И что мне дает эта история?

Скирвин посерьезнел.

– Я пользуюсь здесь доверием и могу уладить твоё дело, если захочу. Это уже наполовину сделано. Они знают, что над Канко, примерно в то время, что ты указал, был сбит самолет шестой воздушной армии США, а его пилота не нашли... Если хочешь, я могу убедить их отказаться от дальнейших проверок, малыш.

– Ты слишком любезен, великан. Я, знаешь ли, не боюсь расследования. Я сказал правду.

Скирвин улыбнулся.

– Не сомневаюсь. Ошибка обошлась бы мне слишком дорого.

– Зачем ты это для меня делаешь? – подозрительно спросил Юбер. – Я не понимаю.

Скирвин пожал широкими плечами, и в его полузакрытых глазах появилось циничное выражение.

– Эгоизм. Все эгоизм. Представь себе, мне нужен кто-нибудь, с кем я могу время от времени поболтать на американском. Это ты можешь понять?

– Может быть. Но это опасная слабость. Мне кажется, они называют ее космополитизм.

Скирвин презрительно скривился.

– Еще одна жертва пропаганды.

Юбер улыбнулся.

– Мы все жертвы пропаганды, в том числе и ты, парень.

Скирвин, казалось, вдруг занервничал.

– Или ты соглашаешься, или я оставлю тебя тонуть в дерьме.

– Не будь так вульгарен, парень. Я согласен, что еще я могу сделать?

Скирвин вздрогнул, сунул в зубы новую сигарету и прикурил ее.

– Хочешь?

– Я уже сказал, что не курю.

– Я думал, ты дуешься.

Он пошел к двери.

– Я ухожу. Спокойной ночи. И не порти себе Нервы, дружище.

– Я тебе не дружище.

– Хочешь меня обидеть? Не выйдет. Я сегодня добрый.

Он ушел, и Юбер услышал, как за ним закрылась дверь. Свет остался включенным. Юбер встал, выключил его и наощупь вернулся к своей неудобной постели. Ему сейчас было не так холодно, и он знал, что заснуть снова будет трудно.

Скирвин был крупной и трудноразрешимой проблемой. Сначала он вел себя как враг и подлец. Вместо того чтобы дать чекистам избить Юбера, он сам занялся этим, и бил крепко. И вдруг он превратился почти в друга во всяком случае, предлагал свою помощь.

Ловушка? Вполне возможно. Юбер по своему опыту знал, что субъекты типа Скирвина опасны и ядовиты, как змеи.

Он вдруг без причин подумал о Манновой. Где она сейчас? В Ногликах, в своем доме на берегу моря? Наверняка, комиссар Владимир видит ее каждый день и называет "сердце мое". И каждый день просит ее выйти за него замуж. Его горло сжалось от сожаления.

Он почувствовал, что засыпает.

* * *

Когда за ним пришли, уже рассвело. День был грязным, желтым от того, что проходил через масляную бумагу на окне; день со старой почтовой открытки. Он молча встал, продрогший до костей и разбитый, страдая от легкой головной боли, сжимавшей ему виски.

Когда его вели пустым коридором, охранник шел впереди. Юбер решил, что это хороший признак: его не считают опасным. А вот и кабинет, где его допрашивали накануне.

Тот самый военный с робким видом сидел за столом, скрестив большие красные руки на пустой папке. Скирвин тоже был там. Стоя в углу, прислонившись плечами к стене рядом с урчащей печкой на мазуте, он чистил ногти и даже не поднял голову, чтобы посмотреть на входящего Юбера.

– Я замерз, – сказал тот. – У вас нет чего-нибудь горячего?

Военный встал, открыл ящик картотеки, достал бутылку водки и подал ее Юберу.

– Пейте прямо из горлышка. Водка убивает микробы.

Юбер предпочел бы чашку горячего кофе, однако сделал несколько глотков, зажмурил глаза, и стиснул зубы, пока огонь разливался по его желудку, а потом расходился по жилам.

– Бррр! – замотал он головой, чувствуя тошноту.

Чекист взял бутылку, угостился, потом протянул ее Скирвину, который перестал чистить ногти и щедро смочил горло.

– Сегодня утром нашли того, кто выдал вам путевой листок сюда, – сообщил военный. – Произошла ошибка, но вы не при чем.

– Уф! – просто сказал Юбер.

И быстро добавил:

– Я могу вернуться на работу?

– Не так быстро. Скирвин заявил, что ему нужен здесь помощник, и, кажется, он готов взять вас под личную ответственность...

Юбер подумал, что, будь он на месте Скирвина, ему бы не понравилось то, как чекист сказал: "под личную ответственность". Но Скирвин остался невозмутимым и продолжал чистить ногти.

– Полковник Витинов, начальник базы, согласен при условии соблюдения некоторых мер безопасности. Одна из них состоит в том, что каждую ночь вас будут запирают в помещении гауптвахты...

Он тонко улыбнулся:

– Там поставят печку. Мы не дикари.

И обратился к Скирвину:

– Можете его забирать, капитан. Приведете вечером...

Юбер забеспокоился:

– Вы уладите вопрос с Погоби? Я не хочу, чтобы вся милиция бросилась меня искать...

– Не волнуйтесь, мистер Стив Николс.

Юбер сказал, что его имя Стив Николе. Он выбрал его не случайно. Говард назвал его, когда рассказал историю летчика, сбитого над Канко.

Выйдя за дверь и закрыв ее, Скирвин взял Юбера за плечо и посоветовал:

– Скажи мне спасибо, дружище. Здесь ты будешь, как сыр в масле.

– Я тебя ни о чем не просил и ничего тебе не должен, – холодно отозвался Юбер.

Скирвин скривился, от чего стал по-настоящему уродливым.

– Ты зря так ко мне относишься, дружище.

Они пошли, и Юбер на ходу бросил:

– Ты только не разрыдайся. Терпеть не могу слезы.

Скирвин снова остановился.

– Да чего ты злишься? Мы могли бы стать друзьями.

Юбер посмотрел ему в глаза и осторожно провел рукой по своему лицу.

– Ты ударил меня, когда я не мог дать тебе сдачи. Ты не имел права это делать.

Зауженное книзу лицо Скирвина просветлело.

– Из-за этого? Только из-за этого? Господи, да надо было сразу сказать, дружище! Хочешь взять реванш? Пошли в спортзал и устроим

честный поединок.

– Разрешены все удары, – уточнил Юбер, уже узнавший, что Скирвин очень силен, но немного медлителен.

– Все без исключений, дружище.

Они вышли из дома. На низкой траве лежал белый иней. Вдали слышался глухой гул самолетного мотора.

– Не жди, что я буду тебя щадить, – предупредил Скирвин.

– От меня этого тоже не жди.

Скирвин искоса посмотрел на Юбера.

– Ты слишком легкий, – сказал он, поморщившись.

Томас Скирвин перелетел через канаты ринга и рухнул в двух метрах ниже к ногам рыжего гиганта в спортивных трусах, спокойно жевавшего спичку.

Падение произвело необычный и довольно неприятный звук, но Юбер его не слышал. Он был серьезно оглушен и знал, что, если бы не удалась эта последняя попытка, он проиграл бы. Скирвин обладал геркулесовой силой и бил, как молотилка.

Юбер вцепился в канаты. Он получил в лицо целое ведро холодной воды, так и не поняв, кто ее выплеснул. Отряхнулся, на секунду закрыл глаза и снова открыл их. Он увидел гиганта в спортивных трусах, поднимавшего лежащего без сознания Скирвина, а сзади него пару: высокую блондинку со слишком большими глазами и молодого, немного небрежного летчика с погонами лейтенанта. Оба аплодировали.

Юбер пролез под канатами и неуверенными шагами направился в раздевалку. Скирвина и рыжего гиганта в помещении уже не было. Молодой лейтенант окликнул Юбера:

– Это вы Николе? Тоже летчик, кажется? Хорошая работа. Здесь еще никому не удавалось победить Томаса, и это начинало нам действовать на нервы...

– Мне тоже было нелегко, – пробормотал Юбер, глядя на женщину, чье вытянутое славянское лицо было белым, как мел.

"Она все-таки довольно красивая", – подумал он. Лейтенант представил:

– Ирина Витинова, жена нашего командира. А я – лейтенант Федор Глазовский.

– Очень приятно, – сказал Юбер. – Я схожу в душевую.

Он ушел, думая, что Глазовский, очевидно, ухаживает за женой полковника, что не очень осторожно, хотя очень интересно. Затем он спросил себя, не сломал ли себе чего Томас Скирвин при падении?

Сзади громко смеялась Ирина Витинова.

Бутылка водки почти опустела, и Юбер спрашивал себя, как Скирвин может сохранять такую ясную дикцию после того, как выпил столько алкоголя.

– Берегись ее, как чумы, если не хочешь получить крупные неприятности...

Скирвин говорил об Ирине Витиновой.

– Это шлюха, горячая, как огонь, и прикасаться к ней так же опасно, как к пламени. Я слышал об одной бабе вроде нее, которая жила во времена римлян. Та баба заплучала всех парней, каких хотела, а потом приказывала их приканчивать...

– Мессалина? – предположил Юбер.

– Вот-вот, дружище. Я не хочу сказать, что Ирина приказывает убивать своих любовников, нет. Понимаешь, она устраивает им переводы. Она говорит своему мужу-полкану: этого лейтенантика или того капитана надо отправить в другую часть. Он меня стесняет. Я его больше видеть не могу. К тому же он слишком фамильярен со мной и другие могут из ревности разболтать...

Скирвин неопределенно махнул рукой и вылил в свой стакан остатки водки.

– Представляешь себе такой тип?

– Вполне, – ответил Юбер.

Короткая пауза на время, которое потребовалось Скирвину, чтобы отпить два глотка. Юбер спросил совершенно нейтральным голосом:

– Кажется, на этом участке охотится Глазовский?

Скирвин икнул, вытер губы рукой и подтвердил:

– Да, кажется. Молодой идиот. Он расшибет себе голову...

– Сколько ему лет?

– Двадцать пять. Сопляк! На пятнадцать лет моложе нее! Каково, а?

Юбер встал со стула и пошел отрегулировать слишком шумевшую печку, обойдя стол, заваленный русскими книгами по ведению боевых действий в воздухе. Стены были заклеены фотографиями женщин и самолетов. Там имелся довольно ловкий монтаж, наверняка, произведение Скирвина: лежащая на диване почти голая красотка, у которой из широко раздвинутых ляжек вылетал МИГ-15.

Скирвин проследил за взглядом Юбера и хохотнул:

– Спрашиваешь себя, почему он вылетает оттуда вместо того, чтобы влетать?

Юбер пожал плечами.

– Сегодня вопросы метафизики меня не интересуют, – сказал он, возвращаясь на свое место.

Скирвин посерьезнел.

– Это не метафизика, а пропаганда, – объяснил он наставительным тоном. – Здесь, как и в Америке, много пропаганды. Ее едят на завтрак, обед и ужин и даже спят с ней. Я делаю, как все. Ты удивлен? Когда надо, я умею быть лизоблюдом. Это произведение, которое ты видишь во всей красе, представляет Россию – мать всех народов, рождающую оружие победы!

– Сам бы я ни за что не догадался, – уверил Юбер с наигранным восхищением. – У тебя там что-то есть, старик! Он постучал себя по голове.

– У меня кое-что есть не только там, – ответил Скирвин. – Сам не понимаю, что я делаю в этой дыре.

– Сходи к Ирине.

– Она исходит слюной по прекрасному лейтенанту Глазовскому. Когда она в таком состоянии, ее невозможно просить о маленькой услуге.

Он плюнул в корзинку для бумаг.

– Все женщины сумасшедшие!

Вдруг он забеспокоился, впервые показывая признаки опьянения:

– Ты ведь мне друг, Стив, да? Я могу тебе все это говорить?

Юбер успокаивающе улыбнулся:

– Если хочешь сменить пластинку, расскажи мне о Глазовском. Где он заслужил все те награды, что увешали его грудь, будто панцирь?

– В Корее. Восемь зарегистрированных сбитых самолетов противника. Глазовский Федор для дам – это тот еще парень. Его отец был дипломатом, и он жил с ним в Италии и Египте. Недолго, но все-таки...

Юбер мягко спросил:

– Все-таки что?

Скирвин бросил на него странный взгляд.

– Ничего.

Что-то необъяснимое сжало Юберу горло. Словно знак судьбы: Федор Глазовский, Ирина Витинова и Томас Скирвин – треугольник, в котором разыграется партия.

Скирвин резко встал и повел своими широченными плечами.

– Пить больше нечего. Пошли в бар.

Юбер тоже встал.

– Ты мне до сих пор не сказал, в чем состоит твоя работа здесь. Раз ты взял меня в помощники, я имею право знать?

– Слушай меня внимательно, дружище: помощник мне нужен, как собаке пятая нога. Если я взял тебя сюда под мою личную ответственность (он передразнил чекиста, предупреждавшего его), то только потому, что иногда мне хочется поговорить на том поганом языке, что используется в Штатах, и поговорить с человеком, который сам хорошо говорит на нем и не повторяет каждую секунду: "Произноси четче, Томас, и говори медленнее, если хочешь, чтобы тебя поняли". В конце концов от этого начинает тошнить.

Он подтолкнул его к двери.

– Пошли, поговорим, в бар. И поговорим на американском!

– У тебя, старик, – сказал Юбер, – тоска по родине.

Скирвин остановился и сильно побледнел. У него на висках вздулись жилы, он стиснул кулаки и с яростью пробурчал:

– Никогда больше не говори этого, подонок, или я разорву тебя на куски! Слышишь?

Юбер сделал над собой усилие, чтобы сохранить спокойствие.

– Да ладно, Том! Я сказал это в шутку...

– Даже в шутку, – ответил тот дрожащим голосом. – Даже в шутку, слышишь? Никогда...

* * *

Михаил Григорьев, выйдя из автомобиля, ответил на приветствие дежурного у двери и вошел в здание управления МВД.

– Я хочу видеть начальника управления, – обратился он к секретарю, проходившему по холлу.

– Как доложить?

– Михаил Григорьев, начальник управления Адатиума.

Через минуту его проводили в кабинет, который еще недавно занимал Владимир. Молодой человек с суровым замкнутым лицом представился:

– Иосиф Серов, новый начальник Ногликовского управления. Спасибо, что навестили меня.

Григорьев сразу перешел к делу:

– Мой приезд не просто визит вежливости. Я хорошо знал Владимира...

Он увидел, как напряглось лицо Серова, и из осторожности поспешил добавить:

– И никогда бы не заподозрил его... В общем, это меня не касается, однако, мне довелось заниматься расследованием дела, в ходе которого он был разоблачен, и я хотел бы, если это возможно, посмотреть материалы досье...

Серов перебил его.

– Досье у нас нет. Его забрала госбезопасность, и я сомневаюсь, что они согласятся его кому-нибудь показать...

Григорьев постарался скрыть разочарование.

– Госбезопасность? Это их люди разоблачили Владимира?

Серов очень холодно уточнил:

– Да, один из их агентов. Женщина... Некая Лин Маннова.

На этот раз Григорьев вздрогнул:

– Лин Маннова? Вы уверены?

Серов удивился:

– Конечно, я уверен... А что? Вы ее знаете?

– Видел однажды в Адатиуме. Очень недолго...

Серов казался равнодушным. Григорьев понял, что ни на какую помощь с его стороны ему надеяться не приходится. Однако, Григорьев носом чувствовал, что здесь что-то нечисто. Владимир не мог быть виновен в гибели одного из его людей.

Он простился и сел в машину. Было пасмурно, птицы низко летали над землей.

– Возвращаемся, – бросил он шоферу.

Он закурил сигарету и решил не бросать это дело. У него убили сотрудника, и он хотел знать, кто и почему. Никто не помешает ему провести неофициальное расследование.

И в первую очередь заняться Манновой.

Мистер Смит с интересом смотрел на входившего Говарда. Молодой капитан улыбался.

– Что случилось? – спросил большой босс.

– У нас есть новости о сто семнадцатом!

Вялое белое лицо мистера Смита осветилось.

– Уф! А я, честно говоря, начал рвать на себе волосы!

Говард не мог удержаться от того, чтоб не бросить ироничный взгляд на лысый череп своего шефа.

– Рожайте, старина! – приказал тот.

Говард кашлянул в кулак.

– Меня особенно тревожит, что наш агент женщина, что должна была встретить сто семнадцатого в Ногликах и помочь добраться до Погоби, до сих пор не подает признаков жизни. Это очень тревожно!

Мистер Смит нахмурил брови, отчего его очки сползли на нос.

– Что вы рассказываете? Так есть у вас новости или нет?

Говард неторопливо объяснил:

– Есть. Двести тринадцатый обнаружил Юбера в Погоби и сделал все необходимое в соответствии с инструкциями, переданными ему нами.

– Превосходно. Они знают друг о друге?

– Нет. Двести тринадцатый категорически воспротивился этому. Он хочет оставаться неизвестным... – Держите меня в курсе. Что еще?

Федор Глазовский был пьян, сильно пьян. Юбер, активно помогавший ему прийти в это состояние, спросил себя, что будет, если молодого лейтенанта увидят в таком состоянии начальники. Вне всяких сомнений, его вычеркнут из списка летного состава; в самом лучшем случае запретят летать на реактивных самолетах.

Комната Глазовского находилась в домике, стоявшем возле ангаров. Он украсил ее стены своими акварелями, которые все изображали самолеты. Там же было несколько фотографий Глазовского в летной форме, сделанных на корейской войне. На двух из них он гордо опирался ногой на дымившиеся обломки: остатки сбитых им самолетов. На комодѣ стояли два фотопортрета: один – довольно пожилого мужчины во фраке; другой – женщины с мягким и

благородным лицом, окруженным седыми волосами. Глазовский был похож на женщину. Между портретами стояла миниатюрная позолоченная гондола, совершенно неожиданная в этом уголке света, на которой было написано по-французски: "На память о Венеции".

Пьяный Глазовский немного заплетающимся языком рассказывал Юберу, изображавшему такую же степень опьянения, чтобы упростить разговор:

– Невинность я потерял в Италии, – словоохотливо объяснял русский летчик. – В посольстве был итальянский персонал, в том числе одна женщина, лет, наверное, сорока, весившая на двадцать кило больше, чем нужно. Это случилось зимой, когда у меня начиналась ангина. Врач прописал мне висмутные свечи, я это хорошо помню. Их надо было менять каждые три часа. Мария, ее звали Мария, очень оригинально для итальянки, вызвалась делать это ночью... Но, может быть, вам неинтересно, Стив?

– Что вы, интересно, – ответил Юбер. – Она была похожа на Ирину Витинову?

Федор секунду поколебался.

– Очень, – ответил он, – хотя она была брюнеткой, а Ирина блондинка. Она была толстой, очень толстой, а Ирина худенькая.

– Очень худенькая, – бросил Юбер, сильно кивнув головой.

– Очень худенькая, но не тощая, – запротестовал Федор. – Не тощая.

– Ирина занимается любовью лучше, чем Мария? – спросил Юбер искренне заинтересованным и дружеским тоном.

Федор ответил через несколько секунд:

– Не знаю, старина. Правда, не знаю...

– Вы не помните, как прошло с Марией?

– Нет... То есть, я очень хорошо помню. Она была жуткой шлюхой и имела огненный темперамент. Нет, не в этом дело... В общем... между Ириной и мной еще ничего не было.

Юбер контролировал свое дыхание и время от времени, когда молодой лейтенант смотрел на него, морщился, как пьяный.

– Она не хочет?

– О! Хочет... Она полностью согласна. Я ее прямо спросил об этом! Я ей сказал: "Дорогая Ирина, вам доставит удовольствие заняться со мной любовью?" А она мне ответила, что умирает от желания. Мило, а?

– Раз она согласна, – удивился Юбер, – чего же вы ждете?

Федор бессильно развел руками.

– Случай, старина. Случай! Полковник ревнив, как тигр, и всякий раз, когда его жена выезжает из лагеря, он делает так, чтобы я остался здесь. Заниматься этим тут неудобно. Ирина все-таки не такая женщина, которую можно взять тайком в темном коридоре или на столе. Нет, я хочу, чтобы у нее осталось хорошее воспоминание о первом разе. Хотя бы о первом...

– Вы совершенно правы, и эта забота делает вам честь, – наставительно сказал Юбер.

– Правда?

Федор снова налил водки себе и наполнил стакан Юбера. Тот стал расхаживать по комнате с единственной целью: вылить спиртное в глиняный горшок, стоявший на углу стола, в тот момент, когда лейтенант будет смотреть в другую сторону.

– У меня есть идея, – бросил он.

– Да? – переспросил лейтенант.

– Вчера Скирвин возил меня по окрестностям и показал заброшенный аэродром в двадцати километрах к юго-западу отсюда. Кажется, полоса в хорошем состоянии, во всяком случае на нее может сесть самолет весом меньше десяти тонн. Так сказал Скирвин...

– Это верно, – подтвердил Глазовский. – А чем это может мне помочь?

Лейтенант с силой потер глаза кулаками, и Юбер воспользовался этим, чтобы вылить водку.

– Подождите! В один прекрасный день Ирина... Вы позволите мне называть ее так?

– Конечно, старина, конечно, – великодушно разрешил лейтенант.

– Итак, Ирина выезжает на машине и, никому ничего не сказав, направляется на тот аэродром. Через некоторое время вы вылетаете в тренировочный полет и приземляетесь прямо там. Делаете с Ириной свое дельце, а потом разъезжаетесь в разные стороны...

Короткая пауза.

– Полная чушь! – бросил лейтенант, пытаясь засмеяться.

Юбер притворился обиженным.

– Я просто пытаюсь вам помочь. Делайте, как хотите... Лично мне на это глубоко наплевать.

Глазовский отпил два глотка, громко рыгнул и объяснил:

– Полная чушь по двум причинам, которые я вам сейчас изложу, милейший!

Он сделал паузу, поднял палец.

– Причина первая: Ирина никогда не выезжает одна. Она ездит с шофером, а подключить к делу постороннего человека означает рисковать налететь на крупные неприятности. Вторая причина: я летаю только на МИГах и не могу оставить самолет на полосе с включенными реакторами, пока буду заниматься... своим дельцем, как вы это называете. Я не смогу взлететь без помощи.

Юбер задумчиво поскреб подбородок.

– Об этом я не подумал, – признался он. – Но должен же существовать способ...

– А потом, – добавил Глазовский, – нам категорически запрещено оставлять самолет хотя бы на секунду под угрозой трибунала.

Юбер засмеялся.

– Серьезно? Вот смех-то! Боятся, что его украдут?

– Не знаю, – ответил Глазовский, пожимая плечами. – А зачем кому-то красть МИГ?

Юбер ответил непринужденным тоном:

– Зачем? Ну, старина, правительство США предложило сто тысяч долларов тому, кто доставит ему этот самолет. Думаю, предложение остается в силе...

– А на кой черт он им сдался? – спросил Глазовский, который не интересовался ничем, кроме женщин и самолетов.

– Не знаю, – сказал Юбер. – Они хотят последнюю модель.

– Я летаю на последней, – гордо сообщил лейтенант. – На семнадцатой, старина. Отличная машина, можешь мне поверить.

В коридоре послышались шаги. В дверь постучали.

– Кто там? – едва выговорил Глазовский.

– Скирвин. Мне сказали, Николе здесь, у вас.

– Я здесь, – подтвердил Юбер.

– Заходите! – пригласил лейтенант.

Томас Скирвин вошел и, увидев его, Юбер подумал, что никогда не сможет привыкнуть к его физиономии фавна, которой не хватало только бородки клинышком. У Скирвина был озабоченный вид.

– Что такого интересного вы можете рассказывать? – спросил он.

Глазовский просветил его:

– Ваш друг говорит, что американцы пообещали сто тысяч долларов тому, кто доставит им МИГ последней модели. Забавно, да?

Скирвин остался невозмутимым, а его веки полуприкрылись, и острый взгляд остановился на Юбере, который заставил себя засмеяться.

– Самое забавное, – сказал Скирвин, – что это чистая правда. Но я думаю, что мой помощник Стив Николе слишком хорошо тут устроился. Я бы очень хотел видеть его на работе, хотя бы изредка. Просто из принципа.

Юбер встал, немного покачиваясь.

– Честное слово, вы пьяны! – буркнул Скирвин, выглядевший по-настоящему рассерженным.

– Не так сильно, как он! – хохотнул Юбер, показывая на лейтенанта.

Скирвин выругался сквозь зубы.

– Слушайте, Федор, вы доставите мне удовольствие, если немедленно ляжете в постель с четырьмя или пятью таблетками аспирина в желудке. Если Витинов увидит вас в таком виде, вам не поздоровится!

– Он прав, – сказал лейтенант, пытаясь подняться. – Я сделаю так, как он говорит...

Скирвин сам приготовил летчику лекарство, заставил его выпить, а потом помог лечь, после чего увел Юбера из комнаты.

– Вы заслужили хорошую взбучку, старина! Если об этом станет известно, с вас снимут шкуру.

– Ты больше не говоришь мне "ты"? – притворился удивленным Юбер, подавляя сильное желание рассмеяться.

– Мне сейчас очень хочется поколотить тебя.

– Не делай этого! Я больше не буду.

Томас Скирвин сказал Юберу, что согласился учить русских летчиков методам ведения боя американскими истребителями и что ему нужна помощь в подготовке теоретической части своих занятий. Юбера подмывало заявить, что он может понять, если такой вот Скирвин переходит на другую сторону по идейным соображениям, но не понимает, как это можно учить своих новых друзей ловчее убивать вчерашних братьев. Есть вещи, которые нельзя делать.

Но Юбер оказался в этом глухом уголке Сахалина вовсе не затем, чтобы читать мораль дезертиру из ВВС, и поэтому любезно ответил на предложение:

– Знаешь, мне что этим заниматься, что жирафа красить...

Скирвин несколько секунд помолчал, потом объявил нейтральным тоном:

– Чтобы ты мог работать эффективно, я должен буду рассказать тебе о некоторых секретных характеристиках МИГ-17. В принципе, я не имею права этого делать, но если ты не будешь трепаться, все пройдет нормально. Еще одно: тебе не стоит снова напиваться, как вчера, и слишком много болтать с парнями вроде Глазовского.

Он открыл стальной сейф, стоявший в углу комнаты, и достал большую фотографию формата 40 x 60.

– Это приборная доска истребителя. Подойди сюда, смотри внимательно и пошире раскрой уши.

* * *

Ирина Витинова постучала в дверь и вошла, не дожидаясь ответа.

– Добрый день, – сказала она. – Я за Николсом.

На ней была серая юбка из толстой шерсти, коричневая замшевая куртка на молнии, бежевые нитяные чулки и удобные для ходьбы туфли. Голова не покрыта, и светлые белокурые волосы спадали на плечи легкими волнами. Она выглядела невероятно женственной, несомненно, из-за приятных изгибов ее высокого, обманчиво худощавого тела и страстного выражения лица со слишком большими и

слишком светлыми глазами. А еще из-за чувственного рта, всегда влажного и оживляемого двусмысленными гримасками.

– А зачем он вам понадобился? – нелюбезно спросил Скирвин.

Она равнодушно посмотрела на него и ответила нежным и мелодичным голосом, не очень сочетавшимся с ее внешностью:

– Я сейчас уезжаю, и мне нужен водитель.

У Юбера возникло предчувствие, но он воздержался от проявления какой бы то ни было реакции. Скирвин пожал широкими плечами:

– Чтобы выехать из лагеря, нужно разрешение полковника.

– Я получила для него разрешение, – спокойно ответила она. – Больше свободных людей нет, и полковник сам мне сказал: "Бери Николса, не думаю, что он очень нужен Скирвину..."

– Ну, раз полковник разрешил... – ответил тот, слегка кланяясь. – Идите, уважаемый, и постарайтесь не наделать глупостей...

Он выдержал паузу и добавил с заметной иронией:

– За рулем.

Ирина Витинова осталась невозмутимой. Она посмотрела на Юбера.

– Вы идете?

Он махнул на прощанье рукой Скирвину и вышел следом за женщиной.

– Сюда.

Юбер молча шел рядом с ней. Была хорошая, немного холодная погода. Неизвестно откуда вырвавшийся МИГ пролетел над ними с жутким свистом, продолжавшимся еще несколько секунд после того, как самолет скрылся с глаз.

Ирина вздрогнула и сказала:

– Никак не могу привыкнуть. Этот шум действует мне на нервы.

Он, не ответив, посмотрел на нее сбоку. До гаража они не обменялись ни единым словом.

– Возьмем эту, – сказала Ирина, указывая на черный "зис" с гражданским номером.

Женщина села сзади, Юбер закрыл за ней дверцу и занял место за рулем.

– Мы едем в Погоби, – сказала Ирина.

Разочарованный в глубине души, он включил двигатель и доехал до выезда из лагеря. Начальник караульного поста подошел, узнал жену

полковника и пропустил машину, ни о чем не спросив.

– Езжайте не очень быстро, – посоветовала она.

Навстречу ехала колонна военных грузовиков. Он притормозил, пропуская ее, потом снова прибавил скорость. В зеркало заднего обзора отражалось вытянутое бледное лицо женщины, сидевшей прямо и выглядевшей озабоченно. На мгновение их взгляды встретились в зеркале. Ему показалось, что она вот-вот иронично улыбнется.

– Вам лучше смотреть на дорогу, – сказала она.

Он объяснил:

– Военные летчики привыкли следить за тылами. Часто это вопрос жизни и смерти...

– Сейчас вашей жизни ничто не угрожает...

И, помолчав, добавила:

– Она может оказаться в опасности, если вы предадите меня...

Он затаил дыхание и инстинктивно сбавил скорость.

– Если я вас предам? – повторил он, опасаясь, что плохо расслышал.

Она молчала, и он пережил несколько секунд довольно неприятной неопределенности.

– После пихтового леса свернете на первую дорогу налево. Мы не едем в Погоби...

Он присвистнул сквозь зубы, достаточно тихо, чтобы она не услышала его за шумом мотора. Ей не было необходимости указывать дорогу. Он знал, куда ехать. Его план удался...

"Полная чушь по двум причинам..." – сказал Глазовский, но, значит, брошенная идея запала ему в память, и он – а может быть, она – сумел найти способ обойти обе преграды. Их находку звали Стив Николе, поскольку он был единственным, над кем они имели достаточно большую власть...

Ирина Витинова сказала тоном, в котором ясно звучала угроза:

– Вы поняли, не так ли? Одно лишнее слово, и вы пострадаете первым. Мой муж, полковник, не знает жалости. Все, что наносит вред мне, наносит вред и ему. Он никогда не допустит, чтобы из него сделали посмешище.

Юбер сумел улыбнуться.

– Можете на меня положиться. Я испытываю большую симпатию к лейтенанту...

- О каком лейтенанте вы говорите? – сухо перебила она.
 - Я забыл его фамилию.
 - Будет лучше, если вы забудете и все остальное.
- У перекрестка Юбер свернул налево.

* * *

Единственная взлетно-посадочная полоса была сориентирована по оси господствующих ветров – с востока на запад – и словно врезана в густую темную массу соснового бора, покрывавшего все плато. Здания и ангары были наполовину врыты в землю, и при хорошей маскировке заметить их между деревьями было невозможно. Этот аэродром был построен на случай войны и использоваться должен был только в этом случае.

Доехать до него можно было по довольно узкой зацементированной дороге, которую покрывал густой ковер сосновых иголок.

Юбер остановил машину между двумя строениями так, чтобы ее не было видно ни с дороги, ни с полосы. Он вышел, открыл дверь и помог выйти женщине.

- Будете ждать меня в машине, пока я не вернусь, – приказала она.
- А если кто-нибудь придет? – заметил он.
- Никто не придет.
- Это вы так говорите.
- Я вам сказала, ждать здесь. И не вздумайте двигаться с места.

Он заставил себя промолчать. В нем поднималась ярость и сильное желание крепко отшлепать эту надменную Мессалину по заднице. Тем более, что шлепки по заднице иногда становятся великолепным вступлением...

Она ушла и скоро скрылась из вида. Он остался возле машины, решив подождать там, пока появится Глазовский.

Вдруг Юбер подумал о Скирвине. Какой странный тип... Иногда у Юбера появлялось ощущение, что Скирвин знает, кто на самом деле Стив Николе, и старается в различных формах давать ему полезные советы... Так, например, этим утром он рассказал ему все секреты управления МИГ-17...

Окружающую тишину разорвал ужасный свист реакторов, выросший в несколько секунд и оборвавшийся на громком ударе...

Широкими шагами, но не бегом, Юбер направился к полосе. Он успел как раз вовремя, чтобы увидеть, как МИГ-17 на бешеной скорости понесся по бетонной полосе. Он спрятался за деревьями и увидел раскрывшийся сзади самолета огромный парашют, сразу затормозивший его.

Промчавшись мимо Юбера, самолет остановился метрах в двухстах от него. Вой турбин смолк, открылась кабина. Высокая фигура пилота выбралась на крыло, затем спрыгнула на землю. Федор Глазовский секунду стоял неподвижно, глядя на хвост самолета. Он, конечно, спрашивал себя, когда и как будет складывать гигантский парашют, медленно расстилавшийся по полосе, теряя воздушные пузыри, еще наполнявшие его.

Юбер направился в сторону Глазовского, но не показываясь. Он увидел, что пилот, наконец, пошел от самолета через полосу в лес, туда, где должны были находиться постройки, предназначенные для размещения личного состава.

Юбер ускорил шаг, чтобы не отстать.

Глазовский ушел под деревья и уверенно направился к маленькому, довольно милому деревянному коттеджу. Дверь была приоткрыта. Он вошел внутрь без колебаний. Юбер предположил, что ключи от различных построек хранились в Лакарстове, и Витинова сумела достать тот, что отпирал коттедж.

Он подождал две минуты и быстро пошел к МИГ-17, брошенному на посадочной полосе в нарушение строжайших приказов.

Еще горячие турбины можно было легко завести. Требовалось отцепить парашют... но сначала следовало проверить количество горючего.

Правила полетов в Лакарстове были категоричны: ни один самолет не должен взлететь, не будучи заправленным полностью. МИГ-17 с полными баками мог без проблем долететь от Лакарстова до острова Хоккайдо, т.е. до Японии. На Хоккайдо существует множество великолепно оборудованных полос, на которые можно сесть без особого риска, даже без тормозного парашюта.

Юбер поднялся до кабины и наклонился внутрь посмотреть на уровень горючего. Он почувствовал, что бледнеет, и у него вырвался

поток ругательств. Топливные баки самолета были наполовину пусты. Очевидно, Федор Глазовский полетал с полчаса прежде, чем сесть здесь.

Это была непоправимая катастрофа.

Им овладела безумная ярость. Получить такой прекрасный шанс и не иметь возможности им воспользоваться, потому что летчик, этот влюбленный идиот, порезвился в воздухе. Как глупо!

Он пнул летающий монстр в железный бок и спрыгнул на землю. Ему оставалось только вернуться к своей машине и начать придумывать новый план.

Он пошел, опустив плечи. Ярость уступала место огорчению и отчаянию.

И вдруг раздался характерный звук приближающегося самолета. Юбер побежал, чтобы поскорее спрятаться за деревьями. Он был уже у кромки леса, когда самолет появился над полосой на высоте метров в двадцать. Он быстро приблизился, и Юбер с удивлением узнал трехместный туристский самолет, используемый в Лакарстове для полетов на небольшие расстояния и как подвижная ремонтная мастерская.

Маленький самолетик взмыл вверх после того, как пролетел над брошенным МИГом, и описал широкую дугу над лесом. "Сейчас он сядет", – подумал Юбер и, не теряя времени, побежал к маленькому домику.

Ему оставалось пробежать каких-то двадцать метров, когда дверь открылась. На пороге появился Глазовский, лихорадочно застегивавший комбинезон.

– Что это за самолет? – закричал он.

– Трехместный из Лакарстова. Он сейчас заходит на посадку. Он видел МИГ. Бегите и скажите, что ходили искать телефон, что у вас поломка. Задержите их на пять минут. Я увезу Ирину...

– Хорошо, – сказал летчик и пулей понесся к полосе.

Юбер вошел в дом. В прихожей было темно. Он собрался позвать, чтобы узнать, где находится женщина, когда услышал:

– Федор!

Дверь слева была приоткрыта. Он толкнул ее. Голая Ирина лежала на импровизированной постели из матраса и одеяла.

– Дорогой, – капризно сказала она, – иди сюда. Почему ты так долго?

Он быстро ответил:

– Я Николе. Сейчас здесь сядет самолет из Лакарстова. Надо удирать на четвертой скорости. Глазовский сел в свой истребитель и задержит их, чтобы дать мне время увезти вас.

Ирина вскочила, словно подброшенная пружиной.

– Что вы говорите? Какой кошмар! Наверняка, это устроил мой муж. Я пропала... Быстрее! Бежим!

– У вас нет времени одеваться, – сказал он. – Соберите ваши вещи и закутайтесь в одеяло. Чуть дальше мы остановимся, и вы сможете привести себя в порядок.

Она даже не пыталась спорить. Он помог сложить одежду в замшевую куртку, превращенную в мешок, и набросил ей на плечи одеяло, горько сожалея, что не может продолжить дело лейтенанта.

– Бежим!

Они выскочили из домика, как воры, оставив дверь открытой. Вдали слышался шум двигателя маленького самолета, работавшего на замедленных оборотах.

– Он сел, – объяснил Юбер. – Сейчас Глазовский объясняется.

Автомобиль был меньше чем в ста метрах, и они быстро добрались до него. Ирина, бледная, как покойница, села на переднее сиденье рядом с Юбером, который тотчас дал газ. Автомобиль выехал на дорогу и прибавил скорость. Дело во всех смыслах заканчивалось плохо. Теперь им повезет, если не будет других осложнений. Юбер дорого бы заплатил, чтобы узнать, каким образом ремонтный самолет из Лакарстова так не вовремя оказался здесь.

Он посмотрел на дрожащую женщину, завернутую в одеяло, и его взгляд на секунду задержался на ее обнажившейся ляжке.

– Кто-нибудь еще был в курсе этой истории? – хладнокровно спросил Юбер.

Ирина вяло покачала головой.

– Нет. Откуда...

Они проехали около километра и приближались к главной дороге. Он решил:

– Мы отъехали достаточно далеко. Можно остановиться.

Автомобиль свернул направо на узкую грунтовую дорогу, и через сотню метров оба заметили хижину лесорубов.

– То, что нужно, – сказал Юбер.

Он остановил машину, вышел и помог выйти женщине. При движении одеяло на ней широко распахнулось, открыв высокое голое тело молочной белизны. У него возникло желание, и он стиснул зубы, подавая ей руку.

– Принесите мне одежду, – попросила она, направляясь к хижине.

Он подчинился и, держа сверток под рукой, в свою очередь вошел в домик.

Сверток упал к ногам. Они нагнулись за ним одновременно. Их лица соприкоснулись. Она вцепилась в него и упала на спину, увлекая и его...

– Иди! – приказала она с каким-то ожесточением.

Через полчаса она ему объяснила:

– Федор не успел... а я не могла больше терпеть.

Ее сотрясла дрожь.

– Сейчас мне хорошо, – добавила она и потянулась своими губами к его.

Он оторвался от нее.

– Надо возвращаться.

Юбер закончил чтение "Исследования о методах ведения боя в американской истребительной авиации", написанного Скирвиным. Тут было над чем задуматься. Или Скирвин никогда не служил в ВВС и был некомпетентен в этом деле, или просто издевался над своими новыми хозяевами.

В любом случае там было написано множество несуразностей.

Вошел Скирвин. Его лицо фавна было совершенно непроницаемым.

– Что ты об этом думаешь, Стив?

Юбер ответил, не компрометируя себя:

– Замечательно!

Это была правда, с какой стороны ни оценивать данный труд. Скирвин закурил сигарету, стоя перед чертежным столом.

– Эта работа, наверное, нравится тебе больше, чем та, которую ты выполнял в Погоби?

– Конечно! – согласился Юбер. – Но водить грузовик мне тоже нравилось.

– Перевозил стройматериалы?

– Нет, людей. Китайских кули, используемых на большом строительстве.

Скирвин сделал несколько затяжек, поиграл зажимами чертежного стола.

– Ты видел, что они делают?

– Нет, – соврал Юбер. – Мне показалось, они строят мост между Погоби и континентом, потому что в том месте Татарский пролив самый узкий.

Скирвин невозмутимо спросил:

– И зачем, по-твоему, им это нужно?

– Чтобы проложить железную дорогу, шоссе, трубопровод... Чтобы создать путь вывоза с Сахалина промышленных товаров.

Скирвин перестал играть со столом.

– Для этого достаточно кораблей, – сказал он.

Он открыл дверь, небрежно выглянул в коридор, закрыл ее и вернулся к Юберу, но не смотрел на него.

– На самом деле, – объявил он, – они строят дамбу.

– Дамбу?

– Да, дамбу. Они закроют ею Татарский пролив, и вода не сможет проходить через нее.

Юбер несколько секунд помолчал.

– Зачем?

Скирвин кашлянул и посмотрел на горящий конец сигареты.

– Очень просто... Из Охотского моря в Японское идет холодное течение, из-за которого Владивосток блокирован льдами в зимнее время. С завершением строительства дамбы Японское море достаточно хорошо прогреется в северной части, и Владивосток можно будет использовать двенадцать месяцев в году. Сечешь?

Юбер просто заметил:

– Это работа для титанов!

– Между Погоби и континентом всего двенадцать километров.

Юбер покачал головой:

– Конечно, это немного, все зависит от глубины...

– Глубина небольшая. В среднем двадцать метров.

Кто-то вошел в коридор, и вскоре в дверь постучали.

– Входите! – крикнул Скирвин.

Это был Глазовский; в летном комбинезоне, с чуть мутноватыми глазами. Он опять выпил, подумал Юбер, не видевший лейтенанта после его неудачной попытки на брошенном аэродроме.

– Здравствуйте! – сказал Глазовский, с досадой глядя на Скирвина.

Юбер понял, что летчик надеялся застать его одного. Очевидно, что он хотел поговорить, а Скирвин его смущал.

– Что новенького? – спросил тот.

– Через восемь дней меня будет судить трибунал, – с горечью объявил Глазовский.

– Господи, за что? – удивился Скирвин.

Лейтенант пожал плечами.

– Из-за моей аварии. Кажется, я не должен был покидать самолет даже, чтобы попытаться найти телефон...

Он взял сигарету из пачки, протянутой ему Скирвиным, и добавил:

– Я не мог знать, что они следят за мной радаром и что они поднимут тревогу, как только увидят, как я снижаюсь.

– Конечно, – сказал Юбер, получивший ответ на вопрос, который задавал себе с того самого дня.

Ответ был очень поучительным. Скирвин дал Глазовскому прикурить, и тот продолжил заплетающимся языком, выдававшим теперь его опьянение:

– Куча идиотов! Не могли же у меня утащить самолет, пока я звонил!

Скирвин насмешливо бросил:

– Сто тысяч долларов, милейший!

Он пошел к двери.

– У меня дела. Оставляю вас с Николсом.

Он вышел и закрыл дверь. Глазовский взял стул и сел рядом с Юбером.

– Я весь в дерьме, – сказал он.

– Понимаю.

Глазовский сильно махнул рукой.

– Это не то, о чем вы думаете! На это мне наплевать... Нет, не из-за этого.

Он нерешительно замолчал, потом, глядя на свои ботинки и понизив голос, спросил:

– Скажите, Николе, мы ведь друзья, да?

– Конечно! – ответил Юбер.

– Хорошо. Я хотел спросить... Тогда, после неудачи... вы увезли Ирину, так?

– Да...

– Что она вам говорила?

Юбер удивленно поднял брови.

– Что она говорила? О чем?

Глазовский раздраженно прищелкнул языком.

– Обо всем этом, конечно. Должна же она была говорить с вами по дороге, сказать, что думает обо мне...

Юбер вздохнул:

– Она мне только пригрозила убить собственными руками, если я скажу хоть одно слово об этой истории. Она неправа...

Глазовский сидел как на раскаленных углях.

– Да, она была неправа. А кроме этого...

– Кроме "этого" ничего. Она выглядела разъяренной, как будто обокраденной, если вы понимаете, что я хочу сказать... Я даже спросил себя... Вы не обидитесь, да? Я даже спросил себя, успели ли вы сделать свое дельце хотя бы раз.

– Нет, – с жалким видом сознался Глазовский, – не успел. Этот поганый самолет появился как раз в тот момент, когда я собирался...

– Водрюзить ваше знамя на завоеванной территории, – подсказал Юбер.

– Да, именно так.

Он казался обескураженным. Юбер удивился:

– Неужели вы не видели ее с тех пор?

Лейтенант яростно поскреб затылок.

– Нет.

Юбер присвистнул.

– Полковник посадил ее под арест?

– Нет.

– Тогда что?

– Она... она меня избегает. Отказывается приходить на свидания. После той истории я не могу ей сказать даже пары слов наедине...

Он высыпал поток отборных ругательств, а Юбер подумал, что дело принимает странный оборот. Он надеялся на вторую попытку свидания, только лучше организованную. По всей очевидности, рассчитывать на это не приходилось.

Надо было найти что-то другое. У него мелькнула мысль.

– До меня дошли слухи, – сообщил он. Глазовский бросил на паркет окурков, раздавил его каблуком и, нахмутив брови, с тревогой спросил:

– Какие слухи?

– Кажется, полковник догадался, что его жена к вам равнодушна, и будто бы решил содрать с вас шкуру... полностью!

Плечи лейтенанта опустились, лицо как будто расплавилось.

– Неправда, – пробормотал он, хотя уже убедил себя, что это именно так.

Юбер энергично закивал головой.

– Правда. Я узнал это из первых рук. Вы же знаете, что я нахожусь под наблюдением до тех пор, пока мое положение не будет официально узаконено. Из-за этого я ночую в помещении гауптвахты. В первые

ночи меня запирали в камере, а теперь дают ходить почти всюду, куда я хочу...

Он посмотрел на Глазовского, не сводившего глаз с его губ.

– Вчера вечером я шел в туалет. Босиком по паркету... Туалеты находятся рядом с кабинетом начальника гауптвахты.

Новая пауза. Глазовский занервничал:

– Да выкладывай! Не тяни...

– В кабинете сидели четверо или пятеро и говорили о вас. Глазовский, Глазовский, опять Глазовский... Вы человек дня.

– И что они говорили?

– Говорили, что полковник разговаривал с комиссаром и решил, что трибунал для примера другим приговорит вас к смерти.

Глазовский икнул и позеленел.

– Что?

Юбер невозмутимо продолжил:

– Одни были "за", другие "против". Те, кто были против, говорили, что полковник будто бы узнал, что его жена бежит за вами. Еще они говорили, что у вас, может быть, есть шанс выкрутиться, если вы задействуете ваши связи... и что, возможно, смертную казнь заменят пожизненными каторжными работами.

– Лучше сдохнуть! – буркнул лейтенант неузнаваемым голосом. – Лучше уж сдохнуть...

Потом, обхватив голову руками, он удивился:

– Но почему они еще разрешают мне летать? Почему не арестовали меня сразу? Все, что они сделали, сказали мне, что через восемь дней военный трибунал будет судить меня за самовольное оставление боевого поста или что-то вроде этого, а потом запретили в баре и магазине продавать мне спиртное.

Юбер наострил уши при последних словах, но сначала ответил на первый вопрос:

– Они как раз говорили об этом. Один из них считал, что полковник надеется, что вы поймете, что вас ждет, и предпочтете разбиться на самолете. Несчастный случай!

Глазовский возмущенно подскочил.

– Они чокнутые! Совершенно чокнутые! Если они хотят меня убить, то пусть делают это сами.

– Вы абсолютно правы, – согласился Юбер. – Ни в коем случае не делайте этого! Они будут слишком рады... На вашем месте я бы искал способ устроить им гадость. Кроме шуток! Эти люди считают себя богами!

Он встал, вынул из шкафа бутылку водки и сполоснул под краном два стакана.

– По капельке?

Глазовский тревожно посмотрел на дверь.

– Да. Но нельзя, чтобы меня видели.

Юбер по-дружески предложил:

– Со мной можете не стесняться, старина. Если хотите получить потихоньку бутылочку или две, я вам их достану.

– Вы настоящий друг! – сказал Глазовский. – Но будьте осторожны. Если вы попадетесь, это будет вам дорого стоить...

– Не попадусь, – уверил Юбер.

Он налил стакан до половины и протянул его Глазовскому. Лейтенант жадно выпил, и Юбер понял, что он уже покатился под уклон и способен сделать многое ради того, кто достанет ему алкоголь. Превосходно, но при условии, что это не затянется надолго.

– Мне водка нравится больше, чем джин, – сказал Юбер.

– Джин?

– Американский эквивалент водки. Лично я предпочитаю виски...

Глазовский, казалось, о чем-то мечтал.

– Какая жизнь там?

– Отличная, когда есть много денег...

Глазовский понизил голос. Его щеки были красными, а глаза мутными. Он спросил так тихо, что Юбер едва расслышал:

– Сто тысяч долларов – это много денег?

Юбер перестал дышать, и ему показалось, что жизнь в нем замерла. К счастью, летчик не смотрел на него. Он сделал над собой большое усилие и воскликнул:

– Господи! Вы даже себе не представляете! Если бы у меня было сто тысяч в банке, я бы не отправился сюда, как идиот. Здесь неплохо, но в Штатах с сотней тысяч долларов...

Было около полуночи, в помещении гауптвахты стояла тишина. Подложив руки под голову, Юбер размышлял.

Он охотно поставил бы пять против одного в пользу того, что лейтенант Федор Глазовский созрел, чтобы улететь на своем МИГ-17 в Японию, где американские власти сумеют взять самолет. Глазовский считает, что ему грозит смерть, он уверен, что в Штатах с деньгами не пропадет, а алкоголь поддерживал его в нужном состоянии. С другой стороны, Глазовский в силу полученного воспитания был лишен способности смотреть на жизнь критически.

Таким образом, Юбер был на восемьдесят процентов уверен, что в ближайшие дни Глазовский перелетит в Японию на своем МИГ-17, зато не очень четко представлял себе, как сам сможет выбраться из осинового гнезда в которое попал. В лучшем случае, в ожидании благоприятной возможности он проведет на Сахалине еще много месяцев. Он не решался сказать: лет.

Юбер достал из-под подушки электрический фонарик и включил его. Все было тихо. Должно быть, все спали. До двух часов ночи обхода не будет.

Он бесшумно поднялся и достал из-под матраца досье, состоявшее из планов МИГ-17, общих и отдельных частей, один из которых изображал самолет "в разрезе". Именно этот последний документ интересовал Юбера. Он надеялся найти на нем место, чтобы написать отчет о строительстве и спрятать его в самолет. Он был уверен, что его найдут, потому что специалисты из ВВС начнут разбирать истребитель, как только он сядет.

Он был занят работой, когда услышал шум в коридоре. Юбер замер, напрягая слух, выключив фонарь...

Тишина. Он включил фонарь снова, но был неспокоен. Инстинкт редко обманывал его, а инстинкт предупредил о близкой опасности. Он закрыл досье, убрал его под матрац и хотел лечь.

Он не успел это сделать. Дверь резко распахнулась, комнату залил свет. Вошел Бущик, чекист с робким видом, допрашивавший его после приезда в Лакарстово, за ним следовали двое его подчиненных и Скирвин.

Бущик больше не казался робким, напротив, он выглядел решительным и разъяренным. Скирвин демонстрировал презрение и враждебность.

– Встать! – заорал Бущик.

– Что случилось? – спросил пораженный Юбер.

Бущик размахивал большими красными кулаками. Двое людей в форме схватили Юбера за плечи, поставили на ноги и обыскали.

– При нем ничего нет, шеф!

– Обыщите постель, – попросил Скирвин. – Досье должно быть там.

Они нашли досье под матрасом. Скирвин подошел, быстро просмотрел документы и сказал:

– Они! Мерзавец! А я ведь ему чуть не поверил!

Юбер почувствовал, что у него под ногами разверзается пропасть. Он уже считал Скирвина почти союзником. Удар был тяжелым. Его арестуют и обвинят в шпионаже по доносу предателя с физиономией фавна. Ярость вернула ему агрессивность.

– Я знал, что вы предатель Скирвин, – прошипел он, – но не подозревал, что вы способны подсунуть мне под матрац досье, чтобы скомпрометировать меня. Он замолчал и плюнул ему в лицо:

– Сука!

Скирвин влепил ему пощечину. Он ответил великолепным апперкотом, отшвырнувшем его противника к стене. Удар рукояткой пистолета по голове, отвешенный Бущиком, положил конец схватке. Юбер ясно увидел, как пол несется ему в лицо, хотя сам он, как ему казалось, стоял неподвижно.

* * *

Небо было светло-голубым, без единого облачка. Метеосводка обещала хорошую погоду во всем регионе между Охотским и Японским морями. Слабый ветер норд-норд-ост.

Федор Глазовский взглянул на свой хронометр: восемь часов пятнадцать минут. Согласно полученному приказу он должен взлетать через пять минут. Он поправлял свой стеганный комбинезон, когда в вестибюль вошел Скирвин. Он тоже был в летной одежде. Его лицо

казалось одновременно озабоченным, усталым и возбужденным. Странное сочетание.

Они поздоровались.

– Летите сегодня? – спросил Глазовский.

– Нет, – хмуро ответил тот. – Я должен оставаться в распоряжении политрука.

Глазовский не мог без дрожи слушать о политруках. Он спросил неуверенным голосом:

– Что еще случилось?

Скирвин понизил голос:

– Сегодня ночью арестовали Николса.

– Что? – переспросил пораженный лейтенант. – За что?

– Он оказался шпионом. Я давно подозревал его.

Глазовский побледнел.

– Ка... как его разоблачили?

– Это я на него донес, – шепнул Скирвин. – Я заметил, что из моего кабинета необъяснимым образом исчезли совершенно секретные документы. Их нашли у него под матрасом. Ему грозит расстрел...

Глазовский, казалось, окаменел. Невидимый громкоговоритель загнусавил:

– Лейтенанта Глазовского вызывают на взлетную полосу. Немедленно.

Офицер испуганно посмотрел на свой хронометр.

– Мне надо идти, – пробормотал он. – У меня испытательный полет на очень большой высоте. Час. Маршрут свободный.

– Счастливчик, – сказал Скирвин, помогая ему закрепить шлем. – Пользуйтесь им получше.

– А что?

Громкоговоритель повторил: "Вызываю..." Скирвин шепнул Глазовскому на ухо:

– В службе безопасности говорят, что Николе рассказывает о вас. Уверен, ничего страшного, но после посадки вас наверняка вызовут к политруку.

Глазовский был зеленым. Скирвин подтолкнул его.

– Идите же, а то вас накажут.

Михаил Григорьев вошел в кабинет Бущика в половине девятого утра того же дня. Очки в металлической оправе усиливали хитрое и неприятное выражение его жесткого холодного лица.

– Я начальник управления МВД Адатиума, – представился он.

Бущик без особого радушия протянул ему руку.

– Очень рад с вами познакомиться. Садитесь... Оба сели.

– Чем могу быть вам полезен? – спросил Бущик, заняв место за своим заваленным столом.

Григорьев безуспешно попытался поправить очки, дужка которых погнулась.

– Примерно месяц назад, – сказал он, – один из моих сотрудников, вернувшийся вечером на автобусе из Ногликов, был убит в Адатиуме. Его столкнули с подвесного моста в реку.

Он сделал паузу.

– Поймите меня правильно. Когда я говорю, что его столкнули, я не имею доказательств этого. Единственной уликой, на которую я могу надеяться, является признание виновного.

Бущик, не особо заинтересовавшийся рассказом, спросил:

– Вы знаете этого виновного?

Григорьев кивнул головой.

– Кажется, я нашел его след. Поэтому я и приехал в Лакарство.

Бущик немного оживился:

– Он здесь?

– Если его нет сейчас, то он здесь побывал. Гибель моего сотрудника имела связь, возможно, случайную, со значительно более важным делом, расследуемым Ногликовским управлением. Комиссар, взявший это дело в свои руки, недавно покончил с собой в Александровске, кажется, после того, как подписал признание в измене. К сожалению, я не смог получить досье, которое забрала себе госбезопасность, и был вынужден начать расследование с нуля. Так я допросил водителя автобуса, в котором ехал мой сотрудник в день смерти. Этого шофера комиссар из Ногликов уже допрашивал по поводу подозрительного субъекта, находившегося в тот самый день среди пассажиров. По словам шофера, этот подозрительный сидел в автобусе рядом с моим сотрудником...

– Это становится интересным, – согласился Бущик.

Григорьев достал из кармана сигарету и закурил ее.

– Мне пришла в голову одна идея. Судя по немногочисленным данным, которыми я располагал, подозреваемый был иностранцем. У нас в стране иностранцу трудно прожить долго, чтобы его хотя бы не окликнули. Поэтому я привел шофера в центральную службу учета иностранцев в Александровске, где мы вместе просмотрели картотеку. Там мы наткнулись на карточку с фотографией незаконно проникшего в страну офицера американской военной авиации по имени Стив Николе.

Бущик вздрогнул.

– Шофер автобуса на три четверти уверен, что это тот самый подозрительный пассажир, о котором я вам рассказывал. Если я добавлю, что шофер видел, как мой сотрудник начал ночью слежку за тем типом за час до... гибели, вы поймете, почему я здесь.

Бущик с восхищенным видом с силой поскреб затылок.

– Великолепно, – сказал он. – Сегодня ночью я как раз арестовал Стива Николса по обвинению в шпионаже. Двое моих сотрудников как раз допрашивают его в этот момент.

– Я привез шофера, – невозмутимо объявил Григорьев. – Он ждет в коридоре. Надо ему показать этого типа.

– Совершенно согласен! При обвинении только в шпионаже он может отделаться двадцатью годами каторжных работ, а если на него удастся навесить убийство, он не спасется от смертной казни.

Бущик направился к двери, потирая руки, явно довольный. Он послал своего человека за шофером, казавшимся полностью ошарашенным этим приключением, и все втроем они прошли в комнату для допросов.

Юбер, абсолютно голый, стоял посреди помещения; на его теле были следы от полученных ударов. Двое чекистов, проводивших допрос, отошли, увидев Бущика и сопровождавших. Шофер добросовестно посмотрел на человека, которого ему указал рукой Бущик. Лицо арестованного не пострадало.

– Я почти уверен, что это он, – произнес он наконец. – Но когда я его видел, он был одет и в кепке.

Бущик приказал:

– Сходите за его вещами.

Один из подручных Бущика вышел и вернулся через минуту.

– Одевайся, – приказал Бущик.

Сначала Юбер хотел отказаться. Но что бы это дало? Новые побои? К тому же, в его положении это уже не могло ему повредить.

Кепку он надел в самом конце. Тут шофер перестал сомневаться.

– Это он! Совершенно точно! Теперь я уверен.

– Эй! – запротестовал Юбер. – Кто "он"? Я не знаю этого типа! Что еще вы придумали?

– Я посадил его в лесу, в пяти километрах от Ногликов, а вышел он в Адатиуме. Он сидел рядом с толстым милиционером, который потом утонул в реке. Я...

– Ладно! Ладно! – отрезал Бущик. – Пройдемте, вы расскажете нам это подробно в моем кабинете.

Он вывел шофера и Григорьева, потом приказал своим людям:

– Продолжайте, ребята. Теперь постарайтесь заставить его сказать, что он делал месяц назад в Адатиуме и почему сбросил милиционера в реку. Нас это очень интересует.

– Я даже не знаю, где находится Адатиум, – запротестовал Юбер. – Я никогда не бывал в месте с этим названием... Ай!

На него снова посыпались удары.

Жизнь авиабазы Лакарстово нарушилась по какой-то серьезной причине. В течение сорока восьми часов с того момента, как шофер опознал его, Юбера больше не вызывали на допросы. Все казались очень занятыми внешним событием, о котором Юбер ничего не знал.

Он услышал голоса, шаги, потом звяканье ключей. К нему пришли. Юбер встал, радуясь появлению чего-то нового, даже если это должно было вылиться в новый допрос вроде тех, что были вначале.

Вошла Ирина Витинова, и он так изумился, что даже забыл поздороваться с ней. Она была одета, как в день их авантюры; в день, когда она отдалась ему, потому что Глазовский не успел погасить в ней огонь, который сам же разжег и погасить который ей было совершенно необходимо.

– Я председатель отделения Красного Креста, – объяснила она. – В этом качестве я пришла убедиться, что вы здоровы и что условия вашего содержания отвечают гигиеническим нормам... и принесла вам небольшую передачу.

Витинова протянула ему незавязанную картонную коробочку.

– Спасибо, – сказал он, – вы очень любезны.

Надзиратель стоял на пороге. Она посмотрела по сторонам.

– Вам достаточно одеял?

– Едва хватает, чтобы не умереть от холода.

– Попросите еще.

Юбер иронично улыбнулся.

– Если бы вы взяли это на себя, вам, возможно, повезло бы больше, чем мне...

– Я займусь этим, – пообещала она.

Ирина сделала шаг назад.

– Я еще вернусь.

– Был счастлив увидеть вас, – произнес он, пристально глядя на нее.

Витинова с невозмутимым видом повернулась на каблуках и вышла. Дверь закрылась.

Юбер долго сидел неподвижно, держа коробку в руках. Что означал этот визит? Может быть, Ирина Витинова испугалась, что он

расскажет об их приключении в надежде, что полковник, испугавшись скандала, даст ему возможность убежать? Глупость. Разумеется, Юбер подумывал над этим ходом без малейших угрызений совести. В его положении рыцарство было бы неопикуемой глупостью. Однако шансов на то, что полковник даст ему убежать, чтобы спасти свою честь, не было. Скорее, он постарался бы сделать так, чтобы Юбер замолчал навсегда.

А молчать умеют только мертвые.

Он сел на нары и открыл коробку. Ему хотелось есть, и посылка пришла очень кстати. Буханка хлеба, плитка шоколада, колбаса, пачка печенья... Неплохо.

Юбер взял буханку и, не имея ножа, стал разламывать ее пополам. Не поддается... Он нажал сильнее и едва сдержал крик. Посреди хлеба блеснул металл. Через пять секунд он вытащил кинжал. Настоящая игрушка: тонкий, удобный, хорошо уравновешенный, годный как для метания, так и для обычных ударов.

Что это значило?

Инстинктивно, поскольку один кинжал ничего не значил, он осмотрел все остальное. В колбасе был спрятан ключ от камеры. Он сразу узнал его, потому что много раз видел точно такой же в руках надзирателя. Под оберткой плитки шоколада оказался план с пояснениями, написанными печатными буквами.

Эта история была слишком уж хорошей, чтобы быть правдой. Он снова коснулся кинжала и ключа, стремясь убедиться в их реальности, потом стал рассматривать план.

В левом верхнем углу было помещение гауптвахты. Его камера отмечена крестом. Коридор. Стрелки вели к двери, находившейся справа от туалетов, недалеко от караульного помещения. За этой дверью была лестница. Потом длинная черта, пересеченная перпендикулярными полосами, нарисованными через равные интервалы. Полоса под номером 6 продолжалась вправо до лестницы, над которой было "V". Рядом с лестницей был аккуратно нарисован грузовик с кружком на кузове и надпись: отъезд в 2 ч 15 мин.

Это было ясно, но Юбер продолжал считать, что история слишком хороша для правды.

Он машинально поднес хлеб ко рту, но вовремя спохватился. Возможно, все эти средства для побега были призваны только отвлечь

его внимание? Ирина Витинова должна была жутко бояться, что он расскажет то, что знает о ней и Глазовском. Что затыкает рот лучше яда?

Несмотря на голод, он решил не есть, однако попробовать убежать стоило. Терять все равно было нечего!

Было, наверное, около одиннадцати часов. Обходы совершались в полночь и в два ночи. Действовать надо сразу после второго. Четверти часа должно хватить, если ничто не помешает...

Он уложил все в коробку и лег на нары.

* * *

Бросив взгляд в камеру, надзиратель закрыл дверь. Юбер медленно досчитал до шестидесяти и встал. Он нащупал коробку, открыл ее, сунул в карман кинжал и план, потом достал ключ.

Юбер бесшумно подошел к двери, вставил ключ в замок и осторожно повернул его. Язычок тихо убрался. Затем он вынул ключ. Дверь он открыл с рассчитанной неторопливостью. Коридор был пуст. По нему надо было идти твердо, не думая о риске. В любом случае, терять нечего. Он вышел, запер дверь и пошел к туалетам.

Трудный участок. Открытая дверь освещенной караулки... Тишина. Очевидно, надзиратель читает или лег досыпать. Без препятствий дойдя до двери, указанной на плане, Юбер повернул ручку. Не заперто. Чудесно. Бетонная лестница уходила вниз.

Он спустился на три ступеньки, закрыл за собой дверь. Уф! Полная темнота. При аресте у него отобрали фонарик и спички. Придется идти наощупь с единственной надеждой, что план точен.

Прижавшись к стене, он начал спускаться, ступенька за ступенькой. Горло сжалось от затхлого воздуха закрытого помещения. По всей видимости, эти бетонные подземелья образовывали сеть убежищ, призванных защитить персонал базы в случае бомбардировки.

Двадцать ступеней. Он был внизу.

Шаря правой рукой по стене и вытянув левую вперед, чтобы нащупать возможное препятствие, Юбер ускорил шаг.

Первый перекресток. Второй...

Дело казалось серьезным. При выходе его вполне мог кто-то ждать... Допустим, ему удастся незаметно забраться в кузов грузовика, а что дальше? Куда его увезет грузовик? Как он сможет затем покинуть Сахалин? Ему придется пробираться в Ноглики и просить помощи у Лин Манновой и Такары.

Он отбросил осаждавшие его пессимистические мысли. В любом случае, оставаясь здесь, он мог дожидаться только веревки на шею. Лучше действовать...

Шестой перекресток. Он свернул направо, споткнулся о ступеньку лестницы, быстро вскочил и поднялся вверх.

Дверь. Открыта или закрыта? Открыта. Юбер потянул на себя створку и вдохнул морозный ночной воздух.

Дальнейшее произошло очень быстро, слишком быстро. Перед ним возникла крупная фигура, и хорошо знакомый ему голос сказал на американском:

– Вот и ты, дружище! Ты даже не подумал, что это может быть злая шутка!

В одной руке Скирвин держал револьвер, другой подтолкнул Юбера к лестнице. Сработал жестокий инстинкт самосохранения: кинжал оказался в пальцах Юбера, и он ударил изо всех сил...

Глухой хрип; большая тяжесть, давящая на кинжал. Пистолет упал, скатился по ступеням. Юбер осторожно положил бывшего соотечественника поперек лестницы.

Он собрался вытащить клинок, но на его руке сомкнулись ледяные пальцы.

– Не вынимай... дружище... Я сам виноват. Я не подумал... Подойди ближе...

Юбер осторожно поставил колено на ступеньку и прислушался. Он не выпустил рукоятку кинжала, готовый ударить второй раз, если его противник попытается устроить ему новую подлость.

– Ты ошибся, дружище. Это я уложил все в посылку Ирины. Она ничего не знала. Это был единственный способ. Охранники не стали обыскивать передачу, принесенную полковницей...

Юбер чувствовал себя парализованным. Его мозг окружала стеклянная стена, мешавшая думать.

– Я был на твоей стороне, дружище... Смит тебе расскажет обо мне...

Голос стал тише, дыхание свистящим.

– Почему ты подстроил мой арест? – машинально спросил Юбер.

– Из Александровска меня предупредили, что на твой след вышел комиссар из Адатиума. Мне пришлось опередить его... чтобы не влипнуть самому. Сечешь?

Молчание. Скирвин шумно дышал. К Юберу вернулась вся ясность рассудка, и он почувствовал, что его преследует злой рок.

– Только ничего не говори, – сказал Скирвин, как будто угадав его мысли. Я сам виноват... Я хотел тебе сказать: Глазовский удрал на МИГ-17 три дня назад. Он благополучно долетел. Об этом сообщило радио соседей. Ты хорошо его обработал, парень. Он созрел, чтобы сделать эту глупость...

Юбер хотел вставить слово.

– Нет, послушай меня. Время поджигает, дружище. Грузовик ждет, это не туфта. Спрячься в кузове. Грузовик едет в Пилтун, на восточном побережье, за запчастями. Перед городком он остановится. Ты потихоньку вылезешь и спрячешься в лесу. Когда услышишь высвистываемую мелодию "Интернационала", можешь выходить. Все продумано, поверь мне...

Пальцы Скирвина сжались на руке Юбера.

– Теперь беги! Ты не можешь терять время.

– Я возьму тебя с собой, – предложил Юбер.

– Нет, дружище. Мне хана. По-дурацки. По дурацки...

Юбер распрямылся, оставив кинжал в груди лжепредателя Скирвина. Уходя, он услышал:

– Скажи Смиту, что двести тринадцатый погиб по-дурацки...

Он открыл дверь, заметил грузовик в двадцати метрах дальше. С комком в горле, весь в поту, он продолжил путь. Вокруг все было спокойно. Он забрался в кузов и скользнул под брезент. Под ногами лежали старые мешки. Он наощупь лег и накрылся ими с головой.

* * *

Не имея часов, Юбер не мог знать, сколько времени назад грузовик выехал из Лакарстова. Выезд из лагеря прошел без осложнений. Часовые даже не заглянули в кузов.

Уже некоторое время Юбер стоял на коленях на мешках, держась за заднюю стенку кузова, и следил за дорогой, раздвинув брезент. Машина ехала по лесу. На последнем указательном щите Юбер смог прочитать, что до Пилтуна шесть километров.

Грузовик резко затормозил, и Юбер, отлетев назад, упал на мешки, но быстро поднялся. Он услышал, как шофер ругался, потом как он вылез из кабины и захлопнул дверцу. Юбер осторожно выглянул из-под брезента. Поперек дороги лежало дерево среднего размера, которое вполне мог передвинуть один человек.

Операция по очистке дороги заняла не больше двух минут, и шофер снова сел за руль. Для Юбера наступил момент действовать. Он перемахнул через борт кузова и прыгнул на землю в ту секунду, когда грузовик тронулся с места.

Юбер перепрыгнул через придорожную канаву и скрылся за деревьями. Полная темнота. Он услышал, что грузовик прибавил скорость, и вскоре шум его мотора затих вдали.

Прислонившись к дереву, он замер. Его окружал необыкновенный покой, как в начале мира. Слышались только удары сердца в сдавленной груди. В Лакарстове уже должны поднять тревогу. Надзиратель, очевидно, обнаружил его бегство при четырехчасовом обходе. Потом они нашли на лестнице тело Скирвина, наверняка мертвого.

При мысли о Скирвине горло Юбера сжалось от неприятного чувства. Почему он подошел к нему с таким двусмысленным видом? Он должен был предусмотреть, что Юбер, уже настроенный против него, без колебаний попытается убрать его во время побега, спасая собственную жизнь. "Скажи Смиту, что 213-й погиб по-дурацки!" Это была правда.

Теперь Юбер все понял. Скирвин, агент ЦРУ, очевидно, был связан с антикоммунистической организацией, в которую входили Такара и Маннова. Его предупредили о приезде Юбера в Погоби, он сумел устроить его приезд в Лакарстов и взять к себе помощником, чтобы облегчить ему работу...

Невдалеке кто-то начал насвистывать "Интернационал". Юбер дождался перерыва и с сильно забившимся сердцем засвистел в свою очередь.

Шум шагов по опавшим листьям и хруст веток. Совсем рядом появилась высокая стройная фигура и голос спросил по-немецки:

– Где вы?

Маннова. Вот это сюрприз!!!

– Здесь, – ответил он, направляясь к ней.

Наступило смущенное молчание, потом он в порыве обнял ее и прижал к себе.

– Счастлив увидеть вас вновь.

Лин держалась очень натянуто и ответила ледяным голосом:

– Догадываюсь.

Он прекрасно понял, что она хотела сказать: он был счастлив от того, что в данный момент она представляла для него единственную надежду на спасение. Это было правдой по меньшей мере на восемьдесят процентов. Ему захотелось объяснить ей, что означали остальные двадцать, но она высвободилась и взяла его за руку.

– Пойдемте.

В пятидесяти метрах на грунтовой дороге стояла маленькая черная машина с выключенными огнями.

– Садитесь.

Она заняла место за рулем, вырулила задним ходом на шоссе и поехала в Пилтун.

– В Лакарстове подняли тревогу, – объявила она, не сообщая источник информации. – Не думаю, чтобы они догадались, как вам удалось уехать на грузовике, но вся милиция Сахалина поднята по тревоге...

Он молчал. Присутствие рядом этой хладнокровной и решительной женщины давало ему чувство безопасности, подкрепляемое его собственными силами. Вдвоем они могли преодолеть любые кордоны.

– Я прочла телеграмму об объявлении вас в розыск, – продолжала она, резко свернув на узкую каменистую дорогу, шедшую в Пилтун. – Там сказано, что при побеге вы убили человека.

Он решил не говорить ей, кого убил.

– Верно. Когда я собирался залезть в грузовик, передо мной появился человек с револьвером в руке. Я ударил его ножом. У меня не было выбора...

– Разумеется, – сказала она.

Дорога, изрытая рытвинами, извивалась по лесу. Лин Маннова спросила:

– Говорят, несколько дней назад один пилот из Лакарстова перелетел в Японию на МИГ-17 и сел на американский аэродром. Это правда?

– Да, правда.

Секундная пауза.

– Вы приезжали ради этого?

– Да, частично.

– Поздравляю.

Лес внезапно закончился, и перед ними возникло море, темное и величественное.

Лин остановила машину под пихтой, нижние ветки которой касались крыши.

– Какая программа? – спросил он.

– Сейчас увидите.

Они вышли. Лин сделала знак следовать за собой и повела его к краю утеса, выступавшего в этом месте, образуя узкую бухту. Козья тропа спускалась по склону скалы. Она пошла первой.

Им потребовалось добрых пять минут, чтобы выйти на маленький пляж из темно-серого песка. Шел прилив, и волны с силой разбивались в нескольких шагах от них. Лин Маннова вынула из кармана фонарь, направила его в сторону моря и послала несколько световых сигналов.

Почти тотчас ей ответили таким же образом. Впереди быстро замигал белый огонек.

– Подлодка, – объяснила наконец Маннова. – Они выслали шлюпку.

Юбер не чувствовал никакой радости. Он находился в странном состоянии и мог только "присутствовать", но не "участвовать".

– Я немного не в себе, – сказал он.

Она поняла и подошла к нему.

– Я знаю, что это такое. Со мной это иногда случается... Какая-то отстраненность. Стеклянная стена вокруг.

Он взял ее за плечи и повторил:

– Стеклянная стена... Лин, мне нравится ваше лицо, а я уеду, так и не увидев его снова.

Ночь была такой темной, что он различал только ее фигуру и блеск глаз. Он прижал ее к себе. На этот раз она не сопротивлялась.

– Мы оба что-то упустили...

– Постараемся наверстать в следующий раз, – насмешливо ответила она.

– Следующего раза не будет, и вы это прекрасно знаете.

– Я ничего не знаю.

Она напряглась и прислушалась.

– Шлюпка подходит...

– Я не могу уехать так. Поцелуйте меня...

Она подставила ему губы с удивительной покорностью. Тотчас послышался скрип песка, и в темноте возникли очертания шлюпки.

Она прошла вперед и сказала несколько слов пароля. Юбер вошел в воду и перелез через борт.

– Помогите же мне, мужлан!

Он остолбенел, а она засмеялась:

– Я тоже еду.

И прыгнула к нему.

Матросы налегли на весла. Только когда шлюпка отошла от берега довольно далеко, к нему вернулся дар речи.

– Вы что, не могли мне этого сказать?

Не отвечая на вопрос, она объяснила ему на ухо:

– Из-за вас я провалилась, и, если бы осталась, рано или поздно они бы меня взяли. Может быть, прямо завтра... Это не могло продолжаться долго.

Она иронично добавила:

– Надеюсь, я найду работу в вашей стране.

– Уже нашли, – сказал Юбер. – Беру вас к себе экономкой.

И предусмотрительно добавил:

– С двухнедельным испытательным сроком.

– Я подумаю, – ответила она, садясь прямо?

* * *

Говард вошел в кабинет мистера Смита, пившего молоко.

– Хорошие новости, – бросил он. – Подлодка без проблем прошла Курилы и сейчас идет к Сан-Франциско.

Зазвонил телефон.

– Алло, – сказал мистер Смит. – Ну что там с Бермудами?

Мишель Бюсси

Черные кувшинки

*Памяти Джеки
Люка*

*Моне
показывает нам не
реальный мир, а его
видимость.*

*Ф. Робер-Кемпф,
«Орор», 1908*

*Нет, нет!
Только не черное! Не
для Моне! Черное —
это не цвет!*

*Жорж Клемансо. Из
надгробной речи на
похоронах Клода
Моне*

*(Мишель де Декер.
«Клод Моне», 2009)*

Описание деревни Живерни на страницах этой книги максимально соответствует действительности. Все упомянутые в ней места существуют на самом деле: отель «Боди», ручей Эпт, мельница «Шеневьер», школа, церковь Святой Радегунды, кладбище, улица Клода Моне, Шоссе Руа, Крапивный остров, не говоря уже о розовом доме Моне и пруде с кувшинками. То же относится к расположенным по

соседству достопримечательностям и селениям: музеем в Верноне и Руанскому музею изобразительных искусств, а также деревушке Кошерель.

Сведения о жизни и творчестве Клода Моне и судьбе его наследия абсолютно достоверны, так же, как сведения о других упоминаемых в книге художниках-импрессионистах, в том числе Теодоре Робинсоне и Эжене Мюрере.

Информация о похищениях произведений искусства почерпнута из газет.

Все остальное — выдумка автора.

В деревне жили три женщины.

Первая была злодейкой, вторая — вруньей, третья — эгоисткой.

Деревня называлась Живерни.

Первая жила на большой мельнице, стоявшей на берегу ручья, что бежит вдоль шоссе Руа; вторая — в квартире мансардного типа на верхнем этаже школы, на улице Бланш-Ошеде-Моне; третья, вместе с матерью, — на Водонапорной улице, в домишке с облупленными стенами.

Они не были ровесницами, о нет. Первой перевалило за восемьдесят, и она успела овдоветь. Ну, или почти овдоветь. Второй было тридцать шесть лет, и она ни разу не изменила мужу. Пока не изменила. Третьей исполнилось одиннадцать, и в нее были влюблены все одноклассники. Первая всегда одевалась в черное, вторая красилась, чтобы понравиться любовнику, а третья заплетала непослушные волосы в косички.

Вы уже поняли. Это были очень разные женщины. Но кое-что их объединяло. Все трое втайне мечтали уехать из дома. Да-да, они спали и видели, как бы покинуть Живерни — эту знаменитую на весь мир деревню, куда люди со всего света стремятся попасть хоть на денек.

Почему стремятся, вы тоже знаете. Из-за импрессионистов.

У первой из женщин — самой старой — хранилась очень красивая картина; вторая живо интересовалась художниками, а третья, самая молодая, хорошо рисовала. Даже очень хорошо.

Странное желание — покинуть Живерни, вы не находите? Но все они считали свою деревню тюрьмой. Вернее, большим и красивым

садом, окруженным прочной решеткой с крепко запертыми воротами. Чем-то вроде территории сумасшедшего дома. Или картиной-обманкой. То есть такой картиной, на которой изображение сливается с окружающей реальностью. Искусствоведы называют этот прием «трюмплей». На самом деле третья, самая юная, искала отца. За пределами деревни. Вторая искала любовь. А первая, самая старая, кое-что знала и про вторую, и про третью.

Но вот однажды — лишь однажды! — ворота сада открылись на целых тринадцать дней. Это случилось с 13 по 25 мая 2010 года. Ворота Живерни ненадолго открылись только для них — или они думали, что для них. Но открылись с одним условием — скажем прямо, жестоким. Вырваться на свободу могла лишь одна из трех. Оставшимся двоим пришлось бы умереть. Так уж вышло.

В их жизни эти тринадцать дней стали исключением из правила, продлившимся недолго и причинившим немало страданий. Они начались с убийства, произошедшего в первый день, и закончились еще одним убийством, произошедшим в последний. Как ни странно, интерес полиции возбудила только вторая, самая красивая женщина. Третья, самая невинная, провела собственное расследование, а первая, самая незаметная, спокойно наблюдала за происходящим. Хотя сама оказалась способной на убийство!

Ровно тринадцать дней. Время, достаточное для побега.

В деревне жили три женщины.

Первая была самой талантливой; вторая — самой хитрой; третья — самой решительной.

Угадайте, которой из трех удалось сбежать?

Третью, самую маленькую, звали Фанетта Морель. Вторую — Стефани Дюпен. Первая, самая старая, — это я.

Картина первая

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

13 мая 2010 года

(Живерни)

СБОРИЩЕ

1

Прозрачная речная вода окрашивается розовым. Медленно расплываются тонкие струйки, как в стакане, если окунуть в него кисточку в акварельной краске.

— Нептун, назад!

В потоке розовый цвет бледнеет и теряется на зеленом фоне склоняющихся с берега буйных трав, охры тополиных корней и ивовых зарослей. Его уже почти не видно.

Это могло бы быть красивым.

Если не знать, что вода в ручье покраснела не потому, что художник помыл в нем палитру. Она покраснела от крови из разбитой головы Жерома Морваля. Не просто разбитой, а раскроенной надвое. Кровь течет из глубокой, с ровными краями раны на макушке, и ее уносит течение Эпта — Жером лежит головой в ручье.

Моя немецкая овчарка подбежала поближе и стала нюхать.

— Назад, Нептун! Нельзя! — На этот раз я закричала уже громче.

Труп, наверное, обнаружат очень скоро. Хотя на часах всего шесть утра, но тут обязательно кто-нибудь появится. Праздный гуляка или художник, или любитель бега трусцой, или собиратель улиток... Любой, кто пройдет мимо, наткнется на тело.

Я остановилась чуть поодаль и стою, опираясь на палку. Земля раскисла — в последние дни без конца шли дожди и вода в ручье поднялась до берегов. В свои восемьдесят четыре года я не собираюсь изображать наяду, даже если весь ручей — не больше метра в ширину, да еще половину воды из него отвели, чтобы наполнить пруд в саду

Моне. Правда, говорят, сейчас пруд с кувшинками снабжается из подземной скважины.

— Нептун, ко мне! Пошли.

Я погрозила ему палкой, чтобы не смел совать нос в зияющую дыру на серой куртке Жерома Морваля. Там вторая рана. Прямо в сердце.

— Давай пошевеливайся. Не век же нам тут торчать.

Я в последний раз окинула взглядом мостки напротив и ступила на тропу. Ничего не скажешь, за дорогой хорошо ухаживают. Самые большие деревья вдоль обочин спилили, кустарник расчистили. Еще бы, по ней каждый день шествуют тысячи туристов. Сегодня здесь легко пройдет и детская коляска, и инвалидное кресло. И старуха с палкой. Например я.

— Нептун! Все, пошли!

Я свернула с тропы чуть дальше, там, где русло Эпта разделяется на два рукава, запертые запрудой и каскадом. На той стороне расположен сад Моне с его кувшинками, японским мостиком и оранжереей... Странно. Я родилась здесь в 1926 году, в год смерти Клода Моне. На протяжении следующих почти пятидесяти лет сад пребывал в полном запустении. Но потом колесо провернулось, и ныне десятки тысяч японцев, американцев, русских или австралийцев ежегодно пересекают чуть ли не весь земной шар, чтобы пройти по Живерни. Сад Моне превращен в священный храм, в мекку, в кафедральный собор... Кстати, скоро паломники будут здесь.

Я посмотрела на часы. 6:02. Еще пара часов покоя.

Я пошла дальше.

Между тополями и гигантскими лопухами белокопытника стоит памятник Клоду Моне. Скульптура косится на меня злобным взглядом потревоженного соседа. Подбородок спрятан под бородой, на голове — нечто, смутно напоминающее соломенную шляпу. Надпись на цоколе цвета слоновой кости указывает, что бюст установлен в 2007 году. Рядом — деревянная табличка, на которой написано, что хозяин присматривает за «лугом». За своим лугом! За полями, за ручьем по имени Эпт, бегущим к Сене, за рядами тополей, за поросшими лесом берегами... За всем тем, что его волшебная кисть переносила на полотно. За тем, что она увековечила. Покрытые лаком, эти ландшафты не поддаются разрушению.

Конечно, в шесть утра деревня еще способна кого-то ввести в заблуждение. Передо мной — чистый горизонт, пшеничные и кукурузные поля, поляны маков. Но я не собираюсь никого обманывать. На самом деле луг Моне почти весь день служит парковкой. Если точнее, четырьмя парковками, раскинувшимися вокруг гудронового стебля, как лепестки асфальтовой кувшинки. В моем возрасте я уже имею право так говорить. Я ведь год за годом наблюдала, как меняется окружающий пейзаж. Сегодня деревня Моне — это витрина супермаркета.

Нептун трусил в паре метров за мной, но вдруг ринулся вперед. Пробежал через парковку, помочился на деревянную ограду и рванул в поле, к слиянию Эпта и Сены. Там, между двумя речками, расположена небольшая полоска суши, почему-то именуемая Крапивным островом.

Я вздохнула и пошла по тропе дальше. Не бежать же мне за ним — в мои-то годы! Пес исчез из виду, но вскоре вернулся назад. Дразнит он меня, что ли? Я не стала его окликать. Он снова нырнул в пшеничные заросли. Теперь Нептун так развлекается. Отрывается от меня метров на сто. Всем жителям Живерни известна эта псина, но мало кто знает, что она моя.

Миновав парковку, я направилась к мельнице «Шеневьер». Там теперь мой дом. Лучше вернуться, пока не нахлынула толпа. Мельница «Шеневьер» — самая красивая постройка вблизи сада Моне и единственная, возведенная на берегу ручья, но с тех пор как они превратили луг в заповедник толя и шин, я чувствую себя кем-то вроде исчезающего вида. Сажу в клетке на потеху зевакам с фотоаппаратами. Для перехода с парковки в саму деревню через ручей перекинута четыре мостика, один из них — прямо перед моим домом. До шести вечера я живу словно в окружении. Потом деревня затихает, луг возвращается под надзор ивняка, и Клод Моне может открыть свои бронзовые глаза, не боясь, что от бензиновой вони на него нападет приступ кашля.

Ветер колыхал лес зеленых колосьев, кое-где расцвеченный красными пятнами маков. Уверена: если смотреть на эту картину с дальнего ракурса, со стороны Эпта, она напомнит полотно импрессиониста. Какая гармония теплых рассветных красок! И единственная черная точка в самой глубине.

Старуха в черных одеждах. То есть я.

Чистая нота меланхолии.

— Нептун! — крикнула я еще раз.

Не знаю, как долго я простояла, наслаждаясь хрупким покоем. Не меньше нескольких минут, пока не появился бегун трусцой. Он протопал мимо меня. В ушах — наушники от MP3-плеера. Майка. Кроссовки. На лугу он смотрелся чужеродным телом. Первый, но не последний — вскоре за ним явятся другие нарушители спокойствия. Я слегка кивнула ему, он кивнул мне и удалился, оставив за собой доносящийся из наушников электронный стрекот. Он свернул к бюсту Моне, водопадику и запруде. Наверное, назад побежит вдоль ручья, стараясь, как и я, не вляпаться в грязную жижу у обочины тропы.

Я села на скамейку и стала ждать. Я знала, что продолжение последует.

На парковке еще не было ни одной машины, когда на шоссе Руа, между мостками и моим домом, резко затормозил полицейский фургон. В двадцати шагах от утопленника. От Жерома Морваля.

Я поднялась.

Позвать еще раз Нептуна? Я вздохнула. Ладно, дорогу он знает. Мельница «Шеневьер» в двух шагах. Бросив последний взгляд на выбирающихся из фургона полицейских, я пошла к своему дому. С мельничной башни, с пятого этажа, окрестности видны не в пример лучше. И никто не догадается, что ты за ним наблюдаешь.

2

Первым делом инспектор Лоренс Серенак огородил место преступления широкой оранжевой лентой, закрепив ее на ветках ближайших деревьев.

Ему сразу стало ясно, что дело будет трудным. Хорошо, что, получив звонок из Вернона, он сообразил прихватить с собой еще трех сотрудников. Первому, агенту Лувелю, он поручил не пускать к трупу зевак, которых на берег ручья набежало уже немало. Поразительная вещь! Только что полицейская машина ехала через безлюдную, словно вымершую, деревню, и вот, не прошло и нескольких минут, уже собралась целая толпа. Можно подумать, жителям больше делать нечего, как только глазеть на место убийства. В том, что это именно убийство, он не сомневался — не зря проучился три года в Тулузской

школе полиции. Серенак еще раз осмотрел рану в сердце, расколотый череп и опущенную в воду голову мертвеца. Агент Мори — самый подкованный в комиссариате Вернона по научно-технической части — внимательно исследовал оставленные на земле рядом с трупом следы ног и готовился делать слепки из быстро застывающего гипса. Задание зафиксировать следы прежде, чем кто-либо из них приблизится к трупу, ему дал Серенак. Бедолага был мертвее мертвого, так что немножко подождет. Главное — не затоптать место преступления, пока тело не будет сфотографировано, а улики не собраны в пластиковые контейнеры.

На мосту появился запыхавшийся инспектор Сильвио Бенавидиш. Жители деревни чуть расступились, пропуская его вперед. Серенак велел ему бегом бежать в Живерни с фотографией покойника и постараться разузнать о нем все, что можно, а еще лучше — установить личность убитого. Инспектор Серенак не так давно служил в полиции Вернона, но успел понять, что Сильвио Бенавидиш — идеальный подчиненный, точно и четко выполняющий приказы и прекрасно справляющийся с писаниной. Заместитель, о каком можно только мечтать! Правда, ему малость не хватает инициативности, но... Серенак чувал, что дело тут не в отсутствии знаний и опыта, а в простой робости. В общем, преданный парень! Ну, в смысле — преданный работе, разумеется. Потому что инспектор Лоренс Серенак подозревал, что на самом деле Бенавидиш относится к нему, недавнему выпускнику Тулузской школы и своему непосредственному начальнику, как к неопознанному полицейскому объекту. Серенака назначили руководить комиссариатом Вернона четыре месяца назад, даже не присвоив звания комиссара. Как еще должны здесь, в Верхней Нормандии, воспринимать парня, которому не исполнилось еще и тридцати лет, который говорит с южным акцентом, к преступникам обращается как к школьным приятелям, а на место преступления смотрит с пресыщенным цинизмом?

«Впрочем, как знать...» — подумал Серенак. Просто людям здесь живется нелегко. Не только полицейским, конечно. Всем. Особенно в Верноне, который только на карте является частью Нормандии, а по сути — просто пригород Парижа. Граница с департаментом Иль-де-Франс проходит как раз по Живерни, буквально в паре сотен метров

отсюда, по тому берегу основного рукава реки. Но местные жители не считают себя парижанами. Они нормандцы, и точка! Те еще снобы. Один тип тут как-то втирал ему, что на Эпте — этом ручейке, в прошлом отделявшем Францию от Англо-нормандского королевства, — людей полегло больше, чем на Мёзе или Рейне...

Вот дурачье.

— Инспектор!

— Блин, да зови меня просто Лоренс. Сколько раз говорить...

На лице Сильвио Бенавидиша нарисовалось замешательство. Инспектор Серенак выпалил это перед агентами Лувелем и Мори, не считая полутора десятков зевак и плавающего в крови трупа. Нашел время выяснять, на «ты» они или на «вы».

— Э-э... Да. Э-э, патрон... Мне кажется, нам надо действовать с предельной осторожностью. С установлением личности жертвы проблем нет. Его здесь все знают. Вроде как крупная шишка. Зовут Жером Морваль. Известный хирург-офтальмолог. У него свой кабинет в Париже, на улице Прудона, в Шестнадцатом округе. Здесь живет чуть ли не в самом лучшем доме, номер семьдесят один по улице Клода Моне.

— Жил, — поправил его Серенак.

Сильвио молча проглотил упрек. Видок у него при этом был как у рекрута, только что вытащившего жребий, означающий, что его отправляют на Русский фронт. Или как у жителя юга, командированного на Северный полюс. Или как у полицейского, получившего назначение в Нормандию. Серенак улыбнулся. Если кому и надо кривить рожу, так это ему.

— Ладно, Сильвио, — сказал Серенак. — Отличная работа. Не бери в голову. А биографию трупа расскажешь чуть позже.

Серенак подлез под оранжевую ленту.

— Людо, как там у тебя? Подойти-то уже можно?

Людовик Мори кивнул. Собрав гипсовые слепки, он отошел в сторону, пропуская Серенака, который ступил в прибрежную грязь. Одной рукой он уцепился за ветку ближайшего ясеня, а вторую вытянул в направлении трупа.

— Сильвио, подойди-ка. Взгляни. Довольно странный способ убийства, не находишь?

Бенавидиш приблизился. Лувель с Мори повернулись и с интересом уставились на товарища, словно понимая, что сейчас шеф будет показывать тому мастер-класс.

— Посмотрите все на рану — на теле, а не на голове. Очевидно, Морваль был убит холодным оружием — ножом или чем-то вроде того. Удар нанесен прямо в сердце. Думаю, нам не обязательно дожидаться протокола вскрытия, чтобы предположить, что этот удар был смертельным. А теперь взгляните на следы, оставленные на земле. Что мы видим? Тело волокли несколько метров, до самой воды. Спрашивается, зачем? Зачем преступник перетащил труп? Зачем он взял булыжник — или другой тяжелый предмет — и разбил жертве голову? Практически проломил череп — от макушки до виска. И опять встает вопрос: за каким фигом?

Лувель робко — ни дать ни взять ученик за партой — поднял руку.

— Может быть, Морваль умер не сразу?

— Да ну? — насмешливо произнес Серенак. — С такой раной в сердце? Слабо верится. Но даже если допустить, что он еще был жив, почему не добить его тем же ножом? Я спрашиваю, зачем он тащил его к воде и зачем расколотил ему черепушку?

Сильвио Бенавидиш молчал. Людовик Мори озирали окрестности. На берегу ручья лежал большой — с футбольный мяч — камень, испачканный кровью. Агент уже взял с него образцы крови и тканей.

— Может, потому, что заметил этот камень? — рискнул высказаться он. — Воспользовался тем, что попало под руку...

У Серенака блеснули глаза.

— Нет, Людо, я с тобой не согласен. Давайте, парни, смотрите внимательно. Здесь есть еще кое-что странное. Что вы можете сказать о береговой полосе длиной примерно двадцать метров?

Инспектор Бенавидиш и оба агента послушно повели глазами вдоль берега ручья, но понять, что имеет в виду Серенак, так и не смогли.

— Больше никаких камней здесь нет! — торжествующе провозгласил Серенак. — Хоть весь ручей осмотрите, ни одного не найдете! Значит, камень принесли сюда специально. А если его приподнять? Смотрите, под ним травка — примятая, но свежая. И на самом камне — никаких следов сухой земли. Так что же забыл тут этот камешек? Преступник принес его с собой, вот что я вам скажу!

Агент Лувель согнал с моста зевак на правый берег ручья, со стороны деревни. Но Серенака присутствие зрителей беспокоило меньше всего.

— Мальчики! — продолжил инспектор. — Если коротко, дело было так. Жерома Морваля закололи ножом на тропе. От удара в сердце он скончался на месте. Затем убийца отволокло его тело на берег ручья, а это примерно шесть метров. После чего пошарил в окрестностях в поисках камня покрупнее — думаю, этот потянет килограммов на двадцать, — вернулся и разбил Морвалью голову. Но и это еще не все. Обратите внимание, в какой позе лежит убитый. Головой в воде! Не слишком естественное положение, не так ли?

— Так вы же сами только что сказали, патрон, — почти сердито пробурчал Мори. — Убийца стукнул Морваля камнем по башке. Тот упал и плюхнулся головой в воду...

— Чисто случайно, ага! — иронически заметил Серенак. — Его бьют по голове, и он оказывается головой в ручье. Нет, ребята, готов держать пари на что угодно, все было не так. Попробуйте взять камень и долбануть Морваля по башке. Прямо тут! Хоть тысячу раз ударьте, труп ни разу не упадет так, как лежит сейчас — чтобы голова ушла под воду на десять сантиметров. Решение, друзья мои, гораздо проще. Мы имеем дело с тройным убийством, хотя жертвой стал один человек. Я пыряю его ножом — раз! Я проламываю ему череп — два! И я топлю его в ручье — три!

Его губы тронула кривоватая улыбка.

— У нашего преступника был очень серьезный мотив. Он очень сильно ненавидел Жерома Морваля.

Лоренс Серенак повернулся к Сильвио Бенавидишу.

— Нашему окулисту не повезло. Кто-то решил убить его, да не один раз, а целых три. Но это все же лучше, чем если бы преступник убил трех человек по одному разу.

Серенак подмигнул инспектору Бенавидишу, который казался все более смущенным.

— Я не собираюсь сеять в деревне панику, — продолжил он, — но сцена преступления ясно свидетельствует о его преднамеренном характере. Вы только посмотрите на... ну не знаю, на композицию, что ли. Он как будто картину писал! Продумал каждую деталь. И место

выбрано со смыслом — деревня Живерни. И орудия убийства — нож, камень, вода...

— Неужели месть? — предположил Бенавидиш. — Или что-то типа ритуального убийства?

— Не знаю, — ответил Серенак. — Посмотрим. Пока ничего не понятно. Мы не видим во всем этом никакого смысла. Мы — но не преступник.

Лувель вяло оттеснял с моста зрителей. Сильвио Бенавидиш стоял молча, но его лицо выдавало напряженную работу мысли. Он явно пытался обдумать сказанное Серенаком и отделить в его словах здоровые зерна от плевел провокации.

Внезапно из-за тополей к ним метнулась темная тень, проскочила под лентой ограждения и подбежала к берегу. Агент Мори попытался ее удержать, но тень оказалась проворнее.

Немецкая овчарка!

Пес остановился рядом с Серенаком и принялся тереться о его ноги, весело помахивая хвостом.

— Эге-ге! — сказал инспектор. — А вот и наш первый свидетель.

Он повернулся к толпящимся на мосту жителям деревни Живерни.

— Кто-нибудь знает, чья это собака?

— Конечно! — тут же отозвался пожилой мужчина в вельветовых брюках и твидовом пиджаке — наверное, художник. — Это же Нептун. Наш, деревенский. Он ничей, в смысле — общий. С мальчишками бегают. Туристов встречает. Его тут каждый знает.

— Ну, здравствуй, мой хороший, — сказал Серенак, присаживаясь перед псом на корточки. — Значит, ты наш первый свидетель? Тогда скажи мне: ты видел убийцу? Запомнил его? Ладно, я тебя вызову попозже, сниму показания. А пока у меня тут еще работенка...

Инспектор отломил у ясеня сук и швырнул его на несколько метров. Нептун с готовностью включился в игру — побежал за палкой, схватил ее зубами и вернулся. Сильвио Бенавидиш с изумленным видом наблюдал за дурачествами шефа.

Серенак, успев подняться на ноги, внимательно озирает окрестности: сложенные из кирпича и глины мостки, мост над ручьем, а сразу за ним — странное двурогое сооружение с фахверковыми стенами, над которым возвышалась пятиэтажная башня. На одной из

стен было выбито: «Мельница „Шеневьер“». «Надо будет обойти близлежащие дома, — подумал он, — опросить возможных очевидцев». Хотя он понимал, что шансов найти свидетеля мало: преступление было совершено около шести часов утра.

— Мишель, попроси публику сдать назад. Людо, дай мне перчатки. Поглядим, что у нашего окулиста в карманах. Тело пока двигать не будем, так что придется замочить ножки.

Серенак скинул кроссовки, снял носки и закатал джинсы. Натянул протянутые ему агентом Мори прозрачные перчатки и ступил голыми ногами в ручей.левой рукой опираясь для равновесия о тело Морваля, он запустил правую в карман куртки и извлек на свет кожаный бумажник, который передал Бенавидишу. Помощник открыл бумажник — в нем лежало удостоверение личности.

Исчезли последние сомнения. Убитого звали Жером Морваль.

Серенак продолжал шарить в карманах трупа. Носовые платки. Ключи от машины. Каждая новая находка переходила из одной затянутой в перчатку руки в другую затянутую в перчатку руку, чтобы завершить свой путь в пластиковом контейнере.

— Блин, а это еще что за...

Пальцы Серенака вытянули из внутреннего кармана куртки покойника смятый картонный прямоугольник. Инспектор опустил глаза. Почтовая открытка. На лицевой стороне — репродукция картины Моне «Водяные лилии», они же «Нимфеи», они же «Кувшинки». Эту в голубых тонах. Таких открыток в мире продаются миллионы. Серенак перевернул открытку.

Текст, выписанный печатными буквами, отличался лаконичностью: «ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ. С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ».

Сразу под этими пятью словами была приклеена узкая полоска бумаги, явно вырезанная из какой-то книги. «Преступно мечтать, ждет виновного кара».

Что за чертовщина?

От ледяной воды у Серенака свело щиколотки, словно на них защелкнулись стальные наручники. Подняв голову к зевакам, толпившимся вокруг портомойни, словно на остановке в ожидании автобуса, он крикнул:

— У Морваля были дети? Лет десяти-одиннадцати?

Сообразительнее всех снова оказался художник в вельвете и твиде:

— Нет, господин комиссар. Точно нет.

Вот зараза.

Поздравительная открытка перекочевала в руки инспектора Бенавидиша. Серенак еще раз оглядел окрестности. Портомойня. Мост. Мельница. Деревня Живерни — она как раз только-только начала просыпаться. Вдали едва виднеется сад Моне. Луг. Шеренги тополей.

Низкие облака, плывущие над кронами деревьев.

И странные слова, мгновенно впечатавшиеся в память.

«Преступно мечтать, ждет виновного кара».

Его внезапно охватило чувство, что в этом импрессионистском пейзаже явно что-то не так.

3

Я стояла у окна на верхотуре мельницы «Шеневьер» и наблюдала за полицейскими. Тот, что был в джинсах, — по всей видимости, старший, — все еще стоял голыми ногами в воде. Трое других остались на берегу. Вокруг толкались деревенские жители — человек тридцать дураков, которых хлебом не корми, дай поглазеть хоть на что-нибудь. Театр им тут, что ли?

Я невольно улыбнулась. Чем я от них отличаюсь? Тоже глазею, только запаслась билетом на лучшие места. Я их вижу, они меня — нет.

У меня вырвался короткий нервный смешок.

Что делать дальше?

Полицейские вытащили из белого фургона большой пластиковый мешок — судя по всему, собираются упаковать труп. В голове по-прежнему упрямо вертелся вопрос: что я должна делать? Пойти сдаться полиции? Рассказать комиссару из Вернона все, что мне известно?

Но разве полицейские поверят бредням полоумной старухи? Может, лучше затаиться и выждать? Хотя бы несколько дней. Всего несколько дней. Понаблюдать за происходящим. Незаметной серой мышкой пошмыгать тут и там, посмотреть, как будут развиваться события. Ну и, конечно, надо поговорить с вдовой Жерома Морваля, с Патрисией. Это я просто обязана сделать.

А вот беседовать с полицией...

Внизу, на берегу ручья, трое полицейских потащили из воды труп Жерома Морваля. Ни дать ни взять — здоровенный кус замороженного мяса, сочащийся кровью. Нелегко им, бедняжкам. Они

напомнили мне рыбаков, поймавших слишком крупную рыбину. Четвертый, тот, что все так же стоял в воде, смотрел, как они волокут тело. Мне показалось, или он действительно улыбался? Насколько я могла судить, глядя издали, вся эта история доставляла ему искреннее удовольствие.

Или я напрасно терзаю себя сомнениями? Если я поговорю с Патрисией Морваль, велик риск, что остальные догадаются. В первую очередь полиция. Вдова — известная болтушка. В отличие от меня. В том смысле, что я еще не вдова. Вернее говоря, не совсем вдова.

Я ненадолго прикрыла глаза. Всего на минуточку.

Решено.

Я не стану разговаривать с полицейскими. Превращусь в серую мышку. Хотя бы на несколько дней. В конце концов, если они захотят меня найти, то найдут. Я уже не могу быстро бегать — в мои-то годы. Догадаются они пойти за Нептуном? Я открыла глаза и посмотрела на свою собаку. Пес залег в зарослях папоротника, в паре десятков метров от берега. Я знаю, что он не менее внимательно, чем я, изучает место преступления.

Да, я все решила правильно. Выжду несколько дней — хотя бы до тех пор, пока не овдовею. Надо же соблюсти минимум приличий. Потом буду действовать по обстоятельствам. Когда-то давно я читала один чрезвычайно оригинальный детектив. Действие в нем происходило в каком-то английском поместье, но было показано глазами кота. Да-да, именно кота! Он присутствовал при всех событиях, и на него, что естественно, никто не обращал внимания. Можно сказать, что он по-своему вел расследование — слушал, смотрел, вынюхивал... Автор так здорово закрутил сюжет, что я не удивилась бы, если бы убийцей оказался тот самый кот. Но не буду выдавать вам тайну, может, когда-нибудь сами прочтете эту книжку. Я просто хочу сказать, что намерена стать кем-то вроде этого кота — существом, которое все видит и слышит, оставаясь вне подозрений.

Я снова выглянула в окно.

Труп Морваля уже почти засунули в пластиковый мешок. С моей точки обзора он напоминал сытую анаконду. Из-за не до конца застегнутой «молнии» выглядывала только макушка головы. Трое полицейских стояли, тяжело дыша. Мне показалось, что они ждут разрешения начальника, чтобы достать сигареты и закурить.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

14 мая 2010 года

(Мельница «Шеневьер»)

ТЫКАНЬЕ

4

Как же они меня достали со своей писаниной! Я раскладываю на тумбочке больничной палаты разноцветные листки. Рецепты, справки о медицинской страховке, свидетельство о браке, сертификат на владение домом, результаты анализов... Рассовываю документы по конвертам из крафт-бумаги. Часть из них потребуется больнице, но не все. Остальное взвешу и отправлю с почты в Верноне. Ненужные бумажки складываю в белую папку. Заполнила я не все — не во всем разобралась, так что нужно будет спросить у медсестер. Они меня уже хорошо знают. Вчера я провела здесь несколько часов — с середины дня до позднего вечера.

Я сидела в палате 126, изображая из себя без пяти минут вдову, скорбящую об умирающем муже, и слушала их оптимистичные прогнозы. Разумеется, лживые.

Моему мужу крышка, это очевидно. Если бы они знали, до какой степени мне на это плевать.

Скорее бы все кончилось. Это единственное, о чем я прошу.

Прежде чем уйти, я приблизилась к висящему в холле зеркалу в облупленной золоченой раме. Вгляделась в свое морщинистое застывшее лицо. Мертвое лицо. Закутала голову широким черным шарфом, похожим на чадру. Старухам следует закрывать лицо — никому не хочется на них смотреть. Даже здесь, в Живерни. Особенно здесь, в этой деревне, ставшей символом света и ярких красок. Старухи обречены жить в тени, во тьме и мраке. Они никому не нужны. Их никто не замечает. Никто не помнит об их существовании.

Это меня устраивает.

Я в последний раз осмотрелась и спустилась из своего донжона вниз. Так в Живерни называют башню мельницы «Шеневьер». Донжоном. Перед уходом еще раз машинально проверила, все ли вещи на своих местах, и тут же обругала себя за глупость. Сюда больше некому приходить. Я прекрасно об этом знаю, тем не менее с

маниакальной дотошностью навожу в башне порядок. По телевизору говорили, что такое поведение именуется навязчивым состоянием. Нечто вроде нервного тика. Правда, он никому не мешает. Кроме меня самой.

В самом темном углу глаз наткнулся на некую неправильность. Помоему, картина слегка перекосилась. Я медленно пересекла комнату. Так и есть. Чуть потянула раму за правый нижний угол и выровняла ее.

Мои «Кувшинки».

Черные.

Я специально повесила картину в таком месте, чтобы ее не было видно из окон. Как будто кто-то способен заглянуть в окно пятого этажа башни над нормандской мельницей.

Это мое убежище.

Картина висит в наименее освещенном, так называемом слепом углу. В сумраке темные пятна, колышущиеся на серой поверхности пруда, кажутся еще чернее.

Цветы скорби.

Самые мрачные из всех, что когда-либо изображала кисть художника.

Я с трудом спустилась по лестнице и вышла на улицу. Нептун ждал меня во дворе мельницы. Я выставила вперед палку, чтобы он ко мне не бросился: эта псина не понимает, что мне и так нелегко сохранять равновесие. Старательно закрыла дверь на три замка, опустила ключи в сумку и еще раз проверила запоры.

Только после этого я обернулась. С большого вишневого дерева во дворе опадали последние лепестки. Говорят, этой вишне сто лет. Говорят, она застала Моне. В Живерни обожают вишни. Вдоль парковки перед музеем американского искусства, который год назад переименовали в музей импрессионизма, высадили целую шеренгу вишневых деревьев. Вроде бы японских. Маленьких, карликовых. Мне это кажется странным. Зачем здесь эта экзотика? Как будто своих вишен мало. Но разве их поймешь? Говорят, что американские туристы страсть как любят смотреть на вишни в весеннем розовом цвету. Если бы меня спросили, я бы сказала, что от розовых лепестков, засыпавших парковку и крыши автомобилей, слишком явственно отдает куклой Барби, но кто меня спросит?

Я покрепче прижала конверты к груди, чтобы Нептун не хватанул зубами. Медленно переставляя ноги, двинулась вверх по улице Коломбье. Я шла не спеша и в тени увитого плющом портика перед входом в гостиницу остановилась передохнуть. Автобус на Вернон отходит через два часа. У меня полно времени. Вполне можно поиграть в маленькую серую мышку.

Я свернула на улицу Клода Моне. Вдоль каменных фасадов тянулись штокрозы и оранжевые ирисы, не хуже чертополоха пробившие гудроновое покрытие. Еще один символ Живерни. Я продвигалась со скоростью восьмидесятилетней старухи, которой и являюсь. Нептун, как всегда, удрал далеко вперед. Наконец я добрела до гостиницы «Боди». В окнах самого знаменитого в Живерни заведения были вывешены афиши, сообщавшие о проведении выставок и фестивалей. Размер афиш точно соответствовал размеру оконных проемов. Если задуматься, выглядело это довольно странно. Меня всегда занимал вопрос: что это — простое совпадение или результат сознательных усилий по подгонке одного к другому, или ясновидение архитектора, построившего здание в XIX веке, точно предугадавшего, какого размера будут в будущем стандартные рекламные афиши?

Впрочем, подозреваю, что вас эта загадка не слишком интересует. Напротив отеля за столиками кафе под оранжевыми зонтиками сидели на зеленых чугунных стульях два-три десятка посетителей, очевидно, желающие испытать те же чувства, что когда-то переполняли колонию американских художников, поселившихся здесь век назад. Еще одна странность, если задуматься. В позапрошлом веке американские художники приезжали сюда, в крошечную нормандскую деревушку, в поисках покоя и вдохновения. В наши дни Живерни способен подарить вам что угодно, только не покой. Лично я сегодняшнего Живерни вообще не понимаю.

Я села за свободный столик и заказала чашку черного кофе. Его принесла мне незнакомая официантка — видать, приехала подработать в сезон. Она щеголяла в короткой юбке и жилетке а-ля импрессионизм — с вышитыми на спине лиловыми кувшинками.

Носить на спине лиловые кувшинки — ну разве это не странно?

У меня, имевшей возможность наблюдать за всеми преобразованиями в Живерни, иногда возникает ощущение, что наша деревня превратилась в большой парк аттракционов. Парк впечатлений,

если хотите. Они постарались выжать из импрессионизма все, что только могли. Я сидела и тихо вздыхала — настоящая старая ведьма, привыкшая ворчать себе под нос. Вокруг меня собралась самая разношерстная публика. Молодая парочка читала путеводитель. Трое мальчишек лет пяти возились на гравийной дорожке — должно быть, родители в это время думали, что вместо пруда с лягушками им следовало отвезти своих отпрысков в бассейн. Увядшая американка пыталась на голливудском диалекте французского языка заказать себе чашку кофе по-льежски.

Они тоже были здесь.

Двое из них. Сидели в трех столиках от меня. То есть метрах в пятнадцати. Разумеется, я их сразу узнала — успела хорошенько разглядеть из окна мельничной башни. Инспектор, не побоявшийся замочить ноги во время осмотра трупа Жерома Морваля, и его робкий помощник.

Ясное дело, они глазели на молоденькую официантку. Похожая на серую мышку старуха не привлекла их внимания.

5

Инспектор Серенак смотрел на отель «Боди» сквозь солнечные очки. Оттого его фасад казался нарисованным сепией, а ножки хорошенькой официантки, сновавшей между столиками, приобрели золотистый оттенок румяного круассана.

— О'кей, Сильвио. Значит, ты еще раз проверишь, не осталось ли улики возле ручья. Знаю, основное уже отправили в лабораторию — слепки следов, тело Морваля и прочее. Но мы могли что-то упустить. Не спрашивай меня что — я сам не знаю. Просто сходи туда еще раз и все осмотри — портомойню, деревья, мостик. Заодно поищи свидетелей. А мне придется нанести визит вдове, Патрисии Морваль. Ничего не поделаешь. Тебе что-нибудь известно об этом самом Жероме Морвале?

— Да, Лора... э-э, патрон.

Сильвио Бенавидиш извлек из-под стола папку. Серенак проводил глазами официантку.

— Выпьешь что-нибудь? Рюмку пастиса?[1] Бокал белого вина?

— Нет, я ничего не буду.

— Что, даже кофе не выпьешь?

— Ничего. Не беспокойтесь.

Но в голосе Бенавидиша звучало колебание.

— Ладно, чаю выпью.

Лоренс Серенак властно поднял руку, подзывая официантку.

— Мадемуазель? Один чай и один бокал белого. У вас есть гайак?

[2]

Он повернулся к помощнику.

— Неужели так трудно называть меня на «ты»? Сильвио, я что, намного тебя старше? Мы с тобой в одном звании. Если я четыре месяца возглавляю комиссариат Вернона, это еще не значит, что мне обязательно надо «выкаты». У нас на юге даже патрульные обращаются к комиссару на «ты».

— А у нас на севере — нет. У нас дела так быстро не делаются. Но вы не волнуйтесь, патрон. Просто надо немного подождать...

— Наверное, ты прав. Сейчас скажешь, что у меня должен пройти период акклиматизации. Но я ничего не могу с собой поделаться. Меня прямо выворачивает, когда собственный зам называет меня «патрон».

Сильвио нервно крутил пальцы, словно не решался перечить начальнику.

— Если хотите знать мое мнение, дело не в том, кто с севера, а кто с юга. Вот мой отец, например. Он сейчас на пенсии, а до этого всю жизнь строил дома. По всей стране. И не только во Франции, но и в Португалии. И хозяева всегда обращались к нему на «ты», а он всегда им «выкал», даже если они были моложе его. Мне кажется, тут вся штука в том, что ты носишь — костюм с галстуком или рабочий комбинезон... Руки у тебя какие — в маникюре или в смазке... Не знаю, понятно я говорю или нет...

Лоренс Серенак распахнул кожаный пиджак, надетый на майку.

— Сильвио, где ты видишь галстук? Блин, мы оба с тобой инспекторы полиции...

Он громко рассмеялся.

— Ну ладно. Сам говоришь, надо подождать. Если честно, мне по душе твоя португальская скромность. Но вернемся к Морвалю. Что у нас есть?

Сильвио уставился в свои записи.

— Жером Морваль — уроженец этой деревни, сумевший выбиться в люди. Его семья перебралась в Париж, когда он был ребенком.

Морваль-старший тоже работал врачом, терапевтом, но не особенно разбогател. Довольно молодым Жером Морваль женился на некоей Патрисии Шерон. Им обоим тогда не было еще и двадцати пяти лет. Дальше начинается история его головокружительного успеха. Малыш Жером окончил медицинский факультет со специализацией по офтальмологии и вместе с пятью коллегами открыл кабинет в Аньере. Тут умирает папаша Морваль. Сынок вложил полученные в наследство денежки в собственный кабинет офтальмологической хирургии в Шестнадцатом округе Парижа. Внешне дела у него шли недурно. Насколько я понял, он считался виртуозом по удалению катаракты, то есть работал в основном с пожилым контингентом. Десять лет назад он решил вернуться в родные пенаты и купил в Живерни один из самых красивых домов — как раз между отелем «Боди» и церковью...

— Дети есть?

Официантка принесла им заказ и удалилась. Не успел Бенавидиш открыть рот, чтобы продолжить рассказ, как Серенак сказал:

— Хорошенькая, а? И ножки что надо.

Инспектор Бенавидиш пришел в явное замешательство — то ли издать удивленный вздох, то ли смущенно улыбнуться.

— Э-э... Ну да... То есть нет... То есть я хочу сказать: нет, у Морвалей не было детей.

— А врагов?

— Морваль вел довольно замкнутый образ жизни. В политику не связывался. Ни в каких общественных комитетах не состоял. У него и друзей-то практически не было. Зато был...

— Подожди! — перебил его Серенак и резко повернулся на стуле. — А вот и ты... Ну, привет!

Мимо ног Бенавидиша под стол прокралось мохнатое существо. Он вздохнул — на сей раз совершенно искренне. Серенак принялся трепать Нептуна по холке.

— Мой единственный свидетель! — приговаривал он. — Ну, здравствуй, Нептун!

Пес явно отзывался на кличку. Помахивая хвостом, он задрал морду, красноречиво глядя на кусок сахара, лежавший на блюде перед Сильвио. Серенак направил на пса указательный палец.

— Веди себя хорошо, договорились? Мы должны дослушать, что говорит инспектор Бенавидиш. И для этого нам понадобится все наше

терпение. Сильвио, так на чем ты остановился?

Сильвио заглянул в свои записи и монотонным голосом продолжил:

— У Жерома Морваля было в жизни два увлечения. Он предавался им со всей страстью и посвящал им все свое свободное время.

Серенак гладил Нептуна.

— Теплее...

— Так вот, две страсти. Короче говоря, живопись и женщины. В том, что касается живописи, мы, судя по всему, имеем дело с настоящим коллекционером, таким одаренным самоучкой. Он предпочитал импрессионистов, что вполне объяснимо. Кроме того, у него была своего рода идея-фикс. Я просто пересказываю, что услышал. Жером Морваль мечтал приобрести картину Клода Моне. Но не абы какую. Он хотел «Кувшинки». Вот такой вот окулист.

Серенак шепнул на ухо собаке:

— Ни фиги себе! Картину Моне! Даже если бы помог прозреть всем зажиточным дамочкам Шестнадцатого округа, вряд ли заработанных денег ему хватило бы на «Кувшинки» Моне. Но, — он перевел взгляд на помощника, — ты говорил про две страсти? Значит, на стороне орла у славного доктора Морваля были картины импрессионистов. А что было на стороне решки? Бабы?

— Все это не более чем слухи... Хотя Морваль не слишком и прятался. Соседи и сотрудники в основном высказывали сочувствие его жене Патрисии. Вышла замуж молодой, целиком материально зависела от мужа, следовательно, на развод надеяться не могла. Ей приходилось на все закрывать глаза. Ну, вы же понимаете, патрон...

Серенак одним глотком опустошил свой бокал.

— Если я патрон, то это и правда гайак, — скривившись, ответил он. — Но я тебя отлично понял, Сильвио. И знаешь что? Этот доктор начинает мне нравиться. Тебе удалось добыть пару-тройку имен? Его любовниц или мужей-рогоносцев? Желательно с преступными наклонностями?

Сильвио поставил на блюде чашку чая. Нептун смотрел на него влажными глазами.

— Пока нет. Но в том, что касалось любовниц, у Жерома Морваля тоже был пунктик.

— Да ну? Какая-нибудь неприступная красавица?

— Что-то в этом роде. Держитесь за стул, патрон. Это местная учительница. Говорят, первая красавица на деревне. И он вбил себе в голову, что должен добавить ее к списку своих трофеев.

— И?

— Больше я ничего не знаю. Это все, что мне удалось вытянуть из его секретарши и трех галеристов, с которыми он часто вел дела. Это, так сказать, версия самого Морваля.

— А учительница замужем?

— Да. И ее муж чрезвычайно ревнив.

Серенак повернулся к Нептуну.

— Видал? Нашему Сильвио палец в рот не клади! Это он только на вид тормоз тормозом, а на самом деле — гигант мысли. Человек-компьютер!

Он поднялся. Нептун, словно ждал лишь сигнала, вылез из-под стола и умчался вдаль по улице.

— Сильвио! Отправляйся-ка к ручью. Надеюсь, ты прихватил бродни и сеть? А я пойду выразить соболезнования вдове Морваля. Улица Клода Моне, дом семьдесят один? Я правильно запомнил?

— Правильно. Но вы не ошибетесь. Живерни — небольшая деревня. Здесь всего две длинные улицы, и они расположены параллельно одна другой. Первая — Клода Моне — тянется через всю деревню. Вторая — это шоссе Руа — дорога департаментского значения, она идет вдоль ручья. Между ними есть улочки, но маленькие и прямые, так что запутаться трудно.

Мимо них процокала каблучками хорошенькая официантка, направляясь с улицы Клода Моне к бару. На фоне стен гостиницы «Боди» — кирпич и терракота — освещенные солнцем штюкрозы казались мазками пастели. Серенак решил, что эта картина ему нравится.

6

Сильвио не ошибся. Дом номер семьдесят один по улице Клода Моне был здесь, вне всякого сомнения, самым красивым. Желтые ставни, увитый диким виноградом фасад, красивое сочетание обтесанного камня и фахверка, на подоконниках — герани в огромных горшках. Одним словом, чистый импрессионизм! Или Патрисия Морваль хорошо разбиралась в садоводстве, или имела в своем

распоряжении небольшую армию опытных специалистов, недостатка в которых, скорее всего, в Живерни не ощущалось.

На деревянном крыльце висел на цепочке медный колокольчик. Серенак позвонил, и дубовая дверь почти мгновенно распахнулась. Похоже, Патрисия его ждала. Чуть посторонившись, она пропустила инспектора в дом.

Серенак всегда придавал большое значение моменту знакомства с персонажами, так или иначе вовлеченными в расследование. Так сказать, *первому впечатлению*. Оно давало бесценный шанс прощупать собеседника, составить его психологический портрет. Вот и сейчас он намеревался взять мадам Морваль, что называется, тепленькой. Кто она такая? Несчастливая женщина, обманутая мужем, или равнодушная мещанка? Раздавленная судьбой одинокая душа или веселая вдова? Она ведь изрядно разбогатела. И обрела свободу. Теперь ей ничего не стоит отомстить покойному мужу за все перенесенные унижения. Искренне она скорбит или притворяется? Но с ходу «расколоть» Патрисию Морваль ему не удалось: он не смог взглянуть в ее глаза, спрятанные за толстыми линзами очков, отметив лишь, что они у нее красные.

Серенак ступил в коридор, вернее, в огромный, хоть и узкий, холл, который уходил в глубь дома, и тут же остановился, пораженный. Обе стены закрывали гигантские — не меньше пяти метров в длину — репродукции «Кувшинок» в довольно редком исполнении: красно-золотая гамма, ни неба, ни ивовых ветвей. Насколько помнил Серенак, картины относились к финальному этапу творчества Моне, то есть к 1920-м годам. Логика художника угадывалась достаточно просто: он стремился максимально сфокусировать взгляд на небольшом, всего в пару квадратных метров, участке пруда, убрав с полотна все лишнее. Не вызывало сомнений, что оформление коридора копировало «Оранжереи», хотя до стометровых стен парижского музея, сплошь увешанных «Кувшинками», дому окулиста было все же далеко.

Серенак вошел в гостиную. Это была обставленная в классическом стиле комната, в глаза бросалось разве что обилие разнородных безделушек. Но в первую очередь внимание посетителя привлекали картины на стенах. Их было с десятков, все — оригиналы. Познаний инспектора хватило, чтобы узнать в них работы авторов, начавших в последние годы приобретать известность как в художественном, так и в финансовом мире. Гребонваль, Ван Мейлдер, Габар... Судя по всему,

Морваль обладал тонким вкусом и хорошим чутьем, вкладывая деньги в перспективных художников. Если вдова сумеет отогнать от себя стервятников, которые наверняка слетятся на запах свежей крови, то о своем будущем ей волноваться не придется.

Инспектор сел. Патрисия явно нервничала — она сновала туда-сюда по гостиной, переставляя с места на место разные вещицы. На ней был пурпурного цвета костюм, делавший ее молочно-белую кожу какой-то безжизненной. Серенак дал бы ей лет сорок, может, чуть меньше. Далеко не красавица, она тем не менее обладала определенным обаянием, возможно, благодаря своей безупречной ухоженности. «Вряд ли она способна обворожить, — думал полицейский, — но впечатление производит».

— Инспектор, — заговорила она. — Вы абсолютно уверены, что речь идет об убийстве?

У нее был высокий, не слишком приятный на слух голос.

— Мне уже рассказали о том, что произошло, — продолжила она. — Ведь это вполне мог быть несчастный случай. Жером споткнулся, упал, ударился головой о камень и рухнул лицом в воду...

— Мы ничего не исключаем, мадам. Во всяком случае, до тех пор пока не получим протокола вскрытия. Однако не стану от вас скрывать: на данном этапе следствия мы рассматриваем убийство как основную версию.

Патрисия Морваль вертела в руках бронзовую статуэтку Дианы-охотницы, которую взяла с буфета. Серенак решил перехватить инициативу и принялся задавать вопросы, на которые Патрисия отвечала своим почти пронзительным голосом односложно, по три раза повторяя одно и то же слово.

— У него были враги?

— Нет. Нет-нет.

— Не замечали ли вы в последние дни каких-либо странностей?

— Нет. Нет.

— У вас большой дом. Ваш муж постоянно жил здесь?

— Да... Да. И да, и нет.

Серенак удивился.

— Расскажите об этом подробнее, мадам, прошу вас.

У него возникло ощущение, что каждое слово придется вытягивать из Патрисии Морваль клещами.

— Жером редко появлялся здесь на неделе. У него была квартира рядом с медицинским кабинетом в Шестнадцатом округе. На бульваре Сюше.

Инспектор записал адрес квартиры, отметив про себя, что это в двух шагах от музея Мармоттан. Наверняка не случайное совпадение.

— Значит, ваш муж часто не ночевал дома?

После долгого молчания она выдавила из себя:

— Да.

И принялась перебирать своими тонкими пальцами букет свежих цветов в расписанной японскими мотивами вазе. А Лоренсу Серенаку в голову пришла неожиданная мысль: эти цветы обречены на увядание. Скоро стены этой гостиной увидят их смерть. И гармония красок сгинет, припорошенная пылью времени.

— Детей у вас нет?

— Нет.

Теперь немного помолчал он.

— А у вашего мужа? Я имею в виду, от других женщин?

— Нет. — Патрисию Морваль выдал голос, резко понизившийся на целую октаву.

Серенак не спешил. Он достал из кармана открытку с «Кувшинками», найденную в кармане Жерома Морваля, и протянул ее вдове. Патрисию прочитала пять отпечатанных на машинке слов: «ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ. С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ».

— Мы нашли эту карточку в кармане вашего мужа, — уточнил инспектор. — У вас есть родственники? Друзья, имеющие детей? Для кого из них ваш муж мог приобрести эту открытку?

— Нет. Никто не приходит на ум. Правда, никто.

Инспектор дал ей еще немного подумать и лишь затем спросил:

— А откуда эта цитата?

Она перевела взгляд на открытку и прочитала странные слова: «Преступно мечтать, ждет виновного кара».

— Понятия не имею. Мне очень жаль, инспектор, но...

Она казалась искренне огорченной, что не в силах ему помочь. Лоренс положил открытку на стол.

— Это фотокопия, так что я оставляю ее вам. Оригинал пока побудет у нас. А вы все-таки подумайте. Если вдруг что-то вспомните...

Патрисия Морваль почти прекратила свои судорожные метания по комнате. Как муха, до которой наконец дошло, что ей ни за что не выбраться из перевернутого вверх дном стакана.

— У вашего мужа случались неприятности? — задал Серенак очередной вопрос. — Я имею в виду в профессиональной сфере? Ну, я не знаю, какая-нибудь неудачно проведенная операция? Недовольный пациент? На него не подавали жалоб?

Муха вдруг оживилась.

— Конечно нет! — с неожиданной злостью отозвалась она. — Никогда! На что вы намекаете?

— Нет-нет, я ни на что не намекаю, уверяю вас, — замахал руками инспектор.

Он перевел взгляд на картины на стенах.

— У вашего мужа определенно был художественный вкус. Как вы полагаете, он мог быть вовлечен в какие-либо... э-э... махинации, возможно, помимо собственной воли?

— Что вы хотите сказать?

Голос вдовы снова поднялся в верхний регистр, резанув инспектора по ушам. «Классика жанра, — подумал он. — Патрисия Морваль не желает признавать, что ее мужа убили. Допустить, что он пал жертвой убийцы, для нее означает согласиться, что кто-то ненавидел его так сильно, что пошел на преступление. Следовательно, его было за что ненавидеть?» Серенак не собирался расстраивать вдову, но считал необходимым осветить темные стороны жизни убитого.

— Я ничего не хочу сказать, — ответил он. — Я просто пытаюсь найти след, мадам Морваль. Мне говорили, что у него была... э-э... своего рода навязчивая идея. Приобрести полотно Моне. Это так?

— Да, вы правы, инспектор. Он мечтал купить Моне. Жером пользовался репутацией одного из лучших экспертов по творчеству Моне. И мечтал приобрести его картину. Не забывайте, он работал как одержимый. Его высоко ценили. И коллеги, и пациенты. Разве он не заслуживал того, чтобы его мечта осуществилась? Кроме того, он не просто жаждал заполучить Моне. Он мечтал о «Кувшинках». Не знаю, способны ли вы это понять, но Жером хотел стать обладателем картины, написанной здесь, в Живерни. В его родной деревне.

Слушая тираду вдовы, Серенак напряженно размышлял. *Первое впечатление!* Он разговаривал с Патрисией Морваль всего несколько

минут, но уже начал понимать, что она искренне скорбит по мужу. И причиной этой скорби был не страх остаться одной, а горячая, даже страстная любовь.

— Простите, мадам Морваль, что надоедаю вам вопросами. Но ведь у нас с вами одна цель — найти убийцу вашего мужа. Поэтому я вынужден задавать вам все эти вопросы, в том числе и самого личного свойства.

Патрисия Морваль замерла, нечаянно повторив позу ню на картине Габара, висевшей на противоположной стене.

— Ваш муж не всегда был вам... э-э... верен. Как вы думаете...

Серенак почувствовал, как напряглась Патрисия. Она не заплакала, но лишь потому, что в ее душе поднялась буря возмущения.

— Мы с мужем, инспектор, — перебила она его, — познакомились детьми. Он долго за мной ухаживал. Прошло много лет, прежде чем я ответила ему согласием. Надо вам сказать, в молодости он был не из тех, по кому девчонки сходят с ума. Не знаю, как вам это объяснить. Он всегда был очень серьезным, а его считали занудой. В отношениях с женщинами он страшно робел, а такие вещи сразу чувствуются. С годами он обрел уверенность в себе и стал гораздо более привлекательным. Полагаю, инспектор, я сыграла в этом не последнюю роль. Кроме того, у него появились средства. Если хотите, Жером отчасти брал у женщин реванш за юношеские неудачи. У других женщин, но не у меня. Не знаю, способны ли вы это понять.

«Куда уж мне», — подумал Серенак, одновременно соображая, как бы вывести ее на нужный ему путь. Заставить назвать имена, даты, факты...

Ладно, подождем.

— Мне хотелось бы, инспектор, чтобы вы проявили чуть больше такта, — продолжила Патрисия. — Живерни — маленькая деревня, нас здесь всего несколько сот жителей. Не убивайте Жерома второй раз. Не пачкайте его память. Он этого не заслужил.

Лоренс Серенак согласно качнул головой.

Первое впечатление... Что ж, он его составил. Патрисия Морваль любила своего мужа. И не пошла бы на убийство ради денег.

А ради любви?

Как ни странно, именно цветы в японской вазе помогли ему сформулировать смутную мысль. Время в этом доме остановилось. Как

будто в нем разбились часы. В каждом квадратном сантиметре гостиной все еще витал дух Жерома Морваля — его одного. И так теперь будет всегда. Никто никогда не перевесит картины на стенах. Никто не откроет ни одной книги из книжного шкафа. Все останется без изменений, как в заброшенном музее, посвященном человеку, о котором все забыли. Коллекционер-любитель без наследников. Дамский волокита, которого не оплачет ни одна из его пассий. Кроме жены, разумеется. Жены, которую он обманывал.

Человек потратил жизнь на сбор репродукций. Кому они теперь нужны?

На улице Клода Моне инспектор сощурился от яркого света. Не прошло и трех минут, как в конце улицы показалась стройная фигура Сильвио. Сапог на нем не было, обшлага брюк намокли и запачкались. Серенак усмехнулся. Классный парень этот Сильвио Бенавидиш. Прикидывается послушным исполнителем, а сам хитрец, каких поискать. Лоренс Серенак нацепил солнечные очки и наблюдал, как помощник, сопровождаемый длинной тенью на стенах домов, приближается к нему. Строго говоря, Сильвио был не тощим, а скорее узким, что подтверждалось намеком на брюшко, едва заметно выпирающее из-под заправленной в светлые полотняные брюки клетчатой рубашки, застегнутой на все пуговицы. «В профиль Сильвио шире, чем анфас», — насмешливо подумал Лоренс. Человек-цилиндр! Кстати, это его совсем не портило, даже наоборот. Издалека он напоминал ствол молодого гибкого деревца, которое гнется, но не ломается.

Сильвио подошел с улыбкой на губах. Вот что Лоренсу не нравилось в помощнике, так это его прическа — Сильвио или зачесывал свои короткие жесткие волосы назад, или укладывал их на прямой пробор, становясь похожим на семинариста. Неужели трудно сделать нормальную стрижку? Сильвио Бенавидиш остановился перед инспектором, оперев руки в бока.

— Ну что, патрон? Как вам вдова?

— Вдова-то? О, вдова что надо! Вдовее не бывает! А как твои успехи?

— Ничего нового. Поговорил с соседями. Все спали — никто ничего не слышал. Вещдоки уже в лаборатории. А мы что?

Возвращаемся?

Серенак посмотрел на часы. Половина пятого.

— Ну да... Хотя... Вот что, ты возвращайся. А у меня еще одна встреча.

При виде удивления на лице собеседника он уточнил:

— Не хочу пропустить окончания уроков в школе.

Кажется, Сильвио Бенавидиш все понял.

— Надеетесь отыскать ребенка, которому скоро исполняется одиннадцать лет?

Серенак подмигнул помощнику.

— Можно и так сказать. Но главное — хочу посмотреть на жемчужину импрессионизма. Ту самую учительницу, о которой Жером Морваль мечтал с такой же страстью, как о картине Моне.

7

Я ждала автобуса под тополями на небольшой площади перед мэрией и школой. Это у нас в деревне самое тенистое местечко, а от улицы Клода Моне его отделяет всего несколько метров. На остановке я была практически одна. Странная у нас деревня: достаточно сделать пару шагов — и из несусветной толкучки — очереди перед музеями и художественными галереями, которые публика берет штурмом, — попадаешь в царство сельской тишины и покоя.

Автобусная остановка расположена рядом со школой. Во дворе, огороженном решетчатым забором, играют детишки. Нептун сидит под тополем чуть поодаль — ждет, когда малышню выпустят из клетки. Пес любит играть с ребятней.

Напротив школы они устроили художественную мастерскую под названием Art Gallery Academy. Академия, подумать только! На стене висит выписанный огромными буквами девиз: «НАБЛЮДЕНИЕ И ВООБРАЖЕНИЕ». Целая программа! Весь день напролет из галереи выходят хромые старикашки в соломенных шляпах или панاماх и тут же растворяются в деревне. Видать, отправляются на поиски божественного вдохновения! На них натыкаешься повсюду и не заметишь их нельзя: они носят на груди красные бейджики, а впереди себя толкают старинную коляску с мольбертом.

Вам это не кажется нелепым? Кто бы мне объяснил, почему наше сено, наши птицы на деревьях и вода в нашей реке не такого цвета, как

в остальном мире?

Мне это представляется непостижимым. Наверное, я слишком глупа или слишком долго прожила в этих местах. Да, скорее всего, дело именно в этом. Так бывает, если, например, слишком долго живешь с очень красивым человеком. Как бы то ни было, оккупанты с бейджиками не уезжают, как остальные, на шестичасовом вечернем автобусе. Они шатаются по улицам до поздней ночи, спать устраиваются на площади, пробуждаются на заре. По большей части все они американцы. Конечно, я всего лишь вздорная старуха, вынужденная наблюдать за всем этим цирком через свою катаракту, но разве постоянное дефиле этих чудиков перед школой может не привлечь внимания детворы? И что они должны о них думать? Ну разве я не права?

Инспектор углядел под тополем Нептуна. Надо же, как успели подружиться! Полицейский принялся шутливо дразнить и тут же ласково гладить пса. Я сидела на лавке неподвижно, как изваяние. Наверное, вам покажется странным, что такая старуха, как я, целыми днями разгуливает по Живерни, но никто ее не замечает. Тем более — полицейские. Не верите? Попробуйте проделать такой опыт. Выйдите на людную улицу — все равно где, например на одном из парижских бульваров или на площади возле деревенской церкви, пристройтесь где-нибудь в уголке и понаблюдайте за толпой народа в течение минут десяти. Попробуйте посчитать, сколько стариков пройдет мимо вас. Вы поразитесь тому, как их будет много — значительно больше, чем молодых. Почему? Во-первых, потому — и нам об этом уже прожужжали все уши, — что мир действительно стареет. Во-вторых, потому, что старикам нечего делать, вот они и шляются по улицам. А в-третьих, потому, что их много всегда, только обычно вы их не замечаете. Кто из прохожих способен привлечь ваше внимание? Девушка в короткой майке, открывающей пупок; хорошо одетый мужчина, торопливо шагающий с портфелем в руке; группа горластых подростков, занявшая весь тротуар; мамаша с коляской... Но старик или старуха? Да никогда. Они сродни невидимкам. Они так медленно шаркают, что сливаются с пейзажем, словно дерево или фонарь. Не верите? Проверьте сами. Потратьте десять минут своего драгоценного времени — и сами во всем убедитесь.

Но, возвращаясь к нашему делу... Поскольку я обладаю привилегией смотреть, оставаясь невидимой, то могу признаться, что молодой сыщик выглядит обворожительно. Короткая кожаная куртка, джинсы в обтяжку, трехдневная щетина на подбородке, взлохмаченные светлые волосы, похожие на пшеничное поле после грозы... Я понимаю, почему молоденькие учительницы интересуют его куда больше, чем полоумные деревенские старухи.

8

В последний раз погладив собаку, Лоренс Серенак оставил Нептуна в покое и направился к школе. Ему оставалось пройти метров десять, когда из школьных дверей вырвалась и пронеслась мимо него стайка детворы всех возрастов — человек двадцать.

Дикие звери, вырвавшиеся на свободу.

Впереди бежала девочка лет десяти с двумя косичками. Нептун понесся за ней. Компания устремилась к улице Бланш-Ошеде-Моне, перелетела на другую сторону и исчезла на улице Клода Моне. Площадь перед мэрией снова сделалась тихой и пустынной. Инспектор преодолел оставшиеся несколько метров до школы.

Лоренс Серенак еще долго будет вспоминать об этом чуде. Практически всю жизнь. Будет снова и снова слышать каждый звук — детские крики и шум ветра в тополиных ветвях; ощущать каждый запах, видеть белизну камня, увитого побегами вьюнка, и семь ступенек крыльца...

Он не ждал ничего подобного. Он вообще ничего не ждал.

Гораздо позже он поймет, что его поразили контраст. Стефани Дюпен стояла перед дверями школы. Она его не видела. Лоренс сумел перехватить ее взгляд, направленный в спину детям, с веселым смехом убегающим вдаль по улице. Ему вдруг почудилось, что они уносят в ранцах мечты свой учительницы.

Его охватила легкая, как бабочкино крыло, грусть.

Секундой позже Стефани заметила его присутствие. Ее губы тронула улыбка. В фиалковых глазах вспыхнули искорки.

— Месье?

Стефани Дюпен с ног до головы окатила его своей свежестью. Щедро, не скупясь. Волна свежести, исходившая от нее, коснулась

окружающего пейзажа, толп туристов и хохочущих детей, бежавших по берегу Эпта. Себе она не оставила ничего...

Да, Лоренса Серенака поразили контраст. Потому что вместе со свежестью от нее веяло чистой печалью. Он как будто на миг заглянул в наполненную сокровищами пещеру, уже понимая, что всю оставшуюся жизнь будет грезить об этом мимолетном мгновении.

Он улыбнулся и, запинаясь, произнес:

— Инспектор Лоренс Серенак. Комиссариат Вернона...

Она протянула ему тонкую руку:

— Стефани Дюпен. Единственная учительница единственного класса деревенской школы.

Глаза у нее смеялись.

Она была очень красивая. Не просто красивая. Пастельного тона глаза переливались оттенками синего и лилового — в зависимости от освещения. Бледно-розовые, словно запачканные мелом, губы. Легкий сарафан открывал почти алебастровой белизны плечи. Не кожа, а фарфор. Длинные светло-каштановые волосы забраны в растрепанный пучок.

Ожившая мечта.

Да, у Жерома Морваля точно был изысканный вкус, и не только художественный.

— Заходите! Прошу вас.

В школе было тепло, но не жарко — не то что на улице. Оказавшись в небольшой классной комнате и осмотрев два десятка парт и стульев, Лоренс почувствовал себя уютно, но в то же время немного неловко, как захватчик, вторгшийся на чужую территорию. На стенах висели огромные карты. Франция, Европа, мир. Красивые карты, судя по всему, старинные. Инспектор наткнулся глазами на объявление, прикрепленное над учительским столом.

КОНКУРС ЮНЫХ ХУДОЖНИКОВ
INTERNATIONAL YOUNG PAINTERS
CHALLENGE[3]

Фонд Робинсона

Бруклинская школа искусств и Академия
изящных искусств Пенсильвании (Филадельфия)

Отличный повод начать беседу.

— Ваши ученики участвуют?

Глаза Стефани блеснули.

— Конечно! Каждый год. У нас это почти традиция. Теодор Робинсон был одним из первых американских художников, приехавших в Живерни одновременно с Клодом Моне. Самый верный постоялец гостиницы «Боди»! Потом он стал профессором искусствоведения в США. По-моему, детям из Живерни сам Бог велел участвовать в конкурсе, который устраивает его фонд, разве нет?

Серенак кивнул.

— А какие награды получают победители?

— Несколько тысяч долларов... Но главное — многонедельную стажировку в одной из известных художественных школ. В Нью-Йорке, Токио или Санкт-Петербурге. Города каждый год меняются.

— Недурно... А кому-нибудь из местной детворы уже удавалось победить в конкурсе?

Стефани Дюпен весело рассмеялась и дружески хлопнула Лоренса Серенака по плечу.

Он вздрогнул.

— Да что вы! Участвуют тысячи школ со всего мира! Но пробовать все равно надо, верно? А вы знаете, в этой школе когда-то учились сыновья Клода Моне. Мишель и Жан.

— Зато Теодор Робинсон, насколько мне известно, больше никогда не возвращался в Нормандию...

Стефани Дюпен удивленно посмотрела на инспектора. В ее широко распахнутых глазах ему почудилось нечто вроде восхищения.

— Неужели в школе полиции преподают историю искусств?

— Нет, не преподают. Но разве полицейским запрещено любить живопись?

Она покраснела.

— Один-ноль, инспектор.

Ее фарфоровые скулы окрасились нежно-розовым — цвет лепестков полевого цветка. Заметнее стали веснушки. Полыхнул лиловым взгляд.

— Вы совершенно правы, инспектор. Теодор Робинсон скончался от астмы в возрасте сорока трех лет в Нью-Йорке, всего два месяца спустя после того, как написал своему другу Клоду Моне письмо, в

котором сообщал о намерении вернуться в Живерни. Во Францию он больше так и не попал. Через несколько лет после его смерти, в тысяча восемьсот девяносто шестом году, его наследники основали фонд и объявили о проведении ежегодного международного конкурса художников. Но вам, инспектор, наверное, это не очень интересно? Не думаю, что вы пришли сюда слушать лекцию об искусстве...

— Нет. Но я бы ее с удовольствием послушал.

Серенак сказал это с единственной целью — заставить ее покраснеть еще раз. Она не обманула его надежд.

— А вы, Стефани? — продолжил он. — Вы сами рисуете?

Она снова взмахнула руками, едва не коснувшись пальцами его груди. Инспектор сказал себе, что это, должно быть, чисто профессиональный жест — она ведь привыкла втолковывать что-то ученикам, для убедительности трогая их руками.

Неужели она не понимает, что с ним творится?

Серенаку оставалось лишь надеяться, что он вслед за ней не залетится краской.

— Нет, что вы! Я не рисую. Я не... У меня нет таланта.

Ее глаза на краткий миг затуманились.

— А вы? Вы говорите не как вернонец! И имя у вас нездешнее — Лоренс.

— Угадали. Лоренс — это Лоран по-окситански. Я бы даже сказал, по-альбигойски. Что-то вроде моего личного диалекта. Меня сюда недавно перевели.

— Тогда добро пожаловать! Альбигойский диалект, говорите? Так, может, ваша любовь к живописи идет от Тулуз-Лотрека? Что ж, у каждого свои художники.

Они оба улыбнулись.

— Отчасти вы правы. Лотрек для альбигойцев — то же, что Моне для нормандцев.

— А вы знаете, что Лотрек говорил про Моне?

— Рискую вас разочаровать, но вынужден признаться: я не знал даже, что они были знакомы.

— Были, были! И Лотрек называл импрессионистов мужланами! А Клода Моне как-то обругал «придурком». Это правда, он так и сказал. Дескать, надо быть полным придурком, чтобы расходовать свой

огромный талант на какие-то пейзажики вместо того, чтобы писать людей!

— Хорошо еще, что Лотрек умер раньше, чем Моне зажил жизнью затворника и на протяжении тридцати лет писал одни кувшинки...

Стефани рассмеялась:

— Это как посмотреть. На самом деле Лотрек и Моне в каком-то смысле антиподы. Тулуз-Лотрек прожил жизнь короткую и яркую, и его больше всего интересовали людские пороки. А Клод Моне жил долго, был созерцателем и боготворил природу.

— Возможно, они не совсем антиподы? Скорее, один дополняет другого? Очень уж не хочется выбирать кого-то одного. Нельзя ли заполучить обоих сразу?

Решительно, улыбка Стефани сводила его с ума.

— Вам не удастся сбить меня с толку, инспектор. Я ведь понимаю, что вы пришли сюда не для того, чтобы болтать о живописи. Вы расследуете убийство Жерома Морваля, да?

Она грациозно уселась на учительский стол и непринужденно закинула ногу на ногу. Сарафан с одной стороны слегка задрался, обнажив часть бедра. Лоренс Серенак почувствовал, что задыхается.

— Мне только одно непонятно, — голосом невинной добродетели сказала учительница. — Какое я имею к этому отношение?

9

Автобус остановился прямо напротив мэрии. За рулем сидела женщина-водитель. Обыкновенная женщина — не мужиковатая и даже не спортивная. Такая вполне могла бы быть медсестрой или секретаршей. Не знаю, замечали вы или нет, но я все чаще вижу женщин за рулем этих махин. Особенно в сельской местности. Раньше женщинам не доверяли водить автобусы. Наверное, это происходит потому, что сегодня в деревне общественным транспортом пользуются только старики да дети. И профессия — шофер автобуса — перестала считаться мужской.

Я не без труда вскарабкалась на подножку автобуса. Заплатила за билет — женщина-водитель уверенным жестом кассирши отсчитала мне сдачу. Я заняла переднее сиденье. Половина мест оставалась свободной, но я по опыту знаю, что на выезде из Живерни автобус заполнится туристами, большинство из которых едут на вокзал

Вернона. Перед больницей остановки нет, но обычно водители проявляют снисхождение к моим больным ногам и высаживают меня, где я прошу. Особенно женщины. Так что это хорошо, что они теперь водят автобусы.

Я подумала о Нептуне. Вчера возвращаться из Вернона мне пришлось на такси. Выложила тридцать четыре евро! Сумасшедшие деньги, вы не находите, — меньше чем за десять километров? Ночной тариф, объяснил водитель. Ясное дело, они пользуются тем, что после десяти вечера на Живерни нет ни одного автобуса. Кстати, в такси шоферы в основном мужчины, женщин почти не бывает. По-моему, они специально кружат по вечерам вокруг больницы, высматривают старух, не умеющих водить. Стервятники! Знают, что никто не станет с ними торговаться. Хотя... Найду ли я такси, когда сегодня поеду обратно? Вроде бы врачи говорили, что вечером машину поймать трудно. Что, если я там полночи простою?

Мне-то что, но я не люблю оставлять на улице Нептуна.

10

Инспектор Лоренс Серенак прилагал невероятные усилия, чтобы не пялиться на голые ноги учительницы. Он принялся рыться в карманах. Стефани Дюпен смотрела на него простодушным взглядом, как будто в ее позе — сидя на столе нога на ногу — не было ничего особенного. «Наверное, привыкла так садиться на уроках, — твердил про себя Лоренс Серенак. — Просто привыкла».

— Так что же? Какое отношение все это имеет ко мне?

Инспектор наконец выудил из кармана фотокопию открытки с «Кувшинками».

ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ. С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ.

Он протянул открытку Стефани.

— Мы нашли это в кармане Жерома Морваля.

Стефани Дюпен взяла у него открытку. Читая, она немного повернулась в профиль, и падающий из окна луч света, отразившись от белого листка, озарил ее лицо. В этот миг она напоминала читающую девушку в ореоле света с картины Фрагонара. Или Дега. Или Вермеера. Серенака пронзила странная догадка. В ней ведь нет никакой

непосредственности! Каждое ее движение, каждый жест строго выверены. Она не просто сидит — *она позирует*. Стефани Дюпен выпрямилась. С ее бледных губ сорвался чуть слышный вздох — совсем легкий, но его дуновения хватило, чтобы развеять в пыль глупые подозрения инспектора.

— У Морвалей не было детей... Поэтому вы решили зайти в школу?

— Вы правы. Так что никакой мистики. У вас в классе есть одиннадцатилетние дети?

— Конечно, даже несколько человек. Мы принимаем детей от шести лет до одиннадцати. Но, если мне не изменяет память, никто из моих учеников не отмечает день рождения в ближайшие дни и даже недели.

— Вы не могли бы составить мне список? С адресом, датой рождения... Ну, вы понимаете.

— Вы полагаете, это может быть связано с убийством?

— Или да, или нет. Мы пока продвигаемся на ощупь. Расследуем несколько версий. Кстати, вам эта фраза о чем-нибудь говорит?

Серенак проследил за взглядом Стефани, которая снова уткнулась в листок. От напряжения она даже слегка наморщила лоб. Он смотрел на нее и наслаждался.

Она продолжала изучать глазами открытку. Потом несколько раз моргнула, шевельнула губами и наклонила голову. Облик читающей женщины всегда очаровывал инспектора. Неужели она над ним смеется? Но откуда она узнала?..

«Преступно мечтать, ждет виновного кара».

— Так как же? Не представляете, откуда эта фраза?

Стефани Дюпен спрыгнула со стола. Прошла к книжному шкафу, наклонилась к нижней полке и с широкой улыбкой повернулась к инспектору, протягивая ему книгу в белой обложке. Лоренсу почудилось, что он слышит, как под тонкой тканью платья колотится ее сердце — словно воробушек, что дрожит от страха, но не решается вылететь из клетки с распахнутой дверцей. «Что за глупости лезут в голову», — спохватился он и взял книгу.

— Луи Арагон, — своим чистым голосом сказала Стефани. — Простите, инспектор, но придется преподать вам еще один урок.

Лоренс послушно уселся за ближайшую парту.

— Я в восторге. Я вам уже говорил.

Она снова засмеялась.

— С поэзией у вас дела похуже, чем с живописью. Строчка на открытке взята из стихотворения Луи Арагона.

— Я потрясен.

— И напрасно. Моей заслуги здесь нет. Во-первых, Луи Арагон был частым гостем в Живерни. Он единственный из людей искусства, кто продолжал приезжать сюда и после смерти Клода Моне. Во-вторых, это строка из стихотворения Арагона, знаменитого, в том числе, тем, что оно стало первой жертвой цензуры при правительстве Виши в сорок втором году. Еще раз простите за менторский тон, но, когда я скажу вам, как называется стихотворение, вы сами поймете, почему у нас в деревне его учат наизусть все школьники.

— Неужели «Впечатления»?

— Мимо. Но вы почти угадали. Стихотворение называется «Кувшинки».

Лоренс Серенак пытался мысленно рассортировать полученную информацию.

— Значит, если я вас правильно понял, Жером Морваль тоже знал, откуда эта цитата. Логически рассуждая?..

Он ненадолго задумался.

— Я вам очень благодарен. Без вашей помощи я искал бы источник несколько дней. Хотя пока не очень понятно, как это использовать.

Инспектор повернулся к учительнице. Она стояла перед ним лицом к лицу, сантиметрах в тридцати.

— Стефани... Вы не возражаете, если я буду называть вас Стефани? Вы знали Жерома Морваля?

Она смотрела на него своими фиалковыми глазами. Он почувствовал, что у него слабеют ноги.

— Живерни — крохотная деревушка. Всего пара сотен жителей...

Это инспектор уже слышал.

— Стефани, это не ответ.

Она молчала. Теперь их разделяло не больше двадцати сантиметров.

— Да. Да, я его знала.

В ее зрачках играли солнечные блики. Инспектору казалось, что он тонет. Но он не имеет права... Он должен выплыть... Весь его

грошовый цинизм куда-то испарился.

— Понимаете, ходят всякие слухи...

— Смелее, инспектор. Разумеется, я в курсе. Слухи, слухи... Жером Морваль был бабником — кажется, это так называется? Не стану отрицать, что он ко мне подкатывался. Но...

В ее глазах мелькнула тень. словно над поверхностью пруда повеяло ветерком.

— Инспектор Серенак, я замужем. И в этой деревне я работаю учительницей. Про Морваля вы уже знаете, он был врач. Врач и учительница — идеальное сочетание, не правда ли? Для досужих сплетников. Так вот. Между Жеромом Морвалем и мной никогда ничего не было. В таких селениях, как наше, не бывает недостатка в злых языках. А если им не за что уцепиться, они выдумывают небылицы.

— Приношу вам свои извинения. Вообще-то, я не такой уж нахал...

Она улыбнулась ему — ее лицо было совсем рядом, — и снова отошла к книжному шкафу.

— Держите, инспектор. Это вам. Как артистической натуре.

Лоренс с изумлением увидел, что Стефани протягивает ему еще одну книгу.

— Это вам для общего развития. «Орельен». Лучший роман Луи Арагона. Действие самых важных сцен происходит в Живерни. Это главы с шестидесятой по шестьдесят четвертую. Уверена, что вам понравится.

— Спа... Спасибо.

Он не мог сообразить, что бы еще сказать, и проклинал себя за тупость. Стефани застала его врасплох. Каким боком во всю эту историю затесался Арагон? Серенак чувствовал, что упускает что-то существенное. Он взял книгу, сунул ее под мышку и протянул руку Стефани. Учительница ее пожала.

Пожалуй, слишком крепко.

И держала ее слишком долго.

Секунду или даже две. Достаточно долго, чтобы он дал волю своему воображению. Чтобы ему почудилось, что она без слов кричит ему: «Не уходи! Не бросай меня! Ты — моя единственная надежда, Лоренс! Без тебя я погибну».

Стефани улыбнулась. Ее глаза сияли.

Конечно, он все придумал. Ненормальный. Еще не хватало завалить первое серьезное расследование в Нормандии.

Стефани — обыкновенная женщина. Без всякого двойного дна.

Просто очень красивая. Но она принадлежит другому.

Так что все в порядке.

Он неловко попятился к выходу.

— Стефани, составьте для меня, пожалуйста, список учеников. Завтра я пришлю за ним помощника.

Они оба знали, что никого он не пришлет. Он придет сам. Она надеялась, что он придет.

11

Вернонский автобус свернул на улицу Клода Моне и покатил к церкви. В этой части деревни толпы туристов обычно редуют. Мне нравится ехать через деревню на автобусе. Сидеть на переднем сиденье и с высоты озирать окрестности. Мы проехали две художественные галереи — «Демаре» и «Канди», агентство недвижимости «Престиж», гостиницу «Кло-Флери», отель «Боди». Автобус нагнал стайку ребятишек, шагавших по проезжей части с ранцами на спине. Водитель надавила на клаксон, и ребятня бросилась к обочине, нещадно топча и ломая ирисы и штокрозы. Двое убежали вперед и скрылись из виду. Я их узнала. Поль и Фанетта. За ними несея Нептун. Эта псина обожает детвору. Особенно любит Фанетту — девчонку с косичками.

По-моему, у меня начинается старческий маразм. Переживаю из-за своей собаки, а она знай себе развлекается с деревенскими детишками.

В конце улицы показалась остановка. Я вздохнула. Ну и народищу! Человек двадцать, не меньше. С чемоданами на колесиках, рюкзаками, спальными мешками и — как же иначе? — с упакованными в крафт-бумагу большими картинами.

12

Фанетта держала Поля за руку. Они прятались за стогом сена на большом поле, разделяющем шоссе Руа и улицу Клода Моне, прямо напротив гостиницы «Боди».

— Тише, Нептун! Из-за тебя нас увидят!

Пес непонимающе смотрел на двух одиннадцатилетних ребяташек. В шерсти у него запуталась солома.

— Иди отсюда! Вот дурак.

Поль расхохотался. Он расстегнул верхние пуговицы рубашки, а ранец бросил на землю.

«Классно он смеется», — подумала Фанетта.

— Вон они! — вдруг воскликнула она. — Вон, в самом конце улицы! Сматываемся!

Они вскочили. Поль торопливо подхватил свой ранец, и дети направились к улице Клода Моне.

— Скорее, Поль! — Фанетта тянула приятеля за руку.

За спиной у нее болтались две косички.

— Туда!

Возле церкви Святой Радегунды Фанетта свернула за угол, пробежала по посыпанной гравием дорожке, поднимавшейся вверх, и укрылась за плотной живой изгородью. Нептун за ними не увязался, остался на той стороне, обнюхивая обочину и время от времени задирая заднюю ногу. Отсюда, со склона холма, дома казались приплюснутыми к земле. Поль снова засмеялся.

— Тише ты! Они сейчас пройдут.

Поль отступил на шаг и сел на белое надгробие. Вернее, сразу на два лежащих рядом надгробия — одно Клода Моне, другое — его второй жены, Алисы.

— Поль, ты что? Не видишь, куда садишься? Это могила Моне!

— Ой.

— Ладно, ничего.

«Обожаю, когда Поль сделает глупость, а потом извиняется».

Фанетта тоже фыркнула. Поль поднялся и сделал шаг, стараясь не прикасаться к другим надгробиям, под которыми покоились остальные члены семейства Моне.

Фанетта не спускала глаз с дороги. Послышался шум шагов.

Они!

Камиль, Винсент и Мэри.

Первым приблизился Винсент. Остановился и принялся пристально, как индейский охотник, озирать окрестности. Заметил Нептуна и крикнул:

— Фанетта! Ты где?

Поль снова фыркнул. Девочка зажала ему рот ладошкой.

Камиль тоже добрался до церкви. Ростом он был меньше Винсента. Из коротких рукавов рубашки выглядывали пухлые руки, над ремнем нависал круглый животик. Он запыхался. Бедный толстячок.

— Видел их?

— Не-а. Наверное, дальше ушли.

Мальчики пошли вперед. Винсент снова крикнул, на этот раз громче:

— Фане-е-т-та-а-а! Ты где?

Сзади донесся писклявый голос Мэри:

— Могли бы и меня подождать!

Камиль с Винсентом ушли уже с минуту назад, когда перед церковью появилась Мэри. Для своих десяти лет это была довольно высокая девочка. Из-под очков у нее катились слезы.

— Мальчики, ну подождите! Пошла эта Фанетта... Меня подождите!

Мэри повернула голову к могилам, и Фанетта инстинктивно присела за спину Поля. Но Мэри никого не увидела и поплелась по улице Клоде Моне, поднимая сандалиями пыль.

Уф!

Фанетта поднялась. На лице ее играла улыбка. Она потуже заплела растрепавшиеся косички. Поль вытряхивал из штанов забившиеся в обшлага мелкие камешки.

— Почему ты от них убежала?

— Они меня раздражают. А тебя разве нет?

— Ну, в общем, да. Слегка...

— Сам посуди. Камиль только и талдычит, какой он весь из себя отличник. А Винсент еще хуже! Видеть его не могу! Он на меня давит, понимаешь? Про Мэри я вообще молчу. Только и знает что хныкать. И учительнице на меня ябедничает...

— Она тебе завидует, — тихо сказал Поль. — А я? Я на тебя не давлю?

Фанетта сорвала с ветки листок и пощекотала Полю щеку.

«Ты, Поль, совсем другое дело. Не знаю, почему, но совсем-совсем другое».

— Дурак! Ты же знаешь, что я выбрала тебя. Навсегда.

Поль зажмурился от удовольствия.

— В основном. Но только не на сегодня.

Она выпрямилась и поглядела на дорогу. Путь свободен.

Поль вытаращил глаза:

— Что? Ты что, меня тоже бросаешь?

— Угу. У меня важная встреча. Секретная.

— С кем?

— Говорю же: секрет. Ты за мной не ходи. Я только Нептуна с собой возьму.

Поль принялся крутить пальцы, словно они у него внезапно заболели.

«Все из-за этого убийства. В деревне только о нем и разговоров. По улицам полицейские ходят. Даже страшно. Как будто нам тоже грозит опасность...»

— Слово? — настойчиво спросила Фанетта.

— Слово, — неохотно ответил Поль.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

15 мая 2010 года

(Вернонская больница)

АРГУМЕНТАЦИЯ

13

Световой будильник над кроватью показывал 01:32. Заснуть не удавалось. Последний раз медсестра заглядывала сюда больше часа назад. Наверное, решила, что я сплю. Сплю! Ха-ха. Как будто в этом ужасном кресле можно заснуть.

Я смотрела на капельницу. Из полуопавшего пакета капало лекарство. Как долго они собираются держать его на капельнице?

Несколько дней? Месяцев? Лет?

Он тоже не спал. Речь у него отнялась еще вчера — во всяком случае, так сказали врачи. Двигаться он тоже не может, но может смотреть. Вот и лежит с открытыми глазами. Если верить медсестрам, он все понимает. Они мне раз сто повторили: «Разговаривайте с ним. Почитайте ему что-нибудь. Для вашего мужа это очень важно».

На тумбочке высится стопка журналов. Когда в палату заходит медсестра, я делаю вид, что читаю ему вслух. Но, стоит ей закрыть за

собой дверь, я умолкаю.

Если он, как они утверждают, все понимает, значит, поймет и это.

Я снова посмотрела на капельницу. Медсестры объясняли, что капельница поддерживает в нем жизнь. Но подробности я забыла.

Текли минуты. Я все-таки беспокоилась за Нептуна. Бедная собака, совсем одна в Живерни. Но не всю же ночь мне здесь торчать!

Медсестры намекали, что дела у него совсем плохи. По-моему, за последние десять минут он ни разу не мигнул. Уставился на меня и смотрит. Черт бы его подрал.

2:12.

Опять заходила медсестра. Посоветовала мне вздремнуть. Я согласно кивнула.

Я уже приняла решение.

Подождала еще немного. Убедилась, что в коридоре тихо. Встала. Еще чуть выждала и трясущейся рукой вырвала иглы капельниц. Всех трех. Одну за другой.

Он смотрел на меня безумным взглядом. Понял. Уж это-то он точно понял.

А чего он хотел?

Я ждала.

Как много времени прошло? Пятнадцать минут? Полчаса? Я взяла со стула журнал. «Нормандия». Открыла статью про художественный фестиваль «Нормандия импрессионистов», который должен пройти этим летом. Начиная с июня все вокруг будут жить ожиданием этого фестиваля. Я упрямо читала статью. Как будто мне было плевать, что он подыхает. Прямо тут, рядом со мной. Хотя мне на самом деле было плевать.

Время от времени я поднимала от журнала глаза. Он пялился на меня. Я на пару секунд ловила его взгляд, а потом снова погружалась в чтение. С каждым разом черты его лица все заметнее искажались. Смотреть на это было довольно-таки противно, уж можете мне поверить.

В три часа ночи мне показалось, что он уже умер. Глаза у него были по-прежнему открыты, но застыли неподвижно.

Я поднялась, снова воткнула иглы капельницы. Комар носу не подточит. Но потом, чуть подумав, снова их вырвала. И нажала кнопку вызова.

Примчалась медсестра.

Я напустила на себя испуганный вид. Не слишком, чтобы не переигрывать. Объяснила, что заснула, а когда проснулась, обнаружила, что... В общем, сами видите.

Медсестра осмотрела вырванные трубки. Вид у нее был расстроенный, как будто это она во всем виновата.

Надеюсь, у нее не будет неприятностей. Во всяком случае, я никаких претензий предъявлять уж точно не буду.

Она побежала за врачом.

Меня охватило странное чувство. Остатки злобы, перекрываемые ощущением свободы.

Нахлынули сомнения.

Что теперь делать?

Пойти все рассказать полиции? Или продолжить изображать в Живерни серую мышку?

14

На столе инспектора Лоренса Серенака лежало пять фотографий. В руках он держал конверт из коричневой крафт-бумаги.

— Господи, — вздохнул Сильвио Бенавидиш. — Кто же это прислал?

— Неизвестно. Конверт пришел утром по почте. Отправлено вчера вечером из почтового отделения Вернона.

— Только фотографии? Ни письма, ни записки? Ничего?

— Ничего. Но фотографии говорят сами за себя. Галерея любовниц Жерома Морвалья. Не всех — только самых лучших. Сильвио, будь другом, взгляни. Я уже наслаждался.

Сильвио Бенавидиш пожал плечами и склонился над разложенными снимками. На каждом был запечатлен Морваль, каждый раз — с другой женщиной. Ни одна из которых не была его женой. Жером Морваль стоит возле письменного стола, руками упираясь в коленки девушки, которую целует в засос. Секретарша? Жером Морваль на дискотеке, сидит на диване, его рука покоится на груди девицы, одетой в платье с блестками. Жером Морваль с голым торсом растянулся на пляже рядом с белокожей девушкой — судя по пейзажу, дело происходит в Ирландии. Жером Морваль в гостинной, завешанной картинами и похожей на его собственную; перед ним стоит на коленках

девушка — спиной к фотографу, но не к окулисту. Жером Морваль идет по грунтовой дороге, где-то в окрестностях Живерни — на фото видна колокольня церкви Святой Радегунды — рядом со Стефани Дюпен.

Сильвио Бенавидиш аж присвистнул:

— Ничего себе! Работа профессионала!

Серенак улыбнулся.

— Я тоже так думаю. У нашего окулиста губа была не дура. Хотя сам-то... Посмотреть не на что.

Бенавидиш растерянно взглянул на патрона.

— Да я не про Морваля. Я про того, кто делал снимки.

Серенак подмигнул помощнику.

— Сильвио, я тобой восхищаюсь! Все-то ты замечаешь. Ладно, давай дальше.

Бенавидиш покраснел.

— Я... Я хотел сказать, патрон, — чуть заикаясь, продолжил он, — что снимал частный детектив. Профессионал. Фото в кабинете и в гостиной, скорее всего, сделаны из-за окна. Такой оптики ни у одного папарацци нет.

Серенак еще раз взгляделся в снимки и скривился.

— А мне что-то не кажется, что это так уж трудно. Фото в помещениях довольно размытые, а? Хотя я не собираюсь критиковать мастера. Хорошая работенка! Этот Морваль умел подбирать девиц. Черт, и чего меня в полицию понесло? Стал бы частным детективом...

Сильвио пропустил это замечание мимо ушей.

— Как вы думаете, — спросил он, — кто кроме его жены мог заказать эту съемку?

— Откуда же мне знать? Спросим у Патрисии Морваль. Правда, при первой встрече она не показалась мне особенно болтливой, особенно в том, что касалось измен мужа. Честно говоря, у меня такое ощущение, что в этом деле следует с осторожностью относиться к слишком очевидным уликам.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, например, вот что. Ты, Сильвио, наверняка заметил, что не все фотографии об одном и том же. Вот, смотрим, фото на дискотеке, фото в гостиной, фото в кабинете. Нет ни малейших сомнений, что Морваль спал с женщинами, которые на них запечатлены...

Бенавидиш нахмурил брови.

— Возможно, я забегаю вперед, — добавил Серенак, — но мне представляется несомненным, что на этих трех снимках Морваль снят в обществе любовниц. Поцелуй, рука на груди, ну и... так далее. Но если мы возьмем фото на пляже, а особенно — фото в Живерни, то у нас не будет никаких оснований полагать, что этих женщин с Морвалем связывали любовные отношения.

— Эта последняя... — высказался Бенавидиш. — Она единственная, кто нам известен. Ее зовут Стефани Дюпен, она деревенская учительница. Я ничего не путаю?

Серенак молча кивнул.

— Если честно, патрон, я не понимаю, к чему вы клоните. Измена есть измена, разве не так?

— Сейчас я тебе объясню, к чему я клоню. Видишь ли, я очень, ну очень не люблю получать подарки неизвестно от кого. Еще меньше я люблю, когда некий аноним диктует мне, в каком направлении вести следствие. Я уже большой мальчик, и мне не нравится, что некто, желающий оставаться в тени, дает мне подсказки.

— Например?

— Например, тот факт, что в «подарочном наборе» фигурирует фотография Стефани Дюпен, еще не означает, что она была любовницей Морваля. Но неизвестный даритель очень хочет, чтобы я думал именно так.

Сильвио Бенавидиш поскреб в затылке. На его лице ясно отражалась напряженная работа мысли.

— Понятно, — произнес он наконец. — Но мы же не можем вообще проигнорировать эти фотографии?

— Разумеется, не можем. Тем более что до разгадки нам еще далеко. Сильвио, посмотри, пожалуйста, что там на обороте снимков.

Сильвио послушно перевернул все пять фотографий. На обороте каждой из них стояла цифра.

Фото в кабинете: «23-02»; фото на дискотеке: «15-03»; фото на пляже: «21-02»; фото в гостиной: «17-03»; фото на дороге: «03-01».

— Елки-палки... — присвистнул Бенавидиш. — Это что еще за фигня?

— Понятия не имею.

— Похоже на даты. Может, это число и месяц?

— Вряд ли. Потому что тогда выходит, что все фотографии сделаны с января по март. Пять женщин меньше чем за три месяца? Каким бы бабником ни был Морваль, но что-то я сомневаюсь... Кроме того, я готов дать руку на отсечение, что снимок в Ирландии сделан не зимой.

— И какой вывод?

— Вывод такой, что мы будем искать, Сильвио. Что нам еще остается? Будем рыть носом землю. А пока давай-ка сыграем. Хочешь?

Бенавидиш презрительно ухмыльнулся.

— Не так чтобы очень...

— Ну, тогда считай, что это приказ.

Серенак собрал фотографии в стопку, перетасовал их и веером, на манер игральных карт, разложил на столе.

— Ты первый, Сильвио. Тяни одну. Распределим девушек между собой. Потом каждый займется своими. Мы должны узнать, как их зовут, чем они занимаются и есть ли у них алиби на день убийства Морваля. Встречаемся через два дня. Посмотрим, кто наберет больше очков.

— Должен вам сказать, патрон, вы иногда делаете странные вещи.

— Да ничего подобного, Сильвио. Я просто работаю. А что, у тебя есть другие предложения? Может, ты считаешь, что установление личности пяти красоток следует поручить Мори и Лувелю?

Серенак рассмеялся.

— Ладно, если ты не хочешь, я тяну первым.

Лоренсу Серенаку досталась фотография Жерома Морваля с девушкой в кабинете.

— Секретарша, которая слишком широко понимает свои обязанности, — хохотнул Серенак. — Ладно, выясним. Давай, твоя очередь.

Сильвио вздохнул и потянулся за карточкой.

— Эй, не шельмовать! Не смотри на цифры!

Сильвио перевернул снимок. Дискотека.

— Счастливчик! — фыркнул Серенак. — Девушка в блестках!

Сильвио покраснел. Лоренс вытянул очередную фотографию. Гостиная, девушка на коленях.

— Ну конечно. Начальству все самое трудное. Девушка, вид со спины... Давай, тяни еще!

На столе оставались две последние фотографии. Случаю было угодно, чтобы Бенавидишу достался снимок с пляжа.

— Прекрасная незнакомка на берегу Ирландского моря, — прокомментировал Серенак. — Нет, ну ты и в самом деле везунчик!

Сильвио Бенавидиш бросил выбранные фотографии на стол и с ироничной улыбкой посмотрел на начальника.

— Патрон, по-моему, вы надо мной смеетесь. Не знаю, как вы это провернули, но я с самого начала не сомневался, что фотографию Стефани Дюпен вы оставите себе.

Серенак вернул ему улыбку.

— Да, братец, тебя не проведешь! Не надейся, секрет фокуса я тебе не раскрою, но в главном ты прав. Красавицей учительницей я займусь сам. Привилегия начальства! Кстати, не зацкливайся на цифрах на обороте, Сильвио. Я уверен, что, после того как мы установим имена четырех женщин, эти цифры сами заговорят.

Он убрал снимки в ящик стола.

— Ну что, за работу?

— За работу. Хотя нет, подождите, патрон. Чуть не забыл. Я тоже приготовил вам подарочек. Вы меня, конечно, гоняете по делу и без дела, но я не злопамятный.

Не дав Серенаку возможности ответить, Бенавидиш выскочил из кабинета. Через пару минут он вернулся с белым бумажным пакетом в руках.

— Вот. Можно сказать, с пылу с жару...

Сильвио Бенавидиш опрокинул на стол содержимое пакета. Из него высыпалось два десятка небольших шоколадных кексов.

— Я их жене пеку, — объяснил Сильвио. — Она их обожает. Но в последние полмесяца она ничего в рот взять не может. Даже с домашним заварным кремом моего изготовления.

Серенак рухнул в кресло.

— Сильвио, ты мне как мамочка! Я должен тебе признаться. Я выпросил назначение в ваш глухой северный край с единственной целью: заполучить тебя в замы!

— Да ладно вам. Не преувеличивайте.

— Ты хочешь сказать, я недостаточно горячо выражаю свою благодарность?

Он посмотрел Бенавидишу в глаза и спросил уже другим, серьезным тоном:

— Когда ждете малыша?

— Да на днях уже. По идее роды должны быть через пять дней. А там кто его знает...

Серенак положил в рот первый кекс.

— Мама дорогая! Божественно! Твоя жена совершает большую ошибку.

Сильвио Бенавидиш наклонился к папке, прислоненной к спинке стула. Когда он выпрямился, его начальник был уже на ногах.

— А если еще с кофе!.. Пойду быстренько спущусь, — сказал Серенак. — Тебе принести?

Скрученная в рулон распечатка, которую Сильвио держал в руках, развернулась, едва не коснувшись нижним краем пола.

— Э-э... Нет, спасибо.

— Уверен?

— Э-э... Ну ладно. Только мне чай. Без сахара.

Спустя несколько минут инспектор Серенак вернулся с двумя пластиковыми стаканчиками в руках. Шоколадные крошки со стола исчезли. Серенак вздохнул, словно давая помощнику понять, что он тоже имеет право на короткий отдых. Но не успел он сесть, как Бенавидиш приступил к докладу.

— Так вот, патрон, на данный момент установлено следующее. Отчет судмедэкспертизы подтверждает, что Морваль скончался от ранения холодным оружием. Смерть наступила в течение минуты. Уже затем Морвалю раздробили камнем череп и опустили его голову под воду. Именно в таком порядке.

Серенак окунул кекс в кофе и с улыбкой произнес:

— Учитывая репутацию окулиста — если она тоже подтвердится, — в дело могут быть замешаны сразу три ревнивца. Ассоциация рогоносцев. Отсюда — ритуальный характер преступления. Помнишь «Убийство в „Восточном экспрессе“»? Вот и у нас тут нечто похожее.

Бенавидиш уставился на него изумленным взглядом.

— Да шучу я, Сильвио, шучу!

Серенак окунул в кофе очередной кекс.

— Ладно, давай серьезно. Лично я вижу в этом деле некоторые странности. Одно с другим не стыкуется...

Взгляд Сильвио оживился.

— Совершенно с вами согласен, патрон.

Чуть поколебавшись, он добавил:

— Вообще-то, я хотел показать вам кое-что еще. Мне кажется, вы будете сильно удивлены.

15

Фанетта не шла, а бежала — она всегда возвращалась из школы бегом. По улочкам Живерни она пробиралась с оглядкой, чтобы не наткнуться на Винсента, Камиля или Мэри. Для нее это не представляло особой трудности — все деревенские тропки она знала наизусть. Поль настаивал, что должен ее проводить. «Нечего, — повторял он, — ходить одной, когда в окрестностях бродит преступник», но она не поддавалась на уговоры. И ни о чем не проболталась.

«Это мой секрет!»

Ну вот, она почти у цели. Перебежала через мостик, миновала портомойню. Показалась двурогая мельница с высокой башней, всегда наводившей на нее страх.

«Честное слово, Поль, завтра я все тебе расскажу. Расскажу, с кем я встречаюсь каждый день уже целую неделю. Завтра. Или послезавтра».

Фанетта вышла на дорогу, ведущую к полям.

Джеймс уже ждал ее.

Он стоял чуть поодаль, посреди пшеничного поля. Колосья доходили ему до колен. Рядом стояли четыре мольберта. Фанетта перешла с бега на шаг.

— Вот и я!

Джеймс широко улыбнулся в седую бороду и обнял Фанетту.

— Ну наконец-то, негодница! А ну, быстро за работу! Солнце ждать не будет. И чего они вас столько времени в этой школе держат?

Фанетта устроилась за одним из мольбертов — самым низким, ей по росту. В лакированном ящике лежали тюбики краски и кисти.

О старом художнике, с которым Фанетта познакомилась неделю назад, она знала немного: что он американец, что зовут его Джеймс, что он почти каждый день приходит сюда писать. Джеймс сказал ей, что

она — самая способная девочка, какую он когда-либо встречал, а повидал он их немало, потому что у себя в Америке преподавал живопись. Еще он говорил ей, что она слишком много болтает: хоть у нее и талант, ей надо учиться сосредоточенности. По примеру Моне. Главное — это наблюдательность и воображение. У Джеймса на этот счет прямо пунктик. Наблюдательность и воображение. Еще надо писать быстро — для того он и носил с собой четыре мольберта. Чтобы успеть уловить движение солнечного луча, шевеление тени, изменение цвета. Моне, по его словам, ходил на натуру с шестью мольбертами. Таскать их он нанимал местных ребятишек.

«Вот уж фигурки, — думала про себя Фанетта. — Если Джеймс рассчитывает, что я буду носить за ним мольберт, то он ошибается». Она сразу догадалась, что он ей заливает, но сделала вид, что всему верит. Джеймс — симпатичный старикан, если бы еще не изображал из себя Клода Моне.

«А меня не принимал за идиотку!»

— Фанетта! А ну не спать! За работу!

Девочка писала нормандскую портомойню, мост над ручьем, мельницу на отшибе. Она работала уже довольно долго.

— А ты знаешь такого Теодора Робинсона? Нам учительница в школе рассказывала...

— Что именно?

— Она записала весь класс на конкурс. Международный конкурс, мистер Джеймс! Честное слово, МЕЖДУНАРОДНЫЙ! Премия Робинсона. Если я выиграю, то поеду в Японию или в Россию, или в Австралию. Но я еще не решила, буду участвовать или нет.

— А больше она ничего не рассказывала?

— Ну, там еще полагается куча долларов.

Джеймс аккуратно опустил палитру на ящик с красками. Вот, сейчас бороду запачкает! Она у него вечно в краске.

Сегодня, например, в зеленой.

«Какая я все-таки нахалка! Никогда не говорю ему, что у него борода в краске. Но это до того потешно...»

Джеймс подошел к ней ближе.

— Фанетта! Если ты постарайся... Если ты поверишь в себя... Пойми, у тебя есть все шансы выиграть этот конкурс.

«Ой, что-то мне стало страшно».

Наверное, Джеймс заметил, что Фанетта косится на его бороду, и провел по ней пятерней, размазав зеленую краску.

— Что ты мне сказки рассказываешь?

— Фанетта, я не рассказываю тебе сказки. Я ведь тебе уже говорил. У тебя талант. Ты тут ни при чем, это врожденное. Да ты и сама все понимаешь. У тебя талант живописца. Не просто талант. Может быть, даже ты маленький гений. Но все это ни к чему не приведет, если...

— Если я не буду стараться?

— Да. Надо очень много работать. Это необходимо. Иначе от твоего таланта останется пшик. Хотя, подожди, я хотел сказать совсем не это.

Джеймс медленно переступал по полю, тщательно выбирая, куда поставить ногу, чтобы не помять колосья. Приподняв один из мольбертов, он быстро переставил его на новое место, словно получив приказ сверху, от солнца.

— Я хотел сказать тебе, Фанетта, что гениальность — пустой звук, если человек не... Как бы тебе это объяснить? Если человек не способен стать совершенным эгоистом.

— Что-что?

«Ну и ну. Такого я даже от Джеймса не ожидала».

— Да, эгоистом! Фанетта, дорогая, гению плевать на окружающих, он признает только тех, кто равен ему, а таких единицы. Гениальность заставляет человека отворачиваться от тех, кого он любит, и вызывает бешеную зависть во всех остальных. Понимаешь?

«Ну вот, опять скребет свою бороду. Всю краску размазал. А сам ничего не замечает. Какой же он старый. Старикашка Джеймс».

— Ничего не понимаю!

— Ладно, попробую объяснить по-другому. Вот возьмем, например, меня. Я всю жизнь мечтал приехать в Живерни, увидеть своими глазами пейзажи, которые писал Моне. Ты даже не представляешь себе, сколько часов я провел у себя в деревне, в Коннектикуте, разглядывая альбомы с репродукциями. Тополя, Эпт, кувшинки, Крапивный остров... Как ты думаешь, оно того стоило? Бросить жену, бросить детей и внуков — это в шестьдесят пять лет-то? Что важнее? Осуществить свою мечту или праздновать Хэллоуин и День благодарения в кругу семьи?

— Ну, не знаю...

— Ты не знаешь. А я знал. Я ни секунды не колебался. И, поверь мне, Фанетта, я ни о чем не жалею. А ведь я живу здесь, как нищий, ну, почти нищий. И у меня нет даже четверти твоего таланта. Теперь понимаешь, что я имею в виду, когда говорю тебе об эгоизме? Неужели ты думаешь, что первые американские художники, которые во времена Моне жили здесь в гостинице «Боди», ничем не рисковали? Неужели ты думаешь, что им не пришлось порвать со всей предыдущей жизнью?

«Не нравится мне, когда Джеймс начинает так говорить. Такое впечатление, что он говорит одно, а думает совсем другое. Как будто на самом деле он жутко жалеет о том, что натворил. Ему тут тоскливо. Он скучает по своей семье в Америке».

Фанетта взяла кисть.

— Вы как хотите, месье Джеймс, но я буду работать. Простите за эгоизм, но у меня конкурс на премию Робинсона на носу.

Джеймс расхохотался.

— Молодец, Фанетта! А я просто старый ворчун!

— И к тому же маразматик. Ты мне так и не рассказал, кто такой этот Робинсон.

Джеймс подошел поближе и, прищурившись, посмотрел на картину Фанетты.

— Теодор Робинсон — американский художник. Самый известный в США импрессионист. Единственный американец, которому удалось подружиться с Клодом Моне. От остальных Моне бежал как от чумы. Робинсон прожил в Живерни восемь лет. Даже написал картину на сюжет свадьбы любимой падчерицы Клода Моне, Сюзанны, с американским художником Теодором Батлером. И... Даже странно... Одна из наиболее известных его работ изображает то самое место, которое ты пишешь сейчас.

Фанетта чуть не выронила кисть.

— Как?

— Абсолютно то же место. Это старая картина, написанная в тысяча восемьсот девяносто первом году. На ней виден ручей Эпт, мостик над ним и мельница «Шеневьер». Слева — фигура женщины в длинной юбке и косынке, а посреди ручья — мужчина верхом на лошади. Лошадь пьет. Картина называется «Папаша Троньон и его дочь на мосту». Всадника на самом деле звали папаша Троньон, он был из местных.

Фанетта едва сдержалась, чтобы не расхохотаться.

«Он меня правда принимает за дурочку. Папаша Троньон! Ведь слово „троньон“ означает „огрызок“! Надо же такое сказануть!»

Джеймс по-прежнему не отрывал взгляда от картины, над которой работала девочка. Густая борода закрывала его лицо чуть ли не целиком. Он протянул свой толстый палец к еще влажному холсту.

— Тени вокруг мельницы получились очень хорошо. Молодец, Фанетта! Это знак судьбы. Ты пишешь тот же пейзаж, что Теодор Робинсон, только... Только у тебя получается намного лучше. Ты выиграешь этот конкурс, точно тебе говорю! Знаешь, в жизни не так часто выпадает счастливый шанс — раза два, может, три. Главное — его не упустить. Остальное не важно.

Джеймс снова переставил мольберты. Похоже, он не столько пишет, сколько таскает мольберты. Наверное, не успевает за солнцем.

Ну и ладно.

Прошел примерно час, когда появился Нептун. Псина недоверчиво обнюхала ящик с красками и улеглась у ног Фанетты.

— Это твоя собака? — спросил Джеймс.

— Да как сказать... Вообще-то, он тут вроде как общий, но я считаю, что он мой. Он меня больше всех любит!

Джеймс улыбнулся. Он сидел на табурете перед мольбертом, но Фанетта, стоило ей скосить на него глаза, замечала, что он клюет носом. Если так дальше пойдет, то к концу сеанса борода у него окрасится всеми цветами радуги. Она тихонько засмеялась.

«Хватит! Я должна сосредоточиться».

Фанетта писала мельницу «Шеневьер». Фахверковую башню, контрастные тени под ней, черепицу, камень стены. Джеймс называл мельницу «ведьминой». Из-за старухи, которая там жила.

Ведьма?

«Нет, Джеймс и правда считает меня глупой малявкой».

Честно говоря, Фанетта немножко боялась мельницы. Джеймс объяснил, почему он так ее не любит. «Кувшинок» Моне могло вообще не быть — а все из-за этой мельницы. Дело в том, что и мельница, и сад Моне стоят на одном и том же ручье. Моне хотел сделать запруду, поставить затворы и повернуть русло ручья, чтобы у него в саду образовался пруд. Но деревенские жители этому воспротивились. «Нечего устраивать тут болото, — говорили они, — мало нам

болезней?!» Особенно возмущались соседи, а больше всех — мельник с семьей. Они долго ругались. Моне перессорился со всей деревней и выложил кучу денег, а потом написал префекту и еще одному типу, кажется, своему приятелю, которого звали Клемансо. Кто такой был этот Клемансо, Фанетта не знала, но он как-то помог Моне, и пруд с кувшинками появился на свет.

«Жалко, если бы его не было! Но все-таки со стороны Джеймса глупо не любить мельницу из-за этой старой истории. Когда все это было-то! Джеймс временами ведет себя как дурак».

Фанетта вздрогнула.

«А вдруг на мельнице и правда живет ведьма?»

Фанетта писала. День клонился к закату. Мельница в лучах заходящего солнца выглядела особенно зловеще. Девочка смотрела на нее с восхищением. Джеймс давно спал.

Нептун вдруг вскочил на ноги и злобно зарычал. Фанетта повернулась к небольшой тополиной роще. За деревьями прятался мальчишка.

Винсент!

— Какого черта ты сюда приперся?

От ее крика проснулся Джеймс.

— Винсент! — снова крикнула Фанетта. — Что ты за мной шпионишь? Сколько ты уже там торчишь?

Винсент молчал. Он стоял, как заколдованный, переводя взгляд с картины Фанетты на мельницу, а с мельницы на мост.

— Винсент, у меня уже есть собака. Ее зовут Нептун. Вторая мне не нужна. И прекрати на меня глазеть!

Джеймс закашлялся.

— Э-э... Вот что, детки, хорошо, что вас двое. Солнце садится, думаю, пора собираться. Поможете мне? Знаете, что говорил Моне? Мудрец встает и ложится с солнцем!

Фанетта не спускала с Винсента глаз.

«Я его боюсь. Что за манера — появляться из-за спины! И что он за мной таскается? Иногда мне кажется, у него не все дома».

Лоренс Серенак замер со стаканчиком в руке. Помощник вел себя, как прилежный ученик, приготовивший урок, которого не задавали, и теперь разрывавшийся между желанием блеснуть перед учителем и страхом, что наделал ошибок. Правая рука Бенавидиша нырнула в толстую папку и вынырнула назад с листом бумаги формата А4.

— Вот, патрон. Я решил немного упорядочить все данные. Начал составлять таблицу...

Серенак взял еще один кекс, поставил кофе и удивленно уставился на Бенавидиша.

— Просто у меня привычка такая, — продолжил тот. — Кое-кто говорит, мания... В общем, смотрите. Я разделил лист на три колонки. Это три возможные версии. Первая — убийство на почве страсти, скорее всего, связанное с одной из любовниц Морваля. Под подозрение попадают жена или чужой ревнивый муж, или брошенная пассия. Работы здесь хоть отбавляй.

Серенак подмигнул помощнику.

— Спасибо анонимному благодетелю. Так, а что дальше?

— Вторая версия связана с живописью. С картинами, которыми он владел и которыми мечтал завладеть. Ну, вы помните: Моне, «Кувшинки»... Почему не предположить, что он вышел на торговцев краденными произведениями искусства? На черный рынок? Там крутятся большие деньги...

Серенак проглотил очередной кекс и допил кофе. Бенавидиш машинальным жестом сгреб крошки со стола в одну аккуратную кучку. Затем поднял глаза — на стенах кабинета висело с десяток картин, повешенных его владельцем сразу по прибытии. Тулуз-Лотрек. Писсаро. Гоген. Ренуар.

— Тут нам, можно сказать, повезло, — добавил Сильвио. — Вы, инспектор, хорошо разбираетесь в живописи.

— Чистое совпадение, — отмахнулся Серенак. — Если бы мне сказали, что после перевода в Вернон свой первый труп я найду в ручье Живерни... Но ты прав. Я интересовался живописью еще до поступления в школу полиции и по этой причине стажировался в Париже, в полицейском отделе искусств.

Судя по всему, Бенавидиш впервые узнал о том, что подобный отдел существует.

— А ты, Сильвио, как я понимаю, в искусстве не очень?

— Разве что в кулинарном.

Лоренс засмеялся.

— Это я уже понял! Короче, я уже предупредил своих бывших коллег по отделу. Они обещали посмотреть, что у них сейчас есть. Кражи, скупка краденого, сомнительные коллекции, подпольный рынок... Ты прав, это мощный бизнес. В свое время я в нем успел покрутиться. Эти ребята ворочают миллионами, без преувеличения. Так что я жду новостей. А третья колонка?

Сильвио Бенавидиш опустил глаза к бумажному листу.

— Третья версия... Только вы, патрон, надо мной не смейтесь. Она связана с детьми. По преимуществу одиннадцатилетними. Улик хватает: поздравительная открытка, цитата из Арагона. А что, если у Морваля лет двенадцать назад была любовница, которая родила ребенка? Кстати, вот еще интересная деталь. Эксперты утверждают, что возраст бумаги, на которой напечатана открытка, составляет приблизительно пятнадцать лет. Текст, то есть слова: «ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ. С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!» — написаны тогда же. А вот цитата из Арагона приклеена значительно позже. Разве не странно?

Инспектор Серенак восхищенно присвистнул.

— Продолжаю настаивать на том, что говорил раньше. Сильвио, ты — идеальный помощник.

Он быстро встал из-за стола.

— Есть всего одна деталь, которая не укладывается в схему. Микроскопическая, но... Мы с моим занудством превратим ее в весьма ощутимую.

Он направился к двери.

— Идем, Сильвио. Навестим экспертов.

Бенавидиш ни слова не говоря двинулся за ним. Они прошли коридорами и спустились по скудно освещенной лестнице. Серенак на ходу обернулся к помощнику.

— Вот что надо сделать в первую очередь. Найти свидетелей. Можешь даже начать составлять новую таблицу. Я никогда не поверю, что в деревне, где каждый второй с утра до ночи пишет с природы пейзажи, в день убийства Морваля никто ничего не видел. А то получается, что наш единственный свидетель — анонимный папарацци, приславший нам похабные фотки. Это если не считать дружелюбную псину. Ты в соседний дом заходил? Ну, на эту мельницу?

Серенак достал из кармана ключ от выкрашенной красной краской двери, на которой висела табличка с тремя надписями. «ЛАБОРАТОРИЯ. АРХИВ. ОТДЕЛ ДОКУМЕНТАЦИИ».

— Нет еще, — признался Бенавидиш. — Схожу в ближайшее время.

Инспектор отпер красную дверь.

— А я пока еще кое-что придумал. Будет чем занять весь комиссариат. Возможно, придется бросить на это дело целую команду. Сюрприз от начальства!

Они вошли в темную комнату. На столе стояла картонная коробка. Серенак открыл ее и достал гипсовый слепок подошвы.

— Сорок третий размер! — гордо провозгласил он. — Подошва сапога. Если верить Мори, каждая такая подошва индивидуальна — улика надежнее отпечатка пальца! Это след, оставленный в грязи на берегу Эпта через несколько минут после убийства Морваля. Не думаю, что должен тебе объяснять: владелец этого сапога — как минимум, прямой свидетель преступления. Не исключено, что он же и убийца.

Сильвио вытаращил глаза.

— И что мне с этим делать?

Серенак рассмеялся.

— Объявляю начало операции «Золушка».

— Послушайте, патрон... Я честно стараюсь следить за ходом вашей мысли, но ваш юмор...

— Ничего, Сильвио, не переживай. Скоро привыкнешь. Ты на меня не обижайся.

— Да я не обижаюсь. Мне, по правде говоря, чихать. Но я не понял: при чем тут Золушка?

— Это современная версия — деревенская. Декорацией служит болотная грязь. Короче говоря, мы должны проверить все сапоги, которые хранятся в домах трехсот жителей деревни Живерни.

— Ничего себе!

Сильвио провел пятерней по волосам.

— Как полагаешь, сколько их может оказаться? — продолжил Серенак. — Пар сто пятьдесят? Максимум, двести?

— Елки, инспектор, что за бредовая идея?

— Именно! По этой самой причине я от нее в восторге!

— И все-таки, патрон! Если это сапоги убийцы, то он их давно выбросил. Но даже если и нет, он что, побежит показывать их полиции?

— Именно, мой дорогой, именно что так! Мы будем действовать методом исключения. Иными словами, определим, кто из жителей Живерни заявит, что у него нет сапог или что он их потерял, или предъявит новые сапоги, купленные буквально вчера. Все эти люди автоматически попадут в список подозреваемых.

Бенавидиш как зачарованный смотрел на гипсовый слепок. На его лице расцветала широкая улыбка.

— Должен вам сказать, патрон, идейки у вас даже больше чем бредовые... Но ведь это может сработать! К тому же послезавтра похороны Морваля. А вдруг весь день будет идти дождь? Вся деревня станет вас проклинять.

— Вы что, тут у себя, в Нормандии, на похороны в сапогах ходите?

— Конечно! Если дождь идет... — И Бенавидиш рассмеялся.

— Сильвио, я тоже должен тебе сказать. До меня ваш местный юмор не всегда доходит.

Помощник не отреагировал на последнее замечание. Он теребил в руках лист бумаги.

— Сто пятьдесят пар сапог, — бормотал он себе под нос. — И в какую колонку я должен это внести?

Они немного помолчали. Серенак смотрел по сторонам. Три стены из четырех были заняты массивными стеллажами, на полках которых хранились коробки с архивными материалами. В углу располагалась небольшая, скромно оборудованная лаборатория. Четвертую стену отвели под стеллаж с текущими делами. Бенавидиш снял с полки пустую архивную коробку красного цвета и написал на боку «Морваль», решив про себя, что найденные вещдоки сложит в нее позже.

Затем он обернулся к начальнику.

— Кстати, патрон, вы получили в школе список одиннадцатилетних детей? Я хотел бы внести его в третью колонку. Она пока самая пустая, но...

Серенак не дал ему договорить.

— Нет еще. Стефани Дюпен обещала мне его составить. С учетом присланного неизвестным дарителем хит-парада любовниц Морваля, полагаю, она временно исключена из числа главных подозреваемых?

— Она-то да, а вот ее муж... Я навел справки, — сказал Бенавидиш. — Его зовут Жак Дюпен. И он очень даже подходит на эту роль.

Серенак нахмурил брови.

— Ну-ка, давай поподробней.

Бенавидиш сверился с записями.

— Да уж... Иногда и занудный помощник приносит пользу, — пробурчал он.

Серенак смотрел на него улыбаясь.

— Итак, Жак Дюпен. Возраст — около сорока. Владелец агентства по продаже недвижимости в Верноне, отнюдь не процветающего. В свободное время увлекается охотой — как, впрочем, многие жители Живерни. Болезненно ревнив. Что скажете?

— Что за ним необходимо установить наблюдение. Неусыпное.

— Вы это серьезно?

— Более чем. Считай, что это интуиция. Нет, скорее даже — предчувствие.

— И что же вы предчувствуете?

Серенак водил пальцем по составленным на полке коробкам. «Д», «Е», «Ж», «З»...

— Сильвио, тебе очень не понравится то, что я сейчас скажу...

— Ничего, переживу. Так что это за предчувствие?

Палец продолжал скользить по коробкам. «И», «К», «Л», «М»...

— Я нутром чую, что это не последняя трагедия...

— Ну не тяните, патрон. Если честно, я не верю в полицейскую интуицию. Я верю в вещественные доказательства. Но вы меня заинтриговали.

«Н», «О», «П», «Р»...

— Стефани Дюпен, — вдруг сказал Серенак. — Ей грозит опасность.

Сильвио Бенавидиш нахмурил брови. В темной комнате стало как будто еще темнее.

— Что вас заставляет так думать?

— Говорю же тебе: интуиция.

«С», «Т», «У», «Ф»... Лоренс Серенак сделал по комнате несколько шагов, затем вытащил из кармана три фотографии, выбрал из них ту, на которой была запечатлена Стефани Дюпен, и бросил на стол, рядом с

гипсовым слепком. Бенавидиш смотрел на него инквизиторским взглядом.

— Точно я ничего не знаю, — продолжил инспектор. — Просто взгляд — слишком пристальный. Просто рукопожатие — слишком крепкое. Такое ощущение, будто человек взывает о помощи. Ну вот, теперь тебе все известно.

Бенавидиш подошел к нему поближе. Ростом он был ниже Серенака.

— Крепкое рукопожатие... Призыв о помощи... Вы уж меня простите, патрон, но вы сами говорили, что вы за полную откровенность. Так вот, у меня ощущение, что у вас в голове каша и что вы несете чепуху.

Сильвио схватил со стола фотографию и долго рассматривал изящную фигурку Стефани Дюпен, шагавшей рядом с Морвалем.

— В конце концов я могу вас понять, патрон. Но не требуйте, чтобы я с вами согласился.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

17 мая 2010 года

(Кладбище Живерни)

ПОХОРОНЫ

17

Лил дождь. В Живерни во время похорон всегда льет дождь.

На сей раз дождь был мелкий и холодный.

Перед могилой я стояла одна. Из-за кучи перекопанной земли картина напоминала заброшенную стройку. По мраморной доске тонкими струйками текла вода. По надписи: «Моему мужу. 1926–2010».

Отойдя к серой бетонной стене, я укрылась от дождя. Кладбище Живерни расположено на склоне холма, сразу за церковью, и террасами поднимается вверх. Чем выше — тем свежее могилы. Покойники потихоньку «догрызают» холм. Самых знаменитых и богатых еще хоронят внизу, поближе к церкви. Поближе к Моне.

На лучших местах!

У них своя тесная компания, в которую не пускают чужаков. Меценаты, коллекционеры, более или менее известные художники выкладывают гигантские суммы, чтобы навеки упокоиться здесь.

Уроды.

Можно подумать, что в полнолуние они устраивают тут свои призрачные вернисажи. Я обернулась. В самом низу, на другом конце кладбища, хоронили Жерома Морваля. Аккуратная могила, красивое надгробие. И местечко самое что ни на есть козырное — по соседству со всякими Ван дер Кемпами, Ошеде-Моне и прочими Боди. Там собралась вся деревня — ну, или почти вся. Человек сто, не меньше. Все в черном, с непокрытыми головами. Или под зонтиками.

Сто плюс один. Один — это я. На другом конце. Кому какое дело до смерти старика или старухи? Если хочешь, чтобы тебя оплакивали, пожалуй, имеет смысл сдохнуть молодым, в расцвете сил. Даже если ты — последняя сволочь, о тебе будут скорбеть. Кто первый, того и сапоги. На моего мужа кюре потратил хорошо если полчаса. Кюре у нас молоденький, родом из Гасни. Я его раньше не видела. Зато Морваля отпевал епископ из Эврё! Говорят, дальний родственник его жены. Церемония затянулась почти на два часа.

Догадываюсь, что вам это кажется удивительным. Двое похорон на одном и том же кладбище, на расстоянии нескольких десятков метров и под одним и тем же упорным дождем. Вам не нравятся такие совпадения? Они представляются вам слегка натянутыми? Тогда послушайте, что я вам скажу. Нет никаких совпадений. В череде случившихся событий нет ничего случайного. Напротив. Каждый элемент на своем месте, и все рассчитано с точностью до минуты. Каждый фрагмент этой преступной мозаики является частью цельной картины. И, клянусь вам могилой мужа, остановить лавину никто уже не в силах.

Я подняла голову. Отсюда, сверху, вид на происходящее открывается такой, что аж дух захватывает.

Патрисия Морваль стоит перед могилой мужа на коленях. Безутешная вдова. За ее спиной — Стефани Дюпен. Лицо серьезное, глаза заплаканные. Ее держит под руку муж. Суровый взгляд, кустистые брови, мокрые от дождя усы. Вокруг них толпятся люди — родственники, друзья, незнакомцы. Инспектор Серенак тоже пришел.

Стоит чуть поодаль, ближе к церкви, неподалеку от могилы Моне. Епископ заканчивает произносить надгробную молитву.

В траве — три плетеные корзины. Каждый берет из них по цветку и бросает в разверстую могилу: штокрозы, ирисы, гвоздики, сирень, тюльпаны, васильки... Кошмар. Только Патрисии Морваль могла прийти в голову эта идея. Как будто солнце хоронят.

Даже Моне до такого не додумался бы...

Им хватило деликатности изваять на гигантской гранитной доске серую кувшинку.

Бездна вкуса.

А вот со светом у них промашка вышла. Знаменитое солнце Живерни не пожелало проводить покойного в последний путь. Что ж, не все купишь за деньги. Как знать, может, Бог и правда есть.

Мокрая земля у меня под ногами охряными ручейками оползала по узким тропкам между могилами. Ни на одном из жителей Живерни, собравшихся внизу, разумеется, не было сапог. Надо думать, инспектор Серенак довольно посмеивается. Что ж, каждый развлекается как может.

Я стряхнула воду с повязанного на голове черного шарфа. Промок насквозь. Чуть поодаль я заметила сбившихся тесной кучкой детей. Кое-кого из них я узнала. Фанетта плакала. Сразу за ней стоял Винсент. Возможно, ему и хотелось ее утешить, но он не осмеливался. У детей серьезные выражения лиц — в одиннадцать лет смерть представляется особенно несообразной.

Дождь немного утих.

Пока я наблюдала за сценой похорон, мне вспомнилась одна игра, в которую мы играли детьми. Дана загадочная история, и надо найти ее разгадку, для чего можно задавать вопросы, предполагающие ответ «да» или «нет». Один человек похоронил родственника. Через несколько дней он вдруг без всякой причины убил другого родственника. Почему? «Он хорошо знал этого родственника? — Нет». «Он хотел ему за что-то отомстить? — Нет». «Он надеялся унаследовать его деньги? — Нет». «Он боялся, что родственник откроет страшную семейную тайну? — Нет». В эту игру мы играли часами...

Дождь прекратился.

Все три корзины с цветами опустели.

По мраморной доске с именем моего мужа стекали капли. Толпа внизу наконец-то рассеялась. Жак Дюпен все так же прижимал к себе жену. Ее длинные волосы прилипли к мокрому черному платью, подчеркивая рельеф груди. Они медленно прошли мимо Лоренса Серенака. Инспектор пожирал взглядом Стефани Дюпен.

Наверное, на воспоминание о той давней детской игре меня навел его жадный взгляд. Я промучилась всю ночь, но к утру нашла разгадку. На похоронах мужчина влюбился в незнакомку, но она исчезла прежде, чем он успел с ней заговорить. И он придумал: надо, чтобы умер еще кто-нибудь из членов этой семьи, и тогда незнакомка снова придет на похороны. Большинство моих друзей, вместе со мной ломавших голову над таинственной историей, возмутились: дескать, так нечестно. Только не я. Меня пленила неопровержимая логика этого преступления. Странные шутки играет с нами память. Я годами не вспоминала про эту игру. До самых похорон мужа...

Внизу разошлись последние участники церемонии.

Теперь, когда мне все стало ясно, я могу приоткрыть завесу тайны.

Антураж самый подходящий.

ЭТО НЕ ПОСЛЕДНЕЕ УБИЙСТВО В ЖИВЕРНИ.

Слово ведьмы.

Я постояла еще немного, глядя на оползающий холмик земли над могилой мужа. Больше я сюда, скорее всего, не приду. Во всяком случае, при жизни. Что мне здесь делать? Вторых похорон, в которых я заинтересована, не будет. Шли минуты, может быть, часы...

Наконец я спустилась.

Нептун послушно ждал меня у кладбищенских ворот. Я пошла по улице Клода Моне. Смеркалось. Зажглись фонари. С цветов, высаженных вдоль ограды, капала вода. Талантливый художник мог бы кое-что извлечь для себя из этой живописной картины.

В окнах домов тоже загорался свет. Я прошла мимо школы. В соседнем доме горело круглое окно под самой крышей. Это комната Стефани и Жака Дюпен. Что они сейчас делают? О чем говорят, снимая промокшую одежду?

Подозреваю, что вам очень хотелось бы проникнуть в мансарду и подсмотреть за ее обитателями. К сожалению, даже мне, опытной серой мышке, не дано карабкаться по водосточной трубе.

Я лишь слегка замедлила шаг, но продолжила свой путь.

18

Лоренс Серенак медленно продвигался в темноте, ориентируясь лишь на скрип собственных башмаков по гравию. Найти дом помощника ему не составило труда — Сильвио Бенавидиш дал достаточно точные указания. Пройти вдоль течения Эпта до Кошереля, по мосту перейти на другую сторону, повернуть налево, к церкви — ее не пропустишь, после десяти вечера это единственное в поселке освещенное здание. Серенак осветил фарами мотоцикла имя владельца на почтовом ящике и поставил свой «Тайгер-триумф Т100» между двумя монументальными цветочными вазонами. Дальше возникли сложности: звонка на калитке не оказалось. Впереди угадывалась гравийная дорожка, а метрах в пятидесяти темнело пятно дома. Серенак открыл калитку и шагнул на дорожку.

— Черт!

Инспектор врезался коленом в кирпичную ограду. Высотой около метра, она преграждала ему путь. Он ощупал холодный камень и железную решетку, припорошенную густой пылью. Когда до него дошло, что это дворовый гриль, вдали мигнул огонек. Секундой позже на большой веранде вспыхнул яркий свет. Должно быть, его вопль переполошил всех соседей. Из-за стеклянной двери показалась фигура Сильвио Бенавидиша.

— Идите прямо, патрон, — раздался его голос. — По дорожке. Только осторожней, не наткнитесь на гриль...

— Понял, понял, — пробормотал Серенак, думая про себя, что совет немного запоздал.

Он двинулся вперед, осторожно переставляя ноги, но метра через три снова налетел на препятствие, упал, задев локтями что-то вроде железного ящика, и, не сдержавшись, взвыл от боли.

— Эй, патрон, как вы там? — обеспокоенно и смущенно крикнул Сильвио. — Я же предупреждал: там гриль!

— Блин, — поднимаясь, ругнулся Серенак. — Хоть бы сказал, что их тут у тебя целая куча! Коллекционируешь ты их, что ли? Сколько

там еще?

— Всего? Семнадцать! — с гордостью доложил Сильвио. — Вы абсолютно правы, я их коллекционирую. Вернее, мы вместе с отцом коллекционируем.

Темнота скрыла от Сильвио изумление на лице начальника.

— Сильвио, ты что, издеваешься? — наконец добравшись до веранды, сварливым голосом спросил Серенак.

— Нет, с чего вы взяли?

— Ты что, серьезно коллекционируешь грили?

— А что такого? Вы днем на них посмотрите! Кстати, в мире существует несколько тысяч фугикарнофилов.

Серенак яростно растирал ушибленное колено.

— Фуги... хренофил, или как его там, это, как я понимаю, тот, кто коллекционирует грили?

— Ну да. Не уверен, что это слово включено в словари. Я, конечно, просто любитель, но вот в Аргентине есть мужик, так у него три сотни грилей из ста сорока трех стран мира! А самый древний экспонат датирован тысяча двухсотым годом до нашей эры!

Инспектор оставил колено и принялся массировать локти.

— Что-то мне подсказывает, что ты надо мной все-таки издеваешься.

— Патрон! Вы ведь со мной уже достаточно хорошо знакомы... Разве я способен такое выдумать? Понимаете, с тех пор как люди укротили огонь, они едят жареное мясо. Вы себе даже не представляете, до чего это интересная тема. Во всей истории человечества нет более древней и более универсальной технологии приготовления пищи...

— И поэтому ты поставил у себя в саду аж семнадцать штук этой фигни. Круто. Хотя ты прав: лучше грили, чем садовые гномы.

— Ну конечно! И красиво, и оригинально! И полезно — когда приглашаешь гостей.

Серенак пятерней взлохматил себе волосы.

— Точно. Меня перевели в край, населенный психами.

Сильвио улыбнулся.

— Это еще что. В следующий раз я расскажу вам про окситанские традиции. Вы узнаете, чем катарские грили отличаются от севенольских.

Он поднялся на три ступеньки крыльца.

— Прошу, патрон! Вы меня легко нашли?

— Если не считать последних двадцати метров, то да. Вообще-то, если забыть про грили, у вас тут красота. Мельницы, деревенские домики...

— Мне тоже нравится. Особенно вид с веранды.

Инспектор Серенак тоже поднялся по трем ступенькам.

— Сейчас-то темно, ничего не видно, — объяснил Сильвио. — Но днем тут классно. Хотя, если честно, патрон, Кошерель — странное местечко.

— Что, еще более странное, чем клуб фугикопрофилов? Ты должен мне об этом рассказать.

— Фугикарнофилов. Но это к делу не относится. Здесь народу перемерло — не счесть. Во время Столетней войны вон на тех холмах, прямо напротив, разыгралась жутко кровавая битва. Тысячи погибших. Во Вторую мировую — то же самое. Но самое интересное даже не это. Знаете, кто похоронен на нашем церковном кладбище?

— Неужели Жанна д'Арк?

Бенавидиш улыбнулся.

— Аристид Бриан!

— Да ну?

— Спорим, вы даже не знаете, кто это такой?

— Прекрасно знаю. Певец.

— Нет-нет, певец — это Аристид Брюан. Вечно все их путают. Аристид Бриан был политическим деятелем. Пацифистом. Он единственный француз, удостоенный Нобелевской премии мира.

— Сильвио, ты неподражаем! Я готов поступить к тебе в ученики по части истории Нормандии.

Серенак осматривал фахверковую стену дома.

— Должен сказать, что для простого инспектора полиции с его нищенской зарплатой у тебя шикарное жилье.

Сильвио выпятил грудь, явно польщенный комплиментом. Подняв глаза, он молча указал на потолок веранды, опирающийся на конструкцию из натурального бруса. Между балками была натянута металлическая проволока, по которой со временем будет карабкаться высаженный в метре от веранды дикий виноград.

— Знаете, патрон, когда я пять лет назад купил этот дом, он был настоящей развалюхой. Вот с тех пор и вожусь с ним.

— И что же ты сделал собственными руками?

— Да все.

— Как — все? Не может быть!

— Может-может. Португальские гены, даже если работаешь в полиции, дают себя знать.

Серенак расхохотался и снял кожаную куртку.

— Патрон, да вы насквозь промокли!

— Нормандские похороны, чтоб их!

— Так заходите, обсушитесь.

Мужчины вошли на веранду. Лоренс повесил куртку на спинку пластикового стула, который тут же опасно зашатался. Инспектор сел на соседний стул.

— Конечно, пластиковый гарнитур — это не фонтан, но... Мне он от одного родственника достался, ну, я и взял. Антикварной мебелью обзаведусь попозже, когда стану комиссаром. — Сильвио улыбнулся и тоже сел. — Так что там было на похоронах?

— Ничего особенного. Дождь хлестал. Народу тьма собралось. Вся деревня явилась, стар и млад. Я попросил Мори пофотографировать — посмотрим, что нам это даст. Зря ты не пошел, Сильвио. Много интересного пропустил. Гранитную кувшинку не видел, три корзины цветов и даже епископа из Эврё. При этом, заметь, ни один человек не пришел в сапогах. Не тот уровень!

— Кстати, о сапогах. Я виделся в комиссариате с Лувелем. Он все организовал. Завтра получим первые результаты.

— Хорошо. Надеюсь, это поможет нам укоротить список подозреваемых, — сказал Серенак, потирая руки, словно хотел согреться. — У этих бесконечных похорон есть и еще одно бесспорное преимущество. Благодаря им я могу работать сверхурочно дома у своего лучшего зама.

— Тем более что он у вас всего один! Простите, патрон, что заставил тащиться ко мне, но я побаиваюсь по вечерам оставлять Беатрис одну.

— Понимаю, понимаю. Ладно, чтобы покончить с этими чертовыми похоронами... Патрисия, то есть вдовушка, безутешно рыдала с первой до последней минуты. Если она притворяется, то ей

надо сниматься в кино — премия за лучшую женскую роль на любом фестивале обеспечена. Зато ни одна из любовниц Морваля не пришла его оплакать...

— Кроме школьной учительницы. Стефани Дюпен.

— Это что, юмор такой?

— Простите, вырвалось.

Бенавидиш опустил глаза и чуть заметно улыбнулся:

— Я уже понял, что на эту тему с вами лучше не заговаривать.

— Н-да, я смотрю, дома мой лучший зам себе позволяет!.. Ладно, Сильвио, ничего от тебя не скрою. Стефани Дюпен присутствовала на похоронах. И была прекрасна как никогда, несмотря на проливной дождь. Но! Она ни на шаг не отходила от своего ревнивца-мужа.

— Вы с ней все-таки поосторожней, патрон.

— Спасибо за совет, но я уже большой мальчик.

— Я от чистого сердца.

— Я тоже.

Слова помощника все же немного смутили Лоренса Серенака, который отвел взгляд и принялся рассматривать веранду. Безукоризненно ровные кирпичные стены, идеально отполированные балки, добела выскобленная каменная плитка на полу.

— Неужели ты и правда все это сделал своими руками?

— Так я все выходные и каждый отпуск что-нибудь мастерю. Мы с отцом. Он меня всему учит.

— Блин, Сильвио, ты меня поражаешь. Лично я кое-как терплю ваш поганый климат только потому, что отсюда до моей родни не меньше восьми сотен километров.

Они оба громко рассмеялись, и Сильвио тут же предостерегающе вытаращил глаза.

— Ну ладно, за работу.

Лоренс разложил на пластиковом столе три фотографии любовниц Морваля. Сильвио добавил к ним две своих.

— Честно говоря, я не понимаю, зачем нужно изменять жене, — сказал он. — До меня просто не доходит.

— Как давно вы с Беатрис вместе?

— Семь лет.

— И ты ни разу ей не изменил?

— Ни разу.

— Она сейчас наверху? Спит?

— Да. Но что это меняет?

— А почему ты ей не изменял? Может, она прекрасней всех женщин на свете? И у тебя нет причин отвлекаться на других?

Сильвио перебирал в руках фотографии. Судя по всему, он уже жалел, что завел этот разговор.

— Бросьте, патрон. Мы собрались не для того, чтобы обсуждать мою семейную...

— Подожди, — перебил его Серенак. — Ты что, намекаешь, что твоя жена — далеко не красавица?

Сильвио решительным жестом опустил на стол руки ладонями вниз.

— Красавица или не красавица — это не имеет никакого значения. Для семейной жизни это вообще не важно. Только полный кретин станет сравнивать свою жену с другими женщинами по красоте. Это же вам не конкурс! Какой бы прекрасной она ни была, всегда найдется другая, еще более прекрасная. Даже если вы женитесь на Мисс Вселенной, через несколько лет она постареет. Что ж теперь, каждый год разводиться и жениться на новой Мисс Вселенной?

Слушая тираду помощника, Лоренс как-то странно улыбался. Смотрел он при этом не в лицо собеседнику, а куда-то за его плечо, где располагалась ведущая в дом дверь.

— Вот, значит, как? Значит, я не первая красавица королевства?

Сильвио резко обернулся. Его щеки приобрели пунцовый оттенок.

В дверях стояла Беатрис. Лоренсу она показалась восхитительной. Потрясающей. Высокая, темноволосая, с длинными черными ресницами. На плечи Беатрис набросила кремовую шаль, красивыми складками ниспадавшую на круглый живот и делающую ее похожей на античную статую и оттенявшую персикового цвета кожу. В глазах у нее плясали смешливые искорки. «Интересно, — задумался Серенак, — Беатрис всегда была так прекрасна или неземной красотой ее наделило ожидание будущего материнства?» Во всяком случае, у него сложилось впечатление, что она переполнена счастьем, отсвет которого ложится на весь ее облик. Лоренс что-то такое читал на эту тему в журналах, но своими глазами наблюдал впервые. Одновременно его кольнула грустная мысль, что он, наверное, стареет: еще несколько лет назад ему

бы и в голову не пришло, что беременная женщина может быть такой сексапильной.

— Сильвио, — сказала Беатрис, усаживаясь на стул. — Ты не принесешь мне стакан сока? Все равно какого.

Сильвио вскочил и бросился на кухню. Беатрис поправила шаль у себя на плечах.

— Значит, это вы — знаменитый Серенак?

— Почему «знаменитый»?

— Сильвио мне про вас все уши прожужжал. Вы не перестаете его удивлять. Точнее говоря, изумлять. Ваш предшественник действовал более... классическими методами.

С кухни раздался голос Бенавидиша:

— Ананасовый подойдет?

— Да!

После секундной паузы она в свою очередь крикнула:

— А бутылка открытая?

— Да, вчерашняя.

— Тогда не надо!

Они немного помолчали.

— Надо будет в подвале посмотреть, там еще должно быть...

«Может, беременные женщины и сексапильны, — думал Серенак, — но до чего капризны. Любопытно, а в нормальном состоянии жена Сильвио такая же пышнотелая? И ведь не спросишь...»

— Правда, он прелесть? — спросила Беатрис. — Лучший из мужчин. Знаете, Лоренс, я ведь его давно заприметила. И сразу себе сказала: «Чур, мое».

— Подозреваю, что он не слишком долго сопротивлялся. Перед вами трудно устоять.

— Спасибо.

Шаль сползла с плеч, и Беатрис снова подтянула ее.

— Приятно услышать комплимент, особенно от вас.

— Почему особенно от меня?

— Потому что вы умеете видеть женщин.

Она произнесла эти слова с легкой иронией. Шаль, разумеется, снова соскользнула с ее плеч, после чего Лоренсу не оставалось ничего другого, как перевести глаза на плоды мастерства Сильвио и его папаши.

— Мне он тоже нравится, — изучая взглядом балки, кирпичную кладку и стеклянные двери, сказал Серенак. — И не только из-за шоколадных кексов и коллекции грилей.

Она улыбнулась.

— Вы ему тоже нравитесь. Хотя я не уверена, что это мне по душе.

— Почему же? Вы опасаетесь моего дурного влияния?

Беатрис плотнее завернулась в шаль и наклонилась к разложенным на столе фотографиям.

— Гм... Кажется, вы кого-то подозреваете?

— Это он вам сказал?

— Кто же еще? Это его единственный недостаток. Как все скромники, в спальне он становится болтлив.

— Манговый? — Голос Сильвио раздался откуда-то снизу, видимо, из подвала.

— Если другого нет! Только похолодней!

Она улыбнулась Серенаку:

— Не осуждайте меня, Лоренс. Могу я поэксплуатировать его еще несколько дней?

Инспектор молча склонил голову. Беременные женщины не просто сверхсексипильны, они еще и суперкапризны.

— Думаю, он такой во всем мире один. И вы его вычислили.

— Я тоже так думаю, инспектор.

— Пожалуй, ему чуть-чуть недостает воображения?

— Вот уж нет!

Вернулся Сильвио с большим стаканом, из которого торчала соломинка. На боку стакана красовался кружок апельсина. Беатрис поцеловала мужа в губы.

— Ну, поскольку я вымок до костей, то испытывать жажды не могу по определению... — начал Серенак.

— Простите, патрон! Что вы выпьете?

— А что у тебя есть?

— Пиво?

— Прекрасно! Только похолоднее. На апельсин я не претендую, но от соломинки не откажусь.

Беатрис одной рукой придерживала шаль, а во второй сжимала стакан.

— Сильвио, скажи ему, пусть катится к черту.

Бенавидиш расплылся в улыбке до ушей.

— Темное, светлое или безалкогольное?

— Темное.

Сильвио снова исчез в глубине дома. Беатрис опять склонилась к фотографиям.

— Это кто? Учительница?

— Да.

— Понимаю вас, инспектор. Она действительно... как бы это сказать... хорошенькая. Неотразимая. Как будто сошла с романтической картины. Или как будто специально позирует.

Лоренс даже вздрогнул от неожиданности. Как странно. Во время встречи с учительницей ему пришла в голову та же мысль. Беатрис внимательно рассматривала остальные снимки. Она отбросила назад спадающие на лоб волосы и слегка нахмурила брови.

— Инспектор! Хотите, я вам помогу?

— С расследованием?

— Да. На этих фотографиях есть деталь, которая прямо-таки бросается в глаза. Во всяком случае, в глаза женщине.

19

Стефани Дюпен стояла возле круглого окна и глядела на улицу, по которой передвигались мокрые жители Живерни. На ней все еще было облегающее черное платье. Через несколько минут она отошла от окна примерно на метр и сняла платье. Полураздетый Жак лежал в постели на боку. Он поднял глаза от бюллетеня по продаже недвижимости в округе Анделис. Комната располагалась в мансарде. Через середину потолка тянулась дубовая балка, с которой свисала лампочка под абажуром, заливавшая комнату рассеянным светом.

Кожа Стефани приобрела под ней оттенок красного дерева. Женщина снова приблизилась к окну и стала смотреть на вечернюю улицу — площадь возле мэрии, тополя, школьный двор.

«Что ты встала у самого окна, — подумал Жак, — тебя же с улицы видно!» Но вслух он ничего не сказал. Стефани буквально прилипла к окну. На ней был только лифчик, черные трусы и серые чулки.

— Почему на похоронах все время идет дождь? — чуть слышно прошептала она.

Жак отложил журнал в сторону.

— Не знаю. В Живерни часто идут дожди, Стефани. В том числе во время похорон. Просто про дождь на похоронах люди дольше помнят.

Он уставился на нее пристальным взглядом.

— Ты ложишься?

Она ничего не ответила, но медленно отошла от окна. Развернулась в три четверти оборота и поймала свое отражение в круглом окне.

— Я потолстела, тебе не кажется?

Жак улыбнулся:

— Смеешься, что ли? Ты...

Он замялся, подыскивая слово, способное передать то, что он чувствовал, глядя на ее длинные волосы, гибкую спину цвета меда и изгибы ее тела.

— Ты... Настоящая мадонна.

Стефани улыбнулась. Завела руки за спину и расстегнула лифчик.

— Нет, Жак. Мадонна красива потому, что у нее есть ребенок.

Она повесила деталь туалета на плечики, висевшие на вбитом в балку гвозде. Повернулась и, не глядя на Жака, села на край кровати и принялась медленно снимать чулки. Жак вытянул из-под одеяла руку и положил ее на плоский живот жены. Чем ниже она наклонялась, снимая чулок, тем ближе к его руке была ее обнаженная грудь.

— Кому ты хочешь понравиться, Стефани?

— Никому. Почему я должна кому-то нравиться?

— Мне, Стефани. Ты должна нравиться мне.

Стефани ничего не ответила. Молча легла и накрылась одеялом.

— А мне не понравилось, — после некоторого колебания сказал Жак, — как на тебя пялился этот полицейский. На похоронах Морваля. Очень не понравилось.

— Не начинай. Хватит уже.

Она повернулась к нему спиной. Жак слышал ее ровное дыхание.

— Завтра Филипп и Титу зовут меня на охоту. На плато Мадри. Ближе к вечеру. Ты не возражаешь?

— Нет. С чего бы я стала возражать?

— Точно? Если скажешь, я останусь.

Ровное дыхание. Вот и все, что у него есть — спина жены и ее дыхание.

Это невыносимо.

Он положил журнал в изножье постели. Чуть помолчав, спросил:

— Ты не будешь читать?

Стефани покосилась на ночной столик. На нем лежала одна-единственная книга. «Орельен» Луи Арагона.

— Нет, не буду. Можешь выключать.

В комнате стало темно. Черные трусы упали на пол.

Стефани повернулась к мужу.

— Сделай мне ребенка, Жак. Умоляю тебя.

20

Инспектор Серенак во все глаза смотрел на Беатрис, сиюсь разгадать, что прячется за ее насмешливой улыбкой. Веранда словно превратилась в допросную. Жена Сильвио Бенавидиша зябко куталась в шаль.

— Беатрис! Так что за деталь бросилась вам в глаза?

— Она касается вашей учительницы. Кстати, как ее зовут?

— Стефани. Стефани Дюпен.

— Ах да, Стефани. Красивая девушка. По словам Сильвио, она разбила вам сердце.

Серенак нахмурил брови.

— Так вот. Руку даю на отсечение, что она никогда не крутила любовь с этим типом. С Жеромом Морвалем.

Беатрис еще раз внимательно пересмотрела все пять фотографий.

— Поверьте мне, она — единственная из пяти женщин, кто никогда не вступал с ним в физический контакт.

— Что заставляет вас так думать? — спросил Серенак, пытаясь в свою очередь изобразить загадочную улыбку.

Ее ответ прозвучал хлестко и категорично:

— Он не в ее вкусе.

— Вот как? А кто же в ее вкусе?

— Вы.

Беременные женщины отличаются редкой прямоотой.

Вернулся Сильвио — с бутылкой «Гиннеса» и большим фирменным бокалом — и поставил то и другое перед начальником.

— А можно я здесь посижу, пока вы будете работать? — спросила Беатрис.

В глазах Сильвио мелькнул испуг. Лоренс сдул с пива шапку пены и проворчал:

— Какая разница, если он все равно все вам потом выболтает?

Бенавидиш воздержался от комментариев. Серенак ткнул пальцем в одну из фотографий.

— Ладно, я начинаю, — объявил он.

Беатрис и Сильвио наклонили головы, разглядывая снимок. Тот, на котором Жером Морваль взасос целовал сидящую за заваленным бумагами письменным столом девушку.

— С точки зрения следствия, фото не представляет большого интереса. Снято в кабинете Жерома Морваля. Девушку зовут Фабиенна Гонкальв. Одна из его секретарш. Молодая и распутная. Их тех, что под деловым костюмом носят кружевные трусы...

Сильвио осторожно положил руку на плечо Беатрис, которой происходящее явно доставляло бездну удовольствия.

— Если верить подруге секретарши, сцена могла иметь место пять лет назад. Фабиенна тогда была не замужем. Не то что сейчас...

— На убийство из ревности точно не тянет, — сказал Сильвио и перевернул фотографию. — А что насчет кода? Двадцать три — ноль два?

— Понятия не имею. Никаких соответствий обнаружить не удалось. Ни с датой рождения, ни с датой знакомства. Единственное, что лично у меня не вызывает сомнений — то, что вторая цифра обозначает не месяц.

— Извините, что перебиваю, патрон, но я уперся в тот же тупик. Девушек я установил, но по поводу цифр — полный туман. Ноль три — ноль один; двадцать один — ноль два; пятнадцать — ноль три. Может, это шифр частного детектива, который делал снимки?

— Возможно. Но даже если так, что это нам дает? До тех пор пока мы не выйдем на частного детектива, а Патрисия Морваль будет отрицать, что послала нам эти фото, мы не сдвинемся с мертвой точки. Ладно, оставим это пока. Давай, твоя очередь.

Сильвио так и не снял руку с плеча жены. Мало того, он ухватил конец шали и придерживал ее рукой, чтобы не спадала. Чтобы достать снимок, ему пришлось изогнуться. Второе фото явно было сделано в ночном клубе. Жером Морваль сидел, приложив руку к декольте переливающегося платья молодой загорелой и сильно накрашенной

блондинки. Серенак присвистнул. Сильвио кашлянул. У Беатрис блеснули глаза.

— Алина... Алина Малетра, — пробормотал Сильвио. — Тридцать два года. Специалистка по связям с общественностью в артистической среде. Разведена. Складывается впечатление, что с ней у Морваля был самый продолжительный роман. Независимая особа. В парижских галереях чувствует себя как рыба в воде.

— Связи с общественностью... — хмыкнул Лоренс. — Значит, теперь это так называется... Судя по фотке, та еще штучка. Ты с ней разговаривал?

Беатрис выпрямила спину — ни дать ни взять волчица, почуявшая опасность. Пальцы бдительного Сильвио крепче сомкнулись на шали.

— Нет, — ответил инспектор. — По моим данным, она девять месяцев назад перебралась в США. В местечко под названием Олд-Лайм — не знаю, слышали вы про него или нет, но говорят, это что-то вроде американского Живерни. Там собираются импрессионисты с Восточного побережья. Находится в штате Коннектикут, неподалеку от Бостона. Я пытался ей дозвониться, но безуспешно. Но не сомневайтесь, патрон, я ее достану!

— Хорошо. Надеюсь, ты не сочинишь сказку про американский вояж прекрасной Алины, чтобы не расстраивать Беатрис?

Беатрис провела рукой по колену Сильвио.

Беременные женщины не только сексапильны и капризны. Они еще умеют быть ласковыми.

— А теперь держитесь за землю, — продолжил Сильвио. — Знаете, на кого Алина Малетра работает в Бостоне?

— Дай подсказочку! — взмолился Серенак. — Она работает одетой или наоборот?

Сильвио не снизошел до комментариев.

— Алина Малетра трудится в фонде Робинсона!

— Ишь ты. Опять этот чертов фонд! Сильвио, разыщи мне эту девицу, — строго сказал Лоренс, покосившись на Беатрис. — Ладно, теперь моя очередь.

По рукам пошла следующая фотография. Девушка в коротком синем халатике, из-под которого выглядывает юбка, стоит перед окулистом на коленях. У окулиста спущены штаны. Сильвио

повернулся к Беатрис с таким видом, словно хотел сказать: «Дорогая, мне кажется, тебе пора спать». Но он промолчал.

— Мне очень жаль, — начал Серенак, — но я почти не продвинулся. Не видя лица девушки, трудно установить ее личность. Единственное, что мне удалось выяснить: дело происходит в гостиной дома Морвалей на улице Клода Моне — я узнал картины на стенах. Одежда девушки — я имею в виду клетчатый синий халат — позволяет предположить, что это домработница. Патрисия Морваль ничего конкретного по этому поводу сообщить не пожелала, подтвердила лишь, что домработницы у них в доме менялись с головокружительной частотой. Зато Мори, которого я попросил изучить текстуру бумаги, убежден, что фото сделано по меньшей мере десять лет назад.

— А отчего умер Морваль? — вдруг спросила Беатрис.

— Его зарезали, потом раздробили ему череп, после чего утопили, — машинально ответил Серенак.

— Моя воля, я бы ему яйца отрезала.

Сексапильная, капризная и ласковая... Как змея, обвившаяся у тебя вокруг шеи.

Сильвио глуповато улыбнулся:

— Детка, тебе не пора идти спать?

«Детка» ничего не ответила. Лоренс в душе хохотал.

— Если эта связь имела место десять лет назад... — задумчиво произнес Сильвио. — ...И если у нее родился ребенок, то ему сейчас...

— Как раз десять лет! Я тоже умею считать. Понимаю, к чему ты клонишь, но сначала нам надо найти девицу и выяснить, есть ли у нее ребенок. Так, теперь твоя ирландка.

— Это надолго, патрон. Может, сначала вы?..

Серенак поднял на него удивленный взгляд.

— Как хочешь. Я, напротив, буду краток.

Очередная фотография. Стефани Дюпен и Жером Морваль идут по грунтовой дороге, по всей видимости, в окрестностях Живерни. Идут рядом, держась за руки.

— Полагаю, мы можем констатировать, что парочка ведет себя довольно целомудренно. Во всяком случае, для супружеской измены. Как вы считаете, Беатрис?

Сильвио вздрогнул от удивления. Беатрис вяло кивнула.

— Да, но... — возразил Бенавидиш. — ...Фотография была прислана вместе с четырьмя остальными. Вряд ли она оказалась там случайно.

— Золотые слова! Сильвио, разве тебя не учили, что нельзя покупаться на слишком очевидные улики? А ведь это азы детективного ремесла! Тем более, если улики подбрасывает аноним! Впрочем, о девушке с фотографии мы знаем все. Зовут Стефани Дюпен, работает в деревне учительницей. Завтра я с ней встречаюсь. Она обещала составить список детишек, живущих в Живерни, — Сильвио, делаю это ради тебя! Заодно поинтересуюсь, чем занимался ее муж в то утро, когда убили Морваля.

Лоренс ждал от Беатрис одобрения, но она прислонилась головой к Сильвио и закрыла глаза. Сильвио поплотнее укутал ее шалью.

— Ладно, — сказал Серенак. — Давай про ирландку.

— Элиссон Мюрер, — шепотом сказал Сильвио. — И она не ирландка, а англичанка. Из Дарема, это на севере Англии, неподалеку от Ньюкасла. А на снимке никакая не Ирландия. Это остров Сарк.

— А разве остров Сарк не в Ирландии?

— Нет, он немного севернее. Небольшой англо-нормандский островок близ Джерси. Говорят, самый красивый из британских островов.

— Так что там твоя Элиссон?

Беатрис спала.

— Это долгая история, — прошептал Бенавидиш. — И, боюсь, епископу из Эврё она совсем не понравилась бы.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

18 мая 2010 года

(Мельница «Шеневьер»)

СМЯТЕНИЕ

21

Как вы уже поняли, мои спальня и ванная расположены на самой верхотуре, в донжоне мельницы «Шеневьер», в той самой квадратной

фахверковой башне. Это две крошечные комнатки, способные устроить только такую старуху, как я.

Я медленно закалывала волосы. Я приняла решение. Мне необходимо увидеться с Патрисией Морваль. Сегодня. Я с неудовольствием посмотрела на темное пятно на полу. Вчера, вернувшись с похорон, я сняла промокшую насквозь одежду и повесила на крючки в гостиной. Отжимать не было сил, и с моих вещей всю ночь капала вода. Утром на полу натекла целая лужа. Я вытерла ее тряпкой, но мокрое пятно осталось. Я понимаю, что это всего лишь вода и что деревянный пол вскоре высохнет, но... Это проклятое пятно не дает мне покоя. К тому же оно расплылось прямо под моими «Черными кувшинками».

Вы, конечно, скажете, что я тронулась рассудком. Что вам ответить? Вы правы — во всяком случае, в отношении этого моего «пунктика». Я подошла к окну. Одно из преимуществ жизни в башне заключается в том, что это лучший на весь Живерни наблюдательный пункт. Из своего орлиного гнезда я вижу русло Эпта, луга, протянувшиеся до самого Крапивного острова, сад Моне, шоссе Руа, заканчивающееся круглой площадью...

Это моя сторожевая вышка. Порой я провожу здесь долгие часы.

Как же я самой себе противна!

Кто бы мог подумать, что я превращусь в старую мегеру, которая целыми днями торчит у окна и подглядывает за соседями, незнакомцами, туристами?

Деревенская консьержка.

Ежик, только без элегантности.[4]

Но это так и есть.

Иногда глазеть на бесконечный поток машин, автобусов, велосипедов и пешеходов на шоссе Руа, на всех этих паломников импрессионизма, преодолевающих последние метры на своем крестном пути, бывает откровенно скучно.

Иногда — наоборот. Когда случаются сюрпризы. Как вот только что.

Не заметить этот мотоцикл было невозможно. Он сбросил скорость сразу за мельницей, поворачивая к деревне, на улицу Коломбье.

Инспектор Лоренс Серенак собственной персоной!

Я наблюдала за ним. Меня никто не видит, никто ни в чем не подозревает. Но даже если кто-нибудь догадается, чем я тут занимаюсь, что изменится? Одинокая старуха каждое утро прилипает к окну с выпученными, как у золотой рыбки, глазами, чтобы — как та же золотая рыбка — мгновенно, едва вильнув хвостом, забыть увиденное.

Кто побоится подобного соглядатая?

Тем временем мотоцикл полицейского развернулся на улице Коломбье. Инспектор Серенак едет назад — навстречу катастрофе.

22

Лоренс Серенак припарковал мотоцикл на площади возле мэрии, под большим липовым деревом. На сей раз он решил не полагаться на волю случая и подъехал к школе буквально через пару минут после окончания уроков. И действительно, на улице Клода Моне ему встретила стайка детворы, восхищенно взиравшей на его «Тайгер-триумф».

Стефани стояла к нему спиной и укладывала в большую картонную папку детские рисунки. Он заговорил первым — чтобы не дать ей времени обернуться и затопить его своим взглядом, лишая возможности внятно произносить слова.

— Здравствуйте, Стефани. Вот и я. Явился, как мы и договаривались, за списком учеников.

Учительница протянула ему руку и ласково улыбнулась. Так улыбается обвиняемый в суде. Серенак сам не понимал, почему ему пришло на ум это сравнение.

— Здравствуйте, инспектор. Я все приготовила. Вот, конверт на столе...

— Спасибо. Должен вам сказать, мой помощник свято уверовал в эту версию. В смысле, в то, что убийство связано с поздравительной открыткой, которую мы нашли в кармане Жерома Морваля.

— А вы?

— А я пока не знаю. Вам должно быть виднее. Но мой помощник вбил себе в голову, что у Жерома Морваля лет десять назад мог родиться внебрачный ребенок. В общем, сами понимаете...

— А больше он ничего не придумал?

— Вам эта версия кажется притянутой за уши? Скажите, среди ваших учеников нет никого, кто подошел бы под это описание?

Стефани взяла со стола белый конверт и приложила его к груди инспектора.

— Раскапывать семейные секреты моих волчат — ваша работа, а не моя.

Серенак не стал настаивать. Он молча оглядывал класс, делая вид, что подбирает нужные слова. В действительности инспектор знал, что сейчас скажет. Он подготовил свою речь заранее. Всю дорогу от Вернона до Живерни он, как выдохшуюся жвачку, катал и перекатывал во рту первую фразу. Скользя глазами по пастельных тонов афише «Конкурс юных художников», он заметил рядом еще одну, на которой также упоминался фонд Робинсона. Фоном ей служила репродукция одного из пейзажей Сислея, а английский текст расхваливал Национальный музей и арт-галерею Кардиффа. Выждав сколько требовалось, Серенак спросил:

— Стефани, вы хорошо знаете свою деревню?

— Я здесь родилась.

— Мне нужен провожатый. Как бы вам это объяснить? Я чувствую, что должен ближе познакомиться с Живерни, проникнуться ее духом. Иначе мне не справиться с расследованием.

— Наблюдательность и воображение? Как учат художники?

— Именно.

Они улыбнулись друг другу.

— Хорошо. Я в вашем распоряжении. Сейчас накину что-нибудь, и можем идти.

Стефани Дюпен надела на желтое платье шерстяной жакет. Они прошли по улице Клода Моне, спустились по Большой Садовой, свернули на улицу Мильё, пересекли ручей и выбрались на шоссе Руа прямо напротив мельницы «Шеневьер». Стефани сотни раз водила своих учеников по Живерни. Она знала все местные истории и легенды и охотно делилась ими с инспектором. В том числе объяснила, что практически каждый уголок и чуть ли не каждый здешний дом и каждое дерево удостоены высокой чести быть покрытыми лаком и вставленными в раму и храниться, вызывая восхищение, за тридевять земель от Живерни.

Контроль подлинности происхождения!

From Givemy. Near Giverny. Normandy.[5]

— У нас, — Стефани улыбалась немного странно, — путешествуют камни и цветы. Но не люди!

Они перешли на другую сторону шоссе Руа. Под мостом, убегая под каменную арку в направлении мельницы «Шеневьер», журчала вода, создавая иллюзию свежести. Стефани остановилась в нескольких метрах от мельницы.

— Меня всегда тянуло к этому необычному дому, — призналась она. — Сама не знаю почему.

— Вы позволите мне высказать предположение?

— Попробуйте.

— Помните книгу, которую вы мне дали? «Орельен» Луи Арагона. Я провел в его обществе чуть ли не полночи. Орельен и Беренис. Их умопомрачительная любовь. В тех главах, где действие происходит в Живерни, Беренис живет на мельнице. Арагон не уточняет, на какой именно, но, если внимательно прочитать описание местности, не остается никаких сомнений, что речь идет об этой самой.

— Вы так думаете? Вы серьезно полагаете, что Арагон загнал свою Беренис, раздираемую между двумя чувствами, между разумом и стремлением к абсолюту, умирать от скуки...

— Ни слова больше! — перебил ее Лоренс. — Не рассказывайте мне, чем там все кончится!

Они приблизились к большим деревянным воротам. Ворота стояли распахнутые. По долине пронесся легкий ветерок. Стефани поежилась. Лоренсу стоило немало труда удержаться и не прижать ее к себе.

— При всем уважении к Арагону... Видите ли, Стефани, для полицейской ищейки, каковой я являюсь, эта мельница — в первую очередь ближайшее к месту убийства Жерома Морваля жильё.

— Ну, меня это не касается. Я при вас только гид. Если вам интересно, у этой мельницы длинная история. Не будь ее, не было бы ни сада Моне, ни знаменитых «Кувшинок». На самом деле ручей рукотворный. Его русло прорыли монахи еще в Средние века, чтобы подвести к мельнице воду. Он протекал чуть выше участка Моне, через поле, и Моне это поле выкупил, чтобы устроить у себя в саду пруд.

— А что было потом?

— Мельница долго принадлежала Джону Стентону — американскому художнику, который, как говорят, теннисной ракеткой владел гораздо лучше, чем кистью. Но по неизвестной причине для деревенской детворы мельница «Шеневьер» всегда оставалась заколдованным местом и домом ведьмы.

— Брр...

— Смотрите, Лоренс. Следите за моим пальцем.

Стефани взяла его за руку. Лоренса окатило блаженство.

— Видите вишню посреди двора? Ей не меньше ста лет! У детишек Живерни любимое развлечение — прокрасться во двор и нарвать вишен.

— Куда только смотрит полиция?

— Подождите, дальше смотрите. Видите, в ветках что-то блестит? Это фольга. Просто полосы фольги. Их вешают, чтобы отпугивать птиц. От птиц вреда урожаю гораздо больше, чем от детворы. А у детворы есть еще одна забава...

В глазах Стефани вспыхнули озорные огоньки, на миг превратив ее в девчонку. Печальное выражение бесследно исчезло с ее лица. Не давая инспектору вставить ни слова, она продолжила:

— Мальчик, который желает удостоиться звания рыцаря, должен сорвать с дерева металлическую ленту и преподнести в дар своей принцессе, чтобы принцесса могла вплести ее в волосы.

Она засмеялась и поднесла руку Лоренса к своей голове.

— Это вещественные доказательства, инспектор!

Серенак погрузил пальцы в густые каштановые волосы. Его охватило смятение. Не может быть, чтобы Стефани не замечала, в каком он состоянии.

«Что она задумала? Сколько в ее действиях непосредственности и сколько расчета?»

Под его пальцами шуршали ленты фольги. Он отдернул руку, словно боясь обжечься. И улыбнулся глупо, понимая, что выглядит круглым дураком.

— Вы поразительная женщина, Стефани. Правда, правда. Носить в прическе ленты из фольги! Полагаю, с моей стороны будет нескромным поинтересоваться: кто тот рыцарь, что вам их преподнес?

Она спокойно поправила волосы.

— Во всяком случае, не Жером Морваль. В этом вы можете быть уверены. Чего-чего, а ребяческого романтизма в нем не было ни на грош. И не пытайтесь, инспектор, искать тайну там, где ее нет. У меня в классе полно мальчиков, которые обожают дарить учительнице подарки. Ну что, пошли дальше?

Они немного продвинулись вдоль русла ручья и остановились напротив портомойни, в том самом месте, где несколько дней назад было обнаружено тело Жерома Морваля.

Каждый из них думал об этом убийстве.

Первой затянувшееся молчание прервала Стефани:

— Портомойню подарил деревне Клод Моне. Не только эту, еще несколько в других местах коммуны. Он пытался подольститься к крестьянам, хотел, чтобы они стали считать его своим...

Серенак ничего не отвечал. Отступив на пару шагов, он вглядывался в воду, в глубине которой колыхались на дне ручья водоросли.

— Должен признаться вам, Стефани. — Его голос прозвучал резко, как свист кнута. — В настоящий момент главным подозреваемым по этому делу является ваш муж.

— Простите?

— Я просто хотел, чтобы вы знали. Ходили слухи, что между вами и Морвалем... А ваш муж известен своей ревностью.

— Чушь какая! Что за игру вы затеяли, инспектор? Я ведь вам уже сказала, что между мной и Морвалем...

— Знаю. Но...

Он тронул мыском ботинка рыхлую прибрежную землю. Вчерашний дождь успел смыть все следы.

— У вашего мужа есть сапоги?

— И много у вас таких дурацких вопросов?

— Это далеко не дурацкий вопрос. Это вопрос следователя. Простите, но вы мне не ответили.

— Ну разумеется, у Жака есть сапоги. Как у всех. Думаю, сейчас он как раз в них. Ушел с приятелями на охоту.

— Так охотничий сезон вроде еще не открыт?

Голос учительницы звучал сухо и равнодушно:

— Владелец холма над Астрагальской тропой Патрик Делоне добился разрешения на круглогодичный отстрел диких кроликов вне

территории заповедника. На известковых почвах, да будет вам известно, кролики плодятся с немислимой интенсивностью. Дайте своим людям задание проверить, и они вам подтвердят: в сельскохозяйственном управлении департамента лежит документ с перечислением участков, регулярно подвергающихся набегам вредоносных грызунов, и списком лиц, которым с согласия Делоне позволено охотиться в его владениях. В этом списке, чтоб вы знали, все его приятели из Живерни, в том числе мой муж. Все покупается... А они палят себе круглый год без перерыва и притом — на совершенно законных основаниях.

Серенак нахмурил брови. Весь его вид говорил о том, что, если он ничего не записывает, то все запоминает.

— Спасибо, мы обязательно проверим. К вам зайдет мой помощник. Могу вас сразу успокоить: он далеко не такой нахальный, как я. Стефани, а что делал ваш муж в то утро, когда случилась трагедия?

Стефани шагнула в сторону и сорвала листок с ближайшей ивы.

— Значит, вы специально привели меня сюда, инспектор? Чтобы допросить на месте убийства? Так сказать, с целью оказания психологического давления?

— Вы не... Я не... — забормотал инспектор.

— В то утро Жак ушел на охоту, — еще суше ответила Стефани. — Очень рано. Что абсолютно нормально для этого времени года — если погода позволяет. Как видите, у моего мужа нет алиби. Но и мотива у него тоже нет. То обстоятельство, что Жером Морваль делал робкие попытки за мной ухаживать, не может служить мотивом. Мы с ним несколько раз прогулялись вместе по окрестностям — как сейчас прогуливаемся с вами. Разговаривали о живописи. Он был интересный собеседник и очень образованный человек. Дальше этого мои отношения с Жеромом Морвалем никогда не заходили.

Стефани Дюпен проследила взглядом за течением воды, а затем подняла глаза на Лоренса Серенака.

Непроницаемые глаза.

— Судите сами, инспектор. Допустим, я сейчас поскользнусь, а вы меня подхватите. Кто-нибудь может это увидеть. Кто-нибудь, наделенный наблюдательностью и воображением. Он может даже нас сфотографировать. Здесь такое случается сплошь и рядом. При этом и вы, и я будем точно знать, что между нами ничего не было.

Серенак не удержался и посмотрел по сторонам. Он заметил несколько человеческих фигур, но далеко, за полями. Ни одного дома поблизости не было. Кроме мельницы Шеневьер.

— Простите меня, Стефани, — пробормотал он. — Я... Мне... Это всего лишь одна из версий. Наверное, я не совсем точно выразился, когда сказал про «главного подозреваемого»... — Он чуть помолчал и продолжил: — На самом деле, по мнению моего заместителя, инспектора Бенавидиша, — мнению, которое я разделяю, — существует три возможных мотива убийства Жерома Морваля. Ревность — поскольку он менял любовниц как перчатки. Спекуляция произведениями искусства — поскольку он увлекался коллекционированием живописи. И, наконец, некая тайна, связанная с ребенком...

Стефани ненадолго задумалась. Когда она заговорила, в ее голосе звучала ирония:

— Тогда главной подозреваемой должна быть я. Все три следа ведут ко мне, не так ли? Я иногда разговаривала с Морвалем; я организую конкурс рисунков; я лучше всех знаю окрестную детвору. Я права?

Она криво усмехнулась своими бледными губами и протянула ему обе руки со сжатыми кулаками, словно предлагала тут же надеть на них наручники.

Серенак натужно рассмеялся:

— Напротив, вы чисты как никто. Судя по вашим словам, вы не были любовницей Морваля, не пишете картин и у вас нет детей.

Инспектор едва успел договорить, как почувствовал, что сказал что-то не то. Глаза Стефани внезапно потемнели, словно слова Серенака причинили ей боль.

Словно у скрипки лопнула струна.

Нет, она не может так искусно притворяться. Он повторил про себя все, что только что произнес вслух.

«Вы не были любовницей Морваля».

«Вы не пишете картин».

«У вас нет детей».

Поведение Стефани доказывало, что он в чем-то ошибся. Что по меньшей мере одно из этих утверждений ложно.

По меньшей мере одно.

Какое именно? И связано ли оно с расследованием убийства? У Лоренса снова возникло ощущение, что он увязает в болоте, цепляясь за детали, не имеющие никакого значения.

По улице Коломбье они медленно дошли до школы. Оба молчали. Прощаясь, оба чувствовали непонятное смущение.

— Стефани! Как положено говорить в таких случаях: я прошу вас никуда не уезжать и оставаться в досягаемости полиции.

Он постарался смягчить свои слова улыбкой. Она ответила с подчеркнутой теплотой:

— С удовольствием, инспектор. Найти меня не трудно. Я либо в школе, либо дома.

Она указала взглядом на круглое окно в мансарде.

— Как видите, мое королевство не слишком велико. Ах да, чуть не забыла. Через три дня я веду детей на экскурсию в сад Моне.

И она скрылась за школьной дверью, напоследок окатив Лоренса сиреневым дождем своих глаз. Он чувствовал, как этот поток проникает ему в мысли, заставляя видеть окружающее в новом свете — реальность дробилась и распадалась, словно беспорядочные мазки кисти на холсте.

«Стефани Дюпен.

Какую роль она играет в этой истории?

Виновницы? Или жертвы?»

Эта женщина лишила его покоя. Единственным разумным выходом было бы отказаться от расследования, вызвать судебного следователя, свалить все на Сильвио или кого угодно еще.

Его останавливало только одно.

Интуиция. Она подсказывала ему, что Стефани Дюпен безмолвно взывает о помощи.

23

Из своей башни я все отлично разглядела. Я видела, как парочка стояла под моей вишней. Видела ленты из фольги в волосах учительницы. Видела грязь на ботинках инспектора, топтавшегося на месте убийства.

Великолепный обзор!

С моей стороны было бы глупо упускать такую возможность, вы не находите? При всей банальности происходящего. Красавец инспектор, явившийся невесть откуда, и учительница в ожидании спасителя! Оба они молоды и хороши собой. У них впереди вся жизнь. Они держат свою судьбу в собственных руках.

Что еще требуется?

Пара-тройка встреч. А дальше плоть возьмет свое.

Я спустилась вниз, проклиная каждую ступеньку. Еще несколько минут придется повозиться, запирая дверь на три замка. Мне уже трудно даже просто закрыть тяжелую дубовую дверь, такую же старую, как я. По-моему, петли у нее с каждой ночью ржавеют все сильнее. Наверное, двери тоже болеют ревматизмом.

Вспомнились полицейский и учительница. Эти двое мечтают прорвать картину. Выйти за пределы рамы. Сбежать на сияющем хромом мотоцикле. Какая женщина не мечтает о таком побеге?

Главное, чтобы в мотор не попала песчинка.

Или кто-нибудь другой не переписал историю по-другому.

— Нептун! Ко мне.

Мы пошли. Как всегда, я срезала путь через парковку возле музея американского искусства. Как всегда, шагая мимо здания, сморщилась от отвращения перед его безобразной архитектурой в духе 1970-х. Разумеется, я в курсе: изначально планировалось, что здание будет скрыто большим садом. Много лет назад они даже высадили перед музеем туи и бирючину. И назвали все это импрессионистским парком. Ха-ха. Но я знаю немало таких, кто ни за что не согласится заменить привычный забор на живую изгородь. Полагаю, сейчас, когда французы выкупили участок у американцев, а в здании собираются устроить музей импрессионистов, они вырубят весь этот так называемый парк. И, если бы меня спросили, что я об этом думаю, я бы сказала, что я — за.

В любом случае я умру раньше, чем все это будет реализовано. Пока что они ограничились тем, что поставили позади музея четыре стога сена. Еще бы вилы воткнули! На мой взгляд, сено плохо сочетается с туями, зато туристам нравится. Они обожают фотографироваться на фоне стогов.

В молодости я часто гуляла за музеем и расположенной чуть дальше галереей Камбура. Дорога там идет в гору, и сверху открывается неплохой вид на утопающую в зелени крышу музея. Туристы туда не ходят. Хотя, если говорить о видах, самый красивый — с высоты холма, на котором стоит водонапорная башня. Мне туда уже не дойти. Остается только вспоминать.

Я шла вперед, постукивая палкой по тротуару. Меня обогнала группа из пяти стариков — не таких старых, как я, но и не молоденьких; они болтали по-английски. У нас всегда так. В будни в Живерни безлюдно, как в любой другой деревне, если не считать автобусов с экскурсантами. Три четверти туристов говорят по-английски. Их высаживают в начале улицы Клода Моне, они проходят ее в оба конца — до церкви и обратно. По пути туда разглядывают галереи, по пути назад — кое-что покупают. В выходные — дело другое. В выходные у нас нашествие парижан. Ну, и из других городов Нормандии народ приезжает, но немного.

Старики удалялись от меня все дальше, а я продолжала ползти как черепаха. Будь моя воля, перед галереей Канди я бы точно ускорила шаг. Амаду Канди принадлежит самая старая в Живерни художественная галерея.

Я хожу мимо нее уже тридцать лет. И все тридцать лет она меня раздражает.

Лавка похожа на пещеру Али-Бабы. Завидев меня, на пороге появился хозяин.

— Привет, красавица! Все мотаешься туда-сюда?

— Здравствуй, Амаду. Извини, я спешу.

Он захохотал во всю свою великанскую глотку. На моей памяти он в деревне единственный африканец. Родом из Сенегала. Иногда я останавливаюсь с ним поболтать. Он делится со мной своими планами. Мечтает в один прекрасный день купить и продать Моне. Сорвать джекпот. Любое полотно с «Кувшинками». Хотя бы с черными... Порой он тоже шатается в окрестностях мельницы Шеневьер. Амаду Канди заключил немало сделок с Жеромом Морвалем. Я ему не доверяю. К тому же мне стало известно, что не так давно к нему заглядывала полиция.

Я шла вперед. У меня впечатление, что улица Клода Моне с каждым разом становится все длиннее. Туристы вежливо расступаются, пропуская старую даму. Находятся придурки, которые меня фотографируют. Как будто я являюсь частью пейзажа.

Дом семьдесят один.

Наконец-то!

На почтовом ящике надпись: «Жером и Патрисия Морваль». Можно подумать, здесь по-прежнему живут муж и жена. Но я понимаю Патрисию. Ей не хочется отскрести с почтового ящика имя покойного мужа.

Я несколько раз позвонила в колокольчик. Она вышла.

Вид удивленный.

Что, в общем-то, нормально. Мы уже несколько месяцев толком не общались: так, кивнем друг другу, встретившись на улице, и все. Я подошла к ней и чуть ли не в ухо прошептала:

— Патрисия, мне надо с тобой поговорить. Я должна кое-что тебе сообщить. Я кое-что узнала, а еще кое-что поняла.

Она пропустила меня вперед, и я заметила, какая она бледная. В длинном коридоре висели две картины с «Кувшинками». У меня закружилась голова. И показалось, что Патрисия старательно отводит от них глаза.

Слюнтяйка. Всегда такой была.

— Это... Это насчет смерти Жерома? — пробормотала она.

— Да. Но не только.

Я заколебалась. Терять мне больше нечего, это верно, но все-таки швырнуть правду ей в лицо — это как-то... Посмотрела бы я на вас, окажись вы на моем месте. Поэтому я подождала, пока она усядется в кресло в гостиной, и только тогда сказала:

— Да, Патрисия, это касается смерти Жерома. Я знаю имя его убийцы.

24

Сильвио Бенавидиш терялся в догадках: что в пруду с кувшинками забыли крокодилы? Разумеется, каждый художник имеет право на свободу самовыражения, но, может, на сей раз автор — некто Кобамо — имел в виду некий скрытый смысл? От нечего делать Сильвио принялся считать крокодилов, спрятанных на картине Кобамо между

кувшинок, и повсюду натыкался взглядом то на глаза, то на ноздри, то на хвост.

У него за спиной открылась дверь, и в галерею вошел Лоренс Серенак. Инспектор Бенавидиш повернулся к Амаду Канди.

— Я же вам говорил, он вот-вот будет, — с нескрываемым облегчением произнес он.

Амаду Канди медленно поднял руки. Галерист-сенегалец был настоящим великаном: если поставить друг на друга двух типичных японских туристов, как раз получится один Канди. Одет он был в просторный балахон — бубу — пастельных тонов, покрытый яркими африканскими узорами.

— А я, инспектор, и не волновался. Я же понимаю: по сравнению с вашим мое время ничего не стоит.

Галерея Канди внутри напоминала свалку. В каждом углу стояли и лежали картины разного формата, как в музее, который то ли только что переехал в новое помещение, то ли собирается переезжать. Должно быть, это помогало создать у посетителя иллюзию, что ему крупно повезло — в таком бардаке наверняка найдется подлинная жемчужина живописи, продающаяся за сущие гроши.

Амаду Канди был тот еще хитрец.

Оба инспектора осмотрелись, куда бы присесть. Сильвио Бенавидиш устроился на ступеньке лестницы, между двумя картонными коробками, а Лоренс Серенак оседлал узкую деревянную лавку, полузаваленную литографиями.

— Месье Канди! Вы знали Жерома Морваля? — спросил Серенак.

Амаду Канди остался стоять.

— Да. Жером был просвещенным любителем искусства. Мы с ним беседовали, я давал ему советы. У него был отменный вкус. В его лице я потерял друга.

— И хорошего клиента, не так ли?

Вопрос Серенака прозвучал грубовато. Не иначе, узкая скамья натирала инспектору мягкие части. Канди не обратил на агрессивный тон никакого внимания и продолжал улыбаться смиренной улыбкой.

— Если вам угодно. Ваша работа — подозревать всех и каждого, инспектор.

— Тогда, я надеюсь, вы простите меня за прямоту. Давал ли вам Жером Морваль поручение найти для него «Кувшинки»?

— И свою работу вы делаете превосходно, — хмыкнул Канди. — Да, помимо прочего, Жером Морваль просил меня навести справки о рыночной цене на произведения Клода Моне.

— В том числе на «Кувшинки»?

— В том числе. Между нами говоря, это была безнадежная затея, и Жером прекрасно это сознавал. Но ему нравилось браться за неосуществимые проекты.

— Почему он обратился именно к вам? — вступил Бенавидиш.

Амаду Канди повернул к нему голову. Кажется, до него только сейчас дошло, что оба инспектора сидят, а он торчит между ними стоя.

— В каком смысле — почему ко мне?

— Почему Морваль обратился с этой просьбой к вам, а не к другому галеристу?

— А почему бы и нет? Вы сомневаетесь в моей профессиональной компетенции? — Канди широко улыбнулся, обнажив белоснежные зубы. — Ну конечно, если бы речь шла о приобретении образца примитивного искусства, тогда понятно, но просить сенегальца разузнать что-нибудь насчет импрессиониста... Но вы зря волнуетесь, инспектор. Жером также заказывал мне рог волшебной антилопы.

Серенак весело расхохотался и потянулся, расправляя затекшие мышцы.

— Вам, мистер Канди, палец в рот не клади. Впрочем, нас предупреждали. Ладно, честно говоря, у нас очень мало времени...

— Да? А только что вы вроде никуда не торопились.

— Только что?

— Только что. Час или два назад. Вы проходили мимо моей галереи. Я не посмел вас отрывать — вы были погружены в разговор с экскурсоводом.

Бенавидиш немного растерялся. Серенак и бровью не повел.

— Наши данные подтверждаются. Вы очень хитрый человек, месье Канди.

— Живерни — маленькая деревня, — сказал галерист, поворачиваясь к двери. — Всего-то две улицы.

— Мне об этом уже говорили.

— На самом деле, инспектор, мое внимание привлекли не вы, а ваш экскурсовод. Она же — наша учительница. Знаете, что я тогда подумал? «Вот везунчик». Я бы и сам с удовольствием завел детей

только ради того, чтобы каждое утро водить их в школу и встречаться со Стефани Дюпен.

— Как ваш друг Морваль.

Канди отступил на шаг, чтобы окинуть взглядом обоих полицейских одновременно.

— У Жерома не было детей, — ответил он. — Вы, инспектор, тоже хитрец каких поискать.

Он повернулся к Сильвио.

— А вам, как я понимаю, досталась роль ищейки. Вдвоем вы составляете идеальный дуэт. С кем бы вас сравнить? Обезьяна и большой муравьед? Как вам такой образ?

Серенак поерзал на лавке.

— И часто вам случается изобретать африканские поговорки?

— Да постоянно. Экзотика, сами понимаете. Клиенты в восторге. Когда ко мне заходят пары, я всегда говорю им, на каких зверей они похожи. Это мое торговое ноу-хау. Вы даже не представляете себе, как эффективно это работает.

— И вы решили, что с парой полицейских ваш трюк тоже прокатит?

— Почему бы не попробовать?

Серенак явно получал от беседы удовольствие — в отличие от Бенавидиша, который с трудом скрывал раздражение и нетерпеливо постукивал ногами о ступеньку.

— Вы знали Элиссон Мюрер? — вдруг спросил он.

— Нет.

— А ваш друг Морваль знал ее очень хорошо.

— Правда?

— Вы любите сказки, месье Канди?

— Обожаю. Мой дедушка по вечерам рассказывал сказки всему нашему племени. Это у нас было вместо телевизора. А перед этим мы жарили на углях саранчу.

— Мистер Канди, не переигрывайте.

Бенавидиш схватился за перила лестницы, поднялся на ноги и протянул галеристу фотографию. Элиссон Мюрер и Жером Морваль лежат рядышком на пляже Сарка.

— Как вы можете убедиться, — сказал Сильвио, — речь идет об одной из близких подруг вашего друга — Жерома Морваля.

Амаду Канди с видом знатока изучал снимок.

Серенак подхватил эстафету помощника:

— Глядя на фотографию, можно подумать, что мисс Мюрер — красивая девушка, но на самом деле это не так. В личике нашей Элиссон нет ничего выдающегося. Не то чтобы она уродина — нет, конечно, но внешность у нее самая заурядная. А поскольку мы с коллегой, — Лоренс подмигнул Бенавидишу, — хитрые полицейские ищейки, мы решили, что что-то здесь не так. Слишком уж наша Элиссон отличается от других пассий Жерома Морваля. Ну разве это не странно, месье Канди? С какой стати Жерому Морвалю заводить интрижку с ничем не примечательной бухгалтершей страховой конторы Ньюкасла?

Амаду Канди вернул фотографию полицейским.

— Возможно, вам имеет смысл пересмотреть свои эстетические критерии? Все-таки девушка — англичанка...

Серенак снова не смог удержаться от смеха. Скамейка под ним зашаталась.

В бой ринулся Бенавидиш.

— С вашего позволения, месье Канди, я продолжу свою историю. Из всей родни у Элиссон Мюрер есть только бабушка. Ее зовут Кейт Мюрер, и она всю жизнь прожила в рыбацком домишке на острове Сарк. Это скромная хижина, довольно-таки обветшавшая. В доме Кейт Мюрер нет дорогих вещей. Так, кое-какие безделушки, дешевая бижутерия, чашки с выщербленными краями и несколько старинных картин неизвестных художников, не представляющих никакого интереса. Еще у нее есть репродукция «Кувшинок» Моне — небольшое полотно размером шестьдесят на шестьдесят. Кейт невероятно дорожит своим убогим имуществом — но не потому, что оно стоит больших денег, а потому, что это память о ее ушедших из жизни близких. Почему я рассказываю вам о Кейт? Потому, что Жером Морваль несколько раз приезжал на остров Сарк в обществе Элиссон Мюрер и успел подружиться с ее бабушкой. Но, видите ли, месье Канди, полицейская ищейка, особенно наделенная чертами характера, свойственными муравьеду, не может не задаться вопросом: какого дьявола Жером Морваль таскался к старухе англичанке на богом забытый остров?

Патрисия Морваль провожала глазами фигуру в черном, медленно удаляющуюся в сторону мельницы Шеневьер. До нее еще доносился стук палки об асфальт улицы Клода Моне. Когда фигура дошла до агентства недвижимости «Престиж», к ней присоединился Нептун. Патрисия Морваль задумалась: интересно, как долго они со старухой проговорили.

«Полчаса?»

Вряд ли дольше.

Господи!»

Каких-то полчаса — и все ее представления о жизни разлетелись в прах. Смысл только что услышанного постепенно проникал в сознание Патрисии Морваль. Но разве она обязана верить полоумной старухе? А главное, что ей теперь делать?

Она вышла в коридор, старательно отводя глаза от панно с кувшинками. Наверное, надо позвонить в полицию. Да, это было бы самое разумное...

Она заколебалась.

С другой стороны, что это ей даст? И кому она может довериться?

Она уставилась на увядшие цветы в японской вазе. Патрисия прекрасно запомнила свою встречу с инспектором Серенаком. Она не забыла ни его инквизиторского взгляда, ни его интереса к каждой висящей на стене картине, ни его недоумения перед «Кувшинками» в коридоре. Господи... В голове снова вспыхнул тот же самый вопрос: кому довериться?

Сидя в гостиной, Патрисия долго размышляла о только что состоявшейся беседе. На самом деле проблема заключалась в другом. Возможно ли еще хоть что-то исправить? Повернуть вспять ход вещей?

Патрисия перешла в небольшую комнату, почти все пространство которой занимал письменный стол с компьютером. Компьютер был включен. На экране сменяли друг друга фотографии пейзажей Живерни. Патрисия заинтересовалась Интернетом всего пару месяцев назад. Она сама не подозревала, что так увлечется этим новшеством. Но случилось то, что случилось. Она под села на Интернет и теперь проводила в Сети долгие часы. Благодаря Интернету она заново открыла для себя родную деревню. Раньше она даже не подозревала о существовании тысяч фотографий Живерни, одна краше другой, и

достаточно пару раз кликнуть мышкой, чтобы наслаждаться их созерцанием. Она и не догадывалась, какими восторгами делятся между собой на форумах люди, посетившие Живерни. Не так давно Патрисия наткнулась на сайт под названием Givernews. С тех пор не проходило и недели, чтобы она не заглянула на сайт и не прочитала публикации в блогах, исполненные скромной, но искренней поэтичности.

Но сегодня ей было не до любимого сайта.

Сегодня ее интересовали другие вещи. Патрисия кликнула мышкой на желтую звездочку, обозначающую «Избранные адреса», развернула меню и нашла строчку «copainsdavantlintemaute.com».[6]

Секундой позже она ввела в строку поиска слово «Живерни». Поисковик выдал ссылку на единственную фотографию. Патрисия загрузила ее. Это была довоенная школьная фотография.

1936/37 учебного года.

«Интересно, — мелькнуло у Патрисии, — что должны думать люди, случайно наткнувшиеся на этот сайт?

Зачем тут эта доисторическая фотография?

Кому взбредет на ум разыскивать одноклассников, с которыми учился шестьдесят пять лет назад?»

Патрисия долго вглядывалась в невинные детские лица. Господи, она все еще не в состоянии поверить в то, о чем поведала ей эта полоумная старуха. Такого просто не может быть! Она все придумала! Неужели она и правда знает, кто убийца Жерома? Человек, которого она сама, Патрисия, заподозрила бы в последнюю очередь!

Ее охватила дрожь. Из глаз потекли слезы. Наконец она собралась с силами и встала.

Она знает, что должна сделать. Перешла в гостиную, по пути машинально передвинув на пару сантиметров бронзовую фигурку Дианы-охотницы на буфете вишневого дерева.

Да чем она рискует?

Патрисия выдвинула ящик буфета и достала старую записную книжку в черной обложке. Снова села в кожаное кресло, взяла трубку беспроводного телефона и набрала номер.

— Алло! Комиссар Лорантен? Это Патрисия Морваль.

На том конце провода молчали.

— Жена Жерома Морваля. Дело Морваля. Хирурга-офтальмолога, убитого в Живерни... Вы понимаете, о чем я?

На сей раз ей ответил раздраженный голос:

— Разумеется, понимаю. Я на пенсии, но болезнью Альцгеймера пока не страдаю.

— Ну да, ну да. Я потому вам и звоню. Я часто встречала вашу фамилию в местной прессе. С самыми хвалебными отзывами. Мне нужна ваша помощь, комиссар. Я хочу, чтобы вы провели... как бы это сказать... ну, что-то вроде параллельного расследования. Я имею в виду, помимо официального.

Она замолчала. Молчал и ее собеседник.

Хвалебные отзывы...

Комиссару Лорантену невольно вспомнились самые громкие в его карьере дела. Годы, проведенные в Канаде, и участие в раскрытии кражи из Монреальского музея изящных искусств в сентябре 1972 года. Это было одно из крупнейших в истории ограблений — злоумышленники похитили 18 полотен: Делакруа, Рубенс, Рембрандт, Коро... В 1974-м он вернулся в Вернон, а одиннадцать лет спустя, в ноябре 1985-го — за три года до выхода на пенсию — расследовал кражу из музея Мармоттана девяти картин Моне, в том числе самой знаменитой — «Впечатление. Восход солнца». Именно он, Лорантен, прикомандированный к центральному управлению по борьбе с незаконной торговлей произведениями искусства, в 1991 году разыскал картины. Пройдя через руки члена японской якудза по имени Сюнити Фудзикама, они приземлились в Порто-Веккьо, у одного корсиканского бандита. Дело приобрело широкий международный резонанс, все газеты того времени писали о нем на первых полосах... Кажется, это было вечность назад.

Лорантен прервал молчание первым.

— Мадам Морваль, я ведь уже на пенсии. С финансовой точки зрения, пенсия комиссара полиции выглядит не слишком завидно, но мне хватает. Почему бы вам не обратиться к частному детективу?

— Я думала об этом, комиссар. Разумеется, думала. Но ни у одного частного детектива нет вашего опыта в области незаконной торговли предметами искусства. А в этом деле он необходим...

— Так чего же вы от меня хотите? — В голосе комиссара слышалось искреннее удивление.

— Вам уже стало любопытно, комиссар? Признаюсь честно, я на это рассчитывала. Сейчас я опишу вам картину. А вы вынесете свою оценку. Не кажется ли вам, что действия молодого неопытного следователя, самым нелепым образом влюбившегося в главную подозреваемую — или в жену главного подозреваемого, — носили во многом ошибочный характер? Разве он мог успешно довести расследование до конца? Я имею в виду, объективно? И можно ли полагаться на его суждение, если мы хотим узнать правду?

— Но он ведь работал не один. У него был заместитель. И целая команда...

— Полностью ему подчиненная.

Комиссар Лорантен закашлялся.

— Извините. Я бывший полицейский. Мне скоро восемьдесят. В последние десять лет я ни разу не заглядывал в комиссариат. И я по-прежнему не понимаю, чего вы от меня ждете.

— Тогда я постараюсь еще немного распалить ваше любопытство, комиссар. Вы ведь читаете газеты? Советую вам обратить внимание на страницу некрологов. В рубрике местных новостей. Уверена, вы заинтересуетесь.

Комиссар почти не скрывал иронии:

— Непременно посмотрю, мадам Морваль. Вы все рассчитали правильно — себя не переделаешь. Ваши странные намеки помешают мне и дальше спокойно разгадывать sudoku. Не каждый день получаешь подобные просьбы. Вам удалось внести разнообразие в повседневную рутину холостяка-полицейского на пенсии. Но я так и не понял, чего вы от меня хотите.

— Неужели я выражаюсь недостаточно ясно? Ну хорошо. Скажем, так: молодой инспектор уделял слишком много внимания искусству вообще и живописи, в частности, в том числе «Кувшинкам», и слишком мало — старикам.

Снова настало долгое молчание.

— Полагаю, — наконец заговорил комиссар, — я должен почувствовать себя польщенным вашими намеками, но, поймите, для меня все это — далекое прошлое. Я отстал от жизни. Если вы надеетесь на альтернативное расследование, то, боюсь, обратились не по адресу. Позвоните в департамент полиции, занимающийся преступлениями в сфере искусства. Там много более молодых сотрудников...

— Комиссар! — перебила его Патрисия. — Проведите это расследование! Как любитель. Беспристрастно. Что может быть проще? Это все, о чем я вас прошу. А дальше вы сами все поймете. Кстати, могу дать вам одну наводку. Зайдите в Интернет, на сайт «друзей доинтернетной эпохи». Если у вас есть дети или внуки, они вам помогут. Вбейте слово «Живерни». Дата: тысяча девятьсот тридцать шестой — тридцать седьмой год. Я полагаю, это послужит толчком к началу расследования и позволит взглянуть на дело под новым углом зрения. Впрочем, сами увидите.

— Какую цель вы преследуете, мадам Морваль? Вас сжигает жажда мести?

— Нет, комиссар. Вовсе нет. Пожалуй, впервые в жизни меня переполняет совсем другое чувство...

Патрисия Морваль нажала отбой. Почти с облегчением.

За окном горел закат. Солнце медленно опускалось за холмы вдоль берегов далекой Сены, делая зыбкий пейзаж похожим на полотно импрессиониста.

26

Инспектор Бенавидиш не переставал удивляться спокойствию Амаду Канди. Чем внимательнее он изучал галерею великана сенегальца, тем яснее понимал, насколько она необычна. Вместо безупречной белизны, призванной подчеркнуть красоту выставляемых работ, — стены в лохмотьях облупившейся краски, свисающие с потолка голые лампочки и кирпичная кладка, на вид скрепленная не столько цементом, сколько грязью. Судя по всему, Амаду Канди прикладывал невероятные усилия, чтобы превратить свой магазин в пещеру.

— Позвольте подытожить, месье Канди, — сказал Сильвио. — Что мы имеем? Некрасивую любовницу. Бабушку без гроша в кармане. Дождливый англо-нормандский остров. Неужели поведение вашего друга Морваля не кажется вам удивительным?

— Я всегда ценил в нем оригинальность.

— А Сарк?

— Что — Сарк?

— Остров Сарк вы тоже ценили?

Бенавидиш немного выждал и продолжил:

— В последние годы вы ездили на остров Сарк по меньшей мере шесть раз. По странному совпадению, незадолго до того, как Жером Морваль познакомился с Элиссон Мюрер.

Серенак не сводил глаз с помощника. Если у Сильвио получится изобразить муравьеда или хотя бы имитировать его крик, пропустить эту картину никак нельзя. Амаду Канди в первый раз с начала разговора чуть смутился. На лбу у него обозначились морщины, и он как будто на глазах постарел.

— Месье Канди, — гнул свое Сильвио. — Не будет ли с моей стороны слишком большой нескромностью поинтересоваться, зачем вы ездили на Сарк?

Амаду Канди смотрел в окно, на шагающих по улице Клода Моне прохожих. Когда он снова повернулся к полицейскому, на его губах опять играла улыбка.

— Инспектор! Вы не хуже меня знаете, что Сарк — последнее в Европе место, именуемое налоговым раем. Умоляю вас: никому не говорите, но я езжу туда отмывать деньги. Вы и представить себе не в состоянии, сколько мне приносит торговля бриллиантами, слоновой костью и пряностями. Я уж не говорю про рога волшебных антилоп. Сарк — это заморское владение Англии. Если угодно, остров, населенный аборигенами.

Сильвио пожал плечами.

— Месье Канди, на самом деле у Элиссон и Кейт Мюрер французские корни. Мы даже предполагаем, что одним из их предков был Эжен Мюрер. Вы ведь знаете, кто такой Эжен Мюрер?

— Полагаю, вы задали мне этот вопрос не просто так. Вы ведь тоже наверняка знаете, что по указанию регионального управления по вопросам культуры я включен в состав экспертной комиссии, занимающейся наследием Мюрера?

Галерист склонился над стопкой прислоненных к стене картин и аккуратно вытянул из нее одну, изображавшую африканскую деревню. Пейзаж был написан в немного наивном стиле, очень яркими красками.

— Среди всех художников-импрессионистов, — с воодушевлением продолжил он, — у Эжена Мюрера едва ли не самая трогательная судьба. В молодости он страстно увлекался литературой и живописью, но, увы, был очень беден. Он писал картины, собирал картины, а чтобы

на что-то жить, держал кондитерскую, даже две — в Париже и в Руане. При жизни Эжен Мюрер сумел разбогатеть — во всяком случае, по сравнению со своими друзьями — Ван Гогом, Ренуаром и Моне, — и всячески их поддерживал, а порой просто кормил. Светлый человек! И хотя сам он довольно много писал, кто сегодня помнит, что был такой художник Эжен Мюрер?

Амаду Канди поставил пейзаж перед полицейскими.

— Еще одна деталь. Эжен Мюрер на два года — с тысяча восемьсот девяносто третьего по тысяча восемьсот девяносто пятый — уезжал в Африку, подальше от цивилизации, и вернулся с чемоданами, полными холстов. Если у вас есть хоть немного вкуса, вы согласитесь, что Мюрер — превосходный колорист. В его творчестве мы видим поразительное сочетание импрессионизма с наивным стилем, близким к примитивизму.

Лоренс Серенак оторвал задницу от скамьи и подошел к картине поближе. Сильвио Бенавидиш даже не пошевелился.

— Спасибо, месье Канди. Итак, мы выяснили практически все о предке Мюреров, Эжене, — художнике, коллекционере и кондитере. Теперь давайте, с вашего позволения, вернемся к его потомкам — Элиссон и Кейт. Два года назад Кейт Мюрер получила от хозяина острова строгое предупреждение. Да-да, не удивляйтесь, на Сарке до сих пор всем распоряжается местный властелин. Жизнь в налоговом раю — далеко не сахар. Так вот, Кейт было приказано отремонтировать свою халупу — дескать, она отпугивает туристов, да и соседи жалуются. Иначе ее просто вышвырнут с острова. Вот тут на сцене и появляется Жером Морваль. Он в это время регулярно видится с внучкой и проводит выходные — не исключено, что романтические — на Сарке, где проживает бабуля. Морваль — сама доброта — предлагает Кейт Мюрер помощь. Пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Беспроцентный заем, просто так, от чистого сердца. Поразительно, верно?

— Жером был классный парень, — кивнул Амаду Канди.

— В самом деле? Кейт Мюрер позвонила внучке, Элиссон, и сказала, что ее приятель Жером Морваль — прекрасный молодой человек. Просто душа. Он не просто предложил ей пятьдесят тысяч фунтов. Чтобы у нее не возникло чувства неловкости, он сказал, что

взамен готов освободить ее от старого хлама в виде картин, в том числе от копии «Кувшинок» Клода Моне.

— А я вам что говорил? — хитро улыбнулся Амаду Канди. — Щедрость и деликатность — в этом был весь Жером.

Серенак наконец оторвал взгляд от теплых красок африканского пейзажа Мюрера.

— Святой человек, — подал он голос. — Кто ж спорит? Правда, Элиссон... Пусть она не была сногшибательной красоткой, но и безмозглой дурой тоже не была. Она кое-что заподозрила и пригласила к бабуле другого эксперта. Я имею в виду — не вас, месье Канди.

Галерист расплылся в улыбке.

— Вы не догадываетесь, что произошло дальше? — продолжал Серенак.

— Сгораю от нетерпения узнать, — отозвался галерист. — Вы вдвоем отлично рассказываете сказки. Я бы сказал, почти так же здорово, как мой дед.

— «Кувшинки» Моне оказались не копией, а подлинным полотном Моне, — изрек Серенак. — И стоили в сто, если не в тысячу раз больше, чем предложил старушке Морваль...

От хохота Канди стены галереи заходили ходуном.

— Ай да Жером! Ай да пройдоха!

— Вам известно, чем кончилась эта история? — вступил в разговор Бенавидиш. — Элиссон Мюрер порвала всякие отношения с любезным французским джентльменом. Бабушка Кейт в одночасье лишилась и зятя, и друга, но наотрез отказалась продавать картину даже под угрозой выселения с острова. А двумя днями позже ее тело нашли у подножья высокой скалы, возле моста у перешейка Ла-Купе, связывающего между собой две части острова. Представляете, что от нее осталось?

Канди старательно запихивал полотно Мюрера назад в стопку других картин и ничего не отвечал.

— Скамья! — почти крикнул Сильвио. — Скамья с ее именем и датами рождения и смерти у подножья той самой скалы, с которой она бросилась вниз. На Сарке такая традиция. У них нет кладбища, они не хоронят своих покойников в могилах, а ставят прямо на улице, лицом к морю, скамью, на которой выбивают имя умершего. Перед смертью

Кейт успела составить завещание, в котором передала картину Национальной галерее Кардиффа.

Канди выпрямился. На его губах по-прежнему играла улыбка.

— У вашей сказки есть мораль. Смотрите: Сарк получил новую скамью, музей Кардиффа — «Кувшинки» Моне, а Жером Морваль избавился от самой некрасивой из своих любовниц.

И он рассмеялся, хотя уже не так громко, как раньше.

— Месье Канди, — с непроницаемым выражением лица произнес Бенавидиш. — Вы сами сказали, что вас официально включили в комиссию по изучению наследия Мюрера...

— И что из того?

— Одновременно мы знаем, что Морваль дал вам поручение найти для него «Кувшинки» Моне. Занимаясь творчеством Мюрера, вы несколько раз ездили на Сарк...

— И сообщил моему большому другу, что «Кувшинки» Кейт Мюрер могут оказаться не копией? Вы к этому клоните?

— Ну, например.

— Даже если и так, что в том незаконного?

— Вы правы, ничего.

— Тогда к чему все эти расспросы?

Сильвио Бенавидиш поднялся на третью ступеньку лестницы, что позволило ему стать вровень с Амаду Канди.

— Убийство Морваля. Одним из мотивов могла быть месть.

— Со стороны Элиссон Мюрер?

— Нет. У нее железобетонное алиби. В то утро, когда произошло убийство, она сидела за окошком кассы у себя в Ньюкасле.

— Тогда что же?

— Что? — повторил его вопрос Бенавидиш. — У нас нет никаких оснований полагать, что Морваль отказался от своей идеи найти еще одно полотно с «Кувшинками». Еще одного простака. С вашей помощью, месье Канди.

Амаду Канди не отрываясь смотрел в глаза Сильвио. Кто первым не выдержит в этой игре в гляделки?

— Если бы я нашел такую картину, инспектор, то не сидел бы сейчас в этой занюханной лавчонке, а уже купил бы себе островок в архипелаге Кабо-Верде, на широте Дакара, объявил о независимости и создал бы свой собственный маленький налоговый рай...

Амаду Канди блеснул белозубой улыбкой и добавил:

— Надеюсь, вы не потребуете, чтобы я раскрывал вам свои профессиональные секреты?

— Нет, если вы не ставите себе целью ввести следствие в заблуждение.

— Послушайте, давайте говорить серьезно. Где, по-вашему, я мог бы откопать еще одни «Кувшинки»?

Оба полицейских молчали. Потом, ни слова не говоря, Бенавидиш и Серенак поднялись и в три шага достигли двери.

— Одно маленькое уточнение, — с порога обернулся Серенак. — На самом деле Кейт Мюрер не завещала картину музею Кардиффа. Она передала полотно фонду Робинсона, а уж тот уступил ее Национальной гэлльской галерее.

— Ну и что?

В витрине галереи Серенак заметил афишу «Международного конкурса юных художников» — такая же точно висела в классе Стефани Дюпен.

— А то, что-то в этом деле мне без конца попадается фонд Теодора Робинсона, — ответил Лоренс.

— Что ж тут удивительного? — пожал плечами галерист. — Это просто очередное учреждение. Тем более здесь, в Живерни...

Канди задумчиво смотрел на афишу.

— Теодор Робинсон, американцы... Помешательство на импрессионизме и куча долларов... На что стал бы похож Живерни, если бы не они? — Сенегалец взмахнул руками. — Знаете что, инспектор?

— Нет, не знаю.

— В сущности, я такой же, как Эжен Мюрер. Сижу у себя в лавке, как какой-нибудь бакалейщик. Если бы можно было повернуть время вспять, знаете, кем бы я стал?

— Неужели кондитером? — пошутил Лоренс.

Амаду Канди залился звонким смехом.

— Нравится вы мне, — с трудом выговорил он. — Причем оба. К вам, большой муравьед, это тоже относится. Нет, друзья мои, не кондитером. Честно говоря, мне хотелось бы, чтобы мне опять было десять лет. Ходил бы я в школу, и красивая учительница убеждала бы меня, что я гений, и я вместе с сотнями других детей со всего мира

готовился бы к конкурсу юных художников, объявленному фондом Робинсона.

27

Солнце почти скрылось за вершинами холмов. Фанетта спешила закончить картину. Никогда еще ее кисть не летала по холсту так быстро, оставляя белые и охряные мазки. На полотне вставали очертания мельницы с двурогой башней и опущенной в воду плицей колеса. Сегодня Фанетта была предельно сосредоточенна, а вот Джеймс без конца отвлекал ее разговором.

— Фанетта, у тебя есть друзья?

«Джеймс, ну почему я никогда не задаю тебе таких вопросов?»

— Конечно. А ты как думал?

— Ты почти все время одна...

— Ты же сам говорил, что я должна быть эгоисткой. Когда не пишу, я провожу время с друзьями.

Джеймс медленно шел по полю, один за другим складывая мольберты — исполнял свой ежевечерний ритуал.

— Но раз уж ты спросил, ладно, так и быть, отвечу. Они меня раздражают. Особенно Винсент. Тот самый, что прокрался сюда в прошлый раз. Он за мной по пятам ходит. Я его зову банкой с клеем.

— С лаком!

— Что-что?

— Банкой с лаком. Для художницы лак полезнее клея.

«Иногда Джеймсу кажется, что у него есть чувство юмора».

— Есть еще Камиль, но он слишком задается. Считает себя вундеркиндом, представляешь? А из девочек — Мэри. Плакса. И подлиза. Терпеть ее не могу.

— Никогда этого не говори, Фанетта.

«А что я такого сказала-то?»

— Не говорить чего?

— Я ведь тебе уже объяснял, Фанетта. Природа наградила тебя редким талантом. Да-да, не делай вид, что не понимаешь. Ты хорошенькая, умная и сообразительная. Живописный дар дан тебе свыше — как будто фея осыпала тебя золотой пылью. Но ты должна быть очень осторожной! Другие будут тебе завидовать. Потому что у них будет далеко не такая счастливая жизнь, как у тебя.

— Чепуха! Ты говоришь чепуху! И вообще у меня всего один настоящий друг. Его зовут Поль. Ты его еще не знаешь. Я его как-нибудь сюда приведу. Он согласен. Мы с ним вместе совершим кругосветное путешествие. Он сказал, что повезет меня по всему миру, чтобы я могла писать. В Японию, в Австралию, в Африку...

— Не уверен, что в мире найдется человек, способный на такой подвиг.

«Джеймс, иногда ты меня просто бесишь».

— Уже нашелся! Это Поль.

Он отвернулся и начал собирать в ящик тюбики с красками. Фанетта скорчила ему рожицу.

«Джеймс ничего не понимает. Если честно, я сама не понимаю, что он сейчас делает. Смотрит на свои краски, как баран на новые ворота».

— Джеймс, ты что, заснул?

— Нет-нет. Все нормально.

«Какой он временами странный».

— Знаешь, Джеймс, я хочу написать на конкурс что-нибудь другое, не ведьмину мельницу. Эта твоя идея насчет повторения картины с папашей Троньоном... Что-то она мне разонравилась.

— Ты так думаешь? А Теодор Робинсон...

— Я знаю, что напишу! — перебила его Фанетта. — Я напишу «Кувшинки»! Но не старческие, как у Моне! Я напишу молодые «Кувшинки»!

Джеймс смотрел на нее испуганно, словно она произнесла страшное святотатство.

«Как он покраснел! Того и гляди, сейчас лопнет. Вылитый папаша Троньон!»

Фанетта рассмеялась.

— Моне... — забормотал Джеймс. — «Старческие „Кувшинки“»!

Он закашлялся в бороду, а затем заговорил медленно и размеренно:

— Попробую объяснить тебе, Фанетта. Видишь ли, Моне очень много путешествовал. Он объездил всю Европу. Видел картины всех великих мастеров. Они ведь все разные. Разные люди видят мир по-разному. Моне хорошо это понимал. Особенно внимательно он изучал японскую живопись. Позже у него отпала необходимость путешествовать. Ему хватало пруда с кувшинками — и хватило на тридцать лет. Всего одного пруда! Хотя пруд оказался достаточно

большим, чтобы произвести революцию в мировой живописи. Да и не только в живописи! Моне изменил взгляд людей на природу. Людей во всем мире! Понимаешь ты это? Отсюда, из Живерни! В ста метрах от того места, где мы сейчас стоим! А ты говоришь, что у Моне был старческий взгляд...

«Бла-бла-бла...»

— А я все равно сделаю наоборот! — твердо сказала Фанетта. — Я же не виновата, что здесь родилась. Поэтому я начну с «Кувшинок», а закончу всем миром. Вот увидишь, у меня будут такие «Кувшинки», каких не видел никто и никогда. Даже Моне не осмелился бы такие написать! Мои будут цвета радуги!

Джеймс вдруг наклонился и обнял Фанетту.

«Ну вот, опять чудит! И вид у него какой-то испуганный. Чего он боится?»

— Наверное, ты права, Фанетта. В конце концов это ты художник. Тебе виднее.

«Зачем он меня так сильно сжал? Я сейчас задохнусь!»

— Никого не слушай! — продолжал Джеймс. — Даже меня! Ты выиграешь этот конкурс, Фанетта. Ты просто обязана его выиграть. Ладно, давай собирайся. Уже поздно, тебя мать ждет. Картину не забудь!

Фанетта пошла через пшеничное поле. Джеймс крикнул ей в спину:

— Если ты убьешь в себе этот дар, то совершишь страшное преступление!

«Какие он иногда глупости говорит, этот Джеймс».

Джеймс смотрел на удаляющийся силуэт девочки. Затем склонился над ящиком с красками. Дождался, когда Фанетта перейдет через мост, и открыл ящик. Руки у него дрожали. Пока Фанетта была рядом, он сдерживался, но теперь притворяться стало не перед кем. По лбу у него катились крупные капли пота. Трясущимися пальцами он откинул крышку — жалобно скрипнули слегка заржавевшие петли.

На внутренней крышке ящика было написано:

«ОНА МОЯ
ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС И НАВСЕГДА».

Под этими словами был нарисован крест — просто две пересекающиеся черточки. Джеймс понял, что это угроза. Смертельная угроза. Его колотило. Из-за недавнего убийства по всей деревне рыщут сыщики, но спокойнее от этого не становится. Опасность как будто пропитала всю атмосферу.

Он еще раз перечитал надпись. Кто мог ее оставить?

Буквы выглядели кривоватыми — писали явно наспех. Должно быть, злоумышленник воспользовался тем, что он задремал, и накарябал свое предупреждение. Сделать это ему было проще простого. Он часто засыпал прямо на земле, возле мольберта, и спал, пока не прибежала Фанетта и не будила его. Но что означают эти слова? А главное, кто их написал? И должен ли он всерьез воспринимать угрозу?

Джеймс смотрел на шеренгу тополей, окаймляющих поле. Буквы словно впечатались ему в мозг. «Она моя. Здесь, сейчас и навсегда». Джеймс опасался, что отныне не сможет взять в руку кисть — пальцы будут трястись, стоит ему открыть ящик.

«Она моя. Здесь, сейчас и навсегда». Эти слова безостановочно крутились у него в голове.

Кому адресована угроза?

Он огляделся, словно ждал, что посреди пшеничных колосьев откуда ни возьмись появится чудовище.

Кому грозит опасность?

Фанетте или ему?

28

Наконец-то я толкнула ворота мельницы. Коленки сейчас взорвутся. И правая рука — из-за того, что пришлось всю дорогу опираться на эту чертову палку. Навстречу мне бросился Нептун. В кои-то веки ждал меня дома.

Хорошая собака.

Я достала ключи.

В голове мелькнула короткая мысль о Патрисии Морваль. Как она восприняла мои откровения по поводу убийцы ее мужа? Сумеет ли устоять и не обратиться в полицию? Хотя что толку... Поздно. Слишком поздно. Никого уже не спасешь. Ловушка захлопнулась. И ни один сыщик не в силах ничего изменить.

А я, что я сделала бы на ее месте?

Я подняла глаза. Вдали бежала через железный мост Фанетта. Ее американец остался один посреди пшеничного поля. Наверное, опять плел ей небылицы про ведьмину мельницу, на которой нынче поселилась парочка людоедов: Моне они терпеть не могут и мечтают спилить тополя, убрать стога сена, осушить пруд с кувшинками, а на месте луга построить завод по производству крахмала. Обычная ерунда. Вот ведь кретин. В его возрасте запугивать детей всякими сказками...

Он торчит здесь каждый день, этот американец. Зовут его Джеймс, а как его фамилия, не знает никто. Каждый божий день приходит на одно и то же место, прямо напротив мельницы, и остается до вечера. Как будто тоже стал частью пейзажа. Как будто некое божество, наделенное даром художника, нарисовало его на фоне поля. Как нарисовало всех нас. А потом его охватило желание замазать нарисованное. Один взмах кисти — оп-ля! — больше ничего и никого!

Этот самый Джеймс проводит Фанетту взглядом, а потом, как каждый вечер, заснет в ближайшем стогу.

Спокойной ночи, Джеймс.

29

Фанетта бежала домой. Больше всего она любила, когда у нее на пути загорались фонари, как будто это она их включала. «Здорово. Волшебно!»

Но сегодня для фонарей было слишком рано. Солнце только-только добралось до горизонта. Фанетта жила в ветхом домишке на Водонапорной улице. Она никогда не жаловалась на бедность — просто не придавала этому значения. Она знала, что мать делает все, что в ее силах. Мать работала с утра до вечера — ходила убираться в дома богатых.

А богатых в деревне навалом!

Зато их хибара стояла в самом центре деревни, в какой-нибудь сотне метров от дома Моне. Разве им не повезло?

Мать стояла за кухонным столом — на самом деле это была обыкновенная доска, положенная на столбик из кирпичей — и встретила дочку усталой улыбкой.

— Фанетта, опять ты так поздно. Ты же знаешь, я не люблю, когда ты по вечерам ходишь одна по улицам. Особенно сейчас! Всего несколько дней назад убили человека, а преступника до сих пор не нашли...

«У мамы всегда усталый и печальный вид. Она никогда не снимает застиранный синий халат — и сейчас она в нем, чистит овощи, чтобы сварить суп на неделю. Еще она все время повторяет, что я ей совсем не помогаю, хотя я уже большая девочка. Может, показать ей свою картину?..»

— Мам, а я ее закончила.

Фанетта поставила картину с мельницей «Шеневьер» напротив кухонного стола.

— Подожди, у меня сейчас руки грязные. Я попозже посмотрю. Убери ее пока.

«Вот всегда так».

— Да я все равно другую буду писать. С кувшинками. Джеймс говорит...

— Кто это — Джеймс?

— Мам, ну я же тебе говорила! Художник, американец.

— Разве?

— Ну конечно!

В глиняную миску падали морковные очистки.

«Да, да, да, да! Клянусь, что говорила! Мама, ты, наверное, нарочно! Не может быть, чтобы ты ничего не помнила!»

— Фанетта, мне не нравится, что ты крутишься возле чужих людей! Слышишь? Если я воспитываю тебя одна, это еще не значит, что ты должна шляться где ни попадя. И вообще не стой без дела. Возьми второй нож. Одна я еще целый час провожусь.

— Мам, а учительница говорила, что мы будем участвовать в конкурсе. Конкурсе художников!

«Учительница говорила! Против учительницы она ничего не скажет! А она ничего и не говорит. Чистит себе репу как ни в чем не бывало...»

Фанетта выпрямилась и добавила:

— Джеймс ска... Все говорят, что я могу его выиграть. Что у меня хорошие шансы. Если я буду много работать.

— И какой же там выигрыш?

«Спорим, сейчас у нее репа из рук упадет?»

— Учеба в школе живописи в Нью-Йорке...

— Что-о?

«Нож вонзился репе в самое сердце. Смертельный удар».

— Фанетта, что за глупости?

— ...или в Токио, или в Санкт-Петербурге, или в Канберре.

Я больше чем уверена, что она даже не знает, где это все находится. Но на всякий случай пугается.

— И еще там дают кучу долларов!

«Тяжкий вздох. И мама „казнит“ еще одну репу».

— Если ваша учительница морочит вам голову такими глупостями, я схожу и с ней поговорю.

«Ну, сходи. Мне-то что? Я все равно буду участвовать в конкурсе».

— И с этим твоим Джеймсом тоже поговорю.

Мать Фанетты решительным жестом перебрала очищенные овощи в раковину. Морковь и репа плюхнулись в воду, забрызгав ее синий халат. Мать наклонилась и поставила на стол сумку с картошкой.

«Ну вот, даже не требует, чтобы я ей помогала. Плохой знак. Потом она произносит слова, которых я не понимаю, и мне приходится просить, чтобы она их повторила погромче».

— Фанетта, ты что, хочешь меня бросить?

«Ну началось!»

В голове у меня что-то взрывается. С виду это незаметно, но я чувствую, как там что-то взрывается. Честное слово! Мама, я буду мыть посуду! Буду накрывать на стол! Протирать его мокрой тряпкой. Я вытру пыль по всему дому. И пол подмету. Я буду делать все, что должна делать хорошая дочка, и не стану ныть и жаловаться. Все-все! Если только мне дадут рисовать. Разве я много прошу? Просто не мешайте мне рисовать.

Это что, чересчур?

Мама все так же смотрит на меня недоверчивым взглядом. Ей не угодишь. Если я ничего не делаю, она ворчит. Если делаю слишком много, пугается. Наверное, не надо было упоминать Нью-Йорк. Да и другие города тоже. Тем более вот так сразу. Когда я ей объяснила, где это — в Японии, в России, в Австралии, — она прямо окаменела».

— Мам, да это всего на три недели. Ну что такое три недели? Пролетят, и не заметишь.

«Она посмотрела на меня, как на сумасшедшую».

«Пока мы ели, она молчала. Молчала и потом. Я поняла, что она думает. Еще один плохой знак. Ни разу не было, чтобы она долго думала, а потом сказала мне что-нибудь хорошее».

Мать Фанетты встала. Девочка развешивала на веревке кухонные полотенца — хорошенько расправив, закрепляла прищепками, а не бросила, как обычно, влажным комом.

— Я все решила, — строгим голосом сказала мать Фанетты. — Я не желаю больше слышать ни про какой конкурс. Про американского художника тоже. Все, с меня хватит. Я поговорю с твоей учительницей.

«Я промолчала. Даже не заплакала. Но почувствовала, как внутри меня поднимается злость. Я знаю, почему мама так говорит. Она мне тысячу раз объясняла.

Я выучила эту старую песню наизусть.

Эту арию неудачницы.

„Доченька, я не хочу, чтобы ты сломала себе жизнь, как я. Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, я тоже верила во всякие сказки. Я мечтала, что буду счастливой. Я тоже была хорошенькой, и мужчины сулили мне золотые горы.

А теперь посмотри, как мы живем.

Посмотри на дыру в кровле и на плесневелые от сырости стены; принюхайся к мерзкому запаху затхлости; вспомни, какой холод у нас стоит зимой. Посмотри на мои руки — на мои бедные руки. Когда-то они были изящными, и мне говорили, что у меня пальцы, как у феи. Когда мне, Фанетта, было столько лет, сколько тебе сейчас, я верила, что у меня пальцы, как у феи.

А теперь фея моет чужие сортиры.

Не позволяй обвести себя вокруг пальца, Фанетта. И я им не позволю. Не верь никому. Верь только мне. Только мне, и больше никому. Ни Джеймсу, ни учительнице. Никому“.

Хорошо, мама. Я согласна. Я тебя послушаю — но только если ты скажешь мне всю правду.

Всю. Включая вещи, о которых мы никогда не говорим. О которых говорить нельзя.

Ты мне, я — тебе».

Фанетта взяла губку и принялась вытирать грифельную доску, на которой мать записывала, какие овощи нужно купить.

Подождала, пока доска высохнет, и взяла кусочек мела. Она знала, что мать наблюдает за ней. Фанетта начала писать красивым круглым почерком. Учительским почерком.

«Кто мой отец?»

И — строчкой ниже:

«Кто он?»

Она слышала, как мать плачет.

«Почему он ушел?

Почему мы не ушли вместе с ним?»

Внизу доски осталось немного свободного места. Скрипел мел.

«Кто?

Кто?

Кто?

Кто?»

Фанетта перевернула лицевой стороной свою картину с ведьминой мельницей, поставила ее на стул и, ни слова не говоря, поднялась в свою комнату. Она слышала, как внизу плачет мать. Как всегда.

«Слезы, мама, это не ответ».

Фанетта знала, что завтра ни одна из них не заговорит о том, что случилось вечером. Мать просто вытрет доску.

Настала ночь.

«Наверное, сейчас около полуночи. Мама давно спит. Ей рано вставать. Порой, когда я встаю, она уже успевает вернуться с работы.

Окно моей комнаты выходит на Водонапорную улицу. Улица идет под наклон, и даже со второго этажа земля видна чуть ли не в метре от меня. Если захочу, я могу выпрыгнуть из окна. По вечерам я часто разговариваю из своей комнаты с Винсентом. Винсент гуляет допоздна. Его родителям на это наплевать. А вот Поля вечером из дома не выпускают».

Фанетта плакала.

«Винсент стоит на улице и смотрит на меня. Просто так. Лучше бы на его месте был Поль. Поль меня понимает. Поль умеет со мной разговаривать. А Винсент только слушает. Он только и умеет что слушать.

Я рассказала ему про отца. Известно мне немного. Мама забеременела совсем молодой. Иногда мне кажется, что я дочь какого-

то американского художника, от которого мне достался в наследство талант, и что мама позировала ему обнаженной. Мама была красивой, очень красивой, у нас в альбоме есть ее фотографии. Есть и мои, на которых я совсем маленькая. Но ни одной фотографии отца».

Винсент внимательно слушал. Фанетта свесила из окна руку, и он ее крепко пожал.

«Я продолжала рассказывать. Наверное, мама и отец влюбились друг в друга — как говорят в таких случаях, потеряли голову от любви. Они оба были очень красивые. А потом отец ушел, и мама не сумела его удержать. Может, она не знала, что ждет ребенка? А может, она даже не знала, как фамилия отца? Или любила его слишком сильно, чтобы удерживать? Может, мой отец был хорошим человеком, и если бы узнал о моем существовании, то остался бы и воспитывал меня, но мама любила его слишком сильно и ничего ему не сказала, чтобы не сажать его в клетку?»

Все это очень сложно, Винсент, но по-другому не бывает. Что-что? Тогда откуда во мне эта тяга к рисованию? И желание умчаться отсюда куда-нибудь далеко? Откуда у меня в голове все эти мысли и мечты?»

Винсент сжимал руку Фанетты. Сжимал слишком сильно. Браслет в виде цепочки, который он не снимая носил на запястье, врезался ей в руку, как будто Винсент хотел, чтобы его выгравированное на пластинке имя навсегда отпечаталось у нее на коже.

«А иногда, глядя вечером, как тучи наползают на луну, я говорю себе, что мой отец — богатый мерзавец, к которому мать ходила делать уборку. Что если я встречу его на улице Клода Моне, то даже не узнаю, что это мой отец, а он будет знать, что я его дочь? Жирная сволочь! Он трахал мою мать и заставлял ее проделывать всякие непотребства. Может, он даже втихаря подсовывает ей деньги? Бывает, я на улице перехватываю на себе взгляд незнакомого мужчины, и мне становится так тошно, хоть вой. Но про это я Винсенту не говорила».

Сегодня тучи луну не закрыли.

— Мой отец был просто прохожий, — сказала Фанетта.

— Ну и что? — ответил Винсент. — Не думай о нем. Я же здесь.

— Просто прохожий. Заглянул на минутку и пошел себе дальше. Я в него. Я тоже отсюда уйду.

Винсент сжал ее руку еще крепче.

— Я здесь, Фанетта. Я здесь. Я здесь...

В двух шагах от них, на Водонапорной улице, Нептун гонялся за ночными бабочками.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

20 мая 2010 года

(Комиссариат Вернона)

СТОЛКНОВЕНИЕ

30

Лоренс Серенак пребывал в веселом настроении. Время от времени он заглядывал через стекло в комнату 101 — самое большое в комиссариате Вернона помещение, служившее допросной. В допросной спиной к нему сидел Жак Дюпен, нетерпеливо барабанил пальцами по подлокотникам кресла. Серенак на цыпочках отошел от окна и заговорщически шепнул Сильвио Бенавидишу:

— Пусть еще немножко помаринуется.

Он потянул помощника за рукав.

— Вот чем я горжусь больше всего! — провозгласил он. — Какая мизансцена! Вот увидишь, Сильвио!

Они снова вернулись по коридору к допросной.

— Сколько всего, Сильвио?

Бенавидиш не сдержал улыбки:

— Сто семьдесят одна пара! Четверть часа назад Мори притащил еще три.

Серенак еще раз заглянул в комнату 101. Полицейские свалили в ней все сапоги, накануне временно конфискованные у жителей деревни. Сапоги высились кучами по всем углам, лежали на столах и на полках, на стульях и подоконниках, сияя разноцветной резиной — от флуоресцентно-желтой до пожарно-красной, хотя в их пестрой гамме доминировал классический цвет хаки. Сапоги были рассортированы по степени изношенности, размерам и моделям. К каждому была прикреплена бирка с именем владельца.

Серенак ликовал:

— Сильвио, надеюсь, ты не забыл их сфотографировать? Обожаю такие трюки! Нет ничего лучше, чтобы довести клиента до нужной кондиции! Это же практически произведение современного искусства. Ты со своими семнадцатью грилями должен заценить идею!

— Я ценю, — не поднимая головы, пробормотал Бенавидиш. — С эстетической точки зрения выглядит впечатляюще. Хоть выставку устраивай. Хотя...

— Сильвио, какой же ты зануда!

— Знаю.

Бенавидиш перебирал в руках стопку бумажных листов.

— Извините, но я, наверное, слишком серьезно отношусь к профессии полицейского. А вас, патрон, еще интересует расследование?

— Я смотрю, ты сегодня чувство юмора дома оставил.

— Откровенно говоря, я сегодня ночью почти не спал. Беатрис сказала, что я занимаю в постели слишком много места. Ей и правда последние три месяца приходится спать на спине. В общем, я перебрался на диван.

Серенак похлопал его по плечу.

— Ничего, потерпи еще недельку, скоро все кончится. Ты станешь папой! Тогда ночами оба спать не будете. Кофе не хочешь? Можем обсудить дела в гостиной.

— Мне чай.

— Вот я болван, опять забыл. Чай без сахара. Ну что, еще не решился перейти со мной на «ты»?

— Я пока думаю. Уверяю вас, патрон, я работаю над собой.

Серенак засмеялся.

— Нравишься ты мне, Сильвио. Кроме того, должен тебе признаться: ты один собираешь больше ценной информации, чем весь комиссариат Тарна. Слово уроженца Окситании!

— Скорее всего, так и есть. Не забывайте, я всю ночь работал.

— На диване? Пока твоя жена дрыхла на спине?

— Именно.

Бенавидиш искренне улыбнулся. Полицейские дошли до конца коридора, поднялись на три ступеньки и очутились в комнатухе размером с большую птичью клетку.

На десяти квадратных метрах так называемой «гостиной» разместилась куча разномастной мебели: два протертых дивана, прикрытых оранжевыми покрывалами с бахромой, лиловое кресло и пластиковый стол, на котором стояла кофеварка в окружении чашек всех видов и расцветок и лежали чайные ложки из нержавеющей стали. С потолка свисала слабенькая лампочка в порыжелом цилиндрическом картонном плафоне. Сильвио плюхнулся в кресло, а Серенак занялся приготовлением чая и кофе.

— Патрон, — заговорил Сильвио. — Начнем с выставки? Раз уж она вам так дорога...

Начальник повернулся к нему спиной. Бенавидиш уставился в свои записи.

— На данный момент мы собрали сто семьдесят одну пару сапог; размеры от тридцать пятого до сорок шестого. Выявили пятнадцать рыбаков и двадцать одного охотника, имеющих лицензию. В их числе — Жак Дюпен. Еще есть три десятка пеших туристов, тоже с лицензией. Но, как вы, патрон, уже знаете, ни один из этих сапог не соответствует отпечатку, оставленному возле трупа Жерома Морваля.

Серенак налил в кофеварку воду.

— Чего и следовало ожидать. Убийца не покажет пальцем сам на себя. Зато мы можем исключить из числа подозреваемых сто семьдесят одного жителя Живерни.

— Как скажете.

— Но Жак Дюпен в число этих ста семидесяти одного человека не входит. Интересно, как он там? Пусть посидит еще немного. Что у нас еще?

Инспектор Бенавидиш развернул свою пресловутую таблицу из трех столбцов.

— Сильвио, ну ты маньяк.

— Знаю. Я строю это расследование в точности, как строил бы свою веранду или террасу. А в строительстве главное — точность и терпение.

— Уверен, что твоя Беатрис потешается над тобой не меньше моего.

— Угадали. Ну и что? Зато терраса у меня — любо-дорого глядеть.

Серенак вздохнул. Забулькала кофеварка.

— Ну ладно, давай, что там у тебя в трех колонках...

— Они заполняются. Напоминаю: у нас три линии расследования. Любовницы, «Кувшинки» и дети.

— Подозреваю, что мы раскроем дело, когда сумеем свести все три колонки в одну. Но пока связи между тремя линиями не просматривается. А мы, похоже, так увязли, что нас не спасет и сто семьдесят одна пара сапог...

Бенавидиш зевнул. С каждой минутой он все глубже проваливался в лиловое кресло.

— Вперед, Сильвио. Я весь внимание. Последние известия.

— Колонка номер один. Окулист и его любовницы. Мы потихоньку собираем свидетельства, но пока нет ничего, что могло бы послужить мотивом преступления на почве страсти. По поводу этих чертовых цифр на обороте фотографий — тоже по нулям. Я уже себе башку над ними сломал. Кроме того, не удалось получить никаких сведений из Бостона об Алине Малетра. И мы по-прежнему не знаем имени девушки с пятой фотографии.

— Той куколки, что стоит на коленях в гостиной Морваля?

— У вас превосходная зрительная память, патрон. Я, со своей стороны, постарался сгруппировать обманутых мужей по степени склонности к ревности. Возглавляет список, бесспорно, Жак Дюпен, хотя, как ни парадоксально, у нас нет ни малейших доказательств того, что жена ему изменяла. А вы продвинулись, инспектор? Вроде вчера вы собирались увидеться со Стефани Дюпен?

— Джокер!

Сильвио Бенавидиш взирал на него с недоумением. Он попытался было выбраться из мягкого кресла, которое издало протестующий скрип.

— Не понял.

— Джокер. И давай пока оставим эту тему. Потому что, если я начну тебе рассказывать, что ее фиалковые глаза посылают мне сигнал SOS, ты донесешь на меня судебному следователю. Поэтому — джокер. Wait and see.[7] Этой частью расследования я буду заниматься лично. Но с твоим выводом я целиком и полностью согласен. У нас нет ни малейших доказательств того, что между Жеромом Морвалем и Стефани Дюпен существовала любовная связь, хотя Жак Дюпен остается нашим подозреваемым номер один. Ладно, переходим ко второй колонке. «Кувшинки».

— Со вчерашнего разговора с Амаду Канди — ничего нового. Вы вроде бы собирались позвонить в отдел борьбы с преступлениями в области искусства?

— Точно, собирался. Обязательно позвоню. Прямо завтра. Кстати, я хочу прогуляться по саду Клода Моне.

— Вместе с классом Стефани Дюпен?

Над кофеваркой поднимался пар. Серенак с беспокойством посмотрел на помощника.

— Сильвио, так не бывает! Ты всегда в курсе всего! Ты что, поставил меня на прослушку? Так вот чем ты по ночам занимаешься — записи слушаешь!

Бенавидиш зевнул еще шире, чем до того.

— А что, эта прогулка — большая тайна?

Он потер глаза.

— А я завтра встречаюсь с хранителем Руанского музея изящных искусств.

— За каким чертом он тебе понадобился?

— Проявляю инициативу и самостоятельность. Сами мне советовали. Допустим, я хочу составить собственное представление о творчестве Моне вообще и о «Кувшинках», в частности.

— Знаешь, Сильвио, будь на моем месте кто-нибудь более подозрительный, он решил бы, что ты демонстрируешь недоверие к начальству.

В усталых глазах Сильвио Бенавидиша блеснула озорная искорка.

— Джокер!

Инспектор Серенак аккуратно налил себе кофе в чашку с оббитыми краями. В другую опустил чайный пакетик, налил кипяток и передал помощнику.

— Нет, видно, никогда мне не понять нормандскую психологию. Сильвио, ты ведь сейчас должен быть с женой, а ты...

— Не волнуйтесь, патрон. Просто я очень упрямый человек. В живописи я не смыслю ни бельмеса, но в своем деле малость разбираюсь. Так что послушайте меня еще немного. Осталась последняя колонка. Детишки одиннадцати лет.

Серенак глотнул кофе и скривился:

— Твой пунктик.

— Я проверил список, составленный Стефани Дюпен. Ясное дело, у меня же пунктик. Я искал мальчика или девочку десяти примерно лет, чья мать примерно те же десять лет назад подрабатывала уборкой, например, в семье Морвалей...

— ...И задирала юбку, не снимая синего халата? И как результат?

— По нулям. Ни один ребенок в деревне не соответствует этим условиям. В Живерни есть девять детей в возрасте от девяти до одиннадцати лет. Двоих воспитывают матери-одиночки. Первая работает в булочной Гасни — это селение по ту сторону плато, вторая водит местный автобус.

— Оригинально.

— Пожалуй. Есть одна разведенная мамаша, преподает в средней школе в Эврё. У остальных детей есть и мама и папа. И ни одна из женщин никогда не зарабатывала уборкой — ни сегодня, ни десять лет назад.

Серенак поставил локти на пластиковый стол и изобразил на лице уныние.

— Сильвио, я вижу всего два объяснения твоему фиаско. Первое и наиболее вероятное сводится к тому, что твоя гипотеза о незаконнорожденном ребенке — мура. Второе состоит в том, что ребенок, которого Морваль поздравил с днем рождения, о чем свидетельствует найденная в его кармане открытка, живет не в Живерни. Как, впрочем, и любовница в синем халате, вне зависимости от того, есть у нее дети или нет.

Бенавидиш не притронулся к своему чаю.

— Если позволите, патрон, — тихо произнес он. — Есть и третье объяснение.

— Какое же?

Сильвио чуть поколебался, прежде чем заявить:

— Да просто список... Список, который вам дала Стефани Дюпен, фальшивый.

— То есть?

Серенак чуть не опрокинул чашку кофе. Сильвио поглубже вжался в лиловое кресло.

— Ладно, попробую выразиться по-другому, — сказал он. — Откуда нам знать, что этот список полон? Ведь Стефани Дюпен тоже значится в числе подозреваемых.

— Не вижу связи между ее гипотетической связью с Морвалем и учениками из ее класса.

— Я тоже не вижу. Но в этом деле ничто ни с чем не вяжется. Будь у нас время, мы бы сверили ее список с официальными данными жителей Живерни: фамилии родителей, кем работают сейчас и кем работали в прошлом, девичьи фамилии матерей и так далее. Говорите что хотите, но эта цитата из Арагона, приклеенная к открытке, уж точно связана со школой. Напомнить вам ее? «Преступно мечтать, ждет виновного кара». Деревенские детишки учат эти стихи наизусть. Вы сами мне об этом говорили — со слов Стефани Дюпен.

Серенак одним глотком допил содержимое чашки.

— Хорошо, допустим, у нас есть основания для сомнений. Как ты думаешь, с какого боку мы можем подступиться к решению этой загадки?

— Понятия не имею. У меня вообще складывается впечатление, что жители деревни что-то от нас скрывают. Как будто у них тут действует некий закон омерты.

— Почему ты так думаешь? И потом, еще недавно ты утверждал, что впечатления — не твой конек...

В глазах Сильвио зажглось беспокойство.

— Дело в том... Дело в том, что я рассказал не все новости из третьей колонки. Предупреждаю, патрон, то, что скажу, прозвучит довольно странно. Я бы даже сказал: поразительно.

31

Утром в Живерни установилась прекрасная погода. Я в кои-то веки даже открыла окно в гостиной и решила устроить уборку. Солнце недоверчиво заглядывало ко мне в комнату, словно гость, впервые переступающий порог чужого дома. Не найдя ни одной пылинки, которую солнечные лучи могли бы заставить танцевать, они устроились на буфете, стульях и столе, высветлив их деревянные поверхности.

Мои висящие в углу «Черные кувшинки» так и остались в тени. Я не хочу, чтобы их кто-нибудь увидел, даже случайно задрав с улицы голову к верхнему этажу башни.

Я более или менее бесцельно кружилась по комнате. Все вещи стояли на своих местах. Я задумалась: где это может быть? На верхней полке шкафа, в ящике комода? Или внизу, в гараже, в одной из

покрытых плесенью картонных коробок, выстланных изнутри разрезанными пополам пластиковыми мешками для мусора, в которые я не заглядывала уже несколько лет? Да какой там «лет» — десятилетий... Я точно знала, что ищу, но напрочь запамятовала, куда это убрала.

«Склероз, — хмыкнете вы, — ясное дело». Ну, пусть склероз. Только не рассказывайте мне, что вам ни разу не случилось перевернуть вверх ногами весь дом в поисках какой-нибудь вещицы, про которую вы точно знаете, что ее не выбрасывали.

Эти дико бесит, правда?

Ладно, не буду вас долго мучить. Я искала картонную коробку — старую обувную коробку с фотографиями. Видите, ничего оригинального. Я недавно читала, что в наше время можно хранить сотни фотографий на флешке размером с зажигалку. Но у меня флешки нет — у меня только обувная коробка. Когда вам стукнет восемьдесят, вы будете искать в своих завалах крохотную зажигалку. Удачи. И да здравствует прогресс.

Без всякой надежды я выдвинула ящики комода, проверила полки нормандского шкафа, сдвинув стоящие на них книги.

Ничего не нашла, разумеется.

Что ж, надо признать очевидное: то, что я ищу, — не здесь. Наверное, все-таки в гараже: под наслоениями скопившихся за долгие годы других вещей.

Я все еще колебалась. Может, игра не стоит свеч? Имеет ли смысл разгребать кучи барахла ради одной-единственной фотографии? В том, что я ее не выбрасывала, я не сомневалась ни секунды. Я не могла выбросить снимок, запечатлевший лицо, на которое мне так хотелось бы взглянуть в последний раз.

Лицо Альбера Розальбы.

Так ни на что и не решившись, я еще раз оглядела гостиную. Безупречный порядок. Только перед каминной трубой стояла и сохла пара сапог. Я сама их туда поставила.

Почему «перед трубой», если камин я внизу не разжигала?

Естественно, не разжигала, — до Рождества еще далеко.

Несмотря на пафос, с каким Сильвио Бенавидиш сделал свое последнее заявление, его патрон, судя по виду, не воспринял его всерьез. Он, как ни в чем не бывало, налил себе еще чашку кофе, похоже, продолжая пересчитывать в уме пары сапог. Бенавидиш поднес к губам чашку чая и скривился. Без сахара.

— Я тебя слушаю, Сильвио, — повернулся к нему Серенак. — Давай, порazi меня в самое сердце.

— Вы меня знаете, патрон, — начал Бенавидиш. — Я проверил все, что могло иметь касательство к детям Живерни. В том числе архивы жандармерии.

Он поерзал в мягком кресле, поставил чашку на пол и выудил из кипы бумаг, лежавших возле его ног, пожелтевший листок — рапорт жандармерии городка Паси-сюр-Эр — и протянул его начальнику. Серенак взгляделся в дюжину строк, и чашка кофе у него в руке задрожала.

— Докладываю, патрон. Хотя догадываюсь, что вам не понравится. В Живерни был найден ребенок, утонувший в ручье Эпт. В том самом месте, где убили Жерома Морваля. Ребенок был убит в точности тем же способом, каким расправились с Морвалем — за исключением ножевого ранения. Ему так же разбили голову камнем, а затем утопили в ручье.

Лоренс почувствовал, как у него закипает кровь. Он со стуком поставил на стол чашку.

— Сколько лет было ребенку?

— Без пары месяцев одиннадцать.

На лбу инспектора выступил холодный пот.

— Что за чертовщина?

Бенавидиш вцепился в подлокотники лилового кресла, словно боялся утонуть.

— Одно уточнение, инспектор. Это происшествие случилось давным-давно. — Он помолчал, как будто опасаясь слишком бурной реакции Серенака, и добавил: — Если быть точным, в тысяча девятьсот тридцать седьмом году.

Серенак откинулся на спинку оранжевого дивана. Перед глазами он по-прежнему держал пожелтевший листок.

— В тридцать седьмом? Черт побери, что все это значит? Одиннадцатилетний ребенок гибнет на том же месте, где Морваль,

убитый тем же способом, но в тридцать седьмом году! Что это за бредовая история, я спрашиваю?!

— Не знаю, патрон. Мне известно только то, что есть в жандармском отчете из Паси. Скорее всего, между этими двумя убийствами вообще нет никакой связи. Тогда жандармы пришли к выводу, что имел место несчастный случай. Мальчик поскользнулся на камне, ударился головой, упал в ручей и захлебнулся. Трагедия, но не преступление.

— А как звали мальчика?

— Альбер Розальба. Его семья уехала из Живерни вскоре после происшествия. С тех пор о них никто здесь не слышал.

Лоренс Серенак протянул руку за чашкой, отхлебнул остывшего кофе и сморщился.

— Проклятье, Сильвио, твоя история выбила меня из колеи. Не люблю я такие совпадения. Очень не люблю. Мало нам загадок, а тут еще это!

Сильвио собрал с пола рассыпанные листки.

— Можно вас кое о чем попросить, патрон?

— Валяй.

— Знаете, что меня беспокоит больше всего? С самого начала у нас с вами возникли разногласия по поводу возможных мотивов преступления. Я сегодня всю ночь об этом думал. Вам интуиция подсказывает, что все крутится вокруг Стефани Дюпен и что ей угрожает опасность. А я, сам не знаю почему, убежден, что ключ к разгадке надо искать в третьей колонке. Убийца разгуливает на свободе, готовый нанести новый удар, но его жертвой станет одиннадцатилетний ребенок.

Лоренс поставил чашку на пол, встал с дивана и дружески похлопал помощника по спине.

— Может, это потому, что ты вот-вот станешь папой? А я как закоренелый холостяк больше, чем детишками, интересуюсь мамочками, даже замужними? У нас с тобой разные сферы интересов. Логично?

— Возможно. Каждому — своя колонка, — кивнул Сильвио. — Остается только надеяться, что мы оба не окажемся правы.

Последнее замечание Бенавидиша удивило Серенака. Он внимательно посмотрел на своего зама — лицо осунулось, глаза

покраснели от недосыпа. Сильвио все еще сортировал свои бумажки. Лоренс знал, что вечером, прежде чем уйти домой, Бенавидиш отсканерует все документы и поместит в красную коробку, а коробку отнесет в архив и поставит на свое место. На букву «М». Дело Морваля. В этом весь Бенавидиш.

— Сильвио, всему должно быть объяснение. Наверняка есть способ соединить все части пазла в одно целое.

— А что насчет Жака Дюпена? — спросил Бенавидиш. — Вам не кажется, патрон, что он уже достаточно промаршировался?

— Блин! Я про него совсем забыл!

Чтобы устроиться за столом в комнате 101, Лоренсу Серенаку пришлось сдвинуть в сторону дюжину пар синих сапог. Жаку Дюпену стоило немалых трудов хранить подобие внешнего спокойствия. Он непрерывно теребил свои каштановые усы и проводил рукой по небритым щекам, что выдавало крайнюю степень нервозности.

— Я так и не понял, инспектор, чего вы от меня хотите. Я торчу тут уже битый час. Может, все же скажете, зачем меня вызвали?

— Для беседы. Всего лишь для беседы.

Серенак повел рукой, указывая на груды сапог.

— Как видите, месье Дюпен, мы гребем широкой сетью. Почти все жители деревни предоставили нам свои сапоги, демонстрируя готовность к сотрудничеству. Мы должны установить, что их подошвы не соответствуют отпечатку, обнаруженному на месте преступления, после чего вернем владельцам их имущество. Все очень просто. Но дело в том, что вы...

Жак Дюпен вцепился правой рукой в усы, а левой сжал подлокотник кресла.

— Сколько раз я могу повторять? Не знаю я, где эти чертовы сапоги! Вроде я оставлял их в гараже — это такая пристройка возле школы, — но их там нет! Вчера мне пришлось даже позаимствовать сапоги у приятеля!

Серенак садистски улыбнулся.

— Но разве это не странно, месье Дюпен? С какой стати кто-то решил украсть ваши сапоги? У вас ведь сорок третий размер? Отпечаток ноги на месте преступления оставлен обувью сорок третьего размера.

Сильвио Бенавидиш стоял в глубине комнаты, прислонившись спиной к полке, на которой были сложены относительно новые сапоги от тридцать девятого до сорок второго размеров. За беседой Серенака с Дюпенем он следил с усталым любопытством, позволявшим ему не уснуть на ходу. Вообще-то, у него имелся ответ на вопрос инспектора, но подсказывать подозреваемому он не собирался.

— Откуда мне знать? — взорвался Дюпен. — Может, убийца их украл! Специально, чтобы навести подозрение на ни в чем не повинного человека!

«Гляди-ка, — подумал Бенавидиш, — догадался. А этот Дюпен совсем не дурак».

— И чисто случайно украл именно ваши сапоги? — гнул свое Серенак.

— Ну, у кого-то он должен был их украсть? Украл у меня. И потом, что вы имеете в виду, когда говорите: «чисто случайно»? Мне ваши намеки непонятны!

— Что вы делали тем утром, когда произошло убийство Жерома Морваля?

Дюпен нервно задвигал ногами по полу, заваленному сапогами, так ребенок, сердясь, разбрасывает свои игрушки.

— Вы что, меня подозреваете? Ну хорошо. В шесть утра я, как и каждое утро, был в постели с женой...

— Еще одна странность, месье Дюпен. По нашим сведениям, по вторникам вы обычно встаете до рассвета и отправляетесь охотиться на землях вашего друга, Патрика Делоне. Чаще всего в компании других приятелей. Почему в день убийства вы изменили своей привычке?

Дюпен молчал и лишь яростно дергал усы.

— Сам не знаю... — выдавил он из себя наконец. — Имеет мужчина право остаться в постели с женой?

Жак Дюпен смотрел прямо в глаза инспектору Серенаку. Их взгляды скрестились, словно два кинжала. Сильвио Бенавидиш внимательно наблюдал за этой безмолвной схваткой. И снова подумал, что Жак Дюпен неплохо защищается.

— В этом, месье Дюпен, вас никто не посмеет упрекнуть. Ни один человек. Не волнуйтесь, мы непременно проверим ваше алиби. Теперь что касается мотива...

Серенак аккуратно отодвинул десяток пар синих сапог, грудой сложенных на краю стола, и выложил на освободившееся место фотографию, на которой Стефани и Жером Морваль шли, держась за руку, по грунтовой дороге.

— Мотивом могла быть ревность. Вы с этим согласны?

Жак Дюпен едва удостоил снимок беглым взглядом, как будто видел его уже не раз.

— Вы переходите границы, инспектор. Хотите меня подозревать — пожалуйста, ваше дело. Но не вмешивайте в свои игры Стефани. Полагаю, это в наших общих интересах.

Сильвио едва удержался, чтобы не вмешаться. Его охватило предчувствие, что сейчас произойдет что-то нехорошее. Серенак тем временем продолжал играть с Дюпеном, как кошка с мышью. Он брал из кучи сапог по две штуки, пытаясь составить пару. После нескольких попыток он поднял на Дюпена глаза, в которых сквозила ирония.

— Не слишком удачная стратегия защиты, месье Дюпен. В юриспруденции ее принято называть тавтологической. Вы опровергаете основанный на ревности мотив, опираясь на ревность второго порядка...

Дюпен вскочил со стула. От Серенака его отделяло расстояние не больше метра. Ростом он был ниже инспектора сантиметров на двадцать.

— Прекратите играть словами, Серенак! Я отлично понимаю, к чему вы клоните! Только попробуйте...

Серенак на него даже не взглянул, как ни в чем не бывало продолжая прикладывать друг к другу подошвы сапог. На губах у него играла улыбка.

— Вы хотите сказать, месье Дюпен, что намерены помешать успешному расследованию убийства?

Сильвио Бенавидишу так и не довелось узнать, до какого предела был готов пойти в тот день Жак Дюпен. Впрочем, он не слишком стремился к этому знанию, а потому подошел и положил Дюпену на плечо руку, одновременно бросив красноречивый взгляд в сторону Серенака.

Сильвио Бенавидиш проводил Жака Дюпена до дверей комиссариата. Он неплохо владел искусством вежливых формулировок, способных служить завуалированным извинением. Жак Дюпен был в бешенстве. Он запрыгнул в свой «форд» и с места в карьер рванул через полицейскую парковку на улицу Карно. Бенавидиш на миг прикрыл глаза и вернулся в кабинет. Искусством понимать настроение начальства он также владел совсем не дурно.

— Что скажешь, Сильвио?

— Вы сильно на него надавили, патрон. Очень сильно. Даже слишком.

— Ну и ладно. Будем считать, что во всем виноват мой южный темперамент. А по существу что ты думаешь?

— Не знаю. Вы ведь хотите услышать, что Дюпен явно чего-то недоговаривает, но я его как раз понимаю. У него красивая жена, к которой он естественным образом привязан. Вы же не станете возражать? Но это еще не делает его убийцей...

— Черт тебя подери, Сильвио. А пропавшие сапоги? Вся эта басня про покражу не выдерживает никакой критики. Я уж не говорю про алиби. Стефани подтвердила, что во вторник утром он уходил на охоту.

— Да, патрон, тут он дал маху, признаю. Надо бы устроить им очную ставку. С другой стороны, что-то улики против него слишком легко идут нам в руки. Сначала фотография, на которой его жена прогуливается с Морвалем, присланная неизвестным доброжелателем, потом исчезнувшие сапоги... Складывается впечатление, что кто-то умело его подставляет. Кроме того, он далеко не единственный из жителей деревни, чью обувь мы не смогли проверить. Многих не было дома, и нам никто не открыл. Есть дома, которые вообще принадлежат парижанам, а они бывают в Живерни только наездами. Чтобы довести дело до конца, нам понадобится время.

— Блин!

Серенак взял в руки оранжевый сапог и перевернул его, ухватив за каблук.

— Это он, Сильвио! Не спрашивай меня, почему я уверен, но убийца — Жак Дюпен.

Лоренс Серенак бросил оранжевый сапог на полку к десятку других.

— В яблочко! — с ухмылкой прокомментировал Сильвио Бенавидиш.

Его начальник несколько секунд сидел молча, но вдруг поднял голову и громко произнес:

— Мы топчемся на месте, Сильвио! Топчемся на месте! Собери через час всю команду!

Лоренс Серенак решил устроить мозговой штурм. Сотрудники Вернонского комиссариата расселись в большой комнате, залитой солнцем, бившим в окна, занавешенные рваными шторами. Сильвио Бенавидиш клевал носом. Он слышал голос Серенака, который описал состояние расследования и принялся перечислять первоочередные задачи: выяснить личность любовниц Морваля; опросить их родственников и знакомых; навести справки о незаконной торговле произведениями искусства, обратив особое внимание на деятельность Амаду Канди; выяснить подробнее, что собой представляет пресловутый фонд Теодора Робинсона; поднять архивы 1937 года по делу утонувшего в ручье мальчика; опросить жителей Живерни, в частности соседей Морваля, обратив особое внимание на тех, у кого в доме не окажется сапог, а также на тех, у кого в семье есть дети одиннадцати лет... Проверить клиентуру кабинета офтальмологии Жерома Морваля.

Инспектор Серенак понимал, что хлопот предстоит много. Пожалуй, слишком много для команды из пяти человек, из которых не все даже работают на полную ставку. Действовать предстояло почти наугад, надеясь на удачу. Впрочем, полицейские к такому привыкли. Единственным, о чем Серенак не стал просить подчиненных, была проверка алиби Жака Дюпена. Эту миссию он оставил себе. Привилегия начальства!

— Есть у кого еще идеи?

Агент Людовик Мори слушал категоричные приказы начальства с видом футболиста, уставшего сидеть на скамейке запасных. Солнце било ему прямо в затылок. Во время совещания он еще раз пересмотрел разложенные на столе перед ним фотографии места преступления: ручей, мост, портомойню. Тело Жерома Морваля, лежащего ногами на берегу и головой в воде. Удивившись тому, что иногда идеи приходят на ум совершенно неожиданно, он поднял палец.

— Да, Людо?

— Лоренс, я вот о чем подумал. Тебе не кажется, что имеет смысл обыскать дно ручья?

— Что ты имеешь в виду? — несколько раздраженно отозвался Серенак, словно южное тыканье агента Мори его малость рассердило.

С Сильвио Бенавидиша мгновенно слетела дрема.

— Ну... — начал Мори. — Мы обыскали место преступления, все сфотографировали, сняли отпечатки, собрали улики. Разумеется, мы смотрели и в ручье. Но дно реки не исследовали. Песок не поднимали. Хотя, если посмотреть на позу лежащего Морваля, то видно, что у него из карманов вполне могло что-то вывалиться и упасть в воду. Не знаю, что именно, но вдруг?..

Серенак провел ладонью по лбу.

— А это не так уж глупо... В конце концов, почему бы и нет? Эй, Сильвио, ты уже проснулся? Собери-ка команду, да побыстрее. И включи в нее специалиста-геолога. Чтобы мог с точностью до дня сказать, сколько пролежала в воде та дрянь, которую мы извлечем на поверхность!

— Хорошо, — кивнул Бенавидиш, с трудом поднимая веки, каждое из которых весило не меньше гири. — К послезавтра сделаю. Напоминаю, что завтра у нас день изучения культурного наследия. Вы идете на экскурсию в сад Моне, а я — в Руанский музей изящных искусств.

34

С улицы Бланш-Ошеде-Моне в мансарду Дюпенов сочился сквозь закрытые ставнями окна рассеянный вечерний свет. Жак Дюпен нервно мял глянцевые страницы каталога нормандских загородных домов.

— Стефани, я найму адвоката. Пусть его привлекут за превышение... Этот Серенак что-то замышляет. Можно подумать, что он...

Жак Дюпен повернулся к кровати. Как он и предполагал, разговаривал он со спиной своей жены. С ее затылком. С длинными светлыми волосами. С крохотной частью лица. С рукой, держащей книгу.

— Можно подумать, что этот легавый под меня копает. За что он на меня взъелся?

— Не бери в голову, — ответила спина. — Успокойся.

Жак Дюпен попытался сосредоточиться на изучении предложений по продаже недвижимости. Будильник, стоящий перед ним, медленно отсчитывал минуты.

21:12...

21:17...

21:24...

— Что ты читаешь, Стефани?

— Ничего.

Спина не отличалась болтливостью.

21:31...

21:34...

— Я хотел бы подыскать дом, Стефани. Сколько можно жить в этом стенном шкафу над школой? Дом, о котором ты всегда мечтала. В конце концов это моя профессия. Я уверен, что в один прекрасный день я смогу его тебе преподнести. Если ты немножко потерпишь...

Спина чуть шевельнулась. На ночной столик опустилась рука, положившая книгу.

«Орельен».

Луи Арагона.

Рука нажала на выключатель прикроватной лампы.

— Чтобы ты меня не бросила... — раздался в темноте голос Жака Дюпена.

21:37...

21:41...

— Ты не бросишь меня, Стефани? Ты не позволишь этому легавому нас разлучить? Ты же знаешь, что я не имею ничего общего с убийством Морваля.

— Знаю, Жак. Мы оба это знаем.

У спины ровный и холодный голос.

21:44.

— Я обязательно это сделаю, Стефани. Я найду тебе дом. Нам. Шорох простыней.

Спина спряталась. Зато открылась обнаженная грудь.

— Сделай мне ребенка, Жак. Прямо сейчас.

Джеймс лежал на спине и ловил последние лучи заходящего солнца. Еще минут пятнадцать — и оно окончательно скроется за холмами. Значит, будет десять с минутами. Часов у Джеймса не было, он жил, повинуюсь солнечному ритму — как Моне, — вставал с рассветом и ложился с закатом. В это время года он с каждым днем ложился чуть позже. Солнце еще не село и на прощание играло в прятки с тополями.

«Какое приятное тепло...» Джеймс смежил веки. Он сознавал, что в последнее время пишет все меньше, а спит все больше. Наверное, жители деревни думают, что он становится все меньше похож на художника и все больше — на клошара.

Ну разве не прелесть — стать местным нищим? В каждой порядочной деревне должен быть свой кюре, свой мэр, своя учительница, свой почтальон... И свой бомж! Ну что ж, значит, он станет клошаром Живерни. Говорят, во времена Клода Моне в деревне тоже был свой клошар. Все звали его Маркизом — потому что он носил фетровую шляпу, которую приподнимал, приветствуя прохожих. Но в основном он был знаменит тем, что подбирал под забором у Моне окурки и набивал ими карманы.

Что ж, сделаться в Живерни очередным Маркизом — не такая уж плохая идея! Хотя — и Джеймс хорошо это понимал — до достижения цели ему было далеко. Пока что никто в деревне, кроме маленькой Фанетты, не интересовался старым чудаком, что спал в поле под своими мольбертами.

Кроме Фанетты.

Но ему и Фанетты хватало.

И это были не пустые слова. У Фанетты настоящий дар. Насколько же она талантливее его! Как будто Господь Бог специально повелел ей родиться в Живерни, а потом сделал так, что они познакомились.

Сегодня она назвала его «папашей Троньоном». Тем самым, с картины Робинсона. Джеймсу подумалось, что он мог бы умереть вот так, с наслаждением вспоминая произнесенные Фанеттой слова.

Папаша Троньон...

Всего два слова, но в них — вся его жизнь. От шедевра Теодора Робинсона до нахальства гениальной соплячки.

Ну надо же.

Он — *папаша Троньон.*

Кто бы мог подумать?

Солнце скрылось.

А ведь десяти еще нет... Почему-то резко стемнело. Или солнце, которому надоели прятки, решило сыграть в жмурки? Встало за тополем и считает до двадцати, давая луне возможность отбежать подальше?..

Джеймс открыл глаза. Его охватил ужас.

Над его лицом навис камень. Огромный булыжник на расстоянии не больше полуметра.

Что за сюр?

Он слишком поздно сообразил, что это не сон. Булыжник со всего размаху врезался ему в лицо. Висок взорвался страшной болью.

Он быстро перевернулся на живот и пополз через поле. До ручья совсем недалеко, а там — человеческое жилье, там мельница. Он позовет на помощь.

Но из его горла не вырвалось ни звука. Джеймс чувствовал, что теряет сознание. В ушах звенело, голова превратилась в огромный, готовый лопнуть шар.

Джеймс прополз еще немного. Он чувствовал, что нападавший где-то здесь, совсем рядом, намеренный его прикончить.

Но чего он ждет?

Его взгляд уперся в два деревянных столбика. Мольберт. Он вцепился в ножки мольберта и напряг все силы в попытке подняться.

Мольберт с грохотом обрушился на землю. Упал ящик с красками. По траве рассыпались тюбики, кисти, карандаши. Джеймсу вспомнилась надпись на внутренней крышке ящика. «Она моя. Здесь, сейчас и навсегда». Значит, это все-таки была угроза. Но он так и не понял, от кого она исходила и почему.

Может быть, он видел что-то такое, чего не должен был видеть?

Ну вот, теперь он умрет, так ничего и не узнав. Ему казалось, что вместе с кровью у него из головы вытекают, впитываясь в землю, последние мысли. Но он продолжал ползти, давя животом тюбики с красками.

Над ним снова нависла тень.

«Надо повернуться, — твердил он себе. — Постараться встать на ноги. Что-нибудь сказать». Но он не мог, охваченный леденящей паникой. Тень пыталась его убить. Она захочет довести дело до конца. Он должен бежать. Звон в ушах стал сильнее, мешая думать. Теперь в мозгу вспыхивали только самые короткие мысли. «Бежать отсюда. Подальше».

Он опрокинул второй мольберт. Во всяком случае, так ему показалось. Кровь заливала глаза. Он почти ничего не видел. Пейзаж вокруг окрасился в ржавые красновато-пурпурные тона. Наверное, ручей уже близко. Он спасется. Кто-нибудь ему поможет.

«Ползи».

Показался еще один мольберт. С палитрой, кистями и мастихинами.

Тень обогнала его.

Теперь она стояла впереди него. Сквозь красный туман Джеймс увидел, как тень схватила мастихин и приблизилась к нему.

«Все. Конец».

Джеймс прополз еще несколько сантиметров, из последних сил приподнялся на руках и перекатился через себя раз, а затем и второй. На миг в нем вспыхнула надежда, что наклона местности хватит, чтобы он докатился отсюда до самого берега Эпта. И спасся.

Надежда вспыхнула и погасла.

Тело застряло в колосьях пшеницы. Он лежал на спине, не прокатившись и пары метров. Перед глазами стояла тьма. Он выплюнул изо рта смешанную с красками кровь. Связных мыслей в голове больше не осталось.

Тень подошла к нему совсем близко. Джеймс попытался шевельнуть хотя бы одним мускулом, но у него ничего не вышло. Тело его больше не слушалось. Нет, еще слушались глаза. Он заморгал, отгоняя пелену.

Тень наклонилась над ним.

Джеймс всмотрелся в нее.

К нему вдруг вернулась ясность сознания. Последняя милость приговоренному к казни. Джеймс мгновенно узнал тень, но отказывался верить своим глазам. Это было попросту невозможно! Откуда такая ненависть? В каком безумном мозгу она родилась?

Тень, одной рукой прижимая его тело к земле, отвела вторую для удара. Джеймс даже не дернулся. От страха и слабости он почти окаменел.

Зато теперь он понял.

В нем проснулась жажда жизни.

Он не должен умереть. Не потому, что дорожит жизнью — кому нужна его жизнь? Он должен жить, чтобы не дать свершиться тому страшному, о чем он только что догадался. Он должен во что бы то ни стало помешать преступнику, задумавшему дьявольский план, в котором ему, Джеймсу, отводилась роль статиста.

Холодное лезвие пронзило его плоть.

Он почти не почувствовал боли. Наверное, был слишком стар. Жизнь уходила из него. Бессмысленная, бесполезная жизнь. Он не сумел остановить трагедию. Он слишком стар, чтобы защитить Фанетту. Кто теперь позаботится о девочке? Кто спасет ее от нависшей над ней тени?

Джеймс в последний раз окинул взглядом колышущееся под ветром пшеничное поле. Кто найдет его труп? Когда? Через несколько часов? Или несколько дней? Последним, что мелькнуло перед его угасающим взором, было видение: женский силуэт на фоне колосьев и маков. Дама с зонтиком. Камилла Моне.

Он ни о чем не жалел. В конце концов, разве не ради этого он покинул родной Коннектикут? Не ради того, чтобы умереть в Живерни?

День медленно угасал.

Джеймс еще успел почувствовать на своей остывающей коже собачье дыхание. Нептун...

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

21 мая 2010 года

(Шоссе Руа)

ЧУВСТВА

36

Второй подряд солнечный день. Это в Живерни! Почти чудо, уж можете мне поверить.

Я шла по шоссе Руа. Чем старше я становлюсь, тем труднее мне понять туристов, готовых выстаивать часовые очереди, лишь бы попасть в сад Клода Моне. Хвост перед входом обычно тянется метров на двести. А ведь достаточно немного пройти по шоссе Руа, и можно через зеленую ограду прекрасно рассмотреть и сад, и дом Моне, сделать фотографии и даже насладиться ароматом цветов.

По шоссе проносились машины. Растения, высаженные вдоль велосипедной дорожки, встречали каждую трепетом листьев. Те из деревенских жителей, кто работает в Верноне, давным-давно привыкли проезжать мимо розового дома с зелеными ставнями, даже не поворачивая к нему головы. Для них шоссе Руа — это дорога департаментского значения Д5, дорога на Вернон, и больше ничего.

Зато я, двигаясь с черепашьей скоростью, могу в свое удовольствие рассматривать цветы. Не стану вам врать, сад действительно великолепен. Пышные розы, скамьи в «нормандском цветнике», каскады клематисов, целые поля розовых тюльпанов и незабудок... Подлинный шедевр.

Кто посмеет мне возразить?

Амаду Канди даже рассказывал, что лет десять назад в Японии, в одной деревне воспроизвели точную копию дома Моне, вместе с садами — нормандским и водным. Представляете? Я видела фотографии. Сразу и не отличишь настоящий Живерни от фальшивки. Вы, конечно, скажете, что на фотографии можно пририсовать что угодно. Допустим. Но все равно, что за дикая идея — строить второй Живерни в Японии! Все это выше моего понимания.

Должна вам признаться: сама я не была в саду Моне уже много-много лет. Я имею в виду, в настоящем. Слишком много там стало народу. Тысячи туристов, все толкаются, все наступают друг другу на ноги — такой старухе, как я, среди них не место. Кстати, туристы часто удивляются, обнаружив, что в доме Моне нет его картин. Ни с кувшинками, ни с японским мостиком, ни с тополями. Музей — это просто дом, сад и мастерская. Чтобы посмотреть на подлинники Моне, надо идти в «Оранжерии», в Мармоттан или в галерею Вернона... Одним словом, мне по другую сторону забора гораздо лучше. К тому же мои чувства никого, кроме меня, не касаются. Стоит мне закрыть глаза, и я, как наяву, вижу все красоты сада.

Они впечатались в мою память навсегда.

По шоссе Руа катят все новые безумцы. Мимо меня пролетает «тойота» — скорость не меньше ста километров в час. Возможно, вам неизвестно, но строительство дороги с гудроновым покрытием сто лет назад оплатил Клод Моне потому, что с грунтовки поднималась пыль и оседала на его цветы! Лучше бы дал денег, чтобы дорогу проложили в обход. А то сейчас она разрезает сад на две части, и туристам, чтобы попасть из одной в другую, приходится нырять в туннель под насыпью.

Ну ладно. Вам, наверное, уже надоело брюзжание старухи по поводу того, как меняется родная деревня и ее окрестности. Я вас понимаю. Но главный вопрос, который вас занимает, звучит так: что она затевает? Какую роль играет во всех этих событиях? Когда я брошу шпионить за всеми подряд и вмешаюсь? И как? И почему? Терпение, терпение. Еще несколько дней, всего несколько дней. Позвольте мне еще немного попользоваться всеобщим равнодушием к старухе, на которую обращают внимания не больше, чем на электрический столб или дорожный указатель — они были здесь всегда и всегда будут. Не стану вводить вас в заблуждение, утверждая, что мне известно, чем кончится история, но кое-какие соображения на этот счет у меня имеются.

Точку в ней поставлю именно я, можете не сомневаться. И я вас не разочарую.

Просто немножко потерпите. Дайте мне еще раз описать вам сад Моне. Только будьте внимательны — здесь важна каждая деталь. В мае по утрам в усадьбу Моне привозят школьные экскурсии. На протяжении всего месяца сад каждое утро наполняется детским гомоном. Конечно, уровень шума зависит от способности учительницы заинтересовать ребятню жизнью художника. И еще от степени их возбуждения, которая тем выше, чем больше часов они провели в автобусе.

Некоторых везут целую ночь. Бывают же на свете учителя-садисты! Правда, стоит детям попасть в сад, как они успокаиваются. Обычная прогулка, разве что с образовательным эффектом. Одни отвечают на вопросы теста, другие рисуют. И учителя перестают нервничать. Детям ничто не угрожает — если, конечно, кто-нибудь не полезет в пруд с кувшинками.

По шоссе Руа проехал грузовик булочника Лорена. Водитель посигналил мне, я в ответ помахала ему рукой. Ришар Лорен — последний в деревне торговец, который меня знает, — не считая галериста Амаду Канди. В Живерни чуть ли не каждый год меняются вывески: одни заведения закрываются, другие открываются. Живерни существует в ритме приливов и отливов. Но я теперь смотрю на все это издалека. Меня давно выбросило на песок.

Я подождала еще немного.

Наконец раздался треск мотоцикла. Я узнала «Тайгер-Триумф». Мотоцикл свернул на улицу Леруа и остановился возле входа для экскурсионных групп. Вам может показаться удивительным, что восьмидесятилетняя старуха способна по звуку двигателя узнать марку мотоцикла, тем более такую старую. Но поверьте мне на слово: треск «Тайгера-Триумф Т100» я узнаю из тысячи других машин.

Одновременно я заметила, что не я одна держала ушки на макушке. Из окна на верхнем этаже дома Моне, увитого диким виноградом, выглянула голова Стефани Дюпен. Она старательно делала вид, что пересчитывает детей.

Ха-ха.

Я прямо-таки почувствовала, как она задрожала, услышав мотоциклетный треск. На учеников, носившихся между клумбами, она смотрела скорее рассеянно. По-моему, они сейчас могут вытворять что угодно, она и бровью не поведет.

37

Стефани Дюпен бегом спустилась по лестнице. Лоренс Серенак ждал ее в библиотеке.

— Здравствуйте, Стефани. Рад вас видеть.

Учительница запыхалась. Лоренс развернулся в пол-оборота.

— Господи, — воскликнул он, — я впервые вхожу в дом Клода Моне! Спасибо, что предоставили мне эту возможность. Правда, спасибо. Я много слышал о знаменитом саде, но то, что я сейчас увидел... Это просто потрясающе!

— Здравствуйте, инспектор. Ну что ж, тогда добро пожаловать. На самом деле вам выпал уникальный шанс. Сегодня утром сад Моне открыт только для школьников Живерни. Такое случается всего раз в

году. Так что дом в полном нашем распоряжении. Кроме нас, здесь никого не будет.

Кроме нас, здесь никого не будет...

Лоренс Серенак затруднился бы определить, какие чувства им овладели. Нечто среднее между восторгом и неловкостью.

— А ваши ученики?

— Они играют в саду. Не бойтесь, с ними ничего не случится, я привела только самых старших. К тому же я за ними присматриваю. Все окна в доме выходят в сад. Самые серьезные будут заниматься живописью. Они пришли в поисках вдохновения. Через несколько дней мы должны отправлять работы на конкурс юных художников фонда Робинсона. Остальные просто радуются, что нет уроков. Они с удовольствием поиграют в прятки — благо здесь есть где прятаться. Кстати, во времена Моне все было почти так же. Ошибается тот, кто думает, что дом в Живерни служил художнику приютом отшельника. Здесь всегда было полно ребятни — детей и внуков Клода Моне.

Стефани шагнула вперед и заговорила голосом экскурсовода:

— Как вы можете видеть, инспектор, мы находимся в малой голубой гостиной. Она выходит на довольно странную кладовую. Обратите внимание на висящие на стенах коробки с яйцами...

На учительнице было необычное платье из синего и красного шелка, перехваченное в талии широким поясом и застегнутое под горлом на две пуговицы в виде цветков. В этом платье она походила на гейшу, сошедшую с эстампа. Волосы она забрала назад. Ее фиалковый взгляд сливался с пастельным цветом стен. Серенак не знал, куда смотреть. Стефани вдруг напомнила ему одну картину Клода Моне, которую он видел несколько лет назад — портрет первой жены художника, Камиллы Донсьё, в костюме гейши. Он внезапно застеснялся своих джинсов, рубахи и кожаной куртки.

— Перейдем в следующую комнату? — мягко предложила экскурсовод.

Желтая.

Эта комната была желтая. Все в ней было желтым — стены, шкафы, стулья. Серенак замер с разинутым ртом.

Его провожатая подошла к нему.

— Мы находимся в столовой, где Клод Моне принимал почетных гостей...

Серенака восхитила люстра на потолке. Затем его взгляд переместился на висящую на стене картину. Пастель Ренуара. Девушка в огромной белой шляпе сидит, повернувшись в три четверти оборота. Он с изумлением всматривался в игру полутонов между длинными темными волосами и персиковой кожей юной натурщицы.

— Какая удачная копия, — сказал он.

— Копия? Вы уверены, инспектор?

Серенак еще раз взгляделся в картину.

— Э-э... Ну, скажем, если бы я увидел это полотно в парижском музее, то ни на секунду не усомнился бы, что это оригинал. Но, поскольку каждый знает, что в доме Моне нет...

— А если, — перебила его Стефани, — я вам скажу, что это никакая не копия, а самый что ни на есть настоящий подлинник?

Растерянность инспектора вызвала на лице учительницы улыбку.

— Только тс-с... — добавила она. — Это секрет. Никому не говорите!

— Вы надо мной смеетесь...

— Ни в коем случае. Подождите, сейчас я открою вам еще один секрет. В доме Моне еще и сегодня можно найти — если, конечно, хорошенько поискать, — не один шедевр. Они спрятаны в шкафах, в мастерской, под крышей. Их тут десятки! Полотна Ренуара, Сислея, Писсаро... Все — подлинники. Разумеется, картины самого Моне, в том числе «Кувшинки». И все — тут, рядом, только руку протяни.

Лоренс Серенак смотрел на Стефани с недоумением.

— Стефани, зачем вы рассказываете мне все эти сказки? Все знают, что это невозможно. Картины Ренуара и Моне стоят бешеных денег. Я уж не говорю об их культурной ценности. Да кто поверит, что подобные сокровища валяются тут, покрываясь пылью? Это... Это просто смешно.

Стефани обидчиво надула свои прелестные губки.

— Лоренс, я охотно допускаю, что вы не в состоянии в это поверить. Но меня огорчает та легкость, с какой вы спешите объявить мои слова нелепым вымыслом. Ведь я говорю чистую правду. Кстати, многие жители Живерни в курсе того, что в доме Моне таятся несметные сокровища. Но... У нас не принято об этом болтать.

Лоренс Серенак ждал, что учительница вот-вот весело рассмеется. Но ждал он напрасно. Хотя в глазах Стефани плясали озорные искорки.

— Стефани, — наконец не выдержал он. — Простите, но вам следовало бы отработать свои шутки на более простодушном полицейском.

— Вы мне по-прежнему не верите? Что ж, тем хуже для вас, Лоренс. Ладно, не будем об этом.

Учительница резко развернулась. Серенак пребывал в смятении. Зачем только он согласился сюда прийти? Надо было назначить Стефани встречу в каком-нибудь другом месте. Но что толку теперь сожалеть? Слишком поздно. В голове у него все окончательно перепуталось.

— Стефани! — решил он. — Я пришел сюда не только за тем, чтобы осмотреть дом Моне и поговорить о живописи. Я хотел...

— Тс-с!

Стефани приложила к губам палец, давая ему понять: не здесь и не сейчас. «Учительские штучки», — подумал Серенак.

Она указала на застекленные буфеты.

— Клод Моне устраивал в этой комнате изысканные приемы. Обратите внимание на синий фарфор мануфактуры Крей-Монтеро, на японские эстампы...

Она не оставила Лоренсу Серенаку выбора. Он схватил ее за плечи — и мгновенно понял, что делать этого было ни в коем случае нельзя. Гладкий шелк заскользил под его пальцами, внушая мысли, далекие от полицейского расследования.

— Я не шучу, Стефани! Вчера мы допрашивали вашего мужа. Результат беседы совсем нас не удовлетворил.

Она в ответ улыбнулась:

— Я знаю. Вечером мне пришлось выслушать краткий доклад.

— Он под подозрением. Это серьезно.

— Вы ошибаетесь.

Пальцы Лоренса продолжали скользить по шелковой ткани ее платья. Ему казалось, что он гладит ее плечи. Сохранять ясность ума с каждой секундой становилось все труднее.

— Не играйте со мной, Стефани. Вчера ваш муж заявил, что в утро убийства был дома, в вашей постели. Три дня назад вы говорили нечто противоположное. Кто-то из вас лжет. Или ваш муж, или...

— Лоренс! Сколько раз я должна вам повторять? Я не была любовницей Жерома Морваля. Мы с ним даже не дружили. Лоренс, у моего мужа не было причин убивать Морваля. Я тоже кое-что понимаю в детективах. Если нет мотива, зачем доказывать свое алиби?

Она залилась хрустальным смехом и угрем выскользнула из его хватки.

— У вас, Лоренс, — продолжила она, — явная склонность к театральным эффектам. Ваша операция по сбору сапог деревенских жителей — это шедевр. Теперь вам остается только допросить все супружеские пары Живерни, чтобы выяснить, занимались они любовью в утро убийства или нет.

— Стефани, повторяю вам, это не шутки.

В ее голосе вдруг прорезался учительский металл:

— Я отдаю себе в этом отчет. И прошу вас, Лоренс, отстаньте от меня с этим гнусным преступлением и не менее гнусным расследованием. Все это не имеет никакого значения. А вы только все портите.

Она развернулась. У Лоренса закружилась голова. Когда Стефани вновь повернулась к нему, у нее на губах играла улыбка. Кто она — ангел или демон?

— Переходим на кухню!

На сей раз Лоренс окунулся в синеву. Кухня была оформлена в синих тонах, цвет стен и фарфора включал в себя все его оттенки, от небесно-голубого до бирюзового.

Стефани заговорила с интонациями рыночного зазывалы:

— Хозяйкам особенно понравится огромная коллекция кухонной посуды, в том числе медной, а также сервизы руанского фарфора...

— Стефани!

Учительница встала возле камина. Прежде чем Серенак успел открыть рот, она схватила его за отвороты кожаной куртки.

— Инспектор, давайте внесем полную ясность и расставим все точки над «i». Мой муж любит меня. Мой муж дорожит мной. Мой муж не способен причинить зло кому бы то ни было. Ищите другого виновного!

— А вы?

От удивления она почти разжала пальцы.

— Что — я? Способна ли я причинить кому-либо зло?

В ее фиалковых глазах блеснуло что-то новое, чего Серенак еще ни разу не замечал.

— Н-нет... — пробормотал он. — Что за мысли? Я имел в виду совсем другое. Я хотел спросить: а вы? Вы его любите?

— Инспектор, вы задаете бестактные вопросы.

Она отпустила его куртку, развернулась и пошла назад, через столовую, гостиную, кладовую. Лоренс шагал за ней на некотором расстоянии, совершенно растерянный. В кладовой была лестница, ведущая на второй этаж. Стефани остановилась на нижней ступеньке. От прикосновения шелка к деревянным перилам они как будто засияли.

Перед тем как подняться, учительница бросила одно слово. Всего одно.

— Наконец-то!

38

Сильвио Бенавидиш стоял на площади перед Руанским собором. Он не был в Руане давно, почти год. В руках он держал путеводитель. Наверное, прохожие принимали его за туриста, но его это мало заботило. Он договорился о встрече с хранителем Музея изящных искусств, неким Ашилем Гийотеном. До встречи оставалось еще полчаса, но Сильвио специально пришел пораньше, чтобы подготовиться психологически, а заодно пропитаться импрессионистской атмосферой старого Руана.

Повернувшись к туристическому офису, Бенавидиш листал путеводитель. Большую часть картин с изображением Руанского собора — всего их насчитывается двадцать восемь — Клод Моне писал со второго этажа этого здания. Писал в разное время суток и в разную погоду. Во времена Моне в здании турбюро, одном из первых памятников французского Ренессанса, находился магазин модной одежды, а до того — финансовое управление. Сильвио продолжал читать свою брошюру. Клод Моне писал собор и с других точек, в том числе с улиц Гран-Пон и Гро-Орлож, из разных зданий, многие из которых были разрушены в годы войны.

Инспектор живо представил себе, как ранним утром Клод Моне выходит со своим мольбертом и направляется к одному из жилых домов, обитатели которого еще мирно спят, чтобы устроиться возле выходящего на собор окна и приняться за работу. Известно, что в

магазине модной одежды он на протяжении нескольких месяцев смущал своим присутствием дам, явившихся примерить новый наряд. И все ради чего? Чтобы тридцать раз запечатлеть на холсте один и тот же вид! Наверное, руанцы считали его сумасшедшим.

Но людям нравятся сумасшедшие. Они вызывают в них восхищение.

Сильвио повернулся к собору. Да, безумие восхищает. Достаточно посмотреть на это грандиозное сооружение. Приходится признать, что в конечном счете он оказался прав — тот ненормальный, который однажды задумал возвести этот невообразимый собор, пусть даже его строительство растянулось на пятьсот лет. Наверняка он настаивал, что его шпиль должен быть вознесен высоко в небеса, не имея себе равных во Франции, а то обстоятельство, что при этом погибнут тысячи рабочих, нимало его не смущало. О безопасности труда в те времена никто не думал, но вспоминать об этом сегодня как-то не принято. Все всё забыли. Забыли гору трупов, забыли варварские нравы. И восхищаются безумцами.

Инспектор посмотрел на часы. Пора. Со школьных времен у него сохранилась привычка к пунктуальности. Он покинул Соборную площадь и устремился под арки торгового пассажа. «Улица Карм», — прочитал он табличку. Музей, если он верно разобрался в схеме, должен быть слева. Бенавидиш свернул на узкую улочку, застроенную домами с фахверковыми фасадами. Здесь, в средневековой части Руана, он чувствовал себя неуютно. Город напоминал ему лабиринт, родившийся в чьем-то больном сознании. Уж не в сознании ли того самого типа, который задумал выстроить самый высокий в стране собор? Как ни старался Сильвио, у него не получалось полностью сосредоточиться на поиске нужного дома. Из головы не шло дело Морваля. Он кожей чувствовал — что-то в нем не то. Можно подумать, что где-то существует хитрый и злобный кукловод, который дергает участников трагедии за ниточки, заставляя их совершать те или иные поступки. Этаким мальчик-с-пальчик, коварный, как Макиавелли, — знай себе разбрасывает на дороге камешки, чтобы все шли туда, куда он задумал. Но кто же он такой?

Сильвио вышел на площадь Девятнадцатого апреля 1944 года. И еле-еле успел отскочить в сторону перед детской коляской, которую катила вперед решительного вида мамаша. Коляска, не сбавляя

скорости, проехала ему по ноге. Инспектор машинально пробормотал несколько извинений. В мыслях неотступно бился все тот же вопрос. «Кто?»

Жак Дюпен? Амаду Канди? Стефани Дюпен? Патрисия Морваль?

Живерни — совсем небольшая деревня. Местные жители постоянно твердят, что у них все знакомы друг с другом. А что, если в тайну посвящены тоже все? И все держат рот на замке? Взять хоть этот случай с мальчиком, утонувшим в 1937 году... Бенавидишу лезли в голову самые дикие предположения. Он додумался до того, что начал подозревать Серенака в нечестной игре. Ну, в самом деле, патрон ведет себя более чем странно. К тому же эти совпадения... Лоренс не скрывает, что помешан на живописи — вон, весь кабинет себе завесил картинами. Да и до того как получить назначение в Вернон, он работал не где-нибудь, а в отделе по борьбе с незаконной торговлей предметами искусства. И тут вот вам, пожалуйста, убийство коллекционера! Как по заказу. И где? В Живерни! Это не говоря уже о маниакальном упорстве, с каким Серенак пытается повесить убийство на Жака Дюпена, одновременно флиртуя с его женой. Сильвио поделился своими опасениями с Беатрис, но жена и слушать его не пожелала. Она без ума от Лоренса. А ведь они виделись всего один раз!

Сильвио вышел к небольшому скверу перед серым зданием монументальной архитектуры. На его ступеньках томилось с десятков человек. Вход в Музей изящных искусств. Бенавидиш ускорил шаг. Да, Беатрис вбила себе в голову, что Лоренс — замечательный человек, знающий, остроумный и очень обаятельный. «Даже странно, — добавила она. — Для полицейского у него потрясающая интуиция. Почти женская». «Может, — задумался Бенавидиш, — в этом и кроется причина моего недоверия к начальнику? В том, что он нравится Беатрис? Хотя трудно найти человека, с которым у меня самого было бы меньше общего. Похоже, Серенака не интересует ничего, кроме живописи и женщин, с которыми спал Морваль. Или мечтал переспать».

Бенавидиш поднялся по ступенькам Музея изящных искусств. Вопрос, который не давал ему покоя все утро, принял теперь немного другую форму. Почему люди так восхищаются безумцами? Особенно женщины?

Инспектор Сильвио Бенавидиш стоял в холле Руанского музея изящных искусств и терпеливо дожидался появления хранителя. Высоченные потолки, огромные размеры помещения и великолепие стенных росписей действовали на него угнетающе. Он даже не заметил, когда перед ним вдруг откуда ни возьмись возник маленький лысый человечек в сером халате, спускавшемся чуть ли не до щиколоток, и протянул ему руку.

— Инспектор Бенавидиш? Я Ашиль Гийотен. Хранитель музея. Пойдемте. Боюсь, у меня не так много времени, тем более что я так и не понял, чего вы от меня хотите.

Сильвио посетила забавная мысль. Гийотен напомнил ему школьного учителя рисования Жана Бардона. В свои двадцать пять лет тот выглядел на все сорок. Гийотен был точно такого же роста, ходил в таком же халате и разговаривал в той же точно манере. Как ни странно, в школе учителя, особенно те, которых ученики не слушались, всегда выбирали козлом отпущения Сильвио. Наверное, Ашиль Гийотен принадлежал к той же касте злобных коротышек, которые тушуются перед начальством и отыгрываются на подчиненных.

Гийотен с поразительной скоростью поднимался по лестнице. Сильвио испугался, что он сейчас наступит на полу халата, споткнется и полетит вниз.

— Вы идете или как? И что там за история с убийством?

Бенавидиш затормозил, чтобы не налететь на серый халат.

— Довольно богатый человек. Окулист из Живерни. Увлекался коллекционированием живописи. Особенно интересовался Моне и «Кувшинками». Не исключено, что это и стало мотивом преступления.

— И?

— И мне хотелось бы узнать об этом немного больше.

— У вас что, в полиции нет подходящего специалиста?

— Есть. Расследование возглавляет инспектор, проходивший стажировку в отделе по борьбе с незаконной торговлей предметами искусства, но...

Гийотен слушал его с изумлением, словно в жизни не слышал подобной ереси.

— Но?

— Но мне хотелось составить собственное представление.

Он так и не понял: то ли Гийотен вздохнул, то ли присвистнул.

— Ну хорошо. Что конкретно вы хотите знать?

— Начнем с «Кувшинок», если вы не против. Сколько именно картин на эту тему написал Моне? Двадцать? Тридцать? Пятьдесят?

— Пятьдесят?!

Гийотену удалось невероятное — он издал возглас, напоминавший одновременно и крик ужаса и сардонический хохот. Что-то похожее умеют проделывать гиены. Будь у него в руках железная линейка, инспектору ни за что не уберечь бы свои пальцы. Все портреты, висящие на стенах в зале искусства Возрождения, устремили на Бенавидиша свои укоризненные взоры. Сильвио невольно опустил глаза — Ашиль Гийотен, напротив, воинственно вздернул плечи. Инспектор Бенавидиш обратил внимание, что на ногах у хранителя ярко-оранжевые носки.

— Вы что, надо мной смеетесь, инспектор? Пятьдесят полотен с «Кувшинками»! Так вот, знайте: на сегодняшний день специалистами атрибутировано двести семьдесят два холста кисти Клода Моне с изображением кувшинок!

Сильвио вытаращил глаза.

— Можно измерить их в квадратных метрах, если вам угодно. В конце Первой мировой войны Моне получил государственный заказ на двести квадратных метров художественных полотен под общим названием «Кувшинки», которым предстояло экспонироваться в музее «Оранжери». Но если добавить к ним «лишние» полотна, которые художник, страдавший катарактой, писал уже полуслепым, то получится примерно на сто сорок квадратных метров «Кувшинок» больше. Они выставляются по всему миру — в Нью-Йорке, Цюрихе, Лондоне, Токио, Мюнхене, Канберре, Сан-Франциско... Перечислять можно еще долго. И я уже не говорю о приблизительно сотне холстов с «Кувшинками», хранящихся в частных собраниях...

Сильвио воздержался от комментариев. Он сам себе казался маленьким мальчиком, которому только что объяснили, что теплая водичка, омывающая его ноги на солнечном пляже, не просто водичка, а часть огромного океана. Гийотен между тем продолжал свою гонку через залы. Стоило ему войти в очередной из них, зрители с паническим выражением на лицах замирали по стойке «смирно».

Из зала, посвященного искусству XVII века, они перебрались в эпоху барокко.

— «Кувшинки», — продолжал вещать Ашиль Гийотен (он даже не запыхался), — это удивительный цикл, не имеющий аналогов в истории живописи. На протяжении последних двадцати семи лет жизни Моне писал только «Кувшинки». Только свой пруд с кувшинками! Постепенно он убирал с картин все второстепенные детали — японский мостик, ветки ивы, небо — чтобы целиком сосредоточиться на листьях, воде и игре света. Он сам поставил себе эти строгие рамки и не выходил за них. Последние работы, написанные за несколько месяцев до смерти, приближаются к стилистике абстракционизма. Мы видим на них только пятна. Специалисты называют эту манеру ташизмом — от французского *tache*, что значит «пятно». До Моне никто не делал ничего подобного. И никто из современников мастера не понял его замысла. Все считали, что художник к старости тронулся умом. Когда он умер, о «Кувшинках», особенно последних серий, все предпочли забыть. Списали их на старческий маразм!

Сильвио не успел спросить, что хранитель подразумевал под словом «забыли», — тот трещал не закрывая рта:

— Но всего поколение спустя именно последние полотна Моне дали в США толчок зарождению нового направления в искусстве, известного как «абстрактная живопись». Отец-основатель импрессионизма оставил нам в наследство новое творческое изобретение — модернизм! Вы знаете Джексона Поллока?

Сильвио не посмел сказать, что не знает. Сказать, что знает, он тоже не посмел. Гийотен испустил оскорбленный вздох.

— Тем хуже для вас. Это художник-абстракционист. Поллок и другие черпали вдохновение в «Кувшинках» Моне. Все без исключения. Во Франции происходило то же самое. Надеюсь, вы запомнили, что я только что говорил? Самые большие картины с кувшинками вывешены в музее «Оранжери» — это своего рода Сикстинская капелла импрессионизма. Моне преподнес их в дар Французскому государству в честь мирного договора, заключенного в 1918 году. Но это еще не все! Место, в котором выставлены «Кувшинки», способно преподнести вам еще несколько сюрпризов!

— Правда?

Это было единственное, что пришло Сильвио в голову. Но Гийотен не обратил на его реплику никакого внимания.

— «Кувшинки» расположены строго по оси триумфа! Это ось, которая проходит через собор Нотр-Дам, Лувр, сад Тюильри, площадь Согласия, Елисейские Поля, Триумфальную арку и Арку «Дефанс»... Если мысленно продолжить линию, вдоль которой располагаются «Кувшинки», то вы получите ось, символизирующую всю историю Франции, и эта ось тянется с востока на запад, вслед за траекторией солнца. Как вы думаете, неужели Моне случайно писал свой пруд с кувшинками в разное время суток, с утра и до вечера? Он пытался запечатлеть вечное движение светила. Ход солнца, триумфальная история Франции и революция в современном искусстве! Теперь вы понимаете, что каждый квадратный сантиметр «Кувшинок» стоит целое состояние? Это не просто картины, это поворотный пункт во всей истории современного искусства. А произошел он здесь, в Нормандии, в нескольких километрах от Вернона, в ничем не примечательном пруду. Вот почему величайший гений живописи почти тридцать лет писал исключительно кувшинки!

Святые, королевы и герцоги, воодушевленные поэтичным рассказом хранителя, казалось, были готовы вспорхнуть с портретов XVII века и умчаться в неведомые дали.

— Когда вы говорите «целое состояние», что конкретно вы имеете в виду?

Гийотен пропустил вопрос Бенавидиша мимо ушей. Прошагав через весь зал, он распахнул окно. Инспектор оставался стоять на месте.

— Ну? Вы идете или нет?

Сильвио понял, что хранитель приглашает его проследовать за ним.

— Сейчас я объясню вам, сколько стоят «Кувшинки», если верить последним торгам на аукционах Лондона или Нью-Йорка. Вот, посмотрите. Видите напротив, на улице Жанны д'Арк, каменные пятиэтажные дома? Всем известно, что там очень дорогие квартиры — это так называемое престижное жилье. Так вот, за одно полотно с кувшинками кисти Моне размером, скажем, один квадратный метр, вы могли бы купить... э-э... сотню таких квартир. Если учесть, что на

каждом этаже каждого подъезда расположено всего по одной квартире, то нетрудно подсчитать, какую часть улицы вы смогли бы скупить.

— Сто квартир? Вы шутите?

— Нет, не шучу. Полагаю, в реальности такая картина стоит вдвое дороже. Но продолжим изучать улицу Жанны д'Арк. Видите машины на светофоре? Так вот, за одну картину вы могли бы купить от тысячи до двух тысяч автомобилей. Новых, разумеется. Или скупить все содержимое магазинов, расположенных на улицах Гро-Орлож, Жанны д'Арк и Республики вместе взятых. Поймите вы, на самом деле эти картины бесценны, вот что я пытаюсь вам внушить. Ведь это же «Кувшинки»!

— Вы надо мной смеетесь...

— Последний Моне был выставлен на лондонском аукционе «Кристи» со стартовой ценой двадцать пять миллионов фунтов стерлингов. И это была картина раннего периода творчества художника. Двадцать пять миллионов фунтов! Пересчитайте сами на квартиры или машины.

Сильвио стоял, словно оглушенный, а хранитель уже снова манил его за собой к лестнице, на этаж, где хранилось собрание импрессионистов.

Писсаро, Сислей, Ренуар, Кайбот... И, разумеется, Моне. Знаменитая улица Сен-Дени под дождем трехцветных флагов, Руанский собор в ненастную погоду...

— А сейчас на рынке еще есть «Кувшинки»? — осмелился задать вопрос Бенавидиш.

— Что значит «на рынке»?

— Ну, ненайденные картины... — робко уточнил полицейский.

— Ненайденные? В каком смысле — ненайденные? Вас что, в полиции не учат выражать свои мысли точно? Вы хотите спросить, есть ли шанс, что где-то вдруг всплывет прежде не известная работа Моне? Забытая картина? Обнаруженная где-нибудь на чердаке в Живерни? Или в подвале... И вы намекаете, что подобная находка вполне может послужить мотивом к убийству. Еще бы, если на кону стоят такие деньги... Так вот, инспектор, слушайте внимательно, что я вам скажу...

Ступени лестницы в доме Клода Моне скрипели под ногами инспектора Лоренса Серенака.

Он пытался изгнать из головы посторонние мысли, но внутренний голос — или это был голос его ангеля-хранителя? — упорно продолжал нашептывать, что он своими ногами шагает в расставленную ловушку, что ему нечего делать на этой лестнице, ведущей в спальню, что ему незачем послушно плестись за этой женщиной... Что он теряет контроль над ситуацией. Но заставить замолчать этот голос разума — или инстинкта? — оказалось на удивление просто. Достаточно было вспомнить, как только что смеялась Стефани, и посмотреть на ее мелькающие впереди ноги, выглядывающие из-под платья, похожего на наряд гейши.

Когда Лоренс Серенак добрался до второго этажа, Стефани стояла в дверном проеме коридорной двери, по обе стороны которого располагались спальня и ванная комната. В туго перехваченном в талии красном платье, хрупкая и прекрасная, как фарфоровая ваза.

— Частные апартаменты Клода Моне. Здесь, должна признаться, обстановка более традиционная. Но и более интимная. Лоренс, вам что, нехорошо?

Она вошла в первую комнату и присела на кровать, почти полностью утонув в мягкой пуховой перине.

— Значит, настал час допроса? Ну что ж, инспектор, я в вашей полной власти.

Лоренс Серенак взволнованно осматривал комнату. Кремовая обивка стен, пожелтевшее постельное белье, черный мрамор камина, тусклое золото подсвечников, красноватая древесина ночного столика...

— Давайте, инспектор, смелее... Вчера с моим мужем вы были очень красноречивы...

Лоренс ничего не сказал. Оба они какое-то время молчали. Серенак не приблизился к постели. Огоньки в глазах Стефани постепенно погасли — так гаснет в ночи маяк. Она чуть приподнялась, подняв в воздух облако пуха и перьев.

— Тогда начну я. Инспектор, вам известна история Луизы — собирательницы одуванчиков из Живерни?

Серенак смотрел на нее, не зная что и думать.

— Ну конечно, не известна, — сказала Стефани. — Это очень красивая история. Луиза — это наша местная Золушка. Рассказывают, что эта крестьянская девушка отличалась необычайной красотой. Первая красавица на деревне. Юная. Свежая. Невинная. Году этак в тысяча девятисотом она позировала на лугу художникам. В том числе одному многообещающему чеху по фамилии Радимски, который приехал в Живерни, чтобы познакомиться с Моне и американскими живописцами. Красавец Радимски кроме всего прочего пользовался славой выдающегося пианиста. Он передвигался в автомобиле — редкость по тем временам. И вот он без памяти влюбился в деревенскую девушку, собиравшую на лугу одуванчики, женился на ней и увез с собой. Сегодня Радимски — самый известный у себя в стране художник, а крестьянская девушка Луиза стала богемской княгиней. Кстати, их машину Клод Моне купил для своего сына Мишеля, который несколько месяцев спустя врезался на ней в дерево в Верноне, на улице Тьера. Если не считать печальной кончины машины, история замечательная, правда?

Лоренс Серенак поборол искушение подойти к Стефани и вместе с ней рухнуть на пуховую перину. У него пылали виски.

— Стефани, зачем вы мне ее рассказали?

— Сами догадайтесь.

Она выпрямилась. Вокруг нее медленно опускались пушинки.

— Хочу сделать вам одно признание, инспектор. Довольно странное. Я уже очень давно не находилась наедине с мужчиной — не считая мужа, конечно. И очень давно не смеялась, поднимаясь по лестнице. Я давно ни с кем не говорила о пейзажах, о живописи, о стихах Арагона — не считая детей не старше одиннадцати лет.

Серенак подумал о Морвале. Но прерывать Стефани он не собирался.

— Понимаете, инспектор, просто я слишком долго ждала этой минуты. Всю жизнь.

Он молчал.

— Ждала, что кто-то придет.

«Срочно на что-нибудь посмотри, — приказал себе Серенак. — На оплавленные свечи. На облупившуюся краску на стенах. На что угодно, только не смотри в ее глаза».

— Не обязательно чешский художник, — добавила она. — Но хоть кто-то...

У нее даже голос был фиалкового цвета.

— Если бы мне сказали, что это будет полицейский...

Стефани резко поднялась и смело взяла Лоренса Серенака за безвольно повисшую руку.

— Пошли. Я должна взглянуть на своих учеников.

Она увлекла его к окну. По саду носились с десятков ребятишек.

— Посмотрите на этот сад, инспектор. На розы, на оранжереи, на пруд. Сейчас я открою вам еще один секрет. Живерни — это ловушка. Очень красивая ловушка — что правда, то правда. И помыслить трудно, что кто-то может мечтать о том, чтобы отсюда уехать. Из такой красоты? Но дело в том, что все это — не более чем декорация. Намертво закрепленная декорация. Никто не имеет права украшать свой дом по собственному вкусу и красить его стены в тот или иной цвет по своему выбору. Здесь даже цветок сорвать нельзя! Запрещено законом, да не одним, — их наберется с десятков. Мы живем в картине, инспектор. Мы навечно в ней замурованы. Принято считать, что мы находимся в центре мира, куда стремятся тысячи, десятки и сотни тысяч людей... Но мы сами не замечаем, как постепенно растворяемся в пейзаже. Лак, которым покрыто полотно, въедается нам в кожу и лишает возможности двигаться. Мы обречены на вечное смирение. На отказ от своих желаний. История Луизы, которая собирала в лугах Живерни одуванчики, а потом стала богемской княгиней, — не более чем легенда, инспектор. В жизни такого не бывает. Больше не бывает.

— Назад! Туда нельзя! — вдруг закричала она в окно.

Трое детишек как раз собирались пройти через клумбу.

Взгляд Лоренса Серенака метался по саду в надежде зацепиться хоть за что-нибудь, лишь бы не видеть бесконечной печали в глазах Стефани и не поддаться искушению обнять ее и прижать к себе. Повсюду он видел цветы. Какая гармония красок! Кто способен устоять перед этой волшебной картиной?

— А это правда, — неожиданно спросил он, — то, о чем говорит в своей книге Арагон? Что Моне не выносил вида увядших цветов? Что садовники каждую ночь выкапывали отцветшие растения и пересаживали на их место другие, в цвету? Как будто заново перекрашивали весь сад?

Кажется, его хитрость удалась. Во всяком случае, губы Стефани тронула улыбка.

— Нет, конечно. Арагон немного преувеличивает... Но, позвольте, выходит дело, вы прочитали «Орельена»?

— Разумеется, прочитал. И даже понял. Этот великий роман говорит о том, что счастливая любовь невозможна. Я прав? Именно это пытается внушить нам автор?

— Арагон верил в это, когда писал книгу. Полагаю, он тогда действительно думал, что на свете не бывает счастливой любви. Но впоследствии ему довелось пережить самую прекрасную и самую долгую — размером в вечность — историю любви. Ни один другой поэт не познал такого счастья, какое выпало на долю ему. Ему и Эльзе...

Лоренс отвернулся от окна. Бледные губы Стефани оставались чуть приоткрытыми. Его охватило непреодолимое желание провести по этим губам пальцем, прикоснуться к фарфоровой коже...

— Вы очень странная женщина, Стефани.

— А вы, инспектор, наделены даром вызывать людей на откровенность. Должна признать: ваша манера вести допрос намного тоньше, чем я поняла со слов мужа. Но я вас разочарую. Во мне нет ничего странного. Я обыкновенна до банальности...

Учительница ненадолго замолчала, словно собираясь с духом, а потом вымолвила — будто бросилась из окна вниз:

— Банальная история... Я мечтаю о ребенке. Но мой муж не в состоянии подарить мне ребенка. Наверное, поэтому я больше его не люблю. Хотя нет, не так. Сколько я себя помню, я никогда его не любила. Просто он оказался рядом. И был не хуже, чем любой другой. Заботливый. Любящий. Я сделала не такой уж плохой выбор. Я ведь самая обыкновенная женщина, инспектор. Похожая на всех остальных. Пусть красивая... Пусть родилась в Живерни и люблю своих учеников... Что это меняет?

Рука Лоренса легла на руку Стефани. Их пальцы переплелись вокруг зеленой чугунной решетки окна.

— Почему вы говорите об этом мне?

Стефани повернула к нему голову и засмеялась.

«Неужели она не понимает, что таких глаз, как у нее, больше нет ни у кого в мире?»

— Не стройте иллюзий, инспектор. И не думайте лишнего. Если я рассказываю вам все это, то не потому, что меня пленила ваша бандитская улыбка, и не потому, что у вас расстегнута на груди рубашка, и не потому, что в ваших ореховых глазах отражаются все ваши чувства. Но самое главное — не надейтесь, что на меня действуют ваши чары...

Ее рука оторвалась от его и указала куда-то за горизонт.

— Помните Луизу, которую пленила машина чешского художника? Вот и я с первого взгляда влюбилась в ваш «Тайгер-Триумф»! — Она расхохоталась. — И в то, как вы гладите Нептуна...

Она придвинулась к нему совсем близко.

— И последнее, инспектор. Самое важное. Тот факт, что я больше не люблю своего мужа, еще не делает из него убийцу. Скорее, напротив...

Серенак ничего не ответил. Он только сейчас заметил, что пассажиры машин, проезжающих по шоссе Руа в пятидесяти метрах от них, все, как по команде, поворачивают головы к дому Моне и наверняка видят в окне его и Стефани. Любовники на балконе...

Что они тут, с ума все посходили?

Или это он сходит с ума?

— По-моему, мне пора вернуться к детям, — тихо сказала Стефани.

Серенак еще некоторое время постоял один у окна, слушая, как стихают за спиной шаги учительницы. Сердце колотилось, как бешеное, словно желая вырваться из-под расстегнутой на груди рубашки; мысли беспорядочно метались в голове, норовя расколоть черепную коробку.

«Кто такая Стефани?

Роковая женщина? Или заблудшая душа?»

40

Инспектор Сильвио Бенавидиш стоял в зале импрессионистов Руанского музея изящных искусств и по-совиному хлопал глазами. Зато Ашиль Гийотен не замирал ни на секунду. Вот и сейчас, достав из кармана носовой платок, он смахивал невидимую пылинку с картины Сислея. Табличка под полотном гласила: «Наводнение в Пор-Марли».

Сильвио уже забеспокоился, не забыл ли Гийотен про его вопрос, когда хранитель обернулся к нему. Промокнув лоб уголком платка, он тоном прорицателя изрек:

— Если я вас правильно понял, инспектор, вас интересует, возможно ли появление на рынке пропавших либо вовсе неизвестных полотен Моне? Хотите, сыграем с вами в одну игру?

Он прижал платок к виску.

— Мы знаем, что в мастерской Моне в Живерни хранились десятки полотен — эскизов, юношеских работ, неоконченных панно с кувшинками... Это не говоря о картинах, подаренных художнику друзьями — Сезанном, Ренуаром, Писарро, Буденом, Эдуаром Мане, — всего больше трех десятков холстов. Представляете? Это же целое состояние! Коллекция, с которой сравнится не всякое музейное собрание! Под охраной восьмидесятилетнего старика и одного садовника, в доме с потрескавшимися стенами, вечно открытыми окнами и кое-как запирающейся дверью! Да кто угодно мог туда проникнуть. Любой житель деревни, прояви он толику хитрости, влез бы в мастерскую и «заработал» больше, чем если бы ограбил двадцать банков!

Платок в последний раз проехался по лицу хранителя и, смятый в ком, завершил свой путь у него в кулаке.

— Баснословное состояние — и до него рукой подать. Вы хоть понимаете, какое это искушение?

Сильвио честно старался понять. Одновременно он обводил взглядом десяток развешанных по стенам картин. Получается, что в Руанском музее, который слывет обладателем самого полного среди провинциальных картинных галерей собрания импрессионистов, не наберется и четверти богатств, хранившихся в мастерской Моне.

— А может быть, что в мастерской Моне в Живерни еще и сегодня есть картины великих мастеров?

Ашиль Гийотен на миг задумался.

— Смотрите, — наконец сказал он. — Клод Моне скончался в тысяча девятьсот двадцать шестом году. Скорее всего, его сын и наследник Мишель Моне приложил немало усилий к тому, чтобы сохранить и защитить те картины отца, которые он не передал в дар музеям. Следовательно, отвечая на ваш вопрос, я скажу так: вероятность того, что в розовом доме в Живерни до сих пор находятся

никому не известные подлинники Моне, чрезвычайно мала. Хотя как знать...

— Хорошо, оставим тему воровства, — сказал инспектор, голос которого зазвучал чуть более уверенно. — Но разве Моне не мог продать или просто подарить кому-то часть своих работ?

— Местная пресса писала о проведении вещевой лотереи, главным призом в которой была подаренная организаторам картина Моне. Выручка от лотереи пошла на строительство больницы в Верноне. Счастливчику, вытянувшему заветный билетик, она досталась за пятьдесят сантимов — в ценах того времени, разумеется. Но таких случаев исчезающе мало. Видите ли, нельзя сказать, что жители Живерни приняли Клода Моне с распростертыми объятьями. Ему приходилось торговаться за каждый клочок земли для своего сада, за каждый стог сена, который рачительному хозяину не терпелось убрать в сарай, не дожидаясь, пока живописец закончит картину. Но больше всего нервов художнику стоило разрешение повернуть русло ручья, чтобы наполнить водой пруд с кувшинками. Моне без конца платил жителям деревни. Заплатил, чтобы напротив его сада не стали строить фабрику по производству крахмала. Заплатил, чтобы достижения прогресса не проникли за ограду его усадьбы. Нетрудно предположить, что среди деревенских нашелся хитрец — член муниципалитета или просто крестьянин, — быстро сообразивший, что вместо нищенской суммы в пятьсот франков гораздо выгоднее выпросить у мастера какую-нибудь картину. Я знаю, специалисты не очень-то верят в сделки подобного рода между художниками и местными жителями, но разве мы можем исключить вероятность того, что среди аборигенов все-таки попался хотя бы один, кому достало любопытства заинтересоваться если не искусством как таковым, то хотя бы рыночной стоимостью картин? Разумеется, Моне подарил бы такому одну из своих работ... У него просто не было бы выбора. Кстати, вы видели в Живерни, неподалеку от усадьбы Моне, такую странную мельницу? Она называется мельница «Шеневьер». Каждый раз, когда я бываю в деревне, смотрю на нее и вспоминаю знаменитую картину Теодора Робинсона «Папаша Троньон»... Так вот, владельцу мельницы ничего не стоило шантажировать Моне — ручей-то протекал через его участок. Не договоришься с мельником — не будет тебе никаких кувшинок!

Сильвио Бенавидиш быстро понял, что записать рассказ хранителя не успеет, и старался запомнить из него как можно больше.

— Вы это серьезно?

— По-вашему, молодой человек, я похож на шутника? Знаете, в мире полно кретинов, именующих себя охотниками за сокровищами и готовых мчаться на другой край земли ради трех золотых монет. Будь у них побольше ума, они бы приехали в Живерни и обшарили чердаки окрестных домов. Конечно, я в курсе всех слухов... Утверждают, что Клод Моне уничтожал полотна, если находил их неудачными. Так же он поступал со своими ранними работами. Он так боялся, что после его смерти торговцы накинутся на его незаконченные картины или наброски, что в тысяча девятьсот двадцать первом году сжег у себя в мастерской все холсты, которыми был недоволен. Но не думаю, что, несмотря на все принятые мастером предосторожности, нигде в мире не сохранилось хоть одно полотно кисти Моне. Всего один старый забытый холст. На который сегодня можно купить остров в Тихом океане.

Хранитель перешел в следующий зал и окинул свирепым взглядом смотрительницу, которая, вместо того чтобы с благоговением взирать на пурпур мантии кардинала, допрашивающего на полотне Делароша Жанну д'Арк, изучала красный лак у себя на ногтях.

— Еще одно, — сказал инспектор. — Вы упомянули Теодора Робинсона — художника-импрессиониста и друга Клода Моне. Что вы можете сказать о фонде, носящем его имя?

— Почему вас это интересует? — прищурился Гийотен.

— В расследовании без конца всплывает этот фонд. Как ни странно, но многие персонажи, прямо или косвенно связанные с нашим делом, имеют к нему то или иное отношение.

— Что конкретно вы хотите знать?

— Ничего особенного. Просто ваше мнение.

Хранитель чуть поколебался, словно подыскивая нужные слова.

— Как бы вам это объяснить, инспектор... Это довольно сложная история. В принципе, ассоциации подобного типа не преследуют никаких корыстных целей. Подождите, попробую показать на другом примере. Допустим, у нас есть ассоциация помощи беднякам. Парадокс ее существования заключается в том, что при снижении числа бедняков

падает и потребность в ее услугах. Иными словами, чем лучше работает ассоциация, тем быстрее она начнет хиреть. То же самое относится к антивоенным фондам. Установление прочного мира на земле будет означать кончину этих фондов.

— А врач, который слишком хорошо лечит больных, рискует остаться без работы?

— Совершенно верно, инспектор.

— Это мне понятно. Но при чем тут фонд Робинсона?

— У фонда Робинсона есть свой девиз. Они называют его «три „про“». Про-цветание, про-текция, про-движение. Великолепный девиз — звучит одинаково гордо на самых разных языках. Чем занимается фонд? Он ищет по всему миру произведения искусства, покупает их, а потом продает. Кроме того, он вкладывает средства в юные таланты: точно так же покупает их, а потом продает.

— И?

— Талант, инспектор, штука специфическая. Картина — это не пластинка и не книга. Доходы художника не зависят от количества проданных экземпляров. Как раз наоборот, и именно на этом построена вся система. Картина стоит тем дороже, чем дешевле все остальные. В условиях честной конкуренции между искусствоведами, школами и галереями все обстоит прекрасно. Но стоит какой-либо ассоциации стать монополистом, как все меняется. Схватываете?

— Не совсем.

Гийотен раздраженно поморщился.

— Ну смотрите! Монополист открывает новые таланты, иначе говоря, обновляет рынок искусства. Это то самое «про» из слова «процветание». Но чем старательнее он занимается одними именами, тем меньше внимания уделяет другим, то есть «про» из слова «протекция» дает сбой. Теперь поняли?

— Ну... В общем и целом...

Бенавидиш почесал голову.

— Можно я задам вам совсем конкретный вопрос? Если бы где-нибудь существовала неизвестная картина Моне, у фонда Робинсона хватило бы средств, чтобы ее разыскать?

— Вне всякого сомнения! — воскликнул хранитель. — Более чем у кого-либо другого! И, уверяю вас, они не остановились бы ни перед чем.

— Хорошо, — продолжил Бенавидиш, не без успеха изображая из себя мультяшного пса Друпи,[8] что, по всей видимости, заставляло хранителя быть к нему снисходительным. — Тогда у меня к вам последний вопрос. Возможно, он вас удивит. Существуют ли неизвестные картины Моне? Какие-нибудь редкие или даже скандальные полотна, ради которых кто-нибудь решился бы пойти на убийство?

Лицо Ашиля Гийотена прорезала садистская улыбочка. У инспектора мелькнуло подозрение, что тот ждал этого вопроса, достойного послужить апофеозом их беседы.

— Пойдемте со мной, — заговорщически шепнул хранитель.

Он потянул инспектора к противоположной стене, на которой висело полотно с изображением четырех обнаженных мужчин, по всей видимости, римских рабов, пытающихся укротить сбесившегося коня.

— Взгляните на фигуры мужчин, написанные Жерико. Да-да, знаменитым Теодором Жерико! Величайшим художником, родившимся в Руане. Посмотрите на их тела. Мастер запечатлел на своем полотне само движение! У художников, инспектор, странные взаимоотношения со смертью. Знаете ли вы, что, работая над «Плотом Медузы», Теодор Жерико, стремившийся к реалистичности изображения, собирал по больницам ампутированные руки и ноги, а также отрубленные головы? В его мастерской стояла трупная вонь! В конце жизни, борясь с собственным безумием, он написал десять портретов сумасшедших, каждый из которых страдал каким-либо видом помешательства. Все вместе они олицетворяли страдания человеческой души...

Сильвио испугался, что хранителя сейчас занесет в сферы, слишком далекие от предмета его интересов.

— Но Моне не был сумасшедшим! — вставил он. — И он не писал трупы!

Ашиль Гийотен ослабился. Редкие волосенки у него на голове воинственно встопорчились, похожие на хилые рожки мелкого беса.

«Одиннадцатый помешанный?»

— Сейчас увидите, инспектор.

Гийотен бросился к лестнице, бегом спустился на два пролета и влетел в сувенирную лавку, расположенную на первом этаже музея. Схватив с витрины огромный фолиант, он зубами содрал с него пластиковую пленку и с видом одержимого принялся листать страницы.

— Моне не писал мертвецов! Моне не писал трупы! Только живую природу! Ха! Смотрите, инспектор, смотрите!

Бенавидиш даже вздрогнул.

На него с книжной страницы смотрел призрак.

Это был портрет женщины. Бескровное лицо с сомкнутыми веками казалось прикрытым ледяным саваном или затянутым холодной полупрозрачной паутиной.

«Смерть...»

— Позвольте вам представить Камиллу Моне, — прозвучал строгий голос Гийотена. — Его первую жену. И самую красивую модель. Девушка под зонтиком в поле маков, веселая спутница загородных прогулок. Она умерла в тридцать два года! Моне написал эту ужасную картину, стоя у гроба жены; все последующие годы он корил себя за то, что не устоял перед искушением передать на холсте, как исчезают с лица краски жизни, что смотрел на ту, кого любил, как на материал для этюда. Примерно то же происходило с Жерико, которого непреодолимо тянуло писать искалеченные тела. В те минуты художник в душе Моне пересилил овдовевшего мужа. Впоследствии он рассказывал, что действовал автоматически, словно под гипнозом. Что вы на это скажете, инспектор?

Сильвио Бенавидиш мог бы признаться, что еще ни одна картина не производила на него столь сильного впечатления.

— А существуют другие картины... э-э... подобного рода? Я имею в виду у Клода Моне?

Круглое личико Ашиля Гийотена налилось кровью. В его чертах проступило что-то дьявольское.

— Что же может быть увлекательнее, чем написать смерть собственной жены? Подумайте сами, инспектор! Разумеется, ничего.

Краснота уже добралась до висков хранителя.

— Ничего — разве что написать собственную смерть! В последние месяцы жизни Моне писал «Кувшинки», но не закончил ни одной картины. Как Моцарт свой «Реквием», если вы понимаете, что я имею в виду... Он отчаянно сражался против смерти, против болезни, против слепоты, и оружием ему служила кисть. Это недоступные пониманию, исполненные страдания полотна, созданные криком израненной души. Кувшинки на них — это пестрые пятна: ярко-красные, густо-синие,

трупно-зеленые... Дикая смесь из ночных кошмаров... Лишь одного цвета вы на этих картинах не найдете...

Сильвио хотел что-то сказать, но из его горла не вырвалось ни звука. Он чувствовал, что нити расследования ускользают из его рук.

— Это цвет, который Моне изгнал из своих картин и которым никогда не пользовался. Цвет, являющийся отрицанием цвета, но в то же время сочетанием всех остальных цветов вместе взятых.

Сильвио молча карябал что-то у себя в блокноте.

— Черный, инспектор! Это черный цвет! Рассказывают, что за несколько дней до кончины, в начале декабря тысяча девятьсот двадцать шестого года, поняв, что ему осталось недолго, Клод Моне их все-таки написал!

— К-кого? Ч-ч-что? — заикаясь, произнес Бенавидиш.

Гийотен его не слушал.

— Вы способны понять, о чем я вам говорю, инспектор? Моне увидел свою смерть в водном отражении кувшинок и запечатлел ее на холсте. Он написал «Кувшинки». Черные!

Рука Сильвио, сжимавшая перо, бессильно упала. Вряд ли он сумеет еще что-нибудь записать...

— Ну, так что скажете, инспектор? — спросил хранитель внезапно севшим голосом. — «Черные кувшинки»... Как черные георгины...

— А эта история... Ей есть документальное подтверждение?

— Нет. Разумеется, нет. Разумеется, никто и никогда не видел «Черные кувшинки». Это всего лишь легенда.

Сильвио потрясенно молчал. Чтобы сказать хоть что-то, он спросил:

— А детей Моне писал?

41

Я смотрела на Стефани, стоящую возле окна в розовом доме Моне. Она походила на хозяйку колониальной усадьбы, наблюдающую за хлопочущими слугами.

Лоренс Серенак тоже спустился.

Безумцы! Полагаю, на этот раз вы со мной согласитесь. Идиоты! Разве можно вести себя так неосторожно? Стоят себе возле дома Моне, прямо напротив шоссе Руа, у всех на виду. Ну, накличете вы бед себе на голову!

До меня донесся мотоциклетный треск — «Тайгер-триумф» сорвался с места. Стефани тоже слышала его, но у нее не было сил повернуть голову. Она задумчиво наблюдала за играющими в саду детьми. Она и правда очень хорошенькая, эта учительница. И умеет себя подать. Вон, нарядилась гейшей — осиная талия и взгляд с поволокой. Такая кого угодно заставит потерять голову — полицейского и врача, женатого и холостого. Красотка!

Так пользуйся, дурочка, своей красотой. Она ведь не навечно.

Детишки носились вокруг клумб. Учительница мягко их увещевала.

Ясно, что ее мысли витали совсем в другом месте.

Что, милая, запуталась?

Да, ты поняла, что он настал, этот миг, когда твоя жизнь может пошатнуться. Ты прочитала это в глазах своего спасителя. Подумать только, он оказался полицейским! Обаятельным. Остроумным. Образованным. Готовым на все — в том числе на то, чтобы освободить тебя от цепей. От твоего мужа.

Сейчас или никогда. Так что же тебя удерживает?

Ничего?

Ах, если бы это зависело только от тебя. Если бы вокруг тебя не бродила смерть. Ты ее как будто притягиваешь, моя дорогая. Так что в конце концов пожнешь что посеяла.

От мрачных мыслей меня отвлекли детские крики. Мальчишки гонялись за девчонками.

Все как всегда.

Пользуйтесь и вы, дети, своей свободой. Носитесь. Топчите лужайки и цветы. Рвите розы. Кидайте в пруд камни и палки. Цельтесь в кувшинки. Оскверняйте этот храм романтизма. Не поддавайтесь ложным надеждам. Ведь это всего лишь сад. Если верующие придурки приезжают сюда молиться со всех концов света, это не отменяет того факта, что в пруду — всего-навсего стоячая вода.

Я злая, знаю. Простите. Но меня сегодня утром взбесили эти два идиота — Стефани Дюпен и ее сыщик. Меня ведь тоже можно понять. Я сама решила, что буду немым свидетелем, маленькой серой мышкой, но думаете легко оставаться равнодушной? Что, я говорю загадками?

Вам интересно, какую роль я играю во всей этой истории? Успокойтесь, у меня нет навороченных технических приспособлений, позволяющих сквозь стены дома Моне подслушать разговор двух влюбленных дурачков. Все проще. Все намного проще. Проще и трагичней.

Я вернулась на правую сторону шоссе Руа, к водяному саду. В ограде, протянувшейся вдоль улицы, несколько досок были сдвинуты в сторону. Наверняка постарались нетерпеливые туристы, мечтающие сфотографировать кувшинки, но не желающие выстаивать длинную очередь. В дырку открывается восхитительный вид на пруд. Между ивами и тополями я заметила Фанетту. Она не носилась по саду с другими детьми. Поставив на японский мостик мольберт, она работала. Спокойно и сосредоточенно, не замечая гвалта одноклассников.

Я перешла через шоссе и приблизилась почти вплотную к ограде, чтобы получше рассмотреть.

Напрасно я это сделала. Меня засек какой-то сопляк.

— Мадам, мадам! Вы не могли бы сфотографировать нас с ребятами?

И он сунул мне в руки суперсовременный фотоаппарат. Я понятия не имею, как с ними обращаться. Он принялся мне объяснять, но я его не слушала. Щелкнула кнопкой, не переставая коситься в сторону пруда с кувшинками, на берегу которого писала Фанетта.

42

— Пошли, Фанетта!

К ней подбежал Винсент.

— Фанетта! Пошли с нами играть!

— Не пойду. Ты же видишь, я работаю.

Фанетта внимательно смотрела на кувшинку. Та плавала отдельно от остальных, чуть в стороне. У нее был лист в форме сердца и начавший распускаться розовый бутон. Кисть заскользила по холсту. Но Фанетта чувствовала, что не может как следует сосредоточиться.

«Опять это хныканье за спиной! Мэри, кто же еще? Она любую плакучую иву переплачет! Хоть бы она заткнулась. Достала уже со своим писклявым нытьем. Хоть бы она заткнулась!»

— Ладно, вы меня перехитрили. Заканчиваю. Пошли.

«Меня отвлекает не только плач. Сзади надо мной навис Винсент. Стоит молча и смотрит, что я делаю».

— Шел бы поиграл с Мэри.

— С ней неинтересно. Она только и знает, что рыдать.

— А со мной, значит, интересно? Хотя я только и делаю, что пишу?

«Он даже не пошевелился. Винсент способен часами стоять вот так, истукан истуканом. Из него вышел бы первоклассный художник. Он умеет наблюдать. Но мне кажется, он начисто лишен воображения».

Вокруг Фанетты носилась детвора. В воздухе разносились крики и смех. Но она не хотела сдаваться так легко. Старалась ничего не замечать. Быть эгоисткой, как учил Джеймс.

На японском мостике появился запыхавшийся Камиль.

«Только его тут не хватало!»

Камиль заправлял в штаны выбившуюся рубашку, туго обтягивавшую толстый живот.

— Уф, устал. Надо передохнуть.

Он посмотрел на работавшую кистью Фанетту.

— Винсент, Фанетта! Хорошо, что вы здесь. Хочу задать вам одну задачку. Про кувшинки. Вы, наверное, знаете, считается, что кувшинки за сутки увеличиваются в размере в два раза. Если кувшинкам, чтобы покрыть весь пруд, требуется сто дней, то за сколько дней те же кувшинки покроют половину пруда?

— За пятьдесят, ясное дело, — немедленно ответил Винсент. — Дурацкая задачка.

— Фанетта, а ты как думаешь?

«А я никак не думаю. Потому что мне, Камиль, на это глубоко плевать».

— Ну, не знаю... Наверное, за пятьдесят, как Винсент сказал.

На лице Камилы появилась торжествующая улыбка.

«Если он когда-нибудь станет учителем, я уверена, ученики будут его ненавидеть».

— Так я и знал, что вы попадетесь в ловушку! Правильный ответ — не пятьдесят, а девяносто девять!

— Это еще почему? — спросил Винсент.

— По кочану, — презрительно ответил Камиль. — Фанетта, ну хоть ты-то поняла?

«Черт бы тебя подрал!»

— Я работаю...

Камиль стоял на другом конце японского мостика и переступал с ноги на ногу. Под мышками у него растеклись крупные пятна пота.

— Ладно, ладно, сам вижу, что ты работаешь. Последний вопрос, и я ухожу. Вы знаете, как по-латински называются кувшинки?

«Дубина! Дубина! Дубина!»

— Что, не знаете?

Винсент и Фанетта молчали. Но Винсента это ничуть не смутило. Он сорвал лист с глицинии и бросил его в воду.

— Нимфеи, вот как! Слово греческого происхождения. Еще их называют водяными лилиями. А как кувшинки называются по-английски?

«Он когда-нибудь заткнется?»

Камиль не стал дожидаться ответа. Он ухватился за ветку глицинии, желая на ней покачаться. Ветка хрустнула, и он разжал пальцы.

— Waterlily![9] — провозгласил он.

«Самодовольный дурак! До чего он меня раздражает, слов нет. Хотя надо признаться, что waterlily звучит красиво. Да и нимфеи тоже ничего. Но для меня они всегда останутся кувшинками».

Камиль склонился над картиной Фанетты. От него пахло потом.

— Что рисуешь, Фанетта? Копируешь «Кувшинки» Моне?

— Нет.

— Не «нет», а «да». Я же вижу.

«Камиль вечно хвастается тем, что все знает. Знать-то он знает, но ничего не понимает».

— Что ты видишь, идиот? Если я пишу то же, что писал Моне, это еще не значит, что я его копирую!

Камиль пожал плечами.

— Моне написал прорву картин с кувшинками. Твоя все равно будет хоть на одну, да похожа! Даже если ты напишешь тондо. Ты знаешь, что такое тондо?

«Сейчас я ему кистью в рожу запущу. По-другому он просто не понимает. И что за кретинская манера — задавать вопрос и тут же самому на него отвечать?»

— Тондо — это картина круглой формы. Такая выставлена, например...

«А-а-а-а-а!!!»

— Мальчики, вы идете? — вдруг раздался голос Мэри. Она перестала плакать.

Камиль вздохнул. Винсент засмеялся.

— А что, если толкнуть ее в пруд? — предложил он. — Фанетта, ты смогла бы ее написать? Получится оригинально. *Mary in the Waterlilies*. [10]

Он расхохотался еще громче и начал выталкивать Камиля с мостика.

— Ладно, Фанетта, не будем тебе мешать, — сказал он. — Пошли, Камиль.

«Иногда Винсент меня понимает. Иногда — нет, а иногда — да. Как сейчас вот...»

Наконец-то Фанетта осталась одна. Она вгляделась в гладь пруда. В воде, на поверхности которой плавали кувшинки, отражались плакучие ивы. Фанетта вспомнила, о чем недавно говорил ей Джеймс. Линии схода!

«Если я правильно поняла, оригинальность „Кувшинок“ Клода Моне заключается в композиции, основанной на двух противоположных линиях схода. Первая образована листьями и цветками кувшинок и в принципе лежит на водной глади. Джеймс сказал, что это горизонтальная линия. Пожалуйста, кто бы спорил... Но есть и вторая линия, образованная отражениями — цветущих глициний на берегу, веток ивы, солнечным светом и тенями облаков. Если верить Джеймсу, это вертикальные линии, и они показаны как бы отраженными, как в зеркале. В этом и заключается секрет „Кувшинок“, объяснил Джеймс. Ну хорошо, пусть так, хотя я не понимаю, в чем тут особенный секрет. Необязательно звать Джеймсом или Клодом Моне, чтобы это заметить. Достаточно просто посмотреть на пруд. Это же само бросается в глаза. В смысле, эти две линии, которые как бы разбегаются в разные стороны. Ну, не то чтобы разбегаются... Все-таки сам пруд и кувшинки на нем никуда не разбегаются. Они неподвижны. Если там и есть какое-то движение, то это скорее иллюзия движения, я бы так сказала...»

Черт, ничего не получается! Как только они ушли, мне почти захотелось пойти с ними поиграть. Нет, нельзя! Джеймс сказал, я

должна быть эгоисткой. Думать о своем таланте и о конкурсе. Допишу, а потом поиграю».

Фанетта склонилась над палитрой и принялась старательно смешивать краски.

И вдруг замерла. «Черное! Осталась только черная краска».

Фанетта чуть не взвыла, когда ее ноздрей коснулся запах свежескошенной травы. Так всегда пахло от Поля.

— Ку-ку!

— Поль! Ты где был?

— С ребятами в «салки» играли. Шесть конов! Я выиграл.

Он наклонился к холсту.

— Вау, Фанетта! У тебя здорово получается!

— Надеюсь. Хочу отправить на конкурс. По-моему, я одна из всего класса собираюсь в нем участвовать.

— Нашла чему удивляться. Ты победишь. Точно говорю: победишь. Ты классно пишешь.

— Да мне просто нравится. А вообще у меня есть одна идея. Мне ее Джеймс подсказал.

— Этот твой художник-американец?

— Ну да. Я к нему после школы пойду. Небось спит еще прямо в поле. Хочу показать ему картину. Он дает мне хорошие советы. Так что у меня и правда есть шанс. Только он очень быстро устает. Не столько пишет, сколько спит.

— Слушай, как интересно... Твоя картина совсем не похожа на «Кувшинки»...

Фанетта чмокнула Поля в щеку.

«Поль, я тебя обожа-а-а-ю!»

— Ты гений. Догадался. Я как раз этого и добиваюсь. Сейчас я тебе объясню, в чем моя идея. Когда ты смотришь на «Кувшинки» Моне, у тебя такое впечатление, что ты, как бы это сказать, будто погружаешься в картину, проваливаешься в нее, как в колодец... Моне хотел показать, что жизнь человека постепенно уходит под стоячую воду, а я... Я все сделаю наоборот! Пусть тот, кто посмотрит на мои «Кувшинки», почувствует, что он плывет по воде и в любую секунду может подпрыгнуть и улететь. Моя вода — не стоячая. Я напишу такие «Кувшинки», какие написал бы Моне в одиннадцать лет. Кувшинки всех цветов радуги!

Поль смотрел на нее с немым восхищением.

— Я не все понял, — наконец вымолвил он.

— Это не страшно, Поль. В конце концов это не так уж важно. А ты знаешь, что делал Моне с картинами, которые ему не нравились? В том числе с «Кувшинками»?

— Нет, не знаю.

— Он отдавал их детям — их тогда в розовом доме было много, и лет им было примерно столько, сколько сейчас нам с тобой. А они мастерили из них кораблики. Представляешь, если поискать на дне Эпта и Сены, то можно найти картины с кувшинками! Ты веришь, что это правда?

— Я верю тебе, Фанетта.

Поль немного помолчал, а затем сказал:

— Но ты зря говоришь, что это не важно. Это как раз очень важно. Я же понимаю, что ты здесь — как будто с другой планеты. Когда-нибудь ты отсюда уедешь. Станешь знаменитой, и все такое прочее. Зато я смогу всю жизнь рассказывать, что был с тобой знаком и что мы вместе стояли на японском мостике. И даже...

— Что «даже»?

— И даже что ты меня поцеловала...

«Дурак ты, Поль. Когда ты говоришь такие вещи, я начинаю вся дрожать...»

По пруду медленно плыли кувшинки. Фанетта закрыла глаза. Поль приблизился к ней и прикоснулся губами к ее губам.

— А еще, — прошептала Фанетта, — мы сможешь всем рассказать, что я тебе пообещала, что мы будем жить вместе, что мы поженимся и поселимся в большом доме и у нас будет много детей. И так оно и будет.

— Фанетта, ты...

В ветвях глицинии раздался шорох.

Из-за дерева выскочил Винсент, похожий на маленького дикаря, обитателя джунглей. Он уставился на Поля и Фанетту каким-то странным пустым взглядом. Неужели он за ними следил?

«Я его боюсь. Я все больше боюсь Винсента».

— Что это вы здесь делаете? — бесцветным голосом спросил Винсент.

Агент Лилиан Лельевр прыгала по страницам Интернета. Она искала деревянную стремянку с пятью ступеньками, на которую хотела поставить горшки с комнатными растениями. Лилиан взглянула на свои элегантные серебряные часы — 18:45. Еще пятнадцать минут — и можно закрывать приемную Вернонского комиссариата. Вечером посетителей почти никогда не бывает.

Она не сразу узнала человека, медленно поднимавшегося на крыльцо комиссариата. Зато стоило ему войти в приемную, как ее лицо осветилось радостью.

— Здравствуйте, Лилиан!

— Комиссар Лорантен!

Господи, сколько же лет они не виделись! Комиссар Лорантен вышел на пенсию... погодите-ка... да, точно, двадцать лет назад. В начале 1990-х, сразу после того как успешно расследовал кражу картин Моне из музея Мармоттан. В то время Лорантен, возглавлявший комиссариат Вернона, считался одним из лучших специалистов по делам о незаконной торговле предметами искусства. К нему постоянно обращались из Центрального управления по борьбе с преступлениями в области культуры. А до того Лилиан и Лорантен проработали вместе больше пятнадцати лет.

Комиссар Лорантен. Не человек, а легенда. В Верноне его знает каждый.

— Комиссар, какими судьбами? Как же я рада вас видеть!

Лилиан говорила искренне. Лорантен был блестящим полицейским — умным, порядочным, внимательным к людям. Сегодня таких больше нет. Они немного поболтали. Наконец Лилиан, не в силах больше сдерживать любопытство, спросила:

— Что вас сюда привело? Вы столько лет к нам не заглядывали...

Комиссар приложил палец к губам.

— Тс-с! Я с секретной миссией. Подождете меня пять минут? Я скоро.

Лорантен двинулся знакомым коридором. Лилиан не посмела спрашивать, к кому он и зачем. Этот человек командовал комиссариатом на протяжении тридцати шести лет!

Бывший полицейский отметил, что краска на стенах комиссариата такая же облупленная, какой была и раньше. «Ничего не меняется! А вот и кабинет 33». Экс-комиссар достал из кармана ключ. «Откроется или нет? Все-таки двадцать лет прошло...

Сезам, откройся!

Открылся! Значит, и замки не меняли аж... ну да, с 1989 года. С другой стороны, это логично. Зачем менять замки в служебных помещениях полицейского комиссариата?» Толкая дверь, он думал о том, что его сегодняшней преемник — наверняка этакий молодой волк, знаток новейших информационных технологий, и его кабинет напичкан всевозможными гаджетами, которые сам Лорантен видел только в детективных сериалах.

На пороге комнаты он остановился и осмотрелся. На стенах висели картины импрессионистов. Писсаро, Гоген, Ренуар, Сислей, Тулуз-Лотрек. Комиссар улыбнулся. Возможно, встреча с нынешним хозяином кабинета доставила бы ему приятный сюрприз. У парня хороший вкус.

Обстановка кабинета не обманула его ожиданий. Здесь стояли компьютер, принтер и сканер. Комиссар прошелся по комнате. Настроение у него упало. Ему вдруг стало ясно, что в 2010 году в кабинете полицейского, хорошо выполняющего свою работу, должно быть пусто. Вся необходимая информация хранится на одном жестком диске. Влезать в чужой компьютер он не собирался — да и вряд ли это у него получилось бы. Доступ наверняка защищен паролем, а Лорантен почти ничего не понимал во всех этих современных штучках. Откровенно говоря, он практически не следил за последними достижениями в области криминалистики. Знал лишь, что, например, борьба с незаконной торговлей предметами искусства все больше превращается в отрасль науки. Центральное управление по борьбе с преступлениями в сфере культуры располагает гигантской электронной базой данных, в которой значится более 60 тысяч исчезнувших произведений искусства, и тесно сотрудничает с соответствующими службами США и Великобритании.

«Иные времена, иные методы работы...»

Он вышел из кабинета и вернулся в приемную.

— Лилиан, а архивы все там же? За красной дверью?

— На том же месте, комиссар! Как двадцать лет назад.

В помещение архива он проник, опять воспользовавшись старыми ключами. С ума сойти, заходи кто хочешь, бери что хочешь... Хотя он все-таки не «кто хочешь». Он все-таки полицейский, хоть и бывший. Не зря Патрисия Морваль позвонила ему. Не такая уж она дура, эта вдовушка.

Лилиан сказала правду: здесь ничего не изменилось. Дела по-прежнему хранились, рассортированные в алфавитном порядке. Старые сыщики уходят, молодые приходят, но всегда найдется кто-то, кому будет не лень расставить коробки с материалами расследований по нужным полкам. Даже в эпоху жестких дисков и флешек...

Буква «М». Морваль...

Вот она, красная коробка. Даже не особенно большая.

Лорантен снова заколебался. Он понимал, что не имеет права открывать эту коробку. Он вломился сюда без разрешения, ведомый исключительно любопытством. Он почувствовал легкое покалывание в кончиках пальцев — верный признак того, что в нем пробуждается давно уснувший азарт. Раз уж он здесь, грех не открыть. Он аккуратно запер за собой дверь и перенес коробку с делом на стол. Открыл и с минуту смотрел на содержимое, запоминая, что где лежит, чтобы потом убрать все на прежние места.

Лорантен рассматривал фотографии. Мертвый Жером Морваль на берегу ручья. Комиссар медленно перебирал вещественные доказательства: снимки места преступления, гипсовый отпечаток следа ноги, отчет дактилоскопической лаборатории, результаты химического анализа крови и почвы. Вот еще стопка из пяти фотографий. На каждой — один мужчина и одна женщина. Мизансцены — от платонической до скабрезной. Все женщины разные. Мужчина — один и тот же. Жером Морваль.

Комиссар Лорантен приподнял голову и прислушался. Кажется, шаги на лестнице? Нет, все тихо. Он взялся за стопку документов. Список учеников школы в Живерни. Более или менее подробные биографии лиц, связанных с убитым: Жерома и Патрисии Морваль, Жака и Стефани Дюпен, Амаду Канди, нескольких местных торговцев и соседей, искусствоведов и коллекционеров. Рукописные рапорты; практически под каждым — подпись инспектора Сильвио Бенавидиша.

Коробка почти опустела. Покалывание в пальцах стало почти нестерпимым. Осталось осмотреть совсем немного: пожелтевший

рапорт жандармерии городка Паси-сюр-Эр о несчастном случае, произошедшем в 1937 году, в результате которого утонул мальчик по имени Альбер Розальба. У комиссара Лорантена задрожали руки. Он старался запомнить каждую деталь. Куда проще было бы унести все это добро с собой. Или хотя бы сделать ксерокопии.

Нет, исключено.

Ладно, не страшно. Он не без гордости отметил, что память у него все еще работает как надо.

Он пробыл в архиве больше получаса. Умница Лилиан его дождалась.

— Ну что, комиссар, нашли что искали?

— Нашел. Спасибо, Лилиан.

Комиссар Лорантен смотрел на женщину с нежностью. Он хорошо помнил тот день, когда она впервые появилась в комиссариате Вернона. Как давно это было? Да, тридцать лет назад... Он принял ее у себя, в кабинете 33. Совсем молоденькая, и двадцати пяти не было. Изящная, что среди женщин-полицейских скорее редкость.

— Лилиан, как вам новый начальник?

— Ничего, нормальный. Вы были лучше...

Какая деликатность.

— Лилиан, могу я попросить вас об услуге? Дело в том, что я ничего не смыслю в компьютерах. Вы-то с ними наверняка на «ты».

— Ну, я не знаю... Смотря что вам надо.

— Понимаете, я сейчас занимаюсь одним расследованием... Неофициально, конечно. Вы умеете пользоваться Интернетом?

Лилиан ободряюще улыбнулась.

— А я вот так и не научился, — посетовал комиссар. — Видно, слишком рано вышел на пенсию. Ни детей, ни внуков у меня нет, так что некому приобщить к прогрессу. Мне надо посмотреть один сайт, сейчас, я где-то записал...

Комиссар Лорантен порылся в карманах и извлек желтый бумажный квадратик, на котором корявым почерком было нацарапано название.

— Вот. Это сайт старых друзей. Там должно быть фото из деревни Живерни. Школьное фото. За тысяча девятьсот тридцать шестой — тридцать седьмой учебный год.

— Джеймс! Джеймс!

Фанетта миновала портомойню и побежала через пшеничное поле, на котором обычно работал Джеймс. Под мышкой она держала завернутую в коричневую бумагу картину, только что написанную на японском мостике через пруд с кувшинками.

— Джеймс!

В поле никого не было. Фанетта не видела ни мольбертов, ни возвышающейся над колосьями соломенной шляпы. Куда подевался Джеймс? Ей так хотелось удивить американца. Показать свои радужные кувшинки, выслушать его мнение и объяснить, как она поняла его советы насчет линий схода. Она остановилась и задумчиво огляделась. Никого. Вернулась к портомойне и спрятала картину в небольшом углублении, которое давно заприметила в ее бетонном основании.

Шито-крыто.

Фанетта выпрямилась. По шее у нее стекали капли пота. Надо же, она так к нему бежала, к этому старому толстому лентяю. Фанетта снова забралась на мост.

— Джеймс! Джеймс!

Ее крики разбудили Нептуна, дремавшего во дворе мельницы под вишневым деревом. Он выскочил за ворота и помчался к девочке.

— Нептун, ты Джеймса не видел?

Вместо ответа Нептун вильнул хвостом и нырнул в заросли папоротников, принявшись что-то там вынюхивать.

«Иногда эта псина меня бесит».

— Джеймс!

Фанетта попыталась сориентироваться по солнцу. Джеймс, как огромная ящерица, всегда устраивался вздремнуть на солнце — не столько ради наслаждения светом, сколько ради тепла.

Если этот жирный лодырь дрыхнет где-то на травке...

— Джеймс! Просыпайся, это я, Фанетта! У меня для тебя сюрприз!

Она пошла через поле. Колосья доходили ей до пояса.

«Господи!»

У нее подогнулись ноги.

Колосья впереди были перемазаны чем-то красным. Не только красным. Зеленым, синим, оранжевым. И они были примяты, как будто здесь кто-то дрался и опрокинул палитру, раздавив тюбики с красками.

«Что произошло?

Надо подумать. Я знаю, что жители деревни недолгобливают художников, похожих на бродяг, но чтобы прийти его избить?.. Кому мог помешать безобидный старикан?»

Фанетта вздрогнула всем телом. Остановилась, не в силах сделать больше ни шага. Перед ней расстилалась узкая тропка, образованная примятыми колосьями. Словно кровавый след. Словно здесь что-то волокли... Или кого-то?..

Джеймс.

Мысли метались в голове у Фанетты.

«С Джеймсом что-то случилось. Он ранен. Он ждет, когда я приду к нему на помощь. Он где-то здесь, в поле».

Тропка уперлась в стену колосьев. Фанетта бросилась вперед наугад, раздвигая колосья и выкрикивая имя Джеймса. «Какое огромное это поле...»

— Нептун! Ко мне! Давай искать Джеймса!

Овчарка немного постояла, словно раздумывая, а затем бросилась бежать через поле. Фанетта поспешила за собакой. Колосья хлестали ее по рукам.

— Нептун! Подожди!

Пес послушно остановился в сотне метров впереди, почти посередине пшеничного поля. Фанетта подошла к нему.

Сердце на миг замерло у нее в груди.

Она увидела лежащее на земле тело.

Как в соломенном гробу...

Джеймс. Он не спал.

Он был мертвый. Через все горло у него тянулась красная полоса. Фанетта упала на колени. К горлу подкатил горький комок. Она кое-как вытерла рот подолом рубашки.

«Джеймс умер. Его убили!»

Над разверстой раной с отвратительным жужжанием кружили мухи. Фанетта хотела закричать, но из горла не вырвалось ни звука. Оно горело. Секундой позже ее вырвало какой-то тягучей жижей. Прямо на брюки и туфли. Она не стала их вытирать — не было сил. Фанетта стиснула руки. Теперь мухи вились у нее возле ног. «Кто-нибудь, помогите!» Она поднялась и побежала. Колосья колотили ее по щиколоткам и коленкам. Вдруг скрутило живот. Фанетта закашлялась.

Рот наполнился жгучей слюной. Она сплюнула, но вязкая слюна повисла на подбородке. Она на ходу утерлась рукавом и продолжала бежать. По мостику перебралась через ручей, миновала мельницу и выскочила на шоссе Руа прямо под колеса мчащейся машины, которая в последний миг успела затормозить.

«Урод!»

Фанетта перебежала через дорогу. Вот и деревня.

— Мама!

Девочка поднималась по Водонапорной улице. Теперь она плакала в голос, приговаривая:

— Мама!

Толкнув дверь, которая задела прибитую к стене вешалку, Фанетта влетела в дом. Мать, как всегда, была на кухне. В синем халате, с забранными в узел волосами. При виде дочери нож выпал у нее из рук.

— Деточка моя, деточка моя!..

Мать протянула к ней руки. Фанетта ухватилась за одну из них и потянула мать за собой.

— Мама, пошли! Пошли скорее!

Мать не сдвинулась с места.

— Прошу тебя, мама, пошли скорее!

— Что случилось, Фанетта? Успокойся, объясни толком!

— Мамочка, он... Его...

— Успокойся, Фанетта! О ком ты говоришь?

Фанетта закашлялась. К горлу снова подступала тошнота. Мать протянула ей тряпку. Фанетта вытерла рот и расплакалась.

— Маленькая моя, что случилось?

Фанетта всхлипнула и с трудом проговорила:

— Мама, это Джеймс. Джеймс, художник. Он лежит там, мертвый.

В поле...

— Что такое ты говоришь?

— Пошли, мама, пошли!

Фанетта выпрямилась и снова схватила мать за руку.

— Пошли скорее!

«Выслушай же меня, мама! Хоть раз в жизни!»

Мать колебалась. Дочь повторяла, как заведенная:

— Пошли! Пошли скорее!

«Кажется, у нее истерика. В окнах соседних домов зашевелились занавески. Что подумают соседи?» Мать поняла, что у нее нет выбора.

— Хорошо, Фанетта, я иду.

Они вместе перешли через мост над ручьем. Нептун вернулся во двор мельницы и спокойно спал под вишневым деревом. Фанетта тянула мать за руку.

«Скорее, мама!»

Они вышли в поле.

— Вон там!

Фанетта хорошо запомнила то место. Она найдет его и без помощи Нептуна.

— Здесь. Точно здесь.

Ее рука безвольно опустилась. Закружилась голова. Фанетта таращила глаза, не веря самой себе.

«Никого.

Тело исчезло.

Наверное, я ошиблась. Наверное, он где-то рядом...»

— Мама, он здесь. Совсем близко.

Мать посмотрела на Фанетту странным взглядом. Дочь выпустила ее руку и металась по полю, приговаривая:

— Он где-то здесь... Он был здесь...

Мать молчала.

«Она думает, что я сошла с ума».

— Говорю тебе, он лежал здесь...

— Все, Фанетта. Хватит.

— Он лежал здесь, мама! С перерезанным горлом!

— Кто? Твой художник-американец?

— Да, он. Джеймс.

— Фанетта, я никогда его не видела, этого художника. Никто его не видел.

«Никто не видел? Что она хочет сказать? Его видел Винсент. И Поль его видел. И все в деревне знают, что...»

— Мама, надо вызвать полицию. Его убили, понимаешь? А сейчас кто-то перетащил его тело в другое место!

«Мама, не смотри на меня так! Я не сошла с ума. Я не сошла с ума. Поверь мне, пожалуйста. Ты должна мне поверить...»

— Никакую полицию мы вызывать не будем. Тела нет, значит, никакого убийства не было. И твоего художника никогда не было. У тебя просто слишком богатое воображение, Фанетта. Чересчур богатое...

«О чем это она? Что она имеет в виду?»

— Нет! — закричала девочка. — Как ты можешь?..

Мать слегка присела и посмотрела дочери в глаза.

— Хорошо, Фанетта. Я тебе верю. Но подумай сама. Если твой художник существовал и если его убили, кто-нибудь обязательно это заметит. Его будут искать и в конце концов найдут. И тогда этот человек сам вызовет полицию...

— Но...

— Это не дело девочки одиннадцати лет. А полиции и без того есть чем заняться. У них уже есть одно убийство, настоящее. Все видели тело убитого. А убийца до сих пор не найден. Мы не должны привлекать к себе внимание, тем более на пустом месте.

«Я не сошла с ума!»

— Мама, я не сошла с ума.

— Конечно нет. Никто этого и не говорит. Пойдем домой. Уже поздно.

Фанетта заплакала. Силы у нее кончились. Она позволила матери увести себя с поля.

«Он там был.

Джеймс лежал там. Он же мне не приснился! Джеймс существует. Конечно же он существует.

А мольберты? У него было четыре мольберта. И ящик с красками. И холсты! И мастихины!

Куда это все подевалось?

Все это не могло бесследно исчезнуть!

Я не сошла с ума!»

Суп был отвратительным на вкус.

Разумеется, мать стерла с грифельной доски вопросы Фанетты и нацарапала список покупок. Овощи — как всегда. Губка. Молоко. Яйца. Спички.

В доме было темно.

Фанетта ушла в свою комнату.

Она не могла заснуть. «Что делать? Ослушаться мать и все-таки пойти в полицию? Завтра?»

Я не сошла с ума. Но если я пойду в полицию, мать никогда мне этого не простит. Первым делом они вызовут ее и заставят все рассказать. Мать боится полицейских. Из-за своей работы. Если хозяева домов, в которые она ходит убирать, узнают, что ее вызывали в полицию, ее уволят. Все дело в этом.

Но не могу же я совсем ничего не делать! Мысли путаются... Никак не могу сообразить...

Надо поискать самой. Понять, что произошло. Надо найти доказательства. Показать их маме. Полицейским. Всем-всем.

Одной мне не справиться. Нужна помощь.

Завтра я начну свое собственное расследование. Нет, завтра я весь день буду в школе... Сбежать не получится. Ничего, сразу после школы начну.

Позову Поля. Все ему расскажу. Поль поймет.

Я не сошла с ума».

45

Лоренс Серенак снял трубку. Черт возьми, кому вздумалось звонить ему в половине второго ночи? Да еще на домашний телефон? Голос на том конце провода бормотал что-то нечленораздельное. Серенак разобрал лишь два слова: «роддом» и «Америка».

— Кто говорит?

Голос зазвучал чуть громче:

— Это Сильвио, патрон. Ваш заместитель.

— Сильвио? Ты что, спятил? Ночь на дворе! И говори громче, ради всего святого, я ни черта не слышу!

— Я в роддоме, патрон. — Сильвио продолжал шептать, но старался произносить слова более отчетливо. — Беатрис в палате, спит, а я вот вышел в коридор... У нас новости!

— Так тебя можно поздравить? И ты решил поделиться своей радостью с начальством? Похвально. Передавай привет Беат...

— Да нет же! — перебил его Сильвио. — Я по делу звоню. У нас в деле новости. А у Беатрис пока новостей нет. Она решила, что у нее начались схватки, и мы помчались в Вернон, в родильный. Два часа в

приемной просидели. И ничего! Сказали, что ей еще рано. С ребенком все нормально, просто срок еще не настал. Но Беатрис так нервничала, что ее отвели в палату. Кстати, она вам передавала привет.

— Спасибо. Скажи ей, пусть держится молодцом.

Серенак зевнул.

— Ладно, Сильвио, так что там случилось-то?

— А что у вас? — спросил Сильвио, пропустив вопрос Серенака мимо ушей. — Сходили в музей? Как впечатления?

Серенак чуть помедлил, подбирая нужное слово.

— Впечатления сильные. А что у тебя с Руанским музеем?

Бенавидиш тоже ответил не сразу:

— Познавательно.

— И ради этого ты будешь меня среди ночи?

— Нет, патрон. В музее мне дали кучу информации, но ее еще надо отсортировать. Пока она только вносит путаницу...

В трубке послышался топот ног.

— Подождите, патрон. Они переносят девочку на носилках, а носилки не входят в лифт...

Серенак выждал с минуту.

— Ну что там у тебя? Что за новости? Давай уже, рожай.

— Ха-ха.

Серенак вздохнул.

— Ну что там с носилками? Втиснули?

— Ага. Стойма.

— Я смотрю, ты, Сильвио, там развлекаешься.

— Пытаюсь приспособиться к ситуации.

— Вот и молодец. Так мы что, до утра будем в викторину играть?

— Я нашел Алину Малетра.

Серенак выругался сквозь зубы.

— Секс-бомбу в туфлях на шпильках? Любовницу Морваля? Ту самую, что работает в Бостонской художественной галерее?

— Ее самую. Я не мог ей дозвониться из-за разницы во времени. А минут пятнадцать назад наконец-то дозвонился. У них на Восточном побережье сейчас около восьми вечера. Оторвал ее от коктейля.

— Так... И что же она тебе поведала?

— Об убийстве Морваля — ничего. Судя по всему, у нее железобетонное алиби. В то утро — у них был вечер — она

развлекалась в ночном клубе, в Нью-Йорке. Сейчас, подождите... — Он прочитал: — «Крейзи Болдхед». Куча свидетелей. Конечно, мы проверим, но...

— Проверим, Сильвио, обязательно проверим, но ты ж понимаешь... А со стороны ее работы? Галерея, живопись и так далее. Есть связь с Морвалем?

— Она утверждает, что никакой. Вроде бы они с окулистом расстались почти десять лет назад.

— Твое мнение?

— Она очень торопилась. Поспешила закончить разговор. Сказала, что помнит немного. Например, то, что Морваль был одержим идеей раздобыть полотно Клода Моне. Но лично она не видела в этом ничего оригинального.

— Она по-прежнему работает в фонде Робинсона?

— Да. Вроде бы занимается культурным обменом между Францией и Соединенными Штатами. Организует выставки, приглашает художников, все такое...

— В какой должности?

— Она намекала, что чуть ли не на «ты» со всеми модными живописцами по обе стороны Атлантики, а в мастерские к ним ходит, как к себе домой. Но я не удивлюсь, если выяснится, что ее роль на вернисажах сводится к тому, чтобы подавать гостям бокалы с шампанским и демонстрировать свое декольте.

— Н-да... Придется все-таки повнимательнее приглядеться к этому чертову фонду Робинсона. — Он снова зевнул. — Слушай, Сильвио, ты, конечно, не обижайся, но твоя Алина не сообщила тебе ничего интересного. Стоило будить меня ночью?

— Это еще не все, — прошептал в трубку Сильвио.

— Да ну?

Серенак напряг слух.

— По словам Алины Малетра, она встречалась с Жеромом Морвалем раз пятнадцать. Одна из таких встреч и запечатлена на фото. Дело происходит в клубе «Зет», на улице Англе, в Париже, в Пятом округе. Ровно десять лет назад. Алине тогда было двадцать два года. Девушка она была общительная, у Морваля водились денежки, так что все шло отлично. До тех пор пока...

— Черт, говори громче!

— Пока Алина не забеременела!

— Что-о?

— Что слышали.

— И? Она сохранила маленького Морваля?

— Нет. Сделала аборт.

— Это точно?

— Это с ее слов. Но не думаю, что в свои двадцать два года она мечтала о судьбе матери-одиночки.

— Морваль знал?

— Да. Он оплатил операцию и устроил ее в больницу по знакомству.

— Значит, мы вернулись к тому, с чего начали. У нас опять никакого мотива.

В трубке снова слышался посторонний шум. Издалека донеслось завывание сирены. Бенавидиш чуть помолчал и сказал:

— Если не считать того, что ребенку сегодня было бы лет десять-одиннадцать.

— Никакого ребенка не было. Она же сделала аборт.

— А вдруг?

— Никаких «вдруг», Сильвио.

— А если она врет?

— Тогда зачем она стала бы тебе рассказывать, что залетела?

Настало долгое молчание.

— Я все думаю про пятую любовницу, патрон, — наконец сказал Бенавидиш. Он больше не шептал. — Про ту пикантную сцену в гостиной Морвалей. Женщина в синем халате, которую мы пока так и не установили. Если бы нам удалось расшифровать цифры на обороте фотографий...

Послышался топот каблучков. Наверное, прибежала старшая медсестра и велела инспектору Бенавидишу прекратить безобразие.

— Блин, Сильвио. У меня из-за тебя весь сон слетел. — Он вздохнул: — Ладно, надо все-таки поспать. Не забудь, завтра встречаемся на рассвете. Попробуем пошарить на дне реки. Прихвати сачок.

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ

22 мая 2010 года

(Мельница «Шеневьер»)

ОСАДОК

46

Тот, кто строил мельницу, особенно донжон, наверняка держал в голове, что из окна пятого этажа сможет видеть все, что происходит в деревне. Можете называть его как угодно, сторожевой башней или наблюдательной вышкой, факт остается фактом: если не считать церковной колокольни, лучшей смотровой площадки не найдешь во всем Живерни.

Я вижу отсюда всю деревню, луг, простирающийся до самого Крапивного острова, ручей, сад Моне. Я прекрасно вижу место преступления. Можете не сомневаться: в этом театре у меня билет в лучшую ложу. Под театром я разумею убийство Жерома Морваля.

Сейчас я наблюдала за тем, как в ручье стояли, закатав по колено штаны, полицейские. Видок у них был мрачноватый. Даже заместитель главного начальника Бенавидиш влез в воду. На берегу остался только инспектор Серенак. С ним какой-то тип в очках и с кучей странных инструментов. Он поочередно опускал их в воду, а потом перекладывал поднятый со дна песок в выставленные в рядок на берегу контейнеры.

Нептун тоже там — куда же без него? Носится в зарослях папоротников, что-то вынюхивает. Этой собаке — главное, чтобы что-нибудь происходило, а уж он присоединится. Кроме того, он уже понял: инспектор Серенак неравнодушен к собакам и не скупится с ними на ласку.

Обратите внимание: я хоть и подсмеиваюсь, но скорее так, по привычке. На самом деле идея обыскать дно ручья не кажется мне такой уж глупой. Странно, что они раньше не сообразили. Вы, конечно, решите, что провинциальные сыщики — все как один тугодумы, но не спешите с выводами. Критиковать других легко. Не забывайте, что красавец инспектор, возглавляющий расследование, в последние дни отвлекался на совсем другие мысли. Я бы даже сказала, что, будь его воля, он с гораздо большим удовольствием исследовал бы совсем другие глубины... Но кто я такая, чтобы подшучивать над доблестным полицейским? Старая ведьма, которой даже не с кем поговорить.

Потому-то я и торчу целыми днями у окна. Выглядываю из-за шторы и наблюдаю.

47

Три агента из Вернонского комиссариата методично, квадратный дециметр за квадратным дециметром, обшаривали дно ручья. Нельзя сказать, чтобы они так уж верили, что выловят что-нибудь существенное. Мэр Живерни говорил, что коммунальные службы чистят русло каждый месяц. «Это самое малое, — заявил он, — что мы можем сделать для скромного ручья, носящего гордое звание главной водной артерии французского импрессионизма. И мы это делаем!»

Мэр их не обманывал. Несмотря на все старания полицейских, их «улов» оказался весьма скромным. Пара размякших картонных коробок, банка из-под газировки, куриные кости...

И весь этот ерундовый мусор отправится на анализ в полицейскую лабораторию.

Сильвио Бенавидиш засыпал на ходу. Глаза у него слипались. «В подобном состоянии, — подумал он, — ничего не стоит навернуться и разбить себе голову. Даже если рана окажется несмертельной, ее может оказаться достаточно, чтобы человек потерял сознание и рухнул лицом в воду. И как следствие захлебнулся и утонул».

Настроение у Сильвио тем утром было отвратительное. После разговора с Лоренсом Серенаком он так и не лег спать. Медсестры настойчиво спрашивали его домой, но он проигнорировал их советы. В конце концов статус полицейского давал ему некоторые преимущества. Поэтому он всю ночь просидел на стуле в приемной, под плакатами, предупреждающими о вреде спиртного и табака для беременных женщин, время от времени заглядывая в палату к спящей Беатрис. Он пытался дремать, но в голове неотступно всплывали три проклятые колонки из таблицы. До сих пор незаполненные.

На протяжении последних дней он без конца размышлял о загадках, связанных с этим делом. Например, что это за легенда о черных кувшинках? Амаду Канди наверняка слышал о ней, как и Морваль. И с какого боку сюда приплелась история о мальчике, утонувшем ровно на том же месте в 1937 году? Как его звали? Ах да, Альбер Розальба. При чем тут поздравительная открытка ко дню

рождения, адресованная 11-летнему ребенку? И зачем на ней наклеена бумажка с цитатой из Арагона? «Преступно мечтать, ждет виновного кара...» Что обозначают эти слова? И эти цифры на обратной стороне фотографий, запечатлевших любовниц Морваля? Он чувствовал, что каждая из этих деталей является частью общей картины, каждая важна, но как собрать их вместе?

Сильвио посмотрел на Серенака. Он никак не мог понять, то ли патрон действительно с интересом слушает рассуждения специалиста-геолога, то ли только делает вид, что ему интересно. Проблема в том, что Серенак не верит в метод «собери пазл». Он предпочитает ухватиться за одну-единственную ниточку, но уж тянуть будет изо всех сил. Сильвио не покидало ощущение, что это неправильно, что так они никогда не докопаются до правды, не размотают клубок загадок, а лишь больше его запутают. Тем более что ниточка в любой момент может просто лопнуть.

Лувель между тем вытряхивал песок уже из третьей пластиковой бутылки. На деле оказалось, что мусора на дне «главной водной артерии французского импрессионизма» хватает. Геолог рассматривал каждый поднятый предмет с чисто научной беспристрастностью и всякий раз приходил к одному и тому же выводу: нет, представленный объект не настолько стар, чтобы застать в живых Клода Моне, и не имеет никакого отношения к трупу Жерома Морваля.

Сильвио снова посмотрел на Серенака. Никто не скажет, что он не пытался убедить патрона. Тот вроде бы со всем соглашался и даже обсуждал с ним информацию из всех трех колонок таблицы. Но упорно не желал прислушиваться к тому, что противоречило его интуиции. А интуиция твердила ему, что все крутится вокруг Стефани Дюпен. Что учительнице угрожает опасность. И у этой опасности есть имя — Жак Дюпен. Сильвио честно старался быть объективным. Но, по его мнению, Стефани Дюпен с равным успехом могла претендовать как на роль потенциальной жертвы, так и на роль главной подозреваемой. Он сказал об этом Серенаку, но тот, упрямая ослиная голова, просто от него отмахнулся. Ему важны не факты, а внутреннее чутье. Что тут подделаешь?

За прошедшую ночь Сильвио о многом передумал. Он признался себе: Серенак нравится ему не меньше, чем он понравился Беатрис. Вот ведь парадокс! Они такие разные, но работать с ним — одно

удовольствие. Наверное, они друг друга дополняют. Вместе с тем у него зародилось предчувствие, что надолго Серенак в Вернонском комиссариате не задержится. Его опять куда-нибудь переведут. Здесь, на севере, не принято доверять интуиции. Особенно если интуиция основана не на том, что у тебя в голове, а на том, что в шта...

— Что-то нашел!

Это крикнул Лувель. Его моментально окружили остальные.

Лувель погрузил в песок обе руки и извлек на свет какой-то прямоугольный предмет. Геолог подставил под предмет пластиковый ящик, в который стряхивали песок. Постепенно всем стало ясно, что за предмет держит в руках Лувель.

Его находка оказалась ящиком для красок.

Сильвио вздохнул. Опять мимо. Наверное, кто-то из художников выбросил. Во всяком случае, точно не Морваль. Тот собирал картины, но сам их не писал.

Лувель аккуратно поставил находку на берег. Геолог просеивал осыпавшийся с ящика песок через решето.

— Сколько она там провалялась? — спросил агент Мори.

Геолог сверился со своими приборами.

— Не больше десяти дней, — ответил он. — Ящик бросили в реку не позднее вчерашнего дня и не раньше того дня, когда был убит Морваль. Семнадцатого мая шел дождь. Аллювиальные отложения, принесенные дождем, имеют свои отличительные особенности. После семнадцатого дождей больше не было. Для надежности накинём пять дней «до» и пять «после».

Сильвио приблизился к берегу. Теперь и он заинтересовался находкой. Значит, ящик пролежал на дне реки не больше десяти дней... То есть его могли кинуть в воду как раз в день убийства. С другой стороны к ящику подошел Серенак. Оба смотрели на него с расстояния не больше метра.

— Давай, Сильвио, — сказал Серенак. — Эта честь должна принадлежать тебе. Ты ее заслужил. Так что вперед, открывай! — Он подмигнул заместителю. — Только чур добычу делим на пятерых!

— Как у пиратов?

— За что тебя люблю, так это за понятливость...

Людовик Мори встал у них за спинами. Инспектор Бенавидиш не заставил просить себя дважды и поднес ящик к глазам, чтобы лучше

рассмотреть. Старое дерево, покрытое лаком... Несмотря на многодневное пребывание в воде, ящик хорошо сохранился. Только металлические петли слегка проржавели. Сильвио пригляделся к полустершейся фирменной марке — под фигуркой крылатого дракона красовалась надпись заглавными буквами: «Winsor & Newton». Чуть ниже и помельче значилось: «The World's Finest Artists' Materials». Даже не разбираясь в подобного рода вещах, Бенавидиш уверенно предположил, что ящик — старинный, американский и дорогой. Не какая-нибудь грошовая подделка.

— Ну что, открываешь или нет? — нетерпеливо произнес Серенак. — Надо же нам узнать, что мы нашли. Золотые монеты? Драгоценности? Карту острова сокровищ?

Людовик Мори расхохотался. То ли ему понравилась шутка патрона, то ли, напротив, он счел ее дурацкой. Сильвио по-прежнему не спеша приподнял крышку. Несмотря на покрывшую петли ржавчину, ящик открылся легко, как новенький. Сильвио ожидал увидеть внутри кисти, тюбики краски, палитру, губку — одним словом, обычные причиндалы художника.

«Господи!»

Инспектор Бенавидиш едва не выронил ящик назад в ручей. «Господи!» В голове у него помутилось. А что, если он с самого начала ошибался? Что, если прав как раз Серенак?

Он покрепче сжал пальцами деревянный ящик и крикнул:

— Господи, патрон, идите сюда! Скорее!

Серенак приблизился на шаг, за ним — Мори и Лувель. Изумление инспектора Бенавидиша заинтриговало всех. Сильвио поднес к ним открытый ящик. Полицейские уставились на находку с опасливым почтением, как православные паломники на византийскую икону.

На светлой древесине крышки красовалась вырезанная ножом надпись: «Она моя. Здесь, сейчас и навсегда».

Фраза заканчивалась двумя перекрещенными черточками. Крест. Знак смертельной угрозы.

— Блин! — воскликнул инспектор Серенак. — Кто-то зашвырнул этот ящик в реку меньше десяти дней назад. Может быть даже, в день убийства Морваля!

Он утер рукавом выступившие на лбу капли пота.

— Сильвио, — обратился он к помощнику. — Быстро найди эксперта-графолога. Сравните почерк надписи с почерками всех жителей деревни. Первым в списке пойдет Жак Дюпен.

Серенак посмотрел на часы. 11:30.

— Графолог мне нужен сегодня. Результаты — тоже.

Он долгим взглядом посмотрел на расположенную прямо напротив портомойню, затем повернулся к окружавшим его четверем мужчинам и с искренней улыбкой произнес:

— Отличная работа, парни! Заканчиваем осмотр дна и убираемся отсюда. Полагаю, самую крупную рыбу мы уже выудили.

Серенак показал агенту Мори поднятый большой палец.

— Это была гениальная идея, Людо! Наконец-то у нас появилась реальная улика.

Мори улыбался во весь рот — ни дать ни взять школьник, получивший пятерку. Сильвио Бенавидиш по привычке не спешил разделить всеобщий энтузиазм. Разумеется, патрон прочитал надпись — «Она моя. Здесь, сейчас и навсегда» — по-своему. Для него под словом «она» подразумевается одна-единственная женщина, а угроза этой женщине исходит от ее ревнивого мужа. Иначе говоря, от Жака Дюпена. Но ведь «она» может означать кого или что угодно. И не обязательно женщину! Например, одиннадцатилетнюю девочку. Или любой предмет женского рода. Скажем, картину...

Полицейские продолжили методичный осмотр речного дна, но уже без первоначального пыла. Да и шарили они теперь по большей части впустую. Солнце тем временем зашло за донжон мельницы «Шеневьер», тень которого упала на место преступления. Пора было завершать операцию. Сильвио Бенавидиш напоследок поднял глаза к верхнему этажу башни. Он мог бы поклясться, что видел, как за окном шевельнулась занавеска. Но секундой позже он выбросил эту мысль из головы. Ему хватало и других забот.

48

— У Клода Моне есть наследники? Я имею в виду, живые?

Вопрос комиссара Лорантена удивил Ашиля Гийотена. Бывший полицейский не стал ходить вокруг да около. Впрочем, секретарь Руанского музея предупредила хранителя, что такова манера комиссара.

Дозвонившись в музей, он потребовал, чтобы его немедленно соединили с лучшим специалистом по творчеству Клода Моне. То есть с самим Ашилем Гийотеном! Секретарь перезвонила тому на мобильный. Гийотен как раз сидел на совещании, организованном городским отделом культуры и посвященном проведению фестиваля «Нормандия импрессионистов». Очередная бессмысленная говорильня! Хранитель почти обрадовался шансу выскользнуть в коридор.

— Наследники Клода Моне?.. Видите ли, комиссар, это непростой вопрос.

— Что значит «непростой»?

— Постараюсь объяснить. У Клода Моне было двое сыновей от первой жены, Камиллы Донсьё: Жан и Мишель. Жан позже женился на Бланш — дочери второй жены художника, Алисы Ошеде. Жан умер в тысяча девятьсот четырнадцатом году, Бланш — в тысяча девятьсот сорок седьмом; детей у них не было. Мишель Моне — последний наследник Клода Моне — скончался в тысяча девятьсот шестьдесят шестом году. За несколько лет до смерти Мишель Моне составил завещание, в котором объявил своим законным наследником парижский музей Мармоттан, созданный при Академии изящных искусств. Сегодня в этом музее хранится собрание картин, известное под названием «Моне и его друзья», в котором насчитывается более ста двадцати полотен. Это самая крупная коллекция...

— Значит, наследников больше нет, — перебил его Лорантен. — Линия Клода Моне прервалась на его детях.

— Это не совсем так, — с плохо скрытым торжеством произнес Гийотен.

— Простите, не понял.

Гийотен немного помолчал, сознательно нагнетая напряжение.

— У Мишеля Моне, — наконец соизволил сказать он, — была незаконнорожденная дочь. От любовницы, Габриэль Бонавантюр — невероятно красивой женщины, манекенщицы. После смерти отца, в тысяча девятьсот тридцать первом году, Мишель Моне женился на Габриэль Бонавантюр.

— Следовательно, — не выдержал Лорантен, — последней наследницей является эта самая незаконная дочь! Она же — внучка Клода Моне!

— Ничего подобного, — невозмутимо возразил Гийотен. — Как ни странно, Мишель Моне не признал ее своей дочерью, даже после того как женился на ее матери. Поэтому из гигантского наследства деда ей не досталось ни сантима.

— Как звали дочь? — равнодушным голосом спросил комиссар.

Гийотен вздохнул.

— Ее имя можно найти в любой книжонке, посвященной Моне. Звали ее Анриетта. Анриетта Бонавантюр. Впрочем, употребление прошедшего времени в данном случае неуместно. Насколько мне известно, она до сих пор жива.

49

16:31.

Фанетта выскочила из школы. Бегом направилась на улицу Бланш-Ошеде-Моне, а оттуда — напрямик к отелю «Боди». Она знала, что во времена Моне там жили все приезжавшие в Живерни американские художники — Робинсон, Батлер, Стентон Янг. Учительница им про них рассказывала. Значит, и сегодня художник из Америки должен остановиться в этом отеле. Фанетта мельком оглядела зеленые столы и стулья на террасе кафе на другой стороне улицы и влетела в зал отеля-ресторана.

Все стены были увешаны картинами и рисунками. Не гостиница, а музей! Фанетте вдруг подумалось: а ведь она здесь в первый раз! Ей хотелось не спеша рассмотреть картины, прочесть все знаменитые подписи, но ее смутил пристальный взгляд портье. Фанетта подошла к стойке. Это было довольно высокое сооружение светлого дерева — девочке пришлось приподняться на цыпочки, чтобы портье ее увидел. Она оперлась руками о стойку. У портье была длинная черная борода. Он напомнил Фанетте Ренуара с портретов кисти Моне.

Смотрит не по-доброму...

Фанетта торопливо заговорила, чуть заикаясь и перебивая сама себя, но Ренуар все-таки понял, что девочка разыскивает некоего американского художника по имени Джеймс, чьей фамилии не знает. «Пожилой такой, даже старый, с седой бородой. У него есть четыре мольберта...»

Ренуар изобразил огорчение.

— Нет, мадемуазель, у нас нет постояльца, похожего на вашего Джеймса.

Из-за густой бороды Фанетте было трудно понять, злится он или просто развлекается.

— Видите ли, мадемуазель, сегодня у нас останавливается не так уж много американцев... Не то что во времена Моне...

«Ну ты и придурок! Ты просто придурок, Ренуар!»

Фанетта вышла на улицу Клода Моне. Поль уже ждал ее. На большой перемене она успела все ему рассказать.

— Ну что?

— По нулям.

— Что теперь? Проверим остальные гостиницы?

— Не знаю. Я ведь даже не спросила, как его фамилия... И вообще, у меня такое впечатление, что он на улице ночевал.

— Можно остальным рассказать. Винсенту, Камиллю, Мэри... Если мы все вместе поищем...

— Нет!

Фанетта почти выкрикнула это. Несколько постояльцев отеля «Боди», сидевшие на террасе, повернули к ней головы.

— Нет, Поль. Винсента я в последние дни вообще видеть не могу. Он такой... Себе на уме. А Камиль... Если мы ему скажем, он прочтет нам лекцию обо всех американских художниках, которые когда-либо приезжали в Живерни. Очень нам это поможет!

Поль засмеялся.

— Я уж не говорю про Мэри. Сначала разрыдается, а потом пойдет настучит в полицию. Что тогда со мной мать сделает, подумать страшно.

— Тогда что нам остается?

Фанетта смотрела в сторону парка, протянувшегося от отеля «Боди» до самого шоссе Руа: на стриженной лужайке стояли, отбрасывая тени, стога сена; дальше простирался луг — до места слияния Эпта с Сенной, до самого Крапивного острова.

Джеймса сводили с ума эти пейзажи. Ради них он бросил все. Родной Коннектикут, жену и детей. Он сам мне говорил.

— Не знаю, Поль. Ты считаешь, что я ненормальная?

— Нет.

— Клянусь тебе, я видела его мертвым.

— Где именно?

— Посреди пшеничного поля. Сразу за портомойней и ведьминой мельницей.

— Так пошли туда сходим!

Они спустились по улице Клода Моне. Каменные фасады домов не пропускали сюда солнце — казалось, они специально были выстроены определенной высоты, чтобы на улице всегда царила тень. Фанетта поежилась — холодно...

— Ты говорила, что Джеймс всегда ставил четыре мольберта, — сказал Поль. — Плюс у него было полно всякого другого снаряжения — палитры, ножи, ящик с красками... Там должны остаться следы.

Поль и Фанетта провели в поле больше часа. Все, что они нашли — небольшой, размером с лежащее человеческое тело, участок земли с примятыми колосьями.

«Соломенный гроб... Ну хотя бы он мне не приснился.

Правда, Поль заметил, что колосья помялись бы точно так же, если бы кто-то просто лег в поле отдохнуть».

Потом они наткнулись на колосья, запачканные красками. В том числе красной краской — или это была кровь? Попробуй разбери. Еще они нашли несколько раздавленных тюбиков краски. Только что это доказывало? Что кто-то приходил сюда писать. Это Фанетта и так знала.

Я не сошла с ума.

— Кто еще его видел, твоего художника?

— Не знаю. Винсент вроде видел.

— А кроме Винсента? Кто-нибудь из взрослых?

Фанетта бросила взгляд в сторону мельницы.

— Не знаю... Может, соседи? Ведьма с мельницы? Ей там со своей башни все видно!

— Пошли к ней!

«Возьми меня за руку, Поль! Пожалуйста, возьми меня за руку!»

50

Конечно, я их видела. Я видела, как они приближаются. Детишки перешли через мост и оглянулись на берег ручья. На то самое место, где полицейские только что нашли засыпанный песком ящик для красок.

Но теперь полицейские ушли. Не осталось никого и ничего — ни желтой заградительной ленты, ни специалиста-очкарика с его инструментами. Лишь течение Эпта, тополя да пшеничное поле. Как будто ничего и не было.

И двое детей, что идут рядышком, ни о чем не подозревая. Невинные души. Если бы они знали, какая опасность им грозит. Бедняжки... Идите сюда, мои хорошие, идите к ведьме! Все, как в сказке про Белоснежку. Не бойтесь, заходите! Ведьма ждет вас! Только будьте осторожны! Нет, я не стану угощать вас отравленными яблочками. Разве что вишнями.

Вопрос вкуса.

Я медленно отошла от окна. На сегодня довольно.

Снаружи меня не видно. Никто не знает, где я и чем занята. Никто не знает, есть ли на мельнице кто живой. Свет я не включала. Мне темнота не мешает, даже наоборот.

Я повернулась к своим «Черным кувшинкам». Мне все больше нравится рассматривать их в сумерках. Вода на картине почти исчезает, все, что в ней отражается, смазывается, и среди мрака горят лишь желтые огни кувшинок, словно звезды далекой вселенной.

51

— Говорю тебе, там никого нет, — сказала Фанетта.

Девочка внимательно осмотрела двор мельницы. В ручье виднелись трухлявые плиты водяного колеса. На краю каменного колодца лежало ржавое, заросшее мхом ведро. Тень от огромного вишневого дерева закрывала почти весь двор.

— Все равно давай попробуем, — стоял на своем Поль.

Он постучал в тяжелую деревянную дверь и тоже огляделся. Ему показалось, что двор, колодец и каменные стены мельницы словно выставлены кем-то на просушку, да так и забыты.

— Пожалуй, ты права, — сказал Поль. — Как-то тут страшновато...

— Да нет же! — возразила Фанетта. — Если честно, я бы сама с удовольствием поселилась на этой мельнице. Представляешь, как здорово — жить в таком доме, какого больше ни у кого нет?

«Наверное, Поль иногда думает, что я не совсем нормальная». Мальчик обошел мельницу, пытаясь заглянуть в окна первого этажа. Затем поднял глаза к донжону и обернулся к Фанетте, скрючив пальцы и скривив рот.

— Там живет стра-а-а-шная ве-е-е-дьма! — взвыл он. — Она очень не любит худо-о-о-жников! Сейчас она на-а-а-с...

— Прекрати!

Он нарочно храбрится. Я же вижу, как ему страшно!

Вдруг за мельницей послышался собачий лай.

— Бежим отсюда!

Поль схватил Фанетту за руку, но девочка только расхохоталась:

— Дурак! Это же Нептун! Он все время там спит, под вишней.

Она не ошиблась. В следующий миг к ним выскочил Нептун, гавкнул еще раз и подбежал к Фанетте. Она нагнулась его погладить.

— Нептун, ну ведь ты-то знал Джеймса, правда? Ты вчера видел его! Ты сам его нашел! Куда он подевался?

«Нептун, хотя бы ты знаешь, что я не сошла с ума!» Пес сел на задние лапы. Посмотрел на Фанетту. Затем перевел взгляд на пролетающую мимо бабочку. Затем, словно утомившись глядеть, поднялся и побрел в тень вишневого дерева. Фанетта проследила за ним и вдруг с удивлением обнаружила, что Поль успел вскарабкаться на вишню.

— Поль, ты что, спятил? Зачем ты туда залез?

Поль не отвечал.

— Вишни еще не созрели!

— А я не за вишнями! — крикнул Поль.

В следующий миг он спрыгнул с дерева. В руке он держал две серебрястые ленты из фольги.

«Иногда Поль ведет себя, как последний идиот. Неужели он думает, что мне нужны эти фокусы в духе Тарзана? Я ведь и так его люблю...»

— Вот... — Поль тяжело переводил дух. — Они это вешают на ветки, чтобы отпугивать птиц.

Он подпрыгнул на месте, подняв небольшое облачко пыли, шагнул вперед, опустился на одно колено и протянул к Фанетте руки — ни дать ни взять средневековый рыцарь.

— Моя принцесса! Приношу тебе в дар это серебро, которое украсит твои дивные волосы и отпугнет от тебя всех стервятников! Когда ты уедешь далеко-далеко и станешь знаменитой, оно будет тебе защитой!

Фанетта чуть не расплакалась. Все это навалилось на нее слишком неожиданно. И Джеймс исчез, и с матерью она поссорилась — из-за живописи, из-за отца и из-за всего остального, — и конкурс на носу, и «Кувшинки» она никому не успела показать! А тут еще Поль со своими глупыми выходками!

«Поль, ну ты кретин! Ну полный кретин!» Девочка зажала в ладони серебряные ленточки и второй рукой погладила Поля по щеке.

— Вставай, дурачина.

Он не успел встать, потому что она наклонилась к нему и поцеловала его в губы.

Долгим-долгим поцелуем.

Потом она заплакала.

— Кретин. Трижды кретин. Будешь всю жизнь терпеть, что у меня в волосах эти ленты. Я же тебе уже сказала, что мы с тобой поженимся.

Поль поднялся и обнял Фанетту.

— Ладно, пошли. Хватит с ума сходить. Вчера человека убили. А несколько дней назад еще одного. Вот пусть полиция с этими убийствами и разбирается. А здесь оставаться опасно.

— А как же Джеймс? Мы же должны...

— Здесь нечего делать. В доме никто не живет. И вообще, Фанетта, если ты в себе уверена, тебе надо пойти в полицию и все рассказать. Откуда нам знать, может, эти два убийства связаны между собой? Ты понимаешь, о ком я? О том дядьке, которого нашли мертвым на берегу ручья...

— Нет! — выкрикнула Фанетта.

«Нет, нет, нет! Поль, только не ты! Не заставляй меня сомневаться в себе!»

— Фанетта, ну подумай сама, кто тебе поверит? Никто! Джеймс жил как клошар. На него никто не обращал внимания.

Они ненадолго остановились на шоссе Руа, подождали, пока проедут машины, и перешли на другую сторону. Над вершинами дальних холмов, вдоль берегов Сены, начинали собираться тучки.

Ребята не спеша шагали по направлению к деревне. Вдруг Поль остановился.

— А может, сказать учительнице? — предложил он. — Она любит живопись. Даже придумала, чтобы все участвовали в конкурсе для этого, как его, фонда Робинсона. Может быть, она и Джеймса знала? Во всяком случае, она тебя поймет. Скажет, что надо делать.

— Ты так думаешь?

Мимо детей шли прохожие. Поль крутанулся на месте и сказал:

— Я уверен. Это отличная идея.

Он наклонился к самому ее уху.

— Открою тебе один секрет, Фанетта. Я заметил, что учительница тоже носит в волосах серебряные ленточки. Значит, она тоже принцесса. Понимаешь?

Фанетта взяла его за руку.

«Хоть бы время остановилось. Чтобы мы с Полем так и стояли здесь, на этой улице, всегда. Пусть все вокруг меняется, а мы так и будем стоять. Как в кино».

— Пообещай мне одну вещь, Фанетта.

Их руки сплелись.

— Пообещай, что закончишь картину. Ты должна выиграть конкурс Робинсона. Что бы ни случилось! Потому что важнее этого ничего нет.

— Я не зна...

— Джеймс сказал бы тебе то же самое. Уж это-то ты знаешь. Джеймс хотел, чтобы ты победила в конкурсе.

52

Дети свернули на Водонапорную улицу. Сейчас они скроются из вида. Из-за занавески их силуэты кажутся слегка размытыми. Только Нептуну все равно. Все так же дрыхнет под вишней.

Бедная девочка! Ей кажется, что она сумеет вырваться. Ха-ха. Ей кажется, что она написала шедевр и спрятала его под портомойней. Ей кажется, что она взлетит над прудом Моне. Над Живерни. Что сила искусства поможет ей преодолеть земное притяжение. Что ее скромный гений, про который ей прожужжали все уши, сметет все препятствия на ее пути.

Радужные кувшинки! Бедная дурочка.

Что за жестокая насмешка судьбы...

Я повернулась к своим «Черным кувшинкам». Желтые венчики светились на фоне траурной черноты, созданной кистью отчаявшегося творца.

Тщеславие!

Этот пруд поглотит тебя, глупая маленькая Фанетта. Ты утонешь в нем. Опустись на дно. А над головой у тебя будут плавать кувшинки — как толстый слой льда над зимним озером.

Осталось недолго.

Всему свой черед.

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ

23 мая 2010 года

(Мельница «Шеневьер»)

ОЖЕСТОЧЕНИЕ

53

В кои-то веки я не торчу у окна. Да, представьте себе, я не дни напролет провожу, прячась за занавеской и шпионя за соседями. У меня и другие дела имеются.

Впрочем, сегодня утром на улице стоит адский шум. Работают бензопилы. Я совсем недавно узнала, что власти приняли решение спилить тополя на четырнадцать гектарах земли. Спилить тополя! Здесь, в Живерни! Если я ничего не путаю, их посадили в начале 1980-х — такие невысокие саженцы, — очевидно, с той целью, чтобы местность выглядела более «импрессионистски». Однако впоследствии нашлись специалисты, заявившие, что во времена Моне никаких тополей тут не росло, а художник, выглядывая из окна своего дома, видел простирающийся до самого горизонта луг и больше ничего. А теперь, когда тополя вытянулись, они затеняют сад и пруд с кувшинками. И туристы, озирая окрестности, не находят в них никакого сходства с пейзажами, запечатленными на полотнах Моне. Поэтому они и решили спилить тополя. В конце концов, почему бы и нет, если им так нравится? Одни жители деревни негодуют, другие аплодируют, а мне плевать.

У меня другие заботы. Нынешнее утро я посвятила разборке старья. Черно-белые, еще довоенные фотографии и прочий древний хлам, не интересный никому, кроме меня. Если вы помните, я хотела найти старую картонную коробку, перевязанную льняной веревкой. Оказалось, она лежала под тремя слоями видеокассет, слоем виниловых пластинок и десятисантиметровой толщиной квитанций банка «Креди агроколь». Я вчетверо свернула покрывавшую стол скатерть и разложила фотографии.

С тех пор как смолкли бензопилы, прошел примерно час, и тут вдруг тишину разорвал вой сирены. Он напомнил мне те времена, когда я вскакивала по утрам по звонку будильника.

Сигналила полицейская машина, которая мчалась по шоссе Руа.

Только что я проливала слезы над единственной дорогой мне фотографией, обнаруженной на самом дне коробки. Школьное фото. Живерни. 1936/37 учебный год. Это сколько же лет назад? Я всматривалась в лица двух десятков учеников, чинно рассевшихся на три деревянные скамьи. На обороте снимка вписаны их имена, но мне не понадобилось переворачивать фотографию.

Рядом со мной сидит Альбер Розальба. Естественно.

Я все смотрела и смотрела в лицо Альбера. Снимали в начале учебного года, самое позднее — 1 ноября, в День Всех Святых.

До того как все произошло.

И в этот миг уши мне пронзил вой полицейской сирены.

Я рывком поднялась на ноги. Как дремлющий тюремщик, что при звуках тревоги вскакивает и мчится на сторожевую вышку. Я бросилась к окну. Ну, бросилась — это, конечно, громко сказано. Подхватила палку и поковыляла вперед. Встала и палкой осторожно отодвинула занавеску.

Я ничего не пропустила. Увидела все. Вся кавалерия была здесь, как на параде. На трех машинах, с сиренами и мигалками.

Ничего не скажешь. Инспектор Серенак — крутой парень.

54

Сильвио Бенавидиш посмотрел на башню мельницы, проплывшую справа за окном.

— Кстати, — сказал он, подавив зевок. — Я заходил на мельницу, патрон. Вы же мне сказали опросить всех свидетелей, особенно по

соседству.

— Ну и?

— Странное местечко. Я бы сказал, заброшенное. Похоже, что там никто не живет.

— Уверен? А сад производит впечатление ухоженного. И фасад в полном порядке. И еще. Я несколько раз замечал — когда мы были на месте преступления, — что в окне башни как будто колыхается занавеска.

— Да? Я, если честно, тоже обратил на это внимание. Но соседи в один голос утверждают, что на мельнице уже несколько месяцев никто не живет.

— Более чем странно. Только не рассказывай мне про закон омерты. Никогда не поверю, что вся деревня стоворилась хранить молчание насчет этой мельницы — так же, как насчет истории с гибелью одиннадцатилетнего мальчика.

— Не буду. — Сильвио чуть поколебался. — Деревенские называют ее ведьминой мельницей.

Серенак улыбнулся. Отражение мельничной башни исчезло из зеркала заднего вида.

— А почему не мельницей призрака? Было бы вернее. Ладно, Сильвио, оставим пока мельницу в покое. У нас есть дела поважнее.

Лоренс прибавил газу. Слева за какие-нибудь полсекунды промелькнул сад Моне. Пожалуй, еще ни одному зрителю не удавалось взглянуть на него под столь «импрессионистским» углом зрения.

— Кстати, о деревенской омерте, — снова заговорил Серенак. — Знаешь, что вчера мне рассказала Стефани Дюпен про дом и мастерские Клода Моне?

— Что?

— Что, если хорошенько поискать, то там еще можно найти с десяток полотен знаменитых мастеров. Ренуара, Сислея, Писсарро. Ну и неизвестные «Кувшинки» Моне, само собой.

— Вы их видели?

— Видел одну пастель. Не исключено, что Ренуара...

— Да она над вами просто посмеялась.

— Ясное дело. Но зачем? И еще добавила: дескать, в Живерни это секрет Полишинеля.

Сильвио вспомнил свой разговор с Ашилем Гийотеном по поводу утраченных полотен Моне. Хранитель не отрицал вероятности того, что где-то может всплыть ранее не известное творение художника. Например, пресловутые «Черные кувшинки». Но чтобы сразу десяток?

— Да она играет с вами, патрон. Водит вас за нос. Я это с самого начала понял. И сдается мне, в деревне она такая не одна...

Серенак ничего не ответил, сосредоточив внимание на дороге. Сильвио высунул в открытое окно бледное лицо и стал жадно глотать воздух.

— Сильвио, ты в порядке? — обеспокоенно спросил Лоренс.

— Если честно, на пределе. За ночь выпил не меньше десяти чашек кофе, чтобы не заснуть. Врачи сказали, что пока оставят Беатрис в больнице.

— А я думал, что ты пьешь только чай и притом без сахара.

— Я тоже так думал.

— Слушай, а что тогда ты тут делаешь, если у тебя жена в роддоме?

— Они обещали позвонить, если что. Сегодня ее должен врач осмотреть. Но они говорят, она может там еще несколько дней проваляться. А что? Малышу там тепло и уютно...

— А ты, значит, еще одну ночь не спал, а трудился?

— Типа того. Надо же чем-то было голову занять. Зато Беатрис спала как младенец.

Серенак сделал крутой разворот и выехал на улицу Бланш-Ошеде-Моне. Сильвио посмотрел в зеркало заднего вида. Две полицейские машины следовали за ними. Мори и Лувель запоздало пристегивали ремни безопасности. Сильвио подавил приступ тошноты.

— Ничего, — успокоил помощника Серенак. — Через полчаса дело Морваля будет раскрыто, и ты сможешь отправляться в больницу. Поставь там себе раскладушку и дежурь сутки напролет. Эксперты-графологи исключили любые сомнения. Надпись, вырезанная на крышке ящика для красок, сделана почерком Жака Дюпена. «Она моя. Здесь, сейчас и навсегда»... Признай, я ведь оказался прав, а, Сильвио?

Сильвио сидел, высунув голову в окно, и глубоко дышал. Улица Ошеде-Моне спиралью карабкалась на холм, но инспектор и не думал сбросить скорость. Бенавидиш испугался, что его прямо сейчас

вывернет. Он сделал самый глубокий вдох, на какой был способен, и убрал голову из окна.

— Два эксперта из трех, патрон, — напомнил он. — И их выводы далеко не однозначны. Да, они считают, что между буквами, вырезанными на крышке ящика, и почерком Дюпена есть определенное сходство, но есть и немало различий. Лично у меня сложилось впечатление, что ни черта они не понимают, эти графологи...

Серенак забарабанил пальцами по рулю.

— Сильвио, я умею читать рапорты специалистов не хуже тебя. Результат экспертизы показал сходство с почерком Дюпена, так? А что касается различий... Ну сам подумай. Вырезать буквы на дереве — не то же самое, что подписывать чек. Все сходится, Сильвио, так что не бери в голову. Дюпен — ревнивец. Сначала он отправляет Морвалю поздравительную открытку со скрытой угрозой в виде цитаты из стихотворения Арагона «Нимфея»; затем вырезает на ящике с красками красноречивую надпись; наконец, убивает соперника.

Шоссе Ошеде-Моне сузилось до двухметровой асфальтовой полосы, которая продолжала виться кольцами, пока не уперлась в плато Вексен. Сильвио так и подмывало напомнить Серенаку, что руанский специалист-графолог Пелисье объяснил странное сочетание признаков сходства и различия в двух представленных образцах неловкой попыткой копировать чужой почерк...

Крутой поворот налево... Инспектор, мчавшийся по середине дороги, чудом избежал столкновения с ехавшим навстречу трактором. Испуганный фермер резко взял в сторону, прижавшись к обочине. И правильно сделал. Перед его недоуменным взором со свистом пролетели еще две синие машины.

— Господи Иисусе! — ахнул Сильвио, глядя в зеркало заднего вида.

Он снова глубоко вдохнул и обратился к Лоренсу:

— Хорошо, патрон, но что делает во всей этой истории ящик для красок? Эксперты установили, что ему, как минимум, восемьдесят лет. Это коллекционная вещь! Фирма Winsor & Newton — самый известный в мире производитель материалов для живописи, они снабжают художников всего мира на протяжении полутора веков. Кому мог принадлежать этот чертов ящик?

Серенак наматывал петлю за петлей. Бараны, пасшиеся на склонах холма, лениво поворачивали головы на шум несущихся мимо автомобилей.

— Морваль был коллекционером, — сказал инспектор. — Он любил красивые вещицы.

— Никто никогда не видел у него этого ящика! Вдова, Патрисия Морваль, заявила это со всей категоричностью. Кроме того, мы так не установили прямой связи между ящиком и преступлением. Ящик мог швырнуть в реку кто угодно, и не исключено, что уже после убийства Морваля.

— На нем нашли следы крови.

— Это неизвестно! Результатов анализа еще нет! И нет никаких доказательств, что это кровь Морваля. Вы уж извините, но мне кажется, что вы слишком торопитесь.

Вместо ответа Серенак наконец выключил сирену и остановил машину на небольшой грунтовой площадке, поставив ее на ручной тормоз.

— Послушай, Сильвио. У меня есть мотив. Есть угроза, написанная рукой Дюпена. У Дюпена нет алиби, только идиотская история про украденные сапоги. Да, я тороплюсь. Если твой чертов пазл сложится по-другому и твои чертовы три колонки подскажут тебе другой ответ, дашь мне знать. А пока у меня один подозреваемый — Дюпен. Да я просто нутром чую, что это он!

Серенак выскочил из машины, не дожидаясь ответа. Сильвио, в свою очередь, выбрался наружу и тут же почувствовал, как земля покачнулась у него под ногами. «Напрасно я пил кофе, — подумал он, — да еще в таких количествах». Он оглянулся в поисках ближайших кустиков...

Пятачок, на котором они припарковались, кишел народом. По углам «парковки» стояли три фургона, из которых, потягиваясь, вылезали жандармы. Секундой позже подъехал и, взвизгнув шинами, затормозил автомобиль Мори и Лувеля.

«Черт знает что!»

Патрон пустил в ход тяжелую артиллерию. Не меньше пятнадцати полицейских — чуть ли не весь наличный состав Вернонского комиссариата, — плюс сотрудники жандармерии из Паси-сюр-Эра и

Эко. «Ну и помпа, — жуя предложенную Лувелем хлорофилловую жвачку, хмыкнул про себя Сильвио. — И стоило огород городить?

Ради одного-единственного человека?

Возможно, действительно вооруженного.

Но совсем не обязательно виновного».

Рыжий кролик метался, выписывая зигзаги, по поросшему травой склону, словно понимал: три огромные, закрывающие солнце фигуры с железными палками в руках намерены лишить его жизни.

— Этот твой, Жак.

Жак Дюпен даже не поднял ружья. Титу бросил на него удивленный взгляд и прицелился сам. Поздно! Добыча успела ускользнуть в заросли можжевельника.

Повезло кролику.

Вряд ли он снова выскочит на редкую, впроплешинах, — здесь недавно прогнали стадо баранов, — траву. Охотники продолжили спуск по Астрагальской тропе, ведущей к Живерни.

— Что с тобой сегодня, Жак? — недовольно буркнул Патрик. — Сдается мне, ты бы и в барана промазал...

Третий охотник, Титу, кивнул, соглашаясь. Титу считался метким стрелком. Не оставь он кролика Жаку, не скакать бы тому больше по лужайкам. До него же и двух метров не было!..

— Признайся, это ты из-за убийства Морваля? — обратился он к Жаку Дюпену. — Боишься, что легавый повесит его на тебя? Все заметили, что он положил глаз на Стефани!

Титу громко расхохотался. Жак Дюпен нахмурился. Патрик вздохнул.

— Да уж, тебе с твоей Стефани — одна головная боль! — гнул свое Титу. — То Морваль ей проходу не давал, теперь вот легавый клеится...

Они продолжали спускаться по каменистой Астрагальской тропе. За их спинами из травы показались два острых черно-белых уха...

— Не будь ты моим другом, — не унимался Титу, — я бы тебе сказал насчет твоей Стеф...

— Заткнись, Титу! — Окрик Патрика щелкнул, как удар кнута.

Тот прикусил язык. Спуск стал круче, и охотникам приходилось внимательно смотреть себе под ноги. Титу на ходу задумчиво

покусывал ус.

— Слышь, Жак! — наконец не выдержал он. — А может, тебе просто мои сапоги жмут?

И он громко, во весь голос, расхохотался. Патрик недоверчиво покосился на него. Жак Дюпен угрюмо молчал. Титу утер выступившие на глазах слезы рукавом рубахи.

— Да шучу я, шучу! Ты что, Жак, шуток не понимаешь? Я же знаю, что Морваля замочил не ты!

— Титу, придурок, сколько раз тебе говорить, чтобы ты заткнул...

Патрик не договорил.

Площадка, на которой они оставили свой пикап, напоминала форт Аламо. Они насчитали шесть машин с мигалками и не меньше двух десятков полицейских. Стражи порядка выстроились полукругом, лицом к ним. Каждый держал руку на кобуре револьвера...

Инспектор Серенак шагнул навстречу охотникам. Патрик инстинктивно посторонился и обхватил ладонью холодный ствол ружья, которое нес Жак Дюпен.

— Спокойно, Жак, спокойно...

Инспектор Серенак приблизился к ним еще на метр.

— Жак Дюпен! Вы арестованы по подозрению в убийстве Жерома Морваля. Соппротивление бесполезно. Следуйте за мной!

Титу бросил ружье на землю и поднял вверх трясущиеся руки. Как в кино.

— Спокойно, Жак, спокойно, — продолжал приговаривать Патрик. — Главное, не делать глупостей...

Он хорошо изучил своего приятеля. Они не первый год дружили и вместе ходили на охоту. И ему совсем не понравилось, как побелело лицо Жака, превратившись в мраморную маску.

Серенак наступал на них. Один. Без оружия.

Еще два метра...

— Нет! — крикнул Сильвио Бенавидиш.

Он выскочил из полукруга и встал рядом с Серенаком, почти плечо к плечу. Бенавидишу почему-то показалось важным разорвать то подобие симметрии, которое выстроилось на площадке. Так в вестерне неожиданно выскочивший на улицу прохожий сбивает с толку двух вознамерившихся застрелить друг друга ковбоев. Жак Дюпен молча

положил руку на запястье Патрика. Патрик понял безмолвную просьбу друга и выпустил из рук ствол ружья.

Он очень надеялся, что ему не придется сожалеть об этом. Всю жизнь.

Патрик с ужасом смотрел, как Жак, держа палец на спусковом крючке, медленно поднимает ружье.

В обычных условиях Жак стрелял даже лучше Титу. У него был меткий глаз.

— Лоренс, стойте! — проговорил Сильвио. Кровь отлила у него от лица.

— Жак, не дури! — прошептал Патрик.

Серенак сделал еще шаг вперед. Теперь от Дюпена его отделяло не больше десяти метров. Инспектор, глядя тому прямо в глаза, медленно поднял руку. Сильвио Бенавидиш увидел, как губы патрона скривились в презрительной улыбке, и испугался.

— Жак Дюпен! Вы...

Дуло ружья смотрело в грудь Серенака. Над Астрагальской тропой повисла тишина.

Титу, Патрик, агенты Лувель и Мори, инспектор Сильвио Бенавидиш и еще пятнадцать полицейских и жандармов, все, даже самые несообразительные, безошибочно прочитали в глазах Жака Дюпена одно и то же.

Ненависть.

55

Девушка, трудившаяся в архиве городской администрации Эврё, любой разговор с посетителем неизменно начинала с одних и тех же пяти слов: «А вы точно проверили, что...» Отгородившись от мира двойным экраном — монитора и очков в позолоченной оправе, — она старательно изображала человека, по горло заваленного работой. Наконец она соизволила взглянуть на старика, просившего выдать ему номера покойного «Вернонского республиканца» — местной газеты, после Второй мировой войны переименованной в «Демократа». Все номера с января по сентябрь 1937 года.

— А вы точно проверили, что в архиве «Демократа» этих номеров нет?

Комиссар Лорантен хранил спокойствие. Он провел в архиве уже два часа, играя роль милого старого чудака, неизменно галантного с молоденькими женщинами. Обычно этот прием срабатывал на «отлично».

Только не сейчас!

На девицу за компьютером его хитрости не действовали. Лорантен огляделся. В читальном зале архива сидело с десяток посетителей — сплошь стариков. Начинающие семидесятилетние историки и исследователи генеалогии, озабоченные поиском своих корней, все они пользовались той же стратегией, что и Лорантен, пытаясь обольстить юных сотрудниц архива старомодной обходительностью. Лорантен вздохнул. Эх, где те времена, когда он мог любому чинуше-бездельнику сунуть под нос удостоверение с триколором? Разумеется, девице и в голову не приходило, что она имеет дело с бывшим комиссаром полиции.

— Да, мадемуазель, — вежливо ответил комиссар Лорантен. — Я все проверил. В архиве «Демократа» хранятся номера, выпущенные после тысяча девятьсот шестидесятого года.

Девица не собиралась сдаваться так легко.

— А вы обращались в архив коммуны Вернона? Вы обращались в Версаль, в Национальный архив? Вы точно проверили, что...

«Можно подумать, что ей платят конкуренты».

Комиссар Лорантен изобразил невозмутимое смирение пенсионера, которому некуда девать время.

— Да, я все проверил. Во всех местах.

Пока что все его поиски Анриетты Бонавантюр — той самой загадочной дамы, что могла оказаться последней наследницей Клода Моне, — не дали ровным счетом ничего. Но это не слишком огорчало комиссара. Его сейчас интересовал другой след, на первый взгляд, не связанный с расследуемым делом. И он точно знал: надо лишь продержаться до той минуты, когда архивная барышня поймет, что, пререкаясь со стариканом, потеряет куда больше времени, чем если согласится выполнить его просьбу.

Его упорство себя оправдало. Не прошло и полчаса, а комиссар Лорантен уже сидел за столом перед подшивкой еженедельника.

Это были номера «Вернонского республиканца».

Первым он открыл пожелтевший выпуск от субботы, 5 июня 1937 года. Ненадолго задержался на первой странице, посвященной как общенациональным, так и местным событиям. Прочитал страстную передовицу о разгорающемся в Европе пожаре. Муссолини торжественно объявил о заключении пакта с Гитлером; в Германии власти в массовом порядке конфискуют принадлежащее евреям имущество; в Каталонии франкисты нанесли поражение республиканцам... Под передовицей помещалась слегка размытая фотография платиновой блондинки с ярко накрашенными губами (на снимке они казались черными). Это была американская кинозвезда Джин Харлоу, скончавшаяся в возрасте 26 лет. В нижней части первой полосы шла местная информация: сообщения о предстоящем открытии аэровокзала Бурже, в сотне километров от Вернона, и о смерти испанского сельскохозяйственного рабочего, найденного рано утром с перерезанным горлом на барже «Фресине», стоящей на приколе в Пор-Вилье, почти напротив Живерни.

Комиссар Лорантен перевернул страницу. Статья, которая его интересовала, занимала целый подвал. «Несчастный случай в Живерни».

Анонимный журналист подробно описал обстоятельства трагической гибели одиннадцатилетнего мальчика по имени Альбер Розальба, произошедшей неподалеку от сада Моне и мельницы «Шеневьер». Мальчик утонул в ручье, делавшем здесь петлю. Жандармерия провела расследование и пришла к выводу, что имел место несчастный случай. Мальчик поскользнулся, упал и ушибся головой о прибрежный камень. От удара он потерял сознание и утонул в ручье, глубина которого у берега не достигала и 20 сантиметров. Плавать, кстати, он умел превосходно. Журналист не пожалел красок, описывая скорбь родителей и одноклассников Альбера. Он даже ввернул пару строк в рамках полемики по поводу усадьбы Клода Моне. «Сегодня, когда после смерти художника прошло уже больше десяти лет, не пора ли, — восклицал автор статьи, — перекрыть искусственное русло ручья и осушить пребывающий в запустении пруд с кувшинками?»

Под статьей помещалась фотография коротко стриженного мальчика в черной, застегнутой на все пуговицы школьной блузе. Он сидел за партой и улыбался. Послушный ребенок и прилежный ученик.

«Это он», — подумал комиссар Лорантен.

Из стоявшей в ногах сумки он достал другую фотографию, изображающую школьный двор. На стоящем посередине дереве — грифельная доска с надписью «Муниципальная школа Живерни. 1936/37 учебный год».

Фотографию с сайта старых друзей ему скачала Лилиан Лельевр, для чего ей понадобилось раза три кликнуть мышкой. Патрисия Морваль сказала по телефону правду. Лилиан, в свою очередь, подтвердила ее слова. На этом сайте можно найти людей, с которыми он не только учился в школе, но даже ходил в один детский сад, а став взрослым, вместе работал или служил в армии, или посещал одну спортивную секцию, или учился в музыкальной школе... Или в художественной школе.

«Все это какой-то сюр, поражался про себя комиссар Лорантен. Людям больше нет нужды о чем-то помнить. Прощай, Альцгеймер. Вся твоя жизнь заархивирована, классифицирована и выставлена на всеобщее обозрение. Ну, почти вся». Большая часть фотографий на сайте была примерно десятилетней давности, реже попадались снимки, сделанные двадцать или тридцать лет назад. Школьное фото 1936/37 года было, бесспорно, самым старым.

«Странно.

Можно подумать, Патрисия Морваль позвонила ему с единственной целью — добиться, чтобы он увидел эту фотографию». Комиссар Лорантен внимательнее взгляделся в снимок.

«Да, это он».

Фото из «Вернонского республиканца» неопровержимо свидетельствовало: это тот самый мальчик. На групповом снимке сидит в середине второго ряда.

Альбер Розальба.

На сайте никаких имен под фотографией не было. Наверное, на оригинале карточки они были. Ну, что же поделаешь... Лорантен закрыл «Вернонский республиканец» от 5 июня 1937 года и стал листать другие номера, обращая особое внимание на местные новости. В выпуске от 12 июня 1937 года упоминалось о том, что в Живерни, в церкви Святой Радегунды, состоялось отпевание Альбера Розальбы.

Заметка состояла из трех строчек.

Лорантен двигался дальше.

Номер от 15 августа 1937 года.

Вот оно. То, что он искал. Небольшая статья без всяких фотографий, но под красноречивым заголовком.

«СЕМЕЙСТВО РОЗАЛЬБА ПОКИДАЕТ ЖИВЕРНИ.

РОДИТЕЛИ ПОГИБШЕГО РЕБЕНКА НЕ ВЕРЯТ В НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ.

Гуго и Луиза Розальба, больше 15 лет проработавшие на Вернонском литейном заводе, приняли решение покинуть деревню Живерни. Напомним, что около двух месяцев назад у них в семье случилась страшная трагедия: единственный сын Альбер после неудачного падения на берегу Эпта — ручья, протекающего вдоль шоссе Руа, — утонул. Гибель ребенка вызвала споры среди членов муниципального совета относительно возможного осушения русла ручья и пруда в саду Моне. Отвечая на вопрос о причине своего отъезда, супруги Розальба сказали, что не могут продолжать жить в том месте, где расстался с жизнью их сын. Луиза Розальба добавила также, что лично ее подталкивает к отъезду молчание жителей деревни. По ее словам, мальчик никогда не гулял один. Нашему корреспонденту она повторила то же, что заявляла жандармам: „Альбер был на берегу ручья не один. В деревне есть свидетели того, как все это произошло. Есть люди, которым все известно“. „Версия несчастного случая, — добавила Луиза Розальба, — устраивает всех. Никто не хочет скандала в Живерни. Правда не нужна никому“.

Поразительное признание убитой горем матери. Пожелаем же супругам Розальба заново устроить свою жизнь вдали от тяжелых воспоминаний».

Комиссар Лорантен несколько раз перечитал заметку. Закрыв газету. Пролистал оставшуюся часть подшивки «Вернонского республиканца» за 1937 год. Больше о «деле Розальба» не было

напечатано ни строчки. Комиссар долго сидел неподвижно. В какой-то момент у него мелькнула странная мысль: а что он, собственно говоря, здесь делает. Неужели его жизнь настолько пуста, что он готов тратить часы и дни на преследование случайной химеры? Он окинул взглядом зал. Любители старины сидели, склонившись над пожелтевшими подшивками. Каждый что-то ищет... Комиссар взял ручку и написал в блокноте: «2010–1937 = 73».

Он быстро подсчитал. В 1937 году маленькому Альберу было 11 лет. Значит, он родился в 1925-м или в 1926 году. Сегодня супругам Розальба исполнилось бы по сто лет с хвостиком. В глазах комиссара зажглись искорки.

А что, если они еще живы?..

Девушка смотрела на комиссара с нескрываемой неприязнью. Так служащие госучреждений обычно смотрят на посетителей, явившихся перед самым закрытием. Правда, стрелки часов едва перевалили за 11 утра, и до закрытия архива еще оставался почти целый рабочий день. Комиссар Лорантен снова пустил в ход старомодную обходительность в духе золотого века Голливуда, позаимствованную то ли у Тони Кёртиса, то ли у Генри Фонды. Интересно, кстати, эти двое еще живы или уже умерли?

— Мадемуазель! Есть ли у вас сетевой электронный справочник? Мне срочно нужен один адрес...

Прошла вечность, прежде чем девушка подняла на него глаза и процедила сквозь зубы:

— А вы точно проверили, что...

Комиссар не выдержал. Вынув из кармана удостоверение, он сунул его девушке под нос:

— Комиссар Лорантен! Вернонский комиссариат! Да, на пенсии, но продолжающий работать. Так что давай, красавица, пошевеливайся!

Девушка вздохнула. Без малейшего испуга и даже без злости. Возможно, привыкла к странным выходкам старичков, у которых время от времени сдают нервишки. Тем не менее ее пальчики забегали по клавиатуре вполне проворно.

— Чей адрес вы ищете?

— Гуго и Луизы Розальба.

Девушка молотила по клавиатуре.

— Вы ищете адрес? — спросил Лорантен.

— Насчет Гуго Розальба — бессмысленно. Прежде чем поднимать на уши Интерпол, я всегда проверяю. Привыкла, знаете ли. Гуго Розальба умер в тысяча девятьсот восемьдесят первом году, в городе Васкёй...

Лорантен молча кивнул. Правильно. Девушка свое дело знает.

— А его жена Луиза?

Девушка вбила имя в строку поиска.

— Сведений о смерти нет. Но и адреса тоже нет.

«Тупик!»

Лорантен уставился на выкрашенные белым стены — может, озарит? Потом на всякий случай посмотрел на девушку взглядом спаниеля, позаимствованным у Шона Коннери. С той стороны стола раздался еще один вздох.

— Вообще-то, — утомленным голосом произнесла девушка, — когда разыскивают лиц преклонного возраста, лучше смотреть не в справочнике, а в списках пациентов домов престарелых. Их в департаменте Эр прорва, но, если ваша Луиза жила в Васкёе, можно начать с тех, что поблизости...

На лицо Шона Коннери вернулась улыбка. Еще чуть-чуть — и его собеседница поверит, что она — Урсула Андресс, первая из «девушек Бонда». Девушка с пулеметной скоростью молотила по клавишам. Текли минуты.

— Я проверила по картам «Гугла», — наконец выдала она. — Ближе всего к Васкёю дом престарелых под названием «Сады». Это в Лионе-ла-Форе. Возможно, у них есть сайт со списком пациентов. Как, вы говорите, ее фамилия?

— Луиза Розальба.

— Должен быть сайт... — бормотала себе под нос девушка. — Ага, вот он!

Лорантен чуть не вывернул шею, пытаясь рассмотреть, что появилось на экране монитора. Прошло еще несколько минут.

— Нашла! — торжествующе возвестила девушка. — И список есть! Как видите, ничего сложного. Вот она, ваша Луиза. Поступила пятнадцать лет назад и вроде бы до сих пор там. Однако... Выходит дело, ей сто два года! Знаете, комиссар, должна вас предупредить: послепродажного обслуживания наша фирма не гарантирует!

Сердце у Лорантена забилося сильнее. Что там говорил ему кардиолог? «Покой и никаких волнений? Господи, неужели случилось? Неужели еще остался свидетель?

Последний свидетель!

Живой!»

56

Три фургона жандармерии проследовали по улице Бланш-Ошеде-Моне с включенными сиренами. Они не стали объезжать деревню и двинулись по прямой: с Бланш-Ошеде-Моне на улицу Клода Моне, оттуда — на шоссе Руа.

Мимо мелькали дома Живерни.

Здание мэрии.

Школа.

Заслышав вой сирен, детишки в классе дружно повернули головы к окну. Стефани Дюпен подняла руку, призывая их к спокойствию. Никто не заметил, что учительница пошатнулась и, чтобы сохранить равновесие, ухватилась за крышку стола.

— Дети! Не отвлекаемся! У нас урок! — Она прочистила горло. В голове у нее по-прежнему раздавался вой сирен. — Мы говорили о конкурсе юных художников, который организует фонд Робинсона. Напоминаю, что последний срок сдачи работ — через два дня. Надеюсь, в этом году многие из вас примут участие в конкурсе...

Стефани автоматически произносила нужные слова, но перед глазами у нее стояла одна и та же картина. Вот Жак подходит к ней, еще лежащей в постели, целует ее, кладет руку ей на плечо и говорит: «Хорошего тебе дня, любимая». Это было сегодня утром.

— Я знаю, — продолжала она затверженный текст, — что еще ни один ребенок из Живерни ни разу не побеждал в этом конкурсе, но я уверена: к вашим работам жюри отнесется с особым вниманием и благожелательностью.

...Вот Жак надевает патронташ. Вот снимает со стены ружье...

— Дети! Живерни — особое место. Это имя волнует сердца всех живущих на свете художников...

Через деревню промчались еще две машины. Стефани вздрогнула. Что она может сделать?

Лоренс?

Стефани постаралась сосредоточиться на уроке. Медленно обвела взором детские лица. Среди ее учеников есть очень одаренные.

— Я знаю, что у некоторых из вас — настоящий талант.

Фанетта опустила глаза. Она не любила, когда учительница вот так смотрела на нее. Этот взгляд ее смущал.

«Подозреваю, она про меня».

— Я тебя имею в виду, Фанетта. Именно тебя. Я очень на тебя рассчитываю.

«А я что говорила?»

Девочка покраснела до ушей. В следующую минуту учительница отвернулась к доске. Поль, сидевший рядом с Винсентом на одной из задних парт, подмигнул Фанетте и вытянул к ней шею:

— Учительница правильно говорит, Фанетта! Ты выиграешь этот конкурс! Ты рисуешь лучше всех!

С соседней парты к нему обернулась Мэри, сидевшая с Камилем:

— Тише ты!

И тут вдруг раздался стук в дверь.

Стефани пошла открывать. Перед ней стояла Патрисия Морваль.

— Стефани! — взбудораженно произнесла она. — Мне надо с тобой поговорить. Прямо сейчас. Это очень важно...

— Ну хорошо. Дети, не шалите, я скоро.

Учительница изо всех сил старалась скрыть охватившую ее панику.

— Сидите тихо...

Стефани вышла из класса, закрыла за собой дверь и направилась во двор, под липы. Патрисию от возбуждения чуть ли не трясло. Она была в юбке цвета бутылочного стекла и накинутом на плечи мятом пиджаке. Стефани заметила, что пучок у нее сбился набок — это у Патрисии-то, никогда не позволявшей себе показаться на людях непричесанной. Как она еще в халате не выскочила!

— Я видела Патрика и Титу, — одним махом выпалила она. — Жака арестовали. На Астрагальской тропе. Они как раз с охоты возвращались...

Стефани прикоснулась ладонью к стволу ближайшей липы. Она ничего не понимала.

— Подожди, о чем ты? Что ты говоришь?

— Инспектор Серенак... Он арестовал Жака. Обвинил его в убийстве Жерома.

— Ло... Лоренс?

Патрисия Морваль странно посмотрела на Стефани.

— Да, Лоренс Серенак. Сыщик из Вернона.

— Господи. А Жак не?..

— Нет-нет, успокойся. К счастью, там был Патрик. И помощник Серенака — Бенавидиш. Они успели вмешаться. Не то... Но ты только подумай, Стефани, этот Серенак уверен, что моего Жерома убил Жак. Ненормальный!

Патрисия Морваль теребила руками воротник своего мятого пиджака.

— Это несчастный случай, Стефани. Я с самого начала считала, что это несчастный случай. А вдруг я ошибаюсь? Что, если Жерома и правда убили? Стефани, скажи честно: это не Жак? Скажи мне, умоляю, что это не Жак!

Стефани устремила на Патрисию Морваль взгляд своих фиалковых глаз.

— Разумеется, это не он, Патрисия. Разумеется, не он...

57

Я подслушивала разговор обеих женщин. Ну, подслушивала — это, пожалуй, слишком громко сказано. Просто сидела на другой стороне улицы, неподалеку от галереи «Академия», не слишком близко к школе. Не то чтобы совсем невидимая, скорее незаметная. Я выбрала прекрасное место для наблюдения. Полагаю, вы уже догадались, что это я умею. Впрочем, это было нетрудно. Патрисия и Стефани говорили достаточно громко. Возле моих ног лежал Нептун. Ждал, когда у детей закончатся уроки. У этой псины свои привычки... А я почти каждый день хожу сюда вместе с ним. Чего вы хотите от выжившей из ума старухи?..

Пока школьники не высыпали во двор, Нептуну приходится довольствоваться менее интересной компанией и встречать на выходе из «Академии» так называемых художников — полтора десятка непризнанных гениев. Разумеется, каждый катил перед собой тележку, нагруженную холстами, мольбертами и ящиками для красок. На груди у каждого краснел бейджик — на всякий случай, вдруг кто потеряется?

Детсад для пенсионеров. Международная группа, состоящая из канадцев, американцев, японцев и так далее.

Я пыталась сосредоточиться на содержании разговора, который вели между собой Стефани Дюпен и Патрисия Морваль. Я понимала, что развязка близка — вскоре начнется последний акт античной трагедии. Жертвоприношение...

Бедняжка Стефани, у тебя нет выбора.

Ты будешь вынуждена...

Я глазам своим не поверила!

Передо мной стоял восьмидесятилетний ученик художественной школы: на голове кепка с надписью «Йель», на ногах — кожаные сандалии, надетые на носки.

Что ему от меня надо?

— Тысяча извинений, мисс...

Он говорил с выраженным тexasским акцентом, растягивая слоги так, что на произнесение одной короткой фразы у него уходило не меньше минуты.

— Вы, должно быть, из местных? Вы, должно быть, знаете, где здесь самое лучшее место, чтобы писать с натуры?

Мне стоило немалого труда оставаться в рамках вежливости.

— Вон там, в пятидесяти метрах, висит указатель. На нем обозначены все тропинки и все виды.

Десять секунд на ответ! Мировой рекорд. Пусть скажет спасибо, что я его вообще не послала. Но американец только улыбнулся:

— Большое спасибо, мисс! Хорошего вам дня!

Он удалился. Про себя я кляла его последними словами. Из-за тexasца я потеряла нить разговора. Патрисия Морваль стояла под липой одна. Стефани Дюпен вернулась в класс. Вне всякого сомнения, крайне взволнованная. Еще бы, она разрывалась между двумя противоположными чувствами.

Красавец инспектор засадил ее преданного мужа в каталажку.

Бедная девочка, если б ты только знала... Если бы ты знала, что идешь по очень скользкой доске, которую кое-кто намылил специально для тебя... Если бы...

Я снова засомневалась, все ли делаю правильно. Не стану от вас скрывать: меня тоже одолевали противоречивые побуждения. Продолжать хранить молчание или сесть в автобус, поехать в Вернон, в

комиссариат, и рассказать все, что мне известно? Если я не решусь сейчас, то потом мне просто не хватит смелости. Что-что, а это я понимаю. Полиция топчется на месте. Они не опросили нужных свидетелей. Они даже не обнаружили нужные трупы. Без моей помощи им ни за что не докопаться до истины. Они даже не ищут в нужном направлении. Только не стройте себе иллюзий: ни один сыщик, будь он хоть настоящий гений, уже не в состоянии распутать этот адский клубок.

Американцы рассеялись по деревне — ни дать ни взять торговые представители в коттеджном поселке. Владелец кепки с надписью «Йель» даже дружески помахал мне рукой — значит, не обиделся. Патрисия Морваль довольно долго простояла в одиночестве на площади перед мэрией, после чего побрела к своему дому.

Она обязательно должна пройти мимо меня.

Ну и видок у нее!

На лице явственно читается печать унылого смирения перед жестокой судьбой, лишившей ее единственной любви. Она наверняка вспоминает наш недавний разговор. Вспоминает мои откровения. Повторяет имя человека, убившего ее мужа. Что она предприняла? И вообще, поверила мне или нет? Ясно одно: в полицию она не обращалась. Иначе я об этом уже знала бы.

Надо бы ее окликнуть. Как вы уже заметили, я не слишком охотно вступаю в беседы с людьми, даже с самыми обходительными американцами.

— Как дела, Патрисия?

— Нормально... Да, все нормально.

Вдова Морваля тоже не отличается излишней болтливостью.

58

— Где мой муж?

— В камере предварительного заключения в Эврё, — ответил Сильвио Бенавидиш. — Не волнуйтесь, мадам Дюпен. Ему предъявлено обвинение. Судебный следователь во всем разберется.

Стефани Дюпен поочередно обвела взглядом двух стоящих перед ней мужчин — инспектора Сильвио Бенавидиша и инспектора Лоренса Серенака.

— Какое вы имели право? — почти выкрикнула она.

Серенак отвел глаза в сторону и уставился на висящую на стене картину, сделав вид, что изучает причудливую игру света на спине обнаженной рыжеволосой женщины, написанной Тулуз-Лотреком. Пусть Сильвио отвечает. Заодно убедит самого себя.

— Мадам Дюпен! Давайте смотреть в лицо реальности. Собранные улики свидетельствуют против вашего мужа. Начнем с исчезнувшей пары сапог...

— Их украли!

— На месте преступления нами найден ящик для красок. На внутренней крышке имеется надпись угрожающего характера, сделанная рукой вашего мужа, — невозмутимо продолжал Бенавидиш. — В этом сходятся большинство экспертов...

Стефани растерялась. Было очевидно, что про ящик для красок она слышит в первый раз и безуспешно роется в памяти, пытаясь сообразить что к чему. В свою очередь, повернув голову, она уперлась взглядом в репродукцию «Арлекина» кисти Сезанна, словно надеялась, что человек в шляпе, похожей на полумесяц, поможет ей не пасть духом.

— Я действительно раза два ходила с Жеромом Морвалем на прогулку. Может быть, три. Мы просто разговаривали. Самое большее, на что он осмелился, — взял меня за руку. Я никогда не давала ему никаких надежд. Наедине я с ним вообще никогда не виделась. Если хотите, обратитесь к Патрисии Морваль, с которой мы дружим с детства, и она подтвердит вам мои слова. Все это попросту нелепо. У моего мужа нет никакого мотива...

— У вашего мужа нет никакого алиби!

Это сказал Лоренс Серенак, избавив Сильвио от многословных объяснений.

Стефани надолго замолчала. Лоренс с самого начала избегал смотреть ей в глаза. Она откашлялась, сжала руки и бесцветным голосом произнесла:

— Мой муж не мог убить Жерома Морваля. В то утро он был со мной, в постели.

Бенавидиш и Серенак остолбенели. Бенавидиш так и замер с занесенной над листом бумаги ручкой. Серенак, сидевший, поставив локти на стол и опустив небритый подбородок на открытую ладонь,

вдруг почувствовал, что у него нет сил поддерживать собственную голову. В кабинете номер 33 воцарилась музейная тишина.

— Если вам нужны подробности — пожалуйста. В то утро мы с Жаком занимались любовью. По моей инициативе. Я хочу ребенка. В то утро, когда был убит Жером Морваль, мой муж находился в моей постели. Мне очень жаль, но он не мог совершить убийство.

Серенак вскочил из-за стола.

— Стефани, — воскликнул он, — но всего несколько дней назад вы говорили совсем другое! Вы сказали, что ваш муж, как всегда по вторникам, ушел на охоту.

— Я ошибалась. Сейчас я точно вспомнила, что в то утро он был со мной.

Сильвио Бенавидиш тоже поднялся, спеша на помощь начальнику.

— Ваше свидетельство ничего не стоит, мадам Морваль. Жена защищает мужа — что может быть естественней?

— Чепуха! — повысила голос Стефани. — Любой адвокат...

Серенак неожиданно тихо попросил:

— Сильвио, оставь нас на минутку.

Лицо Бенавидиша приняло разочарованное выражение, но он понимал, что у него нет выбора. Подхватив со стола пачку бумаг, он вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.

— Вы!.. Вы все испортили! — взорвалась Стефани.

Лоренс Серенак хранил спокойствие. Усевшись в кресло на колесиках, он принялся не спеша кататься туда-сюда, отталкиваясь ногами.

— Зачем вы это делаете?

— Что я делаю?

— Зачем вы лжесвидетельствуете?

Стефани ничего не ответила. Она молчала, переводя взор с Сезанна на рыжеволосую женщину с голой спиной.

— Ненавижу Тулуз-Лотрека. Ненавижу его лицемерный вуайеризм...

Она опустила глаза и в первый раз поймала взгляд Лоренса Серенака.

— А вы зачем это делаете?

— Что — это?

— Преследуете моего мужа? У вас что, других подозреваемых нет? Говорю вам, он невиновен. Отпустите его сейчас же.

— А доказательства?

— У Жака не было ни малейшего мотива. Все это просто смешно. Сколько раз вам повторять, я никогда не спала с Морвалем. Мотива нет, зато есть алиби.

— Стефани, я вам не верю.

Время в кабинете 33 словно остановилось.

— И что же нам теперь делать?

Стефани мерила комнату мелкими шажками. Лоренс снова подпер подбородок рукой и следил за ней. Стефани глубоко вздохнула и, еще раз окинув взглядом пышную гриву рыжеволосой модели, повернулась к инспектору.

— Инспектор! Что должна делать безутешная женщина? До каких пределов она может пойти, чтобы спасти своего мужа? И как много времени ей понадобится, чтобы понять, чего от нее хотят? Вы когда-нибудь видели американские триллеры? Про подлых копов, готовых засадить за решетку невиновного и увести у него жену?

— Нет, Стефани.

Стефани Дюпен подошла к столу. Медленно распустила пучок и вынула из него две серебристые ленты. Ее каштановые волосы рассыпались по плечам. Она села на стол инспектора, возвышаясь над ним почти на метр, так что ему пришлось задрать к ней голову.

— Вы ведь этого хотите, инспектор? Я поняла, не такая уж я дура. Если я вам отдамся, все будет кончено?

— Прекратите, Стефани.

— Что с вами, инспектор? Чего вы испугались? Бросьте, не мучайте себя лишними вопросами. Считайте, что заманили роковую женщину в свои сети. Ее муж в тюрьме, и некому вызволить ее из ловушки. Она в вашей власти.

Стефани медленно поднялась и расстегнула юбку, которая упала к ее ногам, после чего потянулась к пуговицам блузки. Ее шея и грудь были покрыты россыпью веснушек.

— Стеф...

— А может, это она сама дергает за все ниточки? Она ведь роковая женщина!

В конце концов, почему бы и нет?

Лоренс посмотрел ей в глаза, горевшие таинственным синим светом, словно восход на полотнах восточных мастеров. «Надо немедленно ее остановить», — мелькнуло у него в голове, но он не успел раскрыть и рта, как она продолжила:

— А может, они действуют сообща? Муж да жена — одна сатана. Роковая парочка. И вы — лишь игрушка у них в руках...

Стефани снова села на стол и положила на него обе ноги. Бежевая шифоновая юбка валялась на полу. Стефани расстегнула еще одну пуговицу. Показался край кружевного бюстгальтера. По груди у нее стекала капля влаги.

«Что это? Страх или возбуждение?»

— Прекратите, Стефани. Это глупая игра. Сейчас я запишу ваши показания.

Он взял лист бумаги. Стефани Дюпен медленно застегнула блузку, надела юбку и закинула нога на ногу.

— Предупреждаю, инспектор, я буду стоять на своем. В то утро, когда был убит Жером Морваль, Жак был дома, в постели со мной.

Инспектор медленно писал.

— Я вам не верю, — сказал он, — но фиксирую ваши показания.

— Может быть, вам нужны подробности? Для пущей достоверности? Вы хотите знать, занимались мы любовью или нет? В какой позе? Испытала ли я оргазм?

— Судебный следователь наверняка задаст вам все эти вопросы...

— Тогда запишите. Оргазма я не испытала. Мы просто побыстренькому перепихнулись. Я была сверху. Я хочу ребенка, а говорят, это самая надежная поза, чтобы забеременеть.

Инспектор не поднимал на нее глаз и продолжал писать.

— Еще детали? Мне очень жаль, инспектор, но я не догадалась сделать фотографии. Вещественных доказательств у меня нет, но я могу подробно рассказать...

Лоренс Серенак встал из-за стола.

— Вы жульничаете, Стефани.

Он обошел вокруг стола, выдвинул ящик и достал из него книгу. «Орельен».

— Я больше чем уверен, что вы жульничаете.

Он открыл книгу на странице, загнутой уголком.

— Помните, это вы посоветовали мне прочитать этот роман Арагона? Потому что странная цитата на бумажной полоске, приклеенной к открытке, которую мы нашли в кармане Жерома Морваля, взята как раз из него. «Преступно мечтать...» и так далее. Позвольте, Стефани, я немного освежу вам память. Вот глава шестьдесят четвертая. Орельен встречается с Беренис в саду Моне, и она убегает по разбитой дороге в Живерни, словно пытаюсь увернуться от неумолимой судьбы. Орельен устремляется за Беренис и настигает ее на склоне холма. Она тяжело дышит... Впрочем, я лучше зачитаю вам оригинальный текст...

Лоренс Серенак едва ли не впервые с начала разговора не отвел глаз от гневного взгляда Стефани.

— «Орельен приближался к ней. Он видел, как вздымается ее грудь. Она наклонила голову, и ее белокурые волосы упали на одно плечо. Ее веки трепетали, залегшие под глазами тени сообщали взгляду тревожность, губы дрожали, а плотно сжатые, похожие на кошачьи, зубы сияли белизной...»

Инспектор шагнул вперед и оказался совсем рядом со Стефани. Она по-прежнему сидела на столе, и отступать ей было некуда. Лоренс подошел к ней вплотную, коснувшись ногой ее коленки.

— «Орельен остановился. Он стоял совсем близко, возвышаясь над ней. Еще никогда он не видел ее такой...»

Серенак на секунду отвлекся от книги.

— Это вы все портите, Стефани.

Он коснулся ладонью ее голого колена. Стефани не сдержалась — это было сильнее ее. Ее переплетенные ноги охватила мелкая дрожь. Когда она заговорила, в ее голосе не было ни следа былой уверенности:

— Вы странный человек, инспектор. Сыщик... Любитель живописи... Любитель поэзии...

Вместо ответа Серенак перелистнул несколько страниц.

— Вот. Все та же глава шестьдесят четыре, чуть дальше. Помните? «Я увезу вас туда, где никто вас не знает, даже мотоциклисты... Где вы обретете свободу выбора... Где мы сами станем решать нашу судьбу...»

Он бессильно опустил руку, державшую книгу, словно та весила не меньше тонны. Вторую руку он положил на ее все еще дрожащее бедро, как будто успокаивал плачущего младенца.

Они некоторое время молчали.

Первым магию этой минуты нарушил Серенак. Отступив назад, он накрыл ладонью листок с записью показаний учительницы.

— Простите, Стефани. Но вы сами предложили мне прочитать этот роман.

Стефани Дюпен закрыла лицо руками. Что она от него прятала — волнение, слезы, усталость?

— Только не смешивайте все в одну кучу... Я тоже читала Арагона. Я вас поняла: вы оставляете мне свободу выбора. Будьте спокойны, я сумею распорядиться своей судьбой. Лоренс, я ведь вам уже говорила... Я не люблю своего мужа. Мало того, сделаю вам еще одно признание: наверное, я в скором времени с ним расстанусь. Эта мысль давно во мне зреет... Знаете, как большая река течет спокойно по равнине, пока не оборвется водопадом... То, что случилось в последние дни, напоминает этот водопад. Понимаете, что я имею в виду? Но все сказанное не отменяет того простого факта, что он невиновен. Ни одна женщина не бросит мужа, сидящего в тюрьме. Бросить можно только свободного человека. Понимаете, Лоренс? Я не откажусь от своих показаний. В то утро я занималась любовью с мужем. Мой муж не убивал Жерома Морваля.

Серенак, ни слова не говоря, протянул учительнице лист бумаги и ручку. Она поставила под ним свою подпись не читая и вышла из кабинета. Серенак опустил глаза к последним строчкам 64-й главы «Орельена».

«Он смотрел, как она убегает. Плечи у нее горбились, словно ей было не под силу двигаться так быстро. Ее невероятное признание пригвоздило его к месту. Да нет же, она лгала! Нет. Она не лгала».

Как долго он просидел один, прежде чем в дверь постучал Сильвио Бенавидиш? Несколько минут? Час?

— Входи, Сильвио.

— Ну что?

— Она стоит на своем. Покрывает мужа...

Сильвио Бенавидиш покусал губы.

— Может, оно и к лучшему...

Он опустил на стол пачку бумажных листов.

— Вот, только что пришло. Пелисье, это графолог из Руана, изменил свое мнение. Проведя более глубокое исследование, он пришел

к выводу, что надпись, вырезанная на крышке ящика для красок, не могла быть сделана рукой Дюпена.

В комнате повисла напряженная тишина.

— А теперь держитесь, патрон, — продолжил Бенавидиш. — Эксперт утверждает, что надпись сделана ребенком. Ребенком лет десяти. Он уверен на сто процентов.

— Черт, — пробормотал Серенак. — Это что еще за хрень?

Мысли путались у него в голове. Но Бенавидиш еще не закончил.

— Это не последний сюрприз, патрон, — сказал он. — Мы получили анализ образцов крови, оставленной на ящике. Сомнений нет: кровь не принадлежит ни Жерому Морвалю, ни Жаку Дюпену. Эксперты еще работают...

Серенак встал и пошатнулся.

— Ты что, хочешь сказать, что было еще одно убийство?

— Не знаю, патрон. Если честно, я вообще перестал соображать что к чему.

Лоренс Серенак принялся мерить шагами комнату.

— Хорошо, хорошо. Я все понял, Сильвио. У меня нет другого выхода, кроме как отпустить Жака Дюпена. Судебный следователь снимет с меня башку. Хотя мы продержали его в камере меньше пяти часов...

— Лучше так, чем допустить ошибку.

— Да нет же, Сильвио! Я знаю, о чем ты думаешь. Что я поддался эмоциям. Устроил театральное задержание на Астрагальской тропе. А теперь, и нескольких часов не прошло — все доказательства рассеялись как дым. И мы вынуждены его освободить. Но, видишь ли, я по-прежнему убежден, что Жак Дюпен виновен!

Сильвио Бенавидиш промолчал. Он уже понял, что оспаривать интуицию патрона бессмысленно. Бенавидиш снова, в который уже раз, вернулся мыслями к своей трехколонной таблице, бережно хранимой в кармане. Что делать, если данные из разных колонок вступают друг с другом в неразрешимые противоречия? Как объяснить весь этот бред? Здесь нет и не может быть простого ответа. Чем дольше длилось расследование, тем сильнее крепло убеждение Сильвио, что кто-то играет ими, дергает их за ниточки, вынуждает двигаться в ошибочном направлении, одновременно с полной безнаказанностью осуществляя свой тщательно продуманный план.

— Войдите.

Лоренс Серенак поднял глаза. Странно, кого это принесло в столь поздний час? Он был уверен, что остался в комиссариате один. Дверь в кабинет он не запирает. На пороге стоял Сильвио. Глаза его светились нездоровым блеском. Не только от усталости...

— Сильвио, ты что, еще не ушел?

Серенак бросил взгляд на часы.

— Уже седьмой час! Черт, ты должен быть в больнице! Держать Беатрис за руку! А еще лучше — лечь спать!

— Патрон, я догадался.

— О чем?

Серенаку почудилось, что даже персонажи висящих на стенах картин уставились на Бенавидиша с изумлением — Арлекин Сезанна, рыжеволосая красotka Тулуз-Лотрека...

— Я догадался, патрон. Господи Иисусе, я догадался.

59

Солнце скрылось за последней шеренгой тополей. Наступающие сумерки подавали художникам знак, что пора складывать мольберт, брать его под мышку и отправляться домой. Поль шел по мосту, глядя на Фанетту. Она иступленно работала кистью, словно от того, успеет ли она в последних отблесках света закончить картину, зависела вся ее дальнейшая жизнь.

— Так и знал, что ты тут...

Фанетта кивнула ему, не выпуская кисти из рук.

— Можно посмотреть?

— Давай. Времени не хватает. Целый день в школе, потом мать пристаёт, а потом раз — и уже стемнело. Послезавтра работы сдавать, а у меня еще ничего не готово.

Поль приблизился к мольберту. Он ступал так осторожно, как будто боялся своим слишком резким движением разрушить композицию картины. В голове у него роилась тысяча вопросов, которые ему не терпелось задать Фанетте.

Фанетта словно прочитала его мысли.

— Знаю, Поль, знаю, в ручье нет кувшинок. Но мне на это плевать. Кувшинки я уже написала, еще тогда, в саду Моне. Куда хуже с водой.

Пруд не подходит, он стоячий. А мне нужна живая вода. Мне надо найти правильную точку схода. У меня вода должна танцевать...

Поль смотрел на картину замороженным взглядом.

— Как это у тебя получается, Фанетта? Твоя картина дышит. Так и кажется, что листья шевелятся на ветру. Даже не верится, что это просто нарисовано на холсте...

«Обожаю, когда Поль меня хвалит».

— Да я тут ни при чем. Как говорил Моне, это не я, это мой глаз. Я просто воспроизвожу на холсте то, что вижу...

— Ты просто гения...

— Молчи, дурила! Между прочим, в моем возрасте Клод Моне уже был известным в Гавре художником. Он рисовал карикатуры на жителей города. К тому же мне не хватает... Вот, посмотри на этот тополь. Знаешь, о чем Моне однажды попросил одного крестьянина?

— О чем?

— Как-то зимой он начал писать одно дерево, старый дуб. Потом забросил, но через три месяца решил довести дело до конца. Пришел на то же место и обнаружил, что дуб весь покрылся листвой. Тогда он заплатил крестьянину, на земле которого рос дуб, чтобы тот оборвал с него листья, все до единого.

— Сказки!

— Не-а. Два человека целый день обрывали с дуба листву. А Моне написал жене, что гордится тем, что в разгар мая написал зимний пейзаж!

Поль смотрел на трепещущие на ветру листья тополя.

— Я сделаю для тебя то же самое, Фанетта. Если тебе понадобится, я изменю цвет деревьев.

Знаю, Поль, знаю.

Фанетта работала еще несколько минут. Поль молча стоял у нее за спиной. Наконец девочка опустила кисть.

— Все, хватит. Завтра допишу. Надеюсь...

Поль подошел к берегу и уставился на струящуюся возле ног воду.

— Про Джеймса так ничего и не слышно?

Фанетта вздрогнула. «Наверное, — подумал Поль, — пока она писала, мысли о Джеймсе отступили куда-то далеко, а вот теперь

нахлынули на нее с новой силой». Он обругал себя за то, что задал этот вопрос.

— Нет, — тихо сказала Фанетта. — Такое впечатление, что Джеймса никогда не существовало. Мне иногда кажется, Поль, что я схожу с ума. Даже Винсент говорит, что не помнит никакого Джеймса. А ведь он его видел. Он за нами подглядывал. Не могло же мне все это присниться!

— Винсент вообще странный...

Поль попытался изобразить на лице успокаивающую улыбку.

— Если кто из нас двоих и повредился головой, то это точно не ты! А с учительницей ты про Джеймса не разговаривала?

— Нет еще. Думаешь, это так легко? Завтра попробую...

— А с другими художниками в деревне?

— Тоже нет. Страшно как-то... Джеймс всегда был один. По моему, он, кроме меня, вообще ни с кем не общался.

Если честно, Поль, то мне немного стыдно. Даже очень стыдно. Потому что иногда я говорю себе, что должна забыть про Джеймса. Сделать вид, что такого человека никогда не было на свете.

Фанетта взяла картину — большую, размером почти с себя, — и положила на лист крафт-бумаги, который принесла с собой. Затем она повернулась к мельнице «Шеневьер». Мельничная башня ясно выделялась на фоне оранжево-красного заката. В этой картине была какая-то зловещая красота. Фанетта даже пожалела, что уже убрала кисти и краски.

— Поль, знаешь, что мне иногда кажется? — Она аккуратно заворачивала картину в бумагу.

— Что?

— Что я просто выдумала Джеймса. Что на самом деле его не было. Что он, как бы это сказать, нарисованный персонаж. Вроде папаши Троньона с картины Теодора Робинсона. Он спустился с лошади, познакомился со мной, рассказывал мне про Моне, внушал, что у меня талант, и говорил, что я обязательно должна заниматься живописью, а потом вернулся туда, откуда пришел, — в свою картину. Сел на лошадь и так и остался вместе с ней посреди ручья, в двух шагах от мельницы...

«Ну, скажи мне, что я чокнутая».

Поль наклонился и взял в руки картину Фанетты.

— Не думай об этом, Фанетта. Не разрешай себе об этом думать. Куда картину понесем?

— У меня тут тайник есть, сейчас покажу. Домой я ее нести не могу. Мать разозлилась из-за Джеймса и слышать не желает ни про живопись, ни про конкурс. Она мне такой скандал устроит!

Фанетта пробежала по мосту и спрыгнула к портомойне.

— Осторожнее по ступенькам, они скользкие! Дай-ка мне картину. Поль передал ей запакованное полотно.

— Смотри, вот он, мой тайник. Тут как раз места хватает. Как будто нарочно оставили, чтобы прятать картины.

Фанетта подозрительно огляделась по сторонам, но не увидела ничего, кроме бесконечного поля и силуэта мельницы на фоне быстро темнеющего неба.

— Никто, кроме тебя, Поль, не знает про мой тайник. Кроме тебя и меня.

Поль улыбнулся. Он чувствовал себя счастливым. Внезапно рядом раздался какой-то шорох. Дети дружно вздрогнули. Фанетта в один прыжок заскочила на мост. К ним стремительно приближалась какая-то тень.

«Неужели Джеймс?»

— Идиот! — вдруг закричала девочка. — Ты же нас напугал!

В ноги к ней бросился Нептун. Здоровенная немецкая овчарка мурлыкала, как какая-нибудь кошка.

— Поль, вношу поправку. Кроме меня про тайник знаете только вы двое: ты и Нептун!

60

Серенак недоверчиво посмотрел на помощника. Глаза у того горели лихорадочным блеском, и всем своим видом он напоминал пса, пешком пробежавшего через полстраны в поисках потерянного хозяина.

— О чем ты догадался?

Сильвио вошел в кабинет, подтянул к себе кресло на колесиках и рухнул в него. Достал из кармана лист бумаги и положил перед Серенаком.

— Смотрите! Это цифры, которые были написаны на обороте фотографий с любовницами Морваля.

Серенак опустил голову и прочитал:

«23–02. Фабиенна Гонкальв в кабинете окулиста Морваля».

«15–03. Алина Малетра в клубе „Зет“, на улице Дез-Англе».

«21–02. Элиссон Мюрер на пляже Сарка».

«17–03. Незвестная женщина в синем халате на кухне в доме Морвалей».

«03–01. Стефани Дюпен на Астрагальской тропе, близ Живерни».

— Меня просто осенило. Помните, что только что сказала нам Стефани Дюпен насчет Морваля?

— Она много чего наговорила.

Серенак прикусил язык. Сильвио выхватил другой листок, на котором были записаны точные слова Стефани.

— Зачитываю. «Я действительно раза два ходила с Жеромом Морвалем на прогулку. Может быть, три. Мы просто разговаривали. Самое большее, на что он осмелился, — взял меня за руку. Я никогда не давала ему никаких надежд. Наедине я с ним вообще никогда не виделась».

— Ну и?

— А теперь, патрон, припомните, что говорил вам я позавчера, когда звонил из больницы? Про Алину Малетра, девицу из Бостона?

— Насчет чего говорил?

— Насчет Морваля!

— Ты говорил, что она забеременела.

— А до того?

— Что она встречалась с Морвалем, что ей было тогда двадцать два года, что Морваль был старше ее на десять лет и что у него водились денежки...

Сильвио Бенавидиш вскочил со стула.

— Именно! — торжественно заявил он. — Но перед этим она уточнила, что встречалась с Морвалем раз пятнадцать!

Серенак уставился в листок, и цифры заплясали у него перед глазами.

«15–03. Алина Малетра в клубе „Зет“, на улице Дез-Англе».

«03–01. Стефани Дюпен на Астрагальской тропе, близ Живерни».

Заместитель не дал ему времени на размышления.

— Теперь вы и сами поняли. Стефани Дюпен — ноль-три; Алина Малетра — пятнадцать. Это самый тупой шифр из всех, какие мне приходилось видеть: цифра на обороте фотографии показывает, сколько раз встречалась парочка. Частный сыщик, он же папарацци, просто выбрал самый характерный из всех снимков.

Лоренс Серенак смотрел на помощника, не скрывая восхищения.

— Позволю себе предположить, что, прежде чем прийти ко мне, ты уже проверил остальных женщин.

— Так точно, — ответил Бенавидиш. — Вы меня раскусили. Я только что звонил Фабиенне Гонкальв. Она не смогла назвать точное число своих интимных встреч с начальником, но я проявил настойчивость, и в конце концов она назвала приблизительную цифру — от двадцати до тридцати.

Серенак присвистнул.

— А Элиссон Мюрер?

— Наша славная англичаночка имеет привычку записывать все значимые в своей жизни события в ежегодник, а книжечки за предыдущие годы не выбрасывать, а складывать в ящик стола. По моей просьбе она произвела подсчет.

— Результат?

— Джекпот! Двадцать одно свидание, тютелька в тютельку.

— Гениально! Обожаю скрупулезных людей, которые все записывают.

Серенак лукаво подмигнул помощнику, но Сильвио предпочел не заметить намека и продолжил:

— Итак, мы имеем дело с чрезвычайно добросовестным частным детективом. Суметь отследить каждое свидание!..

— Более или менее. Если исключить Элиссон Мюрер, мы не знаем, насколько точно указанные цифры соответствуют действительности. Но порядок величин нам известен. Впрочем, разве не этого потребовал бы заказчик от частного сыщика, собирающего свидетельства супружеской неверности? А теперь, Сильвио, хорошая новость. Мы можем с легким

сердцем плюнуть на этот шифр. Плохая новость такая: он не дает нам ничего нового.

— Вы забываете, что там есть и вторая цифра. Ноль-один, ноль-два, ноль-три.

Серенак наморщил лоб.

— У тебя есть догадки, что это может быть?

Бенавидиш скромно потупился.

— Стоит потянуть за правильную ниточку, и клубок разматывается сам собой. Мы установили, что первая цифра обозначает не дату, а, так сказать, характер взаимоотношений Морваля и его любовниц. Именно такую информацию фотограф предоставил своему заказчику. Спросим себя: что еще, помимо числа свиданий могло того заинтересовать?

— Черт возьми! — хлопнул себя по лбу Серенак. — Ну конечно! Характер взаимоотношений! Спал с ними Морваль или нет! Сильвио, ты просто...

Сильвио Бенавидиш не дал патрону договорить.

— Алина Малетра забеременела от Морваля. Фотограф пишет: «15-03». Следовательно, можно с достаточной долей уверенности предположить, что «ноль-три» обозначает, сколько раз девушка переспала с Морвалем.

На лице Лоренса Серенака расцвела широкая улыбка.

— А что тебе сказали Фабиенна Гонкальв и Элиссон Мюрер? Ты ведь задал им этот вопрос? На обороте их фотографий красуется «двойка».

Сильвио Бенавидиш слегка покраснел.

— Я сделал, что мог, патрон. Беседовать с девушками на такие темы — не мой конек. Короче говоря, англичаночка, эта самая Элиссон Мюрер, поклялась мне головой английской королевы, что никогда не спала с Морвалем. Наверное, бедняжка грезилась венчанием в Кентерберийском соборе... А Фабиенна Гонкальв чуть не швырнула трубку, когда услышала, о чем я спрашиваю. Кстати, у нее за спиной вопили детишки. Но в конце концов она призналась, что дальше поцелуев у нее с шефом дело так и не зашло... — Сильвио обмахнулся листком бумаги, как веером. — Одним словом, я склонен полагать, что вторая цифра шифра — это что-то вроде шкалы Рихтера для сексуальных связей Морваля. Максимальное значение — «ноль-три», соответствует интимной близости. «Ноль-два» — это флирт. Ну а

«ноль-один»... Очевидно, это означает, что отношения оставались чисто дружескими. Не исключено, что он пытался ухаживать за девушкой, но у него ничего не вышло. И папарацци зря караулил ее с камерой наперевес. Пустышка!

— Хорошо, Сильвио, допустим. Что мы имеем? Некому человеку было поручено следить за Морвалем и докладывать о его супружеских изменах. Частота свиданий, характер взаимоотношений, все такое. Плюс фотографии в качестве вещественных доказательств. С другой стороны, откуда нам знать, что на самом деле обозначают цифры на обороте снимков? Может, это какой-то профессиональный шифр, не имеющий ничего общего с нашими догадками. Но, главное, остается вопрос: что нам это дает?

Сильвио покрутил в пальцах листок.

— Я много об этом думал, патрон. На мой взгляд, шифр — если это действительно шифр — дает нам очень важную информацию. Во-первых, подтверждает, что Стефани Дюпен не лжет, когда говорит, что не была любовницей Жерома Морваля. И тот, кто нанял частного детектива, знал об этом.

— Патрисия Морваль?

— Возможно. Или Жак Дюпен...

— Я понял, Сильвио! Я отлично понял, к чему ты клонишь. У Жака Дюпена нет мотива! А раз у него нет мотива, то ему не нужно и алиби.

— Хотя как раз алиби у него есть.

Серенак вздохнул.

— Два часа назад я позвонил судебному следователю и попросил выпустить Жака Дюпена из тюрьмы. Так что сегодня ночью Жак Дюпен будет спать в своей постели...

Не дожидаясь, пока патрон пустится в рассуждения о своей интуиции, Сильвио Бенавидиш продолжил:

— Во-вторых, шифр на обороте снимков позволяет нам утверждать, что из пяти представленных на фотографиях женщин с Морвалем спали всего две: Алина Малетра и неизвестная в синем халате, помеченная цифрами «семнадцать-ноль-три».

— Допустим, — снова кивнул Серенак. — Семнадцать свиданий. И Морваль спал с девушкой, стоящей перед ним на коленях. Ну и что?

— Если принять гипотезу о том, что у Морваля был ребенок, родившийся, скажем, лет десять назад, то из всех претенденток его матерью может быть только она: женщина в синем халате.

61

С террасы ресторана «Нормандский эскиз», окруженной клумбами с колокольчиками, кошачьей травой и пионами, открывался изумительный вид на деревню Живерни. С наступлением темноты, когда загорались фонари, расставленные среди цветущих растений, импрессионистский дух открывающейся взору картины становился особенно убедительным.

Жак не притронулся к закуске. Тарелка с карпаччо из фуа-гра так и стояла перед ним. Стефани, заказавшая себе то же самое, деликатно поклевывала из своей тарелки, смущенная отсутствием у мужа аппетита. Жака освободили примерно час назад, в начале десятого. Двое жандармов привели его на улицу Бланш-Ошеде-Моне, почти к самому зданию школы.

Жак не говорил ни слова. Молча подписал бумагу, протянутую стражами порядка, и крепко сжал руку Стефани. С той минуты он не выпускал ее до тех пор, пока им не принесли еду. Его рука сиротливо лежала на столе, поигрывая хлебными крошками.

— Все будет хорошо, — попыталась успокоить его Стефани.

Столик в «Нормандском эскизе» заказала она, не советуясь с Жаком, и теперь размышляла, правильно ли сделала. Почему-то ей казалось, что так будет лучше. Лучше провести время в «Нормандском эскизе», чем идти домой. Исполнить некий ритуал. Она надеялась, что здесь, на людях, Жак не станет устраивать истерики и будет вести себя достойно. Что он все поймет...

— Вы закончили, месье?

Официант унес его нетронутое карпаччо. Жак молчал. Стефани говорила одна. Рассказывала о школе, о своих учениках, о конкурсе Теодора Робинсона, о том, что картины надо сдавать уже через два дня. Жак слушал ее, и в его глазах светилась нежность. Конечно, он ее поймет. Жак всегда ее понимал. У нее всегда было ощущение, что он знает ее наизусть. Он любил ее рассказы о школе. Школа отнимала ее у него, но с этим он легко мирился. Наверное, тюремщикам всегда нравится, когда заключенные рассказывают им о птицах и небе...

Официант поставил перед ними тарелки с утиным рагу под перечным соусом. Жак улыбнулся и попробовал кусочек. Задал пару вопросов — опять о школе. Он всегда интересовался ее учениками, спрашивал, у кого какой характер, кто чем увлекается. Если бы не этот нелепый арест, Стефани охотно признала бы, что жить с Жаком просто. Спокойно. Надежно.

Но это ничего не меняло.

Она приняла решение.

Даже если Жак понимает ее как никто; даже если Жак служит ей защитой; даже если Жак не способен причинить ей ни малейшего зла; даже если Жак любит ее до потери памяти; даже если она за всю свою жизнь ни на миг не усомнилась в этой любви...

Она приняла решение.

Она должна от него уйти.

Жак налил жене вина и наполнил свой бокал. «Бургундское», — подумала Стефани. Она прочитала на этикетке название: мерсо. Стефани не слишком хорошо разбиралась в винах, как, впрочем, и Жак, который почти не пил. Единственный в своей компании охотников. Он начал есть. Как ни странно, это немного успокоило Стефани. У нее возникло ощущение, что она беспокоится о муже, как стала бы беспокоиться о заболевшем родственнике. Просто из чувства привязанности. Жака вроде бы немного отпустило. Он заговорил о доме, который присмотрел тут неподалеку. По его словам, это была бы выгодная сделка. Муж много работал, она это знала, даже слишком много, один тянул агентство; пока что удача ни разу ему не улыбнулась, ему все никак не удавалось сорвать хороший куш, но ведь фортуна может повернуться к нему лицом, даже обязательно повернется, Жак своего добьется, упорства ему не занимать. И потом, он это заслужил. Хотя для нее все это, в сущности, не имело никакого значения. Ну, поселится она в другом доме. Станет жить с более богатым человеком...

Рука Жака, так и лежавшая на белой вышитой скатерти, снова потянулась к пальцам Стефани.

Учительницу одолевали сомнения. Как было бы просто, если бы она могла объяснить ему все без слов... Если бы было достаточно не взять протянутую руку, увернуться от ласки, отвести взгляд... Но Жак

не поймет. Вернее, нет. Он поймет, но это ничего не изменит. Он все равно будет ее любить. Даже еще сильнее.

Стефани поднесла пальцы к волосам и дотронулась до серебристых ленточек, неожиданно вздрогнув всем телом. Да что с ней такое?

Почему?

Откуда в ней это непреодолимое желание все бросить?

Стефани осушила свой бокал и улыбнулась самой себе. Жак продолжал описывать дом на берегу Эра, говорил, что знает по соседству несколько торговцев подержанной мебелью и что надо бы к ним съездить, посмотреть, что у них есть... Стефани слушала его вполуха. Ответ на ее вопросы прост до банальности. Стар как мир. Всему виной — тот недуг, что заставляет девушек всего мира мечтать о несбыточном и, подобно арагоновской Беренис, мучиться неутолимой жаждой любви. Невыносимая скука — вот что терзает женщину рядом с мужчиной, которого ей не в чем упрекнуть. Она не пытается оправдаться. Она лишь чувствует, что настоящая жизнь — где-то там... Что существует подлинное взаимопонимание... Что это не каприз, а основа основ... Что на свете нет и не может быть ничего прекраснее, чем возможность испытать одно и то же волнение, глядя на картину Моне или читая стихи Арагона.

Официант с профессиональным тактом бросил взгляд на их тарелки.

— Нет, — процедил Жак, — нам больше не надо вина. Только десерт.

Стефани в конце концов положила руку на стол, и ее сейчас же накрыла ладонь Жака. «Девушки, — размышляла учительница, — всегда смиряются. Остаются и продолжают жить — иногда счастливо, иногда нет. И постепенно теряют способность отличать подлинное от подделки. Ну что ж, так ведь оно проще. Отказаться — проще.

И все-таки... Все-таки...» В душе Стефани с каждой минутой крепло чувство, что то, что она сейчас переживает, больше никогда не повторится. Что ей выпал уникальный шанс.

Перед ними появились вазочки с мороженым, украшенным веточками мяты. Жак умолк. Стефани решила, что скажет ему после

десерта. Если подумать, не такая уж это была блестящая идея — отправиться в «Нормандский эскиз». Ей казалось, что их ужин длится бесконечно долго, словно фильм, прокручиваемый в замедленном темпе. Жак явно погрузился в собственные мысли. Об аресте, о тюрьме, об инспекторе Серенаке... Он заново переживал свой позор. Действительно, ему сегодня досталось.

Интересно, он догадывается или нет? Наверное, догадывается. Он успел слишком хорошо ее изучить.

Стефани ела яблочно-ревеневое мороженое. Ей нужны силы. Много сил. Неужели она такое чудовище, что не может подождать хотя бы до завтра?

Жак только что вышел из тюрьмы. Он чувствует обиду и унижение.

Зачем говорить ему сегодня?

Чтобы ускользнуть? Пробраться, немного стыдясь, через поле битвы, аккуратно переступая через трупы? Воспользоваться пожаром, лишь бы спасти собственную шкуру? Неужели в ней столько садизма?

Ей нужны силы.

Она подумала о Лоренсе. О ком же еще? Вот оно, полное взаимопонимание, о котором она так мечтала. Неужели это самообман? Та почти мгновенно возникшая уверенность, что вы не могли не встретиться. Что ты будешь счастлива только с ним и ни с кем другим. Что лишь его руки защитят тебя от всех бед. Что лишь его голос заставит запеть твое тело. Что лишь его смех поможет тебе забыть о том, что было.

Или это жизнь расставляет ей очередную ловушку?

Нет. Она точно знала — нет.

Это было как прыжок в пустоту.

В бездну.

В неизвестность.

Бесконечное, как в «Алисе» Льюиса Кэрролла, падение в Страну чудес.

— Жак, я от тебя ухожу.

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ

24 мая 2010 года

(Музей Вернона)

БЛУЖДЕНИЕ

62

Богатства музея Вернона остались недооцененными — очевидно, из-за близости соседнего Живерни, словно накрывшего его своей удушающей тенью. В 2009 году здесь открылся Музей импрессионистов, но и он мало что изменил. Если сравнивать толчею и гомон музеев с улицы Клода Моне и тишину вернонских залов, то лично я предпочитаю последнее. Мне нравится это величественное здание, выстроенное в типично нормандском духе на набережной Сены. «Это возрастное», — хмыкнете вы. Действительно, во двор я вошла задыхаясь, с трудом проковыляла через мощеный двор и, опираясь на палку, поднялась по ступенькам крыльца.

В холле я подняла глаза на знаменитое тондо Клода Моне, вывешенное на самом видном месте в честь фестиваля «Нормандия импрессионистов». «Кувшинки» — полотно круглой формы диаметром около метра. Заключенное в круглую же старомодную раму, оно напоминало бабушкино зеркало. Если я ничего не путаю, это одно из трех известных на сегодня тондо Клода Моне. Его подарил музею Вернона сам мастер в 1925-м, за год до кончины...

Высший класс, да?

Кто б сомневался. Предмет гордости всего Вернона. Во всем департаменте Эр это единственный музей, в коллекции которого есть картины Моне, и какие картины! От рамы, конечно, отдает китчем, но какие краски! Какие пастельные оттенки молочного! Словно глядишь в иллюминатор на райские сады Эдема. А ведь толпы туристов, стадами бродящие по Живерни, замирают в экстазе перед репродукциями! Бараны, они бараны и есть.

Ладно, мне-то жаловаться не на что. Если они хлынут еще и сюда, в Вернон, я же первая взвою. Я сделала несколько шагов по терракотовой плитке холла. Мимо меня пронесся Паскаль Пуссен. Директора музея я узнала сразу; говорят, он — величайший во Франции специалист по творчеству Моне, в частности по «Кувшинкам», разумеется, наряду с Ашилем Гийотеном из Руана. Где-то я читала, что

Пуссен выступил одним из инициаторов проведения фестиваля «Нормандия импрессионистов». Важная шишка, в общем.

Пуссен на ходу кивнул мне, но шага не замедлил. Должно быть, мое лицо показалось ему знакомым, но смутно. Если бы он чуть напрягся, то наверняка вспомнил бы даму, когда-то спорившую с ним о «Кувшинках»...

Но это было очень давно.

— Меня ни с кем не соединять! — с порога объявил Паскаль Пуссен секретарше. — У меня встреча с двумя полицейскими из Вернонского комиссариата. Надеюсь, это не надолго.

Директор остановился и по привычке окинул взглядом холл. На полу были нарисованы божьи коровки, указывающие посетителям направление маршрута по музейным залам. У подножия лестницы красовались какие-то бесформенные скульптуры, видимо, выставленные здесь потому, что больше им нигде не нашлось места. Паскаль Пуссен раздраженно нахмурил брови и закрыл за собой дверь кабинета. Я смотрела через стеклянную дверь на «Тайгер-Триумф» инспектора Серенака, припаркованный во внутреннем дворе. Да, тесен мир «Кувшинок». Немногим больше пруда.

Я вздохнула. Что ж, буду делать, как все остальные. Пойду туда, куда указывают божьи коровки. Местные археологические находки, занимающие весь первый этаж, меня нисколько не интересовали. Я посмотрела на лестницу. На втором этаже и выше выставлены собрания пейзажистов и картины современных художников. Монументальная лестница — еще один предмет гордости Вернонского музея, и, надо сказать, тут есть чем гордиться. Через каждые четыре ступеньки на ней стоят скульптуры — всякие там кони, лучники и прочее, — а сверху на них взирают с огромных портретов бесконечные эрцгерцоги, коннетабли и князья, все благополучно забытые и сосланные сюда, в предбанник. Меня охватила тревога. Они так носятся с этой своей лестницей, что им хватит ума отключить лифт...

63

Паскаль Пуссен внимательно рассматривал ящик для красок с маркой Winsor & Newton. Серенак и Бенавидиш молча смотрели на него. Расследование зашло в тупик, и они решили привлечь всех экспертов, каких сумели найти. В их числе оказался и Паскаль Пуссен,

которого им представили как виднейшего специалиста по творчеству импрессионистов, особенно связанных с Нормандией. Поначалу директор музея отказывался от встречи, ссылаясь на чрезвычайную занятость, но в конце концов согласился уделить полицейским несколько минут. Сидевший перед ними человек полностью соответствовал тому образу, который сложился у Сильвио Бенавидиша после телефонного разговора: высокий, худощавый, в сером костюме и пастельного цвета галстук; потенциальный директор Лувра — ни больше ни меньше.

— Красивая вещица, господа. И очень неплохо сохранившаяся, хотя ей, должно быть, лет сто. Не думаю, чтобы она стоила баснословных денег, но кое-кого из коллекционеров наверняка заинтересует. Подобную модель компания Winsor & Newton выпускала в начале двадцатого века, в основном для американских художников, но постепенно фирменная марка с изображением дракона завоевала популярность во всем мире. Полагаю, в таком ящике мог хранить кисти и краски любой художник, не лишенный снобизма либо склонный к ностальгии.

Бенавидиш и Серенак сидели в двух старинных креслах, обитых красным бархатом. Кресла оказались далеко не такими удобными, как могло показаться на первый взгляд. Обоих полицейских не покидало чувство, что при малейшем неловком движении черные лакированные ножки под ними подломятся.

— Месье Пуссен, — сказал Лоренс Серенак. — Как вы полагаете, на рынке еще могут существовать неизвестные полотна Моне? В частности, «Кувшинки»?..

Директор музея положил ящик на стол.

— Что вы имеете в виду, инспектор?

— Ну, например... Представим на минуту, что у одного из жителей Вернона или соседних деревень хранится картина, когда-то подаренная ему Клодом Моне. И даже, не исключено, одно из двухсот семидесяти двух полотен с кувшинками?..

— Когда Клод Моне поселился в Живерни, — непререкаемым тоном изрек директор, — он уже был известным художником. Каждая его работа уже являлась национальным достоянием. Моне крайне редко дарил свои картины. Они уже тогда стоили немалых денег.

Он чуть подумал и добавил, блеснув белоснежными зубами:

— Он нарушил это правило ради музея Вернона, чему мы обязаны исключительной ценностью нашего собрания.

Судя по всему, ответ удовлетворил Серенака. Но не Сильвио Бенавидиша, которому вспомнились восторженные комментарии хранителя Руанского музея изящных искусств.

— Извините, — вмешался он, — но ведь Моне приходилось постоянно торговаться с соседями, жителями деревни Живерни. Он хотел устроить на своем участке пруд... Он просил не убирать стога сена, пока он не закончит картину... Разве нельзя допустить, что в обмен на любезность он обещал кому-то подарить будущую картину?

Замечание Бенавидиша рассердило Пуссена, и он не считал нужным это скрывать.

— Послушайте, инспектор, — сказал он и демонстративно посмотрел на часы. — Период импрессионизма — это отнюдь не история Древнего мира. В начале прошлого века уже существовали газеты, нотариальные акты, отчеты муниципальных советов... Десятки искусствоведов внимательнейшим образом изучили все эти документы. И не нашли ни одного свидетельства сделок, на которые вы намекаете. Ну а слухов всегда хватает!

Директор сделал вид, что встает из-за стола. У Бенавидиша даже мелькнуло подозрение, что Пуссен чего-то боится. Он ждал, что Лоренс Серенак тоже задаст директору пару вопросов, но тот молчал, и тогда Сильвио продолжил сам:

— А разве не мог кто-то украсть полотно Моне?

Паскаль Пуссен испустил глубокий вздох.

— Не понимаю, к чему вы клоните. Клод Моне был чрезвычайно дотошным человеком и до конца дней сохранял ясный ум. Все его картины были учтены и внесены в соответствующие списки. После смерти художника в права наследства вступил его сын Мишель, но он никогда не заявлял о краже отцовских работ.

Пальцы директора выплясывали жигу на ящике для красок.

— Инспектор! Если вам не хватает способностей, чтобы раскрыть убийство, случившееся неделю назад, не думаю, что ключ к разгадке вы найдете в гипотетическом похищении шедевра Моне, относящемся к тысяча девятьсот двадцать шестому году.

Это был правый хук. Бенавидиш понурил плечи, но тут на ринг вступил Серенак.

— Месье Пуссен! Полагаю, вам доводилось слышать о существовании фонда Теодора Робинсона?

Директор немного смутился — не ждал, что к сопернику подоспеет подкрепление. Он нервно поправил узел галстука.

— Разумеется. Это одна из трех-четырех крупнейших ассоциаций, занимающихся продвижением искусства во всем мире.

— Что вы думаете о его деятельности?

— В каком смысле?

— Вам приходилось когда-либо взаимодействовать с этой организацией?

— Конечно, приходилось. Станный вопрос! Фонд Робинсона принимает самое активное участие в сохранении и изучении наследия импрессионистов. Они избрали своим девизом три «про»: про-цветание, про-текция, про-движение...

Бенавидиш кивнул, словно слова директора нуждались в подтверждении.

— Примерно треть картин, выставляемых в музеях мира, — продолжил Пуссен, — так или иначе проходит через фонд Робинсона. Конечно, они не работают напрямую с музеем Вернона — мы для них слишком мелкая сошка, — но с более крупными музеями поддерживают тесные связи. Я вот недели две назад вернулся из Токио, там проходила международная выставка «Священные горы и тропы». Как вы думаете, кто был ее генеральным спонсором?

— Фонд Робинсона! — с готовностью ответил Серенак тоном участника телевикторины. — Разве это не служит доказательством?

— Доказательством чего? — Директор снова вцепился в узел своего галстука, как будто тот его душил.

— Ну как же! — вступил в разговор Бенавидиш. — У человека, далекого от живописи, может сложиться впечатление, что фонд, ворочающий миллионами, занимается не столько благородным делом бескорыстной защиты искусства, сколько всякими махинациями.

Бенавидиш поднялся. На его губах играла простодушная улыбка. Он не без удовольствия отметил про себя, что у них с Серенаком постепенно складывается недурной тандем. Как в парном теннисе, с каждой новой партией они играют все лучше. Паскаль Пуссен явно нервничает — значит, надо на него еще немножко надавить.

Директор снова покосился на часы и раздраженно произнес:

— Если вам угодно знать, то для меня, кто не так далек от живописи, фонд Теодора Робинсона — заслуженная и уважаемая организация, сумевшая не только успешно вписаться в международный рынок предметов искусства, но и продолжающая исполнять свое изначальное предназначение, то есть способствовать открытию новых, в том числе совсем молодых, талантов.

— Вы имеете в виду конкурс юных художников? — спросил Серенак.

— И конкурс тоже. Вы даже не представляете себе, сколь велико число ныне знаменитых художников, которым фонд оказал поддержку.

— Итак, круг замкнулся, — заключил Серенак. — Получается, что фонд Робинсона — это что-то вроде инвестиционной компании?

— Вот именно, инспектор! И что тут плохого?

Серенак и Бенавидиш не сговариваясь дружно кивнули. Пуссен опять посмотрел на часы и встал из-за стола.

— Ладно, — сказал он и протянул полицейским ящик для красок. — Сожалею, что не сумел сообщить вам ничего нового.

Сейчас или никогда! Сильвио Бенавидиш достал из колчана последнюю стрелу.

— Еще всего один вопрос. Месье Пуссен, что вам известно о «Черных кувшинках»? Я имею в виду картину, которую Клод Моне якобы написал за несколько дней до кончины. Существует мнение, что он запечатлел на ней свою собственную смерть...

Паскаль Пуссен посмотрел на инспектора снисходительно-огорченным взглядом, как на ребенка, захлеб рассказывающего, что он только что видел в саду живых эльфов.

— Инспектор! Искусство сегодня — это не сказки и не легенды, а бизнес. Под байкой о якобы предсмертном автопортрете Моне нет абсолютно никаких оснований. Верить в нее могут только психически больные люди — те же, что верят, будто по коридорам Лувра бродит призрак, а подлинник «Джоконды» спрятан в знаменитой скале Игла в Этрета.[11]

А вот это уже апперкот. Он вырубил Бенавидиша. Серенак чуть поколебался — не разумнее ли остаться за пределами ринга? — но все же скользнул под канат.

— Полагаю, месье Пуссен, — начал он, — что разговоры о том, что в доме и мастерской Моне до сих пор хранятся, покрываясь

чердачной пылью, десятки полотен мастеров, вы также относите к разряду деревенских легенд?

В глазах Паскаля Пуссена вспыхнула искра, словно Серенак выдал некую тайну, известную лишь посвященным.

— Кто вам рассказал?

— Вы не ответили на мой вопрос, месье Пуссен.

— Верно, не ответил. Видите ли, дом и мастерская Моне являются частным владением. Я много раз бывал там в качестве эксперта, но вы должны понять, что есть вещи, охраняемые профессиональной тайной. Позвольте мне, в свою очередь, еще раз спросить вас: кто вам это рассказал?

Серенак одарил его широкой улыбкой.

— Вы тоже должны понять, месье Пуссен, что у полицейских есть вещи, охраняемые профессиональной тайной.

В комнате повисла напряженная тишина. Ее нарушил скрип старинных кресел — оба инспектора дружно поднялись на ноги. Директор музея торопливо вскочил, проводил их до порога и запер за ними дверь.

— А он не из болтливых, — сказал Бенавидиш, когда они остановились в холле под тондо «Кувшинки».

— Скрытничает, — добавил Серенак. — Слушай, Сильвио, а ты здорово продвинулся в вопросах искусства. Я бы сказал, круг твоих интересов вышел далеко за рамки грилей.

Бенавидиш решил воспринять реплику начальника как комплимент.

— Я собрал информацию. Из разных источников. А потом попытался сопоставить полученные факты. Но, к сожалению, яснее картина не становится. Даже наоборот!

Они вышли в мощный двор музея. По Сене плыли баржи. На правом берегу возвышалось странное строение — так называемый Дом на Старом мосту. От разрушенного моста осталось всего две опоры, на них и стоял дом, готовый, казалось, в любой миг рухнуть вниз, в серую воду.

— У тебя таблица с собой? — спросил Серенак.

Сильвио покраснел, но достал из кармана сложенный лист бумаги.

— Знаете, патрон, я тут вчера попытался подойти к этому делу с другого конца... Это пока только черновик, но...

— Покажи.

Серенак чуть ли не выхватил листок из рук помощника. Бенавидиш нарисовал треугольник, в который вписал несколько имен. Лоренс задумчиво запустил в волосы пятерню.

— Сильвио, что это еще за пирамида?

— Н-не знаю... — пробормотал тот. — Я еще сам не разобрался. Просто хотел посмотреть на факты под новым углом... С самого начала у нас как бы три группы улик, каждая из которых ведет в своем направлении. «Кувшинки» Моне, любовницы Морваля и дети. Вот я и изобразил их графически. Почему бы не предположить, что, чем ближе тот или иной персонаж к центру треугольника, тем больше доводов заподозрить его в совершении преступления?

Серенак оперся о постамент скульптуры перед входом в музей. Скульптура изображала бронзового коня.

— Графически, говоришь? Занятно. Ты что, правда думаешь, что геометрический метод старика Декарта поможет нам разгрызть этот орешек?

Он опустил свою влажную руку на бронзовый круп.

— Итак, если я тебя правильно понял, в центр ты поместил фонд Теодора Робинсона и девушку из Бостона, Алину Малетра. Допустим... Проблема лишь в том, что директор музея только что вылил на нашу версию с «Кувшинками» — или с любым другим произведением Моне, не обязательно предсмертным, — ушат холодной воды.

— Знаю... Хотя, если честно, по-моему, он темнит. Что за профессиональные тайны?

— По-моему, тоже. Но я слабо верю в историю о забытых на чердаке розового дома картинах великих импрессионистов.

— Пожалуй. В любом случае Дюпены никак не связаны ни с «детской» версией, ни с «живописной». Поэтому я поместил их в мертвый угол. Как, впрочем, и Амаду Канди.

Серенак продолжал изучать набросок. С его лица не сходило удивленное выражение. Сильвио Бенавидиш облегченно выдохнул. В предыдущей версии «треугольника» на стороне, соединяющей вершину, озаглавленную «Любовницы», и вершину, озаглавленную «Кувшинки», у него стояло имя Лоренса Серенака. Неожиданно

Серенак поднял голову и посмотрел на Сильвио долгим взглядом. Тот ткнул пальцем в треугольник.

— Остается неизвестная женщина в синем халате, — сказал он. — Я поместил ее между «Любовницами» и «Детьми».

— У тебя прямо идея фикс с этими детьми. Никто не посмеет упрекнуть тебя в непоследовательности, Сильвио.

— Но, патрон, как же иначе? Судите сами. У нас есть поздравительная открытка, адресованная ребенку одиннадцати лет, и на ней — цитата из Арагона. У нас есть надпись на внутренней крышке ящика, вырезанная детской рукой. У нас есть ребенок одиннадцати лет, убитый в тысяча девятьсот тридцать седьмом году тем же способом, что и Морваль. У нас есть любовницы Морваля, одна из которых вполне могла родить от него внебрачного ребенка...

— Ну хорошо, хорошо. Как бы то ни было, ребенок одиннадцати лет не смог бы поднять двадцатикилограммовый камень и разбить голову Морвалю. И что ты собираешься дальше делать со всем этим компотом из улик?

— Пока не знаю. Но у меня из головы не идет мысль, что какому-то ребенку в Живерни угрожает опасность. Понимаю, звучит глупо... Мы не можем посадить всех детей под колпак, но...

Лоренс Серенак дружески хлопнул его по спине.

— Об этом мы с тобой уже говорили. Я называю это «синдромом без пяти минут папаши». Кстати, что там у Беатрис? Новости есть?

— Пока никаких. Срок приближается. Я стараюсь почаще к ней заглядывать. Приношу ей кучу журналов, которыми она в меня швыряется. «Все идет как надо, ждите, шейка еще не раскрылась, о кесаревом говорить рано, ребенок сам знает, когда выбираться на свет, что еще вы хотите от меня услышать?..» И так далее и тому подобное. Это акушерки нам без конца повторяют.

— Сегодня опять туда пойдешь?

— Конечно, а как же?

— Да вот так же! Сильвио, подавляющее большинство мужиков в твоём положении пользовались бы последними деньками свободы! Пили бы напропалую и ночь напролет резались в карты! Но ты не такой! Передавай Беатрис привет. Хорошая у тебя жена, и ты ее достоин.

Он положил руку на плечо Сильвио.

— По-моему, ты последний мудрец на этой планете. Ну а я возвращаюсь в ад.

Лоренс Серенак бросил взгляд на часы. 16:25.

Он надел шлем и взгромоздился на свой «Триумф».

— Каждому свое...

Сильвио Бенавидиш смотрел ему в спину. В ту секунду, когда мотоцикл скрылся за углом выходящего на набережную Сены дома, он задумался: а правильно ли он поступил, вычеркнув из списка подозреваемых Лоренса Серенака?

64

Окно зала номер шесть в Вернонском музее напоминало картину. Из него открывался вид на правый берег Сены, удивительно похожий на висевшие на стенах пейзажи Пурвилля, изображавшие закат солнца над Вёль-сюр-Розом, замок Гайар, площадь Пети-Анделис, набережную в Рольбуазе...

Но внезапно в пейзаж за окном ворвался «триумф» инспектора Серенака. Должна вам сказать, странное это было ощущение, совсем не «импрессионистское». Я смотрела, как мотоцикл пролетел по мосту с одного берега на другой, повернул направо и покатил вдоль Сены, пока не скрылся из виду.

Разумеется, глупец инспектор мчится к своей красавице.

Как он неосторожен... Как наивен...

Я перешла в следующий зал. Здесь, на обитых деревянными панелями стенах, выставлены рисунки. Со временем я полюбила рисунки Стейнлена едва ли не больше живописных работ великих мастеров. Обожаю его карикатуры, портреты рабочих и нищих забулдыг, все эти бытовые сценки, списанные с натуры и выполненные одним точным движением руки в технике пастели. Спешить мне было некуда, и я подолгу стояла перед каждым рисунком, наслаждаясь каждой карандашной линией, словно держала под языком медленно тающий леденец. Я знала, что вижу со Стейнленом в последний раз, поэтому прощалась с ним не спеша.

Медленно осмотрев все до единого рисунки, я, повинаясь ритуалу, который, поднимаясь на второй этаж Вернонского музея, исполняла на

протяжении последних пятидесяти лет, остановилась перед «Поцелуем». Полоумная старуха, что с нее возьмешь?

Разумеется, я не имею в виду картину Климта, на которой обнимающаяся парочка усыпана какими-то блестками, — на мой взгляд, она годится разве что для рекламы каких-нибудь убойных духов. О нет, я имею в виду «Поцелуй» Стейнлена.

Это просто эскиз угольным карандашом, всего несколько линий: стоящий в профиль одетый мужчина с мускулистым телом обнимает женщину. Она приподнялась на цыпочки, ее запрокинутая голова прижата к плечу мужчины, а рука безвольно повисла, как будто женщине не хватает смелости обхватить мужчину.

Он ее хочет. Она сдается, не в силах ему противостоять.

На заднем плане угадываются какие-то зловещие тени, но влюбленные не обращают на них внимания.

Это самый лучший рисунок Стейнлена. Вы уж мне поверьте. Подлинный шедевр Вернонского музея.

65

На улице Клода Моне, возле школы, царило необычайное оживление. Дети высыпали из школы и обнаружили стоящий возле крыльца «Тайгер-триумф». Они обступили мотоцикл со всех сторон и с восторгом разглядывали его. Лоренс Серенак навскидку дал бы детям от пяти до двенадцати лет. Ему невольно пришли на ум предположения Сильвио Бенавидиша относительно опасности, угрожающей некоему ребенку. Перед ним мелькали детские лица. Сколько их здесь? Человек десять, двадцать? Все веселые, беззаботные. Кого из них следовало бы опросить? Мальчика? Девочку? И что у него — или у нее — спросить? Выпытать тщательно охраняемую семейную тайну? Искать внешнее сходство с Жеромом Морвалем? И с чего начать?

Инспектор Серенак припарковал свой «Тайгер-триумф Т100» в тени, под липами. Нептун спал под деревом. Пес встал, лениво потянулся и побрел к инспектору, явно в расчете на ласку, в которой тот ему, конечно же, не отказал.

Когда Лоренс Серенак вошел в класс, Стефани стояла к нему спиной и раскладывала по деревянным ящикам бумажные листки. Серенак молчал. Его одолевали сомнения. Он чувствовал, как у него

учащается дыхание. Интересно, она поняла, что он здесь? Притворяется, что его не слышит. Он приблизился к ней и положил руки ей на бедра.

Стефани вздрогнула, но не повернула к нему головы. Разумеется, она его узнала.

По шуму мотора?

По запаху?

Она опустила ладони на деревянную поверхность стола. Руки инспектора сильнее сжали ее талию. Он придвинулся к ней еще ближе и увидел капельку пота, медленно стекающую у нее по шее.

Одной рукой он провел ей по спине, вторая одновременно переместилась на ее плоский живот. Затем обе руки начали подниматься вверх, пока почти не соприкоснулись у нее на груди. Его пальцы несколько секунд ощупывали мягкие выпуклости, словно пытаясь запомнить их форму, после чего сжались.

Лоренс приблизил лицо к повернутому в профиль лицу учительницы и прикоснулся щекой к ее чуть влажному уху. Они оба ощущали себя одним целым. Ткань его джинсов приклеилась к льняному платью Стефани.

Они долго стояли так, не двигаясь.

Наконец Стефани чуть повернула голову, и ее губы встретились с его губами. Она не столько прошептала, сколько выдохнула:

— Я свободна, Лоренс. Я свободна. Увези меня отсюда.

Руки инспектора то поднимались, то опускались, исследуя каждый сантиметр ее тела.

Он на миг — всего лишь на краткий миг — оторвался от нее, чтобы в следующую секунду проникнуть ей под юбку и прикоснуться ладонями к обнаженным бедрам.

— Увези меня, Лоренс, — снова прошептала Стефани. — Я свободна. Увези меня.

— Ну и? — спросил Поль Фанетту. — Что она тебе сказала?

Фанетта закрыла за собой дверь класса. Ее щеки покрывала мертвенная бледность. Поль догадывался, что это не сулит ничего хорошего.

— Ну? — настойчиво повторил Поль. — Что учительница сказала? Она тебе поверила? Про Джеймса? Хотя бы не ругала?

Фанетта молчала.

Поль еще никогда не видел у нее на лице такого отчаяния. Вдруг Фанетта бросилась бежать. Нептун вскочил из-под липы, где спал, и понесся за девочкой.

Поль стоял в растерянности. Прежде чем Фанетта исчезла из виду, он успел крикнуть:

— Ты с ней говорила?

— Не-е-е-т!

Всего одно слово, прорвавшееся сквозь потоки слез, которых хватило бы, чтобы затопить улицу Бланш-Ошеде-Моне.

66

Местный автобус высадил комиссара Лорантена на главной площади деревни Лион-ла-Форе. Всю дорогу комиссар любовался в окно на роскошные буковые рощи, пока они не сменились нормандскими домами в стиле фахверк — наглядным воплощением ностальгии по былым временам. У комиссара мелькнула мысль, что деревню специально поддерживают в таком состоянии, чтобы она служила декорацией к экранизациям новелл Мопассана и романов Флобера.

Комиссар Лорантен на миг задержался взглядом на фонтане перед величественным зданием крытого рынка. Красивый каменный фонтан выглядел подозрительно новым. И не случайно! Его соорудили всего лет двадцать назад, когда Шаброль снимал здесь «Мадам Бовари».

Фальшивка! Липа!

Тем не менее он не мог не отметить сходства трагической судьбы Эммы Бовари с судьбой Стефани Дюпен, сведения о которой собирал все последние дни. То же чувство неизбыточной скуки, та же тоскливая убежденность, что где-то существует другая, настоящая жизнь, но для тебя она недостижима. Покидая центральную площадь, комиссар мысленно себя одернул. Что за нелепые параллели! Он уже давно не в том возрасте, чтобы увлекаться романтическими иллюзиями. Комиссар Лорантен быстро двигался вперед. Дом престарелых под названием «Сады» располагался на окраине деревни, на возвышенности, и к нему вела довольно крутая тропа, проложенная через рощу.

Светло-голубой линолеум в холле блестел так, словно его только что натерли. Большинство пациентов проводили этот ранний вечерний час — как, впрочем, и остальные часы, — в общей комнате слева по коридору. Перед включенным плазменным экраном огромного телевизора сидело человек тридцать стариков. Одни спали, другие безучастно смотрели в сторону, самые деятельные жевали оставшееся от полдника печенье и ждали ужина.

Время здесь как будто остановилось.

В комнату вошла полноватая медсестра. Она двигалась уверенно, но вместе с тем осторожно, как продавщица в посудном магазине.

— Месье?

— Комиссар Лорантен. Это я звонил сегодня утром. Мне хотелось бы увидеться с Луизой Розальба.

Медсестра улыбнулась. У нее на груди была приколата позолоченная брошка в форме надписи: «Софи».

— Да-да, помню, — сказала она. — Мы предупредили Луизу, она вас ждет. В последнее время у нее трудности с речью, но голова ясная, не сомневайтесь. Она все понимает. Комната номер сто семнадцать. Только прошу вас, комиссар, будьте с ней помягче. Луизе сто два года, и к ней уже очень давно никто не приходил.

Комиссар толкнул дверь комнаты 117. Луиза Розальба сидела у окна, в три четверти оборота, и внимательно смотрела на расположенную под ним парковку. На нее как раз только что зарулила «Ауди-80», из которой вышли женщина с букетом цветов и двое ребятишек. «Наверное, этим она и занимается целыми днями, — подумал комиссар. — Наблюдает, как к другим обитателям дома приезжают родственники».

— Луиза Розальба?

Старая женщина повернула к нему густо покрытое морщинами лицо. Лорантен улыбнулся.

— Меня зовут Лорантен, комиссар Лорантен. Софи — медсестра — должна была предупредить вас, что я хочу с вами поговорить. Заранее прошу прощения, но я... Меня интересуют ваши воспоминания. Не самые лучшие воспоминания. Я пришел расспросить вас о гибели вашего единственного сына, Альбера, утонувшего в тысяча девятьсот тридцать седьмом году.

Хрупкие руки Луизы, лежавшие на накинутах на колени плече, охватила дрожь. В глазах блеснула влага. Она открыла рот, но из него не вырвалось ни звука.

Комиссар окинул взглядом стены комнаты. Ни распятия, ни фотографий. Где счастливые лица детей, внуков и правнуков? Где трогательные снимки крещения и первого причастия? Где торжественные свадебные фото? Единственным украшением комнаты служила репродукция картины Моне «Прогулка», запечатлевшая элегантную молодую даму с мальчиком посреди заросшего полевыми цветами луга.

— Я... У меня, — продолжил комиссар, — есть к вам несколько вопросов. Нет-нет, не надо подниматься. Я постараюсь помочь вам все вспомнить.

Комиссар наклонился и достал из сумки черно-белую фотографию с надписью: «Школа Живерни. 1936/37 учебный год».

Он положил снимок на колени Луизе. Старая женщина так и впиалась в него глазами.

— Это Альбер? — спросил комиссар, указывая на мальчика во втором ряду. — Это он?

Луиза кивнула. На снимок капнула слезинка, за ней другая. Словно в школьном дворе пошел дождь. Послушные дети не обратили на него никакого внимания и по-прежнему старательно смотрели в объектив неведомого фотографа.

— Вы ведь так и не поверили, что это был несчастный случай? Не поверили?

— Н... н-нет, — с трудом произнесла Луиза. Сглотнув ком в горле, она продолжила: — Он был... н-не один... Т-там... у ручья...

Комиссар едва сдерживал нетерпение, но, помня о советах медсестры, не позволял себе торопить Луизу.

— Вам известно, с кем был ваш сын?

Луиза снова кивнула. Комиссар затаил дыхание. Он почти физически чувствовал, как наэлектризовалась атмосфера в крошечной комнатке. Словно, вызвав из небытия память о событиях тех давних лет, они с Луизой открыли заколдованный сундук, из которого вырвался на волю легко воспламеняемый газ: одно неосторожное движение — и все здесь взлетит на воздух.

— Скажите, тот человек... Тот, кто был с Альбером у ручья, это он его убил?

Луиза напряженно молчала, осмысливая произнесенные комиссаром слова. Наконец она снова кивнула. Медленно, но без колебаний.

— Почему вы не сказали сразу? Почему не выдвинули против этого человека обвинения?

На школьный двор в Живерни обрушился ливень. Бумага кое-где вспучилась. Но ни один из школьников даже не шелохнулся.

— Н... н-никто мне н-не в-верил... Д... д-даже м-муж...

Казалось, эта короткая фраза отняла у Луизы последние силы. Кожа, свисавшая у нее под подбородком, затряслась мелкой дрожью. Комиссар Лорантен понял, что ей надо задавать только те вопросы, на которые можно ответить «да» или «нет».

— После этого вы переехали из деревни? Не могли больше там жить? Потом умер ваш муж, да? И вы остались совсем одна?..

Луиза медленно кивала на каждый из его вопросов. Комиссар достал из кармана носовой платок и аккуратно вытер намокшую фотографию.

— А потом? — Комиссару было все труднее говорить спокойным тоном. — Этот человек... Тот, кто был с Альбером у ручья, он совершил еще одно убийство? Или даже не одно? Он убил еще кого-то?

Луиза задышала ровнее, как будто комиссар снял с ее души груз, давивший на нее долгие годы.

Она медленно кивнула.

«Господи боже...»

Комиссар почувствовал в руке покалывание, будто в нее вонзились сотни острых иголок. Кардиолог предупреждал, что ему нельзя волноваться. Но сейчас ему было плевать на советы кардиолога. Сейчас имела значение только правда, которую Луиза почти семьдесят пять лет носила в себе. Он придвинул фотографию к ней поближе.

— Этот человек... Тот, о ком мы с вами говорим... Он тоже здесь, на этом снимке? Вы можете мне его показать?

Пальцы у Луизы дрожали. Лоранс мягко накрыл ее запястье своей ладонью и принялся медленно перемещать ее кисть по фотографии. Он вел ее руку, пока она не уперлась указательным пальцем в одно из лиц.

У него заколотилось сердце.

«Боже мой, боже мой...»

Ему вдруг стало жарко. Он крепче сжал руку Луизы. Сердце билось так сильно, что казалось, вот-вот выскочит из груди. Надо успокоиться.

— Спасибо вам. Спасибо.

Он старался дышать медленно и размеренно, и постепенно возбуждение улеглось. Комиссара охватило странное чувство: каким бы фантазмагоричным ни выглядело только что полученное им свидетельское показание, оно подтверждало вывод, к которому он пришел логическим путем. Теперь он знал, кто убил маленького Альбера Розальба. Он также знал, кто убил Жерома Морваля. Кто и почему.

Пульс у него понемногу приходил в норму. Он поймал себя на том, что испытывает удовлетворение, даже гордость — он не ошибся, он все просчитал правильно.

Он сделал то, что другим оказалось не под силу.

Комиссар посмотрел в окно. За парковкой дома престарелых зеленела буковая роща.

«Что же теперь делать?

Вернуться в Живерни?

Вернуться в Живерни и разыскать Стефани Дюпен? Пока не поздно...»

При этой мысли сердце опять застучало как сумасшедшее. Кардиолог будет в ярости.

67

22:53.

Я смотрела на луну.

Из окна башни на верхнем этаже мельницы «Шеневьер» она казалась огромной и такой близкой: руку протяни и дотронешься.

Ладно, не волнуйтесь, я не сошла с ума. И я понимаю, что это не оптическая иллюзия. Слышала по радио на «Франс-Блё» и смотрела передачу по местному телевидению. Специалисты говорили, что сегодня ночью будет особенно большая луна. Это потому, что она находится в перигее — то есть приближается к Земле на самое короткое в году расстояние. Из их объяснений я поняла, что Луна описывает вокруг Земли не круг, а эллипс. Следовательно, бывают ночи, когда

спутник отдаляется от нашей планеты на максимальное расстояние, и ночи, когда он подходит к ней ближе...

И сегодня как раз такая ночь. Если верить специалистам, именно сегодня наблюдателю с Земли Луна представляется необычайно большой. Они рассказали об этом сразу после прогноза погоды. И даже показали астрономические таблицы. Явление называется «перигей». И бывает раз в году.

Крыши Живерни в лунном свете окутаны мерцающей дымкой. Посмотри на них сейчас художник — схватил бы кисти и краски и ночь напролет писал бы пейзаж, даже не включая света. Интересно, сколько человек сейчас стоят, как я, у окна и смотрят на луну? Тех, кто тоже слышал передачу по радио или смотрел по телевизору? И не захотел пропустить столь интересное явление природы? Тысячи, если не десятки тысяч человек...

Что-то я сегодня в сентиментальном настроении. Днем — паломничество в Вернонский музей, а сейчас, вместо того чтобы идти спать, стою у окна и смотрю на луну... В таком ритме я долго не протяну.

Впрочем, я не собираюсь здесь задерживаться. На самом деле это большое преимущество — точно знать день своей смерти и спокойно наслаждаться последними часами жизни. Например, в последний раз смотреть на луну.

Завтра все будет кончено.

Я так решила. Осталось выбрать способ.

Яд? Холодное оружие? Огнестрельное? Утопиться? Повеситься?

Возможностей масса.

Решимости мне хватит. Смелости тоже.

Я снова окинула взглядом засыпающую деревню. Горели фонари и редкие освещенные окна. Этот пейзаж напомнил мне желтые пятна цветов на моих «Черных кувшинках» — они тоже выступают из тьмы, как огоньки маяков в океане мрака.

Полиция провалила расследование. Где им понять? Что ж, тем хуже для них.

Завтра вечером они получают последний труп. И на этой истории можно будет поставить точку.

Последнюю точку.

Фанетта впервые видела такую огромную луну. Огромную, как целая планета. Или летающая тарелка, которая вот-вот опустится на склон холма и скроется за древесными кронами. Учительница сегодня сказала им, чтобы ложились спать попозже. Объяснила, что такое эллиптическая орбита и перигей, и даже нарисовала на доске чертеж со всякими стрелками и цифрами.

Часов у Фанетты не было, но она предполагала, что сейчас около одиннадцати вечера. Винсент ушел домой примерно час назад.

«Я уж боялась, что он всю ночь будет у меня под окном торчать. Вцепился мне в руку и не хотел выпускать.

Но потом все-таки убрался.

Уф!»

Фанетте хотелось побыть одной. Наедине с этой огромной луной. Как будто со старшей сестрой. Старшая сестра живет очень далеко, но когда-нибудь она позовет ее к себе.

Сегодня вечером Фанетта закончила картину. Вообще-то, она с недоверием относилась к чужим похвалам и, когда ей говорили, что она рисует просто гениально, лишь пожимала плечами. Но сегодня... Сегодня она может смело сказать луне, что гордится своей работой. Она сумела так положить краски на холст, что вода у нее заиграла, как живая, и линии схода разбежались во все стороны. Умом она давно поняла, как это должно выглядеть, но никогда не думала, что у нее получится. Картину она спрятала в щели под портомойней. Завтра Поль заберет ее и отнесет учительнице.

«Я доверяю Полю. Только ему. Остальным — ни капли. Камиль — задавака. Мэри — ябеда. Винсент — прилипала.

Маме я тоже не доверяю. Она в последние дни с меня глаз не спускает. Утром сама отводит меня в школу, а потом идет на виллу к парижанам. Днем, когда у нас большая перемена, опять приходит. Следит за каждым моим шагом. Как будто боится, что я кому-нибудь расскажу свою историю.

Про Джеймса. Про его исчезновение. Про его убийство.

Его убили прямо посреди пшеничного поля.

А мама боится, что ее дочку примут за ненормальную.

Джеймс...»

Фанетта вытянула руку. Ей чудилось, что еще чуть-чуть — и она прикоснется рукой к лунным кратерам, пройдет пальцами по лунным

ущельям.

«Джеймс...

Неужели я и в самом деле его выдумала?

Нашла в поле несколько потерянных кистей, а на берегу — пятна краски, а остальное додумала. Мама постоянно повторяет, что я живу в выдуманном мире, не имеющем ничего общего с реальностью. Вот бы и правда в него переселиться...

Чем больше я думаю о Джеймсе, тем больше верю, что его и в самом деле никогда не существовало. Я выдумала его потому, что мне был нужен человек, который сказал бы, что у меня талант, что я должна писать, думать только о себе и работать, работать, работать...

Быть эгоисткой.

Мама никогда не говорит ничего такого. А Джеймс говорил то, что мог бы сказать мне папа. То, что я хотела бы услышать от папы.

От папы-художника. Папы, который гордился бы мной. Папа, который однажды увидит мое имя в углу картины, выставленной в самой престижной галерее на другом конце света, и воскликнет: „Это же моя дочь! Моя маленькая девочка! Самая талантливая на свете!“»

Фанетта перевела взгляд на темные фасады соседних домов.

«Нет! Нет! Нет! Мой папа не живет в нашей деревне! И мама не ходит к нему в дом убираться. Мой папа не может быть старым жирным вонючим уродом. Этого просто не может быть.

Хотя мне плевать.

Нет у меня никакого папы. И вместо него я выдумала Джеймса. Благодаря ему я написала свою картину, свои „Кувшинки“. Завтра ее отправят на конкурс. Все равно как бросить в море бутылку...

Завтра».

Фанетта улыбнулась.

«Такая большая луна — это хороший знак.

Тем более что завтра у меня день рождения».

Школьный двор серебрился в лунном свете. Луна сегодня была ненормально огромной. Стефани попыталась объяснить детям, что такое перигей и эллиптическая орбита. Изобразила на доске несколько примитивных рисунков. И посоветовала им лечь сегодня спать попозже, чтобы посмотреть на Луну. Она написала на доске цифры: 14

процентов — это то, на сколько Луна сегодня будет казаться больше обычной; 30 процентов — на сколько она будет ярче.

Луна своей формой повторяла очертания круглого окна у них в мансарде. Как будто стекло оторвалось от окна и улетело в небо. На улице Бланш-Ошеде-Моне не было ни души. Трепетали листвой липы на площади перед мэрией. На деревню словно пролился серебряный дождь.

Жак лежал рядом. Даже не поворачиваясь, Стефани поняла, что он не спит. Лежит и молча смотрит на нее. Мысль о близости с Жаком с каждым днем делалась ей все непереносимей. Жак не менял ни одной из своих привычек. Они продолжали спать в одной постели, хотя он не делал попыток к ней прикоснуться.

Вчера они проговорили несколько часов.

Это был спокойный разговор.

Жак сказал, что он все понял и постарается все изменить.

Что именно изменить?

Стефани ни в чем его не упрекала. Разве можно упрекать человека в том, что он — это он, а не другой?

Жак сказал, что он станет другим.

Стать другим невозможно. И говорить об этом бессмысленно. Стефани приняла решение. Она от него уйдет.

Жак — человек разумный. Наверное, он рассчитывает, что своим смирением вселит в нее дух сомнения. Наверное, говорит себе: «Надо просто переждать грозу. Встать под зонтиком и спокойно ждать. Зонтик большой, его хватит на двоих. Вдруг Стефани ко мне вернется...»

Он ошибается.

Стефани долго смотрела на исчерченный «классиками» школьный двор, на стоящую в уголке беличью клетку... В ушах у нее звучали детские крики и смех.

Стефани назначила Лоренсу свидание завтра днем. Разумеется, не в деревне, не перед школой и не возле ручья. Подальше от любопытных глаз. На Крапивном острове. Том самом знаменитом островке, образованном слиянием Эпта и Сены, который приобрел Клод Моне. Художник держал там на приколе свою плавучую мастерскую. Красивое местечко. От деревни до него меньше километра. Чем больше она думала, тем крепче становилась ее уверенность, что встретиться на Крапивном острове — отличная идея. Лоренс оценит. У Лоренса

потрясающее чутье на красоту. Не зря же в доме Моне он моментально понял, что «Девушка в белой шляпе» Огюста Ренуара — не копия, а подлинник. Разум твердил ему, что это невозможно, но он верил не разуму, а своим глазам. В доме Моне осталось много забытых картин. Ренуар, Писсарро, Сислей, Буден... Конечно, есть и неизвестные «Кувшинки». Господи, будь у них время, будь они свободны, с каким удовольствием Стефани показала бы их Лоренсу. Разделить с ним восхищение шедеврами живописи — что может быть лучше?

Жак выключил свет и повернулся на другой бок. Притворился, что спит. В лунном свете комната казалась волшебным гротом. Глаза Стефани наткнулись на лежащую на ночном столике книгу.

«Орельен».

Эта фраза не давала ей покоя. «Преступно мечтать, ждет виновного кара». Послание, обнаруженное на поздравительной открытке, найденной в кармане Жерома Морваля.

Преступно мечтать...

Слова, как будто специально обращенные к ней.

Преступно мечтать.

Тот, кто не знает следующих строф, кто не читал продолжения этого длинного стихотворения Арагона, озаглавленного «Нимфеи», ошибется, решив, что автор осуждает мечту. Ничего подобного!

Все обстоит ровно наоборот.

Разумеется, поэт имел в виду нечто противоположное.

Она, беззвучно шевеля губами, стала читать стихи, которым учила деревенских детишек.

Преступно мечтать. Ждет виновного кара.

Мечтать о запретном мораль не велит.

Но вы у меня не отнимите дара.

Карайте! Я буду мечтать. Я — бандит.

Стефани вновь и вновь истово повторяла эти четыре строчки, словно молилась.

Мечтать о запретном мораль не велит...

Да, мечта — вне закона.

Да, Стефани нравится быть жестокой.

Нет, она не испытывает никаких угрызений совести.

Да, с точки зрения разума, ее мечта преступна.

Пусть завтра Лоренс Серенак сожмет ее в своих объятиях. Они будут заниматься любовью на Крапивном острове. И он увезет ее отсюда.

Завтра...

ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ

25 мая 2010 года

(Дорога на Крапивный остров)

РАЗВЯЗКА

68

Я медленно шла по грунтовой дороге, которая, начинаясь сразу за мельницей «Шеневьер», пролегла прямо через поля. Дорога была изрыта колеями, оставленными проходящими здесь тракторами.

Представляю, как ругался Лоренс Серенак, пытаясь преодолеть эти колдобины на своем «Тайгер-Триумфе». Описывать мотоцикл подробно я не стану, но сильно сомневаюсь, что сей антикварный экземпляр годится для мотокросса. Пару минут назад он промчался мимо меня, свернул за мельницу и поехал дальше, через поля, подняв столб пыли.

Из Живерни ведут несколько троп, но все они соединяются в одном месте — тупике на подступах к Крапивному острову, там, где Эпт впадает в Сену. Прямой путь заканчивается в нескольких метрах от слияния двух рек, на берегу Эпта, засаженном тополями, заставшими Моне; сегодня кхмеры от импрессионизма охраняют их так же старательно, как египетские пирамиды...

Чтобы попасть на берег Сены, надо идти пешком.

Нептун бежал впереди меня. Он знает эту дорогу наизусть и не считает нужным меня ждать. Догадался, что на преодоление не такого уж огромного — не больше километра — расстояния, отделяющего мельницу «Шеневьер» от Крапивного острова, я с каждым разом трачу все больше времени. Эти рытвины — наказание Господне. Даже опираясь на палку, я каждые три метра спотыкаюсь и чуть не падаю.

Хорошо, что я иду туда в последний раз, на этот проклятый Крапивный остров. Мне такие прогулки уже не по возрасту. Да еще, как на грех, сегодня жарко. Самый теплый день за весь май, а вдоль дороги — ни деревца, чтобы спрятаться в тени, разве что на полпути, возле водозаборной станции, можно постоять под козырьком. Хорошо, что я повязала косынку. Шагая через пожелтевший луг, я сама себе кажусь арабской женщиной, совершающей переход через пустыню.

Господи, да когда же я наконец дойду до этого чертова Крапивного острова?! Нептун-то небось давным-давно там.

69

16:17. Лоренс Серенак прислонил свой «Тайгер-триумф Т100» к стволу тополя. Он приехал на Крапивный остров чуть раньше назначенного времени. Он знал, что уроки у Стефани заканчиваются в половине пятого, а ей еще надо будет пройти пешком почти километр.

Лоренс прогуливался под деревьями. Окружающий пейзаж выглядел странным: ровная шеренга тополей вдоль русла Эпта наводила на мысли об искусственно прорытом канале, а не о речке, текущей прихотливыми изгибами. В месте слияния Эпта с Сеной это впечатление только усиливалось — широкая Сена неспешно несла вперед свои воды, явно не обращая внимания на впадающий в нее тонкий ручеек. Берега Эпта словно застыли в вековой неподвижности — ничего общего с живой хлопотливой Сеной, орошающей города и заводы, несущей на себе баржи и лодки, пересекающей железнодорожные рельсы, бегущей мимо магазинов... Сена напоминала шумную автотрассу, а Эпт оставался забытым второстепенным шоссе, которым почти никто не пользуется.

У Лоренса за спиной послышались шаги.

«Стефани? Так рано?»

Он обернулся, и его лицо расплылось в улыбке.

«Нептун!» Немецкая овчарка узнала инспектора и подбежала, подставляя голову для ласки.

— Нептун! Вот молодец, что прибежал! Составишь мне компанию... Только знаешь, приятель, у меня тут свидание. И совсем не деловое. Так что ты уж будь добр, уйди куда-нибудь.

Хрустнула ветка. Зашелестели листья.

Нептун явился сюда не один.

Лоренс Серенак не увидел, а шкурой почувствовал опасность. Инстинкт полицейского.

Он поднял глаза.

В лицо ему смотрело дуло ружья.

На миг мелькнула мысль: «Вот сейчас все и закончится». Его убьют без всяких объяснений, подстрелят, как дичь. Пуля пронзит ему сердце, и его труп поплывет по Эпту, перекочет в Сену и понесется по волнам все дальше и дальше.

Но палец на спусковом крючке не двигался.

«Чего он тянет?»

Серенак бросился в заросли. Только бы не показать, что он испугался.

— Что вы здесь делаете?

Жак Дюпен медленно опустил ружье.

— Мне кажется, я могу задать вам тот же вопрос. Что вы здесь делаете?

Злость вытеснила в душе Лоренса страх.

— Откуда вы узнали?

Нептун сидел в паре метров от них. На спину ему падал пробившийся сквозь кроны тополей луч солнца. Пса разговор двух мужчин явно не интересовал. Жак Дюпен держал ружье опущенным.

— Вы просто идиот, Серенак, — с кривой улыбкой сказал он. — Как только я увидел вас в деревне, в этой вашей кожанке, да еще на мотоцикле, то все сразу понял. Вы мните себя проницательным, но я вижу вас насквозь.

— Никто об этом не знал. Никто, кроме Стефани. Но она вам сказать не могла. Вы просто шли за мной?

Дюпен отвернулся в сторону луга. Вдали в знойной дымке угадывались очертания деревни Живерни.

— Вам никогда не понять, — злобно усмехнувшись, сказал он. — Я здесь родился, Серенак. Как и Стефани. В этой деревне. Мы с ней появились на свет чуть ли не в один день. И жили через улицу. Никто не знает Стефани лучше, чем я. Как только вы начали вокруг нее увиваться, я все сразу понял. Я замечаю все. Что с книжной полки исчезла книга. Что Стефани смотрит в небо. Что она не отвечает на мой вопрос. Я научился расшифровывать все эти знаки. Я видел ее помятую

юбку. Видел, что она надела другое белье. Видел, что она по-другому нарядилась. Когда Стефани назначила вам свидание, я узнал об этом сразу. Знал, где и когда вы собираетесь встретиться.

Лоренс Серенак с немного усталым раздражением отвернулся к Эпту. Длинный монолог Дюпена его, как ни странно, успокоил. Это просто ревнивый муж. Что ж, этого следовало ожидать. За все надо платить. Такова цена свободы Стефани. Цена их любви.

— Ну хорошо, — сказал инспектор. — Что дальше по программе? Дождемся Стефани и поговорим все втроем?

Лицо Жака Дюпена снова исказила гримаса.

— Не думаю... Вы хорошо сделали, что пришли раньше, Серенак. А сейчас вы сделаете, что я вам скажу. Вы напишете ей записку. Прощальную записку. Слова придумаете сами — вы на такие штуки мастак, я уверен. Если что, я подскажу. Потом положите записку под деревом, на видном месте, сядете на мотоцикл и уедете.

— Вы шутите?

— Инспектор... Вы уже получили что хотели. Вчера в школе Стефани отдалась вам. Вы достигли своей цели. Снимаю перед вами шляпу. Об этом многие мечтали, вы стали первым, кому это удалось. Но на этом вы остановитесь. Вы исчезнете из нашей жизни. Я не собираюсь устраивать скандал. Нанимать адвокатов. Звонить на всех углах, что полицейский, возглавляющий расследование убийства Морваля, спит с женой главного подозреваемого, которого накануне упек за решетку. Я не намерен портить вам карьеру. Мы квиты. По моему, я веду с вами честную игру. Даже слишком честную — для человека, которого в Живерни считают сумасшедшим ревнивцем. Вы не находите?

Серенак рассмеялся. Шелестели под ветром листья тополей, орешника и каштанов.

— Вы ничего не поняли, Дюпен. Речь не обо мне и не о моей карьере. Не о вас и не о вашей репутации рогоносца. Речь о Стефани. Она свободна. Нам с вами не о чем спорить. Не мы решаем, а она. Поймите это наконец. Она свободна. Решение принимает она.

Дюпен плотнее обхватил ружье.

— Серенак, я не трепаться с вами пришел. Вы теряете драгоценное время. Лучше подумайте, что написать Стефани. Ей потом всю жизнь с этим жить...

Лоренс чувствовал, как в нем закипает злость. Происходящее казалось ему отвратительным. Дюпен — мерзавец. Позади них простиралась поросшая крапивой пустошь. Безлюдное местечко. Никто сюда не придет. Только Стефани. Надо с этим кончать.

— Послушайте, Дюпен. Не заставляйте меня прибегать к ненужной жестокости.

— Повторяю вам, вы теряете время.

— Вы — посредственность, Дюпен, — не выдержал Лоренс Серенак. — Откройте глаза! Вы не достойны Стефани. Она заслуживает большего, чем жизнь с такой серостью, как вы. Рано или поздно она от вас уйдет. Ко мне или к другому, но уйдет.

Жак Дюпен молча пожал плечами. Слова Серенака стекали с него, как дождь с черепичной крыши.

— Инспектор, неужели вы вскружили голову Стефани подобными глупостями?

Серенак шагнул вперед. Он был выше Жака Дюпена на добрых двадцать сантиметров.

— Довольно, — громко сказал он. — Прекратим эту нелепую игру. Я не стану писать никакой записки. Мне плевать на ваш мелочный шантаж. Можете нанимать хоть сотню адвокатов и рушить мою так называемую карьеру...

В глазах Жака Дюпена впервые мелькнуло что-то похожее на сомнение. Он пристально посмотрел на Серенака. Инспектор отвел взгляд и заметил вдали колокольню церкви Святой Радегунды, возвышавшуюся над крышами домов Живерни. Деревушка отсюда казалась игрушечной...

— Виноват, инспектор, — сказал Дюпен. — Я вас недооценил. Если допустить, что вы и правда так думаете...

Его лицо исказила гримаса ненависти.

— Вы не оставляете мне выбора. Придется прибегнуть к более сильным аргументам.

Дюпен медленно поднял ружье и нацелил его в лоб инспектору. Лоренс Серенак не двигался и в упор смотрел на противника. По шее у него стекали крупные капли пота.

— Ну вот все и прояснилось, — не сказал, а прошипел он. — Маски сброшены, Дюпен. Я вижу ваше истинное лицо. Лицо убийцы Морваля.

Дуло ружья чуть опустилось. Теперь оно глядело инспектору в глаза, как магнитом притягивая к себе его взгляд.

— При чем здесь Морваль? — закричал Дюпен. — Не мешайте все в одну кучу! Это дело касается только нас троих! Стефани, вас и меня!

Ружье у него в руках сдвинулось в сторону, целясь полицейскому в ухо. Серенак понимал, что должен тянуть время, а значит, продолжать с Дюпеном этот безумный разговор.

— Ну и что вы намерены сделать? Застрелить меня? Прямо здесь, под тополями? Вы же знаете, что вас поймают. Охотничье ружье... Убитый выстрелом в упор любовник вашей жены... Свидание на Крапивном острове... Вся деревня видела, как я ехал сюда на мотоцикле. Вы уберете меня со своего пути, но закончите свои дни в тюрьме. Не лучший способ сохранить Стефани...

Ружье приблизилось к лицу инспектора чуть ли не вплотную, глядя дулом ему в рот. Серенак колебался. Наверное, пора перейти в наступление. Вырвать оружие из рук Дюпена. Он сильнее противника, и реакция у него лучше. Сейчас самый подходящий момент. Но инспектор не спешил действовать...

— А вы хитрец, — бросил Дюпен, и рот у него дернулся. — По этому пункту вы правы на все сто. Но только по этому. С моей стороны будет не слишком умно убивать вас здесь. Конечно, меня схватят. Но... Ладно, время идет. Быстро пишите записку.

Ружье опустилось к шее инспектора. Серенак медленно поднял правую руку и вдруг быстро опустил ее.

Его кулак сжал пустоту.

Жак Дюпен успел отступить на метр, по-прежнему держа инспектора на прицеле.

— Вам захотелось поиграть в ковбоев, инспектор? Бросьте. Сколько раз вам повторять, вы зря тратите время. Напишите красивую прощальную записку.

Серенак лишь презрительно пожал плечами.

— Даже не надейтесь, Дюпен. И вообще, что-то эта комедия затянулась...

— Что вы сказали?

— Я сказал, что эта комедия затянулась.

— Комедия?

Дюпен вытаращил глаза. С его лица напрочь исчезло высокомерно-циничное выражение.

— Комедия? Вы сказали: комедия? Комедия... Вы что же, Серенак, так ничего и не поняли? Вы не желаете взглянуть в лицо реальности? Видите ли, есть одна деталь... Хотя вы, Серенак, не имеете о ней ни малейшего представления...

Холодный ствол охотничьего ружья уперся инспектору в сердце. Лоренс Серенак в первый раз не нашелся с ответом.

— Вы понятия не имеете, Серенак, до какой степени мне дорога Стефани. Ради нее я готов на все. Возможно, вы, Серенак, любите Стефани. Возможно даже, любите по-настоящему. Но вы даже не подозреваете, насколько ваша смешная привязанность меньше того, что испытываю к ней я...

Лоренс сглотнул. Его переполняло отвращение.

— Можете называть это как угодно, Серенак, — продолжил Дюпен. — Помешательством. Наваждением. Абсолютной любовью...

Палец на спусковом крючке дернулся.

— Но вы напишете эту прощальную записку! И исчезнете навсегда!

70

Стефани Дюпен посмотрела на настенные часы, висевшие над доской.

16:20.

Еще целых десять минут! Через десять минут она отпустит детей и побежит на свидание с Серенаком. На Крапивный остров. Ее охватило возбуждение. Словно школьницу, которую прыщавый возлюбленный ждет после уроков на автобусной остановке.

«Все это немного смешно», — подумала она. Ну да, конечно. Но она слишком давно не осмеливалась прислушаться к своему сердцу и всмотреться, мечтая о безоблачном счастье, в небесную голубизну. Что, если отпустить детей прямо сейчас? Чмокнуть каждого в обе щеки и сказать, что она от них уходит? Что она отправляется в кругосветное путешествие! А когда вернется, они уже станут большими!

И звонко рассмеяться при виде изумленных лиц их родителей!

Ведь и правда смешно. Восхитительно смешно! Сегодня ей было не до строгостей. Она не ругала детей за шалости, вместо этого хихикая

над ними, как дурочка... Она даже не отчитала их за то, что никто, включая самых способных учеников, не сдал работы для участия в конкурсе фонда Робинсона. В любой другой день она произнесла бы перед ними торжественную речь о том, что нельзя упускать счастливый шанс, что юному таланту необходима помощь, что никогда не следует наступать на горло собственной песне и позволять угаснуть искре дарования... Она целый год повторяла им эти советы, на самом деле обращенные в первую очередь к себе.

Она в свое время тоже наслушалась советов!

Еще девять минут. И она убежит.

Дети корпели над математической задачей. Пусть ненадолго отвлекутся от Арагона и живописи. Кое-кто из родителей высказывал ей свое недовольство: дескать, она слишком мало внимания уделяет полезным наукам, например математике...

«Преступно мечтать...»

Стефани обратила взгляд своих фиалковых глаз за окно, за шеренгу тополей, обступивших сад Моне.

— Ты что, так и не сдала картину? — прошептал Поль, поворачиваясь к Фанетте.

Фанетта его не слышала. Учительница смотрела в окно.

«Скоро!»

Фанетта прокралась к парте, за которой сидел Поль.

— Что ты сказал?

— Картина? На конкурс?

Винсент бросил на них странный взгляд. Мэри неторопливо ерзала на стуле, дожидаясь, чтобы поднять руку, как только учительница повернет голову от окна.

— Не смогла. Меня сейчас мать по утрам до самой школы провожает. Опять бы раскричалась. После уроков тоже встречает...

Фанетта покосилась на учительницу: «нет, по-прежнему стоит, уставившись в окно. А вот Мэри, кажется, встает из-за парты... Нет, не успела — Камиль склонился над ее тетрадью и начал объяснять ей, как решать задачу.

Вот спасибо тебе, Камиль. Молодец, толстяк! По правде говоря, Мэри удивительно тупа в математике. Она вообще тупая. Камиль этим

пользуется. Задирает перед ней нос. На Мэри это в конце концов должно подействовать...»

Фанетта сидела на корточках возле парты Поля.

— Поль! — шепотом произнесла она. — Можешь после уроков сбежать за моей картиной? Она там, в тайнике. Отнеси ее учительнице, ладно?

— Конечно! — сказал Поль. — За пять минут туда-обратно сгоняю.

Фанетта проскользнула между партами, торопясь потихоньку вернуться на свое место. «Учительница ничего не заметила бы, если бы не этот придурок Пьер! Выставил свой ранец прямо в проходе». Фанетта споткнулась о ранец, который сдвинулся в сторону и налетел на ножку стула. Раздался странный металлический звук — словно колокольчик зазвенел.

«Идиотка!»

Стефани Дюпен повернулась к ученикам.

— Фанетта! — сказала учительница. — Почему ты расхаживаешь по классу? Немедленно сядь на место.

71

Ружейный ствол по-прежнему упирался в кожаную куртку инспектора Лоренса Серенака. Жак Дюпен целил ему прямо в сердце. Поляна напоминала античный храм, роль сводов в котором исполняли тополя. Священное место, где царит тишина. За деревьями угадывалась сверкающая гладь реки, убегаящей вдаль.

Серенак пытался размышлять быстро и методично. Кто такой этот человек, что стоит сейчас напротив него? Тот, кто целится ему в грудь? Является ли Жак Дюпен убийцей Жерома Морваля? Если да, то перед ним — расчетливый и осторожный преступник. Подобный тип не станет среди бела дня стрелять в полицейского. Он просто блефует.

Догадаться по лицу Жака Дюпена, так ли это, было невозможно. Он выглядел обычным охотником на Астрагальском холме, берущим на мушку кролика или куропатку: брови нахмурены, взгляд сосредоточен, влажные губы слегка подрагивают от азарта. Не слишком удачливым охотником, которому в кои-то веки попалась на пути крупная дичь. Серенак заставил себя проанализировать ситуацию, отталкиваясь от

противоположной точки зрения. Допустим, Жак Дюпен — просто ревнивый муж, униженный изменой жены. Станет такой хладнокровно убивать соперника?

Очевидно, что нет. Преступник Дюпен или не преступник, сейчас он блефует.

Серенак собрался с духом и уверенным голосом произнес:

— Вы блефуете, Дюпен. Не знаю, псих вы или нет, но вы в меня не выстрелите.

Жак Дюпен побледнел как полотно. Наверное, его сердце отсчитывало удары так медленно, что кровь перестала поступать в сосуды, расположенные выше шеи. Одной рукой он сжал ружейный ствол. Вторая по-прежнему лежала на спусковом крючке.

— Оставьте свои игры, Серенак. Не стройте из себя героя. Вы что, до сих пор не поняли? Вы на самом деле хотите крови?

Мысли в голове Серенака пришли в смятение. Инспектор понимал, что у него всего несколько секунд на принятие решения. Надо довериться инстинкту. Как ему не хватало времени! Если б только можно было все хорошенько обдумать, а еще лучше — обсудить с Сильвио Бенавидишем, изучить его знаменитые три колонки, найти точки соприкосновения между Жеромом Морвалем и прочими неизвестными элементами дела — «Кувшинками», живописью, детьми, почерком убийцы, 1937 годом... С каждым вдохом ледяной ствол ружья давил ему на грудь все сильнее.

Их разделяло примерно полметра. Длина ружейного ствола.

— Вы ненормальный, — тихо сказал Серенак. — Опасный сумасшедший. Я вас посажу. Я или кто-то другой, но вы будете сидеть.

Под тополем вскочил на ноги Нептун, разбуженный их голосами. Посмотрел в их сторону и насторожил уши.

— Серенак! — закричал Жак Дюпен. — Будете вы меня слушать или нет, черт вас возьми?! Вы ничего не сможете сделать. Я не отпущу Стефани! Только попробуйте мне помешать, клянусь, я убью ее, а потом сам застрелюсь! Вы думаете, что любите Стефани? Так докажите свою любовь! Откажитесь от нее. И она останется жить. Вы останетесь жить. Все будут счастливы!

— Глупый шантаж.

— Это не шантаж, Серенак! — Дюпен уже орал. — Я с вами не торгуюсь! Я говорю вам, что случится, если вы не уберетесь с моего пути! Я на все способен! Мне терять нечего! Дошло? Зовите хоть всех легавых мира, вы меня не остановите!

Ружье давило ему в грудь со страшной силой. Серенак понимал, что упустил время действовать. Дюпен следил за каждым его движением. Он успеет нажать на спусковой крючок. Инспектору оставалось рассчитывать только на слова.

— Если вы меня убьете, то в любом случае потеряете Стефани. В любом случае...

Жак Дюпен, не сводя с инспектора глаз, медленно отступал от него.

— Хватит болтать. И так сколько времени зря потратили. В последний раз говорю вам, инспектор: черкните три слова и исчезните. Это не так уж трудно. Вы быстро обо всем забудете. И никогда сюда не возвращайтесь. Только от вас зависит, прольется кровь или нет.

Неожиданно Жак Дюпен сложил губы трубочкой и свистнул. На его зов примчался Нептун.

— Думайте, Серенак. Быстро.

Серенак не сказал ни слова, лишь машинально положил руку на лохматую собачью голову.

— Вы ведь знаете Нептуна, инспектор? В Живерни все знают Нептуна. Веселая собака, обожает играть с детишками. Все его любят. Да его нельзя не любить. Он добряк и мухи не обидит. Я его сам люблю, сто раз ходил с ним на охоту...

Ружье мгновенно опустилось вниз, к коленям инспектора Серенака, и оказалось в двадцати сантиметрах от морды Нептуна. Пес смотрел на людей с детским доверием — ни дать ни взять ребенок, глядящий на родителей.

Тишину под тополями разорвал звук выстрела.

Это был выстрел в упор.

Голова собаки разлетелась клочьями.

Пес рухнул на землю бесформенной массой. Рука Серенака повлажнела от крови. Его рубашку и брюки забрызгало кровавыми ошметками.

В его сердце закрался панический страх, лишая способности ясно мыслить. Дюпен снова поднял ружье и в долю секунды упер его в грудь

инспектору.

— Думайте, Серенак. Быстро.

72

В такой солнечный майский день школа кажется тюрьмой.

16:29.

Дети с веселыми криками выбегали из класса. Родители, поджидавшие их на площади возле мэрии, на бегу ловили своих отпрысков; те, кому удалось вырваться из родительских рук, удирали под липы, на улицу Бланш-Ошеде-Моне.

Выпустив последнего ученика, Стефани толкнула дверь класса. Хоть бы никто не начал приставать к ней с вопросами. Хоть бы ее не задержали родители...

Еще несколько минут — и она окажется в объятиях Лоренса. Наверное, он уже на Крапивном острове. Их отделяют друг от друга какие-то сотни метров. В коридоре она замешкалась возле вешалки, раздумывая, взять ли пиджак, но в конце концов вышла без него. На ней было легкое платье — то самое, в котором Лоренс видел ее в первый раз, десять дней назад.

На площади возле мэрии она с удовольствием подставила солнцу свои обнаженные руки.

«Как будто оно светит специально для меня...»

Стефани поймала себя на том, что радуется, как девчонка.

Проходя мимо здания мэрии, она посмотрела на свое отражение в окне и даже удивилась, до чего она хорошенькая в этом простом платье. Скоро Лоренс снимет его с нее и забросит в крапиву... Ей стоило немалого труда не пуститься бегом по улице Бланш-Ошеде-Моне. Вместо этого она подошла к окну поближе и распустила пучок — серебристые ленты блеснули на солнце. Может быть, заскочить домой? Погладить платье и... снять белье? Надеть платье прямо на голое тело? И так пройти через весь Живерни... Раньше ей это и в голову не пришло бы. Но почему бы и нет? Она задумалась.

Желание как можно скорее увидеть Лоренса в конце концов взяло верх. Она подмигнула своему отражению. Утром она слегка подкрасила глаза, совсем чуть-чуть. Да, если она посмотрит на Лоренса таким сияющим взглядом, он ее спасет.

Лоренс увезет ее отсюда.

Ее жизнь больше никогда не будет прежней.

Стефани быстрым шагом спустилась по улице Бланш-Ошеде-Моне и вышла на шоссе Руа. Она решила не обходить мельницу «Шеневьер» по тропинке, а направилась прямо через кукурузное поле.

Дети обожали играть в этом кукурузном поле, прячась друг от друга за высокими стеблями. Стефани не боялась заблудиться в их лабиринте. Она шла прямо к своей цели. Самой короткой дорогой.

73

Поль осторожно перешел через мост над ручьем. Ему почему-то было немного не по себе. Возможно, из-за того, что Фанетта напустила туману вокруг своей картины. Спрятала ее в тайник и сказала, что никто, кроме них, не знает о том, что она все-таки написала эти знаменитые «Кувшинки». Фанетта любит всякие секреты. Она не такая, как другие девочки. А может, Полю страшновато из-за истории про убитого художника. Джеймс, кажется, так его звали. Американец...

Неужели Фанетта на самом деле видела в поле его тело? Или она все это сочинила? В деревне, между прочим, полным-полно полиции. Ходят по домам, все что-то выспрашивают. Ищут, кто убил того дядьку.

Поль не признался Фанетте, что боится идти за картиной. Разве рыцарь может чего-то бояться? Но, если честно, у него прямо поджилки тряслись. Да еще эта мельница тут рядом, со своим ржавым полуутопленным в воде колесом и башней, как в сказке про заколдованный замок...

За спиной Поля послышался какой-то шум.

Поль резко обернулся. Никого.

Надо быть осторожным. Фанетта доверила ему это задание. Только ему. Потому что больше она никому не доверяет. Ну да, задание совсем простое — пойти и достать из щели под портомойней картину, отнести ее учительнице и сказать, что это для участия в конкурсе фонда Робинсона. Совсем пустяковое задание. От школы до портомойни можно пройти минут за пять. Туда-обратно — за десять.

Поль еще раз осмотрелся по сторонам, убедился, что ни на мосту, ни во дворе мельницы, ни в поле у него за спиной никого не видно, нагнулся над ступеньками портомойни и просунул руку в щель.

Вот тут ему стало по-настоящему страшно.

Его рука шарила в темноте, но ничего не находила. Там было пусто! Куда подевалась картина? Кто-то ее украл. Кто-то так разозлился на Фанетту, что решил ей отомстить. Или догадался, что первая картина Фанетты когда-нибудь будет стоить кучу денег. Потому что ясно, что в будущем ее картины будут продаваться дорого, очень дорого, так же дорого, как картины Моне...

Ну конечно, кто-то ее украл. Рука Поля металась туда-сюда, но хватала только паутину. Нет, этого не может быть! Никто не видел, куда Фанетта спрятала картину!

У него за спиной раздался шорох.

Там кто-то есть! Поль приказал себе успокоиться. Кто-то идет по мосту, что тут такого? По этому мосту постоянно кто-то ходит. Надо бы обернуться, посмотреть, но он так и не нашел картину. А ее обязательно надо найти. Поль лег на живот и, извернувшись, сунул в щель обе руки.

Ему стало жарко. Такое простое задание, а он его провалил. Как он посмотрит в глаза Фанетте? Как скажет ей, что картина пропала? Поль вдруг осознал, что шагов на мосту больше не слышно.

Как будто тот, кто шел, вдруг остановился.

«До чего же жарко. Дышать нечем».

Вдруг его пальцы нащупали далеко в глубине что-то похожее на плотную бумагу. Поль потянул ее на себя. Точно. Плоский предмет с квадратными углами...

«Она! Картина!»

От радости сердце чуть не выпрыгнуло у него из груди. Картина на месте, просто оказалась засунута слишком глубоко в щель. А он-то дурак, испугался. Кому нужна эта картина? Поль встал на колени и подтянул к себе находку.

Это была картина Фанетты, Поль ее сразу узнал. Тот же размер — примерно сорок на шестьдесят сантиметров. Та же коричневая оберточная бумага. На всякий случай надо ее развернуть, проверить. И заодно посмотреть на водопад ярких красок...

— Что это ты здесь делаешь?

От звуков этого голоса у Поля кровь застыла в жилах.

Кто-то стоял у него за спиной. Конечно, Поль узнал голос. Он слышал его много-много раз.

Холодный, как смерть.

Под козырьком водозаборной станции я наконец нашла немного тени. Я проклинала себя и свои бедные ноги. Дорога через луг от мельницы до Эпта стала для меня подвигом. Все равно что покорить Северный полюс. Экспедиция! А тут всего-то около километра. Экая я развалина. Нептун уже не меньше получаса ждет меня на Крапивном острове, под тополями.

Ладно, хватит прохлаждаться.

Я постояла еще чуть-чуть и снова двинулась в путь.

Только не надо читать мне нотаций. Сама знаю, что я неисправимая упрямая старуха. Но мне обязательно надо попасть на Крапивный остров. В последний раз. Мое последнее паломничество. Именно там и больше нигде я выберу оружие.

Разумеется, стоило мне выйти из-под козырька здания, как на пороге возник Ришар. А ведь точно, я же видела его машину за оградой. Ришар Патерностер — последний земледелец Живерни. Ему принадлежит три четверти луга. Внешне он похож на кюре, да и фамилия у него самая подходящая.[12] За тридцать лет он ни разу не забыл помахать мне рукой, даже если восседал на тракторе или за рулем еще какой-нибудь из своих пыточных машин и обдавал нас с Нептуном облаком выхлопа, а то и вовсе ядовитого инсектицида.

Вот и сейчас ему прямо позарез понадобилось остановить меня и пожаловаться на свою горькую судьбу. Владелец пятидесяти гектаров земель, объявленных историческим памятником, ждет от меня сочувствия!

Встречи не избежать. Он призывно машет мне руками, приглашая зайти во двор, посидеть в тени.

Делать нечего, пришлось зайти. Я лишь успела заметить на дороге клубы дыма — похожие поднимаются над поездами в кино про Дикий Запад. Мимо нас промчался мотоцикл. Он ехал быстро, но я успела его разглядеть.

«Тайгер-триумф Т-100».

75

Стефани прибежала на Крапивный остров, задыхаясь. Через кукурузное поле она пролетела не останавливаясь, словно не хотела терять ни секунды перед своим свиданием.

Она знала, что ее ждет Лоренс.

Раздвинув густую, в человеческий рост, траву, она вышла на поляну.

Под тополями Крапивного острова стояла тишина, как в храме.

Лоренса не было.

Он не спрятался, чтобы ее поддразнить. Его просто не было. Иначе она увидела бы его «Тайгер-Триумф».

Пробираясь через поле, она явственно слышала мотоциклетный треск, но не захотела обернуться и посмотреть. Она видела вдали облачко дыма. Но ей хотелось думать, что она ошиблась. Что Лоренс придет, хотя треск не приближался, а отдалялся. Она убеждала себя, что это из-за ветра. Не могла же она допустить, что Лоренс уезжает. Уезжает от нее?

Почему он уехал? Почему не дождался?

Лоренса не было.

Она огляделась и заметила на стволе ближайшего тополя белый листок. На нем были нацарапаны какие-то слова.

Она приблизилась к дереву. Она уже чувствовала, что сейчас прочтет что-то такое, что ей совсем не понравится. Что этот листок будет похож на похоронное извещение.

Двигаясь, как во сне, она подошла вплотную к тополию.

Буквы на листке плясали, как сумасшедшие.

Четыре строчки:

«Счастливой любви не существует.
Кроме той, что хранит наша память.
Прощай навсегда.

Лоренс»

У Стефани подкосились ноги. Она вцепилась в древесную кору, но та осыпалась под ее пальцами, и Стефани упала. Гигантские стволы закружились над ней в дьявольском хороводе.

Счастливой любви не существует.

Написать эти слова мог только Лоренс. Воспоминание... Вот что ему было нужно. Приятное воспоминание.

На ее светлое хлопчатобумажное платье налипли камешки и влажная земля. Руки и ноги испачкались. Стефани заплакала, отказываясь верить в очевидное.

Дура, какая же она была дура!

Воспоминание...

Прощай навсегда.

Ей тоже придется довольствоваться воспоминанием. Всю жизнь. Вернуться в Живерни, в свой класс, домой. Продолжать жить как ни в чем не бывало. Своими руками захлопнуть клетку.

Идиотка!

Во что она поверила?

Ее затрясло. В тени деревьев веяло холодом. Платье намокло. Откуда здесь вода? Ее мысли путались. Она ничего не понимала — над лугом весь день светило солнце. А, плевать. Господи, какая же она грязная. Она поднесла руки к лицу, чтобы утереть слезы.

Боже мой!

Стефани ошеломленно смотрела на свои ладони. Они были красными. Красными от крови.

У нее закружилась голова. Что тут произошло? Стефани подняла руки — они тоже были перепачканы кровью. Платье пропиталось пурпурными пятнами.

Она лежала в луже крови!

Красной крови. Совсем свежей.

Внезапно на деревьях за ее спиной зашелестели листья.

Там кто-то был.

76

— Что это у тебя там? Что в этом пакете?

Поль обернулся и тут же испустил вздох облегчения. Это был Винсент! Мог бы и раньше догадаться. Винсент вечно за всеми шпионит. Но все равно хорошо, что это всего лишь Винсент. Хотя он говорит каким-то странным голосом. И смотрит как-то странно.

— Ничего.

— Как это «ничего»?

Фанетта была права. Винсент — прилипала.

— Ну ладно. Раз уж тебе так хочется, покажу. Смотри!

Поль наклонился и снял с картины оберточную бумагу. Винсент подошел к нему поближе.

«Готовься, хорек любопытный, сейчас увидишь!»

Поль снял обертку. «Кувшинки» Фанетты заиграли на солнце всеми своими красками. Цветы кувшинок на холсте подрагивали, словно двигались по нарисованной воде, как плавучие островки.

Винсент ничего не сказал, лишь не отрываясь смотрел на картину.

— Ладно, — наконец решительно произнес Поль. — Помоги мне ее завернуть. Надо отнести учительнице. Это на конкурс, сам понимаешь.

Он бросил на Винсента исполненный гордости взгляд.

— Что думаешь? Разве не гениально? У Фанетты настоящий талант! За нее будут сражаться лучшие художественные школы мира! Токио, Нью-Йорк, Мадрид... А она будет выбирать!

Винсент выпрямился. Его вдруг зашатало, как пьяного.

— Что с тобой? — забеспокоился Поль.

— Н... н-не делай этого, — чуть слышно прошептал Винсент.

— Что не делать?

Поль начал заворачивать картину в бумагу.

— Не относи эту к-картину учительнице. Н-нельзя, чтобы ее отослали на край света. Потому что потом они заберут у нас Фанетту.

— Да что ты болтаешь? Помоги мне лучше.

Винсент приблизился к Полю, который сидел на корточках, накрыв его своей тенью.

— Брось картину в реку! — Винсент произнес это громко и властно. Поль еще никогда не слышал, чтобы он так говорил. Он поднял голову: что он, шутит, что ли?

— Винсент, прекрати болтать ерунду. Помоги завернуть.

Винсент ничего не ответил. Потом неожиданно шагнул вперед, поднял правую ногу и пихнул картину.

Та съехала к ручью, до которого было всего несколько сантиметров.

Но рука Поля удержала ее. Поймала в последний момент. Поль вскочил на ноги.

— Ты что делаешь, псих?! Ты же ее чуть не уронил!

Поль не боялся, что Винсент кинется в драку. Винсент никогда не дрался с теми, кто сильнее его, а Поль был сильнее. Значит, надо просто

объяснить ему. Он поймет.

Винсент отступил на пару метров, укрылся под ветвями плакучей ивы и принялся рыться в карманах.

— Поль, я все равно не дам тебе этого сделать. Я не допущу, чтобы у нас отняли Фанетту.

— Больной! Иди отсюда!

Поль двинулся на Винсента. Тот выскочил из-под ивы. В руках у него блеснул нож.

— Ты что?..

От удивления Поль остолбенел.

— Сейчас ты отдашь мне эту картину, Поль. И я ее немного порежу. Совсем чуть-чуть...

Поль больше не слушал, что говорит Винсент. Он смотрел на нож — широкий и плоский. Он видел такой у Фанетты. Художники пользуются им, чтобы чистить палитру. Он называется «мастихин».

«Откуда у Винсента мастихин?

У кого он его украл? У какого художника?»

— Давай сюда картину, — повторил Винсент. — Ты же видишь, я не шучу.

Поль оглянулся. «Хоть бы кто-нибудь пришел на помощь — сосед, случайный прохожий, все равно кто». Он поднял глаза к башне мельницы «Шеневьер». Никого. Ни одной живой души. Ни кошки, ни собаки. Даже Нептун куда-то исчез.

У него закружилась голова.

В памяти всплыло имя. «Нет, этого не может быть! Джеймс».

Поль еще раз взглянул на нож в руке Винсента. Нож был грязный. Художники всегда моют свои инструменты.

А Винсент не вымыл.

Лезвие ножа покрывали ржавые пятна.

Это была засохшая кровь.

77

Ноги Стефани скользили по влажной, пропитанной кровью земле, безуспешно ища опору.

«Кто-то идет».

Она потянулась руками к стволу тополя, обхватила его и, преодолевая слабость, поднялась на ноги. Ей казалось, что она вся

покрыта экскрементами и кровавыми ошметками, как будто ее швырнули в братскую могилу и она выбиралась из-под трупов.

«Кто-то идет».

Стефани вцепилась в тополь, прижалась к нему и принялась тереться о ствол дерева, пытаясь то ли очиститься, то ли взять у него немного силы.

«Кто-то идет».

Кто-то шел берегом Эпта. Она отчетливо слышала звук шагов и шелест раздвигаемых папоротников. Шаги приближались. От шеренги тополей отделился темный силуэт. Солнце било Стефани в глаза, и она не могла разглядеть, кто это.

«Лоренс?»

Хоть бы это был Лоренс. Стефани тут же забыла бы про кровь и грязь. Она содрала бы с себя перепачканное платье и бросилась бы к нему в объятия.

Он вернулся. Он ее увезет.

Сердце колотилось в груди.

— Я... Я нашел его таким.

Жак. Это голос Жака.

Ледяной.

Пальцы Стефани царапали древесную кору. Один за другим ломались ногти, причиняя боль, переходящую в нестерпимую муку.

Темный силуэт подходил к ней все ближе.

Жак.

Ее муж.

Стефани словно отупела. Она даже не задумалась, как он попал на Крапивный остров. Она не пыталась восстановить последовательность событий. Они навалились на нее слишком быстро и были слишком страшными, чтобы она сохранила ясность ума.

Жак нес на руках что-то большое. Собака! Это была собака. Кто-то снес ей полголовы. Кровь из чудовищной раны капала на ноги Жаку.

Нептун.

— Я нашел его таким, — бесцветным голосом сказал Жак. — Случайный выстрел, не иначе. Кто-то из охотников... Принял его за дичь. Или... Или его убила какая-то сволочь. Стефани, он не страдал. Он умер мгновенно.

Стефани медленно сползла на землю, обдирая о древесную кору руки и ноги. Боли она не чувствовала. Она вообще ничего больше не чувствовала.

Жак улыбнулся ей. Жак очень сильный. И такой спокойный.

Он аккуратно положил мертвого Нептуна на траву.

— Все будет хорошо, Стефани.

Стефани поняла, что у нее нет сил сопротивляться. Хорошо, что Жак пришел. Что бы она без него делала? Он всегда рядом. Никогда не жалуется. Ни в чем ее не упрекает. Ничего не просит. Просто он есть. Как вот это дерево. Жак — это дерево, которое кто-то посадил рядом с ней. Он не беспокоится, когда она от него отдалается. Он знает, что она вернется, чтобы укрыться в его спасительной тени.

Жак протянул ей руку. Она встала.

Она ему верит. Только ему. Он — единственный мужчина, который ни разу ее не предал. Она уткнулась ему в плечо и зарыдала.

— Пошли, Стефани. Пошли. Я оставил машину тут неподалеку. Положим Нептуна в багажник. Пошли, Стефани. Пошли домой.

78

Инспектор Лоренс Серенак прислонил мотоцикл к белой стене здания комиссариата. Расстояние от Живерни до Вернона он преодолел за какие-нибудь пять минут. Внутри он влетел как ураган. Мори сидел на месте дежурного и беседовал с тремя девушками. Одна из них, на грани истерики, беспрестанно повторяла, что у нее только что украли на вокзальной площади сумку.

— Сильвио не видел?

Мори поднял голову.

— Он внизу. В архиве.

Серенак стрелой промчался мимо него, кубарем скатился по лестнице и толкнул красную дверь. Сильвио Бенавидиш сидел за столом и что-то писал. На столе стояла коробка для вещдоков по делу Морваля; ее содержимое было аккуратно разложено рядом. Фотографии любовниц Жерома Морваля, снимки с места преступления, список учеников школы в Живерни, отчет патологоанатома о вскрытии, результаты графологической экспертизы, фотокопии картин с кувшинками, какие-то рукописные записки...

— Патрон! Хорошо, что вы пришли. По-моему, я кое-что нашел... Серенак его не дослушал.

— Бросай все, Сильвио. Мы закрываем дело.

Бенавидиш посмотрел на него с удивлением.

— Я все же расскажу вам, что узнал. Во-первых, я наконец нашел пятую женщину. Ту самую, в синем халате. Проверил квитанции семьи Морваль, выяснил, кому и за что они платили. Обзвонил несколько десятков человек. Короче, ее зовут Жанна Тибо. Она действительно спала с Морвалем — как она мне объяснила, чтобы не потерять работу. Расчет себя не оправдал — Патрисия выгнала ее через два месяца. Она переехала в пригород Парижа. Сейчас живет с почтальоном. У нее двое детей, пяти и трех лет. В общем, ничего интересного. Этот след тоже завел в тупик.

Серенак поднял на помощника мрачный взгляд.

— Вот именно. Тупик. Я рад, что ты со мной согласен. Это дело...

— Но, — торжествующим голосом перебил его Бенавидиш, — я не поленился и съездил в архив управления департаментом. Провел там прорву времени. Зато нашел номера газеты «Вернонский республиканец» за тысяча девятьсот тридцать седьмой год. Они писали о смерти мальчика по имени Альбер Розальба. Даже взяли интервью — если его можно так назвать — у матери погибшего ребенка, Луизы Розальба. Она не верила в то, что это был несчастный случай. Она...

— Ты меня не понял, Сильвио! — громко сказал Серенак. — Мы бросаем это дело. Расследование зашло в тупик. Все это чистый бред! Неизвестные полотна с кувшинками, спрятанные на чердаках у жителей Живерни, ребенок, утонувший бог знает когда, еще до войны, мужья-рогоносцы!.. Мы занимаемся какой-то фигней!

Бенавидиш наконец отложил в сторону ручку.

— Простите, патрон, но я вас не понимаю. Что вы имеете в виду, говоря: «Мы бросаем это дело»?

Серенак одним взмахом руки смел со стола бумаги и уселся на освободившееся место.

— Хорошо, Сильвио, я выражусь иначе. Ты был прав. По всем пунктам. С моей стороны было настоящим безумием смешивать расследование уголовного преступления с личными чувствами. Я понял это слишком поздно, но все-таки понял.

— Вы говорите о Стефани Дюпен?

— Если угодно...

Сильвио Бенавидиш снисходительно улыбнулся и принялся методично собирать рассыпанные бумаги.

— Значит, Жак Дюпен — больше не враг народа номер один?

— Судя по всему, нет.

— Но тогда...

— Послушай меня, Сильвио! — Серенак яростно застучал кулаком по столу. — Я сейчас позвоню судебному следователю и скажу, что я завяз в этом деле. Я признаю собственную профнепригодность. Если он решит передать расследование другому...

— Но...

Сильвио Бенавидиш обвел взглядом разложенные на столе предметы, после чего покосился в свои записи.

— Понимаю вас, патрон. Наверное, это правильное решение. Хотя...

Он пригляделся к начальнику и воскликнул:

— Господи, что с вами, патрон?

— А что?

— Да у вас вся куртка в крови! Вы что, труп переносили?

Лоренс вздохнул.

— Я тебе все потом объясню. Что ты имел в виду, когда сказал: «Хотя»?

Сильвио заколебался. В конце концов он отвел глаза от окровавленной одежды Серенака.

— Хотя... Чем старательнее я собираю части головоломки, тем упорнее меня преследует мысль о том, что какому-то одиннадцатилетнему ребенку грозит опасность. Если мы сейчас бросим это дело, есть риск, что...

Сильвио Бенавидиш не успел договорить. По лестнице прогрохотали торопливые шаги и в комнату ворвался агент Мори.

— Сильвио! Только что из роддома звонили! Вроде как там началось! Сказали, воды отошли... Я спросил, что и как, но они со мной не стали разговаривать. Сказали, пусть папаша сюда мчится. Быстро!

Бенавидиш вскочил со стула и схватил свою куртку. Лоренс Серенак дружески хлопнул его по плечу.

— Давай, Сильвио, дуй! Об остальном забудь!

— Да... Ой... Но...

— Беги, дурила!

— Спасибо, Лор... То есть патрон... Ну, это... Лоренс, я...

Он пытался надеть куртку, но руки отказывались попадать в рукава.

— Чего ты тянешь? — торопил его Серенак. — Беги давай!

— Уже бегу. Последнее, патрон... Можно на «ты»?

— Давно пора, дубина.

Они улыбнулись друг другу. Инспектор Бенавидиш окинул взглядом разложенные на столе бумажные листы, задержавшись на фотографии Стефани Дюпен, шагнул к двери и с порога сказал:

— Я взвесил все «за» и «против» и пришел к выводу, что ты правильно решил бросить это дело!

Лоренс Серенак слушал, как стучат по лестнице башмаки убегающего помощника. Топот ног доносился все слабее, затем хлопнула вдали дверь, и настала тишина. Серенак медленно складывал в красную архивную коробку материалы расследования. Фотографии, отчеты, записи. Подойдя к полке, пробежал глазами расставленные в алфавитном порядке другие коробки и нашел место для своей.

На букву «М». *Дело Морваля.*

Он отступил на шаг. Дело Морваля превратилось в одно из сотен других, так же оставшихся нераскрытыми. Несмотря ни на что, из головы у Серенака не шли слова Сильвио.

«Какому-то ребенку грозит смертельная опасность.

Один ребенок умирает. Другой рождается.

Сильвио забудет...»

Лоренс Серенак почти весело посмотрел на кучу сапог, сваленных в углу, — владельцы за ними так и не явились, что неудивительно: это старье годилось разве что на помойку. На столе по-прежнему лежал гипсовый слепок следа, найденного на берегу ручья. «Да уж, — иронично подумал он, — расследование завершилось пшиком». И тут же перекинулся мыслями к Стефани и смерти Нептуна.

Да, он принял верное решение. Хватит уже смертей.

Что же до фиалковых глаз Стефани, ее фарфоровой кожи, бледных губ и серебристых лент в волосах...

Он о них забудет.

Во всяком случае, он на это надеялся.

79

— Дай сюда картину, — повторил Винсент.

С ножом в руке он заговорил совсем другим голосом, будто сразу стал на несколько лет старше, — так говорят подростки, накопившие немалый опыт в уличных потасовках. Поль крепче прижал к себе картину.

— Винсент, откуда у тебя этот нож?

— Нашел! И вообще это не твое дело! Гони картину! Ты сам понимаешь, что я прав! Если тебе действительно дорога Фанетта...

У Винсента странным образом изменились глаза. Начиная от уголков, они наливались кровью. Как у настоящего безумца. Поль раньше никогда не видел Винсента в таком состоянии.

— Ты мне не ответил. Где ты нашел этот нож?

— Не переводи разговор!

— Почему на ноже кровь?

У Винсента дрожала рука. Красноты в глазах прибавилось.

— Не лезь не в свое дело!

Полю казалось, что приятель меняется прямо у него на глазах, превращаясь в опасного сумасшедшего. Он ухватился рукой за поручень портомойни.

— Это не ты?.. Не ты?.. Нет, не может быть, чтобы ты...

— Пошевеливайся, Поль! Дай мне картину! Мы с тобой в одном лагере. Если тебе дорога Фанетта, мы с тобой должны действовать заодно.

Нож описывал в воздухе беспорядочные загогулины. Поль отступил на шаг.

— Черт... Так это все-таки ты... Ты убил этого американца... Художника... *Джеймса!* Мне Фанетта говорила. Ножом в сердце! Это ты сделал?

— Заткнись! Что тебе за дело до какого-то американца? Я думаю только о Фанетте! Выбирай, с кем ты. У тебя еще есть шанс. Отдай мне картину! Или просто брось ее в воду! В последний раз говорю!

Рука Винсента напряглась. Он крепче сжал нож, готовясь к нападению.

— В последний раз...

Поль улыбнулся и наклонился, чтобы положить упакованную картину на землю.

— Ладно, Винсент. Давай поговорим спокойно...

Вдруг он выпрямился. Винсент не ожидал ничего подобного и не успел даже двинуться. Поль крепко обхватил его запястье и принялся выворачивать ему руку. Винсент упал на колени. Он изрыгал проклятья, но Поль держал его крепко. Покрасневшие глаза Винсента наполнились слезами боли и унижения. Рука разжалась, и нож из нее выпал. Поль мыском ноги отбросил его подальше, метра за три, под ивы, но не ослабил хватку, напротив — завел руку Винсента тому за спину и поднял ее вверх.

— Плечо, черт, мое плечо! — завыл Винсент. — Ты же мне плечо вывихнешь!

Поль еще немного приподнял руку Винсента. Он всегда был сильнее.

— Ты больной, вот что я тебе скажу. Натуральный псих. Тебя лечить надо. Я все расскажу твоим родителям. И в полиции расскажу. И всем остальным. Я всегда подозревал, что у тебя не все дома, но чтобы до такой степени...

Винсент выл. Поль иногда принимал участие в драках, которые мальчишки затевали в школьном дворе во время перемены, но он никогда никого не бил всерьез. Он не знал, как далеко может завести руку Винсента, чтобы ее не сломать. Ему казалось, он слышит хруст костей.

Винсент прекратил выть. Теперь он просто плакал. Его тело обмякло, и он больше не пытался сопротивляться. Поль наконец отпустил руку Винсента и наподдал ему ногой, отчего тот откатился на метр.

И остался лежать бесформенной кучей тряпья.

— Учти, я за тобой слежу, — пригрозил Поль.

Он убедился, что нож отлетел достаточно далеко и что Винсенту его не достать. Винсент подобрал под себя коленки и скрючился в позе зародыша. Не спуская с него глаз, Поль наклонился и протянул руку к картине.

Он отвернулся от Винсента на полсекунды, не больше. Но этого оказалось достаточно.

Винсент вскочил и бросился на Поля, выставив вперед локти. Поль успел отскочить в сторону, так что локти Винсента задели его лишь по касательной. Винсент пробежал мимо него и тяжело плюхнулся в заросли крапивы.

«Больной!»

Больше Поль ни о чем не успел подумать, потому что поскользнулся и, не удержавшись на ногах, упал на глинистый берег. Он безуспешно молотил в воздухе руками и ногами, ища, за что бы зацепиться, — ветку, перекладину портомойни, столбик...

Слишком поздно.

Он опрокинулся на спину и инстинктивно попытался сгруппироваться, но стукнулся спиной о кирпичную стену портомойни. Тело пронзила острая боль. Поль прокатился по скользкому берегу еще примерно с метр и налетел виском на бетонный столб. В глазах полыхнула яркая вспышка, похожая на разряд молнии.

Он продолжал скользить к ручью. Он все видел и все соображал, но тело отказывалось ему повиноваться. Холодная вода коснулась его волос.

Поль понял, что сантиметр за сантиметром сползает в ручей. Он видел теперь только синее небо у себя над головой, расчерченное, словно расцарапанное, ивовыми ветвями.

Вода заливалась в уши, текла за воротник, а он продолжал скользить.

Над ним возникло лицо Винсента.

Поль протянул ему руку — или ему показалось, что он ее протянул? Он не чувствовал своего тела. Во всяком случае, на синем экране неба он своей руки не увидел. Винсент улыбнулся. «Чему он улыбается, — подумал Поль. — Он что, думает, что это шутка? Что он медлит? Почему не поможет ему выбраться из воды? Или он на самом деле псих?»

Винсент подошел совсем близко.

Теперь Поль знал ответ на свой вопрос. Губы Винсента раздвинула не улыбка, а злобная гримаса. В тот же миг Поль наконец увидел руку, даже две. Это были руки Винсента. Они мелькнули у него перед

глазами и исчезли. Но переместились Полю на плечи и подтолкнули его в воду.

Полю хотелось драться. Перевернуться и вцепиться как следует этому ненормальному. Он же сильнее. Намного сильнее.

Но он не мог даже пошевелиться. Его тело было парализовано.

Две руки упорно спихивали его в воду.

Ледяная вода дошла Полю до носа и рта, залила глаза.

Последнее, что увидел Поль, были розовые пятна, танцующие на поверхности воды.

Они напомнили ему картину Фанетты.

Больше он ничего не видел.

80

Я продолжала медленно брести по дороге к Крапивному острову. Ришар Патерностер, здешний крестьянин, наконец отпустил меня, щедро снабдив дружескими советами. «В вашем возрасте, дорогая, не слишком разумно так далеко уходить от дома. Да еще в такую жару... Зачем вы туда идете? Хотите, я отвезу вас домой? И, ради бога, будьте осторожны. Тут хоть и грунтовка, но есть лихачи, которые по ней гоняют, как по асфальту. Туристы... Помешались на своем Моне. Все ищут Крапивный остров... Видели только что мотоцикл? Ведь как летел! А вот, кстати, еще один лихач!»

И правда, над дорогой поднялось охряное облачко пыли.

Мимо фермы проехал синий «Форд-брейк».

Это был «форд» Дюпенев. Из-за пыли я еле успела рассмотреть пассажиров.

Жак Дюпен с пустым взглядом сидел за рулем. Рядом сидела заплаканная Стефани Дюпен. Плачешь, милая? Ну плачь, плачь. Это только начало, можешь мне поверить.

Проклятая дорога, когда же она кончится? Я плелась по ней и плелась, ощупывая палкой рытвины; до Крапивного острова оставалось пройти пару сотен метров. Хорошо бы поскорее. И Нептун куда-то запропастился. Я знаю, что эта глупая псина обожает удирать далеко от дома, носиться за детишками, увязываться за прохожими или гонять по лугу кроликов.

Но здесь, в этом месте...

От внезапного страха у меня сжалось горло.

— Нептун?

Ну вот наконец-то Крапивный остров!

Как ни странно, этот кусочек суши, зажатый между двумя реками, всегда навевал мне мысли о крае света. На самом деле это не остров, не будем преувеличивать, а полуостров. Здесь всегда ветрено, и тополя шелестят листвой. Можно подумать, что жалкий ручеек шириной в два метра, именуемый Эптом, несет сюда океанические ветра. Иначе говоря, когда я ступаю на этот заросший крапивой лужок, всегда складывается впечатление, что меня занесло на окраину мира. Только Моне сумел это понять...

— Нептун!

Я люблю подолгу стоять здесь и смотреть на другой берег. Мне нравится это место. Я буду о нем жалеть.

— Нептун!

Я крикнула погромче. Куда девалась собака? Тревога во мне переросла в настоящий страх. Куда он удрал? Я свистнула — я еще умею свистеть. Нептун всегда прибегает на мой свист.

Я ждала.

Одна.

Ни звука. Никаких признаков Нептуна.

Я попыталась себя вразумить. Что за глупые страхи?! Это место так на меня действует! Я давным-давно перестала верить в зловещие предзнаменования, роковые совпадения и прочую чепуху. Ничего случайного на свете не бывает. Просто...

Господи! Где моя собака?

— Нептун!

От крика у меня заболело горло.

Я снова и снова кричала:

— Нептун! Нептун!

Тополя молчали, онемев навсегда.

Ох.

Вот и он. Возник неизвестно откуда, выскочил из папоротников справа от меня и бросился к моим ногам. Смотрит хитрющими глазами, как будто просит прощения за то, что пропал где.

— Ладно, Нептун, пошли назад.

Картина вторая ЭКСПОЗИЦИЯ

ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ

25 мая 2010 года

(Луг в Живерни)

ОТРЕЧЕНИЕ

81

Я вернулась с Крапивного острова. На сей раз за фермой Ришара Патерностера я свернула не к мельнице «Шеневьер», а направо, где рядом расположены три автомобильные стоянки. Нептун крутился рядом. Со стоянок начали разъезжаться автобусы и легковушки. Отдельные обормоты-водители, сдавая назад, не давали себе труда посмотреть в зеркало заднего вида и пару раз чуть не наехали на меня. Я стучала палкой им по ветровому стеклу. Ни один не посмел огрызнуться. Даже извинялись.

Вы уж меня простите, каждый развлекается как может.

— Пошли, Нептун.

Наконец я выбралась на шоссе Руа. Прошла немного вперед, до сада Моне. Народу было еще полно, каждому хотелось насладиться видом роз и кувшинок. И то сказать, денек сегодня выдался на славу. До закрытия сада оставался примерно час, но туристы, преодолевшие по пути сюда многие километры, покорно выстраивались в очередь и гуськом продвигались по садовым дорожкам. Так выглядит Живерни в пять часов вечера. Практически метро в час пик.

Я рассеянно смотрела на толпу. В следующую секунду я перестала видеть туристов. Я видела только ее.

Фанетту.

Я видела ее со спины, на берегу пруда с кувшинками. На ветках глицинии лежала ее картина. Я догадалась, что Фанетта плачет.

— Что тебе от нее надо?

Толстяк Камиль стоял на другом конце пруда, на зеленом мостике, над которым свешивались ветви плакучей ивы. Вид у него был дурацкий. В руках он держал маленькую картонку.

— Что тебе надо от Фанетты? — повторил Винсент.

— Да я... Я просто... — смущенно забормотал Камиль. — Хотел ее утешить... Ну и поздравить. У нее же сегодня день рождения. Я принес ей открытку...

Винсент вырвал открытку из рук Камиля и окинул ее быстрым взглядом. Обыкновенная открытка. На лицевой стороне — репродукция «Кувшинок» Моне в лиловых тонах. На обороте — короткая надпись: «С днем рождения! Одиннадцать лет!»

— Ладно. Я ей передам. А сейчас оставь ее в покое. Фанетте сейчас никто не нужен.

Оба мальчика посмотрели на другой берег пруда, где Фанетта яростно работала кистью.

— Как... Как она вообще? — тихо спросил Камиль.

— А ты как думаешь? — ответил Винсент. — Как мы все. Ошарашена. Сначала узнали, что Поль утонул. Потом эти похороны под дождем. Но ничего, она отойдет. Несчастный случай, что поделаешь. Бывает.

Толстяк Камиль заплакал. Винсент не обратил на это никакого внимания. Повернулся к нему спиной и пошел вокруг пруда, бросив напоследок:

— Не волнуйся, я передам ей твою открытку.

Тропинка вокруг пруда сворачивала налево и ныряла в заросли глициний. Едва оказавшись под их защитой, Винсент сунул открытку себе в карман, и пошел к японскому мостику, раздвигая руками слишком низко склонившиеся к тропинке ирисы.

Фанетта стояла спиной к нему и всхлипывала. Она поднесла самую широкую, почти малярную кисть к палитре, на которой смешала самые темные свои краски.

Темно-коричневую. Антрацитово-черную. Густо-пурпурную.

Черную.

Фанетта наносила на свою радужную картину беспорядочные мазки. Она не смотрела по сторонам и ничего не пыталась воспроизвести на холсте — она хотела выразить неутолимую боль своей души. Как будто на пруд, наполненный играющей в лучах солнца

водой, спустились сумерки. Фанетта оставила нетронутыми лишь несколько кувшинок, которые оживила, прикоснувшись к ним тонкой кисточкой в желтой краске.

Редкие звездочки во мраке ночи.

— Камиль хотел прийти, — тихим голосом сказал Винсент, — но я его не пустил. Сказал, чтобы он оставил тебя в покое. Он хотел поздравить тебя с днем рождения.

Винсент дотронулся рукой до кармана, но так и не вытащил из него открытку. Фанетта молча выдавила на палитру новый тюбик черной краски.

— Фанетта, зачем ты это делаешь? Ты же...

Фанетта повернулась к нему. Глаза у нее покраснели от слез. Той же тряпкой, какой она вытирала кисти, она провела себе по щеке, оставив на ней черный след.

— Все кончено, Винсент, — сказала она. — Больше никаких ярких красок. Никакой живописи.

Винсент ничего не сказал.

— Все кончено, Винсент, — почти крикнула Фанетта. — Ты что, не понимаешь? Поль умер из-за меня! Он поскользнулся на ступеньке, когда лез за этой проклятой картиной. Это я послала его туда. Я сказала ему, чтобы он поторопился. Это я... Я его убила.

Винсент положил руку ей на плечо.

— Да нет же, Фанетта. Это был просто несчастный случай, и ты сама это знаешь. Поль поскользнулся, упал в ручей и утонул. Никто в этом не виноват.

Фанетта всхлипнула.

— Ты очень добрый, Винсент.

Она положила кисть на палитру, склонила голову к плечу мальчика и разрыдалась.

— Они говорили мне, что я самая талантливая. Что я должна быть эгоисткой. Что живопись даст мне все. Они меня обманули, Винсент. Они меня обманули! И оба они умерли. И Джеймс. И Поль.

— Не все, Фанетта. Я же не умер. И потом, Поль...

— Тс-с.

Винсент понял, что Фанетта просит его помолчать. Он не посмел с ней спорить. Он ждал. Тишину нарушали только ее всхлипы да время

от времени легкий шорох, с каким на воду пруда ложился слетевший с ивы или глицинии сухой лист. Через какое-то время Фанетта наклонилась и прошептала Винсенту на ухо:

— Все. Все кончено. Все наши игры. Я больше никогда не буду называть вас именами знаменитых художников-импрессионистов. Это фальшивые имена. И в них больше нет никакого смысла.

— Как хочешь, Фанетта.

Винсент одной рукой обнял Фанетту и прижал к себе.

— Я здесь, Фанетта. Я всегда буду рядом с тобой.

— С этим тоже покончено. Больше не называй меня Фанеттой. Никто больше не будет называть меня Фанеттой. Ни ты, ни кто другой. Девочка по имени Фанетта, которую считали талантливой художницей и будущим гением, тоже умерла на том пшеничном поле. Фанетты больше нет.

Мальчик колебался. Его рука поднялась к плечу девочки и робко погладила его.

— Понимаю... Я один тебя понимаю, и ты это знаешь. Я всегда буду рядом с тобой, Фан...

Винсент поперхнулся. Его рука продолжала гладить ее руку.

— Я всегда буду рядом с тобой, Стефани.

Именная цепочка, которую он носил на запястье, скользнула вниз по его поднятой руке. Он невольно задержал на ней взгляд. Он понял, что отныне Стефани больше никогда не назовет его именем знаменитого художника, которое выбрала для него сама. Он больше не будет *Винсентом*.

Она будет звать его настоящим именем.

Тем, которым его нарекли при рождении, которым его крестили и которое выгравировали на именной цепочке.

Его зовут *Жак*.

Вода омывала обнаженное тело Стефани. Стоя под обжигающими струями, она яростно терла себя мочалкой. Соломенного цвета платье, запачканное кровью, грязным комом валялось на плиточном полу. Она уже давно стояла под душем, но все еще чувствовала на своей коже кровь Нептуна. Ее преследовал отвратительный запах.

Счастливой любви не существует.

Она не могла не думать об ужасе, пережитом на Крапивном острове.

Смерть ее собаки, Нептуна.

Прощальная записка Лоренса.

Счастливой любви не существует.

Жак сидел на кровати в соседней комнате. На ночном столике стояло включенное радио, по которому Франсуаза Арди пела «Время любви». Жак говорил громко, чтобы Стефани слышала его даже в ванной:

— Больше никто не причинит тебе зла, Стефани. Никто. Мы навсегда останемся вдвоем. Никто не посмеет нас разлучить.

«Счастливой любви не существует.
Кроме той, что хранит наша память...»

Стефани плакала. Горячая вода смывала ее слезы.

Жак продолжал свой монолог:

— Вот увидишь, Стефани. Все изменится. Я найду для тебя дом. Настоящий, который тебе понравится.

Жак знает ее лучше всех. Жак всегда находит нужные слова.

— Плачь, дорогая. Плачь, плачь, ты имеешь право плакать. Завтра мы поедем на ферму в Отее, возьмем нового щенка. Нептуна жалко, но это просто несчастный случай. В деревне такое бывает. Он не страдал, Стефани. А мы прямо завтра поедем. Завтра тебе будет уже лучше...

Стефани выключила воду и завернулась в широкое пахнущее лавандой полотенце. Она вошла в комнату босиком, с мокрыми волосами. Очень красивая. В глазах Жака.

Можно ли до такой степени любить женщину?

Жак встал и обнял жену.

— Я здесь, Стефани. Ты знаешь, я всегда буду рядом. Что бы ни случилось...

Тело Стефани на миг напряглось, но тут же расслабилось. Жак поцеловал жену в шею и прошептал:

— Мы все начнем сначала, красавица моя. Завтра возьмем нового щенка. Это поможет тебе забыть. Я ведь тебя знаю. И ты придумаешь ему имя.

Мокрое полотенце соскользнуло на пол. Жак уложил жену в постель. Стефани не сопротивлялась.

Она все поняла. Она отказалась от борьбы. Судьба сама решила за нее. Она знала, что ее ждут долгие годы безрадостной жизни, похожие один на другой, что она так и состарится в этой клетке, рядом с заботливым мужем, которого не любит. Постепенно даже память о попытке бегства сотрется и исчезнет.

Стефани закрыла глаза — это была последняя форма сопротивления, на какую у нее еще оставались силы. Из радиоприемника звучали последние гитарные аккорды, заглушаемые хриплым голосом Жака.

Если бы можно было еще и уши заткнуть.

Музыкальная программа закончилась, передавали прогноз погоды. Завтра будет тепло, даже жарко. Поздравляем с именинами всех Диан. Восход солнца — в пять сорок девять. Световой день увеличился еще на несколько минут. Это был прогноз погоды на завтра, девятое июня тысяча девятьсот шестьдесят третьего года.

«Счастливой любви не существует.
Кроме той, что хранит наша память.
Прощай навсегда.

Лоренс».

Я встряхнулась. Этак я сгорю на солнце! Сколько я тут простояла, на обочине шоссе Руа, погружившись в воспоминания? Полоумная старуха.

Надо двигаться. Надо поставить точку. Этой истории не хватает последней детали — слова «конец».

А история получилась занятная, правда? Надеюсь, вы оценили хеппи-энд.

Они поженились и даже не развелись, а детей у них не было.

Он прожил счастливую жизнь.

Она внушила себе, что счастлива. Человек ко всему привыкает.

Времени привыкнуть ей хватило с избытком. Почти пятьдесят лет. С 1963 года по 2010-й. Время целой жизни...

Я решила пройтись еще немного по шоссе Руа и двинулась в сторону мельницы. По мосту перешла через ручей и остановилась перед воротами. Почтовый ящик ломился от обещающей неммыслимые скидки рекламы ближайшего гипермаркета, в котором я ни разу не была. Проклятье. Я бросила этот бумажный мусор в помойный контейнер, который специально для этой цели поставила у ворот. И выругалась вслух.

В куче рекламных листовок мелькнул конверт. Чуть не проглядела письмо. Адресовано мне. Я прочитала обратный адрес: «Вернон, улица Бурбон-Пантьевр, 13. Доктор Берже».

Доктор Берже...

Этому стервятнику хватит наглости прислать мне дополнительный счет, чтобы страсти со старухи еще немножко денежек. Я прикинула на глаз размеры конверта. Не исключено, впрочем, что он выражает мне соболезнования, правда, с запозданием. В конце концов он один из последних, кто видел моего мужа живым. Это было... тринадцать дней назад.

Непослушными пальцами я надорвала конверт. В нем лежала светло-серая картонная карточка с черным крестом в левом углу.

Берже накарябал на карточке несколько слов.

«Дорогой друг!

С грустью узнал о кончине вашего мужа, случившейся 15 мая 2010 года. Как я и говорил вам во время своего последнего визита, этот исход был, увы, неизбежен. Вы прожили вместе долгую и дружную жизнь. В наши дни это редкость.

Примите мои искренние соболезнования,

Эрве Берже».

Я нервно теребила пальцами картонку. Сам собой вспомнился последний визит доктора Берже. Это было тринадцать дней назад. Вечность назад. В другой жизни. Прошное снова всплыло передо мной.

Все покачнулось 13 мая 2010 года, когда умирающий старик во всем мне признался.

Его рассказ занял не больше часа. Час на то, чтобы выслушать. Тринадцать дней, чтобы все вспомнить.

Я боролась с желанием порвать карточку на мелкие кусочки. Прежде чем углубиться в лабиринты памяти, я еще раз посмотрела на конверт.

Прочитала адрес. Свой адрес.

27620 Живерни
Шоссе Руа
Мельница «Шеневьер»
Стефани Дюпен

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

13 мая 2010 года

(Мельница «Шеневьер»)

ЗАВЕЩАНИЕ

82

Я ждала в гостиной мельницы «Шеневьер». Врач находился в соседней комнате, с Жаком. Я срочно вызвала его около четырех утра. Жак корчился от боли. Сердце у него билось с перебоями, как мотор в машине с опустевшим бензобаком — он еще какое-то время кашляет и чихает, прежде чем остановиться. Я включила свет и посмотрела на его руки — они были белые, со светло-голубыми линиями вен. Доктор Берже приехал через несколько минут. Вообще-то, кабинет у него в Верноне, на улице Бурбон-Пантьевр, но не так давно он купил неподалеку от Живерни, на берегу Сены, очень красивый загородный дом.

Доктор Берже вышел из спальни примерно через полчаса. Я сидела на стуле. Ничего не делала, просто ждала. Доктор Берже — человек прямой, он не любит ходить вокруг да около. Между нами говоря, редкая сволочь — за счет местных стариков, которых обдирает как липку, пристроил к дому веранду и вырыл во дворе бассейн, — но в откровенности ему не откажешь, а я высоко ценю людей, не боящихся резать в глаза правду-матку. Потому-то его у нас и признали. Семейный врач все равно нужен, а он или кто другой — какая разница?

— Это конец. Жак все понимает. Ему осталось... от силы несколько дней. Я сделал ему внутривенный укол, на пару часов он почувствует себя лучше. Я позвонил в Вернон, в больницу. У них есть свободная палата, сейчас они пришлют за ним машину.

Он взял свой кожаный саквояж и, чуть поколебавшись, добавил:

— Он... просил вас зайти. Я хотел вколоть ему снотворное, чтобы он поспал, но он отказался. Сказал, ему надо с вами поговорить.

Наверное, я выглядела удивленной. Скорее удивленной, чем подавленной. Берже счел нужным спросить:

— А вы-то как себя чувствуете? Справитесь? Может, выписать вам что-нибудь?

— Нет, спасибо, ничего не надо.

Мне не терпелось, чтобы он ушел. Он еще раз окинул взглядом скудно освещенную комнату и удалился. На пороге еще раз обернулся. На его лице читалась почти искренняя печаль. Еще бы, потерять такого хорошего клиента...

— Мне очень жаль, Стефани. Мужайтесь.

Я медленно пошла в спальню Жака, даже не подозревая, что мне предстоит выслушать его исповедь. И после стольких лет узнать наконец правду.

На самом деле история оказалась совсем простой, проще некуда.

Один убийца, один мотив, одно место преступления, горстка свидетелей.

Преступник совершил два убийства: в 1937-м и в 1963 годах. Он преследовал одну и ту же цель — сохранить свое сокровище. Жизнь женщины, от ее рождения до смерти.

Мою жизнь.

Единственным преступником был Жак.

Жак сообщил мне все подробности. Ничего не упустил. В последние дни мои воспоминания прыгали от одной части моей жизни к другой, словно в калейдоскопе, складываясь в прихотливый, но непонятный узор. На самом деле каждое событие было лишь винтиком в тщательно продуманной схеме, спланированной и реализованной чудовищем.

Это было тринадцать дней назад.

В то утро я толкнула дверь в спальню Жака, еще не догадываясь, что меня ждет встреча с призраками прошлого.

С призраком моей судьбы.

— Подойди ближе, Стефани.

Доктор Берже подложил Жаку под спину две большие подушки. Он не лежал, а полусидел в постели. Кровь прилила у него к щекам, но руки оставались мертвенно-бледными, — я сразу заметила этот контраст.

— Подойди ближе, Стефани. Полагаю, доктор Берже все тебе сказал. Мы расстаемся. Скоро. Но прежде... Я... Я должен тебе сказать. Пока сил хватает... Я попросил доктора Берже вколоть мне что-нибудь, чтобы я продержался до приезда «скорой».

Я присела на край постели. Он вытянул вдоль тела, поверх одеяла, свою морщинистую руку, перехваченную толстой повязкой. Выше повязки волоски на руке были тщательно выбриты. Я взяла его за руку.

— Стефани, в гараже, в кладовке, лежат кое-какие вещи. Очень старые. Мои охотничьи куртки, ягдташ, патроны... Сапоги... Всякое старье. Ты их вытащи. Потом ногой разгреби гравий на полу. Увидишь люк. Если не разобрать сверху хлам, его не видно. Подними этот люк. Под ним найдешь сундучок. Маленький такой, алюминиевый. Размером с обувную коробку. Принеси его мне, Стефани.

Жак крепче сжал мне руку, но вскоре выпустил. Я не все поняла, но тем не менее поднялась. Все это показалось мне странным. Тайники, спрятанные сокровища — Жак сроду ничем таким не увлекался. Он человек простой и ровный, сюрпризы — это не по его части. Я даже подумала, что доктор Берже переусердствовал с лекарствами.

Несколько минут спустя я вернулась, точно выполнив все указания мужа. Я нашла алюминиевый сундучок. Петли у него проржавели. На блестящей крышке кое-где темнели пятна.

Я поставила сундучок на постель.

— Он закрыт, — сказала я. — Заперт на замок.

— Я знаю, Стефани, я знаю. Спасибо. Я должен задать тебе один вопрос. Очень важный. Я не мастак говорить речи, но... Одним словом, скажи, Стефани... Все эти годы, что мы прожили вместе, ты была со мной счастлива?

Что я могла ему ответить? Что можно ответить человеку, жить которому осталось всего несколько дней? Человеку, с которым ты прожила пятьдесят — или уже шестьдесят — лет? Какой ответ я могла ему дать? Кроме само собой подразумевающегося: «Ну конечно, Жак, конечно, все эти годы я была очень счастлива».

Но ему этого показалось мало.

— Стефани, наш путь пройден. Теперь можно во всем признаться. Скажи мне, у тебя были... сожаления? Ты когда-нибудь думала, что твоя жизнь могла быть совсем другой? Что она могла пройти в другом месте?

Он шумно сглотнул.

— Или с другим человеком?..

У меня возникло странное ощущение, что Жак не сейчас придумал все эти вопросы, что он на протяжении долгих лет задавал их себе тысячи раз, поджидая подходящего момента, чтобы обратить их ко мне. Но мне момент вовсе не показался подходящим. Это не значит, что я никогда не задавала тех же вопросов сама себе. Господи, да миллион раз! Но теперь я старуха. Разбуженная среди ночи, я была совсем не готова на них отвечать. Туман у меня в голове только начинал рассеиваться. А эти вопросы... Я давным-давно заперла их в свой собственный сундучок и запретила себе его открывать. Я потеряла ключ от замка. Теперь его придется долго искать. Все это было так давно.

— Не знаю, — ответила я. — Я не знаю, Жак. Я не понимаю, что ты хочешь от меня услышать.

— Ну же, Стефани. Все ты прекрасно понимаешь. Стефани, ответь мне. Это очень важно. Ты хотела бы, чтобы у тебя была другая жизнь?

Жак улыбнулся мне. Теперь у него порозовело не только лицо, но и шея, и плечи. Лекарство доктора Берже действовало. И не только на циркуляцию крови. За все пятьдесят лет Жак никогда не задавал мне этих вопросов. Это совсем на него не похоже. Это вообще ни на что не похоже. Разве такие вопросы задают на смертном одре? Зачем это нужно — спрашивать у того, кого оставляешь на этой земле, не считает ли он, что его жизнь прошла зря? И кем надо быть, чтобы ответить «да»? Ответить умирающему? Даже если в глубине души точно знаешь, что правильный ответ: да. Я нутром чувствовала, что он готовит мне какую-то ловушку. Не просто так он завел этот разговор.

— О какой другой жизни ты говоришь, Жак? Я тебя не понимаю.

— Ты мне не ответила, Стефани. Хотела бы ты...

От ловушки за милю несло трупным ядом. Этот непереносимый запах коснулся моих ноздрей. Я думала, что навсегда забыла его, но нет. Такое не забывается. Он не оставил мне выбора. Голосом заботливой медсестры я сказала:

— Я прожила ту жизнь, которую выбрала для себя сама, Жак. Ту жизнь, какую заслужила. Благодаря тебе, Жак. Благодаря тебе.

Жак облегченно вздохнул. Можно подумать, ему сейчас явился сам апостол Петр и сообщил, что его имя внесено в списки допущенных в рай. Так что можно спокойно умирать. Его вид меня встревожил. Он вытянул руку и принялся шарить на ночном столике, как будто что-то искал. Столкнул на пол стакан с водой — тот упал и разбился. По полу потекла тонкая струйка воды.

Я встала — надо собрать осколки, взять тряпку, вытереть лужу. Но он опять поднял руку.

— Подожди, Стефани. Подумаешь, стакан. Ерунда. Помоги мне. Посмотри у меня в бумажнике, на столике...

Я подошла ближе. Под тапочками у меня хрустело стекло.

— Открой его, — попросил Жак. — Там, рядом с карточкой социального страхования, вставлена твоя фотография. Видишь, Стефани? Подсунь под нее палец...

Я уже целую вечность не открывала бумажник Жака. И правда, на меня смотрела моя собственная фотография, снятая лет сорок назад, не меньше. Неужели это я? Неужели это у меня были такие огромные фиалковые глаза? Эти губы бантиком? Эта перламутровая кожа, освещенная ласковым солнцем Живерни в ясный день? Я и забыла, какой красавицей была. Выходит дело, надо дожить до восьмидесяти лет и превратиться в сморщенную старуху, чтобы наконец это осознать.

Я сунула под снимок указательный палец. Оттуда выскочил маленький плоский ключ.

— Ну вот, теперь я спокоен, Стефани. Я могу умереть спокойно. Теперь я могу тебе признаться. Я сомневался. Я сильно сомневался. Этот ключ — от сундучка. Я всю жизнь носил его с собой. Теперь ты можешь открыть сундучок. Думаю, ты все поймешь. Но я надеюсь, мне еще хватит сил все рассказать самому.

У меня задрожали пальцы. Они дрожали у меня гораздо сильнее, чем у Жака. Меня охватило ужасное предчувствие. Мне стоило невероятного труда вставить ключ в замок и повернуть его. Наконец замок щелкнул, отомкнулся и упал на постель вместе с ключом. Жак мягко накрыл мою руку своей ладонью, словно просил подождать еще немного.

— Тебе был нужен ангел-хранитель, Стефани. Так получилось, что этим ангелом-хранителем стал я. И я всегда старался как можно лучше делать свою работу. Поверь мне, это не всегда было легко. Иногда мне казалось, что у меня ничего не получится. Но, как видишь, в конце концов... Ты меня успокоила. Я справился. Помнишь, Стеф...

Жак закрыл глаза и долго лежал так.

— Помнишь, Фанетта? — после минутной паузы спросил он. — Можно я в последний раз назову тебя Фанеттой? За семьдесят лет я ни разу не посмел... После тридцать седьмого года — ни разу. Видишь, я все помню. Я был твоим ангелом-хранителем. Все эти годы. Верным. Покорным. Деятельным.

Я ничего не сказала. Мне было трудно дышать. Мной владело одно желание — открыть этот алюминиевый сундучок и убедиться, что он пуст, а весь монолог Жака — не более чем бред, спровоцированный уколом доктора Берже.

— Мы с тобой родились в один год, — продолжал Жак тем же тоном. — В тысяча девятьсот двадцать шестом году. Ты, Фанетта, четвертого июня, за шесть месяцев до смерти Клода Моне. Как нарочно. А я — седьмого, то есть через три дня после тебя. Ты жила на Водонапорной улице, а я — на улице Коломбье, через несколько домов от тебя. Я всегда знал, что наши судьбы неразрывно связаны. Что я послан на эту Землю, чтобы охранять тебя. Чтобы, как бы это выразиться, отодвигать ветки у тебя на пути.

Отодвигать ветки? Боже мой, Жак заговорил метафорами, что ему абсолютно не свойственно. Он сведет меня с ума. Не в силах больше сдерживаться, я открыла сундучок. И он тут же выпал у меня из рук, словно в один миг нагрелся до белого каления. Его содержимое рассыпалось по постели. И мое прошлое бросилось мне в лицо.

Я с ужасом смотрела на три мастихина фирмы *Winsor & Newton*. Я сразу узнала крылатого дракона на рукоятке. По бокам от него темнели

два засохших коричневых пятна. Я опустила глаза и увидела сборник стихов. «В тексте — по-французски» Луи Арагона. Мой экземпляр всегда стоял в книжном шкафу у меня в спальне. Я и представить себе не могла, что у Жака есть свой. Еще один экземпляр книги, которую я так часто читала своим ученикам в школе в Живерни. Страница сто сорок шесть. Стихотворение «Нимфеи». Я вцепилась в книгу, словно это была Библия. Пальцы отказывались слушаться, пока я ее листала. Где страница 146? Вот она. Загнута уголком. Но что это? Внизу страницы зияет дыра. Небольшая, не шире сантиметра. Кто-то аккуратно вырезал ровно одну строчку. Первый стих двенадцатой строфы. Самый известный...

«Преступно мечтать...»

Я ничего не понимала. Ничего. Я не хотела ничего понимать. Мой мозг отказывался складывать воедино элементы этой головоломки.

Раздался бесцветный голос Жака. Он словно обдал меня ледяной водой:

— Ты помнишь Альбера Розальбу? Ну конечно, ты его помнишь. Детьми мы были неразлучны. Ты, я и он. Ты называла нас именами знаменитых художников — твоих любимых импрессионистов. Он стал Полем, я — Винсентом.

Рука Жака комкала простыню. Я, как загипнотизированная, смотрела на мастихины.

— Это был... несчастный случай. Он хотел отнести учительнице твою картину. «Кувшинки». Ту самую, Фанетта, что висит у нас на чердаке. Ты не захотела ее выбросить. Помнишь? Но я не об этом. Поль, в смысле Альбер, поскользнулся. Перед этим мы с ним подрались. Что правда, то правда, но он сам поскользнулся. Это был несчастный случай. Он упал со ступенек портомойни, ударился головой о камень. Я бы не смог убить его, Фанетта. Я не смог бы убить Поля, хотя он дурно на тебя влиял. Он не любил тебя по-настоящему. Но он поскользнулся. А случилось это все из-за живописи. Ты потом это хорошо поняла.

Мои пальцы сомкнулись на мастихине. У него было широкое лезвие — таким удобно чистить палитру. После 1937 года я ни разу не взяла в руки кисть. Ни разу. Но сейчас у меня в голове словно треснула какая-то корка, и в образовавшуюся щель полезли, толкаясь, воспоминания. Я крепче сжала рукоятку ножа. Горло сдавило. Я

открыла рот, но из него не вырвалось ни звука. Чуть погодя я все же сумела выдавить из себя:

— А Джеймс?..

Я произнесла это тоненьким голосом. Голосом одиннадцатилетней девочки.

— Этот сумасшедший старик? Художник-американец? Ты про него спрашиваешь, Фанетта?

Мои губы шевелились, но слов не было слышно.

— Джеймс... — продолжил Жак. — Да, точно, Джеймс. Я много лет пытался вспомнить, как его звали, но не мог — забыл. Хотел даже как-то у тебя спросить.

Он зашелся густым смехом, от чего его спина чуть съехала вниз по подушке.

— Я шучу, Фанетта. Я знал, что не должен посвящать тебя во все это. Ты должна была оставаться в неведении. Ангелы-хранители всегда действуют незаметно. Разве нет? До самого конца. Это самый главный принцип... Не жалею о Джеймсе. Он не стоил твоей жалости. Вспомни, чему он тебя учил. Быть эгоисткой. Бросить родных. Всех бросить. Уехать на край света. Он дурил тебе голову. Ты была девчонка, одиннадцатилетняя девчонка, он мог внушить тебе что угодно. Сначала я просто ему пригрозил. Вырезал на крышке ящика, в котором он таскал краски, надпись. Воспользовался моментом, пока он спал. Он почти все время дрых как сурок... Он прочел надпись, но не прислушался. И продолжал забивать тебе голову всякой ерундой. Токио, Лондон, Нью-Йорк... Он не оставил мне выбора. Пойми, Фанетта, ты ведь никого тогда не слушала, даже мать. Ты бы уехала, и все. Он не оставил мне выбора. А я понимал, что должен тебя спасти...

Я разжала пальцы. Воспоминания продолжали наползать, громоздясь одно на другое. Мастихин. Мастихин на постели. В пятнах крови. Это мастихин Джеймса.

Жак вонзил его в сердце Джеймса. Ему было тогда одиннадцать лет.

Он продолжил свою чудовищную исповедь:

— Откуда мне было знать, что Нептун найдет в пшеничном поле труп этого ненормального старика? Пока ты бегала за матерью, я перетащил тело. Всего на несколько метров. Вроде бы так, ведь сколько лет прошло... Ты даже не представляешь, какой он был тяжеленный. Я

уж думал, не справлюсь. Вы с матерью прошли от меня в двух шагах. Если бы ты повернула голову в мою сторону... Но ты ее не повернула. Я думаю, на самом деле ты не хотела знать правду. В общем, ты меня не заметила и твоя мать тоже. Это было чудо, понимаешь, чудо! Знак судьбы! Начиная с того дня я понял, что больше со мной ничего не может случиться. Что я исполню свою миссию. На следующую ночь я закопал тело посреди поля. Нелегкая работа для мальчишки, уж ты мне поверь. Потом сжег понемножку все его барахло — мольберты, холсты... Оставил только ящик для красок. Как доказательство того, на что я способен ради тебя. Представляешь, Фанетта, ведь мне тогда не исполнилось и одиннадцати! Вот какой у тебя появился ангел-хранитель!

Жак не давал мне вставить ни слова. Он ерзал, пытаюсь подняться повыше, но вместо этого миллиметр за миллиметром сползал по подушке вниз.

— Да я шучу, Фанетта. На самом деле это было не так уж трудно, даже для мальчишки. Твой Джеймс был беспомощный старик. Иностранец. Американец, упустивший шанс познакомиться с Моне. Он опоздал на целых десять лет. Жил как бездомный бродяга. Никто не обращал на него внимания. В тридцать седьмом году у людей были другие заботы. Тем более что за несколько дней до этого на барже, прямо напротив Живерни, обнаружили труп испанского рабочего. Полиция занималась только этим убийством. В конце концов они поймали преступника, но позже, через несколько недель. Им оказался моряк из Конфлана...

Морщинистая рука Жака шарила по постели, ища мою руку, но хватала только пустоту.

— Знаешь, Фанетта, я рад, что все это тебе рассказываю. Мы с тобой прожили спокойную жизнь. Долгую и спокойную. Вспомни, мы же выросли вместе. Потом мы на несколько лет разлучились, когда ты уехала учиться в педагогический в Эврё, но потом вернулась в Живерни и стала работать учительницей. В нашей школе! В пятьдесят третьем мы обвенчались в церкви Святой Радегунды. Все было замечательно. Твоему ангелу-хранителю стало нечего делать...

Жак снова рассмеялся. Я слышала этот смех в нашем доме почти каждый день — когда он смотрел телевизор или читал газету. Этот

густой жирный смех. Как же я раньше не догадалась, что так может смеяться только чудовище?

— Но дьявол не спит, правда, Стефани? И он подослал к тебе Жерома Морваля. Помнишь Морваля? Нашего с тобой одноклассника в начальной школе? Ты звала его Камилем, толстяком Камилем. Отличник! Тщеславный дурак! В школе ты его не любила, но ведь он здорово изменился. В конце концов сумел захомутать эту вечную плаксу, Патрисию. Ее ты окрестила Мэри — в честь Мэри Кассат... Но вскоре толстяку Камилю одной Патрисии показалось мало. Да, он сильно изменился. Деньги, что ты хочешь. Деньги кого угодно изменят. Купил лучший дом в Живерни, стал задирать нос. А кое-кому из девушек казался привлекательным. Вообще-то, он изменял жене налево и направо. В Живерни все про это знали, и Патрисия знала. Дошло до того, что она наняла частного детектива, чтобы за ним шпионить. Бедняжка Патрисия! А Морваль чуть не лопался от важности! Научился болтать об искусстве, хвалился своими деньжищами, картины собирал! Но главное, Стефани, главное не это. Жером Морваль — по слухам, лучший хирург-офтальмолог Парижа, — вернулся в Живерни ради одной-единственной цели. Не за «Кувшинками» Моне, не за любой другой картиной, нет! Он вернулся за прекрасной Фанеттой, которая в школе в его сторону и не смотрела. Но теперь, когда колесо фортуны повернулось, толстяк Камиль решил, что настал его час...

Слова застревали у меня в горле.

— Ты?.. Это ты?..

— Я знаю, Стефани, что Жером Морваль тебя не привлекал. Во всяком случае, пока не привлекал. Но я понимал, что должен действовать с упреждением. Жером Морваль жил в деревне. Времени у него было сколько хочешь. Он был хитрый. Он знал, чем тебя заманить. Всякие там «Кувшинки», воспоминания о Моне, пейзажики...

Чудовище снова потянулось к моей руке. Оно ползло и ползло по простыне. Как клоп. Больше всего мне хотелось размахнуться и вонзить в него нож. Убить мерзкое насекомое.

— Я ни в чем тебя не упрекаю, Стефани. Я знаю, что между тобой и Морвалем ничего не было. Ты просто согласилась прогуляться с ним. Побеседовать. Но со временем он бы тебя соблазнил, Стефани, он бы своего добился. Я ведь не злой, Стефани. Я совсем не желал смерти Жерому Морвалю. Толстяку Камилю. Я вел себя терпеливо, очень

терпеливо. Пытался его вразумить, намекал ему — прозрачно намекал, — на что я способен. Чем он рискует, продолжая ухлестывать за тобой. Сначала отправил ему открытку. Ту самую, с «Кувшинками». Морваль был не дурак, он, конечно, помнил, что это за открытка. Он сам передал мне ее для тебя, еще в тридцать седьмом году, в тот день, когда тебе исполнилось одиннадцать, сразу после смерти Альбера. В саду Моне. Я вырезал из книжки Арагона одну фразу и приклеил ее на открытку. Одну строчку из стихотворения, которое ты учила с детьми в школе. Мне она очень нравилась. Потому что объясняла, что мечтать не следует, что это — преступление, а за преступление полагается наказание. Нет, Морваль был далеко не дурак. Он понял смысл послания. Каждый, кто посмеет приблизиться к тебе, кто попробует тебя обидеть, подвергает себя опасности...

Рука Жака нащупала лежавший на постели сборник стихов Арагона. Жак провел по обложке пальцами, но не смог взять книгу в руку. Я не шевелилась. Жак закашлялся, прочищая горло, и продолжил:

— Догадайся, Стефани, какой ответ дал мне Жером Морваль? Он рассмеялся мне в лицо! Пожелай я тогда, мог бы его убить. Но я любил толстяка Камиля. И я дал ему еще один шанс. Я отправил ему на адрес парижского кабинета ящик для красок. Тот ящик, что когда-то принадлежал Джеймсу. Надпись на крышке сохранилась. Я вырезал там: «Она моя. Здесь, сейчас и навсегда». И начертил крест! Если уж и на этот раз Морваль не поймет, решил я... Он назначил мне встречу, как раз в то утро, возле портомойни, неподалеку от мельницы «Шеневьер». Я думал, он скажет, что все понял и отказывается от тебя. Не тут-то было! Он у меня на глазах зашвырнул ящик в середину ручья. Он презирал тебя, Стефани! Он тебя не любил. Он видел в тебе трофей — еще один трофей. Он заставил бы тебя страдать, он привел бы тебя к гибели... Что я мог? Я ведь обещал тебя защищать... Он не принимал меня всерьез. Сказал, что я против него — ничто. Издевался над моими охотничьими сапогами. Говорил, что я не в состоянии дать тебе счастье, что ты никогда меня не любила. Знакомый мотивчик!

Он снова зашарил рукой по постели и наткнулся пальцами на мастихин.

— У меня не было выбора, Стефани. Я убил его ножом, который забрал у художника Джеймса и сохранил. Он умер там, на берегу ручья, в том же самом месте, где раньше Альбер. То, что я сделал потом, —

разбил ему голову камнем, опустил ее под воду, — признаю, это было глупо. Я даже испугался, что ты что-нибудь заподозришь, особенно после того как легавые достали из ручья ящик Джеймса. К счастью, тебе его не показали. Для меня было важно защищать тебя так, чтобы ты ни о чем не догадывалась. Чтобы ты не знала, как я рискую ради тебя. Ты мне доверяла — и правильно делала. Сейчас я могу сказать тебе честно: ты даже не представляла, до какой степени я тебя любил. Ради тебя я был готов на все. Помнишь, через несколько дней после смерти Морваля ты даже заявила в полиции, что в то утро я был дома, в постели с тобой. Наверное, в глубине души ты уже тогда знала правду, но отталкивала ее от себя. Все мы чувствуем, что нам помогает ангел-хранитель, и принимаем это как должное. Кому придет в голову благодарить ангела-хранителя?

Я потрясенно смотрела, как пальцы Жака оглаживают рукоятку мастихина. От прикосновения к предмету, с помощью которого он зарезал двух человек, по его старческому телу пробежала дрожь удовольствия. Маньяк, он просто опасный маньяк! Больше я не могла сдерживаться.

— Я хотела уйти от тебя, Жак! Поэтому я дала в полиции ложные показания. Ты сидел в тюрьме. Я чувствовала себя виноватой.

Его пальцы сомкнулись на рукояти ножа. Пальцы убийцы. Пальцы сумасшедшего. Затем они медленно, невероятно медленно разжались. Жак сполз еще ниже, и теперь он почти лежал. Снова раздался его жирный смех. Смех безумца.

— Ну конечно, Стефани, ты чувствовала себя виноватой. Разумеется. Ты потеряла способность ясно мыслить. Но не я! Я твердо верил, что после смерти Морваля мы заживем спокойно. Что больше никто не попытается нас разлучить. Никто не посмеет отнять у меня Стефани! А потом... Что за издевка судьбы! Труп Морваля привлек сюда инспектора Лоренса Серенака, который в тебя влюбился. Страшнее противника мне еще не попадалось! Я запаниковал. Как мне от него избавиться? Убить? Но тогда меня точно арестуют и надолго упекут за решетку, а значит, разлучат с тобой! И потом, сидя взаперти я больше не смогу защитить тебя от нового Серенака или Морваля, который явится, чтобы тебя мучить! Этот сыщик с самого начала подозревал меня... Он как будто видел меня насквозь... Интуиция его не обманывала. Он был очень хороший сыщик, Стефани, и над нами

нависла реальная опасность. К счастью, он так и не докопался до связи между мной и несчастным случаем, произошедшим в тридцать седьмом году с мальчиком, нашим с тобой одноклассником, и не узнал об исчезновении американского художника. Тогда, в шестьдесят третьем, он и его помощник Бенавидиш очень близко подоברались к истине... Но, разумеется, им в голову не могло прийти, что... Да и кому бы могло прийти? Но эта сволочь Серенак подозревал меня, а тебе вскружил голову. Я понял: или он, или я. Я долго думал, что делать, прикидывал и так и этак...

Я незаметно протянула руку к ножу. Жак уже лежал на спине. Подняться он не мог, видеть меня — тоже. Теперь он говорил в потолок. Я схватила нож и испытала мгновенное удовольствие. Словно засохшая кровь вливалась в мои вены, наполняя их желанием отомстить.

Жак засмеялся, но его смех быстро перешел в хриплый кашель. Он дышал тяжело, с присвистом. Я понимала, что сидя ему было лучше, но он не просил меня его приподнять. Когда он снова заговорил, его голос звучал намного слабее:

— Осталось рассказать совсем немного, Стефани. В итоге Серенак оказался ничуть не лучше остальных. Я слегка пригрозил ему, и он сбежал. Правда, мне пришлось сопроводить угрозу наглядной иллюстрацией...

Он опять затрясся от смеха, переходящего в кашель. Я медленно подтягивала нож к себе, к своему черному платью.

— Мужчины — слабаки, Стефани. Все до единого. Серенак предпочел тебе карьеру выдающегося сыщика. Он плюнул на свою великую любовь. Но нам с тобой не на что жаловаться, правда, Стефани? Мы ведь оба этого хотели. В конце концов Серенак оказался прав. Кто знает, что случилось бы, вздумай он проявить упорство... Но это было в последний раз. В последний раз между нами проскользнула чужая тень... В последний раз над нами нависла туча... Я убрал с твоего пути последнюю ветку... Сорок лет назад...

Я прижала руки к груди — в одной из них прятался нож. Мне захотелось крикнуть: «Жак! Скажи мне — раз уж ты взял на себя роль моего ангела-хранителя — скажи, это очень трудно — зарезать человека? Вонзить ему в сердце нож?»

— В жизни порой все повисает на волоске, Стефани. Не окажись я в нужное время в нужном месте... Представь себе, что я не сумел бы устранить с твоего пути все препятствия. Не сумел бы тебя защитить... Что было бы, если бы я не родился через три дня после тебя? Если бы я не понял, в чем состоит моя миссия?.. Я умираю счастливым, Стефани. У меня все получилось. Я так тебя любил... И доказал тебе это всей своей жизнью.

Я встала, охваченная ужасом. Нож я по-прежнему прятала у себя на груди. Жак смотрел на меня. Монолог отнял у него последние силы. Я видела, что ему трудно даже просто держать глаза открытыми. Он сделал попытку приподняться и задергал ногами. Алюминиевый сундучок, так и лежавший на постели, с невообразимым грохотом свалился на пол. Жак беспомощно замигал. У меня от шума помутилось в голове. Комната поплыла вокруг меня, и все предметы закачались.

Я с трудом сделала шаг, затем второй. Ноги отказывались мне повиноваться. Собрав все силы, я расцепила сложенные на груди руки. Жак смотрел на меня пристальным взглядом, но ножа не видел. Пока не видел. Я медленно подняла руку.

На улице, под окном, залаял Нептун. Секундой позже двор мельницы огласила сирена «скорой помощи». Раздался скрип шин по гравию. В свете мигалки возникли два похожих на призраков бело-синих силуэта. Они прошли под окном и принялись стучать в дверь.

Они увезли Жака в больницу. Я не глядя подписала кучу бумаг, даже не спрашивая, что подписываю. Часы показывали без чего-то шесть. Меня спросили, не желаю ли я поехать с ними, и я отказалась. Сказала, что приеду позже, на автобусе. Или вызову такси. Санитары никак не прокомментировали мой отказ.

Алюминиевый сундучок все так же валялся на полу. Мастихин лежал на ночном столике. Книга Арагона осталась на постели. Не знаю почему, но после отъезда «скорой» меня охватило непреодолимое желание подняться на чердак, перерыть сложенное там барахло и найти старую пыльную картину. Мои «Кувшинки», которые я написала, когда мне было одиннадцать лет.

Написала дважды. В первый раз — для отправки на конкурс фонда Робинсона, в радужных цветах. Во второй — после смерти Поля. Черными красками.

Я сняла со стены охотничье ружье Жака и повесила на его место картину. На тот же гвоздь. В угол, где она была не видна никому. Кроме меня.

Я вышла на улицу. Мне хотелось подышать. С собой я взяла Нептуна. Сейчас, в без малого шесть утра, Живерни казался безлюдным. Я собиралась пройти вдоль ручья. И все вспомнить.

ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ

25 мая 2010 года

(Шоссе Руа)

ДОРОГА

83

Это было 13 мая, тринадцать дней назад. С тех пор я только и делала, что без конца возвращалась мыслями в те несколько часов, за которые у меня украли мою жизнь. Я снова и снова прокручивала их в голове, словно кинолентку, пытаюсь понять то, что невозможно себе даже вообразить. В последний раз.

Встретив меня на улице в этот ранний час, вы наверняка приняли бы меня за призрак. На самом деле — ничего подобного.

Я вполне реальна.

Призраки — это другие. Те, что живут в моих воспоминаниях. Я населила ими каждый знакомый мне уголок. Где бы я ни проходила, они вставали передо мной. Мельница, луг, школа, улица Клода Моне, терраса отеля «Боди», кладбище, Вернонский музей, Крапивный остров...

Я вспоминала свои долгие разговоры с инспектором Сильвио Бенавидишем, которые мы вели в шестьдесят третьем и шестьдесят четвертом годах, после того как дело об убийстве Жерома Морваля было признано бесперспективным и отправлено в архив. Сильвио Бенавидиш проявил редкостное упорство, пытаюсь докопаться до

истины, но так и не нашел ни одного доказательства, ни одной стоящей улики. Мы с ним симпатизировали друг другу. Жак не ревновал меня к инспектору. Все знали, что Сильвио — верный муж и любящий отец маленькой Карины, с такой неохотой покинувшей материнскую утробу. Сильвио подробно рассказал мне о расследовании, которое они вместе с Лоренсом провели в Живерни, в Кошереле, в музеях Руана и Вернона. Впоследствии, в середине семидесятых, Сильвио перевели в Ларошель. Чуть больше десяти лет назад, точнее, в сентябре 1999-го — как видите, проблем с памятью у меня нет, — я получила письмо от Беатрис Бенавидиш. Короткое, написанное от руки. В очень сдержанных выражениях она сообщала мне, что Сильвио Бенавидиш только что покинул их с Кариной, скончавшись от инфаркта. Рано утром он, как всегда, сел на велосипед и поехал сделать кружок по острову Олерон, где они снимали семейное бунгало. Уезжал он в прекрасном настроении. Погода стояла хорошая, разве что немного ветреная. Он упал на берегу океана, на ровном участке между Ла-Бре-ле-Беном и Сен-Дени-л'Олероном. Сильвио исполнился семьдесят один год.

Старость начинаешь чувствовать, когда умирают ровесники.

Пару дней назад я написала Беатрис письмо, в котором рассказала все. Я считала это чем-то вроде долга памяти Сильвио. Ни богатейший фонд Робинсона, ни махинации Амаду Канди, ни забытые шедевры Моне, ни любовницы Морваля не имели к этому делу ни малейшего отношения. Лоренс Серенак с самого начала был прав. Это было убийство на почве страсти. Лишь одно невероятное обстоятельство помешало ему докопаться до истины: ревнивый преступник уничтожил не только предполагаемых любовников своей жены, но и друзей десятилетней девочки, в которую был влюблен с детства. Правда, я до сих пор так и не отнесла это письмо на почту. И, наверное, так и не отнесу.

Потому что сейчас все это уже не имеет никакого значения.

Ладно, хватит прохлаждаться!

Я выбросила письмо доктора Берже в мусорный контейнер, к рекламным проспектам, и подняла глаза к мельничной башне.

Я колебалась.

Ноги болели. Прогулка на Крапивный остров отобрала у меня последние силы. Меня раздирали два противоположных желания — в

последний раз пройтись по деревне или вернуться домой. На берегу Эпта я долго размышляла. Теперь, когда все приведено в порядок, что я должна сделать?

Я приняла решение. Мысль о том, чтобы использовать ружье Жака, я отменяла сразу, и, думаю, вы понимаете почему. Наглотаться таблеток? Нет уж, увольте. Чтобы медленно агонизировать в вернонской больнице? Как Жак... Только никто не придет и не отключит меня от системы жизнеобеспечения. Пожалуй, самый лучший способ — спокойно дожить этот день, вернуться домой, подняться к себе в спальню на самой верхотуре башни, прибраться, открыть окно и шагнуть вниз.

Поэтому я направилась в сторону деревни. Ничего, еще километр мои бедные ноги как-нибудь выдержат.

— Пошли, Нептун!

Если бы кто-нибудь — турист, случайный прохожий — сейчас посмотрел на меня, он подумал бы, что я улыбаюсь. И он не так уж сильно ошибся бы. Проведя последние десять дней в обществе Поля и Лоренса, я немного успокоилась. И мой гнев утих.

Я снова шагала по шоссе Руа. Еще немного — и я доберусь до пруда с кувшинками.

После смерти Моне в 1926 году его сад пришел в почти полное запустение. Сын художника Мишель Моне жил в розовом доме до 1931 года, когда женился на манекенщице Габриэль Бонавантюр, от которой у него родилась дочь Анриетта. В 1937 году — мне тогда было десять лет — мы с ребятами пробирались в сад через дыру в заборе. Я писала, мальчишки играли в прятки вокруг пруда. В усадьбе тогда работал всего один садовник, месье Блен, а в доме жила дочь Клода Моне, Бланш. Они нас не гоняли — мы не делали ничего плохого. А уж месье Блен и вовсе ни в чем не мог отказать маленькой Фанетте — девочке с фиалковыми глазами и серебристыми лентами в волосах, тем более что она так замечательно рисовала.

Бланш Моне умерла в 1947 году. Последний оставшийся в живых наследник, Мишель Моне, открывал дом редко, только для знаменитых гостей — руководителей иностранных государств, известных художников и так далее. А еще — для учеников школы в Живерни! Это мне удалось его уговорить. Он тоже не смог отказать маленькой

Фанетте, превратившейся в красавицу Стефани. Деревенская учительница прекрасно разбиралась в живописи и упорно пыталась пробудить в детях способности к рисованию. Она с такой страстью и искренностью убеждала их принять участие в конкурсе юных художников, объявленном фондом Робинсона, словно от этого зависела ее собственная жизнь. Раз в год, в мае, когда сад особенно прекрасен, Мишель Моне пускал в него весь мой класс.

Я обернулась и посмотрела на толпу, сгрудившуюся под вьющимися розами; десятки лиц прижимались к окнам, стараясь заглянуть в дом художника. Подумать только, в июне 1963 года мы с Лоренсом были в этом доме одни... В гостиной, на лестнице, в спальне. Это самое сладкое мое воспоминание. Моя первая и единственная попытка бегства.

Три года спустя Мишель Моне погиб в автомобильной аварии в Верноне. В начале февраля 1966 года было оглашено его завещание — и в розовый дом ринулись орды посетителей: жандармов, нотариусов, журналистов, художников. Я вместе с другими жителями Живерни тоже там побывала. В самом доме и в мастерской законники с изумлением обнаружили более ста двадцати полотен, в том числе восемьдесят — кисти Моне, включая ранее неизвестные «Кувшинки», и сорок — кисти его друзей: Сислея, Мане, Ренуара, Будена... Представляете? Это было настоящее сокровище. Целое состояние, после Клода Моне почти забытое. Да не почти, а просто забытое. Многие из жителей Живерни и до 1966 года знали, сколько стоят шедевры, на протяжении сорока лет хранившиеся в розовом доме. Каждый, кто имел возможность попасть в дом, видел их своими глазами. Разумеется, я тоже видела. После 1966 года на эти картины можно полюбоваться в парижском музее Мармоттан. Это самое большое в мире собрание полотен Клода Моне.

Что касается меня, то я после 1966 года больше никогда не водила детей в сад Моне. Для посещения публики его открыли гораздо позже, только в 1980-м. В сущности, это было правильно. Подобную красоту нельзя скрывать от тех, кто способен ее оценить, а таких людей во всем мире множество.

Наивно думать, что роскошь цветущего сада должна радовать только одну девочку...

Я свернула направо и вышла на Водонапорную улицу.

Дома, в котором прошло мое детство, больше не существовало.

В 1975 году, после смерти моей матери, он окончательно развалился, и его снесли. Земельный участок купили наши соседи, парижане, которые огородили его белой каменной стеной высотой в два метра. Наверное, сейчас на месте моего дома разбита клумба или стоят детские качели, или вырыт бассейн. Честно говоря, я этого не знаю и уже никогда не узнаю. Я не умею заглядывать за двухметровые заборы.

Ну вот я и доплелась до конца Водонапорной улицы. Самое трудное позади. Господи, когда мне было одиннадцать лет, я носилась по этой улице, обгоняя Нептуна. Теперь ему, бедолаге, приходится меня ждать. Я свернула на улицу Клода Моне, как всегда, запруженную туристами. Но сегодня мне даже не хотелось на них ворчать. Живерни переживет меня. Он вечен. Он останется после того, как исчезнут все призраки иных времен — Амаду Канди с его галереей и его темными делишками, Патрисия Морваль и я...

Я продолжала идти вперед. Не удержавшись от соблазна, сделала крюк в двадцать метров и прошла перед школой. Площадь мэрии за все эти годы ничуть не изменилась — все те же белые каменные стены, все те же тенистые липы. Правда, школу в начале восьмидесятых, за три года до того, как я вышла на пенсию, перестроили. Сейчас это отвратительного вида бело-розовое здание. Цвета зефира. И это в Живерни! Какой позор! Но у меня уже не было сил сражаться против этой пошлятины. Надо сказать, что блочное здание детского сада, который они возвели напротив школы, еще хуже. А, ладно. Меня все это больше не касается. Теперь дети по утрам бегут мимо меня, не обращая никакого внимания на старуху, и мне приходится прикрикивать на Нептуна, чтобы он оставил их в покое. Только какой-нибудь пожилой художник-американец иногда спросит у меня, как пройти в то или иное место...

Я спустилась по улице Бланш-Ошеде-Моне. В моей бывшей служебной квартире над школой теперь антикварный магазин. Моя спальня в мансарде с круглым окном превращена в жалкое подобие музея, осаждаемого горожанами, помешанными на якобы подлинной деревенской старине. И ведь выкладывают денежки как миленькие! Но больше никто не смотрит из круглого окна на полную луну в перигее.

Господи, сколько дней, сколько ночей я провела перед этим окном! Кажется, все это было только вчера...

Перед лавкой антиквара стоит группа туристов, переговаривающихся на японском языке. Впрочем, с тем же успехом это может быть корейский или яванский. Я их не отличаю. Я вообще перестала что-либо понимать. Я — динозавр в зоопарке. Медленным шагом я поднималась по улице Клода Моне. Лишь отель «Боди» ничуть не изменился. Поколения владельцев старательно поддерживают фасад, террасу и интерьеры в стиле бель-эпок. Теодор Робинсон может хоть завтра приезжать в Живерни — он сразу узнает свой любимый отель. Время остановилось в нем век назад.

Дом 71 по улице Клода Моне.

Дом Жерома и Патрисии Морваль.

Я быстро прошла мимо. Четыре дня назад я навестила Патрисию Морваль. Мне надо было с ней поговорить. Мы с ней — последние осколки былого Живерни. Я никогда особенно не любила Патрисию, и вы теперь знаете почему. Для меня она как была, так и осталась плаксой и ябедой Мэри.

Согласна, звучит нелепо. На ее долю выпало немало страданий. Не меньше, чем на мою. После долгих ухаживаний она уступила настойчивости толстяка Камилля и вышла за него замуж. Но дальше по жестокой логике сообщающихся сосудов начались странности. Чем успешнее толстяк Камиль превращался в Жерома Морваля — блестящего студента медицинского факультета — и чем активнее бегал за юбками, тем сильнее привязывалась к нему Патрисия. Жизнь в доме номер 71 по улице Клода Моне замерла в 1963 году. До того это был самый красивый в деревне дом. После он начал постепенно разваливаться. Мэрия с нетерпением ждет, когда вдова Морваля отправится на тот свет, чтобы снести эту руину.

Я считала, что должна все рассказать Патрисии. Назвать ей имя человека, убившего ее мужа. Я видела в этом свой долг. Но ябеда Патрисия сумела меня удивить. Я была уверена, что на следующее же утро ко мне на мельницу нагрянет полиция. В 1963 году она без малейших колебаний отправила по почте в Вернонский комиссариат анонимное письмо с фотографиями предполагаемых любовниц Жерома Морваля. В их числе была и моя фотография.

Как ни странно, на сей раз она не сделала ничего подобного. Наверное, со временем люди все-таки меняются. Я узнала, что она почти не выходит из дома. Один из племянников научил ее пользоваться Интернетом. Это ее-то, впервые увидевшую компьютер в семьдесят лет! Но тот факт, что она меня не выдала, вовсе не означает, что я горю желанием в последний раз посидеть с ней за чашкой чаю, обсуждая нашу общую ненависть к чудовищу, поломавшему наши жизни. В последний раз — перед тем как шагнуть из окна в пустоту.

Я ускорила шаг. Ну, пожалуй, ускорила — это слишком громко сказано. Но все же я пошла чуть быстрее. Нептун трусил в тридцати метрах впереди. Улица Клода Моне плавно поднимается в горку, словно устремляется в небо. «Stairway to heaven»,^[13] как пели под гитару два поколения тому назад...

Наконец я добралась до церкви. С высоты пятнадцати метров на меня смотрел гигантский портрет Клода Моне. В церкви Святой Радегунды идет ремонт. На сетке, закрывающей строительные леса, напечатана черно-белая фотография мастера с палитрой в руке. Нет, до кладбища мне не дойти... Хотя там похоронены все, кого я знала в этой жизни. Все, кто сыграл в ней ту или иную роль. Удивительная особенность: почти на каждом похоронах шел дождь. Как будто солнце Живерни отказывалось освещать эту грустную церемонию. Дождь лил в тот день, в 1937 году, когда хоронили моего Поля. Моего Альбера Розальбу. Я была в отчаянии. Дождь лил и в 1963 году, когда хоронили Жерома Морваля. Тогда собралась вся деревня. Приехал епископ из Эврё. Пел хор. Было много журналистов. Даже Лоренс присутствовал на похоронах. Несколько сотен скорбящих! Странные штуки выкидывает судьба. Неделию назад я хоронила Жака в полном одиночестве.

Кладбище населено моими воспоминаниями. Моими дождливыми воспоминаниями.

— Идем, Нептун!

Ну вот, я и вышла на финишную прямую. Спустилась по Десятичной улице, которая выходит на шоссе Руа как раз напротив мельницы. Чтобы перейти на другую сторону, пришлось долго ждать — машины, покидающие Живерни, текли почти непрерывным потоком.

Нептун послушно сидел рядом со мной. Наконец одна красная машина с откидывающимся верхом, левым рулем и какими-то очень сложными номерными знаками притормозила, пропуская меня перед собой.

Я поднялась на мост и невольно остановилась над ручьем, в последний раз вглядываясь в черепицу и розовые кирпичи портомойни, выкрашенные зеленой краской металлические опоры моста и окружающие мельничный двор стены, из-за которых виднелись вершина донжона и крона вишневого дерева. Портомойню еще несколько недель назад кто-то разрисовал черно-белыми граффити в виде скалящихся лиц. С тех пор смыть рисунки никто и не подумал. Всем плевать? С другой стороны, где еще неизвестным художникам самовыражаться, как не в Живерни? Вы так не считаете?

Под мостом нешироким светлым потоком струился ручей, равнодушный к суете людишек на своих берегах. Его русло когда-то вручную прорыли монахи; затем вдохновенный художник развернул его в другую сторону, чтобы создать у себя на участке пруд и на протяжении тридцати лет писать плавающие на его поверхности кувшинки; еще позже сюда явился безумец и убил всех мужчин, которые осмелились приблизиться ко мне, — всех, кого я могла бы полюбить.

Но кого все это сегодня интересует? Кому мне жаловаться? Разве существует бюро потерянных жизней?

Я прошла на несколько метров вперед и окинула взглядом луг, скорее всего, в последний раз. На парковке почти не осталось машин.

Ну конечно, нет — луг так и не стал декорацией к супермаркету. Разумеется, нет. Он был и остался пейзажем — живым, меняющимся в зависимости от времени года, часа суток, освещения. Он волнует меня по-прежнему. Неужели для того, чтобы это понять, мне понадобилось прийти сюда в последний раз, точно зная, что жить мне осталось всего ничего? Мне будет его не хватать. Клод Моне, Теодор Робинсон, Джеймс и многие-многие другие выбрали это место неслучайно. Разумеется, неслучайно. И тот факт, что здесь случилось столько памятных для меня событий, не отменяет красоты пейзажа.

Даже напротив.

— Правда, Нептун?

Моя собака замахала хвостом, как будто внимательно слушала мое бормотание. Бредни полоумной старухи. На самом деле пес уже знал,

что последует дальше. Привык за столько лет. Он знал, что я редко возвращаюсь во двор мельницы без того, чтобы пройти по небольшой полянке, расположенной чуть поодаль. Ива, две елки... Сегодня полянку обнесли решеткой, чтобы туристы не шлялись. С дороги она вообще не видна. Я медленно двинулась вперед.

Нептун опять меня опередил. Уселся посреди травы, поджидая, пока я доплетусь, словно сознавал, что значит для меня это место. Я подошла, воткнула палку в мягкую землю и оперлась на нее. Рядом высились пять небольших холмиков, увенчанных небольшими крестами.

Я ничего не забыла. Разве такое можно забыть? Мне было двенадцать лет. Я крепко обнимала Нептуна. Он умер у меня на руках. После смерти Поля прошел год. Мама сказала, что Нептун умер от старости.

«Он не страдал, Стефани. Просто уснул. Он был уже очень старый...»

Я была безутешна. Как мне жить без своей собаки?

«Мы возьмем другую, Стефани... Прямо завтра пойдем и возьмем нового щенка.

— Я не хочу нового! Я хочу того же!

— Хорошо, Стефани. Возьмем того же. Завтра съездим на ферму в Отее. Как... Как ты думаешь его назвать?

— Нептун!»

У меня в жизни было шесть собак. Все — немецкие овчарки. Всех звали Нептунами. Каприз несчастной одинокой девочки, которой хотелось, чтобы ее собака жила вечно. Чтобы хотя бы она не умерла!

Я снова подняла глаза и медленно повела головой справа налево. Под каждым крестом висела небольшая табличка с одним и тем выгравированным именем. Нептун.

Только цифры под именами стояли разные:

1922–1938

1938–1955

1955–1963

1963–1980

1980–1999.

Нептун поднялся и принялся тереться о мои ноги. Как будто понял, что впервые за столько лет мы меняемся ролями. Я ухожу, он остается.

Нептуна возьмут на ферму в Отее. Ее владельцы на протяжении поколений разводят немецких овчарок. По-моему, мать Нептуна еще жива... Ему там будет хорошо. Я напишу письмо с подробными инструкциями. Укажу, чем его кормить. Подчеркну, чтобы ему позволяли играть с детьми. И попрошу, чтобы, когда придет время, его похоронили здесь, на этой полянке.

Я погладила собаку. Никогда еще он не прижимался ко мне с такой нежностью. У меня на глаза навернулись слезы. Ладно, надо торопиться. Если потянуть еще, мне не хватит смелости.

Палку я так и оставила воткнутой в землю возле пяти могильных холмиков. Она мне больше не понадобится. Добрела до двора. Нептун не отставал от меня ни на шаг. Знаменитое звериное чутье! В обычный день Нептун пошел бы и улегся под вишневым деревом. Но только не сегодня. Он шел за мной как приклеенный. Я даже испугалась, что он нечаянно толкнет меня и я упаду. Зря я палку не взяла...

— Спокойно, Нептун, спокойно...

Нептун прошел чуть вперед. В ветвях вишневого дерева давным-давно нет серебристых лент. Птицы лакомятся ягодами в свое удовольствие... Я стояла и долго гладила Нептуна по голове. Потом подняла глаза к башне мельницы «Шеневьер».

Жак купил мельницу в 1971 году. Он сдержал свое слово. Тогда я ему верила. Господи, я ведь ему верила! Он купил для меня дом моей мечты, эту двурогую мельницу, о которой я грезила с одиннадцати лет. После того как в наши края хлынули парижане, его агентство недвижимости наконец-то начало приносить доход. Он выжидал удобного момента — и дождался. Мельница много лет стояла заброшенной, но потом владельцы все-таки решили ее продать. Жак первым сделал им предложение. Впоследствии он все тут отремонтировал. Колесо, колодец, башню...

Он думал, что это сделает меня счастливой. Глупец. Как если бы надсмотрщик вздумал расписать стены тюрьмы. Мельница «Шеневьер» потеряла для меня всякое очарование. Меня завораживало заброшенное строение, которое вся округа звала «ведьминой мельницей». Теперь оно заблестело чисто отмытым камнем и лакированным деревом. Деревья подстригли, на балконах высадили цветы. Очистили двор. Смазали ворота. Поставили забор...

Жак действовал с маниакальным упорством. Да он и был маньяк. Но мне это и в голову не приходило!

Я категорически запретила ему рубить вишневое дерево. Он не посмел ослушаться. Он уступал всем моим капризам. Да-да, я в это верила!

Потом задули новые ветры, и дела в агентстве пошли из рук вон плохо. Выяснилось, что Жак не в состоянии выплачивать кредит за мельницу. Вначале мы сдали часть ее помещений в аренду, а потом продали всю мельницу молодой супружеской чете из города. Себе оставили только башню. За последние несколько лет новые владельцы превратили мельницу в деревенскую гостиницу. Судя по всему, она приносит им неплохой доход. Подозреваю, они ждут не дождутся, когда я наконец помру, чтобы оборудовать еще пару-тройку дополнительных номеров. Во дворе теперь стоят качели, огромный гриль и расставлена дачная мебель под зонтиками. Я слышала, они собираются устроить в поле за мельницей нечто вроде небольшого зоопарка и уже начали сооружать загоны для лам, кенгуру и страусов... Или для эму? Не помню точно...

Вы только представьте себе!

Экзотические животные в Живерни! На радость детишкам. И каждый, кто едет по шоссе Руа со стороны Вернона, будет на них наткаться.

Ведьмину мельницу не объедешь.

Правда, никакой мельницы больше нет. Осталась только ведьма.

Эта ведьма — я.

Но ничего, не волнуйтесь, я здесь надолго не задержусь. Сегодня полнолуние, и ведьма воспользуется им, чтобы исчезнуть. Рано утром ее разбитое тело найдут под вишневым деревом. Тот, кто обнаружит ее первым, поднимет глаза к небесам и наверняка подумает, что она свалилась со своей метлы. Ничего удивительного. Это была очень старая ведьма.

Я в последний раз сжала в ладони шерсть Нептуна, шагнула в дверь, ведущую к башне, и быстро закрыла ее за собой. Потом начала быстро подниматься по ступенькам. Быстро, чтобы не слышать, как он воет.

ДЕНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

26 мая 2010 года

(Мельница «Шеневьер»)

СЕРЕБРИСТЫЕ ЛЕНТЫ

84

Я распахнула окно. Времени было чуть за полночь. Мне казалось, что в темноте прыгать будет легче. Я тщательно, с маниакальной аккуратностью, прибралась в комнате. Как будто с течением лет заразилась от Жака его навязчивыми идеями. Положила на стол письмо с просьбой позаботиться о Нептуне. Хотела снять со стены свои «Черные кувшинки», но не хватило духу.

Я не строила себе никаких иллюзий. Сразу после моей смерти сюда, как стервятники, слетятся из долины Эра торговцы подержанными вещами и растащат мебель, посуду, безделушки. Возможно, кое-что появится потом на полках антикварной лавки на улице Бланш-Ошеде-Моне, в моей бывшей служебной квартире над школой... Но вряд ли кто-то из них заинтересуется моими «Черными кувшинками» — ну, висит на стене какая-то грязная мазня, и пусть себе висит. И никто не догадается, что под слоем черной краски скрывается совсем другая, наполненная ярким светом жизнь!

И картина отправится на помойку.

А старуха, слишком неосторожно высунувшаяся из окна, — в яму в земле, поближе к своему славному муженьку.

Старуха была злющая... Ни с кем не разговаривала, никогда не улыбалась, а если с ней здоровались, отвечала сквозь зубы. И никому даже в голову не придет, что под морщинистой кожей таилась девочка, наделенная, как говорили, большим талантом. Может быть, даже гением...

Никто никогда этого не узнает.

И Фанетта, и Стефани давно умерли. Их убил слишком заботливый ангел-хранитель.

Я смотрела в окно на мельничный двор. Посыпанные гравием дорожки серовато поблескивали в свете галогеновой лампы,

повешенной над входом. Страха я не испытывала. Разве что сожаление. Маленькая Фанетта так любила жизнь.

Не думаю, что она заслужила такую злую смерть.

85

Почти под самым моим окном остановился «Пикассо-Ситроен». Такси. Я к ним привыкла. Вечером у гостиницы часто тормозят такси, привозят туристов, которые приезжают на вокзал Вернона последним парижским поездом. Багажник у них всегда битком набит чемоданами.

Разумеется, к машине подбежал Нептун — как же без него! Обычно из задней дверцы такси высыпают детишки, и Нептун их радостно встречает. Тоже привык.

Но на сей раз ему не повезло. Детей в такси не оказалось.

Только один пожилой мужчина. Даже старик.

И без чемодана...

Странно.

Перед стариком остановился Нептун. Тот наклонился и принялся ласково гладить моего пса, словно встретил старого друга.

Господи!

Не может быть!

Все завертелось у меня перед глазами. Сердце запрыгало в груди.

Этого не может быть!

Я наклонилась ниже. Но не для того, чтобы выпасть из окна. Ну уж нет! Меня окатило теплой волной. Мгновенно вспомнилось, как я стояла у окна в другом доме — в розовом доме Моне... Это было в другой жизни. Рядом со мной стоял невероятно привлекательный мужчина. Я говорила ему странные слова. Раньше я даже не догадывалась, что способна их произнести.

Они звучали, как стихи Арагона. Я запомнила их наизусть.

«Я с первого взгляда влюбилась в ваш „Тайгер-триумф“»!

Потом я засмеялась и добавила:

«И в то, как вы гладите Нептуна».

Я еще ниже высунулась из окна. Прислушалась к его голосу. Он почти не изменился, хотя прошло без малого пятьдесят лет.

— Нептун! Старина, как же я рад тебя видеть! Как я рад, что ты жив-здоров!

Я вернулась в комнату и прислонилась к стене. Сердце колотилось, как ненормальное. Я пыталась успокоиться. Пыталась рассуждать трезво.

Прощай навсегда.

Больше я никогда не видела Лоренса Серенака. Инспектор Лоренс Серенак оказался не просто хорошим, а выдающимся сыщиком. В конце 1963 года, через несколько месяцев после завершения дела Морваля, я узнала от Сильвио Бенавидиша, что Лоренс попросил перевода в Квебек. Как будто спешил удрать на другой край земли. Я тогда решила, что он бежит от меня. На самом деле он бежал от смертоносного безумия Жака. Именно в Канаде к нему приклеилось прозвище, образованное от его имени — Лорантен. В Квебеке, в долине реки Святого Лаврентия, все, от Монреаля до Оттавы, стали величать его Лорантеном. Ничего удивительного — канадским коллегам показалось естественным переделать окситанское имя «Лоренс» в чисто квебекское «Лорантен». Из газет я узнала, что в 1985 году, после громкого ограбления музея Мармоттан, из которого были украдены шедевры Клода Моне, Лоренс вернулся в Вернон и снова возглавил полицейский комиссариат города. В тех же газетах напечатали его фотографию. Разумеется, я сразу его узнала. Несмотря на то, что Лоренс Серенак превратился в комиссара Лорантена. Амаду Канди даже рассказал мне, что за время двадцатилетнего отсутствия Серенака никто не посмел снять со стен в его кабинете висевшие там репродукции картин: «Арлекина» Сезанна и «Рыжеволосую женщину» Тулуз-Лотрека...

Я дрожала как лист на ветру. И не смела приблизиться к окну.

Зачем Лоренс сюда приехал?

Все это не имеет никакого смысла...

Стоп. Надо навести порядок в мыслях. Я металась по своей комнате.

Что здесь делает Лоренс?

Ясно, что он тут неслучайно. Я бросилась к зеркалу — ноги сами поднесли меня к нему.

Внизу раздался стук в дверь.

Меня охватила паника. Как девчонку-подростка, которую влюбленный в нее парень застал выходящей из душа. Господи, до чего же я сейчас должна быть смешна! В голове мелькнула краткая мысль о Патрисии Морваль. Ябеда Мэри, вдова Жерома Морваля... Она рыдала у меня в объятиях какую-нибудь неделю назад... Жизнь меняет людей. И иногда — к лучшему. Неужели это Мэри позвонила Лоренсу? Навела его на след? Подказала, где искать правду, ужасную правду? Как же мне во всем этом разобраться? Времени совсем нет...

Стук внизу повторился.

Господи боже мой...

Из зеркала на меня смотрело холодное морщинистое лицо. Волосы покрывала черная косынка, которую я уже давно не снимаю. Мегера. Злая ведьма.

Я не могу, не могу, не могу ему открыть.

Дверь, ведущая в башню, открылась. Я услышала ее скрип. Правильно, я ведь ее не заперла. Не хотела осложнять жизнь тем, кто придет забирать мое тело...

Вот идиотка!

С лестницы донесся голос:

— Нептун, дружище, мне кажется, тебе лучше остаться внизу. Не уверен, что тебе разрешают подниматься вверх.

Господи! Господи!

Я сорвала с головы черную косынку. Волосы каскадом упали на плечи. Я двигалась быстро-быстро. На сей раз я приказывала своим ногам, и они слушались меня как миленькие! Попробовали бы взбрыкнуть!

Я выдвинула второй ящик буфета и принялась рыться в куче старых пуговиц, катушек ниток, наперстков и игольниц. Уколола палец, но даже не заметила этого.

Я знаю, они должны быть здесь!

Трясущимися пальцами я схватила две серебристые ленты. В голове одна за другой стремительно проносились картины. Вот Поль сидит во дворе мельницы на вишневом дереве, вот он отцепляет

серебристые ленты и преподносит их мне, своей принцессе. Я в первый раз целую его и даю клятву, что буду носить эти ленты всю свою жизнь. Вот много лет спустя Лоренс гладит мои волосы, в которые вплетены те же ленты.

Господи, я должна собраться с мыслями.

Я снова подбежала к зеркалу. Честное слово, я к нему подбежала, я вас не обманываю. Дрожа и торопясь, я собрала волосы в пучок и повязала поверх него ленты.

И засмеялась нервным смехом.

Прическа, достойная принцессы, как говорил когда-то Поль. Прическа, достойная принцессы... Я точно сошла с ума.

Шаги приближались.

Раздался стук в дверь. На сей раз — в дверь моей комнаты.

Слишком рано! Я даже не повернулась к двери. Рано, я еще не готова!

Стук повторился. Мягкий, но настойчивый.

— Стефани?

Я узнала голос Лоренса. Он остался почти тем же. Может, стал чуть более строгим, чем я помнила. Вчера он говорил, что хочет меня увезти. Господи, да я вся дрожу. Неужели это возможно? Неужели это еще возможно?

Я приблизила лицо к зеркалу в облупленной позолоченной раме.

Не разучилась ли я улыбаться? Я ведь так давно не улыбалась...

Я попробовала.

Уставилась в зеркало.

Старуха куда-то исчезла.

Из зеркала мне счастливо улыбалась Фанетта.

На меня смотрели фиалковые глаза Стефани.

Живые. Совершенно живые глаза.

Мишель Бюсси

Я слишком долго мечтала

Michel Bussi

J'AI DÛ RÊVER TROP FORT

© Michel Bussi et Presses de la Cité, un département de Place des éditeurs, 2019

© Ирина Волевич, перевод, 2019

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2019

*Я прожег
подушку, —
Должно быть,
я слишком долго
мечтал.*

Ален Башунг[1]

*Жертвам
цунами в Индонезии*

– «Нет, мне хорошо, – возразил Лис, – вспомни, что я говорил про золотые колосья»[2].

– Мам, я не понимаю!

Закрыв книжку, я склоняюсь над кроватью Лоры:

– Дело в том, что Лис больше никогда не увидится с Маленьким принцем. Но поскольку у Маленького принца волосы золотистые, как пшеница в поле, всякий раз, как Лис посмотрит на колосья, он подумает о своем друге. Взять, например, твою кудрявую подружку Офелию, которая переехала этим летом в Португалию. Даже если вы с ней больше никогда не встретитесь, стоит тебе услышать название этой страны, ее имя или увидеть девочку с такими же черными локонами, ты сразу подумаешь о ней. Теперь поняла?

– Да.

Лора прижимает к себе любимого плюшевого утенка, потом встряхивает снежный шар с собором Саграда Фамилия внутри, возвращает его на столик у изголовья и вдруг задумывается, нахмутив брови, – ее одолевает сомнение.

– Мам, а если я никогда не услышу про Португалию или не встречу девочку с таким же именем и такими же кудряшками, я что, забуду Офелию?

Крепко обнимаю Лору и украдкой вытираю слезы желтой плюшевой лапкой утенка.

– Нет, милая, если очень ее любишь. И чем сильнее будешь любить, тем больше тебе встретится в жизни вещей, напоминающих о ней.

Оливье заглядывает к нам в комнату и показывает на свои наручные часы: пора спать! В этом году Лора поступила в подготовительный класс начальной школы – это очень важный год, самый важный из всех. Не считая других лет, самых важных из всех. Я послушно встаю, укрываю Лору до подбородка.

Она обнимает меня за шею для последнего поцелуя.

– А ты, мам? У тебя был кто-нибудь, кого бы ты сильно любила и не хотела забывать? Так сильно, что тебе потом часто попадались вещи, которые напоминали о нем?

Часть I

Монреаль

1

12 сентября 2019

– Ну, мне пора.

Оливье сидит за кухонным столом, обхватив ладонями чашку с кофе, и смотрит в окно, вдаль, туда, где за зеленью сада, за крышей его мастерской виднеются туманные берега Сены. Он спрашивает, не глядя на меня:

– Это действительно необходимо?

Я медлю с ответом. Потом встаю, одергиваю форменную юбку. Мне не хочется заводить долгий разговор. Только не теперь. Времени мало. Поэтому я ограничиваюсь улыбкой. Впрочем, и он тоже. Он всегда задает важные вопросы именно так.

– Мне нужно быть в Руасси, в терминале 2F, в девять утра. И хорошо бы проехать через Сержи[3].

Оливье молчит, скользит взглядом по изгибам реки, словно хочет оценить ее безупречную красоту, изучает неторопливо, с бесконечным терпением, как фигурную спинку кровати, вычурные линии комода, угол потолочных балок в мансарде под крышей. С тем же пристальным вниманием он всегда смотрит и на меня, когда я выхожу из ванной и укладываюсь в постель. Этот неотрывный взгляд вызывает во мне приятный трепет, позволяет чувствовать себя красивой даже в пятьдесят три года. В его глазах. Только ли в его?

– *Это действительно необходимо?*

Оливье открывает балконную дверь. Я знаю, что будет дальше. Он не торопясь выйдет из дома, чтобы угостить вчерашним хлебом Джеронимо – лебедя, который соорудил гнездо в конце нашей аллеи, на берегу Сены. Он почти ручной, но бдительно охраняет свою территорию, а заодно и нашу, куда надежнее ротвейлера. Кормежка Джеронимо – ежедневный ритуал Оливье. Мой муж любит ритуалы.

Я чувствую, что у него на языке вертится тот же вопрос – тот самый ритуальный вопрос, который он задает всякий раз, как я собираюсь в дорогу:

– *Это действительно необходимо?*

Я давно поняла, что дело не в чувстве юмора Оливье (несколько однообразном) и не в желании узнать, найдется ли у меня пара минут, чтобы выпить кофе перед уходом. Его слова «Это действительно необходимо?» имеют куда более широкий смысл. Они означают: «Тебе действительно необходима эта чертова работа стюардессы, ради которой ты каждый месяц бросаешь нас на две недели и летаешь по свету? Тебе это правда нужно теперь, когда дом уже оплачен, когда девочки выросли и мы ни в чем не нуждаемся? Ты действительно обязана этим заниматься?» Оливье задавал мне этот вопрос сто раз: «Чем эти хижины на Бали, в Андах или в Канаде лучше нашего деревянного дома, который я построил своими руками?» Он неоднократно предлагал мне сменить профессию: «Ты могла бы работать вместе со мной в мастерской – большинство жен ремесленников помогают мужьям. Занялась бы бухгалтерией или стала секретаршей в моем офисе. Все лучше, чем выбрасывать деньги на бестолковых субподрядчиков...»

Я отвлекаюсь от своих мыслей и отвечаю бодрым голосом стюардессы бизнес-класса:

– Ну все, мне пора, не то опоздаю!

И пока Джеронимо лакомится кусочками багета с зерновыми добавками, я слежу за полетом серой цапли, которая парит над старицами Сены. Я знаю, как Оливье не любит drobный стук колесиков моего чемодана по его сосновому паркету. А у меня в душе разгорается скрытый гнев. Да, Оливье, это необходимо! Моя работа – это моя свобода! Ты остаешься, а я улетаю. Ты остаешься, и я возвращаюсь. Ты – это покой, а я – движение. И так продолжается уже тридцать лет. Из коих двадцать семь я ношу обручальное кольцо. Вырастила двух дочерей. И вполне успешно, разве нет?!

Я поднимаюсь в спальню за чемоданом. И заранее вздыхаю, но Оливье может пытаться меня с помощью фуганка и дрели, я и тогда не признаюсь, как мне сладостно таскать за собой этот чертов чемодан по всем лестницам, эскалаторам и лифтам нашей планеты. Начиная с десяти ступенек нашего шале. Взбираясь по ним, я мысленно повторяю расписание на текущий месяц – Монреаль, Лос-Анджелес, Джакарта – и заставляю себя не заикливаться на невероятном совпадении, но лента прошлого разматывается в памяти, возвращая меня на двадцать

лет назад. Ладно, подумаю об этом позже, когда останусь одна и смогу рассуждать спокойно, когда...

Я натыкаюсь на чемодан и едва не падаю.

Мой комод открыт!

Мой ящик слегка выдвинут!

Не тот, где я храню украшения, не тот, куда складываю шарфы, не тот, что с косметикой.

Ящик с тайнами!

Ящик, который Оливье никогда не открывает, потому что он принадлежит мне одной.

Подхожу ближе. Да, в нем кто-то рылся, это видно с первого взгляда. Все безделушки, все детские письма Лоры и Марго лежат не на своих местах. Засушенные васильки и колосья, собранные на поле моего первого поцелуя, раскрошились в пыль. Розовые телеграммы Оливье: *Скучаю, удачного полета, возвращайся скорей, моя воздушная дева!* – смяты и разбросаны. Я пытаюсь успокоиться: может, это плод моего воображения, разыгравшегося из-за фантастического совпадения маршрутов – *Монреаль, Лос-Анджелес, Джакарта?* Может, я сама все смешала в кучу, да и как упомнить, что где лежало раньше, если я много лет не открывала этот ящик?! И мне почти удается себя в этом убедить, как вдруг взгляд привлекает странный блик на паркете, у моих ног. Я наклоняюсь и... не верю своим глазам.

Мой камешек!

Маленький инуитский камешек! Вот он-то уж точно не покидал мой ящик около двадцати лет! Этот камень размером с монету непременно свидетельствует: кто-то совал нос в мои вещи, притом недавно!

Бормоча ругательства, я засовываю талисман в карман форменного жакета. Я уже не успеваю обсудить происшествие с Оливье. И уж тем более с Марго. Это может подождать. В конце концов, мне нечего скрывать, в этом ящике лежат одни только забытые сувениры, чью историю никто, кроме меня, не знает. Выйдя из спальни, заглядываю в комнату Марго. Моя младшая дочь лежит на кровати, пристроив ноутбук на подушке.

– Я ухожу.

– Мам, купи мне «Чоко Попс», а то я утром все доела.

– Марго, я не в магазин иду, а еду на работу!

– А-а-а... и когда вернешься?

– Завтра вечером.

Марго не спрашивает, куда я лечу, не желает хорошего дня и уж тем более хорошего рейса. Она вообще едва замечает мое отсутствие в доме. И с удивлением взирает на меня, когда утром, перед тем как убежать в лицей, обнаруживает родную мать в кухне, за столом. В этом я тоже не признаюсь Оливье, но перед каждым рейсом меня одолевает ностальгия по тем годам – совсем недавним! – когда Марго и Лора плакали навзрыд всякий раз, как я собиралась в дорогу, когда Оливье приходилось силой вырывать их из моих объятий, когда они все дни напролет смотрели в небо, отыскивая там маму, и стерегли мое возвращение, стоя у самого высокого окна на скамеечке, специально сделанной для этого папой. Тогда мне удавалось утешить их, пообещав привезти подарки с другого края света!

* * *

Моя голубая малютка «хонда джаз» едет по голым полям, спаленным огромным рыжим солнцем. Между аэропортом Руасси и нашим шале в Порт-Жуа[4] пролегают сто двадцать километров национального шоссе. По этой магистрали ездят грузовики, которые я давно запретила себе обгонять. Оливье шутливо уверяет, что я быстрее добралась бы по воде, на барже. И он почти прав! Вот уже тридцать лет я езжу по этому шоссе № 14 в любое время дня и ночи, после двенадцатичасовых перелетов и почти стольких же (если не больше) часовых поясов, от которых ломит все тело и гудит голова. Некоторые люди боятся самолетов, я же часто испытывала гораздо больший страх перед этой нескончаемой серой лентой, пересекающей департамент Вексен, чем перед всеми аэродромами планеты, с которых я взлетала и на которые садилась все эти тридцать лет, по три-четыре рейса в месяц. В нынешнем у меня их будет три:

Монреаль, с 12 по 13 сентября 2019

Лос-Анджелес, с 15 по 17 сентября 2019

Джакарта, с 27 по 29 сентября 2019

Передо мной маячит задняя стенка голландского фургона, который старательно придерживается ограничения скорости на данном отрезке шоссе. Чтобы отвлечься, пускаюсь в сложные расчеты – расчеты вероятностей. Мои последние воспоминания о теории вероятностей восходят к лицу, то есть к нынешнему возрасту Марго, что вряд ли мне поможет. Итак, сколько дальних рейсов, с вылетом из Руасси, предлагает компания *Air France*? Наверно, много сотен. Я беру минимальную цифру и округляю ее до двухсот. Значит, у меня был один шанс из двухсот попасть на рейс в Монреаль. Вообще-то ничего удивительного, с 1999 года я туда летала дважды или трижды. Но какова вероятность объединения Монреаля с Лос-Анджелесом? Даже ничего не соображая в математике, я понимаю, что результат должен равняться примерно двумстам, умноженным на двести. Пытаюсь представить себе это число написанным на сером заднике фургона, который все так же упорно тащится передо мной. Число с четырьмя нулями, то есть один шанс на несколько десятков тысяч... А если добавить третье направление, Джакарту, вероятность возрастает до двухсот раз, помноженных на двести и еще раз на двести. Что дает нам цифру уже с шестью нулями. То есть существует всего один шанс из нескольких миллионов соединить все три рейса в одном месяце! Это кажется совершенно невероятным... однако именно так, черным по белому, написано в моем путевом листе, присланном парнями из отдела графиков полетов... *Монреаль, Лос-Анджелес, Джакарта...* Запланированное тьерсе[5] – с ума сойти можно!

Аккурат перед подъемом на Сен-Клер-сюр-Эпт голландец наконец сворачивает на парковку – видимо, решил позавтракать в придорожном кафе. У моей «хонды» внезапно словно крылья вырастают. Я жму на газ, одновременно продолжая мысленно выстраивать вереницы нулей.

Запланированное тьерсе... Ну что же, один шанс из миллиона – тоже шанс... Тот, на который уповает каждый игрок, помечающий крестиками клеточки в лотерейном билете. В жизни нет ничего невозможного – только маловероятное. Только случай. Наверно, какой-нибудь бог-шутник разыскал старый фильм из моего прошлого и забавы ради решил его перемотать еще разок. Три направления – те же самые. Те же, что двадцать лет назад:

Монреаль, с 28 по 29 сентября 1999
Лос-Анджелес, с 6 по 8 октября 1999

Джакарта, с 18 по 20 октября 1999

Я прибавляю звук радио, словно хочу заглушить яркие образы, которые настойчиво, как я их ни отгоняю, возникают у меня в мозгу. Какой-то рэпер вопит по-английски, оглохнуть можно. Я проклинаю Марго – опять она ездила на моей «хонде» с инструктором по вождению! – и кручу ручку до тех пор, пока не удастся поймать маломальски мелодичную музыку.

Ностальгия.

Let It Be[6].

Я едва не задохнулась, услышав ее.

Нули у меня в голове закручиваются в смерч, потом складываются в длинную цепочку, которая удавкой стягивает мысли. Сколько шансов из скольких миллионов нужно, чтобы наткнуться именно на эту песню?

Какого бога-шутника мне довелось разбудить?

When I find myself in times of trouble...[7]

Внезапно на глазах вскипают слезы, я уже готова остановиться на обочине и включить «аварийку», но тут на приборной панели начинает вибрировать мой смартфон. *Мама Нати, на помощь...*

Это звонит Лора.

– Мама, ты что, за рулем? Можешь говорить?

Лора, которая с шестнадцати до двадцати пяти лет плевать хотела на мой рабочий график, последние полтора года горячо им интересуется. Вот и сегодня – еще часа не прошло, как я его получила, а она, похоже, уже всполошилась. Прочитала и кинулась звонить, чтобы разведать обстановку... и задействовать меня.

– Мам, я так поняла, что ты возвращаешься из Монреаля в пятницу вечером. Я смогу привезти к тебе Этана и Ноэ в субботу утром? Нам с Валентином нужно съездить в «ИКЕА», а брать с собой парочку этих чудовищ невыносимо. Я их привезу часов в десять утра, чтобы ты успела опомниться от разницы во времени.

В десять утра? Вот спасибо, дорогая! Ты ведь отлично знаешь, что после шестичасового перелета из Канады я вряд ли сомкну глаза ночью... А что касается «ИКЕА», моли бога, чтобы твой папаша об этом не прознал!

– Спасибо, мамочка! – бурно благодарит Лора, не оставляя мне выбора. – Ну пока, побегу раздавать порошки и таблетки моим убогим.

И отключается.

Лора, моя старшенькая... Двадцать шесть лет, медсестра в больнице Бишá.

Лора – умница, Лора – аккуратистка, у Лоры вся жизнь распланирована до мелочей, у Лоры есть муж Валентин, жандарм, аджюдан[8] полицейской бригады города Сержи, который ждет перевода по службе, чтобы получить звание лейтенанта. В их паре Лора – воплощенная стабильность, а он – воплощенное движение. Хотя при этом они ухитрились построить домик в Понтуазе. «Мама, ты пойми, это выгодное вложение!»

Полтора года назад Лора родила очаровательных шустрых близнецов, Этана и Ноэ, которых Оливье будет обожать, когда они станут достаточно большими, чтобы учиться его ремеслу, а пока ими занимаюсь я – когда сижу дома. Не правда ли, идеальный вариант: бабушка, которая отсутствует две недели в месяц, а все остальное время полностью посвящает внукам?

Еще какой-то миг я смотрю на погасший дисплей мобильного, на его розовый девчачий корпус, на маленькую черную ласточку, нацарапанную шариковой ручкой на пластмассе, потом снова прибавляю звук.

Let It Be...

А в голове у меня по-прежнему хихикает бог-шутник.

Монреаль, Лос-Анджелес, Джакарта...

Он выбрал три самых прекрасных маршрута в моей жизни – черная дыра, белая дыра, небытие.

Соблазн без угрызений совести, боль разлуки, беспомощность, самопожертвование и пустота – бездонная, невыносимая,

которую я тем не менее вынесла,

хоть и носила в себе

все эти годы.

И которую я заполнила

Лорой, потом Марго, а за ними – Этаном и Ноэ.

Которую я заполнила...

Одни женщины заполняют счастьем сердца любимых, другие сами полны счастья.

Let It Be...

Руасси-Шарль-де-Голль, терминал 2F. Затянутая в свой голубой костюм, с красной косынкой на шее, я торопливо шагаю по длинному коридору, ведущему к выходу М. Одной рукой качу за собой чемодан, другой вынимаю список членов экипажа.

Идущие навстречу мужчины оборачиваются, глядят мне вслед. Форменная одежда и уверенная походка действуют на растерянных путников магически. Сочетание энергии и элегантности. Видимо, это сочетание плюс легкий макияж помогают бороться с возрастом. Миную выходы J, K, L, не отрывая глаз от списка тех, с кем полечу в Монреаль, и едва сдерживаю радостный возглас, увидев первое имя.

Флоранс Гийо.

Фло!

Подружка моя, самая любимая из коллег! За тридцать лет работы случай соединял нас в полете меньше десяти раз. Если хотим лететь вместе, мы должны писать совместное заявление. Два дня в Монреале вместе с Флоранс, какая удача! Флоранс – сгусток энергии. Сколько лет ей пришлось ворковать, обхаживая пассажиров бизнес-класса, в поисках элегантного красавца-мужчины, готового на ней жениться! И она нашла, хотя лично я ни разу не видела ее бизнесмена. Флоранс стала примерной супругой, что не мешает ей летать и развлекаться на всю катушку во время каждой стоянки, пить-гулять-веселиться... вот только она больше ни с кем не воркует. Она любит своего президента-директора, знаю, что любит.

Фло, моя верная наперсница. Фло, которая ухитрилась продегустировать все алкогольные напитки планеты – от тропических водок до азиатских виски. Фло, которую я уже знала, когда... Я едва успеваю втащить чемодан на «бегущий тротуар», каким-то чудом избежав столкновения с группой из семи туристов в тюрбанах. И снова у меня в мозгу звучит сигнал тревоги.

Фло?

Именно на этом рейсе Париж – Монреаль?

Точно как двадцать лет назад?

Вероятность такой встречи исчисляется, наверно, бесконечным количеством нулей... Летный состав *Air France* – около десяти тысяч человек.

Я пробираюсь между пассажирами, держа курс на выход М и стараясь выбросить из головы дурацкие расчеты. Может, Фло просто

поменялась с кем-нибудь, чтобы лететь вместе со мной? Может, этому есть другое объяснение? А может, чистая случайность, и ничего более.

Взгляд падает на другие имена в списке, некоторых из этих людей я знаю. Особенно Эмманюэль Риу, более известную среди экипажей под именем Сестры Эмманюэль, старшую бортпроводницу, самую строгую и надежную по части безопасности в нашей авиакомпании. Я морщусь, но, прочитав следующее имя, тут же улыбаюсь. Жорж-Поль Мари, один из самых любимых моих стюардов. Высокий, элегантный, даже изысканный. Тоже своего рода легенда нашего воздушного флота.

Иду дальше по списку, вот и наш командир.

Жан-Макс Баллен!

Меня пробирает дрожь.

Жан-Макс...

Ну конечно, мой бог-шутник не мог упустить такой случай, он решил довести свой розыгрыш до конца. Рейс Париж – Монреаль 28 сентября 1999 года, тот самый, на котором мы работали вместе с Фло, а рулил Жан-Макс Баллен!

Рейс, во время которого моя жизнь свернула с прямого пути.

Рейс, когда все началось.

Выход М.

*Когда новый день наконец займется,
Когда тот, кто спал, на заре проснется
И ранняя птица в небо взовьется
В лесу, где встретили мы рассвет,
Бесследно растает наш легкий след.*

2

28 сентября 1999

Выход М.

Приезжаю в Руасси, едва не опоздав, в дикой панике: у Лоры отит. Уже второй со времени поступления в подготовительный класс. Я долго колебалась, не зная, как быть – взять бюллетень по уходу или оставить ее на Оливье. Вот он – выход М, а меня еще трясет от напряжения. Но тут объявляют, что наш вылет откладывается на полчаса, экипажу предлагают пока отдохнуть.

Зал посадки на Монреаль напоминает лагерь беженцев после исхода. Слишком много пассажиров, кресел на всех не хватает. Люди сидят на полу, детишки бегают по залу, младенцы орут. Я направляюсь к газетному киоску, чтобы купить какой-нибудь журнал, и тут меня перехватывает один из пассажиров: его беспокоит задержка, успеет ли он на пересадку до Шикутими?[9]

Шикутими? Одно только название сразу вызывает в воображении картины больших озер и сосновых лесов, хотя этот пассажир никак не похож на лесоруба, скорее на легкую добычу какого-нибудь тамошнего гризли. Шикутимец топчется, пожирая глазами мой бюст (бедняга едва достает мне до подбородка), по-моему, он не против тактильного исследования. Может, и подошел лишь для того, чтобы заглянуть в вырез блузки и вдохнуть аромат моих духов? В свои тридцать три года я давно привыкла к комплиментам – всяким! – научилась с ними разбираться и не позволять абы кому ловить взгляд моих глаз – серых, с зеленым оттенком, когда я сержусь, или почти голубых, когда влюблена. Чаще всего я их скрываю под темной прядью волос, достаточно длинной, чтобы на время рейса ее можно было подколоть, а после посадки покусывать или обматывать вокруг кончика носа. Это моя давняя привычка, чуть ли не мания, которую я компенсирую такой широкой улыбкой, что она превращает мое удлинненное лицо в большой теннисный мяч, разрезанный надвое, а щелочки глаз – в лазерные указки.

Я отвечаю, сохраняя безопасную дистанцию, спрятавшись за вовремя упавшей прядью:

– Не волнуйтесь, мсье, наш командир наверняка сумеет наверстать опоздание во время перелета.

Коротышка-лесоруб взирает на меня с недоверием. А ведь я его не обманываю: нам давно известно, что командир Баллен не слишком строго соблюдает правила режима полета. Очень уж ему не терпится добраться до места назначения и до отеля. Этот сорокалетний красавчик-пилот с улыбкой Тома Круза, в лихо заломленной фуражке, усердно кадрил меня несколько лет назад, когда мы с ним пили мохито в холле «Комфорт-Отеля» города Токио. Я тогда сразу внесла полную ясность: мадам замужняя – и прочно замужняя! – дама, более того – мать очаровательной пятилетней Лоры. Он взглянул на фотографию моей малышки с умилением, достойным Дюссоле в фильме «Трое

мужчин и младенец в люльке»[10], и заявил, что мне повезло, моему супругу еще больше, а вот у него нет ни жены, ни детей и никогда не будет. «Такова цена свободы», – философски заключил он и, встав, направился к крошечной японке в голубых носочках и с бантиком того же цвета в волосах.

Коротышка-лесоруб наконец отошел и присоединился к группе «беженцев». Стюардесса у стойки выхода на посадку – поистине стоическая девушка, с которой я не знакома, – терпеливо ждет, прижимая к уху рацию. Я дружески машу ей издали, окидываю беглым взглядом пассажиров и тут вдруг... вижу *его*. Вернее, сначала не вижу, а слышу. Эта странная тихая музыка едва различима среди детских воплей, фамилий опоздавших пассажиров, которые выкрикивает громкоговоритель, – «последний вызов на рейс до Рио... до Бангкока... до Токио...» – и грохота реактивных самолетов, взлетающих за стеклянной стеной аэропорта.

Тихая, завораживающая музыка.

Сначала я слышу ее, потом слушаю, потом пытаюсь выяснить, откуда она звучит. И только тогда замечаю его.

Он сидит в сторонке от других пассажиров, у самого выхода Н, почти невидимый за грудой сваленных кое-как чемоданов, под огромным рекламным плакатом с А320, летящим в звездном небе.

Отрешенный от всего, один в этом мире.

Сидит и играет.

Похоже, никто, кроме меня, его не слушает.

Я останавливаюсь. Он меня не видит. Думаю, он сейчас никого не видит. Сидит, поставив ноги на край кресла, высоко подняв колени, и перебирает струны своей гитары. Тихо-тихо, словно не хочет мешать соседям. Словно играет только для себя. Один – в своей собственной галактике.

Я долго рассматриваю его. До чего же он хорош в этой кепке в красную шотландскую клетку на длинных кудрявых волосах, с этим тонким, продолговатым лицом! У него голова и тело хрупкой птицы. В зале вылетов одни люди читают – кто «Монд», кто «Экип», кто книгу, – другие спят, третьи разговаривают, а он прикрыл глаза, расслабленно разомкнул губы и позволяет пальцам вольно гулять по струнам, словно детям, оставшимся без присмотра родителей.

Сколько же простояла я так, разглядывая его? Десять секунд? Или десять минут? Как ни странно, первое, что мне сразу бросилось в глаза, это его сходство с Оливье. Тот же светлый взгляд, и успокаивающий, и отрешенный, как сияние полной луны, как светящееся окошко в ночной тьме. Этот гитарист выглядел настолько же гибким и хрупким, насколько Оливье был сильным и коренастым, но обоих отличало удивительное обаяние. То самое, которое мгновенно пленило меня в будущем муже, когда в один достопамятный день я сидела в его мастерской, наблюдая, как он колдует над круглым одноногим столиком – любовно обстругивает, шлифует, полирует, скрепляет детали шпильками, покрывает лаком... Ах, этот солнечный ореол одиночек! Оливье – столяр-краснодеревщик, этот мальчик с гитарой – артист, но они казались мне братьями-близнецами, с головой ушедшими в свое искусство.

Я безмерно восхищаюсь такими людьми! Сама я болтушка, в голове сплошной ветер, обожаю путешествия, встречи и общение. По моему, в глубине души я только и делаю, что мечтаю о новых горизонтах, мне нравится после каждого нового рейса втыкать очередную цветную булавку в карту полушарий у себя в спальне; наверно, я не успокоюсь, пока не утыкаю ими каждый сантиметр этого постера. А еще я часто думаю, что тайные мысли мужчин, эти заповедные сады, представляют собой самую далекую и последнюю из неосвоенных земель на свете. Мне кажется, что если я и буду вечно любить Оливье – проклиная при этом его молчаливость, его отрешенность даже за семейным столом или в супружеской постели, – то лишь потому, что твердо знаю: первой, на кого он устремит взгляд, вернувшись из своих мысленных странствий, буду я, а значит, мне есть чем гордиться. Ибо свои редкие слова он обращает именно ко мне. Я единственная, кого он впускает в свой заповедный сад. И меня восхищает это свойство Оливье – чувствовать себя свободным, не покидая мастерской. А ведь я иногда ненавижу все эти диваны-столы-стулья, доски, стружки и опилки, жужжание дрели и шарканье рубанка. Моему сердцу милы только огни, смех и музыка.

– Нати!

Звонкий голос вырывает меня из раздумий. Передо мной стоит Флоранс, моя любимая блондиночка. Она выглядит возбужденной, и ей пришлось чуть ли не кричать, чтобы я очнулась.

– Нати! – повторяет Фло. – Нати, ты никогда не догадаешься, что случилось!

Она даже подпрыгивает на месте от возбуждения – ни дать ни взять девчонка, которая готовится впервые прокатиться на карусели. Красная шейная косыночка стюардессы превратилась в ее пальцах в смятый комок шелка.

– Что стряслось?

– С нами летит Роберт!

– Роберт? – До меня не сразу доходит, о чем она. И я переспрашиваю: – Роберт? Нет... Только не говори, что с ним будут и Раймон, и Гастон, и Леон!

Фло хохочет.

– Смит, дурочка безмозглая!

Какой еще Смит? Да этих Смитов, летящих в Северную Америку, с десяток в каждом самолете.

– Вау, мистер Смит? Да неужели?! Сам мистер Смит?

Понятия не имею, о каком Смите речь. Фло пялится на меня так, словно перед ней обезьяна, слезшая с пальмы.

– Роберт Смит, дошло до тебя? Черт подери, Натали, да проснись же! Смит – солист «Кью», тот взьерошенный зомби, двойник Эдварда Руки-Ножницы. Завтра вечером он выступает в Монреале! И летит с нами, в бизнес-классе, со всей своей группой и импресарио!

3

2019

Подхожу к выходу М.

Стараюсь отогнать воспоминания, которые теснятся в голове, возникают одно за другим, словно хотят снова пройти чередой перед моим мысленным взором, возродиться к жизни.

Мне кое-как удалось отделаться от назойливых образов 1999 года – зала в ожидании посадки, пассажира, летящего в Шикутими, возбужденной Фло – от всего этого, но не от гитарных аккордов. Самая рациональная часть мозга пытается вразумить меня: «Эй, красавица, кончай с этим бредом!»

Сунув список членов экипажа в карман форменного жакета, я пробираюсь между пассажирами, которые ждут приглашения на

посадку, некоторые вполне терпеливо, а некоторые – торопыги или приехавшие в аэропорт слишком поздно и не нашедшие свободных мест в зале – начинают выстраиваться в очередь перед стойкой. В самолет их впустят не раньше чем через двадцать минут, но я по опыту знаю, что и те, кто сидит, сейчас встанут в этот импровизированный, непрерывно растущий хвост, вместо того чтобы спокойно отдохнуть в кресле.

Я бы предпочла второе.

Сидя удобнее за всеми наблюдать.

Но вообще-то это чистая глупость, сама не понимаю, зачем я пришла в зал посадки, когда все остальные коллеги давно ждут меня в самолете, готовые бдительно рассмотреть каждого входящего пассажира. И никто из путешественников не обращается ко мне за справками ни по поводу Шикутими, ни по каким другим. Это мозг продолжает играть мною в пинг-понг, гоняя между прошлым и настоящим, словно замороженный совпадениями между двумя рейсами, нынешним и двадцатилетней давности. Париж – Монреаль – Лос-Анджелес, посадка у той же стойки М, с той же Фло, с тем же первым пилотом Балленом... Я снова и снова пытаюсь привести себя в чувство. Обычно должность стюардессы не мешает мне стоять обеими ногами на земле.

Меня не впервые посещает чувство дежавю. Уже казалось, что я когда-то была в подобной ситуации, проходила по тому же коридору к той же стойке регистрации, на тот же рейс и с тем же экипажем; когда я вдруг забывала, который час, кто я такая и куда лечу – в Пекин, Пуэнт-Нуар или Токио, – особенно если рейсы повторялись слишком быстро, только успевай пересаживаться из самолета в самолет. Да, возвращаясь домой после долгих ночных перелетов, я часто ощущаю себя оторванной от времени и пространства.

Но никогда – *перед* рейсом!

Никогда – приезжая из Порт-Жуа после пятидневного отдыха.

И теперь я, несмотря на жалкие остатки благоразумия, не могу заставить себя не всматриваться в этом переполненном зале ожидания в каждое лицо и не вслушиваться в каждый звук.

Более того, я знаю, сама себе в том не признаваясь, что именно ищу здесь.

Красную клетчатую кепку! Кудрявые – сейчас, наверно, поседевшие – волосы.

И конечно, не нахожу, хотя где-то в углу аэропорта явственно слышу тихую гитарную мелодию.

Господи, какая же я идиотка!

Продолжаю машинально обводить взглядом зал, пытаюсь умерить свое смятение. Неужели сегодняшняя Натали так ничего и не поняла? Неужели она недостаточно настрадалась? Та, прежняя Натали еще не знала, что ее ждет, но ведь с тех пор прошло двадцать лет! Так неужели я позволю давним призракам терзать меня из-за каких-то трех нелепых совпадений?! Выход М терминала 2F 2019 года не имеет ничего общего с тем, 1999-го. Теперь здесь повсюду экраны – огромные на стенах, малюсенькие в руках путешественников. Некоторые из пассажиров подзаряжают их от своих аккумуляторов или от аэропортовых розеток. Залы посадки превратились в станции обслуживания, где можно купить сколько угодно батареек.

И все-таки я трижды бдительно осматриваю каждого пассажира. И молодых – что совсем уж глупо, – и, главное, пятидесятилетних... Нет, никто из них не похож на него, ни вблизи, ни издали. Ни у кого нет с собой ни гитары, ни других инструментов. Никто ничего не играет для окружающих. Здесь у каждого своя музыка, и они слушают ее, уединившись в тишине своих наушников.

Мой бог-шутник, кажется, исчерпал запас розыгрышей. Прошлое никогда не возвращается, даже если жизнь переполнена воспоминаниями, которые изредка будоражат душу. Как говорили греки, или японцы, или еще какой-то народ, исполненный мудрости, в одну и ту же реку нельзя войти дважды. Даже если она течет так же медленно, как Сена около моего сада. Жизнь – это длинная спокойная река, кое-где с перекатами, чтобы ей слаще журчалось, и главное – не пытаться плыть по ней против течения...

So long[11], Ил...

– Нати!

Этот голос вырывает меня из прошлого. Оборачиваюсь. И вижу Фло. Безупречно сидящая форма, белокурый шиньон с просверками седины и несколько новых морщинок со времени нашего последнего совместного рейса в Куала-Лумпур прошлой зимой. Зато выражение лица – как у подростка, впервые севшего на мотоцикл.

– Нати, – повторяет Фло, – что ты тут прохлаждаешься! Бежим скорей! Я такое узнала!..

– Опять?

– У нас на борту *Роберт*!

Какой еще Роберт?

Открываю рот... и не могу вымолвить ни слова.

Роберт...

Нет сил шевельнуться, застыла как парализованная, вцепившись в ручку чемодана на колесах. Фло замечает, что я пошатываюсь, раздражается смехом и поддерживает меня, схватив за плечи.

– Да-да, Роберт Смит, старушка! Солист «Кью», клянусь чем хочешь! Оказывается, он жив! Более того, они по-прежнему ездят в турне и сейчас сидят в нашем самолете! С ума сойти, Нати, я как будто помолодела лет на двадцать!

* * *

Я стойко перенесла этот шок. По крайней мере, сделала вид. Миллионы километров, проведенных в самолетах, помогают сохранять на лице автоматическую улыбку. На ватных ногах я прошла за Фло к нашему самолету и, привалившись к стенке у входа, встретила и поприветствовала каждого пассажира эконом-класса, пока Фло занималась персонами из бизнес-класса, в том числе английскими рок-звездами, которым через три дня предстоял концерт в «Метрополисе», историческом зале Монреаля. То есть на следующий день после того, как мы вылетим обратно.

Мое сердце бьется со сверхзвуковой скоростью, пока я слушаю, как наш Жан-Макс обращается к пассажирам со своим фирменным квебекским говорком: *Говорит командир корабля Баллен. А ну-ка, быстренько пристегнитесь, ребята, мы кончили газовать, сейчас немножко потрясемся.*

Считается, что добрая шутка пилота способствует хорошей репутации авиакомпании не меньше вкусного обеда на борту. Пассажиры искренне смеются. И стюардессы, впервые летящие с Жан-Максом, тоже, покоренные юмором нашего командира-ветерана. Только Жорж-Поль, Фло и Сестра Эмманюэль – самые опытные члены

экипажа – слушают его со скучающим видом. Жорж-Поль набирает последнее сообщение на мобильнике, Фло поправляет прическу, готовясь угостить шампанским своих рок-звезд, а Сестра Эмманюэль хлопает в ладоши.

За работу!

Напялив маску Дарта Вейдера, я приступаю к пантомиме – инструктажу по обращению со спасательными средствами, – которую вслед за мной разыгрывают Жорж-Поль и стажерка Шарлотта, моя юная подопечная. Сестра Эмманюэль следит за нами с зоркостью балетного педагога. Она последняя из поколения старших стюардов, которые считали, что наше представление должно увлечь пассажиров. Я уверена: будь ее воля, она запретила бы им пользование мобильниками, чтение журналов и даже частные разговоры на время нашего инструктажа. Или пригрозила бы, что по окончании процедуры устроит экзамен и проверит, все ли внимательно слушали.

Под присмотром Сестры Эмманюэль этот спектакль длится вдвое дольше, чем без нее, но сейчас он позволяет мне кое-как привести в норму сердечный ритм.

Я по-прежнему погружена в свои мысли, но хожу по салону, наводя порядок: успокаиваю плачущего ребенка, пересаживаю на другое место стоворчивого пассажира, чтобы воссоединить влюбленную парочку, и даже успеваю посидеть и передохнуть перед тем, как Жан-Макс объявит: *Ребята, сидите смирно, сейчас наша тачка оторвется от земли!*

Пока самолет пролетает над Парижем, мое дыхание приходит в норму. Вскоре Жорж-Поль сообщает, что мы уже над Версалем. Те, кто его слышит, приникают к иллюминаторам, чтобы проверить, так ли это, и восхищенно подтверждают: *Точно, Версаль!*

Я почти успокоилась, но в голове продолжает звучать голос Фло: *У нас в самолете Роберт! Роберт Смит, ты представляешь?! Солист группы «Кью», клянусь чем хочешь!* И я не могу понять, когда услышала эти слова – двадцать минут или двадцать лет назад? Мне расхотелось играть в вероятности, я просто добавляю это новое совпадение к списку предыдущих: рейс Париж – Монреаль, старший пилот Жан-Макс Баллен, стюардесса Флоранс... а теперь еще и группа «Кью» в полном составе, в бизнес-классе! Мне хватило бы и одного из этих совпадений, чтобы сойти с ума. Наверно, я продолжаю искать

разумные объяснения тому, что все так совпало, я убеждаю себя, что стала жертвой скрытой камеры, или дурацкого розыгрыша, или галлюцинации. Что все это – простое стечение обстоятельств, одна из тех невероятных историй, которые случаются пару раз в жизни, и потом, когда все разъяснится, они станут хорошим сюжетом для рассказов.

Рассказов – кому? Кому я могу поведать *эту* историю?

Рассказать – значит сознаться. Сознаться в страшном. Сознаться в настигшем меня проклятии, под гнетом которого я жила все эти двадцать лет.

* * *

Самолет уже набрал высоту и теперь с мерным рокотом летит над морем облаков. Я встаю, раздаю подносы с обедом, приношу дополнительные одеяла, объясняю пассажирам, как откинуть спинку кресла, как выключить свет, советую надеть наушники, чтобы не слышать шума двигателей. Потом оставляю людей дремать в безмолвии.

Сажу одна в заднем отсеке, прижавшись лбом к шторке иллюминатора, и размышляю, стараясь убедить себя, что между рейсами 1999-го и нынешним все-таки есть разница, и гораздо более существенная, чем все эти совпадения. Я уже сто раз перечитала список пассажиров, взгляделась в каждое лицо в каждом ряду.

Илиана среди них нет.

Закрываю глаза. Возвращаюсь в прошлое.

В год *того* рейса двадцатилетней давности.

Рейса, где был Он.

4

1999

Самолет летит над океаном, и он пустынное пустыни. Атлантика. Ни одного острова на три с лишним тысячи километров, до самого Ньюфаундленда. Ни одного судна внизу, на волнах, сколько ни гляди.

Я сижу в служебном отсеке. Фло наклоняется ко мне, протиснувшись между металлическими тележками для раздачи еды. Она шепчет, чтобы ее не услышали пассажиры, которые стоят тут же в очереди в туалет, переминаясь с ноги на ногу, – то ли качка виновата, то ли им так приспичило.

– Знаешь, о чем меня попросил командир Баллен?

– Нет.

– Он мне показал копию списка пассажиров, где пометил крестиками с десятков фамилий и объяснил, причем на полном серьезе, что это женщины, которые летят одни, без мужей и детишек.

Нахмуренные брови Фло вызывают у меня улыбку. Из ее шиньона выбиваются непокорные пряди, словно подчеркивая ее возмущение.

– Ну и пусть, если его это забавляет, – говорю я. – Перелет через Атлантику долог. Я знаю командиров, которые ухитряются решать за штурвалом кроссворды, а некоторые...

– Погоди, Нати, это еще не все! Из десяти пассажирок он вычеркнул тех, кому меньше двадцати лет и больше сорока...

– Я же говорю: перелет через Атлантику долог.

– ...после чего попросил меня сходить и посмотреть, как выглядят семь оставшихся... и пригласить самую хорошенькую посетить его в кабине!

Глаза Фло мечут молнии – она оскорблена в лучших чувствах. Я еле удерживаюсь от смеха. Мне такая методика отбора кажется скорее остроумной.

– Ну и? Что ты сделала?

– Послала его ко всем чертям, конечно! И тогда он сказал: «Не хочешь услужить – не надо, я не заплачу» – и протянул свой идиотский список Камилле. И эта якобы недотрога не заставила себя долго упрашивать – пошла в салон разыгрывать сводню!

В полном изумлении, я выглядываю из своего закутка и вижу Камиллу: она идет по проходу, освещая фонариком лица пассажирок в поисках «избранниц султана», и наверняка надеется, что ни одна ему не приглянется и она сможет хоть на один вечер стать фавориткой командира.

– Не так уж глупо придумано! – шепчу я на ухо Фло. – Ты вполне можешь сделать то же самое!

– Что?! Переспать с командиром?! Неужели ты думаешь, что я такая размазня?

И она свирепо щиплет меня за плечо. Ай!

– Да нет же, дурочка! Я советую взять на вооружение его метод – найти в списке одиноких мужчин, которые летят без жен и детей, и выбрать какого-нибудь симпатичного холостяка.

Фло опять хищно нацеливается на мое плечо, но на сей раз я ее опережаю. Фло – очаровательная блондиночка, сплошные соблазнительные изгибы и выпуклости; так и хочется съесть ее всю целиком, до того она аппетитно выглядит со своими округлыми щечками в веселых веснушках и стройными ножками! Можно подумать, что форменную юбку стюардесс *Air France* заузили специально, чтобы подчеркнуть плавные линии ее упругой попки, а жакет намеренно сделали тесноватым, чтобы потуже обтягивал ее пышную грудь.

– А ты думаешь, я не пробовала? Да я просекла это куда раньше нашего дурака Баллена! Только вот не догадалась, что если такой тип летит один, то значит, он свободен! Жан-Максу на это плевать, он хочет перепихнуться с девушкой, которая потом не станет приставать. А у меня все наоборот: если я и собираюсь с кем-нибудь переспать, то хочу, чтобы человек ко мне привязался...

Я чмокаю руку Фло, сжимающую мое плечо, а она нежно обнимает меня и шепчет в шею:

– У меня осталось всего шесть лет! После сорока дело кончено...

– Почему? Мне казалось, у тебя есть теория, что стюардесса не должна увлекаться мальчиками.

– Подтверждаю, недостойная мать! Но у меня есть и другая теория, может, она и тебе когда-нибудь пригодится. Ответь, дорогая, что происходит с плохо подобранными супружескими парами? С такими, где муж лучше жены или жена лучше мужа. С такими, где он или она – каторжное ядро на ноге другого, и это все видят. Так что же происходит, если известно, что в девяноста случаях из ста именно жены решают свалить?

Я отрицательно качаю головой, не понимая, куда она клонит.

– А вот что! – объявляет Флоранс. – Нетрудно догадаться, что если сорокалетний мужик все еще состоит в браке со своим «ядром», значит, он просто боится одиночества, тогда как женщина в данной ситуации

наверняка послала бы его подальше. Вот так, моя милая. После сорока лет мужик либо надежно пристроен, либо ни на что не годен. Это аксиома! – И Фло выпускает преувеличенно тяжкий вздох. – Ты заметила в самолете хоть одного красивого мужика?

– А твой Роберт? А остальные рокеры?

– Дохлый номер! Попили чаю или минералки, развесили свои белые рубашечки на вешалках и спят как младенцы. Спасибо хоть не надели сеточки на головы, чтобы не смять свои ирокезы.

Charlotte Sometimes...[12] Я отвечаю улыбкой. Молчу. Долго молчу. Потом все же решаюсь:

– Ну, один все-таки есть!

– Кто?

Я осторожно направляю луч фонарика на 18-й ряд, еще освещенный верхней лампочкой:

– Вон тот кудрявый паренек в кепке из красной шотландки.

И сразу раскаиваюсь. Мне кажется, Фло посмеется надо мной. Она-то ищет мужчину с положением, способного предложить ей просторную квартиру с большой кухней и балконом на солнечной стороне, чтобы изображать стюардессу *Air France* на полставки, забавы ради. Эдакая наполовину стюардесса, а на другую – домашняя хозяйка. Вот ее дурацкая хрустальная мечта.

– Еще чего! – фыркает она.

– А в чем дело? – удивляюсь я.

– Да в том, что такие златокудрые мальчики не про меня, могла бы и сама догадаться. Мой жанр шляпа-котелок, а не красная кепка. Но я понимаю, почему ты на него глаз положила. Так вот, моя дорогая, послушай свою старую опытную подругу: воздержись! Я не знаю, привяжется ли к тебе этот парень после того, как вы перепихнетесь, но в одном уверена на все сто: к таким мальчикам женщины привязываются навеки, спят они с ними или нет...

– Ты с ума сошла, я замужем!

– Знаю-знаю, подружка, за плотником, совсем как Дева Мария!

* * *

18-й ряд, место D. Одна за другой вспыхивают лампочки. И начинается наша утренняя каторга – раздача двухсот пятидесяти завтраков.

– Чай или кофе?

Он отрицательно трясет белокурой кудрявой головой, крепко зажав кепку коленями, словно робкий мальчуган, оберегающий самое заветное свое достояние. Потом кладет книгу на столик. Я успеваю прочесть имя автора – Пенелопа Фармер[13] (моя эрудиция сводится к знанию ее однофамилицы Милен[14]).

– А шампанского можно? – спрашивает он. (Ага, значит, не так уж и робок!)

Я улыбаюсь. Под расстегнутой рубашкой виднеется майка с принтом «КБЮ – Мировое турне».

– Его подают только в бизнес-классе. Там, где сидят ваши приятели.

– Мои приятели?

Он говорит по-французски. Значит, француз. Если не считать легкого испанского акцента.

– Ну, остальные из вашей группы. Роберт Смит... Других я не знаю. Кажется... Бобби Браун? Тедди Тейлор? Пол Янг?[15]

Парень безжалостно терзает свою кепку. Наверно, ему приходится каждую неделю покупать себе новую.

– О-ля-ля... Вы только не подумайте, что я член их группы. Меня наняли на три дня помогать во время концерта в Квебеке, потому что я говорю по-французски. Слышали такую шутку: людей спрашивают, кто умеет играть на гитаре, и выбирают того, кто поднял руку, – чтобы таскать за исполнителями их инструменты? Роберт и все остальные даже не знают о моем существовании.

– А жаль... Вы хорошо играете!

У меня это вырывается невольно, банальная вежливая фраза, с какими я обращаюсь к любому пассажиру. Но сейчас она помогает мне держаться в рамках, хотя на самом деле я уже в них не держусь. Внутренний голос нашептывает мне: *Ты катишься по наклонной плоскости, Нати, по наклонной... по наклонной...* А ему вторит голос Фло: *Воздержись, Нати... воздержись!*

Парень продолжает комкать свой головной убор, словно тряпку.

– Откуда вы знаете?

– А я вас слушала в зале, перед посадкой.

Он смотрит удивленно, почти испуганно, – точно мальчишка, пойманный на шалости. Такой трогательный в своей застенчивости. А я чувствую, что соскальзываю все ниже, а спуск все круче. Он продолжает с легкой улыбкой:

– Мне еще платят за настройку инструментов. Вообще-то я ничего не играл, просто настраивал гитару.

– Это... это правда?

Он наконец перестает теревить кепку, а я жалею, что не могу эффектно откинуть назад свою прядь, сейчас надежно забранную в пучок.

– Нет, я пошутил. Я и правда играл. Ну... импровизировал.

Ага, значит, этот робкий юнец еще и шутник! Он подманил меня к западне, и я с ходу в нее угодила.

– Это было красиво.

– Спасибо.

Пауза.

Я чувствую, что скатилась ниже некуда и если сейчас же не заторможу, это выльется в бесконечное падение, как у Алисы в Стране чудес. Он снова хватается за многострадальную кепку. И я замечаю, что у него обгрызены ногти.

– Но это были не *Boys Don't Cry* и не *Close to Me*...[16] Кстати, если любите гитару, почему не обслуживаете настоящих музыкантов – там, в бизнес-классе?

– Я уступила их подруге, она обожает звезд!

– Жаль, сочувствую вам...

Его светлые глаза, более голубые, более искренние, чем мои, выражают неподдельное участие, словно он считает себя недостойным того времени, которое я на него потратила. Первое, чему нас учат на стажировке, это умение говорить с каждым пассажиром интимным, душевным тоном, чтобы клиенту казалось, будто он путешествует на личном самолете. Я использую профессиональную уловку – заглядываю ему в глаза и «рискую» сделать признание:

– Не думаю, что проиграла, а вот за вас мне обидно.

Он неотрывно смотрит на меня:

– Что-то не верится.

Не могу понять, чем заняты его руки. И безуспешно ищу выход из положения:

– Ну и зря... Моя подруга очень хорошенькая... Кроме того, в бизнес-классе подают шампанское... Хотите, принесу и вам?

– Не стоит. Я пошутил. Мне нечем за него заплатить.

– Это не проблема, я вас угощу за счет заведения.

– Да нет, как раз проблема. Когда в кармане ни гроша, особенно сильно хочется за все платить.

Я хмурю брови и притворяюсь рассерженной, но не слишком, – стараюсь, чтобы мои глаза не метали молнии. За последние шесть лет поднаторела в этом, тренируюсь на Лоре.

– Но я же сказала – за счет заведения! Пусть это будет гонорар за ваш короткий импровизированный концерт!

– А вы упрямая. Не забывайте, здесь еще двести пассажиров, которые ждут, что вы им предложите – чай или кофе?

– «Моэт» или «Вдову Клико»?

Он выпускает тяжелый вздох покорности судьбе. Его руки лежат на коленях и как будто подстерегают одна другую.

– Окей, пусть будет «Моэт». Но в таком случае я вас приглашаю на наш настоящий концерт. – Я не успеваю опомниться, как он продолжает: – Сегодня вечером, в семь часов, в баре «Фуф», рядом с «Метрополисом». Если мы встретимся пораньше, я смогу провести вас через служебный вход. Придется посидеть на ящике, зато окажетесь меньше чем в двадцати метрах от Роберта, Джейсона, Саймона и Роджера.

Я буквально немею, а парень с ловкостью фокусника хватает шариковую ручку, фирменную салфетку *Air France* и вот уже протягивает мне адрес бара: *87, улица Сент-Катрин, 19:00*. И больше ничего – ни имени, ни номера телефона. Только наверху, над записью, нацарапана крошечная птичка с раздвоенным хвостом.

– Значит, до завтра, Miss Swallow?

– Простите?

– *Swallow* – это по-английски «ласточка»... Вы похожи на ласточку, мадемуазель, вольную, как ветер, которая летает по всему свету в своем голубом костюмчике и красной косынке.

Вольная, как ветер...

Я открываю рот, чтобы ответить (сама не знаю что, никогда не умела быстро реагировать на шутки), но тут раздается громкая трель звонка и голос Жан-Макса Баллена перекрывает все разговоры:

– Доброе утро, ребята! Надеюсь, полет был приятным. В данный момент мы начинаем потихоньку заходить на посадку в Монреале. Внизу собачий холод, минус тридцать, а снегоочистители забастовали. Сейчас вам выдадут коньки, чтобы добраться до аэровокзала, потому что посадочная полоса – сплошной каток. Рекомендую держаться вместе, выходя из самолета: нам сообщили, что у трапа собрались полчища голодных гризли.

5

2019

Сколько же времени я проспала? Сколько провела в размышлениях, прислонившись головой к шторке иллюминатора, двадцать лет назад?

Шарлотта тихонько трясет меня за плечо: «*Нати, Нати, завтрак!*» Я не сразу прихожу в себя: чудится, будто мне принесли завтрак в постель. Но тут мой взгляд падает на десятки подносов, загруженных в металлические тележки. За работу!

18-й ряд, место D.

Парень лет тридцати спит, скрючившись и уронив голову на колени сидящей рядом девушки. Ни кудрей, ни кепки, голова бритая, с легким пушком, который нежно гладит его возлюбленная. В этом салоне никто не носит кепок. Никто не похож на Илиана. И никого так не зовут.

Илиана нет в самолете.

Раздаю подносы направо и налево, мысленно проклиная богашутника, который забавы ради преподнес мне целую кучу совпадений, но оставил при себе то единственное, о котором я так неистово мечтала.

Я уже раздала почти половину завтраков, с 1-го по 29-й ряд, когда мне на помощь подоспел Жорж-Поль:

– Давай я развезу остальное, а ты иди отдохни, Нати.

Неужели я выгляжу такой замученной?

Иду в хвост самолета, оглядываясь на высокого стюарда с изящными движениями. Мальчик лет десяти дергает его за рукав, пока

он наливает кофе. Наверняка раскусил шутку командира.

– Мсье, где мы сейчас находимся?

– Мы пролетаем над Мадленскими островами[17], друг мой, – отвечает Жорж-Поль, не прекращая наполнять стаканчики, – в ста километрах к северу от острова Принца Эдуарда.

Мальчишка в полном восхищении. Минут через пятнадцать он – или другой такой же – задаст Жорж-Полю тот же вопрос.

Это любимый номер стюарда, который он демонстрирует из рейса в рейс. Жорж-Поль так усовершенствовал свое умение ориентироваться во времени и в пространстве, что может абсолютно точно сказать, где находится самолет в данный конкретный момент. Он, конечно, делает поправки на ветер и турбулентность, но обычно одна только скорость самолета позволяет ему определиться с ответом.

Это фирменный трюк нашего Жорж-Поля Мари – Старшего, как его окрестили коллеги. Все остальные, даже те, кто никогда с ним не летал, знают его под красивым прозвищем GPS.

Сиюю в заднем отсеке, закрыв глаза. Фло застряла в бизнес-классе со своими постаревшими рок-звездами. Я пару раз заглянула к ней туда, и Жан-Макс Баллен не преминул вlepить мне поцелуйчик по дороге. *А ты все такая же хорошенькая, Натаи, тебе очень к лицу эта седая прядка, ты совсем не стареешь!* Вот трепло! В мои пятьдесят три года я осталась легкой как перышко, но когда улыбаюсь, вокруг глаз образуются морщинки. Яблочко... слегка увядшее. Не то, которое хочется съесть в первую очередь.

Внезапно на меня наваливается усталость, отяжелевшую голову тянет вниз. Зашить бы веки, чтобы они никогда больше не открывались. А заодно остановить мысли, помешать им вертеться вокруг этих странных совпадений, которым нет никакого разумного объяснения. Ну почему я не могу жить как все, подсесть к своей подружке, раздав еду, поболтать с ней обо всем и ни о чем?!

И тут Шарлотта, как будто прочитав мои мысли, подходит, оглядывается, проверяя, нет ли кого рядом, и, наклонившись, шепчет:

– Натали, мне нужно с тобой поговорить.

Шарлотта – моя подопечная. Мы впервые летим вместе, но в прошлом году дважды проходили трехдневную стажировку в Руасси. В течение этих нескончаемых дней, посвященных нудному изучению новомодных инструкций по безопасности, написанных типом, видимо

никогда в жизни не летавшим на самолете, мы с ней подвергались идиотским тестам, касавшимся нашего умственного здоровья («У вас есть ощущение, что вы ведете нормальную семейную жизнь? Что вы предпочитаете делать во время стоянок – спать, гулять по городу, пить?»), участвовали во всевозможных ролевых играх, тоже идиотских, например: как себя вести 1) при истерике пассажира, 2) при попытке угона самолета и так далее. Шарлотта больше слушала мои советы, чем наставления наших менторов. Ей ведь не больше двадцати, она хорошенькая, как ангел, и еще не утратила способность восхищаться экзотическими названиями рейсов – Тегусигальпа, Вальпараисо, Самарканд... Шарлотта – вылитая я тридцать лет назад. И самая моя любимая в стайке стюардесс. Я обожаю эту девочку, и тот, кто ее обидит, будет иметь дело со мной.

– Я хочу тебе признаться, Натали. Только обещай, что никто не узнает!

Похоже, дело серьезное. Я киваю. Она смело может мне довериться.

– Натали, я влюбилась...

Вот оно что... Ну, это не так уж страшно!

– А он в тебя влюблен?

Шарлотта медлит с ответом.

– Я надеюсь... Нет, я думаю, что да...

Ох, не нравится мне ее неуверенность.

– Он что... женат?

– Нет-нет.

Слишком быстро она мне ответила. Что-то тут неладно.

– А он... намного старше тебя?

– Он... н-нет, ненамного...

Бедняжка Шарлотта совсем сникла; мне кажется, ей хочется укрыться в моих объятиях. Как же я мечтала о том, чтобы Марго тоже поверяла мне свои любовные печали. Увы, ни она, ни Лора никогда меня этим не удостаивали. Да и откуда у моей Лоры взялись бы любовные печали, если она встретила своего будущего жандарма еще до окончания коллежа?! Остается утешать Шарлотту. Я сжимаю ее руки и спрашиваю:

– Так что же у тебя не ладится, красавица моя?

– Ты... ты его знаешь...

Ага!

На ум сразу приходит Жорж-Поль. Высокий, элегантный, умный Жорж-Поль вполне хорош собой, разве что выглядит чуточку старомодным; к тому же он наверняка холост, но мне трудно представить себе девушку, которая согласилась бы проводить дни и ночи с GPS, функционирующим круглые сутки. Я мысленно перебираю других стюардов, достойных любви Шарлотты, и тут она признается еле слышным жалобным голоском:

– Это... это Жан-Макс... То есть... командир Баллен.

* * *

Шарлотту вызвали в передние ряды салона: каким-то детям стало плохо, требовалось их успокоить. Я только успела спросить, как это случилось. «Да так, – ответила она, – как-то случайно, само собой. – Но тут же поправилась: – Нет, не случайно, случайностей не бывает – есть только встречи, как писал Поль Элюар».

Поль Элюар... скажите на милость! Я ничего не ответила. Хотела бы, но у меня не было сил это комментировать. Бедная малышка Шарлотта... Первым делом нужно знакомить молоденьких стажерок с репутацией наших жеребцов-производителей при галунах. На занятиях следовало бы показывать этим юным сернам диапозитивы со сценами охоты на стюардесс, чтобы предостеречь их от дальнейших неприятностей. Ну что я могу сказать Шарлотте? Что Жан-Макс – главный Казанова всего воздушного флота? Что он славится любовными похождениями уже лет тридцать и не скоро уймется? Правда, теперь он стал меньше хвастать своими победами.

Я лихорадочно ищу решение. Мне совсем не хочется, чтобы сердце Шарлотты разбилось вдребезги.

Возвращаюсь к математике. Ну и денек! Да я со школьных экзаменов столько не считала, сколько за сегодняшний рейс! Значит, так... Баллен старше Шарлотты на... на... на сорок с чем-то лет! Сорок лет – спятить можно!

Нужно составить план действий. Мы проведем в Монреале – вместе с Фло, Жорж-Полем, Жан-Максом и Шарлоттой – одни сутки. И за эти сутки я должна придумать, как открыть маленькой дурочке глаза

на этого типа. Притом без посторонней помощи. Даже речи быть не может, чтобы я разболтала тайну подопечной остальным, особенно Флоранс, которая всегда ненавидела командира Баллена.

А впрочем, не так уж все и серьезно. По крайней мере, признание Шарлотты хоть ненадолго отвлекло меня от назойливых призраков прошлого. Я с удивлением ловлю себя на том, что стараюсь от них отделаться. Если хорошенько подумать, в этой сумме совпадений нет ничего невозможного. Доказательство? Это со мной происходит! Но возможно другое: они связаны с чем-то не имеющим отношения к случаю... что бы там ни говорил Поль Элюар!

Успокоившись насчет своей судьбы и встревожившись за Шарлотту, угодившую в зубы нашему воздушному волку, я с облегчением чувствую легкую турбулентность, сотрясающую самолет. Вот удобная возможность размять ноги. Я прохожу по салону, успокаивая пассажиров. По опыту знаю, что даже легкие толчки могут вызвать у самых боязливых непреодолимый ужас. Я ободряю улыбкой родителей, уговариваю детей сидеть смирно, проверяю, все ли пристегнуты, советую поднять столики. Несколько толчков посильнее вызывают у одних испуганные возгласы, у других (немногих) – смешки. Словом, до паники далеко.

Один пассажир, как раз передо мной, судорожно вцепился правой рукой в подлокотник, а левой в свою жену. Лет сорок на вид, смуглая кожа, черные всклокоченные волосы и жиденькие усики. Иностранец. Скорее всего, малаец. Но изъясняется по-английски. Бормочет что-то невнятное – похоже, молитву – и, судя по всему, никак не может решить, что ему вырвать – подлокотник из гнезда или руку жены. Подхожу ближе. Он меня даже не замечает: глаза зажмурены, с губ срываются невнятные слова молитвы, которая его спасет. Жена слушает, продолжая его поглаживать, и я понимаю, что мольбы мужчины относятся к ней. Наклоняюсь, чтобы предложить воды, мятную конфетку, успокаивающее. И слышу:

When our islands are drowned, when our wings are down...[18]

Толчок самолета, который никто из пассажиров даже не заметил, отбрасывает меня на два сиденья дальше. Я встаю, пошатываясь. Пассажиры с тревогой смотрят на меня: *С вами все в порядке, мадам?* Я не отвечаю, у меня нет сил говорить, я только и могу, что бессмысленно повторять и повторять слова, которые бормотал этот малайский

пассажиры, которые я наверняка плохо расслышала – *When our islands are drowned* – и наверняка не так перевела – *When our wings are down*. Которые искажила, переврала...

When our islands are drowned, when our wings are down...

Неужели я схожу с ума?

– Нати, ты в порядке? – обеспокоенно спрашивает подбежавший Жорж-Поль.

– Д-да, GP...

Какое там «да» – конечно, нет! Я и впрямь схожу с ума! Эти слова, английские слова, произнесенные малайцем... эти слова я слышала от Илиана двадцать лет назад... Его последний подарок мне.

Это мои слова. Это только мои слова!

Никто другой не может их знать!

Так где же их украл этот малаец?

* * *

Жорж-Поль поддерживает меня, я едва стою на ногах. В голове звон, вспыхивают огоньки, звучит голос, идущий сверху, будто с небес. Голос ангела?

Да, ангела... имитирующего квебекский акцент.

– Привет, ребята, говорит ваш командир! Надеюсь, вы приятно провели время в полете, а теперь мы приступаем к медленному снижению для посадки в Монреале. Только не спешите кутаться, покидая самолет. Вчера на аэродроме намело снега аж на тридцать сантиметров, но сегодня он вдруг взял и растаял. Так что готовьтесь выплывать из салона брассом, а перед выходом вам раздадут акваланги и ласты, чтобы добраться до аэровокзала. Рекомендую держаться всем вместе: нам сообщили, что у трапа вас подстерегает стадо финвалов!
[19]

6

2019

Оливье никогда не робел перед мебелью. За долгие годы работы его руки научились, даже вслепую, на ощупь, распознавать все виды

древесины – шершавую фактуру сосны, мягкую гладкость тополя, извилистые волокна граба, темные прожилки оливы; приручать их выступы, убирать мельчайшие колкие заусеницы, находить каждый узелок, словно родинки на женских телах, таких разных. Это он-то, который всю жизнь касался одного-единственного.

Но сейчас эти руки дрожат.

Он тянется к обыкновенному ящику. Пальцы обхватывают круглую дубовую ручку, которую он сам же и выстругал, отполировал, покрыл лаком. Ящик легко ходит взад-вперед на гладких желобках. Прекрасный образец искусства краснодеревщика. Как ему хочется, чтобы этот ящик заклинило, чтобы он оказался заколочен или просто закрыт на ключ!

Но Натали все эти годы оставляла его незапертым, доступным любому члену семьи.

Что это – свидетельство ее доверия?

Или изощренная пытка?

Оливье сует руку в ящик. В прошлый раз он на это не осмелился, выдернул руку, не схватив ни одного предмета, даже не взглянув, что там внутри. Оставил все как есть, поспешно закрыл ящик, словно оттуда мог потечь ядовитый газ без цвета и запаха, способный отравить их дом, их семью, их жизнь – все, что они построили.

Он надеется, что Натали ничего не заметила.

Но сегодня он не задвинул этот ящик.

Роется в нем. Ищет – сам не зная что.

Он пытается убедить себя, что не делает ничего дурного, что если бы Натали хотела скрыть от него какую-то тайну, то не оставила бы все эти предметы доступными чужому взгляду. Ведь прошло уже столько времени, и она во всем ему призналась, и они оба теперь куда сильнее, чем этот древний клад поблекших воспоминаний.

Оливье не глядя хватает пригоршню предметов и, отойдя на три шага, кладет их на кровать, прежде чем сесть самому. Но сначала внимательно осматривает складки одеяла, как будто хочет их запомнить, как будто смять его – такое же кощунство, как обмануть жену.

Потом аккуратно раскладывает свою добычу, чутко прислушиваясь к звукам в доме. Марго сейчас в лицее, но она может вернуться в любую минуту. Впрочем, что тут такого? Ну застанет она отца в его же спальне сидящим на кровати. Разве она догадается, что предметы,

разложенные на одеяле, это улики, доказательства измены? Разве дети способны представить себе грехи молодости своих родителей? И даже если способны, почувствуют ли они себя причастными к этой измене?

Тем не менее Оливье пинком захлопывает дверь спальни и наконец приступает к осмотру добычи.

Бумажная салфетка с логотипом *Air France*, на ней что-то записано. Ни имени, ни даты, только адрес: *улица Сент-Катрин, 87* – да крошечная птичка: черные перья, небрежно нацарапанные крылья, раздвоенный хвост.

Ласточка!

Оливье узнаёт ее. Этот силуэт – точная копия татуировки на плече Натали, которую столько раз избегали его губы, когда он целовал ее в шею, оттянув ворот блузки; как же часто ему хотелось стереть эту татуировку, вырвать зубами кусок плоти, искусать жену в кровь.

Оливье пытается отбросить свои вампирские мысли и продолжить обследование. Однако все другие предметы из ящика, хранимые женой как драгоценные реликвии, ни о чем ему не говорят.

Старая программка на сентябрь 1999 года – «Кино под звездным небом, Монреаль». Столовая салфетка с золотым логотипом отеля *Great Garuda* в Джакарте, сразу узнаваемым по свирепой орлиной голове[20]. Фотография какой-то очень пестрой, немного наивной картины с изображением женщины-солдата, вооруженной до зубов и размахивающей ружьем. Конверт, который Натали, вероятно, второпях разорвала, а потом склеила, да так старательно, что нетрудно прочесть несколько слов: *Это все, что мне удалось спасти. Лора очень хорошенькая. Вы тоже.*

Столько эпизодов из жизни Натали, о которых ему ничего не известно...

Целая жизнь, прожитая на других континентах. Жизнь вдалеке от дома.

Та, прошлая жизнь...

*Когда наш остров в пучину канет,
Когда гроза нас в полете застанет,
Когда в замке ржавый ключ застрянет
И мы поймем, что выхода нет,
Бесследно растает наш легкий след.*

– Да это просто дьявольское искушение – такая вкуснотища!

Фло заглатывает еще три аппетитных коричневых ломтика и швыряет пакет с остатками «Пудины»[21] в ближайшую урну. Потом торжествующе потрясает кулаком, словно забросила победный мяч в корзину.

– *Yes!* Десять ломтиков, и ни на один больше! И до вылета на родину – ровно пять порций водки за вечер, и ни капли больше!

Она хохочет, но тут же приникает к витрине фастфуда на другой стороне улицы, едва не расплющив нос о стекло.

– Ох, искушение, кругом искушение! – Она скрещивает пальцы, отгоняя невидимого демона чревоугодия. – Прочь, соблазнитель! А ты могла бы и удержать меня, коварная подруга!

Я не отвечаю, мне не до того, я зачарованно люблю Старым Монреалем. Мне впервые довелось попасть в Квебек, и меня здесь восхищает абсолютно все. Акцент торговцев, уморительные песенки по радио, ощущение, будто ходишь по гигантскому кампусу, чьим обитателям не больше тридцати лет, учтивость прохожих. Весь этот декор опереточного *Far West*[22] – полная противоположность спагетти-вестернам, скорее уж при каждом разговоре с аборигенами чудится, будто вы попали в дом какого-то дальнего родственника, которого никогда не видели, но он принимает вас так радушно, словно знает с пеленок.

Фло провожает взглядом трех молодых канадцев в распахнутых грубых рубахах поверх футболок с принтом *Toronto Raptors*[23].

– Безнадежно! – вздыхает она. – Если я хочу найти себе парня, единственный выход – диета! Тебе-то на все плевать, у тебя и так есть два мужика... Ну-ка, давай рассказывай про своего гитариста в кепке!

Я пугливо озираюсь, как будто нас могут подслушать, как будто стоит мне что-то рассказать – и я почувствую себя виноватой. Флоранс угадывает мое смятение и затаскивает в ближайший магазин, что-то вроде супермаркета, в отдел североканадских художественных ремесел. Она жадно ждет моих признаний. Я замечаю укромный уголок недалеко от касс, возле витрины с украшениями, где не толпятся туристы.

– Да мы просто обменялись парой слов в самолете. Он симпатичный паренек, смешной такой и хорошенький. Но ты не забывай, моя милая, что я все-таки замужем. Старая жена и молодая мать.

– Знаю, знаю, замужем за Иосифом! Хотя это не помешало Марии изменить ему с ангелом небесным. Ладно, колись! Что дальше-то было?

– Дальше? Что ты имеешь в виду?

– Ну, ты с ним еще увидишься?

– Нет... Конечно, нет.

Фло зажимает двумя пальцами, большим и указательным, свой нос и делает вид, что вытягивает его.

– Ты хоть мне-то не морочь голову, подружка, ты ведь совсем врать не умеешь! Придется устроить тебе стажировку по облапошиванию мужей, перед тем как ты вернешься и обнимешь своего Джепетто в его столярке.

Я отвожу взгляд, смущенная не столько напором Фло, сколько пронзительным взглядом продавщицы за кассой. Это женщина с черными как смоль волосами и красновато-смуглым лицом, наряженная эскимоской. Хотя... может, и не наряженная, а настоящая эскимоска. Застывшая, точно статуя, на льдине в ожидании собачьей упряжки.

– Ну... если хочешь знать, он пригласил меня на концерт «Кью». Обещал провести через служебный вход... И назначил встречу в баре около «Метрополиса», за час до начала.

Фло так потрясена, что на миг теряет дар речи.

– Ах ты негодяйка! Значит, ты единственная из нас, кто увидит задницу Роберта! Так он тебе нравится, твой Эрик Клэптон в кепке?

– Да он всего лишь *roadie*[24], понятно?

– Ты не ответила! Он тебе нравится?

– Он... ну, не могу сказать, что нет... Знаешь, он очень похож на Оливье.

– На твоего Джепетто?!

– Ну да, на Оливье... моего мужа!

– Только чуть красивее?

– Не сказала бы.

– И капельку пободрее?

– Оливье вовсе не дряхлый старик!

– Тогда чем этот лучше?

Я могла бы ответить: «Ничем. Этот парень ничем не лучше Оливье, и я его совсем не знаю. Первый встречный. Улыбка, несколько слов, вот и все, просто симпатичный пассажир». Да, я должна была ответить Фло именно так, но мешает инуитка за моей спиной. Одно ее присутствие как будто вынуждает говорить правду:

– Чем он лучше? Прекрасным безрассудством.

Фло сверлит меня взглядом, почти таким же пронизывающим, как взгляд неподвижной эскимоски. Потом одним взмахом отбрасывает прочь «ловушки для мечты»[25], висящие у нас над головами, и, нахмурившись, спрашивает:

– Ты любишь мужа?

– Да! – говорю я не колеблясь.

Но Фло реагирует так же мгновенно:

– Тогда вперед!

– Вперед... куда?

– Куда, куда... Вперед – на свидание! Вперед – в этот бар! Вперед – на концерт!

– Ты с ума сошла!

Неподалеку по отделу бродит французская супружеская пара; я их узнаю, они летели нашим самолетом. Фло вталкивает меня в закуток у кассы.

– Вперед, я тебе говорю! Он ведь похож на твоего Оливье, только чуть получше? Вот и изучи его как следует. Убеди себя, что это хороший способ улучшить качество супруга. Добавить ему того, чего пока не хватает вашему браку. Усовершенствовать его. А главное, пойми, что на этом свидании бóльшая опасность грозит вовсе не тебе.

– Почему?

Фло закатывает глаза к потолку, обитому бизоньими шкурами.

– Посмотри на себя в зеркало, Натали! Ты же красавица. Воплощенная улыбка, воплощенная романтика. Ты аппетитна, как ломтики «Пудины» под коричневым соусом... нет, даже больше! И не бойся ничего, ты победишь. Заставишь его потерять голову – своего Джимми Хендрикса в кепке!

Я спиной чувствую взгляд инуитки, сидящей за кассой. Он холоден, как сталактит, он вонзается в мое пылающее сердце, как ледяной кинжал. Может, я именно этого и жду – в глубине души. Пусть оно заледенеет, пусть перестанет биться или хотя бы замедлит ритм,

пусть разум победит чувства. Увы, до победы еще далеко, а Фло твердо стоит на своем:

– Только не вздумай разыгрывать из себя жертву судьбы! У тебя есть муж, который растит вашу дочку, пока ты развлекаешься, летая по всему свету. У тебя есть близкая подруга – самая отвязная из всех холостячек. У тебя есть почти любовник... И в довершение всего, ты сегодня попадешь на концерт, о котором мечтают все девушки, которым было двадцать... десять лет назад.

Я делаю последнюю отчаянную попытку:

– Слушай, пойдти туда вместо меня, если уж тебе так хочется!

– Ну ты и дуручка! Это ведь твоя судьба – не моя.

Я хватаю Фло за руку. Я пытаюсь убедить себя, что эта встреча в баре ни к чему меня не обязывает.

– Знаешь, мне как-то страшновато...

– Тогда точно надо идти!

Мы уже собираемся выйти, как вдруг меня окликают. Откуда-то сзади.

– Мадемуазель...

Я почему-то сразу понимаю, что женщина за кассой обращается именно ко мне. Оборачиваюсь. Инуитка держит в руке маленький серый камешек размером с перепелиное яйцо.

– Возьмите, мадемуазель. Это камень времени.

Флоранс молча стоит поодаль. Я правильно догадалась – продавщица обращается именно ко мне.

– Не бойтесь, берите.

И она роняет камешек в мою ладонь.

Самый обычный камешек, красивый, гладкий. Но ничем не примечательный. Я пытаюсь вернуть его инуитке, но она качает головой:

– Знаете ли вы, мадемуазель, что такое камень времени? – Она замолкает на несколько секунд, давая мне время подумать, потом объясняет: – Время, мадемуазель, это длинная река. Она никогда не останавливается. И всегда течет в одну сторону. Однако невозможно определить, с какой скоростью продвигается каждая ее капля. Они ведь все похожи одна на другую, верно? Так как же узнать, какая спешит,

какая медлит в пути, а какая вообще останавливается, уступая дорогу всем прочим?..

Я слушаю – мне стало интересно. Ее речь похожа на заклинание, на внушение гипнотизера, хотя мне совершенно ни к чему покупать этот «волшебный» камень, который она пытается мне всучить.

– Однако, мадемуазель, есть один способ справиться с теми капельками, которые остановили свой бег. И некоторые эскимосы умеют распознавать их, эти капельки вечности, которые пропускают мимо себя реку. Они оставляют свои следы на камнях, лежащих на речном дне. Для тех, кто не умеет смотреть, эти камни невидимы, но наши шаманы проводят целые дни, глядя на бегущую реку, пока не выловят наконец один такой камешек. – И она почти насильно всовывает камешек мне в руку: – Вот этот будет для вас.

Я слышу сзади приглушенное насмешливое фырканье Флоранс.

– А для чего они – эти волшебные камешки?

– Для того, чтобы вернуться вспять во времени, – серьезно отвечает инуитка. – В тот день, когда вам это понадобится. В тот день, когда вы этого захотите всерьез.

На сей раз Флоранс хохочет, не скрываясь:

– Прямо как в «Назад в будущее»?

Я вдруг начинаю злиться на Фло – зачем она нарушила очарование? Мне нравится поэтический рассказ этой женщины, даже если цель его – всего лишь развести туриста на пару канадских долларов.

– Нет, – улыбается продавщица. – Эти камни не позволяют возвращаться в прошлое и уж тем более изменять его. Они только помогают вновь пережить некоторые короткие минуты, вернее даже мгновения, ушедшего времени. Как я уже сказала, время течет, подобно реке, всегда в одну сторону, никогда не останавливаясь. Но несколько капель – всего несколько! – возникших из прошлого, могут изменить течение всей жизни.

Я разжимаю кулак:

– Спасибо за эту прекрасную историю, но я возвращаю вам камень. Для меня это... слишком... гм... ценная вещь.

Инуитка пристально смотрит мне в глаза:

– Нет, он ваш, мадемуазель.

Чувствую, что мне от нее так просто, без денег, не отделаться, и с улыбкой продолжаю:

– Меня это не интересует. Я еще молода, чтобы думать о прошлом.

– Нет, возьмите, прошу вас, возьмите его.

И она опять смыкает мои пальцы на камне времени. Я начинаю заводиться. А спиной чувствую, как нервничает Флоранс.

– Простите, ради бога, но я не хочу его покупать, сколько бы он ни стоил.

– Это подарок, – мягко объясняет продавщица.

Я застываю со сжатым кулаком.

– Но ведь вы сами сказали, что такие камни – редкость. Единственные в своем роде, ценные, за ними охотятся. Так почему же вы дарите его незнакомке?

Женщина пристально смотрит мне в глаза. Я знаю, что это просто коммерческий трюк – всучить даром какой-нибудь булыжник наивной туристке и завоевать ее доверие, чтобы она вернулась сюда и купила другую безделушку.

– Потому что вы влюблены, мадемуазель, – отвечает инуитка. – А любовь недолговечна, любовь хрупка, словно жемчужное ожерелье. И мой камень времени позволит вам сохранить самые красивые его жемчужины. Навсегда.

8

2019

– Ну попробуй, прошу тебя!

Фло уписывает свою «Пудину» за обе щеки. А я и забыла про эту кошмарную квебекскую закуску, липкую смесь жареной картошки, свежего чеддера и густого коричневого соуса, которой тут все питаются. Мы с Фло идем по улице Сен-Поль в старой части Монреаля. Присутствие жизнерадостной подруги хоть немного отвлекает меня от гнетущих мыслей о таинственном потоке совпадений. Я не хочу и не буду затевать с Фло игру в сходные обстоятельства, на этой самой улице, двадцатью годами раньше.

Достаю кончиками пальцев жирный ломтик из пакета. Фло со смехом запускает туда руку и вытаскивает полную горсть. За эти двадцать лет она слегка располнела, но это ей даже идет. Бедрa стали

пошире, ягодицы чуть плотнее, грудь чуть пышней... Моя белокурая подружка выглядит аппетитной, как пирожное с переизбытком крема-шантии. Мне кажется, большинство здешних гурманов это оценили. Но когда я вижу, что и сколько Фло ест и пьет на каждой стоянке, хоть убей, не понимаю, как она до сих пор не заплыла жиром! Впрочем, у нее есть объяснение, она утверждает, что дома, между двумя рейсами, живет на салатах и простой воде. Она даже придумала красивый термин – биполярное питание. Впрочем, Фло биполярна и во всем остальном. Она стала идеальной супругой, разумной и хозяйственной, вылизывает до блеска свою квартиру на авеню Йены, а оказавшись в воздухе, тут же пускается во все тяжкие. Для такого образа жизни она подобрала себе идеального мужа – богатого, видного и покладистого, давно примирившегося с двойной ипостасью своей *Wonder Woman*[26] – кроткой как овечка в супружеском гнездышке и демонстрирующей магические свойства только у него за спиной. Значит, в природе существуют мужья, которые любят своих жен, но не держат их на коротком поводке? И Фло такого нашла! Прими это к сведению, мой Оливье!

– Вау! Я хочу его! – снова кричит Фло.

Она застряла перед витриной *Foiegwa* – ресторана, где продают гамбургеры высокие, как небоскребы; потом обходит с десятков других рассадников обжорства и наконец останавливается перед кондитерской «Мельницы Лафайета». Я обожаю гулять по улочкам Старого Монреаля. Мне всегда казался сказочным этот тесный кварталчик, выстроенный у реки, с его булыжными мостовыми, лавками в низких кирпичных или каменных домиках, с эркерами и окнами в красных ставнях, с лилиями на ярко-синих флагах, – такой старозаветный, словно трапперы по-прежнему приплывают сюда по реке Святого Лаврентия в пирогах, чтобы закупить провиант или продать меха. Остальной город рос ввысь или углублялся под землю и в конечном счете стал современным конгломератом из стали, бетона и стекла. Но Старый Монреаль устоял, прогрессу так и не удалось полностью исковеркать его прежний облик, жизненный уклад. Особенно это заметно, когда лето затягивается до конца сентября и толпы туристов из Северной Америки могут наслаждаться путешествиями в прошлое, не пересекая для этого Атлантику.

Фло любит свое отражение в витрине огромного магазина традиционных инуитских ремесленных изделий.

– Тут ничего не изменилось с 1999-го, – констатирует она. – Даже мы! – И тащит меня к стеклу, заставляя смотреть на наши отражения. – Хотя нет, ты изменилась, детка! Только не за двадцать лет, а за три последних часа!

Видя, что я никак не реагирую, Фло хватается меня за руку и ведет в магазин.

– Теперь, когда я переварила твою безумную историю, давай все спокойно обсудим.

Три часа назад, выйдя из самолета и томясь в очереди на таможенный досмотр, я не выдержала и рассказала Фло про фантастическую череду совпадений, которые обрушились на меня с момента приезда в Руасси. Она внимательно выслушала и молчала всю дорогу до отеля, пока все мы – Жан-Макс, Шарлотта, Жорж-Поль, Эмманюэль и я – договаривались о встрече, чтобы выпить где-нибудь вместе. А до тех пор мы были свободны. Я твердо вознамерилась просидеть у себя в номере до назначенного часа, но Фло чуть ли не насильно вытащила меня из отеля, чтобы погулять по Старому Монреалю и прошвырнуться по магазинам, как здесь выражаются. Я едва успела принять душ и развесить в шкафу наши рабочие костюмы.

И вот мы с Фло торчим у прилавка с деревянными фигурками бизонов, рысей, оленей-карибу и бобров. Моя подруга пристально смотрит мне в глаза, перед тем как заговорить:

– Знаешь, старушка, я поразмыслила над историей с призраками прошлого, которые не дают тебе покоя... И вижу только четыре объяснения.

Целых четыре? Молодец Фло! У меня вот не нашлось ни одного...

– Не стану долго тебя морочить, первое состоит в том, что все это – случайность в чистом виде.

Я беру в руки фигурку рыжей белки, не скрывая своего разочарования.

– И это ты называешь объяснением?

– Не спеши возражать, сейчас объясню. Знаешь такую теорию: совпадений не существует, они – порождение нашего разума? В течение одного дня мы видим, слышим и ловим миллионы единиц информации. Но наш мозг удерживает лишь некоторые из них и самостоятельно

соединяет одни с другими. И если ты ищешь совпадения, то без труда их найдешь. Вот тебе пример: ты порвала отношения со своим дружкой, который... ну, скажем, бразилец; так вот, ты сразу заметишь, что с тобой непрерывно говорят о Бразилии. А до знакомства с этим парнем ты ничего подобного не замечала. Человек видит знаки, которые хочет видеть, даже бессознательно. Особенно ты!

– Почему это?

Фло усмехается:

– Ты разве не знаешь, что говорят о женщинах по имени Натали? Они склонны к ностальгии! В твоей жизни за последнее время не случилось ничего такого, что заставило бы тебя вспомнить твоего гитариста?

Я думаю о спальне, приоткрытом ящике, камешке на полу. Об увиденном неделю назад графике рейсов: *Монреаль – Лос-Анджелес – Джакарта*. Ставлю на место деревянную белку. Нет, я уверена, что не ошиблась. Доводы Фло меня не убедили.

– Не хочу тебя разочаровывать, Доктор Пси, но я вспоминаю о моем гитаристе не потому, что меня донимают воспоминания о нашей истории. Совсем наоборот, дорогая, именно эти совпадения заставили меня вспомнить о нем. И я их не выбирала, они пришли извне. Например, график полетов!

Разговаривая, мы бродим по магазину и останавливаемся перед продуктовым отделом, где полки заставлены бутылками самых разнообразных форм с канадским кленовым сиропом и виски.

– Окей, упрямица, пусть будет так, – соглашается Фло. – Тогда переходим ко второму объяснению. Ты стала жертвой чьего-то преступного умысла!

И она смотрит на меня со зловещим прищуром заговорщицы. Фло рассказывала мне, что в свободные дни, сидя в своей квартире в Шестнадцатом округе, она с утра до вечера глотает детективы, расположившись на балконе. Правда, в полете или на пересадках я никогда не видела ее читающей. Но это неважно, такая гипотеза мне небезынтересна.

– Ну-ка, объясни!

– Дело в том, что я прочитала массу историй, где у героини начинается паранойя, потому что какой-то тип манипулирует ею незаметно для нее самой. Например, крадет ключи, разузнает номер

кредитной карты, посещает ее друзей, изменив внешность. Короче, доводит до сумасшествия, и она в конце концов действительно сходит с ума.

– Вот это уже лучше!

Фло притворяется, будто ее интересуется ряд бутылок *Maple Joe*[27], отливающих всеми оттенками медно-желтых осенних листьев.

– Прекрасно, мисс Марпл, но если это так, значит, злодей, желающий свести меня с ума коварными совпадениями, способен изменить мой график полетов, собрать вместе нужных членов экипажа, по крайней мере тебя и Жан-Макса, и – самое главное – заманить в самолет Роберта Смита и всю его группу, устроив им выступление в монреальском «Метрополисе»! А вдобавок посадить туда же малайского пассажира, чтобы он напел своей жене, аккурат в тот момент, когда я пройду мимо, прощальные слова моего гитариста, которые знали только мы двое. – Я делаю эффектную паузу. – Ну и в довершение всего этому гениальному шутнику удается запрограммировать на канале *Nostalgie* песню *Let It Be*, причем именно в тот момент, когда я включу радио у себя в машине.

Фло озабоченно хмурится.

– Ты мне не рассказывала историю с песней.

– Это было... Ну, в общем, об этом знали только мы двое, он и я...

Больно вспоминать...

Фло тащит меня дальше, и мы оказываемся под свисающими с потолка «ловушками для мечты», украшенными перьями и бусинками всех цветов и размеров. У меня кружится голова от их дурманящих запахов.

– Окей, моя красавица, – продолжает Фло, – раз так, слушай третье объяснение. Но предупреждаю: оно тебе понравится еще меньше. Ты готова?

– Давай выкладывай.

– Ты все выдумала!

– Что-о-о?

И я чихаю – не то от крепких запахов, не то от перьев «ловушки», висящей у меня над головой, не то от заявления Фло.

– Ты просто бредишь, старушка! – уточняет моя подруга. – В машине ты задумалась, и эта песня по радио тебе просто померещилась... Как и бормотание того малайца в самолете...

– Прекрасно, ну а график полетов? А ты, я и Жан-Макс в одном самолете? А «Кью»?

– Ну и что это доказывает? За последние двадцать лет мы не раз летали вместе, разве нет? И твоя любовная история... да ты ее просто выдумала. Или она тебе привиделась во сне... И она, и все, что с ней связано. Между вами никогда ничего не было, ты все это нафантазировала. Может, и твой гитарист никогда не существовал...

– Черт подери, Фло, я же тебе его показывала в 1999 году в самолете Париж – Монреаль! Паренек в клетчатой кепке, 18-й ряд, место D! Мы с тобой часами обсуждали его здесь, на улице Сен-Поль, а потом в этом же самом магазине. Так что ты тоже участвовала в нашей истории, вспомни, что ты мне тогда сказала...

И я снова чихаю. Фло смотрит мне в глаза и говорит, неожиданно серьезно:

– Нати, двадцать лет назад ты показала мне в самолете одного парня. Потом рассказывала о нем все то время, что мы провели в Монреале. Но я *никогда* не видела вас вместе!

– Ну если так рассуждать, я тоже *никогда* не видела твоего мужа.

– А я уже сто лет как не видела твоего краснодеревщика... Но ты зря обижаешься, я просто подыскиваю разумные объяснения.

Я действительно обижена. Шагаю вперед и задеваю головой очередную «ловушку», которая толкает другую, а та – следующую. Все они раскачиваются надо мной, шелестя перьями.

– Ладно, забудем. Переходи к четвертому.

– А ты готова слушать?

– Неужели оно еще страшнее?

– Идем! – И Фло тащит меня в отдел сувениров. Я рассматриваю серебряные ожерелья, медвежьи клыки, оленьи рога. – Четвертое объяснение – магия!

На сей раз я не реагирую, но Фло гнет свою линию:

– Все иррациональное можно объяснить только иррациональными причинами. Мир полон суеверий и чудес. – И Фло запускает руку в ивовую корзиночку с серыми бусинками: – Вспомни о волшебном камне времени!

– Ты не забыла?

– Я никогда ничего не забываю, Нати.

Я инстинктивно смотрю в сторону кассы. Туристы-азиаты примеряют меховые шапки и меховые шубы. Пожилая пара беседует по-английски с молоденькой продавщицей. Старая женщина за кассой сидит неподвижно, обводя взглядом весь отдел. Лицо замкнутое, руки скрещены на груди. У нее красновато-смуглая кожа аборигенов Северной Канады. На ней традиционная парка, расшитая стеклянными бусинками, две длинные полуседы косы намотаны на тонкие белые косточки. Можно подумать, она специально вырядилась так для туристов, которых хлебом не корми, а подай «типичный эскимосский стиль». Но я знаю, что это не так.

Я ее узнала.

И, как это ни удивительно, она, кажется, тоже меня вспомнила.

Слабеют ноги, в лицо ударяет жар. Стараясь побороть головокружение, я судорожно сжимаю камешек в кармане джинсов. Тот самый, что выпал из ящика с моими тайнами на паркет спальни.

Фло, стоящая рядом со мной, мгновенно умолкает, словно почувяла кого-то позади нас – кого-то, кто за нами следит.

Чье-то враждебное присутствие чувствую и я.

Камешек жжет мне ногу сквозь плотную ткань. Как будто его волшебные свойства внезапно проснулись.

Здесь все, как было *тогда*. Те же декорации, те же актеры, тот же сценарий, что двадцать лет назад. Я снова вижу всю эту сцену.

Как если бы пугающая череда совпадений была всего лишь предзнаменованием невероятной истины, а теперь передо мной распахнулась дверь в прошлое.

9

1999

Я почти бегом покинула магазин инуитских сувениров, спрятала камешек в карман джинсов под насмешливым взглядом Флоранс, устремилась в магазин напротив, где продавались более традиционные сувениры – флаги с кленовым листом, хоккейные майки и шорты, плюшевые олени. Через несколько минут я стала счастливой обладательницей стеклянного шарика, в котором миниатюрный снежный буран взвивался над замком Фронтенак[28]. С точки зрения метеорологии и здравого смысла это выглядело реалистичнее снега над

египетскими пирамидами или над Сахарной Головой[29]. Теперь этот квебекский шарик пополнит мою огромную коллекцию на полке книжного шкафа в гостиной в Порт-Жуа, отныне принадлежащую Лоре. Стоит ее отцу отвернуться, и маленькая проказница бежит к шкафу, снимает с полок один шар за другим – которые ее мама привезла со всех концов света – и встряхивает, любуясь тем, как красиво вьются снежинки над самыми известными достопримечательностями мира.

Я собираюсь похвастаться своим сокровищем перед Флоранс, но испуганно замираю, едва не поскользнувшись на обледенелой мостовой улицы Сен-Поль. На противоположном тротуаре вижу нашего командира. Жан-Макс Баллен выходит из сувенирной лавки, держа за руку хорошенькую, совсем юную девушку в форме ученицы коллежа: галстучек, расстегнутый ворот шелковой блузки, короткая юбка-килт и длинные гольфы; следом за ними идет какой-то тип, высоченный, пузатый и далеко не такой сексапильный, как Жан-Макс, – похоже, отец девчушки. Трудно сказать, видели ли они меня и Фло. Все трое сворачивают на улицу Бонсекур.

– Думаешь, он нас заметил? – спрашивает Фло.

Я боюсь, что все гораздо серьезнее:

– Неужели он за нами шпионит?

Этот человек и девушка в килте... видела ли я их в самолете? Нет, их точно там не было. Малышка – без сомнения, новая пассия нашего командира... Но что за тип их сопровождает? Он похож на телохранителя крестного отца мафии.

– Считаешь, он мог испугаться, что его засекли с этой крошкой? – спрашивает Фло.

– С чего бы вдруг? Плевать он хотел на чужое мнение. Ему сорок лет, он холостяк, девушка наверняка совершеннолетняя. Он следует традиции моряков в версии «седьмое небо»: в каждом порту по женщине. Ну и пусть резвится, пока может, ему недолго осталось гулять, нашему красавчику.

Я всегда питала слабость к командиру Баллену – не потому что он нравился мне как мужчина (после того эпизода в Токио я старалась держаться от него подальше), просто приятно было смотреть, как Жан-Макс наслаждается свободой.

– А он не стесняется, – замечает Фло. – Ты ему не слишком-то доверяй, я всегда считала его коварным соблазнителем. Как, впрочем, и

всех остальных мужиков. В том числе твоего краснодеревщика, слишком уж он безупречен, даже подозрительно. Ну ладно... давай лети, моя ласточка, к своему гитаристу!

* * *

Бегу со всех ног до улицы Блэри, а оттуда, задыхаясь, быстрым шагом иду к началу улицы Сент-Катрин, отыскивая взглядом «Фуф». В нескольких метрах огромная вывеска «МЕТРОПОЛИС». Я боялась опоздать, но нет – у меня еще пара минут в запасе. Открыв дверь бара, застываю от изумления перед фантастическим интерьером. Это не бар, а заколдованный замок!

Название «Фуф» – сокращение от *Foufounes Electriques*[30]. Над входной дверью висит гигантский паук, а рядом парочка таких же гигантских блеклых черепов. Интерьер соответствующий: кирпичные стены в черно-белых граффити, отрубленные головы, свет то кроваво-красный, то трупно-зеленый; с наступлением ночи он наверняка будет меняться от «флюо-диско» к «флэш-зомби» и обратно.

Но пока бар почти пуст, и моего гитариста здесь тоже нет. Официант, чей банальный вид оскорбляет крутизну интерьера, встречает меня широкой улыбкой и предлагает сесть за любой столик. Они тоже на удивление банальны, самые обычные столики с деревянными столешницами, возле каждого разнокалиберные стулья с пластиковыми сиденьями.

Я устраиваюсь поближе к двери, чтобы мой гитарист не проглядел меня. Сажусь и невольно усмехаюсь: столик-то колченогий! Терпеть не могу шатких столов, и тем не менее, когда прихожу в ресторан или кафе, мне обязательно попадается именно такой. Это мое персональное проклятие!

Поэтому я и не могу решиться пересесть. На три десятка здешних столов уж точно найдется один, прочно стоящий на четырех ножках. Поискать, что ли? Это отвлечет меня от других мыслей. От того, что я делаю. От Оливье. От Лоры. А если не найдется устойчивый, сбегу отсюда... Кстати, почему бы мне с этого не начать – сделать ноги?! Что я тут забыла? Жду незнакомого парня под этими кошмарными гигантскими масками, развешенными по стенам, в этом безумном

интерьере для непополовозрелых панков... Констатирую очевидную истину: я совершаю самую страшную глупость в своей жизни! Единственно верное решение – бежать, причем немедленно! Я поднимаюсь...

– А, вы уже здесь?

Передо мной стоит мой гитарист, тоже запыхавшийся. Кепка набекрень, шарф перекручен, взгляд жалобный, но улыбка куда шире, чем оскал всех этих зомби на стенах, даром что они в десять раз больше его самого...

10

2019

Жгучая боль в плече вырывает меня из задумчивости. Это Фло меня ущипнула, вот поганка! А я так углубилась в воспоминания о самом неожиданном свидании в жизни. В первый акт того длинного вечера, который...

– Не оборачивайся! – шепчет Фло.

Запутавшись между настоящим и прошлым, я не сразу понимаю, чего она хочет. Инстинктивно сжимаю камешек в кармане джинсов. Мой камень времени! Неужели я перенеслась в тот же самый магазин, в прошлое, на двадцать лет назад?

Нет, я в 2019 году!

Магазин художественных ремесел превратился в супермаркет сувениров с кучей камер наблюдения, таинственная инуитка за кассой стала седой старухой, а моя белокурая пухленькая подружка – пятидесятилетней дамой, толстенькой обжорой... И у меня не свидание, от предвкушения которого сердце колотится как сумасшедшее, а всего лишь выпивончик с коллегами, который состоится через несколько минут.

– Иди вперед, постарайся, чтобы он нас не заметил, – шепчет мне Фло. И подталкивает меня к выходу.

– Кто «он»?

Но тут замечаю «его», от изумления чуть не опрокинув прилавок с плетеными корзинками. Пальцы сами собой опять касаются камешка в кармане. Наш командир Жан-Макс Баллен в магазине, в трех отделах от нас! Неужели и впрямь следит?! Нет, похоже, он нас не замечает. Стоит

в отделе алкогольных напитков и разговаривает с двумя мужчинами, явно чем-то взволнованными. У обоих кожаные куртки, линялые джинсы, густые бороды. Типичные дилеры из квартала Ошлага-Мэзоннёв[31], чей облик никак не сочетается с безупречным, от Ральфа Лорена, костюмом нашего командира.

Я вижу, как один из типов отталкивает руку Боллена с пачкой канадских долларов.

– Сваливаем, живо! – шепчет Фло.

Мы останавливаемся только на улице Сен-Поль, в толпе прохожих. Я смотрю на подругу:

– Думаешь, он за нами шпионит?

Фло еще не отдышалась. Она сильно взволнована, но через силу улыбается, а мне кажется, она от меня что-то скрывает. Словно в четко разработанном плане произошел сбой и ей приходится импровизировать на ходу.

– Странно, правда? – говорю я, стараясь побороть глупые подозрения. – Баллен оказался в одном магазине с нами – в точности как двадцать лет назад!

Фло явно радуется спасительной подсказке, которую я ей подбросила. Начинает объясняться, но очень уж неуклюже. А я продолжаю думать, что за ее лепетом стоит кое-что посерьезнее.

– Вот видишь, дорогая, все в точности так, как я тебе и говорила. Мы чисто случайно очутились в том же магазине, что и двадцать лет назад, а тебе мерещится странное совпадение! – Фло умолкает, раздумывает и, кажется, приходит в себя. – А может, командир нас попросту клеит, потому что считает красотками?!

Я смотрю на нее в упор:

– Мы ими были... в прошлом тысячелетии. Вынуждена тебя разочаровать, моя милая, нам нечего опасаться с этой стороны. Жан-Макс наверняка ищет кого-нибудь посвежее.

И тут я невольно вспоминаю малышку Шарлотту. Она примерно одних лет с девочкой в килте и гольфах, спутницей Баллена в 1999 году. С той лишь разницей, что тогда ему было сорок, а не шестьдесят, и сегодняшние пассии выглядят уже не дочками, а внучками нашего командира. Фло снова оглядывается на магазин и вдруг начинает меня торопить:

– Пошли отсюда скорее! Пора выпить за наше увядание вместе с Жорж-Подем, Эмманюэль и остальными.

– А где у нас встреча?

Фло еще не успела ответить, а я уже знаю *где*.

В баре «Фуф»!

Ну конечно.

А главное, Фло больше не пытается убедить меня, что это простое совпадение!

* * *

«Фуф» совсем не изменился. Я вижу старых знакомых – паука, парочку черепов, таких же блеклых, и маски зомби, все с тем же оскалом. Наша маленькая компания ждет нас за одним из столиков бара – Сестра Эмманюэль с чашкой чая, Жорж-Поль с кружкой пива, а Шарлотта с грейпфрутовым соком, который тянет через соломинку. Справа от нее свободное место.

Мы с Фло занимаем соседний столик, чтобы сидеть поближе к ним. Моя стажерка оберегает незанятый стул, положив на него сумочку от *Desigual*. Она приветствует нас очаровательной улыбкой:

– Жан-Макс остался в отеле, отдохнуть. Он скоро будет.

Бедная малышка, угораздило же ее влюбиться в невидимого мужчину!

Мы с Фло заказываем «Золотой Бореаль», как наш GPS. Кажется, мы отстали от него на целых два бокала. У Жорж-Поля репутация усердного работника на борту самолета и отвязного гуляки на стоянках. Мне кажется, сейчас наш легендарный GPS не способен найти даже дорогу к туалету «Фуфа», совсем уж оригинально оформленному.

– У некоторых сиеста в отеле? – лицемерно удивляется Жорж-Поль. – Наш командир времени зря не теряет, как я погляжу!

Я вспоминаю, что мне одной известна тайна Шарлотты, а моя юная протезе наверняка не слышала о репутации своего возлюбленного. Скрещиваю пальцы: пусть бы коллеги держали язык за зубами. Опираюсь локтями на стол и вздрагиваю: он шатается!

– Что ты имеешь в виду? – простодушно спрашивает Шарлотта, потягивая сок через соломинку. – Почему он не теряет времени зря?

Сестра Эмманюэль опускает глаза, Фло с интересом изучает потолок. Жорж-Поль плотоядно слизывает с губ пивную пену.

– Ну, у нас такой исполнительный командир, что иногда он проводит в постели все время стоянки. Большой профессионал наш командир Балчлен.

Ой...

Это любимая шуточка всего нашего персонала, и Жорж-Поль не лишает себя удовольствия опробовать ее на новенькой. Та хмурит очаровательные бровки, делает еще глоток сока и бросается в атаку:

– Почему ты зовешь его Балчлен? Его фамилия Баллен!

GPS ликует. Сестра Эмманюэль испускает тяжкий вздох: она знает продолжение. Фло явно злится.

– Какая разница, Баллен или Балчлен, называй как тебе угодно... Можешь даже величать его Блядленом, если хочешь...

Красивые глаза Шарлотты затуманиваются, она все еще не поняла. А стол чуть не опрокидывается у меня под локтями, пиво в бокале ходит ходуном. Жорж-Поль осушает свой одним глотком и выдает последний шедевр:

– Жан-Балчлен-Макс! – И, расхохотавшись, продолжает: – Стюард, который придумал эту шуточку, просто гений! Интересно, когда папа и мама Баллены окрестили своего сына Жан-Максом, предвидели ли они, что их сын станет самым великим ходоком в мире? – И хохочет уже во все горло.

Сестра Эмманюэль невольно улыбается. А Фло, которая вообще-то вполне способна оценить соленую шутку, кажется, не очень-то одобряет конкретно эту. Правда, она, как и я, слышала ее уже сто раз. С бесконечными вариациями. Но Шарлотта слышит ее впервые. Она машинально поглаживает сиденье свободного стула справа от себя, потом, резко отодвинувшись, толкает наш колченогий столик; мой «Золотой Бореаль» выплескивается и стекает на пол.

– Ой, извините... – лепечет бедняжка.

Сестра Эмманюэль бросается вытирать лужу бумажными салфетками. Она всегда готова прийти на выручку. Потом дует на свой чай и, кашлянув, просит нашего внимания. Странно – участие в общем разговоре не в ее привычках.

– Кем бы он ни был, Балленом, Балчленом или кем-то еще, ему уже недолго осталось летать, и не только потому, что пенсия на носу.

Эмманюэль словно бросила на стол разом все козырные карты. И теперь сидит с мрачной миной, под стать окружающим. Даже у зомби на стенах бара не такие перекошенные физиономии, как у нас. Все молча ждут продолжения.

– Ну давай уже, рожай поскорей! – нервно восклицает Фло. – Выкладывай, что там у тебя!

Прежде чем ответить, Эмманюэль отпивает глоток чая.

– Ему грозит серьезное взыскание. Еще один-два рейса – и кончено дело!

Я сижу разинув рот, как Фло и Жорж-Поль. Сестра Эмманюэль – последний человек из нашего персонала, который стал бы подсиживать коллег. Она, конечно, зануда, педант и вообще вредная баба, но при всем том в высшей степени порядочный человек.

– Господи боже, что он натворил? – восклицает Жорж-Поль.

Сестра Эмманюэль загадочно молчит. Шарлотта так судорожно стискивает пальцами спинку пустого стула, что на пластике остаются царапины от ногтей. А я размышляю над этой загадкой. Жан-Макс Баллен – пилот с тридцатипятилетним стажем и безупречной профессиональной репутацией, почти идеальный работник, и придраться к нему можно, только если он совершил какую-то капитальную глупость.

Жорж-Поль начинает выдвигать гипотезы:

– Неужели перевозил наркоту? Или, хуже того, фермерский маруаль[32] для своих пассий?

Но это никого не смешит.

– А может, он растратил казенные деньги? – продолжает Жорж-Поль.

Сестра Эмманюэль упорно молчит. Фло опирается на край стола, спровоцировав очередной пивной выплеск, который уже не сдержат размокшими салфетками.

– Если никто не в курсе, – раздраженно говорит она, – откуда же ты знаешь, что ему грозит взыскание?

Сестра Эмманюэль стойко выдерживает взгляд Флоранс и отвечает тоном старшей стюардессы, которым обычно требует безупречной работы от своих подчиненных:

– Знаю, потому что это я его разоблачила!

Все застывают. Один только стол продолжает качаться. Совпадение, Флоранс, я знаю, что это совпадение. И потому предоставляю своим коллегам засыпать Сестру Эмманюэль дурацкими вопросами: *Что ты видела? Что Баллен натворил?* А сама тем временем сосредоточиваюсь на своем наваждении – на этом столе, который все качается и качается, заливая мерзким пивом мои колени. Так сколько же колченогих столов приходится на те тридцать, что расставлены в баре «Фуф»? Неужели все такие? Или только один мой? Небось хозяева тратят бешеные деньги на поддержание этого панк-рокового декора, так почему бы им не починить один-единственный стол, качающийся с 1999 года?!

Жаль, что не могу еще сильнее стиснуть лежащий в кармане талисман времени. Обстановка внезапно накаляется до предела. Как будто все эти зомби, волки-оборотни и прочие чудовищные мутанты одержали верх над людьми. Поднимаю глаза, смотрю на них. Подумать только, все эти страшилища были свидетелями самой прекрасной встречи в моей жизни! Здесь, в этом баре! Двадцать лет назад!

Погрузившись в воспоминания, я не сразу замечаю в этой полуреальности, что сослуживцы обернулись к входной двери. И смотрят туда, явно смущенные. А Шарлотта наконец-то радостно улыбается.

В дверях стоит Жан-Макс Баллен.

11

1999

Мой гитарист разглядывает маски чудищ на стенах, отрубленные головы и паутину, свисающую с потолка прямо над нами. Он явно огорчен.

– Знаете, этот... этот бар ближе других к «Метрополису», – говорит он извиняющимся тоном. – Я здесь впервые.

Меня трогает его печальная мина – точь-в-точь новобрачный, который привез юную жену вместо отеля в заколдованный замок с привидениями.

– О, здесь все так необычно, – отвечаю я, коря себя за то, что не нашла реплики пооригинальнее.

А вот он уже придумал. И шепчет мне:

– На самом деле я всегда назначаю девушкам свидания в самых ужасных местах...

Я киваю, хотя мне непонятно, что он хочет этим сказать.

– И обязательно немного опаздываю. Если они меня дожидаются, значит, действительно хотят видеть! – И приосанивается в ожидании ответной реакции.

Меня его павлинье самолюбование не впечатляет. Поэтому наклоняюсь и произношу – совсем тихо, загадочным тоном:

– Ну и кто здесь самый ужасный? Вы или этот гигантский паук?

Он не отвечает, но чуть потемневшие светлые глаза говорят о том, что это место и эта ситуация смущают его не меньше, чем меня. Он взмахивает своей кепкой, подбегает официант, и мы заказываем пиво: я – «Золотой Бореаль», он – красное. И только тут замечает, что наш стол качается. Его руки начинают дрожать – слишком крупной дрожью, чтобы счесть ее естественной. Он придвигается ближе и снова шепчет:

– Берегитесь, это место проклято! Я сумею защитить вас, если вон те ядовитые змеи сползут к нам с потолка, или если проснутся вот эти зомби на стене, или если за нас возьмутся какие-нибудь типы с циркулярными пилами, но против шаткого стола я бессилён!

Не могу понять, насмехается он надо мной или у нас с ним действительно общая фобия?

– Я тоже их боюсь, – говорю я и встаю. Мы со смехом пересаживаемся за соседний столик. Этот, слава богу, вполне устойчив. Официант приносит нам два пива.

– Спасены! – шепчет мой рыцарь в кепке. – Я полагаю, что теперь самое время спросить, как вас зовут. Не могу же я вечно называть вас Мисс Ласточка. Особенно сейчас, когда вы расстались со своим сине-красным оперением.

И верно, сейчас на мне джинсы с заниженной талией и сиреневая блузка свободного покроя.

– Нет, я пришла сюда инкогнито. Знаете ли вы, что ласточки пролетают многие сотни километров вовсе не ради собственного удовольствия, а чтобы накормить своих птенцов?

– Не всегда... Еще они мигрируют, улетают далеко-далеко от своих гнезд. И могут преодолеть больше десяти тысяч километров в одно мгновение – когда выбирают свободу!

Я машинально откидываю падающую на глаза прядь. Как утверждает Фло, это самый сексуальный жест на свете. Чтобы ослабить эффект, решительно протягиваю руку:

– Натали. Но я предпочитаю просто Нати. А вы?..

Он крепко сжимает мои пальцы:

– Илиан. Можете попробовать просто Ил. Вы будете первой, кто меня так назовет.

Илиан...

Ил...

Ил-лиан... [33]

С минуту мы сидим молча, торопливо – слишком торопливо – прихлебывая пиво. Я знаю, что нужно поставить бокал, поблагодарить его и уйти. Как в покере: наплевать на свою ставку, бросить карты на стол и откланяться. Илиан смотрит на часы, потом – вопрошающе – на меня:

– Ну что, пошли? Нас ждет Роберт Смит... если мы хотим занять лучшие места.

Слышу собственный голос:

– Вы уверены, что мне удастся войти?

– Абсолютно уверен! Если кто-нибудь из «Кью» повредит руку, я – первый кандидат на подмену... поэтому они ни в чем не могут мне отказать.

– А я думала, вы всего лишь таскаете за ними гитары.

– Ну-у-у... это я так, чтобы не выглядеть хвастуном... С виду не скажешь, но вообще-то я сверхталантливый музыкант!

Да, мне кажется, мой гитарист совершенно неотразим, когда пытается пустить пыль в глаза, чтобы его приняли всерьез. И я решаю подыграть ему, поймав на слове:

– Да, похоже...

– Похоже – на что?

– Похоже, вы действительно прекрасный гитарист. Может, даже сверходаренный, но утверждать наверняка не берусь – ничего не смыслу в музыке. Однако справляетесь вы неплохо.

И я восхищенно взмахиваю ресницами, изображая фанатку. Ил ухмыляется, сдерживая притворный вздох.

– Нехорошо насмехаться над бедным малым!

– Никакой насмешки. Мне было ужасно приятно вас слушать – в Руасси, у выхода М.

Ил поправляет кепку и встает, оттолкнув стул. Слишком резко.

– Ладно, нам пора...

Следую за ним. Мы проходим под пауком. Илиан бросает последний взгляд на афиши концертов, состоявшихся в стенах «Фуф», – «Садден Импакт», «Скейт Джем», «Крю Баттл», «Смиф-н-Вессан». И черно-белые граффити за лестницей: десятки лиц с выпученными глазами – не то люди, не то чудовища.

– На самом деле, – признается Илиан, – мне очень стыдно, что я пригласил вас сюда. Я не панк, не рокер, не исполняю ни электро, ни техно... Всего лишь сочиняю кое-что в стиле старинных, давно немодных баллад...

Смотрю на него. Мне ужасно нравится эта его манера – говорить только шутливым или извиняющимся тоном. Переходим улицу Сент-Катрин. Вот он, «Метрополис», напротив, в нескольких метрах. Я останавливаюсь прямо посреди безлюдной улицы, перед чередой бутиков и ресторанов совсем с другим декором, это дорогущие заведения современного, шикарного Монреаля. Мне все меньше и меньше хочется бороться с опьяняющими волнами эйфории. И я шепчу на ухо моему робкому гитаристу:

– Обожаю старинные немодные баллады.

* * *

– Бейдж есть? – спрашивает человек с сильным квебекским акцентом.

– Да-да.

Илиан долго роется в карманах и наконец извлекает потертую пластиковую карточку. Человек бдительно рассматривает ее. На вид ему лет сорок, густая борода, залысины на лбу и мощная фигура, сразу ясно: такой не пропустит внутрь никого и ничего, даже две вращающиеся створки турникета. Он долго вытирает влажный лоб полой вылезшей из брюк рубашки, словно хочет похвастаться внушительными выпуклостями своего живота. Кажется, сейчас попросит их пощупать: «Хочешь, проверь: они настоящие!»

– Окей, проходи. А это еще кто?

– Подружка, – бодро заявляет Илиан. – Она фанатка «Кью». Пускай постоит за кулисами. Ручаюсь, она шуметь не будет!

– Ну да, а после концерта ты ее поимеешь, эту куколку, – гогочет охранник. – Знаешь, если я буду пропускать всех красоток...

Я закатываю глаза, потом смотрю на Илиана. Он так растерян, что хочется его обнять и утешить. Шагнув вперед, я откидываю свою знаменитую прядь и устремляю на охранника честный взгляд:

– Это не то, что вы думаете, мсье, я не просто его сопровождаю. И мне плевать на «Кью», я не заплачу, если вы меня не впустите. Но перед тем как уйти, хочу кое-что сказать: гитарист, который стоит перед вами, гений! Я не понимаю, почему он всего лишь дублер... Вот если бы вы взяли да подсказали Роберту, чтобы он поставил его на сцене главным!..

Багровый от смущения Илиан смотрит на барабаны за спиной охранника, словно выбирает какой-нибудь побольше, в котором можно спрятаться.

– А я думаю, парень просто-напросто заморочил тебе голову, – ухмыляется охранник. – Он же всего лишь таскает за ними гитары. И в лучшем случае, если будет вести себя хорошо, ему разрешат их настраивать.

Я умоляюще смотрю на него, он наконец-то улыбается и уступает:

– Вот напасть-то! Вы оба мне действуете на нервы, ты и он! Скажите спасибо, что я такой сердобольный, не выношу вида несчастных влюбленных. – И протягивает мне потную руку: – Лавалье. Улисс Лавалье, организатор этого концерта. И не смейте шутить над моим именем, на самом деле меня окрестили иначе, но настоящее еще хуже. Ну так как – впустить вас, что ли...

Я переглядываюсь с Илианом, а Улисс отдувается – шумно, как продырявленный воздушный шар, только живот ни на йоту не теряет в объеме. Он смотрит на кепку Илиана:

– Ладно уж, проходите, ребятки... Давай, парень, веди свою красотку и сидите в уголке тихо, как мышки. Запомните: я над вами сжалился только потому, что давно не видел таких пылких влюбленных. Так что не разочаруйте меня, занимайтесь любовью поусерднее, женитесь и заведите кучу детишек!

Я чмокаю Улисса в щеку и обещаю:

– Вы будете крестным отцом нашего первенца!

Входим в зал.

Концерт начнется через час, но персонал уже всюду суетится на сцене. Через какое-то время приходит Улисс, чтобы выпить с нами пива. Оказывается, он и в самом деле импресарио, а никакой не охранник, и уже заработал кое-какую репутацию – открыл офис в Лос-Анджелесе и собирается открывать второй, в Брюсселе. Илиан, набравшись храбрости, признается, что ищет работу в музыкальном мире: он сам немного играет и согласен на все что угодно, в любом месте планеты, лишь бы ему позволили держать в руках гитару.

* * *

Потом свет в зале гаснет. На сцене, в нескольких метрах от меня, возникает белый призрак, силуэт, напоминающий Эдварда Руки-Ножницы. Потом рядом с ним появляются другие призраки, они выстраиваются в один ряд – три гитары и электроклавесин.

Внезапно всех охватывает вихрь безумия.

Зал вскакивает в едином порыве.

Публика беснуется.

In Between Days... [34]

Песни следуют одна за другой. Певец, бас-гитарист, ударник, клавишник, второй гитарист почти не двигаются, это танец на месте, однако чудится, будто безумный смерч подхватил и кружит весь зал.

Я никогда еще не испытывала такого экстаза!

Неужели все дело в концерте?!

В том, что все вывернулось наизнанку? Встало с ног на голову?!

Или так действует близкое соседство с музыкантами – я ведь могу дотронуться до их насквозь пропотевших рубашек!

Неужели это глаза Илиана зачарованно следят за пальцами, мечущимися по шести струнам бас-гитары?

И неужели я так взбудоражена от того, что всеми фибрами чувствую его близость?

Close to Me.

Как бороться с этой магией? Как подавить в себе желание вскочить, пуститься в пляс, запеть во весь голос прямо тут, между этими ящиками, среди равнодушных рабочих сцены? Иногда я ходила на концерты вместе с Оливье и там тоже и пела и танцевала.

Но никогда – с таким буйным восторгом.

Никогда – с таким жгучим желанием быть увиденной, быть понятой, быть покоренной.

Быть застигнутой врасплох и захваченной.

Just Like Heaven[35].

Илиан проживает каждую ноту, каждый аккорд, каждое слово и каждый звук, шепотом повторяя их, шевеля пальцами, словно они бегают по струнам. Илиан где-то далеко, не здесь, затерянный в аллеях своего заповедного сада.

*И ворота распахнуты в дивный тот сад,
И цветы дарят всем нежный свой аромат...*

Я знаю, что это мираж, что экстаз улетучится в тот миг, когда в зале вспыхнет свет, и все-таки мне не удастся отогнать глупое наваждение. Глупое... но возвышенное.

Ил привел бы меня сюда, чтобы слушать его игру, ободрять его, будоражить и успокаивать.

Попроси я, Ил подарил бы мне эту привилегию, чего никогда не делал Оливье. Мужу от меня нужна похвала, ну и – может быть – толика восхищения. Он не против, чтобы я оценивала его работу – только что завершённую, еще не вышедшую из мастерской. И чтобы помогала ему – в качестве секретарши, бухгалтера, супруги. Но не в качестве музы.

The Hanging Garden[36].

Зал плавится в сумасшедшей жаре. Прожектора жгут, испепеляют певцов, которые мечутся по сцене, словно грешные души в аду. Илиан

поет во весь голос, до хрипоты, и я вместе с ним.

Да-да, повторяю: никогда в жизни мне не доводилось впадать в такой экстаз!

И вдруг меня обжигает чувство вины, я понимаю, что больше всего на свете хотела бы пережить подобное вместе с Оливье. Но мне ясно, что это невозможно, что этому никогда не бывать. И еще я знаю, что хотя Илиан до меня не дотронулся, мы были так близки, как будто я изменила Оливье.

А потом по щекам Илиана покатались слезы.

Boys Don't Cry.

Парни не плачут.

За исключением тех, кто достоин любви.

А потом прожектора погасли.

Певшие сели на свои места. И в зале вспыхнули огоньки зажигалок.

Роберт отложил гитару и запел:

*Sometimes I'm dreaming
Where all the other people dance
Come to me
Scared princess[37]*

Что это – сон?

Все зрители, кроме нас, с первого до последнего ряда, танцуют.

И я впервые беру Ила за руку.

Маленькая робкая принцесса.

Да и он, мой рыцарь, тоже робеет.

* * *

Музыка смолкла. Свет становится ослепительно-белым, и публика понимает, что пора вернуться к реальности. Зал пустеет – так вода

уходит сквозь песок. Илиан, не дожидаясь, когда удалятся последние зрители, начинает сматывать провода усилителей и укладывать инструменты в футляры. Я ему помогаю как могу. Это занимает у нас несколько минут. Илиан отвечает только за струнные, для *roadie* это работка не бей лежачего, что я ему и говорю, добавив: «Представляешь, если бы тебе нужно было паковать ударные?!»

Ил смеется.

Улисс заходит попрощаться с нами и советует Илиану не ложиться слишком поздно, завтра их ждет тяжелый переезд: группа отправляется в Ванкувер. Илиан с ними не едет, но по контракту обязан участвовать в погрузке вещей.

– Вы там не слишком его мучайте, мадемуазель, завтра на рассвете мы начнем собираться, и он должен быть в норме!

Я усмехаюсь: мой самолет отбывает в Париж в шесть часов утра!

Илиан насвистывает в такт с другими *roadies*:

Let's Go to Bed![38]

До полуночи еще далеко. Внезапно хватаю за руку своего носильщика гитар и тащу его к выходу. Мной владеет какая-то непривычная решимость, я сама себя не узнаю.

Ил приподнимает кепку на кудрявых волосах и чешет затылок. Как же мне нравится его лицо задорного, очаровательного сорванца!

– Мисс Ласточка, вы ведете себя неразумно!

– Обычно это не так, но сейчас...

Я прячу смущение за обезоруживающей улыбкой. Спасительная прядь скрывает глаза цвета пепла. Ил притворяется рассерженным:

– Вы еще и в этом смеете меня обвинять?

Я озираюсь:

– Что-то я не вижу здесь никого, кроме вас... Так что будем делать?

– Ничего! – Ил надвигает кепку на глаза и становится похож на школьного надзирателя, и таким он мне нравится гораздо меньше. – Напоминаю вам, что завтра рано утром вы улетаєте.

Я машу руками, изображая птичий полет.

– Да, я не могу иначе, я ведь ласточка... Или фея – выбирайте, что вам больше нравится!

И я продолжаю размахивать руками, легкая как перышко, кажется, сейчас мои ноги оторвутся от земли и... Но он мягко обхватывает мое запястье и удерживает, пока я не вспорхнула под своды «Метрополиса».

– Вы неисправимы! Ладно, тогда за мной, мы идем в кино!

В кино?

Ил меня раздражает своей манерой брать реванш одной-единственной фразой.

– Да вы знаете, который час?

– Разве это имеет значение?! Вы – фея, я – волшебник... Только с одним условием, мадемуазель: мы будем вести себя примерно! Никаких поцелуев в последнем ряду, обещаете?

Его взгляд неуловим, и теперь уже я пытаюсь его «приземлить».

– У вас, оказывается, есть принципы?

– Нет, просто страх! Держу пари, что вы замужем, что ваш муж ужасно ревнив, что у вас куча детей и все они никогда не простят мне, что я сбил с пути их мамочку.

– Нет, у меня всего одна дочка и очень добрый муж.

Наконец-то мне удалось поймать взгляд его голубых глаз и одним движением пальца приковать его к моей соблазнительной пряди.

– Теперь вы спокойны? Но я с вами согласна: мы всего лишь посмотрим фильм, и ничего больше, обещаете?

Я знаю, что мои глаза говорят совсем другое. Говорят на языке, который мне незнаком, так что приходится импровизировать. Ил что-то бормочет, не в силах определить, говорю я серьезно или играю с ним.

Конечно, это всего лишь игра. Я и сама хочу убедиться в этом, перед тем как окончательно заглушить в себе чувство вины.

Это всего лишь игра. Я владею собой, ничего серьезного не случится. Итак, что мы будем смотреть?

На самом деле мне не верится, что кинотеатры открыты в такое позднее время. Тогда каким же будет его следующий фокус?

Ил вынимает из кармана программку и разворачивает ее передо мной.

Кино под звездным небом.

– Летом, – объясняет он, оторвав от меня взгляд и уткнувшись в буклет, – в Монреале по всему городу устраивают киносеансы под открытым небом. Вот... слушайте!

Променада Бельвиль, 22:00 – «Красота по-американски»

Квартал у канала, 22:00 – «Все о моей матери»

Рынок возможностей, 23:00 – «Матрица»

Площадь Мира, меньше чем в двухстах метрах отсюда, 00:00 – «Жизнь прекрасна»

Вы уже видели этот фильм?

– Кажется, он очень грустный? Или я ошибаюсь?

Ил хватает меня за руку и бегом тащит за собой. На часах почти полночь.

– Да, грустный, но мы будем смотреть только первые сорок пять минут – самые прекрасные во всей истории кино! [39]

12

2019

– Привет!

Жизнерадостное приветствие командира Баллена, явившегося в «Фуф», мгновенно возвращает меня к действительности, развеивая воспоминания. Шарлотта убирает сумочку со стула и пододвигает его к Жан-Максу, приглашая сесть. Наш пилот едва достаивает бедняжку взглядом, и я задумываюсь, как это истолковать. Как простую предосторожность, чтобы никто не догадался об их отношениях? Или как намеренное безразличие, чтобы влюбить в себя девчонку? Впрочем, возможно, Жан-Макс Баллен просто занят своими мыслями. Надеюсь, что так. Лишь бы он не причинил ей зла! Какая-то первобытная, звериная ярость побуждает меня защищать мою молоденькую подопечную.

Командир Баллен машет официанту, заказывает *Canadian Club Single Malt* [40] и обводит недоуменным взглядом замолкших коллег:

– Что это с вами? Селин Дион умерла, что ли?

Один лишь Жорж-Поль через силу смеется этой шутке. Баллен, облокотившись на стол, начинает разглядывать чудищ из папье-маше, развешенных по кроваво-красным стенам.

– Надо сказать, даже в Брашове, в трансильванской глуши, не сыщешь такого мрачного бара. Интересно, кому из вас пришло в голову назначить здесь встречу для выпивки?

Все молчат. Сияющая улыбка Шарлотты превратилась в восковую маску. Девочка нервно ерошит волосы. Осмелится ли она сегодня

ночью откровенно поговорить с любовником, спросить: «Ты и вправду меня любишь или я просто еще одна куколка в твоей коллекции?»»

Фло уткнулась в свой мобильник. Жорж-Поль пытается сострить, заявив, что он предпочитает электрическим вагинам *секс-опильные*. Баллен рассеянно отвечает: *Oh, my God*[41], а я выдавливаю из себя смешок, чтобы хоть как-то вознаградить их за усилия. Уф, черт бы побрал эти длинные стоянки! Мужчины вовсю стараются развлечь экипаж, а Сестра Эмманюэль даже не снисходит до такой попытки. Решительно отставляет чашку и встает:

– Так, я иду по магазинам. Кто со мной?

Шарлотта любит профилем своего тайного возлюбленного, его кудрявыми с проседью волосами, решительным, красиво очерченным ртом, смуглыми, идеально выбритыми щеками. Потом тоже встает, непринужденно расправляет складки юбочки, одергивает розовый облегающий топ, чтобы прикрыть голый пупок и одновременно выгоднее подать грудь, поворачивается к командиру спиной, вернее, аппетитной попкой (она оказывается как раз на уровне его лица) и кликает Эмманюэль:

– Ты не знаешь тут какого-нибудь хорошего парикмахера?

– Да у нас в Квебеке лучшие в мире брадобрее, – встревает Жорж-Поль, изображая канадский говорок, правда, с меньшим успехом, чем Жан-Макс. Тот и голоса не подает.

– Есть у меня на примете один подходящий, – отвечает Сестра Эмманюэль, игнорируя вмешательство нашего GPS. – Шикарное заведение, хозяйева – парочка голубых. Это на улице Бонсекур, вывеска заметная, мимо не пройдешь.

Меня удивляет, что Сестре Эмманюэль с ее дешевыми шмотками из *Camif*[42], чаем с капелькой молока и неуклонным отходом ко сну ровно в 22:15, после звонка родным, какова бы ни была разница во времени, известны такие забойные места в Монреале.

– И даже не нужно записываться заранее, – добавляет Эмманюэль, – у них там как минимум двадцать мастеров... Эта парикмахерская называется «Маленькая ласточка».

Мое сердце на миг замирает, а потом начинает колотиться так неистово, что грозит взорваться, вместе с мозгами.

Маленькая ласточка...

Бросаю взгляд на Фло, но та вперилась в свой мобильник и даже головы не подняла.

Что это – опять совпадение? Наверно, именно так ты мне и объяснишь, Фло? Простое совпадение. Ласточки, они же повсюду, куда ни глянь, вокруг нас, в небе, на логотипах ресторанов, на афишах и улицах... как любые другие существа – птицы, пауки, летучие мыши, змеи, ящерицы, волки, крысы. Я ведь их не замечаю, а почему? А потому что у Илиана хватило деликатности не присваивать мне их названия.

Пока Эмманюэль и Шарлотта собирают вещи, готовясь уйти, Жорж-Поль снова пытается разрядить обстановку:

– А вам известно, что ученые обнаружили в моей ДНК девяносто процентов генов, общих с генами ласточек? А также журавлей и странствующих голубей... Медики называют это геном странника. Он зафиксирован у моряков и у лондонских таксистов... И почти не встречается у красивых девочек!

И хохочет в одиночку над собственной шуткой. Сестра Эмманюэль молча пожимает плечами и знаком велит Шарлотте идти за ней. Жан-Макс глядит им вслед, но не удерживает. Фло занята своим мобильником, а я – своими мыслями. Несколько минут мы сидим молча, все четверо. Потом Жорж-Поль вроде бы собирается что-то нам предложить, но Жан-Макс его опережает:

– А что, если нам сходить в кино? Не зря же мы сделали привал в стране, где идут фильмы с французским дубляжем.

Я зажмуриваюсь и цепляюсь за стул. Воспоминание мне кажется таким живым, словно это было вчера.

Площадь Мира.

Фильм Бениньи.

Сумасшедший бег за руку с Илианом, в полночь.

Если Жан-Макс помянет сейчас этот фильм, я опрокину столы вместе с пивом, вырву циркулярную пилу из рук кривого лесоруба, стоящего у туалета, и разнесу в щепки весь «Фуф» с его картонными чудовищами, клиентами и красавчиками-официантами... А потом возьмусь за этот проклятый город...

– Так... В «Бобьен» идет старый черно-белый Капра... [43]

Я перевожу дух. Но ненадолго.

– Ага, вот! «Жизнь прекрасна», – объявляет командир.

Я вскакиваю, отрываю Фло от мобильного, стискиваю ее руку, едва не вывернув кисть; за моей спиной с грохотом падает стул, и я кричу – громко, очень громко, предельно громко, стараясь заглушить голоса призраков, которые завывают еще громче у меня в голове. Передо мной мелькают улицы Монреаля, площадь Мира, парк Мон-Руаяль, бельведер Кондьяронк...

– Пошли, Фло! Иди за мной!

*Когда на заре наши праздники сгинут,
Когда наши чувства навеки остынут,
Когда я устану мечтать о ней
В холодной слякоти будних дней,
Тогда в чередe безразличных лет
Бесследно растает наш легкий след.*

13

1999

Площадь Мира расположена в сотне метров от «Метрополиса», в самом сердце квартала развлечений. Илиан как будто заранее все предусмотрел. Слегка задохнувшись, мы вбегаем в тот самый момент, когда Дора падает с крыши амбара на грудy сена, в объятия Гвидо.

– *Здравствуй, принцесса!*

И меня мгновенно пленяет улыбка Гвидо – героя фильма Бениньи. Как он похож на восторженного клоуна, который сейчас держит меня за руку! Мы присели в последнем ряду, на бетонный барьер, за спинами полусотни зрителей, расположившихся перед гигантским экраном, растянутым между двумя бетонными столбами в дальнем конце прямоугольной площади. Некоторые зрители сидят прямо на булыжной мостовой, где между квадратными камнями пробивается сорная трава; другие принесли с собой складные стулья.

Ил не выпускает мою руку. Я уже слышала об этом фильме, где действие происходит в фашистском лагере смерти, и боялась его смотреть – слишком уж это страшно, слишком ранит сердце. Это не та картина, на которой хочется наслаждаться моментами взаимной близости. Так зачем же Илиан привел меня сюда?

А на экране Гвидо изощряется в выдумках, чтобы соблазнить предмет своей любви. Фильм идет уже тридцать минут, а я пока не вижу ни одного нациста. Одна только чудесная история любви и этот застенчивый малый, который прибегает к самым нелепым хитростям, лишь бы завоевать свою принцессу. Я улыбаюсь, глядя на него. Он словно жонглирует совпадениями: ключ от двери падает ему в руки прямо с неба, шоколадное мороженое появляется точно в нужный момент, мокрая шляпа как по волшебству становится сухой.

После фильмов Чаплина я не видела ничего более поэтического и трогательного. Вот Гвидо целует свою любимую под праздничным столом. «Пожалуйста, похить меня!» – умоляет она. Я шепчу на ухо Илиану:

– Вы верите, что в наше время еще существуют мужчины, способные на такое?

Мой гитарист гордо выпячивает грудь:

– Конечно! Я, например! Я могу куда больше, чем этот итальянский показушник!

Ил делает вид, будто всецело поглощен фильмом. Я придвигаюсь, чтобы он услышал мой ответ:

– Нахал!

До чего же мне нравится его веселая усмешка! Он не сводит глаз с экрана.

– Возможно. А может, и нет. Раз уж мужчина осмелился на такие безумства, значит, у принцессы сердце не совсем очерствело.

Не знаю, очерствело ее сердце или нет, но мое собственное так сильно вздрагивает от неожиданности и гнева, что вот-вот разорвется.

– Что?! Это я... это мое-то сердце очерствело?

– Конечно. Для всех, кроме мужа. У вас ведь есть муж...

– У Доры тоже!

– Она всего лишь помолвлена с мерзким фашистом, потому и ждет, чтобы Гвидо ее похитил. Скажите мне, что ваш муж мерзкий фашист, и я тотчас кинусь вам на выручку. Хотя нет, не говорите о нем ничего, но признайтесь, что несчастливы, и я обещаю устроить вам такой шикарный побег из-за любви, какого мир еще не видывал!

Все это Ил произнес, не отрывая глаз от экрана.

– Нет, Илиан, это совсем не так.

– Да знаю я, знаю.

Пытаюсь сосредоточиться на фильме. Прошло уже сорок пять минут, а концлагеря нет как нет. Гвидо одержал победу и увез свою принцессу прямо с банкета на зеленой лошади. А ее жениху-фашисту с налитыми кровью глазами сваливается на голову страусиное яйцо, залитое желтком. Ах, какая сцена! Какой потрясающий фильм! И до чего же все легко на экране – взять и уехать со своим рыцарем, и не потому что хорошие люди там действительно хорошие, не это отличает кино от реальной жизни, но потому что злодеи там действительно злодействуют. И можно заставить их страдать, не отравляя свою душу ненавистью, и можно их бросить без труда.

Илиан хватается меня за руку:

– Пошли отсюда. Быстро!

– Мы разве не досмотрим до конца?

Иду следом, продолжая смотреть на экран. Декорации меняются. Прошло пять лет. Из шкафа выходит очаровательный малыш, со словами: «Здравствуй, принцесса!»

– Нам нужна поэзия, этот вечер не предназначен для жестокости.

Ночь теплая. Вокруг темно.

– Идем! – шепчет Ил.

– Куда?

– Любоваться городом с высоты. С самой высокой высоты.

* * *

– Смотрите, Мисс Ласточка, вот Бобровое озеро!

Мы пересекаем парк Мон-Руаяль. Илиан указывает мне на черную, мерцающую бликами поверхность большого озера в окружении сосен и кленов; так и кажется, будто его телепортировали сюда с великого канадского севера, чтобы столица могла надыхаться запахами необъятных диких просторов. Озеро напоминает огромный бассейн, освещенный десятками фонарей в виде гигантских горящих спичек.

Бобровое озеро, Мисс Ласточка...

Это совпадение смущает мою душу.

«Бобренок» – так прозвал меня Оливье...

Перед нами вздымаются силуэты деревьев на Мон-Руаяль[44] – темной двухсотметровой горе с подсвеченным железным крестом на

вершине; этот лес в самом сердце города наводнен любителями бега, роллерами и саночниками в долгие месяцы зимних холодов, а коротким летом их сменяют влюбленные парочки.

Поднимаемся к вершине. Мало-помалу город уменьшается в размерах. Небоскребы, подавлявшие нас своими громадами, выглядят отсюда, сверху, крошечными кубиками, беспорядочно разбросанными между горой и рекой Святого Лаврентия. Мне уже сообщили, что здесь ни одно здание не должно быть выше горы Мон-Руаяль. Наконец добираемся до первой смотровой площадки, на краю которой стоит довольно внушительное шале, похожее на китайский павильон. Этот просторный бельведер носит странное имя – Кондьяронк.

Я кладу сумку на скамью, беру Илиана за руку, слушаю краем уха его короткий рассказ о легендарном вожде гуронов и любуюсь великолепной панорамой. Город, ошетилившийся тремя десятками ярко освещенных небоскребов самых неожиданных очертаний, напоминает войско великанов в сверкающих доспехах, собравшихся у реки Святого Лаврентия, но не способных ее перейти: отсюда, с бельведера, она выглядит безбрежной, как море.

Сейчас около двух часов ночи, и все-таки мы здесь не одни. Несколько влюбленных парочек обнимаются и фотографируют друг друга. Компания молодых парней и девушек пьет, рассевшись на бортике эспланады. Монреальцы смакуют теплые ночи до последней минуты – так наслаждаются последними летними фруктами. Вдали, над аэропортом Мирабель, заходит на посадку какой-то лайнер. Я сжимаю руку Илиана:

– Мой самолет вылетает рано утром. Через три часа я должна быть в аэропорту.

Наши лица скрыты в тени. Мы говорим вполголоса, но кажется, будто ветер уносит звуки к реке.

– А я остаюсь по эту сторону Атлантики, – отвечает Илиан. – Хочу попытать удачи. Улисс подкинул мне пару адресов. И еще у меня есть несколько приятелей на юге США.

Все сказано.

Илиан разглядывает юных выпивох, потом переводит взгляд на освещенный крест, парящий над самой высокой точкой леса, и шепчет:

– Пошли?

Не говоря ни слова, шагаем по лесной тропинке. *Дорога Ольмсте*[45] – читаю я на щитах-указателях, и чем выше они висят, тем хуже освещены. Панорама исчезла за деревьями. По ночам сюда никто не поднимается.

Наконец-то мы одни.

Подъем на вершину занимает каких-нибудь десять минут. Монументальный крест, видимый с любой точки Монреала, здесь, у его подножия, кажется смехотворно малым, чем-то вроде миниатюрной Эйфелевой башни, метров тридцати в высоту; его установили в центре небольшой лужайки в окружении деревьев, которым словно не терпится отвоевать свою исконную территорию. Стоит шагнуть под их низко свисающие ветви, и вы оказываетесь в полной темноте.

Илиан делает этот шаг. Вместе со мной.

– Могу я попросить вас об одной милости, Нати?

Его лицо в нескольких сантиметрах от моего. Я догадываюсь, что это за милость; я хочу, чтобы Илиан получил ее, наслаждался ею, как наслаждаются ароматом цветов, не спрашивая у них разрешения.

– Я загублю свою жизнь, Нати. В тридцать с небольшим, это я уже понял.

– Что вы такое говорите?!

Волосы падают мне на глаза, но лицо Илиана слишком близко, и их не отбросить, не задев его.

– О, не тревожьтесь за меня, Нати, все это неважно. Наоборот, до ужаса банально. Просто судьба наделила меня вдохновением, но не талантом. Я был и навсегда останусь самым обычным гитаристом, который умеет играть, который любит играть, как миллионы других музыкантов в мире. В лучшем случае, если мне повезет, музыка будет меня кормить. – Он придвигается ко мне еще ближе, и я чувствую его дыхание. – Люди появляются на свет со столькими надеждами, Нати. Стать Хемингуэем, Маккартни, Пеле, даже Биллом Клинтонем или Майклом Джексоном. Сколько таких мечтателей рождается каждую минуту, в каждом уголке планеты – миллиарды мечтателей, но как мало избранных...

Крест над нами поминутно меняет цвет от белого к пурпурно-красному. Что это – еще один фокус?.. Я не знаю, что ответить Илиану. Неужели мои мечты совсем уж ничтожны?

– Нати, как бы мне хотелось один раз, один только раз почувствовать то, что чувствует избранный!

Ил дрожит...

– Каким образом?

– Поцеловав вас.

Теперь дрожу я. Верит ли он в то, что говорит? У меня хватает сил только на шутку:

– А я-то думала, что вы никогда не осмелитесь попросить меня об этом!

Но Илиан даже не в состоянии оценить мой юмор.

– После этого мы никогда больше не увидимся. Давайте так и пообещаем – забыть друг друга! Пусть каждый из нас скроется где-нибудь, наш мир достаточно велик, чтобы потерять тех, кого любишь.

Я касаюсь пальцем его губ:

– Молчите, Ил. Вы прекрасно знаете, что расстояния тут ни при чем. Обнимите меня. Обнимите меня, а потом... забудьте!

Ил целует меня. Я целую его. Это продолжается всю ночь. Остаток ночи. Даже солнце медлило – долго не всходило над Атлантикой, не золотило верхушки сикоморов, не играло сверкающими бликами на стеклах небоскребов, не серебрило берега реки Святого Лаврентия. Но в конце концов решилось.

– Мне пора.

Спускаемся, рука об руку, по крутой дорожке Ольмсте, озаренной первыми утренними лучами. Свободной рукой я поглаживаю свой камешек времени в кармане джинсов. Мне хочется поверить в слова продавщицы-инуитки, услышанные несколько часов назад, на улице Сен-Поль: «Время течет, подобно реке, всегда в одну сторону, и его нельзя остановить. Но несколько капель – всего несколько! – возникшие из прошлого, могут изменить течение всей жизни». И мне хочется верить, что эти минуты, этот вечер и эта ночь навсегда останутся в моей памяти нетронутыми. Взетыми в рамку, отлакированными и повешенными над кроватью моих тайн. Даже если крест там, наверху, всего лишь пара железных перекладин, даже если бельведер Кондьяронк, куда мы спускаемся, замусорен до безобразия, я мечтаю о романтическом прощании. О последнем поцелуе перед тем, как сесть в такси. Чтобы поставить эту чудесную точку. Мы не сделали

ничего дурного, мы только обнимались. Только бережно ласкали друг друга, но я до сих пор вздрагиваю, застегивая блузку.

Мы не пошли дальше. Оливье никогда об этом не узнает.

Я буду еще сильнее любить его, вернувшись домой. Я сумею любить его лучше. И помогу ему лучше любить меня – теперь, когда познала такую горячую любовь. Я пытаюсь убедить себя.

Мы проезжаем мимо парка Мон-Руаяль, мимо Бобрового озера, а вот уже и Хилл-Парк-Серкус с его оживленным движением и дорога к Кот-де-Нэж[46]. Несколько энтузиастов бегут по шоссе, лавируя между автобусами, машинами и такси. Через несколько минут я сяду в одно из них. Машинально шарю по сиденью – и ужасаюсь:

– Господи, моя сумка! Я ее забыла!

Илиан поворачивается ко мне:

– Вы уверены? Где?

– На Мон-Руаяль! Наверно... на бельведере Кондьяронк. Или там... между шале и крестом. В общем, где-то в лесу.

Не рассуждая, мы возвращаемся, обмениваясь испуганными возгласами. Через сколько вылетает ваш самолет?.. Через два часа, но я должна явиться за час до посадки. А мне еще нужно заехать в отель... Что было в сумке?.. Документы, деньги... о боже, да все... абсолютно все!.. Не паникуйте, мы ее найдем...

Увы, мы ее не находим. Ищем, нервничаем... то есть это я нервничаю, едва не впадаю в истерику. Илиан пытается меня успокоить, как будто сам виноват в потере, и его сочувствие слегка утешает, но минуты бегут, я смотрю на часы: больше медлить невозможно. Вспоминаю вчерашнюю молодежь на эспланаде, утром их там уже не было – исчезли, оставив после себя пустые бутылки из-под канадского виски. А что, если они ее нашли? Чем дольше я думаю, тем больше убеждаюсь, что оставила ее на бельведере Кондьяронк. Может, они-то ее и украли? Вернее, украли деньги, документы им ни к чему, они вполне могли зашвырнуть сумку в кусты, в любом месте леса... маленькую кожаную сумочку сиреневого цвета.

Мы с Илианом расходимся на несколько метров и бродим, глядя на землю, на асфальт, на корни деревьев. И, к счастью, не смотрим друг на друга – так Ил не может заметить, что мои голубые глаза позеленели от гнева. Наконец он говорит:

– Знаете что, поезжайте.

Я поднимаю на него глаза.

– Отправляйтесь в аэропорт. А я останусь и буду искать. Буду искать ее всю оставшуюся жизнь. И, если найду, пришлю вам, обещаю.

Я уже опаздываю. Я в панике. И, убегая, только успеваю бросить:

– Мне очень жаль!..

* * *

Приезжаю в аэропорт Монреаль-Мирабель за сорок пять минут до отлета. Мне удалось дозвониться Фло, объяснить свое опоздание и сообщить, что у меня не осталось никаких документов. Она все уладила. И вот я первой прохожу досмотр и паспортный контроль. Оказавшись на взлетной полосе, перед нашим аэробусом А340, бросаюсь в объятия подружки и плачу навзрыд.

– Ну-ну, успокойся, моя красавица, ничего страшного, – утешает она меня, похлопывая по спине. – Ничего страшного, подумаешь, документы... Они хотели оставить тебя в Канаде, но после того как я заверила их в твоей лояльности, предпочли экстрадировать тебя на родину.

Улыбаюсь, шепчу сквозь слезы: «Спасибо тебе!» – и снова рыдаю.

– Ну, что стряслось, красавица моя, что с тобой?

– Я влюбилась, Фло! Влюбилась в парня, которого никогда больше не увижу!

14

2019

– Ты меня замучила, Нати! Уж если решила совершить восхождение на Мон-Руаяль, нужно было предупредить, я бы не надевала балетки!

Я не отвечаю. Я карабкаюсь вверх. Молча, вместе с Фло, к бельведеру Кондьяронк. Перед глазами открывается величественная панорама – от небосвода над небоскребами до берегов реки Святого Лаврентия, – и Фло постепенно успокаивается.

– Да, старушка, потрясающее зрелище! Сейчас сделаем селфи!

Нет, мне не до селфи, я с нетерпением жду момента, когда мы доберемся до шале и я вывалю на нее все, что мучило меня во время подъема.

– Слушай, Фло, тебе не кажется, что слишком уж много накопилось совпадений? Эмманюэль с ее «Маленькой ласточкой», Жан-Макс с фильмом «Жизнь прекрасна», тот факт, что все мы собрались в тех же «Электрических вагинах», колченогий стол, не говоря уж обо всем остальном...

– Спокойно, Нати, спокойно! Я не поняла и половины того, что ты наговорила.

Она права. Мне становится ясно, что только я могу связать все это воедино. Флоранс известны лишь несколько подробностей нашей с Илианом истории, да и те относятся к прошлому двадцатилетней давности. Я вспоминаю, как рыдала у нее на плече в аэропорту Мирабель, и начинаю дотошно перечислять загадочные совпадения, не сводя глаз с реки Святого Лаврентия и бесконечно длинной эстакады моста Шамплен.

Вокруг нас галдит толпа разноязыких туристов, но на просторной смотровой площадке нетрудно найти спокойный уголок.

– Это все, Нати?

– Да.

– Ты понимаешь, что это значит?

Нет, Фло, я вконец растеряна, я ничего не понимаю, вся надежда на тебя! Флоранс молча наслаждается дивным видом. Он и впрямь прекрасен – как на подарочной открытке. В последних солнечных лучах затянувшегося лета лес Мон-Руаяль переливается тысячами красок, от ржаво-зеленого до ярко-красного. Джунгли в огне, вулкан, извергающий фонтаны базальтовых глыб на двадцать километров в высоту, башни Ля-Гошетьер, Биржа, Рене-Левек, СІВС...[47] Наконец Фло делает глубокий вдох и начинает:

– Жан-Макс предлагает нам фильм «Жизнь прекрасна», Эмманюэль – парикмахерскую «Маленькая ласточка», один из нас выбирает бар «Фуф», другой случайно садится за шаткий стол, мы все собираемся в одном самолете... Нати, одно из двух: либо ты просто рехнулась, либо мы, все остальные, сговорились, чтобы свести тебя с ума.

Я неловко оправдываюсь:

– Это не так, Фло, но...

– Да нет, именно так, моя дорогая! Если ты отказываешься верить в случайные совпадения и при этом считаешь себя более или менее нормальной, значит, мы все – злодеи, играющие у тебя на нервах. Ну скажи мне, подруга, с какой стати нам тобой манипулировать!

Я не отвечаю – и так ясно, что она права, – и продолжаю подъем по тропе Ольмсте, туда, где стоит железный крест. Фло бросает испуганный взгляд на вершину горы:

– А ты уверена, что не хочешь совершить паломничество одна?

– Это было здесь! Мы расстались внизу, в начале дороги. Я потеряла сумку. Мы искали ее в лесу. Такая сиреневая, в ней были все мои документы. Да ты же помнишь, да?

– Да, помню, – признает Фло.

Я только теперь замечаю, что она взмокла от усталости. Моя подруга уже много лет не занимается спортом, разве что посещает бассейны отелей в тропических странах во время наших стоянок, и совсем отвыкла от физических усилий. Она вдруг нагибается, чтобы рассмотреть корни дерева, стоящего несколькими метрами выше смотровой площадки.

– Сиреневая сумочка, говоришь? Вот такая? – И с брезгливой гримасой поднимает что-то с земли кончиками пальцев.

Мое сердце начинает бешено колотиться, словно я поднялась на гору бегом. Подхожу ближе, меня трясет. Фло спешит избавиться от кожаного бледно-сиреневого комка, бросив его мне в руки.

И я узнаю...

Это моя сумка – выцветшая, вся в пятнах плесени; лейбл почти стерся, но я все же различаю его почти круглую форму. Замочек ржавый, ремешок разлохмачен. Я судорожно открываю ее: она пуста.

Фло с тревогой наблюдает за мной.

– Если ты сейчас скажешь, что эта мерзость – та самая, потерянная двадцать лет назад сумка, я тебя отправлю в психушку!

– Но она... она похожа!

– Господи, Нати, ну как ты можешь помнить вещь, которую не видела двадцать лет?!

– Я не утверждаю, что это она! – почти кричу я. – Просто говорю, что похожа.

А про себя думаю: «Еще как похожа!»

– Была бы похожа, – с усмешкой парирует Фло, – особенно если бы в ней нашлись твои документы...

«Вот именно, – соглашаюсь я, – вот именно...» Фло прямо-таки читает мои мысли.

– А теперь вспомни, милая старушка, что на дворе 2019 год, что ты потеряла сумку в 1999-м, что с тех пор снег двадцать раз, каждую зиму, заваливал Мон-Руаяль метровыми сугробами, что осенью здесь идут проливные дожди, что бригады уборщиков каждый год собирают мусор, ибо в мире нет более упертых экологов, чем квебекцы, а Мон-Руаяль – их святилище! Так вот, заверяю тебя, что твоя чертова сумка, даже потерянная у этого дерева в 1999 году, давным-давно сгинула бы бесследно. Это не она, Нати, это не она!

Я знаю, Фло. Знаю, что это невозможно.

И все-таки... все-таки каждый сантиметр кожи напоминает мне потерянную сумку. В ней был внутренний карманчик, где я хранила бумажник. Он есть и в той, что я держу в руках.

Фло машет рукой перед моим лицом, словно хочет вернуть к реальности.

– Послушай меня, детка, послушай внимательно, перед тем как окончательно свихнуться. У тебя за спиной – мусорка, из которой торчит – вон там, видишь? – коробка из-под пиццы. Ну так вот: если ты и твой возлюбленный купили такую, чтобы закусить на бельведере, ты, наверно, сочла бы странным, найдя упаковку от нее двадцать лет спустя. Или вон ту пустую пачку «Мальборо» у тебя под ногами. И если бы вы оба выкурили по сигаретке, ты бы сейчас утверждала, что это пачка твоего Ромео. А вон тот продавец воздушных шариков? Ты и твой гитарист случайно не купили у него один, чтобы выпустить в небо? Нет? А жаль, это стало бы еще одним экспонатом в твоей коллекции совпадений!

Сумка воняет мочой, теперь так же пахнут и мои руки. Я чувствую, насколько смешно выгляжу. Разжимаю пальцы, сумка возвращается в грязь. А я озираюсь, желая объять взглядом тысячи подробностей, мельтешащих передо мной: бродячих торговцев, туристов и их детишек, небеса, реку, порт, город, уходящий в бесконечность, краски, запахи и звуки. Фло права: мои воспоминания вылились в подлинное наваждение.

– Давай вернемся в отель, Нати. Примем душ, отоспимся. А завтра утром сядем в такси и забудем все это!

* * *

И вот я в такси. Но совсем не отоспалась. И ничего не забыла. Всю ночь я мысленно перебирала слова, произнесенные Жан-Максом, Фло, Шарлоттой, Эмманюэль и Жорж-Подем, невнятное бормотание пассажира-малайца в самолете. Вспоминала сиреневую сумку – и жалела, что оставила ее возле бельведера Коньяронк. Даже хотела с утра поехать за ней. Думать я могла только об этой сумке и почти убедила себя, что она абсолютно идентична потерянной. Я еще раз просчитала вероятность того, что три члена одного экипажа могли вдруг сойтись на одном рейсе, не говоря уж о присутствии группы «Кью», и теперь снова и снова взвешивала четыре объяснения Фло, не переставая поглаживать мой камень времени.

В конечном счете я отмела гипотезу случайности.

Остались три другие.

Я безумна.

Меня заколдовали.

Мною кто-то манипулирует.

Такси мчится по бульвару Лафайет в сторону аэропорта Трюдо, который пятнадцать лет назад заменил Мирабель. Семь часов утра, трафик еще сносный. Вскоре мы пересекаем реку Святого Лаврентия по мосту Жака Картье, и мой взгляд устремляется вдаль, к острову Святой Елены, с его Биосферой, аквапарком, тобогганами и прочими водными аттракционами Ронды. Фло сидит рядом со мной, тоже в костюме стюардессы, и дремлет с наушниками на голове.

Я безумна.

Меня заколдовали.

Мной кто-то манипулирует.

Так кто же, кто? Все подряд? Неужели весь наш экипаж участвует в заговоре – Жан-Макс, Эмманюэль, Шарлотта, Жорж-Поль, Фло? Даже если так, это все равно ничего не объясняет. Откуда им известны все, даже самые мелкие подробности нашего свидания, каждая минута той потайной ночи?

Выходит, если кто-то мною и манипулирует, это может быть только Илиан!

Мост Жака Картье. Движение становится интенсивнее. Такси замедляет ход. Внезапно я наклоняюсь вперед, хватаю шофера за плечо и кричу:

– Остановитесь!

Водитель резко жмет на тормоза. Фло вскидывается, ошалело смотрит на меня, не понимая, в чем дело. «Ты что, совсем сбрендила?» – читаю я в ее глазах. Это первое, что приходит в голову, так почему бы не опровергнуть, раз и навсегда, вторую гипотезу? О колдовстве...

Такси кое-как тормозит на аварийной полосе. Я распахиваю дверцу, и на меня тут же налетает бешеный ветер, забирается под юбку, вздымает полы жакета. Я размахиваю руками, словно выгребая против течения, бегу к балюстраде. Под мостом, пятьюдесятью метрами ниже, лениво течет Святой Лаврентий.

Фло не успела меня задержать, она пугается, решив, что я собираюсь броситься в реку, и отчаянно вопит: «Нееееет!» Машины на мосту сбрасывают скорость, сигналият, водители удивленно таращатся на женщину в форме стюардессы, склонившуюся над пустотой. А я больше никого и ничего не слушаю. Открываю сумку и не глядя роюсь в ней. Наконец пальцы нащупывают камень времени. На миг сжимаю его в кулаке, потом набираю побольше воздуха в грудь и, размахнувшись, забрасываю в воду, как можно дальше. Внизу медленно и невозмутимо ползет баржа с контейнерами. Речные трамвайчики дремлют у подножия белой башни на Часовой набережной. Еще секунду я смотрю, как расходятся круги от эфемерного колодца, в котором исчез мой камень, а потом спокойно возвращаюсь в такси.

Фло улыбается – она поняла.

Теперь осталось всего два объяснения.

Это история двух влюбленных.

И один из них сошел с ума.

Илиан? Или я?

* * *

Я жду. Таково ремесло стюардессы – умение ждать. Три четверти нашего рабочего времени занимает ожидание. С улыбкой на губах.

Предполетный инструктаж начнется через двадцать минут. Самолет взлетит через час. Сидя в зале ожидания для персонала, я в три клика нахожу в интернете то, что хотела. На другом конце зала Фло кокетничает с *sexu*-стюардами *American Airlines*.

– Хочу позвонить своим, – говорю я Эмманюэль.

Наша «старшая» сосредоточенно изучает список пассажиров, словно решила заучить его наизусть. Пытаясь скрыть смятение от коллег, я ищу укромный уголок и нахожу его в каморке, где стоят тележки уборщиц. Прислоняюсь к стене, но мне чудится, что я соскальзываю куда-то вниз. Делаю над собой усилие, заставляя ноги не подгибаться, а руки – не дрожать. Одно-единственное нажатие – и на экране телефона высвечивается номер, который возвращает меня в прошлое, хотя мне следовало бы навсегда вычеркнуть его из своей жизни.

@-TAC Prod

Лос-Анджелес

Секретарша отвечает по-английски, но я быстро перебиваю ее и не даю времени опомниться:

– Я хотела бы поговорить с Улиссом Лавалье. Это Натали, его старая знакомая. Назовите ему мое имя, я уверена, что он захочет меня выслушать.

Девушка не спорит. Хотя я предпочла бы отсрочку, чтобы успеть набрать воздуха в легкие и унять бешеное сердцебиение. Голос Улисса настигает меня еще до того, как я перевела дух:

– Натали? Натали, что случилось?

– Я в Монреале и скоро вылетаю в Париж. Поэтому очень спешу, Улисс.

В трубке звучит смеющийся голос продюсера:

– Ты в Монреале и вспомнила обо мне? Очень мило с твоей стороны, моя дорогая! Правда, сам я уже три года не бывал в этом славном городе. Стоит развежиться на горячем калифорнийском солнышке, и...

Я замечаю, что Улисс потерял квебекский акцент, остались отдельные нотки, едва различимые в букете других тональностей – бельгийских, парижских, американских. Офранцуженные...

– У меня мало времени, Улисс. Я... мне нужно поговорить с Илианом.

С этими словами я бессильно сползаю по стенке. Улисс молчит. Долго. Черт подери, ну пусть он ответит, пусть ответит, иначе я рухну!

– Мне кажется, это не очень удачная мысль.

Тем хуже. Я оседаю на пол, словно раздавленный паук. И сижу, скрючившись, уткнувшись подбородком в колени и прижав к губам телефон, как ребенок любимую игрушку.

– Дай мне его номер, Улисс! Больше мне ничего от тебя не нужно.

Продюсер отвечает медленно, подчеркивая каждое слово, – так нотариусы зачитывают акт о продаже:

– Тебе же известен ваш договор, Натали. Ты его тоже подписала. Никаких контактов. Никаких новостей. Никогда.

– Это было двадцать лет назад!..

– Договор был пожизненным. Илиану потребовалось очень много времени, чтобы прийти в себя. Ты заставила его жестоко страдать.

– Я и сама настрадаюсь не меньше...

– Можешь мне поверить, твои страдания ничто по сравнению с его муками.

В мой закуток входят два парня с мешками для мусора и девушка с подметальной тележкой. Все трое смотрят на меня, как на брошенный конфетный фантик. Жду, когда они отойдут. Мне не дает покоя один вопрос:

– Ты виделся с тех пор с Илианом? Как он живет? Скажи хотя бы, что с ним стало?

– У него все хорошо, не волнуйся, теперь он в порядке. Живет-поживает. Если уж хочешь знать, работает продавцом в отделе музыкальных дисков, во «Фнаке»[48]. Это самая для него подходящая работа.

– В каком именно магазине?

Продюсер позволяет себе легкий смешок:

– Нет, Натали, нет. Я и так сказал слишком много.

– Ты с ним видишься? Хотя бы изредка?

– Болтаем по телефону. Переписываемся. А когда я бываю в Париже, встречаемся.

– Где именно – в Париже?

К Улиссу на миг возвращается былая манера речи:

– Кончай, Натали! Оставь Илиана в покое! Забудь его, как он тебя забыл. И не смей больше к нему приставать!

– Но мне необходимо с ним поговорить! Это очень важно! Просто дай мне его номер, а он сам решит, общаться со мной или нет.

– Зачем, Натали? Зачем тебе это?

– Долго объяснять. Я и сама ничего не понимаю.

Слышу в трубке тяжкий вздох Улисса:

– Ох, и зачем только я тебя впустил тогда в «Метрополис»! Нарушил правило номер один: никаких баб за сценой!

Кажется, мне удалось его смягчить. Я не забыла характер Улисса: ворчит – значит, скоро уступит.

– Обещаю, позже мы обязательно обсудим и твои сожаления. Ты же сам сказал, что Илиан в порядке. И неудивительно, столько лет прошло. Дай мне его телефон – только телефон, не адрес. Илиан сам решит, ответить мне или нет.

И тут понимаю, какой удачный аргумент нашла. Спасительный выход. Улисс может с чистой совестью избавиться от меня, и пускай выбирает Илиан...

– Вот ведь мучение! Ладно... У тебя есть чем записать?

– Спасибо тебе.

– Только не делай ему больно, Натали, не причиняй ему горя, умоляю тебя!

– А он? Ты никогда не задумывался, сколько горя он мне причинил?

* * *

Улисс кладет трубку. Он уже жалеет о содеянном. Ему кажется, что его ловко провели.

Дай мне его телефон – только телефон, не адрес. Илиан сам решит, ответить мне или нет.

Только теперь до Улисса доходит, что Илиан не знает номера телефона Натали. И когда она позвонит, он, конечно же, ответит. И тогда ему останется либо поговорить с ней, либо оборвать звонок на полуслове... Улисс смотрит на свой мобильник, решая, стоит ли перезвонить Натали. Он попался на ее уловку как последний дурак! А

ведь Илиан взял с него слово не уступать этой женщине, не поддаваться на ее мольбы. Он ничего не хочет знать о ней. Подумав еще немного, Улисс говорит себе: «Илиан имеет право выбирать, ответить ей или нет».

И тут его осеняет. «Окей, Натали, ты хотела поставить его перед выбором? Прекрасно, я сделаю так, что Илиан сможет выбрать!»

Он выясняет у секретарши номер последнего звонившего и торопливо набирает текст.

Только что мне звонила Натали. Да-да, твоя прекрасная ласточка, после 20 лет молчания. Она умоляла меня дать ей твой номер телефона. Прости, я не смог отказать. Ты же меня знаешь, я и тогда не сумел.

Она хочет с тобой поговорить. Сказала, что это тебе решать, захочешь ты нарушить ваш договор или нет. В общем-то, тут она права.

Отправляю тебе ее номер. Я восстановил справедливость – теперь у вас равные шансы. Если она позвонит, будешь знать, кто это.

* * *

Я отключаюсь и с трудом встаю – ноги затекли так, что не держат. Яростно растираю их. Через пять минут начинается инструктаж, а Сестра Эмманюэль терпеть не может опозданий. Зато потом у меня будет больше получаса свободного времени.

Вполне достаточно, чтобы нарушить наш договор.

Вполне достаточно, чтобы набрать номер из десяти цифр.

Вполне достаточно, чтобы застать врасплох Илиана по другую сторону Атлантики, где-то в Париже.

Мысль о том, что через несколько минут я смогу поговорить с Илианом после стольких лет молчания, кажется мне совершенно нереальной. И все же другого выхода нет. Только он один может мне помочь. Направляюсь в зал инструктажа, раскрывая на ходу сумку. Достая свой мобильник, чтобы выключить звук, и кладу его обратно.

Стук.

Я слышу тихий стук: телефон наткнулся на что-то твердое, мешающее ему проскользнуть во внутренний карманчик. На бегу раздраженно сую туда руку и шарю вслепую, проклиная вечный бардак в своей сумке. Что там могло завалиться – старая ручка? Забытый тюбик аспирина? Пилюльница? Еще какая-нибудь бесполезная мелочь, которую давным-давно следовало выкинуть на помойку?

Стук.

На сей раз еще более четкий. Мне чудится, что молния ударила в аэропорт Трюдо, терминал А, 3-я зона, 2-й этаж, правый эскалатор. Тот, на котором я стою, оцепенев, как жертва электрического разряда.

Правда, не испепеленная на месте.

Мои пальцы, шарившие в сумке, смыкаются на маленьком камешке. Сером и гладком.

Камешек...

Камень времени...

Мой камень времени.

Тот самый, который я недавно швырнула в реку Святого Лаврентия.

15

2019

Оливье рассматривает предметы, лежащие на пассажирском сиденье. Он уже жалеет, что вынес их из дома. Сначала хотел оставить в спальне – разложить на кровати, а потом убрать в ящик комода точно в том порядке, в каком их уложила хозяйка. Но не справился с искушением – оставил все для себя, чтобы разглядывать снова и снова, чтобы понять... Времени у него полно – долгие часы. Натали сейчас в Канаде, их самолет еще даже не вылетел оттуда.

Оливье бросает взгляд на улицу и в который раз рассматривает наивные, детские сокровища. И все трудней бороться с простым желанием собрать все в кучу, сделать три шага и швырнуть это поганое барахло в помойку. Вон в тот мусорный бак на другой стороне улицы. Не сортировать, выбросить все без разбора – и пластмассу, и картон, и бумагу.

Натали вернется из Квебека, выдвинет ящик, увидит, что он пуст, и поймет. Ну что она сможет сказать? Да ничего... Ровным счетом

ничего, поскольку эти предметы уже не существуют! И ей останется одно – констатировать, что все кончено, кончено раз и навсегда, что прошлого не вернуть.

Да, это наилучший выход.

Положить конец ее наваждению.

Оливье опять быстро смотрит в зеркало заднего вида, словно чувствует себя беглым преступником. Но в чем он виноват, господи боже ты мой, в чем?! Почему он не смеет избавиться от этого проклятого мусора? Сжав кулак, Оливье яростно колотит по приборной доске своей «кангу». Он должен, просто обязан выбросить все чохом, не пытаясь понять, какую ценность представляет собой тот или иной предмет, если не хочет сойти с ума.

Сойти с ума и выть от боли.

Почему? Почему эти жалкие сувениры – кинопрограмма, бумажная салфетка, разорванный конверт – стали сокровищами для его жены? Какая тайна скрывается за каждым из предметов? Какой взрыв смеха? Какая ласка? Какое обещание?

Нет, самое лучшее – сжечь все это дотла.

А может, Натали и вовсе ничего не заметит? Может, она уже много лет не открывала этот ящик? Может, даже не помнит обо всех этих пустяках? Может, они давно потеряли для нее ценность и она держит их в ящике просто по небрежности, как иногда хранят старую одежду, выщербленную посуду, перегоревшие лампочки, использованные батарейки? И избавиться от всего этого – просто-напросто сделать уборку.

Чтобы спасти свой брак? Да нет, об этом и думать смешно, их браку ничто не грозит, *теперь* больше не грозит. И Оливье хочет убедить себя в этом. Однако он не в силах помешать мозгу, работающему на холостом ходу, как мотор припаркованной машины. Ему не дает покоя программка, *Кино под звездным небом – сентябрь-1999*; он уже выучил ее наизусть, как запомнил и ласточку – рисунок на салфетке *Air France*. Он долго разглядывает первую строчку, написанную на белом конверте, смятом, разорванном и склеенном заново. Почерк тот же, что и на салфетке.

Вот все, что мне удалось найти.

Лора очень хорошенькая.

Вы тоже.

Оливье вытряхивает содержимое конверта на пассажирское кресло, где лежит все остальное. Фотографии, удостоверения личности, банковские карты.

Взгляд Оливье задерживается на снимках. Сначала на первом: это школьная фотография, сделанная в год поступления Лоры в подготовительный класс, ей шесть лет. Она уже тогда была серьезной и прилежной девочкой. Одна только мысль о том, что кто-то другой мог разглядывать фото его дочери, писать на конверте ее имя, говорить о ней с его женой, пробуждает в Оливье жажду убийства.

Он заставляет себя успокоиться и взглянуть на другие снимки – четыре штуки, сделанные в «моментальном фото». На первом его жена состроила гримасу, на втором высунула язык, а вот на этом скосила глаза и только на последнем наконец выглядит серьезной. Натали во всех ее ипостасях! Там ей чуть больше тридцати лет. Красивая... почти такая же красивая, как сейчас. Оливье не может сдержать слезы. Слезы, которым он никогда не давал воли в присутствии жены.

Он поспешно просматривает остальное содержимое конверта: карточки сотрудника *Air France*, «Интермарше», автостоянки в Руасси, социального обеспечения, избирательную, удостоверение личности. Водительские права, паспорт. Все это принадлежит Натали.

Оливье, конечно, все понял. Ему вспоминается, как Натали потеряла свою сумочку перед возвращением из Монреалья, двадцать лет назад. Монреаль, уже тогда... Она ее не нашла, пришлось восстанавливать все документы. Жуткая процедура. Натали вернулась с того рейса какой-то... потрясенной, и он помнил, как был удивлен: переживать из-за такой потери совсем не в ее характере. Он еще тогда подумал, что все к лучшему, будет ей урок, она такая рассеянная, рано или поздно это должно было случиться. Мягко попенял Натали, посоветовав ей быть менее безалаберной...

Каким же он был дураком!

Натали нашла эти документы. Спрятала их. И ни слова ему не сказала.

Оливье колеблется. Ему безумно хочется скомкать и выбросить белый конверт, но нет, он с удивлением обнаруживает, что ему нравится

страдать, нравится читать и перечитывать эти пять строчек, написанные гипнотизирующим его незнакомым почерком.

Вот все, что мне удалось найти.

Лора очень хорошенькая.

Вы тоже.

Не пытайтесь со мной увидеться, прошу вас.

Ваш неприкаянный гитарист, который продолжает свою одиссею.

Как ни странно, многократное перечитывание в конце концов успокаивает Оливье. Гнев остыл. Но не прошла холодная решимость: он должен довести дело до конца.

Оливье смотрит на бортовые часы – 16:00 – и быстро подсчитывает в уме, он давно научился безошибочно определять время в разных часовых поясах. В Квебеке сейчас десять утра, значит, самолет Натали взлетит через тридцать минут и приземлится здесь через шесть часов.

Бросив последний взгляд на предметы, лежащие на соседнем сиденье, на эти запретные, проклятые сокровища, похищенные им, он выжимает ручной тормоз и поворачивает руль.

Время терпит.

Он просто должен приехать в Порт-Жуа до возвращения Натали.

16

2019

Мне кажется, что сегодняшний инструктаж Сестры Эмманюэль длится заметно дольше обычного. А шуточки Жан-Макса совсем не смешны. Я слушаю, машинально записываю, не вникая в смысл, с чисто профессиональным усердием. Количество пассажиров, длительность полета, особые рекомендации, пара инвалидов, ребенок-эпилептик с риском приступа на борту. Несколько стюардесс, отсев в уголок, болтают о своем. Но только не я. Я села подальше от Шарлотты, от Жорж-Поля... и от Флоранс тоже.

Я ни слова не сказала ей о камне времени, найденном в сумке, камне, выброшенном в реку с моста Жака Картье. Фло и без того

считает меня ненормальной, и я заранее знаю, как она объяснит это чудо – скорее снисходительно, чем успокаивающе.

«Окей, Нати, окей, этот камешек просто похож на тот, даже очень похож, если ты так настаиваешь, ну прямо точная копия, я согласна! Но в магазине канадских сувениров таких камней времени была полная корзинка, и уж поверь, что их не собирал на берегу реки поутру какой-нибудь инуитский шаман. Такие амулеты обтачивают целыми кучами на заводах Виннипега или Эдмонта».

Ладно, Фло, ты права, я вовсе не такая наивная дурочка, как ты думаешь. Но тогда скажи, *КТО* подложил в мою сумку этот – похожий – камешек? И *КАК ДОЛГО* он там лежит? Несколько минут? Или несколько недель?

Наконец Сестра Эмманюэль желает нам удачного рейса и мы расходимся.

Большинство моих коллег идут покурить или размять ноги перед долгим шестичасовым полетом. Жан-Макс и Шарлотта направляются в магазины *duty free*. Никто больше не поднимает вопрос о взыскании нашему командиру, по крайней мере в моем присутствии, но слух об этом не замедлит распространиться.

Я отхожу от них как можно дальше. Побывать одной, перестать трястись всем телом и позвонить Илиану, не думать ни о чем, просто взять и набрать его номер.

Останавливаюсь перед пустой стойкой посадки, за стеклянной стеной видны замершие самолеты. Потом медленно вынимаю мобильник и смотрю на его розовый корпус с черной ласточкой, безуспешно стараясь отогнать мысль о камешке, снова оказавшемся в сумке. Бросая его в реку Святого Лаврентия, я хотела защититься от колдовства, избавить себя хотя бы от этой безумной мысли, а главное, от веры в бредовую инуитскую легенду о времени, которое перестает течь вместе с рекой, образуя некую заводь между расколотым настоящим и прошлым, коварно проникающим вместе с капельками в мою бедную голову.

Проклятье! Камень по-прежнему лежит в сумке. А с ним – простое и такое понятное объяснение всего этого кошмарного хода событий. Досточно всего лишь поверить в его магические свойства!

Прислоняюсь лбом к стеклу, стараясь подавить эти мысли или хотя бы охладить воспаленный мозг. Ни один самолет не взлетает, даже не

выруливает на взлетную полосу. Все кажется застывшим навсегда. Аэропорт, как и вокзал или морской порт, не место отбытия или прибытия, а зал ожидания.

Не отходя от стеклянной стены, по-прежнему упираясь в нее лбом, подношу к уху телефон.

Я внесла номер Илиана в «контакты».

Сердце бьется все сильнее и сильнее. Кровь бурлит в венах, и я никак не могу унять ее сумасшедший напор. Мне чудится, что голова сейчас лопнет и мозги вывалятся наружу.

Вызов.

Сколько нужно времени, чтобы вызов пересек Атлантику?

Сколько нужно времени, чтобы стереть все эти годы молчания?

Ответит ли мне Илиан?

Отключится ли, услышав мой голос?

Произнесет ли хоть слово?

Услышу ли я его голос, хотя бы на миг?

Осмелюсь ли попросить, чтобы он меня простил?

Простил мое преступление, самое страшное преступление, когда-либо совершенное женщиной. Преступление, которое он умолял меня совершить.

* * *

Илиан выходит из «Фнака» на авеню Терн, пропустив вперед сначала покупателей, покидающих магазин, потом входящих. Парижане во время часового обеденного перерыва обследуют близлежащие магазины в ускоренном темпе. А ему торопиться некуда. Прохожие шагают мимо «Фнака» так же стремительно, как покупатели – по лестницам четырех этажей этого монументального здания, хотя, нужно признать, его отдел пользуется гораздо меньшим спросом, чем отделы мобильных и видеоигр.

На перекрестке авеню Терн и Ньель царит такая же суматоха. Илиан удивленно смотрит, как пешеходы, игнорируя «зебру», проскакивают прямо между велосипедами, машинами и скутерами, которые, стоит загореться зеленому свету, стремительно рванут вперед. Сам он предпочитает переходить дорогу чуть дальше, рядом с *Secret*

Square[49]. Здесь не такое интенсивное движение, даром что машины нетерпеливо подрагивают на перекрестке авеню Терн и улицы Понселе.

Пока он ждет зеленого света, стоя между крытой автобусной остановкой и скамьей, оккупированной каким-то бродягой, раздается музыка, словно телефон решил помочь ему скоротать время.

Несколько фортепианных аккордов звучат у него в кармане.

Let It Be...

Натали!!!

Илиан мысленно благословляет Улисса. Получив послание продюсера, он тотчас включил в «контакты» ее номер и присвоил ему эту мелодию.

Let It Be.

Какая другая музыка была бы достойна звонка Натали? Он много раз перечитывал письмо Улисса: *Только что мне звонила Натали. Да-да, твоя прекрасная ласточка...* Илиан глазам своим не верил, не мог поверить... *Натали...* Он улыбнулся, прочитав слова Улисса: *Если она позвонит, будешь знать, что это она. Решай сам, как поступить.* Да что тут решать?! Разве он сможет не поговорить с ней, ведь он ждал этой минуты двадцать лет!

Ждал, когда Натали нарушит свое обещание...

Когда разорвет их жуткий договор...

Илиан оглядывает по очереди голубое небо, кровавый глаз светофора и, замечтавшись, бежит через дорогу на красный свет, а его рука уже нащупывает мобильник в кармане. Он пересекает улицу, смакуя последний миг ожидания, перед тем как включить телефон. Ну почему, почему он не сделал первый шаг? Чего он ждал все эти годы?

Услышать... услышать... услышать ее голос...

Хватит одного лишь «здравствуй», одного простого «здравствуй», и все начнется снова.

Ответить на вызов.

Его палец обрывает мелодию. После фортепианного вступления настал черед Натали, пусть она запоет!

Яростный скрежет автомобильных колес раздражает Илиана, но он не поднимает глаза, а лишь крепче прижимает к уху трубку. Он не хочет упустить первое слово единственной женщины, которую любил в этой жизни.

Илиан не видит, как белый автомобиль набирает скорость.

Илиан не делает ни единого жеста, когда бампер подсекает его под ноги.

Илиан не произносит ни единого слова, когда капот машины подбрасывает его, раскрутив тело волчком; когда его раздробленные руки взлетают вверх и бессильно падают; когда его пальцы выпускают телефон и тот отлетает в сторону, на мостовую, – со стуком, как брошенный камень.

И когда его голова ударяется об асфальт, когда его рот, открывшись, испускает кровавую слюну, глаза извергают слезы, а горло – последний выдох, жизнь покидает его через проломы в груди, раздавленные ноздри, надорванное ухо и раскроенный череп.

– Илиан!.. Илиан!..

Вокруг собираются прохожие.

– Илиан!.. Илиан!.. Это ты? Ты слышишь меня?

Голос Натали звучит как шепот в трубке телефона, валяющейся на асфальте.

Шепот, которого в суматохе никто не слышит.

Шепот, которого никогда не услышит Илиан.

*Когда она бросит свои капризы,
Когда я брошу свои стриптизы,
Когда мы нарушим любви обет,
Никто нам не выдаст обратный билет —
Бесследно растает наш легкий след.*

Часть II

Лос-Анджелес

17

2019

Илиан не ответил.

Ил принял мой звонок. Ил услышал мой голос. Ил услышал, как я его зову.

Но Ил мне не ответил. В трубке пробивался шум, как будто Ил шел по улице, как будто он спрятал телефон подальше.

Я ждала. Долго. Потом нажала «отбой».

И без конца перебирала в памяти бессмысленные слова, все эти годы слагавшиеся в глупый стишок.

*Я лиана Илиана.
Если Ил решит сбежать,
То ему несдобровать...*

Перелет длился целый день, мы прибыли в Руасси только в семь вечера с минутами. Получив свой чемодан, я снова набрала номер Илиана, потом еще раз – в лифте, который спускался к автостоянке.

На этот раз телефон был отключен.

Я безумно устала.

* * *

И вот я уже в машине, трогаюсь с места и первым делом выключаю радио: у меня нет никакого желания услышать *Let It Be, Boys Don't Cry* или *La Vamba*, хотя во время рейса Монреаль – Париж на мою долю не выпало никаких тревожных совпадений. Никто из пассажиров не напевал слова, подаренные мне Илианом, и не было никаких намеков в обращениях Жан-Макса к пассажирам, в разговорах Сестры

Эмманюэль, Жорж-Поля, Фло (странно молчаливой с тех пор, как я изобразила метательницу камней на мосту Жака Картье) и Шарлотты (которую очень украсила новая челка работы квебекского мастера из самой крутой монреальской парикмахерской). Неужто новый камешек времени утратил свою магическую силу? А может, тот, что канул в воды Святого Лаврентия и каким-то чудом вернулся в мою сумку, не переносит сырости, как, например, обыкновенный мобильник или фотоаппарат? Эдакий испорченный гаджет, стоило ему попасть в воду! Несколько странно для волшебного камня, выловленного колдуном со дна реки.

Выезжаю со стоянки.

Теперь я почти радуюсь этой череде странных событий. Наверно, сказалось долгое нервное напряжение. Или виновата разница во времени? Или ходьба после шестичасовой неподвижности в полете? Или попросту радость возвращения домой? Какой-нибудь час – и я уже буду в Порт-Жуа. Потом долгий душ. И даже если Марго едва поздоровается со мной (*Ой, мам, ты уже вернулась? А хлеба по дороге не купила?*), даже если Лора позвонит со своим обычным вопросом (*Так ты сможешь завтра посидеть с близнецами?*), Оливье уж точно будет вести себя как надо. Приготовит легкий, но красиво оформленный ужин – салат, суши, семгу с рисом и травами, – откупорит бутылку моего любимого белого вина «Гевюрцтраминер» и не задаст ни единого вопроса, просто позволит мне спуститься с небес на землю, рано отпустит спать, ляжет рядом, займется со мной любовью, если я не буду слишком квеляя, или дождется моего пробуждения, если я сразу забудусь мертвым сном. Оливье знает наизусть, принимает и предупреждает все, даже самые неожиданные, мои желания.

Пересекаю Отверн. Ох, как же я все-таки устала! Я редко так устаю, возвращаясь из рейса. Почти бессознательно сворачиваю на стоянку с бензоколонкой и в последний раз набираю номер Илиана.

Номер точно правильный, ведь ответил же он в первый раз – правда, я ни слова от него не услышала.

Гудка больше нет, как будто телефон отключен.

Что ж, тем лучше. По крайней мере, я стараюсь себя в этом убедить.

Даю выехать грузовику и выруливаю на шоссе следом за ним.

Да, конечно, это к лучшему. Значит, все кончено. Значит, я вышла из того возраста, когда можно вносить разлад в свою жизнь. Я столько лет пыталась обрести душевное равновесие, отделить то, чем можно пренебречь, от того, что жизненно важно, – от общения с друзьями, любви к мужу. Да, я хочу любить Оливье. Чувствовать себя спокойно рядом с ним, потому что его дом – мой дом, который иногда проклинаешь, но куда всегда хочешь вернуться. Страсть – это желание сбежать с кем-нибудь из тюрьмы, а любовь – привычка к своей тюрьме, разве не так? Оливье раздобыл, Оливье облысел, и все-таки Оливье еще красивее, чем прежде, еще добрее, еще элегантнее...

Я жму на газ, чтобы обогнать грузовик. Из-за холма, в сотне метров от нас, выскакивает встречная машина, и всплеск адреналина мгновенно выводит меня из оцепенения. Я выжимаю до предела педаль акселератора и буквально в последнюю секунду проскакиваю вперед, обогнав грузовик и помахав водителю на встречной, который возмущенно мигает фарами, притормозив в метре от меня.

Вернуться. Отмыться. И рухнуть в постель.

Съезжаю с национального шоссе № 14 на дорогу, ведущую к Муфлену. Долгий спуск к Сене, и вот я почти дома. Любуюсь извилами реки на каждом повороте. Как же я люблю этот пейзаж, эти излучины, которые формируются так медленно, что ни одно живое существо никогда этого не заметит, эти лужайки, объединенные догола овцами и баранами-скалолазами, эти белые утесы, этот частокол церковных шпилей и башни замков!

Берег Двух влюбленных.

Так называют здешние скалистые берега Сены.

Двух влюбленных...

Я резко торможу перед церковью Мюи, выхватываю мобильник и стираю номер Илиана, а за ним следом и журнал вызовов.

Двое влюбленных...

Я ни о чем не жалею. Больше того – желаю каждой женщине хоть раз в жизни испытать подобную страсть. Узнать нетерпеливый позыв к бегству. Какой бы я была сейчас, не случись со мной такого чуда? Унылой? Разочарованной? Никчемной? Кем бы я была, не познав после расставания с Илианом страшную пустоту и яростную горечь отлучения? Сегодня я уже не нуждаюсь в Илиане. Я сложила все свои

воспоминания в дальний ящик и заперла его на замок, но одно знаю точно: умирать я буду с мыслями о нем, только о нем. И пусть рядом со мной будут Оливье, Лора, Марго – лишь ему, Илиану, я посвящу свою жизнь. Ибо, если вдуматься, все мы проживаем свой век ради нескольких мгновений любовного экстаза.

* * *

А сейчас я ощущаю одно – душевное опустошение. Порт-Жуа. Еще три километра. Нынче вечером дорога кажется мне бесконечной. Миную деревню, превышая дозволенную скорость, о чем меня извещает мигающий сигнал на приборной доске.

Я хочу домой. Хочу все забыть. Хочу лечь спать. Я знаю – конечно, знаю! – почему Илиан мне не ответил.

Потому что я должна была позвонить раньше.

Потому что я должна была нарушить обещание.

Потому что я должна была расторгнуть наш договор. Договор, который не согласилась бы заключить ни одна женщина на свете.

* * *

Наблюдаю за близнецами. Этан и Ноэ сидят на большом одеяле, расстеленном на лужайке в нескольких шагах от Сены, и играют с маленьким деревянным поездом, который смастерил для них дедушка Оли.

– Если они будут играть на воздухе, не спускай с них глаз, мама! – распорядилась Лора (ну и нахалка!), перед тем как умчаться на работу.

Конечно, а как же иначе, дорогая моя! Между прочим, до твоей пары Мальчиков-с-пальчик я ухитрилась вырастить еще двоих детей, твою сестру и тебя, на берегу этой же широкой реки с утками, цаплями, кусачими лебедями и баржами, с тихим плеском проходящими по воде. И с вами обеими ни разу ничего плохого не случилось. Ох уж эти девочки с их жадной реванша над матерью! Стоит им занять собственных малышей, и они как с цепи срываются, пытаются отыграться за воображаемые детские обиды.

Я слегка поднимаю спинку шезлонга, в котором расположилась возле малышей. Вчера я заснула как убитая, едва опустив голову на подушку. Сасими Оливье я только попробовала, зато утром наверстала круассанами, когда он принес мне завтрак. В постель. Вечером я едва прикоснулась к мужу, но этим утром он не отказал себе в удовольствии – мы занимались любовью до той самой минуты, пока во дворе не закрипел гравий под колесами Лориного «поло». Дочь вручила мне близнецов, подгузники, игрушки, даже не выключая мотор.

Половина двенадцатого. Осеннее солнце наконец разогнало утренний туман над Сеной и облака, цеплявшиеся за верхушки скал. Я торопливо влезла в юбку и топик. Оливье работает в своей мастерской – заканчивает отделку большого комода, барной стойки и тумбочек в стиле ар-деко для одного парижского ресторана. Близнецы общаются между собой на своем птичьем языке. Мне немного скучно.

Не спуская глаз с детей (будь спокойна, Лора!), я барабаню пальцами по своему мобильнику. Ох, зачем я стерла номер Илиана! Но тут же одергиваю себя: эй, красотка, ты уже не подросток, мечтающий над эсэмэсками, тебе как-никак пятьдесят три года! И я перевожу взгляд на зимородка, отважно ныряющего в воду посреди Сены. Джеронимо громко хлопает крыльями, разъяренный, как кошка, заставшая соседского кота ворующим еду из ее миски. Это имя – Джеронимо, похожее на индейское, – придумала ему наша Марго. Правда, позже выяснилось, что «он» – самка. И она же нарекла трех ее птенцов Сатюрненом, Оскаром и Спиди, сокращенно SOS, как призыв о помощи. Она гораздо на такие выдумки. Марго у нас вообще девушка способная – в тех случаях, когда снисходит до общения с внешним миром.

Заставляю себя убрать телефон в сумку. И тут мне приходит в голову одна мысль. Убедившись, что Оливье заперся в мастерской и не видит меня, вынимаю из карманчика камень времени, тот самый, что каким-то чудесным образом перекочевал со дна реки Святого Лаврентия на дно моей сумки. Взвешиваю его на ладони, подхожу к берегу и подбираю другой рукой камешек из Сены. Более крупный, более светлый и не такой округлый.

Эта мысль возникла у меня как озарение. Обменять камни! Серый камень времени останется здесь, у меня дома, в конце моего сада, среди своих белых собратьев, в бордюре у низкой кирпичной стенки,

тянущейся вдоль берега. А этот – чистенький, белый, из моего сада – будет меня повсюду сопровождать. Как ядро каторжника, разве что крошечное, совсем легкое.

* * *

– Все в порядке, Бобренок?

Через час Оливье наконец вышел из мастерской.

– Как насчет аперитива? – спрашивает он.

Несколько минут импровизированной подготовки, и вот мы уже наслаждаемся охлажденным «Поммаром»[50]. Этан и Ноэ выпрашивают у бабушки и деда печенье. Ешьте на здоровье, мои хорошие, пока еще никто из вас не сможет доложить об этом маме с папой! Мне ужасно нравится, что эти мальчишки изъясняются на своем секретном языке, когда хотят что-нибудь скрыть от взрослых.

Оливье засыпает меня вопросами. Их больше обычного. Ну как тебе Монреаль? Ты ведь там давненько не была... Люди все еще говорят по-французски? А белок ты там видела? А лесорубов? А красавчика Трюдо?[51]

Я едва успеваю улыбнуться, как он задает следующий вопрос:

– Надеюсь, на сей раз ты не потеряла свои документы?

И больше он ничего не добавляет. А я удивляюсь: как это он запомнил ту сумку, потерянную двадцать лет назад?

– Нет...

И замолкаю. Пожалуйста, Оли, не настаивай! Ведь это для тебя, ради тебя я пытаюсь все забыть.

Оливье отнимает у близнецов пачку печенья.

– В экипаже был кто-нибудь, кого я знаю?

Я хватаюсь за эту соломинку:

– Да, за штурвалом был Жан-Макс Баллен, наш записной юбочник.

Похоже, ему грозят большие неприятности. Флоранс тоже была с нами.

Оливье кивает. С Флоранс он знаком. Видел ее четыре или пять раз, до своего замужества она иногда приходила в гости.

– Редкое совпадение, не так ли? Путешествовать с двумя людьми, которых давно знаешь.

– Да, все бывает...

Этан и Ноэ смотрят на меня глазами объевшихся щенков, которые чисто инстинктивно чувят, к кому лучше обратиться за подачкой. Я выдаю каждому по три печеньица *Curly*.

– Ну а ты, Оли, чем занимался, пока меня не было?

Он смотрит на меня удивленно, как будто я слишком резко отбрила его.

– Да ничем... ничем особенным. Так, работал. А вчера ездил в Париж. На авеню Ваграм. В этот самый ресторан...

– Ты же терпеть не можешь большие города.

Оливье не отвечает. И мы долго сидим молча, созерцая лениво текущую Сену, птиц, парящих над заказником Ла-Гранд-Ноэ. Там водятся бакланы, чайки, шилоклювки, журавли... Этан и Ноэ вернулись к своим игрушкам и пропустили полет цапли. Оливье провожает ее взглядом до тех пор, пока она не скрывается в одной из речных излучин, потом встает:

– Ладно, пойду еще поработаю. Кликни, когда накроешь к обеду.

Я вижу, что он смотрит на мое плечо с вытатуированной ласточкой, как будто за это время она могла улететь.

Улететь – без меня?

Он отворачивается, точно его что-то смутило, обводит взглядом наш деревянный дом с садом, подстриженные живые изгороди, обглоданные овцами речные берега, свою мастерскую. И, перед тем как запереться там, наклоняется и целует меня:

– Я по тебе скучал, Бобренок.

* * *

Близнецов увезли. Лора заехала буквально на одну минуту, чтобы забрать их. Сегодня у нее ночное дежурство в больнице Биша. У Лоры свои трудности с графиком, почти такие же, как у ее матери, с той лишь разницей, что вселенная дочери ограничена белыми коридорами больничного муравейника.

И тем не менее она успела бросить мне перед отъездом:

– Я видела твое расписание, у тебя будет четыре дня отдыха между Лос-Анджелесом и Джакартой.

Неужели она хочет навязать мне Этана и Ноэ на все это время, с ночлегом?

– Так вот, мам, ничего не планируй на эти четыре дня. Тем более что с Джакартой пока все неопределенно. Обещаешь?

Я удивленно воззрилась на нее.

– Мам, ты что, новости не смотришь? Там же цунами! В Индийском океане пробудился какой-то подводный вулкан, и волны пятиметровой высоты смели дома́ на Суматре и Яве... Тысячи людей остались без крова... В ближайшие дни ожидается повторение!

А я ничего не знала. Наверно, у меня был ужасно глупый вид. Я инстинктивно поискала глазами свою сумку. Значит, рейс Париж – Джакарта аннулирован? И тем самым моя петля времени затянулась. Неужели это результат подмены камня времени камешком из моего сада?

– До следующего воскресенья, мам!

– Почему до следующего?..

– Господи, да у тебя же день рождения!

* * *

Остаток воскресного дня протекает так же мирно, как течет Сена. Мой самолет вылетает в 20:00. Мы растягиваем наш обед на террасе до трех часов пополудни. Это предполетное время тягостно, в каждой паузе чудится невысказанный упрек. На сей раз Оливье не делает никаких попыток удержать меня дома. Марго встает около часа дня, выходит в неглиже к десерту, чтобы проглотить йогурт и хлопья, потом отправляется принимать душ.

Я поднимаюсь в спальню за своим чемоданом – как всегда, в последний момент, поскольку терпеть не могу выставлять его в коридор у выхода. Оливье помогает мне загрузить его в багажник моей «хонды джаз». Я собираюсь выехать пораньше, опасаясь воскресных вечерних пробок, и уже разворачиваюсь во дворе, как вдруг из дома выскакивает Марго – с мокрыми волосами, в спешно накинутом халатике. Бежит босиком по гравию и размахивает руками, прося остановиться. Неужели потому, что забыла меня поцеловать на прощанье? Удивительно.

Опускаю стекло.

– Мам... ты куда – в аэропорт? А ты не могла бы поехать на «кангу», а эту оставить нам?

– Зачем это?!

– Мам! – Марго закатывает глаза к небу, словно я инопланетянка, которой нужно разъяснять каждую мелочь. – Ты же знаешь, что я учусь водить, с инструктором... Не могу же я учиться в папином фургоне!

– Я вернусь во вторник. Разве нельзя подождать два дня?

– Мам! – Теперь дочь опускает глаза с таким убитым видом, будто небо упало ей на голову. – Мам, мне нужно наездить тысячу километров, чтобы получить права, а у меня с начала учебного года не набралось даже сотни... Потому что тебя никогда нет, а твоя машина загорает на стоянке в Руасси без всякой пользы! При таких условиях я сяду за руль только в двадцать лет!

В двадцать лет... Скажите пожалуйста!

До чего же Марго не похожа на Лору! Да и на своего папу тоже. Вечно витает в облаках, тогда как он прочно стоит обеими ногами на земле. Она настолько же вспыльчива, насколько он сдержан, настолько же упряма, насколько он уступчив. И при всем том они так дружны, что водой не разольешь. Когда отец и дочь секретничают, я подозреваю, что они строят козни за моей спиной. Оливье прощает ей любые выходки. Потому что знает: в отличие от Лоры, Марго лелеет всего одну мечту – вспорхнуть и улететь из семейного гнезда!

Я строго смотрю на нее:

– В двадцать лет? А тебе известно, в каком возрасте я получила права? И первую машину? Свободу нужно заработать, моя милая! Например, немного потрудиться ради нее в лицее! И летом тоже...

Уж извини, малышка, я не могла смолчать. Марго бездельничала два месяца, июль и август, в компании подружек, таких же лентяек, как она сама. Я знаю, что мне пора ехать, но не намерена идти на поводу у Марго, а она, кажется, не собирается уступать мне. Наш спор затягивается, я ненавижу слова, которые она вынуждает меня произносить: труд, послушание, рассудительность, фрустрация... Мне самой противно чувствовать себя такой занудой. То ли дело наш снисходительный папаша – никогда не читает нотаций! Марго благоразумно переживает грозу, чтобы вернуться к отправной точке:

– Окей, мам, окей! Значит, оставляешь нам свою «хонду»?

Я едва сдерживаюсь, чтобы не выругаться. Марго приводит меня в отчаяние! Мне пора! И я прибегаю к последнему аргументу:

– Нет! И кстати, учти, что папе нужен его фургон для работы.

А вот тут я просчиталась! Марго ловит меня на слове, поворачивается к отцу, и я понимаю, что сейчас он ей уступит, скажет, что в ближайшие дни фургон ему не понадобится, что он может работать в своей мастерской по ночам, а в дневное время сидеть рядом с Марго в машине в качестве инструктора, чтобы она могла ездить в лицей или в кино...

Однако, к величайшему моему удивлению, Оливье спокойно говорит:

– Мама права. Фургон мне нужен для поставок. Подожди ее возвращения, тогда и начнешь тренироваться.

Марго сникает: ее предали! Потом прячет лицо в мокрых волосах, чтобы скрыть слезы. Оливье целует меня, а я ему даже не отвечаю, дивясь тому, что он решился дать отпор своей обожаемой дочке. Наконец прихожу в себя и уезжаю. Препирательства отняли у меня полчаса.

* * *

Еду в Руасси, проклиная ограничение скорости на национальном шоссе, которое мешает мне наверстать упущенное время, хотя трафик не такой напряженный, как я опасалась. Рейс в Лос-Анджелес!.. Двадцать лет назад, между возвращением из Монреаля и вылетом в Город ангелов, я ехала этим же путем и плакала, плакала, плакала.

Париж – Порт-Жуа; Порт-Жуа – Париж.

Двадцать лет...

Знаменательная цифра! Ровно столько Пенелопа ждала любимого мужа. Я пытаюсь улыбнуться. И представить себе нашу историю запечатленной на фреске... или на деревянной мебели?..

Мой телефон на приборной панели звонит на выезде из Гонесса, километрах в трех от Руасси, так близко к аэропорту, что кажется, будто самолеты взлетают с пшеничных полей. Глянув на часы, я убеждаюсь, что не опаздываю, значит, звонят не из *Air France*.

Да и номер мне неизвестен.

Поднося телефон к уху, одновременно пытаюсь вернуться в нынешнее время, отправив в дальний угол памяти ту безутешную Натали двадцатилетней давности, чтобы сосредоточиться на сегодняшнем, нетерпеливо звучащем звонке.

– Натали?

– Да... кто это?

– Натали, это Улисс. Я должен сообщить тебе плохую... очень плохую новость.

18

1999

Весь обратный путь я плакала.

Монреаль – Париж.

Море слез.

Квадратные метры бумажных салфеток.

А также литры шампанского, которое Фло таскала для меня из бизнес-класса.

– Поплачь, моя хорошая, поплачь.

Я больше никогда его не увижу.

– Вы и общались всего ничего, несколько часов, да и то просто целовались.

Я больше никогда не увижу Илиана.

– Ты избежала худшего, моя красавица, ты спаслась от землетрясения. Поверь мне, ты исчезла вовремя. Попереживашь еще несколько дней, а потом все это станет прекрасным воспоминанием до конца жизни.

Как представить, что мне больше никогда не суждено пережить мгновения, которые потрясли меня до глубины души?!

– И вот что я тебе скажу: кончай из себя изображать Бриджет Джонс, на свете полно женщин, которым было куда хуже твоего! Тебя хоть ждут дома Джепетто и твоя маленькая принцесса.

Фло была права. И я, как всегда, вернулась в Порт-Жуа... с одной неотвязной мыслью. *Илиан...* У Лоры сразу – каким-то чудом – прошел отит. Она забралась ко мне на колени, начала радостно трести стеклянный шарик со снежным бураном над замком Фронтенак и, глядя на него еще не просохшими от слез глазами, засыпала меня вопросами:

«А ты видела медведей? А пингвинов? А ты ездила на санках с собачьей упряжкой?» – и мольбами взять ее с собой в следующий раз, потому что папа объяснил, что я улетела в волшебный город, где живут Минни, Анастасия, Мулан и Покахонтас[52].

А потом Оливье крепко обнял меня, заметив, что мне сильно не по себе.

– Я потеряла документы, Оливье, все документы!

– Ну ничего, ничего страшного, Бобренок. Это всего лишь документы.

Оливье – моя опора. Оливье сделан из самого прочного дерева.

* * *

Шесть дней я отдыхала в Порт-Жуа, перед тем как отправиться в следующий рейс, в Лос-Анджелес. Все это время Оливье не умолкая разговаривал со мной. Оливье считал, что я переутомляюсь, Оливье уговаривал меня перейти на полставки, Оливье предлагал мне завести второго ребенка, Оливье признался, что очень беспокоится за меня, но я его заверила, что все хорошо, Оли, все к лучшему, спасибо тебе, все пройдет.

И я не лгала.

Все пройдет – но даже когда я доверяюсь Оливье, когда я отдаюсь Оливье, я думаю о другом. О другом человеке, исчезнувшем где-то там, на планете.

Не оставив никакого следа, никакого адреса.

Ничего, что позволило бы мне броситься в его объятия.

И только одна безумная мысль не выходит у меня из головы: я стала стюардессой лишь для того, чтобы найти его. Где бы он ни был, в любом уголке планеты.

* * *

– Натали!

Я плакала всю дорогу от Порт-Жуа до Руасси. Выплакала все слезы, которые сдерживала шесть дней, проведенных дома. А теперь

створы шлюзов наконец открылись, слезам можно дать волю. Любая из подружек объявила бы мне, что я впала в жуткую депрессию. К счастью, со мной в Лос-Анджелес летят стюарды, которых я прежде не знала. Флоранс отбыла в Шанхай, Жан-Макс – в Рио.

– Натали! – повторяет Глэдис, наша «старшая», весьма манерная девушка (такие идут работать стюардессами по одной причине: хотят бесплатно повидать дальние страны, им скучно сидеть дома в одиночестве, ведь муж – занятой человек, хирург, архитектор или адвокат). – Натали! Для тебя есть письмо в окошке *Air France*.

Письмо?

Я бегу со всех ног. Письмо... Стюарды никогда не получают писем! Меня просят предъявить удостоверение личности и вручают конверт. Я так взволнована, что в спешке скорее разрываю, чем раскрываю его. Я уже догадалась!

В конверте – все мои документы. Все – потерянные вместе с сумкой. Социальная карта, карточка избирателя, водительские права, страховой полис и даже фотографии: Лора в свой первый школьный день и мои моментальные снимки, где я строю дурацкие гримасы.

Нет только сумки, денег и кредитки, которую я, впрочем, успела заблокировать. И я понимаю, что какие-то люди – скорее всего, юнцы, выпивавшие на бельведере Кондьяронк, – нашли мою сумку, выгребли из нее все ценное, а остальное зашвырнули в кусты.

Классический случай!

И мне вспоминаются последние слова Илиана под деревьями парка Мон-Руаяль: *Поезжайте в аэропорт. А я останусь и буду искать.*

Лихорадочно расправляю скомканный конверт, разглаживаю мятые клочки бумаги и... читаю слова, написанные на задней стороне, которые прежде второпях не заметила.

Вот все, что мне удалось найти.

Лора очень хорошенькая.

Вы тоже.

Не пытайтесь со мной увидеться, прошу вас.

Ваш неприкаянный гитарист, который продолжает свою одиссею.

И вновь слезы, они капаят на и без того изуродованный конверт. Илиан продолжал искать! Ил нашел мои документы, наверняка разбросанные в лесу. Собрал их, а потом, зная мое имя, профессию, авиакомпанию и номер рейса, где мы встретились, послал все это в *Air France*. Притом с анонимной припиской. Так щедрый благотворитель, желающий остаться неизвестным, вручает свой дар и уходит на цыпочках.

Не пытайтесь со мной увидеться, прошу вас.

Ваш неприкаянный гитарист, который продолжает свою одиссею.

За одну только эту деликатность мне еще больше хочется найти его. А ведь я знаю лишь его имя, как страстно он любит музыку (которая еще не стала его профессией), ну и еще конечный пункт маршрута – юг США. Это значит, что, даже если я случайно и попаду туда, у меня нет ни малейшего шанса встретить его в Калифорнии – штате, равном по площади Англии, где проживает почти сорок миллионов человек.

* * *

Самолет летит над Атлантикой. Я замыкаюсь в своих мыслях, перебирая каждое слово единственного письма, полученного от Илиана.

Не пытайтесь со мной увидеться, прошу вас.

Ваш неприкаянный гитарист, который продолжает свою одиссею.

Никакого знака, никакой подсказки! Илиан выразился ясно: только поцелуи, ничего, кроме поцелуев и воспоминаний. Вы замужем, у вас ребенок, а я не хочу страдать и заставлять страдать вас.

Он предпочел сбежать.

У меня одно желание.

Найти его.

* * *

Двенадцатичасовой полет не принес мне никакого облегчения. В кабине пилота нет Жан-Макса с его квебекским акцентом и умением развлечь пассажиров, в салоне нет Фло, чтобы накачать меня шампанским, одна только Глэдис заходит в мой закуток – перемолвиться словом и перечислить все, чем она собирается *насладиться* в Лос-Анджелесе. Во-первых, подняться в обсерваторию (*ты представляешь?!*). Во-вторых, посмотреть фильм Николаса Рэя «Бунтарь без причины» с Джеймсом Дином и Натали Вуд! В-третьих, «Иисусе, я бы с наслаждением посетила остров Святой Каталины с видом на бухту Авалон, где она утонула, эта святая, – настоящее чудо (*ты представляешь?!*). Там еще снимали “Мятеж на Баунти” в 1984-м и до сих пор водятся дикие бизоны (*ты представляешь?! Совершенно дикие!*). Один пассажир – он ездит туда играть в гольф – рассказал мне, что это еще и заповедник для последних тонгвас (*ты представляешь?!*), первых индейцев Калифорнии».

Я ее слушаю... не слыша.

Только смотрю, как шевелятся губы. Глэдис из тех девушек, которым очень хочется нравиться, при том что они недостаточно красивы. У таких все преувеличенно: слишком яркие украшения, слишком облегающие наряды; они желают выглядеть соблазнительными, а выглядят попросту вульгарно, но не понимают этого. Вот и Глэдис стремится вызвать к себе интерес, хотя не очень-то умна и всем надоедает разговорами о фильмах, которые она *обожа-а-а-ет*, о выставках, которые посетила, о проблемах, которыми поглощена. Редкостная зануда, которая считает себя чуть ли не мастером разговорного жанра.

Девушки такого склада инстинктивно выбирают в слушатели вежливых коллег, которые стесняются их оборвать. Я для нее – идеальная добыча, да и мне, честно говоря, сейчас удобна ее болтовня, нужно только время от времени поддакивать. А пока она разглагольствует, я могу свободно проворачивать в голове две фразы:

Не пытайтесь со мной увидеться, прошу вас.

Ваш неприкаянный гитарист, который продолжает свою одиссею.

Наконец Глэдис заводит речь о калифорнийской музыке, объявляет, что ее уже тошнит от пергидрольных рокеров из группы *Mustang*, бляющих свои песенки по всему Тихоокеанскому побережью Америки (*ты представляешь?!*) и подражающих *Beach Boys*, выступавшим за тридцать лет до них, зато она *обожа-а-а-ет* местные группы, о которых я никогда не слышала, – *Faith No More, Deftones, Rage Against the Machine, Queens of the Stone Age*.

Ваш неприкаянный гитарист, который продолжает свою одиссею.

И вдруг названия групп, перечисленных Глэдис, взрываются у меня в голове, как воздушные шары, которые протыкают один за другим на ярмарке.

Мы пролетаем над Большим Каньоном, через час должны приземлиться, а я наконец понимаю, что нужно делать. Ну конечно!

Илиан оставил мне зацепку – крошечную, но все же зацепку. Я вспомнила его слова, произнесенные под железным крестом на горе Мон-Руаяль.

А вот я остаюсь по эту сторону Атлантики. Хочу попытаться удачи. Улисс подкинул мне пару адресов...

«Продолжает свою одиссею»... Вот она – зацепка!

А где одиссея – там Улисс!

Улисс Лавалье, продюсер, у которого офис в Лос-Анджелесе! И уж наверно, Улисс нанял его еще на одну-две поездки. Улисса Лавалье нетрудно будет разыскать в городе... и он наверняка знает, где работает Илиан!

19

2019

– Подожди, Улисс, сейчас... минутку!

Я торможу, моя «хонда» проезжает по инерции еще несколько метров по обочине и утыкается в высокую ограду аэропорта Руасси.

– Это касается Илиана, – объясняет Улисс, запинаясь на каждом слове. – Он мне позвонил... Вернее, мне кто-то позвонил несколько часов назад... Ну и...

Он не решается договорить. Я проклиная телефон, проклиная разделяющие нас полмира, которые мешают мне посмотреть ему в глаза, услышать из его уст слова, которые я угадываю, которые сразят меня, как пули. Наконец Улисс решается:

– Илиан... Илиан стал жертвой несчастного случая...

Моя голова откидывается на спинку кресла, отяжелевшие руки бессильно падают. Какой-то грузовик на полной скорости проскакивает так близко, что мой «джаз» сотрясается всем корпусом. Я кричу:

– Где?! Когда?!

– Вчера, в первой половине дня... на авеню Терн. Рядом с магазином «Фнак», где он работал... Его сбила машина.

– И... как он?

Улисс молчит.

– Только не говори, что он...

И я вспоминаю свои страхи всех этих лет молчания: если с Илианом что-то случится, если он умрет, никто мне не сообщит. Илиан исчезнет, а я этого не узнаю, даже не смогу его оплакать. Когда хоронят любимого человека, сколько тайных любовей погребают вместе с ним? Сколько невысказанных страстей, поглощенных небытием, исчезают навек, словно никогда не существовали?

Улисс по-прежнему говорит медленно, как будто каждое слово застревает у него в горле:

– Он... он еще жив, Натали... Он дышит... Он в сознании... Но... у него перфорация одного легкого... Раздавлена... грудная клетка. Затронута плевра. Средние и нижние доли легкого – тоже. Врачи боятся, что начнется кровотечение. Я только что говорил с дежурным врачом скорой помощи больницы Биша. Они пока ждут... Они... – Улисс не решается договорить, молчит, потом выпускает последнюю пулю: – Натали, я думаю, тебе лучше туда поехать.

Еще один грузовик вихрем проносится мимо так близко, что моя «хонда» чуть не взлетает в воздух.

Больница Биша.

Я смотрю на часы. Биша совсем недалеко от Руасси – полчаса езды, но дорога туда и обратно не позволит мне успеть на самолет. Если

бы я узнала раньше, если бы Марго не задержала меня на целых полчаса... если бы... если бы...

– Я... я не могу, Улисс... Через час мы вылетаем. Я поеду туда, когда вернусь... Через три дня...

Сама не верю, что произношу эти слова.

– Если он еще будет жив, Натали.

Я лихорадочно размышляю в поисках решения. Сочинить какой-то предлог, чтобы не лететь... Или лететь, но придумать, как узнавать о его состоянии. Я вижу только одну-единственную возможность – рискованную, сложную...

– Есть еще кое-что, Натали... Но... Нет, об этом нельзя говорить по телефону.

– Говори!

– Но тебе же некогда, ты спешишь.

– Да говори же!

– Илиан мне позвонил. Сегодня утром. Он едва смог произнести несколько слов. И сказал кое-что, о чем я должен с тобой поговорить... Но это нужно обсудить как следует, не торопясь... Садись в самолет, а когда прилетишь и поселишься в отеле, позвони мне.

– Ты в Лос-Анджелесе?

– Да.

– Тогда мне незачем звонить, я приеду. Мы летим в Лос-Анджелес.

– Ты не шутишь?

– Нет, Улисс. Нет.

Внезапно в голосе Улисса звучит подозрение. Его явно смущает развитие событий.

– Это несколько неожиданно, ты разве не находишь, Натали? Мы не виделись с 1999 года, и вдруг позавчера ты мне позвонила из Монреаля. Я дал тебе номер Илиана, и тут его сбил какой-то лихач. Я тебе звоню, а ты, оказывается, летишь в Лос-Анджелес.

– Да, я понимаю, что в это трудно поверить...

Но сама начинаю осваиваться в новой ситуации. Как будто все происходящее подчиняется какой-то неумолимой логике. Как будто все было давно предрешено.

– Улисс, почему ты хочешь меня видеть?

– Ты знаешь мой адрес, Натали. Он не изменился.

– Да ты хоть скажи, о чем будет разговор? Что Илиан сообщил тебе?

– Тот тип, что сбил его на авеню Терн... он не остановился.

* * *

– Лора!

Одной рукой прижимаю телефон к уху, другой верчу руль, заезжая на стоянку Руасси, потом той же рукой вытаскиваю чемодан из багажника.

Ответь, Лора! Да ответь же!

Захлопываю крышку багажника. Запираю машину.

– Мама?

Я слышу в трубке дыхание Лоры. Голос у дочери слегка встревоженный. Она понимает, что случилось нечто серьезное, раз уж я звоню ей на работу.

– Лора, мне нужна твоя помощь. Я... у меня есть друг, которого госпитализировали к вам в Биша. В отделение неотложной помощи. Несчастный случай на улице. Вчера. Ты можешь... ты не могла бы... навести справки?

– Да, конечно. Я его знаю?

Я останавливаюсь посреди стоянки: невозможно делать две вещи разом. Меня трясет. Вот уж не думала, что мне придется вмешивать во все это свою дочь.

– Нет... Нет... Просто один старый друг... (Лора наверняка все поймет по одному моему голосу.) Человек, который... с которым мы были очень дружны.

Осторожно, ни слова лишнего, иначе Лора сразу догадается.

– Ты просто скажи... передай, что я думаю о нем.

– Не волнуйся, мам, мы о нем позаботимся. Я ведь два года проработала в «скорой» и всех там знаю, так что с твоего друга будут пылинки сдувать. Как его зовут?

– Я... я знаю только имя.

* * *

Как только Лора отключилась, я со всех ног помчалась к аэровокзалу, волоча за собой чемодан. Странно: после того как я назвала ей имя – Илиан, она выдержала такую долгую паузу, как будто знала, кто это такой.

Да нет, я просто свихнулась!

Сперва пробовала объяснять совпадения, потом слова, а теперь... теперь анализирую даже паузы в разговоре! В разговоре с собственной дочерью! Которую прошу позаботиться о моем любовнике!

Рейс AF-208 на Лос-Анджелес.

Стоя у выхода на посадку, смотрю сквозь стекло, как из автобуса появляются стюардессы «Эмиратов» в своих тесно облегающих костюмчиках, почти таких же светлых, как халаты медсестер. Как же мне хочется сбежать из этого зала, сесть в машину и помчаться в Биша! Что за мерзость – улетать отсюда, когда Илиан борется со смертью на больничной койке...

– Нати!

Я оборачиваюсь.

Это Фло!

Она подходит ко мне с сияющей улыбкой. Меня не удивляет ее появление. Всякая логика, всякий нормальный порядок вещей в прошлом. Теперь я буду удивлена, если увижу в своем экипаже незнакомые лица.

Пытаюсь ответить на улыбку Фло. Пытаюсь утешить себя тем, что не видела Илиана около двадцати лет, что он давно стал для меня чужим, что Илиан так много значил для меня тогда, но теперь уже ничего не значит, что воспоминания о нем в эти последние дни объяснялись каким-то предчувствием, что все прошедшие годы я старалась его забыть. И почти преуспела в этом. Если бы только не...

– Нати, что с тобой?

Фло отводит меня в сторонку, подальше от пассажиров, которые начинают выстраиваться в очередь на посадку. Как же мне опротивела вся эта суматоха!

– Знаешь, с кем мы летим? С Шарлоттой! – объявляет она. – И угадай, кто ведет самолет?

– Жан-Макс, – машинально отвечаю я.

Фло разочарована.

– Точно. И тебя это не удивляет?

Да... Нет... Не знаю, Флоранс...

Фло перечисляет других членов экипажа. Жорж-Поль и Сестра Эмманюэль не входят в его состав, но Фло тащит меня еще дальше, к парфюмерному бутику дьюти-фри, где почти нет народа, и, обняв за плечи, шепчет с видом заговорщицы:

– Я провела расследование!

Господи, когда же это кончится?!

– Какое расследование, Фло?

– По поводу всех твоих вопросов и совпадений. Ну помнишь – таинственные совпадения в твоём графике, вероятность попасть на те же три рейса в том же порядке: Монреаль, Лос-Анджелес, Джакарта, – шансы встретиться со мной и Жан-Максом на всех трех, совсем как двадцать лет назад...

– Жан-Макса и тебя не было, когда мы летали в Лос-Анджелес.

– Верно, но это ничего не меняет в моих выводах.

– Которые говорят о чем?

– О том, что все это подстроил Жан-Макс!

Я едва не опрокидываю плоский картонный манекен с лицом Джулии Робертс – рекламу нового аромата от *Lancôme*. Машинально извиняюсь перед Джулией.

– Ты уверена?

– Абсолютно! Парни из планового отдела признались, что он надавил на них и они устроили так, чтобы мы летели все вчетвером – Шарлотта, мы с тобой и он.

– Но... зачем ему это?

– Вот об этом ребяташки ничего не знают. Но, судя по всему, наш Жан-Макс уже давно проворачивает такие фокусы. Выбирает для себя экипаж. Ну а поскольку он пользуется большим влиянием...

– Пользовался... Зато теперь – ты помнишь слова Сестры Эмманюэль, что ему грозит взыскание? И это всего за несколько месяцев до ухода на пенсию. Не знаю... может, мы с тобой – его любимые стюардессы и с нашей помощью он хочет красиво завершить свою карьеру?

Фло презрительно кривится.

А я, напротив, вздыхаю с облегчением. Впервые хоть что-то прояснилось. Фло объяснила одно из самых странных совпадений, даром что я еще не знаю, чем руководствовался Жан-Макс.

Объявляется посадка на наш рейс, я поворачиваюсь – слишком резко – и снова натываюсь на Джулию Робертс. Но она на меня не сердится, продолжает сиять своей картонно-вощенной улыбкой. И только тут я замечаю название духов, достойных ее неувядаемого шарма.

«Жизнь прекрасна».

* * *

Рейс выдался на редкость спокойный. Механическое исполнение обязанностей, к которому я привыкла за долгие годы, помогает мне не думать. Никакие новые совпадения на сей раз меня не тревожат. Я часто – кажется, это стало манией – открываю сумку и достаю из нее белый камешек, подобранный на берегу Сены. Взвешиваю на ладони и кладу обратно, убеждая себя, что этот кругляшок из моего сада меня защитит. А камень времени остался в Порт-Жуа, как пребывал там все эти годы, только теперь не в ящике комода, а на берегу Сены, у подножия кирпичной стенки, отделяющей сад от реки. Чем дальше я размышляю, тем больше убеждаюсь, что всем загадкам есть вполне рациональное объяснение – то самое, что заставило меня позвонить сперва Улиссу, а потом Илиану перед вылетом из Монреаля как раз в тот момент, когда его сбил какой-то лихач.

Только Илиан мог организовать всю эту серию совпадений. Во всяком случае, тех, что не имели прямого отношения к *Air France*.

Со вчерашнего дня Илиан в больнице.

И совпадения прекратились.

* * *

Наш аэробус летит над Атлантикой, немой и темный, если не считать немногих бортовых огней. Весь обслуживающий персонал собрался в хвосте самолета – жужжащий осиный рой над пустыми обеденными подносами. Я подхожу и сразу понимаю, что обсуждают легендарного командира Баллена. В *Air France* уже все прослышали о взыскании.

Я пытаюсь убедить коллег, в том числе Фло, что не нужно обсуждать это при Шарлотте. Но стоит нашей стажерке отойти – например, чтобы закрепить колыбельку младенца в салоне, – как языки тут же развязываются. Патрисия, давняя подруга Сестры Эмманюэль, наконец проговорила. Она жутко сволочная баба, а Эмманюэль – человек порядочный, но сейчас я спрашиваю себя, которая из них опаснее.

– Эмманюэль застучала Жан-Макса Баллена за сексом!

Наши осы тут же оживляются:

– Где?

– С кем?

– Когда?

– С девушкой?

– Сомневаюсь!

– Так где же?

– В пилотской кабине!

– С девушкой... в пилотской кабине? Не может быть!

– С пассажиркой или со стюардессой?

– Когда?

– Во время рейса Париж – Монреаль, на прошлой неделе.

– Со стюардессой в униформе?

– А была ли на ней одежда? Или Жан-Макс все с нее сорвал?

– Ну кто?

– Кто же?

– Эмманюэль ее узнала?

– Да!

– Так кто это?

– Вы же знаете Сестру Эмманюэль. Она умрет, но не проговорится!

Я смотрю на стройную фигурку Шарлотты, которая, приветливо улыбаясь, разговаривает с молодой супружеской парой, укрывая потеплее их младенца. Фло тоже обратила на нее взгляд. Неужели Шарлотта доверила свою тайну и Флоранс? Или та сама обо всем догадалась? Выглядит она такой же смущенной, как я. И это смущение никак не сочетается с сальными репликами экипажа и их шумными предположениями по поводу знаменитого клуба «Выше одной мили»[53].

Следующие пять минут мы работаем бок о бок с Шарлоттой, и меня занимает новый вопрос. Я хорошо знаю Сестру Эмманюэль – она готова до последнего защищать своих подчиненных, особенно юную стажерку, которая позволила себя соблазнить. Но хватит ли порядочности командиру Баллену, чтобы не выдать девочку?

* * *

Мало-помалу все успокаиваются и начинают дремать. Потом (чудится, будто прошло всего несколько минут) вспыхивают лампочки и все начинается сначала. Пробуждение, подносы с завтраком: «Вам булочку или кекс? Чай или кофе»? Пока мы торопливо собираем пустые подносы, микрофоны вновь оживают: сообщение из пилотской кабины.

На сей раз Жан-Макс изъясняется с уморительным американским акцентом. Если это и вправду его последний рейс и он в курсе, то ничем себя не выдает. Видимо, решил – как я и сказала Фло – поставить красивую точку в своей карьере.

– Дамы и господа, мы пролетели над Скалистыми горами и начинаем спускаться к Лос-Анджелесу. Надеюсь, вы приятно провели ночь, поскольку она может стать для вас последней. Я должен объявить вам грустную новость: оба двигателя самолета отказали, и мне остается только попробовать посадить самолет на воды Тихого океана, напротив пирса Санта-Моники[54]. А хорошая новость заключается в том, что выпутаемся мы из передрыги или нет, Клинт Иствуд обязательно снимет об этом фильм. И мое последнее желание – да будет тому свидетелем «черный ящик»! – чтобы меня сыграл Том Хэнкс. Желаю вам удачи! Не стесняйтесь, назовите сейчас же, прямо и откровенно, имена актеров, достойных запечатлеть ваши образы для следующих поколений!

Почти все пассажиры хохочут. Имена сыплются как из рога изобилия: Том Круз, Мэрил Стрип, Леонардо Ди Каприо, Марион Котийяр, Джим Керри... Сидящие у иллюминаторов убеждаются, что оба мотора исправно работают, и констатируют, что наш аэробус пролетает над гигантскими белыми буквами *HOLLYWOOD* на склоне холма к северу от Города ангелов.

Еще несколько секунд, и вот последний поднос убран, и я наконец могу прочесть сообщение, пришедшее на мой электронный адрес перед посадкой.

Выйдя из самолета, заказываю такси.

Адрес: @-TAC Prod, бульвар Сансет, 9100. Тот же самый маршрут от аэропорта, по которому я ехала двадцать лет назад в офис Улисса.

В надежде снова встретиться с Илианом.

С Илианом, который сейчас борется со смертью. С Илианом, которого я бросила, от которого сбежала на этом самолете, уносившем меня все дальше и дальше от него.

И все-таки...

Двадцать лет назад я появилась в офисе Улисса с бьющимся сердцем, в погоне за Илианом, который был тогда настолько жив, что стал неуловимым, и каждый миг в том самолете над Лос-Анджелесом приближал меня к нему.

*Когда на любовь нам наложат запрет,
На наши объятия, на солнечный свет,
На тьму благотворную наших ночей —
В мерцании лунных волшебных лучей
Бесследно растает наш легкий след.*

20

1999

Легко. Слишком легко. Просто зайти в интернет, набрать *продюсер Лавалье, Лос-Анджелес*, и вот он – адрес Улисса.

@-TAC Prod

Бульвар Сансет, 9100

Определяю по карте в мобильнике и нахожу его офис на длинном – 39 километров! – шоссе в Западном Голливуде, у перекрестка с улицей Синтия-стрит. Дорога на такси заняла почти два часа. «Лос-Анджелес – не мой город, – объясняет мне шофер-латиноамериканец, флегматичный, как англичанин. – Понатыкали тут, между морем, пустыней и холмами, небоскребы, один к одному, на какой-нибудь сотне свободных километров. Даже не удосужились проложить кольцевые бульвары, создать историческую зону, все-таки

здесь как-никак центр мира!» Потом снова прибавляет звук в радиоприемнике и насвистывает *Wasted Time*[55] – старозаветный шлягер «Иглз», который я не слышала тысячу лет. Проезд по пятикилометровому бульвару Сансет занимает у нас три четверти часа, так что можно вдоволь налюбоваться гигантскими рекламными плакатами. Что ж, логично! Стояние в уличных пробках – единственное время, когда американцы не сидят у телевизоров, перескакивая с канала на канал.

Офис @-TAC Prod расположен в небольшом жилом доме на склоне холма, откуда вид на Тихий океан и знаменитые местные закаты могли бы дарить зрителям незабываемые впечатления... если бы их не заслонял огромный плакат «Истории игрушек – 2». «К бесконечности – и еще дальше!» – призывает реклама.

Дом № 9100. Первым делом я замечаю фастфуд на колесах, протянувшийся вдоль бульвара Сансет; там продают гамбургеры редким клиентам, сидящим на пластиковых стульях за пластиковыми столиками, под прикрытием нескольких тентов *Pepsi*. Присмотревшись, обнаруживаю пыльную дорожку, которая вьется по импровизированной террасе, упираясь двадцатью метрами дальше в ветхое трехэтажное зданье, – уж оно-то наверняка рухнет первым, как только разлом Сан-Андреас разойдется чуть пошире[56]. Подхожу ближе.

По нагромождению почтовых ящиков с громкими названиями – *Shrimp Music, New Vinyl Legend, Alligator Records, Deep South Sound* – догадываюсь, что здесь обосновались несколько десятков мелких музыкальных агентств. Офис Улисса занимает крошечную комнатку на первом этаже. Сразу за окном помойка и стоянка, так что стоит его открыть, как внутрь врывается оглушительный хор автомобильных гудков.

Вот и сам Улисс. Он приглашает меня войти и первым делом выключает вентилятор, который мало того что производит адский шум, так еще и взметает к потолку бумаги, раскиданные по всему столу.

– Это вы? – изумленно спрашивает он.

– Узнаёте меня?

– Ну а как же! «Метрополис», на прошлой неделе; вы еще посулили, что я буду крестным вашего первенца, как только выйдете замуж за моего юного гитариста. Помните? – И он вытирает взмокший лоб, словно температура в комнате резко подскочила. – Вы мне тогда

много чего наговорили, милочка! А ведь были уже и замужней дамой, и матерью... Только не за вашим Клэптоном в кепке.

Не дожидаясь ответа, Улисс встает, открывает холодильник, приткнувшийся у окна, вынимает банку пива и предлагает мне; я отказываюсь, предпочитая воду. Он протягивает мне бутылку «Аквамантры», указывает на стул рядом со своим письменным столом, а сам садится напротив.

– Когда я подобрал вашего гитариста, у него был убитый вид. Совершенно убитый! И неудивительно – вы такая красотка, Натали... Вам сейчас сколько – лет тридцать? Тридцать пять? Что ж, для женщины возраст вполне достаточный, чтобы понимать, чего она хочет, и недостаточно солидный, чтобы отказать себе в этом. Ваш гитарист... вы на него смотрели такими жадными глазами, так цеплялись за его руку, словно боялись, что под вами вот-вот провалится пол, – *close, so close to him*[57]. Верно я говорю, Натали? И кто бы мог подумать, что у вас уже была запасена веревка, да и гвоздик в придачу?!

Отвечаю мгновенно, без паузы:

– Я ничего от него не скрыла.

Улисс одним глотком выпивает полбанки пива и продолжает – так, словно и не слышал меня:

– И в тот момент, когда вам пора было на самолет, вы не придумали ничего лучше, как разыграть из себя Золушку. Якобы потеряв сумку со всеми документами, номером телефона и адресом. Щедрая потеря, побогаче хрустального башмачка, не правда ли? И вас теперь не мучает совесть, что вы так легко его загарпунили?

На сей раз я не отвечаю, потому что даже если поклянусь, что потеряла сумку не нарочно, он мне не поверит. И все же он заронил во мне какое-то сомнение. Что, если я и правда сделала это с умыслом? Что, если...

Улисс ставит пивную банку на стол с таким стуком, что прерывает мои размышления. Потом впивается в меня взглядом, пытаюсь определить, насколько я искренна.

– Ты что, и в самом деле втюрилась в этого гитариста?

Его «тыканье» застаёт меня врасплох, как и сам вопрос. А он при виде моей озадаченной физиономии разражается хохотом. Таким буйным, что забрызгивает слюной ближайšie к нему папки. Чем дольше я смотрю на стол, тем меньше мне верится, что такой человек

мог организовать концерт «Кью» в Монреале. Наверняка занимался какими-то второстепенными делами – обеспечивал вместе с другими мелкими агентствами снабжение, питание, логистику. Наконец он успокаивается, пристально смотрит мне в глаза, и я понимаю, что ему нравится ошарашивать людей вопросами. И задавая их, и отвечая. Давай-давай, Улисс, развлекайся, не лишай себя удовольствия!

А он упорно не отводит от меня взгляда узких смеющихся глаза тучного Будды, который старается уладить жизнь тех, кто в него верует. И продолжает обращаться ко мне на «ты»:

– Ну ясное дело! Это и слепому видно! Ты влюблена по уши! Но куда это годится, красавица моя: гоняться за ним по всему свету, когда твой супруг с малышом ждут тебя в Париже?

Надеюсь, он снова сам ответит на свой вопрос, но ему надоела эта игра, и Улисс умолкает. Оторвав от стула свою грузную тушу, растворяет окно и закуривает сигарету; ее дымок смешивается с пылью и газовыми выхлопами автомобилей, застрявших в пробке на бульваре Сансет.

– У Илиана был твой адрес, но он тебе не написал. Илиан тебя хотел, но даже не попытался поймать. А я могу поклясться, что это настоящий подвиг – удержаться в такой ситуации, при твоих-то волшебных глазах, твоей волнистой пряди, твоих аппетитных округлостях в этом облегающем костюмчике мажоретки. Но Илиан все же почему-то устоял. Отнесся к тебе с таким уважением, на какое не способен ни один мужик. Так зачем ты вернулась – чтобы снова мучить его?

Улисс отворачивается и смотрит в окно, на бульвар, снисходительно наблюдая за сумасшедшей круговертью города.

И дает мне время проанализировать ситуацию.

«Илиан тебе не написал».

Ошибаешься, Улисс, написал!

Ваш неприкаянный гитарист, который продолжает свою одиссею.

Илиан не случайно назвал это *одиссеей*. Тем самым он дал понять, что еще не все кончено... Что он, Ил, надеется...

Я откашливаюсь, чтобы привлечь внимание Улисса.

– А мне, наоборот, кажется, что Илиану очень хотелось, чтобы я постаралась его разыскать. И вы это знаете, я уверена!

Улисс усмехается:

– Возможно, вполне возможно, маленькая провидица. Предположим, что это так. Вам обоим взбрело в голову поиграть в кошки-мышки. Но с какой стати Улисс Лавалье должен подавать реплики в вашей трагедии, красавица моя? У меня нет ни малейшего желания изображать брата Лоренцо.

– Брата Лоренцо?..

– Того самого монаха, который пытался помочь Ромео и Джульетте. Ты же знаешь, чем это кончилось?

Улисс швыряет окурок в окно, захлопывает его, вытирает взмокший лоб и садится. А я встаю. Разглядываю жалкое помещение офиса @-TAC Prod, полки, битком набитые бумагами, обшарпанный паркет, выцветшие литографии на стенах.

– Если поможете мне, обещаю, что это принесет вам счастье.

– О-ля-ля! Счастье... даже подумать страшно!

– Вы станете великим продюсером!

Улисс одним глотком опустошает банку.

– Смеешься надо мной? Пока мне едва хватает на аренду помещения! Нас, продюсеров, не меньше двадцати в этой трехэтажной развалюхе, а в самом Лос-Анджелесе несколько тысяч, и все мечтают создать новый Вудсток или подписать контракт с новым Куртом Кобейном, и все эти «акулы бизнеса» до смерти боятся, что их сожрет более крупная рыба. Успех концерта «Кью» – всего лишь случайность, а я там был десятой спицей в колеснице. Ну-с, и что ты хочешь мне предложить?

Я импровизирую. Медленно, очень медленно достаю из кармана инуитский камешек, подаренный мне продавщицей в Монреале. Улисс скептически разглядывает его.

– Это волшебный камень! Он позволяет провидеть будущее и исправлять прошлое. Или наоборот, как пожелаешь. Мне подарил его великий эскимосский шаман, летевший в нашем самолете... гм... по делам.

– Он что, явился в ваш «боинг» с санями и собачьей упряжкой?

– Да, он выкупил половину мест в бизнес-классе.

– Ну конечно, ведь вторая половина была забронирована Санта-Клаусом и его оленями!

Улисс закатывает глаза, раздумывает, потом вскидывает руки, как паяц, покоровившийся судьбе:

– Господи, до чего ты мне надоела! Ладно, так и быть, дам я тебе адрес твоего красавца. Но предупреждаю: вы должны написать самую прекрасную любовную историю! Настоящую *love story*, а не какую-то слезливую мелодраму. – С этими словами он хватает клочок бумаги и что-то царапает на нем. – Илиан сейчас в Сан-Диего. В районе Олд-Таун. Я нашел для него контракт с группой музыкантишек, которые искали гитариста. Обыкновенные любители, так что не ожидай услышать там Сантану.

– Спасибо!

Я подхожу и целую его в обе щеки. А камешек времени бережно прячу в карман.

Едва удерживаюсь, чтобы не запрыгать от радости. Я получила адрес! И мне не терпится мчаться на поиски Илиана, но Улисс непременно желает меня накормить. Он заявляет, что фастфуд на колесах рядом с номером 9100 на бульваре Сансет торгует самыми лучшими гамбургерами на всем Западном побережье, и задерживает меня на целый час. Мы сидим под зонтиком *Pepsi*, где он жадно съедает три бургера «Калифорния», а я едва прикасаюсь к салату из латука, щедро приправленному гуакамоле[58]. Пока Улисс развлекает меня байками о неизвестных канадских рок-группах Ванкувера, я мысленно переносусь на юг.

Сан-Диего, Олд-Таун, Президио-парк, 17.

Почти на двести километров южнее Лос-Анджелеса, но это меньше двух часов пути! Как только мне удастся вырваться из гостеприимных объятий Улисса, бегу заказывать такси. Я успею съездить туда и обратно – мой самолет вылетает из Лос-Анджелеса только завтра, после полудня.

Посасывая спрайт через соломинку, гляжу на вереницу машин, медленно ползущих к Тихому океану. И сияю, как маленькое, но яркое солнышко, над бульваром Сансет!

Такси подвозит меня к перекрестку бульвара Сансет и Синтия-стрит. Я договорилась встретиться с Флоранс, Шарлоттой и Жан-Максом вечером, а пока пусть понежатся в бассейне мотеля «Домик у океана» без меня. У нас вагон времени, полных два дня, чтобы устроить облаву типа сафари на кинозвезд Венеции, Малибу, Беверли-Хиллз и Родео-драйв.

Бульвар Сансет, 9100...

Я приехала сюда прямо из аэропорта. Этих двух часов мне хватило, чтобы привести в порядок свои воспоминания. Надо же, с 1999 года пробки в Лос-Анджелесе так и не рассосались!

Зато изменилось почти все остальное.

Никакая реклама уже не заслоняет вид на Тихий океан. Трехэтажное зданьице в глубине тупика, теперь заасфальтированного, сияет свежевыкрашенным розовым кирпичным фасадом. И только фастфуд на колесах в начале дорожки, ведущей к офисам, стоит на прежнем месте. Белые пластиковые столы и стулья, такие легкие, что грозят вспорхнуть и закружиться в воздухе при малейшем порыве ветра, тоже никуда не делись. А вот и Улисс, ждет меня под зонтиком *Pepsi*. Мне чудится, что я рассталась с ним только вчера, настолько отчетливы все мои воспоминания. Подхожу ближе.

И, как в игре «Найдите семь отличий», первые три сразу бросаются в глаза.

Улисс постарел. Улисс растолстел. И Улисс явно не разбогател.

На нем заношенная гавайская рубашка в зелено-розовых тонах с поникшими пальмами и увядшим гибискусом. Он тычет пальцем в соседний стул:

– Садись!

Теперь ни в его глазах, ни в его голосе уже нет былой мягкости.

Я усаживаюсь, стараясь не порвать чулки о щербатый пластиковый стул, одергиваю форменную юбку, развязываю красную косынку и пытаюсь улыбнуться, поглядывая на стоящую перед Улиссом литровую кружку пива *Stone IPA*.

Перед тем как заговорить, он сразу вливает в себя половину.

– Помнишь? Уходя от меня двадцать лет назад, ты обещала брату Лоренцо, что он разбогатеет. Станет кардиналом, даже папой римским. Папой поп-музыки. Ты здорово ошиблась, как видишь...

Я смотрю на ряд почтовых ящиков у двери здания за спиной Улисса. Теперь от двух десятков табличек с именами мелких независимых продюсеров осталась одна – *Molly Music*.

– Я, как и все другие, дал себя сожрать, – поясняет Улисс. – Теперь *@-TAC Prod* не что иное, как микрофилиал крупной рыбы, мэйджора, как нынче выражаются. Мне всего лишь позволяют выжить, я им почти ничего не стою, да и прибыли больше совсем не приношу. Нас тут таких пара десятков в их треклятом офисе, который они намерены еще уменьшить, чтобы расширить зал для фитнеса... И большинство молодых идиотов, которые не слушают ничего, кроме рэпа, проголосовали за это! Так что теперь, как видишь, у меня даже прежнего жалкого офиса нет, чтобы тебя принять. Но я не жалуясь, нет! Так даже лучше, чем двадцать лет назад. Здесь и кондишен имеется, и бургеры «Калифорния» такие же обалденные. Что тебе заказать?

Я не отвечаю.

Вспоминаю, что в 1999 году Улисс впервые обратился ко мне на «ты». Мне не без труда удалось ответить ему тем же.

Он продолжает разглагольствовать:

– Нет, Натали, я не жалуясь, даже если ты промахнулась со своими пророчествами. Я живу своей страстью к музыке, своими скромными успехами, скромными открытиями, общаюсь с моими старыми лабухами, такими же неудачниками, как я сам, которых продвигаю по мере сил. Главное, я не продал душу дьяволу. Что, впрочем, не помешало мне постареть... И гораздо сильнее тебя, Натали! Ты ухитрилась остаться такой же красоткой, как двадцать лет назад.

Его слова приводят меня в замешательство, я машинально накручиваю на палец длинную прядь – единственный седой проблеск в моих черных волосах.

Улисс залпом допивает пиво.

– Это твой волшебный камешек тебе помогает? Помнишь, был у тебя такой? Ты его сохранила? Он все еще при тебе?

Улисс застаёт меня врасплох. Я вспоминаю, как обменяла камень на белую гальку из моего сада, а тот, настоящий, оставила у подножия кирпичной стенки на берегу Сены.

– Да... То есть нет... он... он у меня дома.

– Оберегает домашний очаг? Что ж, ты права. Невозможно защитить все на свете. Тебя. Твою семью. Твоего любовника... Вернее, твоего бывшего любовника. Как видишь, мои предсказания сбылись, а брат Лоренцо тебя предупреждал. Единственный выход из невозможной любви – трагедия.

Мне не нравится скрытый намек Улисса. Несчастье, постигшее Илиана, не имеет никакого отношения к нашей истории любви! Его сбила машина, это просто несчастный случай. И я спрашиваю – кажется, чересчур резко:

– Так что ты хотел мне сказать?

Он не отвечает, сохранил эту поганую привычку. Его взгляд стал колючим, как будто вместе с иллюзиями Улисс растерял и юмор, и свои квебекские прибаутки.

Он машет человеку за прилавком фастфуда, стоящему у гриля, который дымит не хуже выхлопных труб автомобилей, заполонивших бульвар Сансет. Не знаю, что он заказывает – еще несколько литров *Stone IPA*? Или пару-тройку бургеров «Калифорния»?

Двое каких-то типов в галстуках лавируют между пластиковыми стульями, пробираясь к двери здания *Molly Prod*. Они вежливо кланяются Улиссу, который едва заметно кивает в ответ. Контраст между этими золотыми мальчиками музыкальной индустрии и опустившимся Улиссом очевиден. Официант приносит нам две литровые кружки светлого пива и три гамбургера.

Одну кружку и тарелку Улисс подталкивает ко мне. Его глаза утратили прежний блеск, и он больше не похож на благосклонного Будду. Скорее на какого-нибудь кардинала-заговорщика. Или на аятоллу?

Он вливает в себя полкружки пива, потом пристально смотрит мне в глаза и спрашивает:

– Ты была в больнице у Илиана?

Я избегаю его взгляда, притворяясь, будто меня интересуют молодые люди в галстуках, заходящие в здание.

– Нет, я... я не успела... Но там... там есть кое-кто... надежный человек, который его навестит... Который будет ухаживать за ним.

Улисс не настаивает, но всем своим видом выражает осуждение того, что считает моим легкомысленным, если не равнодушным, отношением к судьбе Илиана. Молчит, погрузившись в свои мысли.

Наверно, тоже мечется между двумя этими событиями, разделенными двадцатью годами... Я отставляю пиво и тарелку, придвигаюсь к нему:

– Расскажи мне, Улисс. Ты ведь все эти годы общался с Илианом. Расскажи, как он жил.

Улисс заглатывает разом три четверти бургера, неторопливо запивает его, потом, осушив кружку, вытирает смесь пива, жирного бекона и гуакамоле в уголках рта и смотрит в свою почти пустую тарелку, словно в зеркало.

– Все это можно выразить одной фразой, Натали. Или даже в двух словах: утраченные иллюзии. Илиан долго цеплялся за свою мечту – сперва здесь, в Америке, потом в Испании, потом во Франции. Мечту жить своей музыкой. И кем же он кончил? Продавцом дисков других музыкантов.

Илиан... продавец в отделе универмага, с 10:00 до 19:00, в коротеньком форменном черно-желтом жилете...

Нет, только не это... Только не он...

Улисс уже говорил мне об этом по телефону, и все же я с трудом сдерживаю слезы. Он смотрит на меня холодно, без всякого сочувствия, словно ни секунды не верит в мое горе. Улисс раздобыл настолько же, насколько очерствело его сердце. Всхлипнув, я задаю новый вопрос:

– Скажи, у него все-таки был талант? Я ведь не разбираюсь в музыке... Но он... он так хорошо играл!

Продюсер улыбается. И я впервые улавливаю в его глазах добродушную снисходительность, с какой отец может смотреть на глупенькую дочку, натворившую невесть что.

– Да, он хорошо играл, Натали. У него были способности, у этого мечтателя в кепке. Я бы даже сказал, несомненные способности. Но, черт возьми, если я и усвоил кое-что за все эти годы общения с исполнителями, то вот оно: одного таланта мало! Запомни, красавица моя: почти все люди обладают какими-то способностями, в каждой деревне на нашей планете ты найдешь подлинных виртуозов игры на аккордеоне, маракасах или банджо.

– А что же еще требуется от музыканта? Трудолюбие?

Я знаю, что Илиан работал куда усерднее других, он готов был делать все, лишь бы добиться успеха.

– Нет, Натали, – отвечает Улисс с коротким жестким смешком. – Талант и труд... люди веруют в сию магическую формулу. Но этого

недостаточно. Посмотри на меня: я влюблен в музыку, у меня есть чутье, я готов был работать день и ночь – а результат налицо. – Он почти стыдливо похлопывает по своему огромному брюху. – Видела бы ты, сколько парней играли как боги, были готовы продать душу дьяволу за возможность выступить и... ничего не достигли! Чтобы преуспеть в этой профессии, необходимо одно главное качество – вера в себя. Нужно страдать манией величия, если тебе так будет понятнее. Все артисты, сделавшие удачную карьеру, убеждены в своей гениальности. Все – без исключения! Настоящие гении никогда не признаются в своем таланте, они будут заговаривать вам зубы болтовней о случайной удаче, изображать эдаких скромников, хотя твердо знают, что господь дал им талант, и не желают сообщать об этом всяким посредственностям, которые рвут жилы ради успеха. Поверь мне, они глубоко убеждены в собственной гениальности. А Илиан – нет, Илиан искренне считал себя середнячком, Илиан готов был извиняться за свои жалкие способности... Хотеть жить своим талантом – надо же быть таким идиотом! Илиан был мечтателем, а не борцом. Уж кому это знать, как не тебе...

– Почему... почему ты так думаешь?

Улисс не отвечает. Он передвигает свой стул в убежавшую тень зонтика, чтобы спастись от солнца. Другие служащие возвращаются в офисы, унося с собой картонные стаканчики с кофе, здороваясь с сидящими клиентами и особенно почтительно – с Улиссом, который величаво, с царственным видом кивает в ответ. Улисс походит на динозавра, затерявшегося в мире современной музыки, возможно, циничного, но в глубине души такого же наивного идеалиста, как Илиан. Он набрасывается на второй гамбургер, жует и продолжает говорить:

– Есть один вопрос, который ты еще не задала, Натали. А может, не хочешь касаться этой темы?

Мое сердце начинает бешено стучать.

Да, Улисс, этот вопрос я тебе не задам. А если задам, то не сегодня. Мне не нужны твои наставления. Я не желаю слушать поучения жирного продюсера-неудачника.

Всеми силами стараясь перевести разговор на другую тему, я отвечаю слишком быстро. И слишком громко.

– Мне не нравится, как ты о нем говоришь. Так, словно его уже нет.

Улисс делает последний глоток, какое-то мгновение пристально смотрит мне в глаза и... взрывается:

– Эй, ты, кажется, решила поменяться со мной ролями? Да забудь хоть на миг свое проклятое прошлое! Ты понимаешь, что происходит? Я уже две ночи не сплю. Илиан обречен! Я каждую минуту жду, что мне позвонят и объявят: «Все кончено».

И я вдруг осознаю, как глупо себя вела. Улисс прав. Я до крови кусаю губы. Что я здесь делаю? Мне следовало сейчас быть с Илианом. И никакие оправдания не убедят Улисса – да и меня саму тоже не убедят. Чего же я боялась, после стольких-то лет? Взыскания *Air France*? Реакции Оливье?

Пытаюсь отвлечься от мерзкого запаха жирного гамбургера на моей тарелке, от бензиновой вони на бульваре, от пронзительных автомобильных гудков, от солнца, плавящего асфальт. Отвлекись, чтобы задать последний вопрос, чтобы скрыть, как боюсь ответа:

– Улисс, ты, кажется, хотел сообщить мне что-то важное? Уж не о том ли неизвестном лихаче, который не остановился?

– Это был не лихач...

Я не понимаю. Илиана сбила машина. В Париже, посреди улицы. Неужели Улисс хочет обвинить в этом меня?!

Продюсер отодвигает стул, на миг подставив лицо под убийственные лучи солнца, еще раз вытирает вспотевший лоб и продолжает:

– Сегодня утром я говорил с Илианом. Он смог пообщаться с дознавателем. И человек десять свидетелей тоже дали показания. А час назад мне позвонил лейтенант полиции и подтвердил, что водитель того белого автомобиля сознательно рванул с места, сбил Илиана и дал ходу. Это был не лихач, Натали. Это был наемный убийца.

* * *

Улисс оставил меня одну, оцепеневшую от ужаса. А сам пошел работать, унося в картонной коробочке гамбургер, к которому я не

прикоснулась. Так вот взял и оставил меня на тротуаре, под зонтиком, среди машин.

Потрясенную до глубины души.

Илиана сбил не лихач. Это было намеренное убийство.

Я встаю и долго брожу по бульвару Сансет и не сразу замечаю удивленные взгляды автомобилистов, пока не вспоминаю, что одета в форменный костюм стюардессы *Air France*. От уличной пыли щиплет глаза.

Илиана хотели убить?

Мне это кажется дикостью. А что, если Улисс все выдумал? Я хватаюсь за мобильник: он несколько раз вибрировал во время нашей беседы.

Сообщение от Лоры. Наконец-то!

Читаю текст, щуря глаза и проклиная солнце, отражающееся на экране телефона, так что приходится наклонять его то вправо, то влево.

Мам, я навестила твоего друга Илиана. Ты была права: во всем Биша он единственный пациент, которого так зовут. Палата 117. Он в сознании. Немного поговорила с ним. Просил тебя поцеловать. Мам, он в тяжелом состоянии. В очень тяжелом. Врачи пока отказываются делать прогнозы. Неизвестно, решатся ли его оперировать. Не говорю уж о том, что здесь творит полиция, сыщики на каждом шагу. Они подозревают, что это было покушение на убийство. За ним ухаживают Марта и Каро, мои подружки. Не беспокойся, буду держать тебя в курсе.

Закрываю глаза. Мне чудится, будто я плыву по волнам какой-то параллельной жизни – чужой, не своей.

Лора, беседующая с Илианом... Что же они друг другу рассказали? Моя дочь ни разу не спросила, кем был для меня этот друг. Как же Илиан объяснил ей это? Илиан... раненый, растерзанный. *Врачи пока отказываются делать прогнозы...* Илиан, которого кто-то хотел убить...

Илиан целует меня... после стольких лет.

Мне кажется, я сейчас упаду.

Все смешивается воедино – горе, страх и даже дрожь счастья.

Кладу смартфон в сумку. Нужно найти такси. Какой-то тип за рулем пикапа притормаживает около меня и громко сигналит, а его напарник расставляет руки и качает ими, изображая летящий самолет. Идиоты! Стою с раскрытой сумкой, провожая глазами пикап, который сворачивает куда-то в облаке пыли.

Мне не дают покоя слова Улисса. *Ты его сохранила, он все еще при тебе, дабы оберегать твой домашний очаг?* И я упрекаю себя за то, что оставила камень в Порт-Жуа, – мне кажется, только он способен помочь мне найти равновесие между ускользающим прошлым и призрачным настоящим. Ну с какой стати я таскаю в сумке эту гальку из моего сада?! Может, лучше оставить ее здесь, на бордюре бульвара Сансет, или выбросить в Тихий океан с пирса Санта-Моники?

Нашупываю камешек на дне сумки, вынимаю. И... цепенею!

У меня в руке не белая галька из моего сада. А серый камешек.

Камень времени!

Нет, я не ищу разумное объяснение, дескать, я нечаянно их перепутала; я так и не навела порядок в помойке под названием «моя сумка»; совсем свихнулась; стала жертвой карманника, который преследует меня с самого Монреаля; это все происки Фло, Жан-Макса, Шарлотты. Нет, я не хочу как-то объяснить новую колдовскую шутку, я хочу поверить, всем сердцем поверить в волшебную силу инуитского талисмана.

Если я покрепче сожму в руке камень времени, наше прошлое сможет возродиться.

И тогда Илиан будет спасен!

22

1999

Путь из Лос-Анджелеса в Сан-Диего кажется мне невероятно легким. В моем распоряжении «додж челленджер» с автоматической коробкой передач, в котором я сижу одна; американские хайвеи прямы как стрела, а сами американцы водят так, словно в их водительских правах места осталось всего на один прокол. Выехав из Лос-Анджелеса, иными словами, одолев ровно половину моего двухсоткилометрового пробега, я попала на интерстейт[59] – длинную, идеально ровную ленту асфальта. Наверно, я была самой

легкомысленной из всех водителей всего юга Соединенных Штатов, потому что непрерывно вертела головой, пытаюсь разглядеть «Куин Мэри», стоящую на приколе у набережной Лонг-Бич, пластмассовые башни «Леголенда» в Калифорнии и тюленей, загорающих на пляже Ла-Холья[60].

Я впервые в жизни взяла напрокат машину в перерыве между рейсами. Впервые еду одна, бросив своих коллег. И впервые ничего не сообщила им о себе. Оливье наверняка уверен, что я сейчас отдыхаю в калифорнийском отеле, а я мчу по шоссе и слегка сожалею, что не догадалась взять автомобиль с откидным верхом, тогда мои волосы развевались бы по ветру. Зато я опустила все стекла и пытаюсь представить, будто окружающий пейзаж – всего лишь декорация на киносъёмках, а за мной едет машина с операторами, вооруженными камерами и микрофонами. Увы, в реальной жизни такого быть не может. По крайней мере, в моей. В жизни примерной, разумной Нати, которая звонит мужу и ребенку, едва самолет касается земли в далекой стране, растягивает рюмку водки на целый вечер и ложится спать в полночь, когда все остальные гуляют до утра.

И вот я наконец-то свободна! Совершенно свободна! Настолько свободна, что дальше некуда! На крышке бардачка приклеен розовый листок с адресом.

Впрочем, я заучила его наизусть. К счастью.

Потому что где-то между Сан-Элихо и Дель-Мар листочек, вспорхнув, несколько секунд вьется надо мной и улетает в сторону бескрайнего пляжа Солана-Бич.

* * *

Выезжая из Лос-Анджелеса, я не пожалела времени, чтобы заглянуть в туристский путеводитель, предоставляемый профсоюзным комитетом летному составу; из него я узнала, что исторический центр города Сан-Диего – Олд-Таун – колыбель Калифорнии, иными словами, место, выбранное первыми испанскими миссионерами, где они собирались обращать в христианство индейцев, проживавших на этой территории уже девять тысяч лет. Тем не менее мне трудно было представить себе, как можно обосноваться в таком месте.

Исторический Олд-Таун представляет собой полностью реконструированную деревню, на такое способны только американцы. Все подлинное там выглядит подделкой – маленькие белые церквушки, кажущиеся пустыми; салуны с широкими галереями из дерева, как две капли воды похожего на картон; пальмы и кактусы – живые, но с виду точно пластиковые; беседки и фонтаны рококо на каждом углу. И все это заботливо ухожено, приглажено и покрашено так аккуратно, что по сравнению с этим местом «Приграничная страна»[61] – просто жалкое захолустное селение. Здесь не хватает только виселиц и... Зорро. Деловая активность Олд-Тауна, похоже, сводится к двум целям: заманивать семейных людей в сувенирные магазины, а молодежь – в салуны, где коктейли «Маргарита» льются рекой.

Олд-Таун, Президио-парк, 17.

Я останавливаюсь напротив входа в парк, на вершине маленького холма с такой изумрудно-зеленой и гладковыбритой лужайкой, что куда там полю для гольфа. Большое белое здание в колониальном стиле стоит в окружении американских флагов, табличек с историческими изречениями, столов для пикника, но... никаких следов музыки, гитары, Илиана...

* * *

– Вы кого-то ищете?

Меня окликнул какой-то тип, лежащий в гамаке, подвешенном между двумя пальмами. Позади гамака я вижу палатку, переносную печку, походный ледник, складные стулья и фургон «шеви вэн» второго поколения – квадратный, с крошечными окошками, стилизованный под старину. Художник – явно способный – разрисовал его сверху донизу удалыми марьячи[62] в огромных сомбреро на фоне мексиканской пустыни с забавными кактусами и агавами; слово, написанное такими же огромными буквами, означает, как я подозреваю, название музыкального ансамбля – «Лос Парамос»[63].

– Мне... нужен Илиан.

Человек, лежащий в гамаке, на вид лет тридцати, смуглый брюнет, полуголый и босой, в одних саруэлах[64] с доколумбовыми узорами и гигантской ящерицей-татуировкой на груди, приподнимается, чтобы

получше меня разглядеть. На мне джинсовые шорты и яблочно-зеленая майка. Судя по выражению лица парня, результат осмотра его удовлетворил.

– Ну и везет же этому паршивцу! Да я был бы последним дураком, если бы стал помогать вам найти его!

И он снова заваливается в гамак, притворяясь спящим. Приглядевшись повнимательней, замечаю рядом с гамаком гитару, прислоненную к стволу пальмы. Тут же стоит ящик с маракасами и бонго[65]. Сомнений нет: это та самая группа музыкантов-латинос, о которых говорил Улисс.

Я не отстаю:

– Не смейтесь, это правда очень важно.

Человек-ящерица сворачивается в клубок, ухватившись за одну из пальм.

– И вы не смейтесь, но вам придется подождать его здесь. Он работает. И я должен съездить за ним на этой колымаге в конце дня. А пока можете располагаться тут – в моем гамаке места хватит для двоих. Я вам спою такие сладкие колыбельные... И угощу «Маргаритой» со льдом.

– У меня к нему очень важное дело... И срочное!

Он пожимает плечами, вытаскивает из кармана пакет табака для самокруток, жестом предлагает мне и, увидев, как я замотала головой, одобрительно кивает, как будто восхищается моими деловыми качествами. Потом извлекает плитку прессованного гашиша.

– Сожалею, но... со мной или с другим, более удачливым, вам все равно придется подождать.

Все ясно!

Раз уж придется ждать Илиана, лучше осмотреть эти исторические места, чем коротать сиесту в компании обдолбанного гитариста. Я поворачиваюсь, собираясь уйти, как вдруг слышу голос человека-ящерицы:

– Окей, Мисс Ласточка, ваша взяла!

Я резко оборачиваюсь.

Мисс Ласточка?

– Как вы меня назвали?

– Мадмазель Ласточка! – переводит он, неумело подражая французскому произношению. – Сеньорита Голондрина. (Испанская

«ласточка» ему удастся куда лучше.) Этот негодяй Ил только о вас и говорит с тех пор, как появился здесь. Маленькая брюнетка. Маленькие грудки. Маленькая попка. Улыбочка, которая много обещает, и большие серые глаза, которые доказывают, что есть рай и на земле. Торжественно подтверждаю, что все это оказалось правдой! Хотя... насчет грудок он вас, по-моему, недооценил.

Я как последняя дурочка прикрываю руками грудь и прожигая его глазами. Неужели Илиан и вправду рассказывал им все это?! В любом случае у меня нет никакого желания провести весь день с этим болтливым типом, который так развязно рассуждает о подруге близкого приятеля. И я разворачиваюсь, чтобы уйти.

– Ладно, не пугайтесь так, Мисс Ласточка. Я же сказал, что сдаюсь. Вы случайно не из Ирана родом? Не из Северной Кореи? Не из Венесуэлы? Не из Чечни? Не из Палестины?

Он раскуривает косячок и выдыхает облако дыма.

– Нет...

– Тогда можете спокойно туда ехать. Ваш возлюбленный сейчас в Тихуане, по ту сторону границы, в Мексике. В тридцати километрах к югу от Сан-Диего. Дорога простая, вы не заблудитесь.

– И где мне его искать? Тихуана большая.

– А вы сядьте на террасе любого кафе. Ручаюсь, он вас там разыщет.

* * *

Человек-ящерица не обманул: переход границы на мексиканскую сторону занимает не больше получаса. Но Мексика начинается гораздо раньше! По мере того как я проезжаю через южную часть квартала Чула-Виста – самого южного на юге Сан-Диего, – американские надписи на рекламных плакатах все чаще уступают место испанским.

Торможу в Сан-Исидро и с тревогой смотрю на высокую решетчатую ограду, которая опоясывает холм Тихуана-Ривер и уходит куда-то вдаль, отделяя Мексику от Соединенных Штатов, север от юга, мир богатства от мира нищеты. Это самый посещаемый пограничный пункт в мире, как сообщает путеводитель *Air France*. Над моей головой барражируют патрульные вертолеты, и мне впервые становится

страшновато. Тихуана занимает второе место в списке самых криминальных городов мира, как сообщает все тот же путеводитель. Там полно наркоманов, насильников, о карманниках и говорить нечего, а я еду туда одна, понятия не имея, в каком квартале остановиться. Поэтому оставляю при себе минимум денег, спрятав остальные в багажнике и под сиденьями «доджа». Потом, закинув за спину холщовый рюкзачок, иду вперед.

Илиан, где бы ты ни был, вот она я!

* * *

Помня, какие нескончаемые очереди стоят в аэропортах перед паспортным контролем, я настроилась проторчать на пограничном посту долгие часы, но ничего похожего. Я прохожу по длинному узкому коридору с высокими серыми стенами и колючей проволокой поверху и вижу в конце простую надпись на бетоне: МЕКСИКА.

Рядом со мной шагают несколько американцев, наверно туристов, в шортах и бейсболках. Коридор приводит нас к турникету, похожему на те, что ставят в метро. Вот и все! Проходишь через турникет и оказываешься в Мексике.

Ни таможенников, ни окошек, ни ворот металлоискателя, никаких очередей. Несколько полицейских равнодушно смотрят на нас издали. Словом, здесь пересекают границу так же спокойно, как проходят покупатели мимо кассы в супермаркете. По крайней мере, в сторону Соединенных Мексиканских Штатов.

Дальше мы видим мост через Тихуана-Ривер, почти высохшую от зноя в своем бетонном, слишком широком для нее ложе, а на другом берегу нас ждут десятки такси. Мне они ни к чему, я не могу указать, куда хочу ехать, а город начинается практически сразу после пограничного поста. Со всех сторон на нас глядят с рекламных щитов молодые пары с перламутровыми улыбками и пожилые, но стройные, поджарые, с легкой проседью, американцы. Местная коммерция представлена *cantinas*[66] и сувенирными ларьками, кабинетами дантистов, клиниками пластической хирургии и аптеками. Американские тинейджеры ездят в Мексику за утехами, коих лишены

на родине, – пьянствовать и ширяться. А люди среднего и пожилого возраста ложатся под скальпель, пытаюсь обмануть природу.

Проблуждав с полчаса по городу и не заметив никакой преступности (неужто любовь и впрямь ослепляет?), я наконец обнаруживаю узкую пешеходную зону с цветастыми фасадами и натянутыми поперек улицы зелено-бело-красными национальными флагами. Флаги скрывают небо, а тротуары и мостовая завалены грудями сувениров, пряностей и фруктов, разложенных бродячими торговцами между террасами ресторанов.

Мне вспоминаются слова человека-ящерицы в гамаке: «Сядьте на террасе любого кафе. Ручаюсь, он вас там разыщет». Но вокруг десятки ресторанов, сотни стульев. Откуда мне знать, какое место лучше? Останавливаю выбор на первой более или менее приличной *cantina*. Это одна из немногих, где у входа не дежурит девица в ультракороткой юбке и на высоченных шпильках.

Сажусь и улыбаюсь. Так я и знала.

Столик, за который я села, качается.

23

2019

В салуне «Койот-и-Кантина», похоже, смешивают лучшие «Маргариты» на всем юге Калифорнии и готовят самые вкусные *tortillas a mano*[67]. По крайней мере, именно это сулят рекламные плакатики, развешенные между двумя балконами бара-ресторана, просторного, как гасиенда, и под завязку забитого клиентами. Мы все – Жан-Макс, Шарлотта, Фло и я – сидим в нижнем зале, смакуя свои «Маргариты» всех цветов радуги и на все вкусы – с ликером кюрасао, лимоном, лаймом или клубникой, и стол у нас не хромоногий, и, кажется, мои коллеги даже не думают на меня сердиться за невинное предложение: «А что, если взять напрокат машину на четверых и отправиться на юг, до Сан-Диего?»

Жан-Макс тотчас одобрил этот план. У него есть заветная мечта – увидеть тамошний бар «Канзас-Сити Барбекю», где были сняты культовые сцены «Лучшего стрелка»[68]. Кроме того, он настойчиво требует, чтобы мы осмотрели еще и Мирамар, бывшую тренировочную базу американских пилотов.

Я была обеими руками «за», а вот Фло недовольно покривилась.

Наш командир был радостно возбужден, как мальчишка. Уж не ломал ли он комедию? Или просто не знал о нависшей над ним угрозе порицания за свои сексуальные забавы в кабине, разоблаченные Сестрой Эмманюэль? За последние несколько полетов мне так и не удалось в нем разобраться. Вспоминаю, как пять дней назад увидела его в Старом Монреале во время сомнительной денежной операции с двумя типами мафиозного вида – то ли он брал у них деньги, то ли, наоборот, давал. И еще я не забыла о другом неприятном ощущении, когда нам с Фло показалось, будто он за нами следит. Ну а если вспомнить его махинации в отделе планирования полетов с целью получить один и тот же экипаж – Фло и меня – на рейсы в Монреаль и Лос-Анджелес... Я могу понять, зачем ему понадобилась Шарлотта, но при чем тут мы с Фло, две пятидесятилетние бабы, пусть даже самые сексапильные во всей Галактике?! Что касается Шарлотты, та с восторгом согласилась ехать в Сан-Диего: она обожает дешевые лавчонки на мексиканской границе.

Одна только Фло насупилась и недоверчиво покосилась на меня: с чего это я вздумала предлагать экипажу двухчасовую автомобильную поездку после двенадцати часов полета?.. Но ведь Фло неизвестно продолжение моей истории. Для нее мое приключение с юным гитаристом закончилось, пусть и со слезами, на монреальском аэродроме Мирабель. Я так никому и не рассказала о своей одиночной мексиканской вылазке 1999 года.

После полутора часов, проведенных в арендованном «бьюике верано» на выезде из пробок южного Лос-Анджелеса, Фло приперла меня к стенке в туалете автозаправки «Техасо» и начала пытаться, за каким чертом мы едем в Сан-Диего, спокойно ли прошло мое возвращение к семейному очагу, в объятия Оливье, прекратились ли мои загадочные совпадения после того, как я зашвырнула камень времени в реку Святого Лаврентия, и, наконец, успокоилась ли я сама.

Да, Фло, все в порядке, мне хочется забыть прошлое. Не могла же я рассказать, что камень дважды возвращался ко мне в сумку, уж не знаю, каким чудом. У меня было достаточно времени, чтобы обдумать все случившееся и привести в порядок свои вещи и мысли. Я ни минуты не сомневалась, что увезла с собой белый камешек с берега Сены, а серый оставила в своем саду! В конце концов я отказалась от версии

случайной подмены, ибо единственный логический вывод звучал так: либо я сошла с ума, либо у меня паранойя. Как говорится, выбирайте, что больше нравится.

Я решила прислушаться к своей интуиции. Пройти по следу, на который мне указывали все эти признаки, вспомнить каждый шаг, сделанный двадцать лет назад. Возродить прошлое. Понять, зачем Илиана пытались убить. И не было ли это указанием на след, идя по которому я могла его спасти? А может, наоборот – не его спасти, а самой угодить в смертельную ловушку?

Три часа спустя, одолев забитые машинами дороги, мы прибыли наконец в Сан-Диего, умирая от голода и жажды. Теперь я уже вполне уверенно, взяв на себя инициативу, показала своим спутникам дорогу к Олд-Таун: кликнула на мобильнике карту этого исторического квартала и схему проезда. В результате мы как бы совершенно случайно смогли поставить машину рядом с пешеходной зоной, в верхней части Президио-парка. Увы, там уже не было ни гамака, ни человека-ящерицы, который тогда окликнул меня: «Кого ищите, Мисс Ласточка?»

И не было там ни гитары, ни «дури», а главное, «шеви». Что ж, вполне логично. Интересно, а чего я ждала? Неужели надеялась увидеть тот самый фургон на том же самом месте двадцать лет спустя? А ведь я в конечном счете уверовала в эти дыры между прошлым и настоящим, и если они действительно существовали – по крайней мере, одна из них, – то попасть в прошлое можно было только через нее, через дверцы старенького автомобиля. Но его здесь не оказалось, и я могла надеяться лишь на то, что Президио-парк поможет мне хотя бы оживить воспоминание.

Увы, ничего подобного не произошло!

– Ну так где она, твоя знаменитая «Маргарита»?

Сейчас получишь, Жан-Макс, сейчас все будет!

И вот мы пьем «Маргариту».

Пьем, устроившись за большим деревянным некрашеным столом на террасе бара в стиле «Гадкого койота»[69] с расписными стенами, – гигантские соломинки, кружочки зеленого лайма, бутылки текилы и «Куантро», воткнутые в песок мексиканской пустыни несколько кактусов и один-два черепа для полноты впечатления.

Следующий этап нашей поездки, конечно, Тихуана.

Я знала, что мне будет нетрудно уговорить их проехать по Мексике. Она же тут, рядом, глупо этим не воспользоваться. Но мне не давал покоя один вопрос: стоит ли туда возвращаться? Ведь с тех пор, как я прилетела в Лос-Анджелес, ни одно новое совпадение не вернуло меня к прошлому. Как будто я выбрала неверный маршрут. Как будто мое место не здесь, а в Париже. Как будто я бегу неведомо куда, спасаясь от реальности.

Илиана хотели убить. Словно катившийся камень времени внезапно остановился.

– Ну что, повторим? – предлагает Жан-Макс. И отправляет Шарлотту, не спросив, хочет она или нет, за второй порцией.

А у меня в голове теснятся самые противоречивые мысли, но все они склоняют меня к убеждению, что я сделала лучший выбор в этом безнадежном хаосе. Я пытаюсь навести в нем порядок, собираю жалкие остатки логики. И мне чудится, будто я устраиваю чистку в собственных мозгах, словно какой-нибудь топ-менеджер, который, не вытерпев, вскакивает и лупит кулаком по столу, чтобы прекратить «этот бардак» – нескончаемые перешептывания подчиненных во время важного совещания.

Мне приходит на память строчка из Элюара: «Случайностей не бывает, есть одни лишь встречи». Кто навязал мне эти слова и почему они крутятся у меня в голове, словно рефрен песенки, без конца повторяющейся по радио?

Случайностей не бывает – есть только лишь встречи...

Что, если это и есть ключ к разгадке? И нужно просто ждать следующего послания из прошлого, а если такого не будет, бросить все и забыть. Возвратиться в Лос-Анджелес. Отоспаться в мотеле «Домик у океана». Позвонить домой, Оливье. И, едва прилетев в Руасси, мчаться в Биша, чтобы навестить Илиана. Я так и не поверила в версию намеренного покушения, несмотря на рассказ Улисса, несмотря на сообщение от Лоры. Более того, с удивлением ловлю себя на том, что больше не верю в монреальские совпадения, в сиреневую кожаную сумку, найденную на горе Мон-Руаяль, в обрывки разговоров – «Жизнь прекрасна», Мисс Ласточка, – как будто они где-то неслышно растаяли, как будто ни Жан-Макс, ни Сестра Эмманюэль, ни человек-ящерица никогда этих слов не произносили. Как будто я все это выдумала...

– Четыре «Маргариты»! – объявляет Шарлотта.

На сей раз все коктейли ярко-желтые, в каждом пластиковом бокале листочек мяты и кружок лайма, надетый на край.

Беру первый попавшийся. И тут замечаю короткие надписи из крошечных букв.

Пей до дна! – на бокале Жан-Макса.

Я уже пустой! – на бокале Шарлотты.

Не тормози! – на бокале Фло.

А на моем: *Одним глотком! Just SWALLOW it[70].*

*Когда мы изведем горе разлуки,
Когда мы разнимем холодные руки,
Когда твои взгляды померкнут от скуки.
И ты обратишь их на тех, на других,
И ты позабудешь меня ради них,
И больше не будет нас вместе, двоих,
А будут лишь стены, холодные стены,
И жгучая горечь напрасной измены
Под небом, нависшим над грустной землей,
Где мы уже вновь не сойдемся с тобой,
Где наши следы смоем серый прибой.*

24

1999

Постепенно террасы кафе на мексиканской стороне заполняются посетителями. Улица пестрит яркими красками, благоухает жареным мясом, взрывается выкриками бродячих торговцев. А я, иностранка, смотрю со стороны на зрелище круглосуточной, непрерывной ярмарки, прекрасно понимая, что это всего лишь декорация, маскирующая отчаяние города на грани взрыва. Дешевое тряпье грудями лежит в чемоданах, напоминающих разверстые гробы, прямо на тротуарах; флаги и знамена полощутся на ветру между домами, словно взлетевшие саваны. Как огни Хэллоуина насмеются над смертью, так и неустанный карнавал Тихуаны насмеется над американским гнетом. По эту сторону границы люди живут тем, что нужно американцам в их собственном райском саду, даром что они это отрицают, – проституцией, наркотой, дешевыми товарами, произведенными на

приграничных мексиканских фабриках, где люди работают за гроши и ютятся тут же, в жалких лачугах, на зараженных землях. Метрах в тридцати отсюда, на площади Санта-Сесилия, у дверей кафе и ресторанов бродят марьячи, подстерегая случайные влюбленные парочки, чтобы выклянчить у них несколько песо.

Ближайший ко мне квартет музыкантов исполняет «Прекрасные небеса» и «Кукарачу»[71]. Им руководит красавец в ярко-голубом костюме с золотым шитьем, белой рубашке, пунцовом шейном платке и сомбреро. Ну прямо вылитые мушкетеры, им только шпаг не хватает. Атос – старый печальный скрипач – меланхолично, но прочувствованно водит смычком по струнам. Портос – жизнерадостный толстяк – дует в трубу так усердно, словно от этого зависит вся его жизнь. Арамис бренчит на гитаре, стараясь подобраться поближе к самым красивым девушкам. Второй гитарист, стоящий ко мне спиной, высокий стройный юноша – д'Артаньян? – скромно держится в сторонке от этой троицы, но играет, пожалуй, лучше всех. Он чем-то напоминает Илиана. Если бы не усы. Если бы не сомбреро. Если бы не сапоги из фальшивой крокодиловой кожи. Та же фигура, то же почти незаметное покачивание головой в такт музыке, те же...

И внезапно мне вспоминаются слова Улисса: *Контракт с маленьким ансамблем музыкантов-латинос. Любителей...* И еще слова человека-ящерицы в гамаке: *Он там вкалывает весь день, а к вечеру я поеду за ним на нашем фургоне...* Фургон! Тот самый размалеванный «шеви вэн»!

Господи, неужели это Илиан?!

Квартет заводит *La Vamba*. Несколько прохожих хлопают и топают в такт музыке. Группа все время передвигается, не прекращая игры. Подходит ближе к нам.

Vamba, la Vamba...

Лицо второго гитариста неразличимо под полями сомбреро, за широкой спиной Портоса, но, судя по взглядам в мою сторону, он меня узнал, я в этом уверена.

Илиан?

Неужели я пролетела через полпланеты, океан и два континента, чтобы узнать моего возлюбленного в гитаристе с накладными усиками, в сомбреро и костюме тореадора?! Какое счастье, что я ничего не рассказала Фло!

Квартет играет все быстрее и быстрее и, не останавливаясь, проходит перед нашей террасой. *Vamba, la Vamba...* Атос, Портос и Арамис ускоряют темп, завидев тридцатью метрами дальше группу пожилых американских туристов. Похоже, сюда пожаловал в полном составе целый дом престарелых, чтобы вставить новые недорогие челюсти. *Vamba, la Vamba...* А д'Артаньян замедляет темп, смотрит на меня и поет – на плохом испанском, но для меня одной, свою *Vamba*:

*В солнечном ярком наряде,
Прекрасней любой царицы,
Она щеголяет ради
Того, чтоб нарушить границы,
Мечтая лишь об одном —
Землю перевернуть вверх дном.
Vamba, la Vamba...*

Короткая пауза. Илиан стоит в трех метрах от меня. Улыбается мне. Смущенно. Удивленно. Трое других музыкантов, отойдя подальше, начинают играть «Только однажды» – нечто вроде национального мексиканского гимна. Илиан аккомпанирует им, не сводя с меня глаз. Слова песни разносятся по улице, взлетают к небу, некоторые из них я улавливаю и мысленно перевожу как придется:

*Только однажды в жизни
Вы встретите настоящую любовь,
Не упускайте удачу, забудьте все остальное,
Даже если это счастье – всего на одну ночь.*

Я выдвигаю пустой стул рядом со своим. Подзываю официанта и заказываю еще одну «Маргариту», хотя не допила свою. Однако мой возлюбленный колеблется, не решаясь положить гитару и бросить остальных мушкетеров, которые уже отошли от нас, нацелившись на лучшую добычу – беззубых американских пенсионеров. Скрипка почти не слышна, можно различить только звуки трубы. И тогда я очертя голову напеваю в тишине площади Санта-Сесилия – нет, скорее наговариваю, но достаточно громко, чтобы Илиан меня услышал:

*Tengo miedo a perderte,
Perderte otra vez*[72].

Илиан молчит, но за него говорит его гитара:

Bésame, bésame mucho![73]

* * *

– А вам идут усы!

Илиан гордо разглаживает свое украшение. Но, кажется, слишком усердно: они начинают отклеиваться, что делает его еще более смешным. И более дерзким. Мне ужасно хочется прижать к ним палец, к этим фальшивым усам, чтобы они не сползали, или сорвать их одним движением, как отдирают ставшую ненужной повязку. А потом поцеловать больное место.

– Не смейтесь надо мной, Натали.

– Да я и не смеюсь.

Мне ужасно нравится его сконфуженный вид мальчишки, пойманного в тот момент, когда он напялил на себя взрослый наряд.

– Ну а вы сами, Мисс Ласточка? В Тихуане карнавал круглый год. Вы забыли про свой костюм ласточки?

Вот это умение дать шуточный отпор мне тоже нравится в нем. Хорошо подмечено, Ил! Я ведь половину жизни щеголяю в своем костюме стюардессы – на работе, в аэропортовских отелях, а иногда, за недостатком времени, даже на улицах всех столиц планеты. Илиан садится рядом со мной и, заметив, что стол качнулся, слегка кривит губы, потом улыбается. Отворачивается, с тревогой смотрит вслед удаляющимся музыкантам. Меня он не поцеловал, даже не прикоснулся. Одно утешение: теперь он неотрывно смотрит мне в глаза.

– Что вы здесь делаете?

Как бы мил ни был Илиан, пусть не надеется на мое признание, что я бегаю за ним по всей планете! И пусть не изображает

простодушие: уж мне-то известно, кто посеял камешки на дороге своей «одиссеи». И я притворяюсь, что удивлена:

– Тот же вопрос я хотела задать вам. Что вы здесь делаете? И откуда узнали, что я буду сидеть именно на этой террасе, в Тихуане? И что я обожаю мужчин с наклеенными усами, в блестящих костюмах, которые поют «Кукарачу»?

Ил отряхивает раззолоченную бархатную куртку. Поднимает воротник, гордый, как бойцовский петух.

– Улисс дал вам мой адрес? А потом Луис?

– Луис – это та самая ящерица, которая тискает за грудь подружек своих друзей?

– Он тискал вашу грудь?!

Ил краснеет и невольно бросает взгляд на холмики под моей майкой с логотипом «Гренни Смит».

– Как я погляжу, у всех марьячи такая мерзкая привычка?

Илиан тотчас отводит глаза и делает вид, будто что-то рассматривает за моей спиной.

– Ну вот что, Ил, послушайте меня, только для начала снимите сомбреро.

Но мой гитарист нервно поглядывает в конец улицы:

– Я... мне нужно догнать свою группу. Мы, конечно, выглядим как принцы, в этих своих золоченых нарядах, но что касается заработка, получаем сущие гроши...

– Хорошо! Бегите к своим товарищам. Но прежде сдержите свое обещание.

– Какое обещание? Я... ничего не обещал.

– Нет, обещали! Только что! *Bésame... bésame mucho.*

Ил придвигается; я жду, когда же он наконец прильнет губами к моим губам, но слышу только его шепот:

*Piensa que tal vez,
Maana yo ya estaré
Lejos, muy lejos de ti*[74].

Неужели он так боится поцеловать меня? Или снова затевает игру в кошки-мышки? Что, если этот робкий мечтатель с замашками джентльмена просто-напросто вынудил меня мчаться в эту глушь,

сидеть на этой террасе и тянуть через соломинку «Маргариту»? А может, он мне не доверяет? Я ведь могу оказаться скорее Спиди Гонзалесом[75], чем мышкой Минни!

– И чокнитесь со мной – уж на это, надеюсь, вы осмелитесь?

Вместо ответа Ил поднимает свой бокал, и мы со звоном чокаемся.

Я смотрю ему в глаза:

– За прежние вечера и нездешние мелодии.

Если мой гитарист-синефил не понял намека, тем хуже для него.

Наконец-то! Придвинувшись, Ил касается моих губ целомудренным поцелуем. Легким, как бабочка, севшая на розу в поисках нектара. И это все? Ил нагибается, чтобы подобрать с пола свою гитару:

– Простите, мне правда пора.

– Окей! Я с вами. Мой самолет отбывает завтра в полдень из Лос-Анджелеса. Всего сутки – а потом вы свободны.

Бедная маленькая Нати... Я ошибалась. Я стала такой Минни, что куда там какому-то Спиди! И настаиваю:

– Вам случайно не требуется певица для вашего джаз-бэнда?

Он плутовато ухмыляется:

– Нужна! Но при условии, что вы наклеите усы, нарисуете густые брови и наденете пончо и сомбреро!

– Никогда в жизни! *Air France* категорически запрещает стюардессам носить какую-либо одежду, кроме костюма ласточки, это оговорено в моем контракте. Вы представляете меня в обличье Санчо Пансы?! А вот если эти дряхлые американцы на отдыхе увидят, как я ношу за вами сомбреро, они намного охотнее расстанутся со своими песо.

Этот мерзавец так внимательно разглядывает мои округлости, натянувшие майку, и мои голые ляжки, словно подсчитывает, сколько именно они принесут его группе.

– Отлично, я вас нанимаю!

Мы вскакиваем вместе, собираясь бежать вслед за тремя мушкетерами. Мне только нужно расплатиться за две «Маргариты». Роюсь в сумке, ищу, проклиная все на свете, снова ищу и наконец отказываюсь от попыток найти. Я в ужасе.

– Боже, у меня нет документов!

Ил смотрит на меня так, словно я пошутила.

– Ну конечно, вы их теряете каждый раз, как мы встречаемся.

– Илиан, я не шучу! И я их не потеряла, а просто-напросто забыла. Они остались в Сан-Исидро. Прежде чем перейти в Мексику, я их спрятала под сиденье машины, побоялась, что украдут.

Илиан внезапно становится серьезным:

– Потеряли... забыли... один черт! Без документов вы никогда не сможете перейти границу. Мексиканцы и те ждут разрешения всю свою жизнь.

– Я не шучу, Илиан, у меня и правда их нет. Но ведь я гражданка Франции!

Ил кладет руку мне на плечо:

– Натали, эта граница – одна из самых непроходимых в мире. Без паспорта или удостоверения личности к пограничникам и подступаться бесполезно. Это займет у вас много часов – наверняка больше одного дня.

Я начинаю паниковать. Ведь наш вылет назначен на завтра! И никто не знает, что я пересекла мексиканскую границу. Никто не может доставить мне мои документы. И я никому не могу позвонить, разве что в службу срочной помощи *Air France*, которая зафиксирует проступок в моем личном деле, но уж никак не ускорит процедуру возвращения из Мексики. Я чувствую, что у меня вот-вот сдадут нервы.

Я схожу с ума. Я в ловушке. Я все потеряю.

И свою работу. И Оливье.

Ну как ему объяснить, почему я попала в такую передрыгу?! У меня наворачиваются слезы, глаза меняют цвет с голубого на зеленый. Смотрю на Илиана – его силуэт расплывается. Вот из-за кого все стряслось – из-за этого смазливой музыкантки, этого труса, вроде бы ни в чем не виноватого, но за все ответственного; а он стоит, смотрит, как я психую, и его это, кажется, даже забавляет.

Вдруг он улыбается и, наклонившись, обнимает меня:

– Не плачьте, Мисс Ласточка, мне кажется, я знаю, что делать!

* * *

«Шеви вэн» подъезжает к пограничному посту Сан-Исидро. Я сижу сзади, между бонго и маракасами, которые дребезжат при каждом

толчке. Фелипе, он же Атос, и Рамон, он же Портос, искоса поглядывают на меня, посмеиваясь. Ох, знали бы они, до чего это меня бесит! Луис, он же человек-ящерица, приехал за группой марьячи «Лос Парамос», чтобы переправить их на американскую сторону. Илиан, сидящий слева от меня, более снисходителен, чем его дружки, он только слегка улыбается, разглядывая мой маскарадный наряд. Ил до сих пор воздерживается от комментариев – интересно, продержится ли он до самой границы? И только тогда, когда «шеви» пристраивается в хвост длиннейшей автомобильной очереди, ожидающей проверки перед двадцатью четырьмя таможенными будками, расставленными полукругом, Ил не выдерживает:

– До чего же вам идут усики...

– Я вас ненавижу!

– Хотите, засуну вам под пончо еще одну подушку? Санчо Панса был намного толще вас.

– Убила бы на месте!

– Смотрите-ка, из-под вашего сомбреро свисает симпатичная прядка, давайте уберем ее поглубже... И вы забыли затянуть свой красивый пояс из змеиной кожи.

– А вы забыли сунуть за него пистолеты. Ну погодите, пересечем границу, и я вас прикончу!

– Ладно, а пока перестаньте хмурить брови, а то отклеятся...

Через переднее окно «шеви» можно разглядеть людей без машин, стоящих в другой, «пешеходной» очереди; они с любопытством изучают расписные стенки нашего фургона. Я откидываюсь на спинку сиденья:

– Господи, они совсем не двигаются!

– Да вы не волнуйтесь, – успокаивает меня Фелипе, – пограничники нас давно знают, мы ведь каждый божий день ездим туда-обратно, они нашу колымагу хорошо помнят. Мы американские граждане, Ил вообще европеец, у нас пятерых есть разрешение на ежедневную работу. Они пропускают здесь сорок пять тысяч машин и двадцать пять тысяч пешеходов, у них нет времени на проверку тех, кто регулярно пересекает границу.

– Да, здорово все придумано! – восхищается Рамон. – Эстебан как раз собирался провести эту ночь в Мексике, у своей новой подружки. А завтра мы вернем ему паспорт и разрешение на работу. Полицейские

уже привыкли к тому, что в концертных костюмах мы выглядим не так, как на фото в документах. Сперва они заставляли нас снимать накладные усы и парики, потом им надоело. Эстебан низкорослый и чернявый, как вы, так что в этом прикиде пограничники вас не распознают.

Ничего себе «здорово придумано»! Выдавать меня за какого-то Эстебана, он же Арамис, он же гитарист...

– Но вообще, Мисс Ласточка, – добавляет Луис, человек-ящерица, поглядывая на меня в зеркало заднего вида, – хорошо бы вам застегнуть две верхние пуговицы куртки. У нашего Эстебана совсем не такая соблазнительная грудь.

Ну что за мерзкая мания у этих парней – глазеть на чужую грудь! Я пытаюсь застегнуть голубую с золотом куртку и прикрыть вырез фиолетовым шейным платком.

– А я думаю, – вмешивается Фелипе, – что Эстебану следовало бы получше застегивать пуговицы на брюках. Ох уж эта текила...

И все хохочут!

Господи, что меня удерживает от того, чтобы выскочить из кабины и продолжить путь пешком?! Человек-ящерица снова внимательно оглядывает меня с головы до ног в сапогах:

– Когда таможенники будут на вас смотреть, держите рот на замке, чтобы ваши усики были гордо вздернуты кверху.

Ну, я ему это припомню!

– Хотя они вам очень идут, – добавляет Фелипе у меня за спиной. – Вы никогда не думали, что лучше бы вам не заниматься эпиляцией?

Ну вот, мальчики нашли себе жертву! Они снова хохочут, все трое. И только двуличный трус Илиан помалкивает, сокрушенно вздыхая при каждой остроте коллег. Я уверена: стоит нам перейти границу, и он первый начнет бахвалиться, мол, не так уж это было страшно – перенести несколько насмешек ради его гениальной идеи с переодеванием. Ох, только бы удалось...

И это удастся!

Все произошло невероятно просто. Еще около получаса машина ползла с черепашьей скоростью, пока не подъехала к пропускному пункту, и Луис моментально высмотрел среди двадцати четырех пограничников своего знакомого.

Меня била дрожь, я представляла себе, как поднимаю руки под дулом кольта мексиканского полицейского, как с меня сдирают парик, усы и сомбреро, ведут в тюрьму Тихуаны, а завтра все увидят на первых страницах местных газет фотографию стюардессы *Air France*, которая занималась неизвестно каким преступным трафиком...

Ничего похожего. Луис-ящерица болтает с таможенником так непринужденно, будто они еще в школе вместе играли в техасский холдем[76]. Тем временем Фелипе предъявляет наши паспорта и разрешения на работу (моих-то там нет, а есть документы Эстебана) другому военному, замученному до такой степени, что он смотрит на бумаги бессмысленным взглядом, словно ему подсунули Карлоса Фуэнтеса[77] на латыни. Оба таможенника заглядывают внутрь, пересчитывают нас и... пропускают!

Фургон проезжает еще сотню метров и скрывается от глаз пограничников среди сотен машин на необъятном паркинге Сан-Исидро. Мое сердце, замиравшее во время нескончаемых минут досмотра, наконец-то может наверстать упущенное и бьется как сумасшедшее. Я срываю с себя все: накладные брови, усы и парик с накладными бачками, запускаю сомбреро, как фрисби, вглубь салона, а вся группа радостно вопит и горланит *Hasta siempre*[78], словно отряд герильерос, взорвавших президентский дворец. Из холодильника извлекаются пять банок пива «Корона». Илиан восторженно обнимает меня. И целует – второй раз за день и третий в своей жизни.

Я перешла границу!

Но сердце не успокаивается.

Никогда еще мне не доводилось ощущать такой переизбыток эмоций!

В голове фонтаном бьют радостные мысли, не оставляя места никаким сожалениям. Разве что одному: с кем я хоть когда-нибудь смогу поделиться этим приключением?!

Я нелегально пересекла самую опасную границу в мире, в мужском костюме, в размалеванном фургоне, в компании четырех парней, переодетых в марьячи! Разве это можно кому-нибудь рассказать?! Даже если у меня хватит храбрости и я найду уши, согласные это выслушать, голову, способную это представить... как убедить этого человека, что все это не моя фантазия?!

* * *

Илиан сел за руль.

– Подвезти вас к вашей машине, Мисс Ласточка, или поедем на этой?

– На этой!

Фургон колесит зигзагами по улицам Чула-Виста, чтобы развезти парней по домам, к их семьям: Фелипе – на Ранчо-дель-Рей, а Рамона – в Бониту. *Adios, Los Paramos!*

– После работы Фелипе и Рамон возвращаются к себе, – объясняет Илиан, – а Луис едет в ресторан *Otay Mesa West*, он там играет по вечерам, прежде чем вернуться в Старый город. Ну а сам я ночую в фургоне, заодно и охраняю его, – добавляет он.

Наконец мы остаемся вдвоем. Я сажусь рядом с ним, спереди. Илиан едет к приморскому городку Империл-Бич. Из радиоприемника несутся старые американские рок-плягеры. Океан расстилается перед нами, мы едем по длинной песчаной косе, справа от меня бухта Сан-Диего, слева – бескрайняя морская гладь. Я не знаю, куда ведет этот изумительный узкий полуостров, но отсюда открывается такой дивный вид на небоскребы Сан-Диего, вдали, на горизонте, что дух захватывает.

– Ну и каковы ближайшие планы? Побег из Алькатраса?

– Увы, нет... Хватит, повеселились. Пора за работу.

Мы продолжаем наш путь вдоль нескончаемой вереницы дюн, до того места, где песчаная коса расширяется, превращаясь в роскошное предместье; все бунгало стоят лицом к морю, и у каждого – свой бассейн, как будто их хозяевам лень перейти дорогу, чтобы искупаться в море. На табличке у ворот читаю: «Деревня Коронадо».

– Опять вы за свое?

– Да, опять, но на сей раз меняемся ролями. Теперь музыканты переодеваются женщинами.

– Мы что, попали в гетто трансвеститов?

На самом деле я шучу: идеально прямые улицы этой роскошной деревни скорее напоминают эпизоды из «Санта-Барбары», чем гнездовье геев. Прямо передо мной высится огромный замок, причудливый, словно из детской сказки: десятки красных островерхих башенок, донжон, смахивающий на цирк-шапито; куда ни глянь, море

черепичных крыш, сотни окон и столько же балконов. Как будто какой-то безумный художник нарисовал это сооружение для мультфильмов Диснея, а какой-то безумный строитель возвел его и перевез сюда, на морской берег.

– Нет, – отвечает Илиан, заезжая на стоянку. – Я имею в виду самый знаменитый фильм Сан-Диего.

– Неужели «Лучший стрелок»?

Илиан удивленно хмыкает – похоже, я сказала глупость?

– Мисс Ласточка... В жизни существуют не одни только самолеты!

Спасибо за нравоучение! Стоило пересекать земной шар, чтобы играть в загадки! Но тут Илиан указывает на фантастический замок, высящийся перед нами:

– Отель «Коронадо»! Снимался в фильме «В джазе только девушки»!

Боже, одна из самых любимых моих картин! Конфетка Мэрилин, Джек Леммон и Тони Кёртис, переодетые в Дафну и Джозефину! Как же я сразу не догадалась, вот идиотка!

Пытаюсь реабилитироваться:

– *Nobody's perfect...*[79] Если я правильно поняла, вы собираетесь играть для клиентов отеля?

Илиан выключает мотор.

– Да. Пока они смакуют лангустов, запивая шампанским. Это входит в условия престижных контрактов, которые раздобыл для меня Улисс Лавалье.

Подавленная величием отеля, я пытаюсь вспомнить, где какой эпизод снимали... И вдруг мне приходит в голову ужасная догадка:

– Ой, только не говорите, что вас, как Мэрилин, заставляют играть... на укулеле![80]

Я невольно попадаю в самое больное место. Илиан опускает глаза, словно пристыженный мальчуган.

Нет, я не просто идиотка, я дважды идиотка! Пытаюсь выдернуть отравленную стрелу.

– Простите меня, Илиан. Клянусь, вы мне безумно нравитесь и в костюме марьячи, и с укулеле в руках... Я даже не уверена, что предпочла бы вам Джимми Хендрикса или Чака Берри.

А вот теперь трижды идиотка! Придвигаюсь, собираюсь его поцеловать, но понимаю, что моя последняя фраза не утешила его, а

скорее уязвила. И я пристыженно замолкаю. Илиан заговаривает первым:

– Идемте, Мисс Ласточка, сегодня вы моя гостья. Шампанского – сколько угодно. Я зарабатываю двадцать долларов за вечер, но для вас *open bar!*[81]

Стараясь вымолить прощение, я чмокаю его в самые близкие ко мне части лица – кончик носа и мочку уха.

– Я такая бестолковая, простите меня!

– Вам незачем просить прощения. Соблазнить такую девушку, как вы, напялив сомбреро и бренча на гитаре, вернее, на укулеле, это уж скорее везение.

Везение?!

Не задумавшись ни на миг, обхватываю ладонями его лицо, притягиваю к себе, едва не сломав бедняге шею, и жадно целую. Наконец-то его руки начинают блуждать по моим бедрам, поднимаются выше, потом, расхрабрившись, спускаются... А мои – стискивают голову возлюбленного, прижимая его губы к моим, мешая перевести дыхание, и пускай они сами решают, спасать его или нет. Наконец я отодвигаюсь и шепчу ему – кажется, прямо в ноздри:

– Знаете, вам не мешало бы побриться, вы ужасно колючий.

Мне хорошо. Я смела, бесстрашна, соблазнительна. И несколько не чувствую себя виноватой.

Рука Илиана продолжает скользить по моему бедру, я осторожно перекладываю ее на колено.

– Потерпите немного, мой игрок на банджо, вас ждут в отеле «Коронадо»!

Илиан улыбается, но не спорит. Я нахожу очаровательной его манеру скрывать обиду при каждом моем ляпе. Вероятно, слова «укулеле» и «банджо» здесь табу, как, наверно, и «мандолина», и «ситар», и «балалайка»...

Ил не сердится. Он открывает дверцу кабины, его глаза снова блестят.

– Ладно-ладно, смейтесь! Сегодня вечером я вам покажу, когда вдоволь накривляюсь в «Коронадо»...

Я вопросительно смотрю на него.

– Покажу, что такое настоящая гитара и на что она способна.

Оливье паркуется на одном из последних свободных мест у тротуара, выключает мотор и наблюдает за необычным оживлением у ворот: машины въезжают и выезжают, шлагбаум непрерывно поднимается и опускается, посетители – с продуктовыми сумками, цветами и детьми – огибают барьер и направляются к застекленным дверям больницы. Оживленное местечко, ничего не скажешь, народу не меньше, чем на Рождество в торговых галереях. Оливье вспоминаются плакаты былых времен:

БОЛЬНИЦА! СОБЛЮДАЙТЕ ТИШИНУ!

А сегодня здесь шумно, как на ярмарке, плюс еще машины «скорой помощи» снуют туда-сюда: стоит замолкнуть одной сирене, как взывает следующая. Оливье замечает в зеркале заднего вида синий маячок, он растет, растёт, приближается, объезжает его «рено». Что это – очередная «скорая»? Но тут же с удивлением констатирует, что это полицейская машина, только без спецзнаков. Из нее выходят двое в штатском и исчезают за дверью главного входа больницы Биша.

Оливье провожает их взглядом и не сразу слышит, что кто-то стучит в боковое окно. Наконец оборачивается. Рядом с машиной стоит Лора, волосы забраны в пучок, в руке сигарета. Он никак не может свыкнуться с тем, что его дочь курит. Да и какой отец свыкся бы, пусть Лоре уже и двадцать шесть?! Оливье ужасно хочется вырвать у нее из пальцев эту мерзость и раздавить... Или хотя бы сделать выговор.

Он ограничивается тем, что открывает дверцу и целует дочь.

– Пап, ты что здесь делаешь?

– Да ничего, просто заехал на минутку – глянуть на тебя.

– Шутишь?

– У меня клиент неподалеку. На авеню Ваграм. Так что я сделал небольшой крюк.

А сирены продолжают завывать. Что это – «скорая помощь»? Полиция?

Лора нервно выдыхает дым, она спешит. Оливье знает, что у нее нет ни минуты свободной. Она часто рассказывает, что иногда сестры не успевают даже в туалет заскочить или сделать пару затяжек. Ну и

слава богу – по крайней мере, этот адский больничный темп сберегает ее легкие.

– У тебя усталый вид, Лора.

– Еще бы! Скорей бы уж отпуск! – И она с заговорщицким видом подмигивает отцу.

Оливье не реагирует: он следит за одним из полицейских, который вышел из больницы и направляется к своему «рено мегану».

– Тут у вас суматоха, как в курятнике.

Лора торопливо делает последнюю затяжку, перед тем как ответить:

– Не то слово... Скоро нас заставят вскрытия делать. И носить «пушки» под халатами, чтобы защищать выживших пациентов от покушений. – Она затаптывает недокуренную сигарету и добавляет: – Или от киллеров.

– Ты права, пожалуй, можно обойтись и без полиции. На работе. Или дома.

«Обойтись без полиции...» Лоре не очень нравится этот намек. Ей известно, что отец не упускает случая поддеть Валентина, ее мужа-жандарма. Он ценит зятя как любителя регби, но терпеть его не может в качестве шефа полицейской бригады, круглые сутки пропадающего на работе. Сам он всю жизнь трудился дома, в мастерской, приспособившись к распорядку дочерей, и никак не может смириться с безумным ритмом Лориных дежурств в Биша и ночных рейдов ее мужа в Сержи. А главное, он со страхом ждет того дня, когда Валентин объявит о своем повышении по службе, – иными словами, о переводе в другое место, может даже в сотнях километров отсюда, и они уедут, вместе с близнецами.

– Мне надо бежать, пап.

– Да, знаю.

Лора отходит от машины, потом возвращается:

– Мама ничего не заподозрила?

Если у Оливье и есть выдающееся достоинство, оно заключается в умении успокоить дочь.

– В Лос-Анджелесе? Меня бы это очень удивило!

Жан-Макс ставит свой арендованный «бьюик верано» на паркинге Сан-Исидро и с подозрением оглядывает длинную пограничную стену, уходящую к холмам на горизонте, полчища американцев, которых целыми группами пропускают в Мексику, и мексиканцев, которых медленно, по одному, пропускают в Соединенные Штаты. Потом оборачивается ко мне и с тревогой спрашивает:

– Ты можешь гарантировать, что нас не только впустят, но и выпустят обратно?

Я уверенно киваю.

На самом деле я ни в чем не уверена. Понятия не имею, какие изменения претерпела граница с 1999 года, но сильно подозреваю, что Дональд Трамп отдал пограничникам категорический приказ сохранять бдительность и не пропускать ни туда ни сюда всяких там... марьячи! Воспоминания оживают у меня в душе почти с нереальной четкостью: турникет, пропускающий вас в Мексику без предъявления документов, короткий путь до Тихуаны, пестрые улицы, мальчишки в грязи на тротуарах, музыканты в сомбреро...

Пройти через турникет... а что дальше?

На что я надеюсь? Наткнуться на группу «Лос Парамос» на Санта-Сесилии, встретить Луиса, Фелипе, Рамона, Эстебана – только поседевших и прибавивших по десять кило, в тех же, но сильно поблекших костюмах? Даже если такое чудо и случится, что они смогут мне рассказать? Это мне придется сообщить им новость – и какую ужасную! – о том, что юный симпатичный француз, с которым они много лет назад выступали перед публикой, прикован к больничной койке во Франции и находится между жизнью и смертью. Меня мучают тысячи других вопросов, но я силюсь отделаться от любой формы логических рассуждений.

Не колебаться, не сомневаться. Я должна просто идти по следу!

А для начала миновать турникет.

– Ну что, вперед? – спрашиваю я с наигранной бодростью.

Шарлотта не отрывается от своего смартфона. Она успела загрузить в него программу «Американские моллы с дешевыми товарами» и выяснила, что находится меньше чем в километре от одного из них, где больше сотни заводских магазинов продают по дешевке товары самых известных брендов в мире. Шарлотта показывает нам их каталоги. Никаких подделок! Все самое настоящее!

Calvin Klein, Guess, Ralf Lauren, Tommy Hilfiger... Так, с придыханием, произносят имена кинозвезд, к которым наконец-то можно подобраться вплотную.

Я понимаю, что должна привести убедительные аргументы, если хочу, чтобы они сопровождали меня в Тихуану. У меня нет никакого желания ехать туда одной. Мне не дает покоя смутное ощущение опасности, угрозы. Все время чудится, что кто-то ждет и думает: когда же она останется одна? Чтобы напасть... Когда мы выезжали из Олд-Тауна, какой-то серый «форд эдж» следовал за нами до самого Сан-Исидро, старательно держа дистанцию, и исчез сразу, как только мы припарковались. Мне кажется, что за нами следили. Видимо, так же, как за Илианом в Париже. Но с какой целью? Убить меня? Это смутное подозрение превратилось в уверенность, пока мы ехали, а затем рассеялось, вернее, сменилось другими мыслями, столь же нелепыми. И лишь одно слово продолжает вертеться у меня в голове. *Swallow*.

Это слово не давало мне покоя за несколько мгновений до того, как появилось в надписи на моем бокале... *Just Swallow It*.

Изо всех сил стараюсь призвать на помощь логику. Я больше не верю в случайные совпадения, с этим покончено! Довольствуюсь тем, что констатирую факты, а этот факт абсолютно ясен, даром что походит на колдовство: я ждала знака из прошлого – вот и он. Кто-то специально преподнес его мне. Кто-то, прекрасно знающий, что это означает. Шарлотта? Какой-то коварный бармен? Некий бог, способный читать мои мысли? Нет, ни одна из этих гипотез не имеет под собой основания...

Я направляюсь к серому коридору, ведущему к мексиканской таможне, с энтузиазмом, которым надеюсь заразить остальных, но вижу, что Жан-Макс за мной не идет. Поколебавшись, он хватается за руку Шарлотту и тащит ее в другую сторону:

– Ладно, малышка, мне прямо жалко смотреть, как ты боишься попроситься туда. Так и быть, прошвырнемся по твоим магазинам! Даю тебе три часа на разграбление города и обещаю таскать за тобой покупки, если ты обещаешь поехать потом со мной в Мирамар, посмотреть, как взлетают F-35[82].

Я смотрю им вслед: они шагают к моллам, насвистывая на ходу «Кукарачу», – явно в пику мне.

Чувствую, что Фло тоже ужасно хочется бросить меня и присоединиться к ним. Внезапно у нее даже лицо перекашивается от злости; она поднимает глаза к гигантской рекламе на краю паркинга, которая восхваляет самые низкие в мире тарифы мексиканской клиники пластической медицины, потом провожает глазами нашего командира и юную стажерку.

– Окей, дорогая, я иду с тобой. Пока эта красотка закупает оптом, на всю жизнь, джинсы в обтяжку, у нас с тобой будет целых три часа, чтобы сделать липосакцию и купить новую грудь! Мы заставим его, этого Баллена, предпочесть роковых пятидесятилетних красавиц зеленым девчонкам!

Я обожаю Фло! Мне следовало бы на всех направлениях, на всех рейсах, на всех стоянках быть рядом с ней! Мы направляемся к тому самому турникету, он совсем не изменился, я отчетливо вижу его в конце бетонного коридора, открываю сумку.

Внезапно меня посещает предчувствие.

Видимо, камень времени снова *работает*...

Я роюсь в сумке. Двадцать лет назад я забыла взять с собой документы.

Ищу их.

Прекрасно помню, что положила в эту сумку свой паспорт, после того как переделалась в мотеле. Начинаю нервничать. В сумке паспорта нет. Ни паспорта, ни удостоверения личности.

Фло резко останавливается:

– Ты что, забыла документы в мотеле?

У меня в голове готов ответ: нет, Фло, не забыла и не потеряла, это невозможно...

Но в сумке их больше нет!

Похоже, Флоранс это не слишком огорчает. Моя коварная подруга тут же хватается за подвернувшуюся возможность:

– Ну что ж, нет документов, не будет и силиконовых сисек! Бежим скорей, мы еще успеем их нагнать!

Но я не трогаюсь с места и продолжаю выворачивать сумку.

Хотя уже поняла, что это послание.

Я должна перейти мексиканскую границу без документов, как двадцать лет назад. И перейти одна! Вот что велит мне сделать этот новый знак. Кто его подал? Зачем?

Попасть в Тихуану – вот единственный способ это узнать. Я делаю шаг вперед. Фло пялится на меня как на ненормальную.

– Это безумие, Нати! Ты же наверняка не сможешь вернуться!

Смогу, Фло, я свято верую в могущество камня времени, а уж средство наверняка сыщется – музыканты, фургон, да мало ли что еще...

Я не должна вникать в эту тайну, мне следует повиноваться.

Фло не отпускает меня: вцепилась в рукав, словно я собралась броситься в бездну, а она единственный человек, который может предотвратить самоубийство. Именно это я читаю в ее глазах. Я стою на краю пропасти, а она хочет меня спасти.

Рука все шарит в сумке, будто надеется нащупать там последнюю спасительную веточку, за которую можно ухватиться, пока она не сломалась. И вдруг пальцы нащупывают в глубине какую-то бумагу, которую я раньше не заметила. Лист А4, сложенный вчетверо.

Вынимаю его, разворачиваю, разглядываю, не понимая, как он там очутился.

Я никогда не распечатывала и не копировала это изображение, но тотчас узнаю его.

Una soldadera![83]

Мексиканка с черными глазами и черными распущенными волосами, опоясанная национальным флагом, с сомбреро за спиной, патронташем на перевязи и ружьем на плече. *Las soldaderas* – легендарные личности, но я точно знаю, где найти *эту*. Она изображена на гигантской настенной фреске, занимающей всю поверхность широкого бетонного пилона. Воспоминания настигают меня волнами, горячие и такие прекрасные.

Я улыбаюсь Фло:

– Ты права, я рехнулась. И у меня есть что тебе предложить взамен прогулки по Тихуане.

– Господи, что еще ты придумала?!

– Обалденную штуку, ты такого никогда не видела... Музей под открытым небом. Настенные росписи парка Чикано в Баррио-Логане.

Фло изумленно таращится на меня.

– Напомни мне, когда прилетим домой, попросить парней из планового отдела никогда – ты слышишь? – никогда больше не ставить меня на один рейс с тобой!

– Баррио-Логан – это исторический порт Сан-Диего, где латинос обосновались больше века назад.

Илиан излагает мне историю чиканос тоном преподавателя, увлеченного своим предметом, одновременно срывая с шеи тугую черную бабочку.

– Вы можете подержать руль?

Я наклоняюсь и минуту веду машину, пока Ил снимает черный фрак и швыряет его на заднее сиденье фургона.

– Спасибо. Итак, десятки тысяч мексиканцев поселились здесь во время революции, все подробности я изложу с пятого на Сапáтое[84], и это место стало самым символичным в Калифорнии, центром всех социальных волнений испаноязычного населения, когда американцы сровняли с землей заводы, чтобы превратить старый порт в промышленную зону. А потом разделили этот квартал надвое, провели посередине железную дорогу № 5, соединившую несколько штатов, и построили мост Коронадо, на который мы сейчас и въезжаем.

Продолжая говорить, Илиан расстегивает белую рубашку и ухитряется стащить ее с одной руки, а потом и с другой, ловко поменяв их на руле. И вот мой робкий гитарист сидит рядом полуголый, с обнаженным торсом, и огни города играют бликами на его смуглой коже.

– Вы не могли бы достать мою одежду с заднего сиденья?

– Э-э-э... да, сейчас.

Я смущенно передаю ему футболку *BB King*, которую он натягивает все так же ловко, не выпуская руль своего «шеви» и не закрывая рта:

– Первые настенные фрески Баррио-Логана появились в 1970-х годах, их можно было видеть чуть ли не на каждом квадратном метре бетонных сооружений, возведенных в квартале американскими транснациональными корпорациями. Парк Чикано с его семью десятками монументальных фресок стал национальным символом Мексики. Сегодня это место считается историческим памятником и находится под охраной ЮНЕСКО, но это не мешает ему быть

одновременно самым проблемным во всей Америке. Передайте мне куртку, пожалуйста.

Я протягиваю ему потертую кожаную куртку, украшенную логотипами *Yardbirds* и *Led Zep*. И люблюсь тем, как уверенно и спокойно он ведет фургон по этому кварталу, куда с наступлением ночи не смеет сунуть нос ни один иностранец. Какой контраст с дневным обликом ряженого в тореро или с чопорно-скованным гитаристом в черном костюме, только что исполнявшим на укулеле, в сопровождении ресторанного пианиста, стандартные джазовые американские мелодии! Этот парень – чистый хамелеон!

Ил ставит машину рядом с бетонным пилоном. Судя по всему, мы находимся под мостом железной дороги № 5, в месте, освещенном только нашими фарами, которые ослепляют женщину-мексиканку, написанную красками на сером бетоне, – красавицу, вооруженную до зубов.

– Не бойтесь, Нати, *la Soldadera* нас защитит.

В свете фар я замечаю и другие фрески – на редкость выразительные портреты Фриды Кало, Че Гевары, Фиделя Кастро, Диего Риверы, изображения мексиканских семей, работающих на арбузных или маисовых полях, орла, парящего над городом с требованием справедливости, образования и свободы[85], солдат – живых или превратившихся в скелеты, но по-прежнему вооруженных и полных решимости бороться до конца. Неподалеку от нас горит костер, а вокруг него движутся силуэты, десятки силуэтов. Взгляду открываются другие фрески, также прославляющие южно-американских борцов с угнетателями. Илиан выуживает с заднего сиденья свою клетчатую кепку, натягивает ее на кудрявые волосы, хватает гитару и берет меня за руку:

– Идите за мной.

* * *

Когда Илиан вторгается в круг людей у костра, его приветствуют аплодисментами. Один из парней торопливо подсоединяет провод от гитары к электрическому усилителю, стоящему на табуретке. Другие ребята расчищают мне место возле огня, девушки ставят перед нами на

землю подносы с пивом и мексиканскими сладостями, которые я беру и пробую наугад, липкие от меда с анисовыми зернышками и кокосовой стружкой. К нам присоединяются другие слушатели, садятся прямо на землю или на принесенные складные стулья. Около костра образовался полукруг человек из шестидесяти, не меньше, ожидающих, когда Илиан настроит гитару и опустит микрофон на нужную высоту.

И вот Илиан играет. Илиан поет. Не очень чисто, слегка фальшивя, но играет божественно!

Или мне только чудится, потому что я влюблена? Любовь – в такое мгновение? Любовь – в таком месте?

Да! Пляшущие в сполохах огня силуэты Че Гевары, Фриды Кало и Панчо Вильи полностью согласны со мной!

Ил поет одну песню за другой: *Cocaine, Sultans of Swing, London Calling, Imagine*[86]. Две девочки подросткового возраста с длинными, до талии, волосами и в узких юбках до щиколоток вскакивают с места и хватаются за микрофон. Ил не протестует, он продолжает играть, а они поют. Лучше, чем поет он. А он играет, прекрасно играет.

Mala vida; Gloria, Hallelujah...[87]

Чарующие мгновения! Я не могу оторвать взгляд от Илиана. Его пальцы пляшут на четырех гитарных струнах, не расслабляясь ни на миг, ноги отстукивают ритм, мокрая от пота майка *BB King* облепила торс, о котором у меня оставалось смутное воспоминание, глаза полужакрыты, губы неслышно повторяют слова песни.

Нет, этот парень не хамелеон. Здесь и сейчас он настоящий, весь как на ладони! Ил становится самим собой только в те минуты, когда играет Спрингстина, Стинга или Кинга. Когда думает лишь о себе и своем искусстве. Когда полностью отдается безумной страсти к музыке, своему гениальному дару, в одиночестве, в отрыве от остального мира, в этом круге света... и пыли, невидимой пыли, которая ложится на тех, кто его слушает, волшебной пыли, делающей их невесомыми. Которая помогает им воспарить...

Stand by Me, Eleanor Rigby, Angie[88].

Слушатели дергаются при каждом аккорде, словно марионетки на веревочках, прикрепленных к хищным, паучьим пальцам гитариста-кукловода.

Илиан играет то, что он любит. Сейчас Илиан стал самим собой. И я задыхаюсь от одного-единственного желания.

Принадлежать ему.

* * *

Концерт кончился поздно. Илиан потом сказал, что приезжает сюда раз в два дня. Сначала он играл на улицах, и хозяин бара «Чикибэбис» посоветовал ему наведаться в Баррио-Логан, где настоящие любители настоящей музыки Сан-Диего, а не те дилетанты, что тусуются в модных барах Даун-Тауна или в индейской резервации Олд-Тауна.

Костер погасили, залив его ведром воды. Хозяин «Чикибэбис» забрал усилитель, складные стулья и отправился спать. Фрида Кало, Че Гевара и Панчо Вилья, несомненно, тоже заснули, как только погас свет. И теперь безмолвие парка Чикано нарушают лишь редкие поезда, еще курсирующие по линии № 5 над нашими головами. Чудится, будто это временами шумно всхрапывает небо, тоже забывшееся сном.

Илиан ведет меня за руку к фургону.

– Куда вас отвезти?

– Куда хотите, только с условием, что вы останетесь со мной.

Ночная темнота делает его серьезным.

– Я не хочу, Натали.

– ?..

– Не хочу влюбляться в вас.

Я глажу его руку. *La Soldadera* пристально взирает на меня из-за крыши.

– Тогда не надо было меня целовать!

Ночная темнота наводит на Илиана грусть, звезды щекочут его своими колкими лучами.

Он не может перестать играть.

– Вы шутите? Это ведь вы поцеловали меня первая там, на горе Мон-Руаяль, под крестом!

– Ну и что?! А как насчет вашего стриптиза – только что, за рулем? Разве это я попросила раздеваться у меня на глазах?

– Да, но вы прилетели сюда за мной!

– Верно, благодаря вашим намекам, коварный Мальчик-с-пальчик. Ваш гитарист, который продолжает свою одиссею...

Я думала, что он возразит: *Это чистойшей случайностью, что вы себе навоображали?! –* но он молчит. Долго молчит, потом распахивает дверцу машины, включает свет в кабине и говорит, обернувшись ко мне:

– Если... если мы пойдем дальше, Натали, я уже никогда не смогу расстаться с вами.

* * *

Одну только ночь... Сколько раз я представляла себе, как скажу ему три этих слова.

Одну только ночь – и мы забудем друг друга, и каждый пойдет дальше своей дорогой. А теперь мой гитарист пытается связать меня обещанием.

Я уже никогда не смогу расстаться с вами...

Так клянется женщины, Илиан, – женщины, а не мужчины.

Что ж, тем хуже, придется импровизировать. Я тоже не смогу с тобой расстаться, Ил. По крайней мере, до тех пор, пока не стану твоей.

Задние сиденья «шеви вэн» достаточно широки, там можно разложить матрас; там же стоят тазик и кувшин с водой для омовений в пути, холодильничек и газовая плитка, на которой они, наверно, готовят себе завтрак. Я прошу Илиана выйти и подождать снаружи, бросаю взгляд на его гитару.

– Илиан, мне хочется, чтобы вы продолжали играть. Играть на ваших четырех струнах – для меня одной. Обещаю, что больше ни о чем не попрошу, только этот приватный концерт.

– Клянётесь?

Я касаюсь его губ легким поцелуем и выпроваживаю из фургона.

– Я только хочу, чтобы вы продолжали играть. Я могу первой воспользоваться вашей «ванной»?

Когда Илиан наконец появляется, я стою у матраса, в свете потолочной лампочки, завернувшись в белую простыню. Я успела стереть косметику. Илиан бросает недоуменный взгляд на скинутое белье и черный карандаш для бровей. Наверно, считает, что стюардессы умеют приспособливаться к любым условиям, спать где придется – например, в тесном закутке самолета. Наверно, Илиан

действительно боится. Наверно, Илиан предпочел бы играть для меня на гитаре всю ночь напролет. Наверно, Илиан не дотронулся бы до меня. Наверно, Илиан уже знал, как сильно – если мы уступим желанию – нам придется страдать.

Но я-то не знала.

Я ничего не знала.

Ил встречается со мной взглядом и видит в моих глазах желание. И я читаю в его глазах то же самое.

Ил отступает на шаг, скрещивает руки на груди. Мотает головой. Жалобно лепечет:

– Вы же обещали, Натали... Простую серенаду... немного музыки, чтобы убаюкать вас.

– Я всегда держу слово.

И одним рывком сбрасываю простыню. Она падает на пол. А я стою перед ним обнаженная, в резком свете электрической лампы. Обнаженная... если не считать четырех линий, начертанных на моем теле черным карандашом для бровей, четырех струн – от горла до лона, идеально прямых на моем плоском животе.

Илиан смотрит как замороженный.

– Подойди, Илиан! Подойди и сыграй на мне.

* * *

– Ты меня бросишь?

Я не отвечаю. Утреннее солнце уже проскользнуло под мостом линии № 5 и ярко осветило нижние фрески парка Чикано. Несколько лучей пронзают грязные занавески на окошках фургона, как бы говоря: не заблуждайтесь, не такие уж мы слабенькие! Я сижу на матрасе, прикрывая грудь простыней.

La Soldadera с ружьем в руке охраняет нас снаружи.

Илиан сидит рядом, обнаженный, как и я. Он прижимает ладонь к моей спине; большой палец упирается в позвоночник, остальные раскинуты веером. Ил твердит:

– Ты меня бросишь, я знаю. Сейчас ты оденешься. Ты должна вернуться в аэропорт. Ты должна сесть в самолет. Ты должна вернуться к мужу. Ты должна растить дочку.

А я слушаю и мысленно умоляю: молчи, Илиан, молчи! Не говори ничего, не произноси ни слова! Как мне хочется положить голову ему на грудь, скинуть простыню и прижаться грудью к его животу... Но я только обвиваю руками его талию. Ил – мой пленник. Ил смотрит в окно фургона так, словно кто-то спилил прутья решетки, открыв путь на волю, и шепчет:

– Ты улетишь...

Я по-прежнему молчу. Сказать «да» значит умереть. Сказать «нет» значит солгать. Я не могу расстаться с Оливье. Не могу бросить Лору. Даже если эта ночь, проведенная с Илианом, превзошла по сладострастию все, что я доселе испытывала в жизни, даже если она навеки запечатлелась в моей плоти. Даже если меня никогда не любили с такой поэтической страстью. Отдаваясь Илиану, я чувствовала, что мое тело долгими часами было лишь инструментом, который Ил осваивал с бесконечным терпением, медленно открывая для себя все его гармонические лады, всю гамму звуков, от самых нежных до самых пронзительных, извлекая из него самые неожиданные мелодии, самые неистовые крики.

Сжимая все крепче и крепче талию Илиана, я кладу голову на его живот в самом низу и шепчу:

– Я ведь ласточка. Мы сможем видеться так часто, как ты захочешь. Я летаю по свету. И ты летаешь по свету...

– Так ты *этого* хочешь? Такой вот «пунктирной» любви?

Мое ухо прижато к его члену – слушает, как крепнет желание.

– Мы будем встречаться, когда только сможем. Обещаю тебе. А я всегда держу слово. И докажу это...

– Мне не нужны доказательства, Нати.

Его руки, скользнув в щелку между ног, мягко понуждают меня раскрыться, чтобы умастить пальцы соком моего желания.

– Знаешь, как поступают моряки?

– Кажется, заводят любовницу в каждом порту? Или любовника – если это морячка.

Большой палец Илиана достиг своего, проскользнул в меня.

– После того, как моряк наплавал больше пяти тысяч миль, он делает татуировку в виде ласточки. Она символизирует для него свободу. Я сделаю себе такую, Ил. Для тебя. Ласточка будет доказательством нашей вечной любви.

Моя голова передвигается на несколько сантиметров. Я прижимаюсь ухом к впадине пупка Илиана, мои губы ищут добычу. И, найдя, размыкаются, в последний раз...

– Мне мало одной этой ночи. Я хочу еще раз увидеть тебя...

...перед тем, как мой рот упьется огнем его желания.

Но тут звонит телефон. Или он зазвонил позже? А может, он звонил и раньше, но я его не слышала?

Звонок не умолкает.

– Ты не ответишь?

Мне хотелось сказать «нет» – плевать на все, тем хуже, пусть подождут. Но я все-таки дотягиваюсь до сумки и смотрю на экран смартфона.

Оливье. Два вызова.

И, словно в подтверждение, сообщение:

У Лоры температура. Лежит.

Позвони, если сможешь.

Оли.

28

2019

– Ну, что скажешь, стоило на это посмотреть или нет?

Мне известно, что Фло любит музеи, выставки, всякие модные веяния. Профессия стюардессы, интерес к культуре, искусству – от классического до современного, – все это помогает пускать пыль в глаза. Она разглядывает настенные фрески и, похоже, искренне восхищается причудливой фантазией художников, сходством портретов с оригиналами, их грубоватой наивностью, контрастирующей со сложностью тем: свобода, семья, образование, революция, мужчины-боги, женщины-воительницы. Я пытаюсь скрыть волнение. Мне кажется, что с тех пор здесь ничего не изменилось. Я узнаю каждую картину на каждом пилоне – несомненно, потому, что с тех пор не раз разглядывала их в интернете. И теперь эта виртуальная реальность смешивается с моими воспоминаниями. Краски кажутся мне более яркими, чем прежде. Фрески бережно поддерживают в хорошем состоянии. Интересно, для кого – для туристов? Однако сейчас, в разгар дня, в Баррио-Логане нет ни души. Слышны только пронзительные

гудки электропоездов, грохочущих по эстакаде над нашими головами. Без этих невероятных росписей квартал выглядел бы одним из тех заброшенных мест, которые не рекомендуется посещать двум женщинам без мужской опеки. Он отрезан от остальных районов города железнодорожной магистралью, между пилонами и в зазорах расписанных стен масса укромных закоулков – идеальное место для преступников всех мастей.

– Да-да, просто невероятно, – соглашается Фло, увлеченно фотографируя. – Но, согласись, кварталчик страшноватый.

Я зна́ком приглашаю ее следовать за мной. Мы поднимаемся на эстакаду, спускаемся, осматриваем ее снизу и сверху, один пилон за другим. Вот пилон – Змея, пилон – Древо жизни, пилон – Орел-освободитель, пилон – Дева Мария, а вот наконец и моя *la Soldadera*.

На прежнем месте, с карабином в руке, с патронташем на перевязи, с волосами, развевающимися на ветру.

Она неусыпно охраняет.

Охраняет мою судьбу.

* * *

И вдруг у меня замирает сердце. Я ничего особенного не ждала, возвращаясь в это место. Но он здесь, он ждет – прямо передо мной.

Тот самый «шеви вэн», принадлежавший группе «Лос Парамос», стоит возле одного из пилонов, под фреской *La Soldadera*. Совсем как в ту ночь.

– Ну-ка, пойдем, – говорю я Фло.

Она испуганно озирается, хотя не забывает сфотографировать *La Soldadera*. Мы с ней забрели в один из самых глухих уголков парка Чикано, здесь нет ни тротуаров, ни дорожек, никаких строений. Илиан тогда не случайно выбрал это место...

Если здешние фрески тщательно оберегают, то о фургоне это сказать было нельзя. Похоже, он ждал меня тут все эти двадцать лет. Шины спущены, ветровое стекло разбито, дверцы перекошены. Изображения марьячи и надпись «Лос Парамос» изъедены ржавчиной, но еще видны.

Я подхожу ближе, пытаюсь понять, каким образом он здесь очутился. После *той* ночи Илиан отвез меня в Сан-Исидро, где я пересела в свой арендованный «додж челленджер», сам же вернулся за Луисом в Олд-Таун, в Президио-парк, а затем подобрал в Чула-Виста Рамона и Фелипе. Но ведь фургон принадлежал группе «Лос Парамос», так кто же его здесь бросил? И кто мог знать, что я сюда вернусь двадцать лет спустя?

Подойдя ближе, убеждаюсь, что «шеви» и впрямь сильно сдал. Да и чему удивляться – ему не меньше четверти века, и для своего возраста он еще неплохо сохранился. Встаю на цыпочки, стараясь разглядеть сквозь пыльные окна, что там внутри.

– Что ты валандаешься? – испуганно спрашивает Фло. – Черт возьми, Нати, слепому ясно, что это берлога наркоманов!

Присмотревшись, вижу внутри раскиданные вещи и как будто узнаю ту самую газовую плитку, на которой Илиан сварил мне кофе. Мне даже чудится, будто я слышу его запах. Пробирает озноб, кожа покрывается пупырышками...

– Черт, Нати, кто это?!

Я резко оборачиваюсь и вижу за ближайшим пилоном машину. Серый «форд», как две капли воды похожий на тот, что ехал за нами в Олд-Тауне, к мексиканской границе. У меня замирает сердце. Что это – ловушка? И как поступить – бежать, кричать?

Но мы с Фло не успеваем ничего предпринять: чьи-то лапы зажимают нам рты и заламывают руки за спину, чья-то нога пинком распахивает дверцу, сзади к нам прижимаются чьи-то тела, различаю мятное дыхание бандита, который держит меня, и никотиновый перегар изо рта того, кто вталкивает в фургон Фло.

* * *

Нам залепляют рты скотчем, связывают руки, потом швыряют на тюфяк. Один из бандитов – во рту он мусолит окурочек сигары марки «Я люблю тебя, Робусто» – не отрывает уха от мобильного. Второй (он то и дело закидывает в рот мятный леденец из жестянки) стоит у закрытой двери фургона, наблюдая за окрестностями.

Фло с ужасом смотрит на ножи в кожаных чехлах, свисающие с поясов бандитов. А я обвожу взглядом опрокинутые шкафчики, разбитые гитары с порванными струнами, стопку сомбреро, таких драных, словно их глодала целая армия крыс, дырявую простыню, похожую на одеяние призрака, выпотрошенные подушки и распоротый по всей длине тюфяк, на котором мы обе сидим.

Когда же я устану мечтать...

Наконец Робусто выключает мобильник. Оглядывает нас по очереди и, явно следуя полученным указаниям, подходит ко мне, не выпуская из зубов огрызок сигары, с угрюмым, брезгливым видом мусорщика, которому предстоит разобраться с отбросами, хватается за ворот моей блузки и одним рывком раздирает ее, обнажив грудь. Но его взгляд устремлен не на мой бюстгальтер – он смотрит на ласточку, вытатуированную у меня на плече, и улыбается, если можно так назвать его кривую ухмылку.

Фло трясется так, словно ее запихнули в морозильную камеру. Я знаю, о чем она думает. Мы наткнулись на наркоторговцев. Мы помешали им заниматься их гнусными делишками. И сейчас они нас убьют. А перед этим, конечно же, изнасилуют. Успею ли я сказать тебе правду, Фло? Мы вовсе не наткнулись на них, они следили за нами. Нет, не за нами, а за *мною*, и ты тут совершенно ни при чем, бедная моя Фло. Им нужна именно я. Мисс Ласточка.

Зачем? О, вовсе не для того, чтобы заставить говорить, ведь они заклеили нам рты.

Значит, чтобы заставить меня молчать?

– Я уверен, это она, – подтверждает Робусто. – Но нам придется заняться обеими.

Леденец сует в рот очередную конфетку.

– Надеюсь, тариф будет двойной?

Робусто пожимает плечами:

– Можешь перед этим поразвлечься с ними, если считаешь, что тебе мало посулили.

Леденец едва не давится.

– Как знаешь. Тогда я возьму эту пухлявую блондинку, уж больно аппетитная!

Однако он медлит и с сожалением поглядывает на мою обнаженную грудь. Потом все же поворачивается к Фло, зловеще

поигрывая своим зачехленным ножом. Фло находит в себе силы ответить ему презрительным взглядом. Представляю, какими ругательствами она осыпала бы их обоих, если бы ей дали открыть рот. Думаю, самым ужасным для нее было бы умереть молча. Леденец проделывает какие-то странные телодвижения. Я догадываюсь, что он пытается спустить штаны, которые никак не слезают с его жирной задницы. В кармане штанов побренькивает жестянка с леденцами, и этот звук добавляет к сцене последнюю мрачную ноту. Я не сразу понимаю, что брэнчанию ментоловых леденцов сопутствует другой звук.

Кто-то стучит в окошко!

Миг спустя в нем появляется лицо с носом, расплюснутым о стекло, и вытаращенными глазами, которые пытаются рассмотреть, что происходит внутри. Робусто проворно встает между окном и нами, но я все же успеваю узнать человека.

Вот уж кого не ожидала здесь увидеть!

Это командир Жан-Макс Баллен.

* * *

Робусто выходит из машины, протиснувшись в едва приоткрытую дверцу, и сразу захлопывает ее за собой. Я слышу обрывки разговора – вернее, грубый голос бандита:

– Вам чего? Это частное владение. Нет, я никого не видел. Убирайтесь отсюда!

Это продолжается каких-нибудь тридцать секунд. Когда Робусто возвращается в фургон, я замечаю, что его нож уже вынут из чехла, и от ужаса у меня перехватывает горло. Давлюсь горькой слюной. Увидев в окошке лицо Жан-Макса, я подумала, что он их сообщник, но по разъяренному взгляду Робусто понимаю, что тот никогда прежде не видел командира Баллена. Тогда почему так испугался?

И что здесь делает Жан-Макс?

Робусто наклоняется, хватая мою сумку, вытряхивает ее содержимое на тюфяк и включает мой мобильник. Ну понятно: хочет проверить, с кем я говорила и кому писала в последнее время. Я не пользовалась телефоном с тех пор, как звонила Оливье и Марго.

Убедившись в этом, бандит бросает его на пол и поворачивается к Фло. Она носит телефон в переднем кармане брюк. Бандит тут же замечает прямоугольный выступ и уверенным взмахом ножа рассекает ткань. Нога Фло заливается кровью по всей длине разреза. Она дергается и издает приглушенный вопль. Телефон выпадает из свисающего кармана на тюфяк, Робусто подхватывает его и через несколько секунд поворачивает к нам экраном. И тут мне все становится ясно.

На экране эсэмэска, адресованная Жан-Максу.

Но не текст, а только снимок фрески *La Soldadera*.

* * *

Фло успела предупредить Жан-Макса! Я не понимаю, каким образом Фло, связанная, с заклеенным ртом, ухитрилась это сделать и как командиру удалось так быстро оказаться здесь. Но все бесполезно: он нас не увидел и не подозревает, что мы в фургоне. Он попросту испугнул какого-то местного хулигана и... отчалил.

Нога Фло залита кровью. Она дрожит, но пытается дышать ровно и держать себя в руках, хотя в глазах стоит ужас. Увы, кровь ничуть не охладила пыл любителя мятных леденцов. Он уже спустил штаны до щиколоток, обнажив жирные ноги и желтые трусы с логотипом *Club America*. Робусто презрительно оглядывает кореша:

– Опоздал, некогда развлекаться, копы вот-вот нагрянут. Кончаем девок и сваливаем!

Леденец даже не пытается спорить. Он рывками подтягивает брюки, и позвякивание конфеток в коробочке, вероятно, будет последней музыкой в моей жизни. Я умру здесь, на этом матрасе, где когда-то поняла, что значит быть живой.

Они наверняка начнут с меня, ведь охота шла именно за мной и им приказано меня устранить. Если я буду сопротивляться, отбиваться, может быть, выиграю время – не чтобы выжить самой, но чтобы оставить этот шанс Фло. И, если продержусь достаточно долго, может, они просто сбегут, не успев тронуть ее?

В дверном оконце я вижу верхнюю часть пилона, где изображена *la Soldadera*, и молю ее поделиться силой. Но ее глаза бесстрастно смотрят вдаль, устремленные на грядущую революцию. Ладно, нет так

нет... Я потихоньку напрягаю ноги, надеясь, что мне удастся вскочить, когда подойдет убийца.

Но он делает шаг в сторону Фло. Она не шевелится – похоже, обессилела от потери крови и страха. На лице написан невыразимый ужас.

Робусто подходит к ней мягкой, крадущейся походкой, не выказывая ни ярости, ни жестокости. Фло все-таки предпринимает попытку отползти, неловко отталкиваясь одной ногой, и выигрывает каких-нибудь тридцать сантиметров. Она упирается спиной в металлическую стену фургона. Бандиту осталось сделать полшага.

И тут я вскакиваю. Отчаяние удвоило мои силы. Леденец толкает меня, прежде чем я успеваю сделать шаг. Я падаю обратно на тюфяк, он наваливается на меня, путаясь в спущенных штанах. Я отчаянно отбиваюсь. Я не уступлю. Даже если этот мерзавец вдвое сильнее меня.

Пытаюсь укусить его сквозь липкую ленту, но он с силой бьет меня, и я затылком впечатываюсь в стену фургона и от удара путаются мысли.

Прости меня, Фло...

Леденец навалился на меня всем телом, не давая двинуться.

Мне очень жаль, Фло... Прости, хотя я даже не знаю, что такого совершила. Может, я виновата в том, что произошло двадцать лет назад здесь, на этом тюфяке, обагренном твоей кровью...

Я дрыгаю ногами, пытаюсь попасть мерзавцу по яйцам. Но не удается. Мне ничего не удастся!

Вижу, как Робусто наклоняется и острое лезвие его ножа нацеливается в горло моей лучшей подруги.

Я все еще дергаюсь, но у меня нет сил смотреть на все это.

Последнее, что я вижу перед тем, как закрыть глаза, – нож, приставленный к горлу Фло.

29

1999

Вскочив с матраса, я торопливо одеваюсь. При нашей кочевой жизни, из отеля в отель, я уже привыкла к такому темпу. Подхватить трусики, влезть в джинсы, натянуть майку (бюстгальтера нет) – вот и все.

Выскакиваю из фургона босиком, послав воздушный поцелуй Илиану, закрываю за собой дверцу «шеви» и бегу, вызывая на ходу Оливье.

«У Лоры температура. Лежит».

Пока мой звонок пересекает Атлантику, я прикидываю, сколько сейчас времени в Европе. Должно быть, около шести вечера. Оливье отвечает сразу. Я останавливаюсь тремя пилонами дальше, под прекрасным портретом Фриды Кало (лицо медового цвета, алые губы и черные глаза под черными крыльями бровей), и предоставляю говорить Оливье, так проще. Слова цепляются одно за другое, сосредоточиться не удастся – так человек пытается следить за разговором на языке, которым плохо владеет.

Ты спала? Извини, если разбудил, я ждал сколько мог. Лора плохо себя почувствовала в школе. Учительница забеспокоилась. Головная боль, рези в животе... жаловалась целый день... Лора, а не учительница. Доктор Приер может нас принять только завтра утром. Лора лежит в постели... спит... очень слаба.

Я выслушала его, как внимательный врач, и теперь ставлю диагноз и успокаиваю мужа:

Ничего серьезного, капай ей детский «Долипран», с учетом веса – девятнадцать кило, он в розовой коробочке, в левом ящичке аптечки. Пускай еще рассосет полтаблетки «Спасфона». И побольше пить. Следи за температурой. Если не будет улучшения, звони мне, обязательно!

Я говорю спокойно, даю разумные советы, но голова идет кругом. Тревога, чувство вины... хуже того, смутное ощущение, что это кара за мой проступок или, скорее, первое предупреждение: сегодня у твоего ребенка только температура, но в следующий раз будет хуже. Перитонит. Или менингит. Словом, скрытая, но недвусмысленная угроза, посланная неведомым божеством – хранителем супружеской верности: если ты еще раз изменишь мужу, то подвергнешь опасности свою семью и жизнь своей ни в чем не повинной дочери.

Угроза?

Пусть только попробуют, эти ревнители морали там, наверху!
Пусть тронут хоть волос на голове Лоры!

Я не обязана давать им отчет. Я честно делаю свою работу. Я хорошая мать и жена. Хранительница семейного очага. Отдаю им всю себя, без остатка. Уже много лет. И свое время, и свои силы, и терпение, и постоянство, и уступчивость, и энергию. Все, что только могу. И что же?! Неужели я не имею права хоть на крошечную долю свободы? Неужели мне запрещено на короткий миг сменить обстановку, взмахнуть крыльями, воспарить в небо, почувствовать себя легкой, невесомой, самой решать, где мне садиться... Потом я вернусь в свою клетку, обещаю вам! И сама закрою дверцу.

И даже буду петь, сидя на жердочке...

Оливье – человек немногословный. Тем более когда говорит по телефону. Особенно когда я в полете. Возможно, я люблю его еще и за это. Во всяком случае, сейчас я с удивлением замечаю, что благодарна ему за короткий разговор, который он сам же и закончил.

Возвращаюсь в «шеви». Илиан стоит в одних трусах у газовой плитки и варит кофе. Он ни о чем не спрашивает. Воплощенная деликатность! Наклоняюсь, чтобы собрать свои вещи, раскиданные вокруг матраса. Сумка. Камень времени. Илиан протягивает мне чашку дымящегося кофе.

– Я останусь в Сан-Диего еще на несколько дней, тут есть пара мест, где можно поиграть. Но у тебя же всегда дальние рейсы.

Я беру чашку, она обжигает пальцы. Как просто было бы сказать «да». Но он прав, у меня только дальние рейсы. Мы сможем увидеться разве что в Шанхае, Мельбурне или Йоханнесбурге. То есть никогда. А где-то в уголке сознания скрежещет Лорин кашель – там, далеко отсюда, и мне представляется Оливье – встревоженный, безупречный Оливье, сидящий всю ночь у постели дочери. Ответ вырывается неожиданно:

– Я что-нибудь придумаю. На следующей неделе я свободна, но могу попроситься в какой-нибудь рейс. То есть выбрать, куда лететь.

Илиан застывает, растерянно глядя на меня. А я люблю эту застывшую наготой. Да, я обязательно что-то придумаю, Ил... Жар, обжигающий пальцы, превращается в пожар, охватывает руки, плечи, сердце, чрево, опалает меня всю, от сосков до последнего волоска между ног. И я наслаждаюсь этим божественным огнем, одновременно

проклиная морок, имя которому – желание. И тщетно убеждаю себя, что Илиан красив не более чем любой другой мужчина, он не сильнее, не стройнее, не изящнее, но тогда почему я так вождедею? Неужто потому, что даже самая прекрасная фигура не может сравниться с простой улыбкой?!

– Ну что же, если прилетишь в Барселону, я, в свой черед, могу дать тебе обещание.

Илиан стоит рядом со мной. Моя рука тянется откинуть прядь волос со лба, дотронуться до его щеки, скользнуть по шее.

– Ты помнишь тот фильм под звездным небом Монреаля – «Жизнь прекрасна»? – продолжает Ил. – Помнишь, как Гвидо удается завоевать свою принцессу?[89]

– Да...

– Если приедешь в Барселону, обещаю, ты тоже влюбишься в меня!

Мой палец останавливается, губы прикипают к его соску. Чертов петух, распутивший хвост! Одна ночь любви, пусть и безумной, и сладостной, несколько «Я тебя обожаю!», вырвавшихся в момент экстаза, и вот у него уже мания величия. Я шепчу:

– А ты в это веришь? Смотри, берегись, как бы с тобой такого не случилось!

Его рука ложится на низ моего живота и медленно, нежно проникает внутрь.

– Это уже случилось, Нати. Я... уже влюблен в тебя.

*Когда наш последний вираж карусели
Свой бег оборвет в нашей постели,
Когда наш волшебный, воздушный полет
Под бременем брака конец свой найдет,
Когда наш смех опечалит всех,
Когда наши вздохи сочтут за подвохи,
От любви нам останутся жалкие крохи.*

30
2019

Я зажмуриваюсь. Меня окутывает тьма. Но это длится всего полсекунды, я быстро открываю глаза. И первое, что вижу, – горло Фло.

Нож Робусто приставлен к ее шее, но лезвие не вонзилось... Пока нет. Я встречаюсь глазами с безразличным взглядом убийцы, но не могу шевельнуться: Леденец давит на меня всем телом, не давая и вздохнуть. Для них это просто ремесло. Зарезать Фло, а затем и меня. Я замечаю, как пальцы Робусто крепче сжали нож, чтобы рассечь сонную артерию. И вдруг мир содрогается.

Что это – землетрясение?

Мощный толчок подбрасывает фургон, и все, что находится внутри, – музыкальные инструменты, консервные банки, стаканы и прочая кухонная утварь – с грохотом разлетается во все стороны, матрас встает дыбом. В фургон будто ворвался ураган. Нож Робусто отлетает к приборной доске. Очередной толчок впечатывает Леденца в спинку пассажирского сиденья. Я не слышу ни его проклятий, ни воплей его кореша – все заглушил грохот, раздавшийся снаружи. Я инстинктивно сжимаюсь в комок. Боковым зрением замечаю, что Фло тоже съеживается. Стенки фургона вибрируют и скрипят, но страшнее всего грохот.

Внезапно взывает автомобильный гудок.

Робусто оказался стойким парнем: устоял на ногах, а теперь подобрался к окну и выглянул. В борт «шеви» тараном врезался чей-то «бьюик». За рулем тот тип, что несколько минут назад маячил за стеклом.

Робусто оглядывается на меня, я в ужасе таращусь на него, пытаюсь сообразить, что происходит.

Робусто снова отворачивается к окну. Он бы уже выскочил и разобрался с этим психом, но завывающий сиреной гудок наверняка уже переполошил всю округу. Откуда-то издали отзывается другая сирена, уже настоящая – полицейская, и судя по звуку, машина быстро приближается.

– Сваливаем! – хрипит Робусто.

Не вспомнив про нож, не дожидаясь напарника, он выскакивает из «шеви». Леденец, судорожно натягивая штаны, пингвиньими шажками бросается следом.

Я нашариваю дрожащую руку Фло.

Арендованный мной «бьюик» смят в гармошку. А мы спасены.

Жан-Макс ходит в героях, не уставая сообщать всем и каждому о своем подвиге. Сначала потренировался в красноречии перед гуляющими в парке Чикано, затем изложил приукрашенную версию полицейским из комиссариата Баррио-Логана, а под конец блеснул совсем уж захватывающим сюжетом перед экипажем «боинга» на обратном пути в Париж.

Мы с Фло сердиться на него не способны, пусть рассказывает эту историю, если ему так нравится, хоть десятилетиями, в режиме нон-стоп.

Я долго не могла догадаться, как Жан-Максу удалось нас разыскать, впрочем, полицейские, прибывшие на место происшествия, тоже этого не поняли. Оказалось, все было очень просто: командир Баллен, расставшись с нами на стоянке Сан-Исидро, битый час таскался за Шарлоттой по моллам, и ему это обрыдло. Тогда он написал Флоранс: «Где вы?» Фло ответила, прикрепив несколько фотографий стеновых фресок и наш маршрут от стоянки у входа в парк Чикано до фургона, стоявшего перед фреской *La Soldadera*.

Жан-Макс прошел по нашему маршруту, заглянул в оконце «шеви», увидел нас, связанных и беспомощных, и ушел, якобы испугавшись Робусто, а дальше принялся импровизировать. Вызвал полицию, сел в «бьюик», пристегнулся, разогнался и, вдавив кнопку гудка, врезался в фургон.

– Вам повезло, – сказал комиссар полиции Баррио-Логана, – очень повезло. Прогуливаться вдвоем в таком квартале крайне рискованно!

Я сразу поняла, что полицейские не собираются глубоко копать и ограничатся поисками мелкой шпаны, на которую наткнулись две иностранные дурынды зрелого возраста.

– Мы обязательно найдем их, сеньоры, они тут отпечатков наоставляли на два срока.

Фло изобразила, будто ее удовлетворил такой подход к делу. Она виновато кивала, когда пожилой комиссар журил ее за легкомыслие на смеси испанского с английским, и поддакивала, когда он толковал ей о наркотиках и бандитизме, пугая статистикой преступлений в районе.

– Ах, сеньора, если бы ваши показания могли уберечь других туристов от подобной неосторожности! У нас и так дел по горло, а тут изволь еще нянчиться с иностранцами!

Фло пообещала ему, за нас обеих, что мы больше не будем, она и сама не понимает, что на нас нашло, просто уж больно красивые фрески! Меня она не выдала, не сказала, что я сама потащилась к этому фургону, но я понимала, что подруга сердита на меня. И еще бы ей не сердиться! На шее длинная алая царапина, оставленная ножом, которым ее чуть не зарезали. Да и на ляжке, от бедра до колена, тоже осталась рана, хоть и неглубокая.

Мне ужасно стыдно, ведь я ей врала. Во всяком случае, не сказала правду. Ни ей, ни Жан-Максу, ни полицейским. Да и что я могла им рассказать?

Что этот фургон стоял здесь, перед тем же самым пилоном, двадцать лет назад?

Что я провела в нем самую прекрасную ночь в своей жизни?

Что все повторяется – непонятно как, возможно благодаря магической силе камня времени, который то появляется в моей сумке, то исчезает?

Что эти типы следили за мной, узнали меня по татуировке и хотели убить именно меня, как пытались убить моего любовника в Париже, за десять тысяч километров отсюда?

Как я могу все это им рассказать, да еще на смеси плохого испанского и английского?!

* * *

В лос-анджелесском аэропорту Жан-Макса встретили как героя. Во время стоянок слухи распространяются быстрее, чем информация по новостному каналу французского ТВ. Служащие аэропортов убивают время, прилипнув к экранам и слушая все новости подряд – политические, экономические, спортивные, криминальные и т. д. Командир Баллен позаботился добавить им адреналина. Фото арендованного «бьюика», искореженного при ударе. Прямой репортаж в «Полицейском патруле». Короткая успокаивающая информация, когда никто еще не знал, что произошло: «Нападение на двух стюардесс. Командир самолета спасает женщин благодаря молниеносной реакции». Фло, польщенная интересом стюардов и стюардесс самых разных национальностей, постепенно забыла о своих травмах и даже

начала шутить. Порез на шее Фло спрятала за форменной косынкой, зато, сияя улыбкой, она с готовностью приподнимала юбку, демонстрируя рану на ноге, и кокетливо говорила, что, слава богу, уже не в том возрасте, когда носят юбки выше колен. Шведские стюарды, могучий корейский пилот и очаровательный второй пилот – португалец с серебристыми висками – взирали на Фло так, будто готовы были утешать ее всю дальнейшую жизнь.

Оставив ее наслаждаться вниманием, я вышла в коридор позвонить Оливье. И рассказать ему как можно меньше, чтобы не испугать, но все же подготовить. Он все равно узнает об этом от моих коллег. А главное, зачем себя обманывать, – мне нужно с ним поговорить. Даже если я скрою часть правды. Сгладить, преуменьшить случившееся – так же, как Фло и Жан-Макс его раздувают.

– Эти типы нас не тронули, Оли. Знаешь, обыкновенные мелкие жулики. Они трусили не меньше нашего. И как только в квартале подняли тревогу, сразу сбежали.

Кажется, моя стратегия, имевшая целью успокоить мужа, не сработала.

– Я приеду за тобой, – сказал Оливье, перед тем как отключить телефон. – Приеду в Руасси. Буду ждать на выходе.

Ну как ему отказать? Не могу же я заявить мужу: нет, дорогой, не трудись, не надо! У меня есть более важное дело, чем утонуть в твоих объятиях. Меня кое-кто ждет в больнице Биша. Кое-кто, кого я так давно не видела. Мой бывший любовник.

* * *

– Дамы и господа, – говорит командир самолета Жан-Макс Баллен, – мы вылетаем из Лос-Анджелеса, и я должен сообщить вам приятную новость. На нашем «боинге», рейс AF485, впервые в мире установлены ракеты класса «земля – воздух». Пассажиры, сидящие у иллюминаторов, могут лично в этом убедиться. Мы прибудем в Париж не с запада, пролетев над Америкой и Атлантическим океаном, а с востока и будем иметь честь освободиться на полпути от этой пары «Томагавков», которые ООН попросила лично меня сбросить на Пномпень. Беспокоиться не о чем, крейсерская скорость нашего

«боинга» значительно превышает скорость северо-корейских, китайских и русских истребителей!

Самолет летит над Атлантикой, хотя несколько доверчивых пассажиров продолжают мучительно размышлять, что же это за океан там, внизу. Дождавшись, когда последние подносы с ужином будут убраны, свет в салоне погашен, а пассажиры почти все заснут, Жан-Макс приглашает нас к себе в кабину.

Нас – это Шарлотту, Флоранс и меня.

Он властно приказывает второму пилоту очистить помещение, и парень покорно выходит. Командир долго молчит, всматриваясь в звездное небо за стеклом.

– Мне казалось, что я их не выношу, – признается он наконец, куда серьезнее обычного. – Звезды, одни звезды, всю ночь напролет. Даже на земле, стоит мне закрыть глаза и уснуть, я их все равно вижу. Они... мне будет их не хватать.

Мы молчим. Шарлотта любит часы фирмы *Lolita Lempicka*, купленными в молле. С момента отлета я провела с ней много времени, стараясь успокоить. Она в панике примчалась на такси в комиссариат полиции прямо из магазинов, с кучей пакетов, разрываясь между испугом и радостью.

– Девочки, это наверняка мой последний рейс.

– ?..

– Ну-ну, не делайте вид, будто вы не в курсе. Такие слухи распространяются быстрее молнии, особенно когда речь идет о пилоте, изображающем Брюса Уиллиса... За шесть месяцев до пенсии я мог себе это позволить... и попался на месте преступления!

Я прекрасно понимаю, чем обязана Жан-Максу. И говорю, положив руку ему на плечо:

– Не переживай, ты наверняка отделаешься взысканием. Ты ведь у нас легендарный пилот, с тобой все хотят летать. И мы тебя в обиду не дадим. Мы все тебя поддержим, а нас сотни!

– Тысячи! – поправляет Жан-Макс. – Если ты мобилизуешь на это дело всех моих бывших пассий, то – тысячи!

Шарлотта краснеет, подносит руку ко рту и впивается зубами в браслет своих часов. Фло явно колеблется, не зная, чью сторону принять. Она никогда особенно не благоволила Жан-Максу, особенно в

части его отношений с женщинами, но если бы он не подоспел на помощь, протаранив фургон...

И она, в свою очередь, берет слово:

– Окей, на тебя донесла Сестра Эмманюэль. Ты же знаешь, она строгая блюстительница нравственности. Но мы ее уговорим не обвинять тебя, смягчить свои показания, и она...

– Это еще не все, – прерывает ее Жан-Макс, не отводя взгляда от звезд. От Млечного Пути. – Не все, – повторяет он. – Я выдал себя, когда меня вызвали на ковер. На меня нажали, заставили покаяться, и я признался в своем грехе, но в другом.

В грехе? Значит, было еще что-то, кроме перепихона в кабине над океаном? И я готовлюсь к худшему... Жан-Макс снимает руку со штурвала и делает вид, что крестится.

– Сестры мои, знайте, что я много лет занимался скромным трафиком спиртного, провозя его без таможенного досмотра и санитарного контроля. В небольших количествах, но высшего качества – для избранных клиентов. В Америке у меня есть небольшая сеть распространителей. Лучшие сорта русской водки. Старинные марки рома. На прошлой неделе, в Монреале, я откопал редчайшее канадское виски – Alberta Premium...

И тут я вспоминаю магазин на улице Сен-Дени в Старом Монреале и Жан-Макса с канадскими долларами в руках; он разговаривал с какими-то двумя типами мафиозного вида. Значит, контрабанда! Наконец-то разъяснилась хоть одна тайна, и плевать, что наш командир оказался еще более сложной фигурой: блестящий пилот, неутомимый бабник, герой, спасший мне жизнь, а вот теперь еще и контрабандист, торгующий элитными винами и водками.

– Несколько наших бонз принимали от меня подарочки в бутылках, но работяги попроще вцепились мертвой хваткой и не отпустят, пока не признают все до конца... И не только в отношении спиртного. А еще и по поводу того случая в кабине.

Шарлотта краснеет. Фло сверлит взглядом Жан-Макса, словно ждет, хватит ли ему наглости назвать имя стюардессы, с которой его застукали.

– Ну я им и выдал имена всех наших стюардесс, – заявляет Жан-Макс и с усмешкой начинает перечислять: Монополова, Зубровка, Гавана, Альберта...

И меня который уже раз поражает смелость Жан-Макса. Я ему верю. Он обязательно устоит и никого не выдаст. Похоже, его застукали с Шарлоттой, но если Эмманюэль не донесет на нее, он-то уж точно этого не сделает и всю вину возьмет на себя.

– Ну-ну, не печальтесь, сестры мои! Я еще поборюсь с *Air France*, буду стоять на своем до последнего. Что вы скажете, если я приглашу вас через десять дней слетать со мной в Джакарту? С тех пор как я показал себя героем в парке Чикано, мне нужно поддерживать свою репутацию, а я им наверняка пригожусь на этом рейсе.

Джакарта!

Мне вспоминаются слова Лоры, сказанные как раз перед моим отъездом. «Ты что, мам, не смотришь новости? Там же цунами! Волны пятиметровой высоты снесли дома на Суматре, на Яве... Тысячи людей остались без крова...»

* * *

Цунами.

Мое цунами.

Где все началось и все закончилось.

В дверь кабины стучат. Второй пилот уже нервничает. За ним стоит Патрисия, старшая стюардесса, мы ей нужны. «Идите работать, девушки! И не мешайте Жан-Максу пилотировать».

Командир подмигивает нам на прощанье. Мне бы следовало успокоиться – все ведь разъяснилось, даже несколько второстепенных тайн; вдобавок я была на краю гибели, а друзья меня спасли. И все-таки не могу отделаться от тревожного чувства. Оно возникло в тесной пилотской кабине и не рассеялось, а только окрепло. Я незаметно рассматриваю командира и обеих стюардесс, пытаюсь припомнить наши разговоры, начиная с Монреаля, начиная с Сан-Диего, и отогнать это мерзкое ощущение, убедить себя, что слишком плохо думаю о них, однако чем упорнее отгоняю мысль, тем назойливей она возвращается ко мне, страшная в своей очевидности.

Каждое слово, произнесенное в кабине пилотов, было неискренним.

И каждый из троих – Шарлотта, Фло и Жан-Макс – мне лжет!

* * *

Во время рейса мы, стюардессы, спим по очереди. Два-три часа. Наступает мой черед, я никак не могу заснуть. В голове мельтешат вопросы. Вспоминаются мелкие противоречия, неувязки. Я корю себя, мне стыдно подозревать коллег в злом умысле, но как иначе объяснить необъяснимое? Например, пропажу документов. Они нашлись в моем чемодане, лежавшем на кровати номера в мотеле, а ведь я точно помню, что брала их с собой для перехода мексиканской границы. Этому есть простое объяснение, и его подсказала мне Фло: дескать, я была в таком смятении, что забыла о них. Ладно, Фло, я не буду настаивать на обратном. Даже если...

Какой-то пассажир задевает меня, направляясь к туалету, машинально извиняется; усталое лицо, в руке мобильник, в ушах наушники. Немного похож на Оливье, хотя я никогда не видела моего мужа слушающим музыку в наушниках. Я улыбаюсь этому полуночнику и опускаю голову, позволяя волосам упасть на глаза, чтобы поскорей заснуть. Расслабиться. Мне не терпится вернуться домой. Увидеть девочек. Поиграть с внуками. Вернуться к жизни матери и бабушки. К простой, мирной жизни, где нет места лжи. Нет места лжи – с тех пор, как родилась Марго.

Увы, мои сомнения только крепнут.

Может, кто-то хочет заставить меня платить за ложь двадцатилетней давности? Ужасную ложь, в которой я никому не призналась... Но сколько воды утекло с тех пор...

Или – того хуже – кто-то хочет убить меня за это? Как пытались убить Илиана...

А что, если этот кто-то решил свести меня с ума? Как я была без ума от Ила...

Чувствую, что сознание потихоньку затуманивается и веки вот-вот сомкнутся. Неужели удастся забыться сном? Мысли, убаюканные мерным гудением двигателей, клубятся и тают, как облака, сквозь которые мы летим. Голоса сливаются в неясный хор. Лица заслоняют друг друга. Звуки музыки успокаивают. В голове приглушенно звучат гитарные аккорды. И несколько фортепианных нот. На которые ложатся слова:

*When the birds fly from the bush,
There will be nothing left of us...*

Кто-то напевает мне эти слова нежным шепотом, прямо в ухо. Это слова Илиана, наши последние слова, которые я мысленно перевожу.

*Когда птицы, вспорхнув, улетят навсегда,
От нас не останется и следа...*

Я сплю. Сплю и вижу сон... Да, конечно, это всего лишь сон! Но при этом мне чудится, что кто-то и в самом деле их напевает. Совсем тихо. И совсем рядом со мной. Неужели тот тип с мобильником, который ждет очереди у туалета? Нет, я и впрямь спятила, хотя уверена, что не спала и не бредила, эти слова и правда напел мужчина, стоявший рядом со мной. Я боюсь открыть глаза... Наконец открываю.

Слова улетучиваются.

Рядом никого. Как и в проходе. Только туалет занят – наверно, тем типом, похожим на Оливье.

Я схожу с ума. Хочу проснуться. Не желаю тонуть в сновидениях и изо всех сил цепляюсь за реальность.

Я забуду прошлое! Прогоню его, похороню навсегда! Вот бы открыть иллюминатор и выбросить в облачную хмарь мой камень времени, тот самый, который я оставила на берегу Сены. У себя дома. Я хочу вернуться в Порт-Жуа!

Вынимаю мобильник. Теперь я знаю, что не засну. Пальцы гладят розовый корпус, черную ласточку, нарисованную одним росчерком фломастера. Я читаю и перечитываю сообщение, которое Лора прислала мне перед моим вылетом из Лос-Анджелеса. В нем нет ни слова об Илиане, о больнице.

*Возвращайся скорей, мама! Я, Марго и близнецы
приготовили тебе сюрприз.*

Часть III

Барселона

31

2019

Сегодня днем ветер не особенно бесчинствует, но все же врывается в долину Сены неожиданными порывами, достаточно сильными, чтобы стряхивать последние слезы росы с ветвей плакучих ив, собирать складками поверхность реки, оказывать невидимую поддержку плавному полету уток-крячек над моей головой и шаловливо трепать бумажную скатерть, которую Лора расстелила на столе террасы с половицами из ипекакуаны[90] – предметом гордости Оливье. Лора прижала скатерть четырьмя камешками, подсунула салфетки под тарелки, а стаканчики утяжелила приборами. Ей хочется, чтобы стол выглядел праздничным, ярким и веселым. Лора утверждает, что от ее взрослых дней рождения не осталось никаких воспоминаний, мол, все они похожи как две капли воды, одни только фотографии позволяют их различить, причем по личикам детей, которые быстро растут. «Вот посмотри, – скажет она через несколько лет, наткнувшись на фотографии, – здесь Этану и Ноэ меньше двух лет! Значит, это было в 2019 году». И все вспомнят тот погожий сентябрьский денек и обед на природе, в саду, когда праздновали мамин пятьдесят третий день рождения.

Спасибо, Лора!

Я смотрю, как она суетится, поглядывая то на стенные часы, то на небо, словно веля ему оставаться голубым до конца дня, то в конец аллеи, где должен появиться Валентин; как насыпает арахис, акажу, крендельки и крекеры в фаянсовые вазочки, привезенные мной с Окинавы. Она так воспитана, моя милая Лора. Она так старается устроить получше дни рождения мамы и папы. Точно так же мы с Оливье праздновали каждый день рождения Лоры и Марго с года до пятнадцати, с подарками и пирожными, конфетами и танцами, приглашая их подружек и наших родных. Если вдуматься, это хорошее вложение! Вот теперь и дети устраивают праздник родителям, и так будет лет пятьдесят, от сорока до девяноста!

Лора выставила меня сначала из кухни, потом и с террасы: «Мам, не вертись под ногами, иди посмотри журнал, почитай книжку, мы с Марго сами всем займемся».

Знаем мы эту Марго... тебе все придется делать самой, моя милая.

Марго встала через час после приезда Лоры, освободила уголок кухонного стола для своей чашки с хлопьями и весьма неохотно согласилась почистить десяток редисок и нарезать колбасу, притом одной рукой – другая барабанила по кнопкам смартфона. Оливье возится с близнецами, сейчас они отправились втроем в лес, чтобы набрать хвороста для барбекю. Уголь здесь не признается.

Улучив момент, когда Лора отвернулась, я стащила со стола горсть чипсов с паприкой и медленно побрела в конец сада, к Сене, чтобы подкормить Джеронимо и птенцов.

Пусть и у них будет праздник!

* * *

Убеждаюсь, что на террасе все заняты делом, и выглядываю за низкую кирпичную стенку, тянущуюся вдоль берега. Я еще не успела – или не посмела – проверить камень. Прекрасно помню, как перед рейсом в Лос-Анджелес подменила мой камень времени одной из этих белых галек. И тем не менее, прилетев в Лос-Анджелес, обнаружила в сумке канадский камешек, а не белую гальку с берега Сены, – именно канадский, точь-в-точь такой, как десятки других, продающихся в инуитской лавке, но ведь это невозможно, свой я спрятала у себя в саду! И никто не видел, как я это сделала.

Снова наклоняюсь, рассматриваю ровный ряд белых камешков. Ни одного серого, как будто этого обмена вовсе не было. Как будто я опять все придумала. Ну предположим, что кто-то из членов экипажа нашего «боинга» захотел меня разыграть, порылся в моей сумке и заменил один камешек другим, такое могло быть... Но здесь, у меня дома?.. Кто мог прийти и украсть этот камень?

* * *

Из раздумий меня выдергивает крик.

Лорин.

Она уже третий раз зовет Марго, все громче и громче, чтобы та помогла ей передвинуть десертный стол, и не замечает наушники, торчащие из ушей ее младшей сестры. Наконец до Марго что-то доходит и она реагирует:

– Ну чего тебе?

– Алло, алло, говорит Сена! Если тебе не очень трудно, сними наушники и помоги мне.

– Извиняюсь, мисс Рэтчед, я занята!

Мисс Рэтчед – медсестра-садистка, персонаж фильма «Пролетая над гнездом кукушки». Обычно Лора реагирует на это прозвище так, словно ее обозвали пиявкой.

– Неужели? И чем же, Лолита?

– Готовлю плей-лист для сегодняшнего торжества, представь себе! Ищу любимые мамины песни. Видишь ли, мне кажется, что она любит музыку больше, чем твою редиску («не оставляй хвостиков, Марго, главное, не оставляй хвостиков!») и твою ореховую колбасу («нарезай тонкими ломтиками, Марго, тоньше, еще тоньше!»).

Лора пожимает плечами и сама переставляет стол. Марго удаляется, гордо покачивая бедрами.

Вот что значит восемь лет разницы!

В чем же дело – в возрасте или в порядке появления на свет? Сестры никогда и ни в чем не были похожи. Лора так привязана к семье, так педантична и так заботится о других, что первым делом пытается навести порядок в головах тех, кого любит. Но Марго категорически не допускает, чтобы кто-то навел порядок у нее в мозгах, у нее в комнате и даже в ее мире. Хаос и только хаос – ее жизненный принцип. И этой маленькой хитрой девчонке удалось убедить своего дорогого папочку – маниакального аккуратиста – в справедливости своей теории.

Лора и Марго – полные антиподы, а с тех пор как младшая достигла подросткового возраста, она стала совсем невыносимой, но я-то знаю, что между ними существует глубинная связь. Лора защищает младшую сестру несмотря ни на что, и Лора служит Марго образцом – образцом, которому та не желает подражать, но все-таки... Лора для нее – тот самый компас, который неуклонно показывает на север. Лора и

Марго... Я пристально гляжу на реку, боясь моргнуть, чтобы слезы не испортили макияж. Лора и Марго... если бы вы знали, сколько раз мне хотелось посвятить вас в свою тайну, в этот договор с дьяволом, в эту ложь, которую вы никогда не сможете мне простить...

Громкий автомобильный гудок вспугнул уток, и они шумно снялись с места. Валентин приехал. Близнецы бегут навстречу папе, мгновенно забыв про Оливье, несущего охапку хвороста. Лора поспешно снимает передник. Марго подключает свой мобильник к колонкам, стоящим перед окном.

Mister Mystère[91].

Прекрасный выбор, Марго!

А какой великолепный стол, Лора!

И моим сердцем завладевает сладкая меланхолия.

* * *

Нас семеро за столом. Потом остается пятеро – близнецы побежали играть. Потом четверо – Марго по-прежнему сидит возле меня, но вся ушла в свой мобильник.

Барбекю.

Валентин прекрасно справился с этой задачей – посмел бы он не справиться! Лора ни на миг не спускала с него глаз. Он так усердствовал, будто от успеха жареного мяса зависело, согласится ли она стать его женой и войти с ним в супружескую пещеру.

Мне, в отличие от Оливье, Валентин очень нравится.

Я знаю, что в один прекрасный день он умыкнет нашу дочь в какую-нибудь отдаленную жандармерию, где нет больницы Биша и где Лоре придется работать обыкновенной сельской фельдшерницей. Но Валентин меня забавляет. И хоть он инспектор, или лейтенант, или еще бог весть в каком звании, здесь, за столом, он держится так робко, словно попал на допрос к своему тестю. Разве что Оливье не светит ему яркой лампой в глаза, как следователь преступнику.

– Вам давно пора подумать об отпуске, моя дочь очень устала. Неужели это было так срочно – обставить комнату близнецов? Так же срочно, как обустроить винный погреб?..

Салат.

Я придвигаю к Лоре мой подарочек, привезенный из Лос-Анджелеса, – стеклянный шарик, где снежинки вихрем взвиваются над горой «Парамаунт»[92]. Она с минуту разглядывает его. Как и все другие шарики ее коллекции, заботливо собиравшейся последние двадцать лет, этот тоже останется в Порт-Жуа, на полке в ее бывшей спальне, где теперь спят близнецы, когда гостят у нас. Они еще слишком малы, чтобы давать им в руки эти шарики, так полагает их строгая мама.

Сыр.

Лора кидает салфетку на мобильник младшей сестры. Марго вскидывается, готовая наброситься на сестру, но девочки тут же со смехом вскакивают и уходят. А я вдруг осознаю, до чего же мне приятно их внезапное единение. Валентин барабанит пальцами по столу, изображая тамбур-мажора на параде.

Лора и Марго возвращаются, торжественно неся роскошный торт «Бланманже с кокосовой стружкой», мой любимый.

Ветер с Сены проворнее меня гасит свечи на торте, но их будут зажигать снова и снова, чтобы близнецы, сидя на коленях у мамы, тоже в этом поучаствовали и все мы дали себя сфотографировать.

«Смотри, Этану и Ноэ не было еще двух лет. Значит, это 2019 год. Мне исполнилось пятьдесят три...»

* * *

И наконец Лора протягивает мне три подарочных конверта.

А Валентин, наш барабанщик, еще усердней выбивает дробь на столе.

– Это тебе, – говорит Лора. – Тебе и папе. В общем, подарок всем нам.

Я вспоминаю слова моей старшей дочери перед отлетом в Лос-Анджелес: «Ты еще ничего не запланировала на свои четыре свободных дня? Тогда ничего и не планируй!»

Лора поясняет:

– Это единственный способ, который мы придумали, чтобы удержать тебя с нами, мама. И чтобы заставить тебя проветриться, папа! И чтобы мы были при этом все семеро!

– Неужели каникулы? – с легкой тревогой восклицает Оливье.

Я ощупываю конверты, в них какие-то бумаги. Билеты? Путешествие? Запланированное на промежуток между Лос-Анджелесом и Джакартой?

У меня замирает сердце. Еще не вскрыв конверт, я уже догадываюсь о маршруте. И все же мысленно прошу, молю всех богов на свете, всех, кого люди придумали во всех странах мира, заклинаю их: сделайте так, чтобы я ошиблась!

– Мам, ну ты открываешь или нет? – спрашивает Марго слегка раздраженно. Нет, скорее возбужденно.

32

1999

Мы сидим на террасе вдвоем. Как парочка влюбленных. За круглым столиком на террасе с еще голым бетонным полом. Оливье колеблется между ипекакуаной и тиковым деревом. Он способен часами рассказывать мне о достоинствах и недостатках каждой из этих экзотических пород. Я отвечаю, что мне все равно: «Решай сам, какой пол настелить на террасе, только поскорей, а то будешь думать до Лориного совершеннолетия». Маленькая Лора играет рядом с нами.

Ей-то как раз нравится бетонный пол, она может рисовать на нем мелом. Сердечки – для своих родителей, солнышки, облака. И еще самолеты – мамин самолет. Возле Лоры сокровище – снежный шар, который я привезла ей из Лос-Анджелеса, с Микки и Минни, держащимися за руки в калифорнийском Диснейленде; я успела купить его в последний момент, в аэропорту. У Лоры нормальная температура и никаких резей в животе, как будто Оливье все это выдумал. Сам он утверждает, что все это от ее воображения, *просто она скучала по тебе*.

Сад окутывают мягкие сумерки. Я предпочитаю дневному свету эти предвечерние мгновения, когда все птицы со стариц Сены поднимают гомон в ожидании ночи. В течение нескольких минут мне кажется, что все в порядке. Что мне здесь хорошо. Что я могу сколько угодно летать по свету, но вернусь именно сюда. Оливье настоял на том, чтобы открыть бутылку «Гевюрцтраминера». Это у нас такой ритуал, чтобы отмечать мою «стоянку». Обычно мы выпиваем бокал, от силы два, но не успевают бутылка опустеть, как я уже снова в полете.

Оливье шутливо утверждает, что, уезжая, я оставляю ему достаточно вина, чтобы «залить печаль разлуки».

– Милый, я подала заявление...

Оливье упорно глядит на Лору, которая сосредоточенно выводит мелом на бетоне названия тех городов, что мама показала ей на карте. *Сидне – Банкок – Нуёрк*. Она ужасно гордится своим умением писать. Оливье молчит, и я начинаю перечислять аргументы, которые повторяла десятки – нет, сотни – раз. Неужели ложь становится правдой, если ее повторять почаще?

– Всего три дня. Со вторника по четверг. С Флоранс и еще двумя стюардессами – Лоранс и Сильви. Я уже столько месяцев не летала...

– Ты летаешь трижды в месяц, Нати!

Я чувствую, что назревает ссора.

Перевожу дыхание. Мы вернулись к знакомой теме – сколько раз мы ее уже обсуждали! – и я снова уверенно говорю:

– Так это работа, Оли, просто работа. А тут – три дня каникул, в компании с подружками.

Оливье отворачивается, смотрит на каракули дочки. *Дакар – Дели – Кито*.

– Мне просто жалко Лору.

Я стою на своем. Стараюсь говорить как можно убедительнее, чтобы не вызывать у Оливье подозрений.

– Послушай, Оли, я же отдыхаю две недели в месяц. И провожу с Лорой куда больше времени, чем другие мамы, работающие тридцать девять часов в неделю. Так что тебе не в чем меня упрекнуть! Единственное преимущество моей профессии – дармовые путешествия. А тебе нравится сидеть здесь. Ты всегда отказывался летать со мной. Сколько раз я тебе это предлагала, когда просилась во внеплановый рейс! Часто. Но не сейчас...

Оливье не возражает, даже не спрашивает, куда я лечу. Молча допивает вино, нагибается и начинает собирать Лорины игрушки – это знак, что ей пора ложиться спать.

– Всего три дня, Оли. Три дня в Барселоне, с тремя подружками. Надеюсь, ты мне это не запретишь?

– А разве я когда-нибудь что-то запрещал тебе, Нати?

На каждом из трех конвертов выведен маркером вопросительный знак. Я медленно вскрываю первый. Это называется «Лора шутит». На листочке нарисован футбольный мяч.

– Ну что? – спрашивает Марго у папы. – Поедем на футбол?

– В Манчестер? В Турин? В Мюнхен? – спрашивает Оливье.

– Слишком шикарно! – иронизирует Валентин. – Три дня в Баварии! Тогда почему не в Мёнхенгладбахе?[93]

Оливье не отвечает, он залпом допивает вино, уязвленный, а главное, удивленный футбольными познаниями зятя, который у себя в Сержи всего-то стоит на третьей позиции в регбийной команде.

– А ты, мам? – настаивает Лора. – У тебя есть какие-то предпочтения?

Я стараюсь изобразить нерешительность, нетерпеливо вскрываю второй конверт и... не могу скрыть изумления. В нем коллаж из репродукций картин Пикассо, Дали, Миро. Мне кажется, у меня сейчас остановится сердце. Лора расплывается в улыбке. Марго хлопает в ладоши. И Оливье тоже сразу понял. Вскрыв третий конверт, я только получаю подтверждение своей догадки: на листке бумаги собраны все шедевры Гауди – Каса-Мила, Каса-Батльо, Саграда Фамилия[94].

И у меня невольно вырывается:

– Барселона?!

– Ну надо же, ты у нас прямо собаку съела в географии! – шутит Марго. – Не иначе как стюардессой работаешь!

Следующие минуты проходят в радостном возбуждении. Наш отъезд намечен на завтра! Марго пытается объяснить близнецам, что они полетят на самолетике в небо, совсем как их бабуля. Лора пытается объяснить отцу, что все это совсем не сложно: отправление из Бове, рейсом компании *Ryanair*, то есть никакого риска встретиться с коллегами мамы! Валентин объясняет, что все уже забронировано. Отель-пансион находится в Эшампле[95], в двух шагах от центра. И добавляет, что Барселона славится как столица воров-карманников, но он берется лично обеспечивать нашу безопасность.

Барселона...

Девочки расхваливают отцу барселонский стадион «Камп Ноу» и резные деревянные панели готического квартала Барри Готик: тебе очень понравится, папа! В любом случае у Оливье нет выбора, даже если он не летал на самолете уже пятнадцать лет, с тех пор как мы с ним побывали на Мартинике. Его умыкают собственные дети!

Барселона.

Но в этой цепи отсутствует одно звено.

Смех моих дочерей звучит как-то приглушенно, кажется почти нереальным. Я улыбаюсь, изображаю восхищение, но не могу проникнуться их радостью. словно не живу, а смотрю фильм о собственной жизни. Плохо снятый фильм. Фильм, в котором все фальшиво. Дочери приготовили мне авиасюрприз между двумя моими профессиональными полетами – в Лос-Анджелес и Джакарту. И выбрали... Барселону!

Барселона... третий из моих четырех рейсов, связанных с Илианом.

Это не может быть случайностью. Так что же тогда – свидание? Какое свидание? Что все это значит? Неужели трогательная семейная сцена – не более чем комедия? Неужели они сговорились против меня? Неужели их шутки, рассказ Валентина о ночевках в молодежном кампусе на площади Каталонии, намерение Марго во что бы то ни стало посетить Дворец каталонской музыки[96] – всего лишь заранее разученные диалоги? Неужели Оливье притворяется, уверяя, что не может вот так внезапно уехать, его ждут клиенты, ему нужно закончить с отделкой заказанных шкафов, напилить доски, обстругать полки... И неужели его дорогие дочки придерживаются заранее написанного сценария, когда с широкими улыбками отвечают, что клиенты никуда не денутся, подождут, они ведь не покойники, которым срочно понадобились гробы!

Нет, я просто схожу с ума! В какой-то миг мне начинает казаться, что вокруг меня все вертится и я сейчас рухну на деревянный пол террасы. Одна только Лора чувствует, что мне дурно, и обнимает за талию.

Пойдем прогуляемся, мама.

И громко объявляет:

– Скоро будем пить кофе!

А потом ведет меня вглубь сада. Остальные ничего не замечают.

* * *

– Тебя не радует эта поездка со всеми нами?

– Ну что ты, дорогая, конечно, радует.

Мои глаза – всего лишь плотина, сдерживающая потоки слез.

– Папа мне рассказал, как на тебя напали в Сан-Диего. Ты должна была попросить нас отложить день рождения...

Я крепко обнимаю Лору. Какая же у меня взрослая, разумная дочь! Куда разумнее, чем ее мать.

– Ничего страшного, красавица моя. Просто я натерпелась страху, но теперь все прошло.

И все-таки я дрожу. Лора массирует мне спину, как делала я, когда она была маленькой. Ее заботливость меня удивляет. Что ж, наверно, женщина начинает по-матерински относиться к своей матери, когда сама становится мамой.

– Мне казалось, что труднее будет уговорить папу, чем тебя. Ты... ты переживаешь из-за своего друга, который лежит в Биша?

На сей раз я даю волю слезам. Лора уводит меня подальше, мы выходим из сада и шагаем вдоль Сены. Джеронимо удивленно взирает на Лору – похоже, никак не поймет, почему голос и запах этой женщины напоминают ему девочку, которая долгие годы, утром и вечером, кормила его хлебными крошками. Я киваю. Мы бредем вперед. Лора сжимает мою руку:

– Не беспокойся, мама. Его состояние стабилизировалось. Хирурги решили понаблюдать за ним еще несколько дней, определить динамику, а потом уж решать, можно ли его оперировать. Вот вернешься и сможешь его навестить. Даже если меня пару дней не будет в больнице, я уже предупредила девочек, Каро и Мартину, они мне позвонят, если что... Я ведь не знала... – добавляет она почти извиняющимся тоном.

Чего ты не знала, Лора? Что моего друга сшибла машина, когда ты уже заказала билеты? Не переживай, дорогая... В любом случае я не уверена, что решилась бы навестить Илиана. И тем самым нарушить наш договор.

Мы проходим еще метров сто, до рукава реки с его четырьмя островками. Как я люблю покой этих крошечных, пустынных, заросших зеленью клочков суши, где цапли бродят по колена в воде, словно она слишком холодна, чтобы мочить в ней перья. Я чувствую,

что могу говорить откровенно. И мягко спрашиваю Лору (мне нужно это знать):

– Скажи, детка, почему ты выбрала именно Барселону?

– Ну... мы решали все вместе... Валентин, Марго и...

Я улыбаюсь:

– Нет, Лора. Я тебя знаю – ты сама все решила. Ты никому другому не доверила бы такое решение. Так почему?

– Понимаешь... Во-первых, это совсем рядом... И там море, музеи, собор, Рамбла, «Камп Ноу»[97], сангрия, пальмы, дворцы...

– Тогда почему не Рим? Почему не Амстердам, не Вена, не Прага?

Лора пристально смотрит на меня, явно озадаченная.

– А какая разница, мама?

В ответ я только улыбаюсь.

Большая разница! Очень большая, милая!

* * *

Мы идем обратно – остальные, наверно, заждались кофе. Шагаем молча, потом Лора заговаривает со мной:

– Теперь, когда ты меня спросила, почему именно Барселона, мне кажется, я знаю ответ. Помнишь, когда мне было шесть лет, ты привезла мне снежный шар, где была Саграда Фамилия?

Еще бы мне не помнить, Лора.

– Я хранила его много лет. Это был мой самый любимый! Ты, наверно, скажешь – неудивительно, ведь все остальные разбились. Но он был первым и главным в моей новой коллекции. Ты знаешь, что шарик с «Парамаунтом» – сто тридцать девятый?

А я-то считала, что сувениры, привезенные со всех концов света, теперь вовсе не нужны Лоре! Едва удерживаюсь, чтобы не обнять ее и не поблагодарить.

Спасибо, спасибо, спасибо тебе, моя дорогая!

* * *

Когда мы возвращаемся, кофе уже на столе – Валентин, Марго и Оливье справились сами. Потом установили деревянные кегли и начали играть. Близнецы спят, Валентин их уложил.

Лора тут же начинает убирать со стола, а я без сил падаю на стул. Марго кокетничает с мужчинами. Ее духовная близость с отцом бросается в глаза и выглядит очень трогательно. Да, нам с Оливье хотя бы это удалось...

Но помогло ли?

Ведь Оливье сомневался, так долго сомневался.

Смотрю, как Марго прибавляет громкость с помощью своего мобильного, это одна из старых песен Чака Берри, и начинает извиваться, изображая игру на гитаре.

А может, он и сейчас сомневается...

Ветерок легонько вздымает конверты и листочки, оставшиеся на столе, и они подпрыгивают, словно танцуют вместе с Марго. Дали, Саграда Фамилия, Гауди, Каса-Мила... Прижимаю их ладонью, чтобы не улетели. А мои мысли летят к Барселоне, уж им-то ничто не помешает.

34

1999

– Ну здравствуйте, принцесса!

Илиан сидит передо мной на террасе бара «Окачи», под аркадами Королевской площади Барселоны.

Мои глаза жадно впитывают весь этот антураж – тени от пальм, их высокие тонкие стволы, с листьями на уровне кровель, ощущение жары и одновременно прохлады от жгучего солнца и водяных струй железного фонтана, череду зонтов-навесов, беспорядочно расставленные стулья, Илиан и черный чехол гитары рядом. Илиан отпустил бородку, лицо загорело. Светлые кудрявые волосы спадают из-под клетчатой кепки на распахнутый ворот широкой, полурасстегнутой красной рубашки. Он выглядит так же романтично, как и все окружающее. Никогда еще я не замечала, что Илиан так красив!

Он встает, обнимает меня, и я готова растаять от одного лишь прикосновения его джинсов к моему животу, распахнутой рубашки – к

моей груди. Растаять, а еще лучше вовсе раствориться в этом воздухе и позволить Илу вдохнуть меня, проглотить мою душу, чтобы упиваться моей любовью, отбросив, как ненужную шелуху, все остальное. Мою ложь, мои угрызения совести. Оливье. Лору.

Все произошло так быстро... Я уехала из Порт-Жуа меньше четырех часов назад. Час на дорогу в Руасси, час – в самолете до аэропорта Эль-Прат, полчаса на автобусе до площади Каталонии, десять минут ходьбы до Королевской площади. Я даже не успела позвонить Флоранс или кому-нибудь еще, чтобы прикрыли меня, если понадобится.

Совсем голову потеряла!

Сажусь рядом с Илианом за маленький столик.

Он шатается.

Илиан смеется:

– Знала бы ты, сколько времени я его выбирал! Готов был у какого-нибудь ножку спилить.

Я вздрагиваю при этом столярном слове «спилить» – оно, словно мелкие опилки, припорошило мое ликование. Но Илиан сдул их, и они бесследно исчезли. Я заказываю светлое пиво, такое, как у него. Наши взгляды блуждают в веселой суматохе площади. Туристы жарятся на ярком солнце, пока не сделают панорамные снимки, а потом спасаются от него в тени аркад. Нам трудно найти первые слова, мы заменяем их поцелуями. И я вдруг с удивлением думаю, что, несмотря на свое желание, наверно, буду скучать с Илианом. Когда пройдет страсть, разве я смогу вести с ним долгие разговоры, какие часами вела с Оливье, обсуждая воспитание Лоры, благоустройство дома?

– Я дал вам одно обещание, принцесса.

Внезапное «вам» удивляет меня.

– Мы разве не перешли на «ты», мой маленький принц?

– Только когда вы в меня влюбитесь!

Когда я влюблюсь в тебя?

Я глажу его грудь в распахнутой рубашке, его ногу и думаю:
Неужели не видишь, что я уже влюблена?

* * *

Так ты хочешь, чтобы я влюбилась в тебя, Ил?

Как же ты намерен этого добиться?

Мы идем по древним улицам Готического квартала, слившись в эдакое четвероногое существо, иногда слишком широкое, чтобы протиснуться в узенький мощный проулок, останавливаемся перед входом в каждое патио, и наше четверорукое, двуглавое тело сгибается в три погибели под знойным солнцем, чтобы нырнуть из ослепительного света в тень арки или вскарабкаться по нескольким ступенькам. Каждое патио на каждой новой улочке кажется мне более изысканным, более живописным, чем предыдущие. Чудится, будто город веками строился с одной лишь целью – в ожидании нашей встречи. И пусть Верона принадлежит Ромео, Монмартр – Нино и Амели, а Манхэттен – Вуди[98], но Готический квартал принадлежит нам с Илианом! Каждый солнечный луч на скрещении двух улиц вызывает у меня желание найти тенистый уголок, чтобы поцеловать Ила, каждый фонтан – чтобы обрызгать его, каждая арка – чтобы укрыться под ней вместе с ним. Даже сад при церкви Святой Евлалии уподобляется сейчас Эдему, где мне доступен любой плод.

Наконец мы выходим, минуя Каррер де ла Палья, на Новую площадь с ее сувенирными ларьками. Вот он – современный шрам на теле города, отсекающий его от лабиринта старинных улочек. Илиан останавливается, чтобы купить открытку. Выбирает одну, с попугаем в парке Цитадели[99], просит меня подержать его гитару и что-то пишет на обороте. Я читаю из-за его плеча: *Моей прекрасной ласточке с каменными крыльями.*

Я удивлена:

– Почему с каменными?

– У нас есть два дня, чтобы сделать их легкими! Отправим ее по адресу?

Ил ведет меня на ближайшую улочку, мы проходим под кружевной каменной тенью моста Бисбе[100], и через несколько метров Ил останавливается перед Каса дель Ардиака[101]. Я разглядываю остатки крепостной стены, из-за которой выглядывает огромная пальма-жираф, слушаю нежное журчание воды в фонтане внутреннего двора Дома архидьякона. Илиан задерживает меня у входа.

– Авиапочтой или наземной? – спрашивает он, помахивая конвертом. – Со скоростью ласточки или черепахи?

И тут я замечаю, что мы стоим перед почтовым ящиком, висящим рядом с монументальной дверью. С великолепно отделанным почтовым ящиком, украшенным барельефами в виде животных. Вот черепаха... а вот три каменные ласточки!

Открытка бесшумно падает в ящик – без адреса, даже без марки!

Чудесно, Илиан, отлично задумано!

И я целую его. До чего же прекрасна жизнь!

* * *

Мы продолжаем наугад бродить по улицам. Квартал Эль-Борн[102] кажется мне еще более причудливым, чем Готический. Улочки сменяются крошечными площадями, а те, в свой черед, ведут на другие улочки. Рестораны перемежаются галереями, музеями, другими галереями и музеями, другими ресторанами или тапас-барами. Мы блуждаем уже целый час с волшебным ощущением путешествия по заколдованному городу, чьи улицы то и дело меняют облик и обмениваются площадями, чтобы морочить нас. У меня гудят ноги. Я хочу есть. Хочу пить. Хочу наконец заняться любовью. Мы выходим на очаровательную маленькую безлюдную площадь Сан-Кугат, и я решаю сделать привал. Приникаю к Илиану. Он обнимает меня:

– Вы сейчас похожи на котенка.

Отвечаю, мурлыкая:

– Я знаю... я такая ласковая кошечка... Видели бы вы меня с усами!..

И падаю без сил на ближайшую деревянную скамью. Ил остается на ногах, вешает гитару на шею.

– А известно ли вам, что кошек можно приручать музыкой?

Я играю свой прядью, стараясь выглядеть эдакой кокетливой киской.

– Хотите приманить еще кого-нибудь?

Ил настраивает гитару и бросает на меня загадочный взгляд:

– Вы верите в волшебство, Нати?

С этими словами он садится на скамью посреди этой крошечной пустой площади и начинает играть красивую нежную мелодию, которую, видимо, сам и сочинил. Буквально через минуту с крыши

спрыгивает тощий лохматый кот; несколько мгновений он точит когти о ближайшее дерево – наверно, чтобы произвести на нас впечатление, – потом подходит и трется об ноги. Не успеваем мы решить, что делать, погладить его или отогнать, как из подвального окна тапас-ресторанчика, закрытого на время сиесты, появляются еще две кошки, с виду домашние, больше привыкшие бегать по земле, а не по крышам, если судить по их грязным бокам. А вот целая троица, возникшая неизвестно откуда, уселась перед скамьей, на которой сидит и играет Илиан, и ничего не опасается! Все смиренно устроились кружком, тихие, сосредоточенные, точно прохожие, слушающие уличного музыканта.

Я потрясена. Тем временем аудитория не перестает увеличиваться. Теперь кошек уже больше пятнадцати. Я ничуть не удивилась бы, если б Илиан попросил меня обойти слушателей с его кепкой и коты накидали бы туда монет. Он перестает играть только минут через пятнадцать, к великому разочарованию публики, которая состоит уже из двух десятков хвостатых слушателей.

Я в себя не могу прийти! Как это понять? Тут наверняка какой-то фокус!

Мои пальцы скользят за ворот Илиана, глядят его шею, пока он укладывает гитару в футляр.

– Ну скажите же, в чем тут секрет?

– Да просто я сочинил этот короткий мотивчик, и он, как ни странно, нравится котам. Но теперь, когда концерт окончен, берегитесь этих зверей, моя ласточка, держитесь поближе ко мне!

Коты, судя по всему, не собираются уходить, они продолжают смотреть на нашу скамью. Илиан, насвистывая, встает; Илиан меня злит, я хочу знать, что происходит, я чувствую, что теперь он спешит уйти с площади Сан-Кугат. Почему? Я заинтригована. Ил шагает в двух метрах от меня, он уже почти вышел на Каррер де Кардерс, как вдруг я вижу, что в красном доме, стоящем позади нашей скамьи, отворилась дверь. Из нее выходит старуха, в руках стопка мисок, которые она расставляет на тротуаре. Затем аккуратно наливает молоко в каждую, и коты тут же забывают про музыку.

Я догоняю своего «заклинателя котов»:

– Вы сжульничали! Вы знали! Наверняка уже бывали здесь, играли на площади вчера или позавчера, сидели на этой скамейке и заметили

привычки старухи. У кошек часы в желудке. Они приходят сюда каждый день в один и тот же час в ожидании кормежки.

– Ну-ну, не сердитесь!

Ил вешает футляр с гитарой на плечо так бережно, как какой-нибудь папа взял бы на руки шестилетнюю дочку, и продолжает путь.

Господи, как же я его люблю!

Ну кто еще смог бы придумать столько всего, чтобы очаровать любимую женщину?! Заклинать котов, точно факир – змей! Даже самых романтических влюбленных хватило бы лишь на то, чтобы созвать пеликанов из Сент-Джеймского парка или голубей с площади Святого Марка!

* * *

Мы еще долго идем по городу, теперь у нас одна цель – парк Гуэль[103]. Я добираюсь до него такая измученная, словно в одиночку раздавала всему аэробусу А380 завтраки и обеды на рейсе Париж – Сидней. Но Илиан не дает мне передышки:

– Вперед! Сверху вид на город еще прекраснее!

И мы взбираемся вверх по ступеням сказочной лестницы, словно взятой из «Алисы в Стране чудес», она вьется между пряничными домиками, под взглядами дракона и саламандры, покрытых чешуей из пестрых керамических осколков. Прямо-таки декорации Тима Бёртона или Уолта Диснея, только еще более ярких, сказочных расцветок. Единственное в своем роде зрелище, искусство, где краски Моне смешаны с золотом Климта. Лестница выходит на эспланаду, где десятки туристов сидят на знаменитой «волнистой» скамье; я обнаруживаю, что она расположена как раз над удивительным храмом у нас под ногами, опирающимся на восемьдесят дорических колонн. Мы тоже садимся на скамью, любуясь парком, который раскинулся перед нами десятком метров ниже. Вокруг ходят, мельтешат туристы. Илиан смотрит на них с неприязнью, совсем ему несвойственной.

– Как же они все меня раздражают!

– Почему?

– А вы не находите, что здесь слишком людно? Вот где я хотел бы заниматься с вами любовью – на этой змеящейся скамье. Мы ведь это

заслужили, разве нет?

И он окидывает взглядом весь город, простирающийся внизу до самого Средиземного моря.

– Ну что же, вынимайте свою гитару и околдуйте их музыкой, чтобы они все исчезли!

Илиан как будто всерьез задумывается над моим предложением.

– Похоже, это мне не под силу, – признается он, помолчав. – Но я могу попробовать усыпить их.

– Давно пора, – бросаю я, не скрывая своего разочарования.

Ил сверлит глазами фланирующую толпу туристов, которые фотографируют друг друга, переговариваются и смеются, потом начинает обратный отсчет:

– Пять, четыре, три, два...

Замолкает. Взмахивает руками, как чародей-волшебник. И громко произносит:

– Один!

О чудо! Внезапно все туристы застывают на месте, точно персонажи «Спящей красавицы»! Одни – на полушаге, другие – с открытым ртом, третьи – с нацеленными фотоаппаратами. Мое сердце ухает в пропасть, останавливается, разбивается, потом снова начинает колотиться, все быстрее и быстрее. Нет, это не иллюзия, не галлюцинация. Эти люди словно окаменели! Неужто Илиан простер свою фантазию до того, что нанял три десятка статистов для такой вот мизансцены?! Но ведь тогда ему понадобилось бы арендовать весь парк Гуэль, чтобы ни один случайный турист не оказался здесь, между дорическими колоннами, в такой неподходящий момент. Да это просто невозможно!

– Итак, принцесса?

Мое сердце по-прежнему бешено стучит в груди.

– Как вам удалось?

– Вы не хотите говорить мне «ты»?

– Нет, сначала ответьте! Все эти люди – ваши приятели?

– Принцесса, в Барселоне я знаю только вас и еще одного человека... Так вы не хотите перейти на «ты»?

– Ненавижу вас!

И я раздраженно смотрю на застывших людей, словно маленькая девочка, не понимающая, в чем фокус. Даже эта тишина действует

угнетающе. Птицы и те перестали щебетать. Илиан поистине волшебник, куда более могущественный, чем Гвидо в фильме Бениньи.

Я люблю его, люблю, люблю!

И уже собираюсь признаться, как вдруг слышу крик:

– Окей, стоп, делаем второй дубль!

Застыв от изумления, вижу, как зашевелились все, кто был на площадке; откуда-то снизу, из-под террасы, на которой мы находимся, выскочили ассистенты – главным образом девушки – и рассыпались по всей эспланаде, чтобы изменить какие-то детали, стереть блик на мозаике, поправить чью-то криво сидящую шляпу, подобрать улетевшую бумажку. Из тени выдвигаются объективы кинокамер, люди с блокнотами раздают указания статистам, расставляя их по-другому, прежде чем они снова задвигаются.

– Так это просто съемка?! – восклицаю я, расплывшись в улыбке. – Они снимают фильм?

– Да, это просто рекламный фильм, – весело смеется Илиан. – Для рекламы духов «Кобальт» фирмы *Parera*. Это еще один из моих мелких приработков. Чтобы сыграть роль статуи, не нужно быть членом *Actors Studio*. Но вы приехали, и мне пришлось отказаться.

– Вы самый ненормальный из всех, кого я знаю!

* * *

Беру его за руку. Мы спускаемся по дорожке со сказочными фигурами. Съёмочная группа снова исчезла за колоннами. Слышна команда режиссера: «По местам!» На площадке смех, беготня, суета. Статисты принимают прежние позы. В тот момент, когда мы проходим мимо пестрой саламандры, режиссер кричит: «Мотор!»

Один из ассистентов бежит к нам, чтобы задержать.

Пусть только попробует!

Тем не менее мы снова оказываемся среди статистов, которые с самым непринужденным видом прогуливаются по площадке, смотрят в небо, болтают в ожидании момента, когда им снова придется застыть на месте.

Мертвая тишина.

И в этой тишине я кричу:

– Люблю тебя!

И впиваюсь поцелуем в губы Илиана. Он кружит меня волчком среди неподвижных мужчин и женщин, которые, наверно, думают, что сценарий внезапно переписали и мы теперь главные герои фильма.

Что делать... каприз режиссера. Но нет, режиссер впадает в истерику:

– Стоооп! Откуда они тут взялись, эти долбаные придурки?!

Продолжения мы не слышим – успеваем сбежать.

* * *

Мы садимся в первый попавшийся автобус и доезжаем до площади Каталонии: Илиан хочет показать мне бульвар Рамбла. Вечереет. Люди толпами направляются к морю – можно подумать, они специально ждали нашего появления. Обнявшись, мы пропускаем их, но они задевают нас на ходу, увлекают за собой, словно сильное течение двух пловцов.

– Я тебя предупреждал, ты в меня влюбишься! – кричит Илиан.

Не хочу думать ни о чем, кроме этого единственного мгновения. Разбить часы. Не считать ни минут, ни дней. Не думать о том, что будет после. Забыть о скобках, кавычках, многоточиях. Желать одного – раствориться, утонуть в этой толпе вместе с Илианом, моим единственным спасательным кругом. В толпе, которая буквально расплющивает нас, как только мы замедляем ход.

– Идем вон туда, – зовет Илиан.

И мы выбираемся на боковую дорожку, где стоит с тележкой продавец мороженого.

– Какой аромат желает сеньора?

Не могу оторвать взгляд от Илиана. Никогда еще его глаза не были такими голубыми.

– «Цветок страсти».

– Прекрасный выбор. Извольте подождать.

Ил отводит меня к ближайшей скамье, усаживает, а сам идет за мороженым. Чудесная белокаменная скамья сделана в чистейшем стиле Гауди, над ней возвышается фигура в натуральную величину – солдат в каске, изваянный из того же камня.

Илиан возвращается с полдороги:

– Только ведите себя хорошо! Не заигрывайте с незнакомыми мужчинами!

Я разглядываю его, пока он стоит у красно-белой тележки мороженщика. Любуюсь его затылком, талией, стройными ногами. Умираю как хочу его!

И тут каменная скамья, на которой я сижу, начинает шевелиться подо мной! Что это – землетрясение? Вдобавок – словно этого мало – и каменная статуя тоже оживает. Ее каменные веки приподнимаются, каменная грудь начинает дышать, лицо прорезают морщины. Словно заколдованный рыцарь, стоявший тут целую вечность, ждал, когда я сяду именно на эту скамью, чтобы пробудиться от долгого сна и передать мне послание. Послание, состоящее из трех слов.

Мне даже чудится, что, произнося их, статуя улыбается:

– Здравствуй... здравствуй, принцесса!

*Когда краса былых живых букетов
Засохнет пыльным украшением буфетов,
Когда безумный жар страстей глубоких
Остынет в холоде бессонниц одиноких,
Когда благословенный солнца луч
Угаснет под завесой хмурых туч
И нашу жажду чудных перемен
Заменит скучный быт меж серых стен,
Когда друг друга мы вконец израним,
Что нам останется и кем мы станем?*

35

2019

– Мам, купи мне смузи!

В свои восемнадцать лет Марго ведет себя как подросток. Мы, все семеро, пробираемся по узким проходам рынка Бокерия, и у каждого в руке либо пакетик апельсинового сока, либо свежий плод манго, либо коробочка с фруктовым салатом.

– Давайте попробуем все это на Королевской площади! – предлагает Валентин. – Заодно выпьем кофе.

Наш маленький отряд выходит из тени платанов, пересекает бульвар Рамбла и берет курс на верхушки пальм, торчащие над крышами высоких жилых домов. Оливье возглавляет шествие, расчищая путь для Лоры, которая везет двойную коляску с близнецами, Этан на переднем месте, Ноэ – на заднем. Пам-пам-пам... Близнецы в восторге. Может, они обсуждают на младенческом языке достоинства своего болида, прочность шин и легкость управления? Марго тащится позади, уткнувшись в свой смартфон, не каждый же день выпадает такое счастье – разослать друзьям в инстаграме «Я и смузи сейчас в Барселоне».

Оливье выходит на улицу Каррер де Ферран, мы идем следом. Оглядевшись, он ступает на проезжую часть... и вдруг откуда-то возникает фургон «сеат инка».

Скрежет колес, крики прохожих. В этот момент дикой паники я думаю: он не затормозит, собьет нас! У меня сердце готово выпрыгнуть из груди.

Но фургон останавливается в самый последний момент.

Это Валентин выскочил на дорогу и дал знак водителю остановиться. Даже в гражданской одежде он жестикулирует властно, как полицейский. Лора с коляской переходит дорогу, за ней бежит Марго, а сзади плетусь я на ватных ногах. С тех пор как я оказалась в Барселоне – в аэропорту, в автобусе, на улицах, – мне постоянно чудятся те двое типов из парка Чикано, – любитель сигар и любитель мятных леденцов, те двое, что не случайно вертелись около «шеви», те двое, что хотели меня убить. Те, что действовали в Сан-Диего, а за несколько дней до этого – в Париже, рядом с магазином «Фнак» на площади Терн. Так почему бы не здесь?!

Наконец все мы располагаемся на Королевской площади, на террасе кафе «Окоча». Это место выбрала я. А Лора выбрала стол. Стол, который *не* качается! Не успели Оливье и Валентин выпить кофе, а Марго – сделать новое селфи перед железным фонтаном Трех Граций, как Лора уже вскочила с места и разложила на коляске близнецов карту Барселоны, где разметила весь наш маршрут по Готическому кварталу. Если бы изобрели детские коляски со встроенным GPS, Лора обязательно купила бы такую.

Итак, в путь!

Лорин маршрут не отличается особой оригинальностью – церковь Святой Евлалии, Женералитат, площадь Сант-Жауме, площадь де ла Сеу, – но все мы восхищенно любуемся каждой скульптурой, каждым кованым дверным замком, каждым керамическим украшением, старательно разглядываем каждую витрину художественной галереи и каждого мастера, работающего в глубине своей мастерской.

А вот и Мост поцелуев, Дом архидьякона...

И почтовый ящик – тот самый, на прежнем месте!

Черепаша никуда не уползла, каменные ласточки никуда не улетели. Я крепко сжимаю сквозь ткань сумки свой талисман – камень времени.

* * *

Постепенно каждый находит свое место в нашем маленьком отряде. Лора играет роль гида-энтузиаста, властного руководителя группы. Валентин – наш телохранитель, улыбчивый, но бдительный. Марго – юное создание, восторгающееся каждой площадью, где можно сделать селфи, но я догадываюсь, что мысленно она уже строит планы возвращения, летом с подружками ей куда веселей. Даже Оливье и тот как будто интересуется всем – по крайней мере, он долго стоял в соборе, восхищенно разглядывая величественный орган, его изысканные деревянные части.

Ну а я – какова моя роль в этой шумной симпатичной компании?

Кто я? И где я?

Здесь, сегодня? Моложавая бабуля в окружении трех поколений семьи?

А если здесь, но вчера? Да, тоже здесь, но околдованная воспоминаниями о веселой фантазии Илиана, такой живой и неувядаемой, что мне чудится, будто его выдумки ждут меня за каждым углом каждой улочки Барри Готик или в квартале Эль-Борн, по которому мы сейчас гуляем. Площадь Святого Кугаса[104].

У меня сжимается сердце. На скамье, где Илиан играл на гитаре, сидит старик. Тоже артист в своем роде. Он что-то рисует мелом на асфальте. Мы подходим ближе, и Марго прыскает со смеху. Неумелые

рисунки старика беспомощны, безобразны, вызывают только жалость. Даже Этан и Ноэ нарисовали бы лучше!

– А может, это такой трюк, – шепчет Лора на ухо сестре, поглядывая на перевернутую шляпу, лежащую рядом со стариком. – Если разжалобить людей, они подают больше.

Марго, видимо, сочла гипотезу сестры интересной. Она делает несколько шагов к шляпе, я же отступаю к красной двери напротив нас и пытаюсь окинуть взглядом всю площадь – стены, водосточные трубы и слуховые оконца.

– Ничего нет! Ни одной монетки в шляпе! – констатирует Марго и спокойно объявляет старшей сестре, ничуть не смущаясь, что старый рисовальщик может понять ее французский: – Твоя теория ошибочна! Прохожие подают больше тем нищим, кто прилично одет, или удачно шутит, или хорошо играет на аккордеоне или скрипке, особенно если рядом лежит раскрытый футляр с красной подбивкой, на которой хорошо смотрятся монеты. А вот если он заикается, или воняет, или играет фальшиво, да еще протягивает людям пластиковый стаканчик, они фиг туда что-то положат!

Оливье усмехается:

– Закон рынка, мои дорогие! Он действует даже для тех, кто его отрицает...

Обычно мне нравится, как Оливье выслушивает своих дочек, прежде чем сделать вывод. Но сейчас я его слушаю вполуха – мое внимание приковано к красной двери, никто из родных даже не заметил, что я отошла. Пытаюсь сосредоточиться, уловить мяуканье, звуки шагов. И убедить себя, что старуха с мисками для молока наверняка давно уже в лучшем мире. Или нет?.. Берусь за дверную ручку, она поворачивается, и, к великому моему изумлению, дверь отворяется!

Но не успеваю я сделать и шага, увидеть, кто прячется за дверью, как слышится лай. И миг спустя из крошечного закрытого дворика выскакивает доберман – уши торчком, пасть свирепо оскалена. Я в ужасе замираю, не в силах двинуться. Но тут твердая рука оттаскивает меня назад и захлопывает дверь, оставив пса внутри.

– Что ты вытворяешь?! – спрашивает запыхавшийся Оливье. Он среагировал быстрее Валентина, мгновенно, словно предвидел мои действия.

– Я... Я только дотронулась до двери... Я не думала, что она откроется...

Оливье как-то странно смотрит на меня. Девочки ничего не заметили, они протягивают несколько евро горе-художнику. Спасибо, Оливье!

Спасибо тебе, хотя твое восхищение каталонской архитектурой, древними улочками с их дверями, соборами и органами кажется мне слегка наигранным. Но все равно спасибо тебе, муж мой, за то, что ты со мной поехал, за то, что ничего не возразил, за то, что ты, любитель уединения, проявил такую готовность к этому путешествию. Ибо если Марго и Лора выбрали этот маршрут чисто случайно (во что я не верю), то я знаю, что этот случай сыграл с тобой, а не со мной самую злую из своих шуток.

* * *

Саграда Фамилия, Каса-Мила, Каса-Батльо... славься, Гауди! В полдень Лора дает нам короткую передышку на Пласа-дель-Соль; мы сидим за столом (вполне устроившимся) с целым набором тапас и графином таррагоны. Стая юных смуглых официантов скользит между столиками с грацией тореро. Марго очень интересуется корридой, но потом, когда за кофе уже заплачено, настаивает на походе во Дворец каталонской музыки.

Лора решает отколоться так же решительно, как до того руководила:

– Я повезу близнецов в парк Цитадели.

Мальчишки разыгрались, и изучать вместе с ними акустику Дворца музыки значит превратить ее в какофонию.

– И я с тобой, – внезапно говорю я.

– Ты точно уверена, мам? – удивленно спрашивает Марго. – Дворец музыки еще красивее Саграды!

Впрочем, она не настаивает и тащит за собой отца и Валентина. Не успели они отойти, как я слышу, что Оливье шепчет ей:

– Может, она там уже побывала.

* * *

Этан и Ноэ так мгновенно осваиваются в парке Цитадели, словно они тоже «там уже побывали», и сразу же бросаются к попугаям. Моя рука стискивает сквозь ткань сумки камень времени. Это стало настоящей манией, с которой я не в силах бороться. Как только передо мной возникает прошлое... Открытка... Несколько слов...

Моей прекрасной ласточке с каменными крыльями...

Пока близнецы забавляются, распугивая птиц, я выпрашиваю у Лоры, нет ли новостей от моего друга – да-да, того, что в больнице. С той минуты, как я прилетела в Барселону, меня терзает отсутствие совпадений. Ни одного колченогого стола. Ни одной кошки на площади Сан-Кугат. Ни единого намека во всех разговорах. И какое-то зловещее предчувствие нашептывает мне, что Илиан умер или при смерти, что прошлое рассыпается в прах, а все предыдущие случайности были последними его обломками. Лора успокаивает меня так бережно, словно это я – ее дочь, и не задает никаких вопросов.

– Все хорошо, мама. Мартина и Каро следят за его состоянием круглые сутки и, если заметят хоть малейшее ухудшение, сразу же мне сообщат.

* * *

Вечером, после ужина, состоявшего из паэльи и пасты, мы располагаемся на ночлег в двух комнатах маленького отеля-пансиона «Каррер де Геркулес», в двух шагах от площади Сан-Жауме. Валентин, Лора, Марго и близнецы спят в гостиной, предоставив спальню нам с Оливье. И протестовать бессмысленно – она такая тесная, что еще одна кровать там просто не поместится.

Оливье сосредоточенно изучает книгу о Гауди на испанском, обнаруженную в гостиной. И я снова восхищаюсь его усилиями не испортить нам праздник. Он покорно тащится за остальными, интересуется музеями, участвует в общей беседе – и это Оливье,

который, когда я улетаю, может целыми днями молча пилить, строгать и обтачивать древесину. Меня одолевают угрызения совести. Я должна быть на высоте.

– Хочу придумать какую-нибудь программу для близнецов, – говорю я, просматривая путеводитель *Lonely Planet*. – Они не выдержат, если мы будем все время таскать их по бутикам и музеям.

Оливье захлопывает книгу:

– Я хочу извиниться, Нати.

Ничего не понимаю. Извиниться – за что?

– Прости, Нати, – продолжает Оливье. – Прости за Дворец музыки.

За намек, который я высказал Марго.

И тут я вспоминаю его слова на Пласа-дель-Соль.

Может, она там уже побывала.

Всю свою жизнь Оливье оберегал наших дочерей. Превыше всего он ставил уважение к их детской наивности, к их неведению. И уж конечно, не здесь изменять этому принципу.

Не здесь и не сейчас.

Я придвигаюсь к нему на кровати, чтобы обнять. И легонько целую в губы.

– Это я должна извиняться. Не повезло нам. Лора и Марго могли выбрать любой другой город...

– Они же не знали. Ладно, поговорили, и хватит. Кончено, Нати, забудем это.

Оливье безупречен. Можно ли любить безупречного человека?

Полчаса спустя моя завтрашняя программа готова, у Лоры не будет выбора. Завтрак на рынке Бокерия, чтобы близнецы вволю поели фруктов, затем парк Гуэль, чтобы показать им керамических чудищ и пряничные домики, а потом возвращение на Рамбла, чтобы полюбоваться мимами.

Скажите спасибо бабуле!

* * *

Лора все приняла безоговорочно. Неужто ее мать еще пользуется авторитетом?

Наевшись дыней, персиками и киви, Этан и Ноэ затеяли игру в прятки между колоннами парка Гуэль, опасливо поглядывая на ужасную гигантскую саламандру. После этой прогулки им обещан пляж. Мужчины нас покинули: Валентин отправился в Эшампле – подобрать майки в магазине *Umtiti et Messi* для близнецов (у них уже есть костюмчики арлекинов из Перпиньяна). Оливье пошел вместе с ним, хотя я сильно подозреваю, что он тут же, за углом, расстанется с зятем. Марго обследует каждый закуток парка Гуэль, вооружившись смартфоном и продолжая сессию селфи, которые пригодятся впоследствии, когда она вернется сюда уже студенткой, одна, и будет играть в «испанскую гостиницу»[105].

Сегодня впервые со дня нашего приезда у меня легко на душе. Ни разу за все утро я не подумала о нависшей надо мной угрозе и уже перестала проверять свой мобильник ежесекундно, делаю это всего лишь каждые десять минут. Или пока все же каждые пять? В любом случае реже, чем касаюсь своего камня времени. Я даже не знаю, от кого именно жду сообщения. От Фло? От Жан-Макса? От Шарлотты? С самого Лос-Анджелеса у меня нет никаких новостей... но от кого мне их ждать? От Улисса? Или даже от Илиана? Мой номер записан в его мобильнике – ведь Илиан успел принять вызов. Ил...

– А ну-ка, фотку! – кричит Марго.

Это к нам подошли Валентин и Оли, первый несет пакет с логотипом футбольного клуба «Барселона», где лежат красные с золотом футболки, второй – красивую коробку от *Desigual*.

– Все вместе! – командует Марго.

Мы послушно садимся, тесно прижавшись друг к другу, на волнистую скамью верхней площадки парка. Марго вручает свой смартфон проходящему мимо корейскому туристу. Валентин напрягается и бдительно следит за ним, готовясь броситься следом, если тот вздумает смыться. Кореец щелкает как одержимый, пока у него буквально не вырывают из рук аппарат. Разглядываем снимки. Почти на всех я сижу в профиль, наблюдая за террасой внизу, словно ожидаю момента, когда все гуляющие вдруг застынут как по волшебству.

Увы, такие моменты никогда не повторяются! Нет в нашей жизни волшебства. Одна унылая действительность, которую можно преобразить только в мечтах.

– Ну все! Теперь на пляж, кашалоты! – кричит Марго, хватая под мышки близнецов и кружит их.

Мальчишки восторженно хохочут под обеспокоенным взглядом матери. Я слежу за вертящейся вихрем Марго и двумя ее племянниками, пока у меня не начинается головокружение. Я вспоминаю этот парк двадцать лет назад, вспоминаю Илиана на этой же скамье и свое признание, которое вырвалось у меня в окружении замерших статистов.

Я люблю тебя!

Нет, в реальной жизни статистов не бывает. Есть только реальные люди, которым не хочется причинять горе.

* * *

Близнецам пляж не понравился: слишком долго пришлось до него идти, слишком много народа, слишком большие волны. Зато они пришли в восторг от бульвара Рамбла, где можно было бегать и любоваться мимами, стоящими через каждые десять метров, один причудливей другого. Лора разорилась, отсыпая им монетки. Да и можно ли удержаться, глядя, как Ноэ, а за ним Этан робко подходят к статуям вампира на мотоцикле, крылатой египетской богини, Алисы, Чарли Чаплина в котелке, которые вроде бы неподвижны, но стоит положить перед ними монетку, как они оживают, кланяются и гримасничают.

Близнецы тащат родителей к рыцарю, побеждающему зеленого дракона. Марго делает селфи с отцом перед Эдвардом Руки-Ножницы. Затем все мы идем дальше, по главной аллее, к площади Каталонии, она уже близко, метрах в пятидесяти от нас; мимов становится все меньше. Я слегка опережаю все семейство и останавливаюсь, поджидая остальных. И вдруг вижу *это*.

Скамью.

Среди всех мимов на Рамбла она самая обычная, но и самая удивительная.

Живая скамья.

Батисто живет в мансарде на седьмом этаже одного из домов широкого проспекта Колумба, примыкающего к бульвару Рамбла, с прекрасным видом на памятник Колумбу и парусную пристань Старого порта. Квартирка старая, запущенная, с драными обоями и выщербленным паркетом, но, как ни странно, пахнет ремонтом, настолько силен запах акриловых красок и лака, от которого у всех входящих першит в горле. Словом, не квартира, а мастерская художника. Обе комнаты мансарды заставлены банками, рамами, завалены тюбиками с краской. И повсюду холсты. Настоящие холсты! Не картины, а огромные полотна – скатерти, занавеси, – расписанные, крахмаленные, посеребренные или позолоченные. Но для чего послужат эти драпировки, ведомо одному только Батисто.

Особенно гордится Батисто своим последним произведением – «скамьей Гауди». Как он сам объяснил мне, попивая из рюмки вермут, ему осточертели все эти скелеты, зомби и прочие монстры, пугающие прохожих. Самое прибыльное – это оригинальность! Риск, конечно, большой: какой-нибудь новый костюм – это год работы! Но зато он может окупиться с лихвой... Барселона – мировая столица живых статуй, а Рамбла – главные их подмостки. Здесь, между площадью Каталонии и Средиземным морем, работают около пятидесяти мимов. Конечно, нынче таких же можно увидеть во всех столицах мира – мастерство на месте не удержишь, – но настоящие, подлинные только тут. Высокое качество гарантируется!

Мне трудно определить возраст Батисто. От пятидесяти до шестидесяти? У него странно эластичное лицо – то собранное в морщины, то совершенно гладкое. Тело тощее и сутулое – однако стоит ему задвигаться, как оно становится удивительно гибким и ловким. Лицо смеющегося лысого клоуна совсем не гармонирует с грацией искусного танцора. Несколько дней назад Илиан весь день играл на гитаре как раз напротив живой «скамьи Гауди». В час аперитива «скамья» пригласила гитариста сесть на нее, выпить вместе пива, потом поделила с ним *las carboneras*[106] у себя дома, а потом разрешила и заночевать: «Ты же не собираешься оставить свой заработок на какой-нибудь молодежной турбазе, братец?» Илиану позволили остаться на

одну ночь, на две, да хоть на десять – с одним условием: ни к чему не прикасаться.

Батисто – старый художник со слегка маниакальными привычками. И довольно обеспеченный. Работая «скамьей Гауди», он выручает гораздо больше, чем игрой в телефильмах или клоунадой в цирке. По крайней мере, так он нам признается, окуная три зеленые оливки в свой вермут, но вообще-то не в деньгах счастье, главное в жизни – слава! Скамью Батисто, как и все другие самые красивые живые статуи, ежедневно фотографируют тысячи туристов; она красуется в альбомах путешественников на всех континентах, обсуждается во всех разговорах о турпоездках: «Ты бывала в Барселоне? А по бульвару Рамбла гуляла? А вот эту страшную змею видела? А гигантского осьминога? А живую скамью?» У Батисто есть почитатели во всех странах мира – в Армении, в Южной Африке, в Чили... Он свободен, он знаменит, и он... человек без лица! Сочетание, абсолютно невозможное для любого другого артиста.

Мне сразу очень понравился Батисто. А ему понравилось, что я француженка. Он носит имя Батисто в честь Батиста – Лунного Пьеро из фильма «Дети райка». Поэтому он всячески развлекает меня, утверждает, что я смеюсь, как Гаранс[107], болтает без умолку, размашисто жестикулируя. Задает вопросы, не слушая ответов, улыбается мне, завистливо косится на Илиана, потом неожиданно широким жестом распахивает окно, выходящее на Старый порт, и командует: «Ну вот, надо проветрить, а вы, голубки, летите-ка в спальню и оставьте меня в покое, мне пора готовить. Я вам сделаю свое фирменное ризотто, такое, что вы, милая моя Гаранс, пальчики оближете, а пока брысь отсюда!» И захлопывает за нами дверь своей единственной жилой комнаты. Спустя несколько минут ароматы грибов и лука-шалота вытесняют акриловую вонь. А громкая музыка в мастерской заглушает наши голоса.

«Томми»[108]. Да еще и на полную мощность!

– Вообще-то у Батисто безукоризненный музыкальный вкус, – заявляет Илиан, бросив свою кепку на тумбочку у кровати. – А уж готовит он божественно!

Я подхожу к окну, передо мной весь порт как на ладони. Туристы гуляют по набережной Моль-де-ла-Фуста, останавливаются перед каждой яхтой и, пока не стемнело, фотографируются на фоне той, о

которой мечтали всю жизнь, чтобы потом хоть на миг представить себя ее владельцем. Я на минуту прикрываю глаза, спасаясь от слепящих лучей заходящего солнца, и шепчу:

– У меня для тебя сюрприз!

И медленно расстегиваю блузку, только верхние пуговицы. Потом стягиваю блузку с плеча, показывая татуировку – ласточку.

Слышу, как Илиан подходит ко мне сзади, и добавляю:

– Она родилась только вчера и еще очень слабенькая...

Илиан бесконечно осторожно, едва касаясь губами, целует ее.

Я оборачиваюсь.

Хочу запомнить все, что будет.

Стремительно сорванные пуговицы осыпаются с блузки, падающей на пол вместе с ними, бюстгальтер летит следом. Я дрожу, я горю, я умираю, но хочу запомнить все: звяканье пряжки его ремня, шорох моей юбки и его брюк, скошенную крышу мансарды с овальным слуховым оконцем, лампу у изголовья постели, запахи базилика и акрила, эту разбуженную мечту стать любовницей века, отдавшей артисту под крышами Парижа. Я хочу запомнить все, на что толкнет меня фантазия, хочу прожить этот миг и видеть со стороны, как я его проживаю, *carpe diem*[109], сорвать, как цветок, этот день и поскорее вклеить его в гербарий, чтобы сохранить навсегда. Не хочу забыть губы Илиана, прильнувшие к моему животу, родинку на его бронзовой коже, хищный рот, готовый меня проглотить, и я кричу, заглушая гитары «Ху», я изнемогаю, я не хочу упустить ни одной секунды моего оргазма, ни одного отражения наших обнаженных тел в зеркале, ни одной перемены на лице Илиана, когда он взрывается во мне, ни одного блика на его ягодицах, когда он встает, чтобы покурить у окна, запаха его пота, когда я опускаюсь на колени, чтобы поцеловать их, а потом, коснувшись живота, вновь разбудить в нем желание. Не хочу забыть свое опьянение, свое изнеможение и его нежность. Хочу навсегда запомнить все это, весь этот день, каждый час, каждую минуту и секунду, чтобы не упустить их, чтобы они навсегда запечатлелись во мне...

– Ну вот, все готово!

Батисто поставил столик и три стула на балконе, прямо напротив башен Жауме I и Святого Себастиана[110], этой пары железных колонн, чьи силуэты напоминают вышки инструкторов по плаванию для

гигантов. Красные кабинки канатной дороги, похожие издали на ручных божьих коровок, снуют взад-вперед между башнями и холмом Монжуик.

Батисто замечательный хозяин, такой же замечательный, как приготовленное им ризотто с чоризо. Он способен вести разговор даже с немыми. И не позволяет себе ни малейшей вульгарности. Отсеченные головы, мимы, сидящие на унитазах... *Dios mio*[111], на что только люди не идут, лишь бы развлечь детей! Но погодите – из его поисков, идей и мечтаний обязательно родится статуя, презревшая закон всемирного тяготения, и тогда уж он затмит этих негодяев Карлоса и Бенито, которые рядятся в костюм магистра Йоды[112], парящего в метре от земли, или в Маленького принца, летающего на крыльях диких птиц. Он непременно этого добьется!

Илиан играет на гитаре, и чудится, будто красные букашки фуникулера над Старым портом пляшут под его музыку; тем временем Батисто показывает мне свои рисунки – Адама, парящего в воздухе, которого Бог поддерживает одним пальцем.

Как же мне хорошо! Как далека я сейчас от Порт-Жуа! Какие чудесные минуты переживаю в этой мансарде художника – наверно, совсем как до меня Пилар, любившая Миро, Ольга, любившая Пикассо, Гала, любившая Дали. Я сижу голая, закутавшись в золотистое одеяло, как в сари, и, наверно, похожа на индийскую богиню.

Средиземноморский ветерок нежит теплым дыханием мою кожу. Батисто протягивает мне сигарету.

Все, что я сейчас чувствую, волшебно, нереально. Я наслаждаюсь этим днем, словно ароматом экзотического цветка. Цветка, который никогда не вырастет в моем саду.

37

2019

Над уснувшим портом гуляет легкий морской бриз. Он слишком ленив и беспечен, чтобы надуть паруса яхт, стоящих в гавани, и уж конечно, не заставит плясать в небе красных божьих коровок фуникулера, но все же достаточно силен, чтобы подхватывать мой легкий шарф от *Desigual* и трепать его у меня под носом.

Спасибо, Оли!

Шарф и вправду мне нравится, он красивый, он такой, как я люблю, – и полупастельный, и вызывающе яркий, одновременно и эксцентричный, и романтичный. Оливье всегда умел преподносить мне подарки в самые сложные моменты: букет цветов – когда наш дом в Порт-Жуа начинает казаться мне серым и неприглядным, духи – когда кухонные запахи вконец надоедают, сексуальное нижнее белье – когда ослабевает желание. Оли всегда умел предупреждать мои капризы, управлять ими или, если не получается, удовлетворять.

Оливье хорошо меня изучил. Куда лучше, чем кто бы то ни было.

Он, конечно, не поверил, что я встала утром раньше других, чтобы позвонить Фло и Жан-Максу по поводу завтрашнего рейса в Джакарту. Со вчерашнего вечера все информационные каналы непрерывно говорят только о цунами в Индонезии, – разрушенные дома, унесенные водой машины, затопленные дороги, растерянные туристы и бесконечные вереницы беженцев, спешащих к временным лагерям в глубине острова. Эксперты толкуют об азиатской Венеции, которая уходит под воду, о тридцати миллионах жителей Джакарты, которые живут менее чем в десяти метрах над уровнем моря, под угрозой постоянных наводнений в сезоны дождей, о коррупции и некомпетентности властей, которые прервали строительство *Great Wall* – самой высокой плотины в мире, способной защитить от моря индонезийскую столицу. Я уже собиралась выйти и тихонько прикрыть дверь спальни, чтобы не разбудить близнецов, когда Оливье напомнил мне, что наш самолет вылетает через четыре часа.

– Не волнуйся, я ненадолго!

Собственный ответ вызвал у меня улыбку, когда я спускалась по лестнице отеля.

Чтобы Оливье – да не волновался?..

* * *

Иду по бульвару Рамбла к статуе Колумба. Прославленный мореплаватель, стоящий на своей шестидесятиметровой колонне, все так же упорно простирает руку на восток, в сторону «Индий»[113]. Я поворачиваюсь к нему спиной (извини, Христофор), чтобы смотреть на дома и одновременно вызывать Фло.

Я не обманула Оливье. Ну, не совсем обманула. Мне действительно нужно поговорить с сослуживцами, чтобы знать, на каком я свете. И потом, мне так хотелось подышать свежим морским воздухом! А главное, вернуться сюда, чтобы снова увидеть фасад *того* дома, дома № 7, слуховое оконце на седьмом этаже под скошенной крышей мансарды... а потом отворить дверь вниз, подняться по лестнице и, если хватит храбрости, постучать в дверь. Со вчерашнего дня, после встречи с Батисто на бульваре Рамбла, в том же месте, в том же обличье, я неотступно думаю об этом. Он меня не заметил, я же видела только его.

* * *

– Нати? Это ты, Нати?

Голос подруги вырывает меня из мечтательного забытья.

– Фло?

Я торопливо сообщаю, что нахожусь вместе со всей семьей в Барселоне и вернусь в Париж сегодня днем.

– Можешь не торопиться, подруга! Сегодня наш самолет вряд ли туда выпустят. Тут аннулированы все пассажирские рейсы, их заменила воздушная гуманитарная организация. Они ищут волонтеров среди летного состава, тех, кто реально может помочь там. Я к ним записалась... Когда мне было двадцать лет, я целых три месяца изучала медицину! Жан-Макс тоже записался. И Шарлотта... она оказалась храброй, эта девочка... Словом, возможно, они летят уже завтра, рейсом на Денпасар, а оттуда доберутся пароходом до Джакарты.

– Если только не останутся оба на Бали.

Тут я дала промашку, поскольку едва слушала Фло, мое внимание было приковано к окну седьмого этажа в доме на проспекте Колумба.

– Почему оба? Что им там делать вдвоем?

Вот идиотка! Проговорилась все-таки! Фло слишком проницательна. А впрочем, надо ли продолжать эту игру в молчанку? Ведь сама Шарлотта, уже почти не скрываясь, пожирает влюбленными глазами своего пилота, а Фло умеет хранить тайны.

– Разве ты не знаешь, что Жан-Макс охмурил малышку Шарлотту? Вот так-то, моя милая!

– Что?!

– Они всюду ходят парой, Фло!

– Ты... ты понимаешь, что говоришь?

Я ожидала, что Фло раскудахтается, как сплетница-консьержка, а в ее голосе слышны скорее интонации шокированной монахини. Она не просто удивлена, она потрясена.

– Конечно, Фло! Шарлотта сама мне призналась. Больше никто не в курсе, но если знать, то это просто бросается в глаза!

Я испытываю и стыд, и преступную радость, оттого что могу посвятить Флоранс в эту любовную интригу, о которой она понятия не имела, несмотря на очевидность происходящего. Странно: моя подруга никак не реагирует. Неужели настолько потрясена?

– Фло! Фло!

– ...

– Фло, что с тобой? Уж не хочешь ли ты сказать, что тебя шокировала их разница в возрасте? Шарлотта достаточно привлекательна, чтобы понравиться любому мужику, а кроме того, в ней есть та самая дерзость, о которой ты говорила! И они оба совершеннолетние. Она развлекается, Жан-Макс развлекается. Все в порядке...

Фло упорно молчит. И вдруг я слышу, как она всхлипывает. И не узнаю прежний, насмешливый, голос моей подруги:

– А раньше, Нати, раньше... Жан-Макс был совсем не такой... По крайней мере... я ему... Я ему верила...

Мне кажется, что я говорю с Сестрой Эмманюэль.

– Верила чему, Фло?

На сей раз Флоранс раздражается рыданиями:

– Ох, Нати, в *Air France* никто не знает, никто! Мы с Жан-Максом не хотели, чтобы у нас были проблемы. Если не считать двух последних недель, мы никогда не летали вместе.

Моя рука судорожно комкает шарф. Я слушаю ее и боюсь собственной догадки.

– Что ты такое говоришь, Фло?

– Господи, да пойми же ты, Нати, что это *он!* Макс! Тот тип, с которым я живу! Тот идеальный мужчина, которого ты никогда не видела, который богат, который позволяет мне летать по всему свету. Это он – тот человек, которого я люблю и который еще девять лет назад

покаялся мне больше не бегать за юбками. Жан-Макс! Это он – мой муж!

Ну и ну... Я выключаю телефон, пытаюсь убедить себя, что Шарлотта, возможно, все выдумала, что это был всего лишь легкий флирт...

Фло и командир Баллен... супруги?!

Теперь мне понятно это постоянное ощущение каких-то недомолвок или лжи, когда я разговаривала с Жан-Максом и Флоранс, понятно их иной раз странное поведение, эсэмэски, которыми они обменивались в парке Чикано. Кладу мобильник в сумку и шагаю по проспекту Колумба, под резким ветром с моря. И понимаю еще одно: я совершила ужасную промашку. Это же надо – быть такой дурой! Девушка доверяет мне имя своего женатого возлюбленного... а я все рассказываю его обманутой жене! Сюжет похуже того, что представляют в бульварных театриках! Иду к отелю и пытаюсь на ходу придумать себе оправдание. Разве я могла заподозрить что-либо подобное?! И почему Фло была так слепа и доверчива?! Жан-Макс, ставший святым, любящий одну-единственную женщину – ее, Флоранс...

Подхожу к дому № 7 на проспекте Колумба. Вот она – застекленная дверь, осталось лишь открыть ее.

* * *

Я уже знаю, что поднимусь по лестнице. Что Батисто откроет, а я войду, и останусь, и буду говорить – долго-долго. Я честно пыталась изгнать из головы эти воспоминания, но тело, навсегда отмеченное несколькими часами, проведенными в этой мансарде художника, протестует, просыпается, трепещет. Это было в той, другой жизни. Целую вечность назад. И все-таки я поднимусь, без колебаний. И пусть мне будет смертельно больно. Так же больно, как сейчас моей Фло, такой наивной воительнице Фло.

Неужели все мы настолько глупеем, когда влюбляемся?!

Взбираясь по ступеням на седьмой этаж без лифта, успеваю написать сообщение Оливье.

Немного задержусь. Вернусь до полудня.

Я найду какое-нибудь объяснение – например, принесу ему подарок. Понятия не имею какой, ладно, на обратном пути пробежусь по магазинам и что-нибудь придумаю, какой-нибудь сувенир на память о Готическом квартале. Разве любовь иссякает, когда уже не знаешь, что дарить? Я развязываю шарф. Оливье меня еще любит, значит, простит.

Мне жарко, я с трудом перевожу дыхание, а это только пятый этаж! Невозможно представить, что тридцатилетняя муза, которой я когда-то была, взлетела на седьмой этаж, как на крыльях, держась за руку своего бродячего музыканта.

Отправляю эсэмэску мужу. Если подарок не поможет, расскажу ему про Фло и Жан-Макса. После такого сюрприза он уж точно поймет, что я потратила время на телефонный разговор с подружкой. Оливье часто слышал от меня о командире Баллене, о его репутации бабника, но главное, он знаком с Флоранс еще с тех времен, когда она не была замужем и нередко ночевала у нас. Фло ему очень нравилась. И он будет переживать за нее – как и я.

Седьмой этаж!

Уф... Совсем задохнулась!

«Батисто Набирус». Табличка с именем мима висит под дверным звонком.

Слава богу, он все еще здесь живет!

Кладу мобильник в сумку. И, перед тем как нажать на звонок, не могу удержаться от своего проклятого рефлекса – вынуть камень времени, почувствовать его тяжесть на ладони, погладить кончиками пальцев по гладкой спинке. Чтобы набраться храбрости. Чтобы соединить прошлое с настоящим. Но пальцы тщетно шарят в сумке, ищут, ищут...

Камня нет!

Я начинаю привыкать к этому, хотя все еще копаюсь в сумке, перебирая ручки, хватая и бросая то губную помаду, то кошелек, то записную книжку. Камня нет как нет! Как ни странно, я даже не сильно удивлена, и это исчезновение меня почти успокаивает. Оно позволяет мне отказаться от худшей из гипотез: кто-то в моем окружении то похищает, то возвращает его потехи ради. Но вчера рядом со мной были только мои родные, а в рейсах, в Монреале и Сан-Диего, только мои сослуживцы. Значит, если это не самый невероятный из заговоров,

остается одно объяснение: я свихнулась... Или же этот камень действительно волшебный!

Звоню в дверь.

Жду.

Слышу шаги.

Медленные шаги.

Дверь бесшумно открывается.

На меня смотрит Батисто. У него лицо старика, изборожденное глубокими морщинами; маска мима растаяла, как воск, растрескалась и застыла; стройные ноги, некогда уверенно стоявшие на цоколе, еле держат. И только взгляд лукавого домового остался прежним, молодым.

Он приветствует меня улыбкой, больше похожей на гримасу:

– Гаранс? Ну входи, прошу!

Словно он поджидал меня здесь последние двадцать лет.

38

1999

Оливье никогда не предавал Натали. Он не помнит, чтобы хоть раз в жизни солгал ей или сознательно что-то скрыл. Ему всегда казалось, что он говорит с ней так же откровенно, как думает, не делая различия между своими размышлениями и словами, в которые их облекает. Именно так должно быть, когда живешь с кем-то бок о бок: не прятать свои мысли, а безбоязненно открывать их тому, кого любишь; вот это, в его понимании, и есть истинная свобода.

Оливье сглатывает, пытаясь избавиться от горького привкуса во рту, и, сжав зубы, заставляет себя улыбнуться Лоре, сидящей в машине, в своем детском креслице. Девочка даже не стала снимать свой ранец с наклейками из «Неугомонных деток»[114]:

– Зачем, пап, мы же сейчас приедем!

Она права, школа Порт-Жуа находится в паре километров от их дома. Иногда, в погожие дни, они ходят туда пешком, по дорожке вдоль Сены. Лора прилипла к окну, окликая подружек – Лену, Анаис и Манон, которые идут по тротуару.

– Сиди спокойно, Лора, они все равно тебя не слышат.

Оливье тормозит на маленькой стоянке перед школой. Он еще не избавился от горького вкуса желчи, от нее горит нос, щиплет ноздри.

Сейчас он предаст Натали. Как только Лора со смехом побежит к своим подружкам по подготовительному классу, как только девочки вместе пройдут за ограду школы, он предаст жену.

Они вместе уже десять лет, но за это время он так и не смог понять, какие чувства питает к нему Натали. Натали не такая, как он, она не позволяет своим мыслям свободно разгуливать по их дому, дает им ускользать неведомо куда – беспорядочным, противоречивым, недоступным пониманию. Но в одном Оливье уверен: Натали восхищается его честностью. Его прямотой. Его основательностью. Ей нравится, что он не из тех болтливых хлыщей, которые треплют языком с утра до ночи. Нравится, что он говорит мало, но по существу. Что ему можно безоглядно доверять. Что на него можно опереться. Как на стол, на стул, на кровать.

Потому что он надежен. Да, именно так – надежен.

– Пап, ты чего? Давай, выпусти меня!

Малышка терпеть не может тесное детское креслице. Оливье высвобождает дочь, целует. «Доброго дня, пап!» – и она уносится. Оливье приходится пожать несколько рук, перекинуться несколькими словами с другими родителями. Когда дети из разных деревень поступают в школу, поневоле завязываются знакомства. Мамаши болтливы, как сороки, отцы неизменно приветливы. Какое заблуждение!

Суматоха у дверей школы длится еще несколько минут, потом вдруг, ровно в 8:30, площадка пустеет. Ни суеты, ни шума. Только безлюдный двор и пустынная улица.

Вот и настал момент.

Момент лжи. Предательства.

Оливье, сидящий за рулем, последний раз смотрит назад, желая лишний раз убедиться, что он в машине один. Странно: прилив адреналина уничтожает едкий вкус во рту. Его охватывает возбуждение, которое он всегда ненавидел. То самое возбуждение, что гонит воров и убийц снова и снова вершить свои черные дела. В какую же передерягу он готовится попасть? Зачем? Почему?

Оливье вынимает мобильник и набирает номер Флоранс.

Пока его пальцы нажимают кнопки, он представляет себе круглое лицо молоденькой стюардессы, ее светлые кудряшки, голубые глаза и вспоминает ее смех, от которого на щеках появляются симпатичные

ямочки; вспоминает и ее тело – пожалуй, чуточку полноватое. Такое тело приятно лепить. Или вырезать из дерева – в руках опытного мастера, умеющего пилить, строгать, полировать, оно превратилось бы в безупречно гладкую фигурку с соблазнительными формами. В прямую противоположность тела Натали, тоненькой как былинка.

– Фло? Фло, это я, Оливье.

– Оли? Что случилось? Какие-то проблемы с Нати?

Оливье заранее приготовился к такой реакции. Флоранс не ждала его звонка, хотя они не раз обменивались понимающими взглядами, вместе хохотали над чем-нибудь, поглядывали друг на друга, столкнувшись полуголыми в дверях ванной, когда она ночевала у них. В ее глазах Оливье был образцом верного, надежного мужа. Ее удивил сам тот факт, что он знает номер ее телефона, – наверняка отыскал в записной книжке Натали. Оливье в последний раз думает, не прекратить ли разговор. Еще не поздно. Как же он ненавидит себя! Но яд уже проник слишком глубоко, он слышит собственный голос и не узнает его.

– Нет, Натали ни при чем... Она... Она не в курсе... Я... Я хотел бы поговорить с тобой... наедине...

Флоранс тут же приходит в хорошее настроение. Даже слишком хорошее:

– Ну ничего себе! Ты затеял какой-то сюрприз? Готовишься к дню рождения Натали и собираешь ее подружек? Или хочешь, чтобы я помогла тебе с подарком? Надеюсь, ты не против мальчиков из «Чиппендейлз»?[115]

Оливье нравится юмор и общительность Фло, ее непритворная жизнерадостность.

– Нет... Не совсем то... Это... это трудно объяснить по телефону... Может, встретимся?..

Веселый настрой Фло тут же сменяется подозрениями, мрачной настороженностью, которая обостряет все чувства, стоит человеку почуять неминуемую опасность. Оливье поторопился. Однако он уверен, что Флоранс считает его симпатичным, даже привлекательным; будь он свободен, они наверняка сблизились бы, и вообще даже сейчас Фло наверняка чувствует себя польщенной. Встревоженной его звонком, но польщенной. Главное – не спугнуть ее.

– Ты... где ты сейчас? Близко?

– Да, но...

– А что ты скажешь насчет сегодня... мы могли бы увидеться сегодня?

– Сегодня? Нет, это не очень...

Оливье резко перебивает ее:

– Ты что, не можешь говорить? Ты не одна?

Ну вот, опять он поторопился и клянет себя за это. Но у него нет выбора, он должен использовать эффект неожиданности! Все разом поставить на карту! Пан или пропал! Фло долго молчит. Перед машиной Оливье проходит мамаша, таща за руку зарванного мальчугана лет восьми и неся его ранец. Стефани Левасьер и Диего. Оливье они не замечают. Наконец Фло реагирует, ее недавняя эйфория перешла в гнев, минуя стадию иронии.

– Да нет... не в том дело... Послушай, Оливье, я... я своим ушам не верю! Ты что – приглашаешь меня на свидание?

Оливье вытирает капли пота со лба. Сердце у него колотится как сумасшедшее. Вот он – ее ответ! Ему хочется разнести вдребезги руль, разбить голову о приборную панель. Все рухнуло. Он едва находит в себе силы пробормотать:

– Нет... Нет, Фло... Это... это... Забудь, Фло, забудь! Мне тут кое-что пришло в голову, но это была чистейшая глупость... Я сейчас отключусь... Только не говори ничего Натали, пожалуйста!

Теперь в голосе Флоранс звучит презрение:

– Ну разумеется, за кого ты меня принимаешь?! – Впрочем, она тут же смягчается: – Ты... с тобой все в порядке, Оли?

– Да... да... главное, не говори ничего Натали. Это была глупость... Ты же знаешь, что я люблю ее. Люблю больше всего на свете.

– Ну конечно знаю, дурачок. Это и слепому видно. Так что заботься о ней и не давай упорхнуть!

– Спасибо тебе, Фло.

И он отключается. Будь все проклято! Будь все трижды проклято!

Он предал Натали, но Натали его предала первая.

Он оказался прав и проклиная себя за то, что оказался прав, за то, что подозревал жену, шпионил за ней, разыскал телефон ее лучшей подруги в ее записной книжке и дошел до того, что осмелился позвонить Фло под этим позорным предлогом...

И он снова вспоминает слова Натали, произнесенные до отлета в Барселону: *Милый, я подала заявление на внеочередной рейс. Всего три дня, со вторника по четверг. Вместе с Флоранс и еще двумя стюардессами, Лоранс и Сильви.*

Он злится на себя за то, что не верил ей, он боролся с подозрениями, ему хотелось на все закрыть глаза и просто ждать, когда Натали вернется – вернется такой, как всегда. Но Натали вернулась не как всегда, она вернулась иной. Он помнит, как жена стояла на берегу Сены, погруженная в себя, едва отвечая на его вопросы: «Ты идешь ужинать, Бобренок? Ты расскажешь Лоре сказку перед сном? Ты идешь спать?» И еще эта неожиданная причуда – вытатуированная ласточка на плече. Оливье собирает воедино все сходящиеся признаки.

Всего три дня каникул с подругами...

Достаточно было позвонить Флоранс и все проверить. Достаточно было застать ее врасплох, изобразить неприкрытое вождение, чтобы она выдала правду, даже если Натали ее предупредила. Но если бы он просто спросил: «А Нати с тобой?» или «Какая там у вас погода в Барселоне?» – она бы все равно насторожилась.

Да-да, я здесь...

Да нет, я тут одна...

Флоранс не в Барселоне. Значит, Натали ему солгала.

* * *

Оливье теряет представление о времени. Из этого забвения его вырывает детский галдеж: ребятишки с криками выбегают на перемену. За оградой, возле горок, он замечает голубое пальтишко Лоры и в панике быстро отъезжает. Лора не должна его увидеть, иначе начнет допытываться, зачем он здесь стоял. А ему и без того тошно.

Значит, надо спасать то, что еще можно спасти.

И снова ему на память приходят слова Флоранс: *Ну конечно знаю, дурачок. Это и слепому видно. Так что заботься о ней и не давай упорхнуть!*

Сможет ли он промолчать? Сможет ли солгать? Сможет ли не сказать ей ни слова? Целовать ее в губы, которые целовал другой? Ласкать ее тело, которое ласкал другой? Смотреть, как Натали

раздевается, и не думать о том, что другой видел ее обнаженной, – другой, которому она хотела нравиться, другой, которому она отдалась, другой, ради которого навсегда заклеила татуировкой свое плечо?!

Ласточка.

Это чтобы он никогда не забывал, что держит ее в клетке.

Сможет ли он вести себя так, словно ничего не знает? Сможет ли запретить слова упрека у себя в голове и не выпустить их наружу? И самому замкнуться – на свой лад, в своей тюрьме?

39

2019

– Входи, Гаранс.

Я вхожу. В квартире Батисто больше не пахнет ни акрилом, ни клеем. Ничем не пахнет. И не видно банок с краской, расставленных на полу, натянутых холстов, свалки инструментов, картона, дерева, гипса. В квартире царит безупречный порядок. В гостиной теперь стоит сиреневый диван с деревянным корпусом. Диван явно односпальный – не раскладывается. Из чего я заключаю, что Батисто ночует в спальне, а случайные любовники, которым нужен приют, стали редки. Паркет натерт и блестит. На стенах репродукции Миро, Дали и фотографии самых прекрасных мимов бульвара Рамбла. Единственный стол украшают букет сухих цветов и корзинка с фруктами. В общем, квартира, содержащаяся в порядке, оформленная со вкусом, слегка старомодным, и не имеющая ничего общего с мастерской художника. *Напоминает комнату в доме престарелых*, проскальзывает у меня недобрая мысль.

Сколько же Батисто лет? Семьдесят? Восемьдесят? Я подхожу к окну. Вид на Старый порт по-прежнему великолепен. Солнце сверкает на медной чешуе *Peix* – гигантской рыбы[116], нависающей над пляжем. Я готовлю нечто вроде приветственной речи, как привыкла делать это перед робеющими пассажирами, которые просят взглядом уделить им хоть немного внимания. Итак: я здесь вместе с родными, мы приехали на два дня и улетаем через четыре часа, я впервые за все эти годы вернулась в Барселону, со вчерашнего дня мы ходим по городу как заведенные, ни минуты свободной, я в порядке, у меня уже две дочери, обе взрослые, ну а ты? Отсюда по-прежнему потрясный вид, похоже, с

1999 года здесь ничего не изменилось, они могут снова принять у себя Олимпийские игры хоть завтра, да и ты сам, Батисто, вполне в олимпийской форме.

Батисто отвечает улыбкой грустного клоуна. Не возражает. Не хочет портить радость старческим брюзжанием. Я оборачиваюсь к нему. И спрашиваю себя, что он сейчас думает о стоящей перед ним женщине со слишком черными волосами, об этой Гаранс, говорящей с такой самоуверенностью, – модный шарф, легкое кокетство, образец современной бабушки. Ищет ли он в ее чертах ту, прежнюю пылкую влюбленную, молодую женщину с голыми плечами, закутанную в легкое одеяло, прильнувшую к Илиану, мечтательно выдыхавшую сигаретный дым в сторону статуи Колумба?

– Как вы жили, Батисто, после 1999 года, после того как я уехала?

– Ну что ты хочешь от меня услышать? После этого звезды погасли, вот и все. А ветер продолжал дуть. А реки продолжали течь. А море по-прежнему поднималось в приливе. Оно стерло ваши имена на песке, а потом отхлынуло, оставив пляж чистым – для других влюбленных. Такова жизнь, Натали.

Слушая его, я машинально ищу в кармане камень времени. Идиотка!

– Хочешь чаю?

– Расскажи мне...

Он не предлагает мне ничего другого – ни алкоголя, ни сигарет, ни даже кофе. Уходит на кухню. Передвигается с трудом. И говорит медленно, в такт шагам:

– Илиан остался у меня еще на несколько дней. Ну а что было дальше, ты сама частично знаешь. Он улетел в Джакарту. Потом вернулся. Сюда. Мне кажется, ему больше некуда было идти. Он прожил здесь несколько месяцев. Пытался устроиться. Изо всех сил. Играл на улице. В барах. В портовых кабаках. Играл много, а зарабатывал гроши. Потом в один прекрасный день ему надоело жить в чужом доме, перебиваться с хлеба на воду, и он вернулся в Париж.

Батисто с бесконечной осторожностью отмеривает ложечкой заварку. Я пользуюсь этим, чтобы пройтись по квартире, заглянуть в спальню. И сразу жалею об этом. Потертые занавески, смятые простыни и несколько аккуратно разложенных подушечек на кровати. Справа от изголовья ночник, на тумбочке книга – «Тень ветра» Карлоса

Руиса Сафона. Очки. Коробочка «Теместы»[117]. Не хватает только стакана для вставной челюсти. Это комната старика – комната, которая, наверно, никогда уже не будет меняться, останется такой на много лет, пока обеспокоенные соседи не обнаружат Батисто на этой кровати, давным-давно заснувшего навеки.

И тщетно я пытаюсь населить эту спальню призраками прошлого. Опрокинуть кровать. Скомкать простыни. Прорвать подушки. Распахнуть окно. Мое тело пронизывает дрожь. Разве стены, которые принимали пылких любовников, могут сохранить следы, запахи, крики?

Батисто протягивает мне чашку. Он не говорит, что это за сорт чая, хотя долго выбирал его. Я настаиваю:

– Расскажи мне еще хоть что-нибудь, Батисто! Ты его с тех пор видел? Получал от него какие-нибудь новости после Парижа?

– Нет, Натали, никаких. Он просто исчез. Я даже испугался: вдруг он совершил какую-нибудь глупость?

– Какую глупость?

Батисто строго глядит на меня:

– Какую глупость? Ты и вправду хочешь это от меня услышать? Что он покончил с собой? Пустил пулю себе в голову, бросился под машину, короче, свел счеты с жизнью? Илиан очень страдал после Джакарты, Нати.

– Я тоже страдала.

Батисто не спорит, молча пьет свой чай. Потом разговор продолжается, и чем дальше, тем неуютнее мне становится в этой квартире. Батисто явно что-то скрывает от меня, скрывает что-то важное, решающее. Как будто он ждал моего появления, и это объясняет слишком уж старательно наведенный порядок в его жилище.

Батисто следит, как я пью чай, у него жесткий, пристальный взгляд.

– Вы с Илианом были такой прекрасной парой. Он любил тебя, ты его любила... и все испортила.

– Я не виновата... Ты же знаешь...

– Но и он ни в чем не виноват.

– Я тоже страдала. Может, даже сильнее, чем он.

– Тебе виднее...

Воистину так! Ты далеко не все знаешь, Батисто. Не знаешь того, о чем нельзя говорить! Я смотрю на часы. Мой самолет отправляется

через три часа. Но я не могу уйти просто так, не сказав Батисто главного. Собираюсь с духом. Стою, устремив взгляд на Старый порт и следя за кабинами-букашками, ползущими к холму Монжуик, и наконец рассказываю ужасную новость. Илиан работал во «Фнаке», и неделю назад его сбила машина на авеню Терн, сейчас он в больнице. Я не решаюсь высказать гипотезу о намеренном покушении. Хватит с Батисто и того, что я ему сообщила.

Батисто опускается на диван, у него словно вдруг ослабли ноги. Он весь сжался и замер, как когда-то его статуя на «скамье Гуэль». Мне кажется, он и впрямь воображал все эти годы, что Илиан покончил с собой, и, наверно, предпочел бы такую версию – что его друг умер от горя, что он выбрал свободный и трагический конец, а не гибель под колесами автомобиля какого-то лихача, выйдя из торгового центра, где влачил жалкое существование среди сотен других служащих.

Время бежит. А мне трудно уйти, труднее, чем когда-либо, но у меня нет выбора: Валентин, Оливье, Марго, Лора и близнецы наверняка уже собрались и готовы сесть в такси, чтобы ехать в аэропорт Прат. Я все чаще поглядываю на свой мобильник, ожидая эсэмэски от Оливье.

– Мне пора, Батисто.

– Да, конечно.

И все-таки я медлю, не могу вот так взять и покинуть эту квартиру. Не могу решиться оставить старого художника в таком состоянии. А главное, не могу уйти, не выяснив одну подробность, которая не дает мне покоя. Интуиция подсказывает, что я прошла мимо чего-то очень важного. Меня снова терзает ощущение, что весь этот разговор подстроен заранее, подготовлен специально. Может, просто сказывается ностальгия, проснувшаяся в этом месте? Или сожаления о прошлом? Но нет, прошлое не подало мне знака. Камень времени не сработал. Вполне естественно: ведь его у меня украли!

– Ты больше ничего не хочешь мне сказать, Батисто?

– Хочу, но сегодня это уже ничего не изменит.

Не понимаю, что он имеет в виду. Но выяснять некогда, меня ждет семья. Да и вылет задерживать никто не будет. Подхожу к двери, в последний раз окидываю взглядом слишком тщательно прибранную комнату. И вспоминаю *ту* ночь, последнюю ночь того времени, когда все еще было прекрасно...

Ночь до цунами.

Такая уверенность приходит единственный раз в жизни.

Я бормочу это, стоя у открытого окна, и маленький туманный кружок от моего дыхания на стекле люкарны[118] кончиком пальца превращаю в сердечко. Я проснулась первой. А заснула, прильнув к Илиану. Не знаю, в котором часу разъединились наши тела, кто из нас уснул раньше и кто все еще искал в полусне другого под укрывшей нас простыней.

Перед тем как встать, я покрыла поцелуями горячее тело Илиана. Старый порт еще не проснулся. В небе между башнями ни одной божьей коровки. И тщетно Христофор Колумб упрямо простирает руку к восходящему солнцу – сотни пришвартованных парусников безразличны к его немому призыву: на свете не осталось неизведанных континентов.

Я предвкушаю аромат кофе и тостов, приготовленных Батисто и выставленных на балкон, рядом с окном. Думаю, что с пристани и с яхт никто не сможет разглядеть мою наготу. *Такая уверенность приходит единственный раз в жизни.* Я пытаюсь воскресить в памяти каждый жест Мерил Стрип, сидящей перед Клинтом Иствудом, как она отворяла окно, держала сигарету, выпуская облачко дыма, смотрела на пикап, удалявшийся в облаке пыли от Холливелл-Бридж[119]. И пытаюсь копировать эти жесты. Слышу, как Илиан заворочался в постели, и повторяю – на сей раз вслух:

– Такая уверенность приходит единственный раз в жизни.

Илиан слишком хорошо знает кино, чтобы не понять с полуслова.

– Я знаю, Нати. Я знаю. Но... (Странное дело: его спокойный, назидательный тон напоминает мне манеру Оли.) Но ты не можешь бросить мужа. Во всяком случае, из-за меня.

Мостик Старого порта пока еще можно сравнить с Холливелл-Бридж, но уже через несколько часов громоздкие мусороуборочные машины начнут отмывать и уничтожать следы ночного разгула на Рамбла и на бульваре Колумба, чтобы город вновь стал прекрасным, как накануне.

Не надо все губить, Илиан!

Туманная дымка моего сердца превращается в слезы, вот и первая уже выскользнула из-под век.

И я повторяю, уже в полный голос:

– Не надо все губить, Илиан!

Ответ следует мгновенно – жестокий, как удар хлыста:

– Не надо губить свою жизнь, Нати!

Илиану не нужен плотный завтрак, чтобы восстановить силы. А мне нужен. Я ему не отвечаю. Сточные канавки проспекта Колумба заполнила розоватая пенная вода. Мое сердце исходит такой же влагой.

– Не губи свою жизнь из-за меня, – повторяет Илиан. – Ты ведь любила мужа до нашей встречи. Ты любишь свою дочку и никогда не перестанешь ее любить. У тебя прекрасная жизнь, Нати. Так стоит ли губить ее ради музыканта-неудачника?! У которого ничего нет. Который живет на нищенские подачки. Который кончит неизвестным, отчаявшимся бродягой, таскающим за собой мешок тщетных надежд.

Мешок тщетных надежд...

Я легонько дышу на оконное стекло. Рисую новое сердечко. И наконец оборачиваюсь. Ил может сколько угодно изрекать свои глупости, но я-то вижу, как он пожирает меня глазами. Растрепанную, ненакрашенную, растерзанную. Но Илиану все это как будто нравится. Я стараюсь говорить мягко, чтобы в моем голосе не прозвучало ни гнева, ни иронии:

– Не бойся, дорогой. Главное, не бойся. Я не собираюсь бросать мужа... – Тут я выдерживаю долгую паузу, а потом вмиг убираю с лица серьезное выражение. – Во всяком случае, прямо сейчас! – Подхожу к постели танцующими шажками и одним прыжком оказываюсь рядом с ним.

Илиан останавливает меня, сжав одной рукой мою руку, а другую положив мне на бедро.

– Я не шучу, моя принцесса. Я способен показать два-три фокуса. Развлекать тебя один день. Или одну ночь. Но это ничего не меняет. Я тебя не стою.

Он лежит, вытянувшись. Откинутаая простыня обнажает тело до первых завитков внизу живота. Я люблю его. Люблю еще больше именно за то, что он не пытается меня умыкнуть, за то, что не пытается выманить у меня ласки в обмен на лживые обещания. За то, что он не похож на негодяев, которые так поступают. За то, что он готов скорее

потерять меня, чем сделать несчастной. Какой мужчина способен на подобное самопожертвование?!

– Прекрати, хватит!

И я долго смотрю на него, прежде чем спросить:

– А что там – в твоём мешке безнадежных надежд?

Ил не отвечает. Он сейчас похож на маленького растерянного мальчика. За стеной, в гостиной, звучит музыка, которую слушает Батисто. Слишком громкая.

Несколько фортепианных аккордов.

Let It Be.

Ил прикрывает глаза.

– Вот это! – шепчет он.

Я не понимаю:

– Что – это?

– Именно это – *Let It Be*. Или *Angie*. Или *Hotel California*. Вот моя надежда – написать песню, которая останется! Музыку, которая меня переживет. Таковую, чтобы она вошла в жизнь людей, чтобы они ее насвистывали, чтобы она вызывала у них воспоминания, образы, дарила мужество. Я уверен, что это единственный способ достичь бессмертия.

Негодяй не оставляет мне выбора! Я обнимаю его, целую так, что у нас обоих захватывает дух, – пусть знает, что есть и такой способ достичь бессмертия.

И мы не дышим целых три минуты, пока за стеной не замирают звуки фортепиано.

Let It Be закончилась.

Я встаю на колени. Можно подумать, что я молюсь, понутив голову; мои груди подрагивают над его животом, разверстые губы чрева почти касаются его лица.

– Я помогу тебе, Ил... Обещаю. Мы понесем его вместе – твой мешок с надеждами. И вместе станем бессмертными.

Я знаю, что Ил сейчас протянет руки, чтобы сжать мои груди, раздвинет мне ноги, чтобы проникнуть внутрь языком. Лишь бы заставить меня замолчать, доставив наслаждение.

– Только посмей, Ил... Только посмей сказать, что мы на этом и кончим, что ты сможешь жить без меня!

– ...

– Мы станем сильнее всех. Хитрее всех. Только дай мне немного времени. У нас впереди еще целая жизнь, чтобы любить друг друга.

Целая жизнь... И самолет, который вылетает в Руасси через три часа.

Его руки ложатся на мою грудь – ту, под которой бьется сердце. Со скоростью тысяча километров в час. Я продолжаю свою литанию:

– У нас с тобой целая планета, чтобы любить друг друга, Илиан. Через два дня я лечу в Джакарту.

– Знаю, ты говорила это в Монреале, моя ласточка.

– Я вылетаю из Руасси и возвращаюсь в Руасси. Ты... ты мог бы встретить меня в Париже?

Простыня соскользнула на пол. Теперь Ил и впрямь проснулся, окончательно проснулся. Я борюсь с искушением опуститься еще ниже, добраться до острия его желания, вобрать его в себя, втянуть, проглотить.

– Нет... Это невозможно... После поездки в Барселону Улисс подыскал мне новый контракт. Я так долго его упрашивал...

– Новый контракт? Где, в каком месте?

Мои пальцы ласкают восхитительно крепкий член, губы жаждут поучаствовать в пиршестве. Я наклоняюсь, но Илиан движением влюбленного дзюдоиста переворачивает меня на спину.

И вот он уже на мне.

– Да ерундовый контракт, говорить не о чем! – шепчет он. – Гитаристом в баре отеля люкс.

– Где?

Илиан проникает в меня.

– В Джакарте.

В Джакарте...

Ил уже во мне.

Джакарта!

Значит, наш роман – самый прекрасный в мире – продолжается! Я уже не чувствую своего тела, наслаждение захватывает, сжигает меня, и каждая капля крови, каждая клеточка плоти сулит бесконечное блаженство. *Такая уверенность приходит единственный раз в жизни.*

– Я люблю тебя, Илиан... люблю... ЛЮБЛЮ!

Ил не останавливается. Ведет меня к вершине наслаждения.

– Куда мы идем, Натали? До чего мы вот так дойдем?

– До Джакарты.

Наши тела сливаются в оргазме. Наши души воспаряют к небесам. Оставив на постели две измученные телесные оболочки.

– А потом?

– А потом нас ждут целая жизнь и целая планета, чтобы любить друг друга.

*Оставь мне себя немножко:
Пусть не целый цветок, хоть один лепесток,
Брошку, сережку, к сердцу дорожку...*

41

2019

Почему требуется столько предосторожностей, чтобы пропустить пассажиров в самолет? Ведь не подвергают же людей досмотру перед посадкой в поезд, в автобус, на корабль, а ведь там тоже можно все разнести вдребезги, если какой-нибудь псих решит это сделать. Привыкнув к сокращенным до минимума формальностям в отношении летного состава, я редко задавалась этим вопросом. И вот теперь, зажата в толпе пассажиров, терпеливо ожидающих своей очереди перед воротцами металлоискателя аэропорта Прат, нахожу задержку нестерпимой. Перед нами не меньше полусотни пассажиров, которые должны поставить на транспортер свои сумки, выложить ключи, украшения, мобильники, ремни, обувь. Мы, все семеро, молча ждем своей очереди; близнецы увлеченно сосут «чупа-чупсы», то и дело обмениваясь ими на столике коляски; Лора пытается развлечь остальных разговором.

– Все-таки наш вояж удался, правда? – И сама же настаивает, вспоминает, обсуждает, поздравляет нас и себя с успехом, строит планы на будущее: – Хорошая была идея, вы согласны? Это можно повторить, всем вместе, почему бы и нет?

– Конечно, Лора, конечно! Не беспокойся, все хорошо. Ты замечательно все это придумала!

Даже если Оливье сейчас не говорит ни слова.

Ему очень не понравилось, что я где-то пропадала до самого полудня. И моя выдумка насчет разговора с Флоранс и ее брака с

командиром Балленом его ничуть не убедила. «Нет, ты представляешь, Оли?!» – «И это заняло у тебя все утро?» Как не убедил и мой подарок – керамическая кружка в стиле Гауди. Да, я согласна, что подарочек так себе, но чем еще, будучи в Барселоне, доставить удовольствие человеку, который не любит ни футбол, ни живопись? Видно, что Оливье не терпит вернуться домой. Я часто смеюсь над ним, когда мы бываем в гостях и он сразу после кофе начинает позевывать и смотреть на часы: его тянет в мастерскую, как лошадь в свою конюшню.

Но сегодня все гораздо хуже.

Сегодня не до смеха. Я чувствую, что Оливье рассержен всерьез. Он сдерживается ради Марго и Лору, не позволяет себе никаких намеков, ну или почти не позволяет, сказав только позавчера, в постели: *Больше ни слова об этом, Нати. Кончено. Забудем!*

А я вот взяла и сбежала. Оливье согласился похоронить прошлое, а я все-таки не удержалась и опять натворила бед. Прости меня, Оли!

Я крепко сжимаю руку мужа, стараясь ободрить его. Ободрить Лору. Не Марго – той на все плевать. Она сама себя развлекает, пересматривая *фотки* на мобильнике и время от времени демонстрируя нам самые удачные – скульптуры Саграда Фамилия, потолок Дворца музыки – или самые смешные – Этан и Ноэ, показывающие язык саламандре в парке Гуэль, какой-то голый тип на пляже Барселонеты, Валентин посреди бульвара Рамбла, отдающий честь живой статуе Джеймса Бонда.

А в воротца металлоискателя прошли не больше десяти пассажиров, стоявших перед нами.

И вдруг до меня доходит – мне все объяснила одна из фотографий Марго. Теперь я поняла, почему мой утренний разговор с Батисто показался заранее подготовленным. Как же я раньше не догадалась?!

Меня охватывает паника. Я должна туда вернуться! Вернуться на проспект Колумба и поговорить с Батисто. Он должен признаться.

Поочередно оглядываю Валентина и Лору, близнецов, Марго, Оливье. Максимум через полчаса нам предстоит пройти таможенный контроль. А через час мы сядем в самолет.

Раздумывать некогда. Я выпускаю руку Оливье и восклицаю:

– Я... я... забыла!..

Марго непонимающе смотрит на меня:

– Что забыла, мам?

– Я... я...

И не нахожу никакого объяснения, никаких оправданий. Самой не верится, что я способна так поступить. Что сумасшедшая, которая поворачивается, бросает своих детей, внуков и мужа, расталкивает толпу и мчится куда-то, это я.

– Не ждите меня, я вас догоню.

И сумасшедшая убегает. Оли стоит онемевший, с перекошенным лицом. Валентин, с его мгновенной реакцией, растерянно смотрит мне вслед: его теща свихнулась! И только Лора кричит:

– Мама, как же ты нас догонишь, самолет взлетит через час!

– Улетайте... улетайте без меня... Я сяду в следующий.

И бегу прочь. Не оборачиваясь. Не смея взглянуть в глаза тем, кого люблю, кому сейчас стыдно за меня. А я совсем обезумела: мчусь со всех ног, расталкиваю людей и даже не извиняюсь. Нет, я не обезумела. Кто-то другой хочет сделать меня безумной! У меня нет выбора. Я должна дать отпор, должна обороняться. Должна узнать.

Выскочив из здания аэропорта, перехватываю такси у какого-то хипстера, который, кажется, даже не прочь уступить свою очередь вздрюченной даме возраста его матушки. «Проспект Колумба, дом № 7!» На авеню Параллель попадаем в пробку. Я теряю последнюю надежду успеть к нашему рейсу. Бегом на седьмой этаж! Колочу в дверь так же неистово, как колотится мое сердце. Батисто отворяет дверь, изумленно глядит на меня. Я не оставляю ему времени придумать линию защиты:

– Какого черта ты делал на Рамбла?

– ?..

– Вчера, когда я проходила мимо со своим семейством, ты расположился рядом с площадью Каталонии со своей живой скамьей.

– Но я... я работал, Натали.

– Врешь!

И, желая доказать ему, что меня не так-то просто провести, я врываюсь в комнату, распахиваю дверцы шкафа, выдвигаю ящики, перетряхиваю аккуратно сложенное белье. И твержу:

– Врешь, врешь! Ты давно не работаешь, Батисто! Слепому видно, что не работаешь. И красок у тебя здесь нет, и масок, и макияжа. Да ты на себя посмотри, ты же еле ходишь, скрюченный весь! Ты не работаешь мимом уже много лет, ты ушел на заслуженный отдых, это и

дураку ясно. Так почему же ты вчера напялил свой старый костюм, Батисто? Почему? Ради меня? Потому что знал, что я пройду по той улице? Потому что был уверен, что я тебя не пропущу? Кто тебя заставил, Батисто? Кто тут кукловод?

Батисто опускается на стул. Он не отрицает. Ни в чем не признается, но ничего и не отрицает. Ах, если бы он знал, что означает для меня его молчание!.. Оно означает, что я вовсе не свихнулась! Что я не плохая мать. Что я – чья-то жертва!

– Я ничего не могу тебе сказать, Натали.

– Почему?

– Возвращайся домой, Натали. Твое место рядом с семьей.

Слишком поздно, Батисто. Слишком поздно. Моя семья уже сидит в автобусе, который вот-вот вылетит в Париж, в аэропорт Бове. Унося с собой моего мужа, который, наверно, никогда не простит меня, которого осаждают вопросами дети, и, может быть, он в конце концов скажет им всю правду. У вашей мамы был любовник. Конечно, очень давно, много лет назад. Но ваша мама, ваша идеальная мама на самом деле совсем не такая, какой вы ее себе представляете.

– Моя семья на грани развала, Батисто. Пожалуйста, скажи мне, кто за всем этим стоит?

За всем этим. Как все связано – эти совпадения, проклятый камень времени, попытки убийства?

– Я не могу, Натали. Прости, но не могу.

Я заливаюсь слезами. Старый сгорбленный мим с трудом доходит до спальни и приносит оттуда пачку бумажных платков.

– Я правда не могу, Натали. Но все же раскрою тебе один секрет.

Поднимаю на него глаза. Моя полуседая прядь сметает со щеки одну-две слезы. Неужели я наконец смогу приоткрыть завесу над тайной загадочных фантомов, которые меня преследуют?

– Я расскажу тебе, почему ты влюбилась в Илиана.

Батисто что, издевается надо мной?!

Неужели он завлек меня в свой дом, надел свой старый наряд мима лишь для того, чтобы провести сеанс психотерапии?!

– Прости меня, Батисто, но я сама отвечаю за свои чувства. И лучше тебя знаю, для кого и почему так бьется мое сердце.

– Нет, Натали, ты не знаешь. До сих пор не поняла...

Я судорожно всхлипываю. Слезы иссякли. И я сдаюсь, терзая намокший от слез бумажный платок:

– Ладно, говори.

– Илиан был особенным, не таким, как все. Я прожил с ним бок о бок несколько месяцев. Илиан ни на кого не походил. Я постепенно разобрался в нем. Мне трудно было понять его, но день за днем это становилось все более очевидным.

Я дрожу. У меня хватает сил только на то, чтобы повторить:

– Ну говори же! Хватит намеков...

– Илиан был гением! Не способным музыкантом, не талантливым гитаристом, нет! Это был гений! Можешь мне верить или не верить, но он был равен Дилану, Леонарду Коэну, Нилу Янгу, Маккартни. Он был гениальным, как они.

Я вспоминаю тот день в терминале 2F, у выхода М, перед вылетом в Монреаль, когда впервые встретила Илиана. Он сидел один и играл на гитаре. Помню, как меня покорила его музыка. Я-то думала, что меня привлекло его одиночество, а получается – его музыка?

Батисто разговорился. Он долгие годы держал в себе уверенность в таланте Илиана.

– Настоящий гений, уж ты поверь. Я смотрел на него, когда он играл на улице, – прохожие останавливались и слушали как зачарованные. Он их околдовывал, точь-в-точь как крысолов со своей дудочкой...

Мой внутренний голос подтверждает: да, он прав, я сама всегда это знала. Но что-то у меня внутри еще противится его словам.

– Если Илиан был так талантлив, Батисто, почему же не добился успеха?

Старик усмехается. И тоже берет из пачки бумажный платок, чтобы вытереть глаза.

– Ты это знаешь лучше меня, красавица. Потому что он не верил в себя.

И я вспоминаю слова Улисса: *Илиан слишком скромн, он одарен талантом, но не верит в себя. Илиан мечтатель, а не боец...*

– Ты сказал, что он околдовывал людей... что они слушали его как зачарованные.

– Люди останавливались и перед моей скамьей. А ведь у меня никакого таланта нет. Пойми, Натали, быть гением недостаточно.

Нужно еще верить в себя. А я часто слушал, как Илиан поет чужие песни, не веря в собственные мелодии.

Я невольно вспоминаю, как Илиан исполнял классические рок-хиты Эрика Клэптона, «Роллинг Стоунз» и другие в ту ночь в парке Чикано. Как говорил мне с придыханием о *Let It Be*, о *Hotel California*, о бессмертии, когда мы были здесь, в спальне Батисто. Поднимаю голову и вижу устремленные на меня глаза старика. Уже сухие и строгие.

– Ты была нужна Илиану, Натали. Ему требовалась такая женщина, как ты, – муза, если хочешь. Которая внушала бы ему уверенность в себе, вдохновляла, поддерживала, подгоняла. И этой женщиной была ты.

Мне хочется заткнуть уши. О, как хорошо я бы сейчас чувствовала себя в самолете, рядом с Оливье! Как спокойно мне было бы в Порт-Жуа! Опустить глаза, Батисто, и пощади остатки моих иллюзий!

– Когда Илиан вернулся из Джакарты после того, как между вами все кончилось, в нем что-то погасло. Он больше не верил в себя. Не верил в музыку. Стал обычным парнем. – Взгляд Батисто наконец смягчается. – Успокойся, Натали, он наверняка был счастлив на свой манер, ему нравилось продавать диски во «Фнаке», нравилось спать с другими женщинами. Все мы верим, что нам нравится та жизнь, которую мы избрали. Это единственный способ смириться с тем, что наши мечты никогда не осуществляются. Вот и он, как все мы, нашел для себя другой стимул в жизни.

Батисто берет меня за руку. А я все еще не могу переварить услышанное. Сердце в груди вот-вот лопнет. *Другой стимул в жизни. Другой стимул в жизни, чтобы убить в себе музыку.* Значит, во всем виновата я?

Когда я выхожу из дома Батисто, самолет с моей семьей на борту уже час летит в Бове. Марго, Лора и Оли засыпали меня сообщениями.

Уклончиво отвечаю:

Все хорошо. Просто задержалась на час. Лечу следующим рейсом. Буду в Порт-Жуа к вечеру, чтобы приготовить ужин.

И я не лгу. Стоит ли паниковать из-за пропущенного рейса? Воздушное сообщение между Барселоней и Парижем куда лучше, чем железнодорожное между Сержи и Парижем. По тону и содержанию

эсэмэсок я догадываюсь, что Оливье постарался не драматизировать ситуацию и ничего не сказал Марго и Лоре. Спасибо тебе, Оли! Зато меня удивило другое сообщение – от Флоранс. Она пыталась со мной связаться и, не дождавшись ответа, оставила звуковое послание.

Включаю запись и прижимаю к уху трубку. Фло вопит так, что у меня чуть перепонки не лопаются.

Это что еще за бредни? Что еще за рассказы насчет Шарлотты? Жан-Макс в жизни не имел дела с этой потаскушкой! Он уже сто лет как не интересуется сопливыми девчонками! Уж если хочешь знать, стюардессой, с которой Жан-Макс перетихнулся в кабине, когда его застукала Сестра Эмманюэль, была я!

На этом сообщение кончается. Не знаю, стоит ли ей звонить? Вынуждена признать, что сама я никогда не видела Шарлотту и Жан-Макса вместе, что об их предполагаемой тайной связи мне стало известно из признаний моей стажерки, – значит, она с самого начала манипулировала мною!

Но зачем?

И в чем еще Шарлотта меня обманула?

Кто же она, эта юная стюардесса, к которой я прониклась симпатией? И какую роль играет во всей этой невероятной комедии?

Мне нужно с ней увидеться, теперь я понимаю, что именно тут надо искать ключ к разгадке.

У меня в кармане тренькает телефон. Эсэмэска.

Без подписи. Анонимка.

Не лети в Джакарту.

42

1999

– Не лети в Джакарту!

Вот первые слова, которые я услышала от Оливье.

Я вернулась в Порт-Жуа без всяких дурных предчувствий, шумно затормозив на гравии подъездной аллеи. Счастливая, на крыльях эйфории двух волшебных дней, проведенных с Илианом, в предвкушении нашего свидания через несколько дней в Джакарте, в

нетерпеливом ожидании момента, когда я обниму Лору, войду в свой дом. Мой дом... гавань спокойствия между двумя шторами. В самолете я подробно изучила путеводитель по Барселоне – на случай, если Оливье начнет меня расспрашивать.

Но Лора меня не встретила. Обычно, если я возвращаюсь поздно вечером, Оливье не укладывает ее спать. Я люблю, когда она ждет в конце аллеи и бросается меня обнимать, едва я выйду из машины.

А сейчас дверь открыта и в доме стоит какой-то странный запах. Запах жавелевой воды. Под плоскими подошвами моих туфель хрустят крошечные осколки стекла. И какие-то странные искорки поблескивают на стенах, на полу, на стульях и даже на диванчике, где Оливье ждет меня. В гостиной – если не считать этих удивительных блесков – полный порядок.

Обычно, когда я возвращаюсь, Оливье обнимает меня.

А сейчас я долго стою, пытаюсь понять причину его молчания, и только спустя несколько секунд замечаю пустоту на полке, прямо напротив меня. Десятки снежных шариков исчезли.

Подхожу ближе. Невидимое стекло хрустит под ногами при каждом моем шаге, вспыхивает искорками на паркете.

Оливье не дает себе труда встать. На столике перед ним стакан и бутылка «Перье». Он говорит – спокойным, слишком спокойным тоном:

– Где ты была, Натали? Я звонил твоим подругам. Их не было в Барселоне. Их не было с тобой. Так где же ты была, Натали?

Вот идиотка! Как же я могла не предупредить подружек, хотя бы Фло! Мне даже в голову не пришло, что он вздумает их расспрашивать. Я мгновенно покрываюсь холодным потом. Эх, почему мне не шесть лет. В такой же ситуации, застигнутая за крупной шалостью, я бы виновато понурилась, попросила прощения, и все было бы забыто. Но мне тридцать три года, и эта провинность даром не пройдет. Такую глупость мне никто не простит. Да это не просто глупость, тут вся жизнь висит на волоске.

Оливье задает вопросы – спокойно, сдержанно, не ожидая ответов:

– Кто это? Я его знаю?

Теперь мне понятно, что это за блески и стекло на полу. Так и вижу, как Оливье в отчаянии хватается шары и швыряет их в стену.

– Ты... ты решила меня бросить?

Я молчу, представляя себе, как он вымещает свой гнев на ни в чем не повинных стекляшках, а потом садится и ждет. Нет, сперва выметает осколки башен Петрония и Великой китайской стены, Всемирного торгового центра и Фудзиямы. Потом наводит порядок в комнате и ждет. Все обдумывает – и ждет меня.

– Малышка уже спит... Ты помнишь, мы с тобой решили завести второго ребенка. Боюсь, теперь это уже не актуально.

И он отпивает воду из стакана. Ох, лучше бы он был пьян и сидел перед пустой бутылкой из-под виски. Он поднимает на меня голубые глаза:

– Ты же знаешь, я люблю тебя.

На минуту мне кажется, что стакан в его руке сейчас постигнет та же участь, что мою стеклянную коллекцию. Рука Оливье дрожит, но он старается не показать этого.

– Я никогда не удерживал тебя, Натали... Никогда. Не запрещал тебе покидать дом. Никогда...

Боюсь не справиться с подступающими слезами, боюсь не устоять на ослабевших ногах. Но меня спасает шум на втором этаже, неясный шорох. Лора?

Взбегаю по лестнице. Моя малышка сидит на краешке кровати, прижав к себе любимую куклу Кашу́.

– Я слышала, как ты приехала, мама. Хотела тебя встретить, а папа сказал, что я слишком устала.

Вынимаю из ее рук Кашу и крепко обнимаю дочку, борясь с желанием никогда больше не разжимать объятий. И шепчу ей на ухо:

– А у меня для тебя сюрприз.

Стеклянный шар! Саграда Фамилия. Едва удерживаюсь, чтобы не сказать Лоре: «Спрячь получше и не показывай папе, а то он найдет его и разобьет», но вовремя осознаю, как это нелепо. Я никогда не смогу разлучить Лору с отцом.

– Ну а теперь давай спать.

Моя малышка еще раз встряхивает свое сокровище и засыпает почти мгновенно, еще до того, как золотистые хлопья опустились на башни крошечной каталонской базилики. Я выхожу на цыпочках, растерянная, потрясенная до глубины души.

Спуститься по лестнице. Десять ступеней. Как бы мне хотелось простоять на каждой из них целый час. Или день. Или год. Сколько

времени нужно, чтобы выбраться из колодца, в который я упала? Я никогда не смогу жить без Лоры. А Лора никогда не сможет жить без своего папы. Но даже если мы дойдем до развода, если нам придется терзать друг друга перед судьей, я никогда не добьюсь – при своей работе стюардессой, при своем проклятом расписании полетов, – чтобы дочь оставили мне.

Две ступеньки.

Оливье – образцовый муж, а я – порхающая жена.

В глазах всех окружающих. Даже в своих собственных.

Значит, либо остаться, либо потерять все.

Все... кроме Илиана.

Пять ступенек.

Илиан... Четыре дня и три ночи в моей жизни. Что это – метеор? Случайный эпизод, после которого нужно поставить точку, а время сотрет все остальное? Через год, через десять или двадцать лет я, наверно, буду спрашивать себя: а вправду ли я пережила те мгновения или они – плод моей фантазии? И тогда, глядя в зеркало прошлого, я признаю, насколько смешна была та влюбленная Нати, сходящая с ума по едва знакомому человеку. И через много лет, сидя за бокалом кампари на диване рядом с Оливье, спокойная, рассудительная Нати будет со смехом вспоминать вместе с ним те несколько дней, когда она была готова его бросить, когда их дом затрещал и зашатался. Но выстоял.

Восемь ступенек.

Я не могу! Не хочу, чтобы это пламя угасло. Не хочу верить, что моя измена – настолько банальный эпизод, что Оливье готов мне его простить. Не хочу верить, что после всех моих слез, страданий, надежд все забудется и жизнь потечет мирно, как прежде, и я перестану вспоминать Илиана. И что понадобятся какие-то невероятные совпадения, чтобы во время очередного путешествия я вспомнила о нем.

Десять ступенек.

Я в гостинной, снова иду по хрустящим осколкам.

– Что ты собираешься делать, Натали?

Оливье уже осушил бутылку «Перье». Это его способ напиться.

– Не знаю... Мне нужно время, чтобы все осмыслить. Мне нужно... лететь в Джакарту. Отпусти меня. В последний раз. В

последний... я тебе твердо обещаю.

– Не нужно никаких обещаний, Натали. Тебе решать...

43

2019

– Не возвращайся в Джакарту.

Первые слова, произнесенные Оливье.

Оли сидит на диване. На столике перед ним бутылка виски, уже наполовину пустая. Повсюду, куда ни глянь, рассыпаны осколки снежных шариков. Их было сто тридцать девять, я точно помню. Сто тридцать девять рейсов между 1999-м и 2019-м. На этот раз Оливье ничего не убирал. Диван, стены, мебель – все мокрое, пол липкий, словно его залили моющим составом, но не вытерли. Оливье порезался, большой палец на правой руке кровоточит.

Я осторожно шагаю по паркету – он превратился в каток, усеянный стеклом.

Я позвонила Лоре, как только мой самолет сел в Бове, на два часа позже их рейса.

– Что это была за срочность, мама, надеюсь, ничего серьезного? – только и спросила Лора. – Папа настоятельно попросил нас взять к себе Марго на этот вечер. Она начинает интересоваться Этаном и Ноэ, и это меня очень радует.

– Нет-нет, ничего серьезного. До завтра, моя дорогая.

Мне кажется, дети не очень-то стремятся знать, что от них скрывают родители. По крайней мере, пока те живы.

Я добежала до шаттла «самолет – аэропорт», потом схватила такси и приехала в Порт-Жуа меньше чем через час после возвращения Оливье. Он отпивает виски из стакана, не оборачиваясь ко мне.

– Все-таки вернулась? Он что, опять нарисовался, этот тип с ласточкой? Ты его так и не забыла?

– Нет, Оли, нет. Он... не нарисовался.

– Тогда в чем дело, Нати? На что это похоже – вот так взять и сбежать от семьи? Ты хоть соображаешь, что о тебе могли подумать девочки?!

Вот только не впутывай своих дочерей, Оливье!

– Этот «тип с ласточкой», как ты его называешь, не был в Барселоне. Он сейчас в Париже. В больнице Биша. Он стал жертвой несчастного случая на авеню Терн. И неизвестно, выживет ли.

Оливье вздрагивает.

– Ты... Ты что, видела его?

– Нет... Ни разу. Ни разу за все эти годы.

Оливье с отвращением отодвигает стакан с виски.

– Значит, Биша... Надеюсь, ты не посвятила в это Лору?

Я не отвечаю. Оливье пожимает плечами.

– Тогда как объяснить этот твой фортель в Барселоне?

– Воспоминаниями... Путешествием в прошлое. Чередой странных совпадений...

Голубые глаза Оливье снова проясняются – несмотря ни на что, ведь в глубине души он не способен на меня сердиться. Наконец-то я понимаю, за что он меня все еще любит после стольких лет, после всего, что я заставила его пережить. За беспорядок. За непредсказуемость. За то неведомое, что кроется во мне. Люди всегда влюбляются в то, чего не хватает им самим.

– Н-да, я заметил, что с некоторых пор ты сама не своя...

– Знаю, Оливье. Ты уж прости...

И прости, что не могу рассказать тебе все до конца. Рассказать о камне времени, перечислить странные совпадения, сказать, что Илиана сбили не случайно, что его хотели убить, как и меня.

Я ничего не могу тебе рассказать, потому что начинаю подозревать в этом всех подряд. Всех, кроме своих дочерей. В том числе тебя. Попытка убийства... Кто здесь первый подозреваемый? Ревнивый муж, кто же еще. Даже если тебе, Оли, неизвестны подробности нашей с Илианом истории. Разве что все было разыграно по какому-то совсем уж безумному сценарию: ты его разыскиваешь, сводишь с ним дружбу, заставляешь разговориться, затем пытаешься убить, а меня свести с ума. Но зачем? Зачем – после стольких лет?!

В конце концов Оливье осушает стакан и сосет пораненный палец. Взгляд мужа снова потускнел, как будто теперь его терзают другие призраки.

– Я ничего не объяснил девочкам, Натали. Когда ты сбежала от нас в Барселоне, я сперва заколебался, но все же не сказал им ни слова. Едва удержался, чтобы не расплакаться перед ними, перед моими

дочками, это ты понимаешь? Чтобы я лил слезы перед своими дочерьми и этим дураком зятем! Я чуть не разнюнился, но все же смолчал. Ни слова – ни Лоре, ни Марго... И все-таки... Все-таки хотя бы Марго имела право знать...

Вот оно... Вот куда метит Оливье.

– Ты опять за свое?

Я забеременела Марго в 2001-м, через два года после моего «побега» – так Оливье назвал мою измену. С тех пор он сомневался, что она его дочь. Тщетно я клялась ему своей жизнью, даже жизнью Лоры, что больше не встречалась ни с Илианом, ни с кем-нибудь другим, что спала эти два года с ним одним, что Марго – его и только его дочь, – подозрения так и не развеялись до конца. Правда, это не мешало ему безоглядно любить Марго. Еще бы! Зато помешало так же слепо и безоглядно любить меня.

И все-таки Марго – твоя дочь, Оли! Иногда, мучительно раздумывая, какой бы подарок сделать тебе ко дню рождения, я чувствовала сильное искушение преподнести результаты теста на отцовство. Сделай его, Оливье! Сделай, чтобы избавиться от наваждения!

Оливье молчит. Как странно – находиться дома вдвоем, без Марго! А ведь мы знаем, что через пару-тройку лет она уедет от нас и мы останемся один на один. Как и многие супружеские пары нашего возраста, которым предстоит учиться стареть вдвоем. Или молодеть.

Я делаю осторожный шаг к Оливье, отодвигая носком туфли осколки.

– Отвечаю на твой первый вопрос, Оли. Я не полечу в Джакарту. Никто сейчас не летает в Джакарту. Все гражданские рейсы отменены. Но я все же поеду в Руасси, чтобы отметить – на тот случай, если понадобится. Таковы правила.

Поехать в Руасси. Встретиться там с Фло, Жан-Максом, а главное, припереть к стенке обманщицу Шарлотту. Я абсолютно уверена, что у нее есть ключ к разгадке. Собственно, я могу и не ждать встречи с ней в аэропорту – Фло прислала мне эсэмэской номер ее мобильного, разузнав его у парней из отдела планирования рейсов. Буду звонить ей до тех пор, пока она не ответит, – это первое, что я сделаю завтра.

– Да, таковы правила...

Оливье ставит на стол стакан с виски и берется за пульт.
Перебирает несколько телеканалов.

На каждом говорят только о цунами в Индонезии.

Часть IV

Джакарта

44

2019

Я проснулась рано и первым делом включила радио. Стоя под душем, я могла уловить только обрывки сообщений: *погибшие, ранение, наводнение, разрушения, болезни, бездомные*, цифры: *десятки, сотни, тысячи* – и более длинные фразы, когда вытиралась: *глобальное потепление... предсказуемая катастрофа... ничто не предвещало...* Словом, все о цунами, об этом катаклизме, который несколько дней назад на много часов отрезал Джакарту от остального мира. С первого же момента в район бедствия направлены отряды добровольцев. Международное сообщество организует помощь.

Оливье встал еще раньше меня и уже работает в мастерской. Я решила в знак примирения приготовить завтрак. Скоро вернется Марго – Лора завезет ее к нам, перед тем как ехать на дежурство в Биша. Прекрасная возможность позавтракать всем вместе. Я собираюсь пройтись пешком до деревенской бакалеи, чтобы купить хлеб, свежее масло, фермерские яйца и сыр.

А заодно и позвонить. Я записала на свой мобильник номер Шарлотты. Спасибо тебе, Фло! Очень хочется понять, зачем эта девица выдумала, что спала с командиром Балленом. Кто-то в моем окружении лжет – я уверена, что этим и объясняется вся серия необъяснимых совпадений. И Шарлотта стоит первой в списке подозреваемых. Или это первая ниточка, за которую я смогу потянуть.

Шагаю мимо стен и голубятни замка Порт-Жуа, прижимая мобильник к уху. Вот уже тридцать лет я совершаю эту прогулку чуть ли не каждую неделю и не устаю восхищаться красотой старинных каменных стен, тянувшихся вдоль берега. Миллионы лет назад Сена сделала свою работу, образовав с десятков лесистых островков, заключенных в изящные изгибы реки. Теперь она может спокойно отдыхать, лениво неся свои воды, настал черед людей сберегать древние замки, виллы и мельницы, стоящие на ее берегах. И они неплохо справляются с этой задачей – по крайней мере, здесь.

Слушаю звонок вызова. Слушаю долго.

* * *

Шарлотта узнаёт мелодию сразу, как только она раздаётся у нее в кармане. *Let It Be*.

И сразу понимает, кто звонит. Однако не отвечает. Это трудно. Даже невозможно. Ее руки скованы наручниками. Ноги связаны. Во рту – кляп.

Несколько минут назад ее тело приподняли и швырнули, как мешок, в багажник машины, которая теперь куда-то мчится. Шарлотта не знает, кто ее похитил и куда ее везут. Только интуитивно догадывается кое о чем. На эту догадку ее наводит молчание преступника, его хладнокровие и спокойная решимость.

Ее похитили, чтобы убить.

45

2019

Позвони, Лора, ну позвони же!

Смотрю на свои часы, потом на стенные, в кухне, потом вынимаю мобильник, но он молчит – ни эсэмэски, ни вызова, ничего, предусмотренного на это время.

13:03

Лора обещала позвонить до часу дня. Я предупредила ее, что потом уеду в аэропорт. А я хочу узнать! Хочу узнать до отъезда, даже если мне придется – что вполне возможно – прождать в Руасси до вечера, с учетом ситуации в Джакарте, и вернуться в Порт-Жуа уже к ночи.

Именно так я и сказала Оливье. Он мастерит мебель для детской, великолепный гарнитур из вишневого дерева – кровать со шкафчиком в изголовье, украшенным резьбой с африканскими мотивами – жирафами и слонами. Оливье – виртуоз своего дела.

Я машинально навожу порядок в кухне. Разгружаю посудомоечную машину, составляю в холодильник пластиковые контейнеры, убираю туда же миску с очищенными овощами. Словом,

веду себя, как всегда перед многодневным рейсом. Так, на всякий случай...

Нужно хоть чем-то занять себя! Рассматриваю красные циферки часов на плите и микроволновке. И, чтобы не считать минуты, обвожу взглядом другие электроприборы – их тут великое множество, и все показывают время.

Позвони, Лора, ну позвони же!

Сегодня хирурги должны принять решение.

Лора все объяснила мне вчера, пока Оливье читал наверху, в спальне. Сегодня утром Илиан должен пройти полное обследование. Общий наркоз, потом сканер, эхокардиограф, фиброскопия, медиастиноскопия. И только после этого врачи будут решать, можно ли его оперировать.

А если окажется, что нельзя?

Лора ничего не ответила, и это было страшнее самой искусной лжи.

Но все же она попыталась утешить меня, перед тем как закончить разговор. *Все будет хорошо, мама. Я позвоню тебе завтра. Результаты обследования станут известны в первой половине дня.*

13:04

Все-таки телефон – худшее из всех достижений технического прогресса. Он обещает вам возможность связи кого угодно с кем угодно, в любое время суток, в любом уголке планеты, а на самом деле все это обман. Люди не звонят, когда должны сообщить плохие новости, не снимают трубку, когда им есть что скрывать.

Я уже два дня пытаюсь дозвониться Шарлотте. Набираю ее номер чуть ли не каждые два часа. Оставила столько сообщений, что память голосовой почты ее телефона наверняка переполнилась. Никакого ответа! Фло и Жан-Макс тоже не откликаются. *Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия.* Каждый раз, звоня Фло, я попадаю на автоответчик, как будто она окончательно выключила свой мобильник.

Марго входит в кухню, открывает холодильник, съедает пару помидорчиков черри и одну редиску, не замечая ботву, упавшую на пол. И меня. Ее глаза не отрываются от экрана смартфона. Вот уж поистине самая мерзкая из всех технических новинок! А дочь идет в столовую,

унося с собой пакетик тертого грюйера, который щепотками отправляет в рот. И вдруг оборачивается и удивленно восклицает:

– Вы выбросили все снежные шары!

Марго заметила пустые полки? Вот уж чудо из чудес! Я всегда была уверена, что даже перекарашь мы дом в розовый цвет, и то она вряд ли заметит перемену. И уже собираюсь умилиться – надо же, ее тронула гибель моей коллекции! – как эта паршивка добавляет:

– Слава богу, давно пора! Держать в доме такое старье!

Недостойная дочь!

Марго, хихикнув, исчезает, прежде чем я успеваю хлестнуть ее тряпкой.

13:05

Позвони, Лора, ну позвони же!

Подбираю ботву и включаю телевизор. Журналисты позируют среди развалин моста Джакарты. Кругом суденышки, выброшенные на бетонную набережную, опоры, вырванные из земли, растерзанные бамбуковые изгороди; столы, стулья, мотоциклы и коляски моторикш плавают в затопленных холлах немногих уцелевших зданий, среди них я узнаю пустые глазницы отеля *Great Garuda*. Ужас. Боль. Журналисты суют микрофоны в лицо франкоговорящим туристам на разоренной площади, приводят последние данные: около пятидесяти спасшихся! Эта цифра оскорбляет меня: какая малость в сравнении с тысячами погибших индонезийцев, с десятками тысяч оставшихся без крова! Затем журналисты оставляют в покое людей и переходят к новостям об организации международной помощи пострадавшим от бедствия: беспрецедентная солидарность... участие неправительственных организаций... комитеты и творческие объединения...

Я не сразу услышала, как Оливье вошел в кухню. Замечаю его, только когда он открывает холодильник, чтобы взять бутылку воды. Он весь в поту, волосы цвета черного дерева и ясеня (другие сказали бы проще: с проседью) запорошены опилками. Я всегда любовалась красотой Оливье в тот миг, когда он выходил из своей мастерской, еще не приняв душ, не превратившись в обычного человека, который валяется на диване, почитывая газету. В тот короткий миг, когда мой повелитель дерева покидает свой заповедный мир, еще не вернувшись к банальной действительности.

Стоим вместе перед телевизором, не отрывая глаз от экрана. Со вчерашнего вечера, после моего возвращения из Барселоны, мы едва перекинулись несколькими словами. Оливье молча убрал осколки стекла и снежные хлопья до того, как вернулась Марго. Когда он поднялся в спальню и лег в постель, мы оба рассыпались в извинениях. Я признала, что, бросив их в аэропорту без всяких объяснений, поступила как неразумная, капризная девчонка. Оливье признался, что очень сожалеет о моей коллекции, что он вел себя как последний дурак, и теперь мне придется снова летать по всем миру, чтобы восстановить ее.

– Я был не в себе, Натали. Потому что люблю тебя. Я люблю тебя.

Мы не очень-то много говорили, больше целовались. И утром окончательно простили друг друга. Несмотря на терзавшие меня вопросы. Несмотря на мои подозрения...

– Мне кажется, в Джакарту не выпустят ни один пассажирский самолет, – говорю я, глядя на кадры растерзанного острова.

Оливье потрясен жестокостью природы. Когда люди забывают про убийства, за это берутся стихии. И я догадываюсь, что мысленно он сравнивает коварный климат тропических зон планеты с мирной гармонией нашего райского уголка, старой спокойной реки, округлых холмов, крепкого дома и дружной супружеской пары.

13:06

– Надеюсь, – отвечает он, – очень надеюсь. Наша планета сошла с ума.

В репортаже подробно сообщают о доставке в Джакарту продуктов, бутилированной воды и прочих необходимых вещей – их загружали с помощью лебедок в тяжелые транспортные военные самолеты. Я уже собираюсь сказать: *Вот видишь, Оли, в кризисных ситуациях в районы бедствия посылают солдат, а не стюардесс*, – как вдруг у меня в кармане звонит мобильник.

Лора!

Я так быстро нажимаю на кнопку, что не успеваю ни вздрогнуть, ни подготовиться.

– Папа рядом с тобой?

У Лоры ледяной тон. Как будто говорит не моя дочь, а медсестра, бездушная и безжалостная, как скальпель.

– Д-да...

– Тогда отойди куда-нибудь, мама. Отойди подальше.

*Оставь от себя мне чуточку:
Твой смех – на одну минуточку,
Голосок – на часок,
Взгляд-огонек – на денек,
Грудки-малютки – на сутки,
Остальное – на двое.
И может, тогда ненароком
Останешься тут вся скопом.*

46

1999

Триста номеров отеля *Great Garuda* в Джакарте почти все одинаковы: в каждой комнате кровать *king size*, письменный стол полированного дерева с инкрустацией, настенное зеркало напротив душевой кабины, панорамное окно.

Однако, когда стоишь перед огромным окном, возникает стойкая иллюзия, что ты – единственный и неповторимый в этом мире. Как я люблю это ощущение: ты озираешь сверху весь город, видишь каждый его огонек, каждую тень, каждое движение крошечных существ там, внизу, и тебе чудится, будто ты можешь повелевать, дирижировать всем этим, словно невидимый, своенравный хореограф.

– Я часто думаю – куда они бегут, все эти люди?

Стою у окна номера 248 отеля *Great Garuda*, закутавшись в гостиничный махровый халат небесно-голубого цвета с золотыми узорами. Его можно купить за восемьдесят долларов. И он стоит этих денег. Никогда еще у меня не было такого уютного халата. Я говорю одна, боясь взглянуть на Илиана. Впереди, за окном, возвышается Монас[120], – чудится, что обелиск совсем рядом, рукой подать. Изящество этой длинной белой свечи, всаженной в гигантский бетонный подсвечник, резко контрастирует с окружающим ее лесом массивных башен разных форм и высоты, с тысячами – а может, и миллионами – окон; внизу между ними змеются потоки машин, идущих в сторону моря.

Вот так я и провожу свои ночи, Ил, – любуясь городами. Выбираю какое-нибудь освещенное окно или люкарну и пытаюсь представить себе, как там живут люди. Слежу за случайной машиной, за силуэтом человека, выходящего из метро или ожидающего автобус. Придумываю ему судьбу. Куда он едет – к себе домой? Откуда – с работы? Здесь скрещиваются тысячи, десятки тысяч жизней. Как в рое светлячков. И у каждого своя история. Да и я сама – всего лишь мелкая мошка у этого освещенного окна, за которой, возможно, тоже кто-то наблюдает. Или никто не наблюдает. Такова моя жизнь, Ил. Моя прежняя жизнь. Сидеть и ждать в гостиничном номере в Индонезии, Австралии, Чили. Жить в разных часовых поясах. Искать сон и не находить его. Слушать музыку, лежа на кровати и глядя в потолок, на мигающий глазок дымоуловителя. Такой же, как во всех других отелях мира. Потом, когда становится совсем невмоготу, встать, выкурить сигарету у окна, проводить глазами еще пару-тройку светлячков и снова лечь в постель. Надеюсь, что удастся заснуть. Вот такая у меня была жизнь *до* этого, Ил. И такая же будет *после*.

Слезы текут непрерывно. Я их не сдерживаю. И не вытираю. Только откидываю прядь, которая застит мне взгляд, чтобы им не за что было зацепиться. Илиан лежит на кровати. У него тоже заплаканные глаза, такие же красные, как мигающий огонек на потолке. Ил чересчур сильно тер их своими длинными волосами, чтобы осушить слезы. Его влажные кудри рассыпались по плечам. Ил похож на Христа, или на Иоанна Крестителя, или на любого другого из сонма прекрасных и хрупких женоподобных святых. Никогда еще ни один мужчина не одаривал меня слезами. Я ни разу не видела плачущим ни своего отца, ни даже Оливье. Сегодня вечером у меня премьера... Думаю, что других «представлений» не будет. Никогда...

В последний раз сжимаю Илиана в объятиях. В последний раз его взгляд устремлен на меня. В последний раз я не чувствую себя ни матерью, ни супругой, ни добычей – только женщиной. В последний раз сознаю, что я красива, независима, бессмертна, что живу трепетным чувством любви, в полном согласии с моими самыми потаенными желаниями. В последний раз наступает парад планет, когда все они выстраиваются в ряд, когда Вселенная внезапно обретает божественную гармонию и все, что есть в мире, от бесконечно великого до бесконечно малого, ласкает каждый миллиметр моей кожи, согревает

каждую капельку моей крови, каждую клеточку моего сердца. В последний раз чувствую себя свободной, в последний раз мы занимаемся любовью.

Плохо занимаемся. Слишком озабочены тем, чтобы все было идеально. Слишком торопимся. Слишком боимся бездны, которая разверзается у нас под ногами. Мы впиваемся друг в друга. Как изголодавшиеся звери. Номер 248 в отеле *Great Garuda*. В панике после нескольких сообщений, которыми мы обменялись.

Моему мужу все известно. Мне на это плевать. Я хочу тебя увидеть, еще раз увидеть. В последний раз, Илиан! В последний раз!

Я лечу в Джакарту. Не раздумывая. Я не оставила выбора Оливье, как и Илиану. Я не могла смириться с тем, что больше не увижу его.

В последний раз...

Я считала себя сильной, я считала, что это наилучшее решение, никакого другого не было, просто унести с собой воспоминание о последней ночи, о последнем поцелуе – так навещают в последний раз тех, кого любят и кому предстоит умереть. Сохранить последнее объятие, сберечь последнее слово, унести с собой последний вздох.

Наилучшее решение? Или наихудшее? Или единственно возможное?

– На что она будет похожа, Илиан, на что будет похожа моя жизнь без тебя?

Илиан не отвечает. Но я знаю ответ.

Ни на что, Илиан. Ни на что.

Немая мольба сжимает горло. Мольба, вот уже три дня неотступно звучащая во мне.

Если ты попросишь, чтобы я уехала с тобой, Илиан, я уеду. Только попроси остаться с тобой, Илиан, и я останусь. Я на все была бы способна, если бы ты меня попросил, умолил согласиться. Даже если бы ты наплевал на Оливье, прокричал мне в лицо, что он меня не стоит; даже если бы ты отринул Лору, убедив, что нельзя тратить свою жизнь на ребенка – ребенка, который через десять лет будет вытирать об тебя ноги, а через пятнадцать и вовсе бросит. Будь Илиан другим – негодяем, эгоистом, ревнивым любовником, – он сумел бы уговорить меня остаться с ним, забыть о семье. Но разве тогда я бы его полюбила?!

Илиан пытается надеть трусы, лежа под простыней. И эта стыдливость уже разлучает нас.

Я проклинаяю его робость – и благословляю ее.

Мы с ним не из тех влюбленных пар, что могут быть счастливы, оставив за собой пепелище прежней жизни. Не из тех, кто может со смехом бежать прочь, предав огню прошлое. И мы оба это знаем. Мы – лучше. Мы сто́им большего. И теперь только одна мольба жжет мне грудь.

Умоляю тебя, Илиан. Соверши безумие, раздели его со мной! Не дай нашей любви умереть бесследно!

– Мы не должны звонить друг другу, Натали. Ни звонить, ни писать, ни видеться. Ни под каким предлогом. Поклянись мне, что ты исполнишь эту просьбу, Натали! Поклянись!

Нет, ни в чем не хочу клясться.

Стою и дрожу в своем теплом халате за восемьдесят долларов.

– Почему, Илиан?

– Ты прекрасно знаешь почему. У нас нет выбора. Мы должны погасить этот огонь, растоптать его, уничтожить. Стоит оставить за собой хоть один тлеющий уголек, как пламя вспыхнет вновь.

Прошу тебя, Илиан, придумай для меня разлуку, достойную нашей страсти!

– Мы должны оставить всякую надежду на новую встречу. Как ты думаешь, Натали, почему умерших погребают? Почему бросают горсть земли на гроб близких, перед тем как опустить их в могилу? Почему мы смиряемся с тем, что наши друзья, наши возлюбленные, наши родители или дети лежат на кладбище? Потому что тогда, именно в этот миг мы понимаем, что они к нам не вернуться. Что все кончено – навсегда. Что нельзя жить безумной надеждой на воскрешение, на новую встречу. Это невозможно, а то, что невозможно, не делает нас несчастными. Люди страдают, не получая возможного, а не получая невозможного, только скорбят. Вот почему нам нужно убедить себя, что наша встреча невозможна, не подавать признаков жизни друг другу, никогда! Ты можешь мне это обещать, Натали?

Я смотрю в окно. На город спускается ночь. Пальмы, которые выглядят отсюда чахлыми пучками травы между громадами домов-грибов, превращаются сперва в китайские тени, а потом и вовсе тонут в ночном мраке. Следом исчезают улочки, низкие домики с

палисадниками. И только небосвод еще не совсем померк. Одно за другим зажигаются окна, и мало-помалу город превращается в галактику. В светящуюся галактику с мириадами звезд. Тысячи светлячков. Тысячи жизней. И сколько из них уже извели любовь? Настоящую любовь...

– Я не могу представить, как мне жить без тебя, Ил.

– Ты останешься в моей жизни, Натали, а я останусь в твоей. Ты будешь встречаться со мной во всем, что обо мне напоминает, а я буду видеть тебя в каждом взлетающем самолете, в каждом гостиничном номере, где остановлюсь, в каждом концертном зале и в каждом гитарном аккорде... Все в мире будет напоминать мне только о тебе.

– Мне этого мало...

– Нет, тебе этого хватит. У тебя есть семья, дочь. Пройдет время, и ты будешь с улыбкой тешиться этими воспоминаниями.

Ил прав. И я проклинаяю эту его правоту. Проклинаю за то, что он, самый необыкновенный из любовников, не может предложить мне на прощанье ничего, кроме этой убогой правды.

– А ты? Тебе этого достаточно?

Ил молчит. И на какой-то миг я представляю себе самое худшее: то, что он предлагает мне, это акт самопожертвования. Ил устраняется. Потому что любит меня. Вот почему он требует полного молчания. Чтобы страдать в одиночестве. Чтобы разрушить себя. Убить себя.

И я повторяю свой вопрос:

– Значит, тебе достаточно жить с призраком?

Ил долго молчит. И не отвечает. Протягивает руку, берет с тумбочки ресторанный меню отеля. Просматривает его и с улыбкой читает вслух:

– *Sarang Walet!* Я был уверен, что они его предлагают, это ведь их национальное блюдо!

Я непонимающе смотрю на него.

Sarang Walet?

– *Sarang Walet*, – повторяет Илиан. – Самое изысканное блюдо в мире. Давай спустимся в холл, Мисс Ласточка. И будем есть, пить и наслаждаться жизнью.

Я не трогаюсь с места.

– У меня есть семья, Илиан, и это все, что мне остается. А что останется тебе?

Илиан натягивает брюки, белую рубашку и оборачивается:

– Поклянись мне, Натали! Поклянись, что никогда не будешь пытаться меня увидеть. И тогда я предложу тебе договор. Договор, который еще не согласилась заключить ни одна женщина в мире. Потому что для этого нужно любить так, как никто и никогда еще не любил.

47

2019

Я иду вдоль реки по тропе, к югу, как это часто делает Марго. Когда ей звонят, она уходит подальше от дома и шагает по берегу, прижав к уху трубку, потом, закончив разговор, поворачивает и неторопливо возвращается, обдумывая на ходу слова подружки или приятеля. Перед тем как вернуться к реальности.

– Лора звонит, – сообщаю я Оливье, перед тем как отойти. Не уверена, что ему это нравится: с чего вдруг я куда-то уйду для беседы с дочерью, уж не для того ли, чтобы он не мог нас услышать?

Миновав Мельничный островок, подхожу к скамейке рыбаков у деревянного причала, от которого осталось всего три сваи. Это единственное место, где можно присесть лицом к реке и где тебя не увидят из нашего дома.

– Ну вот, теперь я одна, – вполголоса говорю я в трубку.

Я и вправду одна, если не считать Джеронимо и троицы лебедят, тревожно взирающих на меня. Лора молчит. А ведь ей наверняка уже известны результаты обследования Илиана... Меня душит страх. Если бы Лора узнала что-то ободряющее, я бы давно это услышала.

Я спрашиваю погромче, заставляя себя проглотить комок в горле:

– Ну так что? Что сказали врачи?

– Мама, ты... тебе нужно приехать в больницу.

Да... Вот уже неделя, как мне нужно было бы приехать в больницу. Если бы я не дала клятву, Лора. *Мы не должны писать друг другу. Не должны видеться. Ни под каким предлогом. Поклянись мне в этом, Натали! Поклянись!*

У меня прерывается голос, я отчаянно пытаюсь собрать остатки мужества. И выдержки.

– Пожалуйста, Лора, ответь мне! Что они сказали?

– Приезжай в Биша, мама. Это не телефонный разговор.

Я без сил падаю на скамью. Джеронимо со своим выводком плавает вокруг опор причала. В голове у меня хаос. Конечно, я часто, слишком часто боролась с искушением нарушить клятву. Но всякий раз представляла себе встречу с Илианом в самой высокой башне самого большого города, с видом на море, или в баре, или на залитой солнцем террасе, или на потаенной лесной лужайке, или в гуще толпы, где нас никто не узнает... Где угодно, но только не в белой больничной палате, среди любопытных медсестер. Его изуродованное лицо... Его растерзанное тело...

– Лора... это невозможно, дорогая.

Меня удерживает еще одно. То, в чем я не могу признаться дочери. И в чем еще страшнее признаться себе. Призрак, столкнуться с которым невыносимо, невозможно...

– Мама, умоляю тебя...

Обвожу взглядом зеркальную поверхность воды. Сколько человеческих драм разыгралось на берегах Сены? Скольких утонувших рыбаков, оголодавших крестьян, разоренных торговцев, расстрелянных солдат, отчаявшихся влюбленных принимала в свое лоно эта река?

Мне не хватает моего камня времени. А подобрать белый камешек я не решаюсь.

– Слушай меня внимательно, Лора. – Мой голос звучит еще строже; трое птенцов испуганно верещат и прячутся под крыло Джеронимо. – Я пока не превратилась в старуху, выжившую из ума, которой не решаются сказать, что ей пора в богадельню. Так вот: я хочу знать этот проклятый диагноз.

– ...

– Когда его будут оперировать? Я приеду в больницу после... Обещаю.

И я начинаю свыкаться с этой мыслью. Нарушить клятву. Увидеть Илиана. Даже искалеченного, даже постаревшего, даже побежденного. Особенно побежденного. Мне незачем скрываться: Оливье обо всем догадался, он все знает. Годы обмана разлетелись в пыль и выметены вместе с осколками снежных шаров. Может даже случиться, что Оливье и Илиан поймут друг друга. Ведь они – в каком-то смысле – похожи. И ведь бывает так, что муж в конце концов прощает соперника, когда тот расстается с его женой... Оливье должен гордиться тем, что я

предпочла его! Пытаюсь представить, как Илиан играет на гитаре у нас на балконе, у берега Сены, а Оливье показывает ему свою мастерскую. Это вызывает у меня улыбку – нелепая мысль, столь же нелепая, сколь и возвышенная...

– Мама, его не будут оперировать.

Мне чудится, что Сена вдруг остановилась. Что ее воды застыли. Несколько ошеломляющих секунд – и вдруг нахлынувшая волна ужаса сметает все: берег, скамью, дома, гуляющих женщин, мужчин и детей, прошлое и настоящее...

– Твой друг неоперабелен. Раны не затягиваются. Плевральные полости полны жидкости. Грудная клетка проломлена. Врачи опасаются легочного кровотечения. Нижняя и средняя доли уже начали кровить. Твой друг... обречен.

* * *

– Я уезжаю, Оли... В Руасси.

Не чувствую под собой ног, не слышу, что говорю, не ощущаю собственные пальцы – не уверена даже, что они смогут держать руль.

Илиан... Обречен...

Когда Лора отключилась, я как сомнамбула вслепую пошла домой. Схватила сумку, ключи от машины и так и уехала бы, не предупредив Оливье, если бы не столкнулась с ним в дверях.

– Правила... наши правила, Оли... стюардессы обязаны... быть в распоряжении... даже... даже если рейс отложен... рейс... на Джакарту...

Оливье мне не верит. А я и не пытаюсь заставить его поверить. Хотя на сей раз говорю правду. Лора мягко сказала мне: не торопись, мама, твой друг еще под наркозом, он придет в себя часа через три, тогда и навестишь его. Вот я и решила сперва поехать в Руасси, подождать там, а потом уже отправиться в Биша.

– А я думал, что мы перестали обманывать друг друга, Нати. Почему бы тебе прямо не сказать, что ты едешь повидать этого типа с ласточкой?

– Я не еду его повидать.

– Что так?

– Потому что... потому что он скоро умрет, Оливье. Ему осталось жить всего несколько дней... Он...

Странное дело: Оливье не удивлен. Может, меня выдавало мое искаженное лицо, моя походка сомнамбулы?

– Откуда ты это знаешь?

– Меня... мне позвонили из больницы и...

– Перестань лгать, Натали! Умоляю, хватит лжи!

– Лора... Мне позвонила Лора.

Оливье молчит. Он понимает, что я его не обманываю, и этого ему достаточно.

А ведь он много чего мог бы сказать.

Например, обвинить меня. *Зачем ты посвятила нашу дочь в свои шашни, когда даже я ничего ей не сказал?*

Или простить. *Этот тип, который чуть не испортил нам жизнь... ладно уж, езжай к нему, Натали, попроси.*

Или торжествовать. *Я жив-здоров, Натали, я здесь и всегда буду здесь, с тобой, когда другие уйдут. С тобой.*

Оливье пропускает меня, я сажусь в «хонду» и смотрю на часы на приборной панели.

13:51

По прежнему расписанию я должна была через два часа вылететь в Джакарту. И меня захлестывают образы центральных улиц города, превратившихся в каналы, перепуганных туристов среди развалин и осколков стеклянных стен отеля *Great Garuda*, унесенных волной цунами.

48

1999

Стеклянная стена ресторана на двенадцатом этаже *Great Garuda* дарит посетителям незабываемый вид на джакартскую бухту – пальмовые джунгли, кое-где с вырубками для рыбацких хижин, высоченные пирамидальные крыши буддийских и даосских храмов; все это отделено от моря только узенькой полоской белого песка, где играют целые выводки детишек. Никаких холмов, никакой плотины. Так и чудится, что любая более или менее высокая волна может затопить весь город, пощадив только тех, кто живет в многоэтажках.

Буйная гроза обрушилась на Джакарту, как всегда по вечерам, и почти мгновенно стихла. Экваториальная жара тут же высушила улицы, сточные канавы, витрины и террасы с бассейнами. Возобновилось уличное движение. Тронулись в путь тысячи велосипедистов, но только местные – клиенты международных отелей предпочитают ездить в автобусах с кондиционером.

Из пятидесяти ресторанных столиков занята едва ли половина, и почти все посетители – мужчины, почти все при галстуках и почти все, если не считать нескольких западных туристов, азиаты, скорее всего, дельцы. Индусы, малайцы, корейцы, японцы, китайцы – я с удивлением констатирую, что мне легко распознать их национальность по росту, элегантности или степени раскованности. Романтическая панорама бухты, видимо, избавила хозяев отеля от необходимости заботиться о его интерьере. Безвкусный палас с узором из лиловых цветов гибискуса, большой аквариум с подсветкой, огромные телеэкраны – один со спортивной программой, другой с караоке – вот и весь декор, плюс отдаленный запах жареного мяса.

Ну и конечно, колченогий стол.

Официант приносит нам два меню в кожаных переплетах, украшенных великолепной Гарудой – мифической птицей Индонезии. Илиан их не открывает. Он задерживает официанта, с улыбкой смотрит на него и уверенно заказывает:

– *Sarang Walet. Two*[121].

Я перевожу удивленный взгляд на парня, и тот поясняет на почти безупречном французском:

– Ласточкины гнезда, мадемуазель.

Ласточкины гнезда?

Официант удаляется, а я как дура пялюсь на Илиана. Мне никогда не приходилось пробовать это изысканное блюдо. Самое дорогое и роскошное из всех азиатских специалитетов. По легенде, люди собирают их, рискуя жизнью, на верхушках скал над морем или на пальмах в джунглях... Не говоря уж о том, что килограмм этого редкостного кулинарного сокровища, обладающего, как говорят, свойствами афродизиака, стоит десять тысяч франков! Даже в Индонезии, самом крупном поставщике этого продукта в мире.

Я прикасаюсь к руке Илиана:

– Не надо, Ил. Это блюдо стоит целое состояние. Месячная зарплата – за суп из перьев...

– Если ты имеешь в виду мои гонорары, то это, скорее, мой годовой доход.

Наши пальцы сплетаются.

– Илиан, я оценила твой красивый жест: ласточкино гнездо для Мисс Ласточки. Очень романтично, браво! Но не нужно, это уж слишком.

– Это ничего не будет стоить!

Я пристально гляжу на него, встревоженная еще больше. Предпочитаю другие его выдумки – бесплатные и спонтанные, плод его воображения.

– Мне не нужен такой подарок.

– А я его тебе и не дарю.

Ничего не понимаю. А Илиан пристально смотрит на что-то за моей спиной. Оборачиваюсь и, следуя за его взглядом, вижу десятью столиками дальше... Улисса! Улисса Лавалье. Который сидит в компании азиатов в серых европейских костюмах, все трое почти такие же дородные, как он сам.

– Эту работу нашел мне Улисс, – объясняет Ил. – Улисс – ловкий малый. Не думаю, что у него в кармане больше денег, чем у меня, но он умеет делать дела. За мои выступления по всей Южной Азии – в Индонезии, Малайзии, Таиланде – он положил мне нищенский гонорар, зато оговорил с хозяевами отелей вознаграждение натурой. Бесплатное жилье и еда!

Слежу уголком глаза, как Улисс справляется с огромным блюдом устриц.

– Я смотрю, он и себя не забывает!

– Согласен, – признает Илиан. – Боюсь, если и дальше буду играть во всех барах планеты, от Сан-Диего до Борнео, на условиях бесплатного питания, то скоро заведу себе такое же брюхо...

Я заставляю себя улыбнуться. Ил наклоняется ко мне и шепчет:

– Теперь понимаешь, почему больше никогда не должна пытаться меня увидеть?

Меня восхищают его отчаянные попытки свести ситуацию к шутке. А мне хочется заплакать, встать и убежать в номер. Лечь в постель рядом с ним и молча любить его.

Но я не двигаюсь с места. Отвечаю – тоже шепотом:

– Расскажи мне о том договоре, который ни одна женщина на свете не согласилась бы заключить...

– ...потому что для этого, – договаривает Илиан, – нужно любить так, как никто никогда не любил.

Как мне дорога наша безнадежная нежность! Наша решимость продолжать играть комедию, когда все вокруг рушится. Мы ведем себя как героини фильма. Все, что нам приходится переживать, неизмеримо сильнее наших реальных жизней.

– Я люблю тебя, Ил. Я люблю тебя так, как никто никогда не любил!

Ил не отвечает. В белой рубашке он напоминает снежного буревестника, залетевшего в Южную Азию, в толпу дородных бизнесменов.

Ради меня.

Ил согласился на это жалкое азиатское турне в обязательном безупречном костюме исключительно ради меня.

Даже здесь, рядом со мной, мой возлюбленный уже не совсем похож на себя. Он теряет краски. Так линяет оперение амазонского попугая, посаженного в клетку. Илиан – прирожденный бродячий музыкант. Таким он был в парке Чикано или на Рамбла.

А официантов все нет. Может, они отправились собирать ласточкины гнезда на скалы Улувату? Может, тот, кто принял наш заказ, разбился насмерть, упав с утеса? У меня вскипают слезы, я вытираю глаза белоснежной салфеткой и, вместо того чтобы положить ее на колени, не раздумывая засовываю в сумку. Мне нравится птичья голова, оттиснутая на ткани, – с хищным клювом и гордым, свободолюбивым взглядом. Мне хочется сохранить на память каждую мелочь, каждое мгновение этого вечера. Украсть со стола вилку, нож, солонку. Я знаю, что после этой ночи никто никогда не назовет меня Мисс Ласточкой. Может быть, через несколько лет Оливье, в честь двадцатилетия нашей свадьбы, повезет меня в ресторан трапперов, где едят бобровое мясо. Надо же, оказывается, я еще способна иронизировать.

Снова протягиваю Илиану руку. Он крепко сжимает ее. Но мне чего-то не хватает – не могу понять, чего именно. Это не его улыбка. Не его глаза. Не его печаль. Не то последнее, что осталось украсть. Наши сплетенные пальцы пляшут. А я продолжаю искать и пытаюсь осознать

– что́ делает наше прощание неполным? Обвожу глазами ресторанный зал, вглядываясь в каждую мелочь, и наконец понимаю.

Впервые с тех пор, как мы стали любовниками, нас не сопровождает музыка.

И я тихо спрашиваю:

– Ты сыграешь, Илиан? Сыграешь в последний раз, для меня?

Ил гладит мою руку и встает.

В углу зала, между аквариумом и экраном для караоке, стоит черное пианино. Рабочий инструмент Ила. Тот, на котором он почти каждый вечер исполняет банальные джазовые мелодии, блюзы, рок. Стандартный набор – по чужому выбору.

Илиан направляется к пианино. Улисс провожает его глазами. Сейчас не время играть! Но Илиану плевать на время. Ил надевает свою красную клетчатую кепку – для меня, только для меня – и поднимает крышку пианино. Господи, как же он красив!

Он умеет играть и на этом инструменте.

Я сразу понимаю, что он импровизирует. По крайней мере, мелодию. А слова он наверняка сочинил раньше, и они прекрасно ложатся на мотив, рождающийся под его пальцами. Это похоже на транс, какой случается лишь в редких обстоятельствах. Каждая нота влечет за собой другие слова. Каждое слово порождает другие ноты.

Гул голосов в зале – эдакий легкий шумовой туман – не затихает. Китайцы и малайцы беседуют, смеются, не слушая музыку.

А я слышу только ее.

Только два голоса – пианино и Илиана.

Официант, живой и невредимый, приносит наши ласточкины гнезда. Я к ним не притрагиваюсь.

До сих пор не знаю, какой у них вкус.

А Илиан играет. Играет и поет. Для меня одной.

*Когда новый день наконец займется,
Когда тот, кто спал, на заре проснется
И ранняя птица в небо взвьется
В лесу, где встретили мы рассвет,
Бесследно растает наш легкий след.*

*Когда наш остров в пучину канет,
Когда гроза нас в полете застанет,*

*Когда в замкѣ ржавый ключ застрянет
И мы поймем, что выхода нет,
Бесследно растает наш легкий след.*

*Оставь мне себя немножко:
Пусть не целый цветок, хоть один лепесток,
Брошку, сережку, к сердцу дорожку...*

*Когда на заре наши праздники сгинут,
Когда наши чувства навеки остынут,
Когда я устану мечтать о ней
В холодной слякоти будних дней,
Тогда в чередѣ безразличных лет
Бесследно растает наш легкий след.*

*Когда она бросит свои капризы,
Когда я брошу свои стриптизы,
Когда мы нарушим любви обет,
Никто нам не выдаст обратный билет —
Бесследно растает наш легкий след.*

*Оставь мне себя немножко:
Пусть не целый цветок, хоть один лепесток,
Брошку, сережку, к сердцу дорожку...*

*Искорка взгляда – уже награда,
Голоса звук – спасенье от мук,
Слеза на мгновенье – почти извиненье,
Взмах руки на прощанье – почти обещанье.*

*Когда на любовь нам наложат запрет,
На наши объятья, на солнечный свет,
На тьму благосклонную наших ночей —
В мерцании лунных волшебных лучей
Бесследно растает наш легкий след.*

Когда мы изведем горе разлуки,

*Когда мы разнимем холодные руки,
Когда твои взгляды померкнут от скуки
И ты обратишь их на тех, на других,
И ты позабудешь меня ради них,
И больше не будет нас вместе, двоих,
А будут лишь стены, холодные стены,
И жгучая горечь напрасной измены
Под небом, нависшим над грустной землей,
Где мы уже вновь не сойдемся с тобой,
Где наши следы смоем серый прибой.*

*Оставь мне себя немножко:
Пусть не целый цветок, хоть один лепесток,
Брошку, сережку, к сердцу дорожку.
Оставь от себя хоть чуточку:
Твой смех – на одну минуточку...*

*Когда наш последний вираж карусели
Свой бег оборвет в нашей постели,
Когда наш волшебный, воздушный полет
Под бременем брака конец свой найдет,
Когда наш смех опечалит всех,
Когда наши вздохи сочтут за подвохи,
От любви нам останутся жалкие крохи.*

*Когда краса былых живых букетов
Засохнет пыльным украшением буфетов,
Когда безумный жар страстей глубоких
Остынет в холоде бессонниц одиноких,
Когда благословенный солнца луч
Угаснет под завесой хмурых туч
И нашу жажду чудных перемен
Заменит скучный быт меж серых стен,
Когда друг друга мы вконец израним,
Что нам останется и кем мы станем?*

Оставь мне себя немножко:

*Пусть не целый цветок, хоть один лепесток,
Брошку, сережку, к сердцу дорожку...*

*Оставь от себя мне чуточку:
Твой смех – на одну минуточку,
Голосок – на часок,
Взгляд-огонек – на денек,
Грудки-малютки – на сутки,
Остальное – на двое.
И может, тогда ненароком
Останешься тут вся скопом.*

*Оставь мне себя немножко:
Пусть не целый цветок, хоть один лепесток,
Брошку, сережку, к сердцу дорожку.
Жизни частичку,
С глаза ресничку,
Жилку с виска,
Полволоска,
Со лба – морщинку,
С шеи – косынку.*

*Оставь мне себя немножко:
Пусть не целый цветок, хоть один лепесток,
Брошку, сережку, к сердцу дорожку...*

49

2019

– Жорж-Поль!

Я еще издали заприметила нашего GPS: стюард возвышался над галдящей, мечущейся ордой пассажиров. Все рейсы на Джакарту аннулированы, а остальные южно-азиатские отложены. Холл аэропорта забит под завязку многодетными семьями из Малайзии, Шри-Ланки, Индии – они ждут сообщений о рейсах; европейских туристов волнует рейс на Мальдивы; бизнесмены доказывают, что азиатская, а

следовательно, и мировая банковская система обрушится, если они немедленно не вылетят в Сингапур. Мне с трудом удастся пробиться через это скопище народа, заполнившего все помещения аэропорта. Буду ждать ровно один час, ни минутой больше, а потом сяду в машину и покину Руасси.

Зачем? Чтобы вернуться в Порт-Жуа?

Или поехать в больницу Биша?

При одной мысли об этом внутри все холодеет.

Вновь увидеть Илиана – после долгих лет разлуки?

Вновь увидеть Илиана перед тем, как жизнь покинет его?

А хватит ли у меня мужества? Хватит ли решимости нарушить свою клятву? Хватит ли сил встретиться с самым страшным моим демоном и взглянуть ему в глаза? Встать лицом к лицу со своей виной, которая жгла и терзала меня все эти годы? Готова ли я выпустить на волю чудовище, глодавшее меня изнутри и готовое пожрать вместе с моей жизнью и мою семью, мой дом – все, что я построила?

И я кричу еще громче:

– Жорж-Поль! Есть новости?

GPS выгребает из толпы против течения, пытаюсь пробраться ко мне.

– Нет... Это просто ад крошечный! Я только знаю, что Флоранс и Жан-Макс позавчера улетели в Джакарту на самолете с гуманитарным грузом. – Он смотрит на часы. – Они... они сейчас должны быть в Богоре, это в пятидесяти километрах к югу от Джакарты, там организован воздушный мост, через который идет международная помощь.

Я едва слушаю.

Решение уже принято.

Нет, я не поеду в больницу. Не открою дверь в палату Илиана. Хотя и знаю, что он там, за ней. Знаю, что он меня ждет.

– Возьми, – говорит Жорж-Поль, протягивая мне бумажку с индонезийским телефонным кодом, – это на случай, если захочешь с ними связаться.

Объявляют рейс на Сингапур. Стюард с трудом продирается через лес ног, чемоданов на колесиках и жестикулирующих рук, но мне все же удастся схватить листок, где он записал номер сингапурской мобильной связи.

– А Шарлотта?

Я успела задать этот вопрос до того, как Жорж-Поля увлек за собой поток пассажиров.

– Ничего не известно!

Я забиваюсь в уголок внезапно опустевшего холла М и звоню Фло. Если через час я узнаю наверняка, что ни одного рейса на Джакарту сегодня не будет, то вернусь домой.

– Нати?

От одного звука голоса моей коллеги мне сразу становится легче, напряжение слегка спадает. Но ее голос едва слышен, то и дело прерывается.

– Нати, ты меня слышишь? Что там у вас в Руасси?

Я коротко обрисовываю ситуацию.

– Ясно, – заключает Фло. – Значит, такой же бардак, как здесь, у нас! Я нахожусь в диспансере Богора. Спала всего три часа с момента прибытия. Жан-Макс обеспечивает связь на линиях Бали – Ява и Ява – Паданг, делает по пять рейсов в день. Через эти пункты идут гуманитарная помощь и продукты. Он спал еще меньше меня.

– А... Шарлотта?

Едва задав этот вопрос, уже клянусь себя – зачем спрашивать об этом Фло?!

– Об этой поганке никто ничего не знает! И могу тебя заверить, что здесь мне есть чем заняться, кроме этой подстилки, которая вздумала увести у меня мужа. У индонезийцев практически ничего не осталось. Черт подери, не мне же тебе говорить, какой это милый народ. Триста миллионов жителей, которые никогда никому не причиняли зла, не делали ничего плохого, не играли в футбол, не гонялись за олимпийскими медалями, не надоедали нам дебильными фильмами или жуткой музыкой! Никаких войн, никаких происшествий – триста миллионов кротких людей, которые не кричат о своей нищете, а просто смотрят, как остальной мир сходит с ума, и вот надо же – природа ополчилась именно на них!

Я невольно улыбаюсь. Из трубки доносится смех детей, видимо стоящих рядом с ней, мужские голоса, женское пение. Слышимость становится все хуже и хуже.

– Не могу больше говорить, Нати. Сейчас начнется минута молчания. Я отключаюсь, извини.

– Погоди...

Детский смех... Поющие женщины... Мой мозг пронизывает внезапная галлюцинация. Новая иллюзия.

Мне почудились – сквозь голос Фло – слова... невозможные слова:

*Когда птицы, вспорхнув, улетят навсегда,
От нас не останется и следа.*

И мне вдруг кажется, что камень времени каким-то чудом снова оказался в моем кармане.

– Погоди, Фло... погоди...

Но мой голос звучит в пустоте, Флоранс уже отключилась. По динамику объявляют конец посадки на Манилу. Я пытаюсь сосредоточиться, прокрутить наш с Фло разговор, который длился меньше минуты. На слова Фло мне плевать, я хочу припомнить сопутствующие звуки – голоса беженцев, звучавшие в этом индонезийском диспансере, обрывки фраз, слова песни, которые мне удалось расслышать.

Птицы... навсегда... не останется и следа...

Но это невозможно! У меня кружится голова. Потаенные воспоминания об отеле *Great Garuda* смешиваются с сегодняшними впечатлениями, с кадрами телехроники – разбитые вдребезги окна, затопленные нижние этажи. Я судорожно роюсь в карманах, в сумке, но не нахожу там никакого камня. И долго стою в тупом оцепенении, не зная, что делать – перезвонить Фло, уехать, остаться? Толпы растерянных пассажиров по-прежнему бродят от выхода к выходу.

Перезвонить?

Уехать?

Остаться?

И тут мои раздумья прерывает звонок. Меня вдруг охватывает ужас. Что, если это Лора? Что, если моя дочь звонит, чтобы сообщить самую ужасную из всех новостей?..

Но нет, номер мне неизвестен.

Я перевожу дыхание. Это не Лора и не Оливье. Включаю телефон.

Сперва слышу в трубке рокот самолетных моторов, потом голос, объявляющий об отправлении «боинга» в Сан-Франциско, и, наконец, знакомый голос:

– Натали? Натали, это Улисс!

Улисс? Он задыхается, как человек, переживший потрясение.

– Я только что прилетел в Руасси, вышел из самолета и просмотрел эсэмэски. Черт возьми, я знаю, что ты в курсе, Натали. Илиан не выживет. Из-за этого сволочного лихача. А может, и убийцы. Я хотел помочь ему встать на ноги, а теперь успею только увидеть, как он умирает.

– ...

– Где ты сейчас, Натали? Я только что дозвонился в Биша, говорил с доктором Берже. Это он информировал меня обо всем, с первого же дня. Проклятье, он мне сказал... сказал, что Илиана никто не навещал... никто, даже ты.

Я представляю себе грузного, в испарине Улисса. Впрочем, вряд ли он вспотел сильнее меня, мое лицо и форменный костюм мокры, как во время ливня.

– Улисс, я...

– Не надо оправдываться, Натали. И не рассказывай мне о вашей старой клятве. Я сто раз слышал о ней от Илиана, когда он умирал от желания позвонить тебе. Но теперь... может, хватит уже этих глупостей?

– Д-да...

– Так где ты сейчас?

– В... в Руасси... Терминал 2F, выход М.

– Вот что, я беру такси и еду за тобой, а потом в Биша. Его нельзя бросать, Натали. Его нельзя бросать!

50

2019

– Лора, ты знаешь, что такое запредельное одиночество?

– Понятия не имею, папа.

В гостиной работает телевизор. На огромном экране нон-стопом идет прямой репортаж из Джакарты и хроника событий. Разоренные пляжи Явы, километры руин, словно какой-то злой мальчишка одним взмахом руки разметал конструкцию из спичек. Появляется Марго. Грохнув дверью, она швыряет в угол свой ранец и подходит к отцу и старшей сестре.

– Я смотрю, тут семейный совет? Надеюсь, повод серьезный? А то я бросила своего чувака и прямо из лица сюда. Маму ждать будем?

Оливье делает вид, что поглощен новостями. Кадры с беженцами сменяются пестрыми толпами, которые теснятся на Елисейских Полях, на Пикадилли-Серкус, на Пятой авеню, на площади Тахрир, площади Тяньаньмэнь, Красной площади... Людское цунами. Комментатор объявляет, что ровно в 20:00 по джакартскому времени начнется всемирная минута молчания в память о жертвах в Индонезии. По здешнему времени – через пятнадцать минут.

Оливье наконец поворачивается к Лоре и Марго:

– Запредельное одиночество, девочки, это когда минута молчания начинается у одинокого человека прямо здесь, у него дома. Когда нужно встать и замереть, как все, но только молчание длится и после этого.

Марго пожимает плечами:

– Да ладно тебе, пап, ты же не одинок, мы тут, рядом с тобой.

Лора хватается за пульт, лежащий на диване, и выключает звук. Она явно нервничает.

– Ну что случилось, папа? Я вообще-то спешу. Приехала из Биша, после смены, и мне нужно забрать близнецов, иначе няня бросит их прямо на улице. Потом накормить, пока Валентин не вернулся с дежурства, и опять мчаться в больницу на ночную смену.

Оливье пристально смотрит на дочерей. Потом на одну Лору:

– Вот об этом-то я и хотел поговорить. О больнице.

Лора стойко выдерживает его взгляд.

– Ма... мама мне призналась. – Голос Оливье слегка дрожит. – Ты ей только что звонила... ты... ты в курсе...

Лора не отвечает. Несколько лет работы в отделении скорой помощи научили ее прятать эмоции даже в самых критических ситуациях. Держаться стойко. А переживания оставлять на потом. Зато Марго, не имеющая такого опыта, сразу взрывается:

– Призналась в чем? В курсе чего? У вас тут заговор какой-то, что ли?

Оливье продолжает смотреть на Лору, как будто не слышит Марго.

– Я полагаю, это мама попросила тебя... попросила заботиться о нем?

Лора отвечает со спокойной улыбкой:

– Ах вот ты о чем! Только и всего? Ну да, ее друг попал в нашу больницу. И она просила меня сообщать о его состоянии.

Оливье встает, прохаживается по комнате. Марго нетерпеливо топчется у двери, Лора неподвижно стоит рядом. Оливье знаком просит обеих сесть, они колеблются, но он настойчиво указывает на диван и ждет, когда дочери усядутся напротив телевизора. Взгляд Оливье снова устремляется на Лору, на одну только Лору.

– Это не просто друг. И я уверен, что ты это поняла.

Оливье отворачивается, боясь реакции своих девочек. Переводит взгляд на экран. Камеры вертолетов снимают бурлящие толпы. На улицах реют флаги, люди идут целыми семьями, взволнованно переговариваются. Это понятно даже при выключенном звуке.

– Лора, Марго, я надеялся, что мне никогда не придется обсуждать это с вами. Надеялся, что прошлое никогда не вернется. Ну так вот... Ваша мама едва не бросила нас, вернувшись из Джакарты...

Оливье не решается посмотреть на дочерей. Может, они плачут? Или вышли на цыпочках из комнаты? Но он все равно должен говорить, должен рассказать все до конца.

– После того как мама вернулась из Джакарты, она много работала. Но врач запретил ей летать, он диагностировал у нее нечто вроде *burn-out*[122], такое нередко бывает со стюардессами, летающими на дальние расстояния. Ваша мама часто плакала, почти не говорила, никогда не отвечала на вопросы, как будто мы ей надоели. Ты этого не помнишь, Лора, ты была еще слишком мала. А потом в один прекрасный день мама объявила мне, что уезжает. По официальной версии, *Air France* решила создать новую компанию на основе своего индийского филиала и набирала волонтеров, владеющих английским языком, для обучения индийских стюардесс. И мама решила взяться за эту работу. Она очень хорошо оплачивалась, а нам в то время требовались деньги на дом, что правда, то правда. Но это был только предлог. Удобный случай, чтобы покинуть нас. Чтобы все обдумать. Вот это, Лора, ты, наверно, помнишь. Про Индию. Ты тогда так часто меня спрашивала: *А мама скоро придет?* И у нее спрашивала по телефону то же самое: *Ты когда приедешь, мама?* Помнишь? Ты наверняка это помнишь!

Оливье умолкает, его взгляд по-прежнему устремлен на экран. Он слышит, как всхлипывает Марго. Слышит голос старшей дочери:

– Да, папа, я помню. Но мне почему-то кажется, что мама пробыла в Индии какую-нибудь неделю или две, в общем, не дольше, чем в обычных рейсах.

– Нет, маме понадобилось гораздо больше времени на размышления. Много месяцев. Я уже решил, что мы ее потеряли, но она все же вернулась. Несомненно, благодаря тебе, Лора. Однажды она вернулась и больше не уезжала. Мало-помалу становилась веселее, похожей на себя прежнюю. И это благодаря тебе, Марго. Мы решили завести второго ребенка, потому что опять любили друг друга. С тех пор все шло хорошо.

Лора белая как полотно. А Марго безутешно плачет.

– А я... я родилась через сколько времени после этого? – спрашивает она.

Оливье наконец отрывается от экрана и смотрит на дочерей.

– Почти через два года.

Потом все долго молчат. Марго кладет голову Лоре на колени, и та ласково гладит сестру по волосам. Стенные часы отстукивают секунды. Людские толпы на экране замедляют движение. Минута молчания вот-вот должна начаться. Марго прерывисто, между двумя всхлипами, произносит:

– Странно как-то – все эти совпадения. Этот тип, ради которого мама нас чуть не бросила, оказался в больнице Биша. А теперь вот – Джакарта. Как раз сегодня мама должна была туда лететь. Она ведь оттуда вернулась, когда все это случилось. Из Индонезии... Это теперь ее показывают круглые сутки, а раньше о ней годами и речи не было...

Ей никто не отвечает. На экране кадры какого-то стадиона. Марго продолжает говорить в воздух, лишь бы не молчать. Вот папа, тот никогда не умел заполнять паузы. Это для него слишком сложная задача, он работает руками, а не языком, – такова была одна из их любимых семейных шуточек. Как, впрочем, и другая: «Папа сегодня слишком строг – слишком много строгал». Семья – это когда все разделяют шутки. А не тайны.

– Они готовят концерт на стадионе «Уэмбли», – говорит Марго. – В память о погибших в Индонезии.

Стадион на экране сменяется клипом: певцы по очереди подходят к микрофону, а рефрен подхватывают все хором. Но в комнате стоит мертвая тишина, как будто их усилия напрасны.

Наконец Лора нарушает молчание:

– Его зовут Илиан, папа, Илиан Ривьер. Я с ним говорила. Сказала ему, что я дочь Натали. Он... Ему осталось жить несколько дней. Он обречен. Следовательно думает, что это могло быть предумышленное покушение на убийство. Он в сознании. Пока еще... Ты...

Лора в нерешительности замолкает. Марго растерянно переводит взгляд с сестры на отца.

– Ты... ты не хотел бы с ним поговорить?

Оливье не отвечает. Слава богу, хотя бы не возмутился, думает Лора. И настойчиво произносит:

– Я думаю, это было бы правильно, папа.

Марго перестает следить за их скрытым поединком, она вытирает глаза и сосредоточенно смотрит на экран. Ее губы шевелятся, она подпевает выступающим:

– *Оставь мне себя немножко...*

Но ее никто не слушает.

– О чем мне с ним беседовать? – спрашивает Оливье.

– Я... мне кажется, у него есть тайна... важная тайна, которую он мог бы тебе доверить.

В этот момент большой экран разделяется на двенадцать маленьких, на них возникают города планеты, от Нью-Йорка до Шанхая, от Кейптауна до Рейкьявика.

Наступила минута молчания.

51

1999

Самые высокие башни Джакарты по вечерам освещаются прожекторами. Это единственное украшение колониальных городов, построенных слишком быстро. И слишком поздно. У них нет истории. Лишь по ночам они раскрываются во всей своей красе – искусственной и агрессивной, подобной грубому макияжу «ночных бабочек», привлекательных только во тьме. Башня Монас, кажущаяся совсем близкой из окна двадцать первого этажа отеля *Great Garuda*, самая яркая из них, куда заметнее, чем Дворец независимости, административные здания на площади Мердека или отель *Pullman Jakarta*.

Илиан сидит на кровати, в метре от окна. Бирюзовые лучи прожекторов, направленных на Монас, рассекают ночную тьму и проникают в комнату, окрашивая стены, потолок и, ярче всего, его белую рубашку, – ни дать ни взять живой экран. Живой... но застывший.

Я сижу у него за спиной и судорожно обнимаю, нет, сжимаю его тело, вцепляюсь в него, как тонущий – в спасательный круг. В ресторане я проплакала весь конец вечера – над каждой нотой, над каждым словом, над каждым звуком фортепиано. Залила слезами ласточкины гнезда, продолжала плакать в лифте и, рухнув одетой на кровать, зарыдала в подушку.

– Я не могу бросить тебя, Илиан. Бросить тебя – значит умереть. Не жить, а вести жалкое существование. Бросить тебя – значит согласиться прозябать в пустоте. Ни одна женщина не может покинуть человека, который сочиняет такие песни. Такие объяснения в любви. А что потом...

– Это прощальная песня, Нати. А не любовная.

Башня Монас стала розовой, наша комната и рубашка Илиана тоже сменили цвет, словно добрая фея взмахнула волшебной палочкой, преобразив наряд моего Спящего красавца... Голубая рубашка, розовая, сверкающая...

И прозрачная. Под воздействием моих серебряных капель его тело просвечивает сквозь ткань.

А слезы все текут и текут...

Илиан не двигается. Но его оцепенение не утешает меня. Я знаю, что он страдает не меньше моего, хоть и силится не показывать этого. Боже мой, Илиан бережет меня! Жертвует собой! В люльке только одно место, второй должен прыгнуть за борт. И в шлюпке только одно свободное место, второй должен броситься в море. Ил – тот самый Джек из фильма «Титаник», что бросился в ледяную воду. А я хочу последовать за ним – в неистовом порыве, не жалея себя. Я не принимаю его жертвы. Хочу сражаться за нас обоих. Кричать, бороться, чтобы все спасти.

– Значит, ты хочешь со всем покончить? Чтобы от нас ничего не осталось? Слово ничего и не было? Одна ночь, одна мечта и – пшик! – пробуждение?

– Нет, моя песня была не об этом.

Теперь его рубашка усеяна звездами, которые сверкают снаружи, на фасадах. Мои руки проникают под эту звездно-ночную ткань, расстегивают последние пуговицы, гладят его тело, чтобы запомнить малейшее движение. Илиан не реагирует. Холодный как лед. Словно его уже парализовала ледяная океанская вода. А я остаюсь в своей шлюпке. Которая уже отплывает.

– Ладно, давай! Говори, что там, в твоём контракте? Что это за штука, на которую не согласилась бы ни одна женщина? Потому что для этого нужно любить так, как никто и никогда не любил. Ты думаешь, я на это не способна?

Рубашка падает. Илиан наконец поворачивается ко мне. Как же он красив! Звезды уже померкли, угасли, башня Монас сверкает теперь золотым венцом и медно-розовым нарядом. А я мысленно молю бога, чтобы Илиан высказал свое условие – самое безумное из всех условий. Но он молчит, и это молчание делает его замысел самым фантастическим, самым несбыточным из всех. Ну пусть он предложит, чтобы мы с ним выбросились из окна, держась за руки и только выпив перед этим волшебный эликсир, который сделает нас легче воздуха! Пусть достанет ключ от потайной двери в параллельную вселенную! Пусть подарит кончик волшебной нити, которая позволит смотать обратно весь клубок моей жизни, до самого начала, еще до того, как я познала других мужчин. И зачеркнуть все это, и начать все снова – с ним вдвоем!

Я приникаю к Илиану, и моя кожа тоже окрашивается в золото.

Стань чародеем, Илиан! Предскажи нашу судьбу!

Преврати нас в статуи. Мы будем так прекрасны в этом мраморном плену, в золотых блестках. И простоем рядом до скончания веков.

Его рука ложится мне на грудь. Другая проникает между ног. Ил целует мое тело, но не касается губ. Шепчет, повторяя слова песни:

– Оставь мне себя немножко...

52

2019

Стинг, кажется, намерен повторить еще раз двадцать свою *SOS*, но комментатор внезапно прерывает песню. «Письмо в бутылке», наверно, уплыло на какую-нибудь отдаленную планету: ведущий объявляет, что

на всех волнах, на всех каналах сейчас начнется минута молчания в память о жертвах цунами в Индонезии.

И теперь я слышу только один звук – гул мотора.

«Мерседес» С-класса. Арендованная машина. Странно: Улисс сказал мне, что берет такси и едет за мной, – а приехал в арендованном автомобиле. Но в тот момент я не придавала этому значения.

Мы оба молчим. И не только из-за радио, оно безмолвствует. Я осознаю всю важность минуты молчания при виде людей, застывших у входа в «Руасси-Техно», продавцов, вышедших из бутиков на парковку торгового центра «Париж-Север-2». Минута скорби, и секунды с космической скоростью переносят меня в Джакарту, за двенадцать тысяч километров отсюда, на семь тысяч дней назад. Но этой короткой паузы хватило, чтобы перед моим мысленным взором пролетела вереница воспоминаний о панорамном ресторане отеля *Great Garuda*, о пианино, о ласточкиных гнездах, залитых слезами, о десяти этажах слез в лифте, об освещенной прожекторами башне Монас и о моем обещании, моем проклятом обещании, самом страшном, самом безумном поступке за всю жизнь.

Горсточка секунд, растаявших в вечности... Дни, недели, месяцы, показавшиеся мне годами по возвращении из Индонезии, когда я уже не понимала, кто я и где я, когда все делала механически, как робот. Готовила еду, читала, занималась уборкой, ложилась в постель и проводила ночи без сна. Не смела выйти за пределы Порт-Жуа. Выйти оттуда означало уехать. Уехать – и никогда больше не возвращаться. А ведь так и нужно было поступить. Я обещала это Илиану. Сбежать. Не раздумывая. А потом вернуться. Более легкой. Избавленной от бремени. Смертельно раненной...

На северном шоссе пробок не бывает, «мерседес» плавно, без остановок, мчит в сторону окружного бульвара. Внезапно тишина кончается, и Стинг продолжает свою *SOS to the World* прямо с того места, где его прервали. В какой-то миг у меня вспыхивает надежда, что следующей песней будет *Let It Be*, или что-нибудь из репертуара «Кью», но нет, мы слышим «Обещаю тебе» Джонни Холлидея. Так что никакой фантом меня больше не тревожит. Невидимая пропасть между настоящим и прошлым закрылась. А Джакарту поглотил потоп. Наверно, завтра какое-нибудь землетрясение разрушит и Сан-Диего. А глобальное похолодание превратит в лед Монреаль. И все

свидетельства прошлой жизни будут бесследно стерты. Даже мой камень времени не поможет. Он сделал все, на что был способен, а потом – исчез.

«Мерседес» приближается к «Стад-де-Франс»[123]. Минут через тридцать, а то и меньше мы будем в Биша. Улисс ведет машину молча. Он явно сердит на меня за то, что вынужден ехать в больницу: я-то работаю всего в нескольких километрах от Биша, а ему пришлось пересечь Атлантический океан, чтобы навестить Ила. Если бы ты знал, Улисс... Если бы понимал все значение клятвы, которую я должна нарушить. Если бы мог представить, какой страх я должна задавить в себе. Спасибо тебе, Улисс, спасибо за то, что принудил меня к этому, похитил, заставив взглянуть в глаза чудовищному призраку, затаившемуся в моей душе. Если бы не ты... я бы так и блуждала в потемках.

Внезапно Улисс сбрасывает скорость, включает поворотник и съезжает с автострады на дорогу, ведущую к северу, в сторону от национального шоссе № 14. Мой ежедневный путь в аэропорт.

– Улисс, в Биша прямо!

И только в этот момент я замечаю, какое направление задано навигатору.

Вовсе не больница Биша, а совершенно незнакомый адрес: *Шар, улица Освобождения, дом 36.*

Шар?

Смутно припоминаю: это деревушка в пятидесяти километрах от Парижа и в десяти – от национального шоссе, соединяющего Порт-Жуа и Руасси. Что понадобилось там Улиссу и зачем он меня туда везет?

– Я обещал Илиану заехать к нему домой, – бросает продюсер. – Забрать там кое-какие вещи и привезти ему.

Шар?

Значит, Илиан живет в Шаре? Значит, каждый раз, отправляясь в Руасси, я проезжала практически мимо его дома? Улисс продолжает вести машину, внимательно глядя на дорогу. Теперь я замечаю еще одну странность, ускользнувшую от меня вначале, – его одежду. На нем элегантный серый пиджак безупречного покроя, такие же брюки, темная рубашка... Ничего общего с мятой гавайской хламидой, которую он носил несколько дней назад в Лос-Анджелесе. С чего вдруг

такая перемена? Ради Илиана? А может, он решил заявиться во Францию, одевшись... для похорон?

Несмотря на все усилия, Улисс не может скрыть нервозность. Я смотрю, как он раздраженно нащупывает ручку переключения передач, – очевидно, за много лет привык к автоматической коробке в американских машинах. По его седым вискам стекают капли пота, толстый живот уперся в руль. Веки нервно дергаются, из кармана торчит белый платок. Неужели он плакал?

Что ж, ничего удивительного: он узнал, что его друг обречен. Друг, жизнью которого он интересовался все прошедшие годы. А я вдруг понимаю, что ровно ничего не знаю об Илиане. Кроме того, что он работал в парижском «Фнаке». Я-то воображала, что Илиан обитает в какой-нибудь каморке, типа мастерской художника, под крышами Монмартра, или в квартире в квартале Маре, или в современной многоэтажке Гутт-д'Ор[124], но никак не могла представить себе, что он ютится в деревенском домишке за кольцевым бульваром.

Только не Илиан. Только не он.

Чем он там занимался – мастерил что-нибудь? Возился в саду? Гулял с собакой? Приглашал в гости соседей?

Нет, только не Илиан. Только не он.

В окне мелькают дороги, перекрестки, круговые разъезды, предместья. Спокойные, банальные. Почти безлюдные.

Аблеж. Сантёй. Бриньянкур.

Еще три километра. Улисс выдергивает платок из кармана и обтирает взмокший лоб.

«Вы прибыли по назначению», – сообщает навигатор.

Улисс тормозит перед крошечным домиком, стоящим поодаль от соседних строений. Перед окнами узкий палисадник. В гараж ведет крутой спуск. Оштукатуренные стены покрашены в бежевый цвет. Похоже, что внутри домик едва ли больше обычной трехкомнатной квартиры, разве что делится на два этажа, чердак и подвал. В таких домишках с мощеными двориками обычно живут шахтеры, только этот стоит совсем на отшибе. Мне не верится, что Илиан обитал здесь, но факт налицо: Улисс затормозил в паре метров от почтового ящика.

На нем написано имя – *Илиан Ривьер*.

Улисс не выключает мотор. Не понимаю почему, но и не спрашиваю. У меня накопилось гораздо больше других вопросов

поважнее. Во-первых, эта фамилия – почему-то странно знакомая. Затем – этот дом. А что, собственно, я воображала – что Илиан живет во дворце? Нет, конечно... Но мне трудно свыкнуться с мыслью, что я все эти долгие годы жила в красивом и таком поэтичном шале на берегу Сены, а он – в этой коробке. И мне было так хорошо у себя дома! Хотя моей заслуги тут нет. Это все Оливье, с его терпением и золотыми руками. Продолжаю осматриваться: облупленные ставни, пучки сорной травы между булыжниками, выцветшая черепица, дырявая сетка на отдушине. Смогла бы я жить в таком неухоженном месте, если бы бросила все ради Илиана?

В салоне «мерседеса» по-прежнему работает радио, только Джонни уже не поет, его сменили рекламные слоганы, которые звучат в три раза дольше минуты молчания. Улисс так и не выключил мотор, он сидит в машине, словно его заморозили объявления о сказочных скидках в сети больших супермаркетов. Сейчас он нервничает еще сильнее, по лицу ручьями стекает пот, который он не успевает вытирать. Я смотрю, как Улисс с трудом тянется через свой живот к бардачку. Что ему там нужно – ключи от дома Илиана?

Потому что никто нас не ждет за этими закрытыми ставнями. Но я все же уточняю еще раз:

– Значит, это здесь жил Илиан?

Улисс делает вид, будто не слышит, и продолжает что-то искать. Почему он молчит – сердится на меня? Он ведь был «крестным» нашей любви. Пропустил нас на концерт «Кью» в Монреале, просил меня никогда не расставаться с Илианом. Вспоминаю его обвинения в Лос-Анджелесе. Значит, все это из-за меня? И несчастный случай на авеню Терн. И работа Илиана «за жилье и стол». И эта жалкая лачуга...

– Да, здесь... – отвечает наконец Улисс.

По радио диктор начинает восторженно вещать о грандиозном концерте на стадионе «Уэмбли», который состоится нынче вечером, еще более важном, чем *Live Aid* в 1985 году[125]. В нем примут участие все самые известные рок-звезды. Я отстегиваю ремень безопасности, берусь за ручку дверцы, чтобы выйти из «мерседеса», и тут Улисс хватает меня за руку и прибавляет звук. Я понимаю, что он хочет заставить меня слушать радио.

Какого черта?!

Три фортепианные ноты.

И у меня замирает сердце.
Три ноты, которые я узнала бы среди тысяч других.
И кто-то у меня в голове кричит: это невозможно!
Голос неизвестной мне звезды запекает первые слова:

*When the sun wakes up,
When the sheets wash up...*

А я зачарованно перевожу их:

*Когда новый день наконец займется,
Когда тот, кто спал, на заре проснется...*

Да нет же, меня просто обманывает слух, в мой мозг попадает искаженная информация! То, что я слышу, не имеет никакого смысла. Это же слова *нашей* песни, той, которую Илиан сочинил для меня в отеле *Great Garuda*, в Джакарте! И только я одна знаю ее – эту песню, навсегда запечатленную в глубинах моей памяти. Эта мелодия, эти слова... они не могут звучать по радио!

А Улисс все еще копается в бардачке. Он сидит спиной ко мне и, не оборачиваясь, спрашивает:

– Ты так и не поняла?

– Не поняла... чего?

Я закрываю глаза...

*When the birds fly from the bush,
There will be nothing left of us...*

...и продолжаю переводить английские слова, доносящиеся из приемника:

*Когда птицы, вспорхнув, улетят навсегда,
От нас не останется и следа.*

Мои слова. Наши слова. Украденные... Опошленные...

– Мне очень жаль, – шепчет Улисс. – Все эти годы я пытался сохранить тайну. Но плотина рухнула. Я не мог предвидеть... Это цунами, эта песня, из которой проклятые рок-звезды сделали свой гимн, свой «вклад в помощь Индонезии»... Его подхватили все каналы на радио и крутят с утра до вечера. Кто мог такое предугадать?!

– Что за тайна, Улисс?

– Только три человека были в курсе, Натали. И двое уже не заговорят. Осталась одна ты.

Ничего не понимаю – какая тайна? А песня продолжается:

*Когда наш остров в пучину канет,
Когда гроза нас в полете застанет...*

– Что ты скрываешь от меня, Улисс?

– Входи, входи в дом Илиана. Там я тебе все объясню!

*Когда в замке ржавый ключ застрянет
И мы поймем, что выхода нет,
Бесследно растает наш легкий след.*

Во мне вскипает гнев. Я пытаюсь перекричать музыку, заглушить слова, которые сводят меня с ума.

– Нет, Улисс, я не выйду из машины, пока ты не объяснишь мне, в чем дело. Здесь же! И сейчас!

И тут я слышу смех Улисса – слегка наигранный смех, в котором звучит презрение. Он наконец распрямляется, найдя то, что искал.

И я не верю своим глазам.

Улисс целится в меня из револьвера.

53

2019

Как только я отворяю дверь и вхожу в дом Илиана, слезы мгновенно затуманивают глаза. Я оглядываю комнату, каждый ее уголок, на минуту забыв об оружии в руке Улисса. И пытаюсь ответить

на нахлынувшие вопросы. Зачем Улисс заманил меня сюда? Чтобы раскрыть какую-то тайну? Чтобы убить?

Комната невелика – примерно метров двадцать. Кухонный уголок, барная стойка, продавленный диванчик, покрытый легкой оранжевой тканью. И меня пронизывает щемящее чувство: да, Илиан действительно жил здесь!

Этот домик в Шаре чем-то похож на самого Илиана: скромный, банальный фасад – чтобы надежнее скрыть все своеобразие его личности. Эта комната – его музей.

Я обвожу взглядом постеры, развешенные на стенах. Дж. Дж. Кейл в Талсе, Стиви Рей Вон в Монтрё, Лу Рид в «Батаклане»[126], коробки с виниловыми пластинками, CD-проигрыватели, гитары, прислоненные к стенам или к кухонной перегородке, кучи нот, разбросанных по столу, стопки пластинок с фолк-роком на стуле и, наконец, красная клетчатая кепка на крючке у двери, словно Илиан выглянул из дома на несколько солнечных минут и вернется, как только небо передумает и затянется тучами.

Да, Илиан укрывался здесь. Чтобы наслаждаться страстью к музыке. Чтобы слушать чужую музыку и играть свою, сочиненную без посторонней помощи.

Улисс знаком велит мне сесть на один из барных стульев. Выпить он не предлагает. Сам же удобно располагается на диванчике с ярким покрывалом. Теперь ни одна капля пота не увлажняет его лицо – волнения как не бывало. Он выглядит куда более спокойным, чем в «мерседесе», как будто, скинув маску продюсера-покровителя, освободился от какого-то гнета. Но револьвер по-прежнему нацелен на меня.

– Я сделал все возможное, чтобы этого не случилось, Натали. Надеюсь, что тайна не выльвет наружу. Так оно и было, на протяжении многих лет. Так должно было продолжаться.

Подавшись вперед на своем насесте, я устремляю на него презрительный взгляд. Странное дело: даже под дулом револьвера я чувствую себя сильной. Однако через какую-то секунду что-то отвлекает меня. Вижу три закрытые двери. Куда они ведут – в ванную, в спальню, в другую комнату? Илиан... разве он жил здесь не один? Мне не терпится встать и обследовать дом. Догадываюсь, что Улисс ждет от меня вопросов, но такого удовольствия я ему не доставлю. По крайней

мере, в эту минуту. И я молчу. Улисс явно удивлен. Усаживается на диване поудобнее и продолжает свой монолог:

– Ты помнишь, Натали, тот вечер в Джакарте, в ресторане *Great Garuda*? Я сидел через несколько столиков от вас, с индонезийскими продюсерами. Все произошло предельно просто. Илиан сел за пианино. И одному из продюсеров, некоему Амрану Бакару, понравилась песня, которую он исполнял. Он успел записать слова и музыку и предложил мне продать их. Я согласился. Все случилось спонтанно. В последующие дни я не успел обсудить это с Илианом. Ты-то знаешь, что он был занят более важным делом... Потом, в течение нескольких недель, я много разъезжал и как-то позабыл известить его и заключить с ним контракт. Кем я тогда был? Жалким импресарио без гроша в кармане, который держался на плаву только благодаря сомнительным контрактам. И уступка прав какой-то неизвестной мелодии какому-то неизвестному продюсеру в Индонезии не обещала улучшить состояние моих финансов или положение Илиана. Так я тогда думал. Я действительно был в этом уверен.

Он замолкает. Медлит, ожидая, что я не выдержу и начну его расспрашивать. Хочет насладиться моим гневом, спровоцировать на агрессию, чтобы оправдать ответную. Изложить мне ситуацию, а потом ликвидировать. Но я не намерена сдаваться. Храню молчание до тех пор, пока тишину не прерывает какой-то глухой шум. Он доносится из соседней комнаты, как будто кто-то скребется в дверь. Моя первая мысль: там заперто какое-то животное. Собака? Или кошка? Улисс тут же снова начинает разглагольствовать, повысив голос, будто хочет заглушить эти звуки.

– Тебя это, наверно, удивит, Натали, но в Индонезии тоже существует музыка. Музыкальные радиопередачи, певцы, концерты. Во всех уголках планеты есть музыка, но самые популярные певцы почти всегда поют на языках, понятных местным жителям, и в результате они становятся идолами публики у себя на родине и совершенно неизвестны в остальном мире. Никто за пределами франкоговорящих стран не знает Холлидея, Сарду, Балавуана или Голдмана. Вот ты можешь назвать хоть одного польского певца? Или русского? Или мексиканского? Или китайского? Короче, я все это говорю, чтобы ты поняла: за исключением нескольких американских и английских поп- и

рок-звезд, прославившихся во всем мире благодаря радио и телевидению, в мире нет ничего более разобщенного, чем эстрада!

Теперь я явственно слышу царапанье. Улисс тоже его слышит, не может не слышать. Но не реагирует. Нет, это не кошка – ни одна кошка не способна царапать дерево так громко...

– В Индонезии, Натали, двести шестьдесят миллионов жителей. Это самая густонаселенная страна в мире – после Индии, Китая и США. Население Франции в четыре раза меньше. Нетрудно подсчитать, что роялти какого-нибудь Сарду, Голдмана и Джонни здесь были бы в четыре раза выше. Тот продюсер, Амран Бакар, пустил в ход песню Илиана, не изменив в ней ни единой ноты, ни единого слова, он только сделал перевод и отдал ее Бетаре Сингарадже, одной из самых популярных певиц Индонезии. И на сегодняшний день там продано уже больше шестидесяти миллионов пластинок. А пластинок с другой песней, *Sedikit kamu*[127], на десять миллионов больше. Но для исполнительницы это сущий пустяк, она продолжает записывать все новые и новые диски, и в настоящее время цифра продаж приближается к ста миллионам.

Не слушать его, не доставить ему радости, пусть всего лишь кивнув в ответ! Сосредоточиться на странных звуках за дверью. Кто же там – собака? Большая собака? Или... человек? Улисс громко кашляет. Этот мерзавец, этот «брат Лоренцо» исповедуется мне, пытаюсь внушить, что все произошло помимо его воли, как от слабого подземного толчка сейчас родилась беспощадная волна цунами. Неужели он надеется на мое прощение?!

– Я, конечно, должен был рассказать об этом Илу, Натали. Да, должен был. Но деньги прибывали и прибывали, месяц за месяцем, год за годом. Десять миллионов пластинок... господи, страшно вымолвить! Ни одному современному певцу во Франции или в Канаде такое и не снилось! Агентство @-TAC Prod богатело день ото дня и быстро стало одним из самых рентабельных филиалов *Molly Music* – лейбла, который также создал я и владею до сих пор. – Улисс делает короткую паузу, чтобы насладиться моим изумлением. – И это я, Натали, та самая акула, которая поглотила все прочие агентства на бульваре Сансет, в доме 9100. Ты помнишь, как я назначил тебе встречу в том убогом фастфуде, изобразив нищего неудачника, чтобы ты ничего не заподозрила? Не мог же я принять тебя в своем офисе площадью шестьсот квадратных

метров! Те мальчики в галстуках, что проходили мимо нас и вежливо здоровались с типом в гавайке, который жрал гамбургеры, были моими служащими. Я стал знаменитостью, пророком в нашем деле – несколько платиновых дисков, концерты по всему миру. Конечно, я еще не достиг вершины, но до этого уже недалеко.

Улисс снова замолкает. На что он надеется? Что я буду потрясена его успехами? Однако отсутствие реакции с моей стороны не обескураживает его – он продолжает свой рассказ тем же тоном, со смесью гордости и сожаления.

– Теперь ты понимаешь, Натали? Чем больше я богател, тем меньше мне хотелось отыграть назад. Что я мог сделать? Признаться во всем Илиану? Возместить ему убытки? Я попал в дурацкое положение... А главное, никто не мог меня уличить. Илиан жил в Париже, отказавшись от карьеры музыканта, а его песня никогда не вышла бы за пределы Индонезии, если бы... если бы не проклятое цунами...

Улисс выжидающе смотрит на меня. А я борюсь с желанием вскочить и швырнуть ему в голову стул. Он по-прежнему целится в меня, но посмеет ли выстрелить? Удобно рассевшись на диване, продюсер, кажется, скорее расположен вздремнуть после длинной «исповеди», от которой меня тошнит. Царапанье за дверью прекратилось, словно пленник – человек или животное – отчаялся добиться освобождения.

– Стечение обстоятельств, Натали. Нелепое стечение обстоятельств. После цунами многие сердобольные души при виде разоренного индонезийского побережья решили объединиться для акции солидарности с жертвами бедствия – по примеру Live Aid, «Певцов без границ» или *Band Aid*[128]. Записать диск или устроить концерт. И вот несколько английских продюсеров обратились к индонезийскому музыкальному достоянию в поисках подходящей песни и напали на *Sedikit kamu*, которая слегка отличалась от типичных занудных азиатских мелодий. Они перевели ее на английский и превратили в подобие гимна. Даже не спросив моего разрешения! Итак, дело пошло, и в такой ситуации было бы неуместно подавать на них в суд... Словом, мне оставалось одно – поторговаться с ними.

Взгляд Улисса вспыхивает, он пристально смотрит на меня, как будто надеется, что я отреагирую, неважно как, с осуждением или

одобрением.

– Из сочувствия к жертвам бедствия я выставил им весьма скромный счет. Честно говоря, учитывая обстоятельства, я получал определенные преимущества... Десять миллионов проданных дисков вполне могли обратиться в сто миллионов с учетом интернета. Мог ли я упустить этот шанс?! Небывалый шанс... с одним только минусом: песню стали передавать по радио, все станции. Сначала редко, потом чаще и чаще, а вскоре ее уже крутили с утра до вечера. Илиан был не дурак. Он бы сразу понял.

За дверью тишина. Может, пленник слушает нас? Я оглядываю – украдкой, словно боюсь оскорбить своим любопытством, – диски Илиана, гитары Илиана, ноты Илиана. И до боли сжимаю кулаки, зубы, сердце. Только теперь начинаю понимать, что украд у него Улисс.

Куда больше, чем песню. Куда больше, чем богатство.

Взгляд скользит по комнате, и в паре метров от себя я вижу колонку, на которой стоит тяжелая мраморная пепельница. Удастся ли мне соскочить с высокого стула, схватить ее и запустить в эту жирную физиономию? Улисс разглядывает постер с Дж. Дж. Кейлом, висящий за моей спиной, и ничего не замечает.

– Илиан, знаешь ли, был способный малый. Нет, даже больше чем способный. Я, конечно, слегка преуменьшил его талант, когда мы десять дней назад говорили о нем в Лос-Анджелесе, но сейчас могу тебе признаться: он был гений. Мне даже кажется, что ты и влюбилась-то в него, потому что он был гений. Скажу прямо, дорогая: если бы ты осталась с ним, он сочинил бы еще много песен – для тебя. Песен, которые рано или поздно прославили бы его. – Пауза. Улисс не смотрит на меня, его взгляд блуждает от постера к постеру. Монтрё, Талса, «Батаклан», «Уэмбли», «Олимпия»[129].

– Вообще-то это ты его бросила. Сделала из него неудачника. Он был слишком робким, чтобы добиваться славы, но в глубине души надеялся на признание. И он его получит! Благодаря мне!

– Это ты его убил?

Толстяк улыбается. Он достиг своего: я все-таки не выдержала. Рука с револьвером опускается на колено, а мой высокий стул наклоняется, еле заметно, и моя рука ползет по барной стойке к пепельнице.

– Да, Натали, я... Из-за тебя. Когда ты позвонила мне, вернувшись из Монреаля, я был не в Лос-Анджелесе, а в Париже – обсуждал права на перевод этой проклятой песни. Твой вызов мне просто переадресовали. Вот тогда я понял, что нужно спешить. Ты хотела поговорить с Илианом, притом срочно, ничего мне не объяснив. И я сразу подумал, что ты услышала по радио про *Tribute for Indonesia*[130]. Тогда ты еще ни в чем не подозревала меня, но вы с Илианом наверняка поняли бы, откуда что взялось. В любом случае счетчик уже включился. Даже если бы я ошибся, даже если ты еще ничего не знала о песне, вы со дня на день могли ее услышать. Все было очень просто, Натали, – эту песню знали всего два человека, и эти двое могли меня разоблачить. Илиан и ты...

Теперь стул держится всего на двух ножках, а рука проползла еще несколько сантиметров в сторону пепельницы. Улисс этого не замечает, его взгляд устремлен на красную кепку Илиана. Я заговариваю с ним – мягко, стараясь не отвлечь от созерцания, чтобы он не перевел взгляд на меня:

– Значит, это ты пытался убить меня в Сан-Диего? Ты заплатил этим типам, чтобы они заставили меня молчать?

Утробный смех сотрясает жирное тело, рука расслабилась и почти не держит револьвер, лежащий на коленях.

– Н-да, номер не удался... Как видишь, не удался. Они должны были следить за тобой, улучшить момент и напасть якобы как простые грабители. Но эти кретины все испортили.

Испортили? Я вспоминаю, как лезвие ножа вонзается в шею Флоранс, как Жан-Макс таранит «шеви» «бьюиком», как улепетывают Робусто и Леденец. Значит, все это подстроил Улисс! Его признания объясняют лишь часть интриги, но не проливают свет на остальное – непостижимое, сверхъестественное, на эти таинственные совпадения. На камень времени. Нет, об этом потом, позже. Главное сейчас – расквитаться с этим чудовищем. Еще немного наклонить стул, одним движением схватить пепельницу и раскроить ему череп. Этот мерзавец как будто не опасается меня... Ушел в свои воспоминания и вот-вот задремлет, как сытый кот.

Теперь или никогда.

Стул падает, вместе со мной. Вскрываю на ноги, выпрямляюсь и хватаю мраморную пепельницу. Но метнуть ее в Улисса не успеваю: его

револьвер снова нацелен на меня. Оказывается, кот не дремал.

– Спокойно, спокойно, красавица моя!

Пепельница выпадает у меня из руки.

– Не бойся, Натали, я все сделаю чисто, не как те кретины в парке Чикано. Это будет похоже на несчастный случай. Ты ничего не почувствуешь.

Кряхтя, он встает с дивана, следя за тем, чтобы револьвер был все время направлен на меня. Прямо на меня. Благодушный кот превратился в садиста и наслаждается игрой со своей добычей.

– Ах, знала бы ты его получше, своего Илиана... Он был не из тех, кто содержит дом в порядке, сама видишь. Ничего не умел смастерить, исправить. Артист... что с него взять? Скольких мелких бытовых неприятностей можно было бы избежать, не будь он таким растяпой. Вот, например, небольшая утечка газа, которую никто не замечал и которая увеличилась, пока он лежал в больнице. Или оголенная проводка. А в результате стоит кому-нибудь нажать на звонок у входной двери, и – бум! – короткое замыкание, и дом взлетит на воздух. А потом в развалинах найдут тело его любовницы. Вот так сюрприз! Голубки-то были хитры – кто бы мог заподозрить, что они здесь милуются, через двадцать-то лет!

Жирный кот прямо-таки мурлычет от удовольствия. Я с трудом удерживаюсь, чтобы не броситься прямо ему в пасть. Пусть лучше застрелит меня в упор, лишь бы порушить его великолепный злодейский план. А этот мерзавец, продолжая целиться в меня, шарит в моей сумке, вынимает из нее мобильник и улыбается при виде черной ласточки, нарисованной на розовом корпусе.

– Как ты думаешь, Натали, кто первым бросится к тебе на помощь? Твой верный муж? Твоя старшая дочь? Или младшая? Кто первым нажмет на дверной звонок – после того, как все они получают одну и ту же паническую эсэмэску с указанием этого адреса?

Я испепеляю его взглядом:

– Ты сумасшедший!

– О нет! Богатый – да. Жадный – да, если хочешь. Бессердечный. Амбициозный. Но не сумасшедший! Ну-ка, иди туда! – И он указывает револьвером на одну из дверей. Ту самую, в которую кто-то скребся.

Я делаю несколько шагов, нажимаю на ручку, открываю дверь – и тут же захлебываюсь кашлем от удушливого запаха газа.

Но меня больше пугает не это.

Я подавляю рвотный позыв.

В комнате стоит кровать, а на ней – тело. Тело, которое я узнаю.

Шарлотта.

Связанная. С кляпом во рту.

Улисс толкает меня в спину, я замечаю на паркете маленький камешек, задеваю его ногой, и он летит под кровать. Мой камень времени?

Я оборачиваюсь. Улисс стоит на пороге, заполнив собой весь дверной проем. Его револьвер по-прежнему нацелен на меня.

– Что она здесь делает? Ты... Ты ее...

– Нет, уверяю тебя, она просто слегка задохнулась, оттого что двигалась. Брызнешь ей воды в лицо, похлопаешь по щекам, и она очнется. А меня извини, я должен вас оставить. Мне пора в больницу, к Илиану. Буду сидеть у его постели, пока все не кончится.

От запаха газа у меня кружится голова. Я уже ничего не понимаю. Громко кричу. Шарлотта вздрагивает, но не открывает глаза.

– Объясни мне, по крайней мере, при чем тут она?

Улисс не отвечает. Он занят: набирает номера на моем смартфоне. Похоже, его сейчас занимает одно: кто первым бросится мне на помощь. Оливье? Лора? Или Марго? Кто взорвет этот дом?

– Черт подери, Улисс, что тебе сделала эта девочка?

И тут я замечаю один из постеров, приклеенных к стене. С группой *Tokio Hotel*...

Улисс наконец-то снисходит до ответа:

– Если ты меня внимательно слушала в машине, то, наверно, помнишь мои слова об этой песне: «Только три человека были в курсе». Не двое, не только ты и Илиан. А трое...

Tokio Hotel. Black Eyed Peas. The Pussycat Dolls. И эта фамилия – Ривьер. Я не понимаю. Не хочу понимать. Не хочу в это верить.

– Ты помнишь, Натали? Помнишь тот первый раз, когда ты меня увидела в «Метрополисе»? Тогда я ничего у тебя не просил. Это ты – ты сама дала мне обещание!

Лучи прожекторов, теперь изумрудно-зеленые, разрисовывают узорными тенями торс Илиана. Подчеркивают его грудные мускулы, удлиняют бицепсы, затемняют шейные вены. Илиан навис надо мной. Его губы блуждают от моего лица к шее, от висков к кончикам грудей. Я лежу пленницей в его объятиях, в самой сексуальной из тюрем. Его живот упирается в мой, ноги обвиты моими ногами, и только его член не проникает в меня. Я чувствую, как он трется о мой лобок, давит на него, потом тело приподнимается и снова припадает к моему. Между двумя поцелуями Илиан мне твердит:

– Оставь мне себя немножко. Ведь я не могу сохранить тебя всю. Ведь мы никогда больше не увидимся.

Мой живот горит. Моя кровь вскипает. Мои мысли – выжженные земли.

Что я могу тебе оставить, господи боже мой? Не могу же я раздвоиться.

Скажи, Илиан, скажи мне, чего ты хочешь?

Мои глаза умоляют, лучи окрашивают их в зеленое, никогда уже они не будут ясно-серыми. Илиан целует мои веки. Я раскрываюсь, и он наконец с упоительной нежностью проникает в меня. И я слышу его шепот, едва различимый, еще более тихий, чем мои первые вздохи наслаждения.

– Ребенка. Подари мне ребенка.

Потом Илиан замирает. Просто остается во мне, неподвижный и напряженный. И взгляд его тоже останавливается. Слова излишни, я уже знаю, что это означает.

Ни одна женщина в мире на такое не способна. Потому что для этого нужно любить так, как никто и никогда не любил.

Я не отвечаю. Да и что тут ответишь?! Илиан снова шепчет, еще тише, еще нежнее:

– Если бы ты попросила, я бы сделал это для тебя.

И я знаю, что это правда.

Он кладет голову мне на грудь.

Мужчина может сделать это. Сделать ребенка женщине, заранее обещав, что никогда не увидит его. Просто будучи уверенным, что этот ребенок существует, живет где-то. И что некогда любимая женщина его воспитает.

Женщина может попросить об этом. Вернее, может осмелиться попросить, ничего не требуя взамен. Родить ребенка – одной. Чтобы легче было перенести разлуку с любимым человеком, которого нужно отпустить. У нее останется крошечное существо, которое нужно растить. Частица ее любимого. Да, мужчины поступают так, соглашаются с этим, более того – иногда и гордятся. Гордятся тем, что оставили частицу себя женщине, которая воспитает ребенка лучше, чем отец, и у которой хватит любви за них обоих.

Голова Илиана давит мне на грудь. Упругий член Илиана словно заснул во мне.

Но может ли женщина согласиться на такое?! Ведь это ей придется уехать. Оставив младенца любовнику. Чтобы от самой прекрасной любви на свете родился самый прекрасный ребенок.

Ребенок, которого она не будет растить. Которого отдаст. Которого никогда больше не увидит.

Ты прав, Илиан. До сих пор ни одна женщина в мире не делала подобного. Ты безумец, самый безумный из всех мужчин.

Я думаю, что следующие слова вырвались прямо из моего сердца. Мне кажется, я даже не произнесла их вслух, но Илиан, прильнувший к моей груди, уловил возникший в ней ответ:

– Я это сделаю, Илиан. Сделаю для тебя.

Опершись на локти, Илиан осторожно приподнимается с моей груди. Теперь только наши животы слиты воедино. Он волнообразно движется на мне. Я вцепляюсь в него. Сила Илиана проникает в самые потаенные мои глубины.

Я знаю, что Илиан будет замечательным отцом. Знаю, что наша любовь достойна этого дара. Знаю, что меня ждут адские муки, что я всю свою жизнь буду тосковать по этому ребенку, живущему вдали от меня. Но если я не подарю его Илиану, наша любовь умрет и я весь остаток жизни буду сожалеть об этом. Отсутствии... я готова оплакивать отсутствие. Но не пустоту.

Мои мысли устремлены к звездам. Стены комнаты покрываются серебряной изморозью. Меня захлестывает волна наслаждения. Свободного от всего. Словно какая-то часть меня уже принадлежит любовнику, который извергается в мое чрево. То, о чем он просит, не так уж сложно для «воздушной» женщины вроде меня. Мне достаточно будет еще и еще любить Илиана все последующие дни, а потом

укрыться где-нибудь далеко, на несколько месяцев. Чтобы родить ему ребенка. И расстаться, уйти безвозвратно. Навсегда.

Илиан налег на меня всем телом. Сейчас он настолько же тяжел, насколько я невесома. Словно я уже избавилась от гнета своей ответственности. Мы долго лежим молча. И мне вдруг становится страшно: что, если Илиан отступит? Что, если он от всего откажется, пожалеет о содеянном? Теперь уже настаиваю я:

– Я подарю тебе ребенка, Илиан. Обещаю. Самого красивого на свете. А потом мы больше никогда не увидимся. Никогда не будем подавать друг другу вестей. Иначе это будет слишком больно. Слишком жестоко для нас обоих. Слишком жестоко для него.

– Для нее, – шепчет Илиан.

Для нее?

И я улыбаюсь. Я чувствую, что переживаю самый прекрасный миг моей жизни. Волшебный вечер, после которого начнется бесконечное отчаяние.

– Ты уверен, что будет девочка?

Илиан тоже улыбается. Я обожаю морщинки, которые собираются в уголках его глаз.

– Уверен! Я сказал неправду: мне хочется, чтобы ты мне оставила много себя, а не чуточку.

Он пристально, неотрывно рассматривает мои глаза, мои волосы, нос и губы, заостренный подбородок. И я понимаю, что он пытается представить себе лицо девочки, которая меня заменит. Которая будет моей копией.

– Много от тебя, – повторяет Илиан. – И немножко от меня.

– Или наоборот: много от тебя и поменьше от меня?

Илиан легонько покусывает меня за ухо.

– Или ничего от нас, но много от моей сибирской бабки, которая была горбатой бородатой карлицей.

Я хохочу. А Илиан уже снова твердеет во мне.

– Ты знаешь, как назовешь ее?

Он кивает:

– Да... О да... Она будет носить имя нашей первой встречи.

*Порой я мечтаю,
Когда все танцуют кругом.
Приходи ко мне, робкая моя принцесса,
Мы будем грезить вдвоем.*

55

2019

Я вспоминаю, как Роберт Смит отложил гитару и спел, почти а капелла: «Порой я мечтаю...» Все зрители, кроме нас, с первого до последнего ряда, танцевали.

А я – маленькая робкая принцесса – не осмеливалась.

Мой рыцарь тоже.

Мы дрожали при мысли о том, что нас ждет. Впереди открывалась дорога, но мы не знали, куда она ведет.

Наш союз. Наша разлука. Твое решение.

Все началось с песни. С одной из самых прекрасных в мире – так говорил Илиан.

Шарлотта... *Charlotte Sometimes.*

При первых ее словах я схватила Илиана за руку. Эти слова они взяли из книги Пенелопы Фармер «Шарлотта порой» – той самой, которую Илиан читал в самолете, в первый день нашего знакомства.

Шарлотта... Шарлотта навечно.

Как я могла не догадаться?!

Потому что не хотела представлять тебя – ни маленькой, ни большой, ни белокурой, ни темноволосой, ни тоненькой, ни пухленькой?

Потому что не хотела угадывать цвет твоих глаз?

Потому что не хотела знать, каким именем Илиан окрестил тебя?

Потому что мне было бы слишком больно, если бы у меня в голове запечатлелся твой образ, твое имя, – ведь ты-то ничего не знала о своей маме, о маме, которая бросила тебя через семь дней после твоего рождения в той брюссельской клинике, где я сняла палату, приехав из Индии.

Шарлотта лежит на кровати. В забытии.

А я вспоминаю. Вспоминаю все, с начала до конца, Шарлотта. Твой первый плач, твое первое кормление, мой последний поцелуй на твоём младенческом личике, перед тем как оставить тебя на руках твоего папы, потому что Илиан был единственным человеком в мире, кто мог отныне беречь и растить тебя, моя маленькая робкая принцесса.

Твой папа. И иногда твой крестный.

Я вспоминаю, как Улисс отказывался впустить нас за сцену «Метрополиса», на концерт «Кью», а потом наконец дал себя уговорить, сказав: *Запомните: я над вами сжалился только потому, что давно не видел таких пылких влюбленных.* И приказал: *Женитесь и заведите кучу детишек!* А я поцеловала его, сказав: *Вы будете крестным отцом нашего первенца!* И крестный превратился в злодея. Который обрек на смерть свою крестницу. После того как убил ее отца. А теперь убьет ее мать.

Я помню все это. А ты не помнишь ничего.

Мы с тобой заперты в комнате – обычной, но превращенной в забаррикадированную камеру. С наглухо закрытыми ставнями за железными решетками. С дверью за семью замками. Бежать отсюда невозможно. От запаха газа кружится голова, и я стараюсь вдыхать как можно меньше ядовитого воздуха.

В углу комнаты маленькая раковина, самая обычная раковина с полотенцем и зубной щеткой в стаканчике. Подхожу, лихорадочно поворачиваю кран, набираю воды в стакан и, смочив полотенце холодной водой, обтираю лицо Шарлотты. Потом хлопаю ее по щекам. Перед тем как выйти, Улисс вынул у нее кляп изо рта, развязал ноги и руки, чтобы все выглядело банальным несчастным случаем, когда дом взлетит на воздух.

Наконец Шарлотта приходит в себя. Широко раскрывает глаза, испуганно съеживается и узнает меня. Я продолжаю растирать ей щеки, подношу к губам стаканчик, велю выпить побольше. Потом смачиваю водой простыни и одеяло, заставляю ее дышать сквозь мокрую ткань. И начинаю действовать: колочу в дверь, в закрытые ставни. Нельзя же покорно сидеть тут и ждать, когда взрыв разметает в щепки весь дом. Мечусь по комнате. Истерически кричу.

Шарлотта холодно смотрит на меня:

– Не суетись, поблизости никого нет, нас не услышат. Я-то знаю, я здесь выросла. – Шарлотта окидывает взглядом железные запоры на

окнах. – Раньше в моей комнате таких не было. Но это не мешало мне чувствовать себя пленницей.

Потом с трудом поднимается и кашляет. Выжидает несколько секунд, чтобы утвердиться на ногах, подходит к письменному столу и нагибается к маленькому музыкальному центру в виде башенки, модель 2010-х годов, позволяющему слушать сразу несколько МРЗ-треков. У нее измученный вид. Пальцы пробегаются по серебристым клавишам. *On. Off.*

– Ну, пленницей – это, пожалуй, слишком сильно сказано... Скорее, отшельницей... Одинокой... Единственная дочка, воспитанная отцом. И избалованная крестным.

Я молчу. Ее палец нажимает на клавишу *Eject*, она вынимает диск и засовывает его в коробку.

– Улисс подарил этот проигрыватель на мое десятилетие. Сказал, что такое чудо техники можно найти только в Калифорнии. На нем я впервые услышала песню Black Eyed Peas. Папа их терпеть не мог! Улисс приезжал в Париж почти на каждый мой день рождения. С полными чемоданами дисков. И они с папой слушали их ночи напролет. Я думала, он наш друг. И папа так считал. А он попросту следил за нами. Хотел убедиться, что папа не вернется к прежнему, к своей гитаре... Или же надеялся успокоить свою совесть такими подарками. Тогда Улисс был еще не убийцей, а обыкновенным вором. Присвоил тысячи долларов, полученных благодаря песне, которую сочинил отец, и, конечно, мог позволить себе такую роскошь – подарить крестнице несколько игрушек.

Шарлотта делает глубокий вдох и внезапно, резким взмахом, сметает все со стола. Музыкальный центр с вырванными проводами разбивается об пол. А Шарлотта, скорчившись, кашляет так надрывно, что мне хочется плакать. Подбежав, я прижимаю мокрую простыню к ее лицу. И осторожно веду к кровати.

Она покорно садится, стараясь не глядеть мне в лицо. Мало-помалу ее кашель стихает, уступив место тягостному молчанию, которое я не решаюсь нарушить. Шарлотта сморкается в мокрую простыню, а я представляю себе, как у нее горят легкие, и мне безумно больно за эту девочку. Наконец она заговаривает – глухо, опустив глаза:

– Папа все мне рассказал в день моего восемнадцатилетия. Я ведь много лет донимала его расспросами. Кто моя мать? Почему не она

меня воспитывает? А он отвечал: узнаешь, когда вырастешь, Шарлотта, только когда вырастешь. И я вычеркивала в календаре месяцы, недели, дни, остававшиеся до моего совершеннолетия. Ну вот, папа, сегодня я стала взрослой! И он сдержал обещание. Все мне рассказал. Вот здесь, сидя на этой кровати. «Шарлотта, ты – дитя любви, самой прекрасной любви на свете, – так он начал. – И эта любовь дала твоей матери силы оставить тебя мне».

Я пытаюсь поймать взгляд Шарлотты, но она упорно смотрит вниз, на свои пальцы, нервно барабанившие по коленям. Ее голос крепнет, постепенно набирая силу.

– В тот миг меня охватила ненависть, но в первую очередь не к папе. Я молчала, я слушала, до боли сжимая кулаки. Я уже твердо знала, что уеду, как только он закончит свой рассказ. Но тебя... тебя я в тот миг проклинала.

Мои глаза наполняются слезами. Я хватаюсь за мокрую простыню, вытираю лицо и протягиваю ее Шарлотте, которая отталкивает мою руку.

– Папа обнимал меня, но я только сильнее ожесточалась. А он настаивал, во всех подробностях рассказывал о ваших чувствах, о ваших переживаниях, пытаюсь доказать мне, какой исключительной была эта ваша мерзкая любовь и как сильно вы оба желали моего появления на свет. Но чем больше деталей я узнавала о Монреале, Сан-Диего, Барселоне, Джакарте, тем яснее понимала, насколько это гнусно, насколько чудовищно. Бросить родную дочь! Обещать никогда не подавать о себе вестей! Папа сообщил мне, что у тебя есть семья, есть дочь, немного старше меня. Я попросила его уйти, сказала, что хочу спать. В то время я начала учиться на факультете психологии. На следующий день я ему объявила, что не вернусь домой ночевать. Переселилась к своему приятелю Кевину. И с тех пор ноги моей не было в Шаре. Учебу я бросила. У меня возникла одна идея, которая с течением времени превратилась в четкий план: пройти конкурс стюардесс, разыскать тебя, сблизиться с тобой, изучить тебя, не выдавая своего настоящего имени, завоевать твое доверие – например, рассказав о связи с Жан-Максом Балленом, заставить тебя реагировать, заставить тебя страдать, как я страдала, заставить пережить всю эту историю еще раз, с самого начала. Не знаю... может быть, я надеялась

изменить ее конец. Даже при том, что папа был замечательным отцом. Я ни в чем не нуждалась...

Впервые Шарлотта поднимает глаза и повторяет, сверля меня взглядом:

– Ни в чем!

Ее сотрясает жестокий спазм, нечто среднее между хрипом и кашлем, она прячет лицо в простыне. Я делаю шаг, собираясь обнять ее, но она, отшатнувшись, продолжает, уже громче:

– Я очень надеялась, что это лучший способ заставить тебя нарушить клятву! Вынудить снова пережить прошлое, обратиться к папе. Так и произошло, разве нет? Ты же ему позвонила! И он, конечно, ответил бы тебе, я уверена, что ответил. Если бы Улисс его не...

Шарлотта снова опускает глаза. Я хожу кругами по нашей тюрьме. Странная это тюрьма – комната, где разыгрались такие страсти. Страсти маленькой девочки, подростка, взрослой девушки, – страсти, о которых я ничего не знаю. На полках шкафчика, стоящего напротив стола, вижу книги – три выпуска «Поисков Эвилана»[131], семь томов «Гарри Поттера», «Тридцать три несчастья» Лемони Сникета, в тринадцати сериях, полную коллекцию Роальда Даля. Словом, все истории, которые я так любила читать Лоре и Марго и которыми Шарлотта, видимо, упивалась в детстве – одна, без мамы. На платяном шкафу целая груда кукол и плюшевых зверей – медведь, кенгуру, панда. Любимые игрушки, которые утешали Шарлотту в детстве. Я никогда не узнаю их имен...

Запах газа становится невыносимым. У меня щиплет глаза. Зато Шарлотта кашляет все реже, как будто свыклась. Как будто возможность выговориться облегчает ее страдания.

– Мне кажется, парни из отдела планирования в *Air France* очень любят молоденьких улыбчивых блондинок моего типа. Так что было нетрудно выбрать место и дату первой стажировки – я хотела просидеть рядом с тобой шесть дней, слегка изменив свой возраст, чтобы не вызвать у тебя подозрений. И уж совсем легко было, под предлогом пари, уговорить их записать меня на совместные рейсы старых друзей – Фло, Жан-Макса и тебя... Монреаль, Лос-Анджелес, Джакарта, именно в таком порядке, только один раз, в одном месяце! Я попросила логистов держать язык за зубами, и все, даже Фло, решили, что это

подстроил Жан-Макс. Ну а дальше нужно было проявить терпение и выдержку, посмотреть график турне «Кью», спланировать наш рейс в Монреаль на нужный день и следовать моему плану.

Всякий раз, садясь выпить, выбирать шаткий столик.

Подняться на гору Мон-Руаяль раньше тебя и оставить там сумку, похожую на твою.

Как бы между прочим сообщить твоим коллегами сведения, которые рано или поздно дошли бы от них до тебя.

Выпить в «Фуфе».

Сделать прическу в «Маленькой ласточке».

И пойти в кино на «Жизнь прекрасна».

В Сан-Диего тоже все прошло гладко. Я попросила официанта «Койота» в Старом городе налить «Маргариту» в бокал с надписью *Just Swallow It*, который принесла с собой. Твои документы переложила из сумки в чемодан, а в твой бумажник сунула фотографию фрески *La Soldadera*. Затем разыскала на фейсбуке Рамона, трубача группы «Лос Парамос», и уговорила его поставить древний «шеви вэн», который мирно спал у него в саду, в парке Чикано, в Чула-Виста, якобы в память о добром старом времени. Еще проще было в Барселоне: мне не пришлось долго уговаривать Батисто надеть его старый костюм живой статуи и несколько часов постоять на бульваре Рамбла, пока ты не пройдешь мимо...

Я вспоминаю цитату из Элюара, которую Шарлотта произнесла в самолете Париж – Монреаль: «Случайностей не бывает, бывают одни лишь встречи». Вот когда прозвучал первый намек, едва завуалированный...

Я встаю.

Теперь уже меня качает из стороны в сторону.

Газ обжигает горло, ноздри, слезные железы, но никогда еще мои мысли не были такими ясными, как в этот момент. Хоть и отравленными ядовитым запахом. Все выглядит таким очевидным и понятным после объяснения. Хватило нескольких слов. Ничего сверхъестественного, ничего загадочного. Просто несколько хорошо задуманных и удачно проделанных фокусов. Шарлотта была уверена, что мой рассудок завершит дело, измыслит совпадения, которых нет, запутается в глупых гипотезах, смешает правду и вымысел, подстроенные ловушки и несколько реальных фактов – *Let It Be*,

услышанную по радио, и пассажира, который, возвращаясь из Индонезии, поет *Let me just a little bit of you*, а потом другого, на рейсе Лос-Анджелес – Париж.

Я чувствую на себе взгляд Шарлотты. Ей как будто стало легче после того, как выговорилась. Едкий запах проникает в горло, жжет гортань. Слова, складывающиеся в голове, рассыпаются, не достигнув губ.

Я виновата, Шарлотта, боже мой, как я виновата!

Поднимаю глаза на стену за письменным столом, где стоял музыкальный центр. И на фотографиях в рамках вижу, как Шарлотта росла: четыре года, шесть лет, десять, пятнадцать, Шарлотта пухленькая, Шарлотта мокрая, с надувным кругом, Шарлотта на роликах, Шарлотта, робко улыбающаяся уличному художнику на площади Тертр, Шарлотта в маске для ныряния на пляже какого-то серого моря, на фоне скал, Шарлотта, вцепившаяся в руку мальчика в поезде, в тоннеле Евродиснея, Шарлотта, задувающая свечи на торте, Шарлотта, наряженная колдуньей, Шарлотта на скутере, Шарлотта в компании подружек, которых я не знаю, Шарлотта, радостно хохочущая над чем-то, чего я не видела, Шарлотта, ставшая взрослой после множества мелких горестей, в которых я ее не утешала.

Слезы обжигают щеки, едкой солью собираясь в морщинах. В трещинах внезапной старости. Я оборачиваюсь. И мой взгляд впервые встречается со взглядом Шарлотты. А словам наконец удается вырваться наружу из раскаленной лавы, сжигающей мое нёбо:

– Прости меня, девочка моя! Прости! Прости! Прости!

Шарлотта не отвечает. Но и глаз не отводит. Только встает и тоже проверяет на прочность заколоченные ставни, запертую дверь. Потом спрашивает:

– Сколько времени... сколько времени нужно, чтобы все это взорвалось?

– Понятия не имею... Несколько минут? Час? Улисс все подстроил так, чтобы это было похоже на несчастный случай.

И я, в свой черед, трясу железные прутья решетки на окне. Нет, их сорвать невозможно.

– Но ведь это будет выглядеть подозрительно, разве нет? Два тела в наглухо запертой комнате...

Шарлотта пожимает плечами:

– В этой комнате уже больше года никто не ночевал. А в округе все привыкли жить за крепкими запорами.

Еще несколько минут мы пытаемся найти хоть какой-нибудь выход из нашей тюрьмы и наконец сдаемся. Шарлотта включает воду, ополаскивает лицо, но кран не закрывает.

– Все эти годы, – продолжает она, – я безраздельно доверяла Улиссу. Звонила ему в Лос-Анджелес. Именно к нему обратилась, когда ушла из дома. Он был в курсе всего. Знал о тебе. О нас. Десять дней назад я была в его офисе на бульваре Сансет, как раз после тебя. Откуда я могла знать, что он ведет двойную игру?! Что это он нанял тех типов, которые следили за тобой до самого Сан-Диего?! Как я могла заподозрить, что он без колебаний устранил меня тоже, если убедится, что я узнала песню?! Что он... не остановится даже перед тем, чтобы заставить замолчать папу...

Шарлотта подставляет руки ковшиком под струю воды и щедро обрызгивает себя. Потом, обернув ко мне мокрое от воды и слез лицо, повторяет:

– Разве я могла догадаться?!

Конечно, не могла, девочка моя. Как и я. Но последние признания Шарлотты породили другой вопрос. Шарлотта была со мной в Лос-Анджелесе, когда Илиан попал в больницу. Тогда почему... почему она не отказалась от рейса? Кто был рядом с ее отцом в Биша?

– Ты оставила своего папу одного в больнице?

– Нет... Нет, он был не один...

В первый миг пытаюсь представить себе человека, о котором никто мне еще не говорил. И о котором ничего не известно, хотя логика подсказывает, что это женщина – женщина в жизни Илиана. Заместительница мамы для Шарлотты. *Par interim*[132], так сказать. Я с трудом произношу:

– Кто?..

– Надежный человек. Очень надежный. К ней у меня не было никаких претензий.

Я с трудом выговариваю:

– Кто она?

– Я познакомилась с ней в Биша. В палате, где лежал папа. Она немного старше меня.

Кто?

Я пытаюсь хлебнуть воды из стаканчика, но она застревает в горле, я обливаюсь, кашляю и все-таки выдавливаю:

– Так кто же?

Шарлотта отвечает:

– Ты ее знаешь. Моя сестра. Я... Я все ей рассказала. Я все рассказала Лоре. Она знает. С тех пор как папа в больнице.

Сколько времени осталось до взрыва дома?

Несколько минут? Час?

Значит, с моей жизнью покончено!

Лора знает! Знает все. О моей измене, о моей тайной дочери.

Лора, которая все делает безупречно, все тщательно организует, Лора с ее идеально налаженной семейной жизнью, Лора с ее строгими принципами, такими жесткими, что я часто боялась, как бы они ее не подвели. И все-таки – нет! По словам Шарлотты, Лора приняла это известие – приняла и выполнила ее просьбу. Только решила избавиться от горя своего отца и Марго, объявить им об этом лишь в случае крайней необходимости. А сейчас нужно было в первую очередь позаботиться об Илиане. И медсестра в Лоре тут же заняла место дочери и сестры. Как в шутовой поговорке: «Единственная дочка упряма, как ослица, младшая дочка – болтушка и шутница, и только на старшую можно положиться...»

Я вспоминаю свой день рождения: праздничный стол на террасе дома в Порт-Жуа, тот конверт – мой подарок, поездку в Барселону. Еще одно невозможное совпадение... которое теперь объяснилось.

– Значит, это ты подала Лоре идею насчет семейного путешествия?

– Только подсказала направление. А путешествие она давно запланировала.

Я думаю о камне времени, пропавшем в Барселоне, между парком Гуэль и гостиницей в Эшампле. Тогда рядом со мной были только домашние. А исчезновение серого камешка в моем саду окончательно убедило меня в его магических свойствах... или в собственном безумии. Значит, Лора похитила его в Каталонии, а Шарлотта сделала то же самое в Квебеке и в Калифорнии, несколькими днями раньше. Осталось неразгаданным только исчезновение серого камешка у подножия стенки на берегу Сены... Впрочем, какая разница, важно другое: Лора и Шарлотта, мои старшие дочери, стали сообщницами.

Да и могло ли быть иначе?! Каждой женщине хочется все разузнать о любовнике матери, понять, чем он отличается от ее отца. Люди всегда боятся разоблачения семейных тайн из страха общественного порицания, но те же разоблачения между членами семьи основаны только на любопытстве, не на жажде мести.

Меня вдруг захлестывает волна любви к Лоре. Значит, она унаследовала и мою буйную фантазию, а не только строгие принципы и рассудительность своего отца? Значит, и она способна на тайны? И я обращаюсь мыслями к Марго – Марго, родившейся через год с лишним после Шарлотты, Марго, которая еще не знает о существовании сестры, Марго, так сильно привязанной к отцу и так часто восстающей против матери. Неужто она инстинктивно чувствовала, что в этом мире существует еще один мой ребенок, а она появилась на свет лишь для того, чтобы его заменить?!

Я опускаюсь на пол и ползу к кровати. Шарлотта недоуменно смотрит на меня. Я заползаю под кровать, руки шарят в темноте, загребают пыль, целые горсти пушистой пыли, и я, как это ни странно, ловлю себя на мысли, что могла бы упрекнуть Шарлотту за небрежную уборку, но тут пальцы нащупывают маленький камешек.

Я с трудом выбираюсь из-под кровати. Протягиваю сжатый кулак к моей дочери. И разжимаю пальцы.

На моей ладони поблескивает камень времени.

– Это тебе. Кажется, с его помощью можно исправить ошибки прошлого... По крайней мере, на несколько минут. А может, на час.

Шарлотта внимательно разглядывает камень. Долго. Похоже, колеблется. Она и впрямь колеблется. Потом ее лицо проясняется, его озаряет мягкая улыбка, и я впервые ловлю сходство дочери с ее отцом. Рука Шарлотты ложится на мою, теплая и легкая, она становится чуть тяжелей – теперь, когда сжимает камень, а моя, избавленная от этой тяжести, может наконец вспорхнуть в воздух.

И тут наконец мое сердце, которое остановилось почти двадцать лет назад, вновь начинает биться. Мне кажется, теперь со мной не случится ничего плохого, ибо я слышу слова – те самые, которые уже не надеялась услышать. Никогда.

– Спасибо. Спасибо, мама.

Улисс проклинает машины, скопившиеся на въезде в Биша. И кто в них сидит – сплошное старичье! Либо по одному, либо с дряхлой половиной. Ну почему надо тратить целых десять минут, чтобы получить талон на парковку?! И это после того, как настоялся в пробках, а теперь никак не найти свободное место. Они что, не могут приезжать сюда на «скорой»?!

В конце концов Улисс нагло вырывается из своего ряда, обгоняет «ситроен», лавирует и занимает свободное место под самым носом у зазевавшегося «фиата», на выездной аллее. Пардон, некогда! Он выключает мотор и хватается за розовый мобильник, лежащий на пассажирском кресле.

Смотрит на экран и сыплет проклятиями. Никто до сих пор не ответил. Улисс перечитывает эсэмэску, которую послал мужу и дочерям Натали.

Это я. Попала в скверную историю, вы должны за мной приехать. Ничего серьезного, но срочно и сложно. И важно. Объясню при встрече. Адрес: Шар, улица Освобождения, 36. Дом Илиана Ривьера.

Каждое слово тщательно продумано. *Сложно. И важно. Ничего серьезного, но срочно...* Ловушка расставлена умело. Они должны примчаться туда как на крыльях!

Улисс провел долгие часы в домике Илиана, налаживая все необходимое для своего замысла: оголенные провода, которые вызовут взрыв, стоит кому-нибудь нажать на звонок; искры, от которых загорятся тряпки, пропитанные горючей жидкостью и разбросанные по всем комнатам. Взрыв газа разнесет в щепки весь дом, а пожар бесследно скроет улики.

Итак, дело сделано. Улисс заставляет себя не думать о последствиях. Лишь бы все поскорее кончилось и последние свидетели исчезли. Чтобы осталась только одна правда: ни Илиан и никто другой из музыкантов никогда не сочинял эту песню. Легендарный гимн принадлежит только ему. Он один знает тайну. Он один обладает правами на него!

Выбравшись из «мерседеса», Улисс снова проверяет телефон Натали. И попутно, забавы ради, перечитывает эсэмэску, которую послал ей два дня назад: «Не лети в Джакарту». Потом переключается на свой призыв о помощи.

Это я... Вы должны за мной приехать.

Интересно, кто первым кинется спасать Натали?

Марго?

Оливье?

Лора?

* * *

Марго только-только собралась целоваться с Маруаном, как вдруг звякнул мобильник – сообщение. Маруан сидит с закрытыми глазами в ожидании поцелуя, еще не осознав, что Марго отодвинулась и читает эсэмэску. Ну конечно, письма от подружек куда важнее, чем поцелуй с каким-то маргиналом! Маргиналом Маруана прозвали девчонки в лицее – за его ирокез и нос, такой расплющенный, словно он врезался в застекленную дверь.

– Черт, эсэмэска от мамы!

Это я. Попала в скверную историю, вы должны за мной приехать...

– Еще не хватало! – злится Марго.

Мару-маргинал наконец понимает, что если он так и будет тянуться вперед, закрыв глаза, то уж точно врежется в стекло автобусной остановки и еще больше расплющит нос. И он открывает глаза.

– Ты чего?

– Отстань, не видишь – читаю!

Ничего серьезного, но срочно и сложно. И важно. Объясню при встрече.

Что еще мамуля натворила? Марго с самого утра чувствует, как сгущается напряжение в семье. В какой-то момент она даже подумала: уж не собираются ли ей объявить, что она приемная дочь?! Типа родная мать ее бросила сразу после рождения, и она была найдена в ивовой корзинке на берегу Сены[133].

Адрес: Шар, улица Освобождения, 36. Дом Илиана Ривьера.

Что еще за Илиан Ривьер?.. Никогда о таком не слыхала!

Марго кликает адрес на смартфоне, чтобы определиться с этим Шаром. Ничего себе – семьдесят километров от лица! Маман, видать, совсем того... Чего она ждет, что Марго телепортируется?

– Тебе придется ехать? – тревожится Мару-маргинал.

Но Марго сует телефон в карман, так и не ответив на сообщение.

– Да так, ерунда. У моей мазер крыша поехала. Очень надеюсь, что я в ее годы не буду такой шизанутой...

Она хватает Маруана за ворот, привлекает к себе, сжимает его щеки, впивается ему в губы страстным поцелуем и, работая языком, успевает пофилософствовать между двумя короткими задержками дыхания.

«У меня есть дела поинтересней, чем возиться с предками. Любовь... вот чем надо заниматься, когда тебе восемнадцать, не то засохнешь, когда тебе будет втрое, а то и вдвое больше!»

* * *

Оливье ненавидит красный свет на дорогах. И сам город тоже ненавидит. Терпеть не может скопления людей. Конечно, он не ненавидит конкретных особей, но можно ли считать человечеством пассажиров, стиснутых в вагонах метро как сардины в банке или водителей машин, которые ползут с черепашьей скоростью?! Его мобильник прикреплен к приборному щитку. Когда Оливье приходится покидать мастерскую и куда-нибудь ехать, он нередко звонит из машины клиентам. Сообщение приходит в тот момент, когда красный свет сменяется зеленым.

Это я. Попала в скверную историю, вы должны за мной приехать...

– Нати?

Какой-то говнюк выскочил сзади и подрезал Оливье, едва не снеся ему передний бампер. За короткие секунды, что перекресток разгружался, Оливье успел прочитать:

Ничего серьезного, но срочно и сложно. И важно. Объясню при встрече.

Господи боже!

Позади отчаянно сигналият. Оливье застрял в СенДени, на перекрестке Плейель. Прибавив скорость, он сворачивает на бульвар Орнано и включает аварийку в поисках места, где можно ненадолго припарковаться, потом бросает взгляд на навигатор, словно хочет сказать: «Извини, друг, моя жена важнее тебя!»

Ему кое-как удается втиснуться на пятачок между местом для инвалидов и наземным переходом, и он лихорадочно читает конец сообщения.

Адрес: Шар, улица Освобождения, 36. Дом Илиана Ривьера.

Оливье на миг застывает, потом яростно лупит кулаком по рулю.

Илиан Ривьер! Опять этот тип! Что Натали понадобилось в его доме? Ведь согласно последним сведениям, гитарист умирает в больнице Биша. Под заботливой опекой Лоры...

Неужели это никогда не кончится?!

Оливье вспоминает слова дочери, сказанные в конце ее сегодняшней утренней исповеди: *Ты не хотел бы с ним поговорить? Я думаю, это было бы хорошо, папа. Он... он хочет доверить тебе одну важную тайну.* Оливье колеблется. Какой-то мотоциклист едва не задевает его «кангу» и выражает свое неодобрение непристойным жестом. Да, он прав, здесь стоять нельзя. Что же предпринять?

Ехать по этому адресу и разнести к чертовой матери дом гитариста? Или отправиться прямо в Биша и свернуть ему шею?

Оливье проверяет в зеркале, нет ли кого сзади, и едет до ближайшего светофора. Решение принято. Он себя хорошо знает, ему претит любое насилие, даже в отношении любовника жены. И уж конечно, он не пойдет на убийство...

Единственное, чего он хочет, это посмотреть, как тот умрет!

Только пусть сначала выдаст свою тайну, свою великую тайну...
Спасибо, Лора!

Оливье выключает телефон и наклоняется к своему навигатору, словно хочет сказать: «Извини, старина, в конечном счете ты оказался прав».

* * *

У Лоры заняты обе руки, по одному близнецу на каждой – Ноэ на правой, Этан на левой, а связка ключей в зубах. Ох уж эта нянька – отругала Лору за сущую ерунду: она, видите ли, пришла за детьми на три минуты позже! Черт бы ее подрал, а еще няней называется, тоже мне представитель благородной профессии! Теперь все кому не лень плюют на бюджетных работников. Вот попробовали бы сами, каково это – быть медсестрой! Этан хнычет, потому что ему хотелось остаться у няни Софи, Ноэ проголодался, вдобавок у Лоры в кармане тренькает телефон. Сообщение.

Она сажает близнецов в машину, в детские креслица, и читает эсэмэску.

Это я. Попала в скверную историю, вы должны за мной приехать.

Господи, ну и денек! Теперь еще и мама!

Ничего серьезного, но срочно и сложно. И важно. Объясню при встрече. Адрес: Шар, улица Освобождения, 36. Дом Илиана Ривьера.

Дом Илиана... Ну конечно... Шарлотта рассказала ей, где выросла. Маленький домик среди полей. Наверно, немного похож на ее собственный. Лора быстро производит подсчет. Шар находится в двадцати километрах от Сержи, это минут двадцать езды.

Она огорченно вздыхает. Конечно, придется ехать. Не бросать же маму в беде! Вот только Валентин еще на службе, значит, придется взять близнецов с собой. Эту парочку уставших и голодных маленьких чудовищ, которых давно пора искупать и уложить в постель.

Лора включает мотор и снова вздыхает. Ладно, она поедет, лишь бы все поскорей уладить. Нужно, чтобы папа и Марго узнали о Шарлотте, чтобы они приняли ее ради мамы, как приняла она, Лора, выслушав признание неведомой сестры в кафетерии больницы Биша. Нужно разом вскрыть нарыв, чтобы рана скорее зажила, чтобы все они мирно сидели на террасе шале в Порт-Жуа, а может, и в домике на улице Освобождения (почему бы и нет?), наверстывая упущенное время. Папе сначала будет больно, но потом он все простит – поймет и простит. Он ведь стойкий, как и она, крепче дуба! Не сгибается, но и не ломается.

Близнецы уже подняли рев. Они хотят пить. Хотят есть. Хотят смотреть телевизор.

Лора дает задний ход, и из-под колес машины брызжет гравий садовой аллеики няни Софи. Ведь вот – работает у себя дома, так могла бы, по крайней мере, убрать камни с дорожки!..

Да, лишь бы все поскорей кончилось! Лора внимательно смотрит вперед, и ее взгляд останавливается на бейдже под «дворником» – это больничный пропуск, позволяющий медперсоналу подъезжать прямо к зданию, минуя стоянку.

Лишь бы все поскорей кончилось?..

И вдруг Лору словно огнем обжигает: она осознает ужасный смысл этих слов. Илиан Ривьер обречен. Ему осталось несколько дней. А она, молодая мать семейства со своими мелкими домашними заботами, еще на что-то жалуется. Черт бы меня подрал!

Лора останавливает машину, въехав на тротуар, и торопливо набирает текст на мобильнике.

Я еду, мама. Буду максимум через 20 минут. Надеюсь, что дом Илиана достаточно крепок и антисейсмичен, так как мне пришлось взять с собой близнецов.

57

2019

Лежу рядом с Шарлоттой. Отыскивая под кроватью камень времени, я заметила, что запах газа меньше ощущается у пола. Мы смастерили нечто вроде палатки из простыней, одеял, матраса и

укрылись под ними. Вылезает из-под полога по очереди, чтобы смочить ткань водой.

Господи, как мне приятно это согласие!

Не знаю, сколько я еще проживу, перед тем как на меня рухнет все – потолок, кровля, перекрытия и черепица, – какая разница, ведь я провела это время здесь, совсем рядом со своей дочерью!

Свет плафона над нашими головами пронизывает желтые простыни и оранжевое одеяло, создавая эффект солнечного заката, прямо как на стоянке бедуинов. Мне хорошо. Шарлотта втащила в наше убежище картонную коробку. Она запускает туда руку и вытаскивает наугад разные вещицы: фетровый брелок для ключей в виде галстука, картинку из раскрашенных и покрытых лаком макарон-бантиков, кружку с надписью ПАПА, украшенную звездочками с помощью трафарета, желтую свечку, явно с именинного торта, стакан из папье-маше для карандашей. Я с трудом разбираю крупные буквы, нацарапанные фломастером и заключенные в сердечко: С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ПАПА! Все понятно: ее детские сокровища, собранные за много лет, от детского сада до школы.

– Настоящие шедевры, разве нет? – гордо говорит Шарлотта. – Я была самой лучшей в классе на уроках труда. Правда, по сравнению с девчонками, которым приходилось делать подарки еще и мамам, у меня было вдвое больше времени.

Я сжимаю ее руку.

– Но главное, – уточняет Шарлотта, – у меня был двойной стимул: мой папа был лучше всех других!

По нашим лицам бегут слезы. Мы лежим рядом, не глядя друг на друга, вслушиваемся. Время от времени начинаем кричать как безумные, изо всех сил, надеясь, что кто-нибудь нас услышит, потом продолжаем разговор.

– Знаешь, Шарлотта, твой папа был талантлив. Даже очень талантлив. И его талант проявлялся не только в твоём воспитании. В музыке тоже.

Шарлотта роется в коробке и достает оттуда крошечное розовое укулеле. Игрушечное.

– Да, я это поняла. Поняла сегодня. Я почти не слышала его игру. Слушать музыку – вот это он любил. Но не играть.

Она роняет игрушку на пол.

– Папа... он все бросил ради меня.

Я сильнее сжимаю ее руку. С простыни над головой срывается капля и падает мне на лицо. Тусклый свет, пробивающийся сквозь ткань, едва ли не слепит глаза. Я зажмуриваюсь.

– Нет, Шарлотта, нет. Это был его выбор... Знаешь, люди иногда ошибаются, и выбирать – не значит отказываться. Совсем наоборот. Выбирать – значит быть свободным. В том числе не становиться тем, кем вас хотят сделать другие, решившие задушить ваш врожденный талант. Те, кто вознамерился отнять у вас любовь, подаренную судьбой. Илиан сделал свой выбор, он выбрал тебя, и это касается только его. Дети не должны в это вмешиваться. Им предстоит прожить свою жизнь. И сделать свой выбор...

Шарлотта кладет руку мне на плечо:

– Погоди-ка, у меня тут сюрприз.

Я слышу шуршание – она роется в картонке. Потом вдруг чувствую, как что-то пушистое гладит меня по векам, по носу, по пряди на лбу. Оказывается, Шарлотта извлекла из своего хранилища «ловушку для мечты» – крошечную сумочку из мохера, расшитую стеклянрусом, цветными перышками и... ужасно пыльную!

Она щекочет мне нос, я пытаюсь сдержаться и все-таки чихаю. Шарлотта смеется. И я тоже, хотя мои легкие горят от газа.

– Я ее сшила десять лет назад, когда училась в первом классе средней школы. Весной нашу учительницу сменила другая, новая, и я побоялась ей сказать, что у меня нет мамы. Вот, возьми... это тебе.

Шарлотта умолкает. Я осторожно беру у нее крошечную «ловушку для мечты». Слезы туманят глаза, но я все-таки различаю крошечные сердечки, вырезанные на деревянной крышечке. Десять лет... она ждала меня десять лет! Прижимаю ее к себе. Невесомая безделица из шерсти, бусинок и перышек давит на грудь, точно кусок гранита. Заглушает стук моего сердца. И рассеивает весь тот морок, что поселился у меня в голове.

Спасибо, Шарлотта! Спасибо! И знай, что твой отец ничем не пожертвовал. Он просто выбрал тебя. Потому что любил тебя, и ты отвечала ему тем же. А еще он любил музыку – да, конечно, любил, но она не ответила ему взаимностью.

– Мама...

Я вздрагиваю.

– Мама, – повторяет Шарлотта. – А это трудно – выбирать?
Я улыбаюсь.

– Ну, скажем так... Нельзя слишком медлить с выбором. Нужно сделать его до того, как станешь совсем взрослой, так мне кажется. Перед тем как убедишься, что перед тобой слишком мало свободных дорог и твоя ноша слишком тяжела. Перед тем как поймешь, что тебе осталась одна свобода – заблудиться в лесу сожалений.

– Понимаю, – шепчет Шарлотта. – Мне бы очень хотелось...

– Хотелось чего, моя дорогая?

– Выбрать. Выбрать, а не умереть.

58

2019

Улица Освобождения, 36...

Лора ставит машину на тротуаре, прямо напротив домика Илиана. На весь путь у нее ушло меньше пятнадцати минут. Она привыкла водить машину по проселочным дорогам стремительно, как гонщик-профи, сбрасывая скорость только на въезде в деревни и до предела выжимая ручку на выезде. Она ведь всегда спешит. И едет еще быстрее, когда сзади сидят близнецы. Стоит им провести в своих креслицах больше четверти часа, начинается ад крошечный: вопли, слезы, топающие ноги, выброшенные игрушки...

Покидая Сержи, Лора включила радио, чтобы развлечь своих маленьких хулиганов. Как правило, музыка их успокаивает хотя бы на несколько минут... зато потом возбуждает до крайности, и Лоре приходится пускать звук на полную мощность, когда сыновья начинают скандалить. Со вчерашнего вечера песню *Let Me Just a Little Bit of You*, посвященную Индонезии, передают круглые сутки; это делается специально, еще до начала концерта на стадионе «Уэмбли», чтобы ее мелодия неотрывно преследовала вас. Близнецы и те бормочут обрывки слов из этой песни. Настоящая промывка мозгов! Правда, после поворота на Артимон Этан и Ноэ уже забыли о своем коронном номере «на два голоса» и затеяли драку, вырывая друг у друга Жижи, несчастного плюшевого жирафа с растопыренными ногами. Так что Лоре пришлось остановиться, повесить свой смартфон на спинку переднего сиденья, лицом к детям, и включить им видео про ослика

Тротро[134]. Ну вот, еще тридцать секунд потеряно! Зато до самого Шара в машине царит блаженный покой!

* * *

Лора внимательно оглядывает домик, стоящий на отшибе. *Улица Освобождения, 36...* Маленький. Самый что ни на есть обыкновенный. Только какой-то грустный. Маминой машины нигде не видно. Странно... Она же много раз читала и перечитывала сообщение.

Вы должны за мной приехать...

Может, она добралась в Шар на такси?

Попала в скверную историю.

Что еще она натворила? И куда подевалась Шарлотта – может, сидит вместе с мамой в этом же домике? Ведь ее сестра здесь выросла. Она рассказывала об этом Лоре во время долгих ночных бдений у постели отца. Призналась ли Шарлотта маме, кто она такая? Помирились ли они? Лора не видит никакой машины, но Шарлотта могла привезти маму на своей, а потом поставить ее в гараж. Лора открывает заднюю дверцу, близнецы по-прежнему увлеченно следят за приключениями Тротро.

– Мама сейчас придет, мои дорогие, – говорит им Лора и делает три шага к ограде.

Калитка не заперта, но Лорина рука застывает, едва коснувшись ее.

Крик!

Лора услышала крик! Приглушенный, далекий... невозможно даже определить, кричит ли это человек, но ей показалось, что зовут на помощь. Лора застывает, вслушиваясь, но тут начинает вопить Ноэ:

– Мамаааа!

Проклиная все на свете, Лора возвращается к машине, вытаскивает Ноэ из креслица, берет его за ручку:

– Тихо, Ноно, не кричи!

И снова пытается уловить звуки со стороны уединенного дома. Вдали, по национальному шоссе, с воем мчатся машины. С соседнего поля доносится мерный негромкий рокот, там работает трактор. Если сосредоточиться, можно еще расслышать птичий щебет. Птиц здесь много. Но больше никаких звуков. Лора отворяет низенькую калитку, и

как раз в этот момент начинает реветь Этан, оставшийся в машине. Ну конечно, а на что она надеялась? Эти двое, они же единое целое. Куда один, туда и другой. С тех пор как родились мальчики, Лоре кажется, что она все делает в двух экземплярах, как заика, повторяющий одно и то же слово с разрывом в несколько секунд. Сунув Ноэ под мышку, она достает из кресла Этана и несет их, по одному с каждой стороны. Интересно, а как обходятся матери, у которых тройня, – третью руку, что ли, себе пришивают?!

– Ну-ка, ребятки, давайте не будем шуметь и послушаем, как поют птички!

За исключением птичьего щебета, Лора не слышит никаких особенных звуков. Только обычные шумы деревенской жизни. Зайдя в сад, она опускает близнецов на землю, еще и еще раз перебирая слова маминого сообщения.

Ничего серьезного, но срочно и сложно. И важно. Объясню при встрече.

Да, мама наверняка находится в этом доме и ждет ее. Нужно постучать в дверь, чтобы прояснить эту загадку. И тем не менее Лора инстинктивно настораживается. Ей кажется очень подозрительным, что перед домом не стоит машина, а внутри тишина. Почему мама не открыла ставни, не распахнула дверь, чтобы ее встретить? И этот крик... точно ли она его слышала? Или она сама уже сходит с ума от всех этих безумных историй?

– Мамаааа!

Лора оборачивается. На этот раз проблема с Этаном. Он сунул в рот полную горсть каменной крошки с аллеи и теперь пытается выплюнуть ее вместе с желчью и слюной. Она наклоняется, выхватывает платок, ловко отчищает грязь, вытирает мокрые глаза, нос и губы сына. Потом трясет Ноэ, который тоже вздумал пососать розовый камешек, правда, всего один, и, кажется, находит его таким же вкусным, как клубничная мармеладка *Haribo*.

– Выплюнь, Ноно, сейчас же выплюнь!

Лора решает больше не спускать глаз с близнецов. Она стоит в паре метров от дома. И опять ее приводит в смятение мертвая тишина внутри. Может, вернуться к машине и проверить телефон – вдруг мама

еще что-нибудь написала? Или же самой послать ей сообщение: *Я приехала, где ты?* Лора не решается войти в чужой дом без приглашения, все-таки частная собственность... Но в глубине души просто боится того, что может там обнаружить.

Свою мать в слезах. В объятиях Шарлотты – ее, Лориной, сестры.

Наконец она решается и тащит близнецов к дому с той же деликатностью, с какой они весь день таскают за ноги жирафа Жижи, – пусть знают, каково это! «Лишь бы все поскорее разъяснилось!» – думает Лора.

Постучать в эту дверь.

Войти.

И покончить с этим.

59

2019

Улисс выходит из палаты 117, чтобы прочесть сообщение. Он занимает своим животом три четверти ширины тесного коридора, мешая медсестрам бегать туда-сюда, но даже не думает перейти в другое место, попросторнее. Он предпочитает держать в поле зрения открытую дверь палаты и время от времени дружески машет тому, кто лежит на кровати-трансформере. Больной отвечает ему только глазами. Улиссу приятны вся скорбь и вся нежность, сосредоточенные в этом взгляде, за долгие годы он к ним привык. *Да, Ил, я твой друг!* – думает он и, отойдя на шаг, мысленно желает: – *Хорошо бы тебе умереть поскорее, так и не узнав, что я тебя предал!*

Какое-то время назад Улисс поставил стул у кровати Илиана, решив бодрствовать рядом с ним, пока все не кончится. И первым делом выключил телевизор. По всем каналам говорят только о Джакарте – о помощи, которая поступает слишком медленно, о солидарности артистов, о подготовке к концерту. Улисс предпочитает не рисковать.

– Подожди меня, братец, я сейчас вернусь, – обещает он и, выйдя, тайком просматривает сообщения на мобильнике Натали.

*Я еду, мама. Буду максимум через 20 минут.
Надеюсь, что дом Илиана достаточно крепок и*

антисейсмичен, так как мне пришлось взять с собой близнецов.

Лора! Значит, откликнулась одна Лора. Старшая дочь. Что ж, так он и думал... Вот только не предусмотрел, что она явится туда вместе с детьми! Черт возьми! Пара малышей! Стоит ей выпустить их из рук и нажать на звонок, как все взлетит на воздух... И мамаша, и дети... О господи, кто же мог такое предвидеть?!

Девушка в белом халате, настолько же тоненькая, насколько тучен Улисс, ловко огибает его, даже не задев, и сочувственно улыбается: медсестры всегда симпатизируют посетителям, которые сидят с родными до самого конца. Эта улыбка буквально разрывает ему сердце.

Он отдал бы все на свете, чтобы исправить сделанное.

Ведь мог же он подписать с Илианом контракт еще в Джакарте, прямо в отеле *Great Garuda*, поделим, дескать, доходы фифти-фифти, Илиан, и я организую тебе блестящую карьеру, братец мой! Но сначала Улисс всего лишь солгал... да нет, даже не солгал, даже не украл, а просто «забыл», а потом к нему потекли доллары и его агентство *Molly Music* стало процветать, но даже и тогда, если вдуматься, даже и тогда ему не в чем – ну, почти не в чем – было себя упрекнуть. Конечно, он огреб кучу денег, добрая часть которых не должна была попасть в его карман, но вспомните обо всех богачах планеты – разве они не использовали чужие таланты, чтобы нажить состояние?! Тем более что Илиан плевать хотел на деньги, он забросил гитару и стал счастливым папашей.

А десять дней назад случилось непредвиденное – цунами. Улисс потерял голову от страха. И сбил Илиана на авеню Терн, вместо того чтобы во всем ему признаться; вместо того чтобы предложить компенсацию – несколько десятков тысяч долларов, даже больше, если бы тот захотел, – но Улисс знал: Илиан откажется. Никакими деньгами нельзя компенсировать разбитую мечту. Загубленную судьбу. Никакими деньгами не купить молчание того, у кого украдены слова и музыка всей жизни.

И дальше пошла цепная реакция. Пришлось заткнуть рот Натали, потом Шарлотте. Всего три свидетеля, только трое, которых нужно устранить, чтобы подвести черту под прошлым. А вот теперь эти малыши... Когда же этому будет конец?!

Продюсер лихорадочно анализирует ситуацию. Он еще успеет вмешаться. Достаточно послать Лоре сообщение от имени Натали и дать отбой: пусть уезжает. А потом он сам наведается в Шар и найдет способ избавиться от двух последних свидетелей, не отяготив свою совесть гибелью младенцев.

Подходит другая медсестра, не такая улыбчивая, ниже и корпулентнее предыдущей. Улисс пытается втянуть живот, а она – приплюснуть свой бюст, чтобы протиснуться мимо него. И при этом бурчит:

– Здесь нельзя стоять, мсье.

Состроив виноватую мину, Улисс обещает больше не мешать, потом еще раз машет Илиану. Он должен оставаться здесь, на своем посту, и бдительно следить, чтобы тот не включил телевизор. Улисс позаботился переложить пульт на тумбочку, как можно дальше от кровати, он знает, что у Илиана не хватит сил дотянуться до него. Илиан уже почти не может двигаться. Едва говорит. Паралич постепенно захватывает его тело, вытесняя жизнь. Его смерть – вопрос времени, нескольких дней, а может, часов, но Илиан находится в сознании, в полном сознании.

Улисс еще может спасти то малое, что осталось от его совести. Никого больше не вовлекать в свое бегство от расплаты. Кончить задуманное иначе: самому заняться обоими любовниками и их дочерью. Решившись, он набирает сообщение на адреса трех получателей: Оливье, Марго и Лоры.

Ложная тревога. Я справилась сама. В Шар ехать не нужно. До вечера!

Дзынь!

Эсэмэска ушла, но Улисса приводит в недоумение сигнал отправки сообщения: помнится, он отключил звук в телефоне Натали. Странно... А впрочем, какая разница! И он делает шаг к палате. Илиан умрет счастливым. Он, Улисс, будет держать его за руку до последней минуты. Уж это-то он обязан для него сделать.

– Я иду, братец!

Но тут за спиной раздается голос, от которого он холодеет:

– Простите, мсье...

Улисс оборачивается. Перед ним стоит незнакомый человек. Он никогда его не видел. Высокий, с короткой стрижкой и голубыми глазами. В руке у него мобильник.

– По-моему, вы только что послали мне сообщение.

Улисс не знает, что сказать, он молчит – слишком долго. Ледяное спокойствие этого человека застало его врасплох.

– Сообщение с номера моей жены, – уточняет тот таким же спокойным, ровным тоном.

Улисс в панике переводит взгляд на розовый телефончик у себя в руке: из-под большого пальца выглядывает черный хвостик ласточки. Не успевает он поднять глаза, как человек бросается на него.

Ее муж? Оливье? Черт... А он-то что здесь делает?

Это была последняя связная мысль, родившаяся в мозгу Улисса. Первый удар – кулаком – он получил прямо в лоб. Вторым ему свернули челюсть, и он рухнул на пол. Теперь Оливье бьет его ногами – в живот, в грудь, по икрам. Улисс неуклюже пытается свернуться в клубок, но теперь удары ботинка дробят ему позвоночник.

– Где моя жена, говори, жирный боров!

Улисс не способен ответить, он захлебывается кровью. Последним усилием он поворачивает голову к открытой двери палаты 117, пытаясь встретиться взглядом с Илианом.

– Что ты задумал, мерзавец? – кричит муж Натали.

Где-то звучат шаги, испуганные крики. Одна из медсестер зовет на помощь. Улисс плюется кровью, она растекается в лужу на светлом линолеуме, и он лежит, уткнувшись в нее носом.

– Ни... ничего, – бормочет он наконец. – Я... я все... все отменил... Никто... никто не умрет...

С обоих концов коридора к ним спешит целая армия медбратьев и санитаров.

Оливье не отказывает себе в удовольствии пнуть лежащего на полу человека, когда тот пытается поднять голову и позвать на помощь. Ботинок врежется Улиссу в висок. Оглушительный взрыв в голове продюсера переходит в громкий гул, и сквозь него он слышит – в непрерывном повторе, словно этот удар испортил пластинку в его мозгу, – одни и те же, одни и те же слова:

Никто не умрет...

Никто не умрет...

Оливье как будто успокоился, но санитары все-таки приближаются к нему с некоторой опаской.

Никто не умрет...

И в этот миг продюсер чувствует на себе тяжелый взгляд. Куда более яростный, куда более страшный, чем все полученные удары. Взгляд, который распинает его.

В проем открытой двери на него смотрит Илиан.

Собрав последние силы, он приподнялся на несколько сантиметров, с трудом оторвав голову от подушки. И Улисс понимает, что Илиан все слышал, все видел. Что он понял, кем был тот лихач. Его покровитель, крестный Шарлотты, старый друг, братец.

Глаза Илиана несколько долгих мгновений прожигают Улисса до мозга костей, до самого сердца, потом, словно тот не заслужил даже этого взгляда, Илиан слегка поворачивает голову и смотрит на человека с окровавленными кулаками, стоящего в коридоре.

Илиан понял, кто избивал его убийцу. Кто отомстил за него. И находит силы улыбнуться.

А Оливье смотрит сквозь него, словно Илиан уже превратился в призрака.

Илиан безмолвно молит о прощении. О любом знаке понимания, во имя любви к женщине, которой они обладали. Оливье может подарить ему хотя бы это, ведь он выиграл. Он жил с ней. Он будет жить с ней и дальше.

Нечеловеческим усилием Илиан еще чуть-чуть приподнимается, и его губы шепчут какие-то слова. Несколько слов, которых никто не услышит.

Яростным пинком Оливье захлопывает дверь палаты 117.

60

2019

Лора совсем извелась, стоя перед запертой дверью. Ей кажется, что она стучит уже целый час. Это ужасно забавляет Этана и Ноэ – они вместе с мамой колотят в деревянную дверь маленькими кулачками.

Все тщетно!

В доме явно никого нет.

Ни мамы, ни Шарлотты.

Я в Шаре... улица Освобождения, 36... Дом Илиана... Илиана Ривьера.

Может, она уже уехала? Или еще не приехала?

Что ты творишь, мама?

Ноэ надоела дверь, и он решает испробовать кулачки на брате – может, хоть тот отреагирует? Получилось! Но одновременно и Этану пришла в голову та же удачная мысль – они же близнецы! И мальчишки начинают колошматить друг дружку, сперва со смехом, потом со слезами. Лора со вздохом разнимает их.

Ну отзовись же, мама!

– Стойте здесь, мальчики! И не смейте хватать камешки! Мама пойдет к машине, узнать, не прислала ли бабуля сообщение.

Лора бегом преодолевает тридцать метров, отделяющие ее от машины, открывает заднюю дверь и наклоняется, чтобы достать смартфон. Но тот не подает признаков жизни.

Господи, да она же забыла выключить мультик про ослика Тротро, и телефон разрядился.

«Ладно, – думает Лора, – только без паники! Сейчас посажу мальчишек в машину, вернусь в Сержи и позвоню маме с домашнего телефона, а если понадобится, вернусь в Шар. Не торчать же здесь целый вечер с этой буйной парочкой дикарей!»

Лора оставляет дверцу машины открытой и готовится позвать близнецов: «Этан, Ноэ, быстро сюда, мы уезжаем!» – но не успевает открыть рот, как из дома доносится крик. Не мяуканье, не лай, на этот раз сомневаться не приходится – это человеческий крик.

Этан и Ноэ наконец угомонились и теперь рвут одуванчики, растущие вместе с другими сорняками между плитами дорожки. Может, крикнул один из них? Нет, Лора готова дать руку на отсечение, что кричал взрослый!

Значит, внутри, в доме, кто-то все-таки есть! Но ведь она так колотила в дверь, что кулаки заболели. Может, там кто-то заперт? Или крепко спал, а потом внезапно проснулся и заорал с перепугу?

Лора захлопывает дверцу машины и ищет глазами мальчишек. Они уже отошли от дома и занялись составлением букета из веточек шалфея и вереска. Лора с умилением смотрит на своих детей. Близнецы! В два раза больше шалостей! Но и в два раза больше цветов для дорогой мамочки!

Лора снова внимательно оглядывает дверь и вдруг хлопает себя по лбу. Поглощенная наблюдением за детьми, она колотила в дверь, не заметив звонка. Как она могла не увидеть? Вот же он – простой, самый что ни на есть банальный звонок!

Лора огибает съезд в гараж и идет по узкой дорожке в конец сада, где братья уже оборвали все цветы. Может, мама сидит в подвале и перебирает вместе с Шарлоттой старые бумаги и вещи? Или на чердаке? Может, они слишком поглощены воспоминаниями о прошлом и не услышали стука? Она представляет себе, как Шарлотта вытаскивает из коробок детские рисунки, читает стихи, сочиненные для воображаемой мамы, показывает ей сокровища, хранимые с самого раннего возраста, – кукол, украшения, камешки, самодельные амулеты... Теперь Лора понимает причину молчания: те двое улетели в прошлое. Со скоростью света.

Ну и денек! Лора погружается в размышления. Мама и Шарлотта... неужели они помирились?

Лора очень надеется на это. Они с Шарлоттой мгновенно признали и приняли друг друга – так, словно всю жизнь провели вместе. Лора даже осмелилась пошутить: «Тебе повезло, девочка, знала бы ты, сколько раз я мечтала пожить без мамы!» И обе рассмеялись.

Лора бросает последний взгляд на близнецов, которые с увлечением исследуют дубовую изгородь в конце участка, и подходит вплотную к двери.

Она еще продолжает улыбаться, когда ее палец касается звонка.

И в следующий миг все —

небо,

дом,

сад,

стены,

каждый пучок травы,

каждый цветок,

каждый камешек, —

все взлетает,

кувыркаясь перед глазами.

*Когда померкнет свет ликующего дня
И в саван смертный превратится простыня,
А стены дома – в стенки гроба,*

*Что нам останется от счастья и огня?
И где мы будем оба?*

*Когда иссякнут наши слезы, боль и страх,
Когда рассыплется в могиле смертный прах,
Когда забуду я тебя, а ты меня,
Что нам останется в гниющих стенках гроба
От нашей страсти, от любви и от огня?
И где мы будем оба?*

61

2019

– Мама! – кричит Ноэ.

И рыдает захлеб.

Мама... мама... мама...

Ноэ услышал мамин крик. Потом мама взлетела, словно мяч, посланный вверх слишком сильной рукой, потом рухнула на траву и теперь лежит там, не двигаясь, не поднимаясь, как будто заснула. Или как сломанная игрушка.

Ноэ горько плачет.

Ему хочется, чтобы мама проснулась.

Хочется, чтобы маме не было больно.

Хочется, чтобы мама с ним поговорила.

* * *

– Папа! – кричит Этан.

И хохочет захлеб.

Папа... папа... папа...

Этан бежит к папе, Ноэ за ним, приотстав.

И тут раздаются сирены – машины полиции и жандармерии, сверкая проблесковыми огнями, врываются на улицу Освобождения, прежде чем близнецы успевают добежать до середины лужайки. Полицейские окружают дом в тот миг, когда мальчишки кидаются к

сидящим в траве родителям, прижимаются к ним, забираются к ним на колени, накидываются на них, пачкая слезами и соплями.

Папа... мама... мама... мама... папа... папа...

Лора еще не отошла от шока. Ей запомнилось только одно: в тот момент, когда она потянулась к звонку, две сильные руки приподняли ее, и она не успела нажать на кнопку. Небо встало дыбом, она отлетела в сторону, на траву, и вдруг обнаружила себя в объятиях мужа. Самый удачный борцовский прием в его карьере!

* * *

Полицейские тщательно обследуют запертую дверь, наглухо закрытые ставни. Подъезжают другие фургоны, из них выскакивают люди с какими-то сложными приборами – такими пользуются спецбригады при угрозе террористического взрыва.

Валентин облегченно вздыхает.

– Мне позвонил твой отец, в полной панике, и объяснил, в чем дело. Фальшивое сообщение, якобы от твоей матери, дом этого Илиана Ривьера, западня... К счастью, мы как раз патрулировали к северу от Сержи. И хотя ты у нас чемпионка ралли, я, наверно, перекрыл твой рекорд скорости. Когда я тебя увидел перед этой дверью, то сделал рывок и схватил тебя. Как раз вовремя!

Гордый своим подвигом, он нахлобучивает форменное кепи на Ноэ, взлохмачивает волосы Этана и снова крепко обнимает их мать.

– Ты мой дорогой рыцарь! – шепчет Лора. – Вот видишь, я хорошо сделала, что настояла на своем. Я чувствовала, что поступаю правильно.

Эксперты изучают место происшествия, оттеснив посторонних на безопасное расстояние. Полицейские в защитных комбинезонах осторожно обследуют стены. Изнутри явственно доносятся удары в наглухо закрытые ставни.

– Правильно – в чем?

– В том, что вышла замуж за жандарма! Если ты спасешь меня еще два-три раза, думаю, даже папа растает и скажет тебе спасибо.

Валентин показывает ей язык и снова целует. Этан стаскивает с Ноэ отцовское кепи, едва не оторвав брату голову. Валентин отбирает у

него свой головной убор и велит близнецам поиграть где-нибудь подальше. Мальчишки послушно отбегают в сторону, а их отец под взглядами коллег спешит принять вид, достойный героя.

Потом он протягивает Лоре свой мобильник, чтобы она могла успокоить отца. Ее пальцы дрожат.

Все хорошо. Все в порядке.

Одному из спецов удается вырезать отверстие в ставне, и полицейские осторожно снимают его с петель. За стеклом появляются лица Натали и Шарлотты. Живых.

А за спинами спецназовцев радостно прыгают два маленьких мальчика.

– Баба! Баба баба баба!

Потерпите, мои дорогие, скоро бабуля познакомит вас с вашей тетушкой!

Лора прикивает головой к плечу мужа.

Все хорошо, папа! Все очень хорошо!

62

2019

— *НАТИ* —

Палата 117.

Илиан лежит на кровати, неподвижный. Немой.

Я сижу рядом. Многословная. Взбудораженная. Слова, так долго скрывааемые, изливаются неудержимым потоком.

– Я люблю тебя, Ил. И никогда не переставала любить. Не знаю, слышишь ли ты меня, – медсестры уверяют, что слышишь, просто не можешь ответить. Даже легким кивком. Я попросила их выйти. И они поняли. Попросила Лору следить, чтобы никто не входил, чтобы нас хоть на несколько минут оставили в палате одних. А потом придут все остальные.

Ил не отвечает. И все-таки он меня слышит.

– Какой же я была дурой, Ил, какой дурой... все эти годы! Соблюдать наш договор, да это же просто безумие! Сможешь ты когда-нибудь простить меня? Ты, наверно, каждый день проклинал мое

молчание, как я проклинала твое, но клянусь тебе, да, клянусь чем хочешь, что я никогда не переставала тебя любить.

Не было дня, чтобы я не думала о тебе. И не было дня, чтобы я не думала о Шарлотте. Хотя не знала ее имени и ни разу не видела лица. Задолго до того как Шарлотта стала оживлять прошлое, превращать «случайности во встречи» по Элюару, мне все напоминало о вас: детский смех в школьном дворе, голос гитары, вырвавшийся из двери кафе, самолет, взлетевший где-то вдали. Вы стали парой моих фантомов. Пугающих фантомов, которые в первые годы заставляли меня плакать, видеть кошмары и во сне, и наяву, бессонными ночами. Со временем я их приручила, могу тебе в этом признаться. Я была не так уж несчастна все эти годы. Жила в семье, любимая своими дочками, сперва маленькими, потом подростками – и очаровательными, и строптивыми; любимая человеком, способным обожать меня за двоих и страдать за двоих, способного все простить. И когда, несмотря на это, меня пронзало страшное ощущение, что я прохожу мимо своей настоящей жизни, появлялись вы, два моих обожаемых фантома, и я говорила с вами в тишине моей спальни, в долгих прогулках по берегу реки, во время стоянок самолета, в отелях, похожих один на другой, в разных концах света. Я говорила с вами, как сегодня говорю с тобой, – не ожидая никакого ответа.

Ил не реагирует, когда я сжимаю его руку. Ил не двигается, когда я наклоняюсь к нему.

– И все же, Ил, все же... как бы я хотела, чтобы ты сегодня мне ответил! Был ли ты счастлив? Была ли радостной твоя жизнь? Ты уже знаешь, уже понял, что я познакомилась с Шарлоттой. Ты ее воспитал, Илиан! Воспитал за двоих! Это самый прекрасный фантом во Вселенной! Да, мне известно, что вы расстались в ссоре, но будь спокоен, она вернется, вернется очень скоро, через несколько минут, и разделит с тобой сюрприз, который не пропустит ни за что на свете, сюрприз, который никто на свете не захочет пропустить.

Я придвигаюсь к нему вплотную. Мои губы почти касаются его губ.

– Ты устал, Ил, я вижу, что устал, твои веки смыкаются, но ты борешься со сном. И, значит, слышишь меня. Я не стану тебе мешать –

спи, у нас впереди есть еще время, столько времени, гораздо больше, чем за все эти годы. Я дам тебе поспать, чтобы ты отдохнул. Нужно, чтобы ты был в форме, когда проснешься через несколько минут. Ради обещанного сюрприза.

Но перед этим я хочу признаться тебе еще в одном, Ил, в единственной вещи, которую я не понимала все эти двадцать лет и которую помог мне понять Батисто и даже Улисс – на свой манер. Я так сильно любила тебя, Илиан, не только за то, что ты был милым, привлекательным юношей, страстным любовником и будущим идеальным отцом... Таких мужчин на свете миллиарды. А я любила тебя так сильно, потому что ты был выдающейся личностью. Одаренным артистом. Сверходаренным. Но слишком скромным, чтобы признать себя талантливым. Ты нуждался в женщине, которая твердила бы тебе это изо дня в день, помогла бы уверовать в свой талант. Я не смогла этого сделать много лет тому назад и никогда себя не прощу. Так вот, постарайся не поддаваться усталости еще несколько минут, любимый мой, и послушай: ты не заурядное создание, не мелкая сошка, ты один из тех людей, кто оставляет частицу себя на этой земле. И я благодарю тебя, Илиан, благодарю за твою любовь ко мне, я ею горжусь. А теперь спи, отдыхай, обожаемый мой гитарист. Я люблю тебя. Любила, люблю и буду любить всю мою жизнь.

Касаюсь губами его губ.

И на цыпочках выхожу из палаты.

63

2019

— ИЛИАН —

Когда я проснулся в своей палате, на этой кровати, опутанный с головы до ног проводами, передо мной светился огромный экран.

Экран телевизора вдвое большего, чем тот, что стоял здесь прежде.

В комнате много народу – медсестры, врачи, мои близкие. Они принесли стулья, кое-как разместились вокруг моей кровати. Их тут человек пятнадцать, не меньше. В общем, неожиданное пробуждение.

Признаться, я не совсем понимаю, жив я еще или уже мертв. Не могу шевельнуть рукой, повернуть голову, сфокусировать взгляд; у меня хватает сил только держать глаза открытыми и смотреть прямо перед собой.

Но мне довольно и этого.

Впервые в жизни я окружен всеми, кого люблю.

А на экране Эд Ширан поет *Perfect*[135].

Дочери Нати – Марго и Лора – тоже здесь, они представились мне. Обе хорошенькие, обе вежливые, обе мне улыбаются, сидя по разные стороны моей кровати. Все это похоже на последнее посещение папочки перед его кончиной.

Кажется, они уже подружились с Шарлоттой, особенно Лора, однако мне почему-то кажется, что именно Марго станет ее любимой сестрой, когда свыкнется с этой новостью. Они почти однолетки. И характеры у них очень похожи. Характер их матери. Эдакие вольные пташки! С неодолимой тягой к свободе, которая вселяет такую гордость и такую горечь в того, кто построил для них гнездо.

Эд Ширан допел. Шарлотта оборачивается ко мне – видно, хочет убедиться, что я еще дышу, – и продолжает шептаться с Лорой. Значит, вот это и есть умирание? Сказать себе, что жизнь будет продолжаться, но уже без тебя. Что если все в порядке, если все ладят друг с другом, если молодые, которых вы вырастили, процветают, то не стоит цепляться за жизнь, пытаться участвовать в ней. Так бывало, когда Шарлотта приглашала к нам подружек на Хэллоуин. Я поднимался на пыльный чердак, завешанный паутиной и рваными простынями, и, убедившись, что все хорошо, на цыпочках ретировался. Вот и сейчас я удалюсь незаметно, на цыпочках.

Именно так следует поступать, если вы не загубили тех, кто вас любил, и тех, кого вы любили. Если вы только взяли их себе на время, на свой век, и вернули обратно перед уходом, вернули счастливыми.

Адель, сменившая Эда Ширана, заводит *Someone Like You*[136], и песню подхватывают миллионы голосов.

Натали тоже не отрывает глаз от экрана. Нати, маленькая моя ласточка, как бы мне хотелось ответить на твой поток слов – недавно, когда ты сидела у моего изголовья, – ответить тем же, сказать: да, я тебя слышу, я всегда слышал каждое твое слово, ждал их все эти годы и теперь могу уйти спокойно. И еще хотел бы тебе сказать, что ты слегка

преувеличила, расхваливая меня, – в моем нынешнем состоянии уже поздно осуществлять мечту несостоявшегося гитариста. Зато ты еще не объяснила, какой сюрприз меня ждет. Что же это за сюрприз, Нати?

Но вот главное, что я хотел бы тебе сказать: ты все так же красива.

Я гляжу на тебя. Ты слегка щуришься, как будто твое зрение чуть ослабло, и это рисует в уголках твоих глаз милые морщинки, похожие на следы ласточки, а вовсе не на гусиные лапки.

Я вижу тебя. Вижу, как ты откидываешь кончиками пальцев прядь со лба. До чего же я люблю этот жест! Как счастлив, что ты не отрезала ее, а оставила, дав поседеть.

Я рад, что ты остаешься в надежных руках своего столяра. Даже то, что он не захотел со мной говорить, и уж конечно, не захотел простить, что он захлопнул дверь моей палаты, доказывает, как сильно он тебя любит. И пусть изольет всю свою злость на меня – тем лучше он примет Шарлотту. Может быть, именно Шарлотта попросит его напилить доски и собрать из них мой гроб. Наверно, он сделает его мастерски и с удовольствием. Он ведь талантливый мужик. Бездаря ты бы не полюбила, Нати. Так что пусть постарается. В конечном счете ты выбрала его. Он победил! Считается, что мужья-рогоносцы – жертвы, но нет, ведь именно из-за них любовники обречены на ложь и страдания, вынуждены скрываться, разлучаться с любимыми. Именно они – хозяева положения, победители в ореоле своей супружеской чести, затмевающей жалкую ложь посягателей на их жен.

На сцене Мадонна заводит свою молитву, раскинув руки, извиваясь в танце. Подумать только – Мадонна танцует в моей палате! И медсестры – те, что стоят, – повторяют ее движения. Я не очень понимаю, для чего они все собрались тут, никто мне этого не объяснил. Хотя... Окей, я, кажется, понял: они провожают меня на поезд, идущий в небытие, но я не знал, что на перроне соберется столько народу. Особенно этих, чужих, которые больше заняты телевизором, чем заботой обо мне. Я и все остальное не очень понимаю. Например, то, что рассказали мне полицейские. Я не захотел слушать подробности – про Улисса, про несчастный случай, про машину, которая не затормозила, про украденные авторские права. Слишком поздно, чтобы вникать во все это. Когда полицейские забирали Улисса, я ему улыбнулся. Наверно, из солидарности. Не знаю, в какие игры жизнь заставила нас играть, но, думаю, мы оба проиграли.

Я вздрагиваю. По крайней мере, внутри моего неподвижного тела что-то взволнованно дрогнуло. Ты вскочила, Нати, одновременно с Шарлоттой. Вы указываете на экран. Это простое движение зажигает слабый огонек в моем пустом сознании. Какое чудо – видеть вас рядом, мать и дочь! Вам еще многое придется наверстать, но у вас есть время. Слабый огонек у меня в голове силится разгореться, обратиться в живое пламя. Если бы я мог заговорить, я бы сейчас в шутку сказал тебе, Нати: «Какое счастье, что я сам воспитал Шарлотту, иначе ты отняла бы ее у меня, мою маленькую принцессу, и никогда не позволила причесывать ее, одевать, приглашать к ней подружек, играть в прятки, переживать все эти чудесные мгновения; ты оставила бы на мою долю отцовский авторитет и скупую отцовскую ласку, как в большинстве семей». И мне хочется сказать тебе, Нати, что я все-таки выиграл!

Оставь мне себя немножко.

Элтон Джон садится за пианино, придвигает микрофон и запекает *Candle in the Wind*[137].

– Смотрите! – кричит Шарлотта.

Они с матерью приветственно машут руками, словно зрители всего мира могут увидеть их, сидя у телевизора. Камера, закрепленная на стреле подъемного крана, медленно движется, показывая людей на стадионе, они восторженно кричат, узнавая свои сияющие лица в толпе на гигантском экране.

– Вон там Фло и Жан-Макс! – кричит Нати.

А теперь камеры перенесли нас на пляж Джакарты. Концерт, наверно, транслируют во все страны планеты Земля. Миллионы зрителей, миллиарды телезрителей. Самое грандиозное музыкальное событие со времен *Live Aid* 1985 года.

Как и все, я следил за сообщениями о цунами в Индонезии. И упрекнул себя, когда впервые услышал по радио название этого города – Джакарта. Я почти не слушал продолжение – ужасающие данные о числе погибших, раненых, лишившихся крова; единственное, что стояло у меня перед глазами, это воспоминание о гостиничном номере на двадцать первом этаже отеля *Great Garuda*. А единственной неотступной мыслью было осознание, что несчастье, постигшее всех этих людей в Джакарте, весило куда меньше, чем то, что пережил там я. На пороге смерти можно, не стыдясь, признаться в таких вещах.

Признаться в том, что самая легкая любовная печаль приносит больше страданий, чем самый страшный из катаклизмов. Что даже если наша планета перестанет вращаться, даже если разразится Третья мировая война, даже если земная температура повысится на десять градусов, все это будет сущим пустяком в сравнении с тем, что творится в вашем сердце. С той секунды, когда оно перестанет биться, потому что женщина – одна-единственная женщина – решила вас покинуть...

Элтон Джон кончает петь. Бурные аплодисменты. Честно говоря, пора бы сменить этот трюк с *Candle in the Wind*, который он демонстрирует при каждом значительном событии. Аплодисменты затихают. На экране мелькают кадры с видами Гайд-парка, пляжей Копакабаны, площади Трокадеро, проспекта Омотесандо, пьядца дель Пополо, Эдем-парка, «Уэмбли», «Камп Ноу». Ну конечно, «Уэмбли», где затянувшуюся паузу разрывают нетерпеливые крики.

В палате тоже все смолкли. Не знаю почему. Постепенно крики умолкают и на экране. Миллионы телезрителей – и почти ни одного звука.

Может, я умер? Может, они все говорят, а я их уже не слышу?

Может, после того как человека покидают обоняние, осязание, вкус, он расстается и со слухом? Может, мне осталось только зрение?

По крайней мере, вот этого я вижу.

Вижу какого-то типа небольшого роста, который неторопливо выходит на сцену «Уэмбли».

И вдруг я его узнаю! Роберт Смит! Подумать только, ведь я с ним встречался! Даже носил за ним гитару – когда-то давно, в прошлой жизни. Он садится за пианино.

Следом в круге света появляется Карлос Сантана с гитарой на ремне, господи, сколько же его музыки я переиграл в свое время, от Сан-Диего до Тихуаны! За ним идет Марк Нопфлер – тоже мой идол, второй идол, потом Джефф Бек, Джимми Пейдж, Дэвид Гилмор, Кейт Ричардс, возвращаются Элтон Джон и Эд Ширан, а с другой стороны выходят Стиви Уандер, Игги Поп, Патти Смит, Брайан Мэй... Боже мой, да они собрали там весь пантеон! К ним присоединяются Стинг, Боно, Трейси, Нора, Ди-Ди... Теперь я понимаю, чего так нетерпеливо ждала вся планета, – черт возьми, они все здесь, их не меньше сотни, а вот и Мадонна в обнимку с Рианной; я даже не всех узнаю, они стоят в четыре ряда, тесно прижавшись друг к другу... нет, на сей раз я точно

умер, не иначе, или подсознание собрало вместе всех моих кумиров для финального снимка, перед тем как я рухну в черное небытие.

Однако концерт выглядит до ужаса реальным.

Марго опускает голову на плечо Лоры. Шарлотта и Нати плачут – я не понимаю почему. Кажется, я уже мало что понимаю.

Значит, они съехались сюда, чтобы присесть на кровать рядом со мной, с обеих сторон. Роберт Смит оглядывает собравшихся на сцене, словно проверяя, все ли тут, и прикасается к клавишам.

Шарлотта берет меня за правую руку, Нати сжимает левую.

Три ноты.

А потом его голос. Он поет по-английски, но мой мозг – испуганный, свихнувшийся – синхронно переводит эти слова на родной язык:

*Когда новый день наконец займется,
Когда тот, кто спал, на заре проснется...*

Не могу понять, жив я или уже умер.

Прожектора освещают Пола Маккартни, от его голоса сотрясаются стены.

*И ранняя птица в небо взвьется
В лесу, где встретили мы рассвет...*

И тут вступает Брюс Спрингстин:

Бесследно растает наш легкий след.

Первый ряд расступается. У Боба Дилана удивленный вид, хотя и не такой удивленный, как у меня! Мое тело вздрагивает, когда он мурлычет вполголоса, словно исполняет классический американский фолк-рок:

Оставь мне себя немножко.

И все остальные подхватывают:

Пусть не целый цветок, хоть один лепесток...

Неужели я действительно написал эти слова, сочинил эту музыку?! Шарлотта и Нати крепко сжимают мои руки.

Значит, я еще не умер.

Карлос, Кейт, Марк, Брайан, Дэвид и Джефф импровизируют рефрен моей песни на шести гитарах – тот самый рефрен, который я сочинил экспромтом, а затем повторял столько раз. Тысячу раз.

Толпа подхватывает и поет его во весь голос – в Париже, в Токио, в Джакарте, в Лос-Анджелесе, в Барселоне и Монреале – так слаженно, словно миллионы людей знают эту песню наизусть, словно она навсегда вошла в их сердца. Моя музыка. Мои стихи.

*Когда наш остров в пучину канет,
Когда гроза нас в полете застанет...*

Если я еще жив, то знаю одно: теперь могу умереть спокойно. Мой взгляд затуманен слезами, как глаза Шарлотты и Нати. Теперь я уверен: это самый прекрасный день в моей жизни.

*Оставь мне себя немножко:
Искорка взгляда – уже награда,
Голоса звук – спасенье от мук,
Слеза на мгновенье – почти извиненье,
Взмах руки на прощанье – почти обещанье.*

В конце концов, я, может быть, сочинил шлягер, который будут бесконечно исполнять в раю?

* * *

Оливье пробует переключиться на другую программу. Безуспешно. По всем каналам передают одно и то же.

Оливье выключает телевизор, встает и кладет пульт на журнальный столик. Наверно, он единственный, кто не смотрит концерт сегодня вечером.

Дом окутывают мягкие сумерки.

Оливье выходит в сад, долго любуется террасой с полом из дерева ипекакуаны, ступенями, отделанными падуком[138], палисандровыми перилами, потом спускается к Сене. Окидывает взглядом реку, замечает вдали что-то вроде ивовой корзинки, плывущей по течению, которое выбрасывает ее на противоположный берег. Наверняка гнездо лысухи, подмытое волной. Джеронимо с нетерпением ждет для своих птенцов хлебных крошек, и Оливье рассеянно бросает их в гнездо.

Его раздражает, что белые камешки у подножия кирпичной стенки, служащей плотиной, выложены неровно. Оливье ненавидит беспорядок. Он не может пройти по саду, не вырвав по дороге пучок травы, показавшийся ему слишком высоким, не подобрав сухой лист, залетевший на аллею, не убедившись, что камешки у стены выложены идеально ровно и в этот ряд не затесался никакой серый булыжник, сам собой прикатившийся в его владения. Оливье наклоняется, тщательно выравнивает вереницу камней и, убедившись, что все в порядке, провожает взглядом ласточку над холмом Двух влюбленных, которая улетае т вдале. А потом возвращается.

Table of Contents

Мишель Бюсси Время – убийца

I. Ревеллата

II. День Святой Розы

III. Sempre giovani

Мишель Бюсси И все-таки она красавица

И все-таки она красавица

День печали

Ночь совы

День крови

Ночь якоря

День ветра

Ночь грязи

День камня

Мишель Бюсси Не забывать никогда

I РАССЛЕДОВАНИЕ

1 Дневник Джамала Салауи

2 Верьте мне до самого конца?

3 Забывать о боли?

4 Как это возможно?

5 Кто бы мне поверил?

6 Видел ли меня насильник?

7 Задушена красным кашемировым шарфом марки «Берберри»?

8 Вы не поверите?

9 Нет дыма без огня?

10 До вечера?

11 Рассчитываешь снова с ней увидеться?

12 Почему я?

13 В руки своего палача?

14 Он не остановится?

15 Девушка без комплексов?

16 Еще одно совпадение?

17 Судьба повернулась лицом?

II ЗАДЕРЖАНИЕ

- [18 Надолго ли?](#)
- [19 Аромат неизвестности?](#)
- [20 Ночной кошмар?](#)
- [21 Неужели он что-то раскопал?](#)
- [22 С подтекстом?](#)
- [23 Его имя и адрес?](#)
- [24 Она стала забывчива?](#)
- [25 Что-то случилось?](#)
- [26 Ждать чего? Когда он изнасилует еще одну девушку?](#)
- [27 Кто вы?](#)
- [28 Поговорить с тем, кто согласится мне поверить?](#)
- [29 Словно она никогда не существовала?](#)
- [30 Сотрудничество — Взаимность — Прощение?](#)
- [31 Разбередить самые уродливые раны?](#)
- [32 Ты что-то нашла?](#)
- [33 Покойница и ее призрак?](#)
- [34 В другой жизни?](#)
- [35 Что-то не склеивалось?](#)
- [36 Неужели так пробуждается влечение?](#)

III СУД

- [37 Надежда пробуждается?](#)
- [38 Подлинная история?](#)
- [39 Как считаешь, удачный кастинг?](#)
- [40 Играй в их игру?](#)
- [41 Пока никто не в курсе?](#)
- [42 Один из вас?](#)
- [43 Это все ваши фантазии?](#)
- [44 Неужели он нашел свою большую любовь?](#)
- [45 Лучшее впереди?](#)

IV ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА

- [46 Неужели я выиграл?](#)

V ПЕРЕСМОТР

[Мишель Бюсси Не отпускай мою руку.](#)

СЕН-ЖИЛЬ-ЛЕ-БЕН, ОСТРОВ РЕЮНЬОН ПЯТНИЦА, 29
МАРТА 2013 Г

1 Несколько мокрых следов

2 Набежавшая волна

3 Пустая комната

4 Возвращение в «Аламанду»

5 Комариный бал

СУББОТА, 30 МАРТА 2013 Г.

6 Православная Пасха

7 Пятеро против одного

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 31 МАРТА 2013 Г

8 Призрак лагуны

9 Пиршество

10 ITC Tropical

11 Что с них взять...

12 Софа в раю

13 Адвокат заговорил

14 Частное лицо — частному лицу.

15 Встречаемся в Ле-Тампоне

16 Дом старой дамы

17 Гордость и лень

18 Площадка Жозафы

19 Грот Первых Французов

ПОНЕДЕЛЬНИК, 1 АПРЕЛЯ 2013 Г

20 Братик

21 Смягчающие обстоятельства

22 Ястреб взлетает, все замирает

23 Кап-Шампань

24 Дверь гаража

25 Мед. для инспектора

26 Место смертника

27 Золотой локон

28 Мечта пожарного

29 Имельда в холодильнике

30 На краю могилы

31 Greetings from Maurice[34]

32 Песчаная равнина

- [33 Пекло](#)
- [34 Высокий полет](#)
- [35 Слежка](#)
- [36 Температурная инверсия](#)
- [37 Дом малабара](#)
- [38 В облаке](#)
- [39 Льдинка, девушка](#)
- [40 Притча о додо](#)
- [41 Дама с зонтиком](#)
- [42 Опасно вытаскивать на поверхность
прошлое...](#)
- [43 На попечении обоих родителей](#)
- [44 Поселок Линь-Паради](#)
- [45 Счастье в кредит](#)
- [46 Трупная канава](#)
- [47 Одна жизнь в уплату за другую](#)
- [48 Звездная пыль](#)
- [49 Тайна лавы](#)
- [50 Петельки](#)
- [51 Ангелы](#)
- [52 Водопад](#)
- [53 Конопля](#)

[Мишель Бюсси Пока ты не спишь](#)

[I. Марианна](#)

- [1](#)
- [Понедельник День Луны\[2\]](#)
- [Вторник День войны](#)
- [Среда День путешествия](#)
- [Четверг День мужества](#)
- [Пятница День любви](#)

[II. Аманда](#)

- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)

53

54

55

56

57

58

59

60

III. Анжелика

Пятница День любви

Мишель Бюсси Помнишь ли ты, Анаис?

Помнишь ли ты, Анаис?

1

Тринадцатью днями раньше 2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

Нормандский шкаф

Вид с чердака

1

2

3
4
5
6
7
8
9
10

Бегство в рай

Пляж Эрмитаж, Сен-Жиль-ле-Бен

Мишель Бюсси Следы на песке

Этот роман родился из иллюзии

Первая эпоха 1944 Умереть в Нормандии

1 Штурм

2 Мрачная лотерея

3 Дезертир в деревне

4 И мел снова становится скалой

5 В Сидней или куда угодно...

6 Секрет Алана

Вторая эпоха 1964 Кровь предателя

7 Окончание уроков

8 Вдова и солдаты

9 Памятная церемония

10 Договор

11 Посольский квартал

12 Что знают двое...

13 Эмилия Арлингтон

14 Знак четырех

15 Скорбное ожидание

16 Старая дама и парикмахер

17 Призраки Молла

18 По меньшей мере 51 свидетель

19 Цветы Национального Молла

20 Короткое замыкание

21 Анекдот

22 Дрочила

23 Дама червей

24 Дама пик

25 Сражение

Третья эпоха 1964 Рожок призраков

26 Утренний кальвадос

27 Дни как годы

28 Он был здесь

29 Письмо из-за океана

30 Эшленд и его Сельскохозяйственный музей

31 Война ничто по сравнению с...

32 Черный кофе

33 Эффингем, сражение, генерал и кожаный завод

34 Валентайн, его река, его плотина

35 Короткие объявления

36 Воля двух вдов

37 Рамзес II

38 Последний из четырех

39 Он пройдет здесь

40 Лафайетт-сквер

41 Кратчайший путь в рай

42 Направление ветра

43 Справедливость

44 Версия миссис Арлингтон

45 Рожок призраков

Четвертая эпоха 1975 Взлет

46 Две умалишечки

47 Воскресный визит

48 Экспонаты

49 Прощальный кофе

50 Фернан говорит по-английски

51 Апартаменты в отеле «Рамада Инн»

52 Лора Стерн

53 Конец

54 Убедительное доказательство

55 Завершение истории

56 Уход

Об авторе

Жан Брюс ОСС 117. Совершенно секретно

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

Мишель Бюсси Черные кувшинки

Картина первая ВПЕЧАТЛЕНИЕ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ 13 мая 2010 года

(Живерни) СБОРИЩЕ

ДЕНЬ ВТОРОЙ 14 мая 2010 года

(Мельница «Шеневьер») ТЫКАНЬЕ

ДЕНЬ ТРЕТИЙ 15 мая 2010 года

(Вернонская больница) АРГУМЕНТАЦИЯ

ДЕНЬ ПЯТЫЙ 17 мая 2010 года (Кладбище

Живерни) ПОХОРОНЫ

ДЕНЬ ШЕСТОЙ 18 мая 2010 года

(Мельница «Шеневьер») СМЯТЕНИЕ

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ 20 мая 2010 года

(Комиссариат Вернона) СТОЛКНОВЕНИЕ

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ 21 мая 2010 года (Шоссе

Руа) ЧУВСТВА

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ 22 мая 2010 года

(Мельница «Шеневьер») ОСАДОК

ДЕНЬ ОДИНАДЦАТЫЙ 23 мая 2010 года
(Мельница «Шеневьер») ОЖЕСТОЧЕНИЕ

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ 24 мая 2010 года
(Музей Вернона) БЛУЖДЕНИЕ

ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ 25 мая 2010 года
(Дорога на Крапивный остров) РАЗВЯЗКА

Картина вторая ЭКСПОЗИЦИЯ

ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ 25 мая 2010 года
(Луг в Живерни) ОТРЕЧЕНИЕ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ 13 мая 2010 года
(Мельница «Шеневьер») ЗАВЕЩАНИЕ

ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ 25 мая 2010 года
(Шоссе Руа) ДОРОГА

ДЕНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ 26 мая 2010
года _____ (Мельница _____ «Шеневьер»)

СЕРЕБРИСТЫЕ ЛЕНТЫ

Мишель Бюсси Я слишком долго мечтала

Часть I Монреаль

1 12 сентября 2019

2 28 сентября 1999

3 2019

4 1999

5 2019

6 2019

7 1999

8 2019

9 1999

10 2019

11 1999

12 2019

13 1999

14 2019

15 2019

16 2019

Часть II Лос-Анджелес

17 2019

18 1999

[19 2019](#)

[20 1999](#)

[21 2019](#)

[22 1999](#)

[23 2019](#)

[24 1999](#)

[25 2019](#)

[26 2019](#)

[27 1999](#)

[28 2019](#)

[29 1999](#)

[30 2019](#)

[Часть III Барселона](#)

[31 2019](#)

[32 1999](#)

[33 2019](#)

[34 1999](#)

[35 2019](#)

[36 1999](#)

[37 2019](#)

[38 1999](#)

[39 2019](#)

[40 1999](#)

[41 2019](#)

[42 1999](#)

[43 2019](#)

[Часть IV Джакарта](#)

[44 2019](#)

[45 2019](#)

[46 1999](#)

[47 2019](#)

[48 1999](#)

[49 2019](#)

[50 2019](#)

[51 1999](#)

[52 2019](#)

[53 2019](#)

[54 1999](#)

[55 2019](#)

[56 2019](#)

[57 2019](#)

[58 2019](#)

[59 2019](#)

[60 2019](#)

[61 2019](#)

[62 2019](#)

[63 2019](#)